

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫИ

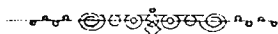
ТОМЪ LXVI

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LXVI

1896

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ЦЕР., Д. 13

1896

СОДЕРЖАНИЕ.

ОКТАБРЬ, 1896 г.

	СТР.
I. Сильфида. Романъ. Часть третья. Гл. V. (Продолжение). И. Н. Потапенко	5
II. Записки Рафаила Михайловича Зотова . XI—XIV. (Продолжение)	27
III. Среди евреевъ. I—IV. С. К. Литвина	54
IV. Воспоминанія Е. Ш. Шумиловой-Мочаловой . I—III	91
V. Уральская Калифорнія. (Изъ народныхъ разсказовъ о золотѣ). П. П. Падучева	115
VI. Воспоминанія В. С. Мышенцаго . I—III.	156
VII. Очерки природы и жизни въ Гавайской республикѣ. И. А. Н. Краснова	172
VIII. Въ обители преподобнаго Макарія А. П. Фирсова	197
иллюстраціи: 1) Жабинская пустынь. — 2) Видъ Знаменской церкви и трапезной. — 3) Часовня надъ кладеземъ Жабинцемъ. — 4) Новый храмъ во имя преподобнаго Макарія Жабинскаго.	
IX. Съ русскими кочевниками на Лондонской выставкѣ. Джорджа Каррика	209
X. Записки бригадира Юсифа Копця . I—III. Перевелъ и сообщилъ Г. А. Воробьевъ	226
XI. Права и обязанности женщинъ. Б. В. Глинскаго	245
XII. Князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій . Некрологъ	293
XIII. Критика и библиографія	316
1) Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ. Отъ паденія Константинополя (въ 1453 году) до настоящаго времени. Томъ первый. Заслуженнаго профессора Московской духовной академіи А. П. Лебедева . Сергіевъ посадъ. 1896. и. с. — 2) Эдуардъ Дрюмонъ. Еврейская Франція. Очеркъ современной исторіи. Томъ I. Переводъ съ французскаго З. Н. Шульца . Изданіе И. Т. Г. К. Харьковъ. 1896. а. н.—ва. — 3) Матеріалы для служебной дѣятельности Шидловскихъ въ Слободской Украинѣ, 1696—1727 гг., собранные и изданные С. И. Шидловскимъ . Спб. 1896. а. б. — 4) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Часть вторая. Письма къ разнымъ лицамъ 1858—1886 гг. Изданіе Императорской Публичной бібліотеки. Спб. 1896. б. г. — 5) Книга бытія моего. Дневники и автобиографическія записки епископа Порфирія Успенскаго . Часть III. Съ 1 января 1846 по 20 марта 1850 г. Спб. 1896. в. б. — 6) А. Ф. графъ фонъ-Шамкъ . Исторія норманновъ въ Сициліи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. М. Соколова . Изданіе Л. Ф. Пятелъева . Спб. 1896. и. лосскаго. — 7) Памятная книжка Воронежской губерніи. Воронежъ. 1896. н. н.	
XIV. Заграничныя историческія новости и мелочи	326
1) Рабочіе въ Египтѣ при фараонахъ и въ Римѣ со времени паденія Западно-Римской имперіи. — 2) Французская Лукреція Борджиа . — 3) Раздѣленіе Нидерландъ на республику и на испанскія провинціи. — 4) Моравскіе анабаптисты. — 5) Письма герцогини Елисаветы-Шарлоты Орлеанской и ея отзывы о Петрѣ Великомъ . — 6) Аббатъ Прево . — 7) За и противъ Гете . — 8) Неудачи Фультона во Франціи. — 9) Одинъ изъ великихъ хирурговъ XIX столѣтія. — 10) Самое длинное царствованіе въ англійской исторіи.	
XV. Смѣсь	347
1) Освященіе памятника императору Николаю I въ Кіевѣ. — 2) Освященіе памятника императору Александрѣ III . — 3) Освященіе памятника Лобачевскому въ Казани. — 4) Раскопки въ Перской губерніи. — 5) Шуага Карла XII . — 6) Некрологи: Н. А. Неклюдовъ ; епископъ Діонисій ; Л. М. Карачунскій ; П. Т. Кляццынъ ; А. Я. Максимовъ ; А. И. Павинскій ; М. Н. Шмелевъ ; А. И. Глазуновъ .	
XVI. Замѣтки и поправки	356
1) Къ біографіи іезуита Мартынова . Г. И. Студеннина . — 2) Свѣдѣнія объ А. П. Версиловѣ . Н. Версилова . — 3) Нѣсколько замѣчаній на книгу: «Списки архіереевъ іерархіи Всероссійской». А. Н. Сергѣева .	
XVII. Объявленія.	
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Павла Степановича Мочалова . — 2) Книжное дѣло въ Россіи. Л. Н. Павленкова . — 3) За свободу. Романъ изъ американской жизни передъ войной Сѣвера съ Югомъ. Артура Патерсона . Гл. VI—XI. Переводъ съ англійскаго.	

ПАВЕЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ МОЧАЛОВЪ

ДОВЪ. ЦЕНЪ. 25-ГО СЕНТЯБРЯ 1896 Г. СПЪ.

СИЛЬФИДА ¹⁾.

(Романъ въ трехъ частяхъ).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

ВАКЪ ТОЛЬКО жизнь вполне установилась на Английской набережной, Натальѣ Александровнѣ пришлось считаться съ новыми явленіями, которыхъ она не ожидала. Станнымъ образомъ вдругъ оказалось, что у покойнаго Андрея Михайловича было множество родни, которая при томъ обожала его. Наташа очень хорошо помнила, какія чувства Андрей Михайловичъ питалъ къ своей дѣйствительно многочисленной роднѣ. Онъ признавалъ только брата и княгиню. Къ остальнымъ онъ относился холодно и даже безразлично.

Они появлялись у нея въ гостиной и имѣли видъ, если не знатныхъ, то, во всякомъ случаѣ, гордыхъ и чванныхъ. Всѣ они поминали покойнаго Бентышъ-Полянскаго и всѣ оказывались съ нимъ въ самыхъ близкихъ и наилучшихъ отношеніяхъ. Наталу это удивляло, но ей приходилось принимать ихъ родство на вѣру. Она не могла поручиться за то, что у Андрея Михайловича были такія связи, о которыхъ она совсѣмъ не знала. Вѣдь онъ по цѣлымъ го-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», 1896 г., т. LXV, сентябрь, стр. 569.

дамъ проживалъ въ Петербургѣ, въ то время, какъ она одиноко жила въ Москвѣ.

А родственники являлись съ доказательствами, высчитывали по колѣннѣ и всѣ оказывались близкими.

Впрочемъ, надо сказать, что съ ними не завязалось у Наташи короткихъ отношеній. Наташа по всему своему нравственному складу слишкомъ мало отвѣчала требованіямъ и ожиданіямъ этого общества. А общество это было странное. Въ сущности, всѣ эти дѣйствительные или мнимые родственники не принадлежали къ высшему свѣту, членомъ котораго былъ Андрей Михайловичъ. Они приписывали себѣ и значительныя средства и важныя связи, но въ дѣйствительности съ видимой завистью посматривали на роскошное убранство дома, на широкую жизнь, которая продолжала вестись въ домѣ Бентышъ-Полянскаго, глаза ихъ разгорались при видѣ драгоцѣнныхъ картинъ, украшавшихъ стѣны, всевозможныхъ бездѣлокъ, стоявшихъ тысячи и десятки тысячъ, и, казалось, каждый изъ нихъ не прочь былъ бы унести съ собою одну изъ этихъ вещицъ.

Наташа не умѣла различать всѣхъ свѣтскихъ ранговъ, но она чувствовала, что въ ихъ тонѣ напускномъ, дѣланномъ есть что-то ненастоящее.

Наиболѣе важную роль, однако-жъ, сыграла въ ея жизни одна изъ родственницъ, которая точно такъ же, какъ и другія, появилась неожиданно и неизвѣстно откуда. Наташа объ ней никогда не слыхала ни отъ мужа, ни отъ Шпицкаго, ни отъ другихъ близкихъ людей, съ которыми ей приходилось имѣть дѣло. Приѣхала она въ каретѣ, запряженной парой, и велѣла доложить о себѣ, какъ о княгинѣ Маріи Алексѣевнѣ Чугуевой. Наташа, разумѣется, приняла ее. И вотъ въ гостиную вошла высокая старуха съ нѣсколько грубоватымъ, краснымъ лицомъ и, увидавъ Наташу, сразу, болѣе чѣмъ породственному, раскрыла ей объятія и принялась цѣловать ее такъ, какъ будто онѣ давно были дружны, но обстоятельства временно разлучили ихъ.

— Ужъ вы меня извините, родная,—говорила Чугуева:—безъ дальнихъ околичностей, такъ прямо къ вамъ и ввалилась. Покойный Андрей Михайловичъ частенько заѣзжалъ ко мнѣ, и все я ему твердила: когда-жъ ты женушку свою къ намъ привезешь? а онъ все обѣщаль, обѣщаль, да такъ, голубчикъ мой, и померъ, не исполнивъ своего обѣщанія. Ну, потомъ я подумала себѣ: что-жъ я къ ней буду таскаться? она теперь въ горести, ей не до родни. Еще скажетъ, что я какіе нибудь виды имѣю на наследство. Ужъ правду сказать, многіе, очень многіе зарились на богатство Андрея Михайловича... А онъ былъ уменъ, взялъ, да все своей женушкѣ отказалъ. И ужъ какъ я его за это хвалила, ужъ такъ хвалила, вотъ, милая, хоть кого угодно спросите, какъ я его хвалила... А какая же вы худенъкая да блѣдненькая! Это съ тоски, должно быть, по покойникѣ?..

— Я всегда такая была,—отвѣтила Наткша.

— Неужто? скажите, пожалуйста! Съ чего же бы это? Кажись, жизнь-то вапа была такая, что всякая вамъ позавидовала бы... Ужь, я думаю, чего только душа запросила, все у васъ было...

— Я не жалеюсь!—сказала Наташа.—Жизнь моя хорошая.

— То-то я и говорю. А ужъ это у васъ, должно быть, природа такая...

Княгиня оказалась необыкновенно словоохотливой и говорила безъ конца. Когда случайно появилась въ гостиной Таня, она оставила Наталью Александровну и набросилась на нее.

— Господи, какая красавица! Вотъ-то красота! Да, право, она у насъ всѣхъ затмить. И какъ на Андрея Михайловича походить!.. Глаза-то, глаза, совсѣмъ такіе же угли, какъ у него... Да, впрочемъ, я ужъ много и слышала про вашу красоту, милое мое дитя! Во всемъ Питерѣ только и разговору. Вы у насъ первой невѣстой будете...

Затѣмъ она опять перешла къ Натальѣ Александровнѣ.

— Надѣюсь, милая, что вы меня не обидите и посѣтите мой пріютъ. Я живу просто, никакихъ этихъ роскошествъ не люблю. Семейство у меня большое, цѣлое племя... И сыновья, и дочери, и внучата, всѣ при мнѣ живутъ, а я ихъ всѣхъ люблю...

Наталья Александровна обѣщала побывать, но не торопилась съ этимъ. Дня черезъ три Чугуева опять пріѣхала и насильно затащила ее къ себѣ.

У нея дѣйствительно былъ подкупающій добродушный видъ, простые приемы, простой разговоръ. Наташу всегда можно было этимъ купить. Больше всего на свѣтѣ боялась она свѣтскихъ тонкостей и, когда ей приходилось отдавать нѣкоторые дѣйствительно свѣтскіе визиты, она всегда чувствовала себя угнетенной и старалась всячески ихъ сократить.

Тѣмъ не менѣе это знакомство, казавшееся такимъ простымъ и непреднамѣреннымъ, очень скоро дало себя знать. Въ домѣ на Англійской набережной появилась новая серія родственниковъ, цѣлая куча ихъ, и всѣ они какъ-то выступали какъ бы подъ покровительствомъ Чугуевой. Чугуева словно посвящала ихъ въ родственники. Она очень скоро стала пользоваться полнымъ довѣріемъ Наташи и, очевидно, поняла это и какъ бы торопилась пожать плоды своего вліянія. То она привозила какогонибудь молоденькаго офицера, только что начавшаго свою карьеру, то почтеннаго солиднаго чело-вѣка, съ которымъ непременно произошло какоенибудь несчастье и который нуждался въ родственномъ сочувствіи, то подростковъ, привезенныхъ въ Петербургъ родителями искать счастья. И всегда она приступала къ дѣлу прямо.

— Вотъ позвольте вамъ, милая, представить... Ужь я прямо привезла, ужъ вы меня знаете, я безъ церемоній: родственникъ покойнаго Андрея Михайловича. Его родная сестра замужемъ за

Кавронскимъ, а Кавронскій, можетъ, сами знаете, покойной княгини Цвѣтаевой племянника сынъ...

И такъ дальше,—вычислялось родство, которое всегда какимъ-то образомъ приводилось либо къ самому Андрею Михайловичу, либо къ княгинѣ Цвѣтаевой, которая, какъ всѣ знали, пользовалась такимъ вліяніемъ у него.

И родственникъ водворялся, посѣщалъ домъ. А Чугуева находила удобный моментъ и, усадивъ Наталью Александровну гдѣ нибудь въ дальнемъ углу, тихимъ голосомъ сообщала ей:

— Ахъ, знаете, онъ хорошій, но только ему не повезло. Было у него больше тысячи душъ, и жилъ онъ исправно... А тутъ два неурожая да раздѣлъ съ братьями... Такъ жалко его, такъ жалко... И помогла бы, да у самой куча народу въ домѣ. А у васъ, родная, пустопорожнее мѣстечко въ Кривомъ переулкѣ такъ зря стоитъ. Къ чему оно вамъ? А онъ-то построится тамъ и будетъ себѣ жить да за васъ Бога молить. Всежъ-таки, знаете, родственникъ. И то я вамъ скажу, что покойный Андрей Михайловичъ очень его жаловалъ... Ужъ это я вамъ понстинѣ говорю, сама видѣла, какъ онъ ему сочувствовалъ... И живъ бы былъ, непременно помощь бы ему оказалъ. А мѣсто, говорю, оно у васъ совершенно зря стоитъ, можетъ, вы и не знаете, что оно у васъ есть.

— Это правда,—говорила Наташа,—я дѣйствительно ничего не знаю объ этомъ мѣстѣ.

Ей, конечно, было сдано все имущество Бентышъ-Полянскаго, на все были записи, съ которыми старались ее познакомить, но она ничего не помнила. Голова ея никакъ не могла приспособиться къ дѣламъ. И это пустопорожнее мѣсто такъ мало въ ея глазахъ имѣло значенія, что Чугуева напрасно затрачивала столько краснорѣчія. Наташа и безъ этого готова была послѣдовать ея совѣту, и новый родственникъ получилъ пустопорожнее мѣсто.

Наташѣ достаточно было выразить свою волю, остальное додѣлывалъ панъ Шипицкій, который на такого рода дарахъ зарабатывалъ кое-что и для себя.

Почти не было ни одного случая, чтобы Чугуева, посвятивъ кого нибудь въ родство Бентышъ-Полянскаго, не заговорила о какомъ нибудь дарѣ для него. Тотъ довольствовался какой нибудь драгоценной вазой, другой устремлялъ свои взоры на бібліотеку французскихъ книгъ, собранную Андреемъ Михайловичемъ, книгъ, которыхъ онъ самъ, впрочемъ, не читалъ, третьему приходилась какъ разъ подъ стать пара лошадей съ коляской. Сама Чугуева ничего для себя не просила и, казалось, была безкорыстна до послѣдней степени.

Правда, и у нея были любимыя вещи во владѣніяхъ Наташи. Она восхищалась коллекціей картинъ, которую собралъ Андрей Михайловичъ въ Тускинѣ.

— Ахъ, какая это чудная коллекція!—говорила она съ такимъ видомъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ понимала что нибудь въ картинахъ. — Ничего бы я въ жизни такъ не хотѣла, какъ обладать этой коллекціей. И какая это досада, Наталья Александровна, что она у васъ въ Тускинѣ стоитъ, а не здѣсь; вѣдь она тамъ сгніетъ.

— Да вѣдь здѣсь ее негдѣ и размѣстить,—возражала Наташа.— При этомъ же, не я ее собрала, а самъ Андрей Михайловичъ, онъ помѣстилъ ее тамъ,—тамъ значитъ ей и надо быть...

— Такъ, такъ, а все-таки жаль. Ну, будь она здѣсь, всѣ бы мы ею любовались. А тамъ, говорю же я вамъ, что она прямо сгніетъ, либо крысы поѣдятъ ее.

Наташа не умѣла понимать намековъ и не замѣчала, къ чему клонить Чугуева. Сама она отвела себѣ какую-то странную роль въ своемъ домѣ. Она не считала себя хозяйкой, а только надсмотрщицей надъ имуществомъ.—«Все дѣтское, все дѣтское,—говорила она себѣ,—моего тутъ ничего нѣтъ, да и зачѣмъ мнѣ? Они жить должны, а долго ли я проживу? Я хоть бы досмотрѣть хорошо сумѣла, да и то наврядъ. Какая я досмотрщица?».

Но когда къ ней очень ужъ приставали съ просьбами, она смущалась, терялась и не была въ силахъ отказать. Между тѣмъ Чугуева не рѣшалась прямо выпросить у нея облюбованную коллекцію.

Однажды къ Натальѣ Александровнѣ явился панъ Шипицкій съ чрезвычайно дѣловымъ видомъ. Онъ вообще теперь выдерживалъ роль скромнаго управляющаго, во всемъ безпрекословно подчиняющагося желаніямъ госпожи. И уже этотъ дѣловой видъ какъ бы былъ съ его стороны превышеніемъ власти. И Наташа тотчасъ же подумала, что онъ принесъ съ собою непремѣнно какую нибудь неприятность. Она уже давно отвыкла видѣть пана Шипицкаго такимъ.

— Съ чѣмъ вы пришли ко мнѣ, Викентій Генриковичъ?—спросила Наталья Александровна.

— Пришелъ я къ вамъ не безъ дѣла,—загадочно отвѣтилъ Шипицкій.

Лицо Наташи омрачилось. Когда Шипицкій говорилъ про какое нибудь дѣло, то это значило, что произошла путаница, неурядица, что она сама, благодаря своему неумѣнію обращаться съ дѣлами, что нибудь сдѣлала не такъ, отчего пострадали интересы ея дѣтей. Это случалось нерѣдко, и Шипицкій въ такихъ случаяхъ мягко, почти нѣжно дѣлалъ ей выговоръ.

— Что же это за дѣло такое?—съ легкимъ опасеніемъ въ голосѣ спросила она.

— Да такое дѣло, Наталья Александровна, что, ежели вамъ угодно будетъ и продолжать въ такомъ родѣ, такъ это можно и разориться...

— Что это вы, Викентій Генриковичъ?

— Да это я вамъ истинную правду говорю. Вѣдь вы дѣлаете подарки направо и налево и думаете, что это пустяки, а пустяки-то денегъ стоятъ. Угодно вамъ знать, на какую сумму вы изволили надѣлать подарковъ?

— Ну, право же, пустяки какіе нибудь...

Панъ Шипицкій торжественно разстегнулъ свой черный длинный сюртукъ и вынулъ изъ бокового кармана листъ бумаги.

— Вотъ не будетъ ли вамъ благоугодно познакомиться съ этимъ спискомъ!

— Я навѣрно ничего не пойму въ этомъ спискѣ!—отговорила Наташа.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ растолковать вамъ. Тутъ перечислены всѣ предметы, раздаренные вами, и, знаете, сколько это составляетъ? Цѣлыхъ сто десять тысячъ рублей съ излишкомъ!

— Что вы? что вы?—съ ужасомъ воскликнула Наталья Александровна.

— Да ужъ это истинная правда. Не выдумалъ же я. Извольте смотрѣть: пустопорожнее мѣсто въ Кривомъ переулкѣ по самой мизерной оцѣнкѣ стоитъ сорокъ пять тысячъ... Пара лошадей съ коляской...

Наташа начала отмахиваться руками.—Перестаньте, пожалуйста! Я и такъ вѣрю. Но вѣдь это же просто ужасно! Я совсѣмъ не знала, что все это такъ дорого стоитъ...

— Ну, да, само собою. Гдѣ же вамъ знать? вѣдь вы, извините, пожалуйста, такъ разсуждаете: что такое пустопорожнее мѣсто? пустопорожнее оно и есть и, значитъ, никакого съ него толку... А на этомъ пустопорожномъ мѣстѣ можно великолѣпнѣйшій домъ построить, и этотъ домъ можетъ превосходнѣйшій доходъ давать.

— Но какъ же мнѣ быть? Что я должна дѣлать? Я рѣшительно, рѣшительно не могла отказывать.

— Да вѣдь позвольте, — чѣмъ больше вы будете дарить, тѣмъ больше къ вамъ приставать будутъ. Ужъ это такъ всегда бываетъ. Дайте вы человѣку рубль, онъ на другой день къ вамъ придетъ и скажетъ: пожалуйста три...

— Ахъ, а тутъ еще княгиня всякій разъ, когда ни пріѣдетъ, непременно заговоритъ о коллекціи картинъ въ Тускинѣ!

Шипицкій при этихъ словахъ даже вскочилъ съ мѣста: — Коллекція? коллекція въ Тускинѣ? княгиня Чугуева?... Да Боже насъ избави, Наталья Александровна! Наотрѣзъ откажите. Да знаете ли вы, что такое эта коллекція?—да вѣдь это цѣлое состояніе!

— Знаете что, Викентій Генриковичъ,—сказала Наташа.—Теперь, если мнѣ что нибудь будутъ говорить о подаркахъ, я буду къ вамъ отсылать.

— Я не смѣлъ сказать вамъ этого, Наталья Александровна, но, признаюсь, удивляюсь, какъ вы раньше объ этомъ не подумали, зная очень хорошо, что никто такъ не оберегаетъ ваши интересы, какъ панъ Шпицкій. Такъ и дѣлайте: чуть заикнутся, вы отвѣчайте: поговорите, молъ, съ паномъ Шпицкимъ, а ужъ панъ Шпицкій васъ не выдастъ. Панъ Шпицкій знаетъ, какъ имъ отвѣчать, и тонко и деликатно, и никого не обидитъ и ничего не дастъ...

Наташа изрѣдка заѣзжала къ Чугуевой, но не любила оставаться у нея долго. Въ домѣ ея она не находила ничего отталкивающаго, ничего такого, что ей приходилось бы не по нраву, но на нее дѣйствовала непріятно вѣчная толкотня, шумъ, какой производили многочисленныя чада и домочадцы княгини. Она просто не выносила этой беспорядочности. Это дѣйствовало на ея нервы. Но однажды Чугуева затащила ее къ себѣ на именины, и здѣсь она сдѣлала новое знакомство. Это были первые люди, которые не были представлены ей, какъ родственники. Оба они произвели на нее пріятное впечатлѣніе. Столѣтова—тихая, скромная старушка, съ виду лѣтъ шестидесяти, сидѣла весь вечеръ около своего сына, которому можно было дать за сорокъ. У него было умное, выразительное лицо, и держался онъ скромно, говорилъ мало, почти совсѣмъ не смѣялся и къ окружающему обществу относился какъ бы съ скрытой снисходительностью. Княгиня считала его ученымъ человекомъ и рассказала, что онъ учился за границей какимъ-то техническимъ наукамъ, и что вообще отъ него ждуть какихъ-то большихъ дѣлъ на этомъ поприщѣ.

— Только,—прибавляла она на ухо Наташѣ,—онъ большой чудакъ. Все какія-то машины выдумываетъ. По ночамъ сидитъ въ своемъ кабинетѣ и все чертитъ, чертитъ. Иные даже думаютъ, что онъ какъ бы не при своемъ умѣ. Только я этого не замѣтила и думаю, что это враки.

Впрочемъ, Наташа сама въ продолженіе всего вечера не сказала ни съ Столѣтовымъ ни съ его матерью ни одного слова и была чрезвычайно удивлена, когда мать и сынъ на другой же день сдѣлали ей визитъ.

Наташа съѣздила къ нимъ, при чемъ убѣдилась, что они живутъ въ высшей степени скромно и, повидимому, даже нуждаются. Но она думала, что этимъ знакомство ихъ и кончится. Однако-жъ вышло не такъ. Дня черезъ два пріѣхала старуха, потомъ еще черезъ нѣсколько дней явился техникъ, и вообще они начали ѣздить въ домъ.

Наташа очень скоро привыкала къ людямъ, быть можетъ, именно потому, что въ сущности очень мало всматривалась въ нихъ и совсѣмъ не умѣла сблизиться. За очень небольшими исключеніями, она ко всѣмъ относилась одинаково. И потому люди, которые чаще появлялись въ ея домѣ, сами собой пріучали ее къ себѣ, и она привыкала думать, что они уже какъ бы сдѣлались своими. Столѣ-

това ъздила къ ней очень часто, заѣзжала и утромъ и къ обѣду, иногда просиживала цѣлые вечера. Обыкновенно она исправно поддерживала тотъ разговоръ, который уже завязался помимо нея, и потому Наташа никогда не ожидала отъ нея ничего самостоятельнаго.

Но однажды Столѣтова доказала, что у нея есть собственныя мысли, и мысли эти изумили Наташу.

— Гляжу я на васъ, Наталья Александровна, и удивляюсь, — сказала однажды Столѣтова, когда они были вдвоемъ: — какъ это вы княгинѣ Чугуевой такое большое довѣріе оказываете.

— Что же такое? — спросила Наташа. — Развѣ вы за ней чтонибудь знаете?

— Нѣтъ, такого ничего, а только все же мой совѣтъ вамъ — поосторожнѣй быть. Вѣдь вотъ я давно присматриваюсь. Она съ кѣмъ ни пріѣдетъ, того и гляди непременно отъ васъ чтонибудь утащить. Тому вазочку, этому картиночку, третьему кусочекъ земли... И вы думаете что-жъ? что Чугуевой это пользы не доставляетъ? Ну, какъ же, я ее хорошо знаю.

Наташа даже не сразу поняла, что она хочетъ этимъ сказать.

— И все по ниточкѣ у васъ растаскаютъ, дорогая вы моя. И не замѣтите, какъ изъ вашихъ мужниныхъ милліоновъ и половиночки не останется. И вижу я, что вы даже неспособны отпоръ имъ дать... Родственники! гм... какіе они родственники? Откуда ихъ набралось столько?.. Такіе самые они вамъ родственники, какъ вотъ я, напримѣръ, или, скажемъ, вонъ тотъ человѣкъ, что идетъ по улицѣ... Никакіе они вамъ родственники; а все отчего? Хотите вы знать, Наталья Александровна, отчего это происходитъ?

Наташа только посмотрѣла на нее вопросительными глазами.

— А оттого это происходитъ, Наталья Александровна, что въ домѣ у васъ мужчины нѣтъ, — это я вамъ отъ сердца говорю. Будь у васъ въ домѣ мужчина, онъ бы крѣпко держалъ въ рукахъ всѣ дѣла; то-есть, я говорю, мужчина свой, а не то, что какойнибудь панъ Шпицкій, которому нѣтъ дѣла до васъ и вашего добра... Подумайте объ этомъ, Наталья Александровна!

Наташа посмотрѣла на этотъ разговоръ недостаточно серьезно и очень скоро забыла о немъ. Можно было считать страннымъ совпадениемъ, что послѣ такихъ рѣчей со стороны матери сынъ сталъ чаще ѣздить къ нимъ. И теперь онъ ѣздилъ уже не съ пустыми руками, онъ всегда привозилъ то цвѣты, то конфекты, а иногда и то и другое вмѣстѣ. И какъ-то такъ всегда выходило, что прежде всего въ домѣ онъ встрѣчалъ Таню и отдавалъ ей конфекты. Таня питала слабость къ сладкому и всякій разъ радовалась этимъ скромнымъ подношеніямъ, какъ ребенокъ.

Она и вообще была еще настоящій ребенокъ. Нѣсколько выѣздовъ въ свѣтъ нисколько не повліяли на нее. Ни свѣтскихъ уловокъ, ни тонкостей, ни ухищреній она не замѣтила. Она рѣз-

вилась съ Надей, какъ будто была однихъ лѣтъ съ нею, не смотря на свой высокій ростъ и фигуру вполне сложившейся дѣвушки. Жизнь ея протекала беззаботно, и она даже не подозрѣвала, что есть на свѣтѣ и другая жизнь. Единственная область, въ которой она проявляла нѣкоторую серьезность и интересъ, это было хозяйство. Она любила носить съ собой ключи, дѣлать распоряженія и вообще разыгрывать настоящую хозяйку въ домѣ. Это ее тѣшило, но въ сущности было такой же дѣтской игрой, какъ все остальное. Между тѣмъ ей пошелъ уже семнадцатый годъ.

Столѣтовъ производилъ на нее пріятное впечатлѣніе, какъ человѣкъ любезный, возившій при томъ конфеты. Она къ нему привыкла, какъ привыкала ко всему, что часто повторялось, и подѣтски дурачилась съ нимъ. Такъ прошла половина зимы. Въ это время пріѣхала къ нимъ погостить Лиза.

II.

Лиза не постриглась въ монахини. Она только жила въ монастырѣ, ходила въ черномъ и сдѣлалась тиха, молчалива, невозмутима. Свѣтъ никогда не игралъ никакой роли въ ея жизни. Въ ранней молодости была у нея и жажда жизни и надежда на то, что когда нибудь она завоюетъ себѣ счастье, но жизнь ея сложилась такъ, что она ужъ больше ни на что не рассчитывала. И она жаждала теперь совсѣмъ уйти отъ жизни, чтобы преградить себѣ путь къ возвращенію. Но тутъ она встрѣтила препятствіе. Сербичъ, въ глубинѣ души, быть можетъ, даже радовавшійся тому, что она ушла отъ него, такъ какъ онъ ее никогда не любилъ, тѣмъ не менѣе, желая отомстить ей за то, что она не захотѣла помочь ему въ его скверномъ дѣлѣ, не давалъ ей позволенія постричься. И такъ она жила: ни монахиня, ни мірская, между монастыремъ и домомъ сестры, къ которой она пріѣзжала раза три въ годъ на нѣсколько недѣль.

Таня и Надя набросились на нее и проводили съ ней цѣлые дни. Онѣ любили слушать ея рассказы о ея жизни въ монастырѣ. Монастырь былъ въ двухстахъ верстахъ. Это было мѣсто удаленное и въ самомъ дѣлѣ уединенное. Жизнь въ монастырѣ была строгая, постническая, и Лиза выполняла все, что полагалось монахинямъ.

Уже прошла недѣля съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала Лиза. Наташа никуда не выѣзжала и была чрезвычайно довольна тѣмъ, что и ее на это время какъ будто забыли и не посѣщали новые родственники. Но вотъ однажды пріѣхала Чугуева съ очень озабоченнымъ видомъ и сразу начала разговоръ о какой-то дворянской вдовѣ, которую, какъ оказалось, она привозила Наташѣ въ качествѣ родственницы, но Наташа о ней совсѣмъ забыла, и вмѣстѣ съ вдовой — объ имѣніи въ Архангельской губерніи.

— Вѣдь что тамъ въ этомъ имѣніи?—говорила она,—одни кустарники да снѣжныя горы да ледяныя глыбы. Вѣдь вы туда никогда и не заглянете, а ужъ что касается доходовъ, то какой съ него доходъ? Развѣ бѣлыхъ медвѣдей стрѣлять да шкуры съ нихъ продавать... А она женщина бѣдная, ей ничего—поселиться тамъ и жить. Всежъ, таки что нибудь извлечетъ... А ужъ у васъ, милая моя, я знаю, такое доброе сердце. Недаромъ про васъ говорятъ, что вы ангель, и покойникъ Андрей Михайловичъ всегда говорилъ: моя Наташа — истинный ангель. И какъ она о васъ будетъ Бога молить... Право, подарили бы вы ей это архангельское имѣніице и развязались бы съ нимъ.

Наташа уже испытывала то колебаніе, какое всегда овладѣвало ею въ такихъ случаяхъ. Помнила она свой недавній разговоръ съ паномъ Шипицкимъ и его совѣтъ. Но когда она подумала о томъ, что пошлетъ книгиню Чугуеву къ Шипицкому, то ей показалось, что это для книгини будетъ настоящимъ оскорбленіемъ. И въ глазахъ ея можно было безошибочно прочесть это колебаніе.

— Я, право, не знаю, что вамъ и сказать, княгиня,—нерѣшительно промолвила она.—Я такъ мало понимаю въ дѣлахъ...

Лиза сидѣла въ углу. Наташа забыла представить ее Чугуевой. А Чугуева смотрѣла на нее, какъ на какую нибудь странницу или приживалку, случайно явившуюся въ домъ. Ея черное монашеское платье не позволяло допустить, чтобы она могла быть сестрой хозяйки.

И вдругъ изъ этого угла раздавался тихій, но достаточно твердый голосъ:—Нѣтъ, это нельзя,—сказала Лиза.—Нельзя дарить...

Чугуева съ изумленіемъ взглянула на нее. Наташа смутилась не столько оттого, что сказала Лиза, а сколько отъ неожиданности. Она никакъ не думала, что Лиза приметъ участіе въ этомъ разговорѣ.

— Позвольте васъ познакомить, княгиня,—сказала она,—это моя сестра Лиза.

Чугуева посмотрѣла на нее далеко недоброжелательно.—Однако, голубушка,—промолвила она, обращаясь къ Лизѣ,—вы, какъ кажется, удалились отъ міра... Чтожъ вы можете понимать въ житейскихъ дѣлахъ?

— Я говорю,—скромно возразила Лиза,—что дѣтское имѣніе нельзя дарить.

— Да почему же оно дѣтское, позвольте спросить? Кажется, завѣщаніе покойнаго Андрея Михайловича всѣмъ извѣстно. Смѣю думать, что онъ отказалъ все свое имущество женѣ своей, Натальѣ Александровнѣ, въ полную собственность.

— Это все равно,—съ необыкновенной твердостью продолжала Лиза,—все-таки Наташа должна оберегать права дѣтей...

Чугуева, не смотря на всю свою сдержанность, вскипѣла.—Ко-

нечно, должна оберегать, я этого и не отрицаю, но изъ этого не слѣдуетъ, что она не должна дѣлать добрыхъ дѣлъ... А впрочемъ это не мое дѣло. Я вѣдь не для себя прошу, мнѣ вѣдь ничего не надо; у меня вѣдь, слава Богу, есть свое добро... Я только думала, что пріятно будетъ оказать благодѣяніе ближнему, тѣмъ болѣе родственнику.

— Вы не сердитесь, княгиня,—начала, было, Наташа, но Чугуева уже поднялась, и у нея былъ такой видъ, который свидѣтельствовалъ, что она получила кровную обиду.

— Зачѣмъ же мнѣ сердиться? мнѣ вовсе нѣтъ никакой надобности сердиться. Я это сказала такъ себѣ, между прочимъ. Ъхала мимо и подумала: дай, навѣщу, давно не была... А моего интереса тутъ вовсе нѣтъ... А теперь мнѣ пора. Будьте здоровы, милая.

Но ужъ это «будьте здоровы» и это «милая» звучали совсѣмъ не такъ, какъ ея прежнія обычныя любезности. Въ нихъ слышался холодъ. Она уѣхала.

Наташа тотчасъ же быстро пошла въ уголь, гдѣ сидѣла Лиза, и начала цѣловать ее.

— Ахъ, какъ это ты умѣешь, Лиза, такъ твердо говорить! Я ничего этого не умѣю. Не будь тебя здѣсь, я такъ бы вогъ безъ всякихъ разговоровъ и отдала бы эту землю. Нѣтъ, правда, я прямо таки расточительна. Дѣйствительно, надо мной надо опеку, что ли, учредить.

Какъ разъ въ это время пріѣхала Столѣтова, и Наталья Александровна подъ впечатлѣніемъ происшедшей сцены рассказала ей все, что только что случилось.

— Я же вамъ говорю,—съ убѣжденіемъ промолвила Столѣтова.— Мужчину, мужчину и мужчину надо въ домѣ.

— Господи, да гдѣ я его возьму?—съ наивностью воскликнула Наташа.

— Какъ гдѣ? Вотъ такъ вопросъ! Да вѣдь у васъ есть взрослая дочь.

— Тая?—съ ужасомъ спросила Наталья Александровна.

— Чего жъ вы испугались? ну, да, разумѣется, Тая... Что-жъ, вы полагаете, что вашей Танѣ никогда и замужъ не надо выходить.

— Но она еще совсѣмъ ребенокъ. Я не понимаю даже, какъ вамъ это въ голову пришло.

При этомъ она смотрѣла на Лизу и, очевидно, ждала встрѣтить съ ея стороны сочувствіе. Но, къ ея удивленію, Лиза оказалась на сторонѣ Столѣтовой.

— Видишь, Наташа, я у васъ тутъ живу недѣлю, да и раньше пріѣзжала, и вижу, что у васъ въ домѣ Богъ знаетъ что дѣлается. Я не говорила тебѣ, мнѣ было неловко, а теперь объ этомъ зашла рѣчь, такъ ужъ скажу: такого безпорядка, кажется, нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ; всякій дѣлаетъ, что хочетъ. Вотъ возьми хотя бы твоихъ ино-

странокъ... Онѣ завели у себя приемы и живутъ, какъ принцессы; ну, скажи, знаешь ты, какъ онѣ живутъ, кто у нихъ бываетъ? Вѣдь ничего этого ты не знаешь и знать не можешь, потому что не пойдешь къ нимъ, не посмотришь, и характеръ у тебя не такой, чтобъ дѣлать это. А у нихъ ужъ, кажется, въ банкѣ капиталы есть... Тутъ всѣ тащатъ, кто сколько желаетъ. Только вотъ одна миссъ Эмили порядочная дѣвушка, она дѣйствительно привязана къ тебѣ и къ Танѣ и къ Надѣ, и отъ нея нельзя ожидать ничего дурного... Панъ Шипицкій твой, которому ты такъ довѣряешь, уже четвертый домъ построилъ, а изъ чего? конечно, все изъ твоихъ средствъ. Наконецъ, эта твоя несчастная слабость всѣмъ уступать, никому не отказывать. Вѣдь ты все раздаришь, они все растаскаютъ.

— Лиза, Лиза, и ты допускаешь, чтобы Таня вышла замужъ? Но вѣдь ей всего только шестнадцать лѣтъ. Вѣдь она совсѣмъ еще не жила.

Это возраженіе въ устахъ Наташи имѣло особенное значеніе. Она вспомнила о томъ, какъ прошла ея жизнь, какъ она рано оставила дѣвичество и, не смотря на богатство и роскошь, которыя ее окружали, всю свою жизнь протосковала и промучилась. Замужество, по ея мнѣнію, это — монастырь, только лишенный мира и уединенія среди свѣта, среди людей.

— Не суди по себѣ, Наташа,— возражала ей Лиза,— теперь совсѣмъ другіе обычаи, люди совсѣмъ не такъ живутъ. Посмотри, какъ весело живутъ свѣтскія жены. Да имъ гораздо веселѣе, чѣмъ дѣвушкамъ.

А Столѣтова съ своей стороны не переставала твердить:— Говорю я вамъ, что безъ мужчины въ домѣ у васъ все прахомъ пойдетъ. Главное, что вамъ надо, чтобы былъ порядочный человѣкъ. Богатства вамъ не надо—у Танички и своего довольно; а главное, чтобы онъ былъ солидный, чтобъ могъ всегда на защиту стать.

Этотъ горячій споръ самъ собою прекратился, когда доложили о приходѣ пана Шипицкаго. Но женщины не могли такъ сразу остановиться, и отголоски этого спора слышались намеками въ недоговоренныхъ фразахъ, которыми онѣ обмѣнивались въ присутствіи гостя.

Панъ Шипицкій былъ слишкомъ тонкій человѣкъ, чтобы пропустить мимо ушей хотя малѣйшій намекъ. Онъ еще не понималъ, кто именно здѣсь имѣется въ виду, но уже началъ инстинктивно проникать въ планъ, который таился въ глубинѣ души у Столѣтовой.

«Гм... — думалъ онъ про себя,— однако это дѣло не шуточное... Это надо поразмыслить. Панъ Шипицкій не можетъ этого такъ оставить».

И панъ Шипицкій задумался.

III.

Панъ Шипицкій занималъ теперь въ Петербургѣ довольно почетное мѣсто. Ему уже было близко къ шестидесяти годамъ, но наружность его не выдавала еще этого возраста. Онъ не располнѣлъ, тщательно брилъ щеки, носилъ коротенькую эспаньолку, волосы его сохранились вполнѣ, онъ держалъ ихъ въ порядкѣ и производилъ впечатлѣніе человѣка, по крайней мѣрѣ, на пятнадцать лѣтъ моложе.

Жениться онъ не думалъ,— зачѣмъ? Въ свое время онъ не успѣлъ этого сдѣлать, а теперь, по его мнѣнію, уже было поздно. Радостями жизни онъ и теперь пользовался безпрепятственно. Да и всю жизнь онъ не отличался воздержаніемъ по части женскаго пола, но въ то же время не имѣлъ никакихъ обязанностей. И онъ находилъ, что вообще холостецкая жизнь пріятнѣе.

Домъ давали ему хорошій доходъ. Онъ гордился своими домами, потому что они были устроены по тому времени образцово. По крайней мѣрѣ, они никогда не стояли пустыми. Жильцы дорожили квартирами въ его домахъ. А онъ за это бралъ съ нихъ подороже.

Жильцамъ онъ отдавалъ собственно три дома, которые всѣ стояли врядъ на Литейномъ проспектѣ. Но четвертый, не такъ давно приобретенный домъ неподалеку отъ Англійской набережной, въ переулкѣ, онъ отвелъ для одного себя. Это былъ настоящій дворецъ, правда—небольшой, одноэтажный и съ виду очень скромный, но устроенный со всѣми приспособленіями и съ большимъ комфортомъ. У него, разумѣется, было свое общество, совсѣмъ незнакомое съ обитателями дома на Англійской набережной. Это общество никогда не посѣщало дома Бентышъ-Полянскихъ и потому не могло въ мебелировкѣ и въ украшеніяхъ дома Шипицкаго узнать множество вещей, перенесенныхъ прямо съ набережной. Такого рода дворецъ для себя лично панъ Шипицкій задумалъ уже давно, еще въ то время, когда онъ вмѣстѣ съ барономъ Катчеромъ опекалъ наслѣдниковъ Андрея Михайловича. Тогда же имъ были намѣчены предметы, которымъ долженствовало в послѣдствіи украшать его покои. А зачѣмъ эти предметы подъ шумокъ были перенесены въ его квартиру, гдѣ и находились до послѣдняго времени. Тамъ привыкли ихъ видѣть и давно уже считали принадлежащими ему. При жизни Андрея Михайловича трудно было разобрать, что собственно принадлежало пану Шипицкому. Въ сущности въ его квартирѣ не было ни одной вещицы, которая бы принадлежала лично ему. Явился онъ совсѣмъ съ улицы, благодаря только рекомендаціи покойнаго генерала Тугарина, а когда сдѣлался у Андрея Михайловича управляющимъ, то не любилъ тратиться на обстановку. Да въ этомъ не было и надобности, потому что у Бентышъ-Полянскаго

было слишкомъ много лишнихъ вещей. Достаточно было только разумно подѣлиться съ нимъ.

Но, купивъ первый домъ, панъ Шипицкій не рѣшился осуществить свою мечту. У него тотчасъ же явилось неотразимое желаніе получать съ него доходы. Онъ сказалъ себѣ, что перенесетъ мебель во второй домъ, который уже былъ намѣченъ къ покупкѣ. Когда же онъ приобрѣлъ второй домъ, то желаніе получать доходъ у него увеличилось вдвое. Тогда онъ перенесъ свои мечты на третій, но и съ третьимъ было то же самое.

Только обезпечивъ свою жизнь солиднымъ доходомъ съ трехъ домовъ, панъ Шипицкій рѣшился, наконецъ, успокоить свою старость. Въ переулкѣ неподалеку отъ жилища Натальи Александровны онъ выглядѣлъ себѣ нарочно небольшой домикъ, который по своимъ размѣрамъ и не могъ приносить сколько нибудь заслуживающаго вниманіе дохода. И тогда только обстановка изъ его квартиры на набережной перешла сюда.

Однако, нельзя сказать, чтобы панъ Шипицкій уже былъ совершенно доволенъ своей судьбой. У него было состоянїице. Это правда. И онъ, въ случаѣ, если бы ему отказали отъ мѣста управляющаго, могъ бы обходиться очень недурно своими средствами. Но онъ слишкомъ близко и слишкомъ долго видѣлъ несмѣтныя богатства Бентышъ-Полянскаго и очень хорошо зналъ разницу между большимъ и маленькимъ состоянїемъ. Само собою разумѣется, что его идеаломъ было большое. Онъ назначилъ себѣ цифру, до которой, однакожъ, его доходы далеко еще не достигали. Если бы это было такъ, то онъ, конечно, давно бы отказался отъ хлопотъ по управленію дѣлами Натальи Александровны. Осуществленіе идеала зависѣло оттого, какія суммы, принадлежащія Бентышъ-Полянскимъ, пройдутъ черезъ его руки.

Собственно говоря, управление не доставляло ему особеннаго удовольствія. Что тамъ ни говори, а положеніе это было въ высшей степени зависимое. О покойномъ Андрѣ Михайловичѣ нечего и говорить. Это былъ человекъ, который никогда не стѣснялся въ своихъ капризахъ и неожиданностяхъ, каждый часъ отъ него можно было ждать обиды и самой скверной обиды, при другихъ, при постороннихъ людяхъ, даже при крѣпостныхъ. Онъ третировалъ управляющаго, какъ мальчишку, поручалъ ему самыя скверныя дѣла и потомъ самъ же смѣялся надъ нимъ въ лицо и называлъ его за это чуть ли не негоднемъ. Единственнымъ утѣшенїемъ были большія награды, которыя выдавались ему прямо изъ рукъ, а еще болѣшїя, которыя попадали въ руки сами собой. Теперь, разумѣется, жить было легче. Наталья Александровна обращалась съ нимъ уважительно, признавала въ немъ человека и никогда не позволяла себѣ не то что какой нибудь обидной сцены, а даже рѣзкаго слова. Но панъ Шипицкій не былъ лишенъ злопамятности. Онъ очень

хорошо помнилъ, какихъ трудовъ стоило ему добиться благорасположенія Натальи Александровны, какъ недовѣрчиво она относилась къ нему всю жизнь и до того дурного мнѣнія была о немъ, что самыя жестокія распоряженія Андрея Михайловича не рѣшалась приписать ему, а все приписывала пану Шипицкому. А между тѣмъ теперь онъ пришелъ къ твердому убѣжденію, что ему уже нельзя задирать носъ, а что нужно смиряться и изображать изъ себя тихаго и покорнаго слугу. Онъ уже не держалъ въ рукахъ всѣ дѣла, они были распутаны послѣ того, какъ они съ барономъ Катчеромъ изрядно запутали ихъ. Наталью Александровну окружали другіе люди, которые всегда могли посоветовать ей обходиться безъ него, и пану Шипицкому приходилось быть дипломатомъ. Это ему было тяжело, тѣмъ не менѣе онъ разыгрывалъ свою роль образцово. Жизнь научила его этому искусству.

Въ особенности не легко было ему, будучи уже довольно богатымъ человѣкомъ, изображать изъ себя на Англійской набережной чуть не бѣдняка. Ему постоянно приходилось жаловаться на судьбу. Когда его спрашивали о томъ, какъ идутъ его дѣла, хорошій ли доходъ приносить его дома, онъ безнадежно махалъ рукой и отвѣчалъ.

— Э, что мои дома!.. Знаете, я не радъ, что приобрѣлъ ихъ... За всю жизнь сколотилъ кое-какой жалкій капиталишко, лучше бы держалъ его въ деньгахъ. Оно немного, да по крайности вѣрно. А то, знаете, отъ этихъ домовъ только хлопоты да убытокъ. Нѣтъ, знаете, это уже такъ устроено, что бѣдному человѣку никакое дѣло въ прокъ не идетъ. Богатый и такъ богатъ, а между тѣмъ всякая статья ему доходъ даетъ, а бѣдный, когда пустится въ предпріятія, такъ отъ этого еще больше бѣднѣетъ.

Но за то при помощи своей покорности и смиренія панъ Шипицкій пользовался такимъ огромнымъ вліяніемъ на Наталью Александровну, конечно, когда рѣчь касалась дѣлъ, какимъ никогда не пользовался прежде. Въ сущности, онъ дѣлалъ, что хотѣлъ, Наталья Александровна безъ него ни на что не рѣшалась. Вѣдь ее ничѣмъ нельзя было такъ подкупить, какъ жалкимъ видомъ. И, конечно, не дома были главнымъ его доходомъ, а старый источникъ, о которомъ Наталья Александровна даже мало думала. Это были имѣнія Бентшъ-Полянскаго, разсѣянные по многимъ губерніямъ. Въ этомъ отношеніи Наталья Александровна безусловно довѣряла ему и никогда не спрашивала у него отчета. Было бесполезно и спрашивать, такъ какъ все равно она не могла бы ни противъ чего возразить. Панъ Шипицкій всюду насаждалъ своихъ людей, которые знали только его одного, для которыхъ господиномъ былъ онъ, а не Наталья Александровна. Они сносились непосредственно съ нимъ, присылали ему всѣ доходы. А онъ доходы эти дѣлилъ на двѣ равныя части, одну отдавалъ наслѣдникамъ, а другую бралъ себѣ.

И теперь, когда панъ Шипицкій догадался, о чемъ идетъ рѣчь

и куда мѣтитъ Столѣтова, то сразу увидѣлъ, какая грозитъ опасность его власти. Столѣтова была слишкомъ даже права, что появленіе мужчины въ домѣ тотчасъ же измѣнитъ весь характеръ управленія. Мужчина потребуеетъ отчета и мужчина пойметъ въ этомъ отчетѣ кое-что. А отчеты между тѣмъ были такого рода, что въ нихъ не надо было даже вглядываться, чтобы понять все.

И онъ задумался серьезно и долго размышлялъ по этому поводу. И не нашелъ онъ ничего лучшаго, какъ заключить союзъ съ своимъ врагомъ.

Чугуева была его врагомъ, потому что она присвоила себѣ право вліять на Наталью Александровну. Это право онъ считалъ своей неоспоримой привилегіей; она была его врагомъ еще и потому, что помимо его выклянчивала у Натальи Александровны подъ разными предлогами и для разныхъ лицъ изрядные купы, но главнымъ образомъ врагомъ его она сдѣлалась съ тѣхъ, поръ, когда стала зариться на коллекцію картинъ въ Тускинѣ. Эту коллекцію, собственно говоря, прибрѣталъ панъ Шипицкій, исполняя капризъ покойнаго Андрея Михайловича. Онъ уже однажды на ней значительно пополнилъ свою кассу, такъ какъ прибрѣтеніе ея было довѣрено ему, но онъ полагалъ, что если кому нибудь эта коллекція можетъ достаться, то, конечно, никто не имѣетъ на нее столько правъ, какъ онъ, прожившій на нее столько трудовъ. Тѣмъ болѣе, что у него былъ уже прекрасный планъ о постройкѣ во дворѣ при своемъ маленькомъ домикѣ обширной галлерей, гдѣ всѣ эти картины могли бы найти себѣ достойное мѣсто. «Это правда,—думалъ онъ,—что тамъ въ Тускинѣ онѣ пропадутъ, и пропадутъ, значить, денежки, выброшенные на нихъ. И дуракъ же я, что не оттягалъ ихъ раньше. Конечно, Наталья Александровна и не подумала бы объ этихъ картинахъ. Вѣдь всѣ онѣ прибрѣтались безъ нея, когда она жила въ Москвѣ. Ну, показалъ бы, что продалъ коллекцію за какихъ нибудь пять-шесть тысячъ. А вѣдь ее и въ полгораста не оберешь».

Но теперь онъ почувствовалъ, что у нихъ съ Чугуевой явился общій интересъ. И рѣшилъ положить гнѣвъ на милость.

Онъ отправился къ Чугуевой на другой же день послѣ открытія, которое сдѣлалъ у Натальи Александровны, и велѣлъ лакею отнести княгинѣ свою карточку, на которой было написано: «дворянинъ Викентій Генриковичъ Шипицкій».

Чугуева жила въ своемъ домѣ, къ которому примыкалъ обширный дворъ. Домъ былъ убранный не дешево, но безъ всякаго вкуса. У княгини была многочисленная семья, сыновья, замужнія дочери, внуки, и все это жило вмѣстѣ съ нею, и обо всѣхъ княгиня заботилась. У себя дома это была превосходная, добрѣйшая женщина-мать, бабушка, влюбленная въ своихъ дѣтей и внуковъ, но ихъ было слишкомъ много, а княгиня всѣхъ ихъ одинаково любила и хотѣла, чтобы они не только жили хорошо, но чтобы имъ и послѣ ея смерти всѣмъ

достаточно осталось. Ея княжескій родъ былъ изъ неважныхъ. Верхній слой свѣта совсѣмъ не признавалъ ее. Въ домѣ господствовала какой-то мѣщанскій тонъ. Сама Чугуева была превосходной хозяйкой, во все вмѣшивалась, надъ всѣмъ надсматривала и даже принимала участіе въ кухонныхъ дѣлахъ. Это налагало отпечатокъ на ея внѣшность, манеры и обращеніе. Когда она бывала у Наташи, то постоянно поминала имена, которыя у всѣхъ были на виду, но это только для того, чтобы придать себѣ извѣстный вѣсъ, связи же у нея были самыя жалкія. И совершенно понятна была ея неусыпная дѣятельность въ смыслѣ пріобрѣтенія кое-чего, хотя бы такимъ путемъ, какъ надѣленіе родственниковъ дарами отъ Наташи. На всякомъ такомъ дарѣ она что нибудь зарабатывала. И еще болѣе понятна ея любовь къ коллекціи, о которой она такъ много говорила. Въ картинахъ она понимала не много, но знала цѣну этимъ сокровищамъ. Вѣдь объ этой коллекціи всѣ говорили еще въ то время, когда Андрей Михайловичъ пріобрѣталъ ее. Всѣ знали, сколько онъхлопалъ на нее денегъ.

Княгиня имѣла очень много противъ пана Шипицкаго, но тѣмъ не менѣе тотчасъ же приняла его. Она совершенно справедливо догадывалась, что Шипицкій, такъ себѣ, безъ важнаго дѣла не пріѣдетъ.

Она вышла къ нему съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣла сказать ему: «милостивый государь, я васъ не знаю и знать не хочу», и удалиться. Она вся величественно выпрямилась, и даже ея платье изъ толстаго тяжелаго шелка, перемѣшаннаго съ шерстью, какъ-то сердито шуршало.

— Ваше сіятельство удивлены?—сказалъ Шипицкій, сразу бросивъ очень мѣткую стрѣлу, такъ какъ Чугуеву обыкновенно никто не называлъ сіятельствомъ, а просто княгиней, и потому она это цѣнила.

Княгиня отвѣтила церемонно: — Не могу понять, для какой надобности пожаловалъ ко мнѣ господинъ Шипицкій, и, если бы своими глазами не видала, не повѣрила бы.

Тѣмъ не менѣе послѣ этихъ холодныхъ словъ она подала ему руку.

— Зачѣмъ же такъ, ваше сіятельство? Зачѣмъ изволите имѣть ко мнѣ недовѣріе? Кажется, панъ Шипицкій ничѣмъ не подалъ повода...

— А я развѣ что нибудь такое сказала вамъ, господинъ Шипицкій? Прошу садиться и быть гостемъ. Надо полагать, по дѣлу пожаловали?

Шипицкій занялъ мѣсто на стулѣ, а княгиня сѣла на диванѣ.

— Какъ бы это объяснить,—отвѣтилъ панъ Шипицкій:—при всякомъ дѣлѣ, говорятъ, документы бываютъ приложены, а я безъ всякихъ документовъ.

— Иные документы, батюшка мой, бывают и въ головѣ,—замѣтила княгиня.

— Вотъ это вы справедливо изволили выразиться. И я вамъ скажу, тѣ документы, что въ головѣ сидятъ, бываютъ поважнѣе бумажныхъ. Примѣрно, скажемъ, такой документъ: все мое имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, всѣ дома и угодыя и прочее тому подобное, завѣщаю въ полную и безраздѣльную собственность моей законной супругѣ такой-то... А что такое составляютъ эти угодыя и дома, одну ли тысячу, или миллионъ, или, можетъ быть, двадцать миллионъ, такъ это уже записано въ документахъ, которые, можетъ, въ одной головѣ находятся...

— И такъ бываетъ... отвѣтила княгиня, смутно понявшая, о чемъ говорить Шипицкій.

— Или, примѣрно скажемъ, коллекція картинъ, которая вашему сіятельству очень понравилась,—для одного она никакой цѣнности не составляетъ, а для другого больше ста тысячъ...

— Вы, Викентій Генриковичъ, про коллекцію эту даже не помните, я на нее никакихъ видовъ не имѣла, а что она сгниетъ тамъ, въ Тускинѣ, такъ это уже вѣрно...

— Ну, ваше сіятельство, сгнивать ей не для чего. Не въ томъ опасность, а въ томъ, что и коллекція и многія другія сокровища и дома и имѣнія—все перейти можетъ въ другія руки...

— Въ какія же такія руки?

— Въ руки одного бѣднаго молодого, этакъ лѣтъ сорока, человѣка...

— Какого такого человѣка?

И въ глазахъ княгини уже появилась тревога, которая не ускользнула отъ вниманія господина Шипицкаго.

— Да уже вы знаете, ваше сіятельство, знаете! Одинъ такой только и есть. И пустить онъ всѣ эти богатства на вѣтеръ, пойдутъ они всѣ на его летучую машину, воздушный корабль, что чертитъ онъ и день и ночь въ своемъ кабинетѣ, и только мы съ вами и видѣли эти дома и угодыя.

— Что ты такое говоришь? Столѣтовъ?—воскликнула Чугуева, вдругъ, по случаю опасности, перешедшая на «ты», что, впрочемъ, она дѣлала со всѣми.

— А то и говорю, что знаю... Никто мнѣ не сказалъ: вотъ это такъ! но у пана Шипицкаго голова есть на плечахъ, и тонкій нюхъ имѣется, и это я вамъ точно говорю, что госпожа Столѣтова подбирается и очень даже близко подобралась. Не даромъ нашъ механикъ красавицѣ Танѣ конфеты и букеты возить, можетъ, на послѣднія денежки купленные.

— Букеты?

— Ага, встревожились, ваше сіятельство! Очень даже встрево-

жились! То-то! Вы вотъ хотѣли дѣла дѣлать мимо пана Шипицкаго... а выходить, что безъ пана Шипицкаго никакъ нельзя.

— Голубчикъ ты мой, да когда же я...

— Успокойтесь, ваше сіятельство, я ничего такого и не говорю, а только одно вамъ скажу: этого брака быть не должно.

— Не должно, никакъ не должно быть!

— Согласитесь же, княгиня,—онъ уже теперь нашелъ возможнымъ перейти на «княгиню»,—что, хотя завѣщаніе и свято, однако же нельзя же такъ ужъ и совсѣмъ забывать родню, а покойный Андрей Махайловичъ о роднѣ и не подумалъ.

— Это самое я и говорю,—подхватила Чугуева:— и что же я дѣлаю? я только и стараюсь справедливость возстановить... Хоть урывочкомъ, а все же...

— А ужъ ежели господинъ Столѣтовъ водворится...

— Боже сохрани!.. И ее по міру пустить! Вѣдь онъ фантазеръ, все о какой-то своей машинѣ размышляетъ...

— А что касается коллекціи, княгиня...

Чугуева насторожилась и стала внимательно прислушиваться.

— Что касается коллекціи,—медленно говорилъ Викентій Генриковичъ,—такъ это намъ надо особый разговоръ имѣть. Это вѣдь еще терпится.

— Терпится, разумѣется, терпится...

— А теперь, ужъ какъ тамъ себѣ хотите, вамъ придется слѣздить...

— Къ ней?

— Ну, да, а то къ кому же? Не ко мнѣ же!

— Обидѣла она меня очень...

— Эхъ, княгиня, меня покойный Андрей Михайловичъ всю жизнь обижалъ, а я терпѣлъ, а вотъ и вытерпѣлъ себѣ кое-что.

— Ты умный человекъ, Викентій Генриковичъ, это я всегда говорила...

— Да и вамъ, княгиня, ума не занимать у другихъ...

Княгиня чрезвычайно оживилась и порывисто поднялась:—Поѣду! Поѣду таки! Ничего не подѣлаешь, надо гордость въ карманъ спрятать.

Панъ Шипицкій, конечно, не могъ исполнѣ на нее положиться. Прежде всего онъ былъ увѣренъ, что княгиня будетъ тянуть свою линію и заботиться исключительно о своихъ интересахъ. Но онъ вовсе и не думалъ дѣлать ее союзницей по всѣмъ дѣламъ. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на передовой отрядъ, который долженъ только встревожить и спутать непріятеля. Главное, чтобы была впушена капля яду.

Княгиня собралась и поѣхала къ Наташѣ. Лиза въ это время была въ церкви. Наташа уже начала, было, думать, что Чугуева больше не станетъ къ ней ѣздить. Она вообще не любила обижать

кого бы то ни было, но въ этомъ случаѣ отчасти ей даже было пріятно, что княгиня обидѣлась и, наконецъ, оставитъ ее въ покоѣ. И когда ей доложили о пріѣздѣ Чугуевой, то это не доставило ей удовольствія.

Тѣмъ не менѣе она встрѣтила ее любезно и даже выразила нѣкоторое сожалѣніе, что княгиня ее совсѣмъ забыла.

— Ахъ, голубушка вы моя, что подѣлаете? Дѣлъ много!— отвѣчала княгиня,—сами знаете, какая у меня куча народу въ домѣ, и обо всемъ я должна сама заботиться. Не люблю я довѣрять слугамъ. Ежели имъ довѣрять, такъ, того и гляди, въ два дня домъ растащатъ по камешкамъ. И не только у васъ, а прямо таки, можно сказать, нигдѣ не бывала. И не знаю, что и на свѣтѣ дѣлается. Вотъ только одно и то мелькомъ прослышала. Столѣтovy-то наши... жаль мнѣ ихъ...

— А что такое?—съ особеннымъ любопытствомъ спросила Наташа, такъ какъ въ послѣдніе дни ей приходилось много думать о Столѣтovyхъ.

— Очень ужъ имъ не сладко живется. Старуха-то у васъ бываетъ?

— Да, она часто къ намъ ѣздитъ...

— Ну, а денегъ не просила?

— Денегъ? Почему же она станеть у меня денегъ просить?

— Охъ, ты Господи! почему? Да потому, что нужны... Извѣстно, у кого свои есть, тотъ не станеть просить у людей. А у нихъ ужъ такъ плохо, такъ плохо...

— Развѣ они такъ нуждаются?—спросила Наташа:—я и не знала.

— Да какъ же не нуждаться-то? Покойный мужъ ея имѣніе просадилъ на картахъ, а этотъ-то, сыночекъ, остаточки въ заграничное путешествіе всадилъ, а теперь еще все какую-то, говорятъ, летучую машину чертитъ, думаетъ на ней свои дѣла поправить. Это — машину, чтобъ летать. Сумасшедшій онъ человекъ и болѣе ничего...

— Право, я не знала,—молвила Наташа, какъ бы раздумывая сама съ собой:—Если она такъ нуждается... Я охотно помогла бы ей...

— Ну, еще бы! Вы-то! Я думаю, вы послѣднюю рубашку готовы снять...

— Въ этомъ нѣтъ и надобности, княгиня. Слава Богу, до этого еще не доходить.

— Да, — промолвила княгиня, продолжая свои прерванные изліянія:—хочетъ онъ, Столѣтovy-го, на женитьбѣ дѣла свои поправить... Говорятъ, выгодную невѣсту ищетъ.

— Да?

— Да какъ же не да? ужъ объ этомъ теперь всѣ болтають.

— Гдѣ же онъ ищетъ невѣсту?

— Да какъ гдѣ? То тамъ, то здѣсь. Гдѣ придется, гдѣ подвернется. Это-то ему все одно, лишь бы съ деньгами была.

— Полноте, княгиня, развѣ вы такъ увѣрены въ этомъ? Вѣдь чтобы такъ говорить о человѣкѣ, надо знать навѣрное.

— Да какъ же не навѣрное, голубушка вы моя? Да и что ему больше остается дѣлать? Вѣдь не онъ первый, всѣ такъ поступаютъ. Коли человѣкъ разорился, такъ ему одно и остается—жениться на богатой... Охъ, ужъ эти мнѣ обѣднѣвшіе дворянчики... Не люблю я ихъ, голубушка, не люблю. Все такъ и норовить въ чужой карманъ залѣзть.

Наташа была подавлена этими сообщеніями. Въ сущности она мало довѣряла княгинѣ, въ особенности послѣ эпизода съ коллекціей, когда панъ Шпицкій объяснилъ ей все дѣло. Но такія опредѣленные свѣдѣнія не могли же родиться въ головѣ Чугуевой. Она должна была откуда нибудь ихъ взять. И теперь передъ нею какъ бы начало освѣщаться поведеніе Столѣтова въ послѣднюю недѣлю, его частые визиты, конфеты, цвѣты. Такимъ образомъ мечта пана Шпицкаго осуществилась; ядъ былъ впуцень.

И княгиня видѣла, что ея рѣчи произвели должное впечатлѣніе. Она поговорила еще о разныхъ пустякахъ и затѣмъ уѣхала.

Наташа вовсе не думала серьезно о бракѣ Тани съ Столѣтовымъ, не смотря даже на то, что за этотъ бракъ, хотя въ разговорѣ никогда не упоминалось имя Столѣтова, стояла Лиза. Наталья Александровна всегда старалась отогнать отъ себя подобныя мысли. Но теперь ей казалось, что этотъ вопросъ можетъ самъ собою возникнуть. Она, благодаря своему воспитанію и характеру, не умѣла поддерживать свѣтскихъ знакомствъ. Въ началѣ, когда, по окончаніи всѣхъ недоразумѣній съ опекунами, она переселилась въ домъ на Англійской набережной, къ ней ѣздили многіе, и казалось, что домъ этотъ долженъ оживиться; но потомъ все это какъ-то само собой прекратилось. Наташа не умѣла быть ни предупредительной, ни изысканно-любезной, она слишкомъ была проста—и новые знакомые мало-по-малу отхлынули прочь. У нихъ почти никто не бывалъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ родственниковъ, привезенныхъ Чугуевой. Столѣтовъ въ самомъ дѣлѣ былъ единственнымъ человѣкомъ, на которомъ могъ бы остановиться выборъ, если бы объ этомъ возникъ вопросъ. Наталья Александровна ни разу даже не подумала о томъ, что онъ бѣденъ, такъ какъ ее это совсѣмъ не интересовало. Тяжелый жизненный опытъ доказалъ ей, что богатство далеко еще не приноситъ счастья. Какъ разъ наоборотъ; единственные счастливые дни въ ея жизни были тѣ, когда она, бѣдная дѣвушка, лишившаяся еще въ дѣтствѣ родителей, вышла изъ театральнѣй школы и вступила на жизненное поприще. Но за то и первыя муки ея начались съ того момента, когда ее окружили богатство и роскошь.

И въ то время, когда она раздумывала объ этомъ, въ комнатѣ появилась Таня, веселая, оживленная, смѣющаяся. Таня никогда

не была иной. Наталья Александровна посмотрѣла на нее какимъ-то страннымъ взглядомъ и подозвала ее къ себѣ.

— Слушай, Таня,—молвила она съ полуулыбкой, желая придать своему разговору характеръ шутки,—тебѣ семнадцатый годъ пошелъ...

— Развѣ?—спросила Таня, никогда не интересовавшаяся своими годами.

— Да, да, ты уже невѣста.

— Невѣста? Чья?—со смѣхомъ промолвила Таня.

— Ничья пока. Но можешь вдругъ сдѣлаться чьейнибудь невѣстой.

— Что-жъ, это было бы забавно...

— А потомъ и замужъ выйдешь, Таня...

— Замужъ? Это еще забавнѣе!—и Таня звонко размѣялась.

— Что-жъ тебя забавляетъ, Таня? Развѣ ты хотѣла бы выйти замужъ?

— А развѣ это не хорошо? Мужъ будетъ возить мнѣ каждый день конфеты и цвѣты, ухаживать за мной, исполнять все мои желанія, провожать меня въ театръ, на балъ... Надо только, чтобъ онъ былъ не глупъ... Развѣ это не хорошо?

— «Боже, какой она ребенокъ!»—подумала Наталья Александровна, и вѣдь она знала, что Таня не притворяется, что она въ самомъ дѣлѣ такъ смотритъ на замужество, что никогда въ жизни ей еще не приходила въ голову ни одна серьезная мысль. И ее выдать замужъ! Да за кого же? За Столѣтова, который вдвое старше ея.

Наталья Александровна съ этого времени начала чувствовать сильное безпокойство. Ей все казалось, что наступаетъ трудное для нея время, что назрѣваютъ какіе-то страшные вопросы, которыхъ ей самой ни за что не разрѣшить. Всякій разъ, когда встрѣчалось какое нибудь затрудненіе въ ея жизни, она бывала безпомощна.

А тутъ еще случилось, что Лиза соскучилась по монастырѣ и рѣшилась уѣхать туда. Наташа осталась одна, и это только усилило ея безпокойство.

Но вотъ однажды, когда она пріѣхала съ Таней и Надей съ прогулки и вошла въ гостиную, ее встрѣтилъ высокій, довольно полный мужчина въ военной формѣ, очень красивый, но уже съ порядочной лысиной среди кудрявыхъ волосъ, и тонкая стройная дама, съ чрезвычайно нѣжнымъ цвѣтомъ лица, съ большими сѣрыми глазами. Наташа остановилась на дорогѣ, въ первую минуту не узнавъ ихъ, а потомъ бросилась на шею молодой женщинѣ и горячо пожала руку офицера.

Это были Верховскій и Даша. Верховскаго перевели на службу въ Петербургъ. Наташа давно не испытывала такой радости. Она теперь была не одна,—съ нею были истинные друзья.

И. Н. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ РАФАИЛА МИХАЙЛОВИЧА ЗОТОВА ¹⁾.

XI.

Служба въ дирекціи театровъ. — Спектакли въ Петербургѣ до войны 1812 года. — Русская и иностранная труппы. — Партеръ и его значеніе. — Классицизмъ и романтизмъ въ драматическомъ искусствѣ.

МОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ поприще началось съ того, что 27-го января 1812 года я состоялъ при казначеѣ и велъ приходно-расходныя книги; въ домѣ же у Альбрехта давалъ уроки двумъ младшимъ его дѣтямъ, живя въ казенной квартирѣ въ домѣ Канаева у Большого театра. Окна нашей квартиры (я жилъ вдвоемъ съ другимъ чиновникомъ, П. П. Плотниковымъ) выходили почти къ задней стѣнѣ театра, который тогда былъ закрытъ послѣ пожара въ новый годъ (1811).

Спектакли давали тогда только на Маломъ театрѣ (гдѣ теперь Александринскій) и въ домѣ Купелева, гдѣ нынѣ главный штабъ. На первомъ играли французы и русскіе, а на второмъ нѣмцы и русская молодая труппа, составленная изъ воспитанниковъ театральной школы и немногихъ вновь опредѣляющихся дебютантовъ.

И до вступленія своего былъ уже я отъявленнымъ театраломъ, употребляя деньги, получаемыя по званію учителя въ пансіонѣ Краузе, на ежедневное почти посѣщеніе 50-ти-копеечныхъ мѣстъ; теперь же я съ важностью являлся ежедневно даромъ, какъ чинов-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXV, стр. 593.

никъ, находящійся подъ покровительствомъ важнѣйшаго лица при дирекціи. Еще теперь помню, что первое мое появленіе пришлось въ субботу, и га Маломъ театрѣ давали французы «Весталку». Я уже и прежде ее видѣлъ съ вершины амфитеатра, но теперь изъ кресель (для всѣхъ чиновниковъ назначены были мѣста для стоянія у кресель, въ которыя входъ былъ съ боковъ; бенуаровъ не было тогда, и у стѣнки не стояли кресла, слѣдственно свободнаго мѣста было довольно) все казалось лучше, важнѣе, виднѣе.

Въ антрактѣ явился я за кулисы и съ любопытствомъ разсматривалъ римскихъ консуловъ, верховнаго жреца и весталокъ. Глядя на ихъ прозаическія лица, можно было разочароваться; но 17-лѣтніе глаза смотрять на все въ призму поэзіи.

Г-жа Бергенъ (весталка Юлія) была высокая, худощавая и красивая женщина, которая очень могла полюбить Лицинія, Буржуа, но за которую тотъ едва ли бы рѣшился возмутить свои когорты, чтобъ спасти ее. Больше всѣхъ нравился мнѣ Месъ, верховный жрецъ, который игрою и пѣніемъ производилъ удивительный эффектъ. Дуэтъ его въ 3-мъ актѣ съ Лициніемъ постоянно всегда повторялся, хотя въ то время аллодисменты, вызовы и повторенія были чрезвычайно рѣдки. Стихи либретто казались мнѣ превосходными; я ихъ зналъ наизусть и съ восторгомъ слѣдилъ за актерами.

Возгласъ весталки: *Est-ce assez d'une loi pour vaincre la nature*, передъ финаломъ 2-го акта производилъ всегда чрезвычайный эффектъ. И когда опера эта поставлена была у русскихъ (переводъ А. Г. Волкова), я съ такою же любовію заучилъ и всѣ стихи перевода.

На другой день, въ воскресенье, давала въ домѣ Кушелева русская молодая труппа «Русалку», и молодой актеръ Брянской игралъ Видостана (Тарабара—Рамазановъ, Кифара—Пальниковъ, Лесту—г-жа Спиридонова). Все это я давно уже видѣлъ, но теперь восхищался этими лицами вблизи и за кулисами.

Много принесло пользы русскому театру учрежденіе княземъ А. А. Шаховскимъ этой молодой труппы, составившей потомъ разсадникъ прекраснѣйшихъ талантовъ. Заставлять малолѣтняго воспитанника или воспитанницу вдругъ играть со старыми актерами чрезвычайно трудно. Во-первыхъ, публика платитъ не за то, чтобъ смотрѣть на учениковъ. Она имѣетъ право требовать, чтобъ спектакли шли въ наилучшемъ видѣ и обставлялись всегда первыми сюжетами. Только въ случаѣ болѣзни или крайности можно допустить появленіе дублета. Но, съ другой стороны, молодые актеры, не участвуя въ спектакляхъ, никогда не приобретутъ необходимой опытности для развитія своего дарованія. Есть, конечно, для пракческаго ученія театр въ театральной школѣ, но какая бываетъ публика въ этихъ спектакляхъ? — свои товарищи, начальники и приглашенныя ими лица, которыя должны все хвалить. Сами играющіе чувствуютъ, что

между этою публикою и настоящею—неизмѣримая разница, и одобреніе послѣдней приноситъ имъ во сто разъ больше удовольствій, нежели всѣ ласки и панегирики своихъ официальныхъ лицъ.

Чтобъ соединить все это, князь Шаховской (онъ былъ тогда членомъ репертуарной части при дирекціи) придумалъ составить отдѣльную труппу, которая и давала спектакли за дешевѣйшую цѣну. Публика заранѣе знала, что идетъ смотрѣть полудѣтскій театръ, и не имѣла права требовать первоклассныхъ талантовъ и классическихкихъ пьесъ. И однако же зрители всегда были чрезвычайно довольны. Маленькія комедіи, водевили, оперетки разыгрывались тутъ очень мило, и большая часть этихъ молодыхъ актеровъ сдѣлалась потомъ украшеніемъ большой сцены; очень жаль, что подобное учрежденіе было потомъ брошено: и театръ, и публика потеряли отъ этого.

Въ слѣдующій день пошелъ я въ тотъ же театръ смотрѣть нѣмецъ. Я мало былъ знакомъ съ нѣмецкими спектаклями, посѣщая въ малолѣтствѣ только русскіе и французскіе; теперь же хотѣлось мнѣ ознакомиться и съ этою труппою.

Она была отлична. Гебгардъ съ женою играли главныя драматическія роли. Роза Кемпферъ (потомъ Вильде) обворожала всѣхъ красотою и прекраснымъ голосомъ. Брюкль (потомъ Линденштейнъ) была превосходною пѣвицею (голосъ ея имѣлъ феноменальную обширность въ три октавы до верхняго соль). Кавка первенствовала въ комедіяхъ. Боркъ была отличною старухою, Вильде—прекрасный первый любовникъ (я еще помню, съ какимъ успѣхомъ игралъ онъ «Фингала» Озерова, переведеннаго мною стихами и поднесеннаго королю прусскому Фридриху-Вильгельму III). Брюкль (отецъ первой пѣвицы) былъ отличный актеръ въ пожилыхъ роляхъ. Боркъ неподражаемъ въ злодѣяхъ. Цейбихъ—хорошій теноръ. (Помню одно удивительное обстоятельство въ его образѣ жизни. Для сохраненія свѣжести голоса онъ всегда ходилъ въ такихъ сапогахъ, которые бы имѣли скважины съ обѣихъ сторонъ, такъ чтобъ вода и воздухъ могли свободно проходить. Едва ли въ свѣтѣ другой теноръ подражалъ его методѣ, и однакожъ голосъ его дѣйствительно всегда былъ чистъ и свѣжъ, а самъ онъ пользовался наилучшимъ здоровьемъ). Жена его, Цейбихъ, была довольно пріятная пѣвица и хорошая актриса. Линденштейнъ былъ знаменитый комикъ. Дробишъ—отличный молодой любовникъ. Даже на дѣтскія роли были двѣ милыя актрисы: Боркъ и Гебгардъ.

И что за патріархальная была публка! Дамы пріѣзжали въ ложи въ самыхъ простыхъ, домашнихъ нарядахъ и спокойно вязали чулки, изрѣдка утирая ими слезы въ патетическихъ мѣстахъ, или откладывая работу на минуту, чтобъ отъ души похохотать надъ комическими выходками Линденштейна. Вызововъ никогда почти не было, а аплодисменты рѣдки. Но по сморканію отъ слезъ и хохоту

въ забавныхъ мѣстахъ актеры видѣли, что игра ихъ приноситъ удовольствіе.

Думалъ ли я, мелочной, сверхштатный чиновникъ, что черезъ три года буду директоромъ (управляющимъ) этой труппы!

Французская труппа была тоже превосходно составлена. Она играла трагедіи со знаменитою Жоржъ (первыхъ принцессъ—Ксавье, молодыхъ принцессъ—Бургуанъ, первыхъ героевъ—Манвиль, царей—Ларошъ и Деглинъ), большія оперы (тогда была только «Весталка» и два раза дали «Ифигенію въ Авлидѣ» Глюкка), комическія оперы (и это былъ самый любимый родъ спектаклей для петербургской публики) и комедіи, какія едва ли можно было набрать въ самомъ Парижѣ. Въ комической оперѣ блистала Филисъ-Андріе, мужъ ея теноръ Андріе, теноръ Лебланъ, басъ Месь, комикъ Андре. Сверхъ того, начала тогда блистательное свое поприще г-жа Фодоръ (по замужеству Манвиль), которой удивительный голосъ (въ аріи оперы «Завтракъ холостыхъ») доходилъ до верхняго скрипичнаго фа. Труппа комедіи вся была составлена изъ первоклассныхъ талантовъ. Дюранъ на первыя роли, Дюкруаси и Деглинъ на благородныхъ отцовъ, Тусень-Мезьеръ—удивительная субретка, Жюли-Эвра—молодая любовница, Вальвиль—первыя роли, Гранвиль—первая ливрея, Фрожеръ—комикъ, Флеріо—комикъ и режиссеръ, были любимцами высшей петербургской публики.

Балетная труппа была тоже тогда самая блистательная. Дюпоръ (послѣ 60,000 рубл. ассигн. получавшій уже 100,000) продолжалъ восхищать нашихъ любителей хореографіи, хотя на Маломъ театрѣ нельзя уже было давать прежнихъ великолѣпныхъ балетовъ, какъ, напримѣръ, «Амуръ и Психея», въ которомъ такъ блистала, слишкомъ рано погибшая, первая русская танцовщица Данилова. Были иностранныя танцовщицы Батистъ и Сенъ-Клеръ, былъ Батистъ, Огюсть, Эбергардъ и русскій ученикъ и подражатель Дюпора Глушковскій. Изъ русскихъ танцовщицъ славились тогда двѣ Колосовы (одна изъ нихъ сдѣлалась потомъ знаменитою пантомимною танцовщицею).

Русская труппа была тогда самою разнообразною и отличною. Въ трагедіи и драмѣ первенствовалъ знаменитый Яковлевъ, славился Шушеринъ, занималъ почетное мѣсто Сахаровъ, Щениковъ, и явился нѣкто Штейнбергъ, титулярный совѣтникъ, дебютировавшій съ удивительнымъ успѣхомъ въ «Эдипъ въ Афинахъ» и принявшій переносную русскую фамилію Каменогорскій. Изъ актеровъ первую драматическую актрисою была А. Д. Каратыгина, но въ молодыхъ роляхъ пальма первенства принадлежала М. А. Валберховой (которая потомъ такъ блистательно перешла въ комедію); больше всѣхъ имѣла у себя приверженцевъ К. С. Семенова, долго боровшаяся съ Валберховой, но побѣдившая ее окончательно и сдѣлавшаяся первою и знаменитою трагическою актрисою. Въ комедіи тогда были знаме-

ниты: Рыкаловъ, Крутицкій, Орловъ, Жебелевъ, а изъ актрисъ: Болье на главныя роли и неподражаемая Рахманова на роли старухъ.

Русская опера была тогда только комическая,—лирическая началась съ «Весталки». Почти весь итальянскій репертуаръ оперъ-буффа былъ тогда переведенъ, а Кавось, оказавшій столько важныхъ услугъ этой части, начиналъ писать русскія оперы. Сперва явилась «Любовная почта», потомъ «Князь-невидимка» и «Илья-богатырь» (либретто знаменитаго И. А. Крылова), впоследствии явились и другіе труды его. Изъ пѣвцовъ первое мѣсто занималъ Самойловъ (отецъ цѣлаго поколѣнія артистовъ), обворожавшій всѣхъ своимъ прекраснымъ теноромъ, и изъ придворныхъ пѣвчихъ г. Иваницкій перешелъ на сцену подъ именемъ Климовскаго (онъ для перваго дебюта игралъ роль казака Климовскаго, въ водевилѣ князя Шаховскаго: «Казакъ-стихотворецъ», и фамилія эта навсегда осталась за нимъ). Изъ басовъ правились Зловъ, Чудинъ и Гуляевъ; изъ пѣвицъ перешла съ московскаго театра знаменитая Сандунова, часто удивлявшая своимъ искусствомъ самихъ итальянцевъ; Черникова, вышедшая въ это время за Самойлова; Карайкина (бывшая потомъ Лебедева, мать прекраснѣйшей потомъ пѣвицы Лебедевой въ 30-хъ годахъ).

И всѣ эти труппы играли на одномъ Маломъ театрѣ. Зато какой превосходный былъ этотъ театръ. Вся глубина его состояла изъ 6-ти кулисъ, а на 7-мъ мѣстѣ была уже самая послѣдняя завѣса. Но ширина его была довольно значительна (въ первомъ ряду было 24 кресла), и въ оркестрѣ помѣщалось до 50-ти музыкантовъ. Лучше всѣхъ было публикѣ. Она отовсюду очень хорошо видѣла и слышала. Ложъ было только три яруса; креселъ сначала было только шесть рядовъ, а въ партерѣ помѣщалось до 1,000 человекъ. Но мало-помалу стали партеръ превращать въ кресла, такъ что уже, наконецъ, входило въ него только 400 посѣтителей. Очень жаль! Партеръ составляетъ какъ бы необходимую принадлежность театра. Безъ партера не развивается въ среднемъ сословіи страсти къ театру. Сколько недостаточныхъ людей, студентовъ и другихъ сословій, ходили ежедневно въ спектакли, платя прежній рубль, а нынѣ 25 коп., тогда какъ, чтобъ платить пять рублей ассигн., или 1½ серебромъ, надобно имѣть значительные доходы. Да и для сценическаго искусства партеръ очень нуженъ. Важный зритель креселъ лѣниво смотритъ на спектакль. Онъ ходитъ въ театръ для разсѣянія, а не по любви къ литературѣ и искусству. Онъ аплодируетъ по минутному своенравію и по знакомству; онъ не слѣдитъ за каждымъ стихомъ за каждымъ движеніемъ артиста; онъ лорнируетъ по ложамъ или за кулисы и вовсе не заботится о литературныхъ или сценическихъ успѣхахъ. Отъ этого неминуемо падаетъ и то, и другое, тогда какъ жизнь, придаваемая партеромъ, поощряетъ актеровъ и заставляетъ ихъ опасаться найти тутъ строгихъ и образованныхъ судей.

Смѣшно было слышать ежедневные окончательные куплеты въ водевиляхъ, обращающіеся къ партеру, котораго нѣтъ.

Въ началѣ 1812 года помѣщалось въ Маломъ театрѣ до 1,800 зрителей,—это больше, нежели теперь входитъ въ Александринскій, и столько же, какъ въ Большой, а все потому, что тамъ былъ партеръ.

Театръ созданъ не исключительно для одного аристократическаго сословія, а больше для образованія народа. Греки были первыми учредителями театра, и первоначальныя ихъ трагедіи относились къ прославленію боговъ ихъ мифологіи и героевъ древности. Кромѣ архонтовъ и жрецовъ, всѣ прочіе жители имѣли одинаковыя мѣста и платили по самой дешевой цѣнѣ, чтобъ самыя бѣдныя жители могли ими пользоваться.

Если трагедіи грековъ созданы были для внушенія народу религіозныхъ чувствъ и уваженія памяти героевъ, то комедіи ихъ рѣзко казнили существующіе пороки, и паденіе временщика Клеона было дѣломъ комедіи Аристофана: Всадники.

Въ Римѣ, гдѣ сначала старались подражать во всемъ грекамъ, вскорѣ измѣнилась цѣль театра. Стали уже не поучать народъ, а забавлять его. Литература и искусство упали; зрѣлища превратились въ бойни, гдѣ люди сражались со звѣрями. Константинополь почти вовсе не зналъ театра при восточныхъ императорахъ; въ немъ былъ одинъ циркъ, гдѣ вся слава принадлежала животнымъ.

Въ средніе вѣка возобновленіе театра принадлежитъ католическимъ инокамъ, составившимъ піесы изъ страстей Господнихъ и житій святыхъ; эти мистеріи, какъ онѣ теперь ни кажутся уродливыми, имѣли свою полезную сторону. Не только простой народъ, но даже рыцари и дворяне не знали грамоты, увѣряя, что для благороднаго человѣка нуженъ только одинъ мечъ и знаніе военнаго искусства. Слѣдственно, никто не могъ тогда читать священныя книгъ (тѣмъ болѣе, что всѣ онѣ были писаны на латинскомъ языкѣ), и театръ мистеріи знакомилъ всѣхъ и cadaго съ событіями священной исторіи. Часто вставлялись, правда, въ эти піесы разныя неприличныя и площадныя шутки, но это было единственнымъ средствомъ, чтобы привлечь тогдашній грубый и необразованный народъ.

Франціи принадлежитъ честь новѣйшаго классическаго театра: Корнель, Расинъ, Вольтеръ и др. создали по образцу Софокла и Еврипида новое искусство, а Мольеръ съ своими послѣдователями воскресилъ Аристофана и Менандра. Вѣкъ Людовиковъ XIV и XV былъ блистательнѣйшимъ періодомъ французскаго классицизма. Великихъ французскихъ драматурговъ обвиняли въ созданіи смѣшной, тѣсной рамы для своихъ піесъ по причинѣ единствъ времени, мѣста и дѣйствія, а еще болѣе за несоблюденіе историческихъ преданій выводимыхъ ими лицъ и народовъ; но первое окупается возвышен-

ностію ихъ поэзіи и строгостію правилъ, несоблюденіе которыхъ привело потомъ драматическую литературу къ другимъ крайностямъ; второе же можно извинить тогдашнимъ состояніемъ этнографіи, которая и теперь часто нарушается на многихъ театрахъ.

Шекспиръ въ Англіи, Лессингъ, Гете, Шиллеръ въ Германіи создали другую школу драматической литературы, болѣе соответствующую вкусамъ ихъ націй.

Которая система лучше? Мы долго придерживались системы классицизма, потому что онъ всегда имѣлъ цѣлю поучать зрителей высокими примѣрами доблестей древнихъ историческихъ лицъ; онъ внушалъ въ нихъ чувство изящнаго, любовь къ поэзіи, привязанность къ условленному порядку даже въ театральныхъ шесахъ; а комедіи классицизма осмѣивали пороки и предрасудокъ умно, тонко, забавно и съ сохраненіемъ нравственной цѣли.

Новѣйшій романтизмъ произвелъ много гениальнаго въ литературномъ отношеніи, но нравственная цѣль театра уже потеряна. Авторы, прорвавъ спасительную плотину условныхъ законовъ, пустились во всѣ преувеличенія пылкаго воображенія и наводнили литературу множествомъ чудовищныхъ драмъ, основанныхъ на однихъ эффектахъ безъ правдоподобія, а главное—безъ моральной цѣли. Они, вмѣсто поученія толпы, стали раздражать ея страсти; вмѣсто изящныхъ картинъ были выставлены безнравственныя; вмѣсто приученія къ порядку проповѣдывали идеи анархіи и разврата; вмѣсто любви къ отечеству прославляли космополитизмъ; вмѣсто преслѣдованія и осмѣянія пороковъ старались дѣлать многія преступленія не только извинительными, но и интересными.

Съ этой минуты цѣль театра измѣнилась, и это очень жаль. Составляя полезное и пріятное занятіе, театръ отвлекаетъ толпы народа отъ другихъ разсѣяній, болѣе вредныхъ для тѣлеснаго и нравственнаго его здоровья. Но, приучая его къ театру, нужно вмѣстѣ съ тѣмъ и незамѣтно дополнить образованіе его, показывая ему только картины добродѣтелей гражданскихъ, семейныхъ и моральныхъ, чтобъ онъ слѣдовалъ всегда по стезѣ законовъ, нравственности и любви къ отечеству. Возбужденіе дурныхъ страстей приноситъ вредъ всему обществу. Публика, приученная авторами къ эксцентричности, теряетъ уже вкусъ къ изящному, дѣлаясь своенравною и безтолковою. Разумѣется, отъ этого погибаетъ драматическая литература и сценическое искусство.

Все это я сказалъ по поводу уничтоженія партера. Повидимому, подобное слѣдствіе слишкомъ преувеличено, и однако пусть серьезные умы подумаютъ объ этомъ. Отъ малыхъ причинъ часто бываютъ большіе результаты. Стоитъ только утвердительно опредѣлить нравственную цѣль театра, и тогда неизбѣжнымъ выводомъ будетъ—стараніе объ образованіи низшаго сословія зрителей.

XII.

Балетъ и балетмейстеръ Валберхъ.—Театральная контора.—Дефициты и сборы.—Казенное управленіе.—Театральная школа.—Консерваторія.

Въ праздничные и воскресные дни, когда я былъ свободенъ отъ писарскихъ занятій и уроковъ, я, разумѣется, отправлялся по утрамъ въ театры на репетиціи, чтобы ближе познакомиться съ механизмомъ театрального дѣла. Какъ юношѣ, мнѣ, конечно, болѣе нравились балетныя пробы,—и мои филологическія познанія вскорѣ доставили мнѣ пріятныя знакомства съ французскими артистами, которые рады были, что маленькій чиновничекъ такъ бѣгло говорить на иностранныхъ языкахъ.

Помню первую балетную репетицію, на которой я случился. Это былъ Судъ Париса. Танцовщица Сень-Клеръ ласково со мною разговаривала, и когда ее для полета подняли на воздухъ, то я, признаюсь, съ большимъ любопытствомъ и волненіемъ смотрѣлъ на это зрѣлище. Когда же машина полета стала опускаться, то г-жа Сень-Клеръ просила меня держать ее, чтобы соразмѣрить высоту, до которой ей должно было вечеромъ спуститься. Оказалось, что надобно было прибавить опущеніе машины,—и машинистъ или плотникъ на колосникахъ сдѣлалъ это движеніе слишкомъ быстро; я вскрикнулъ и схватилъ Сень-Клеръ обѣими руками. Всѣ засмѣялись,—и я пришелъ еще въ большее замѣшательство. Но балетмейстеръ велѣлъ мнѣ очень спокойно отстегнуть крючки полета, и танцовщица продолжала свое па, не обративъ на меня дальнѣйшаго вниманія; только балетмейстеръ (Валбергъ) сказалъ мнѣ улыбаясь: «если я когда буду падать, то, пожалуйста, поддержите меня: у васъ чортовская сила».

Этотъ Валбергъ былъ умнѣйшій и прекраснѣйшій человекъ. Онъ былъ русскій (ему дали нѣмецкую фамилію, чтобы имѣть на сценѣ больше успѣха; хорошо же тогда думали о русской публикѣ!), какъ равно и все его семейство. Первая драматическая актриса, М. И. Валберхова (которая потомъ сдѣлалась первоклассною актрисою въ комедіи), была его дочерью. Все это семейство представляло образецъ благороднѣйшаго образа мыслей и могло служить примѣромъ прекрасной семейной жизни и образованности артистовъ.

Театральная контора, въ которой я служилъ, находилась тогда на Крюковомъ каналѣ въ угольномъ домѣ (Брагина) у Кашина моста (она вскорѣ была переведена напротивъ въ домъ Иванова, по Екатерингофскому проспекту). Главнаго директора, Александра Львовича Нарышкина, мы, конечно, никогда не видали. Присутствовали только два члена: репертуарной части и хозяйственной. Первымъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, князь, А. А. Шахов-

ской, а вторымъ — статскій совѣтникъ Титовъ. Управляющимъ письмоводствомъ былъ коллежскій совѣтникъ Судовщиковъ (авторъ комедіи «Рѣдкое диво, или честный секретарь», въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ); бухгалтеромъ—надворный совѣтникъ Иванъ Ѳеодоровичъ Тикулинъ, а казначеемъ—коллежскій совѣтникъ Петръ Ивановичъ Албрехтъ; чиновникъ для закупки вещей — коллежскій ассессоръ Петровскій, помощникъ его П. П. Плотниковъ, экзекуторъ И. А. Теленіусъ, переводчикъ Олинъ.

Управляющіе театральнымъ училищемъ и нѣмецкимъ театромъ считались тоже присутствующими въ конторѣ, каждый по своей части, и вносили записки, какъ и прочіе два члена по своимъ частямъ. По запискамъ составлялись журналы, утверждаемые главнымъ директоромъ, который давалъ конторѣ предложенія. Эта система управления была очень удобна и дѣйствовала отлично. Главный директоръ лично входилъ съ докладами на высочайшее имя. Не было, правда, никакого контроля для провѣрки административныхъ дѣйствій, но эти дѣйствія были вообще отличны, добросовѣстны и патріархальны. Были, какъ и всегда, дефициты, но ихъ переводили съ одного года на другой, въ надеждѣ уплатить усиленными сборами.

Въ 1812 году былъ еще опредѣленъ вице-директоръ дѣйствительный камергеръ князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ; но первоначально это было только почетное мѣсто. Впослѣдствіи, когда А. А. Нарышкинъ уѣхалъ по службѣ за границу, и управление театровъ ввѣрено было князю Тюфякину, оказалось, что онъ—отличный хозяинъ, такъ что въ 1814 году, по возвращеніи главнаго директора, долги дирекціи оказались уплаченными собственными своими средствами. Съ тѣхъ поръ подобнаго чуда уже не было, но тогда оно послужило поводомъ къ составленію знаменитой инструкціи вице-директору, по которой ему поручалась вся хозяйственная часть театровъ, и съ тѣхъ поръ до 1820 года дѣйствительно долговъ не было — безпримѣрный періодъ въ лѣтописи театровъ, который уже не возобновлялся.

По нашему мнѣнію, дефицитъ составляетъ неизбѣжную принадлежность каждаго театра въ свѣтѣ. Въ Европѣ всѣ почти театры существуютъ посредствомъ частной промышленности; но и антрепренеры обыкновенно проживаются; изъ десяти едва ли одинъ обогатится, — и то на счетъ бѣдныхъ актеровъ и во вредъ искусства, литературы и изящности представленій. Только въ Берлинѣ (и только въ царствованіе Фридриха-Вильгельма III, котораго память такъ дорога всѣмъ пруссакамъ) есть театръ, принадлежащій казнѣ, или, лучше сказать, самому королю, — и благодѣтельные дѣйствія подобнаго управления отражаются на всѣхъ частяхъ.

Въ Парижѣ болѣе театровъ, нежели въ какой либо другой столицѣ, потому что тамъ всѣ сословія издавна приучены къ этому

роду общественныхъ удовольствій,—и главные изъ нихъ получаютъ отъ казны пособія (subvention), и однако же, не смотря на это, банкротства директоровъ очень часты, потому что общее основаніе доходовъ всѣхъ театровъ въ свѣтѣ утверждено на самомъ непрочномъ началѣ, а именно: на сборахъ. Какъ можно опредѣлить какую нибудь норму сборовъ? Какъ заранѣе сказать: столько-то публики должно прійти въ театръ?—если сами посѣтители театровъ не знаютъ заранѣе, сколько разъ они на недѣлѣ,—не только что въ мѣсяцъ, или въ годъ,—пойдутъ въ театръ. Своенравіе, другія занятія, нездоровье, дурные спектакли, плохая обстановка и монтажъ все останавливаетъ зрителей, которые наиболѣе привыкли къ театральнымъ зрѣлищамъ. Сколько разъ при любимыхъ спектакляхъ случается, что множество посѣтителей не могутъ себѣ достать мѣстъ!—это обезохочиваетъ ихъ, и деньги эти уже потеряны навсегда для сборовъ. То политическія, то общественныя, то театральнo-административныя обстоятельства удаляютъ иногда зрителей, иногда же необычайными толпами привлекаютъ ихъ. Разсчесть, опредѣлить годовичное число посѣтителей—чистая мечта; а такъ какъ расходы всегда дѣлаются по этому расчёту, то неминуемо и должны случаться безпрестанныя ошибки и недоборы. Однажды же сдѣланный дефицитъ влечетъ за собою неизбѣжно другой и такъ далѣе, пока истощатся всѣ средства.

Лучшая система существованія театра безспорно въ Россіи (я говорю о столичныхъ, а не о кочующихъ), и это не лесть, не всегдашняя оффиціальная ффраза. У насъ въ Россіи много административныхъ и общественныхъ основаній, гораздо лучше составленныхъ, нежели въ остальной Европѣ; но мы часто не умѣемъ ими пользоваться, или они не достигаютъ прекрасной своей цѣли отъ исполнителей. По нашему мнѣнію, театры нигдѣ въ свѣтѣ не должны отдаваться на жертву и эксплуатацію антрепренеровъ. Это одинъ изъ важныхъ рычаговъ народнаго образованія и управленія. Этой высокой цѣли театра никогда не должно забывать, а предоставлять ее на произволъ содержателей, пекущихся только о своемъ барышѣ, значитъ быть равнодушнымъ къ отечественной литературѣ и драматическому искусству. Театръ нигдѣ не составляетъ источника государственныхъ доходовъ, а только расходную статью бюджета, и отъ театровъ нигдѣ не требуютъ экономіи, а только добросовѣстнаго выполненія своихъ обязанностей. Но неизбѣжные часто долги антрепренеръ платитъ банкротствомъ во вредъ общественной довѣренности и нравственности, а при коронномъ управленіи всякій увѣренъ въ платежахъ. Содержателю нужны годовые остатки для своего кармана, а государственные бюджеты не требуютъ ихъ, лишь бы только искусство и литература процвѣтали, лишь бы достигалась нравственная цѣль театра. Для пріобрѣтенія барышей импрессаріо часто покушается на неблаговидныя мѣры; въ коронной

администраціи этого нѣтъ. Можетъ ли національная драматургія процвѣтать при антрепренерахъ? Какое имъ дѣло до народной славы, до гениальныхъ произведеній?—имъ нужны только доходныя піесы; достоинство ихъ судятъ они только по сборамъ. У нихъ «Русалка» выше «Гоеоліи», мелодрамы Сень-Маргенскихъ воротъ—лучше Мольера. Они судятъ авторовъ, какъ барышники и какъ купцы, а не какъ покровители литературы.

При коронной администраціи всѣ эти неудобства исчезаютъ, и все возвращается къ существенной цѣли существованія театровъ. Тутъ не нужно поддѣлываться подъ вкусъ большинства публики (которая всегда на низшей степени образованности); не нужно льстить толпѣ и привлекать ее въ театръ возбужденіемъ дурныхъ страстей или искаженіемъ изящнаго вкуса. Тутъ сохраняется въ чистотѣ полезная цѣль театральнаго зрѣлища облагороженіемъ искусствъ и стремленіемъ къ процвѣтанію народной литературы. Тутъ начальство судитъ авторовъ не по сборамъ піесъ, а по нравственному, полезному и литературному ихъ достоинству. Тутъ не отвергаются даже попытки юношей, обещающихъ что либо въ будущемъ. Тутъ судьбу представляемыхъ піесъ рѣшаетъ не антрепренеръ, часто не имѣющій никакого понятія, ни авторитета въ литературѣ; не безтолковой комитетъ актеровъ, который смотритъ только: есть ли въ піесѣ хорошая роль для каждаго, а болѣе всего наблюдаетъ: кто именно сочинилъ піесу, чтобъ непременно отвергнуть писанную авторомъ, осмѣливающимся критиковать ихъ таланты. Собраніе извѣстныхъ литераторовъ, испытанныхъ въ этомъ дѣлѣ и чуждыхъ всѣхъ журнальныхъ и закулисныхъ партій, должно судить о степени пригодности піесъ.

Вотъ почему я нахожу, что система нашего управленія театровъ лучше другихъ. Если въ продолженіе ихъ существованія не всегда въ точности исполнялись эти предначертанія, то это были временныя, личныя отступленія, доказывающія, какъ и во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, несовершенство людей и желаніе ихъ извлечь изъ общественнаго дѣла свои собственныя выгоды, а порядокъ, указанный самою сущностію дѣла, замѣнить личными идеями. Во всѣхъ вѣкахъ, у всѣхъ народовъ и по всѣмъ административнымъ частямъ оказывались подобные недостатки; но исключенія никогда ничего не доказываютъ; рано или поздно истинный путь порядка бралъ верхъ.

Изъ всѣхъ отраслей состава дирекціи, въ которомъ я засталъ ее въ началѣ 1812 года, не говорилъ я еще о театральной школѣ. Она была тогда въ весьма удовлетворительномъ видѣ и вполне соответствовала своей цѣли, то-есть, снабжала театръ питомцами, технически образованными въ своемъ искусствѣ. Это, конечно, была не парижская консерваторія, которую едва ли даже и теперь (1856 г.) можно было учредить въ С.-Петербурѣ, но тогдашнее

наше театральное училище было однако же единственнымъ въ своемъ родѣ заведеніемъ во всей Европѣ. Въ Парижѣ курсъ преподаванія гораздо обширнѣе, а профессеры состоятъ все изъ лицъ, которыя приобрѣли всемірную извѣстность: но за то каждый питомецъ, обучающійся тамъ, долженъ являться туда ежедневно на свой счетъ и во всякую погоду; а если онъ дойдетъ до того, что его начнутъ употреблять въ театрахъ, въ оркестрѣ, хорахъ, кордебалетѣ, то обязанъ тоже, по приказанію режиссера, приходиться въ спектакль во всякое время года за самую небольшую плату. Окончившій же тамъ курсъ ищетъ, какъ величайшей милости и счастья, чтобы попасть въ одинъ изъ большихъ парижскихъ театровъ. Но изъ 400 человѣкъ едва ли успѣваютъ въ этомъ 200; прочіе разбѣгаются по провинціямъ или занимаются сами преподаваніемъ; изъ нихъ же обращаются нѣкоторые къ другимъ ремесламъ или наконецъ поденно служатъ фигурантами и на выходѣ въ разныхъ театрахъ, изъ насущнаго хлѣба.

У насъ же правительство создало учебное заведеніе, гдѣ, принявъ питомцевъ на казенное иждивеніе, содержитъ ихъ и воспитываетъ, преподавая не только предметы, собственно до театра касающіеся, но и весь элементарный курсъ наукъ, даже Законъ Божій и церковное пѣніе (при школѣ есть особая церковь). Тѣ изъ воспитывающихся, которые употребляютъ уже въ театрѣ, отвозятся туда и обратно въ каретахъ и въ теплой одеждѣ, сообразно времени года. Когда же курсъ воспитанія конченъ, то всѣхъ питомцевъ выпускаютъ въ дѣйствительную службу по той части, для которой они оказали способности; даютъ при выпускѣ пособіе на экипировку, назначаютъ жалованье, возятъ ихъ на службу каждый день въ каретахъ, а по окончаніи двадцати лѣтъ даютъ полный пенсіонъ получаемого жалованья, съ тѣмъ, что если кто и послѣ этого остается на службѣ, то пользуется новымъ содержаніемъ, кромѣ получаемой уже пенсіи. Гдѣ же въ свѣтѣ есть такія выгодныя условія существованія! Не исполнѣ ли правы иностранцы, называя Россію Эльдorado артистовъ?

Достигаютъ ли всѣ эти благодѣтельные мѣры своей цѣли?—это другой вопросъ. У насъ, въ Россіи, всѣ учащіеся могутъ и должны вступать въ службу, а по минованіи 35-ти лѣтъ получаютъ пенсіи по разрядамъ; но никому не обезпечивается на всю жизнь служба его и содержаніе, а если кто неспособенъ, тотъ и вовсе устраняется отъ службы. Питомцы же театральной школы, дурны ли, хороши ли, съ талантомъ, или безъ таланта, оставляются непременно въ дирекціи и обезпечены на всю жизнь. Это благодѣтельно, но переходитъ за цѣль учрежденія всякаго заведенія. Въ парижской консерваторіи именно для того учатся, чтобы потомъ снискать себѣ пропитаніе; у насъ же нѣтъ этого подстрекающаго повода къ старанію и успѣхамъ. Даль Богъ талантъ — хорошо, а приобретеніе его соб-

ственными усиленными трудами не входит въ расчетъ ни дѣтей, ни родителей. Они заранѣе знаютъ, что судьба ихъ на всю жизнь обезпечена. По скудости же средствъ къ преподаванію техническихъ частей театральныхъ искусствъ, надобно очень большое усердіе и много усилий со стороны дѣтей, чтобъ выбиться изъ золотой посредственности. Помоему, театральная школа должна быть въ точно такомъ же положеніи, какъ и консерваторія¹⁾. Пусть воспитываются сотни учениковъ и ученицъ, но въ видѣ вольноприходящихъ. Пусть чувствуютъ, что однимъ только стараніемъ добьются они до службы, жалованья и пенсій. Пусть неспособные къ сценѣ ищутъ себѣ средства къ жизни другими путями, получивъ уже отъ казны безденежно художническое воспитаніе. Пусть излишніе здѣсь ѣдутъ въ провинціи и пополняютъ тамошнія труппы, которыя отъ этого улучшатся. Пусть, однимъ словомъ, дадутъ всеѣмъ этимъ людямъ образованіе, но не содержатъ бесполезно всю жизнь людей, безъ которыхъ очень легко можно обойтись, и не обременяютъ содержаніемъ этимъ казны и капитала пенсій. Стоитъ только рассчитать, что ежегодно выпускается изъ школы много питомцевъ, остающихся на жалованьи, а число выбывающихъ на пенсіонъ и умирающихъ гораздо меньше. Слѣдственно годъ отъ году расходы увеличиваются, и нѣтъ предѣловъ въ будущемъ этому увеличенію.

Въ началѣ 1812 года школа была въ казенномъ домѣ на Екатерининскомъ каналѣ, выходя и въ Офицерскую улицу между Вознесенскимъ и Малымъ пѣшеходнымъ мостомъ (котораго тогда еще не было). Число питомцевъ по штату было по 50-ти человекъ обоого пола. Содержаніе ихъ было не пышное, но достаточное. Столъ состоялъ изъ трехъ блюдъ; вмѣсто чаю давали сбитень съ булкою; одежда была соотвѣтственная времени года. За отличіе въ наукахъ и искусствахъ давались подарки, не дорогіе, но съ удовольствіемъ принимаемые.

Инспекторомъ школы былъ тогда отставной актеръ Рахмановъ, а главною надзирательницею Казасси, жена бывшаго импрессаріо великолѣпнѣйшей итальянской труппы, прибывшей сюда въ царствованіе Павла I²⁾). Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать для надзора за театральными питомцами, потому что оба лица вполне знали цѣль и назначеніе своего заведенія. Много было послѣ нихъ отличныхъ начальниковъ, но инспекторы эти были уже чиновники, а не технические люди, которые всего нужнѣе тутъ.

Главнымъ драматическимъ учителемъ былъ тогда князь Шаховской, и то не по обязанности, а по охотѣ и призванію. Онъ часто заставлялъ питомцевъ играть спектакли на школьномъ театрѣ, а

¹⁾ Это была мысль П. М. Волконскаго, но обстоятельства воспрепятствовали исполненію ея.

²⁾ Императоръ такъ доволенъ былъ этою труппою, что пожаловалъ содержатели ея Казасси титулярнымъ совѣтникомъ. Этотъ же Казасси построилъ и прекрасный Малый театръ.

вмѣстѣ съ тѣмъ и основалъ прекрасную молодую труппу, которая играла публично (въ домѣ Кушелева) и составила разсадникъ будущихъ талантовъ, украшавшихъ русскую сцену. Изъ другихъ техническихъ и предварительныхъ учителей были тогда: Дмитревскій, Шушеринъ и др. Но вообще школьный театръ управлялся самъ собою; даже особеннаго машиниста не существовало, а сами воспитанники наглядно учились этому искусству въ большихъ театрахъ и переносили эти свѣдѣнія на свой домашній. Самымъ замѣчательнымъ талантомъ въ этомъ родѣ былъ воспитанникъ Сосницкій (впослѣдствіи знаменитый актеръ). Онъ устроилъ на этомъ театрѣ балетъ Дидло: Зефиръ и Флора, со всѣми полетами, и А. А. Нарышкинъ такъ доволенъ былъ его трудами и дарованіемъ, что наградилъ его серебряными часами. (Даже объявленъ былъ тогда выпускъ; но потомъ за неимѣніемъ суммъ воспитанники оставлены еще на годъ).

Учитель танцевъ въ школѣ былъ балетмейстеръ Валбергъ, которому многія первыя наши танцовщицы обязаны были образованіемъ (обѣ Колосовы, Новицкая и пр.). Пѣнію обучали Давыдовъ и Кавось, фехтованію Вальвиль. Для обученія инструментальной музыкѣ раздавали часто питомцевъ учителямъ на домъ, но преподавали и въ школѣ.

Содержаніе школы обходилось тогда дешево. По штату полагалось по 50-ти копеекъ ассигнаціями на человѣка въ день, а при тогдашнихъ цѣнахъ на припасы этого было очень достаточно.

XIII.

Вторженіе Наполеона въ Россію.—Всеобщій энгузіазмъ.—Закрытіе французскихъ спектаклей.—Тюфякинъ.—Вязьмитиновъ.—А. А. Нарышкинъ.—Сцены въ театрахъ.

Итакъ, вотъ я и театральный чиновникъ, ожидающій въ мечтахъ своихъ какой нибудь вакансіи на штатное мѣсто, но вовсе не воображающій, что вся служба его тутъ продолжится только полгода. Я вступилъ въ январѣ 1812 года,—и эта роковая цифра нашихъ лѣтописей, столь прославившаяся съ тѣхъ поръ, была тогда еще покрыта неизвѣстностію. Люди постарше, поважнѣе, толковали иногда между собою о возможности войны съ Наполеономъ; но какой войны?—такой, какъ въ 1805 году, окончившейся громовыми ударами подъ Аустерлицемъ, или подобной войнѣ 1806—1807 годовъ, увѣнчанной Тильзитскимъ миромъ: вотъ все, чего можно было ожидать. Но, конечно, никто и не помышлялъ о вторженіи всей Европы въ Россію. Мы же, маленькіе люди, едва сошедшіе со школьныхъ скамеекъ и облеченные чиномъ 14-го класса, вовсе не занимались политикою.

Вдругъ разразилась вѣсть о переходѣ Наполеона черезъ Нѣманъ, и въ газетахъ напечатанъ былъ знаменитый рескриптъ императора Александра къ графу Салтыкову о началѣ войны вмѣстѣ съ высоко-геройскимъ и пророческимъ изреченіемъ: «не положу оружія, пока хотя одинъ непріятельскій воинъ останется въ русскихъ предѣлахъ».

Я былъ еще очень молодъ, когда кипѣла кампанія 1807 года, но живо помню невыразимый восторгъ русской публики во время представленія Дмитрія Донскаго Озерова и Князя Пожарскаго Крюковскаго. Всякій стихъ принимаемъ былъ съ громомъ рукоплесканій и крикомъ «браво»! Всѣ сословія выражали свою преданность къ царю и любовь къ отечеству (и вотъ одна изъ важныхъ цѣлей театра!). Но тогда буря войны свирѣпствовала въ отдаленіи отъ границъ Россіи; теперь же вдругъ всѣ узнали, что вся вооруженная Европа, предводимая первымъ полководцемъ нашего вѣка, вторглась въ наше отечество. Электрическая струя пробѣжала по всѣмъ жиламъ Россіи. Уже болѣе ста лѣтъ Россія не видала враговъ въ своихъ предѣлахъ, а теперь вдругъ дванадесять языкъ ринулись на поля ея безъ всякой видимой причины къ подобному нападенію. Обожаемый государь сказалъ, что не положить меча, не изгнавъ врага изъ границъ своихъ,— и Россія радостно встрепенулась на эти великія слова.

Надобно было быть современникомъ этихъ событій, чтобъ понять состояніе умовъ въ Россіи; описанія всѣ недостаточны и невозможны. Теперь фразы покажутся преувеличенными, а тогда онѣ далеко еще не выражали всеобщихъ чувствъ. И тогда какъ вся Европа увѣрена была въ побѣдѣ Наполеона, Россія ни на минуту не сомнѣвалась въ окончательномъ торжествѣ надъ нимъ. Какъ скоро государь выразилъ твердую волю сражаться до послѣдняго человѣка, не принимая постыднаго мира, рано ли, поздно ли результатъ былъ неминувемъ: изгнаніе вторгшихся враговъ.

Для молодаго поколѣнія любопытно было тогда видѣть странный переворотъ въ умахъ и привычкахъ русскаго дворянства. До тѣхъ поръ мы всѣ воспитывались въ чрезвычайномъ пристрастіи ко всему иностранному, въ особенности же къ французскому. Насъ воспитывали, наставляли съ малолѣтства французы и нѣмцы. Русскіе учителя были очень рѣдки, и къ нимъ никто не имѣлъ довѣрія. Ни одного порядочнаго дома не было, гдѣ бы не жилъ или не являлся иностранецъ для преподаванія. И что за сволочь была это большею частію! — бѣжавшіе фризёры, камердинеры, кухмистеры. Мы ихъ принимали съ величайшимъ уваженіемъ, глядѣли имъ въ глаза и почитали священною истиною каждое ихъ слово. Сами же вмѣняли себѣ въ грѣхъ и преступленіе говорить между собою по-русски. Дѣтей своихъ наказывали мы строго, если они осмѣлятся

болтать не пофранцузски. Однимъ словомъ, все иностранное было золото, а русское грязь.

Вдругъ разразившаяся война измѣнила полюсы нашего компаса. Праведная месть закипѣла во всѣхъ сердцахъ. Вся Европа шла на насъ войною, слѣдственно всѣ иностранцы были наши враги. Съ этой минуты прекратилось наше пристрастіе къ нимъ (по крайней мѣрѣ на весь періодъ войны: вѣдь русскіе не злопамятны), и началось съ того, что вся высшая петербургская публика перестала ходить въ любимый свой спектакль, во французскій. При этомъ-то случился анекдотъ, описанный мною. Тогда былъ обычай возвѣщать на сценѣ спектакли на слѣдующій день. Французы, выходя всегда съ тремя обычными поклонами, говорили: «Messieurs, demain nous aurons l'honneur de vous donner» и проч.; когда же началась война, то однажды первый актеръ Дюранъ, выйдя для анонса и начавъ свою всегдашнюю фразу: Messieurs... увидалъ, что въ залѣ всего сидитъ одинъ зритель, и то было, кажется, должностное лицо, а потому тотчасъ же перемѣнилъ начало рѣчи и сказалъ съ яснымъ удареніемъ: Monsieur! demain nous aurons l'honneur... Принуждены были закрыть спектакли, распустить труппу и деньги, производимыя на содержаніе ея, назначить на военныя издержки. Странное дѣло! Всѣ нѣмцы шли въ рядахъ Наполеона противъ насъ, но народъ не питалъ противъ нихъ вражды, и нѣмецкая труппа осталась.

Зато ненависть къ французамъ была чрезвычайно сильна. Сколько людей пострадало за то, что, сохранивъ закоренѣлую привычку говорить всегда пофранцузски и между собою, не оставляло этого дурного обыкновенія на улицѣ. Простой народъ останавливалъ ихъ, допрашивалъ и передавалъ полиціи, подозрѣвая въ шпіонствѣ всякаго, кто говоритъ пофранцузски.

Однажды вице-директоръ театровъ, князь Тюфякинъ, который, какъ набожный русскій баринъ, всегда по праздникамъ ходилъ въ Казанскій соборъ, стоялъ тамъ въ воскресенье и, увидавъ своего знакомаго, подошелъ къ нему и заговорилъ пофранцузски. Едва ближайшіе молеельщики услышали иностранные звуки, какъ стали переглядываться, шептаться и тѣсниться около говорившихъ между собою. Вѣрно какой нибудь благонамѣренный человекъ далъ знать объ этомъ квартальному, бывшему въ церкви, и тотъ, пробившись сквозь толпу, учтиво попросилъ князя Тюфякина послѣдовать за нимъ. Сперва тотъ этимъ обидѣлся и сказалъ ему свое званіе и фамилію, но тотъ, объявля, что имѣетъ честь знать его, повторилъ однако же свою просьбу пожаловать къ главнокомандующему, генералу (потомъ графу) Вязьмитинову. Князь Тюфякинъ повиновался, и нѣсколько сотъ людей послѣдовали за нимъ въ Большую Морскую (гдѣ и теперь домъ генераль-губернатора). Толпа, разумѣется, безпрестанно возростала дорогою и всѣ другъ другу твердили, что пой-

мали шпиона. Расположеніе толпы было самое враждебное, и безъ конвоя полиціи, удалявшей отъ князя самыхъ жаркихъ преслѣдователей, дѣло кончилось бы, вѣроятно, не такъ миролюбиво. Путь былъ не далекъ. Пришли къ Вязьмитинову; толпа осталась у воротъ и довольно сильно шумѣла. Квартальный донесъ, что, узнавъ о волненіи народа въ церкви и объ угрозахъ мнимому шпиону, онъ почелъ долгомъ избавить князя отъ неприятныхъ сценъ и попросилъ его слѣдовать за нимъ къ главнокомандующему. Генераль Вязьмитиновъ поблагодарилъ его за распоряженіе, просилъ князя выйти изъ другихъ воротъ и отправиться домой (въ Малую Морскую), дружески совѣтуя ему при тогдашнихъ обстоятельствахъ воздержаться отъ французскаго языка не только въ церкви, но и на улицѣ. Къ народу же выслалъ полицеймейстера (Чихачева) съ объясненіемъ, что приведенный человекъ былъ вовсе не шпионъ, а природный русскій князь, послѣ чего толпа и разошлась.

Вообще должно съ благодарностію вспомнить о качествахъ г. Вязьмитинова, какъ бы нарочно созданнаго для тогдашней эпохи. Его управленіе столицей во все это критическое время можно назвать примѣрнымъ по искусству и благонамѣренности. Вся Россія справедливо пылала тогда гнѣвомъ на всѣхъ иностранцевъ, которыхъ полчища вторглись въ ея границы и опустошили ихъ. Каждый русскій былъ одушевленъ чувствомъ, только выразившимся неодинаково, смотря по лицамъ и степени просвѣщенія. Чернь воображала, что Наполеонъ вездѣ разослалъ по Россіи шпионовъ, и что долгъ каждаго открывать ихъ и предавать суду. Генераль Вязьмитиновъ не останавливалъ строгими мѣрами этихъ порывовъ народа, потому что они основаны были на патриотизмѣ; но только убѣжденіями всегда вразумлялъ его, когда эти порывы были ошибочны и переходили за предѣлы общественнаго порядка. Когда послѣ взятія и пожара Москвы народное ожесточеніе дошло до высшей степени, онъ и тогда умѣлъ успокоивать народъ.

Это былъ незабвенный періодъ русской жизни! Смѣшно слѣдовать оптимизму Панглоса, что все къ лучшему, но должно однако же сказать, что 1812 годъ во многомъ образумилъ и отрезвилъ насъ. Все это рабское уваженіе къ иноземному, вся система воспитанія дѣтей французскими гувернерами, всѣ предубѣжденія въ пользу иностранцевъ, все это надолго (жаль, что не навсегда!) исчезло, — и русскіе, какъ бы стряхнувъ съ себя блески, которыми насъ осыпали чужестранцы, явились опять истинными, доблестными славянами, вѣрными сынами своей родины, мужественными воинами и въ бѣдахъ и торжествѣхъ.

Въ періодъ подобной великой эпохи кто не былъ поэтомъ! Мудрено ли, что 17-ти-лѣтній школьникъ вспомнилъ свои лекціи и пустился римовать? Ода въ тогдашней классической формѣ десятистишія сочинена была мною по случаю объявленія войны, и

П. И. Альбрехтъ представилъ ее главному директору Нарышкину, который приказалъ меня благодарить за нее и велѣлъ лично меня представить къ нему.

Кто изъ современниковъ не помнитъ этого истинно русскаго вельможи! Онъ во полномъ смыслѣ слова и въ всѣхъ отношеніяхъ былъ большой баринъ. Собраніе анекдотовъ о немъ составило бы нѣсколько томовъ. Остроуміе, любезность, щедрость, великодушіе были главными чертами его характера. Всѣ окружающіе любили его и богатѣли около него. Блескъ былъ лозунгомъ его жизни, а хозяйство — забота мелочныхъ душъ. Огромнѣйшее состояніе его видно разстроилось подъ конецъ, но это его вовсе не беспокоило; онъ самъ надъ этимъ смѣялся. Однажды давалъ онъ на дачѣ своей (на 13-й верстѣ Петергофской дороги) великолѣпнѣйшій праздникъ, какой только могло придумать самое поэтическое воображеніе. На каждомъ шагу были сюрпризы. Всѣ театральныя труппы участвовали въ немъ. Черезъ деревья устроены были, какъ въ театрѣ, полетныя машины, на которыхъ висѣли и перелетали маленькіе амурсы. Самъ императоръ Александръ Павловичъ удостоилъ праздникъ своимъ посѣщеніемъ и удивленъ былъ роскошью и нечаянностями, встрѣчавшими его повсюду. Въ разговорахъ своихъ съ хозяиномъ при прощаньи императоръ спросилъ: «а что тебѣ, Александръ Львовичъ, стоитъ этотъ праздникъ?» — «Кажется, двадцать пять, или тридцать рублей», — отвѣчалъ тотъ. «Что за шутка!..» — «Божусь вамъ, ваше величество, листъ вексельной бумаги, который я подписалъ за расходы этого праздника, стоитъ тридцать рублей».

Можетъ быть, и театральная администрація отзывалась этимъ вельможескимъ характеромъ, но тогда размѣры доходовъ и расходовъ были еще весьма незначительны. Тогда первый русскій актеръ не могъ по штату получать больше 2.500 рублей ассигнаціями; теперь этого мало и посредственному. Съ 1815—1816 года вдругъ Тюфякинъ возвысилъ старшій окладъ до 4.000 рублей ассигнаціями, и это была великая эпоха. Эта цифра сохранилась по жалованью и до сихъ поръ, но зато проспектакльные удвоили содержаніе. А между прочимъ дороговизна, на прогрессивность которой мы теперь такъ жалуемся, существовала и тогда соразмѣрно еще въ высшей степени. Домашняя жизнь, продовольствіе стоили, конечно, впятеро дешевле, но зато предметы роскоши были непомѣрно дороги. Континентальная система лишила насъ тогда сахара, кофе, всѣхъ колоніальныхъ товаровъ, и цѣнность серебрянаго рубля доходила до 5 рублей ассигнаціями. Всѣ ткани шелковыя и хлопчато-бумажныя были гораздо дороже нынѣшняго; а такъ какъ для театральныхъ спектаклей намъ болѣе были нужны всѣ подобныя издѣлія, то расходы монтаровокъ были очень значительны. Доходы же съ театровъ были въ половину меньше нынѣшнихъ, потому что кресла стоили 2 рубля 50 копеекъ ассигнаціями въ ежедневной продажѣ, а въ годовомъ

абонементъ 1 рубль 50 копеекъ ассигнаціями (нынѣ 43 копейки), ложа 1-го яруса, или бель-этажа, 10 рублей ассигнаціями—и т. д. Въ нѣмецкихъ спектакляхъ и въ представленіяхъ русской молодой группы еще дешевле.

Управленіе театрами Александра Львовича Нарышкина продолжалось почти 20 лѣтъ, и исторія театра должна отдать ему полную справедливость, что онъ возвысилъ нашу сцену и довель ее до блистательнаго состоянія. Съ оставленными имъ матеріалами преемникамъ легко было еще болѣе возвысить театръ, котораго самый блистательный періодъ и считается съ 1814 до 1830 года.

Поспѣшивъ вступить въ ряды ополченія с.-петербургскихъ дружинъ, съ юношескимъ самодовольствомъ явился я въ театръ съ своими золотыми эполетами и шляпою съ султаномъ. Давали драму Висковатаго: «Всеобщее ополченіе», въ которой 86-ти-лѣтній Дмитревскій явился на сцену, чтобы принести и свою леггу въ даръ отчизнѣ, а также балетъ: «Любовь къ отечеству», сочиненія Валберха и Огюста. Теперь невозможно ни описать, ни вообразить себѣ тогдашнихъ порывовъ всеобщаго восторга. При представленіи упомянутой драмы произошелъ случай: одинъ зритель, видя, какъ на сценѣ всѣ приносятъ въ даръ свое имущество, бросилъ на театръ свой бумажникъ, вскричавъ: «вотъ возьмите и мои послѣдніе 75 рублей!».

Представленіе «Димитрія Донскаго» и «Пожарскаго» производило тоже тогда удивительный эффектъ. Особенно, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Москва занята французами, стихъ Пожарскаго:

Россия не въ Москвѣ,—среди сыновъ она,

Которыхъ вѣрна грудь усердемъ къ ней полна,—

порождать всегда невыразимый восторгъ.

5-го сентября выступилъ я въ походъ и описалъ его въ отдѣльной книжкѣ: «Разсказъ прапорщика с.-петербургскаго ополченія».

XIV.

Внѣ-директоръ при театрѣ.—Шаховской, какъ основатель русской комедіи.—Спектакли въ Павловскѣ 1814 года.—Нѣмецкій театръ и его особенности.—Мои нѣмецкія пьесы.—Послѣдній представитель русско-классической трагедіи.

Іюля 14-го 1814 года вступили мы обратно въ столицу—и политическое могущество Россіи достигло вдругъ неожиданнымъ переворотомъ до небывалой точки. Но грудь каждаго изъ насъ украшалась великимъ словомъ Благословеннаго примирителя Европы: «не намъ, не намъ, а имени твоему»,—и скромность была первымъ качествомъ возвратившихся ратниковъ. Никто не хвалился подвигами, потому что всякій исполнилъ только свой долгъ.

Въ этотъ двухлѣтній періодъ совершились большія перемѣны и при театрѣ. А. Л. Нарышкинъ, сопровождая за границу императрицу Елисавету Алексѣевну, оставилъ управленіе театровъ на попеченіе вице-директора, князя Тюфякина, который принялся за это дѣло съ любовію ко всему изящному и полезному. До вступленія въ эту должность онъ нигдѣ прежде не служилъ. Воспитываясь съ малолѣтства вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ, онъ получилъ званіе камеръ-юнкера, дававшее тогда чинъ статскаго совѣтника, а потомъ произведенъ былъ въ дѣйствительные камергеры, имѣвшіе уже чины дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ. Въ юности было ему куплено командорство ордена св. Іоанна Іерусалимскаго (при этомъ носился красный мундиръ съ черными отворотами и генеральскими эполетами). 30-го августа 1814 года данъ ему былъ орденъ св. Анны 1-го класса.

До опредѣленія въ дирекцію онъ много путешествовалъ, — долго жилъ въ Парижѣ и хорошо ознакомился съ тамошними театрами. Отецъ его, дѣйствительный тайный совѣтникъ, князь И. П. Тюфякинъ, былъ еще живъ и выдавалъ ему опредѣленное содержаніе. Отъ дирекціи получалъ онъ 4.000 рублей ассигнаціями. Онъ былъ обходительнаго нрава и благороднѣйшихъ правилъ, часто очень вспыльчивъ, но отходчивъ и снисходителенъ. Болѣе же всего онъ былъ хорошии хозяинъ и берегъ каждую казенную копейку. Эта система не нравилась тогда многимъ, но она произвела неожиданные результаты. До тѣхъ поръ были ежегодные дефициты по театру; онъ первый, успѣвшій заплатить прежніе долги, пересталъ ихъ дѣлать вновь и доказалъ, что съ благоразумною бережливостію театръ можетъ существовать обыкновенными своими средствами.

Въ 1814 году возвратился и А. Л. Нарышкинъ. Какъ главный директоръ, онъ былъ начальникъ князя Тюфякина, но вскорѣ между ними возникли нѣкоторыя служебныя несогласія, составились партіи, и оказалась необходимость въ распредѣленіи круга дѣйствій обоихъ этихъ лицъ.

Когда я воротился изъ похода (я все время считался на службѣ дирекціи и получалъ жалованье), то князь Тюфякинъ взялъ меня къ себѣ въ секретари и вскорѣ потомъ сдѣлалъ еще, сверхъ того, переводчикомъ, такъ что я уже получалъ 600 рублей ассигнаціями жалованья и 400 рублей ассигнаціями квартирныхъ. Мнѣ поручено было тогда составить особую инструкцію для должности вице-директора, и послѣ обсужденія ея въ театральномъ комитетѣ (который былъ учрежденъ для разсматриванія всѣхъ дѣлъ, восходящихъ на высочайшее утвержденіе, и который составленъ былъ изъ А. Л. Нарышкина, министра финансовъ графа Гурьева и статсъ-секретаря В. Р. Марченко) эта инструкція была утверждена государемъ.

По этой инструкціи вся хозяйственная часть управленія театровъ передавалась вице-директору, а все, что касается до придворныхъ

спектаклей, возлагалось на главного директора вмѣстѣ съ главнымъ надзоромъ за театральнымъ училищемъ.

(Помню я при этомъ очень забавный случай. Князю Тюфякину назначенъ былъ день и часть, когда привезти эту инструкцію къ В. Р. Марченко. Времени было мало. Я по составленіи ея спѣшилъ переписывать, а князь, совсѣмъ одѣтый, ждалъ въ канцеляріи, когда я кончу. Достигъ я наконецъ до этой желанной минуты и спѣшилъ поскорѣе засыпать пескомъ послѣдній листъ... Увы! вгоропяхъ схватилъ я не песочницу, а чернилицу, и всю ее опрокинулъ на докладъ. Можно вообразить себѣ мое положеніе! Князь былъ чрезвычайно вспыльчивъ, а на этотъ разъ имѣлъ полное право сердиться. Но, видя мое отчаяніе, онъ не только не вспылилъ, а даже успокоилъ меня, заставилъ вновь переписывать и поѣхалъ къ Василию Романовичу, чтобъ рассказать ему о несчастномъ случаѣ. Тотъ посмѣялся и приказалъ привезти инструкцію послѣ обѣда. Тѣмъ все и кончилось).

По ходатайству вице-директора, мимо главного директора, получилъ я тогда первый гражданскій орденъ Анны 3-й степени. Въ составѣ театровъ произошли значительныя перемѣны въ два года моего отсутствія. Французской труппы уже не было. Даже русской молодой уже не существовало, потому что домъ Купшелева перестроивался. Но зато всѣ питомцы, игравшіе тамъ, поступили уже въ большую труппу, которая и наполнилась замѣчательными талантами.

Въ 1814 году Шаховской (онъ тоже былъ въ походѣ 1812 года въ Тверскомъ ополченіи и первый съ своимъ отрядомъ вступилъ въ Москву, оставленную войсками Наполеона) поставилъ первую свою большую комедію въ стихахъ: Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды, которая имѣла величайшій успѣхъ и сдѣлала переворотъ въ русской драматургіи. Можно даже сказать, что это была первая оригинальная комедія въ стихахъ на русскомъ языкѣ. Сумароковъ и Княжнинъ писали, правда, много комедій, но всѣ онѣ болѣе или менѣе были близкими подражаніями французскихъ. И хотя князя Шаховского тоже упрекали, что его Урокъ кокеткамъ подражаніе комедіи *La coquette corrigée*, но это была болѣе придирка. Сходство состояло только въ планѣ комедіи, но самое дѣйствіе и характеры дѣйствующихъ лицъ были совершенно русскіе. Огромный успѣхъ піесы произошелъ наиболѣе оттого, что авторъ умѣлъ удачно вставить въ нее много воспоминаній о кампаніяхъ 1812 — 1814 годовъ. Главное же достоинство состояло въ удивительномъ сценическомъ исполненіи комедіи. Г-жа Валберхова, за два года предъ тѣмъ оставившая театръ, потому что не могла выдержать въ трагедіи соперничества Семеновой, перешла теперь въ комедіи и въ 1-й разъ явилась въ 1-е представленіе Урока кокеткамъ, гдѣ занимала главную роль. Съ молодостію и рѣдкою

красотою соединяла она блистательное воспитаніе, гибкій, звучный органъ, много чувства, души и сценическую опытность. Подобной актрисы съ тѣхъ поръ еще не было на русскомъ театрѣ. Въмѣстѣ съ нею явился Брянскій, долго испытывавшій свои силы на Кушелевскомъ театрѣ и теперь поступившій вдругъ на роли первыхъ любовниковъ. Онъ не былъ воспитанникомъ театральной школы, но человѣкъ съ образованіемъ и страстною любовію къ своему искусству. Его появленіе въ новой комедіи было также привѣтствовано публикою, которая до тѣхъ поръ не имѣла еще хорошаго актера на это амплуа. Актеры Рамазановъ и Величкинъ тоже имѣли большой успѣхъ. Но всѣхъ болѣе поразилъ и удивилъ Сосницкій. Мы уже видѣли выше, что онъ былъ въ школѣ отличнѣйшимъ машинистомъ; потомъ игралъ онъ и на театрѣ разныя роли молодыхъ любовниковъ, не производя особеннаго эффекта. Но такъ какъ князь Шаховской искалъ себѣ тогда вездѣ персонажей для преобразуемой имъ труппы, то ловкость молодого человѣка и прельстила его. Онъ ему далъ роль графа въ новой комедіи, и успѣхъ былъ колоссальный. До тѣхъ поръ роли петиметровъ игралъ Каратыгинъ (отецъ знаменитаго потомъ трагика), но его дикція была довольно неестественна, а игра нѣсколько натянута. Тутъ впервые публика увидала настоящій, рѣдкій, типъ этого амплуа. Будучи воспитанникомъ театральной школы, Сосницкій, конечно, не могъ (какъ впоследствии) быть въ обществѣ графовъ и князей, а потому всѣ и были изумлены, какимъ образомъ онъ успѣлъ такъ вѣрно и хорошо схватить всѣ аристократическіе приемы. Съ этой минуты началась его знаменитость, которую онъ потомъ поддерживалъ до сихъ поръ во всѣхъ амплуа.

Князь Шаховской тоже вступилъ съ этой комедіи въ рядъ перво-классныхъ русскихъ писателей. Много занимательнаго и отличнаго написалъ онъ потомъ, но ни одна его пьеса не имѣла такого блистательнаго успѣха, какъ Урокъ кокеткамъ. Странно, что первая его большая комедія Полубарскія затѣи и одноактная Ссора или два сосѣда (писанная на дѣйствительно случившееся происшествіе между двумя владѣтелями дачъ на Петергофской дорогѣ), писанныя чисто въ русскомъ духѣ, имѣли тогда самый обыкновенный успѣхъ, тогда какъ теперь признаются выше его комедій въ стихахъ. Даже комедійка его Новый Стернъ, писанная противъ Карамзина и подражателей его, которые хотѣли ввести въ русскую литературу приторную сентиментальность, имѣла тогда большой успѣхъ, тогда какъ нынѣ едва ли о ней кто знаетъ.

Для исторіи русскаго театра комедія Урокъ кокеткамъ была эпохою самостоятельности нашей драматической литературы, которая до тѣхъ поръ не смѣла удаляться отъ французскихъ классическихъ образцовъ. Какъ въ политическомъ отношеніи 1812—1814 годы сбросили съ насъ поклонничество иностранцамъ, такъ и въ литературѣ увидѣли мы, что лучше всего быть русскимъ.

Около этого же времени имѣлъ огромный успѣхъ водевиль князя Шаховскаго Встрѣча незваныхъ, такъ живо и пламенно напоминавшій эпоху 1812 года. Куплеты старосты остались съ тѣхъ поръ въ памяти у всѣхъ русскихъ:

Не бывало и не быть тому,
 Чтобъ врагу мы покорилися;
 Лучше лечь намъ въ мать сыру землю,
 Чѣмъ безславить имя русское.

Вскорѣ послѣ того появилась самая замѣчательная опера Кавоса, котораго либретто писалъ князь Шаховской: Иванъ Сусанинъ. Замѣчательно, что тогда авторъ либретто считался на первомъ планѣ, а композиторъ музыки былъ второстепеннымъ лицомъ. Успѣхъ Сусанина былъ колоссальный во всѣхъ отношеніяхъ. Это уже была чисто-русская опера, и Кавосъ долженъ вполнѣ считаться создателемъ ея. Музыка была превосходная (въ родѣ Керубини) съ сохраненіемъ народнаго элемента и мелодіи. Притомъ, едва ли когда и гдѣ либо могло исполненіе оперы быть лучше тогдашняго, Самойловъ былъ во всей силѣ своего таланта и цвѣтъ лѣтъ. Куплеты его: воспрославься въ вѣки вѣчные, ты, спаситель нашъ, Пожарскій князь... производили всегда прекрасный эффектъ, а возгласъ: «Спасенъ Романовъ», порождалъ всегда взрывъ восторга. Зловъ игралъ и пѣлъ Сусанина отлично. Отвѣтъ его стихами: «На свѣтѣ нѣтъ такихъ сокровищъ, чтобъ я боярина предалъ»... звучалъ во всѣхъ русскихъ сердцахъ. Маша, г-жа Самойлова, была прелестна, а воспитанница Воробьева (дочь знаменитаго пѣвца), прославившаяся потомъ подъ фамиліею мужа своего Сосницкаго, была истиннымъ брилліантомъ въ этой оперѣ, и весь городъ съѣзжался смотрѣть на нее.

Въ 1814 году помню я два великолѣпные праздника, данные въ Павловскѣ императрицею Маріею Ѳеодоровною при возвращеніи изъ похода императора Александра I послѣ всѣхъ великихъ его подвиговъ. На воздушномъ театрѣ (онъ еще и теперь существуетъ) данъ былъ водевиль: Казакъ стихотворецъ, а у Розоваго павильона (эта площадь уже теперь засажена деревьями) данъ былъ балетъ Возвращеніе героевъ, только на этотъ случай сочиненный, и Самойловъ пѣлъ куплеты П. А. Корсакова «Ты возвратился, благодатный», музыка Антолини. Можно вообразить себѣ восторгъ, произведенный ими. Какъ при этомъ не вспомнить объ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которую весь народъ и всѣ окружающіе боготворили. Въ своемъ Павловскѣ была она не столько царицею, какъ матерью безчисленнаго семейства, обожавшаго ее. Часто она проводила вечеръ въ Розовомъ павильонѣ, и тысячи зрителей всегда окружали окна, чтобъ насмотрѣться на нее и на все царское семейство. Не только никого не отгоняли, но еще приглашали, а дѣтямъ высылала государыня лакомства.

Въ 1814-мъ же году игранъ былъ мой первый переводъ на сценѣ, и не на русской, а на нѣмецкой, одноактной оперы Боальде: «Le Nouveau seigneur de village». Но, совершивъ первый свой трудъ по заказу, я тотчасъ же перевелъ ту же оперу на русский языкъ, за что и получилъ по 125 рублей ассигнаціями за каждый переводъ.

Въ 1814 году поставленъ былъ на русскомъ театрѣ первый русскій водевиль «Казакъ-стихотворецъ» князя Шаховскаго («Мельникъ» Аблесимова, «Сбитенщикъ» Княжнина и «Ямъ» его же считались тогда операми), и имѣлъ величайшій успѣхъ, потому что припоминалъ великую эпоху Петра I и Полтавы. Я тотчасъ же перевелъ его понѣмецки, и такъ какъ большая часть зрителей состояла изъ петербургскихъ нѣмцевъ, то пьеса и тутъ имѣла успѣхъ.

Эти двѣ бездѣлки имѣли, однако же, важное вліяніе на мою службу. Нѣмецкій театръ составлялъ тогда какъ бы особенное управленіе. Знаменитый Коцебу нѣсколько лѣтъ былъ управляющимъ этимъ театромъ и считался въ числѣ членовъ конторы, внося въ нее записки (а не рапорты). Послѣ него былъ нѣкто Ризенкампфъ. По смерти его, помощникъ управляющаго, надворный совѣтникъ Шмидтъ, занялъ эту должность (не получивъ, однако, званія управляющаго). Послѣ него былъ докторъ правъ г. Юнгъ, который получилъ это мѣсто за переводъ новаго водевиля князя Шаховскаго Ломоносовъ. Но, пробывъ тутъ два-три мѣсяца, онъ не поладилъ съ княземъ Тюфякинымъ и вышелъ въ отставку. На его мѣсто назначенъ былъ я, и пробылъ на немъ до 1820 года, оставаясь и секретаремъ князя.

Въ составѣ нѣмецкой труппы произошло очень мало измѣненій съ 1812 года. Прибавилась пѣвица Миллеръ (которая потомъ вышла замужъ за Бендера). Изъ пѣвцовъ былъ Шрейнциеръ, а изъ комиковъ знаменитый Анжели. Въ трагедіи и драмѣ явилась новая первая актриса Цилиаксъ, которой мужъ былъ первымъ теноромъ, — и оба они сдѣлались любимцами петербургской публики. Труппа играла трагедіи, драмы, комедіи, оперы, водевили, и отличалась во всѣхъ родахъ. Разумѣется, всего лучше шли у нѣмцевъ пьесы Ифланда и Коцебу или такъ называемыя Familiengemählde. Въ этомъ родѣ нѣмцы не имѣютъ себѣ равныхъ во всей Европѣ, потому что играютъ происшествія своей ежедневной, домашней жизни.

Этотъ періодъ театральной моей жизни заставилъ меня вполне изучить нѣмецкую литературу и драматургію, которую я до тѣхъ поръ зналъ только, какъ любитель. Это совершенно отдѣльный міръ. Самое сценическое искусство нѣмцевъ принадлежитъ собственно Германіи, народамъ ея, поэтамъ, обычаямъ и домашней жизни. Съ французами, создавшими свой строгій классицизмъ, никогда нѣмцы не сойдутся; даже общенародныя понятія объ изящномъ разнятся у нихъ; и вотъ почему русскимъ актерамъ этого періода было

чрезвычайно трудно передавать на сценѣ — сегодня Корнеля и Расина, завтра Шиллера и Коцебу. Театръ нашъ, разумѣется, покорился болѣе вліянію французскаго классицизма; но публика рада была и нѣмецкимъ пьесамъ, болѣе сближавшимся со вседневною жизнію cadaго.

Теперь, когда французскій классицизмъ уже исчезъ, и даже Шиллеръ почти изгнанъ съ русской сцены, не осталось на ней ничего, кромѣ странной смѣси литературъ и вкусовъ (а часто и безвкусія) всѣхъ націй. Какъ въ политикѣ, такъ и въ литературѣ нововводители любятъ разрушать все прежнее, не создавая ничего своего новаго и хорошаго. Французы сохранили свой романтическій репертуаръ. Нѣмцы вѣрны своимъ великимъ поэтамъ; англичане — своему Шекспиру, а мы, давно забывъ Сумарокова, Княжнина, Озерова, Шаховского, не создали еще собственнаго своего національнаго театра и все придумываемъ новыя попытки да угѣшаемся передѣлками съ иностраннаго, прилаживая ихъ, къ сожалѣнію, подъ русскіе нравы.

Сценическое искусство нѣмцевъ долго казалось мнѣ не натуральнымъ, но, вникнувъ хорошенько въ духъ ихъ драматургіи, я убѣдился, что и актерамъ ихъ невозможно играть иначе. Нѣмцы не облакаютъ своихъ рѣзкихъ фразъ ни въ какія утонченныя формы, не прикрываютъ ихъ никакими газами. Стоитъ вспомнить, какія вещи говорятъ у Шиллера (напримѣръ, въ «*Kabale und Liebe*» музы кантъ Миллеръ говоритъ при президентѣ: *knie vor Gott, alte Heulhure, und nicht vor Schurken* — и пр.), чтобъ убѣдиться въ неизбежности нѣмецкихъ актеровъ играть столь же рѣзко, какъ и самыя выраженія ихъ поэтовъ.

Я былъ одинъ изъ идеологовъ, которые вздумали, что на нѣмецкую сцену можно ввести тогдашній французско-русскій классицизмъ. Для этого перевелъ я трагедію Озерова «Фингалъ» шести-стопнымъ ямбомъ, — и надобно отдать справедливость актерамъ, они разыграли ее очень хорошо (Вильде — Фингала, Гебгардъ — Старна, Циляксъ — Моину), но попытка не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій. Я даже посвятилъ этотъ переводъ прусскому королю Фридриху-Вильгельму III, который удостоилъ меня первымъ своимъ рескриптомъ (впослѣдствіи я получилъ еще три такіе же рескрипта, и король благодарилъ меня за мои труды въ германской литературѣ, поздравляя съ успѣхомъ одной моей пьесы, игранный въ переводѣ въ Берлинѣ («Александръ и Софія»).

Сценическое искусство не имѣетъ общихъ основныхъ правилъ, а должно сообразоваться съ колоритомъ пьесъ и современными требованіями. Сами французы, основатели классицизма въ Европѣ, играли сперва по традиціямъ, но теперь, когда романтическая школа Гюго и Дюма создала новый родъ пьесъ, когда чудовищныя мелодрамы Пиксерекура исказили вкусъ публики, актеры ихъ не могутъ

уже слѣдовать одинаковымъ правиламъ декламациі, позъ и жестикуляціи. Взглянувъ теперь на «Пирра» въ первомъ французскомъ театрѣ и на «Тряпичника» въ театрѣ Сентъ-Мартенскихъ воротъ, можно подумать, что между этими актерами нѣсколько вѣковъ разстоянія.

Французско-русская публика напрасно обвиняетъ нѣмецкихъ актеровъ, что они играютъ дурно, что жесты ихъ угловаты, не пластичны; декламация преувеличена, порывиста: все это справедливо въ отношеніи къ классицизму, но вѣрно съ требованіемъ нѣмецкихъ актеровъ и зрителей. Однимъ словомъ, они играютъ, какъ нѣмцы, и ничего больше нельзя требовать. Этотъ родъ имѣетъ точно также свои достоинства и недостатки, какъ и всякій другой; люди съ большимъ дарованіемъ и въ немъ приобрѣтаютъ европейскую славу; Кунстъ, Девриенъ, г-жа Федерсенъ, Каролина Бауеръ и другіе могутъ служить этому доказательствомъ.

Въ это время у русскихъ Шаховской продолжалъ обогащать театръ и литературу своими произведеніями. Вторая комедія его въ стихахъ была: «Пустодомы». По сюжету, по ходу пьесы, по характерамъ лицъ и даже по стихамъ, она была выше «Липецкихъ водъ», но имѣла гораздо меньше успѣха, потому что была чисто-литературною, тогда какъ первая много говорила каждому русскому сердцу о событіяхъ 1812—1814 годовъ. Сосницкій, Брянскій, Валберхова, Асенкова сдѣлались уже въ это время рѣшительно первоклассными талантами въ комедіи, тогда какъ трагедія теряла главную свою podporу—знаменитаго Яковлева. Когда онъ отъ пьянства впалъ въ бѣдную горячку, и въ минуту безпамятства бритвою нанесъ себѣ нѣсколько ранъ, весь Петербургъ ужаснулся при этомъ извѣстіи; всѣ любили артиста и уважали человѣка; потеря же его на сценѣ была тогда незамѣнима. По счастью оказалось, что раны его не смертельны, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ выздоровѣлъ. Съ величайшимъ рукоплесканіемъ встрѣтила публика опять своего любимца; но силы духа и тѣла уже ослабѣли. Потрясеніе, произведенное болѣзнію, подѣйствовало на весь организмъ его, и прежніе гениальные порывы превратились теперь въ рассчитанную декламацию. Въ этомъ періодѣ своего поприща былъ онъ болѣе всего хорошъ въ драмахъ, гдѣ требовалось глубокое чувство, а не возгласы. «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», «Гусситы подъ Наумбургомъ», «Графъ Вальтронъ» заставляли всѣхъ плакать; но крики Гамлета (не Шекспира, а Дюссиса въ переводѣ Висковатаго) уже были не такъ сильны и потрясающы, какъ прежде. Впрочемъ и въ этомъ періодѣ была у Яковлева одна превосходная роль (едва ли даже не лучшая на всемъ его продолжительномъ поприщѣ, а именно Іодая въ «Гоэоли» («Athalie»), превосходно переведенной Потемкинымъ и Шапошниковымъ. Извѣстно, что самъ Яковлевъ былъ поэтъ, и его ода: «Торжество христіанства», обнаруживаетъ въ немъ, если

не первоклассное литературное дарованіе, то много чувства и религіознаго вдохновенія. Онъ болѣе всего любилъ духовное чтеніе, и появленіе «Гююліи» было для него самымъ пріятнымъ событіемъ. Вѣрно нигдѣ и никогда этой роли не играли съ подобнымъ одушевленіемъ; это былъ лучший вѣнокъ славы великаго артиста. Но, увы, это была почти лебединая пѣснь его; онъ вскорѣ скончался.

Въ пользу вдовы его (прекрасной актрисы бывшей молодой труппы, Ширяевой) и дочери данъ былъ бенефисъ, и князь Шаховской написалъ извѣстные куплеты:

Того ужъ въ мірѣ больше нѣтъ,
Кто силой дара и искусства и проч.

съ музыкой Кавоса, которые и пѣлъ Самойловъ съ такимъ чувствомъ, что заставилъ плакать весь театръ. Я написалъ его біографію, которая въ день этого бенефиса и продавалась въ кассѣ въ пользу же вдовы и дочери. Впослѣдствіи написана была другая біографія его въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» (журналѣ, издававшемся Корсаковымъ и Загоскинымъ, въ которомъ и я участвовалъ), и гораздо подробнѣе.

Р. М. Зотовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СРЕДИ ЕВРЕЕВЪ.

I.

РОСНУЛАСЬ я довольно поздно. Веселые лучи майскаго солнца, пробиваясь чрезъ занавѣси единственнаго окна моей убогой комнатки, ударили мнѣ въ лицо. Я люблю свѣтъ, люблю солнце, но на этотъ разъ мнѣ было не до того. Я не только не обрадовалась солнечнымъ лучамъ и свѣту, но напротивъ они меня раздражали. Ужъ очень было скверно на душѣ. Цѣлый мѣсяць я тратилась на объявленія въ газетахъ и безъ всякаго результата. Вчера я снесла въ контору газеты послѣдніе три рубля, квитанція отъ публикаціи лежала на столѣ, и она бросилась мнѣ въ глаза, лишь только я открыла ихъ.

Неужели и на этотъ разъ мои трудомъ добытыя, послѣднія деньги пропадутъ безъ всякой пользы? И зачѣмъ я снесла послѣдніе три рубля въ контору? На эти деньги при моихъ настоящихъ обстоятельствахъ я бы прожила четыре, пять дней. Вотъ послѣдняя щепотка чая осталась, да и сахаръ на исходѣ.

Нехотя поднялась я съ постели, начала медленно одѣваться, продолжая все думать о своемъ почти безвыходномъ положеніи, въ которомъ очутилась я въ послѣдній мѣсяць. Въ какіе нибудь два-три дня я лишилась всѣхъ своихъ уроковъ. И во всемъ была ви-

новата холера: всѣ семейства, въ которыхъ я учила дѣтей, какъ будто сговорившись, поспѣшили покинуть Петербургъ, и я осталась безъ всякаго заработка. Сбереженія мои были весьма невелики, и вотъ послѣдніе три рубля израсходованы, въ поискахъ за кондиціей, на объявленія. Что же со мною будетъ, если и на этотъ разъ, какъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца, публикація не выручитъ? Одно только тогда мнѣ и остается: просить у Бога, чтобы Онъ наслалъ на меня эту самую холеру и убралъ бы изъ этого міра; броситься же въ Неву и самой покончить съ собой страшно, да и грѣхъ большой!..

Вотъ какія невеселыя мысли занимали меня въ это достопамятное майское утро.

Часы въ корридорѣ пробили 12, и я подумала о томъ, что надобно подождать съ чаемъ часовъ до двухъ, такъ какъ, если сейчасъ же напьюсь чаю и съѣмъ филипповскій калачъ, который былъ мною вчера, съ вечера, кушлень, то захочется сегодня еще разъ поѣсть...

— Барышня, а барышня!—перебила мои размышленія горничная Катя, громко постучавъ въ двери.

— Чего тебѣ?—спросила я сердито.

— А тутъ господинъ какой-то спрашиваетъ васъ.

— Какой тамъ господинъ?

— Не могу знать... Незнакомый онъ, и такъ полагаю, на жида смахиваетъ...

— На жида?..

Такихъ знакомыхъ, чтобы смахивали на жидовъ, у меня не было. Кто бы это могъ быть? Неужели насчетъ кондицій? Я ужасно обрадовалась, не смотря на то, что пришедшій, по словамъ Кати, смахивалъ на жида, а я жидовъ всегда избѣгала.

— Проси, проси скорѣй,—поторопила я Катю.

Черезъ минуту предо мною стоялъ типичный еврей съ характернымъ длиннымъ горбатымъ носомъ, съ черными курчавыми волосами, съ черными же глазами, безпокойно разбѣгавшимися во всѣ стороны, и съ толстыми, чувственными губами. Лѣтъ ему было не болѣе 35—40, и одѣтъ онъ былъ съ претензіей на франтовство.

— Вы публиковали, что ищете мѣсто въ отъѣздъ?—проговорилъ посѣтитель тоненькимъ голосомъ, послѣ довольно продолжительной паузы, когда безъ всякой церемоніи успѣлъ осмотрѣть въ подробности всю мою убогую обстановку и мою собственную фигуру съ ногъ до головы.—Я коммерціи совѣтникъ Михаилъ Борисовичъ Бердичевскій,—продолжалъ онъ съ важностью.—Намъ, то-есть мнѣ и моему супругу, м-ме Бердичевской, хочется взять въ домъ столичную гувернантку. У насъ двѣ дѣвочки: старшая Соренца десяти лѣтъ и младшая Роза восьми лѣтъ. Сына мнѣ Богъ до сихъ поръ не далъ.

Бердичевскій глубоко вздохнулъ.

— Желаете вы ѣхать къ намъ въ Центральскъ? Вамъ у насъ бу-

дѣть хорошо. Жена моя, m-me Бердичевская, женщина хорошаго тона, аристократическаго происхожденія, съ самыми лучшими манерами. Вы ее непременно полюбите, потому что она настоящій ангелъ, а дѣточки мои, прямо скажу вамъ, херувимчики: способности выдающіяся, послушныя и безъ капризовъ...

Все это г. Бердичевскій проговорилъ почти залпомъ, съ рѣжущимъ ухо еврейскимъ акцентомъ, не спуская съ меня бѣгающихъ во всѣ стороны глазъ.

— Я вижу по вашему лицу — продолжалъ онъ послѣ передышки, — что вы съ удовольствіемъ поѣдете въ мой богатый домъ (послѣднія два слова онъ особенно подчеркнул и съ улыбкой сожалѣнія къ моей особѣ скользнулъ взглядомъ по всей комнатѣ съ убогой обстановкой), но это будетъ возможно только въ томъ случаѣ, если вы умѣете говорить «скоро» понѣмецки...

— Какъ это скоро? — перебила я его.

— Скоро, это значитъ быстро; ну, все равно, какъ нѣмка...

— Я знаю хорошо нѣмецкій языкъ и говорю на немъ бѣгло еще съ дѣтства: у меня была нѣмка бонна...

— Это отлично... Это такъ хорошо, что лучше не надо... Мы можемъ съ вами сейчасъ же заключить условіе. Пятьдесятъ рублей въ мѣсяць на всемъ готовомъ; проѣздъ туда на мой счетъ, а обратно вы поѣдете на свой собственный счетъ... Согласны?

— Но въ чемъ будутъ заключаться мои обязанности?

— Какія тамъ обязанности! — весело засмѣялся г. Бердичевскій. — Будете жить у насъ на дачѣ въ свое удовольствіе и будете кататься, какъ сыръ въ маслѣ... Дѣвочекъ моихъ немножко будете обучать порусски, а главное съ моей супругой, m-me Бердичевской, будете веселые разговоры разговаривать порусски. Ей необходимо напрактиковаться въ русскомъ разговорѣ... Знаете, теперь такое время настало, что безъ русскаго языка намъ совсѣмъ нельзя...

Онъ глубоко вздохнулъ.

— А понѣмецки съ кѣмъ придется мнѣ заниматься?

Г. Бердичевскій очевидно смутился и нѣкоторое время безпокойно почесывалъ свою клинообразную бородку.

— Я долженъ вамъ передать теперь самый главный мой секретъ, — какъ-то заискивающе, стараясь не глядѣть на меня, заговорилъ онъ, наконецъ. — Скажите мнѣ откровенно: вы совсѣмъ умная дѣвица, безъ всякихъ предрасудковъ?..

По его тону и его смущенію мнѣ пришла въ голову очень обидная мысль, что стоящій предо мною жидъ намѣревается сдѣлать мнѣ оскорбительное предложеніе, и что все прежде имъ высказанное было только благовиднымъ вступленіемъ.

— Прошу васъ не забываться, — перебила я его, возмущенная до глубины души. — Я публиковала, что ищете мѣсто гувернантки, а вамъ, повидимому, нужно нѣчто совсѣмъ другое, такъ ищите себѣ,

что вамъ нужно, въ другомъ мѣстѣ!.. Никакихъ гадкихъ вашихъ предложеній выслушивать я не желаю... Вы не туда попали: передъ вами честная дѣвушка...

По мѣрѣ того, какъ я говорила, пронизывая насквозь сердитымъ взглядомъ г. Бердичевского, послѣдній совершенно растерялся. Онъ какъ-то неестественно искривилъ свои толстыя губы, сначала покраснѣлъ весь, потомъ поблѣднѣлъ, и глаза какъ-то испуганно устремились на меня.

— Гадкія предложенія,—скорѣе простоналъ, чѣмъ проговорилъ г. Бердичевскій.—И отчего вы думаете, что я хочу вамъ сдѣлать гадкія предложенія?..

Въ голосѣ его послышались такія искреннія нотки, что мнѣ стало стыдно за мое подозрѣніе и за рѣзкія слова, сорвавшіяся съ моего языка.

— Простите мнѣ, если я васъ напрасно обидѣла, — послѣдила я произнести примирительнымъ тономъ.—Но мнѣ показалось... Я вообразила... Вашъ вопросъ мнѣ показался оскорбительнымъ.

— И зачѣмъ я буду васъ оскорблять?.. Напротивъ совсѣмъ, я желаю взять васъ къ себѣ въ домъ, чтобы вы у меня жили почти какъ родная. Но это только возможно, если у васъ нѣтъ никакихъ предразсудковъ противъ нашей націи. Объ этомъ я хотѣлъ съ вами въ подробности поговорить, а вы такъ не деликатно на меня разсердились...

Г. Бердичевскій укоризненно покачалъ головой и продолжалъ:

— Скажите мнѣ совсѣмъ откровенно, какъ вы смотрите на насъ, евреевъ?... Вы насъ хоть немножечко любите?.. Ну, хоть одну маленькую каплю?..

— Вамъ нужна гувернантка, чтобы учила вашихъ дѣтей, и это я могу выполнить... Надѣюсь, вы останетесь мною довольны. Люблю ли же я евреевъ или нѣтъ, помоему, къ дѣлу не относится:

— Аѣ, относится, и какъ еще относится,—заволновался г. Бердичевскій.—Если вы насъ совсѣмъ не любите, а еще, Боже сохрани, совсѣмъ презираете, то вѣрно откажетесь поѣхать къ намъ, когда я вамъ открою мой секретъ?

— Какой же это секретъ?

Г. Бердичевскій вторично смутился и нѣкоторое время молча постукивалъ тростью о полъ, очевидно обдумывая, въ какихъ выраженіяхъ сообщить мнѣ о своемъ секретѣ.

— Видите ли, въ чемъ дѣло,—заговорилъ онъ наконецъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ, все еще избѣгая смотрѣть на меня.—Я тутъ предъ вами весь: можете вы развѣ сказать, что я не вполнѣ европейскій человѣкъ? И по разговору, и по манерамъ, и по костюму, и по всему прочему, я совсѣмъ европеецъ. А жена моя m-me Бердичевская, еще болѣе европейская женщина, чѣмъ я европейскій мужчина. И тутъ удивляться даже нечему: она жила въ

Вѣнѣ, въ Берлинѣ и даже въ Парижѣ... Я же вамъ сказала: она самаго аристократическаго происхожденія,—шутка ли: дочь милліонера Бобруйскаго! Я очень люблю мою m-me Бердичевскую, да и какъ не любить ее, когда она прямо рѣдкостный перлъ! Она хочетъ, чтобы у насъ въ домѣ все было на европейскій ладъ, и я съ нею совсѣмъ согласенъ. Только вотъ наша бѣда,—это мой папенька...

Тутъ г. Бердичевскій такъ глубоко вздохнулъ и такъ умоляюще посмотрѣлъ на меня, что мнѣ почему-то стало его жаль.

— Да,—продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, вторично вздохнувъ,—вы себя представить не можете, какъ много мы страдаемъ отъ нашего папеньки. Совсѣмъ онъ старыхъ понятій человѣкъ и ни о чемъ новомъ знать не хочетъ. Вы какъ думаете: позволить онъ, чтобы мы взяли къ намъ въ домъ иновѣрку для обученія дѣвочекъ? Ни за что!.. Вотъ мы съ моей супругой и надумали: надо отыскать такую русскую гувернантку, которая бы говорила понѣмецки, какъ настоящая нѣмка, а папенькѣ сказать, что она еврейка изъ Курляндіи.

— Такъ вы хотите выдавать меня предъ вашимъ отцомъ за еврейку?

— Именно такъ,—обрадовался г. Бердичевскій моей догадливости и, набравшись храбрости, посмотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо и прибавилъ:—никакого вамъ отъ этого убытка не будетъ. Напротивъ, я могу вамъ еще рублей десять прибавить въ мѣсяцъ, если согласитесь немножечко надуть моего папеньку...

Признаюсь, меня крайне смутило предложеніе г. Бердичевскаго. Отказаться отъ своей національности и въ теченіе дѣлаго лѣта разыгрывать предъ старымъ жидомъ жидовку показалось мнѣ обиднымъ и даже оскорбительнымъ. Я собиралась уже въ этомъ смыслѣ дать отвѣтъ г. Бердичевскому, но тутъ глаза мои случайно остановились на филипповскомъ калачѣ, который былъ купленъ на послѣдній пятакъ, и вся моя храбрость исчезла. Я начала колебаться въ своемъ рѣшеніи.

— Скажите, г. Бердичевскій, а что если я соглашусь на наше предложеніе и потомъ не сумѣю сыграть свою роль передъ вашимъ отцомъ? Предваряю васъ, притворяться я не особенная мастерица. Вдругъ вашъ отецъ узнаетъ, что я русская. Что тогда будетъ?

— Объ этомъ вы, пожалуйста, ни чуточки не безпокойтесь. Мой папенька никогда ничего не узнаетъ. Онъ васъ только одинъ разъ въ день увидитъ, къ обѣду. Вы будете всегда сидѣть рядомъ съ m-me Бердичевской, и она вамъ всегда подскажетъ, какъ отвѣчать ему на разные его слова...

— Ну, а если... Мало ли какія бываютъ случайности?

— Пусть это васъ не безпокоитъ... Если такое несчастье случится, я одинъ буду въ убыткѣ: вамъ будетъ заплачено за все лѣто...

Г. Бердичевскій схватилъ мою руку, крѣпко пожалъ ее и продолжалъ заискивающимъ голосомъ:

— Если вы хоть немножко насъ любите, — соглашайтесь. Клянусь, вамъ будетъ у насъ очень хорошо жить. Мы вамъ будемъ оказывать почтеніе, какъ принцессѣ...

Филипповскій калачъ опять попался мнѣ на глаза, и я, хотя съ грустью, дала г. Бердичевскому свое согласіе.

Онъ очень обрадовался, наговорилъ мнѣ много комплиментовъ, выдалъ впередъ пятьдесятъ рублей, попросилъ на слѣдующій день не опоздать на Варшавскій вокзалъ къ курьерскому поѣзду и совершенно счастливый и сияющій оставилъ мою комнату, чмокнувъ на прощанье своими толстыми губами мою руку.

II.

Не буду распространяться о путешествіи съ Бердичевскимъ изъ Петербурга въ Центральскъ. Скажу только, что всю дорогу онъ ухаживалъ за мной не только съ изысканною вѣжливостью, но прямо таки съ какою-то собачьей преданностью, точно я сопутствовала ему не въ качествѣ наемной гувернантки, а сдѣлала ему величайшую честь, согласившись дѣлать съ нимъ его путешествіе. Сначала обращеніе его меня нѣсколько шокировало: мнѣ казалось, что Бердичевскій въ душѣ насмѣхается надо мной и выпучиваетъ меня. Но скоро я убѣдилась, что напрасно его подозреваю, и что, не смотря на его кажущуюся самоувѣренность и апломбъ, на самомъ дѣлѣ, онъ въ душѣ большой трусъ, и его мелкой натурѣ свойственна какая-то униженность, противъ его воли просвѣчивающая на каждомъ шагу въ обращеніи съ христіанами. Онъ все старался занимать меня и не зная, какъ это сдѣлать, чувствовалъ свое неумѣніе быть настоящимъ кавалеромъ и очень этимъ огорчался.

Въ Псковѣ онъ предложилъ мнѣ поужинать. Было около двухъ часовъ ночи. За большими хлопотами, по случаю отъѣзда, я мало въ этотъ день ѣла и потому была голодна и имѣла неосторожность сказать объ этомъ моему спутнику.

— Ахъ, какая же вы скрытная, — съ видимымъ сожалѣніемъ произнесъ Бердичевскій. — Ну, на что это похоже? Вы меня обидѣли, обидѣли до самой моей собственной крови. Вы должны были сказать мнѣ объ этомъ еще въ Петербургѣ, и я бы васъ накормилъ, чтобы вы были сыты. А то это для меня большой срамъ, когда моя дама ѣдетъ со мною вмѣстѣ голодная...

Лишь только поѣздъ остановился, Бердичевскій поспѣшилъ галантно предложить мнѣ руку и повелъ въ станціонную залу. Выбравъ мѣсто и усадивъ меня, онъ буквально бросился къ буфету, и чрезъ какую нибудь минуту, два лакея, съ разными блюдами, очутились предо мною и начали мнѣ подавать.

— Зачѣмъ такъ много! — сконфуженно обратилась я къ Бердичевскому.

— Ахъ, — покраснѣлъ онъ, — и зачѣмъ вы это говорите? Мнѣ для васъ ничего не жалко, кушайте себѣ на здоровье.

— А вы развѣ не хотите кушать? — спросила я, видя, что онъ беретъ за поданный ему пустой чай.

— Нѣтъ, не хочется.

— Скушайте хоть что нибудь для компаніи. Ну, хоть этого рябчика. Посмотрите, какой онъ жирный, аппетитный... И я положила ему рябчика на тарелку.

Бердичевскій покраснѣлъ еще больше прежняго и совсѣмъ сконфузился. Онъ какъ-то виновато посмотрѣлъ на меня, очевидно, хотѣлъ что-то сказать, но ограничился тѣмъ, что сдѣлалъ правой рукой какой-то неопредѣленный жестъ и принялся разрѣзывать рябчика съ такой энергіей, точно передъ нимъ была не бѣдная, зажаренная, маленькая птичка, а цѣлый быкъ.

— Ввели же вы меня въ грѣхъ, — съ глубокимъ вздохомъ произнесъ Бердичевскій, когда мы опять очутились въ вагонѣ. — Ой, ой, въ какой большой грѣхъ вы меня ввели!..

Я сдѣлала большіе глаза и съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— Вы это серьезно? — спросила я.

— Ой, серьезно!.. И какъ еще серьезно!.. Недостаетъ только, чтобы объ этомъ узналъ мой старый папенька... Да и моя т-те Бердичевская подобнаго моего поступка не одобритъ... Грѣхъ смертельный... По нашимъ законамъ за такой грѣхъ смертная казнь полагается...

— Въ чемъ же дѣло? — серьезно встревожившись, перебила я его.

— А дѣло въ томъ, что я отрефился (осквернился): поганую пищу ѣлъ...

Видъ у него былъ до того отчаянный и жалкій, что, не смотря на все мое желаніе расхохотаться, я, услышавъ о такомъ горѣ, котораго никимъ образомъ понять не могла, все-таки удержалась и серіознымъ голосомъ спросила его:

— Если ваши законы очень строги на этотъ счетъ, то зачѣмъ же вы ѣли рябчика?

— Зачѣмъ я его ѣлъ, поганаго? — взволнованно отвѣтилъ онъ. — Мнѣ, видите ли, было предъ вами стыдно... Я не хотѣлъ, чтобы вы, для перваго знакомства, подумали обо мнѣ не съ хорошей стороны... Чтобы вы не сказали обо мнѣ, что я совсѣмъ жидъ...

Бердичевскій замолчалъ и понурился. При всемъ моемъ желаніи я не находила для него никакихъ словъ утѣшенія.

— Все это, конечно, пустяки, — заговорилъ онъ снова, видимо ободрившись. — Я это даже очень хорошо понимаю... Ну, что такое рябчикъ?.. Почему онъ птица трѣфная, а курица не трѣфная?.. Потому развѣ, что онъ всегда летаетъ, а курица на ножкахъ ходитъ?.. Такъ вѣдь голубь тоже всегда летаетъ, а наши законы не запрещаютъ употреблять его въ пищу... Гдѣ же тутъ разумъ?.. Я

вѣдь человѣкъ европейскій, и все это хорошо понимаю... А вотъ мой папенька этого никогда не пойметъ, т. е. онъ не желаетъ этого понять... Такъ ужъ вы, фрейленъ (Бердичевскій иначе меня не называлъ, какъ фрейленъ), меня не выдавайте: ни одного слова не говорите м-ше Бердичевской, что я попробовалъ рябчика... Пускай это будетъ у меня съ вами нашъ большой секретъ... Вы можете мнѣ это обѣщать?

Онъ пытливо заглянулъ мнѣ въ лицо.

— Если васъ это такъ беспокоитъ, то можете вполне на меня положиться: я васъ не выдамъ.

Бердичевскій просіялъ. Прѣжнее хорошее расположеніе духа опять возвратилось къ нему, и онъ больше часа продолжалъ занимать меня своими разговорами, болтая безъ умолку. Сначала онъ мнѣ все жаловался на стараго папеньку, который крѣпко держится старины и не хочетъ сообразоваться съ новыми условіями жизни, и мѣшаетъ ему и м-ше Бердичевской поставить ихъ домъ на самую что ни на есть европейскую ногу; потомъ, когда эта тема была исчерпана, онъ началъ мнѣ расписывать всевозможныя качества м-ше Бердичевской: и умна-то она чрезвычайно, и доброжелательна, и первая красавица въ городѣ, а главное, совсѣмъ на еврейку не похожа, ни одной даже капельки.

— Вѣрите,—закончилъ онъ съ энтузіазмомъ,—отъ нея такъ и пахнетъ аристократизмомъ!.. Вотъ, вы сами увидите, что м-ше Бердичевская не уступитъ любой графинѣ и даже княгинѣ въ красотѣ и манерахъ...

Изъ всѣхъ его разглагольствованій я вывела заключеніе, что онъ благоговѣетъ предъ м-ше Бердичевской и любитъ ее страстно, что онъ и его супруга ждуть—не дождутся смерти стараго папеньки, чтобы имѣть возможность поставить свой домъ «совсѣмъ на европейскую ногу».

Но какъ ни были интересны всѣ эти свѣдѣнія, я очень обрадовалась, когда Бердичевскій наконецъ утомился и, трижды попросивъ меня извинить его, растянулся на диванѣ и заснулъ.

Было уже два часа дня, когда поѣздъ нашъ прибылъ въ Центральскъ. Еще за двѣ версты отъ города, Бердичевскій высунулся весь изъ окна и сосредоточенно приглядывался впередъ, къ виднѣющейся платформѣ.

— Одинъ только Лейба здѣсь,—обратился онъ ко мнѣ съ замѣтнымъ разочарованіемъ въ голосъ:— мнѣ это даже удивительно: м-ше Бердичевская не пріѣхала встрѣчать насъ...

Лишь только поѣздъ совсѣмъ остановился, высокій, худой еврей, весь покрытый веснушками, очутился въ нашемъ купѣ. Это и былъ Лейба, не то приказчикъ, не то лакей Бердичевского.

— Все ли дома благополучно?—спросилъ его Бердичевскій.

— Слава Богу, все благополучно,—отвѣтилъ Лейба.

головой и поспѣшилъ занять свое прежнее мѣсто въ коляскѣ на скамеечкѣ.

— Вы меня простите, фрейленъ,—произнесъ онъ заискивающимъ голосомъ.—Когда вы еврейка и, полагать надо, совсѣмъ ученая еврейка, то вы должны мнѣ простить мою неделикатную невѣжливость... Я вѣдь самый ничтожный еврей и преданнѣйшій слуга моего старшаго господина. Ребъ Борухъ хотя и справедливѣйшій человекъ во всемъ нашемъ городѣ, но и строгъ онъ тоже. Онъ мнѣ приказалъ, чтобы иновѣрку я спровадилъ обратно, а еврейку чтобы доставилъ на дачу со всякими почтеніями... Ну, зачѣмъ вы прямо не сказали, что вы еврейка? Зачѣмъ вы позволили мнѣ говорить вамъ непочтительныя слова?.. Хорошъ и я: не призналъ въ васъ еврейку...

Онъ съ остервенѣніемъ ударилъ себя правой рукой въ грудь нѣсколько разъ такъ сильно, что кости захрустѣли, и съ мольбою въ голосъ закончилъ:

— Когда вы еврейка, то и сердце у васъ самое еврейское, а потому вы преклоните ваше золотое ухо къ словамъ ничтожнаго еврея и исполните великую его просьбу; вы ни однимъ словомъ не заикнитесь дома о моихъ неделикатныхъ невѣжливостяхъ, а я за это буду за васъ Богу молиться и утромъ, и вечеромъ, и въ полдень...

Какъ ни разсердилъ меня Лейба раньше, и какъ ни возненавидѣла я этого жида за его наглый тонъ, но въ данную минуту у него былъ такой уморительно-виноватый и жалкій видъ, что я рѣшилась успокоить его и дать требуемое обѣщаніе: ничего не рассказывать «о его неделикатныхъ невѣжливостяхъ», тѣмъ болѣе, когда въ душѣ я сознавала, что, въ сущности, онъ не болѣе и не менѣе, какъ только слѣпой исполнитель чужой, непреклонной воли. А затѣмъ, развѣ я сама, выдавая себя за еврейку, дѣйствую вполне честно? И если я согласилась легкомысленно на обманъ, то развѣ этимъ сама не обрекла себя на непріятности и не заслуживала ихъ? Конечно, я находила своему поступку оправданіе въ томъ, что ужъ въ очень скверную минуту жизни подвернулась мнѣ эта жидовская кондиція, и у меня никакого выбора не было. Но развѣ это оправданіе могло меня совсѣмъ успокоить: я все-таки жалкая обманщица и изъ-за куска хлѣба пошла на сдѣлку съ совѣстью! Обидное и горькое сознаніе!..

Между тѣмъ, коляска быстро катилась впередъ. Въ разговорѣ съ Лейбой я и не замѣтила, какъ проѣхала по длиннымъ и узкимъ улицамъ стариннаго города и очутилась среди зеленѣющихъ луговъ и полей. Тутъ весна была въ полномъ расцвѣтѣ, воздухъ былъ пропитанъ свѣжимъ ароматомъ давно уже успѣвшихъ вполне распуститься полевыхъ цвѣтовъ. Хорошо утоптанная дорога была чрезвычайно холмиста и шла зигзагами. Мы то поднимались вверхъ, и предъ глазами мелькали въ отдаленіи гигантскія сосны, то спуска-

лись внизъ, и горизонтъ суживался до невозможности, заслоненный съ обѣихъ сторонъ дороги возвышенностями. Но вотъ мы въѣхали въ основую рощу, и цѣлый хоръ пѣвчихъ птичекъ встрѣтилъ меня чуднымъ концертомъ. Меня охватилъ смолистый запахъ лѣса, дышать становилось такъ легко. Я вся отдалась впечатлѣннѣю великолѣпнаго весенняго дня, забыла о своемъ спутникѣ, забыла, что ѣду къ незнакомымъ, несимпатичнымъ мнѣ людямъ въ чужой домъ и, убаюканная равномерными покачиваніями коляски, съ наслажденіемъ, закрывъ глаза, прислушивалась къ сладостному пѣнію птицъ, ни о чемъ не думая и не размышляя.

— А вотъ мы пріѣхали, — прервалъ мой сладостный покой Лейба. — Тутъ за поворотомъ и будетъ наша дача... Ахъ, какъ у насъ хорошо: настоящій рай...

Я открыла глаза и посмотрѣла на моего спутника. На лицѣ его отразилось нѣчто въ родѣ улыбки: очевидно и на него умягчающимъ образомъ подѣйствовали прелести весенняго дня.

Не успѣли мы сдѣлать указанный Лейбой поворотъ, какъ предъ моими глазами открылась чудная возвышенная поляна, со всѣхъ сторонъ окруженная сосновымъ лѣсомъ. Въ центрѣ ея находилась усадьба съ громаднымъ домомъ и многочисленными службами. Я невольно залюбовалась: лучшее мѣсто для лѣтняго жилища трудно было придумать.

— Какъ хороша тутъ мѣстность, какъ хороша тутъ природа, — невольно подумала я, — но каковы окажутся здѣсь люди, и уживусь ли я съ ними?

И невольный, глубокий вздохъ вырвался изъ глубины моей души. Лошади остановились у главнаго подъѣзда большаго дома. Лейба выскочилъ изъ коляски, я вышла вслѣдъ за нимъ и съ стѣсненнымъ сердцемъ переступила порогъ незнакомаго дома.

III.

М-ме Бердичевская находилась въ своемъ будуарѣ. Лейба проводилъ меня прямо къ ней. Когда онъ услужливо открылъ передо мною двери, я увидѣла ее полулежащею на низенькой оттоманкѣ, съ маленькой книжечкой въ золоченномъ переплетѣ въ рукахъ. Она быстро поднялась, сдѣлала мнѣ на встрѣчу нѣсколько шаговъ и радушно, хотя не безъ достоинства, подавая мнѣ обѣ руки, улыбаясь, привѣтствовала меня пѣвучимъ голосомъ, на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ.

— Я рада видѣть васъ въ своемъ домѣ и буду очень счастлива, если вамъ у насъ понравится.

Она осмотрѣла меня съ ногъ до головы большими, близорукими глазами, не выпуская моихъ рукъ изъ своихъ. Я отвѣтила ей на привѣтствіе и въ свою очередь стала ее оглядывать. На видъ ей было не

больше 25—27 лѣтъ. Это была несомнѣнно красивая женщина, но не красавица. Невысокаго роста, съ довольно выпуклымъ бюстомъ и тонкой таліей; на необыкновенной бѣлизны шеѣ красовалась хорошенькая головка, съ затылка которой спускались тяжелые, и длинныя, до самыхъ колѣнъ волосы, заплетенныя въ одну косу, не только краснаго, но положительно огненнаго цвѣта. Большіе, выпуклые, близорукіе, сѣрые глаза придавали ея лицу особую прелесть. Только тонкія, сжатыя губы нѣсколько широкаго рта и черезчуръ миниатюрный, вздернутый носикъ м-ше Бердичевской замѣтно портили ея въ общемъ красивое лицо. Въ особенности, эти сжатыя губы, свидѣтельствовавшія о скрытности и, пожалуй, ехидствѣ ихъ обладательницы и такъ мало гармонировавшія съ добродушнымъ взглядомъ ея прелестныхъ глазъ. Одѣта она была какъ-то особенно шикарно, чуть-чуть декольте, съ множествомъ золотыхъ и брилліантовыхъ украшеній. Впрочемъ, страсть евреекъ къ нарядамъ и украшеніямъ общеизвѣстна. Нашъ взаимный осмотръ продолжался недолго. М-ше Бердичевская, повидимому, осталась мною довольна.

— Вы утомлены дорогой, — заговорила она привѣтливо, — вамъ надо отдохнуть. Комната ваша готова, пойдѣте, я сама проведу васъ туда.

Она пошла впередъ указывать мнѣ дорогу, а я за нею. Мы прошли цѣлый рядъ комнатъ, нигдѣ не останавливаясь, и, добравшись до сѣней, поднялись по лѣстницѣ во второй этажъ.

— Милости просимъ въ ваши апартаменты, — произнесла съ привѣтливой улыбкой м-ше Бердичевская, раскрывая предо мною двери и пропуская меня впередъ. — Я надѣюсь, вамъ здѣсь понравится... Кромѣ васъ, моихъ дѣвочекъ и особой горничной для вашихъ услугъ, тутъ, на вышкѣ, никто жить не будетъ, и вы здѣсь будете полной хозяйкой.

Вышка состояла изъ пяти комнатъ высокихъ, просторныхъ и свѣтлыхъ, расположенныхъ амфиладой. Первая комната не отличалась особой меблировкой; въ ней стояли нѣсколько вѣнскихъ стульевъ, маленькій столикъ, кровать, закрытая дешевенькими, росписными ширмами и большое зеркало-трюмо краснаго дерева. Это, какъ потомъ оказалось, было помѣщеніе горничной Лей, которая предоставлена въ распоряженіе мое и дѣтей. Вторая комната была классная. Тутъ все, начиная отъ громадныхъ шкаповъ съ книгами въ богатыхъ переплетахъ, громаднаго глобуса, стоявшаго на высокой металлической подставкѣ прямо на полу, различныхъ дорогихъ дѣтскихъ игрушекъ учебнаго характера и оканчивая столomъ для занятій, — все выглядывало такъ внушительно, солидно и въ то же время какъ будто и смѣшно немного. И въ самомъ дѣлѣ, классная двухъ дѣвочекъ, изъ которыхъ старшей не было еще полныхъ десяти лѣтъ, напоминала собою кабинетъ ученаго.

— Какъ видите, — произнесла м-ше Бердичевская, самодовольно

оглядываясь, — классная моихъ дѣвочекъ обставлена такъ, что лучше нельзя желать. Тутъ однѣхъ книгъ больше чѣмъ на тысячу рублей... Я ничего не жалѣю для моихъ дѣвочекъ... А всѣ эти игрушки такія дорогія: прямо на вѣсъ золота... Дешевыя вещи я ненавижу, прямо не переносу...

— Но ваши дѣти еще такъ малы, имъ, кромѣ учебниковъ, ничего пока не нужно.

— Разумѣется, пока имъ нужны одни только учебники, — согласилась м-ме Бердичевская. — Но, все-таки, знаете, я того мнѣнія, что дѣти должны любить книги, привыкать къ нимъ; вотъ я и купила ихъ много и поставила здѣсь... Вообще, я вамъ скажу, мы, еврей, очень любимъ книги...

Впослѣдствіи я убѣдилась, что м-ме Бердичевская была права: страсть къ книгамъ у евреевъ, можно сказать, въ крови. Во сколько-кихъ еврейскихъ домахъ я ни перебивала, вездѣ видѣла много книгъ. Ихъ пріобрѣтаютъ люди малограмотные и даже совсѣмъ безграмотные. Книга для еврея — это самое лучшее украшеніе дома, и когда вы къ нему придете, онъ любитъ похвастать своими книгами въ прочныхъ кожаныхъ переплетахъ. Ничѣмъ вы такъ не обрадуете еврея, какъ если выразите удивленіе богатству собранныхъ имъ фоліантовъ.

— Да, — скажетъ вамъ еврей и непремѣнно съ особенной гордостью ударить себя въ грудь, — я, слава Богу, люблю книги и, какъ видите, ихъ у меня достаточное количество.

И при этомъ онъ опять таки съ особенной гордостью возьметъ съ полки какойнибудь фоліантъ, раскроетъ его передъ вами и заявитъ, что эта именно книга досталась ему по особому случаю, и что цѣна ей такъ велика, что онъ никогда съ нею не разстанется и никому ея не уступитъ, а оставитъ въ наслѣдство старшему сыну съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы она сохранилась на вѣчныя времена въ его родѣ.

Изъ классной мы перенесли въ дѣтскую спальню, а оттуда въ весьма кокетливо убранной мягкой мебелью, съ коврами, картинами, зеркалами и бронзой, весьма обширный салонъ и, наконецъ, въ послѣднюю комнату, собственно для меня предназначенную.

— Вотъ и всѣ ваши владѣнія, — дружелюбно произнесла м-ме Бердичевская, раскрывая передо мною стеклянную дверь, которая изъ моей спальни-будуара вела на обширный, крытый балконъ. — Отъ всей души желаю, чтобы вамъ жилось у насъ хорошо, и чтобы вы чувствовали себя, какъ въ родномъ домѣ.

Я поблагодарила ее за добрыя пожеланія. Она опустила на качалку, попросила и меня присѣсть и продолжала:

— Если вы не особенно утомлены дорѣгой, я бы съ вами немножко побесѣдовала. Но ради Бога не стѣсняйтесь и скажите мнѣ откровенно, не хотите ли отдохнуть.

— Я выпалась прекрасно и ничуть не утомлена.

— И чудесно, — обрадовалась m-me Бердичевская, но тутъ же лобикъ ея нахмурился, и она задумалась.

— Вѣрите ли, — начала она снова, глубоко вздохнувъ и, очевидно, подбирая съ трудомъ слова, — вѣрите ли, мнѣ, право, предъ вами совѣстно... Сама не знаю, какъ это вамъ объяснить...

Она подняла на меня свои большіе глаза и не то умоляюще, не то заискивающе посмотрѣла на меня. Мнѣ стало неловко отъ ея взгляда.

— Ваше лицо мнѣ очень нравится, — продолжала она, тѣмъ же умоляюще-заискивающимъ взглядомъ всматриваясь въ меня. — Я увѣрена, я убѣждена — вы меня поймете...

Она опять глубоко вздохнула и опустила глаза.

— Такъ и быть, — вдругъ тряхнула она съ рѣшительнымъ видомъ головой, — я выскажу вамъ все, что нужно и необходимо, чтобы вы знали, какъ держаться въ моемъ домѣ, и что отъ васъ требуется... Михаилъ Борисовичъ, вѣроятно, передалъ вамъ, что отецъ его большой фанатикъ и ужасно не любитъ христіанъ. Это весьма неприятно и даже большое для насъ несчастіе, ибо я и мой мужъ очень хорошо понимаемъ, что христіане гораздо лучше насъ, что они лучше и веселѣе насъ живутъ, и что намъ надо у нихъ учиться, какъ жить... Но что же намъ дѣлать, когда упорный старикъ ничего этого знать не хочетъ... У него свои взгляды на жизнь, которые онъ унаслѣдовалъ отъ свои предковъ, жалкихъ корчмарей и грязныхъ факторовъ (не скрою отъ васъ: мужъ мой совсѣмъ не аристократическаго происхожденія, и тестъ мой все свое богатство самъ нажилъ)... Вы теперь поймете мое несчастіе, если скажу вамъ, какъ тяжело мнѣ, урожденной Бобруйской, уживаться въ этомъ домѣ... Вы сами видите, какіе у меня цивилизованные вкусы, и какъ велики мои стремленія жить по-европейски... Вы увидите нашего старика и тогда поймете, сколько мнѣ стоило труда и усилий, чтобы сдѣлать похожимъ нашъ домъ на европейскій... Мужъ мой, Михаилъ Борисовичъ, когда я за него вышла, былъ настоящій дикарь и ни въ чемъ не уступалъ своему отцу... Если же онъ теперь не уступить въ обхожденіи, манерахъ и костюмахъ настоящему европейцу, то этимъ онъ обязанъ мнѣ одной... Я, слава Богу, бывала за границей, жила въ Европѣ и знаю, какъ надо и слѣдуетъ жить цивилизованнымъ людямъ...

M-me Бердичевская оживилась и съ увлеченіемъ продолжала:

— Если домъ стараго фанатика Боруха Бердичевскаго похожъ теперь на европейскій домъ, то это дѣло моихъ рукъ! Это я одна все сдѣлала!.. Вы изъ этого можете заключить, какой у меня рѣшительный характеръ, и какъ сильно, всѣмъ моимъ сердцемъ, я предана прогрессу и цивилизаци!.. Вы, надѣюсь, понимаете, что я женщина передовая, и не откажетесь помочь мнѣ въ моихъ благородныхъ стремленіяхъ...

Она стремительно схватила обѣ мои руки, крѣпко пожала ихъ и, опять посмотрѣвъ на меня заискивающе-умоляющимъ взглядомъ, добавила:

— Не правда ли, я могу на васъ рассчитывать вполне?.. Вы поможете мнѣ въ моихъ стремленіяхъ?.. Мы будемъ вмѣстѣ работать, чтобы поставить мой домъ на настоящую европейскую ногу... О, стоитъ вамъ только полюбить меня и считать мои интересы своими собственными, въ накладѣ не будете... Я такъ вознагражу васъ, такъ вознагражу, какъ вы себѣ и вообразить не можете.

Все время я слушала m-me Бердичевскую съ нѣкоторымъ любопытствомъ, и хотя рѣчь ея, не чуждая нѣкоторой хвастливости, коробила мой слухъ, тѣмъ не менѣе, я не могла не улавливать въ этой рѣчи несомнѣнно искреннія нотки, которыя примиряли меня съ моей собесѣдницей. Но послѣднія слова свои она произнесла такимъ противнымъ тономъ и сопровождала ихъ такимъ оскорбительнымъ для меня жестомъ, что ея первоначальная ласковость и, если хотите, задушевность, съ которыми она меня встрѣтила, получили въ моихъ глазахъ надлежащую оцѣнку, то-есть я поняла всю неискренность моей собесѣдницы и тутъ же рѣшила дать ей немедленно подобающій отпоръ.

— Вашъ супругъ, нанимая меня, совершенно опредѣленно высказалъ мнѣ, что отъ меня требуется, чтобы я обучала вашихъ дѣтей, и затѣмъ, чтобы помогла вамъ усвоить разговорную русскую рѣчь... Эти обязательства я приняла на себя за извѣстное вознагражденіе и, надѣюсь, добросовѣстно ихъ выполню. Что же касается новыхъ обязанностей въ вашемъ домѣ, на которыя вы намекаете, то положительно отказываюсь отъ нихъ, хотя вы и предлагаете щедро вознаградить меня...

Послѣднія три слова я особенно подчеркнула и посмотрѣла на г-жу Бердичевскую въ упоръ. Она, очевидно, не ожидала отъ меня подобнаго отвѣта и была неприятно поражена моими словами. Ея тонкія губы искривились, и выпуклые глаза сверкнули на меня неприязненно, зло. Но все это продолжалось недолго, не больше секунды, и лицо m-me Бердичевской приняло прежнее умоляюще-заискивающее выраженіе.

— Ахъ, фрейленъ, — произнесла она мягко, стараясь придать своему голосу особую задушевность, — неужели я васъ обидѣла? Если это такъ, простите мнѣ, а то я буду въ отчаяніи отъ своей безтактности...

Она взяла мою руку и крѣпко пожала.

— Я желала бы, — возразила я, — чтобы между нами не было никакихъ недоразумѣній въ будущемъ, чтобы пали мое человѣческое достоинство, мое самолюбіе и не относились ко мнѣ, какъ къ прислугѣ, которую можно надѣлять подарками... Я, хотя и бѣдная

дѣвушка, вынужденная трудомъ добывать себѣ средства къ жизни, но въ подачкахъ не нуждаюсь и никогда ихъ не приму...

— Какимъ благородствомъ дышатъ ваши слова,—перебила меня м-те Бердичевская съ искусственнымъ восхищеніемъ въ голосъ,— я отъ васъ въ восторгѣ; съ каждой минутой вы мнѣ все больше и больше нравитесь, и я такъ счастлива, что въ мой домъ попала такая благородная особа!.. О, не беспокойтесь, теперь я васъ совсѣмъ поняла и... оцѣнила. Вы не будете имѣть поводовъ жаловаться на меня... Я сама женщина гордая, благородная и люблю и уважаю эти качества въ другихъ женщинахъ.

Она опять пожала мою руку и, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, заговорила уже совершенно другимъ, холоднымъ, дѣловымъ тономъ.

— Я совершенно надѣюсь, что принятыя вами на себя обязанности будутъ вами выполнены не только точно, но даже блистательно. Что касается обученія моихъ дѣвочекъ и собственной моей практики въ русской разговорной рѣчи, то это меня мало беспокоитъ, и я увѣрена, что это пойдетъ у насъ отлично. Объ одномъ только я васъ прошу, не забудьте главнаго и непремѣннаго условія, которое мужъ мой вамъ предложилъ: будьте постоянно насторожѣ и не обнаружьте ваше христіанство предъ тестемъ. Васъ какъ зовутъ?

— Пелагея Борисовна.

— Пелагея... Пелагея...—дважды повторила м-те Бердичевская мое имя и сморщила лобъ, очевидно соображая что-то.— Видите ли,—обратилась она ко мнѣ,—мы всѣ въ домѣ будемъ васъ звать вашимъ настоящимъ именемъ или просто фрейленъ, если позволите, но для старика необходимо, чтобы вы были ему представлены подъ еврейскимъ именемъ, и если онъ почему либо къ вамъ обратится, то непремѣнно будетъ васъ звать этимъ еврейскимъ именемъ... Васъ зовутъ Пелагея,—это смахиваетъ немножко на наше еврейское имя Пеша... Вы ничего не будете имѣть противъ, если подъ именемъ Пеша я васъ представляю старику?..

Только теперь я почувствовала весь стыдъ отъ принятаго мною обязательства разыгрывать роль еврейки въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Отказаться отъ своего христіанскаго имени и откликаться на противное жидовское показалось мнѣ до того унижительно-обиднымъ, что я готова была расплакаться и бѣжать вонъ изъ этого дома... М-те Бердичевская очевидно поняла мое душевное состояніе и жесткимъ голосомъ произнесла:

— Играть роль еврейки передъ старикомъ вы обязались, и я требую только, чтобы вы исполнили ваше обязательство, а для этого необходимо, чтобы старику вы были представлены подъ еврейскимъ именемъ... Если же вамъ имя Пеша не нравится, то можемъ выдумать другое, болѣе красивое...

— Зачѣмъ же выдумывать другое имя? Пусть будетъ Пеша,— отвѣтила я рѣшительно, стараясь овладѣть своими чувствами и не выдавать больше своего внутреннего волненія предъ m-me Бердичевской, которую я съ этой минуты положительно возненавидѣла, хотя отлично сознавала, что въ этомъ моемъ нравственномъ униженіи она совсѣмъ не виновата, и что тяжелую роль еврейки въ ея домѣ я приняла на себя добровольно.

— И отлично!.. Такъ помните, что вапе имя передъ старикомъ— Пеша...

Мнѣ показалось, что m-me Бердичевская особенно ехидно сжала свои тонкія губы и насмѣпливо посмотрѣла на меня, произнося это противное имя «Пеша», но я уже совершенно овладѣла собой и гордо произнесла:

— Принятія обязательства я выполняю, но ни на какія новыя не соглашусь...

— И не надо,— въ свою очередь высокомерно отвѣтила мнѣ m-me Бердичевская.

Я думала, что разговоръ нашъ оконченъ, и она оставитъ меня въ покоѣ, но не тутъ-то было. Минуты двѣ подрядъ она молча, тихонько покачивалась на своей качалкѣ, а затѣмъ начала мнѣ излагать наставительнымъ тономъ разныя подробности, какъ мнѣ вести себя въ присутствіи старика. Сущность наставленій заключалась въ слѣдующемъ: когда старикъ во время обѣда или ужина произнесетъ громко молитву, я должна вмѣстѣ со всѣми присутствующими произносить «аминь»; я должна шевелить губами и притворяться молящейся во время общей молитвы за столомъ; если онъ со мною заговоритъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ религіознаго характера, я должна ему сказать, что мои родные мало придерживались вѣры и меня выростили совершенной невѣждой въ религіозномъ отношеніи...

— Конечно,—прибавила она,—старикъ это очень не понравится, и онъ будетъ на васъ смотрѣть очень косо, но удалять васъ изъ дома не станеть, а скорѣе займетъ вашимъ перевоспитаніемъ, чтобы спасти вашу душу и самому за это заслужить царство небесное... Впрочемъ, вы особенно не тревожьтесь: онъ вамъ часто надоѣдать не будетъ: въ будни онъ очень занятъ дѣлами и приѣзжаетъ домой утомленный, такъ что ему будетъ не до васъ, а по субботамъ ужъ вамъ придется немножко потерпѣть...

Затѣмъ она передала мнѣ еще нѣкоторыя подробности и поднялась съ качалки, собираясь уходить. Я мысленно обрадовалась, что останусь наконецъ одна и обдумаю свое трудное положеніе, которое только теперь стало мнѣ вполнѣ ясно. Но на мое несчастье не успѣла m-me Бердичевская кивнуть мнѣ на прощанье головой, какъ съ низу послышались дѣтскіе голоса, и m-me Бердичевская, вмѣсто того, чтобы удалиться, свѣсилась съ балкона и громко позвала своихъ дѣвочекъ наверхъ.

— Соренца! Розочка!—крикнула она.—Идите сюда, я васъ познакомлю съ вашей новой учительницей...—И опять покойно усаживаясь на качалкѣ, она прибавила, обращаясь ко мнѣ:—я увѣрена, что мои дѣти, а ваши ученицы, вамъ понравятся. Онѣ у меня съ хорошими манерами и «вымышлены» поевропейски...

Дѣти вошли въ сопровожденіи бонны-еврейки, особы высокой, худой, какъ спичка, съ длиннымъ еврейскимъ носомъ и черными, злыми глазами. Она очень косо посмотрѣла на меня и, когда насъ представили, не удостоила меня отвѣтомъ на мой поклонъ. Она видимо была недовольна моимъ пріѣздомъ и не даромъ: меня взяли на ея мѣсто, и на слѣдующій день она должна была оставить домъ Бердичевскихъ. Мои будущія ученицы на первый взглядъ мнѣ тоже мало понравились. Старшая, Соренца, имѣла весьма непріятныя черты лица и держалась съ такимъ апломбомъ, точно была не десятилѣтняя дѣвочка, а взрослая дѣвица, чувствующая свое значеніе и знающая себѣ цѣну. Лицомъ она походила на отца: у нея были тѣ же, что у него, черные, курчавые волосы, тотъ же характерный еврейскій носъ съ горбомъ и тѣ же, во всѣ стороны разбѣгавшіеся, черные глаза. Только губки ея напоминали губы матери, т. е. были такія же тонкія и сжатыя, какъ у послѣдней. Младшая, Роза, произвела на меня менѣе непріятное впечатлѣніе. Худенькій, тщедушный ребенокъ, съ явными слѣдами золотухи на миниатюрномъ личикѣ, она пугливо уставилась на меня своими дѣтскими глазами и точно хотѣла выразить своимъ взглядомъ крайнее неодобреніе моему появленію въ домѣ. Обѣ дѣвочки были одѣты въ дорогіе костюмы, какъ куклы и, къ великому моему изумленію, я замѣтила, что на правой рукѣ Соренцы красовался тяжелый золотой браслетъ съ крупнымъ брилліантомъ, который дѣвочка старалась выставить на показъ.

— Рекомендую, — произнесла м-ше Бердичевская, — ваши ученицы...

— Я очень рада познакомиться съ вами,—произнесла развязно Соренца, подошла ко мнѣ и, гордо закинувъ головку, подала мнѣ руку.—Если вы будете исполнять мои желанія, я буду съ вами очень дружна и никогда мамѣ на васъ жаловаться не буду... Миру,—она презрительно вскинула глазами на бонну,—выгоняють изъ нашего дома, потому что она мнѣ грубила...

— Какія ты говоришь глупости, Соренца,—перебила ее мать,—фрейленъ Миру мы не выгоняемъ, и я ею очень довольна... Только намъ нужна теперь болѣе образованная гувернантка, такъ какъ ты уже совсѣмъ большая, и тебѣ нужно серьезно учиться...

— Неправда, неправда...—капризно затопала Соренца ножкой.—Мы ее прогоняемъ, прогоняемъ, потому что она дура и злючка...

— Ты сама дура и злючка,—вспыхнула мать.—Какъ ты смѣешь въ моемъ присутствіи обижать фрейленъ Миру?!

— А вотъ смѣю!.. Она скверная!.. Она дрянная!.. Ты не смѣешь ругать меня за нее... Я дѣдушкѣ пожалуюсь... Я ему расскажу это...

И Соренца залилась слезами.

— Ну, успокойся, не плачь,—примирительнымъ голосомъ произнесла мать.—Ну, зачѣмъ ты портишь свои глаза? Развѣ будетъ хорошо, если къ обѣду ты выйдешь съ красными глазами? Ты огорчишь и дѣда и папу... Она въ сущности предобрый ребенокъ,—обратилась м-те Бердичевская ко мнѣ.—Только ужъ очень ее дѣдъ избаловаль: она его любимица... Ну, пойдѣмъ, мой ангелочекъ,—взяла она ее за руку,—у меня для тебя приготовленъ сюрпризъ...

Соренца сквозь слезы посмотрѣла на мать торжествующимъ взглядомъ и, обращаясь къ боннѣ, произнесла на ходу:

— А ты, все-таки, злая дура, и тебя выгоняютъ изъ дому за меня.

— Наплачетесь съ этимъ ангелочкомъ,—произнесла бонна, лишь только мать съ дочерью скрылись.—Не воображайте, что съ вами Соренца будетъ стѣсняться... Вѣдь она любимица дѣда, первый человекъ въ домѣ... И отецъ, и мать пляшутъ передъ нею и боятся ее... Попробуйте только чѣмъ нибудь ей не угодить, она и васъ обзоветъ злой дурой, какъ меня...

И, не дождавшись моего отвѣта, бонна взяла за руку Розу и стремительно ушла съ балкона, хлопнувъ изъ всѣхъ силъ стеклянною дверью.

Господи, куда я попала? Что это за домъ? Что за люди? И неужели въ этомъ домѣ, въ средѣ этихъ людей, я проживу цѣлыхъ три мѣсяца, подобно этой несчастной боннѣ, перенося оскорбленія отъ противной дѣвочки? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ... Бѣжать, бѣжать отсюда!

У меня разболѣлась голова, въ глазахъ потемнѣло, и я въ изнеможеніи опустилась на качалку...

IV.

Сколько времени я просидѣла въ одиночествѣ, предаваясь грустнымъ размышленіямъ о моемъ положеніи, я опредѣленно сказать не могу; да врядъ ли тогда я и сознавала теченіе времени и могла отдать себѣ ясный отчетъ въ своихъ чувствахъ и мысляхъ. Одно только помню: когда Лейба пришелъ звать меня обѣдать, и я поднялась ему навстрѣчу, онъ съ непритворнымъ участіемъ посмотрѣлъ на меня, скорчилъ пресмѣшную фізіономію и испуганно произнесъ:

— Ой вай, фрейленъ, что съ вами приключилось?.. Вы совсѣмъ... совсѣмъ нездоровы...

Я отшатнулась отъ него, подошла къ зеркалу и посмотрѣлась,—дѣйствительно, видъ у меня былъ такой, что, какъ говорится, краше въ гробъ кладутъ.

— Ай,—продолжалъ между тѣмъ Лейба,—какое это будетъ несчастье, если заболѣете... Кто будетъ за вами ухаживать? Кто пожалѣетъ васъ?.. Бѣдная, бѣдная фрейлентъ, вамъ надо крѣпитесь и пересилить болѣзнь... Болѣть на чужбинѣ, среди чужихъ людей—это такое несчастье, такое горе... Я это самъ испыталъ и знаю... Охъ, охъ, охъ, какъ тяжело...

Онъ громко вздохнулъ и посмотрѣлъ на меня такъ уныло, жалобно, какъ смотритъ умная собака, когда чувствуетъ, что хозяинъ ея чѣмъ либо сильно опечаленъ...

Этотъ сочувственный взглядъ и эти простыя, безхитростныя слова Лейбы, котораго я до того момента презирала, подѣйствовали на меня ободряющимъ образомъ. Я какъ-то внутренно обрадовалась имъ и тотчасъ же пришла въ себя. Обратившись къ Лейбѣ, я почти весело сказала ему:

— Не беспокойтесь, я здорова, а блѣдна потому, что устала съ дороги...

— И слава Богу... И отлично,—обрадовался Лейба.—Въ такомъ случаѣ, намъ надо погоропиться, потому что хозяинъ не любитъ, когда опаздываютъ къ столу...

Онъ пошелъ впередъ, я за нимъ.

Когда мы переступили порогъ столовой, все семейство Бердичевскихъ было уже тамъ въ полномъ сборѣ. За столъ еще не сѣли. Въ громадной комнатѣ царствовала строгая тишина. Глава семейства, Борухъ Бердичевскій, сидѣлъ въ высокомъ, мягкомъ креслѣ, и рядомъ съ нимъ стояла Соренца, которая положила свою руку дѣду на колѣни, а онъ любовно поглаживалъ ее и въ то же время внимательно слушалъ маленькаго, толстаго еврейчика съ квадратной головой, который, подобострастно изгибаясь, тоненькимъ голоскомъ докладывалъ ему о какомъ-то дѣлѣ. Прочіе члены семьи и даже м-ше Бердичевская стояли по различнымъ угламъ огромной столовой, нахмурившись, съ глазами, устремленными по направленію къ креслу стараго Боруха. Только одна Роза сидѣла на высокомъ стулѣ у обѣденнаго стола. Сзади ея стояла, вытянувшись, какъ жердь, бонна. Лейба приложилъ указательный палецъ правой руки къ губамъ и, наклоняясь ко мнѣ, чуть слышно произнесъ:

— Вы, пожалуйста, стойте здѣсь и будьте потише...

Я остановилась у самаго порога, инстинктивно устремивъ взглядъ по направленію къ старому жиду, къ которому были направлены взоры и всѣхъ прочихъ, присутствовавшихъ въ столовой. Когда я вглядывалась пристально въ Боруха Бердичевского, мнѣ казалось, что въ этомъ человѣкѣ нѣтъ ничего особеннаго. Меня удивило, какимъ образомъ этотъ ничтожный, плюгавенькій жидочекъ съ рѣденькой, сѣдой бородкой, съ полузакрытыми глазами, въ засаленной бархатной ермолкѣ, въ мягкихъ, на мѣху, сапожкахъ, съ блѣднымъ лицомъ и безкровными толстыми губами, одѣтый въ

ватномъ халатѣ и сидѣвшій, съжившись въ комокъ, могъ внушать всѣмъ, его окружающимъ, столько благоговѣйнаго страха къ своей ничтожной особѣ. Да, именно благоговѣйный страхъ предъ старикомъ прочла я на лицахъ присутствовавшихъ. Даже Соренца,—эта избалованная, злая и капризная дѣвчонка,—и та сидѣла тихо, не шевелясь, рядомъ съ дѣдомъ и не то пугливо, не то покорно поглядывала на него. Этотъ благоговѣйный страхъ предъ старикомъ я подмѣтила и въ гостяхъ, которыхъ тутъ было человѣка четыре, а ужъ о Лейбѣ и прислугѣ говорить нечего: тѣ просто казались какъ бы ошеломленными и растерянными въ присутствіи старика.

Не укрылось отъ моего вниманія и то обстоятельство, что, несмотря на жару, всѣ мужчины стояли въ шапкахъ и шляпахъ. Позднѣе я узнала, что законъ запрещаетъ евреямъ держать голову открытою, и потому въ комнатахъ они носятъ ермолки.

Долго раздавался въ столовой тоненькій голосокъ толстаго еврейчика. Сначала я ничего не понимала изъ его писка. Но, вслушиваясь въ жидовскій жаргонъ, мало-по-малу начала улавливать множество знакомыхъ звуковъ и, наконецъ, стала разбирать слова и понимать смыслъ разговора. Жидовскій жаргонъ — это испорченный нѣмецкій языкъ съ весьма ограниченной примѣсью словъ другихъ разныхъ языковъ, и зная его основу, т. е. нѣмецкій языкъ, весьма легко не только понимать еврея, но и свободно съ нимъ объясняться. Гораздо труднѣе привыкнуть къ жидовскому произношенію, похожему на гоготаніе, и къ противнымъ жидовскимъ жестамъ и тѣлодвиженіямъ, которыми жида сопровождаютъ свою рѣчь, не говоря уже объ ихъ акцентѣ, буквально рѣжущемъ ухо.

Толстый еврей, изгибаясь и жестикулируя, передавалъ старому Бердичевскому, что какой-то купецъ, Хаимзонъ, Меерзонъ, а, можетъ быть, и Идзонъ (я не разслышала фамилію), серьезно думаетъ взять какой-то подрядъ: не то по постройкѣ казармъ для войскъ, не то по доставкѣ для войскъ провіанта, а, можетъ быть, то и другое вмѣстѣ. Онъ долго и подробно рассказывалъ о намѣреніяхъ этого Хаимзона, Меерзона или Идзона, и о томъ, какъ ему удалось это разнюхать и вывѣдать заблаговременно въ интересахъ великаго во Израилѣ, высокочтимаго и богобоязненнаго его господина, рабби Боруха Бердичевского, да продлится на вѣки свѣтъ его мудрости среди дѣтей Іакова.

Когда толстый еврейчикъ замолчалъ, наступила довольно продолжительная, томительная пауза. Ребъ Борухъ Бердичевскій, показалось мнѣ, еще глубже утонулъ въ своемъ креслѣ и съежился больше прежняго. Довольно высокій лобъ старика замѣтно сморщился, и ермолка задвигалась на его макушкѣ.

— Такъ, такъ,—произнесъ онъ, наконецъ, шамкая своими безкровными, толстыми губами.—Времена, удивительныя времена на-

стали... Этотъ молокососъ... Этотъ мальчишка вздумалъ конкурировать со мною?! Это смѣло, очень смѣло съ его стороны...

Старикъ опять замолчалъ, лобъ его сморщился больше прежняго, а ермолка на головѣ буквально запрыгала. Эта послѣдняя особенность меня поразила. Я смотрѣла на него во все глаза и мысленно задала себѣ вопросъ: неужели его затылокъ устроенъ иначе, чѣмъ у остальныхъ людей: самостоятельно двигается онъ у него что ли, если онъ умѣетъ выкидывать такія штуки съ ермолкой?..

— Да правда ли все это?—обратился онъ къ толстому еврею.

— Ой, и какъ еще правда,—униженно кланаясь и чуть ли не вздрагивая, отвѣтилъ толстякъ.—Развѣ смѣлъ бы я вамъ рассказывать, еслибъ это было не такъ?..

— Въ такомъ случаѣ, вотъ что!..

Старикъ выпрямился въ своемъ креслѣ, длинныя, густыя брови его приподнялись, и большіе мутные глаза засверкали какимъ-то металлическимъ, сухимъ блескомъ.

— Вотъ что,—повторилъ онъ дребезжащимъ, но властнымъ голосомъ,—завтра ты увидишь этого мальчишку и скажешь ему отъ моего имени, чтобы онъ глупостей не затѣвалъ. Молодъ онъ еще, чтобы поперегъ дороги мнѣ стать!.. И горе ему, если не образумится—я его, съ Божьей помощью, уничтожу!.. Слышишь ли, уничтожу!..

Послѣднія слова онъ произнесъ съ такой силой и съ такимъ глубокимъ сознаниемъ своего могущества, что, какъ мнѣ казалось, совершенно измѣнился, превратившись изъ хилаго, плюгаваго старичка въ крѣпкаго духомъ и мощнаго тѣломъ, въ какое-то чуть ли не высшее существо, способное уничтожать на своемъ пути всякія препятствія какими бы то ни было средствами, ни предъ чѣмъ не останавливаясь, никого не страшась. Я съ поразительною ясностью почувствовала, что предо мною находится сила, и мнѣ сталъ вполне понятенъ благоговѣйный страхъ, граничащій съ ужасомъ, который я подмѣтила въ окружающихъ къ его особѣ, когда переступила порогъ столовой. Да, я вполне сознала, что предо мною былъ жидъ сильный, серьезный и такой же мстительный и грозный, какъ и Иегова, которому онъ поклоняется.

— Нехама,—произнесъ онъ прежнимъ, дребезжащимъ голосомъ и опять попрежнему весь съежился,—Нехама, прикажи, чтобы подавали воду; пора обѣдать.

М-ме Бердичевская позвонила; появилась прислуга, которой она повторила приказаніе старика. Черезъ минуту высокій «мешуресъ» (слуга, лакей) принесъ громадный серебряный тазъ и бронзовый кувшинчикъ, наполненный водой. За «мешуресомъ» шелъ мальчикъ, на правомъ плечѣ котораго болтались три бѣлоснѣжныя полотенца, а въ рукахъ было металлическое ведро съ водою. Мешуресъ и мальчикъ приблизились къ старику, который, трижды плеснувъ водою

сначала на правую руку, потомъ на лѣвую, взявъ съ плеча мальчика полотенце и, досуха, медленно вытирая руки, забормоталъ тихо губами молитву. «Мешуресь» и мальчикъ обошли всѣхъ присутствующихъ, и каждый изъ нихъ, подобно старику, омылъ руки и бормоталъ про себя молитву. Когда очередь дошла до меня, я какъ-то инстинктивно послѣдовала примѣру.

— Шевелите губами,—раздался надъ моимъ ухомъ чуть слышный шопотъ Михайла Борисовича, который какими-то судьбами очутился рядомъ со мной.—Ради Бога, шевелите губами... Отецъ за вами наблюдаетъ...

Я исполнила его просьбу и въ то же время устремила взглядъ на старика. Хотя мутные глаза его оставались полузакрытыми, тѣмъ не менѣе я почувствовала на себѣ его взглядъ.

За столомъ размѣстились въ слѣдующемъ порядкѣ: старикъ занялъ особое, предназначенное для него, почетное мѣсто; рядомъ съ нимъ помѣстилась Соренца; т-те Бердичевская усѣлась съ лѣвой стороны стола и усадила меня рядомъ съ собой; затѣмъ, на той же сторонѣ было постоянное мѣсто Розы, которая, какъ я уже сказала, сидѣла на высококомъ, дѣтскомъ стулѣ. На противоположномъ концѣ стола, визави съ супругой, усѣлся Михайлъ Борисовичъ, а рядомъ съ нимъ гости. Въ самомъ концѣ стола сидѣлъ Лейба, толстякъ, который докладывалъ о дѣлѣ старику, и еще какіе-то два еврея съ забытыми и испуганными физиономіями. Послѣдніе оказались приказчиками Бердичевскихъ, подобно Лейбѣ и толстяку.

Обѣдъ начался краткой молитвой, которую дребезжающимъ голосомъ прочелъ старикъ, а всѣ присутствующіе произнесли въ заключение: «аминь». Продолжался обѣдъ довольно долго; блюда чередовались въ изобиліи: всѣ ѣли съ большимъ аппетитомъ, исключая старика, который еле-еле прикасался къ кушаньямъ и все наблюдалъ, чтобы мать не обдѣлила Соренцу, и постоянно подкладывалъ ей изъ своей тарелки, поощряя ее кушать побольше. Да и я не могла похвастать аппетитомъ: всѣ подаваемые кушанья были подправлены различными пряностями, до которыхъ евреи большіе охотники, а я къ нимъ совсѣмъ не привыкла. Позднѣе я примирилась съ еврейской кухней, хотя не могу сказать, чтобы осталась ею довольна.

Во все время обѣда никто не проронилъ ни слова, и только, когда въ антрактахъ между блюдами старикъ обращался къ комунибудь изъ присутствовавшихъ, преимущественно къ приказчикамъ, сидѣвшимъ на противоположномъ концѣ длиннаго стола, съ какимъ либо вопросомъ,—ему отвѣчали по возможности кратко, почти односложно.

Но вотъ окончень не только утомительный обѣдъ, но и заключительная молитва, которую прочиталъ всякій про себя.

Старикъ откинулся въ своемъ креслѣ, зѣвнулъ во весь ротъ и произнесъ:

— Трубку!..

И m-me Бердичевская, и Михаилъ Борисовичъ одновременно и стремительно бросились изъ-за стола и моментально очутились предъ старикомъ, первая съ коробочкой спичекъ, а второй съ набитой трубкой.

— Мама, дай спички, я подамъ дѣдушкѣ огня,—произнесла Соренца.

Старикъ погладилъ ее по головѣ и пропашкалъ, обращаясь къ невѣсткѣ:

— Передай ей, прислуживать мнѣ ей доставляетъ удовольствіе.

— Большое, дѣдушка, удовольствіе,—кошачьимъ голосомъ, словно промяукала Соренца.—Я вѣдь тебя такъ люблю, такъ люблю... Больше всѣхъ на свѣтѣ... Больше, чѣмъ папу и маму...

— Только не больше Бога... Больше Бога никого любить нельзя...

— Я очень Бога боюсь...

По лицу старика скользнуло нѣчто въ родѣ улыбки.

— Бойся, Сорочка, Бога... Онъ любитъ боящихся Его и дарить ихъ Своими милостями...

Онъ медленно раскурилъ свою трубку, затянулся раза два, слегка кашлянулъ и вдругъ неожиданно раскрылъ глаза и уставился ими на меня въ упоръ. Я обомтѣла подъ упорно устремленнымъ взглядомъ его мутныхъ глазъ и почувствовала, что блѣднѣю; тѣмъ не менѣе, я благополучно выдержала его и въ свою очередь устремила на старика свои глаза, тоже въ упоръ.

— Храбрая ты дѣвушка,—произнесъ онъ послѣ довольно томительной паузы.

— Чѣмъ же я храбрая?

— Ты даже меня не боишься.

— Зачѣмъ же мнѣ васъ бояться?

— Конечно, съ чистою совѣстью меня бояться нечего... Если же ктонибудь приближается ко мнѣ съ обманомъ въ душѣ...

Онъ не докончилъ начатой фразы и не то строго, не то враждебно посмотрѣлъ на невѣстку, оиать взялся за трубку и сталъ медленно и сосредоточенно курить.

— Ты очень ученая дѣвица?—обратился онъ снова ко мнѣ.

— Училась я много, но далеко не ученая.

— Ты скромна, мнѣ это нравится.

Онъ опять строго посмотрѣлъ на невѣстку, а мнѣ улыбнулся и продолжалъ:

— Ты была въ христіанской школѣ?

— Да, я кончила гимназію, а потомъ была на Бестужевскихъ курсахъ.

— А что это такое Бестужевскіе курсы?

— Это нѣчто въ родѣ женскаго университета.

— И тамъ ты училась?!..—удивился старикъ и какъ-то дрябло засмѣялся.—Ой, много ты училась, очень много, а польза въ этомъ

какая? Ну, зачѣмъ тебѣ всѣ эти науки? Какую ты отъ нихъ имѣешь выгоду? Вотъ будешь за двадцать рублей въ мѣсяцъ обучать моихъ внучекъ (Михаилъ Борисовичъ сказалъ ему, что условился со мной только по 20 рублей въ мѣсяцъ, а не по 50 рублей), развѣ это деньги, развѣ стоило такъ много учиться, чтобы такъ мало заработать? Научилась бы лучше хорошо шить, открыла бы сначала маленькій модный магазинчикъ, потомъ бы полегоньку да помаленьку его бы все расширяла да расширяла—вышло бы гораздо больше пользы... Ты бы могла разбогатѣть, купчихой стать... Большой капиталъ нажить... И выходить, что иголка да ножницы стоятъ гораздо дороже, чѣмъ всѣ твои науки... Ну,—продолжалъ онъ послѣ нѣкоторой паузы, выпуская изо рта длинный чубукъ своей трубки,—скажи мнѣ, какія науки знаешь?..

Я отвѣтила, подробно перечисливъ множество названій наукъ, которымъ обучалась.

— Ахъ, сколько наукъ! Многому ты училась, очень многому. Мнѣ даже и всѣ эти названія неизвѣстны, а все-таки доживаю свою вѣкъ съ почетомъ и счастливо... Сумѣлъ же и безъ наукъ большіе капиталы нажить... Вотъ сынъ мой, Михаелке, ученіе меня, а невѣстка моя, Нехамъ, воображаетъ, что она противъ меня чуть ли не министръ, а всѣ наши почтенные гости смотрятъ на меня, какъ на выжившаго изъ ума старика.

— Я, дѣдушка, тебя люблю,—перебила его Соренца.

— Знаю, моя пташка: ты одна меня любишь... Онъ погладилъ ее по головкѣ и продолжалъ, обращаясь ко мнѣ.—Такъ вотъ я въ глазахъ ихъ всѣхъ глупый старикъ; всякій изъ нихъ меня, малограмотнаго старика, умѣе... А между тѣмъ я твердо убѣжденъ, что послѣ моей смерти накопленное мною богатство мой умный и ученый наслѣдникъ не только не увеличитъ, но все это у него исчезнетъ и пойдетъ прахомъ... А будетъ все это потому, что онъ ученъ, а жена его еще ученѣе, а у обоихъ вмѣстѣ ни на мѣдную даже копейку нѣтъ ума... Ну, да что объ этомъ говорить,—махнулъ онъ рукой.—Скажи мнѣ лучше, не обучали ли тебя на твоихъ курсахъ бухгалтеріи?

— Нѣтъ, бухгалтеріи не обучали.

— Вотъ это жаль: самой нужной науки ты не знаешь. Бухгалтерія можетъ хорошо прокормить человѣка. Знай ты бухгалтерію, я бы тебя посадилъ въ своей конторѣ... Много пользы могла бы приносить и себѣ и мнѣ!... Въ нашемъ городѣ нѣтъ хорошихъ, а главное честныхъ бухгалтеровъ... Всѣ они плуты и мошенники...

При послѣднихъ его словахъ одинъ изъ сидѣвшихъ у противоположнаго конца стола еврей сильно покраснѣлъ, но старикъ не обратилъ на него вниманія и продолжалъ:

— Да, всѣ мои служащіе воры и мошенники, а въ особенности бухгалтеры... Они всѣ меня обкрадываютъ и думаютъ, что я этого

не знаю... Жаль, очень жаль, что ты не знаешь бухгалтеріи... Теперь ты будешь даромъ, безъ всякой для насъ пользы, получать по 20 рублей въ мѣсяцъ, потому что моимъ внучкамъ всё твои науки не нужны... А какъ тебя зовутъ?—неожиданно окончилъ онъ вопросомъ.

Я забыла еврейское имя, подъ которымъ должна была ему представляться, и смѣшалась.

— Какъ тебя зовутъ?—съ нетерпѣніемъ повторилъ онъ свой вопросъ.

— Пеша,—пришла мнѣ на помощь и отвѣтила за меня m-me Бердичевская.

— Пеша,—повторилъ старикъ.—И ты стѣснялась сказать мнѣ свое имя потому, что тебя зовутъ Пеша? Положимъ, Пеша некрасивое имя, но чѣмъ ты виновата, если родители такъ тебя наименовали?

— Развѣ Пеша нехорошее имя?

— Ну, что хорошаго, если Пеша значить—«шейте».

— А что такое «шейте»?

— Неужели не знаешь, что значить «шейте»!—удивился старикъ.

— Не знаю,—подтвердила я.

— Что же это такое?—еще больше удивился онъ.—Всѣмъ наукамъ тебя научили, а о святомъ языкѣ нашемъ ты даже на столько не имѣешь понятія, что не знаешь такого простаго слова, какъ «шейте», что оно означаетъ «дура»... Ай, ай, ай, какіе же у тебя скверные евреи были родители, если не подумали обучать тебя святому языку и предпочли ему всякія мерзкія науки...

Старикъ продолжалъ говорить, но я его больше не слушала. Узнавъ значеніе имени, которое выдумала для меня m-me Бердичевская, я была убѣждена, что она это сдѣлала съ умысломъ, чтобы насмѣяться надо мной, унижить меня. Меня это до того разозлило, я до того была этимъ возмущена, что готова была открыть старику весь обманъ, чтобы отомстить этой противной жидовкѣ за нанесенную мнѣ обиду. Но, обернувшись въ ея сторону и посмотрѣвъ ей прямо и вызывающе въ лицо, я убѣдилась, что одно изъ двухъ: или она сама не знала значенія имени Пеша, или, если и знала, то ужъ довольно наказана за свою злую шутку надо мной. На m-me Бердичевской положительно лица не было: она была блѣдна, какъ смерть; широкій ротъ ея искривился въ страдальческую улыбку, а глаза ея,—эти большіе, дерзкіе, выпуклые глаза,—смотрѣли на меня съ такой унижительной мольбой, а вся ея нарядная фигурка, подъ впечатлѣніемъ обуявшаго ее страха, имѣла такой жалкій, униженный видъ, что я мысленно уподобляла ее ничтожному пресмыкающемуся и тутъ же рѣшила, что не стоитъ съ нею считаться. Мало того, я даже простерла до того свое великодушіе къ побѣжденному врагу,—каковымъ она въ данную минуту несомнѣнно была,—что постаралась ободрить ее успокоительнымъ взглядомъ.

— Пеша, вѣдь ты меня не слушаешь!.. — дошелъ до меня сердитый голосъ старика.

— Какъ не слушаю... Я слушаю васъ, дѣдушка,—повернулась я вторично къ нему.

— Дѣдушка?.. Ты назвала меня дѣдушкой.. Пускай такъ и будетъ. Я тебѣ разрѣшаю всегда меня такъ звать, а я постараюсь кое-что сдѣлать для тебя...

Онъ задумался, а я случайно посмотрѣла на Соренцу. Глаза ея были устремлены на меня съ такою злобой и ненавистью, и въ нихъ свѣтилось нѣчто такое свирѣбое и непримиримое къ моей особѣ, что будь передо мною взрослая женщина, а не десятилѣтній ребенокъ, я бы сказала, что дикая, необузданная ревность гложетъ ее, и что она готовится вступить со мной въ борьбу на жизнь и на смерть за своего любовника.

— Пешинька, я вотъ что сдѣлаю для тебя,—торжественно проговорилъ старикъ, словно произносилъ обѣтъ предъ Богомъ.—Спасу твою душу... Сдѣлаю изъ тебя еврейку... настоящую истую еврейку... Лейба!—обратился онъ къ послѣднему,—возлагаю на тебя обязанность обучать Пешу нашему святому языку.. Съ завтрашняго дня ты начнешь заниматься съ ней...

И, не дождавшись отъ Лейбы отвѣта, онъ поднялся съ кресла и, взявъ за руку Соренцу, ни съ кѣмъ не простившись, вмѣстѣ съ внучкой удалился изъ столовой. Когда они проходили мимо меня, Соренца зло, вызывающе посмотрѣла на меня, и взглядъ ея словно говорилъ: «онъ любить меня, меня одну, а ты для него чужая»...

По уходѣ старика удалились немедленно приказчики и Лейба. Изъ груди оставшихся вырвался, какъ будто, общій вздохъ облегченія, и лица всѣхъ какъ будто просвѣтлѣли. Въ особенности большую перемѣну я подмѣтила въ m-me Бердичевской. Она моментально какъ будто расцвѣла; манеры и движенія ея стали свободны, и необыкновенная живость проявлялась во всѣхъ ея послѣдующихъ дѣйствіяхъ.

— Ну, зачѣмъ вы тутъ торчите?—обратилась она къ боннѣ,—уведите Розу наверхъ. Поздравляю васъ, отъ всей души поздравляю васъ,—кинулась она ко мнѣ, овладѣла обѣими моими руками, крѣпко пожала ихъ и съ чувствомъ продолжала:—вы одержали блистательную побѣду!.. Вы, душечка, волшебница!.. Никогда еще никому не удавалось такъ понравиться нашему старику, какъ вамъ... Еслибъ вы знали, какое это большое счастье!..

— Что мнѣ въ вашемъ старикѣ, и почему это такое счастье?

— Не говорите, душенька, не говорите... Это большое, громадное счастье!.. Если вы ему понравились,—онъ для васъ все сдѣлаетъ, рѣшительно все...

— Мнѣ ничего не нужно отъ него.

— Если вамъ не нужно, то это нужно намъ... Надѣюсь, мы съ

вами друзья и большіе друзья... Вы себѣ представить не можете, какъ крѣпко я васъ полюбила... Я буду смотрѣть на васъ, какъ на родную сестру...

И, не давъ мнѣ опомниться отъ неожиданной переменѣны ея обращенія со мной, она совершенно озадачила меня, когда вдругъ обняла меня и расцѣловала.

— Простите, душенька, я еще не успѣла познакомить васъ съ нашими гостями,—продолжала она пѣвуче, стараясь придавать своему голосу по возможности больше мягкости и нѣжности.—Рекомендую вамъ: Миронъ Абрамовичъ Трындинъ, купецъ 1-ой гильдіи, банкиръ... Яковъ Марковичъ Треймлеръ, будущій миллионеръ, единственный наслѣдникъ знаменитой фирмы «Треймлеръ и К^о»... Акимъ Моисеевичъ Вайнеръ, богатъ, какъ Крезъ, и не удивительно: заводы его работаютъ на весь нашъ край... У насъ съ ними со всѣми не только дѣла, но и много дружбы... Это самые близкіе люди моего дома... Полюбите ихъ, они и съ вами будутъ друзья... Не правда ли, господа?—закончила она нѣсколько патетически, обращаясь къ гостямъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія,—отвѣтили всѣ трое въ одинъ голосъ.

Они подошли ко мнѣ и пожали мнѣ руку.

Только теперь я ихъ хорошенько разсмотрѣла. Трындину было лѣтъ около 45. По наружности это былъ человѣкъ довольно приличный и весьма мало походилъ на еврея—невысокаго роста, съ благообразнымъ, открытымъ лицомъ, выхоленными рыжеватыми бакками и добродушными, сѣрыми глазами. Съ лица его не сходила улыбка, и на видъ онъ казался человѣкомъ совершенно безобиднымъ. На самомъ же дѣлѣ, узнавъ его впоследствии поближе, я убѣдилась, что это человѣкъ хитрый, скрытный, недоброжелательный и вообще обладающій всѣми отрицательными качествами, свойственными полудивилизованнымъ евреямъ. Будущій миллионеръ Треймлеръ напротивъ былъ до того типиченъ, что съ перваго же взгляда произвелъ на меня впечатлѣніе прямо отталкивающее. Высокій, худоцавый юноша, съ узкой грудью, съ длиннымъ и кривымъ носомъ, съ широкимъ ртомъ и толстыми губами, съ маленькими, черными, блестящими, какъ у мышенка, глазками и съ курчавыми черными волосами, коротко остриженными, съ длинными руками, которыя какъ-то неуклюже изгибались,—онъ напоминалъ орангутанга. Прибавьте еще къ этому, что его узкій лобъ лоснился отъ пота, и взглядъ у него былъ заячій, трусливый.

Что же касается Акима Моисеевича Вайнера, то это былъ еврей высокій, толстый, плечистый, съ расчесанной въ ширь прекрасной русой бородой и большими, черными, умными глазами. Во всѣхъ его манерахъ и движеніяхъ, степенныхъ и важныхъ, такъ и сквозило сознание собственного достоинства, граничащее съ легкой примѣсью наглости.

Всѣ они были одѣты, какъ и подобаетъ цивилизованнымъ евреямъ, по модѣ, въ дорогихъ костюмахъ, съ толстыми золотыми часовыми цѣпочками во всю ширь жилетовъ, а на пальцахъ у каждаго красовались кольца весьма солидной стоимости. Въ присутствіи старика они сидѣли за столомъ въ шляпахъ, но лишь только онъ ушелъ, поспѣшили ихъ снять.

— Пойдемте, господа, въ садъ, здѣсь душно,—пригласила m-me Бердичевская.—Кофе и чай намъ подадутъ въ бесѣдку.

Она съ очаровательной улыбкой взяла подъ руку Треймлера и пошла впередъ; ко мнѣ подскочили одновременно Михаилъ Борисовичъ и Трындинъ, и оба галантно предложили мнѣ руку.

— Вы, какъ хозяинъ, должны уступить мнѣ вашу прекрасную фрейленъ,—молодцовато расшаркнувшись и любезно улыбаясь, произнесъ Трындинъ, обращаясь къ Бердичевскому.

— Я бы съ удовольствіемъ отказался отъ званія хозяина, лишь бы не уступить васъ ему, но, чтожъ дѣлать, долгъ прежде всего,—улыбнулся мнѣ Михаилъ Борисовичъ.—Съ болью, съ большущей болью въ сердцѣ и въ самой груди я уступаю васъ ему...

— А я съ большущей моей радостью беру ее...

Хозяинъ и гость оба хитро улыбнулись, вѣроятно, предполагая, что оба обнаружили достаточно и свѣтскости и изящества въ обращеніи съ дамой. Трындинъ вторично подставилъ мнѣ руку, въ которую я, нехотя, вложила свою, а Михаилъ Борисовичъ, комически расшаркнувшись предъ Вайнеромъ, взялъ послѣдняго подъ руку и, громко смѣясь, произнесъ:

— Благоволите замѣнить мнѣ даму...

— Развѣ дамы бываютъ такія рослыя и толстыя, какъ я?—въ свою очередь засмѣялся Вайнеръ.—Дамы народъ нѣжный, хрупкій и легкій, какъ пухъ...

Когда мы вышли въ садъ, Трындинъ наклонился къ моему уху и тихимъ шепотомъ произнесъ:

— Не откажите мнѣ въ моей покорнѣйшей просьбѣ—немножко со мною прогуляться... Я желалъ бы съ вами поговорить по душѣ...

И, не дождавшись моего отвѣта, онъ повернулъ въ сторону, по большой тополевой аллеѣ.

— Неужели вы думаете остаться въ этомъ домѣ?—задалъ мнѣ Трындинъ вопросъ, когда мы удалились на столько далеко отъ остальной компаніи, что подслушивать насъ никто не могъ.

— А что?—въ свою очередь спросила я.

Трындинъ добродушно засмѣялся и, мягко заглядывая мнѣ въ лицо, заговорилъ:

— Помилуйте, развѣ вамъ здѣсь мѣсто? Михаилъ Борисовичъ откровенно проговорился мнѣ, что вы христіанка, рѣшившаяся по просьбѣ его прикинуться еврейкой, для того, чтобы цивилизовать его жену и дѣтей. Развѣ вы здѣсь уживетесь? Вѣдь какъ ни ста-

рается эта дура, Бердичевская, поставить свой домъ на европейскую ногу, изъ этого ничего не можетъ выйти, пока живъ старый фанатикъ, этотъ бывший «фурманъ» (извозчикъ).

— Развѣ старикъ былъ фурманомъ?

— Не только фурманомъ былъ, но и ваксу продавалъ на улицахъ, и за копеечку чистилъ прохожимъ сапоги... Вѣдь онъ въ полномъ смыслѣ слова «амъ-горецъ» (невѣжда) и выскочка...

— Если вы о немъ такого сквернаго мнѣнія, зачѣмъ же подерживаете съ нимъ знакомство?

— А хоть бы затѣмъ, что онъ первый богачъ въ нашемъ городѣ: что онъ всѣхъ забралъ въ свои руки; что стоитъ ему захотѣть, и онъ можетъ всякаго довести до нищеты, разорить дотла, уничтожить...

— Вотъ онъ какой страшный?—съ сомнѣніемъ въ голосѣ перебила я его.

— Вы думаете, я преувеличиваю? Поживите побольше въ нашемъ городѣ, сами убѣдитесь... Это человѣкъ, не знающій жалости, не признающій никакихъ мнѣній, никакихъ авторитетовъ... Удача въ жизни настолько вскружила ему голову, что онъ все попираетъ ногами и всѣхъ давитъ своей силой...

— Откуда же появилась у него эта сила?

— Она появилась у него вмѣстѣ съ его милліонами... Вѣдь онъ милліонеръ; понимаете ли вы это—милліонеръ!... Шутка ли, что значить милліонеръ!... Дайте самому отпѣтому дураку въ руки милліоны, и онъ такъ поумнѣетъ, станетъ такимъ мудрецомъ... почище царя Соломона...

Трындинъ даже отпустилъ мою руку, остановился на мѣстѣ и благоговѣнно поднялъ вверхъ свои выхоленные руки. Тутъ только я поняла, какое значеніе способенъ еврей придавать деньгамъ. Если мы, христіане, любимъ деньги, какъ средство, дающее намъ возможность жить хорошо, то еврей любитъ деньги ради нихъ самихъ: деньги доставляютъ ему радость и счастье; придаютъ силу и мощь.

Все это я прочла на лицѣ Трындина и невольно почувствовала къ нему нѣчто въ родѣ гадливости.

— Пойдемте назадъ,—проговорила я послѣ нѣкоторой паузы.

— Назадъ?... Зачѣмъ назадъ?—опомнился отъ своего экстаза предъ деньгами Трындинъ.—Я еще съ вами не переговорилъ. Слушайте меня со всѣмъ вашимъ вниманіемъ. Въ домѣ Бердичевскихъ вы не уживетесь. То, что вы понравились старику, для васъ гораздо хуже... Если онъ какънибудь узнаетъ, что вы христіанка (и въ концѣ концовъ онъ непременно это узнаетъ: Соренца ему донесетъ на васъ)—вы пропали... Онъ вамъ такъ отомститъ, какъ вы вообразить себѣ не можете...

— Я не труслива, и месть старика мнѣ не страшна... Я во всякое время могу оставить не только его домъ, но и вашъ городъ...

— Ой, не говорите, захочетъ старикъ мстить вамъ—онъ и въ

Петербургѣ до васъ доберется... Вы не знаете, какая у насъ, евреевъ, крѣпкая организація, и что значить такой человѣкъ, какъ Борухъ Бердичевскій, который, одинъ изъ немногихъ, стоитъ во главѣ этой организаціи... Злѣйшему врагу своему не пожелаю очутиться въ борьбѣ съ этимъ всемогущимъ кагаломъ, имѣющимъ свои развѣтвленія не только у насъ, въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ... Куда бы вы ни скрылись, но если старый Борухъ захочетъ вамъ мстить, онъ при посредствѣ кагала повсюду доберется до васъ...

— Послушайте,—перебила я Трындина.— Вы мнѣ такіе ужасы рассказываете... Неужели вы думаете, что я, русская дворянка, побоюсь какого-то жида и какой-то жидовской организаціи, которую вы называете кагаломъ? Неужели вы думаете, что меня можно запугать подобными баснями?... Наконецъ, за что можетъ старикъ такъ безопадно мстить мнѣ? Не я же выдумала этотъ глупый фарсъ—войти въ домъ его подъ видомъ еврейки! Это выдумка его невѣстки и сына; имъ онъ за это и долженъ мстить...

— Конечно, ихъ онъ тоже не пощадить... И если у васъ доброе сердце, то изъ жалости къ нимъ, къ этимъ глупцамъ, вы должны оставить этотъ домъ... Вотъ я вамъ расскажу одну исторію, и вы поймете, на что способенъ этотъ старикъ... Михаилъ Борисовичъ, или Михаелке, какъ его величаетъ старикъ, совершеннѣйшій глупецъ и всѣхъ боится: и отца, и жены, у которой онъ совсѣмъ подъ башмакомъ. Она имъ командуетъ, какъ прислугой, и нисколько его не любитъ... Такую взбалмошную, глупую и злую женщину рѣдко встрѣтите... И хитра она, и лжива... Къ тому же еще упряма, какъ ослица Валаамова... Старикъ куда-то уѣхалъ недѣли на двѣ, и въ это время она вообразила себя совсѣмъ вольной птичкой, и такихъ она тутъ глупостей надѣлала, что просто срамъ... До старика, разумѣется, не все дошло... Однако-жъ, она между прочимъ выдумала такой фокусъ, что безъ всякихъ доносовъ и сплетенъ, самъ старикъ это увидѣлъ... Вздумалось ей совсѣмъ оевропеить своего супруга, и она приказала ему выбрить подбородокъ и обзавестись баками. Онъ, дуракъ, послушался и выполнилъ ея приказаніе. Когда пріѣхалъ старикъ и увидѣлъ это, то устроилъ такую штуку, что вы не повѣрите, когда я вамъ расскажу...

Трындинъ не то смущенно, не то загадочно посмотрѣлъ на меня и замолчалъ.

— Какую же штуку устроилъ старикъ?—спросила я, заинтересованная рассказомъ.

— Мнѣ, право, совѣстно вамъ рассказывать. Но такъ и быть,—Трындинъ рѣшительно махнулъ рукой и продолжалъ,—слушайте: старикъ, увидѣвши сына съ выбритымъ подбородкомъ, не сказалъ ему ни одного худаго слова, только засмѣялся и проивнесъ: «а я вѣдь тебя не узналъ, думалъ—«порець» (баринъ) какой-то, а выходитъ, что это ты, мой сынъ, Михаелке... Охъ, охъ,

охъ, какой ты важный порецъ...». Затѣмъ онъ приказалъ, чтобы на слѣдующій день устроили большой обѣдъ и созвали много гостей, по случаю благополучнаго окончанія весьма большого и выгоднаго дѣла. Обрадовался Михаелке, да и жена его обрадовалась, что такъ счастливо сошла для нихъ исторія съ баками, и захлопотали изо всѣхъ силъ о предстоящемъ обѣдѣ. Весь городъ созвали. Получилъ, разумѣется, и я приглашеніе. Начался обѣдъ довольно благополучно. Сначала старикъ былъ милъ и любезенъ со всѣми, какъ никогда. Мы всѣ диву дались: никогда мы не видѣли, чтобы онъ шутилъ, смѣялся, а тутъ онъ совсѣмъ на себя похожъ не былъ: со всѣми такой ласковый, разговорчивый; ну, словомъ, какъ будто не ребъ Борухъ Бердичевскій предъ нами, а обыкновенный, простой еврей... Замѣчалъ я только, что нѣтъ-нѣтъ, да эдакъ бокомъ посмотреть то на сына, то на невѣстку, и повѣрите ли, у меня отъ его взглядовъ мурашки по тѣлу пробѣгали. Однакомъ, все шло благополучно до самаго конца, но когда гости уже поглядывали на старика, ожидая его знака подняться изъ-за стола, ребъ Борухъ вдругъ, какъ будто вспоминая что-то, тихо произнесъ: «поѣли мы сладко, попили еще слаще, да и Господу Богу помолились; все, какъ слѣдуетъ, мы исполнили, а теперь, за мою хлѣбъ-соль, прошу дорогихъ гостей присутствовать, какъ я моего преступнаго сына наказывать буду... Женщины могутъ удалиться, кромѣ Нехамы,—она должна остаться и пускай полюбуется плодами рукъ своихъ...». Старикъ такъ зло захохоталъ, что намъ всѣмъ жутко стало. Когда женщины удалились, ребъ Борухъ приказалъ Лейбѣ позвать изъ кабинета кагалныхъ служителей, которые по его распоряженію находились тамъ съ самаго утра. Лишь только они явились, старикъ поднялся съ мѣста, выгнулся во весь ростъ и, обращаясь къ сыну, который былъ блѣднѣе смерти и весь дрожалъ, грозно произнесъ: «Ты забылъ завѣтъ Божій! Развѣ не сказано въ Св. Писаніи: «да не обреешь ты конца бороды своей, и да не коснется желѣзо твоего подбородка?»... Скажи, Михаелке, развѣ въ Св. Писаніи это не сказано? Или, можетъ быть, ты забылъ объ этомъ? Забылъ, что заповѣдалъ намъ самъ Господь Богъ-Цавоотъ?... Да,—продолжалъ старикъ медленно отчеканивая каждое слово и насквозь пронизывая злымъ взглядомъ свою жертву,—да, ты, очевидно, забылъ объ этомъ, и мнѣ, давшему тебѣ жизнь и породившему тебя, самъ Господь-Цавоотъ повелѣваетъ напомнить тебѣ о Его законахъ и напомнить такъ, чтобы ты никогда ихъ не забывалъ и не огорчалъ бы Бога своими злодѣяніями!... «Шамосимъ» (служители)!—крикнулъ онъ, обратившись къ послѣднимъ,—исполняйте, что вамъ приказано!»... Что произошло дальше, рассказывать тяжело. При такой тяжелой сценѣ врядъ ли ктонибудь когда присутствовалъ. На несчастнаго Михаила Борисовича набросились «шамосимъ», раздѣли его донага, растянули на полу, двое изъ нихъ сѣли ему на голову, двое на

ноги, а пятый, самый здоровеннѣйшій, началъ хлестать его толстымъ ремнемъ. М-ме Бердичевская упала въ обморокъ, но старикъ не обратилъ на это никакого вниманія и сосредоточенно и медленно считалъ удары...

Трындинъ замолчалъ. Нѣкоторое время, подъ впечатлѣніемъ разсказа, который показался мнѣ дикимъ и невѣроятнымъ, я до того была ошеломлена и возбуждена, что не могла произнести ни слова. Мнѣ вспомнились наши собственные, російскіе самодуры, Титы Титычи Островскаго. Но развѣ ихъ безобразія и причуды могутъ сравниться съ разсчитанной жестокостью стараго изувѣра жида, который совершаетъ преступленіе во имя своего Бога-Цавоота?...

— И вы при этомъ присутствовали и не помѣшали этому безобразію?—обратилась я къ Трындину, когда пришла въ себя отъ охватившаго меня волненія.

— Что же могъ я тутъ сдѣлать?—съ удивленіемъ спросилъ Трындинъ.

— Какъ, что? Вы должны были выгнать вонъ этихъ подлыхъ кагалъниковъ!... Должны были остановить изувѣра-старика... урезонить его... Помѣшать ему силой!... Какъ могли вы не заступиться за несчастнаго Михаила Борисовича?... Вѣдь это съ вашей стороны ужасно низко... подло!...

— Не горячитесь такъ, фрейленъ,—перебилъ Трындинъ, взявъ меня за обѣ руки.—Еслибъ я зналъ, что васъ это такъ взволнуетъ, не сталъ бы вамъ разсказывать... Но на меня вы напрасно нападаете: ни я, ни остальные гости не могли помѣшать случившемуся. Вѣдь ребъ Борухъ, какъ отецъ, имѣлъ право наказать своего сына, и если даже онъ былъ къ нему жестокъ, такъ на то онъ ребъ Борухъ Бердичевскій, и помѣшать ему никто не могъ... Шутка ли—идти противъ ребъ Боруха, вызвать его гнѣвъ! Вѣдь это значило бы вооружить противъ себя кагалъ!... А такихъ смѣльчаковъ среди насъ никогда не было и не будетъ...

— Что это такое за пугало, вашъ кагалъ? Почему онъ васъ такъ страшитъ? Неужели наши законы не могутъ защитить отъ него всякаго изъ васъ? Неужели онъ сильнѣе нашихъ законовъ?!...

— Конечно, кагалъ не только сильнѣе вашихъ законовъ, но онъ самая большая сила на свѣтѣ... Вы, фрейленъ, дѣвушка образованная и ученая, вамъ не безъизвѣстно, какая большая сила въ свое время были іезуиты; они держали въ своихъ рукахъ королей, императоровъ, папъ и управляли всѣмъ міромъ... Іезуиты были жестоки и для достиженія своихъ цѣлей не брезгали никакими средствами: убивали людей тайно и явно, пытали, жгли на кострахъ... Вы вѣдь все это знаете не хуже меня... Ну, такъ нашъ кагалъ, я полагаю, будетъ почище Іезуитскаго ордена... Конечно, всѣ дѣйствія кагала совершаются тайно, и никто никогда не можетъ ему помѣшать въ его дѣянїяхъ, а жертвамъ его нѣтъ числа. Онъ одинаково без-

пощадно расправляется со всякимъ, кто ему мѣшаетъ, кто ему сопротивляется; будь это еврей, или христіанинъ... А вы хотѣли,— закончилъ Трындинъ, немного помолчавъ,— чтобы изъ-за Михаила Борисовича ктонибудь рискнулъ собственной шкурой и пошелъ противъ кагала... Его высѣкли... Ну, такъ онъ же отъ этого не умеръ и не сдѣлался несчастнымъ на всю жизнь... Было немножко ему больно и стыдно, и все тутъ...

Противъ такихъ своеобразныхъ аргументовъ мнѣ нечего было возражать, и волнуемая различными мыслями, одна безотраднѣе другой, я забыла о своемъ кавалерѣ. Очевидно, мнѣ надо было немедленно бѣжать не только изъ этого дома, но изъ этого города, изъ этой среды. Если раньше, не зная евреевъ, я относилась къ нимъ недоброжелательно, то теперь, проведя въ еврейскомъ домѣ всего нѣсколько часовъ, я успѣла проникнуться къ нимъ непріязнью, и мнѣ стала противна даже мысль о томъ, что я должна дышать однимъ воздухомъ съ ними. Но странное дѣло, вполнѣ сознавая, какъ ненавистны они мнѣ, я ощутила въ себѣ какое-то острое любопытство, которое, помимо моей воли, вдругъ овладѣло мною: мнѣ захотѣлось непременно, во что бы то ни стало, изучить этихъ отверженцевъ, приглядѣться поближе къ жизни этихъ фанатиковъ-изувѣровъ... Не скрою, больше всего заинтересовалъ меня самъ старикъ Бердичевскій, который одновременно и отталкивалъ меня отъ себя и... привлекалъ. Не потому ли это, что на насъ, женщинъ, вліяетъ всякая сила, все равно, положительная или отрицательная; насъ одинаково увлекаютъ, и чистый ангель, и злой духъ? что мы, по своей натурѣ, склонны преклоняться предъ силой во всѣхъ ея проявленіяхъ?

Какъ бы то ни было, но я ясно сознавала, что вопреки разсудку останусь въ этомъ домѣ, и что любопытство, во мнѣ возбужденное, гораздо сильнѣе укоренившейся моей ненависти.

— На чемъ же вы рѣшили?—перебилъ Трындинъ мои думы.

— Я рѣшила, не смотря ни на что,—твердо отвѣтила я,— остаться пока у Бердичевскихъ...

— И съ завтрашняго дня будете брать уроки древнееврейскаго языка у Лейбы?—насмѣшливо перебилъ онъ меня.

— Отчего же и нѣтъ?—въ свою очередь вызывающе посмотрѣла я на него.—Древнееврейскій языкъ мнѣ ни въ чемъ не помѣшаетъ. Мнѣ даже любопытно...

— Какая же вы храбрая, безстрашная,— снова перебилъ меня Трындинъ съ прежней насмѣшливой улыбкой,—но не могу сказать, чтобы вы были очень разсудительны... Можетъ быть, — продолжалъ онъ серьезно,—ваши средства заставляютъ васъ пренебрегать явной опасностью; въ такомъ случаѣ могу вамъ предложить переѣхать ко мнѣ. Тогда вы не только ничего не потеряете, но еще выиграете: я вамъ буду платить на десять рублей въ мѣсяцъ больше, чѣмъ

вы получаете у Бердичевскихъ. Дѣвочки мои смиренныя, хорошія и благовоспитанныя, а моя мадамъ, прямо скажу вамъ, женщина рѣдкая. Вамъ у меня будетъ и выгиднѣе и гораздо пріятнѣе: не придется вамъ разыгрывать еврейку и притворяться, потому что у насъ въ домѣ нѣтъ такого реба Боруха, какъ здѣсь, а мы съ женой люди просвѣщенные, любимъ христіанъ и ведемъ съ ними знакомство... У меня и кухня на христіанскій манеръ...—Послѣднюю фразу онъ произнесъ шепотомъ и оглядываясь.—Ну, вѣдь вы дѣвица умная и, надѣюсь, согласитесь на мое предложеніе?

Я не успѣла высказать ему категорическій отказъ на его предложеніе, потому что вблизи насъ показалась м-ше Бердичевская подъ руку съ чахоточнымъ наслѣдникомъ знаменитой фирмы.

— А мы васъ ищемъ,—любезно произнесла м-ше Бердичевская, приблизившись къ намъ.—Намъ безъ васъ скучно... Пойдемте въ бесѣдку... Тамъ такъ прохладно, такъ хорошо...

Она оставила своего кавалера, взяла меня подъ руку и, обращаясь къ Треймлеру, произнесла:

— Не сердитесь на фрейленъ, что она лишаетъ васъ удовольствія продолжать прогулку подъ руку съ вами... Слышите, не смѣйте на нее сердиться, а любите ее, я вамъ приказываю!—Она сдѣлала ему граціозный жестъ, кокетливо улыбнулась и, наклонившись къ самому моему уху, прошептала:—онъ влюбленъ въ меня по уши и повинуется мнѣ, какъ рабъ... Могу его заставить сдѣлать, что мнѣ угодно...

Я посмотрѣла на поклонника м-ше Бердичевской и невольно усмѣхнулась: видъ у него былъ растерянный, жалкій, и вся фигура его изображала полное отчаяніе, которое дѣлало его смѣшнымъ, комичнымъ. Трындинъ зло улыбнулся и громко произнесъ:

— Не волнуйтесь и не огорчайтесь, Яковъ Марковичъ. Вамъ то и другое вредно... Берегите ваше здоровье, оно слишкомъ драгоценно для м-ше Бердичевской...

Не смотря на мое желаніе удалиться въ свою комнату, Бердичевская настояла, чтобы я осталась съ нею и ея гостями. Битыхъ два часа просидѣли мы въ бесѣдкѣ. Всѣ наперерывъ за мной ухаживали, старались занимать меня, точно важную особу. Я недоумѣвала, стараясь понять, чѣмъ объяснить такое заискивающее обхожденіе со мной, бѣдной гувернанткой. И только впоследствии, когда я ознакомилась съ евреями, мнѣ стало все ясно: въ натурѣ еврея вкоренилось нѣчто такое, что заставляетъ его постоянно чувствовать себя приниженнымъ въ присутствіи христіанъ. Какъ бы еврей ни былъ богатъ, цивилизованъ, развитъ, сколько бы ни презиралъ христіанъ, считая себя представителемъ высшей, избранной расы,—онъ въ присутствіи христіанина все-таки чувствуетъ себя неловко и всѣми силами старается подслуживаться, выказывать ему особое почтеніе. Впрочемъ, эту еврейскую особенность удостовѣрилъ даже

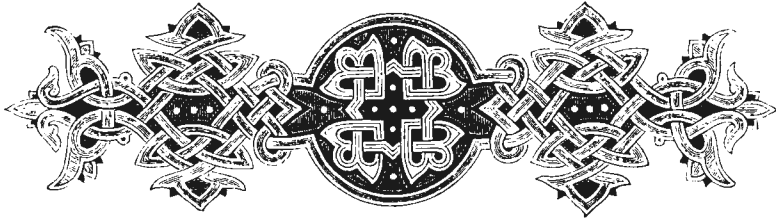
ихъ единовѣрецъ Лассаль. Онъ отзывался о ней съ крайней антипатіей и раздражительностью. Въ своемъ дневникѣ, который былъ опубликованъ послѣ его смерти, онъ пытался объяснить эту черту евреевъ тѣмъ, «что тысячелѣтня рабства привили имъ привычки рабовъ». Сомнѣваюсь, чтобы Лассаль былъ правъ: какъ умный еврей, онъ просто хотѣлъ взвалить вину на насъ, христіанъ, и далъ скорѣе остроумное, нежели вѣрное объясненіе причинъ еврейской приниженности.

Наконецъ, я вздохнула свободно: я очутилась въ своей комнатѣ и одна...

С. К. Литвинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ Е. П. ШУМИЛОВОЙ-МОЧАЛОВОЙ.

ОСЛѢ чествованія памяти артиста Павла Степановича Мочалова (въ 1892 году) ¹⁾ мнѣ пришлось вступить въ переписку съ дочерью его, Екатериною Павловною, по мужу Шумиловою. Пользуясь этимъ случаемъ, я просилъ Е. П. Шумилову сообщить мнѣ что нибудь изъ воспоминаній о ея знаменитомъ отцѣ и обо всемъ, что она припомнитъ примѣчательнаго о прошломъ. Отрывки изъ воспоминаній, сообщенные мнѣ Е. П. Шумиловою, снабжены мною нѣкоторыми примѣчаніями и дополненіями, приведены въ удобный для чтенія порядокъ и предлагаются теперь вниманію читателей.

Воспоминанія дочери Мочалова, при всей ихъ отрывочности, безспорно, имѣютъ значеніе, какъ матеріаль для біографіи нашего гениальнаго артиста.

Не смотря на то, что со смерти Мочалова прошло почти полстолѣтія, въ нашей литературѣ не существуетъ болѣе или менѣе полной его біографіи, какой онъ заслуживаетъ, какъ актеръ съ исключительнымъ талантомъ. Но, можетъ быть, во второмъ полу столѣтіи *появится, наконецъ, біографъ артиста и воспользуется тѣми фактами для характеристики его таланта и личности, которые даютъ воспоминанія его дочери.

Современное русское общество знакомо съ именемъ Мочалова, главнымъ образомъ,— или даже почти исключительно,— благодаря

¹⁾ Объ этомъ см. мою замѣтку Возобновленіе и охраненіе забытыхъ могилъ, въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1893 г., декабрь.

В. Г. Бѣлинскому, увлекавшемуся вдохновенною игрою Мочалова и писавшему о немъ и его талантѣ тоже вдохновенныя и увлекательныя статьи. Менѣе извѣстны полныя энтузіазма и горячаго поклоненія строки другого критика, Ап. А. Григорьева, ставившаго Мочалова въ ряду людей, имѣвшихъ вліяніе на теченіе нашей литературной и общественной жизни.

Но и тотъ, и другой критикъ касаются, главнымъ образомъ, артистической стороны личности Мочалова, а біографическія данныя о немъ, весьма не обильныя, разсѣяны въ различныхъ о немъ воспоминаніяхъ. Нелишнимъ поэтому будетъ предпослать запискамъ дочери П. С. Мочалова нѣсколько свѣдѣній о его жизни и дѣятельности.

Павель Степановичъ Мочаловъ (родился 3-го ноября 1800 года, † 16-го марта 1848 года) былъ сынъ актера московскаго театра и самъ съ юношескихъ лѣтъ сталъ актеромъ. Онъ получилъ домашнее воспитаніе и лишь нѣкоторое время слушалъ лекціи въ университетѣ. Дѣтство и юность Мочалова прошли въ домѣ отца, который былъ и первымъ учителемъ своего сына въ драматическомъ искусствѣ. На сынѣ, такимъ образомъ, должно было отразиться вліяніе отца.

Степанъ Ѳеодоровичъ Мочаловъ (умеръ 28-го іюня 1823 года) принадлежалъ къ первокласснымъ актерамъ стараго времени. Свою сценическую карьеру онъ началъ еще въ театрѣ Медокса и занималъ амплу драматическаго любовника и резонера. О немъ разсказываютъ, что онъ отличался прекрасными физическими средствами и сильнымъ выраженіемъ чувствъ въ роляхъ героевъ драмы и трагедіи ¹⁾). Одинъ изъ современниковъ въ своихъ запискахъ, относящихся къ 1805 году, даетъ такой отзывъ о С. Ѳ. Мочаловѣ: «Мочаловъ малый видный; играетъ вездѣ: въ трагедіяхъ, комедіяхъ и операхъ, и нигдѣ, по крайней мѣрѣ, не портитъ» ²⁾). Другой современникъ говоритъ о Мочаловѣ слѣдующее: «Мочаловъ былъ любимцемъ Москвы — высокій мужчина, съ благороднымъ лицомъ, и ему прощали, что онъ иногда закрикивался и, выражая ужасъ, разѣввалъ ужасно ротъ, стучалъ въ гнѣвъ каблуками и часто не зналъ ролей» ³⁾).

С. Т. Аксаковъ отзывается о С. Ѳ. Мочаловѣ, какъ о добромъ и талантливомъ человѣкѣ. Талантъ былъ въ немъ замѣтенъ, но отсутствіе всякаго искусства и непониманіе представляемаго лица убивали въ немъ его дарованіе. У него былъ одинъ приѣмъ, всегда блистательно удававшійся ему на московской сценѣ: въ какомъ нибудь

¹⁾ Драматическій Альбомъ, П. Аранова и А. Ропшольта, 1850, стр. LI.

²⁾ Записки Современника (С. П. Жихарева), Дневникъ студента, Спб., 1859 г., стр. 179.

³⁾ Репертуаръ, 1840, № 2, стр. 6—7. И мои воспоминанія о театрѣ, Н. А. Полеваго.

патетическомъ мѣстѣ своей роли бросался онъ на авансцену и съ неподдѣльнымъ чувствомъ, съ огнемъ, вылетающимъ прямо изъ души, скорымъ полупешотомъ произносилъ нѣсколько стиховъ или нѣсколько строкъ прозы и обыкновенно увлекалъ публику. Въ первый разъ это былъ точно сценическій порывъ, избытокъ вскипѣвшаго чувства. Замѣтивъ успѣхъ, Мочаловъ сталъ употреблять этотъ приемъ чаще, уже безъ всякаго прилива чувства и не впадевъ. Публика продолжала рукоплескать, и это избаловало артиста, онъ началъ плохо учить роли, забывалъ старыя, излѣнился, загулялъ и началъ постепенно падать во мнѣніи публики. Подняли и отрезвили его роли въ Мизантропѣ (заглавная) и еще въ двухъ старинныхъ комедіяхъ, въ которыхъ онъ превосходно игралъ ¹⁾.

Мочаловъ-отецъ самъ приготавливалъ сына къ дебюту на московской сценѣ. Незадолго до перваго выхода юноши на сцену, С. Т. Аксаковъ былъ у Мочаловыхъ, и отецъ заставилъ сына и дочь прочесть роли, въ которыхъ они выступали въ Эдипѣ въ Аѳинахъ (роли Полиника и Антигоны). И тогда уже, замѣчаетъ С. Т. Аксаковъ о молодомъ дебютантѣ, онъ показывалъ необыкновенный талантъ, бездну чувства и огня ²⁾.

Дебютъ Мочалова былъ блестящій ³⁾. Рассказываютъ, что по возвращеніи домой послѣ этого спектакля Мочаловъ-отецъ заставилъ свою жену снять съ сына-дебютанта сапоги.

— Чему ты удивляешься?—сказалъ онъ женѣ, остолбенѣвшей отъ такого приказа:—сынъ твой гений, а гению служить почетно ⁴⁾.

Фактъ этотъ характеризуетъ и отца Мочалова и нравы семьи, въ которой воспитывался будущій трагикъ.

Насколько быстро пошелъ Мочаловъ по пути выдающагося сценическаго успѣха, видно изъ того, что уже черезъ годъ, въ одномъ изъ журналовъ того времени, отзывались «съ великою похвалою о счастливомъ талантѣ г. Мочалова». Дарованіе 18-лѣтняго артиста обнаружилось настолько ярко, что «нѣкоторые московскіе любители драматическаго искусства согласились для окончательнаго образованія г. Мочалова отправить его на свой счетъ въ Парижъ». При этомъ высказывалось пожеланіе, чтобы Мочаловъ могъ ѣхать скорѣе за границу. Что касается до покровителей молодого таланта, то имъ въ ободреніе и похвалу было прибавлено: «благодѣтели найдутъ награду въ успѣхахъ Мочалова и совершенствѣ его таланта». Тутъ же напечатано было и стихотвореніе На игру г. Мочалова въ тра-

¹⁾ Сочиненія С. Т. Аксакова, С.-Петербургъ, 1886, т. 4, стр. 31—33.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Есть свѣдѣніе, что дебютъ этотъ состоялся 18-го августа 1817 года (Антрактъ, 1865 г., № 135). Но въ собственноручной записи Мочалова днемъ перваго его дебюта значится 4-е сентября 1817 года (Драматическій Альбомъ Арапова, приложение). Это же подтверждается и объявленіемъ о дебютѣ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, 1817, № 70.

⁴⁾ Русская Старина, 1886, № 4, стр. 190, Литературная кофейня въ Москвѣ, А. Д. Галахова.

гедіи Танкредъ, очень лестное для начинавшаго юноши-актера ¹⁾.

За границу Мочалову, однако, не пришлось поѣхать. Можетъ быть, благодѣтели раздумали посылать его туда на свой счетъ, а, можетъ быть, онъ и самъ, по свойству своей природы чуждавшійся общенія съ людьми, не захотѣлъ туда ѣхать. Но и безъ того успѣхи его на сценическомъ поприщѣ все росли и росли.

Критикъ 20-хъ годовъ, С. Т. Аксаковъ, приходитъ въ восхищеніе отъ «блестящаго, ослѣпительнаго и увлекательнаго» таланта Мочалова, который «очаровываетъ естественностью игры, огнемъ и вѣрнымъ чувствомъ». Но въ то же время онъ отмѣчаетъ и тотъ недостатокъ, который остается у Мочалова во весь періодъ его сценической карьеры. Съ понятнымъ чувствомъ досады истиннаго любителя театра критикъ указываетъ на тотъ прискорбный фактъ, что «Мочаловъ играетъ не всегда одинаково, и, восхищаясь имъ сегодня, нельзя надѣяться на то же удовольствіе въ слѣдующее представленіе той же пьесы».

В. Г. Бѣлинскій такъ опредѣлялъ въ послѣдствіи коренную причину этого явленія. «Въ мірѣ искусства,—замѣчаетъ онъ,—Мочаловъ—примѣръ поучительный и грустный. Онъ доказалъ, что одни природныя средства, какъ бы они ни были огромны, безъ искусства и науки доставляютъ торжества только временныя, и часто человекъ лишается ихъ именно въ ту эпоху своей жизни, когда имъ бы слѣдовало быть въ полномъ ихъ развитіи». И вотъ, благодаря такой неравномѣрности въ проявленіи таланта, взгляды на артистическую дѣятельность Мочалова были діаметрально противоположены. «Одни видѣли въ немъ высшую степень совершенства, до какой можетъ доходить трагическій талантъ, другіе видѣли въ немъ совершенно бездарнаго актера. Послѣднее сужденіе имѣло свое основаніе въ томъ, что Мочаловъ, надѣленный отъ природы богатыми сценическими средствами, пренебрегалъ ихъ развитіемъ и обработкою».

Многіе изъ современниковъ удостовѣряютъ, что Мочаловъ добросовѣстно относился къ своему дѣлу, всегда училъ и твердо зналъ роли, но, повидимому, на этомъ и окончивалось изученіе создаваемыхъ имъ типовъ и характеровъ. Остальное все было плодомъ вдохновенія — гениальнаго, непосредственнаго, неподготовленнаго вдохновенія. Князь А. А. Шаховской говорилъ о Мочаловѣ: «Бѣда, если П. С. начнетъ разсуждать. Онъ только тогда и хорошъ, когда не разсуждаетъ, и прошу я его всегда объ одномъ, чтобы онъ не старался играть, а старался только не думать, что на него смотритъ публика»²⁾.

По своему положенію въ тогдашнемъ обществѣ Мочаловъ не стоялъ такъ высоко, какъ могъ бы стоять по своему обаятельному таланту. Онъ чуждался общества. Изъ воспоминаній его дочери мы видимъ,

¹⁾ Благонамѣренный, 1819, ч. 5, № I, стр. 65—67. Стихотвореніе, о которомъ идетъ рѣчь, помѣщено ниже.

²⁾ Соч. С. Т. Аксакова, т. 4, стр. 67.

что кружокъ лицъ, посѣщавшихъ Мочалова, былъ довольно ограниченъ. Тутъ упоминаются имена Н. В. Беклемишева, малоизвѣстнаго литератора того времени, А. Н. Дьякова, учителя каллиграфіи и стихотворца, муза котораго, однако, не соприкасалась съ печатнымъ станкомъ, наконецъ извѣстнаго вполслѣдствіи С. А. Юрьева, тогда еще юноши—студента. Всѣ они были горячими поклонниками артиста, но не могли руководить имъ или вліять на него. Были у Мочалова, конечно, и другіе знакомые, люди съ хорошимъ общественнымъ положеніемъ, но вообще среда, въ которой онъ вращался, была совершенно не такая, какая окружала, напримѣръ, М. С. Щепкина, вращавшагося во все время своей жизни въ Москвѣ въ избранномъ кружкѣ литераторовъ и ученыхъ.

Люди развитые, которымъ приходилось сталкиваться съ Мочаловымъ, жалѣли этотъ зарываемый въ землю талантъ. Очарованные его вдохновенной игрой нѣкоторые изъ нихъ старались ввести его въ свой кругъ, но это было безуспѣшно. Одна изъ такихъ попытокъ была, какъ мы знаемъ, еще въ самомъ началѣ сценической дѣятельности Мочалова, когда его собирались отправить за границу. Пытался и въ 20-хъ годахъ С. Т. Аксаковъ ввести Мочалова въ свое общество, но ему тоже не удалось этого сдѣлать.

И въ концѣ своей жизни Мочаловъ оставался такимъ же чуждавшимся общества человѣкомъ. А. Д. Галаховъ рассказываетъ, какъ Мочаловъ держалъ себя въ извѣстной «Литературной кофейнѣ» сороковыхъ годовъ. «По какой-то застѣнчивости, говоритъ онъ, даже дикости, нерѣдко свойственной тѣмъ гениальнымъ талантамъ, которые, при отсутствіи воспитательной дисциплины, вели распущенный образъ жизни и не хотѣли подчиняться никакому регулированію, Мочаловъ не входилъ въ залъ кофейни, гдѣ были уже посѣтители, а садился у столика въ передней комнатѣ, противъ буфета, наскоро выпивалъ чашку кофе и затѣмъ торопливо удалялся, какъ бы боясь чтобы ктонибудь не завелъ съ нимъ разговора»¹⁾.

Это свойство характера, въ соединеніи съ гордостью самолюбиваго артиста, замыкало Мочалова въ тѣсный кругъ людей ограниченныхъ. Замѣтную черту въ его натурѣ составляла слабость характера. Мочаловъ былъ добрый, честный, благородный человѣкъ, но не обладалъ силою воли и не могъ взять самого себя въ руки. Пылкость страстей, неопредѣленная романтическая тоска, свойственная людямъ того времени, недостатокъ семейнаго счастья, полная неудовлетворенность богато одаренной натуры—съ молодыхъ лѣтъ заставили Мочалова броситься безъ оглядки въ ту пучину забвенія, которая вѣчно открыта передъ человѣкомъ, потопившимъ въ винѣ свои радости и горе.

Съ точки зрѣнія обыкновенной житейской морали, Мочаловъ, какъ

¹⁾ Русская Старина, 1886, № 4, стр. 183, Литературная кофейня въ Москвѣ.

человѣкъ, былъ просто любившій много выпить актеръ, какихъ было и будетъ всегда много. Его враги и вообще люди, поверхностно судившіе о немъ, находили даже связь между его вдохновенной игрой и возліаніями въ честь Бахуса. Не таковъ былъ Мочаловъ для тѣхъ, которые смотрѣли глубже и видѣли въ этомъ актерѣ не обыкновеннаго лицедѣя, хотя бы и талантливаго, но общественное явленіе, выраженіе духа того времени, царившаго въ литературѣ и обществѣ.

Въ своихъ статьяхъ «Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина» Аполлонъ Григорьевъ отводитъ и Мочалову мѣсто на ряду съ дѣятелями литературы. Стараясь выяснитъ, какимъ образомъ попало имя актера въ критическую статью о литературѣ, Григорьевъ, со свойственною ему порывистостью, посвящаетъ Мочалову много строкъ, полныхъ самаго пылкаго энтузіазма.

Мочаловъ, по опредѣленію критика, принадлежалъ къ тѣмъ могучимъ, но не гармоническимъ личностямъ, которыхъ у насъ закруживали стихійныя начала. Къ нимъ принадлежали Милоновъ, Костровъ, Радищевъ—въ прошломъ; Полежаевъ, Мочаловъ, Варламовъ—въ болѣе близкую къ намъ эпоху. Это стихійное начало—романтизмъ, но Григорьевъ возстаетъ противъ присвоенія этого названія тому явленію, которое оно опредѣляетъ. Это тревожно-лихорадочное, стихійное начало не было только романтическимъ, оно было сродно многимъ эпохамъ, но лишь въ разныхъ формахъ: то это сладкая, но все-таки тревожная и развѣдающая мечтательность Жуковского, тоска по прошедшемъ Шатобріана, мрачное, сосредоточенное отрицаніе Байрона, то судорожныя созданія Виктора Гюго и литературы 30-хъ годовъ, то борьба съ нимъ свѣтлой и ясной Пушкинскою натурою; то выражалось оно подчиненіемъ ему до моральнаго уничтоженія натуръ Марлинскаго и Полежаева, то Мочаловскими созданіями, то воплями Огаревскихъ монологовъ, то Фетовскими странными, но для души ясными намеками на какіе-то звуки...

Мочаловъ былъ могущественный представитель романтизма, «чародѣй», который творилъ вокругъ себя міры однимъ словомъ, однимъ дыханіемъ: но отъ него, кромѣ вѣянія этого дыханія, ничего не осталось; и—такъ еще мало отвыкли мы отъ казенщины и рутины въ пріемахъ—о немъ какъ-то странно говорить, говоря о писателяхъ, о литературѣ. Я разумѣю, говоритъ Григорьевъ, Мочалова—великаго актера, имѣвшаго огромное моральное вліяніе на все молодое поколѣніе тридцатыхъ годовъ,—великаго выразителя, который былъ гораздо больше почти всего имъ выражаемаго,—Мочалова, слѣдъ котораго остался только въ памяти его поколѣнія да въ пламенныхъ и высоко-поэтическихъ страницахъ Бѣлинскаго объ игрѣ его въ Гамлетѣ. Единственный человѣкъ, который стоялъ въ ту эпоху въ уровень съ Мочаловымъ богатствомъ романтическихъ элементовъ

въ душѣ, — Лажечниковъ, — не давалъ ему никакой пищи, потому что писалъ романы, а не драмы; эпохи новой, эпохи типовъ геніальный выразитель не дождался—и онъ творилъ изъ самыхъ бѣдныхъ матеріаловъ, творилъ, влагая въ скудныя формы свое душевное богатство...».

Этимъ вліяніемъ Мочалова на современное общество Григорьевъ и объясняетъ то, что имя его попадаетъ въ критическую статью о литературѣ, подобно тому, какъ имя Грановскаго, сравнительно мало писавшаго, занимаетъ видное мѣсто въ литературѣ другой эпохи. Какъ съ Грановскимъ сливается цѣлое жизненное воззрѣніе, цѣлое направленіе дѣятельности, такъ съ Мочаловымъ сливается эпоха романтизма въ мысли, романтизма въ искусствѣ, романтизма въ жизни—и если пришлось говорить о романтизмѣ, то нельзя миновать его имени.

Дѣятельность такого великаго актера, какъ Мочаловъ, Григорьевъ ставитъ на ряду съ дѣятельностью такого же великаго критика, какъ Бѣлинскій. Такая дѣятельность оставляетъ по себѣ долгій слѣдъ, рѣзкую струю могущественнаго дыханія въ воздухѣ эпохи.

Когда Григорьева упрекали за такое возвеличеніе Мочалова, онъ отвѣчалъ: «Изъ того литературнаго поколѣнія, къ которому принадлежу я, — а все это поколѣніе, за весьма немногими исключеніями, вышло на дѣятельность изъ одного центра, изъ Москвы, — нѣтъ человѣка, который бы не носилъ въ душѣ слѣдовъ вліянія этой могущественной артистической личности, залоговъ того романтическаго міра и тѣхъ романтическихъ впечатлѣній, съ которыми сроднилъ всѣхъ насъ геніальный выразитель романтизма. Фактъ несомнѣнный, что не Мочаловъ создался по даннымъ нашего, извнѣ пришедшаго, романтизма, что не Полевые и не Кукольники создавали Мочалова, а самъ онъ творилъ вокругъ себя оригинальный романтическій міръ; что выразитель явился въ лицѣ его прежде выраженія идеи въ словѣ и поэтическомъ образѣ. Фактъ тоже несомнѣнный, что міръ, имъ созданный, созданъ имъ изъ вѣяній его эпохи и въ свою очередь внесъ въ массу общей жизни могущественное вѣяніе, которое отдалось и въ словѣ, и въ звукѣ (Варламовъ), и въ нравственномъ настроеніи извѣстнаго поколѣнія. Какъ же послѣ этого, слѣдя преимущественно постепенность вѣянія, не говорить объ этомъ вѣяніи?»¹⁾

Великій трагикъ, говоритъ Григорьевъ въ другомъ мѣстѣ, есть цѣлая жизнь эпохи. Онъ тѣмъ былъ и великъ, что поэзія его созданій была, какъ вѣяніе эпохи, доступна всѣмъ и каждому. Эта страшная поэзія, закружившая самого трагика, разбиравшая Полежаева и нѣсколько другихъ даровитѣйшихъ натуръ, въ томъ числѣ поэта Иеронима Южнаго, — эта поэзія имѣла разныя отраженія въ разныхъ

¹⁾ «Сочиненія Аполлона Григорьева», изд. 1876, стр. 244, 279, 287, 339, 347.

«истор. вѣстн.», октябрь, 1896 г., т. LXXVI.

сферахъ общества. Одна изъ глубокихъ чертъ Любима Торцова Островскаго—это—то, что онъ жертва Мочаловскаго вліянія¹⁾.

Я остановился на характеристикѣ Мочалова, написанной Григорьевымъ, отчасти затѣмъ, чтобы, не входя въ ея критическую оцѣнку, показать, какъ глубоко и сильно отражалось вліяніе артистической дѣятельности нашего трагика, если она вызывала такіа строки. Приводить восторженные отзывы Бѣлинскаго объ игрѣ Мочалова я не стану, потому что они болѣе или менѣе общеизвѣстны и, во всякомъ случаѣ, извѣстнѣе статей Григорьева.

Такимъ образомъ, Мочаловъ, какъ артистъ и общественный дѣятель, опредѣленъ Бѣлинскимъ и Григорьевымъ, не считая характеристикъ и мнѣній о немъ другихъ его современниковъ. Первый выяснилъ обликъ Мочалова, какъ художественнаго гениа, второй — какъ общественнаго дѣятеля и представителя современной эпохи. Въ воспоминаніяхъ современниковъ Мочалова сохранились рассказы объ исполненіи имъ нѣкоторыхъ ролей, рассказы, ярко рисующіе минуты его вдохновенной игры. Репертуаръ Мочалова былъ разнообразенъ, начиная отъ водевилей, что случалось, конечно, чрезвычайно рѣдко, и кончая классическими трагедіями. Но были роли, въ которыхъ онъ являлся во всей силѣ своего таланта. Таковъ былъ Гамлетъ, таковы были Фердинандъ и Миллеръ (Коварство и Любовь), Мейнау (Ненависть къ людямъ и раскаяніе) и нѣсколько другихъ ролей.

Для тѣхъ сотенъ тысячъ зрителей, которые въ продолженіе сорока лѣтъ наслаждались игрою Мочалова, значеніе его дѣятельности опредѣлялось тѣми минутами эстетическихъ ощущеній, тѣмъ подъемомъ всего ихъ нравственнаго существа, которые возбуждалъ въ нихъ трагикъ своимъ сценическимъ гениемъ. И особенно замѣчательна была игра Мочалова тѣмъ, что всякій, кто разъ въ жизни видѣлъ эту игру въ минуты вдохновенія, навсегда сохранялъ объ этомъ спектаклѣ самыя восторженные и не тускнѣвшія отъ времени воспоминанія.

Многіе изъ современниковъ, писавшіе свои мемуары уже наклонѣ лѣтъ, напримѣръ, М. П. Погодинъ, А. Д. Галаховъ, М. Е. Кублицкій, съ такимъ одушевленіемъ и юношескою свѣжестью впечатлѣній вспоминаютъ объ игрѣ Мочалова, какъ будто они только вчера видѣли передъ своими глазами сцену, на которой игралъ Мочаловъ. Теперь еще живы современники Мочалова, издавшіе его на сценѣ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мнѣ приходилось говорить о трагикѣ. Какимъ оживленіемъ загораются ихъ потухающіе старческіе глаза при рассказѣ о Мочаловѣ, какая трогательная признательность къ нему за минуты былого наслажденія теплится въ ихъ охладѣвающимъ ко всему земному сердцѣ, какое почетное мѣсто занимаетъ

¹⁾ «Русское Слово», 1859, № 1, Слѣсъ, ст. Ап. Григорьева «Великій трагикъ».

имя Мочалова на страницахъ этихъ живыхъ лѣтописей невозвратнаго прошлаго!.. Полвѣка жизни не изгладили изъ души минутъ высокихъ чувствъ и ощущеній, — какъ же наполнялась душа этими чувствами и ощущеніями, когда передъ ними являлся на сценѣ самъ «чародѣй»...

А. Ярцевъ.

I.

Чествованіе памяти моего отца.—Старинное стихотвореніе, посвященное Мочалову.—С. Ѳ. Мочаловъ, мой дѣдъ.—Французская актриса m-lle Жоржъ.—Портретъ С. Ѳ. Мочалова.—М. С. Мочалова-Франціева и ея театральная карьера.—Случай съ поэтомъ А. С. Пушкинымъ въ театрѣ во время игры моего отца.—Братъ моего отца.

Общество для пособія нуждающимся сценическимъ дѣателямъ чествовало 4-го сентября 1892 г. память моего покойнаго отца, артиста Павла Степановича Мочалова, на его возобновленной могилѣ, на Ваганьковскомъ кладбищѣ, въ Москвѣ.

Я живу въ захолустьи, верстъ за двѣсти отъ Москвы, и, къ моему глубокому сожалѣнію, ничего не знала о приготовленіяхъ къ чествованію памяти моего отца, а о самомъ чествованіи прочитала, спустя нѣкоторое время, въ газетахъ.

И тогда чувство искренней благодарности пробудилось въ душѣ моей къ тѣмъ людямъ, которые вспомнили о моемъ отцѣ, какъ объ общественномъ дѣятелѣ, и торжественно почтили его память. Значить, не всегда вѣрны слова Шекспира: «схоронили—позабыли...».

Въ тѣ минуты, когда, благодаря такой чести, оказанной памяти моего отца, передо мною съ особенною силой воскресъ его образъ, и въ воображеніи пронеслось многое изъ прошлаго, — мнѣ невольно вспомнились стихи Глинки, писанные имъ отцу послѣ игры его въ «Танкредъ». Привожу эти стихи, какъ они были записаны мною со словъ отца; подлинникъ ихъ былъ потерянъ еще при его жизни. У отца былъ Танкредъ съ портретомъ его роли Танкреда, и на этой піесѣ были написаны стихи Глинки.

Вотъ это стихотвореніе:

Мочаловъ! Сколь ты прекрасною игрой
Умѣлъ изобразить Танкреда предо мной!
Твой даръ, волшебный даръ, злонловъ преживеть,
И слава генія въ потомствѣ не умретъ.
Теки своимъ путемъ, талантъ не умираетъ,
Онъ блещетъ, какъ луна надъ водной глубиной.
Того въ потомствѣ лавръ безсмертныхъ увѣнчаетъ,
Кто трогалъ здѣсь сердца волшебною игрой ¹⁾.

¹⁾ Стихотвореніе это было напечатано въ журналѣ Благонамѣренный, 1819 г., ч. 5 № 1, стр. 67, послѣ письма о Мочаловѣ, о которомъ сказано мною выше. Оно подписано такъ:

Итакъ, какъ я уже сказала, воспоминанія о прошломъ сопровождали полученное мною извѣстіе о чествованіи памяти моего отца. Когда А. А. Ярцевъ предложилъ мнѣ подѣлиться моими воспоминаніями, при посредствѣ печати, съ публикою, съ тѣмъ обществомъ, которое помнитъ моего отца, то я записала все, что сохранила моя память объ отцѣ и близкихъ ему людяхъ, и что, по моему мнѣнію, возможно и интересно передать въ печати.

Воспоминаній объ отцѣ у меня много, несмотря на то, что я осталась послѣ его смерти очень юною. Но изъ нихъ не все хочу я рассказывать, потому что многое интересно только лично для меня, какъ для дочери. Не будь чествованія памяти Мочалова, и не получи я предложенія А. А. Ярцева — писать воспоминанія, я никогда бы не рѣшилась рассказывать печатно о быломъ: такъ много, мнѣ казалось, прошло времени со смерти отца, а вѣдь слава артиста, думала я, умираетъ вмѣстѣ съ нимъ...

Къ этому надо прибавить, что въ молодости плохо слушаются рассказы про старину: голова тогда бываетъ слишкомъ занята не прошлымъ, а настоящимъ и будущимъ. Такъ и изъ моей памяти исчезло многое, что слѣдовало бы запомнить.

Я мало знаю, напримѣръ, о своемъ дѣдушкѣ, Степанѣ Ѳедоровичѣ Мочаловѣ, хотя навѣрное много о немъ при мнѣ рассказывали. Слыхала я, что дѣдъ мой былъ очень красивъ собою. Михаилъ Семеновичъ Щелкинъ говорилъ мнѣ: «Когда дѣдушка игралъ въ Мизантропѣ, я не видалъ красивѣе мужчины».

Онъ игралъ тогда съ знаменитой Семеновой. Приѣзжавшая въ то время въ Москву французская актриса, m-lle Жоржъ, предлагала Степану Ѳедоровичу за представленія тысячу рублей, чтобы онъ согласился съ нею играть, но дѣдушка не рѣшался, не владея хорошо французскимъ языкомъ ¹⁾.

У меня сохранился портретъ Степана Ѳедоровича Мочалова, писанный масляными красками. Портретъ этотъ, насколько я помню, работы извѣстнаго живописца и портретиста Тропинина, и если не его, то во всякомъ случаѣ одного изъ первоклассныхъ художниковъ того времени. Сохранились также у меня портреты моей матери и бабки, т. е. матери отца.

Относительно портрета С. Ѳ. Мочалова могу удостовѣрить, что это дѣйствительно его изображеніе. Портретъ этотъ достался мнѣ послѣ отца. Тетка моя, Марья Степановна, о которой сейчасъ я

«17 декабря 1818 г. Березинковъ». Четвертая строчка въ печатномъ текстѣ Благонамѣреннаго читается такъ:

И славы гения завистникъ упадетъ.

Примѣчаніе А. А. Ярцева.

¹⁾ Французская трагическая актриса Жоржъ приѣзжала въ Москву въ 1809 и 1812 годахъ. Во второй приѣздъ соперницей ея явилась Е. Е. Семенова, игравшая тѣ же роли.

Примѣчаніе А. А. Ярцева.

поведу рѣчь, подарила такой же портретъ дѣда М. С. Щепкину. Послѣ смерти Щепкина портретъ, вѣроятно, достался одному изъ его сыновей. Принадлежащій мнѣ портретъ С. Θ. Мочалова очень хорошо сохранился, а тотъ, который поступилъ къ Щепкину, былъ написанъ еще лучше моего, и уже навѣрное могу сказать, что онъ былъ работы Тропинина.

Семьею Богъ наградила дѣдушку Степена Ѳедоровича довольно большою; у него было трое сыновей—Павель, Платонъ и Василій, и дочь Марія, которые избрали себѣ театральную карьеру.

Сначала скажу нѣсколько словъ о теткѣ моей Марьѣ Степановнѣ. Она получила хорошее по тому времени воспитаніе и училась въ институтѣ¹⁾. Вскорѣ по выходѣ изъ института тетка моя поступила на сцену на трагическія роли. Дебютировала Марья Степановна вмѣстѣ съ моимъ отцомъ въ трагедіи «Эдипъ въ Афинахъ», Озе-рова. Отецъ игралъ роль Полиника, а тетка—Антигоны²⁾.

Успѣхъ Марья Степановна имѣла громаднѣйшій, получала большое жалованье. На ея бенефисъ покупали билеты на перебой и платили за нихъ чуть не тройныя цѣны³⁾.

У московской публики была тогда цѣлая семья любимцевъ Мочаловыхъ: дѣдъ мой Степанъ Ѳедоровичъ и только что начинавшіе свое артистическое поприще отецъ мой, Павель Степановичъ, и тетка, Марья Степановна. Впрочемъ, Марья Степановна играла недолго,—она сошла со сцены въ полномъ расцвѣтѣ своего таланта и вскорѣ вышла замужъ за полковника Франціева. Съ супругомъ своимъ она отправилась вояжировать по Руси, но замужемъ ей прожило недолго. Марья Степановна овдовѣла и пріѣхала къ намъ, въ Москву, чтобы поступить опять на московскую сцену.

¹⁾ Князь Ив. Мих. Долгорукій въ своихъ воспоминаніяхъ, названныхъ имъ «Кашнице моего сердца», рассказываетъ, что во время двѣнадцатаго года, когда Долгорукіе укрывались отъ французовъ въ своемъ подмосковномъ имѣніи, селѣ Никольскомъ по Строманской дорогѣ, то туда же бѣжалъ изъ Москвы и актеръ С. Θ. Мочаловъ съ своею семьею, среди которой была и дочь, только что выпущенная изъ института. Между прочимъ, Долгорукій воспоминаетъ, какъ забавень былъ трагикъ С. Θ. Мочаловъ, когда онъ пріѣзжалъ къ матери князя и трагически вопіялъ противъ невѣжества мѣстныхъ жителей. Не желая стѣснять Долгорукихъ, онъ хотѣлъ снять себѣ квартиру на близъ лежащемъ Лосинномъ заводѣ, но тамъ всполошились, когда узнали, что Мочаловъ—актеръ, и рѣшили не давать ему квартиры, дабы Богъ не покаралъ весь заводъ за пріемъ актера въ свою ограду. Послѣ изгнанія французовъ, С. Θ. Мочаловъ ѣздилъ играть въ Петербургъ и возвратился въ Москву, когда здѣсь устроился театръ.

Примѣч. А. А. Ярцева.

Примѣч. А. А. Ярцева.

²⁾ 14 сентября 1817 года.

³⁾ По отзыву П. Н. Арапова («Драматическій Альбомъ», LXXX), «М. С. Мочалова была принята какъ нельзя лучше». Послѣ появленія ея въ «Димитріи Донскомъ» были написаны стихи:

Довольно ты, Донской, защитниковъ имѣешь:
Отъ жада критики они тебѣ покровъ.
Ты сердцемъ Ксенія владѣешь,
А каждый зритель ей свое отдѣть готовъ.

Соперницей М. С. Мочаловой была тогда начинавшая свою сценическую карьеру М. Д. Львова-Синцевая.

Примѣч. А. А. Ярцева.

Я тогда была еще очень маленькою, лѣтъ 5—6-ти, но хотя смутно, а помню дебюты моей тетки и приготовленія къ нимъ ¹⁾. Для перваго выхода М. С. играла роль княгини Екатерины Шуйской въ драмѣ Кукольника «Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій». Помню, какъ она читала эту роль, и какъ приходилъ къ намъ читать свою роль Иванъ Васильевичъ Самаринъ, игравшій князя Скопина-Шуйскаго.

Второй дебютъ Мочаловой-Францѣвой былъ въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» ²⁾. Она играла роль Заремы; Марію играла Аграфена Гавриловна Рыкалова, а отецъ мой—Керимъ-Гирей. Говорили, что отецъ былъ удивительно хорошъ вообще въ этой роли и, какъ всегда, въ страстныхъ сценахъ былъ неподражаемъ.

По поводу исполненія отцомъ этой роли расскажу здѣсь кстати одинъ случай, касающійся нашего гениальнаго поэта, Александра Сергѣевича Пушкина.

Однажды, давали Бахчисарайскій Фонтанъ съ отцомъ моимъ въ роли Керимъ-Гирей. На этотъ разъ и Пушкинъ былъ въ театрѣ. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ пьесы. Но вотъ дошло до того мѣста, когда Зарема спрашиваетъ Марію:

Ужели такъ она прекрасна?
Ужели свѣтъ ея очей
Свѣтлѣ солнечныхъ лучей? ³⁾

И когда Мочаловъ началъ свой монологъ:

Ея плѣнительныя очи
Свѣтлѣ дня, чернѣ ночи
и проч.,

то Пушкинъ вскочилъ съ мѣста и сказалъ чуть не вслухъ:

— Совсѣмъ заставилъ меня забыть, что я въ театрѣ.

Объ этомъ случаѣ рассказывалъ мнѣ самъ отецъ.

Для третьяго дебюта своей сестры Мочаловъ поставилъ въ свой бенефисъ Эдипа въ Аѣинахъ. Марья Степановна играла Антигону, но была стара для этой роли. Хотя ей было всего 35 лѣтъ, но полнота дѣлала ее много старше на видъ. Вообще, дебюты М. С. Мочаловой-Францѣвой были очень успѣшны, но она не захотѣла поступить на императорскую сцену потому, что ей не давали того жалованья, которое она получала прежде. Трагическія роли тогда занимала Анна Матвѣевна Борисова ⁴⁾.

¹⁾ Это было въ половинѣ 1830 годовъ.

Примѣч. А. А. Ярцева.

²⁾ «Бахчисарайскій фонтанъ» представляетъ собою часть трилогіи князя А. А. Шаховскаго, носящей названіе Керимъ-Гирей и напечатанной въ 1841 г., № 11—12.

Примѣч. А. А. Ярцева.

³⁾ Дѣйствіе I, явленіе IV.

⁴⁾ Араповъ называетъ Борисову замѣчательной артисткой въ трагедіи; по его словамъ, она многое заимствовала отъ Ю. С. Семеновы. (Драматическій Альбомъ, стр. LVII).

Примѣч. А. А. Ярцева.

Не поступивъ на московскую сцену, тетка моя уѣхала въ провинцію, гдѣ и посвятила себя театральному поприщу. Тутъ она выступала, между прочимъ, и въ качествѣ антрепренерши и содержала театръ въ Калугѣ. Сначала она играла драматическихъ героинь, а съ теченіемъ времени перешла на роли водевильныхъ и комическихъ старухъ. Я ѣздила къ теткѣ гостить, когда она играла въ Воронежѣ. Это было уже послѣ смерти моего отца. На сценѣ въ этотъ разъ мнѣ не удалось увидать Мочалову-Франціеву.

Помню, что не успѣла я пріѣхать въ Воронежъ, какъ на другой день чуть не весь городъ узналъ объ этомъ, и тогдашній воронежскій губернаторъ, князь Долгорукій, прислалъ ко мнѣ полицеймейстера Колинъи просить меня, не сыграю ли я чтонибудь на мѣстномъ театрѣ. Я отказалась.

М. С. Мочалова-Франціева играла на сценѣ почти до старости; въ концѣ 50-хъ годовъ она пріѣхала ко мнѣ въ Москву и вскорѣ умерла. Портретъ ея, писанный Тропининымъ, купленъ былъ Кокоревымъ и сохранялся въ его картинной галлерей¹⁾.

Какъ это часто бываетъ въ семьяхъ актеровъ, всѣ дѣти Ст. Оед. Мочалова пошли по отцовской дорогѣ. Кромѣ моего родителя и тетки, двое другихъ дѣтей Степана Оедоровича, Платонъ и Василій Степановичи, были тоже актерами. Изъ нихъ Платонъ считался хорошимъ комикомъ²⁾. Что касается до Василя, то онъ былъ актеръ посредственный, игралъ въ провинціи, гдѣ женился и умеръ; послѣ него осталась дочь, которая тоже играла на провинціальныхъ театрахъ.

Мать моего отца была тоже актриса на роли субретокъ, и такимъ образомъ изъ всей семьи Мочаловыхъ мнѣ одной не суждено было служить Талія и Мельпоменѣ.

II.

Наша семья.—Дѣдъ мой по матери.—Семейная жизнь Мочалова.—Моя мать.—Сплетни про женитбу Мочалова.—Любовь его къ семьѣ.—Черты его характера.—Несчастливая страсть Мочалова.—Грустные минуты его жизни.

Теперь перейду къ тѣмъ роднымъ моего отца, которые составляли нашу семью въ то время, когда я уже была на свѣтѣ и жила въ этой семьѣ.

¹⁾ М. С. Мочалова-Франціева въ послѣдніе годы жизни имѣла пріютъ у М. С. Щепкина, а умерла въ Шереметьевской богадѣльнѣ, въ Москвѣ. Она просила себя похоронить подлѣ могилы Щепкина († 1863). Теперь мѣсто ея погребенія занято другими покойниками. Картинная галлерей Кокорева раздѣлена между его наследниками. Примѣч. А. А. Ярцева.

²⁾ Платонъ Степановичъ Мочаловъ похороненъ рядомъ съ своимъ отцомъ и знаменитымъ братомъ. Изъ надписи на гранитной плитѣ, покрывающей его могилу, видно, что онъ былъ младшій братъ трагика, родился 18 ноября 1801 года, скончался 2 августа 1829 года.

Примѣч. А. А. Ярцева.

Кромѣ моихъ родителей, семейство наше состояло тогда изъ дѣда и бабушки моихъ по матери и изъ одного баловня ребенка, какимъ я была среди своихъ близкихъ родныхъ. Дѣдъ мой былъ изъ купцовъ. Человѣкъ онъ былъ честный и держался на жизнь и на людей старинныхъ взглядовъ и понятій. Въ этой отсталости нельзя было упрекать его, такъ какъ онъ не получилъ никакого образованія. Хотя впоследствии и старался онъ просвѣтить себя чтеніемъ, но что кому не далось смолоду, того трудно потомъ добиться самому. Бываютъ и такіе избранные люди, для которыхъ это дѣлается возможнымъ, какъ М. С. Щепкинъ, но вѣдь и рѣдко встрѣчаются подобныя примѣры...

Самъ по себѣ мой дѣдъ по матери не былъ, конечно, ничѣмъ замѣчательнъ и не принадлежалъ къ числу выдающихся людей на какомъ либо поприщѣ общественной дѣятельности. Но я заговорила о немъ вотъ почему.

Прочитывая появившіяся въ свѣтъ воспоминанія о быломъ, и въ томъ числѣ и объ отцѣ моемъ, я встрѣчала указанія на то, что отецъ мой былъ несчастливъ въ семейной жизни. Мнѣ кажутся странными такія заявленія. Насколько я могу запомнить, съ тѣхъ поръ, какъ я стала понимать жизнь, на моихъ глазахъ жизнь отца шла вполне счастливо. А я осталась послѣ отца 18-ти лѣтъ.

И вотъ тутъ-то приходится сказать про дѣда, что онъ очень любилъ своего зятя, всякое желаніе его исполнялъ свято. Вся семья также любила моего отца, почитала его талантъ, и онъ былъ полнымъ владыкою дома.

Мать моя была женщина добрая, кроткая, благоговѣвшая передъ мужемъ. Когда онъ пріѣзжалъ изъ театра и рассказывалъ ей о своихъ впечатлѣніяхъ, о своихъ трофеяхъ, она слушала его—и понимала его сердцемъ. Правда, она была женщина мало-образованная, но отъ природы не глупая, а главное, она страстно любила своего мужа, какъ артиста и человѣка.

Заговоривъ о матери, я не могу пройти молчаніемъ одного изъ воспоминаній о Мочаловѣ, которое мнѣ кажется если не клеветой, то во всякомъ случаѣ легкомысленнымъ пересказомъ непровѣренныхъ слуховъ и сплетенъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ г. Аванасевъ¹⁾ утверждаетъ, что Мочаловъ женился потому, что задолжалъ

¹⁾ Ник. Яковлевичъ Аванасевъ, музыкантъ оркестра московскихъ и петербургскихъ театровъ, преподаватель музыки и композиторъ оперы Амалать-Бекъ, перваго русскаго струннаго квартета Волга и другихъ произведеній. Въ своихъ воспоминаніяхъ (Историческій Вѣстникъ, 1890, № 7, стр. 37—38) Н. Я. Аванасевъ пишетъ, что «нашъ трагикъ (Мочаловъ), гуляя по Александровскому саду, непременно заходилъ въ кофейную и выпивалъ когда рюмку водки, а когда и больше. Въ теченіе извѣстнаго времени за нимъ было записано на 800 рублей выпитыхъ имъ рюмокъ. Расплатиться Мочалову было нечѣмъ, такъ какъ деньги у него не залеживались. У хозяина кофейной была дочь. Нравилась ли она Мочалову или нѣтъ—не знаю, но только, чтобы расквитаться съ долгомъ онъ предлагалъ, хозяину выдать за него дочь и списать долгъ, что было принято и исполнено».

моему дѣду за водку, выпитую имъ на большую сумму въ кофейной, которую содержалъ мой дѣдъ.

Но прежде всего мой отецъ никогда не пилъ простой водки, а всегда виноградное вино. Женился онъ по страстной любви, будучи года три влюбленъ въ мою мать. Дѣдъ мой дѣйствительно содержалъ кофейную противъ Александровскаго сада, гдѣ бывали всѣ тогдашніе артисты и писатели, гдѣ бывалъ и Мочаловъ¹⁾. Увидавъ хорошенькую дочку содержателя кофейной, мой отецъ скоро въ нее влюбился, а потомъ и женился, взявъ ее безъ всякаго приданого. Родители моей матери были даже противъ этого брака. Но дѣдъ мой любилъ театръ, любилъ Мочалова, какъ артиста, и волею-неволею согласился выдать за него дочь.

И я хорошо помню, что и впослѣдствіи отецъ мой любилъ жену, постоянно дѣлалъ ей дорогіе подарки, любилъ, чтобы она всегда ходила разодѣтой, и напротивъ терпѣть не могъ, когда я надѣвала брилліанты.

Жила еще въ нашей семьѣ моя прабабушка, бабушка моей матери. Ей тогда было больше 90 лѣтъ. Старушка отлично помнила моръ, Пугачевщину и много рассказывала про старинныя былины. Сказки ея прямо просились въ печать. Отецъ любилъ слушать ее и бесѣдовать съ нею про былое.

Вообще я ничего теперь не припоминаю, изъ чего бы могла заключать, что отцу тяжело жилось въ семьѣ, что онъ былъ въ нравственно-угнетенномъ состояніи. Будучи добрымъ и честнымъ человекомъ, отецъ мой вмѣстѣ съ тѣмъ отличался и характеромъ скорѣе веселымъ, чѣмъ мрачнымъ. Страшно былъ онъ вспыльчивъ, но, быстро вспыхнувъ, скоро и охладѣвалъ въ своемъ гнѣвѣ или досадѣ.

Какъ семьянинъ, отецъ вполне заслуживалъ названіе «хорошаго семьянина». Въ домѣ цѣлый день, бывало, только и раздавался его голосъ. Рассказывалъ онъ иногда самыя обыкновенныя вещи, го-

Чтобы выяснитъ въ этомъ случаѣ противорѣчіе между воспоминаніями Аванасьева и дочери Мочалова, прежде всего надо затѣтить, что Аванасьевъ писалъ о женитбѣ Мочалова, очевидно, по старымъ слухамъ, которые по отношенію къ знаменитымъ людямъ принимаютъ всегда преувеличенный и легендарный характеръ. Аванасьевъ поступилъ на службу въ Московскій театръ въ 1838 г., то-есть, когда Мочаловъ былъ уже давно женатъ, и изъ воспоминаній его не видно, чтобы онъ былъ лично знакомъ съ трагикомъ. И самое количество выпитой Мочаловымъ въ кофейнѣ водки слишкомъ велико и подрываетъ достовѣрность свѣдѣній о женитбѣ артиста. Если Мочаловъ заходилъ въ кофейную большую часть двѣй года, напримѣръ, 200 дней выпивалъ не по одной, а по пяти рюмокъ каждый разъ, уплачивая по 10 коп. за рюмку, то и тогда 800 рублей за выпитую водку могло накопиться лишь въ теченіе восьми лѣтъ. А это слишкомъ большой срокъ, чтобы Мочаловъ, отличавшійся строгой честностью и щепетильностью, не нашелъ возможности постепенно уплачивать долгъ въ тѣ моменты, когда деньги бывали у него въ рукахъ.

Примѣч. А. А. Янцева.

¹⁾ Тестъ Мочалова, Иванъ Артамоновичъ Баженовъ, содержалъ въ Москвѣ «литературную» кофейную, какъ ее называли тогда. Здѣсь собирались, главнымъ образомъ, артисты, литераторы, журналисты, профессора и люди другихъ интеллигентныхъ профессій. Кофейная находилась недалеко отъ театра и соединялась особымъ проходомъ съ извѣстнымъ московскимъ трактиромъ Печкина.

Примѣч. А. А. Янцева.

ворилъ о самыхъ мелочахъ или пустякахъ, но всегда такъ, что его можно было заслушаться,—до того хороши были переливы его голоса, а особенно, когда онъ бывалъ въ духѣ¹⁾.

Все это такъ, но бывали минуты страданій для отца, а глядя на него и сочувствуя ему,—и для всей семьи, счастье которой тогда отравлялось. Это были тѣ моменты въ жизни Мочалова, когда имъ овладѣвала его несчастная страсть къ Бахусу, и когда онъ становился другимъ человѣкомъ.

Всякому будетъ понятно, если я скажу, что горько и тяжело вспоминать мнѣ объ этихъ скорбныхъ минутахъ жизни моего отца. Хотѣлось бы пройти мимо этихъ грустныхъ воспоминаній. Для меня самыми невыносимыми минутами были при жизни отца тѣ, когда онъ предавался своей пагубной страсти. А послѣ его смерти, и до сихъ поръ, переживаю я минуты самага неприятнаго чувства, когда читаю или слышу рассказы и воспоминанія объ этомъ несчастіи моего отца. Досадно и больно это было для меня, и вотъ почему я прежде боялась писать свои воспоминанія. Все подобное, что я читала въ журналахъ, меня сильно возмущало,—а могла ли я это оспоривать, вѣдь это было въ его молодости, которая и самой мнѣ извѣстна только по рассказамъ родныхъ. Меня страшно волновали, какъ теперь припоминаю, воспоминанія Панаева²⁾.

Опровергать, что Мочаловъ кутилъ, было бы нелѣпо. И я помню тѣ печальные часы, когда отецъ мой дѣлался инымъ человѣкомъ. Тогда онъ любилъ только меня одну, звалъ къ себѣ въ кабинетъ, заставлялъ меня читать стихи и самъ мнѣ читалъ—и какъ читалъ!...

Чтеніе стиховъ, скажу здѣсь ксати, всегда выходило великолѣпно. Бывало, многіе изъ знакомыхъ его мнѣ говорили: «Прочтеть Павелъ Степановичъ свои стихи — мы слушаемъ, восторгаемся и просимъ его дать намъ стихи домой списать. А придешь домой, читаешь и видишь, что въ стихахъ ничего нѣтъ особеннаго, самые посредственные, такъ что не стоитъ и списывать»³⁾.

¹⁾ Голосъ Мочалова, по отзывамъ современниковъ, производилъ всегда сильнѣйшее впечатлѣніе. Въ одно и то же время нѣжный и сильный, мягкій и звучный, голосъ Мочалова проникалъ въ душу слушателей и способенъ былъ выражать всѣ отбѣнки человѣческихъ страстей.

Примѣч. А. А. Ярцева.

²⁾ Въ своихъ Литературныхъ воспоминаніяхъ (ч. 2, глава I) И. И. Панаевъ рассказываетъ о поѣздкѣ въ 1839 г. въ Москву, при чемъ ему очень хотѣлось посмотреть Мочалова въ Гамлетѣ, но это ему долго не удалось. Загоскинъ, директоръ Московскаго театра, желавшій показать Панаеву Мочалова во всемъ блескѣ, говорилъ, что трагикъ запылъ, и надо пообождать. Когда трагикъ «пришелъ въ себя», то поставили Гамлета, но Мочаловъ игралъ въ этотъ разъ плохо. Кромѣ того, со словъ С. Т. Аксакова, Панаевъ рассказываетъ о попыткахъ постѣднаго огорвать Мочалова отъ его непривлекательной жизни. Мочаловъ давалъ слово остепениться, проклиналъ свою слабость, крѣпился нѣкоторое время, а затѣмъ опять принимался за кутежи.

Примѣч. А. А. Ярцева.

³⁾ Нѣкоторыя изъ стихотвореній Мочалова напечатаны въ старинномъ сборникѣ-альманахѣ Литературный Кабинетъ (М., 1842) и въ журналѣ Репертуаръ и Пантеонъ (1846, т. 14, кн. 5). И сборникъ этотъ и журналъ сдѣлались теперь библиографическою рѣдкостью, поэтому мы приведемъ два-три стихотворенія Мочалова, чтобы познакомить читателей

У отца было много хороших стиховъ, напримѣръ, прелестное стихотвореніе Къ дочери, которое онъ при жизни отдалъ переписать А. И. Лаврову; потомъ оно перешло къ Шервудъ, и теперь отыскать это стихотвореніе трудно. Прекрасно было также написано стихотвореніе, начинавшееся словами: «Прошелъ пахарь поле». Оно осталось у С. А. Юрьева.

Приведенное въ примѣчаніи стихотвореніе Отвѣтъ могильщику отецъ очень любилъ читать. У него особенно прекрасно вышло это мѣсто:

Курганъ, свѣжимъ дерномъ, цвѣтами покрытый,
Быть можетъ, разроютъ съ улыбкою злой.

Объ этомъ стихотвореніи вотъ что рассказывалъ самъ отецъ. «Былъ я, говорилъ онъ, одинъ разъ у Беклемишева, когда у него гостилъ Меркли (т. е. Иеронимъ Южный). Меркли прочиталъ мнѣ своего

съ его музой. Въ Литературномъ Кабинетѣ, кромѣ Мочалова, помѣстили свои статьи и стихотворенія и другіе акты Московскаго театра: Д. Т. Левскій, А. П. Славинъ, С. П. Соловьевъ и Цыгановъ. Мочалову здѣсь принадлежатъ стихотворенія: Русское спасибо, посвященное Н. В. Б (еклемишеву), Ахъ, ты, солнце, солнце красное, Старый боръ, черный боръ и Отвѣтъ могильщику. Въ Репертуарѣ помѣщены четыре стихотворенія Мочалова: Торквато Тассо въ больницѣ св. Анны и три русскія пѣсни: Въ хороводѣ поемъ пѣсню мы, Скоро ли, буйные вѣтры, уймется и Не гляди на меня, не кори ты меня. Всѣ стихотворенія Мочалова проникнуты элегическимъ тономъ, романтическою тоскою по милой сердцу, жаждою и исканіемъ чего-то невѣдомаго и въ то же время недовольствомъ, неудовлетворенностью тою житейскою прозой, которая окружаетъ поэта. Вотъ стихотвореніе Мочалова, посвященное драматической артисткѣ М. Д. Львовой-Синепкой, игравшей вмѣстѣ съ трагикомъ главныя роли. Оно приведено въ воспоминаніяхъ режиссера московскаго театра С. П. Соловьева (Антрактъ, 1865 г., № 50):

Ахъ, ахъ, нѣтъ, друзья, я не приду въ бесѣду вашу,
Веселья вашего не отравлю собой.
Испейте безъ меня всю наслажденья чашу,
А я остануся одинъ съ моей тоской!
Прошла пора, когда бокаль самозабвенья
Я осушалъ до дна среди моихъ друзей
И, чувствуя тогда всю нѣгу наслажденья,
Я думать, говорилъ и вспоминалъ о ней.
Прошла пора, она во вѣкъ не возвратится,
Былого счастья мнѣ больше не видать
И, вспоминая былъ, мечтой не наслаждаться.
Все кончено — и мнѣ ужъ больше не мечтать.

Изъ стихотвореній на мотивы русскихъ пѣсней и напоминающихъ поэта Кольцова возьмемъ слѣдующее (Литературный Кабинетъ, ч. 2, стр. 13—14).

Старый боръ, черный боръ,
Не шуми въ тишинѣ:
Ужъ и такъ безъ нея
На родной сторонѣ
Скучно мнѣ.
И далеко уйду,
И далеко снесу
Ношу тяжкую мнѣ—
Душу злую мою.
И уйду отъ людей,
Я размычу тоску
Средь широкихъ стѣнъ.

Могильщика. Мнѣ такъ понравились стихи, что тогда же, шедши отъ Беклемишева Тверскимъ бульваромъ, я имѣлъ уже въ головѣ Отвѣтъ могильщику.

У Меркли были еще прекрасные стихи: Пигмаліонъ и Двѣ Офеліи. Последнее стихотвореніе было посвящено Мочалову. Меркли писалъ:

Кому же въ жизни нашей трудной,
Гдѣ сердцемъ грустно, страшно жить,
Портретъ Офеліи безумной
Какъ не Гамлету посвятить.

Возвращаясь къ прерванному разсказу, скажу, что дѣйствительно грустное, тяжелое это было время, когда отецъ предавался своей страсти. Видѣть, какъ такой гениальный человѣкъ, этотъ «другъ Шекспира» — и такъ низко падаетъ... Были минуты, когда,

Если жъ тамъ вдалекѣ
Будетъ дума при мнѣ,
Такъ слезы отъ нея
Не увидите вы,
И послѣдній мой вздохъ
Дума приметъ моя...
Пусть вдали отъ людей
Похоронятъ меня!
Ноша тяжкая мнѣ —
Дума злая моя
И тоска по тебѣ.

Стихотвореніе Отвѣтъ могильщику, по поводу котораго вспоминаетъ дочь Мочалова, написано въ отвѣтъ на стихотвореніе Іеронима Южнаго Могильщикъ, посвященное также Н. В. Беклемишеву. Чтобы читатели вполнѣ поняли стихотвореніе Мочалова, я приведу содержаніе произведенія Іеронима Южнаго. Могильщикъ зарываетъ въ могилу «все милое въ жизни, всѣ чувства, все сердце, всю душу». Нѣтъ цѣли жить: «кровь кипучая стынетъ, восторги убиты, мечты улетѣли, и дико и странно слово: любовь». Ропотъ въ немъ смѣнился размышленіемъ о жизни, покорностью судьбѣ; онъ сталъ спокоенъ и унылъ и склонилъ голову передъ распятымъ Христомъ. Въ могилѣ зарыты всѣ мечты и думы, которыя, можетъ быть, перейдутъ въ цвѣты, выросшіе на могильномъ курганѣ. Старикомъ онъ придетъ на могилу, увидитъ вновь свои мечты и думы, помянетъ ихъ горячею слезой и, склонясь на могилу, задумчиво заснетъ послѣднимъ сномъ.

Мочаловъ отвѣчалъ на это:

Не надо мнѣ чувства въ могилу сырую
Съ мечтою былою на вѣкъ зарывать:
Найду я для нихъ здѣсь могилу другую,
Вѣрнѣй скороню ихъ — теплѣй имъ лежать...
Пусть мѣстомъ могилы имъ родина будетъ
Въ груди, подлѣ сердца пусть крѣпко уснутъ;
Никто ихъ въ груди моей вѣкъ не разбудитъ,
И люди къ могилѣ ихъ вѣкъ не пойдутъ...
Біеніемъ сердца ихъ сонъ не прервется:
Оно будетъ тише и рѣже стучать, —
И, сладко уснувши, уже не проснется,
Какъ подлѣ младенца родимая мать.
Курганъ, свѣжимъ дерномъ, цвѣтами покрытый,
Вѣтъ можетъ, разроютъ съ улыбкою влоя,
А въ этой могилѣ, людьми позабытой,
И сладокъ, и вѣренъ ихъ будетъ покой.

Примѣч. А. А. Ярцева.

мнѣ кажется, я переставала любить своего отца. Мнѣ такъ больно и досадно было за него, зачѣмъ онъ губить свой талантъ этой страстью. Неужели, думала я, нельзя воздержаться?

Я тогда была еще очень молода и не отличалась особенною смѣлостью, но я готова была на колѣняхъ умолять его бросить эту страсть. Какъ-то разъ высказала я эту мысль моему дѣду, отцу матери. Онъ мнѣ на это отвѣтилъ:

— А, ты думаешь, ему это легко? Вѣдь онъ самъ со слезами на глазахъ говоритъ объ этой болѣзни, но онъ ее не можетъ пересилить. Сколько разъ онъ закаивался, а при первой неудачѣ опять падалъ.

Въ этомъ отношеніи и въ отношеніи таланта я нахожу сходство у моего отца съ извѣстнымъ актеромъ Яковлевымъ, какъ рисуютъ его біографы. И отецъ мой, говорятъ, во время кутежей своихъ восклицалъ: «Я гений, я Мочаловъ, на колѣни предо мной!..».

II.

По поводу воспоминаній объ отцѣ моемъ другихъ лицъ.—Ошибки и преувеличенія въ этихъ воспоминаніяхъ.—Еще о женитьбѣ Мочалова.—Игра Мочалова въ драмѣ Майко.—Водевиль Мочалова въ провинціи.—Спектакль для императора Николая Павловича.—Отсутствие Мочалова на спектакль и замѣчаніе государя.—Директоръ театровъ А. М. Геденовъ въ гостяхъ у Мочалова.—Разговоръ между гостемъ и хозяиномъ.

Хотя я замѣтила выше, что было бы нелѣпо опровергать всѣ подобные рассказы, но все-таки, въ защиту памяти моего отца, могу сказать, что въ нихъ встрѣчается много преувеличеннаго.

Такимъ характеромъ, по моему мнѣнію, отличаются по отношенію къ отцу и упомянутыя выше воспоминанія Аванасьева.

Что отецъ любилъ кутить, знаютъ всѣ, но какъ кутить? Онъ никогда не падалъ такъ низко, какъ пишетъ названный мною авторъ. Я даже предполагала, что Аванасьевъ имѣлъ какое нибудь личное неудовольствіе противъ отца, у котораго было въ свое время много враговъ завистниковъ. Вѣроятно, по наслѣдству отъ отца, и на мою долю впослѣдствіи выпало ихъ достаточно. Въ артистической средѣ дружбы надобно искать днемъ съ огнемъ, и это остановило меня, главнымъ образомъ, поступить на сцену послѣ смерти отца.

Я очень сожалѣю, что поздно мнѣ пришлось прочитать воспоминанія Аванасьева и не удалось своевременно сказать свое слово по этому поводу. Про поѣздку за границу, о чемъ передаетъ Аванасьевъ, отецъ самъ мнѣ рассказывалъ. Правда, что его провожало много пріятелей и знакомыхъ, которые, доѣхавъ до Черной Грязи, роспили на проводахъ вмѣстѣ съ отцомъ не одну бутылку шампан-

скаго, но все это произошло не такъ грязно, какъ рассказано въ воспоминаніяхъ Аванасьева. Мочалова тогда провожали товарищи, и они не допустили бы до такого низкаго паденія ¹⁾).

Что касается до женитьбы моего отца, будто взявшаго жену въ уплату долга своему будущему тестю, какъ описываетъ Аванасьевъ, то это клевета, и я этотъ вымышленный рассказъ громко опровергаю. Мочаловъ никогда не должалъ въ кофейной Александровскаго сада, никогда не пилъ водки и женился по страстной любви къ моей матери, за которою ухаживалъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. Объ этомъ я уже упоминала. Дѣдъ же мой по матери былъ настолько уменъ и честенъ, что никогда не согласился бы заплатить долгъ за Мочалова съ тѣмъ, чтобы отецъ мой женился на его дочери. Какую же будущность готовилъ бы онъ, такимъ образомъ, своей дочери, выдавая ее замужъ за купленнаго мужа. Да и Мочаловъ тогда легко бы нашелъ восемьсотъ рублей, чтобы заплатить долгъ, если бы таковой существовалъ. Ему всякій бы повѣрилъ, зная его за человѣка честнаго. Этой правды, я думаю, никто не станетъ опровергать.

Надѣюсь, что въ этомъ случаѣ меня никто не упрекнетъ въ пристрастіи къ отцу. Я уже сказала, что меня въ дѣтскіе и юные годы возмущала и убивала пагубная страсть отца, да и теперь, читая подобные рассказы о немъ, я испытываю то же горькое чувство и «негодую и скорблю».

Многіе говорили про Мочалова, что онъ часто игралъ подъ вліяніемъ Бахуса. Это тоже слишкомъ преувеличено. Насколько сохранилось въ моей памяти, въ такомъ состояніи онъ только два раза игралъ, да и то замѣтно было слегка. Это было одинъ разъ въ драмѣ «Майко», сочиненіи Н. В. Беклемешева, друга моего отца.

Эта драма шла въ бенефисъ П. И. Орловой. Мочаловъ игралъ Вахтанга и игралъ великолѣпно ²⁾. Когда онъ въ первомъ актѣ входитъ къ Майко и застаётъ ее одну, онъ невольно пошатнулся назадъ, какъ бы пораженный красотою Майко, и съ минуту молчалъ, а потомъ заговорилъ задыхающимся отъ страсти голосомъ: «Не бойся, Майко, не дрожи всѣмъ тѣломъ, я не сдѣлаю тебѣ зла, клянусь, не сдѣлаю»... Что за лицо было тогда у Мочалова! А глаза его положительно искрились... Мнѣ тогда было только 12 лѣтъ, но

¹⁾ Н. Я. Аванасьевъ въ тѣхъ же воспоминаніяхъ, о которыхъ сказано выше, рассказываетъ тоже очевидно, по слухамъ, что Мочаловъ «отправился въ Троицкую лавру помолиться передъ поѣздкою и застрѣлъ въ Мытищенскомъ трактирѣ, гдѣ пьянствовалъ и игралъ цѣлую недѣлю, спустивъ, разумеется, всѣ деньги (собранныя для него купцами на поѣздку за границу). Его такъ и нашли въ Мытищахъ подъ биллиардомъ». Примѣчаніе А. А. Ярцева.

²⁾ «Майко», драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, напечатана въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», 1847 г., т. III. Содержаніе ея таково. Вахтангъ, грузинскій князь, роль котораго игралъ Мочаловъ, влюбленъ въ армянку Майко, которая любитъ другого. Попытка овладѣть Майко при помощи клеветы и обмана не удается Вахтангу, и драма оканчивается его гибелью.

Примѣч. А. А. Ярцева.

я дрожала, глядя на отца. Своею игрой онъ производилъ на меня сильное впечатлѣніе, такое же, какое я получала отъ игры знаменитой Рапели.

Не помню, въ какомъ-то изъ старыхъ журналовъ читала я, что кто не видалъ Мочалова въ роли Вахтанга и Н. В. Рѣпину въ «Рославлевѣ», въ роли дурочки, тотъ можетъ смѣло сказать, что не видалъ на сценѣ ничего артистически-великаго ¹⁾. Въ 12 лѣтъ трудно было мнѣ судить объ игрѣ отца въ роли Вахтанга, но то же самое впечатлѣніе вполнѣ въ послѣдствіи передавалъ мнѣ и авторъ «Майко», Н. В. Беклемишевъ.

Въ другой разъ случилось отцу моему въ веселомъ настроеніи играть въ водевилѣ «Мочаловъ въ провинціи» ²⁾. Водевилъ этотъ передѣланъ съ французскаго Д. Т. Ленскимъ. И вотъ, помнится, въ день спектакля, о которомъ я говорю, отецъ и Ленскій пріѣхали что-то около трехъ часовъ дня и порядочно навеселѣ, особенно отецъ. Онъ все просилъ Ленскаго, чтобы тотъ пѣлъ куплетъ, который одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ пьесѣ, изображаемое В. И. Живокини, а именно мнимый Мочаловъ, поетъ на сценѣ:

Талантъ не можетъ быть злонравенъ,
Великій трагикъ мнѣ прости,
Прости, что я вчера былъ славенъ и проч.

Въ послѣднихъ словахъ заключался каламбуръ, которымъ Ленскій задѣлвалъ А. П. Славина, незадолго передъ этимъ игравшаго коронную роль отца, именно Гамлета ³⁾.

¹⁾ Надежда Васильевна Рѣпина (род. 25-го сентября 1809 г., † 20-го ноября 1867 г.), воспитанница Московскаго театральнаго училища, выступила на сценѣ въ 1823 г. и играла до 1841 года. Сойдя со сцены, она вышла замужъ за композитора А. Н. Верстовскаго. Рѣпина принадлежала къ самымъ крупнымъ знаменитостямъ московской сцены. Талантъ ея былъ чрезвычайно разностороненъ. Она съ одинаковымъ успѣхомъ исполняла и наивно-веселыя и сильно драматическія роли. На зрителей она производила глубокое впечатлѣніе, о чемъ свидѣтельствуютъ восторженные отзывы современниковъ объ ея игрѣ. Примѣч. А. А. Ярцева.

²⁾ «Павелъ Степановичъ Мочаловъ въ провинціи», водевилъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ, передѣланный съ французскаго Д. Ленскимъ. Представленъ въ первый разъ въ Москвѣ, на Большомъ театрѣ, въ бенефисъ Живокини, 29-го ноября 1840 г. Сущность этого водевиля, въ которомъ самъ Мочаловъ игралъ роль Мочалова, заключается въ томъ, что на провинціальной сценѣ одинъ актеръ, пользуясь случаемъ, выдаетъ себя за Мочалова. Обманъ раскрывается, когда пріѣзжаетъ настоящій Мочаловъ. Примѣч. А. А. Ярцева.

³⁾ Славинъ, Александръ Павловичъ, дублеръ Мочалова, не отличался дарованіемъ. Онъ выступалъ и на писательскомъ поприщѣ. Написанную имъ, между прочимъ, «Жизнь Шекспира» (первое изданіе въ Москвѣ, 1840 г.) онъ посвятилъ П. С. Мочалову. «Кому, восклицаетъ онъ въ предисловіи къ этой книгѣ, приличнѣе посвятить біографію Шекспира, какъ не тебѣ, мой превосходный Гамлетъ! Ты, дивный лицедѣй, передавая намъ мысль и душу Шекспира, заставлялъ насъ восхищаться—уважать высокія созданія поэта,—показать, что въ неисчерпаемыхъ тайникахъ души человѣческой есть многое, о чемъ мечтали не смѣявъ наша мудрость... И потому тебѣ и честь, и слава! Имя Шекспира обречено безсмертію всемірнымъ судомъ потомства; имя Мочалова будетъ вѣчно въ сердцахъ, обожающихъ Шекспира»...

Книга эта, повидимому, пользовалась успѣхомъ, потому что въ 1844 г. готовилось третье ея изданіе. Славинъ тогда уже актерствовалъ и режиссерствовалъ въ Калугѣ. «Литературная Газета» (1844 г., № 40) замѣчаетъ по этому поводу, что наконецъ-то критика журналовъ изгнала Славина изъ Москвы, «гдѣ онъ такъ жестоко сочинялъ и игралъ».

Примѣч. А. А. Ярцева.

Кутежей моего отца коснулся въ своихъ воспоминаніяхъ и покойный поэтъ Фетъ. Онъ рассказываетъ о попойкѣ Мочалова съ монахами подъ Донскимъ монастыремъ. Такой случай дѣйствительно былъ, только не знаю, посылалъ ли отецъ за подкрѣпленіемъ къ архимандриту. Это, пожалуй, Фетъ и прибавилъ для краснаго словца ¹⁾).

По поводу этого разсказа вспоминаю связанный съ этимъ событіемъ случай. Пріѣзжаетъ однажды въ Москву государь Николай Павловичъ. Для высокаго гостя всегда давали въ московскомъ театрѣ Горе отъ ума. Въ тотъ день, когда, по случаю пріѣзда императора, была назначена эта комедія, отца до двухъ часовъ не было дома, а если ужъ онъ не возвращался къ этому времени домой, — значитъ, увылъ..

Вдругъ пріѣзжаетъ къ намъ режиссеръ, Кротовъ, входитъ къ матери и спрашиваетъ:

— Павелъ Степановичъ дома?

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ мать.

— Гдѣ же онъ?

— Неизвѣстно, еще съ 10 часовъ утра уѣхалъ на репетицію.

— Я прямо изъ театра, — говоритъ Кротовъ, — Павла Степановича тамъ тоже нѣтъ, а по желанію государя императора сегодня идетъ Горе отъ ума.

Гдѣ искать отца, никто не зналъ, а онъ въ это время и былъ подъ Донскимъ монастыремъ и кутилъ съ монахами. Къ счастью, у Самарина роль Чацкаго, которую до того времени игралъ Мочаловъ, была уже приготовлена. Онъ сыгралъ ее въ тотъ разъ, и съ тѣхъ поръ она осталась за нимъ.

Наступаетъ вечеръ, начинается спектакль. Государь въ театрѣ. Сзади него, въ ложѣ, стоитъ директоръ московскаго театра М. Н. Загоскинъ, — кстати сказать, добрейшій, благороднѣйшій человекъ ²⁾. Выходитъ Чацкій на сцену. Государь наводитъ на него бинокль и обращается къ Загоскину:

— Кто это?

Загоскинъ отвѣчаетъ:

— Молодой актеръ Самаринъ, ваше императорское величество.

— Отчего же не играетъ Мочаловъ? — спрашиваетъ Николай Павловичъ.

— Онъ боленъ, ваше императорское величество.

¹⁾ «Русское Обозрѣніе», 1890 г., № 1. Фетъ рассказываетъ, что Мочаловъ кутилъ подъ Донскимъ монастыремъ не съ монахами, а съ друзьями. Случай, бывшій съ Мочаловымъ, Фетъ записалъ, такъ же, какъ и Аонасьевъ, тоже, очевидно, со слуховъ.

Примѣч. А. А. Янцева.

²⁾ М. Н. Загоскинъ, говорятъ, не долбилъ Мочалова за его прямоту и гордость.

Примѣч. А. А. Янцева.

— А, знаю,—замѣтилъ государь,—жалъ, онъ хорошъ былъ въ Чацкомъ¹⁾.

Среди этихъ неприятныхъ воспоминаній приходитъ мнѣ на память и такой случай. Разъ отецъ былъ дома. Онъ лежалъ на диванѣ въ гостиной отъ кутежа совсѣмъ полубольной. Дѣло было лѣтомъ. Вдругъ, видимъ въ окно, подѣзжаетъ коляска, затѣмъ къ намъ вѣбгаетъ чиновникъ по особымъ порученіямъ у директора театровъ А. М. Геденова, Коровкинъ, и сообщаетъ, что вмѣстѣ съ нимъ приѣхалъ навѣстить отца самъ директоръ.

Дѣйствительно, черезъ минуту входитъ Геденовъ, и мы волей-неволей принимаемъ его. Отецъ извиняется передъ гостемъ, что тотъ засталъ его въ халатѣ. Геденовъ садится около отца и очень ласково начинаегъ его усовѣщевать. Приводя въ примѣръ Каратыгина, онъ спрашиваетъ отца:

— Ну, послушай, Павелъ Степановичъ, скажи откровенно, сколько у тебя денегъ? Я думаю,—ничего, а вѣдь ты ровно получаешь съ Каратыгинымъ. У того же тысячи лежатъ. Вѣдь у тебя есть дочь,—мнѣ ее вчера показывали въ театрѣ. Отъ тебя самого зависитъ составить себѣ состояніе — еще не поздно. Слушай: Каратыгинъ играетъ каждый день, получаетъ 125 рублей за разъ²⁾. Ты столько же получаешь... Играй каждый день, сдѣлай милость, назначай играть самъ, что хочешь. Если тебѣ тяжело это покажется, назначай такъ: нынче Гамлетъ, завтра Кремневъ³⁾. Да, кстати, скажи, отчего ты бросилъ эту роль?

На это Мочаловъ отвѣчалъ:

— Мнѣ совѣстно, ваше превосходительство, обманывать публику. На афишѣ стоитъ имя Мочалова, Москва меня такъ любитъ, что всегда идетъ охотно смотрѣть меня, — и что же? Въ этой пьесѣ я ее обманываю, я бываю на сценѣ всего десять минутъ. Мнѣ неловко даже дѣлается при моемъ появленіи на сценѣ: публика меня такъ же громко встрѣчаетъ въ этой роли, какъ и въ другихъ.

— Ну, хорошо, хорошо,—сказалъ Геденовъ,—съ твоими убѣжденіями вѣдь не сладишь. Играй что хочешь и когда хочешь. Но

¹⁾ По отзывамъ современниковъ, роль Чацкаго Мочаловъ игралъ очень хорошо, несмотря на то, что во фракѣ казался неуклюжимъ. Особенно удавался ему 4 актъ комедіи. (Антрактъ 1865, № 100). Мочаловъ игралъ роль Чацкаго съ первой постановки комедіи и до тѣхъ поръ, пока роль не перешла къ И. В. Самарину.

²⁾ Петербургская знаменитость того времени, трагикъ В. А. Каратыгинъ отличался на сценѣ свойствами таланта, а въ жизни свойствами натуры и характера, противоположными таковымъ же свойствамъ Мочалова. Въ игрѣ его преобладало искусство надъ вдохновеніемъ, въ образѣ жизни и поступкахъ виденъ былъ человекъ образованный, положительный, но сухой. Какъ на одно изъ основныхъ его качествъ, указываютъ на его чрезмѣрную скупость.

Примѣч. А. А. Ярцева.

³⁾ Кремневъ, русскій солдатъ—И. Н. Скобелева. Въ этой пьесѣ Мочаловъ игралъ небольшую роль полковника. Роль была настолько незначительна, что въ отзывахъ критики встрѣчались такіа замѣчанія: «неужели, кромѣ Мочалова, никто не сумѣлъ бы скомандовать смирно и прочесть рѣчь». (Репертуаръ, 1839, № 12). Въ Петербургѣ эту роль при первой постановкѣ игралъ В. А. Каратыгинъ.

Примѣч. А. А. Ярцева.

только брось ты эту дрянь (т. е., вино), — вѣдь ты у государя за это въ немилости.

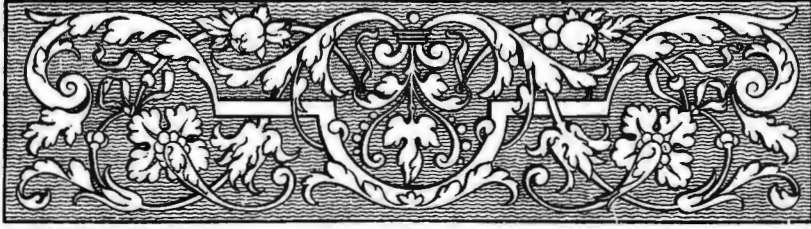
Отецъ общалъ. Но его артистическая натура не могла долго ужиться въ обыденно-будничной рамкѣ жизни. Ему было тѣсно. Въ дѣйствительности онъ не могъ оправдать на себѣ тѣхъ словъ, которыя онъ такъ хорошо говорилъ на сценѣ, въ Гамлетѣ: «О Боже мой, моя великая душа помѣстилась бы въ орѣховой скорлупѣ, и я считалъ бы себя владыкою безпредѣльнаго пространства».

Покойный Бѣлинскій говорилъ: «Не будь у Павла Степановича этой пагубной слабости, на него изъ Англіи пріѣзжали бы смотрѣть».

Е. П. Шумилова-Мочалова.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

УРАЛЬСКАЯ КАЛИФОРНІЯ.

Изъ народныхъ разсказовъ о волотѣ.

I.

Пионеры.

В НАЧАЛѢ второй половины XVIII столѣтія почти весь восточный склонъ южнаго Урала представлялъ сплошную глушь, огромныя лѣсныя пространства, среди которыхъ только изрѣдка попадались уединенныя башкирскія деревни и Богъ вѣсть какимъ путемъ заброшенные сюда русскіе казачьи поселки. Полудикіе аборигены — туземцы, башкиры, официально названные впослѣдствіи «вотчинниками», занимали весь этотъ богатый край, въ которомъ природа разбросала свои дары самую щедрою рукою. Потомки когда-то кочевавшихъ по камскому бассейну азіатскихъ выходцевъ, башкиры раскинули по Уралу и обоемъ его предгорьямъ свои копи, войлочные кибитки, съ пасущимися вблизи нихъ стадами кобылицъ, доставлявшихъ молоко для цѣлебнаго и опьяняющаго напитка, кумыса, и темнаго и твердаго, отвратительнаго во всѣхъ отношеніяхъ сыра, крута, — двухъ самыхъ лакомыхъ и почти единственныхъ блюдъ первобытнаго пастуха.

Лѣнливыми струйками поднимались дымки костровъ, разложенныхъ для зажариванья барашковъ, только что заколотыхъ умѣлыми и ловкими на это кочевниками; тутъ же, безъ дальнихъ кухонныхъ хлопотъ, въ золѣ этихъ костровъ пеклись изъ грубой муки малень-

кія круглыя лепешки, замѣшанныя на свѣжемъ бараньемъ салтѣ; суетились у кибитокъ расторопныя башкирскія жены, безотвѣтно исполнявшія всѣ обязанности по откармливанью, отпаиванью, холтѣ и нѣгѣ своихъ властелиновъ мужей, валявшихся въ небрежныхъ позахъ на мягкихъ войлокахъ и овечьихъ шкурахъ; далѣе ходили «косяки» кобылтѣ, предводительствуемыхъ ревнивыми и злобными жеребцами, готовыми изорвать въ клочки каждаго смѣльчака, покусившагося на неприкосновенность ихъ гарема; еще далѣе паслись живописными группами кудлатыя башкирскія овцы, охраняемыя тощими короткоухими свирѣпыми собаками, справлявшимися съ робкими и пугливыми животными безъ помощи малолѣтнихъ пастуховъ, забавлявшихся игрою на самодѣльныхъ свиристеляхъ... Вотъ какія картины рисовались тогда по склонамъ и въ долинахъ южнаго Урала, куда еще не ступала нога цивилизованнаго промышленника.

И все это: и костры, и сами башкиры, и лошадиные косяки, и овечьи стада, было заключено въ роскошныя рамки дѣвственной растительности и чудныхъ поэтическихъ ландшафтовъ, гдѣ рощи вѣковыхъ дубовъ и кленовъ смѣнялись чащами орѣшника, черемухи, дикой яблони и груши. Лѣса здѣсь пересѣкались бархатными лужайками съ высокою и густою широколиственною травою, а по рощамъ и лужайкамъ журчали кристаллически свѣтлыя горныя ручьи и рѣчки съ игравшимъ въ нихъ населеніемъ рѣзвой форели и разнообразной мелкой рыбешки.

Для русскихъ прошлаго столѣтія Уралъ, особенно южный, былъ такою же обѣтованною землею, какою нынѣ является Сибирь — золотое дно. Сюда стремились всѣ, кому казалось тѣсно на родинѣ, въ «Россіи», или кто бѣжалъ отъ тяжелой крѣпостной барщины. Русскому человѣку, какъ извѣстно, становится тѣсно съ первыхъ же попытокъ соединенія въ общественныя группы, съ основанія первыхъ селъ и городовъ. Широкая, немножко бродяжническая, натура его не выносила малѣйшаго, зачастую призрачнаго стѣсненія, которое вытекало изъ условій общественнаго сожительства. Недовольные этими порядками снимались съ насиженныхъ гнѣздъ и инстинктивно тянулись къ окраинамъ, въ поиски за просторомъ и привольемъ.

Такъ или примѣрно такъ образовались русскія приуральскія села, всѣ эти Кундравы, Сыростаны, Тастубы и Дуваны, занявшія превосходныя мѣста съ тучными черноземными полями, лѣсными угольями и рыбными ловлями.

— Зачѣмъ, бачка, живешь на нашей землѣ?—пробовали протестовать вотчинники, видя, какъ сильное и рѣшительное племя двигается на нихъ плотною тучею.

— А водку любите?—спрашивали гостя.

— Какую водку?

— Ха, ха, ха!.. Водку не знаете?.. Ну, и глупы же вы тут!.. Возьмите-ка, попробуйте...

Вслѣдъ затѣмъ происходило угощеніе водкой.

— Ухъ, хороша, бачка!—прицелкивали языками хозяева, вкусивши запретнаго плода.

— То-то хороша!—укоризненно замѣчали пришлецы.— Мы за этимъ и приѣхали, чтобы угощать васъ... Мы, значить, со всякимъ нашимъ удовольствіемъ... Товару этого у насъ всегда будетъ довольно.

— И ты хороша, и водка твой хороша... Живите тутъ съ Богомъ, бачка!

— Вотъ это дѣло! Добромъ встрѣтились, добромъ и жить будемъ... А все-таки безъ бумажки нельзя...

— Какой бумага?.. Никакой бумаги не надо! Мы Бассимку позовемъ, онъ все сдѣлаетъ...

Являлся Бассимка, старый, ветхій башкирецъ, нѣчто среднее между муллою и старшиною.

— Садись, Бассимка, на земля!—командовали взвинченные водкой дикари.—И изъ васъ, бачка, постарше пускай садится на земля... Бери, Бассимка, шапку... И ты, бачка, русскій, бери шапку... Кладите шапки между собою... Вотъ такъ... Протягивайте надъ шапками руки одинъ другому... Читайте молитву...

Бассимка читалъ молитву и русскій читалъ молитву, какая пришла на память. Вся церемонія кончалась взаимнымъ рукопожатіемъ и бросаніемъ шапки оземь.

— Теперь, бачка, мы съ вами друзья... ссориться не надо... не хорошо ссориться...

Русскіе удивлялись столь простому способу утвержденія въ правахъ владѣнія землею, но не противились, и преспокойно устроивались на новосельѣ.

Совсѣмъ съ другими цѣлями закидывали на Уралъ свои сѣти культурные россіяне, главнымъ образомъ пройди-свѣтъ туляки, всѣ эти ружейники, ножевщики и кузнецы, которымъ не давали спать лавры кузнеца Демидова, возвеличеннаго Петромъ Великимъ чуть не до степени самодержавнаго герцога. Легенды о минеральныхъ богатствахъ Урала создавались такія, что могли удовлетворить самое пылкое воображеніе. Выросшіе на желѣзномъ дѣлѣ, ~~свыкнувшіеся~~ съ нимъ отъ младыхъ ногтей, туляки съ завистью ~~посматривали~~ на востокъ, гдѣ гремѣла слава богатыря Демидова.

Жадные до наживы, до скорого обогащенія, туляки жертвовали значительными капиталами, чтобы организовать въ пустыняхъ Урала горные заводы для добычи и разработки рудъ. Таковъ былъ тульскій купецъ Ларіонъ Лучининъ, въ 1773 году получившій отъ государственной бергъ-коллегіи разрѣшеніе на устройство мѣдипла-

вильнаго завода въ уральскихъ дебряхъ. Неизвѣстно, почему Лучининъ очутился у отроговъ Златоустовскаго горнаго узла, гдѣ онъ скупилъ у графа Строгонова и самъ основалъ нѣсколько желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Вѣроятно всего предположить, что практическій купецъ предварительно произвелъ надлежащія изысканія и, убѣдившись въ обилии минеральныхъ богатствъ, рѣшилъ остановить свой выборъ на теперешнемъ Златоустовскомъ округѣ.

Все тѣ же башкиры вотчинники сидѣли тутъ кошами, составляя такъ называемую Каратабынскую волость, Уфимскаго намѣстничества, въ центрѣ которой, около Златоуста, было что-то даже въ родѣ главной столицы уральской Башкиріи. По крайней мѣрѣ одна изъ горъ Уреньгайской цѣпи, упирающейся въ Златоустъ, до сихъ поръ носитъ имя Салтанки, съ которымъ связаны рассказы о башкирскихъ могилахъ и зарытыхъ въ нихъ сокровищахъ. Какъ бы то ни было, пришлось вступать съ башкирами въ соглашеніе относительно уступки облюбованной Лучининымъ земли. Ограничиваться обмѣномъ рукопожатій черезъ шапки, какъ это дѣлалось съ простыми русскими земледѣльцами, было нельзя, потому что бергъ-коллегія могла потребовать у него формальнаго акта на владѣніе заводскими участками.

Къ сожалѣнію, въ оффиціальной перепискѣ не сохранилось извѣстій о цѣнѣ, за которую Лучининъ купилъ у вотчинниковъ цѣлую область, во много разъ превышающую любое нѣмецкое княжество. Но, судя по аналогичнымъ случаямъ пріобрѣтеній отъ вотчинниковъ самой казны, напримѣръ, дачи Артипскаго завода размѣромъ въ 120,000 десятинъ за 300 рублей, то-есть по четверти копейки за десятину, надо думать, что и Лучининъ купилъ свою палестину не дороже, если еще не дешевле, принимая во вниманіе водку и другія беззащитныя средства, на которыя тогда не скупился никто.

Мѣдная руда была найдена Лучининымъ по восточную сторону Урала, въ 37 верстахъ отъ Златоуста, на берегу рѣки Міаса. Обрадовавшись своей находкѣ, заводчикъ хотѣлъ немедленно приступить къ ея разработкѣ, но грозные слухи о разыгрывающемся пугачевскомъ бунтѣ заставили его бросить все и бѣжать въ Москву. Прошло два года, пока улеглись волны, поднятыя Пугачевымъ. Только въ 1776 году Лучининъ могъ приняться за постройку Міясскаго завода и возведеніе заводской плотины. Народъ для этого былъ взятъ имъ изъ старыхъ заводовъ, хотя недостатокъ въ людяхъ вездѣ чувствовался большой. Масса заводскихъ рабочихъ была или увлечена шайками самозванца и погибла въ битвахъ съ правительственными войсками, а то такъ подверглась наказаніямъ и ссылкѣ въ Сибирь, или же просто разбрелась, куда глаза глядятъ, потому что заводовладѣльцы и приказчики ихъ бѣжали и вообще всѣ потеряли надежду на восстановленіе существовавшаго порядка.

Но Лучининъ былъ не изъ тѣхъ, чтобы отступаться отъ своихъ цѣлей. Не долго думая, онъ кликнулъ кличъ.

— Приходи ко мнѣ, кому охота!.. Всѣхъ принимаю, безъ разбора...

Въ переводѣ на современный языкъ это означало покровительство всякому сброду: бѣглымъ съ рудниковъ и каторги, участникамъ мятежныхъ шаекъ, крѣпостнымъ, бѣжавшимъ отъ своихъ господъ, и т. д. Объявленіе возымѣло свою силу, и лучининскіе заводы начали дѣйствовать полнымъ ходомъ.

Въ 1777 году, на Міясскомъ заводѣ, при четырехъ рудообжигательныхъ горкахъ и столькихъ же мѣдноплавильныхъ печахъ, работало уже болѣе сотни человѣкъ рабочихъ. Мѣдная руда бралась изъ ближайшихъ къ заводу ямъ и давала отъ 2 до 15% чистаго металла. Обработанную мѣду, въ слиткахъ вѣсомъ въ 2 пуда, Лучининъ отправлялъ во внутреннія губерніи, въ Москву и Тулу, гдѣ она превращалась уже въ издѣлія. Самъ заводъ представлялъ группу небольшихъ домиковъ, сколоченныхъ на скорую руку, между которыми выдѣлялись только каменные зданія заводскаго приказчика, мѣдныхъ складовъ и хлѣбныхъ амбаровъ для продовольствія рабочихъ. Денежный расходъ по добычѣ мѣди, кромѣ выдачи муки, соли и крупъ, заключался въ жалованьѣ по полъ-алтыну, то-есть полторы копейки въ день на человѣка. И эта плата, которая кажется теперь болѣе чѣмъ нищенски скудною, привлекала если не сама по себѣ, то возможностью имѣть готовый уголь и обезпеченный кусокъ хлѣба отъ завода. За то, пользуясь нелегальностью своихъ рабовъ, заводъ выжималъ изъ нихъ соки до послѣдней капли...

— Работать только на двѣ смѣны!—объявлялъ приказчикъ.

— Нельзя ли третью прибавить, ваша милость,—упрашивали рабочие, стоя передъ приказникомъ безъ шапокъ.

— Жирно будетъ... саломъ скоро заплывете!

— Тяжеленько на двѣ-то, не выдержишь...

— Кто не выдержитъ, тотъ пусть уходитъ... Мы вѣдь васъ силой не неволимъ... Сами просили записать въ списки...

Страшно было терпѣть двѣнадцатичасовую пытку у раскаленныхъ горновъ и огнедышащихъ печей, но перспектива быть выкинутыми за бортъ или очутиться въ рукахъ правосудія, по доносу заводскаго начальства, заставляла смиряться.

Мѣдный пріискъ Лучининъ эксплуатировалъ двадцать лѣтъ. Со-старѣвшия, онъ рѣшилъ перепродать заводъ въ казну. Въ 1797 году, эта продажа состоялась, и Лучининъ, по словамъ нѣкоторыхъ старожиловъ, удалился въ Златоустъ доживать на покой свой вѣкъ. Если вѣрить неяснымъ рассказамъ, почти внезапная смерть заводчика окружена какою-то тайною. Говорили, что онъ задушенъ лакеемъ или рабочимъ, залѣзшимъ къ нему въ спальню, чтобы поживиться богатствами желѣзнаго сундука, на которомъ большой старикъ лежалъ день и ночь. Увѣрили, что виновника его смерти схва-

тили и безъ суда и слѣдствія, съ привязаннымъ на шею камнемъ, бросили въ воду...

Въ шестидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія въ Златоустѣ находились еще заводскіе старожилы, которые хорошо помнили крѣпкую и крупную, немного сгорбленную фигуру Лучинина, ходившаго по заводу съ массивною тростью, обдѣланною въ серебряныя украшенія. Устами этихъ живыхъ лѣтописцевъ передавалось очень много подробностей о времени владычества купца-туляка, котораго если не всегда бывали безусловно правдивы, то достаточно картинно рисовали нравы прошлаго столѣтія. Приведемъ нѣсколько рассказовъ, имѣющихъ за собою историческое основаніе.

Лѣтъ пятнадцать спустя послѣ пугачевского бунта, до Петербурга дошли опредѣленные свѣдѣнія, что частные уральскіе заводы сдѣлались притономъ самыхъ опасныхъ людей, укрывавшихся тамъ отъ позорныхъ наказаній, иногда отъ смертной казни. Екатерина II, знавшая, какую видную роль играли заводскіе мужики въ недавнемъ противогосударственномъ возмущеніи, отдала приказъ строжайшаго слѣдствія надъ злоупотребленіемъ заводчиками своими правами безконтрольныхъ сюзереновъ. Слухи объ этомъ, конечно, не замедлили дойти до Урала. Поднялась ужасная суматоха. Заводчики и ихъ приказчики, боясь беспощаднаго взысканія, спѣшили не только приведеніемъ въ порядокъ списковъ рабочихъ за много лѣтъ назадъ, но и удаленіемъ съ заводовъ такихъ личностей, рваныя ноздри, обрѣзанныя уши и клейменный лобъ которыхъ прямо указывали на ихъ преступное прошлое. Не знали, на что рѣшиться и что предпринять.

— Надо объявить рабочимъ о ревизіи,— предлагали одни.

— Испугаются — и всѣ, кому и нужно, и не нужно, сбѣгутъ... возражали имъ благоразумные.— Заводы останутся... Лиха бѣда спровадить самыхъ-то «сумнительныхъ», а прочіе какъ нибудь сойдутъ... потому списки приготовить еще успѣемъ.

— Ну, скажемъ однимъ этимъ «сумнительнымъ», чтобы убирались на всѣ четыре стороны.

— Скажи одному, а завтра сдѣлается извѣстно всѣмъ и каждому.

— Что же дѣлать?

— А вотъ что: въ куль да въ воду!..

Это рѣшеніе, подсказанное злымъ духомъ въ тревожную минуту, показалось чрезвычайно заманчивымъ, главнымъ образомъ по своей простотѣ. А такъ какъ простота въ извѣстныхъ случаяхъ имѣетъ свою цѣну, то частные заводчики принялись съ самымъ спокойнымъ сердцемъ топить «сомнительныхъ».

Производилось это обыкновенно подъ покровомъ темной ночи. Намѣченные жертвы призывались въ домъ приказчика, здѣсь ихъ хватали, вязали по рукамъ и ногамъ и всовывали въ рогажный кулекъ, въ которомъ лежалъ заранѣе приготовленный увѣсистый

камень. Живую кладь взваливали на сани, такъ какъ переполохъ случился зимою,—и отправляли на прорубь заводскаго пруда.

— Тамъ свалишь!.. коротко приказывалось возницѣ, посвященному въ секретъ содержимаго куля.

— Знаю ужъ, ваша милость!—отвѣчалъ наивный исполнитель страшнаго приказанія. Затѣмъ везъ и сваливалъ...

Шевелилось ли что нибудь въ душѣ этихъ подневольныхъ палачей, когда они пробирались по сугробамъ къ обсаженной елями проруби? Впрочемъ, предусмотрительное начальство предвидѣло возможность «неприятныхъ» инцидентовъ и приказывало затыкать глотки осужденныхъ паклею.

— Не на нашей душѣ будетъ грѣхъ, а на ихней, господской,—замѣчалъ одинъ подобный возница, болѣе чѣмъ на полстолѣтіе пережившій Лучинина и его присныхъ.—Мы исполняли, что намъ велѣли... Откажись, такъ и самого упрятали бы туда же... А все-таки и я разъ не вынесъ... отпустилъ на покаяніе одного мужичка. Повесть, слышь, я его изъ приказчиьяго-то двора... И ужъ сталъ спускаться къ пруду... А затычка-то у него, должно, и выскочи изъ глотки... Господи, какъ онъ принялся упрашивать меня не губить христіанскую душу!.. Вѣстимо, не вытерпѣлъ... развязалъ кулекъ, всѣ веревки, пустилъ его и сказалъ: ступай, братъ, съ Богомъ,—ты меня не знаешь, я тебя не знаю!.. Потомъ назвалъ больнымъ и пролежалъ дома съ недѣлю такъ... Вышелъ на работу, а ужъ ихъ, этихъ бѣглыхъ то-есть, ни одного нѣтъ... видно, всѣхъ въ куляхъ перевозили...

Но среди «сомнительныхъ», подлежащихъ удаленію, попадались и такіе экземпляры съ нечеловѣческой силой, къ которымъ опасно было даже приступить. На одномъ изъ лучининскихъ заводовъ работалъ нелегальнѣйшій изъ нелегальныхъ, нѣкто Сеня Быкъ. Работалъ онъ за десятерыхъ, да и ѣлъ за нихъ же, уплетая въ обѣдъ чуть не цѣлый каравай хлѣба. Понадобилось освободиться отъ этого Быка, краткая біографія котораго значилась на лицѣ и спинѣ его. Какъ же сладить съ Быкомъ, когда онъ безъ всякаго рычага поднималъ водяное колесо, имѣвшее до тридцати пудовъ вѣсу?.. Остановились на томъ, чтобы пристрѣлить его. Сыскался охотникъ, такой же простецъ сердцемъ, какими были возницы рогожныхъ кулей. Зарядилъ онъ старинное широкодулое ружье горстью крупнорубленаго свинца и притаился въ засадѣ. Быкъ вышелъ изъ заводскаго зданія завтракать, сѣвши на первое попавшееся бревно. Въ этотъ моментъ раздался выстрѣлъ и зарядъ, способный положить на мѣстѣ слона, цѣликомъ попалъ въ дичь. Быкъ вскочилъ ошеломленный, недоумѣвающий. Но когда онъ увидалъ пороховой дымъ и убѣгающаго вдали стрѣлка, когда замѣтилъ на себѣ кровь и понялъ все,—тогда схватилъ бревно, на которомъ сидѣлъ, и бѣшено помчался за убійцей... Черезъ пятьдесятъ сажень этого геркулесовскаго бѣга Быкъ упалъ однако мертвымъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что на заводахъ, гдѣ силой мало кого можно поразить, встрѣчались богатыри въ родѣ Быка. Бывали они и позже, есть, вѣроятно, и теперь. Физическая сила у заводскаго мастераго культивируется преимущественно, въ теченіе полутора вѣковъ, и дарвиновскій законъ подбора сказался тутъ рельефно. Если Фридриху Великому удалось путемъ сознательнаго подбора создать пресловутыхъ «померанскихъ гренадеръ», то наши горные заводы, бессознательно дѣйствуя въ одномъ направленіи, выработали у своихъ кричныхъ и прокатныхъ мастеровъ замѣчательную мускулатуру желѣзной твердости и чудовищной способности къ сокращенію.

Еще не такъ давно, въ пятидесятыхъ годахъ, въ Златоустѣ случился курьезъ, насмѣшившій всѣхъ донельзя. Артель рабочихъ, вколачивая на плотинѣ сваи, употребляла для этого пятнадцатипудовую бабу. Нужно было переставить коперъ на другое мѣсто, бабу сняли и положили на землю. На слѣдующее утро артель выходитъ на работу.

— А гдѣ же баба?—спрашиваетъ нарядчикъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, ребята, куда же дѣвалась баба?—изумленно оглядываются рабочіе.—Чортъ ее съѣлъ, что ли?..

Кинулись искать бабу, боясь, что за утрату казеннаго добра начальство взыщетъ жестоко. Нашли ее въ полуверстѣ отъ плотины спокойно лежащею на дорогѣ. Съ крикомъ: ухъ, ей, ухнемъ! потащили бабу къ копру.

— Видно, какой безтолковый на лошади увезъ, чтобъ ему провалиться!—ругалась измученная артель.

Прошло дней пять. О случаѣ съ бабой почти забыли. Но какъ-то, оставивъ махину снова не въ копрѣ, утромъ нашли ее лежащею дальше прежняго.

— Да что же это игрушка, что ли, кому?—бѣсновался нарядчикъ.—Поймать шкуру да спустить до пять!.. Погоди, только попадись!..

Артель, возмущенная продѣлками неосторожнаго шутника, не лѣнившагося пріѣзжать за бабой на лошади, рѣшила подкараулить его и проучить посвоему. Давъ время улечься волненію, причиненному вторичнымъ передвиженіемъ чугуной тяжести, рабочіе нарочно кинули ее съ вечера у копра и сѣли въ засаду. Наступила ночь. Прогремѣлъ колоколь, возвѣщавшій смѣну въ кричной. Показались тѣни кричныхъ мастеровъ, расходившихся по домамъ, слышались разговоры, и опять все смолкло. Черезъ нѣсколько минутъ вышла изъ кричной высокая фигура, не спѣша приблизилась къ бабѣ и, поднявъ ее обѣими руками, стала скрываться во мракѣ ночной темноты. Сидѣвшіе въ засадѣ только ахнули отъ этого зрѣлища. Опомнившись, они бросились догонять вора, въ которомъ узнали знакомаго всѣмъ мастераго Федора Безпалаго.

— Оедька, чортъ! Да развѣ можно такъ баловать?.. закричали на него.

— А что?—спросилъ Безпалый, держа бабу.

— Какъ что?.. Меринъ ты, что ли, по пятнадцати-то пудовъ таскать?..

— Давайте на косушку, не стану боловаться... а то замучаю васъ.

Компанія согласилась на предложенныя условія и въ первомъ же кабакѣ роспила четверть ведра.

А утромъ объ этой исторіи зналъ уже весь заводъ. Узнать о продѣлкахъ Безпалаго и управитель завода и, не желая потакать шуткамъ, которыя наносятъ явный ущербъ заводскому рабочему времени, распорядился всыпать Оедькѣ пятьдесятъ розогъ. И гигантъ, который могъ разбросать, какъ пухъ, исполнителей наказанія, безропотно легъ подъ порцію березовой каши и, получая ее, кричалъ, какъ пятилѣтній младенецъ, взывая къ милосердію рядчика, надзирателя и сѣкаторовъ...

II.

На золотой землѣ.

Сто лѣтъ назадъ, въ концѣ XVIII вѣка, государство не находило возможнымъ, удобнымъ и выгоднымъ имѣть собственные желѣзодѣлательные заводы, предоставляя все это дѣло частной инициативѣ и предприимчивости. Для этого у него не было ни знающихъ людей, которые могли бы руководить заводскою промышленностью, ни денегъ, чтобы пустить ихъ въ оборотный заводскій капиталъ, ни охоты. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда казна волей-неволей покупала заводы на полномъ ходу, она старалась поскорѣе отдѣлаться отъ нихъ сдачей въ аренду частному лицу. Наши предки просто недостаточно оцѣнивали значеніе желѣза въ обиходной жизни страны, отдавая всѣ преимущества такъ называемымъ благороднымъ металламъ: золоту, серебру, платинѣ и даже мѣди. Обиліе лѣса и привычка обращаться къ нему, начиная отъ незатѣйливой хаты мужика до узорчатыхъ палатъ царя, создали тотъ культъ деревянной Россіи, которому еще и сейчасъ поклоняются по крайней мѣрѣ семьдесятъ пять милліоновъ жителей нашего обширнаго государства.

Купивъ Лучининскіе заводы, правительство, какъ сказано въ официальномъ документѣ, излагающемъ исторію размежеванія горныхъ земель, по именному его императорскаго величества повелѣнію, 14 мая 1798 г. сдало ихъ московскому купцу Кнауфу, удержавъ за собою одинъ Міясскій приискъ. Кнауфъ, нѣмецъ по рожденію, арендовалъ все производство за очень незначительную сумму, при чемъ могъ распоряжаться въ заводахъ «на правахъ собственности». Такимъ образомъ новый арендаторъ въ одно и то же время стано-

вился и промышленникомъ, стремившимся набивать карманы, и крупнымъ помѣщикомъ, отъ котораго зависѣла судьба тысячъ горно-заводскаго населенія. Изъ вольныхъ людей, приходившихъ на заводы въ поиски заработка отъ тѣсноты центральныхъ губерній, они вдругъ обращались въ закабаленныхъ рабовъ, обязанныхъ повиноваться первому встрѣчному.

Такъ какъ дальнѣйшій рассказъ касается только Мясскаго прииска, этого главнаго центра уральской Калифорніи, то замѣтимъ, что Кнауфъ недолго оставался арендаторомъ заводовъ, и за неотысканіемъ другихъ охотниковъ до аренды они опять перешли въ казну.

Оставшись за казною, Мясскій заводъ 30 сентября 1800 г. поступилъ въ управленіе государственнаго ассигнаціоннаго банка. Эта передача свидѣтельствуетъ, что надежды на прибыли отъ завода возлагались большія, особенно съ той минуты, какъ было произнесено магическое слово: золото!

Слово это въ первый разъ сказано было еще въ 1720 г. казанскимъ рудоискателемъ Цивилинымъ, котораго привезъ съ собою на Уралъ знаменитый В. Н. Татищевъ, первый начальникъ уральскихъ заводовъ. Цивилинъ путешествовалъ по уральской Башкиріи не столько съ рудоразвѣдочными намѣреніями, сколько въ личныхъ торговыхъ интересахъ, но по пути не пренебрегалъ свѣдѣніями и о рудахъ. Нужно полагать, что у него было обширное знакомство между башкирами, и самъ Цивилинъ пользовался нѣкоторой популярностью среди нихъ. Зная бродячаго торговца за человѣка, свѣдущаго по части ископаемыхъ богатствъ, какой-то башкирецъ Каратабынской волости, на земляхъ которой расположенъ Мясскій приискъ, звалъ Цивилина къ себѣ въ кочевья, въ глубину дремучихъ лѣсовъ, обѣщаясь показать десять вьюковъ «золотаго руднаго песку» и договариваясь «все, что будетъ изъ него добыто, раздѣлить пополамъ».

Цивилинъ отнесся къ этому извѣстію безъ довѣрія. Опасаясь измѣны лукаваго башкирца, онъ предпочелъ синицу отъ торговли журавлю отъ «золотаго руднаго песку»—и въ волость не поѣхалъ. Впослѣдствіи, донося объ этомъ Татищеву, онъ также не настаивалъ на форменной экспедиціи въ нѣдра Урала. Что же касается горячаго и энергичнаго Татищева, то онъ находился слишкомъ далеко отъ Каратабынской волости и былъ весь поглощенъ борьбою съ упрямымъ заводчикомъ Демидовымъ, противившимся распоряженіямъ правительственнаго комиссара. Такъ слухи о золотѣ и замолкли, а такъ называемая «бергъ-привиллегія», вѣдавшая русское горное дѣло, охотнѣе занималась разборомъ ссоръ и сплетенъ, возникавшихъ между владѣльцами заводовъ, чѣмъ настоящимъ своимъ дѣломъ.

При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что испытаніе золотосодержа-

щихъ породъ производили тогда плавкой въ малыхъ дозахъ, а не промывкой, т. е. употребляли способъ самый несовершенный. Беря незначительныя количества породы, сплавляя ихъ и изслѣдуя добытые результаты, весьма часто не находили слѣдовъ золота въ самыхъ богатыхъ мѣсторожденіяхъ его. Странно, что, ведя разработку цѣлаго прииска на основаніи закона объ удѣльномъ вѣсѣ, промывкою, не находили нужнымъ идти тѣмъ же путемъ въ предварительныхъ изысканіяхъ, въ пробахъ золотоносныхъ породъ.

Признаки присутствія на Міясѣ золота оказались въ годъ покупки завода казною.

Однажды, заводскій рабочій, шляясь по лѣсу съ ружьемъ, сдѣлалъ загадочное открытіе. Въ небольшой, покрытой тощею растительностью долинь, у рѣчки, онъ наткнулся на свѣжeverырытую яму, въ которой лежали берестяной желобъ и деревянный ковшъ.

— Николай Митричъ,—заявилъ рабочій надзирателю на другой день по секрету:—кто бы это могъ яму рыть въ лѣсу?

— Гдѣ, какую яму?

— Въ Еланочкѣ, версты четыре отсюда... Значить, вчера я былъ тамъ съ ружьишкомъ... да на яму и напался... такъ, у самой рѣчки... Яма свѣжая, какъ будто недавно рыта... И ковшъ да желобъ въ ней лежатъ, и травкой прикрыты.

— А ты не врешь?

— Разрази меня Богъ, не вру!

— И никого у ямы не видалъ?

— То есть ни одной души.

— Слушай, Емелюха: ты молчи пока объ этомъ, никому ни гу-гу, понимаешь?

— Какъ не понимать, Николай Митричъ, дѣло мухлевое... ¹⁾

Надзиратель доложилъ о странной ямѣ смотрителю завода, чиновнику бергъ-коллегіи.

— Не золото ли роетъ кто нибудь?—спросилъ смотритель.

— Не могу этого знать-съ. Только все можетъ быть, потому народу разнаго у насъ много... Есть которые, почти прямо сказать, съ сибирскихъ рудниковъ... Народъ отпѣтый, бывалый и въ земляномъ составѣ смекаютъ. Не прикажете ли допросить ихъ?

— Допрашивать бесполезно. Самимъ нужно сдѣлать шурфъ.

— То-есть какъ шурфъ-съ?

— А такъ: вырыть изъ ямы породу и промыть ее въ желобѣ. Что останется—увидимъ. Возьми-ка завтра съ собой этого рабочаго, да съѣздимъ туда.

— Слушаю-съ.

Смотритель, кое-что смыслившій по части находенія и добычи золота, отправился на развѣдку вмѣстѣ съ надзирателемъ, вахмист-

¹⁾ Шутовское, подозрительное.

ромъ и любителемъ-охотникомъ. Ъхали они въ телѣжкѣ, запряженной парой сытыхъ горныхъ лошадей.

— Поѣзжай самой короткой дорогой, чтобы намъ пораньше домой вернуться, — приказывалъ смотритель мастеровому, правившему лошадьми.

— Не извольте беспокоиться, въ одинъ ментъ представлю! — говорилъ ошастливленный охотникъ, считавшій себя на верху блаженства, что ему пришлось участвовать въ какомъ-то важномъ предпріятіи.

Черезъ часъ начальство слѣзло у таинственной ямы.

— Не угодно ли вотъ взглянуть: рыга, можетъ быть, дня три назадъ, и при томъ снаряды — желобъ и ковпѣ...

— Да-а! — многозначительно протянулъ смотритель, осмотрѣвъ красноватую глинисто-песчаную породу ямы. — Ей, вахмистръ, подай-ка лопату!

Накидали изъ ямы порядочную кучу породы, потомъ спустились на нѣсколько сажень по берегу рѣчки и вскрыли новый шурфъ. Затѣмъ кучи вырытой изъ обѣихъ ямъ земли промыли на желобѣ, зачерпывая воду изъ рѣчки тѣмъ же старымъ желѣзнымъ ковшомъ. По мѣрѣ окончанія этой операціи лицо смотрителя, внимательно осматривавшаго дно желоба, дѣлалось все серьезнѣе. Наконецъ, онъ сказалъ, обращаясь къ надзирателю:

— Собери съ желоба весь этотъ черный песокъ да заверни въ бумажку, надо дома разсмотрѣть...

Къ обѣду партія возвратилась въ заводъ, а черезъ два часа съ Міаса скакалъ уже въ оренбургское горное правленіе гонецъ съ экстренною депешою: «сего числа мною были сдѣланы пробныя шурфы золотосодержащимъ породамъ въ окрестностяхъ Міасскаго завода. Золото найдено, хотя не слишкомъ богатое. Прошу указать, какъ мнѣ поступать дальше». Изъ Оренбурга переслали эту депешу въ Петербургъ, въ бергъ-коллегію, которая отнеслась къ извѣстію весьма горячо. «Предлагается правленію, писала она, нимало не медля, заняться изслѣдованіемъ золотыхъ песковъ со всякимъ стараніемъ и поспѣшеніемъ. Нужно знать: сколько золотниковъ выходитъ золота изъ ста пудовъ породы, какая это порода и какое это золото — песковое или самородное».

Получивъ такое предписаніе, смотритель устроилъ развѣдки на широкую ногу. Было снаряжено нѣсколько партій изъ рабочихъ подъ начальствомъ надзирателей и наиболѣе расторопныхъ мастеровъ. Эти партіи били шурфы по Еланочкѣ въ разнообразныхъ направленіяхъ, удаляясь концентрическими кругами отъ ямы, у которой уже стоялъ столбъ съ двуглавымъ орломъ, — знакъ, что государственная власть сказала здѣсь: veto. Результаты почти всѣхъ шурфовъ выходили довольно слабоватыя. Порода долины была несомнѣнно золотоносная, но процентное содержаніе золота колебалось

въ minimum'ахъ, едва позволявшихъ сводить расходы по эксплуатациі будущаго прииска.

— Слушокъ въ народѣ ходитъ,—говорилъ зрителю Николай Митричъ,—что золото тутъ должно быть, и знаменитое!..

— Какой слухокъ?

— По наслѣдству отъ башкирѣ переходить-съ... Будто еще покойному Лучинину башкиры говорили, что на ихъ землѣ золото есть... А, впрочемъ, достовѣрно ничего неизвѣстно-съ...

— Будемъ искать, авось, и найдемъ башкирское золото.

Искали его и въ самомъ дѣлѣ усердно, такъ что партіи измучились въ разбивкѣ все новыхъ и новыхъ шурфовъ.

— Немножко бы вонъ туда продвинуться, внизъ по рѣчкѣ,—совѣтовали рабочіе, должно быть, изъ «отпѣтыхъ».

— А вы что за указчики!—огрызались на нихъ мастера и надзиратели, недовольные, что приходится таскаться по горамъ, подъ дождемъ и солнцемъ, во всякую непогоду.

— Да мы, значить, такъ... Не счастливей ли тамъ пойдетъ...

— Ужъ не вашего ли ума эта проклятая яма, разбойники?

— А мы что въ земляномъ составѣ понимаемъ?.. Ровно ничего... Говоришь какъ будто къ слову то да се, а на дѣлѣ ни уха ни рыла не мерекаетъ¹⁾.

— То-то не мерекаетъ!.. И не мерекай, спокойнѣй будетъ...

А между собой отпѣтые говорили другое:

— Дураки! Прилипли къ одному мѣсту, какъ осеннія мухи къ стѣнѣ. Они еще только очухались, а мы ужъ тутъ на свой пай поискали... Да не стоитъ овчинка выдѣлки: больно жидковата порода... А все-таки мѣсечко занятное, какъ будто манить къ себѣ и что-то маячить... Вотъ если свалимъ съ шеи эту проклятую шурфовку, то надо еще разокъ счастья попытать... поискать посвоему, а не подурацкому — ломомъ землю бить...

Не смотря на малоутѣшительную сводку пробныхъ шурфовъ, зрителю дано было позволеніе открыть первый, существующій и нынѣ золото-добывающій приискъ, подъ названіемъ Перво-Павловскаго золотаго рудника. Въ 1799 г. на этомъ рудникѣ работала уже золото-промывательная машина. Видимо, бергъ-коллегія не слишкомъ полагалась на искусство ручной промывки породъ, и потому не скупилась на обзаведеніе прииска усовершенствованными орудіями добычи золота. По какому-то удивительному стеченію обстоятельствъ, одновременно съ возникновеніемъ на Мясѣ промывки золота начало падать мѣдиплавильное производство. Старыя рудныя мѣсторожденія выработались до того, что съ усиліями окупали даже рабскій заводскій трудъ, а новыхъ рудниковъ не отыскивалось.

— Мало дохода приносить Мясскій заводъ, — писала бергъ-кол-

¹⁾ Не понимаешь.

легія въ 1806 г. оренбургскому горному начальству. — Какія тому причины?

— Причины малопродуктивности завода, — отвѣчали ей, — прежде всего тѣ, что богатства мѣдныхъ рудъ и золотоносныхъ песковъ почти изсякли...

— Ищите новыя мѣсторожденія, посылайте развѣдочныя партіи.

Администрація завода принялась за поиски съ удвоенною энергіей, но всѣ ея старанія кончились тѣмъ, что въ 1811 г. промывка золота на Міасѣ прекратилась, и золотосодержащій пріискъ закрылся. На сколько былъ онъ бѣденъ, можно судить по тому, что съ 1797 по 1811 г., то-есть въ пятнадцать лѣтъ, онъ далъ казнѣ лишь 1 п. 5 ф. чистаго золота, поглотивъ двойную стоимость его на организацію пріиска и выемку нѣсколькихъ тысячъ кубическихъ сажень породы, равныхъ, по вѣсу, милліонамъ пудовъ.

— Нѣтъ, братъ, — мрачно шутили истомленные золотокопатели, — тутъ откажись отъ отца — матери, а потомъ принимайся золото искать...

— Да вѣдь есть же оно, золото-то! — убѣжденно говорили экспансивныя натуры. — Только на «жилу» не наткнулись...

— Есть, да, видно, не про нашу честь. Горь-то здѣсь много, ступай, изрой ихъ съ первой до послѣдней — тогда, можетъ быть, и золото найдешь.

Мечты смотрителя завода, бергъ-коллегіи и ассигнаціоннаго банка не сбылись: предполагаемая Калифорнія принесла одно горькое разочарованіе и убытки.

Съ 1810 г. рудные горны и мѣдноплавильныя печи на Міасѣ также начинаютъ сокращать свою работу. Годъ за годъ, постепенно уничтожалась одна печь за другою. Заводъ хирѣлъ и тощаль, какъ безнадѣжный больной, отравленный какимъ-то ядовитымъ зельемъ. Мѣдная агонія его продолжалась до 1816 г., когда начальство распорядилось совсѣмъ прекратить убыточную выдѣлку мѣди, обративъ заводъ въ желѣзопрокатной, а потомъ въ фабрику для выковки оружія. Метаморфоза была до того неожиданна и такъ мало сообразовалась съ условіями бывшаго мѣднаго и золотаго пріиска, что только дешевизна заводскихъ рукъ могла вынести эту насильственную пертурбацію, чугуны для которой понадобилось перевозить изъ Златоуста, за 36 верстъ, по отвратительнымъ, допотопнымъ грунтовымъ дорогамъ, черезъ крутые перевалы Уральскаго хребта.

Въ такомъ положеніи оставляемъ мы заводъ до 1822 г., кануна открытія въ окрестностяхъ его богатѣйшихъ золотоносныхъ породъ въ свѣтѣ.

III.

Золото, золото!

Огромный толчекъ къ развитію золотаго промысла на Уралѣ, къ созданію обширнаго района нашей уральской Калифорніи, охватывающаго уѣзды Челябинскій, Троицкій и Верхнеуральскій, — былъ сдѣланъ изданіемъ въ 1812 г. закона о частной промышленности. Застой въ международной торговлѣ, вызванный континентальной системой, неустойчивость политическаго барометра, наконецъ, славная отечественная война, вынудившая къ займамъ и выпуску бумажныхъ денегъ, такъ потрясли русскій государственный организмъ, что потребность въ золотѣ для обмѣна ощутилась чрезвычайная.

Когда законъ этотъ былъ опубликованъ и прочитанъ въ Мясѣ, какъ водилось въ тѣ времена, всенародно, съ барабаннымъ боемъ, на громкіе, сухіе и задирающіе звуки котораго сбѣгались старый и малый, то люди житейской мудрости, удрученные годами и опытомъ, замѣчали:

— Теперь золото найдутъ!

— Почему? — спрашивали ихъ.

— Потому народъ двинется въ поиски... Отъ народа, милые, не спрячешься никуда — ни вверхъ, ни внизъ, ни въ преисподнюю... Народъ — дѣло великое!.. Старики еще говаривали: гдѣ народъ, тамъ и Богъ. Вотъ помяните наше слово, что все эти горы, молота да желѣзо отсюда по боку... потому это къ нашимъ грунтамъ не трафитъ¹⁾... Здѣшніе грунтѣ красные, съ песочкомъ да мелкимъ камешкомъ, золотые грунтѣ...

— Старички, — насмѣхалась надъ ними легкомысленная молодежь, — что же вы-то моргали, одну мѣдь копали, это какъ?

— А такъ. Намъ Лучининъ указалъ копать её... видно, она ему нужнѣй золота была. А между прочимъ башкиры не даромъ говорили Лучинину: «купляй, бачка, наша земля!.. хороша наша земля... золотá въ ней найдешь!»... Вотъ оно поихнему ужъ и сбылось немного.

— Сбылось, да не совсѣмъ.

— Въ жилу не вдарили... Ее, жилу-то, тоже мудрено найти. Покойникъ Аеонька Сибиряковъ сказывалъ, когда бывало останешься съ нимъ у горна въ ночную смѣну: «золото, говоритъ, хитро... нѣтъ его хитрѣе. Легче, говоритъ, счастье за хвостъ словить, чѣмъ на золото къ землѣ наткнуться»... Этотъ, первый-то шурфъ вѣдь онъ дѣлалъ, самъ признавался. Лихая былъ голова! Я, говоритъ, ужъ золотничка два намыль, и жилка стала означаться... да эти безтолковые все спутали, раскопали, перебуравили землю безъ толку.

¹⁾ Не идетъ.

— Онъ бы, Аюнька-то, указаль, посовѣтоваль.

— И указываль, и совѣтоваль... А ему на это штегеря-то наши погрозили морду побить... Ты, говорятъ, съ суконнымъ рыломъ въ калашный рядъ не лѣзь... выше, говорятъ, лба уши не растутъ!.. Онъ-то норовиль все по Еланочкѣ, по рѣчкѣ, подъ изволокъ спускаться, а «ихъ» лукавый несъ все вверхъ да въ гору...

Безъ ошибки можно сказать, что весь Уралъ нашъ, главнымъ же образомъ восточная, сибирская сторона его, есть неисчерпаемые склады золота, разбросанные въ видѣ песчаныхъ россыпей, самородковъ, кварцевыхъ отложеній и т. п. Въ южномъ Уралѣ золото сопровождается слѣдующія породы: хромистый желѣзнякъ, діолагонъ, известковый шпатъ, змѣвикъ, діоритъ, колчеданъ, азбестъ и проч. Настоящими искусниками, мастерами своего дѣла, угадывавшими золото какимъ-то непостижимымъ верхнимъ чутьемъ, были не официальные, назначенные отъ правительства искатели его, сгонявшіе на прійскъ сотни и тысячи народа и ставившіе дорогія машины, — а тѣ подпольные, часто безъ роду, безъ имени и племени лѣсные бродяги, которые, смотря по надобности и настроенію минуты, то поступали въ богомольцы и дѣлались жильцами секретныхъ раскольниковыхъ скитовъ, то увлекались въ глухія дебри и чащи, въ погоню за приключеніями, а иногда и за преступленіями... Вообще же они превосходно знали не только всѣ горныя, едва замѣтныя тропинки, проложенныя, быть можетъ, стадами козъ или оленей, но изучили, какая растительность появляется на данной горной породѣ, чѣмъ отличается по флорѣ и фаунѣ одинъ горный хребетъ отъ другаго, одна долина отъ другой, которая, вонъ, змѣйкой извивается между двумя каменистыми отрогами.

Эти бродяги, не обзаводившіеся ни семьей, ни домомъ, были всѣмъ, чѣмъ угодно: геологами, ботаниками, зоологами, рыболовами, охотниками, раскольничьими начетчиками, добывателями золотой «крупки», пьяницами и гуляками въ заводскомъ или городскомъ притонѣ, проповѣдниками воли и свободы, грядущей за толпами дерзкаго самозванца и т. д. Не придерживаясь особенныхъ, опредѣленныхъ правилъ въ раздѣлкѣ золотоносныхъ жилъ, они умѣли извлекать изъ нихъ лучшую, драгоцѣнную часть въ качествѣ самородковъ и зернистаго песку, которые сбывали чающимъ скорого обогащенія. Они же подготовили почву для систематической прійсковой разработки многихъ мѣстностей, прославившихся затѣмъ по добычѣ золота на Уралѣ.

Въ два-три года, со дня изданія закона, частная золотопромышленность Урала сдѣлала невѣроятный успѣхъ. Заявки на золотые прійски въ крестьянскихъ и казачьихъ земляхъ оренбургскаго казачьяго войска сыпались въ горное правленіе десятками. Департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ обратилъ на это вниманіе. Вспомнивъ, что недавно еще, почти рядомъ съ заявленными частными,

существовалъ казенный золотой приискъ, онъ предложилъ горному начальству произвести вторичную попытку по развѣдкамъ золотыхъ мѣсторожденій вблизи самого Мясскаго завода.

Весною 1823 г. развѣдки начались. Присутствіе золота опять оказалось несомнѣннымъ, но и только: промывать ничтожныя количества его было невыгодно.

— А между прочимъ, — почтительно докладывалъ надзиратель мясскому управителю, — наша мастеровщинка золотишкомъ побаловывается...

— Не можетъ быть?

— Ейъ Богу-съ, вѣрно!

— Гдѣ же они его роютъ?

— Доподлинно сказать вамъ не могу-съ... А только слухи есть, что золото розыскали, и порядочное...

— Не на старомъ ли нашемъ приискѣ? Ты бы разузналъ изъ-подъ руки.

— Узнать постараю-съ... Если подпоить кого хорошенько, допытаться можно будетъ... Трудновато, а попробую.

Надзиратель, старая, хитрая заводская лиса, отлично понимавшая, что отъ дорогой золотой «крупки» скорѣе прилипнетъ что нибудь къ ладонямъ, чѣмъ отъ грубаго дешеваго желѣза, принялся за выпытываніе секрета рабочихъ исподволь, съ осторожностью.

— Васюта, — необыкновенно ласково и нѣжно обратился онъ къ своему писарю, обязанность котораго заключалась въ томъ, чтобы «крыжить» рабочихъ, т. е. отмѣчать поденщину ихъ, ставя въ спискахъ хвостики на подобіе ижицы, называвшіеся на техническомъ конторско-заводскомъ языкѣ «крыжами».

— Что? — отозвался Васюта, рыжий, коренастый малый съ вѣчнымъ легкимъ букетомъ водки, который онъ тщетно пытался заглушить жеваніемъ калгана, гвоздики и другихъ душистыхъ снадобій.

— Правду ли, нѣтъ ли, говорятъ, будто наши мужички золотомъ торгуютъ?

— И я слыхалъ тоже, Иванъ Ларіонычъ, да вѣдь кто ихъ знаетъ... не скажутъ.

— Если они торгуютъ, то вѣдь и намъ, Васюта, можно бы, ась?.. шопотомъ заговорила лиса, наклоняясь къ крыжу.

Тотъ вытаращилъ на Ивана Ларіоновича изумленные глаза.

— А начальство-то? — только и нашелся онъ возразить своему принципалу.

— Начальство, братъ, для всѣхъ одинаково: что для мужиковъ, что для насъ съ тобою... И ихъ не поглядятъ по головкѣ, коли узнаютъ, и намъ не хуже будетъ.

— Это вѣрно, — замѣтилъ надзирательскій помощникъ, раньше уже лелѣявшій про себя мысль о хапанномъ¹⁾ золотѣ.

¹⁾ Ворованномъ.

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало?

— Да вы всерьезъ, что ли?..

— Вѣстимо, всерьезъ. Такими дѣлами, Васенька, не шутятъ... Голова на плечахъ у всѣхъ одна... А семьи-то у насъ съ тобой не маленькія, надо подумать и о нихъ... Ты бы спросилъ кое у кого, Вася...

— Вотъ что, Иванъ Ларіонычъ,—заговорилъ Вася, стыдливо опускавая долу взоры:—есть у меня на примѣтѣ одинъ человѣчекъ, развѣ съ нимъ снюхаться?

— А что же долго думать? Снюхайся... Тутъ вѣдь дѣло-то пахнетъ не грошами, самъ знаешь...

Заводская лиса распустила пушистый хвостъ во всю и, повертѣвъ имъ передъ опалѣвшимъ отъ радости крыжовщикомъ, удалилась въ прокатный «цехъ», гдѣ плющили желѣзныя полосы, рѣзали ихъ, сортировали на партіи и складывали на маленькія четырехколесныя телѣжки, доставлявшія ихъ по рельсамъ въ оружейную фабрику.

— Васька-то глупъ и плутъ... думалъ надзиратель дорогою. — Тоже притворяется, корчитъ изъ себя праведнаго старца, а самъ навѣрняка знаетъ всё, да, пожалуй, ужъ и рыльце въ пушку...

Вася же по удаленіи Ивана Ларіоновича вынулъ берестяную табакерку, крѣпко зарядилъ изъ нея свой носъ и, отложивъ въ сторону тупое гусиное перо, предался радужнымъ мечтаніямъ за худалаго заводскаго писца, сидящаго на мизерномъ жалованьи въ рубль шестьдесятъ шесть копеекъ въ мѣсяцъ. Долго мечталъ онъ, перебирая въ умѣ подробности разговора съ надзирателемъ, и кончилъ тѣмъ, что, надѣвъ казинетовый треухъ, пошелъ въ заводскій кабачекъ «раздавить шкаличёкъ». Въ это время происходила полуденная смѣна, и заводскій клубъ наполнился рабочими.

— Слышь, Ефимъ!—кликнулъ онъ чумазаго мужика съ лихозадомленнымъ на затылокъ кожанымъ картузомъ.

— Что, Василь Петровичъ?

— Получай шкаликъ отъ меня...

— Извольте. Ваше здоровье!.. Должно, дѣльце имѣете?—конфиденціально наклонился къ писцу Ефимъ.

— Есть...

Затѣмъ Вася съ Ефимомъ вышли изъ кабака и направились по уединенной заводской улицѣ, разсуждая о «дѣлѣ». Результатъ этой бесѣды былъ тотъ, что вечеромъ другаго дня цеховой «крыжъ» многозначительно отнесся къ надзирателю:

— Иванъ Ларіонычъ, не забыли про вчерашнее?

— Еще спрашиваешь!.. укоризненнымъ шепоткомъ кинулъ тотъ.

— Наладить можно...

— Неужели?

— Человѣкъ одинъ обѣцалъ...

— Молодецъ, Вася! припиши, братъ, за это въ «крыжахъ» липнихъ два дня — потомъ отъ казначея получишь.

— Покорнѣйше благодаримъ! — поклонился Вася, обдавая Ивана Ларіоновича смѣшаннымъ ароматомъ водки, гвоздики и калгана. — Много, говоритъ, пока нельзя, — продолжалъ разнѣженный писарь, — а золотничковъ десять въ предметѣ имѣется...

— Курочка по зернышку клюетъ, да сыта бываетъ, — парировала надзиратель, улыбаясь.

— Истинно такъ. Значитъ, прикажете дать вѣсточку?

Совѣщаніе кончилось выясненіемъ подробностей, какъ, гдѣ, кѣмъ и по какой цѣнѣ будетъ производиться продажа желтой «крупки».

Разумѣется, Иванъ Ларіоновичъ, за двадцать пять лѣтъ службы на заводахъ изучившій всѣхъ и вся, узналъ всѣ нити золотого промысла мясскихъ заводскихъ мужиковъ. Оставалось только начать дѣйствовать открыто.

— Золотцо-то вѣдь наше! — возвѣстилъ онъ управителю недѣли черезъ три послѣ перваго разговора.

— Гдѣ?

— Тамъ же, въ Еланочкѣ, гдѣ раньше рыли...

— Вотъ видишь, я такъ и думалъ!

— Только они, наши потаенные-то старатели, значительно ниже по рѣчкѣ спустились. Одинъ признался прямо, что и тогда, то-есть въ первый-то разъ, мужички совѣтовали не въ гору лѣзть, а подъ изволокъ спускаться.

— Ну, если окажется твоя правда, то быть тебѣ старшимъ надзирателемъ прииска, — похлопалъ по плечу лисы управитель.

Официальные шурфы, вскрытые на три версты дальше Перво-Павловскаго прииска, обнаружили дѣйствительно богатые золотосодержащіе пески, дававшіе по два золотника на 100 пудовъ породы. Мало того, повторительныя изслѣдованія на старомъ, заброшенномъ приискѣ, лично веденныя управителемъ, показали, что слава его померкла скорѣе отъ невѣжества эксплуатаціи, чѣмъ отъ скудости драгоцѣннаго минерала. Такъ, въ первыхъ же кубическихъ саженьяхъ земли, промытой на вапгердѣ¹⁾, были найдены самородки въ ползолотника вѣсомъ.

— Золото въ Мясѣ открыто богатое! — съ гордостію писалъ управитель завода горному начальнику Татарину въ Златоустъ.

Пріятная депеша немедленно была послана съ гонцомъ въ Екатеринбургъ и въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ въ Петербургъ. На этотъ разъ заводъ уже не передавался въ вѣдѣніе ассигнаціоннаго банка; но послѣ двѣнадцатилѣтняго перерыва въ золотой

¹⁾ Желобъ для промывки золотоносныхъ породъ.

работѣ, который могъ завершиться абсолютнымъ отказомъ казны отъ лучшей жемчужины всѣхъ уральскихъ казенныхъ заводовъ,— на Мясѣ поднялась самая лихорадочная дѣятельность, когда либо видѣнная заводомъ.

Кромѣ возобновленія Перво-Павловскаго прииска, къ нему примкнули еще два — Каскиновскій и Атлянскій. Хотя работы были начаты уже поздно, почти въ половинѣ лѣта, Мясскіе прииски въ совокупности дали въ этотъ годъ золота 3 п. 27 ф., что по тогдашнему курсу равнялось 45,000 р. Изъ этой суммы чистый барышъ казны составлялъ свыше 35,000 р., и только 10,000 р. ушли на расходы по установкѣ машинъ, на содержаніе и плату рабочимъ. Собственно говоря, съ оффиціальной стороны матеріальное положеніе мяскаго заводскаго человѣка не улучшилось почти нисколько, такъ какъ плату онъ получалъ по прежнему штату, отъ 2 до 10 к. въ день.

— Все-таки теперь нашему брату есть около чего дышать,—увѣренно и съ хитростью во взорѣ отзывались золотоискатели.

— Да вѣдь прибавки-то къ жалованью нѣтъ?—спрашивали ихъ родственники изъ окружающихъ, желѣзодѣлательныхъ заводовъ.

— Положимъ, такъ... За то самородочки особъ статья: за нихъ цѣна полагается отдѣльная, по 15 копеекъ за золотничекъ... А кто съ умомъ да разумомъ, то самородокъ и припрятать можетъ, проглотить тамъ, али какъ иначе...

— Куда же съ нимъ потомъ? — допытывались непосвященные въ тайны восточнаго Приуралья.

— И въ заводъ есть кому продавать, и въ прочихъ мѣстахъ насъ съ этимъ товаромъ встрѣчаютъ, какъ братьевъ родныхъ... А главное отъ постылаго желѣза освободились, чтобъ ему неладно было!..

— Вотъ оно понашему и случилось! — шамкали старики, нѣкогда слушавшіе объявленіе закона 1812 г., возвѣщеннаго съ барабаннымъ боемъ.—Къ нашимъ красненькимъ съ песочкомъ грунтамъ желѣзо не идетъ... И башкиры, значить, не ввали, что «золотá, бачка, въ землѣ найдешь»...

Съ 1823 г. Мясскій заводъ превратился въ золотой приискъ и остается до настоящаго времени, на протяженіи семидесяти лѣтъ, изъ коихъ пятьдесятъ четыре года онъ былъ казеннымъ, а затѣмъ сданъ въ долгосрочную аренду компаніи частныхъ лицъ.

Количество добываемаго въ теченіе этого времени золота подвергалось большимъ колебаніямъ. Въ 1823 г. Мясѣ выработалъ, какъ сказано, 3 пуда, 27 фунтовъ, въ 1824 г. уже 19 пудовъ, 25 фунтовъ, въ 1825 г. 35 пудовъ, 14 фунтовъ, въ 1826 г. 41 пудъ, 9 фунтовъ, въ 1827 г. 64 пуда, 5 фунтовъ¹⁾. Съ 1827 г. добыча золота входитъ въ норму, остановившись почти на цифрѣ 60 пудовъ.

¹⁾ Всѣ цифровыя данныя настоящей статьи заимствованы изъ «Горнаго» и техническихъ журналовъ прежнихъ лѣтъ.

Всего же за 54 года существованія прииска въ казнѣ съ него вывезли цѣлую золотую гору вѣсомъ въ 2.702 пуда средней стоимости по курсу на сорокъ миллионъ рублей. Извлеченіе этой массы золота обходилось казнѣ не всегда въ одну и ту же цѣну. Такъ, въ первые года разработки прииска золотникъ стоилъ отъ 3 до 6 рублей, а въ послѣдующіе до 2 рублей 30 копеекъ. Самое дешевое золото выпало на долю 1827—1828 гг., когда золотникъ обошелся только по 1 рублю 90 копеекъ или немного болѣе 50 копеекъ серебромъ.

Въ позднѣйшіе годы казеннаго управленія приискомъ золото стоило казнѣ около 3 рублей за золотникъ, хотя изъ ста пудовъ песку промывалось 30—94 доли, а въ годъ добывалось иногда до 70 пудовъ, требовавшихъ участія въ работахъ 1.500 человекъ. Въ крѣпостное время, до закона 8 марта 1862 г., освобождавшаго горнозаводское населеніе отъ обязательныхъ работъ на заводахъ, плата непосредственнымъ участникамъ въ добычѣ золота была слѣдующая: штейгеры, руководители работъ и начальники партій при развѣдкахъ и постановкахъ пробныхъ шурфовъ получали въ годъ 51 рубль 45 копеекъ, по 2 пуда ржаной муки на себя и жену и по 1 пуду на дѣтей; такую же плату имѣли надсмотрщики, или нарядчики; что касается до простыхъ рабочихъ, всѣхъ этихъ возчиковъ, рудокопщиковъ, золотопромывальщиковъ и т. п., то имъ полагалось отъ 1¹/₂ до 5⁵/₇ копеекъ въ день и казенный «паекъ» въ той же пропорціи, какъ штейгерамъ. Нужно замѣтить, что, въ сущности, какъ ни была ничтожна плата приисковымъ и вообще заводскимъ рабочимъ, принципа бесплатнаго пользованія трудомъ казна никогда не вводила. Другой вопросъ, велико или мало было вознагражденіе за трудъ, но оно было, разъ человекъ попадалъ въ списки завода. Даже ученики заводскихъ школъ—и тѣ получали жалованье по 45 копеекъ въ годъ, потому что и они значились въ заводскихъ спискахъ.

При такой системѣ управленія золотымъ приискомъ горное вѣдомство имѣло отъ него ежегоднаго дохода болѣе полутора ста тысячъ. Очень можетъ быть, что казна могла бы получать и вдвое большій доходъ, если бы она ввела въ практику дѣла «золотничья», или старательскія работы частныхъ лицъ, промывающихъ пески на собственный рискъ и страхъ, но обязанныхъ сдавать все добытое золото въ казну, по заранѣе установленной цѣнѣ на него.

Золотой песокъ на Мясскомъ приискѣ сплавлялся въ слитки вѣсомъ въ два пуда и небольшими транспортами, въ 5—7 слитковъ, перевозился на храненіе въ Златоустъ, по западную сторону Урала. Транспортировка золота обставлялась весьма внушительно. Впереди повозки, запряженной тройкою хорошихъ лошадей, ѣхалъ взводъ казаковъ съ длинными пиками, обязанный удалять съ дороги, на почтительное разстояніе, всѣхъ идущихъ и ѣдущихъ. За казаками шелъ конвой солдатъ съ заряженными ружьями и штыками наголо,

плотною цѣпью окружающій повозку, а сзади нихъ ѣхалъ другой взводъ казаковъ. Всѣмъ эскортомъ командовалъ офицеръ горнозаводскаго баталіона. Порядокъ этотъ соблюдался неизмѣнно, въ продолженіе полстолѣтія, хотя ни разу не было ни малѣйшаго повода опасаться открытаго нападенія на караванъ. Впрочемъ, можетъ быть, эта строгость въ охраненіи драгоценной клади и избавляла ее отъ покушеній и разграбленія, подобно тому, какъ случилось съ золотымъ транспортомъ немейскихъ рудниковъ, въ глуши сибирской тайги.

Укупорка золота, при перевозкѣ его съ Міаса въ Златоустъ, была очень проста. Слитки клались на большой желѣзный противень, который ставился въ деревянный ящикъ, окованный полосовымъ желѣзомъ. Ящикъ запирался замкомъ и запечатывался казенною печатью. Надъ повозкою, въ которой лежалъ ящикъ, непременно развѣвался флагъ—признакъ казенной клади.

Въ Златоустѣ золото принималось комиссіей изъ горныхъ инженеровъ и сдавалось въ главное казначейство. Разъ въ годъ все добытое золото, накопившееся въ сундукахъ казначейства, отправлялось въ Екатеринбургъ, на монетный дворъ, откуда оно съ общимъ караваномъ всего сибирскаго золота пло уже въ Петербургъ. Количество конвоя изъ казаковъ и солдатъ, при отправкѣ золота въ Екатеринбургъ, увеличивалось, разумѣется, пропорціонально массѣ мелалла и числу повозокъ, назначаемыхъ для перевозки его.

IV.

Посѣщеніе Міасскаго прииска Александромъ I.

Маршрутъ путешествія императора Александра I по Россіи въ 1824 г., какъ водилось въ тѣ времена, былъ задолго разосланъ начальствующимъ лицамъ, которыя поэтому могли приготовить къ осмотру царя все наиболѣе важное и замѣчательное. Міасскій золотой приискъ не входилъ въ число интересныхъ мѣстъ Урала, посѣщеніе котораго императоромъ, именно г. Златоуста, предполагалось въ сентябрѣ 1824 г.

Между тѣмъ въ началѣ этого года на міасскихъ разработкахъ былъ открытъ необычайно богатый приискъ съ содержаніемъ по 7 фунтовъ золота въ 1.000 пудовъ, названный Царево-Александровскимъ. Щедрость новаго прииска была до того велика, что, кромѣ общаго обилія золотомъ породы, въ ней нерѣдко еще попадались самородки отъ 9 до 24 фунтовъ вѣсомъ. Многіе изъ рабочихъ, рывшихъ породу на Царево-Александровскомъ приискѣ, положительно обогатились, получая установленную за самородки премію, по 15 копеекъ съ золотника.

На основаніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ, администрація мясскихъ приисковъ, а съ ней многочисленное заводское населеніе Міаса и желали, и ждали, и не смѣли надѣяться на высокое счастье видѣть великаго, обожаемаго монарха. Но счастье, о которомъ они въ слухъ даже не мечтали, снизошло къ нимъ совершенно неожиданно 23 сентября 1824 г.

Малѣйшія черты изъ пребыванія императора на приискахъ такъ врѣзались въ памяти туземцевъ, что древніе восьмидесяти и девяностолѣтніе старцы, позабывшіе уже всѣ случаи изъ былой жизни, прекрасно помнили только этотъ незабвенный для нихъ день, среди волненій и событій котораго отчетливо выдѣлялся свѣтлый ликъ царя. И слезы умиленія текли по морщинамъ стариковъ, когда они передавали факты изъ кратковременнаго пребыванія государя среди приисковыхъ рабочихъ, — и лица ихъ озарялись внутреннимъ свѣтомъ блаженства, можетъ быть, на единый мигъ промелькнувшаго въ тяжеломъ, непріятномъ существованіи подневольнаго заводскаго парія. Передамъ эти подробности по рассказамъ старожиловъ и по печатнымъ источникамъ, разбросаннымъ въ періодическихъ изданіяхъ.

На южный Уралъ Александръ ѣхалъ изъ Уфы. Чѣмъ больше подвигался онъ къ центру Златоустовскаго горнаго узла, тѣмъ выше становились горныя вершины, и тѣмъ круче дѣлались подъемы и спуски грунтовой дороги, по которой медленно катился императорскій кортежъ изъ шести повозокъ. Царь съ восторгомъ любовался живописными видами, разстилавшимися всюду подъ его ногами.

— Чудесный край, богатый край! — нѣсколько разъ замѣчалъ онъ окружающимъ. — А это кто? — спрашивалъ онъ, указывая на группы башкиръ, стоявшія безъ шапокъ въ почтительномъ отдаленіи отъ дороги.

— Бачка-царь... бачка-царь!.. — радостно бормотали башкиры, широко осклабяясь скуластыми фізіономіями.

— Что они говорятъ?

— Они счастливы, что видятъ ваше величество.

Въ Тастубѣ государя встрѣтилъ начальникъ златоустовскихъ горныхъ заводовъ Татариновъ, которому выпало объясненіе о заселенности края, устройствѣ заводовъ по Уралу, растительныхъ и минеральныхъ богатствахъ его и т. д.

— А какъ у васъ идетъ оружейное дѣло? — спросилъ Александръ.

— На заводѣ и оружейной фабрикѣ въ Златоустѣ ежедневно работаетъ 2.150 человекъ, — отвѣчалъ Татариновъ.

— И вы довольны ихъ успѣхами?

— Вполнѣ, ваше величество.

— Приносятъ вамъ пользу мои золингенцы ¹⁾.

¹⁾ Нѣмецкіе мастера, выписанные изъ Золингена для обученія русскихъ на Златоустовской оружейной фабрикѣ.

— Несомнѣнную, государь.

— Я очень этому радъ, потому что ъыписка нѣмцевъ стоила мнѣ хлопотъ, да и не дешево они обошлись намъ. Я увѣренъ, однако, что они заслужаютъ... Но сколько же всѣхъ рабочихъ на вашихъ заводахъ?

— Больше 5.000 человекъ, ваше величество.

— Почтенная цифра!

Миновавъ Саткинский заводъ, царскій поѣздъ окончательно очутился въ скопищѣ горъ, которыя тѣснились со всѣхъ сторонъ, пересѣкая дорогу, разбѣгаясь отъ нея расходящимися радіусами, стелкаясь въ ущелья, образуя долины и проч. Отъ Саткинскаго завода до Златоуста считается 44 версты, но разстояніе это на парѣ хорошихъ лошадей проѣзжаютъ не менѣе, какъ въ 6—8 часовъ— до такой степени путь затруднителенъ по причинѣ косогорьевъ и крутыхъ подъемовъ. На серединѣ тракта между Саткой и Златоустомъ построена невзрачная деревушка Куваши, назначенная специально для перемѣны лошадей и огражденія безопасности проѣзжающихъ, такъ какъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтія здѣсь совершались частыя нападенія грабителей на одинокихъ путешественниковъ. Память объ этихъ разбояхъ сохранилась до нашихъ дней въ прозвищахъ урочищъ: «убитой бабы», «разбойнаго буерака» и т. д.

Самый опасный и длинный спускъ предстоялъ впереди, съ горы Березовой, помѣстному съ «Березоваго взлобка». Тутъ подъ угломъ почти въ 45° телѣги и повозки цѣлую версту спускаются заторможенными и обратно поднимаются не иначе, какъ съ особой желѣзной подставкой сзади, которая въ моментъ остановокъ лошадей для отдыха сама упирается въ землю, не давая колесамъ катиться подъ крутизну.

На Березовой горѣ императоръ вышелъ изъ кареты, выразивъ желаніе сойти пѣшкомъ. За государемъ вышли и члены свиты, осторожно, красивой кучкой спускаясь по головокружительному наклону. За царственнымъ путешественникомъ и блестящей плеядой его спутниковъ привычныя лошади тихо тащили дормезы, удерживаемые на веревкахъ сотнями празднично разодѣтаго народа, довольнаго тѣмъ, что онъ можетъ такъ близко лицезрѣть своего «батюшку царя».

А Златоустъ и его Большая улица по горѣ Уреньгѣ уже кипѣли любопытными, собравшимися съ другихъ заводовъ и сосѣднихъ деревень. При въѣздѣ въ заводъ народъ встрѣтилъ государя хлѣбомъ-солью, которые его величество милостиво принялъ и затѣмъ проѣхалъ прямо въ соборъ. Въ Златоустѣ Александръ прожилъ два дня, знакомясь съ бытомъ населенія и ходомъ работъ на оружейной фабрикѣ и заводѣ. Въ концѣ втораго дня императоръ, разговаривая съ Татариновымъ, сказалъ:

— Ахъ, кстати, какъ работаетъ мой пріискъ на Міяскѣ?

— Прекрасно, ваше величество.

— Завтра, господа,—обратился Александръ къ свитѣ,—я приглашаю васъ на свой пріискъ, гдѣ буду копать золото на мое счастье.

Довольно рано утромъ 23 сентября императоръ выѣхалъ въ Міяскъ. Погода, обыкновенно въ эту пору дождливая на Уралѣ, стояла почти лѣтняя. Экипажи быстро катили по хорошо утрамбованной дорогѣ, огибавшей заводскій прудъ и незамѣтно поднимающейся къ подошвѣ главнаго Уральского хребта. Наконецъ, взмыленные лошади вынесли кареты на вершину границы Европы съ Азіей и безпрепятственно помчались къ Міясу, въ 37 верстахъ отъ Златоуста.

— Такъ вотъ гдѣ родина золота! — замѣтилъ его величество, въѣзжая въ Міяскій заводъ.

Милостиво принявъ хлѣбъ-соль отъ жителей и побывавъ въ храмѣ, царь удостоилъ своимъ посѣщеніемъ заводскій госпиталь, откуда отправился прямо на Царево-Александровскій пріискъ, въ 5-ти верстахъ отъ завода. Работы на пріискѣ шли, какъ всегда. Рабочіе, извѣщенные за нѣсколько минутъ о прибытіи царя, взяли первое попавшееся деревянное блюдо, покрыли его чистымъ полотенцемъ, положили простой, черный хлѣбъ съ солью и, когда Александръ вышелъ изъ кареты, встрѣтили его этимъ подаркомъ, по старинному русскому обычаю. Какъ нарочно, случилось такъ, что за три часа до пріѣзда государя мастеровой Міяскаго завода Дементій Петровъ нашель самородокъ золота вѣсомъ 8 фунтовъ 7 золотниковъ.

— Позвольте, ваше величество,—сказалъ Татариновъ,—представить вамъ эту удачную находку.

— Хорошая примѣта! — улыбнулся императоръ, беря въ руки неправильной формы кусокъ металла.—Ну, дайте же мнѣ лопату и кайло, я хочу самъ поработать на своемъ пріискѣ.

Татариновъ подалъ заранѣе приготовленные инструменты. Государь спустился въ забой¹⁾ и весело крикнулъ свитѣ:

— Теперь я буду Berg-Kaiser²⁾.

Затѣмъ Александръ началъ работать наравнѣ съ десятью рабочими, находившимися въ томъ же забоѣ. Прошло нѣсколько минутъ. Побѣдитель Наполеона продолжалъ бить кайломъ и накладывать землю въ деревянную бадью. Лицо императора покрылось уже каплями пота, а онъ такъ увлекся, что не замѣчалъ ничего. Какіе были мотивы этой работы? Принимая во вниманіе мягкій, гуманный характеръ монарха, мы едва ли ошибемся, если объяснимъ ихъ тѣмъ, что своей работой государь приносилъ посильную жертву для облегченія тяжелой участи пріисковыхъ тружениковъ...

¹⁾ Болѣе или менѣе глубокая яма, въ которой добывается золотоносная порода.

²⁾ Горный царь.

— Государь, — стали говорить изъ свиты, — вамъ вредно долго оставаться въ непривычной обстановкѣ. Поберегите свои силы для многочисленныхъ подданныхъ.

При выходѣ изъ забоя, за Александромъ вынесли все количество нарытой имъ породы, которой оказалось ровно 22 пуда. Благодаря солнечной сухой погодѣ, одежда этого необыкновеннаго работника нисколько не загрязнилась, и даже сапоги носили только легкіе слѣды глинистаго налета.

— Теперь покажите мнѣ, гдѣ работалъ счастливецъ, нашедшій самородокъ, — сказалъ царь.

Его подвели къ забоя, въ которомъ билъ кайломъ и лопатой Дементій Петровъ съ товарищами.

— Много ли они могутъ вырыть породы въ день?

— Отъ одной до двухъ кубическихъ сажень, или отъ тысячи до двухъ тысячъ пудовъ.

— А золота изъ нея сколько выйдетъ?

— Не считая рѣдкихъ самородковъ, подобно нынѣшнему, намывается золотого песку около 40 зол.

— Выдайте счастливцу за самородокъ 500 р. и его товарищамъ по 50 р., — приказалъ государь.

Далѣе Александръ смотрѣлъ на процессъ поступленія 100 пуд. породы въ промывательную машину и получения чистаго золота 60 зол., которое вмѣстѣ съ самородкомъ было оставлено имъ себѣ на память о посѣщеніи пріиска.

— Сколько же рабочихъ на моемъ пріискѣ? — спросилъ онъ.

— 135 человекъ.

— А на всѣхъ мясскихъ пріискахъ?

— 374 человекъ.

— Выдайте моимъ 1000 рублей, а прочимъ по 1 р. 50 к. на каждого. Васъ же, — обратился императоръ къ Татаринovu, подавая ему орденъ, — я жалую кавалеромъ Анны 2-й степени.

Татариновъ всталъ на колѣно и поцѣловалъ государю руку. Когда царь сѣлся въ карету, то всѣ пріисковые рабочіе выстроились въ два ряда и привѣтствовали его громкимъ «ура!» и бросаніемъ на воздухъ шапокъ.

— Увольте ихъ отъ работы на три дня, — добавилъ новую милость раскланивающійся съ народомъ монархъ.

Осыпавъ всѣхъ наградами, Благословенный отбылъ съ Царево-Александровскаго пріиска, долго еще провожаемый восторженными кликами оставшихся и встрѣчаемый такими же привѣтствіями рабочихъ другихъ пріисковъ, выпросившихся у начальства взглянуть «хоть разъ въ жизни» на славнаго защитника отечества въ 1812 г.

— Видѣли его, батюшку, видѣли!.. плакали умиленные старики и старухи. — Теперь можемъ и умереть спокойно. Господи, за что ты насъ, грѣшныхъ, сподобилъ этого счастья?.. Мы и не чаяли такой

радости... Вѣдь это свѣтлый Христовъ день для насъ!.. Въ работѣ да въ неволѣ скоротали мы тутъ свой вѣкъ. Только и было всего, что прійдетъ Лучининъ, накричитъ, нагрозитъ, распушитъ и уѣдетъ... Бьютъ, бывало, смертнымъ боемъ, чтобы каждая косточка болѣла... И послѣ такой-то собачьей жизни Богъ оглянулся, послалъ намъ своего помазанника...

Эти послѣднія, заключительныя слова о посланномъ Богомъ помазанникѣ были, кажется, на лету подхвачены отъ блаженненькаго Мясскаго завода Фодотушки, который бѣгалъ верхомъ на палочкѣ по улицамъ и, припрыгивая и смѣясь, кричалъ во весь голосъ:

— Православные, братчики, сестрички!.. Радуйтесь, голубчики, радуйтесь!.. Нынче Богъ Христа во адъ прислалъ... Христосъ выведетъ изъ ада грѣшниковъ, выведетъ!.. Радуйтесь, братчики, молитесь Создателю!..

И благочестивое заводское населеніе съ сладкимъ чувствомъ внимало рѣчамъ юродиваго, а брошенное имъ евангельское зерно тотчасъ же превратилось въ поэтическую легенду, которую, какъ святая святыхъ, заводскій человѣкъ лелѣялъ потомъ цѣлыя тридцать восемь лѣтъ, вплоть до 8 марта 1862 г.

Такъ въ ореолѣ надежды заводскаго раба на освобожденіе уѣхалъ Александръ съ Урала. Кто знаетъ, не затѣмъ ли онъ путешествовалъ по необъятной Россіи, чтобы лучше познакомиться съ рабскимъ горемъ, которому онъ таилъ въ сердцѣ уже близкую зарю лучшаго будущаго?..

Къ чести горнаго начальника Татарина, онъ постарался сохранить память о посѣщеніи Александромъ Урала со всевозможною тщательностію. На мѣстѣ работы государя въ забоѣ онъ распорядился немедленно поставить каменную пирамиду съ двухглавымъ на вершинѣ золоченымъ орломъ и съ соответствующими на бокахъ надписями. Изъ числа же добытаго императоромъ песку 20 ф. были уложены въ ящикъ и вмѣстѣ съ лопатой и кайломъ, которыми онъ работалъ, отправлены въ Златоустовскій горный арсеналъ, гдѣ эти священные для заводскихъ людей предметы можно осматривать и теперь.

Каменная пирамида, сооруженная Татариновымъ, отъ времени начала разрушаться и въ 1847 г. была замѣнена чугунной колонной, существующей на Царево-Александровскомъ приискѣ понынѣ. Для характеристики этого замѣчательнаго золотоноснаго прииска не мѣшаетъ добавить, что съ мая 1824 по май 1825 г. на немъ было добыто золота 27 п. 14 ф., то-есть вдвое болѣе, чѣмъ на остальныхъ трехъ приискахъ, въ совокупности.

V.

Баловни счастья.

Раннее, холодное, дождливое и туманное утро 26 сентября 1842 г. Кругомъ еще темно. Царево-Александровскій приискъ спитъ тяжелымъ свинцовымъ сномъ. Изъ приисковыхъ казармъ, низкихъ деревянныхъ зданій съ маленькими окнами, окрашенныхъ въ казенную желтую краску, едва пробивается свѣтъ коптящаго маслянаго ночника. Часовой казакъ, съ шапкой черезъ плечо и ружьемъ за спиною, судорожно пожимается у караульной будки. Надъ будкой торчитъ длинный шестъ, оканчивающійся маленькой крышей, подъ которой виситъ колоколь; отъ него спускается черная смоленая веревка. Рядомъ съ будкой стоитъ казацкая сборная, гдѣ живетъ полсотня казаковъ, набранныхъ изъ бравыхъ и ловкихъ заводскихъ мастеровыхъ.

Ровно въ шесть часовъ изъ сборной выпелъ казацкій урядникъ.

— Звонокъ!—крикнулъ онъ часовому.

Караульный мѣрно дернулъ за веревку шесть разъ. Не успѣлъ еще замолкнуть послѣдній ударъ дребезжащаго, словно плачущаго отъ тоски колокола, какъ изъ сборной выскочилъ барабанщикъ, и глухая, унылая дробь отсырѣвшей кожи раскатилась надъ приискомъ, призывая всѣхъ къ дневному труду.

Въ рабочихъ казармахъ начали пошевеливаться. Слышались оханья, громкіе вздохи, откашливанья.

— Вставать, живо!—командовали нарядчики, по обязанностямъ службы проснувшіеся раньше своихъ подчиненныхъ.

Черезъ пять минутъ барабанная дробь повторилась. Въ казармахъ происходило оживленное движеніе. Этотъ грязный, нечесаный, оборванный человѣческій муравейникъ, собранный съ заводовъ для извлеченія изъ земли богатствъ, снималъ съ протянутыхъ вдоль казармъ веревокъ лохмотья и торопливо напяливалъ ихъ на себя, стараясь поскорѣе обуться и одѣться. Волны промозглаго, удушливаго воздуха, острой, прѣлой смѣси копоти, пота, махорки и затхлои сырости переливались по казармамъ изъ конца въ конецъ и клубами вылетали изъ дверей, когда ихъ отворяли снующіе взадъ и впередъ рабочіе.

— Кажись, опять мокрота?—спрашивали другъ друга золотоискатели.

— Лѣтъ повчерашнему...

— Наказаніе Господне! Вчера промокли до нитки и сегодня тоже.

— На дождь гнѣвить нечего, а то плохо, что одежонка вся сырая... За ночь почти нисколько не просохла.

— И грязь же опять въ забояхъ, гляди, по колѣно!

— Что грязь: прямо болото...

Барабанъ протрещалъ въ третій разъ.

— Выходи, стройся!—кричали нарядчики.

Толпа построилась предъ казармами по артелямъ. Явился писарь присковаго смотрителя и при свѣтѣ фонаря сдѣлалъ переключку. На лицо оказались всѣ.

— Въ забой маршъ!—закончилъ переключку писарь. И артели рабочихъ, захвативъ свои инструменты, понуро побрели на прискъ.

Черезъ полчаса послѣ этого на крыльцѣ смотрительскаго домика показался начальникъ приска, горный инженеръ, поручикъ Шуманъ, въ сопровожденіи «крыжа», производившаго переключку и отмѣтку рабочихъ по спискамъ.

— Сегодня должна прійти партія изъ Златоуста,—сказалъ онъ писарю.

— Куда прикажете росписать ее?—почтительно спросилъ тотъ.

— Дополнить малочисленные артели... Впрочемъ, я еще поговорю съ надзирателемъ. Жалобъ отъ нарядчиковъ не поступало?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Надзиратель на прискъ?

— Точно такъ-съ.

— Стулай въ контору доканчивать мѣсячную отчетность.

Смотритель, молодой еще человекъ, одѣтый въ теплое форменное пальто, направился къ приску, на которомъ сновали люди съ тачками, наполненными золотоноснымъ пескомъ, ѣздили съ двухколесными телѣжками лошади, отвозившія промытую «породу», громыхали машины, и почти на каждомъ шагу видѣлись казаки и нарядчики, зорко смотрѣвшіе за работой людей. При появленіи смотрителя всѣ подтянулись и подбодрились, движенія сдѣлались автоматически отчетливыми.

— Какъ идетъ забой?—спросилъ Шуманъ перваго попавшагося нарядчика.

— Очень много отливали-съ.

— А породы сколько вырыли?

— Десятую бадью-съ.

Выслушавъ на ходу эти отвѣты, смотритель мелькомъ взглянулъ въ глубокія, сырыя и грязныя ямы, гдѣ копошились люди съ кайлами, лопатами и бадьями. У навѣса подъ промывательными машинами его встрѣтилъ надзиратель въ черномъ сюртукѣ съ бѣлыми «горными» пуговицами.

— Сколько промыли?—обратился къ нему поручикъ, едва касаясь рукою фуражки на поклонъ надзирателя.

— Начали восьмую сотню пудовъ...

— Ваше благородіе!—произнесъ прибѣжавшій запыхавшійся казакъ.—Никифоръ Сюткинъ самородокъ нашель...

— Въ чьемъ нарядѣ?

— У Степана Тимоѳеева.

— Прикажи сейчасъ нести сюда.

— Едва ли одинъ-то онъ донесетъ...

— Что ты вздоръ городишь!..—крикнулъ Шуманъ, строго взглянувъ на гонца.

— Точно такъ: самородокъ даже огромный,—пояснилъ казакъ.— Когда онъ выкопалъ его изъ земли, то черезъ силу даже съ мѣста сдвинулъ...

— Тачку подать!.. Веди меня туда!..—приказалъ смотритель взволнованнымъ голосомъ.

Извѣстіе о необычайной находкѣ разнеслось по приску со скоростью молніи. На моментъ работы приостановились. Всѣ удивлялись необыкновенному счастью тихаго, скромнаго восемнадцатилѣтняго парня съ Мясскаго завода Никифора Сюткина. Какъ водится въ такихъ случаяхъ, всѣ самородка, переходя изъ устъ въ уста, возросталъ въ огромной пропорціи и предъ рабочими дальняго забоя предсталъ уже въ образѣ миѳическаго чудовища, для поднятія котораго послали цѣлую артель, чтобы положить его въ телѣгу, запряженную парю лошадей...

— Эко счастье-то людямъ бываетъ!—говорили между собою рудокопы.

— Гляди, тысячъ двадцать получить...

— Нѣтъ, братъ, за эдакую махину не двадцать, а всѣ сорокъ или пятьдесятъ отвалять,—поправляли того, кто пытался опредѣлить стоимость премій за самородокъ.

Смотритель быстрыми шагами шелъ за провожатымъ.

— Да куда же ты меня ведешь, на Новое мѣсто?

— Точно такъ, ваше благородіе!.. Значитъ, гдѣ вы третью водни велѣли шурфъ поставить.

Поднявшись на отвалъ пустой породы, смотритель увидалъ маленькую группу людей, казалось, сосредоточенно смотрѣвшихъ себѣ подъ ноги.

— Гдѣ?—запыхавшись проговорилъ инженеръ, подходя къ группѣ.

— Здѣсь,—отвѣтилъ за всѣхъ казакъ, уже сторожившій сокровище съ обнаженною пашкою.

Самородокъ лежалъ на днѣ неглубокой, но широкой ямы, скорѣе лоцины съ правильно отрѣзанными краями. Это былъ кусокъ очень уродливой формы, длиною почти шести вершковъ, шириною съ одного конца около четырехъ, а съ другаго близъ двухъ вершковъ. Характернаго, темнокоричневаго цвѣта, съ налипшей кругомъ глиной, сквозь которую блестѣли искорки чистѣйшаго металла,—его можно было легко принять за обыкновенный булыжникъ.

— Кто нашелъ?—спросилъ Шуманъ.

— Я, ваше благородіе,—виновато отозвался невысокаго роста

бѣлокурый малый съ веснучатымъ лицомъ и кроткими голубыми глазами, которыми онъ учащенно моргалъ, какъ бы стараясь по-давить наверхъ вающіяся слезы.

— Одинъ?

— Одинъ, ваше благородіе... Мнѣ, значитъ, нарядчикъ, Степанъ Тимоѣичъ то-есть, велѣлъ въ край бить... Я и сталъ кайломъ долбить... да что-то твердое и ущупалъ... Не камень ли, подумалъ я... Глянулъ, а оттуда на меня блеснуло... Я опалѣлъ... а потомъ, значитъ, закричалъ Степану Тимоѣичу, что самородокъ нашелъ...

— Правда это?—спросилъ смотритель нарядчика.

— Совершенная правда-съ.

Въ эту минуту прибѣжалъ съ тачкой рабочій.

— Положите самородокъ, — распорядился инженеръ. — А ты, — обратился онъ къ нарядчику, — гляди здѣсь въ оба — тутъ забой будетъ богатый...

Сюткинъ взялъ самородокъ за оба конца и не безъ усилій взвалилъ его на тачку: вмѣстѣ съ приставшей къ нему мокрой землей самородокъ вѣсилъ первоначально больше трехъ пудовъ.

Торжественно, подъ охраной двухъ казаковъ и въ сопровожденіи смотрителя, повезли рѣдкую находку къ промывательнымъ машинамъ. Здѣсь самородокъ бережно очистили и положили на точные вѣсы, хранившіеся подъ стекломъ. Надзиратель поставилъ на чашку пудовую гирию — самородокъ лежалъ неподвижно, поставилъ другую — то же самое. Потянувъ рукою за цѣпь вѣсовъ, надзиратель взялъ пятифунтовикъ, но и его оказалось мало. Пришлось добавить еще два фунта слишкомъ. Точный вѣсъ самородка, попавшагося подъ лопату баловня фортуны Никифора Сюткина, былъ записанъ смотрителемъ въ 2 п. 7 ф. и 91 зол.

— Ваше благородіе! — осмѣлился произнести счастливецъ, переминавшійся съ ноги на ногу у сарая.

— Что?

— Можно мнѣ будетъ въ Міясъ сходить... къ роднымъ, домой... Потому очень ужъ сердце зашлось...

— Ступай.

Въ тотъ же день смотритель пріиска самъ отвезъ необыкновенный кусокъ золота къ управителю завода, который командировалъ Шумана въ Златоустъ, для представленія горному начальнику Аносову. Послѣдній распорядился снять съ самородка точную деревянную копию, которую густо позолотили и положили на храненіе въ арсеналь. Не прерывая разказа, замѣтимъ, что управленіе златоустовскими горными заводами подъ начальствомъ генераль-маіора Павла Петровича Аносова въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ отличалось положительно огромнымъ количествомъ золота, добываемаго на Міясъ. Такъ, на примѣръ, въ 1840 году его было намыто болѣе 76 пудовъ выше обычной нормы на 16—18 пудовъ.

Многіе въ то время склонны были думать, что Аносову просто везетъ счастье, ибо прогрессивное возростаніе золота выражалось для него въ дождѣ наградъ, обильно сыпавшихся изъ Петербурга. Но мы объясняемъ это непостижимое на первый взглядъ обстоятельство тѣмъ, что Аносовъ былъ не только недюжинная, но прямо свѣтлая личность, одинъ изъ тѣхъ русскихъ «праведниковъ», которые выдвигаются изъ народныхъ нѣдръ на долгую память потомкамъ.

Трудолюбія и энергіи Аносовъ былъ необыкновенныхъ. Съ раняго утра до поздней ночи присутствовалъ онъ на фабрикѣ и заводѣ въ Златоустѣ, указывая, направляя, ободряя и поощряя казенныхъ рабовъ. Нерѣдко сюда, гдѣ нибудь возлѣ кричнаго горна или прокатнаго станка, ему приносили и нероскошный обѣдъ, съѣдаемый между дѣломъ и работой. Небольшаго роста, тщедушный человѣкъ, мѣшквато носившій горноинженерную форму съ густыми эпюлетами, Аносовъ привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ пріятливостью обращенія и мягкимъ гуманнымъ отношеніемъ къ рабочимъ, которые обожали своего начальника и называли «отцомъ» и «святымъ человѣкомъ»... Но при всѣхъ превосходныхъ качествахъ характера и добротѣ своего сердца этотъ «отецъ» былъ въ высокой степени образованная и знающая горное дѣло личность, прославившая себя, между прочимъ, изобрѣтеніемъ булата, который до сего времени считается единственнымъ въ своемъ родѣ матеріаломъ для выковки оружія. Всецѣло отдаваясь оружейному и заводскому дѣлу, Аносовъ ничуть не забывалъ и другихъ, подвѣдомственныхъ ему заводовъ, которые посѣщалъ каждый мѣсяць, а на Міяскіе золотые пріиски ѣздилъ черезъ недѣлю. Поэтому нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что, зорко слѣдя за разработкою золотоносныхъ породъ, Аносовъ систематически направлялъ ихъ по своимъ собственнымъ наблюденіямъ и по замѣчаніямъ опытныхъ людей, выслушиваемыхъ имъ весьма охотно и снисходительно.

Характеризуя Аносова, не можемъ умолчать о никогда невиданной на заводахъ сценѣ прощанія съ населеніемъ отъѣзжающаго начальника. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что «святой человѣкъ» получилъ назначеніе губернаторомъ одной сибирской губерніи, то скорбь и тоска охватили рабочихъ неописуемая. Словно пришибленные, ходили они подъ впечатлѣніемъ горестнаго событія, не осмѣливаясь представить себѣ разлуку съ любимымъ лицомъ. Но вотъ наступилъ день отъѣзда Аносова. Какъ по сигналу, все населеніе Златоуста явилось на площадь передъ домомъ горнаго начальника и безмолвно остановилось, утирая невольна капающія слезы. Аносовъ, пораженный этой драматической картиной, вышелъ къ народу, все тотъ же маленькій, худенькій и смущенный.

— Батюшка!.. Отецъ!..— послышались вопли.— Куда уѣзжаешь?.. Зачѣмъ покидаешь насъ?..

Толпа всколыхнулась... Слова смѣнились рыданіями... Плакать и Аносовъ, этотъ полновластный и безконтрольный распорядитель надъ судьбами тысячъ, сумѣвшій вызвать въ нихъ такую любовь, внести столько содержанія въ ихъ неприглядную жизнь, что разлука дѣлалась болѣзненно-мучительною... Уѣзжающаго начальника подхватили въ объятія, изъ переднихъ рядовъ передали въ другіе, и такъ, лобызаемый и омываемый слезами, онъ передавался могучими руками, какъ драгоценная святыня, прикосновеніе къ которой умиротворяетъ душу и вызываетъ радостныя надежды...

Но возвращаемся къ самородку. Изъ Златоуста его съ тѣмъ же Шуманомъ отправили въ Екатеринбургъ, къ главному начальнику уральскихъ горныхъ заводовъ, генералу отъ артиллеріи Глинкѣ, который, не дожидаясь «золотого» транспорта, командировалъ поручика въ Петербургъ, гдѣ смотритель пріиска могъ лично изложить всѣ подробности находки.

— Нашедшему же самородокъ Сюткину, — писалъ Глинка горному начальнику, — выдать денежную награду по пятнадцати копеекъ за золотникъ, или 1266 рублей 60 копеекъ. Но такъ какъ заводскій человѣкъ Сюткинъ въ настоящее время несовершеннолѣтній, къ тому же сумма эта, по ограниченности его потребностей, можетъ быть растрчена имъ совсѣмъ непроизводительно, то я признаю за полезное выдать ему на руки только 66 рублей 60 копеекъ, остальные же деньги положить на храненіе въ государственный банкъ и, по мѣрѣ накопленія процентовъ, ежегодно ссужать ими Сюткина.

На петербургскомъ монетномъ дворѣ минераль свѣсили вновь и оцѣнили по курсу въ 28,146 рублей 66¹/₂ копеекъ, по 3 рубля 33 копейки за золотникъ. Потомъ передавали, что императоръ Николай долго любовался во дворцѣ драгоценностью уральской Калифорніи и сказалъ пророческія слова:

— Жаль только, что деньги, выдаваемые за такія рѣдкости, рѣдко идутъ на пользу счастливымъ...

Герой дня, Сюткинъ, получивъ изъ мясской заводской конторы 66 рублей 60 копеекъ, отпраздновалъ на нихъ свое счастье позаводски: многодневнымъ кутежомъ въ компаніи товарищей, привлекавшимъ къ себѣ «весь Міась». Ничтожный, безталанный пріисковый рабочій, наравнѣ съ другими сидѣвшій на трехкопеечной поденной платѣ, Сюткинъ вдругъ сдѣлался страшною знаменитостью. За Сюткинымъ бѣгали по улицамъ, когда онъ появлялся въ заводѣ, къ Сюткину приходили въ домъ сказать два-три слова, Сюткину смотрѣли въ ротъ, когда онъ выпивалъ въ кабацкѣ рюмку водки, имя Сюткина было на языкѣ у всѣхъ.

Женское заводское населеніе, въ лицѣ наиболѣе замѣчательныхъ красавицъ Міаса, также не оставило баловня минуты въ покоѣ. Заводскія свахи, самыя бойкія и рѣчистыя созданія этого сорта

въ поддунномъ мірѣ, получили на Сюткина сразу нѣсколько десятковъ заказовъ.

— Завидный женихъ, завидный! — подзадоривали кумушки матерей невѣсты, у которыхъ разыгрался аппетитъ на сюткинскій «капиталь». — Опять же надо подумать, что вѣдь Никипу начальство теперь не оставитъ безъ вниманія... повыситъ, мать моя, непременно повыситъ!

Предложенія Сюткину о законномъ бракѣ посыпались отовсюду. Разумѣется, опалѣвшій отъ ухаживаній и заискиваній, модный женихъ живо попалъ въ разставленные свахами сѣти и не успѣлъ оглянуться, какъ очутился женатымъ на первой заводской «богинѣ» Міаса. Пройдя одну часть жизненнаго пути, Сюткинъ не замедлилъ приняться допекать начальство на счетъ денегъ.

— Хочу домъ ставить, — слезно молилъ онъ въ прошеніи, поданномъ управителю: — нельзя ли выдать мнѣ хоть 600 рублей, которые лежатъ въ банкѣ.

Управитель снесся по этому поводу съ горнымъ начальникомъ, и тотъ разрѣшилъ удовлетворить ходатайство просителя. Черезъ нѣкоторое время Сюткинъ опять началъ канючить:

— Желаю обзавестись полнымъ хозяйствомъ, — писала ему услужливая рука какого нибудь кабацкаго завсегдатая, — поэтому нуждаюсь въ остальныхъ деньгахъ.

— Нельзя! — лаконически отвѣчали горныя власти.

— Родители мои и жены моей пришли въ старость и убогость, — снова клянчилъ Сюткинъ, — низжайше умоляю о деньгахъ.

— «Отказать, ибо престарѣлые заводскіе люди получаютъ паёкъ и пенсію, — былъ отвѣтъ на прошеніе.

Но Сюткинъ не унимался. Твердо помня пословицу, что микроскопическая капля по каплѣ долбитъ камень, онъ надоѣдалъ своими ноющими жалобами всѣмъ и каждому. Наконецъ, онъ прискучилъ до того, что горный начальникъ, желая отвязаться отъ «плаксуна», разрѣшилъ выдать «счастливицу», какъ его окрестили на Міасѣ, и остальные 600 рублей.

Съ этого момента Сюткинъ вступаетъ во второй періодъ жизненнаго поприща, характеризуемаго тѣмъ, что онъ запилъ «горькую»... Съ горькой Сюткинъ быстро перешелъ на «мертвую» и немедленно узналъ, что онъ попрежнему остается заводскимъ червякомъ-рабомъ. Дѣло въ томъ, что въ первое время послѣ находки самородка на Сюткина смотрѣли чрезвычайно снисходительно. Что для другаго кончалось арестомъ или розгами, то присковому баловню сходило даромъ. Но мертвая чарка открыла глаза, и начальство энергично взялось за исправленіе Сюткина. На него посыпались всевозможныя кары, отъ двухнедѣльной высидки на хлѣбъ и водѣ до отеческой порки въ присковой конторѣ. Словомъ, какъ

предсказывали свахи, начальство не «оставляло» Сюткина, хотя и не повышало...

Келейныя исправительныя мѣры, однако, не помогали: счастливцевъ продолжалъ пьянствовать и манкировать работою. Тогда управитель осудилъ его, уже отца семейства, на публичное позорище передъ всѣмъ пріискомъ, что, впрочемъ, было зауряднымъ явленіемъ казенныхъ горныхъ заводовъ. И въ одинъ скверный осенній день Сюткина, того самаго, который еще такъ недавно стоялъ здѣсь ошатѣлый отъ находки всесвѣтно извѣстнаго самородка, привели на пріискъ опухшаго, оборваннаго, скованнаго по рукамъ и ногамъ. Барабанъ ударилъ унылую дробь, какъ въ достопамятный день 26-го сентября 1842 года. Сбѣжались пріисковыя артели. Принесли ворохъ розогъ. Жалкаго забуддыгу разложили на грязной, вязкой глинѣ, и началось жестокое истязаніе баловня счастья...

Нѣтъ нужды договаривать, каковъ былъ третій періодъ жизненнаго поприща Сюткина: онъ умеръ въ нищетѣ, презираемый и всѣми забытый.

Такъ сбылось пророчество императора Николая.

Той же или почти той же судьбѣ, конечно, съ устраненіемъ исправительно-карательныхъ мѣръ, подвергаются и нынѣшніе баловни фортуны, которымъ случается наткнуться въ землѣ на феноменальный самородокъ. Самые благоразумные изъ подобныхъ счастливцевъ принимаются прежде всего за постройку дома несоразмѣрной величины и самаго затѣйливаго рисунка; деньги, полученныя отъ продажи самородка, незамѣтно истрачиваются, строитель впадаетъ въ долги и кончаетъ тѣмъ, что остается и безъ денегъ, и безъ дома. Рассказываютъ, что года два назадъ какой-то крестьянинъ-старатель Мясскихъ пріисковъ нашелъ самородокъ вѣсомъ болѣе пуда. Не желая сдавать его компаніи по дешевой цѣнѣ— 2 рубля за золотникъ, онъ утащилъ его домой и спряталъ на дворѣ. Долго думалъ владѣлецъ золотого куска, какъ поступить съ нимъ, и ничего не могъ придумать лучшаго— начать рубить его топоромъ на части съ цѣлью удобнѣйшаго сбыта... Для перваго дебюта онъ отрубилъ только маленькій отростокъ, торчавшій съ боку, отрубилъ и продалъ очень выгодно. Разумѣется, поднялся кутежъ. Въ кутежѣ счастливцевъ проболтался о находкѣ. Слухи объ этомъ дошли до полиціи, которая сочла нужнымъ въязаться въ «незаконную продажу золота». Крестьянина посадили въ острогъ, хотя уликой служилъ одинъ топоръ, на лезвѣ котораго оказалась позолота... Пока велось слѣдствіе, кончившееся, впрочемъ, освобожденіемъ виновнаго, самородокъ былъ украденъ братомъ послѣдняго, но и братъ поступилъ не умнѣе, отрубивши отъ самородка второй отростокъ. Выпущенный изъ острога пригрозилъ брату раскрытіемъ истины и получилъ сокровище обратно. Расчлененіе съ помощію все того же первобытнаго орудія пошло своимъ чередомъ, пока другой воръ,

подсмотрѣвшій эту операцію, не укралъ остатки самородка, на этотъ разъ уже безвозвратно... Кто правъ, кто виноватъ въ такомъ положеніи вещей, при которомъ рѣдкой величины глыбы золота подвергаются столь варварскимъ истязаніямъ — судить не намъ; но несомнѣнно, что такъ поступать съ ними могутъ одни дикари центральной Африки, умѣющіе считать только до пяти.

VI.

Бѣглець.

Не сладко жилось заводскимъ рабочимъ мясскихъ золотыхъ приисковъ, не взирая ни на преміи за самородки, ни на возможность утайки золота отъ глазъ нарядчика, а иногда и въ заговорѣ съ нимъ. Не весела была жизнь этихъ своеобразныхъ военныхъ поселеній, гдѣ все дѣлалось по барабанному бою, изъ-подъ палки, подъ угрозою самыхъ унижительныхъ наказаній за малѣйшую вину. Поэтому нельзя удивляться, что даже терпкія природы заводскихъ мужиковъ не выдерживали приисковаго труда, во всякую непогоду, подъ дождемъ, снѣгомъ, вѣтромъ, палящими лучами солнца. Не выдерживали и бѣжали. Но куда? Отвѣтомъ будетъ служить нижеслѣдующій рассказъ, извлеченный изъ дѣлъ заводскихъ архивовъ.

— Сего числа, — доносилъ смотритель прииска 21-го сентября 1848 года, — на утренней переключкѣ рабочихъ не оказалось мастерового мяскаго завода Ивана Фокина. Изъ разспросовъ товарищей выяснилось, что рано утромъ вышелъ изъ казармы и болѣе не возвращался. Есть основаніе думать, что Фокинъ бѣжалъ.

Управитель завода переслалъ это донесеніе горному начальнику, который положилъ резолюцію: «принять къ свѣдѣнію». И всѣ успокоились.

Прошло девять лѣтъ. Позднимъ зимнимъ вечеромъ къ крестьянину Пономареву, деревни Карасей, Челябинскаго уѣзда, попросился ночевать пріѣзжій въ кибиткѣ на парѣ сытыхъ, откормленныхъ лошадей. Хозяевамъ сразу бросился въ глаза костюмъ пріѣзжаго, сильно смахивавшій на монашескую рясу.

— Какъ васъ звать по имени-то отчеству? — спросили путника, когда онъ устроился на ночлегъ.

— Митріемъ Васильевымъ, а кличутъ Мельниковымъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Вы кто же сами будете?

— Я, милые, отставной мастеровой съ Мясскаго завода.

— И далеко ѣдете?

— Въ Коровино.

— Къ кому?

— Къ мужичку одному, Лукиныхъ прозывается.

— Та-а-а-къ,—многозначительно протянулъ хозяинъ, переглянувшись съ старшимъ сыномъ. По этой неосторожно произнесенной фамилии, принадлежавшей къ раскольничьему толку, они начали догадываться, что гость ихъ раскольничій попь.

— А скоро поѣдете обратно?—продолжалъ выпытывать хитрый крестьянинъ.

— Послѣ новаго года.

— Заѣзжайте опять къ намъ... Мы хорошимъ людямъ рады...

— Спасибо на добромъ словѣ, заѣду.

Утромъ пріѣзжій отправился своей дорогой, а Пономаревъ пошелъ къ священнику «посоветоваться», какъ ему поступить съ отставнымъ мастеровымъ, если онъ будетъ возвращаться изъ Коровина.

— Дай знать мнѣ... нужно его обыскать,—сказалъ батюшка.

На другой день новаго года Мельниковъ опять постучалъ къ Пономареву.

— А, старый пріятель!—съ притворною радостью встрѣтилъ его предатель.—Какъ Господь носить, все ли здоровы?

— Благодарю, маячимъ ¹⁾ себѣ помаленьку. Вотъ завернулъ по вашему приглашенію.

— Милости просимъ! Располагайтесь себѣ, какъ дома.

Пока Мельниковъ распрягалъ лошадей, задавалъ имъ кормъ и перетаскивалъ изъ повозки вещи, Пономаревъ успѣлъ дать знать о немъ батюшкѣ. Черезъ часъ въ домъ явилась цѣлая толпа крестьянъ съ сельскимъ старостой во главѣ, предводительствуемая священникомъ.

— Говори прямо, кто ты!—приступили къ проѣзжему.

— Я... я... мясскій мастеровой,—коснѣющимъ языкомъ залепеталъ онъ, блѣдный и трясуційся.

— Это мы ужъ слышали! А ты вотъ покажи намъ, что у тебя въ мѣшкахъ.

Съ этими словами толпа приступила къ обыску. Прежде всего у Мельникова нашли полный комплектъ принадлежностей для богослуженія.

— Эге, да ты попь!—воскликнулъ деревенскій іерей.

Въ отвѣтъ на это Мельниковъ выхватилъ изъ кармана какую-то бумагу, изорвалъ ее на мелкія части и сунулъ въ ротъ, стараясь изжевать и проглотить.

— Держи, отнимай!—закричалъ старшина.

Понятые накинудись на проѣзжаго, поднялась свалка. Мастеровому насильно разжали ротъ и извлекли оттуда измятые клочки бумаги, которые, по рассмотрѣніи ихъ компетентнымъ батюшкой,

¹⁾ Живемъ, маемся.

оказались письмомъ отъ московскихъ раскольниковъ, адресованнымъ «его благословенію»...

Мельникова, помятаго и обезкураженнаго, заковали и вмѣстѣ съ отобранными у него вещами, въ числѣ которыхъ находились небольшія деньги кредитными билетами и одинъ полумперіаль, отправили въ городъ Челябину, гдѣ онъ былъ заключенъ въ острогъ.

— Признавайся откровенно,—предупредили узника на допросѣ въ челябинскомъ земскомъ судѣ.—Помни, что сознаніе уменьшаетъ наказаніе за вину.

— Что же, врать не буду,—отвѣтилъ арестантъ.— Я бѣглый мастеровой Мясскаго завода, Иванъ Фокинъ. Убѣжалъ съ золотыхъ пріисковъ девять лѣтъ назадъ, потому даже донимали работой, а кормили плохо и били за все, про все... А какъ бѣжалъ я, то пошелъ прямо къ горѣ Юрьмѣ, верстъ за двадцать отъ Златоуста. Розыскалъ тамъ «пустыньку»... нашъ мужичекъ жилъ, тоже изъ бѣглыхъ... и стали мы съ нимъ спасаться, молиться Богу и все прочее... Прожили мы тамъ около года. Разъ, зимой, затопили мы печку обогрѣться... только слышимъ, надъ нашими головами забѣгали люди, кричатъ что-то, шумятъ... Мы перепугались... Глядимъ, открыли нашу дверку и лѣзутъ къ намъ, что-то лопочать... Тутъ мы догадались, что это башкиры... Обшарили насъ, осмотрѣли, нельзя ли что стащить, да и ушли съ пустыми руками... Мы было успокоились, а черезъ мѣсяць они опять нагрянули и тоже искали... Видимъ, что это ужъ не житье, мы покинули нашу келійку и пошли другое мѣстечко облюбовывать. Ходили дня два и наткнулись на другихъ пустыльниковъ. Они приняли насъ... Вскорѣ пріѣхалъ въ нашъ скитокъ Антоній, назывался священникомъ австрійской вѣры. И сталъ онъ у насъ вмѣсто настоятеля въ монастырѣ: творилъ службы, исповѣдывалъ, пріобщалъ... Понравился я ему, онъ и посвятилъ меня въ иноческій санъ... А тутъ опять нагрянула бѣда, все отъ тѣхъ же башкиръ... И разошлись мы въ разныя стороны. Попъ Антоній скрылся въ юрезанскіе лѣса, а я розыскалъ себѣ пещеру въ Уральской сопкѣ¹⁾ и молился тамъ одинъ-одинешенекъ почти годъ... А пищу мнѣ носили крестьяне, раскольники Челябинскаго уѣзда... Да стали они меня смущать поселиться въ ихъ уѣздѣ... Я соблазнился и сдѣлался священникомъ у нихъ.

Таково было безыскусственное «показаніе» бѣглеца Фокина. Пока наводили справки по нему и совершали всю старую бумажную волокиту, прошло еще полтора года. Наконецъ, златоустовское горное начальство признало Фокина подлежащимъ собственному суду и потребовало высылки его въ Златоустъ.

Вскорѣ Фокинъ предсталъ предъ грознымъ трибуналомъ горнозаводскаго военнаго аудиторіата, судившимъ на основаніи свода

¹⁾ По главному хребту Урала, на границѣ Европы съ Азіей, въ 10 верстахъ отъ Златоуста.

военныхъ постановленій. Не входя въ подробное разсмотрѣніе вины подсудимаго, аудиторіатъ обратилъ прежде всего вниманіе на отпаденіе Фокина отъ православія.

— Какъ ты смѣлъ совратиться въ расколъ?—мрачно спросили его судьи.

— Потому, значить... искалъ истинной вѣры,—отвѣтилъ на это раскольничій попъ.

— Отдать на увѣщаніе,—положилъ резолюцію судъ.

Православный священникъ, къ которому Фокинъ поступилъ «на увѣщаніе», бился съ нимъ очень долго.

— Не могу-съ... совѣсть воспрещаетъ-съ,—твердилъ онъ на все доказательства увѣщателя.

Тогда судъ принялся разсматривать поступокъ Фокина уже по совокупности всехъ содѣянныхъ имъ преступленій. Приговоръ гласилъ: «за бѣгство со службы, уклоненіе отъ православія и принятіе священническаго сана, Фокинъ присуждается къ наказанію шпицрутенами черезъ сто человѣкъ четыре раза»...

Выслушавши ужасную сентенцію, объявленную секретаремъ аудиторіата, осужденный упалъ въ обморокъ.

— Послушайте, ваше благородіе!—возопилъ мастеровой.—Я больной... страдаю грудью... помилосердствуйте!..

— Боленъ?—переспросилъ секретарь.—Тебя освидѣтельствуютъ.

Для свидѣтельства были созваны три заводскихъ эскулапа. Выслушавъ и выстукавъ Фокина, врачи рѣшили, что хотя онъ «тѣлосложенія слабаго, но наказанію шпицрутенами въ количествѣ четырехсотъ ударовъ можетъ быть подвергнутъ безъ опасности для его жизни».

— Позовите мнѣ священника,—попросилъ осужденный, когда его отвели въ каменную заводскую тюрьму на берегу зеркальнаго пруда, окаймленнаго причудливыми горами.

— Что тебѣ нужно?—спросилъ священникъ, явившійся на зовъ Фокина.

— Батюшка! желаю перейти въ православіе.

— Доброе дѣло, сынъ мой. Заблужденіе твое было велико, но чистосердечное раскаяніе можетъ его исправить.

— Только похлопочите, батюшка, чтобы меня освободили отъ наказанія... вѣдь это будетъ смерть моя... Боюсь я, грѣшникъ, «скрозь строя»... страшно боюсь!..

— Сказать—скажу, а освободятъ или нѣтъ... власть начальства выше моей.

Между тѣмъ аудиторіатъ, по заведенному порядку, отправилъ свой приговоръ на утвержденіе главнаго начальника въ Екатеринбургъ. Это было въ половинѣ 1859 г. Въ воздухѣ уже пахло весной освобожденія... Новыя вѣянія успѣли проникнуть во все самыя отдаленныя окраины нашего государства, и съ ними считались

даже такіе представители деспотической власти, какъ главный начальникъ уральскихъ казенныхъ заводовъ. Соглашаясь въ принципѣ съ приговоромъ златоустовскаго аудиторіата, основаннымъ на соотвѣтствующихъ статьяхъ закона, начальникъ подтвердилъ его въ весьма смягченной формѣ, доведя до низшей степени наказанія «черезъ сто человѣкъ одинъ разъ, оставивъ Фокина на службѣ по-прежнему въ командѣ Мясскаго завода».

Въ сентябрѣ 1859 г., ровно одиннадцать лѣтъ спустя послѣ побѣга Фокина, по улицамъ Златоуста затрещала барабанная дробь, сзывавшая къ себѣ слушателей для объявленія какой-то животрепещущей новости.

— Публикація, публикація!.. кричали бабы, уличные мальчишки и праздные, скучающіе торговцы галантереей—и весь этотъ людъ, жадный до новостей, сбѣгался къ тѣсному кружку, въ центрѣ котораго стоялъ кварталный, читавшій слѣдующее: «Завтра, въ 11 часовъ дня, на Зеленой улицѣ будетъ подвергнутъ наказанію сквозь строй черезъ сто человѣкъ бѣжавшій съ Мясскаго пріиска мастеровой Иванъ Фокинъ».

На другой день Зеленая улица была уже полна народа, явившагося на созерцаніе унизительнаго зрѣлища. Моросилъ мелкій, частый дождь, дулъ рѣзкій пронизывающій вѣтеръ. Публика ежилась отъ сырости и холода, но терпѣливо дожидалась назначеннаго часа.

Привезли возъ дозиновыхъ прутьевъ.

— Мать ты моя, какія палки-то здоровенныя!—переговаривались бабы, инстинктивно содрогаясь отъ возможности удара длиннымъ и гибкимъ прутомъ по обнаженному тѣлу.

— Вѣстимо, будутъ бить, не жалѣючи...

— Охъ, и несчастный тотъ человѣкъ, которому выпшла такая участь!

— Коли ты такая жалостливая, возьми да уйди...

— А ты что мнѣ за указъ?.. Я, можетъ, затѣмъ и стою, чтобы поплакать потомъ объ его душенькѣ...

— Плачь дома, никто не мѣшаетъ,—отвѣтила задорная сосѣдка.

Началась порядочная ссора, которая при другихъ условіяхъ непременно кончилась бы первоклассной потасовкой, но тутъ она была прервана приходомъ роты солдатъ изъ казармъ горнозаводскаго батальона. Солдатамъ предшествовали ротные музыканты, наигрывавшіе что-то несурзное.

Церковные колокола пробили одиннадцать часовъ. Ворота фабричныхъ и заводскихъ зданій отворились, и оттуда показались мастеровые, отпущенные къ обѣду. По заранѣ отданному приказу, подъ страхомъ сильнаго наказанія, кадры мастеровыхъ остановились на Зеленой улицѣ, «въ назиданіе себѣ и потомкамъ», какъ сказалъ одинъ заводскій острякъ.

— Ведутъ, ведутъ!—запумѣли въ толпѣ. Всѣ всколыхнулись, обративъ головы по направленію къ тюрьмѣ, откуда взводъ часовыхъ сопровождалъ преступника.

— Стройся!—скомандовали офицеры.

Солдаты встали въ два ряда, взявъ дистанцію на три «егерскихъ» шага, и образовали тотъ ужасный живой корридоръ, по имени котораго это обычное мѣсто наказанія прибрѣло кличку Зеленой улицы.

Иванъ Фокинъ, съ искаженными чертами лица и безмысленнымъ, испуганнымъ взглядомъ, остановился на краю улицы. Бравый полицеймейстеръ, которому уже не первый разъ приходилось исполнять свои обязанности, во всеуслышаніе прочиталъ приговоръ.

— Разнести шпицрутены!—обратился онъ къ казакамъ, окончивши чтеніе.

Казаки роздали солдатамъ прутья. Фокина въ этотъ моментъ «приготовили», спустили до пояса рубашку, привязали руки къ ружью. Два солдата взяли за прикладъ, чтобы вести преступника.

— Барабанъ!—произнесъ ротный командиръ.

Частые, скверные, раздражающіе звуки азіатскаго инструмента посыпались, какъ горохъ. Фокина втокнули въ улицу. Раздался младенческій визгливый крикъ, полилась кровь...

Смолкъ барабанъ. Истерзаннаго мастераго уложили ничкомъ на телѣгу и отвезли въ заводскій госпиталь, по народному выраженію, «вынимать занозы». Спектакль кончился. Всѣ разошлись, затаивъ чувства горькой обиды и возмущеннаго протеста противъ ненужной жестокости.

Интересно, что, выздорѣвъ отъ ранъ, Фокинъ возбудилъ вопросъ о возвращеніи ему отобраннаго имущества и денегъ. Горное вѣдомство снеслось по прошенію ех-раскольничьяго попа съ челябинскимъ городническимъ правленіемъ.

— Имущество при семь посылается, — отвѣчало правленіе,—а деньги и полуимперіаль, какъ фальшивые, оставлены въ дѣлахъ.

— Пришлите ихъ, хоть они и фальшивые, такъ какъ Фокинъ долженъ отвѣтить, гдѣ прибрѣлъ ихъ,—снова требовало горное начальство.

— Деньги и полуимперіаль,—опять отозвалось дореформенное скопище челябинскихъ приказныхъ,—были сданы на храненіе писцу Сенину, который умеръ, но послѣ его смерти ни денегъ, ни полуимперіала не оказалось...

Такъ капиталъ Фокина и прилипъ къ рукамъ крючкотворовъ, неловко старавшихся выгородить себя изъ этой исторіи ссылкой на смерть, можетъ быть никогда не существовавшаго писца. Надо полагать, что это была самая пустая взятка, когда либо сорванная въ Челябѣ съ бѣглаго раскольничьяго іерея.

П. Падучевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ В. С. МЫШЕЦКАГО.

ВШАЯСЬ напечатать нѣсколько открывковъ изъ моихъ воспоминаній, считаю не лишнимъ сказать предварительно нѣсколько словъ о самомъ себѣ и о причинахъ, побудившихъ меня приступить къ печатанію воспоминаній.

Девяти лѣтъ отъ роду, я былъ отданъ въ училище при корпусѣ военныхъ топографовъ и, въ 1847 году, по окончаніи курса, произведенъ въ офицеры. Въ 1848 г. я былъ командированъ въ Москву для обученія межевыхъ чиновъ военной съемкѣ, вмѣстѣ съ ними производилъ военно-топографическую съемку и составлялъ военную статистику въ губерніяхъ: Тверской, Владимірской, Ярославской, Нижегородской, Тамбовской и Рязанской. Въ 1867 году, я былъ командированъ на военно-топографическую съемку въ губерніи Саратовскую и Костромскую, въ 1868 году переведенъ на службу въ Петербургъ въ военно-топографическій отдѣлъ главнаго штаба, въ 1869 году утвержденъ начальникомъ военно-топографической съемки Петербургской губерніи, въ 1873 году произведенъ въ полковники и въ томъ же году вышелъ въ отставку и переселился въ Москву, гдѣ и живу въ настоящее время.

Изъ этого краткаго формуляра моего читатель можетъ видѣть, что въ теченіе моей службы мнѣ пришлось побывать во многихъ мѣстностяхъ Россіи и сталкиваться со множествомъ разнообразныхъ лицъ. Вспомнивъ теперь мое прошлое, я пришелъ къ убѣжденію, что кое-какіе эпизоды изъ него имѣютъ общій интересъ и заслуживаютъ быть обнародованными.

I.

Въ Зимнемъ дворцѣ.

Однажды, въ сороковыхъ годахъ, императоръ Николай Павловичъ, проѣзжая по Вознесенскому проспекту рано утромъ, когда всѣ воспитанники учебныхъ заведеній должны были находиться еще въ классахъ, замѣтилъ военнаго топографа въ простой классной курткѣ и фуражкѣ. Желая узнать, изъ какой роты топографъ, онъ взглянулъ на погонь, но на послѣднемъ не оказалось никакого номера. Въ эту минуту топографъ увидѣлъ государя и бросился бѣжать. Государь хотѣлъ приказать остановить его, но тотъ юркнулъ въ первый проходной дворъ и скрылся.

На другой день послѣ этого происшествія вышелъ приказъ: представить его величеству въ Зимній дворецъ по два воспитанника отъ каждой роты топографовъ.

Я въ то время служилъ топографомъ при штабѣ гвардейскаго корпуса. Начальникъ штаба, генералъ Веймарнъ, приказалъ назначить ординарцами меня и моего товарища, Брагина. Призвали портныхъ, сняли съ насъ мѣрку, велѣли сшить намъ новые мундиры, заказали новые кивера, портупей, сабли и прочее; въ то же время насъ водили въ манежъ и учили маршировкѣ. Черезъ нѣсколько дней всѣ приготовленія были окончены, и назначенъ день, когда мы должны были представиться государю. На мое несчастье, возвращаясь однажды изъ манежа, я промочилъ ноги (казенные сапоги носились обыкновенно до тѣхъ поръ, пока не изнашивались совершенно), и у меня страшно разболѣлись зубы; но дѣлать было нечего: новую форму шили прямо на меня и на Брагина, и ни на комъ поэтому она уже не могла сидѣть такъ, какъ на насъ; слѣдовательно жалобы на зубную боль не привели бы ровно ни къ чему.

Утромъ, въ тотъ самый день, когда мы должны были представляться государю, зубная боль утихла; я обрадовался. Но когда товарищи увидали меня, то закричали: «Мышецкій, что съ тобой? у тебя лицо совсѣмъ кривое!». Мнѣ было не до смѣха, я побѣжалъ взглянуть въ зеркало, смотрю—все лицо какъ будто немного перекосило; оказалось, что у меня флюсъ. Что тутъ дѣлать? Пришелъ, между тѣмъ, нашъ ближайшій начальникъ, капитанъ Вуичъ, и приказалъ: мундиры, кивера и сабли отнести на главную гауптвахту Зимняго дворца. Я сообщилъ ему о неожиданной перемѣнѣ, происшедшей за ночь съ моей физиономіей. Онъ разсмѣялся, но замѣнить меня все равно было некъмъ, и надо было подумать только о томъ, какъ поправить бѣду. Обратились къ корпусному штабъ-доктору Нагумовичу. Тотъ осмотрѣлъ меня и сказалъ, что я могу идти, только надо развязать тулюю у кивера и ослабить чешуйки.

На главной гауптвахтѣ насъ одѣли, осмотрѣли еще разъ со всѣхъ сторонъ и повели во дворецъ. Здѣсь насъ встрѣтилъ генералъ-квартирмейстеръ Бергъ и повелъ дальше. Мы миновали нѣсколько залъ и вопли въ небольшую сравнительно комнату. Бергъ сѣлъ въ кресло и разрѣшилъ намъ стоять вольно. Прошло минуты двѣ, вдругъ мы слышимъ откуда-то сверху команду:

— Смирно-о, стой, равняйся!

Мы моментально выстроились по командѣ. Бергъ разсмѣялся и показалъ намъ на двухъ огромныхъ бѣлыхъ попугаевъ, висѣвшихъ въ клѣткѣ надъ нашими головами, изъ которыхъ одинъ и командовалъ намъ. Попугай между тѣмъ продолжалъ кричать:

Ха-суда-рь, са-ал-да-ты при-шли!

Черезъ четверть часа вышелъ военный министръ и сказалъ, что сейчасъ выйдетъ государь. Мы построились въ одну шеренгу, причемъ съ праваго фланга стали два топографа главнаго штаба, затѣмъ я и Брагинъ, т. е. топографы гвардейскаго штаба, далѣе слѣдовали другіе. Вскорѣ вошелъ государь и поздоровался съ нами. Мы отвѣчали. Обойдя фронтъ, онъ обратился къ генералу Бергу и спросилъ:

— Сколько всѣхъ ротъ топографовъ?

— Двѣнадцать, ваше величество,—отвѣчалъ тотъ.

— Почему у нихъ нѣтъ на погонахъ нумеровъ?—спросилъ строго государь.

Бергъ ничего не отвѣтилъ.

— Нельзя узнать, къ какой ротѣ принадлежатъ они,—продолжалъ между тѣмъ государь и, подойдя къ двумъ правофланговымъ топографамъ главнаго штаба, спросилъ:

— Это топографы главнаго штаба?

— Такъ точно, ваше величество,—отвѣчали ему.

— Назначить имъ на погонахъ буквы Г. и Ш.; топографамъ гвардейскаго штаба имѣть на погонахъ № 1, далѣе будутъ слѣдовать номера по порядку.

Обойдя всѣхъ, онъ вышелъ на середину залы, пристально посмотрѣлъ на меня и, должно быть, замѣтилъ, что киверъ сидитъ у меня не такъ прочно, какъ у другихъ. Онъ подошелъ прямо ко мнѣ и ударилъ рукой по киверу сверху. Киверъ ушелъ мнѣ по плечи. Я стою, держа руки по швамъ, не смѣя пошевелинуться, и, конечно, ровно ничего не вижу.

— Что это значитъ?—слышу я, спрашиваетъ государь Берга.

Бергъ что-то тихо отвѣчаетъ ему, объясняя, вѣроятно, въ чемъ дѣло. Тогда государь командовалъ: «За фронтъ!»

Тутъ подошелъ ко мнѣ Бергъ, взялъ за руку и вывелъ изъ строя, затѣмъ съ усилиемъ стащилъ съ головы киверъ, причемъ я отъ нестерпимой боли, насколько могъ, плотнѣе сжалъ зубы; потомъ Бергъ досталъ свой носовой платокъ, подложилъ подъ тулью

и застегнулъ чешуйки. Я снова занялъ свое прежнее мѣсто въ строю.

Государь скомандовалъ:

— Полуоборотъ направо!—Налѣво кругомъ!—Во фронтъ!

Послѣ этого, онъ обошелъ еще разъ по фронту, осмотрѣлъ насъ съ головы до ногъ и сказалъ:

— Гдѣ же у нихъ поясные ремни отъ сабель?

— Подъ мундиромъ, ваше величество,—отвѣчалъ Бергъ.

Это было дѣйствительно такъ. Огромная, тяжелая желѣзная сабля, которая съ нами, воспитанниками младшихъ классовъ, была одного росту, когда мы становились во фронтъ,—держалась на широкомъ кожаномъ кушакѣ, надѣвавшемся подъ мундиръ, что было чрезвычайно неудобно.

— Это старина,—сказалъ государь,—отмѣнить и носить вмѣсто нихъ форменные суконные кушаки сверхъ мундира. Чикчиры—тоже старина, отмѣнить. А есть у нихъ карманы?—неожиданно обратился онъ къ Бергу.

— Никакъ нѣтъ, ваше величество, кармановъ по формѣ не полагается,—отвѣчалъ Бергъ.

— Гдѣ же у нихъ въ такомъ случаѣ хранятся всѣ необходимыя для съемки принадлежности: карты, кисти, краски, карандаши, готвальни и все прочее?—спросилъ государь.

— Карты помѣщаются въ чепракахъ, ваше величество, рисовальныхъ же принадлежностей во время похода они не имѣютъ, за исключеніемъ карандаша.

— Этого слишкомъ недостаточно и это неудобно,—замѣтилъ государь, — у нихъ всегда должны быть на лицо всѣ необходимыя рисовальныя принадлежности. Я видѣлъ,—продолжалъ государь послѣ небольшой паузы и какъ бы припоминая,—французскихъ докторовъ во время похода 1812 года; у нихъ былъ, при каждомъ, небольшой ящикъ, въ видѣ лядунки, прикрѣпленный къ кушаку, и въ этомъ ящикѣ находились: корпія, бинты, ланцеты, лѣкарства и прочія медицинскія принадлежности, необходимыя для оказанія первой помощи раненымъ. Эти лядунки помѣщались сзади и во время движенія нисколько не беспокоили; когда же надо оказывать помощь, докторъ передвигалъ поясъ, и передъ нимъ, какъ на столѣ, являлось все, что надо для перевязки. Я желаю,—прибавилъ государь,—чтобы у нихъ—онъ показалъ на насъ—были такія же лядунки со всѣми принадлежностями для съемки и рисованія.

Сказавъ это, государь подалъ руку Бергу, выразилъ свою благодарность военному министру, простился съ нами и ушелъ.

Черезъ нѣсколько времени форма наша была измѣнена согласно указаніямъ государя, и съ тѣхъ поръ мы имѣли при себѣ лядунки со всевозможными рисовальными принадлежностями.

II.

Черкесъ.

Дежурными по корпусу военныхъ топографовъ назначались оберъ-офицеры того же корпуса, причеъ обязанность ихъ, какъ дежурныхъ, состояла въ томъ, чтобы слѣдить за порядкомъ вообще, присутствовать при утренней и вечерней молитвѣ воспитанниковъ, быть при нихъ во время обѣда и ужина, водить ихъ въ классы и въ чертежную.

Въ одинъ воскресный день дежурнымъ по корпусу назначеъ былъ штабсъ-капитанъ Горчаковъ.

Вечеромъ, когда все воспитанники вернулись уже изъ отпуска и разошлись по камерамъ, послѣ сдѣланной имъ переключки Горчаковымъ, въ дежурную комнату вошелъ поручикъ Брюховъ, товарищъ Горчакова, человекъ очень богатый—онъ былъ владѣльцемъ нѣсколькихъ домовъ въ Петербургѣ,—въ сопровожденіи одного изъ воспитанниковъ, нѣкогого Власова.

Настоящая фамилія Власова, насколько помню, была Велигъ-бекъ, но у насъ его все звали просто Власовымъ и «черкесомъ». Онъ былъ сынъ начальника какого-то непокорнаго аула на Кавказѣ. Послѣ сдачи аула, Власова, которому было тогда всего восемь лѣтъ, ввяти въ качествѣ заложника въ Петербургъ, помѣстили сначала въ какой-то пансіонъ, гдѣ онъ воспитывался на счетъ отца, а затѣмъ перевели къ намъ въ корпусъ. Это былъ красивый брюнетъ, съ живыми, умными, черными глазами, съ греческимъ носомъ и курчавыми черными волосами. Способности у него были необыкновенныя: онъ былъ всегда первымъ ученикомъ и первымъ репетиторомъ, поражалъ всехъ своими знаніями, а между тѣмъ уроковъ никогда не готовилъ. Сверхъ того, онъ великолѣпно говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, считался однимъ изъ первыхъ танцоровъ и первымъ фехтовальщикомъ (въ искусствѣ фехтованья онъ быстро достигъ такого совершенства, что никто не рѣшался вступать съ нимъ въ открытое состязанье). Находчивый, остроумный, хотя и насмѣшливый въ то же время, веселый, храбрый и даже отчаянный, онъ былъ любимъ не только товарищами, но и начальствомъ. Что касается офицеровъ, то большинство изъ нихъ позволяло Власову держаться съ ними на равной ногѣ. Мы видѣли и сестру Власова, красавицу въ полномъ смыслѣ слова, когда она пришла однажды навѣстить брата. Оказалось, что ее привезли въ Петербургъ въ одно время съ нимъ и отдали въ одинъ изъ институтовъ.

Войдя въ дежурную комнату, Брюховъ и Власовъ скинули сюртуки и расположились на диванѣ, а Горчаковъ отправилъ солдата за виномъ и закусками и велѣлъ готовить ужинъ. Какъ только по-

явились на сцену ужинъ и вино, поднялся громкій, оживленный говоръ, шумъ и смѣхъ, не умолкавшій до 12 часовъ ночи.

Когда пробило 12 часовъ, Брюховъ предложилъ Горчакову и Власову отправиться въ только что открывшійся тогда въ Петербургѣ ресторанъ, гдѣ прислуживалъ прекрасный полъ. Сборы были недолгіе. Горчаковъ и Брюховъ были готовы въ нѣсколько минутъ, и дѣло остановилось только за Власовымъ. Нельзя же было отправиться ему въ простой класной курткѣ воспитанника. Думали, но ничего придумать не могли: вся наша амуниція хранилась подъ ключемъ въ шкафахъ цейхгауза, а ключи находились постоянно у ротнаго командира. Дѣлать было нечего, Власовъ пошелъ въ класной курткѣ.

Приѣхавъ въ ресторанъ, они потребовали себѣ отдѣльную комнату, фруктовъ, сигаръ и папирось. Скоро явились и красавицы. Имъ предложили шампанскаго и послали за конфетами. Онѣ не отказывались, но лишь только Брюховъ позволилъ себѣ безцеремонно обнять одну изъ прекрасныхъ сосѣдокъ и поцѣловать ее, какъ въ ту же минуту получили пощечину. Тогда онъ бросился на нее и вцѣпился ей въ волосы, но къ ней на помощь бросились ея подруги и принялись бить Брюхова. Горчаковъ и Власовъ также не остались равнодушными зрителями, и завязалась общая потасовка. На крикъ и шумъ прибѣжалъ самъ содержатель ресторана и мужская прислуга, но унять буяновъ не было никакой возможности. Хозяинъ, испробовавъ всѣ средства, послалъ наконецъ за полиціей. Явилась полиція, составили протоколъ. Брюховъ, успѣвшій тѣмъ временемъ прійти въ себя прежде своихъ товарищей, предлагалъ полицейскому офицеру свои золотые часы и 100 рублей съ тѣмъ, чтобы только затушить какъ нибудь эту непріятную исторію, но попытка эта не имѣла успѣха: хозяинъ и потерпѣвшія красавицы слышать не хотѣли о примиреніи. Тогда Брюхова и Власова насильно повезли въ часть. Что касается Горчакова, то онъ, какъ ни былъ пьянъ, уловивъ удобную минуту, убѣжалъ, оставивъ въ ресторанѣ шинель и перчатки.

На улицѣ Брюховъ и Власовъ снова стали буянить и вырваться, не позволяли посадить себя на извозчика, такъ что пришлось ихъ связать. Въ такомъ видѣ привезли ихъ въ часть, заперли въ отдѣльную камеру, а къ дверямъ поставили часового, приказавъ неотлучно тутъ находиться.

Брюховъ легъ на диванъ, а Власовъ, мрачный и видимо взволнованный, ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, тщетно изыскивая средства какъ нибудь вырваться изъ заключенія. Брюховъ могъ быть спокоенъ: у него были большія средства и большія связи, родственникомъ ему приходился между прочимъ и полковникъ Воробьевъ, нашъ преподаватель астрономіи, который могъ много сдѣлать для него; что касается Власова, то для него исторія эта должна была

кончиться очень плохо: его должны были непременно разжаловать въ рядовые и сослать на Кавказъ.

Сколько ни думалъ Власовъ, придумать ничего не могъ и сталъ совѣтоваться съ Брюховымъ. Но Брюховъ, съ своей стороны, могъ дать только одинъ совѣтъ: задарить всѣхъ. Впрочемъ, онъ самъ скоро согласился, что теперъ это ужъ поздно.

Между тѣмъ, надо было слѣшить: рано утромъ объ этомъ происшествіи долженъ былъ послѣдовать докладъ оберъ-полицеймейстеру, а тотъ въ свою очередь въ 12 часовъ обязанъ былъ доложить государю.

Долго они говорили, перебирали всѣ казавшіяся возможными средства, но придумать ничего не могли (говорили они между собой, конечно, пофранцузски, чтобы часовой не могъ догадаться, о чемъ у нихъ идетъ рѣчь).

Власовъ увидалъ, наконецъ, что на товарища плохая надежда, тѣмъ болѣе, что тотъ былъ совершенно спокоенъ относительно ожидавшей его участи, и рѣшилъ, что надо дѣйствовать одному, надо думать о собственномъ спасеніи, о собственномъ бѣгствѣ. Черезъ минуту онъ подошелъ къ Брюхову.

— Слушай,—сказалъ онъ ему,—ты, братъ, быть можетъ, отдѣлаешься деньгами, или за тебя Воробьевъ похлопочетъ, а мнѣ одно остается: бѣжать во что бы то ни стало. Иначе я погибъ.

— Что ты?—удивился тотъ.—Куда ты бѣжишь? Вѣдь камера заперта, кругомъ часовые, караулъ...

— Такъ или иначе, а я бѣгу,—упрямо продолжалъ настаивать на своемъ Власовъ,—мнѣ теперъ рѣшительно все равно, останусь ли я здѣсь ждать спокойно своей участи, или рѣшусь на побѣгъ, хотя бы и неудачный; и въ томъ и другомъ случаѣ мнѣ грозитъ одно: разжалуютъ и сошлютъ. Я ничѣмъ не рискую.

Брюховъ только покачалъ головой.

— Вотъ что,—прибавилъ Власовъ,—прикажи часовому подать стаканъ воды; остальное—мое дѣло.

Брюховъ понялъ, что Власовъ что-то придумалъ, и что онъ рѣшился дѣйствовать. Не возражая ни слова, спокойнымъ голосомъ онъ приказалъ часовому подать стаканъ воды.

Ничего не подозрѣвая и не находя, конечно, странной подобную просьбу, часовой пошелъ за водой; но лишь только онъ отворилъ дверь, Власовъ моментально бросился изъ камеры, въ одну минуту сбѣжалъ по лѣстницѣ на дворъ и стрѣлой пустился къ воротамъ. Ворота были заперты съ наружной стороны, и тамъ стоялъ часовой. Дѣйствовать надо было быстро; минута замедленія, и все пропало.

Власовъ рѣшительно постучалъ. Часовой окликнулъ.

— Свой,—отвѣчалъ Власовъ совершенно спокойно.

Часовой отодвинулъ задвижку, отворилъ калитку и выглянулъ, но въ ту же минуту Власовъ схватилъ его за погонь и съ такою

силою толкнулъ къ себѣ, что тотъ упалъ во дворъ. Власовъ выскочилъ въ калитку, заперъ ее снова на задвижку и пустился бѣжать.

На улицахъ не было никого: но скоро сзади послышались крики: «держи! лови! арестантъ бѣжалъ!».

Счастье Власова, что онъ догадался задержать свою погоню на нѣсколько минутъ у запертыхъ имъ воротъ: онъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, возможность быстро сообразить, что ему дѣлать. Бѣжать дальше было невозможно: вдали можно было различить уже нѣсколько темныхъ силуэтовъ, показавшихся на крики. Власовъ рѣшился спрятаться. Но куда? Онъ оглядѣлся. Невдалекѣ онъ замѣтилъ незапертыя ворота у одного дома. Онъ вбѣжалъ во дворъ. На дворѣ стояла дождевая кадка, прикрытая рогожей. Этого было достаточно. Не обращая никакого вниманія на то, что кадка наполовину была наполнена водою, и слыша, что крики раздаются все ближе и ближе, Власовъ, не разсуждая болѣе, вскочилъ въ кадку и накрылся рогожей. Погоня между тѣмъ приближалась. Наконецъ Власовъ слышитъ, какъ нѣсколько человекъ вбѣгаютъ на дворъ, гдѣ онъ былъ спрятанъ, и начинаютъ звать дворника. Является дворникъ. Ему объясняютъ, что бѣжалъ арестантъ, и что онъ, по всей вѣроятности, спрятался гдѣнибудь здѣсь, на этомъ дворѣ, такъ какъ нѣкоторые будто бы видѣли, какъ онъ бросился въ эти ворота. Начался обыскъ. Въ домѣ поднялся страшный переполохъ: разбудили всѣхъ жильцовъ, разспрашивали, обыскивали комнаты, но ничего не нашли. Заглянуть же въ кадку, которая стояла на дворѣ, никому и въ голову не пришло; дворникъ и жильцы отзывались полнымъ незнаніемъ. Между тѣмъ, нѣкоторые начали говорить, что напрасно теряютъ время, производя такой тщательный обыскъ, что этимъ даютъ только возможность скрыться арестанту, который и не думалъ здѣсь прятаться, а что тѣ, которые говорили, будто видѣли, какъ онъ вбѣжалъ въ ворота, сами отказываются теперь, говоря, что имъ это показалось, что навѣрное сказать этого они не могутъ и т. д. Съ ними согласились, и вся толпа побѣжала дальше; крики становились все слабѣе и слабѣе и наконецъ совершенно смолкли. Мало-по-малу и на дворѣ все утихло всѣ улеглись, успокоились. Пора была вылѣзть.

Медленно и осторожно, высунувъ предварительно голову изъ-подъ рогожи и оглядѣвшись во всѣ стороны, вылѣзъ изъ кадки Власовъ, также тихо и осторожно пробрался къ воротамъ и пустился бѣжать по пустыннымъ улицамъ, выбирая тѣ изъ нихъ, на которыхъ не разсчитывалъ встрѣтиться съ возвращавшейся послѣ неудачныхъ розысковъ погоней.

Было 9 часовъ утра, когда насъ привели въ классъ. Въ этотъ именно день насъ долженъ былъ репетировать Власовъ, но его не было. Никто не зналъ, что съ нимъ, никто не могъ объяснить его

отсутствія. Прошло уже полчаса, какъ вдругъ входитъ Власовъ, блѣдный, взволнованный, въ изорванной курткѣ.

Въ первую минуту мы просто остолбенѣли, такъ поразилъ онъ насъ своимъ видомъ, но тотчасъ же пристали съ разспросами. Онъ, не отвѣчая на наши разспросы, просилъ только никому ничего не говорить, а затѣмъ, обратившись къ одному изъ близкихъ ему товарищей, просилъ достать другую куртку. Куртку и вообще полный костюмъ съ сапогами включительно доставили ему въ одну минуту. Переодѣвшись, онъ началъ репетировать, еще разъ убѣдительно попросивъ насъ никому ничего не рассказывать.

Классы кончились, насъ повели въ камеры, а Власовъ тѣмъ временемъ ушелъ на верхъ, въ квартиру сторожей, и тамъ просилъ остричь его какъ можно короче.

Когда онъ пришелъ въ чертежную, мы не узнали его: блѣдный, худой и вдобавокъ съ совершенно бритой головой, онъ походилъ на кого угодно, только не на Власова. Но ни ротный командиръ, ни другіе начальники почему-то не обратили никакого вниманія на такую странную перемѣну, происшедшую въ наружности Власова, приписывая эту перемѣну, вѣроятно, только той короткой стрижкѣ, которая тогда была у насъ въ модѣ.

Передъ обѣдомъ, какъ всегда, насъ построили въ двѣ шеренги и повели въ столовую, но на поворотѣ изъ коридора въ столовую рядомъ съ нашимъ ротнымъ командиромъ стояли квартальный, унтеръ-офицеръ и солдатъ. Какъ мы послѣ узнали изъ разсказа Власова, это были: тотъ самый квартальный, который везъ Брюхова съ Власовымъ въ часть; унтеръ-офицеръ—тотъ самый, котораго Брюховъ послалъ за стаканомъ воды; солдатъ—тотъ самый, который стоялъ на часахъ у воротъ части.

Когда мы проходили мимо нихъ, они пристально вглядывались въ наши лица.

Послѣ обѣда, когда насъ тою же дорогой вели обратно, мы снова прошли мимо нихъ—ротнаго командира уже не было съ ними,—и они еще пристальнѣе, казалось, старались всматриваться въ насъ. Но никто изъ насъ не былъ остановленъ по дорогѣ въ камеры: Власова не узнали.

Когда мы все прошли и изъ любопытства оглянулись на нихъ, то увидали, что унтеръ-офицеръ и солдатъ, караулившіи у воротъ части, плакали: ихъ должны были разжаловать и наказать.

Черезъ нѣсколько дней мы знали всю исторію до мельчайшихъ подробностей, и она еще больше возвысила въ нашихъ глазахъ «черкеса».

Что касается Брюхова, то и онъ сумѣлъ воспользоваться побѣгомъ товарища. А именно, когда унтеръ-офицеръ, дежурившій до того у дверей и такъ ловко проведенный Власовымъ, бросился ловить бѣглеца, то поставилъ вмѣсто себя другого солдата. Этому солдату

Брюховъ далъ сторублевою бумажку, умоляя достать чернилъ и перо. Когда было принесено и то и другое, Брюховъ живо написалъ записку Воробьеву, гдѣ вкратцѣ разсказалъ обо всемъ случившемся съ нимъ и просилъ выручить изъ бѣды. Тотъ же солдатъ вызвался доставить записку по назначенію, поставивъ вмѣсто себя другого. Записка, очевидно, дошла по назначенію, ибо рано утромъ Воробьевъ былъ уже у оберъ-полицеймейстера, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, и дѣло уладилось.

III.

Встрѣча съ императоромъ Николаемъ I.

Въ 18...-мъ году я былъ произведенъ въ прапорщики корпуса военныхъ топографовъ. На двадцать шестой день послѣ производства, меня назначили въ первый разъ дежурнымъ по военно-топографическому отдѣлу.

Въ 10 часовъ утра я, въ полной парадной формѣ, явился въ штабъ, принялъ дежурство, осмотрѣлъ печати на шкафахъ съ геодезическими инструментами, карты произведенныхъ съемокъ и мѣстностей, въ которыхъ предполагалось произвести работы, приказалъ разложить всѣ эти карты въ строгомъ порядкѣ по столамъ и остался ждать начала присутствія. Съ 10 часовъ стали съѣзжаться офицеры, а въ 11 часовъ пріѣхалъ директоръ, полковникъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ. Я встрѣтилъ его въ пріемной и подалъ ему рапортъ о принятіи дежурства. Онъ принялъ рапортъ и вслѣдъ затѣмъ принялся разяснять мнѣ подробно, въ чемъ состоитъ моя обязанность, какъ дежурнаго по отдѣлу, и прибавилъ, чтобы обо всемъ случившемся я докладывалъ ему немедленно.

Когда я вернулся въ присутствіе, то засталъ всѣхъ уже на своихъ мѣстахъ за работой, и мнѣ оставалось только ходить по заламъ и наблюдать за порядкомъ.

Обязанность дежурнаго въ то время считалась далеко не легкой, и вотъ почему: тогда существовала мода на узкіе мундиры съ тонкой таліей, для чего ее обыкновенно перетягивали ремнемъ до послѣдней возможности (въ гвардіи съ тою же цѣлью носили корсеты), между тѣмъ какъ грудь должна была быть высокою, для чего грудь у мундира и подстегивалась ватой. Прибавьте къ этому тяжелую саблю и каску того времени, и вы поймете всю непріятность состоянія, которое я долженъ былъ испытывать непрерывно въ продолженіе четырехъ часовъ, съ 10 и до 2.

Встрѣтивъ Шварева, моего товарища, который былъ въ этотъ день дежурнымъ по училищу топографовъ, я, конечно, прежде всего началъ жаловаться на страшную усталость, которую испытывалъ особенно съ непривычки. Съ своей стороны, онъ любезно пригла-

силъ меня зйти, по окончаніи присутствія, къ нему отобѣдать, такъ какъ ему было хорошо извѣстно, что я живу далеко отъ штаба, а именно въ концѣ Гороховой улицы, и слѣдовательно перспектива подобнаго путешествія не могла мнѣ особенно улыбаться. Я не преминулъ воспользоваться его любезнымъ предложеніемъ, тѣмъ болѣе, что посылать въ гостиницу за обѣдомъ было мнѣ не совѣмъ по карману. Поблагодаривъ его за приглашеніе, я далъ слово быть непремѣнно.

Въ 2 часа кончилось наконецъ присутствіе, и я, отдавъ послѣднія приказанія сторожамъ, пошелъ въ дежурную комнату, снялъ каску и саблю, сбросилъ мундиръ, прилегъ на диванъ и закурилъ папиросу извѣстнаго тогда Морни. Вскорѣ пришелъ сторожъ отъ Шварева и объявилъ, что меня ждуть обѣдать. Я отвѣчалъ, что сейчасъ буду, и сталъ собираться. Надѣвая мундиръ, я никакъ не могъ застегнуть послѣднихъ трехъ пуговицъ и, послѣ напрасныхъ усилій, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Саблю и шарфъ я оставилъ, полагая, что мнѣ удастся пробѣжать незамѣтно въ училище, тѣмъ болѣе, что выходъ былъ черезъ черное крыльцо на Невскій проспектъ, и надо было только обогнуть уголъ главнаго штаба, чтобы попасть въ училище, ибо и военно-топографическій отдѣлъ и училище помѣщались оба въ зданіи главнаго штаба.

Сказавъ сторожу, чтобы за мной, въ случаѣ надобности, посылали въ училище, къ дежурному офицеру, я вышелъ на Невскій. Быстро шелъ я по направленію къ углу и только хотѣлъ повернуть, какъ вдругъ вижу: идетъ государь отъ Зимняго дворца и за нимъ толпа народа. Первымъ моимъ инстинктивнымъ движеніемъ было—вернуться назадъ; но было уже поздно: государь меня замѣтилъ и находился не далѣе, какъ въ десяти шагахъ отъ меня. Я сдѣлалъ фронтъ и, отдавая правой рукойъ честь, лѣвой прикрылъ разстегнутыя три пуговицы; но въ ту минуту, какъ онъ поравнялся со мной и взглянулъ на меня своимъ строгимъ, величественнымъ взглядомъ, котораго не позабудетъ никто, кто хоть разъ въ жизни испыталъ его на себѣ,—я невольно опустилъ лѣвую руку. Онъ остановился еще разъ, окинулъ меня взглядомъ съ головы до ногъ, указалъ пальцемъ на разстегнутыя пуговицы и громко крикнулъ: «неопрятность!».

Затѣмъ, не отдавши чести, пошелъ дальше.

Ушелъ государь, скрылась толпа, его сопровождавшая, а я, какъ убитый, стою на одномъ мѣстѣ. Наконецъ, я опомнился, и первая мысль, которая пришла мнѣ въ голову, была: не сонъ ли это все? Но, нѣтъ, я помню ясно, какъ это было; помню, какъ я встрѣтилъ государя, помню, какъ крикнулъ онъ мнѣ: «неопрятность»; взглянулъ на себя, вижу: нѣтъ ни сабли ни шарфа, вижу разстегнутыя три пуговицы. Я простоялъ еще нѣсколько минутъ, не зная, вернуться ли мнѣ назадъ и доложить немедленно обо всемъ случив-

пемся начальству, или идти къ Швареву; наконецъ, я рѣшилъ идти къ послѣднему и посоветоваться съ нимъ, что мнѣ теперь дѣлать.

Шваревъ сидѣлъ уже за столомъ, когда я вошелъ, и собирался очевидно спросить, что могло меня задержать, но, взглянувъ на мое блѣдное лицо и растерянный видъ, съ безпокойствомъ воскликнулъ:

— Что съ тобой? Ты блѣденъ, какъ полотно. Что случилось?

— Меня встрѣтилъ государь,—могъ сказать я только.

— Какъ?!—ужаснулся онъ въ свою очередь.—Въ такомъ видѣ?! Безъ сабли, съ разстегнутымъ мундиромъ?!

— Да,—отвѣчалъ я.

— Ну, братъ, плохо. Слышалъ ты, что государь, встрѣтивъ Аеанасьева, въ концѣ города, въ фуражкѣ, сослалъ его на Кавказъ? Видно, и тебѣ теперь не миновать того же.

— Что жъ мнѣ теперь дѣлать?

— Если ты помнишь, въ высочайшемъ приказѣ сказано насчетъ этого такъ: всякій офицеръ, имѣвшій случай встрѣтить государя и выслушать лично какое либо замѣчаніе его величества, обязанъ немедленно доложить обо всемъ случившемся рапортомъ своему начальству. Ты долженъ сейчасъ написать подробный рапортъ о томъ, какъ все было, на имя директора. Вотъ перо и бумага, садись и пиши. Обѣдать будемъ послѣ.

— Я ѣсть не хочу.

— Ну, такъ садись и пиши.

Я сѣлъ, руки у меня дрожали, мысли путались, перо рѣшительно не повиновалось. Я обратился къ Швареву и просилъ его написать рапортъ за меня. Онъ согласился. Я рассказалъ ему все до мельчайшихъ подробностей. Когда рапортъ былъ написанъ, онъ подалъ его мнѣ. Я прочиталъ и подписалъ.

Вернувшись въ штабъ, я одѣлся и поѣхалъ на квартиру директора.

Директоромъ въ то время былъ, какъ я уже сказалъ, полковникъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ, человекъ вообще мягкій и добродушный, но строгій и взыскательный, когда дѣло касалось какихъ либо упущеній по службѣ. Онъ жилъ въ Коломнѣ.

Пріѣхавъ къ нему, я отдалъ свою шинель въ передней лакею и велѣлъ доложить о себѣ. Въ сосѣдней комнатѣ, очевидно, столовой, были слышны голоса и стукъ тарелокъ. Я слышалъ, какъ лакей докладывалъ обо мнѣ, слышалъ, какъ Тучковъ отвѣчалъ ему:

— Проси подождать.

Когда лакей вернулся и сообщилъ отвѣтъ директора, я попросилъ вторично доложить, прибавивъ, что явился по экстренному дѣлу, не терпящему никакихъ отлагательствъ.

Жду и слыша снова, какъ Тучковъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ говорить:

— Прапорщикъ Мышецкій?.. Экстренное дѣло?.. Что такое? Да,—

произнесъ вдругъ Тучковъ, — вѣдь онъ дежурный сегодня. Проси сюда.

Я вошелъ. За столомъ, кромѣ семейства Тучкова, сидѣли гости, и всѣ съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣли на меня. Я, стараясь быть спокойнымъ, поклонился и подалъ рапортъ.

— Потрудитесь рассказать на словахъ, въ чемъ дѣло, — сказалъ Тучковъ.

— Извините, господинъ полковникъ, я попрошу васъ прочитать рапортъ. Вы сами увидите.

Тучковъ, не говоря ни слова, развернулъ рапортъ и пробѣжалъ его.

— Вы встрѣтили государя, самовольно отлучась съ поста, безъ сабли, безъ шарфа, разстегнувшись?.. Что такое?! — воскликнулъ онъ съ ужасомъ.

— Виновать, полковникъ...

— Да что мнѣ ваше «виновать»! — съ досадою крикнулъ онъ. — Вамъ Кавказъ, красная шапка, — продолжалъ онъ, повышая голосъ, — а я, по милости вашей, могу лишиться службы или получить выговоръ!.. Вы только что надѣли эполеты, вамъ снять ихъ легко, а я-съ служу слишкомъ двадцать лѣтъ, у меня семейство, я долженъ изъ-за васъ потерять все!.. сейчасъ же отправляйтесь въ штабъ, — сказалъ онъ черезъ минуту болѣе спокойнымъ голосомъ, — и дайте знать, чтобъ васъ смѣнили другой, отдайте ему вашу саблю и завтра считайте себя арестованнымъ при штабѣ.

Я тотчасъ же поѣхалъ въ штабъ и, сдѣлавъ все, какъ было приказано, самъ отправился въ дежурную комнату. Ночь провелъ я очень безпокойно, почти безъ сна, или, лучше сказать, въ какомъ-то страшномъ кошмарѣ. Мнѣ представлялось, что я на Кавказѣ, въ какомъ-то горномъ ущельѣ, ѣду верхомъ. Вдали высится величественный Казбекъ съ вершиной, покрытою вѣчнымъ снѣгомъ; недалеко шумитъ и реветъ бурный Терекъ... Вдругъ показываются откуда-то черкесы и лезгины въ высокихъ мохнатыхъ шапкахъ и бросаются на насъ. Я отчаянно отбиваюсь пашкой, но вотъ раздается выстрѣлъ, я падаю съ лошади, меня обступаютъ и берутъ въ плѣнъ...

Въ ужасѣ я просыпаюсь, но, проснувшись, вспоминаю о томъ, что случилось со мной на самомъ дѣлѣ, и еще большій ужасъ и безпокойство овладѣваютъ мной.

На другой день утромъ стали, какъ всегда, съѣзжаться въ штабъ товарищи по службѣ, приходили ко мнѣ, спрашивали, какъ все случилось, старались успокоить меня и т. д., но такое вниманіе съ ихъ стороны дѣйствовало на меня крайне непріятно.

Прошло 11 часовъ. Пришелъ дежурный, сообщилъ, что сейчасъ будетъ директоръ, и я поспѣшилъ въ приемную, гдѣ и сталъ дожидаться его. Наконецъ дверь отворилась, и вошелъ Тучковъ. Увидавъ меня, онъ сказалъ:

— Ваша участь будетъ рѣшена въ 12 часовъ,—и съ этими словами ушелъ въ свой кабинетъ.

Можно представить себѣ, что пережилъ я въ теченіе этого часа! Какимъ длиннымъ, безконечно-длиннымъ показался онъ мнѣ! Я ходилъ изъ угла въ уголь, и мысли одна другой мрачнѣе проносились въ моей головѣ. Вспомнилъ я свое дѣтство, счастливые годы, проведенные мною въ кругу моихъ родныхъ, вспомнилъ отца, братьевъ; вспомнилъ, какъ меня девятилѣтнимъ мальчикомъ привезли въ Петербургъ и сдали въ училище; вспомнилъ, какъ однообразно и скучно тянулись годы моего пребыванія въ немъ; вспомнилъ ту минуту, когда я въ первый разъ надѣлъ эполеты и аксельбанты; вспомнилъ всѣ мечты свои, связанныя съ этимъ производствомъ, всѣ свѣтлыя надежды свои... и мнѣ стало еще болѣе грустно, еще тяжелѣе на душѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чтó ожидало меня? Кавказъ и солдатская шапка. Одна несчастная минута, и всѣмъ моимъ радужнымъ мечтамъ и надеждамъ не только не суждено когда либо сбыться, но приходится отказаться отъ нихъ навсегда...

Въ 12 часовъ въ кабинетъ директора прошелъ адъютантъ отъ начальника штаба и сообщилъ Тучкову, что начальникъ штаба желаетъ его видѣть. Тучковъ, проходя мимо меня, велѣлъ мнѣ дожидаться здѣсь его прихода. Въ самомъ томительномъ и тревожномъ ожиданіи провелъ я цѣлыхъ полчаса.

Вотъ послышались снова знакомые шаги Тучкова, еще минута— онъ входитъ важно, съ портфелемъ въ рукахъ и жестомъ приглашаетъ меня въ кабинетъ. Я слѣдую за нимъ. Онъ сѣлъ въ кресло, а я остановился въ почтительномъ отдаленіи и былъ ни живъ ни мертвъ. Сейчасъ,—думалось мнѣ,—изъ устъ этого человѣка я узнаю, на что обреченъ. Кавказъ, или нѣтъ, или что либо другое,—старался я угадать по его лицу, но лицо было спокойно, и я ничего не могъ прочитать на немъ. Вдругъ онъ обратился ко мнѣ:

— Скажите, пожалуйста,—начальъ онъ съ неподдѣльнымъ удивленіемъ:—какому Богу вы молитесь?

Я сразу понялъ, что дѣло мое стало быть не такъ еще плохо, какъ я думалъ; мнѣ сразу какъ-то стало легко на сердцѣ, и я, все еще не вѣря своему счастью, отвѣчалъ не безъ волненія:

— Извините, полковникъ, я васъ не понимаю.

— Я, кажется, ясно говорю: какому Богу вы молитесь?

— Тому, полковникъ,—отвѣчалъ я,—которому молитесь вы и всѣ христіане.

— Нѣтъ, неправда,—возразилъ онъ съ живостью,—нѣтъ, вы молитесь и молились какъ-то особенно, какому-то другому Богу: начальникъ штаба сказалъ, что государь «не помнитъ» этой встрѣчи, слышите ли—«не помнитъ». Но погодите радоваться,—прибавилъ онъ, замѣтивъ, вѣроятно, что я просіялъ при этихъ послѣднихъ словахъ,—государь «не помнитъ», государь не упомянулъ о васъ,

но я-то знаю и помню, а потому и арестую васъ на три дня. Отправляйтесь на гауптвахту. Маршъ!

Уходя изъ кабинета, я не чувствовалъ ногъ подъ собою. Черезъ часъ я былъ уже на гауптвахтѣ, гдѣ нашелъ нѣсколькихъ гвардейскихъ офицеровъ. Они завтракали и пили чай; на столѣ стояли бутылки съ виномъ. Увидѣвъ меня, они любезно пригласили раздѣлать съ ними ихъ «скромную» трапезу. Я благодарилъ, попросилъ стаканъ чаю, но отъ вина и рому отказался, объясняя, что не привыкъ и не люблю. Они, впрочемъ, оставили меня въ покоѣ, спросивъ только о причинѣ ареста. Не желая распространяться и чувствуя себя вообще немного неловко въ ихъ веселой компаніи, къ которой, какъ сознавалъ, не совѣмъ подходилъ, я объяснилъ свой арестъ неуваженіемъ къ начальству, проявленнымъ съ моей стороны.

Въ полдень денщики принесли арестованнымъ обѣдъ, за которымъ всѣ порядочно выпили, и потому къ концу его завязалась самая оживленная бесѣда: рассказывали анекдоты, остряли, шутили, смѣялись. Вечеромъ снова чай, закуски, вино. Такъ прошелъ день.

На другой день, около часа, раздался неожиданный звонокъ. Всѣ встрепенулись, а нѣкоторые изъ наиболѣе любопытныхъ бросились узнавать, что это значитъ. Оказалось, что ѣдетъ государь.

На скорую руку мы стали строиться во фронтъ. Мнѣ объявили, что я, какъ ученый, долженъ стать первымъ съ праваго фланга. Я, съ своей стороны, ни за что не соглашался, объясняя, что мнѣ еще въ первый разъ приходится быть на гауптвахтѣ, что я не знаю, какъ отвѣчать государю на его разспросы, и, какъ меня ни толкали, мнѣ удалось таки стать третьимъ съ праваго фланга.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ дежурный офицеръ и громко сказалъ: «государь ѣдетъ!». При этихъ словахъ словно легкая волна пробѣжала по фронту, еще секунда-другая, и мы замерли. Настала мертвая тишина. Взоры всѣхъ устремлены были на дверь, черезъ которую долженъ былъ войти государь. Еще минута,—дверь отворилась, и онъ вошелъ, окинулъ насъ строгимъ взглядомъ и громко крикнулъ:

— Здорово, арестанты!

Мы прокричали:

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество!

Государь обошелъ фронтъ и остановился передъ право-фланговымъ, красивымъ и рослымъ конногвардейцемъ и, строго смотря на него въ упоръ, спросилъ:

— За что арестованъ?

— Опоздалъ въ караулъ, ваше величество,—мрачно, но спокойно отвѣчалъ конногвардеецъ.

— Проспалъ, или былъ пьянъ наканунѣ?—спросилъ государь.

— Виноватъ, ваше величество, въ послѣднемъ сознаюсь.

— Можно пить,—строго и отрывисто сказалъ государь,—но службу помнить надо. Ты за что?—обратился онъ ко второму.

Вторымъ стоялъ гвардейскій драгунъ.

— Во время ученья лошадь вырвалась изъ строя и ударила солдата копытомъ, ваше величество.

— Давно ты корнетомъ?

— Два года, ваше величество.

— Чтобъ быть кавалеристомъ,—замѣтилъ государь строго,—надо научиться сначала управлять лошадыю: стыдно тому кавалеристу, которымъ лошадь управляетъ.

Потомъ обратился ко мнѣ:

— Ты за что?

Я не сразу нашелся, что отвѣтить: отъ волненія, меня охвати-вшего въ эту минуту, я не зналъ, какъ начать. Наконецъ рѣшился и началъ такъ:

— Имѣлъ несчастье встрѣтить ваше величество на углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади, самовольно отлучась съ поста, безъ сабли и шарфа, съ разстегнутыми тремя пуговицами на мундирѣ. Вашему величеству угодно было указать на разстегнутыя пуговицы и сказать: неопрятность.

Государь, все время не спускавшій глазъ съ моего лица, пока я говорилъ, взглянулъ на эполетъ, потомъ снова на меня и задумался. Минута была страшная. Ну, какъ вспомнить,—съ ужасомъ начиналъ я думать,—что тогда? Стою ни живъ ни мертвъ и жду.

— Давно ты прапорщикомъ?—вдругъ слышу я голосъ государя.

— Двадцать восьмой день, ваше величество.

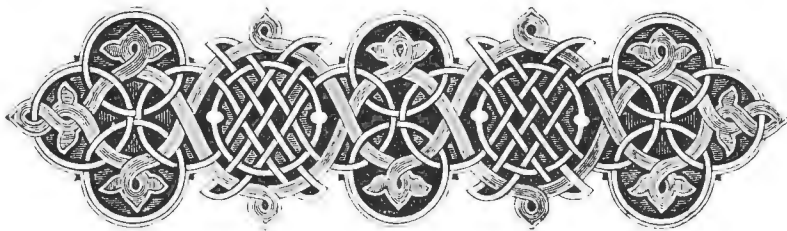
— Это и видно,—сказалъ государь,—что ты двадцативосьмидневный прапорщикъ: неопрятенъ въ одеждѣ и рискуешь службой. Если ты будешь такъ же неопрятенъ впредь и будешь такъ же рисковать службой, то станешь негоденъ къ службѣ и далеко не пойдешь; а если будешь опрятенъ, будешь ревностенъ,—принесешь пользу мнѣ, отечеству и пойдешь дальше.

— Ты за что?—обратился онъ къ слѣдующему.

Черезъ полчаса государь уѣхалъ, а еще черезъ день кончился срокъ моего заключенія подъ арестомъ, и я снова вернулся къ исполненію своихъ обязанностей.

В. С. Мышецкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОЧЕРКИ ПРИРОДЫ И ЖИЗНИ ВЪ ГАВАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКѢ.

НЕ paradise of the Pacific and the inferno of the world—«Рай Тихаго океана и адъ всего міра»— вотъ заманчивый эпитетъ, которымъ окрестили американскіе рекламисты группу Сандвичевыхъ островъ, лежащую на пути большихъ океаническихъ пароходовъ, совершающихъ правильные рейсы между Гонгъ-Конгомъ, Токагамою и С.-Франциско.

Въ Японіи и въ Калифорніи, въ гостиницахъ и агентствахъ пароходныхъ компаній, вывѣшены фотографіи роцъ кокосовыхъ пальмъ, склоняющихъ свои вай надъ пѣнящимися валами океаническаго прибоя, аллея изъ стройныхъ царственныхъ пальмъ Oreodoxa, ведущихъ къ уютнымъ вилламъ, наполненнымъ пламенемъ кратеровъ вулкановъ и мирныхъ сценъ полунагихъ туземцевъ, расположившихся на коралловой отмели на фонѣ живописныхъ горъ. Кто объѣхалъ югъ Азіи, бывалъ въ сказочной обстановкѣ природы Малайскаго архипелага, тому эти намеки на чудный тропическій міръ Гавай страшно заманчивы. Изящно изданные альбомы рисунковъ съ объяснительнымъ текстомъ изъ отрывковъ исторіи и поэтическихъ легендъ полинезійцевъ, раздаваемые даромъ, обыкновенно довершаютъ ударъ. Колебаній болѣе быть не можетъ. Не черезъ Канаду, не старымъ путемъ вокругъ Азіи, а, конечно, черезъ Соединенные Штаты надо ѣхать домой въ Европу.

Американская компанія дѣлаетъ такую громадную скидку и доставляетъ домой такъ быстро, что путнику нечего задумываться о выборѣ. Наконецъ, грѣхъ въ самомъ дѣлѣ не побывать въ этомъ райскомъ царствѣ—почти что у антиподовъ—на уединенныхъ остро-

вахъ величайшаго изъ океановъ, расположенныхъ въ его центрѣ и отстоящихъ отъ ближайшей суши не менѣе чѣмъ на 2,100 миль и на столько же отъ ближайшаго изъ острововъ Полинезіи—Таити. Если есть на земномъ шарѣ болѣе уединенный и изолированный отъ остального міра уголокъ, то это, конечно, этотъ архипелагъ Океаніи, гдѣ всего два года тому назадъ возникла новая Гавайская республика—это Сандвичевы острова! И туристъ—или какъ ихъ зовутъ теперь на востокѣ globe-trotter—беретъ билетъ у агента американской компаніи, какъ изъ земли вырастающаго передъ нимъ, разъ только въ умѣ его блеснетъ мысль о переѣздѣ черезъ океанъ. Жертвою такого агента былъ въ числѣ другихъ и авторъ предлагаемыхъ очерковъ.

Пароходы Тихаго океана уступаютъ и по быстротѣ и по убранству атлантическимъ. Обыкновенно, по мѣрѣ того, какъ конкуренція заставляетъ строить все болѣе и болѣе усовершенствованныя суда по Атлантикѣ, старыя, подкрашенные и подъ новымъ именемъ, идутъ черезъ Магеллановъ проливъ, чтобы сдѣлаться гражданами тихо-океанскихъ водъ. Но все-таки суда эти многимъ лучше судовъ, ходящихъ на дальній востокъ Азіи, и многія изъ нихъ можно уподобить пловучимъ дворцамъ. Громадная «China», на которой я совершилъ переѣздъ свой, «Carpis», «Belgic»—все это суда, дѣлающія 17—18 узловъ въ часъ, съ роскошной вентиляціей, съ громадными комнатами, а не каютами, чудными каютъ-компаніями и залами для чтенія. Столъ—роскошный и черезчуръ изобильный даже для морскаго желудка, отличающагося, какъ извѣстно, у не страдающихъ отъ качки аппетитомъ, близкимъ къ прожорливости. Наконецъ, порядокъ и внимательность прислуги образцовая. Последнее обстоятельство обусловлено впрочемъ тѣмъ, что прислуживаютъ вамъ не янки, а держимые въ строгой дисциплинѣ и чистотѣ сыны Небесной имперіи—китайцы. На всѣхъ азіатско-американскихъ линіяхъ они составляютъ пароходную команду—не только лакеи, но и матросы, боцмана, кочегары—все чистокровные монголы, своею баснословно дешевою и образцовою службою доказывающіе, что китайцы могутъ быть столь же хорошими моряками, какъ и земледѣльцами. Правда, странно, въ первый разъ, вмѣсто ловкаго матроса, видѣть немножко мѣшковато-одѣтую косоглазую монгольскую фізіономію, съ закрученной на затылкѣ косою, въ сапогахъ и шляпѣ. Но посмотрите матросовъ этихъ въ работѣ, и вы увидите, что они не уступаютъ нашимъ. Пассажиры перваго класса на этихъ пароходахъ самые разнообразныя: англичане, американцы, голландцы, нѣмцы, русскіе изъ восточной Сибири, японцы, французы. Потому каждый рейсъ характеръ публики мѣняется, и общей ея характеристики дать не возможно. Starae или третій классъ заполненъ почти исключительно

китайскими кули. Теперь, когда американцы, не выдерживающіе, какъ рабочіе, конкуренціи съ сынами Небесной имперіи, не пускаютъ ихъ въ предѣлы своего «свободнаго» государства, стѣснивъ оставшихся весьма тяжелою паспортною системою,—китайцы устремляются въ Вестъ-Индію, на Сандвичевы острова и въ центральную Америку. Здѣсь, на судахъ американскихъ компаній, спустившись въ ихъ трюмы, путешественникъ можетъ сдѣлать попутно наблюденія надъ тѣмъ, насколько тѣсно можетъ жить китаецъ, и сколь малымъ количествомъ воздуха онъ довольствуется. Хотя каждый пассажиръ имѣетъ свою койку, но эти койки, расположенныя въ пять рядовъ одна надъ другою, даютъ людямъ помѣщенія немногимъ болѣе, чѣмъ сложеннымъ сажеными балкамъ, на дровяныхъ дворахъ Петербурга. Что же удивительнаго, что, несмотря на вентиляцію, здѣсь стоитъ постоянно кислый запахъ помойныхъ ямъ. Но запахъ этотъ все же лучше того прѣлага запаха бѣлья и пота, какой издаетъ третій классъ пароходовъ Добровольнаго флота, везущихъ переселенцевъ, а потому для привыкшихъ къ испорченному воздуху кули онъ, вѣроятно, не тяжелъ. Они имѣютъ веселый видъ и, не получая разрѣшенія курить опиумъ, проводятъ въ азартныхъ играхъ почти все время длиннаго и скучнаго океаническаго плаванія, берущаго съ заходомъ на Сандвичевы острова около 3-хъ недѣль. Мало есть плаваній, которыя были бы такъ скучны и безцвѣтны, какъ въ этой сѣверной половинѣ Тихаго океана. Какъ только скроются изъ глазъ живописные и полные жизни берега Японіи, вы попадаете въ полную суроваго величія мертвенную пустыню. Изъ трехъ океановъ, пересѣченныхъ мною по различнымъ направленіямъ въ сѣверномъ полушаріи почти подъ однѣми и тѣми же широтами,—Великій океанъ производитъ впечатлѣніе наибольшаго однообразія и безжизненности. За цѣлыя недѣли плаванія по его безконечной равнинѣ вы не встрѣтите ни паруса, ни дымки отъ встрѣчнаго парохода, такъ часто оживляющихъ поверхность Атлантики. Его темныя воды большую часть пути не оживляются ни дельфинами, ни рыбами, и даже въ тихую погоду по его поверхности ходятъ плоскія, иногда почти незамѣтныя для глазъ, громадной длины волны. Эти волны громаднымъ объемомъ своимъ, какъ бы соответствующія громадности произведшаго ихъ океана, постоянно качаютъ судно, дѣлая пребываніе на немъ болѣе неприятнымъ, чѣмъ при болѣе короткихъ волнахъ или штиляхъ въ другихъ океанахъ. Волны моря темныя, черно-зелено-синія, негостепримныя. Только при вступленіи въ тропическій поясъ онѣ становятся привѣтливѣе, спокойнѣе и голубѣе. Но и здѣсь атмосфера постоянно дующаго пассата не имѣетъ ни тепла, ни мягкости и бархатности изнѣживающаго воздуха Индѣйскаго океана. Громадность воднаго горизонта и мертвенность его поражаетъ. Рѣдко, рѣдко когда появится одинокая птица, и это пернатое существо за 2,000 миль отъ ближайшей суши, гонящееся часами за судномъ, ка-

жется такимъ же чуждымъ этой лишенной жизни, суровой равнинѣ, какъ голубь, выпущенный Ноемъ изъ ковчега во время всемірнаго потопа.

Послѣ дней и дней, монотонныхъ и скучныхъ, всякое новое явленіе на поверхности моря составляетъ событіе, привлекаетъ вниманіе всѣхъ пассажировъ. Но явленій этихъ почти не бываетъ,—и скука плаванія увеличивается еще тѣмъ, что расчеты путешественниковъ прибыть въ Гонолулу черезъ недѣлю и пять дней вдругъ оказываются невѣрными. Желая дать туристамъ высокое мнѣніе о скорости судовъ своихъ, американцы умалчиваютъ, что первая недѣля на океанѣ имѣетъ восемь дней, а не семь, какъ то думаетъ большинство—и у агента и капитана бываетъ часто если не семь, то по крайней мѣрѣ двѣ пятницы на недѣлѣ.

Бдучи на встрѣчу солнца, мы ѣдемъ, опережая время. Обѣхавъ вокругъ свѣта въ восточномъ направленіи, мы выигрываемъ день. Чтобы не создавать путаницы, этотъ день принято прибавлять на Тихомъ океанѣ подъ 180° долготы ѣдущимъ на востокъ и отнимать его у ѣдущихъ на западъ. Итакъ, намъ, напримѣръ, пришлось два дня подрядъ имѣть 10-е октября! Одна ѣхавшая съ нами англичанка была убѣждена, что надъ нею шутятъ и ее чуть съ ума не свели въ С.-Франциско, гдѣ вопреки ожиданію «весь городъ сговорился ее обманывать». Но когда скучно бываетъ переживать часъ въ 60 минутъ, какъ длиненъ онъ, если приходится считать ихъ 120!

Только черезъ недѣлю плаванія на морѣ являются, перемѣны составляющія событія въ корабельной жизни.

Корабль приближается къ подводной грядѣ, на которой далеко на востокъ и возвышаются Сандвичевы острова. Но еще за пять дней пути она уже даетъ себя знать явленіями жизни на морскихъ водахъ и коралловыми рифами. Прежде всего становятся обильнѣе птицы изъ породы чаекъ, съ длинными загнутыми крючкомъ носами и болѣе яркимъ опереніемъ. Онѣ стаями сопровождаютъ пароходъ, иногда надъ самыми головами пассажировъ. Онѣ еще настолько не освоились съ человѣкомъ и его коварствомъ, что одинъ изъ насъ поймалъ втеченіе получаса двухъ птицъ на лету руками... Затѣмъ на поверхности водъ появились летучія рыбы, менѣе крупныя, менѣе серебристыя, чѣмъ въ Индѣйскомъ океанѣ, некрасивыя, сѣроватыя. Наконецъ, показались стаи дельфиновъ, кувыряясь въ водѣ и обгоняя пароходъ, и въ заключеніе послѣ восьмидневнаго безжизненнаго моря показались коралловые рифы. Рифы эти, однако, также не были похожи на обыкновенные, съ какими я познакомился на Зондскомъ архипелагѣ. Еще менѣе напоминаютъ они изображаемые на рисункахъ въ учебникахъ, какъ типы атолловъ. Ихъ почва не возвышается совсѣмъ надъ уровнемъ океана, на ней не растутъ ни кокосовыхъ пальмъ, ни другихъ растеній.

Нѣтъ, на безбрежной равнинѣ сильно волнующагося моря вы видите совершенно гладкое, какъ скатерть, пятно—круглое озеро воды среди океана, рѣзко ограниченное кольцомъ изъ бѣлыхъ бушующихъ буруновъ, отчетливо выдѣляющихся на синевѣ неба. Отчего здѣсь бушуетъ и вздымается прибойная волна, глазъ не видитъ, и этотъ барьеръ изъ неистово негодующихъ валовъ среди сравнительно спокойнаго океана производитъ совершенно особое глубокое впечатлѣніе.

Мы промчались мимо нѣсколькихъ такихъ коралловыхъ подводныхъ колець. Среди одного изъ нихъ возвышалась одинокая, небольшая черная скала, необитаемая, мертвенная. Что это такое? Остатокъ ли когда-то бывшаго вулкана, размытаго водами, вмѣстѣ съ окружающимъ его атоллomъ коралловъ, медленно погружающійся на дно? Или вновь возвышающаяся суша? Надо думать—первое. Геологическія и ботаническія изслѣдованія Сандвичевыхъ острововъ показываютъ, что западные изъ нихъ возникли очень давно, сложены изъ древнихъ изверженныхъ породъ и имѣютъ богатую флору. Чѣмъ восточнѣе, тѣмъ моложе эти острова. Самый восточный изъ нихъ, Гаваи, покрытъ еще дѣйствующими вулканами, и знаменитый кратеръ одного изъ нихъ, Келавеа, представляетъ по временамъ огненное море лавы, легко доступное и привлекающее туристовъ со всѣхъ концовъ міра. Американцы ждутъ появленія новаго острова еще восточнѣе. Говорятъ, они уже заготовили флагъ, чтобы водрузить его на немъ. Но подземные боги медлятъ осуществить ихъ желанія.

Наконецъ передъ нашими глазами появился давно желанный островъ Оали. Уже ночью обоняніе наше, отвыкшее отъ запаховъ суши, ясно ощущало запахъ сѣна, цвѣтовъ и земли. Качка прекратилась, и утромъ, когда я вышелъ на палубу, мы уже бросили якорь въ виду Гонолулу и красивой панорамы южнаго берега острова.

Полинезія! Жители острововъ Тихаго океана! Сандвичевы острова, гдѣ погибъ знаменитый мореплавателъ Кукъ! Что говорятъ вашему воображенію эти слова, эти названія? Не рисуются ли вамъ эти жемчужины океана въ видѣ зеленыхъ сказочныхъ острововъ на голубомъ фонѣ моря съ чудными дѣвственными лѣсами изъ пальмъ и папоротниковъ, увитыхъ лианами и пестрыми орхидеями, а подъ сѣнью ихъ стройные бронзовые туземцы, вооруженные луками и стрѣлами, одѣтые въ костюмы прародителей, нѣсколько прикрашенные татуировкой? Легкія хижины подъ сѣнью кокосовъ и идиллія счастливой и беззаботной жизни среди райской природы?

Видъ Гонолулу способенъ сразу разрушить эти картины. Представьте себѣ среди моря громадныя двѣ группы горъ, соединенныхъ широкою равниною, горъ голыхъ, обнаженныхъ солнцемъ, равнину обнаженную, напоминающую наши прикаспійскія степи, и вы получите общій фонъ картины. Всмотриваясь ближе, вы увидите въ

ущельяхъ горъ зелень; одна большая долина, ведущая къ морю, даже совсѣмъ зеленая и, у ея конца, на берегу моря, при заливѣ, расположился чистенькій европейскій или точнѣе американскій городокъ. Высокія красныя трубы сахарныхъ фабрикъ разбѣяны тамъ и сямъ вдоль берега, и маленькій лѣсокъ мачтъ парусныхъ судовъ пріютился въ гавани.

Формы горъ красивы и отчетливо выдѣляются въ ясномъ воздухѣ. Если непривычный глазъ и не найдетъ въ этихъ черныхъ скалахъ ничего говорящаго о ихъ вулканическомъ происхожденіи,— онъ все-таки скоро признаетъ изъ за потухшій вулканъ, такъ какъ надъ городомъ и вправо отъ него на выдающемся въ море полуостровѣ возвышаются желто-коричневые усѣченные конусы потухшихъ вторичныхъ изверженій. Особенно красива форма полуострова. Конусъ, его образующій, неправильный—одна изъ его вершинъ напоминаетъ граненый брилліантъ, почему и всей горѣ было дано названіе Diamond head. Совершенно лишенная растительности, желтобурая гора эта эффектно выдѣляется на голубомъ фонѣ моря и неба, обрамленная зеленью кокосовой заросли окрестностей. Она въ панорамахъ Оали играетъ такую же точно роль, какъ Аюдагъ у насъ въ Крыму. Говоря вообще, Оали напрашивается на сравненіе съ Крымомъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь сухія выжженные горы составляютъ правый и лѣвый флангъ южнаго берега; центръ, самый высокій, имѣетъ горы съ зеленью, и у подножія его на берегу пріютилась культура и тропическая растительность. Только въ Крыму краски блѣднѣе, не выдѣляются пальмовыя кроны, и очертанія полуострововъ не имѣютъ эффектной правильности, какъ у Оали.

Мы стояли далеко отъ берега. Ни шлюпокъ, ни пароходиковъ, обыкновенно встрѣчающихъ океаническія суда, не было. Казалось, сандвичане не хотѣли знать о нашемъ прибытіи. Да оно такъ и было. Мы плыли изъ зачумленной страны Японіи, гдѣ въ это время свирѣпствовала холера. Потому не ждали ни почты, ни пассажировъ, такъ какъ изъ Йокогамы было запрещено брать кого бы то ни было. Выслали только баржу за китайскими кули изъ Гонгъ-Конга, которыхъ въ количествѣ 600 человѣкъ нужно было выгрузить въ Гонолулу.

По счастью для меня, взгляды на дезинфекціонныя средства въ Европѣ и въ Гавайской республикѣ различны. У насъ наиболѣе дѣйствительными считаются сулема, карболовая кислота и сѣра. Здѣсь сильнѣйшимъ изъ средствъ считаютъ золото. Заплативъ за билетъ 1-го класса 330 долларовъ, я достаточно дезинфицировалъ себя отъ японской заразы, а потому меня и двухъ другихъ пассажировъ 1-го класса, японца, г-на Nischimura, и китайца, имени ко-его не припомню, гавайскіе медики признали возможнымъ принять на островъ. Намъ пришлось спуститься на ту же баржу, куда сажали китайцевъ, и помѣститься на носу. Пока свидѣтельствовали

билеты сыновъ Небесной имперіи, таможенный чиновникъ, гаваецъ, смуглый джентльменъ въ европейскомъ костюмѣ, но въ шляпѣ, украшенной вѣнкомъ изъ благовонныхъ гвоздикъ, предложилъ осмотрѣть вещи. На глазахъ тысячи смотрѣвшихъ съ борта парохода зрителей началась эта отвратительная процедура копошенія во внутренностяхъ пассажирскихъ чемодановъ — варварская традиція, дающая такъ мало дохода государствамъ, ее практикующимъ, и портящая такъ много крови туристамъ и globe-trotter'амъ. Г-нъ Nischimuga наотрѣвъ отказался открывать свои чемоданы на баржѣ, заявивъ, что для этого должно быть мѣсто въ таможнѣ. Что касается меня, то ко мнѣ чиновникъ даже не рѣшился обратиться съ предложеніемъ осмотрѣть вещи. Этимъ ясно сказалась градація между китайцами, японцами и европейцами, какая существуетъ у жителей тихоокеанскаго рая. Затѣмъ стали выгружать китайцевъ или, вѣрнѣе, сначала ихъ вещи. Никогда въ жизни я не видалъ болѣе безцеремоннаго обращенія съ чужою собственностью. Съ высоты 3-хъ этажей на дно баржи швыряли одинъ на другой сундуки, ящики, чемоданы, жестянки. Что за дѣло пароходной компаніи, что они лопались, трескались, разваливались! Вѣдь это только китайскія вещи. Затѣмъ стали въ ту же баржу выгружать китайцевъ. Мнѣ вспомнилась картина перевозки на паромѣ въ Астрахани калмыцкихъ овецъ. Но тамъ овецъ помѣщали много просторнѣе. Китайцевъ грузили до 5 часовъ вечера. Когда баржа осѣла настолько, что морскія волны достигли края борта, явился тщедушный пароходикъ и потащилъ ее къ берегу. Какъ мы не пошли ко дну, я не понимаю. Двигались мы настолько медленно, что было совершенно темно, когда мы достигли берега. Началась такая же выгрузка, ночью, въ темнотѣ. Китайцы кричали, падали въ воду, такъ какъ приспособленія здѣсь самыя примитивныя. Здѣсь впервые познакомились мы съ прелестнымъ американскимъ девизомъ: «Help yourself», такъ какъ не было ни души, чтобы взять наши чемоданы. Наконецъ, рискуя растерять во мракѣ ночи свои пожитки, мы нашли первобытную платформу, на которую положили наши чемоданы и сѣли сами. Китайскіе кондуктора покатали насъ къ карантиннымъ зданіямъ, гдѣ поочередно насъ троихъ сажали въ ящикъ, гдѣ обкуривали горячей сѣрой, позволяя просунуть на воздухъ только голову. По телефону вытребовали лодку, и въ одиннадцатомъ часу я и г-нъ Nischimuga, подобно жителямъ ада, издавая запахъ горячей сѣры, могли показаться на мертвыхъ улицахъ Гонолулу и искать подходящей гостиницы для ночлега.

Я скоро нашелъ порядочную гостиницу. Порядочную, конечно, съ мѣстной точки зрѣнія, ибо если бы въ Европѣ за 6 рублей въ сутки стали въ гостиницахъ кормить такую пищу, какъ здѣсь, то врядь ли гостиница имѣла хотя бы одного гостя. Я познакомлю читателя нѣсколько ниже съ этимъ столомъ. Теперь же я мало о

немъ думаль. Лежа въ лонгшезѣ на балконѣ, гдѣ пробывавшаяся сквозь тучи луна освѣщала темные силуэты горъ и вершины странныхъ, по близости стоящихъ, пальмъ и другихъ тропическихъ деревьевъ, наполнявшихъ воздухъ чудными ароматами, я восторгался картиной, въ краскахъ которой было что-то демоническое, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалась мощь тропическаго юга.

Восторгу моему не было конца, когда на другой день я увидѣлъ картину эту озаренною лучами утренняго солнца. Говоря вообще, тропическая природа всего прекраснѣе бываетъ утромъ. Но въ Гонолулу она восхитительнѣе, чѣмъ гдѣ либо, и даже на Явѣ я рѣдко наслаждался такими чудными утрами. Небо безоблачно, воздухъ недвижимъ и тепелъ, какъ въ лучшее июньское утро. Кругомъ стройно воздымаются кроны кокосовыхъ пальмъ и еще болѣе эффектныхъ *Oreodoxa regia*. Темная зелень манговыхъ деревьевъ чередуется съ нѣжными, какъ перышки, листьями акацій (въ родѣ такъ называемой кавказской мимозы) или залитыми пурпурно-красными цвѣтами *Painsettia pulcherrima* (*Flambeau d'orient*). Заборы и балконы увиты красиво и крупно цвѣтущими тропическими вьющимися растеніями. Вы на чудной тропической дачѣ въ паркѣ. Вдали виднѣются крыши такихъ же деревянныхъ дачъ съ садами изъ столь же чудныхъ тропическихъ деревьевъ. Эти дачи, эти сады и составляютъ столицу республики—городъ Гонолулу.

Хотя гостиница, гдѣ я жилъ, была лучшая, ея комнаты были чисты и прислуга внимательна, все же, какъ во всѣхъ гостиницахъ американскаго типа, комнаты эти были тѣсны. Чудная природа, восхитительная погода манила на улицу, и потому, вставши и наскоро позавтракавъ, я сейчасъ же отправился на улицы города. Представьте себѣ благоустроенное дачное мѣсто подѣ Петербургомъ, Павловскѣ или Царскомъ Селомъ. Возьмите его лучшія улицы, наилучше шоссированныя, снабдите ихъ прекрасными конками, представьте себѣ деревянныя дачи, выстроенныя съ большимъ вкусомъ, съ большими садами, гдѣ вмѣсто березъ растутъ кокосовыя, финиковыя деревья, и аллеи изъ другихъ, еще болѣе красивыхъ, пальмъ, гдѣ на изумрудныхъ, поливаемыхъ лужайкахъ раскиданы чудные тропическіе цвѣты, и вы получите понятіе о томъ, что такое Гонолулу. Аристократическое дачное мѣсто, скажетъ новоприбывшій; мѣсто жительства разбогатѣвшаго сброда изъ дальняго запада Америки, скажетъ тотъ, кто пожилъ здѣсь дольше. Городъ расположенъ вдоль берега и на склонѣ горы. Большая часть его параллельно берегу идущихъ и перекрещивающихся съ ними улицъ имѣютъ описанный выше характеръ. Но тѣ, которыя лежатъ у самаго берега, лишены растительности, застроены каменными домами и имѣютъ дѣловой видъ квартала молодого американскаго города. Здѣсь вы найдете прекрасныя магазины всевозможныхъ европейскихъ и американскихъ товаровъ, кафе, рестораны, фотографіи, банки; вечеромъ,

когда все это оживлено и залито электрическимъ свѣтомъ, вы не скажете, что вы въ центрѣ океана, на маленькомъ островкѣ Полинези. Мало найдется городовъ въ Россіи, улицы которыхъ представляли бы подобное зрѣлище, столь богатый выборъ всего, что необходимо для жизни культурнаго, образованнаго человѣка, имѣли бы столько телефоновъ. Восточнѣе, за этими чисто европейскими улицами и магазинами, слѣдуетъ кварталъ съ лавками китайскими и японскими. За исключеніемъ, однако, съѣстныхъ лавокъ и аптекъ, магазины, содержимые азіатами, ничѣмъ не отличаются отъ европейскихкихъ. Японскіе магазины иногда даже превосходятъ ихъ изяществомъ и роскошью товаровъ.

Окраины города застроены деревянными бараками. Для жителя тропической страны такіе бараки не хуже кирпичныхъ домовъ. У берега здѣсь живутъ китайцы, японцы и туземцы. Улицы содержатся грязнѣе. Выходящія въ нихъ переулки такъ узки, что годятся только для пѣшеходовъ. Они загорожены досчатыми заборами, за которыми виднѣются часто другъ подлѣ друга настроенные двухъ-этажные бараки, густо населенные нараспашку живущими семьями. Окраины города, выходящія внутрь въ гору, застроены также одноэтажными досчатыми дачками. Но здѣсь дачки эти снабжены палисадниками крошечными, меньшими даже, чѣмъ у новодеревенскихъ дачниковъ, но блистающими усыпанными цвѣтами тропическими кустарниками. Здѣсь живутъ по преимуществу португальцы. За этими деревьями являются уже раскиданные между полями таро деревенскіе домики—и вы за городомъ.

Гонолуду имѣетъ свои достопримѣчательности. Первая и главная изъ нихъ—это бронзовая статуя короля Камеамеа I, въ роскошномъ вызолоченномъ шлемѣ и такомъ же плащѣ. Этотъ шлемъ и плащъ заимствованы не изъ греческой миеологіи; ихъ дѣйствительно носили древніе короли Гаваи. Эти мантии были своего рода чудо человеческаго терпѣнія и рукодѣлія. Это была тончайшая сѣтка, въ каждый узелъ которой вплетено было перо ярко желтаго цвѣта птички, величиною немного крупнѣе канарейки. Сколько тысячъ перышекъ должно было пойти на такой шлемъ и плащъ! Они какъ бы вытканы изъ перьевъ, и ихъ видѣть еще доселѣ можно въ музеѣ, основанномъ Бишофомъ, о которомъ я скажу ниже. Статуя стоитъ противъ большаго красиваго двухъэтажнаго каменнаго зданія, бывшаго дворца короля Калакауа—теперь залы народнаго собранія. Около дворца красивый скверъ. Кромѣ этого сквера, здѣсь имѣется еще три или два публичныхъ и одинъ при обширной городской больницѣ. Скверы эти могутъ привести въ восторгъ любого ботаника. Представители тропической растительности пяти частей свѣта, странъ сухихъ, и странъ влажныхъ, собраны здѣсь для того, чтобы удивлять проѣзжаго своими формами. Аллеи изъ финиковыхъ пальмъ и царственныхъ *Oreodoxa*, заросли изъ постоянно цвѣтущихъ олеандровъ,

скамейки, расположенныя подъ сѣнью громадныхъ пестролистныхъ кустовъ *Croton* или вокругъ ствола развѣсистой индѣйской смоковницы. Толстыя, прямыя, какъ свѣча, колонны кактусовъ *Cereus*, по ночамъ распускающія свои таинственные громадныя благовонныя цвѣты и рядомъ съ ними канделябры изъ подобныхъ кактусамъ индѣйскихъ молочаевъ, роци изъ эвкалиптусовъ и одинокіе съ этажеобразно расположенными вѣтвями стройныя араукаріи, маслины странъ средиземно-морскихъ, акаціи изъ Австраліи, тонкія, какъ сосна, казуариніи малайскаго архипелага, мангі изъ Индіи, хлѣбныя деревья Океаніи, индѣйскія усыпанныя желтыми цвѣтами кассіи, шоколадныя деревья изъ Бразиліи, пурпурныя *Rainsettia* и фіолетово малиновыя *Bougenvillea*, усыпанныя желтыми цвѣтами *Bignonia* и кипарисы, словомъ красивѣйшія деревья и кустарники садовъ тропическаго и субтропическаго міра пяти частей свѣта собраны здѣсь, чтобы своимъ роскошнымъ развитіемъ показать, что при уходѣ и поливкѣ здѣсь можетъ расти все.

Сидя прохладнымъ утромъ въ одномъ изъ этихъ скверовъ, гдѣ круглый годъ кусты усыяны цвѣтами, круглый годъ слышится шелестъ листьевъ пальмъ, невольно согласишься, что Сандвичевы острова дѣйствительно *Paradise of the Pacific*. Не меньшую достопримѣчательность составляетъ красивое небольшое зданіе публичной бібліотеки. Здѣсь въ читальной залѣ разложены книги и журналы— и всякій, зайдя съ улицы, можетъ бесплатно перечитать всѣ научныя новости міра.

Въ Гонолулу масса церквей. Въ этомъ отношеніи онъ смѣло можетъ соперничать даже съ русскими городами. Многія изъ нихъ,— прекрасныя зданія въ готическомъ стилѣ, съ громадными окнами съ чудными мозаичными стеклами. Однѣ изъ нихъ выстроены изъ отесанныхъ кусковъ лавы, другія изъ кирпича, одна даже изъ известняка, вывезеннаго изъ Англіи!

Если сдѣлать по конкѣ длинный конецъ въ западномъ направленіи, выѣхавъ уже въ пригороды, вы пріѣдете къ группѣ изящныхъ двухъэтажныхъ каменныхъ зданій. Это школа Камеамеа. Зданіямъ этимъ позавидоваль бы любой изъ нашихъ провинціальныхъ университетовъ. Это какъ бы гимназія и высшее учебное ремесленное заведеніе для туземцевъ. Здѣсь же помѣщается музей Бишофа, гдѣ собраны древніе идолы, домашняя утварь, старинныя одежды сандвичанъ и другихъ полинезійцевъ, немногія естественно историческія произведенія острова и нѣкоторыя *Curios*. Зданіе содержится чисто и красиво. У входа въ него почему-то поставлена русская пушка, отлитая еще въ прошломъ столѣтіи въ Петербургѣ.

Театръ въ Гонолулу сгорѣлъ, но онъ былъ такъ малъ, что объ этомъ жалѣть нечего. Китайцы имѣютъ два театра. Для европейцевъ въ одномъ изъ скверовъ два раза въ недѣлю играетъ музыка. Кромѣ того, есть здѣсь клубъ, и до сихъ поръ еще стоитъ гремящая на

все прошлое королевство карусель — обыкновенная наша устроиваемая на балаганах карусель, нѣкогда однако столь популярная, что, говорятъ, на ней катался самъ его королевское величество Калакауа I.

Такъ или иначе, если сравнить Гонолулу съ любимъ изъ нашихъ провинціальныхъ городовъ (кромѣ Одессы), нельзя будетъ не отдать ему полного предпочтенія. Развѣ къ концу 20 вѣка Харьковъ будетъ такъ чистъ и благоустроенъ, обладать такими удобствами, какъ столица Гавайской республики... Бѣглый очеркъ города и его достопримѣчательностей показываетъ, что населеніе его должно имѣть весьма смѣшанный характеръ. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Врядъ ли есть на свѣтѣ еще одинъ пунктъ, гдѣ населеніе было бы такъ пестро и равномерно перемѣшано, какъ въ Гавайской республикѣ. Въ портовыхъ городахъ большихъ приморскихъ странъ, въ С.-Франциско, въ Портъ-Саидѣ, въ Марсели, вы, конечно, встрѣчаете на улицахъ разнообразныя народности. Но онѣ, такъ сказать, только попадаютъ между европейцами. Здѣсь наоборотъ смѣшеніе полное, и трудно сказать, какое племя преобладаетъ. Разъ, ѣдучи въ конкѣ, гдѣ сидѣло 18 человекъ, я не нашелъ между ними двухъ принадлежащихъ къ одному народу. Это были 18 представителей 18 національностей. На дѣлѣ ихъ въ Гонолулу гораздо больше. Когда я въ одномъ обществѣ сталъ наугадъ называть имена всевозможнѣйшихъ націй, — почти ни одно не оказалось безъ представителя на Сандвичевыхъ островахъ. Всѣ почти народности Европы, большинство культурныхъ народовъ Азіи, полинезійцы, фиджіане, жители Аляски, Новой Зеландіи, Южной Америки, Африки, имѣли здѣсь своихъ представителей. Но представители эти были, такъ сказать, подогнаны подъ одинъ общій уровень. Гуляя по улицамъ Гонолулу, вы не видите пестрыхъ и своеобразныхъ костюмовъ, которые поражаютъ васъ на улицахъ азіатскихъ городовъ, или откровенныхъ одѣяній тропической Африки. Костюмы у всѣхъ стереотипны — европейскіе, будь обладатели ихъ китайцы, японцы, индѣйцы, негры или полинезійцы. Соломенная шляпа или котелокъ, пиджакъ, большею частью мягкая рубашка, панталоны, ботинки у мужчинъ; обыкновенныя европейскія платья съ незначительными варіаціями моды у женщинъ. Какъ вездѣ въ Америкѣ и въ противоположность Европѣ, костюмы эти не первой свѣжести и изящества. Только разнообразіе фізіономій, необыкновенная смѣсь языковъ поражаетъ васъ на каждомъ шагу. По-англійски говорятъ всѣ, но это не мѣшаетъ каждой націи разговаривать другъ съ другомъ на родномъ языкѣ. Потому постоянно слышите вы рѣчь китайскую, японскую, португальскую, шведскую, нѣмецкую. Потому, когда я и г. Эгеръ (одинъ изъ соотечественниковъ, поселившихся на островѣ, и встрѣтившій меня на первыхъ дняхъ моего пріѣзда и съ которымъ я провелъ много пріятныхъ дней и узналъ много интереснаго) громко разговаривали другъ съ другомъ порусски, мы не обращали на себя ничего вниманія, чего не бываетъ, какъ извѣстно, даже въ столицахъ Европы.

Въ Гонолулу издается масса газетъ на языкахъ читающихъ ихъ народностей. Англичане читаютъ *Hawaiian Gazette*, *Daily Pacific*, *Commercial Advertiser*, *Daily Bulletin*, *Hawaiian Star*, *Freand*, *Anglican Church Chronicle*—последнія двѣ духовнаго содержанія; португальцы—*Uniao Lusitana*, *Hawaiana* и *Sentinella*; китайцы *Hawaiian Chinese*, *News* и *Chinese Times* (покитайски обѣ); японцы *Honolulu Hoshi*, *Havai Shimbon*, *Volcano* и *Havai Shinpo*, наконецъ туземцы *Knokoа*, *Havai Holomua* и *Ke Leo oka Lahui*. У подножія Вавилонской башни или при кончинѣ міра, когда всѣ народности земли, говорятъ, перемѣшаются, и тогда врядъ ли можно будетъ видѣть на улицахъ и въ жизни такой смѣси, какая господствуетъ въ Гонолулу.

Господствующую роль здѣсь играютъ европейцы, въ частности американцы. Они создали здѣсь всю эту культуру, ихъ капиталы господствуютъ на островѣ, ихъ строй жизни чувствуется повсюду. Кто любитъ этотъ строй, тому будетъ хорошо жить здѣсь; кому онъ тяжель, тому не понравится и Гонолулу. Кто были эти люди, составляющіе здѣсь господствующій классъ, каково ихъ прошлое—не спрашивайте. Если бѣглый матросъ былъ здѣсь губернаторомъ лучшаго изъ острововъ, а сынъ его получилъ руку царской дочери, если искатели приключеній дальняго запада Америки, потерявши всякую надежду на обогащеніе, шли сюда и, женившись на дочеряхъ аристократіи туземцевъ, дѣлались владѣтелями тысячъ десятинъ, если отброшенные Америкой европейскіе отбросы находили себѣ здѣсь дѣло,—вы можете понять, каковы были эти элементы. Несправедливо было бы, однако, думать, что сюда шли только отбросы. Нѣтъ, тутъ находили убѣжище рабочіе, искавшіе куска хлѣба, люди труда, тутъ селились люди, желавшіе приложить маленькій капиталъ къ дѣятельной почвѣ для обогащенія, сюда являлись наконецъ техники со знаніями въ надеждѣ въ новомъ государствѣ найти лучшее вознагражденіе, чѣмъ въ переполненномъ специалистами отечествѣ. Когда острова принадлежали туземцамъ, и ими правили патріотическіе короли—родъ *Камеамеа*, цѣнились люди, селившіеся, обзаводившіеся семьями, женившіеся на туземкахъ и потомки миллионеровъ, нахлынувшихъ на Сандвичевы острова, какъ мухи на медъ. Люди рабочіе, техники и люди съ капиталомъ—пришлецы послѣдняго времени. Всѣ они прошли черезъ горнило американской культуры—будь они кровные американцы, нѣмцы, французы или шведы и финляндцы. *Business* и *money making* у нихъ на первомъ мѣстѣ. Природа, эстетическія наслажденія для нихъ, можно сказать, послѣднее дѣло. Фермеръ не посадитъ дерева передъ своимъ домомъ. За чѣмъ?—сказалъ одинъ изъ нихъ, когда его спросили, почему онъ не посадилъ подъ окнами фруктовыхъ деревьевъ. Были бы, деньги, а фрукты мнѣ продадутъ и китайцы. Эти ремесленники, фермера, техники живутъ однако въ комфортабельномъ домикахъ и комнатахъ, обставленныхъ лучше, чѣмъ у иного нашего интеллигента. Они читаютъ газеты, у

нихъ есть элементарное образованіе, они читаютъ книги для самообразованія. Не требуйте отъ нихъ, конечно, глубокихъ знаній внѣ ихъ ремесла, мягкости манеръ, хорошаго вкуса. Но чего же и хотѣть отъ бывшаго чернорабочаго? Большинство въ ихъ средѣ грубѣютъ и опускаются. Но все же, благодаря интернаціональности общества, огрубѣніе здѣсь меньше, чѣмъ въ Западной Америкѣ, и больше терпимости къ другимъ народностямъ, хотя все же китайцевъ, японцевъ и португальцевъ здѣсь считаютъ чѣмъ-то низшимъ—и сюда же стремятся вогнать и туземцевъ. Зачѣмъ вы будете отдавать ему визитъ?—спросилъ меня одинъ европеецъ, когда я хотѣлъ зайти къ посѣтившему меня школьному учителю. Вѣдь онъ только китаецъ! Другой джентльменъ отказался идти въ концертъ только потому, что въ числѣ артистовъ долженъ былъ пѣть японецъ. Къ счастью эти проявленія англосаксонскаго духа пока еще плохо прививаются на Гавайской нивѣ.

Американизированный европеецъ проводитъ большую часть дня въ business, отдыхаетъ лишь послѣ обѣда на верандѣ своего дома—и то, если онъ живетъ осѣдло. Большинство обѣдаетъ въ ресторанахъ, содержимыхъ здѣсь исключительно китайцами и устроенныхъ въ чисто западно-американскомъ стилѣ. Обѣдаютъ и завтракаютъ въ опредѣленное время. Обѣдъ въ 25 и 50 центовъ. Отдѣльныхъ порцій нѣтъ, вина тоже. Передъ вами сразу ставятъ пять или шесть блюдъ. Пока вы ѣдите супъ, все остальное стынетъ и покрывается саломъ, которое въ изобиліи кладутъ въ кушанье китайцы. Нигдѣ въ мірѣ, кромѣ Гавай и западныхъ штатовъ Америки, не стоитъ кулинарное искусство такъ низко. Даже дешевыя кухмистерскія Германіи обладаютъ лукулловскими меню по сравненію съ здѣшними. Матеріалъ самъ по себѣ прекрасенъ; мясо, дичь свѣжіе. Но, очевидно, китаецъ поваръ не пробуетъ того, что онъ предназначаетъ своимъ кліентамъ—этимъ же некогда разбирать вкусъ кушанья. Немногочисленныя общества большею частію религіознаго характера наполняютъ вечернее время европейца. Онъ встаетъ рано, съ зарею, а потому, несмотря на электрическое освѣщеніе, къ 10 часамъ вечера въ европейскомъ кварталѣ тихо и мертво, какъ въ могилѣ. Значительная часть европейцевъ здѣсь временные жители. Они стремятся нажитья и уѣхать въ Америку. Тѣмъ не менѣе администрація, торговля, промышленность, наука—все въ ихъ рукахъ. Жестоко ошибается тотъ, кто подумаетъ, что Гавайская республика—дѣйствительно гавайская. Отъ перваго до послѣдняго человѣка, ея строй, жизнь, интересы и дѣйствія руководятся бѣлыми. Это одинъ изъ штатовъ Америки, который эта послѣдняя почему-то не хочетъ признать.

Второй, наиболѣе часто попадающійся на глаза элементъ—это китайцы.

Китайцы въ Гонолулу и вообще на Сандвичевыхъ островахъ

представляют интересное, единственное въ своемъ родѣ явленіе— и объ нихъ стоитъ поговорить подробнѣе.

Главная масса сыновъ Небесной имперіи выписывалась сюда въ качествѣ чернорабочихъ на сахарныя плантаціи. Это были кули, бѣдняки, отбросы изъ китайскаго пролетаріата. Къ нимъ присоединился извѣстный процентъ китайцевъ изъ Калифорніи, которые, уступая притѣсненіямъ американской администраціи, принуждены были удалиться изъ Америки и нашли себѣ занятія здѣсь.

Во всемъ мірѣ существуетъ убѣжденіе, что китаецъ вездѣ и повсюду остается китаецемъ, и никакія силы не въ состояніи измѣнить его привычекъ и предрасудковъ. Гонолулу и его населеніе можетъ служить лучшимъ опроверженіемъ этого мнѣнія. Въ то время, какъ въ С.-Франциско, гдѣ китайцевъ гоняютъ и преслѣдуютъ, они остаются совершенно такими, какъ у себя на родинѣ; здѣсь, въ обществѣ терпимыхъ туземцевъ, они перерождаются—и, быть можетъ, нигдѣ въ мірѣ вы не встрѣтите въ такой степени европеизированныхъ китайцевъ, какъ въ Гонолулу. Китайскій костюмъ брошенъ. Соломенная шляпа европейскаго фасона, брюки на выпускъ, европейская мягкая или крахмальная рубашка и пиджакъ—вотъ костюмъ здѣшняго китаеця. Коса, если она оставлена, что бываетъ у тѣхъ, кто имѣетъ въ виду вернуться на родину, не носится на выпускъ: она закручивается на затылкѣ и прячется подъ шляпу. Но у такихъ китайцевъ лицо не имѣетъ китайскаго облика, такъ какъ они не брѣютъ головы, а оставляютъ расти короткіе волосы. Трудно себѣ представить, какъ мѣняетъ лицо прическа и костюмъ. Здѣшніе китаецы, особенно тѣ, которые приняли гавайское подданство и, срѣзавъ косу, причесываются поевропейски, не только не походятъ на своихъ соотечественниковъ, но имѣютъ даже болѣе европейскій обликъ, чѣмъ японцы. Смуглые становятся похожими на испанцевъ, другіе на нашихъ сѣверныхъ инородцевъ. Ничего отгалкивающаго, присущаго истымъ сынамъ Небесной имперіи въ нихъ нѣтъ. Китаецы безспорно самый трудолюбивый элементъ на всемъ островѣ. Въ ихъ рукахъ всѣ рестораны, прачешныя, бѣлошвейныя; они—портные, сапожники, бакалейщики, торговцы 2-й гильдіи, мелкіе фермеры, огородники, плотники. Значительная часть чернорабочихъ состоитъ изъ нихъ же. Китаецъ всегда за работой. Пойдите въ 10, 11, 12 часовъ ночи по городу. Европейская часть вымерла. Магазины закрыты. Японцы, португальцы, туземцы, если не спятъ, то толпятся около кабаковъ и лавокъ, или гуляютъ по улицамъ. Одни китаецы продолжаютъ работать. Неустанно гудитъ швейная машинка Зингера у портного. Подмастерья не отрываются отъ работы. Въмѣстѣ съ тѣмъ, они постоянно бодры, веселы; улыбка не сходитъ съ ихъ устъ. Неужели всѣ они дѣйствительно счастливы? До глубокой ночи торгуютъ лавочники, открыта китайская съѣстная лавка, цирюльня, до часу

отворена прачешная. Всегда въ нихъ есть народъ, всегда въ нихъ все дешевле, чѣмъ у европейца. Ъдятъ китайцы здѣсь своеобразно. Европейецъ не станеть, пожалуй, ѣсть многихъ изъ этихъ блюдъ, которыя кипятъ въ котлахъ передъ входомъ въ такой ресторанъ. Но кушанья эти питательны и, если вы побѣдите предрассудокъ, вкусны. Стоять они гроши, но, право, они не хуже американскихъ обѣдовъ. Также дешево устроятся китайцы и съ квартирами. Въ ихъ жилищахъ нѣтъ ничего лишняго, бьющаго на эффектъ. Но здѣшній, живущій въ городѣ китаецъ все же живетъ немного чище и удобнѣ нашего мастерового или даже нѣмецкаго подмастерья. Поэтому увѣренія, что китаецъ потому бѣтъ европейца, что у него нѣтъ потребностей—чистая выдумка. Нѣтъ, китаецъ работаетъ больше, относится къ труду лучше, имѣетъ поддержку въ товарищахъ. Каждый китаецъ здѣсь членъ тайнаго общества. Они образуютъ своего рода кагалъ, безъ разрѣшенія котораго они не переменятъ пуговицы въ своемъ нарядѣ, на помощи котораго зиждется его благосостояніе. И потому онъ силенъ.

Элементы, изъ которыхъ составилось здѣшнее китайское населеніе,—самые низшіе слои китайскаго пролетариата. Потому они не образованы и мало грамотны. Во всемъ городѣ всего четыре китайскихъ учителя. Но многіе посѣщаютъ европейскія школы, и не менѣ 70-ти китайцевъ принимаютъ участіе въ управленіи страны, какъ образованные чиновники.

Древняя культура сказывается въ обращеніи каждаго китайца. Онъ крайне вѣжливъ, имѣетъ чувство собственнаго достоинства, любознателенъ, чѣстенъ.

Разъ, одинъ простой китаецъ, по моей просьбѣ, повелъ меня показывать окрестности города. Послѣ долгой прогулки я ему предложилъ долларъ за трудъ. Онъ отклонилъ предложеніе, говоря: мнѣ прогулка доставила такое же удовольствіе, какъ и вамъ, за что же вы еще даете мнѣ деньги? Сдѣлать ли бы что либо подобное простой итальянецъ?

Китаецъ въ душѣ, однако, презираетъ и ненавидитъ европейца и, конечно заслуженно. Онъ видитъ у послѣдняго только высокомеріе, и зрѣніе къ труду и полное неумѣніе жить и пользоваться жизнью. Ему смѣшно кажется платить 20 рублей за четыре часа ѣзды въ экипажѣ, 3 доллара въ сутки за помѣщеніе, ложиться спать въ 9 часовъ, когда можно работать до 12 и съ 6-ти, имѣть комнату за 25 центовъ и прогуливаться пѣшкомъ. Онъ находитъ здѣсь все дорого и непрактично и стремится накопить побольше долларовъ, чтобы вернуться въ свой Китай. Это, однако, не мѣшаетъ ему веселиться на Сандвичевыхъ островахъ. Праздники и часы досуга онъ сидитъ часами въ китайскомъ театрѣ или концертѣ, слушая звуки оглушительно пискливой музыки и игру размалеванныхъ актеровъ. Онъ дѣлаетъ загородныя прогулки, бесѣдуетъ часами съ

товарищами, или курить доставляемый контрабандою опиумъ. Этотъ опиумъ и гавайскія женщины похищаютъ у него немало его обезреженій и значительно удлиняютъ срокъ пребыванія на островѣ. Немногіе только китайцы остаются здѣсь на всю жизнь. Тогда обыкновенно они женятся на туземкахъ и обзаводятся семьею; рѣже они выписываютъ женъ изъ Китая. Сыны Небесной имперіи пользуются здѣсь репутаціей хорошихъ нѣжныхъ мужей. Семьи ихъ, какъ и въ Китаѣ, очень многочисленны, и маленькія китайчата въ своемъ костюмѣ съ заплетенными косами въ изобиліи бѣгаютъ по узкимъ переулкамъ туземнаго города. Семьи живутъ тѣсно, китайцы перемѣшаны съ канаками, и если бы не вмѣшательство европейцевъ, вѣроятно, здѣсь давно бы завелся такой же муравейникъ людей, какъ и по ту сторону Океана. Часто китаецъ на старости лѣтъ уѣзжаетъ умирать на родину, оставивъ прижитымъ дѣтямъ и женѣ свое состояніе. Многіе богачи изъ полутуземцевъ получили свое состояніе такимъ образомъ. Осѣвшіе китайцы въ обстановкѣ и жизни имѣютъ много европейскаго. Гибриды—чистые европейцы, имѣютъ гораздо лучшія манеры и вѣжливѣе, чѣмъ американцы. Не смотря на это, на нихъ послѣдніе все-таки смотрятъ свысока. Я знавалъ китайцевъ, предпочитавшихъ европейскую музыку, тратившихъ тысячи на коллекціи марокъ, и китайцевъ самыхъ простыхъ, необразованныхъ. Всѣ китайцы говорятъ поанглійски. Это—ломанный англійскій языкъ, но не *pitchin english* Гонгъ-Конга. Число китайцевъ колеблется. То ихъ навозятъ массами, то, испугавшись наводненія, желтолицымъ запрещаютъ иммиграцію и заставляютъ отбывшихъ сроки возвращаться домой. Но такъ или иначе въ населеніи городовъ и деревень они играютъ видную роль. Христіанъ изъ нихъ мало, хотя только небольшія частныя молельни, запрятанныя во дворахъ, до сихъ поръ выстроены для язычниковъ. Не менѣе важный элементъ городского населенія составляютъ японцы. Въ послѣднее время ихъ выписываютъ охотнѣе, чѣмъ китайцевъ. Это самый бѣдный и темный народъ, если не считать немногихъ торговцевъ. Потому, глядя на гавайскихъ японцевъ, трудно повѣрить, что это самая чистоплотная нація. Всѣ они, не исключая и женщинъ, одѣты поевропейски. Маленькія, разжирѣвшія японки въ европейскихкихъ капотахъ не представляютъ ничего привлекательнаго, и ихъ желтыя, косоглазыя фізіономіи, переваливающаяся походка при шляпкахъ и ботинкахъ производятъ впечатлѣніе каррикатуры. Впрочемъ и сами японцы въ здѣшнемъ климатѣ и на непривычной для нихъ мясной пищѣ обладаютъ способностью необыкновенно жирѣть, что дѣлаетъ ихъ еще болѣе монголоподобными. Они въ городахъ преимущественно торговцы, на плантаціяхъ чернорабочіе. На четырехъ мужчинъ привозится одна женщина. Потому они рѣдко женятся на мѣстѣ и обыкновенно послѣ извѣстнаго срока возвращаются домой. Страстные купальщики, они завели и на Гонолулу

свои горячія ванны и чайные дома. Какъ вечеромъ китаецъ выпускаетъ свою косу и идетъ въ ресторанъ или театръ, такъ японецъ, надѣвъ кимоно, слѣзаетъ въ ванну. Большинство японцевъ здѣсь хрістіане. У нихъ есть своя церковь и свое Christian association.

Китайцы и японцы составляютъ въ массѣ приплый элементъ на островѣ. Они работаютъ, зарабатываютъ и уходятъ, не оставляя странѣ, какъ говорятъ американцы, ничего, хотя продукты работы врядъ ли можно назвать ничѣмъ. Недавно начавшіе выселяться съ Мадеры португальцы, напротивъ, остаются здѣсь навсегда; они являются съ семьями и распложаются на островѣ чрезвычайно быстро. Они также хорошіе семьяне и отличные работники, но необыкновенно неразвиты и необразованы. Ихъ женщины носятъ на головѣ платки и передники, чѣмъ чрезвычайно напоминаютъ нашихъ подгородныхъ бабъ. Расположеніе глазъ и сгорбленный носъ, взглядъ исподлобья, придаетъ ихъ фізіономіи чрезвычайно непріятный, хищный видъ. Въ сущности оно такъ и есть. Это алчный до денегъ, торгашескій народъ, и они стремятся уже направить въ этомъ смыслѣ свою дѣятельность, становясь подрядчиками, держателями отелей и т. п. Но пока новизна обстановки, невѣжество и плохое знаніе господствующаго языка ставятъ ихъ на одну доску съ азіатами. Всѣ они католики и хорошіе хрістіане.

Но, спросить меня читатель, почему я ни слова до сихъ поръ не говорю о самихъ жителяхъ Сандвичевыхъ острововъ, о коренныхъ и законныхъ ихъ владѣльцахъ, которыхъ никто не завоевывалъ и не покорялъ, которые гостепрѣимно включали въ свою среду и въ число гражданъ своего государства всѣ вышеупомянутые элементы. Вѣдь это ихъ республика — республика Гавай, не такъ ли? Увы, нѣтъ, далеко не такъ. На Гаваѣ гавайцы не играютъ никакой роли. Хотя до сихъ поръ они составляютъ добрую половину населенія, они не имѣютъ ни голоса, ни правъ. Хотя ихъ не покоряли и не завоевывали, но у нихъ отняли, пользуясь добродушіемъ, дѣтской наивностью и добротою, все, что только можно было отнять.

Отняли во имя хрістіанства и цивилизаціи — и врядъ ли есть еще одинъ примѣръ въ исторіи человѣчества, гдѣ бы подъ личиною этихъ двухъ высшихъ принциповъ европейскихъ народовъ было сдѣлано такъ много какъ разъ въ корнѣ этимъ принципамъ противорѣчившаго. Въ разношерстной средѣ народовъ, населяющихъ Гонолулу, гаваецъ играетъ самую жалкую роль. Въ синихъ заплатанныхъ штанахъ американскаго чернорабочаго, въ разодранной рубахѣ и соломенной мѣстнаго издѣлія шляпѣ, украшенной вѣнкомъ изъ душистыхъ цвѣтовъ, ходитъ по улицамъ бывший владѣлецъ этой территоріи. Вечеромъ вы его увидите пьянаго около питейнаго заведенія, манящаго его своимъ свѣтомъ, такъ какъ правительство Гавай, подобно Россіи, имѣетъ главный доходъ съ водки. Это высокіе, мускулистые, нѣсколько склонные къ полнотѣ, но во-

обще неподобно сложенные люди—образцы античной пластики между худосочными, долговязыми англосаксами и еще менѣе хорошо сложенными азіатами. Ихъ черты лица чисто европейскія, испанскія, но цвѣтъ кожи красновато-коричневый. Всѣ они брюнеты, съ волосами то гладкими, то волнистыми, то почти курчавыми, какъ у негра, и тогда и губы становятся толстоватыми. Женщинъ я нахожу черезчуръ мясистыми, и черты ихъ лица черезчуръ грубыми, хотя громадныя, великолѣпной формы черныя глаза искупаютъ всѣ недостатки. Соотвѣтственно мягкому тропическому климату, онѣ носятъ необыкновенно просторныя платья, напоминающія утренніе капоты нашихъ дамъ, что придаетъ видъ, какъ будто онѣ выбѣжали изъ спальни въ утреннемъ дезабилье. Въ остальномъ ихъ не отличить отъ европейцевъ—и ихъ домики мало чѣмъ отличаются отъ португальскихъ. Сыны юга и тропическаго моря, почти тысячелѣтне ведшіе райскую беззаботную жизнь, эти люди, какъ съ неба, свалились въ среду американскихъ дѣлателей денегъ и еще болѣе энергичныхъ въ трудѣ китайцевъ. Они, которымъ боги ихъ давали все, рыбу и свинину, и вкусное таро, и кокосы, и плоды хлѣбнаго дерева при ничтожной затратѣ труда, поколѣніями воспитались въ *dolce far niente* подъ сѣнью пальмъ и безоблачнаго неба. Они не знали, что такое борьба за существованіе, щемящая сердце забота о завтрашнемъ днѣ, опасность умереть съ голода. Къ своему столу, гдѣ всего было въ изобиліи, они радушно пригласили пришедшихъ изъ-за моря иностранцевъ. Но эти привели за собою еще и еще алчныхъ соотечественниковъ. Они выпросили и заняли всѣ земли и, чтобы обрабатывать земли эти, выписали китайцевъ, японцевъ, португальцевъ. Эти послѣдніе захватили всѣ ремесла, всю торговлю и промышленность.

Теплый тропическій воздухъ позволялъ отцамъ современныхъ гавайцевъ ходить въ костюмѣ прародителей. Миссіонеры убѣдили гавайцевъ въ необходимости панталонъ и пиджаковъ, стоящихъ здѣсь десятки долларовъ и дающихъ хорошій доходъ фабрикантамъ матерій. Хижины, сдѣланной изъ соломы и сплетенныхъ листьевъ, было достаточно для крова и утвари. Европейцы заставили строить, дорого при здѣшнемъ безлѣсѣ стоящія, привозныя американскіе дома. Они обложили туземцевъ податями, доходящими до 10 долларовъ. Всѣ эти деньги надо достать, а достать ихъ, когда и земля и орудія уже чужія—трудно.

И вотъ принужденъ гаваецъ работать тяжелымъ трудомъ рыбака, нагрузчика тяжелыхъ вещей, ломовика и т. п., чтобы заработать эту подать. Найдется у него лишняя копѣйка—онъ пригласитъ друга, пріятеля, перваго встрѣчнаго, наконецъ европейца, напоить, накормить его, самъ напьется пьянымъ; вспомнивъ славныя старыя времена, день, другой, третій проведетъ въ *dolce far niente*, пока въ карманѣ не окажется опять полной пустоты. Тогда

опять за бѣшеную, тяжелую работу. Еще недавно трудъ здѣсь оцѣнивался страшно дорого. Еще теперь въ Гонолулу извозчикъ получаетъ 50 копѣекъ — 1 рубль за конецъ; 20 — 30 рублей въ сутки.

Купить лошадь здѣсь дешевле, чѣмъ нанять на четыре дня. Поэтому жить погавайски еще было можно. Но день ото дня конкуренція китайцевъ, португальцевъ, японцевъ и американцевъ понижаетъ эти цѣны, возвышая цѣны на жизненные продукты. Эти измѣненія идутъ такъ быстро; изъ жалкой деревни Гонолулу выросъ въ американскій городъ въ столь короткое время, что бѣдный гаваецъ не успѣлъ очнуться, какъ изъ рая очутился въ аду, изъ беззаботнаго богача сталъ стоящимъ на краю гибели пролетаріемъ. «Миссіонеры насъ обманули, — съ грустью говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ. — Они взяли наши земли, навезли китайцевъ, японцевъ и португальцевъ, отняли власть у короля — и, сдѣлавши насъ слабыми и беззащитными, лишаютъ теперь возможности заработать кусокъ хлѣба, создавши намъ конкурентовъ азіатовъ во всѣхъ отрасляхъ труда!»

Но это не измѣнило характера канака. Онъ радушенъ, общителенъ и гостеприименъ попрежнему. Попрежнему готовъ онъ отдать послѣднюю свою рубашку нуждающемуся ближнему, будь то канакъ, китаецъ или обобравшій его европеецъ. Это идеальный христіанинъ. Но онъ сознаетъ уже близость гибели. Какая-то серьезность, какая-то горькая усмѣшка не сходитъ съ его устъ, и вѣжливый и гостеприимный съ бѣлымъ, онъ не можетъ не таять въ сердцѣ своемъ къ нему непріязни. Чтобы ненавидѣть, канакъ слишкомъ добръ и недостаточно энергиченъ.

Конечно, не всѣ канаки еще черноработчіе и пролетаріи. Есть здѣсь домовладѣльцы и землевладѣльцы, своего рода дворяне, если хотите. Но и они любятъ ближняго и дѣлятся съ нимъ послѣднимъ. И они не прочь насладиться часами досуга и продлить ихъ подолѣе. Такіе принципы жизни несомѣстимы съ американскимъ строемъ, а потому и они всѣ неудержимо стремятся къ оскудѣнію. Эти зажиточные гавайцы по одеждѣ подражаютъ американцамъ.

Кромѣ великороссовъ, я не знаю ни одного народа, въ жизни котораго церковь играла бы такую роль. Въ Гонолулу 10 церквей и масса масонскихъ и т. п. ложъ. Какъ въ Москвѣ въ извѣстные дни воздухъ наполненъ звономъ колоколовъ, такъ въ Гонолулу въ такіе дни, по вечерамъ, отовсюду слышится пѣніе церковныхъ пѣснопѣній.

Миссіонеры были первыми пионерами здѣшней цивилизаціи. Они явились въ тотъ любопытный моментъ исторіи Сандвичевыхъ острововъ, когда жители ихъ сами безъ всякаго посторонняго вліянія уничтожили свою прежнюю религію и, такъ сказать, остались безъ всякой вѣры.

Въ замѣнъ ея миссіонеры постарались насадить христіанство, за которое гавайцы отдали имъ свои земли. Кроткой и отзывчивой

душѣ гавайца новая вѣра пришла по вкусу, и они старались слѣдовать принципамъ жизни, проповѣданнымъ Христомъ. Кромѣ вопроса о 7-й заповѣди, несомнѣстимаго со строемъ здѣшней жизни, они стали идеальными христианами. Но пасторы ихъ, какъ миссіонеры многихъ другихъ странъ, были волками въ овечьей шкурѣ — и впустили за собой другихъ волковъ уже прямо безъ шкуръ. Они дали туземцамъ новую религію и взамѣнъ того взяли у нихъ землю, а затѣмъ и власть въ свои руки, — и это ихъ сыновья составляютъ теперешнее правительство. О томъ, чтобы защитить канака отъ конкуренціи, постепенно воспитавъ, сдѣлать годнымъ для жизни американскаго строя, дать ему предъ иностранцами необходимыя привилегіи, сообщить ему полезныя знанія — пасторы мало думали. Они стремились научить его пѣть и заставить пѣть возможно чаще церковныя пѣсни и сдѣлать по костюму и обстановкѣ жизни подобнымъ американцу. Если есть школа имени Камеаеа, гдѣ туземцевъ учатъ ремесламъ — это завѣщаніе туземныхъ родственниковъ Вишофа, деньги которыхъ ушли въ Америку, но земли, въ силу завѣщанія, должны были пойти на училище. Если теперь хотятъ мелкимъ землевладѣльцамъ устроить нѣчто въ родѣ майората, то это только потому, что иначе у нихъ не останется послѣдняго куска хлѣба, и явится опасный пролетаріатъ. Если туземцевъ надѣлили землею, то земли эти были крохи, падающія отъ стола бѣлыхъ.

Отъ древнихъ обычаевъ и вѣрованій канака не осталось и слѣда. Если сердце у гавайцевъ еще канацкое, то по внѣшности это чистые американцы. Единственно, что имъ позволили носить изъ прежняго одѣянія — это цвѣты. По вѣнку, украшающему шляпу, по гирляндѣ на груди у женщинъ, вы издали узнаете туземца. Эти цвѣты всегда благовонныя — гвоздика, *Michelia champaca* и плоды *Pandanus odoratissimus*, доставляютъ главный матеріалъ для вѣнковъ, продаваемыхъ на улицахъ.

Пища гавайца — таже американская, хотя какъ въ стародавнія времена, такъ и теперь онъ не станетъ обѣдать безъ такъ называемаго роі. Роі добывается изъ корней таро или тало, ароиднаго растенія, единственнаго культурнаго растенія, извѣстнаго туземцамъ до прибытія европейцевъ, если не считать плодовыхъ деревьевъ въ родѣ хлѣбнаго, кокосоваго и др. И теперь еще въ окрестностяхъ Гонолулу вы найдете массу затопленныхъ полей, засаженныхъ этимъ таро. Крупныя корневища разбиваются особыми пестиками на деревянные доски, и изъ нихъ съ помощью воды извлекаются крахмалистыя вещества. Вещество это, слегка вступившее въ броженіе, варится и превращается въ нѣчто среднее между киселемъ и крахмальнымъ клейстеромъ затхлаго вкуса и розоватаго цвѣта. Это и есть роі, любимое національное блюдо гавайца, подаваемое въ особыхъ выточенныхъ изъ дерева сосудахъ, откуда его захватываютъ

пальцами и отправляютъ въ ротъ на подобіе того, какъ дѣлаютъ итальянскіе *lazzagone* съ макаронами. Роі съ сахаромъ и молокомъ дѣйствительно напоминаетъ кисель, но въ такомъ видѣ, какъ его ѣдятъ канаки, оно безусловно невкусно. Еще хуже охмеляющій напитокъ, приготовлявшійся изъ пережеванныхъ корней одного растенія. Теперь, впрочемъ, и онъ почти вытѣсненъ виски.

Обстановка канакского дома у болѣе зажиточныхъ полуевропейская, нищенская у бѣдняка. Матрасы и постельное бѣлье, столы, стулья, лампы, Библию, вы найдете, однако, даже у бѣдняка. Народные обычаи также искоренены вліаніемъ европейца, и жизнь канака стала столь же прозаична, какъ и у американскаго рабочаго. Семейныя пиршества, когда сырая рыба, горшки роі, цѣлые жареные поросята красовались на столѣ, устроенномъ на землѣ изъ листьевъ папоротниковъ, и гости, буквально увитые душистыми цвѣтами, цѣли и пировали вокругъ,— также отходятъ въ исторію. Народные же танцы опошлены, и теперь танцуютъ болѣе для европейцевъ, для туристовъ, платящихъ за нихъ хорошія деньги, такъ какъ танцы эти, совершающіеся ночью, заканчиваются оргіями. Танцы исполняются женщинами и основаны на эффектахъ и движеніяхъ, вызывающихъ чувственность. Они во многомъ напоминаютъ «танецъ живота» египетскихъ танцовщицъ, но танецъ этотъ еще болѣе чувствененъ, и я не считаю возможнымъ описывать его. Полунагія танцовщицы украшаютъ свое тѣло благовонными цвѣтами и листьями, и только здѣсь вы можете видѣть прежніе полинезійскіе наряды и чудное сложеніе народа. Окруженные племенами, въ родѣ китайцевъ, японцевъ и американцевъ, чуждыхъ совершенно музыкальности, канаки играютъ роль итальянцевъ Тихаго океана. И теперь по вечерамъ нерѣдко изъ оконъ зажиточнаго канакского дома льются звуки гармоничныхъ полинезійскихъ пѣсенъ подъ аккомпаниментъ фортепіано или струнныхъ инструментовъ. Въ послѣдніе періоды существованія канакского царства былъ приглашенъ европейскій композиторъ Береръ для организаціи туземнаго оркестра. Онъ переложилъ на фортепіано массу туземныхъ пѣсенъ. Въ импровизаціи принимали участіе и члены королевскаго семейства, и принцессѣ Луліо-калами принадлежитъ нѣсколько очень недурныхъ арій и гимновъ. Туристъ въ царствованіе короля Калакауа могъ слышать въ одномъ изъ скверовъ по вечерамъ оркестръ туземной музыки, исполнявшій эти пѣсни. Съ учрежденіемъ республики, патріотичные музыканты отказались играть роль «національнаго оркестра»; на мѣсто ихъ американцы сформировали новый оркестръ изъ разнаго сброда, который теперь и исполняетъ разныя европейскія пьесы, заканчивая обыкновенно гавайскимъ національнымъ гимномъ. Но музыка гавайская осталась, она обогащается новыми композиціями, и это, быть можетъ, единственное, что останется черезъ столѣтіе, какъ наслѣдіе отъ гавайскаго народа.

Если есть на островѣ настоящіе христіане, то это, конечно, гавайцы, а не ихъ учителя. Слѣды язычества здѣсь уничтожены съ корнемъ. Но народныя преданія еще передаются изъ устъ въ уста. Наиболѣе интересныя изъ нихъ собраны королемъ Калакауа и изданы въ Нью-Йоркѣ съ интереснымъ предисловіемъ. Въ самомъ народѣ еще живы нѣкоторыя повѣрья, и еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ произошелъ случай, въ значительной степени укрѣпившій эти послѣдніе отголоски древнихъ вѣрованій.

На самомъ большемъ изъ Сандвичевыхъ острововъ Гаваи находятся, какъ извѣстно, два высокихъ вулкана Мауна-Лоа и Мауна-Кеа. Вулканы эти дѣйствующіе, и отъ времени до времени въ одномъ изъ боковъ ихъ образуются трещины, и изъ нихъ текутъ мощные потоки лавы. Одинъ изъ такихъ потоковъ, разрушая все на своемъ пути, направился къ одному изъ самыхъ большихъ селеній острова— Гило. Какія преграды ни ставили неумолимому потоку, онъ, не обращая на нихъ вниманія, неудержимо двигался по направленію къ селенію.

Руэъ, сестра послѣдняго изъ царей династіи Камеамеа, еще была тогда жива и жила въ Гонолулу. Это была гордая старуха, не желавшая знать бѣлыхъ и ихъ языка. Ей сообщили объ опасности, угрожавшей Гило. «Богиня вулкана Пэлэ не откажетъ мольбамъ Камеамеа,—сказала она, сѣла на пароходъ, идущій изъ Гонолулу въ Гило, и, сопровождаемая многочисленною свитою, явилась передъ потокомъ лавы. Она приказала воздвигнуть первобытній алтарь, совершила рядъ моленій и принесла богинѣ въ жертву, по древнему гавайскому обычаю, свинью. Совершивъ все это, она вернулась въ Гонолулу. Потокъ лавы немедленно остановился и застылъ, образуя подобіе каменнаго вала вокругъ Гило. Удивительное совпаденіе обстоятельствъ,—сказали бѣлые. Это дѣло Пэлэ,—шептали туземцы, и послѣдніе слѣды суетвѣрій старины, готовые испариться, вновь укрѣпились въ ихъ міровоззрѣніи.

Цвѣты и пѣсни—вотъ единственное, что осталось отъ прежней канакской культуры у темнокожихъ жителей республики. Да, пѣсни, цвѣты и любовь, ибо Гавайи—страна любви и любви свободной, которую не могли и не могутъ побѣдить миссіонерскія проповѣди. Канаки, какъ и большинство полинезійцевъ, имѣли совершенно особенную форму брака. Женясь, человѣкъ вводилъ жену въ свой родъ, но жена эта могла быть женою всѣхъ его родныхъ и друзей, такъ какъ прижитыя съ нею дѣти были ея дѣти. При такомъ взглядѣ на вещи, естественно взглядъ на внѣбрачныя связи былъ у канаковъ весьма легкій, и это вошло, такъ сказать, въ традиціи народа. Конечно, христіанство сильно воевало здѣсь противъ этихъ традицій, и у образованныхъ канаковъ теперь бракъ почти не отличается отъ нашего. Но вообще канаки все-таки не пользуются репутациею вѣрныхъ женъ, и *changez les dames et les cavaliers* постоянно практи-

куется въ жизненной кадрили Гонулуду. Да можетъ ли оно и быть иначе, когда слѣдующая выписка изъ переписи острова, недавно сдѣланной, иллюстрируетъ наглядно здѣшнія отношенія половъ.

Туземцевъ мужчинъ	18,364
» женщинъ	16,072
Полукровныхъ (помѣсей) мужчинъ	3,085
» » женщинъ	3,101
Китайцевъ мужчинъ	14,522
» женщинъ	779
Европейцевъ, родившихся на Сандвиче- выхъ островахъ:	
мужчинъ	3,909
женщинъ	3,586
Американцевъ мужчинъ	1,298
» женщинъ	630
Англичанъ мужчинъ	982
» женщинъ	362
Нѣмцевъ мужчинъ	729
» женщинъ	305
Французовъ мужчинъ	46
» женщинъ	24
Португальцевъ мужчинъ	4,770
» женщинъ	3,832
Японцевъ мужчинъ	10,079
» женщинъ	2,281
Норвежцевъ мужчинъ	155
» женщинъ	72
Полинезийцевъ мужчинъ	404
» женщинъ	184
Прочихъ народовъ мужчинъ	371
» » женщинъ	48

Другими словами, на 16,000 канакскихъ женщинъ приходится круглымъ счетомъ 18,000 канаковъ, 14,000 китайцевъ, около 4,000 европейцевъ и 8,000 японцевъ мужчинъ, или на одну каначку 1—2 канака, 1 китаецъ и 1 японецъ или европеецъ. Только еще развѣ на Сахалинѣ встрѣчаемся съ такими отношеніями. Канаку поневолѣ приходится играть плачевную роль Менелая и соглашаться, что лучшей изъ браковъ есть тотъ, когда въ союзѣ участвуютъ трое. Въ бѣдныхъ канакскихъ семьяхъ такъ и бываетъ—и жена или дочь въ знакъ гостепріимства уступаются гостю, котораго стараются экслоатировать частыми посѣщеніями родственниковъ, нуждающихся то въ томъ, то въ другомъ необходимомъ. Въ густо населенныхъ китайскихъ кварталахъ отношенія эти вырождаются прямо въ проституцію. Такъ или иначе канакскія семьи становятся, благодаря та-

кимъ отношеніямъ, весьма пестрыми, и число полукровныхъ на дѣлѣ гораздо больше, чѣмъ показываютъ выше приведенныя статистическія цифры. Канаки бѣлокурые или съ чисто монгольскими чертами лица теперь не рѣдкость.

Вѣроятно, только этимъ элементамъ и суждено выжить и составить «канакскій элементъ» будущей республики. Тѣсное сожителство съ китайцами и европейцами, организмы которыхъ загрузѣли въ мѣзэнатическую обстановкѣ городовъ, и кровь которыхъ прошла черезъ горнило разныхъ заразныхъ болѣзней, оказалось пагубнымъ для привыкшаго къ чистотѣ океаническаго воздуха и привольной жизни среди природы канака. Проказа и холера, дары китайскихъ «родственниковъ», произвели страшныя опустошенія, оспа и сифилисъ, подарки европейцевъ, обѣщаютъ сдѣлать не меньше зла. Въ 1866 г. считалось 57,125 туземцевъ, въ 1872 г. ихъ осталось только 49,044, въ 1878 г. всего 44,088, въ 1884 г.—40,014 и въ 1890 г. уже только 34,436. За то же время число китайцевъ возросло съ 1,640 до 15,301, португальцевъ съ 0 до 8,602, японцевъ съ 0 до 12,360. Мѣстные европейцы размножились съ 889 до 7,495 и до 10,000 прибыло новыхъ. Туземцы таютъ какъ воскъ, и они смѣло могутъ сказать, что миссіонеры явились сюда только, чтобы напутствовать ихъ въ загробный міръ. Въ силу вышеописанныхъ отношеній, даже не умирающія отъ болѣзней семьи имѣютъ меньшій приплодъ дѣтей, чѣмъ европейцы и китайцы. % дѣтей у туземцевъ 54, у европейцевъ 86, а у чистокровныхъ китайцевъ 92. Одинъ изъ сильнѣйшихъ факторовъ, содѣйствующихъ вымиранію канаковъ, это водка. Это позоръ для правительства, состоящаго изъ миссіонеровъ и ихъ дѣтей, основывать на водкѣ доходы своего государства. Но Библия и виски, это два фактора американской цивилизаторской дѣятельности. Этими двумя орудіями они вытравили населеніе сѣвероамериканскаго континента и теперь столь же успѣшно продолжаютъ свою дѣятельность въ Океаніи.

Если вымираютъ и, можетъ быть, вымрутъ окончательно канаки, останется послѣ нихъ частичка крови полинезійцевъ въ жилахъ помѣсей этихъ полукитайцевъ и полубѣлыхъ. Первые сохраняютъ черты монгольской расы, худощавость, живость сына Небесной имперіи. Многіе изъ этихъ китайцевъ имѣютъ грубыя вульгарныя, черты, хотя есть и исключенія, дающія красивыхъ стройныхъ индивидовъ. Духовныя качества ихъ среднія между той и другой расой. Помѣси съ европейцами чрезвычайно стройны, прекрасно сложены, и особенно между женщинами можно насчитать много настоящихъ красавицъ. Здѣсь пропадаетъ долговязость и линиярое худосочіе англосакса и одутловатая полнота полинезійца, и въ среднемъ получается прекрасный здоровый, дающій прекрасное потомство типъ.

Они не такъ нервны, какъ туземцы, и гораздо энергичнѣе ихъ. Съ ними не бываетъ случаевъ весьма частыхъ до сихъ поръ у ка-

наковъ, которыхъ таманы могутъ заговорить, т. е. убѣдить, что они должны умереть; послѣ такого заговора здоровый канакъ черезъ нѣсколько дней умираетъ. Таково вліяніе гипноза на туземца. То, что существуетъ у насъ только въ повѣрїяхъ, здѣсь осуществляется на практикѣ. Вообще канакъ туземецъ страшно воспримчивъ ко всякой заразѣ; но, можетъ быть, въ смѣшеніи крови съ европейскою или китайскою лежитъ единственная возможность народу этому сохраниться въ будущемъ.

Но такъ или иначе дни чистокровныхъ канаковъ сочтены. А потому не лишнее, быть можетъ, будетъ бросить взглядъ на то, какимъ путемъ и въ какой срокъ европейцы замѣнили это населеніе, и каковы были условія его жизни до прихода этихъ послѣднихъ.

А. Красновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ОБИТЕЛИ ПРЕПОДОБНАГО МАКАРІЯ.

I.

ВЪ ІЮЛѢ 1895 года я совершилъ поѣздку въ Жабынскую Введенскую пустынь, находящуюся въ семи верстахъ отъ города Бѣлева. Она построена по жалованной грамотѣ государя и великаго князя Теодора Іоанновича, данной старцу Онуфрію въ 1585 году. Но цѣлый рядъ набѣговъ крымскихъ татаръ въ XVI и въ началѣ XVII вѣка, а затѣмъ и нашествія поляковъ, причиняли не мало горя и разореній молодой еще не окрѣпшей обители. Въ 1615 году полчища Лисовскаго, бродя по Бѣлевскому уѣзду, разорили Бѣлевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, и Жабынскій стыръ, ибо поляки, преслѣдуемые нашими войсками, направились къ Лихвину, по дорогѣ въ которой и лежитъ пустынь.

«Возградителемъ» обители явился священноинокъ Макарій, по святости своей жизни причисленный къ лику святыхъ. О житіи покровителя пустыни осталось потомству немного свѣдѣній. Въ древнемъ синодикѣ Жабынской пустыни было сказано, что преподобный Макарій «...въ терпѣннѣ иночески плотію стражда, мразь, зной, во алчбѣ и жаждѣ претерпѣ, монастырь возгради, братію собора, поживе же въ терпѣннѣ своемъ лѣта довольна, врага челоуѣкоубійцу діавола подѣ нозѣ свои покори, преставися въ лѣто мірозданія 7131 (1623) году, погребенъ учениками своими, въ своемъ отъ него созданомъ монастырѣ мѣсяца іаннуарія 22 дня...». По иконописному подлиннику сводной редакціи XVIII вѣка¹⁾ преподобный Макарій «...по-

¹⁾ «Иконописный подлинникъ сводной редакціи XVIII вѣка». Изданіе общества древнерусскаго искусства подѣ редакціей Р. Д. Филимонова. Москва. 1876. Стр. 39.

живе 84 года; представися въ лѣто 7131 іаннуарія въ 22 день въ ноци въ куроглашеніе, и погребенъ бысть близъ своея ему церкви, на память святаго апостола Тимофея; подобіемъ сѣдь, брада не велика; ризы монашескія и въ схимѣ.

Таковы болѣе чѣмъ краткія свѣдѣнія о преподобномъ Макаріи Жабынскомъ, бѣлевскомъ чудотворцѣ.

Къ концу XVII вѣка обитель опустѣла: ея «монахи разбрелись по разнымъ обителямъ, и остался того запустѣлаго монастыря у церкви токмо одинъ бѣлый попъ». Но въ 1707 году преосвященнымъ Иларіономъ, митрополитомъ сарскимъ и подонскимъ, строителемъ Жабынской пустыни былъ назначенъ игуменъ Тихонъ, благодаря энергіи и усердію котораго «оный монастырь паки обновился». Въ 1710 году о. Тихономъ была заведена вкладная книга «на строеніе каменныхъ церкви и на церковную утварь и на протчія монастырскія потребности, и братіи на пищу и одежду». Изъ этой книги видно, что на помощь обновленной обители пришли «всякихъ чиновъ люди», благодаря чему игумену Тихону и удалось въ теченіе двѣнадцати лѣтъ возобновить послѣднюю и устроить три храма: два деревянныхъ—во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, соборный, и Никольскій на колодезѣ, и каменный, доведенный при немъ до сводовъ.

Однако умный игуменъ понималъ, что на такія добротныя даянія существованіе «неимущей» обители, не имѣвшей ни пособія отъ казны, ни земли, крайне непрочно, вслѣдствіе чего и выхлопоталъ у преосвященнаго Иларіона разрѣшеніе перенести въ Жабынскую пустынь чудотворный образъ Знаменія Божіей Матери изъ села Озерска, Перемышльскаго уѣзда, Калужской губерніи, дабы обитель «могла имѣть содержаніе отъ подаяній усердствующихъ къ сей святынь богомольцевъ».

Въ 1723 году Жабынская пустынь приписана къ Бѣлевскому Спасо-Преображенскому монастырю, настоятелемъ каковаго былъ въ то время архимандритъ Тихонъ, возведенный въ этотъ санъ при назначеніи его на мѣсто умершаго архимандрита Іова.

Въ слѣдующемъ году о. Тихономъ отъ преосвященнаго Леонида, архіепископа сарскаго и подонскаго, былъ полученъ роковой для Жабынской пустыни указъ, послѣдовавшій во исполненіе распоряженія императора Петра I о томъ, чтобы «малобратные монастыри и пустыни сводить съ прочими въ совокупленіе неотложно безъ продолженія и оныя пустыньки весьма упразднить», вслѣдствіе чего архіепископъ Леонидъ приказалъ: «...изъ Жабынской пустыньки монаховъ и келліи и ограду сломавъ безъ остатку перевести въ Бѣлевъ въ Преображенскій монастырь, дабы оной Жабынской пустыни званія Жабынскою и Введенскимъ монастыремъ отнюдь нигдѣ и никогда не упоминалося...».

Жабынская пустынь.

Понятно, какое нравственное страданіе должно было причинить о. Тихону это распоряженіе о полномъ закрытіи обители и уничтоженіи построекъ ея, въ дѣло устройства которой о. Тихономъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ были вложены и вся душа и всѣ силы.

Тогда о. Тихономъ было послано преосвященному Леониду «слезное» прошеніе о сохраненіи пустыни, благодаря каковому были отсрочены сломка и перевозка монастырскихъ зданій, что и спасло обитель отъ окончательной гибели, ибо въ 1727 году императрицей Екатериной I былъ изданъ указъ, въ силу котораго «маловотчинные монастыри, которые питались своими трудами безъ жалованья, могли оставаться на прежнемъ основаніи. «Вслѣдствіе приведеннаго указа монахи, выведенные въ 1724 году изъ Жабынской пустыни въ Бѣлевскій Спасо-Преображенскій монастырь, были отпущены обратно въ свою обитель, которая однако продолжала числиться приписанной къ названному монастырю вплоть до изданія «Учрежденія о духовныхъ имѣніяхъ» въ 1764 году, когда она была упразднена совершенно.

Казалось, Жабынской пустынѣ, пережившей уже не мало тяжелыхъ и по истинѣ критическихъ моментовъ, пришелъ конецъ. Однако не погибла она и «не погибла потому, что въ ней хранился даръ благодати св. Духа — нетлѣнныя мощи угодника Божія, положенныя въ ней подъ спудомъ» ¹⁾. Преподобный Макарій призрѣлъ свою обитель.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ этого, въ 1776 году, сгорѣлъ дотла Шаровскій мужской монастырь въ Перемышльскомъ уѣздѣ, и монашествующіе изъ послѣдняго были переведены въ Жабынскую пустынь, которая и была восстановлена. Съ тѣхъ поръ для обители преподобнаго Макарія наступили лучшія времена.

Первымъ настоятелемъ восстановленной пустыни былъ от. Исаакій, мѣсто котораго послѣ его смерти занялъ монахъ Бѣлевскаго Спасо-Преображенскаго монастыря от. Серафимъ. Послѣдній происходилъ изъ древнихъ мѣстныхъ дворянъ Желябужскихъ и, благодаря своимъ связямъ и опытности, много способствовалъ возрожденію обители. Такъ, при немъ были построены каменная церковь во имя Знаменія Божіей Матери и каменная колокольня.

Изъ строителей, управлявшихъ пустыню послѣ от. Серафима, наибольшую пользу обители принесъ іеромонахъ Венедиктъ. Послѣдній былъ роднымъ братомъ іеросхимонаха Кіево-Печерской лавры, отца Пароенія, пользовавшагося большою извѣстностью и расположеніемъ многихъ знатныхъ лицъ. Благодаря этому, отцу Венедикту черезъ брата удалось получить въ Кіевѣ, куда онъ ѣздилъ въ 1847 году, для своей обители отъ графини А. А. Орловой-Чесменской 20 тыс. рублей ассигнаціями. О. Венедиктъ выстроилъ вмѣсто прежней новую каменную церковь во имя Знаменія Божіей Матери, поставилъ кругомъ

¹⁾ Поученіе о. Бурцева, произнесенное 22 января 1838 году въ Жабынской пустыни.

Видъ Знаменской церкви и трапезной.

монастыря каменную ограду съ башнями по угламъ ея. Наконецъ, при о. Венедиктѣ, по мысли и при содѣйствіи преосвященнаго Дамаскина, епископа тульскаго и бѣлевскаго, были выстроены архіерейскій домъ съ домовою двухъ-ярусной церковью и монастырская гостиница. Въ послѣдніе годы настоятельства о. Венедикта въ пустынь жилъ на покоѣ преосвященный Дамаскинъ, который умеръ въ 1855 году и былъ похороненъ въ склепѣ, устроенномъ, по его распоряженію, подъ соборнымъ Введенскимъ храмомъ.

Изъ настоятелей нашихъ дней наиболѣе видное мѣсто по дѣятельности принадлежитъ игумену Іонѣ, управлявшему пустынью съ 1875 года и оказавшему ей великую пользу. Онъ завелъ въ обители благоговѣйное богослуженіе, собралъ братію, болѣе или менѣе соответствующую по образу жизни своему назначенію; возвелъ новыя хозяйственныя постройки; возобновилъ часовню на Жабынцѣ, расширилъ купальни на немъ; много потрудился и надъ украшеніемъ храмовъ. Строгое, но справедливое отношеніе къ братіи создало ему среди послѣдней много враговъ. Въ 1886 году онъ, согласно прошенію, былъ уволенъ отъ настоятельства и остался въ пустынь простымъ священнослужителемъ.

17 октября 1889 года, во время настоятельства іеромонаха Игнатія, совершена торжественная закладка новаго храма во имя преподобнаго Макарія.

Таковы главные моменты исторіи многострадальной обители преподобнаго Макарія.

II.

Монастырскія зданія расположены по обѣ стороны большой ливинской дороги. Налѣво отъ дороги стоитъ самая обитель, окруженная бѣлой стѣною съ башенками по угламъ; около стѣны стоитъ двухъэтажная каменная монастырская гостиница, впереди которой находится маленькій палисадникъ. Къ монастырю съ сѣверной стороны примыкаетъ принадлежащій ему небольшой лѣсъ, доходящій до самаго берега Оки. Направо отъ дороги стоятъ такъ называемая красная гостиница съ мезониномъ и два небольшихъ деревянныхъ домика, отдаваемые монастыремъ въ наемъ дачникамъ. Къ востоку, противъ монастырской стѣны, выстроенъ новый храмъ во имя преподобнаго Макарія. Сзади храма, по горѣ, при колодезѣ Жабынцѣ, находится деревянная часовня. Противъ обители, по склону горы, стоитъ красивый сосновый боръ, принадлежащій барону Чаркасову.

Направо отъ входа въ калитку, около св. воротъ, стоитъ двухъэтажный архіерейскій домъ съ церковью, противъ котораго высится имѣющая два съ половиною этажа колокольня со святыми подъ нею воротами. Около колокольни находится могила покойнаго настоятеля пустыни о. Серафима; надъ могилой его стоитъ памятникъ

Часовня надъ кладеземъ Жабынцемъ.

въ видѣ каменной гробницы. Далѣе находится круглый бассейнъ съ водой, проведенною изъ Жабынца. Между архіерейскимъ домомъ и соборнымъ Введенскимъ храмомъ, стоящимъ въ концѣ монастырскаго двора, находится небольшой садикъ, въ которомъ похоронены нѣсколько членовъ рода бароновъ Черкасовыхъ ¹⁾).

Налѣво отъ входа находится Знаменская церковь съ пристроеннымъ къ ней въ 1857 году зданіемъ братской трапезы. Рядомъ съ послѣдней стоитъ двухъэтажный корпусъ съ братскими кельями. Наконецъ, въ углу двора находится флигель, въ которомъ также помѣщаются келіи. Близъ флигеля находятся хозяйственныя постройки.

Все перечисленныя зданія расположены на лѣвой южной половинѣ мѣста, занимаемаго монастыремъ, правая же, сѣверная половина, занята садомъ, который отдѣленъ отъ первой зданіями архіерейскаго дома и соборнаго храма. Въ монастырскомъ саду, довольно большомъ, есть красивая, окаймленная деревьями, сажелка, раздѣленная на двѣ части плотиною; въ концѣ сада помѣщается небольшой пчельникъ.

Соборный храмъ во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы холодный, имѣетъ форму квадрата, увѣнчанъ пятью главами. Храмъ былъ построенъ въ 1708 году о. Тихономъ, а потомъ былъ исправленъ о. Сергіемъ. Сводъ храма опирается на два четвероугольныхъ высокихъ столба. Какъ столбы, такъ равно стѣны и своды храма росписаны въ 1838 году на средства калужскаго купца Чехихина изображеніями изъ св. исторіи ветхаго и новаго завѣтовъ. Возлѣ солеи на налоѣ находится чудотворная икона Знаменія Божіей Матери, перенесенная въ обитель изъ села Озерска. Самый образъ со створами, мѣдный, въ одинъ вершокъ. Подъ храмомъ, въ могильномъ склепѣ, устроенномъ съ южной стороны храма, близъ алтарной стѣны, похороненъ преосвященный Дамаскинъ († 1855 г.). Надъ могилой поставленъ памятникъ въ видѣ мраморной гробницы съ выпуклыми изображеніями на ней архіерейскихъ митры, жезла, дикирія и трикирія.

Церковь во имя Знаменія Божіей Матери, построенная о. Венедиктомъ въ 1823 г., теплая. Внизу, въ подвальномъ этажѣ выходъ, а вверху храмъ. Съ западной стороны придѣлана паперть, а внизу входная дверь и лѣстница во второй этажъ, служащій трапезою церкви; здѣсь съ правой стороны устроенъ придѣлъ во имя трехъ святителей.

Церковь при архіерейскомъ домѣ двухъярусная: внизу во имя Рождества св. Іоанна Предтечи, а вверху на хорахъ во имя Вознесенія Господня. Изъ нижней церкви въ верхнюю устроено четверо-

¹⁾ Съ семьею бароновъ Черкасовыхъ былъ друженъ покойный поэтъ В. А. Жуковскій и любилъ посѣщать ихъ «володыковскій эдемъ» (См. Долбинскія стихотворенія).

Новый храмъ во имя преподобнаго Макарія Жабьнскаго.

угольное отверстие, обнесенное желѣзною рѣшеткою; по угламъ рѣшетки, на восточной сторонѣ, поставлены два ангела въ бѣлыхъ ризахъ, держащіе въ рукахъ наложенную на рѣшетку металлическими буквами надпись: «мужіе Галилейстїи, что стоите зряще на небо?». Эти слова относятся къ изображеннымъ на западной стѣнѣ верхняго храма группѣ апостоловъ, съ Божіею Матерью, взирающихъ на Вознесеніе Господне, изображенное на плафонѣ, по угламъ котораго видны въ облакахъ ангелы съ трубами; по краямъ плафона имѣется лентообразная надпись: «взыде Богъ въ воскликновенїи, Господь во гласѣ трубнѣ». Въ простѣнкахъ между окнами изображены четыре евангелиста въ ростъ. Въ верхнемъ этажѣ архіерейскаго дома живетъ настоятель, а въ нижнемъ помѣщаются монашествующіе.

Сзади новаго храма, на возвышенности, подъ стѣнью развѣсистыхъ деревьевъ, стоитъ часовня, построенная надъ св. кладеземъ Жабынцемъ, отъ котораго и самая обитель получила названіе Жабынской. Къ часовнѣ съ одной стороны примыкають двѣ купальни— мужская и женская. Внутри часовни колодезь сдѣланъ въ видѣ восьмиугольнаго креста. За колодцемъ на стѣнѣ помѣщена большая икона Казанской Божіей Матери съ ризой апплике.

О происхожденїи источника Жабынца существуетъ слѣдующее преданіе: во время жизни преподобнаго Макарія одинъ полякъ отсталъ отъ своихъ полчищъ и въ лѣсу, около монастыря, встрѣтилъ о. Макарія. Полякъ умиралъ отъ жажды и попросилъ у Макарія дать ему воды. Старецъ отвѣтилъ, что вода есть, но за нею нужно идти къ рѣкѣ. Полякъ сказалъ, что идти такъ далеко онъ не въ состояніи. Тогда преподобный Макарій со словами, что Господу совершить все возможно, ударилъ посохомъ по землѣ, и тотчасъ же забилъ ключъ чистой, прозрачной воды.

Вода колодезя Жабынца, почитаясь святой, подаетъ, по существующему повѣрїю, исцѣленіе отъ недуговъ, особенно страдающимъ глазами болѣзнями. Вода всегда довольно холодная; въ лѣтніе жаркіе дни температура ея не достигаетъ болѣе 7° по Р. Есть лица, которыя купаются въ ней и зимою.

Новый храмъ, построенный на мѣстѣ бывшей Николаевской церкви и освященный 28-го сентября текущаго года, воздвигнуть во имя преподобнаго Макарія Жабынскаго, бѣлевскаго чудотворца, съ двумя придѣлами—правымъ во имя св. Николая Чудотворца и лѣвымъ во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Храмъ каменный, четырехугольной формы, съ алтаремъ, имѣющимъ полукруглую форму; съ западной стороны къ нему примыкаетъ высокая каменная паперть. Храмъ вѣнчаютъ пять куполовъ; шестой куполь, поменьше, помѣщенъ надъ папертью. Внутри храма бросается въ глаза непропорціональность его частей: алтарь, въ ущербъ самому храму, занимаетъ слишкомъ большое пространство, не пропорціонально величинѣ храма. Иконостасъ трехъярусный, по бѣлому полю

съ позолотой. Стѣны не росписаны. Живопись, къ сожалѣнію, исполнена не вполнѣ удачно. Между правымъ придѣломъ и правымъ столпомъ на возвышеніи подъ деревяннымъ, съ позолотой, балдахиномъ стоитъ гробница съ изображеніемъ преподобнаго Макарія, передъ которой постоянно служатся молебны. На этомъ мѣстѣ, по преданію, почиваютъ мощи преподобнаго. Надъ западными входными дверями, во всю ширину храма, устроены хоры.

IV.

Въ настоящее время монашествующая братія въ Жабынской пустыни состоитъ изъ настоятеля іеромонаха Іосифа, пяти іеромонаховъ, одного іеродіакона и четырехъ монаховъ. Кромѣ того, при монастырѣ состояло четыре приуказныхъ послушника и двадцать послушниковъ, указами не опредѣленныхъ.

При монастырѣ находится всего 25 дес. 980 саж. земли. Кромѣ того, монастырь обладаетъ слѣдующими угодьями: въ Чернскомъ уѣздѣ при дер. Чебышовой пахатной и сѣнокосной земли 148 дес., при сельцѣ Липицахъ—13 дес., въ Бѣлевскомъ уѣздѣ близъ дер. Боровны лѣсъ въ 30 дес. и, наконецъ, имѣетъ мукомольную водяную мельницу о двухъ поставахъ на рѣкѣ Шиворонѣ, Богородицкаго уѣзда. Денежные капиталы монастыря, заключающіеся въ цѣнныхъ бумагахъ, простираются до 17,017 рублей.

V.

Простоявъ обѣдню въ соборномъ Введенскомъ храмѣ, а затѣмъ и молебенъ преподобному Макарію у его гробницы, я пошелъ въ монастырскій лѣсокъ и легъ тамъ подъ вѣковой сосной надъ Окой. Какъ тамъ хорошо! Направо видна деревня Береговая; ея небольшою лѣсокъ стоитъ надъ обрывомъ надъ Окой. Прямо противъ меня на поемныхъ лугахъ пасется стадо; за лугами, немного повышаясь, идутъ поля. Влѣво село Дураково; оно какъ бы слилось съ Бѣлевымъ. Вдали городъ, окутанный дымкой; городскія желѣзныя крыши ярко блестятъ на солнцѣ. Внизу Ока; вѣтерокъ слегка волнуешь ея воды, которыя отъ солнца блестятъ словно брилліанты. Сосновый боръ шумить, онъ словно разговариваетъ: сначала тихо, тихо, потомъ громче, громче, наконецъ заговорить громко, грозно, а потомъ совсѣмъ замолчить. Какъ хорошо, какъ легко, спокойно на душѣ! Нигдѣ такъ не отдыхаешь, нигдѣ такъ не думается, какъ среди природы.

Люблю я тихія обители: подъ сѣнью ихъ успокоивается смятенная душа, забываются дразги, мелочи нашей подчасъ очень ужъ невеселой жизни, забывается вражда.

Я вспомнилъ, какъ пять лѣтъ тому назадъ я также лежалъ у стѣны такой же бѣлой и тихой обители, какъ Жабьинъ, и также на берегу рѣки, но не «проселочной», а матушки Волги. Я былъ тогда студентомъ Демидовскаго лицея; 16-го мая мнѣ нужно было держать выпускной экзаменъ. Усиленные занятія разбили мои и такъ не крѣпкіе, несчастные нервы, я былъ измученъ и душою и тѣломъ, я потерялъ надежду получить желанный дипломъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ году. По совѣту знакомыхъ, накануне экзаменовъ, утромъ 15-го мая на пароходѣ я поѣхалъ въ Николо-Бабаевскій монастырь, Костромской губерніи, отстоящій отъ Ярославля въ 40 верстахъ. Отвлечение на нѣсколько часовъ отъ учебныхъ тетрадокъ, видъ нашей великой рѣки, всегда успокоительно дѣйствующей на мои нервы, тихая обитель съ ея храмами, особымъ строемъ жизни—все это благотворно на меня подѣйствовало и успокоило. Домой вечеромъ я вернулся другимъ человѣкомъ. На другой день я спокойно, не волнуясь, выдержалъ экзамены, перешелъ роковой Рубиконъ и получить полныя права русскаго гражданина.

Посѣщая многіе изъ нашихъ монастырей, кромѣ удовлетворенія религіозной потребности, вы можете наслаждаться тамъ красивѣйшими и живописными видами природы. Вспомните, напримѣръ, Кіево-Печерскую лавру, Печорскій монастырь въ Нижнемъ Новгородѣ, Святыя Горы въ Харьковской губерніи, Георгіевскій монастырь въ Крыму—какія тамъ вы увидите чудныя и великолѣпныя картины. Основатели этихъ монастырей положительно обладали высокимъ эстетическимъ вкусомъ. Правда, что на высокихъ горахъ, среди громадныхъ лѣсовъ, на берегу большихъ рѣкъ лучше и легче созерцать и познавать величіе Творца.

Не хорошо только становится на душѣ, когда вспомнишь, что часто въ стѣнахъ святыхъ обителей протекаетъ жизнь, и творятся дѣла, совершенно не соответствующія высокому назначенію монастырей. Какъ часто міръ, грѣховный міръ со всѣми своими страстями и пороками врывается за заповѣдныя стѣны, и тѣ люди, которые дали Богу торжественные и великіе обѣты послушанія, пѣломудрія и нестяжательности и въ силу этого должны бы были совершенно удалиться отъ міра и умертвить въ себѣ земныя страсти и пожеланія, — какъ часто они нарушаютъ эти обѣты, забывая о глубоко-христіанской подвижнической жизни первыхъ иноковъ! А вѣдь было время, когда, «входя въ монастырскія ворота, мірянинъ переселялся въ иной, высшій міръ, гдѣ все было чудесно, гдѣ воображеніе его поражалось дивными сказаніями о подвигахъ иноческихъ, чудесахъ, видѣніяхъ, о сверхъестественной помощи въ борьбѣ съ нечистою силою» ¹⁾.

Андрей Фирсовъ.

¹⁾ С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи». Спб. Т. III, гл. I, стр. 735.

СЪ РУССКИМИ КОЧЕВНИКАМИ НА ЛОНДОНСКОЙ ВЫСТАВКѢ.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ тому назадъ, въ маѣ мѣсяцѣ, въ Лондонѣ, была устроена международная выставка гигиены, въ русскомъ отдѣлѣ которой я рѣшилъ показать степныхъ кобылицъ, съ цѣлью познакомить англичанъ съ приготовленіемъ и качествами настоящаго кумыса, столь рѣзко отличающагося отъ носящей то же названіе мерзости, состряпанной изъ коровьяго молока. Все, кромѣ избы, пришлось перевезти изъ Азіи. Нужно было, кромѣ того, все устроить на широкую ногу, дабы не пристыдить русскій отдѣлъ. Поэтому я выбралъ изъ своего табуна 11 лучшихъ киргизскихъ и башкирскихъ кобылицъ съ жеребятами, купилъ у князя Мих. Мих. Долгорукова четырехъ на выборъ кобылицъ (изъ табуна въ 400 головъ) съ приплодомъ отъ чистокровныхъ туркменскихъ производителей; прикинулъ двухъ типичныхъ жеребцовъ, одного мерина, пару борзыхъ собакъ и двухъ ословъ, послѣднихъ для одного любознательнаго пріятеля въ Англіи, желавшаго сравнить во время ихъ жизни — нравы, а послѣ смерти — кости азіатскихъ ословъ съ европейскими.

Но «живность» этимъ не ограничилась: требовались и представители степныхъ народовъ — киргизы, башкиры и татары, по семьѣ которыхъ мнѣ было желательно повезти съ собою въ Лондонъ. Что, кажется, могло быть легче и проще, какъ въ странѣ юртъ, кумыса и кочевниковъ, т. е. въ Оренбургѣ, добыть все необходимое для моего предпріятія? Но не такъ вышло на дѣлѣ. Нужно, напримѣръ, было

приобрести три хорошия, новыя кибитки (т. е. юрты изъ кошмы или твердо сбитаго войлока), и на это потребовалось не мало хитрости и времени. Готовых или не было, или цѣны (разъ узнали, что на нихъ есть спросъ) стали просто недоступными. Мнѣ указали на одного богатаго киргиза, у котораго была для продажи, долго и тщетно ждавшая покупателя, роскошная кибитка. Я отправился къ нему съ однимъ знакомымъ помѣщикомъ. Дѣйствительно, скелетъ юрты былъ рѣдкой и солидной работы; дерево было полированное и выкрашено густой масляной краской; отдѣльныя части прикрѣплялись мѣдными винтами; кошмы не было, но матерія для внутренней обивки была красива и великолѣпнаго качества. Киргизъ-старикъ, сидя по обыкновенію на мягкой подушкѣ, лежащей на бархатномъ коврѣ, понималъ, какъ это обыкновенно съ ними бываетъ, на столько порусски, насколько находилъ выгоднымъ; иначе говорилось «бельме», и требовался толмачъ или переводчикъ. Начался торгъ, въ которомъ обидчивымъ натурамъ участвовать не слѣдуетъ. Напримѣръ, если собственникъ кибитки запроситъ 500 рублей, а ему предложить 50 рублей, то обѣ стороны хотя и напускаютъ видъ справедливаго негодованія, однако настолько понимаютъ другъ друга, что, на дѣлѣ, сбавкой съ одной стороны и надбавкой съ другой покупка обыкновенно совершается. Юрта, предложенная мнѣ, была безъ кошмы, которая въ простенькихъ юртахъ составляетъ наибольшую, а въ богатыхъ наименьшую часть ея стоимости. Послѣ довольно жаркаго торга и неоднократнаго шлепанья по рукамъ, киргизъ уступилъ юрту, т. е. деревянный ея скелетъ и красивую обивку, за 300 рублей. За этой суммой мнѣ нужно было съѣздить въ банкъ, и я заявилъ хозяину, что черезъ часъ привезу ему деньги. Изъ банка я заѣхалъ въ ресторанъ позавтракать, а отсюда отправился къ моему киргизу. Принялъ онъ меня довольно сухо, точно я пришель получать, а не отдавать деньги, опять сослался на незнаніе русскаго языка, и въ концѣ концовъ объявилъ черезъ толмача, что онъ понялъ, что продалъ юрту за 350, а не 300 рублей. Я разсердился, обругалъ его и поспѣшилъ къ пріятелю помѣщику. «Нужно было дать сейчасъ же задатокъ, когда заключили сдѣлку»,—утѣшилъ онъ меня и сталъ уговаривать заплатить 350 рублей, ссылаясь на то, что подобной кибитки, вѣроятно, нѣтъ въ цѣлой Тургайской области или Оренбургской губерніи, и что мнѣ необходимо повезти въ Лондонъ что нибудь изъ ряда вонъ выходящее, а въ такихъ случаяхъ на самолюбіе надо смотрѣть, какъ на излишній балластъ. Я не могъ не согласиться съ его доводами, но, желая сохранить хоть частичку «гонора», попросилъ его съѣздить за меня къ старому мошенику и взять кибитку. Черезъ полчаса онъ вернулся совершенно озлобленный; снова было пущено въ ходъ киргизомъ излюбленное имъ и столь часто приносящее ему пользу слово «бельме», и черезъ толмача объявлено, что юрта стоитъ 400 рублей. Видя, что цѣна товара

ростеть не по днямъ, а по часамъ, пришлось отказаться отъ покупки. Но гдѣ же достать кибитку, а ихъ требовалось три? Время же отъѣзда приближалось. Разнаго рода просолы, изъ татарь, обѣщали мнѣ живо добыть хоть десятокъ кибитокъ, но впродолженіе двухъ недѣль не нашли ни одной. Пришлось заказать отдѣльно деревянныя части юрты, купить кошму, нанять киргизокъ выкроить и сшить ее, и черезъ недѣлю три кибитки были уже готовы. Достать «сабу» или «турсукъ» (т. е. большой конусообразный мѣшокъ изъ лошадиной шкуры, прокопченной и промасленной) оказалось почти невозможнымъ, хотя всѣ киргизы приготавливаютъ кумысъ въ такихъ сосудахъ. Образчики, предложенные мнѣ, оказались столь ветхими, заплатами и вдобавокъ зловонными, что появленіе ихъ на выставкѣ въ Лондонѣ разомъ отбило бы у англичанъ желаніе даже попробовать кумысъ, хотя у меня его приготавливали такъ, какъ дѣлаютъ это башкиры,—въ чистыхъ, высокихъ кадочкахъ. На мое счастье я вспомнилъ объ одномъ еврей, занимавшемся извозомъ, и обратился къ нему съ просьбою отыскать мнѣ приличную на видъ сабу. Черезъ нѣсколько часовъ онъ вернулся и доложилъ о существованіи трехъ сабъ и о цѣнахъ имъ. Всѣ были новыя, чистыя, недорого стоющія, и выбрать подходящую было не трудно. Такимъ образомъ, почти все необходимое для каравана было приобрѣтено (изба была уже заказана въ Петербургѣ), кромѣ людей.

Казалось бы, опять чего проще—за богатое (по ихъ понятіямъ) вознагражденіе нанять на пять мѣсяцевъ трехъ кочевниковъ съ ихъ женами? Разумѣется, я не желалъ взять съ собою первыхъ попавшихся уродовъ, а предпочелъ выбрать болѣе смазливыхъ, хотя и типичныхъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Разъ во всякой націи есть два совершенно противоположныхъ съ эстетической точки типа, привлекательный и отталкивающій, то было бы нелѣпо возить за тридевять земель на показъ несимпатичные образчики цѣлаго народа. Но съ красивыми, также какъ съ обыденными, не легко было сговориться. Одна молодая киргизка, напимѣръ, изъ тѣхъ, которыя кроили и шили кошму для кибитки, была просто очаровательна: высокій ростъ, гибкая талія, граціозная походка и красивое, выразительное, съ мелкими, благородными чертами, лицо. Скулы были не выдающіяся, носъ маленькій, довольно правильный, чуть-чуть кверху пикантно вздернутый; кожа замѣчательно гладкая, нѣжная, съ легкимъ румянцемъ, но оливковаго цвѣта на щекахъ,—все качества, не присущія ея племени; но за то мягкіе, овальные, черные глаза, изъ-подъ длинныхъ, густыхъ черныхъ рѣсницъ, какъ степная ночь, темные, матовые волоса и ровные, какъ перламутръ, бѣлые зубы указывали на монгольское ея происхожденіе. Мнѣ очень хотѣлось заручиться такимъ типомъ кочевницы для выставки, чтобы, ради хвастовства, сказать, что такими хорошенькими у насъ въ Киргизіи хоть прудъ пруди. Она готова была ѣхать, ибо семья ея очень

нуждалась, но съ тѣмъ, чтобы я взялъ съ собою ея отца и брата. На это я согласился, хотя очень неохотно, такъ какъ желалъ везти съ собою лишь по одному образчику каждаго пола. Но тятенька и братецъ заломили такую сумму за временное свое экспатрированіе, что наше дѣло разомъ разстроилось.

Послѣ долгихъ увѣщаній и торговъ мнѣ удалось, наконецъ, заручиться киргизомъ, виднымъ малымъ, и его супругой довольно пріятной наружности, а главное женственной. При нихъ былъ прекрасный, типичный, смуглый, черноволосенькій ребенокъ, дѣвочка трехъ лѣтъ.

Татаръ мужчинъ, какъ болѣе развитыхъ и бывалыхъ, можно было нанять сколько угодно. Но трудно, почти невозможно было заручиться паромъ, т. е. мужемъ съ женою. Татары гораздо фанатичнѣе, нежели киргизы или даже башкиры, и ни за что не позволяютъ своимъ женщинамъ ходить съ открытыми лицами. А разъ лицо закрыто, татарку также трудно отличить отъ англичанки, какъ крашенную бороду отъ некрашенной въ темную ночь. Пришлось поэтому довольствоваться татаринномъ solo, почтеннымъ старцемъ, съ длинной бѣлой бородой, напоминавшимъ статую Моисея, Микель Анджело.

Долженъ замѣтить, что заручиться киргизомъ и татаринномъ мнѣ было еще сравнительно легко, такъ какъ я былъ знакомъ со многими старшинами ауловъ въ Тургайской области и въ продолженіе четырехъ лѣтъ имѣлъ дѣло съ киргизскими пастухами; татаръ же, занимавшихся барышничествомъ и толмачествомъ на мѣновомъ дворѣ близъ Оренбурга, я зналъ почти всѣхъ. Они могли убѣдить своихъ земляковъ, что я не какой нибудь проходимецъ, и не везу ихъ за границу для продажи или убоя, какъ говорила (къ счастью, послѣ нашего отъѣзда) стоустая молва.

Дѣло теперь стало за башкиромъ; тутъ у меня никакой протекціи не оказалось. Добылъ я, наконецъ, рекомендательное письмо къ вдовѣ одного полковника (башкира), жившей въ ближайшей отъ Оренбурга башкирской деревнѣ. По магометанскому обычаю, она сама меня не приняла (я остановился на почтовой станціи, которую она содержала), но послала одного изъ своихъ служащихъ, который мнѣ сообщилъ, что по просьбѣ барыни сейчасъ явится сельскій учитель, говорящій порусски, и сдѣлаетъ для меня все, отъ него зависящее. Учитель (башкиръ) оказался весьма развитымъ господиномъ, воспитывался въ Казани, говорилъ и писалъ отлично порусски; онъ увѣрялъ меня, что не будетъ недостатка въ охотникахъ, готовыхъ принять мое выгодное предложеніе для поѣздки въ Лондонъ. Но онъ, видно, не рассчитывалъ на непредпріимчивый духъ своихъ земляковъ. Начались поиски; привели одного неказистаго башкира, отставнаго солдатика, раненаго въ послѣднюю турецкую войну. Его долго пришлось увѣщевать; но когда казалось,

что краснорѣчіе учителя уже беретъ верхъ, солдатъ вдругъ проследился и захлебываясь сказалъ, что ему не хочется умереть на чужбинѣ, что онъ подумаетъ, посоветуется, дастъ намъ отвѣтъ на слѣдующій день и т. д. Мнѣ онъ показался плюгавенькимъ и непригляднымъ, но учитель замѣтилъ: «подождите; обмойте его, причешите и одѣньте хорошенько, и тогда удивите, какимъ онъ станетъ молодцомъ». Въ тотъ же вечеръ явился другой башкиръ, то же отставной солдатъ, служившій въ Крымскую кампанію гдѣ-то на побережьи Балтійскаго моря. Какъ мы его ни убѣждали, онъ все покачивалъ головой. Мы пробовали затрогивать его самолюбіе, прибѣгали къ разъясненію ему прибыли поѣздки съ финансовой стороны; лицо и глаза его временно разгорались, но скоро опять принимали апатичный видъ, присущій выраженію восточнаго человѣка. Людей въ комнатѣ было порядочно, и когда учитель хотѣлъ наконецъ пустить въ ходъ какой-то наубѣдительнѣйшій аргументъ, нашъ воинъ скрылся въ толпѣ и исчезъ. Оба башкира были холостыми, и это мнѣ не нравилось, такъ какъ пришлось бы терять еще время на поиски башкирки.

Пришлось начать новые поиски. Нашелся башкиръ съ женой, согласный временно разстаться съ родиной, но запросившій за такое самоотверженіе столь крупную сумму, что сойтись съ нимъ было невозможно. Кончилось, однако, тѣмъ, что въ тотъ же день мнѣ удалось нанять одного охотника, весьма симпатичнаго башкира, съ миловидной женой. Такимъ образомъ составилъ наконецъ мой караванъ.

Три дня еще потребовались для обмундированія кочевниковъ, изъ которыхъ каждому полагалось три полныхъ національныхъ костюма, съ двумя парами ичаговъ (то-есть сапоговъ изъ тонкой кожи съ калошами), бухарское одѣяло и сундукъ. Снабдивъ ихъ чаемъ, сахаромъ, хлѣбомъ и маханомъ (мясомъ) на дорогу и поручивъ ихъ кучеру англичанину (знавшему порусски), я отправилъ весь караванъ въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ. Людьями, лошадьми, ослами, собаками, юртами, коврами и т. д. наполнились шесть вагоновъ. На шестой день караванъ прибылъ въ Петербургъ и вслѣдъ затѣмъ черезъ Кронштадтъ отправился моремъ въ Гуллъ (Hull) въ Англію. Я же поѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Лондонъ, гдѣ на выставкѣ уже стали беспокоиться относительно насъ, такъ какъ мнѣ отведенъ былъ порядочный кусокъ земли. Для лошадей было отгорожено значительныхъ размѣровъ мѣсто и устроены стойла безъ крыши для пятнадцати кобылицъ и мерина. Жеребятки имѣли достаточно мѣста для игры и разбѣга. Къ огороженному мѣсту былъ одинъ входъ, у котораго стоялъ постоянно дежурный полицменъ. Внѣ ограды были помѣщены два жеребца и красивая, изъ бѣлой копмы кибитка, съ поломъ и стѣнами, устланнми бухарскими и туркменскими коврами. Русская изба, изъ мачтоваго лѣса, была поставлена близъ

другого конца ограды; ее долго пришлось складывать, во-первыхъ, потому, что всѣ части были брошены въ одну кучу, а, во-вторыхъ, не было ловкихъ и привычныхъ русскихъ плотниковъ. Небольшихъ размѣровъ (9 квадр. сажень безъ сѣней), но съ изящной рѣзбой въ русскомъ стилѣ подъѣзда и балкона, изба очень понравилась англичанамъ, и многіе желали ее приобрести послѣ выставки, но цѣна (въ Петербургѣ съ меня взяли за нее 2.400 рублей) отталкивала окончательно покупателей. Экспоненты же были крайне благодарны избѣ, ибо красиво устроенный чердакъ, устланный коврами, сдѣлался излюбленнымъ мѣстомъ нашихъ собраний и совѣщаній. На заголовкѣ протоколовъ экспонентовъ печаталось: *International Health Exhibition. Russian Log Cottage* (то-есть Международная выставка здравія. Русская бревенчатая изба). Юрты скоро были поставлены, и съ покрытымъ кошмою поломъ, разноцвѣтными подушками, бухарскими одѣялами, блестящими жестью сундуками, имѣли очень уютный видъ. Я привезъ съ собою изъ Оренбурга двухъ борзыхъ собакъ, которыя если не представляли собою ничего строго гигиеничнаго, то во всякомъ случаѣ пополняли степную картину.

Къ несчастію, одинъ мой пріятель, уѣзжая на время изъ Англіи, прислалъ мнѣ еще пару волкодавовъ (вывезенныхъ имъ изъ Россіи) на выставку. Все это было еще ничего, но черезъ нѣсколько дней вновь прибывшее семейство обогатилось шестью щенками. Почти каждый день, а иногда по нѣсколько разъ въ день, они сцѣплялись съ моими собаками, и ихъ съ трудомъ удавалось разнять. Эти стычки производили нѣкоторый переполохъ среди публики, и повели къ разговорамъ, а затѣмъ и къ перепискѣ, между мною и вице-президентомъ выставки герцогомъ Бэкингамомъ (президентомъ былъ принцъ Уельскій), который, ссылаясь на то, что въ заявленіи моемъ комитету выставки ничего не говорилось о привозѣ со мною собакъ, настаивалъ на ихъ удаленіи. Переписка, сначала очень мягкая, скоро превратилась въ острую, причемъ на колкости герцога я считалъ обязанностью отвѣчать тѣмъ же, а собакъ не удалялъ, пригрозивъ, что если уберутъ собакъ, то съ ними двинусь и я (о чемъ, можетъ быть, герцогъ не особенно бы горевалъ) и весь мой караванъ (чего онъ вовсе не желалъ и не могъ допустить безъ большаго скандала). Но пока продолжалась пикантная переписка, одинъ изъ псовъ укусилъ какого-то посѣтителя выставки, англичанина. Я извинился за собаку, но укушенный этимъ не удовольствовался и сталъ стращать меня и выставочное начальство судебнымъ процессомъ; при требованіи же вознагражденія за пораненіе придерживался русской купеческой поговорки «запросъ въ карманъ не лѣзетъ». Разумѣется, онъ ничего не могъ подѣлать, ибо по англійскимъ законамъ хозяинъ отвѣтственъ только за ранѣе проявленные и ему извѣстные пороки его животнаго, а собака моя до того времени никого не кусала. Такимъ образомъ, всякій песъ

въ Англіи пользуется законнымъ правомъ на «одну травлю» въ продолженіе своей жизни—привилегія, человѣку не разрѣшенная.

Однако, не смотря на это, я счелъ за лучшее удалить моихъ милыхъ псовъ съ выставки.

Съ той минуты, когда между герцогомъ и мною завязалась бумажная война, начались почти непрерывныя притѣсненія, кончившіяся лишь съ закрытіемъ выставки.

Когда весь караванъ былъ приведенъ въ порядокъ, — а съ постановкой избы мы провозились болѣе трехъ недѣль,—началась обычная наша жизнь. Внутри загороженного мѣста доили кобылицъ въ извѣстные часы, пять разъ въ день, и молоко сбивалось въ одной изъ юртъ. Въ избѣ продавалось свѣжее молоко и кумысъ. Интересно было наблюдать выраженіе лицъ людей, впервые пившихъ кумысъ; и нужно по справедливости замѣтить, что огромное большинство, разъ рѣшившись на такой подвигъ, подносило стаканъ ко рту безъ жеманства или гримасъ и все до капли выпивало. Это служить довольно нагляднымъ доказательствомъ, что бродящее кобылье молоко—напитокъ, далеко не отталкивающій.

Относительно прокорма кочевниковъ встрѣтились нѣкоторыя затрудненія. Они отказывались отъ мяса животнаго, зарѣзаннаго не по магометанскому обряду, чѣмъ исключались баранина и говядина. Можно бы было добыть лошадиное мясо, отправивъ одного изъ номадовъ на бойню, гдѣ ему дозволили бы зарѣзать животное согласно требованіямъ его вѣры, но лошадиный маханъ въ городскую черту Лондона, вѣроятно, изъ опасенія удачной конкуренціи съ бычачьимъ, не впускается иначе, какъ въ вареномъ видѣ. Возиться же съ варкою отняло бы черезчуръ много времени у людей мнѣ нужныхъ на выставкѣ, а потому пришлось ограничить ихъ пищу изъ животнаго царства курами и рыбой. Куръ англійскихъ они еще признавали, какъ сродичей степныхъ, но не одинъ разъ протестовали противъ морскихъ рыбъ, ими до того не виданныхъ, въ особенности плоскихъ, въ родѣ камбалы или ската (scate)—последняя похожа формою (но не вкусомъ) на *chapeau claque* съ длиннымъ и тонкимъ, какъ у крысы, хвостомъ. Отъ прекрасныхъ, свѣжихъ селедокъ они вначалѣ отвергивались, возражая мнѣ, что какая эта можетъ быть селедка, разъ она не соленая. Въ особенности недоувѣрчиво потряхивалъ головой старый татаринъ, который все подозрѣвалъ, что его подводятъ.

— Вѣдь въ морѣ (о которомъ у него оставались не вполне пріятныя воспоминанія) даже вода соленая; откуда же рыбъ въ ней быть прѣсной?—возражалъ онъ мнѣ.

— А ты развѣ не пробовалъ рыбу, только что пойманную въ морѣ, когда ѣхалъ на пароходѣ?

— Куда тутъ чтонибудь пробовать, когда всю душу такъ и вывертываетъ, и просишь у Бога смерти, а не рыбы.

Не смотря на лишене кочевниковъ говядины и баранины, кормились они не худо; бѣлый хлѣбъ, яйца, масло, овсяную крупу, рисъ, чай и сахаръ получали они, сколько желали. Три раза въ недѣлю давали имъ куръ и три раза рыбу. Ихъ столъ, такимъ образомъ, оказался гораздо питательнѣе и разнообразнѣе стола вегетеріанцевъ, моихъ ближайшихъ сосѣдей на выставкѣ. У послѣднихъ былъ свой ресторанъ, свой журналъ, свои пропагандисты, свой врачъ (правду сказать, довольно блѣдненькій и вылинявшій) и разъ въ мѣсяцъ *diner monstre*, къ которому были допускаемы (за плату, разумѣется) и лица, въ растительную пищу не вѣрующія. На этихъ обѣдахъ говорилось много рѣчей, направленіе которыхъ прямо вело васъ къ заключенію, что глотающій рыбу, мясо или птицу (*fish, flesh or fowl*), если еще не отпѣтый негодяй, то, во всякомъ случаѣ, скоро сдѣлается таковымъ.

Въ день пріѣзда нашего каравана я повелъ татарина и двухъ кочевниковъ съ ихъ женами въ вегетаріанскій ресторанъ, такъ какъ юрты наши не были еще поставлены. Противъ растительной пищи религиозныхъ идей они имѣть не могли. Ихъ оригинальные костюмы и типъ заинтересовали многихъ въ ресторанѣ, а я не могъ не любоваться тѣмъ спокойствіемъ и достоинствомъ, присущими восточному человѣку, съ которыми они сидѣли за столомъ и ѣли среди людей имъ чуждыхъ и въ обстановкѣ, совершенно имъ не знакомой. Но по мѣрѣ того, какъ обѣдъ приближался къ концу, послѣдовало для меня нѣкоторое разочарованіе, ибо сытно покушавшіе кочевники начали въ Лондонѣ примѣнять вывезенный ими изъ родныхъ степей магометанскій обычай, ошеломлявшій англичанъ. Обычай этотъ—отрыжка, и служить у нихъ не только вещественнымъ доказательствомъ того, что желудокъ прилично начиненъ, но еще передаетъ хозяину, въ видѣ *Lieder ohne Worte*, благодарность за угощеніе. Чѣмъ громче изверженіе газовъ, и чѣмъ чаще оно повторяется, тѣмъ глубже выражается благодарность гостя хозяину за оказанное ему гостепрѣимство. Покупавъ аппетитно по два обѣда,— правда, вегетеріанскихъ,—на брата и напившись (день былъ жаркій) лимонаду газе и имбирнаго пива, мои пріятели завели столъ частую и громкую отрыжку, что обратили общее вниманіе публики на нашъ, и безъ того привлечшій вниманіе, столъ. Находя излишнимъ давать не входящее въ нашу программу представленіе, я увелъ сытыхъ кочевниковъ изъ ресторана. Когда мы выходили, ко мнѣ подошелъ одинъ господинъ и спросилъ, кто это такіе и чѣмъ будутъ заниматься на выставкѣ. Услыхавъ, что они будутъ доить кобылицъ и готовить кумысъ, онъ громко и грубо расхохотался, говоря: «Ха, ха, ха! Каково? Кобылье молоко! А! Кобылье молоко!» Этотъ тонъ и смѣхъ меня укололи, и я замѣтилъ ему въ отвѣтъ: «Вѣроятно, вамъ сроднѣе покажется молоко ослиное». Смѣхъ присутствующихъ привелъ этого насмѣшника въ бѣшенство, и онъ удалился

бормоча, что «платятъ входныя деньги не для того, чтобы слышать оскорбленія».

Закомые, приходившіе ко мнѣ въ гости, всегда просили угостить ихъ чаемъ порусски, т. е. съ самоваромъ. Къ самовару подавались хлѣбъ съ масломъ и нѣсколько сортовъ пирожнаго и вареній, безъ которыхъ чай не чай въ Великобританіи. Сидѣли всегда на подушкахъ въ юртѣ, со скрещенными подъ собою ногами. Одной барынѣ, я помню, захотѣлось хлѣба съ масломъ, и я попросилъ стоящую въ кибиткѣ бапкирку приготовить бутербродъ. Кусокъ хлѣба она отрѣзала по всѣмъ требованіямъ современной цивилизаціи; съ масломъ же справилась своеобразно. Выгребнувъ рукою изъ миски требуемое количество, она начала размазывать его по хлѣбу правымъ большимъ пальцемъ, который часто подносила ко рту и облизывала, дабы держать его въ чистотѣ и масло къ нему не прилипало. Гостья наша, молодая герцогиня стариннѣйшаго рода, была чрезчуръ деликатной аристократкой, чтобы обидѣть простую кочевницу; она приняла отъ нея бутербродъ и скушала его. Ей такъ понравился нашъ хлѣбъ, что она попросила еще, но съ условіемъ, чтобы масло клалось на него менѣе пагріархальнымъ способомъ.

Вся лондонская печать лестно отозвалась о моемъ отдѣлѣ, и нѣсколько журналовъ помѣстили иллюстраціи съ изображеніями кочевниковъ, кибитокъ, лошадей и т. д. Репортеры и интервьюеры являлись въ началѣ чуть не каждый день. Одна газета совѣтовала тѣмъ изъ своихъ читателей, которые посѣтили выставку ранѣе пріѣзда нашего каравана, побывать ради его еще разъ, а тѣмъ, которые не видали выставку, сходить для того, чтобы посмотреть нашъ отдѣлъ.

Въ загороженное мѣсто пускались только люди, представившіе свою карточку (во время моего отсутствія) кучеру англичанину или полицейскому. Безъ этого нельзя было бы двигаться ни жеребятамъ, ни кочевникамъ, ибо бывали дни, что выставка посѣщалась болѣе нежели 80,000 человекъ.

Многіе художники, въ особенности же ученицы изъ Kensington school of Arts, приходили къ намъ писать и лѣпить кочевниковъ, лошадей, жеребятъ, собакъ и т. д. Рисовать жеребятъ было не трудно, такъ какъ они сдѣлались совершенно ручными. Двѣ пожилыя барышни желали написать красками портреты кочевниковъ въ ихъ народныхъ костюмахъ; но я имъ замѣтилъ, что такъ какъ это противно ученію Магомета, то едва ли послѣдуетъ согласіе. Недовольныя художницы возразили, что я могу приказать, и что онѣ имъ за это заплатятъ. Я отвѣчалъ, что еслибъ даже и имѣлъ право, то не сталъ бы совѣтовать людямъ нарушать ихъ религіозныя убѣжденія, но замѣтилъ, что чего нельзя ни приказать, ни купить, того можно иногда добиться путемъ подарка. И дѣйствительно, подаренный каждому изъ кочевниковъ шелковый платокъ превратилъ упрямыхъ фанатиковъ въ послушныхъ натурщиковъ и натурщицъ. Въ

то время, какъ я, черпая историческіе факты изъ собственнаго воображенія, разъяснялъ кочевникамъ, что Коранъ не запрещаетъ воспроизводить на холстѣ лицо человѣка, а запрещаетъ увѣковѣченіе его образа въ видѣ лѣпки, напоминающей боговъ идолопоклонниковъ (при этомъ я указалъ на барышню, занятую ваяньемъ изъ глины жеребеночка), и что поэтому они могутъ согласиться на предложеніе барынь; одна изъ послѣднихъ спросила меня:

— На какомъ это языкѣ вы съ ними говорите?

— А что?

— Какой мягкій, полный, музыкальный языкъ! (What a soft, full, musical language).

Узнавъ, что это русское нарѣчіе, она замѣтила:

— А я все думала, что въ русскомъ языкѣ преобладающіе звуки гортанные и чихательные.

Очень занимала публику киргизская малютка, которую всѣ называли русскимъ ребенкомъ (russian baby). Эта трехлѣточка, не стѣсняясь, ходила среди массы публики и благосклонно принимала приношенія въ видѣ гостинцевъ и игрушекъ, но защищала свою неприкосновенность съ энергіею, которой могли бы позавидовать многія взрослые. Если кто нибудь изъ чужихъ, напримѣръ, осмѣливался дотронуться до нея, то она испускала такой пронзительный визгъ, что дерзновенный отскакивалъ со страхомъ.

Вообще кочевники жили мирно между собою, и это тѣмъ замѣчательнѣе, что среди нихъ находились двѣ женщины. Ссоры, а иногда и по крупнѣе столкновенія «дѣйствиємъ», происходили обыкновенно при дѣлежѣ «на чаевъ», которыми публика снабжала ихъ въ значительномъ количествѣ. Въ этихъ неурядицахъ «cherchez la femme» ни къ чему не повело бы, ибо наши двѣ кочевницы были столь миролюбивыя созданія, что въ продолженіе пятимѣсячнаго сожительства ухитрились ни разу не поссориться между собою.

Нужно замѣтить, что никому, кромѣ кочевниковъ, не разрѣшалось жить въ предѣлахъ выставки. Это была большая уступка, ибо англійскіе конюхи, чистившіе лошадей, должны были удаляться до закрытія воротъ на ночь. Правда, въ предѣлахъ выставки дозволено было жить китайцамъ, пріѣхавшимъ не только для продажи за большую цѣну, въ маленькихъ чашечкахъ, неважнаго чая, но и для ознакомленія англійской публики съ національной китайской оркестровой музыкой и пѣніемъ, но ихъ запирали на ночь, въ занимаемомъ ими помѣщеніи, и выпускали только утромъ. Эта мѣра была примѣняема въ виду того, что выставленные предметы въ витринахъ иногда перекочевывали въ помѣстительные карманы сыновъ Небесной имперіи ночью. Я очень гордился тѣмъ, что это правило не примѣнялось къ моимъ пріятелямъ кочевникамъ, и выставочное начальство безусловно вѣрило въ ихъ честность.

По воскресеньямъ (выставка въ эти дни закрывалась) англійскій

кучерь возилъ номадовъ за городъ, показывалъ имъ гонку шлюпокъ на Темзѣ, ботаническій садъ, зоологическій садъ и т. д. Башкирь подружился съ солдатомъ конной гвардіи, у котораго побывалъ въ казармѣ, гдѣ его на славу угощали. Его главнымъ образомъ поражалъ не столько ростъ лошадей,—гигантовъ въ сравненіи съ выносливыми конями его родныхъ степей,—а ростъ солдатъ. «Конь большой, солдатъ больше большой»,—говорилъ онъ.

Пришелъ онъ ко мнѣ однажды въ избу и сообщаетъ:

— Ступай скорѣй въ кибитка, тамъ пришла русской баба и дѣвка, тебя ждетъ.

Кто-то со мной заговорилъ въ это время, и я явился лишь нѣсколько минутъ спустя въ юрту, гдѣ увидалъ знакомую мнѣ русскую барыню, живущую почти постоянно въ Лондонѣ, съ молодой англичанкой, которой она меня представила. Но, кромѣ ихъ и киргизки, я никого въ юртѣ не замѣтилъ и, обращаясь къ башкиру, спросилъ:

— Гдѣ же русская баба и дѣвка, про которыхъ ты мнѣ говорилъ?

Изумленный, повидимому, моимъ вопросомъ и указывая рукой на двухъ сидящихъ барынь, онъ отвѣтилъ:

— Аль слапой сталъ? Вонъ тебѣ баба, а вонъ и дѣвка.

Въ праздничные дни на выставкѣ бывало очень много народу, и тогда наша изгородь была окружена густой толпой. Посѣтителей все интересовало—и кибитки, и изба, и кочевники, и дойка, и рѣзвящіеся жеребята. Многие изъ посѣтителей, живя почти безвыѣздно въ Лондонѣ, въ первый разъ въ жизни видѣли жеребенка. Часто они заговаривали съ кочевниками и, повидимому, считали, что, говоря съ послѣдними на ломанномъ англійскомъ языкѣ и очень громко, тѣ ихъ навѣрное поймутъ. Одна толстая и добродушная женщина, облокотившись на перила, энергично манила къ себѣ киргиза, который стоялъ неподвижно и стоически на нее смотрѣлъ. Когда окружающіе полюбопытствовали узнать, почему она подзываетъ его къ себѣ, отвѣтъ былъ:

— Умѣю поихнему говорить; вѣдь я была на континентѣ (т. е. за границей). Киргизъ, наконецъ, подошелъ къ периламъ и, услыхавъ «Шприкнъ зи дѣтчъ» (что, вѣроятно, означало *Sprechen sie deutsch*), выпятилъ глаза и замѣтилъ «бельме». Тогда вопросъ былъ повторенъ, но гораздо громче. Киргизъ махнулъ рукой и отошелъ, пробормотавъ, что, вѣроятно, «баба совсѣмъ умъ кончалъ». Публика, видя неудачу діалога, разсмѣялась, и кто-то замѣтилъ: «Нѣтъ, старуха, въ этомъ языкѣ вы что-то не тверды», а сама раздраженная вопросительница крикнула:

— Дуракъ, даже свое нарѣчіе не понимаетъ.

На выставкѣ день шелъ за днемъ, недѣля за недѣлею замѣчательно быстро. Приближалась осень, а съ нею, къ счастью только на короткое время, стала измѣняться къ худшему и погода. Появи-

лись дожди, а съ дождями я началъ беспокоиться за здоровье кобылицъ, такъ какъ онѣ весь день стояли на привязи подъ открытымъ небомъ.

Я обратился письменно къ герцогу, какъ вице-предсѣдателю выставки, прося разрѣшенія воздвигнуть крышу. На это послѣдоваль отказъ, мотивированный тѣмъ, что такъ какъ мой отдѣлъ смеженъ съ національной портретной галлереей, то администрація послѣдней не дозволить воздвигнуть навѣсъ въ виду опасности отъ пожара. Отвѣтъ меня не удовлетворилъ, такъ какъ крышу я хотѣлъ построить изъ цинкованнаго желѣза, а подпоры крыши, хотя и деревянные, уже существовали, да и изба моя, кромѣ того, была также близка къ вышеупомянутой галлерей. Я опять написалъ герцогу, что не желаю подвергать опасности жизнь своихъ животныхъ и настаиваю на навѣсѣ, но въ отвѣтъ мнѣ было указано, что если кобылицы могутъ жить чуть не круглый годъ на открытомъ воздухѣ въ степи, то отчего имъ не вынести сравнительно теплую лондонскую осень.

Послѣ этой корреспонденціи я рѣшился, если возможно, насолить его свѣтлости и попросилъ нѣсколькихъ пріятелей описать въ самыхъ яркихъ краскахъ звѣрское мое обращеніе съ выставленными мною лошадьми и жеребятами, которыхъ я заставляю стоять на дождѣ и холодѣ безъ крыши, и послать (но не въ одинъ и тотъ же день) эти заявленія предсѣдателю общества покровительства животнымъ. Нужно замѣтить, что если запряженная и отдѣльно отъ другихъ стоящая лошадь имѣетъ печальный видъ въ дождливую погоду, то табунъ лошадей съ жеребятами представляютъ видъ положительно удручающій. Животныя стоятъ некрасивыя, угловатыя, печальныя, съ понуренными головами, точно хоронятъ дорогого товарища. Письма и заявленія произвели ожидаемое мною дѣйствіе. Нагрязнула цѣлая комиссія изъ членовъ общества покровительства животнымъ, ихъ предсѣдателя и двухъ ветеринарныхъ врачей. Мнѣ только этого и надо было. Предсѣдатель, очень милый господинъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Извините, докторъ, что я васъ беспокою, но мы получили рядъ заявленій отъ публики о печальномъ состояніи вашихъ лошадей, которыхъ вы держите подъ открытымъ небомъ въ такую дождливую и холодную погоду. Не думайте, что я вамъ дѣлаю какое нибудь замѣчаніе отъ имени общества; мы видимъ, въ какомъ отличномъ тѣлѣ ваши животныя, и какой за ними хорошій уходъ, но не могли ли бы вы устроить имъ какой нибудь навѣсъ? Можетъ быть, — впрочемъ, вамъ это лучше извѣстно, — ваши лошади не боятся непогоды, ибо, говорятъ, онѣ въ степяхъ живутъ круглый годъ на открытомъ воздухѣ.

Я отвѣтилъ, что только и добиваюсь разрѣшенія устроить навѣсъ, но вице-президентъ этому противится, и разъяснилъ, что ло-

шадь въ степи не боится холода и дождя потому, что она не на привязи, можетъ обгнать и тѣмъ нагрѣться, когда почувствуетъ знобъ. Кромѣ того, въ ненастную погоду онѣ собираются въ кучку и такимъ образомъ поддерживаютъ внутреннюю температуру. Въ степи ихъ шерсть всегда блеститъ, такъ какъ онѣ, валяясь по ковылю, чистятъ ее, а въ Лондонѣ мнѣ пришлось нанять двухъ коноховъ.

— Тогда мы поговоримъ серьезно съ герцогомъ, и, надѣюсь, вы получите требуемое вами разрѣшеніе.

Дѣйствительно, они принудили его свѣтлость дать мнѣ разрѣшеніе, но я получилъ его лишь за три недѣли до закрытія выставки. Но я не желалъ расхотѣться на такое короткое время и оставилъ табунъ безъ навѣса.

Посѣщали нашу выставку и фанатичные протестантскіе ревнители христіанства, которые имѣли не деликатность раздавать кочевникамъ библии на киргизскомъ, башкирскомъ и татарскомъ языкахъ. Сыны степей принимали подарокъ удивленно, просматривали книги, и видя, что тамъ трактуется о вѣрѣ имъ чуждой, и будучи вполне довольны своею, оставили книги въ Англіи среди вещей, которыя считали обременительнымъ везти съ собою въ Россію.

Во время выставки киргизка и башкирка научились довольно сносно говорить поанглійски, ходили однѣ по магазинамъ, торговались не хуже, чѣмъ на мѣновомъ дворѣ въ Оренбургѣ, и закупили порядочное количество разной дряни.

До и послѣ закрытія выставки я распродалъ всѣхъ кобылицъ вмѣстѣ, разумѣется, съ ихъ сосунками. Между покупателями была дочь королевы Викторіи, принцесса Беатриса, и сэръ Томасъ Акландъ (Sir Thomas Acland), собственникъ табуна въ двѣсти головъ, находившихся въ совершенно дикомъ состояніи въ имѣніи его на югѣ Англіи.

Когда уводили кобылицу съ жеребенкомъ, женщины, ихъ доившія, всегда плакали. Во время пребыванія кочевниковъ въ Лондонѣ они получали значительные «на чай», изъ-за дѣлежа которыхъ выходили, какъ я уже говорилъ, иногда между ними довольно крупныя разногласія, при чемъ обращались ко мнѣ, какъ миротворцу. Это до того наконецъ надоѣло, что я купилъ желѣзную копилку, куда приказалъ класть всѣ «на чай», обѣщая имъ при отъѣздѣ равномѣрный дѣлежъ. Копилка была поставлена въ общую юрту, а ключъ сохранялся у меня. Когда, въ присутствіи всѣхъ кочевниковъ я торжественно открылъ копилку, то былъ пораженъ незначительностью скопившихся тамъ денегъ.

На мой вопросъ, не утаивали ли они «на чай», всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили: «нѣтъ». Но передъ отъѣздомъ, каждый изъ нихъ въ отдѣльности обратился ко мнѣ и по секрету сообщилъ, что у него накопились деньги, полученныя до того времени, какъ прика-

зано было класть «на чай» въ копилку, и просилъ меня размѣнять ихъ на русскіе рубли. Эти суммы на каждого простирались отъ 100 до 140 рублей. При раздѣлѣ копилочныхъ денегъ татаринъ требовалъ не пятую, а третью часть, на томъ основаніи, что получалъ жалованье, равное получаемому другими кочевниками попарно, то-есть мужемъ съ женою. Противъ этого протестовали киргизская и башкирская четы, а къ нимъ присоединился и я, считавшій несправедливымъ, чтобы къ удвоенному жалованью присоединились еще двойные «на чай».

Киргизъ и башкиръ просили меня купить имъ серебряные часы (старый татаринъ уже успѣлъ себѣ выклянчить таковые у одного посябителя), но чтобы непременно были глухіе. Я досталъ имъ черезъ знакомаго пару прекрасныхъ, новѣйшей конструкціи, глухихъ часовъ по оптовой цѣнѣ, то-есть за половину того, что стѣяютъ въ магазинахъ. Кочевникамъ они обошлись еще дешевле, ибо я поднесъ имъ часы въ знакъ памяти нашего дружнаго сожителства на выставкѣ.

До закрытія послѣдней я распродалъ почти все, какъ «живность», такъ и неодушевленные предметы. Оставалось распоститься съ номадами и отправить ихъ обратно въ «благоухающія степи». Моремъ они доѣхали до Гамбурга (Кронштадтскій портъ уже замерзъ), а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Оренбургъ. До русской границы ихъ проводилъ англійскій кучеръ; съ границы я выписалъ имъ маршрутъ съ означеніемъ остановокъ, въ какіе часы, на какихъ станціяхъ, и цѣну билетамъ. Доставка ихъ багажа стоила довольно дорого, такъ какъ вещи были уложены въ тяжелыхъ (купленныхъ, впрочемъ, мною) сундукахъ.

Прощаніе наше было трогательно и сердечно, не съ пролитіемъ слезъ, но и не съ сухими глазами. Они благодарили за оказанную имъ ласку, сказали, что ѣдутъ назадъ богатыми, крѣпко сжали протянутую имъ руку, поднесли къ губамъ и поцѣловали. Это было не рабское приложеніе къ рукѣ, а выраженіе, по ихъ понятіямъ, теплоты чувства къ хозяину, съ которымъ они жили въ ладахъ, къ которому попривыкли, и съ которымъ настала минута разставаться. До Оренбурга они доѣхали благополучно. Ихъ тамъ встрѣтили земляки кочевники парадно, увезли на тройкахъ, и всю зиму приглашали киргиза изъ аула въ аулъ, а башкира изъ деревни въ деревню, дабы узнать изъ достовѣрныхъ устъ, какія существуютъ далекія страны, хорошій ли въ нихъ маханъ ѣдятъ, и хорошій ли чай и кумысъ пьютъ.

О качествахъ англійской націи наши номады выражались довольно лаконически.

«Болно хорошъ народъ»,—говорилъ киргизъ; «веселый народъ»,—съ замѣчательнымъ постоянствомъ, но безъ всякихъ объясненій, повторялъ башкиръ; «степенный народъ»,—утверждалъ татаринъ,

человѣкъ дипломатичный, неувлекающійся, осторожный въ своихъ оцѣнкахъ. Да и, кромѣ того, пессимистическая и подозрительная душа послѣдняго снабжала его воспоминаніями о выставкѣ не со-всѣмъ пріятными. Я помню, напримѣръ, какъ однажды утромъ, явившись къ кочевникамъ, я засталъ обѣихъ женщинъ съ опухшими и заплаканными глазами. Пока я старался узнать, что ихъ такъ огорчило, ко мнѣ подошли рѣшительными шагами киргизъ и башкиръ; первый изъ нихъ заговорилъ:

— «Баринъ! Скажи этотъ старый дуракъ татаринъ наша баба не пугать. Онъ говоритъ, что на эти три столба, который поднимають, насъ хотятъ вѣсить, а бабы наша гоняють въ англійскій гаремъ. Бабы наша вѣрять татаринъ, и плачеть».

По справкамъ оказалось, что весь сыръ-боръ загорѣлся по слѣдующей причинѣ.

Выставочное начальство спросило меня, не желаю ли я электрическаго освѣщенія (на ихъ счетъ поставленнаго) моего отдѣла, такъ какъ дни становились все короче и короче, а выставка не закрывалась до 10-ти часовъ вечера. Я на это съ удовольствіемъ согласился и въ тотъ же день были воздвигнуты три высокихъ столба съ прикрѣпленнымъ къ каждому сверху горизонтальнымъ брусомъ, на концѣ котораго впоследствии повѣсили большой яблочковскій фонарь. Столбъ и брусъ дѣйствительно имѣли видъ висѣлицы, а пылкому воображенію и подозрительному и трусливому характеру татарина не трудно было вывести заключеніе, что три висѣлицы предназначались для него лично и для двухъ его товарищей. Иначе къ чему именно въ нашемъ отдѣлѣ, да еще къ концу сезона, воздвигать столбы съ горизонтальными брусьями,— подумалъ онъ.

Я не на шутку разсердился на старика, позвалъ его къ себѣ и спросилъ, кто ему сообщилъ, что кочевниковъ будутъ вѣшать.

— Помилуйте, вѣдь я же прислушиваюсь, что говорить.

— А ты поанглійски понимаешь? Слушай же: если ты хотя словомъ заикнешься бабамъ о висѣлицѣ или гаремѣ, то я прямо выгону тебя на улицу, откуда ты попадешь не на висѣлицу, а въ полицейскій участокъ, а тамъ тебя,— разъ узнають, что ты распространяешь ложные слухи про выставочное начальство,— въ кандалахъ отправятъ въ Оренбургъ.

Этой угрозой я навелъ на татарина ужасный страхъ. Впрочемъ, къ вечеру, когда электрическіе фонари были уже повѣшены и въ полномъ дѣйстви, онъ совершенно успокоился и понялъ, что напрасно такъ боялся за участь своихъ шейныхъ позвонковъ.

Вѣсть о его постоянныхъ подозрѣніяхъ и трусости разошлась по всей выставкѣ и дошла, разумѣется, до прислуги ресторановъ, среди которой было значительное число мальчишекъ. Каждый побывавшій въ Лондонѣ знакомъ съ типомъ тамошняго шустрого, дерзкаго, насмѣшливаго, самонадѣяннаго, власть не признающаго *gamin*'а.

Вотъ они-то и воспользовались довѣрчивой и трусливой натурой татарина, который разъ припелъ ко мнѣ въ избу (тамъ еще никого не было), залеръ дверь, бросился мнѣ въ ноги и со слезами молилъ:

— Бога ради не губите! За что же, за что же все это? Поми-
лосердуйте!

— Что съ тобою опять?—спросилъ я въ изумленіи.—Другая ви-
сѣлица, что ли? Ты вѣдь начинаешь мнѣ сильно надоѣдать.

— Помилуйте, ваше благородіе, за что же мнѣ хотятъ голову
долой? За что именно мнѣ, а не другимъ? Защитите, сдѣлайте бо-
жескую милость. Вѣдь у меня дѣти, внучата,—о всѣхъ нужно по-
заботиться.

— Да кто же тебѣ это говорилъ?

— Какъ кто? Да всѣ ужъ знаютъ. Только что вышелъ утромъ
въ ограду, какъ одинъ кухонный мальчишка кладетъ свою шею на
перила, размахивается сзади ладонью, ударяетъ по шеѣ и говоритъ,
показывая пальцемъ на меня: «чикъ», то-есть значитъ поихнему
«сѣкимъ башка»; а всѣ остальные смѣются, и потомъ его пе-
редразниваютъ. Да еще шельмецъ потомъ указываетъ на киргизина
и башкира, опять продѣлываетъ «чикъ», а потомъ махаетъ головой,
что значитъ ихъ, молъ, не тронуть.

Я не удержался, чтобы не подшутить надъ надоѣдливимъ та-
тариномъ, и сказалъ:

— Да, дѣйствительно, высшее начальство желаетъ къ концу
выставки одну жертву для отсѣченія головы (народу смотрѣть со-
берется много) и требуетъ именно тебя. Они долго не знали, кого
выбрать, но кто-то указалъ на тебя, говоря: «да вотъ отсѣките башку
этому старику, ему все равно недолго оставаться жить, да я ду-
маю, онъ и самъ умереть не прочь».

— Ахъ каналья, шайтанъ эдакій. Ужъ ежели имъ жертва не-
обходима, то пусть берутъ киргиза или башкира; у одного всего
одинъ ребенокъ, а у другаго и совсѣмъ-то дѣтей нѣтъ. А у меня
сколько и дѣтей, и внучатъ. Каковъ шарлатанъ ¹⁾. «Старикъ, гово-
рятъ, можетъ и самъ хочеть умирать». Нѣтъ, братъ, ошибаешься, во-
все не желаетъ. Да что же это, ваше благородіе, защитите, нако-
нецъ!—и опять въ ноги.

Я обѣщалъ, что похлопочу за него и къ вечеру дамъ отвѣтъ,
который, разумѣется, былъ благоприятный для него; мальчишки же,
между тѣмъ, видя, какъ онъ пугается, весь день продолжали его
дразнить. При постоянномъ страхѣ за свою жизнь онъ съ види-
мымъ нетерпѣніемъ ожидалъ дня закрытія выставки.

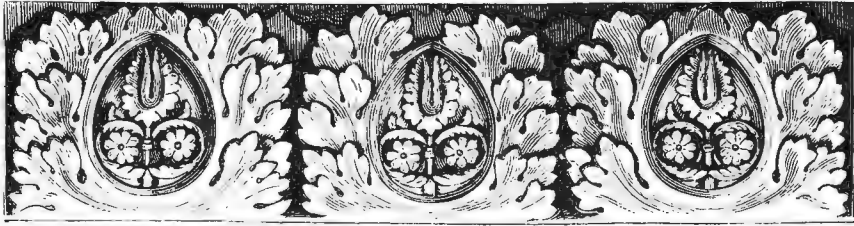
Если кто изъ читателей интересуется дальнѣйшей судьбой ко-
чевниковъ, то могу сообщить ему слѣдующее: башкиръ служить у

¹⁾ Самое послѣднее въ Оренбургѣ ругательное слово.

меня до сихъ поръ, приготовляя кумысъ въ кумысолѣчебномъ заведеніи; киргизъ кочуетъ въ 20-ти верстахъ отъ Оренбурга, разбогатѣлъ, торгуетъ и пасетъ огромныя стада одного оренбургскаго купца. Дочь его уже невѣста. Мы всегда съ нимъ встрѣчаемся, какъ старые друзья; онъ иногда бываетъ у меня въ Оренбургѣ, но чаще всего мы видимся на «мѣновомъ дворѣ» (ярмарка въ 4-хъ верстахъ отъ Оренбурга, но въ Азіи), гдѣ онъ мнѣ всегда выторгуетъ лошадь до 30% дешевле, нежели я самъ бы заплатилъ. Онъ и башкиръ всегда выражаютъ готовность ѣхать со мной на выставку куда бы то ни было. Не то татаринъ. Я съ нимъ тоже иногда вижусь на томъ же «мѣновомъ дворѣ». Когда я его спрашиваю, рѣшился ли бы онъ опять поѣхать въ Англію, онъ съ нескрываемымъ испугомъ на лицѣ отвѣчаетъ: «Ой, ни за что, ни за что!».

Джорджъ Каррикъ.

ЗАПИСКИ БРИГАДИРА ИОСИФА КОПЦЯ.

«Multum ille et terris jactatus et aito
Vi superum, saevae memorem Junonis ob iram».

(Виргилій Aeneis, кн. I, стр. 8).

РИГАДИРЪ Иосифъ Копецъ, происходившій изъ старинной литовской фамилии герба Крое¹⁾, былъ взятъ въ плѣнъ въ несчастной для поляковъ битвѣ подъ Мацѣювицами (10 октября 1794 г.) и сосланъ въ Нижнюю Камчатку. Черезъ годъ послѣ смерти Екатерины II императоръ Павелъ даровалъ ему свободу.

Свою жизнь и свои приключенія, отъ Мацѣювицкаго сраженія до возвращенія изъ ссылки и водворенія въ юго-западномъ краѣ, Копецъ описалъ въ своемъ «Dziennik'ъ podróży».

Сочиненіе Копця издано въ 1837 году, въ Бреславлѣ, подъ заглавіемъ: «Dziennik podróży Iózefa Kopcia przez całą wzdłuż Azya, lotem od portu Ochotska oceanem przez wyspy Kurijlskie do niższej Kamczatki a z tamtąd na powrót do tegoż portu na psach i jeleniach», и представляетъ въ настоящее время большую рѣдкость.

Исторію своей жизни и своихъ злоключеній Иосифъ Копецъ рассказываетъ просто, безъ всякихъ прикрасъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ безъ всякихъ жалобъ на судьбу, не смотря на то, что послѣдняя скорѣе была къ нему мачихою, нежели матерью.

¹⁾ Многие изъ его предковъ, членовъ этой фамилии, ведущей, по преданію, свое начало отъ тверскихъ князей, трудами и заслугами пробили себѣ дорогу къ высшимъ государственнымъ должностямъ въ Литвѣ и Польшѣ и породнились съ первѣйшими польскими аристократическими фамиліями.

Читая его путешествие, невольно припоминаешь знаменитаго Сильвіо Пеллико. Ту же сдержанность, то же упованіе на произволеніе Всевышняго, наконецъ, тѣ же самыя чистыя и спокойныя души—мы встрѣчаемъ въ произведеніяхъ того и другаго.

Для насъ, русскихъ, трудъ Копця представляетъ огромный интересъ еще въ томъ отношеніи, что въ немъ содержится рѣдкое для конца XVIII столѣтія и при томъ обстоятельное описаніе Сибири.

Копецъ не былъ литераторомъ, и, повидимому, употребленіе сабли ему было болѣе знакомо, чѣмъ употребленіе пера. Поэтому въ стилистическомъ отношеніи трудъ его оставляетъ желать многого. Достаточно сказать, что передача текста его «Dziennik'a» на другой языкъ, въ томъ порядкѣ, какой находимъ у автора, положительно не возможна. Копецъ излагаетъ свои мысли безъ всякой логической связи и системы: постоянно перескакиваетъ отъ одного предмета къ другому, не рѣдко повторяется, весьма часто не договариваетъ и т. д. Отсюда его «Dziennik podróży» является только собраніемъ богатаго по содержанію матеріала, который въ то же время требуетъ литературной обработки даже въ польскомъ текстѣ.

По этой причинѣ считаемъ не лишнимъ сказать о тѣхъ приѣмахъ, которыхъ держались мы, перелагая сочиненіе Копця на русскій языкъ. Дѣленіе на главы и заголовки послѣднихъ у насъ тѣ же, что и у автора. Только для удобства читателей въ началѣ каждой главы помѣщено ея содержаніе. Что касается самаго текста, то, сохраняя его во всей неприкосновенности, мы лишь давали ему иное расположеніе и другую группировку, чѣмъ тѣ, какія у автора, по скольку это требовалось правилами грамматики и законами логики. Примѣчанія, гдѣ необходимо, восполняютъ и объясняютъ текстъ.

Г. В.

ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ ЮСИФА КОПЦЯ

вдоль всей Азіи, напролетъ отъ Охотскаго порта по океану, черезъ Курильскіе острова, до Нижней Камчатки, а оттуда обратно до того же самаго порта на собакахъ и оленяхъ.

I.

Военное поприще.

Мой отецъ. — Воспитаніе. — Военная служба. — Замыслы поляковъ о реставраціи. — 1792 годъ. — Неурядицы. — Тарговицкій сеймъ. — Плънь. — Возстаніе Польши въ 1794 году. — Выходъ плѣнныхъ польскихъ войскъ изъ предѣловъ Россіи за границу. — Косцюшко. Сраженіе подъ Дубенкою. — Битва при Мацѣювицахъ. — Дѣйствія генерала Понинскаго. — Движенія генерала Денисова. — Вторичный плънь. — Причины пораженія поляковъ подъ Мацѣювицами.

Родился я въ 1762 году, 15 мая, въ Литовской провинціи, въ Пинскомъ уѣздѣ. Отецъ мой имѣлъ тамъ небольшое помѣстье послѣ прадедовъ. Былъ онъ въ неволѣ, въ Данцигѣ, за то, что принад-

лежалъ къ партіи Лецинскаго. Жилъ до 97 лѣтъ. Умеръ отъ удара, полученнаго случайно отъ своего любимаго коня. Воспитывалъ меня дома, уча только родному языку, латыни и геометріи.

Шестнадцати лѣтъ я былъ сданъ въ національную кавалерію простымъ солдатомъ, подъ команду Георгія Коллонтая, которому была также поручена опека надо мною. Это былъ человѣкъ уже въ лѣтахъ, приглашенный изъ Саксоніи для обученія поляковъ тактикѣ и военной службѣ. Онъ, въ чинѣ полковника, принималъ участіе въ Семилѣтней войнѣ подъ знаменами прусскаго короля Фридриха Великаго.

Проходя послѣдовательно должности строевого нижняго чина, унтеръ-офицера, товарища¹⁾, подпрапорщика (*namiesnika chorążego*), подпоручика, поручика, маіора, вице-бригадира, я, черезъ 20 лѣтъ службы, достигъ съ трудомъ бригадира, такъ какъ состояніе мое было незначительно, а чины, по обычаю того времени, въ Польшѣ покупались; да къ тому же магнаты путемъ интригъ забирали должности у людей способныхъ и заслуженныхъ.

Первый мой искусь относится къ тому времени, когда польскія войска стали противъ турокъ на границѣ, у Днѣстра, пока московскія силы, сначала подъ начальствомъ Румянцева, а позднѣе—Потемкина, не перешли Днѣстра.

Когда Россія занялась войною съ Турціею, польскій народъ началъ думать о себѣ и назначилъ собрать 100,000 войска. До этой цифры уже немного не доставало. Добровольцевъ же было вдвое болѣе. Весь народъ былъ готовъ къ жертвамъ. Шляхта и низшіе классы жертвовали достояніемъ и жизнію. Впрочемъ, были и такіе, которые умышленно срывали сеймы, занимали ихъ пустяками, въ родѣ разсужденій о евреяхъ, для того, чтобы спасительные проекты конституціоннаго сейма—собиранія народныхъ войскъ—не могли осуществиться.

Такое безчиніе продолжалось четыре года.

Между тѣмъ Россія успѣшила окончить войну съ турками и въ 1792 году вступила въ предѣлы Рѣчи Посполитой Польской.

Къ русскимъ присоединились наши измѣнники.

Они терзали и жгли страну, хватали простой людъ, а обывателей связывали и лишали свободы. Спаслись только тѣ, которые были съ ними заодно.

Препятствовать непріятелю при переходѣ границы не приказано, а даже велѣно оставить ему запасные магазины. Оттуда, гдѣ позиція для насъ была выгодна, приказано было ретироваться, а гдѣ—наоборотъ, тамъ мы должны были драться. Такимъ образомъ, голодные наши войска отступили почти внутрь страны.

¹⁾ Легкоконный воицъ. Г. В.

Начальниками ихъ въ то время были: принцъ Виртембергскій, Забѣлло и Юдицкій.

Открылся Тарговицкій сеймъ. Начали на этомъ сеймѣ плутовать и гражданскіе и военные чины: одни объявляли себя самовластными и забирали войсковую казну, а другіе—сторонники Москвы, стараясь лишить страну послѣднихъ силъ, приказывали уменьшить войска въ остальной части Польши. Нѣкоторые изъ военныхъ, что не служа получали чины, неоднократно продавали ихъ: сначала въ своихъ корпусахъ, а потомъ въ Вильнѣ, въ заключеніе же ходатайствовали о вознагражденіи ихъ за службу. Продавались и гражданскія должности послѣ преданныхъ отечеству людей, которыхъ изгоняли изъ края.

Наконецъ, край захваченъ. Съ нимъ вмѣстѣ пошло въ московскій плѣнъ и нѣсколько десятковъ тысячъ отборнаго войска, которое позднѣе должно было присягнуть императрицѣ Екатеринѣ и поступить къ ней на службу.

Въ числѣ польскаго войска, забраннаго въ Россію, находилась и 2-я литовская бригада, въ которой числился я, въ чинѣ маіора. Командиромъ бригады тогда былъ Сломинскій, человекъ достаточно опытный въ кавалерійской службѣ. Служилъ онъ въ саксонскомъ войскѣ и участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ противъ Фридриха Великаго.

Часто за отсутствіемъ командира мнѣ приходилось начальствовать надъ цѣлою бригадой. Я пользовался въ войскѣ довѣріемъ ибо за время 20-ти-лѣтней своей службы—отъ строеваго—ему хорошо былъ извѣстенъ мой образъ мыслей.

И вотъ, въ 1794 году, въ то время, когда я, въ такомъ несчастномъ положеніи и подѣ чужою властью, оплакивалъ участь своей родины, началъ проникать къ нашему плѣнному войску изъ остальныхъ частей свободной Польши, не смотря на всѣ преграды и военный кордонъ, голосъ, поднимающагося изъ-подъ развалинъ и взывающего о спасеніи, отечества. Этотъ голосъ нашелъ откликъ въ моемъ сердцѣ. Я прошелъ со своею бригадою изъ-подъ Кіева напроломъ болѣе 100 миль страну, уже занятою иноземнымъ войскомъ. За мною, черезъ нѣсколько дней, двинулся съ бригадою генералъ Вышковскій, бросивъ своего начальника. Позднѣе генералъ Лазинскій вступилъ, черезъ Волощизну, въ Галицію, но, не найдя тамъ австрійскихъ войскъ, отдохнувъ нѣсколько времени, направился къ Варшавѣ и соединился съ народнымъ ополченіемъ. Изъ глубины Украйны шло за мною, по моимъ слѣдамъ, около 3,000 кавалеріи. Они тоже побросали своихъ командировъ, о чемъ я не зналъ. Къ несчастію, ихъ разбили при рѣкѣ Случѣ. Только не большая часть ушла, догнала меня и присоединилась. Пробившись черезъ столько иноземныхъ войскъ, я соединился съ выбраннымъ польскимъ народомъ главнокомандующимъ Косцюшко. Косцюшко

воротился по призыву пришедшей въ движеніе отчизны изъ Америки. Тамъ онъ, воюя, подъ начальствомъ Вашингтона, противъ тирановъ англичанъ за свободу, уже имѣлъ часть земли (изъ которой могъ бы извлекать для себя пользу) и жилъ спокойно, однако же вернулся исполнить свой священный долгъ. Подъ Дубенкою, съ пятью тысячами поляковъ, онъ далъ сраженіе начальнику восемнадцатитысячнаго русскаго войска, Коховскому.

Отбывая подъ начальствомъ Костюшко священную обязанность защитника своей родины, я, раненый въ кровопролитной битвѣ при Мацѣювицахъ, попался въ плѣнъ и сдѣлался печальнымъ узникомъ дикой и безлюдной Нижней Камчатки.

Столько существуетъ подробныхъ описаній этой несчастной Мацѣювицкой битвы!.. Однако я передамъ свои сужденія, хотя, быть можетъ, они и не будутъ согласны съ прочими.

Когда мы приблизились къ Ферзену, переправы котораго не успѣлъ удержать генераль Понинскій, Ферзень въ продолженіе трехъ дней не могъ ни двинуться, ни соединиться со стороны Бреста съ Суворовымъ. Мы спѣшили встрѣтить его въ Видлахъ, между Вислою и Вепржемъ. Желательно было знать о силѣ непріятеля, и это желаніе наше исполнилось. За два дня до несчастной битвы, офицеръ, посланный мною съ командою, къ непріятельскому обозу, захватилъ маіора генеральнаго штаба съ 20-ю плѣнными. Отъ него мы получили подробныя свѣдѣнія о численности непріятеля. Я узналъ, что непріятель имѣлъ 16,000 человекъ и 60 орудій большаго калибра. Между тѣмъ у насъ было не болѣе 7,000, одно большое орудіе и 20 меньшихъ. Мы пошли на непріятеля, а Понинскій, стоявшій за нѣсколько миль, съ 5,000 отборнаго войска и нѣсколькими десятками пушекъ, получилъ приказъ слѣдовать на другой день за нашимъ обозомъ, гдѣ онъ имѣлъ назначенное мѣсто на лѣвомъ флангѣ, въ томъ именно пунктѣ, черезъ который послѣ успѣлъ прорваться къ намъ московскій генераль Денисовъ. Мы поздно приблизились къ непріятелю, разсѣяли его авангардъ и атаковали самый обозъ. Темная ночь не позволила разсмотрѣть расположенія мѣстности. Подождали дня и отправили снова курьера къ Понинскому съ приказомъ.

Вечеромъ наканунѣ битвы непріятель узналъ отъ нашихъ плѣнныхъ офицеровъ о нашихъ намѣреніяхъ, что онъ будетъ атакованъ, когда придетъ вспомогательное войско Понинскаго. Были употреблены послѣднія усилія не дать намъ возможности подкрѣпиться. Непріятель предупредилъ наши намѣренія. Въ ту же самую ночь онъ пытался прервать пути для сношеній съ генераломъ Понинскимъ. Хотя послѣдній имѣлъ уже два приказа: первый—прійти на утро и соединиться, а вторичный — двигаться какъ можно скорѣе, тѣмъ не менѣе не пелъ ближайшею дорогою, по нашимъ слѣдамъ. По причинѣ опустошенной голодомъ мѣстности онъ сдѣлалъ лиш-

нихъ двѣ мили и на помощь не прибылъ. Въ эту же ночь непріятель, въ числѣ 4,000, подъ начальствомъ генерала Денисова, началъ переправляться въ направленіи нашего лѣваго фланга. Мы были увѣрены, что, благодаря трясинѣ и непроходимому болоту, непріятель не будетъ въ состояніи пройти этимъ мѣстомъ, но слѣпая субординація и азартъ чего не въ состояніи сдѣлать! Москали клали фашины, разныя деревья, даже потопили свои вещи и три пушки. Передъ разсвѣтомъ началась атака съ двухъ сторонъ. Сначала напалъ со стороны лѣваго фланга Денисовъ. Но, будучи отбитъ, приблизился къ главнымъ силамъ и сталъ противъ генерала Косцюшко. Оба войска стали почти на шагъ отъ ружейнаго, карабиннаго и картечнаго огня. Послѣдній продолжался съ обѣихъ сторонъ безъ перерыва въ теченіе шести часовъ. Три раза мы отражали штыками непріятеля. Но онъ вдвое превосходилъ насъ численностію въ людяхъ и орудіяхъ. Результаты были для насъ печальны, ибо все легло жертвою на полѣ битвы.

Напередъ былъ сломанъ правый флангъ, и взяты въ плѣнъ генералы Сѣраковскій, Каминскій и Княжевичъ. Главнокомандующій Косцюшко удалился на лѣвый флангъ. Тамъ и я, съ частію бригады, пошелъ на проломъ. Но, встрѣченный свѣжею кавалеріей, потерпѣлъ пораженіе и, получивъ четыре раны, былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Косцюшко. Тогда же были взяты генералы Фишеръ (Tizzer) и Юліанъ Нѣмцевичъ, послѣдній, раненый, отправленъ съ Косцюшко въ Петербургъ.

Сдѣлаю нѣсколько своихъ замѣчаній касательно причинъ нашего пораженія подъ Мацѣювицами:

- во-первыхъ, непріятель былъ въ два раза сильнѣе насъ;
- во-вторыхъ, онъ предупредилъ нашу атаку, не дозволивъ намъ дожидаться дня для перемѣны позиціи;
- въ-третьихъ, не далъ намъ соединиться съ вспомогательнымъ войскомъ и

въ-четвертыхъ, мы пришли на позицію ночью и не могли обезпечить мѣстности достаточно сильнымъ карауломъ.

Если бы Денисовъ не направился на лѣвый флангъ, что было началомъ проигранной битвы, мы могли бы ретироваться къ вспомогательному войску и тогда бы выиграли сраженіе, такъ какъ послѣ несчастной битвы выяснилось, что непріятель имѣлъ только по одному заряду; патроновъ такъ много было разстрѣляно, что дѣло кончилось на однихъ штыкахъ.

II.

П л ѣ н ь.

Печальное положеніе раненыхъ и плѣнныхъ. — Мародеры. — Въ Кіевѣ, въ заключеніи. — Оборотливый караульный офицеръ. — Отправленіе въ ссылку. — Кибитка. — «Секретный арестантъ». — Отъ Кіева до Смоленска. — Въ Смоленскомъ острогѣ. — Тюремный карауль. — Строгости. — Тревожное состояніе. — Безсердечный комендантъ. — Судъ. — Допросы. — Переводъ въ другое помѣщеніе. — Болѣзнь. — Новое перемѣщеніе. — Развлеченіе. — Плутовки монашенки. — Вѣрный камердинеръ. — Ссылка въ Камчатку.

Съ поля битвы меня отвезли съ нѣсколькими ранеными.

Начальниками надъ плѣнными въ то время были генераль Хрущовъ и бригадиръ Багрѣвъ.

Утренники стояли холодные. Въ одеждѣ ощущался недостатокъ, такъ какъ мы были обобраны до наготы.

Мародеры ничего не оставили: забирали стада скота, серебро, мѣдь и все, что только находили. Въ очень многихъ мѣстностяхъ барыни, переодѣтыя помужички, проживали въ своихъ селахъ въ средѣ крѣпостныхъ. Во многихъ имѣніяхъ мучили комиссаровъ и управителей, оставленныхъ господами, чтобы указали, гдѣ находится спрятанное добро.

Напослѣдокъ сжалились и дали раненымъ и здоровымъ грязныя и мокрыя кожи захваченнаго и убитаго скота, коихъ имѣли цѣлыя груды.

Привезли меня въ бывшій польскій городъ Кіевъ, вмѣстѣ съ тремя нашими генералами, которые были взяты въ той же битвѣ: Сѣраковскимъ, Княжевичемъ и Каминскимъ. Когда меня везли черезъ Кіевъ, видѣлъ я своихъ солдатъ на общественныхъ работахъ, видѣлъ многихъ почтенныхъ дворянъ, очень много награбленныхъ вещей, лежащихъ въ кучахъ, оружіе, пушки и массу военныхъ снарядовъ. Пусть каждый чувствительный человѣкъ сообразить, что это было за ужасное для меня зрѣлище! Спутники мои тотчасъ по прибытіи въ Кіевъ были освобождены, какъ плѣнные, взятые въ остававшейся еще Польшѣ. Меня же причислили къ поданнымъ и признали бунтовщикомъ, вышедшимъ съ войскомъ изъ ихъ страны.

Я тотчасъ былъ отдѣленъ отъ своихъ товарищей и посаженъ подъ строгій карауль въ старомъ и сыромъ зданіи. Меня лишили всякаго сообщества, и даже карауль не хотѣлъ ни разговаривать, ни отвѣчать. Въ такомъ положеніи держали меня нѣсколько дней.

Городской гарнизонный офицеръ, который имѣлъ за мною надзоръ, привелъ свою жену, чтобы я купилъ у нея собственной работы капюшонъ, и я, чтобы расположить его къ себѣ, вынужденъ былъ отдать нѣсколько послѣднихъ рублей. Но и это нисколько не помогло.

На шестой день, ночью, я былъ разбуженъ и посаженъ въ кибитку. Она походила на сундукъ. Снаружи обита кожами, а внутри желѣзными листами. Только съ боку было окошечко для подачи воды или пищи, да на днѣ другая дыра для спуска (dla spadu). Сидѣнья въ сундукѣ никакого не было. А такъ какъ раны мои еще не зажили, то дали мнѣ мѣшокъ съ соломою. На меня наложенъ былъ титулъ секретнаго арестанта. Одинъ нумеръ безъ имени. Такой арестантъ у нихъ — величайшій преступникъ. Съ нимъ никто, подъ самымъ страшнымъ наказаніемъ, не можетъ не только разговаривать, но даже и знать, какъ онъ называется и за что взять.

Изъ Кіева до Смоленска меня везли семеро сутокъ, днемъ и ночью. Вездѣ при перемѣнѣ почтовыхъ лошадей сбѣгался народъ, желая узнать: что такое заперто въ сундукѣ-кибиткѣ, на верхушкѣ которой сидѣли двое вооруженныхъ солдатъ.

На шестой день я услышалъ стукъ по мостовой.

Это былъ Смоленскъ.

Смоленскъ (ахъ, содрогаюсь отъ воспоминанія!) былъ могилою для нашихъ соотечественниковъ. Здѣсь погибло столько тысячъ честныхъ поляковъ! Одни погибли отъ лишеній, другіе отъ сырыхъ темничныхъ стѣнъ, наконецъ, третьи, чтобы избѣжать всего этого, нарочно сами себя губили¹⁾.

Высаженный ночью, у какой-то огромной и старой стѣны, я услышалъ звукъ оружія и увидѣлъ толпу солдатъ, затѣмъ меня провели длиннымъ и узкимъ корридормъ и помѣстили въ узенькой камерѣ, освѣщенной закопченною лампою, подъ карауломъ изъ нѣсколькихъ солдатъ. Тамъ были два окна съ желѣзными рѣшетками, забитыя досками, чтобы нигдѣ не могъ проникать дневной свѣтъ. Надо было догадываться—ночь или день. На подобный вопросъ сторожъ мнѣ не отвѣчалъ. Только потомъ я отличалъ день отъ ночи, когда мнѣ приносили ѣсть. Кушанье мнѣ давали: два блюда на обѣдъ и одно на ужинъ. Не давали мнѣ ни вилокъ, ни ножа и повсюду изъ стѣнъ вытащили гвозди, чтобы я не лишилъ себя жизни. Въ камерѣ, какъ я сказалъ, висѣла казенная лампа. Она должна была горѣть цѣлую ночь. Разъ какъ-то я сдѣлалъ на нее экранъ изъ платка и за это былъ обвиненъ негоднымъ унтеръ-офицеромъ, будто бы изъ ненависти закрываюсь отъ караула. На слѣдующую ночь, смотрю, на моихъ ногахъ сидятъ солдатъ. Вскликаю и спрашиваю:

— Чего ты тутъ сидишь?

Отвѣчаетъ, что ему приказано день и ночь на меня смотрѣть, такъ какъ я ихъ не люблю.

¹⁾ Пересылали въ Смоленскъ до 3.000 или болѣе плѣнныхъ польскихъ солдатъ: несчастныхъ, нагихъ, босыхъ. Половина ихъ погибла на пути отъ страшныхъ морозовъ. Изъ оставшихся часть была отослана на корабли, а нѣсколько сотъ умерло въ одну ночь: запертые въ новыя, только что натопленные помѣщенія, они почти всѣ смертельно угорѣли; остались очень немногіе. Авт.

Ежедневно карауль объявлялъ мнѣ, хотя я о томъ не спрашивалъ совсѣмъ, что въ тотъ день столько-то поляковъ засѣкли, а столько-то повѣсили. Хотя это была и не правда, но приказано было нарочно мнѣ такъ говорить. Какъ бы то ни было, въ головѣ роились тысячи мыслей. Неизвѣстность пугала. Когда все стихло, я не могъ спать, слыша, какъ мнѣ сдавалось, за другими стѣнами, о-бокъ меня, какіе-то удары, пытки и бряцаніе кандалами. Ужасъ нападалъ на меня какъ бы и мнѣ не попасть туда. Къ счастью, я узналъ, что это были уголовные преступники, и что исправительный домъ тутъ помѣщается вмѣстѣ.

Въ началѣ второй недѣли явился ко мнѣ въ тюрьму комендантъ, который имѣлъ надзоръ за всѣми плѣнниками. Это былъ родовитый москаль, но вмѣстѣ съ тѣмъ не человѣкъ, а тигръ или какой другой хищный звѣрь. Онъ самъ еще увеличивалъ лишенія и несчастія бѣдныхъ заключенныхъ поляковъ. И вотъ этотъ-то достопочтенный господинъ беретъ меня въ свой экипажъ и везетъ; куда—не знаю, думалъ—на смерть. Долгое время я не видѣлъ свѣта, поэтому все представлялось мнѣ теперь страннымъ. Казалось, что весь городъ кружится, а также и я съ экипажемъ. Онъ обвезъ меня по многимъ улицамъ нѣсколько разъ и, наконецъ, остановился передъ высокимъ и великолѣпнымъ зданіемъ, сказавъ, что это дворецъ императрицы, и что онъ привезъ меня сюда для развлечения.

Когда онъ ввелъ меня въ одну большую залу, я тутъ понялъ, что это было судебное мѣсто. Мнѣ велѣли подойти. А такъ какъ я еще былъ боленъ—раны мои не зажили, то приказано дать мнѣ стулъ и предложено сѣсть. Спросили прежде всего о происхожденіи, вѣроисповѣданіи, лѣтахъ и вообще обо всей жизни. Къ счастью, я былъ предостереженъ капитаномъ малороссомъ, который везъ меня изъ Кіева въ Смоленскъ. Онъ научилъ меня, чтобы, не смотря на всѣ ихъ угрозы и стараніе сбить, держаться одного.

— Присягалъ ли?—спросили меня.

Отвѣчалъ, что въ продолженіе своей двадцатилѣтней службы я присягалъ нѣсколько разъ и не понимаю, чего они хотятъ.

Снова спросили:

— Какая была послѣдняя присяга?

Я еще не понялъ,—отвѣчалъ, что послѣдняя была самая важная: отстаивать и защищать свою отчизну до послѣдней капли крови.

— Не о томъ спрашиваемъ,—сказали они,—а монархинѣ нашей присягалъ?

Отвѣчалъ, что силою принужденъ былъ къ этому.

— А развѣ это ничего не значить?

— Любовь къ своему отечеству заставила меня забыть объ этомъ,—отвѣчалъ я.

Этимъ они были возмущены и встали съ своихъ мѣстъ, а меня приказали тотчасъ же отвести въ тюрьму.

На третій день я вторично предсталъ передъ тѣмъ же самымъ судомъ, и мнѣ были предложены новые вопросы:

Кто мнѣ сообщалъ о революціи, и кто изъ жителей занятаго края былъ со мною въ заговорѣ, а также кто мнѣ помогалъ и кто о томъ зналъ?

Отвѣчалъ, по обыкновенію, какъ честный человѣкъ. Пусть предложатъ мнѣ величайшія награды и тысячи казней, — я человѣкъ честный и не могу компрометировать невинныхъ; никто изъ жителей ничего не зналъ, и ни одинъ изъ нихъ мнѣ помощи не давалъ, ибо я былъ мало еще имъ извѣстенъ; въ этотъ край я пришелъ съ бригадою изъ литовской провинціи, но любовь къ отчизнѣ, тоска и ревность указали мнѣ путь. Я съ чувствомъ обратился къ предсѣдательствующему: я честный офицеръ, взятый на полѣ битвы, раненый, между тѣмъ со мною обращаются такъ варварски.

И кончился мой допросъ.

Мнѣ велѣли самому описать весь ходъ дѣла.

Тогда же перевели меня изъ прежней тюрьмы въ огромную залу, въ коей было 40 большихъ оконъ и 4 печи. Въ этой залѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ собиралось дворянство на выборы или сеймики. Холодно было до невозможности. Тридцати мѣдныхъ копеекъ въ сутки должно было хватить и на прожитіе, и на одежду, и на топливо. Своему караулу я велѣлъ класть въ печь по три небольшихъ полѣна, и какъ только нагрѣвалось нѣсколько кирпичей, влѣзалъ въ печку. Устройство печей здѣсь таково, что отверстіе для топки у нихъ по срединѣ.

Наконецъ, отъ холода, голода и лишеній я такъ опасно заболѣлъ, что не надѣялся остаться въ живыхъ. Просилъ черезъ коменданта объ исповѣди, ибо въ этомъ городѣ была католическая каплица и бернардинъ, содержавшійся нѣкоторыми, взятыми въ плѣнъ прежде, поляками. Не позволили мнѣ видѣть ксендза, боясь, очевидно, чтобы я на исповѣди не открылъ какихъ либо секретовъ или чтобы не имѣлъ какого либо совѣщанія. Доходило уже до того, что долженъ былъ безъ исповѣди умирать, но Провидѣніе спасло, хотя къ худу для меня, чтобы перенести столько послѣдующихъ ужасныхъ испытаній...

Черезъ нѣсколько дней сжалились надо мною. Увидѣвъ, что уже отъ одного холода можно было умереть, перевели меня изъ этой огромной залы въ какой-то старый каменный домикъ за желѣзной рѣшеткой. Тамъ уже было теплѣе.

Въ этой третьей тюрьмѣ ко мнѣ былъ приставленъ унтеръ-офицеръ съ четырьмя нижними чинами. Караулъ этотъ перемѣнялся каждые шесть дней. Ежели, на мое счастье, былъ какой нибудь добрый унтеръ-офицеръ, то хотя мнѣ и нельзя было разговаривать съ ними и имъ также со мною, за то, по временамъ, можно было смотрѣть черезъ рѣшетку. Надо было только дать часть отпускаемыхъ мнѣ

на прожитіе денегъ. Да и то они заклинали меня, чтобы какъ нибудь я не проговорился объ этомъ коменданту, который посѣщаль меня разъ въ недѣлю.

Изъ моего окна былъ видъ на кладбище. Часто развлекали меня похороны и пѣніе поповъ. Было и другое зрѣлище. Нерѣдко я видалъ, какъ въ монастырѣ черницы или монахини спускали изъ своихъ оконъ лѣстницы, чтобы выйти изъ монастырской ограды,— одна другой помогала. Объ этихъ набожныхъ монахиняхъ много я слышалъ рассказовъ изъ разговоровъ моей стражи.

Во время моей болѣзни, когда докторъ объявилъ, что я не стану жить, навѣстилъ меня комендантъ и въ видѣ утѣшенія сообщилъ мнѣ, что есть тутъ мой камердинеръ Шмигельскій. Онъ находился уже въ Смоленскѣ три мѣсяца, а я не зналъ ничего. Этотъ честный человѣкъ, послѣ Маѣвювицкой битвы, взявъ у генерала Суворова паспортъ, съ 400 дукатовъ въ карманѣ, ѣздилъ по Москвѣ и разнымъ крѣпостямъ, розыскивая меня, такъ какъ изъ чувства расположенія хотѣлъ находиться при мнѣ. Комендантъ прислалъ его ко мнѣ, отобравъ у него деньги, ибо арестантъ, по ихъ мнѣнію, не долженъ имѣть денегъ. Изъ этихъ-то денегъ мой вѣрный камердинеръ израсходовалъ на поѣздку до ста дукатовъ. Оставалось еще триста. Изъ нихъ комендантъ прибавлялъ по нѣсколько рублей къ моему арестантскому жалованью. Такимъ образомъ, я сталъ имѣть большія удобства, болѣе теплое помѣщеніе и лѣкарства, ибо имѣлъ уже чѣмъ заплатить.

На четвертый мѣсяць моего пребыванія въ Смоленскѣ пришелъ приказъ Екатерины—всѣхъ плѣнныхъ поляковъ развести по разнымъ мѣстамъ. Относительно же меня былъ особый указъ: отнять мое имя, а вмѣсто того дать тюремный номеръ, отдѣлить меня отъ всего человѣческаго общества до дальнѣйшаго повелѣнія и отправить въ Нижнюю Камчатку.

Тогда разлучили меня съ моимъ Шмигельскимъ, и что съ нимъ сдѣлалось или дѣлается, до сего времени не имѣю извѣстій.

III.

Путешествіе до Иркутска.

Отъ Смоленска до Москвы и отъ Москвы до Казани.—Остановка въ Казани.—Описаніе города.—Путь отъ Казани до Тобольска.—Селенія.—Ссылныя.—Прежде полковница, а послѣ кузнециха.—Татары, чувашы, черемисы, вотяки и остяки.—Ихъ религія, языкъ, обычаи, одежда и занятія.—Между Тобольскомъ и Иркутскомъ.—Пересыльные арестанты.—Разбой.—Болѣзь.—Киргизы.—Нижнеудинскъ.—Ночлегъ съ приключеніемъ.—Мошенникъ конвойный офицеръ.—Воры судьи.—Киренскъ.—Стихи княгини Меншиковой.—Разговорчивый хозяинъ.—Якуты.—Иркутскъ.—Квартира въ домѣ купца.—Гуманный комендантъ и добрый докторъ.

Опять ночью меня разбудили и снова посадили въ кибитку и повезли къ мѣсту назначенія. Конвоировали меня офицеръ съ унтеръ-офицеромъ и четырьмя солдатами. Со мною сѣло нѣсколько воору-

женныхъ солдатъ. Ни одинъ изъ нихъ не говорилъ ни слова со мною. Везли безостановочно пять дней и ночей. На шестой день мы ночевали на станціи, но ни я никого, ни меня никто не видѣлъ.

Мнѣ хотѣлось знать, куда меня везутъ. Однажды, при перемѣнѣ лошадей, когда всѣ отошли отъ повозки за конями и за покупками, остался при мнѣ только одинъ старичекъ солдатъ. Началъ я его просить и далъ нѣсколько пятаковъ, чтобы онъ сказалъ, куда меня везутъ. Онъ долго раздумывался и съ боязнью и страхомъ сказалъ, что знаетъ только, что они назначены до Иркутска.

Я уже сталъ болѣе спокоенъ, полагая, что въ Иркутскѣ конецъ моимъ страданіямъ, въ чемъ, какъ послѣ оказалось, жестоко ошибся.

На десятый день по выѣздѣ изъ Смоленска мы остановились въ столичномъ градѣ Москвѣ. Постоянно человѣкъ былъ какъ-то не увѣренъ: лишь только привозили въ какой либо городъ, такъ и казалось, что вотъ уже казнятъ, ибо у нихъ такъ дѣлается, что плѣнныхъ и преступниковъ разсылаютъ по разнымъ мѣстностямъ и тамъ подвергаютъ смертной казни. Въ Москвѣ я оставался слишкомъ два дня, но города не видѣлъ. Меня постоянно помѣщали въ какомъ-то отдаленномъ закоулкѣ.

На третій день, по обычаю, былъ закупоренъ въ кибиткѣ. Офицеръ и его подначальные были постоянно пьяны и никакой учтивости, ни даже человѣколюбія не оказывали мнѣ.

Изъ Москвы меня отвезли въ Казань. Въ этомъ городѣ мы пробыли нѣсколько дней.

Приѣзжая въ каждый городъ, мы останавливались всегда передъ полицейскимъ домомъ. Повсюду, пока мнѣ не было отведено мѣсто для ночлега или ѣды, народъ собирался толпами. Такія остановки дѣлали не ради меня, а ради конвоя, который не въ состояніи былъ перенести тяжелой дороги. По требованію сопровождавшаго меня офицера давали на ночь до города караулы. На пути отъ Смоленска до Иркутска изъ моей стражи погибло трое солдатъ. Обыкновенно они ломали себѣ руки или ноги, падая съ верхушки моей кибитки, когда пьяные летѣли съ горъ. Часто, когда кони очень разбѣгались, казалось, что кибитка опрокидывалась, и лошади тащатъ ее въ такомъ положеніи съ четверть мили. И тогда я, запертый въ ней, колотился, какъ селедка въ бочкѣ. Одно только меня спасало, что я былъ обложенъ мѣшками, сѣчкой и соломой.

Въ Казани мнѣ дали довольно хорошее помѣщеніе въ одномъ большомъ каменномъ домѣ. Въ первый день не обратили вниманія на то, что мое окно, во второмъ этажѣ, выходило на улицу. Я воспользовался этимъ и, увидѣвъ нѣсколькихъ знакомыхъ офицеровъ поляковъ, разговоривалъ съ ними и узналъ о многихъ дѣлахъ. Но когда, на мое несчастіе, подстерегли,—немедленно приказали заколотить окошко наглухо.

Городъ Казань, нѣкогда татарское азіатское царство, былъ поко-

рентъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ; позднѣе его разрушилъ Пугачевъ. И доселѣ еще существуютъ слѣды развалинъ стѣнъ и валы. Въ самомъ городѣ живутъ: русскіе, татары, черкесы, вотяки, зыряне (syrganie) и монголы (mogolowie). Казань расположена на рѣкѣ Казанкѣ (nad r. Kazana) и большой рѣкѣ Волгѣ, впадающей въ Каспійское море, и считается послѣ Петербурга и Москвы третьимъ городомъ. Въ Казани много домовъ въ европейскомъ вкусѣ, порядочныхъ лавокъ и нѣсколько тысячъ купцовъ. Въ городѣ находится образъ Божіей Матери, порусски его называютъ Казанская Пресвятая Дѣва. Люди изъ очень отдаленныхъ странъ приходятъ на праздники и много приносятъ для города прибыли.

Изъ Казани до Тобольска везли меня тѣмъ же способомъ, т. е. безъ всякой снисходительности, удобствъ и человѣчности. Въ продолженіе этого пути проѣзжалъ я черезъ разныя несчастныя мѣстечки и колоніи, населенныя ссыльными; повсюду встрѣчалъ клейменныхъ и безносыхъ людей. Почти на каждомъ перегонѣ можно было видѣть такихъ уродовъ. Впрочемъ, около Казани попадались, по мѣстамъ, обширныя и богатыя колоніи, заселенныя давно уже сосланными на поселеніе. Изъ ссыльныхъ очень многихъ берутъ въ казацкіе полки и даютъ имъ названіе казаковъ или донскихъ или черноморскихъ, такъ какъ на Дону и въ казацкихъ провинціяхъ не хватаетъ самыхъ казаковъ. Хозяиничаютъ и обрабатываютъ землю едва ли не однѣ женщины,—мужчинъ почти нѣтъ,—всеѣхъ забираютъ въ солдаты. На одномъ ночлегѣ какая-то женщина принесла ѣсть для стражи. Офицеръ замѣтилъ, что у нея лицо не простонародное, и спросилъ, кто она. Она отвѣтила, что когда-то была полковница, а теперь кузнечиха, что сослана, а за что, того не хотѣла сказать. По той же самой дорогѣ, въ разныхъ селеніяхъ и на станціяхъ мы находили очень много поляковъ, которые оставались еще отъ временъ Барской конфедераціи, и изъ нихъ образовались многочисленныя колоніи.

Нѣсколько десятковъ поколѣній татаръ и другихъ народовъ—чувашей, черемисовъ, вотяковъ и остяковъ, поселились около Казани и по дорогѣ къ Тобольску.

Вокругъ Казани можно считать, по меньшей мѣрѣ, до двухсотъ тысячъ татаръ. Они воздѣлываютъ землю и платятъ весьма большія подати, частію деньгами, частію мѣхами. Въ этой сторонѣ мало еще звѣрей, и они не на столько прекрасны, какъ въ отдаленныхъ странахъ Сибири. Тутъ нѣтъ еще соболей, а есть лишь много бѣлокъ, рысей, куницъ, бобровъ и медвѣдей.

Въ убранствѣ татары приближаются къ туркамъ: женщины ходятъ въ чалмахъ и носятъ богатыя матеріи, которыя покупаютъ у бухарцевъ. Одѣваются онѣ прекрасно и богато, но мужья запираютъ ихъ, и только иногда случайно можно ихъ видѣть. Въ домахъ у нихъ величайшая опрятность. Два яруса лавокъ выставлены ков-

рами. Сидятъ положивши ноги накрестъ. Въ каждомъ почти домѣ подлѣ печей вдѣланы котлы. Въ нихъ они ошпариваютъ голубей и готовятъ вкуснѣйшія кушанья.

Когда холостой мужчина задумаетъ взять дѣвушку себѣ въ жены, посылаетъ къ ней коня. Она отсылаетъ его обратно и, если вплететъ ему въ гриву ленту, значить отдаетъ свою руку. Въ дальнѣйшихъ же церемоніяхъ этого обряда они подражаютъ жидамъ: каждый изъ участниковъ веселья долженъ съѣсть цѣлую курицу, а живую перебросить черезъ головы молодыхъ, чтобы летали; дѣлаютъ и другія подобныя чудачества.

Чуваши въ большинствѣ обычаевъ также слѣдуютъ туркамъ: имѣютъ свои мечети безъ колоколовъ, молятся на луну и строго хранятъ свои праздники. Богатство ихъ заключается въ большихъ стадахъ лошадей, рогатаго скота и овецъ; всѣ фабрики разнообразныхъ матерій у нихъ свои, ни отъ кого ничего не покупаютъ. Женщины убираются такъ же, какъ мужчины, различаются только серьгами, которыя носятъ въ ухахъ, особенной величины, серебряныя, въ формѣ полумѣсяца, а на груди, отлитыя изъ серебра изображенія солнца.

Черемисы похожи на чувашъ и сходятся съ ними почти во всѣхъ обрядахъ.

Черемисскія женщины очень ловки, смѣло ѣздятъ на лошадяхъ, стрѣляютъ изъ луковъ, играютъ на инструментахъ, которые дѣлаютъ сами, на манеръ нашей гитары, со струнами изъ конскихъ волосъ. Дѣвушки у нихъ носятъ плетеную косу изъ конскихъ волосъ почти до самой земли; на концѣ косы привязываютъ разные звонки, а по серединѣ серебряныя монеты, раздѣляющія пряди.

Вотяки отличаются особеннымъ способомъ обработки земли. Одежда у мужчинъ и женщинъ совершенно не одинаковая. Мужчины совсѣмъ не щеголи: верхняя одежда у нихъ изъ разнаго звѣря, собакъ и конской кожи. Женщины носятъ шапки вышиною около локтя, похожія на гренадерскія, изъ богатыхъ матерій, украшенныя разными бахромами; все бѣлье трудолюбиво вышито гарусомъ; верхнія платья—по большей части изъ бухарскихъ матерій.

Остяки почти во всемъ похожи на предыдущихъ. Религіи всѣ языческой; разница только въ языкѣ. Занимаются отчасти земледѣліемъ, отчасти охотой; звѣря бьютъ изъ луковъ, ибо другого оружія имъ нельзя имѣть.

Всѣ указанныя мною племена, за исключеніемъ татаръ, не очень многочисленны: они едва населяютъ нѣсколько сотъ селеній, разбросанныхъ по лѣсамъ. Платятъ подушную подать и выставляютъ въ небольшомъ количествѣ рекрутовъ.

Отъ Казани до Тобольска считаютъ свыше 300 европейскихъ миль. Только на одной проѣзжей дорогѣ въ Иркутскъ, проложенной Петромъ Великимъ черезъ эти дикіе и темныя лѣса, попадаютъ

и то очень рѣдко мѣстечки, поселенія и отдѣльныя жилища съ ссыльными, для содержанія почты въ дальнюю Сибирь.

Значительнѣйшія изъ поселеній: Ишимскъ, Краснослобода, Тюмень (Тюмен), Тара и Туринскъ. Почта здѣсь очень дешева: стоитъ одну копейку на версту, а въ милѣ считается 7 верстѣ; на обратный же путь изъ Сибири до Москвы плата взимается вдвое.

На проѣздномъ трактѣ, при большой рѣкѣ Камѣ, живутъ бухарцы, калмыки и цыгане.

На этой дорогѣ я видѣлъ много развалинъ огромныхъ стѣнъ и камня, встрѣтилъ до двухъ тысячъ поляковъ, которыхъ гнали къ Черному морю на корабли.

Привезли меня въ Тобольскъ. Здѣсь я оставался два дня, а потомъ былъ отправленъ далѣе въ Иркутскъ.

На пути встрѣчаль по нѣсколько сотъ людей обоюго пола, прогоняемыхъ въ ссылку въ Иркутскъ, при очень небольшой стражѣ. Пересылаютъ ихъ изъ одного селенія въ другое, и едва лишь въ концѣ третьяго года они прибываютъ изъ Европы въ Иркутскъ. Убѣжать тамъ, гдѣ нѣтъ по сторонамъ дороги селеній, не можетъ ни одинъ, а если бы кто либо захотѣлъ скрыться въ лѣсу, его съѣли бы звѣри. На половинѣ дороги до Иркутска невольниковъ раздѣляютъ: однихъ отдаютъ въ рудники, другихъ поселяютъ на пустыхъ мѣстахъ, а третьихъ сдаютъ на заводы въ Минусинскъ, Барнауль и Екатеринбургъ. Въ этихъ трехъ мѣстахъ чеканятъ мѣдныя деньги съ изображеніемъ двухъ соболей. Мѣдь изъ Сибири не выпускаютъ, ибо въ ней заключаются частицы золота, и поэтому на границѣ осматриваютъ.

Иногда между арестантами устраиваются браки посредствомъ метанія жребія. Вѣнчаетъ капитанъ-исправникъ, пока черезъ нѣсколько лѣтъ какъ нибудь не утвердитъ этого брака пошт. Церкви очень рѣдки. Священники въ Сибири, ежели имѣютъ сыновей, отправляютъ ихъ для посвященія въ Тобольскъ или Иркутскъ. Такимъ образомъ со временъ Петра Великаго населеніе колоній умножилось. Отцы этихъ колонистовъ были безъ ушей и носовъ, настоящее же поколѣніе здорово, такъ что ихъ берутъ въ рекруты въ сибирскія команды.

Проѣзжая черезъ пустыни, брали конвой. На трактѣ къ Кяхтѣ, къ китайскимъ границамъ, часто нападаютъ на купеческія караваны, идущіе въ Москву. Этимъ промышляютъ разбойники, бѣглые изъ рудниковъ и заводовъ. Они соединяются съ разными дикими ордами. Лѣтомъ и зимою живутъ въ глухихъ и недоступныхъ лѣсахъ. Желалъ я тогда, чтобы разбойники напали и отняли меня. Но мой офицеръ учтиво передалъ мнѣ, что на случай нападенія у него есть секретный приказъ: меня перваго убить... Послѣ я уже не хотѣлъ, чтобы это случилось...

Дорогою я опасно заболѣлъ и поэтому просилъ офицера оста-

новиться на нѣсколько дней. На это онъ отвѣтилъ мнѣ, что видѣть и входить въ настоящее мое положеніе, но имѣеть приказъ нигдѣ не останавливаться и даже въ случаѣ моей смерти долженъ довести мое тѣло до назначеннаго мѣста. Нечего было дѣлать. Вложили меня въ кибитку и больнаго повезли дальше въ городъ Нижнеудинскъ.

Въ окрестностяхъ Нижнеудинска обитають народы тунгусы и киргизы. Они имѣють большія стада сѣверныхъ оленей и прѣзжаютъ на нихъ часто въ этотъ городъ. Лѣтомъ и зимою живутъ въ лѣсахъ между горами. Устраивають изъ мѣховъ шатры; по срединѣ разводять огонь, около котораго грѣются, а вверху шатра находится отверстіе, черезъ которое выходитъ наружу дымъ. Коль скоро выпасутъ одно мѣсто, т. е. олени истребятъ бѣлый мохъ, а они перебьютъ по близости всѣхъ звѣрей, забирають дѣтей, свое имущество, шатры и цѣлымъ таборомъ переносятся дальше. Все это перевозятъ на оленяхъ, которые на столько смышлены, что, проходя черезъ густые лѣса, не поцарапають о деревья дѣтей, которыхъ привязываютъ къ нимъ.

Въ самомъ городѣ Удинскѣ живутъ по преимуществу сельные, люди въ настоящее время очень богатые, такъ какъ занимаются обработкою земли и торговлею.

Ближе къ Иркутску я миновалъ много селеній, въ коихъ нашель поляковъ, пруссаковъ и шведовъ. Взятые въ плѣнъ въ давней войнѣ со шведами и пруссаками, они не были освобождены, но показаны умершими; теперь это значительныя поселенія, занимающіяся хлѣбопашествомъ.

Находясь въ пятистахъ верстахъ отъ Иркутска, мы остановились на двухдневный отдыхъ. Селеніе оказалось довольно значительнымъ; тутъ же находился низшій судъ. Солдаты были измучены и искалѣчены вслѣдствіе того, что опрокинулась кибитка. По требованію конвойнаго офицера дали стражу. Здѣсь соединились подъ командою моего офицера, для пересылки въ Иркутскъ, доминиканскій пріоръ Раковскій, Городенскій изъ Минска и Янъ Зенковичъ съ двумя ошмянскими шляхтичами въ полотняныхъ жупанахъ. Они были совершенно невинны и занимались земледѣліемъ, но такъ какъ носили имена двухъ нашихъ магнатовъ въ Смоленскѣ, которые откупились, то ихъ и взяли вмѣсто нихъ.

Въ послѣднюю ночь остановки, когда почтовые лошади стояли уже готовыми передъ домою, а мѣстная стража, солдаты и мы еще крѣпко спали, нашъ конвойный офицеръ, вставъ, украдкою погасилъ огонь, который регулярно горѣлъ цѣлую ночь, вездѣ, гдѣ только мы ночевали. Утромъ встаю и смотрю: вскакиваетъ нашъ офицеръ, дѣлаются съ нимъ какъ бы конвульсіи, жметя, ищетъ чего-то на кровати и, наконецъ, говорить, что у него украли бумажникъ, въ которомъ были всѣ наши деньги (ибо арестантамъ не позволяется

держатъ ихъ при себѣ); кромѣ того, онъ имѣлъ очень много казенныхъ суммъ; на почту до Иркутска на 22 лошади, жалованье на всю команду на 6 мѣсяцевъ и на обратный путь для себя отъ Иркутска до Смоленска. Послѣ я узналъ, что укралъ онъ самъ, вышелъ ночью и положилъ подъ камень около перевоза, гдѣ мы должны были переѣзжать. Привелъ онъ въ наше помѣщеніе низшій судъ и предложилъ осмотрѣть себя, насъ всѣхъ и наши вещи. Низшій судъ ничего не нашелъ, только одинъ изъ ихъ благородій укралъ у ксендза-пріора часы. Послѣ того офицеръ немедленно послалъ въ Иркутскъ курьера съ донесеніемъ о случившемся, что везетъ весьма важныхъ и секретныхъ арестантовъ, что они ночуютъ въ селеніи, въ которомъ живутъ одни воры и разбойники, что при ихъ же караулѣ онъ былъ обокраденъ и не имѣетъ на что вести арестантовъ далѣе. При этомъ онъ собралъ нѣсколько свидѣтельствъ отъ проживающихъ тамъ нѣкоторыхъ мелкихъ купцовъ, что въ этомъ селеніи было уже нѣсколько такихъ случаевъ съ другими. Курьеръ воротился съ деньгами и приказаніемъ ѣхать скорѣе.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ миль не доѣзжая Иркутска, на самомъ трактѣ расположена колонія Кирина¹⁾, заселенная нѣсколькими десятками ссыльныхъ. Отвели намъ квартиру,—домъ довольно большой и удобный; окна были изъ того довольно прозрачнаго камня, который рвется листами²⁾, на немъ пишутъ кремнемъ или гвоздемъ, какъ на пергаментѣ.

Когда конвойный офицеръ повеселѣлъ, а съ нимъ и весь караулъ, сталъ я присматриваться къ окну и замѣтилъ нѣсколько написанныхъ порусски стиховъ. Они принадлежали княгинѣ Меншиковой. Когда ее съ мужемъ³⁾ везли въ ссылку, они останавливались въ этомъ домѣ на нѣкоторое время. Выплакавши съ горя глаза, она не доѣхала до Березова (do Berczowuch ostrowów), умерла на дорогѣ и тамъ погребена⁴⁾. Когда я читалъ на окнѣ стихи, вошелъ очень старый человѣкъ, лѣтъ 80; онъ въ молодости, въ чинѣ офицера, былъ сосланъ въ это селеніе. Какъ только вошелъ, заявилъ, что онъ хозяинъ, и что домъ его назначенъ для отдыха несчастныхъ; занималъ меня два часа, много разсказалъ мнѣ приключеній, такъ что мой офицеръ не выспался. Старичка этого я болѣе не видѣлъ.

Подлѣ селенія течетъ большая рѣка Кирина, по теченію которой обитаетъ очень много якутовъ.

Численность ихъ опредѣляютъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ.

¹⁾ То-есть городъ Кириенскъ. Г. В.

²⁾ Авторъ говоритъ о слюдѣ. Г. В.

³⁾ Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать съ отцемъ. Г. В.

⁴⁾ Авторъ, очевидно, смѣшиваетъ Меншиковыхъ—дочь и мать. Последняя, дѣйствительно, ослѣпла и умерла съ горя, не доѣзжая Казани, старшая же дочь князя Александра Даниловича скончалась уже въ Березовѣ. Г. В.

Работаютъ они въ полѣ по большей части нагіе, только спереди носятъ ременные фартуки. Обсыдуть ихъ большія мухи, оводы, комары, пауки—они ничего не чувствуютъ вслѣдствіе грубости кожи, черезъ которую боль не проникаетъ. Люди эти—карлики, косолапые, глаза большіе, лица широкія и черноватаго цвѣта, волосы черные и грубые, какъ у коня. Они необыкновенно сильны, ѣздятъ молодецки на коняхъ, мѣтко стрѣляютъ изъ луковъ и отличаются пылкостью. Женщины одѣваются весьма красиво, носятъ платья изъ шкуръ, раскрашиваютъ ихъ красками и трудолюбиво расшиваютъ различными травами, волосами коней и звѣрей, ѣздятъ на коняхъ, стрѣляютъ изъ луковъ, молодцоваты на видъ и легко переносятъ холодъ, а тамъ такъ холодно, какъ ни въ одной части Сибири. Владѣютъ они большими стадами лошадей и скота; лошадей никогда не подковываютъ, а между тѣмъ тѣ на strapныхъ льдахъ и горахъ такъ держатся, какъ бы были подкованы наостро.

На пятый мѣсяцъ мы пріѣхали въ Иркутскъ. Передъ нимъ протекаетъ большая рѣка Ангара. Она выходитъ изъ очень высокихъ горъ, въ Китаѣ. Говорятъ, что такой быстрой нѣтъ въ цѣлой Европѣ. На ней болѣе мили вверхъ стоятъ суда, на коихъ въ мгновеніе ока перевозятъ въ Иркутскъ. Городъ весьма разбросанъ. Въ немъ считается до 4,000 домовъ, въ томъ числѣ нѣсколько десятковъ каменныхъ китайской, татарской и русской архитектуры и нѣсколько церквей.

Когда мы пріѣхали, встрѣтилъ насъ на берегу комендантъ. Насъ разъединили, и я своихъ компаньоновъ съ этихъ поръ уже больше не видѣлъ. Меня взяли подъ новый караулъ и помѣстили въ домъ одного купца. Домъ былъ на половину почти необитаемъ. Зала прекрасно меблирована; нѣсколько десятковъ превосходнѣйшихъ китайскихъ деревьевъ, изъ коихъ нѣкоторыя касались почти самаго потолка, стояли въ горшкахъ. Словомъ, помѣщеніе то было бы для меня раемъ, если бы я былъ здоровъ, свободенъ и не тревожился ожиданіемъ, что вотъ-вотъ рѣшится моя судьба.

Комендантъ города, человѣкъ очень гуманный, прислалъ мнѣ ѣсть со своего стола. Вилочъ и ножей не было, дали только одну ложку; арестантамъ нигдѣ ни вилочъ, ни ножей не полагается.

На утро посѣтилъ меня мѣстный докторъ, человѣкъ очень учтивый. Онъ недавно вышелъ изъ Петербургской академіи, женился въ этомъ городѣ на дочери первѣйшаго купца, который получилъ чинъ, соответствующій полковнику, и крестъ за открытіе на океанѣ многихъ острововъ ¹⁾. Онъ надавалъ мнѣ на дорогу очень много лѣкарствъ, предостерегая, чтобы я ихъ берегъ, ибо тамъ далѣе уже ни докторовъ, ни лѣкарствъ не знаютъ. Затѣмъ спросилъ, чтó я привыкъ пить утромъ. Отвѣтилъ, что прежде пилъ кофе, а теперь

¹⁾ Не Григорій ли Ивановичъ Шелеховъ былъ этотъ купецъ? Г. В.

даже и забыть о томъ. При самомъ отъздѣ онъ далъ мнѣ большой и крѣпко завязанный мѣшокъ, говоря, что въ немъ травы, которыя онъ совѣтовалъ употреблять каждый день, сколько захочется. Когда я развязалъ его дорогою, то напелъ, вмѣсто травъ, нѣсколько фунтовъ сырого тертаго кофе и большую голову сахару. Кофе и сахаръ вещи очень дорогія въ Иркутскѣ. Въ моментъ отъзда пришелъ комендантъ. За нимъ принесли шубу на оленьемъ мѣху и вложили въ мою кибитку. На высказанное мною по этому случаю удивленіе—стояла еще не поздняя осень, и было довольно тепло, а мнѣ дають шубу—комендантъ отвѣтилъ, что черезъ нѣсколько дней я встрѣчусь съ зимою. Слова коменданта оправдались: чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ становилось холоднѣе, и шуба мнѣ весьма пригодилась.

Перевелъ и сообщилъ Г. А. Воробьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ЖЕНЩИНЪ.

...Женская эмансипация требует, чтобы женщина, на которую возложили обязанности нашей эпохи, обладала также ея правами.

И. Кеттлеръ (председательница «Нѣмецкаго общества женской реформы»).

Придегъ время, когда женщина окончательно сотретъ съ себя слѣды застарѣлаго рабства и некультурности и будетъ жить и развиваться вполне свободно, согласно съ особенностями своего типа, когда образование будетъ необходимымъ свойствомъ женщины, образование не въ видѣ копій, сколка съ мужского, но свое, оригинальное...

П. Каптеревъ.

I.

ВЪ ОТЗЫВѢ о книгѣ г. Михневича: «Русская женщина XVIII столѣтія» («Историч. Вѣстн.», т. LXIV), я упомянулъ о выходѣ новыхъ трудовъ по женскому вопросу: Я. Оровича—«Женщина въ правѣ», и К. В.—«Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи», обѣщая поговорить о нихъ современемъ. Настоящій моментъ мнѣ представляется наиболѣе благоприятнымъ для такой бесѣды: за границей, въ Женевѣ и Берлинѣ, только что завершились два конгресса, посвященныхъ обязанностямъ и правамъ женщинъ, на коихъ присутствовали и наши петербургскія соотечественницы, и гдѣ высказано было немало пожеланій относительно будущей роли женщинъ въ современномъ ходѣ вещей; кромѣ того, въ текущемъ году, въ Парижѣ сталъ выходить новый журналъ: «La Revue des femmes russes», періодическое изданіе, успѣвшее уже приобрести опредѣленную литера-

турную фязіономію и заключающее въ себѣ немало интереснаго матеріала, посвященнаго «женскому вопросу» въ его фязіологической, психологической, политической и соціальной постановкѣ. Да и наша отечественная литература, помимо упомянутыхъ книжекъ г. Оровича и г. К. В., обогатилась въ послѣднее время кое-какими, заслуживающими вниманія, оригинальными и переводными трудами, знакомство съ которыми небезполезно широкой аудиторіи нашихъ читателей. Но, кромѣ интереса, такъ сказать, книжнаго, вопросъ о женщинахъ имѣетъ въ данное время еще болѣе реальное, практическое значеніе, благодаря тому движенію, которое такъ рельефно проявляется въ наши дни среди представительницъ интеллигенціи, какъ Россіи, такъ и всего Стараго и Новаго Свѣта въ пользу расширенія правъ женщинъ на общечеловѣческой трудъ и на служеніе въ самомъ широкомъ смыслѣ слова культурнымъ задачамъ человѣчества. Вотъ въ силу этихъ-то соображеній я и считаю полезнымъ поговорить на страницахъ «Историческаго Вѣстника» о правахъ и обязанностяхъ женщинъ, въ надеждѣ, что и мой посильный трудъ будетъ нелишнимъ въ широкомъ потокѣ мысли, направленномъ къ благополучному и справедливому рѣшенію женскаго вопроса, являющагося, по словамъ г. Каптерева¹⁾, «однимъ изъ весьма важныхъ, существенныхъ вопросовъ культуры» и отъ рѣшенія котораго, по увѣренію г. К. В.²⁾, «зависитъ прочность дальнѣйшаго существованія націй и государствъ».

Но, взявъ женскій вопросъ темой настоящей статьи, я чувствую себя подавленнымъ обширностью вопроса и громадою накопившагося по этому предмету литературнаго матеріала. Даже Джонъ Стюартъ Милль въ брошюрѣ «О подчиненіи женщинъ»³⁾ утверждаетъ, что «нелегка задача того, кто выступаетъ на борьбу съ мнѣніемъ почти универсальнымъ. Онъ можетъ считать себя счастливымъ, если ему удастся заставить себя выслушать». Универсальнымъ мнѣніемъ знаменитый англійскій мыслитель называетъ всевластно держащееся до сихъ поръ предубѣжденіе противъ экономическаго и соціальнаго равенства половъ. И я, не претендуя на «новое слово» въ вопросѣ, надъ которымъ трудятся лучшіе умы современнаго человѣчества, буду вполне удовлетворенъ, если мнѣ удастся представить здѣсь лишь главнѣйшіе выводы изъ богатой литературы «о женщинахъ», и сумѣю въ общихъ и краткихъ чертахъ обрисовать современную его постановку, а также показать, что сдѣлано въ этой области, какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и въ другихъ цивилизованныхъ странахъ. Я намѣренно подчеркиваю слова «главнѣйшихъ» и «общихъ», дабы заранѣе отстранить отъ себя обвиненіе въ нецолнотѣ, въ отсутствіи подробностей; ищущу-

1) «Душевные свойства женщинъ». Публичныя лекціи П. О. Каптерева. Сиб. 1896.

2) «Женщина, какъ залогъ прочной жизни націй». Сиб. 1896.

3) Переводъ съ англійскаго М. Лялиной. Сиб. 1896.

щихъ послѣднихъ отсылаю къ подлиннымъ сочиненіямъ, положеннымъ въ основаніе настоящей статьи, которыя и привожу въ примѣчаніяхъ и ссылкахъ. При этомъ считаю долгомъ оговориться. Литература по женскому вопросу громаднa, и объять ее всю въ небольшой журнальной статьѣ рѣшительно не представляется возможнымъ. Я указываю лишь на главнѣйшія сочиненія, относящіяся къ послѣднему времени и притомъ преимущественно на русскомъ языкѣ. Поступаю такъ въ интересахъ самихъ женщинъ, которыя, полагаю, и явятся главнѣйшимъ контингентомъ моихъ читателей въ настоящемъ случаѣ. По сдѣланнымъ указаніямъ имъ будетъ легче приобрести ту или другую книгу въ зависимости отъ ея спеціального содержанія. Для меня послужить большою радостью, если мои указанія литературы предмета окажутся полезными. Я замѣтилъ, что даже тѣ изъ нашихъ соотечественницъ, которыя хлопочутъ о расширеніи и признаніи правъ женщинъ, по какой-то непостижимой для меня причинѣ очень слабо освѣдомлены о литературѣ предмета, который имъ такъ дорогъ и близокъ. Онѣ, что называется, берутъ больше вдохновеніемъ, собственнымъ умомъ, но не знаніемъ дѣла въ его исторической и научной постановкѣ. Этимъ, между прочимъ, объясняется слабый относительно спросъ на книжномъ рынкѣ сочиненій, посвященныхъ разработкѣ женскаго вопроса. Во всякомъ случаѣ, этотъ спросъ далеко не пропорціоналенъ современному эмансипаціонному движенію, что лишаетъ его въ значительной степени многихъ орудій борьбы, которыя были бы чрезвычайно полезны дѣлу эмансипаціи. Безъ точнаго знанія своей исторіи, своихъ правъ, женщинамъ только при очень счастливыхъ и особенныхъ обстоятельствахъ удастся добиться улучшенія въ ихъ положеніи, а рассчитывать на эти счастливыя обстоятельства—рискованно и легкомысленно. По крайней мѣрѣ исторія человечества не даетъ для того какихъ либо гарантій и серьезныхъ прецедентовъ.

Историческія судьбы женщинъ наиболѣе полно и обстоятельно изложены въ русской литературѣ извѣстнымъ публицистомъ шестидесятыхъ годовъ, С. Шашковымъ, въ обширномъ трудѣ, подъ заглавіемъ «Историческія судьбы женщины, дѣтоубійство и проституція», представляющемъ собою прекрасный опытъ историческаго обзорѣнія борьбы женщины за свободу и свои права, начиная съ древнѣйшихъ временъ и у самыхъ первобытныхъ народовъ и вплоть до середины текущаго столѣтія у народовъ цивилизованныхъ. Обстоятельное, основанное на 110 источникахъ, сочиненіе позволяетъ автору сдѣлать слѣдующее заключеніе общаго характера. «Эмансипація женщины будетъ успѣшна вполнѣ лишь тогда, когда она распространится на всѣхъ женщинъ. Но развѣ возможно эмансипировать невольницу отъ мужа, оставивъ ее въ рабствѣ у господина или кулака эксплуататора; развѣ возможно, осво-

бодивъ женщину отъ мужа, оставить послѣдняго въ нищенской неволѣ или кабакѣ!.. Да, женское дѣло связано тѣснѣйшими узами со всѣмъ социальнымъ прогрессомъ человѣчества. Это обстоятельство, увеличивая число враговъ женщины, въ то же время даетъ ей многихъ и сильныхъ союзниковъ, подъ общимъ напоромъ которыхъ должны постепенно исчезать разные виды общественныхъ золь и напастей. Много тормазовъ, препятствующихъ нашему развитію, много преградъ на пути къ нашему благоденствію; но эти тормазы сокрушимы, эти преграды уже ветхи. Передъ умомъ, просвѣщеннымъ наукою, передъ знаніемъ, разумнымъ трудомъ и любовью, онѣ должны пасть, и падутъ одна за другой, и ужъ падаютъ!.. Трудъ Шашкова доведенъ только до середины пятидесятихъ годовъ, т. е. до того времени, когда вопросъ объ эмансипаціи женщинъ переживалъ лишь платоническій расцвѣтъ и былъ еще очень далекъ до своего осуществленія въ конкретныхъ явленіяхъ практической жизни. Съ тѣхъ поръ утекло много воды, и женщины успѣли одержать немало побѣдъ, достигнуть значительныхъ улучшеній въ своемъ социальномъ положеніи. Тѣмъ не менѣе, въ качествѣ «опыта историческаго изслѣдованія», сочиненіе Шашкова имѣетъ большую цѣнность и понынѣ, такъ что позднѣйшіе русскіе изслѣдователи «женской доли» всегда пользуются этимъ сочиненіемъ для своихъ выводовъ и заключеній. Что касается непосредственно Россіи и исторической судьбы женщинъ здѣсь, то и въ данномъ случаѣ приходится на первыхъ порахъ отмѣтить работу того же автора подъ заглавіемъ «Исторія русской женщины» ¹⁾, которая въ значительной степени легла въ основаніе новѣйшаго труда по женскому вопросу г. К. В.: «Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи», и именно въ той его части, которая посвящена нашему отечеству. Объемистое сочиненіе автора, скрывшаго свое имя означенными литерами, заслуживаетъ серьезнаго вниманія и смѣло можетъ быть рекомендовано, какъ послѣднее слово въ общей литературѣ Россіи по женскому вопросу. Однако эта рекомендація труда можетъ быть сдѣлана лишь съ существенной оговоркой. Въ работѣ г. К. В. очень хороша историческая часть, основанная на западно-европейскихъ трудахъ самаго послѣдняго времени; чрезвычайно полны здѣсь и нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія, а также сдѣлано прекрасное освѣщеніе фактовъ современной дѣйствительности; заслуживаетъ горячей симпатіи и точка отправленія его работы, обнаруживающая въ немъ человѣка гуманнаго, просвѣщеннаго, идущаго въ уровень съ вѣкомъ и отдающаго себѣ ясный отчетъ въ недугахъ и болѣзняхъ этого вѣка.. Но за всѣмъ тѣмъ тотъ же авторъ, по адресу котораго приходится сказать столько хорошаго, чрезвычайно слабъ въ созидательной части своего труда, совершенно произвольно и бездоказательно полагая центръ тяжести

¹⁾ Изданіе А. Суворина, второе исправленное и дополненное, 1879 года.

средняго и высшаго общаго женскаго образованія въ отживающей свой вѣкъ классической системѣ. Для анализа внутренняго содержанія человѣческой мысли, говоритъ онъ, «необходимо филологическое изошреніе ума, развивающее въ немъ пытливую наблюдательность, обращенную къ облеченной въ слово мысли; этого можно достигъ изученіемъ именно древне-классическихъ языковъ, которые по своей полнотѣ, законченности, по способности выражать тончайшіе изгибы человѣческой мысли (греческій языкъ) являются по истинѣ первообразомъ всѣхъ европейскихъ языковъ». Не будемъ спорить съ авторомъ, желающимъ «изошрить» мысль современной женщины прелестями греческой грамматики, — будемъ надѣяться, что ихъ минуетъ необходимость прокрустовой операціи мозга: эта операція слишкомъ дорого стоила «сильной половинѣ» рода человѣческаго, и въ настоящее время уже дѣлается кое-что, чтобъ сгладить печальныя ея послѣдствія. Оставляя споръ по этому предмету въ сторонѣ, считаю долгомъ отмѣтить общій взглядъ на женскій вопросъ почтеннаго изслѣдователя. «Та нація, говоритъ г. К. В., которая своею производительною силою считаетъ только одного мужчину, а средствомъ увеличенія интеллектуальной производительности только одно мужское образованіе, съ достиженіемъ крайняго предѣла въ реальномъ развитіи мужчины въ то же время дойдетъ и до крайняго предѣла своей платежной способности. Такимъ образомъ, не будучи въ состояніи удовлетворять дальнѣйшимъ расходамъ, нужнымъ для охраненія ея цѣлости, нація и въ міровой борьбѣ за существованіе окажется первой по своей несостоятельности и будетъ осуждена сперва на потерю своей политической самостоятельности, а потомъ и на вымираніе, уступивъ свое мѣсто болѣе сильной соперницѣ. Наоборотъ, нація, сумѣвшая первая прочно поставить правильное и законченное образованіе женщины, крайнимъ предѣломъ реальнаго образованія мужчины далеко еще не обусловитъ крайняго предѣла использованія его интеллектуальныхъ производительныхъ силъ, такъ какъ вліяніе женщины на эти послѣднія будетъ не парализующее, какъ это въ сущности бываетъ при неправильной постановкѣ женскаго развитія, а, напротивъ, оживляющее. Женщина, получившая соотвѣтственное законченное образованіе, въ союзѣ со школьной подготовкой мужчины и жизненной его опытностью, сдѣлается сильнымъ импульсомъ наибольшаго использованія производительныхъ силъ его, а слѣдовательно и всей націи, и отодвинетъ крайній предѣлъ платежной способности націи на тысячелѣтіе, обезпечивъ этимъ и прочное ея существованіе и первенство ея передъ другими борющимися съ нею за существованіе».

Такимъ образомъ мы видимъ, что и г. К. В., подобно Шапкову, полагаетъ услѣхъ женскаго вопроса въ умственномъ и нравственномъ развитіи женщины, въ подъемѣ ея культуры. Эта точка зрѣнія сближаетъ обоихъ русскихъ изслѣдователей и позволяетъ намъ одина-

ково охотно пользоваться ихъ работами для представленія картины борьбы женщины за свою свободу и побѣдъ, ею одержанныхъ въ течение этой борьбы. Болѣе сжато представлены историческія судьбы женщины въ трудѣ г. Оровича: «Женщина въ правѣ»¹⁾, гдѣ авторъ, исходя въ своемъ воззрѣніи на женскій вопросъ изъ требованій современнаго прогресса, подобно Шашкову и г. К. В., полагаетъ всю силу вопроса въ просвѣщеніи женщинъ. «Центръ тяжести женскаго вопроса, говоритъ онъ, по нашему мнѣнію, лежитъ въ очень немногомъ, и прежде всего и главнѣе всего—въ правѣ женщинъ на образование. Невѣжество женское, можетъ быть, представляетъ еще худшее зло для общества, чѣмъ невѣжество мужское, потому что всѣ интимныя и наиболѣе важныя стороны нашей жизни находятся въ рукахъ женщинъ». Работа г. Оровича имѣетъ для русскихъ читательницъ особо важное значеніе: онъ суммировалъ особую литературу о женщинахъ—законодательныя положенія о нихъ. Важность этой литературы справедливо разъяснена имъ слѣдующими словами: «здѣсь и законодатели, подобно авторамъ афоризмовъ, кратко и опредѣленно высказываютъ свои мысли о женщинахъ... Только эти законодательныя афоризмы мало читаются, и меньше всего тѣми, которыхъ они касаются—женщинами; многіе изъ этихъ афоризмовъ въ точности неизвѣстны даже большинству юристовъ, а публика имѣетъ о нихъ самыя смутныя представленія. Между тѣмъ по нимъ опредѣляется положеніе женщины въ семьѣ и въ обществѣ, ими устанавливаются ея личныя и имущественныя права и обязанности, и сообразно съ ними складывается и протекаетъ ея существованіе въ различныхъ положеніяхъ, въ которыхъ она выступаетъ въ жизни». Вотъ въ виду этого-то пробѣла знанія своихъ правъ русскими женщинами, изслѣдователь въ обширномъ приложеніи къ работѣ далъ сводъ постановленій дѣйствующаго законодательства, относящихся до лицъ женскаго пола и разбросанныхъ въ нашемъ сводѣ законовъ по разнымъ его томамъ и отдѣламъ. Эта часть («приложеніе») имѣетъ большое практическое значеніе, такъ что весьма желательно, чтобы наши дамы обстоятельно познакомились съ трудомъ г. Оровича, какъ съ полезнымъ пособіемъ и справочнымъ изданіемъ для многихъ случаевъ жизни.

Перечисленными тремя русскими авторами можно свободно ограничиться для изученія историческихъ судебъ женщины, и ихъ-то я и кладу въ дальнѣйшую историческую часть моей работы. Лица же, интересующіяся иностранными источниками и указаніями на детали, найдутъ въ примѣчаніяхъ къ работѣ г. К. В. богатѣйшій матеріалъ.

¹⁾ Юридическая Библиотека. Изданіе Я. Конторовича, № 4, Сиб. 1895.

II.

Хотя изслѣдованію жизни первобытнаго человѣка посвящено не мало ученыхъ работъ, однако этотъ предметъ еще далеко не можетъ считаться вполне выясненнымъ и исчерпаннымъ. Нѣмецкій ученый Бахофенъ въ своей замѣчательной работѣ, посвященной «материнскому праву»¹⁾, устанавливаетъ слѣдующія четыре положенія: 1) въ первобытномъ состояніи люди жили, не имѣя понятія о бракѣ въ современномъ смыслѣ; половое общеніе между ними не было ничѣмъ ограничено (гетеризмъ); 2) такое отношеніе половъ устраняло всякую возможность опредѣлить, отъ какого именно отца происходили дѣти, появившіяся у матери. Поэтому родъ или принадлежность дѣтей могли считаться только отъ матери. По той же причинѣ на дѣтей и на всѣ отношенія къ нимъ у отцовъ не могло быть никакого права, а были только права матери; 3) въ первобытномъ состояніи женщины занимали высшее положеніе—это былъ періодъ «царства женщинъ», гдѣ матери оказывалось величайшее уваженіе; 4) когда это состояніе стало переходить въ единобрачіе, возникла побѣда отцовскаго права надъ материнствомъ. Тардъ опровергаетъ Бахофена и дѣлаетъ слѣдующій выводъ относительно первобытной формы полового сожителства²⁾: «примитивныя брачныя отношенія были сами по себѣ очень различны: въ одномъ мѣстѣ было единобрачіе, въ другомъ многоженство, въ третьемъ, можетъ быть, полиандрія. Если выдвинулось и побѣдило единобрачіе, то никакъ не потому, что къ этому неизбѣжно ведетъ какая-то роковая неизбѣжная эволюція. Дѣло объясняется, по Тарду, побѣдой надъ другими націями тѣхъ націй, которыя приняли эту высшую форму брака. Трудно сказать, восторжествовала ли бы моногамія, если бы завоеваніе полимагическихъ арабовъ охватило всю Европу». Оставляя въ сторонѣ темный и запутанный вопросъ о первобытномъ состояніи семьи и о положеніи женщины въ доисторическую эпоху, посмотримъ, каковою мы застаемъ ее въ историческій періодъ жизни человѣчества, при чемъ, однако, необходимо имѣть въ виду, что уже на зарѣ исторической жизни мужчина является представителемъ грубой физической силы, насилія и зла, женщина же—представительницей знанія, труда, этики въ семьѣ и націи, т.-е. тѣхъ элементовъ нашего существованія, коими наше время дорожитъ въ особенности.

Греція въ лицѣ Спарты представляетъ первыя попытки точно опредѣлить положеніе женщины въ обществѣ и государствѣ. Въ

¹⁾ Г. Тардъ. Происхожденіе семьи и собственности. Съ прибавленіемъ очерка Л. Е. Оболенскаго: О происхожденіи семьи и собственности по теоріи эволюціонистовъ и экономическихъ матеріалистовъ. Спб. 1896.

²⁾ См. ст. Оболенскаго, стр. 33.

женщинѣ признается здѣсь только значеніе производительницы рода человѣческаго, съ отрицаніемъ ея духовной стороны. Все вниманіе законодателя было обращено на тренировку ея тѣла, которое должно плѣнять юношей и склонять ихъ къ скорѣйшему брачному сожителству. Дѣвушка принимала совмѣстно съ молодыми людьми участіе въ гимнастикѣ, но какъ только она выходила замужъ,—всякій доступъ къ общественнымъ занятіямъ для нея прекращался, и ей предоставлялось исключительно посвящать себя домашнимъ работамъ и производить на свѣтъ здоровыхъ гражданъ. Ксенофонтъ говоритъ: «Ликургъ главнымъ образомъ старался закалить тѣло дѣвушки для того, чтобы плодъ, зараждающійся въ крѣпкомъ тѣлѣ, хорошо удался, и чтобы она сама приобрѣла силу для легкаго и безопаснаго перенесенія родовъ». Строгія отношенія въ семьѣ, которыя поддерживались законодательствомъ, стали, однако, подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ ослабѣвать и уступать мѣсто распущенности и паденію нравовъ. Персидскія войны имѣли своимъ непосредственнымъ результатомъ вырожденіе единобрачія въ полную общность женъ, что въ свою очередь повело къ полнѣйшему разложенію общества. Одностороннее воспитаніе женщины съ ея выхолненнымъ тѣломъ послужило въ данномъ случаѣ удобной почвой для необузданнаго разврата Востока; семья исчезла, и Спарта вскорѣ сошла съ арены исторической жизни.

Иначе рисуется положеніе іонической женщины. Здѣсь уже въ въ глубокой древности мы наблюдаемъ совмѣстное развитіе мужчинъ и женщинъ, равновѣсіе самостоятельнаго развитія интеллектуальныхъ силъ, благодаря чему устанавливается порядокъ вещей, который позволяетъ Греціи выставить высокій образъ женщины—Саффо и нѣкоторыхъ другихъ. Солонъ, установивъ экономическое и социальное равенство мужчинъ и женщинъ, допустилъ однако въ своемъ мудромъ законодательствѣ въ отношеніи послѣднихъ одну несправедливость, имѣвшую для страны гибельныя послѣдствія: онъ лишилъ женщину образованія. Между мужемъ и женою современемъ, благодаря этому, образовалось духовное разъединеніе, пропасть, которая подъ вліяніемъ Востока (персидскихъ войнъ) и восполнилась гетеризмомъ. Формально-юридическій бракъ пересталъ удовлетворять мужчинъ, и они слѣдили найти себѣ духовное удовлетвореніе на сторонѣ. Строгость брачныхъ отношеній прежняго времени, основанная на равновѣсіи интеллектуальныхъ силъ, уступила мѣсто легкомысленной измѣнѣ, невѣрности и страсти къ свободнымъ отношеніямъ. Женщины—жена и мать, были унижены въ тотъ періодъ даже законодательствомъ. Уже Демосоенъ открыто заявляетъ: «мы беремъ себѣ женъ, чтобы рождать хорошихъ дѣтей, наложницъ—чтобы за нами хорошо ухаживали, и гетеръ—чтобы наслаждаться любовью». Гетеризмъ повелъ Грецію къ полному разложенію семьи, народа, націи: съ исчезновеніемъ матери-гражданки

исчезъ и творческій геній Эллады. Но, оставивъ исторію печальныйій примѣръ паденія, та же Греція завѣщала грядущимъ временамъ высокій образецъ того, какъ слѣдуетъ понимать женскій вопросъ и какъ онъ долженъ быть разрѣшенъ по законамъ разума и справедливости. Величайшій геній Эллады, Платонъ, въ своей «Политикѣ» учитъ ¹⁾, что природа женщины и мужчины та же самая, кромѣ того только, что мужская сильнѣе, а женская слабѣе. Силы природы равно разлиты въ обоихъ живыхъ существахъ; по природѣ всѣмъ дѣламъ причастна и женщина, всѣмъ и мужчина; женщины могутъ быть врачами, музыкантами, любительницами мудрости, т.-е. философами; пусть онѣ принимаютъ участіе въ войнѣ и другихъ касающихся государства занятіяхъ. Только женщинамъ, по слабости ихъ пола, изъ всѣхъ этихъ дѣлъ нужно предоставлять болѣе легкія, чѣмъ мужчинамъ. Отводить женщинамъ какія либо особенныя занятія, чуждыя мужчинамъ, значитъ противорѣчить природѣ женщинъ. Въ сочиненіи «Пиръ» греческій мудрецъ проводитъ ту же идею одинаковости мужской и женской природы: мужчина и женщина—двоица одного, почему каждый изъ нихъ всегда ищетъ другого.

Идеи Платона послѣ долгаго забвенія, какъ читатель увидитъ дальше, нашли себѣ сильнаго апологета въ XVII ст., въ лицѣ Пулэна Барра, который и развилъ Платоновскіе тезисы въ сочиненіи «О равенствѣ двухъ половъ».

Не меньше Греціи заслуживаетъ вниманія историческая судьба женщины Рима. Въ доисторическое время «вѣчнаго города» мы встрѣчаемъ у патриціевъ строгую форму брака, гдѣ жена вполне ступеневывается передъ мужемъ: она, подобно домашнему инвентарю, собственность главы семьи, который и воленъ надъ ея жизнью и смертью. Но уже при Ромулѣ семейное положеніе начало смягчаться, и съ этого времени появляется рядъ узаконеній, упорядочивающихъ супружескія отношенія. Что же касается плебеевъ, то здѣсь царилъ свободный бракъ, при которомъ существовала полная обо-собленность половъ и безсвязность отношеній. Борьба плебеевъ съ патриціями сконцентрировалась около брачнаго права, и въ концѣ концовъ первые одержали въ этой области полную побѣду. «У римлянъ съ древнѣйшихъ временъ и во всѣ періоды ихъ исторіи господствуетъ въ бракѣ строго моногамическая форма, говоритъ г. К. В. въ 3-й главѣ сочиненія «Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи». Не смотря на сурово-деспотическій, повидимому, складъ семейной жизни, женщина въ древнемъ Римѣ вела въ дѣйствительности болѣе самостоятельную жизнь и занимала болѣе почетное положеніе, чѣмъ современная ей греческая женщина. На это отчасти указываетъ уже узаконеніе, освобождающее женщину отъ всякой работы на мужа, а также свободное посѣщеніе ею театровъ и про-

¹⁾ «Душевные свойства женщинъ». Публичныя лекціи П. О. Карышева. Спб. 1896.

чихъ зрѣлищъ и народныхъ празднествъ. Нума учреждаетъ институтъ весталокъ, которыя, какъ представительницы чистоты и цѣломудрія, должны оберегать священный огонь. Для сохраненія женской чести запрещается привлекать женщину къ суду».

Женщина въ римскомъ строѣ общества не была лишена и образованія: къ концу V столѣтія мы встрѣчаемъ школы, гдѣ дѣвочки обучаются одинаково съ мальчиками. Почетное положеніе, неприкосновенность женщины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и незыблемость семьи сохранялись здѣсь до II столѣтія до Рождества Христова, послѣ каковаго времени наблюдается паденіе нравовъ и уваженія къ женщинѣ, что, въ концѣ концовъ, привело къ разложенію семьи и государства. Начало порчи нравовъ было внесено въ римское общество сближеніемъ съ греками: «повсемѣстно вмѣстѣ съ греческимъ образованіемъ, говоритъ г. К. В., проникалъ въ домъ и зародышъ разложенія патриархальныхъ семейныхъ основъ». «Строгія формы брака стали выводиться,—продолжаетъ далѣе тотъ же авторъ,—да и самый бракъ потерялъ прежнее религіозное и государственное значеніе, сдѣлавшись простой и часто пустой формальностью; появились неизвѣстные въ прежнія времена разводы, и вмѣстѣ съ тѣмъ достоинство женщинъ пало еще ниже. Теперь она потеряла и свое прежнее государственное значеніе и, что особенно важно,—всякую нравственность и уваженіе къ себѣ... Достаточно было женщинѣ самой нарушить строгость брачныхъ узъ и потерять уваженіе къ самой себѣ, чтобы попасть въ то униженное положеніе, въ которомъ она очутилась во времена эмансипаціи плоти. Насколько часто женщины разводились и мѣняли мужей, настолько же легко и мужья дѣлали то же самое и не рѣдко при самыхъ возмутительныхъ условіяхъ и безъ всякаго повода... Патрицій, утомленный побѣдами и обезпеченный отъ притязаній плебея, который, отказавшись отъ власти, просилъ только хлѣба и зрѣлищъ, искалъ удовольствія въ обществѣ греческихъ гетеръ; жена же его, матрона, соперничала съ гетерой, пользуясь всевозможными средствами и предметами роскоши, чтобы нравиться и обольщать мужчинъ; она сама сдѣлалась куртизанкой... Непроизводительно тратя время дома на наряды, матрона остальное время проводила въ такомъ же родѣ: она или въ банѣ — этомъ притонѣ тогдашняго великосвѣтскаго общества — сравниваетъ свое тѣло съ тѣломъ куртизанки; или въ театрѣ наслаждается созерцаніемъ безнравственныхъ греческихъ комедій; или въ циркѣ страстными глазами смотритъ на дикія, безчеловѣчныя битвы, рукоплещетъ при видѣ льющейся крови и послѣ ревниво ищетъ любви побѣдителя... Понятно, что при такомъ состояніи общества всякій сколько нибудь нравственный человѣкъ ужасался даже при одной мысли о вступленіи въ бракъ: безнравственные же люди считали бракъ лишней обузой, такъ какъ и помимо его легко можно было удовлетворить свои чувственные инстинкты, не налагая на себя дальнѣйшихъ обязательствъ.

Все это болѣе и болѣе увеличивало безбрачіе. Къ этому присоединилось желаніе безнравственныхъ женщинъ избавишься отъ дѣтей, для чего принимались всевозможныя и самыя безчеловѣчныя мѣры... Полное распаденіе семьи и нравственныхъ основъ въ частной жизни въ корнѣ подорвало и государственный строй: всюду царили насиліе, подкупъ и полная безнравственность...».

Юридическія права римской женщины обрисованы г. Оровичемъ¹⁾ слѣдующимъ образомъ: «Хотя суровыя постановленія древнеримскаго права постепенно смягчаются, но въ общемъ положеніе римской женщины остается зависимымъ и безправнымъ. Однако, при всей зависимости и безправности римской женщины, римское право все-таки внесло огромный прогрессъ въ положеніе женщины. У римлянъ нѣтъ рыцарскаго отношенія къ женщинѣ, но практичность, свойственная имъ, подсказывала имъ необходимость укрѣпить семью, сдѣлавъ, въ интересахъ общественныхъ, жену неразлучной съ мужемъ и прикрѣпивъ ее къ домашнему очагу. *Ubi tu Gaius, ego Gaia* — формулируетъ законъ супружескія отношенія, и въ этой формулѣ заключается для женщины значительная доля равноправія. Благодаря этому, безправность женщины не мѣшала матерямъ играть выдающуюся роль въ жизни семьи и своимъ вліяніемъ на дѣтей оказывать огромное вліяніе также на политическую жизнь. Извѣстно, какое вліяніе имѣли матери многихъ политическихъ дѣятелей Рима (Корнелія — мать Гракховъ). Впослѣдствіи типъ римской матроны вырожденъ въ типы Агрипинъ и Мессалинъ». Это вырожденіе типа женщины какъ въ исторіи Греціи, такъ и въ судьбахъ Рима аналогично съ послѣдствіями аналогичными же — вырожденіемъ народностей.

Такимъ образомъ, въ тотъ историческій періодъ мужчина успѣваетъ создать домашній очагъ, упорядочить семейныя отношенія и дать возможность женщинѣ развить свои интеллектуальныя силы въ качествѣ матери и супруги. Пока мужчина блюдетъ свой домашній очагъ, строй общественный, хотя и носитъ на себѣ характеръ суровый, узко-консервативный и эгоистическій, тѣмъ не менѣе крѣпокъ и жизненъ. Но вотъ соприкосновеніе съ другими народностями расширяетъ умственный кругозоръ тогдашняго мужчины; онъ начинаетъ эмансипироваться отъ строгихъ путей прежней патріархальной жизни и на первыхъ же порахъ переноситъ на родную почву тѣ новыя начала, которыя болѣе всего отвѣчаютъ грубымъ похотямъ его животной природы. Женщина-мать перестаетъ его удовлетворять, духовная связь между нимъ и женой рушится, и на сцену во всей силѣ и показномъ блескѣ является гетеризмъ, гдѣ во всякомъ случаѣ женщина главнымъ образомъ оцѣнивается съ точки зрѣнія ея половой доступности. Провозглашается снова,

¹⁾ «Женщина въ правѣ», стр. 16—17.

какъ и нѣкогда въ Спартѣ, культъ тѣла, но уже не на потребность продолженія здороваго рода человѣческаго, а въ интересахъ похоти этого тѣла. Жена-мать оскорблена въ самыхъ ея святая святыхъ, брачное ея ложе осквернено; но, взамѣнъ утраченнаго счастья, ей не дается никакихъ политическихъ, никакихъ общественныхъ правъ. Одинокая и обездоленная, съ дурными примѣрами на глазахъ, отдаленная отъ истиннаго просвѣщенія и участія въ общественныхъ радостяхъ, она находитъ въ своемъ горѣ единственное утѣшеніе — послѣдовать примѣру супруга, то-есть съ своей стороны оскорбить по доброй уже волѣ и личной инициативѣ брачное ложе, которое такъ долго считалось священнымъ и неприкосновеннымъ. Эмансипировавшись отъ семейныхъ обязанностей, мужъ и жена явились совершенно чуждыми другъ другу и начали уже тяготиться чувствомъ дѣтской привязанности: за разрушеніемъ спальни непосредственно послѣдовало и разрушеніе дѣтской. Женщина перестала съ гордостью показывать на уютно убранную комнату своихъ дѣтей, какъ на величайшее богатство и сокровищницу своей жизни. Она освободилась отъ обязанностей, но не приобрѣла рѣшительно никакихъ правъ, кромѣ права разврата.

Изъ государственной и общественной жизни выпала, такимъ образомъ, самая основная клѣточка, безъ замѣны ея какою нибудь новою, органически сродною со вѣмъ социальнымъ тѣломъ. За исчезновеніемъ семьи быстро послѣдовало разрушеніе общества и государства, что и привело въ концѣ концовъ къ полному вырожденію націи. Во всемъ этомъ печальномъ историческомъ процессѣ заслуживаетъ, однако, вниманія то, что женщина начинаетъ сознавать свою силу, научается бороться за свои права. Такъ, когда поднялась въ сенатѣ рѣчь объ отмѣнѣ закона Опція ¹⁾, женщины въ день предпологавшася обсужденія закона собрались на форумѣ въ громадномъ количествѣ и усиленно уговаривали сенаторовъ и консуловъ возстановить ихъ ограниченныя права. Ихъ настоянія увѣнчались успѣхомъ, и блестящая рѣчь суроваго трибуна Катона не произвела должнаго впечатлѣнія, хотя слова его и заключали въ себѣ глубокой смыслъ и оправдались дальнѣйшимъ ходомъ вещей. «Если вы сдѣлаете это теперь (т. е. отмѣните законъ), говоритъ онъ, не исправивъ свою ошибку болѣе серьезнымъ образованіемъ женщинъ, то вы увидите, что онѣ, въ силу своего неразумія, какъ звѣри, сорвавшіеся съ цѣпи, съ момента, когда вы сдѣлаете ихъ полновластными, превзойдутъ васъ разнузданностью, и Римъ окончательно потеряетъ гражданку и мать будущихъ гражданъ». Эти слова убѣждаютъ насъ, что уже во 2-мъ столѣтіи до Рождества Христова лучшіе представители общества были проникнуты сознаніемъ, что гражданство и материнство

¹⁾ Lex Opria, по коему римлянка не имѣла права носить на себѣ болѣе поль-виціи золота, не имѣла права носить пестрыхъ нарядовъ и прочее.

неразрывно связаны съ серьезнымъ образованіемъ женщины. Рядомъ съ этимъ весь эпизодъ съ «Lex Orria» свидѣтельствуеъ, что женщины убѣждаются уже въ необходимости защиты своихъ правъ собственными силами и начинаютъ сознавать естественную наличность своихъ имущественныхъ и гражданскихъ правъ, своего человѣческаго «я», независимаго отъ мужчины.

III.

Историческія судьбы женщины въ историческій періодъ до великой французской революціи чрезвычайно печальны, но заслуживаютъ также вниманія, какъ упорная борьба за свои права и социальное равенство съ сильной половиной рода человѣческаго. «Юридическое положеніе средневѣковыхъ женщинъ развивалось подъ вліяніемъ борьбы римско-германскаго и каноническаго права, говоритъ С. Пашковъ¹⁾. Въ теченіе смутнаго времени, которымъ начинается исторія новой Европы, женщины, по патриархальнымъ обычаямъ варваровъ, подлежали разнымъ формамъ половой опеки, право на которую женихъ покупалъ у отца невѣсты. Въ средневѣковыхъ кодексахъ положеніе женщины опредѣляется смѣсью принциповъ римскихъ и варварскихъ; незамужнія женщины, за извѣстными мѣстными исключеніями, пользовались, подъ вліяніемъ идей римской юриспруденціи, значительной свободой, а замужнія женщины, по обычаю варваровъ, состояли подъ властью мужа и были почти безправны. Каноническое законодательство увеличивало эту безправность и поддерживало ее до такой степени, что положеніе женщинъ было хуже всего въ тѣхъ европейскихъ странахъ, въ которыхъ брачное законодательство наиболѣе развивалось подъ вліяніемъ каноническаго права, на примѣръ, въ Англіи. Каноническое законодательство всѣми силами помогало осуществленію тираническихъ притязаній феодальнаго мужа... приводило ихъ въ систему и облекало авторитетомъ священности. По возрѣніямъ католицизма, жены должны не только подчиняться мужьямъ, но и быть ихъ служанками. «Католическая женщина, — говоритъ Лоранъ, — существо безличное и безправное. На ней тяготѣетъ проклятіе, наложенное на Еву. Подъ вліяніемъ этого вѣрованія христіанства средніе вѣка и были менѣе благопріятны для женщины, чѣмъ законодательства варварской эпохи». По законамъ варваровъ, на примѣръ, вира за женщину была больше виры за мужчину, а по средневѣковому христіанскому праву женская вира равнялась только половинѣ мужской. Католицизмъ благопріятствовалъ только вдовамъ и сиротамъ, забота о которыхъ была первою обязанностью христіанской филантропіи въ тѣ смутныя времена. Цѣлыхъ три четверти столѣтія церковь забо-

¹⁾ «Историческія судьбы женщины, дѣтубійство и проституція», стр. 183.

«Истор. вѣстн.», октябрь, 1896 г., т. LXVI.

тилась объ участи женъ, переживавшихъ своихъ мужей, и наконецъ ей удалось водворить принципъ вдовьей пенсіи въ обычномъ правѣ всей Западной Европы. Но заботы патероувъ о сиротахъ и вдовицахъ объясняются столько же требованіями евангельской филантропіи, сколько и тѣмъ рядомъ фактовъ, что имущества вдовицъ и сиротъ путемъ завѣщаній и пожертвованій несравненно чаще переходили въ руки духовенства, чѣмъ имущества семейныхъ женщинъ, связанныхъ интересами фамилій».

Уже на основаніи приведенной выдержки изъ Шашкова мы видимъ, что взглядъ варваровъ-германцевъ на женщину былъ возвышеннѣе взгляда, установленнаго римской культурой, но эта возвышенность царила недолго, и уже въ VII вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ положеніе галло-римской женщины рисуется чрезвычайно мрачными красками—она цѣликомъ уходитъ въ развратъ. Христіанство прививалось къ обществу только своей внѣшней стороной: въ законодательство вносились только формы христіанства, а сущность оставалась варварская, испорченная вліяніемъ римской цивилизации. «Церковное освященіе брака вошло только въ силу въ концѣ среднихъ вѣковъ, читаемъ мы въ книгѣ «Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи». До тѣхъ же поръ вѣнчаніе вовсе не считалось необходимостью, хотя церковь еще со временъ Карла Великаго требовала, чтобы бракъ былъ непременно признанъ ею и не совершался безъ священническаго благословенія. Уже въ VIII столѣтіи наложничество процвѣтало при дворѣ франкскихъ королей и заправляло дѣлами. Церковныя постановленія не утрущали и самихъ служителей церкви, которые наравнѣ съ другими предавались разврату». Феодальная жизнь и рыцарство внесли въ судьбу женщины значительную перемѣну. Замкнувъ женщину въ готическомъ замкѣ, феодализмъ уничтожилъ всякую индивидуальность женщины, но зато усилилъ значеніе брачнаго института. Любовь, необходимый элементъ семейнаго союза, отсутствовала здѣсь, и надъ головою женщины грозно повисло формальное право главы семьи, давшее ему, какъ и нѣкогда въ патриархальномъ строѣ доисторическаго римскаго общества, необузданный просторъ надъ жизнью жены. На этомъ-то мрачномъ фонѣ семейныхъ отношеній и возникло рыцарство, какъ защита и оплотъ женщины; но рыцарство возвело слабость женскаго пола чуть не въ уродство, пересолило, что называется, въ своемъ стараніи, унизило человѣческое достоинство, провозгласивъ женщину какимъ-то получеловѣкомъ, человѣкомъ-ребенкомъ. «Нестественность отношеній къ женщинѣ видна особенно изъ того, что обожаніе женщины существовало наряду съ глубокимъ презрѣніемъ къ ней, какъ къ дочери, сестрѣ, женѣ и даже матери», справедливо утверждаетъ г. К. В.» Католичество, понявъ прекрасно все значеніе душевныхъ свойствъ женщинъ, сначала воспользовалось для укрѣпленія своего вліянія умственными ихъ способностями.

И вотъ мы наблюдаемъ оригинальное явленіе: въ то время какъ средневѣковое мужское населеніе высшихъ классовъ тонетъ во мракѣ невѣжества, женская половина рода человѣческаго дѣлаетъ быстрые успѣхи въ своемъ развитіи и просвѣщеніи. «...Уже въ VII и VIII вѣкахъ число женскихъ монастырей значительно превышаетъ число мужскихъ, при чемъ какъ по богословію, такъ и по другимъ предметамъ монахини несравненно образованнѣе монаховъ, говоритъ г. К. В. Монастыри того времени были первыми высшими школами, въ которыхъ монахини, кромѣ богословія, обучались астрономіи и врачеванію. При монастыряхъ учреждались элементарныя школы, гдѣ преподаваніе велось монахинями, и гдѣ получали образованіе дѣти не только дворянскаго, но и изъ низшаго сословія, такъ что нерѣдко на школьной скамьѣ рядомъ съ знатной аристократкой сидѣла мѣщанка». Это повело къ тому, что еще въ IX столѣтіи женщины, кромѣ грамотности, были знакомы съ астрономіей и медициной и считались хорошими шахматными игроками. Духовенство, замѣтивъ сильный умственный ростъ женщинъ, усмотрѣло въ нихъ опасныхъ конкурентовъ, могшихъ противопоставить свою духовную мощь его вліянію; тогда оно объявило женскому просвѣтителному движенію войну и въ концѣ концовъ провозгласило: «вслѣдствіе того, что женщина не создана по образу Божію, она не можетъ считаться человѣкомъ». Мнѣніе, что «женщина не человѣкъ», получаетъ сильное распространеніе, и этой темѣ посвящаются даже цѣлыя изслѣдованія. Рядомъ съ такого рода политикою, имѣвшей цѣлью парализовать духовное развитіе женщинъ, патеры начинаютъ ихъ усиленно развращать и развивать въ нихъ животныя инстинкты; мало того, духовенство обвиняетъ всякую свѣдущую въ медицинѣ женщину изъ низшихъ классовъ въ колдовствѣ и натравливаетъ противъ нея невѣжественную массу простонародья. Не смотря, однако, на эти неблагоприятныя обстоятельства, женское образовательное движеніе, хотя и значительно слабѣетъ, но не глохнетъ окончательно, и еще во время крестовыхъ походовъ женщина по своему умственному развитію стоитъ выше мужчины. Крестовые походы повысили культуру послѣдняго, что имѣло слѣдствіемъ возстановленіе равновѣсія интеллектуальныхъ силъ обоихъ половъ. Въ это же время выступаютъ на защиту попранныхъ правъ женщинъ нѣкоторые мыслители, изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ Пулэнъ Барръ, который въ своей аргументаціи превосходитъ крайнихъ апостоловъ женской эмансипаціи даже XIX вѣка.

Въ своемъ сочиненіи «О равенствѣ двухъ половъ»¹⁾ онъ утверждаетъ, что міръ людской дѣлится на двѣ категоріи—получающихъ образованіе и не получающихъ. Женщины относятся къ послѣдней категоріи и такъ свыклись съ такимъ положеніемъ дѣла, что считаютъ его

¹⁾ П. О. Калтеревъ. «Психическія свойства женщинъ», стр. 19.

естественнымъ, отвѣчающимъ ихъ природѣ. Между тѣмъ это—глубокое заблужденіе: оба пола абсолютно равны. Слишкомъ уже преувеличиваютъ физическую слабость женщинъ и недостатки ихъ темперамента. Существенный органъ духовной дѣятельности—голова одинакова у мужчинъ и у женщинъ. Самое точное анатомическое изслѣдованіе мозга не обнаруживаетъ никакого различія между мужскимъ и женскимъ мозгомъ; впечатлѣнія на органы внѣшнихъ чувствъ получаютъ, связываются и сохраняются въ памяти и воображеніи одинаковымъ процессомъ у мужчинъ и женщинъ. Барръ полагаетъ, что женщины должны имѣть доступъ къ занятіямъ метафизикой, медициной, физикой, механикой, юриспруденціей, политикой, литературой и прочими гуманитарными науками; онъ утверждаетъ, что скуднымъ женскимъ образованіемъ какъ будто нарочно хотятъ затемнить ихъ умъ и отдалить отъ серьезныхъ умственныхъ интересовъ. «Нашли бы смѣшнымъ,—говоритъ средневѣковой мыслитель,—если бы увидали женщину на кафедрѣ, поучающую краснорѣчію или медицинѣ, въ качествѣ профессора; идущую по улицамъ въ сопровожденіи комиссаровъ и сержантовъ для исполненія полицейскихъ дѣлъ; произносящую рѣчи передъ судьями въ качествѣ адвоката; засѣдающую въ судѣ для совершенія правосудія; командуемую арміей, дающую сраженіе; говорящую передъ властями республики или князьями въ качествѣ посланника. Я согласенъ, что все это было бы удивительно, но только вслѣдствіе своей новизны. Если бы государства, организуясь, учреждая различныя должности, входящія въ составъ ихъ, призвали на эти должности и женщинъ, то мы точно также привыкли бы видѣть на этихъ должностяхъ женщинъ, какъ женщины привыкли видѣть на нихъ мужчинъ».

Проповѣдь писателя, конечно, не находила себѣ полного сочувствія въ современномъ обществѣ, но, тѣмъ не менѣе, женщина высшаго круга XVII столѣтія по своему умственному и нравственному воспитанію, приобрѣтенному по большей части домашнимъ способомъ, стоитъ высоко, и ея вліяніе на общественныя сферы простирается очень далеко; примѣромъ тому служить г-жа Ментенонъ и основанный ею «*maison Saint Cyr*». Довольно сноснымъ рисуется и положеніе дѣвушки въ буржуазныхъ семьяхъ—онѣ получаютъ здѣсь нѣкоторое образованіе и въ значительной степени чувствуютъ себя свободными, при выборѣ мужа. Реформація въ сильной степени содѣйствуетъ смягченію нравовъ и развиваетъ въ обществѣ серьезный и идеальный взглядъ на значеніе личности. Но это смягченіе нравовъ проникаетъ лишь въ высшіе и средніе слои общества; низшій классъ продолжаетъ коснѣть въ невѣжествѣ и мракѣ. «Простолюдинка загрубѣла въ суровой мужской работѣ,—говоритъ г. К. В.,—вѣчно на улицѣ, на вѣтру, сильная, мускулистая, она можетъ назваться женщиной только по своему полу. Въ нравственномъ отношеніи женщина низшаго класса, начиная съ рыночной

торговки и кончая несчастнымъ существомъ, продающимъ дрова на Сень-Бернардской площади, также груба, неотесана, какъ и физически. Посреди высокой цивилизаціи эпохи, въ самомъ центрѣ просвѣщенія, она по культурному развитію стоитъ не многимъ выше дикарки...». Время, предшествовавшее революціи, отмѣчено, однако, печатью значительнаго культурнаго регресса въ сферѣ духовнаго развитія женщинъ: возрождается, какъ и въ древности, культъ тѣла со всѣми его грязными послѣдствіями. Рядомъ съ этимъ не наблюдается никакого распиренія правъ женщины, и ея социальное положеніе продолжаетъ быть стѣсненнымъ тисками одряхлѣвшаго римскаго права и режимомъ феодальнаго строя.

Великая французская революція, провозгласившая права личности, оказала и эмансипаціонное вліяніе на положеніе женщины. «Было бы противно справедливости, правдѣ и равенству оставлять безъ вниманія права женщинъ»,— такъ говорилъ одинъ изъ ораторовъ въ учредительномъ собраніи. И дѣйствительно, къ этому времени относится рядъ декретовъ и законовъ, имѣвшихъ цѣлью поднять значеніе женщины въ семьѣ и обществѣ, а также уравнивать ея права съ мужскими. Сюда относятся декреты—объ уничтоженіи права старшинства и мужскаго пола, объ уравнианіи правъ наслѣдованія, объ ограниченіи отцовской власти, объ исключеніи прилюбованія изъ числа уголовныхъ преступленій, объ установленіи института развода и нѣкоторые другіе. «Вліяніе идей революціи лучше всего выразилось въ проектѣ гражданскаго уложенія, представленнаго на обсужденіе конвента 9-го августа 1793 года,— говоритъ г. Оровичъ¹⁾. Въ этомъ проектѣ семейный режимъ основанъ на принципахъ свободы и равенства. Мужъ и жена, отецъ и мать, совершенно равноправны въ отношеніи власти надъ дѣтьми и въ отношеніи общаго семейнаго имущества. Никакіе акты и юридическія сдѣлки, касающіяся имущества, не дѣйствительны, если нѣтъ въ нихъ согласія обоихъ супруговъ. Во всѣхъ этихъ постановленіяхъ сказывается принципъ, провозглашенный въ словахъ одного изъ наиболѣе горячихъ защитниковъ женщинъ—Кондорсе, что изъ всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ прогрессомъ, наиболѣе важное — уничтоженіе предразсудковъ, установившихъ неравенство между полами. Однако, проектъ этотъ, какъ многіе другіе проекты, вызванные революціонной эпохой, не получили осуществленія и въ дальнѣйшее законодательство не вошли совѣмъ или съ большими ограниченіями. Но они послужили началомъ дальнѣйшей пропаганды правъ». Расцвѣтъ этой пропаганды замѣтенъ только во второй половинѣ текущаго столѣтія, но прежде чѣмъ о немъ говорить, необходимо выяснитъ, каково же было положеніе до XIX столѣтія женщины въ Россіи, играющей въ настоящее время такую выдающуюся роль въ эмансипаціонномъ женскомъ движеніи.

¹⁾ «Женщина въ правѣ», стр. 28.

IV.

Положеніе русской женщины въ доисторическое время отечественной жизни было вполнѣ вольное и независимое. Она пользовалась высокимъ почетомъ среди мужчинъ и въ его глазахъ являлась олицетвореніемъ добра, трудолюбія, знанія и мудрости. Честь ея ревниво оберегалась, и всякая обида, ей причиненная, каралась высокой пеней, высшей, нежели таковая полагалась за оскорбленіе мужчины. «Въ древней Руси, говоритъ г. Оровичъ ¹⁾, женщина считалась по закону лицомъ юридически вполнѣ самостоятельнымъ: она имѣла право владѣть всякаго рода имуществомъ, располагать имъ по своей волѣ и даже выступать въ судѣ лично или черезъ повѣреннаго. Въ случаѣ судебного поединка, она могла поставить на мѣсто себя наемника. Если же истецъ и отвѣтчикъ были оба женщины, онѣ не имѣли права выставять за себя наемника: «жонки съ жонкою присуждати поле, а наймиту отъ жонки не быти ни съ одну сторону». Замужнія женщины пользовались значительною самостоятельностью. Онѣ могли имѣть независимо отъ мужа имущество, землю, села и свободно распоряжаться ими. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жена считалась даже главою дома». Съ теченіемъ времени, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Византіи, свобода и равенство исчезаютъ, и на мѣсто ихъ вступаетъ въ права патріархальное начало, гдѣ личность домочадцевъ ступевывается передъ лицомъ домовладыки. Это ступевываніе въ отношеніи женщинъ принимаетъ характеръ настоящаго рабства. «Безличное, рабское положеніе женщины въ древне-русской семьѣ, свидѣтельствуется г. Оровичъ, съ ея патріархальнымъ складомъ, основаннымъ на безграничной власти владыки семьи, и при грубости нравовъ, сдѣлалось еще болѣе униженнымъ по мѣрѣ усиленія вліянія византизма, сообщившаго жизни древней Руси характеръ аскетически-монастырскій и внесшаго возрѣніе на женщину, какъ на существо нечистое, грѣховное. Восточно-византійскіе аскетическіе взгляды, явившіяся естественной реакціей противъ распущенности нравовъ, характеризующіе послѣднюю эпоху Византійской имперіи и ополчившіяся противъ всей растлѣнной византійской цивилизаціи съ ея непомерной роскошью, порочными женщинами, вазорными, противными идеаламъ христіанства, свѣтскими удовольствіями,—перешли къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ и направили на нашу жизнь свои изобличенія съ тѣмъ же крайнимъ ожесточеніемъ, какое вызывалось византійской дѣйствительностью. Аскетизмъ предписывалъ молитвы, умерщвленіе плоти и изгонялъ изъ жизни всѣ мірскія удовольствія, въ особенности игры, хороводы, пляски жен-

¹⁾ «Женщина въ правѣ», стр. 57.

скія. «Пляшущая жена — любодѣйница дьявола, супруга адова, невѣста сатанина». Въ особенности аскетическая мысль вооружалась противъ женщинъ и изгоняла изъ жизни все, что имѣло какое либо отношеніе къ общенію между полами и къ проявленію половой любви; даже брачное сожителство считалось грѣховнымъ и терпѣлось лишь, какъ слабость человѣческая».

Этотъ презрительный взглядъ еще усилился подѣ влияніемъ татарщины, которая перенесла къ намъ тѣ же принципы теремщины, униженія женщины, сокращенія до *minimum*'а ея духовныхъ потребностей, возведя ее окончательно до степени животнаго, которое необходимо только кормить и кормить на убой для ожиренія тѣла, долженствующаго придать ей особенную красоту, понятную только людямъ, находящимся на самой низкой ступени развитія. И здѣсь мы видимъ такимъ образомъ, что строй жизни провозглашаетъ культъ тѣла, при чемъ одни бѣгутъ этого жирнаго заплывшаго тѣла, видя въ немъ источникъ всѣхъ бѣдъ и несчастій, а другіе, напротивъ, цѣликомъ уходятъ въ обожаніе и наслажденіе этимъ тѣломъ, какъ источникомъ самаго грубаго и развратнаго пользованія и наслажденія. Рядомъ съ этимъ обычай и, пожалуй, историческая необходимость, выработали потребность ранняго брака, такъ что дѣвочку уже выдавали, конечно, безъ всякаго спроса съ ея стороны, замужъ двѣнадцати и даже десяти лѣтъ отъ роду. Свадебная обрядность сопровождалась самыми позорными символами перехода ея изъ-подъ власти отца во власть мужа: отецъ бралъ плеть, ударялъ свою дочь, говоря: «ты знала прежде власть отца; нынѣ эта власть переходитъ къ мужу; вмѣсто меня за послушаніе и непочтительность этою плетью тебя будетъ учить уже другой». И этотъ другой, воспринявъ торжественно отъ отца позорное орудіе наказанья, вѣшалъ его надъ брачнымъ ложемъ, какъ почетную эмблему своей неограниченной супружеской власти. Затворничество, рабство, собачья преданность, убили въ женщинѣ всякую индивидуальность, всякій интеллектъ: она вся ушла въ чадородіе, въ производительность самки съ полнымъ отсутствіемъ духовнаго влиянія на дѣтей. Церковь не спѣшила поднять ея духовнаго уровня и только и дѣлала, что твердила ей о покорности и послушаніи. Все это, вмѣстѣ взятое, послужило къ тому, что въ дореформенной Россіи съ страшной силой развился развратъ, который и проникъ во всѣ слои общества. «Но развратъ не ограничивался тѣми женщинами, которыхъ можно было купить или захватить силою: онъ проникалъ всюду и увлекалъ теремныхъ затворницъ высшаго класса, которыя уже не за деньги и не по принужденію, а ради удовольствія и добровольно старались усладить горечь своей рабской жизни утѣхами свободной любви съ мужчинами, приходившимися имъ по вкусу, говорить г. К. В. ¹⁾. Несмотря на невозможность, повидимому,

¹⁾ «Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи», стр. 228—229.

проникнуть за стѣны терема, примѣры измѣнъ такихъ женъ были нерѣдки. Проводя время со служанками и ведя съ ними отъ скуки «пустышныя рѣчи, пересмѣшныя, соромныя и безлѣпныя», женщина пріучалась располагать свое воображеніе къ всему нецѣло-мудренному. Эти служанки вводили въ домъ разныхъ торговкокъ, гадалыщицъ и, въ томъ числѣ, «потворныхъ бабъ», «что молодыя жены съ чужими мужи сваживаютъ». Послѣднія вели свое занятіе съ правильностью ремесла и очень искусно вѣдрялись въ дома, прикидываясь чѣмъ угодно, даже набожными богомолками... Передъ реформою Петра нравы дворцоваго терема окончательно пали, и его обитательницы отличались крайней легкостью поведенія. По раскольничьимъ извѣстіямъ, «царевна Софья была блудница и жила блудно съ боярами, да и другая царевна сестра ея... и бояре ходили къ нимъ и ребятъ тѣ царевны носили и душили и иныхъ на дому кормили». У царевны Марѣи нѣсколько лѣтъ былъ на содержаніи дьяконъ Иванъ и т. д. Образецъ русской аристократической Мессалины—этой грязной, отвратительной, до болѣзненнаго неистовства страстной женщины, воспѣвается престономъ до сихъ поръ во многихъ мелкихъ вариантахъ пѣсни «Барыня». Но единственную сторону жизни русской женщины исторія сумѣла выработать въ ея пользу, именно имущественную. Уже въ древнія времена женщина запаслась тѣми экономическими правами, которыя въ настоящее время составляютъ ея великое преимущество передъ женскою долей на Западѣ, и въ которыхъ лежитъ залогъ ея будущей соціальной эмансипаціи.

Шашковъ ¹⁾ и г. К. В. сводятъ имущественныя права женщинъ къ слѣдующимъ главнѣйшимъ положеніямъ: дочь, при неимѣннн братевъ, могла наследовать даже недвижимое имущество, а при братѣ ея наследственная доля замѣнялась приданымъ; она даже получала на прожитокъ изъ отцовскихъ помѣстій особыя доли. Въ приданое ей давалось какъ движимое, такъ и недвижимое имущество, а иногда даже и цѣлыя вотчины съ крестьянами. Она владѣла своими вотчинами вполне самостоятельно, могла ихъ пріобрѣтать и отчуждать и вести свои дѣла, безъ согласія мужа; жена входила съ мужемъ въ разнообразныя договоры, сдѣлки мѣновыя, купли-продажи и т. д. По смерти мужа, жена сохраняла за собою свое имущество и приданое; кромѣ того, мужья часто назначали своимъ вдовамъ на прожитокъ извѣстную долю изъ своего имѣнія, иногда же вдова вмѣстѣ съ дѣтьми получала сполна все имущество покойнаго. Такимъ образомъ, дѣвушка съ пржиточнымъ семействомъ, вдова, даже замужняя женщина были въ своихъ имѣніяхъ независимыми господами и, наравнѣ съ помѣщиками-мужчинами, должны были нести за владѣніе помѣстьемъ обязательную государственную службу въ лицѣ своихъ дѣтей, родственниковъ или постороннихъ лицъ. Такимъ

¹⁾ «Исторія русской женщины», стр. 186.

образомъ, если положеніе русской женщины въ сферѣ этическихъ вопросовъ, въ области социальныхъ правъ, было очень незавидно, за то она по крайней мѣрѣ была обеспечена въ своихъ имущественныхъ правахъ.

Необходимость эмансипаціи терема сознавалась еще до Петра Великаго, но только послѣдній, ломая строй древне-русской жизни сверху до низу, нанесъ смертельный ударъ и этому византийско-татарскому учрежденію. Въ интересахъ семейнаго быта, въ цѣляхъ уничтоженія рабства женской индивидуальности, преобразователь внесъ въ законодательство много такихъ положеній, которыя въ значительной степени уравнивали социальное положеніе обоеихъ половъ (уничтоженіе рядной записи, право свободного брака по любви, а не по принужденію, супружество съ иностранцами, уничтоженіе пытки беременныхъ въ уголовныхъ дѣлахъ, свобода продолженія брачнаго сожителства съ сосланными на каторгу и пр.). Но наиболѣе сильное вліяніе на разрушеніе прежней затворнической жизни женщинъ оказали извѣстныя «Петровскія ассамблеи», гдѣ женщины первенствовали надъ мужчинами. Правда, на этихъ танцевальныхъ собраніяхъ въ значительной степени царилъ кабачный характеръ, но, тѣмъ не менѣе, они хороши были уже тѣмъ, что позволили женщинамъ порвать окончательно связь съ темнымъ прошлымъ. Въ послѣдующія царствованія, въ особенности при Елизаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II, положеніе женщины, социальное и юридическое, еще болѣе улучшается, и въ ней даже просыпается сознаніе необходимости просвѣщенія. Но, замѣчаетъ относительно того времени г. Оровицъ¹⁾, «идеи, внесенныя въ складъ общественныхъ понятій, внесли вмѣстѣ съ тѣмъ легкость нравовъ, и XVIII вѣкъ въ русскомъ обществѣ можетъ быть отмѣченъ, какъ вѣкъ крайней нравственной распущенности, непомерной роскоши и разврата, какимъ онъ былъ въ западно-европейскихъ обществахъ, съ той разницею, что тамъ распущенность облекалась въ утонченныя формы, а у насъ она прорывалась въ формахъ крайне грубыхъ и съ характеромъ необузданности». Эта распущенность не можетъ, конечно, быть пѣликомъ отнесена къ плодамъ новаго времени; она существовала и прежде, но тогда она прикрывалась спудомъ терема, а теперь, извлеченная оттуда и подправленная свободными идеями XVIII вѣка, получила нѣкоторое право печальнаго гражданства. Г. Михневичъ въ своей прекрасной работѣ, посвященной русской женщинѣ XVIII столѣтія²⁾, въ значительной степени соскабливаетъ пятна на репутаціяхъ женщинъ того времени и рисуетъ цѣлую портретную галерею возвышенныхъ образовъ. Но представленные имъ типы были единичными свѣточами на темномъ нравственномъ фонѣ тогдашней дѣйстви-

1) «Женщина въ правѣ», стр. 76.

2) «Русская женщина XVIII столѣтія. Историческіе вѣтды». Кіевъ. 1896.

тельности. Общій уровень былъ очень жалокъ какъ высшаго столичнаго женскаго общества, такъ и средняго, не говоря уже про низшій. Про послѣдній г. Михневичъ по всей справедливости говорить: «какъ нынѣ, такъ и тогда, поэтъ съ одинаковымъ основаніемъ могъ воскликнуть ей (т. е. женщинѣ) изъ глубины наболѣвшаго сердца:

Ты вся воплощенный испугъ!
Ты вся вѣковая истома!

«Въ этихъ двухъ выразительныхъ стихахъ вся, можно сказать, — и древняя, и новая, и средняя исторія русской сельской женщины, и намъ прибавить къ ней отъ себя нечего».

Со времянь Петра и вплоть до Екатерины II мы не видимъ никакихъ заботъ о поднятіи женской интеллигенціи. Женщина получила внѣшнюю свободу, на этой свободѣ вкусила тлетворнаго вліянія тогдашней общей нравственной распущенности и была, кромѣ того, болѣе или менѣе хорошо гарантирована закономъ въ своихъ имущественныхъ правахъ. Дальше этого ни общество, ни законодательство о ней не заботились, да и она сама не проявляла стремленій къ болѣе широкому и свѣтлому пониманію своего человѣческаго достоинства. Эти заботы впервые выдвигаются въ царствованіе Екатерины II, которая и основываетъ первое женское учебное заведеніе: «Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ», впоследствии переименованное въ «Смольный институтъ», съ строго замкнутымъ началомъ интерната. Бецкій полагалъ необходимымъ удалить дѣтей изъ семьи, дабы парализовать ея вредное вліяніе. Въ институтѣ было два отдѣленія ¹⁾: одно для воспитанія барышень, а другое — мѣщанское, для воспитанія будущихъ служанокъ; послѣднихъ, въ интересахъ барынь, обучали и иностраннымъ языкамъ. «Объ умственномъ развитіи барышень почти вовсе не заботились, — говоритъ г. К. В., — а старались развить только вкусъ, да «изящное сердце», что видно уже изъ одной программы преподаванія: языки — русскій, французскій, нѣмецкій и итальянскій, архитектура, геральдика, скульптура, рисованіе, танцы, музыка, токарное ремесло, рукодѣлье, знакомство съ хозяйствомъ, исторія, географія и ариеметика». По примѣру Смольнаго института съ того времени начали появляться и другія подобныя учебныя заведенія. Возникаютъ также и частныя пансіоны, по духу и строю подобныя своему прототипу — Смольному институту. Въ институтахъ обучались только дочери привилегированныхъ лицъ, а въ пансіонахъ — тѣ же дворянки, не попавшія въ институтъ. Екатерина II первая вступила въ борьбу съ женскимъ духовнымъ рабствомъ при помощи острой сатиры, гдѣ осмѣивала враждебное отношеніе къ задачамъ женскаго просвѣщенія. «На что дѣвокъ учить грамотѣ, — говоритъ Чудихина въ ея комедіи «О время!» — имъ ни къ чему грамота не

¹⁾ К. В., «Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи», стр. 244.

надобна: меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше и вретъ». Своимъ личнымъ примѣромъ Екатерина показала, что запретная дотолѣ для женщинъ область—литература и наука, имъ доступна одинаково съ мужчинами: она проводитъ свои идеи при помощи журнала, гдѣ является и ревностной сотрудницей его и руководительницей, а во главѣ перваго въ Россіи, и по времени и по назначенію, ученаго учрежденія ставить женщину, своего друга, княгиню Дашкову, прозванную современниками «россійской Минервой». Одновременно съ Дашковой изъ среды женщинъ того времени выдѣляются: Турчанинова, Елагина, Княжнина, Вельяшева-Волынцева, кн. Урусова, Волкова, кн. Меншикова, Сушкова, Ржевская и др., которыя и положили въ Россіи начало женской литературной дѣятельности, которая въ наши уже дни достигла такого широкаго распространенія.

Все сказанное о женщинахъ Западной Европы и Россіи показываетъ, что онѣ вступили въ XIX столѣтіе при болѣе и менѣе одинаковыхъ обстоятельствахъ и условіяхъ. На Западѣ образованныя женщины и въ качественномъ и въ количественномъ отношеніи стоятъ выше русскихъ, за то послѣднія превосходятъ своихъ европейскихъ сестеръ имущественными и юридическими правами; но на западѣ, въ силу болѣе быстрого хода историческихъ событій, уже на рубежѣ XVIII и нынѣшняго столѣтій громко высказываются идеи о необходимости полного уравненія правъ обоихъ половъ, идеи, возвѣщенные нѣкогда въ Греціи Платономъ, развитыя въ XVII вѣкѣ Барромъ и окончательно сформулированныя въ годину великой французской революціи, которая поэтому и можетъ считаться истинной эрой въ новой исторіи женскаго вопроса и судьбахъ женщинъ.

V.

Судьба женщинъ въ исторіи настоящаго столѣтія довольно рѣзко дѣлится на два періода: первый періодъ обнимаетъ собою время съ конца великой французской революціи по конецъ сороковыхъ годовъ, второй — слѣдующую половину нынѣшняго вѣка. *Déclaration des droits de la femme*, хотя и не имѣла на родинѣ какихъ нибудь практическихъ слѣдствій, однако глубоко забросила въ современные народы идею социальнаго и юридическаго равенства обоихъ половъ, и первая половина XIX ст. отмѣчена попытками со стороны женщинъ добиться хоть нѣкоторой доли этихъ правъ. Наиболѣе энергично въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ женщины Англій, Швейцаріи, Скандинавіи, Россіи, но въ особенности американскія женщины, которыя и дѣлаютъ свою родину истиннымъ очагомъ женской эмансипаціи; наиболѣе пассивными въ этомъ отношеніи оказываются нѣмки, до послѣдняго времени особенно культивирующія въ неприкосновенности романтическое «*Das ewig Weibliche*». Большой ин-

тенсивности повсемѣстно достигаетъ женскій вопросъ во второй половинѣ настоящаго столѣтія и изъ области разсужденій и платоническихъ пожеланій переходитъ уже въ самую жизнь въ качествѣ многочисленныхъ конкретныхъ явленій, причемъ вопросъ этотъ совершенно справедливо тѣсно и неотъемлемо связывается съ требованіями просвѣщенія и накопленія научнаго знанія.

Наполеонъ I значительно ограничилъ права женщинъ, и его взглядъ на женщину не отличался особенною возвышенностью и оригинальностью. По поводу воспитательной инструкции для пансіона въ Экуэнѣ онъ писалъ великому канцлеру ¹⁾: «Три четверти ихъ дня должны быть посвящены рукодѣльямъ: онѣ должны вязать чулки, мыть бѣлье и вышивать, однимъ словомъ, готовить всякія женскія работы. Быть можетъ, было бы удобно дать имъ нѣкоторыя понятія о медицинѣ и о приготовленіи лѣкарствъ, на сколько эти познанія необходимы для сидѣлки... Я желалъ бы образовать изъ этихъ дѣвицъ полезныхъ женщинъ, будучи вполне увѣренъ, что вслѣдствіе этого онѣ сдѣлались бы и привлекательными. Только та женщина можетъ одѣться со вкусомъ, которая въ состояніи сама сдѣлать себѣ платье. Танцы необходимы для здоровья, но слѣдуетъ избѣгать характерныхъ танцевъ, умѣстныхъ только на сценѣ. По части музыки я согласенъ на одну музыку вокальную. Если послѣ всего этого мнѣ замѣтятъ, что заведеніе не пользуется общимъ расположеніемъ, то этимъ только исполнится мое желаніе; ибо, по моему мнѣнію, наилучшій способъ обученія возможенъ только при помощи матери». Назначеніе женщинъ, по мнѣнію Наполеона, рождаютъ какъ можно больше здоровыхъ гражданъ и воспитывать своихъ дѣтей, не мудрствуя лукаво. Взгляды на женщину чловѣка, оказавшаго такое сильное вліяніе на умы современниковъ, отразились чрезвычайно гибельно на дѣлѣ женской эмансипаціи и не только во Франціи, но и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Время священныхъ конгрессовъ съ ихъ реакціоннымъ характеромъ отодвинуло также на задній планъ вопросъ о правахъ женщинъ, каковой только во второй половинѣ текущаго столѣтія выдвигается на очередь.

Современное законодательство о женщинѣ на Западѣ представляетъ собою смѣшеніе началъ, заимствованныхъ въ разныхъ странахъ изъ римскаго права, легшаго въ основу общаго тамъ порядка вещей, изъ каноническаго права, постановленій эпохи феодализма и принциповъ революціоннаго порядка. Г. Оровичъ обстоятельно обрисовываетъ положеніе женщины въ V гл. своего столь часто цитированнаго мною труда ²⁾: «Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ сохранились еще до настоящаго времени многія черты весьма существеннаго неравенства между полами,—говорить почтенный изслѣдова-

¹⁾ «Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи», стр. 94—95.

²⁾ «Женщина въ правѣ», стр. 29.

тель. По шведскому гражданскому уложению незамужняя женщина остается всю жизнь подъ опекой, какъ несовершеннолѣтняя. Въ Испаніи до изданія новаго гражданского уложения 1889 г. женщина не имѣла права быть поручительницей и устранялась отъ опеки и свидѣтельства на судѣ. Въ Италіи только послѣ изданія гражданского уложения 1869 г. правовое положеніе женщины ушло далѣе положенія ея въ средніе вѣка. Почти во всѣхъ законодательствахъ существуютъ для женщины ограниченія въ области частно-публичныхъ правъ. Такъ, женщина не можетъ быть свидѣтельницей по крѣпостнымъ актамъ, по актамъ о состояніяхъ и по завѣщаніямъ (Австрія) и, кромѣ того, даже при составленіи акта о бракѣ или рожденіи (Франція); она не можетъ быть экспертомъ, третейскимъ судьей, опекушкой или членомъ семейнаго совѣта, исключая случая, когда она мать или родственница по восходящей линіи. Родительская власть при жизни отца, по большинству законодательствъ, принадлежитъ всецѣло отцу, и даже по смерти отца не вездѣ мать пользуется всей полнотою родительской власти. Наиболѣе характерной чертой современныхъ западно-европейскихъ законодательствъ является установленная почти вездѣ разница въ пользованіи гражданскими правами между незамужней женщиной или вдовой и замужней женщиной... Въ новѣйшихъ законодательствахъ проводится начало, что ограничивается въ правахъ не женщина, а жена, и что ограниченіе дѣе-и правоспособности приурочивается не къ полу, а къ браку, съ которымъ оно начинается и кончается. Жена не можетъ участвовать ни въ одной юридической сдѣлкѣ безъ полномочія мужа, все равно подѣ какимъ бы режимомъ ни состоялъ бракъ—подѣ режимомъ ли общности или раздѣльности имущества. Она не можетъ ни приобрѣтать, ни отчуждать, ни закладывать, ни дарить, ни получать въ даръ, ни обязывать другихъ,—словомъ, съ вступленіемъ въ супружество, она вполне утрачиваетъ свою личность и лишается всякой дѣеспособности. Затѣмъ она не можетъ выступать въ судѣ ни въ качествѣ истицы, ни въ качествѣ отвѣтчицы безъ полномочія мужа».

Въ послѣднее время, по свидѣтельству г. Оровича, гражданская зависимость жены отъ мужа вызываетъ сильныя протесты въ виду часто встрѣчающихся злоупотребленій со стороны мужей своею властью и въ виду несчастій, слѣдующихъ за неудачными браками. Въ Англіи по этому предмету къ 1882 г. произошла уже радикальная реформа. По новому закону, говоритъ г. Оровичъ, «жена сохраняетъ право собственности и право свободнаго распоряженія всѣмъ имуществомъ, которымъ она владѣетъ въ моментъ брака и которое она приобрѣтаетъ послѣ брака, путемъ наслѣдства или заработками своего ремесла или профессіи. Она свободна обязываться договорами, искать и отвѣчать на судѣ, имѣть независимо отъ мужа торговое дѣло. Новѣйшее законодательство Соединенныхъ Штатовъ (новый кодексъ Миссисипи 1890 г.) совершенно эмансипировало замужнихъ женщинъ въ иму-

щественномъ отношеніи. Женщинѣ и послѣ брака, какъ и до брака, предоставлена полная независимость въ отношеніи имущественныхъ правъ: она имѣетъ полное распоряженіе своимъ имуществомъ, можетъ приобрѣтать новое, вступать во всякія сдѣлки и договоры, не завися отъ мужа и не спрашивая его разрѣшенія. За исключеніемъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, во всѣхъ остальныхъ западно-европейскихъ странахъ остается полная гражданская зависимость замужней женщины. Зато для незамужней женщины или вдовы открывается полное гражданское право и дѣеспособность: она можетъ заниматься торговлей, участвовать въ банковыхъ и всѣхъ другихъ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ, вступать во всякія обязательныя отношенія, выступать предъ судомъ въ качествѣ стороны и свидѣтельницы, можетъ даже представлять, какъ повѣренная, и т. д. Словомъ, современная женщина въ гражданскомъ отношеніи почти совершенно освобождена отъ тѣхъ многочисленныхъ ограниченій, которыя ей навязало римское право, и отъ которыхъ, впрочемъ, еще до сихъ поръ остались слѣды въ законодательствахъ нѣкоторыхъ странъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ женщина даже имѣетъ привилегіи предъ мужчиной, напр., она освобождена отъ личнаго задержанія за долги». Что касается имущественныхъ отношеній между супругами, то таковыя иностраннымъ законодательствомъ опредѣляются по различнымъ системамъ, изъ которыхъ супругамъ представляется сдѣлать выборъ, при заключеніи брачнаго контракта. Системы эти слѣдующія: 1) общность имущества супруговъ, по которой имущество каждаго изъ супруговъ, принадлежавшее ему до брака, а равно и приобрѣтаемое въ теченіе брака, становится общимъ нераздѣльнымъ имуществомъ; 2) разъединеніе имущественныхъ правъ супруговъ, при которомъ бракъ не оказываетъ никакого вліянія на имущественныя отношенія супруговъ; 3) régime total—неприкосновенность приданого, которое, поступая въ распоряженіе мужа, обезпечивается залогомъ на его имущество. Въ настоящее время, говоритъ г. Оровичъ, «въ наследственныхъ правахъ женщина уравниена почти во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ Англія (и Россія), гдѣ еще не достигнуто уравниеніе правъ женщины въ области наследованія. Въ Англіи сохранилось устраненіе дочерей отъ наследованія въ недвижимыхъ имуществахъ, при наличности сыновей. При отсутствіи же сыновей дочери вступаютъ въ права наследованія, причемъ дѣлятъ имущество поровну между собою, а не по принципу старшинства, какъ это имѣетъ мѣсто при наследованіи сыновьями, изъ которыхъ младшіе совсѣмъ не наследуютъ. Въ движимыхъ имуществахъ женщины наследуютъ наравнѣ съ мужчинами. Во всѣхъ другихъ государствахъ въ области наследованія не существуетъ никакихъ ограниченій для женщинъ, которыя наравнѣ съ мужчинами наследуютъ на одинаковыхъ

основаніяхъ какъ въ движимомъ, такъ и недвижимомъ имуществѣ». Любопытно также отмѣтить, каковы юридически-государственные права женщинъ въ Японіи, этой молодой странѣ европейскаго прогресса, которая такими быстрыми шагами идетъ по пути экономическаго и соціального улучшенія. «Постановленія закона Уейяса хотя и стремятся нѣсколько оградить здѣсь право жены, но въ дѣйствительности они ихъ совѣмъ не ограждаютъ, говоритъ г. Пеликанъ въ своемъ изслѣдованіи о Японіи¹⁾. При патриархальномъ строѣ японскаго гражданскаго быта глава семейства контролируетъ жизнь всѣхъ своихъ семейныхъ и устраиваетъ ее по своему усмотрѣнію. Дѣти находятся у него въ безусловномъ подчиненіи. Ни сынъ, ни дочь не могутъ безъ согласія отца располагать своимъ заработкомъ, заключать браки, даже перемѣнять жительство или профессію. Весьма почтенные отцы семейства продаютъ своихъ дочерей въ наложницы, въ гейши, закабаляютъ ихъ на срокъ въ разнаго рода работы, извлекаютъ себѣ выгоду изъ промысла ихъ развратомъ. Когда дѣвушка покидаетъ домъ отца и поступаетъ въ другую семью въ качествѣ жены, наложницы, служанки, или же попадаетъ въ домъ терпимости, то всѣ на нее права отца переходятъ къ мужу, хозяину или ихъ отцу. Жена во всякое время можетъ быть разведена по одностороннему желанію мужа и даже вопреки его желанію, по волѣ лишь его родственниковъ. Конкубинатъ не считается предосудительнымъ и нисколько не умаляетъ общественнаго уваженія къ сожительствующей парѣ или группѣ. Никто также не осуждаетъ продажи дочерей въ публичные дома, и самый фактъ пребыванія дѣвушки въ публичномъ домѣ не ложится на нее позоромъ. Весьма часто вполне приличные молодые люди женятся на публичныхъ женщинахъ, и это не мѣшаетъ такимъ женщинамъ быть вѣрными и любящими женами. Выходя замужъ, японка отказывается отъ желанія нравиться кому бы то ни было, кромѣ своего вѣтреннаго по природѣ супруга. Она брѣетъ себѣ брови и чернитъ зубы...».

Кромѣ интересовъ непосредственно имущественныхъ, принципы великой французской революціи оказали значительное вліяніе и на упорядоченіе брачныхъ отношеній между супругами установленіемъ института гражданскаго брака, какъ законнаго брака, «съ точки зрѣнія свѣтскаго закона, по словамъ проф. Н. С. Суворова²⁾, регулируемаго свѣтскимъ законодательствомъ, а не церковнымъ, и по соображеніямъ государственнаго интереса и порядка, а не церковнаго». Идея гражданскаго брака, какъ гарантирующаго при содѣйствіи свѣтскаго закона главнымъ образомъ имущественные интересы брачующихся (прежде всего женщины), возникла съ незапамятныхъ временъ, прошла чрезъ все средневѣковое каноническое право и

¹⁾ А. Пеликанъ. Прогрессирующая Японія. Спб. 1895 г.

²⁾ Юридическая бібліотека. № 11. «Гражданскій бракъ», проф. Н. С. Суворова. Спб. 1896.

окончательно была формулирована наполеоновскимъ гражданскимъ кодексомъ, какъ обязательное постановленіе при вступленіи въ супружество. Изъ Франціи идея гражданского брака обошла всю Европу и во всѣхъ государствахъ получила полное право гражданства и обязательности, не коснувшись только Россіи и государствъ Востока. Въ Россіи признается только для брачующихся обязательность церковнаго благословенія, безъ всякаго вмѣшательства въ какія либо отношенія будущихъ супруговъ свѣтскаго закона. Однако, у раскольниковъ можно найти слѣды гражданского брака, общіе по идеѣ съ тѣмъ, что имѣетъ мѣсто въ жизни западно-европейской. Интересующихся подробностями «гражданскаго брака» отсылаю къ поучительному труду проф. Субботина.

Обращаясь къ нашему отечеству, мы видимъ, что положеніе женщины по русскому законодательству представляется во многихъ отношеніяхъ значительно выгоднѣе, чѣмъ положеніе женщины по иностраннымъ законодательствамъ. «Нашему законодательству совершенно чуждо начало, которое строго проводится почти во всѣхъ западно-европейскихъ законодательствахъ—начало полной зависимости жены отъ мужа въ личномъ и имущественномъ отношеніяхъ, говоритъ Оровичъ¹⁾. Нашему законодательству извѣстны только два ограниченія дѣеспособности замужнихъ женщинъ: 1) жены безъ позволенія мужей не могутъ наниматься въ услуженіе по договору личнаго найма, и 2) замужнія женщины не могутъ безъ позволенія мужей выдавать векселя, если онѣ не производятъ торговли отъ собственнаго имени... Также наше законодательство не знаетъ никакихъ ограниченій для женщинъ въ области частно-публичныхъ правъ; женщина можетъ являться свидѣтельницей при совершеніи всякихъ актовъ, даже крѣпостныхъ. Только въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской женщинѣ запрещено быть свидѣтельницей при завѣщаніи. Женщина можетъ быть опекуншей и попечительницей не только надъ своими дѣтьми, но даже и надъ посторонними лицами, и наравнѣ съ мужчиной можетъ носить опекунское званіе; она пользуется, какъ мать, правами родительской власти, наравнѣ съ отцомъ, а по смерти отца вступаетъ во всю полноту правъ родительской власти; далѣе женщина допускается въ качествѣ эксперта, третейскаго судьи и для исполненія другихъ обязанностей съ частно-публичнымъ характеромъ». Преимущественное положеніе мужчинъ передъ женщинами установлено закономъ только въ вопросѣ о правѣ наслѣдованія. Здѣсь, при совмѣстномъ наслѣдованіи сына и дочери, ближайшее право наслѣдованія принадлежитъ сыновьямъ и ихъ потомству; дочерямъ же выдѣляется изъ наслѣдственнаго имущества лишь указная часть — $\frac{1}{14}$ изъ недвижимаго имущества и $\frac{1}{8}$ изъ движимаго, но супруги наслѣдуютъ другъ другу

1) «Женщина въ правѣ», стр. 87—88.

на одинаковыхъ основаніяхъ: вдова и вдовецъ имѣютъ одинаковое право на полученіе указной части изъ имущества умершаго супруга — $\frac{1}{8}$ часть изъ недвижимаго и $\frac{1}{4}$ изъ движимаго имущества. Права состоянія женщины, кромѣ общаго порядка пріобрѣтенія ихъ по рожденію, пріобрѣтаются также черезъ бракъ и опредѣляются по началу: жена слѣдуетъ состоянію мужа ¹⁾. Мужъ сообщаетъ женѣ своей, если она по роду принадлежитъ состоянію низшему, всѣ права и преимущества, сопряженныя съ его состояніемъ, чиномъ или званіемъ. Эти права по состоянію сохраняются за нею даже тогда, когда мужъ за преступленіе будетъ лишенъ правъ своего состоянія. Что же касается до уголовного законодательства ²⁾, то здѣсь мужчины и женщины стоятъ въ одинаковомъ положеніи, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда строгость карательнаго закона смягчается для женщины, въ виду ея исключительнаго положенія, вызываемаго ея слабостью. Такъ, женщины изъяты отъ всякихъ тѣлесныхъ наказаній и пользуются особенною снисходительностью въ періодъ беременности.

Сказанное въ настоящей главѣ свидѣтельствуетъ, что женщина въ нѣкоторыхъ областяхъ общественной и частной жизни достигла къ концу XIX столѣтія значительныхъ правъ и во многомъ сравнялась уже съ мужчиной. Къ предъявляемымъ ей обязанностямъ, какъ жены и матери, она успѣла уже присоединить и широкія имущественныя права. Но со второй половины текущаго столѣтія она стала предъявлять и права на участіе въ общественной и государственной жизни, при чемъ сосредоточила свою борьбу главнымъ образомъ на правѣ полученія одинаковаго съ мужчиной образованія и пользованія всѣми проистекающими изъ образовательнаго ценза послѣдствіями. Женщина второй половины XIX вѣка въ значительной степени успѣла уже сломить темный средневѣковій предрассудокъ, что «она не человѣкъ», и рядомъ дѣяній на пользу человечества и всей цивилизаціи доказать, что она наравнѣ съ мужчинами можетъ быть причастна всѣхъ дѣлъ человѣческихъ.

VI.

Борьба женщинъ за образовательное право чрезвычайно интересна, и по этому предмету выросла громадная литература «за» и «противъ» женщинъ. Можно смѣло утверждать, что почти ни одинъ писатель, касавшійся задачъ современной культуры, не игнорировалъ женскаго вопроса и высказалъ по этому предмету свое откровенное мнѣніе. Подавляющее большинство литературныхъ голо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 104.

²⁾ Тамъ же, стр. 128.

«истор. вѣстн.», октябрь, 1936 г., т. LXVI.

совъ подано въ настоящее время за женщину и ея равноправность съ мужчиной въ пользованіи всѣми благами просвѣщенія. Вопросъ этотъ обслѣдованъ чрезвычайно детально со всевозможныхъ точекъ зрѣнія—физиологической, психологической, исторической и такъ далѣе. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ то, что сказано по этому предмету съ точки зрѣнія физиологической и психологической.

Монтегацца въ своемъ популярномъ сочиненіи «Физиологія женщины» утверждаетъ ¹⁾: «женщина стоитъ не выше мужчины и не ниже его, а рядомъ съ нимъ. Женщина и мужчина — это двѣ параллельныя линіи, идущія одна рядомъ съ другою и которыя никогда не сходятся. Каждому дано особое назначеніе, какъ при оплодотвореніи, такъ и въ человѣческомъ обществѣ: одинъ не можетъ стать на мѣстѣ другого, не произведя этимъ какой либо чудовищности». Но эта разность, по мнѣнію ученаго, никоимъ образомъ не лишаетъ ее права на одинаковое образованіе съ мужчиною и не стираетъ ее съ арены общественной дѣятельности. Вотъ то будущее, которое пророчитъ ей Монтегацца въ обновленномъ строѣ общества: «женщина будетъ пользоваться полною свободою въ выборѣ мужа, говоритъ онъ ²⁾: ея положеніе въ семьѣ будетъ возвышено возможностью развода. Она будетъ управлять своими собственными имѣніями безъ всякаго ограниченія и имѣть избирательное право въ дѣлахъ управленія... При управленіи семейными имѣніями, при выборѣ школъ для дѣтей, ея голосъ долженъ имѣть такое же значеніе, какъ и голосъ мужа. При разногласіи мнѣній въ семейномъ совѣтѣ женщина всегда должна рѣшать вопросъ. Профессиональное воспитаніе должно ей дать вѣрныя средства жить независимо; при увеличивающемся раздѣленіи социальнаго труда, женщина можетъ сдѣлаться писательницею, врачомъ, фармацевтомъ... Она должна быть поставлена въ такое положеніе, чтобы свободно могла развивать всѣ свои способности и прибавить къ великому зданію человѣческаго счастья и человѣческаго величія свойственныя ей: тонкость, нѣжность и изящество».

Въ своей краткой, но сильно написанной брошюрѣ «О подчиненіи женщинъ» Джонъ Стюартъ Милль говоритъ ³⁾: «Наше общество чрезвычайно охотно лепѣтъ понятіе о томъ, что всѣ высшія области мысли и дѣятельности, всѣ общественныя и частныя интересы доступны только мужчинамъ, а женщины должны быть навсегда отстранены отъ нихъ, довольствуясь только тѣмъ, что имъ снисходительно предоставитъ мужчина. Когда подобныя понятія отойдутъ въ область прошедшаго, а женщина сознаетъ, что она стала такимъ же полноправнымъ членомъ общества, какъ и всѣ остальные, что она

¹⁾ П. Монтегацца. «Физиологія женщины». Переводъ Н. Федоровой. Спб. 1894, стр. 12.

²⁾ Тамъ же, стр. 391.

³⁾ Джонъ Стюартъ Милль. «О подчиненіи женщинъ». Переводъ М. Лялиной, стр. 100—101. Спб. 1896 г.

вправѣ выбирать занятія по своему вкусу и при одинаковыхъ условіяхъ съ мужчиною, что она наравнѣ съ мужчиною можетъ принимать участіе въ умственномъ движеніи своей эпохи, что ей дозволено интересоваться предметами, къ которымъ не можетъ оставаться равнодушнымъ ни одно разумное существо, что она можетъ, путемъ совершенствованія своихъ умственныхъ способностей, достигъ вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ, независимо отъ ея прямого участія въ нихъ, она воспрянетъ духомъ, и ея развитіе получитъ сильный толчекъ». Милль боится, что при современномъ положеніи вещей у женщинъ не хватитъ духа на протестъ противъ своего печальнаго положенія въ обществѣ и государствахъ, и полагаетъ, что въ этомъ ей должны прійти на помощь образованные мужчины.

И нашъ русскій ученый, П. О. Каптеревъ, въ своей обстоятельной и прекрасно аргументированной работѣ, на которую я уже неоднократно ссылался, вполне убѣдительно доказываетъ, что женщинамъ не можетъ быть чужда никакая сфера духовной дѣятельности, что ея психическія свойства никакимъ образомъ не препятствуютъ широкой общественной дѣятельности, которая съ своей стороны не препятствуетъ ей осуществлять свое высшее назначеніе—материнство. Свой трудъ почтенный изслѣдователь заключаетъ слѣдующими прекрасными словами ¹⁾: «Но, конечно, придетъ время, когда женщина окончательно сотретъ съ себя слѣды застарѣлаго рабства и некультурности и будетъ жить и развиваться вполне свободно, согласно съ особенностями своего типа, когда образованіе будетъ необходимымъ свойствомъ женщины, образованіе не въ видѣ копіи, сколка съ мужского, но свое оригинальное. Тогда женскій типъ развернется во всей своей красѣ и самобытности, тогда узнаютъ женщину, какъ своеобразное существо не только въ физическомъ, но и въ умственномъ, и нравственномъ и другихъ отношеніяхъ, тогда женщина будетъ женщиной вполне, безъ значительной примѣси мужскихъ элементовъ и свойствъ, какова она есть въ настоящее время. Многое тогда измѣнится во всемъ складѣ жизни: измѣнятся, сдѣлаются глубже, сердечнѣе семейныя отношенія, такъ какъ тогда будетъ возможна наиболѣе полная и прочная гармонія между мужчиною и женщиной; измѣнится характеръ просвѣщенія и образованія, сдѣлавшись болѣе свободнымъ, естественнымъ и потерявъ свой настоящій вынудительный, школьный характеръ; измѣнится, наконецъ, вся культура, сдѣлавшись шире, гуманнѣе, жизнерадостнѣе. А въ этомъ лежитъ залогъ будущаго для всего человѣчества».

Голоса патентованныхъ мужей науки не оставались единичными голосами; имъ вторила, а сплошь и рядомъ даже заглушала ихъ и публицистическая литература, которая сдѣлала изъ вопроса о женскомъ просвѣщеніи лозунгъ гражданской свободы. Такимъ обра-

¹⁾ «Душевные свойства женщинъ», стр. 137.

зомъ то, что въ началѣ текущаго столѣтія только мерещилось, какъ возможное, но отдаленное будущее, осуществилось въ послѣднія два десятилѣтія въ нѣкоторыхъ странахъ съ полнымъ успѣхомъ. Такъ въ Новозеландіи, гдѣ женщины пользуются одинаковымъ съ мужчинами образованіемъ, онѣ успѣли уже добиться правъ не только на общинныхъ, но и на политическихъ выборахъ. Вотъ что сообщаетъ «Новое Время»¹⁾ о первомъ дебютѣ женщинъ въ качествѣ избирательницъ:

«Женщинамъ же прежде всего обязаны либералы блестящею своею побѣдой, одержанной ими на послѣднихъ выборахъ. Опасеніе того, что женщины-избирательницы подчинятся руководительству духовенства, не оправдалось. Напротивъ того, онѣ выступили съ полною энергіей за современную свободную, свѣтскую и обязательную школу. Вѣрно одно, что во многихъ случаяхъ женщины энергично стояли за дѣло трезвости, но за безусловное воспрещеніе спиртныхъ напитковъ было изъ нихъ лишь меньшинство. Въ общемъ, на первыхъ выборахъ, въ которыхъ онѣ принимали участіе, онѣ проявили скорее склонность къ согласію съ мужчинами-избирателями, чѣмъ къ оппозиціи противъ нихъ. Нѣкоторые политики приписали вліянію новозеландскихъ женщинъ допущеніе женщинъ инспекторами въ дома умалишенныхъ, во-вторыхъ, изданіе закона о попеченіи о грудныхъ младенцахъ, затѣмъ установленіе болѣе точныхъ правилъ для усыновленія на законномъ основаніи и строгое преслѣдованіе судомъ домовъ терпимости. Во всякомъ случаѣ, неоспоримо, что женскіе выборы въ Новозеландіи объявили истребительную войну пьянству и его ревнителямъ».

Послѣ Новозеландіи по успѣхамъ эмансипаціи женщинъ должна быть поставлена Америка. «Женщины не устраниются тамъ ни отъ какой отрасли образованія, для нихъ открыты всѣ имѣющіяся школы, не исключая и высшихъ,—говоритъ г. К. В.²⁾—Обучаясь иногда вмѣстѣ съ мальчиками, дѣвушки отнюдь не уступаютъ имъ въ прилежаніи и въ понятливости. Въ свою очередь и наставницы въ школахъ успѣшно соперничаютъ съ наставниками въ трудолюбіи, педагогическомъ тактѣ и т. п., а иногда обнаруживаютъ въ этомъ отношеніи такія свойства и способности, какими не обладаютъ въ равной мѣрѣ мужчины... Америка такъ горячо взялась за организацію низшаго и высшаго женскаго образованія, что въ настоящее время почти всѣ ступени общественной дѣятельности доступны женщинамъ на совершенно равныхъ съ мужчинами правахъ... Женщины, кромѣ медицины, главнымъ образомъ стремились пріобрѣсти вліяніе въ школьномъ дѣлѣ, и теперь изъ четырехъ комиссаровъ, руководящихъ школьнымъ образованіемъ въ Нью-Йоркѣ, двое—женщины. То же мы видимъ въ Массачусетѣ. На педагогическомъ поприщѣ женщины дѣйствуютъ охотно, и, что важнѣе всего, дѣятельность ихъ

¹⁾ № 7367—294.

²⁾ «Женщина, какъ залогъ прочной жизни нашіи», стр. 280—281.

даетъ болѣе благотворные результаты въ дѣлѣ первоначальнаго образованія въ народныхъ школахъ, чѣмъ мужская. Нѣкоторые штаты Америки неоднократно высказывались въ пользу допущенія женщинъ къ участию въ парламентскихъ выборахъ, но взгляды эти до сихъ поръ еще не раздѣляются большинствомъ партій. За исключеніемъ же законодательной дѣятельности, въ Америкѣ почти не осталось профессій, чуждой и недоступной женщинамъ». Такъ мы знаемъ, что двѣ женщины, по выдержаніи необходимаго экзамена въ морскомъ министерствѣ, были назначены капитанами кораблей. Лицъ, интересующихся подробными свѣдѣніями о женскомъ движеніи въ Америкѣ, отсылаю къ любопытному очерку г. Мижуева «Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ штатахъ Сѣверной Америки» ¹⁾, а также къ книгѣ Th. Ventzon'a «Les américaines chez elles» ²⁾.

Въ Швейцаріи, Даніи, въ скандинавскихъ государствахъ, дѣло женскаго образованія поставлено недурно, и здѣсь мы встрѣчаемъ даже женщинъ на кафедрахъ съ правами мужчинъ-профессоровъ. Слабѣе поставленъ вопросъ женскаго просвѣщенія во Франціи, а еще того хуже въ Германіи. Развитіе частныхъ женскихъ учебныхъ заведеній во Франціи относится къ началу текущаго столѣтія. Законами 1836 и 1837 годовъ были признаны начальное и среднее женское образованіе; что же касается высшаго, университетскаго, то доступъ на медицинскій факультетъ Парижскаго университета былъ разрѣшенъ женщинамъ лишь въ 1868 г., а больничныя работы — въ 1885 г. «Отсутствіе серьезнаго систематическаго подготовительнаго образованія женщинъ дѣлало путь къ высшему образованію для нихъ недоступнымъ, если не считать ничтожнаго процента дѣвушекъ, кончившихъ курсъ въ дорогихъ частныхъ пансіонахъ, — повѣствуетъ г. К. В.³⁾. — До появленія своего въ 1870 году въ университетскихъ аудиторіяхъ, женщины получали ученые степени въ «Collège de France», гдѣ, по словамъ Поля Жанэ, за періодъ 1861—1882 г. были выданы слѣдующіе дипломы: 49 женщинамъ дипломы бакалавровъ словесности, 32 — такіе же дипломы по естественнымъ наукамъ, 29 женщинъ получили право преподавать въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, одна получила званіе «officier de santé», одна — степень фармацевта, 21 — дипломъ доктора медицины; всего выдано женщинамъ 138 дипломовъ». Современемъ, можно надѣяться, число женщинъ въ стѣнахъ и съ дипломами высшихъ учебныхъ заведеній увеличится, но пока таковое еще незначительно; зато Франція сдѣлала крупныя шаги по пути развитія профессиональнаго и коммерческаго образованія. Коммерческое училище въ Ліонѣ, основанное въ 1857 г. г-жею Лукэнъ, обнимаетъ собою нынѣ трехго-

¹⁾ Изданіе «Русской Школы», Спб. 1893.

²⁾ Изданіе 1896.

³⁾ «Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи», стр. 101.

дичный курсъ по слѣдующимъ предметамъ: чистописаніе, французская грамматика, коммерческая корреспонденція, общая и коммерческая ариѳметика, счетоводство, коммерческое право, политическая экономія, иностранные языки и почтово-телеграфное дѣло. Кромѣ отдѣленія почтово-телеграфнаго, существуетъ еще отдѣленіе для подготовки учительницъ коммерческихъ школъ. Здѣсь же готовятъ экономки для лицеевъ и другихъ женскихъ учебныхъ заведеній. За все время существованія курсовъ вплоть до 1890 г. училищемъ выдано 700 дипломовъ. Дѣвицы, окончившія здѣсь курсъ, получили мѣста въ торговыхъ домахъ, банкирскихъ конторахъ, сберегательныхъ кассахъ, въ почтово-телеграфныхъ отдѣленіяхъ. Содержаніе женщинъ, получаемое на мѣстахъ по окончаніи учебнаго заведенія г-жи Лукэнъ, простирается отъ 1,500 до 3,000 франковъ въ торговыхъ предіриятіяхъ и отъ 5 до 8 тысячъ франковъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Правительство, убѣдившись въ удивительной способности женщинъ къ практическому мышленію, къ реальному знанію, обратилось къ г-жѣ Лукэнъ съ просьбою заняться основаніемъ школъ, подобныхъ Ліонской, во всей Франціи, что ею уже въ значительной степени выполнено. Въ 1879 г. «Credit foncier» первый принялъ на службу женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ. Его примѣру послѣдовали вскорѣ другія торговыя и коммерческія учрежденія, а также само министерство финансовъ. Такимъ образомъ женщины въ послѣднія 10—20 лѣтъ успѣли проникнуть въ многочисленныя учрежденія, гдѣ мнѣніе о результатѣ ихъ работы сложилось слѣдующее¹⁾: «За нѣкоторыми исключеніями, женщины, состоящія на службѣ, не обладаютъ личной самостоятельностью и зрѣлостью сужденія, необходимыми для занятія многихъ должностей. Съ другой стороны, онѣ превосходятъ мужчинъ во всемъ, гдѣ суть дѣла сводятся къ быстротѣ воспріятій, ловкости, проворству и аккуратности».

Въ Англіи движеніе въ пользу правъ женщины на образованіе явилось слѣдствіемъ вліянія идей великой французской революціи и первоначально встрѣтило на своемъ пути немало препятствій и недоброжелательства; но женщины, при содѣйствіи представителей науки и литературы изъ мужчинъ, достаточно удачно успѣли справиться съ этимъ недоброжелательствомъ. Ихъ допускаютъ теперь въ спеціальныя высшія учебныя заведенія, а университеты Victoria и Лондонскій принимаютъ ихъ на общихъ основаніяхъ съ мужчинами-студентами. Въ Шотландіи съ 1892 г. всѣмъ университетамъ предоставлено допускать женщинъ совмѣстно съ мужчинами къ слушанію лекцій и полученію ученыхъ степеней. Въ Японіи уже въ настоящее время тысячи женщинъ посѣщаютъ лекціи университета въ Токио. Одна только Германія упорствуетъ

¹⁾ Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи, стр. 109.

въ своемъ консерватизмѣ во взглядѣ на высшее женское образованіе, и женщина здѣсь рѣшительно устранена отъ дверей университетовъ. Въ Германіи поставлена недурно низшая и профессиональная школа. «За послѣднія 10—20 лѣтъ женское профессиональное образованіе сдѣлало въ Германіи громадныя успѣхи, — говоритъ г. К. В.¹⁾», — и въ этомъ отношеніи она выдвинулась на первый планъ. Однако, дѣло это здѣсь еще далеко не закончено, и занятымъ имъ обществамъ предстоитъ немало работы, чтобы довершить организацію профессиональнаго образованія женщинъ и поставить его на твердую почву. Въ Германіи еще и понынѣ существуетъ предубѣжденіе противъ этого рода образованія; на дѣвушку изъ средняго сословія, окончившую городскую или приходскую общеобразовательную школу, не говоря уже о выпущенной изъ «Höhere Töchterschule», и пожелавшую посѣщать какую либо профессиональную школу (за исключеніемъ руководѣльной и музыкальной), смотрятъ неодобрительно». Дѣвушка, получившая солидное образованіе по коммерціи или другой профессіи, является вполне конкурентно-способной силой, благодаря чему нѣкоторыя производства удержали свое мѣсто и на международномъ рынкѣ. Крупные коммерсанты чрезвычайно дорожатъ женщинами-бухгалтерами, и часто даже пѣлые отдѣлы поручаются исключительно женщинамъ, какъ, напримѣръ, въ техническомъ бюро Uhland'a въ Лейпцигѣ. Особеннаго процвѣтанія достигли въ Германіи школы домоводства, чрезвычайно обстоятельныя свѣдѣнія о которыхъ читатели найдутъ у г. К. В. и которыя пользуются особеннымъ покровительствомъ правительства. Что же касается среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній (гимназій), то они много ниже мужскихъ по своимъ программамъ и воспитательнымъ задачамъ. Въ 1876 г. въ Берлинѣ открыты были акушерскіе курсы подъ покровительствомъ нынѣ вдовствующей королевы Викторіи—Victoriaschule, гдѣ преподаваніе нѣсколько подходитъ къ университетскому. Подобныя же школы основаны и въ другихъ городахъ частными лицами. Существуютъ еще здѣсь и учительскія семинаріи, выпускающія ежегодно немало женщинъ-педагоговъ. Въ Австріи, согласно министерскому распоряженію 1878 г., женщины могутъ быть допускаемы въ университеты лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ и съ особаго на то каждый разъ разрѣшенія, каковыя случаи разсматриваются, не какъ обычное явленіе, но какъ особая милость, какъ исключеніе. Такое искусственное устраненіе женщинъ отъ благъ просвѣщенія естественно ведетъ и къ устраненію женщинъ отъ государственной службы и отъ профессій публичнаго характера. Стѣсненная въ своихъ юридическихъ правахъ, германская женщина оказывается въ печальномъ положеніи и от-

¹⁾ «Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи», стр. 167.

носителю высших даровъ цивилизаціи. Такое положеніе дѣлъ вызываетъ горячіе протесты самихъ женщинъ, успѣвшихъ сомкнуться въ интересахъ этихъ протестовъ въ многочисленныя общества, которыя уже въ текущіе дни громко заявили о настоятельной необходимости расширенія образовательныхъ и юридическихъ правъ женщинъ.

VII.

Печальное положеніе нѣмецкихъ женщинъ побудило ихъ организовать многочисленныя союзы, главная цѣль которыхъ бороться съ женскимъ безправіемъ, общественными недостатками, вызываемыми низкимъ уровнемъ культуры общества, до сихъ поръ не успѣвашаго еще стереть съ организма человѣческаго пятна позорныхъ болѣзней въ видѣ милитаризма, проституціи, алкоголизма. Женщина вступила въ борьбу съ этими дефектами и прорухами государственной и общественной жизни не на животь, а на смерть, и мужественно заявила: такъ какъ эти болѣзни плохо и медленно излѣчиваются усиліями самихъ мужчинъ, которые даже въ виду эгоистическихъ цѣлей затагиваютъ свое лѣченіе, то отнынѣ она, по обязанностямъ матери, сестры, жены, беретъ въ свои руки общественную ассенизацію. Изъ всѣхъ этихъ союзовъ особенно выдѣлились по своимъ задачамъ и высокогуманнымъ цѣлямъ «Лига міра» и «Нѣмецкое общество женской реформы». Изъ нѣдръ этой лиги міра вышла надѣлавшая такъ много шума книга Берты Сутнеръ «Долой оружіе!», небезызвѣстная, надѣюсь, и русскимъ читателямъ. Эта же «Лига міра» обратилась недавно съ слѣдующимъ пламеннымъ воззваніемъ ко всѣмъ интеллигентнымъ матерямъ свѣта ¹⁾:

«Во имя человѣчества, уставшаго проливать безъ пользы свою кровь, покажемъ имъ истину, посредствомъ петиціи, которую мы составимъ въ нашихъ странахъ, для того, чтобы эта манифестація вышла величественной, и для того, чтобы у нихъ не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія о непреодолимомъ теченіи, которое заставляетъ всѣ народы проклинать войну.

«Встаньте, женщины всѣхъ классовъ, всѣхъ возрастовъ и всѣхъ націй! Помѣрьтесь непобѣдимой силой вашихъ материнскихъ правъ съ правомъ грубой силы. И когда это сравненіе будетъ сдѣлано, можно будетъ сказать, не погрѣшая излишнимъ оптимизмомъ, что война умретъ, потому что международная лига матерей похоронитъ ее навсегда въ божественномъ порывѣ любви къ своимъ сыновьямъ, подъ тяжестью оливковыхъ вѣтвей, которыя онѣ заставятъ зародиться и вырасти въ сердцахъ своихъ дѣтей».

Что касается нѣмецкаго «общества женской реформы», то цѣль общества—добиться равноправности женщинъ съ мужчинами во всѣхъ

¹⁾ La Revue des femmes russes. Томъ I. № 5—6. (30 juillet. 1896).

сферахъ общественной и духовной дѣятельности. Предсѣдательница этого общества I. Кеттлеръ въ одной изъ своихъ остроумныхъ и блестящихъ рѣчей такъ формулируетъ задачи современной женской эмансипаціи ¹⁾:

«Женская эмансипація требуетъ, чтобы мужчина, который не исполняетъ болѣе обязанности защищать женщину, не имѣлъ болѣе и права опекать ее; чтобы изъ женщины, которой не дозволяютъ болѣе существованія несовершеннолѣтняго ребенка, и не воспитывали бы болѣе такого ребенка.

«Однимъ словомъ, женская эмансипація требуетъ, чтобы женщина на которую возложили обязанности нашей эпохи, обладала также ея правами. Слѣдовательно, женская эмансипація есть прежде всего стремленіе возстановить нарушенное по винѣ мужчины равновѣсіе между женщинами и условіями ихъ существованія. Если не можете снова привести міръ въ соотвѣтствіе съ низшимъ уровнемъ, на какомъ стоятъ женщины, то поднимите уровень женщины такъ высоко, чтобы онѣ могли прійти въ соотвѣтствіе съ современнымъ міромъ. Или одно, или другое. Толкать же весь міръ впередъ, а женщину одну удерживать на мѣстѣ, т. е. толкать ее назадъ—это бессмыслица».

Женскіе союзы во имя, главнымъ образомъ, правъ женщинъ на высшее образованіе получили широкое распространеніе въ Европѣ; даже нѣчто подобное подъ флагомъ только благотворительности имѣется и у насъ, какъ читатели это увидятъ далѣе. Помимо своихъ домашнихъ обычныхъ засѣданій, члены союзовъ стремятся поставить вопросъ о женщинахъ какъ можно громче, шире, при помощи конгрессовъ, апеллируя этимъ къ общественному мнѣнію всего образованнаго міра. Текущею осенью имѣли мѣсто два такихъ конгресса: одинъ въ Женевѣ (*Congrès des intérêts féminins*), другой въ Берлинѣ «международный конгрессъ женскаго труда и женскихъ стремленій». Оба эти конгресса чрезвычайно знаменательны и заслуживаютъ серьезнаго вниманія, какъ образчики современной постановки задачъ женской эмансипаціи, и какъ благодѣтельные вѣстники новыхъ вѣяній. Вотъ что сообщаетъ корреспондентъ «Новостей» относительно женевского конгресса ²⁾:

«Конгрессъ (*Congrès des intérêts féminins*) обсуждалъ вопросъ о правахъ женщинъ, главнымъ образомъ, съ трехъ точекъ зрѣнія: 1) въ отношеніи положенія женщины въ семьѣ, 2) школѣ и 3) обществѣ. Прежде всего конгрессъ призналъ, что для достиженія цѣли необходимо измѣнить существующую систему воспитанія, объявивъ разъ навсегда войну традиціонному дѣленію школъ на мужскія и женскія; что, такимъ образомъ, не только сами женщины, но и мужчины будутъ современемъ вполне подготовлены къ реформѣ,

¹⁾ I. Кеттлеръ. «Что такое женская эмансипація?» Международная Библиотека. Одесса. 1895 г.

²⁾ «Новости», 1896 г., № 251.

которая, по всей вѣроятности, не заставитъ себя долго ждать. Всѣ ораторы, въ особенности извѣстный бернскій педагогъ G. Stucki, единодушно утверждали, что совмѣстное обученіе дѣтей обоего пола не представляетъ рѣшительно никакой опасности, что, наоборотъ, отъ такой реформы можно ожидать только хорошихъ результатовъ, такъ какъ онѣ приучить дѣтей уже съ юныхъ лѣтъ къ дружной, совмѣстной работѣ; тѣмъ болѣе, что въ первоначальной школѣ преподаются такіе предметы, безъ которыхъ немислимо дальнѣйшее образованіе какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Вполнѣ раздѣляя этотъ взглядъ, конгрессъ призналъ весьма желательнымъ, чтобы до 12 лѣтъ дѣти обучались совмѣстно. Въ этомъ же смыслѣ рѣшенъ вопросъ для возраста, начиная съ 18 лѣтъ и старше; въ возрастѣ же отъ 12 до 18 лѣтъ признано необходимымъ воспитывать мальчиковъ отдѣльно отъ дѣвочекъ, такъ какъ въ этомъ возрастѣ швейцарскія дѣти должны готовиться къ самостоятельной жизни, изучить какое нибудь ремесло, если они не имѣютъ въ виду продолжать свое образованіе».

Далѣе корреспондентъ говоритъ: «Рѣдко приходится слышать такую горячую, убѣдительную рѣчь, какую произнесъ женевскій пасторъ Roehrich (профессоръ университета) по вопросу объ обезпеченіи женщины, въ смыслѣ предоставленія ей возможности добывать средства къ существованію. Этотъ почтенный ораторъ, пользующійся большою популярностью во всей Швейцаріи, давно уже выступилъ противъ существующей системы благотворительности, пропагандируя идею направленія благотворительности почти исключительно на приисканіе работы нуждающимся въ ней; онѣ допускаетъ однако матеріальную помощь только для престарѣлыхъ и больныхъ. И въ вопросѣ о матеріальномъ обезпеченіи женщины пасторъ Roehrich остался вѣренъ себѣ. Сущность высказанныхъ имъ воззрѣній сводится въ общихъ чертахъ къ слѣдующему: необходимо улучшить положеніе работницы, такъ какъ въ настоящемъ своемъ видѣ оно недостойно современнаго цивилизованнаго общества; необходимо предоставить женщинѣ большую свободу; не лицо, а трудъ долженъ быть оплачиваемъ, безразлично, будетъ ли онѣ исполненъ мужчиною, или женщиною (намекъ на то, что многіе работодатели имѣютъ обыкновеніе оплачивать женскій трудъ ниже мужского); надо стараться поднять нравственный уровень семьи и отдѣльныхъ индивидовъ, бороться противъ укоренившейся системы благотворительности, доказывая вредъ ея, и убѣждать женщину въ томъ, что всякое занятіе, дающее честный заработокъ, достойно ея; необходимо предоставить женщинѣ тѣ занятія, какія, такъ сказать, предназначены самой природой исключительно для нея, и дать ей возможность занять подобающее мѣсто въ обществѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пасторъ Roehrich настойчиво рекомендовалъ устраивать на счетъ государства или общинъ убѣжища для женщинъ, неспособныхъ къ труду, или выплачивать имъ регулярныя пенсіи, вполнѣ обезпечивающія ихъ существованіе, и вмѣнить въ прямую обязанность обществу подавать руку помощи тѣмъ женщинамъ, которыя, по разнымъ несчастнымъ случайностямъ, попали на жизненномъ пути, пріютить ихъ, обласкать и всеми си-

лами приохотить къ труду. Конгрессъ, принявъ все эти предложенія, отнесся съ особенною сердечностью къ послѣднему предложенію, какъ и къ мысли объ учрежденіи международной комиссіи, которая на первыхъ порахъ будетъ изучать вопросъ о женскомъ трудѣ, а затѣмъ уже перейдетъ отъ теоріи къ практикѣ. По мнѣнію инициатора, такая комиссія или общество будетъ способствовать объединенію народностей, ослабивъ существующую между ними рознь: блестящимъ подтвержденіемъ можетъ служить Красный Крестъ.

«Въ вопросѣ о матеріальномъ обеспеченіи женщины съѣздъ пошелъ еще дальше. Такъ, онъ призналъ желательнымъ, чтобы всевозможныя бюро по присканію занятій, нерѣдко эксплуатирующія ищущихъ труда, были подчинены правительственному контролю, и по возможности даже находились въ непосредственномъ вѣдѣніи федеральнаго республиканскаго кантональнаго правительства, далѣе чтобы наряду съ фабричными инспекторами были учреждены должности фабричныхъ инспектрисъ, чтобы повсемѣстно были изданы законы въ защиту работницъ, какъ взрослыхъ, такъ и въ особенности несовершеннолѣтнихъ, на небольшихъ фабрикахъ, заводахъ и въ мастерскихъ; далѣе, чтобы были учреждены стипендіи для работницъ, посѣщающихъ профессиональныя школы и вечерніе курсы; чтобы были уничтожены существующія по отношенію къ женщинамъ ограниченія по торговому праву и т. п.

«Вопросъ о профессиональномъ образованіи женщинъ дебатировался на конгрессѣ очень обстоятельно. Между прочимъ, въ пользу его безусловно высказались женеваскій профессоръ Goerg и базельскій профессоръ д-ръ Largiader. Въ профессиональномъ образованіи, вообще, и коммерческомъ, въ частности, конгрессъ усмотрѣлъ мощный рычагъ для поднятія матеріальнаго благосостоянія семьи и культуры страны. Въ этомъ отношеніи конгрессъ требовалъ полного равноправія для женщинъ, которымъ долженъ быть открытъ свободный доступъ ко всѣмъ должностямъ этого рода, по скольку онѣ соотвѣтствуютъ достоинству женщинъ и не оскорбляютъ ихъ цѣломудрія, оцѣнку въ интересахъ семьи.

«Огромное значеніе конгрессъ придавалъ домоводству, вообще, и кулинарному искусству (конечно, не въ смыслѣ петербургскихъ кулинарныхъ курсовъ), въ частности. Для достиженія этой цѣли конгрессъ намѣтилъ рядъ очень практическихъ мѣръ, къ осуществленію которыхъ будетъ приступлено уже съ осени текущаго года. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ: учрежденіе возможно большаго числа школъ домоводства съ субсидіей отъ правительства, обязательное посѣщеніе этихъ школъ всѣми оканчивающими начальную школу; усердная пропаганда противъ укоренившагося предубѣжденія, будто дѣвушки не должны заниматься хозяйствомъ; учрежденіе школъ специально для прислугъ съ субсидіей отъ общинъ, кантоновъ и федеральнаго правительства; учрежденіе вечернихъ курсовъ для фабричныхъ работницъ и т. п. Наконецъ, обращено особенное вниманіе на лучшую постановку вопроса о подготовкѣ сестеръ милосердія. И этотъ вопросъ будетъ вскорѣ практически рѣшенъ: цюрихское женское общество изъявило готовность учредить

первую школу сестеръ милосердія. Комитетъ будетъ уже заботиться о присканіи имъ мѣстъ, на первое время—въ больницахъ. Предложеніе это было сдѣлано женщиною-врачемъ г-жею Неег изъ Цюриха.

«Что касается вопроса о высшемъ женскомъ образованіи, то въ пользу его высказались такіе почтенные общественные дѣятели, какъ ректоръ цюрихскаго политехникума д-ръ Stadler и бывшій президентъ Швейцарской республики м-г Numa Droz. Послѣдній, въ присланномъ имъ докладѣ, категорически высказывается за то, чтобы женщинѣ былъ открытъ свободный доступъ во все высшія учебныя заведенія, чтобы она могла заниматься педагогическою, медицинскою, адвокатскою и т. п. практикою. Д-ръ Stadler прежде всего желаетъ видѣть женщину на педагогическомъ поприщѣ, затѣмъ онъ признаетъ за нею право быть врачомъ, дантистомъ, фармацевтомъ, химикомъ и т. п., наравнѣ съ мужчиною, съ единственною оговоркою, чтобы она предварительно изучила домоводство.

«Наибольшій обмѣнъ мнѣній вызвалъ вопросъ о страхованіи женщинъ на время безработицы, болѣзни и отъ несчастныхъ случаевъ. Одни доказывали, что лучшимъ страхованіемъ является замужество, другіе (а ихъ было большинство) отстаивали мнѣніе, что и въ этомъ вопросѣ надо предоставить женщинѣ полную самостоятельность. Сторонники перваго мнѣнія предлагали, прежде всего, оказывать всевозможное содѣйствіе заключенію браковъ и доказывали необходимость учрежденія кассъ взаимопомощи для выдачи приданого; для тѣхъ же, которыя не выйдутъ замужъ или овдовѣютъ, они предлагали обязательно участіе женщинъ въ государственномъ страхованіи, а на случай безработицы—учрежденіе сберегательныхъ кассъ на взаимныхъ началахъ; причемъ въ тѣхъ и другіхъ должны участвовать какъ богатые, такъ и бѣдные. Это предложеніе, во всемъ его объемѣ, не встрѣтило полного сочувствія. Правда, конгрессъ призналъ весьма желательнымъ страхованіе отъ безработицы какъ замужнихъ, такъ и не замужнихъ, но это страхованіе не должно быть обязательнымъ. Что же касается вопроса о страхованіи на случай болѣзни и др., то конгрессъ призналъ цѣлесообразнымъ, чтобы въ этомъ отношеніи женщины были вполне приравнены къ мужчинамъ при разсмотрѣніи соответствующаго выработаннаго проекта (по всей вѣроятности, въ непродолжительномъ времени).

«Единогласно же члены конгресса присоединились къ пожеланію профессора Largiadèr'a, чтобы общество позаботилось объ улучшеніи положенія прислуги, и чтобы при постройкѣ домовъ и дѣленіи ихъ на квартиры не забывали удѣлять мѣста для прислуги, которая, вѣдь, также нуждается въ воздухѣ, свѣтѣ и мѣстѣ для отдыха».

Вслѣдъ за женевскимъ конгрессомъ въ залѣ берлинской городской ратуши открылся международный конгрессъ, въ коемъ дѣйствительно приняло участіе до 1,500 женщинъ разныхъ странъ и государствъ, собравшихся сюда повѣдать міру судьбы женской доли у себя на родинѣ и высказать по женскому вопросу свои *ria desideria*. Собраніе было открыто Линою Моргенштернъ, которая точно

формулировала цѣль конгресса: борьба за право женщинъ и разъясненіе изъ обязанностей. Конгрессъ длился 7 дней и происходилъ по зранѣе опубликованной программѣ.

1-й день. Засѣданіе по поводу современнаго положенія женскаго вопроса въ главныхъ чертахъ. О физическомъ и нравственномъ воспитаніи дѣтей малолѣтняго возраста. Доклады объ ясляхъ всѣхъ странъ, пріютахъ, попечительствахъ, и обществахъ покровительства дѣтства и юношества; женскій надзоръ за мѣстами, предназначенными для общественныхъ дѣтскихъ игръ. 2-й день. Засѣданіе по поводу первоначальныхъ школъ и женскихъ лицеевъ; среднее женское образованіе.— Роль женщинъ-профессоровъ въ этихъ учрежденіяхъ.— Профессиональныя школы.— Курсы для взрослыхъ.— Нормальныя школы для женскаго учащаго сословія.— Доклады изъ всѣхъ странъ. 3-й день. Засѣданіе по поводу высшаго женскаго образованія. Вопросъ о женщинахъ-врачахъ, женщинахъ-дандисткахъ, аптекаряхъ, сидѣлкахъ и акушеркахъ.— Общая таблица современнаго положенія вещей.— Статистика. Сидѣлки въ колоніяхъ. Доклады всѣхъ странъ. 4-й день. Засѣданіе по поводу домашней и общественной гигиены; общества трезвости; народное питаніе; народныя развлеченія, школы садоводства и огородничества для женщинъ. Доклады о народныхъ столовыхъ. Дома для выздоравливающихъ; пріюты для роженицъ; вакаціонныя колоніи. 5-й день. Вопросъ о работницахъ и о заработкѣ женщинъ, работающихъ въ промышленныхъ, торговыхъ и разныхъ ремесленныхъ учрежденіяхъ. Благотворительныя и попечительныя общества для служащихъ. Учрежденіе профессиональныхъ синдикатовъ.— Вопросъ о слугахъ. Нравственный вопросъ. Доклады. 6-й день. Засѣданіе по поводу вопроса о женщинѣ и ея правахъ: гражданскомъ, общинномъ и торговомъ; свобода коалицій.— Доклады всѣхъ странъ о роли женщины въ различныхъ законодательствахъ, въ общественномъ призрѣніи, въ сиротскихъ домахъ, въ надзорѣ и инспекціи школъ и въ попечительствахъ. 7-й день. Засѣданіе по вопросу о роли женщины въ искусствѣ, наукѣ и литературѣ.— О роли женщины въ обществахъ для установленія вѣчнаго мира. Доклады и пренія. Краткій обзоръ всѣхъ рѣшеній, вотированныхъ конгрессомъ.— Вечеромъ: закрытіе конгресса.

Въ русской печати, пока я пишу настоящія строки, еще не появилось обстоятельныхъ свѣдѣній о берлинскомъ конгрессѣ, а тѣ, кто писали уже о немъ, отнеслись къ конгрессу достаточно несочувственно. Такъ, напримѣръ, корреспондентъ «Новостей» пишетъ ¹⁾:

«Разослали на скорую руку приглашенія во всѣ государства всѣхъ пяти частей свѣта, и, дѣйствительно, на этотъ кличъ отозвались очень многіе. Даже француженки явились на конгрессъ. Я не говорю уже о русскихъ, поторопившихся пріѣхать сюда, въ надеждѣ принять дѣятельное участіе. Однако, оказалось, что конгрессъ названъ международнымъ только такъ, для вида—и многія разочаровались. Начать съ того, что господствующій языкъ на конгрессѣ, вопреки установившимся традиціямъ, нѣмецкій. Затѣмъ, члены конгресса, девять десятыхъ которыхъ составляютъ нѣмки,

¹⁾ «Новости», № 257.

чуть ли не прямо враждебно относятся къ ораторамъ, говорящимъ о положеніи женщинъ въ другихъ странахъ. Прошли установленныя 10 минутъ, и шумными аплодисментами заставляютъ оратора или ораторшу покинуть кафедру, не давъ даже вдоволь поговорить».

Не смѣю заподозрѣть достовѣрности извѣстій корреспондента, но лично, просмотрѣвъ внимательно отчеты о засѣданіяхъ въ газетѣ «Berliner Tageblatt»¹⁾, я составилъ себѣ достаточное представленіе о положеніи женскаго вопроса въ разныхъ странахъ Европы, Америки и даже Японіи, о желаніяхъ женщинъ относительно ихъ лучшаго гражданскаго права и социальнаго положенія и о движеніи высшаго женскаго образованія. Естественно, что главный интересъ сосредоточивался на положеніи женщины въ Германіи: этотъ интересъ былъ заслуженный въ виду печальнаго состоянія женскаго просвѣщенія на родинѣ Шиллера и Гёте.

Рефераты г.г. Биберъ-Бёмъ и Оттили Гофманъ были направлены противъ проституціи и алкоголизма, отъ которыхъ въ особенности страдаетъ благополучіе нѣмецкихъ семей. Г-жа Бёмъ усиленно взывала къ нравственности и самостоятельности женщинъ. «Боритесь съ большою энергіей за свою самостоятельность, говорила ораторша, это—тѣ ноги, которыя приведутъ васъ въ страну свободы. Мои старческія глаза видятъ уже издали мерцающій берегъ этой страны». Г-жа Мелитцъ произнесла филиппику противъ милитаризма, говорила о женскомъ обществѣ для пропаганды мира и между прочимъ, въ интересахъ усиленія идей мира рекомендовала матерямъ не дарить дѣтямъ сабель, ружей и другихъ воинскихъ доспѣховъ; г-жа Бистромъ привела любопытныя статистическія данныя, изъ коихъ мы узнаемъ, что въ Германіи 97³/₄⁰/₁₀₀ съ капитала на образованіе идутъ на воспитаніе мужчинъ и только 2¹/₄⁰/₁₀₀ на воспитаніе женщинъ. Она высказала негодованіе, что двери университетовъ закрыты для женщинъ, и онѣ вынуждены для пріобрѣтенія знаній обращаться къ сосѣднимъ народамъ, главнѣйше—въ Швейцарію. На конгрессѣ выяснилось, что развитіе въ Германіи сословія женщинъ-врачей встрѣчаетъ неодолимыя препятствія со стороны мужчинъ, которые чинятъ эти препятствія изъ боязни конкуренціи; въ одинаковомъ же положеніи оказались и женщины-врачи Англіи. Исключеніе здѣсь дѣлается только для колоній, куда, очевидно, мужчины доктора ѣдутъ неохотно. Французскія женщины, явившіяся сюда въ значительномъ количествѣ и привлекшія за собою даже мужчинъ, заявили, что французская женщина не требуетъ себѣ новыхъ правъ, но проситъ лишь возвратить ей старыя, отнятыя Наполеономъ; что же касается делегатовъ Испаніи и Португаліи, то таковыя возвѣстили, что женщины ихъ странъ вполнѣ довольны своимъ положеніемъ и ни о какомъ равноправствѣ не мечтаютъ. Изъ рефератовъ по вопросу о высшемъ

¹⁾ «Berliner Tageblatt», №№ 479, 480 и т. д.

образованія выяснилось, что лучше всего оно поставлено въ Америкѣ, Швейцаріи и Россіи. Сообщенія нашихъ соотечественницъ г-жи Шабановой и г-жи Шаффе объ успѣхахъ высшаго женскаго образованія въ Россіи, о роли русской женщины на общественной службѣ, вызвали всеобщее удивленіе и восторгъ. Газета «Berliner Tagblatt» посвятила въ дни конгресса цѣлый фельетонъ вопросу о «женскомъ трудѣ въ Россіи», гдѣ авторъ съ особеннымъ почтеніемъ отнесся къ дѣятельности г-жи Куріаръ, нашей извѣстной художницы, и подчеркнул то обстоятельство, что г-жа Куріаръ была даже назначена комиссаромъ на нижегородскую выставку. Познакомимся и мы вкратцѣ съ ходомъ развитія у насъ женскаго средняго, профессиональнаго и высшаго образованія, а также съ постановкою у насъ женскаго вопроса вообще.

VIII.

Мы уже знаемъ, что дѣло женскаго образованія было впервые выдвинуто Екатериною II основаніемъ Смольнаго института; съ тѣхъ поръ и до пятидесятихъ годовъ текущаго столѣтія общество съ грѣхомъ пополамъ удовлетворялось этимъ учебнымъ заведеніемъ, откуда иногда дѣвицы выходили съ такого рода, напримѣръ, понятіями, будто соленые огурцы растутъ на деревьяхъ, и что главное назначеніе всякой дѣвушки быть невѣстой. Уже Бѣлинскій началъ рѣзко высказываться противъ современнаго ему состоянія женскаго просвѣщенія. «Русская дѣвушка,— писалъ онъ,— не женщина въ европейскомъ значеніи этого слова, не человѣкъ, она — не что другое, какъ невѣста. Еще ребенкомъ она называетъ своими женихами всѣхъ мужчинъ, которыхъ видитъ въ своемъ домѣ; еще въ колыбели ей говорить весь окружающій ей людъ, что она невѣста, что у нея должны быть женихи. Удивительно ли послѣ этого, что она не умѣетъ, не можетъ смотрѣть на себя, какъ на человѣка, и видитъ въ себѣ только невѣсту?». Литература сороковыхъ годовъ оказала значительное вліяніе на эмансипацію женщинъ, но, къ сожалѣнію, жоржъ-зандизмъ, проникшій въ общество, хотя и заставилъ нѣсколько шевелиться мысль, однако оказалъ достаточно пагубное вліяніе на нравственный уровень женскаго общества. Идея свободнаго чувства была понята слишкомъ узко и сдѣлалась ширмой, за которой прятались низменныя похоти животнаго организма. Это теченіе нашей жизни въ значительной степени объясняется наслѣдіемъ крѣпостной старины съ ея «ребяческимъ развратомъ», по мягкому выраженію поэта, и отсутствіемъ всякихъ духовныхъ и общественныхъ интересовъ въ обществѣ, подавленномъ казеннымъ режимомъ. Но вотъ повѣяло на бѣдную русскую жизнь дыханіемъ воли; заговорила страстнымъ языкомъ печать, и общество встрепенулось. Встрепенулась и русская женщина, которой передо-

вые представители нашей журналистики, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Михайловъ и другіе, стали ежедневно твердить о ея человѣческомъ достоинствѣ, о ея высшемъ назначеніи въ жизни, о ея обязанности и правѣ, какъ матери, жены, друга, гражданки. Послѣдовавшее вскорѣ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости принесло вмѣстѣ съ тѣмъ и освобожденіе русской женщины отъ духовнаго мрака и умственнаго гнета. Ея судьба въ этомъ отношеніи аналогична съ судьбой ея заатлантической сестры, эмансипація которой также совпала съ освобожденіемъ негровъ. «Крестьянская реформа, сообщившая новое направленіе всей экономической жизни народа и поставившая общество въ новыя условія, содѣйствовала развитію эмансипаціонныхъ стремленій русской женщины,—говоритъ г. К. В.¹⁾—Отмѣна крѣпостного права необходимо вводила въ жизнь сильный стимулъ прогрессивнаго движенія и извѣстную свободу умственнаго развитія, благодаря чему разрѣшеніе женскаго вопроса значительно двинулось, а женщина очнулась отъ своей вѣковой спячки и сознала позорность своего пассивнаго положенія. Далѣе, крестьянская реформа логически привела къ вопросу о женскомъ трудѣ, вопросу первостепенной важности. Женщина сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ была чувственной барыней, которая беззаботно проживала чужія средства и развивала въ себѣ одну чувственную сторону своего существа. Теперь же она должна была подумать о самостоятельной жизни, объ обезпеченіи своего будущаго положенія трудами рукъ и головы своей. Она захотѣла не только любить свободно, но и быть равной мужчинѣ, быть независимой отъ него, а для этого ей необходимо было стать самостоятельной работницей, сравняться съ мужчиной по образованію». Удовлетворяя назрѣвшимъ потребностямъ жизни, правительство открыло всесословныя и общедоступныя гимназіи. Въ 1860 г. всѣ женскія учебныя заведенія были раздѣлены на училища 1-го разряда съ гимназическимъ курсомъ и 2-го — съ курсомъ уѣздныхъ училищъ, переименованныя впослѣдствіи (1870 г.) въ прогимназіи. «По общему количеству учебныхъ часовъ наши гимназіи и нѣмецкія Höhere Töchterschulen стоятъ далеко выше французскихъ женскихъ лицеевъ или среднеучебныхъ заведеній,—говоритъ г. К. В.²⁾—Сравнивая же нашу женскую гимназію съ германской десятиклассной Höhere Töchterschule, мы найдемъ слѣдующую существенную разницу: германская Höhere Töchterschule беретъ за обученіе совершенно безграмотнаго ребенка и подготавливаетъ его въ теченіе трехъ лѣтъ къ VII классу, т.-е., до нашего школьнаго гимназическаго возраста... Наши же гимназіи, принимая прямо въ VII классъ, (тамъ, гдѣ нѣтъ пригготовительнаго), предъявляя для вступленія

¹⁾ «Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи», стр. 255.

²⁾ Тамъ же, стр. 261.

тѣ же требованія, какъ и въ Германіи въ VII классѣ, возлагаютъ подготовку или на другія, часто въ педагогическомъ отношеніи гораздо ниже своего назначенія стоящія, подготовительныя училища или на семью». Въ видѣ дополненія къ этимъ гимназіямъ основаны въ 1883 г. «женскіе педагогическіе курсы», не дающіе высшаго образованія, а подготовляющіе лишь женщинъ къ педагогической дѣятельности. Существующія женскія гимназіи въ настоящее время мало кого удовлетворяютъ, и лучшія наши педагогическія силы неоднократно указывали на необходимость ихъ реорганизации на болѣе серьезныхъ началахъ. Что касается образованія у насъ женской медицинской помощи, то исторію этой помощи мнѣ уже удалось повѣдать читателямъ «Историческаго Вѣстника», такъ что интересующихся этимъ вопросомъ отсылаю къ моей статьѣ: «Женщины-врачи на общественной службѣ»¹⁾. Женщины, какъ указано мною въ этой статьѣ, добились доступа къ обязанностямъ врачей, но, увы! не получили всѣхъ тѣхъ правъ государственной службы и практики, которыя присвоены врачебному сословію мужчинъ. Обязанности и права оказались въ настоящемъ случаѣ въ достаточной дисгармоніи. Въ бытность мою лѣтомъ 1893 г. въ Черниговской губерніи я слышалъ о существованіи тамъ нѣсколько времени тому назадъ вольныхъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, въ судьбѣ которыхъ принимали участіе лучшіе элементы мѣстной интеллигенціи; но эти курсы просуществовали недолго.

Что касается стремленія русскихъ женщинъ къ университетскому образованію, то такое ведетъ также свое начало съ освободительной эпохи, когда въ періодъ 1855—1860 г.г. двери С.-Петербургскаго университета были широко раскрыты передъ женщинами, и послѣднія спѣшили въ сводчатыя аудиторіи 12 коллегій. Дальнѣйшая судьба женскаго университетскаго образованія достаточно обстоятельно рассказана въ біографическомъ очеркѣ Н. В. Стасовой, составленномъ г-жею Бородаевскою и напечатанномъ въ нашемъ журналѣ²⁾ осенью прошлаго года. Нынѣшніе высшіе женскіе курсы временно были закрыты, а вторичное ихъ рожденіе обставлено значительными затрудненіями, въ числѣ которыхъ не послѣднюю роль играетъ вступительный экзаменъ по древнимъ языкамъ. Курсы не даютъ никакихъ правъ окончившимъ ихъ, и дѣвушка, прошедшая гимназическій курсъ и высшіе курсы, по своимъ правамъ поставлена въ одни условія со своей подругой, прошедшей всего лишь искукъ педагогическихъ курсовъ. Русское общество усиленно желаетъ видѣть въ настоящее время женщинъ съ университетскимъ образованіемъ, на нихъ охотнѣе всего возлагаетъ, какъ на болѣе развитыхъ, разныя общественныя обязанности, и женщина терпѣливо несетъ

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1895 г., № 6.

²⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1895 года, № 11.

эти обязанности, готовится къ нимъ, но за все свое терпѣніе и страданіе не получаетъ никакихъ правъ, соединенныхъ съ высшимъ образованіемъ у мужчинъ. Обязанности и права снова и здѣсь страдаютъ въ своемъ равновѣсіи.

Въ послѣднее время, когда убѣдились, что женщина по своему своему ума чрезвычайно склонна къ практической дѣятельности и къ изученію реальныхъ наукъ, у насъ понемногу начинается прививаться профессиональное и техническое образованіе, но въ этой области сдѣлано пока такъ микроскопически мало, что много объ этомъ распространяться не приходится. Изъ типа школъ домоводства и сельскаго хозяйства мы можемъ назвать всего три, существующія при нѣкоторой небольшой правительственной субсидіи: «Заулинскую женскую практическую школу сельскаго хозяйства и домоводства» г-жи Гриневой въ Киевской губерніи, «Преображенскую сельско-хозяйственную женскую школу 2-го разряда» г-жи Неплюевой въ Черниговской губерніи и «Понемуньскую женскую практическую школу сельскаго хозяйства и домоводства» баронессы Будбергъ въ Ковенской губерніи. Послѣдняя школа существуетъ уже шесть лѣтъ и наглядно доказала, что женщина вполне способна къ занятіямъ сельскимъ хозяйствомъ. «Мы можемъ гордиться очевидными и благопріятными результатами, въ особенности тѣмъ, что спросы изъ имперіи на бывшихъ ученицъ института, для вѣренія имъ мѣсть сельскихъ или молочныхъ хозяекъ, такъ многочисленны, что заведеніе едва въ состояніи удовлетворить меньшую часть требованій», — сказано въ отчетѣ школы за 1894—1895 г.г. О необходимости распространенія среди женщинъ высшаго сельскохозяйственного знанія въ нашей литературѣ особенно настойчиво говорилъ А. И. Стебутъ, который и помѣстилъ по этому вопросу обширную статью въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» за 1891 годъ, № 4—5¹⁾, могущую быть рекомендованною, какъ рядъ вѣскихъ аргументовъ въ пользу этой отрасли знанія для женщинъ. Появляются у насъ въ самое послѣднее время и нѣкоторыя другія женскія учебныя заведенія практическаго характера въ видѣ курсовъ счетоводства и бухгалтеріи, но всѣ эти заведенія носятъ случайный характеръ и цѣликомъ находятся въ частныхъ рукахъ.

Русскія женщины силою вещей, всѣмъ ходомъ современной жизни, повсемѣстно и государствомъ и обществомъ призываются къ самымъ разнообразнымъ профессіямъ и практическому труду, при чемъ повсемѣстно отъ этихъ призванныхъ требуется извѣстный образовательный цензъ; вмѣстѣ съ тѣмъ государство на полученіе женщинами этого ценза тратитъ весьма незначительный % своего бюджета. Такъ, по вычисленію г. К. В. ²⁾, въ то время какъ на мужчинъ

¹⁾ «Нуждается ли русская женщина въ специальномъ сельско-хозяйственномъ образованіи?»

²⁾ «Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи», стр. 360.

тратилось въ 1890 г. въ общей сложности по всѣмъ учрежденіямъ изъ 34.501,833 рублей образовательнаго капитала—98,06⁰/₁₀₀, на женщинъ всего лишь—1,94⁰/₁₀₀, т. е. даже менѣе, чѣмъ въ Германіи. Цифры говорятъ сами за себя, и не приходится особенно пространно разъяснять читателямъ, что, если официальная Россія относится къ мужскому населенію съ чувствомъ любящей матери, то къ женскому она уже безъ всякой снисходительности обращается злою мачихою. Нечего и говорить, конечно, что вопросъ о женской государственной пенсіи за личный трудъ пока еще обрѣтается въ зачаточномъ состояніи, и женщина—народная учительница, вынесшая на своихъ плечахъ все бремя русскаго невѣжества, обречена на старости лѣтъ буквально на голодную смерть, если только какіе нибудь частные добрые люди не придутъ къ ней на помощь и не успокоятъ ея старыхъ костей въ какой нибудь богадѣльнѣ. О ветеранахъ войны, проливавшихъ кровь свою за отечество, правительство по всей справедливости считаетъ долгомъ заботиться; но слезы женскія, коими она увлажила свой жизненный путь, работая на пользу народа и спасая его человѣческое «я», не засчитываются въ подвигъ и въ государственную службу. Ихъ оцѣнила пока только литература, занесла ихъ въ великую общественную службу, и о нихъ она при всякомъ удобномъ случаѣ напоминаетъ обществу.

Сознавая свое обездоленное положеніе, русскія женщины, подобно своимъ западно-европейскимъ сестрамъ, стали организовываться въ союзы, изъ коихъ на первомъ планѣ слѣдуетъ отмѣтить «Русское женское взаимно-благотворительное общество въ С.-Петербургѣ», имѣющее въ своемъ составѣ къ концу перваго (текущаго) отчетнаго года болѣе 1000 членовъ. Это общество пока дѣйствуетъ подъ флагомъ и въ цѣляхъ благотворительности. Въ этихъ видахъ имъ основана уже касса взаимопомощи, бюро для пріисканія занятій женщинамъ, а въ недалекомъ будущемъ, вѣроятно, будетъ выстроено общежитіе и устроены профессиональныя мастерскія. Но можно съ большей или меньшей вѣроятностью предсказать, что это общество, при благоприятныхъ условіяхъ, конечно, расширитъ сферу своей дѣятельности и отъ филантропіи перейдетъ къ болѣе широкимъ практическимъ задачамъ въ духѣ требованій вѣка. Эти требованія уже громко высказаны нѣкоторыми женщинами въ основанномъ ими въ Парижѣ журналѣ «La Revue des femmes russes». Въ редакціонномъ profession de foi этого молодого журнала мы читаемъ:

«Чего мы хотимъ? Только права быть тѣмъ, что мы есть на самомъ дѣлѣ: существами, надѣленными столько же и разумомъ, какъ сердцемъ, существами, не подобными мужчинамъ, а равными ему, способными занимать не хуже, а иногда лучше его и во всякомъ случаѣ съ большей добросовѣстностью и сознаніемъ долга, не только низшія должности, которыми онъ пренебрегаетъ, но и большую часть тѣхъ, которыя составляли до сихъ поръ его монополию.

«Чего мы хотимъ? Права подготовляться ко всѣмъ карьерамъ, свойственнымъ нашимъ физическимъ и нравственнымъ способностямъ, посредствомъ участія въ широкой мѣрѣ въ образованіи, въ которомъ намъ до сихъ поръ отказывали.

«Чего мы хотимъ? Прежде всего признанія за нами нашихъ экономическихъ правъ: для трудящихся классовъ—права для женщины получать свой заработокъ и располагать имъ также, какъ располагаетъ мужчина; мы не боимся быть уличенными во лжи, говоря, что она найдетъ ему, вѣроятно, лучшее употребленіе; въ классахъ владѣющихъ—права для женщины сохранить при выходѣ въ замужество владѣніе и полную свободу распоряженія своей собственностью, съ обязательствомъ какъ той, такъ и другой стороны, покрывать домашнія издержки, соразмѣрно съ ихъ взаимными средствами. Мы хотимъ и требуемъ именемъ самой строгой справедливости, чтобы мужъ и жена были съ экономической точки зрѣнія сотоварищами, которые несли бы общіе расходы, но пользовались бы равными правами и имѣли одинаковыя обязанности. Въ то время, когда браки являются по большей части финансовыми сдѣлками, мы упорно требуемъ отмѣны той невыносимей несправедливости, въ силу которой мужчина, пользуясь предложомъ, что онъ глава семьи, можетъ на другой же день свадьбы располагать безотчетно приданымъ жены и не только помѣщать его въ самыя рискованныя предпріятія, но даже уплачивать имъ долги своей холостой жизни и продолжать, если ему вздумается, прежнія удовольствія и поддерживать прежнія связи.

«Поймите, милостивые государи, что мы не объявляемъ вамъ войну, а напротивъ, предлагаемъ вамъ мирный трактатъ, подъ сѣнью, или, лучше сказать, при свѣтѣ котораго, обѣ стороны, переставъ считать другъ друга непримиримыми противниками, находящимися постоянно на военномъ положеніи, произведутъ въ частной жизни разоруженіе, которое является, быть можетъ, въ національной жизни только великодушной мечтой, и будутъ продолжать по пути, освобожденному отъ бесполезныхъ и опасныхъ препятствій, социальную задачу, которая служитъ и основаніемъ и цѣлью ихъ союза на цѣлую жизнь».

Эта программа русскихъ женщинъ, совпадающая по своимъ основнымъ мотивамъ съ тенденціями описанныхъ выше Женевскаго и Берлинскаго женскихъ конгрессовъ, несомнѣнно, сдѣлается современнымъ руководящею программой всякой женщины и всякаго женскаго общества. Къ этому женщины пришли длиннымъ историческимъ путемъ, который мною обрисованъ въ настоящемъ очеркѣ, и врядъ ли онѣ согласятся поступиться здѣсь хоть однимъ словомъ, хоть единою мыслью: здѣсь согласованы ихъ права и обязанности.

Б. Глинскій.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ БОРИСОВИЧЪ ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Некрологъ.

РЕДИ самаго разгара сѣтованій о томъ, что «людей нѣтъ», повторяемыхъ на тысячи ладовъ, наши утраты жестоко разоблачаютъ всю неблагодарность этихъ жалобъ, напоминая тѣхъ, кого мы забывали именно тамъ, гдѣ ихъ имена должны бы были быть произнесены въ числѣ первыхъ и лучшихъ. Такъ скоропостижная кончина князя Лобанова-Ростовскаго устами всего міра внушила русскому обществу запоздалое сознание, что въ лицѣ покойнаго оно уже десятки лѣтъ должно было видѣть не безлично-заслуженнаго чиновника, носителя почетнаго и безотвѣтственнаго сана, передоваго статиста правленія, но въ полномъ смыслѣ слова выдающагося государственнаго мужа, творческаго руководителя историческихъ событій, живую и твердую политическую силу. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ данномъ случаѣ запоздалость общественной оцѣнки отчасти объясняется — хотя ничуть не извиняется — тѣмъ родомъ дѣятельности и тѣмъ поприщемъ, на которомъ преимущественно подвизался покойный. Въ исторически роковыя минуты нашей политики князю Лобанову-Ростовскому всегда поручались наиболѣе трудныя, наиболѣе отвѣтственныя и наиболѣе неблагодарныя роли. И онъ, ничѣмъ не поражая жадное до блестящихъ мелочей общественное вниманіе, всегда оказывался въ ростъ возлагаемымъ на него обязанностямъ, точно нарочно былъ рожденъ для встрѣчи съ тяжелыми событіями, которыя застигали при немъ Россію. Тайный дипломатическій агентъ во Франціи для веденія предварительныхъ переговоровъ о мирѣ во время Крымской войны, руко-

водитель работъ по преобразованію городского устройства въ Россіи, посоль при Оттоманской Портѣ для заключенія окончательнаго договора послѣ балканской кампаніи, посоль въ Вѣнѣ въ эпоху провозглашенія независимости Восточной Румелии, Баттенбергиды, въ эпоху наконецъ франко-русскаго сближенія и русско-германской таможенной войны—покойный исполнялъ самыя трудныя и самыя незамѣтныя порученія. Поддержать дружественныя отношенія съ друзьями нашихъ враговъ, начать переговоры о почетномъ мирѣ съ главою надломившей наши силы европейской коалиціи, закончить соглашеніе съ побѣжденной, но всей Европою поддерживаемой Турціей,—это такія заслуги, которыя не поражаютъ ничего воображенія, не окружаютъ ореоломъ популярности, не даютъ поводъ, къ хвастовству и хлесткимъ фразамъ, создающимъ нерѣдко завидныя дипломатическія репутаціи, а между тѣмъ требуютъ огромныхъ дарованій, тонкаго и прозорливаго ума, историческаго такта, если такое выраженіе позволительно. Всѣми этими качествами вполне обладалъ покойный и потому, оказавшись въ центрѣ нашихъ дипломатическихъ нитей на внезапномъ переломѣ двухъ царствованій, онъ въ теченіе 18 мѣсяцевъ управленія министерствомъ успѣлъ всемірно изолировать Англию, вовлечь Китай въ сферу прямого русскаго вліянія политическаго и денежнаго, окончательно ввести Турцію въ кругъ инстинктивно тяготящихся къ Россіи развалинъ азіатскихъ монархій и создать новый опорный пунктъ русскихъ воздѣйствій въ Абиссиніи, парализовать хищническую посябшность Японіи передъ неоконченнымъ сибирскимъ путемъ и, умѣло пользуясь услугами ловкихъ агентовъ, убрать со стола непомѣрно разросшееся дѣло объ отношеніяхъ съ Болгаріей. И все это было сдѣлано съ такимъ искусствомъ, такими неудовимыми средствами, что истиннаго организатора этихъ событій приходилось отыскивать въ нихъ, какъ главную фигуру на загадочной картинкѣ. Тенденціозные толкователи заслугъ русскихъ министровъ вообще, доходившіе, подобно князю Мещерскому, до циничныхъ заявленій, будто кончина князя Лобанова политически умѣстна, — точно всенародныя утраты могутъ быть когда нибудь умѣстны, — а съ другой стороны искатели популярности на чужой счетъ, развязно пользующіеся чужими трудами въ своей области, — заслонили въ глазахъ толпы дипломатическую, молчаливую фигуру покойнаго министра. Конечно, это безразлично для истиннаго значенія его государственныхъ заслугъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это прискорбно. Исторія вернуть князю Лобанову-Ростовскому все, что онъ внесъ въ ея движеніе; но было бы стыдно, если бы мы всегда предоставляли исторіи и будущему справедливость и заслуженныя нареканія на неблагодарность современниковъ, не стремясь съ своей стороны къ правдивой и безпристрастной оцѣнкѣ и характеристикѣ великихъ и малыхъ дѣятелей своего вѣка.

И однако же безпристрастіе требуетъ замѣтить, что, въ силу безчисленныхъ и слишкомъ современныхъ для полнаго выясненія обстоятельствъ, такой оцѣнки не было сдѣлано и такой характеристики не было дано ни въ русской, ни въ заграничной печати. Значеніе и заслуги покойнаго князя сказались всего ярче и замѣтнѣе лишь въ первомъ впечатлѣніи, произведенномъ на міръ его кончиной, и въ ненавистническихъ выходкахъ лицемѣрной англійской печати, ибо ненависть англичанъ почетное и рѣдкое отличіе для русскихъ государственныхъ дѣятелей, лучшее мѣрило дѣйствительности ихъ политическихъ заслугъ. Не будемъ вновь описывать здѣсь всѣмъ извѣстныхъ обстоятельствъ кончины князя Лобанова-Ростовскаго: обратимся къ произведенному ею впечатлѣнію. Такъ, въ самый день полученія въ Берлинѣ печальнаго извѣстія, министръ иностранныхъ дѣлъ Маршалъ, по порученію имперскаго канцлера, посѣтилъ русскаго посла для выраженія соболѣзнованія по поводу кончины князя Лобанова-Ростовскаго; въ тотъ же день германскому повѣренному въ дѣлахъ въ Петербургѣ совѣтнику посольства фонъ-Чирскому поручено было передать русскому правительству соболѣзнованіе германскаго правительства. На панихидѣ въ русской посольской церкви въ Берлинѣ присутствовали, кромѣ русскаго посла и членовъ посольства, статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ Маршалъ, помощникъ статсъ-секретаря Ротенганъ, дѣйствительный легионный совѣтникъ Мумъ фонъ-Шварценштейнъ, румынскій посланникъ, австрійскій и французскій повѣренные въ дѣлахъ. Въ Италіи, принимая въ тотъ день министровъ, король выразилъ сожалѣніе по поводу кончины князя. Министры ди-Рудини и Висконти посѣтили русское посольство для выраженія соболѣзнованія. Въ Константинополь, по приглашенію австро-венгерскаго посла барона Калице, дипломатическій корпусъ въ полномъ составѣ присутствовалъ въ русской посольской церкви на торжественной панихидѣ. Отъ намѣстника іерусалимскаго патріарха, архимандрита Фотія, представителемъ патріарха въ Москвѣ была получена слѣдующая телеграмма: «Іерусалимъ, 21 августа. По полученіи отъ васъ горестнаго извѣстія, глубоко опечалившаго святѣйшую мать церквей, о внезапной кончинѣ возлюбленнаго ея сына князя Лобанова-Ростовскаго, сегодня утромъ святѣйшимъ синодомъ и всѣмъ клиромъ совершена у Всесвятаго Гроба Господня заупокойная литургія и панихида о упокоеніи души усопшаго князя». Большое впечатлѣніе эта кончина произвела въ Вѣнѣ, гдѣ покойный провелъ тринадцать лѣтъ и пользовался всеобщими симпатіями. Многіе члены дипломатическаго корпуса выразили русскому послу соболѣзнованіе; графъ Голуховскій посѣтилъ посла и пробылъ въ посольствѣ около получаса. На слѣдующій день въ посольской церкви совершена была панихида, на которой, кромѣ русскаго посольства и дипломатическаго корпуса въ полномъ составѣ, присутствовалъ австрійскій посоль-

въ Петербургѣ князь Лихтенштейнъ и представитель министерства иностранныхъ дѣлъ, начальникъ отдѣленія графъ Вельзергеймъ. Въ Софіи, по распоряженію и въ присутствіи князя Фердинанда съ супругой отслужена была въ соборѣ Рыльскаго монастыря панихида; въ другихъ городахъ Болгаріи были равнымъ образомъ отслужены панихиды, какъ официальными, такъ и частными лицами. Болгарскому дипломатическому агенту въ Вѣнѣ Станчеву было поручено быть представителемъ князя Фердинанда на погребеніи князя Лобанова. Въ Лондонѣ на панихидѣ присутствовалъ только дипломатическій корпусъ; представителей мѣстнаго правительства не было. Но всего живѣе было встрѣчено печальное извѣстіе во Франціи. Немедленно по его полученіи президентъ республики послалъ государю императору телеграмму съ выраженіемъ чувствъ искренняго соболѣзнованія. Министръ иностранныхъ дѣлъ отправился къ русскому послу, чтобы выразить ему свое личное глубокое сожалѣніе; г. Ганото по телеграфу просилъ французскаго посла въ Петербургѣ передать семейству князя Лобанова-Ростовскаго свое соболѣзнованіе. На торжественной панихидѣ въ русской посольской церкви присутствовали представители президента республики, министра-президента, военнаго и морскаго министровъ, русское посольство въ полномъ составѣ, министръ иностранныхъ дѣлъ Ганото, нѣкоторые генералы и много членовъ русской колоніи. Всеобщая горестъ и волненіе были такъ сильны и такъ живо сказывались въ печати и въ обществѣ, что официальный органъ русскаго правительства, газета «Nord», сочла необходимымъ пойти на встрѣчу этимъ проявленіямъ соболѣзнованія съ нѣсколькими успокоительными словами. «Хотя неожиданная смерть одного изъ главныхъ политическихъ дѣятелей Россіи, ея министра иностранныхъ дѣлъ,—говорилось въ ней,—и лишила государя императора и отечество выдающагося слуги, тѣмъ не менѣе она не можетъ внести даже ничтожной перемѣны въ русскую политику. Для предупрежденія слуховъ, которые могутъ появиться въ иностранной печати по поводу этой смерти, мы считаемъ необходимымъ заявить, что общая политика имперіи, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя, направляется и вдохновляется только его императорскимъ величествомъ, и смерть министра, какимъ бы выдающимся онъ ни былъ, не можетъ никоимъ образомъ измѣнить то, что зависитъ только отъ воли государя императора». Наконецъ въ Петербургѣ дипломатическіе представители Франціи, Германіи, Австріи, Турціи и Китая выразили управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ графу Ламздорфу соболѣзнованіе по случаю кончины министра. Но, конечно, всего лучше можно прослѣдить характеръ и оттѣнки всемірнаго волненія по газетнымъ отзывамъ и мнѣніямъ, изъ которыхъ наибольшая правильность и справедливость должна быть признана за сужденіями французскихъ газетъ. По полученіи телеграммы о кончинѣ князя, парижскія утреннія га-

зеты немедленно выпустили спеціальныя прибавленія, разобранныя публикою нарасхватъ; вечернія же газеты помѣстили сочувственныя и хвалебныя статьи объ умершемъ, высказывая, что всѣ партіи преклоняются предъ нимъ съ уваженіемъ и сожалѣніемъ. Всѣ онѣ напоминали, что князь былъ самымъ горячимъ и искреннимъ другомъ Франціи, и выражали увѣренность, что его кончина не измѣнитъ направленія русской политики. Эта увѣренность, говорилъ «Journal des Debats», «дозволяетъ намъ выражать свои сожалѣнія, не опасаясь упрековъ въ личныхъ побужденіяхъ». «Jour» говорилъ, что если умеръ Лобановъ-Ростовскій, то твореніе его остается живымъ и неприкосновеннымъ. Кто бы ни былъ его преемникъ, онъ будетъ продолжать его политику. «Matin» писалъ, что Франція лишилась одного изъ самыхъ вѣрныхъ друзей. Наконецъ «Temps» отозвалась пространною и замѣчательною статьей. «Прежде всего поражаетъ умъ, говорилось въ ней, та драматическая обстановка, при которой отошелъ въ вѣчность высокоталантливый русскій государственный человѣкъ. Князь Лобановъ-Ростовскій скончался какъ разъ наканунѣ торжества своей политики, въ моментъ, когда его монархъ и онъ готовились пожать плоды многолѣтней мудрой политики. Приходится воскликнуть съ Фоксомъ: «Sunt lacrimae rerum!». Не слѣдуетъ, однако, полагать, что неожиданная смерть министра можетъ повліять на общую систему международныхъ отношеній Россійской имперіи; какъ до, такъ и послѣ кончины князя Лобанова-Ростовскаго Россія пребываетъ на точкѣ, указанной ей державною волею; однимъ только вѣрнымъ слугою императорской политики стало меньше. Вотъ почему должно остерегаться предположенія, что внезапное исчезновеніе министра иностранныхъ дѣлъ императора Николая II можетъ быть причиною дипломатической революціи. Въ могилу сошелъ вѣдь не Ришелье и не Людовику XIII служилъ съ такою преданностью и искусствомъ князь Лобановъ-Ростовскій». Въ заключеніе газета указывала на заслуги усопшаго министра въ дѣлѣ франко-русскаго сближенія. «Согласно формальной волѣ молодого царя, князь Лобановъ-Ростовскій значительно скрѣпилъ, упрочилъ и, такъ сказать, расширилъ рамки франко-русскаго соглашенія. Исторія покажетъ, какое крупное участіе онъ принялъ въ довершеніи этого великаго дипломатическаго дѣла. Она отмѣтитъ полную лояльность и готовность его отплатить Франціи услугами за услуги, оказанныя ею Россіи на дальнемъ Востокѣ. Еще недавно, если французской дипломатіи удалось взять на себя инициативу регулированія критскаго вопроса и создать почву для дѣйствія европейскаго концерта, этимъ своимъ успѣхомъ г. Ганото обязанъ большею частью радушному и сердечному содѣйствію князя Лобанова. Министръ, котораго теперь нѣтъ болѣе въ живыхъ, былъ носителемъ политики, которую можно резюмировать въ двухъ тезисахъ: сердечное согласіе между Франціею и Россіею и охрана евро-

пейскаго равновѣсія. Безспорно, что политика, которой также слѣдуетъ царь Николай и которая уже успѣла принять въ Россіи традиціонный характеръ, не исчезнетъ потому, что не стало одного человѣка. *Uno avulso, non deficit alter*. Какъ вчера, такъ и сегодня ей принадлежитъ будущность, но вполне естественно и законно, что тѣ, которымъ предстоитъ пользоваться ея плодами, скорбятъ о кончинѣ честнаго человѣка, лойяльнаго министра, выдающагося дипломата, угонченнаго вельможи и отмѣннаго ученаго, который съ такою преданностью и пользою служилъ этому великому дѣлу». «Въ Берлинѣ сегодня только и разговоровъ, что о внезапной кончинѣ нашего министра иностранныхъ дѣлъ,—писалъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» (№ 234). Не скажу, чтобы князь Лобановъ-Ростовскій былъ здѣсь популяренъ; для этого нынѣшнее поколѣніе слишкомъ мало знало его, а старое, то, которое его видѣло въ качествѣ члена здѣшняго нашего посольства, уже сошло со сцены. Не смотря, однако, на краткость своей министерской дѣятельности, покойный министръ приобрѣлъ репутацію выдающагося дипломата, и что всего важнѣе—искренняго сторонника мира, и этого вполне достаточно, чтобы вызвать сожалѣніе объ его потерѣ». Въ заключеніе онъ сообщилъ, что «въ послѣднее время къ кн. Лобанову-Ростовскому многіе примѣняли эпитетъ честнаго маклера». Уже одного этого достаточно, чтобы показать, какъ далеки въ Германіи отъ правильной оцѣнки заслугъ покойнаго, — все равно, по неспособности или по нежеланію понять его роль въ исторіи Россіи, этой непримиримо-дружественной съ имперіей Гогенцоллерновъ державы. И не смотря на сочувственный тонъ нѣмецкихъ газетъ, онѣ очень далеки отъ должной прямоты и всесторонности хотя бы потому, что особенно подчеркиваютъ «миролюбіе» князя Лобанова, точно его заслугой были цѣли, а не тонъ и осуществленіе русской политики. Мира можетъ желать только императоръ Россіи; достоинства министра сказываются въ томъ, какъ онъ этого мира достигаетъ. Вѣдь капитуляція также даетъ миръ, какъ и побѣда. «Эта внезапная кончина,—писала «Сѣверо-германская Всеобщая Газета»,—вызвала вездѣ искреннее участіе, тѣмъ болѣе, что дружественная намъ Россія лишилась опытнаго руководителя иностранной политики въ такую минуту, когда европейская дипломатія близка къ рѣшенію серьезнѣйшихъ задачъ». Далѣе газета перечисляла результаты, достигнутые выдающимся министромъ и облегченные довѣріемъ, вызваннымъ въ политическихъ центрахъ континента, и особенно въ Берлинѣ и Вѣнѣ, его образомъ дѣйствій. Въ заключеніе газета прибавляла: «Дай Богъ, чтобы его преемнику удалось такимъ же мирнымъ трудомъ содѣйствовать рѣшенію задачъ иностранной политики Россіи, особенно отношеній этой великой державы къ сосѣднимъ имперіямъ». Съ большою симпатіей отзывался «Гамбургскій Корреспондентъ», получающій свѣдѣнія изъ министерства иностранныхъ дѣлъ: «Князь

Лобановъ былъ русскій до мозга костей и притомъ благородная, прямая натура, другъ наукъ и искусствъ, которымъ онъ не только покровительствовалъ, но которыми и самъ занимался. Говорили, что онъ симпатизировалъ французскимъ порядкамъ и обычаямъ и свободное время обыкновенно проводилъ во Франціи. Но онъ былъ слишкомъ реальный политикъ, который думалъ только о величіи и могуществѣ Россіи и потому, конечно, не могъ приносить политическія жертвы своимъ симпатіямъ. Можно сказать положительно, что онъ считалъ мирную политику и добрыя отношенія къ тройной лигѣ полезными въ интересахъ Россіи. Что отношенія Россіи и Германіи стали замѣтно дружественнѣе и теплѣе,—это объясняется, кромѣ вліянія обстоятельствъ, также личными отношеніями Гогенлоэ и Лобанова. Онъ былъ человѣкъ прозорливаго, энергичнаго разума, но человѣкъ внезапнаго натиска и держался крѣпко своей задачи — предоставить Россіи преобладаніе въ Азіи и вліятельное положеніе въ Европѣ». «Кельнская Газета» въ замѣткѣ, присланной изъ Берлина, писала, что эта смерть—«событіе великой политической важности, потому что Лобановъ былъ человѣкъ съ выдающимся значеніемъ». Ему удалось улучшить отношенія Россіи съ другими государствами, «но главнымъ образомъ за его время управленія укрѣпилось убѣжденіе, что Русская имперія, занятая на Востокѣ великими планами, ведетъ въ Европѣ искренно миролюбивую политику и не дастъ себя увлечь къ выполненію чужихъ шовинистскихъ плановъ». Газета полагала, что его преемникъ будетъ слѣдовать по тому же пути. Берлинскія «Политическія Новости», органъ князя Бисмарка, напоминали о той радости, съ какою было встрѣчено въ свое время назначеніе князя Лобанова. «Надежды, что князь Лобановъ сдѣлаетъ все, чтобъ укрѣпить добрыя отношенія между дворами Берлина и Петербурга, оправдались вполнѣ. Въ Германіи, поэтому, съ искреннимъ сожалѣніемъ отнеслись къ вѣсти о кончинѣ его». Демократическая «Франкфуртская Газета» писала: «Эта смерть—политическое событіе потому, что снимаетъ съ европейской шахматной доски фигуру, исчезновеніе которой составляетъ тяжелую потерю не только для Россіи, но также и для Европы. Замѣна его будетъ дѣломъ труднымъ, и за зеленымъ столомъ еще долго будутъ вспоминать объ опытномъ, спокойномъ и миролюбивомъ государственномъ мужѣ». «Силезская Газета» находила, что князь Лобановъ за полтора года своего управленія показалъ себя чрезвычайно умнымъ и миролюбивымъ государственнымъ дѣятелемъ. «Замѣтное сплоченіе европейскихъ державъ противъ вѣроломной политики Англіи является главнымъ образомъ его дѣломъ, что выяснилось въ особенности при окончаніи японско-китайской войны и во время нѣкоторыхъ фазисовъ безпорядковъ въ Турціи. Отношеніямъ Россіи къ Австріи и Германіи онъ сумѣлъ придать почти сердечный характеръ, не ослабляя нисколько франко-русскаго согла-

шенія». Были столь же сочувственны отзывы другихъ германскихъ газетъ — саксонскихъ, баварскихъ, виртембергскихъ, гамбургскихъ и т. д. Всѣ безъ исключенія признавали крупныя государственныя способности покойнаго, его тактъ, миролюбіе и энергію, и заявляли, что смерть его близко касается не одной Россіи, но и всей Европы. Въ свою очередь не скупятся на похвалы и австрійскія газеты. «Fremdenblatt» говоритъ, что извѣстіе о кончинѣ князя Лобанова произвело на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе и вызвало искреннее сожалѣніе. «Лобановъ, продолжаетъ газета, вполне оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. Успѣхъ широкозамышленной и дальновидной русской политики подъ руководствомъ князя Лобанова проявляется во многихъ пунктахъ уже теперь. Преобладающей чертой его политики было ярко выраженное миролюбіе, почему во время разнообразныхъ потрясающихъ событій на ближнемъ Востокѣ мы видѣли Россію непоколебимо стоящей рядомъ съ тѣми державами, которыя противятся далеко заходящимъ территоріальнымъ или политическимъ перемѣнамъ на Востокѣ. Обмѣнъ мнѣніями по случаю царскаго визита въ Вѣнѣ доказалъ полное единодушіе по этому пункту между руководящими государственными дѣятелями Россіи и Австро-Венгріи. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что будущій русскій министръ иностранныхъ дѣлъ уклонится отъ испытанной политики князя Лобанова. Россія потеряла въ князѣ Лобановѣ государственнаго дѣятеля, котораго не легко будетъ замѣнить, а Австро-Венгрія — точнаго знакома ея положенія и горячаго друга». «Князь Лобановъ-Ростовскій былъ миролюбивый государственный дѣятель съ большимъ умомъ и осмотрительностію, скоростижная смерть котораго должна вызвать глубочайшую скорбь». «Neue Freie Presse» говоритъ, что кончина князя, составляя тяжкую потерю для царя и Россіи, и внѣ предѣловъ ея будетъ встрѣчена съ общимъ соболѣзнованіемъ. Уваженіе, которымъ Россія пользуется за границею, значительно возросло за время управленія княземъ внѣшними ея дѣлами. Неожиданная смерть князя является тѣмъ болѣе прискорбною, что переговорами его съ графомъ Голуховскимъ, какъ говорятъ, достигнуто полное соглашеніе по восточнымъ вопросамъ. Трудно будетъ найти другого государственнаго дѣятеля, который сумѣетъ содѣйствовать сохраненію мира съ такою мудростію, какъ усопшій князь». Корреспондентъ «Новаго Времени» приводитъ слѣдующій отзывъ одного изъ чиновниковъ австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. «Смерть князя Лобанова для насъ большое горе. Мы знали, а, стало бытъ, любили и уважали покойнаго. Любили мы его, какъ въ высокой степени милаго и любезнаго человѣка, хорошо знавшаго Австрію и связаннаго съ нею тринадцатилѣтнимъ пребываніемъ на посту посла. Уважали мы его за его изъ ряду вонъ выдающійся государственный умъ и проницательность. Это былъ дипломатъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Никто не умѣлъ съ такимъ удиви-

тельнымъ тактомъ выходить изъ самыхъ трудныхъ положеній, какъ покойный. Когда князя Лобанова-Ростовскаго назначили министромъ иностранныхъ дѣлъ, мы были увѣрены, что отнынѣ между Россіей и Австріей не только не можетъ произойти разрыва, но, напротивъ, взаимныя отношенія обоихъ государствъ должны сблизиться. Политика князя Лобанова была широкая, всеохватывающая и смѣлая. Одновременно и съ успѣхомъ рѣшалъ онъ огромныя задачи вашей имперіи на дальнемъ Востокѣ и поддерживалъ въ Турціи такое положеніе, при которомъ не было ближайшей опасности какихъ либо серьезныхъ осложненій. Выполнить такой трудъ было подѣ силу лишь человѣку съ большимъ государственнымъ умомъ и огромнымъ политическимъ тактомъ. Этими же двумя качествами вашъ министръ обладалъ въ высокой степени. Если бы ему суждено было прожить дольше, Европа увидѣла бы еще много результатовъ его широкой и примирительной дѣятельности. Смерть князя Лобанова очень тяжела для Россіи, но она тяжела и для всей Европы вообще, а для Австріи въ особенности. Послѣднее пребываніе вашего министра въ Вѣнѣ насъ особенно расположило къ нему, ибо всѣ тѣ затрудненія, которыя возникли въ Турціи вслѣдствіе константинопольскихъ беспорядковъ, были сообща обсуждены въ Вѣнѣ, и противъ ихъ рѣшено было дѣйствовать вполнѣ согласно и единодушно». Между прочимъ австрійская же «Neue Freie Presse» помѣстила сенсаціонную, но очень мелко судящую о важныхъ предметахъ статейку о роли покойнаго во французскомъ сближеніи. «Государственные люди,—говоритъ газета,—бесѣдовавшіе въ послѣднее время съ княземъ Лобановымъ, вынесли такое впечатлѣніе, что онъ желалъ по мѣрѣ своихъ силъ нѣсколько охладить пылъ французскихъ демонстрацій и оградить французовъ отъ заблужденій насчетъ размѣровъ той поддержки, которая должна быть оказана союзниками въ рѣшительную минуту. Кабинеты тройственнаго союза, такимъ образомъ, не только вполнѣ успокоены теперь на счетъ сущности двойнаго союза, но ознакомлены также и съ содержаніемъ письменнаго договора между двумя союзниками. Обѣ державы, какъ будто, обучались въ школѣ тройственнаго союза и трактатъ, заключенный между Парижемъ и Петербургомъ, принимаетъ во вниманіе лишь оборонительную войну, опредѣляя обязанности Россіи въ случаѣ, если бы на Францію было произведено нападеніе съ одной или съ двухъ сторонъ. Такимъ образомъ, самое содержаніе и форма договора совершенно отнимаютъ у фрацузовъ всякую надежду на войну реванша. Но весь вопросъ въ томъ, не превратится ли договоръ, съ теченіемъ времени и съ укрѣпленіемъ узъ дружбы, изъ оборонительнаго въ наступательный? Гг. Гирсъ и Лобановъ удерживали договоръ въ этихъ границахъ; такъ ли будетъ поступать ихъ преемникъ? Выборъ этого преемника, во всякомъ случаѣ, долженъ будетъ служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ». Во львовскую га-

зету «Przeглядъ», въ которой помѣщаются сообщенія изъ польскихъ вліятельныхъ круговъ въ Вѣнѣ, вѣнскій корреспондентъ газеты пишетъ о князѣ Лобановѣ-Ростовскомъ, между прочимъ, слѣдующее. «Допускать, что князь Лобановъ-Ростовскій дѣйствовалъ исключительно, или главнымъ образомъ, изъ-за какой-то сентиментальной дружбы къ Австро-Венгріи, какъ это добродушно допускаютъ въ своихъ некрологахъ о немъ нѣкоторыя вѣнскія газеты, было бы смѣшно. Князь Лобановъ-Ростовскій работалъ единственно въ интересахъ Россіи, а не Австро-Венгріи; также не трудно догадаться что вся его неутомимая дѣятельность направлена была къ разстройству тройственного союза, который до настоящаго времени связываетъ руки Россіи, несмотря на ея союзъ съ Франціей. Но никто отъ русскаго дипломата и не могъ желать, чтобъ онъ дѣйствовалъ въ чьемъ либо иномъ интересѣ, а не въ русскомъ. Несомнѣнно, что онъ дѣйствовалъ искусно. Князь Лобановъ-Ростовскій далеко былъ и отъ шовинизма. Нѣкоторые утверждаютъ, что сближенія Австріи и Россіи и вообще избѣжанія всякихъ замѣшательствъ въ Европѣ князь Лобановъ-Ростовскій желалъ, потому что главную задачу Россіи видѣлъ на дальнемъ Востокѣ. Это самообманъ. Россія издавна распространяетъ свое вліяніе одновременно въ Азіи и въ Европѣ. Совсе не въ томъ дѣло, чтобы Россія отрекалась отъ своихъ домогательствъ въ одномъ направленіи для другаго. Что она не отрекалась отъ нихъ и при князѣ Лобановѣ-Ростовскомъ, доказывается ловкостью, съ какою онъ успѣлъ возстановить русское вліяніе въ Болгаріи. Князь Лобановъ-Ростовскій своими бесѣдами съ княземъ Фердинандомъ, своею предупредительностью, довольствуясь переходомъ въ православіе Бориса, возвратилъ вліяніе въ Болгаріи Россіи и если не уничтожилъ, то значительно ослабилъ въ Софіи австрійское вліяніе». «И мы, сербы, — говоритъ «Сербская Застава», — имѣемъ поводъ пролить слезу сожалѣнія и братскаго участія о погибшемъ другѣ. Да, князь Лобановъ-Ростовскій былъ искреннимъ и преданнымъ другомъ сербскаго народа и его интересовъ. Мы очень многого ожидали отъ его политики; смерть его — великая потеря для Сербіи, какъ и для Россіи. Но такъ какъ въ Россіи давно прошло время разныхъ политическихъ экспериментовъ, то мы имѣемъ полное основаніе вѣрить, что русская политика не измѣнится сравнительно съ тою политикой, какую столь мудро и столь счастливо установилъ царь Александръ III. Царь Николай II несомнѣнно продолжитъ эту политику, пойдетъ по стопамъ своего великаго отца. Это наша глубокая увѣренность, — говоритъ въ заключеніе сербская газета, — и съ такою увѣренностію мы, всѣ сербы, прощаемся съ великимъ русскимъ государственнымъ дѣятелемъ, другомъ сербскаго народа, возглашая: да будетъ тебѣ легкою братская намъ Русская земля!» «Odjekъ», органъ радикальной партіи, считаетъ почившаго князя Лобанова-

Ростовскаго руководителемъ не только русской, но и всей европейской политики. «Назначеніе князя Лобанова-Ростовскаго министромъ иностранныхъ дѣлъ вскорѣ почувствовалось всюду,— говорить «Odjek».— Это была перемѣна тона въ русской политикѣ. Россія при Лобановѣ-Ростовскомъ говорила рѣшительно». Минуя, далѣе, отзывы итальянскихъ газетъ, единодушно восхваляющихъ миролюбіе покойнаго, приведемъ отрывки изъ болгарской печати. «Князь Лобановъ-Ростовскій,—говоритъ «Прогрессъ»,—былъ искреннимъ другомъ Болгаріи. Онъ два раза во время своей продолжительной дѣятельности имѣлъ случай дать доказательства тѣхъ чувствъ, какія питалъ къ намъ, и оба раза такъ исполнилъ свою задачу, что заслужилъ нашу искреннюю признательность. Князь Лобановъ-Ростовскій былъ въ Царьградѣ, когда только что еще поднимался церковный вопросъ, и сочувствіемъ, съ какимъ онъ къ намъ отнесся тогда, а также оказанною намъ поддержкой, не мало содѣйствоваль приобрѣтенію нами нашей церковной независимости. Какъ канцлеръ молодаго царя Николая II и какъ просвѣщенный и достойный исполнитель его воли, онъ соединилъ свое имя съ актомъ примиренія Россіи съ Болгаріей, состоявшимся въ началѣ текущаго года. Князь Лобановъ-Ростовскій не переставалъ сожалѣть о такихъ отношеніяхъ между освободителями и освобожденными и не боялся высказывать свою скорбь. Поэтому, когда царь Николай II назначилъ его своимъ канцлеромъ, вся Болгарія съ радостію встрѣтила такое событіе. Надежды наши осуществились быстро и въ такой полнотѣ, какой могли ожидать только самыя горячіе и нетерпѣливые болгарскіе патріоты. Услуга, оказанная княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ въ примиреніи двухъ братскихъ славянскихъ странъ, имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что онъ усвоилъ себѣ по отношенію къ Болгаріи возвышенную политику, доказавъ безкорыстіе Россіи, которая не связала насъ никакими условіями, способными нанести оскорбленіе нашему самолюбію или ущербъ нашей независимости. Россія своимъ отношеніемъ къ намъ дала еще новую гарантію нашей самостоятельности. Это доказываетъ, что она не ищетъ отъ Болгаріи ничего иного, какъ только того, чтобъ она была истинно славянскимъ государствомъ, которому дороги славянскіе идеалы. Мы увѣрены,— говоритъ въ заключеніе болгарская газета,— что эта политика, соотвѣтствующая интересамъ и чувствамъ обоихъ государствъ и доказавшая свое превосходство уже достигнутыми до настоящаго времени блестящими результатами, не измѣнится и при преемникѣ почившаго». Для полноты обзора намъ остается привести англійскіе отголоски нашего политическаго горя. «Times» посвятилъ усопшему русскому министру двѣ статьи.

Въ первой изъ этихъ статей, болѣе біографическаго характера, излагаются принципы, которыми руководствовался въ своей иностранной политикѣ покойный. Органъ Сити говоритъ, что поли-

тика эта соотвѣтствовала традиціямъ Россіи, то-есть была «активною и захватывающею». Князь Лобановъ обращался къ Англіи въ «рѣзкомъ тонѣ». Тонъ этотъ можно, пожалуй, объяснить высокою идеей, которую князь имѣлъ о могуществѣ и силѣ своего отечества. Но нельзя, однако, отрицать, что къ Англіи онъ питалъ не особенно дружелюбное чувство. Во второй статьѣ, имѣющей болѣе политическій характеръ, «Times» отдастъ должное дипломатическому искусству князя Лобанова и приходитъ къ заключенію, что кто бы ни былъ его преемникомъ, врядъ ли въ политикѣ Россіи произойдутъ какія нибудь существенныя перемѣны, а потому не слѣдуетъ опасаться нарушенія общаго мира и спокойствія. Безспорно, что при нѣкоторыхъ условіяхъ русская экстенсивная политика можетъ оказаться несомвѣстимою съ интересами другихъ державъ, но не имѣется основанія думать, чтобы князь Лобановъ когда либо предполагалъ, что такое положеніе вещей можетъ повести къ войнѣ, или же, чтобы онъ равнодушно относился къ перспективѣ вооруженнаго столкновения между державами. Вообще же «Times» ставитъ на видъ необычайный успѣхъ, которымъ повсюду увѣнчивались стремленія князя Лобанова соединить политику Гирса съ политикой графа Игнатъева. Нѣтъ никакого основанія, по мнѣнію газеты, ожидать, чтобы смерть князя Лобанова повлекла за собою какое либо замѣтное измѣненіе въ русской политикѣ. Нѣтъ доказательствъ, чтобы князь Лобановъ помышлялъ когда либо о расширеніи предѣловъ Россіи, которое должно было бы повести къ войнѣ. Газета «Daily Telegraph» раздѣляетъ мнѣніе «Times», что смерть князя Лобанова-Ростовскаго никакъ не перемѣнитъ въ политикѣ Россіи не произведетъ; впрочемъ, все будетъ зависѣть отъ преемника его. Единственнымъ залогомъ мира служить то, что никто войны не желаетъ. Россія, быть можетъ, желаетъ ея меньше, чѣмъ всѣ другія державы, за исключеніемъ, конечно, Англіи. «Daily News» не прощаетъ князю Лобанову его враждебнаго Англіи образа дѣйствій въ армянскомъ вопросѣ. Газета хотя и желаетъ, но не смѣетъ надѣяться, что смерть князя будетъ имѣть весьма важныя послѣдствія. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, все будетъ зависѣть отъ того, кто займетъ вакантный постъ. При этомъ газета высказываетъ предположеніе, что послѣднія событія въ Константинополѣ поколебали, должно быть, въ русскихъ высшихъ сферахъ вѣру въ мудрость совѣтовъ покойнаго министра. «Daily Chronicle» называетъ князя Лобанова-Ростовскаго великимъ, но дурно инспирированнымъ совѣтникомъ, который, правда, усилилъ обаяніе Россіи на Западѣ, но зато ослабилъ его на Востокѣ. Газета очень довольна, что назначеніе ему преемника послѣдуетъ, вѣроятно, лишь послѣ путешествія русской императорской четы по Европѣ. Маркизу Салисбюри слѣдовало бы воспользоваться случаемъ, чтобы во время пребыванія русскаго императора въ Англіи достигнуть съ Россіей соглашенія о ликвидаціи восточнаго вопроса. «Westminster Gazette»

также очень недовольна политикою князя Лобанова-Ростовскаго въ армянскомъ вопросѣ. Стремленія покойнаго министра, направленные къ тому, чтобы удержать другія государства отъ вмѣшательства въ пользу армянъ, газета называетъ просто «безнравственною» политикою. Газета надѣется, что теперь, когда его нѣтъ болѣе въ живыхъ, Россія откажется отъ этой политики и вернется къ своей традиционной роли покровительницы восточныхъ христіанъ. Всѣхъ безстыднѣе порицанія и злорадное торжество органа лорда Салисбюри, «Standard». Начинается статья его желчною фразою, дающею понять языцамъ, что Божественный Промыселъ покровительствуетъ Англій и караетъ ея враговъ. Перейдя затѣмъ къ австро-русскому соглашенію, газета выражается такъ: «Дѣйствительно, публика собиралась слушать хвалебные гимны отъ князя, а вмѣсто того пришлось приступить къ погребенію. Рѣдко Великій Творецъ событій, какъ выразился Гиббонъ, такъ явственно доказалъ всю суетность человѣческихъ проектовъ и ничтожество ума человѣческаго». Затѣмъ слѣдуетъ характеристика князя: «Это былъ человѣкъ безъ всякихъ предрасудковъ, безъ предпочтеній и, скажемъ даже, безъ совѣстливости. Онъ былъ способенъ предписывать жителямъ самой древней и самой богобоязненной столицы пѣть Марсельезу и въ то же время пожимать плечами, слушая, что жизнь тысячи армянъ представляетъ большую цѣнность, чѣмъ признательность султана». Заключительныя слова статьи также свидѣтельствуютъ, что въ глазахъ «Standard»'а князь Лобановъ былъ врагомъ Англій: «Россіи будетъ не легко подыскать себѣ министра, который, соблюдая правила вѣжливости, относился бы такъ недоброжелательно къ нашему отечеству, какъ покойный князь; но англійскій народъ слишкомъ великодушенъ и слишкомъ исполненъ довѣрія къ собственнымъ силамъ, для того, чтобы рассчитывать на выгоды, которыя можетъ доставить ему исчезновеніе искуснаго и бдительнаго противника». Все это, однако, нисколько не мѣшаетъ газетѣ заявлять въ концѣ концовъ, что, какъ и у князя Лобанова, у Англій также нѣтъ никакихъ предрасудковъ, и что она готова брататься со всякимъ, когда этого требуютъ ея интересы. Всѣ эти исполненные жалкой злобы отзывы произвели во всей Европѣ крайне неблагоприятное для Англій впечатлѣніе. «Если еще требовались доказательства политическаго значенія смерти князя,—пишетъ по этому поводу лондонскій корреспондентъ «Journal des Débats»,—того мѣста, которое онъ занималъ въ Европѣ, непримиримаго соперничества, существующаго между Англійей и Россіей, успѣховъ, одержанныхъ русскою политикою за послѣдніе восемнадцать мѣсяцевъ, и сокрушающаго удара, нанесеннаго княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ англійской политикѣ, то доказательство это не трудно найти въ статьяхъ лондонскихъ газетъ. На этотъ разъ нельзя обвинять англичанъ въ лицемѣріи. Никогда еще такъ мало не давали себѣ труда скрывать свирѣпую радость, причиненную

исчезновеніемъ грознаго противника. Прочтите всѣ статьи англійской прессы, и вы не найдете ни одного слова сожалѣнія, хотя бы высказаннаго мимоходомъ. Повсюду, напротивъ, вы замѣчаете радость избавленія и удовольствіе, причиняемое мыслью, что главнаго виновника изолированности Англїи, умаленія ея политическаго значенія и ея вынужденнаго стушевыванія, нѣтъ болѣе въ живыхъ».

Небезынтересны и тѣ передовыя статьи, которыми отозвались почти всѣ органы русской печати на печальное событіе. Такъ, въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» мы читаемъ: «Неожиданная смерть высокопросвѣщеннаго государева сотрудника несомнѣнно вызоветъ искреннюю печаль всѣхъ, цѣнившихъ многолѣтнюю дипломатическую дѣятельность почившаго, неуклонно направлявшуюся сознаниемъ достоинства и пользы отечества. Выдающіяся дарованія князя А. Б. и личныя его качества постоянно находили достойную оцѣнку съ высоты престола и снискали общія симпатїи всѣхъ его знавшихъ. Еще не особенно давно, съ небольшимъ годъ назадъ, въ день празднованія пятидесятилѣтїя достохвальнаго служенія покойнаго, ему были высочайше пожалованы брилліантовые знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, при милостивомъ рескриптѣ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «По кончинѣ статсъ-секретаря Гирса, призвавъ васъ на отвѣтственный постъ министра иностранныхъ дѣлъ, Я руководился убѣжденіемъ, что найду въ васъ просвѣщеннаго и преданнаго сотрудника, вполне подготовленнаго продолжать миролюбивую и прямодушную политику нашу, направленную къ поддержанію дружественныхъ со всѣми державами отношеній, къ уваженію права и законнаго порядка и къ охраненію непоколебимаго достоинства имперїи. Вашъ государственный умъ, вапа горячая приверженность къ пользамъ Россїи служатъ Мнѣ въ этомъ лучшимъ ручательствомъ». Къ сожалѣнію, князю А. Б. недолго пришлось раздѣлять царственныя труды въ дѣлѣ служенія интересамъ Россїи въ области внѣшней политики».

Другая оффиціальная газета, «Journal de St.-Pétersbourg», посвящаетъ памяти князя А. Б. слѣдующія строки: «Съ глубокимъ уныніемъ и съ самымъ прискорбнымъ чувствомъ мы извѣщаемъ о кончинѣ его высокопревосходительства статсъ-секретаря князя Лобанова-Ростовскаго, министра иностранныхъ дѣлъ. Эта жестокая потеря будетъ глубоко прочувствована въ Россїи, гдѣ князь Лобановъ-Ростовскій, благодаря высокимъ качествамъ своего ума, благородству своего характера и дѣянїямъ, которыми онъ заявилъ о себѣ, былъ окруженъ всеобщимъ почтеніемъ и довѣріемъ. Призванный къ управленію министерствомъ иностранныхъ дѣлъ 26 февраля 1895 года, онъ руководилъ нашей внѣшней политикой въ теченіе почти 18 мѣсяцевъ. Несмотря на кратковременное управленіе министерствомъ, исторїя отведетъ ему почетное мѣсто въ ряду самыхъ замѣчатель-

ныхъ государственныхъ людей Россіи». Позднѣе та же газета высказалась подробнѣе: «Когда разнеслась вѣсть о кончинѣ князя Лобанова-Ростовскаго, всѣ были потрясены этимъ роковымъ ударомъ судьбы, разбившимъ столь высокое существованіе въ полный разгаръ дѣятельности, положившимъ внезапный конецъ столькимъ важнымъ начинаніямъ, постоянному труду и безусловной преданности императору и Россіи. Очень немногимъ было извѣстно, что министръ покинулъ Петербургъ при такомъ состояніи здоровья, которое дѣлало опаснымъ для него утомленіе отъ пути. Несмотря на болѣзнь сердца, которою онъ страдалъ, онъ непремѣнно настаивалъ на своемъ отъѣздѣ, вѣрный великому чувству долга, которое никогда не покидало его. Грозившее ему событіе совершилось, и князь Лобановъ умеръ на своемъ почетномъ посту, отдавъ послѣднія свои силы на служеніе благу отечества. Подобная кончина, случившаяся при такихъ обстоятельствахъ, еще болѣе возвышаетъ покойнаго министра въ памяти людей. Одного уже единодушія сожалѣній, раздавшихся повсюду, было бы достаточно, чтобы указать на значеніе потери, понесенной страной. Русскій народъ зналъ, что императоръ имѣлъ въ лицѣ князя Лобанова вѣрнаго и преданнаго исполнителя его намѣреній и предначертаній, направленныхъ ко благу страны и къ поддержанію общаго мира. Но онъ также зналъ, какою высокою мудростью, испытанною опытностью, глубиною и обширностью познаній располагалъ министръ при исполненіи державной воли. Въ теченіе 18 мѣсяцевъ, пока онъ управлялъ нашей иностранной политикой, народъ слѣдилъ за его дѣятельностью, полный увѣренности въ своемъ будущемъ». Указавъ затѣмъ на общее сожалѣніе, съ какимъ за границей отнеслись къ кончинѣ князя Лобанова, и приведя главнѣйшіе факты его жизни, «*Journal de St.-Petersbourg*» говоритъ въ заключеніе: «Результаты, которыхъ онъ достигъ, служа истолкователемъ державныхъ предначертаній, бросаются въ глаза. Безпрерывность воззрѣній русской политики обезпечиваетъ сохраненіе въ будущемъ того, что было приобрѣтено прошедшимъ. Въ списокѣ весьма, впрочемъ, невеликомъ, государственныхъ людей, управлявшихъ русскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, имя князя Лобанова-Ростовскаго будетъ сиять яркимъ блескомъ, и исторія, которую онъ такъ любилъ и на пользу которой онъ трудился въ свободное отъ политическихъ занятій время, отведетъ ему въ своихъ скрижаляхъ прекрасное мѣсто». «Новое Время» въ трехъ передовыхъ статьяхъ (№№ 7356, 7357 и 7360) подробно развиваетъ ту мысль, что, какія бы опасенія за устойчивость направленія русской политики ни внушала кончина князя Лобанова на Западѣ, гдѣ «умы трудно усвоиваютъ себѣ основную идею вашей русской государственности, — верховное руководство съ высоты трона всѣми внутренними и внѣшними дѣлами Россіи, — нѣтъ, однако же, ни малѣйшихъ основаній ожидать даже малѣйшаго отклоненія этой политики отъ выяснившася»

гося русла. Характеризуя покойнаго, та же газета говорить (№ 7356), что онъ «принадлежалъ къ школѣ тѣхъ старыхъ бояръ-дипломатовъ, которые съ екатерининскаго времени сдѣлались у насъ довольно рѣдкими. Сильные волей, знающіе съ дѣтства страну свою, обогащенные разностороннимъ европейскимъ образованіемъ, опирающіеся на прочныя наслѣдственныя связи, они не боялись того, что о насъ скажетъ Европа, и сознавали, что великой странѣ должны неотъемлемо принадлежать великія задачи и право на великое существованіе въ средѣ другихъ европейскихъ державъ. Князь Лобановъ принадлежалъ къ немногочисленному у насъ классу лицъ, которыя знаютъ, чего хотятъ, и умѣютъ достигнуть того, чего захотѣли. Въ кратковременное свое министерство князь Лобановъ-Ростовскій способствовалъ изолированію Японіи, привлеченію Германіи къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ съ Россіей и Франціей и сохраненію неприкосновенности Китая. Затѣмъ послѣдовало примиреніе съ Болгаріей, обезпеченіе для Россіи полной свободы дѣйствій по отношенію къ Турціи, укрѣпленіе дружбы съ Франціей и проч.». «Московскія Вѣдомости» (№ 228) указываютъ, что «согласно завѣтамъ императора Александра III, покойный поддерживалъ и развивалъ соглашеніе съ Франціей, видя въ немъ лучшій залогъ мира. Но въ этомъ соглашеніи онъ не видѣлъ препятствія для поддержанія общеевропейскаго согласія, которое лучше всего позволяло устранять всѣ осложненія». Во время его завѣдыванія иностранными дѣлами «отношенія державъ утратили острый характеръ и приняли болѣе дружественную форму. Положеніе, принятое Россіей въ японско-китайскую войну; устранило опасность крупныхъ столкновеній, а сдержанное отношеніе къ армянскимъ и критскимъ дѣламъ, грозившимъ осложненіями всей Европѣ, останется памятникомъ этой миролюбивой политики. Всюду, гдѣ бывалъ князь, онъ умѣлъ поддерживать лучшія отношенія, что сказалось въ особенности въ Вѣнѣ, гдѣ съ искреннимъ сожалѣніемъ отнеслись къ его отозванію и императоръ Францъ-Юсифъ, и правительство, полнымъ уваженіемъ которыхъ онъ пользовался. Открытый, правдивый, противникъ всякой интриги, князь Лобановъ всюду умѣлъ привлекать къ себѣ симпатіи».

«Русское Слово» въ своемъ «охранительномъ» усердіи доходитъ до того, что старается всячески умалить значеніе нашей утраты, точно талантливый и популярный министръ можетъ быть опасенъ или нежелателенъ въ монархическомъ государствѣ. Мы охотно вѣрили, что московская газета не подумала хорошенько о нравственной цѣнѣ своихъ словъ, когда писала, что «не стало только (!) вѣрнаго царскаго слуги, талантливаго дипломата, честнаго сына своей родины»; но чувство національнаго достоинства и дѣйствительное убѣжденіе въ величіи и необходимости самодержавнаго начала не позволили бы никому вмѣшивать въ народную горестъ струю низ-

копклонныхъ утѣшеній и умаленій дѣйствительныхъ заслугъ выдающихся политическихъ дѣятелей. «Никакого рѣшающаго вліянія на ходъ политики сообразно своимъ личнымъ взглядамъ и интересамъ никто въ Россіи имѣть не можетъ у насъ, русскихъ,—говоритъ газета,—со смертью министра не можетъ быть рѣчи, объ измѣненіи политики. Исчезаетъ вѣрный царскій слуга, но дѣло, порученное ему, сейчасъ же сдается въ другія руки, и все идетъ, какъ шло прежде, ибо это дѣло направляется все тою же державною волей». Совершенно справедливо; но вѣдь исполнители державной воли бываютъ различны, и самыя благія намѣренія при дурныхъ исполнителяхъ приводятъ иногда ...хотя бы къ Берлинскому трактату. Потому нельзя не присоединиться ко мнѣнію «Новостей» (№ 230), что, «несмотря на неизмѣнность русской политики, обусловливаемой общимъ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ и интересами Россіи, личность министра имѣла и будетъ имѣть огромное значеніе, какъ личность главнаго помощника государя и главнаго руководителя русской дипломатіей. Дипломатія прежде всего искусство и искусство очень трудное. Покойный князь А. Б. Лобановъ былъ художникомъ-дипломатомъ, онъ умѣлъ извлекать изъ этого искусства такіе эффекты, что старый Бисмаркъ, внимательно слѣдящій за всѣмъ происходящимъ въ Европѣ, призналъ его за истиннаго мастера своего дѣла. Такого художника-дипломата трудно будетъ замѣнить, хотя у насъ нѣтъ недостатка въ даровитыхъ и опытныхъ дипломатахъ». Продолжая эту сравнительно лучшую изъ характеристикъ покойнаго, газета говоритъ: «въ первыхъ же шагахъ его, какъ министра, сказанъ широкій размахъ, на первый планъ выдвинуты были крупныя міровыя вопросы, въ тѣни которыхъ совершенно затерялся маленькій болгарскій вопросъ. Это умѣнье всякій вопросъ поставить на свое мѣсто принадлежитъ далеко не всѣмъ дипломатамъ». По мнѣнію «Новостей» (№ 234), «князь Лобановъ былъ дипломатомъ и политикомъ въ самомъ широкомъ значеніи этихъ словъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ государственныхъ дѣятелей, которые не увлекаются минутными вѣяніями и составили себѣ вполне опредѣленный взглядъ на вещи. Онъ былъ убѣжденнымъ защитникомъ союза съ Франціей не въ силу какихъ либо сентиментальныхъ соображеній, а потому, что только въ этомъ союзѣ видѣлъ надлежащее обезпеченіе интересовъ Россіи». «Россія миролюбивая и сильная—вотъ каковъ былъ идеалъ покойнаго министра, который былъ вполне русскимъ человѣкомъ, искренно и страстно любившимъ свою родину, не щадившимъ для нея ни здоровья, ни силъ. Въ лицѣ усопшаго князя Россія потеряла одного изъ своихъ славныхъ сыновъ. Онъ оставилъ по себѣ добрую и честную память благороднаго патріота и замѣчательнаго политика» (№ 229). Эту характеристику дополняетъ статья «Недѣли» (№ 34), очень правильно указывающая многое недоговоренное другими органами печати. «Узкій матеріа-

лизмъ,—говоритъ газета,—не хочетъ признать никакой нравственной миссиі за государствомъ, и весьма возможно, что русская дипломатія подчасъ черезчуръ щеголяла своимъ благородствомъ, что безкорыстіе ея нерѣдко было чрезмѣрно, но на вѣсахъ пользы и выгоды трудно уравновѣсить реальные пріобрѣтенія съ сохраненіемъ въ чистотѣ своего знамени. Князь Лобановъ былъ представителемъ именно это чистой политики и если, несмотря на его кратковременное 18-мѣсячное завѣдываніе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, онъ сумѣлъ безукоризненности своихъ дѣйствій придать и энергичную рѣшительность, то это благодаря тому, что внѣшняя политика Россіи была смѣло и круто вдвинута въ опредѣленное русло въ прошлое царствованіе. Князь Лобановъ явился закрѣпителемъ этой политики, и это обстоятельство заставляетъ соединять съ его именемъ заслуги, являющіяся результатомъ работы цѣлаго десятилѣтія. То, что было сдѣлано лишь вчернѣ или только намѣчено, ему удалось осуществить или поставить на путь близкій къ осуществленію. Франко-русскій союзъ превратился при немъ почти въ естественную связь, и между тѣмъ какъ руководителямъ тройственной политики приходится до сихъ поръ доказывать своимъ народностямъ ея сомнительныя выгоды и до сихъ поръ приходится черезчуръ настойчиво и шумливо убѣждать весь міръ въ незыблимости тройственнаго соглашенія, союзъ Россіи съ Франціей ни въ той, ни въ другой странѣ не требуетъ назойливой пропаганды, и наличность его проявляется не въ краснорѣчивыхъ и навязчивыхъ доказательствахъ, а въ молчаливыхъ, но внушительныхъ фактахъ. Князь Лобановъ угадалъ секретъ народной политики. При немъ мы безъ выстрѣла и безъ посягательства на пядь чужой земли пріобрѣли тотъ нравственный авторитетъ на азиатскомъ востокѣ, тяготѣніемъ къ которому послѣдній, въ свою очередь, былъ издавна смутно проникнутъ въ своихъ отношеніяхъ къ Россіи. Задача послѣднихъ лѣтъ была заставить этотъ востокъ увѣровать въ Россію».

Въ заключеніе приведемъ отзывы менѣе значительныхъ газетъ. Такъ, по словамъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» (№ 231), «князь Лобановъ-Ростовскій не только блистательно осуществлялъ желанную программу русской политики, но незримо и съ большимъ тактомъ распространялъ вліяніе этой политики на всѣ европейскіе кабинеты и международныя отношенія. Онъ поднялъ вліяніе русской дипломатіи, и, къ великой чести Россіи, это вліеніе было весьма благотворно, не стояло на дорогѣ ничьихъ законныхъ интересовъ, не противорѣчило общечеловѣческому развитію, не накликало войнъ и другихъ невзгодъ ни на Россію, ни на другія государства». «Сынъ Отечества» напоминаетъ, что при князѣ А. Б. Лобановѣ-Ростовскомъ впервые было произнесено съ французской трибуны слово «союзъ», и при немъ эта сила превратилась въ благотворную ограду мира. Его дипломатія привела къ устраненію острыхъ недоразумѣній ме-

жду имперіей Гогенцоллерновъ и Франціей, чѣмъ поколеблены были самыя основы средневропейскаго соглашенія. Какъ замѣчаетъ «Свѣтъ», наша неожиданная утрата тѣмъ чувствительнѣе, что покойный былъ не только истинно-просвѣщеннымъ, опытнымъ и искуснымъ дипломатомъ, но и человѣкомъ съ настоящею русскою душой, чуткой ко всему, что клонилось хотя бы къ малѣйшей выгодѣ его родины. Онъ являлся убѣжденнымъ сторонникомъ франко-русскаго союза, а въ области славянскаго вопроса неизмѣнно преслѣдовалъ идею братскаго сближенія и полной солидарности Россіи съ родственными намъ по крови и по духу племенами. Въ этомъ смыслѣ онъ энергично дѣйствовалъ на пользу благополучнаго завершения болгарскаго вопроса и способствовалъ тому, что сдѣланный Болгаріей шагъ къ примиренію былъ сочувственно принятъ Россіей, и братскія узы снова закрѣплены. Не лишнее отмѣтить, что и польскія газеты въ Россіи воздають должное государственнымъ заслугамъ и дипломатической дѣятельности князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго. Самая распространенная изъ варшавскихъ газетъ, «Варшавскій Курьеръ», пишетъ: «Россія (цитируемъ по переводу «Варшавскаго Дневника») теряетъ въ князѣ Лобановѣ-Ростовскомъ знаменитаго государственнаго мужа, кратковременное пребываніе котораго на посту министра иностранныхъ дѣлъ увѣковѣчено цѣлымъ рядомъ существенныхъ, часто поразительныхъ дипломатическихъ успѣховъ. Исторія Россіи не забудетъ его дѣйствій въ Китаѣ, которыя не позволили Японіи воспользоваться плодами ея побѣдъ и основаться на Ліатонгскомъ полуостровѣ рядомъ съ русскими владѣніями. Съ неменьшею ловкостью князь Лобановъ-Ростовскій парализовалъ прошлогоднюю англійскую интригу въ армянскомъ вопросѣ и не допустилъ въ Турціи перемѣнъ, въ данную минуту нежелательныхъ для видовъ Россіи. Въ бытность князя министромъ, дружественныя отношенія къ Франціи преобразовались въ союзъ, который измѣнилъ всю конфигурацію политическихъ отношеній въ Средней Европѣ, вызвалъ новыя тяготѣнія и ослабилъ силу тройственнаго союза. Покойный, не смотря на свой преклонный возрастъ, проявлялъ до послѣдней минуты большую бодрость и творчество духа, дававшія Россіи надежду на новые существенныя дипломатическія успѣхи, особенно на почвѣ балканскихъ отношеній, которымъ князь Лобановъ-Ростовскій умѣлъ придать новый, желательный для Россіи оборотъ». Столь же сочувственно отзываясь о покойномъ министрѣ варшавскій «Утренній Курьеръ».

Приведемъ въ заключеніе краткія біографическія свѣдѣнія о покойномъ. Князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій родился 18-го декабря 1824 года. Получивъ блестящее домашнее образованіе, онъ поступилъ въ Царскосельскій (нынѣ Александровскій) лицей, гдѣ кончилъ въ 1844 году курсъ съ золотой медалью. Служебная дѣятельность покойнаго началась въ хозяйственномъ и счет-

номъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ быстро выдѣлился своими блестящими способностями изъ ряда своихъ сослуживцевъ, черезъ годъ былъ сдѣланъ вторымъ секретаремъ при канцеляріи министерства и въ 1847 году посланъ курьеромъ въ Парижъ черезъ Лондонъ. Въ 1848 году, во время февральской революціи, онъ былъ въ Парижѣ. Въ началѣ 50-хъ годовъ дѣятельность князя А. Б. сосредоточилась въ Берлинѣ, гдѣ онъ былъ секретаремъ русской миссіи. Въ 1856 году, когда императоръ Наполеонъ III сталъ обнаруживать желаніе примириться съ Россіей, князь Лобановъ-Ростовскій былъ посланъ въ Парижъ, куда пріѣхалъ подъ именемъ мѣщанина Рубинштейна и вмѣстѣ съ саксонцемъ, графомъ Зебахомъ, велъ тайные переговоры о мирѣ. Въ 1857 году, когда престарѣлый А. П. Бутеневъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ возстановленной русской миссіи въ Константинополь, князю Лобанову былъ порученъ постъ совѣтника вновь образованной миссіи. Съ самаго же начала онъ сталъ играть настолько выдающуюся роль въ миссіи, что въ 1859 году, когда Бутеневъ вышелъ въ отставку, онъ, 33-хъ лѣтъ отъ роду (фактъ въ исторіи нашей дипломатіи почти небывалый), назначенъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ. Въ 1863 году онъ подалъ въ отставку и временно поселился на югѣ Франціи. Въ трехлѣтнее пребываніе свое во главѣ царградскаго посольства, ему удалось поднять подорванное, послѣ неудачной для насъ Крымской войны, обаяніе Россіи на Востокѣ и достигнуть многихъ существенныхъ политическихъ результатовъ, а именно: Россія приняла участіе въ преобразованіи Ливана; Черногорія была спасена отъ конечнаго разгрома послѣ пораженія, нанесеннаго ей Омеръ-Пашею; наконецъ, былъ заключенъ договоръ съ Франціею о возстановленіи купола надъ Гробомъ Господнимъ въ Иерусалимѣ. Послѣ трехлѣтняго перерыва покойный поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ и былъ назначенъ губернаторомъ въ Орловскую губернію. Управлять губерніею ему пришлось только около года, такъ какъ въ 1867 году послѣдовало высочайшее назначеніе его товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Одиннадцать лѣтъ работалъ покойный въ должности товарища министра, неоднократно управляя министерствомъ и предсѣдательствуя въ разнообразныхъ комиссіяхъ. При его энергичномъ участіи были разработаны многіе важные законодательные проекты и вопросы: проектъ по переустройству губернскихъ и уѣздныхъ учреждений, преобразование слѣдственной части въ Россіи, городское положеніе и пр. Онъ предсѣдательствовалъ, между прочимъ, въ комиссіи по дѣламъ раскола и былъ приглашенъ отъ имени императора Александра Николаевича принять участіе въ собраніи матеріаловъ для исторіи и жизнеописанія императора Николая I. Въ 1878 году вновь началась дипломатическая дѣятельность покойнаго:

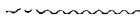
императоръ Александръ II вновь поручилъ ему постъ дипломатическаго представителя нашего при дворѣ турецкаго султана, съ званіемъ чрезвычайнаго и полномочнаго посла. Князь А. Б. тотчасъ же по прибытіи на берега Босфора вступилъ въ переговоры съ Портой относительно очищенія турками крѣпостей Шумлы, Варны и Батума, согласно условіямъ санъ-стефанскаго договора. Переговоры эти были прерваны, вслѣдствіе созыва знаменитаго берлинскаго конгресса. Однако, въ январѣ 1879 года князь Лобановъ-Ростовскій добился, наконецъ, послѣ долгихъ и трудныхъ переговоровъ, подписанія окончательнаго трактата съ Турціей, которымъ разрѣшались многія требованія, предъявленныя въ Портѣ, представителями нашими въ Санъ-Стефано и обойденныя молчаніемъ въ берлинскомъ трактатѣ. Въ томъ же году покойный былъ отозванъ изъ Константинополя, чтобы съ тѣмъ же успѣхомъ защищать интересы Россіи во время переговоровъ объ афганскихъ и египетскихъ дѣлахъ съ лондонскимъ кабинетомъ вплоть до 1882 года, когда онъ занялъ постъ посла въ Вѣнѣ и былъ представителемъ русской дипломатіи въ Австро-Венгріи впродолженіе 13 лѣтъ. Ревностная дѣятельность покойнаго на дипломатическомъ поприщѣ была отмѣчена въ 1889 году орденомъ святаго Андрея Первозваннаго и именнымъ царскимъ рескриптомъ. Когда графъ П. А. Шуваловъ былъ назначенъ варшавскимъ генераль-губернаторомъ (въ январѣ 1895 года), покойный былъ назначенъ на его мѣсто въ Берлинъ въ качествѣ нашего посла, но занималъ этотъ постъ только полтора мѣсяца. Въ это время умеръ Н. К. Гирсъ, и князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ день своего полувѣковаго юбилея (17-го мая 1895 года) покойный получилъ бриліантовые знаки ордена святаго Андрея Первозваннаго и высочайшій рескриптъ, въ которомъ немногими словами ярко отмѣчены государственныя заслуги покойнаго¹⁾. Кромѣ дипломатической службы, князь Лобановъ-Ростовскій не мало потрудился и на поприщѣ изслѣдователя русской исторіи. «Князь Алексѣй Борисовичъ, — пишетъ г. Шумигорскій въ «Новомъ Времени» (№ 7357), — еще въ лицѣ проявлялъ особую склонность къ изученію русской исторіи: въ лицѣ были живы еще тогда преданія пушкинской эпохи, и въ глазахъ его воспитанниковъ имя ихъ знаменитаго одноклассника, ставшее гордостью Россіи, неразрывно соединялось съ понятіемъ любви къ родной землѣ и ея старинѣ. По воспоминаніямъ покойнаго князя, еще юношей, онъ любилъ выслушивать и записывать рассказы о минувшихъ событіяхъ отъ вельможныхъ старцевъ, оставшихся отъ царствованій Екатерины, Павла и Александра I: этихъ «птенцовъ отъ стаи славной» было довольно въ обществѣ, въ которомъ вра-

¹⁾ Некрологи: «Новое Время», № 7356; «Московскія Вѣдомости», № 229; «Новости», № 229; «Русское Слово», № 224; «Русскія Вѣдомости», № 229; «Виржевыя Вѣдомости», № 230; «С.-Петербургскія Вѣдомости», № 282; «Недѣля», № 84.

щался кн. Алексѣй Борисовичъ, и къ которому онъ принадлежалъ по рожденію. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ, чрезвычайно любопытные и важные для уясненія подробностей русской исторіи конца XVIII и начала XIX в., князь лично читалъ мнѣ въ Вѣнѣ въ 1893 г., дополняя ихъ ссылками на многіе собранные имъ документы, также доселѣ еще не напечатанные. Быть можетъ, подъ влияніемъ именно бесѣдъ съ вельможными старцами, покойный князь предался почти исключительно изученію русской исторіи XVIII вѣка и уясненію родовыхъ отношеній высшаго русскаго дворянства, въ то время игравшаго первенствующую роль въ политической и культурной жизни Россіи. Чуждый сословныхъ предразсудковъ, стремясь къ воссозданію историческаго прошлаго въ его неприкрашенной правдѣ, кн. Лобановъ-Ростовскій всю свою жизнь собиралъ матеріалы по избранному имъ предмету, и число всѣхъ рукописей и книгъ, находящихся въ его библіотекѣ, умножалось все болѣе и болѣе. Въ особенности любилъ онъ заниматься изученіемъ царствованія императора Павла: памятникомъ его занятій остались въ рукописи два огромные тома «Дневника» этого царствованія, гдѣ, на основаніи камеръ-фурьерскихъ журналовъ, рукописнаго дневника Ростопчина и другихъ матеріаловъ, воспроизведена, день за днемъ, внѣшняя исторія императора Павла. вмѣстѣ съ тѣмъ, часть книгъ и рукописей, принадлежавшихъ князю Лобанову-Ростовскому, въ значительной мѣрѣ испещрена его собственноручными, весьма цѣнными историческими и библіографическими замѣчаніями. Къ сожалѣнію, служебная дѣятельность князя мѣшала ему сосредоточиться на обработкѣ сырыхъ добытыхъ имъ историческихъ данныхъ, а качественная сторона собранныхъ имъ рукописныхъ свидѣтельствъ не позволяла ему, по разнымъ соображеніямъ, предать ихъ печати. Поэтому проникшіе въ печать слухи, что имъ составлена будто бы «Исторія Павла I», самъ кн. Лобановъ-Ростовскій назвалъ ложными, но за то онъ указалъ на анонимный трудъ свой о К. И. Нелидовой, напечатанный въ «Русскомъ Архивѣ» 1873 г., какъ на одну изъ попытокъ своихъ приступить къ систематической обработкѣ добытыхъ имъ матеріаловъ. Высокое и отвѣтственное служебное положеніе князя Лобанова-Ростовскаго также служило препятствіемъ къ историческимъ его работамъ: изданная имъ «Русская родословная книга», разумѣется, не можетъ, по своему содержанію, послужить никоимъ образомъ къ выясненію политическаго и нравственнаго міросозерцанія ея автора. Въ послѣднее время кн. Лобановъ весьма сочувственно относился къ мысли объ изданіи «Русскаго біографическаго словаря» и выражалъ свою готовность предоставить въ распоряженіе редакціи «Словаря» часть своихъ матеріаловъ. Было бы весьма грустно, если бы эту драгоцѣнную историческую коллекцію князя Алексѣя Борисовича постигла участь почти всѣхъ русскихъ коллекцій: раздробленіе и постепенное, часто безслѣдное исчезновеніе. Надо

надѣяться, что родственники и друзья покойнаго, радѣвшаго о величїи и пользахъ родины, не дадутъ померкнуть его образу въ той части его наслѣдія, гдѣ, быть можетъ, всего ярче сказалась его душа, его міросозерцаніе. Министръ, употреблявшій свой досугъ на изученіе русской исторїи, не могъ не любить Россїи, не могъ не понимать ея историческихъ задачъ, не могъ не болѣть сердцемъ ея нуждами и страданїями». Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что во Франціи княземъ Лобановымъ было издано два сочиненїя на французскомъ языкѣ: «Mémoires du marquis de Vaudreuil» и «Histoires des émigrés». Чрезвычайно цѣннымъ изданїемъ князя Лобанова-Ростовскаго является «Русская родословная книга», которая первоначально была издана редакціей «Русской Старины» въ 1873—1876 гг., безъ имени автора, а въ 1895 году вышла вторымъ, совершенно переработаннымъ и значительно дополненнымъ изданїемъ. Князь А. В. Лобановъ былъ также одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ коллекціонеровъ: составленныя имъ коллекціи портретовъ и русскихъ монетъ представляютъ огромную цѣнность; въ особенности имѣетъ важное значеніе коллекція монетъ, чеканенныхъ въ Кенигсбергѣ во время занятїя его русскими войсками (1758—1761 гг.).

Окидывая общимъ взглядомъ эту замѣчательную дѣятельность, нельзя не поддаться невольному чувству преклоненїя предъ ея воистину величественнымъ характеромъ. Покойный князь можетъ и долженъ быть названъ дѣятелемъ эпохи Александра III. Человѣкъ долга, труда и опыта, съ одинаково изящнымъ достоинствомъ умѣвшій носить и свое громкое имя, и свой высокій санъ, и свои блистательныя дарованїя, равнодушный ко всякимъ внѣшнимъ успѣхамъ съ высоты своего тысячелѣтняго родословія, рожденный къ величїю и трудолюбивый, какъ самый скромный труженикъ, съ невозмутимой ясностью уравновѣшеннаго ума всегда стоявшій въ уровень съ событїями и запросами современности, достойный представитель послѣднихъ потомковъ Рюрикова дома, спокойный и зоркій руководитель мировыхъ событїй, онъ былъ живымъ воплощенїемъ идеальнаго русскаго государственнаго дѣятеля. Тонкое изящество и аристократическая обаятельность его политики сочетались съ ея нравственной привлекательностью, т. е. тѣмъ, что у насъ называется лояльностью. Какъ первоклассный шахматный игрокъ, онъ сразу понималъ намѣренїя противника и быстрой комбинаціей фигуръ европейскаго материка парализовалъ всесвѣтныя козни Англіи, какъ воду изъ губки, выжимая ея вліяніе изъ Европы. Смерть прервала его ближайшіе планы и намѣренїя въ самомъ разгарѣ его юношески энергичной и старчески осторожной дѣятельности.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ. Отъ паденія Константинополя (въ 1453 году) до настоящаго времени. Томъ первый. Заслуженнаго профессора Московской духовной академіи А. П. Лебедева. Сергіевъ посадъ. 1896.

ПРОФЕССОРЪ А. П. Лебедевъ принадлежитъ къ числу усердныхъ изслѣдователей судьбы греко-восточной церкви и извѣстенъ многими солидными трудами изъ церковно-исторической области. Въ послѣднее время почтенный ученый съ особымъ вниманіемъ сосредоточивается на изученіи византійскаго періода церковно-исторической жизни, и отмѣченная выше книга служитъ продолженіемъ цѣлой серіи его изслѣдованій въ означенномъ направленіи. Сочиненіе посвящено турецкому періоду въ исторіи греко-восточной церкви, начиная съ судьбы ея послѣ паденія Константинополя въ 1453 году и оканчивая ея современнымъ положеніемъ. Не смотря на сравнительную близость этой эпохи ко времени наибольшаго вниманія ученыхъ къ Востоку, именно этотъ періодъ въ исторіи православной греко-восточной церкви весьма мало разработанъ въ наукѣ, почему отмѣченная книга заслуживаетъ вниманія.

Книга профессора Лебедева состоитъ изъ введенія и трехъ отдѣловъ, каждый изъ которыхъ подраздѣляется на главы. Въ введеніи (стр. 1—25), указавъ на скудость греческой ученой литературы по исторіи восточной церкви послѣ завоеванія Константинополя турками и на проистекающую отсюда для иностраннаго ученаго трудность писать означенную исторію, авторъ оправдываетъ научными соображеніями взятую имъ на себя задачу и точно опредѣляетъ эту послѣднюю, основательно выяснивъ, что главнѣйшимъ предметомъ его из-

слѣдованія должна служить историческая жизнь константинопольскихъ патріарховъ, такъ какъ «Византійскій патріархъ есть и царь для своего греческаго народа, и первосвященникъ для него»; кромѣ того, историкъ долженъ имѣть въ виду и отношенія турецкаго правительства къ христіанамъ. Первый отдѣлъ книги (стр. 26 — 84) посвященъ обзору источниковъ исторіи греко-восточной церкви послѣ паденія Византійской имперіи и критическимъ о нихъ замѣчаніямъ. Здѣсь обозрѣваются: I) послѣдніе византійскіе историки — Дука, Лаоникъ Халкохондиль и Гергій Франдзій; II) источники для изученія греческой церковной исторіи XV—XVI вѣковъ — *Historia Patriarchica*, изданная Мартиномъ Крузіемъ въ его *Turco-Graecia* (Basiliae. 1584); *Historia Politica Constantino-
poleos*, помѣщенная тамъ же, Акты Виртембергскіе, *Βυβλίον ἱστορικὸν Ἱεροῦεα* Монемвасійскаго (издано греческимъ ученымъ Саею), дневникъ (Гтефана Герлаха, венеціанскіе документы XV — XVI вѣковъ, изданные профессоромъ Ламанскимъ; III) источники для исторіи греческой церкви XVII вѣка — монументы Эймона (Аупон), акты іерусалимскаго собора 1672 года, *Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχεουσάντων* іерусалимскаго патріарха Досіея Нотары, церковная исторія Мелетія Аѳинскаго, *Χρονόγραφος* Кесарія Дапанте (издано Саею), труды Христофора Ангела, Рико, Эльснера и др.; IV) источники для изучения той же исторіи XVIII и XIX вѣковъ — *Ἱστορικὰ ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας* Макрея, труды Аванасія Комнина Ипсилантиса, Александра Элладія, Константина Икономоса, Маурера, епископа Порфирія Успенскаго, архимандрита Антонина и многихъ другихъ. Второй отдѣлъ книги имѣетъ предметомъ взаимныя отношенія Оттоманской Порты и подвластныхъ ей христіанъ греко-восточной церкви. Отдѣлъ состоитъ изъ трехъ главъ. Въ первой изъ нихъ (стр. 85 — 123), послѣ разсказа объ отношеніи къ христіанамъ завоевателя Византіи султана Магомета II, раскрываются отношенія Оттоманской Порты къ греческой іерархіи. Здѣсь анализируются султанскіе бераты о власти и правахъ константинопольскаго патріарха и прочихъ архіереевъ, говорится о такъ называемомъ третейскомъ судѣ патріаршемъ и епископскомъ, отношеніи патріарха къ славянскимъ народностямъ и прочее. Вторая глава (стр. 123—158) повѣствуетъ объ отношеніяхъ Оттоманской Порты къ христіанскому народу греко-восточной вѣры, какъ къ аристокрагії, такъ и къ низшимъ классамъ, а третья (стр. 158—181) — объ отношеніи іерархіи греко-восточной церкви и народа къ турецкому правительству. Въ этихъ главахъ сообщаются любопытныя свѣдѣнія о положеніи «райи» въ Турецкой имперіи и ея повинностяхъ (хараджъ и десятина съ христіанскихъ мальчиковъ), объ административно-политическомъ значеніи фанаріотовъ и драгомановъ изъ грековъ, о расположеніи нѣкоторыхъ патріарховъ къ турецкому правительству и служеніи ихъ турецкимъ интересамъ и прочее. Третій и самый обширный отдѣлъ труда профессора Лебедева (стр. 182 — 372) посвященъ константинопольской патріархіи и состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ. Опредѣливъ во введеніи (стр. 182—217) понятіе о патріархіи (въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ) и разсказавъ о первомъ — послѣ завоеванія Византіи — константинопольскомъ патріархѣ Геннадіи Схоларіи, профессоръ Лебедевъ въ первой главѣ (стр. 217—247) разсматриваемаго отдѣла говоритъ о константинопольской патріархіи въ интеллектуальномъ отношеніи, —

перечисляетъ и характеризуетъ всѣхъ болѣе образованныхъ патріарховъ XV—XIX вѣковъ, а также дѣлаетъ замѣчанія о лицахъ малообразованныхъ, занимавшихъ вселенскій престолъ за тотъ же періодъ времени. Вторая (стр. 247—301) и третья (стр. 301—340) главы разсматриваютъ нравственный обликъ, церковно-общественную дѣятельность, нестроенія и злоупотребленія константинопольской патріархіи въ XV—XIX вѣкахъ. Здѣсь по вѣкамъ отмѣчаются патріархи, извѣстные или высокою нравственною жизнью, или жизнью недостойною, указываются ихъ распоряженія касательно благоустройства церкви, описываются бѣдствія, которыя переносила константинопольская церковь отъ турецкихъ властей, и прочее. Наконецъ, четвертая глава (стр. 340—372) описываетъ матеріальное состояніе константинопольской патріархіи, — указываетъ средства содержанія патріарха и архіереевъ—доходы обычные и необычные, говоритъ о положеніи отставныхъ греческихъ іерарховъ и о казенномъ жалованьѣ высшему духовенству...

И краткій обзоръ содержанія книги профессора Лебедева показываетъ, что она достаточно обстоятельно повѣствуетъ о судьбахъ константинопольской патріархіи XV—XIX вѣковъ. Особого вниманія заслуживаетъ тщательное изученіе авторомъ литературы предмета, о которой онъ даетъ въ своей книгѣ цѣнные критическія замѣчанія. Все, что г. Лебедевъ нашелъ въ доступныхъ ему историческихъ памятникахъ, такъ или иначе утилизировано въ его книгѣ. Кромѣ богатства матеріала, книга имѣетъ извѣстную оригинальность, такъ какъ трактуетъ предметъ малоразработанный. И написана она языкомъ легкимъ и простымъ, такъ что можетъ имѣть и популярное употребленіе. При всемъ томъ трудъ профессора Лебедева не можетъ удовлетворить научно-образованнаго читателя. Книга его представляется нѣсколько поверхностной, такъ какъ разсматриваетъ лишь наиболѣе легкую и доступную сторону предмета. Профессоръ Лебедевъ шагъ за шагомъ слѣдуетъ за своими источниками и аккуратно отмѣчаетъ въ книгѣ лишь то, что находитъ въ этихъ послѣднихъ, механически дѣлая выборку матеріала и механически же вгоняя его въ заранее намѣченные рубрики. Получается работа добросовѣстная и, пожалуй, трудная, но механическая и мертвая, совсѣмъ не «профессорская». Труду профессора Лебедева не достааетъ творческой научной концепціи, не достааетъ глубины изслѣдованія и основательности аргументаціи. Книгу, подобную разсматриваемой, доступно написать и простому смертному, а отъ опытнаго и серьезнаго ученаго мы въ правѣ ожидать большаго. Но *faciant meliora potentes*, будемъ довольны и тѣмъ, что есть, имѣя въ виду новость и малоразработанность вопроса.

И. О.

Эдуардъ Дрюмонъ. Еврейская Франція. Очеркъ современной исторіи. Томъ I. Переводъ съ французскаго З. Н. Шульга. Изданіе И. Т. Г. К. Харьковъ. 1896.

Есть книги, талантливо написанныя и пользующіяся очень большою извѣстностью, которыя, однако же, не при всѣхъ условіяхъ заслуживаютъ перевода. Къ числу такихъ книгъ, по нашему мнѣнію, принадлежитъ и *La France juive*,

essai d'histoire contemporaine Дрюмона¹⁾). При своемъ выходѣ въ свѣтъ въ 1886 г. она произвела шумъ почти безпримѣрный и не только по своей тенденціи и крайней рѣзкости тона, но и по массѣ яркихъ, искусно подобранныхъ фактовъ и по талантливости ихъ освѣщенія и изложенія. Двѣ дуэли автора, которыя были ея послѣдствіемъ, еще болѣе усилили популярность книги, и, мы думаемъ, въ то время не было ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, ни одного общаго періодическаго изданія, которое не посвятило бы ей хоть нѣсколькихъ строкъ. Еслибъ въ то время появился хорошій русскій переводъ Іудейской Франціи, издатель котораго могъ бы снабдить его примѣчаніями и въ нихъ объяснить намеки, понятныя только соотечественникамъ Дрюмона, онъ былъ бы далеко не лишнимъ и нашелъ бы многихъ читателей между людьми, заинтересовавшимися книгою черезъ посредство газетныхъ отчетовъ и выписокъ. Но книга эта при всей талантливости и начитанности автора все-таки же памфлетъ, а памфлеты, даже самые удачныя, если имъ не придана художественная форма, бывають крайне недолговѣчны, и за 10 лѣтъ книга Дрюмона успѣла потерять не половину, а чуть ли не девять десятыхъ своего интереса. Теперь можетъ стремиться подробно познакомиться съ нею только человѣкъ, специально интересующійся или еврейскимъ вопросомъ или личностью ея автора, а такой специалистъ, конечно, не затруднится прочесть ее въ оригиналѣ. Если З. Н. Шульгъ (или Шульга?) и издатели И. Т. Г. К. полагають, что они оказали большую услугу русской публикѣ, то, по нашему мнѣнію, они жестоко ошибаються, тѣмъ болѣе, что переводъ книги очень плохъ, а изданіе и того хуже. Чуть не на всякой страницѣ читатель встрѣчаетъ выраженія и слова въ родѣ: кочанъ кукурузы (стр. 19), гусыня (тамъ же), юркая головка (стр. 26), страна клентовъ (стр. 49), онъ (Людовикъ Святой) хотѣлъ узнать, какое зло начало побуждать евреевъ дѣлать ихъ предметомъ всеобщей ненависти (стр. 114) и пр., и такія прелести корректуры, какъ *Revue des deux Mondes* (стр. 46), *Gougnades Débats* (стр. 51), увидите (стр. 49), ступайти (стр. 70), презреніе (стр. 50), мѣжду (стр. 51), герои «Австріи» (стр. 105, очевидно, вм. герои «Астреи»); не знаемъ, впрочемъ, на кого возложить отвѣтственность за эту «Австрію»; не на переводчика ли, который пожелалъ исправить французскій текстъ?) и т. д. и т. п. Нечего и говорить о несчастныхъ знакахъ препинанія и переносахъ словъ.

Вслѣдствіе такого перевода и такой корректуры на каждой страницѣ встрѣчаются мѣста, крайне трудныя для пониманія, а часто и совершенно непонятныя. Между тѣмъ, сколько помнимъ, книга Дрюмона написана замѣчательно легкимъ и яснымъ языкомъ. Конечно, ни переводчикъ, ни издатели не потрудились объяснить намеки автора и снабдить его книгу какими бы то ни было собственными примѣчаніями. Да и слава Богу!

А. К.—въ.

¹⁾ Эд. Адольфъ Дрюмонъ (Drumont), журналистъ, драматургъ, романистъ и историкъ, род. 3 мая 1844 г.

Матеріалы для очерка служебной дѣятельности Шидловскихъ въ Слободской Украинѣ, 1696—1727 гг., собранные и изданные С. И. Шидловскимъ. Спб. 1896.

Матеріалы, изданные С. И. Шидловскимъ, извлечены главнымъ образомъ изъ архива морскаго министерства и частью изъ архива департамента герольдіи правительствующаго сената, исключительно съ цѣлью пополненія семейнаго архива свѣдѣніями о личности и службѣ бывшаго въ началѣ XVIII вѣка начальникомъ надъ слободскими полками генераль-маіора Ѳ. В. Шидловскаго. Такою цѣлью изданія въ значительной мѣрѣ опредѣляется характеръ и степень важности вошедшихъ въ него документовъ, имѣющихъ преимущественно значеніе для исторіи рода Шидловскихъ и даже одной личности изъ этого рода. Но, кромѣ этого, нельзя отрицать, чтобы документы не имѣли болѣе общаго значенія, объясняемаго той ролью, которую пришлось играть генералу Шидловскому въ исторіи Слободской Украины. Стольникъ Ѳедоръ Владиміровичъ Шидловъ, назвавшій себя (благодаря модному въ началѣ XVIII вѣка стремленію малороссійскихъ дворянъ переименовывать свои фамиліи на польскій ладъ) Шидловскимъ, командовалъ пюмскимъ и харьковскимъ полками, а поэтому въ его рукахъ сосредоточивалось почти все управленіе Слободской Украиной; дѣло было крайне сложное, такъ какъ рядомъ съ административными заботами мирнаго характера приходилось постоянно думать и о внѣшней безопасности управляемой области, подвергавшейся постояннымъ нападеніямъ крымскихъ татаръ. Къ военной защитѣ нужно было прибѣгать и противъ своихъ домашнихъ враговъ, казаковъ-булавиццевъ и запорожцевъ; дѣйствія Шидловскаго отличались всегда рѣшительностью и заслужили ему благодарность Петра Великаго, но успѣшная его служба была неожиданно прервана, благодаря тому, что онъ принялъ участіе въ коммерческихъ предпріятіяхъ кн. Меншикова и отписалъ за него извѣстное Почепское имѣніе. Можно такого рода дѣйствіе объяснить или желаніемъ подслужиться Меншикову или, какъ предполагаетъ издатель документовъ, только исполненіемъ приказанія всесильнаго временщика, но, какъ бы то ни было, это незаконное дѣяніе навлекло кару не только на самого Ѳ. В. Шидловскаго, но и на его родичей, которые лишились своихъ должностей и даже имѣній.

Напечатанные въ настоящей книгѣ документы сообщаютъ много интересныхъ данныхъ для изложенной нами коротко исторіи дѣятельности Шидловскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ служить хорошимъ матеріаломъ для характеристики хозяйственнаго быта зажиточныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ начала XVIII вѣка; въ этомъ отношеніи особенно важными представляются описи имуществъ Ѳ. В. Шидловскаго. А. В.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Часть вторая. Письма къ разнымъ лицамъ 1858—1886 гг. Изданіе Императорской Публичной библіотеки. Спб. 1896.

Чрезвычайно интересное изданіе, чрезвычайно неряшливое изданіе представляетъ собою настоящій томъ переписки Аксакова, выпущенный въ свѣтъ Публичной библіотекой. Полученныя въ даръ богатая переписка и бумаги покой-

наго московскаго общественнаго дѣятеля изданы администраціей библиотеки, щеголяющей ежегодно своими роскошно напечатанными «отчетами» съ ихъ любопытными «приложеніями», всегда снабженными богатыми примѣчаніями и указаціями, на которыхъ видны слѣды заботливой и попечительной руки. Ничего подобнаго не замѣчается въ изданіи «писемъ» Аксакова: ихъ собрали въ хронологическомъ порядкѣ, отдали въ типографію и выпустили въ печатномъ видѣ безъ всякихъ примѣчаній, поясненій и... съ плохо продержанной корректурой. Если еще возможно простить дефекты по редакціи, то корректурные дефекты по изданію совершенно непонятны со стороны такого учрежденія, какъ Публичная бібліотека, по своему назначенію являющаяся представительницей грамотности и просвѣщенія.

Письма Ив. С. Аксакова имѣютъ чрезвычайное значеніе для исторіи русскаго общества, для исторіи нашего умственнаго развитія. Его отношенія къ М. Ѳ. Раевскому, къ Н. П. Гилярову-Шатову, къ Н. И. Костомарову полны общественнаго значенія, полны фактовъ и характерныхъ чертъ какъ для жизнеописаній личностей корреспондентовъ, такъ и для нарисованія бытовой и политической картины Россіи за цѣлую четверть вѣка. Въ приложеніяхъ къ изданію заслуживаютъ вниманія выдержки изъ «Дневника» Вѣры Сергѣевны и «Замѣтокъ» Любови Сергѣевны Аксаковыхъ, сестеръ Ивана Сергѣевича, гдѣ мы находимъ интересныя свѣдѣнія о послѣднихъ минутахъ жизни главы славянофильства, Константина Сергѣевича Аксакова, за границей. Повѣствованіе объ этихъ послѣднихъ минутахъ воистину волнуетъ читателя и рельефно рисуетъ намъ образъ Константина Сергѣевича, какимъ мы знаемъ его по его сочиненіямъ и пламеннымъ стихамъ. «Часу въ первомъ, когда онъ перешелъ на свой диванъ, началось тяжелое дыханіе и забытѣе. Онъ началъ говорить что то и съ большимъ усиліемъ и съ большими промежутками. Звалъ Вѣру, Ивана — и, открывъ глаза, увидѣлъ, что маменька разстроена, — онъ просилъ не смущать его, что ему нужно спокойствіе, и просилъ всѣхъ отойти. Потомъ позвалъ Ивана и сказалъ ему между прочимъ, всего нельзя было разобрать: «Уважай маменьку больше всѣхъ людей». Потомъ сказалъ: «Я никакъ этого не ожидалъ, это было для меня совершенной неожиданностью, но все равно». Потомъ: «я успѣлъ исповѣдаться и причаститься, слава Богу но я получилъ поддержку на причастіе». Вѣра сказала на это: «Богъ милостивъ, Константинъ». Онъ отвѣтилъ: «Богъ милостивъ, но что бы то ни было, все будетъ милость и воля Божія. Я во время причастія, боюсь за Вѣру!» Потомъ слышно было: «Доктор!... О Россія, Россія!... Но все равно... Православіе распространится по всѣмъ»... Потомъ онъ все говоритъ о Надечкѣ и Сонечкѣ, но онѣ амбаркадировались въ Одессѣ, чтобы соединиться съ нами; потомъ, что онѣ пріѣхали, и спрашивалъ, отчего онѣ не идутъ, а когда Вѣра сказала, что ихъ нѣтъ здѣсь, онъ сказалъ: «я ихъ сейчасъ видѣлъ!» Потомъ все говорилъ, что мы плывемъ назадъ на пароходѣ, и когда увидѣлъ, что этого не было, сказалъ: «зачѣмъ же вы меня обманываете!» «Я вижу сонмъ апостоловъ и самъ я посреди ихъ, но мнѣ никогда не сравнятся съ ними! Божественный Алексѣй Степановичъ ¹⁾!

¹⁾ Хомяковъ.

Мы соединены семейною любовью; но любовь дѣтей къ родителямъ—это выше всего». «Я хотѣлъ бы передать свои мысли о бракѣ, какъ въ бракѣ дѣти даютъ ему полное значеніе—судьба вырвала перо изъ рукъ!»

«Онъ часто звалъ Ивана и безпрестанно говорилъ: «о Вѣра! Вѣра!» Нѣсколько разъ, когда маменька подходила, онъ просилъ отойти, говоря: «Вы знаете, что мнѣ теперь необходимо спокойствіе!» Потомъ говорилъ: «Уважайте Вѣру во всей строгости!» Потомъ сказалъ разъ: «Страшно!» Нѣсколько разъ крестился. Къ Вѣрѣ и Ивану обращался нѣсколько разъ съ ласковыми словами и цѣловалъ Вѣрину руку. Мнѣ сказалъ: «Ты переилыла воду для маменьки!» Я отвѣчала: «И для тебя, Константинъ!» Онъ возразилъ: «Знаю, но главное для маменьки—это-то мнѣ пріятно». Потомъ сказалъ пофранцузски: *Je voudrais écrire, mais le sort m'empêche*. Затѣмъ онъ сталъ какъ-то спокойнѣе, поцѣловалъ у маменьки руку и сказалъ «теперь мнѣ спокойнѣе». Потомъ что говорилъ—трудно было понять, только можно было разобрать три раза повторяемые: «аллилуйя!». Заслуживаетъ вниманія въ настоящемъ томѣ писемъ полемическая переписка Ив. Серг. Аксакова съ Н. И. Костомаровымъ по малороссійскому вопросу, гдѣ мы находимъ обстоятельное изложеніе политическаго *profession de foi* двухъ выдающихся дѣятелей нашей литературы. В. Г.

Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Часть III. Съ 1 января 1846 по 20 марта 1850 г. Спб. 1896.

Третій томъ дневника епископа Порфирія Успенскаго такъ же, какъ и два изданныхъ раньше, переноситъ насъ на востокъ. Ученый, наблюдательный и трудолюбивый епископъ, въ то время архимандритъ, Порфирій живо интересовался не только современнымъ ему востокомъ, но и его стариной. Куда бы онъ ни пріѣзжалъ, онъ тщательно ознакомивался со всеми мѣстными достопримѣчательностями, осматривалъ монастыри, списывалъ здѣсь рукописи, отыскивалъ надписи, разсматривалъ старинныя иконы и обо всемъ этомъ тщательнѣйшимъ образомъ заносилъ въ свой дневникъ. Вслѣдствіе этого дневникъ его представляетъ собой громадный интересъ для всякаго, кто интересуется восточной археологіей и стариной, и во многихъ случаяхъ долженъ имѣть значеніе первоисточника.

Больше всего матеріала, однако, даетъ этотъ дневникъ для характеристики восточнаго православнаго духовенства. Такъ же, какъ и въ двухъ предшествовавшихъ томахъ, передъ глазами читателя проходятъ безнравственные и корыстолюбивые патріархи и митрополиты, содержащіе на получаемыя отъ паломниковъ пожертвованія—«герондиссъ» и коконъ, также точно попадаютъ факты пренебрежительнаго отношенія къ святынямъ, къ которымъ съ такимъ благоговѣніемъ относятся всѣ искренно вѣрующіе христіане. Для примѣра укажемъ хотя бы на тогъ, что, по словамъ епископа Порфирія, надъ часовней гроба Господня помѣщался въ его время женскій гаремъ, изъ котораго затворницы имѣли возможность смотрѣть въ ротонду гроба Господня и нерѣдко бросали туда лимонныя и апельсиныя корки. Цѣлый рядъ фактовъ свидѣтельствуетъ о корыстолюбіи и невѣжествѣ греческаго духовенства, которое находится въ постоянной

враждѣ съ представителями другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и возбуждаетъ такую же вражду между поклонниками православными и католиками, подстрекая ихъ сплошь и рядомъ къ дракамъ. По непонятному для насъ соображенію, епископъ Порфирій, неодобрительно относящійся къ отдѣльнымъ представителямъ греческаго духовенства, въ то же время чрезвычайно симпатизируетъ организаціи этого духовенства и его отношеніямъ къ простому народу. Главную причину такого отношенія онъ видитъ въ томъ, что на востокѣ нѣтъ «поповскаго сословія», нѣтъ касты, что тамъ духовныя лица выбираются мірянами изъ своей среды. Несомнѣнно, что патріархальныя, простыя и довѣрчивыя отношенія между народомъ и ихъ пастырями—черта волюнті симпатичная, но не думаемъ, чтобы она была результатомъ избирательнаго начала. Думаемъ, что главную роль здѣсь играетъ общее угнетеніе турками и нисколько не превышающая народнаго уровня образованность, или, вѣрнѣе, невѣжество, греческаго духовенства. Какъ бы тамъ ни было, но требованіе замѣнить священниковъ-семинаристовъ священниками выборными изъ нравственныхъ и грамотныхъ крестьянъ намъ кажется лишь страннымъ увлеченіемъ со стороны епископа Порфирія, совершенно забывшаго, что большинство нашихъ крестьянъ безграмотно. Безспорно, что всякая каста—вредна, но для ея упраздненія совершенно излишне замѣнять сколько нибудь образованныхъ священниковъ—малограмотными. Для этого достаточно было бы, закрывъ академіи и семинаріи, давать священникамъ общее образованіе въ спеціальныхъ богословскихъ факультетахъ, которые могли бы быть учреждены при каждомъ университетѣ. Въ общемъ, однако, высказанныя епископомъ Порфиріемъ мысли по этому вопросу заслуживаютъ вниманія, несмотря на то, что высказаны онѣ почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на фактъ, стоящій совершенно особнякомъ, но тѣмъ не менѣе заслуживающій вниманія. Фактъ этотъ разъясняетъ происхожденіе извѣстнаго «святаго огня», появляющагося въ великую субботу на гробѣ Господнемъ. Епископъ Порфирій рассказываетъ, что египетскій паша Ибрагимъ задумалъ однажды удостовѣриться, дѣйствительно ли этотъ огонь является чудесно или же зажигается сѣрной спичкой. Для этого онъ объявилъ намѣстникамъ патріарха, что ему угодно сидѣть въ самой кувукліи во время полученія огня и зорко смотрѣть, какъ онъ является, присококупивъ, что въ случаѣ правды онъ уплатитъ 2.500,000 піастровъ, если же нѣтъ, то онъ возьметъ всѣ деньги, собранныя съ обманываемыхъ паломниковъ, и напечатаетъ во всѣхъ газетахъ о мерзкомъ подлогѣ. Намѣстники сошлись посоветоваться, что дѣлать. Въ минуты совѣщанія намѣстникъ Мисаилъ сознался, что онъ въ кувукліи зажигаетъ огонь отъ лампады, скрытой за движущеюся мраморной иконой... Послѣ этого рѣшено было смиренно просить Ибрагима, чтобы онъ не вмѣшивался въ религіозныя дѣла, при чемъ посланный къ нему драгоманъ долженъ былъ разъяснить пашѣ, что для него нѣтъ никакой пользы открывать тайны христіанскаго богослуженія, и «что русскій императоръ Николай будетъ весьма недоволенъ обнаруженіемъ сихъ тайнъ». Съ этой поры святогробское духовенство перестало вѣрить въ чудесное явленіе огня и стало называть его не «святымъ огнемъ», какъ раньше, а «освященнымъ» (*ἁγιασμένον φῶς*).

Такого рода отдѣльныхъ эпизодовъ и фактовъ въ «Книгѣ бытія» найдется не мало. Не перечисляя ихъ, скажемъ только, что среди нихъ есть нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ, относящихся къ біографіи императоровъ Павла I и Александра I.

Настоящій томъ иллюстрированъ цѣлымъ рядомъ фототипическихъ снимковъ и снабженъ очень подробнымъ указателемъ. В. В.

А. Ф. графъ фонъ-Шаккъ. Исторія норманновъ въ Сициліи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. М. Соколова. Изданіе Л. Ф. Пантелѣва. Спб. 1896.

Въ этой книгѣ излагается одна изъ многочисленныхъ перипетій бурной исторіи острова Сициліи, обнимающая время отъ 1061 по 1194 годъ, то-есть съ небольшимъ полтора столѣтія, впродолженіе которыхъ островъ принадлежалъ норманнамъ. Воинственная вольница, главнымъ занятіемъ коей были разбойничьи набѣги на всѣ приморскіе народы Европы, успѣла только въ тѣхъ странахъ, гдѣ владычество ея было очень продолжительно, получить полную осядлость и обратиться отъ войны къ мирнымъ занятіямъ. Въ Сициліи же, гдѣ норманны всего черезъ сто пятьдесятъ лѣтъ послѣ своего водворенія были покорены Генрихомъ VI Гогенштауфеномъ, они почти все время оставались тѣми же безпашными воинами, которые съ незапамятныхъ временъ наполняли ужасомъ всю Европу, а потому исторія ихъ господства въ Сициліи исполнена почти безпрерывными походами и войнами. Культура и цивилизація начали развиваться только при знаменитомъ королѣ сицилійскомъ Вильгельмѣ II, черезъ пять лѣтъ послѣ смерти котораго его королевство пало, а потому въ общемъ ходѣ европейской исторіи эта культура не занимаетъ никакого, даже второстепеннаго мѣста. На этомъ основаніи отъ автора исторіи норманновъ въ Сициліи трудно требовать чего либо другого, кромѣ добросовѣстнаго пересказа хроникъ норманскихъ лѣтописцевъ, старавшихся безъ единого пропуска занести на страницы своихъ писаній всѣ походы и битвы, которые выпадали на долю ихъ соотечественникамъ. Такихъ битвъ было очень много, а потому и не удивительно, что въ трудѣ Шакка мы насчитываемъ болѣе трехсотъ страницъ.

Все свое сочиненіе онъ раздѣлилъ на введеніе и семь книгъ. Во введеніи авторъ вкратцѣ знакомитъ насъ съ первоначальной исторіей норманновъ, ихъ походами и поселеніями въ Апулію, Исландію и Нормандію. Едва ли мы ошибемся, сказавъ, что это — наиболѣе интересная часть всей книги, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ авторъ провѣряетъ достовѣрность данныхъ объ открытіи норманнами Америки за много столѣтій до Колумба. Что исландскіе мореплаватели побывали въ Америкѣ, это Шаккъ признаетъ несомнѣннымъ; но онъ не совсѣмъ довѣряетъ тому, чтобы они могли проникнуть на югъ дальше Новой Шотландіи, или даже устья рѣки св. Лаврентія. Вся остальная часть книги посвящена исторіи норманновъ собственно въ Сициліи и представляетъ изъ себя голый перечень фактовъ, имѣвшихъ мѣсто на островѣ со времени завоеванія его Робертомъ Гвискармомъ до смерти послѣдняго короля Сициліи — Танкреда.

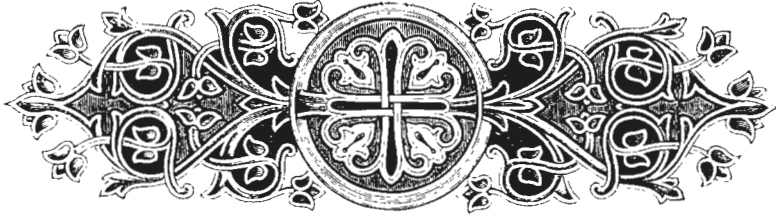
Вообще говоря, трудъ Шакка можетъ служить только полезнымъ пособіемъ для лицъ, специально занимающихся исторіей Итали и прилежащихъ къ ней острововъ, а потому болѣе чѣмъ страннымъ является выборъ его для перевода на русскій языкъ. Нѣмецкая литература настолько богата сочиненіями по всѣмъ отдѣламъ всеобщей исторіи, что человѣку, старающемуся распространять въ русскомъ обществѣ историческія познанія, представляется обширное поле для выбора потребной для этой цѣли книги. Припомнимъ хотя бы, что изъ гениальныхъ трудовъ величайшаго историка міра, творца и родоначальника объективнаго направленія въ исторической наукѣ, Леопольда Ранке, переведена на русскій языкъ очень небольшая часть. Шаккъ же по призванію даже не историкъ. Онъ всю жизнь посвятилъ изученію литературъ, по преимуществу испанской, португальской и нѣкоторыхъ восточныхъ. Во время своихъ путешествій, предпринимаемыхъ имъ для ознакомленія на мѣстѣ съ языками различныхъ народовъ, онъ еще въ ранней молодости заинтересовался исторіей государства норманновъ въ Сицили, и нынѣ только, по прошествіи слишкомъ сорока лѣтъ, нашелъ время отъ занятой литературой для того, чтобы изложить и издать эту исторію. Въ богатѣйшей исторической литературѣ его отечества трудъ Шакка представляетъ вполне естественное звено. Что же касается насъ, русскихъ, то при нашей бѣдности, при полномъ отсутствіи у насъ сносныхъ пособій по многимъ, очень важнымъ историческимъ вопросамъ, такой *embarras de richesse*, какъ исторія норманновъ, да еще только въ одной Сицили, является, пожалуй, нѣсколько лишнимъ.

Е. Лосский.

Памятная книжка Воронежской губерніи. Воронежъ. 1896.

Новый выпускъ «Памятной книжки» составленъ, по обыкновенію, чрезвычайно и полно и интересно: здѣсь и богатая, прекрасно разработанныя статистическія свѣдѣнія, и статьи экономическія, и литературно-научные очерки. Изъ статей экономическаго содержанія обращаетъ на себя вниманіе работа почтеннаго Ф. А. Щербинны, къ сожалѣнію, столь рѣдко появляющагося въ послѣднее время въ печати, подъ заглавіемъ «Рабочія силы крестьянскаго населенія Воронежской губерніи», а также статья г. Бичковскаго «Движеніе частной земельной собственности въ Воронежской губерніи съ 1859 по 1893 г.». Что касается литературнаго отдѣла, то здѣсь надлежитъ отмѣтить очерки: 1) М. А. Веневитинова— «Изъ Воронежской лѣтописи за 1696 г.», посвященный пребыванію Петра Великаго въ Воронежѣ и приготовленіямъ его къ второму Азовскому походу; любопытный опытъ Воронежской лѣтописи составленъ на основаніи документовъ Воронежскаго архива въ печатныхъ изданіяхъ Второва, Александрова-Дольника, Яворскаго, Вейнберга и Децуле, а также на основаніи дневника Гордона, исторіи Устрялова и Исторіи русскаго флота Елагина; 2) Н. П. Поликарпова, «Историческая записка о Воронежскомъ губернскомъ музеѣ»; 3) Е. Л. Маркова, «Донская Бесѣда и сосѣднія ей древнія урочища Дона; путевыя замѣтки», посвященная изслѣдованію таинственной и малозвѣстной дотолѣ мѣстности на берегу Дона.

Н. П.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АБОЧІЕ ВЪ ОИВАХЪ при фараонахъ и въ Римѣ со времени паденія Западно-Римской имперіи. Область историческихъ трудовъ все болѣе и болѣе расширяется, и въ послѣднее время стали часто появляться монографіи по экономическимъ вопросамъ съ исторической точки зрѣнія. Такъ недавно вышло два интересныхъ сочиненія на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ объ исторіи рабочихъ и ихъ корпорацій въ двухъ историческихъ центрахъ древняго и новаго міра: въ Оивахъ и Римѣ. Первая книга принадлежитъ ученому перу нѣмецкаго профессора Шпигельберга ¹⁾

и состоитъ изъ краткаго, но обстоятельнаго очерка того, какъ жили и трудились рабочіе въ Оивахъ во времена XIX и XX египетскихъ династій, на основаніи недавно открытыхъ египетскихъ папирусовъ. Авторъ рассказываетъ о частыхъ болѣзняхъ рабочаго люда, который изнурялся тяжелымъ трудомъ въ гробницахъ фараоновъ, объ ихъ грамотности и нравственномъ уровнѣ, объ ихъ корпораціяхъ и стачкахъ, которыя составлялись, однако, не съ цѣлью возвышенія заработной платы, а для полученія удерживаемаго обманнымъ образомъ жалованья, наконецъ осмѣлыхъ и мужественныхъ рѣчахъ въ защиту своихъ правъ. Впрочемъ смѣлость нѣкоторыхъ изъ оивскихъ рабочихъ обнаруживалась не только въ словахъ, но и въ дѣлахъ; такъ нѣмецкій ученый полагаетъ, и не безъ основанія, что мы обязаны сохраненіемъ царственныхъ мумій, недавно открытыхъ въ Деръ-ель-Багари, святотатственнымъ кражамъ, которыя совершались въ гробницахъ фараоновъ рабочими, доведенными голодомъ до отчаянія. Если мы перейдемъ къ новѣйшему труду о римскихъ рабочихъ, то увидимъ, что его авторъ Родоконаки²⁾ посвя-

¹⁾ Arbeiter und Arbeiterbewegung im Pharaonenreich unter den Ramessiden. Von W. Spiegelberg. Strassburg. 1896.

²⁾ Les corporations ouvrières à Rome depuis la chute de l'empire Romain, par E. Rodocanachi. 2 vol. Paris. 1896.

тилъ два большихъ тома историческому и экономическому изученію всѣхъ многочисленныхъ рабочихъ корпорацій, существовавшихъ въ Римѣ не въ древности, а въ новомъ мірѣ, начиная съ паденія Западно-Римской имперіи. Это любопытное изслѣдованіе тѣмъ замѣчательнѣе, что матеріалами его служили не напечатанныя рукописи. Въ первой главѣ, служащей введеніемъ и представляющей общій абрисъ корпоративнаго устройства римскихъ рабочихъ, Родоконаки задаетъ себѣ очень интересный и важный вопросъ, именно, какимъ образомъ корпорація рабочихъ и ремесленниковъ процвѣтала и достигли рѣдкой степени совершенства въ такомъ городѣ, какъ Римъ, гдѣ, повидимому, всѣ условія этому противодѣйствовали. «Въ средніе вѣка, говоритъ онъ, Римъ былъ всѣмъ, чѣмъ угодно, только не богатымъ и не промышленнымъ городомъ. Чужестранцевъ всего болѣе поражали его бѣдность, грязный видъ улицъ, разрушеніе памятниковъ и грубость жителей. Роскошь была почти неизвѣстна. Классъ дѣятельныхъ, энергичныхъ гражданъ, которые роскошно жили въ богатыхъ домахъ и придавали могущество городамъ сѣверной Италии, вовсе не существовалъ въ Римѣ, который исключительно былъ городомъ дворянъ и патеровъ. Между аристократіей и народомъ не существовало посредствующаго элемента. Въ то время, какъ Миланъ, съ его блестящимъ дворомъ и двумястами тысячъ жителей, равнялся по великолѣпію Парижу, Флоренція славилась, какъ центръ искусства и роскоши, набережныя и лавки Венеціи пестрѣли восточными богатствами, а Неаполь велъ веселую, разгульную жизнь, — папская столица отличалась бѣдностью и грубостью». Поэтому очень странно, что при подобныхъ условіяхъ въ городѣ съ неразвитой промышленностью, съ обычаями, прямо противорѣчащими процвѣтанію торговли, съ зловредной системой налоговъ и постоянной опекой правительства, вмѣшивавшагося во всякую мелочь, — торговля, ремесленные и рабочія корпораціи не только не вымерли, но достигли значительнаго развитія. Для объясненія этого непонятнаго факта Родоконаки ссылается на двѣ причины: на корпоративный инстинктъ римлянъ, унаслѣдовавшихъ его отъ своихъ предковъ, и на хитрую политику Ватикана. Относительно перваго вопроса исторія римскихъ корпорацій новаго міра начинается съ XIII вѣка, когда уже существовала корпорація такъ называемыхъ mercantі. Естественно тогда возникаетъ вопросъ, какое отношеніе имѣла эта корпорація къ древне-римской корпораціи *fabri*, которая сначала подвергалась правительственному преслѣдованію, а потомъ была строго урегулирована при императорахъ. На этотъ вопросъ Родоконаки не даетъ опредѣленнаго отвѣта, да и трудно его дать въ виду недостаточныхъ свѣдѣній по этому предмету, но во всякомъ случаѣ извѣстно, что подобныя организаціи существовали въ сѣверной и центральной Италии, а два или три документа подтверждаютъ, что ихъ можно было найти и въ Римѣ. До насъ дошелъ, напримѣръ, документъ 1030 года о поставкѣ различныхъ предметовъ ортоланами (*ortolani*), которые составляли корпорацію земледѣльцевъ и садовниковъ. Подобныя ассоціаціи долго довольствовались словесными правилами, но въ XIII вѣкѣ уже являются письменные уставы, и для составленія ихъ члены римскихъ корпорацій собирались въ церкви св. Сальватора, гдѣ и были созданы первыя письменныя правила. Послѣ того уставы различныхъ корпорацій передѣлывались и наконецъ въ 1421 году, подъ по-

кровительствомъ паны Мартина, былъ составленъ окончательный уставъ корпораціи mercanti или торговцевъ, которая тогда заключала въ себѣ тринадцать различныхъ ремеслъ; изъ нихъ главные были ткачи и скотоводы. Эта могущественная корпорація дѣлилась на два класса: къ первому принадлежали tagliatori, или члены древнихъ фирмъ, исключительно пользовавшихся всѣми привилегіями, а ко второму—franciatori, или мелкая сошка. Булочники и другіе мелкіе торговцы съѣсными припасами, повидимому, не принадлежали къ mercanti, отъ которыхъ, съ конца XIV столѣтія, стали мало-по-малу отпадать одни ремесла за другими. Въ то же время начали возникать новыя корпораціи, которыя въ послѣдующіе два вѣка все болѣе и болѣе распространялись, а въ 1620 году въ Римѣ было 5578 мастерскихъ съ 6609 мастерами и 17584 учениками или рабочими, принадлежавшими къ различнымъ корпораціямъ. Описывая внутренніе порядки этихъ корпорацій, Родоконаки особенно рельефно выставляетъ на видъ постоянное вмѣшательство въ ихъ дѣла папской власти, которая не только регулировала ихъ привилегіи въ отношеніи къ публикѣ, но и простирала свою руку на ихъ внутреннюю жизнь со всѣми ея мелочами. Между прочимъ одна корпорація tabaccari ed aquavitari, т. е. табачниковъ и водочниковъ, имѣла самое странное устройство, именно члены ея не были самостоятельными торговцами и работниками, а просто слугами назначаемаго папой монопольнаго распорядителя производства и продажи какъ табаку, такъ и крѣпкихъ напитковъ.

— Французская Лукреція Борджіа. Въ то самое время, когда нѣмецкіе историки стараются облѣпить Лукрецію Борджіа, французскій беллетристъ Вильеръ-де-Лиль-Адамъ, въ посмертномъ очеркѣ, напечатанномъ въ первой августовской книжкѣ Nouvelle Revue ¹⁾, рисуетъ широкой кистью портретъ французскаго прототипа знаменитой итальянки XV столѣтія—Изабеллы, или, какъ французы ее называютъ, «Изабо Баварской», жившей въ XIV вѣкѣ. Эта «большая карга» (la grande gaure), какъ ее называлъ весь народъ, жила въ самую плачевную эпоху французской исторіи, когда король Карлъ VI былъ сумасшедшій, князья и вельможи раздирали страну междоусобіями, англичане царили въ сѣверныхъ городахъ, а народъ бѣдствовалъ подъ игомъ всевозможныхъ податей и налоговъ. Несмотря на всѣ эти элементы гибели, величайшимъ зломъ для Франціи были не англичане, не междоусобія, не разореніе казны, не налоги, сосавшіе кровь народа, а королева, правившая страной въ качествѣ регентши. Чужестранка, именно дочь баварскаго герцога Стефана II, Изабелла вышла замужъ за Карла VI на шестнадцатомъ году и отличалась не только необыкновенной красотой, но и распутствомъ греческихъ куртизанокъ и римскихъ императрицъ. Сдѣлавшись регентшей по случаю болѣзни короля, она нимало не думала о государствѣ, входила въ самыя постыдныя сдѣлки съ англичанами, и вся ея политика заключалась въ безумной погонѣ за удовольствіями и удовлетвореніемъ своего сладострастія, доходившаго до патологическихъ безобразій. Несчастныя жертвы ея преступной любви большею частью платили жизнью за кратковременное физическое упоенье, и хотя трудно сосчитать всѣхъ ея фаво-

¹⁾ Isabella de Bavier, par Villiers de l'Isle-Adam. Nouvelle Revue, août.

ритовъ, но главнѣйшіе изъ нихъ были: герцогъ Людовикъ Орлеанскій, убитый Раулемъ Гокетонвилемъ, герцогъ Бургундскій Іоаннъ Безстрашный, погибшій отъ руки Талеги-дю-Шателя, Лурденъ де Салими, отравленный во Фландріи, де Буа-Бурдонъ, умершій въ страшной пыткѣ, Вильерь-де-Лиль-Адамъ, зарѣзанный въ Брюгенѣ, и «видамъ» (намѣстникъ архіепископа) Мольскій, чудомъ избѣгшій казни, но умершій въ изгнаніи. Исторія послѣднихъ трехъ любимцевъ Изабо особенно драматична, и Вильерь-де-Лиль-Адамъ, потомокъ одного изъ нихъ, очень трагически рассказываетъ ихъ любовь и плачевную ея развязку. Молодой красивый «видамъ» понравился Изабеллѣ 1384 г., когда она находилась въ апогеѣ своей красоты и сладострастныхъ похожденій, но не долго пользовался милостями. Узнавъ, что ея фаворитъ держалъ въ пьяномъ видѣ пари, что онъ овладѣетъ первой красавицей, дочерью придворнаго серебрянника Ескабала, она поклялась ему отомстить. Однажды онъ проводилъ ночь съ королевой, и среди самыхъ сладострастныхъ ласкъ она вдругъ сказала: «смотри въ окно, пожаръ около Лувра. Ужъ не горитъ ли это домъ Ескабала, дочь котораго ты хотѣлъ украсть во время пожара, чтобъ выиграть пари?» Молодой красавецъ открылъ глаза и увидалъ на небѣ пурпурное зарево. — «Что вы говорите, Изабо? — отвѣчалъ онъ: — если я и держалъ такое пари, то лишь для того, чтобъ отвлечь вниманіе отъ нашей любви». «Ты объясни это не мнѣ, а палачу, который будетъ четвертовать тебя надняхъ на Гревской площади, мой милый поджигатель», — промолвила королева, покрывая его страстными поцѣлуями. Онъ отвѣчалъ на ея ласки еще болѣе пламенными ласками и среди нихъ весело пошутить. «Но вѣдь надо еще доказать мое преступленіе». — «А можешь ты доказать, сколько разъ я тебя поцѣловала! — воскликнула красавица, сжи мая его въ своихъ объятіяхъ: — но, впрочемъ, голубчикъ, не трудно доказать твою виновность. Никто болѣе тебя не могъ бы извлечь пользы изъ этого пожара. Вѣдь всѣ знаютъ о твоёмъ пари. Къ тому же ты не можешь сказать, гдѣ ты былъ въ эту ночь». — «Какъ я не могу сказать, гдѣ я былъ въ эту ночь?» — произнесъ юноша въ какомъ-то забытій. — «Ахъ, ты, ребенокъ, развѣ ты можешь сказать, что былъ въ объятіяхъ королевы!» — воскликнула Изабелла и крѣпко прижалась къ нему своимъ чуднымъ, соблазнительнымъ тѣломъ. Красавецъ все забылъ въ страстномъ упоеніи, но на другой день его арестовали, предали суду и приговорили къ четвертованію, какъ поджигателя, потому что онъ не могъ доказать своего alibi. Только чудомъ спасся онъ отъ смерти; его защитникъ помогъ ему бѣжать, въ своей адвокатской одеждѣ, а самъ занялъ его мѣсто въ тюрьмѣ, надѣясь, что эта продѣлка пройдетъ ему даромъ, но королева пришла въ такую ярость, что приказала казнить защитника вмѣсто своего фаворита, а сама хладнокровно замѣнила его новымъ красавцемъ. Однимъ изъ ближайшихъ его наслѣдниковъ въ любви Изабеллы былъ де-Буа-Бурданъ, также красивый юноша, славившійся своими побѣдами надъ женскими сердцами и многочисленными дуэлями. Королева обратила на него вниманіе, назначила его комедантомъ Венсеня и заперлась съ нимъ въ этомъ замкѣ. Счастливый любимчикъ такъ зазнался отъ выпавшаго на его долю счастья, что однажды, встрѣтивъ короля съ конетаблемъ, графомъ Арманьякомъ, не поклонился ему. Конетабль велѣлъ его задержать, что и было сдѣлано послѣ того, какъ онъ

убилъ двухъ человекъ. При обыскѣ его, нашлось письмо королевы, которое привело въ ярость короля, несмотря на слабость его умственныхъ способностей. Несчастнаго Буа-Бурдана подвергли пыткамъ, и онъ, не сознавшись въ своихъ отношеніяхъ къ королевѣ, умеръ среди ужасныхъ страданій. Его тѣло зашили въ кожаный мѣшокъ съ надписью: «Дорогу правосудію короля», и бросили въ Сену. Письмо королевы было прочитано всенародно при звукахъ трубъ на парижскихъ улицахъ, а Изабеллу подвергли заключенію въ Турфъ именемъ короля. Но она недолго тамъ оставалась, и ее выручилъ оттуда Іоаннъ Безстрашный, который пользовался ея милостями въ разныя времена, и перебравшись въ Труа, она объявила себя королевой, Божіею милостіею. Вскорѣ при тамошнемъ дворѣ появился баронъ Вильеръ-де-Лиль-Адамъ, извѣстный своимъ легкомысліемъ и удивительной храбростію; онъ принялъ сторону Изабеллы противъ конетабля, который распространялъ о немъ гнусную клевету о продажѣ будто бы англичанамъ города Понтуаза, и поклялся, что не ляжетъ въ постель, прежде чѣмъ не вырѣжетъ своимъ мечемъ на груди конетабля красного креста Бургундіи. Вскорѣ любовь къ Изабеллѣ присоединилась къ его чувству мести, и онъ въ порывѣ двойной страсти бросился къ Парижу съ небольшимъ отрядомъ, въ которомъ находилась королева. Парижане были такъ возмущены противъ жестокости графа Арманьяка, что отворили ворота молодому смѣльчаку. Три дня продолжалась самая ужасная рѣзня при заревѣ пожаровъ, и, отыскавъ Арманьяка, Лиль-Адамъ исполнилъ свою клятву. Когда Парижъ былъ усмиренъ, а юный герой произведенъ въ маршалы, Изабелла позволила ему лечь въ постель, но не уже не одному. Этотъ новый фаворитъ не избѣжалъ роковой судьбы на равнѣ со всѣми другими любимцами Изабеллы, и она продолжала долго мѣнять ихъ, какъ перчатки, а когда наконецъ умерла пятидесяти лѣтъ, всѣми брошенная, презираемая, то никто не вспомнилъ ее добрымъ словомъ.

— Раздѣленіе Нидерландъ на республику и на испанскія провинціи. Исторія отпаденія отъ Нидерландской республики южныхъ провинцій этой страны и примиреніе ихъ съ Филиппомъ II по Арасскому трактату, въ то самое время, когда сѣверныя провинціи окончательно сплотились въ силу Утрехтскаго союза, — составляла до сихъ поръ довольно темную страницу, хотя и существовали объ этомъ эпизодѣ труды историковъ Гамара, Піо, Кервина-де-Легенгова, Миллера, Дигерика и Деккера. Поэтому тейлорское общество въ Гарлемѣ вполне правильно назначило премію за лучшее сочиненіе по этому предмету, и профессоръ Гренингенскаго университета Бусемакеръ, послѣ долгаго изученія подлинныхъ документовъ, относящихся до означенной эпохи въ исторіи Голландіи, написалъ объемистый трудъ, удостоенный золотой медали ¹⁾. Въ своей книгѣ, на голландскомъ языкѣ, Бусемакеръ рассказываетъ очень живо и обстоятельно, на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ въ Симанкскомъ и Бельгійскихъ архивахъ, тѣ мотивы, которые побудили дворянъ южныхъ провинцій Нидерландовъ принять предложеніе герцога Пармскаго и отдѣлаться отъ генеральныхъ штатовъ и своей остальной родины. Служа вѣрнымъ отго-

¹⁾ Fh Bussemaker: De afscheiding der waalsch gewesten van Deneral Unie. aarlem. 1896.

доскомъ описываемыхъ событій и совмѣщая въ себѣ подлинныя свидѣтельства многихъ современниковъ, его разсказъ является безспорнымъ въ историческомъ отношеніи, и уже послѣ труда Бусемакера нельзя будетъ католическимъ писателямъ утверждать, какъ это дѣлалъ Кервинъ, что примиреніе валонскихъ провинцій съ Филиппомъ II было дѣломъ пробужденія католическихъ чувствъ населенія, подавленнаго кальвинистскою агитаціей во Фландріи. Конечно, въ нѣкоторыхъ фламандскихъ городахъ, и особливо въ Гентѣ, происходили гоненія католиковъ господствующими кальвинистами, что побудило нѣкоторыхъ католиковъ обратиться снова къ Испаніи; но, съ другой стороны, голландскій ученый ясно обнаруживаетъ грубый эгоизмъ бельгійскихъ дворянъ, личный интересъ которыхъ случайно совпадалъ съ ихъ религіей, которая, однако, занимала второстепенное мѣсто въ ихъ заботахъ. Къ тому же несчастное экономическое положеніе этихъ провинцій, по словамъ Бусемакера, играло важную роль въ означенномъ историческомъ событіи. вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ рисуетъ также картину того, что происходило въ сѣверной части Нидерландовъ: энергичныхъ усилій принца Оранскаго къ удержанію всѣхъ провинцій въ общемъ союзѣ и уничтоженію враждебныхъ между ними стремленій. Съ одинаковыми подробностями онъ очерчиваетъ интриги герцога Анжуйскаго и дѣйствія Монтинья, молодого начальника валлонскихъ отрядовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Недовольныхъ, которые возстали противъ Генеральныхъ Штатовъ на югѣ Фландріи. Повѣствуя о заключеніи Арасскаго трактата, Бусемакеръ особенно указываетъ на то, что возвращеніе валонскихъ провинцій подъ испанское владычество не было безусловнымъ подчиненіемъ, а скорѣе взаимнымъ условіемъ, по которому онѣ примирились съ испанскимъ королемъ, а послѣдній признавалъ ихъ вольности. Вообще его трудъ имѣетъ большое значеніе для всякаго, кто пожелалъ бы усвоить себѣ правильную точку зрѣнія на историческое событіе, изъ котораго, въ концѣ концовъ, возникли нынѣшнія Голландія и Бельгія.

— Моравскіе анабаптисты. Въ августовской книжкѣ *Contemporary Review* помѣщена статья Ричарда Гита ¹⁾ о своеобразномъ примѣненіи христіанскаго коммунизма въ сектѣ анабаптистовъ въ Моравіи. Авторъ въ своемъ очеркѣ главнымъ образомъ руководствовался вышедшими въ послѣдніе годы двумя капитальными трудами профессора Лозерта, занимающаго кафедру исторіи въ Грацкомъ университетѣ: «*Der Anabaptismus in Tirol*» и «*Der Communismus der Mährischen Wiedertäufer*». Возникновеніе въ отдаленномъ уголкѣ Моравіи земного рая, гдѣ всѣ люди были братьями и дѣлили все между собою по завѣту первыхъ вѣковъ христіанства, произошло въ смутную, мрачную эпоху, слѣдовавшую за крестьянской войной, покрывшей Германію развалинами и гниющими трупами сотенъ тысячъ несчастныхъ поселянъ. Хотя то и другое движеніе имѣло одинаковый зачатокъ въ стремленіи бѣднаго класса къ освобожденію себя отъ тяжелаго феодальнаго ига, но тогда какъ главное изъ нихъ, искавшее спасенія въ насиліи, было уничтожено огнемъ и кровью, меньшее,

¹⁾ Living in community. A sketch of Moravian anabaptism. By Richard Heath. *Contemporary Review*. August. 1896.

прибывавшее только къ помощи мирныхъ средствъ, достигло значительнаго успѣха, несмотря на первоначальныя преслѣдованія, просуществовало болѣе полтора столѣтій. Первая изъ анабаптистскихъ общинъ въ Моравіи была основана Губмейеромъ въ Никольсбургѣ, но она болѣе походила на обыкновенную протестантскую общину того времени, чѣмъ на попытку христіанскаго коммунизма, такъ какъ владѣлецъ земли, на которой существовала эта община, поступилъ въ ея члены, но не отказался въ пользу братства отъ своихъ феодальныхъ правъ и привиллегій. Поэтому значительная часть братьевъ переселилась въ Аустерлицъ, и тамъ была окончательно организована ихъ община Яковомъ Гутеромъ, родомъ изъ Тироля. На него произвело сильное впечатлѣніе возстаніе поселянъ въ Тиролѣ, гдѣ оно имѣло болѣе опредѣленную цѣль, чѣмъ въ Германіи, именно превращеніе всей страны въ кооперативную общину, на основаніи ученія св. Павла, и онъ посвятилъ всю свою жизнь на осуществленіе этой идеи. Прибывъ въ Моравію въ 1533 году, онъ сталъ развивать свою систему аустерлицкимъ братьямъ, среди которыхъ не всѣ были пламенными сторонниками христіанскаго коммунизма, такъ что основатель общины Щуццигеръ придерживался принципа личной собственности и, подъ влияніемъ проповѣди Гутера, онъ былъ удаленъ изъ братства за то, что не хотѣлъ отдать своихъ денегъ въ общую казну. Но этимъ успѣхомъ не окончилась его борьба съ противниками, и ихъ глава Гавриилъ Амергамъ, нѣмецкій анабаптистъ, настаивалъ на томъ, что дѣлить все свое состояніе между братьями было добрымъ дѣломъ для каждаго изъ нихъ, но не могло быть обязательнымъ; напротивъ, Гутеръ утверждалъ, что подобный дѣлежъ всѣхъ своихъ средствъ между братьями былъ основа истинной христіанской общины, и что въ этомъ отношеніи нельзя было допускать никакого произвольнаго выбора. Въ концѣ концовъ проповѣдь Гутера одержала верхъ, и если Амергамъ отпалъ съ нѣсколькими сторонниками отъ Аустерлицкой общины и составилъ отдѣльную общину, зато послѣ его смерти она присоединилась къ идеямъ Гутера, и съ тѣхъ поръ моравскіе анабаптисты отличались замѣчательнымъ единствомъ. Ихъ общины быстро распространялись, и въ десятилѣтіе отъ 1526 до 1536 годовъ ихъ существовало въ различныхъ частяхъ Моравіи — 26, при чемъ въ каждой общинѣ было отъ 500 до 2,000 братьевъ. Матеріальный ихъ успѣхъ былъ такъ великъ, что производимые ими предметы потребленія цѣнились дороже, чѣмъ у сосѣдей, а члены общинъ, какъ мужчины, такъ и женщины, по своей честности, энергіи и трудолюбію, обезпечивали покровительство моравскихъ землевладѣльцевъ, которые съ удовольствіемъ предоставляли имъ мѣста управляющихъ, лѣсниковъ, фермеровъ, мельниковъ и т. д. Довѣріе къ нимъ было такъ велико среди богатыхъ моравскихъ землевладѣльцевъ, что они всячески уклонялись отъ исполненія правительственныхъ распоряженій имперской власти, преслѣдовавшей анабаптистовъ, и представляли въ продолженіе 90 лѣтъ практическій буферъ между преслѣдователями и преслѣдуемыми. Что касается до борьбы съ мѣстными торговцами и промышленниками, то анабаптистамъ было легко достигнуть побѣды, такъ какъ на ихъ сторонѣ было единеніе, организація, соединенный капиталъ, отсутствіе платежа за работу и пламенная энергія, основанная на религіозномъ воодушевленіи. Впрочемъ ихъ промышленныя за-

нятія были не разнообразны, а собственно торговлей, огульно и въ розницу, они принципиально не занимались. Главнымъ образомъ они были ткачами, мельниками, земледѣльцами, плотниками, каменщиками, кожевниками и гончарами. Они также шили платья и сапоги, но только для своихъ личныхъ потребностей, а всѣ предметы роскоши имъ было запрещено производить, такъ что они не могли быть ни золотыхъ дѣлъ мастерами, ни серебряниками, ни ювелирами. Наконецъ ни за что и ни подъ какимъ видомъ они не выдѣлывали орудія войны и не содержали кабаковъ, хотя приготовляли для себя вино и пиво, а также содержали гостиницы для путешествующихъ, но не брали денегъ за кровъ, а дѣлали это именемъ Христа. Въ третьей четверти XVI вѣка моравскіе анабаптисты достигли такого процвѣтанія, что владѣли въ различныхъ мѣстахъ страны семидесятью громадными зданіями, въ которыхъ члены общины вели вполне братскую жизнь. У нихъ были общія комнаты для бесѣдъ, общія кухни, прачешныя, мастерскія, кладовыя, школьныя помѣщенія, лазареты, спеціальныя дортуары для дѣтей, а вокругъ домовъ—общіе сады, огороды, поля, мельницы, виноградники и лѣса. Одного только не видно было—церкви, и на упреки въ этомъ анабаптисты отвѣчали, что имъ не нужно церкви, ни каменной, ни деревянной, такъ какъ, по словамъ апостола Павла, «вѣрующіе составляютъ храмъ Бога живаго». Моравскіе анабаптисты постоянно собирались для молитвы и въ установленныя времена преломляли хлѣбъ въ воспоминаніе Тайной Вечери, но они избѣгали всякой регламентаціи въ этомъ отношеніи, и то не отъ равнодушія къ религіи, а отъ страха церковнаго ига. Напротивъ, ихъ воспитаніе дѣтей было самое религіозное и основано на Евангелии, а изъ христіанскихъ обрядовъ у нихъ было только два: крещеніе и причащеніе, которыя служили освященіемъ принципа общей жизни, такъ какъ, возрождаясь къ новой жизни во Христѣ посредствомъ крещенія и причастія, братья давали взаимное обязательство имѣть все общее и вѣчно стоять другъ за друга. Внутренняя организація этихъ общинъ была основана на двухъ авторитетахъ: Бога и народа. Народъ или братья выбирали своихъ епископовъ, проповѣдниковъ, старѣйшинъ и старостъ. Староста каждаго общиннаго дома былъ отвѣтствененъ за общее достояніе и пользованіе неограниченной властью. Ничто не могло дѣлаться безъ него или его помощника. Онъ смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы каждый изъ братьевъ несъ свою долю работы, чтобы всѣ были прилично накормлены и одѣты, чтобы въ мастерскихъ или въ другихъ занятіяхъ справедливо распредѣлялся трудъ, и чтобы деньги проходили черезъ его руки. Избранныя сестры исполняли всѣ домашнія работы и стряпали на кухнѣ, но за столомъ служили братья. Количество пищи распредѣлялось согласно труду, и пахарямъ, дровосѣкамъ, каменщикамъ, плотникамъ и т. п. тяжелымъ труженикамъ отпускалось больше, чѣмъ портнымъ, саножникамъ и прочимъ. Хотя моравскіе анабаптисты не сочувствовали высшему образованію того времени, считая его суетнымъ, но ихъ первоначальныя школы были образцовыя, и въ эти школы часто отдавали своихъ дѣтей лица, не принадлежавшія къ ихъ общинамъ. Но если у моравскихъ анабаптистовъ все было общее, то границу этой общности составлялъ бракъ, такъ какъ по ихъ основному принципу: все общее, кромѣ жены, которую каждый долженъ имѣть для себя по Божьему велѣнію. Однимъ

изъ случайныхъ, но значительныхъ элементовъ процвѣтанія этихъ общинъ было нахожденіе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно въ Чейгѣ, Паускрамѣ и въ Войцбрюнѣ минеральныхъ источниковъ, которые привлекали многочисленныхъ посѣтителей со всѣхъ сторонъ. Однако матеріальный успѣхъ былъ причиною ихъ гибели, такъ какъ извнѣ онъ возбуждалъ зависть и правительственную корысть, а внутри развилъ пагубную склонность къ роскоши, къ праздной жизни и къ наживѣ. Главными внѣшними ихъ врагами были преслѣдованія имперскихъ властей, налагавшихъ все большія и большія повинности, и войны съ турками. Наконецъ въ 1626 году императоръ Фердинандъ II, выжавъ все, что только было можно, изъ общинъ моравскихъ анабаптистовъ, приказалъ выселить ихъ, какъ еретиковъ, изъ предѣловъ Моравіи, въ четыре недѣли, подъ угрозой смерти. Дѣйствительно братья и сестры, жившіе въ двадцати четырехъ общинахъ, были удалены, а все ихъ имущество секвестровано. Въ слѣдующемъ году власти пошли еще дальше и приказали всѣмъ анабаптистамъ перейти въ католичество, а въ противномъ случаѣ подвергнуться смертной казни. Большинство было вынуждено подчиниться, но нѣсколько общинъ перемѣнилось въ Венгрію, гдѣ продолжали существовать на тѣхъ же основаніяхъ около пятидесяти лѣтъ.

— Письма герцогини Елисаветы-Шарлоты Орлеанской и ея отзывы о Петрѣ Великомъ. Жена герцога Орлеанскаго, брата Людовика XIV и мать знаменитаго регента, Елисавета-Шарлота, дочь Баварскаго герцога, извѣстна болѣе всего своей страстью къ писанью. Она постоянно писала письма къ различнымъ родственникамъ и друзьямъ, преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ, хотя она и хорошо знала пофранцузски. По свидѣтельству современниковъ, она вставала рано и писала цѣлое утро, потомъ писала въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ днемъ, наконецъ она писала и вечеромъ, пока ея придворныя дамы играли въ карты; мало того, она иногда по ночамъ вскакивала съ постели и снова писала. Плодомъ всего этого безконечнаго писанья были восемь или десять томовъ ея переписки, которые составляютъ любопытную картину всего, что дѣлалось и говорилось при версальскомъ дворѣ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ. Но оказывается, что все-таки еще не вполне исчерпанъ бездонный источникъ ея писемъ, и недавно появилось еще два сборника ея переписки съ теткой герцогиней Ганноверской¹⁾ и съ ея бывшей гувернанткой, госпожей фонъ-Гарлингъ²⁾. Хотя сама по себѣ принцесса Елисавета-Шарлота не отличалась ничѣмъ замѣчательнымъ, не принимала никакого участія въ политической жизни и, долго живя во Франціи, оставалась истой нѣмкой; но въ ея безчисленныхъ письмахъ историкъ и даже обыкновенный читатель, интересующійся данною эпохой, найдетъ много интереснаго, много такихъ, часто мелочныхъ подробностей о придворной версальской жизни, которыя бросаютъ яркій свѣтъ на тогдашнюю Францію и даже Европу вообще, такъ какъ она постоянно говорила не только о томъ, что видѣла сама, но и о толкахъ, извѣстіяхъ и слухахъ на счетъ всѣхъ европейскихъ дворовъ. Такимъ образомъ, въ

¹⁾ Aus den Briefen der Herz. Elisabeth-Charlotte von Orléan. Hannover. 2 Bde. 1896

²⁾ Briefe der Herzogin Elisabeth-Charlotte v. Orlean an ihre frühere Hofmeisterin A.-K. v. Harling. Hannover. 1896.

двухъ новѣйшихъ сборникахъ ея писемъ мы находимъ много отзывовъ о Петрѣ Великомъ, о которомъ она никогда не устаеетъ говорить и котораго постоянно называетъ своимъ героемъ. «Московский царь, — писала она теткѣ 19 мая 1697 г., — должно быть, красивый мальчикъ, и я очень сожалѣю, что мы его не увидимъ здѣсь, но онъ не долженъ имѣть возвышенную душу, такъ какъ постоянно якшася съ куцями». Черезъ нѣсколько дней она опять возвращается къ толкамъ о Петрѣ и замѣчаетъ: «странная идея пришла ему въ голову—бросить свое государство и странствовать по свѣту; если бы германскій императоръ или король французскій сдѣлали это, то сказали бы, что онъ сошелъ съ ума отъ слишкомъ большого чтенія романовъ; но я полагаю, что на московскомъ языкѣ существуетъ мало романовъ. Во всякомъ случаѣ, я очень бы желала, чтобы онъ прѣхалъ во Францію съ княземъ черкесскимъ, который, говорятъ, его сопровождаетъ». Въ концѣ юня мѣсяца она благодарила тетку за присланный портретъ Петра и выражала мнѣнiе, что онъ красивъ, но былъ бы еще лучше, если бы сбрилъ себѣ бороду и не сморкался въ руку», хотя отъ этого, по ея замѣчанiю, получается большая экономiя на платки. Принцесса такъ интересовалась своимъ героемъ, что переписала письмо, написанное ея теткой, не ей, а другому лицу, объ ея свиданiи съ Петромъ Великимъ, такъ что это письмо попало въ сборникъ ея переписки и напечатано вмѣстѣ съ нею. «Царь, по словамъ герцогини Ганноверской, очень красивый человекъ, высокаго роста, очень хорошо сложенный; онъ обладаетъ живымъ умомъ и очень находчивъ въ разговорахъ; но при его естественныхъ дарованiяхъ онъ могъ бы имѣть лучшiя манеры. Во время обѣда онъ говорилъ, хотя черезъ переводчика, но очень живо, весело и естественно; ему очень понравилась музыка итальянскаго оркестра моей дочери, хотя онъ сказалъ, что не придаетъ особаго значенiя музыкѣ. На мой вопросъ, любитъ ли онъ охоту, онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и прибавилъ, что у него было только двѣ страсти: къ судостроенiю и пиротехникѣ; въ доказательство же того, что онъ самъ строилъ корабли и устраивалъ фейерверки, онъ показалъ мнѣ свои руки, загрубѣвшiя отъ работы. Послѣ обѣда царь велѣлъ позвать своихъ музыкантовъ, и мы танцовали московскiй танецъ, который гораздо граціознѣе польскаго... Во всякомъ случаѣ, это—рѣдкая и замѣчательная личность, такъ что я очень рада, что съ нимъ познакомилась». Въ отвѣтъ на эти свѣдѣнiя о Петрѣ и племянница сообщала теткѣ все, что она слышала о немъ. Между прочимъ она передаетъ рассказы о русскомъ царѣ одного нѣмца, по фамилиі Курца, по словамъ котораго, на примѣръ, Петръ ѣлъ вмѣстѣ со своими слугами, руками, съ одного блюда, а спалъ на деревянной скамьѣ, прикрываясь шубой. Въ Версалѣ издѣвались надъ государемъ, который не только работалъ черную работу, но еще получалъ за нее деньги, и въ письмахъ Елисаветы-Шарлоты встрѣчаются отголоски этихъ насмѣшекъ, но она сама нисколько не раздѣляетъ презрѣнiя къ царственному работнику, а напротивъ говоритъ: «здѣшній великій человекъ (Людовикъ XIV) очень смѣется надъ царемъ за то, что тотъ работалъ въ Голландiи, какъ плотникъ, при постройкѣ судовъ, но я полагаю, что когда его величество узнаетъ, какую пользу царь извлекъ изъ построенныхъ имъ галеръ, то перемѣнитъ свое мнѣнiе... Что же касается до меня, то, на основанiи всѣхъ рассказовъ объ его умѣ, я питаю къ нему боль-

шую склонность, считаю его настоящим героем и постоянно заступаюсь за него». Однако и она сама мѣняется, смотря по обстоятельствамъ, свои взгляды на этого героя: то она хвалитъ его, какъ добраго, человѣчнаго государя, просвѣтившаго свою страну, то осуждаетъ его, называя грубымъ, жестокимъ варваромъ, «который долженъ бы понять, что можно быть великимъ государемъ, не играя роли палача». 10 февраля 1701 года она писала теткѣ: «я не могу болѣе терпѣть царя; я была высокаго о немъ мнѣнія, пока думала, что у него добрая душа, но теперь онъ, повидимому, сдѣлался дикимъ звѣремъ и потѣшаетъ свою сестру зрѣлищемъ повѣшенныхъ и четвертованныхъ людей». Черезъ десять лѣтъ она снова перемѣняетъ свое мнѣние и 9 марта 1710 года замѣчаетъ: «нѣтъ сомнѣнія, что царь побудитъ свою страну сдѣлать большіе шаги на пути прогресса; до него почти никто не зналъ о Московіи, а теперь только и говорятъ о ней; къ тому же царь достаточно молодъ, чтобы еще завоевать всю Германію». Наконецъ еще черезъ семь лѣтъ герцогиня Орлеанская лично увидала своего героя и хотя она подробно говоритъ о его пребываніи во Франціи въ другой коллекціи своихъ писемъ, а теткѣ не могла писать объ этомъ, по той простой причинѣ, что послѣдняя умерла въ это время, но въ письмахъ къ мужу своей гувернантки, которыя приложены къ ея перепискѣ съ госпожей фонъ-Гарлингъ, упоминается о посѣщеніи ея русскимъ царемъ, который былъ очень любезенъ съ матерью, управлявшаго тогда Франціей, регента, во время малолѣтства Людовика XV. «У меня сегодня былъ съ визитомъ,—пишетъ она отъ 14 мая 1717 года,—великій человѣкъ, именно мой герой—царь. Онъ мнѣ очень понравился: онъ именно такой человѣкъ, котораго можно назвать молодцомъ; у него нѣтъ никакихъ претензій, и въ немъ не замѣтно и слѣда аффектаціи. Правда, онъ говоритъ очень дурно понѣмецки, но чрезвычайно уменъ, и его можно легко понимать. Онъ очень учтивъ, и его всѣ любятъ. Я принимала его въ очень странномъ костюмѣ: я послѣ болѣзни не могу надѣвать корсета и сажу въ ночной рубашкѣ, въ кофтѣ и халатѣ съ кушакомъ».

— Аббатъ Прево. Авторъ знаменитаго французскаго романа Манонъ Леско, аббатъ Прево долго былъ жертвою всевозможныхъ клеветъ и ни на чемъ не основанныхъ обвиненій памфлетистовъ прошедшаго столѣтія. Его представляли и монахомъ, отказавшимся отъ своихъ обѣтовъ, и циничнымъ развратникомъ, и отцеубійцей, и составителемъ фальшивыхъ векселей, и, Богъ знаетъ, еще чѣмъ; но въ послѣднее время стало обнаруживаться, благодаря новѣйшимъ историкамъ французской литературы, что все это легенды, сложенные злыми языками. Первые оказали справедливость злополучному аббату Сень-Бѣвъ и Брюнетьеръ, но все-таки недоставало полной его біографіи и основательнаго изслѣдованія обо всѣхъ многочисленныхъ его сочиненіяхъ, соотвѣтственно событіямъ его жизни. Теперь этотъ пробѣлъ пополненъ обстоятельнымъ трудомъ Генри Гарриса ¹⁾, который извѣстенъ бібліографіей Манонъ Леско. Онъ перечелъ все, что писалось въ продолженіе полутора ста лѣтъ объ его герой, собралъ все, что было новаго о Прево въ официальныхъ архивахъ и частныхъ документахъ, старательно возстановилъ, почти день въ день, всю его жизнь и

¹⁾ L'Abbé Prevost. Histoire de sa vie et de ses oeuvres, par Henry Harrisse. Paris, 1896.

анализировать подробно всё его сочиненія, числомъ 162, изъ которыхъ было 62 оригинальныхъ труда, а остальные переводы съ латинскаго, англійскаго и голландскаго. Такимъ образомъ получилась всесторонняя монографія, вполне печерпавшая свой предметъ, и хотя нѣкоторые французскіе критики, въ томъ числѣ извѣстный романистъ и публицистъ Эдуардъ Родъ, упрекаютъ Гарриса въ томъ, что его книга представляетъ лишь массу матеріаловъ, не освѣщенныхъ общимъ взглядомъ или общей идеей, но все-таки, благодаря его труду, любопытная личность этого романиста XVIII столѣтія окончательно выяснена и займетъ подобающее мѣсто въ исторіи французской литературы. Хотя теперь аббатъ Прево только извѣстенъ, какъ авторъ одного романа, произведшаго большое влияніе въ беллетристикѣ всего свѣта, но въ свое время онъ былъ чрезвычайно популяренъ и другими своими сочиненіями, не только во Франціи, но и въ остальной Европѣ, даже въ Россіи, гдѣ всего болѣе зачитывались въ концѣ прошедшаго столѣтія его «Исторіей мистера Клевланда», побочнаго сына Кромвеля. Это былъ въ сущности не романъ, а описаніе приключеній новаго Телемака въ различныхъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта, съ сантиментальными эпизодами и нравственными разсужденіями; въ оригиналѣ и въ переводѣ эта книга была въ большой модѣ при Екатеринѣ II, о чемъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ Волотовъ, и даже сама Екатерина въ одной изъ своихъ комедій вставляетъ въ уста субретки афоризмы Клевланда. Что касается до самой жизни Прево, то она представляется настоящимъ романомъ, и если, какъ доказываютъ факты, онъ не былъ развратникомъ и преступникомъ, какимъ его когда-то изображали, то все-таки онъ былъ человѣкъ страстный, увлекающійся и прошедшій въ жизни много самыхъ драматическихъ перипетій. Между прочимъ онъ былъ лично героемъ того эпизода, который послужилъ основой его знаменитаго романа. Двадцати трехъ лѣтъ, уже побывавъ въ монастырѣ и въ арміи, онъ случайно влюбился въ прототипъ своей Манонъ Леско, увезъ ее и ни за что не хотѣлъ съ нею разстаться, не смотря на то, что она оказалась кокеткой и не хотѣла дѣлать нищету съ милымъ. По просьбѣ родителей, въ дѣло Прево вмѣшалась полиція, и несчастную красавицу арестовали и отправили въ Луизиану съ цѣлымъ грузомъ проституттокъ. Влюбленный юноша пришелъ въ отчаяніе, убѣжалъ изъ родительскаго дома и нослѣдовалъ за телѣгами, увозившими изъ Парижа несчастныхъ изгнанницъ. Онъ дѣйствительно шолъ за своей возлюбленной, не смотря на издѣвательства толпы, до тѣхъ поръ, пока не упалъ въ обморокъ на большой дорогѣ. И такимъ образомъ помимо его воли онъ былъ разлученъ навсегда съ той, которую онъ потомъ прославилъ въ своемъ романѣ. Не только жизнь Прево, но и его смерть подала поводъ къ безчисленнымъ легендамъ. Такъ, долго существовалъ разсказъ, что онъ, гуляя, упалъ безъ чувствъ и, принятый за мертвеца, былъ подвергнутъ медицинскому вскрытію, но подъ ножомъ оператора открылъ глаза, хотя было уже поздно, и онъ въ ту же минуту умеръ. Теперь же оказывается, что это неправда, и Гаррисъ подтверждаетъ несомнѣнными данными, что онъ просто умеръ отъ разрыва сердца, хотя дѣйствительно на прогулкѣ 25 ноября 1763 года.

— За и противъ Гете. Хотя нѣмцы попрежнему поддерживаютъ культъ Гете, и въ послѣднее время появились двѣ новыхъ обширныхъ его біографіи

въ пламенно-апологетическомъ тонѣ—Карла Гейнемана ¹⁾ и А. Бельховскаго ²⁾, но въ другихъ странахъ замѣтна реакція противъ поклоненія Веймарскому кумиру. Въ *Revue des Deux Mondes* Эдуардъ Родъ продолжаетъ развѣнчивать Гете и въ второй сентябрьской книжкѣ ³⁾ болѣе чѣмъ скептически изображаетъ его, какъ придворнаго поэта, а профессоръ Дауденъ произнесъ въ Лондонскомъ Гетевскомъ обществѣ настоящій обвинительной актъ противъ автора «Фауста» и потомъ напечаталъ его въ «*Cosmopolis* ⁴⁾. Для полноты новѣйшей Гетевской литературы прибавимъ, однако, что поклонники его продолжаютъ изыскивать неизвѣстныя его произведенія, постоянно изучаютъ его со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, и безъ конца пишутъ о немъ или по поводу его, такъ въ осьмнадцатомъ томѣ его полнаго собранія сочиненій, издаваемаго Гетевскимъ архивомъ, напечатанъ невѣдомый доселѣ отрывокъ изъ драмы «Оберкирхенская дѣвственница» ⁵⁾, которой написано лишь нѣсколько сценъ, происходящихъ въ Эльзасѣ во времена французской революціи; К. Гуландъ выпустилъ первый томъ «Изъ Гетевскаго Національнаго Музея» ⁶⁾, гдѣ поэтъ впервые является въ качествѣ артиста въ десяти сдѣланныхъ имъ самимъ рисункахъ, относящихся преимущественно къ Веймарскому періоду его жизни, но о которыхъ, по мнѣнію одного обожателя Гете, надо судить «не потому, что исполнено, а потому, что хотѣлъ исполнить рисовальщикъ»; въ «*Revue des Revues*» помѣщена статья о портретахъ Гете съ приложеніемъ ⁷⁾ не только осьми его извѣстнѣйшихъ портретовъ, но и многочисленныхъ иллюстрацій, представляющихъ его скульптурныя изображенія, виды домовъ, въ которыхъ онъ жилъ, и главные предметы его любви: Кетхенъ Шенкопфъ, Сусанну Клетенбергъ, Шарлотту Вуффъ, Шарлотту фонъ Штейнъ и Христину Вольпіусъ, сдѣлавшуюся въ концѣ концовъ его женой; наконецъ «*Journal de Debats*» напечаталъ воспоминанія Виктора Пави, который посетилъ Гете съ скульпторомъ Давидомъ и описалъ свиданье съ нимъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ ⁸⁾. Конечно, всего интереснѣе аргументы новѣйшихъ критиковъ Гете, тѣмъ болѣе, что послѣдніе его біографы-апологетники — Гейнеманъ и Бельховскій, стараются придать особое значеніе государственной дѣятельности поэта, вознося до небесъ его, какъ министра, администратора и общественнаго дѣятеля, хотя съ нѣсколько чрезмѣрными консервативными взглядами, а, напротивъ, Дауденъ и Родъ находятъ эту сторону его жизни самой предосудительной, даже позорной, и рисуютъ тайнаго совѣтника Гете въ самыхъ черныхъ краскахъ. Особенно Родъ, въ только что появившейся четвертой главѣ его объемистаго труда, скромно названнаго «Опытъ о Гете», въ этомъ отношеніи суровъ и безжалостенъ, хотя строго справедливъ. По его словамъ, какъ бы ни изучали Веймарскую эпоху жизни Гете,

¹⁾ Goethe, von Karl Hanemann. 3 Bde. Leipzig. 1896.

²⁾ Goethe, von Dr. t. Bielschowsky. I Bd. München. 1896.

³⁾ Essay sur Goethe IV. Le poete de Cour, par E. Rod. *Rev. des Deux Mondes*. 15 septembre.

⁴⁾ The Case against Goethe by prof. Dauden. *Cosmopolis*. 1896. Juin.

⁵⁾ Das Mädchen von Oberkirch. 18 Bande der Weimarschen Goethe Ausgabe.

⁶⁾ Aus dem Goethe National Museum, von K. Ruland. Weimar. 1896. I Bd.

⁷⁾ Les portraits de Goethe, par Ch. Simond. *Revue de Revues*. I août.

⁸⁾ Confidences romantiques, par Vict. Pavie. *Journal des Debats*, 1 juillet. 1896.

въ днѣирамбахъ ли поклонниковъ или въ разсказахъ его злѣйшихъ критиковъ, невольно приходишь къ тому заключенію, что эти десять лѣтъ были пустышкой, ничѣмъ, отрицательной величиной. Поэтъ самъ это признаетъ: въ своихъ стихахъ онъ говоритъ, что «онъ не могъ продолжать взятыя съ собою въ Веймаръ труды», а его дневникъ рельефно объясняетъ, почему онъ не могъ работать; каждая строчка этого дневника дышитъ пустой жизнью салба, думающаго только о свѣтскихъ удовольствіяхъ, обѣдахъ, ужинахъ, балахъ и охотахъ. За это время геній Гете какъ бы заглохъ въ эту мрачную эпоху, исключая временныхъ проблесковъ въ мелкихъ стихотвореніяхъ, а написанныя имъ въ то время пьески для придворнаго театра ниже всякой критики. Литература для него перестала существовать, душа его измельчала, муза смолкла, и Гете-поэтъ уступилъ мѣсто Гете министру-царедворцу, который велъ самую пустую, банальную жизнь, терялся въ сантиментальномъ и, по мнѣнію многихъ, платоническомъ ухаживаніи за свѣтской дамой, г-жей Штейнгъ, и если писалъ, то преимущественно письма, отличавшіяся искусственнымъ, напыщеннымъ тономъ. Сначала это нелѣпое существованіе ему нравилось, онъ смотрѣлъ на свою миниатюрную государственную дѣятельность, какъ на нѣчто серьезное, и даже думалъ сдѣлаться великимъ, исполняя какую-то неопредѣленную, смутную, возвышенную задачу, но подъ конецъ онъ соскучился, сталъ открыто признавать жизнь въ Веймарѣ невозможной и бѣжалъ въ Италію. Тамъ онъ совершенно преобразился и, вернувшись черезъ два года на родину, отказался отъ своихъ официальныхъ должностей, порвалъ свои отношенія съ г-жей Штейнгъ, влюбился въ веселую цвѣточницу, на которой впоследствии женился и вообще повелъ нормальную жизнь, среди которой и воскресъ его талантъ, быстро подарившій міру: Ифигенію, Эгмонта и Тассо. Переходя отъ спеціальнаго разсмотрѣнія придворно-министерской эпохи въ жизни Гете къ общей его характеристикѣ, Родъ говоритъ: «Конечно, Гете великій писатель, и въ этомъ не можетъ быть спора, но онъ прежде всего писатель-любитель, и что бы тамъ ни говорили, ни одно его сочиненіе не представляется столь совершеннымъ, чтобъ занять мѣсто рядомъ съ геніальными произведеніями человѣческой мысли. Долго восторгами, возбуждаемыми поэтомъ, старались окружать и человѣка, но это было вполнѣ несправедливо. Все казалось великимъ въ Гете, но это не имѣло ни малѣйшаго основанія: его характеръ, наклонности, душевныя качества, были очень посредственнаго, даже низкаго уровня. Двойной культъ Гете основанъ на иллюзіи; онъ не настоящій святой, и если онъ не заслуживаетъ изгнанія въ адъ, то все-таки его можно оставить только въ чистилищѣ. Въ сущности и Дауденъ въ своей блестящей рѣчи защищаетъ подобный же тезисъ. Принявъ на себя роль адвоката дьявола, какъ называется при канонизаціи всякаго католическаго святого лице, обязательно выражающее все, что можно сказать противъ кандидата въ святыя, англійскій профессоръ подбираетъ всѣ аргументы, которые можно подобрать противъ вѣнчанія Гете литературнымъ ореоломъ, хотя въ сущности дѣло идетъ скорѣе о развѣнчиваніи, такъ какъ онъ уже давно служитъ кумиромъ для многочисленныхъ поклонниковъ. Въ результатѣ является очень строгая, быть можетъ, рѣзкая, но справедливая оцѣнка Гете во всей его совокупности, какъ поэта и человѣка,

а не только как автора «Фауста», бесспорно гениальнаго произведенія. Прежде всего онъ доказываетъ вполне логически и фактически, что жизнь Гете, какъ художника и человѣка, не отличалась цѣлостностью и послѣдовательностью, а напротивъ состояла изъ «вѣчныхъ колебаній впередъ и назадъ», а его «сочиненія, даже самыя лучшія, грѣшатъ отсутствіемъ внутренней организаціи и отрывочностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаютъ часто любителя, а не истиннаго художника, который знаетъ, что дѣлаетъ и чего хочетъ». Онъ поражаетъ читателя массой своихъ сочиненій, составляющихъ до ста томовъ, но громадное большинство ихъ низкаго качества. Еслибъ онъ писалъ меньше, — увѣряетъ Дауденъ, — то написалъ бы больше цѣннаго; ему слѣдовало бы прекратить всякое сочинительство за десять лѣтъ до смерти, и онъ не имѣлъ никакого права бросить лучшія десять лѣтъ своей жизни на пустую придворно-министерскую дѣятельность. Переходя къ разсмотрѣнію главнѣйшихъ произведеній Гете, его критикъ находитъ, что «Гецъ фонъ-Берлихингенъ» завошенная мелодрама, невѣрная ни исторіи, ни психологіи; «Вертеръ» — буржуазная, сентиментальная исторія въ самой искусственной, рутинной формѣ; «Тассо» — не драма, а отвлеченное разсужденіе въ неудовлетворительной драматической формѣ; «Эгмондъ» — посредственная пьеса, противорѣчащая исторіи; «Германъ и Доротея» — искусственное соединеніе идилліи съ эпосомъ; «Вильгельмъ Мейстеръ» — по формѣ не великое произведеніе, а по нравственнымъ идеямъ — очень сомнительное, на подкладкѣ буржуазной морали; научныя сочиненія Гете портили его поэтическую музу и въ сущности были только любительской забавой; «Фаустъ» — агломерация гениальныхъ идей, художественныхъ красотъ, мистификаціи и скучныхъ длиннотъ; автобіографія и письма — смѣсь свѣтлыхъ страницъ и педагогическихъ претензій. Наконецъ Дауденъ справедливо бичуетъ Гете за его постыдное отношеніе къ политическимъ вопросамъ. Врагъ французской революціи, онъ стоялъ за деспотизмъ, быть можетъ, и филантропическій и отличался полнымъ отсутствіемъ патріотизма; такъ, во время угнетенія Германіи Наполеономъ онъ стоялъ на сторонѣ побѣдителей и низко кланялся Наполеону въ то самое время, когда уже пробуждался на его родинѣ духъ освобожденія отъ чужестраннаго ига. Вотъ въ краткихъ словахъ рѣчь адвоката дьявола, и, по замѣчанію Рода, она сильно колеблетъ шансы кандидата въ литературныя святые передъ судомъ будущихъ поколѣній.

— Неудачи Фультона во Франціи. Эмиль Дюбанъ въ *Revue des Revues* отъ 15 сентября ¹⁾, на основаніи не изданныхъ документовъ, возстановляетъ интересный эпизодъ неудачъ Фультона во Франціи, хотя если бы осуществлено было его изобрѣтеніе подводнаго судна — миноноски, то, быть можетъ, европейская исторія приняла бы другой оборотъ, и Франція одержала бы окончательную побѣду надъ Англіей. Скоро будетъ сто лѣтъ, какъ Робертъ Фультонъ, прибывъ изъ Соединенныхъ Штатовъ въ Парижъ въ 1796 году, составилъ компанію для постройки изобрѣтеннаго имъ подводнаго судна-миноноски, названнаго имъ Нотиліемъ, и обратился съ просьбой къ Директоріи, предлагая построить Но-

¹⁾ Comment la France faillit vaincre l'Angleterre. par Emile Duboc. *Revue de Revues*, 15 septembre.

тилій на свой счетъ и потомъ дѣйствовать на немъ подь своимъ страхомъ противъ англійскаго флота. Отъ правительства онъ потребовалъ только по четыре тысячи франковъ за каждую пушку на уничтоженномъ имъ англійскомъ кораблѣ, имѣющемъ свыше сорока пушекъ, и по двѣ тысячи за каждую пушку на меньшемъ кораблѣ; кромѣ того, компанія получала въ собственность тѣ англійскія суда, которыя Фультону удалось бы взять въ плѣнъ; наконецъ онъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы команда Нотилія была признана находящейся на службѣ Франціи и въ случаѣ взятія ея въ плѣнъ англичанами признавалась бы военно-плѣнной. Это послѣднее требованіе составило камень преткновеніи, и три года Фультонъ напрасно препирался съ Директоріей, морскими министрами и первымъ консуломъ. Странно сказать, что все дѣло разошлось изъ-за нравственныхъ соображеній, не допускавшихъ Францію и Наполеона принять предложеніе, которое имѣло цѣлью уничтожить непріятели такими средствами, которыя тогда считались недозволенными. Страна, воевавшая тогда со всѣмъ свѣтомъ, и величайшій изъ существовавшихъ когда либо полководцевъ отказались отъ могущественнаго способа уничтожить непріятельскій флотъ изъ-за гуманныхъ соображеній. Это такъ невѣроятно, что невольно является мысль, не были ли, выставленные французскимъ правительствомъ, мотивы одними предлогами, и не скрывалось ли подь ними что либо другое. Однако это только предположеніе, а факты ясно говорятъ, что Франція не воспользовалась предложеннымъ ей способомъ уничтожить морское могущество Англій только потому, что, какъ прямо выражено въ бумагѣ, подписанной морскимъ министромъ Плевилемъ-де-Пело: «правительство не можетъ открыто принять подь свою защиту людей, предпринимающихъ подобныя операціи, тѣмъ болѣе, что англичане, искусные на постройку всякихъ жизнеистребляющихъ машинъ, стали бы дѣйствовать такимъ же образомъ, и это значило исключить изъ военнаго кодекса законное наказаніе за веденіе войны столь ужасными способами». Не приходя въ уныніе отъ этихъ неудачъ, Фультонъ все-таки построилъ свой Нотилій, и 10 апрѣля 1800 года онъ увѣдомилъ морскаго министра Фарфе, что судно совсѣмъ готово, при чемъ выразилъ надежду, что Бонапартъ окажется прозорливѣе прежнихъ правителей, принявъ предлагаемый имъ способъ уничтожить деспотизмъ англичанъ на морѣ. Но Наполеонъ не обратилъ никакого вниманія на это предложеніе. Фультонъ продолжалъ свое дѣло и въ томъ же году, окончивъ постройку Нотилія, произвелъ нѣсколько удачныхъ опытовъ подводнаго рейса, между Руаномъ и Гавромъ. Это судно имѣло 6,50 дней метра въ длину и 2 метра въ ширину, могло держаться подь водою около шести часовъ, и вся его команда состояла изъ капитана и трехъ матросовъ. Что касается до подведенія мины подь непріятельскія суда, то устройство этого снаряда очень походило на устройство современной мины Уайтхеда. Все это было не мечтой безумнаго изобрѣтателя, а коммисія изъ людей авторитетныхъ и практичныхъ, подь предсѣдательствомъ адмирала Розили, нашла какъ самое судно, такъ и устройство мины вполне успѣшнымъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, потребованныхъ ею измѣненій. Докладъ коммисіи былъ вполне удовлетворительный; по его словамъ, «средство, изобрѣтенное гражданиномъ Фультономъ, для уничтоженія непріятельскаго флота, имѣетъ громадную силу и должно дѣйствовать безъ промаха, и

хотя оно требуетъ еще усовершенствованія, но во всякомъ случаѣ представляеть идею гениальнаго человѣка». Поэтому коммиссія предлагала морскому министру разрѣшить Фультону осуществить свое изобрѣтеніе въ большемъ размѣрѣ и на сколько возможно улучшить его. Знаменитые ученые Монжъ и Лапласъ представили Фультона первому консулу и всячески поддерживали исполненіе его плана. Но дѣло все тянулось: то ему отказывали въ разрѣшеніи сдѣлать опытъ съ миной, то не давали пороха, то отказывали въ какомъ нибудь вѣтхомъ суднѣ для опытнаго взрыва. Наконецъ, одолѣвъ все преграды, Фультонъ, въ іюль 1801 года, въ Брестѣ, въ присутствіи морского префекта Кафарели и адмирала Виларе-Жуаэза, произвелъ удачный опытъ надъ миной, начиненной двадцатью фунтами пороха и взорвавшей на воздухъ старый катеръ, разлетѣвшійся на тысячи кусковъ. Тогда Фультонъ предлагаетъ взорвать два англійскихъ фрегата, виднѣвшихся въ морѣ, и просилъ только дать ему шесть вооруженныхъ катеровъ для прикрытія по возвращеніи послѣ взрыва. Ему было въ этомъ отказано, и Кафарели донесъ морскому министру, что главной причиной этого отказа было то соображеніе, что подобный способъ веденія войны всѣми осуждается, и люди, примѣняющіе его, въ случаѣ неуспѣха, были бы повѣшены, что, конечно, недостойная смерть для военнаго человѣка. Наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, Фультонъ написалъ письмо прямо къ первому консулу, въ которомъ излагалъ свой ультиматумъ и прибѣгалъ послѣдній разъ къ помощи его генія. Но несмотря на все его аргументы и удачные опыты, Наполеонъ остался попрежнему слѣпъ и глухъ. Въ отчаяніи Фультонъ отправился въ Англію и тамъ 15 октября 1805 года взорвалъ на воздухъ ветхій военный корабль посредствомъ мины, приведенной въ движеніе часовымъ механизмомъ. Англійское правительство тотчасъ поняло всю важность его изобрѣтенія, но отказалось дать ему дальнѣйшій ходъ, по совершенно инымъ соображеніямъ, чѣмъ во Франціи, именно оно прямо заявило, что принимать такіе новые способы морской войны было излишне для властителей морей, а, въ случаѣ общаго распространенія этого опаснаго орудія войны, другія державы могли уничтожить англійскую гегемонію на морѣ. Потерпѣвъ и тутъ неудачу, Фультонъ отправился въ Америку и занялся тамъ другимъ своимъ изобрѣтеніемъ, которое онъ также предлагалъ прежде всего французскому правительству. Дѣло шло о пароходѣ, который онъ выстроилъ на Сенѣ и на которомъ ходилъ изъ Верси въ Шарантонъ, везя за собой двѣ барки на буксирѣ.

— Одинъ изъ великихъ хирурговъ XIX столѣтія. Появившійся недавно на свѣтъ письма Теодора Бильрота ¹⁾, подъ редакціей доктора Фишера, знакомятъ читателей съ замѣчательной личностью знаменитаго вѣнскаго хирурга. Его жизнь можно рассказать въ двухъ словахъ. Родомъ изъ Помераніи, сынъ пастора на островѣ Рюгенѣ, онъ изучалъ медицину въ Геттингенѣ и Берлинѣ; тридцати одного года онъ былъ назначенъ профессоромъ хирургической клиники въ Цюрихѣ, потомъ перешолъ въ Вѣнскій университетъ, преподавалъ тамъ въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ и умеръ 6 февраля 1894 г. шестидесяти лѣтъ отъ роду. Онъ работалъ всю свою жизнь безъ усталы и самъ релье-

¹⁾ Briefe von Theodor Bielroth. Leipzig. 1896.

ефно описываетъ, какъ онъ проводилъ день, въ письмѣ отъ 5 марта 1890 г.: «вотъ какъ я провелъ сегодняшній день, какъ всегда, занятый и тяжелый. Я проснулся очень рано отъ маленькой раны на пальцѣ, которая произошла вслѣдствіе операціи; я къ этому привыкъ, и она скоро пройдетъ. Не успѣлъ я одѣться, какъ начались безконечные звонки; мнѣ не даютъ спокойно позавтракать съ женой и дѣтьми. Потомъ являются лакеи изъ отелей съ просьбой назначить часы для консультацій, а секретарь Родольфинской ассоціаціи надѣлываетъ мнѣ, подсовывая бумаги для подписи. Я отправляюсь съ нимъ въ это учрежденіе и осматриваю больныхъ, которыхъ я вчера оперировалъ, а затѣмъ ѣду въ клинику. Ассистенты, операторы и прочіе и прочіе окружаютъ меня, и у всякаго есть какая нибудь просьба. Чортъ возьми—уже десять часовъ двадцать минутъ. Пора въ аудиторію. Два часа я посвящаю педагогич. и операціямъ. При выходѣ изъ амфитеатра меня снова обступаютъ; мнѣ остается только двадцать минутъ, чтобы поѣсть. Наступаетъ очередь очень трудной операціи, которая длится два часа. Благодаря смѣлости и осторожности, я одерживая побѣду. Выпивъ наскоро двѣ рюмки коньяку, я отправляюсь домой. Меня ждетъ нѣсколько паціентовъ: одни изъ нихъ несерьезные больные, другіе—неизлѣчимые; приходится врать, чтобы утѣшить тѣхъ и другихъ. Пятнадцать минутъ я посвящаю на питье чая и потомъ снова осматриваю четырехъ больныхъ. Наконецъ-то мнѣ даютъ полчаса отдыха. Какое счастье! Я беру книгу Видмана объ Италіи и читаю съ наслажденіемъ. Потомъ меня ожидаетъ еще большая радость: я ѣду въ концертъ и въ продолженіе полутора часовъ нахожусь подъ успокоительнымъ вліяніемъ музыки. Я возвращаюсь домой въ прекрасномъ настроеніи духа и пріятно ужинаю съ семьей, послѣ чего пишу шесть дѣловыхъ писемъ. Наконецъ я одинъ и безъ всякаго занятія». Въ другомъ письмѣ къ другу, сынъ котораго хотѣлъ сдѣлаться докторомъ, Вильротъ объясняетъ, что доктора не покоятся на розахъ, и для того, чтобы быть хорошимъ докторомъ, надо прежде всего быть хорошимъ человѣкомъ и находить счастье только въ поданіи помощи страждущему человѣчеству, не ожидая за это никакой награды. Но если ремесло доктора имѣетъ свои испытанія и трудности, то оно и доставляло возвышенныя наслажденія. «Каждая счастливая операція, говоритъ онъ, радуетъ меня, и нѣтъ для меня лучшаго наслажденія». Но, не смотря на эту любовь къ операціямъ, онъ никогда не рѣзалъ попустому и предоставлялъ спокойно умирать тѣмъ больнымъ, которыхъ оперировать было бесполезно. Во многихъ своихъ письмахъ онъ жалуется на то, что большинство хирурговъ дѣйствуетъ въ темнотѣ и не заботятся даже узнать о судьбѣ оперируемыхъ ими субъектовъ, что крайне необходимо для прогресса науки. Онъ самъ дѣлалъ все, что возможно для наведенія справокъ о результатахъ своихъ операцій, и въ Цюрихѣ въ 1866 году онъ написалъ исторію своихъ трехъ тысячъ пятисотъ операцій, для чего писалъ болѣе двухсотъ писемъ къ различнымъ лицамъ. Въ Вѣнѣ онъ дѣлалъ то же и никогда не уставалъ обращаться за справками къ властямъ и частнымъ лицамъ. Еще студентомъ, онъ хотѣлъ посвятить себя гистологич. и сдѣлаться знаменитымъ микроскопистомъ, но потомъ убѣдился, по его словамъ, «что изучать человѣка на ложѣ страданій лучшее занятіе, чѣмъ смотрѣть въ микроскопъ». Посвятивъ себя хирургич. для блага человѣчества, онъ сдѣлался

мало-по-малу гуманнымъ человѣкомъ и забыть всѣ національныя антипатіи пруссака. Участвуя въ франко-прусской войнѣ, онъ писалъ своему другу Любкѣ: «ваши дѣды и бабки сто разъ повторяли вамъ, что французы съѣдятъ насъ живыми. По крайней мѣрѣ, въ моемъ дѣтствѣ, я постоянно слыхалъ рассказы объ ужасахъ, совершенныхъ французами на нашей родинѣ. Мы всѣ воспитаны на систематичной ненависти къ Франціи. Я обо всемъ этомъ уже забылъ, какъ вдругъ война возбудила во мнѣ идеи дѣтства, но благодаря моему ремеслу, которое обязываетъ меня подавать помощь всѣмъ людямъ безразлично, я научился любить французозъ наравнѣ съ нѣмцами. Иначе я не понимаю, къ чему существуетъ умъ, религія и нравственность». Впослѣдствіи посѣтивъ Парижъ, онъ писалъ женѣ, что въ этомъ вертепѣ разврата, по мнѣнію нѣмцевъ, очень хорошо живется. Если пруссаковъ всегда учили ненавидѣть французозъ, то равно имъ и не внушали любви къ русскимъ, но и въ этомъ отношеніи Вильротъ освободился отъ національныхъ предразсудковъ. Въ 1877 г. онъ ѣздилъ въ Петербургъ къ поэту Некрасову для операціи и вынесъ изъ своей поѣздки самыя лучшія воспоминанія. «Петербургъ, писалъ онъ женѣ, я видѣлъ въ первый разъ, и онъ меня очень заинтересовалъ. Больницы здѣсь превосходны и на такой большой ногѣ, какой намъ никогда не достичь; съ точки зрѣнія научной и практической здѣсь много хорошаго. Я убѣжденъ, что русскимъ принадлежитъ будущность Европы». Жизнь Вильрота была очень счастливая и хотя съ начала своего пребыванія въ Вѣнѣ онъ называлъ австрійцевъ эгоистами и эпикурейцами, не признававшими идеаловъ, но онъ такъ сжился съ ними, что отказывалъ на всѣ предложенія перейти въ Берлинъ. Слава его была такъ велика, особенно послѣ выхода въ свѣтъ его руководства по хирургіи, переведеннаго тотчасъ на семь языковъ, что его постоянно вызывали для операцій или консультацій во всѣ города Европы, гдѣ его принимали съ распростертыми объятіями, и гдѣ онъ встрѣчалъ своихъ учениковъ. Онъ былъ прекраснымъ профессоромъ, краснорѣчиво излагалъ свой предметъ, съ любовью относился къ студентамъ и съ гордостью говорилъ, что его ученики занимаютъ кафедры въ Австріи, Германіи, Бельгіи и Голландіи. Онъ вообще умѣлъ пользоваться жизнью и извлекалъ удовольствіе изъ свѣтскаго общества, домашняго кружка, уединенія, шумныхъ городовъ и сельской природы. Осень онъ проводилъ въ виллѣ, которую построилъ близъ Иншля и называлъ Тускулумъ. Онъ также часто бывалъ въ Абаціи на берегу Адриатическаго моря, гдѣ и умеръ въ виду морскихъ волнъ и горъ, какъ онъ не разъ выражалъ желанье. Ежегодно свѣтлую недѣлю онъ проводилъ въ Италіи, гдѣ, по его словамъ, «жизнь кажется сномъ или мечтою». Онъ все любилъ одинаково, и своихъ больныхъ и музыку, свои операціи и розы; но если симфоніи и цвѣты улаждали его жизнь, то наука и практическое ея примѣненіе наполняли ее всецѣло. Онъ не только оперировалъ, но писалъ до послѣдняго своего дня цѣлыя сочиненія по анатоміи, патологіи, физиологіи и бактериологіи, хотя самъ относился къ нимъ очень смиренно: «я знаю лучше всѣхъ, писалъ онъ, несовершенства своихъ трудовъ, своего искусства, своей науки. Я не Богъ и чувствую себя страшною посредственностью». Вообще онъ очень мало цѣнилъ человѣка, какъ индивидуума, и въ его глазахъ великіе люди были только деталью въ исторіи міра. «Все, что случается,

должно случиться, говариваль онъ: человекъ часть природы, а у нея свои законы, которымъ она подчиняеть насъ, тогда какъ мы кичимся мыслью, что подчиняемъ ее своимъ законамъ».

— Самое длинное царствованіе въ англійской исторіи. 23 сентября настоящаго года королева Викторія одержала побѣду надъ всѣми предшествовавшими ей англійскими государями: ея царствованію минуло 59 лѣтъ 3 мѣсяца и 5 дней, тогда какъ длиннѣйшее до нея царствованіе именно Георга III продолжалось 59 лѣтъ 3 мѣсяца и 4 дня. Конечно, вся англійская печать ознаменовала это событіе безчисленными статьями, въ которыхъ приведены историческія справки о длинныхъ царствованіяхъ въ Англии, и подведенъ итогъ длиннѣйшаго изъ нихъ. Наиболѣе интересныя изъ этихъ статей: въ «Daily News» извѣстнаго романиста и автора «Исторіи моего времени» ирландскаго депутата Макарти ¹⁾, въ Times ²⁾ и въ Westminster Budget ³⁾; а еженедѣльный журналъ «Gentlewoman» посвятилъ свой номеръ отъ 21 сентября спеціально «Исторіи наиславнѣйшаго царствованія королевы» ⁴⁾ съ 60 иллюстраціями, изображающими событія каждаго изъ шестидесяти лѣтъ ея управленія страной. По статистическимъ даннымъ оказывается, что среднимъ числомъ царствованіе европейскихъ государей продолжается 19 лѣтъ по одному разсчету и 22¹/₂ по другому, а для англійскихъ королей эта цифра достигаетъ 23¹/₂ лѣтъ. До Викторіи всего долѣе царствовали Георгъ III, Генрихъ III — 56 лѣтъ, Эдуардъ III — 50 лѣтъ Елизавета — 45, Генрихъ VI — 39, Генрихъ VIII — 38, Генрихъ I, Генрихъ II и Эдуардъ I — по 35 и Альфредъ 30 лѣтъ. Вообще въ Европѣ самыми длинными царствованіями считаются: Людовика XIV — 72 года, Христіана IV Датскаго — 60 лѣтъ, Людовика XV — 59; Гагана IV Норвежскаго — 56, Ивана Грознаго — 51, Фридраха Великаго — 46 и Петра Великаго — 43. Не если принять въ соображеніе, что Людовикъ XIV вступилъ на престолъ четырехъ лѣтъ и въ продолженіе восемнадцати лѣтъ государствомъ правили регентша и Мазарини, то онъ самостоятельно царствовалъ только 54 года, и слѣдовательно Викторія уже теперь царствовала болѣе его, и ея царствованіе можно назвать длиннѣйшимъ не только въ Англии, но во всей Европѣ. Изъ другихъ интересныхъ фактовъ, приводимыхъ англійской печатью по поводу этого любопытнаго историческаго факта, отмѣтимъ, что англійская королева второй государь въ Европѣ по лѣтамъ, такъ какъ датскій король старше ее на 11 мѣсяцевъ, что она пережила четырехъ прусскихъ королей, трехъ русскихъ императоровъ, датскихъ, испанскихъ и шведскихъ королей, двухъ шведскихъ и голландскихъ королей и одного австрійскаго императора и бельгійскаго короля; что изъ членовъ палаты пэровъ и палаты общинъ при ея восшествіи осталось въ живыхъ — въ первой пятеро, а во второй — трое; что она видѣла 10 первыхъ министровъ, 13 лордъ-кацлеровъ,

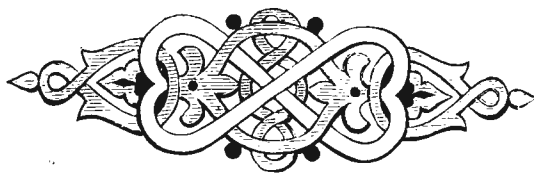
¹⁾ The longest reigns in our history, by Zultin Maccarthy. Daily News. 23 septem-ber.

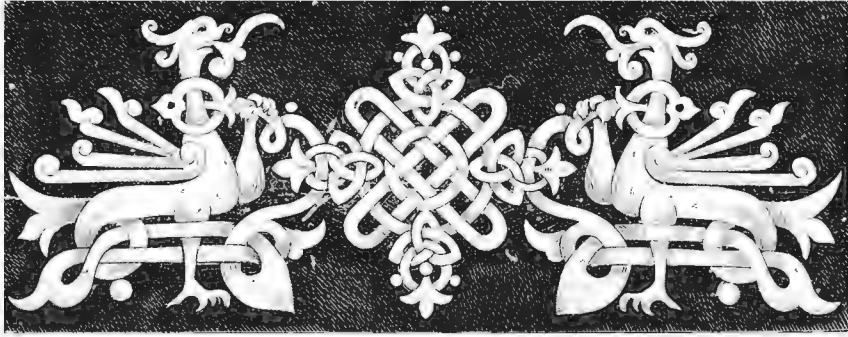
²⁾ The longest reign in english history. Times. 23 september.

³⁾ Her Majesty's Record reign: some seasonalle facts and figures. Westminster Budget. 25 september.

⁴⁾ The queens maltglorious reign. Special number. 26 september.

6 спикеровъ и 5 кантербрийскихъ архіепископовъ. Если мы перейдемъ къ итогу историческихъ событій этого длиннѣйшаго изъ царствованій, то должны согласиться съ англичанами, что не было въ ихъ лѣтописяхъ болѣе славнаго. Стоитъ только вспомнить всѣ великія политическія и общественныя реформы совершенныя въ правленіе этого образцоваго конституціоннаго государя; всѣ громадныя шаги, сдѣланные за это время Англійей на пути прогресса во всѣхъ отношеніяхъ, всѣ блестящіе успѣхи, совершенные ею въ умственномъ и материальномъ отношеніи, всѣ великія имена, прославившія ея вѣкъ отъ Дарвина, Гукелса, Джона Стюарта Мила, Спенсера, Карлайля, Бокля и Маколея до Диккенса, Текерея и Джорджа Эліота, чтобъ дѣйствительно понять, какъ англичане гордятся длиннѣйшимъ и славнѣйшимъ царствованіемъ въ ихъ исторіи.

С М Ъ С Б.

СВЯЩЕНІЕ памятника императору Николаю I въ Кіевѣ происходило въ присутствіи Ихъ Величествъ 21-го августа текущаго года. Къ 2 часамъ дня, къ мѣсту открытія памятника прибыли военные генералы и начальники отдѣльных частей войскъ, въ лагерной парадной формѣ. Тутъ же собралось и все высшее начальство края, лица государевой свиты, министры военный и внутреннихъ дѣлъ, мѣстные гражданскіе чины и дворянство. У памятника былъ выстроенъ фронтомъ къ университету, лицомъ къ памятнику почетный караулъ отъ Кіевского пѣхотнаго юнкерскаго училища и отъ него два почетные парные часовые изъ-унтеръ-офицеровъ. При караулѣ находился хоръ музыки отъ 131 пѣхотнаго Тираспольскаго полка. Въ аллеѣ, правѣе памятника (отъ входа со стороны университета) стали кадеты Владимірскаго кіевскаго кадетскаго корпуса, при своихъ офицерахъ. По аллеямъ и вокругъ памятника выстроились войска правымъ флангомъ къ Караваевской улицѣ, лѣвымъ — къ Бибиковскому бульвару, держа фронтъ къ памятнику, отъ каждаго пѣхотнаго полка и отдѣльнаго батальона — по ротѣ, въ 32 ряда со знаменами, отъ Кіевского драгунскаго полка эскадронъ въ пѣшемъ строю, со штандартомъ и отъ Уральскаго казачьяго полка пѣшая сотня со знаменемъ. Командиры полковъ и частей стали на правыхъ флангахъ ротъ. По мѣрѣ прибытія ротъ, знамена при полковыхъ адъютантахъ направлялись къ памятнику и выстраивались тамъ передъ фронтомъ почетнаго караула, лицомъ къ памятнику.

При ротахъ на правомъ флангѣ сталъ хоръ музыки 132 пѣхотнаго Бендерскаго полка. Вокругъ памятника у шпалеръ деревъ помѣстились депутаціи: офицеры и гласные думы слѣва, дворянство—справа отъ шатра. Между почетнымъ карауломъ и кадетами, правѣ ихъ стояли ветераны николаевскаго времени—44 человекъ, въ числѣ ихъ гродненскій гусарскій полковникъ, въ отставкѣ съ 1847 г. Злотницкій. Въ числѣ ветерановъ нижнихъ чиновъ занималъ мѣсто слишкомъ 90 лѣтній старецъ, бывшій старшимъ вахмистромъ въ л.-гв. Кирасирскомъ Его Величества полку, Романченко, уроженецъ Сквирскаго уѣзда Кіевской губерніи, прослужившій въ полку болѣе 40 лѣтъ. Онъ прибылъ въ одной изъ сельскихъ депутацій на коронаваніе, и послѣ былъ вызванъ въ Царское Село, удостоился представленія Государю и приглашенъ на открытіе памятника императору, которому служилъ все время его царствованія. Романченко очень бодрый старикъ съ окладистой сѣдою, какъ лунь, бороною. Митрополитъ, осѣнивъ крестомъ и окропивъ св. водою Ихъ Величества и высочества, предшествуя имъ, прошелъ, сопровождаемый всею свитою, къ памятнику. Митрополитъ окрошилъ памятникъ, который въ это время окружили знамена, и окрошилъ знамена св. водою. Ихъ Величества обошли кругомъ памятника и вернулись въ шатеръ. Въ это время одна за другой стали подходить депутаціи съ вѣнками и складывать ихъ у подножія. По совершеніи панихиды по почившемъ императорѣ войска взяли на караулъ, музыка заиграла походъ, и артиллеріей былъ отданъ салютъ. Послѣ отданной памятнику чести, войска снова взяли «на молитву» и сняли шапки, возглашено было многолѣтіе христіюлюбивому российскому побѣдоносному воинству. Знамена, предшествуемая адъютантами, возвратились къ своимъ ротамъ, и пока Государь Императоръ и царская фамилія прикладывались къ кресту и осматривали памятникъ, войска, построившись въ колонну на Владимірской улицѣ, приготовились къ церемоніальному маршу; рота почетнаго караула юнкеровъ тоже сошла съ своего мѣста и стала во главѣ колонны, передъ ротой Бессарабскаго полка, оставивъ у памятника только парныхъ часовыхъ. Государь Императоръ осматривалъ также модель памятника изъ оксидированнаго серебра на пьедесталѣ изъ лабрадора. Государю были представлены члены комиссіи по сооруженію памятника. Отъ памятника Ихъ Величества перешли къ университету, съ подѣзда котораго смотрѣли на церемоніальный маршъ, который войска проходили поротно, съ знаменами впереди, удостоиваясь царскаго «спасибо».

Освященіе памятника императору Александру III. 30-го августа, въ день тезоименитста въ Бозѣ почивающаго императора Александра III, происходило освященіе и открытіе памятника—бюста царя-миротворца, сооруженнаго Александровскимъ комитетомъ о раненыхъ въ Александровской слободѣ, за Московскою заставой. Въ этой слободѣ, въ 16-ти каменныхъ домикахъ поселено 68 семействъ нижнихъ чиновъ-инвалидовъ, находящихся подъ покровительствомъ комитета. Въ прошломъ году, среди членовъ комитета, возникла мысль устроить новый, по счету семнадцатый, домикъ для четырехъ семей, въ память императора Александра III, и передъ домикомъ—памятникъ-бюстъ императора. Въ началѣ августа и домикъ, и памятникъ были готовы, а 30-го числа торжественно освящены. По окончаніи молебствія памятникъ и домикъ

были окроплены св. водой. Бюстъ покойнаго государя нѣсколько болѣе натуральной величины, вылить Мораномъ изъ темной бронзы. Императоръ изображенъ въ парадномъ генераль-адъютантскомъ мундирѣ и обращенъ лицомъ къ Московскому шоссе. На лицевой сторонѣ пьедестала укрѣплена бронзовая доска съ выгравированною надписью: «Государю императору Александру III, 1896 г.». На домикѣ же укрѣплена мраморная доска со слѣдующею надписью: «Въ память государя императора Александра III, 1897 г.». Подъ надписью помѣщены инициалы въ Божѣ почивающаго государя. На торжествѣ освященія памятника присутствовало начальство Чесменской богадѣльни и призрѣваемые въ ней нижніе чины и офицеры. Постройка домика и сооруженіе памятника обошлось около 22 тысячъ рублей. Строителемъ былъ архитекторъ Павловскій.

Освященіе памятника Лобачевскому въ Казани. «Камско-Волжскій Край» сообщаетъ слѣдующія подробности объ открытіи памятника Лобачевскому. 1 сентября, послѣ литургіи и панихиды въ университетской церкви, совершенныхъ высокопреосвященнымъ Владиміромъ, приглашенные къ участию въ торжествѣ открытія перешли къ мѣсту постановки бюста, гдѣ, по совершеніи литіи по Н. И. Лобачевскому, въ моментъ провозглашенія ему протодіакономъ «вѣчная память», предсѣдатель физико-математическаго общества, профессоръ А. В. Васильевъ, открылъ завѣсу, покрывавшую бюстъ, а хоръ пѣвчихъ пропѣлъ вѣчную память. Затѣмъ участвующія въ торжествѣ лица перешли въ актовъй залъ, гдѣ открылось торжественное собраніе, на которомъ были произнесены рѣчи, и прочитанъ отчетъ о суммахъ, поступившихъ на сооруженіе бюста. По открытіи торжественнаго засѣданія, предсѣдатель комитета по сооруженію бюста, С. В. Дьяченко, познакомилъ посѣтителей съ исторіей возникновенія мысли о сооруженіи памятника и прочиталъ отчетъ о суммахъ на этотъ памятникъ, при чемъ благодарилъ, отъ лица комитета, всѣхъ лицъ, оказавшихъ содѣйствіе увѣковѣченію памяти знаменитаго русскаго ученаго. Затѣмъ профессоръ Ф. М. Суворовъ сказалъ рѣчь, въ которой указалъ на значеніе ученыхъ трудовъ покойнаго. Профессоръ А. В. Васильевъ характеризовалъ покойнаго, какъ чловека, который не удовлетворялся дѣятельностью только въ стѣнахъ университета, но и выступалъ, какъ общественный дѣятель, проводя въ открытомъ въ 40-хъ годахъ экономическомъ обществѣ мысли о необходимости ремесленнаго образованія, устройствѣ разныхъ ремесленныхъ классовъ, пріготовъ и прочее. Многія изъ задушевныхъ мыслей Лобачевскаго въ той или другой формѣ осуществились, другія близки къ осуществленію. Вечеромъ состоялось въ актовомъ залѣ университета, при громадномъ стеченіи публики, торжественное засѣданіе физико-математическаго общества. Предсѣдатель общества профессоръ А. В. Васильевъ доложилъ собранію полученныя привѣтствія съ разныхъ концовъ міра по поводу открытія памятника Н. И. Лобачевскому. Поблагодаривъ отъ лица общества всѣхъ принимавшихъ участіе въ пожертвованіяхъ и такъ или иначе способствовавшихъ увѣковѣченію памяти знаменитаго геометра, онъ доложилъ вкратцѣ отчетъ о суммахъ, поступившихъ на это дѣло. Далѣе профессоръ предложилъ почтить вставаніемъ память умершихъ за послѣднее время членовъ физико-математическаго общества. Предсѣдатель Нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи въ краткой рѣчи привѣтствовалъ физико-матема-

тическое Общество по поводу осуществленія дѣла открытія памятника Лобачевскому. Затѣмъ Н. В. Рейнгагдтъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: Огюсть Конгъ и Лобачевскій. Въ заключеніе предсѣдатель общества доложилъ нѣсколько рефератовъ, полученныхъ отъ иностранныхъ ученыхъ, на математическія темы. На торжествахъ открытія памятника, между прочимъ, присутствовали бывшій ученикъ Лобачевского, спеціально пріѣхавшій изъ Петербурга, сенаторъ Безобразовъ, студентъ Казанскаго университета, выпуска 1839 года, и бывшій студентъ того же университета выпуска 1844 года, Казанскій, у котораго Лобачевскій былъ посаженнымъ отцомъ, а также и дочь покойнаго.

Раскопки въ Пермской губерніи. На лѣвомъ нагорномъ берегу Камы, подъ Пермью, у деревни Гляденовой, находится древнее чудское городище. Это возвышенный пунктъ на обрывѣ, спускающемся къ рѣчкѣ Нижней-Мулянкѣ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ текущаго года, по сообщенію «Новостей» (№ 253), членъ пермской ученой архивной комиссіи С. И. Сергѣевъ произвелъ изслѣдованіе Гляденовскаго городища, причемъ на посѣвѣ ячменя обнаружилъ выпавшія изъ почвы кости животныхъ. Была сдѣлана пробная раскопка костей, которая дала шесть обломковъ костяныхъ стрѣлъ и небольшую бронзовую бусу. Черезъ нѣсколько дней приступили уже къ обстоятельной раскопкѣ предсѣдатель архивной комиссіи, инженеръ-технологъ Н. Н. Новокрещенныхъ, совмѣстно съ г. Сергѣевымъ при 20-ти рабочихъ. На первыхъ же порахъ, раскопка обѣщала богатые результаты, такъ какъ была открыта масса костяного пепла—здѣсь оказалось цѣльное негронутое жертвенное мѣсто чуди или, иначе, костнице, которое расположено между двумя валами городища, на высотѣ около 40 саж. по вертикальной линіи надъ р. Н.-Мулянкою. Мѣстность покрыта дерномъ и мелкою еловою и березовою порослью. Такимъ образомъ, на признаки существованія костница указывали только случайно внаханныя кости. Костнице занимаетъ площадь свыше 200 кв. саж.; сверху оно покрыто сырыми необожженными костями, а далѣе идетъ слой плотно слежавшагося костяного пепла—до 2¹/₂ арш. въ серединѣ и постепенно утончаясь къ краямъ. Въ этомъ пеплѣ, отъ почвы до дерна, попадаются костяныя, бронзовыя и желѣзныя вещи, небольшіе глиняные сосуды и масса битой глиняной же посуды, перемѣшанной съ мелкими костями различныхъ животныхъ. Большинство вещей найдено въ этой массѣ въ одиночку и лишь незначительное количество—группами, которыя представляли такой видъ; положено одно или два бронзовыхъ изображенія птицъ, чловѣка, звѣрей, мухъ или змѣй, или же, просто, бронзовая бляшка, въ родѣ большой пуговицы, около — нѣсколько бронзовыхъ или стеклянныхъ золоченныхъ бусъ, а по бокамъ—костяныя или желѣзныя стрѣлы, ножички и пр. Все это засыпано пепломъ и покрыто черепками не сплошь, а, повидимому, для того, чтобы вѣтеръ не раздувалъ пепла и не обнажалъ уложенныя въ описанномъ порядкѣ вещи. Все это находится не въ одномъ какомъ нибудь слогѣ, а повсемѣстно по вышнимъ слоямъ и по площади. Горшки и чашки были наполнены пепломъ, въ которомъ находили бусы и стрѣлы; всѣ маленькія чашки были въ опрокинутомъ положеніи, а большія—дномъ внизъ. По настоящее время найдено до ста глиняныхъ сосудовъ, масса черепковъ съ разными орнаментами, идоловъ и друг. чудскихъ изображеній; два чловѣка—сидящій на конѣ и въ

лодокъ, по 2 человѣка вмѣстѣ—4, по одному—22, пчелъ и мухъ 9, птицъ 59, животныхъ 102, змѣй 10, головокъ животныхъ (въ родѣ масокъ) 3, такая же головка, совсѣмъ рѣдкая,—одна, одна серебряная бляха, въ родѣ большой медали, съ изображеніемъ человѣка, стоящаго на животномъ; такихъ же меньшихъ бляшекъ 8, большихъ бронзовыхъ—6, среднихъ 135, фигурныхъ 4, коническихъ 6; затѣмъ идутъ кольца, звѣзды, вѣнчики, колокольчики, изображенія саней, наперстки, стрѣлы, почти 1,000 неопредѣленныхъ вещей, топоры, ножички, скобы, бронзовыхъ бусъ (золоченыхъ) около 400, рыболовные крючки, черепа оленей, хищныхъ животныхъ, зубы ихъ и т. д., и т. д. Далеко не все еще и до сихъ поръ разобрано. Эта раскопка дала, такимъ образомъ, коллекцію чудскихъ вещей, которой по богатству ея содержанія нѣтъ равной; она даетъ полную картину бытовой жизни чуди, что значительно подвинетъ вопросъ объ изученіи исторіи этого древняго народа; вещи эти лежали въ землѣ болѣе 1,000 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе судьба этой драгоцѣнной коллекціи возбуждаетъ большія опасенія: ни мѣстная архивная комиссія, ни уральское общество любителей естествознанія совершенно не располагаютъ средствами для разборки и храненія добытыхъ предметовъ. Нельзя не пожелать, чтобы на помощь имъ выступило какое нибудь болѣе богатое учрежденіе—напримѣръ, Императорскій Эрмитажъ, которому пріобрѣтеніе новой коллекціи могло бы быть только полезнымъ.

Шпага Карла XII. Московская Оружейная палата обогатится еще однимъ важнымъ историческимъ памятникомъ. Карлъ XII, послѣ полтавскаго разгрома, бѣжалъ въ турецкій лагерь, въ надеждѣ возбудить турокъ къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи. Извѣстно, что, будучи въ Бендерахъ, онъ впалъ въ такое изступленіе, что, вынудъ свою шпагу, принялся колоть ею во всѣ стороны. Тогда принуждены были обезоружить его, и шпага его, вынутая изъ поженъ, осталась въ Бендерахъ. Благодаря счастливой случайности, она сохранилась тамъ, и бендерскій паша, бывший въ дружескихъ отношеніяхъ съ русскимъ губернаторомъ Измаила, генераломъ Тучковымъ, подарилъ ему эту историческую шпагу, а Тучковъ передалъ ее въ 1822 году одному русскому генералу, уѣзжавшему со службы изъ Измаила въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ шпага Карла XII хранилась въ семействѣ этого генерала. Дочь его, почтенная особа 78 лѣтняго возраста, представила нынѣ эту драгоцѣнность на высочайшее распоряженіе, а Государь Императоръ повелѣлъ отпривить ее на храненіе въ Оружейную палату. Шпага эта имѣетъ всѣ признаки достовѣрности; на клинкѣ вычеканено золотомъ: Carolus XII. Владѣтельница шпаги возила ее въ Парижъ, гдѣ знатоки признали ее подлинной, и Артиллерійскій музей предлагалъ купить ее; но владѣтельница шпаги уклонилась отъ сего, считая этотъ памятникъ достояніемъ Россіи.

† **Н. А. Неклюдовъ.** Въ ночь на 1 сентября въ С.-Петербургѣ скоростижно скончался товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Николай Адриановичъ Неклюдовъ. Уроженецъ Саратовской губерніи, покойный по окончаніи курса въ Пензенскомъ дворянскомъ институтѣ, поступилъ на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, гдѣ въ 1861 г. и окончилъ курсъ со степенью кандидата. Въ 1865 г. имъ была защищена диссертация на степень магистра уголовного права, а въ 1884 г. совѣтомъ университета св. Владиміра онъ былъ

удостоенъ степени доктора «за ученые заслуги». На служебномъ поприщѣ имъ были пройдены слѣдующія должности: въ 60-хъ годахъ участковаго мирового судьи г. С.-Петербурга, почетнаго мирового судьи и предсѣдателя столичнаго мирового съѣзда; въ семидесятыхъ годахъ юрисконсульта консультаціи, учрежденной при министерствѣ юстиціи. Въ іюнѣ 1881 г. послѣдовало назначеніе Н. А. оберъ-прокуроромъ уголовного кассационнаго департамента сената; въ январѣ 1885—оберъ-прокуроромъ общаго собранія и соединеннаго присутствія перваго и кассационныхъ департаментовъ, а въ сентябрѣ 1893—товарищемъ государственнаго секретаря и 14 декабря 1895 года—товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Произведенный въ 1879 г. въ дѣйствительные статскіе, а въ 1885—въ тайные совѣтники, покойный 1-го января текущаго года награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Служебная дѣятельность покойнаго почти все время шла нераздѣльно съ ученою, и только за мѣсяць съ небольшимъ до назначенія на должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ, Н. А. оставилъ профессорскую кафедру, которую занималъ сначала въ военно-юридическомъ училищѣ (1869—1878), а затѣмъ въ военно-юридической академіи (1878—1895) въ теченіе 30 лѣтъ. Къ учено-литературнымъ трудамъ покойнаго принадлежали: «Уголовно-статистическіе этюды», магистерская диссертация (Сиб., 1865 г.), Учебникъ уголовного права Бернера, переводъ съ дополненіями и приложеніями (Сиб. 1865 г.), Руководство для мировыхъ судей (Сиб., 1867—1868 г., два тома), Общая часть уголовного права (Сиб., 1875 г., 192 стр.), Руководство къ особенной части русскаго уголовного права (Сиб., 1876—1878 гг., три тома) и нѣсколько переводныхъ изданій. Смерть покойнаго, хотя и мгновенная, не пришла неожиданно, хотя и застала его еще нестарымъ человѣкомъ: не щадя своихъ силъ въ работѣ, Н. А. совершенно надломилъ свой организмъ и, можно сказать, уже умирая, вступилъ на порогъ дѣятельности, достойной его дарованій по своему объему и значенію, такъ что его имя не забудется лишь въ области науки уголовного права, гдѣ онъ занималъ въ Россіи одно изъ первыхъ мѣстъ. Съ одной стороны личныя качества и дарованія, а съ другой—популярныя тенденціи его молодости пріобрѣли покойному прочныя и чрезвычайно широкія симпатіи въ нашемъ обществѣ. («Нов. Вр.» № 7369 и 7370; «Гражд.», № 71; «Моск. Вѣд.», № 243; «Нов.», № 242; «Русск. Сл.», № 238; «Бирж. Вѣд.», № 243; «С.-Пет. Вѣд.», № 241).

†**Епископъ Діонисій.** 8-го сентября въ Москвѣ скончался епископъ уфимскій и мензелинскій Діонисій. Покойный архипастырь, въ мѣрѣ Дмитрій Васильевичъ Хитровъ, родился 22 октября 1818 года въ селѣ Хитровѣ, Далковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, и воспитывался въ мѣстной духовной семинаріи. По окончаніи курса студентомъ 15 іюля 1840 года, онъ въ слѣдующемъ году 6 апрѣля, по вызову епархіальнаго начальства, отправился въ Якутскъ, гдѣ принявъ священство и пятнадцать лѣтъ (1841—1856 гг.) состоялъ миссіонеромъ, распространяя свѣтъ христіанства среди инородцевъ. Возведенный въ санъ протоіерея, почившій съ 1856 года занималъ должности: смотрителя якутскаго духовнаго училища и ректора якутской семинаріи, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ прѣжнюю миссіонерскую дѣятельность до 1867 года. По смерти жены,

онъ принялъ монашество съ именемъ Діонисія и 9 февраля 1868 года былъ хиротонисованъ въ епископа якутскаго. Сначала онъ состоялъ викариемъ Камчатской епархіи, а съ 12 января 1869 года, по образованіи отдѣльной якутской каѳедры, самостоятельнымъ епископомъ. Затѣмъ покойный былъ переведенъ на уфимскую епископскую каѳедру (съ 12 декабря 1883 года), гдѣ и находился почти до самой смерти. Почившему принадлежали: переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ на якутское нарѣчіе, составленіе азбуки и грамматики якутскаго языка, очерки о поѣздкахъ по Уфимской епархіи («Уфимскія Епархіальныя Вѣдомости», 1889—1890 гг.), а также и проповѣди. За свои многолѣтніе труды онъ съ 1881 года, былъ избранъ въ почетные члены Казанской духовной академіи («Моск. Вѣд.», № 249).

† **Л. М. Карачунскій.** Въ ночь на 10-е сентября въ С.-Петербургѣ скончался отъ скоротечной чахотки бывшій редакторъ-издатель газеты «Минута» и сотрудникъ нѣсколькихъ періодическихъ изданій, Левъ Михайловичъ Карачунскій. Покойный издавалъ «Минуту» въ 1889 и 1890 годахъ; пріостановка газеты на три мѣсяца подорвала его благосостояніе, и онъ былъ вынужденъ искать себѣ заработка сперва постояннымъ сотрудничествомъ въ качествѣ секретаря редакціи «Русской Жизни», затѣмъ различными предпріятіями, касавшимися преимущественно театральнаго дѣла. Л. М. отличался вообще разнообразіемъ предпріимчивости и въ этомъ отношеніи былъ полезенъ вездѣ, гдѣ приходилось ему работать. Года три тому назадъ онъ пріобрѣлъ право на изданіе «Московской иллюстрированной газеты», но безуспѣшно хлопоталъ объ утвержденіи редактора этой газеты. Журнальная дѣятельность покойнаго началась въ провинціи. Поселясь въ Петербургѣ, онъ сталъ сотрудничать въ столичныхъ изданіяхъ, помѣщая свои статьи преимущественно въ «Петербургской Газетѣ», «Сынѣ Отечества», «Минутѣ». Въ «Новомъ Времени» въ концѣ 80-хъ годовъ были напечатаны его очерки петербургской жизни. Нынѣшнимъ лѣтомъ Л. М. составилъ и издалъ весьма цѣнную справочную книгу «Наши петербургскіе артисты». Онъ вѣрилъ въ успѣхъ своего изданія и надѣялся уѣхать осенью въ Крымъ, чувствуя себя утомленнымъ. Мечты покойнаго не сбылись; скоротечная чахотка унесла его въ могилу. Покойному было около 40 лѣтъ. («Нов. Вр.», № 7378).

† **П. Т. Китицынъ.** Въ первыхъ числахъ сентября въ С.-Петербургѣ скончался отъ паралича сердца, членъ медицинскаго совѣта, т. с. Павелъ Трофимовичъ Китицынъ. Покойный родился въ 1822 году и былъ однимъ изъ крестниковъ императора Александра I. По окончаніи курса въ университетѣ св. Владиміра со степенію кандидата юридическихъ наукъ, П. Т. поступилъ на службу въ канцелярію кіевскаго генералъ-губернатора. Затѣмъ онъ былъ заსѣдателемъ подольской палаты гражданскаго суда, служилъ въ канцеляріи намѣстника бывшаго царства Польскаго и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій и юрисконсульта министерства. Будучи назначенъ въ 1869 году членомъ медицинскаго совѣта, покойный съ 1872 года по 1886 г. занималъ должность юрисконсульта министерства императорскаго двора. Находясь въ 50-хъ годахъ въ Варшавѣ, П. Т. преподавалъ законовѣдѣніе въ мѣстномъ дворянскомъ институтѣ. Въ 60-хъ годахъ онъ

принималъ дѣятельное участіе въ разнообразныхъ коммисіяхъ: по устройству помѣщичьихъ крестьянъ, по введенію судебныхъ уставовъ, по еврейскому вопросу и др. Интересуясь юридическими вопросами, покойный не оставался чуждымъ юридической литературѣ. Его статьи были напечатаны въ юридическихъ журналахъ и въ «Сборникѣ археологическаго института». Имъ, между прочимъ составлена «Исторія министерства императорскаго двора». («Нов. Вр.», №7378).

† **А. Я. Максимовъ.** 22 августа во Владивостокѣ скончался отъ остраго малокровія на 45 году жизни, капитанъ 2-го ранга Александръ Яковлевичъ Максимовъ. Покойный принималъ въ послѣдніе годы дѣятельное участіе въ «Новомъ Времени» въ качествѣ постоянного корреспондента съ дальняго Востока и сотрудника по вопросамъ морского дѣла. Получивъ первоначальное образование въ с.-петербургской пятой классической гимназіи, А. Я. кончилъ въ 1872 году курсъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Имя его, какъ лучшаго по успѣхамъ, занесено на мраморную доску. Находясь на службѣ во флотѣ, А. Я. совершилъ нѣсколько кругосвѣтныхъ плаваній. Далекій Востокъ привлекалъ особенное вниманіе покойнаго. Во время своей двухкратной службы въ Сибирской флотиліи (въ первый разъ съ 1874 г. по 1879 г., во второй разъ съ 1894 г. по день кончины) онъ тщательно изучалъ Дальній Востокъ въ стратегическомъ, экономическомъ, промышленномъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Продолжительность пребыванія на Дальнемъ Востокѣ позволила покойному произвести рядъ наблюденій надъ жизнью и особенностями этой далекой окраины. Будучи крайне нервнымъ и впечатлительнымъ, А. Я. не могъ оставаться безучастнымъ въ послѣднее время къ нашей политикѣ по отношенію къ Китаю и Японіи, и неоднократно въ своихъ корреспонденціяхъ давалъ обстоятельные очерки политическаго положенія дѣлъ въ Китаѣ, Японіи и въ европейскихъ колоніяхъ на Дальнемъ Востокѣ. Литературная дѣятельность А. Я. Максимова началась тогчасъ по окончаніи курса въ Морскомъ корпусѣ. Совершая въ началѣ 70-хъ годовъ кругосвѣтное плаваніе на корветѣ «Аскольдъ», онъ печаталъ очерки изъ этого плаванія въ журналѣ «Всемирный Путешественникъ». Затѣмъ, въ 1875 году, очерки эти были изданы отдѣльною книгою подъ заглавіемъ «Вокругъ Свѣта». Во время своего перваго пребыванія на Дальнемъ Востокѣ, въ 70-хъ годахъ, А. Я. написалъ рядъ разсказовъ, преимущественно изъ жизни Уссурийскаго края. Разказы были напечатаны въ «Кругозорѣ», «Нивѣ» и др. журналахъ. Изъ нихъ назовемъ: «Скиталець», «Два миссіонера», «Поля Сімеонъ», «Тюлений островъ» и др. Серія беллетристическихъ произведеній покойнаго, талантливо обработанныхъ и оригинальныхъ по сюжету, была издана въ 1883 году книгой подъ общимъ заглавіемъ «На далекомъ Востокѣ». Книга эта вышла въ прошломъ году третьимъ изданіемъ. Въ послѣдніе годы во «Всемирной Пллюстраціи» и «Трудѣ» были напечатаны слѣдующіе разказы покойнаго: «Персть Божій», «Между чувствомъ и долгомъ», «Пріятная услуга», «Совѣщаніе» и нѣсколько небольшихъ этнографическихъ очерковъ. («Нов. Вр.», № 7360; «Русск. Сл.», № 232).

† **А. И. Павинскій.** 12 августа въ Градскѣ скончался пзвѣстный славистъ, заслуженный ординарный профессоръ Варшавскаго университета Адольфъ Ивановичъ Павинскій. Покойный родился въ 1840 г. и высшее образова-

ніе получилъ въ университетахъ Дерптскомъ (нынѣ Юрьевскомъ) и Геттингенскомъ. Въ 1868 г. А. П. Павинскій назначенъ былъ доцентомъ по кафедрѣ всеобщей исторіи въ бывшей варшавской главной школѣ, преобразованной затѣмъ въ Варшавскій университетъ. За диссертацию «Полабскіе славяне» А. П. Павинскій получилъ въ 1871 г., послѣ диспута въ Петербургскомъ университетѣ, званіе доктора всеобщей исторіи и былъ назначенъ экстраординарнымъ, а съ 1875 г. — ординарнымъ профессоромъ Варшавскаго университета. Въ 1894 г. покойный получилъ званіе заслуженнаго ординарнаго профессора. А. П. Павинскій былъ членомъ многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ и участвовалъ въ качествѣ депутата отъ Варшавскаго университета въ международномъ конгрессѣ по антропологій и доисторической археологій. Покойный издавалъ свои ученые труды на разныхъ языкахъ. Кромѣ «Полабскихъ славянъ», наиболѣе извѣстны его монографіи на русскомъ языкѣ: «Доисторическое время въ территоріи позднѣйшей Польши», «Существованіе чело-вѣка въ эпоху третичной формаціи», «Каменный періодъ въ нынѣшней Россіи», «Погребальные обычаи у западныхъ славянъ», «Подляшское воеводство въ XVI вѣкѣ» (1893 г.); на латинскомъ языкѣ: «Прусское герцогство при Сигизмундѣ-Августѣ»; на французскомъ языкѣ: «Научный методъ изученія исторической географіи»; на нѣмецкомъ языкѣ: «Происхожденіе средневѣковаго консульства въ общинахъ сѣверной и средней Италиі», наконецъ, множество изслѣдованій издано имъ на польскомъ языкѣ: «Сеймовое управленіе въ Польшѣ за 1572 — 1795 гг.», «Исторія финансоваго устройства и управленія въ Польшѣ въ XIV в.» и др. («Нов. Вр.», № 7354; «Русск. Сл.», № 227).

† **М. Н. Шмелевъ.** 3 сентября, на Волковомъ кладбищѣ погребенъ скончавшійся на дняхъ, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, докторъ медицины Михаилъ Николаевичъ Шмелевъ. Покойный, какъ опытный врачъ-практикъ и какъ редакторъ «Вѣстника судебной медицины», пользовался почетною извѣстностью. Занимаясь врачебной дѣятельностью съ 1856 года, онъ первые годы своей службы прожилъ въ провинціи. Особенно памятна его дѣятельность въ качествѣ врача въ Ярославской губерніи въ 60-хъ годахъ. Здѣсь М. Н. успѣшно боролся съ сибирской язвой, изучалъ болѣзни, наиболѣе распространенныя, а также мѣстныя климатическія и бытовыя условія. Докторская диссертация покойнаго была посвящена медицинской топографіи Ярославской губерніи и защищена имъ въ медико-хирургической академіи въ 1868 году. Въ 70-хъ годахъ М. Н. отправился за границу, гдѣ подробно ознакомился съ мѣрами, предпринимаемыми для оздоровленія городовъ; къ этому времени относится его статья: «Центральная химическая лабораторія въ Дрезденѣ для обществено-гигіеническихъ цѣлей», напечатанная въ «Сборникѣ сочиненій по судебной медицинѣ». Эгогъ «Сборникъ» приобрѣлъ въ лицѣ покойнаго съ 1872 года дѣятельнаго сотрудника. Съ 1876 года по 1882 г. покойный редактировалъ «Сборникъ», съ 1882 года по 1888 г. редактировалъ по порученію медицинскаго департамента «Вѣстникъ судебной медицины». Перу покойнаго принадлежитъ масса цѣнныхъ статей и библиографическихъ замѣтокъ медицинскаго характера. Изъ нихъ назовемъ статьи: «О мѣрахъ противъ пьянства», «О вліяніи жилищъ на нравственность», «О пользѣ высокихъ

мѣстностей для чахоточныхъ», «О санитарной части тюремъ», «Объ устрой-
скудельни (morgue) въ С.-Петербургѣ», «Озонъ», «О продовольствіи Петер-
бурга мясомъ», «О сожиганіи труповъ», «О зараженіи рѣкъ» и пр. Вообще
покойный посвящалъ свои литературныя работы выясненію разнообразныхъ
общественно-медицинскихъ вопросовъ. Его статья подъ заглавіемъ «Тюрьмы и
системы наказанія въ гигиеническомъ отношеніи» («Знаніе», 1872 г.) имѣла
нѣкоторое вліяніе на улучшеніе мѣстъ заключенія. Кромѣ самостоятельныхъ
работъ, покойному принадлежитъ нѣсколько переводовъ. Такъ, имъ переведено
съ англійскаго «Общепонятное руководство къ изученію физиологіи и гигиены»
Дальтона. Въ 1888 году М. Н. занялъ должность вице-директора медицинскаго
департамента и занималъ ее до 1891 года, когда былъ вынужденъ по болѣзни
(прогрессивный параличъ) выйти въ отставку. Умеръ онъ на 60-мъ году жизни.
(«Нов. Вр.», № 7371; «Русск. Сл.», № 240).

А. И. Глазуновъ. 24 августа въ Москвѣ скончался книгопродавецъ и из-
датель А. И. Глазуновъ. Покойный былъ представителемъ старинной фирмы
книгопродавцевъ, существующей съ 1782 года и издавшей произведенія мно-
гихъ русскихъ писателей. А. И. Глазуновымъ изданы, между прочимъ, сочи-
ненія Лермонтова, Гончарова и Кольцова. Съ 1878 года покойный, передавъ
свое дѣло Н. П. Мамонтову, отдался литературнымъ занятіямъ. Извѣстны его
переводы сочиненій Шерра «Шиллеръ и его время» и «Человѣческая трагико-
медія» и Вашингтона-Ирвинга «Путевые очерки», («Моск. Вѣд.» № 240).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ біографіи іезуита Мартынова.

Недавно вышелъ XVIII томъ энциклопедическаго словаря Брокгауза и Еф-
рона, гдѣ на стр. 701—702 помѣщены свѣдѣнія объ іезуитѣ Мартыновѣ. Со-
ставитель статьи объ немъ придалъ ему отчество «Михайловичъ» и дворянство
по происхожденію, но, насколько это вѣрно, можно видѣть ниже. Вообще нужно
сказать, что мы имѣемъ очень мало свѣдѣній о Мартыновѣ, или они часто не
вѣрны. Сообщаемъ данныя изъ официальныхъ источниковъ.

Высочайшія повелѣнія императрицы Маріи Ѳеодоровны С.-Петербургскому
опекунскому совѣту:

1) Отъ 6 сентября 1827 г. «По желанію любезнѣйшаго сына моего, вели-
каго князя Михаила Павловича, повелѣваю: оставшихся по смерти унтеръ-
цейхвахтера казанскаго артиллерійскаго гарнизона XIII класса Мартынова
и его жены круглыми сиротами сыновей: Александра 9 лѣтъ и Пвана 5 лѣтъ,
принять въ воспитательный домъ пансіонерами на иждивеніе его император-
скаго высочества, впредь до перемѣщенія ихъ въ другое по ихъ званію заведеніе».

2) Отъ 10 августа 1828 г. «Сына умершаго унтеръ-цейхвахтера Марты-

нова, Александра, какъ не принадлежащаго къ питомцамъ воспитательнаго дома, а помѣщеннаго временно пансіонеромъ, впредь до перемѣщенія въ другое по его званію заведеніе, выпустить нынѣ».

Отца этихъ Мартыновыхъ, какъ доказываетъ его служебный документъ, звали Матвѣемъ Никитинымъ; онъ выслужился изъ нижнихъ чиновъ, получивъ первый классный чинъ 22 іюня 1821 г., и умеръ въ 1826 г. Александръ М. родился во время состоянія отца въ нижнемъ званіи; младшій Иванъ, будущій ренегатъ и іезуитъ, по полученіи уже отцемъ его оберъ-офицерскаго чина. Во исполненіе выше приведеннаго высочайшаго повелѣнія отъ 6-го сентября 1827 г., Иванъ Матвѣевъ Мартыновъ поступилъ въ Гатчинскій воспитательный домъ, 24-го сентября того же года, пяти лѣтъ отъ роду пансіонеромъ великаго князя Михаила Павловича, кончилъ курсъ въ 1839 г. и тогда же, 28-го сентября, помѣщенъ въ С.-Петербургскій университетъ. Здѣсь, по окончаніи образованія по 1-му отдѣленію философскаго факультета, по разряду общей словесности, удостоенъ степеніи кандидата; въ 1843 г. совѣтъ университета, удостоивъ Мартынова золотою медалью за отличное рѣшеніе заданной въ 1842 г. темы, предполагилъ отправить его на казенный счетъ за границу, для приготовленія къ профессорскому званію по части греческой и латинской словесности, но предположеніе это не состоялось по недостатку средствъ. Затѣмъ имѣлось въ виду опредѣлить Мартынова учителемъ какой либо гимназіи, но 5-го февраля 1844 г. онъ поступилъ къ графу Григорію Петровичу Шувалову въ качествѣ домашняго наставника, на каковое званіе получилъ отъ попечителя Петербургскаго учебнаго округа надлежащее свидѣтельство.

По словамъ бывшаго воспитателя Гатчинскаго воспитательнаго дома Н. К. К—ва, слѣдовательно однокашника Ивана Мартынова, но моложе послѣдняго лѣтами и до сихъ поръ здравствующаго, онъ помнитъ его въ женской роли въ какой-то пьесѣ на театрѣ этого заведенія. Кажется, Мартыновъ принялъ католицизмъ и сдѣлался іезуитомъ гораздо ранѣе 1860 годовъ, такъ какъ въ началѣ ихъ, какъ свидѣтельствуетъ Кельсиевъ, онъ уже путешествовалъ по Галліи, съ цѣлю устроити униатскій отдѣлъ іезуитскаго ордена для пропаганды Рима на востокъ.

Покойный М. П. Семевскій, показывавшій намъ письма къ нему іезуита, передавалъ въ 1880-хъ годахъ, что онъ посѣтилъ какъ-то Мартынова въ Парижѣ, въ улицѣ Риволи, и засталъ его за составленіемъ на латинскомъ языкѣ іезуитскихъ біографій.

Если въ 1827 г. Ивану Мартынову было пять лѣтъ, то, принявъ 1822 г. за годъ его рожденія, теперь ему идетъ 75-й годъ. Г. И. Студенкинъ.

II.

Свѣдѣнія объ А. П. Версиловѣ.

Въ сентябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ, въ статьѣ г. Слезкинскаго «Императоръ Александръ I на солеваренномъ заводѣ въ 1823 г.», говорится объ управляющемъ солевареннымъ заводомъ,

котораго авторъ именуе́тъ Верейловымъ, между тѣмъ какъ фамилія его Версилловъ—онъ мой родной дѣдъ.

А. П. Версилловъ согласно брошюрѣ: «Краткое извѣстіе о жизни Андрея Павловича Версиллова», служилъ въ Старой Русѣ два раза. Въ первый ѣ разъ въ качествѣ переводчика при Францѣ-Людвигѣ фонъ-Канкринѣ, отцѣ министра финансовъ Егора Францовича Канкринна, въ 1799 году—по май 1801 года. Отсюда онъ перешелъ въ горное училище и затѣмъ въ 1804 году поступилъ правителемъ дѣлъ при начальникѣ Гороблагодатскихъ заводовъ Андреѣ Федоровичѣ Дерябинѣ. Въ 1807 году опредѣленъ управляющимъ на Дедюхинскіе соляные промыслы. Въ 1814 году переведенъ въ Старую Руссу, гдѣ служилъ во второй разъ уже управляющимъ солевареннымъ заводомъ по 1828 годъ, и, разумѣется, императоръ Александръ I, посѣтившій Старую Руссу въ 1823 году, разговаривалъ съ нимъ, а не съ Верейловымъ. Затѣмъ мой дѣдъ служилъ управляющимъ рижской таможенной, гдѣ и скончался въ 1852 году.

Краткое описаніе его жизни написано собственною его рукою и сохранилось въ бумагахъ, оставленныхъ имъ. Напечатано оно въ прошломъ году въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Горный инженеръ Н. Версилловъ.

III.

Нѣсколько замѣчаній на книгу: „Списки архіереевъ іерархіи Всероссийской“.

Въ 1872 году была издана святѣйшимъ синодомъ книга: «Списки архіереевъ и архіерейскихъ кафедръ со времени учрежденія святѣйшаго правительствующаго синода». Книга эта была составлена бывшимъ товарищемъ синодальнаго оберъ-прокурора Ю. В. Толстымъ.

Такъ какъ со времени изданія этой книги произошло весьма много перемѣнъ въ составѣ русской іерархіи и русскихъ епархій и, кромѣ того, въ книгѣ Ю. В. Толстого замѣчены были нѣкоторыя неточности и погрѣшности, то, по распоряженію нынѣшняго г. оберъ-прокурора святѣйшаго синода, К. П. Побѣдоносцева, предпринято, трудами служащихъ въ синодальномъ архивѣ лицъ, новое изданіе «Списковъ архіереевъ іерархіи Всероссийской и архіерейскихъ кафедръ» (С.-Петербургъ, 1896 г., синодальная типографія).

Новъ изданная святѣйшимъ синодомъ книга состоитъ изъ 4-хъ отдѣловъ. Въ 1-мъ отдѣлѣ указаны архіереи, управлявшіе епархіями при учрежденіи святѣйшаго синода (1721 года); во 2-мъ, въ хронологическомъ порядкѣ, перечислены архіереи, хиротонисанные по учрежденіи святѣйшаго синода. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены краткія біографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ архіереяхъ. 3-й отдѣлъ заключаетъ въ себѣ списокъ нынѣшнихъ іерарховъ церкви Всероссийской по времени состоянія ихъ въ различныхъ степеняхъ архіерейскаго сана; въ 4-мъ отдѣлѣ помѣщенъ списокъ епархій и викариатствъ въ алфавитномъ по-

рядкѣ, съ указаніемъ времени ихъ учрежденія и именъ архіереевъ, ихъ занимавшихъ. Въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель именъ преосвященныхъ архіереевъ.

Подобное изданіе должно представлять неоцѣненный матеріалъ для справокъ, но, къ сожалѣнію, это 2-е изданіе Списковъ, какъ и первое, заключаетъ въ себѣ значительныя неточности и погрѣшности, и даже въ большемъ числѣ, чѣмъ онѣ встрѣчались въ изданіи Списковъ 1872 года. Эти неточности и погрѣшности замѣчены нами даже при поверхностномъ просмотрѣ книги. Онѣ касаются именъ архіереевъ, занимавшихъ епископскія кафедръ въ хронологическомъ порядкѣ, фамилій архіереевъ, которыя они носили въ мірѣ, а также и различныхъ степеней архіерейскаго сана. Въ книгѣ даже пропущены нѣкоторыя, прежде существовавшія, викаріатства; не указаны хотя бы краткія біографическія данныя о нѣкоторыхъ знаменитыхъ іерархахъ, приимени нѣкоторыхъ архіереевъ не обозначены ихъ ученныя степени и т. п.

Нами замѣчены слѣдующія неточности, пропуски и погрѣшности.

1) Въ списокѣ существовавшихъ викаріатствъ не названо викаріатство Боголюбское (при бывшей епархіи Переяславъ-Залѣсской), учрежденное въ 1745 году; съ 1746 г. епископы этого викаріатства стали именоваться можайскими и волоколамскими. Точно также пропущено викаріатство Мелитопольское (учрежд. въ 1857 году), кафедрѣ котораго занималъ епископъ Кириллъ (Наумовъ), докторъ богословія, одинъ изъ извѣстныхъ іерарховъ православной церкви, состоявшій начальникомъ русской миссіи въ Іерусалимѣ.

2) Въ списокѣ преосвященныхъ (по епархіямъ) сдѣланы значительныя пропуски, напримѣръ, при перечисленіи архіереевъ, занимавшихъ воронежскую кафедру (стр. 92), не названъ одинъ изъ свѣтильниковъ церкви святой Тихонъ (Соколовъ), управлявшій воронежскою церковью съ 1763 г. по 1767 г. Въ числѣ свѣскихъ викарныхъ епископовъ пропущенъ епископъ Аполлосъ (Байбаковъ); въ числѣ викарныхъ епископовъ уманскихъ пропущенъ епископъ Іаковъ (Пятницкій) (стр. 109 Списковъ).

3) При указаніи ученыхъ степеней преосвященныхъ не обозначено, что бывший епископъ екатеринославскій Августинъ Гуляницкій (№ по списку 463) имѣлъ степень доктора богословія.

4) Θεодотій Озеровъ (292 №) въ 1856 году былъ возведенъ въ санъ архіепископа симбирскаго, о чемъ совсѣмъ не упомянуто въ Спискахъ; то же самое опущено при № 379—«Θеодосій Шаповаленко», епископъ вологодскій.

5) Въ книгѣ совсѣмъ не указаны хотя бы нѣкоторыя біографическія данныя о нѣкоторыхъ іерархахъ, знаменитыхъ въ исторіи Россійской іерархіи, такъ, напримѣръ, объ Іоасафѣ Горленко (№ 81), епископѣ бѣлгородскомъ, мѣсто почитаемомъ святымъ, Георгіи Конисскомъ (№ 90), архіепископѣ Могилевскомъ, Платонѣ Левшинѣ (№ 125), знаменитомъ московскомъ митрополитѣ, Викторѣ Садковскомъ (№ 150), архіепископѣ минскомъ, потомъ черниговскомъ, долго страдавшемъ въ польскомъ заключеніи, Амвросіи Орнатскомъ (№ 219), историкѣ Россійской іерархіи, Никанорѣ Клементьевскомъ (№ 250), митрополитѣ новгородскомъ и с.-петербургскомъ и проч. и проч.

6) Въ книгѣ не указаны фамиліи нѣкоторыхъ архіереевъ, которыя они по силѣ въ мѣрѣ, напримѣръ, епископъ устюжскій Сергій (№ 42) носилъ фамилію Бѣлогрѣдекаго; епископъ коломенскій Θεодосій (№ 116) назывался въ мѣрѣ Михайловскимъ.

7) Нѣкоторые изъ архіереевъ носили двойную фамилію, что совсѣмъ не указано въ спискахъ, такъ, напримѣръ, Автоній Зыбелинъ (№ 126), архіепископъ казанскій, назывался въ мѣрѣ Герасимовъ-Зыбелинъ, Іоанникій Никифоровичъ (№ 169), архіепископъ подольскій, назывался Беркутъ-Никифоровичъ-Полонскій; Тихонъ-Малининъ (№ 138), архіепископъ тверской, Малининъ-Ступишинъ; Теофанъ Шіяновъ (№ 187), епископъ полтавскій, носилъ фамилію Шіянова-Чернявскаго; Неофитъ Платоновъ (№ 238), епископъ архангельскій, назывался Докучаевъ-Платоновъ; Анатолій Маргыновскій (№ 298), архіепископъ могилевскій, Маргыновскій-Востоковъ, и его мѣрское имя было не Августинъ, какъ сказано въ Спискахъ, а Авдій.

8) Фамилія Иларіона (№ 140), епископа бѣлорусскаго и могилевскаго, была не Кондратковскій, какъ сказано въ Спискахъ, а Кондраковскій.

9) Архіепископъ тверской Тихонъ Малининъ-Ступишинъ (№ 138; см. выше) занималъ съ 1792 по 1893 годъ астраханскую кафедру, о чемъ совсѣмъ не сказано ни на стран. 14, ни на стран. 90-ой; архіепископъ Іоанникій Никифоровичъ-Беркутъ-Полонскій (№ 169, см. выше) названъ архіепископомъ брацлавскимъ, тогда какъ онъ въ 1799 году получилъ титулъ архіепископа подольскаго и брацлавскаго. Въ этомъ же году и архіерейская кафедра была перенесена изъ Шаргородскаго монастыря въ Каменецъ-Подольскъ.

10) Подъ № 153 указанъ епископъ Аполлосъ Байбаковъ (см. выше), при чемъ сказано, что онъ въ 1788 году былъ возведенъ въ санъ епископа орловскаго. Это не вѣрно: преосвященный Аполлосъ былъ возведенъ въ санъ епископа сѣвскаго, викарія московской епархіи. Только въ 1798 г. сѣвское викаріатство обращено въ самостоятельную епархію подъ именемъ орловской и сѣвской, а викаріи Московской епархіи стали именоваться епископами Дмитровскими.

11) На стр. 108, въ числѣ епископовъ сухумскихъ названъ Петръ Дроздовъ. Это не вѣрно: сухумскую кафедру занималъ съ 1893 г. по 1895 г. епископъ Петръ Друговъ.

А. Н. Сергѣевъ.

КНИЖНОЕ ДѢЛО

И

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ ВЪ РОССІИ

въ 1895 году

Л. Н. ПАВЛЕНКОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР. Д., 13
1896

КНИЖНОЕ ДѢЛО И ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ ВЪ РОССІИ ВЪ 1895 ГОДУ.

I.

Книжное дѣло.

Въ 1895 году было напечатано въ Россіи, безъ Финляндіи, 11.548 сочиненій разныхъ наименованій, въ количествѣ—42.987,707 экземпляровъ. Всѣ эти сочиненія по языкамъ, на которыхъ они были изданы, раздѣляются на двѣ группы: сочиненія на русскомъ языкѣ—8,728 и на другихъ языкахъ—2,820; въ первой группѣ насчитывается 35.521.814 экземпляровъ и во второй—7.465,893 экземпляра. Сравнивая эти данныя съ данными за 1894 годъ, получаемъ, въ общемъ, увеличеніе числа сочиненій на 897 наименованій и 10.779,335 экземпляровъ и, въ частности, такъ же увеличеніе для сочиненій на русскомъ языкѣ на 636 наименованій и 10.475,222 экземпляра и для сочиненій на другихъ языкахъ—на 251 наименованіе и 304,113 экземпляровъ. Нужно, однако, имѣть въ виду, что въ обзоръ нашъ за 1894 годъ не вошли тѣ сочиненія, которыя были разрѣшены къ печати провинціальною духовною цензурою, и потому показанное здѣсь увеличеніе числа сочиненій на русскомъ языкѣ слѣдуетъ уменьшить по крайней мѣрѣ на 200 наименованій. Все показанное число русскихъ сочиненій, вышедшихъ въ мннувшемъ году, нельзя принимать за появляющіяся въ свѣтъ въ первый разъ, такъ какъ изъ нихъ 1,550 наименованій были показаны повторными изданіями и 513 наименованій—перепечатанными изъ разныхъ періодическихъ журналовъ или сборниковъ, издающихся учеными обществами и такими же учрежденіями. Исключивъ эти числа, получимъ 6,665 совершенно новыхъ изданій; при этомъ замѣтимъ еще, что изъ общаго числа русскихъ сочиненій разсматриваемаго года было переведенныхъ—745 наименованій, слѣдовательно число оригинальныхъ произведеній равнялось 6,433 наименованіямъ. Въ общемъ счетѣ русскихъ изданій показаны нами и такія, которыя хотя и составляютъ произведенія печати, но не имѣютъ

значенія «книги», какъ-то: ноты, атласы, альбомы и т. п. — всѣхъ такихъ изданій было 150, въ количествѣ 423.280 экземпляровъ. Если исключить и эти двѣ послѣднія цифры изъ общаго числа русскихъ сочиненій, то получится собственно «книгъ»—8,578 наименованій и 35.098,534 экземпляра.

Таковъ общій результатъ книгоиздательской дѣятельности 1895 года. Слѣдя изъ года въ годъ за ходомъ книгопечатанія въ Россіи, нельзя не замѣтить того отраднаго явленія, что дѣло это постепенно у насъ развивается и растетъ, — слѣдовательно и мы сами развиваемся и растемъ умственно. Непосредственнымъ пособникомъ книгоиздательства является школа—безграмотнымъ «книга» совершенно не нужна — и потому чѣмъ больше будетъ школъ на Руси, тѣмъ больше станеть появляться въ ней книгъ. Если у насъ еще и до настоящаго времени считается нѣкоторой заслугой, даже въ интеллигентной средѣ, любовь къ чтенію, то, современемъ, съ распространеніемъ школы, заслуга эта умалится и станеть зауряднымъ явленіемъ; но для достиженія этого необходимо дать возможность какъ можно больше проникнуть книгѣ въ народную массу. Въ настоящее время препятствуетъ тому, съ одной стороны, безграмотность, съ другой же, какъ дороговизна самой книги, такъ и ея пересылки; послѣднее обстоятельство, какъ намъ кажется, является какъ бы поддержкою безграмотности, такъ какъ народъ, не видя книги около себя и не имѣя свободныхъ средствъ для вынски ея издалека, мало-по-малу забываетъ то, чему учился въ школѣ, т. е. разучивается читать. При существованіи такихъ условій было бы не своевременнымъ ожидать у насъ ежегоднаго появленія на книжномъ рынкѣ десятковъ тысячъ сочиненій, а въ настоящемъ едва ли будетъ ошибочно допустить предположеніе, что спросъ не соотвѣтствуетъ предложенію; по той же причинѣ мы избѣгаемъ дѣлать относительные выводы, которые, безъ сомнѣнія, оказались бы весьма неблагопріятными; кромѣ того, методъ этотъ въ нашемъ изслѣдованіи не имѣетъ существеннаго значенія, и если будетъ интересенъ, то только тогда, когда сдѣлается извѣстнымъ результатъ ожидаемой народной переписи, когда мы узнаемъ, много ли насъ и сколько изъ насъ знаютъ русскую грамоту.

По времени выхода въ свѣтъ всѣ изданныя въ 1895 году сочиненія распредѣлялись такъ:

Мѣсяцы:	ОТДѢЛЬНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.		
	На русск. яз.	На другихъ яз.	Всего экзмпл.
Январь	654	202	3.327,096
Февраль	598	203	2.628,443
Мартъ	837	200	3.053,826
Апрѣль	588	170	2.691,196
Май	733	219	3.107,897
Іюнь	673	196	3.803,736
Іюль	640	218	4.088,416
Августъ	666	214	5.007,917
Сентябрь	731	226	3.869,621
Октябрь	712	294	3.866,602
Ноябрь	793	292	3.981,130
Декабрь	863	306	3.547,127
Въ теченіе года	240	80	14,700

Изъ этого видно, что наиболѣе обильные мѣсяцы, по числу изданныхъ сочиненій, были мартъ и декабрь, а по количеству напечатанныхъ экземпляровъ — июль и августъ.

Переходя къ рассмотрѣнію вышедшихъ въ 1895 году изданій отдѣльно по группамъ и начиная этотъ обзоръ съ сочиненій, напечатанныхъ на языкахъ разныхъ народностей, населяющихъ Россію, мы должны сказать, что въ послѣдніе годы почти перестали появляться изданія на инородческихъ нарѣчійхъ, тогда какъ года три тому назадъ было ихъ если и не изобиліе, то достаточное число. Безграмотность ли нашихъ инородцевъ вообще или же какая либо другая причина пріостановила издательскую дѣятельность въ этомъ направленіи — трудно угадать, но вообще нельзя не пожалѣть объ этомъ, такъ какъ большинство печатавшихся ранѣе сочиненій на инородческихъ языкахъ преслѣдовало цѣль — ознакомленія инородцевъ съ исторіею и вообще съ внутреннею жизнью Россіи. Что же касается изданій на языкахъ: польскомъ, нѣмецкомъ, еврейскомъ и другихъ то ежегодное колебаніе въ числѣ ихъ, при общей достаточности его, не имѣетъ особаго значенія, въ отношеніи этихъ сочиненій насъ болѣе интересуетъ общій ихъ характеръ, — направленіе этихъ литературъ. Къ сожалѣнію, относительно послѣдняго намъ пришлось бы повторить то же, что высказывалось ранѣе, встрѣчающіяся же исключенія пока настолько рѣдки и такъ незначительны, что, судя по нимъ, нельзя думать о возможности переменъ не только въ ближайшемъ, но и въ отдаленномъ времени.

Всѣ сочиненія, изданныя въ 1895 году на иностранныхъ языкахъ, въ нисходящемъ порядкѣ числа сочиненій и по языкамъ, распределяются слѣдующимъ образомъ:

		Число сочиненій.	Количество экземпляровъ.
На польскомъ	языкѣ . .	918	2.377,759
» еврейскомъ	» . .	601	1.506,785
» нѣмецкомъ	» . .	296	510,290
» латышскомъ	» . .	258	791,555
» эстонскомъ	» . .	212	785,020
» армянскомъ	» . .	110	193,274
» грузинскомъ	» . .	100	171,120
» тюркскомъ	» . .	56	344,550
» французскомъ	» . .	47	50,105
» латинскомъ	» . .	30	22,090
» арабскомъ	» . .	28	223,650
» русско-польскомъ	» . .	19	24,580
» арабо-тюркскомъ	» . .	17	285,500
» турецкомъ	» . .	7	10,600
» еврейско-русскомъ	» . .	7	26,830
» тюркско-арабскомъ	» . .	6	94,800
» персидскомъ	» . .	4	11,800
» русско-еврейскомъ	» . .	4	4,500
» греческомъ	» . .	3	5,000

	Число сочиненій.	Количество экземпляровъ.
» англійскомъ	» . . . 2	345
» новогреческомъ	» . . . 1	300
» чешскомъ	» . . . 1	2,000
» литовскомъ	» . . . 1	5,000
» калмыцкомъ	» . . . 1	3,510
» итальянскомъ	» . . . 1	200
» польско-французскомъ	» . . . 1	300
» русско-греческомъ	» . . . 1	360
» русско-итальянскомъ	» . . . 1	1,200
» польско-русскомъ	» . . . 1	350
» арабо-персидскомъ	» . . . 1	5,000
» русско-франц.-нѣмецк.	» . . . 1	200
» грузинско-армянскомъ	» . . . 1	1,200
» русско-франц.-англійск.	» . . . 1	100
» русско-латышскомъ	» . . . 1	2,000
» русско-польско-нѣмецк.	» . . . 1	3,000
» русско-нѣмецкомъ	» . . . 1	100
» эсперанто	» . . . 1	1,000
Всего.	. . . 2,820	7,465,893

Въ приведенный общій итогъ сочиненій включены книги, изданныя на славянскомъ языкѣ, которыхъ въ перечнѣ не показано (ихъ было 78 наименованій). Изъ данныхъ этого вывода оказывается, что въ минувшемъ году, также какъ и въ прежнѣе годы, первенствовала польская литература, какъ по числу сочиненій, такъ и по количеству напечатанныхъ экземпляровъ. Литература эта, какъ ближайшая къ намъ по народности и языку, несомнѣнно заслуживаетъ и предпочтительнаго передъ другими вниманія.

Русская періодическая печать еще не такъ давно снова подняла вопросъ о примиреніи съ поляками, но шумъ этотъ, какъ и ранѣе, вѣроятно, ограничится только нѣсколькими статьями полемическаго характера. Полемика эта можетъ произвести то или другое впечатлѣніе, но оно, не имѣя подъ собою почвы, скоро изгладится и забудется впрядь до появленія какой либо новой брошюры въ духѣ графа Лелива. Самою удобною и нейтральною въ этомъ отношеніи почвою является литература — она, познакомивъ одну сторону съ другою, сблизила бы ихъ, а сблизивъ и слила бы воедино. Но вотъ тутъ-то и обнаруживается искренность желаній и добрая воля идти на встрѣчу сближенію, безъ нихъ же дѣло впередъ не подвинется. Польская литература своимъ богатствомъ превосходитъ литературу всѣхъ другихъ народностей, населяющихъ Россію, въ каждой отрасли ея находится масса оригинальныхъ и переводныхъ произведеній, но въ числѣ послѣднихъ не встрѣчается ни русской беллетристики, ни исторіи, ни науки — точно ихъ не существуетъ, или же онѣ настолько ничтожны, что не заслуживаютъ никакого вниманія. Просмотрите, на примѣръ, всѣ беллетристическія сочиненія, вышедшія въ 1895 г., и вы найдете въ нихъ переводы «Всадника безъ головы», появляющагося едва ли не двадцатымъ изданіемъ,

но врядь ли отыщете «Хозяина и работника» графа Л. Н. Толстого, не говоря уже о другихъ русскихъ авторахъ. Намъ какъ-то замѣчали, что на польскомъ языкѣ имѣются переводы Пушкина, Лермонтова и другихъ извѣстныхъ нашихъ писателей. Не отрицаемъ, но только скажемъ, что, вѣроятно, всѣ они очень плохо читаются, такъ какъ мы еще не замѣтили, чтобы какое либо изъ произведеній этихъ писателей вышло хотя бы вторымъ изданіемъ. Не такъ отвѣчаетъ своимъ соплеменникамъ и соотечественникамъ литература русская—въ ней есть и старое и новое литературы польской.

Всѣ русскія сочиненія, вышедшія въ 1895 году, по своему содержанію и въ нисходящемъ числѣ ихъ, расположены въ нижеслѣдующей таблицѣ, въ которой, кромѣ того, приводятся такъ же и другія данныя, относящіяся къ каждому изъ названныхъ въ ней отдѣловъ.

	Общее число сочиненій.	ИЗЪ НИХЪ			Общее число экземпляровъ.
		Повторныхъ изданій.	Перепечатанн. изъ журнал.	Переводныхъ.	
Духовно-богословскихъ	933	361	37	13	5.396,134
Беллетристическихъ	885	138	9	180	3.782,698
Справочныхъ	708	44	3	4	7.065,651
Учебныхъ	707	419	1	9	5.094,793
Медицинскихъ	576	55	69	93	786,919
Историческихъ	436	34	84	59	869,490
Отчеты разные	372	1	24	—	166,256
Дешевыхъ и народныхъ	335	122	—	7	3.176,847
Дѣтскихъ	330	56	5	75	2.593,892
Сельско-хозяйственныхъ	313	39	31	20	584,269
Юридическихъ	288	32	15	14	417,013
Статистическихъ	273	2	—	—	204,537
Техническихъ	261	22	14	29	297,089
Драматическихъ	255	14	1	62	432,182
Естествознаніе	224	17	22	39	363,490
Географическихъ	178	7	30	8	276,667
Смѣсь	177	1	24	9	241,125
Біографическихъ	172	10	37	7	298,055
Педагогическихъ	170	40	12	7	274,982
Военное дѣло	142	50	—	2	246,757
Критико-библіографическихъ	135	32	24	3	137,914
Философскихъ	114	19	8	45	202,389
Лубочныхъ	109	10	—	—	1.578,100
Торгово-промышленныхъ	87	1	6	8	59,277
Астрономическихъ и метеорологич.	75	4	9	8	71,283
Политико-общественныхъ вопросовъ	58	4	4	6	74,300
Исторія словесности и литературы.	49	2	5	14	79,017
Математическихъ	46	2	12	3	28,200
Филологическихъ	28	5	8	—	78,432
Финансы	24	1	1	1	16,060

	Общее число сочиненій.	ИЗЪ НИХЪ			Общее число экземпляровъ.
		Повтор- ныхъ изданій.	Перепе- чатанныхъ изъ журн.	Перевод- ныхъ.	
Счетоводство	23	4	—	—	42,060
Литературныхъ и друг. сборниковъ	23	—	—	—	35,212
Изящныхъ искусствъ	22	1	10	8	28,331
Политико-экономическихъ	21	3	1	7	28,745
Ноты съ текстомъ	69	11	—	—	78,420
Альбомы съ текстомъ	53	4	—	—	142,380
Атласы съ текстомъ	28	—	—	—	202,480

Изъ этихъ данныхъ видно, что наибольшее число повторныхъ изданій дали отдѣлы: духовныхъ, беллетристическихъ, дешевыхъ и народныхъ книгъ; переводныхъ — отдѣлы беллетристическихъ, медицинскихъ и дѣтскихъ книгъ. Выше было сказано, что вообще въ 1895 году было издано разныхъ сочиненій 8,578 наименованій въ количествѣ 35,098,534 экземпляровъ, но не всякая книга всѣми читается, иныя же изъ нихъ имѣютъ кругъ читателей довольно ограниченный. Приведенныя въ таблицѣ данныя даютъ намъ возможность сдѣлать выводъ, какое число изданій предназначается въ обращеніе среди читателей, не задающихся какими либо опредѣленными цѣлями, но читающихъ книгу ради препровожденія времени, удовольствія и, пожалуй, кой-какой любознательности. Такой читатель встрѣчается на всѣхъ ступеняхъ общественнаго положенія, онъ является главнымъ потребителемъ книжнаго рынка, спросъ же его направляется преимущественно на книги духовнаго, беллетристическаго и историческаго содержания. Всѣхъ такихъ книгъ и книжечекъ, какъ видно изъ таблицы, вышло:

Духовныхъ	933 наименов. и	5.396,134 экзempl.
Беллетристики	885 »	3.782,698 »
Дешевыхъ и народн.	335 »	3.176,847 »
Лубочныхъ	109 »	1.578,100 »
Историческихъ	436 »	869,490 »
Драматическихъ	255 »	432,182 »
Географическихъ	178 »	276,667 »
Политическихъ	58 »	74,300 »
Всего	3,189 наименов. и	15.586,418 экзempl.

Такимъ образомъ предложеніе является довольно достаточнымъ, и, пожалуй, превышающимъ спросъ, — оно составляетъ почти половину всего числа наименованій и экземпляровъ всѣхъ изданій, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1895 году. Этотъ подсчетъ нашъ не слѣдуетъ принимать за преувеличенный, такъ какъ въ числѣ такихъ сочиненій, которыя значатся у насъ подъ наименованіемъ историческихъ, географическихъ и политическихъ, въ послѣднее время появляется все болѣе и болѣе произведеній популярныхъ; сюда можно было бы присоединить еще и сочиненія біографическаго характера — на примѣръ, біографіи знаменитыхъ людей, издаваемыя Ф. Ф. Павленковымъ — и тогда общій итогъ оказался бы значительно большимъ.

Теперь перейдемъ къ указанію тѣхъ сочиненій, которыя заслуживаютъ по своему содержанію обращенія на нихъ особаго вниманія.

Самымъ бѣднымъ въ этомъ отношеніи является отдѣлъ беллетристическій—въ минувшемъ году, если исключить «Хозяина и работника» гр. Л. Н. Толстого, не появилось рѣшительно ничего выдающагося, что можно было бы особенно рекомендовать читателю. Отдѣлъ этотъ пополнился только новыми изданіями нашихъ старыхъ болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей, такъ, между прочимъ, вышли: сочиненія Щедрина 3-мъ изданіемъ, гр. Сальяса, стихотворенія Надесона 13-мъ изданіемъ, и друг. Что касается «Хозяина и работника» гр. Толстого, то это послѣднее произведеніе нашего маститаго писателя появилось разомъ во многихъ мѣстахъ и имѣло очень большой спросъ, о чемъ можно судить уже потому, что, напр., въ мартѣ мѣсяцѣ было сдѣлано восемь отдѣльныхъ выпусковъ этого сочиненія, въ общей сложности въ количествѣ 103,200 экзemplи.

Кстати упомянемъ здѣсь о переводахъ сочиненій русскихъ авторовъ на другіе языки, такъ были переведены: «Бояринъ Орша» Лермонтова — на грузинскій языкъ; «Мертвый домъ» Достоевскаго — на латышскій языкъ; стихотворенія Лермонтова и Кольцова на турецкій языкъ (изданіе вышло въ г. Шушѣ) и еще нѣсколько произведеній другихъ авторовъ, впрочемъ, вообще не очень много.

Историческая литература въ 1895 году обогатилась нѣсколькими сочиненіями и изслѣдованіями, которыхъ нельзя оставить безъ вниманія; вотъ нѣкоторыя изъ числа ихъ: монографія Н. В. Голубовскаго—«Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія»; монографія Витевскаго — «И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 года»; «Сборникъ матеріаловъ изъ архива Собственной Его Величества канцеляріи» (выпускъ 7-й), заключающій въ себѣ указы и повелѣнія императора Николая I-го, документы для исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи и внутренняго состоянія государства того времени; Н. П. Лихачева—«Сборникъ актовъ, собранныхъ въ архивахъ и бібліотекахъ» (акты относятся къ XVI и XVII столѣтіямъ); изданіе гр. С. Д. Шереметева—«Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи начала XVII вѣка»; «Архивъ юго-западной Россіи» (томъ 9-й); «Архивъ князя Ѳ. А. Куракина», книга 5-я; Мартенсъ—«Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами», томъ XI; «Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества», томъ 34-й; кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго—«Русская родословная книга»; «Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ», томъ 7-й и 8-й; изслѣдованіе Н. П. Барсукова—«Жизнь и труды М. П. Погодина»; изслѣдованіе П. Д. Синицына—«Преображенское и окружающія его мѣста, ихъ прошлое и настоящее»; «Записки С. Н. Глинки»; «Памятники древне-русской церковно-учительной литературы», изданіе журнала «Странникъ».

Отдѣлъ сочиненій по медицинѣ и гигиенѣ является довольно значительнымъ, и этому немало способствовали въ минувшемъ году диссертациі, которыхъ вышло до 150-ти наименованій. Конечно, трудно судить о ихъ достоинствѣ по однимъ названіямъ, хотя ими въ извѣстной степени характеризуется

та задача, которую диссертантъ избиралъ для своего изслѣдованія, но такъ какъ въ то же время и критика обошла ихъ совершеннымъ молчаніемъ, то можно допустить, что, вѣроятно, ни одна изъ нихъ не обогатитъ медицинскихъ познаній какимъ либо серьезнымъ изслѣдованіемъ. Впрочемъ, и помимо диссертаций, изъ числа вновь изданныхъ трудовъ по медицинѣ встрѣчается не мало заслуживающихъ вниманія специалистовъ, такъ, между прочими, укажемъ на «Руководство къ частной хирургіи» Кенига; «Лекціи по патологіи и терапіи дѣтскаго возраста»—В. Рейтца; «Судебная психопатологія» Крафть-Эбинга; «Труды V съѣзда общества русскихъ врачей въ память Н. П. Пирогова» и особенно на весьма цѣнный въ историческомъ отношеніи трудъ А. И. Таренецкаго — «Каѳедра и музей нормальной анатоміи при императорской военно-медицинской академіи въ С.-Петербургѣ за сто лѣтъ».

Изъ числа сочиненій по естествознанію, въ обширномъ значеніи его, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: К. Тимирязева—«Нѣкоторыя основы современнаго естествознанія»; Мензбира—«Птицы Россіи»; М. Богданова—«Разказы о птицахъ» (популярное); Гартвига—«Современные спорные вопросы біологіи»; Шмальгаузена—«Флора средней и южной Россіи, Крыма и сѣвернаго Кавказа»; проф. Богданова—«Мірскіе захребетники. Очерки изъ быта животныхъ, селящихся около человѣка» (вышло 4-мъ изданіемъ); Д. И. Менделѣева—«Основы химіи» и друг.

По философіи и психологіи выдѣляются: Карѣева—«Мысли объ основахъ нравственности»; В. Гирша—«Геніальность и вырожденіе»; Спенсера—«Научныя основы нравственности»; Ледо—«Трактатъ о человѣческой фізіоломіи»; Н. Страхова—«Философскіе очерки»; Токарскаго—«Происхожденіе и развитіе нравственности чувствъ»; Шоценгауэра—«Афоризмы и максимы» (переводъ Ф. Черниговца).

Изъ сочиненій по техникѣ указываемъ: Вильке—«Электричество, его источники и примѣненіе къ промышленности»; Н. Песоцкаго—«Спеціальныя производства по технической обработкѣ дерева»; Экштейна—«Очерки физическихъ основаній электро-техники».

По предметамъ сельско-хозяйственнымъ слѣдуетъ обратить вниманіе на сочиненія: «Хмель, его разведеніе въ Россіи и за границею», Шредера; Э. Керна—«Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе»; Совѣтова и Докучаева—«Матеріалы къ изученію русскихъ почвъ»; Бѣлецкаго—«Почвовѣдніе»; И. Абазина—«Птицеводство»; Л. Симонова и Мердера—«Лошади»; Успенскаго—«Содержаніе растений въ комнатахъ»; П. Золотарева—«Флора садоводства»; Корневана—«Ядовитыя растенія и отравленія, ими причиняемыя», и Ф. Арнольда—«Исторія лѣсоводства въ Россіи, Франціи и Германіи».

Отдѣлъ книгъ военнаго содержанія обогатился нѣсколькими новыми изданіями военно-научнаго характера, такъ: «Сборникъ основныхъ положеній кавалерійскаго дѣла»—П. Машина; Энгмана—«Оборона современныхъ сухопутныхъ крѣпостей» и Михневича—«Исторія военнаго искусства». Въ послѣдніе годы въ числѣ сочиненій этого отдѣла начинаютъ встрѣчаться произведенія популярнаго характера, авторы которыхъ, имѣя въ виду читателя-солдата, въ доступной формѣ разъясняютъ его обязанности, его долгъ, какъ человѣка военнаго.

Обращаясь къ изданіямъ народнымъ и лубочнымъ, которыхъ въ 1895 году, въ общей сложности, поступило на книжный рынокъ 444 наименованія въ количествѣ 4.754,947 экземпляровъ, мы позволяемъ себѣ еще разъ сказать о нихъ нѣсколько словъ. Въ послѣднее время дѣлались попытки рѣшить вопросъ о томъ, что читаетъ простолюдинъ, и для этого обращались съ учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ, прося ихъ доставить свѣдѣнія, какого рода книги выдаются имъ крестьянамъ изъ школьныхъ библиотекъ. Рѣшеніе вопроса такимъ способомъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, кажется намъ не возможнымъ; какое заключеніе можно вывести изъ того, что изъ такой-то школьной библиотеки была дана учителемъ или учительницею 5 — 10 крестьянамъ популярная книжка объ астрономіи, въ другой — по естествознанію и т. п. — рѣшительно никакого, кромѣ только указанія на вкусъ выдававшего книгу. Выдача книгъ изъ школьныхъ библиотекъ и при значительномъ числѣ ихъ можетъ воспитать и развить любовь къ чтенію пока еще невзыскательныхъ своихъ читателей и потому только впоследствии, но не въ настоящее время, можно будетъ получить сколько нибудь основательный отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ. Мы склонны думать, что нашъ простолюдинъ по своей малограмотности или, просто, безграмотности, не имѣетъ расположенія къ чтенію чего бы то ни было; слѣдовательно о выборѣ имъ книгъ для чтенія не можетъ быть и рѣчи; если же судить объ этомъ предметѣ отвлеченно, принявъ въ основаніе народное міровоззрѣніе, то можно думать, что заинтересовать простолюдина можетъ только книга духовнаго содержанія, или же повѣствованіе о чемъ либо маловѣроятномъ, ужасномъ, т. е. тѣмъ, чѣмъ особенно богата литература московскаго лубочнаго рынка. Если вы подвергнете подробному разсмотрѣнію то, что издается у насъ въ настоящее время подъ общимъ названіемъ «народныхъ и дешевыхъ» книгъ, то найдете въ числѣ ихъ все, начиная съ беллетристики и кончая едва не философіею — тутъ есть и естественная исторія, и географія, и физика, и астрономія и т. д. Но, какъ ни дешевы эти книжки, все же мы думаемъ, что читателями ихъ являются преимущественно горожане, уже нѣсколько вкусившіе плодовъ цивилизаціи, и интелленгенція средняго достатка, и только ничтожная часть ихъ попадаетъ въ школьныя библиотеки, а оттуда, еще въ меньшемъ числѣ, доходитъ до простолюдина, благодаря учителямъ и учительницамъ. Точно также и «лубочная литература», которая, сказать кстати, довольно дорога и потому не по карману крестьянина, распространяется также преимущественно между среднимъ сословіемъ городского населенія.

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе другихъ отдѣловъ, замѣтимъ только, что изъ нихъ отличаются особымъ ростомъ отдѣлы: «учебныхъ» книгъ и «справочныхъ» — оба они богаты новыми изданіями, особенно послѣдній, въ которомъ, какъ и ранѣе, преобладаютъ календари. Въ числѣ календарныхъ изданій 1895 года мы замѣтили совершенно новое, незаурядное — это «Астрономическій календарь», вышедшій въ Нижнемъ Новгородѣ и изданный тамошнимъ кружкомъ любителей физики и астрономіи.

Изъ общаго числа 11,548 сочиненій, вышедшихъ въ Россіи въ 1895 году, было напечатано за границею всего пять сочиненій, слѣдовательно собственно

въ Россіи печаталось 11,543 сочиненія. Наше книгопечатное дѣло хотя и медленно, но все же идетъ впередъ, т. е. захватываетъ все больше и больше городовъ — въ 1895 году оно производилось въ 172 городахъ, противъ 165 въ 1894 году и 152 въ 1893 году, слѣдовательно за два года въ книгопечатной дѣятельности приняло участіе 20 новыхъ мѣстностей. Въ слѣдующей ниже табличкѣ приводятся данныя о распредѣленіи городовъ по числу напечатанныхъ въ нихъ въ минувшемъ году книгъ:

Печаталось сочиненій.		Число городовъ.
По 1-му сочиненію въ		52
Отъ 2 до 5 сочиненій въ		53
» 5 » 10 » »		28
» 10 » 15 » »		9
» 15 » 20 » »		7
» 20 » 25 » »		2
» 25 » 30 » »		4
» 35 » 40 » »		1
» 55 » 60 » »		3
» 85 » 90 » »		1
» 110 » 115 » »		1
» 125 » 130 » »		1
» 140 » 145 » »		1
» 275 » 280 » »		1
» 325 » 330 » »		1
» 350 » 355 » »		1
» 380 » 385 » »		1
» 490 » 495 » »		1
» 515 » 520 » »		1
До 1,220 сочиненій въ		1
» 2,607 » »		1
» 3,918 » »		1

Группа городовъ, стоящихъ въ первыхъ рядахъ, ежегодно подвергается довольно замѣтнымъ колебаніямъ, что зависитъ отъ включенія въ нее, какъ новыхъ городовъ, въ которыхъ открылось книгопечатаніе въ рассматриваемый годъ, такъ и отъ включенія сюда тѣхъ городовъ, въ которыхъ книгопечатаніе началось въ предыдущемъ году, число же центральныхъ мѣстъ книгопечатанія остается неизмѣннымъ, такъ какъ первымъ группамъ еще далеко до такого положенія. Для опредѣленія этихъ центровъ примемъ наименьшее число напечатанныхъ сочиненій—100 наименованій, и тогда получимъ 12 городовъ, а именно: Варшава, Вильно, Кіевъ, Казань, Москва, Одесса, Ревель, Рига, С.-Петербургъ, Тифлисъ, Харьковъ и Юрьевъ. Сколько въ каждомъ изъ названныхъ городовъ было напечатано въ 1895 году сочиненій и на какихъ языкахъ, то усматривается изъ слѣдующихъ данныхъ:

Городъ.	Напечатано сочиненій:		Всего сочиненій.
	на русскомъ языкѣ.	на иностранныхъ языкахъ.	
Варшава	101	1,119	1,220
Вильна	78	274	352
Казань	281	102	383
Кіевъ	470	47	517
Москва	2,531	76	2,607
Одесса	444	49	493
Ревель	21	119	140
Рига	55	272	327
С.-Петербургъ	3,776	142	3,918
Тифлисъ	97	180	277
Харьковъ	113	—	113
Юрьевъ	23	106	129
Итого	7,990	2,486	10,476

Оказывается, что эти центры захватили почти всю книгопечатную дѣятельность въ Россіи, такъ какъ на остающіеся за исключеніемъ ихъ 160 городовъ приходится всего только 1,072 сочиненія, что составитъ 6,06 соч. на одинъ городъ; въ этихъ же центрахъ преимущественно были напечатаны сочиненія на русскомъ языкѣ, которыхъ на долю другихъ городовъ оставалось 738 наименованій. Выше мы видѣли, что въ 1895 году напечатанныя на русскомъ языкѣ сочиненія вышли въ общей сложности, въ количествѣ 35.512,814 экземпляровъ, изъ числа ихъ вышло:

въ Петербургѣ	15.267,938	экземпляровъ.
» Москвѣ	16.011,518	»
	31.279,456	экземпляровъ.

Слѣдовательно на всѣ 170 остающихся городовъ причтется только 4.242,358 экземпляровъ, или по 24,955,4 на городъ, но такой расчетъ не соответствуетъ дѣйствительности, потому что въ числѣ городовъ, въ которыхъ печаталось по одному сочиненію, насчитывается не мало и такихъ, гдѣ было вынуждено менѣе одной тысячи экземпляровъ.

Если, исключивъ Петербургъ и Москву, взять тѣ губернскіе и областные города, въ которыхъ въ 1895 году печатались книги, и расположить ихъ въ нисходящемъ порядкѣ числа сочиненій, то получится слѣдующій распорядокъ:

Города.	Напечат. соч.	Города.	Напечат. соч.
Варшава	1,220	Астрахань	9
Кіевъ	517	Воронежъ	9
Казань	383	Гродно	9
Вильна	352	Екатеринославъ	9
Рига	327	Петроковъ	9
Тифлисъ	277	Ташкентъ	9
Ревель	140	Владикавказъ	8
Харьковъ	113	Вптебскъ	8

Города.	Напечат. соч.	Города.	Напечат. соч.
Льбава	88	Владиміръ	8
Люблинъ	59	Ковно	8
Тобольскъ	57	Калуга	8
Черниговъ	55	Баку	7
Вятка	39	Оренбургъ	7
Мятава	27	Симбирскъ	7
Новочеркасскъ	26	Каменецъ-Подольскъ	6
Новгородъ	25	Могилевъ на Дн.	6
Кишиневъ	25	Смоленскъ	6
Минскъ	20	Эриванъ	6
Пенза	18	Архангельскъ	4
Саратовъ	18	Екатеринодаръ	4
Курскъ	17	Иркутскъ	4
Тверь	17	Кутаисъ	4
Орель	16	Петрозаводскъ	4
Исковъ	16	Ставрополь	4
Пермь	14	Сувалки	4
Житомиръ	13	Уфа	4
Нижн. Новгородъ	13	Рязань	3
Томскъ	12	Тамбовъ	3
Самара	11	Калининъ	2
Ярославль	11	Ломжа	2
Полтава	10	Омскъ	2
Тула	10	Плоцкъ	2

Въ городахъ: Вологдѣ, Костромѣ, Кѣльцахъ, Радомѣ, Сѣдлецѣ и Херсонѣ, напечатано по одному сочиненію. Изъ таблицы видно, что намѣчающіеся въ настоящее время центры книгопечатной дѣятельности являются нѣсколько удаленными отъ нынѣ существующихъ, и потому есть основаніе допустить ихъ дальнѣйшее развитіе; далѣе мы видимъ, что книгопечатаніе въ большинствѣ нашихъ губернскихъ городовъ пока находится еще въ зародышѣ, а въ нѣкоторыхъ даже еще и не появлялось.

Теперь мы обратимся къ производительной дѣятельности типографій, замѣтивъ при этомъ, что съ каждымъ годомъ все большее и большее число ихъ переходитъ въ руки евреевъ, судя по фамиліямъ владѣльцевъ; насколько полезно такое положеніе для типографскаго дѣла, судить не беремъ. Въ 1895 году печатаніе книгъ производилось въ 763 типографіяхъ, болѣе противъ 1894 года на 43 типографіи. Распредѣляя эти типографіи по числу выпущенныхъ ими въ свѣтъ сочиненій, получаемъ слѣдующій выводъ:

Печаталось сочиненій.		Число типографій.
По 1-му сочиненію въ		258
Отъ 2 до 10 сочиненій въ		303
» 11 » 20 » »		53
» 21 » 30 » »		37
» 31 » 40 » »		28

Печаталось сочиненій.		Число типографій.	
» 41 » 50	» »	25
» 51 » 60	» »	15
» 61 » 70	» »	12
» 71 » 80	» »	6
» 81 » 90	» »	3
» 91 » 100	» »	4
» 101 » 110	» »	1
» 111 » 120	» »	1
» 121 » 130	» »	4
» 131 » 140	» »	1
» 141 » 150	» »	3
» 151 » 160	» »	1
» 181 » 190	» »	2
» 201 » 210	» »	2
» 231 » 240	» »	1
» 241 » 250	» »	1
» 251 » 260	» »	1
» 261 » 270	» »	1

Если мы сравнимъ настоящій выводъ съ такимъ же выводомъ за 1894 годъ, то увидимъ, что производительность крупныхъ типографій сократилась, а за счетъ ихъ возросла дѣятельность типографій средней производительности; что дѣятельность крупныхъ типографскихъ фирмъ вообще понизилась на половину — въ 1894 году наибольшее число сочиненій, напечатанныхъ этими типографіями, достигало до 400 наименованій, — въ 1895 году оно достигло лишь до 270-ти. Принимая число 100 наименованій, также какъ и для опредѣленія центровъ книгопечатанія, за наименьшую норму для присвоенія типографіи значенія крупной фирмы, получаемъ, согласно приведенному выводу, на всю Россію всего 23 такихъ типографій. Изъ этого числа типографій 17 находятся въ столицахъ—Петербургѣ и Москвѣ,—остальные же 6 въ разныхъ провинціальныхъ городахъ, исключительно губернскихъ.

Какія именно типографіи принадлежатъ къ числу крупныхъ, и какъ велика была ихъ дѣятельность, выраженная въ абсолютныхъ цифрахъ напечатанныхъ сочиненій и экземпляровъ, видно изъ слѣдующаго:

Типографіи.	Число напечатанныхъ сочиненій.	Количество выпущенныхъ экземпляровъ сочиненій.
Въ С.-Петербургѣ:		
Академіи Наукъ	234	191,042
Общественной Пользы	201	1.171,197
Сойкина	158	542,520
Стасюлевича	142	311,930
Суворина	138	390,620
Тренке	124	415,000
Евдокимова	100	736,395

Типографія.	Число напеча- танныхъ сочи- неній.	Количество выпу- щенныхъ экземп- ларовъ.
Въ Москвѣ:		
Сытина	270	5.667,110
Кушнерева	255	830,635
Снегиревой	210	914,549
Университетская	189	168,015
Вильде	185	1.884,015
Левенсона	143	381,090
Лиснера	141	358,395
Волчанинова	109	662,080
Въ Варшавѣ:		
Сикорскаго	122	460,510
Въ Вильнѣ:		
Роммъ	126	368,000
Въ Казани:		
Университетская	243	404,535
Въ Кіевѣ:		
Корчакъ-Новицкаго	124	288,773
Въ Одессѣ:		
Фесенко	113	306,450

Для полученія указаннаго нами выше общаго числа (23) крупныхъ типографскихъ фирмъ въ Россіи, къ названнымъ типографіямъ слѣдуетъ прибавить: въ С.-Петербургѣ—Балашева и Демакова, изъ которыхъ первую отпечатано 94 сочиненія, а вторую — 98 и въ Вильнѣ — Розенкранца, напечатанной 92 сочиненія; приближающимися по своей дѣятельности къ названнымъ типографіямъ будутъ: въ Петербургѣ—Яблонскаго, напечатано 82 соч., Вольфа—напечатано 73 соч. и Киршбаума—напечатано 71 соч.; въ Москвѣ: Гербека—напечатано 79 соч. и Мамонтова—85 сочиненій; въ Варшавѣ: Немеры — напечатано 84 соч. и Котти—72 соч. и, наконецъ, въ Тифлисѣ типографія Халадзе, напечатанная 79 сочиненій. Мы замѣтили уже, что почти всѣ крупныя типографскія фирмы напечатали, сравнительно съ 1894 годомъ, меньшее число сочиненій, такъ, напримѣръ, для типографіи Сытина оно уменьшилось на 123 наименованія, но, несмотря на это, фирма Сытина осталась первенствующей въ Россіи, какъ по числу напечатанныхъ въ ней сочиненій, такъ и, въ особенности, по количеству экземпляровъ.

Л. Н. Павленковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Логинъ:—я тебѣ задамъ за такое дерзкое обращеніе со старшимъ! Ну, а ты, аболіціонистъ, молись: твоя послѣдняя минута настала.

Онъ снова поднялъ револьверъ, но въ ту минуту, какъ спустилъ курокъ, дверь съ шумомъ отворилась, и Логинъ вторично далъ промахъ. Пуля теперь попала въ потолокъ, револьверъ выпалъ изъ рукъ, а онъ самъ упалъ безъ чувствъ на полъ отъ сильнаго удара, нанесеннаго ему сзади по головѣ. Надъ нимъ стоялъ съ револьверомъ въ каждой рукѣ и съ добродушной улыбкой на устахъ Исаакъ Шапеть.

VI.

Безъ маски.

Исаакъ медленно оглядѣлся во всѣ стороны и хладнокровно произнесъ:

— Нечего сказать, спокойную игру затѣяли вы, ребята. А тебѣ, братъ Пиготъ, я сослужилъ такую службу, что ты останешься вѣчнымъ моимъ должникомъ. Еще минута, и мы опоздали бы.

Говоря это, Шапеть взглянулъ на человѣка, который вошелъ въ дверь вслѣдъ за нимъ. Это былъ собственникъ вертепа и тотъ именно человѣкъ, который на митингѣ наканунѣ поддержалъ предложеніе Алена Эльмора. Онъ теперь насупилъ брови и, обращаясь къ буфетчику, грозно сказалъ:

— Это что такое, Джозефъ? Я вижу, ты дозволилъ Пату сыграть одну изъ его любимыхъ штукъ; но вѣдь я тебя поставилъ здѣсь, чтобы слѣдить за порядкомъ, а ты... Если бы случилось несчастіе...

— Довольно! — воскликнулъ Шапеть: — давай скорѣй водки, а то нашъ молодецъ помретъ.

Пока говорилъ Пиготъ, онъ подошелъ къ Роберту и съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ былъ безъ чувствъ, а голова у него вся въ крови.

— Дайте мнѣ ножъ, чтобы разрѣзать проклятые ремни, — прибавилъ онъ поспѣшно; — если умереть этотъ бѣднякъ, то васъ всѣхъ повѣсятъ. Помогите мнѣ, Пиготъ, поднять его и положить на вырубку. Теперь налейте ему въ ротъ немного водки и растирайте горло, чтобы она прошла въ желудокъ... Вотъ такъ, хорошо... Теперь трите руки и грудь, чтобы возбудить кровообращеніе... Вотъ отлично; онъ приходитъ въ себя. Ну, какъ ты чувствуешь себя, молодецъ?

Еще нѣсколько минутъ, и Робертъ уже сидѣлъ подлѣ Шапета, положивъ голову на его плечо. Сознаніе вполне вернулось къ нему, хотя онъ чувствовалъ себя въ какомъ-то странномъ положеніи, словно очнулся отъ кошмара.

— Вы спасли меня, — промолвилъ онъ, смотря съ улыбкой на Исаака.

— Нѣтъ, Робертъ,— отвѣчалъ Шапетъ, хотя все еще блѣдный, но вполне овладѣвшій собой: — вы во всемъ обязаны Пиготу. Это не моя таверна, и онъ пригласилъ меня сюда.

— Полно болтать, Исаакъ, — возразилъ Пиготъ съ улыбкой: — всѣмъ извѣстно, что вы всюду попадаете во время. Ну, по счастью, вашъ молодецъ отдѣлался пустяками. Но и этого не случилось бы, если бы я былъ здѣсь. Будьте увѣрены, мистеръ Гольдено, что я не оставлю это дѣло, а возбужу слѣдствіе противъ разбойниковъ. Теперь же вы останетесь ночевать у меня даромъ, и я тотчасъ же пошлю за докторомъ.

Но Робертъ уже всталъ, опираясь на руку Шапета, который отвѣчалъ за него.

— Нѣтъ, братъ Пиготъ, нашъ другъ пойдетъ со мной, а если вы дѣйствительно хотите отдать подъ судъ миссурійцевъ, то я вамъ скажу всѣ ихъ имена. Я ихъ знаю, и они меня знаютъ. Ну, Робертъ, пойдѣмъ!

Къ этому времени таверна опустѣла; и Патъ Логлинъ со своими товарищами быстро удалился, скорѣе отъ стыда, чѣмъ отъ страха за послѣдствія своего грубаго насилія.

Робертъ съ помощью Шапета и Пигота медленно добрелъ до двери, а потомъ, поддерживаемый добрымъ Исаакомъ, благополучно добрался до его гостиницы. Но тамъ, на лѣстницѣ, онъ снова лишился чувствъ, и когда очнулся, то лежалъ въ постели, а подлѣ него стоялъ Исаакъ съ бинтами и съ компрессами. Заботы доктора были излишни, „и хотя Роберту было неизвѣстно, гдѣ Шапетъ научился медицинскому уходу за ранеными, но онъ ловко принялся за дѣло и въ короткое время сдѣлалъ перевязку раны на лбу у Роберта, который, выпивъ послѣ этого большую порцію какого-то, изобрѣтеннаго сестрой трактирщика, напитка, спокойно заснулъ.

Открывъ глаза на слѣдующее утро, Робертъ хотѣлъ встать, но голова его была такъ тяжела, и все тѣло настолько избито, что онъ не могъ держаться на ногахъ. Вернувшись въ постель, онъ недолго тамъ пролежалъ, какъ въ комнату вошла миссъ Шапетъ.

— Братъ приказалъ мнѣ не выпускать васъ изъ комнаты, пока онъ вернется, и даже разрѣшилъ мнѣ взять вашу одежду.

Ему пришлось недолго ждать Шапета, который, войдя въ комнату, присѣлъ къ кровати и, взявъ руку Роберта, сказалъ серьезнымъ докторскимъ тономъ:

— Какъ вы себя чувствуете? А! пульсъ не хорошъ, и голова болить. Ну, я этого ожидалъ. Вамъ надо остаться въ постели до завтрашняго утра, а потомъ мы увидимъ, что дѣлать.

— Я вамъ очень благодаренъ,—отвѣчалъ Робертъ и, не смотря на всѣ усилія Шапета перемѣнить разговоръ, продолжалъ: —я хочу, чтобы между нами не было никакихъ недоразумѣній: теперь я хорошо припоминаю все, что случилось со мною вчера, и могу объ-

яснить себѣ многое, чего вчера вечеромъ не могъ сообразить. Пиготъ не самъ пришолъ въ свою таверну, а вы его привели, и не Пиготъ, а вы выбросили револьверъ Логлина въ окно и свалили его съ ногъ. Это факты, а противъ фактовъ вы знаете, мистеръ Шапетъ, спорить нельзя. Но я долженъ вамъ сказать еще кое-что: я ушолъ вчера изъ вашего дома и завернулъ къ Пиготу съ нарочной цѣлью избѣжать васъ. Теперь я вижу, насколько я былъ глупъ. Но не беспокойтесь, я теперь все понимаю и останусь у васъ, пока не уѣду въ Бостонъ, гдѣ расскажу нашему общему другу, чѣмъ я обязанъ его рекомендаціи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вы спасли мнѣ жизнь.

— Какъ угодно, другъ Робертъ, думайте, что хотите,—произнесъ Шапетъ, пристально смотря на молодого человѣка,—но въ Бостонъ, или куда бы то ни было, я не отпущу васъ раньше недѣли. Вотъ и завтракъ. Кушайте на здоровье. Теперь намъ нечего больше говорить, а вечеромъ я вамъ сообщу кое-что, если вы будете въ состояніи меня слушать.

Робертъ позавтракалъ съ большимъ аппетитомъ, чѣмъ ожидалъ, и цѣлый день дремалъ. Ночь онъ прекрасно спалъ и на слѣдующій день сошолъ внизъ въ столовую, только слегка прихрамывая. Но, несмотря на то, что, повидимому, совершенно оправился, Исаакъ отложилъ обѣщанный разговоръ еще до вечера. Когда же послѣ ужина Исаакъ пошолъ въ комнату Роберта и положилъ на столъ нѣсколько хорошихъ сигаръ, то юноша понялъ, что у нихъ будетъ продолжительная и серьезная бесѣда.

Сначала Шапетъ потребовалъ, чтобы Робертъ рассказалъ все, что съ нимъ было до той минуты, какъ друзья подоспѣли на его выручку. И Робертъ исполнилъ его желаніе.

— Ну, а теперь скажите, какъ вы узнали о томъ, что мнѣ грозила опасность?

— Дѣло въ томъ, что я болѣе или менѣе средоточіе всего, что дѣлается въ Сантонѣ, и странно не то, что я поспѣлъ къ вамъ на выручку, а странно то, что я не пришолъ раньше. Винавать въ этомъ Пиготъ; предчувствуя то, что случится, онъ спрятался такъ ловко, что я его едва розыскалъ. При томъ я началъ охоту за нимъ изъ дома Эльмора, а вѣдь Бѣлый Домъ не близко отъ города.

Робертъ взглянулъ на Шапета и хотѣлъ что-то сказать, но удержался и только, послѣ продолжительнаго молчанія, спросилъ:

— Мистеръ Шапетъ, вы послали меня къ Эльмору?

— Простите, другъ Гольдено, но я полагаю, что вы хорошо знаете мое имя.

— Хорошо, я буду всегда называть васъ Исаакомъ.

— Благодарю. Такъ что же вы говорили?

— Я говорилъ, что познакомился съ Алленомъ Эльморомъ по вашему указанію.

— Это справедливо.

— Потому я желаю знать, говорилъ ли вамъ онъ самъ, или кто либо обо мнѣ?

— Ваше имя упоминалось.

— Кѣмъ и какъ?

— Вы задаете мнѣ очень трудный вопросъ, Робертъ,—отвѣчалъ Исаакъ съ улыбкой: — тамъ было четверо: Алленъ, его жена, Руоъ и капитанъ Гаулетъ. Я очень плохо припоминаю разговоры, но мнѣ кажется, что всѣ четверо говорили о васъ, хотя различнымъ образомъ.

Снова Робертъ хотѣлъ что-то спросить, но не раскрылъ рта и поникъ головой.

— Благодарю васъ,—произнесъ онъ, тяжело вздохнувъ:—въ сущности все равно, что бы ни говорили обо мнѣ.

Наступило новое, еще болѣе продолжительное молчаніе. Робертъ тихо смотрѣлъ въ огонь, а Исаакъ качался на креслѣ, не спуская глазъ съ молодого человѣка. На этотъ разъ онъ прервалъ молчаніе.

— Впрочемъ,—сказалъ онъ:—одинъ изъ разговаривающихъ о васъ сказалъ кое-что, сохранившееся въ моей памяти, но я не знаю, будетъ ли это интересовать васъ.

— А кто говорилъ обо мнѣ?

— Капитанъ Гаулетъ.

Робертъ улыбнулся, или, скорѣе, оскалилъ зубы.

— Передайте мнѣ его слова,—сказалъ онъ.

— Повидимому, вы и капитанъ поспорили, не такъ ли? Я ничего не спрашивалъ у него, а такъ какъ вы не упомянули мнѣ объ этомъ, то я лишь предполагаю, что вы посчитались съ нимъ, такъ какъ онъ мнѣ прямо сказалъ: «скажите мистеру Гольдено»,—при этомъ онъ употребилъ бранное слово, котораго я не хочу повторять,—«что я совѣтую ему уѣхать изъ Канзаса въ Бостонъ съ первымъ дилижансомъ, или ему придется здѣсь очень жарко». Онъ говорилъ еще много, но всѣ его слова сводятся къ одному. Онъ былъ очень встревоженъ и, смотря на него, я подумалъ: страшно быть на мѣстѣ Роберта Гольдено, если онъ не послушаетъ этого совѣта и не уѣдетъ отсюда.

Робертъ засмѣялся.

— Какая ужасная вѣсть,—сказалъ онъ:—не уѣхать ли мнѣ сегодня ночью? Какъ вы не боитесь попасть въ бѣду, приютивъ такого человѣка, какъ я?

— Ничего. Я не боюсь капитана, но что вы ему сказали, чѣмъ вы его такъ взбѣсили?

— Я сказалъ, что я аболиціонистъ, и что настанетъ день, когда не будетъ рабовъ въ союзѣ.

— А еще что?

— Насколько я помню — больше ничего.

— Нѣтъ, между вами есть что-то другое.

— Почему вы это думаете?

— Онъ такъ сердитъ на васъ и такъ жаждетъ вашего отъѣзда, что тутъ дѣло серьезнѣе теоретическаго спора. Что вы ему сдѣлали? Онъ не можетъ слышать вашего имени безъ судорожнаго движенія. Какъ только я это замѣтилъ, то сталъ произносить ваше имя чрезъ каждыя два слова, и оно дѣйствовало безъ осѣчки.

Робертъ засмѣялся.

— Такъ Гаулету пришлось плохо?

— Ужъ я тамъ не знаю. Южане любятъ быть въ огнѣ, но помните, что онъ человѣкъ своего слова. Когда вы ѣдете на востокъ?

— Когда мнѣ надоѣстъ Канзасъ,—отвѣчалъ Робертъ:—мнѣ надоѣлъ Сантонъ, и, кажется, я надоѣлъ Сантону. Но вѣдь Сантонъ не весь Канзасъ, не правда ли?

— Капитанъ Гаулетъ сказалъ, чтобы вы покинули Канзасъ.

— Какое мнѣ дѣло до Гаулета!

— Онъ человѣкъ рѣшительный и маху не дастъ.

— А неужели нѣтъ въ Канзасѣ ни одного аболиціониста, ни одного рѣшительнаго человѣка на нашей сторонѣ, который не далъ бы промаха? Неужели всѣ канзасцы походятъ на Эльмора? Если бы я только могъ найти одного искренняго человѣка, который протянулъ бы мнѣ руку и сказалъ: «мы сидимъ спокойно, потому что ждемъ, а когда настанетъ минута, то вступимъ въ бой; приходи къ намъ, и будемъ вмѣстѣ ждать рѣшительнаго момента». Къ такому человѣку я пошелъ бы, гдѣ бы онъ ни былъ и кто бы онъ ни былъ. Я молодъ, имѣю немного денегъ и могу работать, могу бороться. Желаніе послужить дѣлу аболиціонизма привело меня сюда, а здѣсь я еще болѣе утвердился въ своихъ убѣжденіяхъ. Я прошу одного—дайте мнѣ возможность дѣйствовать подъ руководствомъ достойнаго вождя! Скажите, Исаакъ, есть ли въ Канзасѣ такой человѣкъ?

— Отчего вы меня объ этомъ спрашиваете?

Они оба теперь стояли другъ противъ друга. Робертъ былъ блѣдный, изволнованный; Шапетъ, засунувъ руку въ карманъ, сохранялъ видимое спокойствіе, хотя глаза его блестяли.

— Я потому обращаюсь къ вамъ, что вы всѣхъ знаете, и что я убѣжденъ въ глубинѣ моего сердца, что вы такой же искренній аболиціонистъ, какъ я.

Ни одинъ мускулъ въ лицѣ Шапета не дрогнулъ.

— Будемъ говорить по порядку объ одномъ предметѣ, другъ Робертъ. Да, есть такой человѣкъ.

— Вы его знаете?

— Тридцать пять лѣтъ.

— Кто онъ такой?

— Джонъ Браунъ изъ Осаватоми.

— Родственникъ тѣмъ молодымъ людямъ, которыхъ я видѣлъ на митингѣ?

— Отецъ.

— Я съ мѣста отправлюсь къ нему.

Шапетъ положилъ правую руку на плечо Роберта.

— Постой, юноша, выслушай меня. Джонъ Браунъ, его сыновья и двое или трое его сторонниковъ не имѣютъ друзей въ Канзасѣ. Они теперь живутъ спокойно, но черезъ нѣсколько недѣль случится то, что вооружить противъ нихъ всѣхъ защитниковъ рабства. Эти люди бѣдны, какъ крысы, они ходятъ въ лохмотьяхъ, питаются молокомъ и овсянкой, а всякій грошъ, который только попадаетъ въ руки Брауна, идетъ на извѣстное дѣло. Никто не придаетъ имъ теперь никакого значенія, а миссурійцы смѣются надъ ними. Вотъ каковъ Джонъ Браунъ и его сподвижники. Можете ли вы вести такую жизнь, можете ли вы идти въ бой одинъ на сто? Иначе васъ не приметъ Джонъ Браунъ, и онъ совершенно правъ.

— Онъ совершенно правъ,—повторилъ Робертъ рѣшительнымъ тономъ:—и я готовъ на все! Но скажите мнѣ, что за человѣкъ самъ Джонъ Браунъ?

На лицѣ Исаака показалась улыбка, но такая, какой еще не видѣлъ Робертъ. Съ такой нѣжной, восторженной улыбкой говорить отецъ о сынѣ.

— Что за человѣкъ Джонъ Браунъ? Я зналъ его, когда ему было десять лѣтъ—онъ былъ погонщикомъ скота, и нельзя было встрѣтить болѣе смѣлаго, отважнаго и энергичнаго мальчика. Я зналъ его потомъ компаньономъ у Сема Перкинса, изъ Принфильда въ Огіо; они торговали шерстью, но трудно найти человѣка, который такъ мало понималъ бы въ денежныхъ дѣлахъ. Ему теперь пятьдесятъ шесть лѣтъ, а онъ въ этомъ отношеніи такъ же наивенъ, какъ только что родившійся ребенокъ. Онъ всегда былъ и будетъ бѣденъ, какъ Іовъ, а главное—онъ этимъ гордится. Его слово значитъ болѣе, чѣмъ письменное обязательство двухъ людей. Вотъ каковъ Джонъ Браунъ, если смотрѣть на него, какъ на обыкновеннаго человѣка. Но онъ, въ полномъ смыслѣ слова, необыкновенный человѣкъ. Съ десятилѣтняго возраста онъ стоитъ за освобожденіе рабовъ, не на словахъ, не въ печати, а на дѣлѣ. Если бы къ нему явился ангель съ неба и сказалъ, что рабство справедливо, то онъ назвалъ бы его лжецомъ. Это, однако, не мѣшаетъ ему быть искренно вѣрующимъ человѣкомъ. Кромѣ того, онъ отличается желѣзной волей и никогда въ жизни ничего не боялся. Вотъ все, что я знаю о немъ.

— Ну, а вы, Исаакъ, что вы за человѣкъ?—спросилъ Робертъ, пристально смотря на трактирщика.

Шапетъ не сморгнулъ и просто отвѣчалъ:

— Я не уклонюсь отъ прямого отвѣта, и хотя никто не знаетъ,

кто я такой, но вамъ я скажу. Вы слышали, что за человекъ Джонъ Браунъ, и все-таки намѣрены отправиться къ нему?

Робертъ молча кивнулъ головой.

— Ну, такъ я другъ Джона Брауна и горжусь этимъ.

VII.

Джонъ Браунъ изъ Осаватоми.

Робертъ покинулъ Сантонъ не ранѣе недѣли. Онъ не хотѣлъ являться къ Джону Брауну, пока совершенно не поправится, а голова у него болѣла въ продолженіе нѣсколькихъ дней, послѣ того какъ зажили нанесенныя ему раны. Ему было очень скучно ждать дня отъѣзда, и ни одинъ узникъ не выходилъ съ такой радостью изъ тюрьмы, какъ Робертъ изъ гостиницы Шапета. Но это время онъ проводилъ не вполнѣ праздно и ежедневно, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, охотился на сосѣднихъ преріяхъ, стрѣляя изъ револьвера и винтовки птицъ и кроликовъ, такъ что, простившись съ Сантономъ, онъ былъ уже довольно опытнымъ стрѣлкомъ. Онъ также купилъ лошадь, одну изъ лучшихъ въ окрестности, и хотя кентукской породы, но привыкшую къ канзасскимъ условіямъ; она была быстра, вынослива и не боялась огня. Исаакъ ее выбралъ, а, какъ узналъ Робертъ, мнѣніе Исаака о лошадяхъ считалось авторитетомъ во всемъ округѣ.

Тѣмъ же утромъ на хорошемъ скакунѣ въ свѣжее апрѣльское утро производитъ на человека такое ободряющее вліяніе въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, что надо быть упорнымъ мизантропомъ или имѣть на сердцѣ серьезное горе, чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ не находиться въ веселомъ расположеніи духа. Робертъ не былъ исключеніемъ изъ общаго правила. Онъ сравнивалъ свое теперешнее положеніе верхомъ на Санхо, бѣжавшемъ крупною рысью, съ тѣмъ, что произошло въ послѣдній разъ, когда онъ уставшій, несчастный пробирался по этой дорогѣ. Миновавъ гребень горы, гдѣ онъ впервые встрѣтилъ Эльмора и Логлина, онъ вскорѣ поравнялся съ Бѣлымъ Домомъ. Въ головѣ его невольно блеснула мысль о томъ, не увидитъ ли онъ случайно Руоъ еще разъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Осаватоми, которымъ онъ навсегда положитъ конецъ зарождавшейся дружбѣ между ними. Едва эта мысль овладѣла имъ, какъ онъ увидалъ въ саду Бѣлаго Дома бѣлое пятно, принявшее мало-по-малу образъ хорошо извѣстной ему фигуры. Онъ засмѣялся и пришипилъ Санхо, но, какъ онъ ни старался сохранить хладнокровный, добродушный видъ, сердце его тревожно билось. Онъ замѣтилъ, что ея лицо было обращено къ дорогѣ, и что оно находилось недалеко отъ калитки, а потому въ сердцѣ его возникла надежда, что она взглянетъ на него своей обычной прелестной улыбкой.

Нелѣпная мысль, что она все-таки принадлежитъ ему, блеснула въ его головѣ. Невольно онъ направилъ лошадь къ калиткѣ и задержалъ ея шагъ.

Онъ приближался все болѣе и болѣе, какъ вдругъ высокая женская фигура, въ которой Робертъ узналъ мистриссъ Эльморъ, вышла изъ дома и, приложивъ руку къ глазамъ, стала пристально смотрѣть на него. Но Руеъ, сажая картофель, не поднимала головы съ гряды, какъ будто ничего не слышала и не видѣла.

Миновавъ калитку и проходя мимо того мѣста, гдѣ работала молодая дѣвушка, лошадь Роберта случайно ударила копытомъ о камень, и Руеъ взглянула по тому направленію, гдѣ раздался шумъ. Инстинктивно, хотя и противъ своего твердаго намѣренія, Робертъ приподнял шляпу и сказалъ:

— Добраго утра!

Но Руеъ не отвѣчала ему ожидаемой улыбкой, а, гордо выпрямившись, сухо поклонилась и продолжала свою работу съ новой энергіей. Робертъ покраснѣлъ до корней волосъ и пришпорилъ лошадь, которая понеслась галопомъ. Черезъ нѣсколько мгновеній Бѣлый Домъ остался далеко позади.

Между тѣмъ мистриссъ Эльморъ прошла въ садъ и, остановившись передъ молодой дѣвушкой, которая теперь не работала, а задумчиво опиралась на свою лопатку, сказала:

— Это былъ Робертъ Гольдено?

— Да.

— Ты говорила съ нимъ?

— Конечно, нѣтъ.

— Онъ куда-то спѣшитъ, — произнесла мистриссъ Эльморъ, смотря искоса на племянницу: — куда это онъ ѣдетъ?

Руеъ ничего не отвѣчала и казалась погруженной въ свои собственные мысли. Она молча взяла тетку за руку и пошла съ нею въ домъ.

— Я и не подумала бы съ нимъ говорить, — неожиданно произнесла она: — но какъ онъ красиво сидитъ на лошади! Я не знала, что уроженцы Новой Англіи хорошо ѣздятъ верхомъ.

Роберту предстояло проѣхать восемнадцать миль. День былъ безоблачный, и чѣмъ солнце поднималось выше, тѣмъ воздухъ становился душливѣе. Это была настоящая жатвенная погода, но невыносимая для человѣческихъ существъ, и, спустя часъ ѣзды по солнечному зною, Робертъ осовѣлъ, и глаза его стали смыкаться отъ дремоты. Веселое его настроеніе исчезло, и нервы снова разыгрались. Если бы онъ не отличался пламенной любовью къ животнымъ, то, конечно, онъ выместилъ бы свое раздраженіе на Санхо, но теперь онъ старался успокоить свои чувства картинами воображаемой экзекуціи капитана Гаулета бичемъ, который ему на прощанье подарилъ Исаакъ Шапетъ. Подобныя мысли занимали Роберта, и онъ почти

не видѣлъ времени; наконецъ онъ достигъ селенія Осаватоми, въ двухъ миляхъ отъ котораго находилось жилище Джона Брауна. Мѣстность мало-по-малу совершенно измѣнилась, и послѣ переправы черезъ рѣку Лебединое Болото дорога, до тѣхъ поръ унылая, монотонная, замѣнилась гористой тропинкой, извивавшейся между кипарисами, дубами и разными кустарниками. Осаватоми стояло на разстояніи одной мили отъ рѣки и заключалось въ извѣстномъ числѣ деревянныхъ хижинъ, выстроенныхъ на лѣсной чистиницѣ. У дверей жилищъ видѣлись женщины, стиравшія бѣлье въ виду всѣхъ, или нянчившія своихъ грудныхъ дѣтей. Съ одной стороны дороги, сквозь деревья видѣлся берегъ рѣки, а съ другой тянулись горы, перерѣзанныя ущельями и долинами, покрытыя лѣсомъ и безъ всякихъ слѣдовъ человеческого жилья. Вся представлявшаяся ему картина такъ рѣзко отличалась отъ пустынныхъ прерій вокругъ Сантона, что Робертъ спрашивалъ себя, не перенесся ли онъ незамѣтно въ новую страну. Даже атмосфера была другая, болѣе прохладная, возбуждающая къ дѣятельности и пропитанная запахомъ кипариса и сосны. Всюду царило безмолвное молчаніе, которое прерывалось только по временамъ шелестомъ бѣлки, перебѣгавшей съ мѣста на мѣсто. Однажды онъ увидалъ надъ своей головой орла, который медленно кружился, приближаась къ своему гнѣзду, свитому на вершинѣ обнаженной, высушенной сосны.

Быль почти полдень, и Робертъ началъ чувствовать голодь, при чемъ невольно вспомнилъ слова Шапета о спартанской пищѣ Джона Брауна; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣчалъ съ удовольствіемъ, что дорога становилась болѣе широкой, и срубленные по сторонамъ деревья были очевидно срезаны на топливо. По временамъ сквозь деревья проглядывали снова преріи, а въ одномъ мѣстѣ, съ лѣвой стороны, блеснулъ широкій водяной потокъ: это было соединеніе рѣкъ Лебединого Болота и Потаватоми. Заливные дуга тянулись по обѣ стороны послѣдней рѣки и обѣщали, при тщательномъ воздѣлываніи, превратиться въ плодоносныя поля.

Робертъ проѣхалъ еще нѣсколько сотенъ ярдовъ и, наконецъ, увидалъ клубы дыма надъ деревьями, а такъ же услышалъ стукъ топора; очевидно, близко было человеческое жилище, и онъ догадался, согласно указаніямъ Шапета, что цѣль его странствованія достигнута. Дорога круто повернула налѣво, и передъ путникомъ сразу показался низенькій бревенчатый домъ, между пнями отъ срубленныхъ деревьевъ. Не успѣлъ Робертъ повернуть лошадь по направленію дома, какъ изъ двери выскочила рыжая собака и стала громко лаять. Вслѣдъ за ней показался человѣкъ, который медленно пошелъ на встрѣчу посѣтителю; Робертъ взглянулъ на него съ любопытствомъ и тотчасъ призналъ въ немъ Джона Брауна.

Болѣе недѣли, днемъ и ночью, Робертъ думалъ о Джонѣ Браунѣ, о томъ, какъ онъ его увидитъ, что тотъ ему скажетъ, и разоча-

руется ли онъ при личномъ знакомствѣ съ героемъ Шапета. Изъ боязни разочарованія онъ не придавалъ Джону Брауну никакого фантастическаго образа и утѣшалъ себя мыслью, что какое впечатлѣніе онъ ни вынесетъ изъ перваго знакомства съ нимъ, слова Исаака о немъ оправдаются впоследствии.

Передъ нимъ былъ сухой, пожилой человекъ, высокаго роста съ широкой грудью, могучими плечами и длинной шеей. Онъ, по-видимому, только что стряпалъ, и на немъ виднѣлись шерстяная фуфайка, коричневые брюки и высокіе сапоги. Никто въ подобномъ нарядѣ не можетъ имѣть достойной осанки, но Джонъ Браунъ сразу произвелъ пріятное впечатлѣніе на Роберта. Хотя онъ былъ одѣтъ бѣдно, но чисто и опрятно. Его сѣрая, толстая фуфайка была безъ малѣйшаго пятна, брюки, хотя и заштопанные, гладко обхватывали его ноги, а сапоги такъ блестѣли, точно онъ служилъ въ кавалеріи и собирался на парадъ. Послѣ быстрого осмотра его фигуры, Робертъ сосредоточилъ все свое вниманіе на его лицѣ, и мгновенно исчезъ всякій страхъ разочарованія. Лицо Джона Брауна было длинное, лобъ высокій и немного узкій, а прямые свѣтлыя брови нависли надъ темносѣрыми глазами. На этомъ прекратился первый осмотръ лица Джона Брауна юношей, и только впоследствии, при болѣе близкомъ знакомствѣ, онъ замѣтилъ, что у Джона Брауна были горбатый носъ, широкий ротъ и массивный подбородокъ. Тутъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ своими глазами онъ былъ извѣстенъ всѣмъ друзьямъ и врагамъ,—это были большіе глаза со слегка нависшими вѣками и очень свѣтлымъ, пытливымъ и выразительнымъ взглядомъ. Волоса у него были темно-каштановые, съ просѣдью и зачесаны назадъ, безъ пробора. Лицо его было чисто выбрито.

Въ выраженіи этого лица не было и слѣда слабой природы, а, напротивъ, всѣ линіи его лба, морщины подъ глазами и надъ ртомъ обнаруживали могучую энергичную силу и одинаковую способность любить и ненавидѣть. Все дышало въ немъ твердой волей, и если онъ возбуждалъ въ одномъ человекѣ пламенную преданность, то десятерыхъ возстановлялъ противъ себя, побуждая ихъ бояться и ненавидѣть себя.

Таковъ былъ Джонъ Браунъ, и Робертъ, увидавъ въ первый разъ блескъ его сѣрыхъ, стальныхъ глазъ, почувствовалъ, что щеки его краснѣютъ, и пульсъ сильнѣе бьется. Онъ инстинктивно снялъ шляпу и произнесъ:

— Вы капитанъ Браунъ?

— Да, мой другъ, меня зовутъ Браунъ,—отвѣчалъ онъ съ нетерпѣніемъ: — сойдите съ лошади, садитесь и скажите, что вамъ нужно.

При этомъ Джонъ Браунъ указалъ рукой на сваленное подлѣ дома дерево и пристально слѣдилъ за всѣми движеніями Роберта.

За кушакомъ у него виднѣлся пистолеть, за который онъ держался правой рукой.

Эта встрѣча показалась молодому человѣку очень холодной, такъ какъ онъ не думалъ, что ктонибудь можетъ его подозрѣвать.

— Мнѣ совѣтовалъ поѣхать къ вамъ Исаакъ Шапетъ,—сказалъ онъ, исполнивъ указаніе Брауна.

— Исаакъ Шапетъ изъ Сантона?

— Да.

— А что вамъ надо отъ меня?

Тонъ его теперь сдѣлался мягокъ, и правая рука опустилась въ карманъ.

— Я перебрался изъ Масачузета въ Канзасъ съ цѣлью завести тамъ ферму, но я перемѣнилъ свои намѣренія и пріѣхалъ къ вамъ.

— Вы сторонникъ свободныхъ штатовъ?

— Я аболиціонистъ, капитанъ,—сказалъ Робертъ, гордо поднимая голову:—вотъ зачѣмъ я здѣсь. Согласны вы принять меня волонтеромъ?

Лицо Джона Брауна два раза быстро измѣнилось. При словѣ аболиціонистъ глаза его засверкали, и суровое лицо сдѣлалось почти красивымъ; но при послѣднихъ словахъ Роберта глаза его померкли и приняли строгое критическое выраженіе.

— Что вы, молодой человѣкъ? Мы люди простые, едва сами достаемъ себѣ кусокъ хлѣба и посылаемъ, съ Божьей помощью, кое-что нашимъ отсутствующимъ семьямъ. Я и мои сыновья ведемъ жизнь бѣдную, полную лишеній. Вы такъ никогда не жили. Прошлой зимой мы едва не умерли отъ холода.

— Хорошо для Канзаса и свободы, что вы остались живы.

— Почему вы это говорите?

— Потому что я видѣлъ вашихъ двухъ сыновей въ день выборовъ, и это единственные люди, которыхъ я встрѣтилъ до сихъ поръ въ Канзасѣ. Позвольте мнѣ дѣлать съ вами и радость и горе. Я больше ничего не прошу.

— Вы просите большого. Я васъ не знаю. Я думаю, что вы сѣверянинъ, быть можетъ, бостонецъ. Ну, такъ я и зналъ. Бостонъ хорошій городъ, но, какъ всѣ города, болѣе склоненъ къ словамъ, чѣмъ къ дѣламъ. Мнѣ надо знать, какъ вы жили до сихъ поръ, такъ какъ мы здѣсь живемъ богобоязненными людьми. Пьяница и сквернословецъ не найдетъ мѣста въ моемъ домѣ! Вы говорите, что вы аболиціонистъ. Чѣмъ вы доказали это до сихъ поръ? Знайте, что я прибылъ въ Канзасъ не для того, чтобы охранять собственность людей, называющихъ себя защитниками свободныхъ штатовъ, но переносящихъ оскорбленія отъ сторонниковъ рабства и дозволяющихъ выборъ законодателей, которые покровительствуютъ торгу невольниками. Я здѣсь для того, чтобы нанести ударъ врагамъ униженныхъ и оскорбленныхъ. Вы хотите мнѣ въ этомъ помочь? Вся-

каго рода помощь намъ необходима, болѣе же всего мы нуждаемся въ людяхъ, но эти люди должны бояться только Бога и не возвращаться вспять по однажды избранному пути, потому что этотъ путь будетъ забрызганъ кровью. Какъ васъ зовутъ? Хорошо. Вы Робертъ Гольдено, такъ вотъ я и спрашиваю васъ: Робертъ Гольдено, такой ли вы человѣкъ? Можете ли вы поклясться передъ лицомъ Бога, что свобода невольниковъ для васъ дороже спокойствія, счастья, даже жизни? Нѣтъ, мало того, дороже даже жизни и счастья другихъ? Отвѣчайте. Если вы хотите войти въ этотъ домъ, то должны быть готовы на все это и даже на многое другое.

Робертъ былъ сильно взволнованъ. Пламенная искренность Джона Брауна и его громкій внушительный голосъ произвели на него глубокое впечатлѣнiе. Онъ протянулъ правую руку и произнесъ:

— Клянусь! До сихъ поръ я почти ничего не дѣлалъ. До прибытiя въ Канзасъ я только думалъ, читалъ и мечталъ о дѣятельности. Какъ я поступалъ здѣсь—можетъ вамъ рассказать Шапеть. Вмѣстѣ съ вашими сыновьями и еще другимъ человѣкомъ я громко подалъ голосъ въ пользу насильственного удаленiя миссурійцевъ отъ избирательныхъ ящиковъ, а на другой день едва не заплатилъ жизнью въ вертепѣ Пигота, гдѣ на меня напалъ Патъ Логлинъ. Я убѣжденъ, что только открытая борьба можетъ сдѣлать Канзасъ свободнымъ штатомъ. Если вы меня не примете, то я уйду отсюда.

Джонъ Браунъ внимательно его слушалъ и, когда онъ замолчалъ, взялъ его за руку.

— Я васъ приму. Вы будете жить въ моемъ домѣ, у меня есть для васъ дѣло, и я вамъ дамъ за это кровь и столъ. Вы согласны?

Робертъ колебался. Онъ хотѣлъ предложить уплату, такъ какъ Шапеть говорилъ ему о бѣдности Джона Брауна, но, взглянувъ на его гордое лицо, онъ перемѣнилъ свое намѣренiе и просто согласился на сдѣланное ему предложенiе.

Джонъ Браунъ быстро поднялся съ дерева и сказалъ совершенно инымъ тономъ:

— А хорошая у васъ лошадь, Робертъ: вы сами ее выбрали, или Исаакъ? Нечего вамъ и отвѣчать. Я знаю эту лошадь. Человѣкъ, продавшій ее, былъ долженъ Исааку, и иначе вамъ никогда бы ее не достать. Отведите ее въ конюшню и дайте ей кормъ, а я пойду въ домъ. Скоро вернутся мальчики къ завтраку.

Они разстались. Робертъ повелъ лошадь въ конюшню, чувствуя себя какъ бы дома. Ему казалось, что онъ вѣчно знаетъ Джона Брауна.

Конюшня состояла изъ деревяннаго сруба, покрытаго досками и засыпаннаго землей. Къ большому своему удивленiю Робертъ увидалъ въ ней двухъ прекрасныхъ, выхолненныхъ породистыхъ лошадей; рѣдко можно было встрѣтить столь видныхъ коней въ такой скромной обстановкѣ. Но вскорѣ его вниманiе было отвлечено

раздавшимися неподалеку голосами. Группа людей подходила къ дому, и отъ нея отдѣлились двое: Язонъ и Оливеръ; они подошли къ Роберту и дружески пожали ему руку. Потомъ они познакомили съ нимъ еще трехъ своихъ братьевъ: Джона, Соломона и Фредрика. Всѣ они такъ крѣпко пожимали ему руки, что у него даже заболѣли пальцы. Однако, не смотря на боль, на сердцѣ у него было очень тепло. Между молодыми Браунами и ихъ отцомъ было одно странное различіе. Только одинъ старшій изъ сыновей, Джонъ, былъ серьезень, какъ отецъ, а другіе отличались живой веселостью. Ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ силы воли отца, но каждый изъ нихъ готовъ былъ жертвовать жизнью, когда въ томъ встрѣтится надобность.

Когда всѣ вошли въ домъ и усѣлись за столomъ, то отецъ молчалъ, серьезно поглядывая на Роберта, а сыновья весело болтали, шутили и, повидимому, наслаждались жизнью. Роберту особенно нравился Язонъ. Онъ не говорилъ такъ много, какъ другіе братья, но его глаза особенно блестѣли, и его шутки заставляли даже отца улыбаться. Онъ ловко заставилъ Роберта описать нападеніе разбойниковъ на Аллена Эльмора, но когда Фредрикъ, младшій и наименѣе умный изъ семьи, замѣтилъ, что положеніе Эльмора было очень щекотливо, благодаря ухаживанію капитана Гаулета за его дочерью, то Язонъ замѣтилъ, что Робертъ насупилъ брови, и очень искусно перемѣнилъ разговоръ.

Послѣ завтрака молодые люди принялись каждый за свое дѣло. Двое стали пахать землю на берегу рѣки, а трое взялись за окончаніе постройки дома. Робертъ остался съ отцомъ.

Не дожидаясь указаній, онъ принялся собирать посуду со стола. Джонъ Браунъ, закуривъ трубку, долго пристально смотрѣлъ на него.

— А давно вы, Робертъ, жили въ Бостонѣ?

— Отчего вы это спрашиваете?

— Я бывалъ тамъ нѣсколько разъ, но никогда не замѣчалъ, чтобы бостонцы были полезны по хозяйству въ домѣ. Вы, вѣроятно, жили гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, сынъ мой?

— Я знаю кое-что о фермерской жизни, капитанъ. Я уже съ годъ не бывалъ въ городѣ. А гдѣ мнѣ взять ведро, чтобы перемыть посуду?

— Не беспокойтесь. Я васъ не займу такой пустой работой, у меня есть для васъ болѣе серьезное дѣло. Пойдемте со мною, и я вамъ покажу.

День былъ попрежнему тихій и солнечный, а представившаяся Роберту картина напоминала мирную, веселую Англию: не вдалькѣ отъ дома стояла купа кедровъ. Три дерева были уже срублены, а остальные ожидали той же участи.

— Умѣете вы владѣть топоромъ? Попробуйте.

Робертъ сбросилъ съ себя сюртукъ и жилетъ и, взявъ топоръ, посмотрѣлъ на его остріе.

— Однако у васъ острый топоръ.

— Да, это здѣсь необходимо. Покажите свою прыть на этомъ деревѣ.

Робертъ улыбнулся и занесъ топоръ.

Ударъ за ударомъ посыпались на дерево, и топоръ все болѣе и болѣе вонзался въ его сердце. Робертъ работалъ отъ всей души, а Джонъ Браунъ молча слѣдилъ за нимъ. Наконецъ дерево задрожало и грохнулось на траву. Тогда Джонъ Браунъ обернулся и пошелъ домой, бормоча, про себя:

— Этотъ человѣкъ сильный, и рука у него вѣрная. Съ Божьей помощью онъ окажетъ намъ большую услугу, когда придетъ время. Молодецъ Исаакъ! прислать хорошаго человѣка.

VIII.

Р у о ъ.

Руэи Виндсфордъ было двадцать лѣтъ, но никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы ей было болѣе восемнадцати, потому что она отличалась очень пылкимъ, увлекающимся характеромъ и сегодня находилась въ одномъ настроеніи, а завтра въ другомъ. Ея дядѣ и теткѣ, флегматичнымъ и благоразумнымъ людямъ, часто не вѣрилось, что черезъ годъ она сдѣлается совершеннолѣтней и вступитъ во владѣніе значительнымъ состояніемъ.

Впослѣдствіи, вспоминая о раннихъ дняхъ своего опекунства, Алленъ Эльморъ удивлялся, что онъ никогда не замѣчалъ въ веселой, живой Руэи силу воли, а приписывалъ то обстоятельство, что она постоянно въ ежедневной жизни ставила на своемъ, дѣтскому легкомыслію, которому онъ не считалъ нужнымъ перечить. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Руэь была идеальнымъ предметомъ опеки для осторожнаго, заботливаго опекуна.

Руэь была сирота; ея отецъ, богатый виргинскій плантаторъ, былъ женатъ на единственной сестрѣ Эльмора и не имѣлъ никакой своей родни. Она родилась въ Виргиніи, тамъ воспитывалась и тамъ провела бы всю жизнь, если бы ея родители во время случайнаго пребыванія въ Орлеанѣ не сдѣлались жертвами свирѣпствовавшей тамъ въ 1854 году чумы. Они оба умерли въ одинъ день, и Руэь осталась одна на свѣтѣ, имѣя только одного родственника, брата своей матери, гдѣ-то далеко въ Пенсильваніи. Она немедленно отправилась къ нему. Доставшееся ей по наслѣдству имѣніе было продано, а вырученныя деньги внесены Эльморомъ, какъ опекуномъ, въ банкъ съ тѣмъ, что, согласно завѣщанію отца, онѣ перейдутъ въ руки Руэи по достиженіи ею совершеннолѣтія. До того времени процентами пользовался Алленъ Эльморъ и, по словамъ его сосѣ-

дей, только благодаря этому обстоятельству, онъ получилъ мѣсто поземельнаго правительственнаго комиссара въ новой территоріи Канзасъ. Тѣ же злые языки прибавляли, что со стороны опекуна было недобросовѣстно увезти опекаемую дѣвицу въ отдаленный дикій уголокъ, гдѣ не было ни общества, ни развлеченія; но, чтобы быть безпристрастнымъ, нужно объяснить, что у этихъ злыхъ языковъ были взрослые сыновья, а потому въ ихъ интересахъ было сохранить въ Филадельфій богатую невѣсту. Во всякомъ случаѣ подобныя толки не остановили Аллена Эльмора отъ осуществленія своего плана, тѣмъ болѣе, что сама Руеъ его одобряла, такъ какъ она въ то время жаждала деревенской жизни.

Такимъ образомъ Руеъ попала въ Канзасъ и вскорѣ, благодаря ей умѣлой теткѣ, сдѣлалась образцовой хозяйкой. Въ этой территоріи въ 1855 году не существовало слугъ, поэтому молодая дѣвушка посвящала свое свободное время на садоводство и управление лошадьми, когда дядя имѣлъ досугъ выѣзжать съ ней, потому что ей одной кататься было не безопасно. Она вела спокойную и довольно скучную жизнь, пока не явился въ сосѣдствѣ съ отрядомъ солдатъ капитанъ Гаулетъ, сынъ стараго друга ея отца. Между ними быстро возникла дружба, и посѣщенія капитана становились все чаще и чаще. До неожиданнаго прибытія въ Сантонъ Роберта Гольдено все шло, какъ по маслу, и капитанъ Гаулетъ не имѣлъ и тѣни соперника. Мѣстные молодые люди были слишкомъ скромнаго положенія, чтобы претендовать на соперничество съ офицеромъ. Но кто былъ этотъ Робертъ Гольдено? Гаулетъ этого не зналъ и, подсчитавъ приблизительно то время, которое онъ могъ провести въ обществѣ Руеи, пришолъ къ заключенію, что оно не могло превышать десяти часовъ. Послѣ того вечера, когда Робертъ откровенно высказалъ свои политическія убѣжденія, Руеъ уже болѣе никогда не упоминала его имени. Поэтому Гаулетъ все болѣе и болѣе убѣждался, что ему стоило только сдѣлать предложеніе, и молодая дѣвушка сдѣлается его женой.

На его пути была только одна преграда, и хотя она не очень его тревожила, но заставляла по временамъ задумываться. Мистриссъ Эльморъ явно возставала противъ его намѣренія жениться на племянницѣ мужа: это была до мозга костей сѣверянка. Она любила Руеъ, понимала ее, можетъ быть, болѣе мужа и простила, въ виду ея доброй искренней природы, гордыя, своенравныя выходки молодой дѣвушки, плодъ ея южной крови и южнаго воспитанія. Но когда на сцену явился капитанъ въ качествѣ жениха, то мистриссъ Эльморъ рѣшила дѣйствовать иначе. Его приличныя, утонченныя манеры выводили ее изъ себя, и она щетинилась, какъ кошка, при всякомъ его появленіи въ домѣ. Съ теченіемъ времени, хотя между ними не было объявлено открытой войны, для чего Гаулетъ былъ слишкомъ дипломатиченъ, однако они никогда не находились и въ мир-

ныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ, такъ что, отправляясь въ Бѣлый Домъ, капитанъ каждый разъ справлялся, тамъ ли мистеръ Эльморъ.

Гаулетъ принадлежалъ къ тому классу молодыхъ, людей, которые легко побѣждаютъ сердца дѣвицъ. Онъ былъ красивъ, ловокъ и опытенъ, не смотря на свои тридцать лѣтъ. Для южанина онъ былъ терпѣливъ, остороженъ и не торопился съ ухаживаніемъ, зная, что поспѣшностью только повредишь дѣлу. При этомъ онъ былъ очень искрененъ и въ настоящее время дѣйствовалъ вполне сознательно: съ одной стороны онъ пришолъ къ убѣжденію, что скучно жить одному на свѣтѣ, а съ другой — состояніе Руои было далеко не лишне ему при его стѣсненныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вполне честно считалъ ее доброй, прелестной дѣвушкой, достойной быть женою высшаго человѣческаго созданія на свѣтѣ—южно-американскаго джентльмена.

Но каждый полководецъ, какъ бы онъ искусенъ ни былъ, отличается слабой стороной въ своей стратегіи, и капитанъ Гаулетъ, ведя атаку на сердце Руои, сдѣлалъ одну большую ошибку: не торопясь и сдерживая себя, онъ перехитрилъ и слишкомъ затормозилъ дѣло.

Въ жилахъ Руои текла горячая кровь, и когда она сознала, что посѣщенія капитана Гаулета имѣютъ тайное значеніе, то стала съ нетерпѣніемъ ждать его признанія въ любви, гордясь, что побѣдила такого блестящаго кавалера, и внутренно рѣшилась осчастливить его удовлетворительнымъ отвѣтомъ. Но дни шли за днями, недѣли за недѣлями, а онъ все медлил; тогда ея сердце стало тревожно биться, и она съ удивленіемъ спрашивала себя, чего же онъ ждетъ. Однако, въ то же время она чувствовала какъ бы удовольствіе отъ того, что капитанъ не дѣйствовалъ рѣшительно, и ее брало сомнѣніе—желательный ли онъ женихъ.

Наконецъ, вскорѣ послѣ отъѣзда Роберта къ Джону Брауну, капитанъ рѣшилъ, что пора узнать свою судьбу. Ему казалось, что всего лучше было уѣхать на время, а потомъ неожиданно вернуться и поставить все на карту. Онъ считалъ, что Руоѣ видала его слишкомъ часто, и что слѣдовало ее немного помучить его отсутствіемъ, такъ чтобы она вполне оцѣнила, что значитъ пользоваться его обществомъ.

Онъ обставилъ свой отъѣздъ очень ловко. По его словамъ, долгъ службы заставлялъ его уѣхать на мѣсяць, а, можетъ быть, и меньше, и хотя ему и невыносимо жить вдали отъ Сантона, но служба была службой. Однако, Руоѣ показалась ему недостаточно печальной въ тотъ вечеръ, который онъ провелъ съ ней, хотя, прощаясь, онъ какъ бы замѣтилъ на ея глазахъ слѣды слезъ.

Эльморъ проводилъ его до воротъ, и тамъ капитанъ сказалъ:

— Вы меня понимаете, сэръ?

— Да, любезный капитанъ, дальнѣйшія объясненія излишни. Вы были со мной откровенны, и я ничего не скрылъ отъ васъ. Я люблю Руоъ, какъ дочь, и мой домъ всегда открытъ для нея, пока я живъ, но черезъ годъ она будетъ совершеннолѣтней, и мы, старики, не должны думать о себѣ. Я желаю вамъ всякаго успѣха и увѣренъ, что если бы былъ живъ ея отецъ, полковникъ Виндсфордъ, то и онъ сказалъ бы то же. Ну, до свиданія. Добраго пути.

Они крѣпко пожали другъ другу руку, и когда Гаулетъ удалился, то Эльморъ пошелъ прямо въ свой кабинетъ.

— Годъ не скоро пройдетъ, — думалъ онъ: — южные демократы и теперь обязаны мнѣ кое-чѣмъ, а если этотъ бракъ удастся, то я окажу имъ еще большую услугу. Я увѣренъ, что онъ сдержитъ данное мнѣ слово, ради собственнаго интереса. Если же онъ нарушитъ его, то тѣмъ хуже для него, хотя бы она сто разъ согласилась выйти за него замужъ.

Послѣ этого Эльморъ вернулся въ гостиницу и не сводилъ глазъ съ Руои до той минуты, какъ она пошла спать.

Слѣдующій день показался молодой дѣвушкѣ очень длиннымъ. Второй еще длиннѣе, а когда миновала недѣля, то ей показалось, что капитанъ Гаулетъ уѣхалъ болѣе года. Она уже не ѣздила верхомъ и не каталась въ экипажѣ, такъ какъ дядя отказывался ее сопровождать подъ предлогомъ серьезныхъ занятій. Конечно, она могла стрѣлять въ цѣль изъ лука, чему научилъ ее капитанъ, но это препровожденіе времени казалось ей очень скучнымъ, когда некому было похвалить ее за мѣткій выстрѣлъ и натянуть для нея тетиву лука. Она также могла найти развлеченіе въ садоводствѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ Робертъ Гольдено, это занятіе потеряло для нея всякій интересъ. Такимъ образомъ ей оставалось только прибѣгнуть къ чтенію, но свои книги она перечла нѣсколько разъ, а въ библиотекѣ дяди находились только серьезные, сухія сочиненія.

Однажды, войдя въ кабинетъ Эльмора во время его отсутствія, чтобы достать понадобившійся ей сургучъ, она случайно увидѣла на столѣ газету и, за неимѣніемъ лучшаго чтенія, стала пробѣгать заголовки статей. Случайно ея глаза остановились на словѣ Канзасъ, напечатанномъ крупными буквами, и она стала внимательно читать. Эта газета была «New-York Tribune», и Руоъ напала на одну изъ краснорѣчивыхъ статей Гораса Грилея противъ распространенія рабства. Эта пламенная статья была очевидно написана въ пользу людей, желавшихъ сдѣлать Канзасъ свободнымъ штатомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она представляла мастерское изобличеніе всей системы рабства, чѣмъ такъ славился Горасъ Грилей. Не только Руоъ не читала ничего подобнаго, но всѣ ея подружки съ дѣтства были дочерьми рабовладѣльцевъ, и ея отецъ владѣлъ значительнымъ числомъ невольниковъ. Рабство въ ея глазахъ, благо-

даря ея воспитанію, было столь же твердымъ, если не столь святымъ учрежденіемъ, какъ епископальная церковь. Правда, при ея появленіи въ Пенсильваніи, дядя предупредилъ ее, что рабство тамъ не одобрялось, но никто передъ нею открыто не возставалъ противъ него. Робертъ Гольдено былъ первый человѣкъ, который говорилъ при ней объ уничтоженіи рабства, а теперь, въ этой газетѣ, очень извѣстной и о которой Руэ не разъ слыхала, выражались такія чувства и представлялись такіе аргументы, которые заставляли ее вздрагивать отъ гнѣва. Но эта статья была интересная, очень интересная. Руэ отличалась умомъ, любила читать и могла здраво судить о прочитанномъ. Не смотря на всѣ свои предрасудки и желаніе разорвать газету за многія рѣзкія въ ней фразы, она этого не сдѣлала, а напротивъ нашла такое умственное наслажденіе, что спрятала газету. На другой день она ее перечла, и ей захотѣлось прочесть эту статью еще разъ вмѣстѣ съ капитаномъ Гаулетомъ, котораго она попросила бы опровергнуть всѣ доводы Гораса Грилея, который, не смотря на всю его несправедливость къ ея друзьямъ южанамъ, былъ очевидно очень умнымъ и ловкимъ писателемъ. Она представляла себѣ гнѣвное лицо капитана и, чтобы вывести его окончательно изъ себя, рѣшила сказать ему, что эта статья своей логичностью почти убѣдила ее въ справедливости аболиціонизма. Однако, немного подумавъ, она отказалась отъ этого намѣренія: она знала, что съ южанами нельзя было шутить на счетъ рабства.

Наконецъ прошло двѣ недѣли. Апрель близился къ концу, а ничего не было слышно о возвращеніи капитана. Скука, одолѣвавшая Руэ, начала отзываться на ея настроеніи. Погода была холодная и сырая, такъ что она не могла много гулять, и ей не съ кѣмъ было поговорить, кромѣ дяди и тетки, съ которыми она въ сущности имѣла мало общаго.

Мистриссъ Эльморъ нашла нужнымъ серьезно поговорить съ мужемъ и предложила послать молодую дѣвушку, хоть на короткое время, къ друзьямъ на востокъ; но онъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Эльморъ не сообщилъ женѣ, что Гаулетъ формально объяснилъ ему свои намѣренія на счетъ Руэи, такъ какъ предпочиталъ о нѣкоторыхъ предметахъ не говорить съ женой, пока они не сдѣлались совершившимся фактомъ. Но мистриссъ Эльморъ догадалась, въ чемъ дѣло, и хотя не сказала ни слова, но внутренно возставала съ горечью противъ успѣха капитана, который она предпочувствовала, какъ только онъ вернется въ Бѣлый Домъ.

IX.

Заявленіе независимости.

На третьей недѣлѣ послѣ отъѣзда капитана Гаулета, около четырехъ часовъ по полудни, Руеъ сидѣла у окна и уныло смотрѣла на дождь, лившій, какъ изъ ведра. Она была очень не въ духѣ и не знала, чѣмъ заняться, она пробовала всего—и чтенія, и работы, и музыки, но ничто у нея не спорилось, и все ей надоѣло. Она сложила руки и углубилась въ свои мысли. Гдѣ былъ теперь капитанъ Гаулетъ? По всей вѣроятности, бѣднякъ находился гдѣ нибудь въ походѣ подъ дождемъ, или укрывался отъ того же дождя въ плохой палаткѣ. Однако она недолго сожалѣла о томъ, такъ какъ ей казалось, что въ эту минуту она согласилась бы промокнуть до костей подъ дождемъ, чѣмъ сидѣть сложа руки въ этой скучной гостиной. Вообще ей надоѣло ничего не дѣлать и не приносить никому пользы, но черезъ годъ все это измѣнится: она станетъ жить самостоятельно. Но что было ей дѣлать со своей свободой? Прежде всего она хотѣла путешествовать и поѣхать въ Европу, а быть можетъ, подалѣе, а затѣмъ вернется на югъ въ ея любимую Виргинію. Она не забывала, что капитанъ Гаулетъ могъ быть однимъ изъ элементовъ ея будущей жизни, но ей и въ голову не приходила мысль, чтобы онъ могъ противодѣйствовать ея планамъ: все пойдетъ, какъ по маслу, по ея желанію, когда ей минетъ двадцать одинъ годъ. Но, увы! До того блаженнаго времени оставался еще цѣлый годъ. Неужели во все это время она не могла ничего дѣлать пріятнаго и полезнаго?

Раздумывая такимъ образомъ, она разсѣянно смотрѣла въ окно и, видя, какъ мимо проѣзжалъ крытый фургонъ, или проходилъ мокрый съ головы до ногъ пѣшеходъ, она задавала себѣ вопросъ, куда и зачѣмъ торопились тотъ и другой, завидуя людямъ, которые имѣли какое нибудь дѣло въ жизни. Наконецъ одна изъ проходящихъ фигуръ, женщина, съ накрытой платкомъ головой, остановилась передъ садовой калиткой, отворила ее и быстрыми шагами направилась къ дому.

Наконецъ, случилось нѣчто интересное. Личность, рѣшившаяся въ такую погоду пойти въ чужой домъ, должна имѣть къ тому важную причину. Руеъ съ любопытствомъ устремила глаза на эту женщину. Она не казалась бродягой, хотя была, повидимому, очень бѣдна, и ея платье было простое, грубое, а платокъ старый полинявшій. Она прошла на черный ходъ, и Руеъ, радуясь всякому развлеченію, послѣдила въ кухню, гдѣ ея тетка готовила кушанье.

— Мистеръ Эльморъ дома?—спросила вошедшая женщина смиреннымъ, невѣщательнымъ тономъ.

— Онъ не дома, мистриссъ Гоббъ,— отвѣчала хозяйка, насупивъ брови: — и врядъ ли вернется ранѣ десяти часовъ вечера.

Женщина поблѣднѣла и промолвила сквозь зубы:

— А къ тому времени онъ навѣрно вернется?

— Не знаю. Скажите мнѣ, что вамъ нужно.

— Это вамъ не будетъ интересно. Я хотѣла поговорить о дѣлѣ съ мистеромъ Эльморомъ. Не бойтесь, я не останусь здѣсь, а если вы позволите, то я опять зайду. Мое дѣло очень спѣшное, и, съ вашего разрѣшенія, я приду въ десять часовъ и буду его ждать, если онъ къ тому времени не вернется.

— Хорошо,— отвѣчала сухо мистриссъ Эльморъ:— приходите, онъ васъ приметъ.

Съ этими словами она отворила дверь и безъ всякой церемоніи выпроводила блѣдную женщину, а потомъ вернулась къ своей стряпнѣ.

— Зачѣмъ она приходила, тетя?—спросила съ любопытствомъ Руэбъ.

— Не знаю. Вѣроятно, хочетъ просить денегъ въ займы. Говорятъ, ея мужъ Майнеръ Гоббъ очень свободно говорилъ на послѣднихъ митингахъ и возбудилъ противъ себя миссурійцевъ. Конечно, твой дядя поступить смѣло, принявъ эту женщину сегодня вечеромъ, но по-моему надо быть справедливымъ, и если онъ постоянно слушаетъ сторонниковъ рабства, то почему иногда не послушать и его противниковъ.

Эти слова мистриссъ Эльморъ произносила какъ бы про себя, и они очень удивили Руэбъ. Но, видя, что тетка не находилась въ общительномъ настроеніи, она снова пошла въ гостиную и попрежнему сѣла у окна. Но теперь она уже не размышляла о своей будущности и не строила воздушныхъ замковъ, а думала о мистриссъ Гоббъ, которая очень ее заинтересовала. Хотя она очень мало знала жизнь, но отличалась добрыми инстинктами и впечатлительной натурой. Кто бы ни была мистриссъ Гоббъ, но очевидно она находилась въ грустномъ положеніи. Лице ея поражало блѣдностью, руки дрожали, и она, повидимому, находилась подъ вліяніемъ какого-то сильнаго страха.

— А жаль,— думала Руэбъ: — что тетка была дома. Если бы я была одна въ кухнѣ, то зазвала бы эту блѣдную женщину и узнала бы, въ чемъ заключается ея горе.

Взволнованная этими мыслями, Руэбъ встала и начала ходить по комнатѣ. Ея лицо теперь приняло такое безпокойное и рѣшительное выраженіе, что если бы капитанъ Гаулетъ увидалъ ее въ эту минуту, то усомнился бы, будетъ ли она той пріятной послушной женой, о которой онъ мечталъ. Что бы ни думала и ни чувствовала Руэбъ, но, когда вернулся въ девять часовъ ея дядя, она встрѣ-

тила его съ обычной улыбкой, но впервые, послѣ отъѣзда капитана Гаулета, не спросила у него, есть ли извѣстія изъ города.

Въ десять часовъ мистриссъ Эльморъ, не сказавшая ни слова мужу объ ожидаемомъ посѣщеніи, неожиданно объявила, что мистриссъ Гоббъ находилась въ кухнѣ и желала видѣть мистера Эльмора.

Руеъ пристально смотрѣла за выраженіемъ лица дяди. Онъ вздрогнулъ, уронилъ газету, которую читалъ, и воскликнулъ нетерпѣливо:

— Что ей надо?

— Ты узнаешь, когда поговоришь съ ней,— отвѣчала сухо мистриссъ Эльморъ:— она мнѣ ничего не сказала, но я вижу, что дѣло плохо.

Съ этими словами мистриссъ Эльморъ усѣлась въ свое любимое кресло и принялась вязать.

Ея мужъ молча поднялъ газету, сложилъ ее и, бросивъ на столъ, пошелъ въ свой кабинетъ, дверь котораго старательно заворилъ.

Такъ какъ Бѣлый Домъ былъ деревянной постройкой, то громкій разговоръ былъ всегда слышенъ изъ сосѣдней комнаты, даже при затворенной двери, а кабинетъ находился рядомъ съ гостиною. Когда голоса разговаривающихъ въ кабинетѣ доносились до мистриссъ Эльморъ, то она поднимала голову и вопросительно поглядывала на Рую; но та сидѣла, закрывшись книгой, такъ что не видно было, обращала ли она какое нибудь вниманіе на происшедшее.

Аудіенція продолжалась недолго, и вскорѣ послышались шаги въ корридорѣ. Затѣмъ можно было различить голосъ Эльмора, спрашивавшій что-то, и наконецъ тетка и племянница ясно слышали послѣднія слова хозяина и посѣтительницы. Послѣдняя говорила:

— Онъ не знаетъ, что я пошла къ вамъ, но если бы вы согласились, то, вы знаете, получите все до копейки. Вамъ извѣстны наши принципы.

— Нѣтъ,— отвѣчала Эльморъ:— увѣрю васъ, милая мистриссъ Гоббъ, это невозможно.

— Вы не скажете ни слова Майнеру,— снова промолвилъ женскій голосъ среди рыданій:— я скорѣ умерла бы, чѣмъ стала просить денегъ, но ребенокъ боленъ, и на что ему купить молока?

Наружная дверь хлопнула, и Эльморъ вернулся въ гостиною. Въ ту же минуту Рую выбѣжала въ другую дверь, и мистриссъ Эльморъ посмотрѣла ей вслѣдъ, сомнительно качая головой.

— Гдѣ Рую?—спросилъ Эльморъ взволнованнымъ, нервнымъ тономъ, окидывая всю комнату безпокойнымъ взглядомъ.

— Не знаю. Вѣроятно, въ своей комнатѣ.

Эльморъ опустился въ кресло и взялъ газету, но видимо не

читаль ея, а жена устремила на него взглядъ, полный самыхъ разнообразныхъ вопросовъ.

— Жаль, что у меня нѣтъ денегъ,— воскликнулъ онъ наконецъ:— а то я съ удовольствіемъ отправилъ бы восвояси всѣхъ восточныхъ поселенцевъ, не умѣющихъ вести дѣла.

— Но такъ какъ денегъ у тебя нѣтъ, то любопытно знать, что станется въ концѣ концовъ съ этими поселенцами, напимѣръ, съ семьей Гоббъ?

— Тяжело сказать. Этотъ дуракъ Майнеръ не только потерялъ четыре теленка, двадцать цыплятъ и тоннъ сѣна, но вздумалъ на послѣднемъ митингѣ, о которомъ говорилъ Гаулетъ, открыто предложить, чтобы сантонцы изгнали изъ своего города миссурійцевъ. Въ результатъ — миссурійцы напали на его ферму, разорили домъ, напугали до смерти его жену и ребенка, сожгли скотный дворъ, увели всю скотину и совершенно разорили бѣдняка.

— Они просили у тебя денегъ взаймы?

— Да, но не онъ, а она.

— Гдѣ же онъ?

— Она не говоритъ.

— Что же, онъ будетъ бороться?

— Вѣроятно,—произнесъ съ усмѣшкой Эльморъ:—и дѣло кончится тѣмъ, что его убьютъ, какъ До, Гойта и другихъ. Когда это люди научатся уму-разуму?

— Чѣмъ же все это кончится?

— Я тебѣ скажу. Пять сотъ молодцевъ уже на дорогѣ изъ Алабамы сюда, всѣ они хорошо вооружены и дали клятву очистить Канзасъ отъ людей, подобныхъ Гоббу. А сторонники свободныхъ штатовъ не имѣютъ оружія и не умѣютъ съ нимъ обращаться. Они называютъ меня трусомъ. Я надняхъ получилъ письмо съ родины, гдѣ меня въ этомъ упрекаютъ, но тамъ не знаютъ, въ какомъ мы находимся положеніи. Что можемъ мы сдѣлать, когда у насъ правительство, армія и законодательное собраніе на сторонѣ рабства? Мы одинъ противъ пятидесяти.

Рѣдко видала мистриссъ Эльморъ своего мужа въ такомъ волненіи, и на лицѣ у нея показалась странная улыбка, но въ эту минуту Руэъ вернулась въ комнату, и улыбка тотчасъ исчезла съ лица мистриссъ Эльморъ. Она пристально взглянула на молодую дѣвушку и, увидѣвъ ея смущеніе, подумала:

— «Эге! Она переговорила съ мистриссъ Гоббъ, и быть бѣдѣ».

— Я слышалъ сегодня, Руэъ, интересную для тебя новость,— сказалъ Эльморъ съ любезной улыбкой, обращаясь къ племянницѣ.

— Что такое, дядя?—спросила Руэъ, подходя къ камину и грѣя себя руки.

— Полковникъ Сумнеръ вернулся въ Лекомптонъ, и капитана Гаулета ожидаютъ въ Сантонѣ черезъ нѣсколько дней.

Руеъ вспыхнула и улыбнулась, но глаза ея приняли какое-то странное выраженіе, что очень удивило Эльмора.

— А въ какой день его ждутъ, дядя?

— Никто этого не знаетъ. Но ты рада, не правда ли?

— Конечно.

— Я боюсь, что въ послѣднее время тебѣ было скучновато.

— Я сама виновата,—отвѣчала молодая дѣвушка:—я лѣнилась и ничего не дѣлала, но теперь намѣрена положить этому конецъ.

Эльморъ улыбнулся и бросилъ выразительный взглядъ на жену, а потомъ молча принялся за свою газету, но ему не суждено было читать въ этотъ вечеръ.

— Дядя,—неожиданно произнесла Рубеъ:—я никогда не забирала всѣхъ денегъ, которыя мнѣ слѣдовали по завѣщанію отца?

Эльморъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, но спокойно отвѣчалъ:

— Только разъ, когда ты купила твою лошадь Томъ и новый кабриолетъ.

— Это было два года тому назадъ?

— Да.

— А сколько я сэкономила съ тѣхъ поръ?

— Право, я не могу сказать опредѣленно, но, по всей вѣроятности, около тысячи пятисотъ долларовъ. Но къ чему ты это спрашиваешь?

— Мнѣ нужно тысячу долларовъ. Можете вы мнѣ ихъ дать?

Мистриссъ Эльморъ спутала свое вязанье: такъ она была изумлена словами племянницы, а мужъ воскликнулъ:

— Тысячу долларовъ! Да на что тебѣ такія деньги?

— Я знаю, что это большая сумма,—отвѣчала Рубеъ, не смотря на дядю и устремляя глаза на огонь:—но я не сразу ихъ израсходую.

— А что же ты хочешь купить, если это не секретъ?—произнесъ съ улыбкой Эльморъ, которому пришло въ голову, что молодая дѣвушка, вѣроятно, хочетъ купить новые наряды, или, быть можетъ, брилліанты для приѣзда капитана Гаулета.

— Да, это секретъ,—отвѣчала серьезно Рубеъ:—по крайней мѣрѣ на время. Я надѣюсь, что это васъ не затруднитъ, дядя, но я же жала бы получить деньги завтра.

— Нисколько, нисколько,—произнесъ Эльморъ, подмигивая своей женѣ;—я случайно получилъ именно эту сумму денегъ сегодня. Я могу передать ихъ тебѣ сейчасъ.

Видя улыбку дяди, Рубеъ покраснѣла и быстро отвѣтила:

— Эти деньги не для меня, а потому достаточно получить ихъ и завтра.

Рубеъ напрасно это сказала, и когда на слѣдующее утро Эльморъ позвалъ ее къ себѣ въ комнату, то сказалъ съ большимъ достоинствомъ:

— Милое дитя мое, я обдумалъ это дѣло и вижу, что мои вчерашнія подозрѣнія не оправдываются; ты сама сказала, что предназначаешь эти деньги не для себя, а для другого, поэтому я обязанъ, какъ опекунъ, спросить тебя: на что ты хочешь издержать такую большую сумму?

— Простите, дядя, — отвѣчала спокойно Руоъ: — но я не могу вамъ этого сказать.

— Я въ правѣ этого требовать.

— А я не скажу.

— А я настаиваю.

Руоъ ничего не отвѣчала, но Эльморъ, смотря на ея блѣдное, дышавшее рѣшимостью, лицо, не вѣрилъ своимъ глазамъ.

— Въ такомъ случаѣ ты не получишь этихъ денегъ.

— Вы это серьезно говорите, дядя Эльморъ?—спросила молодая дѣвушка прежнимъ спокойнымъ голосомъ, но въ которомъ слышались такія ноты, какія прежде никогда въ немъ не звучали.

— Конечно. Нелѣпо было бы съ моей стороны дозволить опекаемой мною личности, почти моей дочери, израсходовать большую сумму денегъ на неизвѣстный мнѣ предметъ.

— Но вѣдь деньги мои. Я не вижу, какую роль играетъ тутъ сумма. Я не ребенокъ, и если я хочу бросить эти деньги, то кому какое до этого дѣло?

Эльморъ махнулъ рукой и направился къ двери, словно желая удалиться.

— Мнѣ не время болѣе разсуждать съ тобой. Если ты не скажешь, на что тебѣ эти деньги, то тебѣ не видать ихъ.

Руоъ покраснѣла болѣе прежняго и, подойдя къ дядѣ, взяла его за руку.

— Одну минуту,—произнесла она:—будьте такъ любезны, скажите мнѣ адресъ мистера Кунингама.

— А! другаго твоего опекуна?

— Да.

— Онъ не пришлетъ тебѣ денегъ.

— Я все-таки попробую, а если онъ не пришлетъ, то я буду вынуждена обратиться за совѣтомъ къ стряпчему, который написалъ завѣщаніе отца.

Эльморъ остановился и пристально взглянулъ на молодую дѣвушку. Она дышала рѣшимостью.

— Это очень глупо, Руоъ,—сказалъ онъ, но тонъ его былъ гораздо мягче.

— Дѣло не въ томъ, что глупо или нѣтъ я поступаю, а въ моей просьбѣ получить отъ васъ адресъ мистера Кунингама.

— Ты не хочешь и слушать благоразумныхъ совѣтовъ?

— Я буду очень вамъ благодарна, если вы исполните мою просьбу. Эльморъ глубоко вздохнулъ и произнесъ тономъ упрека:

— Хорошо, моя милая. Я дамъ тебѣ эти деньги; по закону я не имѣю права отказать тебѣ въ этомъ. Но ты ставишь меня въ очень неприятное положеніе.

— Благодарю васъ, дядя. Вы не знаете, какъ мнѣ было бы тяжело написать мистеру Кунингаму.

Эльморъ вынулъ изъ бумажника десять стодолерныхъ бумажекъ; написалъ фармальную квитанцію и подалъ Руэи перо. Она подписала свое имя и взяла деньги; а Эльморъ молча вышелъ изъ комнаты побѣжденнымъ.

Спустя нѣсколько часовъ, мистриссъ Эльморъ спокойно спросила у Руэи.

— Ты позовешь сюда Майнера Гобба для полученія денегъ или сама отнесешь имъ?

Молодая дѣвушка такъ удивилась пронизательности тетки, что съ минуту не знала, что отвѣтить, но потомъ она промолвила:

— Я пойду къ нимъ.

— Это благоразумно. Я провожу тебя.

— Нѣтъ, тетя, благодарю васъ, — сказала Руэя, оправившись отъ своего смущенія:—я хочу идти одна.

Х.

Семья Гобба.

Ферма Майнера Гобба находилась въ двухъ миляхъ къ западу отъ Бѣлаго Дома. День былъ прекрасный, чисто лѣтній; мокрая погода кончилась, и отъ двухнедѣльныхъ дождей остался слѣдъ лишь въ свѣжемъ воздухѣ. Выйдя изъ дома, Руэя чувствовала себя въ прекрасномъ настроеніи и была такъ весела, что едва не танцевала. Она походила на бабочку, только что выпедшую изъ куколки. Впервые со времени прибытія въ Канзасъ она гуляла одна, впервые въ жизни она взяла свои дѣла въ собственныя руки, не посоветовавшись ни съ кѣмъ и даже прямо противъ воли своего законнаго опекуна. Она нимало не раскаивалась въ своемъ поступкѣ. Она посвоему любила дядю, но въ послѣднее время они безсознательно разошлись, такъ какъ въ сущности ихъ связывала не искренняя привязанность, а только чувство приличія. Впрочемъ Руэя вовсе не думала о причинахъ своего охлажденія съ дядей, а просто радовалась, что ей удалось безъ открытой ссоры достигнуть независимой самостоятельности годомъ раньше законнаго совершеннолѣтія. Ей казалось счастливымъ предзнаменованіемъ, что первый результатъ ея свободы была помощь несчастнымъ, но достойнымъ людямъ. Весело распѣвая, она рисовала себѣ картину того удивленія, съ которымъ фермеръ и его жена встрѣтятъ ее, и той благодарности, которую они выкажутъ, получивъ деньги. Она

приготовила заранѣ маленькую рѣчь, въ которой выражала ему сочувствіе и добрый совѣтъ. Въ своемъ воображеніи она даже представляла себѣ, какъ ферма Гобба при ея содѣйствіи приметъ цвѣтущій видъ. Подобныя мысли исключительно занимали Руоъ около двадцати минутъ, но, пройдя мимо, она невольно поддалась вліянію иныхъ идей, и ея воздушные замки разсѣялись.

Ферма Гобба лежала на берегу рѣки, среди зеленого луга; домъ состоялъ изъ четырехугольнаго деревяннаго сруба съ крышей, покрытой землей. Издали ясно было видно несчастное положеніе фермы, къ которой вела грязная, топкая дорога. Всюду обнаруживались слѣды разоренія и насилія. Заборъ, окружавшій нѣкогда огородъ вокругъ дома, былъ растащенъ, жерди вытащены, а посаженные овощи вырваны и разбросаны по землѣ. Садъ походилъ на поле, по которому прошелъ кавалерійскій отрядъ. Отъ сожженныхъ конюшенъ торчали черные обуглившіеся столбы; повсюду были разбросаны охапки сѣна и соломы. Все это произвело на Руоъ такое тяжелое впечатлѣніе, что разомъ исчезла ея веселость, тѣмъ болѣе, что, идя по грязи, она вся выпачкалась и даже разъ поскользнувшись упала.

Поэтому она съ блѣднымъ лицомъ вошла въ опрятную кухню мистриссъ Гоббъ и съ ужасомъ взглянула на чисто вымытый полъ, по которому ей совѣстно было шлепать своими грязными сапогами.

При видѣ этой неожиданной посѣтительницы жена мистера вскрикнула отъ удивленія, а потомъ на ея хорошенькомъ, хотя и печальномъ лицѣ показалась нервная улыбка.

— Вотъ тебѣ и на, — воскликнула мистриссъ Гоббъ: — это племянница мистера Эльмора. Вы, вѣроятно, очень устали? Ну, войдите и присядьте. Что у васъ грязные сапоги? Полноте, Майнеръ каждый день приноситъ гораздо болѣе грязи на половинѣ своего одного сапога, чѣмъ у васъ на обѣихъ маленькихъ ножкахъ. Какъ вы добры, что пришли. Садитесь же. Позвольте, я сниму съ васъ куртку и повѣшу просушиться. Порасправьте и свою юбку, а когда она высохнетъ, то я вычищу ее щеткой. Право, я очень горжусь вашимъ посѣщеніемъ. Майнеръ скоро вернется, и вы позавтракаете съ нами. Я представляю себѣ, какъ онъ пожалѣетъ, что у насъ такая гостя, когда у насъ все въ безпорядкѣ. Онъ ненавидитъ безпорядокъ и готовъ безъ усталости работать, только бы все было въ домѣ хорошо и прилично. Ну, вотъ вы теперь гораздо лучше выглядите.

Говоря это, мистриссъ Гоббъ пододвинула покойное кресло, усадила въ него Руоъ и сняла съ нея куртку и сапоги, которые поставила просушиться подлѣ огня. Она такъ быстро говорила, что Руоъ не могла вставить ни словечка, чему она была, впрочемъ, очень рада, такъ какъ могла собраться мыслями отъ удивленія при видѣ странной перемѣны, происшедшей съ мистриссъ Гоббъ.

Наканунѣ ночью, во время сильнаго дождя, Руѳъ выбѣжала на дорогу и остановила блѣдную, истерически рыдавшую женщину, которая, послѣ нѣсколькихъ сочувственныхъ словъ со стороны молодой дѣвушки, рассказала ей свое горе. Эта исторія была еще ужаснѣе, чѣмъ та, которую рассказалъ Эльморъ своей женѣ, такъ какъ мистриссъ Гоббъ прибавила къ изложенію простыхъ фактовъ еще нѣсколько патетическихъ подробностей, именно ея отчаянное ожиданіе катастрофы впродолженіе нѣсколькихъ недѣль, угрозы и дикій смѣхъ миссурійцевъ послѣ поджога конюшни и неистовство ея мужа при видѣ своего разоренія. А теперь не только та же самая женщина весело болтала и ухаживала за ней съ покровительственнымъ тономъ, но и въ ней не видно было ни малѣйшихъ слѣдовъ страха и горя, которые произвели такое сильное впечатлѣніе на Руѳъ нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, или мистриссъ Гоббъ была личностью, дѣлающей изъ мухи слона, или со вчерашняго дни случилось что нибудь необыкновенное. Во всякомъ случаѣ Руѳъ рѣшилась воспользоваться первымъ роздыхомъ въ болтовнѣ словоохотливой хозяйки, чтобы выяснитъ дѣло; но желаннаго роздыха не наступало, и какъ только мистриссъ Гоббъ истощила первый предметъ разговора, именно неожиданное посѣщеніе Руѳи, она быстро создала новый, выведя на сцену своего полуторагодовалаго ребенка, о достоинствахъ котораго она стала распространяться безъ удержу.

Руѳъ терпѣливо ждала и внимательно оглядывала внутренность дома. Это было бѣдное жилище. Въ кухнѣ, гдѣ она находилась, были, кромѣ необходимой хозяйственной обстановки, одно кресло, не крашеный деревянный столъ, диванъ, очевидно, сдѣланный самимъ Гоббомъ, и два старыхъ стула. Въ открытую дверь виднѣлась столь же бѣдная, но опрятно обставленная спальня. На кровати лежало одѣяло, сшитое изъ мелкихъ лоскутковъ, вмѣсто ковра полъ былъ покрытъ циновкой, а на стѣнѣ красовалась картина, изображавшая очень грубыми чертами, но, повидимому, схожее лицо человѣка, дышавшаго силой воли и твердой рѣшимостью. Чѣмъ долѣе смотрѣла Руѳъ на этотъ портретъ, тѣмъ чувствовала себя болѣе неловко. При видѣ этого строгаго, суроваго лица, она впервые сознала, что предлагать чужимъ людямъ деньги, безъ всякой ихъ просьбы, было дерзкимъ вмѣшательствомъ, и вообще ея смѣлое посѣщеніе имѣло характеръ нарушенія святости домашняго очага. Руѳи даже приходила въ голову мысль, не лучше ли ей уйти подъ какимъ нибудь предлогомъ, не открывая цѣли своего визита, но это обнаружило бы трусость съ ея стороны, а Руѳъ ненавидѣла трусовъ. Поэтому она терпѣливо ждала первой возможности выяснитъ непонятную ей тайну, какъ вдругъ мистриссъ Гоббъ вскочила и побѣжала къ двери.

— Это мой мужъ! — воскликнула она: — простите, я васъ оставлю на минутку.

Она быстро удалилась и закрыла за собою дверь.

Руеъ осталась одна съ портретомъ и, несмотря на то, что ее снова подмывало искать спасенія въ бѣгствѣ, она поборола себя и, бросивъ вызывающій взглядъ на портретъ, почти громко сказала:

— Я васъ не боюсь, сэръ, я поступаю правильно и не убѣгу.

Тяжелые шаги раздались за дверью, и послышался голосъ мистриссъ Гоббъ:

— Майнеръ, иди скорѣй, тебя ждетъ барышня. Но все-таки оботри ноги, прежде чѣмъ войти въ комнату.

Дверь открылась, и въ кухню вошелъ широкоплечій мужчина со шляпой на головѣ. При видѣ его Рубеъ вспыхнула и прикусила себѣ губу, чтобы не вскрикнуть. Это не былъ оригиналъ портрета. Настоящій Майнеръ Гоббъ отличался широкимъ, дюжиннымъ, хотя мужественнымъ лицомъ, но въ немъ не было и слѣда суроваго выраженія портрета.

Войдя въ кухню, Гоббъ прямо схватилъ на руки ребенка, который весело хлопалъ въ ладоши, и молча кивнулъ головой Рубеи. Это было почти неучтиво, но молодая дѣвушка нимало не обидѣлась, а съ удовольствіемъ смотрѣла на простое проявленіе родительской любви.

Черезъ минуту вернулась мистриссъ Гоббъ съ охапкой дровъ. Она немедленно бросила ихъ на полъ и, подбѣжавъ къ мужу, сняла у него шляпу съ головы.

— Ну, ужъ у тебя манеры! — воскликнула она: — ты меня сведешь въ могилу своею грубостью. Но вы не думайте, миссъ, — прибавила она, обращаясь къ Рубеи: — что онъ всегда такой неловкій, это только при чужихъ, да и то, когда онъ смущенъ чужимъ горемъ или своимъ несчастіемъ.

Молодая дѣвушка подумала, что послѣднія слова хозяйки служили прекраснымъ предлогомъ для объясненія ея посѣщенія, а потому она сказала:

— Если вы говорите о томъ несчастіи, про которое вы мнѣ вчера рассказывали, мистриссъ Гоббъ, то я пришла предложить вамъ помощь, если позволите.

Мистриссъ Гоббъ ничего не отвѣтила и вопросительно поглядѣла на мужа; онъ же положилъ ребенка въ люльку и, посмотрѣвъ пристально на Рубею, сказалъ:

— Я не намѣренъ оскорблять молодой женщины, которая, вѣроятно, пришла сюда съ добрыми намѣреніями и нимало не думаетъ издѣваться надъ нами. Но я человѣкъ прямой и слишкомъ много терпѣлъ отъ Аллена Эльмора. Нечего паялить на меня глаза, Бриджетъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ: — я выскажу все, что хочу. Прежде всего, да будетъ вамъ извѣстно, я скорѣе умру бы съ голода, чѣмъ попросилъ бы денегъ у Аллена Эльмора. Моя жена — не я, и къ тому же у ней ребенокъ, вотъ она и пошла къ Эльмору.

Впрочемъ, — произнесъ онъ болѣе мягкимъ тономъ, замѣтивъ, что его жена закрыла лицо руками и горько плакала: — не будемъ объ этомъ говорить, что сдѣлано, то сдѣлано, а теперь будемъ дѣйствовать откровенно. Скажите Аллену Эльмору, что если бы онъ вчера ночью далъ женѣ тысячу долларовъ, то я вернулъ бы ихъ сегодня въ цѣлости. Я знаю вашего дядю, миссъ, очень хорошо и счелъ бы позоромъ для себя взять хоть одинъ долларъ изъ нажитыхъ имъ денегъ. Зачѣмъ вы пришли сюда, я не знаю и знать не хочу; но мы здѣсь не нуждаемся ни въ деньгахъ, ни въ совѣтахъ Аллена Эльмора. Было время, когда я думалъ, что онъ человѣкъ, достойный уваженія, но потомъ я узналъ, что онъ за личность. Я скорѣе взялъ бы денегъ у любого миссурійца, даже у самого Пата Логлина, чѣмъ у человѣка, который ведетъ двойную игру и отворачивается отъ друзей изъ боязни враговъ.

Майнеръ Гоббъ замолчалъ, чтобы перевести дыханіе, а его жена, воспользовавшись этимъ, быстро заговорила:

— Ну, довольно, довольно! Ты запугалъ бѣдную миссъ до смерти, она вѣдь не дядя и ничего не сдѣлала тебѣ дурного. Почему же ей не прійти ко мнѣ въ гости, если ей пришла въ голову такая любовь? Я, право, стыжусь за тебя. Вѣдь я тебѣ говорила, что она вчера утѣшала меня въ горѣ, какъ ангелъ небесный. Она, вѣроятно, ничего не знаетъ о политикѣ такъ же, какъ я. Я день и ночь сожалею, что ты попалъ въ руки стараго Джона Брауна, портретъ котораго вонъ виситъ на стѣнѣ и пугаетъ всѣхъ посѣтителей. Да, вы, миссъ, не обращайтесь вниманія на моего мужа: онъ вѣдь сердится не на васъ и въ сущности очень мирный и добрый человѣкъ.

— Я ничего не говорилъ ей непріятнаго, — промолвилъ Майнеръ, чувствуя, что онъ зашелъ слишкомъ далеко: — но такъ какъ она пришла сюда, то я счелъ нужнымъ высказать ей всю правду.

— Я хочу узнать всю правду, — отвѣчала Руѳъ, сначала очень озадаченная словами Гобба, а потомъ быстро преодолевшая свое смущеніе: — но я рѣшительно ничего не понимаю. Прежде всего я должна вамъ сказать, что мнѣ рѣшительно все равно, кто изъ васъ правъ или виноватъ: вы или мой дядя. Я пришла сюда не отъ него, и онъ не знаетъ о моемъ посѣщеніи вашего дома. Напротивъ, онъ очень разсердится, узнавъ объ этомъ. Я пришла по собственному почину и изъ чувства сожалѣнія къ вашей бѣдѣ я хотѣла вамъ помочь. Вотъ и все: дядя тутъ не причемъ.

— Слышишь, Майнеръ! — воскликнула мистриссъ Гоббъ.

— А теперь, — продолжала Руѳъ: — скажите мнѣ, могу ли я высказать все, что желаю?

— Конечно, — отвѣчалъ Майнеръ: — и не церемоньтесь въ выраженіяхъ, я вамъ подаль примѣръ.

— Я хочу только сказать, — произнесла поспѣшно Руѳъ: — что

если вы находитесь въ такомъ несчастномъ положеніи, о которомъ говорила вчера мистриссъ Гоббъ, если разбойники разорили и ограбили васъ, то я могу съ удовольствіемъ ссудить вамъ тысячу долларовъ, въ которыхъ я теперь не нуждаюсь. Вотъ они, я ихъ захватила съ собой.

Руоъ вынула деньги изъ кармана и положила ихъ на столъ. Это движеніе и всѣ ея слова дышали такой добротой, такой простотой, что сердце Майнера растаяло, а жена его снова заплакала.

Фермеръ почесалъ въ головѣ, покашлялъ и не зналъ, что сказать.

— Признаюсь, я никогда въ жизни не бывалъ въ такомъ глупомъ положеніи, — промолвилъ онъ, пересиливъ свое смущеніе: — я увѣренъ, что вы говорите искренно, я накинулся на васъ, какъ медвѣдь, а вы вонъ какая добрая. Нѣтъ, ужъ ты, Бриджетъ, скажи ей что нибудь любезное, а я ужъ и словъ не подберу.

Руоъ засмѣялась и, подойдя къ Майнеру, положила деньги къ нему на колѣни.

— Если вы чувствуете себя виновнымъ передо мною, то въ видѣ наказанія возьмите эту сумму. Я увѣрена, что она будетъ въ рукахъ честнаго человѣка.

Но Гоббъ уже совершенно овладѣлъ собой и спокойно возвратилъ деньги молодой дѣвушкѣ.

— Я не могу ихъ взять, миссъ, но благодарю васъ отъ глубины души. Не сердитесь на меня: я дѣлаю это не изъ гордости, увѣряю васъ, что я взялъ бы деньги отъ васъ такъ же искренно, какъ вы ихъ предложили, но онѣ намъ болѣе не нужны. Бриджетъ вамъ это подтвердить. Мой лучший другъ услышалъ о нашемъ горѣ, пока моя жена была въ Бѣломъ Домѣ, и сегодня вечеромъ онъ привезетъ сюда человѣка, который насъ выручитъ. Вонъ, слышите лошадиный топотъ: это они ѣдутъ. Еще минута, и вы увидите, миссъ, людей, которые спасутъ нашу бѣдную страну и ея честныхъ поселенцевъ.

Руоъ посмотрѣла въ окно и увидала приближавшійся къ дому отрядъ всадниковъ. Между тѣмъ фермеръ неожиданно преобразился. Его смущенный и неловкій видъ исчезъ, онъ выпрямился, глаза его заблестѣли и съ гостепріимнымъ радушіемъ онъ крикнулъ женѣ:

— Ну, скорѣе готовь ужинъ: молодцы-то вѣрно проголодались.

Мистриссъ Гоббъ стала суетиться по хозяйству, а Руоъ обратилась вся въ зрѣніе, но, конечно, она не ожидала того, что неожиданно увидѣла. Дверь отворилась, и на порогѣ показался оригинальнѣйшій портрета, который такъ смутилъ ее: это былъ пожилой человѣкъ высокаго роста, а за нимъ шолъ въ странной одеждѣ и съ винтовкой въ рукахъ Робертъ Гольдено.

XI.

Потаватомскіе стрѣлки.

Если бы у Руои спросили двадцать четыре часа передъ тѣмъ, кого бы ей было всего непріятнѣе встрѣтить, она отвѣчала бы мистера Гольдено, но когда теперь эта встрѣча осуществилась, то она не только не ощутила непріятнаго чувства, но даже была инстинктивно довольна. Быть можетъ, въ этой перемѣнѣ ея чувствъ игралъ нѣкоторую роль оригиналь напугавшаго ее портрета. Онъ не былъ такъ суровъ и страшенъ, какъ на картинѣ, но все-таки онъ не походилъ ни на кого изъ знакомыхъ ей лицъ, и она ощутила въ его присутствіи какую-то нервную дрожь.

Онъ серьезно пожалъ руку Майнеру и его женѣ.

— Какъ вы поживаете, другъ? Очень радъ видѣть, что вы здоровы, миссриссъ Гоббъ. А это кто, гостья? Мы, можетъ быть, вамъ мѣшаемъ?

— Нисколько, мистеръ Браунъ,— отвѣчала хозяйка:—это нашъ другъ, миссъ Эльморъ, виновата, миссъ Виндсфордъ, племянница мистера Эльмора.

Джонъ Браунъ насупилъ брови и сухо поклонился молодой дѣвушкѣ.

— Я знакомъ съ мистеромъ Эльморомъ,—сказалъ онъ:—но мы не друзья. Вы, можетъ быть, слышали мое имя: я Джонъ Браунъ.

Руѣ дѣйствительно знала это имя. Она слыхала не разъ отъ дяди, что не будетъ спокойствія въ Канзасѣ, пока ктонибудь не убьетъ Джона Брауна. По словамъ же капитана Гаулета, этотъ человекъ былъ жестокій, опасный и полусумасшедшій, котораго слѣдовало посадить подъ замокъ, что его солдаты и сдѣлаютъ, какъ только его поймутъ на мѣстѣ нарушенія общественнаго спокойствія.

Поэтому не удивительно, что она съ удовольствіемъ увидѣла Роберта Гольдено, который все-таки былъ человекъ образованный и джентльменъ. Но не успѣла она съ пріятной улыбкой пожалъ руку послѣднему, какъ Майнеръ Гоббъ сказалъ со смѣхомъ, обращаясь къ Джону Брауну, на лицѣ котораго онъ замѣтилъ гримасу, какъ только упомянули имя Эльмора:

— Не бойтесь на счетъ ея политическихъ убѣжденій, я за нее поручусь, хотя Эльморъ ей и родственникъ, но она пламенная сторонница свободныхъ штатовъ. Я вамъ расскажу, другъ Браунъ, что она намъ только что предложила. Да, да, миссъ, какъ хотите, а я скажу ему и всѣмъ о вашемъ благородномъ поступкѣ. Она пришла сюда одна пѣшкомъ для того, чтобы предложить въ ссуду тысячу долларовъ для того, чтобы исправить нанесенныя мнѣ убытки проклятыми миссурійцами. Какъ вы назовете такой шагъ? А я, ду-

ракъ, встрѣтилъ ее, какъ собаку, и накинулся на нее, думая, что ее прислалъ Эльморъ. Потомъ уже только я узналъ свою ошибку и взялъ бы ея деньги, если бы мнѣ уже раньше не обѣщаль помочь вотъ этотъ другъ, — прибавилъ онъ, смотря съ улыбкой на Роберта, — я очень радъ, что вы пріѣхали кстати, и вы, мистеръ Гольдено, можете объяснить этой доброй дѣвушкѣ, какъ обстоитъ дѣло. Но гдѣ же, капитанъ Браунъ, ваши остальные молодцы? Пусть они все войдутъ въ домъ. Ужинъ скоро поспѣетъ: моя Бриджетъ стряпаетъ быстрѣе молніи.

Трудно сказать, кто болѣе былъ смущенъ словами Майнера — Руеъ или Робертъ: первая покраснѣла, а послѣдній насушилъ брови. Но почти тотчасъ же они сознали всю нелѣпость своего положенія и оба громко засмѣялись, а хозяйинъ и хозяйка весело имъ завторили.

Одинъ только Джонъ Браунъ оставался серьезенъ. Онъ пристально смотрѣлъ то на Роберта, то на Руеъ, и его взглядъ былъ такой пронизательный, что молодые люди, конечно, пришли бы снова въ смущеніе, если бы это замѣтили, но, по счастью, они не обратили тогда вниманія на Джона Брауна, а черезъ нѣсколько минутъ онъ удалился къ своему отряду, въ ожиданіи ужина.

Не мало труда стоило приготовить этотъ ужинъ на девять мужчинъ, двухъ женщинъ и одного ребенка. Къ тому же за единственнымъ въ кухнѣ столомъ могло усесться не болѣе четырехъ чело-вѣкъ, а потому, какъ только Майнеръ ушелъ вслѣдъ за Брауномъ, мистриссъ Гоббъ начала суетиться и выходить изъ себя.

— Это похоже на моего мужа, — сказала она, обращаясь къ Руеи: — у него въ головѣ столько же мозговъ, сколько въ капустной кочерыжкѣ. Онъ назвалъ весь свѣтъ съ его сосѣдями, а у насъ мало мѣста и для себя. Я забочусь не о нищѣ, будьте спокойны, у насъ всего хватить, но вѣдь некуда посадить гостей, и я, право, не знаю, на чемъ и чѣмъ они будутъ ѣсть. Да, вотъ и ребенокъ расплакался, я стану его нянчить, а у меня котель уйдетъ.

И добрая женщина расплакалась. Руеъ не знала, какъ ей помочь, но Робертъ положилъ винтовку на стулъ и произнесъ веселымъ тономъ:

— Мы не станемъ смотрѣть, сложа руки, на ваши хлопоты мистриссъ Гоббъ. Вотъ вы, миссъ Виндсфордъ, возьмите мальчугана на руки, да покачайте, а лучше всего уйдите съ нимъ въ другую комнату, пока онъ успокоится, а мы съ вами, мистриссъ Гоббъ, подѣлимъ работу: вы стряпайте, а я стану рѣзать свинину и молоть кофе. Что же касается до кормленія звѣрей, то кормите ихъ серіями. Сначала будутъ ѣсть вы, миссъ Виндсфордъ, мальчуганъ, капитанъ Браунъ и вашъ мужъ, а остальные подождутъ своей очереди. Не правда ли, вѣдь это будетъ хорошо?

Вмѣшательство Роберта имѣло магическое вліяніе. Руеъ быстро

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЪ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п.; библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіяся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

СОДЕРЖАНІЕ.

НОЯВРЬ, 1896 г.

	СТР.
I. Сильфида. Романъ. Часть третья. Гл. VI. (Продолженіе). И. Н. Потапенко	377
II. Записки Рафаила Михайловича Зотова . XV—XVIII. (Продолженіе).	400
III. Среди евреевъ. V—VII. (Продолженіе). С. К. Литвина	428
IV. Воспоминанія Е. П. Шумиловой-Мочаловой . IV—VII. (Окончаніе).	462
V. Воцареніе императора Павла и первые дни его царствованія. Гл. I—VII. А. Н. Корсакова	485
Иллюстраціи: 1) Императрица Екатерина II.—2) Графъ П. А. [Зубовъ.—3) Императоръ Павелъ въ 1798 году.—4) Императрица Марія Ѳеодоровна.—5) Гатчинскій дворецъ въ концѣ прошлаго столѣтія.—6) Видъ Коннетабля въ г. Гатчинѣ въ концѣ прошлаго столѣтія.	
VI. Воспоминанія В. С. Мышецкаго . IV—VII. (Продолженіе)	534
VII. Очерки природы и жизни въ Гавайской республикѣ. II. (Окончаніе). А. Н. Краснова	555
VIII. Записки бригадира Юсифа Копця . IV—IX. (Продолженіе). Перевелъ и сообщилъ Г. А. Воробьевъ	579
IX. «Сѣверная Семирамида». П. Н. Полевого	602
X. Археологическій съездъ въ Ригѣ. А. Е. Бороздина	611
XI. Земледѣльческая Россія. Б. Б. Глинскаго	628
XII. Критика и библиографія	663
1) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, томы 96-й, 97-й и 98-й. Спб. 1896. м.—2) М. М. Филипповъ. Философія дѣйствительности. Спб. 1896. б. г.—3) А. Мюллеръ. Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей привагъ-доцента Мѣднкова. Спб. Изданіе Л. Пантелѣева. Т. I и II—1895 г., т. III и IV—1896. к. Лосняка .—4) Профессоръ А. Лебедевъ. Вступительная лекція по исторіи церкви, прочитанная въ императорскомъ Московскомъ университетѣ 11-го октября 1895 года. С.	
XIII. Заграничныя историческія новости и мелочи	674
1) Тиара Сайтафарна.—2) Филиппъ II въ домашней жизни.—3) Испанскій авантюристъ XVIII столѣтія.—4) Политика и смерть Людовика XV.—5) Марать, другъ народа.—6) Первая невѣста Наполеона.—7) Императоръ Александръ I у англійскихъ квакеровъ.—8) Перевиска Поццо-ди-Борго съ графомъ Нессельроде въ 1817 году.—9) Отношенія Россіи и Англій къ Франціи въ 1875 году.—10) Литература «русской вѣдѣли» въ Парижѣ.	
XIV. Смѣсь	696
1) Столѣтній юбилей Волынской духовной семинаріи.—2) Призужденіе уваровскихъ премій.—3) Географическое общество.—4) С.-Петербургское археологическое общество.—5) Московское археологическое общество.—6) Археологическія богатства Абхазіи.—7) Касса взаимопомощи при обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—8) Некрологи: А. Ѳ. Баталінь; Л. Н. Казанцевъ; В. П. Ихино; С. Г. Ковнеръ.	
XV. Замятки и поправки	707
Отвѣтъ на замятку о книгѣ: «Списки архіереевъ іерархіи Всероссійской».	
XVI. Объявленія.	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Екатерины II въ 1762 году, передъ восшествіемъ ея на престолъ.—2) Периодическая печать и книжное дѣло въ Россіи въ 1895 году. **Л. Н. Навленкова**. II. (Окончаніе).—3) За свободу. Романъ изъ американской жизни передъ войной Сѣвера съ Югомъ. **Артура Патерсона** Гл. ФII—XVI. Переводъ съ англійскаго.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1897 году
(ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1897 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія семнадцать лѣтъ (1880—1896).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора **„Историческаго Вѣстника“** въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“**.

ЕКАТЕРИНА II ВЪ 1762 ГОДУ, ПЕРЕДЪ ВОСПЕСТВИЕМЪ НА ПРЕСТОЛЪ.

Съ рисунка съ натуры Чемесова; Екатерина изображена въ траурномъ одѣяніи по императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, скончавшейся 25 декабря 1761 года.

дозв. ценз. 25-го октября 1896 г. спб.

СИЛЬФИДА ¹⁾.

(Романъ въ трехъ частяхъ).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

ВѢТЬ, нѣтъ, даже и возражать не смѣйте. Обидите, страшно обидите! — говорила Наталья Александровна Верховскимъ, когда у нихъ явился вопросъ о квартирѣ. — Съ какой стати вамъ искать квартиру? Вы здѣсь устроились, вотъ и прекрасно. А вы знаете, какъ это трудно. Найдете чтонибудь неудобное, сырое, а у васъ дѣти, они не привыкли къ здѣшнему климату. Въ Петербургѣ жить трудно, не то, что въ Москвѣ. Я сама до сихъ поръ никакъ не могу свыкнуться съ здѣшнимъ климатомъ, а домъ у насъ огромный, — не то, что васъ помѣстить можно, а хотя бы сто душъ. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу слышать даже возраженій, вы должны и должны!

Верховскіе и не ожидали отъ нея другого отношенія, но тѣмъ не менѣе они стѣснялись. Они привезли съ собой небольшую свиту. У нихъ было уже трое дѣтей, да прислуги семь душъ. Но Наталья

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», 1896 г., т. LXVI, октябрь, стр. 5.

Александровна всё-таки нашла мѣсто, и послѣ долгихъ отговорокъ Верховскіе все-таки поселились на Англійской набережной. Имъ полагалась казенная квартира, но она была такъ мизерна, что въ ней не было никакой возможности жить сколько нибудь сносно.

А здѣсь въ самомъ дѣлѣ было такъ хорошо, и ихъ всё такъ любили. Здѣсь они жили, какъ въ своей семьѣ. Да Верховскіе и не могли не видѣть, что Натальѣ Александровнѣ ихъ присутствіе было чрезвычайно пріятно, такъ какъ она была одинока и беспомощна.

— Ну, рассказывайте же про ваше житье бытѣе, — говорила Наталья Александровна Дашѣ послѣ того, какъ они совершенно устроились.

— О, я такъ счастлива, такъ счастлива, какъ ни одинъ чело-вѣкъ въ мірѣ! — воскликнула Даша. — Мужъ такъ любитъ меня, мы никогда съ нимъ не ссорились, дѣтки у насъ такія славныя, сами видите.

Можно было замѣтить, что въ Дашѣ не осталось теперь ничего, что говорило бы о ея простомъ происхожденіи. Она отлично овладѣла салоннымъ языкомъ, приобрѣла хорошія манеры и въ особенности удивила Наташу, когда вдругъ заговорила съ Таней по-французски.

— Гдѣ вы всему этому научились? — спрашивала ее Наталья Александровна.

— У мужа. Онъ возился со мной, какъ съ маленькой ученицей. А ужъ я была такъ усердна. Я хотѣла угодить ему, да и самой было пріятно научиться всему...

Таня и Надя были очень рады появленію въ домѣ дѣтей и играли съ ними совершенно такъ, какъ будто и сами были маленькими дѣтьми. Даша рассказывала о томъ, что Верховскій давно уже стремился въ Петербургъ.

— Вы знаете, мужъ съ самаго того момента, когда умеръ покойный Тугаринъ, началъ хлопотать о переводѣ.

— Развѣ тамъ плохо жилось вамъ? — спросила Наташа.

— Нѣтъ, не плохо. Но Тугаринъ, когда умиралъ, еказалъ ему: слушай, Верховскій, есть на свѣтѣ одна особа, близкая и дорогая, какъ моему, такъ и твоему сердцу, такъ по крайней мѣрѣ должно быть, — это онъ говорилъ при мнѣ, и я сама все слышала. — Эта особа — Наталья Александровна. Ужъ о томъ, сколько она въ твою жизнь счастья прибавила, я и говорить не буду, — и при этихъ словахъ покойный генералъ на меня посмотрѣлъ, — а главное мы съ тобой знаемъ, сколько она въ своей жизни незаслуженнаго горя претерпѣла. Пока я былъ живъ, я за нее не боялся; генералъ Тугаринъ не давалъ ее въ обиду; хотъ издали, а слѣдилъ за ея жизнью; а теперь пришелъ мой конецъ, и ужъ я больше не могу объ ней заботиться. И только тебѣ, Верховскій, тебѣ одному могу завѣщать я мою заботу о ней... Ты у меня славный малый, и я тебѣ ее оставляю. Думай объ ней, слѣди за ея жизнью, — она окружена волками, ко-

торые только и смотрятъ, какъ бы ее съѣсть, а дѣти у нея малыя, неразумныя, такъ ужъ ты объ ней позаботься. Вотъ мужъ и началъ хлопотать и, наконецъ, теперь получилъ переводъ, чтобы быть ближе къ вамъ. Ну, а вы, дорогая Наталья Александровна, какъ вы тутъ живете? Вижу, богатства много и роскоши всякой вдоволь, а удовольствія на вапемъ лицѣ не нахожу, и здорвьемъ оно что-то не хвастаетъ.

Наташа съ грустной улыбкой посмотрѣла на нее и промолвила:— Ахъ, Даша, трудно мнѣ стало для дѣвочекъ жить! Ничего я не умѣю для нихъ хорошаго сдѣлать: жизни я не знаю и людей этихъ, которые вокругъ насъ толкуются, совсѣмъ не понимаю. Кто хочетъ, тотъ и владѣетъ мною... И каждую минуту я дрожу за нихъ, за ихъ будущность. Я такъ рада, что вы со мной, и такъ благодарна вамъ, что вы согласились жить у меня. Теперь я чувствую себя какъ-то спокойнѣй; если что случится, сейчасъ къ вамъ обращусь... Лиза гостила у насъ, да вотъ опять уѣхала въ свой монастырь.

— Я слышала о Елизаветѣ Алексѣевнѣ!—сказала Даша,—но настоящей правды не знаю. Такъ это значить правда, что у насъ рассказываютъ про Сербича?

— Если рассказываютъ про него самое дурное, такъ значить правда.

— Да,—промолвила Даша,—ничего, кромѣ дурного, я объ немъ не слышала. Онъ живетъ въ Москвѣ, служитъ, но и служба ему какъ-то не дается—не умѣетъ онъ поставить себя. Быстро онъ возвысился, благодаря вліянію покойнаго вашего мужа, но потомъ его какъ будто всѣ забыли, и дальше не идетъ. Мужъ мой и не хлопоталъ много, и никто для него не вліялъ, а куда опередилъ его. Всѣ отъ него сторонятся, нехорошіе слухи про него ходятъ... Говорятъ, что онъ играть сталъ, большую часть приданаго, которое за Лизой вашей взялъ, промоталъ уже. Жизнь онъ ведетъ разгульную и развратную. Товарищи его не любятъ, и знакомство онъ ведетъ съ какими-то проходимцами.

Наташа подробно рассказала ей всю исторію Лизы съ Сербичемъ. Даша была возмущена. Она промолвила:—Я никогда не вѣрила ему и въ прежнее время. Въ немъ было что-то такое невѣрное, въ глазахъ его... Да, неосторожно поступилъ тогда покойный Андрей Михайловичъ, согласившись на этотъ бракъ; надо было подумать.

— Да развѣ можно тутъ что нибудь предсказать, Даша? Лиза сама къ нему лгнула. Онъ казался такимъ благороднымъ молодымъ человѣкомъ... Нѣтъ, ужъ, видно, намъ обѣимъ суждено было въ жизни испытать горе. Вотъ вы, Даша, какъ поживете съ нами, сами увидите, въ чемъ мое горе.

Жизнь въ домѣ на набережной видимо перемѣнилась. Даша взяла въ свои руки домашнее хозяйство, и во всемъ явился поря-

докъ. Когда въ домъ являлись лица, которыхъ Наташа по необходимости съ чужихъ словъ считала родней Андрея Михайловича, Наташа представляла всѣмъ Верховскихъ, какъ своихъ близкихъ родственниковъ.

Верховскіе внимательно присматривались къ ходу дѣлъ въ этомъ домѣ и видѣли очень ясно, что тутъ тихо и незамѣтно со всѣхъ сторонъ идетъ настоящій грабежъ. Больше всего вниманіе ихъ обратилъ на себя, конечно, панъ Шипицкій, который продолжалъ держать въ рукахъ всѣ дѣла.

Узнавъ о водвореніи на набережной Верховскихъ, панъ Шипицкій встревожился. Прежде всего его непріятно удивила первая встрѣча. Онъ въ былое время привыкъ видѣть со стороны Верховскаго почтительное отношеніе къ своему патрону, привыкъ, что молодой офицеръ относился къ генералу, какъ младшій къ старшему, хотя и не служилъ подъ его начальствомъ, и теперь какъ-то неволью примѣнили къ нему тотъ тонъ, какимъ говорилъ съ своими молодыми друзьями покойный Андрей Михайловичъ.

— А, — фамильярнымъ тономъ стараго друга воскликнулъ панъ Шипицкій, увидѣвъ Верховскаго. — Такъ и вы къ намъ пожаловали!.. Вотъ и отлично! У насъ веселѣй, чѣмъ въ Москвѣ. И даже поселились у насъ!.. Это очень разумно съ вашей стороны.

И панъ Шипицкій уже готовъ былъ потрепать Верховскаго по плечу.

— Не у васъ, панъ Шипицкій, а у Натальи Александровны! — довольно рѣзко поправилъ его Верховскій.

— Ну, это же, право, все равно... Уже панъ Шипицкій такъ сросся съ домомъ Бентышъ-Полянскаго, что его не оторвешь.

— А, на мой взглядъ, это надо строго различать.

— То есть что же собственно?

— Да вотъ именно то, что принадлежитъ Бентышъ-Полянскому, а что пану Шипицкому! — отвѣтилъ Верховскій, пристально смотря ему въ глаза.

— Ого! вы дѣйствительно строги, панъ Верховскій. А бывало...

— Нѣтъ, ничего и не бывало, — перебилъ Верховскій... А скажите, — прибавилъ онъ послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, — скажите, панъ Шипицкій, откуда это вамъ Богъ послалъ цѣлыхъ четыре дома? Помните, вы всегда жаловались на бѣдность.

— Такъ что же, что жаловался. Не все же и жаловаться... Ежели я пятнадцать лѣтъ состоялъ къ услугамъ генерала Бентышъ-Полянскаго, такъ, полагаю, можно было что нибудь заработать. Разумѣется, путемъ усилій и жертвъ скопилъ мизерный капиталецъ и пустилъ его въ дѣло, и Богъ послалъ мнѣ удачу. А вамъ, должно быть, завидно, панъ Верховскій?

— Нѣтъ, такой удачѣ я не завидую, — отвѣтилъ Верховскій.

Панъ Шипицкій послѣ этого разговора насторожилъ уши.

Среди многочисленныхъ посѣщеній особенное вниманіе Верховскихъ обратили на себя, конечно, Столѣтовы, которые держались въ домѣ какъ-то особенно, болѣе или менѣе какъ свои люди. Даша рѣшилась спросить у Натальи Александровны о томъ, какую роль они играютъ въ ея домѣ.

— Ахъ, это ужасно!—отвѣтила Наташа,—это мой кошмаръ...

— Но что же именно, Наталья Александровна?

— Да вотъ то, что этотъ Столѣтовъ ухаживаетъ за Таней, и всѣ говорятъ мнѣ, что я должна ее выдать за него.

— Что вы, что вы, Наталья Александровна?—Даша пришла въ ужась.—Но это невозможно! Таня и онъ! довольно только посмотрѣть: она совсѣмъ ребенокъ, а онъ человекъ, уже пожившій. Ну, можно ли допустить это?—прибавила она, обращаясь къ своему мужу.

Верховскій на это сказалъ:—Я давно ужъ присматриваюсь къ нимъ и самъ это понялъ. Что онъ старше возрастомъ, это, по моему, не бѣда. Если онъ искренно любитъ, то и счастье можетъ дать. Вонъ Сербичъ лѣтами былъ молодецъ, а много ли счастья онъ далъ Елизаветѣ Александровнѣ? А тутъ главное въ томъ, не зарится ли онъ на Таничкино богатство, вотъ гдѣ надо смотрѣть въ оба...

— Боже мой! если бы ктонибудь разрѣшилъ мнѣ эту задачу!—воскликнула Наталья Александровна.—Я сама ничего тутъ не могу подѣлать! Чувствую, что однажды унесутъ отъ меня мою Таню, и я должна буду только безпомощно смотрѣть на это, какъ смотрѣла на все во всю мою жизнь. Возьмите это на себя...

И Верховскій принялся внимательно наблюдать. Смотрѣлъ онъ и на Столѣтову и на ея сына. Онъ не производилъ на него дурнаго впечатлѣнія. Напротивъ, казался ему вполне порядочнымъ человекомъ. Только въ немъ Верховскій замѣчалъ какую-то дряблость и холодность, и ему казалось, что у такого человека не можетъ быть истинно горячаго чувства. Но онъ не хотѣлъ взять на себя рѣшеніе такого важнаго вопроса. Нѣтъ ничего легче, какъ ошибиться въ человекѣ, а тутъ рѣчь идетъ о судьбѣ такого ребенка, какъ Таня.

Онъ говорилъ и съ Таней.

— Расскажите мнѣ чтонибудь про себя, Таня,—спрашивалъ онъ,—вотъ, я вижу, у васъ въ домѣ бываютъ многіе,—любите ли вы когонибудь изъ нихъ?

Но Таня давала на все какіе-то дѣтскіе отвѣты: она любитъ маму, ихъ, Верховскихъ, любитъ Столѣтова.

— Столѣтова?—переспросилъ Верховскій.—За что же вы любите Столѣтова?

— Онъ очень любезенъ, онъ такой милый, часто у насъ бываетъ, онъ къ намъ расположенъ...

Верховскій убѣдился только въ томъ, что Таня еще совершенный ребенокъ, и что о какомънибудь чувствѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

— Но вот что меня поражает,—говорилъ онъ Наталья Александровнѣ:—повидимому, вашъ домъ долженъ быть связанъ кровными узами съ большимъ свѣтомъ, а между тѣмъ у васъ я вижу все какихъ-то закудалыхъ, обѣднѣвшихъ, безродныхъ... Безъ сомнѣнія, Таня могла бы составить себѣ блестящую партію въ большомъ свѣтѣ. Она обладаетъ всѣми данными для этого. Можетъ быть, Столѣтовъ и хорошій человѣкъ, мы не можемъ отрицать того, чего не знаемъ. Но съ какой стати ей выходить за сорокалѣтняго, видимо, пожившаго и какого-то сѣраго человѣка, когда она сама блестящая красавица, съ высокимъ положеніемъ, съ большими средствами?

Наталья Александровна смутилась.

— Да, вы правы, но на это есть особенныя причины,—сказала она.—Мы пробовали вывозить Таню, но сама я не могла этого дѣлать, она выѣзжала съ миссъ Эмили. Таня произвела въ свѣтѣ большое впечатлѣніе. Послѣ того намъ сдѣлали визиты, но этимъ и ограничились...

— Но почему, почему?

— А ужъ объ этомъ надо бы спросить покойнаго Андрея Михайловича!—отвѣтила Наталья Александровна.—Онъ всю жизнь зачѣмъ-то хранилъ въ тайнѣ отъ всѣхъ нашъ бракъ, и только, благодаря свидѣтельству Тугарина, удалось настоять на томъ, что его признали. Свѣтъ очень щепетилень; онъ хотя и подчинился этому, но неохотно, и до сихъ поръ смотритъ на меня, какъ на какую-то ненастоящую жену, а какъ бы только въ половину. Если бы еще я сама могла быть свѣтской женщиной, то, можетъ быть, и достигла бы полного признанія, но я въ салоны ѣздить не могу, я тамъ сижу, какъ на иголкахъ, я не умѣю ни ходить, ни сидѣть, ни разговаривать поихнему, и горше всего то, что это отражается на моихъ дѣвочкахъ, и онѣ точно какія-то отверженныя. Вы видите, кто у насъ бываетъ. Вы видѣли княгиню Чугуеву и тѣхъ, кого она возитъ. Столѣтовъ въ самомъ дѣлѣ чуть ли не самый блестящій человѣкъ въ нашей гостиной. По крайней мѣрѣ ему нельзя отказать въ порядочности.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло,—замѣтилъ Верховскій.—Ужъ если надо непременно Таню выдавать замужъ, то по крайней мѣрѣ такъ, чтобы это замужество возстановило то, что погубилъ для вашихъ дѣтей покойный Андрей Михайловичъ, то-есть связало бы ихъ съ высшимъ кругомъ. Нѣтъ, Наталья Александровна, объ этомъ бракѣ надо много и много думать.

Скоро послѣ этого Верховскій попросилъ у Натальи Александровны позволеніе устроить у себя, то-есть въ тѣхъ комнатахъ, которыя они занимали, маленькую вечеринку, на которую онъ хотѣлъ пригласить нѣкоторыхъ офицеровъ своего полка. Наталья Александровна, конечно, согласилась и предложила ему воспользоваться хоть всѣмъ домомъ. Но она не поняла его мысли. А онъ просто хотѣлъ ввести

въ ихъ домъ новыхъ людей, и у него уже кое-кто былъ на примѣтѣ. Но во время этихъ сборовъ онъ внимательно присматривался къ семейству Столѣтовыхъ и рѣшилъ, дожидаясь еще немного, предпринять съ своей стороны нѣкоторыя дѣйствія.

II.

Уже прошло около мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Верховскіе перѣехали въ Петербургъ. За это время Столѣтовы часто встрѣчались съ ними, и Верховскій уже могъ считать себя ихъ знакомымъ. Но онъ не понималъ этого человѣка. Въ немъ было что-то недоговоренное, онъ какъ-то мало высказывался. Во всемъ, что онъ говорилъ, нельзя было найти ничего такого, что характеризовало бы его съ дурной стороны. Но не было и того, что говорило бы прямо въ его пользу. Онъ былъ любезенъ, разсудителенъ, сдержанъ. Къ дому Бентышъ-Полянскихъ казался привязаннымъ, хотя никогда не рассыпался въ льстивыхъ словахъ; по отношенію къ Танѣ былъ предупредителенъ, старался угадывать ея желанія. Словомъ, Верховскій никакъ не могъ отыскать въ его поведеніи основаній для возраженія противъ него. А между тѣмъ у него было смутное ощущеніе, что въ этомъ домогательствѣ есть что-то постороннее, что чувство играетъ здѣсь не главную роль. Верховскій считалъ вполне естественнымъ, что у этого пожилого господина могло явиться влеченіе къ Танѣ, такой молодой, красивой, къ такому милому созданію. Но, по его мнѣнію, отъ этого влеченія до настоящаго чувства было еще очень далеко.

Верховскій собралъ свѣдѣнія и о его матеріальномъ положеніи и узналъ, что Столѣтовъ съ матерью живетъ скромно, средства у нихъ крайне ограничены, но постоянны. Онъ также изслѣдовалъ его прошлое, и тутъ получились свѣдѣнія, говорившія скорѣе въ его пользу. Онъ не кутилъ, а, напротивъ, серьезно занимался наукой, проведя много лѣтъ за границей.

«Но что же это за бракъ,—думалъ Верховскій, даже получивъ столь удовлетворительныя свѣдѣнія,—почему такой чудный ребенокъ, какъ Таня, долженъ связать свою судьбу на всю жизнь съ человѣкомъ, хотя бы и порядочнымъ, но который втрое старше ея, и къ которому она не чувствуетъ любви? Почему непременно онъ, а не кто нибудь другой? Вѣдь онъ первый, кто сталъ ухаживать за ней и добиваться ея руки, а у нея есть всѣ шансы на то, чтобы тысячи увивались вокругъ нея и дрались изъ-за ея благосклонности».

И не будучи въ состояніи постигнуть вполне Столѣтова и его правъ на Таню, Верховскій рѣшилъ, что у него есть только одно вѣрное средство: поговорить объ этомъ съ самимъ Столѣтовымъ, поговорить вполне прямо и откровенно. Если онъ порядочный че-

ловѣкъ, то пойметъ его намѣреніе, если же нѣтъ, то тѣмъ хуже для него; но по крайней мѣрѣ тогда все будетъ ясно.

Между тѣмъ у Верховскихъ былъ назначенъ день для вечеринки. Никого изъ постороннихъ дамъ они не позвали, да у нихъ еще и не было семейныхъ знакомыхъ въ Петербургѣ, кромѣ тѣхъ, кого они встрѣчали у Натальи Александровны. Но Даша уговорила Таню и Надю явиться на вечерѣ. Наталья Александровна согласилась и заказала для нихъ новые туалеты.

Таня была въ восторгѣ отъ своего бѣлаго платья, усыпаннаго маленькими розами. Ея выѣзды въ свѣтъ подъ кровомъ миссъ Эмили были кратковременны, и она уже отвыкла отъ этихъ радостей. И она любовалась собой, цѣлые часы стоя и принимая разныя позы передъ большимъ зеркаломъ.

— Ахъ, мамочка, — восклицала она, подѣтски всплескивая руками, — какая я въ самомъ дѣлѣ миленькая!

Надя была въ розовомъ короткомъ платьѣ, придававшемъ ея блѣдному худому личику и всей ея тонкой, еще не развившейся, фигурѣ какой-то безплотный видъ. Въ этомъ платьѣ она удивительно напоминала свою мать въ тѣ давніе годы, когда она была еще ученицей театральной школы. И такъ же точно вились у нея золотистые локоны и такое же у нея было задумчиво-грустное и загадочное выраженіе глазъ.

Часамъ къ десяти стали собираться гости. Дѣвушки долго не выходили. Онѣ слышали звонъ шпоръ и стукъ тяжелыхъ мужскихъ шаговъ и громкія восклицанія. Даша въ качествѣ хозяйки принимала гостей.

Только около одиннадцати часовъ Таня, а за нею и Надя вышли. Здѣсь было всего восемь молодыхъ офицеровъ, всѣ статные, молодцоватые, словно Верховскій подбиралъ ихъ. У Тани разбѣжались глаза, и въ первыя минуты она даже нѣсколько смутилась.

Но вдругъ она замѣтила, что среди незнакомыхъ ей гостей Верховскихъ поднялась знакомая фигура и не въ военномъ мундирѣ, а во фракѣ. Это былъ Столѣтовъ. Она не знала, что Столѣтовъ приглашенъ Верховскимъ, который никому, кромѣ Даши, не сказалъ объ этомъ.

А у Верховскаго былъ своего рода тонкій расчетъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Таня увидѣла своего поклонника среди цвѣтущей молодежи и почувствовала разницу. Это былъ цѣлый заговоръ. И правда, Столѣтовъ, хотя держался съ большимъ достоинствомъ, тѣмъ не менѣе явно уступалъ остальнымъ. Его слегка расплывавшаяся уже фигура казалась неловкой, сѣрый цвѣтъ лица, истощеннаго привычкой сидѣть по ночамъ надъ математическими выкладками, еще болѣе блѣднѣлъ передъ этими розовыми, полными силъ, лицами. Нѣкоторая поношенность кожи выдѣлялась рѣзче въ присутствіи

этихъ здоровыхъ молодыхъ щекъ, и рѣдкіе волосы казались совсѣмъ жалкими въ сравненіи съ ихъ могучими шевелюрами.

Впрочемъ, Таня всего этого не замѣтила или по крайней мѣрѣ не сознала.

Она очень радушно улыбнулась ему и даже видимо обрадовалась, что у нея отыскался здѣсь знакомый. Первые ея слова были обращены къ нему, но потомъ Верховскій, а въ особенности Даша постарались познакомить ее съ другими, и вскорѣ завязался легкій общій разговоръ.

Наталья Александровна попросила у Даши позволенія не выходить. У нея никогда не было привычки къ туалетамъ, а теперь прошло уже столько времени съ тѣхъ поръ, когда она одѣвалась! При томъ же она чувствовала себя смущенной и терялась, когда вокругъ нея раздавались голоса, на которые надо было отвѣчать. Она была довольна тѣмъ, что дѣвочкамъ весело, о чемъ можно было заключать по звонкимъ восклицаніямъ и смѣху, долетавшимъ оттуда.

А вотъ послышались звуки рояля, и нѣсколько паръ понеслись по огромной залѣ Бентышъ-Полянскихъ. Вечеръ закончился часа въ два ночи. Надя, впрочемъ, ушла нѣсколько раньше, потому что глаза ея съ непривычки начали смыкаться.

Таня прибѣжала къ матери оживленная и довольная, съ раскраснѣвшими щеками и горящими глазками.

— Какъ это весело, мамочка! — воскликнула она, обнимая Наталью Александровну.— Они всѣ такіе веселые, простые!

— Я очень рада, моя дѣвочка, что ты хорошо провела вечеръ.

И Наталья Александровна благодарила Верховскихъ за то, что они доставили развлеченіе ея дѣвочкамъ. На другой день новые знакомые сдѣлали визиты. Тутъ уже и Наталья Александровна познакомилась съ ними и повзала ихъ бывать въ домѣ. Съ этого дня въ домѣ Бентышъ-Полянскихъ появились новые люди.

Между тѣмъ госпожа Столѣтова, кажется, замѣтила перемѣну, происшедшую въ этомъ домѣ, и въ глазахъ ея появилось тревожное выраженіе. Повидимому, это отразилось и на ея сынѣ. Онъ участилъ свои посѣщенія, букеты его сдѣлались пышнѣе. Онъ просиживалъ съ Таней по нѣсколько часовъ, сдѣлался разговорчивѣе прежняго и, повидимому, со дня на день собирался заговорить серьезно о своемъ домогательствѣ. Верховскій видѣлъ, что Таня становилась къ Столѣтову все благосклоннѣе; благодаря привычкѣ, смотрѣла на него, какъ на своего человѣка, и онъ приходилъ въ ужасъ при мысли, что между ними какъ нибудь незамѣтно можетъ произойти рѣшительный разговоръ, Таня дастъ слово, которое потомъ трудно будетъ взять назадъ. Ему приходилось торопиться, и онъ наконецъ рѣшился.

Случилось, что въ тотъ день, на который онъ назначилъ свое предпріятіе, къ Натальѣ Александровнѣ пріѣхала Столѣтова.

«Тѣмъ лучше,—подумалъ Верховскій,—мнѣ гораздо пріятнѣе за-
стать его одного».

Верховскій зналъ, что Столѣтовъ никуда не ѣздитъ, ведетъ уеди-
ненный образъ жизни, бываетъ только у Бентышъ-Полянскихъ, а
остальное время посвящаетъ своимъ ученымъ занятіямъ, сущность
которыхъ никому, кромѣ него, не была извѣстна. И Верховскій по-
ѣхалъ къ нему.

III.

Столѣтовы жили въ отдаленной части города, въ той сторонѣ Нев-
скаго проспекта, за вокзаломъ, по дорогѣ къ Александро-Невской
лаврѣ. Они занимали маленькій домикъ, который весь состоялъ изъ
четырёхъ комнатъ. У нихъ было всего двое слугъ.

Когда Столѣтову доложили о пріѣздѣ Верховскаго, онъ былъ
въ халатѣ, сидѣлъ за своимъ рабочимъ столомъ. Онъ изумился.
заторопился и, не успѣвъ переодѣться, принялъ гостя въ халатѣ,
очень извиняясь.

Кабинетъ Столѣтова очень занялъ Верховскаго. Нѣсколько книж-
ныхъ шкаповъ, стѣны, завѣшенныя картами, и множество какихъ-
то непонятныхъ моделей разной величины, которыми были заста-
влены всѣ углы комнаты. Это, конечно, могло внушить почтеніе къ
хозяину, но въ то же время поражало своей странностью. Столѣ-
товъ неловко запахивалъ полы своего халата и говорилъ:

— Извините, пожалуйста, я принимаю васъ подомашнему. Вѣдь
у меня никто не бываетъ. Я давно прервалъ всякія связи съ свѣ-
томъ, который интересуется только суетными вещами. Прошу васъ,
садитесь.

— Съ своей стороны извиняюсь, что побеспокоилъ васъ,—ска-
залъ Верховскій,—вы, конечно, понимаете, что я не рѣшился бы
этого сдѣлать, не имѣя для этого достаточныхъ побужденій.

— По всей вѣроятности, такъ,—промолвилъ Столѣтовъ.

Они сѣли другъ противъ друга. Верховскій заговорилъ:

— Дѣло мое совсѣмъ особенное, и оно даже можетъ показаться
вамъ не дѣломъ. Но прежде чѣмъ заговорить о немъ, я позволю
себѣ рассказать вамъ кое-что изъ прошлаго, а васъ попрошу тер-
пѣливо выслушать, потому что мой рассказъ сперва покажется вамъ
какъ бы не имѣющимъ отношенія къ вашей личности.

— Прошу васъ, я готовъ васъ выслушать,—замѣтилъ Столѣтовъ.

— Я хочу рассказать вамъ,—говорилъ Верховскій,—о моихъ от-
ношеніяхъ къ тому дому, въ которомъ мы съ вами встрѣтились.
Нужно вамъ знать, что я давно служу въ Москвѣ и еще нѣсколько
лѣтъ тому назадъ былъ очень незамѣтнымъ офицеромъ, какихъ у
насъ много. Состоянія у меня большого нѣтъ и не было, а сами
знаете, при такихъ условіяхъ у насъ трудно выдвинуться. Но, мо-

жетъ быть, вамъ извѣстно, что такое былъ покойный Андрей Михайловичъ Бентышъ-Полянскій. Это былъ человѣкъ значительный, съ большими связями, которыя доставляли ему какъ богатство, такъ и родство. Можетъ быть, вы не знаете исторію его женитьбы на Натальѣ Александровнѣ... Я вамъ расскажу въ двухъ словахъ. Она была бѣдной дѣвушкой, воспитанницей театральной школы; у нея былъ огромный талантъ къ балетному искусству, и вотъ, въ то самое время, когда она кончала училище, и на нее возлагались большія надежды, какъ на будущую звѣзду балетнаго міра, этотъ самый Бентышъ-Полянскій, человѣкъ, не привыкшій встрѣчать никакого отпора своимъ желаніямъ, подержалъ съ своими друзьями пари, что совершитъ такое дѣло, которое удивитъ и поразитъ всю Москву, и о которомъ долго будутъ всѣ говорить. Онъ подержалъ пари съ покойнымъ генераломъ Тугаринымъ, его другомъ, человѣкомъ, памятью котораго я очень дорожу. И вотъ очень скоро всѣ узнали, что Наталья Александровна, выступившая передъ публикой въ первый разъ въ роли Сильфиды, которую ей прямо изъ рукъ въ руки передала знаменитая балетная звѣзда того времени, Тальони, сейчасъ же послѣ спектакля, на которомъ публика устроила ей небывалыя оваціи, неизвѣстно кѣмъ похищена и упрятана. Это и былъ поступокъ, которымъ Бентышъ-Полянскій долженъ былъ удивить всю Москву. Онъ при помощи своего управляющаго, пана Шипицаго, который былъ переодѣтъ кучеромъ, и также при пособничествѣ самой полиціи, увезъ молодую танцовщицу изъ театра прямо въ одинъ изъ своихъ загородныхъ домовъ и тамъ держалъ ее въ уединеніи. Но, какъ благородный человѣкъ, онъ не воспользовался своей силой, а постарался добиться отъ нея привязанности и потомъ женился на ней. Но за этотъ поступокъ онъ былъ вызванъ на дуэль отставнымъ генераломъ Тугаринымъ, и вотъ на этой-то дуэли мнѣ пришлось быть секундантомъ со стороны Полянскаго. Съ этого и начались мои отношенія къ дому Бентышъ-Полянскихъ. Съ этого момента я началъ возвышаться по службѣ и, такъ какъ я сталъ уже вамъ говорить обо всемъ этомъ, то упомяну откровенно объ одномъ случаѣ въ моей жизни, который привязалъ мое сердце къ Натальѣ Александровнѣ. Будучи молодымъ человѣкомъ, я полюбилъ свою крѣпостную дѣвушку Дашу и жилъ съ нею, какъ съ женой. Она была красавица, такая же, какъ теперь, — вы ее видѣли. И вотъ однажды пришла мнѣ въ голову гнусная мысль увеличить свое состояніе и приобрести связи путемъ выгодной женитьбы, и я чуть было не сдѣлалъ этого, но, только благодаря честному и сердечному совѣту Натальи Александровны, я поступилъ благородно. Такимъ образомъ я всѣмъ своимъ счастьемъ обязанъ семейству Полянскихъ и еще прибавлю, что генералъ Тугаринъ, благороднѣйшая личность, какую я только зналъ, умирая поручилъ мнѣ заботиться объ этомъ семействѣ. Все это я вамъ говорю для того, чтобы объяснить, почему о

дѣлѣ госпожи Бентышъ-Полянскій я говорю такъ, какъ о своемъ собственномъ. Теперь, когда вы знаете мои права говорить такъ, или, лучше сказать, мои обязанности, вы мнѣ простите, если я прямо спрошу васъ: какія у васъ намѣренія по отношенію къ Татьянѣ Андреевнѣ?

Столѣтовъ, уже догадывавшійся, что рѣчь клонится къ этому, тѣмъ не менѣе былъ смущенъ столь прямымъ вопросомъ, но скоро овладѣлъ собой и отвѣтилъ:

— Мнѣ кажется, что мои намѣренія совершенно ясны. Я не считалъ, что наступило уже время, но имѣлъ въ виду въ скоромъ времени сдѣлать предложеніе.

— Я такъ и понималъ это!—сказалъ Верховскій.—Теперь позволте спросить, почему именно вы пришли къ такой мысли?

— Какъ почему? Такія мысли приходятъ обыкновенно безъ видимой причины.

— Нѣтъ, безъ причины ничего не бываетъ. Опять же извините меня,—я буду говорить совершенно прямо. Обыкновенно сходятся люди приблизительно одинаковыхъ положеній, состояній и возрастовъ. Ну, относительно положенія и тѣмъ болѣе состоянія я не придерживаюсь общаго мнѣнія, моя собственная женитьба, о чемъ я уже имѣлъ честь говорить вамъ, достаточно вамъ доказываетъ это. Но относительно возраста это не подлежитъ сомнѣнію. Это уже устроено самой природой: молодой стремится къ молодому. А здѣсь, вы сами видите, какая разница: Татьяна Андреевнѣ всего семнадцатый годъ, а вамъ, я думаю, уже за сорокъ. Значитъ, вы, такъ сказать, презрѣли эту разницу. Вотъ я и спрашиваю: почему это? Вѣдь въ супружеской жизни такое различіе лѣтъ имѣетъ важное значеніе.

— Я согласенъ,—отвѣтилъ Столѣтовъ,—что побужденіемъ къ женитьбѣ должно быть только чувство; я согласенъ также и съ тѣмъ, что чувство легче возникаетъ между людьми приблизительно одного возраста. Это правило. Но вѣдь бываютъ и исключенія. Развѣ вы сомнѣваетесь въ томъ, что Татьяна Андреевна, благодаря своимъ драгоценнымъ качествамъ, способна вызвать самыя горячія чувства въ человѣкѣ всякаго возраста? Безъ сомнѣнія, я питаю къ ней самое искреннее чувство.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь. Ничего другого нельзя питать къ этому во всѣхъ отношеніяхъ прекрасному созданію. Но есть разница между этимъ чувствомъ и тѣмъ, которое связываетъ людей на всю жизнь.

— Я не испыталъ другого чувства къ женщинѣ!—возразилъ Столѣтовъ.

— Сколько я знаю,—сказалъ Верховскій,—ваша жизнь протекла въ ученыхъ занятіяхъ, и вы не имѣли возможности отдаваться страстямъ...

— О, да, я могу сказать по совѣсти, что всѣ силы посвятить своему любимому дѣлу; но мнѣ кажется, что такая любовь, какую можете любить человѣкъ моего возраста и моего положенія, и основательнѣе и прочнѣе любви юноши...

Верховскій возразилъ:—Основательность и прочность прекрасныя качества, они необходимы въ семейной жизни. Но молодое сердце не справляется о нихъ и не хлопочетъ о томъ, чтобы онѣ непременно были. Онѣ сами собой подразумеваются... А ему прежде всего нуженъ огонь чувства, то-есть то, чего не можетъ дать человѣкъ, уже испытанный жизнью.

— Татьяна Андреевна, повидимому, питаетъ ко мнѣ хорошія чувства!—сказалъ Столѣтовъ.

— Очень вѣроятно,—отвѣтилъ Верховскій,—но хорошія чувства мы можемъ питать ко всѣмъ симпатичнымъ людямъ. Я попрошу васъ обратить вниманіе на особое положеніе, въ какомъ находится Татьяна Андреевна. Вы, конечно, замѣтили, что у нихъ въ домѣ не бываетъ ни одного интереснаго человѣка. Я, разумѣется, не говорю о присутствующихъ, такъ какъ вы, несомнѣнно, по своимъ личнымъ достоинствамъ, представляете большой интересъ, но вотъ именно поэтому-то вы и должны были завладѣть ея вниманіемъ; ваши почтенныя качества она не могла не одѣннить, но не станете же вы утверждать, что Татьяна Андреевна питаетъ къ вамъ что нибудь похожее на горячее чувство.

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ, на это я не имѣю основанія.

— Но развѣ вы не находите это необходимымъ, чтобы молодая дѣвушка отдала себя на всю жизнь не только по простой симпатіи, но и по горячему чувству? Если, какъ вы сами видите, отсутствіе въ ней этого чувства объясняется только отсутствіемъ подходящаго человѣка въ ея обществѣ, то вообразите, чтъ произойдетъ при перемѣнѣ обстоятельствъ. Развѣ вы, занятый вашими работами, будете въ состояніи предохранить ее отъ всевозможныхъ случайныхъ встрѣчъ? Развѣ вы можете поручиться, что черезъ годъ, два, она не встрѣтитъ человѣка, подходящаго къ ея сердцу, и что тогда произойдетъ? Ваша жизнь будетъ испорчена, но это не мое дѣло, вы—взрослый человѣкъ и сами можете объ этомъ подумать; но ея жизнь развѣ не будетъ разбита? А вѣдь она дитя, и вы, какъ человѣкъ, симпатизирующій ей, должны же подумать объ этомъ, не правда ли?

Столѣтовъ задумался и сталъ ходить по комнатѣ.

— Да,—задумчиво сказалъ онъ,—вы говорите разумныя вещи, мнѣ это не приходило въ голову. Объ этомъ надо подумать. Я не умѣю рѣшать сразу. Я не обладаю способностью разомъ объять умомъ весь предметъ. Я привыкъ до всего доходить постепенно...

Верховскій осматривалъ его кабинетъ и, главнымъ образомъ, модели, которыя его заинтересовали.

Онъ спросилъ:

— А скажите, если это не нескромно съ моей стороны, что это у васъ за приборы?

Столѣтовъ тотчасъ же оживился, свойственное его лицу выраженіе апатіи прошло.

— А это все одно и то же,—отвѣтилъ онъ.—Все это постепенное усовершенствованіе одной и той же идеи!

— Въ чемъ же состоитъ эта идея? Я слышалъ много о вашей работѣ, о вашемъ изобрѣтеніи, но ничего толкомъ не могъ узнать. Въ обществѣ говорятъ объ этомъ все какія-то невозможныя вещи.

— Что же именно говорятъ въ обществѣ?

— Говорятъ, будто вы изобрѣли, или, по крайней мѣрѣ, утверждаете это,—летательную машину... Это, конечно, неправда.

— Это правда!—твердо сказалъ Столѣтовъ.

— Полноте, развѣ это возможно?

— Это не только возможно, но я считаю это осуществившимся фактомъ... Почему вы считаете это невозможнымъ?

— Да, право, я затрудняюсь сказать... Но вообще это странная идея.

— Всякая новая идея кажется странной. Развѣ не казалось страннымъ открытіе электричества и примѣненіе его для практики? А между тѣмъ въ настоящее время мы очень просто, какъ самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, пользуемся электричествомъ для передачи депешъ... А вотъ вы увидите, чтò будетъ черезъ двадцать-тридцать лѣтъ, и, къ сожалѣнію, ни вы, ни я не увидимъ, чтò будетъ черезъ пятьдесятъ и сто лѣтъ. Великая сила электричества замѣнитъ все. Желѣзныя дороги, электрическое освѣщеніе, электрическая кухня, электрическіе слуги—все это сдѣлаетъ работу человѣка ненужной, люди сдѣлаются господами природы. Точно то же и съ силой пара, которая еще недавно изумляла самыхъ умныхъ людей, а теперь мы, благодаря ей, устраиваемъ машины, ѣдимъ по морю и по сушѣ. Почему же воздушное пространство для насъ должно быть недоступно? Оно должно быть завоевано такъ же, какъ и море и суша. Человѣческому уму не положенъ предѣлъ. Моя машина обоснована на точныхъ данныхъ науки, и она имѣетъ будущее, какъ все точное и научное.

Верховскій смотрѣлъ на этого человѣка и не узнавалъ его. Куда дѣвалось это выраженіе лѣни въ его лицѣ, куда дѣвались эти безцвѣтные утомленные глаза? Они теперь горѣли. Щеки его пылали румянцемъ. Онъ сразу помолодѣлъ на десять лѣтъ.

И Верховскій испытывалъ странное ощущеніе, какъ будто присутствовалъ при совершеніи какого-то чуда.

— Но въ чемъ же состоитъ ваше изобрѣтеніе? Въ чемъ его идея?—спросилъ Верховскій:

— Боюсь, что вы не поймете. Это требуетъ специальныхъ познаній,—отвѣтилъ Столѣтовъ.— Но я постараюсь дать вамъ поня-

тіе... Не угодно ли вамъ пожаловать сюда? Я объясню вамъ сперва самый простой приборъ. Онъ въ то же время и самый несовершенный. А потомъ вы увидите, какъ постепенно я достигалъ все большаго и большаго совершенства, и, можетъ быть, вамъ все станетъ ясно. Вы увидите затѣмъ, какъ я дошелъ до высочайшей точки, когда могъ сказать: это сдѣлано, это найдено! когда я, какъ древній великій математикъ, могъ воскликнуть: эврика! И потомъ уже задача моя состояла въ упрощеніи прибора, и я уже стоялъ на отличномъ пути. Винтъ за винтомъ, я зачеркивалъ все лишнее и соединялъ всѣ функціи въ одномъ органѣ, и я, наконецъ, дойду до удивительной послѣдней простоты. Въ этомъ и заключается истинное совершенство. Отъ простого, но не совершеннаго, мы путемъ различныхъ преобразованій возвращаемся къ простѣйшему, но уже совершенному. Я уже наканунѣ этого.

— И затѣмъ?—спросилъ Верховскій, внимательно прислушиваясь къ его словамъ.

— Затѣмъ? Затѣмъ мнѣ останется только приготовить аппаратъ въ большомъ видѣ, годный для дѣйствительныхъ опытовъ.

— Такъ что до сихъ поръ ваше изобрѣтеніе все основано на теоріи?

— Да, конечно, на теоретическихъ неопровержимыхъ положеніяхъ.

— Но это, вѣроятно, будетъ стоить большихъ денегъ?

— Еще бы. О, если бы это стоило дешево, я завтра же поразилъ бы міръ своимъ изобрѣтеніемъ. Но въ томъ-то и дѣло, что на это требуется миллионъ.

— Милліонъ?

— Да, цѣлый миллионъ,—повторилъ Столѣтовъ, сильно понизивъ голосъ: очевидно, эта необходимость такой большой суммы на! осуществленіе его идеи угнетала его.

Верховскій задумался, а потомъ сказалъ:

— Простите мнѣ еще разъ. Я вижу, что вы человекъ идеи, вы способны увлечься идеей до самозабвенія, я такихъ людей уважаю, потому что такіе люди бываютъ правдивы; они неспособны кривить душой и говорятъ только правду. Скажите же мнѣ,—я вамъ сказалъ такъ много изъ того, что считаю тайной моей жизни,—скажите—я васъ спрашиваю, ни капли не сомнѣваясь въ искренности вашихъ намѣреній относительно Татьяны Андреевны: если бы случилось такъ, что вы получили бы ея руку и сдѣлались владѣльцемъ богатства, которое она вамъ принесетъ, вы, конечно, сейчасъ же большую часть изъ него употребили бы на вашу машину?

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія!—просто и съ искреннимъ увлеченіемъ отвѣтилъ Столѣтовъ.—Безъ сомнѣнія, я не знаю лучшаго, болѣе благороднаго помѣщенія для денегъ. Это предпріятіе

черезъ нѣсколько лѣтъ сторицей возвратило бы затраченный капиталъ.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Безконечно...

— Но если... если допустить, что вы... увлекаетесь... И вдругъ все ея состояніе пошло бы прахомъ. Неужели вы не допускаете мысли, что тутъ можетъ быть ничтожнѣйшая ошибка, которая способна погубить все дѣло?

— Конечно, ошибка возможна... Она возможна во всемъ... Каковъ бы ни былъ умъ, но все-таки онъ человѣческій умъ, а слѣдовательно и несовершенный...

— И слѣдовательно, такъ или иначе, а въ этомъ дѣлѣ есть извѣстный рискъ...

— Непремѣнно... Я этого не скрываю...

— Какъ же вы рѣшились бы рискнуть всѣмъ достояніемъ существа, искренно довѣрившагося вамъ? Вѣдь въ случаѣ неудачи, она осталась бы нищей и была бы принуждена влачить жалкое существованіе, чтò, послѣ испытанной ею роскоши, было бы для нея ужасно.

Столѣтовъ опять задумался.

— Позвольте, однако, васъ спросить, — сказалъ онъ, — не думаете ли вы, что я добиваюсь благосклонности Татьяны Андреевны съ завѣдомо корыстнымъ расчетомъ завладѣть ея деньгами?..

— Я этого не высказывалъ!—возразилъ Верховскій,—и не думалъ. Я увѣренъ, что вы искренно привязаны къ ней. Но посмотрите же, чтò выходитъ. Выйдя за васъ, она отказывается отъ того чувства, на которое имѣетъ право всякое молодое существо. Если она останется вамъ вѣрна,—а мы не можемъ въ этомъ сомнѣваться,—то ея сердце будетъ лишено тѣхъ волненій, которыя одухотворяютъ жизнь человѣка. Если же она, не будучи въ состояніи бороться съ увлеченіемъ, измѣнитъ вамъ, а это тоже можно допустить, то и вы и она будете несчастны. И за такую будущность какая же ей награда? Единственное, что у ней есть вѣрнаго и прочнаго, ея богатство, которое ей совершенно необходимо, потому что она такъ воспитана и приучена, что быть бѣдной для нея несчастіе,—это богатство подвергнется риску для осуществленія предпріятія, хотя и великаго по своему значенію для людей, но все же не безусловно вѣрнаго. Но зачѣмъ, спрашиваю я васъ? Въ этомъ предпріятіи заинтересованы вы, какъ человѣкъ, открывшій великую идею, человѣчество будетъ облагодѣтельствовано, если она оправдается. А ея богатства, вы говорите, возрастутъ... Но она не нуждается въ этомъ. Ея богатства съ нею совершенно достаточно. И почему она должна рисковать всѣмъ своимъ достояніемъ? почему она должна благодѣтельствовать человѣчество?

— Я думаю, что ради блага человѣчества можно многимъ пожертвовать.

— Жертвовать можно только своимъ, а не тѣмъ, что принадлежить другому.

— Да, это правда.

— Я очень радъ, что вы также думаете. Позвольте же мнѣ сдѣлать выводъ: не я говорю противъ этого брака, а всѣ обстоятельства, которыя мы съ вами вмѣстѣ такъ подробно разобрали: несоотвѣтствіе возрастовъ, отсутствіе горячаго чувства съ обѣихъ сторонъ, съ вашей—потому что вы человѣкъ, съ головой преданный вашей идеѣ, которая завладѣла всѣми вашими чувствами; съ ея стороны потому, что она ребенокъ, не видѣвшій, ни жизни, ни людей; а главное то, что вы, почувявъ въ рукахъ большое состояніе, подъ вліяніемъ увлеченія вашей идеей, не будете въ состояніи удержаться, чтобы не рискнуть всѣмъ богатствомъ вашей будущей жены. Вѣдь это такъ... Вообразите, что это не вы, а другой, и вы со стороны смотрите на этого человѣка, также увлекающагося, какъ вы, развѣ вы не видите, что онъ способенъ на безрасчетный безумный рискъ?

— О, да, да, вы правы, вы правы! — задумчиво говорилъ Столѣтовъ.

— Поэтому выходитъ, — продолжалъ Верховскій, — что Татьяна Андреевна во всей этой исторіи будетъ непремѣнно жертвой.

— Да, да, да... Объ этомъ я не подумалъ... Все это для меня новыя мысли.

Верховскій видя, что своими рѣчами произвелъ на него сильное впечатлѣніе, счелъ возможнымъ оставить его. Онъ видѣлъ передъ собой несомнѣнно порядочнаго человѣка, нѣсколько и, можетъ быть, даже и очень страннаго, но способнаго поступить честно, разъ онъ созналъ это.

Онъ поднялся, протянулъ руку и сказалъ:

— До свиданія... Я очень радъ, что вы со мной согласны... Ваши дальнѣйшія дѣйствія, безъ сомнѣнія, только докажутъ вашу искренность. До свиданія.

Столѣтовъ разсѣянно пожалъ ему руку и даже не проводилъ его до двери, до такой степени онъ былъ поглощенъ новыми для него мыслями.

Верховскій уѣхалъ.

— Если онъ еще не сумасшедшій, — подумалъ онъ, — то, конечно, очень скоро будетъ такимъ.

Когда онъ пріѣхалъ домой, мать Столѣтова была еще тамъ. Она прощалась.

— А я только что былъ у вашего сына, — сказалъ ей Верховскій какъ бы между прочимъ.

— Вы? у насъ?—съ изумленіемъ спросила она. Она не хотѣла, чтобы кто нибудь изъ дома Бентышъ-Полянскихъ бывалъ у нихъ и видѣлъ ихъ бѣдную обстановку; хотя они и не выдавали себя

за богатыхъ людей, но все же это какъ-то не такъ замѣтно, когда никто не видитъ.—Какъ же это? Вы... должно быть, по дѣлу?

— Почему же непременно по дѣлу? Нѣтъ, я просто заѣхалъ навѣстить вашего сына. Вѣдь онъ бываетъ здѣсь и иногда заходитъ ко мнѣ, почему же мнѣ не побывать у него? Мы поболтали съ нимъ часа два и очень интересно провели время. Какъ онъ увлекается своимъ изобрѣтеніемъ!

— Да... онъ... онъ очень увлекается...—сказала Столѣтова и покраснѣла.

Все это не входило въ ея расчеты; она всегда старалась какъ можно меньше говорить объ изобрѣтеніи сына. Она знала, что изъ-за этого изобрѣтенія на него всѣ смотрятъ, какъ на кандидата въ сумасшедшій домъ, и это, конечно, могло помѣшать браку, на который она такъ рассчитывала. Планы ея были совсѣмъ не тѣ, что у ея сына. Если сынъ ждалъ будущей свадьбы, тайно и, быть можетъ, бессознательно мечтая объ осуществленіи своей идеи, то она, напротивъ, надѣялась, что съ приобрѣтеніемъ большихъ средствъ онъ, наконецъ, образумится и утихомирится съ своими мечтами, которыя она считала безуміемъ. Она смотрѣла на увлеченіе сына по-своему, она была увѣрена, что онъ просто хочетъ во что бы то ни стало разбогатѣть, но когда онъ будетъ богатъ, то, конечно, самъ будетъ смѣяться надъ своимъ увлеченіемъ, и она желала только одного, чтобы поскорѣй совершилась эта свадьба, на которую у ея сына были уже изрядные шансы.

Появленіе Верховскихъ съ первой же встрѣчи неприятно изумило ее. Она, сама не зная почему, почувствовала въ нихъ какъ бы противниковъ, и вотъ теперь это опасеніе начинаетъ осуществляться. Онъ ѣздилъ къ сыну... Зачѣмъ? Что ему отъ него нужно? Никто къ нимъ никогда не заглядывалъ. Она была этому рада. Разъ въ мѣсяць, и то въ прежнее время, заѣзжала княгиня Чугуева въ своемъ странномъ, далеко не модномъ экипажѣ, но Чугуевой она не боялась, потому что та сама жила кое-какъ и больше перебивалась подачками богатыхъ людей, къ которымъ лѣзла въ родню.

Но въ послѣднее время и Чугуева, осерчавъ на то, что она осмѣлилась мѣтить на милліоны Бентышъ-Полянскихъ, перестала ѣздить къ ней. Это только доставляло ей удовольствіе.

И Столѣтова торопилась домой. Лошадей своихъ у нихъ не было, а на наемныхъ она не любила и не могла тратиться. У нея каждая копейка была рассчитана.

IV.

Столѣтова почти бѣжала по улицѣ. На Невскомъ проспектѣ не разъ прохожіе останавливались и глядѣли на эту съ виду почтенную даму, которая бѣжала словно отъ погони. Ей поскорѣе хотѣлось узнать, о чемъ говорилъ Верховскій съ ея сыномъ.

Вотъ она дома. Она торопливо сняла верхнее платье, вошла въ комнату, но когда приблизилась къ кабинету, то была поражена необыкновеннымъ зрѣлищемъ. Она привыкла видѣть сына сидящимъ за столомъ, за листомъ бумаги, съ карандашемъ въ рукѣ, если же онъ вставалъ и переходилъ съ одного мѣста на другое, то дѣлалъ это спокойно, размѣренно, неспѣшной походкой.

Теперь же онъ ходилъ по комнатѣ быстро, съ необычайнымъ волненіемъ, полы его раскрывшагося халата развѣвались, будто отъ дуновенія сильнаго вѣтра; онъ даже не замѣтилъ ея появленія.

Она окликнула его. Онъ остановился, лицо у него было странное, что-то рѣшительное выражалось въ немъ.

— У насъ былъ Верховскій?—спросила она.

— Да, да, былъ, былъ!—какимъ-то необыкновеннымъ для нея тономъ отвѣтилъ онъ.

— Ну, и что же? Зачѣмъ бы это?

— А вотъ зачѣмъ... Мы много говорили... Онъ правъ, да, онъ тысячу разъ правъ... И больше я не пойду къ нимъ.

— Куда не пойдешь? Къ Верховскимъ?

— Да, конечно, и къ Верховскимъ. Вообще въ этотъ домъ не пойду; къ Полянскимъ больше ходить не буду.

— Что? съ чего это? Что за новости? Онъ тебѣ наплелъ чего нибудь, а ты и повѣрилъ...

— Нѣтъ, онъ ничего не наплелъ... Все, что онъ говорилъ, было дѣльно. Я обдумалъ, обсудилъ... Не пара, это совершенно вѣрно, мы не пара... Она съ своими семнадцатью годами вѣдь ребенокъ, а мнѣ вѣдь сорокъ съ лишнимъ... Я ее и люблю, какъ ребенка, какъ прекраснаго ребенка и тѣломъ и душой, и, конечно, не захочу сдѣлать ее несчастной.

— Какъ не пара? какъ несчастной? что ты такое говоришь? Просто даже и понять не могу, съ чего это такія мысли? Ходилъ, ходилъ человекъ, букеты носилъ, на конфеты тратился, и вдругъ не пара и несчастна... Съ такимъ богатствомъ, я думаю, всякаго человека можно сдѣлать счастливымъ.

— Ахъ, нѣтъ, вы не понимаете! Какое это счастье? Это не то счастье, на какое всякій въ извѣстномъ возрастѣ имѣетъ право... Нѣтъ, вы этого не можете понять. Если я не испыталъ такого счастья, то есть молодой горячей любви, если я не былъ никогда молодымъ, прозѣвалъ молодость, такъ въ этомъ самъ виноватъ, потому что отдалъ всѣ силы наукѣ и не жалѣю объ этомъ. А у нея, у этого прекраснаго ребенка, я не имѣю права воровать...

— Какъ воровать? Женитьба, это законное дѣло... Женитьбой самые знатные люди капиталы приобрѣтали.

— Вы опять не понимаете. Я не о деньгахъ говорю. Я говорю, что не имѣю права воровать у нея молодость и счастье. Вотъ что я говорю.

— Нѣтъ, это Богъ знаетъ что такое. Этотъ Верховскій, должно быть, волшебникъ какой нибудь. Какъ же такъ, ни съ того, ни съ сего, взять и сбить человѣка съ толку?

— Нѣтъ, не волшебникъ, а человѣкъ разумный и правдивый. Я согласенъ съ нимъ вполне. И если вы питаете ко мнѣ любовь, матушка, то послушайте меня, перестаньте и вы посѣщать ихъ домъ. И даже лучше: переѣдьте отсюда въ Москву. Тамъ у насъ нѣтъ знакомыхъ, и въ Москвѣ жизнь дешевле. Тамъ мы лучше можемъ устроиться съ нашими небольшими средствами; при томъ я слыхалъ, что въ Москвѣ много богатыхъ людей, способныхъ жертвовать большія средства на великое дѣло; быть можетъ, я тамъ легче найду средства и на свое изобрѣтеніе.

Столѣтова долго протестовала и не соглашалась и повторяла, что этого не будетъ, что она настоятъ на своемъ и женить его.

— Но не можете же вы, матушка, женить меня помимо моего участія!— сказалъ Столѣтовъ:— а что я это дѣло прекращаю, вотъ вамъ доказательство.

Онъ подошелъ къ столу и взялъ съ него листъ исписанной бумаги. Онъ сказалъ:

— Вотъ что я написалъ Верховскому.

И затѣмъ оцъ прочиталъ вслухъ: «Милостивый государь! я долго думалъ надъ мыслями, высказанными вами, и пришелъ къ убѣжденію, что вы совершенно правы. Татьяна Андреевна не можетъ со мною испытать полного счастья. А такъ какъ я глубоко уважаю ее и все ея семейство, то съ этого момента прекращаю всякія попытки завладѣть ея рукой. И въ доказательство этого объявляю вамъ, что болѣе не буду посѣщать ихъ домъ и даже въ скоромъ времени съ матерью переѣду въ Москву. Я очень радъ, что вамъ угодно было посѣтить меня и высказать столь здравыя и честныя мысли! Вамъ совершенно преданный Столѣтовъ».

Столѣтова стояла огорошенная. Повидимому, возврата не было, и сынъ ея рѣшилъ исполнить свое намѣреніе во что бы то ни стало. Значитъ, опять пойдутъ неудачи, которыми полна была ея жизнь, съ того самаго времени, какъ умеръ мужъ. И который это уже разъ? Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся изъ-за границы съ своей знаменитой, а какъ она называла, «сумасшедшей» идеей, она дѣлала множество попытокъ, посредствомъ женитьбы сына на богатой невѣстѣ, поправить свои дѣла. Онъ вообще не отличался способностью давать отпоръ и подчинялся ея настойчивому характеру; она подбивала его, обыкновенно обѣщая ему быстрое осуществленіе его плана, онъ увлекался этой возможностью, а она хваталась за случай поправить дѣла.

Она перепробовала все: цѣплялась и за купцовъ и за богатыхъ дворянъ, но все какъ-то не клеилось. Теперь ей какимъ-то чудомъ удалось проникнуть въ богатѣйшій домъ Бентышъ-Полянскихъ;

обстоятельства сложились такимъ счастливымъ образомъ, что она была уже очень близка въ достиженію цѣли, но опять явилось препятствіе.

Снова приходится перебиваться въ бѣдности и ловить надежду. Когда же это кончится? Должно быть, сынъ ея и взаправду съ ума сойдегъ прежде, чѣмъ ея надежда исполнится...

Столѣтовъ между тѣмъ на этотъ разъ оказался тверже и настойчивѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Никакія возраженія матери не могли заставить его измѣнить свое рѣшеніе. Онъ запечаталъ письмо и отослалъ его Верховскому.

Получивъ письмо Столѣтова, Верховскій сперва порядочно подумалъ надъ нимъ, потомъ показалъ его только Дашѣ, которая знала всѣ его планы.

— Не думаешь ли ты,—спросилъ Верховскій,—что осторожнѣе будетъ спрятать это письмо и не показывать его не только Танѣ, но даже Натальѣ Александровнѣ?

— Я думаю, что такъ,—отвѣтила Даша.— Вѣдь въ сущности мы слишкомъ мало знаемъ этого господина. Ну, хорошо, онъ такъ пишетъ, а можетъ быть, это только для того, чтобы показать свое благородство. Можетъ быть, онъ только ждетъ и надѣется, что послѣ этого письма его пригласятъ въ домъ и еще любезнѣе, чѣмъ прежде, станутъ принимать его. Нѣтъ, мы подождемъ. Это всегда успѣется, никогда не будетъ поздно.

— Правда,—согласился Верховскій и еще разъ убѣдился въ томъ, что Даша способна давать прекрасные совѣты. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ—сказать Натальѣ Александровнѣ было не безопасно, она тотчасъ же забьетъ тревогу, скажетъ, что, быть можетъ, они обидѣли человѣка, начнетъ беспокоиться и настаивать, чтобы это какъ нибудь смягчить, чего добраго—сама поѣдетъ къ Столѣтовымъ и будетъ извиняться. Она слишкомъ расположена къ великодушію, даже во вредъ себѣ и другимъ. Между тѣмъ, если намѣреніе Столѣтова, высказанное въ письмѣ, подтвердится, тогда уже придется считаться съ совершившимся фактомъ, и никакія попытки раскаянія ни къ чему не приведутъ.

Такъ они и рѣшили. Письмо было спрятано, и супруги очень твердо хранили тайну.

Прошла недѣля, Столѣтовъ не появлялся. Это было для него слишкомъ долгимъ срокомъ. Обыкновенно онъ ѣздилъ раза три въ недѣлю, а въ послѣднее время сталъ бывать почти каждый день.

Казалось бы, можно было на этомъ успокоиться. Ясно, что человѣкъ въ самомъ дѣлѣ выполнялъ свое обѣщаніе. Но для Верховскаго это было недостаточнымъ доказательствомъ. Онъ разсуждалъ такъ: Столѣтовъ—человѣкъ увлекающійся. Правда, его не легко расшевелить, но разъ онъ чему нибудь поддастся, то увлеченіе его можетъ длиться извѣстное время. Онъ могъ совершенно искренно

рѣшить поступить именно такимъ образомъ. Но увлеченіе пройдетъ, и онъ раздумаетъ.

Онъ подождалъ еще дня три и затѣмъ тихонько собрался и однажды поѣхалъ въ тотъ домъ, который занимали Столѣтовы. Ставни были закрыты, не замѣчалось никакого движенія. Дворникъ сидѣлъ за воротами. Верховскій обратился къ нему:

— А что, любезный, дома господа Столѣтовы?

— Гдѣ тамъ? Да ихъ ужъ совсѣмъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? куда же они дѣвались?

— Уѣхали, совсѣмъ уѣхали...

— Давно?

— Да ужъ деньковъ пять будетъ.

— Куда же?

— А этого мы не знаемъ. Надо полагать, въ Москву. На чугунку сѣли и укатили... Какъ-то такъ вдругъ собрались и поѣхали. Неожиданно... И даже при этомъ баринъ сказали, что, молъ, болѣе не вернемся... Жалко. Хорошіи баринъ были. Спокойные очень, никогда ихъ не было слышно. Мамаша ихняя, тѣ ворчали, ну, разное тамъ недовольство было по дворовой части; а они ни въ какія дѣла не вмѣшивались, все въ своей комнатѣ сидѣли, да въ одну точку смотрѣли. А мамаша страсть какъ не хотѣли уѣзжать. Сердились...

Верховскій вздохнулъ съ величайшимъ облегченіемъ: «мнѣ кажется, что я отстранилъ отъ Тани настоящее несчастье,—сказалъ онъ самъ себѣ:—человѣкъ онъ, очевидно, въ высшей степени порядочный, но фанатикъ. Женившись, онъ, безъ сомнѣнія, на другой же день за своими выкладками позабылъ бы, что у него есть молодая жена; а ужъ состояніе Татьяны Андреевны самымъ невиннымъ образомъ пустилъ бы въ трубу». — А что,—спросилъ онъ у дворника,—они всѣ вещи забрали съ собой?

— Всѣ, какъ есть. И даже чудно было смотрѣть. Всѣ эти свои машины въ ящики запаковали и такъ бережно везли ихъ на чугунку, будто драгоценности какія. А что въ нихъ толку? Стояли онѣ этакъ-то четыре года, а никакого изъ нихъ ни ума ни пользы не вышло...

«Ну, значить, онъ дѣйствительно совсѣмъ переѣхалъ въ Москву, коли забралъ свои модели! вѣдь въ этихъ моделяхъ его душа...».

Верховскій поѣхалъ домой въ веселомъ настроеніи. Онъ пошелъ прямо къ Натальѣ Александровнѣ.

— Поздравьте меня и себя!—сказалъ онъ:—я спасъ Таню отъ несчастнаго брака!

— Какимъ образомъ?—спросила Наташа.

Верховскій разсказалъ ей все подробно.

— Боже! какъ это все вы умно придумали!—воскликнула Наталья Александровна,—а я сидѣла безпомощно и все никакъ не могла ума приложить.

— А скажите, всю эту недѣлю Таня не скучала оттого, что не прїѣзжалъ Столѣтовъ?..

— О, что вы? Ни разу и не вспомнила. Она бывала рада, когда онъ прїѣзжалъ и занималъ ее, но чтобъ скучать по немъ, этого никогда не бывало.

— Ну, вотъ видите, какой же это былъ бы бракъ? Не знаю, стали-ль бы послѣ него люди летать по воздуху, а только вѣрно то, что Таня осталась бы въ концѣ концовъ безъ рубашки.

— Ваша правда, ваша правда! — говорила Наталья Александровна. — Но, знаете, меня всё смущали. Даже Лиза и та говорила, что только бракъ можетъ спасти нашъ домъ отъ разоренія, даже она настаивала, чтобъ Таню выдать замужъ... Ахъ, какое это мнѣ счастье Богъ послалъ, что вы прїѣхали къ намъ!..

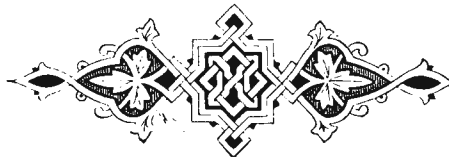
Наташа крѣпко жала его руку и цѣловала Дашу, которая своими совѣтами играла не малую роль въ этомъ, такъ удачно кончившемся, заговорѣ.

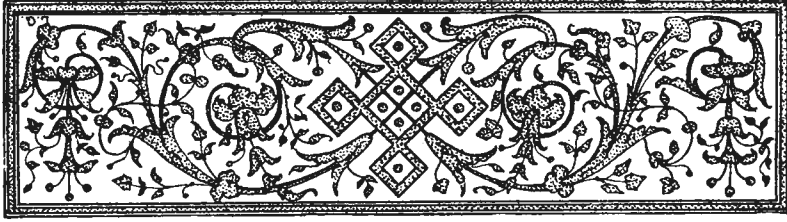
Въ этотъ вечеръ у Верховскихъ опять собралась военная молодежь, и опять въ домѣ Бентышъ-Полянскаго было весело, раздавался молодой смѣхъ, звонкіе голоса, музыка, а подъ конецъ вечера начались танцы. На этотъ разъ рѣшилась выйти и Наталья Александровна. Таня уже познакомилась со всѣми и чувствовала себя хорошо среди этихъ людей, такъ подходившихъ къ ней по возрасту и безпечному дѣтскому настроенію.

Только панъ Шипицкій ничего не зналъ объ этихъ событіяхъ, совершавшихся помимо его въ домѣ Бентышъ-Полянской. Но, наконецъ, извѣстіе объ этомъ дошло и до него...

И. Н. Потапенко.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ РАФАИЛА МИХАИЛОВИЧА ЗОТОВА ¹⁾.

XV.

Возобновленіе французскихъ спектаклей.—Открытіе Большого театра послѣ пожара. — Дидло. — Русская труппа. — Директорство Майкова.—
А. Н. Оленинъ.

В 1816 году, Тюфякинъ остался одинъ главнымъ директоромъ. Дѣйствительно, существованіе вице-директора, съ данною ему инструкціею, было невозможно съ властію главнаго директора. Вице-директору отдана была хозяйственная часть, а послѣдній управлялъ всѣмъ остальнымъ; но каждый предметъ по театру принадлежалъ къ хозяйственной части, и остальнаго ничего не было. Князь Тюфякинъ возведенъ былъ въ званіе гофмейстера, пожалованъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени, и я остался при немъ секретаремъ, исправлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ должности переводчика и управляющаго нѣмецкимъ театромъ.

Вскорѣ произведена была первая попытка къ возобновленію французскихъ спектаклей. Народная ненависть къ имени французовъ давно уже исчезла, русскіе пріобрѣли побѣду, славу, освободили Европу, а скованный гигантъ терзался позднимъ раскаяніемъ о своемъ походѣ 1812 года на островъ св. Елены. Въ самой Франціи съ восторгомъ принимали нашего Александра Благословеннаго

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVI, стр. 27.

и всѣхъ русскихъ. Вся гвардія, возвратившаяся оттуда, была полна самыхъ пріятныхъ воспоминаній о своемъ пребываніи въ Парижѣ и помнила впечатлѣнія, произведенныя парижскими спектаклями и актерами. Возникло опять всеобщее желаніе въ Петербургѣ видѣть французскую труппу, и одинъ оставшійся здѣсь актеръ, Мезьеръ, вздумалъ возобновить ее. Но деньги, производимыя прежде на содержаніе ея отъ казны, уже имѣли другую цѣль, и государственные финансы не позволяли обременить бюджета новою статьею расходовъ. Надобно было рѣшиться на частную спекуляцію. Явился Дюранъ, бывшій въ прежней труппѣ,—и онъ съ Мезьеромъ пустились на это предпріятіе. Къ нимъ присоединился пѣвецъ Брисъ съ женою, и составила крошечная труппа, игравшая одноактныя комедіи и комическія оперетки. А такъ какъ театра не было для нихъ въ городѣ, то одинъ изъ щедрыхъ вельможъ, князь Н. Б. Юсуповъ (садъ при этомъ домѣ и теперь называется Юсуповскимъ, въ Большой Садовой, хотя давно уже принадлежитъ казнѣ), отдалъ имъ въ распоряженіе свою залу и декораціи, писанныя знаменитыми Гонзаго и Корсини. Здѣсь помѣщалось до 300 человекъ, и спектакли были открыты по подпискѣ.

Это была очень бѣдная труппа, но вскорѣ собралось въ нее и больше актеровъ, такъ что, по числу желающихъ видѣть французскіе спектакли, зала оказалась очень мала. Князь Тюфякинъ рѣшился тогда собственными средствами дирекціи сформировать французскую труппу.

Въ 1817 году, открытъ былъ возобновленный архитекторомъ Модю Большой театръ. Для открытія давали прологъ князя Шаховского: Меркурій на часахъ,—и подобнаго литературнаго паденія я не запомню. Чего могла требовать публика отъ пролога? Представлена была застава на Парнасѣ, и Меркурій съ строгимъ разборомъ пропускалъ въ нее разныя роды піесъ. Публикѣ показалось, что авторъ выставилъ личности, и ошквала піесу самымъ жестокимъ образомъ (изъ 120 піесъ Шаховского имѣли подобную же участь только драма Лилія Нарбонская и трагедія Фингалъ и Роскрана).

Здѣсь-то, на этомъ огромномъ театрѣ, князь Тюфякинъ рѣшился заставить французовъ играть. Но при этомъ онъ составилъ великолѣпный планъ. Зная, что жажда къ французскимъ спектаклямъ не испугается никакихъ стѣснительныхъ условій, онъ объявилъ общій абонементъ для русскихъ и французскихъ представленій, такъ что за три послѣднія въ недѣлю абонирующійся долженъ былъ смотрѣть и четыре русскихъ. Галломаны поморщились, но абонировались, и дневной абонементъ простирался тогда до 1,000 рублей и выше.

Казалось, дѣло составляло одну финансовую хитрость; вышло на повѣрку, что художественная выгода была еще сильнѣе. Абони-

ровавшаяся публика состояла вся изъ высшаго петербургскаго общества, которое тогда даже рѣже нынѣшняго посѣщало русскіе спектакли, потому что никогда и между собою не говорило порусски. Теперь, будучи принуждено смотрѣть и національные спектакли, оно, во-первыхъ, нѣсколько познакомилось съ русскою литературою, а, во-вторыхъ, увидѣло, что на нашей сценѣ много отличныхъ, первоклассныхъ дарованій. Актеры же съ своей стороны чувствовали, что зрители ихъ уже не тѣ гостинодворцы и чиновники средняго сословія, которые имъ за все хлопаютъ и вызываютъ, и стали облагораживать свою игру, стараясь придать ей совокупность французскихъ спектаклей. Это былъ самый блистательный періодъ существованія русской труппы, и блескомъ тѣмъ, конечно, обязана она счастливой мысли князя Тюфякина.

Вскорѣ французская труппа усилилась: явилась пѣвица Фились (дочь знаменитой Фились-Андріе); первая любовница, Денись-Туссенъ (дочь Мезьера), обворожала всѣхъ своею прелестною игрою; прибылъ теноръ Жено и имѣлъ величайшій успѣхъ; наконецъ пріѣхала пѣвица Данжевилъ, и составила очень хорошая комедія и комическая опера.

Такимъ образомъ спекуляція удалась. Возможность существованія французской труппы безъ пособія отъ казны была доказана, и, кромѣ того, отъ этого предпріятія чрезвычайно много выигралъ русскій театръ. Это принесло честь тому, кто придумалъ и исполнилъ такую комбинацію.

Впрочемъ, не надобно забывать, что князь Тюфякинъ надбавилъ всѣ цѣны въ театрахъ (кромѣ мелочныхъ мѣст) — и кресла изъ 2 рублей 50 коп. вдругъ поднялись на 5 рублей ассигн. Тогда эта цѣна казалась очень дорогою, и въ первое время кресла часто бывали пусты. Мало-по-малу привыкли къ этому.

Много было тогда ропота, а между тѣмъ театры были полны. Пріѣхалъ знаменитый Дидло, и балетъ нашъ ожилъ. Дидло былъ гениальный человѣкъ по своей части. Онъ создавалъ все вокругъ себя, и все было превосходно. До тѣхъ поръ дирекція всегда старалась поддерживать балетную труппу дорогими иностранными танцорами и танцовками. Дидло объявилъ, что онъ изъ русскихъ воспитанниковъ и воспитанницъ сдѣлаетъ первоклассные европейскіе таланты, и сдержалъ слово. Истомина, воспитанница Пушкинымъ, Новиккая, Никитина — были въ главѣ первой фаланги нашихъ отличныхъ танцовщицъ, а, нѣсколько лѣтъ спустя, явились Зубова, Телешова, Азаревичева, Шелиховъ, Гольцъ и множество другихъ, которые и возвели дашъ балетъ на первую степень европейской славы. Знаменитая пантомимная танцовщица Колосова и Огюсть, Эбергардъ, комикъ Андре составляли тогда блистательную плеяду, и балеты Дидло, исполненные поэзіи и драматическаго интереса, могли считаться образцовыми въ хореографіи. Первыми его произведеніями

на нашей сценѣ были: «Зефиръ и Флора», «Амуръ и Галатея», «Тезей и Ариадна», но болѣе всѣхъ имѣлъ тогда успѣхъ «Рауль де Креки», выдержавшій до ста представлений, принося всегда полные сборы; а между тѣмъ монтировка его стоила только 5,000 рублей ассигнаціями.

Князь Тюфякинъ былъ слишкомъ хорошій хозяинъ, чтобъ тратить много денегъ на балеты, и однако же я помню, что Хензи и Тао (сюжетъ Земиры и Азора въ китайскихъ костюмахъ) стоилъ до 20,000 рублей ассигнаціями. Его поставили къ 30 августа. Тогда былъ обычай при театрѣ непременно ставить новый балетъ или оперу къ этому дню. (Между прочимъ дана была 30 августа 1817 года опера Боальдье «Красная шапочка», имѣвшая чрезвычайный успѣхъ по прекрасной монтировкѣ ея и обстановкѣ. Н. С. Семенова играла «Красную шапочку», подругу ея — г-жа Сосницкая, Самойловъ—главную роль обольстителя, Климовскій—перваго любовника, а Зловъ—пустынника). И что жъ? Балетъ совершенно упалъ, и по собственной винѣ самого Дидло. Перемѣны декораций дѣлались тогда по свистку, и свистокъ этотъ былъ въ рукахъ балетмейстера. А чтобъ машинисты лучше могли приготовиться къ каждой чистой перемѣнѣ (*changement à vue*), онъ условился давать имъ по два свистка, то-есть первый для приготовленій, а второй для дѣйствія. Увы! Въ жару авторскихъ и балетмейстерскихъ заботъ онъ забылъ, что при одной перемѣнѣ дали уже повѣстку,—и свистнулъ для приготовления. Все вдругъ поднялось, а Антоненъ (первый танцоръ) очень усердно выплясывалъ еще свое па и остался на сценѣ. Танцоры, знавшіе, кому слѣдуетъ явиться послѣ перемѣны, выбѣжали на сцену, а Дидло, забывъ, что онъ передъ публикою и во время спектакля, выбѣжалъ на сцену и кричалъ имъ, что это ошибка. Сгоряча далъ онъ еще свистокъ, и съ той минуты всѣ декорации уже перепутались, и представленіе кончилось въ величайшемъ безпорядкѣ. И князь Тюфякинъ и Дидло были въ отчаяніи. Первый сожалѣлъ объ издержанныхъ на балетъ 20,000, а второй о паденіи прекраснаго балета. Оба были не правы; балетъ со второго представленія имѣлъ большой успѣхъ, выдержалъ очень много повтореній, принесъ много сборовъ, а слава Дидло еще болѣе возвысилась.

Изъ иностранныхъ танцоровъ былъ тогда только Антоненъ, выписанный княземъ Тюфякинымъ и получавшій 25,000 рублей ассигнаціями,—тогда это почиталось огромною суммою. Черезъ три года замѣнилъ его Веланжъ уже за 20,000. Но вообще въ продолженіе хореографическаго періода Дидло очень мало обращали вниманія на танцы. Публика требовала тогда въ балетахъ содержанія, интереса, однимъ словомъ пьесы. Рауль де Креки былъ почти весь изъ пантомимныхъ сценъ, и однако же чрезвычайная занимательность сюжета и отличное дарованіе Колосовой, Огюста замѣняли всѣ танцы. Венгерская хижина (исторія бѣгства графа Рагоцкаго

отъ австрійцевъ) заставляла тогда всю публику плакать трогательными сценами съ ребенкомъ. Въ этомъ балетѣ Дидло выставилъ свою новую превосходную ученицу Лихутину, отличавшуюся, какъ въ пантомимахъ, такъ и танцахъ. Этотъ балетъ принесъ огромные сборы, а стоилъ 1,500 рублей ассигнаціями на монтировку.

Вообще періодъ Дидло можно почесть самымъ блистательнымъ въ существованіи нашей балетной труппы. Когда мы будемъ говорить объ эпохѣ Маріи Тальони, то скажемъ, конечно, что балетъ еще болѣе возвысился, но онъ уже былъ тогда не нашъ. Это былъ метеоръ, блеснувшій на время, чтобъ оставить насъ потомъ надолго въ темнотѣ, да и стойвшій слишкомъ долго.

Вообще, періодъ театральнаго управленія князя Тюфякина можно считать апогеемъ всѣхъ труппъ (кромя французской). Въ русской трагедіи была тогда во всей силѣ своего высокаго дарованія знаменитая К. С. Семенова, поддерживавшая весь классическій репертуаръ. Меропа, Семирамида, Танкредъ, Гоэолия, Медея, Ифигенія въ Авлидѣ—производили тогда всеобщій восторгъ, и хотя въ этомъ періодѣ театръ лишился Яковлева, но сперва исполнялъ его роли съ большимъ успѣхомъ Брянской, а въ концѣ періода (въ 1820 г.) явился и Каратыгинъ, болѣе тридцати лѣтъ составлявшій потомъ славу и украшеніе театра. Въ это же время вступила на сцену дочь знаменитой пантомимной танцовщицы Колосовой, Александра Михайловна Колосова,—сперва на роли молодыхъ принцессъ въ трагедіи, а потомъ уже замѣнившая въ комедіи г-жу Валберхову въ первыхъ роляхъ. Она потомъ вышла замужъ за трагика Каратыгина, и эта прекрасная чета составляла честь и славу русской труппы посреди множества эфемерныхъ явленій, мелькавшихъ около нихъ. Къ замѣчательнымъ артистамъ того времени принадлежитъ также и Борецкій. Помѣщикъ и дворянинъ (Пустошкинъ), онъ по страсти къ искусству вступилъ на сцену и дебютировалъ въ роли Эдипа въ Аѳинахъ. Никогда я не видалъ подобнаго успѣха при первомъ дебютѣ неопытнаго молодого человѣка. Къ сожалѣнію, онъ выше этой роли не пошелъ, хотя и сдѣлался однимъ изъ лучшихъ благородныхъ отцевъ нашей труппы.

Русская комедія стояла въ это время на самой блистательной точкѣ своего существованія. Сосницкой, Брянской—были тогда въ цвѣтѣ лѣтъ, силы и таланта. Валберхова и Колосова соперничали въ красотѣ и дарованіи, Асенкова была прелестнѣйшая субретка, Рамазановъ прекраснѣйшій комикъ и амплуа ливреи, Величкинъ, Боченковъ тоже играли съ успѣхомъ. Бобровъ, старинный актеръ, долго прозябавшій въ трагедіи, наконецъ попалъ на настоящее свое амплуа и занялъ роли первыхъ комиковъ, въ которыхъ отличался необыкновенною естественностью и простотою. Пономаревъ, тоже старый артистъ, былъ превосходенъ въ роляхъ подьячихъ и стряпчихъ, а Рахманова неподражаема въ своемъ амплуа комическихъ

старухъ. Наконецъ Сосницкая (блиставшая еще въ школѣ подъ именемъ Воробьевой, но вышедшая замужъ за перваго любимца публики, Сосницкаго, въ 1817 году) составляла тогда истинный бриллиантъ русской труппы, равно украшавшій комедію, оперу и водевиль. Тотчасъ же послѣ свадьбы играла эта прекрасная чета комедію Молодые супруги—Грибоѣдова, и подобнаго восторга мы никогда не видали въ театрѣ. Публика вполнѣ оцѣнила этихъ артистовъ, составившихъ рѣдкую чету, украшавшую нашу сцену цѣлые полвѣка. Однимъ словомъ русская комедія была тогда на той степени, до которой, можетъ быть, не достигнетъ опять черезъ сто лѣтъ. А главное достоинство ея состояло не въ однихъ превосходныхъ артистахъ, но въ прекрасномъ исполненіи пьесъ, съ тою сценическою совокупностію, безъ которой никакіе таланты не помогаютъ на сценѣ.

Русская опера была тоже въ это время въ своемъ зенитѣ. Лирическія оперы не вторглись еще къ намъ (одна «Весталка» восхищала тогда. Сперва Сандунова, потомъ Н. С. Семенова играла Юлію, Самойловъ—Лицинія, Зловъ—верховнаго жреца). Одна комическая, наиболѣе свойственная духу и вкусу русской публики, процвѣтала тогда и была исполняема съ удивительнымъ успѣхомъ. Самойловъ и Самойлова (блиставшая еще подъ именемъ Черниковой и вышедшая потомъ замужъ за Василя Михайловича) были тогда во всемъ цвѣтѣ лѣтъ и таланта. Сандунова, перешедшая съ 1813 года на петербургскую сцену съ московской, была, можетъ быть, единственною русскою примадонною въ лѣтописяхъ театра. Нимфодора Семеновна Семенова, прекраснѣйшая ученица Кавоса, выступила тогда на блистательное поприще, которое съ такою славою совершила, обворожая собою всю публику. Сосницкая имѣла и въ оперѣ такой же успѣхъ, какъ и въ комедіи. Климовскій (Иваницкій) прелестный теноръ, перешедшій изъ придворной капеллы на сцену; Карайкина (потомъ Лебедева), сохранившаяся еще въ свѣжести таланта отъ первой эпохи русской оперы; Зловъ, отличный басъ, перешедшій вмѣстѣ съ Сандуновой съ московскаго театра; Гуляевъ, буфъ, преемникъ Воробьева: всѣ эти лица составляли отличнѣйшую труппу, какую едва ли мы скоро опять увидимъ. Притомъ же тогда требовалось отъ оперъ, чтобъ онѣ были пьесами со смысломъ и занимательностію, а отъ играющихъ—чтобъ они пѣли, какъ могутъ, но чтобъ болѣе всего играли, и всѣ пѣвцы обязаны быть актерами. Какъ все это измѣнилось въ наше время!

Около этого же времени понесъ русскій театръ важную потерю. Шаховской по личнымъ неудовольствіямъ съ Тюфякинымъ вышелъ въ отставку, и молодые питомцы лишились своего отличнаго образователя, который, однако же, продолжалъ трудиться по литературной части для нашей сцены. Мѣсто его сперва занялъ переводчикъ «Весталки», дѣйствительный статскій совѣтникъ Волковъ, но

пробылъ только нѣсколько мѣсяцевъ и тоже вышелъ. Послѣ него поступилъ извѣстный тогда литераторъ Ѳ. Ѳ. Кокоскинъ, который по любви своей къ искусству былъ вполне на своемъ мѣстѣ. Но и онъ пробылъ недолго. Съ княземъ Тюфякинымъ трудно было ужиться. Послѣ него уже не было членовъ репертуарной части, а только помощники,—сперва П. А. Корсаковъ, много оказавшій услугъ театру и литературѣ, а потомъ Загоскинъ (извѣстный писатель романовъ и комедій), который перешелъ потомъ въ московскій театръ.

Такимъ образомъ Тюфякинъ могъ похвалиться, что въ его управленіе была лучшая русская и нѣмецкая труппа. Не доставало только составить такую же французскую (которая, впрочемъ, была уже довольно хороша). Это желаніе, вполне достойное хорошаго директора, послужило во вредъ ему.

Въ 1820 году, не надѣясь на своихъ парижскихъ корреспондентовъ, которые часто имѣли въ виду только личныя свои выгоды при выпискѣ актеровъ, онъ рѣшился самъ отправиться въ столицу Франціи для ангажированія лучшихъ талантовъ въ петербургскую труппу. На время своего отсутствія поручилъ онъ управленіе всѣми театрами старшему по себѣ, камергеру А. А. Майкову, бывшему управляющимъ московскимъ театромъ.

Я, какъ секретарь князя, долженъ былъ отправиться съ нимъ въ Парижъ. Но оставить свое семейство казалось мнѣ слишкомъ жестоко, и я объявилъ, что не могу согласиться на отъѣздъ. Это почти значило выходить въ отставку. Къ удивленію, Тюфякинъ послѣ первой вспышки не только согласился оставить меня въ Петербургѣ, но даже и перемѣститъ изъ нѣмецкаго театра въ русскій въ званіи помощника по репертуарной части (члена уже не было съ тѣхъ поръ), съ сохраненіемъ прочихъ должностей секретаря и переводчика и съ прибавкою 600 рублей жалованья. Всю жизнь помнилъ я эту черту князя.

Когда пріѣхалъ А. А. Майковъ, всѣ рѣшенія важныхъ вопросовъ посылались въ Парижъ, а по текущимъ дѣламъ распоряжался Майковъ.

Въ это время былъ генералъ-губернаторомъ въ Петербургѣ знаменитый герой 1812—1814 годовъ, графъ Милорадовичъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ и властію. Черты мужества его на поляхъ битвъ составили бы многіе томы рассказовъ. Откровенный и благородный характеръ вполне заслужилъ ему имя рыцаря безъ страха и упрека. Въ административныхъ дѣлахъ былъ онъ скоръ и рѣшителенъ. Въ частной жизни извѣстенъ своею любезностію и привязанностію къ прекрасному полу. Онъ очень любилъ театръ и театральныхъ, но при Тюфякинѣ не могъ имѣть вліянія на театръ. Съ отъѣздомъ его дѣло измѣнилось. А. А. Майковъ и Шаховской были старинные сослуживцы между собою и очень дружны. Съ первой же минуты отъѣзда Тюфякина Майковъ очень радъ былъ поль-

зоваться совѣтами опытнаго драматурга, который и въ отставку имѣлъ полное вліяніе на русскій театр; оба же они, конечно, почитали за честь и удовольствіе пріобрѣсти знакомство графа Мило-радовича.

Грустно было бы описывать подробности, посредствомъ которыхъ графъ получилъ убѣжденіе, что администрація театра идетъ самымъ несчастнымъ образомъ, и театральная школа содержится въ чрезвычайномъ безпорядкѣ. Для осмотра этого заведенія назначенъ былъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій. Оба они прибыли на другое утро въ 8 часовъ въ театральную школу. Тамъ никто не ожидалъ подобнаго посѣщенія. Дѣти только что встали; въ дортуарахъ царствовалъ величайшій безпорядокъ; простыни, одѣяла были грязныя, старыя, въ заплаткахъ; бѣлье на дѣтяхъ тоже; комнаты не чищены, не метены; вездѣ пыль, грязь и духота. Завтракъ дѣтей былъ самый бѣдный. Отправились на кухню, гдѣ готовили обѣдъ для школы. Тамъ тоже все было грязно, а запасовъ чрезвычайно недостаточно для продовольствія ста человѣкъ; однимъ словомъ, все было найдено въ самомъ дурномъ видѣ, и оба ревизовавшія лица сдѣлали объ этомъ самое вѣрное представленіе государю.

Результатомъ было увольненіе Тюфякина и назначеніе А. А. Майкова въ должность директора театровъ. Но, такъ какъ онъ представилъ, что получаемыми на содержаніе дирекціи суммами нельзя содержать театровъ въ приличномъ видѣ, и что вообще вся система управленія имѣетъ много недостатковъ, требующихъ измѣненія, то и назначенъ былъ комитетъ для составленія положенія объ управленіи театрами; а впредь до утвержденія этого положенія комитету поручено было главное управленіе по всѣмъ предметамъ, превосходящимъ власть директора.

Началась новая эпоха существованія театровъ. Какъ секретарь уволеннаго Тюфякина, я бы долженъ былъ искать себѣ другого мѣста. Каждый человѣкъ въ жизни, конечно, не разъ упрекалъ себя за сдѣланныя имъ ошибки; и я могу похвалиться, что, оставшись при театрѣ, сдѣлалъ большую ошибку, тѣмъ болѣе, что мнѣ предложилъ мѣсто Алексѣй Николаевичъ Оленинъ. Принося ему дань благодарности за его предложеніе, не могу не сказать нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, имѣвшемъ такъ много вліянія на современную литературу. Нынѣшнее поколѣніе нашихъ вельможъ слишкомъ официально. У всѣхъ бываютъ обѣды, балы, вечера, но все это дѣло условное, взаимнообязательное, официальное; о литературѣ нигдѣ не думаютъ и не говорятъ; она отодвинута въ средній классъ, гдѣ и должна прозябать, развиваясь собственными своими усиліями; слѣдственно, теперь едва ли поймутъ существованіе такого дома, какой былъ у А. Н. Оленина (а между тѣмъ тогда было такихъ нѣсколько).

Онъ былъ искренній, истинный любитель наукъ, художествъ и литературы. Онъ собиралъ вокругъ себя всѣхъ, которые сдѣлались чѣмъ либо извѣстны по этимъ частямъ, не чуждался даже начинающихъ юношей. У него въ дому развился огромный талантъ знаменитаго Крылова, и народный нашъ поэтъ многимъ обязанъ Оленину. У него начали свои литературные труды Гнѣдичъ, Озеровъ, Шаховской, Висковатовъ, Корсаковъ, Загоскинъ и другіе. У него собирались по вечерамъ всѣ любители, художники, писатели, и эти бесѣды, конечно, развивали въ каждомъ умственные способности, потому что тутъ было самое образованное общество. Оленинъ помогалъ каждому словомъ и дѣломъ. Онъ не заботился о пріобрѣтеніи популярности и славы мецената; нѣтъ, онъ просто любилъ искусства и науки отъ всей души и всячески старался о развитіи ихъ въ нашемъ отечествѣ. Онъ былъ добръ, ласковъ, снисходителенъ и охотно принималъ всѣ возраженія. Онъ вездѣ самъ отыскивалъ бѣдныхъ и неизвѣстныхъ писателей, чтобъ доставить имъ лучший кругъ дѣятельности и извѣстности. Однимъ словомъ, ему обязана современная литература всѣмъ своимъ блескомъ и процвѣтаніемъ. Много бы выиграли и театръ и литература, еслибъ почаще появлялись подобные меценаты!

И, однако, по долгу историка, долженъ я обнаружить и слабую сторону этого превосходнаго вельможи, болѣе принадлежавшую духу времени, нежели ему лично. Онъ былъ неумолимый классикъ и за чертою французскаго классицизма не признавалъ уже ничего хорошаго. Помню я, какъ Озеровъ написалъ свою прекрасную трагедію Эдипъ въ Аѳинахъ, и, разумѣется, она прежде всего была читана у А. Н. Оленина. Князь Шаховской, къ которому она поступила, какъ къ члену репертуарной части, былъ въ восторгѣ отъ пьесы, которая своими стихами произвела совершенный переворотъ въ русской драматургіи. До тѣхъ поръ знали мы только стихи Сумарокова и Княжнина. Вдругъ явился Эдипъ Озерова, и стихи его были настоящею музыкою, какой мы не слыхали. Литературная бесѣда, собиравшаяся у Оленина, тоже была въ восхищеніи отъ Эдипа и радовалась этому новому явленію. Но хозяинъ не одобрилъ 5-го акта. Авторъ, взявъ свой сюжетъ изъ французской лирической оперы Саккини, сохранилъ конецъ пьесы Софокла, гдѣ Эдипъ пораженъ громомъ. Подобное окончаніе не понравилось классическому ареопагу. Оленинъ требовалъ, чтобъ порокъ былъ наказанъ, а добродѣтель вознаграждена; а такъ какъ злодѣемъ по пьесѣ былъ Креонъ, то его и рѣшили приговорить къ смерти, вопреки исторіи, а Эдипа оставить въ живыхъ и въ торжествѣ. Сколько ни вздыхалъ Озеровъ, а принужденъ былъ уступить этому странному требованію, и 5-й актъ былъ передѣланъ. Къ чести Шаховскаго должно прибавить, что онъ одинъ защищалъ развязку Софокла, и за то, когда впоследствии самъ рѣшился оставить узкую колею класси-

пизма, поссорился съ классиками дома Оленина и не возилъ уже своихъ пьесъ предварительно на судъ ихъ.

Подобную же и еще важнѣйшую историческую ошибку заставилъ Оленинъ сдѣлать Шаховскаго въ оперѣ Иванъ Сусанинъ. И тамъ классикамъ не понравилось, что Сусанинъ въ концѣ умираетъ, и убѣдили автора оставить его въ живыхъ.

XVI.

Члены театральнаго комитета.— Милорадовичъ въ Екатеринбургѣ.— Шаховской на дачѣ Рика.— Анекдоты о Милорадовичѣ.— Танцорка Зубова.

Такимъ образомъ учрежденъ былъ подъ предсѣдательствомъ графа Милорадовича комитетъ для составленія правилъ новаго управленія театровъ. Членами комитета были: шталмейстеръ князь В. В. Долгоруковъ, гофмейстеръ графъ П. И. Кутайсовъ и извѣстный драматургъ князь Шаховской. На послѣдняго и возложена была обязанность составленія правилъ и штата новаго управленія, какъ на человѣка, наиболѣе опытнаго въ театральныхъ дѣлахъ. Шаховской, какъ драматургъ и учитель драматическаго искусства, оцѣненъ уже вполне потомствомъ, а, какъ человѣка, мы не будемъ осуждать его: онъ и безъ того много имѣлъ враговъ. Правъ онъ былъ, или нѣтъ, разсудить исторія. Если и я попеременно то былъ покровительствуемъ княземъ, то гонимъ имъ, не менѣе того я помню одно добро и отдаю ему полную справедливость въ прекрасномъ его литературномъ дарованіи. Кутайсовъ, потомъ членъ государственнаго совѣта, искренно любилъ театръ и вообще художества и литературу; онъ всегда покровительствовалъ талантамъ, старался дать имъ ходъ, сдѣлалъ много добра, и всѣ, знавшіе его, вспоминаютъ о немъ съ благодарностію. Я лично обязанъ ему быть многимъ.

Разумѣется, съ самыхъ первыхъ дней существованія комитета оказалось, что онъ весь сосредоточенъ въ лицѣ графа Милорадовича, и что директоръ театра вполне въ его распоряженіи. Всѣ дѣйствія по управленію представлялись комитету, но рѣшалъ ихъ одинъ графъ и въ случаѣ какихъ либо возраженій или замѣчаній прочихъ членовъ объявлялъ высочайшую волю, какъ генералъ-губернаторъ, облеченный довѣренностію монарха. Впрочемъ, подобныя возраженія рѣдко и случались; только однажды, когда первая актриса русской труппы Колосова имѣла неудовольствіе и ссору съ А. А. Майковымъ, и тотъ представилъ объ этомъ комитету, и когда два члена, Милорадовичъ и Шаховской, объявили, что ее надобно уволить вовсе отъ службы, — то два остальные члена, Долгоруковъ и Кутайсовъ, объявили свое несогласіе на это рѣше-

ніе. Составился журналъ (я составлялъ его), и графъ Милорадовичъ сообщилъ на другое утро высочайшее повелѣніе, чтобъ исполнить по рѣшенію старшаго члена. Колосова была уволена и уже послѣ кончины Милорадовича принята опять на службу съ зачисленіемъ прежнихъ дѣлъ.

При комитетѣ былъ, разумѣется, правитель канцеляріи, и послѣ кратковременнаго опредѣленія двухъ лицъ, ходатайствомъ князя Шаховского, назначенъ былъ я на это мѣсто, съ оставленіемъ при всѣхъ своихъ прежнихъ должностяхъ.

Это заставило меня бывать ежедневно у графа и прочихъ членовъ. Всѣ дѣла, разумѣется, рѣшались у Шаховского, гдѣ графъ ежедневно бывалъ по вечерамъ, а если графъ и получалъ лично какія либо жалобы или представленія, то посылалъ меня всегда узнать объ этомъ мнѣніе Шаховского. Впрочемъ, и другіе два члена были очень ко мнѣ милостивы, и я съ удовольствіемъ вспоминаю, какъ въ одно засѣданіе комитета, къ которому приглашенъ былъ министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде для обсужденія дѣла о выпискѣ итальянской труппы, долженъ я былъ составить тутъ же (*séance tenante*) журналъ для подписанія присутствующихъ, Кутайсовъ (онъ въ особенности занимался редакціей журналовъ) былъ очень доволенъ быстротою и ясностію моего изложенія и рекомендовалъ меня графу Нессельроде.

Князь В. В. Долгоруковъ былъ ближайшимъ родственникомъ уволеннаго князя Тюфякина и продолжалъ вести съ нимъ дѣятельную переписку. Тюфякинъ рекомендовалъ меня своему родственнику, и я пользовался сначала особеннымъ расположеніемъ Долгорукова.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи положеніе мое было затруднительно. Я былъ искренно привязанъ къ Тюфякину и не могъ въ глубинѣ сердца простить тѣмъ, которые содѣйствовали его увольненію (Милорадовичъ, Шаховской и Майковъ). Кромѣ добросовѣстнаго исполненія служебныхъ обязанностей, я, какъ солдатъ 1812—1814 годовъ, невольно привлеченъ былъ къ графу Милорадовичу военною его славою. Теперь же, увидѣвъ изъ ежедневныхъ опытовъ все благородное прямодушіе этого рыцаря безъ страха и упрека, вполне покорился этому вліянію и увѣрился, что даже по дѣлу Тюфякина графъ дѣйствовалъ по убѣжденію и великодушному побужденію; а если его другіе обманули, то кто же въ жизни своей не былъ обманутъ! Переживъ всѣхъ этихъ дѣйствующихъ лицъ, я могу сказать, что и тѣ, которые ввели Милорадовича въ заблужденіе, не надолго воспользовались своимъ торжествомъ: судьба ихъ кончилась незавиднымъ образомъ.

Для меня лично было очень лестно ежедневно бывать у графа, который былъ со мною чрезвычайно ласковъ и откровененъ, вѣроятно, болѣе по сочувствію къ раненому солдату, нежели къ правителю канцеляріи театральнаго комитета. Въ это самое время графъ

предпринялъ пересоздать Екатерингофъ. До тѣхъ поръ состоялъ онъ изъ грязно-песчаного сосноваго и еловаго лѣса, въ которомъ уединенно стоялъ старинный дворецъ Петра I, и въ которомъ только 1 мая и въ Троицынъ день было гулянье, а въ прочіе праздники изрѣдка заглядывали коломенскіе жители, или купеческіе сынки отправлялись въ трактиръ подъ елками (въ слободѣ). Графъ Милорадовичъ вздумалъ сдѣлать изъ Екатерингофа англійскій паркъ съ прудами, цвѣтниками, дѣтскими играми, каруселью и вокзаломъ. Это была благодѣтельная мысль для всего коломенскаго населенія, и, конечно, всѣ гуляющіе радовались ея осуществленію.

Окончивъ свои утреннія служебныя занятія, графъ ежедневно отправлялся въ Екатерингофъ, бралъ меня съ собою въ коляску, и послѣ осмотра работъ заходилъ къ Шаховскому, жившему тамъ на дачѣ барона Раля. (Это была первая дача отъ поворота съ Обводнаго канала). У князя жили тогда на дачѣ самыя талантливыя воспитанницы театральнаго школы, готовившіяся къ выпуску, и онъ обучалъ ихъ драматическому искусству. Тамъ были тогда: Дюръ (которой талантъ Шаховской очень уважалъ, и для которой онъ писалъ всѣ лучшія роли своихъ пьесъ. Она потомъ вышла замужъ за Каратыгина 2, но вскорѣ скончалась отъ чахотки, въ цвѣтѣ лѣтъ и таланта), К. Телешова, отличная танцовщица и любимица Милорадовича, Зубова, первая демихарактерная танцовщица и любимица Дидло, Н. Азаревичева, первая танцовщица въ серьезномъ родѣ, М. Азаревичева, прелестная драматическая актриса, М. Телешова, изъ балетныхъ корифеекъ, Монруа (потомъ по замужеству Шелихова, прелестнѣйшая пѣвица, долго блиставшая на нашей сценѣ), Строгонова, одаренная прекраснымъ контральто. Надобно замѣтить, что Телешова и Азаревичева принадлежали къ семейству Шаховскаго и директора Майкова; прочія же помѣщены были въ этомъ лѣтнемъ жилищѣ во вниманіе къ ихъ талантамъ.

Здѣсь-то графъ оставался обѣдать и проводилъ свои вечера, присутствуя при урокахъ воспитанницъ и любуясь развивающимися ихъ дарованіями. Извѣстно, что никто изъ высокихъ лицъ не можетъ въ жизни сдѣлать ни шагу, чтобъ толпа не перетолковала его. И тутъ много было толковъ объ этой дачѣ Шаховскаго; можемъ увѣрить, что всѣ эти толки и слухи были пустою клеветою. Во все время пребыванія тамъ графа не только не было ничего предосудительнаго, но даже не было сказано ни одного слова неприличнаго. Графъ былъ любезенъ, милъ, шутилъ со всѣми, избрѣталъ для дѣвицъ костюмы, туалеты, прически, но тѣмъ все и кончалось. (Были тамъ вовсе другія продѣлки, которыхъ, конечно, ни Шаховской, ни графъ не знали. Толпа волокитъ осаждала по вечерамъ заборы дачи, и сквозь рѣшетки происходили разные переговоры, размѣнъ писемъ—и все, что можно было). Чаще всего занимался графъ разговорами съ немногими гостями, собиравшимися

у князя, о литературѣ, о театрѣ, а иногда (гости всегда просили князя обратить разговоръ на этотъ предметъ) рассказывалъ графъ разные эпизоды своей военной жизни. Это было истинное наслаждение для слушателей. Нельзя вообразить себѣ ничего любопытнѣе и пріятнѣе этихъ разговоровъ. Графъ умѣлъ придавать имъ чрезвычайную оригинальность и занимательность, и хотя вездѣ видно было, что онъ играетъ главное лицо въ событіяхъ, но скромность и простота, свойственныя истинному герою, совершенно устраняли всякую мысль о хвастовствѣ или преувеличеніи. Бывши свидѣтелемъ этихъ рассказовъ, я много почерпнулъ изъ нихъ анекдотовъ, помѣщенныхъ мною потомъ въ моихъ романахъ. Изъ рассказовъ его видно было, какою довѣренностію графъ пользовался и какое сильное вліяніе имѣлъ тогда при дворѣ. Дѣйствія его всегда были скоры и рѣшительны. Вотъ нѣсколько случаевъ.

Я уже рассказалъ объ увольненіи отъ службы первой драматической актрисы Колосовой. Подобной же участи едва не подвергся и первый актеръ Каратыгинъ. Однажды былъ спектакль въ театральной школѣ, и Каратыгинъ во время антракта сидѣлъ въ другой залѣ на лавкѣ, разговаривая и болтая ногами. Въ эту минуту пришелъ директоръ Майковъ, всѣ встали, одинъ Каратыгинъ остался въ прежнемъ положеніи. Майковъ оскорбился этимъ невниманіемъ, подошелъ къ нему и спросилъ: почему онъ не всталъ по примѣру другихъ? — Потому что я здѣсь не по службѣ и не на службѣ, — отвѣчалъ Каратыгинъ: — я приглашенный гость. (Дѣйствительно, первыхъ актеровъ всегда приглашали на школьные спектакли). Майковъ рассказалъ это графу Милорадовичу, и тотъ отправилъ Каратыгина подъ арестъ.

Одинъ изъ молодыхъ людей извѣстной фамиліи, служившій при Сперанскомъ и занимавшійся литературою, напечаталъ водевиль «Статья изъ газетъ», на заглавномъ листѣ котораго была представлена сцена изъ этой піесы, какъ книгопродавецъ кланяется автору. Съ намѣреніемъ ли это было сдѣлано, или случайно оказалось, но авторъ былъ очень похожъ на Шаховского, а книгопродавецъ на г. Майкова, а потому, по жалобѣ послѣдняго, автора тоже Милорадовичъ отправилъ подъ арестъ.

Одинъ изъ зрителей вздумалъ однажды въ театрѣ шикать актрисѣ Ежовой (пользовавшейся особеннымъ и долготѣннымъ покровительствомъ князя Шаховского), и такъ какъ оказалось, что онъ иностранный подданный, то Милорадовичъ выслалъ его за границу.

Наконецъ, однажды одинъ французскій актеръ (Атрюксъ) сказалъ мнѣ неучтивость, и я по праву служебной власти оставилъ его подъ арестомъ и донесъ объ этомъ директору. Но такъ какъ онъ былъ у Шаховского, гдѣ находился тогда и Милорадовичъ, то долженъ былъ довести до его свѣдѣнія это происшествіе. Графъ тотчасъ же послалъ приказаніе, что если Атрюксъ не выпросить у

меня прощенія, то отправить его подъ арестъ. Разумѣется, я отпустилъ его домой.

Впрочемъ, если въ наказаніяхъ противъ всякаго нарушенія порядка службы и общественныхъ условій графъ былъ строгъ и рѣшительнъ, то столько же послѣшно помогать всякому нуждающемуся. Всѣ бѣдные въ городѣ находили у него всегда вѣрное пособіе. Болѣе всего любилъ онъ помогать увѣчнымъ воинамъ и служащимъ солдатамъ за строгое исполненіе долга. Помню однажды, что онъ изъ кресель пошелъ въ антрактъ на сцену, и я шелъ за нимъ. Вдругъ часовой, стоявшій у дверей, отдавъ ему честь, преградилъ ему путь и не пустилъ.—Да знаешь ли ты меня?—спросилъ графъ. — Какъ не знать графа Милорадовича. — Ну, такъ я имѣю право идти на сцену; я тамъ начальникъ. — Не могу знать, а никакого военнаго не велѣно пропускать (графъ же и отдалъ это приказаніе).

Спросивъ солдата о ротѣ его и имени, обратился онъ ко мнѣ и велѣлъ дать ему 10 рублей, а самъ пошелъ съ театральнаго подъѣзда, чтобъ не нарушать порядка. Но на другой же день сообщено коменданту, чтобъ генераль-губернатора пускать на сцену.

Онъ былъ чрезвычайно снисходителенъ ко всѣмъ подчиненнымъ и принималъ участіе во всѣхъ ихъ семейныхъ дѣлахъ. Однажды, обѣдая у содержателя театральной типографіи, Похорскаго, онъ узналъ объ одномъ процессѣ (по завѣщанію Глазунова), по которому дѣти были лишены наслѣдства въ пользу другихъ родственниковъ, и тотчасъ же исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе имѣніе отдать законнымъ наслѣдникамъ (дѣтъ черезъ 10 процессъ возобновился, и имѣніе снова поступило во владѣніе побочной линіи).

Занимаясь ежедневно со мною театральными дѣлами, графъ употреблялъ меня иногда и по другимъ частямъ своего управленія. Помню, какъ въ первый разъ заставилъ онъ меня вдругъ писать подъ его диктовку къ кому-то изъ значительныхъ лицъ письмо. Увѣренный, что потомъ онъ велитъ отдать его для переписки въ канцелярію, я писалъ кое-какъ по примѣру всѣхъ черновыхъ, стараясь только, чтобъ переписчикъ разобралъ мою руку. Вдругъ по окончаніи графъ взялъ перо и подписалъ письмо. Я замѣтилъ, что писалъ черновое наскоро. Онъ взглянулъ и нашелъ, что разобрать можно, и велѣлъ отправить. Съ тѣхъ поръ я уже зналъ, что черновой отпускъ списывается послѣ подписанія, и что все диктованное тутъ же подписывается.

Графъ былъ весьма образованный человѣкъ, но какъ родомъ сербъ и воспитанный во время Екатерины II, то-есть когда главное воспитаніе состояло во французскомъ языкѣ,—гораздо лучше зналъ послѣдній, нежели русскій, и всѣ обороты, фразы наполнены были галлицизмами. Я рѣшился передать свои грамматическія замѣчанія

Шаховскому, прося его совѣта, и онъ однажды нарочно при мнѣ завелъ рѣчь о галлицизмахъ и упомянулъ, что въ письмахъ графа часто они встрѣчаются. «Это ужъ дѣло моихъ секретарей,— отвѣчалъ графъ.— Они обязаны писать посвоему. Я диктую только мысль и сущность дѣла». Дѣйствительно, я узналъ, что и прочія лица, писавшія подъ диктовку его, ловили только смыслъ фразъ и укладывали ихъ въ грамматическія формы. Я послѣдовалъ этому при- мѣру, и графъ всегда былъ доволенъ этими перемѣнами.

Слогъ графа былъ наполеоновскій, то-есть отрывистъ и не много- словенъ. Послѣ каждой фразы точка. Всѣ сравненія сильны, рѣзки, рѣшительны и краснорѣчивы. Въ разговорахъ же онъ часто употреблялъ французскія фразы, затрудняясь пріисканіемъ равносиль- ныхъ русскихъ.

Когда лѣтнее пребываніе на дачѣ князя Шаховского кончилось, воспитанницы, жившія тамъ, выпущены были изъ школы и нѣко- торыя изъ нихъ тотчасъ же воспользовались своею свободою; но большая часть продолжала являться попрежнему къ Шаховскому по вечерамъ, чтобъ не терять расположенія графа, который по- прежнему болѣе другихъ отличалъ танцовщицу Телешову. Уже пол- года спустя, понравилась ему чрезвычайно Вѣра Зубова, и ножка танцовки этой была не только срисована у него въ кабинетѣ, но и скульптурное изображеніе ея лежало на письменномъ столѣ.

Однажды произошелъ у меня съ графомъ весьма любопытный разговоръ, доказывающій, какъ онъ заботился о здоровьѣ первыхъ сюжетовъ.

Окончивъ обыкновенный докладъ по театральному комитету, онъ вдругъ спросилъ меня: есть ли при дирекціи хорошій и скромный врачъ?

— Докторъ Мауне очень опытный и ученый медикъ,— отвѣчалъ я.

— Но мнѣ нужно, чтобъ онъ умѣлъ вывѣдать всѣ подробности и передалъ ихъ вамъ (онъ никому не говорилъ ты, кромѣ служи- телей), а вы мнѣ донесите объ этомъ сегодня же.

— Слушаю, ваше сіятельство.

— Но смотрите, вы мнѣ отвѣчаете за него. Я не люблю бол- туновъ.

— Я могу за него ручаться, и приказаніе ваше будетъ вы- полнено.

— Такъ отправьте его, пожалуйста, сейчасъ къ Зубовой. Я сто- роною узналъ, что она нездорова, и хочу знать, какого рода эта болѣзнь, но хочу знать навѣрно,— понимаете?

— Понимаю, ваше сіятельство... Только позвольте мнѣ съ Мауне ѣхать вмѣстѣ. Я гораздо болѣе имѣю вліянія на этихъ танцовщицъ и привыкъ по службѣ и семейнымъ дѣламъ говорить съ ними безъ церемоній. Отъ меня онѣ не скрываютъ ничего.

— Будто бы? Ну, если такъ,— тѣмъ лучше. Поѣзжайте, но

повторяю вамъ, что я не хочу огласки. У нея горячая голова. Она напумитъ и разсердится. Будьте осторожны... и сегодня же отвѣтъ.

Я отправился и взялъ съ собою доктора, хотя заранѣе зналъ, что присутствіе его не нужно. Мудрено было бы описать мой разговоръ съ Зубовой. Она дѣйствительно была пылкого нрава, и мое порученіе разсердило ее сперва. Но мало-по-малу она успокоилась и расхохоталась. Я узналъ все, что было нужно для графа, и слѣшилъ къ нему съ донесеніемъ.

Онъ не выѣзжалъ, чувствуя себя нездоровымъ, и съ видимымъ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ждалъ нашего возвращенія (я привезъ и доктора). Мой отвѣтъ не только успокоилъ его, но даже обрадовалъ. Онъ разспрашивалъ и у доктора о разныхъ примѣтахъ и былъ очень доволенъ, что подозрѣнія его были неосновательны. Танцовка не находилась нисколько въ «исключительномъ» положеніи.

XVII.

Пожаръ новаго театра. — Слѣдствіе по этому дѣлу. — Якубовичъ. — Новое царствованіе.

Съ открытіемъ Большого театра начали строить нынѣшній Александринскій, вмѣсто бывшаго Малаго театра; но такъ какъ въ столицѣ нужна была еще сцена для прочихъ труппъ, то графъ Милорадовичъ построилъ въ самое короткое время очень красивый театръ у Чернышева моста, фасадомъ на Фонтанку (гдѣ теперь зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ). Театръ этотъ освѣщался газомъ, и заводчикъ Бергъ взялся за эту новизну. На масляницѣ открыли театръ, а на первой недѣлѣ поста онъ сгорѣлъ.

Сперва подозрѣніе въ несчастіи пало на газъ, но оказалось, что по случаю закрытія театра на весь великій постъ не было въ зданіи газопроводовъ, и даже нѣсколько дней онъ не освѣщался. Произведено было слѣдствіе подъ предсѣдательствомъ оберъ-полицеймейстера Гладкова. Производителемъ былъ слѣдственный приставъ Саріотти, а я депутатомъ отъ дирекціи. Оказалось, что огонь начался отъ треснувшей печки; но такъ какъ театръ былъ строенъ архитекторомъ, рекомендованнымъ однимъ изъ членовъ театральнаго комитета княземъ Долгорукимъ, то послѣдній и старался убѣдить производителя дѣла оправдать архитектора, а обвинить по слѣдствію зрителя сгорѣвшаго театра Гайдукова въ нерадѣніи. Это желаніе не могло быть выполнено. Милорадовичъ не хотѣлъ, чтобъ обвиненъ былъ кто либо изъ театральныхъ, и ежедневно самъ слѣдилъ за ходомъ дѣла, разспрашивая меня обо всѣхъ подробностяхъ слѣдствія и получая вседневныя донесенія отъ оберъ-полицеймейстера. Подобные же разспросы дѣлалъ мнѣ и членъ, защищавшій архитектора, всячески стараясь оправдать его. Все это произвело

непріятныя столкновенія, въ которыхъ, разумѣется, долженъ былъ пострадать я, какъ маленькое посредничающее лицо. Графъ Милорадовичъ, узнавъ о проискахъ противной партіи, рѣшился вдругъ прекратить ихъ и однажды утромъ продиктовалъ мнѣ докладную записку государю объ окончаніи слѣдствія и со своимъ мнѣніемъ по этому дѣлу, строго запретивъ мнѣ сказывать кому либо о своемъ рѣшеніи.

Но въ тотъ же день потребовалъ меня къ себѣ и другой членъ для разспросовъ, а я долженъ былъ отвѣчать, что ничего не знаю. На другое утро объявлена была графомъ воспослѣдовавшая высочайшая резолюція на его докладѣ. Вскорѣ потомъ Долгоруковъ досталъ самый докладъ и увидѣлъ, что онъ писанъ мною; этого довольно было, чтобы начать противъ меня на всю жизнь самое постепенное и систематическое гоненіе, имѣвшее самыя вредныя для меня послѣдствія. Со своей точки зрѣнія онъ былъ правъ, полагая, что я для него долженъ былъ жертвовать собою. Я же остался при мысли, что долгъ службы требовалъ безусловной покорности высшему начальнику. Даже еслибъ я могъ предвидѣть будущее, а именно, что черезъ годъ не будетъ графа въ живыхъ, то и тогда не рѣшился бы нарушить его приказаніе, и почиталъ себя совершенно правымъ.

Театральный комитетъ усиленъ былъ въ это время еще однимъ членомъ Столыпинымъ (считая московскаго генераль-губернатора князя Д. В. Голицына, имѣвшаго тогда главный надзоръ за московскимъ театромъ, какъ Милорадовичъ за петербургскимъ, въ комитетѣ было шесть членовъ). Столыпинъ дѣятельно принялся за преобразованія, но всѣ эти усилія разныхъ начальниковъ съ одинаковою властію были похожи на басню Крылова Лебедь, Щука и Ракъ. Единства цѣли и совокупности не было; при томъ одно слово Милорадовича давало ему перевѣсъ во всемъ. Когда собирався комитетъ,—графъ, занятый другими дѣлами, сидѣлъ въ халатѣ, курилъ трубку и говорилъ, что онъ будетъ на все согласенъ съ большинствомъ прочихъ членовъ, а потомъ, оставшись одинъ, вдругъ перемѣнялъ то или другое рѣшеніе.

Наступилъ бѣдственный 1825 годъ. Никто не воображалъ предстоящаго переворота. Милорадовичъ полновластно управлялъ театрами, исходатайствовалъ имъ прибавку въ 200,000 рублей ассигнаціями къ содержанію (100,000 изъ городской думы, а 100,000 изъ государственнаго казначества, всего же съ прежними составилось до 600,000 рублей). Штатъ о правленіи театрами былъ уже составленъ Шаховскимъ и внесенъ на высочайшее утвержденіе (судьба отдала это утвержденіе еще на два года), а директоръ Майковъ все еще былъ чѣмъ-то временнымъ и неопредѣленнымъ, живя въ одной комнатѣ Большого театра.

Въ числѣ всѣхъ ежедневныхъ, незначущихъ событій помню я въ 1825

году свадьбу русскаго актера Воротникова, жившаго въ зданіи театральной школы. Гр. Милорадовичъ былъ, разумѣется, на этой свадьбѣ и даже посаженнымъ отцемъ. Въ числѣ гостей былъ офицеръ, пріѣхавшій съ Кавказа, Якубовичъ, о храбрости котораго много тогда говорили. Зная его по литературнымъ трудамъ, я впервые увидѣлъ его на этомъ праздникѣ и, познакомясь тутъ, хотѣлъ разспросить его объ этнологіи и жизни Кавказа. Къ сожалѣнію моему, Милорадовичъ подозвалъ его къ себѣ и почти весь вечеръ проговорилъ съ нимъ: до того рассказы Якубовича были занимательны и краснорѣчивы. Меня посадили играть въ карты, и я уже больше не видалъ Якубовича. Могъ ли я вообразить себѣ, что черезъ нѣсколько недѣль это будетъ одинъ изъ главныхъ корифеевъ 14 декабря? Самъ графъ, конечно, также мало предчувствовалъ, что разговариваетъ съ однимъ изъ шайки будущихъ его убійцъ. Уже долго послѣ горестнаго событія вспоминалъ я многія фразы, вырывавшіяся у Якубовича; и тогда уже онѣ были понятны, а тутъ никто и не думалъ придавать имъ какой либо смыслъ, видѣть въ нихъ что нибудь, кромѣ молодечества полудикаго жителя горъ, привыкшаго къ рѣзкимъ фразамъ.

Вдругъ получено было ужасное извѣстіе о кончинѣ императора Александра I. Трудно теперь изобразить всеобщую горестъ; невозможно передать всеобщихъ чувствъ. Русскій народъ вообще любитъ своихъ государей; но Александръ благословенный умѣлъ пріобрѣсти родъ обожанія. Великія событія 1812 — 1815 годовъ были еще въ памяти народа, а личныя качества души императора обнаруживались подвигами его милосердія. Вся Россія ощутила ударъ, нанесенный извѣстіемъ о внезапной его кончинѣ.

Мы, маленькіе люди, ничего не знали о существованіи актовъ, о преемничествѣ въ пользу великаго князя Николая Павловича и полагали, что Константинъ Павловичъ будетъ императоромъ. Дѣйствительно, получено было приказаніе о присягѣ, и я помню, какъ при всеобщихъ слезахъ приводили къ присягѣ русскую труппу.

XVIII.

Назначеніе меня инспекторомъ русской труппы.—Каратыгины.—Итальянская и русская опера.—Вторженіе романтизма.—Оцѣнка пьесъ.—Ариостоменъ.

Въ театральномъ управленіи произошелъ совершенный переворотъ. вмѣсто Милорадовича сдѣланъ былъ предсѣдателемъ комитета В. В. Долгоруковъ. Шаховской былъ уволенъ (и въ указѣ было сказано, что онъ увольняется для лучшаго устройства комитета). вмѣсто Майкова назначенъ писатель Остолоповъ. Для управленія хозяйственною частію конторы опредѣленъ членомъ Гемнихъ, а я

переименованъ инспекторомъ русской труппы. Каждый членъ комитета взялъ въ личное свое завѣдываніе отдѣльную труппу: Долго-руковъ французскую, Кутайсовъ русскую, Столыпинъ балетную. Вскорѣ послѣдній умеръ, а вмѣсто его назначенъ князь П. С. Гагаринъ.

Впослѣдствіи, когда и послѣдній кончилъ жизнь самоубійствомъ въ припадкѣ бѣлой горячки, — назначенъ былъ братъ его князь Сергѣй Сергѣевичъ и графы Михайло Юрьевичъ и Матвѣй Юрьевичъ Віельгорскіе, между которыми распредѣленіе частей театральнаго управленія измѣнялось часто. Сверхъ того, они понеѣдѣльно дежурили по общему управленію дирекціи и выдачѣ денегъ.

Каждый членъ лично былъ, конечно, одушевленъ искреннимъ желаніемъ добра и пользы, но всѣ вмѣстѣ не могли они имѣть единства цѣли и управленія. Я лично могу только сохранить память о добромъ расположеніи ко мнѣ Кутайсова, П. С. Гагарина и Михаила Юрьевича Віельгорскаго. Во время коронаціи Николая I оставался въ Петербургѣ для управленія театромъ Кутайсовъ: прочіе члены должны были присутствовать при церемоніалѣ. Графъ самъ составилъ прологъ, соотвѣтственный этому торжественному случаю, а мнѣ приказалъ написать стихи для пѣнія Аполлона (Самойлова) и хоровъ (онъ же написалъ потомъ программу балета Сумбека, или покореніе Казани, и Дидло поставилъ его на сцену съ большимъ успѣхомъ).

Деять мѣсяцевъ былъ театръ закрытъ по случаю траура, и въ это время финансовыя дѣла дирекціи нѣсколько поправились. Профаны, можетъ быть, подумаютъ, что это иронія, или мистификація; нѣтъ, это существенная истина. Театры дѣйствительно поправляются въ это время. Имъ отъ казны производится тогда все содержаніе и сборы со спектаклей, взятые среднимъ числомъ; расходовъ же на спектакли нѣтъ. А такъ какъ въ обыкновенное время бываютъ иногда такіе сборы, что не покрываютъ дневныхъ издержекъ, то очевидно, что гораздо выгоднѣе имѣть ежедневно половинный сборъ безъ всякихъ расходовъ, нежели иногда съ убыткомъ.

Составъ труппъ былъ тогда еще довольно блистательный. По русской труппѣ первую мѣрою новаго комитета было опредѣленіе опять на службу первой актрисы Колосовой, которая вскорѣ потомъ вышла замужъ за нашего перваго трагика Каратыгина. Это была отличная артистическая чета. Каратыгинъ, дебютировавшій въ маѣ 1820 года въ Фингалѣ, имѣлъ на своей сторонѣ всѣ физическія качества и образованность. Въ греческомъ костюмѣ, въ римской тогѣ, въ испанскомъ платьѣ, онъ былъ картиннымъ. Только варварскій нашъ фракъ никакъ не шелъ къ нему. Въ сценическомъ искусствѣ выросъ онъ въ лучшихъ традиціяхъ, и пока продолжался на русскомъ театрѣ классическій репертуаръ, Каратыгинъ день ото дня совершенствовался, сохраняя всѣ условія дикціи и изящныхъ формъ.

Но когда наступила мода на растрепанные мелодрамы, когда публика стала требовать однихъ эффектовъ, а не здраваго смысла и не пластическихъ красотъ; когда «Фингаль», «Ахиллесъ», «Неронъ», «Юдай», «Дмитрій Донской» должны были превратиться въ оборванныхъ героевъ парижской мелодрамы, то и Каратыгинъ принужденъ былъ плыть по теченію. Надобно имѣть слишкомъ сильную самостоятельность, чтобъ противиться общественному мнѣнію и вкусу. И Каратыгинъ, любившій свое искусство, какъ великій артистъ, еще болѣе любилъ рукоплесканія и похвалы. Можетъ быть, онъ часто въ глубинѣ души и чувствовалъ всю неосновательность требованій публики и упадокъ вкуса ея, но, вѣроятно, чувствовалъ себя слишкомъ слабымъ, чтобъ противиться всей публикѣ. И потому очень не многіе пуристы искусства могли упрекать его иногда въ томъ, что онъ для аплодисментовъ жертвовалъ изяществомъ. А какъ мало-по-малу исчезли съ репертуара всѣ классическія пьесы, то ему рѣдко приходилось создавать высокообдуманная роли, а болѣе дѣйствовать въ сферѣ всеневныхъ произведеній современныхъ романтиковъ. Много было на моемъ вѣку писано о борьбѣ классицизма и романтизма, и я, конечно, не буду возобновлять этого спора; но искренно сожалею, что у насъ, какъ въ Парижѣ, не сохранился отдѣльный классическій театръ, гдѣ бы оставались въ цѣлости преданія строгой пластичности, благородной дикціи и изящнаго вкуса. Можетъ быть, въ этихъ спектакляхъ собиралось бы не много публики, но высшая образованность вездѣ и всегда составляетъ меньшинство. И въ Парижѣ классицизмъ упалъ послѣ Тальмы; но его воскресила Рашель. Кто знаетъ, можетъ быть, и у насъ новая Семенова одушевила бы вновь древнія трагедіи и собрала бы опять публику подъ знамена упавшаго классицизма, заставляя авторовъ примѣнить этотъ родъ къ нынѣшней степени просвѣщенія и историческимъ требованіямъ. Но еще болѣе, нежели трагедію, жаль старинную, благородную, классическую комедію, которая была не только школою нравовъ и изящнаго вкуса, но и сценическаго искусства. Все это теперь заброшено. Старикамъ всегда жаль стараго, и пока русскіе романтики не заставятъ забыть Корнеля, Расина, Вольтера, Шекспира и Шиллера, мы все будемъ сожалѣть о прежнихъ временахъ чопорной строгости во вкусѣ. Мы все будемъ той мысли, что законы нужны вездѣ, даже въ литературѣ.

Вообще русская труппа была въ этомъ періодѣ прекрасно составлена. Помню еще, какъ играна была извѣстная Свадьба Фигаро, Бомарше. Едва ли она была гдѣ либо такъ хорошо выполнена. Всѣ актеры были первоклассные, и пьеса шла съ удивительною совокупностію. Фигаро неподражаемо игралъ Сосницкій, который умѣлъ облагородить эту роль; Сусанну — Сосницкая, графиню — Колосова-Каратыгина, пажу Монруа — Шелихова, Антонио —

Рязанцевъ (о приобрѣтеніи его мы потомъ расскажемъ), Базиля — Величкинъ, Альмавиву — Каратыгинъ, Марцелину — Ежова.

Французская труппа была тогда очень хорошая. Явился Жень-есть, Лафероньеръ, Мере, явилась Бурбье и въ особенности Бра. Оперы мало-по-малу прекратились и исчезли, но съ хорошею комедіею не жалѣли о нихъ.

Составилась наконецъ и итальянская труппа. Петербургскіе дилетанты были въ восторгѣ. Казалось, итальянская опера была необходима для пищеваренія петербургскихъ жителей. Составъ оперъ былъ довольно хорошъ. Примадонна была г-жа Меласъ (впослѣдствіи Софья Даллокка, по замужеству Шобердехнеръ), контральтъ — Замбони, первый теноръ — Николини; баритонъ — Марколини, basso-cantante — Този, буфъ — Замбони (бывшій въ петербургской труппѣ еще въ концѣ XVIII вѣка). Цѣны мѣстамъ были обыкновенныя, какъ и въ русскихъ спектакляхъ. Всѣ почти ложи и кресла были абонированы, и публика была въ восторгѣ.

Это продолжалось ровно годъ. На другой годъ абонементъ сдѣлался слабѣе; на третій совсѣмъ упалъ — и страсть къ итальянцамъ охладѣла. Прошло еще нѣсколько времени, и труппа исчезла.

Наша русская опера была тогда все еще очень хороша. Комическая опера все еще продолжала блистать, но гибельная страсть къ подражанію начинала уже подкапывать будущее ея существованіе. Итальянцы восхищали всѣхъ; почему же и русскимъ не пѣть точно такъ же и то же самое, что пѣли итальянцы? Не было ни одной итальянской оперы, которой бы мы не поставили на русской сценѣ. Явились тогда изъ театральной школы замѣчательные оперные таланты. Воробьева (потомъ по замужеству Петрова) одарена была контральтомъ, которому бы завидовали и въ Италіи. При развитіи дарованія ея хорошими учителями, а болѣе всего при собственной страсти къ искусству, она вскорѣ сдѣлалась рѣдкою, прекрасною пѣвицею, и смѣло можно сказать, что ни въ тогдашней второстепенной итальянской оперѣ, ни даже въ знаменитыя времена Рубини, Віардо и Тамбурины не было здѣсь подобнаго контральта. вмѣстѣ съ нею явился изъ школы пѣвецъ и актеръ Дюръ. Музыкальныя его способности были удивительны. Бартоло, Монтефіасконе (Ченерентола), Подеста (Сорока воровка) были исполнены имъ превосходно, и еслибъ русскій театръ могъ и долженъ былъ имѣть итальянскую оперу, то Дюръ, конечно, былъ бы всегда въ ней первокласснымъ артистомъ. Но, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и отличнымъ актеромъ, онъ одушевлялъ наши водевили своею прекрасною и веселою игрою. Аплодисменты и легкій успѣхъ увлекли его, и онъ вскорѣ оставилъ оперу подъ предлогомъ слабой груди. Г-жа Степанова блистала тоже тогда, какъ примадонна, хотя при рода и не одарила ее мягкостію и нѣжностію итальянскихъ голосовъ, но она трудолюбіемъ и любовію къ искусству дошла до сте-

пени отличной пѣвицы въ русско-итальянской оперѣ. Явился еще изъ провинціи басъ Петровъ и, съ прекраснымъ, звучнымъ голосомъ южныхъ странъ, вскорѣ прилежнымъ ученьемъ изъ простаго цыгана успѣлъ сдѣлаться отличнымъ пѣвцомъ. Наконецъ, на короткое время блеснула на сценѣ прелестнѣйшая пѣвица А. П. Лебедева (дочь бывшей нѣкогда извѣстной пѣвицы Карайкиной-Лебедевой). Она соединяла въ себѣ молодость, рѣдкую красоту, гибкій, пріятный и обширный голосъ съ прекраснѣйшею методою и искусствомъ. Лучшей Ченерентолы нельзя вообразить себѣ. Но она вышла сперва замужъ за чиновнаго А. Л. Неваховича, богатаго человѣка, который почелъ неприличнымъ оставить ее на сценѣ, а потомъ въ цвѣтѣ лѣтъ и скончалась, оставя по себѣ двухъ сыновей, составляющихъ теперь украшеніе общества.

Съ подобными сюжетами русская опера могла, конечно, блистать и даже въ итальянской музыкѣ, но эти усилія были не естественны. Одна ласточка не составляетъ лѣта, говоритъ пословица, и отдѣльныя музыкальныя дарованія, изрѣдка являющіяся, вовсе не доказываютъ, чтобъ мы были способны къ итальянской оперѣ. Всякая страна имѣетъ свои физическія преимущества и недостатки. Подъ 60° сѣверной широты не рождаются гибкіе и нѣжные голоса Италіи. Тамъ работникъ, лодочникъ, разносчица безотчетно поютъ всѣ мотивы новѣйшихъ оперъ. У насъ, въ нашемъ народѣ много музыкальнаго чувства, но въ своемъ родѣ. Русскій тоже поетъ и на работѣ, и въ горѣ, и въ весельи, но это пѣнье имѣетъ свой національный, особый колоритъ. Въ нашемъ заунывномъ пѣніи и въ разгульныхъ мотивахъ много хорошаго и характеристическаго, но не итальянскаго. Мнимые дилетанты смѣются надъ полуобразованнымъ большинствомъ русской публики, которой иногда лучше нравится пѣніе цыганъ, нежели Рубини и Віардо. А между тѣмъ эта странность вкуса очень понятна. Пѣніе первыхъ сближается съ простотою нашихъ мелодій, а вторыхъ—составляетъ апогей искусства, которое не всякій можетъ вполне оцѣнить. Однимъ словомъ, у всякаго народа должна быть своя музыка. Нѣмцы, французы составили себѣ свой особый родъ, и совершенно правы, потому что онъ соотвѣтствуетъ ихъ фізіологической природѣ. Какъ скоро тѣ или другіе пустятся въ итальянскую музыку, они неестественны, дурны, смѣшны, и изъ всѣхъ европейскихъ націй, можетъ быть, русскіе ближе всѣхъ въ состояніи подражать итальянцамъ. Но это успѣшное подражаніе вовсе не доказываетъ еще, чтобъ мы должны были постоянно этимъ заниматься. Театръ нашъ едва достигъ до столѣтія своего существованія; опера еще гораздо моложе. Но мы уже успѣли переиграть всѣ роды музыки: и итальянскую, и французскую, и нѣмецкую. Больше всѣхъ имѣла у насъ успѣхъ французская комическая опера, и надобно было оставаться при этомъ.

Разумѣется, важнѣе всего было бы созданіе собственной русской оперы, и начиная съ незабвеннаго Кавоса, который многочисленными своими твореніями положилъ основаніе ея существованію, многіе композиторы прославились уже на этомъ поприщѣ. Заслуги Глинки, Верстовскаго, Даргомыжскаго, Львова и графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго будутъ всегда памятны въ исторіи русскаго театра. Всѣ они не успѣли еще создать русской оперы, но это придетъ мало-по-малу. Существованіе ея неизбѣжно, необходимо. До тѣхъ же поръ будемъ довольствоваться тѣмъ, что есть; но, ради Бога, перестанемъ надуваться, чтобы сравняться съ итальянцами. Это усиліе неестественно, бесполезно, вредно.

Въ этомъ же періодѣ начала упадать и нѣмецкая опера, которая до тѣхъ поръ пользовалась заслуженною славой. Конечно, существованіе въ одномъ городѣ трехъ оперныхъ труппъ можно почти назвать излишнимъ, но всегда жаль, когда падаетъ какая либо опора отъ искусства, или общественныхъ удовольствій.

Балетъ былъ въ это время въ самомъ блистательномъ состояніи. Геніальный Дидло продолжалъ создавать новыя хореграфическія произведенія и образовывать новые таланты. Труппа была самая богатая талантами. Кромѣ Истоминой, блистали тогда Телешова, Зубова, Лихутина, Азаревичева (послѣдняя вскорѣ сошла со сцены по случаю выхода въ замужество). Изъ танцоровъ были Дидло (сынъ), Гольцъ, Шелиховъ; изъ пантомимныхъ сюжетовъ славилась попрежнему Колосова. Сверхъ того, Дидло образовалъ ей дублерку Азлову, Шемаеву, Лихутину, Телешову; изъ мужчинъ славилась тогда Огюсть, Гольцъ, Шемаевъ, Эбергардъ. Однимъ словомъ балетъ нашъ заслуживалъ европейскую славу. Изъ хореграфическихъ произведеній того времени замѣчательны были: Сумбека, о которой я уже говорилъ выше, и Кавказскій плѣнникъ (изъ поэмы Пушкина, только что появившейся тогда).

Изъ произведеній русской драматической литературы имѣли тогда большою успѣхъ: Двумужница, драма Шаховскаго, Аристофанъ, лучшая его комедія; Ивангое, его же драма изъ романа Вальтеръ-Скотта; Андромаха, трагедія Катенина (это была послѣдняя борьба классицизма съ романтизмомъ!). Но уже началась тогда преобладающая эпоха французскихъ бульварныхъ мелодрамъ Пиксекура и компаніи. Я былъ переводчикомъ (по приказанію комитета) Тридцати лѣтъ или жизни игрока. Успѣхъ былъ столь же баснословный, какъ и сама піеса чудовищна. Она, можетъ быть, много способствовала упадку классицизма и изящнаго вкуса. Публика стала требовать въ піесахъ трескучихъ эффектовъ и преувеличенныхъ, насильственныхъ впечатлѣній. Благородныя трагедіи, умныя комедіи показались уже слишкомъ слабыми, скучными для зрителей, и безвкусіе восторжествовало. Меньшинство образованныхъ зрителей съ грустію смотрѣло на этотъ упадокъ литера-

туры и искусства, но не въ силахъ было удержать всеобщаго потока. Юное поколѣніе думало, что оно слѣдуетъ за успѣхами цивилизаціи, идя по стопамъ Парижа, гдѣ Дюма и Гюго совершенно ниспровергли классицизмъ своими романтическими драмами: Антони, Анджело, Забава короля, Маріона де Лормъ, Дворъ Генриха III, Гернани и пр.

Парижъ былъ совершенно правъ, отрекшись отъ классицизма. Корнель, Расинъ, Вольтеръ были давно вытвержены наизусть всѣми зрителями, а новые драматурги уже лѣтъ сто не имѣли и искры генія основателей классицизма. Трагедіи Суме, Лагарпа и друг. были холодны, скучны. Это были риторскія тирады, а не трагедіи. Даже самое сценическое искусство упало послѣ Тальмы и Жоржъ, потому что для поддержанія его и развитія нужны были необходимо такія же образцовыя произведенія, какія создали это искусство. Съ холодными же трагедіями XIX вѣка можно было только декламировать, а не играть, становиться на ходули, а не потрясать чувствъ зрителей! Съ другой стороны воцарились въ Парижѣ мелодрамы, въ которыхъ публика находила все, кромѣ здраваго смысла (она его и не требовала). Образованная часть французской публики, стыдясь мелодрамъ и соскучась однѣми и тѣми же трехсотъ-лѣтними трагедіями, невольно должна была увлечься жаркимъ романтизмомъ Гюго и Дюма, въ которыхъ выраженіе страстей было превосходно, а сюжетъ піесъ прекрасно обдуманъ. Эти геніальные авторы легко должны были побѣдить классицизмъ, не имѣвшій ни одного первокласснаго писателя со временъ Расина и Вольтера. Но въ Парижѣ пораженіе классицизма было дѣломъ временнымъ. Самый театръ, на которомъ играли классическія піесы, сохранился. Стоило явиться писателю съ геніальнымъ талантомъ, и сцена эта могла вновь оживиться. Послѣдствіе доказало это. Появленіе Рашель и піесъ Понсара пробудили классицизмъ изъ летаргіи, хотя ни та, ни другой не были геніи въ своемъ родѣ, и однако же эта вспышка жизненности классицизма можетъ всякаго убѣдить, что этотъ родъ піесъ вовсе не отжилъ свой вѣкъ, а напротивъ того навсегда сохранится, разумѣется, съ измѣненіями, требуемыми ходомъ просвѣщенія, лишь бы только являлись по временамъ писатели въ родѣ Корнеля, Расина и Вольтера.

Слѣдовательно, весь этотъ переходъ въ Парижѣ былъ въ то время весьма естественъ, но у насъ въ Петербургѣ онъ былъ неизвинителенъ. Наша драматическая литература была слишкомъ молода еще, чтобъ публика могла соскучиться трагедіями. Наша поэзія, начавшаяся только со времени Ломоносова и Державина, перенесена была на драматическую сцену только со времени Озерова, то-есть настоящему періоду трагедіи въ Россіи не было еще и тридцати лѣтъ, и въ это короткое время авторы наши перевели всѣ лучшія произведенія Корнеля, Расина, Вольтера, Кребильона, Шекспира,

Шиллера; они были исполняемы отличными актерами, которые едва ли уступали первокласснымъ иностраннымъ. Слѣдовательно, увлеченіе нашей публики къ мелодрамамъ обнаруживаетъ только дурной вкусъ и неутвердившееся чувство изящнаго. Водевиль, созданный легкомысленнымъ характеромъ французовъ, привыкшихъ все обращать въ шутку, возобладать на нашей сценѣ и вытѣснилъ благородную комедію. Актеры, привыкнувъ теперь играть пустыя піесы, намъ кажется, потеряли традиціи своего искусства, которое теперь упало. Дошло даже до того, что они являются на сценѣ съ нетвердыми ролями, не понимая, что это величайшее униженіе и стыдъ для артиста.

Много бы должно было сказать о печальномъ направленіи нашей драматической литературы, но мои записки—не трактатъ драматургіи, а только воспоминанія, которыя со временемъ послужатъ матеріаломъ къ составленію исторіи театра (когда ее можно будетъ описать безпристрастно, не боясь раздражить гусей). Скажу только, что нашъ русскій театръ лучше всѣхъ въ Европѣ можетъ выполнить благородную цѣль своего назначенія, то-есть исправленія нравовъ, водворенія хорошаго вкуса и приученія публики къ чувству изящнаго, прекраснаго, похвальнаго. Вездѣ театры основаны и существуютъ въ видѣ частной спекуляціи, и антрепенеру, конечно, всего дороже свой карманъ. Что ему за дѣло до нравственности зрителей, до образованности ихъ и чувства изящнаго? Для него балаганныя пошлости гораздо важнѣе произведеній Шекспира и Шиллера. Какъ бы умна ни была піеса, но если она ему не приноситъ денегъ, она дрянъ, а волшебныя пилюли, русалки и безнравственные водевили — настоящая поддержка театра. Винить ли этихъ импрессарио? Нѣтъ! Умъ ихъ, вкусъ и понятливость подчинены денежнымъ барышамъ. Литература, искусство—для нихъ совершенно второстепенные вопросы, имъ нужны деньги и больше ничего.

Но у насъ театръ принадлежитъ придворной части и содержится отъ казны, для которой гораздо важнѣе, чтобъ большинство публики было образованное и одушевленное чувствомъ добра и долга, нежели какіе нибудь мелочные остатки экономіи, исчезающіе въ государственномъ бюджетѣ, какъ капля въ морѣ. У насъ все управленіе русскаго театра можетъ постоянно быть направлено къ прекрасной цѣли существованія театра, то-есть, къ возведенію литературы и сценическаго искусства на высшую степень славы и первенства, а также къ улучшенію вкуса въ публикѣ, къ нравственному ея образованію. У насъ способы, данные правительствомъ, слишкомъ достаточны для достиженія этой цѣли, не имѣя вовсе въ виду антрепенерскихъ выгодъ. У насъ не нужно разсуждать: принесетъ ли такая-то піеса много денегъ, а только достойна ли она по цѣли и направленію предположенной цѣли, принесетъ ли она

честь литературѣ, будетъ ли содѣйствовать развитію искусства между артистами и просвѣщенію между зрителями?..

И здѣсь, въ виду достиженія прекрасной цѣли театра, долженъ я представить одну изъ главныхъ причинъ упадка драматической литературы. Съ самаго начала существованія русскаго театра было обращено вниманіе на судей, рѣшающихъ: принять піесу на театрѣ, или отвергнуть ее? Первымъ авторомъ былъ Сумароковъ; но онъ же былъ и директоромъ театра, а потому, разумѣется, всѣ произведенія его были играны, хотя теперь большую часть изъ нихъ можно бы было выбросить изъ собранія его сочиненій, потому что тутъ бездна самыхъ жалкихъ передѣлокъ съ французскаго. (И онъ первый подалъ печальный примѣръ передѣлки французскихъ пошлостей на русскіе нравы!). Послѣ него Княжнинъ былъ первымъ современнымъ писателемъ, и всѣ его сочиненія (тоже большею частію переводы и передѣлки) были безъ всякаго разбора принимаемы и играны. По штату театральнѣй дирекціи 1802 года, членъ репертуарной части Шаховской долженъ былъ разсматривать вновь принимаемыя на театрѣ піесы, и во все время его управленія авторы безпрестанно жаловались на его лицепріятіе (когда же авторы не жалуются!), обвиняли даже, что онъ изъ чужихъ и отвергаемыхъ имъ піесъ бралъ сюжеты для своихъ сочиненій. Болѣе всего упрекали его за вражду къ Озерову, который по рассказамъ впалъ въ неизлѣчимую болѣзнь отъ того, что князь Шаховской не принялъ его Поликсены, которая нѣсколько лѣтъ валялась въ грудѣ отвергнутыхъ піесъ, а потомъ оказалась лучшею литературною піесою знаменитаго драматурга; однимъ словомъ, пріемъ піесъ совершенно зависѣлъ тогда отъ произвола Шаховскаго, но пристрастіе его часто было побѣждаемо сильнымъ вліяніемъ лицъ высшаго круга, которыя въ то время занимались литературою и покровительствовали ей. Я говорилъ уже выше о А. Н. Оленинѣ. Долго былъ Шаховской вседневнымъ гостемъ этого моцената, но потомъ пересталъ ѣздить за нападки на актрису К. С. Семенову. Но и при ссорѣ съ этимъ обществомъ князь невольно уважалъ его и покорялся его требованіямъ. Піесы, одобренныя этимъ кругомъ, непремѣнно были принимаемы, потому что жалобы этого общества могли повредить самому судѣ. Кромѣ дома Оленина, были и другіе, гдѣ тогда литература была въ модѣ и чести. Слѣдственно, общественное мнѣніе высшаго и образованнѣйшаго круга вынуждало Шаховскаго принимать піесы, одобренныя всѣми, не смотря на личное его мнѣніе.

Только со штатомъ дирекціи 13 ноября 1827 года составила новая и благонамѣренная система оцѣнки литературныхъ трудовъ. Опредѣлено было, чтобъ директоръ театра приглашалъ къ себѣ извѣстныхъ драматурговъ и писателей, передъ которыми читалась бы всякая піеса, и большинствомъ голосовъ рѣшалось бы принятіе ея. Въ эти же собранія приглашались и первые артисты для сценическихъ

и технических замѣчаній, то-есть съ совѣщательными, но нерѣшающими голосами.

По странному случаю, я лично первый подвергся подобному комитету и потерпѣлъ неудачу, а еще страннѣе, что это случилось еще въ 1824-мъ году, то-есть за три года до обнародованія этого правила. Не буду рассказывать закулисныхъ причинъ, побудившихъ собрать для моей пьесы подобный ареопагъ; но одинъ изъ членовъ комитета, князь Долгоруковъ, не благоволившій ко мнѣ и не желавшій, чтобъ пьеса была принята, убѣдилъ тогда Милорадовича, въ видѣ опыта, собрать литературный комитетъ для чтенія трагедіи Аристоменъ, на основаніи правилъ новаго штата, который былъ уже составленъ, но еще не представленъ на высочайшее утвержденіе. Графъ согласился. Приглашенные были люди все важные и значительные, можетъ быть, любители литературы, но вовсе не писатели и драматурги, а знакомые того члена комитета, который собралъ его. Я прочелъ свою пьесу и долженъ съ благодарностію отдать справедливость Шаховскому, что онъ всѣми силами поддерживалъ пьесу и выставялъ хорошіе стихи, но прочіе члены заняты были между собою совершенно постороннимъ разговоромъ и не обращали вниманія на чтеніе. Когда же кончилось чтеніе, я изъ приличія удалился, чтобъ баллотировка происходила не при мнѣ. Было всего 11-ть человекъ въ собраніи. При баллотировкѣ получилъ я бѣлыхъ 6 шаровъ, а черныхъ 5. Слѣдственно дѣло казалось рѣшеннымъ въ мою пользу. Вышло иначе. Враждебный членъ комитета потребовалъ произвести вторично баллотировку, потому что въ собраніи было два актера (Каратыгинъ и Брянскій), а они могли только предъявлять свои замѣчанія по сценической и технической части для какихъ либо передѣлокъ, но не должны были рѣшать приѣма пьесы. Согласились на вторичную баллотировку, и оказались тѣ же 5 черныхъ шаровъ, но бѣлыхъ было уже 4 только. Начались пренія, и рѣшили, чтобъ я передѣлалъ пьесу. Графъ, провожая гостей и проходя мимо меня въ залѣ, сказалъ: «Vous êtes flambé, mon cher!» а Шаховской объявилъ мнѣ, что пьеса не отвергнута, но что требуютъ передѣлки, чтобъ она не имѣла политическихъ отношеній. Древнюю исторію Спарты и Мессенъ примѣнили члены къ тогдашнему возстанію грековъ противъ турокъ и думали, что я филэллинъ. По личнымъ моимъ чувствамъ я, конечно, былъ всегда на сторонѣ страдавшихъ христіанъ, но, право, не думалъ сравнивать турокъ со спартамцами. Черезъ три мѣсяца потомъ отдалъ я пьесу въ бенефисъ, и хотя въ томъ же штатѣ, на основаніи котораго собранъ былъ комитетъ чтенія, предписано поступать съ бенефисными пьесами съ тою же самою строгостію, какъ и съ представляемыми въ казну, но даромъ, Аристоменъ былъ принятъ, игранъ и имѣлъ значительный успѣхъ, благодаря хорошему исполненію. Аристомена игралъ Брянскій, Эвригида—Каратыгинъ, а Феону—воспитанница М. Семенова, которая потомъ была отличною первою любовницею.

Когда штатъ 1827 года вступилъ въ силу и дѣйствіе, комитетовъ для чтенія пьесъ не собирали до 1830 года, то-есть до того времени, когда самый комитетъ управленія дирекціи былъ уничтоженъ, и театръ поступилъ подъ начальство одного директора. Во весь же этотъ промежутокъ я одинъ, будучи членомъ конторы, составлялъ записки о содержаніи и достоинствѣ пьесъ, которыя потомъ и утверждались комитетомъ.

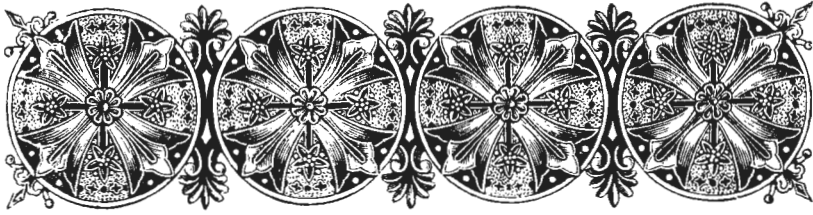
Помню еще, какъ впервые попалась мнѣ «Мессинская невѣста» Шиллера, переведенная молодымъ поэтомъ Ротчевымъ. Два члена комитета, бывшіе безусловными приверженцами французской классической школы, не благоволили къ Шиллеру и не хотѣли, чтобъ пьеса была принята; но прочіе члены утвердили мою записку (а тогда было пять человекъ), и пьеса была дана. Помню также, какъ потомъ за неодобреніе мое перевода «Баязета» Олина подвергся я гоненію одного важнаго лица, покровительствовавшего этому писателю.

Послѣдній составъ комитета былъ слѣдующій: князь В. В. Долгоруковъ (президентъ), графъ Кутайсовъ, графы Михайло и Матвѣй Юрьевичи Віельгорскіе и князь С. С. Гагаринъ.

Р. М. Зотовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СРЕДИ ЕВРЕЕВЪ ¹⁾.

V.

ОТЪ УЖЕ два мѣсяца я живу въ домѣ Бердичевскихъ. Какъ быстро прошло время: я не успѣла даже оглянуться. И то сказать, некогда было. Все вокругъ меня было такъ ново, такъ любопытно. Я бы никогда не повѣрила, что можно жить въ Россіи, у себя дома, и чувствовать, что находишься на чужбинѣ, и наоборотъ, что можно устроиться въ чужомъ домѣ такъ удобно, съ такимъ комфортомъ, совершенно не справляясь съ требованіями хозяина, пріютившаго васъ въ своемъ домѣ, и даже можно презирать, ненавидѣть его и всячески ухищряться, чтобы платить ему зломъ за добро. А между тѣмъ именно такъ я чувствовала себя, очутившись среди евреевъ. Да, я жила будто на чужбинѣ, въ средѣ мнѣ враждебной, а она, эта среда, наоборотъ чувствовала себя дома...

На слѣдующій день m-те Бердичевская объявила мнѣ, что рѣшила оставить при дѣтяхъ бонну, чтобы мнѣ не пришлось слишкомъ много возиться съ ними. Я должна была только заниматься съ ними часа два въ день, и часъ, другой ежедневно удѣлять самой m-те Бердичевской для практики русской рѣчи.

Съ Соренцей у меня вышло столкновеніе на первомъ же урокѣ. Она съ самаго начала очевидно задалась пѣлью поставить меня точно въ такое же положеніе въ домѣ, въ какомъ была несчастная бонна. На первый же предложенный мною ей вопросъ о томъ,

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», 1896 г., т. LXVI, октябрь, стр. 54.

чему она училась до сихъ поръ,—она насмѣшливо посмотрѣла мнѣ въ глаза и дерьво отвѣтила:

— Не ваше это дѣло... Я вамъ этого не скажу...

— Такъ разговаривать со мной я тебѣ не позволю,—произнесла я строго.— Отвѣчай немедленно на мои вопросы! Въ противномъ случаѣ, я тебя прогоню вонъ отсюда.

Тонъ мой, повидимому, озадачилъ ее, но не надолго.

— Ты прогонишь меня изъ нашей комнаты? Ты никогда не посмѣешь этого сдѣлать...

— А вотъ увидишь, посмѣю ли я. Если ты учиться не хочешь, я займусь Розой, а на тебя пожалуюсь дѣдушкѣ и скажу ему, что ты злой, капризный, неблаговоспитанный ребенокъ...

— Я не ребенокъ, я уже большая и сама пожалуюсь дѣдушкѣ и на тебя, и на маму, зачѣмъ она взяла въ домъ такую нехорошую гувернантку...

Тутъ я рѣшила не препираться съ нею больше, а прямо прогнать ее изъ классной.

— Пошла вонъ отсюда!..

— Не хочу... и не пойду...

Я встала, взяла ее за плечи, приподняла съ мѣста, вытолкнула и заперла двери на ключъ.

— Я же тебѣ покажу!.. Я же тебѣ покажу!..— громко, съ плачемъ, крикнула Соренца, и по топоту ея ногъ я догадалась, что она побѣжала жаловаться матери.

И дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время въ дверь постучалась м-ме Бердичевская.

— Дорогая фрейленъ,—произнесла она мягко и занскивающе:— не можете ли вы быть немножко менѣе строгой съ Соренцой? Она такъ плачетъ... Она такъ оскорблена вашей строгостью... Вы ее такъ оскорбили, выгнавъ изъ классной... Она вамъ этого не простить... Она непременно пожалуется старику...

— И пускай жалуется... Я сама ему все расскажу...

— Что вы? Что вы?—ужаснулась м-ме Бердичевская.— Старикъ только одну ее любить... Онъ на васъ такъ разсердится... да и на меня и на мужа...

У нея сдѣлался такой жалкій видъ, и она такъ пугливо-искательно посмотрѣла на меня своими близорукими глазами, что мнѣ стало не по себѣ.

— Что же вы хотите, что бы я сдѣлала?

— Вы какънибудь съ ней помиритесь... Извинитесь предъ ней,—окончила она тихо, не смѣло...

Тутъ я не выдержала и, наступая на м-ме Бердуческую, запальчиво произнесла:

— И вамъ не стыдно это говорить мнѣ? Понимаете ли, что вы сами губите вашу дочь?.. Сами её портите!.. Я не могу этого до-

пустить... Одно изъ двухъ: или вы мнѣ позволите перевоспитать ее помоему, или я брошу все и уйду изъ вашего дома!.. Такъ портить ребенка нельзя!.. Это грѣхъ!.. Это преступленіе!..

— Но чѣмъ же я виновата, если старикъ!..— простонала м-ме Бердичевская.

— Старикъ... Старикъ...— перебила я ее.— При чемъ тутъ старикъ?.. Вы—мать, и онъ не имѣеть права мѣшать вамъ воспитывать, какъ слѣдуетъ, дочь вашу...

— Да кто же посмѣеть сказать ему это?.. Кто отважится?..

— А хоть бы я!..

— Вы? Неужели вы ему скажете?

— Конечно, скажу...

— А если онъ разсердится?

— И пускай: мнѣ какое дѣло...

— А если онъ выгонитъ васъ изъ дома?..

— Выгонитъ, такъ уйду... Все равно,— продолжала я болѣе спокойно,— если старикъ не пойметъ, что Соренцу необходимо перевоспитать и прибрать къ рукамъ, я въ вашемъ домѣ не останусь, потому что я не намѣрена терпѣть ея капризовъ и дерзостей и ни за что не стану заниматься съ ней, если меня поставятъ въ такое нелѣпое отношеніе, въ такую невозможную зависимость отъ ученицы.

М-ме Бердичевская молча опустила голову и нѣсколько минутъ нетерпѣливо кусала свои губы.

— Извольте,—проговорила вдругъ она съ рѣшимостью, потряхнувъ головой.—Я согласна: можете передать старику, какая ростетъ у меня дочка, благодаря его баловству... Пускай онъ знаетъ, какова его любимица...

Въ ея глазахъ сверкнулъ злой огонекъ. Не знаю, къ кому онъ относился: къ дочери ли, которая причинила ей много неприятностей, или къ старику, который былъ причиной порчи ея ребенка. Вѣрнѣе всего, къ обоимъ, одинаково ей ненавистнымъ.

Она ушла, а я занялась Розой, которая оказалась дѣвочкой очень понятливой, внимательно слушала меня и весьма легко и быстро усваивала мои объясненія. Порусски она еще не умѣла порядочно читать, зато очень бѣгло и со смысломъ читала понѣмецки. Бонна все время присутствовала при урокѣ и съ любопытствомъ слѣдила за моими занятіями съ дѣвочкой. Урокъ прошелъ успѣшно, и я осталась довольна своей ученицей. Соренца больше не являлась на верхъ.

— Какъ я рада, — застѣнчиво, несмѣло произнесла бонна, когда урокъ кончился, и Роза вышла изъ классной.—Какъ я рада, что вы такая храбрая и не побоялись объявить войну Соренцѣ... Если вы ее побѣдите, это будетъ такое счастье... Это будетъ такой большой подвигъ съ вашей стороны... Я буду смотрѣть на васъ, какъ на героиню...

— Какое же геройство въ томъ, что я пожалуюсь старику на внучку!—улыбнулась я.—Помилуйте, это могли бы сдѣлать и вы, и всякій, еслибъ только захотѣли...

— Не говорите: кромѣ васъ, никто этого сдѣлать не осмѣлится... Страшно!.. Еслибъ вы не понравились такъ старику вчера, я очень боялась бы за васъ... А теперь мнѣ почему-то кажется, что вамъ не грозитъ никакой опасности, и что старикъ васъ послушаетъ... Ахъ, какъ я бы желала, чтобъ онъ васъ послушалъ!.. Какъ было бы хорошо, еслибъ удалось смирить эту противную дѣвчонку!.. Я ее отъ всей души ненавижу!..

— Какъ можно ненавидѣть ребенка?

— Ребенка? Какой же Соренца ребенокъ? Это, прямо скажу вамъ, злой духъ, чортъ, а не ребенокъ. Сколько вытерпѣла я отъ нея, сколько выстрадала!.. И не одна я, а и сами отецъ и мать, и вся прислуга... Это тиранъ здѣшняго дома и тиранъ безсердечный.. Она за всѣми шпионитъ и обо всемъ доноситъ дѣду... Отецъ и мать боятся ее и всячески стараются ей угодить... заискиваютъ въ ней...

— Если вамъ такъ скверно жилось здѣсь, отчего вы оставались? Отчего не перешли на другое мѣсто? Охота вамъ была такъ много терпѣть отъ этой дѣвочки?

— Вамъ это легко говорить,—отвѣчала со вздохомъ бонна.—Гдѣ же найдешь такое выгодное мѣсто? Жалованье хорошее, мадамъ такая добрая и щедрая: она постоянно дѣлаетъ мнѣ подарки и такъ часто, что ихъ хватить мнѣ на многіе годы; всѣ платья почти новыя и дорогія... Все мое жалованье остается, я ничего не трачу, пройдетъ еще годъ, два, у меня будетъ хорошее приданое, я найду хорошаго жениха и выйду замужъ... Вѣрите ли,—заговорила, оживляясь бонна,—когда я думала, что изъ-за васъ мнѣ откажутъ, я готова была убить васъ, а теперь я васъ люблю и готова все для васъ сдѣлать.

И совершенно для меня неожиданно она схватила мою руку и поцѣловала.

— Вы испугались за свое приданое?—засмѣялась я.

— Конечно, испугалась,—серьезно отвѣтила бонна.—И какъ было не испугаться? Вѣдь замужъ выходить необходимо, а кто возьметъ меня безъ порядочнаго приданого?

— А развѣ нельзя оставаться въ дѣвушкахъ?

— Вамъ, христіанкамъ, можно, а намъ, еврейкамъ, нельзя... Не выходить замужъ большой стыдъ, да и наша религія не позволяетъ... Мнѣ ужъ двадцатый годъ пошелъ,—окончила она со вздохомъ,—давно пора бы быть замужемъ...

Соренцу я не видала весь день, и когда я пришла къ обѣду въ столовую, то застала ее сидящей рядомъ съ дѣдомъ, какъ и вчера. Она, очевидно, была очень возбуждена и встрѣтила меня упорнымъ, злымъ взглядомъ. М-те Бердичевская была блѣднѣе обыкновеннаго,

а Михаилъ Борисовичъ имѣлъ испуганный видъ и старался не смотрѣть на меня. Старикъ сидѣлъ съ полузакрытыми глазами и не отвѣтилъ на мой поклонъ. Гостей, кромѣ Лейбы и приказчиковъ, не было. Въ столовой чувствовалось гораздо менѣе уютно и гораздо болѣе угнетенно, чѣмъ вчера. Я выдержала упорно устремленный на меня злой взглядъ дѣвочки и совершенно хладнокровно заняла свое мѣсто, твердо рѣшившись настоять на своемъ: или выбить злую дѣвочку изъ ея позиціи и сдѣлать ручной; или же, если это не удастся, оставить домъ Бердичевскихъ.

Обѣдъ прошелъ въ молчаніи. Даже старикъ не проронилъ ни одного слова и ни разу не обращался съ замѣчаніями къ приказчикамъ. Мнѣ удалось только подмѣтить, какъ онъ бросалъ едва замѣтные, боковые взгляды на меня и будто избѣгалъ ласки Соренцы, которая особенно усердно старалась ластиться къ нему. Когда, по окончаніи обѣда, ему подали трубку, и Соренца, какъ вчера, хотѣла взять изъ рукъ матери коробочку со спичками, чтобы подать ему огня, онъ отстранилъ ея руку и строго произнесъ:

— Сиди смирно! Не желаю, чтобъ ты мнѣ служила.

Онъ раскурилъ трубку и съ совершенно закрытыми глазами медленно и сосредоточенно, откинувшись на спинку кресла, выпускалъ маленькими клубами дымъ. Такъ прошло минутъ десять. Всѣ съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдили за старикомъ. Противъ воли, не могла и я оторвать отъ него глазъ. Вдругъ онъ поправилъ трубку, весь выпрямился, открылъ глаза и устремилъ ихъ на меня въ упоръ.

— Пеша,— произнесъ онъ беззвучно,— что такое произошло между тобой и Саррой? Почему она на тебя жалуется?

Признаюсь, хотя я была приготовлена къ объясненію съ старикомъ и рѣшила высказать ему правду въ лицо, тѣмъ не менѣе, когда онъ уставилъ на меня свои мутные глаза, и беззвучный голосъ его прозвучалъ въ моихъ ушахъ, меня взяла оторопь: я струсила, тѣмъ болѣе, что, оглянувшись вокругъ, увидѣла, какъ больше прежняго поблѣднѣла m-me Бердичевская, какъ затряслась отъ испуга нижняя челюсть Михаила Борисовича, какъ перекосилось отъ страха лицо бонны, и какъ загорѣлись злобнымъ огонькомъ глаза Соренцы.

— Пеша!—громче прежняго произнесъ старикъ,— отвѣчай на мои вопросы...

Тутъ я, наконецъ, набралась храбрости и смѣло проговорила:

— Соренца совсѣмъ испорченная дѣвушка, и въ этомъ виноваты вы... вы одни!..

— Почему она испорченная?.. И почему въ этомъ виновата я?..— послѣ довольно продолжительной паузы спросилъ старикъ, продолжая смотрѣть на меня въ упоръ.

Я подробно рассказала ему вчерашнюю сцену съ бонной и утреннюю со мною; при этомъ распространилась о томъ, какъ вредно

вліяеть излишнее баловство на дѣтскій характеръ. Не пощадила я и м-те Бердичевскую, которая, вмѣсто того, чтобы быть съ дѣвочкой строгой, сама же портила ее и позволяла капризничать; мало того, потворствовала ей капризамъ изъ боязни, чтобы Соренца не жаловалась ему, дѣду... Такимъ образомъ,—продолжала я,—вся вина въ сущности падаетъ на васъ: вы взяли ее подъ свою защиту и думаете, что дѣлаете ей этимъ добро, а на самомъ дѣлѣ вы ее губите...

Старикъ слушалъ меня съ закрытыми глазами.

— Во всякомъ случаѣ,—закончила я,—я не намѣрена оставаться въ вашемъ домѣ, если Соренцѣ будетъ предоставлена полная свобода безчинствовать, какъ это было до сихъ поръ, и если вамъ угодно, чтобы ваша внучка продолжала всѣми командовать, то это ваше дѣло, а я сегодня же уѣду, потому что не могу и не желаю видѣть, какъ умышленно портятъ ребенка... Я считаю это грѣхомъ и преступленіемъ и не желаю отвѣтить за это ни предъ Богомъ, ни предъ людьми...

Я замолчала. Послѣ довольно продолжительной паузы старикъ тихо спросилъ:

— Неужели ты думаешь, что я желаю зла моей внучкѣ? Что я во всемъ виноватъ?..

— Конечно, вы,—перебила я его запальчиво.—Кто же, если не вы?.. Развѣ, не опираясь на вашу защиту, Соренца позволяла бы себѣ всѣми командовать и всѣмъ грубить?.. Развѣ не вашей излишней любовью вы ее такъ испортили?.. Развѣ не вы сами приучили ее къ шпіонству, сплетнямъ и интригамъ?..

— Нѣтъ, Пеша,—въ свою очередь перебилъ меня старикъ:—ты ошибаешься, моя любовь къ внучкѣ не могла ее испортить... Во всемъ виноваты: эта глупая женщина,—онъ указалъ на невѣстку,—и мой дуракъ сынъ... Развѣ они когда нибудь говорили мнѣ о проказахъ Соренцы?.. Кромѣ похвалъ ей, я никогда отъ нихъ ничего не слыхалъ... Ну, ты, расфранченная кукла и глупая мать,—обратился онъ къ невѣсткѣ,—почему ты никогда не говорила мнѣ о скверномъ поведеніи Сарки?

— Я... я... я не смѣла... Я боялась... пролепетала м-те Бердичевская.

—Боялась... Не смѣла мнѣ правду говорить, когда это необходимо было для пользы твоей собственной дочери, твоего же ребенка: а вмѣстѣ съ своимъ муженькомъ врать мнѣ, дурачить меня—это ты всегда смѣешь... Глупая, ничтожная женщина, кукла расфранченная... тьфу!... Сарка,—обратился онъ къ внучкѣ,—я считалъ тебя хорошимъ, добрымъ ребенкомъ, а, выходитъ, я ошибся: ты капризна, зла, лжива и воровка.... Да, ты воровка! Ты воровала мою любовь, не заслуживъ ея!... Ты должна исправиться! Слышишь, должна! А то тебя накажетъ Богъ, а я возненавижу!... Сейчасъ же подойди къ

Пешѣ, поцѣлуй ей сначала одну руку, потомъ другую и проси, со слезами на глазахъ, какъ подобаесть преступницѣ, сознавшей свои грѣхи, проси, умолай ее, чтобы она тебя простила.... Если она тебѣ не проститъ, не прощу тебѣ и я, а если я тебя не прощу, то....

Старикъ такъ посмотрѣлъ на внучку, что даже мнѣ стало жутко отъ его взгляда.

Покорно, съ опущенной головой подошла ко мнѣ Соренца и, тихо всхлипывая, поцѣловала мою руку.

— Обѣ, обѣ руки цѣлуй,—крикнулъ старикъ, — и проси прощенія!...

Соренца еще ниже опустила голову и прерывающимся отъ слезъ голосомъ просила прощенія.

— Вотъ такъ! А теперь, Пеша —обратился старикъ ко мнѣ,—на тебя я возлагаю воспитаніе моей внучки. Сама видишь: мать ея дура, отецъ глупецъ, а мнѣ не до того, у меня дѣла!... Я довѣряю ее тебѣ и надѣюсь, ты возьмешься за нее, какъ слѣдуетъ.... Ты, Пеша, дѣвушка умная, а главное правдивая.... Всегда и во всемъ будь со мной правдива, потому что я правду люблю; не бери при-мѣра съ этой лгуни...—Онъ съ презрѣніемъ кивнулъ на невѣстку.—Научи быть правдивой и Сарку, и за это я буду тебѣ благодаренъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ....

Онъ поднялся съ кресла, сдѣлалъ шагъ ко мнѣ и, ласково дотрогиваясь костлявой рукой до моей головы, какъ-то странно и смѣшно скривилъ носъ, потомъ потрепалъ меня по плечу и продолжалъ торжественно:

— Какъ умѣеь награждать Борухъ Бердичевскій за вѣрную службу—это ты узнаешь!... А ты, Сарка, заруби себѣ на носу: если ослушаешься Пешы, и она на тебя пожалуется—не сдобровать тебѣ!...

Онъ погрозилъ внучкѣ передъ самымъ носомъ указательнымъ пальцемъ правой руки и вышелъ изъ столовой.

Не буду описывать сцену, которая послѣдовала по удаленіи старика. Скажу только, что супруги Бердичевскіе буквально расцвѣли и бросились ко мнѣ, пожимая мнѣ руки и рассыпаясь въ благодарностяхъ за то, что я подорвала у старика авторитетъ Соренцы и освободила ихъ отъ ея тиранства. Когда первый радостный порывъ прошелъ, они съ озлобленіемъ набросились на Соренцу и стали высчитывать ей всѣ ея вины и всѣ неприятности, которыя они выносили отъ нея.... Но тутъ ужъ я опять сочла своимъ долгомъ вмѣшаться и, взявъ Соренцу за руку, увела ее на верхъ.

Съ тѣхъ поръ занятія мои съ ученицами пошли довольно успѣшно. Соренца тоже оказалась дѣвушкой способной и изъ всѣхъ силъ старалась угождать мнѣ, такъ что у меня не было больше причинъ жаловаться на нее дѣду. Тѣмъ не менѣе, несмотря на ея наружную покорность, я очень часто подмѣчала, какъ украдкой бросала она на меня злобные взгляды и какъ до боли кусала свои дѣтскія

губки, чтобы удержаться и не противорѣчить мнѣ, когда я дѣлала ей какое нибудь замѣчаніе. Однимъ словомъ, Соренца покорилась мнѣ, но не могла со мною примириться за то, что я выбила ее изъ занимаемой до моего появленія позиціи въ домѣ. Не примирили ее со мною ни мое мягкое съ нею обращеніе, ни мое заступничество за нее передъ отцомъ и матерью, которыя, пользуясь ея опалой у дѣда, вздумали мстить ей за непріятности, причиненныя имъ раньше ея сплетнями, доносами и ябедами.

Кромѣ занятій съ дѣтьми, у меня еще были занятія съ м-те Бердичевской, и я должна сказать, что эти занятія были мнѣ весьма не по душѣ и даже тягостны. Умственный кругозоръ м-те Бердичевской былъ весьма ограниченъ. Ее главнымъ образомъ занималъ петербургскій большой свѣтъ, котораго я совершенно не знала, а она мнѣ не вѣрила и думала, что я не желаю ей рассказывать, какъ живутъ настоящіе аристократы: какъ и что дѣлается у нихъ на балахъ, какъ одѣваются, какъ принимаютъ гостей и тому подобное. Въ первые дни она еще бесѣдовала со мною о литературѣ, разумѣется, преимущественно нѣмецкой, съ которой была нѣсколько знакома. Она съ гордостью заявила мнѣ, что въ нѣмецкой литературѣ евреи занимаютъ не послѣднее мѣсто, что еврей Гейне даже самый большой нѣмецкій писатель, а Берне еще выше, гораздо выше Гейне, Сафиръ же (она произносила Жафиръ) остроумнѣе всѣхъ писателей на свѣтѣ...

Но черезъ нѣсколько дней м-те Бердичевская перестала разсуждать со мною о литературѣ; эти разговоры были ей нужны только для того, чтобы зарекомендовать передо мною свою особу съ хорошей стороны, и такъ какъ, по ея мнѣнію, она въ этомъ успѣла, то приступила съ разпросами о вещахъ, которыя дѣйствительно интересовали ее. И, Боже мой, какъ она мнѣ ими надѣла, тѣмъ болѣе, что я не была въ состояніи удовлетворять ея любопытству. Приставала она ко мнѣ также, чтобы я ей рассказывала, какъ живутъ въ Петербургѣ еврейскіе магнаты: бываютъ ли они при дворѣ, посѣщаютъ ли ихъ князья и графы, и печатаютъ ли въ газетахъ объ ихъ балахъ? Я рѣшительно недоумѣвала, почему это ее такъ интересуетъ, но, наконецъ, случилось событіе, которое такъ взволновало м-те Бердичевскую, что стгоряча она обнаружила передо мною всѣ свои сокровенныя надежды и помышленія.

Случилось это недѣли черезъ три послѣ моего приѣзда. М-те Бердичевская приѣхала изъ города взволнованная и съ пылающимъ лицомъ влетѣла ко мнѣ на верхъ.

— Слышали новость?... Коммерціи совѣтникъ Треймлеръ произведенъ въ статскіе совѣтники!... Это вѣдь почти ужъ генеральскій чинъ!... Онъ даетъ по этому случаю большой балъ.... Весь городъ будетъ... весь... но я не буду, ни за что не буду... И мужу не позволю!...

— Отчего же? Вы такъ дружны съ Треймлерами, а Яковъ Марковичъ самый близкій вамъ человѣкъ. Отчего же вамъ не быть на балу?

— Вы еще спрашиваете? Вы, такая умная?... Чтобы я отправилась на этотъ балъ и присутствовала при томъ, какъ всѣ будутъ говорить м-ше Треймлеръ, этой глупой, невѣжественной женщинѣ, которая даже читать не умѣетъ, этой бывшей торговкѣ овощами, этой рябой Зельдѣ, которая въ базарные дни дралась на площади съ товарками и ее хлестали по лицу... Чтобы я присутствовала при ея торжествѣ, какъ ей будутъ говорить: «ваше превосходительство»... Нѣтъ, это выше моихъ силъ!... Я этого не могу!... Не могу!...

И м-ше Бердичевская не выдержала и заплакала.

— Ну, что вы такъ огорчаетесь?—попробовала я утѣшить ее.—Во-первыхъ, статская совѣтница еще далеко не генеральша, и титуломъ превосходительства м-ше Треймлеръ пользоваться не имѣетъ права, а, во-вторыхъ, вы сами когда нибудь будете не только статской совѣтницей, но и дѣйствительной статской, т. е. настоящей генеральшей... При вашемъ богатствѣ вы всего этого достигните...

— Но когда это будетъ, когда?... Тестъ можетъ еще десятки лѣтъ прожить, а пока онъ живъ, не бывать мнѣ генеральшей... Развѣ бывший фурманъ (кучеръ), который чистилъ проходимъ сапоги на улицахъ, понимаетъ, какъ пріятно быть генераломъ?... Онъ скорѣе пожертвуетъ сто тысячъ на постройку синагоги, чѣмъ на больницу или учебное заведеніе, чтобы получить за это генеральскій чинъ... Старый Треймлеръ, какъ и мой тестъ, вышелъ изъ грязи, а посмотрите, какъ хорошо онъ понимаетъ жизнь!... Рябую Зельду онъ превратилъ въ настоящую даму... Домъ свой онъ поставилъ на самую европейскую ногу... Дочери его учились въ гимназіи, сынъ окончилъ политехникумъ... Онъ даетъ балы, на которыхъ бываютъ христіане... Кухня у нихъ тоже на европейскій ладъ поставлена... А теперь онъ и генеральства добился!... И какъ дешево ему это стоило: пожертвовалъ 50 тысячъ на постройку церкви для своихъ рабочихъ...

— На постройку церкви?—перебила я ее съ удивленіемъ.

— Ну, да, на постройку церкви... Это съ его стороны очень умно и практично и имѣетъ весьма красивый видъ... Всѣ хвалятъ Треймлера за такую хитрую выдумку: добился генеральства за пустякъ. Мы,—продолжала она, все болѣе и болѣе волнуясь,—гораздо богаче Треймлеровъ, и я противъ его жены настоящая аристократка, а должна ей завидовать, и все это по милости тестя, который самъ не желаетъ жить поаристократически и намъ не даетъ... Господи, когда же мои мученья кончатся?... Когда же, наконецъ, уберетъ его Господь и освободитъ меня отъ этого мучителя?...

Она злобно сверкала глазами, печально поникла головой и задумалась.

— Слушайте, моя дорогая,—заговорила вдругъ она, оживляясь и крѣпко пожимая мнѣ руки.—Я буду съ вами вполне откровенна и выскажу вамъ всѣ мои сокровенныя мысли, всѣ мои планы, которые вынуждена пока таить въ себѣ... Я желаю, я жажду жить почеловѣчески, играть роль, первенствовать въ свѣтѣ... Когданибудь будетъ же у меня своя воля, и я сама себѣ буду госпожей!... Вы думаете, я останусь жить въ этомъ городѣ, среди жидовъ? Нѣтъ, мы переедемъ на жительство въ Петербургъ, и тамъ я буду первой дамой, а домъ мой будетъ первымъ въ столицѣ... Я буду знакома съ князьями, графами, баронами, генералами... Простыхъ знакомыхъ у меня не будетъ... Моихъ единовѣрцевъ я къ себѣ и на порогъ не пущу... О, еслибъ вы знали, какъ я ненавижу ихъ!... Лишь бы только освободиться мнѣ отъ тестя,—я заставлю моего Михаила Борисовича пожертвовать большія суммы, чтобы его сдѣлали генераломъ... Мы даже купимъ въ Австріи баронскій титулъ (тамъ можно это добыть даже очень дешево), и вотъ тогда вы увидите, какъ я устрою свой домъ!... При нашемъ богатствѣ я всего достигну!... Я постараюсь затмить всѣхъ петербургскихъ дамъ и баронессу Гинцбургъ, и генеральшу Полякову!... Душечка, только перестаньте со мною скрытничать... Облегчите мнѣ мою задачу!... Научите меня, какъ держаться въ будущемъ... Не таитесь отъ меня... Расскажите мнѣ все, что вы знаете, все, что вамъ извѣстно о дамахъ большого свѣта: какъ онѣ проводятъ время, какъ обращаются съ себѣ подобными, съ высшими и низшими... До сихъ поръ мнѣ все это извѣстно только по книгамъ, по романамъ, да по наслышкѣ отъ людей, которые сами не видѣли жизни большого свѣта. То ли дѣло, если вы подѣлитесь со мною вашими свѣдѣніями... По рожденію вы принадлежите къ большому свѣту, жили въ немъ раньше, и по вашимъ манерамъ, по вашему характеру, по вашей гордости и храбрости видно, что умѣете держать себя и не ронять своего достоинства, хотя вы теперь бѣдная дѣвушка и вынуждены трудомъ добывать себѣ средства къ жизни... Душечка, войдите же въ мое положеніе и научите меня всему, что мнѣ необходимо, что мнѣ требуется знать!

М-ме Бердичевская до боли стиснула мои руки, которыя все время держала въ своихъ и закончила съ страстной мольбой въ голосъ:—Вы обяжете меня на всю жизнь, и я никогда, никогда, не забуду вашей услуги! Буду считать себя вѣчно въ долгу предъ вами!... Буду смотрѣть на васъ, какъ на родную, какъ на сестру!..

Такимъ образомъ, сама м-ме Бердичевская раскрыла предо мною всю свою душу и выложила мнѣ свои сокровенныя мысли и думы. Итакъ, ей во что бы то ни стало хотѣлось играть роль хоть въ будущемъ, если въ настоящемъ жизнь ея, подчиненная чужой волѣ, скована и по необходимости протекаетъ однообразно и монотонно. Но, Боже мой, что за идеалы у этой женщины! Она желаетъ бли-

стать, первенствовать, жить въ свое удовольствіе и задавать тонъ! Если бы старый Борухъ зналъ ея мысли!... Какія мѣры принять бы онъ, чтобы спасти свои милліоны?... Мнѣ до того противна стала м-ше Бердичевская, что я готова была рассказать старику, и, право, не знаю, что удержало меня отъ этого шага, тѣмъ болѣе, что въ тотъ же день, когда м-ше Бердичевская такъ откровенно исповѣдалась передо мною, случилось другое событіе, которое окончательно оттолкнуло меня отъ этой женщины и обнаружило передо мною ея нравственную несостоятельность во всемъ объемѣ.

Было уже поздно вечеромъ, когда въ мою дверь постучались, и на мой вопросъ: «кто тамъ?» я услышала взволнованный голосъ Михаила Борисовича, который съ мольбою произнесъ:

— Ради Бога, фрейленъ, извините мой поздній визитъ, но мнѣ необходимо поговорить съ вами...

— Что съ вами? На васъ лица нѣтъ,—встрѣтила я позднего посѣтителя.

Михаилъ Борисовичъ былъ положительно страшень: онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, длинный носъ его, какъ будто, еще больше выгнулся, толстыя губы дрожали, а глаза смотрѣли пугливо-растерянно и даже слегка слезились.

— Что съ вами?—спросила я вторично.

— Охъ, несчастье!... Охъ, большое несчастье!... простоналъ онъ наконецъ.

— Въ чемъ же дѣло?

— Сказать стыдно, а держать про себя тяжело... Такъ тяжело, такъ тяжело!...

Онъ поникъ головой и заплакалъ навзрыдъ, подѣтски.

— Что со мною сдѣлала моя жена... Еслибъ вы знали, что она со мною сдѣлала!...—произнесъ онъ громко всхлипывая... Она нанесла мнѣ рану до самыхъ моихъ внутренностей... На всю жизнь она меня искалѣчила!... Охъ, я несчастный... окончательно, безповоротно несчастный!...

Послѣ долгихъ отрывочныхъ жалобъ на свою горькую участь, Михаилъ Борисовичъ объяснилъ мнѣ, въ чемъ заключается его несчастье: онъ только что случайно наткнулся въ саду на жену и на Треймлера, которые цѣловались «въ самыя губы»...

— Теперь вы понимаете, какъ я несчастливъ,—продолжалъ онъ плаксиво рассказывать.—Вѣдь она моя супруга, «эйшецъ ишъ» (мужняя жена), и по нашимъ законамъ за такое преступленіе ее слѣдуетъ убить посредствомъ забрасыванія камнями, а я не имѣю больше права приблизиться къ ней... Она не можетъ мнѣ больше быть женою, и я обязанъ заявить «бетъ-дину» (суду) и «кѳгалу» (кагалу) объ ея оскверненіи!..

— И вашъ «бетъ-динъ» приговорить ее къ смертной казни?—перебила я его съ ужасомъ.

— Нѣтъ... Мы не въ своемъ царствѣ живемъ, мы живемъ теперь въ «голусъ» (изгнаніи), и святой судъ нашъ не можетъ приговорить ее къ смертной казни... Проклятые христіанскіе законы этого не допускають (въ своемъ волненіи онъ очевидно забылъ, что я христіанка)... Но святой «бегъ-динъ» можетъ насъ немедленно развести и освободить меня отъ выплаты ей «ксубе» (при заключеніи брачнаго договора евреи условливаются, сколько мужъ долженъ заплатить женѣ въ случаѣ развода; но если жена уличена въ невѣрности, то лишается права на «ксубе»—обезпеченіе). Но вѣдь это будетъ такой скандалъ!.. Весь городъ будетъ указывать на меня пальцами... Посовѣтуйте мнѣ, что дѣлать? Какъ поступить?..

Если раньше онъ возбудилъ во мнѣ участіе къ себѣ своимъ горемъ, то теперь онъ разсердилъ меня, назвавъ наши законы проклятыми, тѣмъ болѣе, что слова «проклятые христіанскіе законы» были произнесены съ явнымъ презрѣніемъ и даже злобой. Поэтому я отвѣтила ему довольно сухо и даже насмѣшливо.

— Помоему, вамъ прежде всего слѣдуетъ вызвать Треймлера на дуэль... Такъ, по крайней мѣрѣ, долженъ поступить оскорбленный мужъ по общепринятому обычаю всѣхъ цивилизованныхъ народовъ... Вы, какъ человѣкъ европейскій, должны требовать отъ него удовлетвореніе съ оружіемъ въ рукахъ... Развѣ вы не знаете, что подобныя оскорбленія смываются только кровью?

По мѣрѣ того, какъ я говорила, лице моего собесѣдника все болѣе и болѣе покрывалось блѣдностью. Я смотрѣла на него въ упоръ и внутренно наслаждалась тѣмъ ужасомъ, который причинили ему мои совѣты. Когда же я произнесла послѣднее слово, Михайлъ Борисовичъ отскочилъ отъ меня на нѣсколько шаговъ, испуганно замахалъ на меня обѣими руками и почти закричалъ:

— Кровью?!.. Кровью?!.. Развѣ это можно?.. Намъ, евреямъ, кровь проливать нельзя... Развѣ можно убить человѣка и еще еврея?..

— А христіанина можно?

— Христіанина?.. Христіанина, разумѣется...

Но тутъ онъ остановился, очевидно, вспомнивъ наконецъ, что предъ нимъ христіанка, и продолжалъ болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Сохрани меня Богъ и христіанина убить... За это могутъ на каторгу послать?..

— Въ такомъ случаѣ, вамъ остается только развестись съ вашей супругой, — произнесла я насмѣшливо. — Пожалуйте вашему суду и кагалу... Тогда вѣрно и вашему сопернику, Треймлеру, достанется, какъ слѣдуетъ, и вы будете отомщены...

— Охъ,—вздыхнулъ Михайлъ Борисовичъ,—вамъ легко давать такіе совѣты, но не легко и даже невозможно мнѣ слѣдовать имъ...— Онъ видимо успѣлъ нѣсколько прійти въ себя и продолжалъ болѣе спокойно: — съ Треймлеромъ я ссориться не могу: мы такъ много ему должны... Во всемъ виноватъ мой папенка: онъ требуетъ

отчетъ о каждой израсходованной копѣйкѣ и отпускаетъ намъ такія ничтожныя суммы... Еслибъ не Треймлеръ, намъ никакъ нельзя было бы жить почеловѣчески... Десятки тысячъ мы у него забрали, а платить когда мы будемъ?.. Только когда умретъ папенька, и мы получимъ наслѣдство... Вы думаете, кромѣ Треймлера, найдется кто нибудь, чтобы ссудить намъ такія суммы, неизвѣстно на какой срокъ?.. Папенька можетъ еще десять лѣтъ прожить, а можетъ и больше... Безъ Треймлера намъ нѣтъ никакой возможности сводить концы съ концами... А затѣмъ,—прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—я мою жену очень люблю и, какъ человѣкъ европейскій, не желаю дѣлать скандалы изъ-за пустяковъ... Ну, онъ ее поцѣловаль... Ну, она его поцѣловала... Что такое поцѣлуй?.. Поцѣлуй—это пустякъ... глупость... Треймлеръ, быть можетъ, не хотѣлъ больше давать денегъ, а деньги намъ теперь очень нужны... Жена и задобрила его поцѣлуемъ...

Послѣднія слова онъ произнесъ совсѣмъ бодрымъ шепотомъ, почти весело.

— Если это такъ, то нечего было волноваться, нечего было выходить изъ себя...

— Ахъ, вы правы, вы правы! Дѣйствительно, нечего... По глупости своей я не сообразилъ, что до грѣха гуть далеко... Увидѣлъ, какъ они цѣловались, и дурацкая ревность во мнѣ такъ и закипѣла, всѣ внутренности мои зажглись, какъ на пожарѣ, а выходитъ, что все дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ... Ну, посмотрите на меня и на Треймлера: я красавецъ-мужчина и здоровъ, слава Богу, какъ быкъ, а онъ такой... такой скверный, больной и совсѣмъ не симпатичный человѣкъ... Моя жена—женщина съ хорошимъ вкусомъ: не промѣняетъ она меня на такого... почти покойника... Нѣтъ, вы посмотрите на меня хорошенько, развѣ я не красивый мужчина?..

Онъ выпрямился и самодовольно и весело заглянулъ на меня.

— Прошу васъ,—продолжалъ онъ заискивающимъ голосомъ,—чтобы это осталось между нами... Вы сами понимаете, моя жена не проститъ мнѣ, если узнаетъ, какъ глупо я ее приревновалъ къ этому покойнику, да пошлетъ Господь ему гибель за то, что онъ поднимаетъ глаза на чужую жену... Онъ воспользовался нашими стѣсненными обстоятельствами и заставилъ ее такъ поступить, будь онъ за это трижды проклятъ, и да не найдетъ душа его покоя ни въ этомъ мѣрѣ, ни въ мѣрѣ будущемъ... А вы, фрейленъ, извините меня за беспокойство и, ради Бога, не забудьте моей просьбы: никому ни слова...

Онъ отвѣсилъ мнѣ не то почтительный, не то дружескій поклонъ и съ веселой улыбкой на лицѣ вышелъ изъ комнаты.

VI.

Однажды, вечеромъ, старикъ потребовалъ меня къ себѣ. Въ первый разъ собиралась я переступить порогъ его кабинета. Любопытство мое было возбуждено. Мнѣ было очень интересно посмотреть, какъ обставилъ старикъ свою берлогу, куда безъ приглашенія никто не имѣлъ права входить, за исключеніемъ Лейбы, который, въ числѣ разнообразныхъ и многосложныхъ обязанностей въ домѣ, еще состоялъ при особѣ ребѣ Боруха въ качествѣ приближеннаго лакея. Былъ уже одиннадцатый часъ, когда за мной пришелъ Лейба и таинственно, полупшепотомъ сообщилъ, что ребѣ Борухъ приказалъ мнѣ немедленно явиться къ нему.

— Зачѣмъ я ему?—спросила я.

— Зачѣмъ? Развѣ ктонибудь, кромѣ ребѣ Боруха, можетъ это знать?.. Развѣ онъ комунибудь открываетъ свои мысли?..—И, вѣроятно, предположивъ, что я трушу, послѣшилъ успокоительнымъ образомъ прибавить:—ребѣ Борухъ ни чуточки не сердить, и когда я ему васъ хвалилъ за успѣхи въ еврейскомъ языкѣ, онъ даже сказалъ, что вы золотая дѣвушка.

Я забыла разказать, что на слѣдующій день послѣ моего пріѣзда Лейба, по распоряженію старика, о чемъ читатель, вѣроятно, не забылъ, явился ко мнѣ для занятій еврейскимъ языкомъ. Такъ какъ языки давались мнѣ весьма легко, то я ничего не имѣла противъ изученія еврейскаго языка и охотно занялась имъ, благо Лейба оказался довольно умѣлымъ учителемъ. По мѣрѣ того, какъ успѣхи мои шли впередъ, Лейба все больше и больше привязывался ко мнѣ и гордился своей ученицей, а съ тѣхъ поръ, какъ старикъ однажды похвалилъ его за мои быстрые успѣхи, онъ сталъ выказывать мнѣ положительно собачью привязанность.

— Вы не бойтесь,—продолжалъ Лейба успокоивать меня въ то время, когда я стала поправлять передъ зеркаломъ свои волосы и приводить въ порядокъ свой костюмъ.—Ребѣ Борухъ васъ ругать не будетъ... Не будетъ кричать на васъ. Онъ васъ очень любитъ и, если даже немножко сердить на васъ, большихъ неприятностей вамъ не сдѣлаетъ...

— Готова,—перебила я разглагольствованія Лейбы, который, безъ сомнѣнія, волновался внутренно за предстоящее мнѣ свиданіе съ старикомъ, будучи убѣжденъ, что мнѣ достанется за чтонибудь отъ грознаго главы дома.

Помѣщеніе старика состояло изъ двухъ комнатъ. Первая представляла собою нѣчто въ родѣ пріемной. Она была очень обширная въ пять оконъ и богато и даже роскошно обставлена. Ковры, тяжелые драпри, бронза и старинная дубовая мебель съ рѣзьбой придавали этой пріемной весьма внушительный видъ и отличали ее

отъ парадныхъ комнатъ остальной квартиры пріятной простотой. Всякій стулъ, всякій столъ стояли на своихъ мѣстахъ, и въ этой роскошно обставленной комнатѣ не было ничего кричащаго, ничего такого, что оскорбляло бы глазъ и портило дѣльность впечатлѣнія.

Когда я очутилась на порогѣ этой комнаты, которая была освѣщена лишь стеариновыми свѣчами въ высокихъ старинныхъ шандалахъ изъ бронзы, причудливой формы, то не только замедлила шаги, но, какъ очарованная, остановилась по срединѣ и невольно залюбовалась изящной простотой, меня окружавшей.

Отъ Лейбы не укрылось, какое впечатлѣніе произвело на меня окружающее; онъ самодовольно улыбнулся, и тайнственнымъ шепотомъ произнесъ надъ самымъ моимъ ухомъ:

— Тутъ нѣтъ ни одной вещи, которая стоила бы меньше ста рублей... Все, что вы тутъ видите, страшно дорого, на вѣсь золота... А мы это получили почти за ничто, даромъ, хе, хе, хе... Всталъ бы старый ясновельможный панъ «грабе» (графъ) Пустовскій изъ могилы и увидѣлъ бы, какъ его бронза, ковры, мебель и прочее украшаютъ жилище ребъ Боруха, да продлить Господь года его, онъ съ досады подавился бы и ни за что не захотѣлъ бы вторично жить...

— Какъ же это досталось ребъ Боруху?

— О, это дѣлая исторія... Ребъ Борухъ самый умный еврей на свѣтѣ, и старый графъ напрасно разсердилъ его... Напрасно онъ на большой дорогѣ, въ морозъ, приказалъ раздѣть ребъ Боруха донага, вымазать ему все тѣло дегтемъ, а потомъ надѣть ему на голову перину... О, ребъ Борухъ не забылъ ему этой обиды и славно томстилъ проклятому гою!.. Когда старый графъ умеръ, онъ молодого «дуксея» (графчика) разорилъ до самаго конца, продалъ всѣ его «маіонтки» (имѣнія) съ аукціона и потомъ кормилъ самого «дуксея» остатками своихъ обѣдовъ на кухнѣ, хе, хе, хе... Это была славная месть ненавистнику нашего народа!.. Благодаря ребъ Боруху, погибъ совсѣмъ молодой «дуксель», онъ умеръ на улицѣ, въ канавѣ, отъ пьянства... Хе, хе, хе, послѣдній отпрыскъ знаменитаго рода графовъ Пустовскихъ умеръ въ канавѣ, а мой господинъ, ребъ Борухъ, да живетъ онъ долго, и да процвѣтетъ родъ его до конца вѣка, живетъ въ богатствѣ, и всѣ графскія драгоценности перешли къ нему, и онъ ими пользуется... Ай, ай, ай,—спохватился вдругъ Лейба,—мы съ вами тутъ «балакаемъ» (болтаемъ), фрейленъ Пеша, а ребъ Борухъ ждетъ васъ...

Онъ сдѣлалъ рѣшительный жестъ правой рукой и указалъ глазами на дверь слѣдующей комнаты.

— Идите же, идите!—произнесъ онъ не то умоляюще, не то повелительно.

Когда я переступила порогъ второй комнаты, меня опять поразила неожиданность. Я рассчитывала, что убранство ея далеко пре-

восходить убранство пріемной, что старый ребъ Борухъ поклонникъ изящнаго и обставилъ свой кабинетъ съ царскою роскошью. И вдругъ, прямо изъ изящной пріемной я попала не то въ громадный сарай, не то въ грязную кладовую. Это опять была большая комната, весь полъ которой былъ уставленъ разными мѣшечками—пробами хлѣба, и различными жестянками и флаконами—пробами консервовъ и растительныхъ маслъ. Въ самой серединѣ стоялъ большой столъ, заваленный бумагами различныхъ цвѣтовъ; направо отъ входа, въ противоположномъ углу, стоялъ весьма изящной работы ящикъ, закрытый занавѣсью изъ серебряной парчи, съ вышитыми золотомъ узорами, а въ самомъ центрѣ занавѣски красовался щитъ Давида, будущій гербъ еврейскаго царства. Въ этомъ ящикѣ хранилась тора (писанный списокъ пятикнижя Моисея). Налѣво отъ входа, тоже въ противоположномъ углу, стоялъ громадный желѣзный шкалъ, крѣпко прикованный къ стѣнѣ. Ко всѣмъ тремъ окнамъ были придѣланы частыя желѣзныя рѣшетки. О форточкахъ въ окнахъ не было и помину, а потому, благодаря отсутствію вентиляціи, воздухъ въ комнатѣ былъ спертый, душливый.

Ребъ Борухъ сидѣлъ, углубившись въ высокое мягкое кресло, и распѣвалъ надтреснутымъ, хриплымъ голосомъ псалмы. Когда я очутилась предъ нимъ, онъ полуоткрылъ глаза и жестомъ указалъ мнѣ на грязный табуретъ, покрытый пылью, который стоялъ почти рядомъ съ его кресломъ.

— Оставь насъ, — произнесъ онъ, обращаясь къ Лейбѣ, послѣ того, какъ допѣлъ до конца псалмы. Когда Лейба вышелъ, онъ продолжалъ:—я совершенно убѣдился, что ты дѣвушка благоразумная, и хочу поручить тебѣ работу, которая требуетъ величайшей тайны. Если сумѣешь ее сдѣлать, заработаешь хорошую копейку, а такой бѣдной дѣвушкѣ, какъ ты, я думаю, хорошая копейка пригодится...

Онъ открылъ глаза, уставился на меня ими въ упоръ и долго, очень долго не спускалъ ихъ съ меня. Я почувствовала себя весьма неловко подъ его испытующимъ взглядомъ.

— Какая же это работа?—перебила я тяжелое молчаніе.

— Не торопись,—остановилъ меня ребъ Борухъ недовольнымъ голосомъ, продолжая смотрѣть на меня въ упоръ.

— Я не люблю, чтобы меня перебивали вопросами. Когда нужно будетъ, самъ все скажу...

Онъ закрылъ глаза и нѣсколько разъ вздохнулъ, очевидно, все еще обдумывая, можно ли мнѣ довѣриться. Такъ прошло въ молчаніи минуты двѣ, которыя показались мнѣ вѣчностью.

— Вотъ чтó, Пеша,—заговорилъ онъ, наконецъ, рѣшительнымъ голосомъ, подаваясь немного впередъ.—То, что ты отъ меня услышишь, то, что ты отъ меня узнаешь, и то, что ты будешь дѣлать здѣсь у меня, ты должна навсегда сохранить въ секретѣ. Никогда ни слова, ни намекъ не должно сорваться съ твоего языка. Это

тайна, великая тайна, и благополучіе богоизбраннаго народа, святаго Израиля связано съ этой тайной! Скажи, дочь моя, — я не узнала его голоса, до того зазвучалъ онъ мягко и вкрадчиво.— Скажи, моя дорогая Пешинька, сумѣешь ли ты сохранить эту важную тайну?..

Хотя любопытство мое было сильно возбуждено, и я горѣла желаніемъ поскорѣе узнать эту великую тайну ребъ Боруха, отъ которой, по его словамъ, зависѣло благополучіе святаго Израиля, тѣмъ не менѣе, чтобы не возбудить подозрительность старика, я постаралась овладѣть собой, что мнѣ удалось не безъ большихъ усилій, и совершенно хладнокровно отвѣтила:

— Я вѣдь не болѣе, какъ глупая дѣвушка, и, можетъ быть, будетъ лучше, если вы мнѣ не довѣритесь... Такую большую, важную тайну мнѣ узнать даже страшно...

Отвѣтъ мой видимо очень понравился ребъ Боруху и окончательно укрѣпилъ его въ мысли, что онъ можетъ мнѣ вполне довѣриться.

— Нѣтъ,—возразилъ онъ съ особенной силой,—ты не глупая дѣвушка, а разумный, совсѣмъ разумный человекъ!.. Тайна Израиля въ твоихъ рукахъ будетъ въ такой же безопасности, какъ и въ моихъ... Ахъ!—вздыхнулъ онъ глубоко,—и отчего Господь такъ покаралъ меня, что далъ мнѣ такого глупаго сына, которому не могу довѣрять и долженъ довѣряться тебѣ, совсѣмъ чужой для меня женщиной? Но не буду роптать на Бога; дѣянія Его не подлежатъ нашему осужденію; и не намъ, съ нашими ничтожными умишками, постичь пути Его!.. Слушай же, Пеша,—продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—тебя не даромъ наградилъ Богъ здоровьемъ, мужскимъ умомъ и честнымъ, правдивымъ сердцемъ; ты не даромъ попала въ мой домъ!.. Самъ Богъ выбралъ тебя на служеніе народу своему. Я это чувствую!.. А потому я тебѣ все расскажу, дабы ты могла выполнить великую задачу: служить Богу и избранному народу Его!.. А злосчастный Израиль нуждается въ честныхъ слугахъ въ настоящее время больше, чѣмъ когда бы то ни было! Всѣ его ненавидятъ, всѣ презираютъ! Гоненія и преслѣдованія богоизбраннаго народа приняли такіе размѣры, что близокъ часъ, когда нечестивые народы скажутъ, что Израиль не имѣетъ права дышать воздухомъ!.. Если бы дѣло шло только о матеріальныхъ невзгодахъ, объ ограниченіяхъ евреевъ въ гражданскихъ правахъ,—опасность не была бы еще такъ велика! Но проклятые народы посягаютъ на нашу религію, на Бога нашего! Они закрываютъ наши молитвенные дома, наши школы; вмѣшиваются въ воспитаніе нашихъ дѣтей; навязываютъ намъ свои науки и изъ всѣхъ силъ стараются отнять у насъ «целемъ Елогимъ» (Божіе подобіе), которымъ Господь отмѣтилъ насъ, отличилъ отъ другихъ народовъ. Они желаютъ, чтобы мы смѣшались съ ними, чтобы исчезли съ лица земли! Они стремятся, чтобы великій народъ, созданный для украшенія міра Божьяго,

смѣшался съ ними и исчезъ бы безслѣдно! Но этому никогда не бывать, и они, глупцы, ошибаются въ своихъ расчетахъ! Не лишитъ Господь землю свою самаго лучшаго украшенія ея, не исчезнетъ никогда Израиль съ лица земли! Окончится наше «голусь» (изгнаніе), и соберетъ Господь со всѣхъ концовъ земли сѣмя Іакова и поставитъ народъ свой надъ всѣми народами; и всѣ народы будутъ служить ему, какъ обѣщаль Онъ намъ это чрезъ пророковъ своихъ! Нужды нѣтъ, что многіе изъ нашихъ братьевъ отдѣлились отъ насъ и ушли къ врагамъ нашимъ... Это отпали одни высохшіе и подгнившіе сучья; корень же Израиля здоровъ и дастъ новые ростки! И разросется древо Израиля, какъ никогда, и широко расправитъ свои новыя вѣтви на весь міръ!..

По мѣрѣ того, какъ старикъ говорилъ, онъ все болѣе и болѣе увлекался своимъ собственнымъ краснорѣчіемъ и дошелъ, наконецъ, въ своемъ фанатическомъ экстазѣ до вдохновеннаго паэоса. Въ такомъ экстазѣ я видѣла старика въ первый и послѣдній разъ. Онъ положительно былъ неузнаваемъ: онъ какъ будто выросъ, помолодѣлъ и окрѣпъ на моихъ глазахъ. Я невольно любовалась имъ, чувствуя, что онъ электризируетъ меня, подчиняетъ своей волѣ, и въ то же время мнѣ было стыдно и страшно, сознавая, что я обманнымъ образомъ вкралась въ довѣріе къ нему, и теперь у меня не хватаетъ смѣлости крикнуть ему: «остановись, старикъ, не наруживай передо мною тайну твоей жизни, ибо я не только не могу тебѣ сочувствовать въ твоемъ фанатическомъ ослѣпленіи, но тайна твоя меня оскорбляетъ, раздражаетъ и вселяетъ къ тебѣ ненависть и злобу, потому что я тебѣ врагъ, потому что ты оскорбляешь меня, какъ христіанку!» Почему я не крикнула ему все это въ отвѣтъ? Неужели я струсилла? Нѣтъ, это не было трусостью, но какая-то сила сковала мои уста помимо моей воли, и я съ непонятнымъ для меня смѣшаннымъ чувствомъ злобы, ненависти, уваженія и даже восхищенія продолжала его слушать до конца.

— Да,—раздавался между тѣмъ его голосъ, который все больше и больше крѣпъ,—да, настанетъ время, и весь міръ будетъ принадлежать Израилю, и всѣ народы будутъ служить ему, будутъ его рабами! Пока же мы должны страдать, должны безропотно переносить Божье наказаніе за наши грѣхи и изъ всѣхъ силъ стараться не смѣшиваться съ иновѣрцами, не браться съ ними, не родниться, дабы сохранить въ чистотѣ сѣмя Іакова! Вотъ этой-то работѣ я, ничтожный Борухъ, подобно другимъ избраннымъ мужамъ моего народа, посвящаю всѣ свои силы!.. Насъ, работниковъ на пользу Израиля и во славу нашего Бога, много, и съ Его помощью намъ удастся сохранить въ чистотѣ если не весь нашъ народъ, то хоть его частицу; когда пройдетъ гнѣвъ Божій, и Онъ вспомнитъ о народѣ Своемъ, дастъ этой частицѣ многоплодіе, умножитъ ее и сдѣлаетъ многочисленнѣе песка морского!.. Къ этой работѣ должна

примкнуть и ты подь моимъ руководствомъ. Богъ далъ тебѣ умъ, ты получила образованіе... И тѣмъ и другимъ ты должна служить Богу и народу Его, подобно тому, какъ это сдѣлали лучшія жены: Дебора, Эсфирь и другія!.. Не даромъ сказано: «отроковица придетъ тебѣ (Израилю) на помощь и спасетъ тебя!».

Старикъ замолчалъ и углубился въ свои думы. На лицѣ его образовалась сѣть морщинъ, кожа на лбу сдѣлалась очень подвижна, изъ-за приподнятыхъ длинныхъ вѣкъ его обыкновенно мутные глаза сверкали, а ермолка буквально затанцовала на головѣ.

— Вотъ, Пеша,—продолжалъ онъ послѣ значительной паузы,— я призвалъ тебя съ тѣмъ, чтобы ты немедленно приступила къ работѣ... Я самъ человѣкъ простой, малограмотный; только и есть у меня умъ, которымъ наградилъ меня Господь... Тутъ у меня былъ одинъ человѣкъ, который завѣдывалъ моей тайной корреспонденціей: прочитывалъ мнѣ письма и отвѣчалъ на нихъ по моему указанію... Человѣкъ этотъ уѣхалъ за границу, и я остался какъ безъ рукъ... Ты должна мнѣ замѣнить этого человѣка.

И, не дожидаясь моего согласія, онъ позвонилъ. Явился Лейба.

— Вотъ тебѣ ключъ,—обратился къ нему старикъ.—Подай мнѣ сюда, на столъ, красную шкатулку.

Пока Лейба доставалъ изъ желѣзнаго шкапа красную шкатулку, старикъ неотступно слѣдилъ за нимъ глазами. Когда же тяжелая шкатулка была поставлена предъ нимъ, онъ махнулъ рукой, и Лейба скрылся.

— Всѣ тайны Израіля сосредоточены вотъ здѣсь,—произнесъ онъ полуторжественно,—не пройдетъ и часа, и ты будешь посвящена въ эти тайны... Но горе тебѣ, если когда нибудь языкъ твой повернется, и ты кому бы то ни было проболтаешься о томъ, что узнаешь!.. Не уйдешь ты отъ наказанія, и не будетъ тебѣ пощады!..

И онъ посмотрѣлъ на меня съ грозно сдвинутыми бровями, помахивая въ воздухѣ крѣпко сжатымъ кулакомъ правой руки.

— А теперь приступимъ къ работѣ...

Онъ распахнулъ халатъ, разстегнулъ сорочку, досталъ изъ-подъ нея миниатюрный ключикъ, висѣвшій на тоненькомъ шнурочкѣ на его шеѣ, осторожно, не торопясь, отперъ шкатулку, приподнял крышку, досталъ оттуда пачки писемъ, разложилъ ихъ предо мною и боязливымъ шепотомъ произнесъ:—Тутъ вся моя тайная корреспонденція изъ всѣхъ концовъ міра... Вотъ письма изъ Вѣны!.. Вотъ изъ Берлина!.. Вотъ изъ Парижа!.. Вотъ изъ Лондона!.. Вотъ изъ Нью-Йорка!.. Вотъ изъ Константинополя!.. Вотъ изъ Іерусалима!.. Вотъ изъ Мадрида!..

Онъ сортировалъ свои письма, продолжая именовать различные города разныхъ странъ свѣта, откуда они получены. Письма, которыя были написаны на древнееврейскомъ языкѣ, онъ отодвинулъ подальше, а на европейскихъ языкахъ разложилъ предо мною.

— Видишь, сколько благочестивыхъ евреевъ занято борьбою съ невѣрными и удѣляютъ свое время и свои капиталы на великое дѣло: сохранить въ чистотѣ наши святыя законы и оградить нашихъ единовѣрцевъ отъ великаго бѣдствія подчиниться чужимъ законамъ и смѣшиваться съ нечистыми народами, наполняющими мѣръ... Борьба идетъ на жизнь и на смерть! И побѣдимъ мы, потому что съ нами Богъ, давшій намъ Тору на горѣ Синаѣ, поставившій насъ въ челѣ всѣхъ народовъ, возвысившій насъ надъ всѣми ими и обѣщавшій намъ въ наслѣдство весь мѣръ!.. Мы народъ царственный, всѣхъ побѣдимъ, поработимъ и будемъ владычествовать надъ всѣми языками!.. Нечестивые народы погибнуть отъ страстей своихъ, которыми надѣлилъ ихъ сатана, а мы побѣдимъ добродѣтелями нашими, которыми надѣлилъ насъ самъ Богъ-Цавоотъ!.. Смотри! Я богатъ, страшно богатъ! Много миллионѣвъ хранится въ этомъ шкапу!—онъ ткнулъ указательнымъ пальцемъ по направленію къ шкапу.— А много ли я расходую изъ этого богатства на брѣнное тѣло мое? Нужны ли мнѣ какія либо удовольствія?!.. Пью ли я вина? Играю ли я въ карты? Или, прости Господи, трачу ли на женщинъ и предаюсь блуду?.. Нѣтъ, никакихъ такихъ пагубныхъ желаній не знаетъ душа моя... Живу я въ этой комнатѣ: тутъ я обдумываю всѣ мои дѣла, тутъ я молюсь и хвалю моего Господа, и не нужно мнѣ ни роскоши, ни удобствъ, ни драгоценностей, ни ковровъ, ни картинъ, ни мягкой мебели, ни всего того, за что готовы жертвовать всѣмъ нечестивые иновѣрцы и глупые ихъ подражатели изъ народа моего!.. Смотри!—съ несвойственной его старческому возрасту живостью онъ поднялся съ мѣста, подошелъ къ стоявшей въ углу желѣзной кровати съ единственной тощей подушкой, прикрытой дешевенькимъ байковымъ одѣяломъ и, приподнимая послѣднее, продолжалъ:—Это жесткое ложе кажется мягкимъ и пріятнымъ, потому что засыпаю я и пробуждаюсь, распѣвая псалмы, и Господь, въ милосердіи своемъ, даруетъ мнѣ сонъ крѣпкій и здоровый!..

Онъ опять возвратился на прежнее мѣсто и совершенно другимъ, дѣловымъ тономъ закончилъ:

— Пора, дочь моя, за работу... Читай, что пишутъ изъ Берлина.

Часа два читала я ему вслухъ, а онъ внимательно и сосредоточенно слушалъ. Содержаніе большинства писемъ особаго интереса не представляло, по крайней мѣрѣ, для меня; въ нихъ говорилось о разныхъ пустякахъ: о томъ, что въ такомъ-то городѣ умеръ раввинъ, и община проситъ, чтобы ей выслали другого раввина изъ Воложонской академіи, и что всѣ расходы и издержки по этому дѣлу будутъ возмѣщены; о томъ, что сгорѣла синагога, и община не въ состояніи выстроить вновь таковую своими средствами; о томъ, что произошелъ великій споръ между двумя приходами, который гро-

зигъ принять небывалые размѣры, и, чего добраго, дѣло можетъ дойти даже до мѣстныхъ властей, а потому требуется немедленное вмѣшательство великихъ во Израилѣ мужей, дабы прекратить раздоръ своими средствами, и тому подобныя малоинтересныя свѣдѣнія. Но были и письма совершенно иного характера, въ которыхъ передавались различныя тайны разныхъ правительствъ, и подробно сообщалось о готовящихся законопроектахъ и мѣропріятіяхъ величайшей важности; одни изъ нихъ привѣтствовались «великими во Израилѣ», а другіе осуждались. Первые требовали противодѣйствія, а вторые—надлежало всѣми мѣрами поддержать. Излагались цѣлыя программы, съ указаніемъ, какъ нужно дѣйствовать относительно правительства того или другого государства. Читая эти письма, мнѣ стало ясно, какая страшная сила сосредоточена въ рукахъ евреевъ, и какъ они пользуются ею во вредъ всего человѣчества! Разсѣянные по всему земному шару, они крѣпкой сѣтью опутали всѣ государства и, подобно пауку, высасываютъ всѣ здоровые соки изъ своихъ жертвъ безъ остатка. Общность интересовъ евреевъ всѣхъ странъ соединила ихъ воедино на борьбу съ остальными народами! Они, безъ сомнѣнія, хозяева всего міра и, во всякомъ случаѣ, такими сами себя считаютъ. Знакомясь далѣе съ содержаніемъ сообщений корреспондентовъ ребъ Боруха Бердичевского, я пришла къ заключенію, что всѣми государствами правятъ евреи!.. Но что меня больше всего возмущало,—это та страшная ненависть и то высокомерное презрѣніе, которыми были проникнуты эти посланія ко всему нееврейскому!..

Я читала письма и сама посматривала на ребъ Боруха Бердичевского, плюгаваго старичка, который съжившись сидѣлъ предо мною съ закрытыми глазами и внимательно слушалъ. Кто могъ бы подумать, что онъ, этотъ безграмотный жидокъ, держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити европейской политики, что ему извѣстны всѣ тайны европейскихъ правительствъ, что онъ, своей ничтожной особой, представляетъ собою одного изъ выдающихся дѣятелей сильнѣйшей въ мірѣ организациі, именуемой всесвѣтнымъ кагаломъ! Кто бы могъ подумать, что извѣстные на весь міръ политическіе и финансовые дѣятели обращаются къ этому ничтожному жидку съ величайшимъ почтеніемъ и благоговѣніемъ, даютъ ему порученія величайшей важности, спрашиваютъ его совѣтовъ и указаній?!..

А между тѣмъ это было такъ...

Но Богъ съ ними, съ этими европейскими корреспондентами ребъ Боруха, которые сообщали ему, какъ еврейство подкапывается подъ нравственность, благосостояніе и религію чуждыхъ мнѣ государствъ и народовъ; но каково было мнѣ узнать, какъ орудуетъ всесвѣтный еврейскій кагалъ во вредъ моего отечества?! А между тѣмъ письма изъ Вѣны, Берлина, Парижа, Лондона и другихъ большихъ центровъ сообщали, какія мѣры были приняты евреями,

чтобы провалить нашъ послѣдній, внѣшній заемъ; какъ при этомъ орудовали сообщая кагалы всѣхъ значительныхъ центровъ Европы и заставили даже Ротшильдовъ, вопреки ихъ желанію, предложить русскому правительству ультиматумъ: содѣйствовать этому займу только въ томъ случаѣ, если оно согласится даровать евреямъ равноправіе! И какими средствами обладали эти подпольные дѣятели, эти кроты, работавшіе въ своихъ норахъ и щеляхъ!..

Въ какіе нибудь два, три часа я узнала такъ много еврейскихъ тайнъ, такъ близко ознакомилась съ подпольной работой еврейскихъ кагаловъ, что всѣ нити ихъ интригъ оказались въ моихъ рукахъ.

Было уже очень поздно, когда я дочитала ребъ Боруху Бердичевскому послѣднее письмо.

— Тебѣ, дочь моя, пора спать... Отвѣтами на письма мы займемся завтра,— произнесъ ребъ Борухъ, отечески потрепавъ меня по плечу.—Ахъ,—вздыхнулъ онъ,—какъ много накопилось дѣлъ и сколько экстренныхъ, не терпящихъ отлагательства... И все это потому, что я остался безъ секретаря, какъ безъ руки... Но, ничего, съ Божьей помощью, мы съ тобой справимся и впередъ не будемъ запускать дѣла... А жалованье тебѣ за эти занятія,—окончилъ онъ неожиданно,—я дамъ по шестидесяти рублей въ мѣсяць... Не правда ли, вознагражденіе царское?..

И когда я ничего не отвѣтила ему, ибо была очень взволнована и думала совершенно о другомъ, онъ взялъ меня за руку, пытливо заглянулъ мнѣ прямо въ глаза и иронически прибавилъ:

— Шестидесять рублей деньги большія; въ годъ это выходитъ 720 рублей... Не всякій мужчина зарабатываетъ такія деньги... Но ты такая дѣвушка... такая, что я готовъ прибавить, если находишь, что этого мало...

И онъ опять потрепалъ меня по волосамъ и такъ странно посмотрѣлъ на меня, что мнѣ почему-то стало жутко отъ его взгляда.

— Я совершенно довольна такимъ вознагражденіемъ,—пробормотала я, поспѣшивъ отвернуться отъ его взгляда.

— Хе, хе, хе... И отлично... Спокойной ночи, голубка...

VII.

Такимъ образомъ я сдѣлалась самымъ приближеннымъ членомъ ребъ Боруха Бердичевского, совершенно неожиданно для самой себя. Первые дни, пока запущенная корреспонденція не была приведена въ порядокъ, мнѣ приходилось много работать; потомъ, когда осталась одна текущая переписка, справиться было гораздо легче. Занимаясь съ ребъ Борухомъ, я поражалась его неутомимостью, памятью и умомъ. Отвѣчать на письма подъ его дик-

товку было просто наслажденіемъ: такъ кратко, ясно излагалъ онъ самыя запутанныя обстоятельства и формулировалъ свои мысли. Будучи почти безграмотнымъ, онъ легко улавливалъ суть всякаго дѣла, читалъ между строкъ и, когда это ему было нужно, въ особенности въ первое время, излагалъ свои мысли такъ, что понять могъ его только человѣкъ, посвященный въ дѣла, для всякаго же посторонняго письма его оставались бы непонятными. Это былъ своего рода шифръ, въ высшей степени остроумный и, во всякомъ случаѣ, трудно поддававшійся разгадкѣ.

Нечего говорить, что съ тѣхъ поръ, какъ ребъ Борухъ приблизилъ меня къ себѣ и сдѣлалъ своимъ секретаремъ, значеніе мое въ домѣ возросло необычайно. Всѣ, начиная отъ m-me Бердичевской и оканчивая послѣднимъ слугой, стали заискивать во мнѣ. Даже Соренца, и та начала заглядывать мнѣ въ лицо съ такою же собачьей преданностью, съ какою заглядывала въ лицо своего дѣда.

Тѣмъ не менѣе, я чувствовала себя нехорошо. Сознаніе, что я попала въ довѣріе къ старику путемъ обмана, меня угнетало. Это съ одной стороны, а съ другой — самъ старикъ одновременно внушалъ мнѣ омерзѣніе, ужасъ, страхъ и что-то такое еще, чего формулировать ясно и точно я не могла, но что положительно притягивало меня къ нему и заставляло предъ нимъ преклоняться. И была польщена его довѣріемъ и внутренно гордилась тѣмъ, что страшный жидъ, передъ которымъ все трепещетъ, который всѣхъ ставитъ ни во что, который обращается со всѣми презрительно-высокомѣрно, приблизилъ меня къ себѣ и обращается, какъ съ равной. За то бывали и такіе моменты, когда онъ внушалъ мнѣ одинъ ужасъ и омерзѣніе, и я бѣжала бы отъ него прочь и дорого дала бы, чтобы не видѣть его противнаго лица, не слышать его отвратительнаго голоса. Къ этому еще примѣшивалось и угрызеніе совѣсти: я сознавала, что служу орудіемъ страшнаго зла и помогаю старику въ его гнусной дѣятельности въ ущербъ человѣчеству. Тѣмъ не менѣе, я продолжала аккуратно заниматься съ нимъ въ его кабинетѣ и съ непонятнымъ для самой себя рвеніемъ прониклась его интересами, входила въ его дѣла и изъ всѣхъ силъ старалась заслужить его одобреніе.

Долгія ночи проводила я безъ сна и много разъ принимала рѣшеніе бросить занятія съ старикомъ и бѣжать, бѣжать безъ оглядки изъ этого вертепа, гдѣ все рѣшительно злило, раздражало меня и было мнѣ противно. Однако-жъ, на утро я, какъ ни въ чемъ не бывало, приступала къ своимъ обязанностямъ: сначала занималась съ дѣвочками, потомъ съ m-me Бердичевской и ждала съ непонятнымъ для самой себя нетерпѣніемъ наступленія вечера, чтобы опять очутиться въ кабинетѣ ребъ Боруха, за его большимъ столомъ, и заняться его дѣлами, которыя приводили меня въ ужасъ. По пятницамъ я положительно чувствовала себя нехорошо, потому

что въ пятницы не было вечернихъ занятій съ ребѣ Борухомъ, и я не знала, куда дѣвать свое время, и очень скучала. Обыкновенно въ этотъ день къ ужину собирались гости: извѣстные читателю Трындинъ, Вайнеръ и поклонникъ м-те Бердичевской, чахоточный Треймлеръ. Первые двое являлись съ своими женами и чадами. Послѣ параднаго ужина старикъ удалялся къ себѣ, а молодые хозяева до поздней ночи проводили время съ гостями, стараясь плѣнять ихъ своею свѣтскостью и «европейскимъ» обращеніемъ. Жены Трындина и Вайнера, одѣтыя чрезвычайно богато и украшенныя золотомъ и брилліантами въ изобиліи, обѣ невысокаго роста, довольно толстыя особы, держались напыщенно, стараясь всячески не уронить своего достоинства. Онѣ больше молчали и какъ-то снисходительно прислушивались къ непрерывной трескотнѣ м-те Бердичевской, которая болтала безъ умолку и никому не давала промолвить слова. Дочери Трындина, очень красивыя дѣвушки, одѣтыя богато, но безъ вкуса, изъ которыхъ одна окончила ужъ гимназію, а другая была въ послѣднемъ классѣ, старались сблизиться со мною. Но между нами оказалось весьма мало общаго: ихъ главнымъ образомъ занимали различныя сплетни, наряды и дѣла ихъ родителя, по ихъ словамъ, блестящія. Въ первый же день нашего знакомства онѣ сообщили мнѣ, что за ними ухаживаетъ много кавалеровъ, и что этому удивляться нечего, такъ какъ, кромѣ ихъ личныхъ качествъ и общепризнанной красоты, папаша назначилъ имъ въ приданое большую сумму...

— Такую большую сумму,—съ явнымъ самохвальствомъ въ голосѣ воскликнула младшая Трындина,—что насъ во всемъ городѣ считаютъ самыми богатыми и выгодными невестами. Но я замужъ такъ скоро не пойду. Я очень люблю науку и поѣду на курсы въ Петербургъ.

— Если папа позволить,—перебила ее старшая сестра.

— А почему бы ему не позволить?

— А хоть бы потому, что мы, слава Богу, богаты и не зачѣмъ намъ гнаться за большою ученостью. Пусть тѣ, у которыхъ за душой ничего нѣтъ, гонятся за наукой...

И она не то гордо, не то съ сожалѣніемъ посмотрѣла на меня.

Младшая сестра не соглашалась и доказывала что наука тотъ же капиталъ, и что если къ большому приданому, которое назначилъ имъ отецъ, еще прибавить дипломъ высшихъ курсовъ, можно сдѣлать болѣе видную партію. Долго спорили сестры на эту тему, стараясь убѣдить одна другую не столько разумными доводами, сколько крикомъ. Наконецъ, такъ какъ обѣ сестры отличались замѣчательнымъ упорствомъ, онѣ до того переругались, что, не стѣняясь моимъ присутствіемъ, перешли на личности и выложили предо мною цѣлую массу грязи. Оказалось, по словамъ младшей сестрицы, что старшая потому возстааетъ противъ высшихъ курсовъ,

что она тупа, какъ коза, и невѣжественна, какъ индѣйка, что гимназію окончила она съ большимъ трудомъ, благодаря больше стараніямъ отца, который задабривалъ и учителей, и инспектора, и директора. Не будь онъ богатъ и съ связями, никогда бы не кончить ей гимназію; что она всегда была въ классѣ одною изъ послѣднихъ... Старшая, стараясь перекричать младшую, заявила, что способностями Богъ ее не обидѣлъ, училась же она скверно потому, что въ наукѣ пользы для себя не видѣла, что не зачѣмъ было ей трудиться и сидѣть надъ книжками, когда она имѣла возможность проводить время гораздо пріятнѣе, и что если младшая сестра ночей не спитъ и безъ конца зубритъ, какъ попугай, свои уроки, то она это дѣлаетъ не изъ любви къ наукѣ, а съ досады, что ей не удалось заманить въ свои сѣти Треймлера, этого богатѣйшаго жениха во всемъ городѣ... А ужъ старалась она, какъ старалась, ха, ха, ха!... А ему на нее наплевать!...

Тутъ младшая сестра перебила старшую такимъ крикомъ, что я испугалась, чтобы у нихъ не дошло до рукопашной схватки. Къ удивленію моему, все обошлось благополучно, лишь только старшая упомянула про м-ше Бердичевскую, какъ про безсовѣстную кокетку, которая вертитъ чахоточнымъ и глупымъ Треймлеромъ, «какъ молчалкой»...

Обѣ сестры сошлись въ своей ненависти къ хозяйкѣ дома и, совершенно забывъ о нанесенныхъ другъ другу обидахъ, начали на перебой передавать мнѣ различныя сплетни. И досталось же отъ нихъ м-ше Бердичевской!...

Разумѣется, среди такого милаго общества я не могла не скушать. Уходить же къ себѣ, на верхъ, мнѣ не давали ни м-ше Бердичевская, ни ея гости. Всѣ они увѣряли, что мое общество имъ чрезвычайно пріятно, что они дорожатъ имъ. Было бы невѣжливо-стью съ моей стороны, если бъ я удалилась отъ нихъ.

Въ одну изъ пятницъ, когда старикъ удалился, ко мнѣ подошелъ Трындинъ съ весьма озабоченнымъ лицомъ и заявилъ, что долженъ со мною переговорить по весьма важному дѣлу, не терпящему отлагательства.

И, не дожидаясь моего согласія, онъ взялъ мою руку, вложилъ въ свою и потянулъ за собой, въ садъ. Поведеніе его больше поразило меня, чѣмъ оскорбило, и я мысленно задавала себѣ вопросъ: что нужно ему отъ меня?

Долго таскалъ онъ меня за собой, по главной аллеѣ, не проронивъ ни одного слова и стараясь не глядѣть на меня. Я слѣдовала за нимъ, недоумѣвая. Наконецъ, онъ завернулъ въ боковую аллею, совсѣмъ глухую, выпустилъ мою руку и, тяжело вздохнувъ, усталъ на меня въ упоръ.

Ночь была лунная, свѣтлая, и я замѣтила, какъ морщины испетрили лобъ Трындина.

— Что вы надѣлали? — произнесъ онъ наконецъ дрожащимъ голосомъ.

— А что? — въ свою очередь спросила я.

— И вы еще спрашиваете? Неужели не догадываетесь?...

— Ничего не понимаю...

— Не понимаете?!... Нѣтъ, вы очень хорошо понимаете... Вы не такъ глупы, чтобы не понимать... Но если вы думаете, что это пройдетъ вамъ безнаказанно, что мы это такъ оставимъ и не примемъ мѣры, то ошибаетесь!... Всякій думаетъ о своей безопасности, всякій дѣйствуетъ на пользу себѣ, и если вы перехитрили насъ всѣхъ и провели самаго умнѣйшаго изъ насъ, то даромъ вамъ это не пройдетъ!... Мы примемъ мѣры рѣшительныя и уничтожимъ васъ!... Слышите, уничтожимъ!...

Онъ такъ зло и грозно посмотрѣлъ на меня, такъ крѣпко сжалъ свои здоровые кулаки, что мнѣ казалось, вотъ-вотъ онъ бросится на меня и въ самомъ дѣлѣ уничтожить. Тѣмъ не менѣе, странное поведеніе Трындина и его угрозы не внушали мнѣ никакого страха. Его неожиданная выходка скорѣе меня заинтересовала и возбудила мое любопытство, чѣмъ испугала.

— Послушайте, Миронъ Абрамовичъ,—перебила я наступившее молчаніе.—Я положительно не понимаю, изъ-за чего вы такъ кипятитесь и злобствуете. Ничего худого я вамъ не сдѣлала и никакого преступленія не совершила. Тутъ, очевидно, какое нибудь недоразумѣніе, которое прошу васъ выяснить, и тогда, увѣряю васъ, вамъ самимъ будетъ стыдно за вашъ тонъ, за ваше поведеніе со мной... Потому, согласитесь, вы себѣ черезчуръ много позволили...

При лунномъ свѣтѣ я замѣтила, какъ все лицо моего собесѣдника искривилось въ злую улыбку.

— Я себѣ черезчуръ много позволяю?.. Вы такъ думаете? — вскрикнулъ онъ, схвативъ мою руку и крѣпко ее сжимая.— Ошибаетесь!.. Я имѣю полное право поступить съ вами грубо, жестоко... какъ вы этого вполне заслуживаете!.. Вы очень скверная дѣвица!.. Вы хуже всякой змѣи!.. Вы страшная обманщица!.. Вы самый злѣйшій нашъ врагъ!.. врагъ всего Израиля, и я вамъ покажу!.. Я вамъ покажу!..

— Какъ вы смѣете со мною такъ разговаривать!—не выдержала я наконецъ и вырвала свою руку изъ его руки.— Я васъ больше слушать не намѣрена. Оставьте меня въ покоѣ!..

Я отвернулась отъ него и сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы уйти. Но онъ рванулся за мной, схватилъ за обѣ руки, насильно удержалъ на мѣстѣ и, наклонившись къ самому моему уху, прошипѣлъ:

— Ты, проклятая иновѣрка, вкралась въ довѣріе къ величайшему во Израилѣ мужу, который приблизилъ тебя къ себѣ и открылъ тебѣ всѣ наши тайны!.. Мы сегодня только узнали, что ребъ

Борухъ, убѣжденный, что ты еврейка, исполнѣ тебѣ довѣрился и взялъ тебя въ секретари... Ты узнала много, чего тебѣ знать нельзя!.. Отъ твоей скромности зависитъ теперь участь нашего народа, и мы желаемъ себя обезопасить отъ тебя... сдѣлать тебя безвредной!.. О, мы уничтожимъ тебя, уничтожимъ въ конецъ, такъ что слѣда не останется!..

Послѣднія слова Трындинъ произнесъ съ такой силой и такъ крѣпко сжалъ мои руки, что я не на шутку встревожилась и даже испугалась. Тѣмъ не менѣе, я скоро овладѣла собой и, стараясь по возможности не выдавать предъ нимъ своей тревоги, съ искусственнымъ хладнокровіемъ спросила:

— Но какъ же вы меня уничтожите?

— О, на это имѣется много средствъ!.. Много!..

— Но не покуситесь же вы на мою жизнь?.. Не убьете же вы меня?.. попробовала я усмѣхнуться.

— Отчего вы думаете, что мы васъ не убьемъ?.. Вѣдь этого требуетъ благо нашего народа!.. Его безопасность!..

По тону его голоса и по холодному, металлическому блеску его глазъ я убѣдилась, что мнѣ грозитъ бѣда, и что въ словахъ его заключается не одна пустая угроза. Но, странное дѣло, это сознание опасности вмѣсто того, чтобы окончательно испугать меня, придало мнѣ больше смѣлости для борьбы съ врагомъ. И когда Трындинъ, обхвативъ меня своими крѣпкими руками, приподнял на воздухъ, зашагалъ впередъ и приблизился къ какимъ-то двумъ евреямъ, которые, словно привидѣнія, вынырнули изъ-за кустовъ, гдѣ очевидно спрятались по его распоряженію, я уже успѣла обдумать свое положеніе, и у меня исполнѣ созрѣлъ планъ.

— Я въ вашихъ рукахъ, Трындинъ,— сказала я,— но этимъ вы не принесете никакой пользы вашимъ единовѣрцамъ. Напротивъ, вы накличете большое бѣдствіе на нихъ, и когда ваше насиліе обнаружится, а обнаружится оно неперемѣнно, то вы жестоко пострадаете. Я предвидѣла, что надо мною можетъ быть употреблено насиліе, и заблаговременно приняла мѣры...

Все это я проговорила твердымъ голосомъ, стараясь изо всѣхъ силъ не выдавать своего волненія.

— Ты лжешь!—крикнулъ Трындинъ.—Ты хочешь обмануть меня, какъ обманула ребъ Боруха!

— Нѣтъ, не лгу...

— Не лжешь?..

Онъ выпустилъ меня изъ рукъ и устремилъ на меня въ упоръ свои сѣрые глаза.

— Какія же мѣры ты приняла для своей безопасности?—произнесъ онъ съ явной насмѣшливостью и злобой въ голосѣ.—Говори... говори скорѣй, а то долго съ тобой возиться мнѣ некогда...

— Не торопитесь и выслушайте меня со вниманіемъ: тутъ дѣло идетъ не только обо мнѣ, но и о васъ...

И я въ свою очередь посмотрѣла на него въ упоръ.

— Говори же!—крикнулъ Трындинъ.

На этотъ разъ я уловила въ его голосѣ тревожную нотку. Это подбодрило меня и придало храбрости. Я поняла, что врагъ мой начинаетъ трусить, и, что если я до конца выдержу характеръ, то побѣда останется за мной. «Хладнокровія, побольше хладнокровія», какъ будто шепнулъ мнѣ какой-то внутренній голосъ.

— Неужели вы хотите, чтобы я заговорила при нихъ?—продолжала я, стараясь придать моему голосу насмѣшливый отгѣнокъ и указывая на стоявшихъ рядомъ съ нами неизвѣстныхъ мнѣ двухъ евреевъ.— Мнѣ, конечно, это все равно, но врядъ ли вамъ это будетъ удобно...

Трындинъ посмотрѣлъ на меня съ ненавистью и сдѣлалъ знакъ евреямъ удалиться.

— Теперь не задерживай меня и говори скорѣй,— произнесъ онъ, лишь только евреи удалились.

— Хорошо. Я буду кратка, тѣмъ болѣе, что бесѣда съ вами мнѣ особаго удовольствія не доставляетъ, и я желаю скорѣе очутиться въ своей комнатѣ, чтобы отдохнуть и прійти въ себя отъ безобразной сцены, которую вы позволили себѣ мнѣ устроить...

— Ты говоришь такъ, какъ будто увѣрена, что возвратишься цѣла и невредима въ свою комнату,—со злобой перебилъ меня Трындинъ.— Я же въ этомъ сильно сомнѣваюсь...

— А я ничуть не сомнѣваюсь...

— Слушай, проклятая иновѣрка,— снова перебилъ меня онъ съ запальчивостью.— Не вздумай надо мною насмѣхаться и не затягивай напрасно разговоръ пустыми словами... Говори скорѣе дѣло...

— Вы же сами меня перебиваете...

— Не буду больше перебивать... Говори же скорѣй...

И онъ до боли сжалъ мою руку...

Не смотря на причиненную мнѣ боль и на грубое обхожденіе со мною Трындина, я все болѣе и болѣе внутренне успокоивалась, ибо то и другое убѣдило меня, что врагъ мой не даромъ такъ волнуется, что онъ трусить.

— Я умнѣе васъ Трындинъ,— начала я послѣ довольно продолжительной паузы, медленно отчеканивая каждое слово и время отъ времени пронизывая его насмѣшливымъ взглядомъ.— Да, я умнѣе васъ и на этотъ разъ перехитрила даже «умнѣйшаго изъ васъ», какъ вы называете старика Бердичевскаго. Когда ребъ Борухъ, помимо моего желанія, приблизилъ меня къ себѣ и посвятилъ во всѣ ваши жидовскія тайны, я поняла, какой опасности подвергаюсь на случай, если будетъ обнаружена моя тайна, то-есть если ребъ Борухъ узнаетъ, что я христіанка. Чтобы обезопасить себя отъ его

мести (которая, я знала, можетъ быть ужасна), я сдѣлала вотъ что: сняла копии съ нѣкоторыхъ весьма важныхъ документовъ и присвоила нѣкоторые подлинныя документы и все это отправила въ Петербургъ къ моей пріятельницѣ въ запечатанномъ конвертѣ при письмѣ, въ которомъ прошу ее представить запечатанный конвертъ куда слѣдуетъ на случай, если въ теченіе одного мѣсяца она не получитъ обо мнѣ никакихъ вѣстей.

По мѣрѣ того, какъ я говорила, лицо Трындина выражало все большій и большій ужасъ, а когда я кончила говорить, онъ затрясся и заикаясь произнесъ:

— Это не правда... Ты это выдумала то-только теперь, чтобы испугать меня...

Наступила довольно продолжительная пауза. Лицо Трындина искривилось отъ страха, злости и бѣшенства. Онъ, повидимому, и вѣрилъ и не вѣрилъ моей выдумкѣ, и я поняла, что въ томъ и другомъ случаѣ прежняя опасность для меня миновала, и что отъ моего дальнѣйшаго поведенія зависитъ, чтобы окончательно побѣдить его и сдѣлать безвреднымъ.

— Если вы думаете, что я обманываю васъ,— прервала я молчаніе, сохраняя прежнее хладнокровіе,— то могу вамъ дать весьма вѣское доказательство въ противномъ... Самымъ убѣдительнымъ образомъ могу доказать вамъ, что мѣры для моей безопасности мною дѣйствительно приняты...

— Какимъ образомъ вы это мнѣ докажете?

— Очень простымъ образомъ... Не спѣшите со мною совсѣмъ покончить. У васъ, вѣроятно, найдется возможность запрягать меня мѣсяца на полтора въ такое мѣстечко, что ни одна душа не заподозритъ о моемъ существованіи и не найдетъ меня. За это время послѣдствія принятой мной мѣры непременно скажутся: конвертъ мой будетъ представленъ по назначенію, и дѣло о преступленіяхъ Боруха Бердичевского при содѣйствіи кагаловъ всего свѣта получить законный ходъ... Когда стараго Бердичевского арестуютъ и посадятъ въ тюрьму, вы убѣдитесь, что я не вру.

Что сдѣлалось съ Трындинымъ, когда онъ выслушалъ мои послѣднія слова, не поддается никакому описанію. Тутъ я воочію убѣдилась, что жидовская трусость не имѣетъ предѣловъ. Вся его прежняя злость, все его высокомеріе, вся его нахальная грубость— все это исчезло. Страхъ, одинъ только страхъ, овладѣлъ всѣмъ его существомъ: онъ свѣтился въ его глазахъ, онъ проглядывалъ въ его движеніяхъ, онъ слышался мнѣ въ его голосѣ... А главное, этотъ страхъ овладѣлъ имъ моментально, лишь только съ языка моего сорвалось слово: «тюрьма».

— О горе намъ!.. Горе!.. воскликнулъ онъ, схватившись за голову.— За что караетъ насъ такъ сильно Іегова и посылаетъ такія испытанія?.. Научи меня, о Боже, Богъ-Адонай, Богъ-Цавоотъ, какъ

дѣйствовать, какъ поступить?.. Слабѣетъ умъ мой, внутренности мои горятъ, отчаяніе и горе помутили мой разумъ... Не оставляй меня Богъ-Цавоотъ!.. Вразуми меня!.. Укажи путь ко спасенію меня, всего Израиля, любимаго чада Твоего!..

Послѣднія слова онъ произнесъ съ закрытыми глазами, нараспѣвъ, какъ молитву. Я внутренно содрогнулась при мысли, что стоящій предо мною человѣкъ осмѣливается призывать Бога и звать къ Его помощи на преступленіе! Я чувствовала, что начинаю теряться, начинаю падать духомъ. А между тѣмъ борьба моя съ врагомъ была еще далеко не окончена, и для спасенія моего необходимо было сохранить хладнокровіе до конца...

— Шмуль!.. Хаимъ!.. крикнулъ Трындинъ.

Когда изъ-за кустовъ появились неизвѣстные мнѣ евреи, онъ наклонился къ нимъ и внушительно произнесъ:

— Стерегите ее... Не давайте ей шагу сдѣлать... Скоро возвращусь... Помните, вы отвѣчаете за нее!..

Трындинъ ушелъ и оставилъ меня съ незнакомыми евреями, которые молча схватили меня и оттащили въ кусты. Тамъ они заставили меня сѣсть на траву и усѣлись рядомъ со мной.

Мрачныя мысли овладѣли мной, смѣняясь одна другой съ необычайной быстротой. Поглощенная ими, я очнулась только тогда, когда вдругъ услышала торопливые шаги нѣсколькихъ человѣкъ. Сердце мое тревожно забилось: я инстинктивно поняла, что сейчасъ моя участь будетъ рѣшена, и приговоръ надо мною будетъ произнесенъ. «Что бы ни случилось, — мелькнуло въ моей головѣ, — я не должна выказывать трусости передъ моими врагами и просить у нихъ пощады, потому что все равно они не будутъ меня щадить; по крайней мѣрѣ, они не увидятъ моего униженія, не услышатъ моихъ просьбъ, моихъ моленій»... Принявъ такое рѣшеніе, я поднялась съ мѣста и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, услышала голосъ Трындина, назвавшаго меня по имени.

Трындинъ возвратился не одинъ, а въ сопровожденіи Вайнера и Михаила Борисовича. Лишь только я приблизилась къ нимъ и увидѣла ихъ разстроенныя лица, которыя при лунномъ свѣтѣ казались блѣдными, то поняла, что всякая опасность для меня прошла.

— Фрейленъ, — началъ Вайнеръ неровнымъ голосомъ, — Трындинъ глупъ и поступилъ съ вами весьма неделикатно, можно сказать, даже очень скверно, но вы его простите, должны ему простить, а мы съ вами кончимъ наше дѣло благородно, дружески... Вы умная дѣвица, очень умная... Дай Богъ моимъ внучкамъ такой умъ, какъ вашъ. А съ умнымъ человѣкомъ всегда столкнуться можно... Развѣ это не правда?.. Охъ!..

Онъ глубоко вздохнулъ и укоризненно посмотрѣлъ на Трындина.

— У васъ, — продолжалъ онъ болѣе твердымъ голосомъ, — имѣются документы, цѣну которыхъ вы, какъ дѣвица ума великаго и не-

обыкновеннаго, хорошо понимаете, а потому я васъ спрашиваю, скажите откровенно: сколько вы желаете получить за эти документы?..

Убѣдившись изъ словъ Вайнера, что сочиненную мною сказку о документахъ они приняли всерьезъ, и что, такимъ образомъ, я не только спасена, но они сами считаютъ себя всецѣло въ моихъ рукахъ, я, чтобы не выдать моей радости, не поторопилась отвѣтомъ и стала обдумывать свой дальнѣйшій образъ дѣйствій съ ними, хорошо сознавая, что всякое необдуманное слово, малѣйшій промахъ могутъ вторично подвергнуть меня опасности.

— Объявите же намъ вашу цѣну, фрейленъ?—перебилъ мои размышленія Вайнеръ.

— Это не такъ легко сдѣлать, какъ вы полагаете,—отвѣтила я, стараясь придать своему голосу серьезный оттѣнокъ и въ то же время внутренно усмѣхаясь.—Согласитесь сами: теперь вы въ моихъ рукахъ, и мнѣ въ жизни такого случая въ другой разъ не представится... Надобно мнѣ хорошенько подумать, чтобы не продешевить...

Я сама удивлялась и тону моего голоса и словамъ, такъ плавно льющимъ съ устъ моихъ. Мнѣ самой сдѣлалось забавно, когда я заговорила съ евреями ихъ языкомъ. А они слушали меня въ высшей степени серьезно и, повидимому, находили отвѣтъ мой вполне логичнымъ, правильнымъ.

— Неужели,—заговорилъ Трындинъ,—такая умная дѣвица, какъ вы, фрейленъ, до сихъ поръ не выяснили себѣ, сколько слѣдуетъ потребовать съ насъ за это?..

Тутъ пришла мнѣ въ голову мысль зло подшутить надъ Трындинымъ, чтобы хоть немножко отомстить ему за страхъ, который онъ мнѣ причинилъ.

— Видите ли, господа, до сегодняшняго вечера у меня была назначена одна цѣна, а теперь, послѣ того, какъ господинъ Трындинъ позволилъ себѣ грубо обращаться со мной, прибѣгнулъ къ насилію,—цѣна будетъ другая... совсѣмъ другая... Гораздо бѣльшая прежде назначенной...

Надо было видѣть лицо Трындина, какъ оно вытянулось! Вайнеръ и Михайлъ Борисовичъ посмотрѣли на него съ укоромъ, а я чуть-чуть удержалась отъ смѣха: до того Трындинъ былъ ничтоженъ и жалокъ.

— Ахъ, Трындинъ, что вы надѣлали?.. Что вы надѣлали?.. произнесъ со вздохомъ Вайнеръ.—За вашъ глупый поступокъ теперь всѣмъ намъ придется отвѣчать... раскошелиться... Но вы знаете,—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—у насъ существуетъ поговорка: «покойника съ кладбища назадъ не тащатъ, а сдѣланнаго уже дѣла не передѣлаешь...». Трындинъ наглупилъ: развѣ можно было поступать съ такой умной дѣвицей такъ, какъ онъ поступилъ? Мы за

это должны поплатиться и поплатимся... Какая же теперь ваша цѣна?

— Я же вамъ говорила, что должна подумать, чтобы не продешевить... Сегодня я вамъ ничего не могу сказать... Черезъ нѣсколько дней мы столкнемся.

— Неужели это ваше послѣднее слово?—спросилъ Вайнеръ.

— Самое послѣднее и рѣшительное! Мнѣ торопиться не зачѣмъ.

— Значитъ, вы желаете еще оставаться въ домѣ ребѣ Боруха и продолжать съ нимъ ваши занятія?—съ нескрываемымъ ужасомъ спросилъ Вайнеръ.—Помилуйте, вы сами понимаете, что мы этого допустить не можемъ.

— Хотѣла бы я знать,—отвѣтила я высокомерно,—какъ вы мнѣ помѣшаете поступить посвоему? Бѣжать изъ дома г. Бердичевского и скрыться я не намѣрена. Я пробуду здѣсь до конца августа, какъ условилась съ Михаиломъ Борисовичемъ еще въ Петербургѣ, и никто, слышите, никто не заставитъ меня уѣхать раньше!..

— Но вы вѣдь понимаете, что дальнѣйшее ваше пребываніе въ домѣ для насъ чрезвычайно опасно: мало ли какія тайны вы можете еще узнать...

— Въ такомъ случаѣ предупредите ребѣ Боруха, откройте ему, что я христіанка, и онъ больше мнѣ довѣрять не будетъ... И я останусь въ домѣ только гувернанткой...

— Ай, что вы говорите!—съ ужасомъ перебилъ меня Михаилъ Борисовичъ.—За что вы хотите причинить мнѣ большое несчастье?.. На всю жизнь несчастливить?! Погубить въ конецъ!.. Я вамъ ничего худого не сдѣлалъ... Я полюбилъ васъ, какъ сестру... Моя жена васъ тоже очень полюбила... Ахъ, фрейленъ, я на колѣняхъ готовъ молить васъ, не причиняйте мнѣ большого зла, не губите меня...

И онъ дѣйствительно опустился на колѣни и началъ цѣловать мои руки.

Мнѣ было очень жаль Михаила Борисовича, потому что во все время моего пребыванія онъ обходился со мною въ высшей степени предупредительно и вѣжливо, довѣрялъ мнѣ и выказывалъ несомнѣнное дружеское расположеніе. Кромѣ того, онъ былъ человѣкъ глуповатый, но добрый и обязательный. Къ тому еще я сознавала, что стоитъ только ребѣ Боруху узнать правду, и Михаелкѣ дѣйствительно не сдобровать. Но при всемъ моемъ сочувствіи къ нему, я все-таки рѣшила поступить посвоему и не поддаваться жалости: моя собственная безопасность и мои собственные интересы этого требовали.

— Моего рѣшенія измѣнять я не могу и не буду,—отвѣтила я твердымъ голосомъ.—И какъ мнѣ ни жаль васъ, ничего не могу для васъ сдѣлать. Впрочемъ, не я васъ гублю, а они,—указала я рукой на Трындина и Вайнера.—Это они желаютъ все открыть вашему отцу, а не я. Просите ихъ, чтобы молчали; я же буду нѣма, какъ рыба, и ничего не скажу ему...

— Вы слышите,—произнесъ съ волненіемъ Михаилъ Борисовичъ и всталъ.—Фрейлинъ обѣщаетъ ничего не говорить отцу, и вы должны молчать... И вы не смѣйте ему сказать ни слова...

— Но отъ нашего молчанія грозитъ опасность Израилю,—перебилъ его Вайнеръ.—Мы не смѣемъ молчать...

— Да, мы не смѣемъ молчать!..—подтвердилъ Трындинъ.

— Въ такомъ случаѣ,—запальчиво произнесъ Михаилъ Борисовичъ,—я васъ щадить не буду: я скажу отцу, что съ перваго же дня поступленія фрейленъ въ нашъ домъ вы знали, что она христіанка, что вы вмѣстѣ со мною участвовали въ обманѣ... что вы также причастны къ великому бѣдствію...

— Мы отречемся, и ребъ Борухъ намъ повѣритъ,—воскликнулъ Вайнеръ.

— Конечно, отречемся,—произнесъ Трындинъ.

— Нѣтъ, господа, не отречетесь,—пришла я на помощь Михаилу Борисовичу.—Я сама скажу ребъ Боруху, что вы знали, что я христіанка... Я даже расскажу ему, какъ вы, Трындинъ, хотѣли меня переманить къ себѣ... Однимъ словомъ, я постараюсь, чтобы и вамъ досталось, если вы не согласитесь пощадить Михаила Борисовича и не будете молчать...

Наступила довольно продолжительная пауза, которую наконецъ прервалъ Вайнеръ и, тяжело вздыхая, произнесъ:

— Мы совсѣмъ въ вашихъ рукахъ, и если вы скажете намъ: удавитесь,—мы должны удавиться...

— Ну, я не такая кровожадная, чтобы желать вамъ смерти,—перебила я со смѣхомъ.—А вашего молчанія я требую, и вы должны мнѣ повиноваться для вашего же блага.

— Тутъ блага никакого нѣтъ, а есть грѣхъ и преступленіе: мы предаемъ тайны Израиля въ ваши руки, и за это Богъ-Цавоотъ възыщеть съ насъ... Но, повторяю, мы въ вашихъ рукахъ и должны вамъ повиноваться... Но не мучьте же насъ долго и скорѣе объявите вашу цѣну... Получите денежки и возвратите намъ документы...

— Мы съ вами надняхъ покончимъ это дѣло, а теперь, я думаю, пора ужъ возвратиться въ домъ... Дамы, вѣроятно, недоумѣваютъ, куда мы всѣ дѣлись и такъ долго пропадаемъ.

— Да, да,—согласился Вайнеръ,—пора возвратиться, а то дѣйствительно...—Онъ взялъ подъ руку Михаила Борисовича и продолжалъ:—Вы немножко подождите и возвратитесь съ Трындинымъ, а я съ нимъ пойду впередъ...

— Не смотрите на меня, какъ на разбойника,—произнесъ Трындинъ заискивающимъ голосомъ, когда нѣсколько минутъ спустя, по удаленіи Вайнера и Михаила Борисовича, онъ вновь предложилъ мнѣ руку, а я отказалась отъ этой чести.—Неужели вы думаете, я такой извергъ, что способенъ убить человѣка? Вѣрьте, высокочтимая фрейленъ, мнѣ было васъ такъ жалко, моя душа такъ за васъ болѣла,

когда мнѣ думалось, что самъ Господь-Цавоотъ предназначилъ меня, дабы я васъ уничтожилъ; были минуты, что я хотѣлъ пойти даже противъ Бога, и пощадить васъ, несмотря на то, что изъ этого могъ выйти большой вредъ для моего народа... Вѣрьте мнѣ, я никогда не сдѣлалъ бы вамъ вреда... Я дѣйствовалъ только, какъ еврей и патріотъ, но человѣкъ я мягкій, съ доброй душой; муху и ту обижать не могу. Не бойтесь меня, дайте вашу руку... Намъ надо возвратиться къ дамамъ такими же друзьями, какими мы отъ нихъ ушли...

С. Литвинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ Е. П. ШУМИЛОВОЙ-МОЧАЛОВОЙ ¹⁾.

IV.

Свѣтлыя стороны натуры и характера Мочалова.—Самолюбіе и гордость его.—Два случая по этому поводу.—Отсутствіе нужды въ семьѣ Мочалова.—Доброта и нерасчетливость Мочалова.—Любовь къ нему москвичей.—Добрыя дѣла Мочалова.—Его увлеченія.—Мочаловъ въ обществѣ.—Н. В. Беклемишевъ, С. А. Юрьевъ, супруги Маковскіе.—Пѣніе Л. К. Маковской.—Судьба бумагъ, переписки и библіотеки Мочалова.

О ДОВОЛЬНО о печальныхъ минутахъ въ жизни Мочалова. Укажу и на свѣтлыя стороны его характера и натуры, изъ которыхъ главными были доброта, благородство и честность.

Часто, вспоминая отца и прежнее время, я затрудняюсь опредѣлить его вѣрно. Это потому, что я еще очень юной осталась послѣ смерти отца. Но и тогда мнѣ уже казалось, что у него былъ свой собственный, какой-то отдѣльный отъ всѣхъ взглядъ на жизнь. Онъ бравировалъ людскимъ мнѣніемъ, что мнѣ крайне тогда не нравилось. Положимъ, за нимъ было большое право на собственное «я», но нельзя же было не подчиняться условіямъ и требованіямъ свѣта.

Отецъ отъ природы былъ очень уменъ, но не знаю, отъ воспитанія ли, или отъ среды, въ которой онъ вращался въ молодости, въ немъ не доставало, такъ сказать, свѣтскаго лоска. Можетъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVI, стр. 91.

быть, это происходило и отъ того, что онъ былъ слишкомъ въ себѣ увѣренъ и не слѣдилъ за собою. Въмѣстѣ съ тѣмъ, отецъ былъ слишкомъ гордъ, и это, можетъ быть, заставляло его чуждаться общества.

Помню, одинъ гвардеецъ познакомился съ отцомъ и всячески старался познакомить его съ московскимъ аристократическимъ кружкомъ—съ Бобринскими, Нарышкиными и остальною знатью. Новый знакомый взялъ съ отца слово, что онъ не откажется отъ обѣда въ Англійскомъ клубѣ, который сдѣлають аристократы въ честь его.

— А потомъ,—говорилъ онъ,—вы познакомите съ нами и дочь вашу.

Но когда дѣло дошло до обѣда, отецъ сказался больнымъ.

А то былъ такой случай. Разъ, передъ бенефисомъ отца, пріѣзжаетъ къ нему какой-то его знакомый и проситъ его, чтобы онъ поѣхалъ къ извѣстному тогда миллионеру, фабриканту Гучкову, и самъ бы сvezъ къ нему билеты въ бельэтажъ и кресло на свой бенефисъ. Если онъ это сдѣлаеть,—соблазнялъ его знакомый,—то получить сервисъ въ 500 рублей, который уже приготовленъ ему у Гучкова.

На это Мочаловъ отвѣчалъ коротко и ясно:

— Билеты на бенефисъ актера Мочалова продаются въ Большомъ театрѣ ¹⁾.

Такихъ фактовъ было много, а потому-то и «опочилъ онъ бѣднякомъ!»²⁾.

Мочаловъ хотѣлъ жить только на тѣ средства, которыя честно зарабатывалъ. Но нужды семья наша никогда не испытывала, какъ это утверждаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ покойный Фетъ ³⁾. Во-первыхъ, потому, что Мочаловъ получалъ за каждый спектакль по 125 рублей, 4 тысячи пенсіи, бенефисъ, а лѣтомъ ѣздилъ на гастроли въ провинцію и тоже не мало получалъ ⁴⁾.

Правда, что это все считалось на ассигнаціи, но тогда ассигнаціи стоили больше теперешняго серебра,—такъ дешева была жизнь въ то время.

Была и вторая причина, почему семья наша жила въ достаткѣ, и слово «нужда» не было намъ знакомо. Мы жили всѣ вмѣстѣ съ дѣдомъ моимъ по матери, а онъ располагалъ хорошими средствами, такъ что, вообще говоря, домашнее хозяйство у насъ можно было назвать полной чашей.

¹⁾ Обычай развозить билеты на бенефисы по богатымъ и знатымъ домамъ былъ тогда очень распространенъ между артистами. Этимъ приходилось заниматься даже такимъ артистомъ, какъ М. С. Щенкинъ, о чемъ онъ рассказываетъ самъ въ своихъ «Запискахъ».

²⁾ Изъ надписи на могильномъ памятникѣ Мочалова. Примѣч. А. А. Ярцева.

³⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ Фетъ рассказываетъ, какъ однажды Мочаловъ «получилъ небольшое жалованье, давно ожидаемое нуждавшимся семействомъ. Онъ вышелъ изъ кассы и на просьбу хромого инвалида, подавая всѣ деньги, сказалъ: «выпей за здоровье Павла Степановича Мочалова».

Примѣч. А. А. Ярцева.

⁴⁾ Чтобы сумма проспективныхъ денегъ, получаемыхъ тогда Мочаловымъ, не показалась слишкомъ велика, пояснимъ, что онъ въ то время уже выслужилъ пенсію, остался на вторую службу и жалованья не получать совсѣмъ. Жалованье замѣнялось проспективной платой.

Примѣч. А. А. Ярцева.

Но что у Мочалова никогда не залеживались деньги,—это тоже вѣрно и происходило отъ того, что онъ былъ непростительно добръ. Говорю непростительно потому, что въ это время забывалъ о своей семьѣ. Онъ былъ увѣренъ, что въ домѣ есть «дѣдушка», который не допуститъ, чтобы его дочь, а особенно внучка, въ чемъ нибудь нуждались. А если у отца и заводились деньги, то онъ старался ихъ куда нибудь сейчасъ же сбыть. Если не отдастъ кому нибудь, то закупить брилліантовъ или бездѣлушекъ, никому не нужныхъ.

Помню разъ, я только что пріѣхала изъ пансіона Севенаръ, какъ отецъ взялъ меня съ собою, и мы поѣхали по магазинамъ. Мы истратили рублей пятьсотъ на покупки. Меня, пятнадцатилѣтнюю дѣвочку, это радовало, а главное, забавляло то, какъ насъ принимали въ этихъ магазинахъ. Особенно разсыпались въ любезностяхъ французенки, а купцы наши московскіе такъ любили отца, что готовы были полъ-лавки отдать за то только, чтобы онъ побывалъ у нихъ.

Одинъ купецъ, торговавшій въ серебряномъ ряду, просилъ черезъ общаго нашего знакомаго, чтобы я сдѣлала ему честь и зашла въ его лавку, когда прохожу Серебрянымъ рядомъ: «ну, хоть что нибудь купить». Это былъ страстный поклонникъ отца; онъ еще, кажется, живъ и до сихъ поръ. Я тогда была дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, но бойкая. И вотъ я отправилась съ горничной (тогда дѣвушекъ не пускали на улицу однѣхъ, все съ провожатыми). Захожу я въ лавку къ Бирюкову (фамилія этого купца). Тотъ въ восторгѣ, что онъ видитъ у себя въ лавкѣ дочь Мочалова, и проситъ меня принять въ память этого прелестное брилліантовое кольцо на шею. Долго объ этой продѣлкѣ никто не зналъ, а потомъ, когда я все рассказала отцу, досталось мнѣ отъ него, побранилъ меня порядкомъ. Насколько я помню, изъ провинціи послѣ гастролей отецъ привозилъ немного денегъ, но разныхъ вещей бездну, особенно изъ Одессы, гдѣ его принимали радушно, и гдѣ онъ бывалъ у губернатора. Помню разъ, я была еще маленькая, пріѣхалъ онъ изъ Кіева, гдѣ успѣхъ имѣлъ необыкновенный, и привезъ мнѣ чуть не цѣлый пудъ великолѣпныхъ конфетъ. Оказалось, онъ обѣдалъ у генераль-губернатора Бибикова, и послѣдній, узнавъ, что у гостя-артиста въ Москвѣ есть маленькая дочка, и прислалъ мнѣ дорогихъ гостинцевъ.

Помню, пріѣзжалъ онъ съ гастролей на дачу, неподалеку отъ Кунцева, въ деревнѣ Мазилово. Тутъ было его любимое загородное мѣсто. Пріѣхавъ, отецъ занималъ всю семью и гостей своими интересными рассказами.

Выше я замѣтила, что доброта была одною изъ главныхъ чертъ характера Мочалова. Онъ любилъ дѣлать добро и помогать бѣднымъ. Вотъ два случая изъ его жизни, которые я знаю.

Въ наше семейство ходила одна старушка, изъ купечества, очень почтенная особа, но и очень бѣдная. Одинъ разъ она приходитъ къ

моей бабушкѣ и рассказываетъ ей свое горе: ея любимаго сына отдають въ солдаты. Отецъ все это слышалъ изъ другой комнаты. Вдругъ онъ выходитъ оттуда, выноситъ сто рублей и отдаетъ ихъ старушкѣ ¹⁾. Это были въ то время у отца послѣднія деньги. Себѣ онъ оставилъ только одинъ рубль. Бабушка моя, въ отвѣтъ на его поступокъ, только посмотрѣла на отца и покачала головой, а онъ махнулъ рукой и вышелъ.

А другой случай, о которомъ я знаю, обнаружился уже послѣ смерти отца. Говорятъ однажды мнѣ, что спрашиваетъ меня какой-то молодой человекъ. Прошу войти. Входитъ и рекомендуется— фамилія совершенно мнѣ неизвѣстная. Онъ началъ мнѣ рассказывать, что хорошо зналъ покойнаго отца и потому взялъ на себя смѣлость мнѣ представиться. Я отвѣчаю, что его фамилію никогда не слыхала отъ отца,—а почти всѣхъ его знакомыхъ я знала.

Молодой человекъ говоритъ мнѣ на это:

— Вѣрно, Павелъ Степановичъ не любилъ рассказывать о своихъ благодареніяхъ. Онъ нѣсколько лѣтъ содержалъ наше семейство, а меня воспитывалъ на свой счетъ. Мать моя больная женщина и нѣсколько лѣтъ не встаетъ съ постели.

Натура у отца была увлекающаяся, да иначе и быть не могло. Онъ увлекался Орловой (о чемъ рассказываетъ Фетъ), но не любилъ ²⁾.

Да и любилъ ли онъ кого въ жизни? Не думаю,— по крайней мѣрѣ, если понимать чувство любви во всемъ объемѣ этого слова. Онъ могъ влюбляться и увлекаться, но едва ли онъ могъ любить серьезно. Онъ мнѣ кое-что рассказывалъ изъ своего прошлаго. Какъ молоденькая дѣвочка, я его только слушала, а теперь припоминаю, рассуждаю, какъ женщина, и готова утверждать, что онъ никогда не любилъ.

Онъ очень увлекался и Плесси ³⁾.

Я помню, мы были съ нимъ въ театрѣ, когда играла Плесси. Я сидѣла въ ложѣ, отецъ былъ за кулисами. Давали *Henri Troi et sa cour*. Плесси была восхитительна, и какъ артистка, и какъ женщина, хотя страшно растягивала слова. Отецъ былъ въ восторгѣ отъ ея игры. Онъ забывалъ, что стоитъ за кулисами, и аплоди-

¹⁾ Конечно, затѣмъ, чтобы она наняла за сына рекрута. Тогда «охотники» брали недорого. Примѣч. А. А. Янцева.

²⁾ Прасковья Ивановна Орлова, рожденная Куликова, сестра извѣстнаго въ свое время режиссера Александринскаго театра Н. И. Куликова и артистки А. И. Шубертъ. Воспитанница московской театральной школы, П. И. Орлова выступила на сценѣ въ 1828 г., тогда еще подъ фамиліей Куликовой, и играла сначала небольшія и водевильныя роли. Ея громкая извѣстность начинается съ исполненія роли Офеліи въ Гамлетѣ, поставленномъ въ 1 разъ въ 1837 г., въ бенефисъ П. С. Мочалова. Примѣч. А. А. Янцева.

³⁾ Извѣстная французская актриса того времени. Дебютировала первый разъ въ Петербургѣ въ 1845 г. Въ Петербургѣ и Москвѣ пользовалась блестящимъ успѣхомъ. Ея нѣсколько напыщенная манера игры, говорятъ, значительно сгладилась въ Россіи, и игра ея приобрѣла много простоты и естественности. Примѣч. А. А. Янцева.

ровалъ ей оттуда. Плесси улыбнулась и сначала поклонилась ему, а потомъ уже публикѣ; она знала, что онъ тамъ.

Послѣ драмы отецъ меня тотчасъ же увезъ домой и не далъ до-смотреть спектакля, въ концѣ котораго шелъ какой-то водевиль.

— Развѣ можно, — сказалъ онъ, — что нибудь смотрѣть послѣ Плесси?...

Скажу нѣсколько словъ о томъ обществѣ, которое окружало Мочалова. Мнѣ кажется, что именно его несчастная страсть, о которой говорилось выше, мѣшала бывать ему въ обществѣ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Причиной этого не могъ быть недостатокъ развитія, ибо образованіе онъ получилъ хорошее: учился сначала въ дворянскомъ пансіонѣ Терлихова, а потомъ поступилъ въ Московскій университетъ, на математическій факультетъ. Но, поссорившись съ однимъ изъ профессоровъ, онъ оставилъ университетъ и поступилъ на сцену.

Общество, посѣщавшее отца, было хорошее. Чаще всѣхъ у него бывали: Н. В. Беклемишевъ, его другъ, авторъ «Майко», А. Н. Дьяковъ, о которомъ скажу дальше, С. А. Юрьевъ, тогда еще студентъ, бывавшій у отца чуть не каждый день, Е. И. Маковский и жена его Л. К. (родители извѣстныхъ художниковъ) и нѣкоторые артисты. Бывала у насъ и П. И. Орлова, которая на вечерахъ нашихъ часто пѣла, но далеко не такъ, какъ Л. К. Маковская, чаровавшая всѣхъ своимъ пѣніемъ. Орлова пѣла эффектно, но не задушевно. Голосъ же Маковской, сильный и прелестный, такъ и лился въ душу слушателей, а особенно, когда она бывало запоетъ Долюшку Полежаева.

Многое можно бы было сказать объ обществѣ, въ которомъ вращался Мочаловъ, о его друзьяхъ и знакомыхъ, если бы сохранились его переписка и другія бумаги. Но все это пропало на второй или на третій день послѣ его смерти. Кѣмъ взяты бумаги отца и зачѣмъ — неизвѣстно. Говорю «зачѣмъ» потому, что онѣ не были нигдѣ напечатаны ¹⁾.

Переписка у него была большая, въ томъ числѣ со многими писателями-поэтами и, между прочимъ, съ Кольцовымъ, котораго мой отецъ такъ горячо любилъ. Библіотека отца была продана дѣдомъ какому-то букинисту на толкучкѣ.

Про посѣщавшихъ отца выдающихся людей того времени я мало что могу рассказать. Если они бывали у отца, то я не могла ихъ ни видѣть, ни слышать. Они сидѣли у отца въ кабинетѣ, а мнѣ

¹⁾ Въ концѣ некрологической замѣтки о П. С. Мочаловѣ, помѣщенной въ «Современникѣ» 1848 г. (апрѣль), сказано: «Скоро выйдетъ брошюра Межевича Воспоминаніе о П. С. Мочаловѣ. Межевичъ коротко знаетъ Мочалова, имѣетъ его письма, рукописныя стихотворенія и даже краткую автобіографію, доставленную ему Мочаловымъ въ 1846 г.». Это извѣстіе не осуществилось на дѣлѣ. Недавно мнѣ пришлось слышать, что въ числѣ многихъ связокъ бумагъ по театру продавались въ Москвѣ и бумаги Мочалова, купленные, какъ говорятъ, однимъ изъ коллекціонеровъ.
Примѣч. А. А. Янцева.

туда «входъ строго воспрещался» при посѣтителяхъ. Отецъ меня берегъ, какъ жемчужину какую.

V.

Понималъ ли Мочаловъ то, что онъ игралъ.—Противорѣчія въ воспоминаніяхъ Фета.—Шекспировскій и Мочаловскій Гамлетъ.—«Настоящій» Гамлетъ.—Гамлетъ - Мочаловъ.—М. С. Щепкинъ объ игрѣ Мочалова.—Какъ Мочалова принимала публика.—Пріѣздъ въ Москву трагика В. А. Каратыгина.—Мочаловъ и Каратыгинъ на сценѣ въ одномъ спектаклѣ.—Москвичи «своего» поддержали.—Взглядъ Мочалова на закулисную жизнь.

Начиная свои воспоминанія объ отцѣ, какъ объ артистѣ, я прежде всего коснусь снова мемуаровъ поэта Фета, о которыхъ я говорила выше. Мнѣ не столько было непріятно прочитать то, что Фетъ рассказываетъ о разныхъ выходкахъ отца, какъ то, что въ Мочаловѣ не было гениальности, а какая-то лишь порывистость и необузданность. Это грустно тѣмъ болѣе, что это писалъ Фетъ ¹⁾.

Я не стану опровергать разборъ Фета, не стану вдаваться въ критическія подробности. Но не могу не удивляться такимъ, напримѣръ, противорѣчіямъ. Фетъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ о Мочаловѣ: «Я не умѣю ничѣмъ объяснить магическаго дѣйствія его игры, кромѣ его неспособности понимать Шекспира во всемъ его объемѣ». Мнѣ кажется, тутъ непримиримое противорѣчіе: можно ли быть великимъ артистомъ и совершенно не понимать, что играешь? А по опредѣленію, данному Фетомъ игрѣ Мочалова, оно выходитъ такъ.

Да и самъ Фетъ отрицаетъ свой выводъ, когда говоритъ: «выразить охватившаго насъ съ Аполлономъ ²⁾ чувства ничѣмъ нельзя было иначе, какъ стараніемъ причинить другъ другу сильнѣйшую боль щипкомъ или колотушкой». И это потрясающее впечатлѣніе выносилъ весь театръ. «Было бы слишкомъ несправедливо,—говоритъ Фетъ далѣе,—приписывать намъ съ Григорьевымъ монополію потрясающихъ впечатлѣній, уносимыхъ изъ театра отъ игры Мочалова. Подъ власть этого впечатлѣнія попадали все зрители».

Могъ ли артистъ, не понимавшій того, что онъ играетъ, производить потрясающее впечатлѣніе? Отвѣтъ на это, мнѣ кажется, можетъ быть одинъ: не могъ. Аполлонъ Григорьевъ не такъ смотрѣлъ на

¹⁾ Въ указанныхъ воспоминаніяхъ Фетъ даетъ цѣлое разсужденіе о талантѣ Мочалова и о Гамлетѣ. Общій выводъ изъ разсужденія Фета таковъ: Мочаловъ всегда игралъ Мочалова, т. е. былъ тогда хорошъ на сценѣ, когда роль совпадала съ его личнымъ характеромъ и натурою. Гамлета, по его мнѣнію, Мочаловъ совершенно не понималъ. Имѣя подробный разборъ игры Мочалова въ Гамлетѣ, данный Вѣлинскимъ, странно читать отзывъ Фета о томъ, что Гамлетъ представлялъ для Мочалова лишь много «блистательныхъ случаевъ выказать собственную необузданность», и что Мочаловъ «искалъ не воспроизведенія извѣстнаго поэтическаго образа, а только наиболѣе удобнаго случая показаться передъ публикой во всю ширь своей духовной безпачетности».

Примѣч. А. А. Ирцева.

²⁾ Григорьевымъ.

игру Мочалова и выразилъ это въ своемъ стихотвореніи Искусство и Правда, которое начиналось такъ:

Была пора: театра зала
То замирала, то стонала,
И незнакомый мнѣ сосѣдъ
Сжималъ мнѣ судорожно руку ¹⁾.

Фетъ говоритъ, что Мочаловъ не былъ Шекспировскимъ Гамлетомъ и даже не въ состояніи былъ понимать ни Шекспира ни самого Гамлета. Странно, а его называли «великимъ Гамлетомъ». Но

¹⁾ Продолжалось это стихотвореніе слѣдующими словами:

И самъ я жалъ ему въ отвѣтъ,
Въ душѣ испытывая муку,
Которой и названья нѣтъ.
Толпа, какъ звѣрь голодный, выла,
То проклинала, то любила...
Весельно властвовать надъ ней
Могучій, грозный чародѣй.

Этотъ чародѣй былъ Мочаловъ. Далѣе въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ описывалась его игра въ Гамлетѣ, Ричардѣ и другихъ роляхъ, когда онъ—

Люби ли страстный вѣжннй шепотъ
Иль корчи ревности слѣпой,
Восторгъ иль грусть, мольбу иль ропотъ,—
Все заставлялъ дѣлить съ собой.

Но «угасъ волканъ, окаменѣла лава».

Мы правду въ нашемъ трагикѣ любили;
Трагизма правду съ нимъ мы хоронили.

И вотъ пришла другая пора. Въ театрѣ опять стоить стоять: появились комедіи Островскаго съ ихъ правдой. Затѣмъ новая картина: театра зала вновь полна—играетъ Рашель. Но Рашель—олицетвореніе фальши, тогда какъ—

Лишь въ сердцѣ истина: гдѣ нѣтъ живого чувства,
Тамъ правды нѣтъ и жизни нѣтъ...
Тамъ—фальшь, не вѣчно искусство!

Стихотвореніе это, написанное Аполлономъ Григорьевымъ съ присущимъ ему энтузіазмомъ, сопровождалось слѣдующимъ интереснымъ эпизодомъ. Оно было помѣщено въ «Москвитининѣ». 1854 г., № 3 и 4, февраль, кн. 1 и 2, Смѣсь, стр. 76—82. А въ слѣдующей книжкѣ «Москвитянина» (№ 5, мартъ, кн. 1, Смѣсь, стр. 20) появилась на стихотвореніе Григорьева эпиграмма съ примѣчаніемъ редакціи, что она всегда любила острую, умную и не оскорбительную шутку и потому даетъ мѣсто эпиграммѣ, написанной по поводу случайнаго стихотворенія, помѣщеннаго въ предыдущей книжкѣ. Вотъ эта эпиграмма.

Вы говорите, мой любезный,
Что будто стихъ у васъ желѣзный!
Желѣзо разное: цѣна
Ему не всякому одна!
Иное на рессоры годно,
Другое въ ружьяхъ превосходно;
Иное годно для подковъ:
То для коней, то для ословъ,
Чтобъ и они не спотыкались!
Такъ вы которымъ подковались?

Недобрый человѣкъ, кто злостью бесполезной
Смутить веселый кругъ и хватить камнемъ въ лобъ!
Твой стихъ тяжелъ, но не желѣзный:
Нѣтъ!—ты «увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ».

Примѣч. А. А. Яרцева.

вѣдь и Офелія, очаровавшая тогда всю публику, не была Шекспировской Офеліей.

По этому поводу вспоминается мнѣ такой случай. Однажды Самаринъ, будучи у меня въ гостяхъ, говоритъ:

— Рѣшаюсь я сыграть Гамлета. Но буду иначе его играть, чѣмъ Павелъ Степановичъ (тогда уже умершій). Я дамъ другой характеръ Гамлету. Да и Офелія у меня будетъ другая. Помилуйте, что за Офелія была Орлова, когда она вбѣгаетъ къ королевѣ. Этой Офеліи не доставало только кандалы надѣть или на цѣпь ее посадить. У меня будетъ Офелія другая, Шекспировская, и пѣсни она будетъ пѣть другія, тихія, народныя.

Такъ все и случилось. Я была въ театрѣ на Гамлетѣ, котораго Самаринъ поставилъ въ свой бенефисъ, и, дѣйствительно, все вышло другое. Какъ настоящій, Шекспировскій, Гамлетъ ни хитрилъ, тонъ игры былъ совершенно другой, чѣмъ у Мочалова. Самаринъ пускался въ отдѣлку внѣшнихъ подробностей; на примѣръ, во второмъ, кажется, актѣ, онъ вышелъ въ какой-то кацавейкѣ, и на одной ногѣ былъ надѣтъ сапогъ, а на другой туфля.

Можетъ быть, все это было и вѣрно, можетъ быть, такъ и надо было дѣлать Шекспировскому Гамлету. Но мы не видали того Гамлета, который производилъ потрясающее впечатлѣніе, когда

И незнакомый мнѣ сосѣдъ
Сжималъ мнѣ судорожно руку.

Соотвѣтственно Гамлету и Офелія была другая¹⁾. Она вошла на сцену тихо, не подбѣжала къ королевѣ, какъ это дѣлала Орлова. Остановившись чуть не въ самыхъ дверяхъ, Офелія запѣла въ полголоса какую-то унылую пѣсню.

Можетъ быть, это все было и ближе къ истинѣ, къ натурѣ, но эта натура не подѣйствовала на публику. И партеръ безмолствовалъ!.. Гамлета сыграли только два раза,—при всей обдуманности игры Ив. Вас. Самарина, котораго, какъ умнаго артиста, я высоко ставила²⁾.

Я ни разу не пропустила спектакля, когда давали Гамлета съ отцемъ въ главной роли. Однажды, помню, передъ спектаклемъ, когда отецъ уже собирался ѣхать въ театръ играть Гамлета, я

¹⁾ Офелію тогда играла извѣстная актриса московскаго театра Л. П. Никулина-Косицкая. Примѣч. А. А. Ярцева.

²⁾ Аполлонъ Григорьевъ въ своей статьѣ Великій трагикъ («Русское Слово», 1859 г., № 1) говоритъ объ этой постановкѣ Гамлета: «Разъ играли у насъ Шекспира по комментаріямъ и Гамлета по Гегевскому представленію, доведенному до московской ячности. Память нарисовала мнѣ все это безобразіе: и Гамлета, сантиментальнаго до слабоумія, дѣтскаго до приторности, вѣрнаго до мелочности всему тому, что въ Шекспирѣ есть ветонъ и тряпки — до спущеннаго чулка и обнаженной колѣнки; и Офелію, которую доставали нарочно — искали, видите, чистѣйшей простоты и непосредственности — и которая мяукала какіе-то англійскіе народныя мотивы, — а главное короля, прелестнаго короля, ходившаго и сидѣвшаго по комментаріямъ, толстаго, съ постной физиономіей, три дня не ѣвшаго *Santopadre*».

Примѣч. А. А. Ярцева.

вошла къ нему и попросила, чтобы онъ прислалъ за мною, если остались свободныя ложи. Ему моя просьба, замѣтно, была пріятна, и онъ, улыбаясь, сказалъ мнѣ:

— Что это, дружокъ, ты уже тридцать разъ видѣла Гамлета!

Но все-таки прислалъ за мной театральную карету. И въ этотъ вечеръ онъ былъ неподражаемо хороши.

И самъ И. В. Самаринъ, взявшись за Гамлета, сознавалъ, за какое онъ трудное дѣло берется. Помню, онъ разъ, передъ своимъ бенефисомъ, сказалъ мнѣ:

— Знаете ли, на какой подвигъ я рѣшаюсь: я въ свой бенефисъ хочу дать Гамлета. Читаю — и, кажется, идетъ не дурно, а какъ дойду до того мѣста, гдѣ Гамлетъ говоритъ: «человѣкъ онъ былъ, изъ всѣхъ людей мнѣ не видать уже такого человѣка», — такъ и брошу книгу: Павелъ Степановичъ такъ и встанетъ передо мною, какъ живой.

Не помню, чтобы когда нибудь отецъ игралъ Гамлета съ костью-лемъ, какъ утверждаетъ Фетъ. Этого я не видала, хотя спектакли съ участіемъ отца, въ послѣдніе годы его жизни, никогда не пропускала. Первой постановки Гамлета я не помню совсѣмъ; мнѣ тогда было всего только пять лѣтъ ¹⁾.

Не помню также, чтобы Мочаловъ-Гамлетъ становился на колѣни передъ тѣнью отца. Онъ становился на колѣни, когда говорилъ: «гдѣ мои замѣтки».

Впрочемъ, Богъ его знаетъ, за его игру нельзя было ручаться. Онъ сегодня игралъ такъ, а завтра — иначе. Покойный М. С. Щепкинъ говорилъ мнѣ про отца:

— Никогда я не пойду смотрѣть его игру, если онъ въ спокойномъ, веселомъ духѣ приглашаетъ меня: «Приходи, братъ, Михайло Семеновичъ, я нынче сыграю Гамлета». Нѣтъ, я вотъ когда пойду смотрѣть Мочалова: когда онъ пріѣзжаетъ въ театръ разстроенный; прямо, лишь вышелъ изъ кареты, сердится на капельдинера, что карета опоздала; входитъ въ уборную — и все не такъ, все не по немъ... Вотъ тутъ-то я пойду его смотрѣть, тутъ онъ удивитъ!...

Много я видѣла знаменитостей на сценѣ, помню хорошо Рашель, отъ которой сама съ ума сходила, но такихъ пріемовъ, какіе дѣлала публика моему отцу, никому не было. Не говоря уже о Шекспировскихъ роляхъ и въ особенности о Гамлетѣ, но въ самыхъ пустыхъ роляхъ его встрѣчали восторженно. Какъ сейчасъ вижу я, какъ появляется отецъ на сценѣ, и лишь только покажется онъ публикѣ, какъ театральная зала застонетъ отъ криковъ и рукоплесканій ²⁾.

¹⁾ Гамлетъ, въ переводѣ П. А. Полевого, былъ поставленъ на московской сценѣ, въ бенефисъ Мочалова, 22 января 1837 года. Примѣч. А. А. Ярцева.

²⁾ Одинъ изъ нашихъ театралныхъ лѣтописцевъ (Арановъ) замѣчаетъ: «ни одинъ артистъ не имѣлъ у насъ такой толпы почитателей, какъ Мочаловъ въ Москвѣ». Иностранцы, бывавшіе въ Москвѣ и видѣвшіе Мочалова, находили его по таланту выше всѣхъ европейскихъ знаменитостей. Примѣч. А. А. Ярцева.

Помню я прїѣздъ въ Москву В. А. Каратыгина и помню спектакль, въ которомъ играли и Каратыгинъ, и отецъ. Давали драму «Смерть или честь», въ которой Каратыгинъ игралъ роль Гюго Видермана,—роль, исполнявшуюся прежде отцомъ. Вторую шла маленькая пьеса «Слесарь», въ которой отецъ игралъ роль слесаря ¹⁾).

Театръ былъ переполненъ отборной публикой. Каратыгинъ, какъ всегда, былъ хорошъ. Приемъ былъ блистательный. Всѣ нетерпѣливо ждали второй пьесы. Въ публикѣ было замѣтно что-то странное: именно она ждала чего-то. Въ антрактѣ изъ партера никто не вышелъ, какъ будто каждый боялся пропустить выходъ Мочалова.

Вотъ, наконецъ, заиграла увертюра, все смолкло, всѣ сидѣли по мѣстамъ. Занавѣсъ поднялся, и скоро вышелъ отецъ. И что тутъ произошло: всѣ, какъ будто, слились воедино, въ театрѣ раздавался какой-то гулъ, даже лица бельэтажной аристократіи оживились. Видно было, что своего не хотѣли выдать.

Что это было дѣйствительно такъ, мнѣ случайно пришлось тогда же провѣрить. Мы сидѣли въ ложѣ перваго яруса. Въ сосѣдную съ нами ложу входитъ какой-то господинъ и говорить:

— Каково мы своего-то поддержали, какъ-въ приемъ-то сдѣлали!..

Нечего и говорить о томъ, что отецъ страстно любилъ театръ, любилъ Москву и москвичей. Но закулисная жизнь была не по его натурѣ и характеру. Какъ-то уже послѣ смерти отца, явилась ко мнѣ въ Москвѣ провинціальная актриса Лидина, отрекомендовалась мнѣ знавшей Мочалова и игравшей съ нимъ на калужской сценѣ. Когда судьба привела ее на театральные подмостки, ей пришлось дебютировать въ Калугѣ во время гастролей тамъ Мочалова и играть вмѣстѣ съ нимъ главную роль въ драмѣ «Майко». Неопытная дебютантка была осчастливлена такимъ случаемъ и припла къ Мочалову просить его прочесть съ нею общія ихъ сцены изъ драмы. Отецъ согласился, поощрялъ ее, но говорилъ, что ей много, много надо трудиться, хотя трудомъ не всегда вознаграждается искусство

¹⁾ «Смерть или честь», драма Н. Полевого. Поставлена въ первый разъ 14 апрѣля 1841 г., въ бенефисъ Ордовой. Въ томъ же году прїѣзжать въ Москву на гастроли В. А. Каратыгинъ, уже не въ первый разъ. По рассказамъ современныхъ театраловъ, Мочалову очень хотѣлось сыграть съ Каратыгинымъ въ одной пьесѣ, какъ это было въ первый прїѣздъ Каратыгина. Говорятъ, Мочаловъ предлагалъ поставить «Разбойниковъ» Шиллера, причемъ Каратыгинъ долженъ былъ играть Карла, а онъ самъ—Франца Моора. Но Каратыгинъ отказался, сказавши, что это будетъ травля. Тогда былъ данъ спектакль съ участіемъ обоихъ артистовъ въ разныхъ пьесахъ. Замѣтно было, что Каратыгинъ въ этотъ спектакль конфузился и, какъ будто, чего-то боялся (Антрактъ, 1865, № 112).

Между московской и петербургской публикой и теперь еще существуетъ антагонизмъ по отношенію къ знаменитымъ артистамъ: почти всегда любимцы Петербурга имѣютъ въ Москвѣ меньшій успѣхъ; то же по отношенію къ любимцамъ Москвы обнаруживается въ Петербургѣ. Мочаловъ и Каратыгинъ испытали въ свое время ту же участь. Москва не любила Каратыгина, а Петербургъ холодище, чѣмъ Москва, принималъ Мочалова. Что касается послѣдняго, то онъ не пыталъ враждебныхъ чувствъ къ своему петербургскому сопернику. Объ этомъ говоритъ братъ В. А. Каратыгина, извѣстный водевилистъ П. А. Каратыгинъ, слѣдующее: «Мочаловъ въ богатость Каратыгина въ Москвѣ оказывалъ ему самое искреннее уваженіе и задушевные ласки».

Примѣч. А. А. Ярцева.

* «Истор. вѣстн.», появъе, 1896 г., т. LXXI.

«А самое лучшее,—совѣтоваль онъ,—не поступать на сцену и выкинуть эту мысль изъ головы». Отецъ старался разочаровать молодую женщину. «Я люблю театръ, я живу только на сценѣ,—говорилъ онъ,—люблю Москву, и Москва меня и любить, и балуетъ. И отецъ мой, и сестра Марья Степановна, всегда слыли любимицами Москвы. Но бываютъ минуты, когда всѣ дразги и мелочи закулисной жизни такъ возмущаютъ, такъ тяжело ложатся на сердце, что готовъ сейчасъ же бросить и театръ, и родную Москву—и уѣхать. Я, какъ мужчина, могу бороться со всѣмъ этимъ, но вы, вы женщина—подумайте объ этомъ. И притомъ, слава моя уже сдѣлана...». Увѣщанія отца не подѣйствовали, и Лидина поступила на сцену.

VI.

Мочаловъ въ роли Мейнау въ драмѣ Ненависть къ людямъ и раскаяніе.—Игра его въ первомъ и послѣднемъ актѣ.—Семья Ленскихъ.—Мой второй дебютъ на московской сценѣ.—Д. Т. Ленскій и его эпиграмма.—Отвѣтная эпиграмма А. Н. Дьякова.—Анекдотъ про Д. Т. Ленскаго.—А. Н. Дьяковъ, его увлеченіе Мочаловымъ и его выходки.—Стихотвореніе Дьякова, посвященное Мочалову.

Въ роли Мейнау, въ драмѣ Ненависть къ людямъ и раскаяніе, отецъ былъ всегда безукоризненно хорошъ и ровенъ съ начала до конца ¹⁾).

Особенно хорошъ онъ былъ въ первомъ и послѣднемъ актѣ. Въ первомъ актѣ, когда онъ слушаетъ, молча, сидя на аванъ-сценѣ съ книгой въ рукѣ, какъ старикъ рассказываетъ его челоуѣку (игралъ Потанчиковъ) про его сына. Выслушавъ все, онъ отдаетъ книгу Потанчикову и приказываетъ отнести ее къ нему, и когда тотъ уходитъ, Мейнау оглядываетъ сцену, быстрыми шагами подходитъ къ старику и отдаетъ ему кошелекъ съ золотомъ.

Въ послѣднемъ актѣ другъ Мейнау уговариваетъ его, чтобы онъ рѣшился повидаться съ женой. Послѣ долгаго упорства и колебанія онъ соглашается. Другъ уходитъ за женой, а онъ остается на аванъ-сценѣ. Не моему перу описать этотъ моментъ, да и вообще трудно это передать: надо видѣть, чтобы испытать глубокое впечатлѣніе этихъ сценъ. Проходить болѣе минуты, когда Мочаловъ одинъ на сценѣ. Онъ молчитъ, блѣднѣетъ, волосы поднимаются у него на головѣ; онъ едва стоитъ и, слышавъ шаги жены, шатается и что-то шепчетъ, какъ будто молитвы.

Когда же приближается Эйлалиа и говорить: «Мейнау!»—о, что съ нимъ дѣлается при звукѣ этого когда-то любимаго голоса. Въ

¹⁾ Эта драма Коцебу пользовалась, благодаря игрѣ Мочалова, огромнымъ успѣхомъ. Извѣстный портретъ Мочалова, съ скрещенными руками, изображаетъ его въ этой роли.

Примѣч. А. А. Ярцева.

немъ происходитъ страшная борьба, онъ медлитъ отъ ѣчать. И вотъ, наконецъ, у него вырывается: «Что вамъ угодно, сударыня?»

Это былъ уже не его голосъ, это былъ голосъ намъ незнакомый, котораго мы никогда не слыхали. Когда же Эйлалія умоляетъ его не говорить ей «вы», у него вылетаетъ изъ груди только «одинъ вздохъ», но этотъ вздохъ слышитъ весь театръ... И тогда мы опять видимъ и слышимъ прежняго грустнаго, убитаго горемъ Мейнау. «Что тебѣ надобно, Эйлалія?»—спрашиваетъ онъ. Эйлалія рыдала съ Мейнау, а вмѣстѣ съ ними рыдалъ и весь театръ, рыдалъ и жилъ одною жизнью съ героями сцены ¹⁾.

Эйлалію играла Ленская, жена Д. Т. Ленскаго. Она была очень хороша въ этой роли. У нея была бездна чувства и натуры ²⁾. Жаль, что она рѣдко появлялась на сценѣ.

Ленская была одна изъ тѣхъ артистокъ, которыя очень часто бывали у насъ въ домѣ. Она дружна была съ нашимъ семействомъ и пріѣзжала нерѣдко запросто, съ двумя своими дѣтьми, Володей и Любочкой. Ленская умерла очень молодой ³⁾.

Съ дочерью ея, Любочкой, я дебютировала въ одномъ и томъ же году (1852 г.). Она выступила въ бенефисъ своего отца Д. Т. Ленскаго, въ роли Маріи въ Материнскомъ благословеніи, а я въ бенефисъ Ив. Вас. Самарина въ комедіи Странная ночь ⁴⁾.

Это былъ уже мой второй дебютъ. Въ первый разъ я дебютировала еще при жизни отца, о чемъ я скажу дальше. Мы обѣ съ Ленской дебютировали съ успѣхомъ и обѣ почему-то не поступили на сцену и не сдѣлались актрисами. Приѣмъ мнѣ сдѣлали такой же, какъ и при отцѣ, и долго не давали начинать говорить. На спектаклѣ у меня шло, впрочемъ, хуже, чѣмъ на репетиціи, и это я объясняю тѣмъ, что на Большомъ театрѣ трудно играть комедію. Со мною вмѣстѣ играли: С. В. Шумскій роль Ардатова и И. В. Са-

¹⁾ Говорятъ, что Мочаловъ такъ любилъ роль Мейнау, что завѣщать положить себя въ гробъ въ костюмѣ Мейнау (Антрактъ, 1865, № 50, воспоминанія С. П. Соловьева). По словамъ другого современника, сосредоточенное горе, оскорбленное самолюбіе, душевная тоска— все это передавалось въ этой роли не только его чуднымъ голосомъ и выраженіемъ лица, но и самой походкой, все было просто, но глубоко трогательно. Читая монологъ въ нѣсколько страницъ (разсказъ другу о своей жизни) Мочаловъ не позволялъ себѣ ни возвышать голоса, ни прибѣгать къ жестамъ, но каждое его слово тяжело падало на сердце слушателей: въ театрѣ водворилась мертвая тишина, а подъ конецъ монолога слышались неудержимыя слезы и женскія рыданія (Русскій Архивъ, 1875 года, книга 3, ст. М. Е. Кублицкаго, читанная въ публичномъ засѣданіи Общества любителей російской словесности). А. Д. Галаховъ говоритъ, что Мочаловъ началъ монологъ этотъ равнодушно, а въ концѣ не могъ удержать слезъ—«нежданнхъ, давно не бывалыхъ своихъ знакомцевъ». Къ концу разсказа ни среди публики, ни между актерами не было никого, кто бы не прослезился; многія дамы рыдали (Русская Старина, 1886 года, № 4).

Примѣч. А. А. Ярцева.

²⁾ Ленская, урожденная Оедорова, по отзыву Арапова, играла съ неподдѣльнымъ чувствомъ.

Примѣч. А. А. Ярцева.

³⁾ Владиміръ Ленскій, нынѣ покойный, служилъ на московской сценѣ.

Примѣч. А. А. Ярцева.

⁴⁾ Странная ночь, комедія Алексѣя Жемчужникова, представлена въ первый разъ на Александринскомъ театрѣ 6 февраля 1850 года.

Примѣч. А. А. Ярцева.

маринъ роль мужа. Многіе меня хвалили за исполненіе. А Н. В. Рѣпина сказала мнѣ, что голосъ у меня совершенно отцовскій.

Передъ дебютомъ я ѣздила въ Петербургъ, къ директору театровъ Гедеонову. Онъ меня принялъ чрезвычайно ласково и предлагалъ поступить на петербургскую сцену. Я отказалась, говоря, что всѣ мои родные въ Москвѣ, и что я сама сроднилась съ Москвою. И вотъ, пріѣхавши изъ Петербурга, я рѣшилась выступить на сценѣ.

Второй мой дебютъ въ этотъ разъ былъ въ комедіи Альфонса де-Мюссе Женскій умъ лучше всякихъ думъ, а отъ дальнѣйшихъ дебютовъ я отказалась.

На сцену я не поступила потому, что при жизни отца онъ этого не хотѣлъ, а послѣ второго дебюта я сама не пожелала. Странно, почему отецъ не желалъ, чтобы я пошла на сцену. Онъ не долженъ бы былъ имѣть такого отсталого взгляда, что если актриса, то уже чуть не погибшій человѣкъ.

Впрочемъ, хотя онъ очень любилъ меня, но о будущности моей никогда не думалъ. А между тѣмъ онъ писалъ въ своемъ стихотвореніи Къ дочери:

Мнѣ жаль, что ты душою хороша,
Мнѣ жаль, что ты души прекрасной,
Здѣсь рѣдко дѣвнится душа,
И рѣдко души здѣсь согласны.
Услышь, Творецъ, отца моленье,
Благослови ее товарищемъ съ душой.
Пусть это доброе, прекрасное творенье
Благословляетъ жребій свой.

Послѣ смерти отца я не пошла по сценической дорогѣ потому, что знала уже закулисный міръ, и въ немъ мнѣ не нравились зависть, интриги, разныя дрязги и т. п. Мои дебюты показали мнѣ эти театральныя страсти воочию.

Кромѣ того, я видѣла, что Верстовскій былъ противъ моего поступленія на сцену. Вотъ, на примѣръ, его выраженіе: «вы хотите поступить на комедіи, но у насъ есть уже двѣ»,—и назвалъ фамиліи двухъ актрисъ. Имѣя даже самое небольшое самолюбіе, тяжело было слышать подобныя слова... Тутъ же приведу и одинъ случай, очень меня разочаровавшій. Послѣ моихъ дебютовъ, мнѣ вдругъ говорить Самаринъ:

— Теперь бы не худо вамъ съѣздить къ Н. В. Верстовской (Рѣпиной) и отвезти ей какойнибудь подарокъ.

— За что же,—спрашиваю,—развѣ за то, что мнѣ позволили встать на подмостки той сцены, по которой ходилъ мой отецъ. Ну, хорошо,—говорю,—пожалуй, свезу ей брилліантовый браслетъ. А все же это возмутительно, что святое-то искусство не вывозить такъ, а все его надо подмазывать.

И отвезла... Приняла она меня очень любезно, вспоминала объ

отца, вспоминала, какъ играла съ нимъ, и очень была рада, что я поступаю на сцену.

Мой дебютъ въ «Странной ночи» связанъ для меня съ воспоминаніями о Д. Т. Ленскомъ и А. Н. Дьяковъ, которымъ пришлось по поводу моего дебюта обмѣняться эпитафиями¹⁾.

Какъ я уже сказала, дебютъ этотъ былъ послѣ смерти моего отца, происходилъ въ бенефисъ Самарина, въ Большомъ театрѣ и при полномъ залѣ. А передъ этимъ шелъ бенефисъ Ленскаго, поставившаго «Материнское благословеніе», съ дочерью дебютанткой, очень еще юной дѣвушкой. Публика приняла ее очень сочувственно, аплодировали ей много.

Но, къ сожалѣнію, приемъ былъ не такой блистательный, какой сдѣлали мнѣ, и которымъ я обязана была, конечно, славѣ своего отца.

Д. Т. Ленскому это почему-то показалось и обидно, и досадно. Всѣ прочіе артисты отнеслись къ моему успѣху вполне сочувственно, по крайней мѣрѣ, по виду, а М. С. Щепкинъ даже плакалъ отъ восторга. Но Ленскаго мое торжество коробило и подняло въ немъ желчь, излившуюся вскорѣ противъ меня въ злобныхъ стихахъ.

До меня не дошли эти стихи, и я не знаю ихъ полного содержанія. Помню, что Самаринъ пріѣзжалъ ко мнѣ, ужасно разстроенный и возмущенный эпитафией Ленскаго. Насколько я знаю, суть ихъ заключалась въ томъ, что Ленскій смотрѣлъ на оказанный мнѣ публикою приемъ, не какъ на успѣхъ дочери Мочалова, а какъ на успѣхъ женщины, обладающей недурною фізіономіей.

Въ числѣ возмущенныхъ стихами Ленскаго, направленными противъ меня, былъ и А. Н. Дьяковъ. Онъ выходилъ изъ себя по поводу этого событія и отвѣчалъ Ленскому его же оружіемъ. Дьяковъ тоже написалъ эпитафию, въ которой жестоко досталось Ленскому. Она начиналась словами:

Винъ шампанскихъ переводчикъ,
Переводчикъ своихъ женъ,
Заказныхъ остротъ заводчикъ,
Водевильный нашъ Харонъ.

Стихи эти, которые я не привожу всѣ по ихъ рѣзкости, были дѣйствительно злы и ядовиты. Но вѣдь и Ленскій не помиловалъ меня, не смотря на то, что былъ очень друженъ съ моимъ отцемъ, а меня зналъ еще ребенкомъ. Впрочемъ, впоследствии онъ и ухаживалъ за мной и стихи писалъ мнѣ восторженные.

Защитникъ мой противъ стиховъ Ленскаго, Алексѣй Николаевичъ Дьяковъ, былъ одинъ изъ самыхъ горячихъ и преданныхъ друзей моего отца. Онъ былъ уменъ, краснорѣчивъ и большой

¹⁾ Дмитрій Тимоѣевичъ Ленскій—извѣстный водевилецъ, переводчикъ Беранже и актеръ московской драматической сцены (род. 1805, † 9 декабря 1860). Алексѣй Николаевичъ Дьяковъ—учитель каллиграфіи, одинъ изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ таланта Мочалова, былъ близокъ къ трагикѣ и его семьѣ.

Примѣч. А. А. Ярцева.

кутила. Я помню его съ самаго своего дѣтства. Онъ первый началъ меня учить писать, когда мнѣ было около шести лѣтъ. Каллиграфомъ онъ считался замѣчательнымъ. Какъ человѣкъ, онъ былъ пылокъ, восторженъ и до безумія любилъ моего отца, и какъ артиста, и какъ человѣка.

Отъ его восторженности и пылкости съ нимъ случалось не мало смѣшныхъ происшествій. Когда отецъ игралъ, Дьяковъ всегда сумаспешествовалъ въ зрительной залѣ, а особенно, если шелъ «Гамлетъ».

Вотъ, однажды, давали «Гамлета». Театръ былъ полонъ. Первый рядъ креселъ занимала московская знать того времени, среди которой сидѣлъ и А. П. Ермоловъ, кавказскій герой. Отецъ, говорятъ, былъ въ ударѣ, какъ никогда. Публика неистовствовала. Ермоловъ вызывалъ Гамлета-Мочалова. Про Дьякова уже и говорить нечего. Вызывали, вызывали—конца нѣтъ. Режиссеръ выходитъ и анонсируетъ:

— Господинъ Мочаловъ уѣхалъ!

Гулъ не умолкаетъ, весь партеръ стонетъ. Къ Дьякову подходитъ оберъ-полицеймейстеръ (тогда былъ Цынскій) и говоритъ:

— Ну, перестаньте, пожалуйста, господинъ Дьяковъ. Восторгаться можно, но, зачѣмъ же неистовствовать.

Дьяковъ отвѣчаетъ:

— Что дѣлать, ваше превосходительство, если я больше восхищаюсь Гамлетомъ, нежели Сильфидой¹⁾.

Въ другой разъ отецъ игралъ короля Лира. Корделию играла Орлова. Дьяковъ не могъ допустить, чтобы когонибудь можно было вызывать вмѣстѣ съ Мочаловымъ. Но Орлову вызываютъ. Тогда взбѣшенный Дьяковъ тоже вызываетъ: «Бѣлое атласное платье!..».

Послѣ спектакля Орлова ему выговариваютъ:

— Вы меня не любите и не уважаете, Алексѣй Николаевичъ, ни какъ женщину, ни какъ артистку.

Дьяковъ на это отвѣчаетъ:

— Напротивъ, Прасковья Ивановна, я васъ и люблю, и уважаю, какъ женщину и какъ актрису. Но когда вы играете съ Мочаловымъ въ шекспировскихъ трагедіяхъ,—согласитесь, можно ли когонибудь тогда съ нимъ вызывать. А что я закричалъ: «бѣлое атласное платье!»—такъ это потому, что кругомъ меня хвалили вашу туалетъ, а не игру.

Жизнь Дьякова прошла не безслѣдно и очень жаль, что послѣ него не осталось никакихъ воспоминаній.

Дьяковъ писалъ очень много стиховъ, въ томъ числѣ посвященныхъ и мнѣ. Стихи свои онъ прекрасно читалъ, хотя въ чтеніи подражалъ отцу. Вліяніе моего отца въ этомъ отношеніи отра-

¹⁾ Намекъ на танцовщицу Санковскую, танцовавшую Сильфиду, и на отношенія къ ней Цынскаго.
Примѣч. А. А. Ярцева.

зилось на Дьяковъ и тогда, когда онъ послѣ смерти Мочалова, въ бенефисъ Леонидова, сыгралъ роль отца въ мелодрамѣ Жизнь игрока. Онъ подражалъ голосу отца. Я была на этомъ спектаклѣ, но впечатлѣнія никакого не вынесла; отъ Дьякова я ожидала лучшаго.

Здѣсь я приведу стихи Дьякова, посвященные моему отцу, ни когда еще не напечатанные.

П. С. МОЧАЛОВУ.

О, ты, нашъ дивный чародѣй,
 Таинственный волшебный геній,
 Свѣтильникъ пламенныхъ страстей!
 Среди душевныхъ потрясеній
 Въ твоей душѣ, твоихъ чудесъ
 Непостижимыя мгновенья
 Понятны только для небесъ—
 Души святыя впечатлѣнья!
 Когда твой стонъ,—любви мученья
 Иль ревность адская твоя,—
 Ихъ осѣняло вдохновенье,—
 Намъ страшно, страшно за тебя.
 Въ тотъ мигъ съ тобою заодно
 Забьются тысячи дыханій,
 И въ мѣръ твоихъ очарованій
 Тобою все увлечено.
 И кто, твой услышавъ стоны,
 Скажи, Мейнау, не рыдалъ,
 Когда съ Луизой, съ Дездемоной
 Ты самъ, какъ Прометей, страдалъ.
 Твои высокія созданья,
 Мой Гамлетъ, Нино, Ляпуновъ.
 Не потемняютъ порицанья
 Въ толпѣ бездушныхъ крикуновъ.
 Тебя некупленная слава
 Въ свои объятія приняла
 И заклемила свое право
 Въникомъ лавровымъ вкругъ чела.

VII.

Мочаловъ въ роли Басенка. — «Коварство и Любовь» и роль Миллера. — Мой первый дебютъ. — Подробности этого спектакля. — А. Д. Галаховъ. — М. С. Щепкинъ и его отношеніе ко мнѣ. — Банка варенья въ награду за игру. — Пьеса Мочалова «Черкешенка». — «За Богомъ молитва не пропадаетъ». — Постановка «Черкешенки» на сценѣ. — Отъѣздъ въ провинцію, болѣзнь и смерть моего отца. — Стихотвореніе Д. Т. Ленскаго на смерть Мочалова. — Похороны Мочалова. — Правнукъ Мочалова.

Къ числу ролей, въ которыхъ отецъ былъ всегда, отъ начала до конца, неизмѣнно хороше, принадлежала и роль Басенка¹⁾. Ему самому эта роль очень нравилась. Въ первый разъ, когда отецъ

¹⁾ Вояринъ Ѳеодоръ Васильевичъ Басенокъ, трагедія Н. В. Кукольника. Представлена въ Москвѣ въ первый разъ въ 1844 г. Пьеса эта усгѣха не имѣла.

Примѣч. А. А. Янцева.

только что получилъ роль Басенка, онъ утромъ прочиталъ ее мнѣ, а вечеромъ говоритъ жившей вмѣстѣ съ нами бабушкѣ, о которой я выше говорила:

— Вотъ теперь, бабушка, и я расскажу вамъ сказочку,—и прочелъ ей изъ Басенка сказку: Въ славномъ городѣ Антонѣ¹⁾.

Въ роли Басенка у отца былъ особенно хорошъ тотъ моментъ, когда онъ говоритъ: «Левъ ушелъ изъ клѣтки, быкъ съ цѣпи сорвался»... Въ первомъ актѣ, въ страстной сценѣ съ Орловой, игравшей жену Басенка, онъ былъ неподражаемо нѣженъ, и голосъ его звучалъ замѣчательно мелодично. А потомъ какъ презрительно и жолчно вырвались у него эти слова: «Прикройся, грѣшница, фатой,—мнѣ стыдно!»

Когда же отецъ прочелъ на сценѣ сказку, читанную бабушкѣ, то Верстовскій пришелъ на сцену и сказалъ ему:

— Медаль, Павелъ Степановичъ, золотую медаль.

Одною изъ лучшихъ ролей отца была также роль старика Миллера въ трагедіи Шиллера Коварство и любовь. Съ этой пьесой и съ этой ролью связана и моя судьба. Въ этой трагедіи я впервые выступила на сценѣ. Какъ уже знаютъ читатели, я не пошла по театальной дорогѣ, но страсть къ театру была развита у меня съ самаго дѣтства. Водить въ театръ меня начали съ 4-хъ лѣтъ. Всѣ роли отца я знала чуть ли не наизусть прежде, чѣмъ онъ ихъ выучивалъ. Въ пансіонѣ я только и читала, что тирады изъ Корнеля, Шекспира, Расина и т. д.

А какой торжественный былъ спектакль моего первого дебюта!

Большой театръ былъ полонъ. Встрѣча мнѣ, какъ дочери Мочалова, была выше всякаго ожиданія, чуть не полчаса не давали мнѣ говорить.

Передъ выходомъ И. В. Самаринъ предупредилъ меня: «Какъ только отворятъ дверь, не ходите далеко, кланяйтесь тутъ же, вамъ не дадутъ идти дальше...».

И точно: какъ только я показалась, громъ рукоплесканій оглушилъ залу театра. Отецъ былъ на сценѣ, онъ игралъ Миллера. По его словамъ, сердце замирало у него, когда онъ договаривалъ свою послѣднюю фразу женѣ, а самъ посматривалъ на дверь, изъ которой должна была показаться 16-ти-лѣтняя Луиза въ первый разъ передъ тысячной публикой.

Наконецъ, онъ видитъ, что рукоплесканія не умолкаютъ, говорить мнѣ не даютъ. Весь дрожа отъ волненія, онъ подходитъ ко мнѣ быстрыми шагами, беретъ меня за руку и ведетъ на аванъ-сцену.

Что тутъ произошло—не выразить словами. Я думала, что Большой театръ рухнетъ. Многіе изъ публики плакали,—и отецъ мой заплакалъ...

¹⁾ Басенокъ рассказываетъ эту сказку въ 5-мъ актѣ, передъ тѣмъ, какъ отравляетъ кн. Дм. Шемяку. Примѣч. А. А. Ярцева.

Эти воспоминанія никогда не изгладятся изъ моего сердца.

И когда я начала говорить: «Здравствуйте, батюшка!»—и послѣ такого волненія начала, конечно, тихо; слышу—отецъ мнѣ шепчетъ: — Говори громче, иначе я уйду со сцены!

И, слава Богу, что онъ скоро ушелъ,—я вздохнула свободнѣе...

А когда онъ вышелъ за кулисы, то тамъ сказалъ всѣмъ участвующимъ:

— Сегодня я васъ всѣхъ погублю!

И погубилъ!..

Эти слова мнѣ передавалъ покойный В. И. Живокини, игравшій въ этой трагедіи роль Маршала ¹⁾.

Послѣ этого спектакля отецъ не разъ игралъ эту роль съ Н. В. Рыкаловой и со мной повторилъ ее послѣ бенефиса, но такого Миллера уже не видала Москва... Въ этотъ вечеръ настроеніе публики было особенно восторженное, и всѣмъ участвующимъ былъ сдѣланъ необычайный приѣмъ. Вызовамъ конца не было. А насъ съ отцомъ вызывали послѣ каждаго явленія по нѣсколько разъ. Театръ потрясался отъ рукоплесканій.

Надо было слышать слова отца во второмъ актѣ, когда онъ подходитъ къ президенту и говоритъ: «Ваше превосходительство, это комната моя, и я выгону всякаго наглеца, кто смѣетъ оскорбить дочь мою...».

Страшно становилось за президента!..

Помню, что послѣ этого моего дебюта покойный А. Д. Галаховъ, одинъ изъ самыхъ пылкихъ поклонниковъ моего отца, прислалъ мнѣ всего Шиллера на французскомъ языкѣ. Галаховъ былъ также хорошо знакомъ и съ дѣдомъ моимъ, И. А. Баженовымъ, и часто въ кофейнѣ съ нимъ бесѣдовалъ. Дѣдъ, бывало, часто говаривалъ, что Галаховъ ужасно негодовалъ на отца за его кутежи ²⁾.

Вспоминая о моемъ дебютѣ, не могу не припомнить съ удовольствіемъ, съ какимъ вниманіемъ слѣдилъ за моей игрой знаменитый М. С. Щепкинъ. Онъ былъ недоволенъ, что я говорю тихо, и старался во что бы то ни стало убѣдить меня, чтобы я говорила громче.

И какой оригинальный способъ употребилъ онъ для этого!

Видя передъ собой въ лицѣ моемъ почти еще дѣвочку ребенка, онъ обѣщалъ мнѣ привезти конфетъ, лишь бы я говорила на сценѣ громче. А я ему на это тоже очень наивно отвѣчала, что конфетъ я не люблю, что мнѣ онѣ страшно надоѣли. Тогда Михаилъ Семеновичъ, не зная ужъ, чѣмъ бы меня задобрить, говоритъ мнѣ:

— Ну, такъ я завтра варенья привезу.

¹⁾ Объ этомъ упоминаетъ Живокини въ своихъ воспоминаніяхъ, также какъ и С. П. Соловьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Примѣч. А. А. Ярцева.

²⁾ На воспоминанія А. Д. Галахова о Мочаловѣ указано выше.

Примѣч. А. А. Ярцева.

Вѣроятно, я заслужила себѣ награду, потому что, какъ теперь вижу, приходитъ на другой день Михайлъ Семеновичъ на репетицію и тащитъ большую банку варенья. Слышу я его голосъ: «гдѣ она? гдѣ она?» Онъ подходитъ ко мнѣ, по праву друга моего отца и старика цѣлуетъ меня и вручаетъ варенье.

Бенефисъ отца, въ которомъ шло «Коварство и Любовь», и я дебютировала, происходилъ въ маѣ мѣсяцѣ. Отецъ послѣ этого уѣхалъ вскорѣ гастролировать въ провинцію, и я осталась одна на цѣлое лѣто. Вотъ, разъ какъ-то, сижу подъ окномъ и читаю Пушкина. Стихи читать я чрезвычайно любила и, благодаря моей хорошей памяти, до сихъ поръ помню чуть ли не всего Пушкина.

Вижу, кто-то подѣхалъ къ крыльцу: оказывается — Михайлъ Семеновичъ. Узнавши, что отецъ отправился въ провинцію, онъ былъ такъ любезенъ, что пріѣхалъ навѣстить меня, недавнюю дебутантку.

Посидѣвъ у меня довольно долго, онъ совѣтовалъ мнѣ поступить на сцену, но не совѣтовалъ стихи читать вслухъ. Это, говорилъ онъ, повредитъ мнѣ, если я поступлю на сцену. Просилъ поспѣвать его семейство, но это, къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось выполнить: не отъ меня тогда это зависѣло.

Передъ вторымъ своимъ дебютомъ, послѣ смерти отца, въ бенефисъ Самарина, я поѣхала сдѣлать визитъ Михайлу Семеновичу. Онъ принялъ меня очень радушно, но уже не такъ родственно ко мнѣ относился, какъ это было при отцѣ. Все-таки онъ былъ очень радъ, что я собираюсь поступить на сцену.

— У васъ,—сказалъ онъ мнѣ,—есть всѣ данныя для сцены, а того огня, который былъ у вашего отца, если у васъ будетъ хотя одна искра—и этого уже довольно.

Помню и другой спектакль, когда я играла въ піесѣ, сочиненной моимъ отцомъ. Піеса эта называлась «Черкешенка». Онъ писалъ ее для своего бенефиса, а роль «Черкешенки» — для меня. «Черкешенка» была у меня вся переписанная его рукою, но пропала вмѣстѣ съ другими вещами и рукописями, которыя я дала на сохраненіе, уѣзжая изъ Москвы. Это была единственная піеса для сцены, которую написалъ отецъ. «Черкешенка» почему-то долго не выходила изъ цензуры. Бенефисъ былъ уже назначенъ, а піесы все не было. Отецъ страшно негодовалъ,—надо было уже раздавать роли, и онъ рѣшилъ дать «Отелло»; въ этой трагедіи я должна была играть роль Дездемоны. Была уже и одна репетиція трагедіи.

На другой день послѣ репетиціи пріѣзжаетъ отецъ въ театръ. Ему и говорятъ, что «Черкешенка» получена. Отецъ пришелъ въ восторгъ.

Верстовскій встрѣчаетъ его и поздравляетъ, а отецъ отвѣчаетъ:

— Да, Алексѣй Николаевичъ, есть русская пословица: «За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ». Ну, за царемъ-то

можетъ и пропасть — по милости начальниковъ, а за Богомъ-то не пропадетъ: потому такъ говорю, что я сейчасъ изъ часовни Иверской Божіей Матери.

Небезынтересно познакомить съ сюжетомъ піесы отца моего, которая никогда не была напечатана.

Дѣйствующими лицами въ ней явились: офицеръ (игралъ Самаринъ), черкешенка (моя роль), братъ черкешенки (игралъ Мочаловъ) и мать ея (играла Львова-Синецкая). Офицеръ находится въ плѣну у черкесовъ и влюбляется въ черкешенку Лейну. Онъ начинаетъ тосковать по родинѣ и уговариваетъ черкешенку бѣжать съ нимъ. Она долго не соглашается: вѣдь она такъ любитъ свою родину, свои горы, своихъ мать и брата! Но онъ ей всего дороже... И вотъ, въ концѣ концовъ, она съ нимъ бѣжитъ, братъ подстерегаетъ бѣглецовъ, стрѣляетъ въ офицера, но попадаетъ въ сестру и смертельно ее ранитъ. Она падаетъ въ объятія офицера и произноситъ: «Прощай и помни, какъ любить умѣла твоя черкешенка!».

Въ этотъ бенефисъ отецъ поставилъ, кромѣ «Черкешенки», спектакля Ричарда, который шелъ сначала спектакля. Я вышла изъ уборной совѣмъ уже одѣтой, да какъ разъ и наткнулась на отца. Онъ махнулъ рукой, чтобы я подошла къ нему, и промолвилъ:

— Фу, какъ тебя пестро одѣлъ Вуато...

Это значило, что онъ уже вскипятился...

Самаринъ, бывший при этомъ, шепчетъ мнѣ: «Ну, теперь ужъ пойдеть!»

А въ это время режиссеръ говоритъ отцу:

— Вамъ выходить, Павелъ Степановичъ.

Отъ меня онъ и бросился на сцену: «Коня, коня, полцарства за коня!»...

Тамъ, конечно, трескъ пошелъ.

Иванъ Васильевичъ Самаринъ мнѣ говоритъ:

— Теперь у него все закипѣло! Отойдите подале, — вызовамъ теперь конца не будетъ.

Послѣ Ричарда онъ долженъ былъ сейчасъ же идти переодѣваться для Черкешенки, въ которой игралъ брата. Подходить ко мнѣ. Вижу—взволнованъ, но доволенъ. Говоритъ мнѣ быстро:

— Сейчасъ иду переодѣваться... Черезъ пять минутъ буду готовъ... Играйте увертюру... Говори громче... На половинѣ горы остановись, тебѣ не дадутъ дальше идти... Я сейчасъ... Иванъ Васильевичъ, не отходи отъ нея... Ну, Христосъ съ тобой!..

Послѣ того разговора съ директоромъ императорскихъ театровъ Гедеоновымъ, который я привела выше, отецъ мой игралъ еще года три или четыре. А потомъ у него начались неприятели съ дирекціей, онъ оставилъ Москву и уѣхалъ играть въ Воронежъ. Это

было въ декабрѣ 1847 года. Тамъ онъ игралъ съ своей сестрой, Марьей Степановной.

На второй недѣлѣ поста отецъ возвратился въ Москву. Въ дорогѣ онъ сильно простудился, и когда пріѣхалъ домой и вошелъ въ комнату, я бросилась къ нему и была поражена: онъ былъ неузнаваемъ — осунулся, похудѣлъ, постарѣлъ...

Обнялъ онъ меня со слезами на глазахъ и сказалъ: «Шлохо мнѣ!» — и тутъ же слегъ.

Мы сейчасъ послали за докторомъ. Его лѣчилъ Кюльдишевскій. Онъ ѣздилъ каждый день, но помощи не было. Отецъ таялъ съ каждымъ днемъ. Мы все-таки надѣялись, что онъ выздоровѣетъ, надѣялись на его силы, но онъ уже были надорваны.

На четвертой недѣлѣ поста ему сдѣлалось замѣтно хуже, онъ сталъ забываться. Но чувство религіозное въ немъ такъ было велико, что и въ забвеніи, лежа съ закрытыми глазами, онъ пѣлъ: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко!»

А 15-го марта, вечеромъ, когда я подходила къ нему прощаться на сонъ грядущій, Кюльдишевскій, какъ онъ мнѣ послѣ говорилъ, уже думалъ: «вотъ дочь подходитъ въ послѣдній разъ къ отцу»...

И на другой день, 16-го марта, въ 8 часовъ утра его не стало...

Грустныя, горькія минуты! Вѣдная мать моя лежала безъ чувствъ, все семейство было убито горемъ.

Когда тѣло отца положили на столъ, не прошло и получаса, какъ домъ нашъ переполнился публикой. Въ залѣ не было мѣста, даже передняя была полна, и всѣ три дня толпа не уменьшалась...

Вижу, какъ сейчасъ, лицо одного купца. Входитъ онъ со слезами на глазахъ, низко, до земли, кланяется праху отца и говоритъ:

— Прощай, Павелъ Степановичъ, прощай, голубчикъ! Мы другого, подобнаго тебѣ, ужъ больше не увидимъ...

Не прошло и двухъ часовъ послѣ смерти отца, какъ мы получили прекрасные стихи Д. Т. Ленскаго, озаглавленные Къ семейству Мочалова ¹⁾.

¹⁾ Это прочувствованное стихотвореніе, написанное Ленскимъ подъ первымъ впечатлѣніемъ скорбной утраты, которую понесъ русскій театръ въ лицѣ скончавшагося артиста, было напечатано въ московской газетѣ того времени, представляющей теперь, конечно, библиографическую рѣдкость. Въ виду этого мы приводимъ здѣсь это стихотвореніе.

Вотъ оно:

Сейчасъ лишь я узналъ о горестной потерѣ.
 Не плачьте! Жизнь ему другая настанетъ...
 И будьте въ полной вѣрѣ:
 Овъ для потомства не умретъ.
 Невидною рукою Мельпомены
 Ему уже сплетенъ безсмертія вѣнецъ.
 Онъ вѣчно будетъ жить, какъ солнце русской сцены,
 Какъ мощный двигатель сердець...

На четвертый день тѣло отца было вынесено въ церковь Николы, Большого Креста, что на Ильинкѣ. Вся улица была запружена публикой, церковь была тоже переполнена. Послѣ отгѣванія гробъ подняли М. С. Щепкинъ, И. В. Самаринъ и другіе и несли на рукахъ до университета, а тамъ приняли его на свои руки студенты и несли до самой могилы...

Когда я писала отрывки изъ своихъ воспоминаній объ отцѣ и о прошломъ, я хотѣла закончить ихъ этими грустными строками. Но съ тѣхъ поръ въ моей личной жизни случилось событіе, поразившее меня всею тяжестью жестокаго и непоправимаго горя. Вспоминая объ отцѣ, живя въ прошломъ, я лелѣяла мечту, что имя его не исчезнетъ безслѣдно для сцены, что оно возродится и станетъ снова славнымъ въ лицѣ правнука гениальнаго артиста. Эта связь именъ и даетъ мнѣ поводъ разсказать читателямъ о томъ, что такъ тѣсно соединило мои воспоминанія о прошломъ съ моею нынѣшнею печалью.

У меня былъ внукъ, носившій тоже дорогое для меня имя его прадѣда—Мочаловъ. Это былъ маленькій мальчикъ, горячо мною любимый, только что началъ онъ учиться въ Рязанской прогимназіи. Черты его лица напоминали мнѣ его прадѣда. Вскорѣ по вступленіи въ прогимназію, на юбилейномъ праздникѣ въ честь Крылова, ему пришлось читать басню «Стрекоза и Муравей», и такъ удачно прочиталъ онъ басню, что съ тѣхъ поръ и учителя, и ученики стали звать его «дѣдушка Мочаловъ».

Послѣ этого случая въ мальчикѣ какъ будто вспыхнула артистическая искорка; часто, глядя на него, я думала: «кто знаетъ, не ростетъ ли это будущій Гамлетъ?». Въ сентябрѣ прошлаго года праздновалось 800-лѣтіе города Рязани. Въ программу торжества вошелъ и литературно-музыкальный вечеръ рязанскихъ учебныхъ заведеній, данный въ залѣ дворянскаго собранія. И моему дорогому Колѣ выпала на долю честь участвовать въ вечерѣ и читать передъ сотнями слушателей стихи о святомъ Василии Рязанскомъ. И онъ не посрамилъ своего имени, онъ не только вызвалъ шумныя привѣтствія публики, но и заслужилъ лестные отзывы печати. «Правительственный Вѣстникъ», «Новое Время», «Русскій Архивъ» и, кажется,

Не плачьте, говорю — вы будете неправы;
 Всѣ вѣщей участи завидовать должны:
 На васъ отражены
 Лучи его блестящей славы!..
 Какой прекрасный, чудный міръ
 Теперь душа его встрѣчаетъ!..
 Онъ въ небесахъ,— и самъ Шекспиръ
 Пришельца новаго, какъ сына, обнимаетъ!..
 Какъ доблестно свершилъ онъ путь земной!..
 А я, измученный, больной,
 Предъ памятью его во прахѣ преклоняюсь
 И тщетно жаждущей душой
 Послѣднее «прости» сказать ему пытаюсь.

Примѣч. А. А. Ярдсва.

другія изданія сочувственно отмѣтили его чтеніе. Для такого малютки это была особенная честь, особенное счастье¹⁾.

Боюсь думать, но не это ли торжество повліяло сильно на его слишкомъ впечатлительную натуру и унесло его въ иной міръ. Самолюбія у него было много, хотѣлось хорошо прочитать стихи, которые онъ получилъ за день, за два передъ тѣмъ; можетъ быть, не ясно, но онъ сознавалъ необходимость не уронить своимъ чтеніемъ имя славнаго артиста. Онъ напрягъ всѣ свои дѣтскія нервныя силы. Похвалы со всѣхъ сторонъ, вызовы, особая похвала губернатора — все это оставило въ его душѣ неизгладимое впечатлѣніе. На вопросъ одного изъ почтенныхъ рязанцевъ: «какая родня ему знаменитый Мочаловъ?» Коля отвѣчалъ: «это мой прадѣдъ». — «Кѣмъ же вы желаете быть?» — «Актеромъ», — отвѣчалъ мальчикъ.

Восторгамъ его не было конца. Какія мечты родились въ его юной головкѣ... Въ своихъ радостныхъ письмахъ онъ самъ описывалъ мнѣ свое торжество, и мое воображеніе создавало въ будущемъ новаго Гамлета, новаго Ромео. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждала я минуты, когда обниму своего крошку. Но воля Провидѣнія была иная: 15-го октября, послѣ двухдневной болѣзни, правнукъ Мочалова ушелъ въ вѣчность, и, пріѣхавъ въ Рязань, вмѣсто теплой ласки и привѣта, я встрѣтила его гробъ. Всѣ его любили при жизни, всѣ, учителя и товарищи, провожали его на вѣчный покой.

И теперь, доживая свой вѣкъ, я уже не устремляю свой мысленный взоръ въ будущее и не вижу тамъ возродившагося Мочалова. Все для меня отошло въ область воспоминаній, а въ прошломъ все соединяется около двухъ дорогихъ мнѣ образовъ...

Е. П. Шумилова-Мочалова.

¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ, безъ всякаго преувеличенія, такое чтеніе 10-ти-лѣтняго мальчика, на которое обратила вниманіе печать, можно считать исключительно выдающимся. Въ «Новомъ Времени» (1895 г., № 7084) такъ описывалось это чтеніе. «Вотъ выходитъ на эстраду крохотный гимназистикъ.

— Ты лжешь, отецъ!—кричалъ народъ,—

Ты лжешь, сознайся передъ нами!—

громко, съ энергіей отчеканиваетъ онъ, такъ что голосокъ его раздастся на всю огромную залу.

Такой поступокъ не идетъ

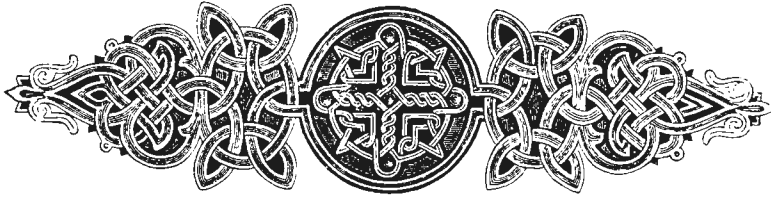
Къ твоимъ лѣтамъ, къ святому сану.

«Публика встрепенулась. «Кто это такой?»—раздались вопросы. — Ученикъ II-го класса прогимназіи Мочаловъ. — Потомокъ трагика, — пояснилъ кто-то. Мальчуганъ прочелъ свой отрывокъ о святомъ Василіи Рязанскомъ до конца громко, не торопясь, мѣстами съ энергіей и большимъ выраженіемъ: Публика привѣтливо аплодировала и вызвала юнаго исполнителя два раза».

Издатель «Русскаго Архива», П. И. Бартеневъ, писать о томъ же въ слѣдующихъ выраженіяхъ. «Одинъ мальчикъ, читавшій очень выразительно и осмысленно, оказался правнукомъ московскаго лицевѣя Мочалова, исторгавшаго вѣкогда слезы восторга у людей нашего поколѣнія». («Русскій Архивъ», 1895, № 11, стр. 410).

Вполнѣ понятно является скорбь бабушки, горячо любившей своего внука; не менѣе понятно и ея желаніе подѣлиться своимъ горемъ съ тѣми, кто читаетъ воспоминанія о ея гениальномъ отцѣ, въ правнукѣ котораго она въ будущемъ создавала образъ втораго Мочалова.

Прим. А. А. Ярцева.

ВОЦАРЕНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА И ПЕРВЫЕ ДНИ ЕГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

АКЪ въ ясный, теплый день темное облачко, показавшись на небѣ, растетъ, сгущается и, превратясь въ громовую тучу, угрожаетъ всему живущему сокрушительнымъ ураганомъ, такъ въ счастливые, безпечальные дни царствованія Екатерины, когда высшіе классы общества и дворянство, казалось, не видали конца своему благополучію¹⁾, на политическомъ горизонтѣ Россіи, мало-по-малу скоплялась хмурая туча, грозившая вырвать съ корнемъ все, что составляло это благополучіе. Гроза надвигалась медленно и наконецъ разразилась, когда не стало Екатерины.

Кратковременное правленіе императора Павла оставило такіе глубокіе слѣды въ памяти нашихъ дѣдовъ и отцовъ, что, передавая свои воспоминанія объ этой эпохѣ, они не могли равнодушно говорить о ней. Сколько горечи и озлобленія видимъ мы въ запискахъ Греча и Тургенева! Первый, напримѣръ, передавая впечатлѣнія того времени, сохранившіяся у него до старости, говоритъ: «Ужасное время! Я былъ тогда ребенкомъ, въ такомъ возрастѣ,

¹⁾ «Кроткое и славное Екатерино царствованіе, тридцать четыре года продолжавшееся, такъ всѣхъ усыпило, что казалось оно, какъ бы какому благому и безсмертному божеству порученное, никогда не кончится». (Записки, мѣнія и переписка адмирала Шишкова, т. I, 9).

когда все кажется намъ въ розовомъ цвѣтѣ, когда живешь годы, о которыхъ потомъ вспоминаешь съ удовольствіемъ, съ сожалѣніемъ, что они прошли, я не могу и теперь въ старости вспомнить безъ страха и злобы о тогдашнемъ времени, когда самый честный и благородный человѣкъ подвергался ежедневно, безъ всякой вины, лишенію чести, жизни, даже тѣлесному наказанію, когда владычествовали злодѣи и мерзавцы, и всякій кварталный былъ тираномъ своего округа. Хорошо теперь заочно хвалить времена Павла! Пожили бы при немъ, такъ вспомнили бы...»¹⁾

Другой современникъ, человѣкъ совсѣмъ иныхъ свойствъ, чѣмъ Гречъ, И. М. Муравьевъ-Апостоль, желая охарактеризовать своимъ дѣтямъ ту же эпоху, коротко, но не менѣе внушительно говорить, что «со вступленіемъ на престолъ Павла совершился переворотъ столь рѣзкій, что его не поймутъ потомки»²⁾.

Когда начался этотъ переворотъ, эта безпощадная ломка всѣхъ порядковъ предшествовавшаго царствованія, то изумленные интеллигенты, желая разобраться во всемъ, происходившемъ передъ ихъ глазами, и опредѣлить, что такое дѣлается, рѣшили вопросъ этотъ тройко, смотря по обстоятельствамъ: когда говорили торжественно и громогласно, то наступившую эпоху называли возрожденіемъ; въ пріятельской бесѣдѣ осторожно, въ полголоса—царствомъ власти, силы и страха; между четырехъ глазъ—затмѣніемъ свыше³⁾.

Таково было впечатлѣніе, произведенное царствованіемъ Павла на современниковъ. Но потомство должно быть справедливо: вполнѣ понимая ихъ негодованіе, оно не можетъ, однако же, безусловно раздѣлять его.

Природа дала Павлу живой, наблюдательный умъ, впечатлительную душу и доброе сердце, способное къ благороднымъ порывамъ чувствъ истинно рыцарскихъ; онъ любилъ правду и не терпѣлъ лести, но былъ нетерпѣливъ, непостояненъ, вспыльчивъ и склоненъ подчиняться чужому мнѣнію, искусно внушаемому. Всѣ эти свойства онъ обнаружилъ еще въ раннемъ возрастѣ. Вслѣдствіе неправильнаго физическаго воспитанія дѣтство его сопровождалось болѣзнями, которыя не остались безъ вліянія и на психическую его природу. Наблюдавшіе его характеръ нерѣдко замѣчали въ немъ такія явленія, какихъ, казалось бы, не должно быть у ребенка съ здоровымъ состояніемъ мозга.

¹⁾ Русскій Архивъ, 1873 г., 289—290.

²⁾ Русскій Архивъ, 1888 г., № 11. 372.

³⁾ Лубяновскій. Русскій Архивъ. 1872 г. 144.

Его ли вина, что такъ сложился его характеръ? Былъ ли онъ по натурѣ жестокъ? Порицаемые дѣйствія и поступки Павла были дѣйствіями и поступками психики больного человѣка...

Къ сожалѣнію, архивный матеріалъ для Павловскаго времени еще не вполне доступенъ, поэтому предлагаемый рассказъ о первыхъ дняхъ царствованія императора Павла изложенъ главнымъ образомъ по современнымъ извѣстіямъ, уже нашедшимъ мѣсто въ нашей печати, и только частію по матеріаламъ, хранящимся въ весьма ограниченномъ числѣ въ архивѣ министерства юстиціи.

I.

Состояніе большого и малаго дворовъ въ концѣ 1796 г. — Предсмертная болѣзнь императрицы. — Кн. П. Зубовъ. — Смятеніе во дворцѣ и въ Петербургѣ. — Посылка вѣстниковъ къ великому князю въ Гатчину. — Свиданіе ихъ съ Павломъ. — Приѣздъ его въ Петербургъ.

Печально и неприглядно стало въ апартаментахъ Зимняго дворца съ тѣхъ поръ, какъ прискорбная катастрофа, разыгравшаяся въ ихъ стѣнахъ въ день, назначенный для обрученія шведскаго короля съ великой княжной Александрой Павловной, изгнала изъ нихъ прежнюю помпу и оживленіе толпы лицъ, «приѣздъ ко двору имѣвшихъ» ¹⁾.

¹⁾ Это было 11 сентября 1796 года. Въ этотъ день, назначенный для обрученія короля Густава IV съ великой княжной, въ седьмомъ часу вечера, въ тронной залѣ Зимняго дворца, въ присутствіи императрицы, явившейся въ полномъ парадѣ, собрались члены ея семейства, весь дворъ, иностранные послы, митрополитъ съ архіереями и придворнымъ духовенствомъ, въ ожиданіи минуты, когда благословеніемъ церкви будетъ положено начало брачному союзу, столь желанному Екатериной. Все было готово, не было только жениха, который, несмотря на условенное время, еще не являлся. Всѣ удивлялись, не зная, чему приписать это промедленіе. Между тѣмъ вотъ что случилось. Въ 6 часовъ гр. Марковъ привезъ къ королю для подписанія брачныя условія, между которыми было и то, чтобы великая княжна, вступивъ въ бракъ, имѣла у себя православную церковь съ причтомъ. Король на это не соглашался. Несмотря на всѣ убѣжденія, какъ съ нашей стороны, такъ и близкихъ къ нему лицъ, Густавъ IV не хотѣлъ объ этомъ и слышать. Цѣлыхъ три часа шли переговоры по этому пункту; напрасно Марковъ-Безбородко и Зубовъ напоминали королю, что императрица уже въ тронной залѣ и ждетъ его, что, вѣроятно, онъ не захочетъ сдѣлать разрыва, который былъ бы неслыханнымъ оскорбленіемъ для государыни, для великой княжны и для всей имперіи. Упрямый шведъ запальчиво отвѣчалъ: «Нѣтъ, нѣтъ! Не хочу, не могу, не подпишу!» Онъ удалился въ свою комнату и заперъ за собою дверь, повторивъ еще разъ прямой и рѣзкій отказъ подписать что либо противное законамъ своей страны. Наши министры не знали, что дѣлать съ упрямымъ, и рѣшились наконецъ сказать императрицѣ, что все разстроилось, и король не будетъ. Можно представить себѣ эту минуту!.. Когда кн. Зубовъ съ таинственнымъ видомъ подошелъ къ ней и шепнулъ на ухо нѣсколько словъ, она встала, хотѣла что-то сказать и не могла произнести ни одного слова. Ей сдѣлалось дурно; камердинеръ Зотовъ посѣбшилъ принести ей стаканъ воды. Другіе говорятъ, что, выслушавъ роковое извѣстіе, она замашнулась на Маркова тростию, но отъ дурноты запаталась, что и сочли за легкой ударъ. (Рассказъ Масона въ *Memoires secrets* въ «Русской Старинѣ» 1876 г., т. XVIII, 700—701).

Осенью 1796 года замѣтно все измѣнилось: какая-то печать угрюмости легла на жизнь большого двора, оживлявшася до тѣхъ поръ появленіемъ среди придворныхъ величественной и обаятельной особы повелительницы Сѣвера¹⁾).

Теперь стало не то: «Здоровье плохо, уже больше не ходятъ. Не могутъ оправиться отъ впечатлѣнія взрыва, который произошелъ въ послѣднихъ числахъ сентября²⁾. Не выходятъ изъ своихъ комнатъ». Такъ писалъ Ростопчинъ объ императрицѣ въ Лондонъ къ графу С. Р. Воронцову³⁾.

Дѣйствительно, Екатерина не могла забыть позора 11 сентября, столь сильно поразившаго ея самолюбіе и гордость, но она глубоко затаила въ себѣ оскорбленіе и старалась казаться спокойною, какъ въ семьѣ, такъ и передъ близкими къ ней лицами, что, впрочемъ, не легко было даже и для такой мастерицы притворяться, какой она была во все свое царствованіе. «Примѣтнымъ образомъ въ императрицѣ приближенные увидѣли перемѣну, — передаетъ намъ одинъ изъ современниковъ. — Она стала задумчивѣе и въ лицѣ поизмѣнилась, а особливо послѣ разрыва приуготовленнаго совѣмъ церковнаго обряда для вѣчанія⁴⁾ великой княжны Александры Павловны съ Густавомъ, королемъ шведскимъ. Неудача сего преднамѣреннаго брака произвела въ государынѣ сильное потрясеніе⁵⁾. Подъ гнетомъ волновавшаго ее чувства и преклонныхъ лѣтъ, характеръ ея утратилъ прежнюю веселость, она чаще стала жаловаться на плохое состояніе здоровья и видимо хилѣла.

Не веселѣе протекали дни и при маломъ дворѣ — въ Гатчинѣ, куда давно уже уединился великій князь съ своей супругой. Грустное настроеніе великокняжеской четы, навѣянное прискорбнымъ случаемъ съ ихъ дочерью, усиливалось еще болѣе отсутствіемъ дѣтей, которыми завладѣла бабка, дозволявшая имъ лишь иногда видѣться съ родителями.

¹⁾ Послѣ катастрофы 11-го сентября при дворѣ было только два бала: 12-го сентября по случаю дня рожденія великой княгини Анны Ѳеодоровны и 22-го сентября въ день коронаціи императрицы, но оба были непродолжительны и, подъ влияніемъ тяготившихъ надъ дворомъ непріятныхъ впечатлѣній, не отличались оживленіемъ. (Письма кн. Голицыной. «Историческіи Вѣстникъ», 1887 г., № 10, 103—106).

²⁾ То-есть, по новому стилю.

³⁾ «Русскій Архивъ», 1876 г., № 4, 414.

⁴⁾ То-есть, для обрученія.

⁵⁾ Записки кн. О. Н. Голицына. «Русскій Архивъ», 1874 г., 1.305.

ЕКАТЕРИНА
*Его Императорскому Величеству
и Самодержавцу*

ВТОРАЯ.
*НИКОЛАЮ I. Государю Императору
Всероссийскому*

Екатерина II.
Съ гравюры Уткина.

Тяжело было положеніе Павла Петровича, которому шель уже сорокъ третій годъ. Окруженный даже въ домашнемъ быту шпионами большого двора ¹⁾, стѣсненный въ средствахъ къ жизни, онъ сосредоточился въ глубинѣ своей больной души, сталъ скрытенъ и крайне недовѣрчивъ. Обреченный на бездѣйствіе въ дѣлахъ государственныхъ, при живой, кипучей натурѣ, жаждавшей дѣятельности, онъ находилъ просторъ только въ узкой сферѣ военщины, въ вахтъ-парадныхъ упражненіяхъ своихъ гатчинскихъ командъ. Строгая дисциплина, составляющая душу подобнаго рода занятій, привила къ нему суровость и мелочность. Подъ вліяніемъ много-различныхъ обстоятельствъ и впечатлѣній прожитыхъ имъ лѣтъ, у него составились свои воззрѣнія на существовавшій въ государствѣ порядокъ вещей, совершенно различныя отъ взглядовъ матери, но которыя онъ нетерпѣливо жаждалъ осуществить на дѣлѣ. Все это было извѣстно не только при большомъ дворѣ, но и въ публичѣ. «Наслѣдникъ, — пишетъ Ростопчинъ графу Воронцову, — изнемогаетъ отъ досады и ждетъ не дождется, когда ему вступить на престолъ. Онъ живетъ попрежнему, довольный тѣмъ, что день прошелъ; время ему въ тягость. И то сказать, — прибавляетъ Ростопчинъ, — положеніе его во всѣхъ отношеніяхъ крайне непріятно. Нужно бы терпѣнія, но его-то и не хватаетъ...»²⁾).

Прошло шесть недѣль со времени роковаго 11-го сентября—наступилъ ноябрь.

3-го числа у императрицы сдѣлалась колика. Припадокъ этотъ часто случался и прежде, а потому она и не обратила на него вниманія. На другой день вечеромъ у нея въ спальнѣ было небольшое собраніе самыхъ приближенныхъ лицъ, гдѣ много разговаривали по поводу полученнаго въ тотъ день извѣстія о кончинѣ короля Сардинскаго. Екатерина казалась веселою, много смѣялась, подтрунивая

¹⁾ Шведскій посланникъ Штедингъ, описывая въ письмѣ къ королю Густаву III, отъ 1 ноября 1790 г., положеніе великаго князя Павла Петровича, увѣдомляетъ между прочимъ, что «почти невозможно говорить съ нимъ безъ того, чтобы кто нибудь не подслушивалъ, и разговоръ никогда не можетъ обратиться на предметы особенно важныя»... («Русскій Архивъ», 1878 г., 2163). Дѣло въ томъ, что всѣ высшіе чиновники малаго двора, также какъ и прислуга, принадлежали къ штату императрицы и понедѣльно дежурили у обонхъ дворцовъ, такъ что все, происходившее въ Гатчинѣ, тотчасъ становилось извѣстнымъ при большомъ дворѣ. (Записки Саблукова, «Русскій Архивъ», 1869 г., 1834, 1882).

²⁾ «Русскій Архивъ», 1876 г., 414. Для дальнѣйшаго разсказа о кончинѣ Екатерины главными источниками были: 1) Записки Ростопчина—«Послѣдній день Екатерины и первый день царствованія императора Павла» (Чт. въ имп. общ. ист. и древн. Росс., 1864 г., кн. II, 177 — 184); 2) Частное письмо въ Москву о кончинѣ Екатерины II («Русскій Архивъ», 1867 г., 1266); 3) Запись о кончинѣ Екатерины II, императрицы Россіи, въ 1796 г. («Восемнадцатый Вѣкъ», кн. I, 487) и нѣкоторые другіе.

надъ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ, боявшимся смерти, но, почувствовавъ нѣкоторое разстройство отъ излишняго смѣха раньше обыкновеннаго простилась со своими гостями и легла почивать. На утро, 5-го ноября, она по обыкновенію проснулась въ 6 часовъ и на вопросъ камеръ-юнгферы Марьи Савишны Перекусихиной, каково изволила почивать, отвѣчала, что давно не имѣла такого пріятнаго и покойнаго сна.

Обыкновеннымъ утреннимъ напиткомъ ея былъ левантскій, крѣпко сваренный кофе¹⁾, котораго она выпивала по одной чашкѣ; въ послѣднее время, впрочемъ, она отъ него воздерживалась, но въ этотъ день, благодаря тому, что хорошо себя чувствовала, она приказала подать любимый свой напитокъ и, находя его на этотъ разъ особенно вкуснымъ, выпила двѣ чашки. Утренніе часы отъ 6 до 9 она обыкновенно посвящала письменному литературному труду. Въ этотъ день Екатерина, какъ и всегда, во время завтрака занялась своей работой. Около 9 часовъ явился съ докладомъ статсъ-секретарь Троцинскій, и она стала подписывать бумаги. Это были награды къ 24 ноября, дню ея тезоименитства. Вошелъ камердинеръ Зотовъ и доложилъ о приходѣ съ дѣлами генералъ-рекетмейстера Терскаго. Екатерина, приказавъ ему обождать, сама вышла по надобности въ сосѣднюю небольшую комнатку. Прошло нѣсколько минутъ — императрица не возвращалась. Камердинеръ Тюльпинъ, думая, что она пошла гулять въ Эрмитажъ, сказалъ объ этомъ Зотову, но, посмотрѣвъ въ шкафъ, гдѣ лежали шубы и муфты императрицы, и видя, что все было на мѣстѣ²⁾, пришли въ безпокойство. Зотовъ нѣсколько разъ заглядывалъ къ ней въ кабинетъ, но ея все не было. Тогда онъ обратился къ Марьѣ Савишнѣ, изъясняя свое недоумѣніе, но та не обратила вниманія на его слова, говоря, что онъ попусту безпокоится. Между тѣмъ отсутствіе императрицы продолжалось, что заставило Зотова еще разъ обратить вниманіе камеръ-юнгферы. Послѣ нѣсколькихъ возраженій со стороны послѣдней, они рѣшились заглянуть въ комнатку, но, прежде чѣмъ отворить дверь, они стали шаркать ногами, кашлять, наконецъ стучать — никакого отзвѣта. Тогда они рѣшились отворить дверь, но почувствовали, что ее изнутри что-то задерживало. Употребивъ нѣкоторое усиліе, они пріотворили ее и съ ужасомъ увидали императрицу, распростертую на стулѣ, причемъ ноги ея упирались въ дверь. Это неожиданное открытіе въ минуту разнеслось по дворцу и распространило общее смятеніе. Оторопѣвшій Зотовъ тотчасъ же кликнулъ камердинеровъ Тюльпина и Чернова, чтобы помочь ему перенести государыню въ спальню, но тѣло ея оказалось настолько грузнымъ,

¹⁾ П. Сумароковъ рассказываетъ, что кофе для императрицы варился въ пропорціи одного фунта на пять чашекъ («Обозрѣніе царствованія и свойствъ Екатерины Великой», ч. I, 48).

²⁾ Въ подобныхъ случаяхъ Екатерина никогда не звала прислуги, но всегда одѣвалась сама.

что едва только шесть человекъ могли поднять его и уложить на полу въ спальнѣ на сафьянномъ матрацѣ.

Апоплексическій ударъ лишилъ императрицу чувствъ, но не прекратилъ ея жизни: лицо ея было багровое, глаза то полуоткрывались, то опять закрывались, на губахъ виднѣлся пѣна; она сильно хрипѣла, а грудь и животъ тяжело поднимались и опускались.

Тотчасъ же дали знать кн. Зубову, жившему въ нижнемъ этажѣ дворца, и послали за докторами. Кругомъ слышались рыданія прислуги. Кн. Зубовъ при видѣ своей благотворительницы какъ бы обезумѣлъ: онъ не въ состояніи былъ сдѣлать никакого распоряженія и только плакалъ и метался. М. С. Перекусихина и Зотовъ просили дежурнаго лѣкаря пустить императрицѣ кровь—Зубовъ не позволилъ. Пока собрались доктора, пропелъ часъ времени. Первый пріѣхалъ Рожерсонъ, и тотчасъ приступили къ возвращенію у больной самочувствія: была пущена изъ руки кровь, которая показалась не сразу, но только послѣ того, какъ растираніями привели ее въ движеніе—кровь оказалась густая, черная, съ медленнымъ теченіемъ; приставили пиявокъ, приложили мушки, сдѣлали нѣсколько промывательныхъ, всыпали въ ротъ рвотныхъ порошковъ—и все оказалось бесполезнымъ. Тогда послали за духовникомъ императрицы отцемъ Саввою, чтобы напутствовать ее св. тайнами, но это по причинѣ сочившейся изо рта пѣны оказалось невозможнымъ, и о. Савва ограничился только чтеніемъ отходныхъ молитвъ. Однакоже, приглашенный во дворецъ митрополитъ Гавріилъ, воспользовавшись прекращеніемъ истеченія пѣны, посовѣтовалъ преподавать св. тайны, а затѣмъ приступилъ къ соборованію, что и исполнилъ въ сослуженіи придворнаго протоіерея о. Сергія.

Было четыре часа по полудни. Черезъ часъ были посланы министрамъ и сенаторамъ повѣстки явиться во дворецъ. Пока надѣялись еще привести императрицу въ чувство, старались скрывать о печальномъ происшествіи, но теперь вѣсть о немъ проникла въ городъ и переходила отъ одного къ другому. П. Сумароковъ, бывший въ то время адъютантомъ Преображенскаго полка, рассказываетъ, что, не зная ничего о случившемся во дворцѣ, онъ въ этотъ день заѣхалъ въ англійскій клубъ и къ удивленію замѣтилъ между присутствовавшими общее смятеніе. «У оконъ,—говоритъ онъ,—шептали попарно, ломали себѣ пальцы, поднимали плечи, и не вошло мнѣ на мысль освѣдомиться о причинѣ. Сѣли за бостонъ, товарищи мои часто прерывали игру, тихо разговаривали съ подходящими къ нимъ, и тогда только родилось мое любопытство «Какъ, вы не знаете, что императрицѣ приключился ударъ?» — Слѣшили доиграть, собраніе походило на большое сиротствующее семейство. Проѣзжая мимо нашего подполковника, я спросилъ часоваго: гдѣ нашъ начальникъ? — «Ночуетъ во дворцѣ», — отвѣчалъ онъ. На улицахъ тихо, въ домахъ нѣтъ огня, свистѣлъ рѣзкій вѣтеръ — все умножало

грусть...¹⁾). Другой современникъ, офицеръ л.-гв. Коннаго полка Саблуковъ, рассказываетъ, что, узнавъ въ домѣ тетки своей Загряжской печальное извѣстіе о положеніи императрицы, онъ тотчасъ же поспѣшилъ въ казармы своего полка, куда ѣдучи встрѣчалъ людей всѣхъ

Графъ П. А. Зубовъ.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Лампи.

сословій, спѣшившихъ по улицамъ пѣшкомъ или въ саняхъ и каретахъ: нѣкоторые останавливали на улицахъ своихъ знакомыхъ и со слезами на глазахъ выражали сожалѣніе о случившемся ²⁾).

¹⁾ Обзорніе царствованія Екатерины, ч. III, 221—222.

²⁾ «Русскій Архивъ», 1869 г., 1884—1885.

Вокругъ безчувственнаго тѣла императрицы слышались рыданія, всѣ были какъ потерянные. Тогда находившійся тутъ гр. Орловъ-Чесменскій напомнилъ кн. Зубову, что слѣдуетъ послать къ великому князю курьера, и тотчасъ же отправили въ Гатчину шталмейстера гр. Николая Зубова. Великій князь Александръ Павловичъ послалъ къ отцу съ печальнымъ извѣстіемъ Ростопчина ¹⁾

Въ тотъ самый день, какъ дворцовая прислуга переносила полуживую Екатерину въ ея спальню, Павелъ Петровичъ, ничего не зная, что происходитъ въ Петербургѣ, поѣхалъ на прогулку съ своей супругой и съ нѣсколькими приближенными къ нему лицами на мельницу, гдѣ для всего общества былъ приготовленъ обѣдъ. Свиту великаго князя, кромѣ дежурныхъ, составляли Плещеевъ, Кушелевъ, гр. Вельгорскій, гр. Ильинскій и камергеръ Бибииковъ. Въ саняхъ великаго князя сидѣлъ гр. Ильинскій и еще кто-то изъ придворныхъ. На запяткахъ саней стояли два гатчинскихъ офицера, находившіеся при особѣ великаго князя и пользовавшіеся его милостями—Капцевичъ и Котлубицкій. Послѣдній, много лѣтъ спустя, вспоминая объ этой поѣздкѣ, рассказывалъ, что дорогой великій князь говорилъ о видѣнномъ имъ и Маріей Ѳеодоровной свѣ: ему казалось, что какая-то невидимая, сверхъестественная сила возносила его къ небу; онъ часто просыпался, потомъ засыпалъ и опять то же ощущеніе; замѣтивъ что великая княгиня не почивала, онъ рассказалъ ей о своемъ сновидѣніи и узналъ къ взаимному ихъ удивленію, что и она то же самое видѣла и оттого нѣсколько разъ просыпалась.

— Вѣроятно, ваше величество скоро будете императоромъ,—сказалъ ему гр. Ильинскій, — и тогда я выиграю мой процессъ съ казною ²⁾.

— Навѣрное выигралъ бы — отвѣчалъ ему великій князь,—моему лучше бы и всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ. Живя въ Гатчинѣ, я насмотрѣлся на ихъ управленіе; помѣщики лучше заботятся о своихъ крестьянахъ, у нихъ своя, отеческая полиція....

Между тѣмъ, въ отсутствіе великаго князя, въ Гатчину пріѣхалъ гр. Зубовъ и послалъ къ Павлу Петровичу доложить о своемъ пріѣздѣ двухъ гусаръ по двумъ различнымъ дорогамъ, такъ какъ неизвѣстно было, по которой изъ нихъ онъ будетъ возвращаться.

¹⁾ Вотъ что передаетъ объ этомъ Ростопчинъ: «Великій князь былъ въ слезахъ, и черты его представили великое душевное волненіе. Обиравъ меня нѣсколько разъ, онъ спросилъ: знаю ли я о происшедшемъ съ императрицею? На отвѣтъ мой, что я слышалъ объ этомъ отъ Парланта (камердинеръ великаго князя), онъ подтвердилъ мнѣ, что надежды къ спасенію не было никакой, и убедительно просилъ ехать къ наследнику для скорѣйшаго извѣщенія, что хотя гр. Николай Зубовъ и поѣхалъ въ Гатчину, но я лучше отъ его имени могу разсказать о семъ печальномъ происшествіи».

²⁾ У Ильинскаго былъ процессъ съ казною объ имѣніи въ нѣсколько тысячъ душъ.

На возвратномъ пути великій князь, увидавъ скакавшаго къ нему гусара, когда тотъ поравнялся съ его саними, спросилъ у него помалороссійски (гусары всѣ почти были изъ малороссіянъ): «Що тамъ таке?»—Посланный отвѣчалъ: «Зубовъ прїѣхавъ, ваше высочество»—«А богацько ихъ?»—спросилъ Павелъ. Гусаръ, вѣроятно, часто слыша русскую поговорку: одинъ какъ перстъ, и не понимая ее, отвѣчалъ: «Одинъ якъ пестъ, ваше высочество». «Ну, съ однимъ можно справиться», сказалъ Павелъ, потомъ снялъ шапку и перекрестился... Прїѣхавъ во дворець, онъ позвалъ Зубова къ себѣ въ кабинетъ и, узнавъ о случившемся, приказалъ какъ можно скорѣе запрягать лошадей, сѣлъ въ карету съ Марією Θεодоровною и поѣхалъ въ Петербургъ ¹⁾. Зубовъ поскакалъ впередъ въ Софію для заготовленія лошадей. Въ Софіи Зубовъ встрѣтилъ Ростопчина. Пока Зубовъ хлопоталъ о лошадяхъ, прискакалъ передовой, конюшенный офицеръ, майоръ Бычковъ, а вслѣдъ за нимъ замелькала фонари экипажа великаго князя. Приводимъ разсказъ Ростопчина о дальнѣйшемъ слѣдованіи въ Петербургъ.

«Когда карета остановилась, и я, подошедъ къ ней, сталъ говорить, то наслѣдникъ, услышавъ мой голосъ, закричалъ: «Ah, c'est vous mon cher Rostopchin...». За симъ словомъ онъ вышелъ изъ кареты и сталъ разговаривать со мною, спрашивая подробно о происшедшемъ. Разговоръ продолжался до того времени, какъ сказано, что все готово; садясь въ карету, онъ сказалъ мнѣ: «Faites moi de plaisir de moi suivre; nous arriverons ensemble; j'aime à vous voir avec me». Сѣвъ въ сани съ Бычковымъ, я поскакалъ за каретою. Отъ Гатчины до Софіи встрѣтили наслѣдника пять или шесть курьеровъ, всѣ съ однимъ извѣстіемъ отъ великихъ князей, отъ гр.

¹⁾ О встрѣчѣ Павла съ Зубовымъ сохранился другой разсказъ, переданный де-Сангленомъ будто бы со словъ Кутайсова. Вотъ онъ: «Въ день приключившагося въ Екатерининой удара великій князь кушалъ съ семействомъ на Гатчинской мельницѣ. До обѣда разсказывалъ онъ собравшемуся у него обществу, между прочими, Плещееву, Кунцелеву, гр. Вильгорскому, Бибикову видѣнный имъ въ прошлую ночь сонъ, что какая-то невидимая сила поднимала его на какую-то высоту; просыпаясь часто и засыпая опять, повторялся тотъ же сонъ. Къ крайнему удивленію, и великую княгину тревожили всю ночь подобныя же сны. По окончаніи стола подать Кутайсовъ кофе въ такъ называемой розовой бесѣдѣ. Въ эту минуту великій князь увидать гр. Н. А. Зубова, привывавшаго лошадь къ забору; почитая всѣхъ Зубовыхъ смертельными своими врагами, онъ побѣднѣлъ, уронилъ чашку и, обратясь къ великой княгинѣ, прибавилъ трепещущимъ голосомъ: «achève, nous sommes perdus!» Онъ думалъ, что графъ прїѣхалъ его арестовать и отвезти въ замокъ Лоде, о чемъ давно говорили. Зубовъ не шель, а бѣжалъ съ открытою головою къ бесѣдѣ и, вошедши въ нее, палъ на колѣни передъ Павломъ и донесъ о безнадежномъ состояніи императрицы. Великій князь пережмываетъ цвѣтъ лица и дѣлается багровымъ, одной рукой поднимаетъ Зубова, а другой ударяя себя въ лобъ, восклицаетъ: какое несчастіе! и проливаетъ слезы, требуетъ карету, сердится, что не скоро подяютъ, ходитъ быстрыми шагами вдоль и поперекъ бесѣдки, третъ судорожно руки свои, обнимаетъ великую княгиню, Зубова, Кутайсова и спрашиваетъ самого себя: «заставу ли ее въ живыхъ?» Словомъ, былъ внѣ себя, отъ печали или отъ радости—Богъ вѣсть. Думаютъ, что быстрый этотъ переходъ отъ страха къ неожиданности подбѣствовалъ сильно на его нервъ и самый мозгъ. Кутайсова, который мнѣ это разсказывалъ, жалѣлъ, что не пустилъ великому князю немедленно кровь». (Русская Старина, 1882 г., декабрь, 468—469). Который разсказъ вѣрнѣе—Котлубицкаго, или де-Санглена?

Салтыкова и проч. Они всё были съ записками, и я, предвидѣвъ это, велѣлъ изъ Софіи взять фонарь со свѣчою на случай, если будутъ письма изъ Петербурга, то можно было бы читать ихъ въ каретѣ. Попались еще въ встрѣчу около 20-ти человекъ разныхъ посланныхъ, но ихъ мы ворочали назадъ и такимъ образомъ составили предлинную свиту саней. Не было ни одной души изъ тѣхъ, кои дѣйствительно или мнительно, имѣя какія либо сношенія съ окружавшими наслѣдника, не отправили бы нарочнаго въ Гатчино съ извѣстіемъ, между прочимъ, одинъ изъ поваровъ и рыбный подрядчикъ наняли курьера и послали. Проѣхавъ Чесменскій дворець, наслѣдникъ вышелъ изъ кареты. Я привлекъ его вниманіе на красоту ночи. Она была самая тихая и свѣтлая, холода было не болѣе 3°; луна то показывалась изъ облаковъ, то опять за оными скрывалась. Стихія, какъ бы въ ожиданіи важной перемѣны въ свѣтѣ, пребывали въ молчаніи, и царствовала глубокая тишина. Говоря о погодѣ, я увидѣлъ, что наслѣдникъ устремилъ взглядъ свой на луну, и при полномъ ея сіяніи могъ я замѣтить, что глаза его наполнились слезами. Съ моей стороны, преисполненъ бывъ важности сего дня, преданъ будучи сердцемъ и душею тому, кто восходилъ на тронъ російскій, любя отечество и представляя себѣ сильно всё послѣдствія, всю важность перваго шага, всякое онаго вліяніе на чувства преисполненнаго здоровьемъ, пылкостью и необычнымъ воображеніемъ самовластнаго монарха, отвыкшаго владѣть собою, я не могъ воздержаться отъ повелительнаго движенія и, забывъ разстояніе между имъ и мною, схватя его за руку, сказалъ: «Ah, Monseigneur, quel moment pour vous!». На это онъ отвѣчалъ, пожавъ мнѣ крѣпко руку: «Attendez, mon cher, attendez; j'ai vecu quarante deux ans; Dieu m'a soutenu; peut être, donnera t'il la force et la raison pour supporter l'état au quel il me destine. Esperons tout de Sa bonté». Вслѣдъ за симъ онъ тотчасъ сѣлъ въ карету и въ 8^{1/2} часовъ вечера вѣхалъ въ Петербургъ.

II.

Встрѣча наслѣдника.—Повелѣніе оберъ-гофмаршалу князю Бярятинскому удалиться изъ дворца.—Павель при постели матери.—Ростопчинъ и гр. Безбородко.—Разборъ и печатаніе бумагъ императрицы.—Кн. П. Зубовъ.—Кончина императрицы.

Зимній дворець ежеминутно наполнялся пріѣзжавшими министрами, сенаторами и другими особами высшаго управленія. Передъ дворцомъ собралось такое множество каретъ, что не было проѣзда. Угрюмость, смущеніе и непритворная грусть виднѣлись на лицахъ собравшихся сановниковъ: не одному изъ нихъ приходилось съ трепетомъ помышлять о своей будущности, и у всѣхъ безъ исключенія таился въ глубинѣ души вопросъ, что-то будетъ...

Императоръ Павелъ въ 1798 году.
Съ гравюры Дункортена, сдѣланнаго съ портрета Щукина.

Въ виду предстоявшей перемѣны сенатъ проявилъ необычную дѣятельность: тамъ были собраны всѣ секретари и нижніе служители и во всю ночь занимались списываніемъ реестровъ нерѣшенныхъ дѣлъ и вообще отчетностію о состояніи дѣлъ въ сенатѣ. «Но нигдѣ,—говоритъ одинъ современникъ,—не было такого смятенія и унынія, какъ въ канцеляріи свѣтлѣйшаго князя Зубова»...

Въ 9 часовъ дали знать о пріѣздѣ наслѣдника. Его встрѣтили на крыльцѣ со свѣчами. Великіе князья Александръ и Константинъ были въ мундирахъ своихъ гатчинскихъ командъ.

Павель Петровичъ прошелъ прямо въ свою комнату и чрезъ нѣсколько минутъ отправился на половину матери. Ростопчинъ, находившійся при немъ безотлучно, передаетъ, что, «проходя сквозь комнаты, наполненныя людьми, ожидающими восшествія его на престолъ, онъ оказывалъ всѣмъ видъ ласковый и учтивый», и что «пріемъ, ему сдѣланный, былъ уже въ лицѣ государя, а не наслѣдника». Однако, замѣтивъ въ числѣ придворныхъ оберъ-гофмаршала кн. Ѳ. Барятинскаго, участвовавшаго 34 года тому назадъ въ переворотѣ 6-го іюля 1762 года, послалъ ему сказать, что онъ отставляется отъ службы и чтобы тотчасъ же удалился изъ двора.

Екатерина лежала въ спальнѣ, покрытая бѣлой простыней. Агонія длилась съ утра, обнаруживаясь прежними явленіями—хрипѣньемъ, тяжелымъ дыханіемъ и по временамъ истеченіемъ изо рта жидкости темнаго цвѣта; глаза были постоянно закрыты.

Войдя въ спальню матери, Павель Петровичъ приблизился къ ней, опустилсѣ на колѣни и, обливаясь слезами, горячо цѣловалъ ея руки. Въ эту торжественную минуту, когда страдалица готовилась предстать предъ Высшимъ Судьею, великодушное сердце сына забыло все прошлое...

Поговоривъ нѣсколько съ медиками и разспросивъ о всѣхъ подробностяхъ случившагося, Павель Петровичъ пошелъ съ великой княгиней въ свой кабинетъ, куда призывалъ тѣхъ, съ кѣмъ хотѣлъ говорить или что нибудь приказать.

Такъ окончился поразившій всю Россію день 5-го ноября.

Рано утромъ 6-го числа Павель опять пошелъ въ спальню матери и спросилъ докторовъ, имѣютъ ли они какую нибудь надежду. Получивъ въ отвѣтъ, что никакой, онъ приказалъ позвать митрополита Гавріила съ духовенствомъ, чтобы прочесть глухую исповѣдь и причастить императрицу св. таинъ, что и было исполнено.

Съ этой минуты Павель фактически сталъ уже государемъ.

Призвавъ къ себѣ Ростопчина, онъ сказалъ ему: «Я тебя знаю совершенно таковымъ, каковъ ты есть, и хочу, чтобъ ты откровенно мнѣ сказалъ, чѣмъ ты при мнѣ быть желаешь?»—«Секретаремъ для принятія просьбъ»,—отвѣчалъ Ростопчинъ.—«Тутъ я не найду своего счета,—возразилъ ему, немного подумавъ, Павель.—Знай, что я назначаю тебя генераль-адъютантомъ, но не такимъ, чтобы гулять только

по дворцу съ тростью, а для того, чтобъ ты правилъ военною частью». Отпустивъ Ростопчина, Павелъ Петровичъ обратилъ вниманіе на камеръ-пажа Нелидова и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Нелидовъ былъ племянникъ Екатерины Ивановны Нелидовой, извѣстной любимицы великаго князя, которая въ то время уже восьмой мѣсяцъ проживала въ Смольномъ монастырѣ, оставивъ гатчинскій дворъ по неудовольствіямъ съ Маріей Ѳеодоровной. Какъ увидимъ, этотъ юноша былъ не изъ послѣднихъ, на кого обратились милости новаго императора.

Съ пріѣздомъ Павла изъ Гатчины доступъ во дворецъ былъ открытъ для всѣхъ. Всякій, кого приводила туда горестъ или любопытство, могъ входить въ спальню государыни. У всѣхъ на устахъ были вопросы о часѣ, когда приключился ударъ, о дѣйствіи лѣкарствъ, о мнѣніи докторовъ, и всякій, какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, рассказывалъ разное... А рядомъ съ спальней собралась другая толпа—толпа придворныхъ и властныхъ лицъ съ понурими головами, задумчивымъ взоромъ, съ томительнымъ, щемящимъ сердце чувствомъ, считавшая минуты переживаемыхъ часовъ и ожидавшая несомнѣнныхъ и неизбѣжныхъ перемѣнъ въ привычной имъ спокойной и привольной жизни. «Безбородко,—рассказываетъ Ростопчинъ,—болѣе 30 часовъ не выѣзжавшій изъ дворца, былъ въ отчаяніи: неизвѣстность судьбы, страхъ, что онъ подъ гнѣвомъ новаго государя, и живое воспоминаніе благотвореній умирающей императрицы наполняли глаза его слезами, а сердце горестью и ужасомъ. Раза два онъ говорилъ мнѣ умиленнымъ голосомъ, что онъ надеется на мою дружбу, что онъ старъ, боленъ, имѣетъ 250 тысячъ дохода и единой проситъ милости быть отставленнымъ отъ службы безъ посрамленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, соболѣзнуя, просилъ онъ о Троцинскомъ, который былъ его твореніе, и объяснилъ мнѣ, что уже восьмой день, какъ подписанъ указъ о пожалованіи его въ дѣйствительные статскіе совѣтники, но не отосланъ Грибовскимъ въ сенатъ».

«Вошедши къ наслѣднику,—продолжаетъ Ростопчинъ,—и отвѣчая на вопросъ его: что дѣлается во дворцѣ? я напелъ удобнымъ описать отчаяніе графа Безбородка и положеніе Троцинскаго. Тутъ я получилъ повелѣніе увѣрить графа Безбородка, что наслѣдникъ, не имѣя никакого особеннаго противъ него неудовольствія, проситъ его забыть все прошедшее и что разсчитываетъ на его усердіе, зная дарованія его и способность къ дѣламъ, указъ же о пожалованіи Троцинскаго приказалъ мнѣ взять и отослать въ сенатъ, что и было исполнено».

Ожидая съ минуты на минуту кончины матери, Павелъ, призвавъ Безбородка, приказалъ ему заготовить манифестъ о вступленіи своемъ на престолъ; въ то же время велѣлъ Ростопчину написать къ князю Александру Борисовичу Куракину, проживавшему тогда въ Москвѣ, чтобъ онъ поспѣшилъ своимъ пріѣздомъ въ Петербургъ ¹⁾.

¹⁾ Князь Куракинъ, товарищъ дѣтства Павла, былъ удаленъ отъ двора по неудовольствію на него императрицы.

Распоряженія эти были сдѣланы около полудня. Въ часъ по полудни наслѣдникъ съ супругою купали вдвоемъ въ «корридорѣ за спальнею комнатою». Въ три часа снова призвавъ Безбородка, а съ нимъ и генераль-прокурора Самойлова, великій князь приказалъ имъ взять императорскую печать, разобрать въ присутствіи великихъ князей Александра и Константина всѣ бумаги, находящіяся въ кабинетѣ императрицы, и потомъ, запечатавъ ихъ, сложить въ особое мѣсто. Исполненіе приказанія отца принялъ на себя самъ Александръ Павловичъ¹⁾. Взявъ тетрадь, которую Екатерина писала въ послѣдній разъ, и не складывая ея, онъ положилъ вмѣстѣ съ другими, выбранными изъ шкафовъ и ящичковъ собственноручными бумагами, нерезвязанными лентами, въ приготовленную для того скатерть, завязалъ ее и приказалъ камердинеру Тюльпину запечатать, что и было исполнено въ присутствіи вышеупомянутыхъ лицъ. Точно также въ присутствіи великаго князя Александра Павловича были опечатаны всѣ служебныя бумаги и въ кабинетѣ князя Зубова и затѣмъ положены въ кабинетъ государыни, двери котораго были заперты и запечатаны, ключъ же былъ отданъ Александру Павловичу. Той же участи подверглись бумаги и графа Маркова, опечатанныя по повелѣнію наслѣдника вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ.

Въ 5 часовъ по полудни Павелъ Петровичъ велѣлъ спросить у Безбородка, нѣтъ ли какихъ дѣлъ, времени не терпящихъ. «Хотя,—замѣчаетъ Ростопчинъ,—обыкновенныя донесенія, по почтѣ приходящія и не требовали спѣшнаго доклада, но графъ Безбородко разсудилъ войти съ ними въ кабинетъ, гдѣ наслѣдникъ приказалъ и мнѣ остаться». При входѣ Безбородка съ бумагами великій князь сказалъ ему, указывая на Ростопчина: «Вотъ человекъ, отъ котораго у меня нѣтъ ничего скрытнаго». Онъ былъ чрезвычайно удивленъ памятью графа Безбородко, который по подписямъ не только узнавалъ, откуда пакеты, но и писавшихъ называлъ по именамъ. «Сіе не такъ покажется чрезвычайнымъ,—прибавляетъ отъ себя Ростопчинъ,—когда отличишь однѣ бумаги отъ другихъ; всѣ были онѣ или отъ генераль-губернаторовъ, или отъ начальниковъ разныхъ частей, кои еженедѣльно для формы присылали государынѣ свои донесенія, а важныя и интересныя дѣла предоставляли перепискѣ съ княземъ Зубовымъ, графомъ Салтыковымъ и генераль-прокуроромъ». По выходѣ Безбородка изъ кабинета наслѣдникъ, удивляясь его способностямъ, сказалъ Ростопчину: «Это человекъ для меня даръ Божій; спасибо тебѣ, что ты меня съ нимъ примирилъ».

¹⁾ Ростопчинъ говоритъ, что Павелъ, отдавъ ему свою печать, которую всегда носилъ на часахъ, приказалъ ему вмѣстѣ съ Самойловымъ запечатать кабинетъ государыни, между тѣмъ въ официальномъ документѣ, какимъ нельзя не признать «Записъ о кончинѣ императрицы Екатерины II», хранящуюся въ архивѣ перемональныхъ дѣлъ и помѣщенную въ сборникъ «Восемнадцатый Вѣкъ» (кн. I, 488), объ участіи Ростопчина въ опечатаніи кабинета императрицы ничего не говорится. Откуда эта разниа и чѣмъ ее объяснить?

Въ послѣднихъ двухъ замѣчаніяхъ Ростопчина, относящихся къ докладу графа Безбородка, чуткому слуху читателя невольно слышится нотка не то чтобъ раздраженія, къ которому была такъ склонна натура новаго любимца наслѣдника, а какъ будто бы какого-то неудовольствія противъ ловкаго дѣльца, успѣвшаго въ нѣсколько минутъ обворовать Павла. По мнѣнію Ростопчина, графу Безбородку не было никакой надобности входить къ великому князю, такъ какъ бумаги были самыя обыкновенныя; нечего было удивляться и его памяти при докладѣ дѣль—это просто привычка различать почерки. Еще только занималась заря новаго царствованія, а чувство честолюбивой ревности уже начинало пробиваться наружу...

Графъ Безбородко былъ въ числѣ тѣхъ лицъ, которыхъ когда-то Павелъ собирался наказать, уничтожить, выгнать, лишь только получить власть¹⁾. Теперь онъ съ нимъ примирился, видя въ немъ «даръ Божій», получаемый въ наслѣдство отъ матери.

Павель Петровичъ былъ настолько великодушень, что желалъ забыть даже оскорбленія и наглости бывшаго фаворита матери— князя П. Зубова, теперь въ минуты общей горести совершенно упавшаго духомъ. «Отчаяніе сего временщика, — говоритъ Ростопчинъ, — ни съ чѣмъ сравниться не можетъ. Не знаю, какія чувства сильнѣе дѣйствовали на сердце его, но увѣренность въ паденіи и ничтожествѣ изображалась не только на лицѣ, но и во всѣхъ его движеніяхъ. Проходя сквозь спальную комнату императрицы, онъ останавливался по нѣсколько разъ передъ тѣломъ государыни и выходилъ рыдая. Войдя въ комнату, называемую дежурной, я нашелъ князя Зубова, сидящаго въ углу; толпа придворныхъ удалялась отъ него, какъ отъ зараженнаго, и онъ, терзаемый жаждою и жаромъ, не могъ выпросить себѣ стакана воды. Я послалъ лакея и самъ подаль питье, въ коемъ отказывали ему тѣ самыя, кои сутки тому назадъ на одной улыбкѣ его основывали зданіе своего счастья, и та комната, въ коей давили другъ друга, чтобы стать къ нему ближе, обратилась для него въ необитаемую степь».

По словамъ Ростопчина, Павель Петровичъ въ тотъ день, какъ принималъ Безбородка съ докладомъ, разъ пять или шесть призывалъ къ себѣ князя Зубова, милостиво разговаривалъ съ нимъ и

¹⁾ Это было 14 лѣтъ тому назадъ, когда Павель, путешествуя по Европѣ подъ именемъ графа Сѣвернаго, находился въ Тосканѣ. Герцогъ Тосканскій Леопольдъ, описывая въ письмѣ къ брату своему императору Юсифу (отъ 5-го іюня 1782 г.) впечатлѣнія, оставленныя въ немъ знакомствомъ съ наслѣдникомъ русскаго престола, пишетъ: «Однажды, разсуждая о проискахъ Кобенцеля въ Петербургѣ, онъ разгорячился и сталъ мнѣ говорить, что ему извѣстно, какіе изъ петербургскихъ чиновниковъ куплены вѣнскимъ дворомъ, сколько и когда и что получилъ каждый со всѣми подробностями. Когда я сталъ увѣрять его, что ничего объ этомъ не знаю, онъ отвѣтилъ мнѣ: «Такъ я знаю и могу назвать имена. Это—князь Потемкинъ, секретарь императрицы Безбородко, оба графа Воронцовы, Семень и Александръ, и Марковъ, который теперь министромъ въ Голландіи. Я вамъ называю ихъ; пусть знаютъ, что я знаю, кто они такіе, и какъ только у меня будетъ власть, я ихъ накажу (Ich werde sie ausruthen), уничтожу и выгоню» («Русскій Архивъ», 1872 г., 770).

увѣрялъ въ своемъ благорасположеніи. Онъ не передаетъ никакихъ подробностей о первомъ свиданіи Павла съ Зубовымъ, но другіе говорятъ, будто Зубовъ, по приѣздѣ наслѣдника изъ Гатчины, въ страхѣ и смущеніи палъ къ его ногамъ, и будто Павелъ сказалъ ему: «Встаньте! Другъ моей матери будетъ и моимъ другомъ», причемъ, отдавая ему трость — отличительный знакъ дежурнаго генераль-адъютанта, прибавилъ: «Продолжайте исполнять ваши служебныя обязанности при тѣлѣ моей матери, надѣюсь, что и мнѣ будете такъ же вѣрно служить, какъ и ей служили».

Въ запискахъ де-Санглена о поведеніи Зубова по кончинѣ императрицы находимъ слѣдующій рассказъ. «Князь П. А. Зубовъ, какъ дежурный генераль-адъютантъ, спросилъ императора кому прикажетъ онъ вручить генераль-адъютантскій жезлъ, который былъ тогда знакомъ дежурнаго генераль-адъютанта. Императоръ отвѣчалъ: «il est en bonnes mains — gardez le». Князь Зубовъ спросилъ императора, неудобно ли ему разсмотрѣть запечатанные конверты, находящіяся въ кабинетѣ покойной императрицы. Первый попавшійся въ руки и распечатанный императоромъ было отрѣшеніе его отъ всероссійскаго престола. Второй — распоряженіе о пребываніи его высочества въ замкѣ Лоде, куда должно было слѣдовать и войско, находившееся при немъ въ Гатчинѣ и Павловскѣ. Императоръ, улыбаясь, изорвалъ оба пакета на мелкіе куски. Третій былъ указъ о пожалованіи графа Безбородка имѣніемъ, бывшимъ князя Орлова и Бобріка. «Cela appartient à mon frère, — сказалъ Павелъ — oser en disposer en faveur d'un autre est une crime». Четвертый съ надписью самой императрицы, духовное завѣщаніе, императоръ, не распечатывая, положилъ въ карманъ. Это я слышалъ, прибавляетъ де-Сангленъ, отъ самого князя Зубова, который выставилъ этотъ поступокъ въ видѣ неблагодарности со стороны Павла за оказанныя ему услуги и какъ бы извинительною причиною дальнѣйшаго поведенія его, то-есть князя Зубова»¹⁾.

Едва ли надо говорить, что этотъ рассказъ Зубова, если только онъ дѣйствительно передавалъ его де-Санглену, ничего больше, какъ наглое хвастовство. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что Павелъ, по великодушію своему, обошелся съ нимъ милостиво.

Давно уже наступилъ вечеръ. Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна сидѣли вдвоемъ въ кабинетѣ, когда въ 9 часовъ вошелъ Рожерсонъ и объявилъ, что императрица кончается. По приказанію наслѣдника, въ спальню вошли великіе князья Александръ и Константинъ съ супругами и великія княжны Александра и Елена, съ ними вошла и статсъ-дама Ливенъ, а за нею князь Зубовъ, Остерманъ, Безбородко и Самойловъ. «Сія минута, — говоритъ Ростопчинъ, — до сихъ поръ и до конца жизни моей пребудетъ въ моей памяти

¹⁾ «Русская Старина», 1882 г., декабрь, 471 — 472.

незабвенною. По правую сторону тѣла императрицы стоялъ наслѣдникъ, супруга его и дѣти; у головы—призванные въ комнату Плещеевъ и я; по лѣвую сторону—доктора, лѣкаря и вся услуга Екатерины. Дыханіе ея сдѣлалось трудно и рѣдко: кровь то бросалась

Императрица Марія Ѳеодоровна.

Съ гравюры Нейдла, сдѣланной съ портрета Кребцингера.

въ голову и перемѣняла совсѣмъ черты лица, то, опускаясь внизъ, возвращала ему естественный видъ. Молчаніе всѣхъ присутствующихъ, взгляды всѣхъ, устремленные на единый важный предметъ, отдаленіе на сію минуту отъ всего земнаго, слабый свѣтъ въ ком-

натѣ — все сіе обнимало ужасомъ, возвѣщало скорое пришествіе смерти».

Въ 9 часовъ и 45 минутъ, послѣ страданій 36-ти-часовой агоніи, Екатерина вздохнула въ послѣдній разъ и отошла въ вѣчность...

Роковая минута наступила. Конецъ «золотой вольности», конецъ благополучію и счастію Россіи!

Съ тихой молитвой приникъ сынъ къ тѣлу матери и со слезами на глазахъ вышелъ изъ спальни. Вопли и рыданія прислуги огласили комнату.

III.

Первыя поздравленія императорской четвѣ со вступленіемъ на престоль.— Покойница.— М. С. Перекусихина.— Присяга новому императору.— Первый приказъ Павла.— Первыя милости и опалы.— Присяга графа Орлова-Чесменскаго.— Дѣятельная работа въ сенатѣ.

Le roi est mort — vive le roi!..

«Лишь только императорская фамилія окончила свое послѣднее прощаніе съ славной покойницей,— говорится въ официальномъ документѣ,— присутствующія знатныя особы: вице-канцлеръ Остерманъ, графъ Безбородко и графъ Самойловъ, а также придворные служители и служительницы принесли свои нижайшія поздравленія его величеству новому императору, а также и ея величеству императрицѣ по случаю восшествія ихъ на престоль».

Императрица Марія Ѳеодоровна приняла на себя заботу о покойной государынѣ. По ея распоряженію тѣло было обмыто и предварительно одѣто въ шелковый шлафрокъ, послѣ чего покойную положили на ея кровать, поставленную посреди спальни, и покрыли золотымъ покровомъ. Придворные священники, чередуясь съ приходскими, начали чтеніе св. евангелій. Къ тѣлу были назначены дежурными генераль-адъютантъ, двѣ фрейлины, два камергера, два камеръ-юнкера, два камердинера, двѣ служанки, одинъ медикъ, два камеръ-пажа и шесть пажей.

Въ группѣ лицъ, окружавшихъ покойницу, вниманіе всѣхъ привлекала къ себѣ одна очень уже пожилая женщина, которая не отходила отъ тѣла; ея печальный, но спокойный взоръ не отрывался отъ покойницы; на ней одной, казалось, сосредоточивались всѣ ея мысли, къ ней одной влеклись всѣ ея чувства. Это была Марья Савишна Перекусихина—камеръ-юнгфера Екатерины, пользовавшаяся при жизни покойной самой задушевной ея пріязнью, доходившей до дружбы. Ростопчинъ, внимательный наблюдатель всего происходившаго въ эти печальные дни, говоритъ, что «она служила ей точно такъ, какъ будто ожидала ея пробужденія; сама поминутно приносила платки, коими лѣкаря обтирали текущую изо рта мате-

Гатчинскій дворець въ концѣ прошлаго столѣтія.
Съ гравюры Ухоловаго, сдѣланной по рисунку съ натуры Щерина.

рію, поправляла ей то руки, то ноги; несмотря на то, что императрицы уже не существовало, она безпрестанно оставалась у тѣла усопшей, и духъ ея стремился вслѣдъ за безсмертной душой императрицы Екатерины».

Началось новое царствованіе.

Не смотря на то, что уже наступила ночь, императоръ Павелъ, приказалъ объявить манифестъ о вступленіи его на престолъ и немедленно сдѣлать распоряженія для принесенія ему присяги.

А. М. Тургеневъ въ запискахъ своихъ говоритъ, будто Павелъ, выйдя изъ спальни матери, самъ объявилъ находившимся во дворцѣ о принятіи имъ императорской власти, при чемъ рисуетъ слѣдующую картину.

«Великій князь Павелъ повернулся на каблукахъ направо кругомъ на порогѣ дверей, накрылъ голову огромной шляпой, палка по формѣ въ правой рукѣ, охриплымъ голосомъ возгласилъ:

«Я вамъ государь! Попа сюда!».

«Мгновенно явился священникъ, поставили налож, на которомъ были возложены Евангеліе и Животворящій Крестъ Господень»... и проч. ¹⁾).

Разсказъ о такой комической, чтобы не сказать, шутовской сценѣ мы не иначе можемъ принять, какъ за слухъ, пущенный въ публику къмъ либо взъ недоброхотовъ императора Павла. Ростопчинъ передаетъ это такъ: «Графъ Самойловъ, вышедши въ дежурную комнату, сказалъ: «Милостивые государи! императрица Екатерина скончалась, а государь Павелъ Петровичъ изволилъ взойти на всероссійскій престолъ».

Когда въ придворной церкви собрались придворные чины и высшее духовенство, оберъ-церемоніймейстеръ Валуевъ пришелъ доложить государю, что къ присягѣ все готово.

Павелъ со всѣмъ семействомъ своимъ пошелъ въ церковь. При входѣ его пѣвчіе запѣли: «Днесъ благодать св. Духа насъ собра» и потомъ «Царю небесный». Государь сталъ на императорскомъ мѣстѣ, а Марія Ѳеодоровна на своемъ обыкновенномъ. Она первая присягнула императору, а за нею дѣти. По принесеніи присяги императрица, подойдя къ супругу, хотѣла преклонить колѣна, равно какъ и прочіе члены императорской фамиліи, но были удержаны императоромъ и заключены въ нѣжныя объятія. Затѣмъ началась

¹⁾ «Русская Старина», 1885 г., сентябрь, 379.

общая присяга, послѣ которой каждый подходилъ къ императору и императрицѣ и цѣловалъ ихъ руку. Протодіакону, провозгласившему въ первый разъ Павла императоромъ, по повелѣнію его, было выдано 1000 рублей¹⁾.

По окончаніи присяги государь пошелъ прямо въ спальню покойной императрицы, гдѣ, пробывъ нѣсколько минутъ, низко поклонился тѣлу и удалился въ свои покои.

Была уже полночь, когда императоръ Павелъ отдалъ свой первый приказъ.

Вотъ онъ:

- 1) Пароль Полтава.
- 2) Его императорское величество императоръ Павелъ Петровичъ принимаетъ на себя шефа и полковника всѣхъ гвардіи полковъ.
- 3) Его императорское высочество великій князь Александръ Павловичъ въ Семеновскій полкъ полковникомъ.
- 4) Его императорское высочество великій князь Константинъ Павловичъ въ измайловскій полкъ полковникомъ.
- 5) Его императорское высочество великій князь Николай Павловичъ въ конную гвардію полковникомъ.
- 6) Полковникъ Аракчеевъ комендантомъ въ городѣ.
- 7) Адъютанты при его величествѣ императорѣ Павлѣ Петровичѣ назначаются: генераль-маіоръ Плещеевъ, генераль-маіоръ Шуваловъ, бригадиръ Ростовчинъ, полковникъ Кушелевъ, маіоръ Котлубицкій и камеръ-пажъ Нелидовъ, который жалуется въ маіоры²⁾.
- 8) Полковникъ Аракчеевъ въ преображенскій полкъ штабомъ.
- 9) Подполковнику Кологривову быть въ эскадронѣ гусаръ, какъ въ лейбъ, такъ и въ его полку и казаками, что и будетъ составлять полкъ, прочее жъ по уставу.
- 10) Господамъ генераламъ служащимъ другого мундира не носить, кромѣ того корпуса, которому принадлежать; вообще, чтобъ офицеры не носили ни въ какомъ случаѣ иного одѣянія, какъ мундиры³⁾.

Вслѣдствіе этого приказа, великіе князья Александръ и Константинъ немедленно отправились къ своимъ полкамъ, чтобы привести ихъ къ присягѣ. Въ ту же ночь присягнули въ Петербургѣ всѣ военныя команды и многія изъ гражданскихъ вѣдомствъ, а въ губерніи были посланы нарочные съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ новаго государя съ повелѣніемъ о присягѣ ему⁴⁾.

1) «Русская Старина», 1873 г., июль, 100.

2) Черезъ два съ половиною мѣсяца, именно 21-го января 1797 года, Нелидовъ пожалованъ въ генераль-адъютанты («Московскія Вѣдомости» 1797 года, № 10).

3) «Русская Старина» 1870 года, изд. III, т. I, 423.

4) Наибольшую важность представляла присяга въ Москвѣ, какъ въ столицѣ. Туда былъ посланъ преображенскаго полка полковникъ Мигусовъ. Москва приняла его съ восторгомъ и, по словамъ Волотова, «не только цѣлыхъ три дня торжествовала празднествами, радостными огнями, но и присланнаго одарила столь многими и важными подарками, что составили ему

Въ этотъ знаменательный для Павла день, онъ вспомнилъ о тѣхъ, которыхъ приверженность къ нему подвергла гнѣву покойной императрицы. То были масоны: Новиковъ, Багрянскій и Баженовъ. Первые двое, томившіеся въ Шлиссельбургской крѣпости, были по повелѣнію его немедленно освобождены¹⁾, а Баженовъ награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и 1000 душъ крестьянъ²⁾.

Но въ то же время послѣдовали и первыя опалы. Кромѣ оберъ-гофмаршала князя Барятинскаго, отставленнаго отъ службы и удаленнаго съ глазъ Павла при первомъ его вступленіи во дворецъ по пріѣздѣ изъ Гатчины, немилости новаго государя подвергся и духовникъ покойной императрицы отецъ Савва, который былъ назначенъ ею и его духовникомъ. Онъ когда-то на исповѣди предложилъ Павлу безъ всякаго намѣренія вопросъ: «не имѣеть ли онъ чего на душѣ противъ государыни матери?» Какъ только Екатерина скончалась, Павелъ приказалъ Савву отвезти подъ строгимъ присмотромъ въ Невскій монастырь и предать суду³⁾.

на вѣкъ счастье. Начальникъ московскій (Измайловъ) подарилъ его дорогой цѣны серебряною стопою на блюдѣ, наснанною золотомъ; губернаторъ (П. П. Долгоруковъ) табакеркою съ брилліангами; полицеймейстеръ (П. М. Козловъ) часами съ осыпью; московское купечество поднесло ему на серебряномъ блюдѣ 1,000 червонныхъ, а все дворянство 10,000 ассигнаціями; англійскій клобъ поднесъ отъ себя 5,000 рублей; Платонъ — дорогую, османную брилліантами трость — словомъ всего надарили ему тысячъ на тридцать». При этомъ празднованіи вышелъ курьезный случай. Измайловъ, угощая Митусова на парадномъ обѣдѣ, поднялъ заздравный кубокъ и, забывши, по какому случаю происходитъ торжество, закричалъ по привычкѣ хору пѣвчихъ: «Слався симъ, Екатерина» (слова изъ любимаго публичною подонеза). Можно представить себѣ, въ какое смущеніе пришелъ, когда опомнился, этотъ робкій и мнительный 74-хлѣтній старецъ, имѣвшій обыкновеніе о дѣлаемыхъ имъ подобныхъ торжествахъ доводить до свѣдѣнія покойной императрицы и справляться у генераль-прокурора Саюилова: «какъ сіе принято будетъ». Однако же все обошлось благополучно. Императоръ Павелъ такъ остался доволенъ московскими празднествами, что по возвращеніи Митусова произвелъ его изъ капитановъ въ генераль-майоры, а къ Измайлову написалъ: «Съ удовольствіемъ извѣстилъ мы отъ возвратившагося изъ Москвы генераль-майора Митусова о тѣхъ знакахъ усердія и преданности, каковыми исполнены къ намъ obligati Московскою нашею столицею, учинившіе подъ руководствомъ вашимъ присягу въ вѣрное намъ подданство. Изъявляя вамъ, яко главному тамошнему начальнику, признаніе наше и благодарность, поручаемъ мы вамъ объявить оную и всѣмъ чинамъ, тамъ пребывающимъ, гражданскимъ и военнымъ, также дворянству, купечеству и прочаго состоянія жителямъ и увѣрить о продолженіи къ нимъ всегдашней нашей милости и благоволенія». «А вамъ находимъ нужнымъ примѣтить, — прислалъ Павелъ своеручно, — только то; для чего присяга не въ самый первый день сдѣлана». Успокоенный и обрадованный Измайловъ поспѣшилъ разослать по городу квартальныхъ, такъ что часа черезъ три всѣ уже знали о благоволеніи государя. («Русскій Архивъ», 1864 года, 2-е изданіе, 690—691; 1876 года, № 1, 6; «Русская Старина» 1872 года, т. VI, 87).

¹⁾ «Библиографическія Записки», т. I, 165, 178.

²⁾ Черезъ нѣсколько дней послѣ того была оказана милость и товарищамъ Новикова — кн. Трубецкому и Тургеву: оба они были возвращены изъ ссылки въ ихъ деревни, а Лопухинъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и назначенъ стать-секретаремъ.

³⁾ Въ судѣ, по пунктамъ, написаннымъ рукою Павла, допрашивали Савву: не имѣлъ ли онъ тайнаго повелѣнія отъ покойной государыни на исповѣди узнать о намѣреніяхъ великаго князя и не думалъ ли, что онъ о чемъ нибудь проговорится? Судъ оправдалъ Савву, а между тѣмъ на его мѣсто былъ уже назначенъ другой. Узнавъ о рѣшеніи суда, Павелъ, призвавъ оберъ-прокурора А. Н. Мусина-Пушкина, сказалъ: «Что мнѣ дѣлать? Уговори Савву проситься въ отставку; жалую ему шеститысячный пенсіонъ по смерти». Карабановъ, передавшій этотъ случай, слышалъ о немъ отъ самого Мусина-Пушкина («Русская Старина», 1872 года, т. VI, 87—88).

Въ тотъ же день именными указами были назначены: графъ Н. Б. Шереметевъ оберъ-гофмаршаломъ, а графъ Тизенгаузенъ, графъ Вельгорскій и князь Куракинъ (Александръ) гофмаршалами.

Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь со словъ Ростопчина одинъ эпизодъ, бросающій свѣтъ на душевное настроеніе Павла въ первыя минуты его царствованія.

Зная, что графъ Орловъ-Чесменскій находится въ Петербургѣ, и не видя его на общей присягѣ, Павелъ, уже ложась спать, позвалъ къ себѣ Ростопчина и сказалъ: «Съѣзди, пожалуйста, съ Архаровымъ къ графу Орлову и приведи его къ присягѣ, его не было во дворцѣ, а я хочу, чтобъ онъ не забывалъ 29-го іюня; завтра скажи мнѣ, какъ у васъ дѣло сдѣлается».

Было уже за полночь, когда Ростопчинъ съ Архаровымъ сѣли въ карету и отправились къ графу Орлову, жившему въ своемъ домѣ на Васильевскомъ острову.

«Николай Петровичъ Архаровъ, почти совѣмъ не зная меня,— говоритъ Ростопчинъ,— но видя во мнѣ новаго временщика, не переставалъ говорить мерзости на счетъ графа Орлова и до того, что я принужденъ былъ сказать ему, что наше дѣло привести графа Орлова къ присягѣ, а прочее предоставить Богу и государю. Я имѣлъ предосторожность взять съ собою одинъ изъ печатныхъ листовъ присяги, подъ коими обыкновенно подписываются присягающіе. Архарову, которому своего милостивца и повелителя при Чесмѣ хотѣлось вести въ приходскую церковь, я сказалъ наотрѣзъ, что на это никакъ не соглашусь. Приѣхавъ къ дому Орлова, мы нашли ворота запертыми. Вошедши въ домъ, я велѣлъ первому попавшему намъ человѣку вызвать камердинера графскаго, которому сказалъ, чтобъ разбудилъ графа и объявилъ о приѣздѣ нашемъ. Архаровъ съ нетерпѣніемъ, или по какимъ либо неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, пошелъ велѣтъ за камердинеромъ, и мы вошли въ ту комнату, гдѣ спалъ графъ Орловъ. Онъ былъ уже съ недѣлю не здоровъ и не имѣлъ силъ оставаться долѣе во дворцѣ; чрезъ нѣсколько часовъ по приѣздѣ наслѣдника изъ Гатчины онъ поѣхалъ домой и легъ въ постель. Когда мы прибыли, онъ спалъ крѣпкимъ сномъ. Камердинеръ, разбудивъ его, сказалъ: «ваше сіятельство! Николай Петровичъ Архаровъ приѣхалъ». — «Зачѣмъ?» — «Не знаю, онъ желаетъ говорить съ вами». Графъ Орловъ велѣлъ подать себѣ туфли и, надѣвъ тулупъ, спросилъ довольно грозно у Архарова: «Зачѣмъ вы, милостивый государь, въ эту пору ко мнѣ пожаловали?» Архаровъ, подойдя къ нему сказалъ, что онъ и я (называя меня по имени и отчеству) присланы для приведенія его къ присягѣ по повелѣнію государя императора. — «А императрицы развѣ уже нѣтъ?» — спросилъ графъ Орловъ и, получивъ отвѣтъ, что она въ 11 часу скончалась, поднялъ вверхъ глаза, наполненные слезами, и сказалъ: «Господи, помяни ее во царствіи Твоемъ! Вѣчная ей память!» Потомъ, продол-

жая плакать, онъ говорилъ съ огорченіемъ на счетъ того, какъ могъ государь усомниться въ его вѣрности, говорилъ, что, служа матери отечества, онъ служилъ и наслѣднику престола и что ему, какъ императору, присягаетъ съ тѣмъ же чувствомъ, какъ присягалъ и наслѣднику императрицы Екатерины. Все это онъ заключилъ предложеніемъ идти въ церковь. Архаровъ тотчасъ показалъ на это свою готовность, но я, взявъ уже тогда на себя первое дѣйствующее лицо, просилъ графа, чтобъ онъ въ церковь не ходилъ, а что я привезу присягу, къ которой рукоприкладства его достаточно будетъ. «Нѣтъ, милостивый государь,—отвѣчалъ мнѣ графъ,—я буду и хочу присягать государю предъ образомъ Божиимъ», и, снявъ самъ образъ со стѣны, держа зажженную свѣчу въ рукѣ, читалъ твердымъ голосомъ присягу и по окончаніи приложилъ къ ней руку, а за симъ, поклонясь ему, мы оба пошли вонъ, оставивъ его не въ покоѣ. Несмотря на трудное положеніе графа Орлова, я не примѣтилъ въ немъ ни малѣйшаго движенія трусости или подлости».

Достопамятна была эта ночь съ 6-го на 7-е ноября. Она была началомъ той горячей и тревожной дѣятельности служебныхъ лицъ всѣхъ петербургскихъ присутственныхъ мѣстъ, которая такъ рѣзко бросается въ глаза въ первые дни царствованія Павла. «Со вступленія его величества на престоль мы изъ канцеляріи не выходили по 10-е число и то въ 11 часовъ ночи. Премножество дѣлъ у насъ и препорученіевъ его величество много дѣлаетъ графу»¹⁾,—писалъ одинъ изъ сенатскихъ чиновниковъ въ частномъ письмѣ къ ростовскому уѣздному предводителю Карновичу. Дѣйствительно, пересматривая генераль-прокурорскія дѣла того времени, нельзя не поражаться множествомъ бумагъ, выходявшихъ изъ канцеляріи генераль-прокурора и заключавшихъ въ себѣ самыя разнородныя высочайшія повелѣнія, и всѣ они помѣчены днями, непосредственно слѣдовавшими за кончиной императрицы. Судя по тѣмъ перемѣнамъ, которыми ознаменовалось новое царствованіе, надо полагать, что не одному генераль-прокурору приходилось передавать разнымъ лицамъ и вѣдомствамъ эти высочайшія повелѣнія, въ такомъ множествѣ исходившія по волѣ новаго монарха. Казалось, нетерпѣливый Павелъ хотѣлъ въ нѣсколько дней дать всему государственному строю новый видъ и осуществить идеалъ порядка, столь долго лелѣянный имъ въ тиши гатчинскаго уединенія.

¹⁾ Т.-е. графу Самойлову.

IV.

Первый день царствованія императора Павла: докладъ графа Безбородка; вахтъ-парадъ измайловскаго полка.

Рано утромъ 7-го ноября императоръ Павелъ сидѣлъ уже у себя въ кабинетѣ и принималъ докладъ графа Безбородка. Носились слухи, что при этомъ были сожжены какія-то бумаги, а между ними и манифестъ, заготовленный еще при жизни императрицы для объявленія будто бы 1-го января 1797 года объ устраненіи отъ престола сына ея и о назначеніи наследникомъ любимаго внука Александра. Говорили также, будто Павелъ, прочитавъ какія-то бумаги съ надписью: *A mon fils Paul après ma mort*,—со слезами на глазахъ сказалъ: «Боже мой, какъ я несчастливъ! Узнаю это только теперь»...¹⁾

Несмотря на безпокойную ночь, проведенную безъ сна, весь Петербургъ былъ уже на ногахъ въ какомъ-то тревожномъ настроеніи и озабоченно толковалъ о разныхъ новостяхъ, вѣсти о которыхъ доносились изъ сферъ служебныхъ. Но нигдѣ не было столько суетливости и хлопотъ, какъ на полковомъ дворѣ измайловскаго полка.

Тамъ съ 5 часовъ утра кипѣли горячія приготовленія къ разводу, назначенному въ 11 часовъ. Великій князь Константинъ Павловичъ, желая угодить родителю, приказалъ, чтобы на парадѣ нѣкоторыя командныя слова передавались по гатчинскому уставу, а у офицеровъ были бы по примѣру гатчинцевъ трости и перчатки съ раструбами. Распорядиться снабженіемъ офицеровъ этими вещами великій князь возложилъ на полковаго адъютанта Комаровскаго. «Порученность эта,—говоритъ Комаровскій въ своихъ запискахъ,—была самая затруднительная, ибо гдѣ найти столько тростей и перчатокъ, когда всѣ лавки еще заперты, а въ ноябрѣ мѣсяцѣ разсвѣтаетъ въ 7 часовъ по полуночи. Я просилъ его высочество, чтобъ онъ пожаловалъ нѣсколько изъ своихъ ѣздовыхъ въ мое распоряженіе, на что онъ согласился, а я ихъ разослалъ по всѣмъ перчаточникамъ, а самъ поѣхалъ по гостиному двору. Къ счастью моему, лавочникамъ въ эту ночь не спалось: всѣ лавки были открыты очень рано, и мнѣ удалось во время исполнить порученіе, чѣмъ великій князь былъ очень доволенъ»²⁾.

Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ на полковомъ дворѣ репетицій дѣло кое-какъ наладилось, и разводъ двинулся ко дворцу. Это былъ первый вахтъ-парадъ отъ екатерининской гвардіи, долженствовавшій предстать предъ зоркими очами государя, знатока

¹⁾ Лубяновскій, «Русскій Архивъ», 1872 года, 453—454.

²⁾ Записки графа Комаровскаго. «Русскій Архивъ», 1867 года, № 2. 224.

и строгаго цѣнителя всѣхъ тонкостей вахтъ-параднаго искусства— было о чемъ подумать и поволноваться... Не доходя до дворца, великій князь остановилъ команду и приказалъ Комаровскому идти со знаменникомъ во дворецъ и доложить его величеству, что разводъ отъ измайловскаго полка готовъ, и что адъютантъ пришелъ за знаменемъ. «Я все это исполнилъ», — рассказываетъ Комаровскій. «Съ докладомъ къ императору пошелъ И. П. Кутайсовъ, бывшій тогда простымъ камердинеромъ. Кутайсовъ отворилъ дверь кабинета и показалъ мнѣ знакомъ войти. Императоръ, стоя, надѣвалъ перчатки, и графъ Безбородко выходилъ съ бумагами. Его величество, приказавъ уже мнѣ взять знамя, спросилъ у меня, увидавъ подпрапорщика большого роста: «А что онъ дворянинъ?»—Я отвѣчалъ: Никакъ нѣтъ.—«Знамя должно быть носимо дворяниномъ», — сказалъ императоръ,—а потому и приведите мнѣ унтеръ-офицера изъ дворянъ».

Когда Комаровскій возвратился съ другимъ знаменникомъ, Павла въ кабинетѣ уже не было; онъ пошелъ къ императрицѣ и чрезъ нѣсколько минутъ вышелъ къ разводу. Разводъ удался: государь остался доволенъ и изъявилъ свое благоволеніе, «что насъ очень ободрило, а радость великаго князя была неизреченна», добавляетъ Комаровскій ¹⁾).

V.

Вскрытіе и бальзамированіе тѣла покойной императрицы. — Намѣреніе Павла короновать отца. — Событія 1762 года. — Посылка въ Москву за императорскими регаліями.

Въ субботу, 8 ноября, въ восемь часовъ утра было произведено вскрытіе тѣла покойной императрицы и бальзамированіе его. Процедура эта длилась четыре часа и къ полудню была окончена. При вскрытіи было обнаружено, что смерть послѣдовала отъ кровоизліянія въ обѣ половины мозга: на одной сторонѣ она была черная, густая, свернувшаяся въ видѣ печенки, на другой — жидкая. Нашли также два желчныхъ камня.

Когда тѣло императрицы было одѣто, какъ прежде, государь и государыня пришли поклониться ему.

Погребеніе императрицы было отложено на нѣкоторое время, такъ какъ императору Павлу пришла странная мысль короновать отца своего, не успѣвшаго короноваться при жизни и погребеннаго вслѣдствіе того безъ всякихъ царскихъ почестей и не въ Петропавловскомъ соборѣ, гдѣ погребаются государи, а въ Невской лаврѣ, какъ частный человекъ, а затѣмъ совершить вторично погребеніе одновременно съ матерью.

¹⁾ Тамъ же, 225—226.

Видъ Коннетабля въ г. Гатчинѣ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Съ гравюры Ухтомскаго, сдѣланной съ рисунка съ натуры Щедрина.

Припомнимъ событія 1762 года.

29 іюня императоръ Петръ III подписалъ отреченіе отъ престола и въ тотъ же день былъ отвезенъ въ Ропшу. При немъ находились графъ А. Г. Орловъ, князь Ѳ. С. Барятинскій и Г. Н. Тепловъ. Черезъ недѣлю, 6 іюля, Орловъ увѣдомилъ Екатерину, что Петръ скоропостижно скончался.

7 іюля былъ объявленъ манифестъ, въ которомъ говорилось, что «бывшій императоръ Петръ III, обыкновеннымъ прежде часто случавшимся ему припадкамъ геморойическимъ, впалъ въ жестокую колику. Чего ради, не презирая долгу нашего христіанскаго и заповѣди святой, которой мы одолжены къ соблюденію жизни ближняго своего, тотчасъ повелѣли отправить къ нему все, что потребно было къ предупрежденію слѣдствъ изъ того приключенія опасныхъ въ здравіи его и къ скорому вспоможенію врачеваніемъ. Но къ крайнему нашему прискорбію и смущенію сердца, вчерашняго вечера получили мы другое, что онъ волею Всевышняго Бога скончался. Чего ради мы повелѣли тѣло его привезти въ монастырь Невскій для погребенія въ томъ же монастырѣ, а между тѣмъ всѣхъ вѣрноподданныхъ возбуждаемъ и увѣщаемъ 'нашимъ императорскимъ и матернимъ словомъ, дабы безъ злопамятствія всего прошедшаго съ тѣломъ его послѣднее учинили прощаніе и о спасеніи души его усердныя къ Богу приносили молитвы. Сіе же бы нечаянное въ смерти его Божіе опредѣленіе принимали за промыслъ Его Божественный, который Онъ судьбами своими неисповѣдимыми намъ, престолу нашему и всему отечеству строить путемъ, его только святой волѣ извѣстнымъ».

Призывая народъ отдать послѣдній долгъ бывшему императору, Екатерина дала знать окружающимъ ее, что она также имѣетъ намѣреніе быть при погребеніи мужа.

8 іюля, въ собраніи сената, Панинъ (Никита) всталъ и сказалъ сенаторамъ: «Извѣстно мнѣ, что ея императорское величество намѣреніе положить соизволила шествовать къ погребенію императора Петра III въ Невскій монастырь, но какъ великодушіе ея величества и непамятозлобивое сердце наполнено надмѣрною о семъ приключеніи горестію и крайнимъ соболѣзнованіемъ о столь скорой и нечаянной смерти бывшаго императора, такъ что съ самаго полученія сей нечаянной вѣдомости ея величество въ непрерывномъ соболѣзнованіи и слезахъ о такомъ приключеніи находится, то хотя я, почитая за необходимый долгъ, обще съ г. гетманомъ графомъ К. Г. Разумовскимъ и представлялъ, чтобъ ея величество, сохраняя свое здравіе, по любви своей къ російскому отечеству, для всѣхъ истинныхъ ея вѣрноподданныхъ и для многихъ неприятныхъ слѣдствъ, изволила бы намѣреніе свое отложить, но ея величество на то благоволенія своего оказать не соизволила, и потому я за должное призналъ потомъ правительствующему сенату объявить, дабы весь сенатъ по усердію своему къ ея величеству о томъ съ рабскимъ своимъ прошеніемъ предсталъ».

Послѣ этой рѣчи сенатъ, какъ значится въ его журналѣ и протоколѣ того дня, «уважа всѣ учиненныя г. сенаторомъ Панинымъ справедливыя изъясненія, тотчасъ пошелъ во внутренніе ея величества покои и раболѣпнѣйше просилъ, дабы ея величество шестіе

свое въ Невскій монастырь отложить соизволила, и хотя ея величество долго къ тому согласія своего и не оказывала, но напоследѣдокъ, имѣя неотступное всего сената рабское и всеусерднѣйшее прошеніе, намѣреніе свое отложить благоволила»¹⁾).

На другой день, 9-го іюля, генераль-прокуроръ Глѣбовъ послалъ въ главную полицейскую канцелярію «предложеніе», въ которомъ значилось: «Завтрашняго числа, т. е. 10-го іюля, будетъ погребеніе бывшаго императора Петра Третьяго въ Невскомъ монастырѣ послѣ ранней обѣдни и для того о бытіи на погребеніи отъ главной полиціи (послать) повѣстки первымъ пяти классамъ, а прочимъ объявить, кто пожелаетъ»²⁾).

Такимъ образомъ, Петръ III былъ погребенъ безъ всякаго церемоніала въ ранніе часы дня, можетъ быть, въ видахъ удаленія большаго стеченія публики. Если къ погребенію официально были приглашены особы первыхъ пяти классовъ, то, конечно, для того только, чтобы они были оффиціальными свидѣтелями, что «бывшаго» императора въ живыхъ уже нѣтъ.

Семилѣтній Павелъ къ прощанію съ отцомъ допущенъ не былъ...

Теперь, когда онъ вступилъ на престоль, событіями 1762 года отодвинутый отъ него на тридцать четыре года, вспомнились ему дни 29-го іюня и 6-го іюля. Подъ вліяніемъ этихъ печальныхъ воспоминаній въ горячій головѣ его возникаетъ мысль облобызать останки отца, воздать ему царскія почести, которыхъ онъ былъ лишенъ при жизни, перенести прахъ его въ усыпальницу членовъ императорской фамиліи и похоронить рядомъ съ матерью. Рассказываютъ, что, задумавъ это дѣло, Павелъ будто бы пожелалъ узнать о томъ мнѣніе митрополита Гавріила и получилъ въ отвѣтъ, что не слѣдуетъ этого дѣлать на основаніи словъ пятой заповѣди: «Чти отца твоего и мать твою»³⁾. Едва ли Павелъ нуждался въ мнѣніи митрополита, да едва ли и митрополитъ, зная характеръ государя, осмѣлился бы напоминать ему о томъ, что онъ слышалъ еще въ дѣтствѣ отъ отца Платона. Если же рассказъ этотъ справедливъ, то надо полагать, что Павелъ потому-то именно и оставилъ безъ вниманія предостереженіе Гавріила, что намѣреніемъ короновать отца и соединить гробы враждовавшихъ супруговъ думалъ выразить сыновнюю почтительность къ памяти родителей.

Какъ бы то ни было, но въ тотъ же день, какъ было окончено бальзамированіе тѣла императора, Павелъ послалъ московскому главнокомандующему Измайлову слѣдующій указъ: «Михайло Михайловичъ! Прикажете, кому слѣдуетъ, отпустить императорскія регалии и прочія вещи, по присланному реестру, посланному отъ насъ

¹⁾ Соловьевъ, т. XXV, 136.

²⁾ Дѣла генераль-прокурорскія. Кн. 6436, л. 352.

³⁾ Князь С. М. Голицынъ. «Русскій Архивъ», 1869 г., 644.

статскому совѣтнику Львову». Генераль-прокуроръ на другой же день, вручивъ Львову свою инструкцію и высочайшій указъ Измайлову, отправилъ его въ Москву съ семью кавалергардами, назначенными для конвоирования регалій¹⁾.

VI.

Взаимныя отношенія петербургскаго общества и новаго императора.— Преслѣдованіе французскихъ модъ.— Высочайшее повелѣніе объ одеждѣ частныхъ лицъ и приказъ объ офицерскихъ галстукахъ.— Недовольство императора Павла состояніемъ военной части въ Россіи.— Слабья стороны военнаго управленія: злоупотребленія, упадокъ дисциплины и военныхъ порядковъ.

Петербургское общество, такъ называемая интеллигенція, давно знало характеръ Павла. Еще изъ Гатчины доходили слухи о его горячемъ нравѣ, своеобразныхъ наклонностяхъ и объ оппозиціонномъ образѣ мыслей. Вотъ, напримѣръ, какъ отзывался о немъ Ростопчинъ, считавшійся однимъ изъ любимцевъ и приверженцевъ Павла. «Невозможно,—говоритъ онъ,—безъ содроганія и жалости видѣть все, что дѣлаетъ великій князь отецъ; онъ какъ будто изыскиваетъ всѣ средства внушить къ себѣ нелюбовь. Онъ задался мыслью, что ему оказываютъ неуваженіе и хотятъ пренебрегать имъ. Исходя отсюда, онъ привязывается ко всему и наказываетъ безъ разбора. Имѣя при себѣ 4 морскіе баталіона въ составѣ 1,600 человекъ и 3 эскадрона разной конницы, онъ съ этимъ войскомъ думаетъ изобразить собою покойнаго прусскаго короля. По середкамъ у него бывають маневры, и каждый день онъ присутствуетъ при разводѣ, а также при экзекуціяхъ, когда онѣ случаются. Малѣйшее опозданіе, малѣйшее противорѣчіе выводятъ его изъ себя, и онъ воспаляется гнѣвомъ. Замѣчательно то, что онъ никогда не сознаетъ своихъ ошибокъ и продолжаетъ сердиться на тѣхъ, кого обидѣлъ²⁾. Онъ дѣлаетъ выговоры всѣмъ; то отсылаетъ цѣлую команду, потому что затерялась повѣстка, посылаемая наканунѣ; то велитъ сказать г. Зиновьеву, что онъ долженъ оказывать болѣе

¹⁾ «Вывозъ регалій изъ древней столицы,—разсказываетъ Волотовъ,—происходилъ съ великой и пышной церемоніей. Для отвоза и положенія оныхъ сдѣланъ былъ особый длинный и драгоцѣнною матеріею обитый ящикъ, и повезли его покрытый драгоцѣнною парчей при охраненіи скачущихъ по обѣимъ сторонамъ и спереди и сзади многихъ кавалергардовъ во всемъ ихъ пышномъ убранствѣ. Вся Москва любовалась симъ зрѣлищемъ, а о начальникѣ московскомъ престарѣломъ господинѣ Измайловѣ носилась молва, что онъ до безконечности испуганъ былъ неожиданнымъ прїѣздомъ сихъ кавалергардовъ, подумавъ, что они были присланы за нимъ изъ Петербурга, и насилу отдохнулъ, узнавъ, зачѣмъ они были присланы». («Русскій Архивъ», 1864 г., изд. 2-е, 729—730).

²⁾ Не всегда такъ бывало, какъ говоритъ Ростопчинъ. Примѣръ совершенно противнаго находимъ въ «Разказахъ Дали о временахъ Павла» съ маіоромъ Фрейгангомъ. («Русская Старина», 1870 г., изд. III, т. II, 540). Павелъ былъ справедливъ и великодушенъ, поэтому можно думать, что случай, бывшій съ Фрейгангомъ, былъ не единственный.

почтенія лицамъ, пользующимся его благосклонностью, Гурьеву, что онъ не долженъ забываться, гофмаршаламъ, что онъ научить ихъ службѣ...»¹⁾. «Отець творить вещи необычайныя; онъ губить себя и изобрѣтаетъ средства сдѣлаться ненавистнымъ. Онъ велѣлъ сказать гофмаршалу князю Барятинскому, чтобы онъ помнилъ, чѣмъ былъ, и не осмѣливался дурно отзываться объ его дѣтяхъ. Онъ приказалъ сказать то же самое горничнымъ императрицы. Онъ грозилъ Бушу, садовнику въ Царскомъ Селѣ, побить его палкой за то, что онъ послалъ великой княгинѣ плодовъ. Графинѣ Шуваловой, немного опоздавшей приходомъ, велѣно отъ него сказать, что она могла бы себя постѣснить для него, такъ какъ она исполняла же все, что заставлялъ ее дѣлать князь Потемкинъ. Онъ очень на меня рассчитываетъ, расточаетъ мнѣ вниманіе и любезности, говоритъ, что я съ нимъ могу быть, какъ мнѣ хочется, и это меня чрезвычайно стѣсняетъ, ибо для меня нѣтъ ничего на свѣтѣ страшнѣе, послѣ безчестія, какъ его благосклонность»²⁾. «Великій князь постоянно не въ духѣ, съ головою, наполненною призраками... Онъ вездѣ видитъ отпрыски революціи и всюду находитъ яacobинцевъ; надняхъ несчастные четыре офицера изъ его батальоновъ были арестованы за то, что косы ихъ оказались слишкомъ коротки—вѣрный признакъ революціоннаго духа»³⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя вѣсти передавались не въ одной только дружеской перепискѣ и не однимъ только Ростопчинымъ, и что приверженцы большого двора, ловя подобные слухи, своими рассказами дорисовывали личность наслѣдника такими чертами, которыя далеко не могли привлечь симпатій къ будущему государю. Сопоставляя нравственныя свойства Павла съ такими же качествами его матери, большинство интеллигенціи останавливалось не столько на хорошихъ сторонахъ его характера, которыя, несомнѣнно, у него были, сколько на дурныхъ. Вышеприведенные рассказы Тургенева и другіе забавные анекдоты, передаваемые нѣкоторыми современниками съ цѣлью представить въ странномъ и смѣшномъ видѣ личность Павла, показываютъ, что онъ еще до вступленія на престолъ имѣлъ недоброжелателей, и что въ общественномъ мнѣніи онъ не пользовался популярностью⁴⁾.

Но если общество знало Павла, то и для него не было секретомъ, составившееся о немъ мнѣніе, и вотъ,—какъ подмѣтилъ Рос-

¹⁾ Письмо къ графу С. Р. Воронцову отъ 6-го іюня 1793 г. («Русскій Архивъ», 1876 г., кн. I, 106).

²⁾ Письмо къ нему же отъ 27-го іюля 1793 г. («Русскій Архивъ», 1887 г., № 2, 150—151). Не таковы были чувства Ростопчина къ Павлу черезъ 3 года, когда онъ сопровождалъ его изъ Гатчины въ Петербургъ, и когда Павелъ готовился вступить на престолъ.

³⁾ Письмо отъ 28-го мая 1794 г. («Русскій Архивъ», 1876 г., № 1, 117).

⁴⁾ Волотовъ, между прочимъ, говоритъ: «Въ первыя времена правленія государева разглашаемы были многіе и совсѣмъ ложные слухи, и рассказывали дѣла и происшествія, которыхъ никогда не бывало и не происходило». («Русскій Архивъ», 1864 г., изд. 2, 777).

топчинъ, — онъ «задается мыслью, что ему оказываютъ неуваженіе и хотятъ пренебрегать имъ»; въ больной и тревожной душѣ его мало-по-малу зарождаются и крѣпнеть подозрѣніе въ враждебномъ духѣ, питаемомъ противъ него обществомъ. Неожиданное открытіе намѣренія обойти его въ престолонаслѣдіи естественно должно было усилить въ немъ подозрѣніе въ общемъ къ нему нерасположеніи всѣхъ поклонниковъ и приверженцевъ покойной императрицы, а ими была вся интеллигенція. Ему хорошо были извѣстны примѣры прежнихъ придворныхъ революцій, безъ которыхъ послѣ Петра Великаго не обходилось почти ни одно царствованіе, въ особенности же событія 1762 года живо носились въ его памяти и невольно приводили его къ сопоставленію своего положенія съ положеніемъ его отца, возбудившаго своимъ поведеніемъ общую нелюбовь къ себѣ. Прямымъ послѣдствіемъ подобнаго рода соображеній было тревожное опасеніе за прочность своего положенія на престолѣ и недовѣрчивость, какъ къ интеллигенціи, такъ и къ войску, въ которомъ начальники принадлежали къ той же интеллигенціи ¹⁾.

Павелъ желалъ быть любимымъ (Ростопчинъ), но не однимъ дворянствомъ, а всѣмъ народомъ. Хотя онъ когда-то и называлъ дворянство «подпорой государства и государя» ²⁾, однако же былъ весьма далекъ отъ того, чтобы для упроченія своей власти заискивать, подобно матери, расположеніе и любовь дворянства ³⁾. Этой цѣли онъ

¹⁾ Что въ первые дни своего царствованія онъ питалъ подобнаго рода опасенія, доказываютъ факты. Тургеневъ, напримѣръ, пишетъ, что по воцареніи Павла по войскамъ былъ отданъ приказъ—въ огнестрѣльномъ оружій настоящіе кремни замѣнить деревянными, всѣ боевые свариады, какъ артиллерійскіе, такъ и ружейныя, передать въ арсеналы, оставить на каждаго солдата по 30 только боевыхъ патроновъ, да и тѣ не выдавать имъ на руки, а хранить въ зарядныхъ ящикахъ опечатанныхъ или у комендантовъ на главной гауптвахтѣ; палашей, сабель, тесаковъ и штыковъ не оттачивать и привести въ оборонительное состояніе крѣпости: сперва въ Петербургѣ Петропавловскую и Адмиралтейскую, въ Москвѣ Кремль и вокругъ Китай, а потомъ прочія во всей имперіи («Русская Старина», 1889 г., апрѣль, 205—206). Если въ виду того, что о такомъ приказѣ до сихъ поръ ничего неизвѣстно, предположить, что Тургеневъ говоритъ о немъ по слухамъ, которые онъ, не заботясь о провѣркѣ, охотно заносилъ въ свои «Записки», то одно уже то, что о обезоруженіи войска носилась молва имѣетъ значеніе. Не менѣе замѣчательна въ этомъ отношеніи и рѣчь императора Павла, сказанная имъ во дворцѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ (1796 г.) по случаю мнимаго заговора противъ него офицеровъ семеновскаго полка Дмитріева и Лихачева, въ которой, между прочимъ, сказалъ: «...Я самъ знаю, что государь такой же человѣкъ, какъ и всѣ, что и онъ можетъ имѣть и слабость и пороки, но я еще такъ мало царствую, что едва ли мнѣ успѣть сдѣлать кому либо какое зло, хотя бы и хотѣлъ того. Если же хотѣть, чтобы меня только не было, то надо же кому нибудь быть на моемъ мѣстѣ, а дѣти мои еще такъ молоды (Взглядъ на мою жизнь И. И. Дмитріева, 126—127). Комаровскій, говоря въ своихъ «Запискахъ» объ этомъ случаѣ, прибавляетъ, что когда собранные во дворцѣ гвардейскіе офицеры послѣ рѣчи государя бросились къ нему цѣловать у него руки, то Павелъ былъ тронутъ до слезъ и загѣмъ, пойдя къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, съ восторгомъ сказалъ ей: «Теперь я увѣренъ, что крѣпко сижу на престолѣ; я сейчасъ получилъ новую присягу» («Русскій Архивъ», 1867 г., 230). Комаровскій передаетъ слова, сказанныя императрицѣ, конечно, тоже по слухамъ, можетъ быть, вѣрнымъ, можетъ быть, и невѣрнымъ, но въ послѣднемъ случаѣ нельзя не согласиться, что было же какое нибудь основаніе къ этой выдумкѣ.

²⁾ Матеріалы къ русской исторіи XVIII вѣка, Семеваго («Вѣстн. Европы», 1867 г., т. I, 817).

³⁾ Въ числѣ милостей, ознаменовавшихъ первые дни его царствованія, дворянству не было

думалъ достигнуть инымъ путемъ—путемъ суроваго самодержавія, что казалось ему болѣе совмѣстнымъ съ достоинствомъ государя.

Характеръ его царствованія обозначился съ первыхъ же дней. Сибаритство и распущенность, вошедшія во время мягкаго правленія Екатерины въ нравы служащихъ, какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ вѣдомствахъ, должны были замѣниться строгой дисциплиной и самой неукоснительной точностью въ отправленіи служебныхъ обязанностей, въ чемъ первымъ примѣромъ онъ былъ самъ. Онъ вставалъ въ 5 часовъ утра и черезъ часъ былъ уже готовъ принимать доклады; если онъ объявлялъ, что намѣренъ лично присутствовать при какомъ либо случаѣ, то являлся минута въ минуту. Въ домашней жизни его все дѣлалось въ опредѣленные часы. Какъ поступалъ самъ, какъ требовалъ и отъ служащихъ. Лубяновскій, пріѣхавшій въ Петербургъ на третій день царствованія Павла, рассказываетъ о той перемѣнѣ, какую онъ нашелъ тамъ. «Въ канцеляріяхъ, департаментахъ, въ коллегіяхъ вездѣ на столахъ свѣчи горѣли съ 5 часовъ утра; съ той же поры въ вице-канцелярскомъ домѣ всѣ люстры и камни ярко пылали, сенаторы въ 8 часовъ утра сидѣли за краснымъ столомъ. Нельзя было не замѣтить съ перваго шага въ столицѣ, какъ дрожь, и не отъ стужи только, словно эпидемія, всѣхъ равно пронимала»¹⁾.

8 ноября жители Петербурга были изумлены странною и неожиданною новостью. Въ этотъ день, съ ранняго утра, ходили по домамъ полицейскіе и объявляли повелѣніе государя относительно одежды: всѣмъ, кромѣ купечества и простого народа, велѣно было нудриться и носить косы, волосы зачесывать назадъ, но отнюдь не на лобъ, никому не носить круглыхъ шляпъ, высокихъ салоговъ и не имѣть на башмакахъ завязокъ, вмѣсто которыхъ должны быть пряжки; при встрѣчѣ на улицахъ съ императорскою фамиліею всѣ должны были останавливаться и дѣлать поклонъ, причемъ ѣхавшіе въ экипажахъ должны были останавливаться и выходить изъ нихъ, несмотря ни на грязь, ни на дурную погоду; офицерамъ запреща-

оказано никакихъ исключительныхъ знаковъ монаршаго благоволенія, тогда какъ крестьянамъ были объявлены не маловажныя льготы. Вообще по отношенію къ дворянству императоръ Павелъ выказалъ довольно странный образъ дѣйствій. Признавая за нимъ высокое значеніе въ государствѣ. Павелъ держался когда-то высказаннаго имъ мнѣнія, что дворянству, какъ опорѣ государства и государя, слѣдуетъ придать уваженіе, между прочимъ, тѣмъ, чтобы не допускать въ него лишнихъ или недостойныхъ членовъ, и, конечно, съ этою цѣлью издалъ 4 декабря 1796 г. указъ «О запрещеніи правительствомъ самимъ собою вводить въ дворянское достоинство и выдавать на оное грамоты безъ высочайшаго утвержденія». (П. С. З., т. XXIV, № 17.608), но вслѣдъ затѣмъ, не дальше, какъ черезъ мѣсяцъ, указомъ 3 января 1797 г. отмѣнилъ 15 ст. Дворянской Грамоты, въ которой было сказано: «тѣлесное наказаніе да не коснется до званія благороднаго», вслѣдствіе чего дворяне, впадшіе въ преступленіе, стали подвергаться этому позорному наказанію наравнѣ съ прочими сословіями, что, конечно, не могло придать уваженія сословію, составлявшему «опору государства и государя».

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1872 г., 144—146.

* «истор. вѣстн.», ноябрь, 1896 г., т. LXVI.

лось ѣздить въ закрытыхъ экипажахъ, а только верхомъ, въ саняхъ или на дрожкахъ.

Повелѣніе объ одеждѣ было вызвано всеобщимъ тогда подражаніемъ французскимъ модамъ, тогда какъ Павелъ, по своему образу мыслей, не могъ примириться ни съ чѣмъ, что только исходило изъ революціонной Франціи. Французскіе обычаи и моды, которые въ послѣдніе годы царствованія Екатерины стали укореняться въ образованныхъ классахъ общества, были противны ему, и онъ желалъ замѣнить ихъ прусскими. «Все пошло на прусскую статью,—говорить Шишковъ,—мундиры, большіе сапоги, длинныя перчатки, высокія треугольныя шляпы, усы, косы, пукли, ордоансъ-гаузы, экзерцизь-гаузы, шлагбаумы (имена доселѣ неизвѣстныя) и даже крашеніе, какъ въ Берлинѣ, пестрою краскою мостовъ, бутокъ и прочее. Сіе уничижительное подражаніе пруссакамъ напоминало забытыя времена Петра III»¹⁾.

Сохранился еще одинъ любопытный приказъ, отданный, вѣроятно, въ это же время относительно офицерскихъ галстуковъ, приказъ очень оригинальный по разъясненіямъ, въ которыя входилъ Павелъ по этому предмету. «Усмотря,—говоритъ онъ,—во многомъ числѣ офицеровъ съ окутанными шеями родомъ толстыхъ бѣлыхъ платковъ или другого сорта обвитія на подобіе, какъ бы одержимы были жабною болѣзнію, и неприличнаго мундиру, какъ бы и платокъ на шеѣ распущенный, и затѣмъ никто съ полученія приказа да не осмѣлится такъ неприлично быть одѣту въ мундирѣ, ибо сіе дозвоительно и пристойно къ утреннему платью или скюртку, но нимало пріѣзжать во дворецъ, или гдѣ долгъ званія требуетъ. А имѣть гал-

¹⁾ Тургеневъ говоритъ, что въ Петербургѣ, при энергическомъ содѣйствіи полиціи, въ однихъ сутки были выкрашены трехцвѣтными колерами даже двери, ставни оконъ, словомъ—все деревянное строеніе, что выходило наружу.

Дѣйствительно, подобное распоряженіе было сдѣлано, но позднѣе, въ 1797 г., и не по повелѣнію императора Павла, а генералъ-губернаторомъ Архаровымъ, въ отсутствіе Павла изъ Петербурга. О нелѣпной этой затѣѣ одинъ изъ современниковъ (баронъ Гейкиннгъ) рассказываетъ такъ:

«Такъ какъ императоръ пожелалъ, возвращаясь изъ Москвы (послѣ коронаціи), осмотрѣть другую часть государства, то путь его направился черезъ Литву, Курляндію и Лифляндію. Генералъ-губернаторъ Архаровъ пріѣхалъ прямо въ Петербургъ и, думая приготовить государю пріятный сюрпризъ, приказалъ всѣмъ безъ исключенія обывателямъ столицы окрасить ворота своихъ домовъ и даже садовыхъ заборовъ полосами черной, оранжевой и бѣлой красокъ, на манеръ казенныхъ шлагбаумовъ. Это смѣшное приказаніе надо было исполнить немедленно, и оно повлекло за собой огромные расходы, такъ какъ маляры воспользовались удобнымъ случаемъ и запрашивали сколько вздумается. Со всѣхъ сторонъ раздались крики негодованія. Императрица, послѣдшая на встрѣчу своему августѣйшему супругу, была сильно поражена этимъ приказаніемъ, о которомъ ей ничего не было сказано. Она ли обратила вниманіе государя, или самъ Павелъ пораженъ былъ комическимъ однообразіемъ казенныхъ и частныхъ построекъ, или онъ при вѣздѣ своемъ спросилъ, что означаетъ эта странная фантазія? Ему отвѣчали, что полиція принудила обывателей безотлагательно исполнить волю ихъ монарха.— «Такъ чтожъ я дуракомъ что ли сталъ,—гнѣвно воскликнулъ Павелъ.—чтобы отдавать такія повелѣнія!» — Этотъ самъ по себѣ маловажный случай повлекъ за собой паденіе Архарова. Его замѣтилъ графъ Буксгевденъ» (Записки курляндскаго барона, «Русская Старина», 1887 г. ноябрь, 381).

штуки обыкновенно бѣлые и въ толщину и въ ширину обыкновенную. А буде бы кто изъ офицеровъ не хотѣли понять, каковой галстухъ я приличнымъ офицерской одеждѣ почитаю, то можетъ смотрѣть на своей роты солдатъ и держась того, или который онъ прежде на шеѣ имѣлъ, до возложенія теперь многими употребляемаго сего рода хомутины, то и будетъ одѣтъ, какъ былъ прежде по одеждѣ своей, а не такъ, какъ въ утреннемъ платьѣ. Къ сему-жъ тѣ господа могутъ быть увѣрены, что и въ тѣхъ мѣстахъ, откуда сіе перепло, конечно, ни одинъ офицеръ съ мундиромъ никогда не только, чтобы надѣвать, но и не мнилъ, и, видя здѣсь, столько же странно находить, какъ и всякой въ военномъ назначеніи служащій. Къ тому-жъ долженъ сказать и то, что одежда строевая не измѣняется никогда по примѣру первовѣзжаго изъ чужихъ земель, но остается навсегда, какъ предположено»¹⁾. Очевидно, что гоненіе на широкіе галстухи было вызвано также господствомъ французской моды.

Ломка прежнихъ порядковъ началась съ военной части, которая всегда была предметомъ особеннаго вниманія Павла. Въ 1778 году, будучи еще очень молодымъ, онъ завелъ съ графомъ Петромъ Панинымъ переписку о состояніи военныхъ силъ въ Россіи и радовался, что въ своихъ предположеніяхъ относительно устройства ихъ онъ сходился въ мысляхъ съ такимъ опытнымъ генераломъ, какимъ былъ графъ Панинъ. Слѣдя внимательно за всѣмъ, что дѣлалось въ войскахъ имперіи, онъ, между прочимъ, писалъ Панину: «Теперешнее положеніе вещей оскорбляетъ лишь всякое ревнующее къ пользѣ общей сердце, и сіе самое оскорбленіе понуждаетъ неукоснительно приняться, хотя разсужденіями единственно, дабы поспѣть приуготовиться всѣми силами и всѣми мѣрами помочь вкравшемуся вреду»...²⁾. Живя въ Павловскѣ и въ Гатчинѣ, Павелъ достаточно имѣлъ времени, чтобы вдуматься и обсудить положеніе военной части въ Россіи, или, какъ говоритъ онъ, «приуготовиться» къ искорененію вкравшихся въ нее злоупотребленій. Теперь, получивъ власть, онъ немедленно приступаетъ къ исполненію своего намѣренія не только уничтожить злоупотребленія, но и преобразовать все войско, давъ ему другой характеръ, начиная съ внѣшняго вида и кончая организаціей.

Нѣкоторыя перемѣны въ военной части дѣйствительно были необходимы. Покойная императрица, какъ женщина, не входила въ подробности военной администраціи и порядковъ военного быта. Все теченіе дѣлъ по этой части было предоставлено военной коллегіи, которая въ свою очередь многое оставляла на волю и произволь частныхъ начальниковъ. Отъ этого въ военную службу вкралось множество несообразностей и самыхъ вопіющихъ злоупотребленій, на

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1875 г., № 1, 12.

²⁾ «Русская Старина», 1882 г., февраль, 416.

которыя, при недостаткѣ высшаго контроля, привыкли смотрѣть, какъ на естественный порядокъ вещей.

Полковые списки были переполнены лицами, которыя только числились на службѣ, но не несли никакихъ обязанностей ея. Число нижнихъ чиновъ въ полкахъ по вѣдомостямъ военной коллегіи значилось отъ 2-хъ до 4-хъ тысячъ человѣкъ въ каждомъ, между тѣмъ въ строй выводилось не болѣе третьей части, такъ какъ полковые командиры остальныхъ солдатъ употребляли для своихъ надобностей, какъ крѣпостныхъ въ своихъ помѣстьяхъ, или же отдавали ихъ въ услуженіе частнымъ лицамъ, причеиъ заработки брали себѣ. Подобно полковымъ командирамъ, поступали и командиры ротъ: деньги и провіантъ, отпускавшіеся для солдатъ, доходили до нихъ только на половину, остальное шло въ карманъ ближайшихъ начальниковъ. Естественно, что при такомъ образѣ дѣйствій, когда по пословицѣ «рука руку мыла», строгая дисциплина и субординація въ служебныхъ отношеніяхъ младшихъ начальниковъ къ старшимъ были немислимы, что не могло не отражаться и на интересахъ службы. Чины сплошь и рядомъ получались или по протекціи, или за деньги. Строевое обученіе мало сообразовалось съ уставомъ, такъ какъ полковой командиръ могъ вводить у себя новыя приемы и экзерциціи, отчего во время ученія оказывалось такое разнообразіе, что не только цѣлый корпусъ, но и два полка не ль состояніи были производить вмѣстѣ маневры. Вооруженіе было никуда негодное: оно состояло изъ выслужившихъ не одинъ срокъ ружей, у которыхъ стѣнки ствола были такъ тонки, что не выдерживали постояннаго огня, къ тому же они такъ плохо были сдѣланы, что изъ десяти пуль въ цѣль попадала только одна¹⁾.

Не даромъ же Суворовъ говаривалъ: пуля дура — штыкъ молодецъ.

«Нельзя изобразить, — говоритъ Болотовъ, — въ какомъ странномъ и удивительномъ положеніи была до сего гвардія, и коль многія злоупотребленія во всемъ господствовали въ высочайшей степени оной. Ежели бъ все это изобразить, то составилаь бы прелюбопытная картина для потомства, и потомки наши не только бъ стали удивляться, но и едва ли бъ въ состояніи были повѣрить, чтобъ все то существовало въ самомъ дѣлѣ, и скорѣе могли бы подумать, что то выдуманная баснь и совершенная небывальщина...»²⁾.

Объ упадкѣ дисциплины въ арміи Ростопчинъ въ 1793 г. писалъ графу Воронцову: «На границахъ производятся усиленные сборы войскъ. Генералы и офицеры получили строжайшія приказа-

1) Рукопись Реймерса: St.-Petersburg während der vier ersten Jahre der glorreichen Regierung Sr. Kaiserlichen Majestat Paul des Ersten, въ переводѣ: «Русская Старина», 1883 г., сентябрь.

2) «Русскій Архивъ», 1864 г., изд. 2, 708—709.

ніа быть къ своимъ полкамъ, несмотря на это, никто не торопится: до такой степени непослушаніе вошло въ привычку»¹⁾).

Дѣйствительно, въ гвардейскихъ полкахъ, а по примѣру ихъ и въ другихъ военныхъ командахъ, находившихся въ Петербургѣ, служба совершенно потеряла военный характеръ. Офицеры ходили въ статскомъ платьѣ, подражая въ одеждѣ французской модѣ, и ни о чемъ больше не помышляли, какъ только о томъ, чтобы развѣзжаты по театрамъ да по гостямъ²⁾).

Объ отправленіи ими обязанностей на дѣйствительной службѣ находимъ любопытный разсказъ у Греча, какъ проводилъ караульный день его дядя. «Александръ Яковлевичъ,—говоритъ онъ,—раза два въ мѣсяць ходилъ въ караулъ на арсенальную гауптвахту. Этотъ день былъ для насъ, дѣтей, праздникомъ. Утромъ дядюшка надѣвалъ мундиръ красный съ черными отворотами и отправлялся на службу. Обѣденное кушанье носили къ нему на гауптвахту, а послѣ обѣда вся фамилія съ гостями, какіе случались, отправлялась къ нему на вечеръ. Онъ принималъ гостей въ утреннемъ сюртукѣ, похожемъ на халатъ, въ красныхъ сафьянныхъ сапогахъ. Раскрывались ломберные столы, и бостонъ вступалъ въ свои права. Николай Михайловичъ приносилъ скрипку и игралъ въ антрактахъ; братья его пѣли стихи Державина на свадьбу великаго князя Александра Павловича:

Амуру, вадумалось Психею
Рѣзвися, поимать, и проч.

«За круглымъ столомъ маменька разливала чай, а мы бѣгали по комнатамъ и рѣзвились. Въ девятомъ часу являлся сержантъ, рапортовалъ, что все обстоитъ благополучно, и получалъ приказаніе бить зорю. Часу въ одиннадцатомъ подавали холодный ужинъ, потомъ гости расходились, и денщикъ стлалъ постель караульному офицеру...»³⁾).

Можно себѣ представить, какъ далека была подобнаго рода служба отъ того идеала, какой составилъ себѣ Павелъ, проникнутый до мозга костей строгими и педантическими правилами прусскаго устава.

Водворить въ войскѣ дисциплину, возстановить въ немъ подобающій ему духъ, истребить злоупотребленія, которыя давно уже «оскорбляли его ревнующее къ пользѣ общей сердце», словомъ, исправить разстроившійся механизмъ военного управленія казалось Павлу неотложнымъ дѣломъ его власти, и вотъ онъ начинаетъ натягивать пружины и завинчивать расшатавшіеся въ машинѣ винты, но взялся за это дѣло такъ круто, что на первыхъ же порахъ возбуждалъ противъ себя неудовольствіе дворянъ и гвардіи.

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1887 г., № 2, 158.

²⁾ Комаровскій, «Русскій Архивъ», 1867 г., № 2, 226.

³⁾ Записки Н. Греча, «Русскій Архивъ», 1873 г., 324—325.

VII.

Намѣренія императора Павла предпринять реформу въ военной части.— Повелѣннє числящимся въ спискахъ по войскамъ явиться къ мѣстамъ ихъ служенія.— Унынїе и неудовольствїе дворянъ.— Преобразованія въ гвардіи.— Гатчинцы и зачисленіе ихъ въ старую гвардію.— Перемѣна обмундированія.— Новые уставы.— Тягость службы.— «Тактическій классъ». — Гвардейскіе офицеры оставляютъ службу.— Настроеніе петербургскаго общества.— Перемѣны во внутренней обстановкѣ дворца.— Анекдотъ о графѣ Самойловѣ.

Убѣдясь въ необходимости перемѣнъ въ порядкахъ военной службы, Павелъ всецѣло отдался этой мысли и съ перваго же дня царствованія началъ приводить ее въ исполненіе. Ежедневно въ своемъ присутствіи онъ производилъ гвардейскимъ полкамъ на дворцовой площади вахтъ-парады, строго требуя, чтобы все дѣлалось не какъ прежде, а какъ дѣлалось у него въ Гатчинѣ. По окончаніи развода онъ дѣлалъ замѣчанія и объявлялъ выговоры за неисправности, или изъявлялъ удовольствіе, награждая тѣхъ, кто умѣлъ угодить его требованіямъ. Для характеристики этого рода занятій приводимъ нѣсколько приказовъ Павла:

«Лейбъ-гренадерскаго полка капитанъ Глинка—въ маіоры, за отмѣнную исправность въ стояннїи на караулѣ при осматриваннїи комендантомъ, генераль-маіоромъ и кавалеромъ Аракчеевымъ карауловъ».

«Его императорское величество объявилъ свое удовольствіе за бывшее ученїе преображенскому полку, гренадерскому баталіону генераль-маіора Аракчеева и ему, генераль-маіору Аракчееву, спасибо; плутонажнѣмъ же его командирамъ и полковнику Ланскому 2-му пожаловалъ 3-й классъ св. Анны, всѣмъ же нижнимъ чинамъ по рублю на человѣка».

«Его императорское величество высочайше повелѣтъ соизволилъ генераль-маіору Дмитріеву-Мамонову быть при генераль-лейтенантѣ князѣ Голицынѣ и учиться службѣ».

«Его императорское величество дѣлаеть выговоръ бригадиру князю Волконскому за стародубенскій мушкетерскій разводъ и поручаетъ полкъ находящемуся лейбъ-гвардіи преображенскаго полку полковнику Глазову, а бригадиру князю Волконскому быть у него въ командѣ».

«Его императорское величество соизволилъ объявить свое удовольствіе сегодняшнему измайловскаго полку разводу, также и шефу того полка, его высочеству Константину Павловичу, а господамъ офицерамъ каждому по одиночкѣ спасибо, рядовымъ же по рублю на человѣка и по чаркѣ вина».

«Его императорское величество, замѣтя, что офицеры екатерино-

славскаго кирасирскаго полку не прилежать и не радѣють къ службѣ дѣлаетъ таковымъ выговоръ, а впредь принужденъ будетъ взять другія мѣры и всѣхъ лѣннихъ и неприлежныхъ выключать изъ службы. О таковыхъ шефъ онаго полку замѣтя немедленно долженъ прислать списокъ его величеству».

Приказы государя, которые онъ отдавалъ черезъ великаго князя Александра Павловича при паролѣ, было повелѣно считать за именныя указы. Сотни курьеровъ немедленно и съ величайшею поспѣшностью развозили ихъ во всѣ края Россіи, часто изумляя жителей своею неожиданностію. Такъ, на вахтъ-парадѣ, бывшемъ 8 ноября, на другой день царствованія, императоръ Павелъ повелѣлъ: всѣхъ числившихся въ полкахъ, но въ дѣйствительности не исполнявшихъ обязанностей военной службы, какъ-то: камергеровъ, камеръ-юнкеровъ и т. п., изъ полковыхъ списковъ исключить, а затѣмъ, чтобы всѣ гвардейскіе офицеры, находившіеся въ отпуску, немедленно явились бы къ своимъ полкамъ. О послѣднемъ повелѣніи государя генераль-прокуроръ долженъ былъ сообщить начальникамъ всѣхъ губерній съ препровожденіемъ къ нимъ списковъ офицеровъ, числившихся въ отпуску, съ тѣмъ, что если въ подвѣдомственныхъ имъ губерніяхъ найдутся такіе офицеры, то немедленно были бы высланы въ Петербургъ ¹⁾).

Ни одно распоряженіе новаго государя не производило въ Россіи такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ этотъ нечаянный призывъ гвардейцевъ явиться на службу. Оно подсѣкало подъ корень давно укоренившееся въ дворянскомъ быту зло, которое дворянство считало какъ бы привиллегіею своего сословія. Не говоря уже о богатыхъ и знатныхъ фамиліяхъ, но и мало-мальски зажиточные и состоятельные дворяне записывали съ самыхъ пеленокъ сыновей своихъ въ гвардію, гдѣ, числясь на службѣ и считаясь въ отпуску, они получали первые чины, не неся никакихъ обязанностей. По достиженіи извѣстныхъ лѣтъ, желавшіе служить являлись къ своимъ полкамъ, но многіе, откупаясь подарками отъ явки въ полкъ, жили праздно въ своихъ имѣніяхъ, нисколько не помышляя о службѣ, а только, какъ говоритъ Болотовъ, «лытали, вертопрашничали, мотали, играли въ карты и утопали въ роскошяхъ», а между тѣмъ получали чины; дослужась такимъ образомъ до капитанскаго чина, они переходили въ армію, гдѣ получали въ командованіе полки, или выходили въ отставку бригадирами. Понятно, какой переполохъ между дворянами долженъ былъ произвести приказъ государя.

¹⁾ «Дѣла генераль-прокурорскія». Здѣсь разумѣлись отпуска не кратковременные, разрѣшавшіеся находившимся на службѣ офицерамъ по домашнимъ обстоятельствамъ и другимъ случаямъ, но долговременные, длившіеся по нѣсколько лѣтъ, иногда съ самаго производства въ офицеры до того времени, пока находившіеся въ отпуску самъ не заблагоразсудитъ явиться въ полкъ.

«Слухъ о семь повелѣнїи, — говоритъ Болотовъ, — распространился, какъ электрическій ударъ, въ единый почти мигъ по всему государству и, подобно ему, произвелъ сильное на всѣхъ потрясеніе. Не было ни единой губерніи и ни одинаго уѣзда и ни одинаго края и угла въ государствѣ, гдѣ бы не было таковыхъ отлучныхъ и находящихся въ отпускахъ. Повсюду ихъ находилось множество и когда небольшихъ и взрослыхъ, такъ по крайней мѣрѣ малолѣтнихъ, и всѣ вообще до крайности перетревожены были симъ всего менѣе ожидаемымъ повелѣніемъ, котораго строгость молва повсемѣстная увеличивала еще того болѣе. Говорили, что велѣно тотчасъ и немало не медля къ полкамъ своимъ ѣхать и явиться неотмѣнно на срокъ, а буде кто не явится, то всѣ такіе не только будутъ исключены, но сообщать имена ихъ герольдіи, дабы впередъ не были они никуда опредѣляемы. Сей и, можетъ быть, неосновательный или надъ мѣру увеличенный слухъ¹⁾ нагонялъ на всѣхъ страхъ неописанный, и нельзя изобразить, какое повсюду началось скаканіе, какое гореванье и какое сѣтованіе ото всѣхъ изъ числа отлучныхъ сихъ. Многіе, живучи многіе годы на свободѣ въ деревняхъ, даже поженились и нажили уже дѣтей себѣ и сихъ также имѣли въ гвардію записанныхъ и въ чинахъ унтеръ-офицеровъ, хотя и сами еще не несли никакой службы. Всѣ таковыя сходили съ ума и не знали, что имъ дѣлать и какъ явиться предъ лицо монарха; они должны были бросить молодыхъ женъ и спѣшить въ столицу. Другіе и того множайшіе кусали и губы и пальцы у себя, досадуя на самихъ себя, что по примѣру прочихъ не вышли уже давно въ выпуски или въ отставку, а проживали уже нѣсколько лѣтъ въ сержантскихъ чинахъ, дожидаясь все гвардейскаго офицерства; всѣ сіи завидовали прочимъ и съ неописанной досадою на самихъ себя и раскаяніемъ, что упустили изъ рукъ блаженныя времена, ѣхали и готовились нести всѣ трудности нынѣшней службы. Третьи и также очень многіе навѣрное полагали, что въ нынѣшнемъ же году будутъ они либо гвардейскими офицерами, либо капитанами и, вдругъ увидѣвъ себя въ лестной сеи и безсомнѣнной почти надеждѣ обманувшимися, не знали отъ стыда куда дѣваться и отправлялись въ путь съ повѣсившими головами. При отправленіи же прочихъ и не достигшихъ еще до такого возраста, чтобъ можно было переносить всю тягость службы, — сходили отцы и матери съ ума отъ горести и сожалѣнія. Но изъ всѣхъ никто такъ пораженъ не былъ, какъ отцы и матери всѣхъ малолѣтнихъ и совѣтъ еще неспособныхъ къ службѣ дѣтей, записанныхъ также въ гвардію. Къ крайнему огорченію всѣхъ ихъ и по особли-

¹⁾ Слухъ не былъ преувеличенъ, вотъ доказательство: «Его императорское величество высочайше указать соизволилъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полку поручика Тютчева, находящагося въ просрочкѣ съ 1788 года апрѣля 28 числа, изъ службы выключить и впредь его никуда не опредѣлять. 10 ноября 1796 г.» (Дѣла генераль-прокурорскія). Вѣроятно, такъ было поступлено не съ однимъ Тютчевымъ.

вой ошибокъ гвардейскихъ маіоровъ, требованы были и они всѣ, яко отпущенные до окончанія наукъ въ свои дома. Всѣ не знали, что имъ съ малютками сими начать и дѣлать. Къ вѣщшему несчастію многіе изъ нихъ по жадности родителей и по непростительнымъ проискамъ, счислялись уже давно въ дѣйствительной службѣ, а инымъ, того еще хуже, приклепано было болѣе годовъ, нежели сколько они дѣйствительно отъ рожденія имѣли; и были примѣры, что иные по спискамъ полковымъ были 16 или 18-лѣтними, а имъ и 10 лѣтъ еще не было, и со всѣми такими не знали отцы, какъ и показаться. Словомъ, вездѣ и вездѣ слышны были одни только сѣтованія, озабочиванія и гореванія; вездѣ воздыханіе и утираніе слезъ, текущихъ изъ глазъ матерей и сродниковъ: никогда такое множество слезъ повсюду проливаемо не было, какъ въ сіе время. Совсѣмъ тѣмъ повелѣніе государское должно было выполнить. Повсюду они были отыскиваемы и высылаемы и всѣ почти, хотя съ крайнимъ сожалѣніемъ, но принуждены были ѣхать и отправлять дѣтей своихъ въ случаѣ, когда самимъ было не можно, съ матерями или сродниками ихъ. Всѣ большія дороги усѣяны были кибитками скачущихъ гвардейцевъ и матерей, везущихъ на службу и на смотры къ государю своихъ малютокъ. Повсюду скачка и гоньба; повсюду сдѣлалась дороговизна въ наемѣ лошадей и повсюду неудовольствія...»¹⁾

Призывъ гвардейцевъ на дѣйствительную службу былъ первымъ шагомъ къ перемѣнамъ, задуманнымъ Павломъ въ военномъ вѣдомствѣ.

Преобразование должно было начаться съ гвардіи подъ руководствомъ лицъ, прошедшихъ воинскую школу подъ ближайшимъ наблюденіемъ самого императора. Это были тѣ пресловутые гатчинцы, въ которыхъ онъ видѣлъ образецъ военнаго образованія и дисциплины. Вымуштрованные по прусскому уставу, они должны были показать распуценной и изнѣжившейся екатерининской гвардіи, что такое служба, и какъ надо служить.

На третій день своего царствованія, на вахтъ-парадѣ, бывшемъ 9-го ноября, императоръ Павелъ въ приказѣ, отданномъ при паролѣ, объявилъ: «Завтра вступятъ въ городъ войска павловскаго гарнизона». Эти войска, какъ называлъ ихъ Павелъ, состояли всего-на-всего съ офицерами, строевыми и нестроевыми нижними чинами изъ 2,399 человекъ²⁾.

¹⁾ Волотовъ. «Русскій Архивъ», 1864 г. Изд. 2, 714—717.

²⁾ Составъ и численность гатчинскаго отряда въ эту пору были слѣдующія:
Пѣхота: 2 батальона гренадерскихъ (№№ 1 и 2), 4 батальона мушкетерскихъ (№№ 3, 4, 5 и 6) и рота егерей—всего 1,601 чел.

Кавалерія: жандармскій полкъ—181 чел., драгунскій—168, гусарскій—178 и казачій—68, всего 584 чел.

Артиллерія: пѣшая—171 чел., конная—43 чел., итого—2,399 чел. («Восный Сборникъ», 1861 г., № 12, 456).

Встрѣча имъ была парадная. 10-го ноября, около полудня, всѣ гвардейскіе полки стали выходить въ строй на Дворцовую площадь. Къ нимъ вышелъ Павелъ, одѣтый въ мундиръ преображенскаго полка новой формы. Онъ внимательно наблюдалъ за прохожденіемъ и, казалось, былъ недоволенъ тѣмъ, что видѣлъ: онъ отдувался, пыхтѣлъ, пожималъ плечами, качалъ головой... Но вотъ прискакалъ изъ гатчинскаго отряда офицеръ съ донесеніемъ, что гатчинцы подошли къ заставѣ. Павелъ въ восторгѣ, что наконецъ дождался той минуты, когда явить Россіи свое созданіе, своеручно надѣлъ на вѣстника аннинскій крестъ 2-го класса, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ на встрѣчу своимъ любимцамъ. Гвардія уже выстроилась и ждала будущихъ своихъ просвѣтителей. Черезъ часъ они показались: обмундированы они были совершенно, какъ пруссаки—въ короткихъ мундирахъ съ лацканами и въ черныхъ штіблетахъ; на гренадерахъ были шапки, какъ теперь у павловскаго полка, а на мушкетерахъ маленькія трехугольныя шляпы безъ петлицъ, а только съ одною пуговкою. На офицерахъ поношенные, порыжѣлые мундиры. Медленнымъ и размѣреннымъ шагомъ, громко отбивая тактъ ногами, приближались они къ Дворцовой площади. Впереди перваго полка (двухъ гренадерскихъ батальоновъ) ѣхалъ самъ императоръ; во главѣ второго (мушкетерскихъ № 3 и 4)—великій князь Александръ Павловичъ, а передъ третьимъ (мушкетерскими № 5 и 6)—великій князь Константинъ Павловичъ. Вступая на площадь, полки эти становились передъ старыми гвардейскими: первый полкъ—передъ преображенскимъ, второй—передъ семеновскимъ, третій—передъ измайловскимъ. Когда они такимъ образомъ выстроились, императоръ Павелъ обратился къ нимъ съ словами: «Благодарю васъ, друзья мои, за вашу вѣрную мнѣ службу; въ награду вы поступаете въ гвардію, а господа офицеры чинъ въ чинъ». Гатчинскимъ знаменамъ была отдана честь обычнымъ порядкомъ, и затѣмъ ихъ отнесли во дворецъ, а команды были зачислены слѣдующимъ образомъ: батальоны государя и Аракчеева (№ 1 и 4) въ преображенскій полкъ; великаго князя Александра и подполковника Недоброва (№ 2 и 6) въ семеновскій; великаго князя Константина и подполковника Малютина (№ 3 и 5) въ измайловскій. Вся кавалерія была зачислена въ конную гвардію, а артиллерія вошла въ составъ лейбъ-гвардіи артиллерійскаго батальона, сформированнаго изъ артиллеріи старыхъ гвардейскихъ полковъ. Изъ егерскихъ ротъ старыхъ гвардейскихъ полковъ и гатчинской роты егерей былъ образованъ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ.

Какъ призывъ отсутствовавшихъ гвардейцевъ раздражилъ дворянство, такъ теперь зачисленіе гатчинцевъ въ составъ гвардіи оскорбило екатерининскихъ офицеровъ, изъ которыхъ многіе принадлежали не только къ лучшимъ дворянскимъ фамиліямъ, но даже къ аристократіи. Это были баре, отличавшіеся свѣтскимъ лоскомъ и

воспитаніемъ, привыкшіе къ образу жизни и манерамъ высшаго общества. И вотъ эти-то щеголи видятъ между собой, какъ равныхъ товарищей, людей, зашедшихъ къ нимъ какъ будто изъ другаго какого-то міра,—людей грубыхъ, безъ всякаго воспитанія и не только безъ образованія, но просто малограмотныхъ, Богъ вѣсть какаго происхожденія, которые ни о чемъ, кромѣ маршировки и эквилибристики эспаантономъ, не имѣютъ никакого понятія. И этихъ-то антиподовъ хотятъ дать имъ въ наставники...

Современники единогласно передаютъ то тяжелое впечатлѣніе, которое произвело на старыхъ гвардейцевъ водвореніе между ними гатчинцевъ. «Намъ были представлены новые пришлецы изъ гатчинскаго гарнизона,—говоритъ Саблуковъ.—Что за офицеры! Какія странныя лица! Какія манеры! И какъ странно они говорили—всѣ они были малороссы». «Съ какой печалью должны мы были считать ихъ своими товарищами. На всѣхъ напало какое-то уныніе»,—жалуется Комаровскій. «Иначе и быть не могло,—говоритъ онъ,—ибо эти новые товарищи были не только безъ всякаго воспитанія, но многіе изъ нихъ развратнаго поведенія, нѣкоторые ходили даже по кабакамъ, такъ что гвардейскіе наши солдаты гнушались быть у нихъ подъ командой». Третій современникъ—Энгельгардтъ, заноситъ въ свои записки: «Дико было видѣть гатчинскихъ офицеровъ вмѣстѣ съ старыми гвардейцами; эти были изъ лучшаго русскаго дворянства, болѣе придворные, нежели фрунтовые офицеры, а тѣ, кромѣ фрунта, ничего не знали; безъ малѣйшаго воспитанія и были почти оборышъ изъ арміи. Однакожъ нѣсколько было изъ нихъ и благонравныхъ людей, хотя безъ особливаго воспитанія, но имѣющихъ здравый разумъ и къ добру склонное расположеніе»¹⁾.

Отзывы Энгельгардта и Комаровскаго — одного, что между гатчинцами было нѣсколько чловѣкъ добронравныхъ, другаго — что многіе изъ нихъ были поведенія развратнаго, уже сами по себѣ мало говорятъ въ пользу новыхъ гвардейцевъ, но, помимо нравственныхъ свойствъ ихъ, общее нерасположеніе къ нимъ вызывалось тою ролью, какаю по волѣ государя предоставлялась имъ въ служебномъ отношеніи—гатчинцы стали учителями екатерининскихъ офицеровъ и солдатъ. Строгое требованіе мелочей новыхъ уставовъ, введенныхъ въ войска чрезъ нѣсколько дней по вступленіи Павла на престолъ, сопровождавшееся усвоеннымъ въ Гатчинѣ грубымъ обращеніемъ не только съ нижними чинами, но и съ офицерами, естественно должно было установить между инструкторами и старыми гвардейцами отношенія далеко не симпатичныя.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій, предпринятыхъ императоромъ Павломъ по военной реформѣ, была перемѣна обмундированія войска, причемъ прежнія удобство и простота въ одеждѣ были принесены

¹⁾ Записки Энгельгардта, 153.

въ жертву мнимой красѣ и воинской щеголеватости. Прежде солдаты носили короткіе кафтаны съ широкими поясами и широкія шаровары, заткнутыя въ сапоги, на головѣ у нихъ была легкая каска, а волосы стриглись въ кружокъ, какъ у крестьянъ. Эта форма, введенная кн. Потемкинымъ, была оставлена, какъ «мужицкая», и замѣнена прусскою, состоявшею изъ мундира съ длинными, неуклюжими фалдами, изъ узкихъ панталонъ съ штіблетами, суконнаго туго затянутаго галстука и маленькой трехугольной шляпы. Подстриженные волосы замѣнялись пуклями и косой, причѣмъ вмѣсто пудры и помады солдатами употреблялись мука и простое свѣчное сало, а въ косу вплеталась проволока. Такое же обмундированіе было и у офицеровъ, только имъ даны были еще перчатки съ раструбами, тяжелые ботфорты и простаго дерева форменныя палки съ костянымъ набалдашникомъ, а сзади между фалдами болталась у нихъ шпага. Въ строю офицеры имѣли эспантоны, которыми въ извѣстныхъ случаяхъ они должны были продѣлывать различные приемы.

Палки различались по цвѣту воротниковъ, обшлаговъ и лацканъ. Не было, кажется, ни одного цвѣта, который не пошелъ бы при этомъ въ дѣло: красный, бѣлый, розовый, коричневый, синій и др. съ разными оттѣнками пестрили обмундированіе до безконечности.

20 ноября, были изданы три новыхъ устава о воинской службѣ: два для конной и одинъ для пѣхотной. Заимствованные почти буквально изъ прусскихъ уставовъ, они были полны нѣмецкаго педантизма и самыхъ бесполезныхъ, утомительныхъ мелочей, и вотъ по этимъ-то уставамъ, подъ руководствомъ гатчинцевъ, въ совершенствѣ уже прошедшихъ эту науку, началось обученіе екатерининскихъ войскъ, для чего во всѣ концы имперіи, гдѣ только находились полки, были посланы гатчинскіе генералы и полковники.

Тяжела стала служба. Много заботъ принесли эти уставы старымъ войскамъ: прежніе порядки измѣнялись ими такъ, что, по словамъ Энгельгардта, старые генералы не болѣе знали военную службу, какъ и вновь произведенные прапорщики. «Старымъ людямъ,— говоритъ онъ,— сдѣлавшимъ навѣкъ къ прежнему обряду, трудно было не только отправлять ее, но даже и понять»¹⁾. Даже сѣдые, съ георгіевскими звѣздами, генералы должны были учиться маршировать, равняться, салютовать эспантономъ²⁾. Словомъ, военная горячка охватила всю Россію.

Вдали отъ Петербурга, въ провинціяхъ, хотъ и не безъ тягости, но все-таки еще кое-какъ справлялись съ нововведеніями: тамъ хотъ и распоряжались обученіемъ инструкторы гатчинцы, но все же между ними попадались люди, которые, несмотря на предоставленную

¹⁾ Энгельгардтъ, 154.

²⁾ Лубяновскій. «Русскій Архивъ», 1876 г., № 2, 226.

имъ власть, умѣли умѣрять свои усердные порывы, но не то было въ Петербургѣ, гдѣ все дѣлалось на глазахъ Павла, не пропускавшаго ни одного вахтъ-парада, ни одного назначеннаго имъ ученья. Ежедневно, не смотря ни на какую погоду, въ назначенный часъ, выходилъ онъ изъ дворца пѣшкомъ или выѣзжалъ верхомъ на площадь, куда заблаговременно по отданному приказу сходились войска и строились въ назначенномъ порядкѣ. Тутъ каждое лыко шло въ строку: нарушеніе равенія, неравномѣрность шага, отступленіе отъ формы обмундированія, вообще самыя малѣйшія ошибки противъ устава вызывали неуправляемый гнѣвъ государя; виновные исключались изъ службы, заключались въ крѣпость или ссылались въ Сибирь; аресты считались легчайшимъ взысканіемъ. Случалось видѣть по нѣсколько генераловъ, въ одинъ день арестованныхъ на гауптвахтѣ¹⁾.

Чтобы офицеры могли усвоить себѣ всѣ тонкости новыхъ уставовъ, императоръ Павелъ приказалъ Аракчееву²⁾ образовать для нихъ въ одной изъ дворцовыхъ залъ «тактическій классъ», гдѣ подполковникъ Каннабихъ излагалъ имъ всѣ подробности плацъ-парадной и караульной службы. Государь ежедневно являлся на эти лекціи, обращался къ слушавшимъ офицерамъ и предлагалъ имъ вопросы. Ему нравилось, когда эту незатѣйливую аудиторію посѣщали старые екатерининскіе генералы³⁾.

Плацъ-парадная, фронтальная горячка, охватившая войско съ воцареніемъ Павла, обуславливалась не одной только необходимостью изученія правилъ новой службы и приученіемъ къ военнымъ трудамъ, но и давно усвоеннымъ убѣжденіемъ Павла, что ученья и маневры отвлекаютъ умы отъ «разсужденій часто неприятныхъ». Это убѣжденіе онъ высказывалъ еще въ перепискѣ съ гр. Панинымъ. Такъ, въ письмѣ отъ 29 марта 1779 г., онъ говоритъ: «Практическое употребленіе войскъ нашихъ есть единственный способъ его сдерживать въ желаемомъ состояніи. Сіе не для насъ однихъ нужно, но и во всякой другой землѣ, ибо человекъ по естеству своему любитъ болѣе покой, а убѣгаетъ трудности и боится больше опасности нераздѣльной съ военнымъ состояніемъ. Въ нашей землѣ и то, и другое чувствительнѣе по недостатку въ воспитаніи и потому, что нѣтъ того, что замѣнять и награждать должно человѣческіе недостатки въ тѣхъ вещахъ, въ которыхъ отъ нихъ терпѣть можетъ цѣлость и безопасность общія, то-есть законы и взысканіе по онымъ. Безпрестанное же практическое употребленіе отведетъ отъ покоя вреднаго и приучитъ къ опасностямъ, не говоря о томъ, что всѣ вещи,

¹⁾ Энгельгардтъ, 154.

²⁾ П. С. З., т. XIV, № 17.650.

³⁾ Лебедевъ: Преобразователи русской арміи въ царствованіе Павла Петровича. («Русская Старина», 1877 г., апрѣль, 583). О «тактическомъ классѣ» см. также «Разсказы кн. П. М. Волконскаго». («Русская Старина» 1876 г. т., XVI, 186).

до исполненія касающіяся, получаютъ большую акцію». Дальше, въ томъ же письмѣ, говоритъ: «Что касается до предпочтенія наступательной войны предъ оборонительною, то не буду я повторять тѣхъ причинъ, о которыхъ вы столь справедливо помянули, но примѣчу здѣсь, что моральное сложеніе нашего человѣка требуетъ, чтобы онъ какъ можно менѣе былъ при всякомъ случаѣ въ неизвѣстности и безъ дѣйствій, ибо такоеваго прайдное положеніе всегда отворяетъ двери къ размышленіямъ часто непріятнымъ, которыхъ побѣдить инымъ нечѣмъ, какъ разсужденіемъ, прибрѣтеннымъ чрезъ воспитаніе, котораго у насъ меньше, нежели гдѣ либо. И для того всегда лучше упражнять дѣйствіемъ и надеждою онаго, рождающимся всегда отъ всякаго наступательнаго дѣйствія»¹⁾.

Несмотря на туманность выраженій этихъ тирадъ, смыслъ ихъ все-таки пробивается наружу: войско постоянно нужно держать въ дѣйствіи и не давать ему пребывать въ праздности, потому что «праздное положеніе всегда отворяетъ двери къ размышленіямъ часто непріятнымъ». Если мы не ошибаемся, что такова, между прочимъ, была цѣль усиленныхъ Павловскихъ экзерцицій, то она, ставъ традиціонною, отчасти достигалась и не только на первыхъ порахъ, но и послѣ, въ продолженіе цѣлаго полустолѣтія.

Прежній образъ жизни гвардейскихъ офицеровъ въ новое царствованіе совершенно измѣнился. «При императрицѣ,—говоритъ Комаровскій,—мы думали только о томъ, чтобы ѣздить въ театры, въ общества, ходили во фракахъ, а теперь съ утра до вечера на полковомъ дворѣ и учили насъ всѣхъ, какъ рекрутъ»²⁾.

Понятно, что послѣ прежней привольной жизни офицерамъ не легко было привыкать къ тому положенію, въ какомъ очутились они въ послѣднее время; многіе изъ нихъ спѣшили оставить службу. Изъ одного только конногвардейскаго полка въ теченіе нѣсколькихъ недѣль подали въ отставку 70 офицеровъ³⁾. Павелъ никого не удерживалъ, но объявилъ, чтобы никто изъ отставныхъ, которые уволены послѣ 4 декабря, не носилъ никакихъ военныхъ мундировъ, и что впредь онъ предоставляетъ себѣ жаловать это преимущество при отставкѣ, смотря по заслугѣ и поведенію⁴⁾. Само собой разумѣется, что мѣра эта не могла удержать недовольныхъ: каждый изъ нихъ хотѣлъ лучше добровольно оставить службу, нежели совершенно неожиданно, за какую нибудь бездѣлицу быть «выкинутымъ» изъ нея.

Страхъ и уныніе охватили Петербургъ, который еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ представлялъ картину одушевленія и жизни. Какъ будто какая-то удушающая атмосфера опустилась надъ горо-

1) «Русскій Архивъ», 1882 г., кн. I, 394—395.

2) «Русскій Архивъ», 1867 г., № 2, 226.

3) Саблуковъ. «Русскій Архивъ», 1869 г., 1891.

4) С.-Петербургскія Вѣдомости, 1796 г., № 101.

домъ: огни гасились рано, въ бесѣдахъ говорили тихо, осторожно повѣряя другъ другу тяготившія всѣхъ впечатлѣнія новыхъ порядковъ.

Шишковъ въ своихъ запискахъ передаетъ намъ, о чемъ шли эти толки и разговоры въ обществахъ интеллигентныхъ людей. «Безпрестанные слухи о новостяхъ, иногда казавшихся намъ странными, иногда наводившихъ нѣкоторый страхъ, мѣшали бесѣдамъ нашимъ быть пріятными,—говорить онъ.—Новости сіи состояли во многихъ скоро одна за другою послѣдовавшихъ перемѣнахъ. Войска, въ военное время гремѣвшія побѣдами, въ мирное—наслаждавшіяся покоемъ, переодѣты въ узкое платье, напудрены, ежедневно обучаются маршировать, дѣлать ружьемъ, словно какъ бы вновь набранныя и никогда въ походахъ небывалыя. Генералы, полководцы, прославившіеся на войнахъ, въ томъ числѣ и князь Репнинъ, должны были ходить въ училище, гдѣ въ присутствіи самого императора Каннабихъ, бывшій три или четыре года тому назадъ фехтовальнымъ учителемъ, преподавалъ уроки о военномъ искусствѣ! Офицеры и даже полковники, служившіе съ честолюбіемъ, называемы были передъ солдатами во фронтѣ оскорбительными именами и за малѣйшую нерасторопность въ поворотахъ и движеніяхъ, или даже за одну нечаянно разстегнувшуюся пуговицу и т. п. съ оборваніемъ шпаги влеклись подъ стражу. Солдаты послѣ ученія нерѣдко получали въ награду по фунту говядины или по рублю на человѣк; но сіи царскія милости принимались больше съ негодованіемъ, нежели съ благодарностію; ибо рубль денегъ или фунтъ говядины, почитаемые какъ бы нѣкоторою платою за ежедневныя безпокойства и труды, не могли быть достаточнымъ и утѣшительнымъ за оныя вознагражденіемъ. Сверхъ сего, всякъ въ сихъ безпрестанныхъ ученіяхъ, состоявшихъ въ строгомъ и точномъ наблюденіи самыхъ мелочныхъ и часто перемѣняемыхъ движеній руками, ногами и тѣломъ, видѣлъ болѣе забаву, увеселяющую глаза, нежели настоящую пользу и надобность. Скорое производство въ чины хотя и льстило молодымъ людямъ, но какъ оно дѣлалось безъ разсмотрѣнія заслугъ и старшинства, а притомъ часто случалось, что произведенные сегодня черезъ нѣсколько дней за какой нибудь маловажный поступокъ, или и совсѣмъ безвинно, выключались съ поруганіемъ изъ службы,—то и сіе отнимало ревность и уменьшало охоту служить. Многие въ краткое время возведены были въ высокіе чины, какъ-то въ генераль-поручики, генераль-аншефы и потомъ отставлены, иные даже безъ права носить мундиръ. Нѣкоторые изъ сихъ, бѣдные люди, жившіе однимъ жалованьемъ, лишась послѣдняго пропитанія, не рады были высокимъ своимъ чинамъ и охотно отдали бы ихъ за кусокъ хлѣба. Сіе вмѣстѣ и расточеніе чиновъ и неуваженіе къ нимъ уронили ихъ достоинство»¹⁾).

¹⁾ Шишковъ, 18—19.

Всюду водворявшіеся новые порядки преобразили и дворъ, отличавшійся при Екатеринѣ величіемъ, блескомъ и роскошью, утонченностію манеръ и обхожденія придворныхъ, казавшихся въ своихъ французскихъ кафтанахъ изящными маркизами. Съ воцареніемъ Павла все это какъ будто вымерло. Теперь здѣсь все было просто, сурово, сдержанно. Въ утренніе часы, послѣ раннихъ докладовъ министровъ, въ дворцовыхъ залахъ появлялись, шныряя съ озабоченнымъ видомъ туда и сюда, государевы адъютанты и гатчинскіе экзерцирмейстеры—въ родѣ Штейнверовъ, Каннабиховъ, Линдинеровъ и имъ подобныхъ, а между ними и невзрачный, дубоватый петербургскій комендантъ генераль-маіоръ Аракчеевъ. Все это, по словамъ современниковъ, началось тотчасъ же, какъ скончалась императрица. Вотъ что, на примѣръ, рассказываетъ Шишковъ, бывшій во дворцѣ на другой день послѣ смерти Екатерины: «Какъ ни былъ я боленъ и встревоженъ, однакожь на другой день поѣхалъ во дворецъ. Докторъ Рожерсонъ, находившійся при послѣднемъ издыханіи императрицы, лежавшей нѣсколько часовъ безъ чувствъ, встрѣтился со мною и, пожавъ у меня руку, печально сказалъ: «tout est fini». Я вошелъ въ залу и столько же пораженъ былъ удивленіемъ, сколько удрученъ печалью. Перемена сія была такъ велика, что не иначе показалась мнѣ, какъ бы непріятельскимъ нашествіемъ. Дворецъ наполненъ былъ множествомъ разнаго рода людей, стоявшихъ неподвижно съ изображенною на лицахъ скорбью и безпокойствомъ. Весь прежній блескъ, вся величавость и важность двора исчезли. Вездѣ въ немъ и вокругъ него появились солдаты съ ружьями. Знаменитѣйшія особы, первостепенные чиновники, управлявшіе государственнымъ дѣлами, стояли какъ бы лишеныя должностей своихъ и званій съ поникнутою головою, непримѣтны въ толпѣ народной. Люди малыхъ чиновъ, о которыхъ день тому назадъ никто не помышлялъ, никто почти не зналъ ихъ,—бѣгали, повелѣвали, учреждали. Въ одинъ часъ все такъ измѣнилось, что, казалось, настала иная вѣкъ, иная жизнь, иное бытіе...»¹⁾). Князь Ѳ. Н. Голицынъ говоритъ, что уже черезъ сутки по кончинѣ императрицы нельзя было узнать прежняго дворца. «Все черезъ сутки приняло совсѣмъ новый видъ, — пишетъ онъ въ своихъ запискахъ.—Перемена мундировъ въ полкахъ гвардіи, вахтъ-парады, новыя правила въ военномъ ученіи, однимъ словомъ, кто бы за недѣлю до того уѣхалъ, по возвращеніи ничего бы не узналъ, что со мной случилось по моему приѣздѣ изъ Москвы. Дворецъ какъ будто обратился весь въ казармы: внутренніе бекеты, безпрестанно входящіе и выходящіе офицеры съ повелѣніями, съ приказами, особливо поутру. Стукъ ихъ сапоговъ, шпоръ и тростей — все

¹⁾ Шишковъ, 8—10.

и сіе представляло новую совѣсьмъ картину, къ которой мы не привыкли» ¹⁾).

Князь Голицынъ, между прочимъ, рассказываетъ объ одномъ забавномъ случаѣ, происшедшемъ вслѣдствіе введенія въ то время новыхъ порядковъ. Прежде караульные офицеры, при надобности вызвать караульных въ строй, командовали: «Къ ружью!»—Императоръ Павелъ приказалъ замѣнить эту команду: «Вонъ!». Однажды утромъ генераль-прокуроръ графъ Самойловъ пріѣхалъ во дворецъ съ бумагами. Лишь только онъ вошелъ въ ту комнату, гдѣ стоялъ внутренній караулъ, какъ офицеръ, считая обязанностью отдать честь, закричалъ: «Вонъ!». Графъ Самойловъ, ничего не зная о перемѣнѣ и полагая, что отдано приказаніе никому не входить въ эту комнату, послѣшно вернулся и уѣхалъ домой.

А. Корсаковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Записки кн. О. Н. Голицына. «Русскій Архивъ», 1874 г., 1306. То же подтверждаетъ и Державинъ. «Тотчасъ во дворцѣ пріяло все другой видъ (по пріѣздѣ Павла изъ Гатчины): загремѣли шпоры, ботфорты, тесаки и, будто по завоеваніи города, ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ» (Записки Державина, М., 1860 г., 389).

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1896 г., т. LXVI.

ВОСПОМИНАНІЯ В. С. МЫШЕЦКАГО ¹⁾.

IV.

Репортъ.

ДИНЬ изъ моихъ товарищей, Гамовъ, человѣкъ очень богатый, пригласилъ однажды къ себѣ на именины нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и меня. Часовъ въ семь вечера мы отправились къ нему. Когда мы вошли въ залу, то увидѣли, что собралось уже много народа, и все штатскіе. По срединѣ комнаты стоялъ длинный столъ съ всевозможными закусками и винами, а невдалекѣ былъ накрытъ небольшой столъ, гдѣ готовили чай. Гамовъ, какъ только увидѣлъ, что мы пріѣхали, поспѣшилъ къ намъ навстрѣчу, благодарилъ, что не отказались посѣтить его, и повелъ представлять остальнымъ гостямъ. Что касается меня, то отъ закусокъ и вина я отказался, а потому Гамовъ подвелъ меня къ столу, гдѣ приготовленъ былъ чай, посадилъ на диванъ, самъ сѣлъ рядомъ со мною и налилъ мнѣ стаканъ чаю, но до половины, и сказалъ, что остальные польстакана онъ долить пуншемъ. Я сначала не соглашался, но когда онъ все-таки принесъ пуншъ и далъ мнѣ попробовать, я нашелъ, что напитокъ превосходенъ, и не сталъ больше спорить. Незамѣтно, глотокъ за глоткомъ, я выпилъ весь стаканъ. Гамовъ предложилъ другой, и на этотъ разъ я уже не отказался. Послѣ второго стакана я какъ-то облокотился на ручку дивана и незамѣтно заснулъ. Сколько времени я спалъ, не знаю, но когда проснулся, вижу, что

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1896 года, т. LXVI, стр. 156.

столь, на которомъ стояли вина и закуски, отодвинуть къ стѣнѣ, а посрединѣ комнаты разставлены карточныя столики, и идетъ самая оживленная игра въ карты.

Я всталъ, подошелъ къ игравшимъ и началъ слѣдить за игрой. Какъ только Гамовъ замѣтилъ меня, то подошелъ ко мнѣ и спросилъ, какъ я себя чувствую. Я отвѣчалъ, что у меня немного болитъ голова.—«Э,—сказалъ онъ,—клинъ клиномъ вышибаютъ: тебѣ необходимо выпить еще стаканъ пуншу, и тогда головную боль какъ рукой снять». Онъ пошелъ распорядиться насчетъ пуншу, а я опять сѣлъ на диванъ. Черезъ минуту снова поставили къ дивану маленькій столикъ и подали пуншъ, а Гамовъ принесъ мнѣ подушку и сказалъ, что мнѣ послѣ пуншу непременно надо будетъ отдохнуть немного и постараться заснуть. Послѣ новыхъ двухъ стакановъ я опять незамѣтно уснулъ, какъ и раньше, но спать еще крѣпче прежняго.

Когда я проснулся, было уже совсѣмъ свѣтло. Я вскочилъ. Смотрю— гости продолжаютъ игру попрежнему, какъ ни въ чемъ не бывало, но изъ товарищей моихъ нѣтъ никого. Ко мнѣ подошелъ Гамовъ.

— Ну, что, какъ твоя голова?

— Не знаю, что и дѣлать,—отвѣчалъ я,—голова болитъ сильно, а надо идти въ присутствіе.

— На службу идти поздно,—замѣтилъ Гамовъ,—десять часовъ.

— Какъ же быть-то? Надо писать рапортъ.

— Да, пиши, что по болѣзни не можешь явиться.

Я попросилъ его принести бумагу и чернила.

Въ это время одинъ изъ гостей, сидѣвшій невдалекѣ отъ насъ за карточнымъ столомъ и слышавшій очевидно разговоръ между мной и Гамовымъ, обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Насчетъ рапорта, господинъ офицеръ, не беспокойтесь, мы за васъ напишемъ рапортъ и отошлемъ по адресу. Не такъ ли, господа?—обратился онъ къ своимъ партнерамъ.

Всѣ охотно подтвердили это. Тогда Гамовъ посоветовалъ мнѣ прилечь и заснуть. Я такъ и сдѣлалъ.

Около часа Гамовъ разбудилъ меня и сказалъ, что готовъ обѣдѣ. Я всталъ, умылся и пошелъ въ столовую. За обѣдомъ я спросилъ насчетъ рапорта. «Будьте покойны,—отвѣчали мнѣ,—рапортъ написанъ и отосланъ въ штабъ вашему директору». Я успокоился и не сталъ больше спрашивать. Послѣ обѣда я уѣхалъ къ себѣ домой, но все еще съ головной болью.

На другой день, я какъ ни въ чемъ не бывало явился въ присутствіе, занялъ свое мѣсто и сталъ чертить карту. Вдругъ подходитъ ко мнѣ нашъ столоначальникъ, полковникъ Меланъ, и говоритъ:

— Вы вчера, кажется, были нездоровы и въ удостовѣреніе своей болѣзни прислали директору съ какимъ-то мужикомъ очень любез-

ное письмо вмѣсто рапорта. Директоръ сейчасъ будетъ здѣсь и просилъ васъ явиться къ нему для объясненій.

Я отвѣчалъ, что отправилъ директору рапортъ, а не письмо; но Меланъ продолжалъ утверждать, что я прислалъ, напротивъ, «очень любезное письмо», но никакъ не рапортъ.—«Вы, впрочемъ, увидите сами»,—добавилъ онъ и ушелъ.

Тутъ я вспомнилъ, что рапортъ писалъ не самъ, а что написали его гости Гамова, которые притомъ и сами-то находились тогда не въ лучшемъ состояннн, чѣмъ я. Ну, думаю, вѣрно рапортъ написанъ не по формѣ, и, не придавая этому особаго значенія, продолжалъ заниматься.

Входитъ дежурный и, обращаясь ко мнѣ, говорить:

— Директоръ проситъ васъ къ себѣ въ кабинетъ.

Отправляюсь.

Когда я вошелъ въ кабинетъ, сдѣлалъ обычный поклонъ и подошелъ ближе, Тучковъ, не говоря ни слова, взялъ со стола большой листъ бумаги съ разрисованными кругомъ листа затѣйливыми, хотя и грубо исполненными, виньетками, въ видѣ букетовъ, амуровъ и т. п., подаль мнѣ и спросилъ только:

— Прапорщикъ Мышецкій! Это—вашъ рапортъ о болѣзни?

Я смотрю и глазамъ своимъ не вѣрю: вижу, весь листъ исписанъ мелкими каракульками самыхъ разнообразныхъ почерковъ: писали, очевидно, въ десять рукъ, изъ которыхъ притомъ ни одной не было твердой. Но содержаніе этого письма мнѣ еще не было извѣстно, и это обстоятельство еще болѣе усилило мое безпокойство.

— Что же вы такъ пристально смотрите,—сказалъ Тучковъ,—или вы не узнаете своего посланія? Прошу прочесть.

— Извините, господинъ полковникъ: это не рапортъ, а письмо, и притомъ не мною писанное.

— Но все-таки потрудитесь намъ прочесть его вслухъ, да громче, чтобы я могъ ясно слышать ваше любовное со мною объясненіе.

— Позвольте мнѣ, господинъ полковникъ, взять обратно это письмо и представить вамъ, вмѣсто него, рапортъ о болѣзни.

— Нѣтъ,—возразилъ рѣшительно Тучковъ,—этого позволить я вамъ не могу, а приказываю сейчасъ и здѣсь, въ моемъ присутствіи, громко и отчетливо прочесть это посланіе. Это такое пріятное посланіе, какого я никогда въ теченіе всей моей жизни не получалъ ни отъ одной женщины и не получу больше. Я никакъ не подозрѣвалъ за собой существованія тѣхъ прекрасныхъ качествъ, какія вы во мнѣ открыли, а потому это посланіе для меня особенно цѣнно, и я сохраняю его, какъ рѣдкій о себѣ памятникъ. Начинайте!

Дѣлать было нечего, я началъ. О ужасъ, что тамъ было написано! Я читалъ и самъ не вѣрилъ ушамъ своимъ.

«Милый мой, дорогой Павелъ Алексѣевичъ,—такъ начинался мой рапортъ,—спѣшу передать вамъ и раздѣлить съ вами горькую мою

участь: я боленъ и лишенъ возможности лицезрѣть васъ, какъ милаго и дорогого моему сердцу. Вѣрьте, что я боленъ и страдаю, но страданія мои тяжелы не такъ, какъ разлука съ любезнымъ, неоцѣненнымъ и дорогимъ моему сердцу Павломъ Алексѣевичемъ. Не знаю, какъ проживу эти часы разлуки, утѣшаю себя тѣмъ, что съ вами, незабвенный, увижусь завтра и буду вознагражденъ вами, какъ и всегда, искреннею ко мнѣ вашею любовію и расположеніемъ. Въ утѣшеніе долженъ вамъ сказать: не грустите, мой дорогой, я постараюсь выздоровѣть и завтра въ 10 часовъ утра буду въ присутствіи.

«Горячо любящій и преданный до гроба душой и тѣломъ, прапорщикъ Василій Сергѣевичъ Мышецкій».

Письмо было гораздо длиннѣе на самомъ дѣлѣ, и я теперь передаю только то, что помню. Не знаю, какъ я прочиталъ, хотя не разъ останавился и просилъ позволенія не читать дальше, но Тучковъ каждый разъ прибавлялъ только:

— Продолжайте.

Когда я, наконецъ, кончилъ, Тучковъ взялъ письмо, бережно и аккуратно сложилъ его, спряталъ къ себѣ въ карманъ и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Очень жалѣю, что вы, незабвенный, будете страдать еще три дня и лишитесь возможности лицезрѣть меня. Дежурный,—позвалъ онъ,—арестуйте прапорщика Мышецкаго и отведите на три дня на Адмиралтейскую гаутвахту.

Къ чести Тучкова надо прибавить, что этого письма онъ никому не показывалъ и, вѣроятно, только говорилъ о немъ Мелану.

V.

Подвигъ военнаго топографа Неводчикова.

Въ турецкую кампанію 1828—1829 годовъ, на военномъ топографѣ Неводчиковѣ, равно какъ и на прочихъ военныхъ топографахъ, лежала обязанность: совершать рекогносцировки съ цѣлію выясненія общаго характера предполагаемой для прохожденія войскъ мѣстности, составлять маршрутные карты и сообразно съ этимъ руководить движеніемъ той части, къ коей онъ былъ прикомандированъ.

Сначала все шло благополучно; но одинъ разъ рекогносцировка, произведенная Неводчиковымъ, была особенно утомительной и продолжительной, такъ что ему удалось вернуться въ лагерь уже поздно вечеромъ. На его несчастье, въ этотъ самый вечеръ отрядъ получилъ приказаніе немедленно сняться съ лагера и выступить въ ту же ночь.

Въ силу этого неожиданнаго обстоятельства, Неводчиковъ, еще не успѣвъ слѣзть съ лошади, получилъ новое приказаніе: ѣхать

тотчасъ къ тому пункту, гдѣ скрещивалось нѣсколько дорогъ, и оттуда, выждавъ прибытія войскъ, направлять ихъ согласно только что составленной имъ маршрутной картѣ.

Не смѣя ослушаться, Неводчиковъ отправился въ путь, но, не доѣзжая и половины разстоянія до указаннаго пункта, вслѣдствіе сильной усталости и позыва ко сну, отѣхалъ въ сторону и легъ въ кусты, чтобы отдохнуть немного, приказавъ сопровождавшимъ его казакамъ разбудить его, часа черезъ два; къ этому же времени, какъ онъ полагалъ, должны были подойти и наши войска. Неводчиковъ легъ и заснулъ, а вслѣдъ за нимъ и спутники его, утомившіеся не менѣе его, заснули тоже.

Между тѣмъ, съ разсвѣтомъ войска уже выступили въ походъ и, дойдя до того пункта, гдѣ ихъ долженъ былъ ожидать Неводчиковъ, остановились. Замѣтивъ, что колонна остановилась, дивизионный командиръ, начальникъ отряда, послалъ узнать о причинѣ остановки. Ему донесли, что войска не знаютъ, куда идти, такъ какъ долженствовавшій направлять ихъ топографъ Неводчиковъ пропалъ безслѣдно. Послѣ напрасныхъ поисковъ, потерявъ надежду найти Неводчикова, начальникъ отряда велѣлъ войскамъ двигаться наудачу. Случилось, то, что, впрочемъ, и должно было случиться. Артиллерія попала на неудобную и топкую дорогу и увязла; пѣхота вышла на сравнительно хорошую дорогу; что же касается кавалеріи, то ей пришлось ѣхать по дорогѣ, предназначавшейся, согласно маршрутной картѣ Неводчикова, для артиллеріи,—дорогѣ, отличавшейся твердымъ, каменистымъ грунтомъ и притомъ совершенно ровной, вслѣдствіе чего кавалерія ушла значительно впередъ, оставивъ далеко за собой и пѣхоту и артиллерію. Пока все это стало извѣстнымъ, пока артиллеріи былъ посланъ приказъ вернуться назадъ и идти по другой дорогѣ, пока приказаніе это было приведено въ исполненіе, время прошло, и предназначавшееся на этотъ день движеніе не пришлось исполнить. Главнаго же и единственнаго, какъ указывало донесеніе, виновника всей этой неудачи, Неводчикова, велѣно было, во что бы то ни стало, розыскать и немедленно представить отрядному командиру.

Солнце стояло уже высоко, когда Неводчиковъ проснулся. Онъ быстро поднялся. Спутники еще спали. Со стороны дороги, между тѣмъ, доносился шумъ шаговъ, топотъ копытъ, звонъ сабель и стукъ колесъ. Неводчиковъ сразу понялъ, что случилось. Растолкавъ казаковъ и велѣвъ имъ слѣдовать за собой, онъ вскочилъ на лошадь и выѣхалъ на дорогу.

Здѣсь глазамъ его представилась картина невообразимой путаницы: однѣ части отряда продолжали двигаться впередъ, согласно первому приказанію, другія возвращались обратно. На перекресткѣ, гдѣ сходились всѣ четыре дороги, находился и отрядный командиръ. Увидавъ Неводчикова, онъ тотчасъ подскочилъ къ нему и,

не говоря ни слова, два раза ударилъ по лицу обнаженной саблей и разсѣкъ лѣвую щеку. Объясненій отъ Неводчикова онъ не пожелалъ выслушать, а тутъ же объявилъ ему, что онъ будетъ разстрѣлянъ. Вслѣдъ за этимъ, было сдѣлано донесеніе главнокомандующему о причинѣ замедленія въ движеніи отряда, причемъ на Неводчикова было указано, какъ на единственнаго виновника. Главнокомандующій положилъ резолюцію, чтобы виновнаго подвергли разстрѣлянью.

«Трудно представить себѣ,—разсказывалъ намъ Неводчиковъ,— что пережилъ я въ эти дни съ того момента, какъ мнѣ объявили, что я буду разстрѣлянъ, но еще труднѣе передать то, что я пережилъ въ тѣ послѣднія минуты, когда меня подвели къ столбу, завязали глаза, и послышалась команда: зарядить ружья. Я ни о чемъ собственно не могъ тогда думать, я какъ-то смутно представлялъ себѣ весь ужасъ моего положенія, на меня напелъ какой-то столбнякъ, и я только ждалъ, что вотъ, вотъ сейчасъ раздастся послѣдняя команда, еще одинъ мигъ, и все будетъ кончено. Помню еще, что я читалъ про себя всѣ тѣ молитвы, какія зналъ и какія пришли на память мнѣ въ эту минуту. Не знаю, сколько времени провелъ я въ такомъ томительномъ ожиданіи, но наконецъ я усталъ ждать. Между тѣмъ время шло, а послѣдней, роковой для меня команды все еще не раздавалось. Что это могло значить? Сначала я подумалъ было, что меня нарочно хотятъ заставить испытать всю муку ожиданья, и я дѣйствительно желалъ въ эту минуту ускорить ужасный мигъ; но вдругъ новая, неожиданная мысль быстрѣе молніи озарила меня. А что, подумалъ я, если — и мнѣ самому страшно захотѣлось повѣрить этому—что если этотъ ужасный мигъ никогда не наступитъ?.. Что если я останусь жить?.. Мысль эта такъ поразила меня, что я едва могъ сдерживать охватившее меня волненіе. Проходили еще минуты, а команды все нѣтъ и нѣтъ. Я начиналъ дышать свободнѣе, чувствовать, какъ сильно, учащенно забилося мое сердце, и меня вдругъ охватило неизъяснимо-пріятное сознаніе того, что я еще живу. Никогда, ни раньше, ни послѣ, жизнь не казалась мнѣ столь пріятной, столь сладостной, дорогой, какъ именно въ эти минуты. И странно, я дѣлалъ все, чтобъ отогнать отъ себя сомнѣніе въ возможности такого счастья, какъ жить, и мнѣ нетрудно было дѣлать это, ибо съ каждымъ новымъ мигомъ, который мнѣ дарили, моя увѣренность, моя надежда возрастали. Но какъ долго тянулись эти минуты!.. Наконецъ, вдали послышался топотъ быстро скачущей лошади. Мое сердце вдругъ забилося сразу такъ сильно, что казалось готово было выскочить, я слышалъ явственно каждый ударъ этого учащеннаго бѣненія. Не знаю почему, но моя надежда вдругъ вся сосредоточилась на этомъ неизвѣстномъ всадникѣ, я былъ убѣжденъ, непоколебимо увѣренъ, что онъ везетъ мою участь. Стукъ копытъ доносился между тѣмъ все слышнѣе и слышнѣе, на-

конецъ сразу прекратился. Я напрягалъ весь мой слухъ, но напрасно: ни одинъ звукъ, казалось, не доходилъ до меня. Я почувствовалъ, какъ учащенно бившееся мое сердце вдругъ замерло. Прошла минута, другая; потомъ я услыхалъ шумъ приближающихся шаговъ, еще мигъ — и съ меня сняли повязку и объявили, что я прощенъ. Не могу выразить, что испыталъ я, увидавъ снова живыя лица, голубое, безоблачное небо надъ собой, почувствовавъ, что я тутъ, живъ, невредимъ, и что все это не сонъ, а дѣйствительность. Мнѣ говорили что-то, но я не слыхалъ, или, вѣрнѣе, не понималъ того, что говорили вокругъ меня. Я начать было приходилъ въ себя, но вдругъ силы оставили меня, и я упалъ бы безъ чувствъ на землю, если бы меня не поддержали... Когда я пришелъ въ себя, мнѣ объявили, что, дѣйствительно, ждали отъ меня приказанья и потому медлили приводить его въ исполненіе. Приѣхавшій былъ адъютантъ главнокомандующаго, объявившій, что главнокомандующій возвращаетъ мнѣ жизнь и желаетъ лично видѣть и выслушать мои объясненія.

На другой, или на третій день послѣ этого, Неводчиковъ былъ представленъ главнокомандующему. Послѣдній подробно разспросилъ его о томъ, какъ было дѣло, освѣдомился насчетъ полученнаго имъ на лѣвой щекѣ шрама и узнавъ, что Неводчикову 19 лѣтъ, замѣнили прежній суровый приговоръ разжалованьемъ въ рядовые, съ тѣмъ, чтобы Неводчиковъ былъ вызываемъ первымъ во всѣхъ случаяхъ, когда потребуются охотники для какого либо опаснаго предпріятія. вмѣстѣ съ тѣмъ Неводчиковъ былъ переведенъ въ другой отрядъ.

Отрядъ, въ которомъ теперь состоялъ Неводчиковъ, приближался къ Дунаю и скоро достигъ лѣваго берега, гдѣ и остановился. Это было какъ разъ противъ Туртукая.

Не зная, находятся ли въ самомъ Туртукаѣ или его окрестностяхъ турецкія войска, и какова въ этомъ случаѣ ихъ численность, начальство распорядилось вызвать охотниковъ, которые бы переправились на тотъ берегъ и доставили всѣ необходимыя свѣдѣнія. Главное руководство дѣйствіями партіи охотниковъ было возложено на Неводчикова, какъ опытнаго въ подобнаго рода экспедиціяхъ.

Когда явились охотники, Неводчиковъ немедленно приступилъ къ сборамъ и, выпросивъ себѣ въ помощь еще трехъ барабанщиковъ, въ ту же ночь въ лодкѣ переправился на тотъ берегъ. Никѣмъ не замѣченные, они благополучно пристали къ берегу нѣсколько верстъ ниже Туртукая и здѣсь прождали въ камышахъ до разсвѣта. На утро, чуть только стало свѣтать, они осторожно двинулись въ путь, направляясь къ Туртукаю. Оказалось, что въ самомъ Туртукаѣ нѣтъ никого. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ, Неводчиковъ приказалъ тремъ барабанщикамъ подвести лодку къ Туртукаю и самимъ остаться въ лодкѣ и ожидать возвращенія его и его това-

рищей. Съ остальными Неводчиковъ вышелъ изъ Туртукая, затѣмъ велѣлъ всѣмъ разбрестись по одиночкѣ, идти въ различныхъ направленіяхъ и, выслѣдивъ непріятеля, постараться опредѣлить его численность. Оставшись одинъ, Неводчиковъ, соблюдая всѣ мѣры предосторожности, безшумно, но быстро сталъ подвигаться впередъ. Скоро онъ наткнулся на турецкіе аванпосты и остановился. Замѣтивъ, спустя нѣкоторое время, что здѣсь никто не ожидаетъ внезапнаго появленія непріятеля, и что турки обнаруживаютъ полнѣйшую безопасность въ этомъ отношеніи, Неводчиковъ, сдѣлавъ большой обходъ, выбралъ, какъ ему казалось, командовавшую надъ всей этой мѣстностью возвышенность и такъ же осторожно, какъ раньше, поднялся на нее.

Когда Неводчиковъ достигъ самой высокой точки этой возвышенности, онъ бросилъ взглядъ на разстилающуюся передъ нимъ равнину. Онъ не ошибся: передъ нимъ, какъ на ладони, лежали два турецкихъ лагеря, недалеко одинъ отъ другого. Не теряя ни минуты, Неводчиковъ вытащилъ изъ кармана клочекъ бумаги и карандашъ, въ одну секунду набросалъ весь планъ расположенія непріятельскихъ силъ и обозначилъ точное количество турецкихъ батальоновъ. Едва онъ успѣлъ набросать планъ, какъ въ турецкомъ лагерѣ подняли тревогу: очевидно замѣтили или Неводчикова, или кого нибудь изъ его товарищей. Турецкая кавалерія на рысяхъ бросилась въ разныя стороны.

Когда Неводчиковъ прибѣжалъ въ Туртукай, то нашелъ тамъ только трехъ барабанщиковъ: остальные еще не возвращались. Зная, что турецкая кавалерія рыщетъ въ окрестностяхъ Туртукая и каждую минуту можетъ наткнуться на его товарищей, взять ихъ въ плѣнъ и, наконецъ, войти въ крѣпость, Неводчиковъ рѣшился на отчаянное средство, которое, впрочемъ, было обдуманно имъ заранѣе, а именно, разставивъ барабанщиковъ въ трехъ различныхъ пунктахъ, онъ велѣлъ имъ бить зорю. Результаты не замедлили себя обнаружить. Какъ только раздался барабанный бой, турецкая кавалерія поспѣшно отошла назадъ; товарищи Неводчикова немедленно вернулись обратно въ Туртукай. Когда всѣ оказались на лицо, Неводчиковъ приказалъ какъ можно скорѣе бѣжать къ берегу, гдѣ была спрятана лодка, и отчаливать обратно. Между тѣмъ, турецкіе лазутчики, увидѣвъ, что въ Туртукаѣ, кромѣ самого Неводчикова, трехъ барабанщиковъ и нѣсколькихъ ихъ товарищей, нѣтъ никого, донесли объ этомъ своимъ. Кавалерія понеслась къ берегу, желая настичъ бѣглецовъ, но было уже поздно: осыпаемая градомъ пуль кучка храбрецовъ была на срединѣ Дуная.

Когда Неводчиковъ представилъ планъ обоихъ турецкихъ лагерей съ точнымъ обозначеніемъ непріятельскихъ силъ и описалъ подробно весь ходъ дѣла, сдѣлано было новое донесеніе главнокомандующему. Послѣдній пожелалъ выслушать лично Неводчикова

и вслѣдъ за этимъ поздравилъ его георгіевскимъ кавалеромъ, съ возвращеніемъ ему званія топографа и унтеръ-офицера, съ позволеніемъ занять свое прежнее служебное мѣсто, и, кромѣ того, приказалъ вычеркнуть изъ формуляра его прежнюю вину.

VI.

Разсказъ плѣннаго топографа.

При штабѣ гвардейскаго корпуса находились постоянно 10 человекъ военныхъ топографовъ, обязанности которыхъ состояли въ томъ, что во время похода, когда войска останавливались на дневку, они съ конвоемъ казаковъ командировались впередъ для рекогносцировки дорогъ и составленія маршрутной карты. По окончаніи порученія, топографы представляли карту въ штабъ, здѣсь ее разсматривали и назначали движеніе войскъ: по удобной дорогѣ посылалась артиллерія, менѣе удобной кавалерія и по неудобной пѣхота.

Въ 1830 году, когда во время возстанія въ Польшѣ наши войска, приближаясь къ Варшавѣ, остановились на дневку, были посланы для рекогносцировки военные топографы, каждый съ конвоемъ изъ шести казаковъ. Въ числѣ ихъ находился нѣкто Прокофьевъ. Производя рекогносцировку въ лѣсной мѣстности, онъ приблизился къ ручью, чрезъ который былъ перекинутъ очень ветхій мостъ; Прокофьевъ сталъ искать брода, ѣхалъ берегомъ и мѣстами спускался въ воду, дѣлая промѣры.

Вдругъ послышался въ лѣсу звонъ сабель, и чрезъ нѣсколько минутъ на Прокофьева и его конвой бросился и окружилъ эскадронъ польскихъ уланъ. Казаки стали защищаться; четырехъ изъ нихъ поляки изрубили, двухъ ранили, а Прокофьева стащили съ лошади, раздѣли, обыскали, взяли маршрутную карту, ограбили и почти нагого повезли къ главнокомандующему въ Варшаву. Главнокомандующій, разсмотрѣвъ маршрутъ, снятый Прокофьевымъ, сталъ допрашивать, гдѣ расположены русскія войска, и когда предполагають штурмовать Варшаву. Прокофьевъ, конечно, началъ врать. Главнокомандующій, слушая его, дѣлалъ отмѣтки на своей картѣ и, когда Прокофьевъ кончилъ, сказалъ:

— Ты врешь! Сегодня мнѣ донесено, какія ваши войска, сколько и гдѣ расположены, а ты говоришь совершенно другое; говори правду, или я велю тебя разстрѣлять.

— Все въ вашей волѣ, можете разстрѣлять, я больше ничего не знаю.

Главнокомандующій позвалъ дежурнаго и сказалъ:

— Сейчасъ разстрѣлять этого негодяя, онъ изъ штаба, долженъ знать все, между тѣмъ вретъ и не сознается.

— Ваше превосходительство, — сказалъ дежурный, — на крѣпостныхъ работахъ большой недостатокъ рабочихъ, не лучше ли отправить его туда, разстрѣлять мы всегда успѣемъ.

— Хорошо, — сказалъ главнокомандующій, — прикажите отвести.

Прокофьева повели и сдали завѣдывающему крѣпостными работами еврею. Для внушенія солдатамъ уваженія къ себѣ еврей носилъ генеральскіе эполеты. Въ центрѣ крѣпости и на брустверѣ находились плѣнные русскіе солдаты разныхъ полковъ; работы были тяжелыя; возили и носили: землю, камни, кирпичи и прочее, а также рыли канавы и устраивали мины; инженеръ, завѣдывавшій минными работами, ходилъ постоянно съ планомъ въ рукахъ. Прокофьевъ началъ стараться прислуживать ему и быть всегда около него; при чемъ увидѣлъ на планѣ позиціи нашихъ войскъ, означенныя совершенно вѣрно, а главное, обратилъ вниманіе на большую мину, которая проводилась подъ возвышеніе, гдѣ долженъ былъ построиться гвардейскій корпусъ. Въ крѣпости онъ видѣлъ, что главная сторона сильно укрѣплена и вооружена, боковыя же двѣ стороны очень слабо, и на нихъ, по недостатку орудій, были поставлены деревянныя подкрашенныя орудія.

Прокофьевъ досталъ клочекъ бумаги, карандашъ и, когда возвращался съ работы, составлялъ планъ какъ крѣпости, такъ и минъ. Между тѣмъ до него доходили слухи, что чрезъ недѣлю начнется штурмъ, и онъ, чтобъ успѣть предупредить о замыслахъ поляковъ, сталъ думать о побѣгѣ, наблюдалъ за часовыми, гдѣ они расставляются, придумывалъ всевозможныя средства, но надежды на побѣгъ не было; на ночь плѣнныхъ запирали въ стѣнахъ крѣпости, подъ строгимъ надзоромъ, днемъ происходили частыя повѣрки и переключки, поздно вечеромъ ихъ загоняли на ночлегъ, а рано утромъ отправляли на работы; спали они на каменномъ полу, огня имѣть имъ не позволялось. Такъ прошло два дня. На третью ночь, когда Прокофьевъ улегся спать на полъ среди другихъ плѣнныхъ, вдругъ онъ услышалъ шорохъ и почувствовалъ что-то прикосновеніе къ ногѣ; онъ осторожно приподнялся и увидѣлъ казака. Послѣдній взялъ его за руку и на ухо сказалъ:

— Мы хотимъ бѣжать, но не знаемъ дороги, бѣжимте вмѣстѣ.

— Согласенъ, — отвѣчалъ Прокофьевъ.

— Когда будетъ все готово, подползу къ вамъ. Вы меня берите за полу и не выпускайте; я провожу васъ на стѣну; тамъ товарищи задуютъ часового, мы спустимся и бѣжимъ.

Прошло минутъ десять. Прокофьевъ почувствовалъ ударъ по ногѣ, всталъ, ухватился за полу казака, и они поползли къ заранѣе проломанному отверстию и затѣмъ вышли на стѣну; невдалекѣ отъ нихъ лежалъ трупъ задушеннаго часового, а кучка плѣнныхъ бросалась со стѣны. Прокофьевъ съ казакомъ также спрыгнули. Прокофьевъ побѣжалъ впередъ по направленію рѣки Вислы, плѣн-

ные бѣжали за нимъ безостановочно; но когда начался разсвѣтъ, они увидали погоню польской кавалеріи, слышны были выстрѣлы, и измученные отставшіе плѣнные начали падать.

Прокофьевъ зналъ, что по другую сторону Вислы стоитъ нашъ отрядъ, и, хотя было далеко, замѣтилъ костры и палатки; собравъ послѣднія силы, плѣнные стали ускорять бѣгъ, наконецъ, поровнявшись съ зажженными кострами, начали бросаться въ воду. Къ несчастію, Прокофьевъ не умѣлъ плавать и не рѣшался броситься; тотъ же казакъ схватилъ его, бросилъ въ Вислу и самъ поплылъ, поддерживая его; когда они проплыли до середины, по нимъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ; отъ русскаго отряда, догадавшагося, въ чемъ дѣло, выслали на помощь лодку и спасли девять человѣкъ, въ томъ числѣ Прокофьева. Въ отрядѣ переписали казаковъ и солдатъ и препроводили всѣхъ въ свои полки. Прокофьевъ сказалъ, что онъ топографъ, и просилъ отправить его къ корпусному командиру, великому князю Михаилу Павловичу, объясняя, что имѣетъ передать ему очень важный секретъ. Отрядный командиръ не повѣрилъ, такъ какъ Прокофьевъ былъ грязень, исцарапанъ и оборванъ; онъ велѣлъ подождать, пока наведутъ о немъ справки. Прокофьевъ сталъ просить немедленно отправить его, увѣряя, что если онъ опоздаетъ, то весь гвардейскій корпусъ погибнетъ. Тогда Прокофьевъ, подъ конвоемъ, былъ отправленъ въ главную квартиру. По прибытіи его въ лагерь, о немъ доложили его высочеству. Великій князь, увидавъ Прокофьева, не повѣрилъ, что это топографъ, принялъ его за польскаго шпіона, приказалъ связать и послать въ штабъ навести о немъ справки. Затѣмъ спросилъ, какой секретъ онъ имѣетъ ему сообщить. Прокофьевъ просилъ снять съ шеи веревку, къ которой былъ привязанъ клочекъ бумаги. Въ ту минуту изъ штаба пріѣхалъ офицеръ генеральнаго штаба и призналъ въ плѣнномъ топографа Прокофьева. Тогда его высочество, приказавъ развязать его, повелѣлъ подробно объяснить то, что нарисовано на бумагѣ. Выслушавъ все внимательно, великій князь былъ удивленъ; тотчасъ разослалъ по всѣмъ частямъ войскъ приказъ отступить съ занятыхъ позицій и самъ сдѣлалъ новыя распоряженія. Прокофьеву великій князь сказалъ, что если въ сказанномъ имъ окажется хоть малѣйшая ложь, то онъ будетъ разстрѣлянъ, и приказалъ арестовать его и держать подъ строгимъ карауломъ.

Отмѣнивъ первоначальныя распоряженія, великій князь направилъ главныя силы къ двумъ слабо укрѣпленнымъ сторонамъ. Когда начался штурмъ, первая была взорвана высота, гдѣ долженъ былъ стоять гвардейскій корпусъ, затѣмъ послѣдовали дальніе и ближніе взрывы. Поляки до того растерялись, что заряжали деревянныя пушки, которыя, конечно, тутъ же разрывались.

Прокофьевъ былъ произведенъ въ офицеры и пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

Когда городъ сдался и въ него съ музыкой и барабаннымъ боемъ вступили наши войска, то Прокофьеву приказано въѣзжать съ свитой его высочества и главнокомандующаго Паскевича. По окончаніи усмиренія Польши, Паскевичъ оставилъ Прокофьева при себѣ.

VII.

Николай Николаевичъ Муравьевъ.

Въ 1862 году, генераль Николай Николаевичъ Муравьевъ, бывшій главнокомандующій на Кавказѣ, обратился къ моему непосредственному начальнику, генеральнаго штаба генералу Менде, съ просьбою назначить одного изъ вѣреннѣхъ ему, Менде, офицеровъ для составленія карты военныхъ дѣйствій въ Малой Азіи. Менде назначилъ меня и, сообщая мнѣ объ этомъ назначеніи, предупредилъ, что Муравьевъ очень строгъ и взыскателенъ.

На другой день, въ девятомъ часу утра, я отправился къ Муравьеву. Обо мнѣ немедленно доложили генералу и вслѣдъ затѣмъ провели въ его кабинетъ. Когда я вошелъ въ кабинетъ, генераль сѣдѣлъ за длиннымъ столомъ и, наклонившись надъ разостланными на столѣ картами, внимательно разсматривалъ ихъ. На полу лежали тоже развернутыя карты, какія-то исписанныя тетради и груды бумагъ. На звукъ моихъ шаговъ Муравьевъ обернулся, потомъ всталъ и подошелъ ко мнѣ. Я поклонился и объяснилъ, что присланъ къ нему генераломъ Менде для составленія карты военныхъ дѣйствій въ Малой Азіи. «Ваша фамилія?»—спросилъ онъ. Я отвѣтилъ. Тогда онъ подвелъ меня къ столу, сообщивъ предварительно, что ему необходимо составить карту поступательнаго движенія русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Малой Азіи въ кампанію 1854—1856 гг., движенія, завершившагося, какъ извѣстно, взятіемъ Карса. Весь нужный для того матеріалъ былъ уже собранъ, а также и самая карта по частямъ и вчернѣ набросана самимъ Муравьевымъ. Послѣ того Муравьевъ указалъ мнѣ на свои собственноручныя отмѣтки, сдѣланныя на картѣ карандашомъ, чернилами и красками, и объяснилъ подробно значеніе каждой изъ нихъ. Затѣмъ онъ подвелъ меня къ другому столу. Тамъ лежали карты, на которыхъ обозначено было движеніе русскихъ войскъ отъ Тифлиса до Баязета. Сдѣлавъ и тутъ всѣ необходимыя объясненія, онъ попросилъ явиться черезъ часъ.

«Я попрошу васъ,—прибавилъ онъ,—являться ко мнѣ каждый разъ аккуратно къ десяти часамъ, отнюдь не запаздывая. Работать вы будете съ десяти до пяти. Захватите съ собой карандаши, краски, готовальню — однимъ словомъ, все, что необходимо для черченія картъ».

Черезъ часъ я явился со всѣми необходимыми чертежными и

рисовальными принадлежностями и принялся за работу, сообразно съ указаніями, сдѣланными мнѣ Муравьевымъ.

Въ 12 часовъ стали съѣзжаться къ Муравьеву всѣ генералы, участвовавшіе съ нимъ вмѣстѣ въ этомъ походѣ; пріѣхалъ и Менде. Когда всѣ оказались въ сборѣ, Муравьевъ открылъ засѣданіе. На засѣданіи обсуждались вопросы, имѣвшіе цѣлью своею окончательное опредѣленіе расположеній нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ Малой Азіи въ 1854—1856 гг., въ каждый отдѣльный моментъ движенія, причемъ тщательно исправлялся черновой матеріалъ, бывшій въ распоряженіи Муравьева. Въ 4 часа засѣданіе кончилось. Когда всѣ разъѣхались, Муравьевъ подошелъ ко мнѣ и сообщилъ, что желаетъ познакомиться съ началомъ моей работы. Онъ остался доволенъ. Когда пробило 5 часовъ, я простился съ нимъ и ушелъ.

Однажды, я пришелъ къ Муравьеву нѣсколько позже десяти часовъ. Увидавъ меня, Муравьевъ, не говоря ни слова и довольно холодно отвѣчая на мой поклонъ, подвелъ къ часамъ и, указавъ на нихъ, сказалъ строго:

— Поручикъ, вы опоздали на четверть часа.

— Виноватъ, ваше высокопревосходительство.

— Я никакихъ извиненій слышать не привыкъ, а потому на будущее время не заставляйте ждать себя. Садитесь и занимайтесь, и помните, что вы сегодня пропустили четверть часа.

Впрочемъ, нѣчто подобное случилось со мной и во второй мой визитъ къ Муравьеву. Въ этотъ день онъ сказалъ мнѣ:

— Въ 12 часовъ, когда будутъ съѣзжаться ко мнѣ мои сослуживцы, вамъ будетъ приготовленъ въ столовой фриштикъ. Времени на него полагается не болѣе четверти часа, такъ чтобы къ началу засѣданія вы были уже здѣсь. При этомъ вы должны внимательно прислушиваться къ тому, что будетъ говорить на этихъ засѣданіяхъ, и сообразно съ этимъ дѣлать тѣ или другія исправленія на вашей картѣ.

— Буду стараться, ваше высокопревосходительство, исполнять въ точности ваши приказанія.

— Долженъ прибавить, что если чего либо не разслышите или не поймете, просите повторить, иначе и не исправляйте карты.

Ровно въ 12 часовъ, когда стали съѣзжаться генералы, Муравьевъ вошелъ въ кабинетъ и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Оставьте вашу работу и идите фриштикать.

— Проведи поручика въ столовую,—прибавилъ онъ затѣмъ лакею.

Въ столовой былъ накрытъ большой столъ со всевозможными закусками и бутылкой краснаго вина. Когда я кончилъ завтракать, лакей подаль мнѣ папирасы; я только что успѣлъ закурить, какъ вдругъ снова является лакей и докладываетъ, что генераль проситъ къ себѣ, такъ какъ засѣданіе началось.

Какъ только я вошелъ, Муравьевъ обратился ко мнѣ.

— Я вамъ назначилъ для завтрака четверть часа, а вы пробыли почти полчаса и заставили насъ ждать. На будущее время прошу быть аккуратнѣе.

Ко мнѣ тотчасъ подошелъ одинъ изъ генераловъ, посмотрѣлъ мою работу и, обращаясь къ Муравьеву, сказалъ:

— Послушайте, Николай Николаевичъ: поручикъ отлично и успѣшно работаетъ. Нельзя ли прибавить ему въ награду еще четверть часа на завтракъ, сверхъ положенныхъ.

— Слово мое — мой законъ, — отвѣчалъ Муравьевъ. — На службѣ прибавки времени не полагается. Ну, будь онъ въ сраженіи и опоздай на четверть часа, вѣдь сраженіе, быть можетъ, изъ-за этого было бы проиграно.

Генералы разсмѣялись, и засѣданіе началось.

Такъ шло изо дня въ день: ровно въ 12 часовъ начиналось засѣданіе; генералы дѣлали свои замѣчанія, спорили, шумѣли. Я внимательно прислушивался къ ихъ разговорамъ и исправлялъ свою карту.

Иногда, впрочемъ, разговоръ неожиданно переходилъ на какуюнибудь тему, не имѣвшую отношенія къ главной задачѣ, преслѣдуемой этими засѣданіями. Такъ, однажды, въ разговорѣ случайно коснулись нашего училища, и генераль Менде выразилъ сожалѣніе по поводу того, что у насъ въ училищѣ слишкомъ заботятся о спеціализаціи, вслѣдствіе чего офицеръ, кончившій въ этомъ училищѣ, оказывается неспособнымъ къ другому роду службы.

Муравьевъ слушалъ внимательно и изрѣдка поглядывалъ на меня. Потомъ онъ сказалъ:

— Напрасно вы такъ думаете, Александръ Ивановичъ. У меня, напротивъ, офицеры корпуса военныхъ топографовъ занимали не только должности письмоводителей и столоначальниковъ, но даже правителей дѣлъ. И я долженъ сказать, что всегда оставался ими доволенъ; не было случая, чтобы когданибудь были ошибки, пропуски и остановки въ дѣлахъ. На Кавказѣ, наконецъ, мнѣ нерѣдко приходилось давать офицерамъ-топографамъ разныя экстренныя порученія, не имѣвшія ничего общаго съ ихъ спеціальностью, и порученія эти исполнялись хорошо, скоро, безъ всякаго промедленія, за что они и получали отъ меня благодарность и вознагражденіе.

Генераль Менде продолжалъ, однако, настаивать, что едва ли топографы могутъ принести существенную пользу въ военное время.

— Вы, Александръ Ивановичъ, — сказалъ довольно рѣзко Муравьевъ, — на войнѣ не бывали, а потому и судить о томъ, какую пользу могутъ принести на войнѣ топографы, не можете. А вотъ вамъ примѣръ. Когда я приблизился къ Карсу, между нашими и непріятельскими войсками началась перестрѣлка. Я вмѣстѣ съ свитой стоялъ на возвышеніи и слѣдилъ за ходомъ начинавшагося сраженія. Наши войска были расположены лагеремъ, и мнѣ необхо-

димо было какъ можно скорѣе имѣть планъ лагеря и расположенія нашихъ боевыхъ силъ. Но для того, чтобы снять планъ, пришлось бы нѣкоторое время ѣхать подъ непріятельскими выстрѣлами. Тогда я обратился къ одному «ученому» капитану и просилъ снять планъ. Онъ, дѣлая мнѣ подъ козырекъ, спросилъ: «какимъ инструментомъ прикажете снять, ваше превосходительство?» Я, ничего не отвѣчая ему, подозвалъ сидѣвшаго на лошади позади свиты унтеръ-офицера изъ топографовъ и повторилъ ему приказаніе. Топографъ, выслушавъ приказаніе, поскакалъ въ карьеръ по направленію къ лагерю, и черезъ часъ планъ былъ у меня въ рукахъ. Тогда, подозвавъ капитана, я, въ присутствіи его, спросилъ топографа, какимъ инструментомъ онъ снималъ планъ.

— Глазомѣрно, ваше превосходительство,— отвѣчалъ онъ.— Тогда я обратился къ свитѣ и сказалъ: господа, вы состоите при мнѣ не для того, чтобы быть украшеніемъ, а для исполненія служебныхъ моихъ приказаній, и потому прошу быть исполнительными.

Въ другой разъ разговоръ зашелъ о выносливости и храбрости русскаго солдата, и при этомъ Муравьевъ разсказалъ слѣдующее:

— Войска наши ушли далеко впередъ, а я съ полсотней казаковъ остался въ тылу. Вдругъ прискакалъ изъ цѣпи караульный и сообщилъ, что невдалекѣ показались черкесы, числомъ до трехсотъ, и готовятся произвести нападеніе. Тогда я вызвалъ охотниковъ задержать черкесовъ до прихода подкрѣпленій, за которыми я тотчасъ послалъ. Вызвалось двѣнадцать казаковъ, которые и поскакали по тому направленію, откуда ожидались черкесы, и стали ожидать ихъ, спрятавшись за горой. Какъ только черкесы приблизились къ нимъ на разстояніе выстрѣла, казаки дали дружный залпъ и съ крикомъ «ура» бросились на черкесовъ. Вслѣдствіе ли неожиданности нападенія, или вслѣдствіе того, что черкесы не знали числа своихъ противниковъ, только они немедленно отступили. Къ этому времени подоспѣли и наши подкрѣпленія. Тогда я велѣлъ приготовить обѣдъ для моихъ генераловъ и офицеровъ и пригласилъ къ обѣду и тѣхъ двѣнадцать храбрецовъ. Они смутились, когда имъ объявили, что они должны сѣсть за общій столъ съ генералами и офицерами, и въ то время, какъ мы уже сѣли, они продолжали стоять, не трогая приборовъ. Я приказалъ вторично имъ сѣсть. Когда принесли супъ, и они должны были поднять салфетки, то увидали у себя подъ каждой по Георгію. Нужно было видѣть ихъ радость и удивленіе. Я поздравилъ ихъ, и мы всѣ прокричали «ура» въ честь новыхъ георгіевскихъ кавалеровъ, а затѣмъ начался обѣдъ.

На это одинъ изъ генераловъ замѣтилъ, что хорошимъ примѣромъ испытанной храбрости казаковъ служить смѣлость, обнаруженная сотникомъ Веревкинымъ.

— Кто такой Верекинъ и чѣмъ онъ замѣчателенъ?—спросилъ Менде.

Тогда Муравьевъ, обращаясь къ Менде, сказалъ:

— Я вамъ забылъ рассказать, Александръ Ивановичъ, одинъ интересный эпизодъ изъ моего похода. Это было подъ Карсомъ. Какъ вамъ извѣстно, я хотѣлъ взять Карсъ открытымъ штурмомъ, но первый приступъ былъ неудаченъ: я отступилъ, потерявъ много людей. Сама природа сдѣлала Карсъ неприступной крѣпостью и, сверхъ того, онъ былъ замѣчательно укрѣпленъ фортификаціонно. Второй приступъ обѣщаль быть удачнѣе, но въ ту самую минуту, когда мы готовились броситься на Карсъ, вдали послышались пушечные выстрѣлы. Извѣщенный лазутчиками, что къ Карсу идутъ сильныя подкрѣпленія, я приказалъ отступать. Представьте же себѣ мою досаду и удивленіе, когда мнѣ сообщили, что эти выстрѣлы были произведены казацкой артиллеріей, подступившей подъ начальствомъ сотника Веревкина съ горстью казаковъ къ Карсу съ тыла. Турки такъ были ошеломлены ожесточенной пушечной канонадой и неожиданнымъ появленіемъ непріятеля у себя въ тылу, что готовились очистить укрѣпленіе. Ударъ я въ это время, воспользовавшись охватившей непріятеля паникой, и Карсъ былъ бы нашъ! Спустя нѣсколько сутокъ, къ туркамъ дѣйствительно пришли сильныя подкрѣпленія, и мнѣ пришлось брать Карсъ правильной осадой.

Говорили, между прочимъ, что Кавказъ—это разсадникъ истинныхъ храбрецовъ; кавказецъ закаленъ въ бою, смѣлъ, рѣшителенъ и въ этомъ отношеніи не имѣетъ равныхъ себѣ.

Потомъ говорили о выносливости русскаго солдата и о трудностяхъ солдатской службы.

— И замѣйте себѣ,— прибавилъ одинъ генералъ,— прослужить солдатъ вѣрой и правдой 25 лѣтъ, получить въ вознагражденіе отставку, возвратится къ себѣ на родину, и что же? Дома ни родныхъ, ни кола, ни двора. И вотъ онъ, съ сумой на плечахъ, ходитъ по міру, побирается, въ холодѣ, да въ голодѣ, и наконецъ, Богъ знаетъ, гдѣ и какъ кончаетъ свою жизнь. Вотъ вамъ и вся награда за всю его трудовую двадцатипятилѣтнюю службу!

По этому поводу другой генералъ рассказалъ слѣдующій случай, бывший на Кавказѣ съ однимъ молодымъ солдатомъ, Иваномъ Прохоровымъ. Отрядъ, въ которому принадлежалъ этотъ послѣдній, неожиданно наткнулся на цѣлое скопище черкесовъ и, видя превосходство непріятельскихъ силъ, сталъ отступать. Между тѣмъ Прохоровъ почувствовалъ, что раненъ въ ногу. Онъ остановился, сѣлъ, снялъ сапогъ и увидавъ, что рана неопасна, перевязалъ ее, какъ умѣлъ, и пошелъ было догонять своихъ. Въ это время изъ-за горы показался всадникъ: онъ ѣхалъ осторожно и озирался по сторонамъ. Прохоровъ, не долго думая, навелъ ружье и мѣткимъ выстрѣломъ свалилъ всадника. Лошадь, испуганная выстрѣломъ, бросилась въ сторону, но такъ какъ всадникъ падая не выпустилъ

поводьевъ, она остановилась. Прохоровъ подбѣжалъ, держа ружье наготовѣ. Оказалось, однако, что всадникъ былъ мертвъ. Прохоровъ снялъ съ убитаго богатое серебряное съ чернью оружіе, надѣлъ на себя, высвободилъ поводья и сѣлъ на коня. Тутъ только онъ замѣтилъ два небольшихъ мѣшка, привязанныхъ къ сѣдлу по обѣимъ сторонамъ его. Полагая, что въ нихъ содержится кормъ для лошадей, Прохоровъ ногой толкнулъ одинъ изъ нихъ, но тотъ и не покачнулся. Желая узнать, что въ мѣшкахъ, солдатъ кинжаломъ прорѣзалъ сверху мѣшокъ,—и вдругъ оттуда посыпались червонцы. Не вѣря своимъ глазамъ, Прохоровъ бережно подобралъ червонцы и легкою рысью сталъ догонять свой отрядъ. Присоединившись къ отряду, онъ немедленно заявилъ о своей находкѣ полковому командиру. Послѣдній очень удивился, но заявилъ Прохорову, что деньги эти, по военному положенію, принадлежатъ ему, Прохорову, и онъ можетъ распорядиться ими, какъ ему будетъ угодно. Не зная, куда ему дѣвать деньги, Прохоровъ упросилъ полковаго командира отослать ихъ на родину, а себѣ оставить только нѣсколько червонцевъ. Деньги отправлены были въ Тифлисъ, а оттуда ихъ переслали въ государственный банкъ въ Петербургъ на храненіе. Прошло 25 лѣтъ. Прохоровъ вышелъ въ отставку. Когда онъ вернулся къ себѣ на родину, родныхъ никого въ деревнѣ не оказалось; въ живыхъ остался только сынъ, да и тотъ служилъ гдѣ-то въ Москвѣ половымъ въ трактирѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ. Старикъ надоѣло жить по чужимъ угламъ, и онъ пошелъ въ Москву розыскивать сына. Долго ли онъ искалъ его, наконецъ нашелъ, и съ тѣхъ поръ они зажили вмѣстѣ. Разъ былъ день именинъ сына. Сынъ привелъ старика въ трактиръ и сталъ угощать. Старикъ разговорился и началъ рассказывать про свои походы на Кавказъ; рассказалъ и о находкѣ, какую онъ однажды сдѣлалъ. Рассказывая онъ и не замѣтилъ, что какой-то господинъ, сидѣвшій за сосѣднимъ столомъ, внимательно слушалъ его. Когда старикъ кончилъ, господинъ этотъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Слушай, старикъ: хочешь вернуть деньги?

— Нѣтъ, ваше благородіе, на что мнѣ деньги; развѣ вотъ для сына. Да вѣдь времени-то больно много прошло.

— Ты вотъ что лучше скажи, старикъ: есть ли у тебя деньги?

— И батюшка, какія тамъ деньги: слава Богу, сытъ, обувь и покоенъ.

— Ну, такъ слушай же. Я за все плачу, и мы съ тобой завтра ѣдемъ въ Петербургъ за деньгами. Не получишь денегъ, копейки съ тебя не возьму.

Старикъ поговорилъ съ сыномъ, и тотъ посовѣтовалъ ѣхать. На слѣдующій день старикъ поѣхалъ съ этимъ господиномъ въ Петербургъ, явился въ банкъ, представилъ указъ объ отставкѣ и, по наведеніи справокъ, получилъ хранившееся золото со всѣми

процентами, какіе успѣли нарости за это время. Старикъ отдалъ половину денегъ своему новому знакомому, а половину передалъ сыну съ условіемъ, что тотъ ни въ чемъ отказывать ему не будетъ.

Много и еще разказовъ въ томъ же родѣ пришлось мнѣ услышать.

Прошло два мѣсяца. Работа моя приближалась къ концу. Генералы стали сѣзжаться къ Муравьеву только разъ въ недѣлю. Наконецъ, назначено было Муравьевымъ послѣднее засѣданіе. На этомъ засѣданіи провѣрили окончательно мою работу и высказали свои замѣчанія. Муравьевъ подошелъ ко мнѣ, подаль руку и поблагодарилъ; прочіе также выразили свою благодарность и разъѣхались. Я остался исправлять замѣченные ими у меня пропуски, а потомъ сталъ прощаться. Муравьевъ, однако, попросилъ меня подождать одну минуту и ушелъ. Черезъ нѣсколько времени онъ вернулся и, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

— Поручикъ, вы такъ много для меня потрудились, я и мои сослуживцы такъ остались довольны вашей работой, что позвольте поблагодарить васъ еще разъ—я благодарилъ уже вашего начальника, и вотъ вознагражденіе за ваши труды.

Съ этими словами онъ сталъ доставать деньги изъ бокового кармана.

— Ваше высокопревосходительство,—сказалъ я,—вы меня благодарили не одинъ разъ, и это для меня высшая награда.

— Нѣтъ, поручикъ, труды ваши должны быть вознаграждены, я уже обѣщаль генералу Менде.

— Извините, ваше высокопревосходительство, я денегъ взять отъ васъ не могу.

— Если вы ни за что не желаете взять отъ меня деньги, сообщите, по крайней мѣрѣ, чѣмъ бы я могъ вознаградить васъ.

Я вторично отказался, и мы разстались.

Спустя недѣлю, ко мнѣ на квартиру пришелъ лакей отъ Муравьева и сообщилъ, что генералъ проситъ меня завтра къ себѣ въ 12 часовъ.

Когда я явился къ Муравьеву въ назначенное время, то Муравьевъ спросилъ, со мной ли мои рисовальныя принадлежности. Я отвѣчалъ, что да. Онъ подвелъ меня снова къ столу и просилъ исправить нѣкоторыя ошибки въ названіяхъ селеній. Когда было готово, онъ сказалъ:

— Завтра я представлю государю ваши труды, сегодня же у меня прощальный обѣдъ, на которомъ будутъ всѣ мои сослуживцы, генералъ Менде, а также прошу и васъ.

Я благодарилъ генерала, но заявилъ, что быть на обѣдѣ у него, къ сожалѣнію, не могу, по случаю опасной болѣзни жены.

— А я и всѣ мы,—сказалъ Муравьевъ,—желаемъ раздѣлить этотъ обѣдъ съ вами и на прощанье выпить за мое здоровье бокалъ шампанскаго.

Я отвѣчалъ, что готовъ выпить за его здоровье не только бокалъ, но даже стаканъ шампанскаго.

— Стакана недостаточно,—возразилъ Муравьевъ, потомъ повернулся и досталъ изъ нижняго ящика стола большой серебряный жбанъ великолѣпной работы.

— Это не деньги, и вы не имѣете права отказаться отъ моего подарка.

— Премного благодаренъ вамъ, ваше высокопревосходительство, за вниманіе. Этотъ жбанъ будетъ переходить у меня изъ рода въ родъ, и я сохраню навсегда пріятное о васъ воспоминаніе.

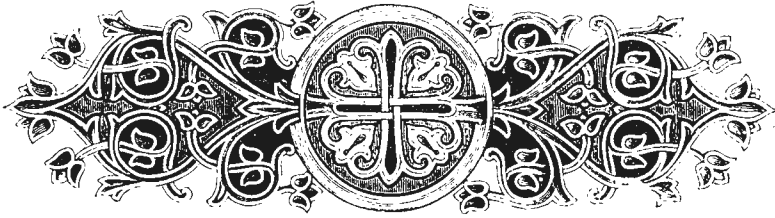
— Благодарю васъ, поручикъ, за все, сказанное вами, и жалѣю, что вы не можете быть участникомъ обѣда, какъ исполнитель всѣхъ работъ по составленію карты.

Затѣмъ мы простились. Жбанъ до сихъ поръ у меня. Снаружи онъ имѣетъ видъ какъ бы дощатый, вверху и внизу стянутъ обручами; ручка изображаетъ корень дерева. По срединѣ жбана и кругомъ его идетъ широкая лента, на которой славянскимъ шрифтомъ вырѣзано: «Отъ покорителя Карса Н. Н. Муравьева на память В. С. Мышецкому. 1862 года».

В. С. Мышецкій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ОЧЕРКИ ПРИРОДЫ И ЖИЗНИ ВЪ ГАВАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКѢ ¹⁾.

АНАКИ, населяющіе нынѣ Сандвичевы острова, какъ извѣстно, одна изъ вѣтвей полинезійскаго племени. Было время, когда Сандвичевы острова были почти необитаемы. Его современное полинезійское населеніе состоитъ изъ пришлецовъ изъ весьма далекихъ странъ.

Это продуктъ двухъ переселеній съ юга, съ острововъ Таити и съ Самоа. Первое изъ нихъ произошло въ VI вѣкѣ, второе въ X или въ началѣ XI столѣтіи. Исслѣдованія Формандера, основывающіяся, къ сожалѣнію, болѣе на данныхъ языка и преданіяхъ, заставляютъ думать, что выходцы эти, какъ и вообще вся полинезійская раса, не имѣютъ ничего общаго съ малайцами, но представляютъ собою самый дальній отпрыскъ арійской группы народовъ, нѣкогда стоявшій подъ весьма сильнымъ вліяніемъ кушитской и халдейско-арабской культуры. Они прошли черезъ Индію, гдѣ отчасти смѣшались съ дравидскими народностями, и, увлеченные потокомъ тогдашней торговли, вышли на большой торговый путь, ведшій на Суматру, Тиморъ и Люцонъ. Они попали сюда въ періодъ нашествія на острова эти индусовъ и малайцевъ, то-есть около I и II вѣка послѣ Р. Х. Съ острововъ Фиджи, гдѣ они пришли въ соприкосновеніе съ полинезійцами, жителями Меланезіи, вліяніе крови которыхъ можно видѣть у многихъ канаковъ, они затѣмъ разсѣялись по островамъ Тихаго океана, благодаря своимъ лодкамъ и таланту мореплаванія. Въ типѣ канаковъ, дѣйстви-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVI, стр. 172.

тельно, гораздо больше сходства съ типомъ индусовъ Бомбея, чѣмъ съ малайцами, но много фактовъ еще не стоитъ въ согласіи съ этой теоріей. Тѣмъ не менѣе древнѣйшія преданія этого народа поразительно сходны съ преданіями древнихъ евреевъ и халдеевъ. Во главѣ міра они признаютъ вѣчно существовавшую троицу: Капе—творца, Ки—устроителя и Лоно—направителя стихій. Волею этой троицы среди хаоса явился свѣтъ. Затѣмъ создано было небо, земля, солнце, мѣсяцъ и звѣзды и ангелы для направленія путей свѣтилъ. Подъ конецъ былъ созданъ человѣкъ. Его тѣло сдѣлано было изъ красной глины, смѣшанной со слюною Капе, а голова изъ бѣлой глины, принесенной Лоно съ четырехъ концовъ свѣта. Онъ былъ созданъ по подобію Капе, вдохнувшего жизнь въ его ноздри. Изъ одного ребра его создана была ему жена. Перваго человѣка звали Кими-гонуа, женщину—Ке-ола-ки-хогуа. Они были помѣщены въ рай, называвшійся палиули. Три рѣки воды жизни текли по этому раю, и на ихъ берегахъ росло множество вкусныхъ плодовыхъ деревьевъ и въ томъ числѣ запрещенное «хлѣбное дерево» и «священная яблоня». Въ водахъ жили рыбы, которыхъ огонь не могъ истребить, и воды рѣкъ этихъ обладали способностью оживлять мертвыхъ. Между ангелами, созданными троицею, былъ Каналоа, создавшій смуту на небѣ и изгнанный за то въ преисподнюю. Каналоа требовалъ, чтобы человѣкъ поклонялся и ему; но этому противилась природа человѣка. Тогда Капе попробовалъ самъ сдѣлать человѣка. Онъ сдѣлалъ его точное подобіе, но не могъ вдохнуть въ него жизни, сколько ни пробовалъ. Тогда онъ рѣшилъ уничтожить человѣка, созданнаго троицей. Онъ вползъ въ рай, принявъ форму ящерицы, и былъ причиною того, что Кими-гонуа и его жена совершили грѣхъ, за который ихъ Капе изгналъ изъ рая съ помощью «большой бѣлой птицы».

У Кими-гонуа было трое сыновей, изъ которыхъ второй былъ убитъ старшимъ, называвшимся Лака. Ка-пили, младшій изъ братьевъ, оставилъ по себѣ 13 поколѣній, послѣ которыхъ былъ всемірный потопъ. Гавайскаго Ноя звали Ноу. Подробности описанія событія этого, до преданія о значеніи радуги включительно, поразительно сходны съ библейскими. Десять поколѣній прошло между Ноемъ и Ки-Пуле, удалившимся въ южную страну, взявъ съ собою въ качествѣ жены рабыню Али. Онъ установилъ обрядъ обрѣзанія, совершавшійся до послѣдняго времени канакками. Онъ былъ отцемъ 12-ти сыновей, родоначальниковъ 12-ти племенъ; одно изъ нихъ Мене-липе дало начало канакскому народу. Дальнѣйшія преданія гавайцевъ, однако, отличаются уже отъ еврейскихъ. Гавай-лоа былъ знаменитымъ мореплавателемъ, открывшимъ Сандвичевы острова и давшимъ самому большому изъ нихъ свое имя. Двѣнадцать поколѣній жило потомство Гавай-лоа и его спутниковъ на островахъ, живя то въ мирѣ, то въ ссорахъ и войнахъ, въ которыхъ, какъ у

древних грековъ, принимали участіе сами боги, число которыхъ за это время весьма увеличилось въ міровоззрѣніи канакъ.

Второе заселеніе, совершившееся въ XII вѣкѣ, когда на острова эти явился первосвященникъ Паао со своею свитою, еще болѣе увеличило число боговъ этихъ, и съ каждымъ изъ нихъ были связаны преданія, по оригинальности и поэтичности не уступавшія греческой мифологіи. Мнѣ пришлось бы написать цѣлую книгу, если бы я вздумалъ хотя въ самой сжатой формѣ изложить суть этой полинезійской мифологіи.

Даже одинъ перечень боговъ этихъ занялъ бы нѣсколько страницъ. Въ числѣ этихъ боговъ слѣдуетъ отмѣтить, помимо уже поименованныхъ, трехъ боговъ преисподней, играющихъ роль Плутона и Прозерпины; рядъ небесныхъ боговъ 2-го ранга; 14 боговъ, вызывающихъ различныя вулканическія явленія; двухъ боговъ войны; 26 боговъ различныхъ стихій и знаній, въ томъ числѣ Глаулакеали—бога винодѣлія и Гае—бога портныхъ, и до 30 боговъ второстепенныхъ значеній. Особенно знаменита была Калаипагоа, богиня яда, жившая на островѣ Молокаи. Совмѣстно съ развитіемъ многобожія и сложной мифологіи развивался классъ жрецовъ, и усиливалось ихъ вліяніе. Жрецы эти воздвигали главнѣйшимъ божествамъ храмы, учредили цѣлый штатъ священнослужителей и пророковъ, и вліяніе ихъ на народъ было не меньше, чѣмъ самихъ царей. Оракулы въ родѣ Дельфійскаго играли также видную роль въ жизни народа. Если отвѣтъ оракула былъ темень, гадали по внутренностямъ птицъ, свиней и т. п. Передъ объявленіемъ войны иногда приносились человѣческія жертвы; ихъ приносили также при постройкѣ храмовъ. Обыкновенныя богослуженія состояли изъ пѣснопѣній, принесенія въ жертву цвѣтовъ и мяса. Многіе храмы были убѣжищемъ для бѣглецовъ, такъ какъ въ стѣнахъ ихъ всякій человѣкъ былъ неприкосновеннымъ, былъ табу. Царь или вождь пользовался громадною властью у народа. Ему принадлежала вся земля, и право налагать табу также принадлежало къ его прерогативамъ. Князья участвовали въ его управленіи и платили извѣстную часть своихъ доходовъ сюзерену. Народъ не имѣлъ собственности и особыхъ правъ. Вообще у канаковъ различали четыре класса людей. Аліи, или великокняжескія фамиліи, съ различными правами и прерогативами, калипае—мелкое дворянство, пророки, доктора и астрологи, капака-вале или свободные частные граждане и каува-маоли—рабы. Вожди вели свою родословную непосредственно отъ полинезійскаго Адама; браки между близкими родственниками въ видахъ сохраненія чистоты крови въ этомъ словіи были весьма часты, и тонкія градации степеней знатности здѣсь наблюдались весьма точно.

Упогребленіе металловъ здѣсь, какъ и вообще въ Полинезіи, было неизвѣстно. Кость, дерево и камень были матеріалами для орудій и оружія до прихода европейцевъ. Морскія животныя, рыбы, свиньи,

собаки и дичь служили пищею народу. Таро, бататы, ямсъ, плодъ хлѣбнаго дерева и ягоды составляли растительную пищу. Одежда состояла изъ болѣе или менѣе широкаго пояса стыдливости. Только цари и главнѣйшіе изъ вождей имѣли право носить шлемы изъ птичьихъ перьевъ и мантии описаннаго уже нами характера.

Сперва каждый островъ архипелага управлялся самостоятельно независимыми вождями. Въ концѣ XVIII столѣтія король острова Гаваи, Камеамеа I, объединилъ большую часть архипелага подъ своею властью. Несмотря на кровопролитныя войны, населеніе острововъ въ то время было не менѣе 400,000 душъ.

Европейцамъ острова эти впервые стали извѣстны въ 1555 г., когда ихъ открылъ испанскій мореплаватель Жуанъ Гаэтано. Открытіе его, однако, оставлено было безъ вниманія; обыкновенно поэтому считаютъ, что архипелагъ былъ открытъ Кукомъ въ 1778 г. Какъ извѣстно, мореплаватель этотъ сдѣлался жертвою дурнаго обращенія своихъ матросовъ съ туземцами и былъ убитъ этими послѣдними.

Послѣ Кука острова нѣсколько разъ посѣщались европейцами, познакомившими туземцевъ съ употребленіемъ пушекъ, ружей и другихъ прелестей европейской цивилизаціи, покупаемыхъ цѣною дорогихъ лѣсовъ, сандалнаго дерева, теперь безслѣдно исчезнувшихъ съ архипелага. Камеамеа съ большимъ тактомъ руководилъ этими сношеніями, и туземцы не терпѣли большого вреда отъ сношенія съ бѣлыми, которые селились и женились на каначкахъ.

8-го мая 1819 г. Камеамеа I умеръ; ему наслѣдовалъ его сынъ Лилолиго, извѣстный въ исторіи болѣе подъ именемъ Камеамеа II. Въ царствованіе его случился безпримѣрный въ исторіи человѣчества фактъ. Въ октябрѣ 1819 года за 6 мѣсяцевъ до появленія миссіонеровъ на островѣ король, подъ вліяніемъ одной изъ вдовъ отца своего, внезапно въ присутствіи ужасавшейся толпы нарушилъ одно изъ важнѣйшихъ постановленій религіи—сталъ ѣсть изъ сосудовъ, изъ которыхъ ѣли женщины, и въ тотъ же день приказалъ уничтожить всѣ храмы и идоловъ. Его поддерживалъ первосвященникъ Гевагева. Черезъ нѣсколько дней всѣ храмы, алтари, идолы и духовенство было ниспровергнуто, и народъ остался абсолютно безо всякой религіи. Только нѣкій Кекуаокалани, племянникъ Камеамеа, рѣшился возстать для защиты древней религіи. Онъ собралъ оставшихся вѣрными древней религіи народъ и жрецовъ и, поддерживаемый своею храброю женою Маноно, далъ кровопролитное сраженіе. Но огнестрѣльное оружіе въ рукахъ безбожниковъ побѣдило защитниковъ древней религіи, и отважный Кекуаокалами былъ убитъ, а войско его разсѣяно.

Такъ гласитъ исторія, написанная американцами. Но изъ того уже факта, что за четыре или пять мѣсяцевъ до смерти Кекуаокалами, Калаймоки, первый министръ Лилолиго, и его братъ Ваки,

были крещены по обряду римско-католической церкви, видно, что тутъ не обошлось безъ интриги христіанъ. Если Камеаеа II и нельзя уподобить Владиміру Святому, такъ какъ онъ былъ язычникомъ, но сходство между ними обоими въ томъ, что оба они, очевидно, подъ вліяніемъ христіанъ разувѣрились въ силѣ и значеніи собственной религіи. Народъ съ радостью принялъ уничтоженіе прежней вѣры, связывавшей всѣ его дѣйствія такъ называемымъ табу, то-есть рядомъ запрещеній, нарушеніе которыхъ наказывалось смертью. 30-го марта 1820 г. на островъ явились первые миссіонеры. Нуждавшаяся въ религіи масса приняла ихъ радушно, тѣмъ болѣе, что начала библейской исторіи, съ которой начали свою проповѣдь эти люди, были такъ сходны съ древними преданіями полинезійцевъ. Дѣятельность миссіонеровъ этихъ, какъ сознаются они сами, была постолько же дѣятельность проповѣдниковъ, поскольку и ловкихъ политиковъ. Скоро составился штатъ бѣлыхъ около трона коричневаго короля. Служители Христа стали такими же вліятельными лицами, какъ прежніе первосвященники, роль которыхъ они унаслѣдовали. Въ 1824 г. Лиголиго умеръ во время путешествія въ Англію, и ему наслѣдовалъ братъ его Каникеаули, отрокъ 10 лѣтъ. Царствомъ управляла регентша, одна изъ вдовъ Камеаеа.

Число европейцевъ быстро умножалось. Жить подъ властью полуварварскаго короля становилось имъ все болѣе и болѣе тягостно. Они воспользовались этой минутой, чтобы ограничить эту власть и устроить первую гавайскую конституцію. Насколько своекорыстна была дѣятельность служителей церкви, было видно изъ того, что когда въ 1827 г. сюда явились католическіе миссіонеры, протестанты выслали ихъ вонъ правительственнымъ указомъ. Однако пушки французскаго фрегата заставили въ 1837 году признать католиковъ за такихъ же христіанъ и принять проповѣдниковъ. Къ этому времени европейцы изъ дѣтскаго лепета гавайцевъ создали культурный языкъ, передѣлавши сотни англійскихъ словъ на канакскій манеръ (изъ ticket билетъ, напимѣръ, сдѣлавши kiki и т. п.) и ввели книгопечатаніе. Династія Камеаеа кончилась смертью пятаго правителя въ 1873 г. Бѣлая партія воспользовалась, чтобы выдвинуть на престолъ родственника Камеаеа V—Давида Калакауа, игрока и бонвивана. Самое широкое хищеніе пошло въ его царствованіе. Самые крупные капиталисты острова, напимѣръ, Шпрехели создали свое состояніе, ссужая нуждавшагося въ деньгахъ короля за баснословные проценты. Земли, бывшія дотолѣ царскою и княжескою собственностью, очутились теперь всѣ въ рукахъ бѣлыхъ. Король Калакауа совершилъ большое путешествіе по Европѣ, гдѣ онъ посѣтилъ большинство государствъ.

Про это путешествіе рассказываютъ массу анекдотовъ, хотя большинство изъ нихъ сводится на безстыдную эксплуатацію европейцами вполне естественнаго у Калакауа желанія подражать своимъ

царственнымъ товарищамъ. Ему дарили различныя вещи и потомъ присылали за нихъ сказочные счета. Калакауа выстроилъ дворець, завелъ обмундированное регулярное войско и вообще всячески старался походить на европейскаго государя. Но для архипелага, по величинѣ уступавшаго самому маленькому изъ германскихъ княжествъ, конечно, это было не подѣ силу, и финансы страны пришли въ упадокъ.

Обманиваемый и обсчитываемый своимъ министерствомъ король и самъ былъ не прочь сдѣлать для поправленія своихъ финансовъ грязненькую аферу. Такъ, на примѣръ, получивъ съ одного негодянта деньги за монополію ввоза опиума, онъ не затруднился дать такую же монополію другому, предложившему большую сумму, и на островѣ явилось два монополиста... Но пока еще было чѣмъ пользоваться, европейское министерство,—оно при Калакауа состояло уже почти изъ однихъ бѣлыхъ,—терпѣло своего короля. Въ позапрошломъ году Калакауа I скончался, не оставивъ наслѣдниковъ. Его замѣнила сестра его принцесса Лулюкалами, бывшая замужемъ за губернаторомъ острововъ Оали и Мау и его высокопревосходительствомъ синьоромъ Джономъ Доминисъ, какъ говорятъ, сыномъ бѣглаго американскаго матроса. Принцесса, а затѣмъ королева Лулюкалами была дама не только очень пріятная, но, какъ говорится, и пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, хотя большая патриотка, и потому при ней хозяйничать было не особенно удобно.

Потому шокированные ея поведеніемъ, составлявшіе значительную часть министерства миссіонеры, забывая, что въ исторіи Европы было не мало царей, а еще болѣе царицъ, въ этомъ отношеніи ничуть не уступавшихъ бѣдной Лулюкалами, рѣшили ниспровергнуть традиціонный монархическій строй, и 4 іюня 1894 г. была провозглашена Гавайская республика. Она въ сущности есть копія съ американской. Вотировать допущены только грамотные, умѣющіе писать и читать поанглійски или поканакски. Но канаки, не знакомые и не желавшіе или, вѣрнѣе, даже не понимавшіе сути реформы, не приняли участія въ выборахъ. Вскорѣ даже вспыхнула революція съ цѣлью возстановить права королевы. Но что могла сдѣлать горсть дѣтей противъ солдатъ, къ которымъ на помощь явились вооруженные матросы и солдаты съ американскихъ военныхъ крейсеровъ. Горсть эту разогнали, и такъ какъ жители острова безоружны, республика же поддерживается небольшимъ, собраннымъ изъ всякаго сброда войскомъ, играющимъ роль преторьянцевъ, то о дальнѣйшихъ манифестаціяхъ въ пользу королевы рѣчи быть не можетъ. Народъ живетъ надеждою, что положеніе дѣлъ измѣнится, когда вернется изъ Европы, молодая принцесса Калулани, дочь принцессы Ликелике, сестра королевы. Сама же королева живетъ теперь въ деревянной дачѣ въ родѣ нашихъ новодеревенскихъ дачъ съ садикомъ, съ пальмами и олеандрами, окруженная значительно

порѣдѣвшю толпою поклонниковъ и извѣстная у американцевъ подъ скромнымъ именемъ *Madame Dominis. Sic transit gloria mundi.*

Современная республика имѣетъ президентомъ своимъ г. Дале, потомка миссіонеровъ и, говорятъ, порядочнаго человѣка. Пока онъ во главѣ республики, туземцы, хотя безправные, могутъ нѣсколько свободнѣе вздохнуть отъ поборовъ. Президенту принадлежитъ благородная идея оградить туземцевъ отъ полнаго обнищанія, давъ имъ участки земли или позволивши купить ихъ безъ права перепродавать кому либо. Но съ его уходомъ туземцы не ждутъ ничего добраго. Министерство состоитъ изъ: *F. M. Hatch* — министра иностранныхъ дѣлъ, *S. M. Damon* — министра финансовъ, *W. O. Smith* — *attorney general*. Мнѣ пришлось бы привести длинный списокъ именъ чисто англійскихъ и американскихъ, если бы я попробовалъ здѣсь перечислить сенаторовъ, судей, главнокомандующихъ, директоровъ различныхъ департаментовъ и т. п. Ни одного гавайскаго имени вы не нашли бы въ этихъ спискахъ и въ заключеніе спросили бы, почему эта республика называется Гавайскою.

Sandwich былъ англійскій магнатъ, въ честь котораго Кукъ и окрестилъ острова. Ненависть янки къ англичанину не позволяетъ его американскимъ гражданамъ называться сандвичанами. Другаго же названія, кромѣ Гаваи, пока не придумали. *Ça viendra avec le temps.* Республиканцы спятъ и видятъ, чтобы сдѣлаться штатомъ Америки. Но янки, взявши Гаваи подъ свое покровительство, пока упорно отказываются увеличить число звѣздъ на своемъ пестромъ флагѣ еще звѣздою Гавайскою. Сандвичанамъ остается утѣшаться тѣмъ, что имя «*Naavaian star*» носить ихъ самая популярная газета.

Но я боюсь, что слишкомъ далеко отвлекся отъ описанія моихъ собственныхъ впечатлѣній, излагая эти историческіе факты нѣсколько отлично отъ того, какъ они описаны въ американскихъ изданіяхъ. Но *amicus Plato, sed magis amica veritas.* Я не врагъ Гавайской республики. Въ ней много хорошаго. Но она основана на погибели цѣлаго народа, побѣжденнаго и уничтоженнаго крестомъ, орудіемъ, которое должно было быть символомъ любви къ ближнему, а не средствомъ, аналогичнымъ пушкамъ, пороху и динамиту. Но слова «*Nos signo vinces*» неоднократно толковались миссіонерами именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Нигдѣ миссіонеры не имѣли такого успѣха, какъ въ Полинезій, и нигдѣ результаты ихъ дѣятельности не давали большаго права сосѣдней языческой Японіи — удерживать свою древнюю религію.

Несмотря на то, что между европейцами и туземцами не было ни одной битвы, они теперь такіе же бѣдняки, такіе же *natives*, какъ и въ большинствѣ покоренныхъ европейцами странъ. И въ то время, какъ они все болѣе и болѣе отходятъ на второй планъ, лишены моральной и матеріальной поддержки, вымираютъ отъ водки, щедро продаваемой европейскимъ правительствомъ, уже поговаривающимъ

о ввозѣ опиума, — на поддержку этому народу, способному къ культурѣ, подобно другимъ арійцамъ, является только армія спасенія. Какъ на улицахъ Лондона, каждый вечеръ нѣсколько пропившихъ свои голоса англичанъ, наряженныхъ въ красныя фуфайки съ надписью Salvation army, съ барабаномъ или флейтой, какъ уличные музыканты, поютъ на перекресткахъ, передъ дверьми питейныхъ заведеній, пѣсни религіознаго содержанія. Когда соберется толпа, они идутъ въ особо устроенную палатку. Большая часть собравшейся толпы остается, конечно, въ кабакѣ, но немногіе любопытные слѣдуютъ за музыкантами, чтобы часъ-другой слушать пѣніе духовныхъ стиховъ на мотивы англійскихъ студенческихъ пѣсень. Пѣніе этихъ разбитыхъ голосовъ врядъ ли прельститъ музыкальнаго гавайца. Картины волшебнаго фонаря, представляющія жизнь пьяницы, интересуютъ его болѣе, но все-таки читатель со мною согласится, что это далеко не то, что нужно для гавайскаго народа. И безъ того много онъ поетъ пѣснопѣній, играя роль Крыловской стрекозы передъ китайскими муравьями.

Окрестности Гонолулу.

Холера, нѣсколько случаевъ которой было замѣчено въ Гонолулу, заставила санитарную комиссію не только на бумагѣ, но и на дѣлѣ вычистить городъ. Въ этой комиссіи добровольно принимали участіе бесплатно многіе граждане. Городъ очистили, но вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзали на нѣсколько недѣль всякое сообщеніе не только съ сосѣдними островами но и съ другими частями острова Оали, на которомъ расположенъ Гонолулу. Въ другомъ государствѣ для подобной изоляціи города потребовались бы цѣлые патрули стражи. Здѣсь для этого на каждой дорогѣ содержится два-три человекъ. Древнія запретительныя табу оставили громадное воспитательное вліяніе на народъ. На остальныя части острова наложено табу — и никто туда не идетъ. Если бываютъ нарушители закона, то только бѣлые или китайцы.

Для меня это табу, наложенное медиками, было въ высшей степени непріятно, такъ какъ оно ограничивало на цѣлую недѣлю мои экскурсіи только ближайшими окрестностями города, ничего въ сущности интереснаго не представляющими.

Едва только вы выйдете за предѣлы долины, въ концѣ которой расположенъ городъ, пышная тропическая растительность, въ которой онъ утопаетъ, измѣняется; сухая почва безъ орошенія отказывается производить деревья и кустарники влажныхъ тропическихъ садовъ, и почти единственнымъ деревомъ, затмѣняющимъ здѣшніе сады, дома и дороги, является такъ называемое *Algeroba-Prosopis-juliflora*, дерево въ родѣ нашей бѣлой акации, но съ листьями мелкими,

какъ у стыдливой мимозы, сѣдосѣраго цвѣта. Гибкія, какъ у плакучей ивы, ниспадающія вѣтви ея усажены длинными колючками, цвѣты собраны въ сережки и даютъ длинные желтые стручья съ твердыми сѣменами. Благодаря этой *Algeroba*, всѣ восточныя предмѣстья города утопаютъ въ сѣдой зелени, и деревья эти постоянно сопровождаютъ васъ вдоль дороги, идущей вблизи моря и ведущей къ морскимъ купальнямъ *Waikiki*.

Algeroba—не туземное дерево. Оно занесено сюда европейцами изъ Мексики, одичало здѣсь и теперь образуетъ цѣлые лѣса. Оно растетъ выше и пышнѣе, чѣмъ на родинѣ, и такъ какъ на сухой здѣшней почвѣ нѣтъ травы, то въ изобилии падающіе съ вѣтвей дерева плоды служатъ пищею пасущемуся въ тѣни ихъ рогатому скоту. Тамъ и сямъ монотонныя заросли *Algeroba* прерываются группами кокосовыхъ пальмъ. Многія изъ нихъ очень старыя и насчитываютъ отъ 300 до 400 лѣтъ; всѣ онѣ, и старыя, и молодыя далеко не похожи на тѣ заросли кокосовыхъ пальмъ, которыя такъ скоро надобѣдаютъ въ тропической Азіи. На необыкновенно длинномъ, почти черномъ, точно изъ металла вылитомъ, чрезвычайно гибкомъ стволѣ красуется почти шарообразный пучекъ сравнительно короткихъ вай. Пальмы эти стройны и красивы, несмотря на то, что напоминаютъ болѣе, чѣмъ какія либо другія, опахала для смахиванія пыли, но въ лѣсу изъ такихъ пальмъ не можетъ быть и рѣчи о тѣни. Слишкомъ малочисленъ и слишкомъ высоко качается этотъ пучекъ зелени. Молодыя пальмы, растущія ниже, хотя и имѣютъ болѣе пышную листву, обыкновенно страшно объѣдены насѣкомыми. Я не видалъ такихъ объѣденныхъ пальмъ въ Азіи, гдѣ много птицъ, истребляющихъ насѣкомыхъ. Но здѣсь занесенный изъ Японіи жучекъ размножился невѣроятно и истребляетъ твердую листву тропической растительности неистово, не щадя даже твердыхъ вай пальмъ. Если посланный въ Японію энтомологъ не привезетъ враговъ жучка, то флора острова будетъ стоять вся объѣденная.

Кромѣ кокосовыхъ пальмъ, на пути въ *Waikiki* попадаются плантаціи банановъ, столь же мало похожихъ на азіатскія, какъ и кокосовыя. Бананы растутъ низко, не выше нашей кукурузы въ Закавказьѣ, и листья ихъ дѣйствіемъ вѣтра такъ разодраны, что напоминаютъ скорѣе пучки мочалы. Но плоды, на нихъ выростающіе, обильны и вкусны, почему воздѣлываніе ихъ вознаграждаетъ за труды.

Waikiki—маленькое береговое селеніе, состоящее изъ купаленъ, дорогаго отеля и нѣсколькихъ домиковъ съ разбиваемыми садиками, расположено въ концѣ линіи конно-желѣзной дороги и, если хотите, на краю культурной полосы побережья. Вы у подножія потухшаго кратера *Diamond head*. Послѣдній разъ видите вы зелень въ паркѣ, разбитомъ у подножія вулкана. Паркъ этотъ состоитъ почти исключи-

тельно изъ казуариній, напоминающихъ своими безлистными зелеными побѣгами сосны. Но ихъ длинные долговѣчные стволы и сѣдая зелень цвѣтомъ немного темнѣе, чѣмъ у *Algeroba*, наводятъ уныніе. Кое-гдѣ торчатъ группы кокосовыхъ пальмъ, а по берегамъ неизяцно вырытыхъ прудовъ посажены молодые финики—еще слишкомъ молодые, чтобы производить эффектъ. Такимъ образомъ сейчасъ за городомъ вы уже теряете тропическую обстановку. Въмѣсто буйной растительности острововъ Азіи, вы здѣсь имѣете подобіе оазиса въ пустынѣ, невольно припоминаете Египетъ. Дѣйствительно стоитъ только выйти изъ предѣла, обитаемаго человѣкомъ, чтобы передъ вашими глазами развернулась безотраднѣйшая картина. Вокругъ *Diamond head* и выше вплоть до самыхъ горъ вы видите передъ собою необитаемую невоздѣланную мѣстность. Недавно, говорятъ, это была совершенная пустыня, совершенно непроходимое для человѣка, необозримое, своеобразное поле лавы. Тотъ, кто бывалъ на Везувіи, не можетъ себѣ составить понятія объ этомъ полѣ. Въ Италіи мы имѣемъ или лавовые потоки или песокъ изъ болѣе или менѣе крупныхъ кругловатыхъ кусковъ вулканическихъ *lapilli*. Здѣсь вся земля покрыта навороченными другъ на друга громадными вулканическими бомбами или распавшимися на отдѣльные камни, нѣкогда болѣе компактными слоями лавы. Это—ноздреватая глыбы величиною, начиная съ человѣческой головы и до взрослого теленка, навороченные неправильно одна на другую съ острыми выступами и неправильными ноздреватыми контурами. Эти поля лавовыхъ глыбъ почти непроходимы, кромѣ немногихъ продѣланныхъ въ нихъ тропинокъ, такъ какъ хожденіе по нимъ гораздо труднѣе, чѣмъ по ледниковымъ моренамъ. Выступы камней остры; они рвутъ и рѣжутъ сапоги и не даютъ достаточно опоры, чтобы удержать равновѣсіе. Упасть же на нихъ опасно, такъ какъ земля не ровна и состоитъ изъ навороченныхъ каменныхъ глыбъ.

Затруднительность передвиженія увеличивается еще тѣмъ, что пустыня эта заросла почти непролазнымъ кустарникомъ *Lantana communis*.

Бразильское растеніе это стало теперь космополитомъ тропическаго міра. Всѣ пустыри Индоазіи, Цейлона и значительной части тропической Америки заросли этой лантаной и другимъ бурьяномъ—колосистой синей вербеной. Съ точки зрѣнія европейца несправедливо было бы называть бурьяномъ красивый кустъ, выше человѣческаго роста, съ нѣжнозеленой зеленью и все время съ низу до верху усѣянной щитками кирпично-красныхъ, желтыхъ, розовыхъ или бѣлыхъ цвѣтовъ. Но подъ тропиками, гдѣ и безъ лантаны много изящныхъ растеній,—она надоѣдаетъ. И нигдѣ, быть можетъ, она не играетъ въ такой степени непопулярной роли, какъ здѣсь на Сандвичевыхъ островахъ. На каменистомъ, рѣдко когда орошаемомъ дождемъ грунтѣ, это растеніе ведетъ энергичную борьбу за суще-

ствованіе. Климатъ мѣстности ему не подходящій. Недѣлями стоитъ оно съ блеклыми листьями, ежеминутно, кажется, готовое засохнуть. Но это не мѣшаетъ ему развивать цвѣты и черносинія ягоды, разносимыя птицами далѣе и далѣе и покрывать сотни и тысячи десятинъ. Его стволъ становится деревянистымъ; кустарникъ хватаетъ обыкновенно по поясъ, покрывается твердыми колючими шипами, листья его становятся пушистыми. Готовится новая разновидность, крайне любопытная для дарвинистовъ. Но для путешественника эта лантана—чистый бичъ. Продираться черезъ нее по неровному грунту, рискуя ежеминутно упасть и сломать себѣ ногу, крайне неприятно, не говоря уже о томъ, что колючки ея грозятъ изорвать въ клочья самую прочную одежду. Лантана занесена сюда сравнительно недавно. На Оали она теперь самое обыденное растеніе; сухая, южная часть острова, можно сказать, сплошь заросла ею. Она занесена и на другіе острова. Я ее видѣлъ на Гаваѣ, но тамъ она еще вновь и потому представляетъ пока рѣдкость.

Надъ этимъ однообразнымъ моремъ лавовыхъ глыбъ, заросшихъ лантаною, тамъ и сямъ возвышаются одинокіе кусты кактусовъ—*Opuntia*—*Ficus indica*, повидимому, занесенныхъ также португальцами съ Мадеры и теперь въ сухихъ и пустынныхъ частяхъ острова напоминающихъ родину растенія—Мексику. Они тоже обѣщаютъ размножиться, какъ и лантана.

Эти два растенія, и только эти два и составляютъ флору мѣстности. Только у подножія *Diamond head*, да на склонахъ ея, почти совершенно голыхъ, можно бываетъ еще встрѣтить нѣсколько невзрачныхъ туземныхъ травъ, преимущественно одинъ видъ *Tribulus*, въ родѣ нашего *Tribulus terrestris* съ яркожелтыми цвѣтами.

Склоны *Diamond head* круты, каменисты и трудны для восхожденія. За то съ вершины открывается восхитительная панорама. Съ одной стороны подъ ногами глубокій воронкообразный кратеръ съ солончаковымъ болотомъ на днѣ; съ другой стороны видъ на зеленѣющую долину съ постройками и кронами кокосовыхъ пальмъ, и главное на безбрежный просторъ яркоголубаго моря, громадныхъ волны котораго съ этой высоты кажутся едва замѣтною рябью. Кажется, что вы съ птичьяго полета созерцаете кусокъ громаднаго глобуса въ его океаническомъ полушаріи. Большіе пароходы кажутся крошечными бѣлыми точками. Необъятный просторъ моря, въ которомъ отражается блескъ дневнаго свѣтила, громадный полукругъ горизонта, гдѣ-то далеко, далеко голубоватую дымкою сливающійся съ небомъ, производитъ сильное впечатлѣніе. Послѣ восхитительныхъ ландшафтовъ Японіи, Индіи, Явы этотъ видъ все же оставилъ во мнѣ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе. Съ борта корабля море никогда не кажется такимъ, и сухопутный житель, съ берега, особенно съ берега тропическаго, только и можетъ оцѣнить всѣ красоты моря; тогда какъ морякъ вовсе не смотритъ на него или смотритъ

съ равнодушіемъ, граничащимъ съ ненавистью на надоѣвшую стихію, вѣчно его окружающую, ничего новаго не дающую. Небомъ и облаками, но не моремъ восхищается мореплаватель.

Зеленѣющія горы, составляющія всегда главный фонъ панорамъ окрестностей Гонолулу, постоянно манили меня къ себѣ изъ города. Но достигнуть ихъ, идучи пѣшкомъ, не легко и не скоро, и обыкновенно на полупути, или что еще хуже, когда цѣль была уже совершенно близко,—меня останавливало проклятое холерное табу. Потому, прежде чѣмъ попасть въ горы, я исходилъ по различнымъ направленіямъ окрестности Гонолулу.

Далеко не вездѣ онѣ такъ необработаны и дики, какъ около Diamond head. Изъ горныхъ долинъ и ущелій вытекаетъ нѣсколько рѣчекъ, направляющихъ свое теченіе къ городу, и ихъ долины въ нижнемъ теченіи хотя и не даютъ для глаза, избалованнаго японскими панорамами, ничего особеннаго, но ихъ зеленая скатерть съ раскиданными домиками туземцевъ, тамъ и сямъ возвышающимся развѣсистымъ деревомъ или пальмою не лишена живописности. Громадныя площади представляютъ изъ себя террасообразно расположенныя залитыя водой, наподобіе рисовыхъ полей, поля таро. Растеніе это похуже по виду на наши комнатныя, такъ называемыя арумы (*Calocasia*), но листь ихъ темнѣе и болѣе сморщенный. Громадныя корневища его, идущія на приготовленіе таро, европейцами варятся и употребляются въ пищу вмѣсто картофеля. Они имѣютъ сѣро или, вѣрнѣе, грязно бѣлый цвѣтъ и черезчуръ уже крахмалисты, и потому гораздо менѣе вкусны. Тамъ и сямъ разбросаны плантаціи банановъ. Но въ общемъ мало деревьевъ, мало предметовъ бросающихся въ глаза. Оградный зеленѣющій видъ, однако, имѣютъ только рѣчныя долины. Разъ вы приблизитесь къ недоступнымъ для орошенія ихъ берегамъ, картина мѣняется, опять является голая, сухая лава, заросшая рѣдкимъ кустарникомъ. Къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ города такимъ кустарникомъ является исключительно *Lantana communis*. Другіе кустарные бурьяны тропиковъ: *Verbena*, *Cassia* и другіе бобовые, присоединяются сюда въ изобиліи, но преобладающимъ кустарникомъ здѣсь является американская гуява.

Во влажныхъ тропикахъ гуява—дерево, по росту своему не уступающее нашимъ самымъ высокимъ плодовымъ деревьямъ. Въ Мексикѣ, на своей родинѣ, гуява даетъ мелкіе, немного болѣе крупнаго плода черешни, кисловатые плоды. Такими, по крайней мѣрѣ, я ихъ видѣлъ на базарахъ Закатекаса. На Цейлонѣ и Явѣ плоды ея, уступающая во всѣхъ отношеніяхъ другимъ тропическимъ плодамъ, рѣдко обращаютъ на себя вниманіе туриста. Недавно ее стали разводить въ Египтѣ, и есть основаніе думать, что она пойдетъ у насъ въ наиболѣе теплыхъ мѣстахъ Закавказья. Но настоящую новую родину гуява нашла себѣ въ Полинезіи. Еще Араго указывалъ, что

гуява, вытѣсняя туземные виды, заполонила почву острова Таити. Теперь то же можно сказать, какъ про Оали, такъ и про многія мѣста Гавай. Здѣсь, развиваясь только въ видѣ кустарника, подобно лантанѣ, не боясь ни скота, ни пожара, гуява заросла пространства на многія сотни десятинъ. Здѣсь уже различаютъ не менѣе трехъ разновидностей: *Sweet guava*, *white guava* и *wild guava*, хотя онѣ всѣ *wild guava*, то-есть растутъ дико. Первая даетъ оранжево-желтые плоды величиною съ яблоко, наполненные кислотовато-пріятнаго вкуса прохладительною душистою розовою мякотью и мелкими зернышками, дающими плоду гуявы сходство съ громадной величины крыжовникомъ съ очень толстою кожею. Двѣ другихъ разновидности—бѣлая и кислая гуява, кислѣе; но всѣ онѣ годятся для приготовления прекрасныхъ желе и вареній, чѣмъ уже и воспользовались практичные американцы—благо, гуява растетъ и множится сама собою, и сборъ плодовъ ея не представляетъ никакихъ трудностей. Гуява и *Algeroba*—два бурьяна, занесенные европейцами: одна—кустъ, другое—дерево, которымъ въ пейзажѣ архипелага въ будущемъ предстоитъ играть видную роль.

Другой разъ я сдѣлалъ экскурсію вдоль берега моря на западъ, по желѣзной дорогѣ, идущей черезъ такъ называемое *Pearl-bay* въ *Weinahe*. Это пока единственная и довольно патриархальная желѣзная дорога, останавливающаяся гдѣ и когда угодно, помимо многочисленныхъ станцій и полустанковъ. Думаютъ, однако, опоясать рельсами весь островъ, но это еще въ проектѣ.

Вагоны и администрація дороги—американскіе. Ландшафты, открывающіеся изъ оконъ вагоновъ, очень живописны, и сдѣлать поѣздку въ *Wainaha*, берущую около 2-хъ часовъ на конецъ, можно смѣло посоветовать всякому туристу. Сперва вы ѣдете въ области рисовыхъ полей, съ ихъ пріятною нѣжною, ярко-изумрудною зеленью, разбросанными среди нихъ группами пальмъ и домиками китайцевъ. Китайцы, по преимуществу эмигранты изъ Калифорніи, арендуютъ здѣсь земли или подъ рисъ или подъ бананы и овощи. Своими неутомимыми трудами они поставляютъ въ городъ почти всѣ овощи и плоды. На горизонтѣ рисуются живописныя то зеленныя, то бурныя очертанія горъ острова. Мѣстами попадаются домики европейца и хорошенькій паркъ съ пальмами и олеандрами или плантація ананасовъ, разсаженныхъ на грядахъ на подобіе капусты. Здѣшніе ананасы много вкуснѣе цейлонскихъ и американскихъ. Ихъ мясо бѣлое, сладкое и чрезвычайно ароматичное. Затѣмъ поѣздъ огибаетъ большую лагуну, въ которой, если бы соединить ее каналомъ съ моремъ, говорятъ, могъ бы помѣститься флотъ всего міра. Компания, владѣющая берегами ея, зная это, усиленно рекламируетъ эту мѣстность, которая пока ничего интереснаго не представляетъ и принадлежитъ къ числу наименѣе красивыхъ на островѣ. За этимъ *Pearl-bay* вы вступаете въ область сахарныхъ плантацій,

такъ называемую *Eva district*. Вы оказываетесь здѣсь среди однообразнаго зеленаго моря камыша, раза въ два превышающаго человѣка, съ толстыми, колѣнчатыми, искривленными стволами, напоминающими тростникъ Италіи. Они рѣдко увѣнчиваются метелками, обыкновенно ихъ рубягь раньше, для того, чтобы, разбивъ на отдѣльныя звенья, засадить ими новую плантацію, или чтобы добыть сахаръ, $\frac{1}{10}$ котораго въ здѣшнемъ тростникѣ больше, чѣмъ гдѣ либо на свѣтѣ. Ниже я опишу добычу сахара изъ этого тростника, какую я видѣлъ на Гаваи, теперь же упомяну только, что высокія фабричныя трубы, маленькіе, бѣлые, рядами выстроенные домики для рабочихъ даютъ мѣстности видъ, скорѣе напоминающій какой нибудь заводъ въ южной Россіи, чѣмъ тропическій ландшафтъ. Затѣмъ мѣстность становится совершенно сухою и пустынною. Ирригаціонные каналы исчезаютъ. Вы опять мчитесь по лавовой пустынѣ сухой и пыльной, заросшей низкорослыми колючими кустиками акаціи, съ листьями, напоминающими листья мимозы, и пучками душистыхъ желтыхъ тычинокъ-цвѣтовъ. Эта *Acacia Farnesium* также не туземное растеніе. Она также размножилась и одичала, какъ гуява и лантана. Она мѣже полезна, чѣмъ эти двѣ послѣднія формы, но за то наполняетъ воздухъ благоуханіемъ своихъ цвѣтовъ.

Съ полчаса мчится поѣздъ по этой пустынѣ, пока не достигнетъ горъ *Weinahe*, гдѣ сразу панорама вновь мѣняется, и вы попадаете въ рядъ ущелій, окруженныхъ высокими совершенно голыми скалами. Такіе оголенные, безжизненные ландшафты можно встрѣтить развѣ въ самыхъ пустынныхъ мѣстахъ Туркестана. Ущелья эти имѣютъ видъ глубокихъ цирковъ и напоминаютъ днища кратеровъ, которыми они, вѣроятно, и были, пока ихъ на половину не разрушила дѣятельность моря, по берегу котораго и проложены рельсы. Дикія и величественныя панорамы смѣняютъ одна другую. Черныя скалы, пучки желтой травы, низкорослые кусты съ желтыми цвѣтами у полотна—вотъ все, что видитъ глазъ въ этой лишенной всякой жизни пустынѣ. Впрочемъ ботаникъ находитъ здѣсь много туземныхъ видовъ. Они невзрачны, но представляютъ глубокой интересъ. Они принадлежатъ къ семействамъ и родамъ, у насъ выродившимся въ мелкія травы. Здѣсь это еще кустарники. Это сохранившіе свои первичныя черты потомки тѣхъ формъ, которыя выродились въ травы въ послѣднюю геологическую эпоху на нашихъ континентахъ.

Но вотъ и *Weinahe*, маленькая деревушка и фабрика, приютившаяся въ тѣни развѣсистыхъ *Algeroba*. Долина-оазисъ, зеленѣющая полями и рощами кокосовыхъ пальмъ среди скалъ, переходящихъ въ глубинѣ острова въ высокія горы; горы уже зеленыя, влажныя, гдѣ теперь начинаютъ культивировать кофе. Съ другой стороны сопровождавшее васъ весь путь, тихое голубое море, бѣлѣющее на горизонтѣ пѣною бурнуновъ, разбивающихся о подводный барьеръ

Коралловыхъ рифовъ. Здѣсь оно тихо, какъ агнецъ. Оно плещется у бѣлаго усыпаннаго коралловымъ пескомъ берега. Тамъ и сямъ далеко въ море выдаются бурые полуострова и утесы, придавая въ вечерніе и утренніе часы необыкновенную прелесть ландшафту. Этотъ безбрежный океанъ, эти тихія, но могучія голубыя волны, эти причудливыя очертанія вдающихся въ море горъ и скалъ, задержанныхъ голубовато-фіолетовою дымкою теплаго вечерняго воздуха съ одной стороны, кроны кокосовъ, сѣдые развѣсистые *Algeroba*, кусты вѣчно усѣянныхъ розовыми цвѣтами олеандровъ, съ другой стороны—все располагаетъ здѣсь къ отдыху, превращая уединенный уголокъ этотъ въ очаровательное мѣсто для утомленной жизненными тревоженіями души и усталого отъ невзгодъ тѣла. Здѣсь нѣтъ роскоши тропической природы и ея изнѣживающаго баннаго воздуха. Здѣсь сухо. Это природа Крыма, но природа, принявшая обликъ тропической. Пальмы, пассифлоры, олеандры, манги, если ихъ посадить и поливать, растутъ, какъ въ Индіи, и отъ воли человѣка зависитъ здѣсь окружить себя чисто тропическою растительностью или остаться среди выжженныхъ скалъ, напоминающихъ мертвенные ландшафты средиземноморскихъ странъ съ ихъ сѣдобурными скалами и голубымъ моремъ и небомъ.

Въ этомъ уединенномъ уголкѣ, въ уютномъ затѣненномъ *Algeroba*'ми домикѣ съ садикомъ изъ молодыхъ кокосовъ, неизбѣжныхъ олеандровъ, апельсиновыхъ деревьевъ и тропическихъ кустовъ, я нашлъ гостепріимный пріемъ у двухъ семей соотечественниковъ, кажется, единственныхъ на этомъ космополитическомъ островѣ. Одинъ изъ нихъ, д-ръ Р., давно уже эмигрировалъ въ эти страны. Любимѣйшій и популярнѣйшій изъ здѣшнихъ докторовъ онъ, однако, подобно всѣмъ русскимъ людямъ, мечтаетъ о другой профессіи—и хочетъ заняться разведеніемъ кофе на островѣ Гаваи. Другой соотечественникъ, гостившій у него со всею своею многочисленною семьею, былъ извѣстный всей русской публикѣ своею борьбою со злоупотребленіями въ Закавказьѣ бывший піонеръ Батумской культуры докторъ Кристофовичъ. Уставши въ борьбѣ этой, онъ предпочелъ бросить грозившее его здоровью Закавказье и переѣхалъ на Оали. Я не знаю, будетъ ли эта колонія прочною. Семья д-ра Р. не чуждо чувство тоски по родинѣ. Докторъ Кристофовичъ не ожидалъ найти въ Полинезій такъ мало туземной патріархальности, такъ много американскаго кулаческаго духа, передъ которымъ всѣ русскія насилія кажутся младенческими. Но такъ или иначе, благодаря радушію этихъ милыхъ хозяевъ и соотечественниковъ, я провелъ подъ кровлею ихъ домика въ *Weinaha* нѣсколько пріятнѣйшихъ часовъ, за все время моего путешествія, давшихъ возможность отдохнуть отъ черствости окружавшей американско-гавайской среды.

Еще одна экскурсія была мною сдѣлана совместно съ г. Эгеромъ внутрь горъ, въ центръ острова, къ обрыву такъ называ-

емому Пали, откуда открывается видъ на сѣверную сторону острова. Обрывъ этотъ знаменитъ въ исторіи острова тѣмъ, что сюда загнали и погубили тысячи народу въ періодъ завоеванія его войсками Камеама I. За какихъ нибудь два — три часа ѣзды въ экипажѣ вы платите здѣсь 20 рублей. Это нормальная цѣна Гонолулу, заставляющая держать или собственную лошадь или отказываться отъ дальнихъ поѣздокъ.

По дорогѣ, ведущей къ Пали, вы постепенно покидаете обработанную мѣстность окрестностей Гонолулу и вѣзжаете въ горное ущелье. Справа и слѣва воздымаются черныя скалы. Онѣ одѣты ползущею по нимъ до самаго верха зеленью. Говорятъ, что это очень красивый ландшафтъ. Можетъ быть, послѣ 22 этажныхъ домовъ Чикаго онъ можетъ казаться красивымъ, но мнѣ этотъ мертвенный ландшафтъ безлѣсныхъ зеленыхъ крутыхъ скалъ былъ со всѣмъ не по вкусу.

Сколько тысячъ такихъ видовъ есть на Альпахъ и на Кавказѣ. Но никто на нихъ не останавливаетъ взора, не называетъ красивыми. Здѣсь въ противоположность побережью сыро; дожди падаютъ почти ежедневно; облака въ видѣ тумана закутываютъ скалы. Потому все зелено. Когда-то, вѣроятно, тутъ былъ лѣсъ, но теперь только по берегамъ рѣкъ въ видѣ непролазныхъ дебрей, переплетшихся между собою, искривленныхъ, исковерканныхъ кустарниковъ растутъ *Paritium dilicium*—тѣ самые *Paritium*, которыя въ видѣ роскошныхъ высокихъ деревь, съ листьями, похожими на липовые и желтыми, похожими на цвѣты не махровыхъ штокъ-розъ, цвѣтами, украшаютъ малайскія побережья и аллеи городовъ тропической Индіи и Цейлона.

Подъ почвой близко камень, она заболочена и не позволяетъ развиваться здоровому дереву; только заросли изъ высокаго дикаго имбиря съ благовонными бѣлыми цвѣтами, да другаго еще болѣе красиво цвѣтущаго *Scitaminea* сопровождаютъ еще берега ручьевъ.

Обыкновенно же почва покрыта густою зеленою травою изъ *Synodon dactylon*, мѣстами смѣняющеюся сплетеніями изъ вьющагося японскаго ломоноса и двухъ сортовъ вьюнковъ. И эти растенія также всѣ не туземныя. Какъ бурьяны, они были сюда занесены европейцами и теперь такъ размножились, что совершенно заполнили островъ. Есть какая-то аналогія между заселеніемъ Сандвичевыхъ острововъ людьми и растеніями. Какъ люди, пришлые изъ Японіи, Китая, Мадеры и Америки, размножаются здѣсь, вытѣсняя туземцевъ и постепенно занимая всю территорію, такъ и растенія гонягъ передъ собою туземную флору, и теперь выходцы изъ Европы, Японіи, Китая и Америки постепенно заполняютъ островъ. И тутъ наблюдается такая же послѣдовательность и смѣна. Сперва, говорятъ, здѣсь одичало индиго, и его розовые цвѣточки всюду покрывали почву острова. Занесенное изъ Китая, оно долгое время здѣсь одно господствовало, пока *Buffalo grass* изъ Америки и *Nilo grass*

съ Филиппинскихъ острововъ не заняли территоріи. Индиго исчезло. Оно теперь попадаетъ не чаще, чѣмъ туземные бурьяны, и два злака составили земной коверъ травъ, устилающихъ всѣ влажныя скалы острова и мало-по-малу уступающихъ внизу свое мѣсто гуавамъ, лантанамъ, кактусамъ, акаціи и *Algeroba*.

Туземная флора, подобно канакамъ, не играетъ роли въ пейзажахъ большей части острова. Она отгѣснена на самыя неприступныя кручи горныхъ скалъ; тутъ вы еще можете карабкаться среди дебрей изъ густыхъ кустовъ папоротника съ темнозелеными глянцевитыми, какъ у саговиковъ, листьями, зелень которыхъ представляетъ своею темнотою разительный контрастъ съ разбросанными деревьями *Suscijo Aburites Molussana*, листва которыхъ окрашена въ почти бѣлый цвѣтъ и которые даютъ красивые граненые орѣхи. Здѣсь вы встрѣтите видъ мирты, дающей крупныя въ родѣ яблокъ плоды, дебри изъ *Cordyline*, очень похожіе на разводимыя въ нашихъ комнатахъ широколиственныя драцены и растопырившіе свои кольчатыя вѣтви панданусы. Странное зрѣлище для глазъ производитъ эта флора. Черныя возвышающіяся скалы, почти такая же чернозеленая масса папоротниковъ, ихъ скрывающая; бѣлозеленыя группы *Suscijo* между ними, все это краски не привычныя для глаза, дающія ландшафту что-то мрачное, демоническое; плавающія же въ уровень съ вами облака довершаютъ это впечатлѣніе.

Настоящихъ лѣсовъ здѣсь мало. Только одинъ разъ, когда съ компаніей знакомыхъ американцевъ я совершалъ восхожденіе на *Monte Rylatus*, мы проходили черезъ разведенный правительствомъ лѣсъ. Это были по большей части австралійскіе эвкалиптусы съ ихъ печальной пониклой сырой листвою, и туземный видъ акаціи съ такой же формы, какъ и у эвкалиптуса, только болѣе темнозелеными листьями. Ихъ можно бы было смѣшать съ эвкалиптами, если бы не другая кора и круглыя развѣсистыя кроны. Попадались также *Asaica dealbata* и *Luphanta*. Но вообще говоря, лѣса эти, какъ всѣ искусственно разведенные лѣса, скучны, монотонны и не красивы. Въ горы, и въ частности на Пали, ѣздятъ не ради лѣсовъ и дикой флоры, но ради открывающихся ландшафтовъ *à vol d'oiseau*. Ими дѣйствительно славится островъ, и, любуясь ими, туристъ забываетъ недостатки его прочихъ панорамъ. Фонъ картины безбрежно голубой океанъ и бѣлые буруны, окаймляющіе островъ. Затѣмъ долина Гонолулу съ пальмами, лѣсами мачтъ въ гавани и хорошенькими хуторками и деревнями окрестностей, зеленѣющія долины съ рисовыми полями и желтые усѣченные конусы потухшихъ вулкановъ, обнаженные, украшенные лишь оригинальными кактусами.

И все это въ рамкѣ изъ ущелья черныхъ скалъ—одѣтыхъ ихъ оригинально окрашеною туземною растительностью!

Поднявшись на вершину Пали, вы имѣете крутой, совершенно почти отвѣсный обрывъ-пропасть, падающую почти до уровня моря,

гдѣ далеко внизу, подъ ногами зеленѣетъ низина съ группами кокосовыхъ пальмъ и голубымъ моремъ сѣвернаго берега. Климатъ этого берега совершенно иной. Здѣсь сухо—тамъ постоянные дожди. Два противоположные берега континента рѣдко имѣютъ климаты болѣе несходные, чѣмъ два склона этихъ скалъ, затерянныхъ среди океана.

Островъ Оали, на которомъ расположенъ Гонолулу, является для натуралиста наименѣе интереснымъ изо всей группы. Болѣе западный Кани—носящій у теперешнихъ гавайцевъ названіе Garden Island, имѣетъ гораздо болѣе интересную и богатую флору, придающую острову видъ настоящаго сада. Онъ изобилуетъ видами рѣдкихъ растений, родственныхъ съ формами отдаленныхъ геологическихъ эпохъ. Напротивъ болѣе западные изъ острововъ, какъ, напримѣръ, Мани, Молокаі и Наваі, гораздо бѣднѣе по своей флорѣ, но зато, какъ болѣе молодые по происхожденію, даютъ возможность гораздо лучше наблюдать тѣ вулканическія силы, дѣйствию которыхъ обязаны своимъ появленіемъ Сандвичевы острова. На Мани знаменитый кратеръ Heleakola даетъ возможность спускаться внутрь его и видѣть оригинальный ландшафтъ изъ конусовъ не давняго происхожденія. На склонахъ же высокаго вулкана Мауна-Лоа на Гаваи мы и теперь видимъ замѣчательный отверстыи кратеръ Келавеа, представляющій изъ себя огромное озеро изъ лавы, цѣлое огненное море, единственное мѣсто на планетѣ нашей, гдѣ, стоя на берегу кипящаго моря, можно созерцать ландшафтъ земной поверхности, когда она еще не покрылась тою толстою корою, которая охладившись стала пригодною для обитанія растительнаго и животнаго міра.

Теперь для путешественника, остановившагося въ Гонолулу, представляется полная возможность посѣтить всѣ эти острова и наблюдать ихъ особенности, такъ какъ на рейдѣ города колышется цѣлая флотилія изъ пароходиковъ, два раза въ недѣлю совершающихъ правильные рейсы между островами. Пароходики эти очень не большой величины, они не больше нашихъ невскихъ, ходящихъ въ Шлиссельбургъ, и на громадныхъ валахъ океана ихъ качаетъ самымъ жестокимъ образомъ. Горе для страдающихъ морскою болѣзнью поѣхать на одномъ изъ судовъ этой флотиліи. Даже тѣ, кто переносятъ хорошо качку на большихъ океанскихъ судахъ, легко могутъ поплатиться на этихъ парходахъ. Но зато такая поѣздка даетъ возможность видѣть много любопытнаго.

Большинство острововъ, и въ томъ числѣ Оали, окружены скрытыми подъ водою коралловыми рифами. Потому море вокругъ нихъ голубое и спокойное, и, только выйдя за этотъ барьеръ, вы попадаете въ область океаническихъ волнъ. Этотъ коралловый барьеръ замѣчателенъ еще тѣмъ, что онъ задерживаетъ подпочвенныя воды, заставляя ихъ выходить въ видѣ подводныхъ ключей прѣсной воды среди этого прибрежнаго моря. И странно видѣть лошадей, идущихъ

на водопой въ море, или людей, запасающихся съ поверхности океаническихъ волнъ необходимою для питья водою. Другая характерная особенность, кидающаяся въ глаза при плаваніи по этому архипелагу—это рѣзкая разница въ климатахъ различныхъ частей острововъ. Будучи по величинѣ своей не больше маленькаго уѣзда русской губерніи, каждый изъ острововъ имѣетъ отъ двухъ до четырехъ климатовъ, различающихся другъ отъ друга гораздо болѣе рѣзко, чѣмъ влажный Батумъ и песчаныя степи Закаспійской области.

Какъ извѣстно, Сандвичевы острова лежатъ въ области пассатныхъ вѣтровъ. Дуя круглый годъ съ сѣверо-востока, вѣтры эти, встрѣчая на пути своемъ горы нашего архипелага, принуждены давать восходящія вдоль ихъ склоновъ токи воздуха, которые, охлаждаясь, сгущаютъ пары свои въ раздражающіяся дождемъ тучи. Потому здѣсь льютъ непрестанно ливни. Почва насыщена влагою, она вывѣтрѣла въ характерный тропическій красноземъ значительной мощности. Атмосфера напоминаетъ атмосферу оранжереи — такъ она тепла и насыщена парами. Какъ въ Батумской области, небо постоянно пасмурно, то льютъ ливни, то моросить мелкій, какъ изъ сита, дождикъ, и земля густо поросла папоротниками и другими ярко-зелеными растеніями. Такой обликъ имѣютъ все сѣверо-восточныя склоны острововъ.

Діаметрально противоположную картину представляетъ ихъ юго-западный склонъ, особенно склонъ Гавайя. Тутъ все сухо. Низвергающійся съ горы пассатъ принимаетъ характеръ сухаго фѣна, онъ не выдѣляетъ ни капли влаги. Темная лазурь неба безоблачна, она соревнуетъ съ безмятежною лазурью моря. Скалы лишены всякихъ слѣдовъ растительности. Онѣ темныя, бурныя, подобны обнаженнымъ скаламъ Закаспійской области. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, напримѣръ, на Мауи, вѣтеръ сгоняетъ песокъ въ кучи, въ барханы, странствующие, какъ въ пустыняхъ Каракумъ, по направленію господствующаго вѣтра. Попадая на берега моря, смачиваясь водою, эти пески превращаются въ достопримѣчательность острова—поющіе пески. Ступая по нимъ, вы издаете различной высоты скрипящія тоны, какъ будто бы вы ступали по клавишамъ рояля, или, точнѣе, по скрипящимъ половицамъ.

Солонцы и другія явленія пустыни здѣсь на каждомъ шагу. Трудно выдумать два ландшафта болѣе несходныхъ, которые могли бы умѣщаться въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ ѣзды, на маленькихъ клочкахъ суши, разбросанныхъ среди безбрежнаго океана! На болѣе крупныхъ изъ острововъ, какъ, напримѣръ, на Гавайи и Оаи, между этими двумя противоположными типами помѣщаются области переходныя. Защищенныя отъ пассатовъ, онѣ представляютъ области бризъ—ночью сухопутный теплый, днемъ несущій прохладу морской, обыкновенно завершающійся освѣжающимъ дождемъ вѣтеръ. Здѣсь природа напоминаетъ крымскую, только съ болѣе тропиче-

скими растительными формами. Климатъ достигаетъ чисто райской мягкости. Зима отличается на нѣсколько градусовъ отъ лѣта, температура дня почти не отличается отъ ночной. Ясное небо большую часть дня, легкій лѣтній костюмъ круглый годъ, ни насморковъ, ни простуды, ни холода, ни ненастныхъ дней.

Съ борта парохода, проходя мимо береговъ архипелага, вы можете любоваться контрастами ландшафтовъ, видѣть то зеленѣющіе отъ сахарныхъ плантацій склоны, то кроны пальмъ, качающихся надъ гавайскими деревушками, то пики и бурия выжженныхъ скалы. Обыкновенно пароходъ дѣлаетъ пять или шесть различныхъ остановокъ, между прочимъ, въ деревнѣ, гдѣ былъ убитъ Кукъ, и гдѣ ему воздвигнутъ теперь бѣлый обелискъ, и затѣмъ уже достигаетъ конечной цѣли—гавани Нило, откуда можно отправиться осматривать интересные кратеры Гавай. Американская компанія беретъ обыкновенно 50 долларовъ за провозъ на пароходѣ и по острову, остановки въ гостиницахъ и очень скверные (кромѣ гостиницы у кратера Келавеа) обѣды. Я, однако, предпочелъ экскурсировать самостоятельно, что не содѣйствовало удешевленію путешествія, такъ какъ стоимость наемной лошади на три дня больше, чѣмъ если ее купить въ собственность, а за ночевку въ скверной комнатѣ и обѣдъ приходилось платитъ не менѣе 5 долларовъ, то-есть на наши деньги 10 рублей. Гило маленькая, но очень хорошенькая деревушка съ такимъ же смѣшаннымъ населеніемъ, какъ и въ Гонолулу, и съ такою же смѣшанною растительностью. Но на тучной почвѣ и во влажномъ климатѣ этой сѣверо-западной части острова она достигаетъ особой роскоши. Пальмы, кассіи, тамаринды, *pride of India* и другія эффектные тропическія деревья здѣсь развиваются также хорошо. Многія растенія нашихъ цвѣтниковъ и оранжерейныхъ и комнатныхъ культуръ дичаютъ здѣсь и растутъ около дорогъ. Таковы, на примѣръ, пестролистые *sabeu'sy*, гераніумы, растущіе здѣсь одичавши, какъ крапива, около дороги, тогда какъ побережья покрыты пышными цвѣтами голубой *Jromea res sargae*. Зато на этомъ западномъ склонѣ Гавай, по пути на вулканъ, вы встрѣчаете гораздо большее количество туземныхъ формъ растеній, группирующихся въ дѣвственные лѣса, воспѣтые всѣми американскими и европейскими туристами. У того, кто имѣлъ случай видѣть лѣса Цейлона, Явы или вообще западнаго архипелага, эти гавайскіе лѣса могутъ вызвать только горькое разочарованіе, хотя имъ и нельзя отказывать въ извѣстной долѣ оригинальности.

Сначала миновавъ поля Гило и уродливыя хлѣбныя деревья его окрестностей, вы попадаете въ заросли панданусовъ. Это дерево, обыкновенно ютящееся по берегамъ морей, здѣсь идетъ далеко внутрь, образуя среди лавовыхъ глыбъ, заросшихъ папоротникомъ, родъ джунгля. Чешуйчатые какъ змѣи стволы дерева вѣтвятся на верху, образуя фонтаны изъ зеленыхъ листьевъ, вѣтвятся и снизу,

пуская многочисленные толстые воздушные корни, вѣдряющіеся между глыб лавовой почвы. Никакое другое дерево не бываетъ такъ оригинально, не подходитъ такъ къ ландшафтамъ Океаніи, какъ эти исполинскіе панданусы въ сочетаніи съ устилающими почву папоротниками. Но ихъ заросли унылы, печальны и молчаливы, и шишки оранжеваго цвѣта, висящія подѣ пучками блѣдной листвы, придаютъ этимъ ландшафтамъ облики идеальныхъ допотопныхъ пейзажей, подѣ которыми ждешь встрѣтить не китайскаго кули, а ихтиозавра.

Выше вы вступаете въ лѣсъ изъ двудольныхъ лиственныхъ деревьевъ—различныхъ *Melaleuca jambosa* и др. *Myrtales*. И здѣсь впечатлѣніе, производимое лѣсомъ, не соответствуетъ тому, которое мы составляемъ о дѣвственныхъ лѣсахъ тропиковъ. Деревья чахлы и болѣзненны. Они кажутся жалкими даже въ сравненіи съ нашими лѣсами сѣвера. Правда, большинство изъ нихъ сверху до низу увито растеніемъ *Freyssinetia*, но оно, удушая деревья вѣтвистыми тонкими зелеными прутьями, не содѣйствуетъ украшенію ландшафта и приданію ему пышности. Далѣе на сцену являются древовидные папоротники съ пышными пушистыми ваями и стволами, иногда вдвое превышающими человѣческой ростъ, иногда хватающими только по плечи. Ихъ нѣжная зелень пріятно гармонируетъ съ темною чахлою литвою *Melaleuca* и *Myrtales* лѣса и наполняетъ его промежутки. Но и это растеніе даетъ ландшафту скорѣе какую-то допотопную мертвенность, чѣмъ поражающую глаза роскошь настоящихъ тропиковъ. Кромѣ того, это ничѣмъ не разнообразящееся сочетаніе папоротниковъ *Melaleuca* и *Freyssinetia*, тянущееся на многія версты, положительно надоѣдаетъ. Даже въ нашихъ сѣверныхъ лѣсахъ больше разнообразія формъ—я уже не говорю о Явѣ или Цейлонѣ, гдѣ на каждомъ шагѣ что либо новое поражаетъ сѣверянина.

За стѣной этихъ деревьевъ пріютились робинзоновскія постройки кофейныхъ плантаторовъ. Земля здѣсь быстро разбирается участками, трухлявая торфянистая почва разрабатывается, и несмотря на лихорадочный характеръ мѣстности, здѣсь быстро развивается кофейное дѣло, обѣщающее давать хорошіе доходы предпринимателямъ. Интересна жизнь на этихъ уединенныхъ хуторкахъ, безъ садиковъ, безъ всего, что ласкаетъ взоры осѣдлаго жителя. Два—три пощаженныхъ папоротника и болѣе или менѣе обширныя, окаймленные болотистымъ лѣсомъ площади кофейныхъ саженцовъ—вотъ все, что окружаетъ сколоченный изъ досокъ домикъ плантатора.

Но зато этотъ домикъ, какъ и всѣ домики, разбѣянные по острову, соединенъ съ сосѣдями телефономъ. Гавай—это островъ телефоновъ. Нигдѣ въ мірѣ еще нѣтъ уѣзда, гдѣ каждый обыватель, живущій на хуторѣ, имѣлъ бы свой телефонъ. Центральной станціи здѣсь нѣтъ. Потому телефоны всюду звенятъ непрерывно. Только

условный знакъ отличаетъ, что телефонируютъ вамъ, а не другому. Первнаго человѣка этотъ звонъ съ 5 часовъ утра до 12 ночи можетъ свести съ ума. Но на Гаваи нѣтъ пѣвчихъ птицъ, а для практичнаго уха американца, надо думать, этотъ звонъ имѣетъ свою музыкальность. Кромѣ того, уединеннымъ жителямъ хуторовъ не скучно. Нѣтъ надобности ѣздить по сосѣдямъ сплетничать. Стоить только подойти къ телефону, и всѣ событія дня къ вашимъ услугамъ. Что жъ удивительнаго, что не умѣете вы ступить ногою на Гаваи, какъ уже все населеніе его знаетъ, кто вы такой, зачѣмъ пріѣхали, что намѣрены дѣлать, о чемъ съ кѣмъ говорили, и что съ вами случилось.

Постепенно поднимаясь, дорога, ведущая изъ Гило къ вулкану Келавеа и затѣмъ спускающаяся на противоположную часть острова, выходитъ изъ пояса лѣса. Передъ вами открывается покатая болотистая съ мховымъ грунтомъ равнина съ оригинальною флорою. Она покрыта кустарниками, изъ которыхъ одни похожи на верескъ; ихъ цвѣтки имѣютъ розовыя и бѣлыя ягоды, другіе похожи на бруслику, но съ втрое болѣе крупными ягодами и гораздо выше; третьи похожи на толокнянку. Тутъ есть кустарныя лобеліи съ черными ягодами, другіе кусты похожи на калину, другіе опять низенькіе съ широкими, какъ у ананаса листьями, но всѣ обязательно съ ягодами, изъ которыхъ многія вкусны и съѣдобны. Изъ царства папоротниковъ вы попадаете въ царство ягоды. Эта особенность гавайской флоры объясняется ея происхожденіемъ. Возникши въ видѣ изверженныхъ скалъ со дна океана, Сандвичевы острова явились сушею, изолированную отъ покрытыхъ растительностью материковъ громадными пространствами океаническихъ водъ; они не лежали на пути теченій или вѣтровъ, способствующихъ занесенію растительности. Потому условія для заселенія ихъ флорою материковою были крайне неблагоприятны. Сюда попадали только самыя мелкія, какъ пыль, сѣмена миртовыхъ въ родѣ *Melaleuca* и еще болѣе тонкія споры папоротниковъ, такія ягодныя растенія, которыя пожирались птицами и въ желудкѣ ихъ, именно морскихъ птицъ, могли совершать дальнія странствія, и наконецъ растенія, зерна которыхъ, какъ у панданусовъ и другихъ прибрежныхъ растеній, одѣты толстымъ волокнистымъ водоупорнымъ покровомъ, которые годами могутъ плавать по водамъ, не подвергаясь порчѣ. Вотъ такими-то типами растеній и одѣты были Сандвичевы острова до прихода человѣка. Всѣ остальные типы растеній принесены или канаками или европейцами, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что ихъ еще нѣтъ во внутреннихъ пустынныхъ частяхъ такого большого острова, какъ Гаваи, и что растительность его имѣетъ такой оригинальный обликъ.

Кратеръ Келавеа расположенъ на полпути между западнымъ и восточнымъ берегомъ острова. Я не могу сказать о немъ многого, такъ какъ къ моему пріѣзду, какъ это уже не разъ бывало, лаво-

вое озеро провалилось, и я могъ видѣть передъ собою только глубокую пропасть, наполненную удушливыми газами. Такимъ образомъ я былъ лишенъ удовольствія созерцать одно изъ чудесъ міра, которое, по словамъ американцевъ, посѣщавшихъ кратеръ Келавеа, грандіозностью превосходить и Ніагару, и гейзеры, и каллоны Уеллоустонскаго парка. Объ этомъ впрочемъ еще болѣе гореваль содержатель гостиницы, устроенной въ полу-верстѣ отъ кратера,—гостиницѣ, по благоустройству и качеству стола не уступающей лучшимъ швейцарскимъ. Она теперь пустовала, никто не пріѣзжалъ смотрѣть пустого кратера и отдыхать потомъ на верандѣ, слушая пѣніе его жены, очаровательной каначки, надѣлявшей на прощаніе посѣтителей отеля вѣнками, въ которые нерѣдко вплетались листья «серебрянаго меча», оригинальнаго снѣжно-блага растенія, умудряющагося расти на голой и вывѣтрѣлой лавѣ по сосѣдству съ вѣчными снѣгами Мауна-Лоа. Несмотря на высокія цѣны гостиницы, посѣтитель вынесетъ о ней и хозяевахъ ея самое пріятное воспоминаніе. Лично я, къ сожалѣнію, могъ вынести изъ обзора окрестностей ея воспоминаніе лишь о морщинистыхъ пузыристыхъ и стекловатыхъ потокахъ лавы, окружавшихъ кратеръ и свидѣтельствовавшихъ о томъ обилии газовъ, которыми была насыщена вытекавшая изъ кратера лава. Подобные потоки мнѣ приходилось пересѣкать нѣсколько разъ потомъ, на пути на юго-западный берегъ. Но здѣсь они уже не имѣли того стекловатаго и бутылочнаго характера, какъ около кратера. Это были необозримыя поля черныхъ невывѣтрѣлыхъ каменныхъ ноздристыхъ глыбъ, начиная отъ величины съ человѣческую голову и до величины хаты. Ни пройти, ни проѣхать по такимъ глыбамъ нѣтъ никакой возможности. Онѣ лишены всякой растительности, и чѣмъ ниже, чѣмъ ближе къ морю вы спускаетесь, тѣмъ суше, жарче и безжизненнѣе становится эта картина возбужденной почвы—этой земли во время перваго акта мірозданія. Представьте себѣ нашу пашню съ глыбами рыхлаго чернозема, увеличьте величину глыбъ этихъ въ десятки разъ, и вы получите слабое представленіе о здѣшнемъ ландшафтѣ. Д-ръ Криштофовичъ, объѣхавшій значительную часть западнаго берега, говорилъ мнѣ, что большая часть его носить такой же характеръ. Здѣсь есть области старыхъ и новыхъ потоковъ. Есть основаніе ожидать, что не сегодня, завтра явятся еще новые—и затопятъ немногія пустынные зеленѣющія долинки съ немногими раскиданными по нимъ деревцами. Часами ѣдете вы по лавѣ, не встрѣчая живого существа, и только телефонная проволока говоритъ вамъ, что вы пріѣдете къ жилищу культурнаго человѣка.

Въ заброшенныхъ станціяхъ вы встрѣчаете здѣсь курьезные типы. Путешествуя пѣшкомъ и дѣлая въ 3 дня тотъ путь, который обыкновенно совершаютъ въ сутки, я разъ ночеваль у какого-то американца, выжившаго изъ ума, изолированно жившаго на такой пу-

стынной станціи въ долиняхъ среди лавовыхъ потоковъ—и разговаривавшаго цѣлыми днями съ единственными собесѣдниками—десятькомъ индюковъ.

На другой остановкѣ я пользовался гостепріимствомъ богатаго китайскаго торговца, уложившаго болѣе тысячи рублей на одно изъ самыхъ богатыхъ изъ видѣнныхъ мною собраній почтовыхъ марокъ. Коллекціонеры ихъ, какъ видите, не рѣдкость и между жителями Океаніи.

Вездѣ, гдѣ почва годна для орошенія, тянутся поля сахарнаго тростника. Вода, отведенная изъ источника, течетъ по желобамъ на поле для его орошенія. Она по тому же желобу течетъ далѣе, къ заводу подъ колеса мельницы. Когда наступаетъ пора жатвы, стволы тростника рѣжутъ и бросаютъ въ этотъ желобъ, вода несетъ ихъ къ жерновамъ мельницы, подъ которые суютъ ихъ рабочіе, и та же сила воды, которая ихъ принесла, выдавливаетъ сахаристый сокъ, который по извѣстнымъ способамъ перерабатываютъ въ сахарный песокъ. Паровозъ везетъ его къ берегу, чтобы погрузить на пароходъ, вмѣстѣ съ пассажирами везущій его въ Гонолулу.

Нѣсколько дней странствія среди лавовыхъ глыбъ, монотонныхъ тростниковыхъ полей и фабрикъ нагонитъ уныніе хоть на кого. Иллюзія рая пропадаетъ. Пустыня наводитъ грусть и тоску—и невольно мысль устремляется въ бѣдную природой родину, гдѣ хотя и климатъ суровъ, и не растутъ кокосовыхъ пальмъ, и нѣтъ телефоновъ на хуторахъ, но больше сердца и человѣческаго чувства кроется подъ гиперборейскою одеждою соотечественника.

А. Красновъ.

ЗАПИСКИ БРИГАДИРА ЮСИФА КОПЦЯ¹⁾.

IV.

Дальнѣйшій путь въ Охотскъ.

Способъ сообщенія между Иркутскомъ и Охотскомъ.—Въ Якутскѣ.—Мѣстный комендантъ.—Встрѣча съ земляками.—На именинахъ у коменданта.—Подполковникъ-волокига.—Управление якутскимъ народомъ.—Переѣздъ въ Охотскъ.—Трудности пути.—Медвѣди.—Насѣкомья.—Остановки.—Спутникъ—вновь назначенный охотскій комендантъ.—Его безтактность.—Христіанское кладбище на пути.—Ночлегъ въ урочищѣ.—Медвѣжье ухо.—Видъ океана.—Охотскъ.—Отношенія коменданта.—Прогулки по морскому берегу.—Встрѣча съ купцомъ-грекомъ.—Прошеніе на высочайшее имя и письма къ землякамъ.—Закупка продовольствія.

ГЪ ИРКУТСКА до рѣки Лены, нѣсколько десятковъ миль, меня везли въ коляскѣ черезъ дикую орду. Лошадей тамъ уже не было. На Ленѣ я нашелъ нѣсколько судовъ, нагруженныхъ товарами иркутскихъ купцовъ. Купцы сплавливаютъ свои товары и корабельныя принадлежности по Ленѣ до Иркутска, а отгуда черезъ лѣса и горы, на протяженіи болѣе трехъ тысячъ верстъ, перевозятъ на верховыхъ лошадяхъ въ Охотскъ на корабли. Это обходится имъ очень дорого, такъ какъ много лошадей съ грузомъ погибаетъ отъ медвѣдей.

Ближайшій городъ къ Охотску на Ленѣ—Якутскъ.

Я провелъ въ Якутскѣ часть зимы до весны. Нашелъ коменданта, знакомаго полковника Шлевиры. Онъ довольно прославился грабежами въ минскомъ воеводствѣ. Надѣлавши въ Польшѣ много

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVI, стр. 226.

преступлений, сдѣлался напослѣдокъ комендантомъ въ Якутскѣ. У него было много прислуги поляковъ, и они мнѣ передавали по секрету, что онъ имѣетъ массу разныхъ награбленныхъ предметовъ: дарохранильницъ, чашъ, дискосовъ и прочей костельной утвари. Иногда комендантъ приглашалъ меня къ себѣ на обѣдъ. Разъ я былъ приглашенъ къ нему на именины. Здѣсь я неожиданно встрѣтилъ нѣсколько человекъ нашихъ поляковъ, о которыхъ не зналъ, что находятся въ этомъ городѣ. Это были стражникъ литовскій Оскиско ¹⁾, магнатъ изъ Волыни Дубражскій (Dubrazki), полковникъ Городенскій и подполковникъ Зенковичъ. Въ этой компаніи можно было развлекаться въ продолженіе цѣлаго бала, но разговаривать о дѣлѣ надо было съ осторожностію. Тамъ и танцевали, но изъ нашихъ поляковъ никто не принималъ участія въ танцахъ, кромѣ Зенковича, который волочился за женою коменданта, шведкой. Потомъ Зенковича уже не принимали у коменданта. Кромѣ комендантши, достаточно было женщинъ, женъ должностныхъ лицъ, ибо въ городѣ находился низшій судъ.

Мѣстная администрація состояла изъ нѣсколькихъ сотъ лицъ и правила многочисленнымъ и храбрымъ якутскимъ народомъ. Послѣдній раздѣляется между 12-ю князьями, кои имѣютъ по своему происхожденію, каждый въ своемъ народѣ, главенство. Языкъ ихъ очень богатъ словами и походитъ на татарскій. Когда они сходятся вмѣстѣ, безъ устали говорятъ о звѣряхъ, объ охотѣ и о снахъ, которые доводится имъ видѣть; также и женщины не болѣе имѣютъ матеріала для разговоровъ, какъ о шаманахъ ²⁾ и о разныхъ видѣніяхъ.

Комендантъ по временамъ приглашаетъ къ себѣ якутскихъ родоначальниковъ, подъ предлогомъ ознакомленія ихъ съ какимъ нибудь монаршимъ указомъ. Приказываетъ приготовить имъ ѣсть въ нѣсколькихъ котлахъ и угощаетъ ихъ; потчуетъ и водкой, которая тамъ очень дорога. Каждый изъ якутскихъ старшинъ привозитъ ему въ подарокъ нѣсколько десятковъ самыхъ черныхъ соболей, благодаря чему такой балъ всякій разъ хорошо вознаграждаетъ коменданта.

Якуты платятъ подать соболями. Въ этихъ мѣстахъ водятся превосходнѣйшіе соболи, черныя лисицы и горностаи. Обыкновенно выбираютъ изъ нѣсколькихъ десятковъ соболей одного для казны, и при этомъ-то выборѣ комендантъ получаетъ весьма большую для себя прибыль.

Иркутскіе купцы пріѣзжаютъ по Ленѣ въ Якутскъ съ разными предметами и товарами. Часть зимы они употребляютъ на приготовленіе къ переѣзду въ Охотскъ. Покупаютъ за безцѣнокъ рогатый

¹⁾ Вѣроятно, Осерко.

²⁾ Шаманы—священники, или прорицатели этихъ народовъ.

скоть и рѣжутъ. Мясо коптятъ, а въ мокрыя шкуры завертываютъ свои товары. Нанимаютъ якутовъ съ нѣсколькими тысячами лошадей. На каждую лошадь кладутъ тяжести—четыре камня съ каждой стороны¹⁾, а одинъ помѣщаютъ по срединѣ, и когда все уже бываетъ приготовлено, берутъ продовольствія на три мѣсяца. Якуты тоже берутъ для себя продовольствіе: привязываютъ къ лошадямъ кожаные мѣшки съ молокомъ, изъ котораго потомъ дѣлается масло, имѣютъ съ собою копченое мясо, а когда его не хватаетъ, ѣдятъ и конину. Въмѣсто хлѣба употребляютъ родъ маленькаго круглаго сыра изъ коры лиственницы, которая очень походитъ на наши ели. Ободравши съ дерева первую кору, вторую берутъ для ѣды, сушатъ ее и мѣшаютъ съ частью ржаной муки. Послѣднюю получаютъ по очень дорогой цѣнѣ отъ русскихъ купцовъ, проживающихъ въ Якутскѣ.

Когда съ наступленіемъ весны вскрылась Лена, мы начали готовиться въ дорогу. Здѣсь мои товарищи были раздѣлены, и каждый пошелъ по своему назначенію.

Князь Мышинскій²⁾ былъ назначенъ на должность коменданта въ Охотскъ. Къ его конвою присоединился якутскій комендантъ Шлевиры. Сей послѣдній рекомендовалъ меня князю, что знаетъ меня хорошо, и просилъ, чтобы тотъ съ своей стороны оказывалъ мнѣ расположеніе, прибавивъ, что я назначенъ въ Охотскъ, ибо еще не зналъ о дальнѣйшемъ моемъ назначеніи. Отъ казны назначено было для меня и подъ мои вещи до Охотска четыре лошади. Всего же было лошадей до 4,000 на 21 якута. Нашъ отрядъ былъ весь вооруженъ луками и стрѣлами. Прошло двѣ недѣли, пока вся эта ватага могла переправиться черезъ рѣку.

Двинулся этотъ караванъ по обыкновенію гуськомъ. Дороги никакой, только страшныя горы и ущелья. Впрочемъ, въ конвоѣ было много якутовъ, которые знали путь. Были еще признаки дороги по конскимъ костямъ: вѣдь уже столько лѣтъ ходили транспорты до Охотска, кони падали на дорогѣ или были съѣдаемы медвѣдями.

Отъ Якутска до Охотска считаютъ около 3,000 верстъ. Въ продолженіе цѣлаго пути не видно никакихъ селеній, кромѣ небольшого поселенія у перевоза. Рѣки послѣ самаго небольшого дождя внезапно переполняются водою, а потомъ тамъ, гдѣ два или три дня надобно было стоять въ ожиданіи переправы, пока спадетъ вода, нельзя и ногъ замочить.

На каждой горѣ, послѣ того, какъ мы туда взбирались, якуты устраивали богослуженіе и, вырвавши у každого коня волосы, вѣшали ихъ на деревьяхъ. На самыхъ высокихъ горахъ встрѣчались

1) Камень—польская мѣра=24 фунтамъ.

2) Мышецкій?

Г. В.

Г. В.

такіе узкіе проходы, что едва можно пройти пѣшкомъ, или въ одну лошадь, да при этомъ страшныя пропасти съ обѣихъ сторонъ. У насъ были случаи гибели нѣсколькихъ лошадей съ людьми.

Двигались мы постоянно отъ утра до вечера безъ пищи. Останавливались на ночлегъ всегда или при рѣкѣ или пастбищѣ для коней. Остерегались только ночевать вблизи медвѣжьихъ берлогъ. Но у насъ и безъ того каждую ночь погибало отъ медвѣдей нѣсколько лошадей. Останавливаясь ночевать, мы размѣщались обозомъ вокругъ огня, который раскладывали, чтобы пугать медвѣдей. Каждый доставалъ свои запасы, и приготавливали ѣсть. У купцовъ были свои палатки. Купцы носили на лицѣ, по причинѣ необыкновеннаго множества комаровъ и другихъ насѣкомыхъ, сѣтки изъ волоса и полотна. Безъ такихъ сѣтокъ не было возможности отдыхать, иначе ротъ наполнился бы насѣкомыми.

Наиболѣе мы пробавлялись чаемъ съ ржаными и пшеничными сахарями. Былъ у насъ копченый свиной жиръ и крупа, и мы приготавливали прекраснѣйшій борщъ изъ молодыхъ листьевъ ревеня, который тамъ въ изобиліи, но онъ не круглый, а похожъ на морковь или пастернакъ, и не имѣетъ такой крѣпости, какъ китайскій, его надо употреблять въ четыре раза больше.

Итакъ, каждый день якуты собирали лошадей, снова укладывались, и мы отправлялись дальше. Вещи, которыя оставались послѣ коней, сѣдленныхъ медвѣдями, укладывались на другихъ лошадей. Мнѣ было невыносимо тяжело совершать это путешествіе на деревянномъ сѣдлѣ, пока я не придумалъ положить подъ себя набитый мхомъ мѣшокъ.

Съ нами, какъ я сказалъ, ѣхалъ и Мышинскій, назначенный въ Охотскъ комендантомъ. Онъ не имѣлъ надъ нашимъ караваномъ никакой власти, но, тѣмъ не менѣе, ее себѣ присвоилъ. Не привыкши къ такому тяжелому путешествію, а равно и къ верховой ѣздѣ, онъ приказалъ сѣлать для себя носилки: одна лошадь шла спереди, а другая свзади. Въ мѣстахъ тѣсныхъ и узкихъ велѣлъ пробивать себѣ дорогу и проявлялъ власть надъ этими людьми, кои къ тому не привыкли. За ослушаніе онъ нѣкоторыхъ порубилъ саблей и сѣлать несчастными. Они побросали все—коней и повозки, и разбѣжались по лѣсамъ и горамъ. Стояли мы на одномъ мѣстѣ три дня и ни одного не видѣли. Нѣкоторые купцы, знающіе якутскій языкъ, влѣзли на деревья, начали ихъ звать поихнему и заклинать богами. Тѣ, наконецъ, послушались. Комендантъ попросилъ у нихъ извиненія, и мы двинулись въ путь.

При рѣкѣ Алданѣ мы встрѣтили прекрасное кладбище, памятники, съ разными надписями, христіанъ, которые умерли въ ссылкѣ, или въ пути. Еще нашли могилу англійскаго капитана съ прекраснымъ памятникомъ.

Послѣдній ночлегъ близъ порта мы имѣли у тунгусовъ, въ очень

темномъ еловомъ лѣсу. Мѣсто это называлось Медвѣжье ухо. Ночь была самая безпокойная. Якуты разложили кругомъ огонь. Раздавался безпрестанный крикъ. Медвѣдей тутъ было безчисленное множество, такъ что, не смотря на всѣ предосторожности, мы лишились нѣсколькихъ лошадей. Слышенъ былъ и шумъ моря; въ этомъ поселкѣ купцы очень много заработали на тюкунѣ и цвѣтномъ бисерѣ, за которые они получали соболей, черныхъ лисицъ, горностаевъ и т. д.

Отойдя нѣсколько верстъ, мы увидѣли безмѣрное пространство океана. Видъ его въ первый разъ очень поражаетъ. Идя берегомъ подлѣ самага моря, мы дошли до Охотска.

Охотскъ лежитъ при самомъ океанѣ, на пескѣ, въ клинѣ между моремъ и большою рѣкой Охотой, которая во время сильной бури на морѣ переполняется и заливааетъ дома. Въ городѣ нѣсколько десятковъ деревянныхъ домовъ. Населеніе: факторы иркутскихъ купцовъ, значительная часть мастеровъ, разныхъ чиновниковъ и корабельныхъ рабочихъ; есть также церковь и священникъ.

Нашъ спутникъ, комендантъ, котораго тамошнее населеніе прिवѣтствовало со страхомъ, какъ Бога ¹⁾, тотчасъ вступилъ въ должность.

Утѣшалъ я себя, что у него найду человѣчность и учтивость, которыя онъ мнѣ обѣщалъ, но встрѣтилъ противное.

Меня помѣстили въ домѣ одного изъ матросовъ и изъ матросовъ же назначили ко мнѣ сторожа.

Нѣсколько разъ комендантъ звалъ меня къ себѣ. Туда и обратно меня провожалъ мой сторожъ.

Для того, чтобы я привыкъ къ морскому воздуху, комендантъ велѣлъ часто водить меня гулять къ морю. Однажды, сидя на выброшенномъ деревѣ и присматриваясь къ тысячамъ животныхъ, я услышалъ, что кто-то идетъ по камнямъ ко мнѣ, и увидѣлъ довольно пожилаго, хорошо одѣтаго, человѣка. На первыхъ порахъ мнѣ показалось, что это какое-то существо, вышедшее изъ моря. Приблизился онъ ко мнѣ и спросилъ, изъ какого я народа происхожу. Отвѣтилъ, что изъ несчастнаго.

— Вѣроятно, полякъ, — сказалъ онъ, — я знаю этотъ народъ и его дѣла. Я же купецъ, посланный иркутскою конторой для снаряженія кораблей на океанъ, и возвращаюсь въ Россію. Если есть у тебя семья и пріятели, пиши черезъ меня, и я ручаюсь, что твои письма дойдутъ. Я очень рискую, ибо если бы меня подвергли суду за то, что я разговариваю съ арестантомъ, то былъ бы самъ посланъ, но я не обращаю на это вниманія и хочу помочь несчастному. По возвращеніи на свою квартиру, найдешь бумагу, перо,

¹⁾ Коменданты тамъ — божки, язвнъ всѣхъ безапелляціонно находится въ ихъ рукахъ.

чернила и сургучъ. Стража уже мною подкуплена и даже матросъ, котораго ты имѣешь при себѣ.

Еще спросилъ меня, знаю ли я краковскихъ купцовъ Ласкевичей, съ которыми онъ, какъ я узналъ, родомъ грекъ, вель торговлю на Черномъ морѣ воскомъ. Отвѣтилъ, что даже нахожусь въ большой дружбѣ. Снова спросилъ меня, не значился ли я въ списокѣ заговорщиковъ на жизнь государыни, ибо сюда никакихъ осужденныхъ еще до сихъ поръ не присылали. Отвѣчалъ, что не значился, а сталъ такою жертвою, можетъ быть, потому, что былъ ревностиѣ другихъ. Съ своей стороны спросилъ его, не знаетъ ли онъ о моемъ дальнѣйшемъ назначеніи. Отвѣтилъ, что не знаетъ, такъ какъ уже материкъ кончился; впрочемъ, есть еще на океанѣ полуостровъ, который называютъ Камчаткой, онъ окруженъ гаванями и крѣпостцами; можетъ быть, туда буду отправленъ. Быть можетъ, по волѣ Провидѣнія, когда нибудь и буду освобожденъ, хотя тутъ существуетъ обычай выдавать за мертвыхъ. Научилъ меня, какъ поступать въ дальнѣйшихъ обстоятельствахъ. Подарилъ мнѣ камень тююну, который здѣсь въ большой цѣнѣ, камень сухарей и разныхъ бездѣлушекъ для тамошнихъ народовъ. Посовѣтовалъ мнѣ, если имѣю при себѣ какія либо деньги, приобрести разныхъ вещей, ибо деньги, не имѣютъ тамъ никакого хода.

Поблагодарилъ я купца за его доброе и чувствительное сердце, написалъ нѣсколько писемъ своимъ знакомымъ и составилъ прошеніе на имя государыни императрицы.

Вотъ это прошеніе.

«Всепресвѣтлѣйшая государыня!

«Я заслуживаю твоего состраданія. Происхожу изъ несчастнаго народа. Я—полякъ, взятый въ кровавомъ бою, покрытый ранами и сосланный въ эти дикія и безлюдныя страны, гдѣ голодъ, нужда и внутреннія печали такъ меня удручаютъ, что еле-еле не утопятъ въ пропасти бездонной. Живу и питаюсь одною надеждою на состраданіе. Воззри лишь окомъ на эти дикіе и мало отличающіеся отъ звѣрей народы, и я вернусь къ жизни и въ сладкой тишинѣ закрою вѣки. Чѣмъ же я, несчастный, виноватъ, что судьба родила меня полякомъ, что я отъ юныхъ лѣтъ былъ отданъ въ войско своего народа и, служа въ теченіе двадцати лѣтъ, научился быть вѣрнымъ родинѣ, отъ коей получилъ жизнь, имя, состояніе и все, что можетъ имѣть счастливый человѣкъ, и ужели я такъ неблагодаренъ, что по ея призыву не всталъ бы на ея защиту? Пошелъ я съ народомъ, пошелъ дорогою, но въ густомъ туманѣ, гдѣ и самые знающіе могутъ сбиться съ пути, и, ища спасенія, заливаются горькими слезами. Вотъ каково мое положеніе! Вывезенный изъ отечества и отъ своихъ однихъ, я сталъ узникомъ ради отчизны, лишился свободы и т. д.»

Конца не могу припомнить.

Вручивъ ему письма и прошеніе, я простился съ нимъ, а онъ,

пробывъ недолго, выѣхалъ на тѣхъ же самыхъ лошадяхъ въ Якутскъ и Иркутскъ.

Выдали мнѣ арестантское жалованье. Накупилъ на него разныхъ предметовъ для своего продовольствія: сухарей, копченаго сала, которое тамъ чрезмѣрно дорого, разныхъ крупъ и для тамошнихъ жителей тютюну и т. п. Но все это было напрасно, ибо подмокло при крушеніи корабля.

V.

Морской путь.

Выходъ въ океанъ.—Гибель двухъ шлюпокъ.—Приливъ и отливъ.—Экипажъ корабля.—Трудности морскаго плаванія.—Похороны на корабль.—Штиль.—Приключеніе съ птицею.—Буря.—Кораблекрушеніе.—Находчивый матросъ.—Бѣгство по водѣ къ берегу.—На берегу.—Въ курильской деревнѣ.—Снова въ путь.—На подводномъ камнѣ.—Ужасная ночь.—Пожаръ на корабль.—Опасность миновала.

Тѣмъ временемъ купцы окончили погрузку кораблей. Наступило время выхода въ океанъ. Два корабля, назначенные въ Новую Голландію и на островъ св. Ильи, выходили напередъ, раньше насъ. Утро было превосходное. Солнце ярко свѣтило, вѣтеръ дулъ со стороны материка и благопріятствовалъ выходу изъ порта.

Когда уже корабль вышелъ въ открытое море и отошелъ на нѣсколько тысячъ шаговъ отъ берега, поднялась буря, унесла двѣ шлюпки, сопровождавшія судно, чтобы оно не задѣло за берегъ, переверотила ихъ съ 30 людьми, изъ которыхъ нѣсколько погибло на виду многочисленныхъ зрителей, стоявшихъ на берегу. Спаслись только тѣ, которые были унесены подъ корабль и схватились за канаты. На другой день море выбросило на берегъ куски утопленниковъ, такъ какъ тѣла ихъ были истерзаны о прибрежные камни. Можно себѣ представить, что это было за печальное зрѣлище для меня, который на слѣдующій день долженъ былъ пускаться въ море!.. Для морскихъ путешественниковъ наиболѣе страшны два момента: выходъ изъ порта и прибытіе въ портъ. Выходящіе должны ждать попутнаго вѣтра съ материка и морскаго отлива, а прибывающіе—прибыли воды и вѣтра, дующаго съ моря на землю. Два раза въ день море то поднимается на три или пять локтей высоты и покрываетъ землю, то черезъ два часа отливаетъ. Называется это fluxus и refluxus, т. е. приливомъ и отливомъ. Моряки рассказывали, что ни въ одномъ морѣ вода такъ высоко не поднимается, какъ въ этомъ именно мѣстѣ на океанѣ.

Посадивъ меня на корабль, сдали капитану и секретныя обо мнѣ бумаги.

Этотъ корабль, принадлежавшій иркутской купеческой компаніи, отправлялся на нѣсколько лѣтъ на якутскіе острова для розысковъ новыхъ племенъ и добыванія мѣховъ. Онъ имѣлъ также приказаніе зайти въ Нижнюю Камчатку. На кораблѣ находилось 80 человѣкъ. Въ числѣ ихъ были стрѣлки изъ купленныхъ невольниковъ и охотники, поступившіе по доброй волѣ. Послѣдніе выговорили себѣ четвертую часть добычи, а въ результатѣ поквитались на водкѣ и тютюнѣ.

Мнѣ дали въ сторожа матроса. Онъ былъ прежде капитаномъ, но лишился этого званія за потерянную въ шведской войнѣ шляпку.

Купанье я получалъ вмѣстѣ съ матросами: порцію рыбы и мяса, и отдавалъ своему сторожу, такъ какъ онъ всю дорогу мнѣ хорошо служилъ, и я, можно сказать, обязанъ ему жизнью; меня же постоянно приглашали къ себѣ купцы.

При выходѣ нашемъ изъ порта, корабль немного задѣлъ за камень и едва не перевернулся. А такъ какъ паруса были распущены, то на кораблѣ все опрокинулось, водяной валъ перелетѣлъ черезъ середину и, если бы мы не удержались за канаты, то, вѣроятно, погибло бы изъ насъ нѣсколько человѣкъ. Каждый потерялъ присутствіе духа и не зналъ, что съ нимъ дѣлается, особливо же тѣ, которые испытывали это въ первый разъ.

Плыли мы день и ночь, благопріятнаго вѣтра не было: насколько уйдемъ въ теченіе дня и ночи, на столько, смотримъ, насъ опять назадъ прибило къ порту. Въ такомъ положеніи мы оставались 8 дней, пока портъ не исчезъ у насъ изъ глазъ; случись тогда буря, море могло бы выбросить и разбить корабль. Не привыкнувъ къ морскому путешествію, я не могъ спать до тѣхъ поръ, пока мой матросъ не сдѣлалъ мнѣ изъ веревокъ плетеной качалки. Она была прибита къ стѣнѣ корабля и постоянно меня укачивала.

Во время плаванія умерли у насъ почти въ одинъ день двое камчадаловъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ они пріѣхали въ портъ на собакахъ, а на кораблѣ возвращались на свою родину. Погребены были по морскому обычаю. Съ нами находился русскій священникъ, рукоположенный въ Иркутскѣ. Онъ возвращался на Камчатку, въ Большерѣцкъ, гдѣ имѣлъ отца. Покойники были вынесены на верхнюю палубу. По совершеніи богослуженія, ихъ вложили вмѣстѣ съ камнями въ кожаные мѣшки и по одному спустили въ море. День выдался очень ясный, ни малѣйшаго вѣтра, такъ что корабль почти стоялъ на мѣстѣ. Всматриваясь въ море, мы замѣтили, что морскія животныя и рыбы не допустили труповъ до водной поверхности на нѣсколько локтей—тотчасъ пожрали.

По причинѣ штиля, мы стояли на мѣстѣ около трехъ часовъ. Фанатики рѣшили хоромъ, что Богъ теперь судитъ мертвыхъ, и поэтому велѣлъ морю быть спокойнымъ. Приближался вечеръ. Матросамъ и морякамъ приказано было спѣшить ужинать. Когда солнце

скрылось за тучи, корабль начал пошатываться. Показалось множество морских животных, предвѣстниковъ бури.

Мы пили чай, когда наступила буря. Отъ удара волнъ въ корабль многіе упали, а каждый изъ пившихъ чай облился. Въ это время мы замѣтили на вершинѣ мачты земную птицу, она, повидимому, была подхвачена вѣтромъ и унесена на корабль. Это обстоятельство встревожило всѣхъ, такъ какъ думали, что находятся отъ земли очень далеко. Одинъ изъ матросовъ сдѣлалъ крючекъ изъ булавки и на рыбу поймалъ птицу. А когда несъ ее съ верхушки, сломалъ у нея крыло. Испуганная птица страшно кричала. Остальные матросы сейчасъ же составили изъ самихъ себя судъ и приговорили матроса, который сломалъ птицѣ крыло, къ нѣсколькимъ десяткамъ палокъ, такъ какъ морскіе боги стануть де мстить.

Чѣмъ болѣе вечерѣло, тѣмъ болѣе дѣлался штормъ. Разъ даже едва не опрокинулся корабль, но мы во время убрали паруса. Капитанъ хотѣлъ держаться указаній компаса, но это оказалось невозможнымъ. Волны могли или залить, или перевернуть корабль. Поднялась такая буря, какой никогда еще не видали мои спутники. Море выбрасывало на палубу даже и камни съ пескомъ. Весь вечеръ и ночь до самаго утра мы были безпрестанно заливаемы перекатывавшимися черезъ корабль волнами. Люди наверху держались за канаты, иначе были бы смыты водою. Огня нельзя было разложить, а между тѣмъ каждый смокъ, иззябъ и обезсилѣлъ. По соображенію капитана, мы должны были сегодня проходить Курильскіе острова. Чтобы попасть на эти острова, корабли обыкновенно ждуть хорошей погоды.

Когда разсвѣло, мы замѣтили горы и камни кругомъ, увидели также прибрежныхъ птицъ и пѣну отъ волненія моря, которое стало успокаиваться. Тѣмъ не менѣе, огромныя волны ударили о берегъ. Не знали мы, гдѣ находимся. Даже взлѣзши на мачты и осмотрѣвъ мѣстность, никто не могъ угадать, въ какіе мы прибыли края.

Мы страшно боялись попасть на одинъ японскій островъ, на которомъ жили народы, называемые мохнатыми, и гдѣ уже много погибло кораблей. Капитанъ, желая узнать глубину, приказалъ бросить въ море лотъ. Это—мѣра, изъ олова, на шнуркѣ, внизу ея прикрѣпляется воскъ или сало. Измѣрившій крикнулъ, что 80 сажень, а черезъ часъ, что 40 сажень. Видно было, что вода относить корабль къ берегу, чтобы разбить. Капитанъ велѣлъ спустить якоря. Но все это было уже поздно: и съ якорями тянуло корабль къ берегу, гдѣ было только нѣсколько сажень глубины. Потрясенный бурей корабль со всею силою ударился объ землю. Вотъ тутъ-то можно было наблюдать страшную силу моря! Валъ перелетѣлъ черезъ корабль. Всѣ канаты и мачты начали лопаться и ломаться. На палубѣ находилось нѣсколько десятковъ бочекъ съ водою и съ соленой рыбой, привязанныхъ и прибитыхъ большими желѣзными

гвоздями. Ихъ сорвало съ мѣста и переломало людямъ ноги. Нѣкоторые стали прыгать съ корабля. Хотя берегъ былъ еще далеко, но воды не было болѣе, какъ полтора локтя. Прежде всего начали бросаться въ воду жены матросовъ съ дѣтьми; но, попавъ подъ корабль, погибли. Корабль нѣсколько разъ то относило, то прибывало къ берегу. Воды въ кораблѣ было очень много, такъ какъ въ днѣ его образовалась весьма значительная пробоина. Мой честный матросъ вырвалъ два гвоздя, коими были прибиты бочки. Гвозди длиною около 3 локтей и похожи на наши кухонные вертела. Далъ онъ мнѣ одинъ изъ нихъ, а другой взялъ себѣ, говоря, что они спасутъ намъ жизнь. Затѣмъ схватилъ меня за плечо и увлекъ въ одинъ очень маленькій магазинчикъ, въ которомъ хранились канаты и смола. Тутъ онъ всего меня и себя самого вымазалъ смолою. Вышли мы изъ магазинчика, и когда онъ увидѣлъ, что волны бросили корабль близъ берега, влѣзъ на мачту, которая лежитъ вдоль, впереди корабля, сѣлъ на нее, какъ на коня, а мнѣ велѣлъ за нимъ подвигаться къ концу, совѣтуя не уронить гвоздя. Смола намъ очень помогла, безъ нея на скользкой мачтѣ не было бы возможности удержаться. Потомъ онъ соскочилъ въ воду, а за нимъ и я. Воды было не болѣе полутора локтя, но зато столько же и илу, изъ котораго я не могъ вытащить своихъ ногъ. Подошелъ матросъ, высвободилъ меня и проводилъ на берегъ.

До зеленой земли оставалось еще болѣе тысячи шаговъ. Убѣгая къ берегу, мы обезсилѣли и потому должны были остановиться. Оглядываемся и видимъ, что приближаются новые валы. Они еще разъ унесли корабль со своего мѣста и потопили бы насъ, но опытный и смѣлый матросъ, воткнувши въ землю мой и свой гвозди, велѣлъ встать на одно колѣно и держаться какъ можно крѣпче за гвоздь. Когда волна насъ закрывала, надобно было задерживать дыханіе на нѣсколько минутъ. Но вотъ валъ перелетѣлъ на нѣсколько локтей выше насъ, ударился о берегъ и повернулъ назадъ. Въ этотъ-то моментъ я потерялъ присутствіе духа и едва не выронилъ изъ рукъ гвоздя. Мой матросъ поздравилъ меня, что мы избѣгли величайшей опасности, и сказалъ, что еще разъ валъ насъ смочить, но не такъ сильно, и что мы убѣжимъ уже на берегъ. Дѣйствительно, снова облило насъ водою, но я уже послѣ перваго испытанія показалъ себя болѣе смѣлымъ.

Измученный, упалъ я на травяной берегъ; лежа, нащупалъ ягоды и для утоленія жажды высосалъ ихъ вмѣстѣ съ травою. Самъ себѣ не вѣрилъ, что я на сушѣ. Казалось мнѣ, что земля вокругъ меня вертится. Отдохнувши нѣсколько, поднялъ голову и вижу, что море далеко отъ берега, корабль лежитъ на песку, люди—одни потонули, другіе розыскиваютъ свои вещи, выброшенные моремъ. Капитанъ съ немногими людьми оставался еще на кораблѣ. Послѣдній былъ значительно поврежденъ.

Спасшіеся отъ кораблекрушенія начали собираться на берегу.

Каждый радовался, что избѣгнулъ смерти.

Черезъ нѣсколько времени увидѣли мы въ отдаленіи толпу людей. Снова всѣ встревожились, предполагая, что мы находимся на японскомъ островѣ, гдѣ погибаетъ каждый корабль. Капитанъ приказалъ осмотрѣть все, какое у насъ было, оружіе и на случай имѣть его при себѣ для защиты. Но когда мы отправили къ нимъ нѣсколько вооруженныхъ людей, то узнали, что это были жители курильскихъ острововъ, гдѣ разбился нашъ корабль, и куда русскіе пристають по временамъ.

Капитанъ пошелъ къ нимъ съ 30 вооруженными людьми, взявъ и меня съ собою. На пути попадались намъ узенькія рѣчки или потоки, несущіеся въ море; тутъ насъ перевозили на кожаныхъ лодкахъ. Пришедши въ селеніе курильцевъ, мы нашли жилища изъ коры. Нѣкоторыя изъ нихъ были обиты оленьими шкурами, расшитыи разными рисунками перстью звѣрей. Въ жилищахъ мы застали много женщинъ и дѣтей. Однѣ изъ нихъ ѣли, а другія только еще готовили въ большихъ желѣзныхъ сосудахъ, которые островитяне достаютъ у русскихъ. Онѣ потчевали насъ своимъ кушаньемъ: тутъ было болѣе всего морской звѣрины, приготовленной въ жирѣ морскихъ собакъ, морскихъ коней и разныхъ лягушекъ. Не только ѣсть, но и смотрѣть на это мы не могли, а все же, принимая во вниманіе ихъ человѣколюбіе, ѣли печеныя улитки, которыя оказались весьма вкусными. Съ своей стороны и мы также пригласили островитянъ на корабль, угостили ихъ европейскими продуктами и дали имъ подарки, за что они оказали большую помощь въ починкѣ корабля.

Когда мы были уже совершенно готовы,—вмѣстѣ съ приливомъ двинулись дальше, къ мѣсту назначенія.

Направлялись мы въ Нижнюю Камчатку. Утомленные длиннымъ путешествіемъ, работою и приключеніями, мы желали какъ можно скорѣе увидѣть эту землю, но, вспомнивъ, уже при видѣ береговъ, что доступъ къ нимъ далеко не безопасенъ, снова пришли въ отчаяніе. Въ тотъ же день мы наскочили на камень, по близости котораго росла морская капуста съ большими и широкими листьями, въ нѣсколько сажень длины. Это обстоятельство задержало корабль на нѣсколько минутъ. Къ счастью, набѣжалъ валъ и снялъ насъ съ камня.

Къ вечеру старались съ прибылой водою достигнуть Нижней Камчатки. Но противный вѣтеръ не далъ намъ войти въ портъ; стать же вблизи берега, на якоряхъ, не было никакой возможности. Отошли мы въ море и стали ожидать утра. Въ полночь вѣтеръ усилился и потянулъ корабль вмѣстѣ съ якорями на берегъ. Шли мы на вѣрную гибель. Ночь была темная, вокругъ скалистые берега. Во что бы то ни стало надо было отойти въ море, подальше. Мы упо-

требляли послѣднія усилія. Стали доставать якоря, а между тѣмъ волны продолжали нести корабль къ берегу. Но въ это-то время, когда всѣ были заняты работою, сильный вѣтеръ попалъ въ кухню, и тамъ запылали канаты и паруса. Не легко было предотвратить двѣ такія опасности! Къ счастью, намъ удалось погасить огонь и уйти въ море. Будучи уже теперь въ безопасности, бросили якоря и стали ожидать дня.

На утро, съ помощію попутнаго вѣтра и прилива, мы вошли въ портъ благополучно, хотя воды было много въ кораблѣ: мы не при-мѣтили, что на днѣ образовалась большая пробоина, и воду только задерживала земля, которою обыкновенно засыпаютъ изнутри дно корабля.

VI.

Высадка на берегъ въ Нижней Камчаткѣ.

Представленіе коменданту.—Моя квартира.—Мой хозяинъ.—Занятіе хозяйствомъ.—Мѣстные естественныя богатства.—Прогулка у океана.—Встрѣча съ медвѣдемъ.—Океанъ передъ бурей.—Камчатка осенью.

На берегу я нашелъ толпу людей, которые сошлись со всей Нижней Камчатки, чтобы видѣть прибывшихъ на кораблѣ пассажировъ. Въ толпѣ находился и мѣстный комендантъ, но его нельзя было узнать, такъ какъ онъ былъ въ туземной одеждѣ.

Высадили меня съ корабля и представили ему. Я сказалъ ему комплиментъ, что, находясь въ несчастіи, надѣюсь найти въ немъ для себя человѣколюбіе. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ—человѣкъ, и что, благодаря своему вліянію, будетъ стараться усладить мое несчастіе.

Отправился я съ нимъ къ нему на квартиру. Онъ напоилъ меня чаемъ съ оленьимъ молокомъ. Было тамъ нѣсколько чиновниковъ. Позднѣе показалась несчастная его жена, она сошла съ ума и съ тѣхъ поръ содержалась въ заперти. Это была женщина изъ Малой Россіи, по происхожденію полька.

Послѣ получасовой бесѣды онъ велѣлъ идти за собою, говоря, что покажетъ мнѣ мое помѣщеніе. Показалъ мнѣ сначала свой домъ,—только четыре бревна выходили изъ земли,—и при этомъ сказалъ, чтобы меня не удивляло, что моя квартира въ землѣ, ибо почти всѣ тутъ такъ живутъ.

Затѣмъ онъ привелъ меня въ отведенную для меня квартиру. Здѣсь я нашелъ два круглыя окна изъ слюды, каменный столикъ, лавки по стѣнамъ, въ серединѣ каминъ, который служилъ вмѣстѣ и печью, такъ что, бывало, когда натопятъ дровами — затыкаютъ трубу, и домъ нагрѣвается. Было еще одно окно вверху изъ глыбы

льда, она облѣплялась снѣгомъ съ водою и довольно долго сохранялась. Комендантъ приказалъ принести отъ себя обѣдъ и ѣлъ со мною. Потомъ простился и ушелъ, оставивъ двоихъ тамошнихъ камчадаловъ и одного матроса стеречь меня. Я уже былъ доволенъ, что наконецъ-то моя участь рѣшилась, и спалъ почти все время.

Долго комендантъ у меня не былъ.

Сторожа замѣнялъ мой хозяинъ, въ домѣ котораго я жилъ. Насъ съ нимъ раздѣляла только одна стѣна. Онъ былъ сосланъ за что-то, въ наказаніе, изъ Иркутска въ Нижнюю Камчатку. Здѣсь женился на камчадалкѣ и присматривалъ за корабельнымъ имуществомъ. Я былъ весьма имъ доволенъ, такъ какъ онъ знакомилъ меня со всѣмъ и училъ, какъ жить. Пересмотрѣвъ мои вещи, которыя были перенесены съ корабля, то-есть не много сухарей, не много крупы, чай, камень тютюну и разныя бездѣлки, купленные въ Охотскѣ, онъ нашелъ, что я могу тутъ жить побарски. Взялъ онъ три фунта тютюну, роздалъ между камчадалами и только вмѣсто однихъ процентовъ наносилъ мнѣ много жизненныхъ припасовъ и притомъ самыхъ, что только могло у нихъ быть, лучшихъ: вкуснѣйшихъ копченыхъ и свѣжихъ рыбъ, разныхъ птицъ, ягодъ и оленьяго молока. Сталъ я бодрѣе, сознавая, что отъ нужды и съ голоду не умру. Не рѣдко и комендантъ присылалъ мнѣ свѣжей рыбы, оленьяго мяса и ржаныхъ сухариковъ. Послѣднихъ у меня оставалось уже весьма мало и при томъ ихъ не возможно было отличить отъ гнилаго дерева, такъ какъ отъ перевозки въ теченіе столькихъ лѣтъ и морскаго пути они теряютъ весь вкусъ. Прискорбиѣе всего для меня было не видѣть своего хозяина по нѣскольکو дней. Два камчадала, приставленные ко мнѣ въ качествѣ сторожей, не знали со всѣмъ русскаго языка, и я лишенъ былъ возможности обмѣна мыслей.

Занялся я своимъ хозяйствомъ. Завелъ свою собственную мѣдную посуду, небольшую костреюлку и мѣдный чайникъ. Вставши утромъ съ постели и помолвившись напередъ Богу, я начиналъ заниматься кухней. Первымъ моимъ кушаньемъ былъ чай съ оленьимъ молокомъ и немного брошенныхъ въ него сухарей. Сахаръ имѣлъ лѣдоватый ¹⁾. Кладъ его въ ротъ по маленькому кусочку и съ однимъ такимъ кусочкомъ пилъ по нѣскольکو чашекъ. Здѣсь многіе чиновники и нѣкоторые купцы пьютъ чай, когда зовутъ гостей. Сахаръ берутъ именно этотъ — ледоватый, кладутъ по одному не большому кусочку за десну и выпиваютъ съ нимъ нѣскольکو чашекъ, а послѣ остатокъ вынимаютъ изъ рта и прячутъ на другой разъ. Я въ ужасѣ пришелъ отъ такого обычая и никогда ему не слѣдовалъ. Вторымъ кушаньемъ была у меня свѣжая рыба. Ее надо

¹⁾ Особый родъ сахара и донныя существующій въ Польшѣ въ продажѣ, немного прозрачный, кристалловидный. Г. В.

было прежде варить и ѣсть холодною; въ тепломъ видѣ она вызывала тошноту. Много было у меня и ягодъ. Ихъ я получалъ въ видѣ процента за нѣсколько фунтовъ тютюну. Ягоды, по вкусу, походили на нашу бруснику. Изъ нихъ я дѣлалъ кислый напитокъ и употреблялъ его вмѣсто уксуса къ рыбѣ. Доставалъ по временамъ оленье мясо и разныхъ птицъ, которыхъ здѣсь безчисленное множество.

Мѣстный людъ вмѣсто хлѣба употребляетъ копченую рыбу, называемую чевича (*szewusza*). Она величиною въ три раза больше осетра, чешуя, какъ у карпа, въ большихъ раковинахъ, мясо красное, переросшее жиромъ, вкусомъ своимъ превосходить всѣ рыбы въ Азій и Европѣ. Голова ея имѣетъ вкусъ превосходнѣйшихъ голландскихъ сельдей; ее солятъ и въ такомъ видѣ сохраняютъ. Соль производятъ изъ деревьевъ, выброшенныхъ моремъ: ихъ жгутъ, изъ пепла готовятъ щелокъ и послѣднимъ обливаютъ рыбы головы, предназначенныя для соленія. Камчадалы и другіе мѣстные народы не любятъ соли, и въ пищу мало ее употребляютъ.

Есть тутъ еще какіе-то плоды: ихъ добываютъ весною изъ крысиныхъ норъ. Изъ нихъ—одни побольше жолудей и вкусомъ походятъ на орѣхи, другіе меньше, вкуса картофеля, послѣдніе называютъ сереной (*serena*). Произрастаетъ очень пахучій полевой чеснокъ. Встрѣчаются при озерлахъ, на вершинахъ горъ, весьма крупныя водянистыя орѣхи. Попадаются и кедровыя орѣхи и множество ягодъ. Въ числѣ послѣднихъ есть одна превосходнѣйшая на вкусъ,—называется морошка. Растетъ она на болотистыхъ островахъ, походитъ на нашу малину, но въ три или четыре раза крупнѣе ея; ее употребляютъ, какъ лѣкарство при горячкѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ болѣзняхъ. Ягоду морошку и головы рыбы чевичи посылаютъ въ подарокъ иркутскому генералъ-губернатору.

Грустно я проводилъ дни. Не было у меня ни книжекъ, ни бумага, ни даже чернилъ. Тутъ никто, кромѣ коменданта, не имѣетъ этихъ предметовъ. Сталъ мой хозяинъ учить меня читать порусски. Продолжалось это ученіе до тѣхъ поръ, пока я не ослабъ зрѣніемъ отъ дыма вулкановъ и морскихъ паровъ, которые на столько густы, что, кажется, будто ихъ можно осязать рукою.

Впалъ я въ черную ипохондрію и сильно ослабъ. Увидя это, комендантъ позволилъ мнѣ три раза въ недѣлю прогуливаться по берегу океана. Это принесло мнѣ большое облегченіе; а послѣ я получилъ еще большую свободу ходить. Прохаживаясь у океана, присматривался я къ дивнымъ картинамъ природы. Неотступная стража постоянно меня предостерегала отъ плещущихъ волнъ, которыя могутъ унести въ море. Моимъ развлеченіемъ было: собирать разныя камешки, янтари и морскія раковины. По временамъ я находилъ раковины съ жемчугами, но очень мелкими и плоскими, ихъ я даже привезъ съ собою на родину.

Разъ какъ-то отошелъ я берегомъ отъ селенія съ версту и за-

нимался собираніемъ своихъ раковинъ. Вдругъ не далеко отъ меня упалъ большой камень. Со мною былъ мой матросъ. Стали мы разсуждать, что бы это значило. Я думалъ, что изъ облаковъ. Но мой спутникъ взглянулъ на возвышавшійся надъ нами берегъ и увидѣлъ медвѣдя, который спускалъ въ насъ эти камни. Оставили мы это мѣсто, и съ тѣхъ поръ я уже избѣгалъ отдаляться отъ селенія. Величайшимъ удовольствіемъ было для меня оставаться на морскомъ берегу передъ наступленіемъ бури. Тогда показывались изъ моря тысячи животныхъ: киты, моржи, или морскіе львы ¹⁾, сивучи, или морскіе кони, нерпы, или коровы, и тысячи морскихъ собакъ; раздавался крикъ безчисленнаго множества птицъ, особливо гагаръ, онѣ больше напихъ гусей, кричатъ безпрестанно и самымъ пронзительнымъ голосомъ, изъ ихъ кожи дѣлаютъ очень хорошія платья, отличающіяся особеннымъ цвѣтомъ и красотою, которая никогда не исчезаетъ.

Осенью дни сѣрые, а ночи самыя темныя. Море бываетъ наиболѣе бурливое, слышится непрерывный плескъ волнъ и страшнѣйшій шумъ океана. Когда валъ разобьется о берегъ, то потрясается вся Нижняя Камчатка. Коль скоро ударитъ валъ, и море зашумитъ, тотчасъ нѣсколько сотенъ домашнихъ собакъ, — которыя лѣтомъ кормятся рыбою на морскихъ берегахъ и остаются тамъ до поздней осени,—завоютъ, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отзовутся медвѣди. Вулканъ же въ это время непрерывно гремитъ и выбрасываетъ огонь. Что за ужасная картина! и каково тогда положеніе человѣка?!

VII.

Описаніе вулкановъ на Камчаткѣ.

Вулканъ ночью.—Экспедиціи для изслѣдованія вулкановъ.—Землетрясеніе.—Будущее Камчатки.

У самой Нижней Камчатки, близъ рѣки того же имени, впадающей въ море и постоянно переполненной лавою, находится вѣчно дѣйствующій вулканъ. Только въ темную ночь вулканъ даетъ себя видѣть въ своемъ убранствѣ. Вся его фигура свѣтится, какъ фо-

¹⁾ Моржей, или морскихъ львовъ, стараются добыть какъ можно больше. Они имѣютъ зубы (клыки) длиною около полутора локтя, толщиною съ руку, бѣлой кости, которая ничѣмъ не разнится отъ слоновой. Ихъ зубами купцы ведутъ торговлю и вывозятъ ихъ въ Кяхту. Находятъ также по берегамъ ледовитаго моря бѣлыя кости особенной величины звѣря, котораго тамъ называютъ мамонтомъ; нынѣ эта порода вымерла или переняла въ другую часть свѣта. Кости мамонта идутъ въ продажу въ Кяхту, гдѣ предпочитаютъ моржевымъ, и въ Москву. Это, очевидно, былъ огромный звѣрь, такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по величинѣ его реберъ. Послѣднія шириною около четверти локтя, длина же ихъ пропорціональна ширинѣ.

Авторъ.

наръ, всѣ очертанія его ясны, и видно, какъ онъ или выбрасываетъ лаву вверхъ, или же разливается. Безпрестанный отголосокъ, какъ-бы глухаго звона, поражаетъ слухъ. Вблизи этого вулкана нѣсколько лѣтъ назадъ были меньшіе тоже дѣйствующіе вулканы, но со временемъ они потухли. Екатерина II снаряжала сюда нѣсколько экспедицій для изслѣдованія, но почти половина людей постоянно возвращалась слѣпыми отъ дыма, который вѣтеръ надувалъ имъ въ глаза. На огнедышащей горѣ до половины ея находятся лѣса, а выше—одни только камни. Есть и потоки, впадающіе въ рѣку Камчатку. Въ лѣсахъ много дикихъ барановъ, величиною въ три раза больше украинскихъ. Они съ длинною шерстью, жирны и весьма вкусны. Камчадалы бьютъ ихъ изъ-за мяса и мѣха, изъ шкуръ шьютъ платья и въ нихъ ночуютъ на голомъ снѣгу въ величайшій морозъ.

Во время моего пребыванія на Камчаткѣ было тоже землетрясеніе. Тотъ, кто не видалъ этого самъ, не можетъ представить, что это былъ за ужасный моментъ! Я самъ, будучи сброшенъ съ кровати, потерялъ присутствіе духа, но мой сторожъ-матросъ въ ту же минуту схватилъ меня и поставилъ въ дверяхъ. Вулканъ гремѣлъ необычайно, а вода въ Камчаткѣ и даже на океанѣ значительно уменьшилась. Принесло потомъ массу ржавчины, которая покрыла едва не всю окрестность Камчатки, толщиною въ нѣсколько дюймовъ и оставалась въ продолженіе нѣсколькихъ дней.

Можно положительно думать, что всѣ эти острова—Курильскіе, Якутскіе, Лисьи, и хребетъ чукчей между сѣверо-восточною Америкою были прежде одною массою земли, но вслѣдствіе подобныхъ колебаній ея разорвались. Народы, обитающіе на этихъ островахъ, хотя имѣютъ каждый отдѣльный языкъ, однако приближаются другъ къ другу, кромѣ однихъ чукчей, у которыхъ языкъ обильный словами и совершенно отличный. Можно также предполагать, что камни, находящіеся въ морѣ, соединяются съ другими островами, ибо наиболѣе замѣчаются скалистые берега. Много наблюдателей-путешественниковъ рѣшило, что Камчатка со временемъ провалится, ибо постоянно появляются свѣжіе признаки вулкановъ, и землетрясенія возобновляются безпрерывно,

VIII.

Образъ жизни камчадаловъ.

Камчатка весною. — Занятія камчадаловъ (выкапываніе земляныхъ плодovъ, ловля рыбы, птицъ, сборъ ягодъ).—Медвѣди-ловеласы.

Въ послѣднихъ дняхъ мая показывается изъ-за высочайшихъ горъ солнце, ударяетъ лучами и почти въ одинъ день растопляетъ снѣгъ. Все дѣлается быстро. Рѣки производятъ необыкновенный

шумъ, лѣторосли пробиваются изъ земли, отъ вулкановъ поднимается густой дымъ.

Въ это время камчадалы спускаютъ своихъ собакъ, на лѣто онѣ имъ не нужны; тѣ бѣгутъ на морской берегъ и все лѣто до поздней осени кормятся выброшенными рыбами, а на зиму возвращаются къ своимъ хозяевамъ. Самыхъ рыбъ собаки не ѣдятъ, но только рыбы головы, которыя очень жирны и вкусны. Жители уходятъ съ семьями въ лѣса, выкапываютъ разные корни и земляной картофель, который запасаютъ для себя на зиму мыши, собираютъ съ деревьевъ и цвѣтовъ разные почки и ѣдятъ ихъ, какъ лакомство.

Но вотъ начинаетъ идти изъ моря въ рѣки рыба въ такомъ изобилии, что небольшими сѣтками выбрасываютъ на берегъ большія груды ея и сушатъ, какъ сѣно, дѣлая запасъ на зиму для собакъ. Эта рыба называется хательча, она очень костлява и походитъ на нашихъ ершей. За нею идетъ другая рыба. Величиною она походитъ нѣсколько на нашихъ линей, красная, съ закругленнымъ кверху носомъ. Ее берутъ почти руками, выбрасываютъ на берегъ, пластаютъ и также сушатъ на зиму для собакъ. Воздухъ въ это время бываетъ самый тяжелый: пока высохнетъ рыба, поднимается отъ нея страшный смрадъ, и разводятся черви. Наконецъ, двигается самая отличная рыба, о которой уже упоминалось выше. Способъ ловли ея слѣдующій. Собирается нѣсколько хозяевъ, и каждый изъ нихъ приноситъ сѣти, длиною въ нѣсколько сажень, плетенныя изъ мѣстной крапивы, ибо конопли тамъ не знаютъ. Связавши нѣсколько такихъ сѣтей, дѣлаютъ одну чрезвычайно длинную сѣть, такъ что ею перегораживаютъ половину рѣки Камчатки. Наверху сѣти, надъ водою, привязываютъ значки изъ коры. Ежели рыба попадетъ, вытаскиваютъ сѣть съ величайшею осторожностію, такъ какъ, если бы она забрала изъ воды воздухъ, то могла бы перевернуть всѣ лодки. Сѣть съ рыбой тянутъ къ берегу. Часть людей ждетъ почти по самую шею въ водѣ. У`каждаго въ рукѣ дубина. Поднимаютъ сѣть и какъ только покажется рыба, ее оглушаютъ, добиваютъ, потомъ рубятъ пополамъ и коптятъ. Чевичу ѣдятъ вмѣсто хлѣба. Съѣвши небольшой ея кусокъ, можно быть сытымъ.

Кромѣ рыбной ловли, жители собираютъ на болотистыхъ островахъ безчисленное множество яицъ лебедей, гусей разныхъ сортовъ, утокъ, куликовъ, морскихъ чаекъ и т. д. Яйца они ѣдятъ безпрестанно, а что еще остается отъ избытка, кладутъ въ китовый жиръ и сохраняютъ почти цѣлый годъ.

Затѣмъ они охотятся на птицъ. Это они дѣлаютъ въ то время, когда птицы линяютъ и не могутъ летать, а живутъ въ травѣ по берегамъ рѣкъ и потоковъ, впадающихъ въ море. Зайдя съ собаками въ рѣку, камчадалы выгоняютъ птицъ тысячами на берегъ и заби-

вають метлами. Ловятъ птицъ еще и такимъ способомъ. Дѣлають изъ мѣстной травы сѣтки, привязываютъ ихъ къ двумъ большимъ жердямъ и ставятъ во рвахъ и ущельяхъ горъ при озерлахъ. Тамъ обыкновенно слетаются всевозможныя птицы, и хотя онѣ питаются водянистыми орѣхами, но такъ жирны, что не могутъ подняться высоко. Съ наступленіемъ ночи, птицы стягиваются къ свѣжей водѣ и попадаютъ въ распяленныя сѣтки, по меньшей мѣрѣ по нѣскольکو копъ¹⁾, такъ что въ теченіе ночи набирають ихъ множество, оглушаютъ метлами и свертываютъ шею. Потомъ копають рвы, кладутъ пахучее дерево, связываютъ птицъ по парѣ жилами и копятъ на жердяхъ. Не будучи въ состояніи съѣсть добычу сразу, раскапываютъ землю на полтора локтя и прячуть ее туда до весны и сохраняють. Птицы эти вкусны, какъ отборнѣйшія пулярды.

Съ наступленіемъ времени сбора ягодъ, что продолжается довольно долго, камчадалы совершенно бросаютъ свои жилища. Наиболѣе собирають клюквы и брусники и сберегаютъ въ продолженіе всей зимы.

Часто случается, что когда они оставляють наполненную ягодами посуду, медвѣди крадутъ и съѣдаютъ все. Бываютъ случаи, что медвѣди схватываютъ женщинъ и уносятъ въ лѣса, однако ничего худого имъ не дѣлають. Рассказывалъ мнѣ тамошній миссіонеръ (xiadz ewanjelista), заслуживающій довѣрія, 80-ти-лѣтній старецъ, что къ нему приносили дѣтей крестить, но когда онъ видѣлъ, что это были уроды, похожіе на человѣка и на звѣря, приказывалъ закапывать въ землю живыми.

Мужчины тѣмъ временемъ состязаются въ ѣздѣ на оленяхъ, стрѣляютъ изъ луковъ, сооружаютъ истукановъ и приносятъ жертвы богамъ.

IX.

Религія и обычаи камчадаловъ.

Религія.—Добываніе огня.—Одежда.—Обувь.—Гостепріимство.—Странный обычай дѣлиться съ гостемъ своею женою.—Браки.—Жизнь зимою.—Юрты.—Ихъ устройство.—Лампы.—Рассказы о видѣнномъ.—Охота за соболями.—Продажа добычи.—Приготовленіе водки.—Подарокъ моря.—Погребальные обычаи.—Собранія у коменданта.—Два слова о танцахъ.—Ревность камчадаловъ.—Ядовитыя растенія.—Проектъ бѣгства.—Рассказы матроса, побывавшаго въ плѣну у чукчей.—Оставленіе проекта.

Камчадалы почитаютъ Бога, но вѣрятъ болѣе всего въ солнце, луну и огонь. Утверждаютъ, что все это—Богъ. Поклоняются истуканамъ, которыхъ помѣщаютъ при источникахъ, бьющихъ изъ скалъ ключемъ, и приносятъ имъ жертвы. Для этого кладутъ огромныя

¹⁾ Копъ=60 штукамъ.

груды дерева, зажигают ихъ, скачутъ черезъ огонь, между тѣмъ какъ шаманки показываютъ свои фокусы.

За недостаткомъ желѣза и огнива, камчадалы добываютъ огонь посредствомъ тренія дерева о дерево, для чего имѣютъ при себѣ сѣру и особый родъ высушенной травы, которая горитъ, какъ ленъ. До сихъ поръ многіе изъ нихъ еще употребляютъ топоры изъ кремня, кои были въ употребленіи прежде, когда не знали желѣза, которое нынѣ имъ доставляютъ русскіе. Въмѣсто игловокъ пользуются рыбьею костью, а вмѣсто нитокъ—оленьими жилами. Жилы сушатъ, обрабатываютъ на манеръ нашей конопли, а потомъ изъ нихъ крутятъ шнуры для шитья платья и сандалій. Изъ оленьихъ шкуръ они выдѣлываютъ замшу. Очищая эти шкуры отъ шерсти кремнемъ, раскрашиваютъ ихъ въ разные цвѣта и шьютъ изъ нихъ платья. Шьютъ еще платья невыразимой красоты, переливающимися разными цвѣтами, изъ морскихъ нырковъ. Ради рѣдкости дѣлаютъ платья и изъ камня, называемаго слюдою. Такое платье и въ огнѣ не сгораетъ. Изъ оленьихъ кишекъ готовятъ рубашки. Вычистивъ кишки, спиваютъ ихъ и надѣваютъ на себя отъ дождя. Очень красиво вышиваютъ сандаліи или обувь. Зимомъ носятъ мѣхъ, а на головѣ колпаки, лѣтомъ же ходятъ съ открытою головою, носятъ много плетеныхъ косъ, на концѣ которыхъ привязываютъ разныя раковины и колечки. Украшаютъ узорами лица, лбы и шеи, накалывая ихъ сначала до крови рыбною костью, а затѣмъ натирая красками. Узоры эти остаются навсегда. Женщина, которая имѣетъ на себѣ наиболѣе такихъ узоровъ, по ихъ мнѣнію, величайшая щеголиха и выдѣляется среди другихъ.

Камчадалы весьма привѣтливы и гостепріимны. Что только имѣютъ въ домѣ, все предоставляютъ гостю, жертвуютъ для него даже одною изъ своихъ женъ. Дѣлается это самымъ необыкновеннымъ образомъ. Лишь только пожалуетъ гость, приводятъ къ нему свою жену. Она держитъ подъ мышкою мѣдную посуду, употребляемую обычно ночью. Наполняетъ ее въ присутствіи гостя и потчуетъ его содержимымъ. Гость долженъ или выпить, или, по меньшей мѣрѣ, выполоскать себѣ ротъ этимъ лакомствомъ и тогда только приобретаетъ на нее права, равносильныя супружескимъ. За отказъ можно поплатиться жизнью, такъ какъ туземцы почтутъ это за чванство. Впрочемъ, этотъ обычай, отличавшій коряковъ, гдѣ онъ еще и до сихъ поръ существуетъ, у камчадаловъ начинаетъ исчезать. Послѣднее слѣдуетъ приписать посѣщенію Камчатки иноземными кораблями и занятію ея русскими.

Когда мужчина начнетъ искать для себя жену, посылаетъ къ избранницѣ пѣгаго оленя. И если она украситъ оленя травами и цвѣтами, значитъ, согласна отдать свою руку. Затѣмъ невѣста, въ обществѣ тридцати старыхъ бабъ, съ крикомъ и медвѣжьимъ скаканьемъ, вертится передъ женихомъ. Послѣдній долженъ пробиться

въ толпу этихъ бабъ и наложить на шею ея ожерелье изъ черныхъ соболей. Получивъ въ это время отъ каждой бабы по нѣсколько десятковъ кулаковъ, онъ отбираетъ невѣсту и везетъ въ свой домъ на пирь.

Съ началомъ зимы камчадалы переходятъ изъ лѣтнихъ своихъ домовъ въ подземныя ямы, называемыя юртами. Юрты устроиваются такимъ образомъ. Копаютъ въ землѣ длинные корридоры и помѣщенія для жилья, обдѣлываютъ внутри деревомъ и собираются въ нихъ по 40 или 50 человѣкъ, то-есть цѣлою семьею. Посрединѣ жилья—каминъ, въ которомъ постоянно поддерживается огонь. Только одно отверстіе въ помѣщеніи служитъ и окномъ и дверью.

Въ каждой юртѣ есть лампа, выдолбленная изъ камня, вмѣстимостью въ два гарнца. Она наливается китовымъ жиромъ, а вмѣсто свѣтильни кладется высушенный мохъ. Будучи заправлена такимъ образомъ, лампа горитъ нѣсколько дней. Она освѣщаетъ и вмѣстѣ согрѣваетъ. При ней женщины исполняютъ всѣ свои работы и шьютъ, а мужчины готовятъ небольшія ловушки на соболей.

Камчадалы и камчадалки коротаютъ длинные вечера въ безконечныхъ разговорахъ. Рассказываютъ другъ другу, кто изъ нихъ что видѣлъ и какіе имѣлъ сны. Они любятъ рассказывать неправдоподобныя вещи, которыя имъ случалось, будто бы, видать во время путешествій, такъ какъ они, по большей части, нанимаются купцами на корабли, отправляемые на розыски острововъ и новыхъ народовъ. Такъ, одни видѣли при Ледовитомъ морѣ людей, раздѣленныхъ пополамъ. Части эти лежали не далеко одна отъ другой, и когда эти люди хотѣли идти, части соединялись, и образовывался человѣкъ. Называли этихъ людей камбала, что значитъ въ переводѣ на польскій языкъ *flonderka*¹⁾. Другіе встрѣчали спящихъ людей съ замерзнувшей соплею отъ носа до самой земли. Они должны спать до весны. А когда солнце согрѣетъ ихъ, сопля стекаетъ, человѣкъ пробуждается и начинаетъ жить. Ихъ называютъ сопляками. Третьи находили города, въ которыхъ обитаютъ люди, такъ называемые кровопивцы. Женщины съ своей стороны рассказываютъ другъ другу, что одна изъ нихъ видѣла животное, похожее на человѣка, съ распущенными волосами, изрыгающее огонь. Рассказы эти слушаютъ съ величайшимъ любопытствомъ и имъ вѣрятъ.

Сдѣлавши нѣсколько десятковъ ловушекъ, мужчины берутъ собакъ, запасъ провизіи и на долгое время уходятъ на охоту. Узнавши, гдѣ соболей болѣе всего, камчадалы ставятъ на деревья ловушки съ приманкой изъ печеной рыбы. Соболю, прыгая съ дерева на дерево, попадаетъ въ ловушку, кидается къ рыбѣ и остается въ ловушкѣ. Оставивши ловушки на нѣсколько недѣль, охотники подвигаются съ собаками дальше между кедами, выгоняютъ соболей на деревья и

¹⁾ Особый родъ рыбы. Г. В.

бьютъ ихъ изъ луковъ тупыми стрѣлами, мѣтя въ самую голову, чтобы не испортить шкуры. Потомъ уже приходятъ къ своимъ ловушкамъ, забираютъ попавшихъ туда соболей и съ этою добычею возвращаются домой. Тамъ ожидаетъ ихъ толпа купчиковъ съ водкой, тютюномъ и разными бездѣлушками. Они почти даромъ получаютъ превосходнѣйшихъ соболей. Однако, угостивши дикарей и забравши добычу, купчики должны бѣжать, такъ какъ камчадалы, одурманенные выпивкою, готовы умертвить ихъ.

Водка въ Нижней Камчаткѣ готовится изъ особаго, произрастающаго здѣсь, растенія. Сокъ его настолько крѣпокъ, что если помочить въ немъ палецъ, вскочатъ пузыри и прыщи. Растеніе это похоже нѣсколько на нашъ укропъ, вышиною 2 локти, а толщиною въ большой палецъ руки. Его срываютъ и высушиваютъ дома на солнцѣ. Около трехъ недѣль мочатъ въ бочкахъ. Затѣмъ приносятъ къ коменданту, у котораго есть желѣзный котель, нарочно привезенный изъ Сибири. Опускаютъ въ котель. Туда на 2 ведра воды кладутъ 10 фунтовъ сухарей. Перегоняютъ черезъ кубъ, и начинаетъ идти жидкость, бѣлая, какъ молоко. Этотъ перегонъ повторяютъ нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ пока цвѣтъ водки не переѣнится въ зеленый. На послѣдокъ образуется сильнѣйшій спиртъ, превосходящій нашъ ромъ, только вкусъ имѣетъ положительно травы. Болѣе всѣхъ—нѣсколько ведеръ этой водки—получаетъ комендантъ. Посылаетъ ее разнымъ племенамъ и получаетъ за это большую прибыль въ видѣ соболей и разныхъ мѣховъ.

Для камчадаловъ величайшее несчастіе, угрожающее голодомъ, если бы море не выбросило кита, что, впрочемъ, случается рѣдко. Киты, приблизившись къ берегу, уже не въ состояніи воротиться въ море, такъ какъ всею тяжестью своего тѣла притягиваются къ землѣ. Позднею осенью, когда бывають величайшія бури, морскія волны подхватываютъ китовъ вблизи береговъ, треплютъ ихъ и выкидываютъ на берегъ, потомъ снова уносятъ въ море и снова бросаютъ на берегъ, гдѣ они уже и остаются, по успокоеніи моря. Вотъ тогда-то ликуютъ камчадалы. Сходятся со всего селенія, раскладываютъ большой огонь и кидаютъ жеребій между собою, кому какая часть усъ кита достанется. Китовый усъ они употребляютъ для тетивы луковъ, на лыжи и на полозья для саней. Случаются при этомъ ссоры и драки, оканчивающіяся убійствомъ. Потомъ начинаютъ рѣзать кита, отваливая огромныя глыбы жира. Мяса въ немъ мало. Много пройдетъ времени, пока они разберутъ и перевезутъ кита. Вотъ онъ уже начинаетъ вонять. Морскіе вѣтры тянутъ эту вонь на землю. Медвѣди, почуввши запахъ, идутъ стадами. Они не приходятъ сразу, а сдѣлаютъ нѣсколько десятковъ шаговъ и останавливаются. Камчадалы пугаютъ ихъ различными способами. Раскладываютъ большіе огни и кричатъ, но звѣри не обращаютъ на это вниманія и съ каждымъ разомъ подходятъ все ближе и ближе, такъ что испуганные

жители оставляют добычу и уходят въ свои жилища. Послѣ этого медвѣди, съ помощію тысячи морскихъ чаекъ, доканчиваютъ кита. По истеченіи двухъ дней видны лишь однѣ кости. Изъ нихъ берутъ только позвоночникъ и отвозятъ въ поселеніе подѣ фундаментъ для своихъ жилищъ.

Теперь опишу похороны у камчадаловъ. Наложатъ большія груды сушеныхъ кедровъ, вышиною три или четыре сажени, и кладутъ на нихъ покойника вмѣстѣ съ любимою его утварью, вооруженіемъ и лыжами. Шаманка, или сивилла, съ распущенными волосами, въ странномъ убранствѣ, держа въ одной рукѣ вѣтвь, а въ другой огонь, съ медвѣжьимъ рычаніемъ, устремляется къ костру и зажигаетъ его. Страшно смотрѣть, когда огонь начнетъ касаться мертвеца, — онъ корчится и шевелится, а когда сгоритъ, сивилла развѣваетъ пепель, какъ бы отсылая его къ богамъ. Нѣкоторые племена хоронятъ умершихъ въ колодахъ. Для этого рубятъ толстое круглое дерево съ корою. Разрубаютъ его вдоль, пополамъ. Одну половину его выдалбливаютъ на столько, чтобы въ ней могъ помѣститься человекъ, а другою половиною накрываютъ. Распираютъ колодою вершины двухъ, стоящихъ въ лѣсу, близко другъ къ другу, деревьевъ. Ничѣмъ не привязанныя колоды стоятъ тамъ вѣками.

Мѣстный комендантъ въ нѣкоторые праздники даетъ балы и, не имѣя другого общества, приглашаетъ тамошнихъ женщинъ и мужчинъ. Миссіонеръ и двое чиновниковъ здѣсь первые люди. Съ прибытіемъ ихъ, комендантъ приглашаетъ шамановъ и шаманокъ показывать фокусы. Гости танцуютъ, каждый по своему народному обычаю, но наиболѣе съ мычаньемъ и медвѣжьими пантомимами. Впрочемъ, въ средѣ женщинъ въ Нижней Камчаткѣ нѣкоторые начинаютъ танцовать поевропейски, какъ ихъ научили англичане и испанцы. Такія имѣютъ отъ англичанъ и испанцевъ много перстней и разныхъ подарковъ. Опасное дѣло влюбиться въ камчадалку, ибо если она замѣтитъ малѣйшую невѣрность, тотчасъ изъ мести отравитъ травами. Въ Камчаткѣ среди превосходнѣйшихъ травъ растутъ вредныя и ядовитыя растенія. По этой причинѣ тамъ не возможно завести никакой породы рогатаго скота.

Комендантъ угощаетъ на этихъ собраніяхъ чаемъ, водкой, рыбами и прочими мѣстными продуктами.

Потерявъ всякую надежду на освобожденіе и возвращеніе на родину, началъ я думать о средствахъ выйти какъ нибудь изъ своего несчастнаго положенія. Хозяинъ, онъ же и сторожъ мой, при нялъ во мнѣ участіе. Онъ тоже былъ несчастенъ, битъ кнудомъ и сосланъ изъ Иркутска въ Нижнюю Камчатку. Здѣсь онъ женился на камчадалкѣ и былъ надзирателемъ за корабельнымъ имуществомъ. Спустя продолжительное время, когда онъ вполне привязался ко мнѣ и во всемъ ввѣрился, предложилъ мнѣ проектъ бѣгства, обѣщая еще подговорить къ тому же двоихъ, тоже ссыльныхъ. Мы предполагали

взять три упряжки, въ каждой по семи собакъ, самыхъ отличныхъ бѣгуновъ, провизію, и уйти замерзшими берегами океана на оконечность Азіи, къ чукчамъ, обитающимъ напротивъ предполагаемой сѣверо-восточной Америки, куда пробирался черезъ Зундъ Кукъ, но, по причинѣ льдовъ, принужденъ былъ вернуться. Мы имѣли намѣреніе остаться тамъ нѣсколько времени, пока не придетъ случайно какой нибудь корабль. Иногда попадали туда англійскіе и испанскіе корабли. Поразмысливъ надъ этимъ довольно, мой хозяинъ привелъ ко мнѣ одного матроса, который, будучи схваченъ чукчами, нѣсколько лѣтъ прожилъ въ ихъ краю. Онъ, какъ бы желая утѣшить меня, описывалъ мнѣ ихъ образъ жизни, игры и разные обряды. Во все время своего пребыванія онъ пасъ у нихъ оленей. Чтобы веселѣе ему было, они дали въ помощь отвергнутую жену, коихъ чукчи имѣютъ по нѣсколько. Его рассказы удержали меня отъ проекта, вѣдь и я долженъ былъ бы подвергнуться такой же самой участи, пока бы дождался случайнаго корабля. Къ тому же скоро наступило мое освобожденіе.

Перевелъ и сообщилъ Г. А. Воробьевъ.

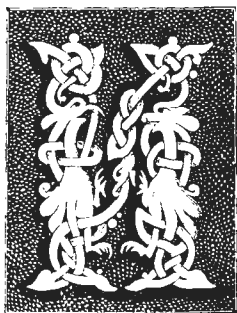
(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

„СЪВЕРНАЯ СЕМИРАМИДА“.

(По поводу столѣтія со дня кончины императрицы Екатерины II).

ИСТОРИЯ XVIII вѣка въ Россіи еще не написана и едва ли будетъ написана въ близкомъ будущемъ... Матеріаль для нея, обильный, богатый и разнообразный, отчасти уже напечатанъ и собранъ, а ненапечатанный и хранящійся въ архивахъ уже доступенъ пытливому изслѣдователю; но всѣ попытки овладѣть имъ вполнѣ, создать изъ него общую картину—до сихъ поръ оканчивались неудачами, недомолвками, представляли собою блѣдные и сухіе очерки, незавершенные наброски того, что скажетъ въ будущемъ талантливый историкъ XVIII вѣка—вѣка великаго Петра и великой Екатерины. И мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что этому будущему историкъ придется быть поэтомъ, чтобы вполнѣ понять и оцѣнить этотъ столѣтній періодъ въ жизни русскаго народа, скорѣе похожій на волшебную сказку, на прихотливый вымыселъ фантазіи, нежели на обыденную дѣйствительность, въ которой всѣ факты могутъ быть провѣрены строгой критикой и сопоставлены въ тѣсной, логической связи историческаго повѣствованія. Смѣло можемъ сказать, что исторія Россіи въ XVIII вѣкѣ представляетъ собою нѣчто безпримѣрное, изумительное и неподдающееся спокойному, прагматически-последовательному изложенію: за что ни возьмись въ этомъ періодѣ, здѣсь все необычайно! И краски ослѣпительно ярки, и тѣни густы и мрачны, и дѣятели болѣе похожи на полубоговъ и эпическихъ героевъ, нежели на обыкновенныхъ смертныхъ, и событія

напоминають собою скорѣ стихійныя проявленія силъ природы, нежели факты обыденной исторической дѣйствительности. По всему пространству громадной Россіи совершается (какая-то безпокойная, не прерывающаяся, вулканическая работа: среди мертвыхъ степей возникаютъ города, на пустынныхъ берегахъ являются гавани, непривѣтныя волны прилегающихъ къ Россіи морей покрываются на глазахъ изумленной Европы грозною русскою армadoю. Русскій великанъ, едва пробудившійся отъ сна, вчера еще наложившій на свои богатырскія плеча нѣмецкій кафтанъ и прикрывшій русыя кудри французскимъ парикомъ, тянется во всѣ стороны, раздвигая тѣсныя грани, пролагая пути къ морю, приглашая къ себѣ Европу въ гости; шутя и словно играя, онъ прирѣзываетъ къ Россіи область за областью, страну за странюю, братаясь съ одними народами, комкая другіе въ своихъ неуклюжихъ, желѣзныхъ объятіяхъ... Поэтъ не преувеличиваетъ, восклицая о немъ:

«Ступитъ на горы—горы трещать!..
 «Ляжетъ на море—бездны кипятъ...
 «Граду коснется—градъ упадаетъ...
 «Башни рукою за облакъ кидаетъ»...

Россія растетъ и крѣпнетъ, но рѣки золота, рѣки слезъ и крови, неизсякая, текутъ по лицу земли Русской... Дымъ пушекъ грозною, непроницаемою тучею виситъ надъ нею, то грома враговъ, то возвѣщающая о побѣдахъ надъ ними и вторя торжественнымъ кликамъ, заглушающимъ стоны народа. Передъ глазами всего свѣта совершаются подвигъ за подвигомъ; тысячи жизней идутъ нипочемъ; нескончаемый праздникъ юной русской жизни длится непрерывно, среди постояннаго, нечеловѣческаго труда, среди гигантскихъ усилій и громадныхъ препятствій, преодоляемыхъ только вѣрою въ то, что «тщеты россамъ всѣ препоны»... Вотъ въ нѣсколькихъ чертахъ страшная, увлекательная, заманчивая шехеразада русскаго XVIII вѣка,—шехеразада, къ которой менѣе всего приложима простая форма спокойнаго историческаго повѣствованія... Шехеразада, непонятная для западнаго европейца, все основывающаго на законѣ и расчетѣ, полная загадокъ и роковыхъ противорѣчій и для русскаго изслѣдователя, который, едва принявшись за разработку матеріаловъ по исторіи XVIII вѣка уже убѣждается въ томъ, что онъ не въ силахъ будетъ отнестись безпристрастно къ важнѣйшимъ дѣятелямъ этой изумительной эпохи... Встрѣчаясь въ началѣ вѣка съ грозною, все подавляющею, колоссальною личностью Петра, а во второй половинѣ вѣка съ обаятельнымъ образомъ Екатерины, историкъ одинаково сознаетъ себя слабымъ и безсильнымъ надъ непомѣрно-трудною задачею: сказать правду о Петрѣ и Екатеринѣ, разобравшись въ нескончаемомъ хаосѣ восторженныхъ похвалъ и ожесточенныхъ порицаній, которыми въ такомъ невѣроятномъ изобиліи почтена память этихъ великихъ государей. Вольтеръ, держав-

шій мечтать о возможности написать исторію Петра Великаго, писалъ въ то же время: «счастливъ будетъ писатель, которому лѣтъ черезъ сто придется написать исторію Екатерины III!». Умнѣйшій представитель литературы XVIII вѣка, видимо не постигалъ всей трудности такой задачи и относился объ ея значеніи съ нѣкоторымъ легкомысліемъ...

Современные Екатеринѣ западные писатели и поэты, восхваляя ее въ стихахъ и прозѣ, часто называли ее «Сѣверною Семирамидою». Тонкіе льстецы, изобильно воскурившіе ей имѣны передъ Екатериною, въ своемъ далеко не безкорыстномъ усердіи, кажется, не вполне сознавали, до какой степени вѣрно было придуманное ими поэтическое прозвище. Именно «Семирамида»: великая, славная и окруженная загадочнымъ туманомъ среди блеска своей славы и совершенныхъ ею подвиговъ! Пятнадцатилѣтнюю, скромную и бѣдную нѣмецкою принцессой явилась она въ Россію, по непонятной прихоти судьбы вызванная изъ тѣсной и непривлекательной обстановки крошечнаго Ангальтъ-Цербстскаго княжества, чтобы современемъ стать во главѣ громаднаго Россійскаго государства. Никому тогда, конечно, и въ голову не приходило, что эта «ангальтянка» (какъ называлъ Екатерину Фридрихъ въ своихъ депешахъ къ прусскому резиденту) будетъ со временемъ играть міровую роль и распоряжаться судьбою царствъ и народовъ, и даже дальновидный, «великій» Фридрихъ весьма охотно принималъ на себя въ данномъ случаѣ роль свата, рассчитывая, что маленькая ангальтъ-цербстская принцесса, ставъ императрицей всероссійской, будетъ служить ему покорнымъ и удобнымъ орудіемъ въ достиженіи его политическихъ цѣлей и идеаловъ. Но нѣмецкая принцесса, очутившись среди шумнаго двора Елисаветы, не дала себѣ вскружить голову и очень быстро освоилась съ новыми для нея условіями жизни своего новаго отечества. Она прежде всего занялась самообразованіемъ и жадно предаваясь обширному и разнообразному чтенію модной литературы современныхъ ей французскихъ писателей и философовъ, въ то же время усердно изучала русскій языкъ, зорко наблюдала и усваивала русскіе нравы и обычаи, вникала въ самый характеръ народа, которымъ ей предстояло править... Окруженная самыми неблагоприятными условіями въ своей семейной обстановкѣ, вынужденная постоянно замыкаться въ себѣ самой и остерегаться подозрительности старой императрицы-тетки, Екатерина сумѣла найти себѣ выходъ изъ своего затруднительнаго положенія, создавъ себѣ тѣсный и преданный кружокъ друзей, среди котораго она могла свободно отдыхать и горячими привязанностями вознаграждать себя за тягости и невзгоды своей несчастной супружеской жизни. При помощи выдающихся дѣятелей этого небольшого кружка друзей, Екатерина съ одной стороны вошла въ сношенія съ представителями западной дипломатіи и получила первые начатки своего поли-

тического воспитанія, а съ другой—завязала связи съ войскомъ и нашла себѣ горячихъ почитателей и приверженцевъ среди гвардіи, тогда пополнявшейся лучшими представителями русской знати и дворянства. Къ тому времени, когда неспособный и недалководидный Петръ III вступалъ на престолъ и съ первыхъ же шаговъ своихъ оскорблялъ лучшія чувства и убѣжденія русскаго народа,—всѣ уже любили Екатерину, противопоставляли ее Петру III и возлагали на нее упованія, отъ выполненія которыхъ она не могла уклониться, и ради своей личной пользы, и ради блага русскаго народа...

Въ силу этихъ упованій и совершился такъ легко и просто извѣстный переворотъ 28 іюня 1763 г., благодаря которому угнетенная и пренебрегаемая своимъ супругомъ Екатерина Алексѣевна свела его съ престола и сама взошла на него самодержавною императрицею Екатериною II. Это вступленіе произвело страшный переполохъ въ средѣ дипломатовъ-иностранцевъ, жившихъ въ столицѣ; но самое значеніе событія было ими не понято и не оцѣнено по достоинству... Тѣ изъ нихъ, которые пользовались расположеніемъ бывшаго императора, упали духомъ, ожидая крупныхъ поворотовъ въ русской политикѣ; другіе, напротивъ того, возликовали, ожидая, что имъ нетрудно будетъ обойти новую самодержицу и приобрести ея расположеніе. И что же? Оказалось, что и тѣ, и другіе ошиблись въ своихъ расчетахъ, потому что не знали Екатерины; а она съ перваго же дня своего самодержавія выказала себя настолько неутомимо-дѣятельною и осторожною въ дѣйствіяхъ своихъ, что далеко превзошла ожиданія даже и самыхъ искреннихъ своихъ друзей и приверженцевъ. Вскорѣ однако же дипломатамъ пришлось убѣдиться, что эта «молодая и неопытная» государыня, которой тогда было не болѣе 33 лѣтъ, умѣетъ уже изумительно владѣть собою и въ политикѣ дѣйствовать совершенно объективно, не руководясь ни симпатіями, ни антипатіями личными, а только однимъ главнымъ соображеніемъ: интересами государственными. При этомъ она превосходно усвоила и тотъ главный дипломатическій принципъ, на основаніи котораго дѣйствовали по общему соглашенію всѣ дипломаты-канцлеры; она постоянно «для свѣта декларировала» одно, а на дѣлѣ осуществляла другое... Точно также ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ и ея приближенные, и всѣ усердные пособники ея въ переворотѣ 28 іюня: всѣхъ щедро наградивъ, она никого не наказала, ни на кого не положила суровой ослалы, и этимъ привлекла къ себѣ сердца даже злѣйшихъ враговъ своихъ и порицателей. Не успѣвъ еще остановить свой выборъ на людяхъ, которые бы могли ей быть дѣйствительно полевыми и нужны, она тщательно озиралась кругомъ и дѣйствовала удивительно осторожно, прося совѣтовъ у всѣхъ (даже у людей, которыхъ считала гораздо ниже себя по уму!), даже выражая всѣмъ свою признательность за подобные совѣты, и въ то же время ни на минуту не уклоняясь отъ исполнѣ самостоятельнаго способа

дѣйствій въ разрѣшеніи самыхъ мудреныхъ вопросовъ... Въ этомъ высказывалась уже одна изъ преобладающихъ чертъ ея нравственнаго типа: смѣлая и спокойная увѣренность въ себѣ, которая, въ связи съ большимъ самообладаніемъ, давала Екатеринѣ полную возможность искусно и ловко пользоваться тою громадною властью, которая случайно досталась ей въ руки. Счастье ей послужило на первыхъ порахъ, кстати и во время устранивъ съ ея пути двоихъ претендентовъ на престолъ, и еще болѣе усилило основныя черты ея типа, подкрѣпивъ ихъ вѣрою въ «свою звѣзду», въ свое предназначеніе.

Въ первые два года своего царствованія, посвященные главнымъ образомъ заботамъ объ утвержденіи своей власти, Екатерина весьма охотно предавалась разрѣшенію вопросовъ внутренней политики. Избравъ себѣ за образецъ Петра Великаго, имя котораго она всегда произносила съ благоговѣніемъ и весьма охотно ставила во главѣ своихъ манифестовъ, Екатерина, — порицавшая открыто «неприлежаніе къ дѣламъ своихъ нѣкоторыхъ предковъ», — выказала себя изумительно дѣятельною, неутомимою труженицей и достойною преемницей великаго преобразователя Россіи. Повидимому, она даже и намѣтила себѣ тѣ именно вопросы, которые нѣкогда привлекали и его вниманіе: права сословій, устраненіе злоупотребленій, вкравшихся въ церковь, исправленіе и пополненіе законовъ гражданскихъ и общественное благоустройство. Подобно Петру, хотя, можетъ быть, и съ меньшею искренностью, Екатерина любила въ эти первые годы царствованія при каждомъ удобномъ случаѣ напоминать, что «иныхъ видовъ не имѣтъ, какъ наивысшее благополучіе и славу отечества»; она сумѣла даже привлечь вниманіе русскаго общества къ тѣмъ вопросамъ, которые выдвигала на первый планъ; но когда почувствовала себя твердо установившеюся на престолѣ, то гораздо болѣе увлеклась вопросами внѣшней политики, въ которыхъ находила удовлетвореніе своему сильно развитому славолюбію и широкое поле для примѣненія тонкой расчетливости своего замѣчательнаго женскаго ума, своихъ быстрыхъ и поразительно ясныхъ соображеній. На пользу этой смѣлой внѣшней политикѣ, которая дала Россіи первенствующее мѣсто въ средѣ великихъ европейскихъ державъ, направлены были всѣ силы народа, забыто было «благополучіе отечества», и отложены въ сторону всѣ благія начинанія, столь важныя для внутренняго благоустройства Россіи.

Въ области политики внѣшней она выказала такую кипучую дѣятельность, такую неутомимость, которая свидѣтельствуетъ о ея необыкновенной подвижности и энергіи. А тѣ совершенно-новые приемы, тѣ лично ею придуманныя мѣропріятія и политическія уловки, которыя она вносила въ область дипломатіи, указываютъ ясно на гибкость ея ума, изобрѣтательнаго, находчиваго и неистощимаго въ средствахъ для достиженія намѣченной цѣли. Она до-

стигла въ этой области такихъ громадныхъ успѣховъ, такихъ удачъ, о которыхъ за полвѣка передъ тѣмъ не дерзаль даже и мечтать великій преобразователь Россіи: Турція, нѣкогда могущественная и грозная, была потрясена до основанія, Россія приобрѣла Крымъ и побережье Чернаго моря и получила львиную долю въ раздѣлѣ Польши, который (какъ теперь доказано) совершенъ по замыслу и инициативѣ Екатерины, а не Фридриха Пруссаго. Геніальный государственный умъ Екатерины ясно выказывается въ томъ, что она, расширяя предѣлы Россіи, не переставала заботиться о тѣсномъ слияніи окраинъ съ центромъ и понимала это слияніе такъ тонко и вѣрно, какъ не понимали его, даже и сто лѣтъ спустя, многіе изъ современныхъ намъ государственныхъ дѣятелей... «Малая Россія, Лифляндія и Финляндія,—такъ пишетъ Екатерина къ одному изъ своихъ приближенныхъ, — суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привиллегіями. Нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бѣ было; однакожь и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи— есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью глупостію. Сіи провинціи, также и Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть, какъ волки въ лѣсу... Къ тому приступъ весьма легкій, если разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ...». Программа превосходная, и если бы соблюдалась послѣдовательно и точно, мы были бы уже теперь избавлены отъ многихъ докучныхъ, назрѣвающихъ вопросовъ нашего времени. Отъ природы одаренная умомъ смѣлымъ и предприимчивымъ, не любившая никакихъ стѣсненій въ проявленіяхъ своей воли, Екатерина въ ранней своей молодости значительно тяготѣла къ западному либерализму и сочувствовала его главнымъ основаніямъ. Но житейскій опытъ научилъ ее тому, что многое, пригодное на Западѣ, непримѣнимо въ Россіи, и потому она уже въ самомъ началѣ своего царствованія отклонила Панинскій проектъ «императорскаго совѣта», а нѣсколько позже писала уже съ полною увѣренностью: «Россійская имперія есть столь обширна, что, кромѣ самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей, ибо все прочее медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣеть, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы втянутъ, нежели единаго государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитающаго общее добро¹⁾ своимъ собственнымъ».

Эта мысль, вполнѣ вѣрная въ основѣ своей, укрѣплялась болѣе и болѣе въ Екатеринѣ, которая, по мѣрѣ того, какъ она входила въ лѣта и становилась болѣе и болѣе опытною въ наукѣ управленія

¹⁾ На языкѣ XVIII в. выраженіе «общее добро» было равносильно нынѣшнему: «общественное благо».

государствомъ,— убѣдилась въ томъ, что окружавшіе ее дѣятели, даже изъ ближайшихъ къ ней лицъ, нуждались во власти сильной и сознательно примѣняющей свою силу... Въ особенности убѣдила ее въ этомъ неудачная попытка предпринятой ею законодательной реформы, въ которой она не пошла далѣе «Наказа», надѣлавшаго такъ много шума въ Европѣ и весьма своеобразно понятаго въ Россіи. Когда же самый проектъ составленія «Новаго Уложенія» на дѣлѣ сталъ осуществляться, Екатерина увидѣла, что широко-задуманый планъ слѣдовало бы приводить въ исполненіе не сверху, а снизу: надо было начать съ освобожденія крестьянъ! Но она испугалась того недовольства, которое должна была возбудить противъ себя, и отказалась отъ выполненія своего проекта. Ея слова о томъ, что она «никогда не желаетъ, какъ благоденствія подданныхъ, какого бы они званія ни были»,—остались только громкою фразою, не осуществимою на дѣлѣ, и положеніе народа въ царствованіе Екатерины было весьма печально: онъ несъ на себѣ всѣ тягости и, закрѣпощаемый сотнями тысячъ во власть помѣщиковъ, не пользовался никакими правами... Въ томъ глухомъ, но глубокомъ недовольствѣ, которое было порождено такимъ (отчасти невольнымъ) отношеніемъ Екатерины къ нуждамъ крестьянскаго сословія, и заключается ближайшая разгадка быстрыхъ успѣховъ пугачевщины. По всѣмъ вѣроятіямъ, однако же, это жалкое положеніе народа, — которое Екатерина не могла не знать и на которое она старалась смотрѣть сквозь пальцы,—составляло больное мѣсто въ сердцѣ великой государыни, которая оказывалась не только чуткою, но даже раздражительною при каждомъ, даже и малѣйшемъ, намекѣ на то, что народъ «не благоденствуетъ» въ ея царствованіе... Радищевъ, рѣшившійся высказать это печатно, навлекъ на себя всю тяжесть ея гнѣва; а Потемкинъ, сумѣвшій такъ ловко раскинуть передъ глазами спутниковъ путешествія Екатерины на югъ Россіи такую блестящую и лживую картину «народнаго благополучія», понималъ, что оказываетъ «матушкѣ-царицѣ» услугу, которую она вполне способна оцѣнить.

Многіе изъ подобнаго сопоставленія фактовъ могли бы, пожалуй, вывести заключеніе не совсѣмъ правильное; могли бы подумать, что Екатерина сама себѣ противорѣчила, когда писала одному изъ своихъ приближенныхъ: «Я весьма люблю правду, а вы можете ее говорить, не боясь ничего, и спорить противъ меня безъ всякаго опасенія, лишь бы только то благо произвело въ дѣлѣ...». Но въ сущности противорѣчія тутъ никакого не оказывается, такъ какъ въ основѣ его лежитъ то рѣзкое различіе, которое Екатерина всюду проводила между своею частною жизнью и дѣятельностью, и своимъ оффиціальнымъ отношеніемъ къ обществу русскому, и, въ особенности, европейскому. Простая и доступная въ сношеніяхъ съ тѣми, кто раздѣлялъ ея труды и удостоивался ея довѣрія, она «любила

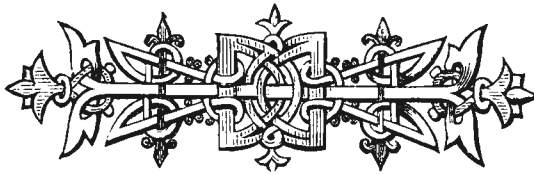
правду» и «допускала споры»; но въ то же самое время создала цѣлую систему оффиціальной лжи, которою отводила глаза Европѣ, то вступая въ сношенія съ современными литературными знаменитостями, въ родѣ Вольтера, Дидро и др., и осыпая ихъ своими милостями, то поддерживая, съ замѣчательною настойчивостью и терпѣніемъ, многолѣтнюю переписку съ нѣсколькими избранными лицами, въ разныхъ концахъ Европы, и въ этой перепискѣ, даже съ нѣкоторою видимою откровенностью, рисуя довольно подробно картину своего царствованія и своей частной жизни, но освѣщенную именно съ такой стороны, съ какой Екатеринаѣ это было нужно, по отношенію къ большинству европейской публики.

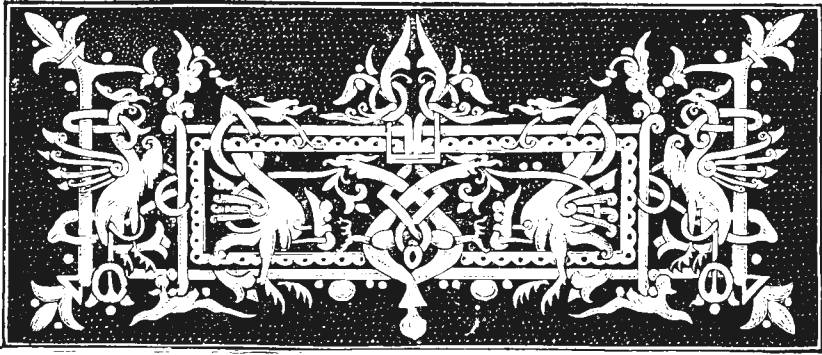
Величіе Екатерины, необычайная сила ея ума и характера, какъ самодержицы, выказывались болѣе всего въ ея умѣньи править людьми и покорять себѣ сердца. Выборъ людей, которыхъ она къ себѣ приближала, которыхъ избирала себѣ въ ученики и помощники, былъ далеко не всегда удаченъ; но ея умѣнье обращаться съ ними, извлекать изъ нихъ всю ту пользу, какую они способны были принести, было поистинѣ изумительное. Одинъ изъ ея современныхъ историковъ справедливо замѣчаетъ, что счастье было у нея на послугахъ, и приводило къ тому, что даже самыя рискованныя предпріятія ея увѣнчивались успѣхомъ; но за то и она была достойна своего счастья—она умѣла имъ пользоваться». Постоянно сохраняя свое достоинство, мужественно, спокойно и увѣренно даже въ минуты большихъ неудачъ и тяжкихъ испытаній, она умѣла внушать бодрость духа даже и самымъ малодушнымъ людямъ, и привязывала къ себѣ всѣхъ, кого допускала до непосредственной близости, всѣми чарами своего обаянія, какъ царица и какъ женщина. Державинъ съ восторгомъ посвящаетъ нѣсколько страницъ своихъ «Записокъ» выясненію этого обаянія частныхъ и личныхъ сношеній съ Екатериною, а постоянный корреспондентъ Екатерины — Гриммъ — въ слѣдующихъ, глубоко прочувствованныхъ, строкахъ говоритъ о томъ сильномъ впечатлѣніи, которое эта великая женщина производила на него даже и путемъ постоянныхъ письменныхъ сношеній... «Переписка съ нею,—пишетъ Гриммъ послѣ кончины Екатерины,—являлась для меня единственнымъ благомъ, единственнымъ украшеніемъ моей жизни, основою моего счастья и такою же существенною стороною моего существованія, какъ дыханіе, въ жизни организма... Даже и вдали отъ нея я создалъ себѣ нѣчто въ родѣ почитанія ея особы, нѣчто въ родѣ священнаго культа. Я до такой степени сжился съ ея воззрѣніемъ, что они стали неразлучны съ моимъ сознаніемъ, съ каждою мыслью моею... И гдѣ бы я ни былъ, и чѣмъ бы я ни былъ занятъ, она никогда не выходила изъ моей памяти и моего сознанія».

Любимымъ идеаломъ Екатерины былъ постоянно ея великій предшественникъ—Петръ, гениальный труженикъ на пользу Россіи, и

Екатерина явилась на престолѣ вполне достойною своего идеала. Въ своей неутомимой и плодотворной дѣятельности государственной она можетъ быть сравнена только съ Петромъ Великимъ, и если заслуга Петра заключалась именно въ томъ, что онъ изъ государства Московскаго создалъ «государство Россійское», то заслуга Екатерины заключается въ томъ, что она сумѣла вдунуть новую жизнь въ мертвыя формы, созданныя Петромъ, сумѣла внушить всѣмъ русскимъ людямъ гордое сознание могущества Россіи и разумное пониманіе тѣхъ историческихъ задачъ, которыя принадлежатъ Россіи въ будущемъ. «Идея царственнаго величія, которой Екатерина была глубоко предана, никогда не отдѣлялась въ ея сознаниі отъ величія того царства, во главѣ котораго она стала»,— такъ говорить о ней одинъ изъ современныхъ и строгихъ историковъ Запада. И въ этой оцѣнкѣ мы видимъ лучшее оправданіе Екатерины отъ всѣхъ навѣтовъ, порицаній и обвиненій ея злѣйшихъ враговъ.

П. Полевой.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ РИГѢ.

ПРИ ЗАКРЫТИИ въ 1893 году Виленскаго археологическаго съѣзда, почетный предсѣдатель, великій князь Сергій Александровичъ, сообщилъ его совѣту, что по волѣ императора Александра III слѣдующій X съѣздъ долженъ состояться въ Ригѣ, а для обсужденія подробностей его организаціи и начертанія программы его занятій постановлено было собрать предварительный комитетъ въ Москвѣ въ январѣ 1894 года. Въ засѣданіяхъ этого комитета, составленнаго изъ представителей многихъ нашихъ ученыхъ учрежденій, при участіи значительнаго числа депутатовъ изъ Прибалтійскихъ провинцій и подъ предсѣдательствомъ графини П. С. Уваровой, были выработаны правила будущаго съѣзда (утвержденныя впоследствии г. министромъ народнаго просвѣщенія), намѣчены многіе вопросы и запросы, разрѣшеніе которыхъ представлялось желательнымъ, и обсуждалась въ общихъ чертахъ матеріальная обстановка дѣятельности съѣзда. Между прочимъ, съ цѣлью усиленія средствъ съѣзда, постановлено было ходатайствовать о правительственной субсидіи комитету для производства раскопокъ и вообще для его нуждъ, такъ какъ отъ количества и качества подготовительныхъ работъ, по указанію директора русскаго археологическаго института въ

Константинополь, профессора Э. И. Успенскаго, зависѣло, на примѣръ, освѣщеніе готскаго и норманскаго вопросовъ, столь важныхъ для исторіи Руси, выясненіе торговыхъ путей къ Балтійскому морю, разъясненіе связи въ IX столѣтіи славянскаго элемента съ мѣстными и многіе другіе важные научные вопросы.

Изъ числа намѣченныхъ комитетомъ 209 вопросовъ и запросовъ для обсужденія и рѣшенія на предстоявшемъ съѣздѣ, конечно, наиболѣе выдающееся значеніе, хотя бы по количеству (116), должны были имѣть такіе, которые касались мѣстныхъ прибалтійскихъ древностей. Даже бѣглый обзоръ этихъ вопросовъ даетъ возможность убѣдиться въ томъ, что комитетъ не оставилъ безъ вниманія почти ни одной отрасли мѣстной археологіи: здѣсь затронуты и специально курганная археологія, и древности общественнаго и юридическаго быта, и народная поэзія, и языкъ, и письменность, и нумизматика, и сфрагистика и памятники археографическіе. Нѣкоторые вопросы представляются особенно важными потому, что ихъ разрѣшеніе прямо должно было бы содѣйствовать ознакомленію пріѣзжихъ археологовъ съ тѣмъ, что сдѣлано и дѣлается мѣстными изслѣдователями: таково предложеніе, внесенное профессоромъ Р. Гаусманомъ, о представленіи съѣзду обзора археологическихъ изслѣдованій въ Прибалтійскомъ краѣ за послѣднее пятидесятилѣтіе; таковъ же запросъ барона Бруйнинга относительно дѣятельности прибалтійскихъ историческихъ ученыхъ обществъ за тотъ же періодъ; таковы запросы пасторовъ Биленштейна и Гурта о латышской и эстонской народной поэзіи и объ ея изученіи.

Для болѣе успѣшной подготовки будущей работы съѣзда предварительный комитетъ открылъ 21 марта 1895 года особый свой отдѣлъ въ самой Ригѣ, а предсѣдательница его, графиня П. С. Уварова, съ цѣлью возбужденія болѣе живаго интереса къ предполагаемому съѣзду въ мѣстномъ обществѣ, около того же времени посѣтила Митаву и Ревель, гдѣ по случаю ея пріѣзда были собраны мѣстные изслѣдователи старины, и подъ ея предсѣдательствомъ обсуждены способы содѣйствія цѣлямъ съѣзда со стороны этихъ ученыхъ, и подняты вновь нѣкоторые важные вопросы, касающіеся изученія прибалтійскихъ древностей, какъ, на примѣръ, вопросъ объ упорядоченіи дѣлъ курляндскаго герцогскаго архива и объ открытіи въ него доступа ученымъ.

Во время этихъ предварительныхъ работъ обнаружилось, насколько удаченъ для будущей научной дѣятельности съѣзда былъ выборъ мѣстомъ для него Прибалтійскаго края: съѣзду предстояло собраться въ мѣстности культурной, въ которой историко-археологическія изслѣдованія ведутся уже съ давнихъ временъ, какъ отдѣльными лицами, такъ и цѣлымъ рядомъ ученыхъ обществъ, каковы общество исторіи и древностей Прибалтійскихъ губерній, общество литературы и искусства въ Митавѣ, ученое эстляндское литератур-

ное общество въ Ревелѣ, эстонское ученое общество въ Юрьевѣ, общество для изученія острова Эзеля, литературное общество въ Феллинѣ и ученое латышское общество въ Ригѣ. Всѣ эти общества, а также и музеи многихъ городовъ Прибалтійскихъ провинцій, съ живѣйшимъ сочувствіемъ отнеслись къ задачамъ съѣзда, но особенно энергичное содѣйствіе было оказано первымъ изъ этихъ обществъ—обществомъ исторіи и древностей Прибалтійскаго края, которое, по выраженію графини Уваровой, на этотъ разъ какъ бы раздвоилось: изъ него, во-первыхъ, выдѣляется упомянутый уже Рижскій предварительный комитетъ, поставившій своей задачей принятіе возможныхъ средствъ для устройства съѣзда съ матеріальной точки зрѣнія, т.-е. обезпеченіе пріѣзжающихъ членовъ удобными и недорогими помѣщеніями, устройство помѣщеній подъ выставку и для засѣданій съѣзда, хлопоты относительно обѣдовъ и пріема членовъ. Другая часть общества, съ предсѣдателемъ, барономъ Бруйнингомъ, во главѣ, занялась ученой стороною дѣла: разработкой вопросовъ, предложенныхъ московскимъ предварительнымъ комитетомъ, раскопками, произведенными въ Кремонѣ, Клауенштейнѣ, Звейнекѣ, Кайменѣ, на островѣ Моонѣ, Риннекальнѣ и въ Кардисѣ, изданіемъ картъ и указателей, которые облегчили бы членамъ съѣзда возможность ориентироваться въ изслѣдованіяхъ прибалтійской старины (таковы карты, изданныя г. Левисъ-офъ-Менаромъ, и указатель археологіи края, составленный г. Бухгольцомъ) и организаціей археологической выставки, которая должна была представить по возможности полную картину всего до сихъ поръ сдѣланнаго по археологіи края, причемъ особенно полезнымъ подспорьемъ оказался систематическій и въ высшей степени научно выдержанный «каталогъ» этой выставки съ прекраснымъ вступленіемъ, написаннымъ профессоромъ Юрьевскаго университета, Р. Гаусманомъ.

Возбужденіе научнаго интереса, вызванное дѣйствіями предварительныхъ комитетовъ, особенно ярко сказалось въ дѣлѣ изученія быта эстовъ и латышей, какъ древняго, такъ и современнаго. Въ этомъ отношеніи наиболѣе характерными фактами слѣдуетъ признать латышскую этнографическую выставку, открытую въ Ригѣ въ одинъ день съ археологическимъ съѣздомъ, и колоссальную коллекцію произведеній эстонской народной словесности, собранную докторомъ Гуртомъ и выставленную въ залѣ рижской Большой гильдіи. Остановимся сперва на этой коллекціи, состоящей изъ 136 рукописныхъ большихъ томовъ: въ нее входятъ 40,500 древнихъ народныхъ сказаній, около 8,500 сказокъ и мѣстныхъ преданій, около 45,000 пословицъ, около 37,000 народныхъ загадокъ—среди нихъ имѣется много вариантовъ, дубликатовъ и трипликатовъ; далѣе около 52,000 записокъ объ эстонскихъ суевѣріяхъ, множество матеріаловъ о нравахъ и обычаяхъ эстонскаго народа, о сновидѣніяхъ и ихъ толкованіяхъ. наконецъ образцы мѣстныхъ го-

воровъ и характерныхъ реченій. Эта коллекція—не компиляція старыхъ рукописныхъ или печатныхъ трудовъ прежнихъ изслѣдователей, но совершенно новое и самостоятельное собраніе, притомъ составленное очень оригинальнымъ путемъ, при помощи самостоятельныхъ записей самихъ крестьянъ, благодаря чему мы можемъ составить себѣ точное понятіе объ ихъ нарѣчіяхъ, а главное судить о степени ихъ культурныхъ успѣховъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что эти крестьяне, научившись читать и писать, воспринявъ первые элементы культурности, не стали относиться свысока къ своему народному творчеству, говорить достаточно въ пользу высоты ихъ умственного развитія, такъ какъ мы сплошь и рядомъ можемъ наблюдать примѣры совершенно противоположнаго отношенія къ родной средѣ со стороны нашихъ крестьянъ, какъ только ихъ коснется городская, трактирно-фабричная цивилизація. Съ этой точки зрѣнія такимъ же утѣшительнымъ показателемъ истинной, здоровой культурности является и упомянутая нами латышская этнографическая выставка, въ устройствѣ которой, кромѣ людей изъ классовъ образованныхъ, принимали также очень живое участіе и крестьяне. Объ этой выставкѣ, исторіи ея и организаціи была помѣщена въ «Историческомъ Вѣстникѣ» специальная статья С. И. Уманца (1896 г., сентябрь, стр. 733—743), а потому мы о ней распространяться не будемъ, и скажемъ только, что если и есть извѣстная доля правды въ скептическомъ отношеніи г. Уманца къ той картинѣ благосостоянія латышей, которую мы видѣли на выставкѣ, то все же, откинувъ преувеличенія, намъ приходится признать наличность усиленнаго умственного движенія въ этомъ маленькомъ племени и такую степень благосостоянія, о которой и не помышляютъ наши крестьяне изъ богатыхъ даже въ естественномъ отношеніи мѣстностей.

Говоря о подготовительныхъ работахъ, вызванныхъ въ мѣстномъ обществѣ археологическимъ съѣздомъ, мы не можемъ не упомянуть о весьма хорошо подобранномъ церковно-археологическомъ музеѣ при рижскомъ духовномъ училищѣ, возникшемъ всего за три мѣсяца до съѣзда и открытомъ только двумя днями ранѣе его. Въ музеѣ мы нашли хорошее собраніе старопечатныхъ книгъ, нѣсколько любопытныхъ рукописей и довольно большое количество старинныхъ крестовъ, иконъ и церковныхъ сосудовъ (значительная часть этихъ предметовъ отобрана въ закрытыхъ тайныхъ раскольническихъ молельняхъ): все это прекрасно классифицировано, описано, представляетъ несомнѣнную научную цѣнность, а главное, свидѣтельствуетъ о серьезной, ревностной работѣ православнаго духовенства въ Прибалтійскомъ краѣ; такой музей могъ бы сдѣлаться украшеніемъ любой изъ нашихъ семинарій, не говоря уже о духовныхъ училищахъ. Весьма важно и то обстоятельство, что самое устройство музея задумано было въ виду предстоявшаго въ Ригѣ съѣзда.

Вообще надо сказать, что православное духовенство края не отнеслось къ съѣзду, какъ къ чему-то для него индифферентному, а, напротивъ, обнаружило полную готовность помогать его работѣ, доставивъ (какъ на это указала графиня П. С. Уварова), при посредствѣ высокопреосвященнаго архіепископа Арсенія, московскому предварительному комитету значительный матеріалъ историческаго и этнографическаго характера. Поэтому тѣмъ болѣе удивительнымъ представляется отношеніе къ съѣзду духовенства лютеранскаго: консисторія лютеранская, по сообщенію графини Уваровой, отказалась доставить съѣзду свои документы и книги, и подобный фактъ является единственнымъ примѣромъ нѣсколько отрицательнаго отношенія мѣстнаго общества (правда, одной только его группы) къ дѣятельности съѣзда.

Дружная работа, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ ученыхъ корпорацій, продолжавшаяся въ теченіе болѣе, чѣмъ 1½ лѣтъ, не могла пройти безслѣдно для всей вообще мѣстной интеллигенціи, хотя бы и не причастной прямо къ дѣлу археологіи: интересъ къ изученію мѣстной старины, въ отсутствіи котораго, какъ мы видѣли, и раньше нельзя было упрекать образованныхъ людей Прибалтійскаго края, благодаря подготовительнымъ работамъ съѣзда, благодаря раскопкамъ, новымъ изданіямъ, хлопотамъ по устройству различныхъ выставокъ, возросъ еще болѣе; а когда въ Ригу со всѣхъ концовъ Россіи и изъ-за границы, въ послѣднихъ числахъ іюля, стали съѣзжаться представители различныхъ отраслей археологической науки, общественное оживленіе обнаружилось очень ярко: всѣ газеты наполнились статьями о предстоящемъ съѣздѣ, стараясь уяснить его научное, а частью и политическое значеніе, сообщая разныя свѣдѣнія о научныхъ трудахъ тѣхъ или другихъ изъ выдающихся членовъ съѣзда, при чемъ особенное вниманіе мѣстной прессы (да и всего общества) привлекалось личностью предсѣдателя съѣзда, графини Уваровой, представляющей собою для нѣмцевъ весьма рѣдкій примѣръ широкаго спеціальнаго образованія въ такой области, которая многимъ кажется исключительнымъ удѣломъ мужского научнаго труда. Со всѣхъ сторонъ слышались пожеланія успѣха пріѣзжимъ ученымъ въ ихъ работѣ, пожеланія, чтобы съѣздъ явился новымъ могущественнымъ средствомъ укрѣпленія и распространенія просвѣщенія въ краѣ, и чтобы сами археологи оставили край съ сознаніемъ, что ихъ научный запасъ увеличился кое-какими пріобрѣтеніями. О возбужденіи этого общественнаго интереса и сочувствія къ задачамъ съѣзда очень хорошо выразился одинъ изъ мѣстныхъ органовъ печати «Düna-Zeitung»: «сочувственный интересъ къ изслѣдованію доисторической старины получилъ новый импульсъ въ средѣ людей, постороннихъ археологіи, а у нѣкоторыхъ даже вновь зародился, и куда бы ни направили наши археоло-

логи свои изслѣдованія, они повсюду встрѣтятъ полное содѣйствіе, истекающее изъ пониманія важности ихъ дѣла»¹⁾).

При такомъ-то вполне благоприятномъ общественномъ настроеніи состоялось 1-го августа открытіе сѣзда въ торжественномъ засѣданіи въ залѣ рижской Малой гильдіи, въ присутствіи многочисленной публики, представителей администраціи, учебнаго начальства, городского и дворянскаго самоуправленія. Попечитель Рижскаго учебнаго округа, академикъ Н. А. Лавровскій, нарисовавъ въ краткихъ словахъ картину тѣхъ историческихъ перемѣнъ, которыя пришлось испытать Прибалтійскому краю и которыя, конечно, не могли быть исключенными изъ программы занятій сѣзда, и указавъ, что сѣздъ собирается въ Ригѣ, по волѣ императора Александра III, какъ новое средство къ сближенію края съ имперіей въ ряду тѣхъ объединительныхъ реформъ, которыя проводились въ Прибалтійскихъ губерніяхъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, объявилъ археологическій сѣздъ открытымъ. Послѣ г. Лавровскаго произнесли привѣтственные рѣчи лифляндскій губернаторъ, генералъ Суровцовъ, и рижскій городской голова, г. Керковиусъ, выразивъ въ прочувствованныхъ словахъ надежду на благотворныя послѣдствія предстоящей дѣятельности сѣзда. Послѣ этихъ ораторовъ взошла на кафедру графиня Уварова и въ обширной рѣчи, рассказавъ исторію возникновенія первыхъ 9-ти археологическихъ сѣздовъ, очертивъ главныхъ ихъ дѣятелей, изданные труды сѣздовъ и результаты ихъ созыва для развитія изученія памятниковъ старины въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они созывались, изложила отчетъ о дѣятельности московскаго предварительнаго комитета и его отдѣленій въ Ригѣ и Ревелѣ, о чемъ мы уже говорили выше. Затѣмъ предсѣдатель комитета по устройству латышской этнографической выставки, г. Гроссвальдъ, представилъ краткій отчетъ объ устройствѣ этой выставки, послѣ чего были прочитаны полученныя сѣздомъ телеграммы, и исполненъ народный гимнъ. По закрытіи засѣданія члены сѣзда отправились осматривать археологическую выставку при сѣздѣ и латышскую этнографическую, причѣмъ на первой давалъ объясненія профессоръ Гаусманъ, а на второй г. Гроссвальдъ.

Такъ состоялось торжественное открытіе сѣзда, а на другой день началась его научная работа.

Не рѣшаясь затруднять читателей подробнымъ изложеніемъ читанныхъ на сѣздѣ рефератовъ, мы постараемся вкратцѣ очертить процессъ дѣятельности сѣзда, указать главнѣйшіе результаты его научныхъ трудовъ, особенно по отдѣленію Прибалтійскихъ древностей, скажемъ о томъ, въ какой мѣрѣ выполнены сѣздомъ научная и политическая его задачи, причѣмъ намъ придется остановиться и на нѣкоторыхъ сторонахъ, наблюдавшихся въ дѣятель-

¹⁾ Эти слова мы заимствуемъ изъ протоколовъ сѣзда, гдѣ они приведены погѣмкн.

ности рижскаго съѣзда, хотя ингле изъ этихъ недостатковъ, по отзывамъ свѣдущихъ людей, проявлялись въ такой же степени и въ исторіи предыдущихъ археологическихъ съѣздовъ.

Дѣятельность съѣзда продолжалась 15 дней. Ученыя собранія, посвященныя чтенію рефератовъ, происходили въ теченіе 12 дней. Всего было 33 засѣданія, на которыхъ было сдѣлано 98 докладовъ. По отдѣльнымъ специальностямъ занятія съѣзда можно охарактеризовать слѣдующими данными, извлеченными изъ отчета председателя ученаго комитета съѣзда, проф. Ө. И. Успенскаго: по отдѣленію I (председатель — академикъ Д. Н. Анучинъ) древностей первобытныхъ — было 4 засѣданія съ 15 рефератами; кромѣ того, 3 реферата остались не доложенными за недостаткомъ времени и 1 рефератъ былъ представленъ въ смѣшанномъ засѣданіи другихъ отдѣленій. Изъ этихъ рефератовъ 7 были сдѣланы на нѣмецкомъ языкѣ. По отдѣленію II — древностей историко-географическихъ и этнографическихъ (председатель Е. Э. фонъ-Нотбекъ), было 4 засѣданія съ 10 рефератами, изъ коихъ 1 на нѣмецкомъ языкѣ. По соединеннымъ отдѣленіямъ III и VII — памятниковъ искусствъ и художествъ и древностей классическихъ, византійскихъ и западно-европейскихъ (председатель — проф. А. И. Киричниковъ), прочитано всего 14 рефератовъ. По IV отдѣленію — быта домашняго, общественнаго, юридическаго и военнаго (председатель — проф. Д. А. Корсаковъ), происходило 3 засѣданія, въ которыхъ было доложено 9 рефератовъ. По V отдѣленію — церковныхъ древностей (председатель — проф. Н. И. Покровскій), было сдѣлано 7 докладовъ. Въ отдѣленіи VI — памятниковъ языка и письма (председатель — проф. А. А. Кочубинскій), было 3 засѣданія, въ которыхъ сдѣлано 8 докладовъ, кромѣ того, 1 докладъ за недостаткомъ времени не былъ прочитанъ. Въ отдѣленіи VII — прибалтійскихъ древностей (председатель — проф. И. А. Энгельманъ), было 5 засѣданій, въ которыхъ доложено было 19 рефератовъ, изъ коихъ всѣ, за исключеніемъ одного на французскомъ языкѣ, происходили на нѣмецкомъ языкѣ. По отдѣленіямъ VIII — нумизматики и сфрагистики (председатель — баронъ Бруйнингкъ), и IX — восточныхъ древностей (председатель — проф. А. А. Цагарели), было прочитано въ смѣшанныхъ засѣданіяхъ 3 доклада, изъ нихъ 1 на нѣмецкомъ языкѣ. По отдѣленію X — памятниковъ археографическихъ (председатель — проф. Д. И. Багалъй), было 2 засѣданія, въ которыхъ прочитано 5 докладовъ. Сверхъ того, подъ председательствомъ Д. И. Багалъя состоялись еще два закрытыхъ засѣданія представителей русскихъ ученыхъ комиссій; эти засѣданія имѣли непосредственную связь съ археографической секціей. Наконецъ, въ общихъ и смѣшанныхъ засѣданіяхъ были сдѣланы еще 8 докладовъ, изъ нихъ 2 на нѣмецкомъ языкѣ.

При одномъ взглядѣ на этотъ перечень цифровыхъ данныхъ, мы можемъ увидѣть, что наиболѣе выдающуюся роль среди со-

общеній въ количественномъ отношеніи занимають рефераты, посвященные мѣстнымъ Прибалтійскимъ древностямъ. Въ отчетѣ указано по отдѣленію Прибалтійскому 19 сообщений, но это число придется значительно увеличить, если къ этимъ рефератамъ мы присоединимъ многіе другіе, по своему содержанію непосредственно касающіеся мѣстной старины, но отнесенные въ разныя другія отдѣленія общаго характера; изъ такихъ сообщений упомянемъ, напримеръ, о докладѣ проф. Гаусмана, посвященномъ обзору археологическихъ изслѣдованій въ Прибалтійскомъ краѣ, о рефератѣ проф. Филиппова «Матеріалы для истории Прибалтійскаго края въ русскихъ центральныхъ архивахъ», г. Истомина «Объ осадѣ Риги царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ», проф. Маркевича «О чеканкѣ русскихъ денегъ въ Когенгузенѣ въ половинѣ XVII вѣка», г. Крюгера «О вліяніи русскихъ на общественный бытъ латышей, по даннымъ языка», г. Берзина «Собраніе и изученіе латышскихъ народныхъ пѣсенъ» и др. Обиліе рефератовъ, касающихся мѣстной старины, объясняется не только однимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что вообще всѣ археологическіе съѣзды обращали главное вниманіе свое на изученіе тѣхъ областей, гдѣ они собирались, но также (и въ гораздо болѣе значительной степени) и тѣмъ, что къ съѣзду, какъ мы уже говорили, усиденно готовились мѣстные ученые. Отмѣчая такое количественное преобладаніе докладовъ, посвященныхъ Прибалтійской старинѣ, мы должны сказать, что эти доклады значительно выдѣлялись изъ общей массы и по своему внутреннему достоинству, такъ что у посторонняго наблюдателя невольно являлось заключеніе о преимуществѣ мѣстныхъ ученыхъ передъ пріѣзжими, если не въ смыслѣ обширности знаній, то въ смыслѣ болѣе серіознаго, добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу. Такая нѣмецкая добросовѣстность особенно замѣтна была въ формѣ сообщений: рефераты нѣмцевъ являлись всегда въ тщательно обработанномъ видѣ съ внѣшней стороны, тогда какъ наши русскіе ученые, несмотря порой на содержательность своихъ сообщений, щеголяли нерѣдко нѣкоторой халатностью въ изложеніи; бросалось въ глаза и то обстоятельство, что почти всѣ русскіе доклады читались, тогда какъ нѣмцы постоянно говорили и конечно, пользуясь преимуществами живой рѣчи, значительно выигрывали. Опять таки и эта внѣшняя подробность не можетъ быть объяснена неумѣніемъ или непривычкой русскихъ ученыхъ говорить въ общественныхъ собраніяхъ, такъ какъ большинство представителей русской науки на съѣздѣ составляли профессора, т. е. люди, которые по обязанности должны умѣть говорить... Конечно, трудно похвалить нашихъ мужей науки за то, что они такъ неблистательно рекомендовали себя на окраинѣ, въ которой культура стоитъ высоко, и гдѣ каждый отдѣльный случай, отрицательно характеризующій русскихъ, обобщается и получаетъ поэтому гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ гдѣ нибудь въ центрѣ Россіи;

и еще болѣе прискорбнымъ становится отрицательное заключеніе, когда для него мы сами доставляемъ матеріалъ въ видѣ чего-то вполне у насъ нормальнаго, обычнаго...

Сообщенія мѣстныхъ ученыхъ, возстановляя намъ многія подробности древнѣйшая быта Прибалтійской окраины, представляли особенный интересъ въ томъ отношеніи, что рисовали намъ яркую картину внимательнаго и всесторонняго изученія края мѣстными тружениками. Для характеристики положенія современной Балтійской археологіи, мы остановимся въ краткихъ чертахъ на исторіи ея развитія, какъ она изложена въ упоминавшемся уже рефератѣ профессора Гаусмана.

Первый, обратившій вниманіе на балтійскую археологію, былъ рижскій бургомистръ Францъ Кіенштедтъ, жившій въ концѣ XVI вѣка. За нимъ слѣдовали Гупель, графъ Мелингъ, Керберъ въ XVIII вѣкѣ. Но все это были одиночныя попытки, систематической разработки балтійскихъ древностей мы не видимъ до начала нынѣшняго столѣтія. Прочный фундаментъ археологія получила только со времени устройства публичныхъ музеевъ въ Митавѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Юрьевѣ, которые стоятъ въ связи съ возникновеніемъ историческихъ мѣстныхъ обществъ, и Гольцмайеръ въ Арнсбургѣ, Дерингъ въ Митавѣ, Борнгауптъ въ Ригѣ и Гревингкъ въ Дерптѣ могутъ считаться главными руководителями въ этомъ дѣлѣ.

Въ исторіи научной разработки балтійской археологіи, можно различить три періода: 1) періодъ Крузе и Бэра, 2) періодъ Сиверса и Гревингка и 3) современный періодъ. †

Надежды, которыя правительство возлагало на дерптскаго профессора Крузе, къ сожалѣнію, не оправдались, такъ какъ сочиненіе этого ученаго «Necrolivonica», снабженное многими иллюстраціями, изобилуетъ гипотезами и лишено правильной критической основы. Дѣятельность Бэра могла бы принести болѣе пользы, но безучастіе публики не позволило ему достигнуть намѣченныхъ цѣлей.

Константинъ Гревингкъ, будучи въ продолженіе тридцати лѣтъ († 1887 г.) профессоромъ минералогіи въ Дерптѣ, потрудился много въ области балтійской доисторической археологіи. Въ 1859 году была издана его геологія Лифляндіи и Курляндіи, а въ 1861 году сочиненіе о каменномъ вѣкѣ Балтійскаго края. Для древнѣйшаго періода — до IX вѣка — его работы весьма цѣнны. Подъ его руководствомъ эстонское ученое общество сдѣлалось центромъ балтійской археологіи. Ревностнымъ собирателемъ матеріала для изученія доисторической древности, дѣйствовавшимъ въ одно время съ Гревингкомъ, былъ графъ Георгій Сиверсъ. Онъ вошелъ въ сношенія съ знаменитымъ Рудольфомъ Вирховомъ, посѣтившимъ Балтійскій край для археологическихъ изслѣдованій впервые въ 1877 году. Параллельно съ Сиверсомъ и Гревингкомъ изученіемъ мѣстной археологіи занимается цѣлый рядъ ученыхъ, труды которыхъ имѣютъ

очень большое значеніе не только для Балтійской старины, но и для прогрессивнаго движенія вообще археологической науки; по крайней мѣрѣ о самомъ Гревингкѣ такой видный представитель нашей русской археологіи, какъ профессоръ Кіевскаго университета В. В. Антоновичъ, выразился, что онъ является общимъ нашимъ учителемъ въ «производствѣ» археологическихъ изслѣдованій.

Весьма важную роль въ развитіи археологіи Балтійскаго края играетъ дѣятельность Георга Лешке, бывшаго до 1889 года профессоромъ исторіи искусствъ и классической археологіи въ Дерптскомъ университетѣ. Съ энтузіазмомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ критическимъ тактомъ онъ предался своимъ занятіямъ. Онъ надѣялся дойти до точнаго обозначенія типовъ могилъ, но переселеніе его въ Боннъ, послѣдовавшее за преобразованиемъ въ преподаваніи Юрьевскаго университета, не дало ему возможности окончить начатыя работы.

Въ новѣйшее время главнымъ руководителемъ археологическихъ изысканій въ Прибалтійскихъ провинціяхъ является проф. Гаусманъ ¹⁾, по мнѣнію котораго главной задачей современной археологіи должно считать не только собираніе новаго матеріала, но и приведеніе въ порядокъ существующихъ уже коллекцій. Весьма серьезными дѣятелями на томъ же археологическомъ поприщѣ являются въ настоящее время учитель гимназіи г. К. Бой и пасторъ Виленштейнъ.

Послѣднему изъ нихъ, стяжавшему себѣ извѣстность преимущественно изученіемъ латышской народности, принадлежитъ очень интересный рефератъ, прочитанный на съѣздѣ, о древне-латышскихъ городищахъ. Въ этомъ докладѣ авторъ даетъ очень правильное освѣщеніе вопросу о значеніи городищъ вообще для археологіи, которое состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, что въ нихъ жили тѣ люди, которые похоронены въ курганахъ и могильникахъ, раскопки которыхъ дали намъ такую обильную добычу для изученія доисторическаго прошлаго. Правда, въ этихъ городищахъ предметовъ не находится, потому что во многихъ случаяхъ, какъ мы знаемъ изъ лѣтописей, обитатели бросали свое убѣжище, взявъ съ собой все свое имущество. Все, что до сихъ поръ нашлось въ нихъ, было: уголь—остатокъ прежнихъ палисадниковъ, сгорѣвшихъ при взятіи укрѣпленія, расплавленное желѣзо—остатокъ оружія, и одинъ разъ (въ городищѣ Терветенѣ) большое количество поджареннаго ячменя—прежній хлѣбный складъ. Потребность въ постройкѣ такихъ городищъ была вызвана почти непрерывнымъ военнымъ положеніемъ, въ которомъ находились древніе латыши. Но служили ли эти

¹⁾ Теперь дѣятельности проф. Гаусмана на пользу балтійской археологіи, по всей вѣроятности, придется прекратиться, такъ какъ за выслугою лѣтъ г. Гаусманъ уволенъ въ отставку.

укрѣпленныя мѣста только убѣжищемъ во время непріятельскаго набѣга или междоусобія, или же составляли они постоянныя мѣста жительства? Докторъ Билентейнъ склоняется ко второму предположенію, ссылаясь на то обстоятельство, что множество латышскихъ князей или предводителей получили свои наименованія отъ этихъ городищъ. Во-вторыхъ, замѣчательная производительность почвы въ этихъ городищахъ, и въ наше время не нуждающейся въ удобреніи, и множество могильниковъ въ окрестностяхъ каждаго городища указываютъ на то, что эти мѣста были заселены въ теченіе долгаго времени. Затѣмъ эти городища слишкомъ малы, чтобы они могли служить убѣжищемъ для населенія цѣлаго округа и для стадъ. Наоборотъ мы знаемъ изъ лѣтописей XIII и XIV столѣтій, что во время опасности населеніе бѣжало въ трудно доступныя части лѣсовъ, окруженныя обыкновенно непроходимыми болотами. Но часто возлѣ древнихъ городищъ находилса, какъ кажется, огороженный палисадникомъ, небольшой поселокъ, что замѣчается также при древнихъ рыцарскихъ замкахъ. Укрѣпленіе состояло изъ одного или нѣсколькихъ рядовъ вала, рва и палисадника на высотѣ крутаго бугра или горы. Разницы въ укрѣпленіи и постройкикѣ между городищами латышей и ихъ сосѣдей почти нѣтъ. Городища ливовъ имѣютъ тотъ же самый видъ, что, пожалуй, часто объясняется тѣмъ, что эти мѣста были ранѣе въ рукахъ латышей-аборигеновъ. Къ тому же самому типу принадлежатъ также городища литовцевъ и бѣлоруссовъ. Только эстонцы при постройкикѣ вала пользовались изобилующими въ ихъ странѣ камнями. Что касается распредѣленія городищъ въ странѣ, то они гуще всего въ холмистыхъ мѣстностяхъ и на берегахъ рѣкъ,—очень рѣдко попадаются они въ равнинахъ. Часто можно замѣтить, что вблизи этихъ городищъ теперь находятся или приходская церковь, или развалины рыцарскаго замка, и это обстоятельство указываетъ намъ, что при завоеваніи страны нѣмцами прежніе центры населенія сохранились, только перемѣнивъ нѣсколько свой внутренній характеръ и внѣшній видъ.

По тому же отдѣленію прибалтійскихъ древностей мы не можемъ не отмѣтить рефератъ знаменитаго Руд. Вирхова: «О древнѣйшихъ жителяхъ Сѣверной Европы и особенно Ливоніи». Останавливаемся на этомъ докладѣ, какъ въ виду общаго его характера, такъ и во вниманіе къ личности самого докладчика.

Референтъ указалъ на два обстоятельства, заставляющія его прочесть свой докладъ: во-первыхъ, его участіе въ первыхъ разысканіяхъ старины здѣшняго края, предпринятыхъ графомъ Сиверсомъ 20 лѣтъ тому назадъ; затѣмъ тотъ фактъ, что въ городѣ Ригѣ сто лѣтъ тому назадъ знаменитый Гердеръ возбудилъ вопросъ о сравнительномъ изученіи исторіи культуры, что послужило исходной точкой для современной археологической науки. Но для Гердера, имѣвшаго въ виду только общее всего человѣческаго рода, отдѣль-

ныя племена не имѣли такого значенія, какъ для насъ. Въ противоположность прежнему дедуктивному способу, современная естественная наука придерживается индуктивнаго метода, надѣясь путемъ тщательной разработки отдѣльныхъ случаевъ достигнуть точнаго рѣшенія общихъ вопросовъ. Далѣе, распространяясь о теоріи формъ и стоящемъ съ ней въ связи ученіи Дарвина, референтъ доказывалъ, что послѣдовательное примѣненіе этой теоріи доведетъ до субъективнаго исчезанія всѣхъ существенныхъ разностей между отдѣльными породами, до сліянія человѣка и животнаго въ одно цѣлое. Переходя къ собственной своей темѣ, профессоръ Вирховъ намѣтилъ тотъ фактъ, что нельзя видѣть въ могильникахъ Прибалтійскаго края древнѣйшихъ историческихъ свидѣтельствъ, такъ какъ погребеніе покойниковъ вездѣ обуславливалось нѣкоторой высотой достигнутой уже культуры. Высокая научная заслуга графа Сиверса въ здѣшнемъ краѣ заключается въ томъ, что онъ впервые обратилъ вниманіе на другіе источники древнѣйшихъ временъ, а именно на строеніе на сваяхъ въ Аррашскомъ озерѣ, на складъ кремненныхъ предметовъ, найденныхъ при Свейнекѣ, на сѣверномъ берегу Буртнекскаго озера, и на холмъ Риннекалнсъ, на лѣвомъ берегу Залиса, при истокѣ этой рѣки изъ того же самаго озера. Этотъ холмъ образованъ раковинами (*unio pictorum*), смѣшанными съ костями бобровъ, кабановъ и другихъ звѣрей. Среди нихъ встрѣчались человѣческія кости, разные каменные предметы, монеты и т. п. Но что для референта составляло предметъ главнаго интереса — это обломки горшковъ, изготовленныхъ изъ смѣси глины и толченыхъ раковинъ. На нихъ изображенъ ямообразный орнаментъ (*Grabepognament*), образованный осколками раковинъ. Сопоставленіе этихъ обломковъ горшковъ съ похожими на нихъ обломками, найденными въ такихъ же курганахъ на берегу Ладожскаго озера, во Владимірской губерніи, въ Финляндіи и въ другихъ мѣстахъ, допускаетъ выводъ, что курганъ Риннекалнсъ не представляетъ изъ себя отдѣльнаго типа, но что слѣдуетъ отнести его къ такъ называемымъ «*kjokkenhödding*» въ Даніи, то-есть къ курганамъ, образованнымъ остатками человѣческой пищи (*Speisehügel*). Что касается другаго свидѣтельства, то-есть Аррашскаго строенія на сваяхъ, то референтъ ранѣе уже доказалъ (*Verh. Berl. Ges.*, 1877; *Verh. Est. Ges.*, X), что оно не имѣетъ ничего общаго со швейцарскими строеніями на сваяхъ, но что должно отнести его къ гораздо позднѣйшему времени. Поэтому нельзя считать его свидѣтельствомъ о древнѣйшихъ жителяхъ этого края. Среди находокъ Риннекалнса не встрѣчалось ни желѣза, ни костей сѣвернаго оленя, но и не нашлось костей домашнихъ животныхъ, за исключеніемъ собаки. Это обстоятельство даетъ намъ возможность опредѣлить время происхожденія этого холма, имѣя въ виду прежнее распространеніе сѣвернаго оленя по всей средней Европѣ до береговъ Средиземнаго моря. Такимъ обра-

зомъ должно предположить, что первые люди пришли сюда въ промежутокъ между періодомъ сѣвернаго оленя и періодомъ домашней свиньи.

Череповъ, принадлежащихъ къ этому періоду, не было найдено въ Риннекалнсѣ, вслѣдствіе чего нельзя точно доказать національность строителей раковиннаго бугра. Но, судя по формѣ череповъ, найденныхъ графомъ Уваровымъ въ такихъ же курганахъ Владимірской губерніи, и имѣя въ виду позднѣйшее населеніе въ мѣстностяхъ нахожденія этихъ кургановъ, можно думать, что аборигены Прибалтійскаго края принадлежали къ финскому племени.

Профессоръ Вирховъ окончилъ свой докладъ указаніемъ на то обстоятельство, что черепъ, найденный дня два тому назадъ въ Трейденскомъ могильникѣ, по его мнѣнію, показываетъ всѣ характерныя формы латышскаго, а не финскаго племени, что, пожалуй, противорѣчило бы даннымъ древнѣйшихъ письменныхъ источниковъ Прибалтійскаго края.

Помимо такой чисто-научной разработки вопросовъ мѣстной старины, нѣкоторые рефераты, касавшіеся балтійской археологіи, имѣли характеръ практической, заключали въ себѣ заявленіе тѣхъ или другихъ воззрѣній современныхъ или указаніе желательныхъ мѣропріятій. Здѣсь прежде всего мы упомянемъ о сообщеніи г. Крюгера «О вліяніи русскихъ на общественный бытъ латышей по даннымъ языка». Пользуясь указаннымъ имъ лингвистическимъ матеріаломъ, докладчикъ установилъ, что вліяніе русскихъ на латышей въ древнѣйшую эпоху было очень значительно, сказавшись въ обильномъ заимствованіи латышами русскихъ словъ. Заимствовались не только слова, но и жизненныя явленія, а потому референтъ предположилъ, что вліяніе русскихъ на латышей замѣчалось 1) въ религіозномъ отношеніи, такъ какъ первыми распространителями христіанства среди латышей были не нѣмцы, а русскіе, 2) въ отношеніи родоваго быта и зачатковъ образованія у латышей княжеской власти и 3) въ судебномъ отношеніи. Рефератъ г. Крюгера вызвалъ очень вѣскія возраженія со стороны нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи ученыхъ, такъ какъ методъ объясненія сходства въ словахъ заимствованіемъ не можетъ быть примѣняемъ иначе, какъ съ большою осторожностью, и многія параллели, указанные г. Крюгеромъ, лучше объясняются не заимствованіемъ, но исконнымъ родствомъ языковъ славянскаго и латышскаго. Какъ, однако, ни шатки научныя основанія доклада г. Крюгера, тѣмъ не менѣе онъ представляетъ собой очень любопытное явленіе, свидѣтельствующее о сильномъ стремленіи латышей къ сближенію съ русскими, сказывающемся и во многихъ другихъ жизненныхъ явленіяхъ. Намъ, русскимъ, нельзя не сочувствовать такому движенію, его слѣдуетъ поддерживать, хотя и не слѣдуетъ забывать, что такого рода сближеніе, ассимиляцію, нельзя подгонять искусственными мѣрами чи-

новничьей регламентаціи, административнаго внушенія: иначе то, что складывается само собою, можетъ быть разрушено, и получатся результаты, какъ разъ противоположные тому, что желательно.

Практическимъ же характеромъ, какъ заявленіе необходимости упорядочить положеніе одного важнаго учрежденія, отличалось и сообщеніе г. Дидерихса о курляндскомъ герцогскомъ архивѣ, получающее особенное значеніе при сопоставленіи его со статьей о томъ же предметѣ г. Военскаго, помѣщенной въ одномъ изъ августовскихъ №№ «Новаго Времени». Указывая на несомнѣнно большую цѣнность матеріаловъ, заключающихся въ архивѣ, и на плохое состояніе, въ которомъ находится архивъ, г. Дидерихсъ возбудилъ ходатайство о предоставленіи архива въ завѣдываніе курляндскому обществу исторіи и литературы; но такое ходатайство встрѣтило довольно энергичный отпоръ со стороны многихъ нашихъ ученыхъ, такъ какъ по меньшей мѣрѣ было бы странно правительственный архивъ передавать въ частныя руки.

Если о дѣятельности отдѣленія прибалтійскихъ древностей и вообще о рефератахъ мѣстныхъ ученыхъ и можно сказать, что они представляли значительный интересъ, то относительно другихъ отдѣленій съѣзда и о большинствѣ докладовъ нашихъ русскихъ ученыхъ далеко нельзя дать подобнаго отзыва. Здѣсь прежде всего намъ приходится указать на одинъ досадный фактъ, повторившійся на рижскомъ съѣздѣ по примѣру съѣздовъ предыдущихъ, именно на полное почти несоотвѣтствіе рефератовъ, читанныхъ на съѣздѣ, тѣмъ запросамъ и вопросамъ, которые были намѣчены предварительнымъ комитетомъ. Такимъ образомъ, для людей, незнакомыхъ съ практикой съѣздовъ, явилось много неожиданнаго: надѣясь получить отвѣтъ на заинтересовавшіе ихъ вопросы, поставленные предварительнымъ комитетомъ, они по этимъ вопросамъ ничего не узнали, но зато волей-неволей принуждены были выслушать довольно большое количество сообщеній по предметамъ, для нихъ не имѣющимъ значенія, по вопросамъ узко спеціальнымъ.

Кромѣ такихъ неожиданностей, важнымъ недостаткомъ многихъ сообщеній, сдѣланныхъ на съѣздѣ, слѣдуетъ признать крайне ограниченный интересъ, представляемый этими сообщеніями для большинства, какъ членовъ съѣзда, такъ въ особенности мѣстнаго общества. Въ одномъ изъ засѣданій отдѣленія общественнаго, домашняго, юридическаго и военнаго быта профессоръ И. А. Линниченко произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, высказалъ мысль, что археологическіе съѣзды имѣютъ большое образовательное значеніе, являясь чѣмъ-то въ родѣ странствующаго университета. Какъ, однако, ни пріятна такая мысль объ образовательномъ значеніи съѣздовъ, какъ ни льститъ она самолюбію ихъ участниковъ, въ примѣненіи къ рижскому съѣзду ее приходится признать чистѣйшей иллюзіей, такъ какъ очень многіе изъ прочитанныхъ въ его засѣданіяхъ ре-

фератовъ отличались на столько мелочнымъ, специальнымъ характеромъ, что врядь ли обыкновенный слушатель (которому именно и нужны странствующіе университеты) могъ бы вынести изъ нихъ что либо дополняющее его образованіе. Для примѣра укажемъ нѣсколько такихъ узко-специальныхъ сообщений: г. Добрынкинъ читалъ «Объ иконографическихъ формахъ великомученика Никиты»; г. Четыркинъ сдѣлалъ докладъ: «Къ вопросу объ изображеніяхъ великомученика Никиты»; г. Троицкій сообщилъ «О вліяніи космологіи на иконографію византійскаго купола»; профессоръ Петровъ представилъ рефератъ: «Сказаніе о перенесеніи образа св. Николая Зарайскаго изъ Корсуня черезъ Ригу въ Зарайскъ въ 1224—1225 гг.»... Дальше мы перечислять не будемъ, но позволимъ себѣ высказать сильное сомнѣніе, чтобы эти и подобные имъ рефераты сколько нибудь могли заинтересовать неспециалистовъ. Отъ этого-то въ засѣданіяхъ съѣзда такъ мало было видно посторонней публики, присутствовали же почти исключительно одни члены.

Не имѣя возможности подробно останавливаться на разсмотрѣніи отдѣльныхъ рефератовъ, мы не можемъ не замѣтить, что изъ массы специальныхъ сообщений выдавались по временамъ и такія, которыя возбуждали болѣе или менѣе общій интересъ, или по свойству самыхъ предметовъ, о которыхъ докладывалось, или же потому, что авторы ихъ въ свое специальное изложеніе сумѣли внести элементъ обобщающій.

Къ первой категоріи можетъ быть отнесена группа сообщений, посвященныхъ дѣятельности русскаго археологическаго института въ Константинополь, благодаря основанію котораго русская наука приобрѣла новое и обширное поле для своихъ изслѣдованій. Цѣль института изученіе письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ въ областяхъ прежней Византійской имперіи, то-есть изученіе такихъ земель, которыя имѣютъ и общее культурно-историческое значеніе и тѣсную связь культурнаго свойства съ Россіей, но до сихъ поръ были почти недоступны русскимъ ученымъ, такъ что приходилось вполнѣ довѣряться западнымъ ученымъ; а это не всегда бывало удобно и надежно, какъ показали это Ф. И. Успенскій въ одномъ изъ своихъ рефератовъ на примѣрѣ такого добросовѣстнаго и выдающагося дѣятеля на поприщѣ археологіи, какимъ былъ Тексье. Работа института происходитъ, главнымъ образомъ, лѣтомъ, когда предпринимаются археологическія экскурсіи, во время которыхъ собираются старинныя книги и рукописи, копируются надписи, и обозрѣваются древніе монументальные памятники: стѣны, водопроводы, цистерны. До сихъ поръ исполнены были слѣдующія экскурсіи: въ Анатолю, на Аѳонъ, въ Аѳины, въ Никею, Бруссу, Никомидію и въ Болгарію, при чемъ найдены неизданныя сочиненія Льва Мудраго, матеріалы для изученія богумильской ереси, житіе св. Евгенія Трапезунтскаго; самымъ цѣннымъ изъ приобретеній института слѣдуетъ

признать древнѣйшій греческій текстъ евангелія, такъ называемый пурпуровый кодексъ, представляющій нѣкоторыя отличія сравнительно съ нашимъ евангельскимъ текстомъ. Обо всѣхъ этихъ находкахъ и экскурсіяхъ были сдѣланы на сѣздѣ обстоятельныя сообщенія гг. Успенскимъ, Рѣдинымъ, Вульфомъ, Павловскимъ и Айналовымъ (вмѣсто котораго читалъ Н. В. Покровскій).

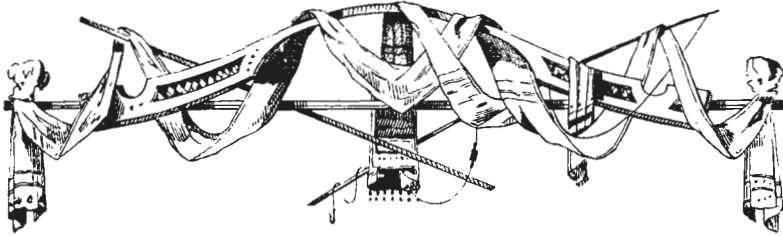
Изъ другихъ рефератовъ, привлекавшихъ сравнительно большее вниманіе публики, упомянемъ о четырехъ, относящихся къ первобытной археологіи: профессора Каценко—объ одновременномъ существованіи человѣка и мамонта, на основаніи находки скелета мамонта, о которомъ можно предположить, что онъ былъ сдѣланъ человѣкомъ; генерала Бранденбурга—о древнѣйшихъ обитателяхъ южной Россіи, на основаніи данныхъ, полученныхъ при раскопкахъ въ Киевской губерніи; профессора Антоновича—о памятникахъ каменнаго вѣка, найденныхъ въ Киевѣ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, и о попыткѣ группировки городищъ по ихъ контурамъ въ бассейнѣ Днѣпра. Весьма интересны были рефераты профессора Анучина и г-жи Ефименко: первый въ своемъ рефератѣ о христіанскихъ образкахъ и крестахъ, находимыхъ въ языческихъ могилахъ, указалъ на тѣсную связь археологіи съ этнографіей; а г-жа Ефименко отмѣтила важность археологіи для изученія правовыхъ институтовъ. Наконецъ, довольно оживленный обмѣнъ мыслей вызванъ былъ докладомъ г. Бѣлокурова по надѣлавшему не мало шума въ ученomъ мѣрѣ вопросу о библиотекѣ московскихъ царей: тщательнымъ разборомъ всѣхъ извѣстій русскихъ и иноземныхъ по этому вопросу г. Бѣлокуровъ окончательно разрушилъ предположенія о возможности открыть эту библиотечку; при этомъ очень вѣскимъ оказался аргументъ, совершенно неожиданно представленный профессоромъ филологіи, г. Кулаковскимъ, что въ извѣстіяхъ о мнимой библиотекѣ упоминаются книги, никогда не существовавшія, напримеръ, *Historiae Цицерона*.

Кромѣ засѣданій, научная работа сѣзда выразилась въ двухъ экскурсіяхъ: 4 августа—для обозрѣнія древностей Митава и 8 августа—для раскопокъ въ Трейденѣ. Раскопками руководилъ проф. Гаусманъ, а ближайшее участіе въ нихъ принимали проф. Антоновичъ, Вирховъ, Гремплеръ, Беценбергеръ. Было раскопано 4 кургана, при чемъ найдены скелеты, бронзовая чаша, ножны кинжала, фибулы, бусы, монеты, подвѣски и т. д. Говоря объ этихъ экскурсіяхъ, мы должны, однако указать, то въ нихъ преобладалъ увеселительный элементъ надъ научнымъ, и для многихъ участниковъ завтраки и обѣды, соединенные съ раскопками, представляли, пожалуй, болѣе интереса, чѣмъ самыя раскопки. Увлеченіе ученыхъ мужей стороною увеселительной неволью приводило на память извѣстное изреченіе: «веселіе Руси есть пити», и это тѣмъ болѣе являлось прискорбнымъ, что совершалось на глазахъ у нѣмцевъ,

которые по такимъ примѣрамъ врядъ ли могли составить себѣ хорошее представленіе о нашихъ ученыхъ.

Закачивая нашъ краткій обзоръ дѣятельности съѣзда, коснемся вопроса о томъ, на сколько съѣздъ выполнилъ ту политическую задачу, которая намѣчена была ему въ рѣчи г. Лавровскаго. Предполагалось, что съѣздъ поможетъ сближенію русскихъ съ нѣмцами, но врядъ ли такое предположеніе можно признать осуществившимся. Чтобы сближеніе могло состояться, необходимо обоюдное стремленіе къ нему и той и другой стороны, но этого-то и не было видно. Нѣмцы вполнѣ сочувствовали научнымъ цѣлямъ съѣзда и выражали готовность оказывать съѣзду полное содѣйствіе въ его работѣ, но о политическомъ его значеніи они умалчивали, а такое умолчаніе очень краснорѣчиво свидѣтельствовало, что именно политическая сторона дѣла или не встрѣчала сочувствія въ мѣстныхъ общественныхъ кругахъ, или же, по крайней мѣрѣ, ими игнорировалась. Скорѣе можно утверждать, что вѣроятноѣе первое предположеніе, судя по тому, что въ одной изъ нѣмецкихъ привѣтственныхъ рѣчей высказывалась надежда, что знакомство съ Прибалтійской стариной научить русскихъ правильно дѣйствовать въ краѣ, причемъ, конечно, намъ слѣдуетъ понимать, что современная система дѣйствій неправильна. Несмотря на всю любезность и вѣжливость нѣмцевъ, постоянно чувствовалось какое-то разобщеніе между ними и русскими, и это особенно замѣтно бывало въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ съѣзда: если засѣданіе велось на русскомъ языкѣ, то нѣмцы отсутствовали, въ свою очередь, то же самое можно сказать объ участіи русскихъ ученыхъ въ засѣданіяхъ нѣмецкихъ, и подобнаго явленія нельзя объяснить однимъ незнаніемъ языка. Съ грустью приходится сознаться, что въ этихъ взаимныхъ сношеніяхъ обнаружилась большая сравнительно съ нами культурность нѣмцевъ: они были постоянно вѣжливы и любезны, причемъ эта вѣжливость не обращалась въ какое-то политическое заигрываніе, какъ это проявлялось иногда съ нашей стороны. Факты подобнаго заигрыванія указывались въ газетахъ, и повторять о нихъ мы не будемъ, а скажемъ въ заключеніе, что наша малая культурность обнаружилась именно въ неумѣннн держаться середины: то мы пересаливали въ любезности, то оказывались крайне невѣжливыми: такъ, на примѣръ, въ одномъ засѣданіи, когда послѣ двухъ русскихъ рефератовъ былъ объявленъ нѣмецкій, нѣсколько десятковъ членовъ послѣшили выйти изъ зала. Конечно, всѣ такіе эпизоды, кажущіеся на первый взглядъ мелочами, не могли сколько нибудь оказать пользы съѣзду въ достиженіи его политической миссіи.

А. Бороздинъ.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ РОССІЯ.

I.

ОЯ СТАТЬЯ, посвященная вопросамъ «фабрично-заводской Россіи», была не совсѣмъ правильно истолкована нѣкоторыми читателями. Въ то время, какъ одни, напримѣръ, г. Михневичъ, въ фельетонѣ «Историческая литература»¹⁾, отнесли къ ней сочувственно, другіе—усмотрѣли въ нѣкоторыхъ фразахъ статьи недоброе и поставили мнѣ ихъ, въ адресованныхъ на мое имя письмахъ, на видъ. Такъ, одинъ достоуважаемый собратъ по профессіи, мнѣніемъ котораго я очень дорожу, писалъ мнѣ: «Если и «возились у насъ съ земледѣльцемъ», то возились исключительно въ смыслѣ переименованія формъ и видовъ закрѣпощенія его, обиранія его и заставленія скотски работать на всѣхъ, за всѣхъ, при условіяхъ прозябательнаго состоянія. Въ результатѣ — нищенское состояніе около 80-ти милліоновъ русскаго народа и процвѣтаніе горсти паразитовъ-хищниковъ, въ пользу которыхъ обложена поголовно вся имперія. Искренно говорю вамъ: какъ человѣкъ и гражданинъ, я не знаю и даже не могу представить себѣ рѣшительно ничего болѣе прискорбнаго, возмутительнаго и преступнаго въ государственномъ отношеніи. О, какое страшное чувство закрадывается въ душу, когда подумаешь,

¹⁾ «Новости», 25-го сентября 1896 года.

что этого не хотятъ даже понять!». Слова почтеннаго корреспондента относятся къ слѣдующей фразѣ статьи: «И дѣйствительно, въ гордомъ ослѣпленіи своимъ сельскохозяйственнымъ значеніемъ по обязанностямъ «житницы Европы» у насъ съ земледѣльцемъ и сельскимъ хозяиномъ возились на всѣ лады: возились съ нимъ платонически въ литературѣ и фактически въ правительственныхъ сферахъ». Какъ читатели соблагволятъ припомнить, въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи, я провожу мысль о необходимости гармоническаго развитія производительныхъ силъ нашего отечества, причемъ отъ всей души, въ интересахъ народнаго благосостоянія, привѣтствую нашу «юную, но прочно созидающуюся фабрично-заводскую промышленность», остававшуюся столь долго въ пренебреженіи и дающую намъ возможность нынѣ выйти изъ крѣпостной зависимости отъ западно-европейскихъ сосѣдей, уже два вѣка смотрящихъ на насъ, какъ на данниковъ, уступающихъ имъ по дешевой цѣнѣ сырье и пріобрѣтающихъ у нихъ почти всѣ предметы механическаго и химическаго производства, всѣ образцы интеллигентнаго труда. Я радуюсь, что наконецъ-то мы понемногу начинаемъ сознавать необходимость для нашего государственнаго организма свободно и полной волей дышать всѣми фибрами этого организма, поняли уже настоятельность отказа отъ бесполезнаго для насъ званія «житницы Европы» и серьезно обратили вниманіе на разнообразныя производительныя силы страны. Сосѣдняя съ нами маленькая фабрично-заводская Японія смяла въ нѣсколько мѣсяцевъ громадную исключительно-земледѣльческую Поднебесную имперію; въ этомъ свѣжемъ историческомъ примѣрѣ нашихъ дней для насъ хорошее назиданіе и полезное предупрежденіе.

Мой оппонентъ негодуетъ на тѣ формы, въ которыя выдѣлся пока торгово-промышленный прогрессъ нашей отечественной жизни, я же въ своей статьѣ, только бѣгло касаясь формъ этого прогресса, привѣтствую главнымъ образомъ самый фактъ его возникновенія. Что же касается до формъ, то даже въ статьѣ, о коей идетъ рѣчь, онъ можетъ найти достаточное указаніе, куда направляются мои симпатіи: я не одобряю крайностей протекціонизма, мѣшающаго намъ имѣть болѣе дешевыя сельскохозяйственныя орудія, въ коихъ у насъ чувствуется такая необходимость, и одаряющаго насъ прелестями сахарной нормировки; равнымъ образомъ совмѣстно съ проф. Исаевымъ я сожалею о маломъ вниманіи, удѣляемомъ нашимъ кустарямъ и мелкимъ производителямъ. Если бы мой корреспондентъ далъ себѣ трудъ заглянуть въ предыдущіе №№ «Истор. Вѣстн.», то онъ, вѣроятно, обратилъ бы вниманіе на мою статью «Регрессивное теченіе» ¹⁾, гдѣ я рѣшительно высказываюсь противъ навязываемой нашему отечеству стадіи капиталистическаго хозяйства, повер-

¹⁾ «Истор. Вѣстн.» 1896 г., № 4.

гающей въ прахъ интересы народной массы, и привѣтствую программу проф. Исаева, изложенную имъ въ книжкѣ «Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства». А эта программа, какъ читатели уже знаютъ, отнюдь не имѣетъ въ виду закабаливанья народа и его работы «на всѣхъ, за всѣхъ, при условіяхъ прозябательнаго состоянія».

Такимъ образомъ замѣчанія автора цитированнаго выше письма являются не болѣе, не менѣе, какъ результатомъ недоразумѣнія, каковое, однако, можетъ родиться и у другихъ случайныхъ моихъ читателей, потому считаю полезнымъ остановиться въ сегодняшней бесѣдѣ на выясненіи историческаго развитія и современнаго состоянія другого экономическаго фактора въ жизни страны — сельско-хозяйственной промышленности, составляющей главный источникъ благосостоянія Россіи. Это выясненіе тѣмъ болѣе своевременно, что вся наша повременная печать положительно переполнена вопросами сельско-хозяйственной культуры, и каждый день приноситъ намъ по этому предмету не мало любопытнаго и заслуживающаго вниманія.

Дѣло упрядоченія нашего помѣщичьяго и крестьянскаго землепользованія, полеводства и хлѣбной торговли переживаетъ несомнѣнно знаменательные дни. Необходимость коренной реформы этихъ важныхъ сторонъ нашей жизни ясно признана, и всѣ лучшія общественныя силы озабочены изысканіемъ такихъ путей, которые бы вывели нашу родину изъ анархическаго состоянія современной сельскохозяйственной неурядицы. Дальше уже идти по старому пути и прежнимъ шаблонамъ некуда и невозможно. Въ этомъ отношеніи недавніе голодные годы встряхнули нашу заснувшую мысль и сослужили добрую службу: мы пережили ужасное стихійное бѣдствіе, Божію грозу, понесли жестокою кару за легкомысліе и сознали многіе свои грѣхи и прорухи. Будемъ надѣяться, что урокъ прошель не даромъ, и что нынѣшніе дни оживленія сельскохозяйственныхъ вопросовъ въ ихъ широкой культурной постановкѣ дѣла выведутъ насъ на истинную дорогу историческаго бытія, въ коемъ не будетъ болѣе мѣста хроническому голоданію народа, и гдѣ во всей силѣ будетъ царить утвержденіе Посошкова, что «крестьянское богатство — царственное, а нищета крестьянская — оскудѣніе царственное», иначе говоря, что только отъ экономическаго благосостоянія народной массы, то-есть земледѣльцевъ Россіи, зависитъ сила и крѣпость послѣдней.

Но, задавшись цѣлью поговорить о вопросахъ земледѣлія и сельской промышленности, я отнюдь не имѣю въ виду техническую сторону дѣла и далекъ отъ желанія пускаться въ агрономическія или иныя спеціальныя изысканія. Моя задача суммировать то, что говорятъ о нуждахъ земледѣлія видные представители науки, литературы и лица, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ, то-есть сами земледѣльцы, или, правильнѣе, землевладѣльцы, призванные правительственной властью къ

подачѣ своего голоса и мнѣнія. На книжномъ рынкѣ по этому предмету скопился въ послѣднее время достаточный матеріалъ, который и позволяетъ мнѣ подвести нѣкоторые итоги, въ коихъ кроется главнѣйшая суть нашихъ болѣзней и средствъ къ ихъ врачеванію. Исчерпать въ бѣглой журнальной статьѣ всю совокупность земледѣльческихъ вопросовъ, конечно, не представляется возможнымъ; поэтому я ограничиваюсь главнѣйшими, къ числу которыхъ отношу: современное состояніе землевладѣнія и земледѣлія, задолженность нашего крупнаго землевладѣнія, вліяніе желѣзныхъ дорогъ на сельское хозяйство, положеніе нашей хлѣбной торговли, правительственныя мѣропріятія въ области земледѣльческой культуры и *ria-desideria* нашихъ землевладѣльцевъ. Перечисленные вопросы— главнѣйшіе изъ тѣхъ, которые, такъ сказать, стоятъ на ближайшей очереди, привлекаютъ къ себѣ общее вниманіе, и по нимъ достаточно опредѣленно высказалась текущая литература. Съ ними и я ближе всего знакомъ, какъ книжнымъ, такъ и практическимъ образомъ, вынужденный по обстоятельствамъ личной жизни отъ времени до времени сноситься съ земледѣльческою Россіей и, по совѣсти говоря, подчасъ становиться втупикъ передъ хаосомъ и безнадежной путаницей, которая въ послѣднія тридцать лѣтъ достаточно плотно окутала русское дворянское и крестьянское хозяйство.

II.

Характеризуя современную деревню, компетентный знатокъ дѣла, покойный А. Н. Энгельгардтъ, рисуетъ намъ такую неутѣшительную картину ¹⁾: «Отсутствіе хозяевъ, разрушенныя постройки, заросшія всякою дрянью пустоши, облоги, плохой скотъ, постарому всегда голодающій весною, плохой хлѣбъ на остающихся въ обработкѣ клочкахъ полей—и при этомъ все та же старая система хозяйства». Эти слова иллюстрируютъ дворянское землепользованіе; а вотъ результаты крестьянскаго хозяйства на землѣ, пріобрѣтенной черезъ посредство крестьянскаго банка и описанные въ собраніи корреспонденцій г. Шарашова ²⁾. «Покупка огромнаго и плодороднаго куска земли черезъ банкъ имѣла въ результатѣ: ограбленіе этой земли и увеличеніе бесплодной работы для ея владѣльцевъ до такой степени, что дѣйствительно некогда перекреститься, некогда присмотрѣть за больнымъ ребенкомъ», такъ описываетъ авторъ видѣнное имъ. Произшло все это слѣдующимъ порядкомъ: «прошло только шесть лѣтъ, а земли оказываются совершенно опустошенными. У дьяковцевъ

¹⁾ О хозяйствѣ въ сѣверной Россіи и примѣненіи въ немъ фосфоритовъ. Сборникъ сельско-хозяйственныхъ статей А. Н. Энгельгардта изъ Батицева, 1872—1888 г.

²⁾ Сергій Ф. Шарашовъ. По русскихъ хозяйствамъ.

«Истор. вѣстн.», ноябрь, 1896 г., т. LXVI.

едва ли наберется десятинъ 15 «небалованныхъ» облогъ подъ ленъ, рожь и яровое, первые годы отлично родившіяся по перелугу, даже изъ-подъ втораго льна (благодаря «старой силѣ» въ землѣ), въ прошломъ году были плохи, въ настоящемъ еще хуже. Покосы по лѣсу да по кустамъ въ количествѣ самомъ ограниченномъ, гораздо меньше, чѣмъ было прежде, «при баринѣ», такъ какъ все распахали, а гдѣ уже бросили пахать, тамъ едва наѣсться скотинѣ. Ростутъ одни «попы», «молочки» и прочая дрянъ, которую «и на косу не поймаешь». Изображенныя печальныя оскудѣнія дворянскаго и крестьянскаго хозяйствъ смѣло могутъ быть обобщены. Вспомните надѣлавшее въ свое время шума извѣстное сочиненіе покойнаго Сергѣя Атавы «Оскудѣніе», относящееся къ черноземной Тамбовской губерніи, вспомните многочисленныя корреспонденціи газетъ со всѣхъ концовъ нашего необъятнаго отечества, и вы согласитесь, что обоими цитированными авторами достаточно вѣрно обрисована современная русская деревня въ лицѣ ея привилегированной и податной частей. Мнѣ самому пришлось съ годъ тому назадъ провести нѣкоторое время по дѣламъ одного дворянскаго хозяйства въ родственной мнѣ губерніи, нашедшей себѣ въ произведеніяхъ С. Терпигорева талантливаго бытописателя. И эти дни, проведенныя мною въ деревнѣ, поставили меня какъ нельзя лучше въ соприкосновеніе съ эпопеей дворянскаго, крестьянскаго и даже купческаго разоренія. Дѣло было такимъ образомъ.

По усиленнымъ просьбамъ одной безпомощной кузины изъ словія землевладѣльцевъ (такія еще волею Божіей не перевелись съ Русской земли, и Терпигоревъ вовсе не утрировалъ, когда въ своихъ нововременскихъ фельетонахъ выводилъ на сцену тамбовскихъ родственницъ!), въ силу добрыхъ отношеній къ ней еще съ дѣтскихъ лѣтъ, я вынужденъ былъ согласиться сдѣлать попытку привести въ извѣстность (?) ея земельную собственность и хозяйственный бюджетъ. Земельная собственность эта была для ея владѣлицы въ истинномъ смыслѣ слова—terra incognita, съ которой, однако, она въ теченіе многихъ лѣтъ исправно получала купеческую аренду, добрая часть коей въ свою очередь утекала въ кассу пресловутаго «золотаго банка». Такимъ образомъ наличность обстоятельствъ, давно знакомая бытописателямъ нашего дворянскаго оскудѣнія, представляется въ слѣдующемъ порядкѣ: было лицо дворянскаго сословія, по правамъ наслѣдства получавшее по почтѣ въ Петербургѣ съ невѣдомой ему земли аренду, былъ хищникъ-купецъ, осѣвшій на этой землѣ и истощавшій ее по всѣмъ приемамъ безконтрольнаго и невѣжественнаго пользованія, былъ земельный банкъ, требовавшій платежей, и надъ всѣми этими данными всевластно царилъ безпомощность, невѣжество и непропорціональность аппетитовъ съ средствами ихъ удовлетворенія. Такъ шло все тихо и гладко, пока какой-то «противный» голодъ не перевернулъ всѣхъ много-

лѣтнихъ отношеній шиворотъ-навыворотъ. Купецъ, выдержавшій неурожай (1892—1893 г.), не устоялъ передъ низкими рыночными цѣнами на хлѣбъ въ слѣдующемъ году и не былъ въ состояніи уплатить текущаго аренднаго платежа; отсутствіе дохода побудило владѣлицу сдѣлать заемъ, конечно, въ размѣрѣ обычнаго ежегоднаго бюджета подъ высокіе только проценты и просить банкъ объ отсрочкѣ платежа. Слѣдующій годъ былъ опять съ пониженными рыночными цѣнами и... купеческая семья, успѣвшая переписаться къ этому времени въ мѣщанство, объявивъ себя несостоятельною, била челомъ барынѣ—принять свою вотчину въ личное вѣдѣніе, а убогія постройки, принадлежавшія арендатору, получить въ видѣ неустойки и проторы по убыткамъ. Получивъ купеческую безграмотную челобитную, кузина вся въ слезахъ прилетѣла ко мнѣ.

— Я разорена—спаси меня! На тебя вся моя надежда... посыпались на меня страшныя слова.

— Но что же я могу тутъ подѣлать?

— Я—женщина, я въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаю. Au nom de Dieu va regarder ce qui se fait là. Взыщи съ нихъ, посади ихъ въ долговое. У нихъ есть деньги, но они только не хотятъ мнѣ платить, зная, что я беззащитна. У Марьи Антоновны (жена арендатора) были въ свое время великолѣпныя брилліанты—пускай она ихъ продастъ, заложитъ. Я не могу жить безъ денегъ, ты это понимаешь: мнѣ нужна квартира, я еще хочу жить...

— Все это прекрасно, но...

— Нѣтъ, нѣтъ! Au nom de Dieu arrange tout...

Затѣмъ послѣдовали—«слезы, нервическій припадокъ»...

Аргументація въ пользу моей поѣздки была сильная: «я въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаю, но не хочу бѣдствовать, а потому поѣзжай устраивать дѣла имѣнія ты, хотя ты тоже въ этихъ дѣлахъ ничего не знаешь!» Противъ такой логики трудно было бороться, и черезъ два дня я уже катилъ на черноземныя поля упорядочивать дворянское хозяйство. По мнѣнію моей милѣйшей кузины все должно было устроиться къ ея благополучію: я приѣду, постращаю тюрьмой, купчиха заложитъ свои брилліанты, принесетъ повинную, и все пойдетъ постарому, съ аккуратной присылкой ежегодной аренды. Если же арендаторъ будетъ упорствовать, то я его прогоню, накажу при содѣйствіи мѣстнаго земскаго начальника и сейчасъ же или съ выгодой продамъ имѣніе («и кто же его не купитъ: вѣдь такой черноземъ!») или сдамъ въ аренду по высокой цѣнѣ мѣстнымъ крестьянамъ, которые, конечно, будутъ платить аренду исправно, такъ какъ на нихъ будетъ воздѣйствовать все тотъ же знакомый земскій начальникъ. Программа дѣйствій на Петербургскомъ семейномъ совѣтѣ была выработана, какъ читатель можетъ убѣдиться самъ, вполне основательная; мнѣ оставалось только дѣйствовать—«на страхъ врагамъ»...

Около пятнадцати лѣтъ уже не былъ я въ тѣхъ мѣстахъ, куда катилъ меня теперь почтовый поѣздъ Юго-Восточныхъ желѣзныхъ дорогъ, около пятнадцати лѣтъ не соприкасался я съ уѣздными устоями срединной черноземной Россіи, и вотъ то, что я увидѣлъ вновь собственными глазами, вполне подтвердило правдивость нарисованной г.г. Энгельгардтомъ, Шараровымъ и другими писателями жизни современной деревни. Нечего и говорить, что на участкѣ кухни я нашелъ истинныя «мерзость и запустѣніе»—въ концѣ истощенную хищническимъ хозяйствомъ землю, развалившіяся арендаторскія строенія съ дырявыми соломенными крышами, засыпанный мусоромъ колодезь, полное, а непритворное, какъ предполагала кухня, разореніе купеческой семьи, обнищавшихъ въ концѣ сосѣднихъ крестьянъ, коимъ арендаторомъ не были уплачены деньги за полевныя работы послѣднихъ лѣтъ. Чѣмъ-то удивительно безнадежнымъ, тоскливымъ, мрачнымъ пахнуло на меня. Было до очевидности ясно, что дальше въ бѣдности уже некуда идти, ниже трудно опуститься. Изъ разспросовъ покидавшихъ участокъ арендаторовъ, изъ бесѣдъ съ мужиками, выяснилось, что картина упадка хозяйства данной территоріи, гдѣ я въ данный моментъ находился, аналогична съ тѣмъ, что происходило по всей округѣ: все валится, опускается, бѣжитъ съ мѣста и ни у кого нѣтъ энергіи, силъ и умѣнья направить русло жизни по иному новому и разумному пути. Растетъ непомѣрно задолженность хозяйства, и помѣщичьихъ, и крестьянскихъ, истощается почва, царитъ старая система полеводства, переводится скоть, а остающійся въ наличности мельчаетъ, чахнетъ отъ хроническихъ голодовокъ. Крестьянинъ, въ избѣ котораго мнѣ пришлось ночевать, не обнаруживаетъ никакого духовнаго и матеріальнаго прогресса: обстановка его также грязна, убога, пища нищенская, одежда примитивна. Не богатѣетъ, не прогрессируетъ и прославленный въ литературѣ кулакъ-купецъ: живой примѣръ былъ на глазахъ; разоряется, плачется и помѣщикъ. «Потерплю еще съ годикъ,—говорилъ мнѣ одинъ считавшійся прежде богатымъ землевладѣлецъ,—и махну рукой: надо продавать имѣніе—не справиться съ нимъ по нынѣшнимъ временамъ!» Забитость, безнадежность, апатія и поголовное сельско-хозяйственное невѣжество—вотъ кирпичи фундамента, на коихъ покоится современная черноземная деревня. Но какъ дошла она до этихъ печальныхъ результатовъ? Постараюсь отвѣтить на этотъ вопросъ, но прежде закончу вкратцѣ съ своей поѣздкой.

Конечно, съ арендатора нечего было и думать взять что нибудь, и осталось только мирно съ нимъ распрощаться. И купить имѣніе не нашлось охотника и не только по высокой цѣнѣ, но даже и по пониженной; равнымъ образомъ на предложеніе арендовать его въ подходящихъ условіяхъ всѣ, къ кому пришлось обращаться, отдѣлались молчаніемъ. Осталось только одно: заколотить домишко, пред-

варительно наскоро поправивъ дырявую крышу, приставить къ нему сторожа, чтобъ не расхитили стѣнъ, и уѣхать обратно въ Петербургъ. Годъ цѣлый имѣніе отдыхало, и только текущей осенью мнѣ удалось сдать его на сносныхъ условіяхъ въ аренду крестьянамъ, но только не ближайшаго села, такъ какъ послѣдніе полагали, что за отсутствіемъ хозяевъ на мѣстѣ нечего его арендовать, а можно попросту, бесплатно эксплуатировать, пася на немъ скотъ, засѣвая клочки земли подсолнухомъ и пр. и пр. Долги банковскій и личный, вексельный, возросли до солидныхъ размѣровъ, но кухня моя не унываетъ, въ надеждѣ, что будущая мужицкая аренда все поправить. Поправить ли? Я съ своей стороны полагаю, что дворянское землепользованіе въ данномъ случаѣ сдѣлало еще шагъ приближенія къ своей неизбежной ликвидаціи; а пока чтѣ—мы съ кухней занимаемъ, и я «спасаю au nom de Dieu».

III.

Обращаясь къ историческому прошлому нашего землепользованія, мы видимъ, что въ московскомъ періодѣ русской исторіи помѣщикъ не былъ собственникомъ земли; она принадлежала государству, или царю, какъ олицетворенію государственной власти. Земля давалась помѣщику за службу только въ пожизненное пользованіе и могла быть во всякій моментъ за его провинности отнята и отобрана въ казну. Но, со временемъ, когда, въ силу историческихъ условій жизни, служба царская стала какъ бы наследственной, то и владѣніе землею стало наследственнымъ; тѣмъ не менѣе древне-русскій укладъ жизни твердо проводилъ принципъ націонализаціи земли: земля государева, а сидящій на ней только временно, за свою службу, ею владѣеть. Дальнѣйшій ходъ аграрныхъ отношеній обрисованъ въ любопытной, хотя и односторонней (марксистской), книжкѣ И. Гурвича—«Экономическое положеніе русской деревни»¹⁾, слѣдующимъ образомъ: «Петръ Великій сгладилъ всѣ различія, характеризовавшія предыдущую эпоху. Заставивъ каждого землевладѣльца поступать на государственную службу и установивъ однообразный порядокъ наследованія во всякаго рода недвижимыхъ имуществахъ, принадлежавшихъ дворянству, онъ слилъ воедино вотчины и помѣстья. Съ другой стороны, обложивъ крестьянъ подушной податью и сдѣлавъ землевладѣльца отвѣтственнымъ за исправный платежъ этой подати, онъ сравнялъ рабовъ и крѣпостныхъ и поставилъ послѣднихъ въ личную зависимость отъ помѣщика. Преемники Петра ограничили гражданскія права крестьянъ и лишили ихъ права жа-

¹⁾ Переводъ съ англійскаго А. А. Саннина подъ редакціей и съ предисловіемъ автора. Изданіе М. Водовозовъ. М. 1896 года.

ловаться въ судъ на господъ. Въ то же время господамъ дано было право ссылатъ своихъ крестьянъ въ Сибирь и продавать ихъ, даже съ разлученіемъ жены отъ мужей, дѣтей отъ родителей. Съ другой стороны, послѣ Петра Великаго обязательность службы для дворянъ постепенно ослаблялась и, наконецъ, совсѣмъ была отмѣнена Петромъ III въ 1762 году. Этимъ-то указомъ частная собственность на землю и крѣпостная зависимость и были, наконецъ, признаны въ Россіи институтами частнаго права». Такимъ образомъ, почти за сто лѣтъ до великой крестьянской реформы въ нашемъ отечествѣ окончательно установился порядокъ вещей, совершенно чуждый духу прежней нашей народной жизни, — порядокъ, въ коемъ безслѣдно исчезъ принципъ земельной націонализаціи, или, иначе говоря, понятіе государственной земли.

Въ этотъ столѣтній періодъ времени сформировался опредѣленный типъ сельскаго хозяйства, который слѣдующимъ образомъ очерченъ въ превосходномъ трудѣ нынѣшняго министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, А. С. Ермолова: «Организація полевого хозяйства»¹⁾. «Крѣпостное право,—говоритъ авторъ,—ставило наши хозяйства въ положеніе совершенно исключительное, при которомъ не могли сложиться ни скольконибудь нормальныя системы, ни скольконибудь правильное соотношеніе между основными элементами производства—силами природы, трудомъ и капиталомъ. Очевидно, что сельское хозяйство не могло считаться стоящимъ въ рациональныхъ условіяхъ тогда, когда успѣшность предпріятія зависѣла почти исключительно отъ эксплуатаціи одного изъ факторовъ производства—труда, когда при томъ этотъ трудъ былъ даровой. Послѣдствія такого порядка вещей сказались въ самыхъ формахъ развитія и условіяхъ распределенія сельскаго хозяйства въ Россіи. Только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе было густо, и гдѣ хозяинъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи большое количество дарового труда, каково бы ни было при этомъ качество почвы, сельское хозяйство процвѣтало и давало доходъ. Это именно и имѣло мѣсто въ средней полосѣ Россіи, въ центральныхъ губерніяхъ, напримѣръ, въ Московской, Калужской, Смоленской, Ярославской и тому подобныхъ, которыя въ то время считались наиболѣе доходными. Но это развитіе сельскаго хозяйства было чисто искусственнымъ, фиктивнымъ, ибо оно основывалось не на естественныхъ условіяхъ, но на извѣстныхъ социальныхъ отношеніяхъ, имѣвшихъ свой корень въ крѣпостномъ правѣ».

Съ отмѣной крѣпостнаго права помѣщичье сельское хозяйство, да и крестьянское тоже, очутились въ достаточно печальномъ положеніи—безъ необходимыхъ агрономическихъ знаній и безъ ка-

¹⁾ Организація полевого хозяйства. Системы земледѣлія и сѣвообороты. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб., 1894 года.

питала. Реформа положила конецъ золотому вѣку помѣщика, и онъ, предоставленный самому себѣ, быстро почувствовалъ свою безпомощность. вмѣсто того, чтобы взяться за умъ, за накопленіе знаній, за приложеніе этихъ знаній къ своей ближайшей профессіи—полеводству, вмѣсто того, чтобы дальновидно реформировать свою жизнь на иныхъ началахъ, сообразно съ требованіями времени, онъ продолжалъ мнить себя «добрымъ баринoмъ», отчасти какъ будто даже несправедливо-обиженнымъ реформою, которому, однако, земля-кормилица должна изъ своихъ нѣдръ приносить не только прежніе, но, пожалуй, и еще большіе доходы, вознаграждающіе его за потерю дароваго крѣпостнаго труда. По дѣдовскимъ традиціямъ, по рутинѣ, по невѣжеству онъ продолжалъ крѣпко держаться старой системы хозяйства, истощая землю и обременяя ее непосильными долгами, легко добываемыми изъ частныхъ кредитныхъ установленій. Банковскіе займы пошли не на улучшеніе полевой культуры, а какъ придатокъ жизненному обиходу въ духѣ дореформеннаго крѣпостнаго режима. Слѣдствіемъ такого новаго порядка вещей явилось истощеніе почвы, паденіе скотоводства, обветшаніе и разрушеніе сельскохозяйственныхъ строеній и страшная задолженность. Эти отрицательныя качества не уравнивались или сглаживались какими нибудь иными положительными, почерпаемыми изъ источника просвѣщенія, цивилизаціи, личнаго творчества и новаторства.

А тутъ еще въ жизнь вторгся новый могучій факторъ, который поставилъ русскаго сельскаго хозяина лицомъ къ лицу съ запросами мірового рынка. Я разумѣю желѣзныя дороги, сыгравшія въ жизни народнаго хозяйства такую видную роль, подчинившія его нѣкоторымъ образомъ себѣ и вызвавшія въ этомъ хозяйствѣ начало конкуренціи и борьбы за существованіе. На сцену выдвинулись невѣдомые до толѣ вопросы [въ видѣ тарифныхъ, вопросы о качествѣ зерна, о посредникахъ, о цѣнахъ мірового рынка, о конкуренціи съ заатлантическими земледѣльческими странами и народами. Всѣ эти безпкойные, но властные вопросы бурно ворвались въ нашу сельскохозяйственную жизнь послѣднихъ тридцати пяти пореформенныхъ лѣтъ, застигнувъ землевладѣльцевъ неподготовленными къ отвѣту, къ отпору, къ приспособленію, къ борьбѣ. Рельсовый путь, желѣзнодорожное чудище, вмѣщающее въ одномъ только поѣздѣ силу тысячи лошадей заразъ, энергично и быстро подкатали русскую жизнь къ рубежу европейской, и—сравненіе получилось ужасающее: Россія оказалась сплошь затушеванною единою характерною краскою, долженствующею обозначать почти поголовное невѣжество. Тогда только стало очевидно, что за три десятилѣтія слишкомъ, послѣдовавшія послѣ реформы, мы успѣли значительно обѣднѣть, но нисколько не поумнѣть въ духѣ европейскаго просвѣщенія. Но и это позорящее насъ сравненіе какъ-то мало на насъ подѣйствовало. Крупное землевладѣніе вмѣсто того, чтобы энергично свернуть на новый путь, освѣщаемый чарующими пото-

ками просвѣщенія, заговорило не о школѣ, какъ панацеѣ всѣхъ золъ и болѣзней, а о воспособленіи изъ казеннаго ящика, объ обязательныхъ жертвахъ, которыя должны ему принести (сдѣлать подарокъ) акціонерныя предпріятія и главнымъ образомъ желѣзныя дороги. И подарки посыпались: созданъ былъ, въ противовѣсъ частнымъ банкамъ, казенный—«Дворянскій» съ дешевымъ кредитомъ, введенъ кредитъ по соло-векселямъ, урегулированы тарифныя ставки желѣзныхъ дорогъ, искусственно приподняты въ уѣздѣ престижъ дворянина-землевладѣльца, но все это, какъ читатель можетъ убѣдиться, помощь, пришедшая извнѣ, задаромъ полученная. Гдѣ же лично принадлежащее землевладѣльцу и сельскому хозяину его собственное я, его самодѣятельность, его инициатива и энергія? Я не умѣю назвать такого счастливаго мѣста, гдѣ бы можно было указать на отвѣтную наличность элементовъ вопроса— въ моемъ распоряженіи ихъ, по крайней мѣрѣ, не имѣется. А Энгельгардтъ?—спросяте меня. Да, отвѣчу я, но вѣдь онъ уже скончался, такъ что же тревожить его «тоскующую тѣнь», зачѣмъ беспокоить его прахъ? И, наконецъ, если и придется говорить о покойномъ дѣятелѣ русскаго сельскаго хозяйства, то тутъ съ самаго начала придется коснуться такихъ деликатныхъ общественныхъ сторонъ, которыя могутъ испугать только моихъ читателей изъ землевладѣльческаго класса. За неимѣніемъ же для настоящаго раза втораго живого Энгельгардта, приходится ограничиться исключительно констатированіемъ сказаннаго отрицательно, касающагося нашего землевладѣнія. Пожалуй, въ описаніяхъ г. Шарапова его странствованій «по сельскимъ хозяйствамъ» можно бы было съ нѣкоторой натяжкой подыскать кое-что примиряющее съ сдѣланными мною печальными выводами, но оно такъ незначительно, односторонне и такъ нехарактерно, что лучше его не касаться и удобнѣе перейти непосредственно къ крестьянскому хозяйству.

Великая крестьянская реформа, какъ извѣстно, ударила «однимъ концомъ по барину, другимъ — по мужику». О баринѣ уже сказано достаточно; посмотримъ теперь, какъ отразился ударъ на мужицкой спинѣ. Хотя великую реформу изготавляли очень долго, и возилось съ нею немало народа, но на дѣлѣ оказалось, что дѣло вышло недоузданнымъ: крестьянъ не сумѣли надѣлать достаточной землей, и эта «недостаточность надѣловъ» скоро дала о себѣ жестоко знать. За медовымъ мѣсяцемъ освобожденія послѣдовало быстрое разочарованіе. Тщетно небольшая группа писателей старалась обратить на обстоятельство «недостаточности» должное вниманіе; голоса ихъ оставались втунѣ, и ихъ или старательно замалчивали, или относили къ «зловредной превратности сужденій» со всѣми печальными послѣдствіями этой превратности. Но и лица, интересовавшіяся крестьянскимъ хозяйствомъ, за многими исключеніями, подходили къ вопросу болѣе съ социаль-

ной, философской, политической, какой угодно, точки зрѣнія, но только не практической. А эта практическая точка зрѣнія обнаруживала, что, помимо того, что у крестьянъ недостаточенъ надѣлъ, этотъ крестьянинъ въдобавокъ не умѣетъ, согласно требованіямъ времени, ходить за этимъ надѣломъ, его культивировать и извлекать изъ него доходъ. Да и откуда же было крестьянину застаться нужными свѣдѣніями? Превжній строй жизни ничему толковому его не научилъ, а въ наступившемъ медовомъ мѣсяцѣ было не до науки: одни только печаловались, а другіе только радовались, учиться же никому не приходило въ голову.

Да и гдѣ было учиться, за неимѣніемъ подходящаго для этого дѣла заведенія? Кабаками, правильно организованной сѣтью ихъ, деревня быстро разукрасилась, но о школѣ что-то не было слышно, не говоря уже о странствующихъ учителяхъ-агрономахъ. Если же гдѣ и появлялась такая школа, то ея задачи были не практическаго свойства, а съ печатью заботы о «духовномъ естествѣ человѣка». Кто говоритъ — и «духовное естество человѣка» вещь великая! но только она на недостаточномъ мужицкомъ надѣлѣ не научаетъ быть сытымъ, а въ особенности если къ этой недостаточности присоединяются такіа неприятыя «качества», какъ истощенность почвы надѣла, задолженность, отсутствіе побочнаго, дополнительнаго дохода на сторонѣ — на фабрикѣ, заводѣ, или въ видѣ правильно организованнаго кустарнаго промысла. Такимъ образомъ, невѣжественная не по своей винѣ «деревня» начала голодать, и между нею и тоже некультурной «усадьбой», которая уже начала чувствовать невозможность удовлетворять свои аппетиты вплотную, постарому, «побарскому», родился своеобразный антагонизмъ: деревня стала ловить усадьбу на томъ, чтобъ содрать съ нея лишнее, обмануть ее, а усадьба, съ своей стороны, начала стремиться, чтобы этой деревнѣ не додать или посадить ее въ кутузку. Эти во всякомъ случаѣ не совѣмъ платоническія отношенія, разумѣется, не содѣйствовали благополучію полеводства и, если «усадьба» обремизилась въ этой области передъ запросами времени, то «деревня» стала окончательно втупикъ и попала въ полную кабалу. Ко всѣмъ перечисленнымъ бѣдамъ присоединились еще нѣкоторыя специфическія свойства русской жизни, по коимъ, напримѣръ, дѣло переселенія изъ скученнаго и обнищавшаго села на новыя мѣста долго считалось чуть ли не предосудительной, вредной затѣей...

Эти печальныя условія существованія земледѣльской Россіи были еще кое-какъ сносны, пока «Богъ посылалъ урожай», и мать-земля все же производила хоть посредственные полевые продукты. Но вотъ грянулъ громъ—пронесся вихремъ изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, голодъ, и всѣ жалкіе швы жизни затрещали разомъ: баринъ окончательно запутался въ долгахъ, а мужикъ сталъ попросту вымирать. Въ земледѣльской Россіи не нашлось средствъ

къ собственному пропитанію, и заатлантическіе друзья великодушно присылали намъ корабли съ хлѣбомъ. Вотъ тутъ-то мы впервые, кажется, серьезно задумались надъ настоящимъ и будущимъ нашего сельскаго хозяйства и пришли къ единодушному рѣшенію: «такъ жить нельзя!» Мы убѣдились, что дѣйствительно «крестьянское богатство—царственное, а нищета крестьянская—оскудѣніе царственное», что наши хозяйства—и дворянское и крестьянское, никуда не годны, что система нашего полеводства нуждается въ радикальной реформѣ, что нечего намъ думать прокармливать Европу, когда наше собственное земледѣльческое населеніе вѣчно не доѣдаетъ, что лучшій источникъ государственной казны—желудокъ мужицкій, и что всякое потребленіе послѣдняго сторицею возвращается въ эту самую казну. Но между сознаниемъ и активными дѣйствіями еще лежитъ цѣлая пропасть. Сдѣлали мы что нибудь для предотвращенія возможнаго страшнаго всеобщаго разоренія, приступили ли мы къ настоящему радикальному лѣченію своихъ болѣзней и заживленію своихъ ранъ? Да, кое-что уже сдѣлано, но далеко, далеко не въ нужной мѣрѣ, не въ должной степени. Тѣмъ не менѣе нѣкоторый, слабый просвѣтъ все-таки виденъ, мелькаетъ все же надежда на лучшее будущее.

IV.

Обращаясь отъ соображеній общаго свойства къ разсмотрѣнію главнѣйшихъ вопросовъ земледѣльческой Россіи въ ихъ существенной группировкѣ, которая мною отмѣчена выше, остановлюсь прежде всего на соотношеніи частнаго и крестьянскаго землевладѣнія. Передъ крестьянскою реформою, по свидѣтельству кн. Васильчикова¹⁾, число дворянъ-помѣщиковъ простиралось до 109.340 семействъ. Въ самый моментъ изданія положенія число это уменьшилось, но составляло до 100.247. «Уменьшеніе это, говоритъ изслѣдователь, распредѣляется различно между разными группами помѣщиковъ; число мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ уменьшилось на 12.360, число среднепомѣстныхъ увеличилось на 3.190, а крупнопомѣстныхъ на 77. Поэтому почти все приращеніе относится только къ средней группѣ помѣщиковъ, отъ 100 до 500 душъ; относительно высшаго разряда крупныхъ владѣльцевъ нужно замѣтить, что хотя число ихъ возросло на 77, но общій итогъ ихъ имущества, если судить по числу душъ, уменьшился въ теченіе 22 лѣтъ на значительную сумму (599,461 д.), что составляетъ около 11%. Такимъ образомъ, крупное землевладѣніе, искусственно созданное въ Россіи все милостивѣйшими пожалованіями, уже въ то время, при крѣпостномъ правѣ, быстро

¹⁾ Князь А. Васильчиковъ. «Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ».

клонилось къ упадку, несмотря на то, что поддерживалось еще таковыми же пожалованіями заповѣдныхъ и маіоратныхъ имѣній въ Западномъ краѣ. Разрядъ мелкихъ помѣщиковъ рѣдѣлъ еще быстрее; усиливались только ряды средняго помѣстнаго сословія, провинціального дворянства, которому и предстояло играть первенствующую роль въ ожидавшихся реформахъ; число этихъ среднихъ владѣльцевъ прибыло, какъ выше сказано, на 3190, а состояніе ихъ увеличилось на 291.008 душъ крестьянъ». Въ моментъ реформы (1861 г.) кн. Васильчиковъ начисляетъ землевладѣльческаго или помѣстнаго элемента въ Россіи 71.112 семействъ не одного дворянскаго, но разнаго званія, или около 284.448 жителей обоюга пола. «Если причислить къ этому итогу 8 губерній, для коихъ не было дано свѣдѣній, также уѣзды (5.517.232 десят.), то мы получимъ круглымъ числомъ около 80.000 крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ-домохозяевъ, владѣющихъ около 90 милліоновъ десятинъ удобной земли», говоритъ онъ.

Что касается крестьянъ, то таковыхъ за то же время въ 48 губ. по расчету того же изслѣдователя считалось 22.544.583 ревизск. душъ съ 116.103.720 дес. земли, что составляло на ревизскую душу—5,1 дес. Обозрѣвая крестьянское землевладѣніе по разрядамъ, кн. Васильчиковъ дѣлаетъ слѣдующія заключенія по каждому изъ нихъ: помѣщичьи крестьяне въ числѣ 9.795.163 рев. душъ, при изданіи положенія о крестьянахъ, въ 1861 году, владѣли землей въ количествѣ 35.779.014 десятинъ, что составляло на душу 3,6 десятины. Къ 1 января 1880 года число крестьянъ, выкупившихъ земли, было 7.853.748, а число десятинъ выкупленной земли—28.039.090, на душу 3,5. «Такимъ образомъ, говоритъ онъ, оказывается, что, несмотря на право отрѣзки, предоставленное помѣщикамъ, коимъ они воспользовались въ многоземельныхъ губерніяхъ очень широко, несмотря на право такъ называемаго дароваго надѣла, которое было примѣнено въ обширныхъ размѣрахъ въ Саратовской и другихъ степныхъ губерніяхъ и уменьшило пространство крестьянскихъ угодій на $\frac{3}{4}$, — несмотря на это, въ общемъ итогѣ выкупленныя земли (3,5 дес. на душу) почти равняются среднему числу десятинъ, бывшихъ въ пользованіи крѣпостныхъ (3, 5 десятинъ на душу). Самое замѣчательное пониженіе средняго душеваго надѣла оказывается въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне поддались соблазну дароваго надѣла; въ Саратовской губерніи средній надѣлъ на душу уменьшился на 0,65 десятинъ, въ Воронежской на 0,65, въ Екатеринославской на 0,54.

Увеличеніе надѣловъ послѣдовало преимущественно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ земли имѣютъ мало цѣнности: въ Астраханской на 2,31 десятины на душу, въ Оренбургской на 1,68. Поэтому надо предположить, что при заключеніи выкупныхъ сдѣлокъ и актовъ крестьяне старались возвратитъ въ свое владѣніе отрѣзныя земли, бывшія въ ихъ пользованіи при крѣпостномъ правѣ и отобранныя у нихъ по уставнымъ грамотамъ, и что, такимъ образомъ, общее

пространство крестьянских земель, показанное в 1861 году в 35.779,014 десятин, не много изменится по окончании выкупной операции. Что же касается удельных крестьян, то таковые удержали за собой все количество угодий, состоявших в их пользовании без отрезки; как тягловыя, так и запасныя земли включены в состав надѣла, подлежащаго выкупу, поэтому земельное их положеніе не изменилось. В числѣ 862,740 душъ они владѣютъ 4.336,454 дес. или по $5\frac{3}{4}$ десятины на душу. Третья группа—государственные крестьяне удержали всѣ угодья по владѣннымъ записямъ, состоявшія в ихъ пользованіи. По числу почти равныя помѣщичьимъ, они владѣютъ землей в количествѣ почти вдвое большемъ: на 9.194,891 душъ земли 74.801,246 дес., или на 1 ревизскую душу по 8,7 дес.

Общіе итоги къ 1880 г. нашего землевладѣнія, по вычисленіямъ князя Васильчикова, выражаются в слѣдующихъ цифрахъ: мелкаго (крестьянскаго и городского) владѣнія—164 милліона десятинъ, средняго и крупнаго, частныхъ лицъ и удѣловъ—88 милл. Третью, наконецъ, и самую крупную группу землевладѣнія, являющуюся запасомъ государства и народа, составляютъ казенныя земли и лѣса, коихъ считается изъ общаго числа 205.319,525 дес., удобныхъ — 125 милліоновъ десятинъ.

Со времени выхода в свѣтъ изслѣдованія князя Васильчикова в вопросѣ о земельной собственности произошло не мало перемѣнъ, участь которыхъ в данный моментъ, до имѣющей быть в будущемъ 1897 году переписи, не представляется возможнымъ. Но вотъ что во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ по этому предмету «Вся Россія» ¹⁾ за 1897 годъ: в Европейской Россіи за послѣднія 15 лѣтъ частное землевладѣніе сильно изменилось; такъ, по 43 губерніямъ, по коимъ имѣются свѣдѣнія, дворянство за этотъ періодъ утратило 11.115,000 дес. земли, или 16%. Сильно растетъ землевладѣніе крестьянъ: послѣдніе при помощи одного крестьянскаго банка в періодъ 1883—1893 гг. приобрѣли 1.142,000 дес.».

Любопытныя также указанія на мобилизацію земельной собственности встрѣчаемъ мы в статьѣ Е. И. Жигачева «Задолженность частнаго землевладѣнія в Россіи» ²⁾. По утвержденіямъ автора, «переходъ земель изъ однѣхъ рукъ в другія начался съ самыхъ первыхъ годовъ пореформенной жизни, когда земля сдѣлалась товаромъ; уже в семидесятыхъ годахъ коммиссія графа Валуева свидѣтельствовала, что переходъ этотъ все болѣе и болѣе усиливается, при чемъ лица торговаго сословія приобретаютъ земли преимущественно в черноземныхъ губерніяхъ съ заводскими цѣлями, рѣже в нечерноземныхъ, главнымъ образомъ, съ цѣлью

¹⁾ Изданіе А. Суворина.

²⁾ «Русская Мысль», 1892 г., № 11.

фабричною; крестьяне же жадно покупаютъ земли какъ въ черноземныхъ, такъ и нечерноземныхъ мѣстностяхъ. Въ настоящее время мобилизація земель достигла уже огромныхъ размѣровъ, продолжая, однако, усиливаться повсемѣстно, причемъ дворянское землевладѣніе всюду сокращаетъ свою площадь, и на счетъ его растутъ землевладѣнія крестьянское и купеческое». Заключительный выводъ автора какъ нельзя болѣе подтверждаетъ то, что уже было сказано выше, когда шла рѣчь о запустѣніи помѣщичьихъ хозяйствъ. «Дворяне,—говоритъ г. Жигачевъ,—не приспособились еще къ новымъ условіямъ хозяйства, не выполнили новыхъ требованій жизни, и запустѣніе ихъ помѣстій, разореніе ихъ гнѣздъ, долги и бѣдность дворянства явились лишь логическими послѣдствіями этой ихъ неприспособленности. Какъ привилегированное и служилое сословіе, дворянство наше никогда не отличалось особенною рачительностью въ хозяйственной дѣятельности въ своихъ имѣніяхъ, но въ былое старое время личные недостатки владѣльцевъ маскировались сословными прерогативами и не могли поэтому замѣтно вліять на прочность и устойчивость ихъ землевладѣнія. Въ настоящее же время личная дѣятельность людей, ихъ энергія и предприимчивость является рѣшающимъ моментомъ въ томъ или иномъ экономическомъ или социальномъ положеніи, достигаемомъ людьми, вслѣдствіе чего дворяне, какъ незначительные хозяева, не замедлили спуститься на одну изъ низшихъ экономическихъ ступеней, на которой каждую оплошность ихъ, въ то же время, бдительно караулитъ «герой нашего времени»—вездѣсущій «чумазый». При такихъ условіяхъ кредитъ явился для дворянскаго землевладѣнія лишь разрушительнымъ элементомъ, а звонъ аукціоннаго молота — лишь торжественною побѣдною нотою того новаго экономическаго мотива, который зазвучалъ въ области землевладѣнія, какъ логическое послѣдствіе новыхъ пореформенныхъ основъ обществитія».

Предстоящая перепись покажетъ, насколько дѣйствительно «чумазый герой нашего времени» присосался крѣпко къ русскому землевладѣнію; что касается меня лично, то изъ нѣкоторыхъ наблюденій надъ двумя губерніями — Тамбовской и Черниговской — я убѣдился, что эта опасность вовсе ужъ не такъ велика, и этотъ «чумазый», подобно и привилегированному дворянину, одинаково исчезаетъ подъ напоромъ вѣяній времени и экономическихъ затрудненій деревни.

Какъ же въ общемъ велика задолженность частнаго землевладѣнія, и откуда она образовалась? «Вся Россія» свидѣтельствуется, что изъ общаго количества 115.090,540 дес. частновладѣльческой земли въ 66 губерніяхъ къ 1894 году въ залогъ состояло 108,394 имѣнія съ 47.499,353 дес. или 41,3⁰/₁₀₀ всей частновладѣльческой земли съ суммой непогашеннаго долга по ней однимъ лишь

земельнымъ банкомъ въ 1.174.778,740 рублей. Исторія этой частно-владѣльческой задолженности обстоятельно разсказана г. Жигачевымъ въ указанной выше статьѣ, и на ней я остановлюсь нѣсколько обстоятельнѣе. Это тѣмъ болѣе представляется нужнымъ, что относительно крестьянской задолженности не имѣется однородныхъ свѣдѣній, почему для нѣкоторой обстоятельности картины русской земельной задолженности полезно почерпнуть какія нибудь данныя хотя бы изъ односторонняго источника.

V.

Ко времени наступленія реформы (1859 г.) изъ общаго числа 111,693 ¹⁾ населенныхъ имѣній Европейской Россіи было заложено уже въ старыхъ банкахъ 44,166 имѣній, или 39,54%, въ залогъ было принято 7.107,184 крѣпостныя ревизскія души, или 65,54% всего крѣпостного населенія имперіи, подѣ которыя было выдано ссудъ 425.503,061 рублей. Именнымъ высочайшимъ указомъ 1859 г. выдача поземельныхъ ссудъ дворянамъ была прекращена изъ всѣхъ государственныхъ кредитныхъ установленій, но уже въ 1864 году наше крупное землевладѣніе, несмотря на полученные выкупные платежи (къ 1870 г. на руки дворянствомъ было получено почти 263.094,652 р.), почувствовало уже необходимость въ земельномъ кредитѣ, въ каковыхъ видахъ и былъ основанъ первый частный земскій банкъ—Херсонскій. Съ этого времени и вплоть до настоящихъ дней наблюдается сильный ростъ частной земельной задолженности, въ связи съ чѣмъ возникаетъ рядъ частныхъ кредитныхъ учрежденій: нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, обществу взаимнаго поземельнаго кредита (золотому банку), пришлось сыграть въ судьбахъ землевладѣнія крупную и печальную роль. Уже къ 1870 г. въ 40 губерніяхъ Европейской Россіи землевладѣльцами заложено было въ частныхъ банкахъ 1,228 имѣній, заключающихъ въ себѣ 2.119,565 дес., въ суммѣ 26.656,830 р., а черезъ 5 лѣтъ, т. е. къ 1875 г., количество заложженныхъ имѣній возросло до 10,805 обремененныхъ долгомъ въ 238.365,939 р. Къ 1885 г. въ залогъ земельныхъ банковъ состояло 25,017 имѣній съ ссудой на нихъ въ 520.760,585 р., а къ 1890 г. задолженность частнаго землевладѣнія въ 48 губерніяхъ Европейской Россіи главнымъ земельно-кредитнымъ учрежденіямъ, т. е. акціонернымъ земельнымъ банкамъ, дворянскому банку, обществу взаимнаго поземельнаго кредита и херсонскому земскому банку, представлялась уже въ видѣ 41,119 заложженныхъ имѣній, заключающихъ 31.705,066 десятинъ земли и обремененныхъ долгомъ въ 770.152,068 р. Заложенная земля составляла 34,77% площади частно-

¹⁾ Какъ эти, такъ и послѣдующія цифровыя данныя взяты изъ статьи г. Жигачева.

владѣльческой земли. Послѣдній періодъ въ развитіи задолженности землевладѣнія по интенсивности роста поземельныхъ долговъ рѣзко отличается отъ двухъ предшествовавшихъ ему пятилѣтнихъ періодовъ. Вслѣдствіе открытія дѣйствій дворянскаго поземельнаго банка, производившаго выдачу ссудъ на условіяхъ гораздо болѣе легкихъ, чѣмъ всѣ другіе банки, процессъ задолженности землевладѣнія, постепенно ослабѣвавшій въ теченіе 10 лѣтъ, за періодъ 1885—1889 г. принялъ такіе размѣры, которые превосходятъ даже спекулятивную горячку начала семидесятыхъ годовъ.

Если обратиться къ пространственному распредѣленію земельныхъ долговъ, то, по словамъ г. Жигачева, «съ этой стороны оказывается, что процессъ задолженности, возникнувъ въ началѣ пореформеннаго періода лишь въ нѣкоторыхъ наиболѣе плодородныхъ мѣстахъ черноземной полосы, сохранилъ тяготѣніе къ подобнымъ мѣстностямъ и до настоящаго времени. Главная масса земельныхъ долговъ сосредоточивается и нынѣ преимущественно въ наиболѣе богатыхъ областяхъ Европейской Россіи, хотя успѣла значительно распространиться и на сравнительно неплодныя области съ малоцѣнной землей. При этомъ въ однѣхъ изъ этихъ плодородныхъ и богатыхъ губерній задолженность превышала уже 60% площади земли частновладѣльческой (Херсонская 65,0%, Бессарабская 61,8%), въ другихъ превышала половину ея (Екатеринославская 57,0%, Пензенская 56,5%, Подольская 55,5%, Харьковская 51,4%, Тамбовская 50,9%, Тульская 48,1%, Казанская 48,0% и Саратовская 47,7%). Такимъ образомъ, хотя величина общей имперской задолженности, выражающейся залогомъ одной третьей части площади личной собственности, и не могла бы представить собой особенно тяжелаго бремени для современнаго частнаго землевладѣнія, но приведенный характеръ распредѣленія долговъ по губерніямъ представляетъ дѣло въ совершенно иномъ видѣ. Землевладѣніе еще безъ особеннаго труда, конечно, могло бы выдержать обложеніе въ пользу ссуднаго капитала, если бы обложеніе это дѣйствительно простиралось лишь на одну третью часть его площади и, парализуя эту часть, оставляло бы остальные двѣ трети его свободными—въ живомъ и дѣятельномъ состояніи; но капиталъ наложилъ свою тяжелую руку преимущественно на самыя цѣнныя и плодородныя земли, причѣмъ подчинилъ своему господству большую половину ихъ площади».

Сказанное относится къ банковской задолженности, но она далеко не исчерпываетъ собою общей земельной задолженности: существуетъ еще задолженность по вторымъ (частнымъ, ростовщическимъ) закладнымъ, долги земству, повинности казначейству, недоимки, пени и проч. и проч. Г. Жигачевъ дѣлаетъ слѣдующій примѣрный подсчетъ частновладѣльческимъ долгамъ (безъ земельныхъ недоимокъ), платежамъ по долгамъ и прибылямъ отъ сель-

скохозяйственнаго производства. «Общая сумма задолженности выразится въ 1,564 милліонахъ рублей, говорить онъ, что по расчету на 1 десятину частновладѣльческой земли (90.000,000 дес.) составитъ 17 руб. 38 коп., что соотвѣтствуетъ ежегодному платежу съ десятины банковыхъ процентовъ, по расчету изъ 7⁰/₁₀, по 1 р. 21 к. Средняя продажная цѣна десятины въ 1882 г. равна 26 р. 41 к., а въ 1887 г. — 34 р. 57 к. Если допустить, что повышеніе цѣны земли за послѣдующіе два года, 1888 и 1889 г., происходило въ той же постепенности, какъ и за время 1882—1887 гг., то къ 1890 г. средняя цѣна 1 десятины земли была равна 37 р. 83 к., что при 5⁰/₁₀ чистой прибыли отъ сельско-хозяйственнаго производства дастъ съ десятины 1 р. 89 к., чистаго дохода или, за вычетомъ платежей по ссудамъ, 68 к. свободныхъ суммъ. При такой чистой доходности земли, годовой бюджетъ средняго владѣльца-дворянина (средній размѣръ владѣнія 683 д.) опредѣляется въ 434 рубля, а средняго владѣльца-кушца (771 д.) — въ 524 рублей, т. е. суммой значительно меньшей, чѣмъ жалованье низшаго изъ штатныхъ чиновниковъ въ любомъ изъ департаментовъ нашихъ министерствъ».

Что касается до крестьянской задолженности, то здѣсь дѣло обстоитъ еще печальнѣе и безнадежнѣе. Къ сожалѣнію, по настоящему предмету нѣтъ возможности привести опредѣленныхъ суммарныхъ данныхъ, такъ что вопросъ о задолженности крестьянскаго землевладѣнія по всей Россіи — одинъ изъ самыхъ темныхъ и запутанныхъ вопросовъ въ нашей экономической литературѣ. Дѣятельность крестьянскаго банка обрисовываетъ эту задолженность въ очень слабой степени, такъ какъ это учрежденіе охватываетъ жизнь только очень ограниченной части населенія. Во всякомъ случаѣ, всѣ изслѣдователи единогласно утверждаютъ, что крестьянская задолженность и недоимочность за текущія 35 лѣтъ достигла значительной суммы, и наша «деревня» положительно изнемогаетъ подъ бременемъ непомерныхъ и непропорціональныхъ ея недостатку податей и накопившихся въ связи съ этимъ недоимокъ казнѣ и долговъ «міроѣдамъ». Такъ, по изслѣдованіямъ г. Гурвича двухъ уѣздовъ Рязанской губерніи, въ его знакомой уже книгѣ «Экономическое положеніе русской деревни», оказывается, «что тяжесть обложенія находится въ Россіи въ обратномъ отношеніи къ средствамъ налогоплательщика». «Какова бы ни была абсолютная сумма недоимокъ, — утверждаетъ авторъ, — главная бѣда заключается въ томъ, что онѣ всей тяжестью ложатся на скотъ, который составляетъ единственную часть движимаго имущества крестьянина и потому прежде всего подлежитъ продажѣ съ публичнаго торга. Недоимки являются, стало быть, своего рода дамокловымъ мечемъ, постоянно угрожающимъ самому существованію крестьянскаго хозяйства. Кромѣ того, недоимки прикрѣпляютъ крестьянина къ мѣсту и такимъ образомъ суживаютъ рынокъ для его труда». Соображенія относительно недоимочности приводятъ

автора къ печальному заключенію. «Старый вопросъ о хронической недоимочности крестьянскаго населенія нынѣ легко разрѣшается путемъ публичной продажи крестьянскаго скота, говоритъ онъ. Сѣченье, какъ мѣра финансовой политики, можетъ быть покинуто, по крайней мѣрѣ по отношенію къ несостоятельнымъ должникамъ, ибо теперь обезпеченіемъ въ уплатѣ податей, помимо тягла налогоплательщика, является земля. Такъ экономическая эволюція ослабила юридическія цѣпи, приковывавшія прежде крестьянина къ землѣ». Высочайшими манифестами послѣднихъ 15-ти лѣтъ крестьянамъ прощено не мало государственныхъ недоимокъ и довольно значительная часть выкупныхъ платежей, но все это тѣ капли въ морѣ, которыми горю не пособить. Врядъ ли этому значительно поможетъ новая система взиманія платежей, которая, по слухамъ, будетъ введена въ недалекомъ будущемъ, и сущность которой еще мало проникла въ печать. Все это мѣры, регулирующія движеніе крестьянскихъ суммъ, но не вносящія въ жизнь какой нибудь радикальной реформы, имѣющей своимъ назначеніемъ полное освѣженіе «деревни» и обновленіе ея устоевъ. Реформа «крестьянскаго банка», произведенная въ послѣдніе годы, правда, какъ будто даетъ надежду крестьянскому люду на возможность какого нибудь выхода изъ пути малоземелья, но опять таки здѣсь придется постоянно наталкиваться на зубчатые колеса четырехъ правилъ ариѳметики, назначеніе которыхъ никакимъ образомъ не состоитъ въ стираніи суммы накопившихся долговыхъ обязательствъ.

Эти обязательства во всевозможныхъ видахъ растутъ и растутъ какъ въ отношеніи «усадебъ», такъ и «селъ» и, если бы возможно было сдѣлать имъ обстоятельный подсчетъ, то, вѣроятно, тѣ $1\frac{1}{2}$ миллиарда долга, которые значатся за нашимъ землевладѣніемъ по банковскимъ бухгалтерскимъ книгамъ, окажутся миниатюрной суммой. Рано или поздно (и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше), настоящая сумма всероссійской земельной задолженности и недоимочности, конечно, выяснится, и тогда мы серьезно задумаемся: какъ быть? Палліативныя мѣропріятія въ видѣ льготныхъ кредитовъ, разрочекъ и даже частичныхъ расселеній крестьянъ здѣсь не помогутъ. Врядъ ли совершится въ этой области и какая нибудь мирная эволюція, которая тихо, гладко, самодѣйствующими силами все исправитъ, все направитъ; скорѣе, думается, здѣсь потребуетъ новое энергичное вмѣшательство правительства, которое пожелаетъ взять дѣло упорядоченія задолженности въ свои руки, въ каковыхъ видахъ прибѣгнетъ къ своего рода новой «выкупной операціи» съ конечной цѣлью — возвращенія къ древне-русскому московскому принципу «государевой земли».

VI.

Отъ вопросовъ землевладѣнія перейдемъ теперь къ землѣделію; но и здѣсь, какъ уже отчасти было показано въ началѣ статьи, дѣло обстоитъ не болѣе благополучно. Г. министръ землѣдѣлія и государственныхъ имуществъ въ цитированномъ мною уже однажды своемъ замѣчательномъ трудѣ «Организація полевого хозяйства» рисуетъ намъ слѣдующую печальную, хотя и въ значительно смягченномъ видѣ, картину нашей сельско-хозяйственной культуры: «Куда бы мы въ Россіи ни обратились, вездѣ мы встрѣчаемъ отсутствіе какого бы то ни было плана въ сельско-хозяйственномъ промыслѣ, отсутствіе организаціи, одностороннее развитіе одной какой либо отрасли хозяйства на счетъ всѣхъ другихъ,—говоритъ г. Ермоловъ. На окраинахъ, на дальнемъ сѣверѣ, какъ и на дальнемъ югѣ, мы замѣчаемъ, кромѣ того, весьма ничтожное развитіе вообще сельскохозяйственнаго производства, обусловленное, конечно, малою степенью населенности нашихъ сѣверныхъ и южныхъ пространствъ. Отсюда логически вытекаютъ и тѣ послѣдствія такого положенія вещей... а именно: низкая производительность землѣдѣлія вслѣдствіе чрезмѣрной, усиленной разработки земель, производящихъ по большей части все однородныя растенія—злаки да злаки—и не получающихъ удобренія, за совершеннымъ отсутствіемъ или ничтожными размѣрами скотоводства,—это тамъ, гдѣ... центръ тяжести сельскохозяйственнаго производства лежитъ на сторонѣ землѣдѣлія. Ничтожная производительность скотоводства, вслѣдствіе малаго запаса наличныхъ кормовыхъ средствъ, собираемыхъ съ естественныхъ, неулучшенныхъ луговъ и пастбищъ, при отсутствіи обыкновенно искусственнаго воздѣлыванія кормовыхъ средствъ на поляхъ; малое распространеніе сельскохозяйственныхъ техническихъ производствъ и отчужденіе на сторону большей части продуктовъ полевой культуры, обыкновенно зерновыхъ хлѣбовъ, въ помѣщичьихъ хозяйствахъ; ничтожный, сплошь и рядомъ не удовлетворяющій насущной потребности населенія сборъ всѣхъ вообще продуктовъ землѣдѣлія и скотоводства въ хозяйствахъ крестьянскихъ; при малой производительности и доходности скота—дороговизна навоза, малое количество и плохое качество наличныхъ удобрительныхъ средствъ и невозможность расширенія и увеличенія производительности полевой культуры,—это въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, при ограниченныхъ размѣрахъ землѣдѣлія, развитіе котораго обусловливается исключительно развитіемъ скотоводства, центръ тяжести лежитъ на сторонѣ послѣдняго».

Въ дальнѣйшемъ изложеніи своей работы сановный авторъ пытается нѣсколько утѣшить насъ и доказываетъ, что, несмотря на все грустное, совершающееся въ сферѣ нашего полеводства, все же нѣкоторый прогрессъ уже народился здѣсь, и замѣтно стремленіе къ

улучшенію способвъ и средствъ землепользованія, какъ въ средѣ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ... «Возникающіе новые сельскохозяйственные приемы и обычаи, говоритъ онъ, организующіяся системы, слагающіеся сѣвообороты являются результатами всеобщаго развитія русскаго сельскохозяйственнаго дѣла, признаками движенія его впередъ, движенія медленнаго, мало и не совсѣмъ замѣтнаго, но тѣмъ не менѣе несомнѣннаго и — что всего важнѣе — вполне самостоятельнаго и разумнаго». Въ силу этихъ-то благопріятныхъ симптомовъ авторъ и считаетъ своевременнымъ выступить съ своей книгой, гдѣ старается «намѣтить тотъ путь, по которому наши хозяева должны слѣдовать при организаціи полевого дѣла и введенія улучшенныхъ формъ земледѣлія, сообразуясь съ настоящими условіями русскаго сельскохозяйственнаго дѣла и съ основными законами науки земледѣлія, такъ какъ только въ томъ случаѣ, если вновь вводимыя ими системы будутъ удовлетворять требованіямъ тѣхъ и другихъ, ихъ и можетъ ожидать успѣхъ». Въ заключеніи своей книги онъ считаетъ нужнымъ подтвердить для пользы сельскохозяйственной промышленности гармонію теоріи съ практикой. «Такимъ образомъ, говоритъ онъ, мы приходимъ къ тому же самому, что говорили въ самомъ началѣ и много разъ затѣмъ повторяли, а именно, что только путемъ внимательнаго изученія условій практическаго сельскохозяйственнаго дѣла, при надлежащемъ въ то же время знакомствѣ съ основными законами растительной и животной жизни и при соблюденіи главнѣйшихъ, какъ теоретическихъ, такъ и чисто практическихъ требованій полевой культуры, возможно поставить сельскохозяйственное дѣло на такую высоту, при которой исчезнетъ всякое противорѣчіе между такъ называемыми «теоріею» и «практикою» сельскаго хозяйства. Только при соблюденіи этихъ условій слова «раціональное» и «прибыльное» хозяйство стануть въ глазахъ сельскаго хозяина вполне синонимами. Остается пожелать, чтобы, при тѣхъ тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ, которыя переживало въ послѣдніе годы русское земледѣліе, и при той трудной борьбѣ, которую намъ приходится вести съ другими странами, далеко насъ опередившими на пути развитія сельскохозяйственнаго дѣла, это время у насъ возможно скорѣе наступило».

Я уже оговорился въ началѣ очерка, что не преслѣдую специальныхъ цѣлей и отсѣкаю отъ него техническую, профессиональную часть, почему и вынужденъ отказаться отъ удовольствія дальнѣйшаго пользованія премированнымъ академіей наукъ трудомъ г. министра земледѣлія; но на прощаніе съ этимъ трудомъ считаю долгомъ подчеркнуть то убѣжденіе автора, что успѣхи нашей сельской промышленности прямо пропорціональны накопленію научныхъ знаній среди нашихъ земледѣльцевъ. Такой свѣтлый взглядъ на дѣло непосредственно отразился на характерѣ направленія молодого «министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ», осно-

ваннаго именно для упорядоченія и руководства русскимъ земледѣліемъ. И дѣйствительно, съ открытія извѣстныхъ засѣданій въ министерствѣ, при участіи свѣдущихъ лицъ изъ земствъ и иныхъ учреждений, общественныхъ и правительственныхъ, вопросъ о сельско-хозяйственномъ образованіи былъ выдвинутъ на первую очередь.

Правда, и до сформированія сказаннаго министерства, вопросъ о сельско-хозяйственномъ образованіи неоднократно возбуждался среди дѣятелей земствъ, науки и печати, но только голодные годы начала текущаго десятилѣтія осязательно убѣдили насъ въ пагубѣ невѣжества и побудили серьезно подумать объ этой сторонѣ дѣла. Да и кому было до сформированія министерства земледѣлія, явившагося на свѣтъ Божій, какъ неминувое слѣдствіе стихійной бѣды, дать истинную жизнь, практическое направленіе этому вопросу? Земства, вѣдавшія дотолѣ отчасти только земледѣліе губерній, слишкомъ были задвлены иными вопросами; и, наконецъ, они и сами-то постоянно жили въ страхѣ за собственное существованіе и не всегда въ разныхъ вопросахъ чувствовали твердую почву подъ ногами. Во 2-мъ томѣ недавно вышедшаго обширнаго труда г. П. Сазонова «Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству (1865—1895 г.г.)»¹⁾ имѣется достаточное количество данныхъ для сужденія о заботахъ земствъ по предмету распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ Россіи, откуда мы легко можемъ убѣдиться, что благія начинанія и порывы нашихъ земскихъ дѣятелей въ этомъ направленіи сплошь и рядомъ разбивались о непредвидѣнныя обстоятельства, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимало отсутствіе свободныхъ средствъ для этого, какъ въ казнахъ земскихъ, такъ и общегосударственной. Въ виду того, что работа почтеннаго изслѣдователя носитъ характеръ сырого матеріала, безъ выводовъ, заключеній и общихъ итоговъ, чрезвычайно трудно составить себѣ наглядное представленіе, что же сдѣлали въ итогѣ въ теченіе 30 лѣтъ земства всѣхъ губерній вкупѣ для насажденія сельско-хозяйственнаго знанія въ народѣ. Удовлетвореніе нашему любопытству мы можемъ получить изъ иныхъ изданій того же департамента: «Сельскохозяйственное образованіе въ Россіи въ концѣ 1894 года»²⁾ и «Сельскохозяйственныя учебныя заведенія, подвѣдомственныя департаменту земледѣлія въ концѣ 1895 года»³⁾. Изъ послѣдняго изданія мы узнаемъ, что число «сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній и курсовъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Такъ въ 1893 году въ имѣвшихся въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ 1 высшемъ, 8 среднихъ и 59 низшихъ заведеніяхъ было 3.157 учащихся и на содержаніе всѣхъ этихъ школъ тратилось изъ казны 555.700 ру-

¹⁾ Изданіе департамента земледѣлія, 8 т., Спб., 1896 г.

²⁾ «Справочная книжка», Спб., 1895 г.

³⁾ Изд. въ Спб., 1896 г.

блей въ годъ. Послѣ же преобразованія министерства, а именно въ концѣ 1895 и къ началу 1896 года общее число дѣйствовавшихъ учебныхъ заведеній возросло, какъ упомянуто выше, до 89 и учащихся въ нихъ было 3.860 человекъ, а расходъ казны достигъ 776.076 рублей, т. е. увеличился болѣе чѣмъ на 40%. Затѣмъ устраивается и готовится къ открытію болѣе 29 школъ; кромѣ того, находится въ производствѣ болѣе 50 дѣлъ по ходатайствамъ объ открытіи новыхъ учебныхъ заведеній въ различныхъ районахъ Россіи.

Когда читаешь эти строки, писанныя во всякомъ случаѣ съ чувствомъ радости за прогрессъ просвѣщенія, то не сразу даешь себѣ ясный отчетъ въ своихъ личныхъ чувствахъ. Но когда для вразумительности заглянешь въ приложенную къ настоящему изданію карту графическаго распредѣленія сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній по поверхности нашей родины, то густая краска стыда невольно заливаетъ ваши щеки, и вамъ остается только ахнуть передъ раскрывшейся картиной сельскохозяйственнаго невѣжества нашей родины. Земледѣльческая Россія, гдѣ 80% населенія буквально живетъ плодами земли, почти поголовно невѣжественно по части свойствъ этой земли и ея производительности! Въ то время, когда, не говоря уже про Америку, Францію и т. д., но даже сосѣдняя съ нами, «наша собственная» Финляндія успѣла широко развить у себя институтъ странствующихъ агрономическихъ инструкторовъ и учителей, спеціально-земледѣльческая Россія, «житница Европы», торжественно указываетъ къ концу XIX вѣка, что она успѣла уже обзавестись «89 сельскохозяйственными учебными заведеніями съ 3.860 человекъ учащихся!» Я не въ укоръ молодому министерству это говорю, такъ какъ его тутъ не въ чемъ укорять, а съ болью въ сердцѣ подчеркиваю это обстоятельство въ назиданіе соотечественникамъ и тѣмъ возможнымъ читателямъ изъ землевладѣльцевъ, которымъ попадутся, можетъ быть, на глаза эти строки.

Бесѣдуя на эту тему отечественнаго убожества по части сельскохозяйственнаго просвѣщенія съ однимъ даровитымъ государственнымъ дѣятелемъ, я спросилъ его, почему, вмѣсто того, чтобы созидать дорогостѣяющія агрономическія учебныя заведенія съ ихъ рецидивомъ безграмотности, намъ не послѣдовать примѣру прочихъ государствъ и не обзавестись странствующими инструкторами и учителями агрономіи?

— А оттого, — отвѣчалъ онъ мнѣ иронически, — что мы все боимся вредныхъ людей, забывая, что страха этого ради, который очень легко предотвратить, мы обрекаемъ громадную народную массу на невѣжество, горе и нужду. Генераль-губернаторъ Кауфманъ, пользуясь приѣмомъ, аналогичнымъ инструкторству, сумѣлъ въ самое короткое время реформировать хозяйство сартъ и ввести у нихъ посѣвъ суходольнаго хлопка. Я надѣюсь, что никто не станетъ утвер-

ждать, будто русскій крестьянинъ по своимъ природнымъ способностямъ стоитъ ниже сарта: дайте ему только инструктора, который бы гарантировалъ ему урожай при новой улучшенной системѣ хозяйства, съ травосѣяніемъ, многополіемъ и пр., и я ручаюсь вамъ, что вы черезъ самое короткое время не узнаете истощеннаго нынѣ крестьянскаго хозяйства и наглядно убѣдитесь въ способности русскаго простаго человѣка слѣдовать указаніямъ опыта и знанія.

Чтобъ покончить съ вопросомъ о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній, толчокъ которому во всякомъ случаѣ былъ данъ министерствомъ земледѣлія, то въ числѣ мѣръ, сюда относящихся, считаю нужнымъ отмѣтить¹⁾: 1) публичныя чтенія и бесѣды въ губернскихъ городахъ, устроенныя въ 1896 году министерствомъ земледѣлія; 2) зимніе сельскохозяйственные курсы-школы, какъ, напримѣръ, чтенія въ московскомъ политехническомъ музеѣ, курсы въ Мошно-Городищенской школѣ Кіевской губерніи, курсы для садовыхъ учениковъ въ Петербургѣ; 3) учительскія семинаріи и школы министерства народнаго просвѣщенія съ преподаваніемъ разныхъ отраслей сельскаго хозяйства; 4) церковно-приходскія учительскія школы вѣдомства святѣйшаго синода; 5) нѣкоторыя начальныя общеобразовательныя училища обоихъ названныхъ вѣдомствъ; 6) сельско-хозяйственные курсы для народныхъ учителей, устраиваемые министерствомъ земледѣлія, земствами, учебными дирекціями и др. и 7) передвижныя школы маслодѣлія.

Пусть читатель, однако, не смутится противорѣчіемъ между кажущимся обиліемъ перечисленныхъ здѣсь органовъ распространенія сельско-хозяйственнаго знанія съ сказаннымъ мною выше. Большинство этихъ пекущихся школъ и учреждений съ придаткомъ сельско-хозяйственной науки или обрѣтаются еще въ первичной фазѣ своего развитія, или обладаютъ этимъ придаткомъ по большей части фиктивно, какъ канцелярской уступкой общественному мнѣнію.

Болѣе прочно у насъ поставлено дѣло устройства опытныхъ станцій и полей, но и эти учрежденія пока не принесли какихъ нибудь существенныхъ результатовъ и, какъ гласитъ официальное изданіе²⁾, «ихъ роль и значеніе — всецѣло въ будущемъ». Что же касается сельско-хозяйственныхъ обществъ, то таковыхъ числится пока всего лишь 164 съ 67 отдѣлами, при чемъ въ Европейской Россіи на долю прибалтійскихъ губерній выпадаетъ 44 общества и 22 отдѣла, т. е. 28% общаго числа ихъ. Про особенную энергію дѣятельности всѣхъ этихъ обществъ мало слышно, и главная практическая роль нѣкоторыхъ изъ нихъ сводится къ устройству складовъ для продажи сѣмянъ и земледѣльческихъ машинъ, комисионныхъ бюро и конторъ. Не можетъ похвастаться у насъ особен-

¹⁾ См. «Производительныя силы Россіи». Изданіе министерства финансовъ, стр. 80.

²⁾ «Производительныя силы Россіи».

нымъ процвѣтаніемъ и сельско-хозяйственная литература. На всю Россію имѣется всего лишь 40 изданій, посвященныхъ вопросамъ сельскаго хозяйства, да и тѣ по большей части влчатъ жалкое существованіе и слабо обставлены научными силами.

Представленная мною убогая картина распространенія сельско-хозяйственнаго просвѣщенія заволакивается еще болѣе тѣнью, если имѣть въ виду, что болѣшая часть перечисленнаго относится къ послѣднему времени, когда сама нужда заставила насъ опомниться. Не посѣти Россію голодъ, не получи мы жестокой встряски, пожалуй, матеріалъ настоящей главы пришлось бы значительно сузить. Образованіе министерства земледѣлія съ просвѣщеннымъ руководителемъ во главѣ подаетъ намъ все же надежду, что дни мрака остались позади, и что за будущее не придется такъ краснѣть, какъ за прошедшее. Къ сожалѣнію, молодое правительственное учрежденіе не обладаетъ особенно широкимъ бюджетомъ и, повидимому, ему приходится значительно умѣрять порывы своихъ непочатыхъ еще силъ. Поэтому чрезвычайно желательно, чтобъ его союзъ съ земствами (это и имѣлось въ виду при его образованіи) получилъ не простую механическую связь, но отличался жизненностью и плодотворностью. Можетъ быть, тогда земства, эти хозяйственныя единицы уѣзда, и обратятся современемъ и въ сельско-хозяйственныя инстанціи министерства и найдутъ возможнымъ удѣлять хоть часть своего бюджета интересамъ земледѣлія, устраивая опытные поля, образцовыя фермы, хозяйства, школы и пр. и пр.

VII.

Въ цѣляхъ укрѣпленія между прочимъ этой связи министерство земледѣлія обратилось въ концѣ 1894 года къ земствамъ съ рядомъ вопросовъ о нуждахъ сельскаго хозяйства и мѣрахъ ихъ удовлетворенія. Въ настоящее время, какъ сообщаетъ «Новое Время»¹⁾, отъ большинства (25) губернскихъ земскихъ собраній уже поступили отзывы въ министерство, каковыя группируются по затронутымъ вопросамъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Во главѣ всѣхъ нуждъ и пользъ сельскаго хозяйства ставится земствами распространеніе образованія общаго и спеціально сельскохозяйственнаго, съ указаніемъ его первостепенной важности и неотложной необходимости для успѣшнаго развитія сельскохозяйственной промышленности. По общему убѣжденію земствъ, всѣ другія мѣропріятія на пользу сельскаго хозяйства только тогда могутъ разсчитывать на достаточный успѣхъ, когда будутъ приняты широкія, рѣшительныя мѣры къ поднятію образо-

¹⁾ № 7412, октябрь.

ванія массы сельскаго населенія. При этомъ нѣкоторыя земства считаютъ необходимымъ введеніе обязательнаго всеобщаго обученія для дѣтей школьнаго возраста. Той же цѣли образованія сельской массы могутъ и должны служить, по указаніямъ земствъ, образцовыя фермы, опытные поля и станціи и другія подобнаго рода учрежденія.

2) Слѣдующее, по важному значенію, мѣсто отводится въ земскихъ отзывахъ вопросамъ о желѣзнодорожныхъ тарифахъ. Семнадцать изъ двадцати пяти губернскихъ земскихъ собраній указали на высоту существующихъ тарифовъ, при чемъ нѣкоторыя земства высказались также противъ тарифовъ дифференціальныхъ и навигаціонныхъ, во избѣжаніе конкуренціи окраинъ съ центральными губерніями, а другія земства, сверхъ того, высказались и въ пользу тарификаціи хлѣбныхъ грузовъ по цѣнности ихъ—въ видахъ противодѣйствія односторонности мѣстнаго земледѣлія. Затѣмъ, въ связи съ тарифнымъ вопросомъ почти всѣ земства указываютъ на необходимость упорядоченія движенія хлѣбныхъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ путемъ установленія отвѣтственности ихъ за несвоевременную доставку, на необходимость увеличенія и улучшенія подвижнаго состава и помѣщеній для храненія хлѣба, а также на крайнюю необходимость уничтоженія разныхъ накладныхъ сборовъ съ хлѣбныхъ грузовъ.

3) Большая часть (14 изъ 25 приславшихъ отзывы) земствъ считаетъ необходимымъ отмѣну или пониженіе таможенныхъ пошлинъ на сельскохозяйственныя машины и орудія, а главнымъ образомъ на тѣ изъ нихъ, которыя совсѣмъ не производятся въ Россіи, при чемъ земства двухъ губерній (Воронежской и Рязанской) высказываются также за пониженіе пошлинъ на чугунъ и желѣзо. Въ связи съ вопросомъ о пошлинахъ на сельскохозяйственныя орудія и машины земствами разоблачается существованіе стачекъ между русскими фабрикантами и складчиками орудій, а также между русскими фабрикантами и складчиками съ одной стороны и иностранными заводами—съ другой. Такъ, многіе изъ нашихъ фабрикантовъ наотрѣзъ отказали самарской земской управѣ вести съ ней дѣло даже за наличный расчетъ, рекомендуя обратиться къ складчикамъ; съ нѣкоторыми изъ иностранныхъ заводовъ у этихъ господъ заключены договоры въ томъ же смыслѣ, то-есть, что иностранные заводы не имѣютъ права продавать своихъ издѣлій земствамъ помимо складчиковъ. Эти вопіющіе факты, безъ сомнѣнія, обратятъ на себя то вниманіе, какого они заслуживаютъ, и развяжутъ правительству руки для соответственныхъ измѣненій таможеннаго тарифа на земледѣльческія орудія и машины.

4) Большинство земствъ высказалось за необходимость переложенія налоговъ въ большемъ размѣрѣ на торгово-промышленныя предпріятія и въ пользу пониженія выкуп-

ныхъ платежей и податей, а также за упорядоченіе системы взиманія и взысканія податей, при чемъ нѣкоторыя земства считаютъ весьма важнымъ, чтобы въ дѣлѣ установленія времени и способовъ сбора повинностей было расширено представительство мѣстныхъ общественныхъ учреждений, ближе знакомыхъ съ нуждами населенія.

5) Видное мѣсто въ земскихъ заявленіяхъ занимаетъ вопросъ о кредитѣ для сельскихъ хозяевъ, при чемъ нѣкоторыми земствами дѣлается общее указаніе на желательность предоставленія сельскимъ хозяевамъ кредита въ государственномъ банкѣ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и для лицъ торговаго сословія. Засимъ, большинство земствъ признаетъ необходимымъ организацію и развитіе мелкаго кредита, пониженіе % по ссудамъ дворянскаго и крестьянскаго банковъ, а также по соло-вексельному кредиту, съ устраненіемъ доплаты по ссудамъ крестьянскаго банка и съ увеличеніемъ срока для соло-вексельныхъ ссудъ. По части организаціи мелкаго кредита нѣкоторыми земствами сдѣланы и практическія указанія объ этой организаціи, на примѣръ съ посредничествомъ земствъ и т. п. Точно также большинство земствъ высказывается о меліоративномъ кредитѣ, какъ о важной мѣрѣ для уменьшенія «роковыхъ послѣдствій сельскохозяйственнаго кризиса», но при условіи болѣе широкой постановки этого кредита, а именно—кромѣ примѣненія, указаннаго въ правилахъ объ этомъ кредитѣ—также на устройство сельскохозяйственныхъ техническихъ производствъ, основанныхъ на переработкѣ продуктовъ сельскаго хозяйства, на приобрѣтеніе земледѣльческихъ орудій и покупку скота.

6) По земельному вопросу сдѣланы указанія 18 земствами, при чемъ эти указанія касаются, съ одной стороны, устраненія череполоснаго владѣнія на частныхъ и крестьянскихъ (общественныхъ) земляхъ, а съ другой—расширенія крестьянскаго землепользованія и землевладѣнія, съ указаніемъ и соотвѣтственныхъ мѣръ, въ ряду которыхъ первое мѣсто отводится операціямъ крестьянскаго банка, а засимъ—переселенію и расселенію. Нѣкоторые факты, приводимые въ земскихъ отзывахъ, поражаютъ свою неожиданностью. На примѣръ, въ многоземельной Самарской губерніи безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ имѣется около 300 тысячъ наличныхъ мужскихъ душъ, которымъ до полнаго надѣла недостаетъ около полмилліона десятинъ.

7) Вопросъ о сельскохозяйственныхъ рабочихъ затрагивается земствами екатеринословскимъ, калужскимъ, псковскимъ, симбирскимъ, смоленскимъ, таврическимъ, харьковскимъ и херсонскимъ. Большинство желаетъ урегулированія передвиженія рабочихъ. Засимъ, есть заявленія о необходимости точнѣе нормировать законодательнымъ и административнымъ порядкомъ взаимныя отношенія рабочихъ и нанимателей.

8) По части хлѣбной торговли сдѣланныя нѣкоторыми земствами заявленія клонятся къ продолженію закупки хлѣба для войскъ и для образованія продовольственныхъ запасовъ, къ устройству сѣти элеваторовъ и мелкихъ зернохранилищъ во всѣхъ торговыхъ селахъ и нѣкоторыхъ другихъ. По отношенію къ сбыту сельскохозяйственныхъ произведеній вообще нѣкоторыми земствами высказано пожеланіе, чтобы за границей имѣлось у насъ особое агентство для изученія требованія рынковъ и ознакомленія съ ними нашихъ сельскихъ хозяевъ.

9) Имѣются заявленія о необходимыхъ мѣрахъ для развитія отдѣльныхъ отраслей сельскаго хозяйства, въ особенности скотоводства и табаководства. Последнее, какъ оказывается, захвачено нѣсколькими крупными табачными фабрикантами и эксплуатируется ими исключительно въ свою пользу.

10) Наконецъ, нѣсколько земствъ признаютъ необходимымъ и даже ставятъ во главѣ необходимыхъ сельскому хозяйству мѣропріятій установленіе болѣе близкой связи между земствами и министерствомъ земледѣлія.

Последнее заявленіе земствъ чрезвычайно утѣшительно: оно отвѣчаетъ, повидимому, желаніямъ самого министерства, открывая ему доступъ къ голосу «всей земли». Знаменательна также 1-я группа отвѣтовъ, которая какъ нельзя болѣе подтверждаетъ мнѣніе теоретиковъ, людей кабинетнаго труда, о главенствѣ надъ всѣми прочими вопросами вопроса о просвѣщеніи, которое земствами переносится даже на почву обязательности. Не касаясь остальныхъ группъ отвѣтовъ, изъ коихъ каждая могла бы быть предметомъ цѣлой статьи, считаю необходимымъ, согласно намѣченной программѣ въ началѣ статьи, остановиться на §§ 2 и 8, которые вводятъ насъ въ чрезвычайно любопытную область отношеній хозяйствъ сельскаго и желѣзнодорожнаго и позволяютъ поговорить о вліяніи рельсоваго пути на сельско-хозяйственную промышленность нашего отечества.

VIII.

По вопросу о вліяніи желѣзныхъ дорогъ и ихъ тарифовъ на судьбу нашего сельскаго хозяйства скопилась уже къ нашимъ днямъ обширнѣйшая литература. Въ числѣ сочиненій по этому предмету надлежитъ на первомъ мѣстѣ отмѣтить получившія широкую извѣстность работы А. И. Чупрова «Желѣзнодорожное хозяйство», нынѣшняго министра финансовъ С. Ю. Витте «Принципы желѣзнодорожныхъ тарифовъ по перевозкѣ грузовъ», И. Влюха «Вліяніе желѣзныхъ дорогъ». За самое последнее время по этому предмету вышли двѣ книги, основанныя на самыхъ свѣжихъ желѣзнодорожныхъ и вообще статистическихъ матеріалахъ: изслѣдованіе Антона

Радцига. «Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на сельское хозяйство, промышленность и торговлю» ¹⁾ и Адольфа Сулиговскаго «Земледѣльческое производство и желѣзнодорожные тарифы», изданныя главнымъ образомъ примѣнительно къ предстоявшимъ текущею осенью «совѣщаніямъ по общему пересмотру тарифовъ на перевозку хлѣбныхъ грузовъ».

«Польза, приносимая желѣзными дорогами человѣчеству,—говоритъ г. Радцигъ,—не поддается расчету, потому что массовыя перевозки, какъ пассажировъ, такъ и грузовъ, какія имѣютъ мѣсто сейчасъ, не могли бы быть производимы безъ желѣзныхъ дорогъ. Какъ бы сокращая разстояніе между разными пунктами, желѣзныя дороги уравниваютъ цѣны предметовъ потребленія, тѣмъ возвышая общее благосостояніе. Предметы, раньше недоступныя для массы населенія, благодаря удешевленію и ускоренію перевозокъ, становятся доступными для всѣхъ потребителей. Американцы больше, чѣмъ кто либо, поняли выгоды, приносимыя желѣзными дорогами, и не остановились передъ издержками для громадной сѣти, съ одной стороны открывъ тамъ европейскіе рынки для своихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, съ другой сдѣлавъ доступными предметы европейскаго производства для американскихъ потребителей. У насъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, сознаніе въ необходимости постройки желѣзныхъ дорогъ росло очень медленно, и наша сѣть желѣзныхъ дорогъ не отвѣчаетъ потребностямъ страны ни по густотѣ населенія, ни по пространству, занимаемому Россіей... Россія оказывается обслуженной дорогами слабѣе, нежели многія государства не только Европы, но и Америки. Даже въ Австраліи уже имѣется по 47,6 верстѣ желѣзныхъ дорогъ на 10 тысячъ жителей». Длина русской сѣти желѣзныхъ дорогъ къ концу 1894 года равнялась 34,670 верстамъ, въ числѣ каковыхъ на долю Финляндіи выпадало 2,108 верстѣ. По этимъ дорогамъ въ 1893 году было перевезено 51.523,756 пассажировъ, а перевозка товаровъ малой скорости достигла 2,227 милл. пудовъ. Сравнивая дѣятельность нашей рельсовой сѣти съ таковою континента Европы, мы видимъ, что по количеству перевезенныхъ пассажировъ Россія занимаетъ всего лишь шестое мѣсто, а по количеству перевезенныхъ грузовъ пятое. Значеніе этихъ цифръ еще болѣе умалится, если имѣть въ виду площадь территоріи страны и ея населеніе.

«Что же касается до вліянія рельсоваго пути на жизнь и развитіе производительныхъ силъ нашей родины, то, при отсутствіи въ ней хорошихъ шоссейныхъ и проселочныхъ дорогъ, оно пріобрѣтаетъ особенное значеніе. На первыхъ порахъ надлежитъ отмѣтить, что желѣзныя дороги перемѣстили центръ тяжести сельскаго хозяйства изъ центральныхъ губерній (Московская, Тульская и

¹⁾ Изданіе департамента желѣзныхъ дорогъ министерства путей сообщенія, Спб., 1896 г.

друг.) на югъ и юго-востокъ и вызвали къ жизни и активной дѣятельности погруженные до тѣхъ поръ въ глубокой сонъ обширные районы. Между отдѣльными лицами, общественными группами, между цѣлыми областями, родилась конкуренція, которая въ свою очередь дала толчекъ развитію личной инициативы, интеллектуальныхъ силъ, творчества. Прямымъ слѣдствіемъ этого для земледѣльческой Россіи было — широкая распашка нови, залежей, интензивность и экстензивность полеводства, поставка на мировой рынокъ громаднаго количества хлѣбнаго зерна... «Съ открытіемъ желѣзныхъ дорогъ, — говоритъ г. Радцигъ, — Сѣверный Кавказъ, Новороссійская, юго-западныя и малороссійскія губерніи, а также Оренбургская и Уфимская, усилили свои посѣвы; наоборотъ, благодаря дешевой доставкѣ хлѣбовъ, промышленныя губерніи и даже центральныя почувствовали конкуренцію отдаленныхъ губерній и принуждены были сокращать посѣвы. Если бы желѣзныя дороги въ Россіи были остановлены въ своемъ развитіи, и дороги черезъ Сызрань въ Самару и Оренбургъ не были продолжены, то нѣтъ сомнѣнія, что отдаленныя Оренбургская и Уфимская губерніи и посейчасъ вели бы скромное хозяйство съ цѣлью обезпеченія своего населенія, такъ что центральныя и промышленныя губерніи, по сбыту своихъ произведеній, не испытали бы конкуренціи, какая замѣчается сейчасъ. Но съ другой стороны Россіи приходится на внѣшнихъ рынкахъ конкурировать съ Заантлантическими странами, и цѣны хлѣбовъ у насъ находятся въ зависимости отъ цѣнъ на международномъ рынкѣ, такъ что если бы и не было дорогъ на Юго-Востокъ, то все-таки цѣны въ промышленныхъ губерніяхъ были бы не выше теперешнихъ».

Я не имѣю возможности останавливаться сегодня на исторіи нашего желѣзнодорожнаго хозяйства, на отношеніяхъ желѣзныхъ дорогъ между собою, политикѣ государства въ отношеніи ихъ; когданибудь, если обстоятельства будутъ тому благопріятствовать, я остановлюсь на этой сторонѣ отечественной жизни обстоятельнѣе и посвящу имъ одинъ изъ своихъ текущихъ очерковъ. Замѣчу лишь, на этотъ разъ, что за часто раздающимися нареканіями на хозяйство желѣзныхъ дорогъ чрезвычайно мало обращаютъ вниманія и даже знаютъ о той массѣ энергіи, знанія и даже таланта, которыя наши частныя желѣзныя дороги прилагаютъ къ развитію производительныхъ силъ нашей родины и сколько труда имъ стоитъ расшевелить косныя силы русскаго народа. Заслуги ихъ въ этомъ отношеніи не опѣнены, и только недавнія корреспонденціи Путника въ «Новомъ Времени» хоть немного ознакомили насъ между прочимъ съ результатами дѣятельности энергичнаго «американскаго» Рязанско-Уральскаго общества на пользу нашего Поволжья. Но объ этомъ въ другой разъ. Обратимся теперь къ ближайшей сторонѣ дѣла: вліянію желѣзныхъ дорогъ на земледѣльческую производительность.

«Желѣзныя дороги, — говоритъ г. Сулиговскій, — облегчивъ экономическій обмѣнъ, создали новыя промышленныя и торговыя сочетанія, и на почвѣ, о которой ошибочно полагалось, что она будетъ исключительно соединять и сближать людей, выросли неизвѣстныя дониндѣ соперничество и столкновенія, недоразумѣнія и борьба соревнующихъ отраслей производства, мѣстностей, странъ, даже частей свѣта. Въ видѣ примѣра могу привести американскую хлѣбную конкуренцію, силу которой въ значительной степени слѣдуетъ приписать облегченнымъ тарифамъ. Ускореніе и удешевленіе вывоза сдѣлали возможнымъ экспортъ различныхъ предметовъ въ отдаленныя страны, о чемъ раньше нельзя было и думать. Это благодѣяніе создало конкуренцію мѣстному производству, независимость и свободный ростъ котораго вдругъ очутились въ опасности. Отношенія спутались тѣмъ сильнѣе, что сѣтъ желѣзныхъ дорогъ расширялась не равномерно въ отдѣльныхъ странахъ, что на западѣ развитіе происходило скорѣе, чѣмъ на востокѣ Европы, и въ Соединенныхъ Штатахъ безконечно скорѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, что неминуемо должно было создать перевѣсъ однѣхъ странъ надъ другими». Обращаясь непосредственно къ Россіи, тотъ же авторъ повѣствуетъ: «По мѣрѣ постройки желѣзныхъ дорогъ, въ Россіи развивался и увеличивался вывозъ всякаго рода хлѣба за границу. Въ теченіе пятилѣтія, съ 1870 по 1874 годъ включительно, экспортъ составлялъ въ ежегодномъ среднемъ числѣ 192.880,996 пудовъ, но уже въ слѣдующемъ пятилѣтіи, съ 1875 по 1879 годъ, возросъ до такой же средней цифры 281.081,064 пуда, въ пятилѣтіе же съ 1884 по 1889 годъ достигаетъ 364.440,999 пудовъ ежегодно. Максимальный вывозъ былъ 1888 году, въ теченіе котораго отправлено на иностранныя рынки 351 миллионъ пудовъ. Столь громадное экспортное движеніе не могло остаться безъ вліянія на земледѣльческія отношенія. Послѣдовало большое оживленіе, цѣны возростали, обезпечивая за земледѣльцами серьезныя выгоды. При томъ цѣны возростали не только на хлѣбъ, но и землю, что, несомнѣнно, можетъ служить доказательствомъ прогресса въ области земледѣлія». Усилившееся, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, предложеніе хлѣба съ разныхъ сторонъ на рынокъ Западной Европы «вызвало со временемъ пониженіе цѣнъ, — продолжаетъ тотъ же авторъ, — уменьшая въ значительной степени прибыли странъ, торгующихъ этимъ товаромъ. Послѣдовалъ кризисъ равно въ странахъ вывоза, какъ и въ странахъ привоза, кризисъ повсемѣстный и всеобщій, побудившій правительства къ государственнымъ мѣропріятіямъ въ пользу земледѣлія. Западно-европейскія государства, а въ особенности Германія, впервые, а за нею и другія страны стали вводить покровительственныя пошлины, вслѣдствіе чего привозный хлѣбъ, обложенный пошлиною, становился болѣе дорогимъ и позволялъ мѣстнымъ продуктамъ удержать соотвѣтственную цѣну, необходимую

для выгоднаго покрытія издержекъ производства. Съ другой стороны американцы со свойственной имъ энергіею и предприимчивостью стали преобразовывать свои хозяйства, переходя къ разведенію пастбищъ и скотоводству и избирая для посѣва преимущественно пшеницу и кукурузу, какъ роды зерна болѣе доходныя, цѣна которыхъ меньше подорвана. Вышеупомянутый кризисъ, послѣдовавшій на Западѣ Европы и въ Америкѣ въ концѣ семидесятыхъ и въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ Россіи разразился нѣсколько позже, благодаря одновременному паденію валюты».

Хлѣбный кризисъ выразился у насъ главнѣйшимъ образомъ въ паденіи продажныхъ и арендныхъ цѣнъ на землю, а также въ паденіи цѣнъ на полевые продукты. Эти обстоятельства въ значительной степени побудили наше правительство вмѣшаться въ отношенія земледѣльческаго и желѣзнодорожнаго хозяйствъ, слѣдствіемъ чего явилось пониженіе тарифовъ на экспортъ хлѣба изъ государства. Къ этому же времени, какъ свидѣтельствуемъ г. Сулиговскій, «по высочайшему распоряженію, учреждена была особая коммиссія по поводу паденія цѣнъ на сельскохозяйственныя произведенія, подъ предсѣдательствомъ сенатора Плеве. Какъ видно изъ пропечатаннаго впослѣдствіи доклада предсѣдателя, коммиссія находила «упорядоченіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ однимъ изъ необходимыхъ условій улучшенія положенія сельскихъ хозяевъ на рынкѣ». По словамъ того же доклада, съ изданіемъ закона о тарифныхъ учрежденіяхъ, «государство пріобрѣло надежный способъ воздѣйствія на передвиженіе хлѣбныхъ грузовъ и, конечно, его участіе въ составленіи тарифовъ на хлѣбные грузы будетъ однимъ изъ главныхъ орудій въ дѣлѣ переустройства нашего хлѣбнаго рынка и могущественнымъ средствомъ для удовлетворенія потребности земледѣлія. Согласно такому взгляду, коммиссія прежде всего обратила вниманіе на желѣзно-дорожные тарифы по перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ, а въ виду послѣдовавшаго въ это время открытія тарифныхъ учреждений, ея предположенія, по высочайшему повеленію 27 апрѣля 1889 года, были препровождены министру финансовъ».

Такимъ образомъ, съ конца восьмидесятыхъ годовъ мы наблюдаемъ усиленное вмѣшательство правительственной власти въ дѣятельность частныхъ желѣзныхъ дорогъ; правительство подчиняетъ ихъ своему контролю и регулируетъ ихъ отношенія ко всѣмъ раіонамъ страны въ интересахъ этихъ раіоновъ. Эта регламентація оказала доброе вліяніе на судьбу нашего земледѣлія, и послѣднее почувствовало, наконецъ, недостававшую ему доселѣ мощную руку покровителя и даже инціатора. Но этимъ заботы правительства не ограничились: въ интересахъ казны и производительныхъ силъ страны оно начало постепенно націонализировать желѣзнодорожную сѣть, сдѣлавшись уже къ концу 1894 г. собственницею 16.866 верстъ. Кромѣ того, правительство учредило для вѣдѣнія желѣзнодорожнаго хозяйства при министерствѣ финан-

совъ особый департаментъ — желѣзнодорожныхъ дѣлъ, и при немъ тарифный комитетъ и совѣтъ по тарифнымъ дѣламъ. Равнымъ образомъ расширена компетенція министерства путей сообщенія, а также въ интересахъ хлѣбной торговли учрежденъ при департаментѣ мануфактуръ и торговли особый отдѣлъ — хлѣбо-торговый, на обязанность коего возложена правительственная закупка хлѣба въ интересахъ сельскихъ хозяевъ во временно переживаемыхъ ими острыхъ затрудненіяхъ. Врядъ ли нужно разъяснять читателямъ значеніе тарифныхъ правительственныхъ тенденцій: правительство при содѣйствіи новыхъ учрежденій положило начало болѣе правильному распредѣленію богатствъ страны и поставило предѣлъ частному обогащенію насчетъ интересовъ казны и народа.

Что касается хлѣбо-торговаго отдѣла, то задачи его формулируются слѣдующимъ образомъ: 1) Правительственной закупкѣ подлежатъ главнѣйшіе хлѣба, имѣющіе значеніе въ нашемъ сельскохозяйственномъ производствѣ, рожь и пшеница, удовлетворяющія требованіямъ качества, опредѣляемымъ министерствомъ финансовъ. 2) Хлѣба эти въ зернѣ покупаются исключительно у производителей хлѣба, какъ частныхъ владѣльцевъ, такъ и крестьянъ, примѣнительно къ рыночнымъ цѣнамъ, при чемъ высшій предѣлъ цѣнъ, допускаемыхъ къ уплатѣ въ различныхъ мѣстностяхъ, утверждается министромъ финансовъ по мѣрѣ хода операціи. 3) Закупка хлѣба производится или лицами, или учрежденіями—губернскими и уѣздными земствами и пр., по особому на то полномочію министра финансовъ. 4) Закупаемые хлѣба могутъ быть продаваемы, съ разрѣшенія министра финансовъ и на утверждаемыхъ имъ условіяхъ, или земствамъ, сельскимъ обществамъ, а также и министерству внутреннихъ дѣлъ для обезпеченія продовольственныхъ потребностей населенія, или идти на покрытіе довольствія войскъ, по особому соглашенію съ военнымъ министромъ, или продаваемы частнымъ лицамъ. 5) Количество хлѣбовъ, назначаемое къ заготовкѣ, опредѣляется министромъ финансовъ по мѣрѣ хода операціи, пока на нее не будетъ издержано 30 милліоновъ рублей со включеніемъ и операціонныхъ расходовъ. По достиженіи этого предѣла размѣръ новой заготовки устанавливается высочайше учрежденнымъ совѣщаніемъ по закупкѣ хлѣба. 6) Храненіе закупаемаго зерна, подряднымъ способомъ и хозяйственнымъ, въ наемныхъ помѣщеніяхъ, а также казенныхъ, уже имѣющихся и вновь для того отстраиваемыхъ, устройство приспособленій для улучшенія качества товара и его сохранности, освѣженіе закупаемыхъ запасовъ, ихъ страхованіе производятся на условіяхъ, утверждаемыхъ министромъ финансовъ. 7) Вся операція производится на средства государственнаго банка, переводимыя по предложеніямъ министра финансовъ, безъ исчисленія процентовъ, на текущій счетъ въ распоряженіе департамента торговли и мануфактуръ. 8) Администрація сего дѣла сосредоточивается въ депар-

таментъ торговли и мануфактуръ, который подъ общимъ руководствомъ министра финансовъ завѣдываетъ дѣятельностью мѣстныхъ органовъ по закупкѣ, храненію, переработкѣ и продажѣ зерна, распоряжается открываемымъ въ государственномъ банкѣ по предложеніямъ министра финансовъ текущимъ счетомъ (§ 7) на покрытие расходовъ по закупкѣ хлѣба, по управленію всей операціей, по вознагражденію лицъ, привлекаемыхъ къ ней, а равно и всѣхъ накладныхъ расходовъ по закупкѣ, храненію, страхованію, переработкѣ, перевозкѣ и продажѣ зерна.

Дѣятельность хлѣботорговаго отдѣла чрезвычайно мало извѣстна въ публикѣ, а печать о ней, повидимому, по нѣкоторымъ случайнымъ корреспонденціямъ составила преувеличенно-дурное мнѣніе. Во всякомъ случаѣ отдѣлъ упорядочилъ доставку хорошаго зерна нашей арміи, научилъ сельскихъ хозяевъ добросовѣстнымъ и осмысленнымъ приемамъ покупки и продажи хлѣбнаго зерна, оказалъ нѣкоторое давленіе на хлѣбный рынокъ особенно въ періодъ нашей таможенной войны съ Германіей, а въ прошломъ году спасъ Псковскую губернію отъ голода и мора. Кромѣ того, какъ это явствуетъ изъ п. 3 круга обязанностей и уполномочій отдѣла, онъ содѣйствовалъ сближенію земства съ казенными учрежденіями, вводя его въ кругъ своихъ плановъ и дѣйствій въ качествѣ довѣренной активной инстанціи. Это во всякомъ случаѣ должно быть разсматриваемо, какъ шагъ къ прогрессивному развитію силъ страны, и можетъ быть въ будущемъ добрыя послѣдствія. Вотъ почему мы и видимъ, что земства въ своихъ отвѣтахъ министерству земледѣлія настаиваютъ на необходимости продолженія и расширенія молодого отдѣла министерства финансовъ.

Такимъ образомъ, изъ перечисленныхъ въ послѣднихъ главахъ настоящей статьи мѣропріятій мы видимъ, что наше земледѣліе не можетъ считать себя въ настоящее время обиженнымъ невниманіемъ и отсутствіемъ заботъ со стороны правительства. Для него дѣлается уже кое-что, приносится немало жертвъ какъ государственныхъ, такъ и въ особенности частныхъ (напримѣръ, желѣзнодорожныхъ), и ему остается только, при всеобщей современной поддержкѣ, стремиться собственными уже силами къ скорѣйшему осуществленію въ Россіи программы, указанной ему министромъ земледѣлія,—программы, въ коей слова «раціональное» и «прибыльное» сельское хозяйство являются синонимами.

Б. Глинскій.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, томы 96-й, 97-й и 98-й. Спб. 1896.

АЖЕТСЯ, ни одно изъ существующихъ у насъ по разработкѣ отечественной исторіи коллегіально-научныхъ учреждений не проявляло такого редакціоннаго трудолюбія и такой издательской плодовитости, какъ Русское историческое общество, возникшее подъ августѣйшимъ покровительствомъ и почетнымъ предсѣдательствомъ покойнаго императора Александра III, еще въ бытность его наслѣдникомъ-цесаревичемъ.

Младшее между этими учреждениями, по времени своего основанія, общество, однако, превзошло многія изъ нихъ своею дѣятельностью, какъ количественно — объемомъ изданнаго архивнаго матеріала, такъ отчасти и качественно — цѣнностью содержанія: исторической важностью и полнотой самихъ документовъ, научной тщательностью и компетентностью ихъ редакціи.

Громадный, почти уже стотомный «Сборникъ» общества, безспорно прекраснѣйшее во всѣхъ отношеніяхъ изданіе, едва ли не единственное у насъ въ своемъ родѣ! И эти сто (98) томовъ, каждый въ объемъ не менѣе 40 печатныхъ листовъ in-8°, выпущены въ свѣтъ въ теченіе тридцати лѣтъ (съ 1866 по 1896 г.), т. е., слишкомъ по три тома ежегодно, въ среднемъ расчетѣ ¹⁾. Плодовитость, неутомимость и аккуратность положительно у насъ безпримѣрныя среди такого рода учреждений, не обязанныхъ ни срочностью своихъ изданій, ни канцелярской по нимъ отчетностью. Замѣчательно при этомъ, что издательская предпріимчивость и трудолюбивая плодовитость общества съ теченіемъ

¹⁾ I-й томъ «Сборника» вышелъ въ 1867 г.
«истор. вѣстн.», ноябрь, 1896 г., т. XLVI.

времени не только не ослабли, какъ это у насъ часто водится, а, напротивъ, годъ отъ году все становятся экспансивнѣе и шире.

Объясняется это прежде всего, конечно, любовью къ дѣлу инициаторовъ и сотрудниковъ Русскаго историческаго общества, а также чрезвычайнымъ богатствомъ открывшагося передъ ихъ глазами сырого архивнаго матеріала и довѣрчиво предоставленнымъ обществу широкимъ къ нему доступомъ. Но весьма существенна въ данномъ случаѣ и самая система изданія матеріаловъ, принятая обществомъ. Вѣрное своей основной задачѣ, какъ она выражена въ уставѣ: «развивать свою дѣятельность по всѣмъ отраслямъ, входящимъ въ кругъ его занятій», общество, въ лицѣ своего исполнительнаго органа-совѣта, поручаетъ обыкновенно разсмотрѣніе, печатаніе и редакцію поступающихъ въ оный матеріаловъ одному, или не болѣе, какъ двумъ членамъ общества, «ближе изучившимъ предметъ, къ коему матеріалы эти относятся». Легко понять, что, вложенная въ это правило единоличная отвѣтственность гораздо надежнѣе въ такомъ дѣлѣ и продуктивнѣе коллегіальной, что и подтверждается весьма краснорѣчиво необычайной издательской плодовитостью общества.

Къ великому сожалѣнію, трудолюбиво собранныя и прекрасно изданныя обществомъ колоссальныя сокровища по русской исторіи, главнымъ образомъ, двухъ послѣднихъ столѣтій (XVIII и XIX), очень мало утилизируются до сихъ поръ нашей исторической наукой и ея дѣятелями и остаются едва тронутыя, въ малодоступномъ для читающей публики сыромъ видѣ. Недавно въ одномъ изъ общихъ повременныхъ изданій извѣстный историкъ, профессоръ Брикнеръ, говоря объ этомъ прискорбномъ и нелестномъ для нашей исторической науки фактѣ, упрекнулъ въ немъ самое Русское историческое общество.

Г. Брикнеръ поставилъ обществу въ упрекъ то, что оно «не считало пока своей обязанностью разработку» издаваемого имъ сырого матеріала, изданіе котораго въ такомъ изобиліи оказывалось де, поѣтому, «сравнительно легкою задачею». «Вотъ, почему,—заключаетъ онъ,—мы сомнѣваемся, чтобы «Сборникъ историческаго общества» значительно содѣйствовалъ углубленію и расширенію историческихъ знаній...».

Упрекъ этотъ намъ кажется неосновательнымъ вдвойнѣ и даже втройнѣ. Во-первыхъ, издавать архивныя памятники съ такимъ настойчивымъ трудолюбіемъ и съ такой научной тщательностью, какъ это дѣлаетъ историческое общество, вовсе не легкая задача. Во-вторыхъ, что касается разработки сырого матеріала, то это уже дѣло историковъ, возлагать которое на общество тѣмъ неумѣстнѣе, что оно вовсе не входитъ въ его задачи и по уставу. «Общество,—сказано въ § 3 его устава,—издаетъ «Сборникъ», заключающій матеріалы въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся въ архивахъ и у частныхъ лицъ, съ объясненіями, примѣчаніями, комментаріями...». Вотъ и все: о «работкѣ» нѣтъ и помину. Затѣмъ, въ высшей степени странно слышать отъ такого многосвѣдущаго и добросовѣстнаго ученаго, какъ г. Брикнеръ, будто «Сборникъ» общества мало «содѣйствовалъ углубленію и расширенію у насъ историческихъ знаній». Если бы даже и точно онъ не «содѣйствовалъ» этому въ мѣру заключающихся въ немъ сокровищъ, то, конечно, винить за это слѣдуетъ никакъ не общество, а нашихъ историковъ, которые до сихъ поръ не

воспользовались должнымъ образомъ этими сокровищами въ интересахъ науки и ея популяризаціи. Вина историковъ-писателей въ этомъ случаѣ тѣмъ непростительнѣе, что, помимо богатства, интереса и новизны самихъ матеріаловъ, изданныхъ въ «Сборникѣ», его редакціей сдѣлано все, отъ нея зависящее, для елико возможнаго облегченія пользованія этими матеріалами.

Довольно бы для этого взять и просмотрѣть хотя только первый изъ обозрѣваемыхъ томовъ «Сборника» (96-й), въ которомъ предложена дипломатическая переписка извѣстнаго маркиза де-ла-Шетарди съ такой полнотой, съ такой обстоятельностью и тщательностью со стороны редакціонной, въ какихъ этотъ важный для русской исторіи прошлаго вѣка памятникъ ни разу еще не являлся въ печати. Прежде всего, по принятому историческимъ обществомъ правилу, рядомъ съ французскимъ подлинникомъ означенной переписки, печатается подстрочный переводъ ея порусски, переводъ, конечно, безусловно-точный, что весьма часто, при пользованіи дипломатическими документами, имѣетъ первостепенную важность. Сколько, припомнимъ, напутано и налгано на такъ называемыхъ скрижальяхъ исторіи изъ-за невѣрнаго лишь перевода и ошибочнаго толкованія иноязычнаго текста старинныхъ памятниковъ! Затѣмъ, по другому, не менѣе цѣнному и симпатичному правилу, текстъ «Сборника» снабженъ сжатымъ, но подробнымъ перечневымъ оглавленіемъ содержанія, алфавитнымъ предметно-именнымъ указателемъ, пояснительнымъ критико-библиографическимъ предисловіемъ редакціи и мѣстами примѣчаніями въ текстѣ.

Въ означенномъ томѣ «Сборника», служащемъ продолженіемъ 92-го тома, заключается самая важная и любопытная часть обширной переписки знаменитаго французскаго дипломата. Здѣсь подробно и послѣдовательно описанъ дворцовый переворотъ 1741 г., ниспровергшій императора-младенца Юанна Антоновича, вмѣстѣ со всей Брауншвейгской фамиліей, и вознесшій на императорскій престолъ любимую войскомъ и народомъ дочь Петра Великаго—цесаревну Елизавету Петровну.

Переворотъ этотъ достаточно извѣстенъ. Онъ безсчетное число разъ описывался въ разныхъ журнальныхъ монографіяхъ и изслѣдованіяхъ, въ историческихъ повѣстяхъ и романахъ. Очень ужъ благодарный сюжетъ, по своему трогательному драматизму, по своимъ чрезвычайнымъ коллизіямъ и удивительному исходу! Но только теперь онъ представляется намъ во всей своей полнотѣ и неприкрашенной исторической наготѣ, благодаря «Сборнику», въ которомъ первый разъ у насъ дана вся, безъ исключеній, переписка маркиза де-ла-Шетарди, относящаяся къ этому событію.

Въ настоящемъ своемъ, не почищенномъ и не обрѣзанномъ видѣ переписка эта несомнѣнно должна нѣсколько измѣнить составившееся у насъ представленіе о данномъ событіи. Многое должно подлежать поправкѣ, или, во всякомъ случаѣ, провѣркѣ. Слишкомъ полагаются, однако, на аутентичность и историческую достовѣрность содержанія обозрѣваемой переписки рискованно во многихъ случаяхъ, особенно, что касается писемъ самого де-ла-Шетарди и его ближайшихъ сотрудниковъ. Пронырливый интриганъ не только по долгу дипломатической службы, но по призванію, по страсти, маркизъ слишкомъ былъ заинтересованъ лично и какъ представитель Франціи въ петербургскомъ дворцовомъ переворотѣ

и его успѣхъ, чтобы оставаться всегда правдивымъ и безпристрастнымъ въ передачѣ фактовъ и въ оцѣнкѣ лицъ, особенно тѣхъ, которыя стояли поперекъ его дороги. Онъ самъ по себѣ высоко интересенъ, какъ представитель того историческаго, глубоко-антипатичнаго съ моральной стороны типа дипломатовъ прошлаго столѣтія, которые возвели макиавелизмъ въ профессиональное искусство, и для достиженія цѣли своей патріотической миссіи не останавливались ни передъ ложью и обманомъ, ни передъ вѣроломствомъ и даже злодѣяніемъ исподтишка. Въ вѣчномъ сплетеніи интригъ и «конжурацій» состояла вся ихъ дипломатическая дѣятельность при иностранныхъ дворахъ, и, хотя, въ сущности, международная дипломатія споконъ вѣку и по наши дни не брезгала и не брезгуетъ этими темными орудіями, но истый европейскій дипломатъ XVIII-го вѣка поражаетъ васъ какимъ-то наивнымъ цинизмомъ и бездушнымъ легкомысліемъ своего безстыднаго и часто ужаснаго макиавелизма. Для васъ очевидно, что онъ вовсе не чувствуетъ ни подлости, ни ужаса своихъ «конжурацій» и козней, что онъ утратилъ даже самое чутье правды и добра, хотя бы въ отвлеченіи, лишь только дѣло касалось политики.

Въ этомъ отношеніи особенно интересна и характеристична обозрѣваемая переписка. Поскольку она рисуетъ въ живыхъ чертахъ русскій дворъ и русское высшее общество того времени, дѣйствующихъ лицъ въ переворотѣ и весь ходъ самаго переворота, постольку же, если еще не болѣе ярко и живо, отражается въ ней личность самого маркиза де-ла-Шетарди, а также и другихъ дипломатовъ, въ ней участвовавшихъ. Очень рельефно выступаетъ еще одна важная и любопытная черта той эпохи, именно, изумительная, такъ сказать, податливость самой политической почвы для зарожденія и исполненія подобнаго рода смѣлыхъ государственныхъ переворотовъ. Намъ теперь трудно даже себѣ представить, какимъ образомъ могъ заѣзжій, вовсе не знающій Россіи, незнакомый даже съ русскимъ языкомъ иностранецъ, хотя бы и снабженный всевозможными дипломатическими полномочіями, затѣять дерзкій заговоръ противъ царствовавшей въ странѣ династіи, впутать въ него высокопоставленное лицо, въ интересъ котораго заговоръ былъ предпринятъ, вести послѣдній съ величайшей наглостью, чуть не открыто, и не только не потерпѣть постыднаго фіаско, но безъ особенныхъ жертвъ, почти безъ риска, достигнуть цѣли съ поражающимъ, по удачѣ и легкости, успѣхомъ!

Неудивительно, что Елизавета Петровна очень долго не поддавалась искушеніямъ и приводила въ отчаяніе своей нерѣшительностью предпримчиваго маркиза. Если переворотъ затянулся и не произошелъ гораздо раньше, то благодаря лишь ея колебаніямъ; но, какъ показали факты, французскій дипломатъ былъ на этотъ счетъ провицательнѣе: онъ зналъ, что нужно и что можно было въ тотъ моментъ сдѣлать въ Петербургѣ при тогдашнихъ условіяхъ и обстановкѣ, при слабости, бездарности и непопулярности тогдашнихъ представителей верховной власти, въ лицѣ брауншвейгской фамиліи, а, главное, при существованіи соблазнительной новадливости къ захватамъ власти, счастливые примѣры которыхъ были у всѣхъ еще въ памяти, начиная хотя бы съ воцаренія Екатерины I.

Извѣстно, что де-ла-Шетарди хвастливо приписывалъ себѣ одному честь и

трудъ возведенія на престолъ Елизаветы Петровны, не ради ея правъ и интересовъ, до которыхъ, конечно, ни ему, ни пославшему его парижскому кабинету никакого не было дѣла, а ради торжества французской политики и вящшей славы его величества, короля французскаго. Наши историки относятся иронически къ этой кичливой претензіи, и совершенно основательно; тѣмъ не менѣе, читая теперь всю дипломатическую переписку, относящуюся къ данному событію, нельзя не признать весьма значительную долю активнаго въ немъ участія со стороны маркиза де-ла-Шетарди. Онъ постоянно возбуждалъ Елизавету Петровну къ смѣлому шагу, велъ съ нею тайныя совѣщанія, ободрялъ, давалъ совѣты, давалъ даже деньги, и довольно значительныя, для издержекъ по заговору. Наконецъ, что всего краснорѣчивѣе доказываетъ мѣру его вліянія и дѣятельнаго участія въ переворотѣ, маркизь сумѣлъ вынудить у Елизаветы Петровны письменное обязательство въ пользу Швеціи, ради интересовъ которой, какъ союзницы Франціи, онъ и лѣзъ тогда изъ кожи. Обязательство было невѣроятное, просто невозможное съ точки зрѣнія интересовъ Россіи! Цесаревна обязывалась, напримѣръ, въ случаѣ своего счастливаго воцаренія «вознаградить Швецію за всѣ утраты со времени первой высадки русскихъ войскъ въ Финляндію»; давать ей «въ теченіе всей своей жизни» субсидію; «отстаивать при всякомъ случаѣ интересы Швеціи, и съ этой цѣлью выдавать шведамъ секретно, безъ вѣдома націи (?), всякія суммы, въ которыхъ держава эта будетъ нуждаться», и т. д. Положимъ, это невозможное обязательство никогда не было исполнено, но уже тотъ фактъ, что Елизавета Петровна вынуждена была подписать его, подъ давленіемъ французскаго дипломата и ему въ угоду, свидѣтельствуетъ о несомнѣнной значительности вліянія и участія маркиза де-ла-Шетарди въ переворотѣ.

«Сборникъ» историческаго общества особенно богатъ всякаго рода документами, относящимися къ императрицѣ Екатеринѣ II и ея царствованію. Особенно многочисленна и неистощима ея личная переписка, заполнившая уже десятки томовъ. Такъ, 97-й томъ «Сборника» представляетъ собой лишь шестую часть одной политической переписки Екатерины, о колоссальномъ объемѣ которой можно судить уже потому, что въ означенномъ томѣ она едва доведена до начала 70-хъ годовъ (1769—1771). Значитъ, впереди остается еще этой переписки за цѣлыхъ 25 лѣтъ. Насколько же еще томовъ ея хватитъ! Положительно, это нѣчто безпримѣрное, по своему объему, по разнообразію содержанія и по множеству лицъ, съ которыми Екатерина переписывалась. Правда, большая часть именныхъ писемъ были писаны не собственноручно государыней, а ея секретарями; но всѣ они, безъ сомнѣнія, передавали ея мысль, частью были ею просто диктованы. Какая энергія и какая всеобъемлемость ума, какое поразительное трудолюбіе!

Наибольшій, однако, интересъ изъ обозрѣваемыхъ трехъ томовъ «Сборника» представляетъ послѣдній—98-й томъ, въ которомъ впервые изданы въ свѣтъ ко дню столѣтія рожденія императора Николая I, матеріалы къ его биографіи и исторіи его царствованія за первыя 25 лѣтъ, собранные и составленные барономъ (позднѣе графомъ) М. Корфомъ. Томъ этотъ изданъ подъ редакціей почтеннаго Н. Ѳ. Дубровина и, при выходѣ его въ свѣтъ, обратилъ на себя боль-

шое вниманіе и печати и людей, интересующихся историческими трудами. Дѣйствительно, здѣсь много новаго и любопытнаго. Любопытна прежде всего самая судьба біографической монографіи Корфа — того самаго Модеста Андреевича Корфа, которому принадлежит весьма извѣстная книжка: «О восшествіи на престолъ императора Николая I». Монографія эта была составлена давно и, до опубликованія ея въ настоящее время, хранилась въ двухъ спискахъ, изъ коихъ одинъ былъ поднесенъ императору Александру II еще въ 1857 г., тогда же, при чтеніи, снабдившему текстъ собственноручными примѣчаніями и поправками. Въ напечатанный нынѣ списокъ вошли и эти августѣйшія примѣчанія и поправки, которыя, сами по себѣ представляя большой историческій интересъ, сообщаютъ монографіи высокую авторитетность. Состоитъ она изъ двухъ частей: во-первыхъ, изъ біографическаго очерка императора Николая за первые двадцать лѣтъ жизни, и, во-вторыхъ, изъ статьи: «Императоръ Николай I въ совѣщательныхъ собраніяхъ». Въ концѣ тома помѣщены, также имѣющіе большую историческую важность, «Отчеты министровъ за двадцатипятилѣтіе царствования императора Николая I». Все это, вмѣстѣ взятое, должно въ значительной степени восполнить давно чувствовавшійся пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ: какъ извѣстно, у насъ до сихъ поръ нѣтъ даже опыта сколько нибудь обстоятельной и связной исторіи царствования императора Николая I. Помимо внѣшнихъ условій, можетъ быть, для такой исторіи не настало еще и время: «николаевская эпоха» слишкомъ еще близка къ намъ или, какъ картинно выразился бы Бестужевъ-Марлинскій, не успѣла еще отдалиться отъ насъ «на историческій выстрѣлъ».

Но особенно смутны, сбивчивы и противорѣчивы ходячія представленія о личности и характерѣ самого императора Николая I. Монографія гр. Корфа должна въ значительной степени разсѣять полуфантастическій сумракъ, въ оболочкѣ котораго рисовалась его монументальная фигура. Здѣсь впервые личность Николая Павловича выступаетъ передъ нами въ жизненныхъ, реальныхъ и исторически-правдивыхъ чертахъ, выступаетъ къ тому же не изолированно въ манерѣ портретной живописи, а въ полной обстановкѣ, въ какой онъ росъ и воспитывался съ дѣтства до возмужалости. Историкъ найдетъ въ этихъ біографическихъ «матеріалахъ и чертахъ» не только краски для портрета, но и ключъ къ психологіи самаго характера. Благодаря этимъ драгоценнымъ матеріаламъ, многое, остававшееся темнымъ, загадочнымъ и необъяснимымъ въ личности и царствованіи императора Николая I, становится яснымъ и понятнымъ, получаетъ свою психологическую причинность и историческую законность.

Главное достоинство составленнаго гр. Корфомъ біографическаго очерка заключается въ его документальности. Каждый фактъ, каждая черта засвидѣтельствованы достоверными показаніями. Источниками для составителя служили, между прочимъ: журналы воспитателей Николая Павловича въ годы его дѣтства и юности, камеръ-фурьерскіе журналы, письма и записки, собственные рассказы государя, личныя воспоминанія самого гр. Корфа, долгое время пользовавшагося особымъ монаршимъ довѣріемъ, и т. д. Обыкновенно такого рода біографическіе опыты имѣютъ характеръ исключительно-апологическій. Хотя въ данномъ случаѣ составитель также настроенъ апологически, какъ иначе и

не могло бы быть, тѣмъ не менѣе онъ нигдѣ не насилуетъ и не искажаетъ фактовъ, языкъ которыхъ, вслѣдствіе этого, звучитъ, конечно, гораздо краснорѣчивѣе и вразумительнѣе выводовъ самого біографа-апологиста.

Столько же нова по содержанію и исторически-цѣнна вторая часть монографіи, изображающая императора Николая I, такъ сказать, у кормила правленія, въ моменты трудной государственной работы въ средѣ высшихъ «совѣщательныхъ собраній», какъ-то государственнаго совѣта и въ разное время назначавшихся чрезвычайныхъ комитетовъ по особо важнымъ дѣламъ и вопросамъ.

Въ біографическомъ очеркѣ мы видѣли Николая Павловича ребенкомъ, отрокомъ и юношей-великимъ княземъ, здѣсь онъ является умудреннымъ уже трудомъ и опытомъ, самодержавнымъ государемъ въ зрѣломъ возрастѣ. Въ совѣщательныхъ собраніяхъ означенныхъ учреждений государь принималъ личное участіе рѣдко—только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда рѣшался какой-нибудь величайшей важности вопросъ, какимъ былъ, напримѣръ, вопросъ, если не объ освобожденіи, то объ облегченіи участи крѣпостныхъ крестьянъ, обсуждавшійся въ государственномъ совѣтѣ въ 1842 г. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ не могъ быть тогда рѣшенъ радикально, хотя Николай Павловичъ и сознавалъ, что «крѣпостное право есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное», какъ онъ высказалъ это въ своей рѣчи въ государственномъ совѣтѣ.

Эта часть монографіи, написанная очень живо, по свѣжимъ, непосредственнымъ впечатлѣніямъ автора, по его дневникамъ и стенограммамъ, давая богатый матеріалъ для біографіи императора Николая I и для исторіи его царствования, въ то же время блеститъ мѣткими, нелишенными мѣстами даже юмора, характеристиками выдающихся государственныхъ людей той эпохи. Особенно рельефны характеристики князя Васильчикова (предсѣдателя государственнаго совѣта), графа Канкринна, кн. Друцкаго-Любецкаго и др.

Заключающіе томъ министерскіе отчеты также имѣютъ, конечно, свою историческую цѣнность, но, какъ всѣ канцелярскіе юбилейные отчеты, они изображаютъ положеніе вещей слишкомъ оптимистично. По нимъ, все тогда на Руси обстояло какъ нельзя болѣе благополучно, но мы-то теперь хорошо знаемъ, что именно благополучія и не хватало тогда во многомъ. **М.**

М. М. Филипповъ. Философія дѣйствительности. Спб. 1896.

Имя г. М. Филиппова знакомо читателямъ «Историческаго Вѣстника» по его интересному, напечатанному на страницахъ нашего журнала (1890 г.), беллетристическому произведенію «Дворянская честь (быль прошлаго столѣтія)»; но съ тѣхъ поръ, почтенный авторъ, повидимому, совершенно отказался отъ легкаго повѣствовательнаго жанра и всецѣло посвятилъ свои недюжинныя силы научнымъ изслѣдованіямъ и натурфилософіи по преимуществу. Въ этихъ видахъ имъ изданъ рядъ переводныхъ трудовъ по естествознанію, изъ коихъ на первомъ мѣстѣ надлежитъ отмѣтить прекрасное изданіе «Сочиненій Ч. Дарвина» въ 4-хъ томахъ; кромѣ того, имъ же издается журналъ «Научное обозрѣніе» съ широко-поставленной программой въ интересахъ распространенія серьезнаго научнаго

знанія. Вышедшіе нынѣ два выпуска задуманнаго обширнаго изслѣдованія подъ приведеннымъ выше заглавіемъ «Философія дѣйствительности» имѣютъ главной своей цѣлью—дать сжатый очеркъ главнѣйшихъ философскихъ системъ, подготовившихъ путь къ научному міросозерцанію, гдѣ г. Филипповъ рядомъ съ историческою частью даетъ и критическій анализъ тѣхъ или иныхъ попытокъ создать цѣлостное научно-философское міросозерцаніе. «Исторія сама по себѣ едва ли представляетъ интересъ, если изъ нея не извлекаются выводы, имѣющіе значеніе для настоящаго и будущаго», — говоритъ онъ въ своемъ разясненіи назначенія книги; «важнѣйшимъ же результатомъ моего труда я считаю тотъ выводъ, что всѣ вообще философскія системы, пытающіяся отдѣлится отъ науки, окончательно отжили свой вѣкъ. Какъ бы ни были велики ихъ заслуги въ прошедшемъ, для настоящаго времени метафизическія ученія являются лишь тормазомъ, задерживающимъ развитіе мысли, и потому должны быть признаны орудіемъ регресса». Какъ смотритъ авторъ на задачи философіи, видно изъ слѣдующихъ словъ его предисловія: «Признавая основной задачей философіи установленіе связи и соподчиненія (координаціи) между спеціальными науками, не трудно выяснитъ положеніе, занимаемое въ ряду философскихъ наукъ такъ называемою теоріей познанія (гносеологіей). Критически сопоставивъ результаты всѣхъ спеціальныхъ наукъ, философія не можетъ на этомъ остановиться. Научное изслѣдованіе возникло изъ грубаго ненаучнаго знанія; поэтому задачей философіи является критическое изслѣдованіе всякаго рода знаній, указаніе ихъ отношенія въ наукѣ, изслѣдованіе различія между обыденнымъ и методическимъ мышленіемъ и, наконецъ, опредѣленіе границъ всякой познавательной дѣятельности: это изслѣдованіе и составляетъ предметъ теоріи познанія, которая, въ свою очередь, должна имѣть существенно критическій характеръ, т. е., указывая на достижимое, въ то же время должна освободить нашъ умъ отъ призрачныхъ знаній и системъ, отъ грубыхъ и утонченныхъ иллюзій. Такимъ образомъ оказывается, что, несмотря на важныя ограниченія, испытанныя философскимъ мышленіемъ послѣ того, какъ оно навсегда отвергло метафизическіе абсолюты, философія не только не утратила правъ на существованіе, но вновь чрезвычайно расширила свою область, тѣсно сблизивъ, но не сливая ее, съ областью научнаго знанія. Мало того, философія должна вновь заслужить названіе «общей науки» — не въ смыслѣ горделивой системы, освобождающей себя отъ выводовъ спеціальныхъ наукъ и навязывающей имъ свои пустыя умозрѣнія, но какъ особая, равноправная съ положительными науками, область мысли, занимающаяся лишь болѣе общими и болѣе отвлеченными изслѣдованіями. Если при этомъ, въ концѣ концовъ, окажется, что философія пользуется не только фактами, но и методами спеціальныхъ наукъ, то именно это и докажетъ, что она приобрѣла такую же неизблемую и прочную опору, независимую отъ смѣны мнѣній и системъ, какою давно пользуются спеціальныя науки». Приведенныя слова нашего философа не оставляютъ никакого сомнѣнія въ его полнѣйшей несолидарности съ метафизиками послѣдняго времени, которые вновь усили, какъ и въ старое доброе время, народиться у насъ въ немаломъ числѣ. Такимъ образомъ г. Филипповъ изъ новыхъ дѣятелей въ этой области заслуживаетъ полнѣйшей симпатіи, а трудъ его—са-

мага серьезнаго вниманія и поощренія со стороны публики, интересующейся философией. Говорить пока о книгѣ «Философія дѣйствительности» по существу, до выхода въ свѣтъ всѣхъ выпусковъ, преждевременно. Отмѣтимъ только, что она издана почти роскошно, съ множествомъ прекрасно выполненныхъ иллюстрацій по естествознанію—зоологіи по преимуществу, и по доступной цѣнѣ—за всѣ четыре выпуска пять рублей по подпискѣ. Вышедшіе нынѣ выпуски обнимаютъ собою «идею развитія» и посвящены философамъ Греціи: заслуживаютъ особеннаго вниманія главы, посвященныя философіи Платона и Аристотеля. Послѣдній, впрочемъ, еще не весь исчерпанъ, и пока авторъ еще занятъ анализомъ біологическихъ работъ знаменитаго греческаго мудреца.

В. Г.

А. Мюллеръ. Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей приватъ-доцента Мѣдника. Спб. Изданіе Л. Пантелѣва. Т. I и II—1895 г., т. III и IV—1896.

Религія Магомета насчитываетъ болѣе двѣнадцати вѣковъ своего существованія. За это время она успѣла претерпѣть столько различныхъ перемѣнъ въ своей судьбѣ, какъ ни одна религія въ мірѣ. Исповѣдуемая сначала небольшою, всѣми гонимой и осмѣиваемой кучкой личныхъ друзей Магомета, она съ необычайной быстротой охватила половину Азіи, весь сѣверъ Африки, перебравшись на Пиренейскій и Балканскій полуострова Европы и нѣсколько разъ грозила даже затопить весь міръ; но, встрѣчая постоянно сильный отпоръ со стороны христіанскихъ народовъ, не имѣя, сверхъ того, залоговъ прочности въ самой себѣ, она также быстро пошла къ упадку, — и нынѣ, можно сказать, доживаетъ послѣдніе дни свои. Слѣды, оставленные ею на культурѣ и цивилизаціи европейскихъ народовъ, съ которыми она приходила въ соприкосновеніе, неисчислимы. Поэтому для полнаго и правильнаго пониманія европейской, въ особенности же средневѣковой исторіи, изученіе развитія и постепеннаго распространенія ислама является необходимымъ. Въ разработкѣ этого вопроса, какъ и исторіи вообще, первое мѣсто безспорно занимаютъ нѣмецкіе ученые, а между ихъ трудами, посвященными исторіи ислама, лучшимъ и наиболѣе научнымъ должно быть признано сочиненіе покойнаго профессора университетовъ Кенигсбергскаго и галльскаго, Августа Мюллера: «Der Islam im Morgen—und Abendland», русскій переводъ котораго, изданный г. Пантелѣвымъ подъ редакціей приватъ-доцента Мѣдника, и составляетъ предметъ нашего разбора. Въ русскомъ переводѣ два объемистые тома нѣмецкаго изданія раздѣлены на четыре. Въ первомъ изъ нихъ авторъ знакомитъ насъ съ первоначальной исторіей арабовъ и состояніемъ ихъ культуры до Магомета; далѣе излагаетъ онъ жизнь Магомета, дѣятельность его, какъ пророка, постепенное распространеніе его ученія, его смерть и царствованіе первыхъ его преемниковъ—халифовъ; кончается первый томъ повѣствованіемъ о первой междоусобной войнѣ въ средѣ арабовъ, окончившейся, какъ извѣстно, умерщвленіемъ Али. Второй томъ посвященъ обзору дѣятельности династій омайядовъ, при которой арабы совер-

пили свои главнѣйшія завоеванія и проникли даже въ Испанію, и абассидовъ, извѣстной тѣмъ, что при ней достигла наибольшаго развитія арабская цивилизація. Разложеніе халифата и постепенный упадокъ его подъ вліяніемъ какъ внутреннихъ неурядиць, такъ и нападений внѣшнихъ враговъ, составляютъ содержаніе послѣднихъ главъ второго тома. Въ третьемъ томѣ мы знакомимся съ исторіей новой, то-есть нынѣшней, Персіи, съ основами вѣроученія шіитской секты и съ тѣми народами, между которыми послѣдовательно распространялся исламъ, и которые изъ враговъ дѣлались ревностными его защитниками и послѣдователями; таковы турки (сельджуки и османы), монголы и индусы. Исторія османовъ доведена до конца XVI столѣтія, Персіи—до новѣйшихъ временъ, царства Индійскаго—до его полнаго уничтоженія англичанами. Наконецъ, четвертый томъ посвященъ обзору распространенія и упадка ислама въ Испаніи. Такимъ образомъ, вся исторія ислама, за исключеніемъ лишь послѣднихъ четырехъ вѣковъ его существованія въ Турецкой имперіи, вошла въ составъ труда Мюллера. Рѣдкое трудолюбіе вмѣстѣ съ огромнымъ запасомъ собственныхъ познаній во всемъ, что касается востока, дали автору возможность представить въ этомъ трудѣ безусловно полную и превосходную картину историческаго развитія ислама, при нынѣшнемъ положеніи науки не оставляющую желать ничего лучшаго.

Нѣсколько непонятнымъ является только появленіе этого труда въ русскомъ переводѣ. Для кого онъ предназначается? Специалистъ какъ по исторіи востока, такъ и по средней исторіи, не можетъ не знать нѣмецкаго языка, а потому имѣетъ всегда возможность познакомиться съ книгой Мюллера въ подлинникѣ. Что же касается читателей-дилетантовъ, то выпускать для нихъ по каждому частному вопросу болѣе полутора тысячъ страницъ—почти то же, что стрѣлять изъ пушекъ по воробьямъ, тѣмъ болѣе, что для чтенія книга Мюллера даже въ подлинникѣ тяжела и неудобна: огромное количество собственныхъ именъ сильно затрудняетъ пользованіе ею для какихъ либо другихъ цѣлей, кромѣ справочныхъ. Г. Мѣдниковъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы вмѣсто редактированія четырехтомнаго перевода труда Мюллера представилъ въ одномъ томѣ извлеченіе изъ него, что наравнѣ съ уменьшеніемъ довольно высокой цѣны книги послужило бы лишь къ ея распространенію въ средѣ русскихъ читателей. Какъ на примѣръ такого извлеченія, мы можемъ указать на появившуюся въ прошломъ году въ Москвѣ подъ редакціей приватъ-доцента Михайловскаго книгу «Культура и цивилизація Западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ», въ сокращенномъ видѣ передающую одинъ изъ томовъ извѣстной серіи Лависса и Рамбо, озаглавленной: «Феодальная Европа и крестовые походы»; все не нужное для русскихъ читателей выброшено—и въ результатѣ явилась небольшая книжка, весьма занимательная, полезная и очень недорогая.

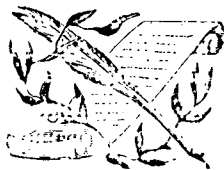
Обращаясь теперь къ языку русскаго перевода «Исторіи ислама», замѣтимъ о немъ слѣдующее: не отличаясь особенной красотой и легкостью, онъ не наполненъ неправильностями, подобно языку многихъ другихъ изданій г. Пантелѣва.

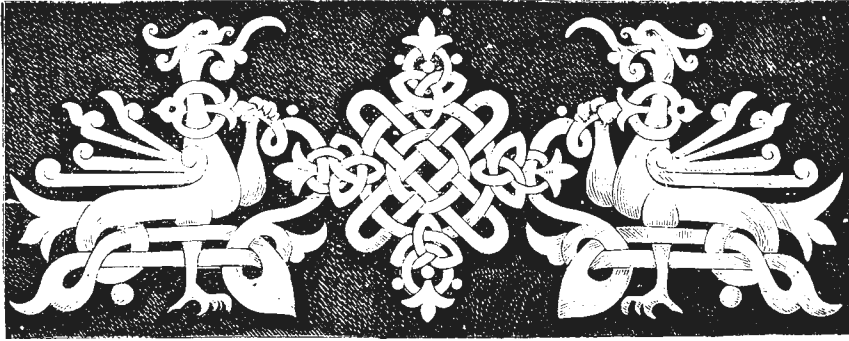
Е. Лосскій.

Профессоръ А. Лебедевъ. Вступительная лекція по исторіи церкви, прочитанная въ императорскомъ Московскомъ университетѣ 11-го октября 1895 года. М. 1896.

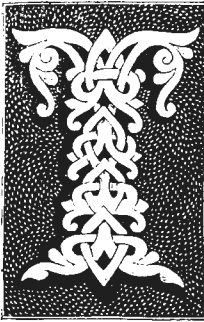
Профессоръ А. П. Лебедевъ избралъ очень простой и легкій предметъ для своей вступительной лекціи въ Московскомъ университетѣ, именно о развитіи церковно-исторической науки въ Россіи. Констатировавъ въ началѣ лекціи, что церковно-историческая наука въ нашемъ отечествѣ по своему развитію и успѣхамъ стоитъ на незначительной высотѣ, и поставивъ этотъ фактъ въ связь съ позднимъ включеніемъ этой науки въ составъ предметовъ преподаванія въ нашихъ духовныхъ академіяхъ, лекторъ говоритъ далѣе о попыткахъ введенія ея въ программы духовныхъ школъ въ XVIII вѣкѣ и въ началѣ XIX, характеризуетъ первыя учебныя книги по исторіи церкви, именно «Liber Historicus» епископа Меоодія Смирнова († 1815) и «Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ до XVIII вѣка» епископа Иннокентія Смирнова, разсуждаетъ о вліяніи на разработку церковно-исторической науки академическаго устава 1814 года или устава графа М. М. Сперанскаго, во время существованія коего на церковно-историческое поприще выступили: протоіерей и ректоръ Московской академіи А. В. Горскій и профессоръ П. В. Чельцовъ, издавшій томъ «Исторіи христіанской церкви»; въ послѣдней части лекціи профессоръ Лебедевъ говоритъ о значеніи въ исторіи науки академическихъ уставовъ 1869 и 1884 гг., причемъ дѣлаетъ краткую характеристику нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ, наиболѣе потрудившихся на церковно-историческомъ поприщѣ. Намъ показалась нѣсколько нелогичною характеристика профессора Казанской духовной академіи Ѳ. А. Курганова, весьма крупнаго авторитета въ своей области. Признавъ, что профессоръ Кургановъ «славится многостороннею эрудиціей» и есть «человѣкъ очень мощный въ области критики», г. Лебедевъ находитъ въ то же время, что его «научные взгляды отличаются нѣкоторымъ архаизмомъ» (стр. 30). Какъ же согласить «многостороннюю эрудицію», «критическую мощь» и... «архаизмъ взглядовъ»?!

Σ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ТИАРА САЙТАФАРНА. Въ началѣ нынѣшняго года Луврскій музей въ Парижѣ-приобрѣлъ замѣчательное произведение греческаго ювелирнаго искусства, извѣстное подъ названіемъ тиары Сайтафарна, но не успѣли его выставить въ ювелирномъ залѣ музея, какъ возникъ въ ученомъ мирѣ споръ объ его подлинности, который продолжается до сихъ поръ и поддерживается прессой всѣхъ странъ. Наиболѣе выдѣляются статьи, доказывающія подложность тиары: профессора Веселовскаго въ «Новомъ Времени» и профессора Фургвенглера, хранителя Мюнхенскаго музея древностей, въ «Cosmopolis»¹⁾, а защищающія подлинность — академикъ Герона-де-Вильфоса, хранителя греческихъ и римскихъ древностей въ Луврѣ, въ томъ же «Cosmopolis» и «Temps»²⁾, Теодора Рейнаха въ Gazette des Beaux Arts³⁾ и анонимнаго автора въ Atheneum⁴⁾; кромѣ того, слѣдуетъ указать на отзывы двухъ нѣмецкихъ археологовъ въ «Post» и «Allgemeine Zeitung», а также профессора Коппа въ томъ же «Allgemeine Zeitung» противъ своего соотечественника и въ пользу доводовъ французскихъ ученыхъ. Самый предметъ спора представляетъ конусъ изъ массивнаго золота въ 22 сантиметра вышины и 18 сант. въ діаметрѣ въ основѣ, а состоитъ онъ изъ семи поясовъ съ

¹⁾ Die Tiara des Königs Saitapharnes, von A. Furtwängler. Cosmopolis. August.

²⁾ La Tiarre de Saitapharnes, par A. Heron-de-Villefoss. Cosmopolis. Septembre. Temps, 6 août.

³⁾ La Tiarre de Saitapharnes, par Theodore Reinach. Gazette des Arts, septembre.

⁴⁾ The Tiara of Saitapharnes. Atheneum, 19 september.

отдѣльными художественными орнаментами, изъ которыхъ всего замѣчательнѣе на среднемъ, самомъ широкомъ; этотъ орнаментъ, или барельефъ, отдѣльныя фигуры которыхъ равняются $4\frac{1}{2}$ сантиметровъ вышины, изображаетъ гнѣвъ Ахилла изъ Илиады. По изяществу и художественности работы, эта тиара по отзывамъ самыхъ компетентныхъ экспертовъ представляетъ чудо греческаго ювелирнаго искусства IV вѣка до Р. Х. и найдена близъ Керчи въ Крыму, гдѣ въ послѣдніе годы произведены значительныя раскопки, подарившія міру много подобныхъ же драгоценныхъ сокровищъ. Судя по надписи на ней, она поднесена греческой колоніей Ольвійей скиескому царю Сайтафарну, который жилъ въ IV вѣкѣ и былъ грозой всѣхъ греческихъ поселенцевъ по черноморскому побережью. Первый усомнился въ подлинности новой покупки Лувра профессоръ Веселовскій и прямо указалъ, что это — новѣйшая поддѣлка, сдѣланная въ Очаковѣ; за нимъ послѣдовалъ профессоръ Фуртвенглеръ и въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ разнесъ не только глупость французскихъ археологовъ, поддавшихся обману, но и рѣдкую бессмысленность лицъ, поддѣлавшихъ тиару, такъ какъ они грубо смѣшали всѣ стили и надѣлали въ надписи самыя варварскія ошибки. Французскіе археологи не остались въ долгу и, напомиравъ почтенному нѣмцу, что онъ уже нѣсколько разъ ошибался и потомъ самъ признавалъ свою ошибку, принимая подлинныя древности за поддѣлки, и напротивъ поддѣлки за подлинники, опровергли всѣ его аргументы и вмѣстѣ съ тѣмъ доводы Веселовскаго. Главныя улики противъ подлинности Луврской покупки заключаются въ томъ, что она походитъ на многочисленныя контрафакціи, что орнаменты смѣшаннаго стилиа и повторяютъ извѣстные образцы древняго греческаго искусства, что, наконецъ, надпись списана съ ошибками съ одного изъ предметовъ, хранящихся въ Петербургскомъ арсеналѣ. По мнѣнію Герона-де-Вильфоса и Рейнаха, именно подлинность тиары и доказывается болѣе всего тѣмъ, что изящная художественность ея работы не имѣетъ ничего общаго съ грубыми поддѣлками, которыя съ нѣкоторыхъ поръ появились во множествѣ и предлагались Лувру, но были забракованы экспертами. Относительно втораго обвиненія подробно возражаетъ Вильфосъ, доказывая, что съ одной стороны хотя въ тиарѣ и смѣшаны стили разныхъ эпохъ, но очень художественно и съ сохраненіемъ внутренней гармоніи, а съ другой—что именно въ этомъ и въ подражаніи древнимъ образцамъ заключается отличительный характеръ греческаго ювелирнаго искусства четвертаго вѣка до Р. Х. Наконецъ тотъ же Вильфосъ и въ особенности извѣстный французскій ученый, Фукаръ въ докладѣ академіи доказали, что надпись на тиарѣ составлена вполне правильно и во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуетъ другимъ подобнымъ греческимъ надписямъ. Но не довольствуясь доводами по существу вопроса, французы привели и свидѣтельство эксперта, компетентность котораго не оспорить и нѣмецкій профессоръ, именно хранителя греческихъ ювелирныхъ произведеній въ Петербургскомъ эрмитажѣ, г. Кизеритскаго, который, по словамъ Вильфоса, подробно осмотрѣлъ тиару и призналъ ее вполне подлинной, что для него было не трудно, такъ какъ онъ имѣетъ въ своемъ музеѣ до 16,000 подобныхъ же предметовъ, происходящихъ преимущественно изъ той же мѣстности. Кромѣ того, Кизеритскій высказалъ предположеніе, что тиару украли во время производства раскопокъ въ

окрестностях Керчи и, по всей вѣроятности, изъ Чертомлискаго кургана; это предположеніе тѣмъ правдоподобнѣе, что продавцы тиары, получивъ деньги, немедленно исчезли изъ Парижа. Нѣкоторые нѣмецкіе археологи, въ особенности профессоръ Коппъ, съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ приняли сторону французскихъ собратьевъ и поставили въ упрекъ своему соотечественнику его легкомысліе, вовсе не приличное ученому. Представляя сводъ всѣхъ мнѣній за и противъ теперь знаменитой тиары Сайтафарна, англійскій «Athenæum» приходитъ къ тому, заключенію, что, «конечно, Лувру не придется сожалѣть о своемъ новомъ приобрѣтеніи», а въ всеобщей хроникѣ «Revue Encyclopedique»¹⁾ приводится историческая справка въ подтвержденіе того факта, что важныя археологическія приобрѣтенія Франціи постоянно подвергались сомнѣнію, напирмѣръ находки въ Тарсѣ и Гарацдарѣ, и только съ теченіемъ времени всѣми признавались за подлинныя сокровища. Такова же, вѣроятно, будетъ судьба и тиары Сайтафарна.

— Филиппъ II въ домашней жизни. Слѣдуя модѣ на обѣленіе мрачныхъ историческихъ личностей, англійскій писатель, Мартинъ Юмъ, старается въ октябрьской книжкѣ Fortnightly Review доказать, что испанскій король Филиппъ II въ своей домашней жизни былъ далеко не тѣмъ жестокимъ чудовищемъ, которымъ обыкновенно рисуютъ его историки, а добрымъ мужемъ, нѣжнымъ отцемъ, любящимъ братомъ и снисходительнымъ главой обширнаго двора²⁾. Вообще, по словамъ автора этой оригинальной статьи, Филиппъ II имѣлъ, главнымъ образомъ, несчастье очутиться, благодаря обстоятельствамъ, въ такомъ положеніи, для котораго онъ нисколько не былъ предназначенъ ни своимъ характеромъ, ни своими способностями: недовѣрчивый, подозрительный, трусливый человекъ, съ узкими идеями и безъ всякаго воображенія, онъ, волею судьбы, былъ поставленъ во главѣ громаднаго дѣла спасенія церкви и общества отъ грозившихъ имъ враждебныхъ теорій. Колоссальность преслѣдуемой имъ задачи, съ одной стороны, умалила его роль, придавъ ему только характеръ слѣпago орудія разнузданнаго фанатизма, а съ другой — возвеличила его личную фигуру до грозныхъ, сатанинскихъ размѣровъ, благодаря всѣмъ адскимъ ужасамъ инквизиціи, которыми онъ достигалъ своей цѣли. Кровь отъ огульной рѣзни и пламя костровъ, на которыхъ сжигались десятки тысячъ его подданныхъ, виновныхъ только въ томъ, что они думали и вѣровали не такъ, какъ ихъ правительство, столь мрачно отражались на его исторической фигурѣ, что, по мнѣнію англійскаго автора, совершенно ступевали въ немъ человекъ. Вотъ именно найти человекъ въ этомъ чудовищѣ и составляетъ предметъ изслѣдованія Юма. Прежде всего онъ указываетъ на тотъ явный характеръ клеветы, которымъ дышатъ сужденія о немъ враждебныхъ современниковъ, въ томъ числѣ и Вильгельма Молчаливаго, который, въ отвѣтъ на самыя безсмысленныя обвиненія, сыпавшіяся на него со стороны Филиппа, самъ обличалъ его въ безнравственныхъ скандалахъ.

¹⁾ Encore la tiare de Saitapharnes. — Nouvelles et renseignements. — Chronique Universelle. Revue Encyclopedique. 15 août.

²⁾ Philip II in his domestic relations, by Martin Hume. Fortnightly Review, october, 1896.

По словамъ его «Апологи», Филиппъ, между первымъ и вторымъ своимъ бракомъ, былъ тайно женатъ на доннѣ Изабеллѣ Озоріо, отъ которой имѣлъ двухъ или трехъ дѣтей, потомъ жилъ съ донной Ефразіей де Гусманъ, которую выдалъ замужъ за принца Асколи, чтобы скрыть послѣдствія своей связи, и наконецъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ принцессой Эболи, женой Рюи Гоменца. Последняя романтическая исторія, какъ доказали новѣйшія изслѣдованія, не имѣла ни малѣйшей фактической основы, а если Филиппъ и дѣйствительно имѣлъ фаворитокъ, хотя ничѣмъ не доказанъ его бракъ съ донной Изабеллой, то, въ виду существовавшихъ тогда и послѣ придворныхъ нравовъ, нельзя бросать грязью въ одного человѣка за то, что дѣлали всѣ. Переходя къ законнымъ привязанностямъ Филиппа, т. е. къ его четыремъ женамъ, англійскій публицистъ естественно подробнѣе всего останавливается на второмъ его бракѣ съ англійской королевой Маріей Тюдоръ. Первый разъ онъ былъ женатъ всего полтора года и овдовѣлъ восемнадцати лѣтъ, а вторично женился лишь изъ послушанія отцу на женщинѣ некрасивой и гораздо старше его, но, какъ мужъ Маріи, онъ далеко не былъ тѣмъ мрачнымъ, отталкивающимъ отъ себя, человѣкомъ, какимъ изображаетъ его Фрудъ, а напротивъ, по свидѣтельству венеціанскаго посланника въ Лондонѣ, Михаэли, былъ «лучшимъ и наиболѣе любящимъ» мужемъ на свѣтѣ. Виродолженіе своего недолговременнаго пребыванія въ Англіи онъ не только побѣдилъ сердце своей жены, но и возбудилъ къ себѣ нѣжную привязанность во всѣхъ придворныхъ; наконецъ, нельзя сказать, чтобы онъ пользовался вообще личной непопулярностью въ Англіи, гдѣ ненавидѣли испанцевъ и косо смотрѣли на бракъ королевы. Третій разъ Филиппъ женился уже тридцати трехъ лѣтъ, а его женѣ, принцессѣ французской, дочери Екатерины Медичи, было только четырнадцать. Заключенный если не изъ повинovenія отцу, то въ силу дипломатическихъ соображеній, этотъ новый бракъ обѣщаль еще менѣе семейнаго счастья, но на повѣрку оказалось, что Елизавета была очень счастлива съ мужемъ, постоянно писала своей матери, что онъ лучший изъ людей, а когда она преждевременно умерла, то Филиппъ, съ горя и отчаянія, заперся въ монастырѣ св. Іеронима. Легенда о томъ, что онъ убилъ Елизавету и своего сына, дона Карлоса, за преступную между ними связь, не имѣетъ никакого основанія и вполнѣ опровергается свидѣтельствомъ французскаго посланника въ Испаніи, Фурканьо, и врага Филиппа, историка инквизиціи, Ларонтэ, которые оба утверждаютъ, что королева умерла отъ естественной смерти, и что король никогда не имѣлъ причины ее ревновать. Что же касается до отношеній Филиппа къ дону Карлосу, то лишь достовѣрно, что онъ удалялъ отъ бѣднаго, помѣшавшагося, юноши политическихъ интригановъ, желавшихъ воспользоваться его болѣзненными припадками, и что его смерть, вскорѣ послѣ мачихи, произвела на отца потрясающее впечатлѣніе. Имѣя отъ Елизаветы только двухъ дочерей, Филиппъ, изъ государственныхъ видовъ, женился въ четвертый разъ уже на сорокъ третьемъ году жизни. Последняя жена Филиппа была Анна Австрійская, дочь его родной сестры Маріи и двоюроднаго брата, императора Максимилиана. Она была добрая, тихая, покорная женщина, родила ему много дѣтей, изъ которыхъ одинъ впоследствии ему наследовалъ, и, согласно всѣмъ современнымъ лѣтописцамъ очень любила

мужа, а ея смерть отъ таинственной болѣзни, нынѣ извѣстной подъ именемъ инфлуэнцы, повергла Филиппа въ такое отчаяніе, что онъ въ пять дней совершенно посѣдѣлъ. Насколько онъ жалѣлъ свою четвертую жену, краснорѣчиво доказываютъ его письма къ дочерямъ, которыя хранятся въ туринскомъ архивѣ. Юмъ приводитъ нѣсколько отрывковъ изъ этихъ любопытныхъ писемъ, дѣйствительно впервые знакомящихъ читателей съ личностью страшнаго испанскаго короля, въ качествѣ добраго, любящаго отца и даже снисходительнаго къ слугамъ господина. Въ этихъ письмахъ онъ самымъ заботливымъ образомъ относится къ мелочамъ ежедневной жизни своихъ дѣтей и съ добродушнымъ юморомъ говоритъ о непріятностяхъ, которыя онъ терпѣливо сносилъ отъ своихъ слугъ, то забывавшихъ постлать ему постель, то проливавшихъ чернила на его депеши. Въ одномъ изъ писемъ обращаетъ на себя вниманіе, какъ этотъ жестокій тиранъ въ политическихъ дѣлахъ юношески радуется прибытію своей сестры и завидуетъ дѣтямъ, что они увидятъ ее нѣсколькими днями ранѣе, чѣмъ онъ. Повидимому, и дѣти его очень любили, а старшая изъ нихъ инфанта Изабелла, которая должна была быть англійской королевой, въ случаѣ успѣха Армады, закрыла ему глаза въ той мирной кельѣ Эскуриала, гдѣ онъ окончилъ свою тревожную жизнь. «Человѣкъ, который хладнокровно смотрѣлъ на пытку и смерть тысячъ и тысячъ людей, говоритъ въ заключеніе своей статьи Юмъ, справедливо перешолъ въ потомство съ пятномъ вѣчнаго позора за его безчеловѣчную политическую дѣятельность, и не благоразумно было бы даже теперь забыть его тиранію и безчеловѣчность только потому, что онъ любилъ свою семью и, какъ обнаруживаютъ его письма къ дѣтямъ, любилъ запахъ цвѣтовъ и пѣснь соловья; но я полагаю, что вполне доказалъ своимъ очеркомъ, что онъ былъ не адскимъ чудовищемъ, а все-таки человѣкомъ, хотя и заблуждавшимся на счетъ будто бы даннаго ему свыше призванія уничтожать людей, которые въ его глазахъ были врагами Бога и государства».

— Испанскій авантюристъ XVIII столѣтія. Среди многочисленныхъ авантюристовъ, игравшихъ въ прошедшемъ столѣтіи значительную политическую роль, не послѣднее мѣсто занималъ баронъ Риперда, который, начавъ жизнь бѣднымъ голландскимъ дворяниномъ, былъ фаворитомъ испанской королевы Елизаветы, жены Филиппа V, и первымъ министромъ этого разслабленнаго короля, а умеръ въ качествѣ военнаго совѣтника Марокскаго султана. До послѣдняго времени эта личность, достойная быть героемъ оперетки, была мало извѣстна, и только надняхъ французскій историкъ Габріэль Сиветонъ написалъ его полную біографію, на основаніи подлинныхъ документовъ, найденныхъ имъ въ архивахъ Вѣны и Парижа ¹⁾. Благодаря свѣту, брошенному этими архивными изысканіями на испанскій дворъ самолюбивой королевы Елизаветы Фарнезе и ея идіота мужа, теперь можно ясно понять, почему могъ разыгрываться, хотя и недолго, первенствующую роль такой опереточный искатель приключеній, какъ баронъ Риперда. Принадлежа къ дворянской голландской семьѣ испанскаго происхожденія, этотъ пресловутый баронъ сумѣлъ путемъ

¹⁾ Une Cour et un Aventurier au dixhuitième siècle: Le baron Ripperda, par Gabriel Syveton. Paris. 1896.

различныхъ интригъ выбиться изъ своего бѣднаго, никому не вѣдомаго положенія на родинѣ и получить назначеніе посланника Нидерландовъ при испанскомъ дворѣ въ 1715 году. Тамъ онъ сразу почувствовалъ себя испанцемъ, сдѣлался ярымъ католикомъ, хотя былъ прежде протестантомъ, и, продавъ интересы своего правительства тогдашнему первому министру Испаніи, такому же авантюристу, какъ онъ, знаменитому Альберони, сталъ открыто служить испанскому двору, а не Нидерландскимъ Генеральнымъ Штатамъ. Когда же его скандальное поведеніе побудило эти Штаты отозвать его въ Амстердамъ, то онъ бросилъ нидерландскую службу и вернулся въ Мадридъ, гдѣ сначала былъ ревностнымъ сторонникомъ Альберони, а послѣ паденія послѣдняго вкрался въ милость королевы. Сдѣлавшись фаворитомъ хитрой итальянки, думавшей только о своихъ семейныхъ интересахъ и выгодной женитьбѣ своихъ дѣтей, онъ достигъ поста испанскаго посланника въ Вѣнѣ, гдѣ заключилъ между императоромъ Карломъ VI и Филиппомъ V союзъ, который въ сущности былъ пустымъ обманомъ и не принесъ ни малѣйшей пользы Испаніи, а только успокоилъ королеву на счетъ ея брачныхъ плановъ для своихъ дѣтей и послужилъ подножкой для дальнѣйшаго возвеличенія Риперды. Вернувшись въ Мадридъ богачемъ, онъ сдѣланъ былъ тотчасъ грандомъ Испаніи и, благодаря ложному увѣренію, что императоръ требовалъ, чтобы его назначили первымъ министромъ, сдѣлался преемникомъ Альберони. Но достигнувъ цѣли всѣхъ своихъ желаній и получивъ еще княжескій титулъ отъ императора, онъ совершенно потерялъ голову, и втеченіе пяти мѣсяцевъ своего министерства одинъ управлялъ всею страной, совмѣщая въ себѣ и перваго министра, и военнаго, и морскаго, и финансовъ. Какъ обыкновенно бываетъ съ подобными шарлатанами, онъ вскорѣ зарвался, возвысилъ простымъ королевскимъ декретомъ цѣнность денежныхъ знаковъ, что прямо доказывало государственное банкротство, грозилъ объявить войну Франціи въ союзѣ съ нѣмцами, русскими и поляками, интриговалъ со всеми европейскими кабинетами, продавалъ себя то одному двору, то другому, и наконецъ дошелъ до того, что даже слабоумный Филиппъ V сталъ подозрѣвать, не сошелъ ли онъ съ ума. Но королева все-таки его поддерживала, пока общее неудовольствіе противъ него всей страны, а въ особенности гордыхъ испанскихъ грандовъ, не побудило ее, ради собственной безопасности, пожертвовать своимъ любимцемъ. Но, по совѣту имперскаго посла, рѣшено было поступить осторожно, и король, подъ предлогомъ, что его любезный первый министръ былъ слишкомъ занятъ государственными дѣлами, предложилъ ему уступить кому нибудь другому портфель министра финансовъ. Риперда думалъ напугать Филиппа ловко сыгранной комедіей и въ благородномъ негодованіи подалъ въ отставку; но къ его удивленію отставка была принята, и тогда, боясь преслѣдованій за свои явные и тайные грѣшки, онъ скрылся въ англійскомъ посольствѣ, но посланникъ выдалъ его королю, и недавній временщикъ былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ оставался два года. Наконецъ онъ бѣжалъ, переодѣвшись въ одежду своего слуги, котораго положилъ за себя въ постель, и снова появился въ своей родинѣ Голландіи; но тамъ его приняли очень холодно, и завзятый авантюристъ, скучая бездѣйствіемъ, сошелся съ подобнымъ себѣ молодцомъ, испанцемъ Перечемъ, который исполнялъ должность марокскаго посланника въ Амстер-

дамъ, хотя въ то время этотъ султанъ воевалъ съ Испаніей. Риперда также предложилъ свои услуги султану Мулею-Абдаллаху, и существовала легенда, что онъ сдѣлался главнокомандующимъ мароккской арміи, сражавшейся съ войсками Филиппа V. Но новый его биографъ доказываетъ всю ложность этого, однако, вполне подходящаго эпизода опереточной государственной дѣятельности барона Риперды. По его словамъ, онъ, можетъ быть, и служилъ въ мароккской арміи, но простымъ офицеромъ, и отказывался отъ участія въ каждомъ открытомъ бою, какъ, напримѣръ, въ атакѣ Цеуты маврами, подъ предлогомъ припадка подагры. Все-таки конецъ его жизни представилъ блестящій финалъ для разыгрываемой имъ столько лѣтъ трагикомедіи: онъ образовалъ въ Тетуанѣ какую-то странную секту не то іудейскую, не то христіанскую, не то мусульманскую и умеръ въ 1737 году, исполняя должность пророка, или первосвященника этой новой вѣры.

— Политика и смерть Людовика XV. Слѣдуя по стопамъ герцога Бролли, посвятившаго въ прошедшемъ году обширный трудъ исторіи рѣзкой перемѣны въ политикѣ Людовика XV, неожиданно заключившаго союзъ съ традиціоннымъ врагомъ Франціи, Австріей, Ришаръ Ваддингтонъ, братъ бывшаго министра, а самъ сенаторъ и богатый хлопчатобумажный фабрикантъ въ Руанѣ, изучаетъ тотъ же историческій вопросъ въ недавно вышедшей книгѣ «Людовикъ XV и ниспроверженіе союзовъ»¹⁾. На основаніи новыхъ матеріаловъ, преимущественно англійскихъ, въ томъ числѣ бумагъ герцога Ньюкастля, тогдашняго перваго министра Англій, а также писемъ французскаго дипломатическаго агента въ Англій, Мирчуа къ маркизѣ Помпадуръ, онъ рисуетъ картину дипломатическихъ интригъ, которыя повели къ Семилѣтней войнѣ. При этомъ онъ высказываетъ оригинальный взглядъ, именно видитъ руководящій этимъ «ниспроверженіемъ» всѣхъ европейскіхъ союзовъ умъ не въ Фридрихѣ Великомъ, или герцогѣ Ньюкастлѣ, а въ австрійскомъ первомъ министрѣ, Кауницѣ, который сумѣлъ не только склонить на свою сторону Россію, но отвлечь Францію отъ ея вѣковой политики и заставить пренебречь защитой отъ Англій своихъ колоній ради континентальной войны, въ которой она могла все потерять, но ничего не выиграть. Дѣйствительно, надо было обладать большими способностями дипломата и психолога, чтобъ, воспользовавшись слабостями короля и самолюбіемъ маркизы Помпадуръ, побудить французское правительство отрѣшиться отъ принесшихъ ему столько славы традицій Ришелье и Мазарини, протянуть руку униженной имъ Австріи и заключить съ ней союзъ противъ прежняго своего союзника, Пруссіи. Правда, подбивая Францію на совершенно новый политическій шагъ, Кауницъ выказалъ и замѣчательное политическое предвидѣніе: болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до франко-прусской войны онъ пророчески писалъ версальскому кабинету: «Не согласно съ интересами Франціи дать усилиться прусскому королю и предоставить возможность морскимъ державамъ замѣнить имъ впоследствии нашего державнаго повелителя, а также съ помощью его побѣдить Францію». Хотя Ваддингтонъ, вполне соглашаясь съ Бролли и, вѣроятно, увлеченный этимъ пророчествомъ Кауница, исполнив-

¹⁾ Louis XV et le renversement des alliances, par Richard Waddington. Paris. 1896.

шимся на ихъ глазахъ, увѣряетъ, что въ принципѣ перемѣна политики Людовика XV была разумна и неизбежна при тогдашнихъ обстоятельствахъ, а только ведена она была неумѣло, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ, что съ минуты заключенія союза съ Австріей начался упадокъ французскаго вліянія въ Европѣ, и что главнымъ орудіемъ этого дипломатическаго переворота была маркиза Помпадуръ, которую хитро обошелъ Кауницъ. Что вообще фаворитки играли самую неблагоприятную роль въ царствованіе Людовика XV, доказываетъ не только трудъ Ваддингтона, но и рельефный очеркъ смерти этого короля, составленный Пьеромъ де-Нолькомъ по мемуарамъ того времени (Ла-Рошфуко-Ланкура, графа Веттенваля, Сулави и г-жи Женлисъ), недавно напечатаннымъ въ «Revue Retrospective» воспоминаніямъ герцога де-Круа и, хранящемуся въ національномъ архивѣ Франціи, неизданному дневнику придворныхъ чиновъ ¹⁾. Въ этой любопытной статьѣ, напечатанной во второй сентябрьской книжкѣ «Revue Nouvelle», очень рельефно описаны послѣдніе дни короля, которому даже умереть прилично мѣшала другая его фаворитка г-жа Дю-Барри. Весною 1774 г. онъ вдругъ сталъ очень старѣть, и неожиданная смерть на его глазахъ во время ужина у фаворитки одного изъ его приближенныхъ, де-Шавлена, подѣйствовала на него удручающимъ образомъ. Онъ сталъ мрачнѣе обыкновеннаго и съ опасеніемъ прислушивался къ рѣзкимъ словамъ духовныхъ проповѣдниковъ, бичевавшихъ въ лицѣ Соломона разнузданность его собственныхъ страстей. Г-жу Дю-Барри тревожило такое положеніе вещей: изъ страха смерти король могъ раскаяться и причаститься, а это значило конецъ ея царству. Поэтому, когда неожиданно онъ занемогъ оспой, она ухаживала за нимъ и всѣми силами старалась не допустить до него парижскаго архіепископа, но на четвертый день этотъ прелатъ добился свиданія съ больнымъ, и Людовикъ объявилъ своей возлюбленной: «Я теперь принадлежу Богу и моему народу; вамъ надо удалиться». Она проплакала всю ночь, но рано утромъ отправилась въ Рюель, въ замокъ своего главнаго сторонника, герцога Эгвильона. Однако королю стало легче, онъ отказался отъ причастія и велѣлъ позвать г-жу Дю-Барри, а когда ему отвѣчали, что она уѣхала въ Рюель, то онъ промолвилъ: «ужел!». Съ этой минуты ему стало хуже, ночью онъ причастился въ присутствіи всего двора, и кардиналъ Ла-Рошъ-Аймонъ объявилъ отъ его имени: «Господа! король поручилъ мнѣ сказать вамъ, что онъ проситъ прощенія у Бога за свой грѣхъ и за скандальный примѣръ, данный своему народу; если Богу угодно будетъ сохранить его въ живыхъ, то онъ посвятитъ себя всецѣло раскаянію, поддержкѣ религіи и заботамъ о народѣ». Но народъ не вѣрилъ въ эти предсмертныя ожиданія и съ нетерпѣніемъ ожидалъ его кончины, а потому вся Франція свободно вздохнула, когда 10-мая утромъ оберъ-камергеръ, герцогъ Бульонъ, выйдя изъ королевской спальни, громко сказалъ традиционную фразу: «Король умеръ, да здравствуетъ король».

— Марать, другъ народа. Со времени установленія во Франціи третьей республики развилось въ значительной степени изученіе первой революціи, и выработалась цѣлая историческая школа, исключительно изучающая событія

¹⁾ La mort de Louis XV, par Pierre de Nolhac. Revue Nouvelle. 15 septembre.

и людей этой знаменательной эпохи. Хотя отличительный ее характер — строгое научное отношение къ предмету и старательное розыскиваніе новыхъ матеріаловъ въ оффиціальныхъ и частныхъ архивахъ, но все-таки она распадается на двѣ группы: защитниковъ революціи и ея противниковъ, которые зорко слѣдятъ другъ за другомъ и подвергаютъ основательной критикѣ свои труды. Каждая изъ нихъ имѣетъ особое общество и особый журналъ. Сторонники революціи составили «Общество исторіи Французской революціи» и издають журналъ «Французская революція», а ихъ противники имѣютъ такое же общество, но подъ названіемъ «Общество современной исторіи», однако ихъ журналъ «Обозрѣніе Революціи» съ 1890 года пересталъ появляться, за прекращеніемъ субсидіи, получавшейся отъ графа Шамбора. Но изданіе сборниковъ различныхъ документовъ продолжается этимъ обществомъ столь же энергично, какъ прежде, и въ этомъ отношеніи оно нисколько не уступаетъ своему сопернику. Благодаря этому соперничеству и тому интересу, который возбуждаетъ французская революція, даже по истеченіи ста лѣтъ, революціонная литература достигла громаднаго размѣра и ежедневно увеличивается. Теперь почти нѣтъ ни одного мелкаго событія этой эпохи, которое не было бы подробно изслѣдовано, нѣтъ ни одной болѣе и менѣе выдающейся личности того времени, которой не была бы посвящена обширная біографія. Хотя авторы этихъ біографій и высказываютъ собственные взгляды на своихъ героевъ, но они основаны на подлинныхъ документахъ, которые обыкновенно приводятся цѣликомъ, или упоминаются въ ссылкахъ на тѣ книги или рукописи, гдѣ они находятся, а потому читатель можетъ провѣрить выводы автора и составить свое собственное мнѣніе о предметѣ біографіи. Такимъ образомъ, старательная и добросовѣстная историческая работа, производимая цѣлымъ цикломъ ученыхъ изслѣдователей, привела къ разительной перемѣнѣ въ общихъ взглядахъ на французскую революцію. Ее уже не считаютъ чѣмъ-то чудовищнымъ, или чѣмъ-то сверхъестественно геройскимъ, и прошло то время, когда сужденія объ этой знаменательной эпохѣ ограничивались восхищеніями объ ангельской добродѣтели Маріи-Антуанеты и о дьявольскомъ злодѣйствѣ Робеспьера, Дантона и Марата. Теперь оказывается, что революціонные дѣятели были не чудовища и не полубоги, а простые люди, руководившіея человѣческими чувствами, человѣческимъ самолюбіемъ и человѣческими привязанностями. Отъ этой основной перемѣны въ общихъ взглядахъ на революціонныхъ дѣятелей въ особенности выигралъ Маратъ, который составлялъ излюбленный предметъ всевозможныхъ обвиненій, сводившихся къ тому, что онъ былъ кровожадный безумецъ, по счастью для Франціи, убитый Шарлотою Корде. Даже такіе гениальные писатели, какъ Карлайль, представляли его грубымъ, необразованнымъ коноваломъ, не имѣвшимъ ни малѣйшаго понятія о государственныхъ дѣлахъ и только жаждавшимъ крови своихъ ближнихъ. Но на повѣрку выходитъ, что это изображеніе Марата во всѣхъ отношеніяхъ ложное. По свидѣтельству несомнѣнно вѣрныхъ документовъ и заслуживающихъ довѣрія современниковъ, онъ былъ высокообразованный человѣкъ, замѣчательный докторъ, выдающійся дѣятель въ литературѣ и наукѣ, даровитый журналистъ, проницательный политикъ и дальновзоркій государственный человѣкъ; конечно, онъ имѣлъ недостатки, какъ всѣ люди, и, можетъ быть,

болѣе многихъ; его подозрительная натура, благодаря которой онъ съ замѣчательнымъ чутьемъ отгадывалъ сущность событій и намѣренія людей, мѣшала ему идти на какую нибудь сдѣлку, и если онъ громко требовалъ человѣческихъ жертвъ, то не изъ личныхъ интересовъ, а изъ любви къ родинѣ, которой угрожали роковыя опасности, а слѣдовательно его можно обвинять въ заблужденіи, но не въ корыстномъ звѣрствѣ, или въ пролитіи крови изъ искусства для искусства, какъ дѣлали великіе завоеватели. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что человѣкъ, котораго пламенно любили сестра и женщина, считавшаяся его женою передъ лицомъ неба, которому поклонялось, какъ живому кумиру, цѣлое населеніе Парижа и которому, послѣ его смерти, оказали необыкновенныя, никогда не виданныя почести, не могъ быть логически тѣмъ легендарнымъ чудовищемъ, за котораго онъ слылъ втеченіе ста лѣтъ. Нарисовать крупными чертами портретъ настоящаго, а не вымышленнаго его противниками, Марата — задалъ себѣ задачу профессоръ Моръзъ Сттивенсъ и мастерски исполнилъ ее въ небольшомъ, но блестящемъ очеркѣ, появившемся въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ Pall-Mall Magazine ¹⁾. На основаніи всѣхъ матеріаловъ, собранныхъ новѣйшими французскими историками революціи, онъ составилъ чрезвычайно рельефную и полную характеристику друга народа. Принадлежа къ швейцарской семьѣ испанскаго происхожденія, Жанъ-Поль Маратъ родился въ маленькомъ городкѣ Будри, близъ Невшателя, 24-го мая 1743 года, и получилъ хорошее домашнее воспитаніе, вмѣстѣ со своимъ братомъ Ганри, который, принявъ фамилію де Будри, переселился въ Россію и былъ профессоромъ французской литературы въ Петербургскомъ лицей, гдѣ, въ числѣ его учениковъ, находился будущій канцлеръ князь Горчаковъ. Хотя Жанъ-Поль хорошо зналъ французскій, итальянскій, англійскій, датскій и нѣмецкій языки, но питалъ особую страсть къ естественнымъ наукамъ и хлопоталъ, чтобы его назначили въ 1760 году въ экспедицію Д'Отероша въ Тобольскъ съ цѣлью наблюденія за прохожденіемъ Венеры, а когда ему это не удалось, то онъ поступилъ прежде въ Тулузскій, а потомъ въ Бордосскій университеты, гдѣ изучалъ медицину, оптику и электричество. Получивъ докторскій дипломъ, онъ практиковалъ нѣсколько времени въ Парижѣ, затѣмъ въ Амстердамѣ и наконецъ въ Лондонѣ и другихъ городахъ Великобританіи въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ. Въ это время онъ получилъ докторскій дипломъ отъ шотландскаго университета св. Андрея, пользовался репутаціей хорошаго медика, былъ принятъ въ лучшемъ лондонскомъ обществѣ и напечаталъ на англійскомъ языкѣ два ученыхъ сочиненія по медицинѣ. Кромѣ того, онъ занимался во время своего долгаго пребыванія въ Лондонѣ политикой и философій, плодомъ чего были двѣ книги, также на англійскомъ языкѣ: первая, въ двухъ томахъ, называлась «Философскій опытъ о человѣкѣ; попытка изслѣдовать принципы и законъ взаимнаго воздѣйствія души и тѣла», а вторая—«Цѣпи рабства». Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи, написанномъ въ самомъ радикальномъ духѣ, Маратъ представляетъ злоупотребленія тогдашней нелѣпой избирательной системы въ Англии. Всѣ эти факты о лондонской эпохѣ въ жизни Марата, по справедливому

¹⁾ Marat, the friend of the people, by professor H. Morse Stephens. Pall-Mall Magazine. September—october, 1896.

замѣчанію профессора Стивенса, окончательно опровергають долго принимаема на вѣру клеветы о томъ, что Маргъ велъ въ Англіи темное существованіе, былъ учителемъ въ какой-то школѣ и книгопродавцемъ въ Бристоль, а, кромѣ того, судился за кражу и сидѣлъ въ тюрьмѣ. Последнее обвиненіе было тѣмъ недобросовѣстнѣе, что французъ, обвиненный въ Оксфордѣ за воровство и дѣйствительно называвшійся Лёметромъ, онъ же Меръ, онъ же Мара, былъ приговоренъ судомъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію въ мартѣ 1777 г., а Маратъ выѣхалъ изъ Англіи въ іюнѣ того же года, такъ какъ былъ назначенъ придворнымъ докторомъ къ графу Артуа, младшему брату Людовика XVI. Это назначеніе и тотъ фактъ, что Маратъ былъ докторомъ тѣлохранителей графа Артуа и жилъ въ конюшенномъ зданіи, послужили причиной къ созданію легенды о томъ, что онъ былъ коноваль, по знаменитому выраженію Карлайля. Кромѣ придворной должности, Маратъ съ успѣхомъ практиковалъ въ Парижѣ и, спустя пять лѣтъ, бросивъ придворную службу, провелъ на нажитыя деньги докторской практикой послѣдніе годы своей жизни, если не богато, то вполне комфортабельно, занимаясь научными трудами и посѣщая лучшее парижское общество. Еще будучи докторомъ, онъ вылѣчилъ маркизу Обенингъ отъ тяжелой болѣзни, и она, бросивъ мужа, жила съ нимъ до своей смерти передъ началомъ революціи. Въ числѣ ученыхъ трудовъ Марата за это время надо упомянуть многочисленные трактаты о свѣтѣ, электричествѣ, огнѣ, которые обращали на себя общее вниманіе, хотя парижская академія не сочла его достойнымъ избранія въ свои члены, что объясняется не столько научными недостатками его трудовъ, сколько личными соображеніями, такъ какъ его переводъ «Оптики» Ньютона былъ одобренъ той же академіей. Во всякомъ случаѣ его труды были переведены на нѣмецкій языкъ, и Гете ими очень интересовался. Однако Маратъ не ограничивалъ своихъ занятій естественными науками и написалъ нѣсколько сочиненій на предложенныя темы различными академіями, между прочимъ, «Планъ уголовного законодательства» и «Похвальное слово Монтескьё». Вотъ какой личностью представлялся настоящій Маратъ, когда разразилась французская революція. Какъ только были созваны генеральные совѣты, то Маратъ принялъ дѣятельное участіе въ революціонномъ движеніи, сначала какъ авторъ нѣсколькихъ брошюръ, въ которыхъ онъ проводилъ мысль, что «избытокъ не долженъ принадлежать никому по праву, пока есть люди, нуждающіеся въ насущномъ хлѣбѣ», и съ другой предупреждалъ законодателей не подражать слѣпо английской конституціи, имѣющей значительныя слабыя стороны, а потомъ, какъ редакторъ и издатель ежедневной газеты «Другъ Народа». Вся его послѣдующая трехлѣтняя общественная дѣятельность сосредоточилась въ этой газетѣ, и она стала для него трибуной, съ которой онъ громилъ всѣхъ вліятельныхъ людей, которыхъ онъ обличалъ или подозрѣвалъ въ реакціонныхъ стремленіяхъ. Онъ не жалѣлъ никого, ни роялистовъ, ни подозрительныхъ въ его глазахъ революціонеровъ, а потому постоянно подвергался преслѣдованіямъ и часто долженъ былъ скрываться на чердакахъ, или въ подвалахъ. Но когда онъ наконецъ былъ преданъ суду, то его торжественно оправдали. Оффиціального положенія онъ никакого не занималъ и хотя былъ членомъ конвента, но не пользовался тамъ большимъ вліяніемъ;

но это не мешало ему быть кумиромъ Парижа и своимъ краснорѣчивымъ перомъ указывать на всѣ опасности, которыми грозили отечеству неискренніе республиканцы и прямые реакціонеры. Въ особенности онъ вооружался противъ жирондистовъ, которые въ его глазахъ могли погубить Францію своимъ непрактичнымъ идеализмомъ и проглазѣть установленіе реакціоннаго правительства. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ненавидѣлъ анархію и отстаивалъ необходимость временной диктаторской власти; но все это онъ говорилъ искренно, смѣло, открыто, за что его всѣ и ненавидѣли. Онъ же съ своей стороны ненавидѣлъ всякіе компромисы, шолъ во всемъ до логическаго конца и, если требовалъ въ своей газетѣ человѣческихъ жертвъ, то лишь принципиально, безъ всякаго эгоистичнаго, или корыстнаго намѣренія, а практически, напротивъ, не только не участвовалъ въ сентябрьской рѣзнѣ, которую ему многіе приписываютъ, но даже спасъ нѣсколькихъ приговоренныхъ; такъ онъ побудилъ вычеркнуть изъ числа подлежащихъ аресту жирондистовъ трехъ лицъ, по его словамъ, слишкомъ глупыхъ, чтобы быть опасными, отстоялъ защитниковъ короля на судѣ отъ преслѣдованія, на томъ основаніи, что они исполнили долгъ, и добился освобожденія изъ тюрьмы доктора Шарля, съ которымъ онъ, до революціи, имѣлъ личную вражду по научнымъ спорамъ. Относительно его честности не могло быть никакого сомнѣнія, и, пользуясь хорошимъ состояніемъ до революціи, онъ издержалъ всѣ свои деньги на изданіе газеты и провелъ послѣдніе годы своей жизни въ бѣдности. Въ домашней жизни онъ былъ очень добрымъ и мягкимъ человѣкомъ и лично никому не дѣлалъ зла, а если требовалъ смерти того, кого считалъ измѣнникомъ отечества, то, по выраженію профессора Олера, это объясняется тѣмъ, что «онъ былъ жестокъ къ немногимъ изъ жалости ко многимъ». Наконецъ, если обстоятельства не давали ему выказать практически свои способности, какъ государственнаго человѣка, то онъ не разъ обнаруживалъ ихъ въ замѣчательномъ предвидѣніи того, что въ концѣ концовъ корыстные эгоисты эскамотируютъ въ свою пользу революцію, какъ дѣйствительно это и случилось послѣ его трагической смерти, которая не только не спасла Францію, какъ льстила себя надеждою Шарлотта Корде, но напротивъ только усилила борьбу между жирондистами и Горой, только привела къ водворенію террора. Къ мастерской характеристикѣ Марата, сдѣланной профессоромъ Стивенсомъ, слѣдуетъ еще прибавить, что, по его вѣрному замѣчанію, если Маратъ дождался, наконецъ, справедливаго сужденія потомковъ, то онъ этимъ во многомъ обязанъ трудамъ Шевремона, который посвятилъ цѣлую жизнь на составленіе «Библиографіи Марата», въ которой онъ, съ удивительнымъ чутьемъ, восстановилъ настоящій текстъ всѣхъ номеровъ «Друга Народа», дѣйствительно написанныхъ и напечатанныхъ Маратомъ, отбросивъ, какъ недостойную контрафакцію, многіе подложные нумера этой газеты, которыми его враги старались сдѣлать его имя еще болѣе ненавистнымъ, преувеличивая до безумныхъ размѣровъ его крайнія мнѣнія.

— Первая невѣста Наполеона. Со времени новаго расцвѣта наполеоновской литературы, многія стороны его жизни, доселѣ совершенно невѣдомыя, или малонзвѣстныя, выступили на первый планъ, и, между прочимъ, выяснились

фактъ его сватовства съ сестрою жены его брата, Иосифа Бонапарта, и будущей женой Бернадота. Хотя въ сочиненіяхъ Масона, Слоана и нѣкоторыхъ другихъ эта исторія разсказана, но кратко и не вѣрно, а въ мемуарахъ Барра она совершенно изуродована. Правда еще въ 1888 году баронъ Гахшильдъ, камергеръ шведскаго двора, напечаталъ въ Стокгольмѣ на французскомъ языкѣ по этому предмету книгу, основанную на документахъ, хранящихся въ шведскихъ архивахъ, но съ одной стороны она не была никѣмъ замѣчена, а съ другой—шведскіе архивы не были вполне ему открыты. Поэтому очень кстати теперь написалъ исторію своей бабки нынѣшній король Оскаръ II, для котораго не существуетъ архивныхъ тайнъ и который извѣстенъ въ шведской литературѣ, какъ авторъ «Исторіи Карла X-го», стихотвореній, изданныхъ подъ псевдонимомъ О. Фридрихъ, перевода «Фауста» Гете и даже анонимныхъ корреспонденцій въ одну изъ нѣмецкихъ газетъ. Въ этомъ случаѣ онъ также анонимно издалъ «Романъ времени Наполеона и Бернадотта», но въ каждомъ словѣ сквозить личность автора, близко знавшаго свою героиню и имѣвшаго возможность писать романъ не только по недоступнымъ для простаго писателя документамъ, но и по личнымъ воспоминаніямъ, слышаннымъ изъ ея собственныхъ устъ. Несмотря на весь интересъ этой книги, она, благодаря малораспространенности внѣ Скандинавіи шведской литературы, еще не переведена на другіе языки, и даже о ней не упоминается ни въ одномъ изъ европейскихъ журналовъ, кромѣ октябрьской книжки амстердамской «De Gids» и «Revue des Revues», которая въ послѣднемъ своемъ номерѣ воспользовалась статьей датскаго публициста М. Питтерсена ¹⁾. Бернадина-Евгенія-Дезирэ-Кларк, младшая дочь богатаго марсельскаго торговца матеріями, а не мыломъ, какъ увѣряетъ въ своихъ мемуарахъ Барра, родилась въ 1789 г., и ей было четырнадцать лѣтъ, когда она познакомилась съ молодымъ капитаномъ Наполеономъ Бонапартомъ. Ихъ семьи были равнѣ знакомы, и ея отецъ не разъ помогалъ матери Наполеона, которая, живя въ Марсели, послѣ бѣгства всей семьи съ Корсики, находилась съ своими дѣтьми въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, а съ своей стороны, старшій ея сынъ Иосифъ, достигнувъ въ 1794 г. мѣста военнаго комиссара, спасъ брата Евгенія отъ гильотины, за что получилъ руку ея старшей сестры, Жюли. Будучи женихомъ, онъ представилъ въ домъ своей невѣсты Наполеона, который сразу понравился Евгеніи, какъ «шумно-веселый, добрый малый». «Вскорѣ послѣ этого,—разсказываетъ она сама,—Наполеонъ, уже сдѣлавшійся другомъ дома, сказалъ при всѣхъ: «Для того, чтобы быть счастливыми, мужъ и жена должны дополнять другъ друга. Ты, Иосифъ, и Евгенія податливыя натуры, а я и Жюли имѣемъ свою волю. Значитъ, ты заживешь прекрасно съ Жюли, а я возьму себѣ Евгенію; она будетъ моею женою». Съ этими словами онъ посадилъ меня къ себѣ на колѣни. Вотъ какъ я сдѣлалась невѣстою Наполеона. Мать согласилась на нашу свадьбу; но отложила ее до того времени, когда мнѣ минетъ семнадцать лѣтъ». Они вскорѣ разстались, но поддерживали нѣсколько мѣсяцевъ нѣжную переписку,

¹⁾ La première fiancée de Napoleon I, par M. Pyttersen. «Revue des Revues». 15 octobre.

и Евгения писала ему между прочимъ въ Парижъ: «Отчего ты давно не пишешь своей маленькой Евгенин, которая скучаетъ послѣ твоего отъѣзда и очень беспокоится о своемъ другѣ, котораго она очень любитъ. Ты знаешь, какъ я къ тебѣ привязана, а разлука не можетъ умалить моихъ чувствъ: я живу только для тебя. Я надѣюсь, что твои прогулки въ Булонскомъ лѣсу не заставятъ тебя забыть то время, когда ты гулялъ здѣсь на берегу моря съ твоей доброй маленькой Евгенией. Будь вѣренъ своей клятвѣ вѣчно меня любить, какъ я буду вѣрна своей клятвѣ». Однако, въ 1795 году, она сама, по совѣту сестры, прекратила переписку и написала Наполеону, что между ними все кончено, такъ какъ онъ ухаживалъ за богатой красавицей. Дѣйствительно, по словамъ внука его первой невѣсты, онъ въ октябрѣ мѣсяцѣ этого года былъ уже женихомъ другой женщины, но не Жозефины, а дѣвицы Монтань, имѣвшей 17 лѣтъ, красивыя глаза и 1.200,000 франковъ приданого, а потому, не получивъ письма Евгенин, возвѣщавшей его о разрывѣ, онъ самъ поручилъ ея сестрѣ взять назадъ его слово. «Надо дѣло съ Евгенией покончить, или разорвать»,— писалъ онъ съ явнымъ нетерпѣніемъ. Однако Евгения долго его оплакивала, и когда онъ женился на Жозефинѣ, то она писала ему, хотя это письмо не было послано: «Ты сдѣлалъ меня несчастной на всю жизнь, и, однако, я такъ слаба, что прощаю тебя. Ты теперь женатъ, и бѣдная Евгения уже болѣе не имѣетъ права тебя любить и думать о тебѣ. Но ты увѣрялъ, что любишь меня, а того, что я промѣшкала съ однимъ письмомъ, было достаточно, чтобы отдалить тебя навѣки отъ той, кого ты называлъ своей Евгенией. Я желаю тебѣ счастья и благоденствія въ твоей брачной жизни и надѣюсь, что выбранная тобою жена сдѣлаетъ тебя счастливымъ, какъ я надѣялась тебя сдѣлать, и какъ ты заслуживаешь. Но среди своего счастья не забывай твоей Евгенин и сожалѣй ее». Ревность Евгенин къ Жозефинѣ была такъ сильна, что, шестьдесятъ лѣтъ спустя, она говорила: «Тотъ фактъ, что столь гениальный человѣкъ, какъ Наполеонъ, поддался въ сѣти «старой кокетки» съ самой плохой репутаціей, доказываетъ, что онъ не зналъ женщинъ. Даже послѣ брака съ нимъ, Жозефина заставила весь свѣтъ говорить о ней, и по важнымъ причинамъ онъ вызвалъ ее къ себѣ послѣ итальянской кампаніи, а, вернувшись изъ Египта, задумалъ развестись съ ней». Наполеонъ также не забывалъ своей невѣсты и нашелъ ей жениха въ лицѣ генерала Дюфо, но она отказала ему, не желая взять мужа изъ рукъ Наполеона, а когда она, въ 1798 году, обвинчалась съ другимъ товарищемъ Наполеона, генераломъ Бернадотомъ, то сдѣлала это главнымъ образомъ потому, что, по ея собственнымъ словамъ, «онъ былъ такой человѣкъ, который могъ устоять противъ Наполеона». Дѣйствительно они не были друзья, и Наполеонъ говаривалъ о Бернадотѣ: «Этотъ дьявольскій человѣкъ не поддается чужому руководству; онъ честенъ и уменъ». Однако, на свадебномъ обѣдѣ Евгенин читали письмо Наполеона, писавшаго изъ Каира: «Желаю счастья Евгенин, если она выйдетъ замужъ за Бернадота; она этого стоитъ». Впослѣдствіи она своимъ личнымъ вліяніемъ на Наполеона не разъ спасала мужа отъ грозившихъ ему опасностей, благодаря его республиканскимъ стремленіямъ, протестамъ противъ установленія имперіи и частымъ столкновеніямъ съ императоромъ, что ему, однако, не мѣшало сдѣлаться маршаломъ и герцогомъ Понте-Корво. Относительно

ея самой Наполеонъ былъ всегда любезенъ, отличалъ ее передъ всѣми родственницами и послѣ эрфуртскаго свиданія подарилъ ей одной драгоцѣнную шубу изъ тѣхъ трехъ шубъ, которыя ему привезъ Александръ. Когда, въ 1810 г., шведы предложили Бернадоту сдѣлаться наслѣдникомъ ихъ бездѣтнаго короля, то Наполеонъ неохотно на это согласился и настаивалъ на письменномъ обязательствѣ Бернадота не поднимать оружія противъ Франціи, а въ виду рѣзкаго отказа послѣдняго онъ гнѣвно воскликнулъ: «Поѣзжайте, и да совершатся наши судьбы». Евгенія съ отчаяніемъ приняла извѣстіе о возвышеніи своего мужа и хотя поѣхала насильно въ Стокгольмъ, но вскорѣ вернулась въ Парижъ и прожила тамъ до 1822 г., вдали отъ семьи, несмотря на то, что ея мужъ уже сдѣлался королемъ въ 1818 г., и во Франціи царили Бурбоны, съ которыми она не имѣла ничего общаго. Настоящая причина этой долгой разлуки съ мужемъ и сыномъ до сихъ поръ неизвѣстна, и ея письма, относящаяся до означенной эпохи, исчезли, то-есть, по всей вѣроятности, уничтожены. Баррâ ехидно увѣряетъ, что ее удерживали въ Парижѣ «сердечныя узы», но это ничѣмъ не доказано, а Питтерсенъ приводитъ цѣлый рядъ предположеній, именно: тоску по родинѣ, боязнь недружелюбно относившихся къ ней шведовъ и политическія соображенія, побуждавшія ее сдѣлаться, по выраженію герцога Ришелье, «парижскимъ агентомъ шведской полиціи», но ни одинъ изъ этихъ мотивовъ не поддерживается, по его же словамъ, безспорными документами. Какъ бы то ни было, увидавъ вновь послѣ двѣнадцатилѣтней разлуки своего сына, уже жениха внучки ея старой соперницы Жозефины и дочери Евгеніи Богарнэ, герцога Лейхтенбергскаго, она почувствовала въ своемъ сердцѣ снова семейныя привязанности и проводила его съ невѣстой въ Стокгольмъ, а убѣдившись тамъ, что мужъ все-таки ее любитъ, она осталась въ Швеціи, счастливо жила съ нимъ 20 лѣтъ и даже пережила на полтора года своего сына, Оскара I, скончавшись уже въ царствованіе своего внука Карла XV, 17-го декабря 1860 г., семидесятидевятилѣтней старухой.

— Императоръ Александръ I у англійскихъ квакеровъ. По случаю пребыванія русской императорской четы въ Шотландіи, англійскія газеты приводятъ историческія ссылки о посѣщеніи Великобританіи прежними русскими государями, и между прочимъ въ «Times» напечатано очень любопытное письмо молодой англичанки, Маріаны Динъ, лично видѣвшей въ 1814 г. Александра и его сестру принцессу Ольденбургскую на фермѣ одного квакера близъ Брайтона. Это письмо препровождено въ редакцію Джономъ Гильтономъ, который сообщаетъ, что оно написано его теткой, тогда молодой дѣвушкой, гостившей на означенной фермѣ, и что по желанію Александра увидѣть квакерскую семью въ ихъ домашнемъ быту было устроено посѣщеніе Джона Глейера, жившаго съ Брайтонѣ, но толпа на улицахъ оказалась столь громадной, что экипажъ императора не могъ проложить себѣ дороги къ жилищу скромнаго квакера, и пришлось отказаться изъ предположеннаго визита; однако по дорогѣ въ Дувръ Александръ нашелъ случай удовлетворить своему желанію, и вотъ какъ описываетъ простая, наивная молодая дѣвушка это посѣщеніе скромной англійской фермы могучимъ распорядителемъ судебъ Европы. Приводимъ письмо цѣликомъ:

«Амберстонъ, 26 іюня, 1814 г.

«Любезные родители, я выставляю на этомъ письмѣ не 27-ое число, какъ бы слѣдовало, а 26-ое, потому что означенный день я буду помнить, какъ день, когда мнѣ пожалъ руку императоръ и поцѣловала меня принцесса Ольденбургская. Утромъ въ первый день (воскресенье) мы уѣли у воротъ, чтобъ видѣть ихъ проѣздъ въ Дувръ, и вскорѣ на дорогѣ показались иностранные экипажи. Сидѣвшія въ нихъ лица кланялись намъ, и мы въ отвѣтъ кивали головой. Между ними былъ король прусскій съ двумя сыновьями. Такъ какъ мы знали, что пройдетъ довольно времени до появленія императора, то ушли домой и пообѣдали. Натаніель Рикманъ хотѣлъ было пойти въ Горсбриджъ, но я замѣтила, что въ виду скопившейся тамъ толпы сосѣдей было приличнѣе хозяину остаться дома, нимало не подозрѣвая, кого намъ придется принимать у себя. Поэтому мы всѣ вернулись на свой постъ и стали ходить взадъ и впередъ передъ домомъ, ожидая экипажей; наконецъ они показались, и намъ сказали, что надо искать императора во второмъ. Рядомъ съ нимъ сидѣла дама, и я тотчасъ догадалась, что это принцесса Ольденбургская. Императоръ разглядывалъ карту, но, замѣтивъ насъ, закричалъ: «Стой, стой». Лошади остановились, и, выскочивъ изъ экипажа, онъ подошелъ къ намъ, какъ настоящій джентельмэнъ. Онъ спросилъ, квакеры ли мы. Мы отвѣчали—да. «Такъ это квакерскій домъ?» — «Да» — «Можно намъ посмотреть вашъ домъ?» Натаніель Рикманъ отвѣчалъ: «Конечно», и, подойдя къ принцессѣ, сказалъ: «Выходи, выходи». Она затѣмъ вышла и протянула обѣ свои руки Мэри Рикманъ и мнѣ, говоря: «Какъ вы поживаете? Я очень рада васъ видѣть». Императоръ тогда пожалъ намъ руки и, взявъ подъ руку Мэри Рикманъ, повелъ ее въ домъ. Принцесса взяла руку Натаніеля Рикмана и послѣдовала за ними. Всѣ помѣстились въ лучшей комнатѣ фермы, гдѣ была тотчасъ подана закуска. Они оба спросили у Мэри Рикманъ, были ли у нея дѣти, и я дочь ли ихъ. Потомъ они осмотрѣли другую чистую комнату и кухню, причемъ сказали: «Какъ здѣсь чисто и хорошо». Принцесса выразила желанье пойти наверхъ и, обращаясь къ Натаніелю Рикману, сказала: «Пойдемте, сэръ, пойдемте». Императоръ взялъ мэри Рикманъ и пошелъ также наверхъ; тамъ имъ показали прежде всего лучшую изъ спальныхъ. Они сказали: «Это для гостей, а гдѣ ваша собственная комната?» Имъ показали эту спальню, а также школьную комнату. Тогда они вернулись внизъ въ гостиную, и я имѣла время рассмотреть ихъ лица. Кажется, я никогда не видывала чловѣка, въ чертахъ котораго было бы написано столько хорошаго, какъ у императора. Онъ говорилъ открыто, любезно, дружески, а держалъ себя учтиво. Они оба побѣдили наши сердца, и мы никогда не забудемъ ихъ. Императоръ очень хорошо сложенъ и красивъ, а когда онъ сталъ прощаться съ нами, то съ чѣмъ я это сравню? Самые любящіе родители не могутъ вѣжливѣ проститься съ своими дѣтьми. Императоръ поцѣловалъ въ щеку Натаніеля Рикмана и мальчиковъ, а у Мэри Рикманъ и у меня поцѣловалъ руку. Принцесса поцѣловала насъ и пожала руку Натаніелю Рикману. Они оба сказали: «Прощайте, будьте здоровы». Усѣвшіеся въ экипажъ, императоръ обернулся и сказалъ: «Привѣтъ отъ меня вашимъ братьямъ и друзьямъ; мы уѣзжаемъ далеко,

въ Россію, но вы насъ не забудьте». Мы посиѣдѣли отвѣтить, что всегда будемъ ихъ помнить. Оба, императоръ и принцесса, хорошо понимали и говорили поанглійски. Завтра я напишу подробнѣе. Будьте здоровы.

«Ваша любящая дочь Маріана Динъ».

— Переписка Поццо-ди-Борго съ графомъ Нессельроде въ 1817 году. Въ первой октябрьской книжкѣ «Revue de Paris» помѣщено нѣсколько писемъ русскаго посланника въ Парижѣ, графа Поццо-ди-Борго, къ министру иностранныхъ дѣлъ графу Нессельроде въ 1817 г. ¹⁾; онѣ заимствованы изъ готовящагося къ печати второго тома «Переписки графа Поццо-ди-Борго съ графомъ Нессельроде» и бросаютъ яркій свѣтъ на отношенія Россіи къ Франціи въ первые годы реставраціи. Оказывается, что тогда русская политика упорно преслѣдовала двѣ цѣли, которыя въ сущности составляли одну: обезпечить Франціи спокойствіе, защищая отъ ультра-роялистовъ конституціонные порядки, единственное средство примирить новую Францію съ старой и дать этой странѣ достаточно силы и достоинства, чтобъ она продолжала играть въ Европѣ свою роль, необходимую для равновѣсія мира. Эти намѣренія Россіи вполне выясняются не только изъ писемъ Поццо-ди-Борго, но также изъ вопросныхъ пунктовъ петербургскаго кабинета, на которые парижскій посланникъ подробно отвѣчалъ и которые приложены къ его перепискѣ. Кромѣ указаннаго интереса, донесенія Поццо-ди-Борго еще любопытны, какъ безпристрастная картина того, что дѣлалось во Франціи въ ту знаменательную эпоху. Съ перваго же письма отъ 31 марта русскій посланникъ очень рельефно рисуетъ положеніе политическихъ партій во Франціи и его правительства. «Составъ перваго министерства короля,—говоритъ онъ,—только увеличивалъ опасности и бѣдствія этой несчастной страны. Князь Талейранъ, бывшій его главой, не возбуждалъ никакого довѣрія; безираветвенность вмѣстѣ съ измѣнчивостью его характера подрывали его кредитъ. Фуше, довершившій несчастье своего отечества эгоистичными переговорами, видѣлъ, что въ совѣтъ короля на него смотрятъ, какъ на чудовище, и замышлялъ новые перевороты въ то самое время, когда большинство европейскихъ государствъ готовили расчлененіе Франціи. Въ виду такого отчаяннаго положенія вещей, нашъ державный повелитель великодушно рѣшилъ пресѣчь въ корнѣ причины безпорядка, смятенія и мести. Этотъ благородный шагъ, плодъ его личнаго чувства сираведливости, оправдывался и политической мудростью, которая, возвышаясь надъ всѣми мелкими расчетами и уничтожая сѣмена злобы, видѣла обезпеченіе общаго мира только въ мѣрахъ, могущихъ сдѣлать надежнымъ этотъ миръ. Необходимо было гарантировать Франціи внутреннее преобразование, подѣ сънью законной династіи и при существованіи конституціонныхъ формъ, соответствовавшихъ потребностямъ націи, которая въ теченіе двадцати пяти лѣтъ видѣла уничтоженіе старыхъ порядковъ, а также сохраненію ея территоріи при временномъ занятіи иностранными арміями». Въ этомъ духѣ былъ заключенъ парижскій трактатъ и образовано министерство герцога Ришелье, который по выраженію Поццо «не при-

¹⁾ France et Russie en 1817, par le comte Pozzo-di-Borgo. Bevue de Paris. Octobre.

нималъ участія въ слабостяхъ, а тѣмъ болѣе въ преступленіяхъ революціи, а представлялъ рѣдкій примѣръ безпристрастія, нравственной силы и вѣрности самымъ чистымъ принципамъ». Но ему мѣшали въ примѣненіи его умѣренной внутренней политики реакціонная, ультра-роялистская палата, а когда король по требованію Ришелье распустилъ ее, то «придворная клика людей, отличавшихся мелкимъ самолюбіемъ, лицемѣріемъ, корыстью и всевозможными предрасудками». Этихъ интригановъ реакціи поддерживалъ братъ короля, будущій Карлъ X, и противъ его гибельнаго вліянія пламенно возстае въ своихъ письмахъ Поццо-ди-Борго; но онъ не только писалъ объ этомъ въ Петербургъ, но принималъ практическія мѣры, чтобъ уговорить слабаго принца, попавшаго въ дурныя руки, образумиться и не губить родины, и не только самъ усовѣщевалъ его, но и просилъ герцога Велингтона дѣлать то же отъ имени всѣхъ европейскихъ державъ. Но этотъ принцъ, возбудившій въ послѣдствіи своимъ реакціоннымъ упрямствомъ іюльскую революцію и низвергнувшій свою династію, ничего не хотѣлъ слышать, настаивая на томъ, что онъ долженъ оставаться вѣрнымъ своей партіи, чести и совѣсти. Выведенный наконецъ изъ терпѣнія, Велингтонъ возразилъ принцу, что онъ говоритъ не съ вождемъ партіи, а съ наслѣдникомъ престола, и что честь, а равно совѣсть обязывала его дѣйствовать согласно съ интересами и чувствами народа, надъ которымъ ему суждено царствовать, а не плодить вражду, которая можетъ отразиться роковымъ образомъ и на немъ самомъ. То же, но въ менѣе рѣзкой формѣ, говорилъ принцу и Поццо-ди-Борго, который очень искренно заботился объ истинныхъ интересахъ Франціи, и когда изъ Петербурга потребовали отъ него отвѣта на длинный рядъ вопросовъ, клонившихся къ тому, можно ли вывести оккупационную армію изъ Франціи по истеченіи установленнаго трехлѣтняго срока, не подвергнувъ опасности установленный тамъ порядокъ, — онъ пламенно отвѣчалъ, что это необходимо и вовсе не опасно, а напротивъ продолженіемъ оккупации можно было все испортить, такъ какъ подобный актъ принялъ бы враждебный, оскорбительный для Франціи характеръ и привелъ бы къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ: къ гибели Франціи и королевской династіи. Далѣе Поццо высказывается прямо за конституціонные порядки, какъ единственное средство спасти Францію, вмѣстѣ съ прекращеніемъ оккупации, создающей ненормальное, смутное положеніе вещей, отъ котораго выплываетъ лишь одна Англія.

— Отношенія Россіи и Англіи къ Франціи въ 1875 г. Всѣмъ извѣстно, хотя и не изъ официальныхъ источниковъ, что въ 1875 году Франція была спасена личнымъ вмѣшательствомъ императора Александра II отъ новой войны, которую готовилъ желѣзный канцлеръ, но свѣдѣнія объ этомъ знаменательномъ эпизодѣ современной исторіи очень скудны. Поэтому и обращаютъ на себя особое вниманіе тѣ страницы книги герцога Брокля «Миссія Гонтэ-Бирона въ Берлинъ»¹⁾, въ которыхъ авторъ рассказываетъ исторію этого событія. Хотя вообще сочиненіе французскаго академика и неудачнаго министра, тщетно старавшагося водворить пресловутый «нравственный порядокъ» въ третьей республикѣ, отличается узкимъ пристрастіемъ, реакціонными взглядами и силь-

¹⁾ La mission de M. de Gontaut-Biron, Berlin, par le duc de Broglie, Paris, 1896.

нымъ желаніемъ унизить Тьера, а напротивъ возвысить себя и роялистовъ, къ которымъ принадлежалъ и его герой, виконтъ Гонто-Биронъ, но основанное на дневникѣ и депешахъ этого дипломата, занимавшаго постъ французскаго посланника въ Берлинѣ съ декабря 1871 г. до послѣднихъ дней 1877, оно представляетъ много интересныхъ подробностей о борьбѣ, которую вынужденъ былъ вести представитель побѣжденной страны съ ея гордымъ побѣдителемъ, чело-вѣкомъ огня и желѣза, въ особенности о томъ критическомъ моментѣ въ франко-нѣмецкихъ отношеніяхъ въ 1875 г., когда французамъ грозила новая война. Какъ только Франція начала оправляться отъ нанесенныхъ ей ударовъ и выказала свою необыкновенную живучесть при республиканской системѣ управленія быстрой уплатой контрибуціи и удачной реорганизаціей арміи, желѣзный канцлеръ задумалъ придаться къ первому удобному предлогу и неожиданнымъ натискомъ окончательно уничтожить ея возрождавшуюся силу, что было ему какъ нельзя болѣе къ стати среди тогдашняго смутнаго внутренняго положенія Германіи, благодаря поднятому имъ клерикальному вопросу. Этотъ случай представился именно въ рѣзкомъ отношеніи французскихъ клерикаловъ къ его знаменитой «культурной борьбѣ», и онъ лично въ бесѣдахъ съ Гонто-Бирономъ и черезъ своего посланника въ Парижѣ принялъ угрожающій тонъ. Первому онъ, напримѣръ, прямо сказалъ: «Если Франція не отречется отъ папской политики, то я не стану ждать для объявленія войны той минуты, когда она будетъ готова, что, я знаю, наступитъ черезъ два года», а послѣдній очень прозрачно намекнулъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, герцогу Деказу, что если Франція будетъ постоянно увеличивать свою армію, то можетъ быть предъявлено къ ней требованіе со стороны Германіи о разоруженіи, что по словамъ Деказа, сказаннымъ русскому посланнику, князю Орлову, съ которымъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ, повело бы къ войнѣ и къ отступленію французской арміи за Луару въ ожиданіи того момента, когда позволить Бисмарку Европа, сложа руки, занять и опустошить беззащитную страну безъ всякаго повода. Но Европа или, какъ до сихъ поръ полагали, Россія не дозволила Бисмарку осуществить свой планъ. Хотя русское правительство находилось тогда въ дружескихъ отношеніяхъ съ Германской имперіей, но когда Бисмаркъ старался ее вовлечь въ свою антиклерикальную борьбу, то, по словамъ Горчакова, Гонто-Бирону было объявлено, что за нимъ не послѣдуютъ на эту почву; посланный имъ въ Петербургъ тайный агентъ Радовичъ съ предложеніемъ развязать ему руки въ Европѣ, за что Россіи будетъ представлено дѣйствовать какъ угодно на Востокѣ, встрѣтилъ самый холодный пріемъ. Напротивъ французскаго посланника, генерала Ле-Фло, князь Горчаковъ и самъ императоръ очень любезно успокаивали въ его опасеніяхъ, что Франціи грозитъ новая война. «Будьте спокойны,—сказалъ ему между прочимъ Александръ II,—если вамъ серьезно будутъ грозить, то вы это тотчасъ узнаете и отъ меня»; а князь Горчаковъ прибавилъ: «Мы все устроимъ, и для этого намъ не надо будетъ вынимать меча». Наконецъ Александръ II, прочитавъ переданную Горчакову генераломъ Ле-Фло критику предложеній Радовича, сдѣланную Гонто-Бирономъ въ депешѣ къ герцогу Деказу, сказалъ: «Не будемъ болѣе объ этомъ говорить; я надѣюсь, что все это

успокоится; во всякомъ случаѣ я исполню то, что вамъ обѣщалъ. До свиданія, я не забуду и надѣюсь, что не будетъ никакого сюрприза». Вскорѣ послѣ этого, проѣхавъ черезъ Берлинъ русскій посланникъ въ Лондонъ, графъ Шуваловъ, и предупредилъ Бисмарка и Вильгельма о намѣреніяхъ Александра II. Тогда желѣзный канцлеръ съ обычной своей ловкостью измѣнилъ свою политику и сталъ громко увѣрять, что онъ никогда не готовился къ войнѣ, и что объ этомъ трубили только клерикалы и биржевые игроки. Поэтому, когда русскій императоръ также проѣздомъ черезъ Берлинъ въ Эмсъ принялъ Гонтэ-Бирона, то послѣ продолжительнаго разговора могъ сказать въ заключенье: «Миръ необходимъ всему свѣту; у каждого много дѣла дома. Передайте маршалу Макъ-Магону, что я очень уважаю его лично и желаю искренно, чтобы его правительство утвердилось. Я надѣюсь, что наши отношенія станутъ все дружественнѣе, такъ какъ наши интересы общіе, и мы должны дѣйствовать заодно». На этомъ кончился критическій эпизодъ 1875 г., и вотъ какъ рассказываетъ Брולי объ участіи въ немъ Россіи. До сихъ поръ никому не было извѣстно, что спасала Францію не только Россія, но и Англія. Въ послѣднее же время много объ этомъ говорится въ заграничной прессѣ. Правда, можно найти намеки на дѣйствія англійскаго правительства и въ особенности королевы Викторіи въ пользу Франціи и въ книгѣ Брולי, но они очень смутные и неопредѣленные: такъ онъ говоритъ, что англійская королева писала лично Вильгельму, что не намѣрена вмѣшиваться въ культурную борьбу Бисмарка, что получена была въ Берлинѣ въ одно время съ пріѣздомъ Шувалова депеша изъ Лондона, которая содѣйствовала перемѣнѣ въ нѣмецкой политикѣ, и что наконецъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Дерби, объясняя въ парламентѣ отношенія Англіи къ Германіи, сказалъ, что компетентное лицо заявило о необходимости для поддержанія мира прекратить со стороны Франціи производящаяся въ ней вооруженія. Все это очень темно, но въ сентябрѣ настоящаго года Бисмарковскій органъ «Neuste Nachrichten» напечаталъ очень важный историческій документъ, именно письмо желѣзнаго канцлера къ императору Вильгельму I отъ 13 августа 1875 г. въ отвѣтъ на сообщенное ему письмо королевы Викторіи на счетъ справедливости слуховъ о подготовлявшейся войнѣ Германіи съ Франціей. Съ обычной своей рѣзкостью онъ опровергаетъ эти слухи, но приводитъ слова Викторіи: «что очень легко доказать преувеличенность ея опасеній», и заявляетъ, что «очень было бы важно узнать, откуда до королевы дошли ложные слухи, которымъ она повѣрила и на основаніи которыхъ англійское правительство приняло такія важныя и недружественныя мѣры». Далѣе онъ прибавляетъ, что еслибъ германскій посланникъ, графъ Мюнстеръ, и сказалъ въ частномъ разговорѣ, что противъ Франціи могутъ быть приняты своевременно военныя мѣры, не дожидаясь ея перваго шага въ выгодное для нея время, то англійское правительство не имѣло права на основаніи такого не официальнаго разговора посланника принимать официальныя мѣры, безъ малѣйшаго предупрежденія. Въ чемъ именно заключались эти мѣры, на которыя дважды намекаетъ Бисмаркъ, онъ не объясняетъ, но согласно статьямъ по этому вопросу адмирала Макса въ «National Review», парижскаго корреспондента «Daily News» и Клемансо въ «Justice» англійская королева прямо вмѣшалась въ дѣло, написала Вильгельму, про-

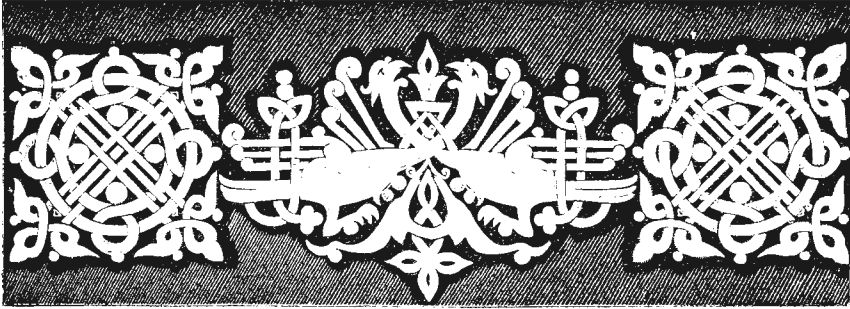
тестуя противъ намѣренія Германіи воевать съ Франціей, а когда старый императоръ просто отрицалъ, чтобъ существовало подобное намѣренье, то она отвѣчала, что готова доказать свои слова. Что касается до англійскаго правительства, то въ тѣхъ же органахъ печати утверждается, что и оно, узнавъ отъ Мюнстера, хотя не официально, о намѣреніяхъ Германіи пойти войной на Францію, немедленно приготовилось пригласить всѣ державы сдѣлать давленіе на Германію съ цѣлью помѣшать ей такъ жестоко нарушить миръ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, по увѣренію «Daily News», королева Викторія обратилась съ просьбой о воздѣйствіи на императора Вильгельма и къ Александру II, который такимъ образомъ будто бы вмѣшался въ дѣло не столько изъ дружбы къ Франціи, какъ изъ желанія сдѣлать пріятное англійской королевѣ, за сына которой онъ только что тогда отдалъ свою дочь.

— Литература «русской недѣли» въ Парижѣ. Посѣщеніе Парижа императоромъ Николаемъ II и императрицей Александрой Теодоровной вызвало на свѣтъ обширную литературу на французскомъ языкѣ въ стихахъ и прозѣ. Къ первымъ произведеніямъ принадлежатъ семь привѣтственныхъ стихотвореній лучшихъ поэтовъ Франціи: Сюли Прюдона, Франсуа Коппе, Жана Айкара, Дерулэда, Жана-Маріи-Гередіа, а также директора театра французской комедіи, Жюля Кларти и пастора Моно, уже не говоря о многочисленныхъ изліяніяхъ невѣдомыхъ музъ, въ томъ числѣ цѣлаго рода романсовъ, переложенныхъ на музыку: «Salut au Tsar», «L'Hommage au Tsar», «L'Honneur au Tsar», «La Marche du Tsar» и т. д. Что касается до прозаическихъ сочиненій, то они имѣютъ тройной характеръ: описательный, диѳирамбическій и историческій: первые, конечно, самыя многочисленные обнимаютъ безконечные отчеты въ газетахъ и журналахъ о всемъ, что дѣлалось во Франціи въ эти памятные дни, при чемъ, конечно, иллюстраціи играли не маловажную роль, какъ, наприимѣръ, въ трехъ номерахъ «Illustration», снабженныхъ особой желтой крышкой съ чернымъ орломъ, и «Revue Encyclopedique», подробно изучившей «императорскую антологию» и «декоративное искусство въ франко-русскихъ празднествахъ». Последнимъ словомъ всего этого будетъ большое изящное изданіе, предпринятое «Temps» и «Gazette des Beaux Arts», которое составитъ подъ заглавіемъ «Шербургъ-Парижъ-Шалонъ» полную исторію перомъ, карандашомъ и кистью пребыванія русской императорской четы во Франціи. Къ диѳирамбическимъ правиламъ слѣдуетъ отнести всѣ болѣе или менѣе краснорѣчивыя выраженія радостныхъ чувствъ по случаю торжествъ, наполнявшихъ столбцы ежедневныхъ, еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ изданій; въ томъ числѣ передовую статью маркиза Кастелана «Привѣтъ Царю» въ первой октябрьской книжкѣ «Revue Nouvelle», исключительно посвященной статьямъ о Россіи, хотя самаго смѣшаннаго содержанія—отъ разсужденія генерала Драгомирова о бѣломъ оружіи до описанія Троицкой лавры и собранія русскихъ пословицъ. Историческій отдѣлъ литературы русской недѣли не такъ богатъ, и мы можемъ указать только на брошюру виконта де Кэ-де-Сентъ-Мура «Русская принцесса, французская королева въ XI столѣтіи»¹⁾,

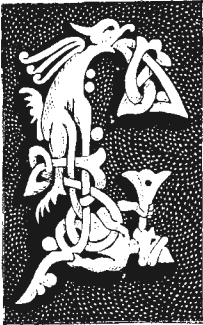
¹⁾ Une princesse Russe, reine de France en XI siècle, par le vicomte de Caix-de-Saint Mour. Paris. 1896.

двѣ статьи о пребываніи Петра Великаго въ Парижѣ въ *Revue de Paris* ¹⁾ Валишевскаго и въ *Revue des Deux Mondes* ²⁾ графа Д'Оссонвиля, статью Шарля-де-Ларивьера «Графъ и графиня Съверные въ Парижѣ въ 1782 г.» ³⁾ въ «*Revue Bleue*». Въ брошюрѣ Сентъ-Мура нѣтъ ничего новаго, и это только перепечатка въ нѣсколько измѣненномъ видѣ его статьи о томъ же предметѣ въ «*Revue Hebdomadaire*» отъ 4-го ноября 1893 г. Статьи о Петрѣ Великомъ Валишевскаго, автора двухъ книгъ объ Екатеринѣ, и графа Д'Оссонвиля, академика, читавшаго свое произведеніе на засѣданіи французской академіи, на которомъ присутствовали императоръ Николай II и императрица Александра Теодоровна, составлены по извѣстнымъ уже матеріаламъ, преимущественно русскимъ, и въ нихъ встрѣчается очень мало невѣдомыхъ, но и то мелочныхъ чертъ пребыванія Петра въ Парижѣ, которые почерпнуты въ французскихъ архивахъ. То же можно сказать и объ очеркѣ Ларивьера, подробно описавшаго пріемъ въ Парижѣ Павла, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ престола, и великой княгини Маріи Теодоровны на основаніи главнымъ образомъ переписки Екатерины II, Гримма, Митра, Мейстера и т. д.

С М Ъ С Ъ.

ТОЛѢТНІЙ юбилей Волынской духовной семинаріи. 28-го и 29-го сентября Волынская духовная семинарія отпраздновала столѣтній юбилей своего существованія. Первый день юбилейныхъ торжествъ былъ посвященъ молитвенному поминовенію почившихъ отцовъ и братій-наставниковъ и питомцевъ семинаріи. На другой день, 29-го сентября, состоялся торжественный актъ въ присутствіи архіепископа холмско-варшавскаго Флавіана и другихъ почетныхъ гостей. Были прочитаны юбилейныя рѣчи двумя преподавателями—гг. Давидовичемъ и Теодоровичемъ. Семинаріей получены привѣтственныя телеграммы отъ бывшихъ

питомцевъ, разсѣянныхъ по всѣмъ концамъ земли. Отъ нѣкоторыхъ лицъ (напримѣръ, отъ инспектора кievской академіи Димитрія) получены денежные приношенія; слѣдуетъ также упомянуть, что отъ еврейской общины г. Кременца поднесена семинаріи въ подарокъ еврейская библія. Семинарія была основана тотчасъ по учрежденіи Волынской епархіи въ отошедшихъ къ Россіи послѣ третьяго раздѣла Польши областяхъ, когда изданъ былъ указъ объ основаніи «епаршеской» семинаріи въ г. Острогѣ. Помѣщенная въ зданіи бывшаго іезуитскаго коллегіума, семинарія въ этотъ первый же періодъ своей жизни испытала цѣлый рядъ злоключеній. Въ отечественную войну, когда театръ военныхъ дѣйствій былъ близокъ къ Волини, признано было нужнымъ отправить семинарію куда нибудь въ безопасное мѣсто. Для этой цѣли назначили городъ Полтаву. Ученики, конечно, не поѣхали въ такую даль, но преподавательскій персоналъ принужденъ былъ совершить эту мѣсячную поѣздку. Но Полтавы путе-

пештвенники не достигли, а принуждены были пріютиться въ захолустномъ уѣздномъ городкѣ Кобелякахъ, гдѣ пришлось примириться съ массой неудобствъ. Достаточно сказать, что существовалъ проектъ за недостаткомъ свободнаго мѣста размѣстить семинарію постоемъ въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ. По минованіи военнаго времени, семинарія въ 1813 г. опять утвердилась въ городѣ Острогѣ. Въ 1821 г. пожаръ настолько повредилъ зданія семинаріи, что дальнѣйшей правильной учебной жизни въ нихъ не могло быть: крыша, на примѣръ, почти вся сгорѣла; и однако же семинарія около двухъ лѣтъ оставалась въ этихъ обгорѣлыхъ развалинахъ. Какова тогда была жизнь семинаріи, можно видѣть изъ того обстоятельства, что, на примѣръ, въ 1822—1823 учебномъ году экзамены должна были быть произведены въ саду подъ открытымъ небомъ. Въ 1825 г. семинарія была переведена въ м. Аннополь, Острожскаго уѣзда, гдѣ для помѣщенія ея были отданы обширныя конюшни тамошняго помѣщика князя Яблоновскаго. Здѣсь семинарія оставалась до 1836 г. Въ конюшняхъ зимой бывало нестерпимо холодно. Кромѣ того, въ фундаментѣ зданія были кое-гдѣ громадныя трещины, чрезъ которыя зимой въ классы залѣзали собаки чуть не со всего мѣстечка. Тѣмъ не менѣе, никто и не поднималъ вопроса о неудобствахъ такой обстановки и, по всей вѣроятности, семинаріи долго пришлось бы терпѣть невзгоды въ м. Аннополь, если бы не помогъ простой случай. Послѣ мятежа 1831 г. русское правительство нашло нужнымъ закрыть знаменитый въ лѣтописяхъ польской общественной жизни кременчугскій лицей (основанный извѣстнымъ Тадеушемъ Чацкимъ) и взятънъ того основать университетъ въ Кіевѣ. Громадныя и великолѣпныя зданія лицея остались безъ опредѣленнаго назначенія; вскорѣ они были куплены духовнымъ вѣдомствомъ, и сюда перевели въ 1836 г. Волынскую духовную семинарію. Такимъ образомъ большую половину своей столѣтней жизни семинарія провела въ г. Кременчугѣ. Однако и въ Кременцѣ семинаріи не суждено было остаться навсегда. Величественныя зданія бывшаго лицея, оставленныя долгое время безъ всякаго ремонта, съ теченіемъ времени ветшали и въ семидесятыхъ годахъ пришли въ такой упадокъ, что самъ собой возникъ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ семинаріи. Одинъ изъ ревизоровъ учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ въ своемъ отчетѣ назвалъ семинарію казармой, а не благоустроеннымъ учебнымъ заведеніемъ. Даже изъ поверхностнаго осмотра зданій семинаріи всякій могъ убѣдиться, что невозможна жизнь въ зданіи съ дырявыми полами, съ вѣчнымъ сквознымъ вѣтромъ во всѣхъ комнатахъ отъ дурнаго устройства оконъ и дверей, съ угарными и мало-грѣющими печками и т. д. Сначала предполагалось ограничиться ремонтомъ главныхъ корпусовъ и перестройкой флигелей, но при ближайшемъ разсмотрѣніи этого вопроса выяснилось, что это будетъ стоить значительныхъ и все-таки мало-производительныхъ затратъ. Поэтому остановились на мысли перевести семинарію въ губернскій городъ Житомиръ, выстроивъ тамъ новыя зданія. Несмотря на то, проектъ о переводѣ свыше двухъ десятковъ лѣтъ не получалъ окончательнаго разрѣшенія. Лишь въ первыхъ мѣсяцахъ юбилейнаго года полученъ былъ указъ святѣйшаго синода о переводѣ семинаріи въ городъ Житомиръ и объ отпускѣ изъ синодальныхъ средствъ необходимой суммы на постройку новыхъ зданій. Такимъ образомъ есть основаніе надѣяться, что въ недалекомъ

будущемъ окончится кочевой періодъ жизни Волынской духовной семинаріи. Можно также надѣяться, что съ переселеніемъ въ губернской городъ Житомиръ въ новое зданіе, хорошо приспособленное къ потребностямъ учебнаго заведенія, наступятъ лучшія времена для развитія и процвѣтанія этой школы, такъ много перенесшей на своемъ вѣку. И если въ прежнее время при самыхъ неблагопріятныхъ вѣнскихъ условіяхъ жизни семинарія съ честью выполнила свою образовательную задачу и дала рядъ полезныхъ, а иногда и выдающихся по энергіи и дарованіямъ работниковъ на обширной нивѣ какъ церкви, такъ и государства, то въ настоящее новое столѣтіе своей жизни—будемъ надѣяться—дѣятельность этой школы будетъ еще плодотворнѣе.

Присужденіе уваровскихъ премій. 25-го сентября происходило торжественное засѣданіе академіи наукъ, въ которомъ объявлены результаты тридцать восьмого присужденія премій имени графа Уварова. Предсѣдательствовали въ засѣданіи вице-президентъ академіи Л. Н. Майковъ, читаль отчетъ непремѣнный секретарь, академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ. На соисканіе наградъ въ нынѣшнемъ году представлено было три сочиненія и одно на предложенную тему. Для разсмотрѣнія и оцѣнки этихъ сочиненій была назначена комиссія подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ вице-президента академіи Л. Н. Майкова и академиковъ: К. С. Веселовскаго, М. И. Сухомлинова, К. Н. Бестужева-Рюмина, В. Г. Васильевскаго и А. А. Куника. По полученіи отзывовъ и по обсужденіи сравнительнаго достоинства сочиненій, комиссія положила присудить малыя Уваровскія преміи, по 500 руб. каждая, слѣдующимъ сочиненіямъ:—І. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ съ XI по XIX вѣкъ» т. I, выпускъ I, буква А. С.-Петербургъ, 1893 г., и т. II, выпускъ 1-й, буква И—І. С.-Петербургъ, 1895 г. Оцѣнку этого сочиненія, по просьбѣ академіи, принялъ на себя В. В. Стасовъ. «Во всѣхъ странахъ Европы, гдѣ процвѣтало и процвѣтаетъ искусство, давно существуетъ его исторія и біографическіе словари художниковъ. Наше же отечество,—говоритъ рецензентъ,—составляетъ до сихъ поръ очень замѣтное исключеніе. Давно уже слышались жалобы, какъ со стороны русскихъ, такъ и иностранцевъ, что нѣтъ у насъ ни исторіи нашего искусства, ни біографическихъ словарей художниковъ. Пришло, наконецъ, время, что и у насъ стали появляться біографіи художниковъ, то отдѣльно, то группами и въ настоящее время представлено было въ академію наукъ сочиненіе г. Собко, имѣющее цѣлю соединить въ одно нѣкое и изобразить жизнь и произведенія всѣхъ русскихъ художниковъ: ваятелей, живописцевъ, зодчихъ, рисовальщиковъ, граверовъ, литографовъ, медальеровъ, мозаичистовъ, иконописцевъ, литейщиковъ, чеканщиковъ и проч., съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней (съ XI до XIX вѣка). Такая задача въ высшей степени интересна, но можетъ показаться слишкомъ смѣлою, при малой разработанности этого отдѣла знаній. Въ самомъ дѣлѣ, какого труда стоитъ собрать громадную массу самаго разнороднаго матеріала, разсѣяннаго по архивамъ, музеямъ, бібліотекамъ, коллекціямъ, печатнымъ книгамъ и рукописямъ. Н. П. Собко не остановился надъ такими трудностями и въ теченіе четверти столѣтія (съ 1867 по 1892 г.) трудился надъ собираніемъ матеріаловъ и ихъ обработкою. Мало того, онъ поставилъ себѣ долгомъ видѣть собственными глазами всѣ художе-

ственные созданія, о которыхъ въ его книгѣ должна была идти рѣчь, прочитать все, что было писано объ этихъ произведеніяхъ, и провѣрить всѣ хронологическія данныя. Подробнѣйшія разысканія въ архивахъ императорской академіи художествъ и министерства императорскаго двора, — говоритъ авторъ, — старательный просмотръ изданныхъ за послѣднее время подлинныхъ документовъ разныхъ старинныхъ архивовъ (Забѣлинымъ, Викторовымъ, академіею наукъ, сенатомъ, синодомъ, разными министерствами и другими учрежденіями) убѣдили меня, что ни одинъ изъ прежнихъ сводовъ свѣдѣній о нашихъ художникахъ съ XIII вѣка не можетъ вполне удовлетворять теперешнимъ требованіямъ или по недостатку указаній на источники, или за отсутствіемъ критическаго разбора ихъ, и только изслѣдованія о старинныхъ мастерахъ приближаются къ современнымъ понятіямъ объ изданіяхъ подобнаго рода. Поэтому, задавшись цѣлью собрать воедино возможно полныя свѣдѣнія о нашихъ художникахъ, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, по архивнымъ документамъ, автобіографическимъ замѣткамъ и другимъ надежнымъ источникамъ, я старался критически разобрать мой матеріалъ. Такимъ образомъ, авторъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы сочиненіе его не было простою компиляціею, и уже одно это придаетъ особенное значеніе сочиненію г. Собко». Указавъ на нѣкоторые мелочные недостатки, рецензентъ признаетъ, что сочиненіе г. Собко имѣетъ громадныя достоинства и во многихъ отношеніяхъ можетъ считаться образцовымъ. Подобнаго сочиненія, столь необходимаго какъ для ученыхъ и художниковъ, такъ и для публики, у насъ еще не было. Оцѣнивъ вполне достоинства изданныхъ выпусковъ словаря г. Собко, академія наукъ не признала возможнымъ увѣнчать его полною преміею потому только, что онъ не конченъ. — П. Голубовскій. «Исторія Смоленской земли до начала XV вѣка. Кіевъ. 1895 г.». Оцѣнка этого труда сдѣлана академикомъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. Рецензентъ находитъ, что трудъ г. Голубовскаго, посвященный изученію судьбы Смоленской земли, какъ основанный на серьезномъ изученіи источниковъ и пособій и на критическомъ отношеніи къ нимъ, составляетъ серьезный вкладъ въ науку. Авторъ начинаетъ съ изученія географіи и этнографіи Смоленской земли. Предпосылая этнографическому введенію географическій обзоръ данной территоріи, г. Голубовскій завершаетъ главу обширнымъ топографическимъ обзорѣніемъ Смоленской земли. Во второй главѣ авторъ переходитъ къ промышленности и торговлѣ Смоленской земли. Порядокъ очень естественный въ виду того, что, служа своими путями сообщенія торговлѣ съ востокомъ и западомъ, а особенно съ западомъ, Смоленская земля сама доставляла предметы для вывоза: лѣсъ, разные роды хлѣбныхъ растений, шкуры пушныхъ звѣрей, металлическія издѣлія и т. д. Начало торговли съ востокомъ относится къ очень раннему времени: восточныя монеты, находимыя въ мѣстностяхъ на торговомъ пути, относятся къ VIII—X в.: между прочимъ, въ Москвѣ найдены монеты IX в. глубоко въ землѣ. Не только монеты, но и вещи восточнаго происхожденія находятся въ могилахъ кривичей и радимичей. Торговля съ востокомъ шла черезъ землю Суздальскую и доходила, вѣроятно, до болгаръ камскихъ. Товары восточныя шли изъ Смоленска на западъ черезъ Ригу. Оживленныя сношенія вель Смоленскъ также и съ Византіей. Товары греческіе шли изъ Смоленска на сѣверъ

и западъ. Литература, посвященная этимъ сношеніямъ Смоленска, вполне исчерпана нашимъ авторомъ; особенную же цѣну его сочиненію придаетъ то, что онъ не просто повторяетъ чужія мнѣнія, а сводитъ ихъ. Такъ называемая «Смоленская торговая правда», т. е. договоръ Смоленска съ нѣмцами, не разъ подтверждавшійся и сохранившійся въ нѣсколькихъ спискахъ, составилъ предметъ особенно тщательнаго изслѣдованія П. В. Голубовскаго; такому изслѣдованію этотъ памятникъ до сихъ поръ подвергнутъ еще не былъ. Въ слѣдующей III главѣ авторъ даетъ словарь Смоленскихъ князей; хотя противъ этого словаря и дѣлались возраженія, что списокъ изложенъ ни генеалогически, ни хронологически, тѣмъ не менѣе, по отзыву академика К. Н. Бестужева-Рюмина, на это можно возразить, что въ книгѣ имѣется и хронологическій списокъ великихъ князей, и генеалогическая таблица всего рода князей Смоленскихъ. Собственно же словарь г. Голубовскаго, по мнѣнію ученаго рецензента, представляетъ большее еще значеніе, потому что заключаетъ въ себѣ изслѣдованія о каждомъ князѣ, а о нѣкоторыхъ даже обширныя, а чрезъ это выясняются на дѣлѣ важные вопросы въ исторіи древней Руси. Глава IV посвящена описанію общественнаго и политическаго быта Смоленской земли. Здѣсь же дѣлается характеристика судебного и финансоваго строя, а равно сообщаются свѣдѣнія о духовной іерархіи, при чемъ авторъ дѣлаетъ любопытныя указанія на смоленскіе источники «Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ». Въ послѣдней главѣ своего труда авторъ излагаетъ политическую исторію Смоленской земли и весьма подробно, опирающіяся на документальныя данныя, свѣдѣнія объ отношеніи Смоленской земли къ ближнимъ и дальнимъ землямъ русскимъ. Признавая трудъ пр. Голубовскаго вполне заслуживающимъ малой уваровской награды, по его точности и документальности, почтенный рецензентъ усматриваетъ единственныхъ два пробѣла въ диссертациі пр. Голубовскаго, а именно отсутствіе изслѣдованія о лѣтописяхъ, касающихся смоленскихъ событій, и очерка литературы интересующаго его предмета. — III. Смирновъ. «Восточные финны. Историко-этнографическій очеркъ. Т. I. Приволжская или Булгарская группа, ч. I. Черемисы; ч. II. Мордва. Т. II. Прикамская или Пермская группа, ч. I. Вотяки; ч. II. Пермьяки». Оцѣнку этого сочиненія принялъ на себя академикъ Д. Н. Анучинъ. Тщательно собранные авторомъ источники и собственные наблюденія, говоритъ онъ, придаютъ его труду выдающееся значеніе въ русской этнографической литературѣ и дѣлаютъ его необходимымъ пособіемъ при изученіи помянутыхъ финскихъ народностей. Но при всемъ этомъ рецензентъ находить, что авторъ не вполне воспользовался печатнымъ матеріаломъ. Такъ, въ монографіи о черемисахъ не приняты во вниманіе археологическія данныя о мери, которая несомнѣнно стояла въ ближайшемъ родствѣ съ черемисами; въ монографіи о пермякахъ и вотякахъ лишь поверхностно затронуты археологическія указанія. Описаніе внѣшняго быта не сопровождается никакими рисунками, безъ которыхъ нельзя уяснить себѣ многихъ подробностей, и наконецъ, къ описанію географическаго распространенія племенъ не приложено карты, которая, конечно, давала бы болѣе наглядное понятіе какъ о распредѣленіи всѣхъ четырехъ народностей, такъ отчасти и объ ихъ передвиженіи въ историческую эпоху на востокъ и сѣверъ. «Всѣ эти недостатки, говоритъ въ заключеніе Д. Н. Анучинъ,

обусловленные главнымъ образомъ матеріальными условіями изданія, не могутъ, однако, заслонить достоинствъ сочиненія профессора Смирнова, оторое, заключаая въ себѣ подробное научное изслѣдованіе финскихъ народностей средняго Поволжья и Прикамья, является важнѣйшимъ историко-этнографическимъ трудомъ въ этой области, появившимся за послѣдніе годы въ русской литературѣ». Для выясненія же способовъ, какими авторъ обосновываетъ лингвистическую характеристику нарѣчій приволжскихъ финновъ въ прошломъ ихъ развитіи и настоящемъ положеніи, академія обратилась къ профессору сравнительнаго языкознанія угрофинскихъ языковъ въ Александровскомъ Гельсингфоргскомъ университетѣ Сетеле, который въ обширной рецензіи далъ полный отчетъ о способѣ обработки предмета г. Смирновымъ съ лингвистической точки зрѣнія.—IV. Фонъ-Кейслеръ. «Окончаніе первоначальнаго русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ въ XIII столѣтіи». Рецензію этого труда, представленнаго въ рукописи, далъ А. П. Сапуновъ и характеризовалъ его въ слѣдующихъ словахъ: «Краѣ, извѣстный подъ именемъ Прибалтійскаго, составляетъ продолженіе той равнины, на которой издревле живутъ русскія племена. Прибалтійскій край населенъ двумя различными племенами—литовскимъ и финскимъ. Всю сѣверную и среднюю полосу его обитали народы финскаго племени, извѣстные древней Руси подъ именемъ чуди; въ южной же части названнаго края жили народы литовскаго племени летгола (летты) и земгола (семигаллы). Чудь, а также летты области Толова, издревле находились подъ вліяніемъ Новгорода и Пскова, летты же при-двинскіе и ливы—подъ вліяніемъ Полоцка. Въ началѣ XIII в. въ этомъ краѣ столкнулся міръ германскій съ міромъ славянскимъ, и между ними завялась борьба, долго тянувшаяся съ перемежнымъ счастьемъ. Борьба съ вѣмецкимъ племенемъ какъ будто завѣщана была нашимъ сѣвернымъ республикамъ изъ мрака доисторическихъ временъ на цѣлый рядъ грядущихъ вѣковъ, замѣтилъ еще Костомаровъ. И дѣйствительно, лишь въ XVIII в. Ливонскій и Прибалтійскій край сдѣлался окончательно тѣмъ, чѣмъ суждено быть этой странѣ по самому ея географическому положенію, т. е. нераздѣльною частью Россійской имперіи. По присужденіи премій комиссіа, въ изъявленіе глубокой признательности, положила благодарить гг. рецензентовъ и назначить отъ имени академіи золотыя Уваровскія медали: тайному совѣтнику Владиміру Васильевичу Стасову, профессору Александровскаго университета Сетеле и статскому совѣтнику Алексѣю Пареевичу Сапунову.

Географическое общество. Послѣ лѣтнаго перерыва, засѣданія возобновились 3-го октября. Въ залѣ засѣданія, происходившаго подъ предѣлательствомъ сенатора П. П. Семенова, собралась многочисленная публика выслушать докладъ барона Э. В. Толя о поѣздкѣ его въ Норвегію для привѣтствованія Нансена. Оставляя въ сторонѣ тѣ оваціи, которыя сдѣланы были неустрашному путешественнику, докладчикъ высказалъ, что лично о себѣ Нансенъ ничего почти не говорилъ, и на вопросы: что онъ испытывалъ во время пути, отвѣчалъ—ничего. Между тѣмъ, сказалъ докладчикъ, нельзя умолчать хотя бы о такомъ, рассказанномъ однимъ изъ сопутствующихъ Нансена, фактѣ: около земли Франца-Иосифа Нансенъ съ однимъ провожатымъ отправился въ каякъ для изслѣдованія скалистаго берега. Причаливъ къ берегу и карабкаясь по отко-

самъ, они замѣтили вдругъ, что каюкъ ихъ уносится въ море. Недолго думая, Нансенъ бросается въ воду, настигаетъ его и хватается, но... отъ сильной стужи онъ не могъ разогнуть колѣнъ, и только послѣ огромныхъ усилій ему удалось бокомъ ввалиться въ каюкъ. Такъ Нансенъ спасъ жизнь себѣ и провожатому. Трехлѣтняя экскурсія Нансена, въ теченіе которой онъ полтора года съ однимъ только провожатымъ скитался по необозримымъ ледянымъ пространствамъ, достигнувъ 86° с. ш., до котораго никто еще никогда не доходилъ, добыла много матеріала, имѣющаго огромное научное значеніе. Такъ, по словамъ докладчика, благодаря Нансену, теперь съ увѣренностью можно сказать, что плаваніе по Великому океану возможно, но лишь при условіи идти рука объ руку съ природою, а не противодѣйствуя ей, и что единственный способъ добиться полюса— ѣзда на собакахъ. Будь у Нансена собаки въ большемъ числѣ и лучшаго качества, быть можетъ, и ему удалось бы достигнуть полюса. Нансенъ видѣлъ Санникову землю, до которой никто еще не достигалъ, такъ что нынѣ можно сказать съ большей или меньшей вѣроятностью, что земля эта есть островъ. Къ сѣверу отъ земли Франца-Иосифа Нансену удалось открыть островъ, которой онъ назвалъ Вѣлой землей. Въ заключеніе референтъ объявилъ собранію, что Нансенъ, прощаясь съ нимъ, общалъ на слѣдующій годъ побывать въ Петербургъ и лично выразить признательность за то участіе, которое оказало ему географическое общество. Затѣмъ, вице-предсѣдатель П. П. Семеновъ доложилъ, что лѣтомъ текущаго года государь императоръ соизволилъ утвердить мнѣніе государственнаго совѣта объ открытіи въ городѣ Ташкентѣ особаго туркестанскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества, съ назначеніемъ названному отдѣлу ежегоднаго пособія въ размѣрѣ 2.000 рублей. Въ томъ же засѣданіи объявлено о всемілостивѣйшемъ разрѣшеніи на принятіе ея императорскимъ высочествомъ принцессой Евгеніей Максимиліановной Ольденбургскою званія почетнаго члена общества. По предложенію совѣта общества, Нансену единогласно присуждено званіе почетнаго члена общества, о чемъ онъ былъ немедленно извѣщенъ телеграммою. Сообщение о состоявшемся избраніи его было встрѣчено шумными рукоплесканіями.

С.-Петербургское археологическое общество. 27-го сентября состоялось засѣданіе отдѣленія русской и славянской археологіи императорскаго русскаго археологическаго общества подъ предсѣдательствомъ С. Θ. Платонова. Сообщение сдѣлалъ И. А. Шлякинъ («О рогволодомъ и двинскихъ камняхъ»), познакомивъ собраніе съ результатами поѣздки своей, предпринятой нынѣшнимъ лѣтомъ, по порученію императорской археологической комиссіи, для изслѣдованія русскихъ лапидарныхъ надписей. Памятники, изслѣдованные теперь и воспроизведенные фотографически, въ свое время обратили вниманіе археологовъ, но докладчику удалось болѣе точно воспроизвести нѣкоторые изъ ихъ, какъ, на примѣръ, камень съ надписью 1171 года съ именемъ Василія-Рогволода, сохранившійся въ Могилевской губерніи, въ церкви близъ деревни Голошева. Въ Западной Двинѣ, какъ извѣстно, есть три камня съ надписью: «Господи, помози рабу твоему Борису», въ извѣстное время года непокрытые водой. Четвертый такой камень въ 1879 году доставленъ въ Московское археологическое общество и теперь хранится въ московскомъ историческомъ музеѣ. На этомъ

камень вырѣзанъ крестъ съ надписью въ двѣ строки, прерываемый крестомъ: сули — хрь, боръ — сть. Выѣсто чтеній, предложенныхъ предшествующими изслѣдователями, И. А. Шляпкинь устанавливаетъ свое чтеніе: Сулиборъ хрьеть, то-есть крестъ Сулибора.—*Θ.* А. Браунъ, на основаніи филологическихъ данныхъ, освѣтилъ свѣдѣнія древнихъ географовъ и историковъ по этнографіи южной Россіи въ эпоху первыхъ вѣковъ нашей эры до великаго переселенія народовъ включительно; такъ это сдѣлано докладчикомъ относительно скировъ, германскаго племени восточно-германской группы.

Московское археологическое общество. 1 октября въ домѣ археологическаго общества, на Берсеневкѣ, состоялось засѣданіе славянской комиссіи общества подъ предѣдательствомъ проф. М. И. Соколова. Членъ общества А. П. Яцимирскій сдѣлалъ докладъ о трудѣ румынскаго ученаго, Іоанна Богдана, изслѣдовавшаго съ исторической точки зрѣнія извѣстную и въ нашей древнерусской литературѣ повѣсть о «Дракулѣ, воеводѣ Мултянскія (Валахской) земли». Документальное изслѣдованіе показываетъ, что Дракула—не вымышленная личность, какъ думали нѣкоторые и, между прочимъ, Карамзинъ, а дѣйствительно существовавшій валахскій воевода Владъ Цепишъ, названный такъ за свою жестокость (румынское цапъ, по русски колъ: Владъ былъ названъ такъ потому, что казнилъ, сажая на колъ). Цепишъ начинаетъ управлять Валахіей въ 1456 году, въ 1462 году бѣжитъ въ Трансильванію, подъ покровительство Венгріи, спасаясь отъ султана; въ 1477 году онъ возвратился въ Валахію, но послѣ трехмѣсячнаго управленія погибъ насильственною смертію. Богданъ пытается на основаніи историческихъ источниковъ выяснитъ духовную личность Цепиша-Дракула и приходитъ къ мысли, что онъ былъ психически-разстроенный человекъ. Психическое разстройство доказывается, по мнѣнію Богдана, письмомъ Цепиша къ султану отъ 8 ноября 1862 года, въ которомъ онъ проситъ помилованія и обѣщается подчинитъ султану Венгрію. Богданъ проводитъ параллель между Цепишемъ и Іоанномъ Грознымъ, причѣмъ обосновываетъ свою характеристику знаменитаго царя на сочиненіяхъ Костомарова, критическихъ статьяхъ Н. К. Михайловскаго и на изслѣдованіи Самуэля Коллинза. Историко-критическій анализъ германскихъ и русскихъ легендъ о Цепишѣ-Дракулѣ обнаруживаетъ прежде всего тотъ любопытный фактъ, что эти легенды начали слагаться еще при жизни Цепиша. Что касается нашей русской повѣсти о Дракулѣ, она написана, по всей вѣроятности, дякомъ Курицынымъ, ѣздившимъ по приказанію Іоанна III въ Венгрію и Молдавію и видѣвшаго въ Будѣ дѣтей Цепиша. При изслѣдованіи русскихъ легендъ о Дракулѣ Богданъ, по указанію референта, допустилъ много ошибокъ, обнаруживъ, между прочимъ, недостаточное знаніе русскаго языка.—Сообщеніе П. А. Лаврова, попытавшагося выяснитъ причины разногласія историковъ относительно того, на какомъ языкѣ (сербскомъ или болгарскомъ) были писаны грамоты султана къ Василію Іоанновичу,—сообщеніе, основанное на тщательномъ изслѣдованіи статейнаго списка султанскихъ грамотъ за періодъ 1512—1561 годовъ,—возбудило оживленныя пренія, причѣмъ было высказано мнѣніе, что затрудненіе это возникаетъ можетъ и по той причинѣ, что наши предки смѣшивали южно-славянскія племена, называя сербовъ болгарами, а болгаръ сербами.

Археологическія богатства Абхазіи. «Черноморскій Вѣстникъ» (№ 197) говоритъ о замѣчательной, но необслѣдованной въ археологическомъ отношеніи, мѣстности Черноморскаго Кавказскаго побережья. Архимандритъ Леонидъ, въ извѣстномъ трудѣ своемъ о памятникахъ христіанства въ Абхазіи, говоритъ, что Пагры, нынѣшнія Гагры, принадлежатъ къ числу древнихъ греческихъ колоній на берегу Чернаго моря, основанныхъ въ VII вѣкѣ до Рождества Христова. Болгарская церковь въ укрѣпленіи Гагры сохранилась въ живописныхъ развалинахъ. Въ протоколахъ подготовительной комисіи V археологическаго съѣзда въ Москвѣ, въ 1879 году, намѣчалось изслѣдованіе громаднаго подземелья, существующаго подъ древнимъ укрѣпленіемъ Вагры (Абхазская Гагра), лежащемъ въ 85 верстахъ къ СЗ отъ Сухума, у труднаго приморскаго прохода изъ Абхазіи въ южную часть Черноморскаго округа. Планъ укрѣпленія и его положенія между скалами и берегомъ моря изображены у Дюбуа-де-Монпере, но никто не упоминаетъ о катакомбахъ, идущихъ подъ Гаграми въ разныя стороны, и даже въ эпоху кавказской войны ими не пользовались при отраженіяхъ вторгавшихся горцевъ. Старожилы повѣствуютъ, что въ обѣ стороны замѣчаются двери, ведущія въ казематы, куда проникнуть имъ не удалось, такъ какъ двери замкнуты. Существуетъ легенда о богатствахъ, сохраняющихся въ этихъ недоступныхъ казематахъ; однако нужны изслѣдованія, которыя потребуютъ крупныхъ затратъ. Алтарь языческаго божества Эйригъ-аацныхъ (въ переводѣ это слово означаетъ: «видящій все днемъ и ночью», или всевидящее око) былъ на отвѣсной скалѣ за укрѣпленіемъ Гагры. Ему приносились частыя и обильныя жертвы. Эйригъ-аацныхъ, онъ же Чугурхъ-ныхъ, былъ покровитель воровства, грабежей и разбоевъ. На картѣ Арріана отмѣчена рѣчка Боргусъ, у мыса Гераклепра: это—рѣчка Жоэ-Квара и мысъ около Гагръ, гдѣ было загражденіе узкаго прохода и стояла *Validos muros*, остатки которой наблюдаются и теперь. На Анконской картѣ Фредуче на мѣстѣ нынѣшнихъ Гагръ стоитъ надпись: *Santa Sophia*. Очень можетъ быть, что древній гагринскій храмъ былъ воздвигнутъ во славу Божіей премудрости и даже въ VI вѣкѣ, одновременно съ Пицундскимъ храмомъ. Въ Пицундской бухтѣ, задолго до христіанской эры, стоялъ городъ Титіусъ, въ 30 стадій (описанный Страбономъ), въ которомъ въ VI вѣкѣ воздвигнутъ храмъ, чудо греческой архитектуры и акустики, созданный по почину суируги императора Юстиніана-Августа, Феодоры. Шлиманъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, собирался въ Абхазію и былъ убѣжденъ, что найдетъ въ ней больше историческихъ и художественныхъ сокровищъ, чѣмъ ему удалось открыть при раскопахъ Трои и на греческомъ Архипелагѣ. Дождется ли Абхазія своего новаго Шлимана?

Касса взаимпомощи при обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Только что изданные отчеты кассы за 1894 и 1895 гг. свидѣтельствуютъ о чрезвычайномъ усиленіи молодаго учрежденія. Въ 1894 г. улучшеніе общаго состоянія кассы превзошло всякія ожиданія. Къ 1 января 1894 г. въ кассѣ состояло 4251 р. 40 к.; въ 1894 г. поступило вступныхъ взносов 1348 р., платежей 679 р. 30 к., пожертвованій 4135 р. 90 к., отъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ 414 р. 75 к., процентовъ 227 р. 25³/₄ к., случайныхъ доходовъ 22 р. 80 к., всего прихода 6828 р. 40³/₄ к., а всего

активъ составилъ 11.079 р. 40³/₄ к. Расходы составили: выдана сумма 879 р. 70 к., покупка и храненіе процентныхъ бумагъ 64 р. 79 к., мелкіе расходы 79 р. 30 к., всего 1.023 р. 79 к. Къ 1-му января 1895 г. въ кассѣ состояло 10.056 р. 1³/₄ к. Въ теченіе отчетнаго года число членовъ возросло на 66 процентовъ; выдаваемые кассою суммы увеличились почти на 50 процентовъ, такъ что въ 1895 г. по 5-рублевому разряду назначалось къ выдачѣ больше, чѣмъ въ 1894 г. по 50-ти-рублевому; наконецъ средства кассы возросли на 136 процентовъ, т. е. увеличились почти въ 2¹/₂ раза. — Въ 1895 г. активъ выразился въ слѣдующихъ поступленияхъ: вступныхъ взносовъ 1.195 р., платежей 3.455 р. 90 к., пожертвованій и выручки отъ литературнаго вечера 751 р. 80 к., разныхъ поступленій 83 р. 80 к., процентовъ 449 р. 87¹/₂ к., отъ продажи процентныхъ бумагъ 3 р. 45 к., а всего 5.939 р. 82¹/₂ к. Пассивъ составили: три выданныя суммы 2.613 р. 25 к., канцелярскіе расходы 100 р. 33 к., кассовые расходы 29 р. 19 к., и за отдѣленіями кассы состояло 118 р. 31 к., а всего расхода 2.861 р. 8 к. Къ 1 января 1896 г. состояло 12.754 р. 96¹/₄ к. За годъ число членовъ увеличилось почти на 18 процентовъ, капиталы возросли на 30 процентовъ, несмотря на то, что выдачи были крупнѣе, чѣмъ за всѣ предыдущіе 4 года, вмѣстѣ взятые. За два года было сдѣлано чрезвычайное пожертвованіе 3.000 р. А. Ф. Маркомъ по поводу 25-ти-лѣтія «Нивы», и имъ же общанъ ежегодный взносъ въ 100 р. Такой же взносъ поступаетъ отъ издателей «Русскихъ Вѣдомостей», а, кромѣ того, отъ К. Т. Солдатенкова ежегодно не менѣе 50 р., отъ Я. Г. Гуревича 20 р. и В. А. Гиляровскаго 10 р.; въ 1896 г. уже общано еще одно ежегодное пожертвованіе въ 200 р. Въ общемъ касса уже можетъ выдавать почти полныя три пенсіи въ 300 р. годовыхъ.

† А. Ф. Баталинъ. 1-го октября въ С.-Петербургѣ скончался докторъ ботаники, директоръ императорскаго ботаническаго сада, Александръ Ѳедоровичъ Баталинъ, хорошо извѣстный своими многочисленными и цѣнными трудами по ботаникѣ и культурѣ растений. Покойный — сынъ извѣстнаго дѣятеля сельско-хозяйственной литературы Ѳ. А. Баталина — родился въ Петербургѣ 1-го августа (по свидѣтельству «Русскихъ Вѣдомостей» — въ Москвѣ, 8-го іюля) 1847 г. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ 5-й С.-Петербургской гимназіи. По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата естественныхъ наукъ, А. Ф. опредѣлился въ 1870 г. на службу младшимъ консерваторомъ въ петербургскій ботаническій садъ и съ того же времени въ теченіе 9 лѣтъ читалъ лекціи ботаники въ горномъ институтѣ, затѣмъ на женскихъ врачебныхъ курсахъ, а въ 1884 году былъ избранъ профессоромъ ботаники императорской военно-медицинской академіи. Въ 1872 г. онъ защитилъ диссертацию подъ заглавіемъ: «О вліяніи свѣта на формы растений», на степень магистра ботаники. Съ этого времени онъ всецѣло посвятилъ свои занятія изслѣдованіямъ флоры, изучая жизнь и строеніе растений въ Ботаническомъ саду и тщательно слѣдя за ботанической литературой. Въ 1876 году онъ блестяще защитилъ диссертацию: «Механика движеній насѣкомоядныхъ растений», представленную имъ для полученія степени доктора ботаники и которою вносилъ въ воспользовался, между прочимъ, Ч. Дарвинъ при изученіи того же вопроса. Въ слѣдующемъ году покойный занялъ должность главнаго садовника императорскаго ботаниче-

скаго сада. Изъ его многочисленныхъ работъ по ботаникѣ укажемъ на цѣнныя изслѣдованія: «Вліяніе сильнаго свѣта на разрушеніе хлорофила», «Движенія листьевъ и цвѣточныхъ листочковъ», «Связи между напряженностью тканей и ихъ ростомъ», «Вліянія хлористаго натрія на развитіе солончаковыхъ растений», «Возможности цвѣтенія только при сравнительно низкой температурѣ растений, цвѣтущихъ ранней весной», «О вліяніи влажности сѣмянъ на ихъ произрастаніе» и пр. Большинство этихъ работъ было напечатано въ «Запискахъ Академіи Наукъ», «Трудахъ С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей», «Трудахъ Ботаническаго сада», «Земледѣльской Газетѣ», «Вѣстникѣ Садоводства» и другихъ специальныхъ журналахъ. Въ послѣдніе годы А. Θ. принималъ дѣятельное участіе въ «Земледѣльской Газетѣ», гдѣ напечаталъ интересныя и подробныя описанія цѣлаго ряда наиболѣе продуктивныхъ хлѣбныхъ растений («Культурные сорта гречихи», «Просовыя растенія, разводимыя въ Россіи» и др.). Съ 1884 года, А. Θ. читалъ въ качествѣ профессора, а съ 1890 года—ординарнаго профессора, ботанику въ военно-медицинской академіи и въ 1885 году издалъ «Ботанику», въ которой собралъ свои академическія лекціи. Послѣ смерти директора императорскаго ботаническаго сада Регеля, покойный былъ въ 1892 г. назначенъ на его мѣсто. При немъ ботаническій садъ замѣтно усовершенствовался. Кромѣ того, А. Θ. участвовалъ въ качествѣ члена въ занятіяхъ ученаго комитета министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Завѣдуя основанною имъ при ботаническомъ садѣ станціею для испытанія сѣмянъ, А. Θ. содѣйствовалъ разведенію въ Россіи новыхъ полезныхъ растений и такимъ образомъ оказалъ существенныя услуги дѣлу прикладной ботаники въ Россіи. За труды по введенію въ Россіи культуры новыхъ растений императорское русское общество акклиматизаціи животныхъ и растений присудило ему золотую медаль. («Нов. Вр.», № 7400; «Русск. Вѣд.», № 274; «Моск. Вѣд.», № 273; «Русск. Сл.», № 267).

† **Л. Н. Казанцевъ.** 19 сентября скоростипжно скончался въ Кіевѣ профессоръ университета св. Владиміра Леонидъ Николаевичъ Казанцевъ. Покойный, сынъ оберъ-офицера, родился въ 1854 г. въ Ярославлѣ. Первоначальное образованіе получилъ въ Ярославскомъ приходскомъ и потомъ уѣздномъ училищѣ. Съ 1864 по 1873 гг. обучался въ Ярославской классической гимназіи, гдѣ и окончилъ курсъ съ аттестатомъ зрѣлости. Высшее образованіе получилъ въ Демидовскомъ юридическомъ лицѣ въ Ярославлѣ, гдѣ состоялъ студентомъ въ 1873—1877 гг. и окончилъ курсъ со степенью кандидата правъ по представленіи сочиненія: «Представительство при обязательныхъ договорахъ». Оно появилось во «Временникѣ Демидовскаго лица» въ 1878 г., подъ заглавіемъ: «Ученіе о представительствѣ въ гражданскомъ правѣ». Въ томъ же 1877 г. Л. Н. поступилъ въ Московскій университетъ на филологическій факультетъ, но оставилъ его въ 1878 г., когда былъ избранъ совѣтомъ Демидовскаго юридическаго лица стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію. Командированный отъ лица въ Кіевъ для выдержанія магистерскаго экзамена, покойный въ 1881 году окончилъ испытанія, былъ удостоенъ званія приватъ-доцента и съ декабря того же года началъ въ университетѣ св. Владиміра чтеніе обязательныхъ лекцій по римскому праву, а послѣ полученія степени ма-

гистра (1884 г.) продолжалъ до смерти преподавать тотъ же предметъ въ званіи экстраординарнаго профессора. Изъ трудовъ покойнаго извѣстны: «Ученіе о представительствѣ въ гражданскомъ правѣ» («Временникъ Демидовскаго лицея» 1878 года), «Объ изученіи римскаго гражданскаго процесса» («Кіевскія университетскія извѣстія» 1881 г., кн. 12), «Понятіе представительства» («Юридическій Вѣстникъ» 1882 г.), «Одна изъ сѣверныхъ общинъ» («Юридическій Вѣстникъ» 1883 г., кн. 6—7) и магистерская диссертация: «Свободное представительство въ римскомъ гражданскомъ правѣ», историко-юридическое изслѣдованіе (Кіевъ, 1884 г., II—119 стр.). («Моск. Вѣд.», № 261; «Нов. Вр.», № 7390; «Нов.», № 263; «Русск. Сл.», № 256).

† **В. И. Пихно.** 15 сентября скончался въ Кіевѣ бывшій (1885—1886 гг.) редакторъ «Кіевлянина» Василій Ивановичъ Пихно; покойный умеръ сорока лѣтъ отъ роду; образованіе онъ получилъ въ университетѣ св. Владимира, по юридическому факультету, но оставилъ юридическую карьеру и занялся сельскимъ хозяйствомъ. Съ конца 70-хъ годовъ въ «Кіевлянинѣ» постоянно печатались его статьи, обнаруживавшія недюжинное литературное дарованіе. Года четыре назадъ вниманіе сельско-хозяйственныхъ журналовъ привлечено было изобрѣтеннымъ В. И. Пихно «дисковымъ плугомъ», типъ котораго, однако, не былъ окончательно разработанъ покойнымъ. Послѣ него осталось также неоконченное обширное сочиненіе по естествознанію («Нов. Вр.», № 7387).

† **С. Г. Ковнеръ.** Въ серединѣ сентября въ Кіевѣ скончался докторъ Савелій Григорьевичъ Ковнеръ, извѣстный своими работами по исторіи медицины. Онъ напечаталъ четыре большихъ выпуска по древней и средневѣковой исторіи развитія медицинской науки: 1) «Исторія древней медицины». Вып. I. Медицина Востока и древней Греціи до Гиппократа. Вып. II. Гиппократъ. Вып. III. Медицина отъ смерти Гиппократа до Галена включительно. Кіевъ. 1878—1888 гг. 2) «Исторія средне-вѣковой медицины». Кіевъ. 1893 г. Сочиненія покойнаго представляютъ изъ себя весьма тщательно составленные сборники важнѣйшихъ матеріаловъ, по которымъ можно составить правильное понятіе объ исторіи медицины. С. Г. родился въ 1837 г. Въ 1860 г. поступилъ на медицинскій факультетъ въ Кіевѣ. Получивъ званіе лѣкаря съ отличіемъ въ 1865 г., онъ былъ оставленъ при университетѣ на два года для приготовленія къ званію профессора. Но въ 1868 г. ему пришлось взять мѣсто врача въ Нѣжинскомъ уѣздномъ земствѣ, гдѣ онъ служилъ до 1884 г. Въ 1890 г. онъ переѣхалъ въ Кіевъ. («Нов. Вр.», № 7390).

~~~~~

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Отвѣтъ на замѣтку о книгѣ: «Списки архіереевъ іерархіи Всероссийской».

Въ октябрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщено нѣсколько замѣчаній на книгу «Списки архіереевъ іерархіи Всероссийской». Авторъ этой замѣтки г. Сергѣевъ утверждаетъ, «что, къ сожалѣнію, это 2-е изданіе «Спис-

ковъ», какъ и первое, заключаетъ въ себѣ значительныя неточности и погрѣшности и даже въ большемъ числѣ, чѣмъ онѣ встрѣчались въ первомъ изданіи», въ доказательство чего и дѣлаетъ нѣкоторыя указанія.

Выпуская новое изданіе «Списковъ», составители его знали заранее, что въ немъ непременно должны встрѣтиться разныя вольныя и невольныя погрѣшности и неточности, столь естественныя и совершенно неизбѣжныя въ трудѣ, состоящемъ изъ однихъ именъ и чиселъ. Поэтому они принимаютъ съ величайшею благодарностью все указанія, устанавливающія точность и вѣрность данныхъ, составляющихъ содержаніе «Списковъ».

Къ сожалѣнію, вчитавшись въ замѣтку г. Сергѣева, составители «Списковъ» нашли, что все почти исправленія его не только голословны, но прямо невѣрны и могутъ вводить читателей лишь въ заблужденіе какъ о достоинствѣ всей вообще книги, такъ главнымъ образомъ относительно тѣхъ якобы невѣрностей, на которыя онъ указываетъ. Эти соображенія побуждаютъ составителей къ отвѣту на вышеупомянутую замѣтку.

Все исправленія г. Сергѣева распадаются на двѣ категоріи. Одни относятся къ прежнему изданію «Списковъ», редактированному въ 1871 г. Ю. Толстымъ, и къ тѣмъ именно немногимъ статьямъ, которыя, по разнымъ обстоятельствамъ, остались неисправленными и въ такомъ видѣ перепечатаны въ новомъ 2-мъ изданіи 1896 г., о чемъ въ предисловіи и сдѣлана надлежащая оговорка, а другія — относятся прямо уже къ составителямъ 2-го изданія. Остановимся пока на второмъ родѣ замѣчаній.

1) Г. Сергѣевъ упрекаетъ составителей 2-го изданія, что они будто бы пропустили въ своемъ трудѣ цѣлыхъ два викаріатства: Боголюбовское, якобы учрежденное 30-го марта 1745 г. «при бывшей епархіи Переяславъ-Залѣсской» (?) (и чрезъ годъ переименованное въ Можайское и Волоколамское), и Мелитопольское, учрежденное въ 1857 г. Утверждаемъ, что этихъ двухъ викаріатствъ никогда не было въ русской церкви за синодальный періодъ. При учреженіи каждаго викаріатства — какъ въ прошломъ, такъ и нынѣшнемъ столѣтіи — составляется прежде всего всеподданнѣйшій докладъ святѣйшаго синода, въ которомъ изъясняются нужды епархіи и причины, вызывающія учрежденіе въ оной новаго викаріатства, съ точнымъ опредѣленіемъ всѣхъ условій и основаній для будущаго викарнаго епископа. Ничего подобнаго не было въ данномъ случаѣ. Вотъ что сказано въ подлинномъ высочайшемъ повелѣніи относительно архимандрита Серапіона, котораго г. Сергѣевъ считаетъ «единственнымъ боголюбовскимъ викаріемъ»: «Ея императорское величество 24-го марта 1745 г. повелѣла: «Тверской епархіи, Калязина монастыря, архимандрита Серапіона, сего же марта 30-го дня въ Петропавловскомъ соборѣ произвестъ во епископа и быть ему викаріемъ архіепископіи Переславской и Дмитровской». Во время нареченія сего архимандрита Серапіона ему обычно былъ объявленъ высочайшій указъ, гдѣ повторено, что «государыня своимъ императорскимъ указомъ повелѣла и святѣйшій правительствующій всероссійскій синодъ благословляютъ вашу святыню произвестъ во епископа и быть викаріемъ архіепископіи Переславскія и Дмитровскія». Наконецъ, 17-го февраля 1746 г. послѣдовало такое высочайшее повелѣніе: «обрѣтающемуся

нынѣ въ архіепископіи Переславской викарію преосвященному Серапіону епископу именоваться и числиться можайскимъ и волоколамскимъ»¹⁾.

Какъ видитъ читатель, ни въ одномъ изъ высочайшихъ повелѣній, а равно и въ синодальномъ опредѣленіи, даже и не упомянуто ни о Боголюбовскомъ викаріатствѣ, ни о Боголюбовскомъ епископѣ. То же самое должно сказать и о Мелитопольскомъ викаріатствѣ, оно никогда не было основано. Назывался единственный епископъ Кирилль (Наумовъ) мелитопольскимъ, но вовсе не какъ викарій Херсонской епархіи. Вотъ подлинныя слова синодальнаго высочайше утвержденаго опредѣленія по этому дѣлу отъ 26-го сентября 1857 г.: «Принимая въ соображеніе, что по высочайше утвержденному въ 30-й день марта сего года штату іерусалимской духовной миссіи начальникомъ оной положено быть епископу, святѣйшій синодъ признаетъ приличнымъ, прежде отправленія архимандрита Кирилла къ мѣсту новаго назначенія, возвести его прежде въ санъ епископа, наименовавъ мелитопольскимъ, по имени города Мелитополя, состоящаго въ предѣлахъ Херсонской епархіи»²⁾.

Имѣли ли, спрашивается, составители послѣдняго изданія «Списковъ» право вносить такія викаріатства, какъ Боголюбовское, которое, неизвѣстно на основаніи чего, занесено было въ исторію Росс. іерархіи (т. I, стр. 232) и отсюда на вѣру было принято какъ Ю. Толстымъ, такъ и др. авторами, занимавшимися подобными работами, а равнымъ образомъ и Мелитопольское, тоже никогда не существовавшее?

2) Г. Сергѣевъ говоритъ, что въ числѣ сѣвскихъ епископовъ пропущенъ епископъ Аполлосъ Байбаковъ и что онъ невѣрно показанъ въ «Спискахъ» въ 1788 г. епископомъ орловскимъ, каковымъ онъ будто бы сдѣланъ былъ чрезъ 10 только лѣтъ. Въ подлинномъ высочайшемъ повелѣніи отъ 6-го мая 1788 г. архимандритъ Аполлосъ назначенъ «изъ настоятелей ставропигіального Воскресенскаго монастыря епископомъ орловскимъ и сѣвскимъ», и вмѣстѣ съ этимъ того же числа викаріатство Сѣвское и Брянское преобразовано въ самостоятельную Орловскую и Сѣвскую епархію. Послѣднимъ сѣвскимъ викаріемъ былъ преосвященный Теофистъ (Могульскій)³⁾. Поэтому болѣе чѣмъ страннымъ представляется утвержденіе г. Сергѣева, будто Орловско-Сѣвская епархіа учреждена была только въ 1798 г.

3) Г. Сергѣевъ обвиняетъ составителей «Списковъ» въ томъ, что они при указаніи ученыхъ степеней бывшаго преосвященнаго екатеринославскаго Августина (Гуляницкаго) не обозначили, что онъ имѣлъ ученую степень доктора богословія. Просимъ г. Сергѣева указать, когда и за что почившій іерархъ получилъ высшую ученую степень. По крайней мѣрѣ, ни въ его формулярахъ, имъ самимъ подписанныхъ, ни въ одномъ изъ его некрологовъ не встрѣчается подобнаго указанія.

Изъ всѣхъ замѣчаній г. Сергѣева остаются въ силѣ лишь слѣдующія: преосвященный Теофосій Вологодскій, произведенный за 3 мѣсяца до смерти въ архіепископа, показанъ умершимъ въ санѣ епископа; преосвященный Іаковъ

¹⁾ Дѣла архива святѣйшаго синода, 1744 г., № 83, стр. 236, 239 и 578.

²⁾ Дѣло арх. святѣйшаго синода, 1857 г., № 4214, стр. 106.

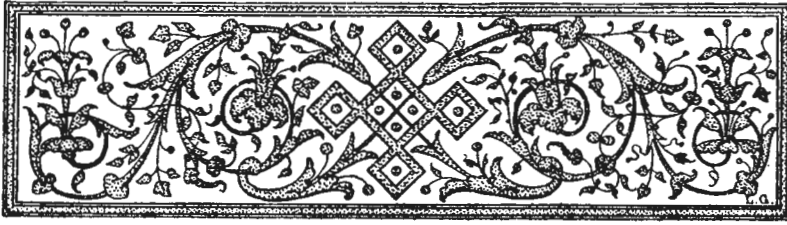
³⁾ Д. архива святѣйшаго синода 1788 г., № 83, стр. 1.

(Пятницкій) пропущенъ въ списокѣ викаріевъ уманскихъ, а преосвященный Петръ, епископъ сухумскій, въ одномъ мѣстѣ названъ по фамилии вмѣсто Друсовъ—Дроздовъ. Что касается святителя Тихона Задонскаго, то имя его не пропущено, а при переверсткѣ въ типографіи уже послѣ окончательной корректуры оно попало изъ перваго столбца стр. 93-й во второй. Такимъ образомъ изъ трехъ обвиненій по первой категоріи два сводятся къ корректурнымъ ошибкамъ.

Что касается обвиненія г. Сергѣева въ тѣхъ ошибкахъ, которыя были допущены Ю. Толстымъ въ 1-мъ изданіи, то онѣ собственно не касаются составителей 2-го изданія «Списковъ», ибо во 2-мъ изданіи въ предисловіи заявлено, что свѣдѣнія о лицахъ, номера которыхъ помѣчены звѣздочкою, остались безъ измѣненій. Почему не сдѣлано было этихъ исправленій во 2-мъ изданіи, здѣсь объяснять не время и не мѣсто. Но, рассматривая и эти замѣчанія, составители убѣдились, что, исправляя другихъ, г. Сергѣевъ впасть въ такія же ошибки, какъ и ранѣе. Для примѣра укажемъ на слѣдующее. Г. Сергѣевъ утверждаетъ, что преосвященный Анатолій Мартыновскій имѣлъ двойную фамилію—Мартыновскій-Востоковъ и въ мірѣ назывался не Августинъ, какъ показано въ «Спискахъ», а Авдій. Просимъ г. Сергѣева пожаловать въ синодальный архивъ и убѣдиться по подлиннымъ дѣламъ и формулярамъ, подписаннымъ самимъ почившимъ іерархомъ, изъ которыхъ онъ увидитъ, что мірское имя преосвященнаго было Августинъ, и нигдѣ двойной фамиліи его не встрѣчается. Г. Сергѣевъ можетъ также провѣрить это и по прекрасному печатному изданію, составленному на основаніи подлинныхъ документовъ: «Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій, и его литературные труды», М. Едлинскаго, Кіевъ, 1889 г.

Такою же основательностью отличаются и всѣ остальные замѣчанія г. Сергѣева относительно какъ двойныхъ фамилій нѣкоторыхъ епископовъ, такъ и вообще фамилій, которыми онъ награждаетъ тѣхъ іерарховъ, которые показаны въ «Спискахъ» безъ фамилій. Составители 2-го изданія «Списковъ» вносили въ свой трудъ только тѣ свѣдѣнія, которыя они находили въ оффиціальныхъ документахъ своего архива. А если бы они стали пользоваться тѣми невѣрными печатными пособіями, которыми располагалъ г. Сергѣевъ при составленіи своей замѣтки, то они, подобно ему, попали бы и сами въ крайне неловкое положеніе и, главное, ввели бы своихъ читателей въ большое заблужденіе. Очевидно, г. Сергѣевъ не только «бѣгло» просмотрѣлъ «Списки»,—какъ онъ самъ объ этомъ заявляетъ въ своей замѣткѣ,—но еще болѣе «бѣгло» написалъ оную. Но ему должно быть извѣстно, что въ серьезныхъ историческихъ работахъ менѣе всего умѣстна бѣглость.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И КНИЖНОЕ ДѢЛО ВЪ РОССИИ ВЪ 1895 ГОДУ.

II.

Периодическая печать.

ТО ДАЛЪ русской журналистикѣ минувшій 1895 годъ? и много и мало, отвѣчаемъ мы на этотъ вопросъ: много по количеству, мало по качеству. Познакомившись ближе съ помѣщенными ниже программами вновь разрѣшенныхъ 64-хъ периодическихъ изданій и оставя въ сторонѣ тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ специальное назначеніе, а также и издающіяся на инородческихъ языкахъ, въ оставшемся затѣмъ числѣ вы не найдете и десятка такихъ, которыя обратили бы на себя ваше вниманіе, которыя заранѣе могли бы рассчитывать хотя бы на небольшой успѣхъ въ средѣ читателей. Въ остающейся за этими исключеніями группѣ изданій, по нашему мнѣнію, имѣется только одно особенно интересное по своей программѣ— это газета г-на Бадмаева «Жизнь на восточной окраинѣ», выходящая въ г. Читѣ на русскомъ и монгольскомъ языкахъ. Названная газета имѣетъ не только мѣстный, но и общій интересъ: она знакомитъ русскаго читателя съ тою громадною частію его отечества, о которой онъ или ничего не знаетъ, или знаетъ весьма мало, и то больше понаслышкѣ.

Провинція наша въ послѣднее время все чаще и чаще стала жаловаться на скудость въ мѣстныхъ органахъ печати, на ея захудалость, на тѣ препоны, съ которыми она должна постоянно бороться на своемъ пути; начинаютъ ука-

зывать даже на существующее будто бы противодѣйствіе со стороны мѣстной администраціи къ возникновенію новыхъ помѣстныхъ органовъ печати. Такое положеніе, конечно, очень грустно и не желательно, но въ одномъ ли этомъ лежитъ помѣха всему дѣлу? Намъ кажется, что нельзя отрицать существованіе, какъ въ провинціи, такъ и въ столицахъ, еще одного весьма важнаго факта, вызывающаго собою захудалость и умйраніе многихъ повременныхъ органовъ печати,—это то обстоятельство, что за дѣло руководства этою печатью зачастую берутся люди, лишеныя не только всякаго литературнаго дораванія и совершенно или очень мало къ тому подготовленныя и способныя. Въ столицахъ это еще не особенно большая бѣда — здѣсь много литературныхъ силъ, и нужно только заручиться ими, но далеко не то въ провинціи, гдѣ такихъ силъ пока мало, гдѣ иногда душою изданія является одинъ только редакторъ его. Самымъ убѣдительнымъ тому доказательствомъ могутъ служить наши губернскія вѣдомости—тамъ, гдѣ редакторами этихъ органовъ состоятъ мадо-мальски опытные, энергичныя и не чуждыя литературности лица, тамъ губернскія вѣдомости интересны и имѣютъ достаточное число читателей, въ противномъ же случаѣ въ нихъ, кромѣ перепечатокъ изъ другихъ газетъ, казенныхъ объявленій и литературы полицейскихъ участковъ, повѣствующей объ уличныхъ скандалахъ, ничего другаго не найдешь. Умѣлость въ руководствѣ журнальнымъ дѣломъ получаетъ у насъ тѣмъ болѣе важное, въ провинціи же даже первенствующее, значеніе, что, говоря вообще, русскій человѣкъ еще не привыкъ къ газетѣ, онъ, пока, не ощущаетъ въ ней необходимой для себя надобности и потому совершенно легко обходится безъ нея; русскій человѣкъ не политикъ и если подчасъ охотно трактуетъ о разныхъ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ, то это еще не значитъ, что бы онъ съ такою же охотою сталъ читать о нихъ, потому то и надо сумѣть привлечь его къ чтенію, заинтересовать имъ.

Мы сказали выше, что въ 1895 году было разрѣшено 64 новыхъ періодическихъ изданій, но изъ нихъ, въ виду поздняго вослѣдованія самаго разрѣшенія, 13-ть изданій должны были начать свой выходъ въ свѣтъ лишь въ текущемъ 1896 году. Новыя повременныя изданія должны выходить: 52 на русскомъ языкѣ, 2 на польскомъ, 3 на нѣмецкомъ, по одному на древне-еврейскомъ и латышскомъ и 5-ть на разныхъ языкахъ; по мѣсту выхода:—33 въ столицахъ (Петербургѣ и Москвѣ) и 31 изданіе въ провинціальныхъ городахъ; по условіямъ изданія: съ дозволенія предварительной цензуры — 39-ть и безъ предварительной цензуры — 25-ть. Преобладанію подцензурныхъ изданій надъ безцензурными должна много способствовать иллюстрація изданій — теперь почти всѣ газеты и журналы украшаютъ себя картинками изъ событій современной жизни, портретами и т. п. По программамъ новыя изданія распредѣляются такъ: литературныхъ и литературно-политическихъ — 12-ть, медицинскихъ — 11, естествознанія — одно, сельско-хозяйственныхъ и торгово-промышленныхъ — 9-ть, техническихъ — 3, педагогическихъ — 3, духовныхъ — 2, другихъ специальностей — 8 и справочныхъ — 15-ть; по времени выхода въ свѣтъ: 5 — ежедневныхъ, 13 — еженедѣльныхъ, 23 — ежемѣсячныхъ, 5 — выходящихъ нѣсколько разъ въ недѣлю, одно — нѣсколько разъ въ мѣсяцъ, 10 — нѣсколько

разъ въ годъ, 2 — неопредѣленно и 5 — выходило временно. Здѣсь можно упомянуть еще и о томъ, что въ 1895 году (въ ноябрѣ мѣсяцѣ) было разрѣшено возобновить два старыхъ, прекратившихся изданія: «Театральная Библиотека» и журналъ «Всходы», но выходъ ихъ долженъ начинаться съ 1896 года.

Что касается періодическихъ изданій прежнихъ лѣтъ, то въ нихъ въ теченіе минувшаго года произошли слѣдующія измѣненія: 23 изданія дополнили свои программы нѣкоторыми новыми отдѣлами, или измѣнили ее; 10-тъ изданій получили разрѣшеніе на выдачу отдѣльныхъ приложений; 9-тъ изданій измѣнили свое названіе; въ 59-ти изданіяхъ перемѣнились редакторы, а въ 35-ти — издатели; 23-и изданія измѣнили сроки выхода въ свѣтъ; одно изданіе начало выходить подъ цензурою; 4-е изданія переведено изъ одного города въ другой: «Архивъ Психіатріи» — изъ г. Харькова въ Варшаву, «Вѣстникъ Винодѣлія» — изъ Петербурга въ Одессу, грузинская газета «Меурне» — изъ Тифлиса въ Кутаисъ и «Прибалтійскій Листокъ» — изъ г. Юрьева въ Ригу; 8-мь изданій объявлены окончательно прекратившимися.

За всѣми приведенными выше измѣненіями получится слѣдующее положеніе, въ которомъ должна была находиться повременная печать въ Россіи къ началу 1896 года сравнительно съ прошлымъ годомъ:

	Къ началу 1895 г.	Къ началу 1896 г.
Всего періодическихъ изданій	802	856
На русскомъ языкѣ	642	684
» инородныхъ языкахъ	160	172
Цензурныхъ	540	570
Безцензурныхъ	262	286
Ежедневныхъ	112	117
Выходящихъ нѣсколько разъ въ недѣлю	101	106
Еженедѣльныхъ	223	235
Выходящихъ нѣсколько разъ въ мѣсяцъ	105	107
Ежемѣсячныхъ	175	196
Выходящихъ нѣсколько разъ въ годъ	58	70
Выходящихъ неопредѣленно	28	30

Въ эту группировку періодическихъ изданій, въ распредѣленіе по времени выхода, включены и тѣ пять изъ нихъ, которыя должны издаваться временно, а потому ихъ слѣдовало бы исключить, и въ такомъ случаѣ общее число выразилось бы цифрою — 851. Мы не сдѣлали этого потому, что при этомъ тогда оказалась бы небольшая погрѣшность, такъ какъ нѣкоторыя изъ изданій съ ограниченнымъ срокомъ должны начать свой выходъ въ свѣтъ въ текущемъ году.

Что же касается періодическихъ изданій прекратившихся въ 1895 году, то изъ общаго числа 10-ти-три изъ нихъ приходится на долю провинціальныхъ городовъ, остальные же семь выходили въ столицахъ. Приводимъ указаніе на продолжительность выхода въ свѣтъ, годо-изданіе, прекратившихся журналовъ.

НАИМЕНОВАНИЕ ИЗДАНИЙ.	Начало изданія.	Годо-изданіе.
«Вѣстникъ зубоврачебной науки и техники» .	съ 1893 г.	1 годъ.
«День»	» 1885 »	10 лѣтъ.
«Домострой»	» 1892 »	2 года.
«Курянинъ»	» 1892 »	2 » .
«Русская Медицина»	» 1876 »	19 лѣтъ.
«Рыбное Дѣло»	» 1891 »	3 года.
«Шахматное Обзорѣніе»	» 1891 »	3 »
«Охота»	» 1891 »	3 »

Въ этомъ перечнѣ не показаны газеты: «Вечеръ» и «Черноморскій Листокъ» первая потому, что мы не могли отыскать года, съ котораго начался ея выходъ въ свѣтъ, а второе потому, что, за несостоявшейся подпиской на него, оно, какъ не существовавшее фактически, не могло быть принято въ счетъ; разрѣшеніе же на изданіе «Черноморскаго Листка» было дано 21 января 1894 г.

Отмѣчая тѣ карательныя мѣры, которымъ подвергалась въ 1895 году періодическая печать, нельзя не замѣтить, что годъ этотъ принадлежалъ къ числу наиболѣе снисходительныхъ годовъ,—въ теченіе его было всего только пять случаевъ примѣненія такихъ мѣръ: въ двухъ изъ нихъ объявлялась кратковременная пріостановка изданія, въ двухъ же другихъ воспрещалась розничная продажа изданія, и только въ одномъ случаѣ дано было предостереженіе. Въ хронологическомъ порядкѣ всѣ эти распоряженія слѣдовали такъ: 13-го января—пріостановка на два мѣсяца изданіе газеты «Курскій Листокъ»; 1-го февраля—воспрещена розничная продажа номеровъ газеты «Театральныя Извѣстія»; 15-го февраля—объявлено первое предостереженіе журналу «Наблюдатель», которое, по объясненію министра внутреннихъ дѣлъ, вызвано тѣмъ соображеніемъ, что журналъ «Наблюдатель» продолжаетъ упорствовать въ своемъ предосудительномъ направленіи, доказательствомъ чего служитъ напечатанная въ февральской книжкѣ этого изданія статья «Новыя умственныя движенія въ Германіи», явно проникнутая сочувствіемъ къ социалистическимъ теоріямъ; 17-го февраля—воспрещена на одинъ мѣсяць розничная продажа номеровъ газеты «Кіевлянинъ»; 15-го марта—пріостановлено на 4 мѣсяца изданіе газеты «Саратовскій Дневникъ» и 27-го октября—воспрещена розничная продажа номеровъ газеты «Русскія Вѣдомости».

Изданія, вновь разрѣшенныя въ 1895 году.

Минувшій годъ довольно обиленъ вновь разрѣшенными періодическими изданіями, ихъ было на 19 изданій болѣе, чѣмъ во 1894 г. Какъ и ранѣе, въ общемъ числѣ новыхъ изданій встрѣчаются такія, которыя не имѣютъ никакого литературнаго значенія и, кромѣ того, было четыре изданія, выходъ которыхъ въ свѣтъ опредѣлялся извѣстнымъ временемъ, пріурочивался къ разнымъ създамъ или выставкамъ. Большая часть новыхъ изданій должна выходить на русскомъ языкѣ и только 5-ть на разныхъ другихъ языкахъ.

Характеръ и значеніе cadaго періодическаго изданія лучше всего опредѣляется его программой, и такъ какъ мы вообще не входимъ въ ближайшее разсмотрѣніе этихъ программъ, а преслѣдуемъ лишь библиографическую цѣль, то въ виду этого и приводимъ подробности программъ, располагая самыя изданія въ алфавитномъ порядкѣ ихъ наименованій.

Амурская газета. Это политическо-общественное и литературное изданіе выходитъ въ г. Благовѣщенскѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, еженедѣльно; редакторъ и издатель газеты отставной титул. сов. Александръ Александровичъ Кордовскій. Разрѣшеніе на изданіе дано 23 марта. Программа: а) Передовыя статьи, содержащія въ себѣ главнымъ образомъ разсмотрѣніе нуждъ и интересовъ края и преимущественно по предметамъ заселенія, переселенія, колонизаціи и культивировапія его, а также по вопросамъ торговли, промышленности, сельскаго хозяйства и народнаго образованія. Распоряженія и дѣйствія правительства и въ особенности администраціи края; событія повсемѣстной жизни, составляющія интересъ дня; политическое обозрѣніе, иностранное обозрѣніе, агентскія телеграммы. б) Хроника мѣстной общественной жизни, свѣдѣнія о торговлѣ г. Благовѣщенска, объ общественномъ его управленіи, о дѣятельности различныхъ кружковъ и обществъ въ немъ, о театрѣ, о пароходствѣ, о постройкѣ желѣзной дороги, справочныя цѣны; разныя извѣстія; слухи, корреспонденціи изъ другихъ мѣстъ Сибири. Сектанты Амурской области, китайцы и проч. инородцы, живущіе по Амуру, ознакомленіе съ ихъ бытомъ, вѣрованіемъ, обрядностью, и т. п. в) Вопросы мѣстной золотопромышленности; здѣсь, кромѣ статей спеціального характера, помѣщаются свѣдѣнія объ отправляющихся на развѣдки партіяхъ, о движеніи и открытіяхъ этихъ партій, о новыхъ заявкахъ пріисковъ, объ управленіи золотыми пріисками, нужды пріисковъ и дѣйствія правительства въ отношеніи улучшенія порядка управленія, положеніе пріисковыхъ рабочихъ, вопросы «хищнической», «спиртноношеской»; всѣ распоряженія иркутскаго горнаго управленія и окружныхъ горныхъ инженеровъ, относящіяся къ золотымъ пріискамъ. г) Отчеты по всѣмъ выдающимся уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ въ краѣ безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній, о перемѣнахъ личнаго состава по судебному вѣдомству въ краѣ, замѣчательные процессы Россіи и Европы, перечень происшествій за недѣлю. д) Фельетонъ, стихотворенія сибирскихъ авторовъ, очерки и повѣсти изъ жизни пріисковой, таежной, бродяжнической, тюремной и изъ жизни сахалинской каторги. Къ газетѣ выдаются приложенія — беллетристическія произведенія.

Vajnizas Westnesis (Церковный указатель). Духовный журналъ на латышскомъ языкѣ, издающійся въ С.-Петербургѣ; выходитъ ежемѣсячно, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель журнала пасторъ при евангелическо-лютеранской церкви Христа Спасителя, Іоаннъ Сандерсъ. Разрѣшеніе на изданіе дано 19-го октября. Программа: а) Объяснительныя статьи по священному писанію. б) Статьи по богословію. в) Статьи нравственно-поучительнаго содержанія. г) Разказы религіознаго характера. д) Церковное пѣніе и религіозныя стихотворенія. е) Церковныя извѣстія. ж) Объявленія.

Варшавскій Листокъ. Общественно-литературная газета, выходящая въ

г. Варшавѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; выпускаемая ежедневно; издатели Алексѣй Константиновичъ Асоченскій и жена его Елизавета Павловна, первый — редакторъ газеты. Разрѣшеніе на изданіе дано 18 февраля. Программа: а) Краткіе святцы, мѣсяцесловъ и календарный указатель. б) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и телеграфныхъ агентствъ. в) Правительственныя распоряженія. г) Заграничныя извѣстія (важнѣйшія событія по свѣдѣніямъ заграничныхъ газетъ и журналовъ). д) Извѣстія изъ Россіи (выписки изъ русскихъ газетъ и собственные корреспонденціи). е) Хроника мѣстныхъ событій. ж) Извѣстія торговыя, биржевыя и промышленныя. з) Справочный указатель. и) Фельетоны. і) Частныя объявленія. Приложение — вечерній листокъ, выдаваемый бесплатно.

Вечерніе Огни. Журналъ литературный, издающійся въ Москвѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, съ приложениями; выходитъ еженедѣльно; издатель и редакторъ журнала губернск. секр. Павелъ Павловичъ Вобровъ. Разрѣшеніе на изданіе дано 16-го мая. Программа: а) Беллетристика (оригинальныя и переводныя романы, повѣсти, рассказы, очерки, біографіи, путешествія, драматическія произведенія, стихотворенія, поэмы и т. п.). б) Оригинальныя и переводныя (небольшія, популярнаго характера) статьи и изслѣдованія, хозяйственныя и научныя. в) Новосты художественныя и литературныя. г) Библиографія (критическія замѣтки о новыхъ книгахъ, статьяхъ, картинахъ, художественныхъ произведеніяхъ и т. п.). д) Смѣсь (мелкіе факты и анекдоты изъ частной и общественной жизни). е) Мелочи (шутки, шарады, задачи, игры, ребусы и т. п.). ж) Объявленія и рекламы. Въ текстъ журнала помѣщаются: картины, рисунки, эскизы, снимки, портреты и т. п. Этотъ журналъ даетъ слѣдующія приложенія: 1) Картины и рисунки на отдѣльныхъ листахъ. 2) Ежемѣсячно — приложение парижскихъ «модъ» и дамскихъ рукодѣлій съ рисунками; въ текстъ — новости модъ, совѣты хозяйственныя, медицинскіе и т. п. При «Модахъ» — выкройки, рисунки для вышиванія, выжиганія на деревѣ, узоры для вышиванія и т. п. 3) Ежемѣсячно «Театрально-Музыкальное» приложение: театральныя и музыкальныя новости, отзывы о новыхъ пьесахъ, композиціяхъ, съ біографіями артистовъ и ихъ портретами, небольшія музыкальныя пьесы. 4) «Юмористическое» приложение съ карриатурами въ текстъ: шуточные рассказы, стихотворенія, пародіи и т. п. 5) «Спортъ», какъ то: скачки, бѣга велосипеды, охота, рыбная ловля, атлетическія игры, карты. 6) Четыре приложенія «альманаха» каждый разъ подъ какимъ нибудь новымъ названіемъ — исключительно беллетристическаго содержанія, съ картинами, рисунками и виньетками.

Вопросы нервно-психической медицины. Журналъ спеціально медицинскій, выходящій въ г. Кіевѣ, безъ предварительной цензуры, отъ 2-хъ до 4-хъ разъ въ годъ; редакторъ и издатель — профес. университета св. Владиміра статск. совѣтн. Иванъ Алексѣевичъ Сикорскій. Такъ какъ разрѣшеніе на изданіе этого журнала дано было 13 декабря, то надо думать, что выходитъ его въ свѣтъ могъ послѣдовать только въ 1896 году. Программа: а) Оригинальныя статьи по вопросамъ психіатріи и нервной патологіи, а также по вопросамъ анатоміи, физиологіи, гигиены, нервной системы и врачебной экспертизы,

относящейся къ этимъ предметамъ. б) критика и библиографія по тѣмъ же вопросамъ; в) Хроника первыхъ клиникъ, психиатрическихъ клиникъ, домовъ для умалишенныхъ, заведеній для идиотовъ и исправительныхъ заведеній. г) Краткія замѣтки по содержанію трехъ предыдущихъ отдѣловъ.

Вѣстникъ Конькобѣжцевъ. Этотъ журналъ выходитъ въ Москвѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, въ числѣ 20-ти № въ теченіе времени съ 1-го октября по 31 марта; издатель журнала — московское общество конькобѣжцевъ-любителей, редакторъ Владиміръ Викторовичъ Бѣлоусовъ. Программа: а) Передовыя статьи, касающіяся конькобѣжнаго и лыжнаго спорта, а также спорта, имѣющихъ вспомогательное значеніе для конькобѣжцевъ. б) Исторія развитія конькобѣжнаго и лыжнаго спорта. в) Иллюстрація и портреты. г) Уставы русскихъ и заграничныхъ спортсменскихъ обществъ. д) Программы и отчеты о состояніи московскаго общества конькобѣжцевъ-любителей, а равно и другихъ русскихъ и иностранныхъ спортсменскихъ обществъ. е) Техническій отд., посвященный вопросамъ, касающимся нововведеній и различныхъ усовершенствованій въ названныхъ спортахъ. ж) Телеграммы и корреспонденціи изъ-за границы и Россіи. з) Критическій обзоръ. и) Фельетонъ и стихотворенія, относящіеся къ названнымъ спортамъ. і) Смѣсь — различныя мелкія статьи, а также открытые вопросы и отвѣты подписчиковъ и редакціи, касающіяся спорта. к) Объявленія.

Вятскій Край. Газета общественно-литературная, выходящая въ г. Вяткѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, три раза въ недѣлю; издатель газеты — колл. секр. Яковъ Ивановичъ Поскребышевъ, редакторъ — дворян. Алексѣй Петровичъ Лашкевичъ. Разрѣшеніе на изданіе газеты дано 13-го января. Программа: а) Правительственныя распоряженія. б) Телеграммы. в) Обзорніе газетъ и журналовъ. г) Послѣднія извѣстія. д) Статьи по общественно-экономическимъ вопросамъ общимъ и мѣстнымъ. е) Хроника: городская и земская жизнь, школа, медицина, театр. Вѣсти изъ Вятско-Камскаго края. ж) Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденція и извѣстія газетъ). з) Свѣдѣнія о заграничной жизни. и) Фельетонъ — научный, литературный, беллетристическій, театральныи и музыкальный. і) Критика и библиографія. к) Смѣсь: замѣтки по разнымъ отраслямъ наукъ, искусствъ и прикладныхъ знаній. л) Судебная хроника, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. м) Почтовый ящикъ. н) Справочный отдѣлъ: курсъ, мѣстныя цѣны на продукты и проч. о) Объявленія. Въ тѣ дни, когда газета не выходитъ, городскіе подписчики получаютъ телеграммы.

Графическія искусства и бумажная промышленность. Этотъ спеціальныи журналъ выходитъ въ Петербургѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, ежемѣсячно; издатель журнала купецъ Исидоръ Гольдбергъ, редакторъ — врачъ Павелъ Ольхинъ. Разрѣшеніе на изданіе журнала дано 16-го мая. Программа: а) Машины, инструменты, матеріалы и различныя пособія для печатнаго дѣла. б) Способы печатанія и воспроизведенія. в) Обращеніе произведеній печати въ предметы потребленія: книги, тетради, сложенные листы и проч. г) Изящество въ печатномъ дѣлѣ. д) Выдѣлка различнаго рода бумаги и полусырыхъ матеріаловъ изъ бумажной массы. е) Издѣлія изъ бумаги и бумажной массы. ж) Описаніе замѣчательныхъ учрежденій, фабрикъ и заведеній

для приготовления и обработки бумаги и для печатанія. Историческія свѣдѣнія о такихъ учрежденіяхъ и заведеніяхъ. Биографіи дѣятелей въ бумагопромышленномъ, печатномъ и издательскомъ дѣлахъ. з) Бытъ и нужны занимающихся печатнымъ дѣломъ и бумажною промышленностью. и) Вѣстникъ: распоряженія правительства, привилегіи, статистика, судебная хроника и разныя свѣдѣнія, касающіяся печатнаго дѣла и бумагопромышленности. і) Образцы печатанія, рисунковъ, бумаги и издѣлій изъ нея. к) Почтовый ящикъ. л) Объявленія.

Даромъ — *Umsonst*. Эта газета выходитъ въ г. Ригѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, ежедневно и заключаетъ въ себѣ только объявленія; издатель газеты Ниссенъ Зунделовъ Брауде, редакторъ — дес. Михаилъ Егоровичъ фонъ-Адеркасъ. Разрѣшеніе на изданіе дано 13-го мая.

Двигатель. Вѣстникъ международной техники, торговли и промышленности. Спеціальный журналъ, издающійся въ Москвѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, выходитъ еженедѣльно; издатель и редакторъ сѣверо-американскій гражданинъ Арнольдъ Гиллингъ. Разрѣшеніе на изданіе журнала дано 11-го мая. Программа: а) Обзоръ російской и иностранной техники, машиностроенія, промышленности и торговли. б) Описаніе русскихъ и заграничныхъ выставокъ, съѣздовъ техническихъ обществъ, учреждений, заводовъ, фабрикъ и рынковъ (импортъ и экспортъ). в) Чертежи, планы, рисунки и политцажки. г) Изобрѣтенія, усовершенствованія, патенты и привилегіи (русскія и иностранныя). д) Новости международной техники, торговли и промышленности. е) Корреспонденціи, касающіяся торговли, промышленности и техники. ж) Биографіи и портреты выдающихся дѣятелей техники и промышленности. з) Библиографія техническихъ и коммерческихъ сочиненій, изданій, сборниковъ, брошюръ и др. и) Почтовый ящикъ (запросы и отвѣты подписчиковъ). і) Объявленія.

Das Pferd in Russland — еженедѣльная газета, на нѣмецкомъ языкѣ выходящая въ г. Ригѣ, безъ предварительной цензуры; издатель докторъ философіи Арнольдъ Эрнестовичъ Платнъ, редакторъ — бар. Рудольфъ Августовичъ Штромбергъ. Разрѣшеніе на изданіе этой газеты дано 8-го мая. Программа: а) Распоряженія главнаго управленія государственнаго коннозаводства. б) Передовыя статьи о новостяхъ по всѣмъ отраслямъ коневодства и спорта. в) Свѣдѣнія о конскихъ заводахъ. г) Программа скачекъ и бѣговъ. д) Результаты скачекъ и бѣговъ. е) Краткія свѣдѣнія о ежедневныхъ событіяхъ по спортсменской части. ж) Спортсменскій фельетонъ. з) Текущая лѣтопись спорта. и) Телеграммы, касающіяся спорта. і) Объявленія.

Деревня — ежемѣсячный сельско-хозяйственный журналъ, выходящій въ С.-Петербургѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; издательница жена надв. совѣтн. Лидія Ивановна Никитина, редакторъ — титул. совѣт. Павелъ Николаевичъ Елагинъ. Разрѣшеніе на изданіе этого журнала дано 6-го мая. Программа: а) Правительственныя распоряженія и мѣропріятія по сельско-хозяйственной части и касающіяся быта сельскихъ хозяевъ. б) Статьи по животноводству: рогатый скотъ и молочное хозяйство. Разведеніе лошадей, овецъ, свиней и птицъ. Пчеловодство. Рыбоводство. Лѣченіе домашнихъ животныхъ. в) Полеводство съ особымъ отдѣломъ льноводства. Луга и выгоны. Садоводство и

огородничество. Хмелеводство. Лѣкарственныя растенія. О вредныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и лѣсоводствѣ животныхъ и растеніяхъ. г) Земледѣльческія орудія и машины. Сельскохозяйственная архитектура. Счетоводство. Сельскохозяйственный кредитъ, ссуды и меліорация. Коренныя улучшения почвы. д) Лѣсное хозяйство. Сельско-хозяйственная и лѣсная технологія. Мелкія кустарно-техническія производства. е) Корреспонденціи и письма изъ деревни по сельскому хозяйству. Сбытъ сельско-хозяйственныхъ произведеній. ж) Сельско-хозяйственная дѣятельность земствъ. Сельско-хозяйственные общества, союзы, съѣзды, выставки, опытные станціи, фермы и поля. Сельско-хозяйственное обученіе: училища, школы, практическія хозяйства, мѣстные агрономы, странствующие учителя, инструкторы—спеціалисты, курсы, бесѣды и проч. з) Отзвы о книгахъ и брошюрахъ. и) Статьи и замѣтки по хозяйству и домоводству. і) Вопросы и отвѣты. к) Объявленія. При журналѣ выдаются безплатныя приложения, состояція изъ сѣмянъ, сортовъ сельско-хозяйственныхъ растеній и хромофотографированныхъ рисунковъ животныхъ, растеній, хозяйственныхъ построекъ и проч.

Дневникъ всероссійской сельско-хозяйственной выставки и съѣзда въ Москвѣ въ 1895 г. Этотъ дневникъ было разрѣшено издавать въ Москвѣ съ 1-го ноября 1895 г., безъ предварительной цензуры, распорядительному комитету выставки, подъ редакціей секретаря московскаго общества сельскаго хозяйства Николая Аполлоновича Грушки. Дневникъ выходилъ: до открытія выставки черезъ день, во время выставки ежедневно и послѣ закрытія—черезъ день. Программа: а) Распоряженія министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, какъ и общія, такъ и по отношенію къ выставкѣ и съѣзду, сообщенія о содержаніи засѣданій и совѣщаній общества, состоящихъ при немъ комитетовъ, распорядительнаго комитета выставки и съѣзда и состоящихъ при немъ комиссій. б) Списки членовъ съѣзда, экспонентовъ выставки, планы выставки и помѣщенія съѣзда, общія и детальныя, извлеченія изъ каталоговъ съ иллюстраціями и описаніями экспонатовъ, адреса и различныя указанія по выставкѣ и съѣзду, отдѣлы разныхъ извѣстій, о выставкѣ, представляющихъ общій научный и практическій интересъ. Объявленія.

Дневникъ Высочайше разрѣшеннаго втораго съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію. Это изданіе также, какъ и предыдущее, выходило въ Москвѣ во время съѣзда, съ 27 декабря 1895 г. по 8 января 1896 г., безъ предварительной цензуры, подъ редакторствомъ кн. Владиміра Михайловича Голицына. Разрѣшеніе на изданіе «Дневника» дано было комитету съѣзда 15-го декабря. Программа: а) Списокъ членовъ съѣзда. Списокъ докладовъ, съ изложеніемъ содержанія. в) Перечень бывшихъ экскурсій, осмотровъ и вообще текуція замѣтки по дѣламъ съѣзда. г) Отчеты объ общихъ собраніяхъ и засѣданіяхъ секцій. д) Объявленія.

Дни Священнаго Коронованія—ежедневный иллюстрированный листокъ, выходившій временно, со дня объявленія о коронаціи до окончанія всѣхъ торжествъ, въ Москвѣ. Этому изданію дается здѣсь мѣсто только потому, что оно было разрѣшено въ декабрѣ мѣсяцѣ, 8-го числа, 1895 г. Редакторомъ листка былъ колл. асс. Александръ Александровичъ Левенсонъ. Программа: а) Исторія

возникновенія священнаго коронованія. б) Значеніе священнаго коронованія. в) Описаніе въичанія на царство и предыдущихъ коронацій. г) Описаніе и значеніе Успенскаго собора и друг. храмовъ въ Москвѣ. д) Описаніе и происхожденіе регалій и другихъ предметовъ, употребляемыхъ при священномъ коронованіи. е) Описаніе торжествъ священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. ж) Рисунки ко всѣмъ отдѣламъ.

Дѣтская Медицина. Спеціально медицинскій журналъ, издающійся въ Москвѣ, безъ предварительной цензуры, выходящій 6-ть разъ въ годъ; редакторъ и издатель журнала докторъ медицины Леонтій Петровичъ Александровъ. Разрѣшеніе на изданіе дано 18-го августа. Программа: а) Самостоятельныя статьи по всѣмъ отдѣламъ педиатріи. б) Клиническая и врачебная казуистика. в) Рефераты статей по педиатріи изъ русской и иностранной печати. г) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ. д) Критика и библіографія. е) Краткіе отчеты о дѣятельности дѣтскихъ больницъ и лѣчебницъ. ж) Смѣсь: корреспонденціи, некрологи, мелкія извѣстія. з) Объявленія.

Ежегодникъ по геологіи и минералогіи Россіи. Журналъ научно-спеціальный, издающійся въ посадѣ Новая Александрія, безъ предварительной цензуры, выходящій въ свѣтъ отъ 2-хъ до 10-ти разъ въ годъ; редакторъ и издатель журнала подиоручикъ Николай Юсифовичъ Криштофовичъ. Разрѣшеніе на изданіе журнала дано 4-го ноября. Программа: а) Минералогія и кристаллографія. б) Петрографія. в) Палеонтологія. г) Физическая геологія. д) Историческая геологія. е) Прикладная геологія и полезныя ископаемыя. ж) Доисторическая археологія. з) Почвовѣдѣніе. и) Смѣсь. і) Спеціальныя учрежденія и техника изслѣдованій. к) Вибліографія, біографія и некрологія.

Естествознаніе и географія. Ежемѣсячный педагогическій и научно-популярный журналъ—издается въ Москвѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, выходитъ каждый мѣсяць; редакторъ и издатель журнала статск. сов. Михаилъ Петровичъ Варавва. Разрѣшеніе на изданіе журнала дано 8-го февраля. Программа: а) Провительственныя распоряженія, имѣющія отношеніе къ преподаванію естествознанія и географіи въ средней и низшей школахъ. б) Теорія и практика преподаванія естествознанія и географіи. Статьи оригинальныя и переводныя по вопросамъ преподаванія, примѣрные уроки, планы уроковъ и практическихъ занятій, и т. п. в) Научно-популярныя статьи по всѣмъ отдѣламъ естествознанія и географіи, оригинальныя и переводныя. г) Критика и библіографія, русская и иностранная. Разборъ учебниковъ и учебныхъ пособій и научныхъ сочиненій по естествознанію и географіи. д) Хроника внутренняя и иностранная. Извѣстія, относящіяся къ дѣлу преподаванія естествознанія и географіи, отчеты о засѣданіяхъ педагогическихъ и ученыхъ обществъ, педагогическихъ и ученыхъ съѣздахъ, и т. п. е) Смѣсь, рефераты о педагогическихъ и научныхъ сочиненіяхъ, выдержки изъ русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, мелкія замѣтки по предметамъ программы журнала. ж) Вопросы и отвѣты по предметамъ программы журнала. з) Приложенія, состоящія изъ педагогическихъ и научныхъ сочиненій, оригинальныхъ и переводныхъ по предметамъ, относящимся къ программѣ журнала. и) Объявленія. і) Чертежи, рисунки и иллюстраціи, относящіяся къ тексту.

Желѣзнодорожный Курьеръ — *Kurjer Kolejowy* — ежемѣсячная справочная газета, издающаяся на русскомъ и польскомъ языкахъ въ г. Варшавѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель газеты купецъ Рафаилъ Яковлевичъ Фельзенгардтъ. Разрѣшеніе на изданіе газеты дано 8-го іюня. Программа: а) Общій пассажирскій тарифъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ. Условія проѣзда и перевоза багажа. Правила для пассажировъ. б) Росписаніе поѣздовъ главнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и за границей. в) Провозная плата и тарифъ пароходства. Маршруты важнѣйшихъ прямыхъ сообщеній. Перевозка грузовъ. г) Карты Европы и отдѣльныхъ европейскихъ государствъ. д) Описаніе большихъ городовъ съ рисунками. Планы и адресные указатели этихъ городовъ. е) Описаніе большихъ фабрикъ и другихъ заведеній съ рисунками. ж) Объявленія на всѣхъ европейскихъ языкахъ.

Жизнь на восточной окраинѣ — газета сельско-хозяйственная, торгово-промышленная, литературная и политико-экономическая, издающаяся въ г. Читѣ на русскомъ и монгольскомъ языкахъ, безъ предварительной цензуры; выходитъ въ свѣтъ 5-тъ разъ въ недѣлю; редакторъ и издатель колл. совѣтн. Петръ Александровичъ Бадмаевъ. Разрѣшеніе на изданіе этой газеты дано 2-го сентября. Программа: а) Правительственныя распоряженія, телеграммы російскаго агентства и торговаго дома Бадмаева, голось съ восточной окраины. Руководящія статьи по вопросамъ, касающимся жизни восточной окраины, политико-экономическаго положенія, условій возможнаго развитія и роли ея въ настоящемъ и будущемъ. б) Хроника мѣстной жизни, сообщенія о событіяхъ, характеризующихъ мѣстные нравы и условія жизни. Извѣстія изъ Петербурга и другихъ городовъ Европейской и Азиатской Россіи. в) Сельское хозяйство и домоводство. Статьи, письма, замѣтки и сообщенія, знакомящія съ состояніемъ сельскаго хозяйства и домоводства въ восточной окраинѣ. Выдержки изъ выдающихся сочиненій по сельскому хозяйству, самостоятельныя статьи такого же содержанія, совѣты по сохраненію здоровья человѣка, по устройству домовъ и хозяйственныхъ построекъ и по уходу за животными. г) Промышленность и торговля: замѣтки и выдержки изъ сочиненій, знакомящихъ съ состояніемъ промышленности окраины, указывающія средства къ ихъ развитію и улучшенію. д) Свѣдѣнія о сосѣднихъ съ восточною окраиною странахъ, письма, сообщенія, замѣтки, знакомящія съ условіями быта, съ природою, сельскимъ хозяйствомъ, промышленностью, торговлею, политическимъ и гражданскимъ устройствомъ нашихъ азіатскихъ сосѣдей. Сообщенія агентовъ торговаго дома изъ пограничныхъ съ Монголіей и Манчжуріей казачьихъ поселковъ, изъ Монголіи, Манчжуріи, собственно Китая, Тибета и изъ хошуновъ цайдамскихъ монголовъ. Выдержки изъ наиболѣе распространенныхъ китайскихъ и японскихъ газетъ, а также изъ иностранной періодической печати, издаваемой въ городахъ Китая и Японіи, извлеченія изъ сочиненій по географіи, этнографіи, сельскому хозяйству, промышленности и торговли, гражданскому устройству азіатскихъ народовъ. е) Иностранныя извѣстія о выдающихся событіяхъ въ государствахъ Европы и другихъ странахъ. ж) Среди газетъ и журналовъ — свѣдѣнія, касающіяся интересовъ восточной окраины, свѣдѣнія для торговыхъ и промышленныхъ лицъ. Метеорологическія свѣдѣнія, смѣсь — интересныя и полезныя изо-

брътвенія въ области наукъ и искусствъ, интересныя явленія природы, поучительныя примѣры, остроумныя изреченія. з) Казенныя и частныя объявленія.

Приложенія къ газетѣ составляютъ 4-е книги, программа которыхъ слѣдующая: а) Житія святыхъ, особливо чтимыхъ нашею церковью. б) Свѣдѣнія, касающіяся жизни высочайшихъ особъ, придворныя торжества, путешествія, приемы иностранныхъ гостей и проч. в) Жизнеописанія русскихъ царей и выдающихся государственныхъ дѣятелей съ разъясненіемъ ихъ заслугъ отечеству. г) Разказы изъ русской исторіи. д) Статьи по географіи, этнографіи и сельскому хозяйству восточной окраины. е) Переводъ на русскій языкъ наиболѣе выдающихся сочиненій по тибетской медицинѣ, съ указаніемъ способовъ врачеванія и лѣкарствъ съ соблюденіемъ условій ст. 386 т. I, ч. II, изд. 1892 года. ж) Русско-бурятская азбука и грамматика.

Журналъ для всѣхъ — ежемѣсячный журналъ, издающійся въ Петербургѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель журнала лѣкарь Дмитрій Адамовичъ Геникъ; разрѣшеніе на изданіе дано 6-го марта. Программа: а) Календарныя свѣдѣнія. б) Религіозно-нравственный отдѣлъ: разказы изъ исторіи церкви, житія святыхъ, жизнеописаніе церковно-историческихъ дѣятелей, описаніе монастырей, святынь и достопримѣчательностей, сказанія и легенды. в) Историческій и литературный отдѣлъ: разказы изъ исторіи, біографіи, историко-литературные очерки, повѣсти, разказы и стихотворенія, оригинальныя и переводныя; замѣчательныя случаи изъ жизни историческихъ дѣятелей и частныхъ лицъ, анекдоты. г) Естественно-научный отдѣлъ. д) Хозяйственный отдѣлъ: полеводство, огородничество, садоводство, скотоводство, птицеводство, пчеловодство и домоводство. е) Охота. ж) Кулинарный отдѣлъ. з) Домашняя медицина. и) Гигіена. і) Библіографія и музыкальныя замѣтки. к) Переписка съ читателями. л) Частныя объявленія. м) Рисунки, чертежи и портреты.

Журналъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. Журналъ этотъ выходитъ въ Москвѣ, по мѣрѣ накопленія матеріала, безъ предварительной цензуры; издается журналъ правленіемъ общества русскихъ врачей въ память Пирогова подъ редакціей професс., доктора медицины Сергѣя Сергѣевича Корсакова. Разрѣшеніе на изданіе этого журнала дано 8-го февраля. Программа: а) Протоколы засѣданій правленія общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова и засѣданій организаціонныхъ комитетовъ по устройству съѣздовъ. б) Сообщенія о мѣропріятіяхъ и предположеніяхъ правленія и организаціонныхъ комитетовъ, касающіяся дѣятельности общества и его съѣздовъ. в) Отчеты о дѣятельности состоящихъ при правленіи комиссій. г) Корреспонденціи и обсужденіе вопросовъ, касающихся дѣятельности общества и съѣздовъ. д) Статьи по медицинскимъ вопросамъ, какъ чисто научнымъ, такъ и общественно-санитарнымъ и врачебно-бытовымъ, которые требуютъ подготовительнаго обсужденія и коллективной разработки для предстоящихъ докладовъ на съѣздахъ. е) Доклады и тезисы по докладамъ, имѣющимъ быть представленными на съѣздъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. ж) Хроника, касающаяся главнымъ образомъ дѣятельности медицинскихъ ученыхъ обществъ, а также организаціи и дѣятельности различныхъ врачебныхъ

и друг. научныхъ сѣздовъ. з) Списки членовъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. и) Объявленія.

Западно-Русское Обзорѣніе — литературный ежемѣсячный журналъ, выходящій въ г. Вильнѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; издатель журнала поручикъ Георгій Евгеньевичъ Кесочковскій, редакторъ — статск. сов. Поликарпъ Григорьевичъ Бывалькевичъ. Разрѣшеніе на изданіе этого журнала дано 4-го мая. Программа: а) Повѣсти, рассказы, очерки, романы, стихотворенія русскихъ авторовъ и переводные. Преимущественно помѣщаются рассказы, повѣсти и очерки, иллюстрирующіе современный бытъ Сѣверо-Западнаго края и всей Западной Россіи. б) Научныя статьи, ученые рефераты, литературная критика, историческія изслѣдованія. Преимущественно печатаются статьи по исторіи, археологіи, этнографіи западной Россіи вообще и Сѣверо-Западнаго края въ особенности. в) Бѣглые наброски, путевыя замѣтки, научныя замѣтки, письма изъ разныхъ мѣстъ, выдержки изъ другихъ журналовъ. г) Внутреннее, иностранное, литературное, научное, художественное обзорѣніе и библіографія.

Земля — хозяйственный и экономическій журналъ, выходящій въ Петербургѣ ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры; редакторъ и издатель журнала дворянинъ Федоръ Николаевичъ Бергъ. Разрѣшеніе на изданіе этого журнала дано 4-го января. Программа: а) Очерки и рассказы, рисующіе современное состояніе жизни внутри Россіи. б) Письма изъ губерній и областей, изображающія обстоятельно состояніе мѣстнаго хозяйства, производствъ и лѣсоводства. в) Письма о положеніи и развитіи мѣстныхъ промысловъ. г) Деревенское строительство (планы, смѣты, мѣстныя цѣны, указанія, отвѣты на вопросы подписчиковъ по этому предмету). д) Скотоводство и коневодство. е) Политико-экономическія статьи и разсмотрѣніе мѣропріятій правительственныхъ. ж) Мелкія статьи, корреспонденціи, возраженія, политика и проч. з) Обзорѣніе иностранныхъ хозяйственныхъ журналовъ. и) Критика и библіографія. і) Смѣсь. к) Иллюстраціи къ статьямъ.

Извѣстія Московскаго сельско-хозяйственнаго института. Этотъ журналъ выходитъ въ Москвѣ 4-е раза въ годъ, безъ предварительной цензуры; журналъ издается институтомъ подъ редакторствомъ профессоровъ Вельямса и Ростовцева. Изданіе это разрѣшено 20-го мая. Программа: Оффиціальныи отдѣлъ: а) правительственныя распоряженія, касающіяся института, обнародованныя въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»; б) постановленія совѣта и относящіяся къ нимъ приложенія: программы и планы, по которымъ читаются различныя предметы въ институтѣ и ведутся практическія занятія; отчеты объ экскурсіяхъ, ежегодно совершаемыхъ со студентами профессорами и преподавателями, и проч.; работы комиссій, назначаемихъ совѣтомъ для разсмотрѣнія различныхъ вопросовъ; отчеты о командировкахъ членовъ совѣта и другихъ лицъ, служащихъ въ институтѣ; нѣкоторые изъ журналовъ сельско-хозяйственнаго комитета, имѣющіе особенное значеніе для учебной или ученой дѣятельности института; ежегодный годичный отчетъ о состояніи института; каталогъ библіотеки, каталоги и описанія кабинетовъ и друг. учебныхъ пособій, состоящихъ при институтѣ. Неоффиціальныи отдѣлъ: а) труды профессоровъ, преподавателей, ассистентовъ и студентовъ (сюда входятъ какъ отдѣльныя изслѣдо-

ванія, такъ и работы, исполненныя въ лабораторіяхъ, на опытномъ полѣ или на предполагаемой опытной станціи, въ лѣсной дачѣ, пасѣкѣ, огородѣ, питомникѣ и при различныхъ кабинетахъ); критическія и библиографическія статьи о выдающихся произведеніяхъ сельско-хозяйственной и естественно-исторической литературы; метеорологическія наблюденія, производимыя на обсерваторіи института; труды организуемой сельско-хозяйственной метеорологической сѣти средней Россіи; статьи постороннихъ лицъ. Работы могутъ сопровождаться рисунками, чертежами, діаграммами и проч. Оглавленіе каждой книги, кромѣ русскаго языка, печатается еще на французскомъ языкѣ, краткое резюме статей— на иностранномъ языкѣ.

Извѣстія С.-Петербургской біологической лабораторіи — спеціально научный журналъ, выходящій въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры 4-е раза въ годъ; издаётся совѣтомъ біологической лабораторіи подъ редакціей профессора Петра Петровича Лесгафта. Изданіе это разрѣшено 8-го ноября. Программа: а) Протоколы засѣданій совѣта и отчеты о дѣятельности лабораторіи. б) Оригинальныя произведенныя въ лабораторіи работы по біологическимъ наукамъ. в) Рефераты и краткія статьи по тѣмъ же наукамъ.

Искусство и Наука. Журналъ, издающійся въ Москвѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, выходящій 6-ть разъ въ годъ; издатель потомствен. почетн. гражд. Анатолій Ивановичъ Мамонтовъ (онъ же издатель журн. «Дѣтскій Отдыхъ»), редакторъ преподаватель женскихъ гимназій титул. совѣтн. Яковъ Лазаревичъ Барскій. Такъ какъ разрѣшеніе на изданіе этого журнала было дано 6-го декабря, то первый выходъ его въ свѣтъ, вѣроятно, послѣдовалъ въ настоящемъ 1896 году. Программа: а) Статьи религіозно-нравственнаго содержанія. б) Статьи и рассказы историческаго содержанія въ формѣ отдѣльныхъ монографій, біографій историческихъ, литературныхъ и научныхъ дѣятелей, и связанныхъ изложеній какъ исторіи отечественной, такъ и другихъ народностей. в) Отечествовѣдѣніе, т. е. статьи описательнаго, географическаго и статистическаго характера. г) Повѣсти, рассказы, анекдоты, перепечатки, мелкія извѣстія, стихотворенія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя. д) Статьи естественно-научныя. е) Задачи, ребусы, загадки. ж) Приложенія: календарь, отдѣльныя статьи, картины, гравюры, олеографіи, дѣтскія игры и проч.

Камско-Волжскій Край — ежедневная политическо-общественная и литературная газета, издающаяся въ г. Казани, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель газеты профессоръ дсс. Николай Алексѣевичъ Өирсовъ. Изданіе это разрѣшено 14-го декабря. Программа: 1) Оффиціальный отдѣлъ: дѣйствія и распоряженія правительства. 2) Телеграфныя извѣстія, какъ русскаго телеграфнаго агентства, такъ и отъ собственныхъ корреспондентовъ. 3) Руководящія статьи по текущимъ вопросамъ обще-русской и мѣстно-областной жизни. 4) Статьи популярно-научныя. 5) Статьи историческаго содержанія и обзоръ историческихъ журналовъ. 6) Статьи сельско-хозяйственнаго и экономическаго содержанія. 7) Обще-литературный отдѣлъ: беллетристика какъ оригинальная, такъ и переводная, стихотворенія, критика и библиографія. 8) Областной отдѣлъ. Корреспонденціи и статьи мѣстно-областнаго содержанія. 9) Фельетонъ какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ. 10) Хроника: университетъ и

друг. учебныя заведенія; ученые общества; городъ и земство; благотворительныя и друг. общества; мировыя учрежденія (съ отчетами о публичныхъ засѣданіяхъ въ этихъ учрежденіяхъ); случайныя сообщенія. 11) Судебная хроника, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. 12) Театръ и музыка. 13) Наука и искусство. 14) Внутреннее обозрѣніе: извѣстія изъ другихъ газетъ, а равно и отъ собственныхъ корреспондентовъ. 15) Обзоръ ежедневной періодической печати. 16) Заграничная жизнь. 17) Торгово-промышленный отдѣлъ. 18) Справочный отдѣлъ. 19) Разныя извѣстія (смѣсь). 20) Иллюстраціи въ объясненіе текста. 21) Объявленія.

Карманно-справочное руководство по г. Варшавѣ — еженедѣльный сборникъ справочнаго характера, выходящій въ Варшавѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; издатель и редакторъ поручикъ Александръ Павловичъ Наумовъ. Разрѣшеніе на изданіе этого сборника дано 16-го мая. Программа: а) Адресы торгово-промышленныхъ фирмъ, съ показаніемъ предметовъ торговли и промысловъ. б) Наименованіе лѣчебницъ, учебныхъ заведеній, театровъ и цирковъ, в) Свѣдѣнія о достопримѣчательностяхъ, садахъ и окрестностяхъ г. Варшавы.

Кременчугскій Листокъ объявленій — газета, заключающая въ себѣ только объявленія, выходитъ въ г. Кременчугѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; Листокъ выходитъ по мѣрѣ надобности; издатель-редакторъ мѣщанинъ Шабель Ицковъ Каминскій. Разрѣшеніе на изданіе листка дано 7 марта.

Кругозоръ, художественно-фотографическій журналъ — ежемѣсячный журналъ, выходящій въ г. Москвѣ, безъ предварительной цензуры; редакторъ и издатель журнала губернс. секр. Николай Ѳеодоровичъ Мертцъ. Разрѣшеніе на изданіе журнала дано 30-го іюня. Программа: а) Исторія живописи и фотографіи. б) Теорія фотографическихъ процессовъ. в) Фотографическая химія. г) Примѣненіе фотографіи къ наукамъ, искусствамъ, промышленности и техникѣ. д) Техника живописи и фотографіи. е) Обзоръ специальныхъ художественныхъ и фотографическихъ журналовъ. ж) Хроника. Отчеты о дѣятельности художественныхъ и фотографическихъ обществъ и съѣздовъ. Художественныя и фотографическія выставки и конкурсы. Фотографическія школы и курсы. з) Автобіографіи, имѣющія связь съ фотографіей. и) Библиографія. Разборъ изданій и руководствъ по фотографіи и соприкасающимся съ нею искусствамъ. Корреспонденціи по предметамъ программы журнала. і) Смѣсь. Фотографическіе реценты и практическія указанія. к) Почтовый ящикъ. л) Специальныя приложенія: руководства, сборники, указатели, лексиконы и проч. по фотографіи.

Листокъ Объявленій — справочная газета, издающаяся правленіемъ экономическаго общества офицеровъ гвардейскаго корпуса, выходитъ въ Петербургѣ отъ одного до двухъ разъ въ мѣсяцъ, безъ предварительной цензуры, подъ редакторствомъ полковн. Ананія Ивановича Акоренко. Разрѣшеніе на изданіе листка дано 20-го мая. Программа: а) Извѣщенія о всѣхъ товарахъ, поступившихъ вновь въ склады, магазины и мастерскія общества, объ измѣненіяхъ въ цѣнахъ, о предполагаемыхъ выпискахъ товаровъ по подпискѣ и т. п. б) Во-

просы и отвѣты. в) Протоколы общихъ собраній членовъ общества. г) Постановленія наблюдательнаго комитета и правленія, касающіяся до сношеній общества съ его участками. д) Объявленія.

Листокъ Объявленій для Сѣвернаго Кавказа—справочная газета, выходящая въ г. Ставрополѣ, съ дозволенія предварительной цензуры, выходитъ 6-тъ разъ въ недѣлю, редакторъ-издатель кандидатъ университета Дмитрій Ивановичъ Евсѣевъ. Разрѣшеніе на изданіе листка дано 2-го декабря. Программа: а) Дѣйствія и распоряженія правительства. б) Дневникъ происшествій (по свѣдѣніямъ мѣстной полиціи). в) Телеграммы російскаго агентства. г) Справочныя свѣдѣнія: биржевыя цѣны на $\frac{0}{0}$ бумаги, цѣны на зерновой хлѣбъ, спиртъ, шерсть и проч. сельско-хозяйственные продукты, мѣстные рыночныя цѣны, таксы на съѣстные припасы, росписание желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, адреса заведеній, мѣсяцесловъ и т. п. справочныя свѣдѣнія.

Листокъ Кавказскаго офицерскаго экономическаго общества—ежемѣсячная справочная газета, выходящая въ г. Тифлисѣ, безъ предварительной цензуры; издается офицерскимъ экономическимъ обществомъ подъ редакторствомъ капитана Владиміра Константиновича Прогульбицкаго. Изданіе листка разрѣшено 1-го декабря. Программа: а) Протоколы общихъ собраній общества. б) Постановленія наблюдательнаго комитета и правленія; годовые и мѣсячныя отчеты правленія, протоколы ревизіонныхъ комиссій, опредѣленія по разбору жалобъ и претензій, и проч. в) Статьи оригинальныя, переводныя или компіляціи и корреспонденціи, касающіяся быта офицеровъ и дѣятельности экономическихъ обществъ какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ. г) Справочный отдѣлъ: отвѣты на все поступающіе въ редакцію, правленія или наблюдательный комитетъ, вопросы чиновъ и участниковъ общества, имѣющіе какъ общій, такъ и частный интересы. д) Извѣстія отъ правленія и наблюдательнаго комитета, какъ-то: о засѣданіяхъ комитета съ конспективнымъ содержаніемъ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію, извѣщенія о товарахъ, вновь поступившихъ въ склады, магазины и мастерскія общества, объ измѣненіяхъ въ цѣнахъ, о предполагаемыхъ выпискахъ товаровъ по подпискѣ и проч. е) Частныя объявленія гг. членовъ и участниковъ общества, поставщиковъ его и разныхъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній.

Лѣтопись Русской Хирургіи — журналъ, спеціально посвященный хирургіи, выходитъ въ Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, 6-тъ разъ въ годъ; редакторы и издатели этого журнала профессоръ Николай Васильевичъ Склифасовскій и докторъ медиц. Николай Александровичъ Вельяминовъ. Разрѣшеніе на изданіе этого журнала дано 8 декабря, и онъ замѣняетъ собою выходившіе до сего времени журналы: «Хирургическая Лѣтопись» и «Русскій Хирургическій Архивъ». Программа: а) Самостоятельныя статьи и работы по всемъ отдѣламъ хирургіи и родственныхъ ей спеціальностей. б) Рефераты по хирургіи и относящимся къ ней отдѣламъ врачебныхъ знаній. в) Критика и библиографія. г) Отчеты о дѣятельности русскихъ и иностранныхъ хирургическихъ обществъ и съѣздовъ. д) Разныя извѣстія. е) Объявленія.

Марки — Les Limbres — ежемѣсячный, иллюстрированный журналъ на русскомъ и французскомъ языкахъ, выходящій въ г. Кіевѣ, съ дозволенія пред-

варительной цензуры; редакторъ и издатель Сергѣй Даниловичъ Солошкину. Разрѣшеніе на изданіе этого журнала дано 2-го декабря. Программа: а) Правительственныя распоряженія, касающіяся почтоваго и телеграфнаго дѣла или почтовыхъ и иныхъ марокъ. б) Описаніе вновь выпускаемыхъ почтовыхъ, земскихъ, гербовыхъ и всякихъ другихъ марокъ съ иллюстраціями. в) Хроника. Марочныя выставки, съѣзды, засѣданія обществъ и проч. г) Некрологи, біографіи и портреты любителей и собирателей марокъ, авторовъ сочиненій и изслѣдованій о маркахъ. д) Обзоръ иностранныхъ марочныхъ журналовъ и книгъ, выдержки, критика, рецензіи. е) Совѣты и наставленія собирателямъ марокъ, монографіи о маркахъ, описаніе замѣчательныхъ коллекцій, фальшивыя марки (описаніе ихъ и указанія, какъ отличить фальшивую отъ настоящей) и статьи, касающіяся марокъ. ж) Отвѣты на запросы подписчиковъ (въ предѣлахъ программы). з) Предостереженіе читателей о лицахъ, продающихъ или обмѣнивающихъ марки, которымъ не слѣдуетъ довѣряться. и) Объявленія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. При этомъ журналѣ выдаются приложенія—бывшія въ употребленіи иностранныя почтовые марки.

Минеральныя воды—спеціальная газета, выходящая въ г. Эссентукахъ, съ 1 мая по 1 сентября, еженедѣльно, безъ предварительной цензуры; редакторы-издатели газеты: профессоръ Викторъ Степановичъ Богословскій и лѣкаръ Терентій Ивановичъ Вяземскій. Разрѣшеніе на изданіе газеты дано 28-го апрѣля. Программа: а) Правительственныя, административныя распоряженія, относящіяся къ русскимъ минеральнымъ водамъ. б) Оригинальныя и переводныя статьи по бальнеологіи. в) Бальнеологическая казуистика и рефераты. г) Отчеты о засѣданіяхъ бальнеологическихъ обществъ. д) Корреспонденціи. е) Хроника нашихъ курортовъ. ж) Фельетонъ, беллетристическія произведенія въ стихахъ и прозѣ; разработка научныхъ и общественныхъ вопросовъ, касающихся бальнеологіи. з) Библіографія. и) Портреты лицъ, имѣющихъ отношенія къ минеральнымъ водамъ, рисунки зданій и работъ при минеральныхъ источникахъ. і) Санитарія на водахъ. к) Статистика посѣтителей водъ. л) Мелкія извѣстія. м) Справочный отдѣлъ. н) Почтовый ящикъ. о) Объявленія.

Миссіонерское Обозрѣніе—ежемесячный духовный журналъ, выходящій въ г. Кіевѣ; издатель журнала колл. сов. Василій Скворцовъ, онъ же и редакторъ совмѣстно съ статск. сов. Переверзевымъ. Выходъ въ свѣтъ этого журнала, разрѣшеннаго святѣйшимъ синодомъ, начался съ января 1896 г. Программа: а) Положительное изясненіе и полемико-истолковательный разборъ библейскихъ мѣстъ св. Писанія, извращаемыхъ лжеученіями русскаго сектанства. б) Извлеченіе изъ свято-отеческихъ твореній ученія преимущественно первохристіанскихъ писателей II и IV в., а также и нашихъ знаменитѣйшихъ духовныхъ авторовъ, въ отношеніи тѣхъ догматическихъ православныхъ и обрядовыхъ истинъ вѣры, коихъ касается еретическое мудрованіе русскихъ сектантовъ. в) Богословскія, апологетическія и полемическія статьи, направленныя къ раскрытію и уясненію основныхъ истинъ вѣры и нравственности и обличенію заблужденій сектантовъ. г) Церковно-историческія свѣдѣнія о сектахъ въ Россіи и на Западѣ и многоразличныя отношенія послѣднихъ къ первымъ. Матеріалы по исторіи русскихъ сектъ и миссій. д) Полемико-критическій раз-

боръ сектантскихъ обрядниковъ, катехизисовъ и друг. письменныхъ вѣроизложеній русскаго сектантства. е) Статьи о церковно-гражданскихъ узаконеніяхъ и дѣйствующихъ распоряженіяхъ духовной и правительственной власти о сектахъ и преступленіяхъ отпадшихъ противъ вѣры и церкви. ж) По миссіонерской методикѣ. Статьи и замѣтки объ условіяхъ успѣшнаго дѣйствованія на миссіонерскомъ поприщѣ, со стороны приходскихъ пастырей, сельскихъ попечительствъ или братствъ и народной школы. О наилучшемъ устройствѣ миссій и веденіи частныхъ и публичныхъ собесѣдованій съ православными, колеблющимися, иновѣрцами и сектантами и о другихъ миссіонерскихъ дѣйствіяхъ, способахъ и приемахъ по пресѣченію развитія сектантства въ приходсахъ и по охраненію православнаго народа отъ прироженія къ нему иновѣрныхъ и сектантскихъ мнѣній, навыковъ и обычаевъ. Руководственные совѣты о недоумѣнныхъ вопросахъ и затруднительныхъ положеніяхъ въ пастырско-миссіонерской практикѣ. з) Миссіонерская хроника. О противо-сектантской дѣятельности миссіи, церкви и современномъ состояніи раскола и сектъ, выдающіеся случаи воссоединеній съ церковью и отпаденій въ сектантство. Воспоминанія о болѣе полезныхъ и искусныхъ дѣятеляхъ въ борьбѣ съ сектантствомъ. Изъ записокъ и дневниковъ пастырей и миссіонеровъ. Изъ отчетовъ епархіальныхъ миссій. О выдающихся судебныхъ процессахъ по сектантскимъ дѣламъ. Этнографическія и статистическія свѣдѣнія о русскихъ сектахъ въ связи съ западнымъ сектантствомъ. и) Библиографія. Разборъ книгъ и обзорѣніе журнальныхъ статей, церковныхъ бесѣдъ и поученій, относящихся къ миссіи и сектантству. і) Примѣчанія. Дагматическія проповѣди и катехизическія поученія объ основныхъ догматахъ вѣры и обрядахъ православной церкви. Вяѣбогослужебныя собесѣдованія и чтенія. Миссіонерскіе листки для народа.

Народное Образованіе—ежемѣсячный журналъ, издаваемый въ Петербургѣ при училищномъ совѣтѣ при святѣйшемъ синодѣ, безъ предварительной цензуры; редакторъ журнала дсс. Миропольскій. Разрѣшеніе на это изданіе дано 11-го ноября, и выходъ его въ свѣтъ начался съ января 1896 г. Программа: 1) Отдѣлъ оффиціальныи. Правительственныя распоряженія. 2) Статьи общаго характера по вопросамъ воспитанія, обученія и устройству школъ. 3) Исторія школъ. Замѣчательные дѣятели по народному образованію въ Россіи и за-границей. 4) Современное положеніе начальныхъ школъ въ Россіи и въ славянскихъ земляхъ. 5) Очерки и рассказы изъ школьной жизни. 6) Критика и библиографія. 7) Хроника приходской школы. 8) Замѣтки. Извѣстія. Полезныя свѣдѣнія для сельской жизни. Отвѣты редакціи на запросы. 9) Приложенія: книги, рисунки и музыкальныя изданія. Объявленія.

Обзоръ первой всероссійской выставки печатнаго дѣла. Журналъ этотъ выходилъ въ Петербургѣ во время 1-й всероссійской выставки печатнаго дѣла по два раза въ недѣлю, съ дозволенія предварительной цензуры, подъ редакціей Романа Романовича Голикѣ и издавался распорядительнымъ комитетомъ выставки; изданіе иллюстрированное. Разрѣшеніе на изданіе этого журнала было дано 15 февраля. Программа: а) Распоряженія правительства. б) Постановленія распорядительнаго комитета выставки. в) Обзоръ экспонатовъ по группамъ. г) Хроника выставки. д) Корреспонденціи внутреннія и загранич-

ныя. е) Телеграммы. ж) Библиографія. з) Фельетонъ. Смѣсь. Каррикатуры. и) Свѣдѣнія о сѣздѣ русскихъ дѣятелей по печатному дѣлу. і) Объявленія.

Обозрѣніе психіатріи, невролгіи и экспериментальной психологіи—спеціальныи, ежемѣсячныи, медицинскій журналъ, издающійся въ Петербургѣ, безъ предварительной цензуры; издательница вдова купца Ольга Александровна Риккеръ, редакторъ—профессоръ Владиміръ Михайловичъ Бехтеревъ. Разрѣшеніе на изданіе этого журнала дано 3-го ноября. Программа: а) Оригинальныя статьи по невропатологіи, психіатріи, неврологіи, криминальной антропологіи и по вопросамъ, связаннымъ съ ними, съ рисунками и таблицами. б) Обзоры и рефераты по указаннымъ предметамъ. в) Отчеты, письма и корреспонденціи; хроника, новости и смѣсь; критическія статьи, рецензіи, отзывы и библиографіи (все это по специальности журнала). г) Біографія, некрологи и портреты выдающихся дѣятелей на поприщѣ вышеуказанныхъ наукъ. д) Объявленія и извѣщенія.

Общественно-санитарное обозрѣніе—ежемѣсячныи журналъ, посвященный общественной медицинѣ и гигиенѣ; издается въ Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, статск. сов. Иваномъ Андреевичемъ Дмитріевымъ и подъ его же редакціей. Разрѣшеніе на изданіе этого журнала дано 18-го ноября. Программа: а) Правительственныя распоряженія, имѣющія отношеніе къ врачебно-санитарному дѣлу. б) Руководящія статьи по вопросамъ общественной санитаріи и организациі земской, городской и фабричной медицинѣ. в) Самостоятельныя и переводныя научныя статьи по общественной гигиенѣ (санитарныя условія жизни населенія, отхожихъ промысловъ, фабрикъ, питаніе населенія; эпидемиологія, эпизоотологія, статистика и т. п.). г) Корреспонденціи, извѣстія и обзоры по дѣятельности общественныхъ учреждений по медицинѣ и гигиенѣ (земская, городская, фабричная медицина, дѣятельность частныхъ обществъ, касающаяся народнаго здравія и общественнаго призрѣнія и т. п.). д) Врачебно-бытовые вопросы. е) Новости санитарной литературы. ж) Критика и библиографія. з) Справочный отдѣлъ. и) Объявленія. Къ статьямъ журнала могутъ быть прилагаемы пояснительныя чертежи, рисунки, карты и діаграммы.

Отголоски—еженедѣльная, политическая и литературно-научная газета, выходящая въ Петербургѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель инспекторъ классовъ женской гимназіи колл. сов. Иванъ Васильевичъ Скворцовъ. Разрѣшеніе на изданіе газеты дано 2-го декабря. Программа: а) Статьи изъ области наукъ и искусствъ, статьи по вопросамъ народнаго хозяйства, народнаго здравія и народнаго образованія; изслѣдованія по исторіи, этнографіи и проч. и вообще статьи и замѣтки по вѣсьмъ отдѣламъ программы. б) Фельетонъ. Романы, рассказы, очерки, сцены и стихотворенія. в) Обзоръ мнѣній и отзывовъ печати по текущимъ вопросамъ. г) Внутреннее и иностранное обозрѣніе. Хроника русской и заграничной жизни за недѣлю. Обзоръ открытій и изобрѣтеній. Театръ и музыка. д) Смѣсь. Мелкія статьи, извѣстія и сообщенія. Справочныя свѣдѣнія, торговыя, биржевыя и проч. Отвѣты редакціи. е) Объявленія.

Путь—еженедѣльный политическо-литературный и религіозно-нравственный журналъ, издающійся въ Петербургѣ, съ дозволенія предварительной цен-

зуры; редакторъ и издатель колл. сов. Григорій Ивановичъ Кулжинскій. Разрѣшеніе на изданіе дано 24-го марта. Программа: а) Обзорніе современныхъ явленій въ Россіи и за границей. б) Стихотворенія, очерки, рассказы, путешествія, жизнеописанія, ораторство, отечественная старина. в) Корреспонденціи внутреннія и вѣшнія. г) Извлеченія, сообщенія, замѣтки, новости, рецензи, некрологи и друг. легучія извѣстія. д) Огвѣты редакціи и объявленія.

Путеводитель по г. Ригѣ для пріѣзжихъ — справочный журналъ, выходящій 2 раза въ недѣлю въ г. Ригѣ на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, съ дозволенія предварительной цензуры; издатель и редакторъ Густавъ Карловичъ фонъ-Ределинъ. Изданіе это разрѣшено 20 іюня. Программа: 1) Достопримѣчательности г. Риги. 2) Публичныя увеселенія. 3) Извозчичья такса. 4) Поѣзда желѣзныхъ дорогъ. 5) Пріемные часы врачей, а въ особенности спеціалистовъ. 6) Выѣзды, предпринимаемые въ окрестности г. Риги. 7) Такса артельщиковъ (экспрессовъ). 8) Консульства въ г. Ригѣ. 9) Пріемные часы въ присутственныхъ мѣстахъ. 10) Контора для найденныхъ вещей. 11) Перечень рижскихъ гостиницъ. 12) Нѣкоторыя указанія публикѣ дорожной, относящіяся къ лѣтнему сезону. 13) Перечень прибывшихъ въ Ригу. 14) Пароходныя сообщенія. 15) Объявленія.

Ржевскій Справочный Листокъ — выходитъ 2 раза въ недѣлю въ г. Ржевѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель мѣщанинъ Александръ Михайловичъ Лосевъ; изданіе разрѣшено 6-го февраля. Программа: 1) Мѣсяцесловъ. 2) Росписаніе поѣздовъ новоторжской и ржево-вяземской желѣзныхъ дорогъ, а также и прилегающихъ къ нимъ желѣзныхъ дорогъ. 3) Судебный указатель — заглавія дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ въ г. Ржевѣ. 4) Вѣдомость недоставленныхъ писемъ и телеграммъ ржевскою почтовою конторою. 5) Частныя объявленія.

Русскій Архивъ патологій, клинической медицины и бактериологій — спеціально-медицинскій ежемѣсячный журналъ, выходящій въ Петербургѣ, безъ предварительной цензуры; издательница журнала вдова купца Ольга Александровна Риккеръ, редакторъ — профессоръ Владиміръ Валеріановичъ Подвысоцкій. Изданіе это разрѣшено 4-го ноября. Программа: а) Оригинальныя работы по всѣмъ отраслямъ теоретической, экспериментальной и клинической медицины, съ рисунками, съ таблицами и съ авторефератами на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ. б) Критическіе обзоры медицинскихъ статей. в) Рецензи и разборы отдѣльныхъ сочиненій, монографій и учебниковъ по медицинѣ. г) Некрологи выдающихся дѣятелей по естествознанію и медицинѣ съ портретами ихъ. д) Библиографія. е) Объявленія.

Русское Сахарное Дѣло — еженедѣльный журналъ, посвященный исключительно вопросамъ сахарной промышленности, выходитъ въ Петербургѣ, безъ предварительной цензуры; редакторъ и издатель — дворянинъ Люціанъ Вячеславичъ Коллбъ-Селецкій. Изданіе разрѣшено 2-го декабря. Программа: а) Распоряженія и мѣропріятія правительства, относящіяся къ сахарной промышленности. б) Отдѣльныя статьи, относящіяся къ торговлѣ сахаромъ и сахарными растениями въ Россіи и за границею. в) Обзоръ русскихъ и заграничныхъ новостей по сахароваренной техникѣ. г) Описаніе выдающихся русскихъ и иностран-

ныхъ сахарныхъ заводовъ. д) Свѣдѣнія о привилегіяхъ, испрашиваемыхъ и выдаваемыхъ на предметы, относящіяся къ сахарному производству. е) Свѣдѣнія о желѣзнодорожныхъ тарифахъ и новостяхъ, имѣющихъ значеніе для сахарной промышленности. ж) Разныя извѣстія изъ текущей русской и заграничной жизни, имѣющія отношенія къ сахарной промышленности. з) Корреспонденціи по вопросамъ, относящимся къ сахарной промышленности. и) Торгово-статистическія свѣдѣнія о состояніи русскихъ и заграничныхъ сахарныхъ рынковъ, о цѣнахъ на сырые и переработанные продукты, о количествѣ заводовъ въ дѣйствиіи, о состояніи посѣвовъ свекловицы и т. п. свѣдѣнія и отчеты, касающіяся сахарной промышленности въ Россіи и за границею. і) Вопросы и отвѣты по предметамъ, относящимся къ сахарной промышленности. к) Объявленія.

Rigaer Börsenblatt (Вѣстникъ Рижской Биржи) — ежедневная газета, издающаяся на нѣмецкомъ языкѣ въ г. Ригѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; издатель газеты — рижскій биржевой комитетъ, редакторъ губернскаго секр. Максимилианъ Эмельяновичъ фонъ-Рейбницъ. Изданіе разрѣшено 9-го марта. Программа: а) Распоряженія и узаконенія правительства, объявленія и увѣдомленія биржеваго комитета и другихъ коммерческихъ учреждений. б) Курсовыя, метеорологическія и общеполитическія телеграммы и извѣстія. в) Коммерческіе бюллетени, свѣдѣнія и корреспонденціи (внутренія и заграничныя). г) Тиражи $\frac{1}{10}$ бумагъ. д) Общоторговые обзоры, обсужденіе вопросовъ, до торговли и промышленности относящихся. е) Разныя статистическія свѣдѣнія о торговомъ движеніи, промышленности, мореходствѣ и т. д. ж) Частныя объявленія.

Современная Медицина и Гигіена — ежемѣсячный спеціально медицинскій журналъ, издающійся въ Петербургѣ, безъ предварительной цензуры; редакторъ и издатель журнала — профессоръ Михаилъ Ивановичъ Аванасевъ. Изданіе это разрѣшено 15-го сентября. Программа: а) Руководства по различнымъ отраслямъ медицины и гигиены, переводныя и оригинальныя. б) Клиническія лекціи по всѣмъ отдѣламъ медицины, оригинальныя и переводныя. в) Монографіи, статьи, рѣчи и вообще всякаго рода сочиненія по всѣмъ отраслямъ научной и практической медицины и гигиены, какъ оригинальныя, такъ и переводныя. г) Новости патологій, терапіи и гигиены, обзоры и рефераты по всѣмъ отраслямъ научной и практической медицины и гигиены. д) Библиографія и критика. е) Объявленія.

Современная Терапія — ежемѣсячный спеціально медицинскій журналъ, выходящій въ Москвѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель — врачъ Кусинъ Вульфовичъ Скурховичъ. Разрѣшеніе на изданіе этого журнала дано 19-го ноября. Программа: а) Оригинальныя сообщенія по медицинѣ. б) Изъ періодической медицинской печати. в) Изъ медицинскихъ обществъ. г) Библиографическія замѣтки о медицинскихъ книгахъ. д) Научныя корреспонденціи медицинскаго содержанія. е) Хроника. ж) Объявленія.

Справочный Листокъ Курганской сельско-хозяйственной и кустарной выставки 1895 г. Листокъ этотъ выходилъ съ 1-го августа по 1-е октября 1895 г., отъ 1—2 разъ въ недѣлю, въ г. Курганѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; газета издавалась распорядительнымъ комитетомъ сельско-хозяйственной курганской выставки, подъ редакторствомъ агронома Скало-

зубова. Изданіе это было разрѣшено 6-го февраля. Программа: а) Законоположенія и правительственныя распоряженія по вопросу о выставкахъ. б) Распоряженія комитета по выставкѣ. в) Статьи по обзору разныхъ отдѣловъ выставки. г) Отчеты по организаци и дѣятельности распорядительнаго комитета выставки и экспертныхъ комиссій. д) Новости въ области сельскаго хозяйства, кустарной и обрабатывающей промышленности. е) Справочный отдѣлъ. ж) Объявленія.

Столичный Курьеръ для прїѣзжающихъ — ежедневная справочная газета на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; выходитъ въ Петербургѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель отставной полковникъ Леонидъ Михайловичъ Рудневъ. Разрѣшеніе на изданіе газеты дано 6-го февраля. Программа: 1) Хроника театральная, увеселительныхъ садовъ, концертовъ, баловъ, выставокъ, скачекъ, бѣговъ, рѣчнаго и велосипеднаго спортовъ и страховыхъ обществъ. 2) Указатель достопримѣчательностей Петербурга и памятниковъ старины. 3) Указатель зрѣлищъ: театральныхъ, увеселительныхъ садовъ, концертовъ, выставокъ, скачекъ, бѣговъ, рѣчнаго и велосипеднаго спортовъ. 4) Указатель С.-Петербургской жизни. 5) Указатель приходовъ и отходовъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ и пароходовъ. 6) Объявленія.

Сѣверное Пчеловодство — газета, посвященная пчеловодству, выходитъ 8-мъ разъ въ годъ въ городѣ Вяткѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; издатель и редакторъ — Иннокентій Егоровичъ Шавровъ. Изданіе газеты разрѣшено 13-го декабря. Программа: а) Средства и мѣры къ возстановленію, улучшенію и распространенію пчеловодства въ Россіи. б) Пчеловодство, какъ одна изъ отраслей сельскаго хозяйства. в) Состояніе пчеловодства въ Россіи по губерніямъ и областямъ. г) Біографіи и некрологи выдающихся пчеловодовъ. д) Пчелы и правильный уходъ за ними. е) Обработка и сбытъ продуктовъ пчеловодства. ж) Корреспонденціи по пчеловодству. з) Отголоски правильного пчеловодства на частныхъ пасѣкахъ. и) Кустарное производство принадлежностей по пчеловодству. і) Обзоръ дѣятельности обществъ, комиссіонеровъ, образцовыхъ пасѣкъ и друг. учреждений по пчеловодству. к) Пчеловодство на сельско-хозяйственныхъ выставкахъ. л) Извѣстія изъ области пчеловодной практики изъ-за границы. м) Библиографія. Отзывы о всѣхъ выходящихъ въ Россіи изданіяхъ по пчеловодству. н) Вопросы и отвѣты, касающіеся пчеловодной практики и кустарнаго производства принадлежностей по пчеловодству. о) Объявленія. п) Приложение: библиографическій указатель статей по пчеловодству.

Śpiew Koscielny (Церковное пѣніе) — ежемѣсячный церковно-музыкальный журналъ на польскомъ языкѣ, выходитъ въ Варшавѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; издатель и редакторъ (временно) ксендзь Теофиль Антоновичъ Ковальскій. Изданіе журнала разрѣшено 9-го іюня. Программа: а) Статьи по исторіи церковной музыки. б) Статьи по теоріи пѣнія и церковной музыки. в) Литература и критика важнѣйшихъ сочиненій по церковному пѣнію и музыкѣ. г) Смѣсь. Отвѣты, практическіе совѣты для дирижеровъ, органистовъ и пѣвцовъ. д) Извѣстія объ успѣхахъ церковной музыки въ разныхъ мѣстностяхъ. е) Объявленія. Приложение къ журналу — ноты.

Театръ — еженедѣльная театрально-музыкальная, иллюстрированная га-

зета, выходитъ въ г. Одессѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель—дѣйствительн. студентъ Ишполитъ Петровичъ Жѣлиховскій. Изданіе газеты разрѣшено 30-го ноября. Программа: а) Распоряженія и узаконенія правительственныя, относящіяся къ дѣламъ театра и музыки. б) Телеграммы изъ Россіи и изъ-за границы по дѣламъ театра. в) Руководящія статьи (по вопросамъ искусства и спорта). г) Критика. Критическій обзоръ литературно-театральныхъ и музыкальныхъ произведеній. д) Біографіи, мемуары и воспоминанія драматическихъ писателей, композиторовъ и артистовъ. е) Музыкальный отдѣлъ. Музыкальныя новости. Отчеты объ оперныхъ спектакляхъ, концертахъ и проч. ж) Театральный отдѣлъ. Театральныя новости изъ Россіи и изъ-за границы. Рецензіи и отчеты о спектакляхъ и другихъ зрѣлищахъ. з) Художественный отдѣлъ. Новости, касающіяся развитія искусства въ Россіи и за границей. Обзорніе выставокъ картинъ, выдающихся произведеній художественнаго творчества и проч. и) Художественный фельетонъ. і) Письма въ редакцію по дѣламъ искусства, театра и музыки. к) Спортъ. Конныя бѣга и скачки, велосипедныя гонки, морской спортъ, ружейная охота и проч. л) Портреты дѣятелей искусства и артистовъ, рисунки театровъ, музеевъ, цирковъ и театральныхъ постановокъ. м) Афиши и программы спектаклей и зрѣлищъ въ Одессѣ, либреттё оперъ, опереттокъ, драматическихъ произведеній, балетовъ и проч. н) Справочный отдѣлъ: необходимыя свѣдѣнія и указанія для артистовъ и антрепренеровъ. о) Объявленія.

Торговой Бюллетень — еженедѣльная торгово-промышленная газета, выходитъ въ г. Одессѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель гофъ-маклеръ Дмитрій Михайловичъ Ксинтопуло. Разрѣшеніе на изданіе газеты дано 18-го августа. Программа: а) Правительственныя распоряженія по вопросамъ торговли, земледѣлія и промышленности. б) Обзорніе заграничныхъ рынковъ. в) Еженедѣльная хроника торговли Россійской Имперіи. г) Торговья извѣстія и телеграммы. д) Обзорніе одесскаго зерноваго рынка, еженедѣльныя продажи зерна изъ депо, преісъ-куранты, привозъ, вывозъ, съ приложеніемъ необходимыхъ таблицъ съ обозначеніемъ рубрикъ на русскомъ и французскомъ языкахъ, картограммы и проч. е) Свѣдѣнія о состояніи посѣвовъ, объ урожаѣ и по разнымъ вопросамъ нашего земледѣлія. ж) Обзорніе фабричной и заводской промышленности. р) Обзорніе ввоза и торговли отечественными и привозными товарами, каковы: спиртъ, сахаръ, мука, табакъ, уголь, керосинъ, скотъ, колоніальныя и бакалейныя товары и проч. и) Движеніе судовъ въ Одесскомъ портѣ. і) Обзорніе каботажной торговли. к) Фрахты и торговое судоходство. л) Курсы и биржевая хроника. м) Метеорологическія извѣстія. н) Статьи по разнымъ торговымъ, промышленнымъ и финансовымъ вопросамъ.

Художественно-ремесленный журналъ—выходитъ ежемѣсячно, въ Петербургѣ, безъ предварительной цензуры; редакторъ и издательница дочь статск. совѣтн. Анна Осиповна Константинова. Изданіе это разрѣшено 5-го февраля. Программа: а) Рисунки одноцвѣтные или печатныя красками, для выжиганія, тисненія, вышиванія, рисованія по дереву и фарфору и по другимъ отрослямъ художественнаго ремесла. б) Текстъ, объясняющій рисунки, краткія

гія же, и притомъ большинство, такого значенія не имѣли, такъ какъ статьи и новости по части художественныхъ ремеслъ и художествъ вообще; свѣдѣнія о вышедшихъ книгахъ и изданіяхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, по художественной части, свѣдѣнія о художественныхъ и художественно-ремесленныхъ выставкахъ. в) Частныя объявленія.

Cyclista. Tigodnik, specjalnie sportowi cyklowemu poswiecony—ежемѣсячный журналъ на польскомъ языкѣ, посвященный спорту, выходитъ въ г. Варшавѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель провизоръ фармаціи Францъ Викентьевичъ Карпинскій. Изданіе журнала разрѣшено 21-го іюня. Программа: а) Статьи о велосипедномъ спортѣ. б) Фельетоны о спортѣ вообще. в) Изобрѣтенія и улучшения въ области велосипеднаго спорта, съ рисунками. г) Извѣстія внутреннія и заграничныя изъ области велосипеднаго спорта. д) Жизнеописанія извѣстныхъ спортсменовъ. е) Извѣстія о мѣстныхъ и заграничныхъ обществахъ велосипедистовъ, скачкахъ и т. п. ж) Объявленія.

Черноморскій Вѣстникъ — ежедневная, политическо-общественная и литературная газета, издающаяся въ г. Батумѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ и издатель дворянинъ Григорій Александровичъ Пальмъ. Изданіе газеты разрѣшено 18-го марта. Программа: а) Дѣйствія и распоряженія правительства по «Правительственному Вѣстнику» и официальнымъ источникамъ. б) Телеграммы «Телеграфнаго агентства» и собственныхъ корреспондентовъ. в) Общая хроника: новости русской и иностранной жизни, выдержки изъ столичныхъ и провинціальныхъ газетъ и журналовъ. г) Мѣстная хроника: городскія происшествія, отчеты о засѣданіяхъ думы и благотворительныхъ обществъ, свѣдѣнія обо всемъ, касающемся интересовъ русскаго населенія черноморскаго побережья, рецензіи о спектакляхъ, концертахъ и увеселеніяхъ, краткіе отчеты о судебныхъ дѣлахъ, безъ обсуждения судебныхъ рѣшеній. д) Нефтяная и коммерческая хроника: статьи о нефтепромышленности, подробныя свѣдѣнія о ходѣ нефтянаго дѣла въ г. Батумѣ, Баку и Грозномъ, статьи о дѣятельности батумскихъ нефтяныхъ и хлѣбныхъ экспортеровъ и проч. биржевыя свѣдѣнія. е) Корреспонденціи: столичныя, съ Кавказа и Черноморья, съ юга Россіи. ж) Фельетоны: общественной жизни, беллетристическіе и литературно-критическіе, въ прозѣ и стихахъ. з) Справочный отдѣлъ: желѣзнодорожный, пароходный, зрѣлища и увеселенія, календарныя свѣдѣнія, засѣданія общественныхъ, благотворительныхъ и торговыхъ обществъ, полицейскія свѣдѣнія о пріѣхавшихъ и уѣхавшихъ, цѣны на нефть, керосинъ, хлѣбъ, фрукты и т. п., списокъ прибывшихъ грузовъ, почтовый ящикъ—письма въ редакцію, и проч. и) Объявленія.

Школьное Хозяйство — сельско-хозяйственный журналъ, выходитъ 6-ть разъ въ годъ, въ Петербургѣ, безъ предварительной цензуры; редакторъ и издатель профессоръ Александръ Фелиціановичъ Рудзкій. Изданіе журнала разрѣшено 7-го декабря. Программа: а) Правительственныя распоряженія, касающіяся преподаванія сельскаго хозяйства въ начальныхъ училищахъ и надѣленія ихъ землею. б) Организанія занятій по сельскому хозяйству въ народной школѣ. в) Образцы бесѣдъ съ учениками начальныхъ народныхъ училищъ по разнымъ

отраслямъ сельскаго хозяйства. г) Статьи по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. д) Элементарныя свѣдѣнія изъ жизни сельско-хозяйственныхъ растений и важныхъ для сельскаго хозяйства животныхъ и о важнѣйшихъ явленіяхъ природы. е) Отчеты о ходѣ сельско-хозяйственныхъ занятій въ начальныхъ народныхъ училищахъ и о состояніи школьныхъ садовъ и хуторовъ. ж) Обзоръ сельско-хозяйственныхъ книгъ, имѣющихъ значеніе для начальной школы. з) Мелкія извѣстія изъ сельско-хозяйственной жизни. и) Объяснительные рисунки. і) Объявленія.

Экономъ, всеобщій сельско-хозяйственный листокъ объявленій для всей Россіи. Эту справочную газету, выходящую въ г. Ригѣ, предположено выпустить въ свѣтъ въ теченіе перваго года изданія—ежемесячно, а впослѣдствіи—еженедѣльно; газета выходитъ безъ предварительной цензуры; издатели и редакторы газеты—статск. сов. Владиміръ Густавовичъ Грошонфъ и кандидатъ университета Оскаръ Адамовичъ Флоръ. Изданіе это разрѣшено 1-го ноября. Программа: Объявленія на русскомъ и друг. языкахъ по всемъ отраслямъ сельскаго хозяйства, какъ-то: по покупкѣ и продажѣ имѣній, сельскихъ произведеній, сѣмянъ, скота, фабричныхъ произведеній, машинъ, мануфактурныхъ товаровъ, по спросу и предложенію мѣстъ и проч.

Южно-русская сельско-хозяйственная газета—еженедѣльная спеціальная газета, выходящая въ г. Харьковѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; издатель газеты—харьковское общество сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности, редакторъ—предсѣдатель этого общества Борисъ Григорьевичъ Филононовъ. Разрѣшеніе на изданіе газеты дано 6-го мая. Программа: а) Правительственныя распоряженія и извѣстія. б) Хроника: текуція дѣла, отчеты общества, протоколы собраній, совѣтовъ комиссій, доклады. в) Статьи по сельскому хозяйству, промышленности, экономическія и техническія. г) Сельско-хозяйственное обозрѣніе. д) Корреспонденціи, касающіяся сельскаго хозяйства. е) Разборъ сельско-хозяйственныхъ экономическихъ сочиненій. ж) Смѣсь—мелкія извѣстія, касающіяся сельскаго хозяйства. з) Сельско-хозяйственный фельетонъ. и) Вопросы и отвѣты. і) Торговыя извѣстія. к) Объявленія по сельскому хозяйству. л) Частныя объявленія.

Ярхонъ Гахизанимъ (Мѣсячникъ канторовъ)—ежемесячный спеціальный журналъ на древне-еврейскомъ яз., издающійся въ г. Варшавѣ, съ дозволенія предварительной цензуры; издатель и редакторъ канторъ еврейской синагоги Абрамъ Берковичъ Вирнбаумъ. Разрѣшеніе на изданіе журнала дано 18-го августа. Программа: а) Рецензіи по еврейскимъ пѣніямъ. б) Исторія религіозной музыки и біографія знатнѣйшихъ композиторовъ оной. в) Ноты для синагогальныхъ пѣній. г) Объявленія о музыкальныхъ сочиненіяхъ и конкурсы по отношенію къ еврейскимъ канторамъ. д) Новости дня изъ музыкальнаго свѣта и въ кругѣ канторовъ.

Измѣненія въ программахъ журналовъ.

Въ 1895 году разрѣшено было 23-мъ періодическимъ изданіямъ дополнить или измѣнить ихъ прежнюю программу. Нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій, какъ будетъ видно ниже, существенно измѣнили содержаніе журнала, другія ограничивались дополненіемъ къ программѣ какого нибудь незначительнаго по содержанію отдѣла.

Журналь «Воскресенье» разрѣшено издавать по слѣдующей новой программѣ: а) Правительственныя распоряженія; б) повѣсти и рассказы религіозно-нравственнаго и патріотическаго содержанія; в) рассказы изъ военной жизни; г) рассказы изъ родной исторіи въ систематическомъ изложеніи; д) рассказы о чужихъ странахъ, путешествія, приключенія на сушѣ и на морѣ; е) популярныя статьи по вопросамъ мелкаго (крестьянскаго и хуторскаго) хозяйства; ж) обзорнѣе внутренней и внѣшней жизни за истекшую недѣлю въ связномъ разказѣ; з) общепользныя свѣдѣнія; и) анекдоты, шутки, шарады, загадки; ѝ) стихотворенія; к) рисунки, гравюры, полтипажи; л) вопросы и отвѣты. Журналь «Вѣстникъ Иностранной Литературы» получилъ слѣдующую новую программу: а) иностранныя романы, повѣсти, рассказы, классическія произведенія, стихотворенія и драматическія произведенія; б) свѣдѣнія объ иностранныхъ писателяхъ, старыхъ и новыхъ; в) историческіе очерки, рассказы и анекдоты, біографіи и характеристика знаменитыхъ людей; г) популярныя очерки, географическія и этнографическія статьи, статьи объ искусствѣ и его дѣятеляхъ; д) иллюстраціи, соответствующія тексту журнала. Программа эта была дополнена еще слѣдующими отдѣлами: а) смѣсь изъ заграничной хроники, заграничныя мелочи и курьезы; б) популярныя очерки по вѣдѣмъ отраслямъ знанія, географическія и этнографическія статьи, объ искусствѣ и его дѣятеляхъ; в) переводы и извлеченія изъ иностранныхъ книгъ о Россіи, ея исторіи, литературѣ и искусствѣ; г) характерныя изреченія и краткія сентенціи болѣе или менѣе замѣчательныхъ авторовъ. Расширена программа «Вятской сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной» газеты отдѣлами: а) правительственныя распоряженія; б) хозяйственная жизнь губерніи и Россіи; в) земское продовольственное и страховое дѣло; г) статьи по медицинѣ и ветеринаріи; д) народное образованіе. Газету «Gazeta Kaliska informacja po anonsowa» разрѣшено издавать по слѣдующей программѣ: а) правительственныя распоряженія и проекты, перемѣны въ личномъ составѣ служащихъ въ Калишѣ и губерніи; б) мѣстная хроника, краткія извѣстія о происшествіяхъ въ г. Калишѣ и губерніи, отчеты о дѣятельности благотворительныхъ и другихъ обществъ Калишской губерніи, о концертахъ, театральныхъ представленіяхъ и т. п., судебная хроника безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній, мелкія статьи земледѣльческаго и торговаго характера; в) телеграммы російскаго телеграфнаго агентства; г) краткія извѣстія о болѣе выдающихся случаяхъ и изобрѣтеніяхъ какъ въ имперіи, такъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, разныя свѣдѣнія изъ домашней гигиены; д) небольшія статьи беллетристическаго содержанія и библиографическія замѣтки съ безусловнымъ исключеніемъ статей политическаго и

историческаго характера; е) объявленія административныхъ учреждений и частныхъ лицъ, программы зрѣлищъ, время отхода и прихода почтъ, метеорологическія свѣдѣнія, цѣны на хлѣбъ и друг. продукты въ Калишской губерніи. Журналу «Деревня» разрѣшено расширить программу отдѣломъ, заключающимъ въ себѣ изложенныя въ общедоступной формѣ статьи по гигиенѣ (гигіена жилищъ, пищи и проч.) и вообще по медицинѣ, какъ-то: о болѣзняхъ, уходъ за больными, помощь въ несчастныхъ случаяхъ и т. п. Въ журналѣ «Дневникъ Артиста», переименованномъ въ «Читатель», расширена программа отдѣлами: а) новости модъ съ рисунками; б) популярно-научныя статьи по всѣмъ отдѣламъ знаній, исторіи и этнографіи съ рисунками. Журналъ «Земледѣліе» разрѣшено выпускать по слѣдующей новой программѣ: а) руководящія статьи по основнымъ сельско-хозяйственнымъ вопросамъ; б) оригинальныя и переводныя статьи по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, въ томъ числѣ и мелкимъ (пчеловодства, шелководства, садоводства, хмелеводства и проч.); в) отчеты дѣятельности кievскаго общества сельскаго хозяйства, его отдѣленій и комитетовъ; отчеты опытныхъ полей общества; г) новости сельско-хозяйственной литературы; д) обзоръ русскихъ и польскихъ сельско-хозяйственныхъ журналовъ; е) сельско-хозяйственная библиографія; ж) хроника сельско-хозяйственнаго содержанія; з) мелочи такого же содержанія; и) вопросы и отвѣты въ предѣлахъ программы; і) отчеты о состояніи погоды; к) торговыя извѣстія; л) объявленія; м) иллюстраціи въ текстѣ и отдѣльные рисунки, въ видѣ приложений, сельско-хозяйственнаго содержанія. Журналъ «Извѣстія Одесской городской думы», выходящій вмѣсто «Вѣдомостей Одесскаго городского общественаго управленія», разрѣшено издавать по слѣдующей программѣ: а) дѣйствія правительства, высочайшія повелѣнія, указы правительствующаго сената, циркуляры министерствъ и распоряженія административныхъ мѣстъ и лицъ; б) журналы одесскаго особаго по городскимъ дѣламъ присутствія; в) журналы собраній и постановленія одесской городской думы; г) протоколы и журналы друг. учреждений по вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ городскому хозяйству и управленію; д) отчеты и вѣдомости городской управы и подвѣдомственныхъ управъ учреждений, городскихъ училищъ, лѣчебныхъ заведеній, приютовъ и т. п.; е) статистическія свѣдѣнія; ж) перепечатки изъ органовъ городскихъ управленій друг. городовъ и изъ частныхъ изданій по вопросамъ городского управленія и хозяйства. «Иллюстрированный журналъ С.-Петербургъ» разрѣшено выпускать по слѣдующей новой программѣ: а) беллетристическія и поэтическія произведенія; б) путешествія; в) хроника общественной жизни русской и заграничной; г) замѣтки объ искусствахъ и увеселеніяхъ; д) практическіе совѣты по отраслямъ хозяйства, домоводства и проч.; е) смѣсь, иллюстраціи по вышесказаннымъ отдѣламъ и самостоятельныя картины, кромѣ каррикатуръ; ж) объявленія. Для газеты «Лодзинскій Листокъ» утверждена слѣдующая новая программа: а) распоряженія правительства и мѣстныхъ властей; б) передовыя статьи, заключающія въ себѣ обзоръ текущихъ событій въ видѣ политическихъ обзорнѣй и отчетовъ по всѣмъ отраслямъ экономической жизни и торгово-промышленной дѣятельности; в) телеграммы; г) хроника мѣстной общественной жизни; д) внутреннія и вишія извѣстія, корреспонденціи, критика,

мѣнія и отзывы журналистики; е) промыслы, торговля, финансы и статистика; ж) разныя извѣстія и изящныя искусства; з) фельетонъ: литература и наука; и) смѣсь; справочный указатель и отвѣты редакціи; і) казенныя и частныя объявленія и рекламы. Расширена программа журнала «Мельникъ» отдѣлами: 1) краткія замѣтки объ иностранныхъ политическихъ событіяхъ, изъ «Правительственнаго Вѣстника», «Journal de St.-Petersbourg», безъ всякаго обсужденія сообщаемыхъ фактовъ; 2) придворныя извѣстія: описаніе торжествъ, высочайшихъ пріемовъ и т. п.; 3) портреты особъ императорскаго дома и государственныхъ дѣятелей, а равно рисунки, къ описанію придворныхъ извѣстій и торжествъ относящіяся. Программа газеты «Минскій Листокъ» расширена дозволеніемъ помѣщать въ прибавленіи телеграммы російскаго агентства, какъ бщаго содержанія, такъ и коммерческія. Журналу «Наша Пища» разрѣшено расширить программу добавленіемъ отдѣла: «экономическое, историческое и бытовое значеніе пищи». Программа газеты «Нижегородскій Листокъ», бывшій «Нижегородскій Листокъ Объявленій», расширена отдѣлами: 1) статьи по вопросамъ торговли, промышленности, судоходства, земскаго и городского хозяйства; 2) рисунки и портреты. Въ этой газетѣ имѣется отдѣлъ «Послѣднія извѣстія»—названіе это дополняется словами: «изъ внутренней и иностранной жизни», причемъ самыя свѣдѣнія заимствуются изъ столичныхъ изданій. Журналу «Обозрѣніе психіатрии, неврологіи и экспериментальной психологіи» разрѣшено расширить программу помѣщеніемъ статей о гипнотизмѣ. Въ журналѣ «Романы и Повѣсти» разрѣшено помѣщать: стихотворенія и мелкія статьи по сельскому хозяйству. Журналу «Сельско-хозяйственный Вѣстникъ», бывшій «Другъ животныхъ», дополнялась программа дважды: первоначально разрѣшено было пополнить ее отдѣлами: а) правительственныя распоряженія, касающіяся сельскаго хозяйства; б) полезныя и вредныя животныя и насѣкомыя и статьи по общей гигиенѣ; затѣмъ въ этомъ же журналѣ разрѣшено помѣщать статьи по слѣдующимъ отраслямъ промышленности: золотопромышленность, горнопромышленность, мукомольное дѣло, рыбопромышленность, шелководство и этнографическіе очерки. Журналу «Сельскій Хозяинъ» разрѣшено помѣщать: рассказы, относящіяся къ сельскому хозяйству и сельскому быту, но съ тѣмъ, однако же, условіемъ, чтобы означенные рассказы не выходили изъ предѣловъ утвержденной для этого журнала программы. Программу газеты «Смоленскій Вѣстникъ» разрѣшено дополнить отдѣломъ: «хроника русской жизни по свѣдѣніямъ столичныхъ газетъ». Въ программу газеты «Столичный Курьеръ для пріѣзжающихъ» включенъ отдѣлъ, содержащій въ себѣ: календарныя замѣтки, некрологъ, списокъ новыхъ книгъ, аукціоны, засѣданія ученыхъ и друг. обществъ, списокъ недоставленныхъ телеграммъ, пріемные часы въ присутственныхъ мѣстахъ и у административныхъ лицъ, пріемные часы у врачей и въ лѣчебныхъ учрежденіяхъ, списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ судебныхъ присутственныхъ мѣстахъ, о появленіи въ продажѣ новыхъ русскихъ и заграничныхъ товаровъ и издѣлій. Программа газеты «Томскій Листокъ», прежде «Томскій Справочный Листокъ», расширена добавленіемъ отдѣловъ: а) статьи и замѣтки, имѣющія предметомъ прошлое и настоящее Сибири; б) фельетонъ; в) корреспонденціи; г) критическій

разборъ книгъ и періодическихъ изданій; д) газетныя извѣстія; е) отвѣты редакціи. Программа журнала «Часъ Досуга» расширена помѣщеніемъ полезныхъ совѣтовъ по предметамъ техники и домашняго хозяйства. Въ выпускаемыхъ, въ видѣ приложеній, къ газетѣ «Лучъ» книжкахъ разрѣшено помѣщать описаніе путешествій, библиографическіе отзывы и разборы о новыхъ книгахъ.

Указываемъ здѣсь также и тѣ періодическія изданія, которымъ дано разрѣшеніе, какъ бы въ расширеніе ихъ программъ, помѣщать рисунки; изданія эти слѣдующія: «Велосипедъ», «Волгарь», «Донъ», «Пожарное Дѣло», «Псовая и ружейная охота», «Przegląd Pedagogiczny», «Смоленскій Вѣстникъ» и «Cyklista».

Приложенія къ журналамъ.

Наши періодическія изданія выдаютъ своимъ подписчикамъ безплатныя приложенія или въ видѣ отдѣльныхъ картинъ, преимущественно олеографическихъ, или же особыя книжки различнаго содержанія. Въ послѣднее время такими приложеніями, преимущественно къ иллюстрированнымъ изданіямъ, стали служить сочиненія извѣстныхъ русскихъ писателей. Если даровая раздача этихъ сочиненій, въ виду премій съ одной стороны, способствуетъ распространенію ихъ въ массѣ читателей, то, съ другой, она какъ бы унижаетъ достоинство самаго писателя, такъ какъ сочиненія его прилагаются къ такимъ журналамъ, которые по своему содержанію ниже всякой критики, и, кромѣ того, эти приложенія издаются просто безобразно.

Въ 1895 году получили разрѣшеніе выдавать приложенія слѣдующія 10-ть періодическихъ изданій; при журналѣ «Вокругъ Свѣта» — олеографія; при журналѣ «Вѣстникъ Русскаго Сельскаго Хозяйства» — альбомъ и чертежи; при газетѣ «Вятская Газета» — книжки по программѣ газеты; при газетѣ «Донская Рѣчь» — портреты, виды и проч.; при журналѣ «Зубоврачебный Сборникъ» — книжки по одонтологіи; при латышской газетѣ «Mahjas Weiesis» — ежемѣсячное приложеніе по слѣдующей программѣ: а) популярно-научныя статьи поучительнаго содержанія по разнымъ отраслямъ знаній, какъ-то: сельскому хозяйству, географіи, педагогіи, литературѣ, исторіи, политической экономіи и естественнымъ наукамъ; б) романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя; в) пояснительныя къ тексту рисунки; г) объявленія. (Редакторомъ этого приложенія назначенъ д-ръ философіи Петръ Занита). При журналѣ «Птицеводство» — рисунки и книги, касающіяся птицеводства; при газетѣ «Revue Commerciale» — ежедневно особыя нумера на русскомъ языкѣ подъ названіемъ «Коммерческое Обзоріе»; при журналѣ «Воскресный День» — особое приложеніе подъ названіемъ «Современная Лѣтопись» (приложеніе это начало выходитъ въ 1896 г.); при журналѣ «Сѣверъ» — портреты государя.

Изданія, измѣнившія названія.

Въ 1895 году, также какъ и въ 1894 г., измѣнили свое названіе всего 9-ть изданій, а именно: «Вѣдомости одесскаго городского общественнаго управленія» переименованы въ «Извѣстія Одесской городской думы»; «Вятская сельско-хозяйственная и кустарно-промышленная газета»—въ «Вятскую Газету»; журналъ «Галицко-Русскій Вѣстникъ»—переименованъ въ «Русскую Бесѣду»; журналъ «Дневникъ Артиста»—въ «Читатель»; журналъ «Другъ Животныхъ. Ежемѣсячный иллюстрированный журналъ домоводства, сельскаго хозяйства и разведенія животныхъ»—въ «Сельско-хозяйственный Вѣстникъ. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ сельскаго хозяйства, разведенія животныхъ и домоводства»; къ наименованію газеты «Минеральныя Воды»—добавлены слова: «газета бальнеологін, гидротерапіи и климатотерапіи»; газета «Нижегородскій Листокъ объявленій и справокъ» переименована въ «Нижегородскій Листокъ»; газета «Томскій Справочный Листокъ»—въ «Томскій Листокъ»; газета «Указатель квартиръ въ г. Москвѣ»—въ «Указатель квартиръ и листокъ объявленій» и журналъ «Хирургическій Вѣстникъ»—въ «Русскій Хирургическій Архивъ».

Изданія, объявленныя окончательно прекратившимися.

Въ прошедшемъ году прекратилось 9-ть періодическихъ изданій и одно не осуществилось по недостатку подписчиковъ. Изъ общаго числа окончательно прекратившихся повременныхъ органовъ печати только два издавались въ провинціальныхъ городахъ, прочіе же выходили въ столицахъ. Прекратились слѣдующія изданія: газета «Вечеръ»—выходила въ Москвѣ; журналъ «Вѣстникъ зубоврачебной науки и техники»—выходилъ въ Москвѣ; газета «День»—выходила въ Петербургѣ; журналъ «Домострой—журналъ для всѣхъ горожанъ, дачниковъ, сельскихъ жителей и охотниковъ»—выходилъ въ Москвѣ; газета «Курянинъ»—издавалась въ г. Курскѣ; газета «Русская Медицина»—издавалась въ Петербургѣ; журналъ «Рыбное Дѣло»—выходилъ въ г. Астрахани; журналы «Шахматное Обзорѣніе» и «Охота» съ приложеніемъ «Дневникъ Охотника»—издавались въ Москвѣ, и не состоялась подписка на газету «Черноморскій Листокъ», изданіе котораго предполагалось въ г. Новороссійскѣ.

Утверждены новыя лица редакторами и издателями.

Въ этомъ отношеніи, какъ и всегда, бываетъ много измѣнный; такъ въ минувшемъ году было 59 случаевъ перемѣны редакторовъ изданій, и приглашеній къ нимъ помощниковъ, т. е. назначеніе вторыхъ и третьихъ редакторовъ и 35-ть случаевъ перехода право изданія отъ одного лица къ другому. Утвер-

ждены редакторами: газ. «Астраханскій Вѣстникъ» — купецъ Николай Антоновичъ Клинбергъ; латышской газеты «Baltijas Westnesis» — студентъ Николай Рейнгольдъ Пудринъ (вмѣсто г. Кальнинга); газеты «Варшавскій Дневникъ» — надв. сов. Андрей Тихоновичъ Тимановскій; журнала «Вопросы философіи и психологіи» — канд. университета Василій Петровичъ Преображенскій; журн. «Воскресенье» — подполк. Корнелій Владиславовичъ Тхоржевскій (вмѣсто кн. Менцерскаго); газеты «Восточное Обзорѣніе» — купецъ Иванъ Ивановичъ Пошовъ; журналовъ: «Всемирная Иллюстрація», «Трудъ», «Модный Свѣтъ и Модный Магазинъ» — купецъ Эдуардъ Дмитриевичъ Гоппе; «Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» — архим. Алексій; журнала «Вѣстникъ Птицеводства» — жена поручика Марія Александровна Маркова; журн. «Горный журналъ» — г. Лебедевъ (вмѣсто г. Добронизскаго); гоз. «Гамелець» — мѣщ. Лейба Абрамовичъ Рабиновичъ; газ. «Glos» — присяжн. повѣренн. Ѳаддей Алонзиевичъ Стржембошъ (вмѣсто г. Потоцкаго); журн. «Дневникъ Артиста» — Ѳедоръ Александровичъ Куманинъ ¹⁾; газеты «Дѣловой Корреспондентъ» — двор. Владиміръ Николаевичъ Алексѣевъ (вмѣсто г. Степанова); журн. «Дѣтскій Отдыхъ» — первоначально былъ утвержденъ учитель Павелъ Робертовичъ Фрейбергъ (вмѣсто г-жи Фрейбергъ), а позднѣе — Яковъ Лазаревичъ Барскій; журн. «Железнодорожное Дѣло» — дсс. Владиміръ Михайлов. Верховскій (2-мъ); «Журнала Министерства Юстиціи» — г. Дерюженскій (вмѣсто г. Сергѣевскаго); газ. «Закавказское Обзорѣніе» — мѣщ. Константинъ Михайловичъ Ѳедоровъ (вмѣсто г. Родзевича); журн. «Звѣзда» — учитель Петръ Васильевичъ Голяховскій; журн. «Земледѣліе» — агрономъ Иванъ Васильевичъ Лещенко; «Земледѣльческой Газеты» и журн. «Сельское Хозяйство» — проф. Александръ Фелпціановичъ Рудзскій; «Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» — архим. Евсевій (вмѣсто протоіерея Виноградова); журн. «Izraelita» — лѣкарь Брониславъ Пельтынтъ; журн. «Конская Охота» — колл. секр. Александръ Евгеньевичъ Коршъ (вмѣсто г. Столыпя); газ. «Кронштадтскій Вѣстникъ» — штабсъ-капит. Ѳедоръ Алексѣевичъ Тимошевскій (вмѣсто г. Тверитинова); газ. «Latwuscha Awises» — пасторъ Августъ Готфридовичъ Вилленштейнъ; грузинской газеты «Меурне» — двор. Плья Миріановичъ Чконія; журн. «Миссіонерскій Сборникъ» — учитель г. Добромысловъ (вмѣсто г. Смирнова); газ. «Московскія Вѣдомости» — кн. Дмитрій Николаевичъ Цертелевъ (2-мъ); неофициальной части «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей» и журн. «Чтенія общества любителей духовнаго просвѣщенія» — свящ. Іоаннъ Соловьевъ (вмѣсто свящ. Мансвѣтова) и официальной части «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей» — г. Проваловичъ (вмѣсто г. Спасскаго); журн. «Нива» потомств. почетн. гражд. Алексій Алексѣевичъ Тихоновъ; газ. «Нижегородскій Листокъ объявленій и справокъ» — потомств. почетн. гражд. Степанъ Николаевичъ Казачковъ; журн. «Новый Русскій Базаръ» и «Парижская Мода» — жена надв. сов. Софія Ивановна Шипмарева; журн. «Niwa» — д-ръ медіц. Іосифъ Леопольдовичъ Држевецкій; журн. «Плодоводства» — журналъ Россійскаго Общ. Плодоводства — дсс. Александръ Ивановичъ Базаровъ (вмѣсто г. Разумовскаго); журн. «По морю и сушѣ» — лѣкарь Леонтій

¹⁾ Ѳ. А. Куманинъ скончался въ Москвѣ 24 апрѣля 1896 года.

Леонтьевичъ Михневичъ (вмѣсто г. Рейхельдта); журн. «Пожарный вѣстникъ пожарнаго дѣла въ Россіи» — Самуиль Аріановичъ Штернъ; журн. «Православный Благовѣстникъ» — г. Комаровъ (вмѣсто протоіер. Никольскаго); отказался отъ редактированія журн. «Практическая Медицина» — профессоръ Ананасьевъ; журн. «Птицеводство» — г. Осиповъ; газ. «Petersburger Zeitung» — кандидатъ университет. Леопольдъ Генриховичъ Лакманъ (2-мъ); журн. «Protocolle des St. Petersburger Polytechnischen Vereins» — г. Биль; журн. «Родина» — купецъ Альбинъ Андреевичъ Каспари (вмѣсто г. Пономарева), онъ же и издатель журнала; «Русской Музыкальной газеты» — губернс. секрет. Александръ Вячеславовичъ Юсовскій (2-мъ), который потомъ отказался отъ редакторства; журн. «Русскій Охотникъ» — издатель этого журн. Василій Альфредовичъ Саутамъ (2-мъ); журн. «Русская Старина» — генер.-майоръ Николай Ѳеодоровичъ Дубровинъ (вмѣсто гл. Зыкова), начиная съ 1896 г.; газ. «Русь» — временно, губернс. секр. Николай Александровичъ Зеленскій (вмѣсто кн. Мещерскаго); газ. «Russland's Musik. Zeitung» — Иванъ Николаевичъ Рипке (вмѣсто г. Габриловича); журн. «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство» и газ. «Земледѣльческая Газета» — дсс. Александръ Ѳеодоровичъ Баталинъ ¹⁾; журн. «Сѣверный Вѣстникъ» — дочь дсс. Любовь Яковлевна Гуревичъ, она же и издательница журнала; газ. «St. Petersburger Herald» — Иванъ Николаевичъ Рипке (вмѣсто г. Гезеллуса); журн. «Semkopis» — агрономъ Иванъ Давыдовичъ Бергъ (вмѣсто г. Дравніана); газ. «Указатель квартиръ въ г. Москвѣ» — дочь тит. сов. Марія Прохорова Иванова, она же и издательница (вмѣсто г-жи Петровской); журн. «Falke» — мѣщ. Германъ Готлибовичъ Уелебергъ (вмѣсто г. Блонфельдъ) журн. «Электро-техническій Вѣстникъ» — поруч. Николай Николаевичъ Довяковскій (вмѣсто г. Ребикова); газ. «Яхта» — жена тит. сов. Надежда Рафаиловна Луцандина; вторымъ редакторомъ изданій Императорскаго Московскаго Общ. испытателей природы утвержденъ Николай Александровичъ Иванцовъ.

Издателями: латышскаго журнала «Aostrum» — Яковъ Иосифовичъ Вельмъ; приняты въ соиздатели журн. «Благовѣстъ» — колл. секр. Василій Степановичъ Драгомирецкій и колл. сов. Евгений Антоновичъ Евдокимовъ; право изданія газ. «Волжскій Вѣстникъ» перешло къ Татьянѣ Константиновнѣ Константиновой, которая передала это изданіе въ 3-хъ лѣтнюю аренду г-жи Рейнгардтъ; издателемъ жур. «Воскресенье» утвержденъ Корнелій Владиславовичъ Тхоржевскій; газ. «Wesenberger Anzeiger» — жена пот. поч. гражд. Евгения Николаевна Мальшъ, она же утверждена и редакторомъ газеты; газ. «Гамелець» перешла къ наслѣдникамъ умершаго издателя ея г. Цедербаума, а отъ нихъ право изданія передано: редактору этой газеты Лейбъ Абрамовичу Рабиновичу и мѣщ. Сабсъ Израилевичу Раппопорту; издателемъ газеты «Glos» утвержденъ Ѳаддей Алоновичъ Стржембошъ (онъ же и редакторъ); газ. «Дѣловой Корреспондентъ» — двор. Владиміръ Николаевичъ Алексѣевъ; журн. «Дѣтское Чтеніе» съ приложеніемъ «Педагогическій Листокъ» — жена дсс. Елена Николаевна Тихомирова; латышской газеты «Deenas Lara» — канд. правъ Петръ Ивановичъ Стучка; газ. «Жизнь и Искусство» — присяж. повѣр. Митрофанъ

¹⁾ А. Ѳ. Баталинъ скончался въ С.-Петербурѣ 1-го октября 1896 г.

Евграфовичъ Краинскій; журн. «Звѣзда»—колл. сов. Алексѣй Ивановичъ Павловъ; журн. «Izraelita»—Соломея Пельтынъ; приняты въ соиздатели газ. «Крымъ» редакторъ ея—Николай Николаевичъ Балабуха; газ. «Курьеръ торговли и промышленности»—жена мѣщ. Екатерина Ивановна Коганъ; журн. «Kurjer Świąteczny»—Адамъ Осиповичъ Лоцинскій и Владиміръ Игнатьевичъ Полиенковскій; газ. Libauer Tageblatt»—колл. сов. Карлъ Густавовичъ Купферъ, онъ же и редакторъ (вмѣсто г. Гакена); газ. «Минскій Листокъ»—двор. Константинъ Ивановичъ Зиновьевъ и капит. Василій Михайловичъ Щеглятьевъ; грузинской газ. «Меурне»—двор. Илья Миріоновичъ Чконія (онъ же и редакторъ); «Нижегородскій Листокъ объявленій и справокъ»—потомств. почетн. гражд. Степанъ Николаевичъ Козачковъ (онъ же и редакторъ); газ. «Odessaer Zeitung»—принята въ соиздательницы жена издателя Меланья Иосифовна Кисичъ; журн. «По морю и сушѣ»—губерн. секр. Аѳанасій Ивановичъ Погибка; въ соиздатели сборника «Подробный адресный указатель варшавскихъ коммерческихъ фирмъ» приняты Брониславъ Викентьевичъ Копчинскій; въ соиздатели газ. «Pergausche Zeitung» приняты Леопольдъ Генриховичъ Лакманъ, къ которому и перешло право изданія этой газеты; издателемъ газеты «Русь» утвержденъ Николай Александровичъ Зеленскій (онъ же и редакторъ); право изданія журн. «Русское Богатство» перешло къ женѣ надв. сов. Надеждѣ Валеріановнѣ Михайловой, а въ соиздатели приняты Владиміръ Галактіоновичъ Короленко; издателями журн. «Русская Вѣзда» и приложенія къ нему «Благовѣсть» утверждены: г-жа Васильева и г. Евдокимовъ; газ. «Смоленскій Вѣстникъ»—колл. асс. Василій Васильевичъ Азанчевскій; газ. «Театральныя Извѣстія»—купчиха Александра Константиновна Волкова; журн. «Указатель путешествій по Россіи—Фрумъ»—г. Шкотъ и газ. «Экономъ, всеобщій сельско-хозяйственный листокъ объявленій для всей Россіи»—сс. Владиміръ Густавовичъ Грошонфъ.

Измѣненія сроковъ выхода журналовъ и подписной цѣны.

Въ теченіе минувшаго 1895 года ходатайствовали объ измѣненіи сроковъ выхода въ свѣтъ 23-хъ періодическихъ изданій, а именно: газету «Астраханскій Листокъ Объявленій» разрѣшено выпускать ежедневно, такое же разрѣшеніе получили газеты «Волгарь» и «Нижегородскій Биржевой Листокъ»; «Вятская Газета» должна выходить еженедѣльно вмѣсто двухъ разъ въ мѣсяцъ; газета «Гражданинъ»—два раза въ недѣлю вмѣсто ежедневнаго выхода; газета «Донская Рѣчь»—ежедневно вмѣсто 4-хъ разъ въ недѣлю; журналъ «Домовладѣлецъ»—два раза въ мѣсяцъ вмѣсто 4-хъ; журн. «Der Anwalt der Thiere»—4-е раза въ годъ вмѣсто ежемѣсячнаго выхода; журн. «Зубоврачебный Сборникъ»—4-е раза въ годъ вмѣсто ежемѣсячно; журн. «Kronika Lekarska»—два раза въ мѣсяцъ вмѣсто одного; газ. «Лучъ» пять разъ въ недѣлю; газ. «Минеральныя Воды»—три раза въ мѣсяцъ, во время лѣчебнаго сезона, вмѣсто 4-хъ разъ; прибавленія къ газетѣ «Минскій Листокъ»—четыре раза въ недѣлю вмѣсто двухъ; газ. «Наставленіе и утѣшеніе святой вѣры христіанской»—одинъ разъ въ мѣсяцъ вмѣсто двухъ; жур. «Niwa»—четыре раза въ мѣсяцъ вмѣсто двухъ;

жур. «Пожарный вѣстникъ пожарнаго дѣла въ Россіи»—ежемѣсячно вмѣсто еженедѣльно; журн. «Псовая и Ружейная охота»—три раза въ мѣсяцъ вмѣсто 2-хъ; эстонскій журналъ «Rollimes»—ежемѣсячно вмѣсто 6-ти разъ въ годъ; газ. «Смоленскій Вѣстникъ»—6-ть разъ въ недѣлю вмѣсто 3-хъ; журн. «Собраніе сочиненій иностранныхъ писателей»—2 раза въ мѣсяцъ (по двѣ книги) вмѣсто одного; газ. «Справочный Листокъ для сценическихъ дѣятелей»—по мѣрѣ накопленія матеріала; журн. «Semkoris»—4-е раза въ мѣсяцъ вмѣсто одного и журн. «Хирургическій Вѣстникъ» (нынѣ «Русскій Хирургическій Архивъ»)—четыре раза въ годъ вмѣсто ежемѣсячно. Первоначальную подписную цѣну измѣнили 31 періодическое издаіе, причемъ 18-ть изданій эту цѣну повысили.

Л. Н. Павленковъ.

успокоила Мини, мистриссъ Гоббъ, съ быстротою и умѣlostью опытной кухарки, взялась за дѣло, предварителано сунувъ въ руки Роберта кофейную мельницу и окорокъ свинины. Пока они трудились, въ кухню начали входить одинъ за другимъ странные на видъ люди, съ ружьями въ рукахъ и съ голодными лицами. Хозяйка вздрогнула при видѣ ихъ, но Робертъ со смѣхомъ воскликнулъ:

— Входите, входите, ребята! Я найду всѣмъ работу. Вы, капитанъ Браунъ, рѣжьте свинину, пока вамъ не скажутъ: довольно. Вы, Язонъ, ступайте и принесите два ведра воды изъ колодца, который вамъ укажетъ хозяинъ. Эливеръ, Соломонъ и Фредъ, садитесь со мною, и я васъ научу молоть кофе. Ну, мистриссъ Гоббъ, дѣлайте свое дѣло и не обращайтесь на насъ вниманія, а если что вамъ понадобится, то скажите, и я прикажу ребятамъ помочь вамъ.

Распоряженія Роберта вызвали общій смѣхъ, но были немедленно исполнены. Самъ капитанъ добродушно вынулъ изъ-за пояса большой ножъ и сталъ рѣзать свинину съ быстротою и правильностью машины. Язонъ приложилъ руку къ виску, какъ солдатъ, и, повернувшись на каблукахъ, схватилъ одной рукой два ведра, а другой Майнера; черезъ секунду они уже были на дорогѣ къ колодцу. Остальные молодцы усѣлись на диванѣ и поглядывали съ завистью на Роберта, который такъ скоро молоть кофе, что едва не сломалъ мельницы.

Въ короткое время ужинъ былъ готовъ, но, несмотря на весь авторитетъ, который принялъ на себя Робертъ, Майнеръ Гоббъ ни за что не согласился войти въ составъ первой серіи ужинающихъ. Поэтому сначала сѣли за столъ крестъ-на-крестъ: мистриссъ Гоббъ и Джонъ Браунъ, Руеъ и Робертъ. Никогда молодой дѣвушка не случалось принимать участія въ такомъ странномъ банкетѣ. Во всемъ домѣ было только три тарелки, и изъ нихъ одна досталась Руеи, другая мистриссъ Гоббъ и Мини, а третью подѣлили между собою Робертъ и Джонъ Браунъ. Вилочъ нашлось всего двѣ и ѣли ими женщины, а мужчины своими большими ножами, помогая имъ коркой хлѣба. Одна кофейная чашка служила по очереди всѣмъ, а тарелки постоянно мылись между кушаньями, которыхъ было три: жареная свинина, картофельный пудингъ и печеные каштаны съ патокой. Но все было обставлено такъ, что Руеъ, привыкшая къ хорошей сервировкѣ, нимало не чувствовала отвращенія къ этому импровизованному банкету — такъ вполне соответствовали другъ другу простота ѣды, скромность обстановки и невольна внушавшая уваженіе искренность окружавшихъ ее трудолюбивыхъ людей съ загорѣлыми лицами. Смотря на нихъ, она тутъ же составила себѣ убѣжденіе, что это все были настоящіе хорошіе люди. Они могли заблуждаться, могли имѣть узкія понятія, но дѣйствовали такъ, какъ считали правильнымъ. Отъ времени до времени она искоса поглядывала на Гольдено и Джона Брауна, замѣчая силу волю,

которою дышали ихъ лица. Ни одинъ изъ нихъ не былъ красивъ, но ихъ черты лица, въ особенности старшаго, дышали гордымъ достоинствомъ, возбуждавшимъ уваженіе. Когда Джонъ Браунъ поднималъ свои глаза и устремлялъ на нее свой строгій, проницательный взглядъ, то она невольно вспоминала портретъ, такъ напугавшій ее.

— Онъ можетъ быть вѣрнымъ другомъ, но и страшнымъ врагомъ.

Остальные молодцы терпѣливо ждали своей очереди закусить, и они въ сущности не привлекали къ себѣ вниманія молодой дѣвушки. Но все-таки она не замѣчала въ ихъ лицахъ слѣдовъ жестокости, мошенничества и хитрости, которыя приписывалъ имъ и ихъ товарищамъ капитанъ Гаулетъ. Они казались грубыми, но благородными; неловкими въ разговорѣ, но добродушными; вообще ихъ можно было бы принять за простой деревенскій людъ, если бы они не были вооружены ружьями, револьверами и охотничьими ножами. Все это было очень странно и непонятно для Руэи.

Вскорѣ ужинъ кончился, и Руэа, вставъ, сказала, что ей пора идти домой.

— Майнеръ васъ проводить,—сказала мистриссъ Гоббъ, провожая Руэа въ спальню, гдѣ остались ея шляпа и куртка.

Когда они вернулись, то всѣ остальные гости уже сидѣли за столомъ вмѣстѣ съ хозяиномъ и живо ушлетали ужинъ.

— Мистеръ Гольдено позволилъ мнѣ остаться дома,—сказалъ Майнеръ, указывая рукой на Роберта:—ему также надо идти куда-то, и онъ проводитъ миссъ. Конечно, человекъ, пробившій голову Пата Логлина и сломавшій скулу Билли Балинджеру,—достаточный защитникъ для молодой дѣвушки. Вы согласны, миссъ?

— Я, право, не знаю, зачѣмъ комунибудь беспокоиться: я одна пришла и одна могу уйти,—отвѣчала Руэа, но на лицѣ ея показалась улыбка, которая далеко не выражала разочарованія.

— Если вы полагаете, что я недостаточный для васъ эскортъ, то только скажите—всѣ ребята пойдутъ за вами,—сказалъ Робертъ, открывая дверь.

Она ничего не отвѣчала, и они исчезли въ темнотѣ.

Дорога была еще грязнѣе прежняго и такъ скользка, что Руэа была вынуждена взять руку Гольдено. Почти все время они молчали. Робертъ чувствовалъ, какъ будто имъ овладѣлъ чудный сонъ, отъ котораго онъ долженъ вскорѣ очнуться съ горькимъ разочарованіемъ. Онъ не только былъ радъ, что видитъ Руэа, но для него было большимъ счастьемъ, что онъ встрѣтилъ ее при такихъ обстоятельствахъ и на фермѣ Гобба. Ему очень хотѣлось спросить ее, зачѣмъ она тамъ была, но онъ никакъ на это не рѣшался. Онъ чувствовалъ себя столь счастливымъ въ ея присутствіи, что считалъ излишнимъ даже говорить съ ней. Онъ не зналъ, была ли она невѣстой Гаулета, какъ всѣ увѣряли. Онъ зналъ, что думать

объ этомъ глупо, если еще не хуже. Послѣ того, что произошло, онъ не могъ бывать въ домѣ ея опекуна, тѣмъ болѣе теперь, такъ какъ Джонъ Браунъ былъ предметомъ пламенной ненависти Аллена Эльмора и всѣхъ ему подобныхъ умѣренныхъ политикановъ. Видѣться съ нею тайно было невозможно, а случайная встрѣча, какъ въ этотъ день, могла болѣе не повториться.

Занятый этими мыслями, онъ молча шель, поддерживая молодую дѣвушку, какъ вдругъ она спросила его:

— Скажите мнѣ, мистеръ Гольдено, если это не тайна, кто эти люди, которыхъ я видѣла сегодня.

— Тутъ нѣтъ никакой тайны, миссъ Виндсфордъ. Мы, такъ какъ я въ числѣ ихъ, такъ называемые потаватомскіе стрѣлки.

— А,—промолвила Руѳъ дрожащимъ голосомъ:—а что вы дѣлаете?

— Вы очень перепуганы мыслью, что сидѣли съ нами за однимъ столомъ,—произнесъ съ улыбкой Робертъ.

— Нисколько, я даже горжусь этимъ, но, конечно, я слышала много дурного о вашихъ товарищахъ и желала бы знать, что вы скажете о нихъ.

— Объяснить вамъ подробно, что мы за люди, взяло бы слишкомъ много времени, но я постараюсь въ двухъ словахъ обрисовать нашу цѣль и дѣятельность. Мы—сторонники свободныхъ штатовъ, большинство изъ насъ люди бѣдные, мы потеряли вѣру въ возможность мирнаго освобожденія Канзаса отъ рабства и обязались взаимной клятвой бороться до тѣхъ поръ, пока не обеспечимъ Канзасу свободы.

— А если у васъ не хватитъ силъ?

— Все-таки мы окажемъ хоть какую нибудь услугу нашимъ преемникамъ.

— Такъ вы готовы бороться до послѣдней капли крови скорѣе, чѣмъ подчиниться закону?

— Да, каждый изъ насъ поклялся въ этомъ на Библии.

— Какъ страшно! Но все-таки вы должны быть люди искренніе, убѣжденные. И вы такъ дѣйствуете потому, что считаете рабство зломъ?

— Многіе изъ насъ такъ поступаютъ, но другіе не присоединились бы къ намъ по этой одной причинѣ. Ихъ привлекли къ намъ разбои миссурійцевъ, подобные сожженію фермы Майнера Гобба, и открытое поощреніе ихъ со стороны правительства и арміи. Вы знаете... впрочемъ, гдѣ вамъ знать, что когда Гоббъ обратился за помощью къ правительству, то ему прямо объявили, что онъ не можетъ рассчитывать ни на какое правительственное содѣйствіе, такъ какъ онъ революціонеръ и нарушитель закона. Что же получается въ результатѣ такого положенія дѣлъ? Насиліе царитъ все болѣе и болѣе. Миссурійцы становятся все нахальнѣе, а сторонники сво-

бодныхъ штатовъ все трусливѣе. Съ другой стороны подобныя несправедливости доводятъ людей до безумія, тѣмъ болѣе, что Сѣверъ за насъ. Когда начнется настоящая кровавая расправа, то вся страна очнется отъ своей долгой дремоты.

Руѣвъ вздохнула.

— Ну, а если Югъ также проснется?—сказала она.—Я, конечно, говорю, какъ южанка, но имѣйте въ виду, что пятьсотъ молодцовъ направляются сюда изъ Алабамы.

— Мы это знаемъ,—отвѣтилъ Робертъ со смѣхомъ, отъ котораго вздрогнула молодая дѣвушка:—и готовы встрѣтить ихъ гораздо болѣе, чѣмъ они думаютъ. Во всякомъ случаѣ мы исполнимъ свой долгъ. А если они побѣдять насъ, то вся страна побѣдетъ ихъ. Въ этомъ я убѣжденъ.

Въ это время они уже добрались до вершины горы, и передъ ними виднѣлся недалекъ Бѣлый домъ.

— Вы войдете, мистеръ Гольдено?

Онъ вздрогнулъ. Слова эти ему показались злой ироніей. Однако на лицѣ, смотрѣвшемъ на него, не было и слѣда насмѣшки.

— Развѣ я могу?—отвѣчалъ онъ:—вашъ дядя сочтетъ меня за нахала, если не хуже.

— Можетъ быть,—промолвила она медленно:—но это не помѣшало бы мнѣ принять васъ, какъ друга, еслибъ домъ былъ мой,—прибавила она съ вызывающей улыбкой.—Но онъ не мой, и мы не можемъ тамъ видѣться. Очень благодарю васъ за ваши разъясненія.

И она протянула ему руку.

— Зачѣмъ вы это говорите?—спросилъ онъ, удерживая ея руку.

— Потому, что вы научили меня многому. Я южанка и у моего отца были рабы. Всѣ мои друзья рабовладѣльцы, и я не могу считать рабство зломъ. Но теперь я вижу, что и среди противниковъ рабства есть люди добрые и которыхъ я уважаю отъ всего сердца. Вотъ чему я научилась сегодня. Доброй ночи.

Она быстро побѣжала по садовой дорожкѣ и черезъ минуту исчезла въ дверяхъ. Робертъ остался одинъ, погруженный въ глубокую думу.

XII.

Руѣвъ нарушаетъ законъ.

Вернувшись въ Бѣлый домъ, Руѣвъ ожидала безконечныхъ вопросовъ со стороны дяди и здоровую нотацию за неблагоразумную и столь продолжительную отлучку изъ дома. Но, по счастію, онъ еще не вернулся изъ города, а жена удовольствовалась однимъ вопросомъ, желаетъ ли племянница ужинать. Безмолвіе бѣдной женщины было очень тягостнымъ, и Руѣвъ была не прочь рассказать

ей все и спросить ее чистосердечнаго мнѣнія по вопросу о рабствѣ. Но молодая дѣвушка такъ устала, и ей такъ хотѣлось спать, что она отложила разговоръ съ теткой. Однако, прежде чѣмъ лечь въ постель, она прочитала еще разъ съ начала до конца статью противъ рабства въ «New Tribun», и странное чувство сомнѣнія овладѣло ею, такъ что она успокоилась, только рѣшившись основательно переговорить объ этомъ вопросѣ съ капитаномъ Гаулетомъ. Въ пользу южнаго взгляда должны были существовать основательные аргументы, и нелѣпо было съ ее стороны такъ быстро поддаться вліянію нѣсколькихъ сторонниковъ свободныхъ штатовъ и газетной статьи. Это означало такую шаткость мнѣній, которую она не должна была допустить въ себѣ. Ей казалось, что пятиминутнаго разговора съ капитаномъ будетъ достаточно, чтобы разогнать всѣ сомнѣнія, и въ ожиданіи этого случая всего лучше было не думать о тревожномъ вопросѣ.

Алленъ Эльморъ болѣе не говорилъ о тысячѣ долларовъ, и главнымъ образомъ потому, что онъ былъ очень озабоченъ мрачнымъ характеромъ, который принимали общественныя дѣла. Хотя въ Сантонѣ все было спокойно, но въ воздухѣ чувствовалось электрическое напряженіе, и въ коммерческихъ дѣлахъ произошла полная остановка. Всѣмъ было извѣстно, что полковникъ Бюфордъ изъ Алабамы находился на границѣ территоріи съ пятьюстами молодцами, которые хотя и увѣряли, что они мирные граждане юга, желавшіе поселиться въ Канзасѣ, гдѣ до тѣхъ поръ были только эмигранты сѣвера, но въ глазахъ канзасцевъ казались такими же разбойниками, какъ Патъ Логгинъ. Самъ Алленъ Эльморъ написалъ въ сильныхъ выраженіяхъ вашингтонскому правительству о необходимости выслать еще солдатъ для обезпеченія спокойствія и собственности канзасцевъ; но такъ всѣ были убѣждены, что администрація при президентѣ Терсѣ будетъ всегда поддерживать интересы юга, что ожидали мало пользы отъ правительственнаго покровительства. Среди сторонниковъ свободныхъ штатовъ преобладало уныніе, даже отчаяніе. Судьба ихъ зависѣла отъ любой шайки разбойниковъ, называвшихъ себя защитниками закона, такъ какъ законодательное собраніе было въ рукахъ южанъ, а губернаторъ территоріи, Иванонъ, пьяный, слабохарактерный негодяй, не былъ достоинъ занимаемаго имъ мѣста. Выходовъ изъ этого затруднительнаго положенія было только два: первый заключался въ перемѣнѣ правительства въ Вашингтонѣ и избраніи президента, который оказалъ бы справедливость Канзасу, на что и надѣялись политиканы съ Эльморомъ во главѣ, а второй состоялъ въ открытой борьбѣ защитниковъ свободныхъ штатовъ со своими врагами. Но въ сущности оба эти выхода не имѣли никакого шанса на успѣхъ. На сѣверѣ общественное мнѣніе было раздѣлено между двумя партіями, а югъ, напротивъ, стоялъ единодушно за рабство. Никто, возставав-

шій противъ юга и рабства, не могъ разсчитывать на избраніе президента иначе, какъ послѣ предварительнаго уничтоженія самой могущественной политической организаціи въ странѣ, что было при тогдашнихъ условіяхъ невысказано. Еще безнадежнѣе была открытая борьба со сторонниками рабства. Положеніе Эльмора было самое щекотливое въ политическомъ отношеніи: онъ обязанъ былъ своимъ мѣстомъ пенсильванскимъ вигамъ и открыто поддерживалъ свободные штаты, но тайно онъ ухаживалъ за южными демократами и общалъ имъ ничего не дѣлать противъ рабовладѣльческихъ интересовъ.

Поэтому неудивительно, что при такихъ обстоятельствахъ Эльморъ не обратилъ дальнѣйшаго вниманія на проявленную его племянницей неожиданную самостоятельность, какъ она ни была неприятна старику.

Руеъ жила спокойно, и никто, даже мистриссъ Эльморъ, не тревожилъ ее никакими вопросами, хотя она ежедневно ходила на ферму Гобба. Тамъ ее принимали съ распростертыми объятіями, такъ какъ она ухаживала за Мини и постоянно носила ему маленькіе подарки. Такъ прошло три дня. На четвертый молодая дѣвушка получила записку крупными буквами на грязномъ лоскутѣ бумаги:

«Любезный другъ, не приходите. У насъ бѣда.

«Съ почтеніемъ Майнеръ Гоббъ».

Рuae прочла два раза это странное посланіе. Что бы тамъ случилось? Почему Гоббъ написалъ ей записку, а не припелъ объяснить ей свою бѣду на словахъ? Цѣлый день она беспокоилась и придумывала всякія несчастія, которыя могли случиться на фермѣ Гобба, отъ новаго набѣга миссурійцевъ, до кори или скарлатины у ребенка.

На слѣдующее утро, не имѣя никакихъ извѣстій, она рѣшила рискнуть и пошла на ферму. Дорога теперь была сухая, и Руеъ шла быстро. Спускаясь съ горы къ рѣкѣ, она увидѣла ферму Гобба и успокоилась. Домъ былъ въ прежнемъ видѣ, вокругъ него все было приведено въ порядокъ и приступлено было къ постройкѣ новой конюшни. Но она еще находилась въ пятидесяти ярдахъ отъ дома, когда дверь отворилась, и мистриссъ Гоббъ выбѣжала ей навстрѣчу.

— Развѣ вы не получили записки отъ Майнера?—воскликнула она, и ея лице дышало такой же печальной тревогой, какъ въ ту ночь, въ которую она приходила въ Бѣлый домъ.

— Я получила вчера таинственную записку, а сегодня ничего, поэтому я и пришла.

— Я очень рада васъ видѣть, но не ходите въ домъ и не дѣлайте мнѣ никакихъ вопросовъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Это распоряженіе Майнера, и онъ совершенно правъ. Отправляясь на смотръ скотины, которую ему выбралъ Джонъ Браунъ, онъ сказалъ: никого не пускайте въ домъ, даже Руоѣ, поэтому уходите, моя милая. Завтра или послѣзавтра все уладится. Не спрашивайте меня ни о чемъ, я не могу сказать вамъ правды, а лгать не хочу.

— Что же случилось, мистриссъ Гоббъ,—отвѣчала съ удивленіемъ Руоѣ:—неужели вы мнѣ не довѣряете? Вѣдь въ сущности мнѣ некому и передать то, что вы скажете. Объясните мнѣ, въ чемъ дѣло, и я уйду, а такъ я не двинусь съ мѣста. Ужъ не боленъ ли Мини?

— Нѣтъ, Мини здоровъ, слава Богу; дѣло не въ немъ.

— Такъ нѣтъ ли у васъ въ домѣ больныхъ? Я не боюсь никакой заразы.

— Зачѣмъ вы это говорите! — воскликнула мистриссъ Гоббъ, вздрогнувъ:—или вы все знаете? Можетъ быть, вы шпионка? Боже мой! Боже мой! Что это тамъ на горѣ? Солдаты! Мы погибли!...

Она указала рукой въ пространство и убѣжала въ домъ. Руоѣ обернулась и дѣйствительно увидѣла приближавшійся отрядъ солдатъ. Минуть черезъ десять они должны были достигнуть фермы. Руоѣ посидѣла въ домѣ за мистриссъ Гоббъ. Она не постучалась, а просто вошла въ кухню, въ которой никого не было. Но внутренняя дверь была заперта, и, остановившись передъ нею, молодая дѣвушка произнесла рѣшительнымъ тономъ:

— Мистриссъ Гоббъ, не будьте глупы и впустите меня сейчасъ. Я, вѣроятно, знаю этихъ солдатъ и могу васъ выручить, если вы мнѣ скажете, въ чемъ дѣло.

Послѣ нѣкотораго молчанія, среди котораго слышался шепотъ, дверь посидѣнно отворилась, и мистриссъ Гоббъ вышла, блѣдная, какъ смерть.

— Я вамъ все скажу. У насъ въ домѣ негръ. Майнеръ нашель его полумертвымъ въ полѣ, два дня тому назадъ, ночью, привель его сюда и накормилъ. Онъ едва не умеръ отъ голода и нанесенныхъ ему увѣчій. Но теперь онъ оправился.

Руоѣ также поблѣднѣла.

— Это бѣглый невольникъ?

— Конечно.

— Зачѣмъ онъ бѣжалъ?

— Его, бѣдняжку, безжалостно били. Во многихъ мѣстахъ на спинѣ у него содрана кожа. Охъ! какъ это безжалостно! А теперь солдаты его схватятъ и возвратятъ его владѣльцу, который уходитъ его до смерти. А Майнера за то, что онъ его приютить, посадятъ въ тюрьму, или, можетъ быть, разстрѣляютъ, такъ какъ я слышала, что, по новому закону, за это смертная казнь.

— Хорошъ законъ! Это просто злодѣяніе.

Въ эту минуту послышались стукъ лошадиныхъ копытъ, военная команда и бряцаніе шпоръ на садовой дорожкѣ.

— Мистриссъ Гоббъ, — сказала Руэ въ вполголоса: — идите въ спальню и закройте за собою дверь. Я постараюсь выпроводить солдатъ, но вы во всякомъ случаѣ не приходите сюда.

Испуганная женщина молча повиновалась, а Руэ, снявъ шляпку, усѣлась въ креслѣ передъ огнемъ.

— Войдите, — сказала она мягкимъ тономъ, когда послышался стукъ въ наружную дверь.

Въ кухню вошелъ красивый молодой человѣкъ высокаго роста, съ черными усами. При видѣ Руэ, онъ выпрямился во весь ростъ и отдалъ ей честь. Это былъ Бобъ Матисонъ, сержантъ въ отрядѣ капитана Гаулета, и она его часто встрѣчала.

— Здравствуйте, сержантъ, — сказала она любезно: — въ чемъ дѣло? ужъ не хотите ли вы арестовать меня?

— Нѣтъ, миссъ, — отвѣчалъ сержантъ серьезно: — мы преслѣдуемъ бѣгло невольника, и капитанъ, получивъ извѣстіе, что онъ скрывается здѣсь, приказалъ обыскать весь домъ.

Руэ засмѣялась и покачала головой.

— Капитанъ Гаулетъ ошибся, вотъ и все: я хорошо знаю эту семью, и они мои большіе друзья. Такъ ему и скажите.

Сержантъ нерѣшительно сталъ крутить усы. Всѣ въ его отрядѣ знали, что капитанъ женится на Руэ, къ тому же онъ самъ питалъ нѣжное чувство къ молодой дѣвушкѣ и держалъ пари съ товарищами, что помолвка съ капитаномъ состоится на этой недѣлѣ. Но, не смотря на это, его долгъ былъ ясенъ.

— Въ такомъ случаѣ, миссъ, — отвѣчалъ онъ: — мы уйдемъ отсюда съ пустыми руками, но во всякомъ случаѣ ваши друзья не помѣшаютъ намъ сдѣлать обыскъ въ ихъ домѣ.

Сердце Руэ тревожно забилося, но она снова улыбнулась.

— Это совершенно излишне, такъ какъ я бываю здѣсь каждый день по нѣскольку часовъ и не видала никакого негра. Майнеръ Гоббъ честный, спокойный и добронамѣренный человѣкъ. Не думайте, чтобы я желала помѣшать вамъ исполнить вашъ долгъ: вѣдь я дочь полковника. Но у здѣшней хозяйки боленъ ребенокъ. Слышите, какъ онъ кричитъ, и я боюсь, чтобы при видѣ васъ у него не сдѣлался припадокъ. Я отвѣчаю за все и передамъ капитану Гаулету, что вы только исполнили мое желаніе.

Бобъ Матисонъ не зналъ, на что рѣшиться. Онъ не думалъ, чтобы невольникъ могъ находиться въ этомъ домѣ, и ненавидѣлъ погоню за неграми, но онъ получилъ строгія приказанія, которыя надо было исполнить. Съ другой же стороны, какъ было ему ослушаться невѣсты своего капитана? Онъ переминался съ ноги на ногу, крутилъ свои усы и нервно теръ пальцами свой носъ.

— Вотъ видите, миссъ, я въ очень неловкомъ положеніи и долженъ...

— Убить ребенка?

— Тутъ дѣло не въ ребенкѣ. Если бы мы не исполняли своей службы изъ-за дѣтей, то какіе бы мы были солдаты.

Руѳь поняла, что она сдѣлала ошибку. У нея осталась послѣдняя карта, и она рѣшительно двинула ее впередъ.

— Въ такомъ случаѣ дѣлайте, что хотите. Я думала, что вы не усомнитесь въ моемъ словѣ. Какъ жаль, что здѣсь нѣтъ капитана Гаулета.

Эти слова были произнесены такимъ обиженнымъ тономъ, и Руѳь казалась такой огорченной, что сердце сержанта дрогнуло. Передъ открытой оппозиціей и при повелительномъ тонѣ со стороны молодой дѣвушки онъ остался бы непреклоненъ, но ея упрековъ онъ не могъ перенести.

— Я вамъ вѣрю, миссъ, и уйду отсюда безъ обыска, хотя первый разъ въ жизни я не исполняю своего долга. Скажите здѣшней хозяйкѣ и ея мужу, что куда бы ни бѣжалъ негръ, онъ попадетъ въ наши руки; вся окрестность оцѣплена солдатами.

Онъ снова отдалъ ей честь, вышелъ изъ кухни, и черезъ минуту послышался топотъ удалявшихся солдатъ.

Руѳь подошла къ окну съ грустнымъ предчувствіемъ, что горе не миновало. Желанье спасти Гобба и его семью взяло въ ней верхъ надъ всѣми другими мыслями. О негрѣ она почти не думала, а теперъ ее мучилъ вопросъ, правильно ли онъ поступилъ.

Въ эту минуту отворилась дверь, и вышла мистриссъ Гоббъ, со страхомъ озираясь по сторонамъ. Увидавъ, что Руѳь одна, добрая женщина бросилась къ ней и обняла ее съ истерическими рыданіями.

— Вы насъ спасли,—воскликнула она:—Майнера, меня и Мини, уже не говоря о бѣдномъ негрѣ. Вы должны его видѣть: Ионаанъ, ступай сюда и благодари свою спасительницу.

Руѳь отвернулась. Она не хотѣла слышать благодарности и не знала въ сущности, радоваться ей, или сожалѣть. Но когда она увидѣла передъ собой негра, который низко ей кланялся и бормоталъ что-то, то ей стало жаль его, и сердце ея радостно забилося. Онъ былъ пожилой человекъ, съ широкимъ, добрымъ лицомъ и сѣдоватыми волосами. Полуразорванная, изношенная одежда, состоявшая изъ рубашки и панталонъ, была забрызгана кровью, которая также просочилась изъ перевязокъ на его рукахъ и ногахъ. Повидимому, онъ былъ весь сплошной раной. Однако, смотря на Руѳь, онъ сіялъ лучезарной улыбкой.

— Да благословить васъ Богъ, добрая миссъ,—сказалъ онъ наконецъ:—я старый негръ, но во всю свою жизнь ничего не сдѣлалъ дурнаго. Благодарю васъ отъ всей души, и я никогда не забуду вашего благодѣянія, сколько бы лѣтъ я еще ни жилъ.

Руѳь едва слышала его слова.

— Что они сдѣлали съ вами? Или у васъ было несчастье? Вы въ ужасномъ положеніи.

Негръ посмотрѣлъ на себя со стыдомъ.

— Теперь не такъ больно. Меня просто сѣкли безжалостно.

— За что? Вы совершили преступленіе?

— Да,—отвѣчалъ негръ съ ироніей въ голосъ:—я недостаточно много собралъ хлопка, вотъ хозяинъ разсердился и приказалъ меня сѣчь. Онъ изъ Сѣверной Каролины и очень злой человѣкъ. Я и убѣжалъ въ Канзасъ, думая, что тамъ много людей могутъ защитить невольника. Но я дуракъ, что сдѣлалъ это и повѣрилъ газетамъ.

— Причемъ тутъ газеты?

— Онѣ лгутъ, гадко, скверно лгутъ. Моя газета увѣряла, что въ Канзасѣ все граждане стоятъ за свободные штаты, а оказалось, что здѣсь одинъ только защитникъ негровъ—Майнеръ Гоббъ, да одна женщина—вы. Я думаю, что вернусь къ хозяину. Онъ убьетъ меня, но хуже онъ ничего не можетъ сдѣлать. Господи... что это... опять солдаты?

Лице его посѣрѣло отъ страха, и онъ упалъ на колѣни.

— Пустяки, встань, это Майнеръ!—воскликнула мистриссъ Гоббъ.

Въ кухню вошелъ фермеръ, очень озабоченный. Увидавъ Руоъ, онъ насупилъ брови и погрозилъ женѣ, но когда услышалъ объ удачномъ вмѣшательствѣ молодой дѣвушки, то горячо ее поблагодарилъ.

— Я ни за что на свѣтѣ не желалъ бы, чтобъ этого негра поймали,—сказалъ онъ, забывая о своей собственной опасности:—мы скорѣ найдемъ ему вѣрное убѣжище. Я ходилъ сегодня къ одному пріятелю и все устроилъ. Миссъ Руоъ, вы будете завтракать съ нами?

Она встала и отказалась отъ завтрака. Ей хотѣлось поскорѣе достигъ дома, чтобъ принять мѣры на случай новаго появленія солдатъ на ферму; къ тому же ей нестерпимо было смотрѣть на несчастнаго негра.

Подходя къ Бѣлому Дому, Руоъ увидала въ саду знакомую фигуру капитана Гаулета, который выбѣжалъ къ ней на встрѣчу и крѣпко пожалъ ей руку.

— Я жду васъ два часа,—сказалъ онъ съ нѣжнымъ упрекомъ:—и уже думалъ, что вы никогда не придете. Гдѣ вы были? Но вы, кажется нездоровы? Вы очень блѣдны? Что съ вами, миссъ Виндсфордъ?

Руоъ освободила свою руку и серьезно отвѣчала:

— Я очень рада васъ видѣть. Войдите. Мнѣ надо съ вами поговорить о многомъ. Идите въ гостиную. Я черезъ минуту приду къ вамъ.

Она быстро пошла въ свою комнату, сняла куртку, умыла лице свѣжей водой и пригладила волоса. Затѣмъ она поспѣшила въ гостиную и затворила за собою дверь.

Они были одни во всемъ домѣ.

XIII.

Законъ страны.

Капитанъ Гаулетъ былъ въ отсутствіи три недѣли и постоянно переписывался о политическихъ дѣлахъ съ Эльморомъ, который время отъ времени прибавлялъ, подчеркивая каждое слово, что его домашніе очень сожалѣли о томъ, что не пользуются обществомъ капитана. Въ послѣднемъ письмѣ онъ совѣтовалъ капитану поскорѣе вернуться, и тотъ повиновался, хотя ему это было не очень удобно. Немедленно явившись въ Бѣлый домъ, онъ съ неудовольствіемъ узналъ, что Руэ ушла къ сосѣдямъ.

— Я не могу вамъ сказать, гдѣ она, — прибавила мистриссъ Эльморъ, сообщивъ ему объ отсутствіи племянницы: — но она съ нѣкоторыхъ поръ интересуется какими-то бѣдными людьми и постоянно къ нимъ ходитъ. Если вы хотите ее подождать, то она, вѣроятно, вернется къ завтраку, но искать ее—врядъ ли приведетъ къ чему. Если же вы заняты, то пожалуйте вечеромъ.

Капитанъ съ удивленіемъ и даже съ безпокойствомъ, котораго онъ не могъ себѣ объяснить, сталъ поджидать молодую дѣвушку. Она явилась, спустя два часа, и Гаулетъ нашелъ въ ней большую перемѣну. Она, казалось, постарѣла и не встрѣтила его съ обычной веселой улыбкой, а, напротивъ, ея лицо было такъ серьезно задумчиво, что какъ будто ее тяготили заботы обо всемъ мірѣ. Однако, нельзя было не признать, что происшедшая въ ней перемѣна еще болѣе увеличивала ея прелесть, и къ тому же ясно было, что она рада его возвращенію.

— Какъ давно мы не видались,—сказала она.

— Эти три недѣли мнѣ показались тремя мѣсяцами,—отвѣчалъ онъ:—а вы сожалѣли о моемъ отсутствіи?

— Конечно. Мнѣ о столькомъ надо съ вами поговорить, что я не знаю, съ чего начать. Видѣли вы сегодня вашего сержанта Боба Матисона?

— Видѣлъ. А вамъ зачѣмъ?

— Когда вы его видѣли?

— Рано утромъ, около девяти часовъ: я послалъ его на одну ферму.

— А послѣ этого вы его не видали?

— Нѣтъ.

Руэ повеселѣла и захопала въ ладоши.

— Какъ я рада!—воскликнула она:—мнѣ необходимо было первой рассказать вамъ то, что случилось. Я по счастью была на той самой фермѣ, куда вы послали Боба. Онъ хотѣлъ сдѣлать обыскъ въ домѣ, отыскивая какого-то бѣглаго невольника, а я ему помѣ-

шала, сказавъ, что беру на себя всю отвѣтственность передъ вами. Что это, вы нахмурили брови? Значить, я дурно поступила. Но, во всякомъ случаѣ, виновата я одна, и вы не сердитесь на бѣднаго Боба. Онъ долго мнѣ сопротивлялся, и если въ концѣ концовъ уступилъ, то изъ боязни обидѣть меня. Значить, я отвѣтственна передъ вами, а не онъ.

Капитанъ былъ очень строгій офицеръ и гордый человѣкъ, а потому его взбѣсило, во-первыхъ, неисполненіе сержантомъ даннаго ему приказанія, а, во-вторыхъ, тотъ мотивъ, которымъ, очевидно, руководствовался Бобъ въ этомъ случаѣ. Кромѣ того, онъ терпѣть не могъ, чтобы посторонніе люди вмѣшивались въ его дѣла и, считалъ поступокъ Руеи неприличнымъ, дерзкимъ. Но, съ другой стороны, онъ былъ влюбленъ въ нее, и его ухаживанія достигли критическаго момента, а слѣдовательно онъ не могъ быть рѣзкимъ въ отношеніи къ ней. Находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, онъ вынужденъ былъ улыбнуться и сказать, что ради нея онъ не поступитъ съ сержантомъ строго, хотя послѣдній и высказалъ слишкомъ сантиментальное мягкосердечіе для солдата. Но Руея ясно видѣла, что его улыбка была принужденная, и она съ безпокойствомъ сказала:

— Я долго не могла рѣшить, хорошо ли я поступила, или нѣтъ, но потомъ была очень рада, что рѣшилась на такой шагъ, и, однако, никогда себѣ его не прощу, если бѣдному сержанту за это достанется.

— Бобъ, хорошій солдатъ,—произнесъ капитанъ:—и его прямая обязанность была поймать бѣглаго невольника. Если онъ это сдѣлалъ, какъ я не сомнѣваюсь, то намъ нечего объ этомъ болѣе беспокоиться. Лучше поговоримъ о васъ.

— Погодите. Вы знаете, по какой причинѣ бѣжалъ этотъ невольникъ?

Гаулетъ съ удивленіемъ взглянулъ на молодую дѣвушку, не понимая, почему его будущая жена выказываетъ такой интересъ къ неграмъ. Нѣтъ,—подумалъ онъ:—я слишкомъ долго оставался въ отсутствіи.

— Я видѣлъ вчера вечеромъ его хозяина, и онъ мнѣ сказалъ, что этотъ негръ былъ очень лѣнивый и вполне заслужилъ свое наказаніе, а чтобы избѣгнуть дальнѣйшихъ справедливыхъ каръ, онъ бѣжалъ въ Канзасъ, гдѣ, по газетамъ, поселились будто бы какіе-то аболіціонисты, поклявшіеся оказывать помощь бѣглымъ невольникамъ. Газета съ этимъ извѣстіемъ была найдена подъ его матрасомъ. Онъ скрылся въ Сантонѣ на фермѣ Майнера Гобба. Вамъ кто нибудь говорилъ о немъ?

Руея прямо не отвѣтила на этотъ вопросъ.

— А какому наказанію онъ подвергся?

— Не знаю. Но, вѣроятно, здоровой поркѣ. Сѣверные каролинцы

шутить не любятъ. Ну, что, такъ?—прибавилъ онъ, смотря на нее исподлобья.

— Еще бы. Несчастнаго такъ избили, что у него обнажены кости.

— Значить, вы его видѣли?

— Да.

— А могу спросить, когда?

— Сегодня.

— И, конечно, на фермѣ Гобба?

— На этотъ вопросъ я не отвѣчу, а сама спрошу васъ кое о чемъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Приютить негра, убѣжавшаго отъ своего хозяина изъ-за жестокаго обращенія, считается преступленіемъ,—не правда ли?

— Въ Канзасѣ это преступленіе наказуется смертю.

— О, какъ ужасно!

— Извините,—сказалъ капитанъ, качая головой:—это справедливый и разумный законъ, хотя, быть можетъ, онъ иногда ведетъ къ тяжелымъ послѣдствіямъ. Въ Канзасѣ поселились сѣверяне, которые открыто совѣтуютъ неграмъ возставать противъ ихъ хозяевъ. Съ такими негодьями нельзя не поступать строго, и, чтобы положить конецъ ихъ преступнымъ замысламъ, изданъ этотъ законъ.

— Такъ если бы я,—воскликнула Руеъ, покраснѣвъ отъ негодованія:—приняла въ свой домъ несчастнаго бѣднаго негра, избитаго до полусмерти, то меня могли бы повѣсить или разстрѣлять? Вашъ законъ просто верварскій!

— Я этого не говорю, и никто не можетъ подумать, чтобы дочь полковника Виндсфорда была виновна въ укрывательствѣ бѣглаго невольника.

— Напрасно вы въ этомъ такъ увѣрены. Я помню еще ребенкомъ, какъ къ моему отцу вернулся избитый до полусмерти мальчикъ, котораго онъ продалъ сосѣду, и отецъ не только не выдалъ его присланному за нимъ надсмотрщику, такъ жестоко обращавшемуся съ ребенкомъ, но приказалъ подвергнуть его тѣлесному наказанію.

— Я слыхалъ, что отецъ вашъ дорого за это заплатился.

— Да, но онъ поступилъ хорошо, и я такъ же поступила бы съ хозяиномъ этого несчастнаго негра, если бы онъ попался мнѣ подъ руку.

Гаулетъ засмѣялся, но очень принужденно, и, поднявшись съ мѣста, сказалъ такимъ тономъ, котораго Руеъ еще никогда не слыхала отъ него:

— Это дѣло гораздо серьезнѣе, чѣмъ вы думаете. Я очень благодаренъ вамъ, что вы мнѣ все сказали. Еще можно быстрыми мѣрами возстановить законъ. Я знаю, что вы руководствовались самымъ добрымъ намѣреніемъ, но судъ можетъ посмотрѣть на это

иначе, а всякая помощь, оказанная бѣглому невольнику, влечетъ за собою смерть. Конечно, я сдѣлаю все, что могу, для обезпеченія вашей безопасности, хотя не скрою отъ васъ, что вы поступили очень неосторожно. Скажите мнѣ еще: послѣ вашего ухода съ фермы Гобба негръ остался тамъ?

— Я вамъ ничего не скажу,— отвѣчала Руѳъ, поблѣднѣвъ, какъ полотно, но твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ.

Ея слова взбѣсили капитана, но онъ удержался отъ рѣзкихъ выраженій, отошелъ къ окну, постоялъ тамъ минуты двѣ и, возвратясь къ молодой дѣвушкѣ, произнесъ мягкимъ, нѣжнымъ голосомъ.

— Простите, я передъ вами виноватъ. Я сразу не понялъ, что мы оба смотримъ на это дѣло съ различныхъ точекъ зрѣнія: я— какъ солдатъ, а вы— какъ добрая женщина.

Онъ взявъ ее за руку, и Руѳъ, обрадованная переменой въ его настроеніи, не вырвала своей руки и пристально посмотрѣла на него.

— Не будемъ ссориться, — продолжалъ онъ еще болѣе сердечнымъ тономъ: — придетъ время, когда я докажу вамъ, что многіе рабовладѣльцы достойны сожалѣнія, такъ какъ вся ихъ судьба поставлена на карту, и они могутъ погибнуть отъ происковъ сѣверянъ, а вы научите меня быть сострадательнымъ даже къ бѣглымъ неграмъ. А пока оставимъ этотъ предметъ разговора. Вы согласны?

— Да, но вы не сказали, что вы намѣрены дѣлать, я беспокоюсь не о себѣ, а о другихъ.

Онъ улыбнулся и нѣжно погладилъ ея руку.

— Предоставьте все мнѣ. Я приму всѣ мѣры, чтобы не пострадалъ никто изъ вашихъ друзей. Довѣрьтесь мнѣ, и все кончится благополучно, Руѳъ.

Онъ впервые назвалъ ее по имени, и она покраснѣла, но не отскочила отъ него, а напротивъ, съ откровенной улыбкой, сказала:

— Я вполне вамъ довѣряю и очень благодарна за ваше милое обращеніе со мною. Можетъ быть, я поступила глупо, и мнѣ бы хотѣлось серьезно поговорить съ вами, когда у васъ будетъ время.

Онъ молча нагнулся и поцѣловалъ ея руку.

Спустя нѣсколько минутъ, Руѳъ увидѣла изъ окна, какъ Гаулетъ тихо выѣзжалъ изъ воротъ, снявъ шляпу и посылая ей поклоны.

Но какъ только онъ исчезъ изъ ея вида, то пришпорилъ лошадь, а лицо его приняло роковое выраженіе, какъ для бѣглого негра, такъ и для сержанта Матисона.

XIV.

Въ ящикѣ.

Капитанъ Гаулетъ не былъ человѣкомъ неискреннимъ, но позволялъ себѣ нѣкоторую дипломатичность въ отношеніи женщинъ. Руэ обидѣла его, и онъ въ глубинѣ своего сердца рѣшилъ, что она, рано или поздно, въ этомъ раскается. Ея разсужденія на счетъ негровъ были въ его глазахъ сантиментальнымъ пустякомъ, и, когда она сдѣлается его женой, онъ сочтетъ первымъ долгомъ доказать ей, что такъ неприлично думать подругѣ жизни благороднаго южанина; но до тѣхъ поръ онъ ни однимъ словомъ не будетъ ей противорѣчить. Самъ Гаулетъ не обращался жестоко съ неграми, но онъ не выказывалъ пощады къ бѣглымъ невольникамъ, по какой бы уважительной причинѣ они ни бѣжали. Съ его точки зрѣнія, негръ имѣлъ право быть только невольникомъ, то-есть тѣмъ, къ чему его призвало провидѣніе. Если рабовладѣльцы жестоко обращались со своими неграми, то это было глупо и неосторожно, такъ же какъ глупо и неосторожно быть жестокимъ съ животными, а считать, что негръ имѣлъ болѣе права, чѣмъ скоть, на доброе обращеніе съ нимъ, — было просто идиотствомъ. Что же касается до теоріи проклятыхъ янки о равенствѣ правъ черной и бѣлой расы, то она была просто святотатствомъ.

Таковы были убѣжденія, которыя Гаулетъ получилъ съ молокомъ матери и укрѣпилъ въ себѣ воспитаніемъ и жизненной дѣятельностью. Поэтому неудивительно, что слова Руэ заставили его заскрежетать зубами, и только любовь къ ней дозволила ему пересилить свой гнѣвъ. Однажды, очутившись далеко отъ нея, онъ сосредоточилъ всѣ свои мысли на томъ, чтобы исполнить свой долгъ солдата и гражданина.

Въѣзжая въ Сантонъ, онъ встрѣтилъ сержанта, который отыскивалъ его, и, не давъ ему окончить свой рапортъ о случившемся, Гаулетъ воскликнулъ:

— Гдѣ ваши солдаты?

— У Шапета.

— Возьмите ихъ и отправляйтесь снова на ферму. Негръ тамъ.

— Но миссъ Виндсфордъ, сэръ, — отвѣчалъ Бобъ Матисонъ:— она говорила... она увѣряла...

— Бросьте эти пустяки, Бобъ Матисонъ, — гнѣвно перебилъ его капитанъ:—если вы поймаете негра, то все обойдется благополучно, но если нѣтъ, то я васъ отдамъ подъ судъ и выгоню изъ полка за неисполненіе служебныхъ обязанностей. Отправляйтесь сейчасъ къ Гоббу и приведите какъ фермера, такъ и проклятаго негра къ Шапету.

Сержантъ припорилъ лошадь и, когда Гаулетъ достигъ го-

стиницы Шапета, онъ со своими солдатами былъ на подорогѣ къ фермѣ.

Исаакъ встрѣтилъ его съ почтительнымъ поклономъ.

— Гдѣ изволили быть, капитанъ?—спросилъ онъ, позвавъ своего мальчика Джима и поручивъ ему уходъ за офицерской лошадыю.

— Просто промялъ бока лошади, чтобы не застаивалась, — отвѣчалъ Гаулетъ. — Исаакъ, пойдѣте въ вашу комнату и выпьемъ водки.

Когда они очутились наединѣ, капитанъ закурилъ сигару и спросилъ небрежнымъ тономъ:

— А какъ поживаетъ вашъ другъ аболиціонистъ?

— Мой другъ аболиціонистъ, капитанъ? О комъ вы говорите?

— Конечно, о вашемъ жильцѣ Гольдено.

— Я ничего не знаю о немъ: я не видалъ его уже три недѣли.

— Его болѣе нѣтъ въ вашей гостиницѣ?

— Нѣтъ. Онъ оставался въ ней только десять дней.

— Я слыхалъ, что наши молодцы дали ему такую встрепку, что ему сразу опротивѣлъ Сантонъ. Вѣроятно, онъ отъ того и уѣхалъ.

— Вотъ мнѣ и не приходило это въ голову, а вы сразу, капитанъ, попали въ точку. Патъ Логлинъ чуть не отправилъ его на тотъ свѣтъ.

— И подѣломъ. Не вмѣшивайся не въ свое дѣло: эти проклятые янки не даютъ намъ покою. Но, право, Исаакъ, напрасно вы его выручили тогда.

— Можетъ быть, можетъ быть. Это мнѣ всегда говорить и Патъ. Но во всякомъ случаѣ я теперь освободился отъ него.

— Но есть люди хуже его,—сказалъ Гаулетъ, вставая съ мѣста и начиная ходить по комнатѣ: — вотъ, напримѣръ, Джонъ Браунъ, или, какъ его называютъ, старикъ Браунъ изъ Осаватоми. Это аболиціонистъ самаго вреднаго типа.

— Джонъ Браунъ, — промолвилъ Исаакъ, какъ бы припоминая мало знакомую ему личность:—это длинный, сухой дѣтина, съ быстро бѣгающими глазами и суровымъ выраженіемъ лица?

— Да, да. А что вы думаете о немъ?

И Гаулетъ снова сѣлъ за столъ, пристально смотря на трактирщика.

— Что я думаю? А то, что его повѣсятъ прежде осени.

— Дай-то Богъ! — воскликнулъ капитанъ:— а онъ часто приходитъ сюда?

Исаакъ залпомъ выпилъ свой стаканъ водки, облизалъ языкомъ губы и промолвилъ:

— Джонъ Браунъ ничего не пьетъ, кромѣ воды, онъ не понимаетъ, что хорошо.

Капитанъ засмѣялся.

— Всего хуже, что эти люди легко вербуютъ себя сторонниковъ. Ну, а какое ваше мнѣніе о Майнерѣ Гоббѣ?

— Ну, капитанъ, это не Джонъ Браунъ. Я его знаю съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился въ Канзасѣ. Онъ также не способенъ на что либо дурное, какъ его любая корова, онъ слишкомъ много болтаетъ. Вотъ въ чемъ бѣда, а иначе о немъ нечего вамъ беспокоиться, капитанъ.

— Онъ, кажется, любитъ негровъ?

— Онъ любитъ негровъ!—воскликнулъ Исаакъ дѣтскимъ, наивнымъ тономъ: — я думаю, онъ никогда и не видывалъ на своей родинѣ негровъ: вѣдь онъ съ запада.

— А вы очень удивитесь, если я вамъ скажу, что онъ укрываетъ у себя бѣлаго негра?

— Бѣглый негръ у Майнера въ хижинѣ!—воскликнулъ Исаакъ такъ громко, что его слова повторились, какъ эхо:— это неправда, этого быть не можетъ.

Гаулетъ молча допилъ свой стаканъ и, перемѣнивъ тонъ, спросилъ повелительнымъ голосомъ:

— А есть у васъ комната или какойнибудь чуланъ, гдѣ можно было бы держать безопасно арестанта?

— Есть.

— Покажите. Мнѣ нужно будетъ такое помѣщеніе на нѣсколько дней.

Исаакъ отперъ маленькую дверь, не ту, въ которую они вошли, и повелъ капитана по лѣстницѣ внизъ. Тамъ они очутились въ корридорѣ, ведущемъ во дворъ, и не успѣли они войти въ него, какъ наружная дверь отворилась, и на порогѣ показались четыре человѣка, которые несли тяжелый ящикъ. Услыхавъ бряцанье сабли капитана, они остановились, но Исаакъ быстро подошелъ къ нимъ и сказалъ:

— Несите, несите. Капитанъ хотѣлъ посмотреть на чуланъ, и я захватилъ ключъ. Что это за ящикъ? А, на немъ написано: «стекло, осторожно». Хорошо, мы уже очень нуждались въ стеклѣ. Возьми, тамъ, ключъ и отопри чуланъ. Простите, капитанъ, мы васъ задержимъ на минуту. Ну, ребята, несите ящикъ и поставьте въ уголъ. Такъ, хорошо, теперь ступайте во дворъ и подождите расчета. Пожалуйте, капитанъ. Посмотрите, какая крѣпкая дверь и какое безопасное окно. Тутъ можно смѣло держать какого угодно арестанта: негра или бѣлаго.

Дѣйствительно, этотъ чуланъ походилъ на тюремную келью: дверь была тяжелая, окованная желѣзомъ, а то, что Шапеть называлъ окномъ, представляло въ сущности маленькое четырехугольное отверстіе, съ желѣзными перекладинами. Гаулетъ старательно осматрѣлъ

замокъ и, вскочивъ на только что внесенный ящикъ, ощупалъ перекладины окна.

— Это безопасное убѣжище, — сказалъ онъ: — что вы тутъ держите?

— Водку и другіе крѣпкіе напитки, — отвѣчалъ трактирщикъ и, вынувъ изъ кармана ключъ, отперъ шкафъ въ стѣнѣ.

Глазамъ капитана представился дѣлый рядъ неоткупоренныхъ бутылокъ съ водкой и виномъ, въ томъ числѣ съ шампанскимъ.

— А сколько у васъ ключей? — спросилъ Гаулетъ.

— Два. Вы не найдете такого другого замка во всемъ Канзасѣ.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Вскорѣ мои солдаты приведутъ сюда негра, по имени Ионаана Сандса, и его придется держать здѣсь, пока мы удостовѣримся въ его тождественности и продѣлаемъ всѣ необходимыя процедуры. Вы ничего не имѣете противъ, чтобы вашъ чуланъ обратили въ тюрьму?

— Я согласенъ на все, что приноситъ мнѣ деньги въ эти трудныя времена, — отвѣчалъ со смѣхомъ Шапеть: — я всегда слыхалъ, что негръ, пока живъ, принадлежитъ своему господину, и что права послѣдняго охраняются законами Соединенныхъ Штатовъ. Я съ васъ возьму по одному доллару въ день за помѣщеніе и по одному доллару за прокормъ. За то, что онъ отсюда не уйдетъ, я отвѣчаю съ той минуты, какъ вы его запрете въ этотъ чуланъ. Ну, теперь вернемся наверхъ.

Не успѣли они снова помѣститься въ комнатѣ Исаака, какъ въ двери ея показался сержантъ Бобъ, блѣдный, встревоженный.

— Вы поймали его?

— Нѣтъ, серъ. Мы переискали всю ферму: тамъ нѣтъ и слѣда негра.

Капитанъ насупилъ брови.

— Я васъ разжалую за это въ рядовые, — произнесъ онъ гнѣвно: — что же вамъ сказали?

— Сказали, что какой-то негръ шатался вокругъ фермы, прося милостыни, и они дали ему кусокъ хлѣба. А что потомъ съ нимъ стало, никто не зналъ.

— А спросили вы, былъ ли онъ на фермѣ въ то время, когда тамъ находилась миссъ Виндсфордъ?

— Да, серъ, и получилъ въ отвѣтъ, что онъ былъ именно въ то самое время.

— А вы арестовали Гобба?

— Нѣтъ, серъ, его не было дома. Женщины я не взялъ, такъ какъ не зналъ, что она вамъ нужна.

— Мнѣ всѣхъ нужно! — воскликнулъ, выходя изъ себя, Гаулетъ: — отыщите Гобба и притащите его сюда. Ктонибудь да заплатитъ мнѣ за эту комедію.

Сержантъ хотѣлъ удалиться; но Шапеть остановилъ его за руку.

— Майнеръ Гоббъ былъ только что здѣсь въ буфетѣ. Приведите его сюда: мнѣ самому надо у него спросить кое-что.

Бобъ взглянулъ на офицера, ожидая приказанія, и когда тотъ кивнулъ головой, то вышелъ изъ комнаты.

— Мнѣ только что пришла въ голову мысль, — сказалъ Исаакъ, затворяя дверь и принимая конфиденціальный тонъ: — прикажете вамъ ее передать?

— Говорите.

— Есть у васъ доказательства, т.-е. настоящія доказательства того, что Майнеръ Гоббъ укрывалъ у себя бѣглаго негра?

Исаакъ говорилъ такъ искренно, и въ его голосѣ выражался такой интересъ къ дѣлу, что Гаулетъ счелъ возможнымъ вполне довѣриться ему.

— Вотъ въ чемъ дѣло, — отвѣчалъ онъ: — миссъ Виндсфордъ объяснила мнѣ, что она видѣла негра на фермѣ Гобба сегодня утромъ, и сегодня же утромъ она помѣшала моему мягкосердечному сержанту сдѣлать обыскъ на фермѣ; значить, въ то время тамъ находился негръ. Не правда ли, это ясно?

— Можетъ быть, онъ тамъ былъ, а, можетъ быть, и нѣтъ. Вы спрашивали у нея прямо — былъ ли на фермѣ негръ въ то время?

— Я спрашивалъ, но она отказалась отвѣтить.

Исаакъ свистнулъ и спокойно произнесъ:

— Въ такомъ случаѣ у васъ только подозрѣніе, а не доказательство. Конечно, роль Майнера во всемъ этомъ сомнительная. Ну, да вотъ и онъ. Мы сейчасъ все выяснимъ.

Въ комнату вошелъ сержантъ съ двумя солдатами съ обнаженными саблями, а среди нихъ находился Гоббъ.

— Хорошаго вы надѣлали, Майнеръ Гоббъ! — воскликнулъ Исаакъ гнѣвно: — простите, капитанъ, что я заговорилъ съ нимъ раньше вашего, но я не могу сдержатъ своей злобы при мысли, что чловѣкъ, которому я вполне довѣрялъ, укрываетъ у себя бѣглыхъ негровъ. Я вамъ торжественно говорю, Майнеръ Гоббъ, что не оставлю этого дѣла, не добившись истины. Не болгайте пустого, я вѣдь все знаю, что дѣлается здѣсь. Однако, мнѣ все-таки не вѣрится, чтобы вы были виновны въ такомъ преступленіи.

Майнеръ Гоббъ съ удивленіемъ смотрѣлъ то на Исаака, то на капитана.

— Я бы хотѣлъ знать, — произнесъ онъ наконецъ: — кто на меня взводитъ такое обвиненіе. Я ему задамъ.

— Ну, ну! Полно притворяться, — сказалъ рѣзко Гаулетъ: — видѣли вы около вашей фермы негра за послѣдніе два дня?

— Видѣлъ.

— Когда?

— Въ первый разъ вчера ночью.

— А во второй разъ?

— Сегодня утромъ.
 — Вы ему дали чтонибудь?
 — Да. Я его покормилъ и сказалъ, что это въ послѣдній разъ, а потому посовѣтовалъ ему удалиться.
 — Онъ ушелъ?
 — Да.
 — Ктонибудь его видѣлъ, кромѣ васъ?
 — Не знаю.
 — Была миссъ Виндсфордъ на вашей фермѣ сегодня?
 — Жена говоритъ, что была.
 — А видѣла она негра?
 — Объ этомъ спросите у нея, капитанъ.
 — Куда пошелъ негръ съ фермы?
 — Что же мнѣ отвѣчать? — промолвилъ Майнеръ въ нерѣшительности: — я не хотѣлъ бы погубить несчастнаго, но и не желаю нарушить законъ.

— Вы должны сказать правду, или, въ противномъ случаѣ, я отдамъ васъ подъ судъ.

— Такъ я лучше скажу все, что знаю, — отвѣчалъ Гоббъ, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ: — онъ пошелъ съ фермы на юго-западъ и, судя по его словамъ, я увѣренъ, что онъ теперь у Джона Брауна въ Осаватоми.

Капитанъ подозрительно посмотрѣлъ на свидѣтеля и подвергъ его перекрестному допросу вмѣстѣ съ Исаакомъ. Въ концѣ концовъ онъ посовѣтовался съ послѣднимъ и объявилъ Майнеру, что онъ можетъ идти домой.

Оставшись наединѣ съ трактирщикомъ, онъ сталъ обсуждать вопросъ о дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ. Ему самому хотѣлось тотчасъ послать своихъ солдатъ въ Осаватоми, но Шапетъ полагалъ, что надо поступить осторожно.

— Пошлите лучше Боба еще за дюжиной солдатъ, — сказалъ онъ: — съ Джономъ Брауномъ шутить нельзя, и если негръ у него, то онъ будетъ защищать его до послѣдней крайности. Я знаю, на что способны такіе люди, какъ онъ, да еще у него нѣсколько сыновей, и они всѣ хорошо вооружены.

— Пустяки! — воскликнулъ капитанъ, — неужели вы думаете, что онъ посмѣетъ сопротивляться солдатамъ, дѣйствующимъ по моему приказанію?

— Онъ окажетъ сопротивленіе Самому чорту, или даже президенту, если бы у него вздумали отнимать негра, котораго онъ пріютилъ.

— Такъ онъ сумасшедшій?

— Да, и очень опасный.

— Но я потеряю много времени, пославъ еще за солдатами?

— Конечно, но лучше промедлить, чѣмъ рисковать жизнью добрыхъ солдатъ. Къ тому же, негръ, попавъ къ Брауну, не скоро отъ

него уйдемъ. Впрочемъ я вамъ ничего не совѣтую. Вы сами знаете, что вамъ нужно дѣлать.

Гаулетъ задумался.

— Я послушаюсь вашего совѣта, Исаакъ,— сказалъ онъ, спустя нѣсколько минутъ,— а чтобы выиграть время, самъ отправлюсь за солдатами. Велите подать мнѣ лошадь.

Шапетъ пошолъ распорядиться, но оказались неожиданныя проволочки: то не было мальчика, служившаго въ конюшнѣ, то лопнула подпруга, то лошадь потеряла одну подкову, и было необходимо ее подковать. Капитана все это выводило изъ терпѣнія, и онъ, наконецъ, послалъ Боба за добавочными солдатами, а самъ принялся завтракать. Такимъ образомъ было уже поздно, когда отрядъ солдатъ пустился въ дорогу подъ начальствомъ самого капитана.

Проводивъ его, Исаакъ пошолъ въ буфетъ, гдѣ Майнеръ Гоббъ сидѣлъ одинъ за кускомъ хлѣба съ сыромъ. Увидавъ трактирщика, онъ громко засмѣялся.

— Ну, ужъ молодецъ, Исаакъ, такую комедію сыгралъ, какъ никогда. А я порядочно исполнилъ свою роль?

— Ничего, изрядно. Только вы слишкомъ пересолили. А вѣдь капитанъ не дуракъ. Надо быть съ нимъ осторожнымъ. Ну, да какъ бы то ни было, а мы его знатно одурачили. Теперь старикъ Джонъ задастъ ему ходу въ Осаватоми, и онъ очутится дома не раньше полуночи. Ну, довольно болтать, пойдемте въ чуланъ.

Въ чуланѣ оказался ящикъ пустымъ, и на немъ сидѣлъ негръ Ионаанъ Сандсъ, покрытый пылью и соломой.

— Здравствуйте, мистеръ Шапетъ,— сказалъ онъ съ улыбкой,— ваше имя извѣстно всѣмъ намъ, неграмъ Сѣверной Каролины. Увидѣвъ ваше лицо, я просто ожилъ.

— Полно говорить глупости,— отвѣчалъ трактирщикъ,— теперь время не до комплиментовъ. Мы зашли къ вамъ съ вашимъ другомъ Майнеромъ Гоббомъ, которому вы обязаны всѣмъ, чтобы передать вамъ планъ вашихъ будущихъ дѣйствій. Теперь вы поѣшьте и поспите, а когда стемнѣетъ, то мои молодцы снова посадятъ васъ въ ящикъ и повезутъ до слѣдующей станціи. Вамъ не надо бѣжать, а васъ спокойно доставятъ въ этомъ ящикѣ со станціи на станцію до самой Канады, гдѣ вы будете такимъ же свободнымъ человѣкомъ, какъ мы. Вотъ вамъ кое-что отъ одного моего пріятеля, для обзаведенія на новой родинѣ.

Съ этими словами Шапетъ сунулъ въ руки негра банковый билетъ въ пять долларовъ и хотѣлъ уйти, но Ионаанъ его задержалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мистеръ Шапетъ, передайте эти деньги бѣдному негру, а я богатъ. Посмотрите.

Негръ вынулъ изъ-за пазухи грязный красный платокъ и, развязавъ узелъ на немъ, показалъ удивленному Шапету маленькій портретъ ребенка прежняго хозяина Ионаана, письмо отъ этого ре-

банка, котораго онъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ, и банковый билетъ въ двадцать долларовъ.

— Вотъ какой я богачъ! Мнѣ пятьдесятъ лѣтъ, а у меня никогда не было въ рукахъ двадцати долларовъ, мнѣ дала ихъ добрая бѣлая барышня на фермѣ мистера Гобба. Она настоящій ангель, и счастливъ тотъ человѣкъ, кому она достанется.

Шапеть вернулся въ свою комнату серьезный, задумчивый, но, переступивъ порогъ, онъ вдругъ громко разсмѣялся и вслухъ сказалъ:

-- Она это сдѣлала! Ну, капитанъ, нашла же коса на камень!

XV.

Набѣгъ.

Робертъ болѣе не встрѣчалъ Руэи на фермѣ Гобба, но слышалъ, что она часто тамъ бывала, потому что Джонъ Браунъ оставилъ на фермѣ одного изъ своихъ людей, въ видѣ караульнаго, на случай новаго набѣга миссурійцевъ и принялъ мѣры, чтобы, въ случаѣ надобности, дюжина молодцовъ могла собраться туда въ теченіе часа. Роберта не назначили на эту должность, такъ какъ у него на рукахъ было очень важное дѣло, именно доставленіе изъ сосѣдняго города ящиковъ съ оружіемъ и патронами, которые присылались къ Джону Брауну сѣверными обществами, для помощи эмигрантамъ, подъ видомъ книгъ, мебели, машинъ и т. д. Кромѣ того, онъ занимался обученіемъ рекрутовъ и постепенной организаціей военной силы для защиты правъ свободныхъ штатовъ. Никто изъ этихъ молодцовъ не отказывался отъ оружія и патроновъ, а большая ихъ часть аккуратно являлась по вечерамъ для обученія военному дѣлу; но вскорѣ оказалось, что очень немногіе были серьезно готовы противодѣйствовать рабовладѣльческой силѣ, какъ Джонъ Браунъ называлъ миссурійцевъ и ихъ сторонниковъ. Все-таки, съ каждымъ днемъ Потаватомскіе стрѣлки совершенствовались въ дисциплинѣ, военномъ дѣлѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ присутствіе обезпечивало спокойствіе вокругъ базиса ихъ операций—Осаватомѣ. Изъ другихъ же мѣстностей приходили все чаще и чаще вѣсти о грабежахъ и насиліяхъ, учиняемыхъ людьми Буфорда, который теперь стоялъ со своимъ отрядомъ на южной сторонѣ рѣки Потаватомы. Никто не чувствовалъ себя безопаснымъ, и поселенцы, стоявшіе за свободные штаты, находились въ постоянной лихорадкѣ отъ страха. Къ довершенію всего еще распространилось извѣстіе, что новый большой отрядъ, подъ начальствомъ генераловъ Ачисона и Стрингорелло, извѣстныхъ южныхъ политикановъ, приближался со стороны Миссури и имѣлъ цѣлью, овладѣвъ Сантономъ, подвергнуть при-

мѣрной карѣ всѣхъ, находившихся тамъ, защитниковъ свободныхъ штатовъ.

Когда только слухи объ этомъ набѣгѣ сдѣлались достовѣрнымъ фактомъ, то Робертъ сталъ очень беспокоиться о судьбѣ Бѣлаго дома и его обитателяхъ. Разказы о звѣрскихъ поступкахъ миссурійцевъ были до того ужасны, что, несмотря на присутствіе тамъ капитана Гаулета, который, по слухамъ, былъ уже объявленъ женихомъ Руэи, Робертъ опасался за безопасность молодой дѣвушки и такъ беспокоился о ней, что наконецъ отпросился въ отпускъ у Джона Брауна, подъ предлогомъ навѣстить друзей въ Сантонѣ. Эта маленькая хитрость никого не провела, но Роберту было все равно, что о немъ думали. Однако Джонъ Браунъ выказалъ большое нежеланіе отпустить его: сначала онъ отказалъ ему наотрѣзъ, но когда Робертъ смиренно подчинился его волѣ, то онъ пожалѣлъ его и не только дозволилъ ему уѣхать, но приказалъ своимъ сыновьямъ, Язону и Соломону, отправиться съ нимъ. Это было 22 мая. Благодаря прекрасной погодѣ, наступившей послѣ обильныхъ дождей, травы и хлѣба быстро поднимались; но если природа дѣлала, что могла, для человѣка, то человѣкъ плохо помогалъ себѣ. Фермы, мимо которыхъ проѣзжали молодые люди, были почти не обработаны, поля покрыты бурьяномъ, и въ рѣдкихъ мѣстахъ видѣлись люди на работѣ.

Участокъ земли Майнера Гобба представлялъ разительное исключеніе. Хотя онъ былъ пламеннымъ волонтеромъ въ отрядѣ Потаватомскихъ стрѣлковъ, онъ не запуская сельскихъ работъ и, зная, что во всякое время, караулившій на его фермѣ, Оливеръ Браунъ могъ призвать для охраны его семьи дюжину рѣшительныхъ, смѣлыхъ молодцовъ, онъ дѣятельно трудился въ полѣ съ утра до ночи. На деньги, одолженные ему Робертомъ, онъ купилъ четыре коровы, пару лошадей и двухъ здоровыхъ воловъ.

Достигнувъ жилища Майнера Гобба, Робертъ и сыновья Джона Брауна застали его жену также за работой: она била масло и, благодаря тому, что ихъ дѣла поправились, и маленькій Мини былъ совершенно здоровъ, она попрежнему была весела и разговорчива.

— Дѣла у насъ идутъ хорошо, — отвѣчала она на всѣ вопросы молодыхъ людей: — но въ Сантонѣ готовится что-то недоброе. Со времени того митинга, на которомъ Майнеръ говорилъ, къ моему большому сожалѣнію, сторонники рабства подняли голову и изо всѣхъ силъ кричатъ, что тамъ не исполняются законы территоріи. Въ особенности ихъ привело въ ярость бѣгство бѣднаго негра, и я, право, удивляюсь, что нашу ферму еще не сожгли. Но миссурійцы ужасные трусы и совершаютъ свои злодѣянія только, когда увѣрены, что не встрѣтятъ отпора. Патъ Логлинъ не разъ грозилъ Майнеру, что уничтожить его ферму за укрывательство негра, но Майнеръ гордо бросилъ ему перчатку и отвѣчалъ, что желалъ бы посмотреть, какъ сломаютъ у него хоть одинъ колъ въ изгороди. У нихъ былъ

драка, но Шапетъ ихъ рознялъ. Потомъ онъ выговаривалъ Майнеру за его неосторожную болтовню, и Майнеръ съ тѣхъ поръ сталъ потише. Ну, ребята, садитесь за столъ и попробуйте только что сбитаго масла и сегодня испеченныхъ булокъ. Я очень рада васъ видѣть и не отпущу безъ хорошаго угощенія. Что вы спрашиваете, Язонъ? Бываетъ ли здѣсь Руѳъ Виндсфордъ? Какъ же—она приходитъ сюда почти каждое утро. Но вотъ сегодня она обѣщала прійти, однако еще не была, и я очень беспокоюсь, не случилось ли съ ней что нибудь. Если вы направляетесь въ ту сторону, то заверните въ Бѣлый домъ и узнайте, что съ ней.

Хотя эти послѣднія слова были обращены къ Язову, но мистриссъ Гоббъ не спускала глазъ съ Роберта, и они такъ подѣйствовали на послѣдняго, что, пока его товарищи ѣли на обѣ щечи, онъ сидѣлъ молча, пригорюнившись. Какъ ни увѣрялъ онъ себя, что неприлично ему явиться въ Бѣлый домъ, послѣ того, какъ Руѳъ была объявлена невѣстой капитана Гаулета, но все-таки онъ чувствовалъ необходимость побывать тамъ и ждалъ съ нетерпѣнiемъ, пока Язонъ и Соломонъ уголятъ свой голодь. Вѣроятно, его лицо было очень краснорѣчиво, такъ какъ Язонъ, неожиданно обернувшись къ нему, бросилъ ѣду и воскликнулъ:

— Ну, ну! Не отчаивайся. Вотъ мы и готовы, поѣдемъ въ Сантонъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—произнесла мистриссъ Гоббъ, побагровѣвъ:—мистеръ Шапетъ сказалъ Майнеру, чтобы мистеръ Гольдено ни за что не подходилъ близко къ городу.

— Пустяки, мистриссъ Гоббъ: семи смертей не бываетъ, а одной не миновать!—отвѣчалъ Язонъ со смѣхомъ и ударяя Роберта по плечу:—онъ хочетъ побывать въ Сантонѣ, и мы послѣдуемъ за нимъ. Благодарствуйте за угощеніе, по истинѣ королевское.

Молодые люди снова пустились въ путь, но лошадь Роберта такъ быстро скакала, что Брауны отстали отъ него, но не столько, чтобы потерять его изъ вида. Такимъ образомъ, когда онъ поровнялся съ Бѣлымъ домомъ, то, спустя нѣсколько минутъ, и они присоединились къ нему.

— Что это!—воскликнулъ Язонъ, указывая на десятокъ лошадей, привязанныхъ къ садовой рѣшеткѣ:—солдаты, здѣсь солдаты!

— Повидимому,—отвѣчалъ Робертъ:—проѣдемъ мимо.

— Нѣтъ, это не солдатскія лошади, — прибавилъ Язонъ: — что это за крикъ?

Дѣйствительно въ домѣ раздался женскій вопль.

Робертъ пришпорилъ лошадь, и Брауны сдѣлали то же, но когда онъ перескочилъ черезъ садовую рѣшетку, то лошади его товарищей заупрямились, и онъ, не дожидаясь ихъ, вбѣжалъ въ домъ. Изъ кухни и одной изъ комнатъ послышался громкій, грубый смѣхъ, заглушавшій голосъ Руѳи, умолявшей о помощи. Робертъ бросился

въ ту комнату, гдѣ раздавался голосъ молодой дѣвушки, и увидалъ, что двое людей шарили въ комодѣ, а двое другихъ держали Руеъ, а пятый одной рукой срывалъ съ ея пальцевъ кольцо, а другой сжималъ ей шею, требуя ключа отъ ящика, гдѣ хранились ея драгоценности. Всѣ они были пьяны и такъ шумѣли, что не замѣтили открывшейся двери, а о появленіи Роберта они узнали только по радостному крику молодой дѣвушки. Тогда они обернулись и съ грубой бранью схватились за оружіе, но Робертъ уже успѣлъ выстрѣлить, и человекъ, державшій Руеъ, грохнулся на полъ. Одинъ изъ его товарищей выхватилъ ножъ, но, прежде чѣмъ онъ на него замахнулся, Робертъ повалилъ его и съ такой силой, что онъ лежалъ недвижимо. Затѣмъ Робертъ обратился къ остальнымъ, но съ ними уже раздѣльвались Брауны. Одинъ изъ нихъ громко умолялъ о пощадѣ, а двое выпрыгнули въ окно. Однако на шумъ приближали изъ кухни ихъ товарищи. Робертъ держалъ въ одной рукѣ револьверъ, а въ другой саблю, а Брауны приложили къ плечу свои винтовки; при видѣ этого миссурійцы обратились въ бѣгство.

— Надо ихъ преслѣдовать!—воскликнулъ Робертъ и побѣжалъ за ними, но когда онъ достигъ двора, то они уже были на лошадахъ и скакали по дорогѣ.

Тогда онъ вернулся въ домъ и встрѣтилъ въ корридорѣ Руеъ, которая поддерживала мистриссъ Эльморъ съ окровавленной головой. Увидавъ его, послѣдняя воскликнула:

— Молодой человекъ, мы обязаны вамъ жизнью. Вы поступили настоящимъ героемъ и ваши товарищи также. Кто это тамъ стонетъ? А! вѣроятно, разбойникъ, котораго вы такъ хорошо отпочтевали, но все-таки онъ человекъ. Мистеръ Гольдено, дайте мнѣ вашу руку, пойдемте посмотрѣть, что съ нимъ, а ты, Руеъ, принеси водки, воды и бинты.

Опираясь на руку Роберта, она поспѣшно направилась въ комнату, гдѣ слышались стоны, и которая оказалась спальнею Руеи. Тамъ Брауны старались сдержать кровь, струившуюся изъ раны миссурійца, въ котораго выстрѣлилъ Робертъ. Мистриссъ Эльморъ, бывшая сестрой милосердія до своего замужества, принялась тотчасъ дѣлать ему перевязку, утѣшая, что все пройдетъ къ тому дню, когда его повѣсятъ. Другой миссуріецъ былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ Браунами, а третій, при паденіи, получилъ такой ударъ объ косякъ камина, что у него лопнулъ черепъ, и онъ лежалъ бездыханнымъ трупомъ.

Ухаживая за раненымъ, мистриссъ Эльморъ вмѣстѣ съ тѣмъ распорядилась, чтобы плѣнника отнесли въ кабинетъ мужа, а мертваго вынесли на дворъ, такъ что Руеъ, вернувшись въ свою комнату, уже не застала ихъ тамъ.

— Я полагаю,— сказала добрая женщина послѣ того, какъ она перевязала рану у миссурійца: — что намъ еще грозитъ опасность.

Я сама во всемъ виновата. На разсвѣтѣ капитанъ Гаулетъ прислалъ своихъ солдатъ, но онъ сдѣлалъ это такъ неделикатно, и я такъ не люблю въ своемъ домѣ чужихъ людей, что прогнала ихъ вмѣстѣ съ сержантомъ Бобомъ Матисономъ. Но когда разбойники явились сюда, то я тотчасъ отправила за ними мальчика верхомъ на лучшей изъ лошадей мужа. Они, конечно, вернуться, но до тѣхъ поръ вы бы, добрый другъ,—прибавила она, обращаясь къ Роберту:—попросили своихъ товарищей покараулить на дорогѣ, не вернуться ли разбойники.

Гольдено собралъ военный совѣтъ, и на немъ было рѣшено принять всѣ мѣры къ защитѣ дома, въ ожиданіи солдатъ. Всѣ окна и двери были заставлены баррикадами, а Соломонъ Браунъ взлѣзъ на крышу, чтобы оттуда слѣдить за движеніемъ непріятеля.

Между тѣмъ Руѳъ приводила въ порядокъ все въ домѣ, и ей дѣятельно помогала мистриссъ Эльморъ, не смотря на то, что ей пришлось перевязать и свою голову, изъ которой все еще текла кровь.

— Мистеръ Гольдено,—сказала Руѳъ, появляясь наконецъ въ комнатѣ, гдѣ онъ оставался:—попробуйте уговорить тетку отдохнуть и не работать; она меня не слушается, а если она не ляжетъ въ постель, то серьезно занеможетъ.

Робертъ исполнилъ ея желаніе и, увидавъ, что мистриссъ Эльморъ укладывала вещи Руѳи въ чемоданъ, взялъ ее за руку и безъ церемоніи сказалъ:

— Пойдемте, и, пожалуйста, лягте въ постель. Вы уже довольно утомились, и дальнѣйшей работы вамъ дозволить нельзя.

— Это что такое!—промолвила мистриссъ Эльморъ, широко раскрывъ глаза и стараясь освободить свою руку.—А, понимаю,—прибавила она, замѣтивъ, что Руѳъ выглядываетъ въ дверь:—эта дѣвченка на меня насплетничала. Что же вамъ угодно?

— Мнѣ угодно, чтобы вы отдохнули,—отвѣчалъ Робертъ съ улыбкой.

— Ну, признаюсь, никто такъ не обращался со мной въ моемъ домѣ. А вы, молодой человѣкъ, всегда такъ распоряжаетесь въ своемъ жилищѣ? Ну, а если я васъ не послушаюсь?

— Тогда я буду вынужденъ принять рѣшительныя мѣры. Я самъ человѣкъ подначальный и обязанъ исполнить данное мнѣ приказаніе.

Мистриссъ Эльморъ прежде посмотрѣла на него, потомъ на Руѳъ и съ иронической улыбкой произнесла:

— Дѣлать нечего, мнѣ надо повиноваться, къ тому же вы вполне заслужили право пользоваться обществомъ Руѳи, хотя врядъ ли вы отъ этого что нибудь выиграете. Но признаюсь, если бы я была молодая дѣвушка, то предпочла бы такого человѣка, какъ вы, всѣмъ капитанамъ на свѣтѣ. Вотъ тебѣ!

Съ этими словами она бросила вызывающій взглядъ на племянницу и хлопнула за собой дверью.

Молодые люди покраснѣли.

— Вы побѣдили, мистеръ Гольдено, такую особу, которую еще никто никогда не побѣждалъ,— произнесла Руѳъ съ улыбкой: — примите мою искреннюю благодарность.

— Право, не за что. Не должны ли вы послѣдовать примѣру тетки? Простите, я еще не спросилъ, получили ли вы какое нибудь поврежденіе.

— Никакого, хотя признаюсь, что мнѣ долго будутъ памятны эти разбойники. Вамъ рассказывала тетя, что она считаетъ себя виновной во всей этой исторіи, отпустивъ солдатъ, но мнѣ кажется, что всякій поступилъ бы также на ея мѣстѣ. А какъ вы полагаете, они вернутся сюда?

— Конечно, если только до нихъ достигнетъ посланный вами мальчикъ; къ тому же капитанъ Гаулетъ, вѣроятно, очень беспокоится о васъ и приметъ всѣ мѣры для вашей безопасности.

— Я надѣюсь, что капитанъ Гаулетъ, прискачетъ сюда вмѣстѣ со своими солдатами,— отвѣчала Руѳъ, еще болѣе покраснѣвъ: — я желала бы, чтобы вы поближе познакомились. Мнѣ очень грустно, что два человѣка, которыхъ я считаю своими друзьями, находятся въ такихъ враждебныхъ отношеніяхъ. Но вотъ мистеръ Браунъ; онъ, вѣроятно, принесъ намъ хорошія вѣсти.

— Все обстоитъ благополучно, Робертъ!—воскликнулъ онъ, входя въ комнату: — отрядъ солдатъ, человѣкъ въ двѣнадцать, подъ начальствомъ капитана, скачетъ во весь опоръ по дорогѣ.

XVI.

Капитанъ Гаулетъ выдаетъ себя.

Руѳъ пошла къ мистриссъ Эльморъ, чтобы объявить ей о прибытіи солдатъ, а Робертъ и Брауны стали поджидать ихъ на крыльцѣ. Роберту было очень любопытно свидѣться съ капитаномъ Гаулетомъ при настоящихъ обстоятельствахъ: онъ ясно видѣлъ по тону Руѳи, что она еще не была невѣстой капитана, но все-таки подозрѣвалъ, что переговоры по этому предмету близились къ концу. Поэтому онъ далъ себѣ слово вести себя очень осторожно и ни за что не выйти изъ себя, какъ бы ни вызывалъ его на это соперникъ.

Вслѣдствіе такого рѣшенія онъ встрѣтилъ капитана очень любезно и въ нѣсколькихъ учтивыхъ словахъ выразилъ удовольствіе, которое причинялъ всѣмъ пріѣздъ солдатъ съ ихъ начальникомъ.

— Миссъ Виндсфордъ не пострадала?—спросилъ капитанъ повелительнымъ тономъ и небрежно кивнулъ ему головой.

— Нисколько. Вы найдете ее въ комнатѣ мистриссъ Эльморъ.

Гаулетъ снова кивнулъ головой и, не обращая никакого вниманія на Брауновъ, прошелъ въ гостиную, гдѣ видѣлись ясныя слѣды разбойничьяго набѣга: коверъ былъ разорванъ, зеркало разбито, мебель переломана, и дверцы въ шкафу оторваны. При видѣ этого капитанъ злобно нахмурилъ брови и громко проклялъ мистриссъ Эльморъ, которая, по его мнѣнію, преднамѣренно прогнала солдатъ. Онъ былъ очень радъ, что ей досталось отъ разбойниковъ, и не желалъ ее видѣть; но ему казалось страннымъ, что Руеъ не спѣшила къ нему на встрѣчу, и, прождавъ нѣсколько минутъ, онъ вышелъ въ корридоръ, гдѣ сталъ ходить взадъ и впередъ, громко стуча саблей.

Вскорѣ одна изъ дверей открылась, и изъ нея вышла мистриссъ Эльморъ, тяжело опиравшаяся на руку своей племянницы. Она поздоровалась съ капитаномъ холодноѣе обыкновеннаго, а молодая дѣвушка, блѣдная какъ полотно, не протянула ему даже руки.

— Наконецъ-то вы явились!—сказала мистриссъ Эльморъ рѣзкимъ тономъ:— правда, я во всемъ виновата, мы очень пострадали бы, если бы въ самую критическую минуту не явился другъ, котораго мы очень мало знаемъ. Но гдѣ онъ, неужели онъ уѣхалъ? Это очень странно,— прибавила она, подозрительно взглянувъ на капитана.

— Мистеръ Гольдено уѣхалъ?—воскликнула Руеъ такимъ тономъ, отъ котораго вздрогнулъ Гаулетъ:—этого не можетъ быть, я пойду и отыщу его.

Капитанъ пересѣкъ ей дорогу.

— Позвольте мнѣ сходить за нимъ. Я передамъ ему ваше желаніе и приведу сюда.

Слова эти были произнесены совершенно искренно, такъ какъ выражавшееся во взглядѣ мистриссъ Эльморъ явное подозрѣніе, что онъ выпроводилъ Роберта, показалось ему оскорбительнымъ, и онъ хотѣлъ доказать, что не былъ способенъ на подобную низость. Но онъ опоздалъ.

— Благодарю васъ,—сказала Руеъ холодно:—но я лучше пойду сама. Мы столькоимъ обязаны мистеру Гольдено, что намъ было бы очень непріятно, если бы онъ подумалъ, благодаря какому нибудь недоразумѣнію, что мы болѣе въ немъ не нуждаемся.

Она поспѣшно вышла изъ комнаты, и Гаулетъ остался наединѣ съ мистриссъ Эльморъ, которая бросала на него враждебные взгляды.

— Да, только въ несчастіѣ познаешь истинныхъ друзей,—продолжала она тѣмъ же рѣзкимъ тономъ:—вамъ говорилъ мистеръ Гольдено, что онъ тутъ засталъ и что сдѣлалъ?

— Нѣтъ, я не имѣлъ удовольствія разговаривать съ нимъ?

— Въ такомъ случаѣ Руеъ вамъ все расскажетъ. Она ему обя-

зана болѣ насъ всѣхъ и это вполнѣ сознаеть. Какъ странно, только вчера она говорила, что желала бы его увидѣть, а сегодня онъ уже явился и то въ такую минуту, когда она болѣ всего въ немъ нуждалась. И подумать, что этого самаго человѣка, который теперь спасъ меня, ее и весь домъ, выгнали отсюда, два мѣсяца тому назадъ, за нѣсколько смѣлыхъ словъ. Судьба отомстила за него моему мужу, и я ему это прямо скажу.

— А вы думаете, что мистеръ Эльморъ именно такъ посмотреть на случившееся?—произнесъ капитанъ со спокойнымъ пренебреженіемъ:—конечно, очень похвально обратить въ бѣгство нѣсколькихъ пьяныхъ людей, но врядъ ли это геройскій поступокъ. Впрочемъ, я солдатъ и, быть можетъ, плохой судья въ подобномъ дѣлѣ.

— Капитанъ Гаулетъ,—промолвила вполголоса мистриссъ Эльморъ:—мы никогда не были съ вами друзьями; это истина, и вы, пожалуйста, не лгите, но я все-таки дамъ вамъ добрый совѣтъ: если вы попрежнему будете презирать Роберта Гольдено, то вы поступите, какъ дуракъ. Я полагаю, что вы хотите жениться на нашей дѣвочкѣ, и, по всей вѣроятности, вы поставите на своемъ; но для этого вамъ надо быть очень осторожнымъ и не плошать, а то Руѳъ убѣдится въ томъ, что я и теперь знаю, именно, что Робертъ Гольдено хотя онъ янки и аболиціонистъ, но, какъ джентльменъ и человѣкъ, стоитъ гораздо выше васъ, несмотря на вашу хваленую южную кровь.

Въ эту минуту за дверью послышались голоса, и въ комнату вошли Руѳъ, Робертъ и Брауны.

Гаулетъ тотчасъ всталъ съ кресла, въ которомъ сидѣлъ, и, подойдя къ Роберту, сказалъ:

— Поздравляю васъ, хотя я еще не знаю подробностей. А кто такіе ваши друзья?

Молодые люди пожали другъ другу руки, и Робертъ представилъ капитану сыновей Джона Брауна. Гаулетъ обошелся съ ними очень любезно и потомъ, разспросивъ чисто повоенному о случившемся, пошелъ съ Робертомъ посмотрѣть на плѣнныхъ.

Вскорѣ Брауны уѣхали, но капитанъ просилъ Роберта сдѣлать ему личное одолженіе остаться въ Бѣломъ домѣ.

— Это дѣло служить къ вашей чести, мистеръ Гольдено,—сказалъ онъ:—и я обо всемъ донесу моему полковнику. Конечно, эти люди подонки отряда генерала Ачинсона, но все-таки онъ долженъ отвѣчать за ихъ безчинства. Я настою на томъ, чтобы пострадавшіе были вполнѣ вознаграждены, и впредь здѣсь всегда будетъ достаточный караулъ.

Робертъ молча поклонился. До сихъ поръ онъ только отвѣчалъ на вопросы Гаулета и теперь не зналъ, что ему сказать. Тонъ капитана былъ искренній и откровенный, но повелительный и какъ бы покровительственный, что выводило изъ себя молодого человѣка.

Но онъ сумѣлъ сдержать свой гнѣвъ, и они вернулись къ дамамъ, повидимому, совершенными пріятелями.

Мистриссъ Эльморъ и Руѳъ находились въ кухнѣ, гдѣ онѣ наскоро приготавливали обѣдъ. Оба мужчины тотчасъ предложили свои услуги, и молодая дѣвушка съ удовольствіемъ видѣла, какъ они стали взапуски помогать въ стряпнѣ, при чемъ гордость южанина и суровость сѣверянина одинаково стушевались подъ радужнымъ вліаніемъ ея улыбки. Что касается до мистриссъ Эльморъ, то она нимало удивлялась дипломатической выдержкѣ капитана, который ловко избѣгалъ всѣхъ спорныхъ вопросовъ, любезно разговаривалъ съ Робертомъ и дружески курилъ съ нимъ сигары. Когда же сѣло солнце, и Робертъ сталъ прощаться, то Гаулетъ учтиво проводилъ его до воротъ, гдѣ они крѣпко пожали другъ другу руку и пожелали доброй ночи.

Вернувшись въ домъ, Гаулетъ засталъ Руѳъ одну, такъ какъ мистриссъ Эльморъ ушла къ себѣ въ комнату. Глаза молодой дѣвушки болѣе блестяли, и выраженіе ея лица было живѣе, чѣмъ во всѣ дни послѣ его возвращенія.

— Я очень радъ, что видѣлъ этого человѣка сегодня,—сказалъ онъ, спокойно усаживаясь въ кресло.

— Да, а отъ чего?—спросила Руѳъ, еще болѣе просіявъ.

— Потому что очень пріятно провести нѣсколько часовъ, а въ настоящемъ случаѣ полдня, въ обществѣ врага и не сказать другъ другу ни одного непріятнаго слова.

— Почему вы считаете его врагомъ?

— Потому что это правда. Мистеръ Робертъ Гольдено можетъ быть честнымъ и прекраснымъ человѣкомъ, даже джентльменомъ, насколько это доступно сѣверянину, но онъ злѣйшій врагъ всему, что для меня свято, и всѣмъ, кто вамъ дороги.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать.

— Онъ—аболиціонистъ и уничтожилъ бы, если бы могъ, всѣ наши учрежденія и всѣ наши порядки на югѣ. При этомъ онъ не фанатикъ на словахъ или на бумагѣ, а, насколько мнѣ извѣстно, практически обучаетъ военному дѣлу людей съ такими же понятіями, какъ онъ. А чего они всѣ хотятъ? Сдѣлать Канзасъ свободнымъ штатомъ? Нѣтъ, этого имъ недовольно, и они стремятся къ уничтоженію рабства повсюду и къ возмущенію негровъ противъ своихъ господъ. Замѣьте, я нисколько его за это не осуждаю. Онъ родился съ этими идеями, выросъ на нихъ и пропитался ими среди своихъ соотечественниковъ янки... Но куда вы идете?

— Я хочу вамъ что-то показать,—сказала Руѳъ, вставая и выходя изъ комнаты.

Черезъ минуту она вернулась, держа въ рукахъ номеръ New York Tribune.

— Откуда вы это достали?—воскликнулъ Гаулетъ, а на лицѣ его выразилось презрительное отвращеніе.

Руѣ засмѣялась.

— Все равно,— отвѣчала она:— прочтите передовую статью и опровергните, если можете, ея аргументы. Я старалась это сдѣлать, но всё усилія мои были тщетны.

Гаулетъ пересилилъ закипѣвшую въ немъ злобу противъ Роберта, котораго онъ заподозрѣлъ въ пагубномъ вліяніи на молодую дѣвушку, и, прикусивъ губы, прочелъ статью.

— Однако вашъ другъ хорошо воспользовался удобнымъ случаемъ!

— Мистеръ Гольдено не писалъ этой статьи.

— Но онъ далъ вамъ прочесть.

— Нѣтъ. Я нашла ее случайно.

— Проклятая случайность!— промолвилъ Гаулетъ сквозь зубы.

— Потрудитесь же опровергнуть ея аргументы.

Но капитану было не до аргументовъ: онъ начиналъ смутно понимать, что между нимъ и Руѣю разверзлась такая бездна, которой ни одному изъ нихъ не перейти. Одно было ясно, что эту бездну вырылъ проклятый янки.

— А мистеръ Гольдено разговаривалъ съ вами когда нибудь объ этомъ предметѣ?

— Да. Но онъ не говорилъ того, что писано въ этой статьѣ.

— Что же вы думаете о его аргументахъ?

— Вы задаете мнѣ трудный вопросъ. Я никогда не слыхивала такихъ доводовъ, и они произвели на меня сильное впечатлѣніе. Быть можетъ, онъ самъ еще болѣе его словъ повліялъ на меня: онъ такъ искрененъ, такъ простъ и такъ безыскусственъ. А его другъ, Джонъ Браунъ, поразилъ меня всего болѣе. Я первый разъ въ жизни видѣла такое замѣчательное лицо: оно спокойное, суровое, а вмѣстѣ съ тѣмъ, когда онъ улыбнется, то просто подарить. Онъ кажется не живымъ человѣкомъ, а героемъ изъ старой книги: вотъ прекрасный былъ бы типъ для Вальтеръ-Скотта. Я бы очень желала, чтобы вы его увидѣли. Одинъ взглядъ на него научилъ бы васъ, какъ меня, смотрѣть иначе на вопросъ о рабствѣ. Я не думаю, чтобы напѣ югъ могъ создать такого человѣка, какъ Джонъ Браунъ, а вы знаете, какъ я люблю югъ, мою дорогую родину!

Ея голосъ принялъ нѣжное выраженіе, и она какъ будто вспомнила, съ пламеннымъ сожалѣніемъ о ласкахъ матери, въ которыхъ судьба отказала ей такъ давно.

Гаулетъ былъ тронутъ и почувствовалъ, что въ эту минуту любить ее болѣе, чѣмъ когда. Страхъ лишиться ея, ревность къ сопернику и нѣжная женственность, внезапно проявившаяся въ молодой дѣвушкѣ, возбудили въ его южной натурѣ кипучую страсть.

Въ эту минуту онъ думалъ только объ одномъ—о своей любви къ ней, а они были одни въ сумерки теплаго весенняго дня.

— Руоѣ! Я не могу больше ждать!—воскликнулъ онъ, схвативъ за руку молодую дѣвушку.

Она вздрогнула, а онъ продолжалъ, потерявъ всякое самообладаніе:

— Вы знаете, что я васъ люблю уже давно, но теперь я долженъ вамъ высказать всю мою любовь!

Она вскочила съ покраснѣвшими щеками и, пристально посмотрѣвъ на него, спросила:

— Развѣ вы меня любите?

— Развѣ я васъ люблю?—повторилъ онъ со смѣхомъ:— да я сгораю отъ любви къ вамъ съ первой минуты, какъ васъ увидѣлъ! Вы сомнѣваетесь въ этомъ?

— Нѣтъ. Такъ вы думаете, что любите меня, но...

Она вздохнула, не кончила своей фразы и отвернула голову. Онъ снова взялъ ее за руку, но она освободилась отъ него.

— Что съ вами, моя радость?

— Вы не должны меня такъ называть.

— Я не могу иначе называть васъ наединѣ.

Наступило молчаніе.

— Зачѣмъ вы уѣхали?—промолвила Руоѣ такимъ тономъ, какъ будто думала вслухъ.

— Вы согласились бы тогда, если бы я сдѣлалъ вамъ предложеніе?—спросилъ онъ съ улыбкой.

— Я могла согласиться.

— Такъ что же васъ удерживаетъ теперь?

— Вы не отвѣтили на мой вопросъ.

— Я уѣхалъ потому, что не былъ увѣренъ въ вашемъ отвѣтѣ. Мужчина не долженъ дѣлать предложенія иначе, какъ исполнѣ увѣренный, что оно будетъ принято.

Она ничего не отвѣтила, и онъ взглянулъ на нее съ безпокойствомъ.

— Отвѣтите на мой вопросъ: что же васъ удерживаетъ теперь?

Она попрежнему молчала. Онъ повторилъ свои слова и приблизился къ ней. Губы ея дрожали, какъ будто она хотѣла плакать, но, пересиливъ себя, она наконецъ промолвила:

— Я не могу отвѣтить теперь. Дайте мнѣ время.

Но эта отсрочка была не мыслима для влюбленнаго юноши.

— Отчего, Руоѣ,—воскликнулъ онъ:—вы не можете сегодня сказать—да, или нѣтъ? Неужели вы меня не сожалеете е? Мое счастье, почти жизнь зависятъ отъ вашего отвѣта!

— Неужели?—спросила она просто.

Лицо Гаулета омрачилось.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЪ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовья и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ зобращеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, **фамилія**, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за гдѣ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

СОДЕРЖАНИЕ.

ДЕКАБРЬ, 1896 г.

	СТР.
I. Сильфида. Романъ. Часть третья. Гл. VII. (Окончаніе). И. Н. Потапенко	747
II. Записки Рафаила Михайловича Зотова . XIX—XXII. (Окончаніе).	765
III. Среди евреевъ. VIII—XI. (Окончаніе). С. Б. Литвина	797
IV. Типы современной деревни. XII. Модницы. А. В. Круглова	838
V. Вопросъ о смерти царевича Димитрія. П. В. Голубовскаго	856
VI. Воспоминанія В. С. Мышецкаго . VIII—IX. (Окончаніе).	878
VII. Воцареніе императора Павла и первые дни его царствованія. Гл. VIII—XII. (Окончаніе). А. Н. Корсакова	921
Иллюстраціи: 1) Императоръ Павелъ I.—2) Павелъ I вручаетъ Костюшкѣ приказъ объ освобожденіи поляковъ.—3) Павелъ I посѣщаетъ раненаго Костюшку.—4) Царынинъ лугъ въ Павловское время.	
VIII. Къ биографіи Н. В. Успенскаго. П. Л. Юдина	967
IX. Эпизодъ изъ времени Крымской кампаніи. А. Э-скаго	981
X. Село Языково. (Къ пятидесятилѣтію кончины поэта Н. М. Языкова 26 декабря 1896 года). В. Н. Поливанова	987
XI. Записки бригадира Юсифа Копця . X—XVIII. (Окончаніе). Перевель и сообщилъ Г. А. Воробьевъ	991
XII. Просвѣтителіи народа. Б. Б. Глинскаго	1017
XIII. Памяти В. О. Португалова. А. В. Круглова	1043
XIV. Критика и библиографія	1049

1) Профессоръ Д. И. Багалъй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ). Томъ I (1802—1815 г.). Выпускъ первый и второй. Харьковъ. 1896. **Б. Глинскаго**.—2) Галицкая митрополия. Церковно-историческое изслѣдованіе. Н. Тихомирова. Сиб. 1896. н. х.—3) Д-ръ С. Бекъ и д-ръ М. Браннъ. Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени. Переработать и дополнить, съ прибавленіемъ оригинальнаго отдѣла исторіи польско-русскихъ евреевъ, С. М. Дубновъ. Въ двухъ томахъ. Т. I. Восточный періодъ (отъ вавилонскаго плѣненія до конца эпохи гаоновъ). Одесса. 1896. н. **Лосснаго**.—4) Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ. (Обзоръ ихъ догматической дѣятельности въ связи съ направленіями школы александрийской и антиохійской). Сочиненіе на степень доктора богословія. Изданіе второе. А. П. Лебедева, профессора императорскаго Московскаго университета. Сергіевъ посадъ. 1896. с.—5) Путешествіе въ Метеорскіе и Оссолипійскіе монастыри въ Фессаліи архимандрита **Порфирія Успенскаго** въ 1859 г. Въ двухъ частяхъ. Изданіе императорской академіи наукъ, подъ редакціей П. А. Сырку. Съ рисунками и картою. Сиб. 1896. Т. I. С.—6) Харьковскій Сѣверникъ, литературно-научное приложеніе къ Харьковскому Календарю на 1896 годъ, подъ редакціей В. В. Иванова. Харьковъ. 1896. **В. Лонгинова**.—7) Уроженцы и дѣятели Владимирской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. Собрать и дополнить **А. В. Смирновъ**. Владимиръ. 1896. А. Ф.—8) Г. П. Беллерн. Храмъ святыахъ апостоловъ и другіе памятники Константинополя по описанію **Константина Родія**. Одесса. 1896. С.—9) Культурно-историческая библиотека. Изданіе О. Н. Поповой. Исторія рабства отъ древнихъ до новыхъ временъ. Соч. Дж. К. Ингрома. Переводъ съ англійскаго Э. Журавской. Съ дополненіемъ изъ трудовъ Валлена, Турмана, Рамбо и Лависса, въ переводѣ Н. П. Новоборской. Сиб. 1896. н. **Лосснаго**.—10) А. А. Сидоровъ. Историческій очеркъ русской печати въ Привислинскомъ краѣ. Варшава. 1896. н. х.—11) Е. Дюрингъ. Цѣльность жизни. Изслѣдованіе въ смыслѣ героическаго пониманія. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Ю. М. Ингоновскаго, съ биографическимъ очеркомъ Деля и портретомъ Дюринга. 2-е изданіе. Сиб. 1896. Г—скаго.

См. слѣд. стр.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи . . . . . стр.
1071

1) Индо-европейцы въ доисторическія времена.—2) Общественныя эпидеміи въ средніе вѣка.—3) Игнатій Лойола съ разныхъ точекъ зрѣнія.—4) Англійская королева Елизавета и вюртембергскій агентъ при ея дворѣ.—5) Пороховой заговоръ.—6) Франко-русская колонія при Екаториѣ II.—7) Новые материалы для исторіи французской революціи.—8) Письма графа Прокеша фонъ-Остена.—9) Современныя итальянскія исторіи.

XVI. Смѣсь 1095

1) Годичное засѣданіе общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи въ Москвѣ.—2) Новыя приращенія Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ.—3) Историческое общество.—4) Археологическое общество въ С.-Петербургѣ.—5) Географическое общество.—6) Этнографическій отдѣлъ императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи въ Москвѣ.—7) Психологическое общество въ Москвѣ.—8) Новое археологическое общество.—9) Некрологи: А. Г. Брикнеръ; А. П. Боголюбовъ; архіепископъ Савва; епископъ Николай; Д. М. Познякъ; А. Н. Шахматовъ; К. Д. Анциферовъ; В. О. Португаловъ; А. П. Батуевъ.

XVII. Замѣтки и поправки 1111

1) Отвѣтъ «Московскимъ Вѣдомостямъ». **Б. Б. Глинскаго.**—2) Поправка къ рассказамъ объ императорѣ Николаѣ I. **А. В. Эвальда.**

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Рафаила Михайловича Зотова.—2) За свободу. Романъ изъ американской жизни передъ войной Сѣвера съ Югомъ. **Артура Патерсона.** Гл. XVII—XXVII. (Окончаніе). Переводъ съ англійскаго.—3) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1896 года, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ тѣхъ же томахъ «Историческаго Вѣстника».—4) Объявленія.

При этой книжкѣ разсылается городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ: 1) Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ на «Ниву» 1897 г., на «Иллюстрированную бібліотеку Нивы» и другихъ изданій А. Ф. Маркса въ Спб. и 2) Объявленіе отъ редакціи «Живописное Обозрѣніе», «Сынъ Отечества» и «Домашней бібліотеки» о подпискѣ въ 1897 году.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ШЕСТАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1896 года).

	СТР.
Сильфида. (Романъ). Часть третья. Гл. V—VII. (Окончаніе). И. Н. По- тапенко	5, 377, 747
Записки Рафаила Михайловича Зотова . XI—XXII. (Окончаніе)	27, 400, 765
Среди евреевъ. С. К. Литвина	54, 428, 797
Воспоминанія Е. П. Шумиловой-Мочаловой	91, 462
Уральская Калифорнія. (Изъ народныхъ разсказовъ о золотѣ). П. П. Па- дучева	115
Воспоминанія В. С. Мышецнаго	156, 534, 878
Очерки природы и жизни въ Гавайской республикѣ. А. Н. Краснова	172, 555
Въ обители преподобнаго Макарія. А. И. Фирсова	197
Иллюстраціи: 1) Жабынская пустынь.—2) Видъ Знаменской церкви и тра- пезной.—3) Часовня надъ кладземъ Жабынцемъ.—4) Новый храмъ во имя преподобнаго Макарія Жабынскаго.	
Съ русскими кочевниками на Лондонской выставкѣ. Джорджа Каррина	209
Записки бригадира Юсифа Копця. Перевелъ и сообщилъ Г. А. Во- робьевъ	226, 579, 991
Права и обязанности женщинъ. Б. Б. Глинскаго	245
Князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій. (Некрологъ).	293
Воцареніе императора Павла и первые дни его царствованія. А. Н. Кор- сакова	485, 921
Иллюстраціи: 1) Императрица Екатерина II.—2) Графъ П. А. Зубовъ.— 3) Императоръ Павелъ въ 1798 году.—4) Императрица Марія Феодоровна.— 5) Гатчинскій дворецъ въ концѣ прошлаго столѣтія.—6) Видъ Коннетабли въ г. Гатчинѣ въ концѣ прошлаго столѣтія.—7) Императоръ Павелъ I.— 8) Павелъ I вручаетъ Костюшкѣ приказъ объ освобожденіи поляковъ.— 9) Павелъ I посѣщаетъ раненаго Костюшку.—10) Царицынъ дугъ въ Пав- ловское время.	
«Сѣверная Семирамида». П. Н. Полевого	602
Археологическій съѣздъ въ Ригѣ. А. Н. Бороздина	611
Земледѣльческая Россія. Б. Б. Глинскаго	628

	стр.
Типы современной деревни. XII. Модницы. А. В. Круглова	838
Вопросъ о смерти царевича Димитрія. П. В. Голубовскаго	856
Къ біографіи Н. В. Успенскаго. П. Л. Юдина	967
Эпизодъ изъ времени Крымской кампаніи. А. Э—снаго	981
Селѣ Языково. (Къ пятидесятилѣтнюю кончины поэта Н. М. Языкова 26 декабря 1896 года). В. Н. Поливанова	987
Просвѣтителѣ народа. Б. Б. Глинскаго	1017
Памяти В. О. Португалова. А. В. Круглова	1043
КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ	316, 663, 1049

1) Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ. Отъ паденія Константинополя (въ 1453 году) до настоящаго времени. Томъ первый. Заслуженнаго профессора Московской духовной академіи А. П. Лебедева. Сергіевъ посадъ. 1896. и. с.—2) Эдуардъ Дрюмонъ. Еврейская Франція. Очеркъ современной исторіи. Томъ I. Переводъ съ французскаго З. Н. Шульга. Изданіе Н. Т. Г. К. Харьковъ. 1896. А. н—ва.—3) Матеріалы для служебной дѣятельности Шидловскихъ въ Слободской Украинѣ, 1696—1727 гг., собранные и изданные С. И. Шидловскимъ. Спб. 1896. А. Б.—4) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его писмахъ. Часть вторая. Письма къ разнымъ лицамъ 1858—1886 гг. Изданіе Императорской Публичной бібліотеки. Спб. 1896. Б. г.—5) Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Часть III. Съ 1 января 1846 по 20 марта 1850 г. Спб. 1896. в. Б.—6) А. Ф. графъ фонъ-Шаккъ. Исторія норманновъ въ Сициліи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. М. Соколова. Изданіе Л. Ф. Пантелѣва. Спб. 1896. к. Лосснаго.—7) Памятная книжка Воронежской губерніи. Воронежъ. 1896. н. н.—8) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, томы 96-й, 97-й и 98-й. Спб. 1896. м.—9) М. М. Филипповъ. Философія дѣятельности. Спб. 1896. Б. г.—10) А. Мюллеръ. Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей приватъ-доцента Мѣдника. Спб. Изданіе Л. Пантелѣва. Т. I и II—1895 г., т. III и IV—1896 г. к. Лосснаго.—11) Профессоръ А. Лебедевъ. Вступительная лекція по исторіи церкви, прочитанная въ императорскомъ Московскомъ университетѣ 11-го октября 1895 года. С.—12) Профессоръ Д. Д. Вагалъ. Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ). Томъ I (1802—1815 г.). Выпускъ первый и второй. Харьковъ. 1896. Б. Глинскаго.—13) Галицкая митрополія. Церковно-историческое изслѣдованіе. И. Тихомірова. Спб. 1896. н. х.—14) Д-ръ С. Бегъ и д-ръ М. Браннъ. Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени. Переработать и дополнить, съ прибавленіемъ оригинальнаго отдѣла исторіи польско-русскихъ евреевъ. С. М. Дубновъ. Въ двухъ томахъ. Т. I. Восточный періодъ (отъ вавилонскаго плѣненія до конца эпохи гаоновъ). Одесса. 1896. к. Лосснаго.—15) Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ. (Обзоръ ихъ догматической дѣятельности въ связи съ направленіями школъ александрійской и антиохійской). Сочиненіе на степень доктора богословія. Изданіе второе. А. П. Лебедева, профессора императорскаго Московскаго университета. Сергіевъ посадъ. 1896. с.—16) Путешествіе въ Метеорскіе и Оссолимиійскіе монастыри въ Фессаліи архимандрита Порфирія Успенскаго въ 1859 году. Въ двухъ частяхъ. Изданіе императорской академіи наукъ подъ редакціей П. А. Сырку. Съ рисунками и картою. Спб. 1896. I. С.—17) Харьковскій Сборникъ, литературно-научное приложеніе къ Харьковскому Календарю на 1896 годъ, подъ редакціей В. В. Иванова. Харьковъ. 1896. в. Лонгинова.—18) Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. Собралъ и дополнилъ А. В. Смирновъ. Владиміръ. 1896. А. Ф—ва.—19) Г. П. Веглери. Храмъ свя-

тых Апостоловъ и другіе памятники Константинополя по описанію Константина Родія. Одесса. 1896. 2.—20) Культурно-историческая бібліотека. Изданіе О. Н. Поповой. Исторія рабства отъ древнихъ до новыхъ временъ. Соч. Д. К. Инграма. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. Съ дополненіемъ изъ трудовъ Валлена, Турмана, Рамбо и Лависса, въ переводѣ Н. П. Новоборской. Спб. 1896. м. Лосскаго.—21) А. А. Сидоровъ. Историческій очеркъ русской печати въ Привислинскомъ краѣ. Варшава. 1896. м. х.—22) Е. Дюрингъ. Цѣнность жизни. Изслѣдованіе въ смыслѣ героическаго пониманія. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Ю. М. Литовскаго, съ біографическимъ очеркомъ Дея и портретомъ Дюринга. 2-е изданіе. Спб. 1896. Г—снаго.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ и МЕЛОЧИ . . . 326, 674, 1071

1) Рабочіе съ Фивахъ при фараонахъ и въ Римѣ со времени паденія Западноримской имперіи.—2) Французская Лукреція Борджиа.—3) Раздѣленіе Нидерландъ на республику и на испанскія провинціи.—4) Моравскіе анабаптисты.—5) Письма герцогини Елисаветы-Шарлоты Орлеанской и ея отзывы о Петрѣ Великому.—6) Аббатъ Прево.—7) За и противъ Гете.—8) Неудачи Фультона во Франціи.—9) Одинъ изъ великихъ хирурговъ XIX столѣтія.—10) Самое длинное царствованіе въ англійской исторіи.—11) Тиара Сайтафарна.—12) Филиппъ II въ домашней жизни.—13) Испанскій анатюрисъ XVIII столѣтія.—14) Политика и смерть Людовика XV.—15) Марать, другъ народа.—16) Первая невѣста Наполеона.—17) Императоръ Александръ I у англійскихъ квакеровъ.—18) Переписка Поццо-ди-Борго съ графомъ Нессельроде въ 1817 году.—19) Отношенія Россіи и Англійи къ Франціи въ 1875 году.—20) Литература «русской недѣли» въ Парижѣ.—21) Индо-европейцы въ доисторическія времена.—22) Общественныя эпидеміи въ среднѣе вѣка.—23) Игнатій Лойола съ разныхъ точекъ зрѣнія.—24) Англійская королева Елисавета и виртембергскій агентъ при ея дворѣ.—25) Пороховой заговоръ.—26) Франко-русская колонія при Екатеринѣ II.—27) Новые матеріалы для исторіи французской революціи.—28) Письма графа Прокеша фонъ-Остена.—29) Современные итальянскіе историки.

СМѢСЬ 347, 696, 1095

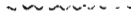
1) Освященіе памятника императору Николаю I въ Кіевѣ.—2) Освященіе памятника императору Александру III.—3) Освященіе памятника Лобачевскому въ Калани.—4) Раскопки въ Пермской губерніи.—5) Шпага Карла XII.—6) Столѣтній юбилей Волынской духовной семинаріи.—7) Присужденіе уваровскихъ премій.—8) Географическое общество.—9) С.-Петербургское археологическое общество.—10) Московское археологическое общество.—11) Археологическія богатства Абхазіи.—12) Касса взаимопомощи при обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—13) Годичное засѣданіе общества любителей естествознанія, антропологій и этнографіи въ Москвѣ.—14) Новыя приращенія Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ.—15) Историческое общество.—16) Археологическое общество въ С.-Петербургѣ.—17) Географическое общество.—18) Этнографическій отдѣлъ императорскаго общества любителей естествознанія, антропологій и этнографіи въ Москвѣ.—19) Психологическое общество въ Москвѣ.—20) Новое археологическое общество.—21) Некрологи: Н. А. Неклюдовъ; епископъ Цюнисій; Л. М. Карачунскій; П. Т. Китицынъ; А. Я. Максимовъ; А. И. Павлинскій; М. И. Шмелевъ; А. И. Глазуновъ; А. О. Ватадинъ; Л. Н. Газанцевъ; В. И. Пихно; С. Г. Ковнеръ; А. Г. Брикнеръ; А. П. Боголюбовъ; архіепископъ Савва; епископъ Николай; Д. М. Познякъ; А. И. Шахматовъ; К. Д. Андиферовъ; В. О. Португаловъ; А. П. Батуевъ.

ЗАМѢТКИ и ПОПРАВКИ 356, 707, 1111

1) Къ біографіи іезуита Мартынова. Г. И. Студенкина.—2) Свѣдѣнія объ А. П. Версильовѣ, н. Версилова.—3) Нѣсколько замѣчаній на книгу «Списки архіереевъ іерархіи Всероссийской». А. Н. Сергѣева.—4) Отвѣтъ на замѣтку

о книгѣ «Списки архіереевъ іерархіи Всероссійской».—5) Огвѣтъ «Московскимъ Вѣдомостямъ». Б. Глинскаго.—6) Поправка къ разсказамъ объ императорѣ Николаѣ I. А. Эвальда.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: Павла Степановича Мочалова, Екатерины II въ 1762 году, передъ восшествіемъ ея на престолъ, и Рафаила Мухомоловича Зонова.—2) Периодическая печатъ и книжное дѣло въ Россіи. **Л. Н. Павленкова.**—3) За свободу. Романъ изъ американской жизни передъ войной Сѣвера съ Югомъ. **Артура Патерсона.** Гл VI — XXVII. (Окончаніе). Переводъ съ англійскаго.—4) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» за 1896 годъ, и гравюрь, помѣщенныхъ въ тѣхъ же томахъ «Историческаго Вѣстника».—5) Объявленія книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1897 году
(ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1897 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія семнадцать лѣтъ (1880—1896).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора **„Историческаго Вѣстника“** въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“**, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одесѣ** и **Саратовѣ**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“**.

РАФАИЛЬ МИХАЙЛОВИЧЪ ЗОТОВЪ

дозв. ценз. 25-го ноября 1896 г. спб.

СИЛЬФИДА ¹⁾.

(Романъ въ трехъ частяхъ).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

В САМЫЙ разгаръ зимы во дворѣ дома на Англійской набережной появилась странная фигура, своимъ внѣшнимъ видомъ мало гармониравшая съ обстановкой этого дома. Это былъ старенькій мужиченко, окутанный въ какую-то звѣриную шкуру, рваный, самага жалкаго вида. Онъ вошелъ во дворъ и робко озирался по сторонамъ. Его замѣтили. Изъ разспросовъ оказалось, что этотъ мужикъ пришелъ почти пѣшкомъ изъ Архангельской губерніи. Онъ умолялъ, чтобы ему позволили повидаться съ барыней.

— До насъ дошло,—говорилъ онъ,—что барыня добрая, къ нашему брату милосердая. Вотъ меня и снарядили въ путь.

Натали Александровны въ это время не было дома; доложили Верховскому, который велѣлъ тотчасъ же позвать мужичка.

— Ты откуда? — спросилъ онъ.

Мужикъ повалился въ ноги.

— Архангельскій, ваше благородіе!—промолвилъ онъ, разглядѣвъ военный мундиръ Верховскаго.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1896 г., т. LXVI, ноябрь, стр. 377.

— Изъ какой деревни?
 — Черезполосье... Покойнаго Андрея Михайловича угодые...
 — Неужто ты сейчасъ оттуда?.. Какимъ же путемъ?..
 — Да такъ вотъ, собственными ногами и доставился. Прослышали мы, что барыня напa ко всѣмъ простымъ людямъ милосерда; такъ вотъ я и пришелъ, отъ всего общества, значить, уполномоченъ.
 — Въ чемъ же дѣло?
 — Обиды терпимъ! такія обиды, что даже и рассказать нельзя.
 — Отъ кого? Говори толкомъ.
 — Управляющій у насъ свирѣпый. Дохнуть не даетъ... Отъ побоевъ да отъ всяческихъ обидъ, не знаемъ, гдѣ спастись; ужъ многіе разбѣгаться стали. Никогда еще, ваше благородіе, такого не было. А теперь вотъ, съ годъ тому назадъ, какъ этотъ управляющій прибылъ, совсѣмъ житья не стало. По три рубля на душу наложилъ, а нашему мужику три рубля добыть — надо три мѣсяца работать... Какіе у насъ заработки? Вотъ и пришелъ отъ всего міра управы просить...

— Какъ зовутъ управляющаго?
 — Зовутъ его Антономъ Ивановичемъ. А по фамиліи не знаю. Самъ онъ, надо полагать, изъ нѣмцевъ.
 — А въ прежнее время почему вы платили?
 — При покойникѣ Андреѣ Михайловичѣ по тридцать копеекъ съ души...
 — Это разница. Ну, ладно, теперь барыни дома нѣтъ. Я съ нею поговорю и все это дѣло разслѣдую. А ты ступай на кухню и вели покормить себя...

Мужичекъ опять бросился ему въ ноги и вышелъ.

Верховскій не дождался возвращенія Натальи Александровны домой. Онъ давно уже ждалъ какого нибудь подходящаго повода для того, чтобы заняться дѣятельностью пана Шипицкаго, а это несомнѣнно былъ удобный случай. Управляющій, конечно, ставленникъ пана, и, безъ сомнѣнія, рука Шипицкаго играла въ этихъ поборaxъ не послѣднюю роль.

Верховскій отправился внизъ, спустился во дворъ, затѣмъ повернулъ направо и зашелъ въ небольшой флигель, гдѣ помѣщалась домовая контора, въ которой сосредоточивались всѣ дѣла по имѣніямъ Бентышь-Полянскихъ. Онъ узналъ, что панъ Шипицкій здѣсь, но кабинетъ пана помѣщался въ самой послѣдней комнатѣ, и онъ, пользуясь этимъ, обратился къ одному изъ служащихъ:

— Можете вы мнѣ отыскать отчеты по имѣнію Черезполосье?
 — Они здѣсь! — отвѣтилъ служащій и, вынувъ изъ шкапа, подалъ ему изрядный свертокъ.

Верховскій началъ рыться. Отчеты были чрезвычайно кратки, но написаны разгонисто, широко, огромными буквами и поэтому занимали большое количество бумаги. Онъ провѣрилъ цифры за преж-

ніе годы и убѣдился, что мужикъ былъ правъ. Года два тому назадъ черезполосьевскіе мужики платили по тридцать копеекъ съ души. Потомъ плата поднялась до сорока и, наконецъ, послѣдній годъ она была показана по полтиннику.

— Значить, одно изъ двухъ, — подумалъ Верховскій, — или мужикъ лжетъ или отчетъ подложный.

И онъ пошелъ въ кабинетъ пана Шипицкаго.

Панъ принялъ его въ креслѣ, гдѣ онъ помѣщался — съ очень важнымъ видомъ, за большимъ столомъ, заваленнымъ кучей бумагъ.

— Чѣмъ могу служить? — промолвилъ онъ, — всегда къ вашимъ услугамъ.

— Скажите, — обратился къ нему Верховскій, — почему платятъ съ души черезполосьевскіе мужики.

— Черезполосье? Это, что въ Архангельской губерніи? — спросилъ панъ Шипицкій. — А ужъ, право, не могу вамъ этого сказать... Не могу вамъ этого сказать наизусть.

Верховскій замѣтилъ, что глаза пана Шипицкаго въ это время пристально смотрѣли на него изъ-подъ очковъ.

— Но ктонибудь долженъ же это знать! — замѣтилъ Верховскій.

— Само собою... само собою. А у насъ же есть отчеты. По отчетамъ все можно видѣть! Вѣдь тамъ цифры, — противъ цифръ, знаете, ничего не подѣлаешь.

— Отчетъ я видѣлъ сейчасъ, — сказалъ Верховскій.

— Ага, видѣли! Ну, такъ, значить, вы знаете...

— Да, въ отчетѣ стоитъ по пятьдесятъ копеекъ съ души. Но не кажется ли вамъ, панъ Шипицкій, что это мало? Вѣдь это совсѣмъ ничтожная плата.

— Ахъ, я васъ понимаю. Вы, конечно, заботитесь объ увеличеніи доходовъ госпожи Бентышъ-Полянскій... Но возьмите и то во вниманіе, что въ Архангельской губерніи условія тяжелыя, надо и мужика пожалѣть... Пятьдесятъ копеекъ для него большая сумма. А почему бы вы назначили?

— Ну, право, я не знаю почему; ну, по полтора рубля, наконецъ, по рублю.

— Хе, хе! по рублю. Это легко сказать! Но при такой платѣ они съ голоду перемерутъ. А позвольте спросить, по какому случаю это вамъ въ голову пришло?

— Это не мнѣ, а Натальѣ Александровнѣ! Право, не знаю, почему она объ этомъ вспомнила...

— Наталья Александровна? — недовѣрчиво спросилъ панъ Шипицкій, — такъ это она желаетъ прибавки? Но это что-то невозможное, это на нее не похоже.

— Такъ вотъ вы, панъ Шипицкій, и объясните ей; пойдете вмѣстѣ.

— Пойдемте, весьма охотно. Что-то странное! что-то странное!— повторялъ панъ Шипицкій, когда они вмѣстѣ шли въ домъ.

Наталья Александровна въ это время вернулась. Верховскій оставилъ пана Шипицкаго въ кабинетѣ, а самъ на минуту зашелъ къ ней; онъ объяснилъ ей въ двухъ словахъ.

— Надѣюсь, теперь, — прибавилъ онъ, — вы позволите мнѣ выяснитъ все это дѣло. Вы ничего не имѣете противъ того, чтобы я позвалъ сюда мужика и заставилъ его повторить все въ присутствіи вашего управляющаго?

— А развѣ нельзя безъ этого? — взмолилась Наталья Александровна.

— Самый лучший способъ — прямой. Я думаю, намъ нечего чиниться съ явными мошенниками.

— Какъ хотите, — только дѣлайте это сами!

Верховскій велѣлъ позвать мужика въ кабинетъ и самъ отправился туда.

— Вотъ, — сказалъ онъ, указывая на явившагося мужика крайне удивленному пану Шипицкому, — этотъ старикъ лучше расскажетъ дѣло.

— Въ чемъ же дѣло? — спросилъ панъ Шипицкій.

Старикъ, повидимому, не въ первый разъ видѣлъ пана и, можетъ быть, былъ знакомъ съ его строгими приемами, а, можетъ быть, передъ тѣмъ, какъ войти въ кабинетъ, онъ услышалъ отъ кого нибудь изъ слугъ, съ кѣмъ ему придется разговаривать, — поэтому онъ молчалъ.

— Видишь ли, мой милый, — сказалъ ему Верховскій, — если ты будешь молчать, то я подумаю, что ты все нагалять. Говори правду.

— Правда, все, какъ есть! — рѣшился, наконецъ, сказать мужикъ, — все, какъ докладывалъ вашему благородію. Притѣсняють... Отъ поборовъ нѣтъ спасенья... По три рубля съ души деруть.

— Какъ? Что? — воскликнулъ панъ Шипицкій, видимо чрезвычайно смущенный неожиданностью, — какіе три рубля?

— Три рубля, какъ есть... взыскивають... А ежели кто нибудь не принесетъ, того порють...

— И ты это не врешь? — спросилъ панъ Шипицкій.

— Для чего же мнѣ врать, коли я для этой причины сколько верстъ сдѣлалъ, въ зимнюю службу?

— Ахъ, онъ мошенникъ! ахъ, онъ плутъ! — вдругъ, неискренно всплывъ, разразился панъ Шипицкій. — А я считалъ его честнымъ человѣкомъ; думалъ, нѣмецъ — такъ долженъ быть честный.

— Это вы про кого же? — спросилъ Верховскій.

— Само собою, про управляющаго, ужъ это его штуки. Чьи же, какъ не его?

Верховскій презрительно посмотрѣлъ на него и не промолвилъ

ни слова. Для него было совершенно ясно, что панъ Шипицкій ломается и разыгрываетъ роль честнаго человѣка.

Само собою разумѣется, что было совершенно бесполезно заниматься разслѣдованіемъ этого дѣла. Шипицкій клялся, что онъ тотчасъ же смѣнитъ управляющаго и даже отдастъ его подъ судъ. Но въ виду дальности разстоянія и ужасныхъ путей сообщенія, конечно, это не легко было сдѣлать, и слишкомъ долго было бы дожидаться удовлетворенія справедливости такимъ путемъ.

— Ну-съ, что-жь вы теперь прикажете дѣлать?—спросилъ Верховскій у Натальи Александровны, когда панъ ушелъ.— Вѣдь это явный мошенникъ. Неужели вы и теперь еще будете оказывать ему снисхожденіе?

— Но что-жь я должна дѣлать? Что я должна дѣлать?—говорила Наталья Александровна.— Это, конечно, несчастье, что я ничего не понимаю въ дѣлахъ.

— Я настолько увѣренъ въ его участіи въ этомъ воровствѣ, что не затруднился бы сейчасъ же прогнать его. Мало того, я увѣжденъ, что на его плечахъ лежитъ тысяча другихъ мошенничествъ, гораздо болѣе крупныхъ.

— А что, если мы ошибаемся?—спросила Наталья Александровна.

— Иными словами, вы хотите подождать еще. Какъ вамъ угодно! Но, Наталья Александровна, еще только до перваго случая, а затѣмъ, заявляю вамъ прямо, я помимо вашего согласія предамъ Шипицкаго суду!

— Дѣлайте, что хотите... у меня начинается голова кружиться, когда я узнаю что нибудь о дѣлахъ...

Такимъ образомъ на этотъ разъ панъ Шипицкій отдѣлался смущеніемъ и дурнымъ расположеніемъ духа. Осталось даже неизвѣстнымъ, дѣйствительно ли онъ смѣнилъ управляющаго. Мужика держали до весны, такъ какъ раньше этого времени отпускать его было опасно,—стояла страшная стужа, всѣ дороги были занесены снѣгомъ. Единственное, что можно было сдѣлать для его земляковъ это возвратить имъ тѣ суммы, которыя они переплатили, но, конечно, изъ кассы Бентышъ-Полянскихъ, а не пана Шипицкаго. Разслѣдовать дѣло не было никакой возможности. Будь теперь живъ Андрей Михайловичъ, онъ не затруднился бы махнуть самолично въ Архангельскую губернію, что онъ дѣлывалъ не разъ, и ужъ тогда пану Шипицкому было бы не сдобровать. Но теперь не нашлось ни одного столь рѣшительнаго человѣка во всемъ домѣ.

Въ скоромъ времени въ домѣ Полянскихъ были нѣсколько удивлены визитомъ княгини Чугуевой. Она давно уже не ѣздила, съ тѣхъ поръ, какъ была обижена отказомъ. Она явилась съ такимъ видомъ, какъ будто не произошло размолвки, и тотчасъ же заговорила о той самой коллекціи въ Тускинѣ, о которой и прежде вела рѣчь.

— Говорила я вамъ, что она или сгніетъ, или ее растаскаютъ. А ужъ теперъ прямо и не знаю, что сказать.

— Да что же? Развѣ вы что нибудь знаете про это?

— Да вѣдь не все то можно говорить, что мы знаемъ! — таинственно заявила Чугуева: — однако, не мѣшаетъ вамъ самимъ по-смотреть.

— Но я ее никогда не видала! — отвѣтила Наталья Александровна, — значить, ничего и не узнаю.

— Какъ хотите, какъ хотите! Мое дѣло вамъ сказать, вѣдь я даромъ не поднялась бы... старѣю, тяжела становлюсь... А что же вашъ Шипицкій еще до сихъ поръ всемъ править? Удивляюсь, удивляюсь вамъ, Наталья Александровна, какъ вы такому невѣрному человѣку можете довѣряться. Вѣдь это плутъ высокой пробы... Да у него къ тому же и вкусъ къ художественнымъ вещацамъ есть...

Было понятно, что она намекала на какую-то связь пана Шипицкаго съ коллекціей. Верховскій, который теперъ постоянно искалъ новаго повода привлечь къ отвѣтственности Шипицкаго, ухватился и за это.

— Очевидно, они между собой что-то не подѣлили, — думалъ онъ. — Если Шипицкій плутъ высокой пробы, то Чугуева немногимъ ниже.

И онъ, даже не заявивъ объ этомъ Натальѣ Александровнѣ, съѣздитъ въ Тускино. Самъ онъ не имѣлъ понятія о коллекціи, о которой очень много слышалъ. Зналъ онъ, что тамъ были дорогія картины и разныя художественныя вещи, которыя стоили Андрею Михайловичу большихъ денегъ.

Въ Тускинѣ онъ нашель полное запустѣніе. Всѣ зданія были занесены снѣгомъ, доходившимъ до оконъ. Никогда здѣсь не расчищали дорогъ. Постройки произвели на него такое впечатлѣніе, какъ будто ихъ приговорили къ разрушенію. При усадьбѣ жилъ старый слуга, который, конечно, не могъ уже быть ей полезенъ. Къ нему-то Верховскій и обратился.

— А скажи, пожалуйста, эта коллекція, эти картины, которыя не задолго до смерти приобрѣлъ покойный баринъ, — что, онѣ цѣлы?

— Не могу знать... не наше дѣло! — отвѣчала слуга, съ трудомъ прислушивавшійся къ его словамъ, такъ какъ онъ былъ глухъ.

— Но, по крайней мѣрѣ, ты знаешь, гдѣ это все находится?

— Находится-то оно здѣсь. Вотъ въ этомъ флигелѣ. Да тольکو управляющій ключъ съ собой увезли.

— Ага... А нѣтъ ли тутъ у васъ слесаря?..

— Слесаря? Это можно... Только на деревню надо сбѣгать...

Сбѣгали за слесаремъ, отворили дверь. Верховскій растерянно смотрѣлъ по сторонамъ, ничего не понимая. Картины и всякія бездѣлки стояли въ беспорядкѣ, не развѣшанныя по стѣнамъ, нава-

ленные одна на другую. Онъ рѣшительно не могъ узнать, все ли здѣсь пріобрѣтенное Андреемъ Михайловичемъ или половина растаскана. Сколько онъ ни искалъ въ шкафикахъ и конторкахъ, которыхъ здѣсь было множество, не могъ найти никакого списка. Между тѣмъ онъ чувствовалъ, что здѣсь воровство совершалось смѣлой рукой.

— А часто бываетъ здѣсь управляющій? — спросилъ онъ слугу.

— Да почти что каждый день.

— И что-жь онъ тутъ дѣлаетъ?

— Да ничего. Зайдутъ, посидятъ съ полчаса и уйдутъ.

— И все здѣсь сидитъ, въ этомъ флигелѣ?

— Все здѣсь.

— А ничего съ собой не увозить?

— Этого не могу знать. Не усмотришь.

Для Верховскаго было очевидно, что слуга боится сказать правду. Но ему представлялся неразрѣшимый вопросъ: если Шипицкій дѣйствительно таскалъ съ собою вещи изъ коллекціи, то гдѣ онъ ихъ держитъ? Вѣдь панъ хитеръ. Онъ опытный мошенникъ и умѣетъ прятать концы.

Тѣмъ не менѣе Верховскій рѣшилъ прежде всего съѣздить къ пану на квартиру. Онъ засталъ Шипицкаго врасплохъ. Панъ былъ въ халатѣ, полулежалъ на мягкой кушеткѣ и курилъ трубку. Онъ принялъ гостя съ видомъ полного удовольствія, даже раскрылъ объятія, какъ будто былъ увѣренъ, что Верховскій лучший изъ его друзей.

— Очень радъ, что вы оказали мнѣ такую честь! — говорилъ панъ Шипицкій. — Пожалуйте, пожалуйста! Я вамъ покажу свои владѣнія. Живу, какъ видите, скромно. Вотъ мой кабинетъ, а вотъ здѣсь гостей принимаю, ежели когда кто дѣлаетъ мнѣ честь; а вотъ тутъ сплю; вотъ здѣсь слуги; тамъ кухня; а вонъ, неугодно ли, флигелекъ маленькій стоитъ, тамъ у меня маленькая контора, — пожалуйста посмотрѣть!

Шипицкій видимо подчеркивалъ свою готовность показать Верховскому всѣ углы своего жилища. Догадывался ли онъ о сомнѣніяхъ Верховскаго, или же такъ вообще допускалъ, что сомнѣніе въ его честности можетъ явиться у всѣхъ и во всякое время, но онъ, очевидно, хотѣлъ доказать, что у него ничего не спрятано чужого.

— Значитъ, не здѣсь! — подумалъ Верховскій. — Да и странно было бы предполагать, что онъ такъ простъ.

И онъ теперь думалъ, какъ бы перехитрить Шипицкаго. Единственное, что ему оставалось, это — воспользоваться услугами княгини Чугуевой. Она не даромъ пріѣхала къ Натальѣ Александровнѣ и не даромъ заговорила о коллекціи и панѣ Шипицкомъ; она знаетъ все, но не говоритъ сразу, очевидно, рассчитывая на какую нибудь подачку. Эти люди зарабатываютъ на всемъ.

И онъ поѣхалъ къ Чугуевой. Та приняла его такъ, какъ будто именно только и ждала этого визита. Верховскій былъ нѣсколько холоденъ, но старался казаться любезнымъ.

— Я къ вамъ, княгиня, по дѣлу!—прямо началъ онъ.—Вы, очевидно, принадлежите къ тѣмъ людямъ, которые сочувствуютъ печальному положенію Натальи Александровны. Иначе я не могу объяснить ваше участіе. Но въ то же время вы, можетъ быть, не хотите брать на себя отвѣтственности и потому о многомъ умалчиваете, не такъ ли?

— Что-то мнѣ непонятно, о чемъ рѣчь!—съ хитрыми глазами замѣтила Чугуева.—Что я всей душой расположена къ Натальѣ Александровнѣ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія...

— Да, я это самое и говорю. Вотъ вы тогда упомянули о коллекціи и о томъ, что пану Шипицкому не слѣдуетъ довѣрять. Я вполне раздѣляю вашъ взглядъ. Я почти увѣренъ, что коллекцію онъ на половину растаскалъ. Но вѣдь этого нельзя доказать.

— Это смотря... Ежели поломать голову...

— Будемте говорить прямо, княгиня,—вѣдь вамъ извѣстно больше, чѣмъ вы говорите?

— То-есть какъ же это?—все еще не сдавалась Чугуева.

— Да вотъ такъ, просто. Я вамъ сразу заявилъ, что буду говорить просто. Вы знаете, гдѣ панъ Шипицкій прячетъ часть коллекціи. Ну, скажу вамъ еще прямѣе: совершенно необходимо изловить его и получить доказательство,—конечно, въ глазахъ только Натальи Александровны,—что этому господину довѣрять нельзя. И такъ какъ отъ такой перемѣны для дома Бентышъ-Полянскихъ получится чистая прибыль, то вы имѣете полное право на нѣкоторое... ну, какъ бы это сказать, нѣкоторую благодарность, въ видѣ, напримеръ, двухъ тысячъ рублей...

— А вы, господинъ Верховскій, я вижу, человѣкъ умный,—сказала Чугуева.—Конечно, это не принято—брать, какъ вы говорите, благодарность деньгами... Но войдите тоже въ мое положеніе. Я женщина небогатая, а семья-то вонъ какая! всѣхъ-то вѣдь надо кормить. Вѣрю вашему честному слову, господинъ Верховскій, вѣрю, что вы меня не обманете... Ну-съ, такъ вотъ вамъ: знать надо вамъ, что у пана Шипицаго есть и пятый домикъ. Это будетъ—не доѣзжая лавры, пятый отъ конца, одноэтажный, голубой краской выкрашенный, ну, такъ вотъ...

— Вы говорите это навѣрно?

— Ну, ужъ повѣрьте, что такому человѣку, какъ вы, не стала бы я сказокъ рассказывать.

Верховскій поднялся.—Въ такомъ случаѣ я прошу васъ быть увѣренной, что черезъ полчаса послѣ того, какъ подтвердятся ваши слова, вы получите двѣ тысячи.

— Только между нами, господинъ Верховскій?..

— Ну, это само собою разумеется, княгиня.

И Верховский откланялся. Отсюда онъ поѣхалъ прямо въ полицію, сдѣлать соответствующее заявленіе, и черезъ полчаса голубенькій домикъ неподалеку отъ лавры былъ изслѣдованъ въ отсутствіе хозяина, и на двери были наложены печати. Этотъ домикъ походилъ на музей, такъ какъ добрая часть тускинскихъ сокровищъ была тамъ.

Не успѣлъ Верховскій вернуться домой, какъ ему уже сказали, что его желаетъ видѣть панъ Шипицкій.

— О, что же это вы со мною дѣлаете?—воскликнулъ панъ Шипицкій, войдя къ нему въ кабинетъ уже съ самымъ смиреннымъ и подавленнымъ видомъ.—Что вы со мною дѣлаете?

И онъ безъ просьбы хозяина опустился въ кресло.

— Это не я, это вы сами, панъ Шипицкій!—сказалъ Верховскій.

— Но войдите же въ положеніе...

— Я именно это и сдѣлалъ. Что же, повашему, значить войти въ положеніе? Покровительствовать вашему грабежу?

— О, Боже мой, зачѣмъ же такъ? Ну, хорошо, возьмите все, я все отдамъ, только зачѣмъ же скандалъ? Вѣдь вотъ человекъ бился, бился всю жизнь, прибрѣталъ, спину гнулъ и чуть только устроился, какъ его опять сверху внизъ головой...

Но никакія просьбы не могли поколебать рѣшеніе Верховскаго.

— Панъ Шипицкій, вы завтра же будете преданы суду. Согласитесь сами, что это пора сдѣлать!—сказалъ Верховскій и больше ничего не хотѣлъ слушать.

Онъ это исполнилъ. Въ тотъ же вечеръ Чугуевой были отосланы двѣ тысячи. Наталья Александровна, конечно, согласилась со всѣми распоряженіями Верховскаго.

II.

Вечеринки, которымъ положилъ начало Верховскій въ домѣ Натальи Александровны, повторялись регулярно раза два въ мѣсяцъ. И въ этомъ домѣ теперь было постоянное оживленіе. Являлись сюда и штатскіе; знакомства росли. Это былъ какой-то совершенно особенный міръ. Знакомства эти не обязывали Наталью Александровну ни къ какимъ мѣропріятіямъ. Верховскій такъ устроилъ, что ей самой не надо было завязывать связи съ свѣтомъ, отдавать визиты и т. п. Составлялись прогулки. Изъ конюшенъ были выведены такъ долго отдохавшія лошади покойнаго Андрея Михайловича; устраивались тройки, поѣздки за городъ.

Таня была въ упоеніи отъ новыхъ порядковъ въ домѣ. Надя, съ своимъ тихимъ меланхолическимъ характеромъ, съ своимъ плохимъ здоровьемъ, часто выражала желаніе оставаться дома; но ради сестры, которую она обожала, ей все-таки приходилось ѣздить съ

обществомъ. Все это утомляло ее, и она являлась домой съ блѣднымъ лицомъ и грустными глазами.

Верховскій очень внимательно наблюдалъ за Таней, послѣ того какъ исчезъ изъ ихъ круга Столѣтовъ, и не замѣчалъ въ ней никакой склонности къ комунибудь изъ новыхъ знакомыхъ. И Таня была со всѣми одинакова. Между тѣмъ отъ вниманія Верховскаго не ускользнуло, что одинъ изъ ихъ гостей, Боровскій, всегда отличавшійся веселостью, безпечностью, сталъ молчаливъ и тихъ, и для него была ясна причина этой перемѣны. Всѣ были въ восторгѣ отъ Тани; но сердце Боровскаго было, очевидно, ранено глубже всѣхъ. Верховскому нравился этотъ молодой человѣкъ, и онъ не разъ заговаривалъ съ нимъ по поводу этой перемѣны.

— Повидимому, Боровскій, вамъ не даромъ прошло новое знакомство!—говорилъ онъ ему.

— Можетъ быть, и не даромъ!—отвѣчалъ тотъ и краснѣлъ.

— Я замѣчаю, что въ присутствіи Татьяны Андреевны вы тережитесь.

— Я совсѣмъ потерялся!—отвѣтилъ Боровскій.

— Вы влюблены?

— Я люблю Татьяну Андреевну, но... но вѣдь она, кажется, не понимаетъ этого слова...

— А я думаю— не понимаетъ, если молодые люди говорятъ объ этомъ не съ нею, а со мной! Вы поговорите объ этомъ съ нею; можетъ быть, и пойметъ...

Боровскій былъ не богатъ, но хорошо шелъ по службѣ, былъ на виду, ему предстояла значительная карьера. Наружность у него была незамѣтная. Средняго роста, смуглый, онъ ничѣмъ выгодно не выдѣлялся изъ окружающихъ и производилъ впечатлѣніе заурядности. На лицѣ его было только одно, что отличало его отъ другихъ, это—глаза, удивительно ясные и глубокіе. Верховскій думалъ, что если бы между нимъ и Таней завязались болѣе сердечныя отношенія, то изъ этого не вышло бы ничего дурного. Боровскій представлялся ему именно такимъ человѣкомъ, который сумѣлъ бы сдѣлать Таню счастливой, и въ рукахъ котораго ея большія богатства послужили бы только для ея счастья.

Онъ заговаривалъ объ этомъ и съ Натальей Александровной...— Что бы вы сказали,—спрашивалъ онъ ее,—если бы какойнибудь симпатичный и порядочный молодой человѣкъ сдѣлалъ Танѣ предложеніе?

Наталья Александровна смотрѣла на него печально.

— Слушайте, Верховскій,—промолвила она,—я вѣдь скоро умру... Да, я хотѣла бы видѣть Таню счастливой...

— Ну, вотъ! Экую вы грустную пѣсню затянули! Съ чего вамъ умирать? Почему?

— Такъ, я знаю... Мнѣ и года не прожить. Ужъ это я чувствую,

чувствую... Да, я хотѣла бы, чтобы Таня при моей жизни сдѣлалась счастливой. Только трудно это, очень трудно.

— Что трудно?

— Сдѣлаться счастливой.

Верховскій посмотрѣлъ на нее и только теперь разглядѣлъ, какъ она подалась, какъ похудѣла за послѣднія недѣли. Желая ободрить ее, онъ заговорилъ веселымъ, увѣреннымъ тономъ; она принужденно улыбалась, но взглядъ ея оставался грустнымъ.

Боровскій страдалъ. Напрасно онъ старался обратить на себя вниманіе Тани; она со всѣми была одинакова. Онъ же не отличался смѣлостью и всегда въ ея присутствіи робѣлъ. Но однажды онъ рѣшился во что бы то ни стало поговорить съ нею.

Быль праздничный день. Наталья Александровна съ утра прихворнула, тѣмъ не менѣе послала дѣтей въ церковь; съ ними была миссъ Эмили и еще горничная. Боровскій зналъ, въ какую церковь ѣздили Полянскія, и бывалъ здѣсь каждый праздникъ. Въ этотъ день онъ терпѣливо простоялъ обѣдню, затѣмъ подошелъ къ нимъ и, провожая къ экипажу, сказалъ, обращаясь къ Танѣ:

— Сегодня славный день. Солнце... вѣдь оно такъ рѣдко бываетъ въ Петербургѣ. Не пройдетесь ли вы со мной? Надежда Андреевна, конечно, поѣдетъ. Она навѣрно устала.

— Да, я устала! — сказала Надя и сѣла въ экипажъ.

— Я съ удовольствіемъ пройдуся! — отвѣтила Таня. — Вы позволите, миссъ Эмили?

— Съ господиномъ Боровскимъ, почему же?

Надя уѣхала. Таня и Боровскій пошли сперва по Невскому, затѣмъ повернули по набережной. Разговоръ поддерживался кое-какъ, но Боровскій никакъ не могъ рѣшиться заговорить о томъ, для чего выдумалъ эту прогулку. Домъ уже былъ близокъ, а онъ еще не сказалъ ничего. Наконецъ онъ сдѣлалъ страшное усиліе и промолвилъ, какъ бы торопясь, и своей манерой прежде всего удивилъ Таню и заставилъ ее съ изумленіемъ остановиться.

— Я хотѣлъ вамъ сказать, Татьяна Андреевна... Конечно, вы, можетъ быть, и не поймете, это для васъ неожиданно... Однимъ словомъ... Что вы сказали бы, если бы я (онъ искалъ слова и никакъ не могъ найти его и потому вдругъ сказалъ, можетъ быть, самое неудачное), если бы я... къ вамъ посватался...

Таня звонко разсмѣялась, и Боровскій уже былъ совершенно увѣренъ, что дѣло его проиграно. Но Таня смѣясь прибавила:

— Хорошо, сватайтесь...

— Я вижу, Татьяна Андреевна, что это было бесполезно... начинать этотъ разговоръ.

— Почему? — спросила Таня.

— Да вѣдь это видно. Вы надо мной смѣетесь.

— Но, право же, нѣтъ. Я въ самомъ дѣлѣ говорю: сватайтесь!

— Да, но вы откажете?

— Да нѣтъ же, право, нѣтъ. Это, должно быть, такъ весело— выходить замужъ!

— Такъ вы, значить, согласны?

— Конечно.

— И вы не шутите?

— Но, право же, нѣтъ, право, нѣтъ.

Они вошли въ домъ. Таня быстро исчезла, а Боровскій пошелъ прямо къ Натальѣ Александровнѣ. Въ сущности, онъ и теперь еще не знаетъ, какъ понимать отвѣты Татьяны Андреевны; никогда въ жизни онъ не слышалъ и нигдѣ не читалъ, чтобы дѣвушки такъ странно соглашались на бракъ.

Когда Боровскій вошелъ, Наталья Александровна даже привстала отъ изумленія, до такой степени у него было странное лицо.

— Въ чемъ дѣло? Вѣдь вы были съ Таней?—проговорила она.

— Да... Простите... Я не понимаю... Позвольте мнѣ сѣсть.

И онъ опустился въ кресло.

— У васъ произошелъ какой нибудь разговоръ?—спросила Наталья Александровна.

— Да, но я не знаю, какъ понимать. Я вамъ скажу прямо. Я сдѣлалъ Татьянѣ Андреевнѣ предложеніе. Она отвѣтила смѣхомъ, а потомъ... потомъ согласилась. Но я боюсь, что это шутка.

— Вы сдѣлали ей предложеніе? — переспросила Наталья Александровна. — Значить, вы любите Таню?

— Больше жизни!—съ чувствомъ отвѣтилъ Боровскій.— Давно, давно... Но не рѣшался, не смѣлъ. Разрѣшите, пожалуйста, мое недоумѣніе. Я совсѣмъ измучусь.

— Мы сдѣлаемъ это просто,—сказала Наталья Александровна,— позовемъ Таню, пусть она сама скажетъ.

Таня явилась очень скоро, она даже не успѣла переодѣться. Она пришла такая же веселая и смѣющаяся, какая была на улицѣ, во время объясненія. Увидѣвъ Боровскаго, она еще больше стала смѣяться.

— Боже, какой у васъ странный видъ! Васъ точно опустили въ воду...

— Татьяна Андреевна...—началъ Боровскій и поднялся, но дальше у него не хватило словъ, и за него договорила Наталья Александровна.

— Таня, вотъ Боровскій сдѣлалъ тебѣ предложеніе... Но онъ не знаетъ, какъ ты на это смотришь.

— Но вѣдь я же сказала ему! — отвѣтила Таня.

— Ты сказала со смѣхомъ. Онъ не понялъ.

— Ну, постой, мама, я сейчасъ сдѣлаю серьезное лицо. — Она сдѣлала комическое усиліе надъ собой и съ важнымъ видомъ про-

молвила: — я согласна! — и затѣмъ прибавила уже просто: — разумѣется, если мамочка захочетъ!

— Ну, вотъ видите, — сказала Наталья Александровна, обращаясь къ Боровскому, — это, значить, не шутка. Я не могу тутъ ничего рѣшать, Танюша, это — твой выборъ.

Боровскій сдѣлалъ нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ, подошелъ къ Танѣ, схватилъ ея руку и поцѣловалъ. Потомъ онъ обернулся къ Натальѣ Александровнѣ и тоже поцѣловалъ руку у нея. Послѣ этого онъ не сказалъ больше ни слова и, глубоко взволнованный, вышелъ.

— Ну, садись, Танюша, рядомъ со мной, поговоримъ! — сказала Наталья Александровна. — Ты его любишь?

— Но, мама, почему же мнѣ его не любить? Онъ такой милый...

— Да, но этого недостаточно, мой другъ. Всѣ, кто у насъ бываетъ, милые люди.

— Конечно, и онъ тоже.

— Значить, еслибъ тебѣ ктонибудь другой сдѣлалъ предложеніе, ты тоже согласилась бы?

— Можетъ быть... не знаю... Но вѣдь Боровскій меня любитъ, а другіе... я не знаю...

— Боже мой, какое она еще дитя! — думала Наталья Александровна.

— Но будешь ли ты счастлива съ нимъ, дитя мое? — спросила она.

— Счастлива? Почему же нѣтъ, мама? Боровскій славный, съ нимъ я чувствую себя хорошо, я привыкла... Я теперь счастлива, почему же тогда не буду счастлива?

Боровскій въ это время зашелъ къ Верховскимъ и рассказалъ имъ о случившемся.

— Итакъ, вы теперь счастливы? — сказалъ ему Верховскій.

— Я бесконечно счастливъ. Но я не знаю, какъ понимать Таню...

— Я думаю, что все отъ васъ зависитъ! — сказала Даша, — сумѣете привязать, она привяжется къ вамъ. Она вѣдь ребенокъ, существо нетронутое. Ихъ воспитывали дѣтьми, и такими онѣ остались до сихъ поръ...

Начались приготовленія къ свадьбѣ. Весь домъ былъ теперь занятъ ими. Заботы объ этомъ взяла на себя Даша, и Наталья Александровнѣ приходилось только узнавать о томъ или другомъ ея распоряженіи. Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхали изъ Москвы Верховскіе, Наталья Александровна была освобождена отъ всѣхъ заботъ.

Однажды Верховскому принесли письмо отъ пана Шпицкаго. Верховскій никогда не состоялъ съ нимъ въ перепискѣ и на этотъ разъ удивился, что панъ вздумалъ осчастливить его своимъ посланіемъ. Шпицкій писалъ: «умоляю васъ, не откажите мнѣ въ сви-

дани, всего на четверть часа. Самъ я не могу рѣшиться прѣхать въ домъ Натальи Александровны. Чувствую себя слишкомъ виноватымъ передъ нею. Не откажите мнѣ въ милости, сдѣлайте меня счастливымъ, прѣзжайте ко мнѣ».

Верховскій рѣшилъ исполнить его просьбу. Онъ заранѣе зналъ, о чемъ у нихъ будетъ разговоръ. Панъ Шипицкій, разумѣется, будетъ упрашивать, чтобы ему простили и прекратили дѣло. Но Верховскій заранѣе рѣшилъ быть твердымъ. Ему только хотѣлось посмотреть, какую перемену въ панѣ Шипицкомъ произвело новое положеніе.

Панъ Шипицкій похудѣлъ, сталъ серьезнѣе и благообразнѣе. Ему это шло. Онъ усвоилъ себѣ особую манеру человѣка разбитаго, съ пошатнувшимся здоровьемъ, хотя, разумѣется, ничего подобнаго не было. Онъ съ трудомъ передвигалъ ноги, а когда садился въ кресло, съ усиленіемъ опирался на ручку. Все это онъ дѣлалъ для того, чтобы разжалобить гостя.

— Умоляю васъ, умоляю! — говорилъ Шипицкій, — вы видите, я готовъ заплакать. Прекратите это дѣло!

И у Шипицкаго въ самомъ дѣлѣ глаза наполнялись слезами. Но Верховскій не придавалъ этому большого значенія. Онъ столько разъ видѣлъ пана въ различныхъ роляхъ, которыя всѣ онъ исполнялъ образцово.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ, панъ Шипицкій, даже не просилъ объ этомъ. Вѣдь вы хотѣли ограбить сиротъ и грабили ихъ. Нѣтъ, не могу. При томъ же это не въ первый разъ. Ваши пять домовъ, вѣдь это все — достояніе Бентышъ-Полянскихъ. Я знаю все, покойный генералъ Тугаринъ разсказалъ мнѣ все про васъ...

Онъ поднялся и, холодно простившись, вышелъ. И слышалъ онъ, какъ позади его панъ Шипицкій простоналъ, падая въ кресло. Этотъ стонъ, должно быть, былъ искренній.

Въ то время, какъ шли дѣятельныя приготовленія къ свадьбѣ. Таня съ Боровскимъ проводила цѣлые дни. Онъ являлся къ нимъ каждый день утромъ и уходилъ только вечеромъ. И Таня мало-помалу стала привыкать къ исключительному отношенію къ нему и выдѣлять его изъ ряда остальныхъ знакомыхъ.

Ш.

Неожиданно прѣехала Лиза и сразу, при первомъ своемъ появленіи въ домъ, поразила Наташу своимъ сосредоточенно строгимъ и загадочнымъ видомъ.

— Ты, Лиза, переѣнилась! — сказала ей Наталья Александровна.

— Какъ? развѣ ты не знаешь? — спросила Лиза. — Вѣдь и судьба моя переѣнилась.

— Какимъ образомъ?

— Ты не знаешь? Ты не знаешь?

И она рассказала ей, въ чемъ заключалась перемѣна въ ея судьбѣ. Она получила извѣстіе изъ Москвы о томъ, что Сербичъ застрѣлился. Онъ промоталъ все, что досталось ему за Лизой, а своего ужъ давно не было. Но онъ еще могъ бы держаться, если бы не одна гнусная исторія, которая сдѣлала невозможнымъ пребываніе его въ полку.

— Это — возмездіе! — говорила Лиза, — за все всегда бываетъ возмездіе!

— Но теперь, Лиза, — сказала Наталья Александровна, — теперь ты можешь вернуться въ міръ!

Лиза отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, Наташа, моя судьба уже опредѣлилась. Теперь мнѣ уже не нужно ждать его разрѣшенія, и я могу постричься. Видно, это было при рожденіи мнѣ суждено!

Однако, Лиза не уѣхала въ монастырь и осталась, желая увидѣть племянницу замужемъ.

Въ Петербургѣ стали говорить о предстоящей свадьбѣ одной изъ самыхъ богатѣйшихъ наслѣдницъ, Тани Бентышъ-Полянской. Удивлялись только ея выбору. Находили, что ей, по происхожденію и по состоянію, можно было бы найти болѣе блестящую партію. Забывали при этомъ, что роскошный домъ Бентышъ-Полянскихъ на Англійской набережной былъ какъ бы умысленно оставленъ и забытъ высшимъ свѣтомъ, и что у дочерей Андрея Михайловича не было большого выбора.

Наконецъ, назначенъ былъ день вѣнчанья. Наталья Александровна, глубоко взволнованная, съ глазами, полными слезъ, крѣпко жала руки своего будущаго зятя и говорила ему:

— Ну, вотъ, отдаю вамъ Танюшу. Смотрите же, смотрите... Я довѣряю вамъ свое самое драгоценное сокровище.

— Клянусь вамъ, Наталья Александровна, — промолвилъ Боровскій, — что счастье Тани будетъ цѣлью всей моей жизни.

На вѣнчанье были приглашены только постоянные посѣтители дома Бентышъ-Полянской. Наталья Александровна не захотѣла воспользоваться этимъ случаемъ для возобновленія связей съ обществомъ. Она думала, что это не будетъ прочно. Тѣмъ не менѣе церковь была полна народу. Скучающее общество слишкомъ ужъ было заинтересовано этимъ бракомъ.

Таня въ этотъ вечеръ была красавицей. Ея богатый нарядъ поражалъ всѣхъ своей роскошью, всѣ нашли и Боровскаго достаточно приличнымъ женихомъ, и вообще многіе въ душѣ завидовали этой парѣ. Около церкви былъ большой съѣздъ экипажей, которые, однако, увезли своихъ владѣльцевъ прямо домой. Въ домъ же Бентышъ-Полянскихъ послѣ вѣнчанья собрался только свой, не особенно большой кружокъ. Изъ постороннихъ была только Чугуева, которая явилась

просто, безъ приглашенія. Но болѣе всего удивленіе вызвала депеша изъ Москвы. Она была подписана Столѣтовымъ. Въ ней неудавшійся женихъ поздравлялъ Татьяну Андреевну съ прекраснымъ выборомъ и отъ души желалъ ей счастливой жизни.

Гости разошлись довольно поздно. Для молодыхъ былъ отдѣланъ второй этажъ. И вотъ Боровскій, простившись съ Натальей Александровной и съ Верховскимъ, съ видомъ безконечнаго счастья повелъ свою молодую жену наверхъ.

Въ домѣ все затихло, погасли огни. Наталья Александровна уже была въ постели; вдругъ она тревожно подняла голову. Въ ея спальню вбѣжала Таня съ взволнованнымъ лицомъ, съ распущенными волосами, въ капотѣ.

— Что съ тобой, моя дѣтка? Зачѣмъ ты?

— Мамочка, я не могу, не могу... Я останусь у тебя...

Она припала къ ея груди и плакала, какъ ребенокъ.

Боровскій въ это время широкими шагами ходилъ по квартирѣ второго этажа, взволнованный, встревоженный и не смѣлъ спуститься внизъ. Наталья Александровна, полная недоумѣнія, уложила Таню въ своей комнатѣ и уже не могла сомкнуть глазъ во всю ночь. Утромъ явился Боровскій, смущенный и совершенно подавленный. Наталья Александровна долго бесѣдовала съ Таней. Только теперь въ первый разъ она рассказала ей всю свою жизнь до мельчайшихъ подробностей и кончила свой рассказъ такъ:

— Видишь, Таня, моя жизнь сложилась не волей, но я терпѣла, и вотъ прожила ее и дожила до счастья видѣть тебя замужемъ. Ты же, милое мое дитя, выбрала себѣ спутника жизни свободно. И ты должна научиться любить его и сдѣлать его жизнь счастливой.

Въ это утро Таня вышла къ чаю серьезнѣе и какъ бы болѣе взрослой, чѣмъ она была до сихъ поръ. Скоро она свыклась съ положеніемъ молодой жены, и жизнь наверху пошла обычнымъ чередомъ.

Лиза уже собиралась уѣхать въ монастырь, чтобы исполнить свое неизмѣнное рѣшеніе и постричься. Но въ это время въ домѣ произошла страшная тревога. Наталья Александровна какъ-то вдругъ, неожиданно для всѣхъ заболѣла и слегла въ постель. Позвали докторовъ, которые выразили на своихъ лицахъ какое-то нѣмое удивленіе.

— Недугъ такъ глубоко пустилъ корни, что просто непонятно, какъ онъ до сихъ поръ не проявился! — говорили они.

— Такъ это конецъ? — спросилъ Верховскій.

— Мы надѣмся... мы сдѣлаемъ все возможное.

Но Верховскій зналъ, что доктора никогда не предсказываютъ печальнаго конца. И когда онъ вспомнилъ о томъ, какъ въ послѣднее время Наталья Александровна постоянно чувствовала себя слабой, и ея мысли были направлены къ смерти, то понялъ, что печальный конецъ очень возможенъ.

А Наталья Александровна не сомнѣвалась въ немъ.— Теперь я умру, теперь я умру! — говорила она, и странно, что лицо ея при этихъ словахъ не только не выражало печали, а даже какъ бы просвѣтлялось. Жизнь ея была тяжела, и, можетъ быть, она питала надежду на то, что послѣ смерти получить за это какую нибудь награду.

Болѣзнь дѣлала быстрые успѣхи. — Вотъ, — говорила Наталья Александровна, когда вокругъ ея постели собрались всѣ близкіе люди, — я увидѣла счастье Тани, а Надя, моя слабенькая крошка, — что съ нею будетъ? За нее я боюсь; она такая же хрупкая, какъ я, и такъ же мало приспособлена къ жизни...

— Клянусь вамъ, — сказалъ Верховскій, — что Надя будетъ постоянной заботой моей во всю мою жизнь!

— Мы будемъ думать о ней больше, чѣмъ о своихъ дѣтяхъ! — промолвила Даша.

Было около полуночи; всѣ домашніе собрались у постели больной. Наталья Александровна постоянно повторяла: — ахъ, не покидайте меня, не покидайте! Я чувствую, что надо мнѣ быть вмѣстѣ съ вами!

У нея было безконечно спокойное выраженіе лица, какъ у человѣка, который со всѣмъ примирился.

— Скажите намъ, Наталья Александровна, — промолвилъ Верховскій осторожнымъ голосомъ, какъ бы боясь испугать ее или потревожить, — скажите какое нибудь ваше желаніе, самое завѣтное... Мы будемъ считать своимъ священнымъ долгомъ исполнить его.

— Я хотѣла бы еще разъ услышать эти звуки!.. Помнишь, Танюша, ты мнѣ играла?.. Помнишь, я всегда такъ любила слушать?..

— Я знаю! — сказала Таня. — Я сыграю, мамочка.

— Сыграй, дитя мое.

Таня ушла въ залъ и здѣсь залилась слезами. Но потомъ она сдѣлала надъ собой страшное усиліе, сѣла за рояль, и раздались тихіе звуки легкаго танца изъ «Сильфиды», который во всю жизнь больше всего любила Наталья Александровна. Когда она оставалась съ дѣтьми, она всегда просила Таню играть ей этотъ танецъ и всегда съ наслажденіемъ слушала его.

Наталья Александровна закрыла глаза. Странная улыбка освѣтила ея лицо. Надя сидѣла у изголовья. Наталья Александровна тихо протянула къ ней руку. Надя нагнулась и припала къ ея груди.

— Таня! Танюша! — слабымъ, едва слышнымъ голосомъ промолвила Наталья Александровна.

Даша тревожно вскочила и побѣжала въ залъ. — Таня, идите къ матери, она зоветъ! — прошептала она.

Таня прибѣжала къ матери, прильнула къ ея губамъ. Наталья Александровна уже не могла сказать ей ни слова. Ея не стало.

Такъ кончило свою жизнь это поэтическое, воздушное существо, судьба котораго сложилась такъ, что она среди богатства и роскоши, быть можетъ, ни одного мгновенья не была счастлива. Она вступила въ жизнь съ розовыми мечтами, но первый же ея шагъ разбилъ эти мечты. Рядомъ съ колоссальнымъ счастьемъ опьяняющаго успѣха она испытала тяжесть насилія, и въ этотъ день она потеряла волю на всю жизнь.

Она лежала въ гробу съ тихой улыбкой на губахъ, потому что смерть была для нея избавленіемъ...

И. Н. Потапенко.

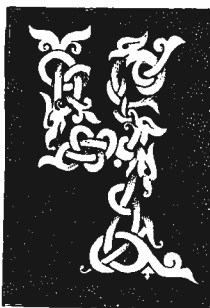

ЗАПИСКИ РАФАИЛА МИХАЙЛОВИЧА ЗОТОВА ¹⁾.

ХІХ.

Семейная жизнь актеровъ.— Грибоѣдовъ и его комедія.— Комитетское управленіе и С. С. Гагаринъ.— В. Самойловъ.— Петровы.— Отставка Дидло.— Блащгъ Титюсъ.— Круазеть и Пейсаръ.— «Фенелла» и «Свадьба Фигаро».

ИТАТЕЛИ моихъ записокъ, которые видятъ театральную жизнь изъ дому и сквозь призму воображенія, ожидаютъ, можетъ быть, романическихъ разсказовъ и двусмысленныхъ анекдотовъ. Они ошибутся. Конечно, театръ не можетъ назваться школою добродѣтели, и масса театральныхъ лицъ вовсе не можетъ служить образцами моральныхъ качествъ, но, живя между ними 25 лѣтъ и принужденный по должности знать весь семейный бытъ этого сословія, я долженъ отдать справедливость, что нѣкоторыя лица заслуживали полного и всеобщаго уваженія во всѣхъ отношеніяхъ. Были люди прекраснѣйшаго и благороднаго характера; были примѣрныя жены и матери; были скромныя и добродѣтельныя дѣвицы, на которыхъ не пало никакое злорѣчіе, никакія сплетни. Были, конечно, и эксцентрическія лица, но въ какомъ сословіи нѣтъ ихъ? Только въ другихъ прикрываются они по возможности покровомъ тайны, а при театрѣ интриги гораздо открытѣе и свободнѣе. Но даже въ самыхъ безбрачныхъ связяхъ видѣли мы множество примѣровъ рѣдкаго и прекраснаго постоянства, чистоты нравовъ и благороднаго образа мыслей.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVI, стр. 400.

Къ чести нашей національности долженъ я прибавить, что, видя множество прекрасныхъ образцовъ нравственности между русскими артистами, я рѣдко встрѣчалъ ихъ въ иностранныхъ актерахъ. И то сказать! Русскіе были дома, а тѣ временно пріѣзжаютъ для того только, чтобъ нажиться тѣми ли, другими ли средствами—все равно.

Есть люди, которые утверждаютъ, что человѣчество не идетъ впередъ, не совершенствуется. Съ этими людьми и спорить не должно (по поговоркѣ знаменитаго балетмейстера Дидло, который, бывало, говаривалъ всегда: *on ne fait pas boire un âne qui n'a pas soif*, т.-е. нельзя заставить пить осла, у котораго нѣтъ жажды). Но въ отношеніи къ театру я долженъ упомянуть, что съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія общественная нравственность и обычаи весьма улучшились. Тогда была мода, чтобы каждый богачъ и знатный человѣкъ имѣлъ на содержаніи какую нибудь актрису или танцовщицу. Теперь объ этомъ нѣтъ и помину, и весьма немногіе случаи составляютъ только исключеніе. Тогда всѣ люди высшаго и образованнаго сословія занимались театромъ, драматическою литературою и сценическимъ искусствомъ; теперь все это перешло въ средній классъ. Тогда всѣ посѣтители театра раздѣлялись на партіи и бойко ратовали за актрисъ. Помню, въ 1810 году, какъ составились партіи Семеновой и Валберховой. За каретами ихъ бѣгали, останавливали ихъ, выражали имъ свои похвалы и ссорились на улицѣ за превосходство каждой актрисы. Теперь только въ спектакляхъ обнаруживается иногда личная привязанность къ той или другой актрисѣ безпрестанными вызовами и аплодисментами. Тогда треугольныя шляпы съ развѣвающимися султанами встрѣчали театральныхъ воспитанницъ у подъѣзда и провожали ихъ во всю дорогу при выраженіи своихъ чувствъ глазами и руками. Теперь все это почти исчезло: всякій понимаетъ, что это не прилично и унизительно. Тогда ссорились, даже стрѣлялись за танцовщицъ и актрисъ; теперь поняли, что подобныя выходы доказываютъ только крайнюю степень варварства и необразованности. Много измѣнилось съ тѣхъ поръ въ нравахъ—и все къ лучшему. Не поднялась только драматическая литература и сценическое искусство, но на это были особенныя причины. Это уже было дѣло вкуса, или, лучше сказать, безвкусія. Однимъ словомъ, всѣ сословія сдѣлались съ тѣхъ поръ нравственнѣе. Иные говорятъ, что это только личина: все равно! Пусть злые и дурные люди носятъ цѣлый вѣкъ маску, лишь бы притворялись добродѣтельными, лишь бы свѣтъ не видѣлъ, не зналъ нарушенія правилъ, добра и чести. И это уже большая выгода для общества.

Но возвратимся къ театральнымъ разговорамъ. Въ это время впервые стала ходить по рукамъ комедія «Горе отъ ума», и эта полутаинственность много содѣйствовала будущей ея сценической славѣ. Любопытно собрать теперь всѣ тогдашнія сужденія литературныхъ авторитетовъ объ этой пьесѣ. Все юное поколѣніе съ восторгомъ

встрѣтило ее и выучило наизусть, но классики, и во главѣ ихъ знаменитый исторіографъ Карамзинъ, критиковали ее во многихъ отношеніяхъ, если даже не во всѣхъ. Я самъ, пережившій всѣ эти толки и почитающій теперь эту комедію первою и лучшею въ русскомъ репертуарѣ, находилъ тогда по современному вкусу и убѣжденію, что «Горе отъ ума» болѣе сатира, нежели комедія. Это доказываетъ, что Грибоѣдовъ опередилъ свой вѣкъ и понялъ, что бичеваніе русскаго пристрастія къ иноземцамъ будетъ всегда принято публикою съ особеннымъ удовольствіемъ.

Еще до отъѣзда Грибоѣдова на Кавказъ видѣлъ я его у Шаховскаго, по заказу котораго онъ передѣлалъ французскую комедію «Le secret du ménage» и назвалъ ее «Молодые супруги». Стихи были очень посредственны и мало обѣщали въ будущемъ. Потомъ вмѣстѣ съ Жандромъ перевелъ онъ еще комедію «Les fausses confidences». Въ обществѣ былъ онъ небольшой говорунъ и не блисталъ остроуміемъ. Когда бывало у князя соберутся литераторы, то въ бесѣдахъ и преніяхъ первенствовалъ всегда Катенинъ (авторъ «Андромахи»). Трудно представить себѣ такой даръ слова, какъ у Катенина. Сужденія его часто и даже чаще всего основывались на софизмахъ, но онъ увлекалъ, убѣждалъ слушателей и принуждалъ ихъ согласиться на его доводы, вовсе не замѣчая, что онъ сегодня опровергалъ то, что защищалъ вчера. Онъ былъ въ спорахъ всегдашній противникъ Грибоѣдова, который держался романгизма, а Катенинъ былъ страстный фанатикъ французскаго классицизма.

Изъ комедіи «Горе отъ ума» позволено было дать сперва только одинъ первый актъ (въ бенефисъ Валберховой). Тогда Фамусова игралъ Сосницкій, Каратыгинъ—Чацкаго, Семенова—Софью, Азаревичева—Лизу. Черезъ годъ потомъ допущенъ былъ второй актъ на сцену; черезъ годъ третій и четвертый, но все, конечно, съ пропусками противъ рукописнаго оригинала, а въ печати появилась она еще съ бѣлыми урѣзками противъ сценической пьесы.

Когда Грибоѣдовъ пріѣзжалъ въ Петербургъ съ Кавказа до отправленія своего въ несчастное персидское посольство, гдѣ онъ такъ печально погибъ для отечества и литературы, онъ многимъ, а въ томъ числѣ актеру Сосницкому, рассказывалъ, на какія именно лица онъ писалъ роли своей комедіи. Онъ взялъ всѣ эти типы въ Москвѣ, кромѣ одного Репетилова, который долго жилъ въ Петербургѣ. Грибоѣдовъ описывалъ характеристику каждаго лица, образъ жизни его, привычки и приемы, такъ что «Горе отъ ума» должно было имѣть въ свое время двойную занимательность. Теперь эти преданія исчезли; едва ли кто знаетъ эти типы, а актеры, играющіе ихъ— всего меньше: они только портятъ идею Грибоѣдова; такъ, напримѣръ, Каратыгинъ нисколько не похожъ былъ на типъ Чацкаго, созданный авторомъ, и преемники этого актера до сихъ поръ повторяютъ ошибки его. Одинъ московскій актеръ Самаринъ

искусно умѣлъ схватить этотъ трудный характеръ и представить молодого человѣка съ умомъ и образованіемъ, но злого на языкъ и старающагося уколоть cadaго не прошенною правдою, впрочемъ, словоохотнаго остряка и добраго малаго. У насъ же дѣлаютъ изъ Чацкаго какого-то трагическаго героя, крикуна, полусумаспешнаго, заранѣе оправдывающаго выдумки старухъ, что онъ «въ умѣ серьезно поврежденъ».

Роль Софьи тоже не понимали у насъ никогда. Для этого надобно пожить въ Москвѣ и видѣть этихъ барышень, командующихъ отцами и домомъ и почитающихъ домашнюю интрижку съ отцовскимъ секретаремъ всеневнымъ, незначащимъ дѣломъ. Семенова (Марія Семенова вовсе не родня знаменитымъ Семеновымъ—Катеринѣ и Нимфодорѣ) лучше всѣхъ поняла эту трудную роль, но послѣ нея всѣ преемницы были хуже.

Фамусова игралъ въ первый разъ, когда давали только первый актъ на сценѣ, Сосницкій и, кромѣ собственнаго своего художественнаго инстинкта, могъ руководствоваться совѣтами и указаніями самаго Грибоѣдова, а потому очень хорошо сыгралъ эту роль, которая вовсе не комическая, какую сдѣлали изъ нея наши актеры. Это московскій баринъ, который представляетъ къ чинамъ и крестамъ, и у котораго секретарь имѣетъ чинъ коллежскаго ассессора. Слѣдственно, человѣкъ очень важный, нѣсколько надутый своимъ барствомъ, не любящій либераловъ и новыхъ идей образованной молодежи. Чтобы понять и передать эту роль, надобно тоже хорошо знать бытъ подобныхъ московскихъ господъ. Очень жаль, что Сосницкій не сохранилъ этой роли; но онъ увлекся ролью Репетилова, и дѣйствительно трудно вообразить себѣ что нибудь лучше этого выполненія, но все-таки это эпизодическая роль, которою скорѣе можно пожертвовать, нежели Фамусовымъ.

Началась для петербургскихъ театровъ новая эра. вмѣсто комитетовъ вступилъ въ управленіе дирекцію гофмейстеръ, князь С. С. Гагаринъ. Это лицо заслуживало бы полной исторической біографіи по своимъ качествамъ и благородству чувствъ. Къ сожалѣнію, всѣ біографіи пишутся только по заказу или изъ спекулятивныхъ видовъ. Для тѣхъ, которые знали лично князя, конечно, біографія его не нужна; но для исторіи необходимо сохранять жизнеописанія людей, приносившихъ честь своему вѣку. Управленіе театрами составляетъ весьма неважную часть въ государственномъ составѣ, и исторіи нѣтъ дѣла до административнаго искусства въ этомъ дѣлѣ, но ей нужны типы благородныхъ и прекрасныхъ людей для назиданія современниковъ и потомковъ, и въ этомъ отношеніи князь Гагаринъ заслуживалъ почетное мѣсто въ отечественныхъ лѣтописяхъ.

Министръ двора князь П. М. Волконскій, подъ вѣдѣніемъ котораго были и театры, видѣлъ всю несообразность комитетскаго упра-

вленія этою частію. Коллегіальная система хороша въ законодательныхъ вопросахъ или судебныхъ дѣлахъ, но въ театальной администраціи нужны одни исполнительныя лица, и антрепренеры всѣхъ европейскихъ театровъ очень хорошо умѣютъ обходиться безъ массы бумагъ и должностныхъ лицъ. Единство воли и власти всего нужнѣе въ подобныхъ управленіяхъ, и потому Волконскій назначилъ изъ всѣхъ членовъ комитета одного директора, С. С. Гагарина.

Выборъ былъ самый удачный, и дѣла театровъ пошли съ этой минуты лучшимъ образомъ. Теперь вдругъ стали платить аккуратно артистамъ жалованье, а подрядчикамъ деньги за покупки и поставки, а прежде по нѣскольку мѣсяцевъ ни тѣ, ни другіе ничего не получали. Я помню очень забавный эпизодъ комитетскаго періода. Одинъ бѣдный танцоръ (Дембровскій) всякій день ходилъ къ управляющему конторою Гемниху просить жалованья, и тотъ все отвѣчалъ: «зайдите завтра». Однажды, придя въ контору и отворивъ дверь въ присутствіе, онъ заглянулъ туда и спросилъ только: «прикажете завтра прійти?» Другой эпизодъ былъ для меня лично чрезвычайно неприятенъ. Я уже говорилъ выше, что члены комитета дежурили между собою понедѣльно, производя въ это время общія распоряженія по управленію. На дежурствѣ графа Кутайсова случилось получить дирекціи изъ думы 30.000 рублей, и такъ какъ управляющій конторою былъ въ то время боленъ, то я вмѣсто него и докладывалъ дежурному члену комитета текущія дѣла. Я, разумѣется, тотчасъ же воспользовался полученіемъ денегъ — и представилъ графу списокъ бѣднѣйшихъ артистовъ, не получавшихъ уже болѣе полугода жалованья. До 20,000 назначено было на этотъ предметъ, и сотни семействъ порадовались неожиданной щедрости комитета. Вдругъ при вступленіи въ дежурство слѣдующаго члена обрушилась на меня гроза. Ему было представлено, что деньги, полученные театальной дирекціею, предназначались для уплаты подрядчикамъ, не получавшимъ уже нѣсколько лѣтъ уплаты по своимъ подрядамъ, и что артисты могли бы еще подождать до будущаго пріема денегъ, а отъ неплатежа подрядчикамъ дирекція потеряетъ всякій кредитъ и не будетъ получать товаровъ и матеріаловъ, необходимыхъ для спектаклей. А такъ какъ выдача артистамъ жалованья представлена была мною дежурному члену, то новый дежурный членъ князь Долгоруковъ и требовалъ, чтобъ подвергнуть меня за это строгому взысканію, уволивъ отъ службы. По счастью всѣ прочіе члены возстали противъ этого, а Кутайсовъ объявилъ, что я исполнилъ только его приказаніе, и что если комитетъ находитъ распоряженіе его неправильнымъ, то не угодно ли его предать суду. Тѣмъ все и кончилось.

При вступленіи князя Гагарина, составъ с.-петербургскихъ труппъ былъ самый блистательный. Русская драматическая труппа была тогда въ своемъ апогеѣ. Каратыгинъ и Каратыгина, Сосницкій и Сосницкая,

Брянскій и Брянская, Валберхова, Борецкій, были еще во всей силѣ и свѣжести своихъ талантовъ. Изъ школы вышли тогда артисты съ замѣчательными дарованіями: Максимовъ, Мартыновъ, Григорьевъ, г-жа Кальбрехтъ, Монготье. Изъ Москвы перешелъ въ С.-Петербургъ превосходный комикъ Рязанцевъ. Даже сама знаменитая Семенова еще изрѣдка участвовала въ спектакляхъ (впрочемъ въ 1830 году она сыграла послѣдніе два раза и тѣмъ кончила свое публичное поприще). Такимъ образомъ едва ли гдѣ въ Европѣ была другая такая труппа, какъ у насъ въ это время. Помню еще представленія Свадьбы Фигаро, Бомарше, новаго перевода г. Баркова. Лучшей обстановки и блистательнѣйшаго исполненія едва ли когда дождемся: Альмавива—Каратыгинъ, графиня—Каратыгина, Фигаро — Сосницкій, Сусанна — Сосницкая, Пажъ — Шелихова, Антоніо — Рязанцовъ, Вазиліо — Величкинъ, Бартоло — Борецкій, Марцелина—Ежова. Невольно обратишь печальные взоры къ нынѣшней труппѣ и подумаешь: какимъ бы образомъ обставить теперь и сыграть подобную піесу? Однимъ словомъ существованіе русской драматической труппы было въ 1830 году самое блистательное, и едва ли подобная труппа опять скоро возстановится.

Русская оперная труппа была тоже превосходна. Знаменитый Самойловъ все еще восхищалъ публику прекраснымъ голосомъ и превосходною игрою. Болѣе всего производилъ онъ тогда эффектъ въ оперѣ Отецъ и дочь (Agnése), музыка Пера. Вторымъ теноромъ былъ тогда Шемаевъ, который, начавъ въ партіи баритона (Фигаро въ Севильскомъ Цирюльникѣ Россини), дошелъ до партіи Роберта Мейербера. Болѣе всего былъ онъ отличномъ актеромъ. Явился, правда, и еще одинъ теноръ, а именно В. Самойловъ (сынъ), но, къ сожалѣнію, недолго остался въ оперной труппѣ. Онъ дебютировалъ въ оперѣ Іосифъ Прекрасный Мекюля и имѣлъ блистательный успѣхъ. Природа все ему дала для первокласснаго артиста: наружность, ростъ, голосъ, и къ этому надобно прибавить образованіе. Но онъ оставилъ оперу и бросился въ водоворотъ водевилей, да еще какихъ! На роли переодѣваній, то-есть передразниваній, когда актеръ играетъ одинъ вдругъ нѣсколько лицъ. Успѣхъ Самойлова и тутъ былъ блистательный, потому что онъ созданъ былъ для успѣховъ; но эти легкіе лавры погубили, можетъ быть, лучшаго русскаго тенора. Впослѣдствіи бросался онъ въ разныя амплуа и имѣлъ успѣхъ (кромѣ любовниковъ), но опредѣлительнаго амплуа никогда не имѣлъ.

Изъ пѣвицъ первенствовали тогда Шелехова (бывшая Монруа) и Степанова. Но все это были сѣверные, петербургскіе голоса, отработанные однимъ усердіемъ и любовью къ искусству. Вдругъ явился необычайный феноменъ. Въ театральномъ училищѣ появился небывалый въ Россіи контральтъ. Воробьева изумила всѣхъ полнотою, мягкою звучностію и выразительностію тембра.

Это былъ голосъ, какой рѣдко встрѣчается и въ Италіи. Явись она въ Миланѣ, Неаполѣ, онъ бы перешелъ съ торжествомъ въ Парижъ, въ Лондонъ и наполнилъ бы свою славою всѣ газеты. У насъ восхищались имъ, но тѣмъ и кончилось. Лучшаго Арзаче и Ромео не было тогда, конечно, нигдѣ, а между тѣмъ пѣвица вышла замужъ за актера Петрова и оставила театръ, потерявъ голосъ при первыхъ родахъ. Помню первое впечатлѣніе, произведенное тогда на меня и всѣхъ слушателей этимъ волшебнымъ голосомъ, когда Воробьева еще въ школѣ пѣла дуэтъ изъ Семирамиды (*Va superbo*) съ пѣвчимъ графа Шереметева Шевченкомъ. Голосъ послѣдняго отличался также сладковзвучностью, задушевностью и глубокимъ чувствомъ. Въ чужихъ краяхъ подобная чета сдѣлалась бы первоклассными сюжетами на удивленіе всей Европы. У насъ и о томъ, и о другой вскорѣ перестали и говорить. Очень грустно!

Петровъ началъ въ это время блистать своимъ прекраснымъ голосомъ. Тогда еще у насъ существовала комическая опера (это былъ послѣдній періодъ исчезнувшаго теперь рода оперъ), и Петровъ приобрѣлъ всеобщую любовь публики, какъ пѣніемъ, такъ и игрою. Начавъ съ Невѣсты Обера и Цампы Герольда, онъ дошелъ до Бертрама въ Робертѣ, и, исключая Тамбурины, едва ли это былъ не лучшій нашъ Бертрамъ.

Балетъ нашъ потерялъ во время управленія князя Гагарина знаменитаго своего учителя и балетмейстера Дидло. Танцовщицы какъ-то медленно одѣвались однажды, а князь Гагаринъ приказывалъ начать поскорѣе. Дидло на эти приказанія отвѣчалъ равнодушно. Князь былъ вспыльчивъ; Дидло, не менѣе того, и кончилось тѣмъ, что, обратясь ко мнѣ, князь приказалъ посадить его подъ арестъ. «Такого человѣка, какъ Дидло, не сажаютъ»,—сказалъ балетмейстеръ, и однако же я долженъ былъ исполнить приказаніе, а Дидло повиноваться. Разумѣется, на другой же день Дидло подалъ въ отставку и оставилъ службу. Имя его навсегда останется знаменитымъ въ лѣтописяхъ хореграфіи. Дидло былъ поэтъ, живописецъ, музыкантъ и страстно любилъ свое искусство. При томъ это былъ человѣкъ благороднѣйшихъ правилъ, готовый всегда отдать послѣднюю копейку бѣднымъ, а особенно если эти бѣдные были ученики его.

Товарищъ его, балетмейстеръ Огюстъ, бывшій прежде товарищемъ Валберха, оставившаго уже сцену, тоже вышелъ въ отставку. Огюстъ былъ родственникъ знаменитой французской актрисы Шевалье, и сначала демихарактерный танцоръ, но потомъ перешелъ на амплу мимиковъ и сдѣлался первокласснымъ артистомъ въ своемъ родѣ. Онъ сочинялъ и балеты, но не имѣлъ въ этомъ дѣлѣ большихъ успѣховъ. По увольненіи Огюста, роли его перешли къ Эбергарду, тоже отличному мимическому артисту.

Вмѣсто Дидло и Огюста былъ выписанъ балетмейстеромъ Блашъ

изъ Бордо. Замѣчательно, что онъ по фигурѣ и по лицу очень похожъ былъ на Наполеона 1-го и даже служилъ прежде въ артиллеріи. Богъ вѣсть, какъ онъ попалъ въ балетмейстеры, но, поставивъ балетъ Донъ-Жуанъ (гдѣ было прекрасное па съ гитарами), вскорѣ уѣхалъ отсюда, видя, что произведенія его не имѣютъ успѣха. Да мудро было нравиться послѣ Дидло, который умѣлъ заставить зрителей даже плакать въ балетахъ (въ Венгерской хижинѣ). Надобно было создавать новый родъ балетовъ и танцевъ, и это, конечно, впослѣдствіи удалось, хотя съ потерю изящнаго вкуса и искусства.

Какъ не поговорить при этомъ случаѣ о самыхъ танцахъ? Что такое танцы и пляски? Это нѣмое пѣніе ногами и тѣлодвиженіями. Первобытные люди пѣли въ радостныя минуты своей жизни, иногда и въ горѣ. Слѣдственно пѣніе должно было выражать избытокъ чувствъ, которыхъ простыми словами не могли выразить. Танцы же всегда выражали радость и избытокъ веселыхъ чувствъ. Вино наиболѣе располагало къ танцамъ. Подъ пьяную руку все поютъ и пляшутъ. Но на востокѣ, гдѣ порокъ пьянства не развился, а танцы казались не приличными для важности мужчинъ, сдѣлали издревле танцы ремесломъ. Баядерки, алмеи одушевляли вечернія собранія восточныхъ жителей и главною цѣлію этихъ танцевъ было возбужденіе чувственности.

На западѣ каждый народъ имѣлъ свой характеристическій, національный танецъ, наиболѣе соответствовавшій его общественному и домашнему быту. Возьмите нашу русскую пляску и трепака. Первая составляетъ цѣлый романъ въ нѣмомъ разговорѣ, а второй полу-пьяное выраженіе веселья. Полька-мазурка и краковякъ прекрасно изображаютъ народный характеръ танцующихъ. Фанданго, качуча служатъ вѣрною картиною ультра-романическихъ чувствъ испанцевъ. Французскій кадрилъ отражаетъ характеръ безпечной веселости французскаго народа. Вальсъ-альмандъ выражаетъ мечтательность германцевъ. Англійскій джигъ—буйное и грубое веселіе въ самой разгульной формѣ. Наконецъ французское этикетное общество создало менуэтъ (*à la Reine*) и гавоть для высшаго круга.

Но все это составляло какъ бы домашняго рода занятіе. Публичный балетъ придуманъ французами. Людовикъ XIV въ молодости своей страстно любилъ танцы и самъ нѣсколько разъ танцевалъ на придворныхъ спектакляхъ. Разумѣется, для него и для двора его надобно было сочинить идеальные и благородные танцы, и они послужили первымъ основаніемъ нынѣшнему хореографическому искусству. Далекое ушло оно съ тѣхъ поръ, а главное, совершенно измѣнило свой характеръ и назначеніе. Первые балетныя представленія Людовика XIV были больше живыми картинами, группами, изъ которыхъ миеологическія лица выходили, пѣли куплеты Люлли, Рамо, и танцевали небольшія па въ родѣ гавота.

Съ созданиемъ Большой Оперы въ Парижѣ перешли и танцы на сцену. Сперва они тоже состояли изъ отдѣльныхъ, скромныхъ па. Но то, что достаточно было при Версальскомъ дворѣ, того было мало на публичной сценѣ, гдѣ вкусъ публики былъ грубѣе и матеріальнѣе. Женскія платья придворныхъ балетовъ тотчасъ же сдѣлались короче, движенія танцорокъ смѣлѣе и рѣзче; публика хлопала, восхищалась и желала еще больше чувственной утонченности. При Людовикѣ XV не нужно было уже поощренія къ подобнымъ успѣхамъ. Развратъ нравовъ быстро гналъ королевство къ 1789 году, а революція довершила все.

Въ началѣ XIX вѣка вздумали нѣкоторые серьезные умы создать пантомимныя балеты, и сюжеты лучшихъ трагедій послужили къ этому. Но эта попытка только по новизнѣ своей и таланту нѣкоторыхъ исполнителей имѣла временной успѣхъ. Выразить тѣлодвиженіями то, что часто и словами едва ли можно выразить, было несбыточнымъ предпріятіемъ. *Moi Médeï, qu'il mourût* Горация— смѣшно было выразить размахиваніемъ рукъ. Новерръ, д'Оберваль и Дидло прославились въ этомъ періодѣ своими пантомимными балетами, и современной публикѣ они очень нравились. Но это только доказывало бѣдность драматической литературы, потому что словами, а въ особенности хорошими стихами, гораздо лучше можно выразить всѣ происшествія, всѣ чувства героическихъ балетовъ.

Во всѣхъ этихъ пантомимныхъ балетахъ танцы играли роль второстепенную. По сюжету давали праздникъ, и тогда производились разныя пляски, то крестьянскія, то благородныя. (Эти благородныя па вообще назывались испанскими). Но главныя лица очень рѣдко участвовали въ нихъ. Да и смѣшно было бы заставлятъ танцовать Александровъ Македонскихъ, Цезарей и другихъ героевъ древности. Довольно было уже и того, что французы заставили ихъ говорить *madame* и *vous*.

Вскорѣ, однако, вкусъ публики утомился этимъ безсмысленнымъ размахиваньемъ рукъ и широкими жестами, иногда очень забавно выражавшими ситуацію. Явились мифологическія балеты, и вотъ начало нынѣшняго танцевальнаго искусства. Костюмъ нимфъ, наядъ и прочихъ божествъ Олимпа былъ чрезвычайно живописенъ и очень нравился зрителямъ, потому что обрисовывалъ формы танцовщицъ. Платья сдѣлались еще короче, и розовое трико дополнило иллюзію. Начались пируэты, антраша *en quatre* и даже *en huit*; начались поднятія ногъ выше головы и всѣ утонченности новосозданнаго искусства, для котораго, какъ для эквилибристовъ, ломали бѣднымъ дѣтямъ съ дѣтства руки и ноги, истребляя въ нихъ позами и группировками всякое чувство скромности и стыдливости.

Что въ самомъ дѣлѣ значатъ нынѣшніе танцы? что они изображаютъ? Какая ихъ цѣль общественная и нравственная? Трагедіи, драмы представляютъ зрителямъ героевъ древности или новѣйшихъ

время, возбуждая патриотизм или желание подражать великим образцам добродетелей. Комедия, выставя въ смѣшномъ или отталкивающимъ видѣ пороки, заставляетъ стыдиться ихъ и избѣгать. Пѣніе говоритъ сердцу. Но танцы, но эти скачки, пируэты, подниманіе ногъ, эквилибристическое стояніе на большомъ пальцѣ, это опрокидываніе тѣла головою до пола, а ногою къ облакамъ, что выражаетъ? для чего создано? что должно произвести? Одно чувственное удовольствіе, и то въ послѣобъденномъ состояніи. И молодые, и старики ходятъ, конечно, въ балеты, но для чего?

Странное искусство! И ему люди посвящаютъ цѣлую свою жизнь! Для него существуютъ цѣлыя сословія артистовъ. О немъ судятъ и говорятъ, какъ о художественномъ явленіи! Нѣтъ, по моему мнѣнію, балетъ вовсе не принадлежитъ къ изящнымъ искусствамъ, потому что не возбуждаетъ никакихъ нравственныхъ и благородныхъ чувствъ. Инстинктъ человѣка и безъ того уже довольно склоненъ къ дурнымъ направленіямъ. Зачѣмъ же публично содѣйствовать этому? Я вовсе не моралистъ, а менѣе всего тартюфъ въ добродѣтели. Пробывъ двадцать пять лѣтъ за кулисами, я нимало не хвалюсь своею нравственностію и въ престарѣлыя лѣта попрежнему люблю смотрѣть балетъ. Но, признаюсь, мнѣ всегда странно смотрѣть и на публику, и на танцующихъ. Что за смѣшное занятіе бросаться изъ угла въ уголъ, вертѣться, скакать до упаду и принимать самыя неестественныя положенія, безпрестанно улыбаясь зрителямъ, а когда кончится эта мучительная работа, то броситься за кулисы и лежать въ полуобморокѣ. Между тѣмъ зрители въ восторгѣ!

Не напоминаетъ ли это все анекдота съ турецкимъ посланникомъ въ Парижѣ, который первый разъ въ жизни былъ на европейскомъ балу, и который, когда его спросили: какъ ему нравится балъ? отвѣчалъ, что все прекрасно, но что онъ удивляется, зачѣмъ всѣ эти знатные люди сами трудятся танцовать, а не нанимаютъ за себя невольниковъ. Не тѣ же ли мы турки, когда сидимъ въ креслахъ и смотримъ на балетъ? Намъ танцы нравятся въ нѣкоторомъ отношеніи, и мы сами, конечно, не трудимся танцовать, а наняли за себя цѣлое сословіе танцующихъ, называя ихъ артистами.

Но возвратимся къ балету 1830 года. Блашъ не долго поцарствовалъ на балетной сценѣ. Публикѣ не нравились его балеты, а школа видѣла въ немъ плохаго учителя. Выписали другаго—Титюса, и тотъ своимъ Kia-Kingомъ опять нѣсколько одушевилъ охладѣвшую публику. Декорація съ китайскою иллюминаціею въ послѣднемъ актѣ имѣла величайшій успѣхъ. По всей Россіи распространилась мода на фонари à la Kia-King. Домашніе и общественные праздники не обходились безъ нихъ, и даже въ наше время сохранилось это обыкновеніе.

Послѣ Дидло упала и театральная школа; по просьбѣ Титюса выписаны были танцовщицы: Пейсаръ и Круазеть. У насъ же образовались: Новицкая, Иванова и Волкова. Новый балетъ Титюса Юлій Цезарь въ Египтѣ довершилъ его славу. Тутъ впервые видѣла наша публика движущуюся заднюю декорацию. Юлій Цезарь садится въ лодку и ѣдетъ по Нилу. Движеніе задней декорации представляетъ весь путь его поѣздки. Горы, лѣса, деревни, пирамиды мелькаютъ мимо его, и обманутое зрѣніе публики убѣждается, что онъ проѣхалъ нѣсколько стадій и прибылъ въ Александрію.

Балетъ этотъ имѣлъ величайшій успѣхъ. Круазеть занимала роль Клеопатры, а Пейсаръ танцевала разныя па. Обѣ эти танцовщицы сдѣлались любимицами публики. Круазеть была высокая дѣвушка лѣтъ 20-ти съ правильнымъ и красивымъ лицомъ, благородною мимикою и большою отчетливостію въ хореографическомъ искусствѣ. Пейсаръ была замужняя женщина, мужъ былъ французскимъ режиссеромъ и долго потомъ занималъ это мѣсто. Танцы ея были нѣжныѣ и роскошныѣ, нежели у Круазеть, но она не могла играть мимическихъ ролей. Красивое лицо ея было весьма привлекательно, но на немъ было красное пятно, которое съ перваго взгляда отталкивало (на сценѣ оно закрашивалось.) Только тотъ, кто ее часто видѣлъ и привыкалъ къ этому роду безобразія, находилъ въ ней новыя прелести. Долго обѣ эти танцовщицы блистали на нашей сценѣ (до 1837 года), но извѣстно, что хореографія заставляеть скоро старѣться, а публика любитъ молодые таланты. Круазеть оставила сцену, а Пейсаръ, выбросившись изъ окна въ припадкѣ ревности и отчаянія, сломала себѣ ногу и черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ умерла.

Была еще въ это время и третья иностранная танцовщица Маринетта Бертранъ, которая имѣла много поклонниковъ своего искусства, но и она скоро исчезла.

При Титюсѣ поставлена была извѣстная опера Обера «Нѣмая въ Портичи», подъ названіемъ «Фенелла», и онъ былъ учителемъ Новицкой, обнаружившей прекрасный талантъ въ роли Нѣмой. (Сначала занимала ее бывшая изъ школы Дидло первая танцовщица Телешова, но потомъ уступила юнѣйшей и счастливой своей соперницѣ).

Представленіе этой оперы можетъ считаться самою блистательною эпохою театра. «Нѣмая въ Портичи» составила себѣ почему-то печальную славу въ Европѣ. Какъ нарочно случилось, что оперу эту играли въ тотъ день, когда начиналось и вспыхивало гдѣ нибудь народное волненіе. Въ Парижѣ, въ Брюсселѣ, въ Варшавѣ — вездѣ были однѣ и тѣ же сцены. Всѣ люди охранительной партіи вообразили себѣ, что эта опера производитъ бунты. Не такую ли же честь дѣлали «Свадьбѣ Фигаро» въ 1789 году! а она, право, ни въ чемъ не виновата. Когда были времена Фронды, и король французскій съ

матерью и кардиналомъ Мазариномъ бѣжали изъ Парижа, піесъ Бомарше не было, и театрами никто почти тогда не занимался, а бунты волновали всю Францію. Когда въ наше время разразилась революція 1848 года, о піесахъ и театрѣ никто не помышлялъ. За что же смѣшное ожесточеніе противъ «Нѣмой» Обера? За что умное произведеніе Бомарше считается революціоннымъ? Бомарше не сказалъ въ своей піесѣ и тысячной доли того, что говорили тогда въ Парижѣ на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ, во всѣхъ салонахъ и семейныхъ кругахъ. Развратные періоды регентства и Людовика XV произвели нравственный и матеріальный упадокъ Франціи, обнаружили всѣ вѣковыя злоупотребленія привилегированныхъ сословій, и когда бѣдствія народа требовали исправленія ихъ, французскіе дворяне смѣялись надъ этимъ общественнымъ мнѣніемъ, продолжая свою философскую, развратную жизнь. За что же обвинять Бомарше? Думалъ ли кто о немъ въ присягѣ *Jeu de paume*? Упомянулъ ли кто о Фигаро при взятіи Бастиліи? Право, слишкомъ много чести умной и веселой піесѣ; слишкомъ несправедливо обвинять за нее автора!

Той же участи подверглась «Нѣмая» Обера и съ такою же несправедливостію. Исторія Мазаниелло извѣстна давно всякому школьнику, но самые сумасбродные либералы не принимали его за героя. Ничтожный неаполитанскій ладзарони, нечаянно попавшій въ честь между своими товарищами изъ черни, и черезъ нѣсколько дней потомъ сошедшій съ ума отъ тѣхъ почестей, которыя ему стали воздавать, составляетъ слишкомъ эфемерное явленіе въ исторіи человѣчества. И неаполитанская революція вспыхнула не отъ ума и дѣятельности Мазаниелло, а отъ невыносимаго варварства испанцевъ, поступавшихъ въ завоеванныхъ провинціяхъ точно такъ же, какъ турки съ раями. Оберъ и Скрибъ, составившіе изъ этого эпизода большую оперу, конечно, не воображали, что ихъ произведеніе приобрѣтетъ такую печальную славу. Они заставили пѣть Мазаниелло куплеты.

A mon pays je dois la vie;
Il me devra sa liberté.

Но въ «Пуританахъ» Беллини есть точно такой же (только болѣе музыкальный дуэтъ), оканчивающійся криками: *liberta, liberta!* Почему же эта піеса не производила революцій? Тысячи подобныхъ примѣровъ можно привести въ доказательство безвредности и невинности театра. Но люди не хотятъ вникнуть въ настоящія и глубокія причины событій, а хватаютъ, что имъ попадется на поверхности. Народъ, рѣшающійся на возмущеніе, право, не думаетъ о театрѣ и куплетахъ. Или это мимолетная вспышка, которая тотчасъ же погасаетъ, или она давно ужъ приготовлена цѣлыми вѣками гнета. Піесы тутъ не причемъ; и ихъ нечего обвинять.

При нашемъ русскомъ управленіи нечего даже и упоминать о подобныхъ опасеніяхъ. Всякій русскій расхохочется отъ всей души, если бы ему сказали, что такая-то піеса можетъ быть вредною для общественнаго нашего спокойствія. Это была бы просто бессмыслица. Нашъ государственный составъ основанъ на такихъ прочныхъ и твердыхъ началахъ, что всякая попытка къ потрясенію его книгами, газетами, болтовнею или театральными піесами была бы работою мухи, чтобъ сдвинуть Александровскую колонну. Всякое юное поколѣніе обыкновенно либеральничаетъ, но трезвость зрѣлыхъ лѣтъ и реальной жизни вскорѣ превращаютъ его въ охранителей, которые въ свою очередь смѣются надъ болтовнею дѣтей и внуковъ. Злоупотребленія существуютъ вездѣ въ свѣтѣ, а у насъ, конечно, и больше другихъ, потому что наше гражданское общество еще слишкомъ недавно развилось и приучилось къ закону и порядку. Но нигдѣ въ свѣтѣ не можетъ быть такого прочнаго элемента высшей власти. Это не условныя права конституціонныхъ государей Европы, которые не что иное, какъ высшіе сановники народа, имѣющіе свои личныя и отдѣльныя выгоды; это—цѣлая, огромная семья 60-ти милліоновъ, тѣсно связанная съ царемъ своимъ, для котораго долгъ сердца состоитъ въ пользѣ и счастіи своихъ подданныхъ. Болѣе прочной системы, вѣроятно, люди не придумаютъ, она обезпечиваетъ насъ отъ всякихъ потрясеній. Все образованное народонаселеніе Россіи соединено однимъ духомъ и желаніемъ, чтобъ навсегда сохранить эту вѣковую связь общества, и смѣшно думать, что какая нибудь книжечка, чья нибудь застольная рѣчь или театральная піеса могутъ разрушить эту духовную и матеріальную связь. Нѣтъ! Литература можетъ и должна содѣйствовать разумнымъ видамъ высшей власти, и если она будетъ искренно и усердно исполнять этотъ долгъ, то всѣ будутъ рукоплескать ей и помогать въ усиліяхъ. Но какъ скоро, кто изъ писателей вздумалъ бы проповѣдывать вредныя общественныя правила, никто не послѣдуетъ за нимъ. По слабостямъ человѣческой натуры всѣ мы, конечно, рвемся какъ бы прочесть запрещенную книгу или рукописный пасквиль, но едва любопытство наше удовлетворено, какъ мы, пожавъ плечами, сожалѣемъ о писателѣ, посвятившемъ свои труды на составленіе сочиненія, никому не приносящаго пользы. Мы скажутъ, что въ полубразованной и необразованной толпѣ всегда найдутся слабыя головы, которыя увлекутся софизмами. Но чтожь это доказываетъ? огонь, ножъ, ружье убійственны, но ихъ не запрещаютъ, потому что при благоразумномъ употребленіи ихъ они полезны для общества. Наконецъ, мы знаемъ, что есть умы, которые глумятся даже надъ библіей, такъ неужели для этого не давать ее читать и благочестивымъ людямъ?

Императоръ Николай I-й, обращавшій особенное вниманіе на театръ, былъ нѣсколько разъ на репетиціяхъ «Фенеллы». Съ нимъ пріѣзжалъ и великій князь Михаилъ Павловичъ. Успѣхъ оперы

былъ колоссальный. Новицкая въ роли Фенеллы обворожала всѣхъ. Голландъ (Мазаниелло) былъ весьма посредственный пѣвецъ, но хорошій актеръ, и публика была имъ очень довольна. Г-жа Нерейтеръ была слабою пѣвицею; теноръ Шварцъ потерялъ уже голосъ, но великолѣпные спектакля, танцы, хоры, декорации были превосходны, это была лебединая пѣснь нѣмецкой оперной труппы, которая вскорѣ потому совершенно была уничтожена.

XX.

Жизнь игрока.—Рязанцевъ и Мартыновъ.—Театральная критика.—Выходъ въ отставку князя Гагарина.

Сколько публика съ одной стороны выигрывала при постановкѣ балетовъ Титюса, танцевъ Круазетъ и Пейсаръ, «Фенеллы» и пьесъ, исполняемыхъ превосходною французскою труппою, столько начинала терять при упадкѣ русской драматической литературы, отъ котораго явно долженъ былъ послѣдовать упадокъ русскаго театра и сценическаго искусства. 1830 годъ можно назвать переломомъ, при которомъ окончательно упалъ у насъ классицизмъ. Во Франци онъ воскресъ съ появленіемъ прекраснаго таланта Рашель, но у насъ знаменитой Семеновой уже не было, а Каратыгинъ съ молодою супругою (бывшею Колосовой) не могли поддержать его, да едва ли и хотѣли. Имъ лестны были похвалы и одобренія публики, а за какія именно роли—для нихъ это было все равно. Долго русскій классицизмъ былъ исключительно французской школы Корнея, Расина, Вольтера, Крепильона. Но, познакомившись однажды съ нѣмецкимъ и англійскимъ репертуаромъ, мы увидѣли, что рамы французскаго были слишкомъ тѣсны и что Шиллеръ и Шекспиръ такіе же всемірные гении, какъ и французскіе классики. Сами французы до сихъ поръ не знаютъ ни англійской, ни германской драматургіи. Правда, еще Дюсисъ варварски передѣлалъ Гамлета, а другой переводчикъ искажилъ «Разбойниковъ» Шиллера и «Коварство и любовь», но эти попытки не имѣли успѣха и французы остались при своемъ репертуарѣ. Русскіе же, не имѣя еще національнаго репертуара и пользуясь произведеніями великихъ писателей Европы, склонялись всегда на сторону всякой новизны.

Въ эту минуту явились романтики, и блистательныя дарованія Гюго и Дюма увлекли всю Европу. Классическіе поэты говорили только уму и изящному вкусу зрителей, а эти писатели обратились къ страстямъ толпы, и дѣло ихъ восторжествовало. «Антони», «Генрихъ III», «Венеціанская актриса» имѣли у насъ величайшій успѣхъ, а варварскія мелодрамы Сен-Мартенскихъ воротъ довершили всеобщее увлеченіе. «Тридцать лѣтъ, или жизнь игрока» наи-

болѣе содѣйствовала порчѣ вкуса въ публикѣ и постепенному упадку сценическаго искусства. (Увы! это былъ мой переводъ). Мы хорошо помнимъ первыя представленія этой мелодрамы. Каратыгинъ игралъ роль игрока — и въ первые два раза исполнялъ ее со строгою отчетностію первокласснаго артиста. Вдругъ при третьемъ вздумалось ему для эффекта въ 4-мъ актѣ, когда ему говорятъ: «на рукахъ твоихъ видна кровь», — начать судорожно вытирать ихъ и помаленьку скользить ногою, такъ что сперва очутился онъ на колѣняхъ, а потомъ и совсѣмъ на полу. Эта неестественная поза произвела фуроръ въ толпѣ, и съ тѣхъ поръ это движеніе осталось традиціею, хотя оно и было противно здравому смыслу. Жоржу Жермани нужно скрыть сдѣланное имъ убійство, и, вытирая кровь на рукахъ, онъ говоритъ, что оцарапалъ ихъ дорогою. Становиться же для этого на колѣни и падать на полъ было бы явнымъ обличеніемъ его. Но первый актеръ такъ вздумалъ, и зрители были увѣрены, что это хорошо. Съ тѣхъ поръ замѣтили мы несчастную страсть въ Каратыгинѣ выходить вездѣ изъ естественности и искать аплодисментовъ судорожнымъ хохотомъ, рѣзкими жестами, криками и преувеличеннымъ выраженіемъ чувства. Классицизмъ поддерживалъ его долго на высотѣ первокласснаго артиста, романтизмъ повредилъ этому таланту, который по физическимъ своимъ средствамъ и по образованности могъ сдѣлаться первымъ въ Европѣ. Страсть къ аплодисментамъ толпы доводила его до величайшей оригинальности. Напримѣръ, онъ, играя Велисарія, выходилъ всегда въ антрактѣ, когда его вызывали, съ фонаремъ, съ мальчишкомъ и съ выколотыми глазами, то-есть въ видѣ слѣпца. Напрасно благоразумные критики твердили ему, что въ антрактахъ онъ уже не Велисарій, а Каратыгинъ; что публика вызываетъ Каратыгина, а не римскаго полководца; что слѣпымъ выходить и раскланиваться очень забавно, потому что, еслибъ онъ игралъ такую роль, гдѣ ему по піесѣ отрубили голову, онъ никакъ бы не могъ явиться безъ головы.

Печальный примѣръ великаго артиста произвелъ губительныя послѣдствія. Многие актеры бросились подражать ему, еще болѣе искажая, разумѣется, искусство, и когда его потомъ не стало, оказалось, что преданія изящнаго вкуса почти утратились, и сценическое искусство дошло до незнанія ролей.

Вотъ что было первымъ послѣдствіемъ паденія классицизма, и въ этомъ отношеніи мы слезно сокрушаемся о торжествѣ романтизма. Пусть литература и развитіе образованности требовали обширнѣйшей рамы и вѣрнѣйшей картины событій, лицъ и разговоровъ, нежели какія до тѣхъ поръ существовали во французскомъ классицизмѣ, но драматурги-романтики убили традиціи классическаго искусства между актерами, а это очень жаль.

У насъ эта эпоха казалась самою блистательною по талантамъ. Каратыгинъ, Сосницкіе, Брянскіе, Максимовъ, Григорьевъ — были во всей свѣжести своихъ дарованій. Тогда вступила на сцену Марья Васильевна Самойлова и Варвара Николаевна Асенкова. Это были два прекраснѣйшія явленія въ лѣтописяхъ нашего театра. Обѣ были молоды, прелестны, образованы, одарены превосходными талантами и имѣли чрезвычайный успѣхъ.

Самойлова сперва явилась въ оперѣ Сорока воровка Россини и была принята на сцену, какъ первая пѣвица; но потомъ испытала свои способности въ драмѣ и комедіи, и блистательный успѣхъ заставилъ ее остаться драматическою актрисою. Ея дебюты въ комедіи Мирандолина, а потомъ въ роли Сусанны въ «Свадѣбѣ Фигаро» превзошли всѣ ожиданія. Она вдругъ стала въ ряду перво-классныхъ актрисъ.

Асенкова дебютировала въ старинной комедіи Три Султанши и была принята публикою съ восторгомъ. Учителемъ ея былъ Сосницкій, къ которому съ той минуты стали прибѣгать всѣ, поступающіе на сцену. Онъ дѣйствительно имѣлъ особый даръ къ образованію артиста, такъ что были самые удивительные и даже забавные примѣры. Разумѣется, всякіе въ свѣтѣ уроки могутъ только развивать талантъ, а дается онъ только природою. Потому не разъ являлись на сценѣ молодыя актрисы, удивительно приготовленныя и прекрасно игравшія свои дебюты на роли, а потомъ вдругъ оказавшіяся ниже самой посредственности. «Что это значитъ?»—спрашивали знакомые у учителя.— «А то, что одну роль могъ я ей съ большими усиліями передать механически и насильственно, но дѣйствительнаго таланта дать ей не могу и каждую роль не могу такъ выучивать»,—отвѣчалъ Сосницкій. Такъ онъ выучилъ дочь Мартынова роли Агнессы въ Мольтеровской «Школѣ женщинъ», и это былъ единственный успѣхъ молодой актрисы.

Весь блескъ русской труппы вскорѣ разлетѣлся. Самойлова вышла замужъ и оставила сцену. Асенкова похищена была смертію въ цвѣтѣ лѣтъ и таланта.

Въ это же время холера похитила Рязанцова; это былъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ комиковъ, какіе у насъ когда либо были. Его естественность въ комизмѣ составляла рѣдкое качество въ этомъ амплуа. Притомъ въ немъ была бездна чувства. Часто въ комическихъ роляхъ исторгалъ онъ слезы задушевною игрою. Послѣ него не было уже на нашей сценѣ истиннаго комика. Только Мартыновъ, вышедшій тогда изъ театральной школы, подавалъ много надеждъ, что сравняется съ Рязанцовымъ, а можетъ быть, и превзойдетъ его: Гарпагонъ и другія роли, которыя онъ игралъ въ первый періодъ своего артистическаго поприща, обнаружили въ немъ чрезвычайное дарованіе. Но страсть къ апплодисментамъ сдѣлала изъ него

при самомъ развитіи таланта актера, заботящагося только о возбужденіи смѣха въ толпѣ; онъ сталъ великимъ артистомъ только въ концѣ своего поприща.

И въ этомъ отношеніи должно сожалѣть объ отсутствіи у насъ свободной, художественной критики. Живопись, ваяніе, зодчество, литература, поэзія могутъ имѣть строгихъ судей, а сценическое искусство не должно ли подлежать критикѣ? О картинахъ Брюлова и Рафаэля, о стихахъ Державина и прозѣ Карамзина можно говорить что угодно въ критическихъ статьяхъ: объ ошибкахъ актеровъ должно ли молчать? Безъ критики не можетъ процвѣтать ни одно искусство, и Тальма признавался, что наиболѣе обязанъ своимъ талантомъ журналисту Жофруа, который самымъ злостнымъ и часто несправедливымъ образомъ осыпалъ его бранью за малѣйшія ошибки. Будь у насъ основательная критика, Каратыгинъ и другія лица были бы первокласными европейскими артистами. Всякій человѣкъ самолюбивъ, а актеръ больше всѣхъ. Ему всѣхъ нужнѣе критика, потому что весь кругъ знакомыхъ ежеминутно увѣряетъ его, что онъ прелестно играетъ и превосходный артистъ для всякой роли. Какъ не повѣрить наконецъ подобнымъ пріятнымъ увѣреніямъ, и какъ потомъ не возненавидѣть всякую докучливую критику, которая старается доказать ему, что у него множество недостатковъ, и что онъ безпрестанно дѣлаетъ ошибки противъ правилъ искусства и изящнаго вкуса!

Кромѣ М. В. Самойловой и Асенковой, обращали тогда на себя особенное вниманіе воспитанницы театральнаго училища Кальбрехтъ и Монготье, какъ по красотѣ, такъ и дарованію. Но это были только мимолетныя явленія, не оставившія по себѣ на сценѣ никакого воспоминанія. Обѣ вышли замужъ за чиновниковъ, которые не могли ихъ оставить на театрѣ.

Русская опера продолжала въ этомъ періодѣ блистательно дѣйствовать. Конечно, Самойловъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, но каждое появленіе его на сценѣ приносило удовольствіе. Главныя партіи тенора исполняли Шемаевъ, который, будучи отличнымъ актеромъ, почти насильственно образовалъ себѣ голосъ посредствомъ неимовѣрныхъ трудовъ.

Изъ Харькова выписали тогда молодого басиста Петрова, и онъ съ перваго появленія возбудилъ всеобщее сочувствіе звучнымъ и пріятнымъ голосомъ. Онъ дебютировалъ въ комическихъ операхъ, которыя тогда очень хорошо шли: «Невѣста», «Фра-Діавало» — Обера, «Цампа» Герольда, *Prè aux Clercs* (Свадьба и поединокъ) Галеви — принадлежать къ этой эпохѣ, и надобно сожалѣть, что этотъ прекрасный родъ исчезъ съ русской сцены. Большія оперы не въ нашемъ духѣ и не въ нашихъ вокальныхъ средствахъ. Кавось, которому русская опера всегдѣ обязана въ продолженіе почти 50-ти лѣтъ, вводилъ въ репертуаръ итальянскія оперы съ речита-

тивами болѣе въ видѣ ученья. Онъ заставилъ меня перевести весь почти оперный репертуаръ того времени, но всегда говорилъ мнѣ, что истинный элементъ русской оперы долженъ остаться комическій, а что Севильскій Цырюльникъ, Ченерентола, Элиза и Клавдіо, Ромео и Юлія и пр., ставить онъ на сцену только для практическихъ уроковъ своихъ питомцевъ.

Послѣ «Ромео и Юлія» Ваккая сошла со сцены Петрова; это чудное, художественное явленіе исчезло, какъ сонъ. Она спала съ голоса, оставя по себѣ только воспоминаніе, что подобнаго голоса не бывало въ Россіи.

Другое явленіе было столь же эфемерно. Лебедева блеснула на короткое время на сценѣ. Свѣжесть, нѣжность ея голоса, рѣдкое искусство въ управленіи имъ, прелестнѣйшая наружность и прекрасная игра дѣлали ее одною изъ рѣдкихъ русскихъ примадоннъ. Увы! и она, выйдя замужъ, сошла со сцены. Какъ послѣ всѣхъ этихъ потерь не пожалѣть о существующемъ еще у насъ (и почти повсюду) предрасудкѣ, по которому люди въ нѣкоторыхъ чинахъ не могутъ уже являться на театрѣ, а супруги ихъ быть актрисами. Въ Италіи, въ Германіи отбросили уже эту мысль среднихъ вѣковъ варварства, но во Франціи, въ Англии и у насъ она еще царствуетъ. Развѣ живописецъ и скульпторъ не такіе же художники, какъ актеръ? Развѣ Тальма ниже Гораса Верне, а Каратыгинъ меньше заслуживалъ уваженія, нежели Брюловъ?

Я достигъ до послѣдняго періода своего театральнаго существованія. Самое пріятное, самое прекрасное время для меня лично было съ 1830 по 1836 годъ. Но развѣ счастье бываетъ постоянно! А если прибавить тотъ періодъ молодости и дѣятельности, который я провелъ съ 1814 по 1820 годъ при управленіи Тюфякина, и бытность мою съ 1822 по 1825 годъ при Милорадовичѣ, то всего составитя лѣтъ пятнадцать. Это больше половины моего 25-ти-лѣтняго служебнаго поприща, которымъ я вполнѣ былъ доволенъ. Право, достаточно, и теперь съ душевною благодарностію можно вспомнить о тѣхъ людяхъ, которые были ко мнѣ добры. Я пережилъ все это поколѣніе и остался, въ видѣ печальной развалины, посреди людей, которые воображаютъ, что все прошедшее не стоитъ ни малѣйшаго ихъ вниманія. Можетъ быть, они и правы, но худо, если будущія поколѣнія то же самое о нихъ скажутъ.

1833 годъ былъ апогеемъ моей спокойной и довольной жизни. Директоръ мой князь С. С. Гагаринъ (его уже нѣтъ, и потому мы можемъ искренно говорить объ умершемъ, и никто не упрекнетъ насъ въ лести) былъ человѣкъ самый благородный во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ въ обхожденіи съ подчиненными былъ нѣсколько суровъ, гордъ, но эта гордость шла къ его аристократическому имени, къ величественной осанкѣ. За то подъ этою наружною, холодною корою, скрывалось самое доброе и великодушное сердце.

Всѣмъ онъ дѣлалъ добро; зла — никому и никогда. Безпристрастіе его въ дѣлахъ службы было образцовое. Во всѣхъ другихъ управленіяхъ слово «безпристрастіе» даже почти странно, а при театрѣ оно невозможно, потому что выше человѣческой природы. Тутъ болѣе 300 женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей; тутъ все артисты, тутъ всякое лицо имѣетъ въ городѣ покровителей, ходатаевъ, тутъ внутреннія, закулисныя интриги могутъ сбить съ толку самаго благонамѣреннаго человѣка, тутъ даже самая неопредѣленность и запутанность доходовъ и расходовъ приучаютъ къ послабленіямъ, какъ къ другимъ, такъ и къ самому себѣ, и всѣ эти вѣчные подводные камни театральнаго управленія князь Гагаринъ умѣлъ пройти побѣдоносно и невредимо. Величайшіе враги его никогда не осмѣлятся сказать, чтобъ онъ воспользовался хотя копейкою изъ казны; никто не упрекнетъ его въ пристрастіи и несправедливости; никто не похвалится даже, что видѣлъ въ немъ сердечную слабость къ какой либо актрисѣ или танцовщицѣ.

Для денежнаго управленія помню я только періодъ князя Тюфякина, который порядкомъ и экономіею могъ равняться съ Гагаринскимъ. Всякая казенная копейка была свята, и горе тому, кто бы покусился на нее; пощады не было никакой. А потому только въ эти два періода и не было долговъ. Во всѣ прочіе—долги составляли неизбѣжную принадлежность театральнаго администраціи, и при составленіи годовыхъ отчетовъ употребляли всѣ возможныя бухгалтерскія хитрости, чтобъ замаскировать ихъ, полагая по поговоркѣ время выиграно — все выиграно, тогда какъ это еще болѣе разстроивало всѣ дѣйствія. Обыкновенно черезъ десять лѣтъ накоплялась уже такая сумма, которую невозможно было замаскировать, и тогда составляли новые штаты, новыя правила управленія. Когда при вступленіи А. А. Нарышкина составленъ былъ штатъ 1802 года, то казна заплатила 200,000 (ассигнаціями) долгу, накопившагося при предмѣстникахъ его. Въ 1812 году, когда вступилъ вице-директоръ князь Тюфякинъ въ управленіе по случаю отъѣзда Нарышкина въ чужіе края, то благоразумною экономіею успѣлъ до 1814 года заплатить накопившихся долговъ 112,000 р. Когда графъ Милорадовичъ принялъ подъ своимъ предсѣдательствомъ распоряженіе надъ театрами, то къ 1822 году было уже долгу опять болѣе 200,000 р. До тѣхъ поръ получалось отъ кабинета его величества ежегодно на дирекцію 425,000 р. Милорадовичъ прибавилъ 100,000 р. отъ города (думы) и 100,000 р. изъ государственнаго казначейства. Тогда составилъ штатъ 13-го ноября 1827 года. Но уже къ 1830 году управленіе комитета вновь вошло въ долги, и министръ двора Волконскій, принявшій въ свое вѣдомство и театры, рѣшилъ, чтобъ театрами опять управлялъ одинъ директоръ (Московскій театръ былъ уже тогда отдѣленъ отъ Петербургской дирекціи и имѣлъ собственнаго своего директора, который

тоже принадлежалъ къ управленію министерства двора), и первымъ его директоромъ былъ князь Гагаринъ. Но, не выходя ни копейкою изъ предписаннаго штата, князь Гагаринъ не могъ въ то же время съ прежними средствами заплатить старыхъ долговъ. Онъ просилъ прибавки къ содержанію театровъ и не получилъ ея. Три года боролся онъ съ этимъ труднымъ положеніемъ, усиленнымъ холерою, которая заставила закрыть театры на нѣсколько мѣсяцевъ.

Никто не зналъ ни свойствъ этой болѣзни, ни средствъ, какъ лѣчить ее. Разнорѣчія врачей еще болѣе путали дѣло и усиливали всеобщія несчастія. Всѣ комнаты въ Петербургѣ наполнены были блюдечками съ хлоромъ, отъ котораго едва можно было дышать. Вездѣ устраивали карантинныя, полагая болѣзнь заразительною отъ прикосновенія.

Въ 1833 году Гагаринъ опять при годовомъ отчетѣ просилъ о необходимой прибавкѣ къ содержанію театровъ и, по обыкновенію, сдѣлалъ при отчетѣ представленія къ наградамъ нѣкоторыхъ изъ своихъ подчиненныхъ. Ни та, ни другая просьба не были исполнены, и онъ подалъ въ отставку.

Вмѣсто него назначенъ былъ Геденовъ. Еще разъ почитаю долгомъ отдать справедливость прекраснымъ душевнымъ и административнымъ качествамъ князя Гагарина. Онъ составлялъ рѣдкое явленіе между театральными администраторами, и имя его всегда будетъ драгоцѣнно для тѣхъ, которые служили подъ его начальствомъ. Семейство его было примѣрное. Супругу его княгиню Елисавету Адамовну называли мы всѣ земнымъ ангеломъ по рѣдкой добротѣ ея и высокимъ чувствамъ. То же названіе заслуживали и дочери по красотѣ своей и кротости. Прелестный сынъ его былъ тогда еще малолѣтнимъ, и дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна. Но я увѣренъ, что отъ прекраснаго корня произошли и хорошіе плоды.

XXI.

Театръ и театральное управленіе при Геденовѣ.— Гоголь и «Ревизоръ».— Кукольникъ.— Новыя оперы.— Бенефисныя піесы и литературные комитеты.

Наступилъ новый періодъ для театровъ. Для меня существовалъ онъ только три года, но и въ это краткое время театръ развился въ сильной степени. Роскошь и изящный вкусъ монтаровокъ были отличительною чертою, ознаменовавшею новое управленіе. Балетъ: Возстаніе въ Сералѣ, русскія оперы: Робертъ, Карлъ Смѣлый, Жизнь за Царя, Русланъ и Людмила, нѣмецкая опера Жидовка, комедія Гоголя Ревизоръ, данныя въ это время, прославили бы всякую европейскую дирекцію, и у насъ это было небывальщиною. Правда, что вскорѣ по вступленіи новаго директора сдѣланы были всѣ прибавки, которыя были испрашиваемы, и

приобрѣтенъ великолѣпный домъ у Александринскаго театра. Онъ принадлежалъ министерству удѣловъ, то-есть, тоже управленію Волконскаго, и дирекція купила его за 1.800,000 рублей ассигнаціями, но такъ какъ, разумѣется, ей было не изъ чего заплатить подобной суммы, то долгъ этотъ и сложенъ былъ со счетовъ, а домъ сдѣлался собственностію театровъ. Туда переведена была школа изъ казеннаго дома, бывшаго на Екатерининскомъ каналѣ между Вознесенскимъ и Харламовымъ мостами. Тутъ помѣстился и самъ директоръ, не имѣвшій дотолѣ никогда казенной квартиры; тутъ же переведена контора съ главными чиновниками, швальня, гардеробъ, и такимъ образомъ сосредоточено все управленіе въ одномъ мѣстѣ. Я былъ тоже въ числѣ переѣхавшихъ въ этотъ домъ и, конечно, никогда не занималъ комнатъ обширнѣе и великолѣпнѣе, хотя до нихъ и было ровно сто ступенекъ по лѣстницѣ, такъ что вообще въ матеріальномъ отношеніи этотъ трехъ-годичный періодъ моей службы былъ еще выгоднѣе и пріятнѣе всѣхъ предъидущихъ. Новый директоръ былъ человѣкъ образованный, ласковый, снисходительный, онъ приблизилъ меня къ себѣ, доволенъ будучи долготѣнею моею опытностію по театру и усердіемъ къ дѣлу. Вообще въ эту эпоху можно было похвалиться составомъ чиновниковъ театральнаго управленія. Управляющій конторою А. Д. Кирѣевъ, секретарь Н. П. Мундтъ, занимавшійся драматическими и беллетристическими переводами; переводчикъ А. Г. Ротчевъ, управляющій школою Д. Н. Оедоровъ, женившійся на прелестной актрисѣ Монготье; управляющій нѣмецкимъ театромъ Гельмерсенъ (отецъ извѣстнаго ученаго путешественника по Сибири), секретарь конторы (а потомъ секретарь главнаго директора и въ должности начальника репертуарной части) Е. М. Семеновъ; экзекуторъ И. И. Гайдуковъ; казначей К. Н. Матвѣевъ,—всѣ эти лица составляли самое пріятное общество, жившее между собою весьма дружно. Тогда эгоизмъ не раздѣлялъ еще людей, какъ нынче, и я могу назвать этотъ періодъ моей жизни самымъ пріятнымъ. У Кирѣева были часто домашніе спектакли, квартеты, балы; онъ имѣлъ обширный кругъ знакомства, и къ нему съѣзжались люди, съ которыми всегда было пріятно и лестно сойтись.

Я уже сказалъ, что новое управленіе наиболѣе отличалось роскошными и изящными постановками. Однако же были и замѣчательныя драматическія сочиненія. Ревизоръ Гоголя впервые тогда явился на сцену, и я всѣми своими силами содѣйствовалъ постановкѣ его. Авторъ былъ ко мнѣ очень хорошо расположенъ, и я имѣю отъ него автографы и книги его сочиненія, которыя онъ мнѣ подарилъ. Ему покровительствовалъ графъ Михаилъ Юрьевичъ Виельгорскій (бывшій прежде членомъ театральнаго комитета), извѣстный своимъ музыкальнымъ дарованіемъ и бывшій всегда истиннымъ меценатомъ для литераторовъ и художниковъ. Долго затруднялась цензура въ пропускѣ «Ревизора» къ представленію, но воля

государя все рѣшила, и театръ обогатился этимъ образцовымъ произведеніемъ юмора и нравоописательной комедіи. Разумѣется, многіе возстали противъ этой пьесы, имѣвшей самый блистательный успѣхъ. У насъ, какъ и вездѣ, всегда есть люди, которые не любятъ обнаруженія злоупотребленій. Подобно Ябедѣ Капниста, Ревизоръ изображалъ печальную картину взяточничества, которое вкоренилось у насъ съ періода монголовъ. Только періоду истиннаго просвѣщенія предстояло побѣдить эту язву и заставить ее, если не совѣмъ прекратить гибельныя свои дѣйствія, то по крайней мѣрѣ надѣть личину лицемѣрія и приличія. А такъ какъ литература всегда обязана содѣйствовать всѣмъ благороднымъ стремленіямъ современнаго поколѣнія, то и Гоголь, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей своего вѣка, вступилъ на это прекрасное поприще, выставя въ «Ревизорѣ» цѣлое сословіе взяточниковъ въ уѣздномъ городѣ. Монголисты вопіяли, что подобныхъ городовъ и чиновниковъ нѣтъ у насъ, — и, конечно, ни въ какомъ отдаленномъ захолустьѣ не примутъ за ревизора какого-то жалкаго коллежскаго регистратора, который, проѣзжая черезъ незначачій городъ, живетъ въ немъ уже двѣ недѣли, потому что у него нѣтъ ни копейки, чтобъ продолжать путь. Въ уѣздномъ городѣ на другой, на третій день его пріѣзда всѣ бы знали весь его формуляръ и семейныя подробности, а тутъ отъ трактирщика до городничаго всѣ жители убѣждены, что этотъ мальчишка долженъ быть ревизоръ губерніи. Вѣроятно, даже нѣтъ у насъ ни одного города, гдѣ бы все сословіе должностныхъ лицъ состояло изъ такихъ карикатуръ, какія вывелъ Гоголь. Но главная цѣль комедіи вѣрна и похвальна, а именно истребленіе взяточничества посредствомъ выставленія его на посмѣяніе. Юморъ же пьесы и весь ходъ ея превосходны.

Говорятъ, что императоръ Николай I, бывши въ первомъ представленіи комедіи, сказалъ, уѣзжая: «тутъ всѣмъ досталось, а мнѣ больше всѣхъ!» Это значило, что великая и историческая личность, тридцать лѣтъ трудившаяся надъ искорененіемъ въ Россіи взяточничества, съ сокрушеніемъ видѣла, однако же, что не успѣла достигнуть этой цѣли.

Любопытно, что Женитьба Гоголя, которую вскорѣ потомъ дали на сценѣ, была при первомъ представленіи опикана публикою, и только черезъ нѣсколько времени потомъ оцѣнили ее и стали аплодировать.

Гоголь былъ человѣкъ образованный и самыхъ благородныхъ правилъ, но чрезвычайно щекотливъ и самолюбивъ. Когда дѣло дошло до платы за Ревизора, онъ непремѣнно требовалъ, чтобъ ему выдана была сумма, какъ бы за пьесу въ стихахъ. Какъ ни убѣждали его, что дирекція не имѣетъ права нарушить высочайше утвержденнаго штата, онъ почелъ себя обиженнымъ и всѣмъ жаловался, что дирекція не умѣетъ цѣнить его дарованія.

Почти въ одно время съ Ревизоромъ шла новая трагедія: Битва при Тиверіадѣ, Муравьева, извѣстнаго автора путешествія ко святымъ мѣстамъ, и она имѣла значительный успѣхъ, одушевленная высокимъ религіознымъ чувствомъ и истинною поэзію.

Кукольникъ началъ въ это же время свое драматическое поприще. Я мало видѣлъ подобныхъ блистательныхъ успѣховъ, какой имѣла первая его пьеса: Рука Всевышняго отечество спасла. Юношескій жаръ поэзіи съ чувствами патріотизма соединены были въ этой драмѣ, которая впрочемъ и въ сценическомъ отношеніи была превосходно исполнена (случайно видѣли мы ее потомъ въ 1857 году, и это была уже пародія на первоначальную пьесу). Каратыгинъ игралъ Пожарскаго, Борецкій Минина, Каратыгина Марину, и всѣ второстепенныя лица дѣйствовали съ прекрасною совокупностію.

Авторъ получилъ награду за свой успѣхъ. Онъ былъ представленъ въ Зимнемъ дворцѣ государю, который царски поблагодарилъ его за такое блистательное начало на прекрасномъ поприщѣ. Подобное ободреніе должно было сдѣлать изъ этого автора первокласснаго европейскаго драматурга. Но надежды эти не сбылись, на сценѣ онъ дальше не пошелъ. «Князь Скопинъ Шуйскій» и «Роксолана», которые онъ далъ вскорѣ потомъ на сцену, обнаруживаютъ больше зрѣлости дарованія, но уже видно охлажденіе поэзіи и напыщенность версификаціи. Въ этомъ онъ больше всѣхъ виноватъ, и въ исторіи нашей литературы упрекнуть его по справедливости, что онъ исказилъ нашу поэзію введеніемъ плохихъ бѣлыхъ стиховъ. Школа романтизма, ниспровергнувъ тѣсную раму древнихъ правилъ классицизма, отвергла у насъ и прекрасныя александрійскіе стихи, которые Озеровъ гармонически возвелъ до высшей степени совершенства, и которые оставлены были всѣми корифеями французскаго романтизма. Мы вздумали подражать нѣмецкимъ пятистопнымъ ямбамъ, мало свойственнымъ нашему прекрасному языку и стихосложенію, и создали себѣ рубленую прозу. У нѣмцевъ никогда не было александрійскихъ стиховъ. Полупрозаическіе ямбы Шиллера и Гете прекрасны только по духу высокой поэзіи, одушевлявшему эти строки, а не по формѣ своей. Наши поэты изъ лѣности бросились всѣ тотчасъ же на эту рубленую прозу, которую можно экспромтомъ говорить по цѣлымъ часамъ. Они, конечно, успѣвали больше писать пьесъ, но высокое искусство поэзіи упало, и съ тѣхъ поръ на сценѣ нѣтъ уже Озеровскихъ стиховъ. Кукольникъ первоначально въ своихъ фантазіяхъ, а потомъ и во всѣхъ сценическихъ драмахъ все писалъ этою рубленою прозою, и только въ пьесѣ Рука всевышняго отечество спасла можно было простить эти ямбы, потому что они были одушевлены патріотизмомъ, но надобно искренно жалѣть, что люди съ дарованіемъ, какъ Кукольникъ, не продолжали писать александрійскими стихами, слѣдуя

Гюго, Понсару и др., которые не отвергли этого прекраснаго наслѣдія Корнеля, Расина и Вольтера.

Впослѣдствіи Кукольникъ обратился къ другому роду литературы и прославился своими повѣстями, не оставляя, однако, и театра, но повторяемъ, что онъ дальше не пошелъ первой своей пьесы, которая осталась въ исторіи драматической литературы, какъ памятникъ начала, не имѣвшаго послѣдствій.

Русская опера прославилась въ это время блистательными и роскошными постановками Роберта-діавола Мейербера и Вильгельма Теля Россини, передѣланнаго подъ названіемъ Карла Смѣлаго. Это былъ послѣдній періодъ существованія нашей оперы. Тогда еще Степанова, Шелихова-Монруа, Петрова были во всей свѣжести своихъ талантовъ. Живъ былъ еще старикъ Самойловъ, поддерживалъ еще амплу перваго тенора Шемаевъ, а Петровъ достигъ уже до зрѣлости своего таланта въ роляхъ Бертрама и Ассура.

Главною пружиною всѣхъ дѣйствій русской оперы и всего ея блистательнаго состоянія былъ все тотъ же, Кавось, который полу-вѣковую свою службу употребилъ на усовершенствованіе этой части. Вскорѣ его не стало, и русской оперы тоже.

Французская группа была тоже превосходная. Женесь и Бурбье были главными украшеніями ея. Верне, Дюфуръ, отличались въ комическихъ роляхъ. Мейеръ была прелестна въ амплу первыхъ любовницъ; Эрикъ Бернаръ былъ превосходный старикъ, а режиссеръ Пейсаръ умѣлъ сохранять въ обстановкѣ и исполненіи пьесъ прекрасную совокупность, составляющую главное достоинство французскихъ спектаклей.

Нѣмецкая группа славилась тогда первокласною актрисою Бауэръ, къ которой присоединилась потомъ пріѣхавшая на время Гангъ. Барловъ занималъ съ честію первыя роли. Шварцъ переходилъ уже изъ первыхъ теноровъ въ драматическую труппу, и публика была отъ этого въ большомъ выигрышѣ. Альбрехтъ была уже и тогда первокласною актрисою на Astands-Rollen и дуэней. Молодыхъ же нѣмецкихъ красавицъ всегда было много.

Въ балетѣ, кромѣ Круазетъ, Пейсаръ и Маринетты Бертранъ, были первоклассныя хореграфическія таланты: Андреянова, Новицкая (Дюръ), Иванова, Волкова, а въ пантомимныхъ роляхъ славился Гольцъ, бывший любимый ученикъ Дидло, Азлова и Эбергардъ.

Наконецъ, русская драматическая группа могла похвалиться прекраснѣйшимъ собраніемъ разнородныхъ талантовъ. Каратыгинъ и Сошниціе (мужъ и жена) были въ апогеѣ своей славы, Брянскіе (мужъ и жена), М. В. Самойлова, Асенкова, Максимовъ, Григорьевъ, Мартыновъ, Воротниковъ, Кальбрехтъ, Гринева, Степанова (скончавшаяся въ цвѣтѣ лѣтъ, но обѣщавшая очень много). Однимъ словомъ подобную труппу едва ли когда можно составить, и однако въ ней начиналось уже разстройство, упадокъ сценическаго искусства и

изящнаго вкуса. Кто въ этомъ виновать? Прежде всего упадокъ литературы. Романтизмъ по справедливости сбросилъ съ себя ярмо тѣсныхъ классическихъ правилъ единства мѣста, времени и дѣйствія, но забылъ только, что безъ опредѣленныхъ законовъ нѣтъ никакого въ мѣрѣ искусства, и предоставилъ драматургію своевольству каждаго писателя. Геніальные люди сохранили первый законъ искусства: изящный вкусъ, но толпы романтиковъ твердили, что съ толпою надобно говорить ея языкомъ и изображать то, что ей нравится. Отъ этого сцена превратилась въ форумъ, а иногда и хуже.

Нѣкоторые актеры въ свою очередь отбросили законы изящнаго вкуса, стараясь поддѣлаться подъ вкусъ и идеи толпы, то-есть угождая невѣжеству и чувственности. Отъ этого искусство склонилось къ упадку, а иные актеры вообразили, что можно играть, даже не выучивъ свою роль.

Чѣмъ можно было остановить этотъ упадокъ литературы и сценическаго искусства? Постараемся на это отвѣтить.

По штату театральнаго дирекціи 13 ноября 1827 года положено было, чтобы всѣ пьесы, поступающія на сцену, были разсматриваемы въ комитетѣ литераторовъ и драматурговъ, къ которымъ присоединялись бы и лучшіе актеры. Главный пунктъ этого распоряженія состоялъ, чтобъ бенефисныя пьесы, всегда наводняющія театръ самыми плохими произведеніями, подвергались тому же правилу.

Этотъ полезный, спасительный законъ для театра и литературы былъ забытъ. Бенефицианты давали, что хотѣли. Каждую недѣлю являлись по три, по четыре новыя пьесы, которыя потомъ разъ пять, шесть повторялись и, такимъ образомъ, составляли основу текущаго репертуара.

Разумѣется, всѣ бенефисныя пьесы — самыя плохія, потому что авторы отдавали ихъ актерамъ только тогда, когда теряли всякую надежду на пріемъ ихъ самою дирекціею, которая съ своей стороны находила выгоднымъ не платить за пьесы. Вотъ что было причиною упадка драматической литературы! Актеры видѣли заранѣе, что играютъ вздоръ, и потому не только не обдумывали ролей, но и не выучивали ихъ. Едва ли даже было время ихъ выучить. Публика по неволѣ привыкала къ дурному вкусу и безотчетной игрѣ актеровъ.

Комитеты литераторовъ созывались очень рѣдко. Съ 1827 до 1833 года не было ни одного. Только новый директоръ хотѣлъ устранить отъ себя упрекъ въ самовластіи по части литературы и сталъ созывать эти собранія. Они бывали по субботамъ, и въ нихъ читали всѣ пьесы, представляемыя въ дирекцію (о бенефисныхъ, конечно, не было и помину, да на это мало бы было двухъ-трехъ комитетовъ!), но, кромѣ тѣхъ, которые обязаны были являться, то-есть актеровъ, посѣтители стали мало-по-малу являться рѣже и рѣже, а наконецъ и совсѣмъ перестали. Дѣйствительно, у всякаго есть свои занятія, а потерять цѣлый вечеръ, чтобъ дремать, слушая

иногда безсовѣстную чепуху, было неприятно для каждаго. Даже сама академія, собирая своихъ членовъ на подобныя засѣданія, выдаетъ имъ за это опредѣленную плату. Тутъ же не было никакого удовольствія, никакой выгоды. Для образованнаго литератора не можетъ быть пріятнѣ явленія, какъ видѣть какое нибудь новое замѣчательное произведеніе, приносящее честь театру и литературѣ. Замѣчанія драматурга вѣрнѣе и дѣльнѣе, нежели всякаго другого писателя, который не слѣдитъ за ходомъ репертуара и за развитіемъ искусства. Извѣстенъ анекдотъ о великомъ математикѣ, которому читали стихи Расина. Онъ прослушалъ ихъ и спросилъ: «что все это доказываетъ?». Соберите образованнѣйшихъ людей, занимающихся ежедневно финансами, контролемъ, просмотромъ книгъ, и заставьте ихъ быть судьями театральныхъ пьесъ, что изъ этого выйдетъ? Можетъ быть, драматурги были бы докучливы, указывая на упадокъ литературы и искусства; можетъ быть, изъ нихъ кто нибудь не нравился, но, право, они бы дали полезные совѣты. Кто боленъ, тотъ зоветъ не самаго ученаго врача, а самаго опытнаго.

XXII.

Переходъ изъ театральныхъ дѣятелей въ рецензенты.— Волконскій, какъ критикъ.— Самойловы.— Тальони.— Итальянцы.— Ник. Полевой.— 1848-й годъ.— Сотрудничество въ «Сѣверной Пчелѣ».— Пьесы изъ крестьянскаго быта.— 1858-й годъ.

Съ 1836 года прекращается мое личное участіе въ театральномъ управленіи. Тогда вышло постановленіе о мѣстахъ по разрядамъ, и я не могъ долѣе оставаться на службѣ, потому уже, что былъ двумя чинами выше того разряда, въ которомъ положено было мое мѣсто. Всѣ мы служили для повышеній, а тутъ надобно бы было отказаться отъ всѣхъ дальнѣйшихъ чиновъ, еслибъ я даже и получилъ дозволеніе остаться. Но тутъ случилась къ тому же моя размолвка съ Геденовымъ, и я долженъ былъ выйти въ отставку.

Короткій періодъ времени, проведенный подъ начальствомъ новаго директора, памятенъ мнѣ по многимъ семейнымъ дѣламъ, въ которыхъ онъ мнѣ съ готовностію оказалъ много содѣйствія. Ни лѣта, ни всѣ обстоятельства въ свѣтѣ не изгладятъ во мнѣ воспоминанія о томъ добрѣ, которое онъ для меня сдѣлалъ, и моя благодарность всегда будетъ искренна.

Съ этой минуты начался мой періодъ посторонняго наблюденія, а кто не знаетъ, что во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ посторонній зритель лучше видитъ ходъ дѣла, нежели участвующіе въ немъ. Я сдѣлался рецензентомъ и уже, конечно, смотрѣлъ на всѣ предметы съ другой точки зрѣнія. Какъ служащій, я имѣлъ въ виду одну пользу своей администраціи, а, какъ критикъ, долженъ былъ уже смо-

трѣтъ на одно искусство и честь литературы. Тутъ я понялъ, что оба эти предмета не сходятся, какъ двѣ параллельныя линіи. Я до тѣхъ поръ хлопоталъ всегда о бенефисахъ, видя въ нихъ пользу казны и актеровъ. Теперь же сдѣлался непримиримымъ ихъ гонителемъ, потому что видѣлъ въ нихъ причину упадка русскаго театра и драматургіи.

Помню, что первый мой отчетъ о годовыхъ дѣйствіяхъ театра возбудилъ сильную оппозицію. Но благосклонное покровительство министра двора Волконскаго отклонило всѣ преграды, и отчетъ мой былъ напечатанъ въ «Пантеонѣ». Я же получилъ отъ князя официальное письмо, въ которомъ онъ выразилъ мнѣ благодарность за статью, «написанную съ совершеннымъ знаніемъ дѣла».

Подобныя черты очень рѣдки и потому принадлежатъ исторіи!

Если съ 1836 года русская труппа стала болѣе упадать, за то балетъ и французская труппа возвысились до небывалой степени изящества. Въ балетную труппу ангажирована была знаменитая Тальони, а къ французамъ пріѣхали Алланъ (мужъ и жена) и Плесси. Этихъ именъ довольно, чтобъ прославить этотъ административный періодъ. Тальони соединяла въ себѣ всѣ хореографическія достоинства. Это была олицетворенная грація. Если она не была пантомимною знаменитостію, то, конечно, потому, что балеты этой эпохи не требовали уже этого качества отъ танцующихъ. «Сильфида», «Дѣва Дуная» и другіе балеты, поставленные въ то время для нея, прославились роскошью и великолѣпіемъ монтаровокъ. Ни когда въ Европѣ не было подобныхъ. Иностранцы, пріѣзжающіе сюда, изумлялись. Парижъ и Лондонъ далеко отстали въ этомъ отношеніи отъ нашего театра.

Пять лѣтъ продолжалось здѣсь пребываніе Тальони, и только въ послѣдніе два года восторгъ публики утомился и охладѣлъ, такъ что балетные спектакли бывали уже не полны. Наконецъ, она уѣхала, и оставила послѣ себя такую пустоту, которая ужаснула. Болѣе трехъ лѣтъ потомъ никто не хотѣлъ смотрѣть на балетъ нашъ, хотя въ это время и образовались два прекрасные, первоклассные таланта: Андреянова и Смирнова (вышедшая замужъ за Л. М. Неваховича, извѣстнаго автора «Ералаша», такъ долго восхищавшаго Петербургъ своимъ остроуміемъ), хотя кордебалетъ и былъ превосходенъ.

Не прежде, какъ по пріѣздѣ Карлотты Гризи, одушевился опять балетъ и сталъ попрежнему привлекать многочисленную публику.

У французовъ Алланы и Плесси, а вскорѣ потомъ и знаменитая Вольнисъ составили такую труппу, которая могла назваться первою въ Европѣ. Это была истинная школа сценическаго искусства, въ которой легко бы могли поучиться наши актеры.

Впрочемъ, и въ русской труппѣ явились послѣ меня двѣ прекрасныя и даровитыя актрисы Самойловы. Старшая сестра оставила театръ, а двѣ младшія Надежда и Вѣра вступили на сцену. Братъ же

ихъ, Василій, сдѣлался въ это время первокласснымъ актеромъ. Въ исторіи театра семейство это составляетъ рѣдкое явленіе. Всѣ члены его, бывшіе на сценѣ, оказывались всегда съ удивительными дарованіями. Бывши въ свое время руководителемъ старшей сестры въ сценическомъ искусствѣ, я при первоначальномъ испытаніи младшей (Вѣры) полагалъ даже, что изъ нея едва ли что нибудь выйдетъ. Я ошибся. Частыя посѣщенія ея французскихъ спектаклей вскорѣ сдѣлали изъ нея отличную подражательницу Плесси, а потомъ уже и самобытный, первоклассный талантъ.

Сестра ея, Надежда, одаренная удивительнымъ голосомъ, какихъ не много можно найти и въ Италіи, не захотѣла, однако, вступить въ оперу, а предпочла легчайшіе лавры въ водевиляхъ. Но не смотря на всю незначительность, а часто и пошлость этого рода шіесь, она и здѣсь умѣла сдѣлаться первоклассною актрисою.

О развитіи таланта брата ихъ Василія можно было бы сказать многое. Онъ все переигралъ, брался за всѣ амплуа, даже игралъ роли Каратыгина (Людовика XI). Это былъ Протей, который могъ бы сдѣлаться однимъ изъ историческихъ артистовъ своего вѣка, если бы не считалъ себя героемъ и не являлся на сцену съ нетвердою ролью. Много я писалъ въ фельетонахъ объ этомъ, но это не помогало. Мартыновъ и Максимовъ развили свой талантъ до высокой степени.

При этомъ случаѣ должно сказать нѣсколько словъ о критикѣ вообще. Конечно, истинные знатоки театра нигдѣ не составляютъ большинства публики, но зато это большинство и не пишетъ критикъ. Для истинной оцѣнки искусства и драматической литературы довольно тѣхъ тружениковъ, которые посвящаютъ себя этому неблагодарному труду, но они связаны неумолимыми узами, оковывающими ихъ руки и языкъ. Они должны молчать или хвалить. Я выше рассказалъ о своемъ отчетѣ за 1837 годъ и о покровительствѣ князя Волконскаго. Этотъ государственный человекъ самъ читалъ тогда всѣ рецензіи о театрахъ и охотно дозволялъ благонамѣренную критику. Помню однажды, что статья моя объ италіанской Нормѣ, которую играла знаменитая Віардо, не понравилась ему за мои замѣчанія объ этой пѣвицѣ. Онъ не запретилъ статьи, не вычеркнулъ изъ нея ничего, но поручилъ графу Михаилу Юрьевичу Вѣльгорскому убѣдить меня, чтобъ я смягчилъ свои сужденія. Вотъ высокая черта. Дурной критики никто не послушается, а вѣрная, искренняя всегда полезна, хотя истины ея бываютъ и не совсѣмъ пріятны.

Въ этомъ театральномъ періодѣ прославился на сценѣ своими трудами Полевой. Это было замѣчательное лицо нашей литературы, которое въ другихъ странахъ Европы, гдѣ литературная дѣятельность больше развита, нежели у насъ, имѣло бы огромную извѣстность. Лучшаго журналиста, по мнѣнію моему, у насъ не было, и лучшаго журнала, какъ его «Телеграфъ», долгое время у насъ не

было. Его «Исторія русскаго народа» обнаруживала въ немъ большой даръ, но должна была прекратиться. Печальныя обстоятельства заставили его отказаться и отъ журнала. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Сотрудничествомъ въ разныхъ чужихъ журналахъ и газетахъ доставалъ онъ тяжкій хлѣбъ и вдругъ бросился на сцену. Талантъ его и тутъ проявился. Хотя и видно было, что онъ пишетъ не для потомства, а для временнаго существованія, но всѣ его произведенія имѣли величайшій успѣхъ. Еслибъ этотъ человѣкъ имѣлъ сильную podporу и одобреніе, то оставилъ бы много образцовыхъ твореній. Но ихъ не было. Только всѣ, которые знали его, убѣждены были въ его высокомъ дарованіи.

Наконецъ, явилась въ Петербургѣ и итальянская опера. Рубини, почти состарѣвшійся, пріѣхалъ сюда и явился въ концертахъ, гдѣ имѣлъ мало успѣха. Ему нужна была сцена, и онъ съ русскою пѣвицею Степановой и Петровымъ составилъ первоначальный сезонъ. Тутъ только поняли все величіе этого таланта, потрясавшаго задушевными звуками всѣ фибры человѣческаго сердца.

На слѣдующій годъ пріѣхали Тамбурини и Віардо. Это были триумвиратъ талантовъ, какихъ мы никогда не слыхали. Тѣ же оперы пѣли и русскіе и нѣмцы и прежняя итальянская труппа двадцатыхъ годовъ, но для слушателей было все ново, восхитительно, мы до тѣхъ поръ не знали, не понимали истиннаго пѣнія. Мы знали всѣ вокальныя трудности, рулады, но не слыхали звуковъ, доходящихъ прямо до сердца. Каталани, Боргонди удивляли насъ и прежде, но не трогали до слезъ. У Рубини бывали минуты, когда забывался партеръ и вскакивалъ отъ избытка чувствъ, чтобъ аплодировать знаменитому пѣвцу. Сами играющія съ нимъ лица покорялись этому вліянію, и когда однажды посреди невыразимыхъ криковъ и рукоплесканій вызваны были (въ Сомнамбулѣ) Рубини и Віардо, послѣдняя стала на колѣни и поцѣловала руку Рубини.

Всѣ послѣдующія за тѣмъ итальянскія труппы были уже слабѣе. Маріо, Гризи, Персіани, Фреццолини были первоклассныя, знаменитыя таланты, но уже не производили того восторга. Послѣ же этихъ артистовъ все шло *diminuendo*, хотя труппа всегда состояла изъ лучшихъ сюжетовъ въ Европѣ, и хотя итальянскіе спектакли всегда были монтированы съ величайшимъ великолѣпіемъ. Только итальянцы безцеремонно поступали иногда съ операми, то выбрасывая изъ нихъ нумера, то вставляя новыя. Подобнаго неуваженія къ публикѣ нигдѣ не позволяютъ.

Были даже въ это время попытки играть на итальянскомъ театрѣ произведенія русскихъ композиторовъ, и Бьянка и Гвальтьеро Львова была блистательно выполнена, но вскорѣ послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобъ оперъ русскихъ композиторовъ не играли на итальянской сценѣ.

Съ 1848 года репертуаръ русской группы сдѣлался еще бѣднѣе, и сценическое искусство должно было еще больше упасть, потому что вдругъ перестали играть пьесы Шиллера и даже Гюго. Ихъ нашли такими же опасными, какъ «Нѣмая въ Портичи», «Свадьба Фигаро».

Изъ вновь проявившихся въ этомъ періодѣ талантовъ должно еще упомянуть о Жулевой, Читау и Линской. Всѣ онѣ были одарены отъ природы прекраснымъ и самобытнымъ дарованіемъ. Но Читау, подававшая большія надежды, вскорѣ оставила сцену для почетнаго замужества; Жулева не имѣла ролей для развитія своего таланта, а Линская, перейдя на роли комическихъ старухъ, въ которыхъ была прекрасна, вскорѣ умерла.

Любопытно, что во всей нашей исторіи театра изъ театральной школы вышла только одна первоклассная драматическая актриса— Семенова. Всѣ прочія были постороннія (Валберхова, Колосова, Каратыгина, три Самойловы). Оперныхъ было достаточное число, а балетныхъ всего больше. Это, пожалуй, приведетъ къ мысли, что русскіе больше всего способны къ танцамъ. Но это просто потому, что для танцевъ и пѣнія есть всегда хорошіе учителя въ Европѣ, а для драматическаго искусства у насъ ихъ нѣтъ. Сами же актеры не учатъ другъ друга. Шаховской былъ хорошимъ учителемъ. Но послѣ него видѣли мы на многолѣтнемъ опытѣ одного Сосницкаго. Этотъ превосходный актеръ, составлявшій своимъ талантомъ славу русскаго театра цѣлые полвѣка, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прекраснѣйшимъ учителемъ. Въ Парижѣ онъ бы былъ твердѣйшею опорою консерваторіи.

Остается намъ описать нынѣшнее состояніе театра, тѣмъ болѣе, что съ 1858 годомъ кончилъ и я свое поприще театрального рецензента, бывши 15 лѣтъ сотрудникомъ «Сѣверной Пчелы».

Въ фельетонахъ своихъ день ото дня и годъ отъ году твердилъ я объ упадкѣ искусства и драматической литературы, радуясь изрѣдка явленіямъ, оживлявшимъ сцену, и долженъ упомянуть о новомъ направленіи, которое приняла русская драматургія и беллетристика въ послѣднее время. Всѣ повѣсти и пьесы стали писать изъ крестьянскаго быта, полагая, что въ этомъ именно состоитъ народность литературы. Это была небольшая ошибка. Это была простонародность, а не народность. Всѣ сословія вмѣстѣ составляютъ нашу національность. Простонародный же языкъ на сценѣ и въ повѣстяхъ не подвигалъ ни на шагъ ни театра нашего, ни литературы. Не говоря уже о томъ, что у насъ нѣтъ общаго простонароднаго языка, а все областныя нарѣчія, мы знаемъ всѣ очень хорошо, что языкъ очищается и формируется образованнымъ сословіемъ, а не чернью, которая искажаетъ всѣ фразы, какія слышитъ гдѣ нибудь у высшихъ сословій. Слѣдственно вводить рыночный языкъ въ литературу и на сцену значило оказывать имъ очень дурную услугу. Беллетристика, сцена должны

очищать нашъ языкъ, котораго основныя правила еще непрочно установлены, а крестьянская рѣчь не можетъ способствовать къ этому. Посмотрите на пестроту нашей орфографіи. Кто какъ вздумаетъ, такъ и пишетъ. Мы основательно излагали сей, оный, ибо и т. п., но и вѣчно это не обогатитъ языкъ и не очиститъ его. Другой ни за что не напишетъ «предъ», «чрезъ», а непременно по народному выговору «передъ», «черезъ», забывъ, что всѣ производныя слова сохранили первую форму (предпріятіе, чрезвычайно). Третьи пишутъ: много шуму, мало сахару, смѣшивая дательный падежъ съ родительнымъ. Иные всѣ прилагательныя пишутъ маленькими буквами. Всѣ бранятся въ полемическихъ статьяхъ и упрекаютъ другъ друга въ незнаніи языка. По нашему мнѣнію, всѣ подобныя споры должна бы рѣшать академія. Нуженъ же авторитетъ въ грамматикѣ. Востоковъ, Гречь состарились; всякому хочется выдумать свое, новое—не лучше ли бы было учредить третейскій судъ надъ всѣми—и этимъ судьею сдѣлать академію?

Мы писали о комитетахъ, которые учреждались въ дирекціи театра для чтенія и обсужденія пьесъ. Не лучше ли бы было поручить и это дѣло академіи: она читаетъ же теперь пьесы, представляемыя для конкурса. Не такой ли же конкурсъ и представленіе на сцену? Теперь только каждый отвергнутый авторъ говоритъ: «что за судьи забраковали мою пьесу? кто далъ имъ авторитетъ въ словесности и драматургіи? чѣмъ они докажутъ свое знаніе, чтобъ быть судьями въ этомъ дѣлѣ?»—и авторы отчасти правы. Академія, хотя бы она состояла и изъ такихъ же лицъ, имѣетъ уже государственное и общественное значеніе, которому всякій долженъ покориться. Вотъ, по нашему мнѣнію, средство подвинуть нашу драматургію впередъ. А если, сверхъ того, назначить еще премію за ежегодное лучшее театральное сочиненіе, тоже по рѣшенію академіи, то можно быть увѣреннымъ въ важной пользѣ подобнаго поощренія.

Въ продолженіе войны 1854—1856 годовъ было нѣсколько случайныхъ, патріотическихъ пьесъ, но всѣ онѣ не пережили своей эпохи, и въ литературѣ не осталось ничего. Простонародныя же пьесы, имѣвшія значительный успѣхъ, потому что у насъ любятъ все свое, мало-по-малу исчезаютъ на сценѣ.

Въ 1856 году праздновали столѣтній юбилей существованія русскаго театра, основаннаго Ѳ. Г. Волковымъ. Не изубыточились наши писатели въ своихъ усиліяхъ на этомъ конкурсѣ. Конечно, срокъ данъ былъ слишкомъ малый, и только двѣ пьесы удостоены преміи, и то не академію, которой авторитетъ много бы значилъ въ этомъ дѣлѣ. Комедія графа Соллогуба: «30-е августа 1756 года», составляла эпизодъ жизни Сумарокова, который сдѣланъ былъ первымъ директоромъ театра и который читалъ указъ объ этомъ императрицы Елисаветы. Прологъ же В. Зотова былъ поэтической отрывокъ, въ которомъ было много тирадъ и бездна именъ. Главное его достоин-

ство состояло въ одушевленіи и въ сочувствіи ко всему честному и дѣльному.

Въ послѣдніе три года (1855—1858) литература наша и сцена вдругъ обратились на новую колею. Уже со временъ Екатерины II всѣ честные и благонамѣренные русскіе начали стараться очистить съ нашего отечества грязь монгольскаго періода и эпохи самозванцовъ, когда сила и подкупъ были первымъ закономъ, и когда взяточничество считалось необходимою принадлежностью всякаго должностнаго лица. Екатерина II, Александръ I, а болѣе всѣхъ Николай I, употребили всѣ усилія, чтобъ истребить эту язву, привитую къ честнымъ славянскимъ нравамъ въ печальныя времена нашей исторіи, но зло, укоренившееся вѣками, только вѣками просвѣщенія и гласности могло быть истреблено. Съ первыхъ же минутъ новаго царствованія Александра II Россія вся встрепенулась благородною мыслию, чтобъ окончательно поразить гидру взяточничества. Во всѣхъ журналахъ и повѣстяхъ явились рассказы о племени древнихъ монголистовъ-взяточниковъ, одушевленные негодованіемъ. Всякій хотѣлъ содѣйствовать этой великой и благородной цѣли. Наконецъ, явилась на сценѣ комедія: «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей», и небывалый, колоссальный успѣхъ ея при 24-хъ представленіяхъ сряду доказывалъ, съ какою силою общественное мнѣніе стремится къ облагороженію русскаго имени.

Пойдетъ ли драматическая литература далѣе по этому прекрасному направленію, или остановлена будетъ независящими отъ нея причинами? Это обнаружить будущее. Но мы готовы всѣми силами содѣйствовать этому благородному порыву и поддерживать его.

Вотъ краткій очеркъ полувѣковыхъ наблюденій. Въ нихъ очень мало систематическаго; много пропусковъ и, вѣроятно, ошибокъ. всего же меньше анекдотовъ о театральномъ мірѣ. Цѣль моя состоятъ только въ томъ, чтобъ для будущей исторіи театра не забылись факты столѣтняго существованія театра въ Россіи. Онъ еще младенчествуетъ; но пусть отогрѣетъ его солнышко, животворящее нашу Русь, и тогда этотъ младенецъ будетъ расти не по днямъ, а по часамъ. Кто знаетъ, можетъ быть, и сбудется пророчество лести Вольтера Екатерины II: «просвѣщеніе придетъ къ намъ съ сѣвера».

Р. М. Зотовъ.

СРЕДИ ЕВРЕЕВЪ¹⁾.

VIII.

ОЛЬКО очутившись въ своей комнатѣ, которую на этотъ разъ, изъ предосторожности, я заперла на ключъ, я наконецъ свободно вздохнула и спокойно начала обдумывать все случившееся со мною въ этотъ достопамятный вечеръ. Опасность пребыванія въ домѣ Бердическихъ я сознавала, не смотря на одержанную случайно побѣду, благодаря выдумкѣ о документахъ: одно изъ двухъ, или евреи какъ нибудь догадаются о моей хитрости, и тогда мнѣ пощады не будетъ; или же они придутъ къ заключенію, что мертвые документы безъ живаго свидѣтеля, который могъ бы придать имъ необходимое освѣщеніе и растолковать ихъ значеніе, не такъ страшны, и мнѣ опять не сдобровать. Во всякомъ случаѣ, многое зависѣло отъ моего дальнѣйшаго образа дѣйствія, и я тщательно обдумывала, какъ мнѣ поступить. Что бѣжать и скрыться изъ этого дома мнѣ не дадутъ, что надо мною, вѣроятно, уже установленъ тайный надзоръ, отъ котораго мнѣ не удастся скрыть ни одного своего шага,—въ этомъ я была убѣждена. Я ходила взадъ и впередъ по своей комнатѣ и обдумывала свое положеніе, не скрою.—я боялась будущаго и трусила... Наединѣ съ самой собой, отдавая себѣ ясный отчетъ въ случившемся, я не могла не сознавать, съ какими

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVI, стр. 54.

врагами предстоит мнѣ бороться! Сумѣю ли я до конца перехитрить этихъ, искусившихся во лжи, интригахъ и обманахъ людей, которые для достиженія своихъ цѣлей не признаютъ никакихъ препятствій и не останавливаются ни предъ какими средствами? И буду ли я такъ же находчива завтра, послѣзавтра и всѣ остальные дни, которые я еще буду вынуждена прожить въ ихъ средѣ, сохраню ли настолько же хладнокровіе, какъ это удалось мнѣ сегодня?.. Тщетно напрягая умъ, я не могла придумать опредѣленнаго и плана, по которому мнѣ слѣдовало бы дѣйствовать. Такъ какъ, кромѣ нравственнаго потрясенія, я была въ высшей степени утомлена физически, то рѣшилась больше ни о чемъ не думать и лечь спать...

Долго ворочалась я съ боку на бокъ. Не смотря на утомленіе, мысли, одна другой безотраднѣе, осаждали мою бѣдную голову; ненавистныя лица, словно живыя, вставали передо мною, въ ухахъ моихъ раздавались ихъ голоса, и я вторично переживала страшную сцену въ саду; мнѣ казалось, что Трындинъ опять обхватилъ меня своими крѣпкими руками и старается задушить. Я изъ всѣхъ силъ отбивалась, царапала ему лицо, укусила его, а онъ все продолжаетъ меня душить... Я вскрикнула отъ боли и ... проснулась. Такъ это былъ сонъ!.. Какой счастливой я себя почувствовала, точно вновь спаслась отъ страшной опасности.

Я спрыгнула съ кровати, опустила на колѣни и начала молиться. Такъ горячо, съ такимъ чувствомъ я давно не молилась, съ самаго ранняго дѣтства.

Когда я вторично легла въ постель, то почувствовала себя совершенно успокоенной и, закрывшись съ головой одеяломъ, чтобы свѣтъ не мѣшалъ мнѣ, почти моментально заснула, какъ убитая.

Съ слѣдующаго дня обращеніе со мной всѣхъ обитателей и гостей дома Бердичевскихъ, за исключеніемъ Лейбы и самого ребѣ Боруха, совершенно измѣнилось. Къ прежнему заискиванію т-те Бердичевской и вѣжливо дружескому обхожденію Михаила Борисовича прибавилась какая-то нестерпимая угодливость, вызванная страхомъ. Супруги буквально смотрѣли мнѣ въ глаза и старались не только выполнять малѣйшія мои желанія, но и угадывать ихъ. Въ домѣ воцарилась въ высшей степени странная, напряженная, тяжелая атмосфера. Трындинъ и Вайнеръ стали являться ежедневно, но не къ обѣду, а гораздо позже, когда старикъ удалялся уже къ себѣ. Лица ихъ были хмуры и грустны. Каждый день они, улучивъ минуту, обращались ко мнѣ съ вопросами: долго ли я намѣрена мучить ихъ и когда, наконецъ, покончу съ ними дѣло? Я старалась казаться спокойной и подъ разными предлогами откладывала рѣшительное съ ними объясненіе. Надо было видѣть, какими взглядами провожали они меня всякій разъ, когда въ назначенное время я отправлялась въ кабинетъ ребѣ Боруха для обычныхъ за-

нѣтъ! Даже чахоточный Треймлеръ и тотъ, очевидно, былъ посвященъ въ тайну. Оставаясь вѣренъ своему кумиру, м-ме Бердичевской, онъ попрежнему торчалъ постоянно около нея, но гораздо меньше надѣдалъ ей своимъ ухаживаніемъ и все устремлялъ на меня взгляды, полные укора и ненависти.

Стараясь казаться спокойной, я чувствовала себя весьма скверно, живя среди враговъ и по необходимости разыгрывая съ ними комедію. Нечего говорить о томъ, что все время я была насторожѣ и точно также наблюдала за ними, какъ они за мной. Въ домѣ появилось нѣсколько новыхъ слугъ съ отвратительными фізіономіями, которые, безъ сомнѣнія, должны были исключительно слѣдить за мною, такъ какъ и до ихъ появленія слугъ было достаточно въ домѣ и въ новыхъ не было никакой надобности. Что это было такъ, убѣдило меня стараніе новыхъ слугъ не попасться на глаза ребѣ Боруху, который и не подозрѣвалъ объ ихъ существованіи въ домѣ.

Какъ я уже замѣтила, одинъ Лейба продолжалъ обращаться со мной попрежнему. Оно и понятно. Ему не довѣрили тайны, потому что его боялись. У Лейбы отъ ребѣ Боруха не могло быть секретовъ, и онъ скорѣе отказался бы отъ «царства небеснаго», чѣмъ согласился бы скрывать что нибудь отъ своего господина, предъ которымъ благоговѣлъ и котораго любилъ и почиталъ, какъ Бога. Это былъ человѣкъ не особенно умный, но правдивый, честный, съ привязчивой душой. Лукавить онъ совсѣмъ не умѣлъ и говорилъ всегда то, что думалъ. Узнавъ его близко, такъ какъ онъ являлся ко мнѣ ежедневно на часъ, на два, для занятій еврейскимъ языкомъ, я положительно полюбила этого простаго, безхитростнаго человѣка съ специфическими жидовскими ужимками, къ которымъ я долго не могла привыкнуть, съ грубыми манерами и рѣзкими тѣлодвиженіями жидо-простолудина, но съ несомнѣнно доброй душой и безусловно правдиваго и честнаго. Съ Лейбой мнѣ было очень трудно хитрить самой и притворяться, и въ его присутствіи меня всегда угнетала мысль объ обманѣ; не будь онъ такъ фанатически настроенъ противъ христіанъ и такъ беззавѣтно преданъ своему господину, я, безъ сомнѣнія, во всемъ бы ему призналась. Бывали минуты, когда, не смотря ни на что, признаніе готово было сорваться съ моего языка, и если этого не случилось, то я должна благодарить Бога, какъ выяснилось потомъ. Я, конечно, сильно поплатилась бы за свою откровенность. Въ Лейбѣ чувства еврея были сильнѣе всякихъ другихъ чувствъ.

Какъ бы то ни было, въ эти тяжелые дни я еще больше привязалась къ Лейбѣ и, когда онъ являлся ко мнѣ, старалась удерживать его подольше. За мою симпатію къ нему онъ платилъ мнѣ искренней преданностью, и я увѣрена, что послѣ ребѣ Боруха онъ полюбилъ меня больше всѣхъ людей на свѣтѣ. Мои успѣхи въ еврейскомъ языкѣ его приводили въ восторгъ, онъ ими

гордился и хвасталъ. При одной мысли, что я могу оставить домъ Бердичевскихъ и уѣхать въ Петербургъ, онъ приходилъ въ отчаяніе. Отъ времени до времени онъ довольно не смѣло сталъ мнѣ намекать, что я уже дѣвушка въ лѣтахъ, и что мнѣ пора замужъ. Я каждый разъ его останавливала и заявляла, что прошу его объ этомъ не заботиться. Но въ эти тяжелые дни, желая его подольше удерживать въ своей комнатѣ, чтобы не остаться одной съ своими тревожными мыслями, я не прерывала его, не останавливала и позволяла говорить о чемъ угодно, даже о моемъ замужествѣ. Оказалось, что у Лейбы былъ для меня и женихъ наготовѣ. И какъ онъ его расписывалъ; по его словамъ, это былъ женихъ рѣдкостный: и талмудистъ выдающійся, и всякія христіанскія науки изучившій, и богатый, и знатный, и совѣмъ былъ бы красавецъ, еслибъ не бѣльмо на правомъ глазу...

— Но что за бѣда? Онъ, слава Богу, не безрукій и не безногій, и однимъ лѣвымъ глазомъ видитъ лучше, чѣмъ другіе обоими глазами. Не даромъ же занимается письмоводствомъ и заправляетъ всѣми кагальными дѣлами; значитъ, великій у него умъ, большая изворотливость и много, ой, очень много пониманія!.. Самъ ребъ Борухъ его цѣнить, и еслибъ не случилась такая выдающаяся дѣвица, какъ вы, вѣрно взялъ бы его къ себѣ въ секретари... Положимъ, отъ первой жены, да живетъ память о ней вѣчно (очень благочестивая была, еврейка), остались у него три мальчика и одна дѣвочка... Но что это за дѣточки, что это за ангелочки!.. Вы ихъ полюбите и замѣните имъ мать, за что Господь вознаградитъ васъ и дастъ вамъ собственное славное потомство...

И долго разглагольствоваль Лейба въ этомъ родѣ. Я его не прерывала и слушала.

Такъ однообразно, монотонно и скучно потянулись для меня дни за днями въ домѣ Бердичевскихъ, что я была рада обществу Лейбы, а занятія съ самимъ ребъ Борухомъ служили мнѣ развлеченіемъ, и я съ гораздо большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ прежде, ожидала наступленія назначеннаго часа, чтобы отправиться къ нему въ кабинетъ.

Когда мы кончали съ нимъ занятія, онъ обыкновенно задерживалъ меня на нѣкоторое время и бесѣдовалъ со мною о разныхъ предметахъ. Ребъ Боруха рѣшительно все на свѣтѣ интересовало. Онъ задавалъ мнѣ вопросы о новыхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ и слушалъ мои отвѣты съ нескрываемымъ интересомъ, сосредоточенно. Самъ онъ почти никогда не говорилъ и только слушалъ. Иногда, когда чтонибудь изъ моихъ рассказовъ его особенно поражало, онъ, бывало, послѣ нѣкоторой паузы скажетъ: «Тутъ въ сущности нѣтъ ничего новаго... Въ нашихъ старыхъ книгахъ обо всемъ этомъ, написано и все это извѣстно было еврейскимъ мудрецамъ... Еслибъ мы съ тобой знали талмудъ, все это намъ было бы давно

извѣстно... Еще «Кегелесъ» (Эклезіастъ) говоритъ: «ничего нѣтъ новаго подъ луной», и это также вѣрно, какъ то, что, кромѣ Бога Израиля, нѣтъ Бога, а мы избранныя чада Его»...

Чѣмъ больше шло время, тѣмъ продолжительнѣе становились наши бесѣды послѣ обычныхъ занятій. Я имъ не придавала особаго значенія и думала, что ребъ Борухъ просто отъ скуки удѣляетъ мнѣ столько времени и интересуется моими разказами. Я никоимъ образомъ не предполагала, что онъ имѣетъ еще какіе нибудь виды на мою особу, и что я своимъ присутствіемъ въ его неуютномъ кабинетѣ доставляю ему удовольствіе. А потому я была весьма мало подготовлена къ тому, что вскорѣ случилось.

На десятый день послѣ сцены, которую устроилъ мнѣ Трындинъ въ саду, ребъ Борухъ, любившій во всемъ порядокъ и не отступавшій отъ своихъ привычекъ, неожиданно потребовалъ меня къ себѣ за два часа раньше обыкновеннаго. Признаюсь, я сильно струсила: ужъ не узналъ ли онъ все? Не придется ли мнѣ съ нимъ самимъ имѣть дѣло? Такая перспектива не могла мнѣ улыбаться. Съ Трындинымъ, Вайнеромъ и другими жидами, я чувствовала, что могу бороться: повѣрили же они выдумкѣ о документахъ... Но бороться съ ребъ Борухомъ, который все видитъ съ закрытыми глазами—это было нелегко... Я отправилась къ нему въ кабинетъ со страхомъ и въ тревогѣ. Не уменьшились мои тревоги и страхъ и тогда, когда я переступила порогъ его кабинета, и ребъ Борухъ, стоя и опершись обѣими руками сзади о столъ, встрѣтилъ меня упорнымъ взглядомъ совершенно открытыхъ глазъ, сверкавшихъ непоколебимой рѣшимостью.

— Онъ все знаетъ,—промелькнуло у меня въ головѣ. Я затрепетала, и еслибъ пауза продлилась минутой больше, я бы не выдержала, бросилась бы къ ногамъ его, молила бы о пощадѣ и... вѣроятно, погубила бы себя безвозвратно...

— Дочь моя... Моя Пешенька, — прозвучалъ въ моихъ ушахъ дрожащій голосъ ребъ Боруха, и какъ ни была я разстроена, не могла не уловить въ этомъ голосѣ какой-то особенной теплоты и задушевной тревоги и нѣсколько успокоилась. — Моя Пешенька, — продолжалъ между тѣмъ ребъ Борухъ, — выслушай меня до конца; обдумай, что я скажу тебѣ, и дай мнѣ мудрый отвѣтъ на мои слова... Садись же, моя дорогая... Садись, мой бриллиантъ... Дѣло серьезное, его надо обсудить со всѣхъ сторонъ...

Я немедленно опустила на ближайшую табуретку; усѣлся и ребъ Борухъ.

— Такъ ты готова выслушать меня, Пешенька?—заискивающе, несмѣло произнесъ ребъ Борухъ.

— Говорите,—произнесла я, удивленная такимъ непривычнымъ и страннымъ его обращеніемъ со мною.

Но ребъ Борухъ не торопился. Онъ полузакрывъ глаза, нахму-

рилъ лобъ, очевидно, что-то обдумывая. Теперь страхъ мой предъ нимъ прошелъ совсѣмъ, и какое-то жгучее любопытство овладѣло мною.

Но вотъ ребъ Борухъ всталъ, приблизился ко мнѣ и въ первый разъ за все время нашего знакомства притронулся къ моей рукѣ и произнесъ твердымъ голосомъ:

— Хочешь ты быть моей женой?..

И, не давъ мнѣ опомниться, онъ продолжалъ:

— Ты умна, ты добродѣтельна, ты должна согласиться. Моя старость не должна смущать тебя. Бракъ твой со мной—дѣло угодное Богу. Самъ Богъ привелъ тебя въ мой домъ, чтобы ты стала моей женой. Когда я увидѣлъ тебя въ первый разъ, когда ты такъ смѣло и правдиво заговорила со мной, я былъ удивленъ и пораженъ. Я понялъ тотчасъ, что ты одна изъ тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, о которыхъ говоритъ пророкъ: «кто найдетъ мужественную жену, а приобрѣвшій такую долженъ цѣнить ее превыше дорогихъ камней». Двадцать два года я вдовѣю и не думалъ о вторичной женитьбѣ, но пришла ты, и самъ Богъ вразумилъ меня взять тебя въ жены... Объ этомъ и говоритъ великій «цадикъ» (праведникъ) и духовидецъ ребъ Наэтолий, будь благословенно имя его во вѣки вѣковъ, въ своемъ письмѣ, которое я сегодня получилъ. Безъ его согласія и безъ его благословенія я бы не рѣшился предложить тебѣ быть моей женой. Слушай же, что онъ пишетъ...

Ребъ Борухъ взялъ со стола письмо и прочелъ его вслухъ.

«Богобоязненному, великому во Израилѣ мудрецу, богатѣйшему изъ богатыхъ, добродѣтельному отцу нищихъ и убогихъ, великой красѣ синагоги, рабби Боруху, сыну Гилеля, да свѣтятся вѣчно свѣтильникъ его мудрости и свѣтильникъ его праведной души среди Израиля. Аминь!

«Ваше, полное мудрости, письмо я получилъ. Дабы отвѣтъ мой согласовался съ предназначеніями Божьими, я роздалъ нищимъ присланную вами сумму и три дня и три ночи провелъ въ молитвѣ, бесѣдуя съ Богомъ и Его ангелами, безъ пищи. Въ первый день мнѣ не было никакого видѣнія. «Катлоцонимъ» (духи зла) ухитрились, вѣроятно, устроить такъ, чтобы слабый голосъ мой не дошелъ до седьмага неба, гдѣ засѣдаетъ въ величіи Своемъ Самъ Богъ-Цавоотъ, окруженный Своими святыми ангелами. Чтобы отвлечь отъ моей молитвы проклятыхъ «катлоцонимъ», я пустился на хитрость. На слѣдующій день я уже не взывалъ къ Богу своимъ голосомъ, а мысленно весь устремился къ Нему и взывалъ къ Нему въ моихъ думахъ. «Катлоцонимъ» были посрамлены въ козняхъ своихъ, и думы мои дошли до Господа. Поздно вечеромъ втораго дня было мнѣ видѣніе: я услыхалъ знакомый голосъ любимаго моего ангела Гавріила, который съ великой нѣжностью вопрошалъ меня: «О чемъ взываешь ты, праведный Наэтолий, къ Господу?»

Я отвѣтствовалъ: «Взываю къ Господу моему, дабы Онъ открылъ мнѣ, предназначена ли Имъ въ жены премудрая дѣвица Пеша добродѣтельному и праведному мужу рабби Боруху, сыну Гилеля? И, если такова воля Его, чтобы дѣвица Пеша стала женою праведника рабби Боруха, то будетъ ли бракъ сей многоплоденъ, и благословить ли Господь ихъ союзъ долготѣемъ?» Задумался ангелъ Гавріиль, а потомъ изрекъ: «Объ этомъ надобно мнѣ Самого Бога вопрошать. Ты знаешь, Самъ Онъ соединяетъ людей въ пары; Самъ Онъ предначертываетъ имъ путь жизни, даруетъ имъ потомство и предназначаетъ имъ вкушать блаженство, по заслугамъ ихъ. Пребывай въ постѣ и молитвѣ до вечера слѣдующаго дня; я самъ буду молиться и взывать къ Господу вмѣстѣ съ тобой. Когда же, при захожденіи солнца вмѣстѣ со всѣми ангелами явлюсь предъ Нимъ, чтобы отдать Ему отчетъ о моихъ дѣяніяхъ, и Онъ спроситъ меня, о чемъ цѣлый день я молился, и почему моя молитва слышалась Ему одновременно съ твоею, я паду ницъ предъ Нимъ и буду умолять Его, дабы открылъ Онъ и мнѣ судьбу премудрой дѣвицы Пешы и праведнаго мужа Боруха, сына Гилеля. И когда Богъ-Цавоотъ внемлетъ просьбѣ моей и откроетъ мнѣ судьбу ихъ, я безъ замедленія, при первой возможности, явлюсь вторично къ тебѣ и все расскажу и открою...». Голосъ святаго ангела, который раздавался въ ухахъ моихъ, какъ музыка рая, умолкъ, и я понялъ, что онъ отлетѣлъ отъ меня, сиѣша на службу Богу Нашему. Тутъ я окончательно укрѣпился духомъ и окрылился надеждой, что судьба твоя и дѣвицы Пешы будетъ мнѣ возвѣщена Богомъ чрезъ ангела Его Гавріила. Такъ и случилось. Всю ночь провелъ я безъ сна, въ молитвѣ; слѣдующій день провелъ я въ уединеніи, тоже взывая къ Господу. Насталъ вечеръ, отъ поста и бдѣнія ослабло дряблое тѣло мое. И то сказать, года мои велики, и силы молодости давно покинули меня, изможденнаго и дряхлаго старика, но крѣпокъ и мощенъ духъ мой, ибо со мной Богъ! Появилась первая звѣзда—моментъ, когда ангелы Божіи являются предъ Нимъ. Я удвоилъ и утроилъ мои мольбы къ Господу и усугублялъ мои молитвы, не смотря на усталость. Ровно въ полночь моя убогая комната освѣтилась свѣтомъ неземнымъ. На этотъ разъ ангелъ Гавріиль предсталъ предо мною во всей своей небесной красотѣ, окруженный сіяніемъ. Небесная радость озарила черты его лица. Онъ дружески привѣтствовалъ меня наклоненіемъ головы и торжественно изрекъ: «Праведный Наотолій, ликуй и радуйся! Внялъ Господь-Цавоотъ молитвамъ нашимъ и чрезъ меня, посланника Его, возвѣщаетъ тебѣ, что премудрая дѣвица Пеша Имъ Самимъ предназначена въ жены добродѣтельному Боруху, сыну Гилеля, и будетъ союзъ ихъ не бесплоденъ, и родится отъ этого брака «бенъ зкунимъ» (сынъ старости), который выростетъ на славу и будетъ возвеличенъ Господомъ и поставленъ въ челѣ народа Его, который поведетъ онъ по стезѣ,

предназначенной Богомъ, къ миру и славѣ!». Святой ангелъ умолкъ, возложилъ руки свои на мою голову, молча благословилъ меня и исчезъ. Улетѣлъ ангелъ Божій, и вмѣстѣ съ нимъ исчезло сіяніе изъ моей убогой комнаты.

«Когда я пришелъ въ себя отъ охватившаго меня радостнаго чувства, то ощущалъ величайшую слабость и поспѣшилъ подкрѣпить свое бренное тѣло скудной пищей; потомъ я легъ спать, и Богъ послалъ мнѣ сонъ сладкій и укрѣпляющій. На слѣдующій день, помолившись Богу, приступилъ я къ составленію настоящаго посланія.

«Итакъ, велика и обильна Божья милость къ вамъ: на склонѣ лѣтъ вашихъ, Онъ предназначилъ вамъ въ утѣшеніе премудрую дѣвственницу въ жены. Радуюсь за васъ и ликую, ибо достойны вы Его милостей, какъ истый еврей, преданный сынъ синагоги! Недаромъ же сказано: «Вознаграждаетъ Господь оставшихся ему вѣрными и наказуетъ отступившихъ отъ Него». Да, вознаграждая васъ за добродѣтель, Онъ этимъ самымъ наказываетъ «апокореса» (отступника) Оршанскаго, отца вашей невѣстки, который въ гордынѣ своей забылъ Бога отцовъ и не только изъ правовѣрнаго «хасида» моего стада превратился въ трижды проклятаго «миснагеда», не признаетъ больше меня, какъ «цадика», отрекается отъ «кабалы» и «зогара», но даже братается съ иновѣрцами, не соблюдаетъ святого постановленія о «копирной» пищѣ и не высылаетъ мнѣ уставленнаго «пидіона» (дань). Зато и наказуетъ его Господь въ дѣтяхъ его, какъ сказано: «И взыщу Я до третьяго и четвертаго поколѣнія отъ отступившихъ отъ Меня». Его дочь, а ваша невѣстка, не дала сыну вашему мужского потомства, и вамъ, вѣрному сыну синагоги, предназначилъ Господь премудрую дѣвственницу, отъ которой родится мужъ праведный, будетъ продолжателемъ вашего потомства, и ему вы оставите въ наслѣдство накопленныя вами богатства.

«Да, неисчерпаема милость Божія, и справедливость Его безпредѣльна! Желая подражать моему Господу, отличившему васъ и вызскавшему васъ своими милостями, рѣшилъ я обрадовать васъ извѣстіемъ, что, не смотря на тяжесть лѣтъ моихъ, на мою дряхлость и на дальній путь, приѣду на вашу свадьбу, дабы лично благословить васъ и премудрую дѣвственную Пешу, а вы немедленно вышлите мнѣ путевыя издержки, а для моихъ бѣдныхъ достаточную сумму, которую предоставляю самимъ вамъ опредѣлить, ибо сказано: «Подаяніе спасаетъ отъ смерти». Свадьбѣ вашей быть въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Абъ, 17-го числа, въ пятницу, наканунѣ субботы «Нахму».

«Пребываю къ вамъ съ любовью, Наѳтолій, цадикъ лохвицкій и раввинъ.

«Писано въ Лохвицѣ, нашей резиденціи, въ лѣто отъ сотворенія міра 6.65*, въ 26 день мѣсяца Тамуза».

Надо было видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ ребъ Борухъ читалъ это странное посланіе знаменитаго чародѣя и духовидца Наэтолія.

Когда ребъ Борухъ окончилъ чтеніе письма, онъ благоговѣйно поднесъ его къ губамъ и поцѣловалъ то мѣсто, гдѣ находилась подпись великаго духовидца. Потомъ онъ тщательно сложилъ письмо и положилъ на прежнее мѣсто. Съ блаженной улыбкой на лицѣ, взявъ мою руку, онъ произнесъ:

— Такъ вотъ, золотая моя Пеша... Видишь, самъ Богъ предназначилъ тебя мнѣ въ жены... Отнынѣ ты моя невѣста, а я твой женихъ, но, до поры до времени, мы сохранимъ это въ тайнѣ... Впрочемъ, недолго будемъ мы скрываться... Суббота «нахму» не за горами... Черезъ двѣнадцать дней пріѣдетъ рабби Наэтолій, и въ одинъ день мы отпразднуемъ «кипюнь» (малое обрученіе), «тноимъ» (большое обрученіе) и «хупе» (свадьбу)... И ты, бѣдная дѣвушка, въ потѣ лица до сихъ поръ добывавшая себѣ пропитаніе, сдѣлаешься женою миллионера... Вѣдь ты сама знаешь, у меня миллионы!.. А знаешь ли ты, что значать миллионы?.. Это сила, это власть, это могущество!.. Снилось ли тебѣ, бѣдной гувернанткѣ, обладать этой силой, этой властью, этимъ могуществомъ? Нѣтъ, не снилось, и сниться не могло! Но Богъ захотѣлъ, и случилось чудо: ты попала въ мой домъ, я оцѣнилъ тебя и беру въ жены, и невозможное стало возможнымъ.... Понимаешь ли ты твое счастье? Чувствуешь ли, какъ велика и обильна милость Бога къ тебѣ?..

Говоря это, онъ то смотрѣлъ на меня какъ-то особенно странно. Своими большими, открытыми глазами онъ глядѣлъ на меня въ упоръ, какъ собственникъ и господинъ, которому я отнынѣ всецѣло принадлежу. Самонадѣяннѣе, торжественнѣе и тверже обыкновеннаго звучалъ его голосъ; не то блаженная, не то хищно-чувственная улыбка играла на толстыхъ губахъ его. Но какъ ни старался онъ держаться прямо, ему это не удавалось: нѣтъ, нѣтъ, а голова опускалась, а онъ опять выпрямлялся и поднималъ ее.

— Я прожилъ долгую жизнь, — продолжалъ онъ въ какомъ-то экстазѣ, — и никогда не думалъ, не воображалъ, что можно такъ полюбить женщину, какъ люблю я тебя! Я ночей не спалъ и все думалъ о тебѣ!.. Даже во время молитвы и тутъ мерещился мнѣ твой образъ, и въ ушахъ моихъ раздавался твой голосъ!.. Я крѣпился, долго крѣпился, и всѣми силами гналъ отъ себя грѣховныя мысли, думая, что Господь испытываетъ раба Своего, разрѣшая нечистымъ силамъ искушать меня... Но пришелъ день, когда муки мои стали сильнѣе меня, и я смиренно изложилъ все, что творилось въ наболѣвшей душѣ моей, на бумагѣ и отправилъ мою исповѣдь величайшему во Израилѣ мужу по святости: славному и могущественному рабби Наэтолію... Со страхомъ и трепетомъ ожидалъ я его отвѣта! И вотъ этотъ отвѣтъ пришелъ и принесъ мнѣ такое

счастье, испытать которое я никогда не надѣялся!.. Этотъ отвѣтъ вторично подарилъ мнѣ жизнь, вдохнулъ въ меня новыя силы, и я чувствую себя почти молодымъ!.. Мой брилліантъ, мой перлъ, мое золото! ты знаешь теперь, что Самъ Богъ вселилъ во мнѣ то чувство, которое питаю къ тебѣ, и оно не только не грѣховно, но оно свято, потому что ты мнѣ предназначена, потому что ты... ты моя, Богомъ мнѣ данная!..

Послѣднія слова онъ произнесъ съ особенной силой, выкрикивая ихъ, и моментально весь вздрогнулъ. Съ опущенной головой подошелъ онъ къ своему креслу, не безъ труда придвинулъ его къ моему табурету, опустился на него, тяжело вздохнулъ, полузакрывъ глаза и опять заговорилъ своимъ обычнымъ, дребезжащимъ отъ старости голосомъ:

— Не за красоту твою, не за молодость твою полюбилъ я тебя... Видѣлъ и встрѣчалъ я въ своей долгой жизни много женщинъ и дѣвушекъ красивѣе тебя... Но никогда ни одна женщина не тронула моего сердца... Даже моя покойная Рахиль, да сохранится навѣки память о ней, она была мнѣ вѣрной спутницей въ жизни, не внушала мнѣ ничего подобнаго, что внушила мнѣ ты... А вѣдь и она была красива, и она была молода!.. Почему же не питаю я къ ней то чувство, которое питаю къ тебѣ? И почему это чувство появилось во мнѣ, когда я старъ и дряхлъ и не знаю я его, когда былъ молодъ и силенъ? Въ долгія, бессонныя ночи я все думалъ объ этомъ и не находилъ отвѣта на эти вопросы. Теперь же мнѣ все ясно: моей долгой трудовой жизнью угодилъ я Господу Богу, и Онъ въ милосердіи Своемъ вознаграждаетъ меня за труды мои въ пользу моихъ единовѣрцевъ... Не захотѣлъ Богъ, чтобы работа всей моей жизни пропала даромъ и прекратилась вмѣстѣ съ жизнью моею. Я видѣлъ, что глупый сынъ мой, Михаелъ, не предназначенъ Богомъ продолжать дѣло мое, сокрушался объ этомъ и даже, въ невѣдѣніи своемъ, ропталъ на Бога: зачѣмъ вывелъ онъ меня изъ ничтожества, благословилъ труды мои, далъ мнѣ большой умъ и большое богатство? Неужели,—мыслилъ я,—все это дано мнѣ Богомъ для того, чтобы оно исчезло съ лица земли, когда Онъ призоветъ меня къ себѣ? Неужели пріобрѣтенное мною съ такимъ трудомъ богатство въ рукахъ глупаго сына разсѣется, какъ дымъ, и медленно, съ великими усиліями воздвигнутое зданіе рухнетъ? Мысли эти причиняли боль моему сердцу и жгли мнѣ внутренности! И если я не возропталъ на Бога, и духъ мой не возмутился противъ Него, то въ этомъ я вижу особое чудо Его и великую Его милость ко мнѣ. Онъ не захотѣлъ, чтобы я отвернулся отъ Него! Онъ въ благодати Своей сохранилъ во мнѣ вѣру въ Него, какъ сохранилъ Онъ ее Іову, пославъ ему страданія и муки, во сто кратъ больше моихъ. И какъ многострадальнаго Іова вознаградилъ Онъ сторицей за ниспосланныя страданія и муки, такъ и меня, недостойнаго раба Сво-

его, еще больше взыскалъ Онъ своими милостями, создавъ тебя съ душою, мнѣ родственною, и предназначивъ тебя мнѣ въ жены!.. Въ твоихъ рукахъ не погибнетъ дѣло рукъ моихъ, не разсѣются по вѣтру накопленные мною богатства, не рухнетъ мое зданіе!.. Израиль найдетъ въ тебѣ достойную работницу, преданную слугу и мудрую руководительницу, а сынъ нашъ, который обѣщанъ намъ Богомъ, чрезъ избранника Его рабби Наэтолія, будетъ достоинъ и меня и тебя!..

Голосъ ребъ Боруха опять зазвучалъ твердо и громко. Непоколебимое убѣжденіе вѣрующаго фанатика слышалось въ каждомъ его словѣ. Но вотъ онъ нервно вскочилъ со своего кресла, пронзилъ меня помутившимся взглядомъ и, сжавъ мои руки своими костлявыми пальцами, восторженно прохрипѣлъ:

— А ты, мой перлъ, мой брилліантъ, мое золото!.. Ты дороже мнѣ всего на свѣтѣ... моей славы!.. моихъ богатствъ!.. моихъ драгоценностей!.. За тебя я готовъ отдать все и сдѣлаться нищимъ! За тебя я готовъ отказаться отъ царства небеснаго, отъ рая!..

Этотъ хриплый голосъ въ соединеніи съ судорогами, искажившими всѣ черты его лица, испугали меня. Къ тому еще костлявые пальцы его до боли прищемили мои руки, и мнѣ казалось, что огромный паукъ опуталъ меня въ сѣти свои и вотъ-вотъ вопьется въ тѣло мое и высосетъ всю кровь.

— Пустите!.. Пустите!.. — крикнула я во весь голосъ, стараясь изъ всѣхъ силъ выдернуть свои руки изъ костлявыхъ его пальцевъ. — Пустите, ради Бога, мнѣ больно!..

Ребъ Борухъ выпустилъ наконецъ мои руки, но съ минуту продолжалъ еще смотрѣть на меня прежнимъ, помутившимся взглядомъ, съ искаженнымъ судорогами лицомъ. Страхъ мой предъ нимъ не уменьшился: я боялась, что онъ вторично набросится на меня, и тогда... Но вдругъ я словно пробудилась отъ охватившаго меня кошмара, и при одной мысли, что этотъ слабый старикъ устранилъ меня, вся гордость моя возмutilась. Я почувствовала, какъ переполнилась вся негодованіемъ, и прикоснись вторично ребъ Борухъ ко мнѣ своими костлявыми пальцами, я была способна ударить его, уничтожить на мѣстѣ!..

На мое и его счастье этого не случилось. Ребъ Борухъ пришелъ окончательно въ себя, вторично усѣлся въ кресло и слабымъ, чуть слышнымъ голосомъ, продолжая смотрѣть на меня въ упоръ болѣе спокойно, проговорилъ рѣшительно:

— Я все сказалъ тебѣ, что нужно было. Итакъ, мы съ тобой женихъ и невѣста. Приѣдетъ рабби Наэтолій, и мы обвѣнчаемся... Скажи же, мое золото; скажи же, мой перлъ; скажи, мой брилліантъ, ты довольна, ты счастлива?..

До сихъ поръ ребъ Борухъ не давалъ мнѣ возможности промолвить хоть одно слово, и я съ великимъ недоумѣніемъ слушала его

странное объясненіе въ любви, оно меня даже не оскорбило. Сначала мнѣ все это показалось очень смѣшнымъ, и я даже заинтересовалась, какъ письмомъ рабби Наэтолія, такъ и той ролью влюбленнаго жениха, въ которой предсталъ предо мною суровый старикъ-аскетъ. Но, когда онъ испугалъ меня безумнымъ взглядомъ и, обуреваемый страстью, до боли ущемилъ мои руки своими костлявыми, сухими пальцами,—я до того была возмущена случившимся, и въ груди моей поднялась такая злоба, что я готова была уничтожить этого гадкаго старика и дорого бы дала за возможность причинить ему боль, насмѣхаться надъ нимъ, издѣваться... Съ какимъ наслажденіемъ я крикнула бы ему въ лицо: «Твой «падикъ» и великій чародѣй, ребъ Наэтолій, жалкій обманщикъ и шарлатанъ!.. Онъ не только не бесѣдуетъ съ ангелами Божьими и никакихъ духовъ не видитъ, но просто торгуетъ именемъ Божьимъ, благодаря такимъ глупымъ фанатикамъ, какъ ты, старикъ, которые слѣпо ему вѣрятъ... А вотъ тебѣ и доказательство: онъ отъ имени Бога обѣщаль тебѣ меня въ жены—такъ бери же меня, я согласна, но знай—я не еврейка, я христіанка! Мое имя не Пеша, тебя надули... Предъ тобою Пелагея Борисовна С., которая презираетъ тебя, твое богатство и твой народъ!..». Признаюсь, чувства мои въ данный моментъ были не хорошія, не христіанскія, но вѣдь слишкомъ много пришлось мнѣ испытать въ этомъ домѣ, и теперь представлялся такой удобный случай отомстить этому врагу челоуѣчества и за нанесенное мнѣ лично оскорбленіе и за все причиненное имъ зло въ теченіе его долгой преступной жизни христіанамъ вообще...

— Отчего молчишь ты, Пешенька? — чербилъ мои думы старикъ.—Скажи хоть слово... Или ты все еще не можешь прійти въ себя и освоиться съ свалившимся тебѣ прямо съ неба великимъ счастіемъ?.. О моя радость, о мое утѣшеніе, произнеси хоть слово... Дай мнѣ насладиться звуками твоего голоса, которые для ушей моихъ слаще музыки рая... Говори же, говори, Пешенька... Скажи мнѣ, какъ ты счастлива...

Я, должно быть, очень зло посмотрѣла на ребъ Боруха, потому что лицо старика сдѣлалось положительно страшнымъ. Сурово сверкнулъ онъ на меня широко открытыми глазами, лобъ его покрылся морщинами, и я замѣтила, какъ судорожно сжалъ онъ кулаки.

— Или я ошибся въ тебѣ? — произнесъ онъ грозно. — Или ты не богобоязненная, мудрая дѣвственница, которая слѣпо, не разсуждая, должна исполнять повелѣнія Бога?.. Не думаешь ли ты упорствовать и пойти противъ Самого Бога?.. Такъ знай же, глупая дѣвица!.. Божья воля будетъ исполнена наперекоръ твоимъ желаніямъ, и ты будешь моей женой, потому что Онъ такъ хочетъ!.. Сейчас же прикажу, чтобы явились два свидѣтеля, при нихъ насильно надѣну на твой палецъ обручальное кольцо, произнесу брачную формулу, и ты станешь моей женой по закону Авраама, Исаака и Іакова!.. И исполнится воля Божія!..

Эта бурная выходка ребъ Боруха подѣйствовала на меня отвращающимъ образомъ. Я вспомнила, что въ его домѣ меня со всѣхъ сторонъ окружаютъ опасности, что я въ его власти, и что какъ мнѣ это ни тяжело, я должна сохранить расположеніе ребъ Боруха и не выдавать себя ему головой. Сдѣлавъ надъ собою невѣроятное усиліе, я сама приблизилась къ нему, взяла его костлявую руку въ свою и, изъ всѣхъ силъ стараясь придать моему голосу мягкость, произнесла:

— Зачѣмъ вы хотите прибѣгнуть къ насилію?

— А затѣмъ, что по твоему лицу я вижу, что ты намѣрена упорствовать.

— Вы ошибаетесь... Развѣ могу я отказаться отъ такого большого счастья?..

И видя, какъ отъ этихъ словъ моихъ проясняется его лицо, я прибавила:

— Мнѣ все кажется, что вы насмѣхаетесь надо мною, бѣдной дѣвушкой... Неужели вы меня, нищую, хотите взять въ жены?..

Должно быть, я очень искусно сыграла свою роль, потому что ребъ Борухъ совсѣмъ весело, хотя и не безъ торжественности, произнесъ:

— Сама знаешь: такъ хочетъ Богъ!

— Да,— возразила я,— если такова воля Божія, то да будетъ такъ:—И, помолчавъ немного, прибавила:—У меня къ вамъ просьба, большая просьба...

— Говори, какая?

— Но вы дайте слово, что исполните ее...

И какъ мнѣ это ни было противно, я наклонилась и поцѣловала его костлявую, сухую руку.

Ребъ Борухъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ прикосновенія моихъ губъ къ его рукѣ и съ волненіемъ крикнулъ:

— Все... все исполню!.. Если потребуется птичье молоко, и то достану для моей невѣсты...

— Птичьего молока мнѣ не нужно, но объ одномъ я васъ прошу — отложите нашу свадьбу мѣсяца на два... Не торопитесь ею такъ...

— Зачѣмъ это?— перебилъ ребъ Борухъ и бросилъ на меня недоувѣрчивый взглядъ.

— Дайте мнѣ привыкнуть къ мысли о великой перемѣнѣ въ моей судьбѣ... Дайте мнѣ приготовиться къ новой роли жены миллионера... Дайте мнѣ списаться съ родными... Нельзя же такъ спѣшить...

Я вторично поцѣловала его руку и продолжала, поддѣлываясь подъ тонъ, который, знала, будетъ ему пріятенъ:

— О мой будущій супругъ, повелитель и господинъ, побалуй меня хоть немножко и исполни мое желаніе, если даже оно и глупо... Вѣдь я только женщина, и Самъ Богъ создалъ меня глупенькой...

Ребъ Борухъ, тяжело дыша, вперилъ въ меня долгій взглядъ, который мнѣ удалось выдержать не безъ усилій. Наступившая пауза показалась мнѣ вѣчностью. Но вотъ ребъ Борухъ взялъ мою руку и, не переставая пронизывать меня насквозь своимъ взглядомъ, произнесъ дребезжащимъ голосомъ:

— Твоя просьба дѣйствительно мнѣ не нравится... Мнѣ почти невозможно исполнить ее... Самъ рабби Наѳтолій назначилъ день нашей свадьбы... Что я скажу ему, когда онъ пріѣдетъ?.. Но, такъ и быть, не могу отказать тебѣ въ первой просьбѣ, съ которой ты обратилась ко мнѣ: отложимъ нашу свадьбу на шесть недѣль...

Я еле-еле удержалась отъ вздоха облегченія, готоваго вырваться изъ груди моей. Шесть недѣль срокъ большой, за это время мнѣ удастся при помощи Трындина, Вайнера и прочихъ жидовъ бѣжать изъ этого дома. Да, послѣ случившагося теперь, имъ больше прежняго нельзя будетъ обнаруживать передъ ребъ Борухомъ, что я христіанка, и волей-неволей они должны соединиться со мною и дать мнѣ возможность бѣжать. Мысль эта придала мнѣ бодрость, и я, обратившись къ ребъ Боруху, совершенно хладнокровно произнесла:

— А теперь, позвольте мнѣ уйти... Я чувствую потребность остаться одной, чтобы освоиться съ великимъ счастьемъ, выпавшимъ на мою долю...

— Иди съ миромъ, дорогая моя невѣста, — произнесъ ребъ Борухъ, поднимаясь меня провожать, — и да охраняютъ тебя отъ злыхъ духовъ святые ангелы... Иди же, иди... Покой нуженъ и тебѣ и мнѣ, намъ обоимъ...

Когда же я повернулась къ выходу и сдѣлала шагъ впередъ, ребъ Борухъ торопливо догналъ меня, взялъ за руку, подвелъ къ желѣзному шкафу, открылъ его и, доставъ оттуда большой, почернѣвшій отъ времени, футляръ изъ краснаго бархата, открылъ его и произнесъ:

— Этотъ жемчугъ достался мнѣ давно отъ одной разорившейся графини... Цѣна ему велика... страшно велика... Графиня много слезъ проливала, когда ей пришлось съ нимъ разстаться... По ея словамъ, онъ украшалъ шею польской королевы, а теперь онъ будетъ украшать твою шейку, моя дорогая невѣстушка...

Съ блиставшими восторгомъ глазами, онъ вручилъ мнѣ раскрытый футляръ.

— Берите назадъ вашъ подарокъ, — проговорила я, боясь даже взглянуть на драгоценность, которая украшала шею королевы и была орошена слезами неизвѣстной мнѣ графини. — Зачѣмъ мнѣ такое дорогое украшение?..

— Не отказывайся отъ моего перваго жениховскаго подарка, — перебилъ меня ребъ Борухъ. — Или тебя смущаетъ его цѣнность?.. Такъ знай: на свѣтѣ нѣтъ той цѣнности, которой ты не была бы достойна!.. Если-бъ это было возможно, я надѣлъ бы на тебя брил-

ліантовую корону, потому что ты лучше всѣхъ женщинъ, ты лучше всякой королевы!..

И, произнося это, онъ закрылъ футляръ и насильно подсунуть его подъ правую мою руку. Я убѣдилась, что дальнѣйшій мой отказъ ни къ чему не поведетъ, и не протестовала больше.

— Благодарю васъ за подарокъ,—проговорила я нехотя и, увидѣвъ на столѣ письмо рабби Наѳтолія, прибавила.—Но еще больше буду вамъ благодарна, если довѣрите мнѣ письмо великаго раввина.. Я хочу его прочитать нѣсколько разъ, чтобы каждое его слово запечатлѣлось на вѣки въ моей памяти, чтобы знать его наизусть такъ какъ этому письму я обязана моимъ будущимъ счастьемъ.

Какъ повернулся мой языкъ, чтобы произнести эту новую, вздорную ложь, я сама удивилась. Но ребъ Борухъ былъ пріятно пораженъ моей просьбой. Благоговѣнно взялъ онъ со стола письмо, вручилъ его мнѣ и сказалъ:

— Только ты, одна ты, корона моей души, украшеніе моего дома, самая лучшая изъ женщинъ, могла постичь, что самый лучший подарокъ, который могъ я сдѣлать моей невѣстѣ— это отдать письмо великаго реби, которое послужитъ тебѣ чудодѣйственнымъ талисманомъ и будетъ охранять твою дѣвичью комнату отъ вторженія «шейдимъ» (чертей) и «катлоцонимъ» (злыхъ духовъ) и будетъ содѣйствовать укрѣпленію твоего духа и охранить тебя отъ страшныхъ сновъ ночью. Бери, бери же это письмо... Для тебя я охотно расстаюсь временно съ этой драгоцѣнностью... Бери его и иди съ миромъ, дорогая моя невѣста...

Я взяла письмо и поспѣшила оставить моего жениха...

IX.

Неожиданное сватовство ребъ Боруха должно было послужить мнѣ въ пользу. Если раньше я ломала напрасно голову, придумывая, какимъ образомъ выбраться мнѣ изъ дома Бердичевскихъ, и все откладывала объясненіе съ евреями о будто бы похищенныхъ мною документахъ, разсуждая такъ, что они непременно потребуютъ предъявленія ихъ, то теперь, я была увѣрена, сами Трындинъ, Вайнеръ и Михаилъ Борисовичъ дадутъ мнѣ средство скрыться изъ дома. Не могутъ же они допустить такого скандала, чтобы ребъ Борухъ обвѣнчался со мной по закону Авраама, Исаака и Іакова! Я не могла допустить такого святотатства и, безъ сомнѣнія, не смотря ни на какія послѣдствія, сама бы призналась во всемъ ребъ Боруху. Я рѣшилась возможно скорѣе сообщить имъ о состоявшемся сватовствѣ и потребовать у нихъ помощи, чтобы скрыться отъ моего непрошеннаго обожателя.

Но прошло много дней, прежде чѣмъ мнѣ удалось съ ними повидаться и переговорить. Какъ разъ настала по еврейскому кален-

дарю мѣсяцъ Абъ, и первые десять дней этого мѣсяца евреи проводятъ въ постѣ и молитвѣ. Девятаго Аба былъ разрушенъ Титомъ второй храмъ, и евреи съ тѣхъ поръ потеряли свою политическую независимость и были разсѣяны по всему свѣту. До сихъ поръ они не могутъ примириться съ потерей своей самостоятельности и съ наступленіемъ мѣсяца Аба девять дней подрядъ проводятъ въ постѣ, молитвѣ и умерщвленіи плоти, взывая къ Богу-Цавоотъ, чтобы Онъ возвратилъ имъ ихъ царство и поставилъ бы ихъ превыше всѣхъ народовъ. Первые восемь дней мѣсяца Аба евреи постятся на половину, употребляя исключительно молочную пищу. Зато въ девятый день, т. е. въ день катастрофы, когда огонь со всѣхъ сторонъ пожиралъ древній храмъ и превратилъ его въ груды развалинъ, евреи уже ничего не ѣдятъ и не пьютъ и цѣлыя сутки сидятъ на землѣ съ покрытыми пепломъ головами, безъ обуви, въ рваныхъ платьяхъ и издаютъ душу раздирающіе крики и вопли. Для этого дня у нихъ существуетъ особо составленный довольно объемистый сборникъ молитвъ, который носитъ названіе «Кине», что означаетъ— плачь. Кромѣ этого сборника молитвъ, въ девятый день Аба читается и другой плачь—«Плачь Іереми на развалинахъ Іерусалима». Чтеніе его производитъ удручающее впечатлѣніе даже и на не еврея, если ему приходится при этомъ присутствовать, какъ это случилось со мной. Для этого не зачѣмъ даже понимать смысла плача. Достаточно слушать дикій, душу раздирающій налѣвъ, которымъ сопровождается чтеніе его, видѣть эти исхудалыя отъ поста лица съ горящими дикимъ фанатизмомъ глазами и внимать этимъ охамъ, вздохамъ и стонамъ, и впечатлѣніе получается сильное.

Въ домѣ Бердичевскихъ постъ этотъ соблюдался со всею строгостью. Самъ ребъ Борухъ въ эти дни никакими дѣлами не занимался и даже не ѣздилъ въ городъ. По три раза въ день всѣ собирались на общую молитву, которая тянулась довольно долго. Послѣ вечерней молитвы, выписанный ребъ Борухомъ знаменитый «магидъ» (проповѣдникъ) по цѣлымъ часамъ рассказывалъ о прежнемъ величій израиля, о храмѣ, о жертвоприношеніяхъ и, описывая мрачными красками гнѣвъ Іеговы, который за грѣхи избраннаго Имъ народа разрушилъ храмъ и разсѣялъ его по лицу земли, — призывалъ своихъ слушателей къ молитвѣ и умерщвленію плоти. Самъ ребъ Борухъ исполнялъ послѣдній призывъ буквально: ежедневно, по вечерамъ, являлся къ нему старшій фельдшеръ еврейской больницы и ставилъ ему банки. На свѣжіе надрѣзы своего тѣла онъ сыпалъ соль, что причиняло ему страшную боль; старикъ переносилъ ее, не издавая ни звука, будучи вполнѣ убѣжденъ, что Богу пріятны его страданія, и ими онъ ускоритъ возрожденіе царства іудейскаго и возобновленіе храма...

За нѣсколько дней до наступленія поста, m-те Бердичевская накупила разной провизіи, преимущественно консервовъ, и все это

спрятала наверху, въ моихъ комнатахъ, и, когда насталь постъ, вмѣстѣ съ своимъ супругомъ и дѣтьми тайно не только отъ старика, но и отъ прислуги, запираясь на ключъ, чтобы не застигнули врасплохъ, ѣли и пили запрещенную пищу. За общимъ же столомъ, къ которому подавались постныя похлебки, они почти ничего не ѣли, и ребъ Борухъ, который тоже почти ничего не ѣлъ, былъ убѣжденъ, что сынъ его, невѣстка и внучки предаются умерщвленію плоти и, подобно ему, сокрушаясь объ уничтоженіи храма, строго соблюдаютъ постъ. Еслибъ онъ могъ подозрѣвать, какъ Михаилъ Борисовичъ и его супруга, тайно насыщаясь, издѣвались и надъ храмомъ и намъ постомъ, считая все глупостями, и говорили мнѣ, что еслибъ молитвы евреевъ были услышаны Богомъ, и царство Израильское было снова восстановлено Имъ, то это было бы большое несчастье, ибо въ въ Еврейскомъ царствѣ жить было бы скучно и неприятно. Она, м-ше Бердичевская, ни за что бы туда не переселилась, не желая жить въ Азіи, исключительно среди евреевъ, которыхъ она не любитъ и любить не можетъ, ибо ей съ ея европейскими вкусами нельзя было бы ужиться съ ними. Думалъ ли такъ Михаилъ Борисовичъ, я не знаю, но во всякомъ случаѣ онъ поддакивалъ своей супругѣ и соглашался съ нею во всемъ.

Этотъ постъ съ одной стороны былъ для меня очень удобенъ. Я была свободна отъ всякихъ занятій и, располагая своимъ временемъ, могла на свободѣ обдумать свое положеніе. Но съ другой стороны, когда я, наконецъ, все обдумала и рѣшилась при помощи Трындына и Вайнера бѣжать изъ дома Бердичевскихъ, то, благодаря этому посту, не имѣла возможности переговорить съ ними и столковаться. Дѣлами, какъ я уже говорила, ребъ Борухъ въ тѣ дни не занимался, а о томъ, чтобы въ его домѣ кто либо явился въ качествѣ гостя, не могло быть и рѣчи. Вести переговоры съ Трындинымъ и Вайнеромъ при помощи Михаила Борисовича, который ѣздилъ ежедневно въ городъ, я считала неудобнымъ. Михаилъ Борисовичъ не отличался умомъ и, кромѣ того, былъ очень напуганъ и тѣмъ, что уже случилось, и я боялась говорить ему о сватовствѣ его отца, чтобы онъ совсѣмъ не растерялся и не надѣлалъ глупостей. Онъ и такъ послѣ ночной сцены въ саду ходилъ все время, какъ въ воду опущенный, и мнѣ было жалко и смѣшно смотрѣть на него.

Насталь, наконецъ, и канунъ девятаго дня Аба. Изъ города явилось десятка три, четыре евреевъ съ изможденными лицами, исхудалые и оборванные. Это были «сшиботники» (посвящающіе всю жизнь на изученіе талмуда въ сшиботахъ-школахъ), которыхъ центральскій кагалъ отрядилъ къ ребъ Боруху, чтобы они вмѣстѣ съ нимъ провели въ молитвѣ и плачѣ знаменательный девятый день Аба. Такой чести, кромѣ ребъ Боруха, никто во всемъ городѣ не удостоивался. Немного позже начали прибывать изъ города цѣ-

лыми толпами нищѣ, между которыми было множество калѣкъ, слѣпыхъ и горбатыхъ. Всѣ эти нищѣ и убогіе тоже явились молиться вмѣстѣ съ ребѣ Борухомъ, въ ожиданіи богатой милостыни и сытнаго и вкуснаго угощенія по исходѣ поста. Весь обширный дворъ дачи и площадка передъ ней наполнились народомъ. Но никакого оживленія, никакихъ разговоровъ не было слышно. Въ первый разъ въ жизни мнѣ случилось наблюдать такую оригинальную толпу, всю проникнутую одной мыслию, одной идеей. Вся она пребывала въ какой-то мрачной сосредоточенности и словно застыла въ трепетѣ и страхѣ передъ грознымъ Богомъ своимъ... Изъ комнатъ, между тѣмъ, слуги выносили мебель и ставили ее въ сараяхъ и подъ навѣсомъ и, когда это было окончено, внесли въ комнаты огромныя связки сѣна.

Было около семи часовъ вечера, когда Лейба широко раскрылъ парадныя двери и крикнулъ тоненькимъ фальцетомъ:

— Войдите въ домъ, сыны Израиля!.. Траурная трапеза ожидаетъ васъ!..

Когда я съ m-me Бердичевской, дѣтьми и женскою прислугой очутились въ залѣ, за перегородкой, такъ какъ у евреевъ женщины не допускаются вмѣстѣ съ мужчинами во время молитвъ и исполненія религиозныхъ требъ, то не узнала квартиры. Картины, зеркала, бронза были завѣшены бѣлыми простынями; ковры, столы, стулья и диваны убраны. Полы были застланы свѣжимъ сѣномъ. Въ серединѣ залы и въ смежныхъ комнатахъ стояли корзины, наполненныя свареными въ крутую яйцами, и большія миски съ пепломъ. Въ самомъ углу, у восточной стѣны зала, лежала на полу маленькая подушечка.

На призывъ Лейбы толпа направилась къ дому; но раньше, чѣмъ переступить порогъ, каждый еврей снималъ съ ногъ обувь и обливалъ водою сначала лѣвую руку, потомъ правую, для чего были припасены у дверей огромныя, полныя кадки. Вытирали же они руки досуха полами своихъ лапсердаковъ. Войдя въ домъ, каждый бралъ себѣ по два, по три яйца и щепотку золы и усаживался на полъ. Когда зала и смежныя комнаты наполнились народомъ, вошелъ ребѣ Борухъ, тоже въ однихъ чулкахъ, безъ обуви. Вошелъ онъ съ опущенной головой, еле-еле волоча отъ слабости ноги, поддерживаемый подъ руки Лейбой и Михаиломъ Борисовичемъ. Послѣдніе пять, шесть дней я его не видала, потому что онъ уединялся эти дни отъ женщинъ, какъ отъ нечистыхъ тварей. Боже мой, какъ измѣнился старикъ, какъ онъ ослабъ, постарѣлъ и сгорбился! И какъ мертвенно-блѣдно его испещренное глубокими морщинами лицо! Онъ показался мнѣ выходцемъ съ того свѣта, и я невольно вздрогнула, вспомнивъ, что этотъ полумертвецъ замышлялъ насильно связать мою судьбу со своею... Появленіе его не вызвало среди присутствующихъ никакого нарушенія царственной тишины. Никто

не поднялся на встрѣчу хозяину, никто его не привѣтствовалъ ни словомъ, ни даже поклономъ. Сегодня девятое Аба, день величайшаго горя, величайшаго траура, и привѣтствовать кого бы то ни было добрыми пожеланіями, отдавать кому бы то ни было честь, не полагается. Сегодня день плача и стenanія! Ребъ Боруха подвели къ тому мѣсту, гдѣ лежала на полу подушка.

— Это зачѣмъ?.. Для кого приготовлена эта подушка?—произнесъ ребъ Борухъ строго.

— Иона (имя фельдшера) сказалъ, что раны причиняютъ вамъ страшную боль, и вамъ трудно будетъ высидѣть цѣлыя сутки на жесткомъ полу,—отвѣтилъ Михаилъ Борисовичъ.

— Откуда онъ это знаетъ!.. Глупецъ твой Иона, если думаетъ, что мои тѣлесныя боли сильнѣе душевныхъ!.. Могу ли я думать о своей плоти и о своихъ боляхъ въ тотъ день, когда святой нашъ храмъ, объятый пламенемъ, пылалъ со всѣхъ концовъ и превратился въ развалины!..

Онъ отстранилъ подушку ногой и, какъ всѣ, усѣлся на сѣнѣ. Лейба поднесъ ему пару яицъ и щепотку пепла на бумажкѣ. Часть этого пепла онъ посыпалъ себѣ на голову, а остатокъ высыпалъ себѣ въ ротъ и закусилъ крутымъ яйцомъ. Всѣ присутствовавшіе послѣдовали его примѣру, т. е. посыпали себѣ головы пепломъ и ѣли его съ крутыми яйцами.

Когда эта оригинальная траурная трапеза завершилась, наступила торжественная тишина, прерванная троекратнымъ ударомъ двухъ досокъ одна объ другую, чѣмъ дано было знать, что начинается служба. Тогда каждый изъ сидѣвшихъ на полу евреевъ вытаскивалъ изъ-за пазухи молитвенникъ и тоненькую восковую свѣчку, которую немедленно зажигалъ. Опять раздался троекратный ударъ досками, и изъ всѣхъ устъ послышался своеобразный звукъ: «ша-а-а!..». На этотъ разъ наступила тишина въ высшей степени торжественная, и лица всѣхъ присутствовавшихъ отъ двойнаго освѣщенія, вечернихъ сумерекъ и восковыхъ свѣчей, казались мертвенно-блѣдными...

И вотъ, среди наступившей торжественной тишины, изъ темнаго угла залы раздалась грустная, за душу хватающая, мелодія стариннаго еврейскаго напѣва. Молодой, сильный теноръ речитативомъ приступилъ къ чтенію «Плача Іереміа»:

«Какъ стоитъ одиноко градъ!

«Великій народъ уподобился вдовицѣ:

«Могущественный среди народовъ, владычествовавшій надъ государствами

«Превратился въ данника!

«Будешь ты плакать и проливать слезы по цѣлымъ ночамъ,

«И никто не отретъ на щекахъ твоихъ слезы твои,

«Ибо не найдешь ты утѣшителя среди прежнихъ друзей своихъ;

«Всѣ благожелатели измѣнили тебѣ и превратились въ недруговъ!»...

Я слѣдила за чтеніемъ по нѣмецкому переводу, который дала мнѣ м-ме Бердичевская. Но чтеніе производило глубокое впечатлѣніе и помимо содержанія этой во всякомъ случаѣ сильной поэмы, въ которой пророкъ излилъ всю накопившуюся горечь души о разрушеніи храма и, сидя на его развалинахъ, съ пламеннымъ краснорѣчіемъ укорялъ евреевъ въ грѣхахъ и отступничествѣ. Пророческимъ окомъ онъ все провидѣлъ и, полный горечи и негодованія, предрекалъ Израилю его злополучную судьбу... Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе мрачными красками рисуетъ Іеремія злоключенія, ожидающія Израиль, и заканчиваетъ свой плачъ на развалинахъ храма страстной мольбой:

«Ибо великъ Твой гнѣвъ къ намъ, что строго взыскалъ Ты съ насъ!
 «Возврати же намъ Свои милости, о Господи!
 «Обнови насъ и возврати намъ дни нашего былаго могущества!»

Изъ груди молодого еврея-чтеца вмѣстѣ съ послѣднимъ словомъ «плача» вырвался душу раздирающій стонъ, подхваченный всѣми присутствовавшими, и общій плачъ огласилъ комнаты...

Но насколько торжественно и эффектно по своей простотѣ прошло чтеніе «Плача Іереміи», настолько дико и беспорядочно продолжали молещики всѣ вмѣстѣ выкрикивать свои молитвы, раскачиваясь во всѣ стороны и поминутно ударяя руками по груди. Это были уже не люди, собравшіеся для молитвы, а какіе-то сумасшедшіе и изступленные, производившіе шумъ, гамъ и крикъ, бѣсновавшіеся и выходившіе изъ себя... Долго присутствовать при этомъ шабасѣ у меня не хватило силъ; воздухъ въ комнатахъ сдѣлался спертымъ, и дышать становилось все труднѣе и труднѣе...

Такъ сидѣли они больше сутокъ на полу, въ душныхъ комнатахъ со спертымъ воздухомъ, безъ пищи и питья, продолжая безпрерывно взывать къ Богу страшными криками, дабы Онъ возстановилъ ихъ царство, возвратилъ имъ самостоятельность, возвысилъ ихъ надъ всѣми народами и возродилъ ихъ храмъ!..

На слѣдующій день жизнь въ домѣ Бердичевскихъ потекла обычнымъ образомъ. Къ обѣду появились Трындинъ, Вайнеръ и чахоточный поклонникъ м-ме Бердичевской, Треймлеръ. Ребъ Борухъ чувствовалъ себя очень слабымъ и къ обѣду не вышелъ. Я была очень рада, ибо это дало мнѣ возможность переговорить съ Трындиномъ и Вайнеромъ безъ всякой помѣхи.

Лишь только кончился обѣдъ, я пригласила ихъ въ свою комнату и безъ всякихъ околичностей прямо заявила имъ, что мнѣ необходимо немедленно оставить домъ Бердичевскихъ, такъ какъ ребъ Боруху пришла фантазія влюбиться въ меня и предложить мнѣ руку.

— Положимъ,— закончила я имъ мое сообщеніе,— я уговорила его отсрочить затѣваемую имъ свадьбу, но при одной мысли, что старикъ, считая меня своей невѣстой, измѣнить свое прежнее обхожденіе и будетъ приставать ко мнѣ съ любезностями и даже ласками,— сгораю со стыда и не могу за себя поручиться, что выдержу это. Если я тутъ долго останусь, вы рискуете, что, не смотря ни на что, я сама ему все открою, лишь бы освободиться отъ его ухаживаній...

— Но какъ же съ документами?— перебили меня въ одинъ голосъ оба еврея.

— Какъ только приѣду въ Петербургъ и буду въ безопасности, я возвращу вамъ ихъ.

— Даромъ?— спросилъ Вайнеръ,— и я видѣла, какъ по лицу его скользнула подозрительная улыбка.

— Зачѣмъ даромъ? Съ чего вы взяли?— не моргнувъ, отвѣтила я вызывающимъ тономъ.

Подозрительность Вайнера мигомъ исчезла, и онъ озабоченнымъ голосомъ спросилъ меня:

— Какая же будетъ ваша цѣна?

— Могла бы васъ совсѣмъ ограбить, но не желаю и удовольствуюсь двумя тысячами...

По лицамъ моихъ собесѣдниковъ я увидѣла, что они остались очень довольны моимъ скромнымъ требованіемъ.

— А нельзя ли немножечко спустить?— произнесъ Трындинъ, не могущій удержаться отъ присущей ему привычки поговориться. — Двѣ тысячи такой большой капиталъ!..

— Посмѣйте вы только еще слово сказать,— перебила я его съ притворной горячностью,— и я потребую не двѣ тысячи, а пять!.. И вы ихъ мнѣ дадите, потому что вы въ моихъ рукахъ, а не я въ вашихъ!..

— Молчу, молчу...— Трындинъ закрылъ ротъ ладонью.— Я только пошутилъ... Хе, хе, хе, только пошутилъ...

— Разумѣется, онъ пошутилъ,— подхватилъ и Вайнеръ.— Мы совершенно согласны на вашу цѣну...

Такимъ образомъ, вопросъ о деньгахъ былъ улаженъ. Остался не рѣшеннымъ только вопросъ, какимъ образомъ выбраться мнѣ изъ дома. Когда я приступила къ разговору объ этомъ, оба еврея сдѣлались серьезнѣе прежняго, и на лицахъ ихъ появились морщины. Страхъ, что участіе ихъ въ моемъ бѣгствѣ можетъ обнаружиться, и что послѣ моего отъѣзда можетъ также обнаружиться, что я христіанка, лишилъ ихъ способности обдумывать дальнѣйшій планъ дѣйствія. Я старалась ободрить ихъ, и такъ какъ у меня было достаточно времени обсудить положеніе со всѣхъ сторонъ и составить свой планъ, то сообщила имъ его. Планъ мой былъ очень простъ: они должны были мнѣ дать возможность выбраться

изъ дома вечеромъ и съ послѣднимъ поѣздомъ отправить меня въ Петербургъ въ сопровожденіи благонадежнаго человѣка, которому они вручатъ двѣ тысячи рублей для передачи мнѣ, когда я отдамъ ему документы.

— Все это весьма легко сдѣлать,— озабоченно замѣтилъ Вайнеръ.— Но вѣдь ребъ Борухъ такъ дѣло не оставитъ: онъ васъ будетъ искать и навѣрно найдетъ... Вы отъ него нигдѣ не спрячитесь...

— Но какъ же онъ меня найдетъ?..

— Онъ подниметъ на ноги всѣхъ евреевъ всего свѣта...

— Но ему не извѣстны ни мое имя, ни моя фамилія... Для него я еврейка Пеша... Ну, и пускай онъ ищетъ по всему свѣту эту Пешу...

Этотъ доводъ, повидимому, подѣйствовалъ на нихъ.

— Ну, а какъ же мы объяснимъ ребъ Боруху ваше исчезновеніе?—спросилъ Вайнеръ.

Но я уже раньше предвидѣла и это затрудненіе, и мой отвѣтъ былъ готовъ.

— Я напишу ему изъ Петербурга, что бѣжала отъ его сватовства, что не желаю выходить замужъ за старика.

Мой планъ имъ очень понравился, и оба повеселѣли. Только Вайнеръ счелъ нужнымъ сдѣлать поправку.

— Зачѣмъ вамъ отправлять ему письмо изъ Петербурга... Это можетъ навести ребъ Боруха на вашъ слѣдъ... Вы лучше отдадите ваше письмо мнѣ, и я такъ устрою, что онъ получитъ его изъ Риги, или изъ Харькова... А еще лучше: изъ Берлина или Вѣны... Пускай онъ васъ тамъ ищетъ...

Я, разумѣется, согласилась на эту поправку и предложила сегодня же уѣхать.

Къ величайшему моему сожалѣнію, отъѣздъ мой въ тотъ же день не могъ состояться. На слѣдующій день долженъ былъ пріѣхать въ Центральскъ великій чародѣй и духовидецъ, «цадикъ» рабби Наѳтолій, и ни Трындинъ, ни Вайнеръ не могли отлучиться изъ города, а одинъ изъ нихъ долженъ былъ сопровождать меня, такъ какъ на такое секретное порученіе у нихъ не было достаточно надежнаго человѣка. Какъ я ни упрашивала ихъ, какъ ни настаивала и даже грозила имъ, но они стояли на своемъ, и я должна была отложить свой отъѣздъ на цѣлую недѣлю, то-есть до тѣхъ поръ, пока не уѣдетъ ожидаемый «цадикъ».

Какъ бы то ни было, переговоры мои съ ними окончились благополучно, и я въ сущности осталась довольна добытыми результатами, рассчитывая, что если мнѣ будетъ очень тяжело переносить присутствіе ребъ Боруха, который сталъ мнѣ противенъ послѣ его объясненій въ любви, то я могу сказаться на нѣсколько дней больной и этимъ, если не совѣмъ избѣгнуть, то, по крайней мѣрѣ, сокра-

тить мои свиданія съ нимъ наединѣ. И Трындинъ и Вайнеръ тоже остались, повидимому, довольны результатами нашихъ переговоровъ, потому что къ концу ихъ оба замѣтно повеселѣли, и Трындинъ на прощанье рискнулъ даже пошутить со мной. Онъ дружески хлопнулъ меня по плечу и съ пріятной улыбкой произнесъ:

— Какъ жаль, что вы не еврейка... Какая бы изъ васъ вышла подходящая супруга для ребъ Боруха...

— Тѣмъ болѣе,— отшучивалась я,— когда великій духовидецъ, рабби Наэтолій, утверждаетъ, что я назначена ребъ Боруху въ жены самимъ Богомъ-Цавоотъ...

Но шутка моя не пришлась по вкусу обоимъ евреямъ. Оба очень серьезно посмотрѣли на меня и въ одинъ голосъ произнесли:

— Такъ шутить нельзя!

— Берегитесь насмѣхаться надъ святымъ «цадикомъ»,—сурово прибавилъ Вайнеръ.—Это вамъ даромъ не пройдетъ!..

Когда нѣсколько часовъ спустя, по требованію ребъ Боруха, я пришла къ нему въ комнату, то нашла его лежащимъ на кровати. Видъ его былъ ужасенъ. Обложенный компрессами, съ обвязанной головой и страшно блѣдный, онъ положительно испугалъ меня своимъ болѣзненнымъ видомъ. Рядомъ съ кроватью, на столикѣ стояли разныя микстуры и банки съ какой-то мазью, которая издавала нестерпимый запахъ.

— Я хотѣлъ тебя видѣть, моя дорогая,—заговорилъ ребъ Борухъ слабымъ чуть слышнымъ голосомъ, послѣ того, какъ онъ поздоровался со мной чуть замѣтнымъ наклоненіемъ головы.

— Я хотѣлъ тебя видѣть, чтобы узнать, не переменила ли ты своего рѣшенія и не согласишься ли обвѣнчаться со мною послѣ-завтра? Для меня было бы большимъ счастьемъ, еслибъ я могъ назвать тебя своей женой поскорѣе... Къ тому же, завтра пріѣзжаетъ рабби Наэтолій, будь на вѣки прославлено имя его, и если наша свадьба состоится въ присутствіи святаго мужа, то это намъ обоимъ принесетъ счастье...

Говоря это, онъ смотрѣлъ на меня въ упоръ тусклымъ взглядомъ и, догадавшись, вѣроятно, по выраженію моего лица, что слова его производятъ на меня непріятное впечатлѣніе, поспѣшилъ прибавить:

— Принуждать тебя не хочу... Я далъ тебѣ слово отложить нашу свадьбу и сдержу его, если ты сама добровольно не согласишься послѣзавтра вѣнчаться...

— Но вѣдь вы такъ больны...

— Да, сегодня я еще боленъ...—перебилъ онъ меня плачевнымъ голосомъ,—этотъ постъ изнурилъ мое старое тѣло, да и язвы мои причиняютъ мнѣ нестерпимую боль... Но завтра, къ пріѣзду «цадика», я буду здоровъ!..

Послѣднія слова онъ произнесъ съ такимъ непоколебимымъ убѣжденіемъ, что вѣра его въ быстрое выздоровленіе сообщилась и мнѣ.

— Моя болѣзнь пройдетъ и не помѣшаетъ нашей свадьбѣ,— окончилъ онъ твердымъ голосомъ.

— Но я совсѣмъ не приготовлена... Я еще не списалась съ моими родными... Не могу же я выходить замужъ, не предупредивъ ихъ... не пригласивъ ихъ присутствовать на моей свадьбѣ?..

Я сама сознавала, что доводы мои ничуть не вѣски и въ глазахъ ребѣ Боруха не должны имѣть никакого значенія, но, застигнутая врасплохъ, ничего другаго придумать не могла.

— Вѣжу,—произнесъ ребѣ Борухъ съ глубокимъ вздохомъ,—ты упорствуешь въ своемъ желаніи... Принуждать тебя не могу, потому что самъ далъ на это согласіе... Должно быть, намъ такъ назначено отъ Бога... Онъ вторично вздохнулъ и совсѣмъ слабымъ голосомъ прибавилъ:—Дай мнѣ поближе посмотреть на тебя, моя дорогая невѣста, и иди себѣ съ миромъ; я постараюсь немного заснуть...

Я приблизилась къ ребѣ Боруху и наклонилась къ нему. Онъ устремилъ на меня тусклый взглядъ, опять глубоко вздохнулъ и махнулъ рукой по направленію къ двери, давая мнѣ понять, что могу оставить его, что я съ облегченнымъ сердцемъ, совершенно довольная исходомъ нашего свиданія, успѣшила исполнить.

Х.

Такимъ образомъ страсть, которую я невольно внушила ребѣ Боруху, и которая сначала меня такъ напугала и, какъ мнѣ казалось, должна была еще болѣе запутать мое положеніе, послужила мнѣ въ пользу. Она дала мнѣ возможность создать планъ скорѣйшаго бѣгства изъ его дома и одурачить Трындина и Вайнера. Теперь, будучи увѣрена въ моей побѣдѣ надъ ними, я живо представила себѣ смущеніе моего врага Трындина, котораго отъ всей души ненавидѣла и которому не могла простить устроенную имъ мнѣ сцену въ саду, когда по приѣздѣ въ Петербургъ, гдѣ буду уже въ безопасности, открою ему, что никакихъ документовъ у меня нѣтъ, что я всѣхъ ихъ одурачила. Не смотря на то, что мнѣ предстояло прожить еще цѣлую недѣлю въ домѣ Бердичевскихъ, я настолько уже была увѣрена, что все кончится благополучно, что не только вполне примирилась съ этимъ и успокоилась, но даже очень заинтересовалась предстоящимъ приѣздомъ «цадика», который возбудилъ мое любопытство... И опять таки, не скрою, мысль о томъ, что враги мои Трындинъ и Вайнеръ будутъ присутствовать при томъ, какъ этотъ проходимецъ и шарлатанъ, «цадикъ» Наѣтолій, котораго они почитаютъ, какъ святаго, благословить меня, какъ невѣсту ребѣ Боруха, доставляла мнѣ жгучее удовольствіе! Это ли не будетъ хорошая имъ месть за всѣ злоключенія, которыя я изъ-за нихъ перенесла? Они должны будутъ принимать участіе въ обманѣ великаго духовидца и не посмѣютъ мнѣ помѣшать насмѣяться надъ

нимъ вдоволь!.. О, эта мысль доставляла мнѣ удовольствіе, и я собиралась умышленно подчеркивать на ихъ глазахъ всѣ смѣшныя стороны моихъ вынужденныхъ столкновений съ ихъ святымъ мужемъ...

Но, предаваясь этимъ почти пріятнымъ мечтамъ, я никоимъ образомъ не могла предвидѣть, что пріѣздъ «цадика» будетъ имѣть такія ужасныя послѣдствія и доставить мнѣ столько горя, хотя въ концѣ концовъ этотъ пріѣздъ для меня лично окончится весьма благополучно, какъ читатель узнаетъ изъ дальнѣйшаго разсказа.

На дачѣ Бердичевскихъ поднялась еще съ вечера суматоха. Начались большія приготовленія къ завтрашнему обѣду, на которомъ будетъ присутствовать, гостившій уже два дня въ Центральскѣ, рабби Наѳтолій. Извѣстіе это принесъ Лейба изъ города отъ имени ребъ Боруха, который все время пребыванія цадика не показывался на своей дачѣ. Какъ уѣхалъ онъ все еще больной встрѣчать знаменитаго гостя два дня тому назадъ, такъ до сихъ поръ мы его и не видѣли. Только черезъ Михаила Борисовича, который тоже по цѣлымъ днямъ отсутствовалъ и возвращался изъ города по вечерамъ довольно уже поздно, мы узнавали о томъ, какъ центральскіе евреи чествуютъ знаменитаго «цадика». Весь городъ собрался на вокзалъ къ поѣзду, чтобы встрѣтить его; первые богачи съ мѣстными раввинами во главѣ привѣтствовали его на платформѣ, цѣловали его руки, ноги и даже платье... Самъ цадикъ удостоилъ лобзаніемъ одного только ребъ Боруха; всѣ же прочіе евреи удовольствовались чуть замѣтными его поклонами, которыми онъ отвѣчалъ на шумныя ихъ привѣтствія; даже раввины, и тѣ были только допущены къ его рукѣ. Пріѣхалъ онъ не одинъ, а съ старшимъ сыномъ, наслѣдникомъ его титула (званіе цадика наслѣдственное), и цѣлой свитой «габоимъ» (адъютантовъ, состоящихъ при его особѣ). Остановился онъ въ городскомъ домѣ Бердичевскихъ и принимаетъ всякаго, кто имѣетъ къ нему нужду, по очереди, вѣрнѣе, по указанію его адъютантовъ, которые всѣмъ распоряжаются и собираютъ огромный «пидіонъ» (дань). Разумѣется, кто отваливаетъ бѣльшій «пидіонъ», тотъ получаетъ раньше доступъ къ нему. По цѣлымъ днямъ вокругъ дома стоитъ огромная толпа; все это поклонники «цадика», алчущіе лицезрѣть его. Въ тѣ часы, когда цадикъ долженъ отправляться на молитву въ синагогу, собирается около дома Бердичевскихъ весь городъ, и великаго мужа носятъ на рукахъ, съ музыкой, въ молитвенный домъ и обратно. А въ тѣ часы, когда «цадикъ» имѣетъ обыкновеніе бесѣдовать съ ангелами, тишина вокругъ дома и въ самомъ домѣ, не смотря на присутствіе и тамъ и здѣсь громаднаго числа людей, стоитъ такая, что слышно жужжаніе мухъ. Послѣ каждой его

бесѣды съ ангелами «габоимъ» торжественно объявляютъ собравшимся, какія видѣнія имѣлъ святой «цадикъ», и какіе разговоры были у него съ ними. Народъ выслушиваетъ эти сообщенія съ подobaющимъ благоговѣніемъ, и рассказы о нихъ немедленно разносятся по всему городу и многими даже записываются для потомства. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ отъ него большого чуда, но до сихъ поръ его «габоимъ» еще не объявили, пожелаетъ ли «цадикъ» въ этотъ свой прїѣздъ совершить чудо. Зависитъ это исключительно отъ того, оправдають ли центральскіе евреи надежды «цадика» на большой «пидіонъ»: если надежда «цадика» оправдается, и «пидіонъ» достигнетъ той суммы, которую «цадикъ» заранѣе опредѣлилъ въ умѣ, но никому ее не высказалъ, тогда онъ покажетъ свою силу и совершитъ чудо, если же центральцы поскупятся, — то чуду не бывать! Такъ, по крайней мѣрѣ, объявили «габоимъ» народу. Маленькихъ чудесъ святой «цадикъ» совершилъ уже много; такъ, напримѣръ, многихъ лицъ, которыхъ онъ никогда не видалъ, называлъ прямо по именамъ, когда они къ нему являлись, и самъ первый заговаривалъ съ ними объ ихъ дѣлахъ, точно они были ему давно знакомы. Одну еврейку, которая пришла просить его, чтобы онъ вымолилъ ей у Бога дѣтей, онъ прямо встрѣтилъ словами:

— Придетъ время, и будешь ты матерью, а теперь иди съ миромъ и молись. Богъ любитъ молитвы...

Всѣ эти животрепещущія новости сообщалъ намъ Михаилъ Борисовичъ. М-ме Бердичевская, надо отдать ей справедливость, не вѣрила въ «цадика», въ его святость и въ его умѣнье совершать чудеса. Тутъ же, при мужѣ, она объясняла мнѣ, что «цадику» удастся дурачить народъ при помощи его «габоимъ», изъ которыхъ многіе рыщутъ по городу, узнаютъ все, что имъ нужно, и доставляютъ «цадику» матеріалъ для его чудесъ, что совершеніе великаго чуда зависитъ не отъ количества «пидіона», который, во всякомъ случаѣ, будетъ достаточно великъ, а исключительно отъ того, натолкнутся ли его «габоимъ» на пригодный для великаго чуда матеріалъ. Михаилъ Борисовичъ, хотя и поддакивалъ своей супругѣ, но внутренно врядъ ли съ нею соглашался. Судя по возбужденію, съ которымъ онъ рассказывалъ намъ о городскихъ событіяхъ и по той торопливости, съ которой онъ по утрамъ спѣшилъ въ городъ, хотя, по случаю прїѣзда «цадика», всѣ дѣла были пріостановлены, и евреи города Центральска праздновали эти дни, — видно было, что онъ далеко не раздѣлялъ мнѣнія супруги о цадикѣ и тайнѣ вѣрилъ въ него.

Извѣстіе, принесенное Лейбой, что «цадикъ» будетъ обѣдать на дачѣ, не на шутку взволновало м-ме Бердичевскую. Положимъ, о самомъ обѣдѣ ей хлопотать и беспокоиться было нечего: «цадикъ» путешествовалъ повсюду съ своими собственными поварами, которые явятся утромъ на дачу и будутъ готовить по утвержденному самимъ «цадикомъ» меню обѣдъ изъ любимыхъ его блюдъ, и она, какъ хо-

зйика, за это отвѣчать не должна; необходимая провизія и вина тоже будутъ присланы изъ города: объ этомъ постарается самъ ребъ Борухъ. Но все-таки не тревожиться она не могла. Во-первыхъ, надо было подумать, и хорошо подумать, какъ одѣться и въ какомъ платьѣ предстать предъ «цадикомъ». Съ тѣмъ, что къ завтрашнему обѣду она должна будетъ надѣть парикъ (ибо въ присутствіи «цадика» щеголять съ собственными волосами она отважиться не могла, какъ женщина замужняя), она примирилась; но то обстоятельство, что ей необходимо было платье стариннаго фасона, котораго въ ея гардеробѣ не оказалось, — доставляло ей не малую тревогу. Она очень хорошо знала, что ребъ Борухъ не пощадитъ ее и при всѣхъ обругаетъ, если ей не удастся добыть костюмъ, соответствующій такому важному случаю. Во-вторыхъ, самое столкновение съ «цадикомъ» было ей непріятно и ничего хорошаго не сулило ей: она была убѣждена, что «цадикъ» наговоритъ ей дерзостей за отступничество ея отца и непременно сконфузитъ ее въ ея же домѣ... Мало я симпатизировала m-me Бердичевской, но на этотъ разъ мнѣ ее было жаль, и я сочувствовала ея тревогамъ отъ всей души.

Вслѣдъ за Лейбой прилетѣлъ изъ города и Михайлъ Борисовичъ и только подтвердилъ извѣстіе, но сообщилъ, что назавтра предстоитъ такая парадная «шуда» (трапеза), какой еще не бывало, что въ «покояхъ» (комнатахъ) будутъ трапезовать аристократы и богачи всего города, а для нищихъ—тоже всего города, будутъ приготовлены столы на открытомъ воздухѣ; что придутъ сегодня же не только лейбъ-повара «цадика», но что на подмогу имъ ребъ Борухъ нанялъ десятка два мѣстныхъ «сарваримъ» (поваровъ), которые придутъ вмѣстѣ съ ними, что провизія уже закуплена, и ее везутъ цѣлыми возами, и что онъ прибылъ, по приказанію отца, чтобы за всѣмъ наблюдать...

Выслушавъ сообщеніе мужа, m-me Бердичевская совершенно потерялась и чуть не со слезами на глазахъ высказала ему свое горе, что у нея нѣтъ подходящаго костюма, и что отсутствіе его грозитъ большими непріятностями имъ обоимъ; что ребъ Борухъ можетъ выкинуть скверную штуку, если при такомъ парадномъ обѣдѣ и при такомъ гостѣ она будетъ одѣта, какъ христіанка...

— Куда же ты дѣла твою «хупе-клейдъ» (подвѣчное платье) изъ золотой парчи?—съ немалымъ испугомъ спросъ лъ Михайлъ Борисовичъ.—Неужели этого дорогаго «бегеда» (платья) у тебя уже нѣтъ?..

— Въ томъ-то и горе, что его давно ужъ нѣтъ...

— Куда же ты дѣла его?—повторилъ онъ свой вопросъ.

— Пять лѣтъ тому назадъ я передѣлала его на маскарадный костюмъ, потомъ подарила...

— Ай, горе!.. Ай, великое горе!..—воскликнулъ Михайлъ Борисовичъ.—Такого платья не сошьемъ въ одну ночь, что же это будетъ? Какъ покажешь папенькѣ на глаза?..

Вдругъ лицо m-me Бердичевской прояснилось, и она съ оживленіемъ перебила сѣгованія мужа.

— Глупы же мы съ тобой, Борисъ, что волнуемся напрасно: у Хавы Шемкесъ «хупе-клейдъ» точь въ точь, какъ была моя, я съ ней одного роста. Напишу ей записочку, она мнѣ пришлетъ его немедленно...

— Зачѣмъ писать, я самъ поѣду къ ней за платьемъ, — обрадовался Михайлъ Борисовичъ.

— Да, да... поѣзжай самъ: это ей польститъ, и она не откажетъ.

Михайлъ Борисовичъ немедленно уѣхалъ въ городъ за «хупе-клейдъ», а на дачу между тѣмъ уже стали прибывать возы съ провизіей, возы съ посудой, лейбъ-повара «цадика», мѣстные «сарверъ» и множество другихъ евреевъ, которые должны были принимать участіе въ приготовленіяхъ къ парадному обѣду. Прибыли человѣкъ пять и «габоимъ» (адъютанты) изъ свиты «цадика», подъ наблюденіемъ которыхъ принялись всѣ за работу.

Дача Бердичевскихъ превратилась въ настоящій базаръ, или, правильнѣе, въ мѣсто, которое занялъ непріятель. Прибывшіе евреи хозяйничали всюду, какъ у себя дома. Ни на m-me Бердичевскую, ни на Михаила Борисовича, когда онъ возвратился изъ города съ платьемъ, никто не обращалъ никакого вниманія. Къ нимъ не только не обращались за приказаніями, но ихъ даже не слушали и тогда, когда они обращались съ просьбами не трогать той или другой вещи съ мѣста. Особеннымъ нахальствомъ отличались «габоимъ»: когда m-me Бердичевская обратилась съ приказаніемъ къ собственной прислугѣ, чтобы подавали ужинать, одинъ изъ «габоимъ» самымъ нахальнымъ образомъ крикнулъ на нее:

— Какъ ты смѣешь, женщина, отрывать людей отъ работы?!.. Если хочешь жрать, можешь сама все приготовить, а людей не отвлекай, когда они работаютъ въ честь святаго «цадика»!..

Настало утро знаменательнаго дня. Когда я подошла къ окну, то не узнала площадку предъ домомъ: вся она была уставлена за ночь сколоченными изъ бѣлыхъ досокъ столами и скамейками, и я поняла, что ребъ Борухъ дѣйствительно собирается накормить весь городъ въ честь цадика, и что «шуда» (трапеза) обойдется ему въ большую сумму. И при воспоминаніи, что весь этотъ сыръ-боръ загорѣлся, благодаря моей особѣ, и самый пріѣздъ «цадика» состоялся изъ-за меня, — мнѣ стало досадно и грустно...

Съ самаго утра изъ города начали собираться толпами разные евреи и еврейки. Въ самый домъ ихъ не пускали: всѣ входы были тщательно охраняемы «габоимъ». Бѣдные люди покорились своей участи и, въ ожиданіи дароваго обѣда, собираясь группами, пере-

давали другъ другу рассказы о чудесахъ рабби Наэтолія, прославляли великаго чародѣя, и мимикой и тѣлодвиженіями старались благоговѣнно подражать манерамъ святаго «падика», когда онъ молится и произноситъ проповѣди. Часамъ къ одиннадцати начала появляться болѣе чистая публика на извозчикахъ. Но жестокосердые «габоимъ» и ея не пускали въ домъ. Эта новая публика собиралась группами отдѣльно отъ бѣдныхъ, на той же площадкѣ, стараясь не смѣшиваться съ ними. Но вотъ стали пріѣзжать евреи въ каретахъ и коляскахъ, которыя останавливались прямо у подъѣздовъ дачи, но и предъ этой публикой «габоимъ» не смѣшили раскрывать двери. Сначала они получали съ каждаго пріѣзжаго плату за входъ въ пользу «падика», а потомъ ужъ пропускали въ домъ. Не обходилось и тутъ безъ торга. То и дѣло до меня долетали черезъ окно, откуда я все это наблюдала, препирательства въ родѣ слѣдующихъ:

— «Хожемъ» (умница) вы большой, думаете, я не знаю васъ и дамся въ обманъ: пропущу за ничтожный «пидіонъ» (дань) въ пять карбованцовъ? Потрудитесь выложить 15 «кербелахъ» (рублей), а то не будете сидѣть за однимъ столомъ съ «падикомъ», а будете обѣдать вмѣстѣ съ нищими, на дворѣ.

— Ахъ, «габай», зачѣмъ такъ дорого? — слышится въ отвѣтъ умоляющій голосъ.

— Дорого? Вы говорите, дорого?.. Вы еще торгуетесь?.. И вамъ не стыдно?! Попробуйте еще слово сказать, и я васъ не пуцую въ домъ и за 25 рублей!..

Или:

— Вы хуже грабителей!.. разбойниковъ на большой дорогѣ!.. Вчерашній день я отвалилъ святому «падику», будь благословенно на вѣки имя его, «пидіонъ» въ сто рублей, и вы должны пропустить меня сегодня даромъ...

— Даромъ вы можете водицы выпить, — насмѣшливо отвѣчаетъ «габай». — Сейчасъ прикажу подать вамъ полный стаканъ самой чистой, самой вкусной воды, а за честь трапезовать съ святымъ падикомъ за однимъ столомъ вы намъ заплатите «пидіонъ».

Было около двухъ часовъ дня, когда по всей площадкѣ предъ домомъ поднялся крикъ: «ѣдетъ!». Скоро показалась знакомая мнѣ коляска ребъ Боруха, въ которой на этотъ разъ была запряжена четверка лошадей. Въ коляскѣ сидѣлъ старикъ лѣтъ 60, толстый, широкоплечій, съ длинной, широко расчесанной, рыжей бородой, съ крупнымъ мясистымъ носомъ и толстыми мясистыми губами. Не смотря на жаркую погоду, на головѣ его торчала огромная мѣховая шапка, изъ-подъ которой виднѣлась ермолка изъ краснаго бархата. Огромные, сѣрые глаза его изъ-подъ нависшихъ, длинныхъ рѣсницъ и нависшихъ густыхъ бровей лукаво смотрѣли по сторонамъ, и мнѣ казалось, что онъ внутренно насмѣхается надъ всѣмъ его окружаю-

щимъ. Это и былъ знаменитый «цадикъ» ребъ Наэтолий. Какъ мало походилъ онъ всей своей фигурой и откормленнымъ тѣломъ на святого и постника! Рядомъ съ нимъ сидѣлъ молодой человекъ, весьма на него похожий, но съ черными глазами и длиннѣйшимъ заостреннымъ, похожимъ на вороній клювъ, носомъ. Это былъ старшій сынъ «цадика», наслѣдникъ его титула и пѣста. Оба, отецъ и сынъ, сидѣли въ коляскѣ развалившись, въ удобныхъ позахъ, какъ и подобаеть важнымъ особамъ, а самъ собственникъ коляски, ребъ Борухъ Бердичевскій, помѣстился рядомъ съ кучеромъ на козлахъ...

Лишь только коляска остановилась у главнаго подъѣзда, какъ ребъ Борухъ съ юношеской подвижностью соскочилъ съ козелъ, раскрылъ дверцы и подаль руку «цадику». Вайнеръ, Трындинъ и другіе евреи тоже со всѣхъ ногъ бросились къ коляскѣ и, когда «цадикъ» не безъ медленной важности вылѣзъ изъ нея, подхватили его подъ руки и торжественно повели къ дому, среди благоговѣйно разступившейся толпы. Точно такимъ же образомъ, съ тѣми же почестями, другіе евреи высадили изъ коляски и повели къ дому его сына, будущаго «цадика».

У самыхъ дверей, которыя были настежь раскрыты, встрѣтили «цадика» Михаилъ Борисовичъ и м-ше Бердичевская съ большимъ серебрянымъ блюдомъ въ рукахъ, на которомъ лежали два бѣлыхъ хлѣба, прикрытые шелковой салфеткой. Оба супруга стояли съ опущенными долу глазами, а рядомъ съ ними, въ свѣтлыхъ платьицахъ, стояли обѣ мои ученицы — Роза и Соренца. М-ше Бердичевская была весьма красива въ старомодномъ, національномъ еврейскомъ костюмѣ и даже свѣтлый парикъ, который до половины прикрывалъ ея лобъ, не безобразилъ ея; зато Михаилъ Борисовичъ въ длиннополномъ жидовскомъ кафтанѣ, въ высокой мѣховой шапкѣ, причесанный тоже пожидовски, то-есть съ пейсами, былъ смѣшонъ и безобразенъ. Приблизившись къ молодымъ Бердичевскимъ, «цадикъ» остановился, поднялъ руки вверхъ и вознесъ ихъ сначала надъ хлѣбомъ, потомъ надъ Михаиломъ Борисовичемъ и надъ дѣвочками и направился дальше.

— Рабби, святой рабби, — умоляющимъ голосомъ произнесъ ребъ Борухъ: — отчего вы отказываете въ благословеніи женѣ сына моего?

— Дочь отступника не нуждается въ моемъ благословеніи! — громко и отрывисто отвѣтилъ «цадикъ» на ходу.

М-ше Бердичевская вздрогнула отъ нанесенной ей публичной обиды и залилась слезами. Лишь только двери закрылись за «цадикомъ», она убѣжала ко мнѣ на верхъ, гдѣ немедленно сорвала съ себя парадное платье и наградила «цадика» цѣлымъ потокомъ ругательствъ.

— Вы думаете, — обратилась она ко мнѣ, — онъ въ самомъ дѣлѣ чародѣй и духовидецъ?.. Нѣтъ... Онъ надувальщикъ!.. Шарлатанъ!.. Грабитель!.. Воръ!.. Мошенникъ!..

— Типе... Типе... останавливала я ее.— Васъ могутъ услышать черезъ окно...

— И пускай услышать!—перебила она меня гнѣвнымъ голосомъ.— Никого я не боюсь... Всѣмъ въ глаза скажу... Даже ему самому!..

Мнѣ насилу удалось её успокоить.

Черезъ нѣсколько минутъ пришли къ намъ на верхъ Вайнеръ и Михаилъ Борисовичъ. Оба были чрезвычайно сконфужены, и на обоихъ, какъ говорится, лица не было.

— «Цадикъ» приказалъ вамъ немедленно явиться къ нему,— обратился Вайнеръ ко мнѣ дрожащимъ голосомъ, стараясь на меня не глядѣть.

— Зачѣмъ я вашему цадику?

— О несчасть!.. О грѣхъ!.. застоналъ Вайнеръ... И какой это будетъ позоръ, если истина обнаружится!.. Подобнаго несчастья никогда не случилось!.. О горе намъ, горе намъ!

— Нельзя терять времени, насъ ждуть,— перебилъ его Михаилъ Борисовичъ.

— Да, нельзя терять времени,— глубоко вздохнулъ Вайнеръ.— Пойдемте скорѣй!..

— Но я не желаю идти... Мнѣ вашъ «цадикъ» не нуженъ...

— Ахъ, фрейленъ,— съ мольбой перебилъ меня Михаилъ Борисовичъ.— Ради Бога не отказывайтесь и не упорствуйте... Вы сами знаете, что изъ-за васъ только отецъ выписалъ цадика; что изъ-за васъ онъ устроилъ этотъ обѣдъ на дачѣ... Если вы съ нами не пойдете — самъ отецъ придетъ за вами... Неужели вы желаете устроить большой скандалъ?.. Неужели вы не понимаете, что можете погубить и себя и насъ?..

Нѣтъ, я очень хорошо сознавала, что Михаилъ Борисовичъ правъ, и что мнѣ невозможно избѣжать встрѣчи съ «цадикомъ»; я даже эти послѣдніе два дня, то-есть съ тѣхъ поръ, какъ цадикъ пріѣхалъ въ Центральскъ, мысленно готовилась къ встрѣчѣ съ нимъ; но я не думала, что встрѣча эта можетъ произойти при такой торжественной обстановкѣ и въ присутствіи такого многочисленнаго скопленія народа. Во всякомъ случаѣ, теперь, когда за мной пришли Михаилъ Борисовичъ и Вайнеръ, мнѣ стало чего-то страшно, и я дорого дала бы, еслибъ могла отказаться слѣдовать за ними... Неужели это было предчувствіе?..

Не безъ труда я поборола себя и послѣдовала за ними.

Большая столовая была такъ переполнена, что, какъ говорится, яблоку негдѣ было упасть. Кромѣ самого «цадика», его сына и ребѣ Боруха, которые сидѣли во главѣ самага большаго стола: первый на мягкомъ креслѣ, въ серединѣ, второй—на стулѣ, а третій—на простомъ табуретѣ, всѣ остальные евреи стояли на ногахъ. Въ столовой не было больше ни стульевъ, ни скамеекъ, такъ какъ въ

присутствіи рабби полагалось всѣмъ трапезовать стоя. Сзади кресла «цадика» стоялъ, вытянувшись во весь ростъ, высокій, худой еврей съ длинными, кольцеобразно вьющимися черными пейсами, съ длинной же шеей, маленькой головкой и съ удивительно черными, горящими, точно уголья, глазами и тонкимъ, длиннымъ, съ горбомъ въ серединѣ и заостреннымъ къ концу носомъ. Пробираясь медленно за своими провожатыми къ тому мѣсту, гдѣ засѣдалъ «цадикъ», я еще издали замѣтила этого еврея, который какъ своимъ ростомъ, такъ и своей хищной наружностью обратилъ на себя мое вниманіе. Это былъ главный «габай» цадика и его правая рука, ребъ Айзикъ. Въ столовой царствовала почти абсолютная тишина, и взоры всѣхъ присутствовавшихъ были благоговѣнно устремлены на «цадика», который сидѣлъ откинувшись на спинку своего кресла, съ прикрытыми обѣими руками глазами. Это «цадикъ» захотѣлъ предъ обѣдомъ побесѣдовать съ однимъ изъ самыхъ близкихъ и преданныхъ ему ангеловъ и попросить его, на случай если «катлоцонимъ» (злые духи) и «шейдимъ» (черти) вздумаютъ во время трапезы выкинуть какую нибудь штуку, чтобы онъ, ангелъ, гналъ ихъ прочь изъ благочестиваго дома. Не безъ труда мои провожатые положили себѣ и мнѣ дорогу до самаго «цадика». Никто насъ не видѣлъ, никто не обращалъ на насъ вниманія, и никто раньше, чѣмъ не получалъ порядочный пинокъ отъ Вайнера, не уступалъ намъ дорогу; до того всѣ были углублены въ созерцаніе рабби Наэтолія! Когда я очутилась рядомъ съ табуретомъ ребъ Боруха, Вайнеръ чуть слышно шепнулъ мнѣ:

— Не шевелитесь и не дышите громко...

Сколько времени продолжалась эта тягостная для меня тишина? Мнѣ казалось, что очень долго. Я чувствовала себя такъ скверно, какъ никогда, и ноги мои начали подкашиваться не то отъ усталости, не то отъ безотчетнаго страха, который помимо моей воли овладѣлъ мной. Еще болѣе страшно стало мнѣ, когда взоръ мой съ боку скользнулъ по ребъ Боруху. Онъ выглядѣлъ очень дурно: лицо его было болѣе чѣмъ блѣдно; оно имѣло какой-то земляной, мертвенный цвѣтъ и было все покрыто морщинами. Подобно всѣмъ присутствовавшимъ, онъ не обратилъ на меня никакого вниманія и былъ весь сосредоточенъ въ созерцаніи рабби Наэтолія. Мнѣ самой сдѣлалось жутко встрѣтиться съ его взглядомъ, но сколько я ни старалась отвернуться отъ него и не глядѣть въ его сторону— не могла...

Вдругъ среди царствовавшей тишины раздался громкій, отрывистый голосъ «цадика».

— Дѣти Израіля! — произнесъ онъ торжественно. — Я видѣлъ ангела Гавріила и бесѣдовалъ съ нимъ... Предстоящая намъ трапеза въ домѣ благочестиваго ребъ Боруха угодна Богу, и ни «катлоцонимъ», ни «шейдинъ» не осмѣлятся помѣшать намъ насыщать

бренныя тѣла наши Божьими дарами, ни возносить хвалу Создателю міровъ за великія милости Его къ намъ... Сообщаю вамъ эту радостную вѣсть отъ имени ангела Гавріила, который на вашихъ глазахъ передалъ ее мнѣ...

Гуль восторга пронесся по столовой, но «цадикъ» поднялъ правую руку, и опять настала тишина.

— Мудрая дѣвственница, Пеша,— совершенно неожиданно сдѣлалъ онъ полуоборотъ въ мою сторону.— Я вижу тебя въ первый разъ, но черты благочестиваго лица твоего мнѣ знакомы... Я не только знаю твою внѣшность, но мнѣ извѣстны твои внутреннія, благочестивыя качества... Ангелы Божіи сообщили мнѣ объ нихъ, и я счастливъ, чрезмѣрно счастливъ, что ты предназначена въ жены красѣ Израиля, лучшему изъ избранниковъ Божіихъ, ребъ Боруху, да живетъ онъ долго на землѣ!

Онъ посмотрѣлъ на меня въ упоръ своими лукавыми глазами, и взоры всѣхъ присутствовавшихъ тоже обратились на меня. Я не знала, куда дѣться отъ этихъ взглядовъ, и сдѣлалась самой себѣ противна: зачѣмъ допустила я весь этотъ обманъ, и почему не хватаетъ у меня смѣлости крикнуть «цадику» въ лицо, что онъ жалкій обманщикъ! Вѣдь стоитъ мнѣ сказать одно слово, и я изблечу его на глазахъ всѣхъ этихъ людей, фанатически вѣрующихъ въ него. Но языкъ мой словно прилипъ къ гортани, и я не могла произнести ни одного слова, ни одного звука. Я низко, словно преступница, опустила голову, стараясь ни на кого не смотрѣть.

— Подойди же ко мнѣ,— продолжалъ между тѣмъ рабби Наотолій.— Подойди поближе, и я, въ силу даннаго мнѣ отъ самого Бога-Цавоота разрѣшенія благословлять стадо его, благословлю и тебя!..

Такъ какъ я не тронулась съ мѣста на его призывъ, онъ прибавилъ:

— Ты стыдлива, а стыдливость принадлежитъ къ добродѣтелямъ дочерей Израиля... Айзикъ,—скомандовалъ онъ:—подведи велемудрую и стыдливую дѣвственницу ко мнѣ...

Приближенный «габай», прежде чѣмъ я успѣла одуматься, взялъ меня сзади за плечи, поставилъ предъ «цадикомъ» и наклонилъ мою голову. «Цадикъ» положилъ мнѣ на голову обѣ руки и что-то забормоталъ очень тихо. Когда онъ выпустилъ мою голову, и я подняла ее, то встрѣтилась глазами съ ребъ Борухомъ, лицо котораго, не смотря на страшную блѣдность, сіяло восторгомъ. Я поспѣшила отвернуться и сдѣлала шагъ впередъ, думая, что пытки мои уже кончились, чтобы уйти. Но опять раздался голосъ «цадика», который произнесъ:

— Псалмопѣвецъ говоритъ: «хорошая жена служить самымъ лучшимъ украшеніемъ дома», такъ да послужить украшеніемъ нашей трапезы добродѣтельная невѣста ребъ Боруха, и пусть останется она съ нами...

«Габай» Айзикъ опять схватилъ меня сзади за плечи и поставилъ на прежнее мѣсто.

— «Маимъ» (воды)!—произнесъ «цадикъ».

Моментально появилась прислуга съ кувшинами, тазами и полотенцами. Всѣ присутствовавшіе помыли руки, «цадикъ» громко произнесъ молитву, благословилъ лежавшій предъ нимъ огромный бѣлый хлѣбъ, переломилъ его пополамъ, разрѣзалъ на мелкіе куски, къ каждому куску пригнулся своими губами и собственноручно роздалъ ихъ всѣмъ. Каждый съ благоговѣніемъ бралъ отъ «цадика» свой кусокъ обѣими руками, стараясь, чтобы ни одна крошка не упала на полъ. Цадикъ и мнѣ подаль кусочекъ. Два еврея внесли огромное блюдо, на которомъ лежала цѣлая гора нарѣзанныхъ кусковъ фаршированной рыбы, и поставили ее предъ цадикомъ, который сначала положилъ себѣ на тарелку огромную щучью голову, а потомъ началъ раздавать руками, безъ помощи вилки, куски сотрапезникамъ. Какъ и прежде, евреи подставляли обѣ руки и благоговѣнно брали куски рыбы, стараясь не проливать сквозь пальцы стекавшій съ нихъ соусъ. Мнѣ противно стало смотрѣть, съ какой жадностью они прямо изъ рукъ проглатывали эту рыбу, какъ вымазывали соусомъ лица и бороды и какъ облизывали ладони и пальцы. Но вотъ очередь дошла до меня. «Цадикъ» подаль и мнѣ кусокъ рыбы руками. Машинально, какъ всѣ евреи, подставила я обѣ руки, но, почувствовавъ на ладоняхъ своихъ клейкій соусъ, машинально же швырнула на полъ этотъ кусочекъ рыбы, торопливо достала платокъ и начала вытирать руки...

Поступокъ мой вызвалъ въ столовой страшный шумъ и крики негодованія и злобы.

— «Хцуфе»!... «Лайдацка!».. (ругательства, не переводимыя порусски)—«Месумейдесте» (перекрещенная)!... «Кофуръ-беикернице» (отвергающая существо Божье)!.. Раздалось одновременно изъ многихъ устъ, и вдругъ рядомъ со мной очутился «габай» Айзикъ и съ крикомъ: «Трефнячка! что ты надѣлала?! Какъ ты смѣла?!», поднялъ руку, намѣреваясь ударить меня въ лицо.

Тутъ я забыла, гдѣ я, и что со мной, и, словно толкаемая невѣдомой силой, сама толкнула Айзика въ грудь и крикнула на всю столовую порусски:

— Не смѣй дотронуться до меня, мерзкій жидъ!..

— Кто же будешь ты?—крикнулъ цадикъ.

— Я христіанка!.. Да, христіанка, а ты обманщикъ и плутъ!..—крикнула я ему въ отвѣтъ, не помня себя отъ злобы и ненависти и вызывающе смотря ему прямо въ глаза.

Но тутъ взоръ мой упалъ на ребъ Боруха. Онъ стоялъ, опершись обѣими руками о столъ, все тѣло его дрожало, и глаза его, широко открытые, смотрѣли на меня. Но ни злобы, ни ненависти я не замѣтила въ его взглядѣ, а смотрѣлъ онъ какъ-то недоумѣвающе, рас-

терянно, и такая мука, такія страданія были написаны на его лицѣ, что мнѣ стало безконечно жаль его: я пришла въ себя и поняла, что надѣлала.

— Будь проклятъ домъ нечестивыхъ! — раздался между тѣмъ грозный голосъ «цадика». — «Катлопонимъ» и «шейдимъ» перехитрили меня и ввели въ заблужденіе!.. Я попалъ въ нечистый домъ, Самимъ Богомъ проклятый!.. Намъ отсюда надо бѣжать скорѣй!..

Онъ направился къ выходу, а за нимъ послѣдовали всѣ присутствовавшіе...

— Больно!.. Душить!.. — раздался раздирающій крикъ ребъ Боруха, и онъ упалъ навзничь.

XI.

Пропускаю подробности дикой сцены, которая тутъ же послѣдовала, и которая могла бы кончиться весьма неблагополучно для меня, и расскажу ее кратко.

Толпа оборванныхъ евреевъ подъ предводительствомъ Лейбы ворвалась въ столовую. Съ дикими криками и угрожающими жестами толпа эта устремилась ко мнѣ. Несомнѣнная опасность угрожала мнѣ, я это чувствовала, но Трындинъ предупредилъ ее. Онъ явился вслѣдъ за толпой, и ему удалось остановить ее, не безъ труда. Почти на рукахъ вынесъ онъ меня изъ столовой, довелъ до моей комнаты, впустилъ туда и, заперевъ дверь на ключъ, молча удалился.

Мало ли, много ли прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ я очутилась взаперти? Я была такъ разбита и физически и нравственно, что потеряла способность двигаться и размышлять. Обезсиленная, я растянулась на кушеткѣ и туло прислушивалась къ шуму, дошедшему до меня со двора чрезъ открытыя окна. Въ то же самое время въ ухахъ моихъ все еще продолжалъ раздаваться послѣдній крикъ ребъ Боруха, и страдальческое лицо его съ тѣмъ же самымъ выраженіемъ безконечной муки, которое я подмѣтила на немъ, когда онъ стоялъ, опершись обѣими руками о столъ, — неотступно преслѣдовало меня. Стукъ въ двери вывелъ меня изъ оцѣпенѣнія.

— Фрейлейнъ!.. Фрейлейнъ!.. — раздался нетерпѣливый голосъ м-ше Бердичевской за дверью. — Да откройте же мнѣ, фрейлейнъ!..

Она одновременно продолжала стучаться въ двери и звать меня.

— Меня заперли, — отвѣтила я, поднимаясь съ кушетки. — Трындинъ заперъ дверь и, вѣроятно, унесъ ключъ съ собой..

— Трындинъ?.. Да, какъ онъ смѣлъ?!.. — воскликнула она съ негодованіемъ. — Я покажу ему, имъ всѣмъ, что теперь хозяйка въ домѣ я!.. Настоящая хозяйка! и никому не позволю распоряжаться въ моемъ домѣ!..

И какъ я ни была разстроена, я уловила въ голосѣ м-те Бердичевской одновременно и властныя и ликующія ноты.

— Такъ Трындинъ васъ заперъ? Заключилъ васъ въ темницу?— продолжалъ между тѣмъ раздаваться голосъ м-те Бердичевской.— Какая дерзость, какая наглость такъ распоряжаться въ моемъ домѣ съ моимъ лучшимъ другомъ, съ моей избавительницей, которой я такъ много обязана!.. Но успокойтесь, мы сейчасъ освободимъ васъ изъ темницы... Сейчасъ, душечка, дорогая, вы будете свободны...

М-те Бердичевская удалилась, но не надолго. Скоро она возвратилась съ связкой ключей и начала пробовать ихъ одинъ за другимъ, пока не удалось подобрать подходящій ключъ, которымъ и открыла мою дверь.

Очутившись въ моей комнатѣ, она буквально стала душить меня въ своихъ объятіяхъ и осыпать поцѣлуями.

— Въ счастливую минуту вы переступили порогъ моего дома,— заговорила она, немного успокоившись, но все-таки возбужденно.— Вамъ, одной вамъ, я обязана своимъ освобожденіемъ отъ тирана!.. Никогда, никогда не забуду, какъ много вы для меня сдѣлали!..

Она выразила намѣреніе вторично обнять меня, но я съ негодованіемъ отскочила отъ нея. Каковъ ни былъ покойный ребъ Борухъ, но онъ былъ отцомъ мужа этой женщины, и такъ шумно высказывать свою радость по поводу его внезапной и во всякомъ случаѣ трагической кончины могла только женщина безъ сердца. Мнѣ это было тѣмъ болѣе больно, что только въ данную минуту я пришла окончательно въ себя и сознала свою вину передъ покойнымъ. «Я, я его убила! На моей совѣсти смерть человѣка! Несчастливая я, несчастная! А вотъ эта безсердечная женщина радуется и ликуеть, что я совершила такое злое дѣло!..». Мысли эти быстро пронеслись въ моей головѣ, и я съ горечью произнесла:

— Какъ можете вы такъ радоваться смерти близкаго вамъ человѣка?..

— «Близкаго мнѣ человѣка»,— повторила мои слова м-те Бердичевская.— Да развѣ не знаете вы, что этотъ близкій человѣкъ отравлялъ мнѣ жизнь, ненавидѣлъ меня!.. Презиралъ!..

— Но его ужъ нѣтъ, онъ умеръ, и вы должны простить ему всѣ обиды...

М-те Бердичевская посмотрѣла на меня въ упоръ своими близорукими глазами, и на лицѣ ея выразилось недоумѣніе.

— И вы можете такъ говорить?— перебила она меня.— Неужели вы дѣйствительно думаете, что можно простить всякія обиды? Въ такомъ случаѣ, вы желаете, чтобы люди были лучше и совершеннѣе самого Бога!.. Развѣ самъ Богъ прощаетъ?.. Развѣ Онъ не мститъ до третьяго и четвертаго поколѣнія!..

— Но есть другой Богъ, Богъ любви и милосердія, Который...

— Это вы говорите,— перебила меня м-те Бердичевская,— это вы

говорите про своего Бога, Котораго я не знаю, и отъ заступничества Котораго и самъ ребъ Борухъ отказался бы...

Не знаю, чѣмъ бы кончился мой разговоръ съ м-ше Бердичевской, еслибъ въ комнату не вопелъ Михаилъ Борисовичъ. Въ противоположность своей ликующей супругѣ, Михаилъ Борисовичъ имѣлъ весьма жалкій видъ. Онъ былъ очень блѣденъ, на щекахъ его видны были слѣды слезъ, костюмъ его былъ въ безпорядкѣ, и вся его фигура выражала растерянность.

— Папеньки ужъ нѣтъ больше, папенька совсѣмъ умеръ и не будетъ уже больше живъ, — произнесъ онъ со слезами въ голосѣ. — Осиротѣли мы съ тобой, м-ше Бердичевская...

— И слава Богу, что осиротѣли, — перебила м-ше Бердичевская. — Давно пора было...

— Но папеньки ужъ больше нѣтъ! — стономъ вырвалось у Михаила Борисовича.

— Разумѣется, нѣтъ стараго папеньки, но зато есть молодой папенька, — произнесла м-ше Бердичевская, зло усмѣхаясь. — Развѣ ты самъ не папенька? Развѣ у тебя нѣтъ дѣтей? Будь же женщиной, Михаилъ Борисовичъ, настоящимъ мужчиной!.. Пожилъ старикъ довольно, теперь и намъ пора жить; но жить, какъ слѣдуетъ, а не какъ покойный жилъ!..

— Мы и будемъ жить, какъ слѣдуетъ, а только и папенька могъ еще тоже пожить, а теперь онъ взялъ, да и совсѣмъ умеръ... Совсѣмъ и навсегда...

Слезы потекли изъ глазъ Михаила Борисовича, и онъ сталъ ихъ вытирать подѣтски, ладонями обѣихъ рукъ.

— И это мужчина, — укоризнено качая головой и сердясь, произнесла м-ше Бердичевская. — Бери платокъ, вытри слезы, и поговоримъ серьезно...

— Да, да, поговоримъ серьезно, — вдругъ оживился Михаилъ Борисовичъ. — Знаешь ли, насъ хотять ограбить!.. Совсѣмъ въ пухъ и прахъ разорить!.. Я ушамъ своимъ вѣрить не хотѣлъ, когда «хебре кадише» (святое братство) потребовало за похороны папеньки сто тысячъ рублей!.. Къ тому еще оно рѣшило хоронить его, какъ «гицля» (преступника), безъ «талмудъ-гарениковъ» (дѣтей, которыя предшествуютъ передъ покойникомъ во время похоронной процессіи), въ старомъ «аронѣ» (ящикѣ), а мѣсто на кладбищѣ хотять ему назначить у самой ограды... Чтобы мой папенка лежалъ въ компаніи воровъ и мошенниковъ!.. Какой это будетъ стыдъ на всю жизнь...

— Что же ты имъ на это сказалъ? — спросила м-ше Бердичевская.

— Я хотѣлъ съ ними поторговаться, но они и слушать меня не захотѣли... Они говорятъ, что такъ рѣшилъ «цадикъ», рабби Наѳтолій, который страшно сердитъ на папеньку и на весь нашъ домъ... Рабъ Наѳтолій такъ сердитъ, что хочеть насъ предать «херему» (анаемѣ)!.. Что же будетъ съ нами, если насъ ограбятъ и

еще отлучать отъ синагоги?!. Пропали мы тогда съ тобой, и никакого намъ не будетъ спасенія...

Михаиль Борисовичъ опять заплакалъ. М-ме Бердичевская задумалась, но не надолго. Вдругъ она энергично тряхнула головой, искривила свой широкій ротъ и властно заговорила:

— Мы покажемъ этому подлому плуту цадика и всѣмъ жидамъ, что съ нами шутить нельзя!..

— Какъ же мы это имъ покажемъ?—спросилъ Михаилъ Борисовичъ, встрепенувшись.

— Ахъ, еслибъ ты былъ немножечко поумнѣе, Михаилъ Борисовичъ!—м-ме Бердичевская глубоко вздохнула.—Какъ же ты не понимаешь, что съ нами ссориться никому не выгодно!.. Развѣ мы теперь не владѣемъ милліонами? Пускай только начнутъ съ нами воевать, мы пустимъ по міру весь городъ! Мы всѣхъ ихъ разоримъ!.. Развѣ со смертью ребъ Боруха исчезли его милліоны! Нѣтъ! Милліоны цѣлы, и они теперь наши!.. Развѣ мой папенька, Орпанскій, который не такъ богатъ, какъ мы, слушается цадика? Бойтся его? И намъ, съ нашимъ богатствомъ, тѣмъ болѣе нечего ихъ бояться! Я имъ покажу!..

Не успѣла м-ме Бердичевская произнести послѣднія слова, какъ вошли Трындинъ, Вайнеръ и Треймлеръ.

— Что вамъ нужно здѣсь?.. Какъ смѣли вы ворваться безъ доклада?—встрѣтила ихъ м-ме Бердичевская.—Вонъ отсюда!..

— Что за тонъ?.. Что за крикъ?—заговорилъ Трындинъ, выступая впередъ.—Мы явились теперь къ вамъ не въ гости, а какъ представители святого «цадика» и святого кагала! Кричать на насъ, а тѣмъ болѣе гнать насъ вы права не имѣете!.. Выслушайте лучше смиренно, какъ подобаеетъ еврейкѣ, повелѣніе святого цадика и святого кагала!..

— Послушаемъ, что повелѣваетъ намъ кагалъ, — насмѣшливо поклонилась м-ме Бердичевская.

— Святой кагалъ,—торжественно отчеканивая каждое слово, произнесъ Трындинъ,—повелѣваетъ вамъ и приказываетъ подъ угрозой великаго «херима» (отлученія) немедленно передать въ наши руки весь архивъ покойнаго ребъ Боруха, такъ какъ архивъ этотъ долженъ быть достояніемъ всего еврейства и въ вашихъ рукахъ оставаться не можетъ!..

— Я выслушала повелѣніе кагала мнѣ, а теперь выслушайте вы мое повелѣніе кагалу! Я требую подъ угрозой немедленнаго доставленія архива губернатору, чтобы моему покойному тестю были оказаны тѣ почести при похоронахъ, на которыя онъ имѣетъ право за свою службу еврейству въ теченіе своей долгой жизни; чтобы на кладбищѣ ему отвели почетное мѣсто, и чтобы самъ «цадикъ» шелъ во главѣ похоронной процессіи...

— Вы шутите...—перебили въ одинъ голосъ Трындинъ и Вайнеръ.

— Нѣтъ, мнѣ, миллионершѣ, пугать не подобаетъ, и я не шучу! Если кагалъ исполнить мои повелѣнія, я отдамъ ему архивъ, когда по моимъ расчетамъ настанетъ для этого время. Пока же я не выпущу изъ моихъ рукъ архива, какъ единственное могучее орудіе противъ кагала. Вы слышали мой отвѣтъ кагалу—передайте его ему...

— Вы слышите, что говоритъ ваша супруга?—обратился Трындинъ къ Михаилу Борисовичу.—Вѣдь она сумаспешдая женщина! Вздумала объявить войну кагалу! Не давайте ей воли, а то она погубить и васъ, и себя, и весь вашъ домъ...

— Что же я могу сдѣлать?—растерянно и плаксиво произнесъ Михаилъ Борисовичъ.

— Какъ, что? Вы хозяинъ въ своемъ домѣ. Исполняйте немедленно повелѣніе кагала и передайте намъ архивъ ребъ Боруха.

— Но она этого не хочетъ,—безпомощно произнесъ Михаилъ Борисовичъ, указывая рукою на жену.

— Конечно, не хочу и не отдамъ, — поддержала мужа м-те Бердичевская.

— И это ваше послѣднее слово?—грозно спросилъ Трындинъ.

— Да, послѣднее и неизмѣнное!—твердо отчеканила м-те Бердичевская.

— Въ такомъ случаѣ, мы съ вами больше церемониться не будемъ... Мы возьмемъ сейчасъ архивъ безъ вашего согласія...

— Какъ же вы это сдѣлаете, хотѣла бы я знать?—вызывающе спросила м-те Бердичевская.

— Не беспокойтесь, сдѣлаемъ. Мы знаемъ, гдѣ архивъ находится, и возьмемъ его...

— Вы, значить, будете двери ломать въ чужомъ домѣ?..

— Если потребуется, будемъ и двери ломать... Людей у насъ тутъ довольно... Вы сами знаете, что въ вашихъ рукахъ мы не можемъ оставить архива и, если добровольно не хотите его отдать, то сами возьмемъ его...

— А что скажутъ на это жандармы и городовые?—насмѣшливо спросила м-те Бердичевская.

— Какіе жандармы?.. Какіе городовые?..

— Которые находятся въ моемъ домѣ...

— Глупости!—перебилъ Трындинъ.—Какъ могли у васъ въ домѣ очутиться жандармы и городовые?

— Очень просто,—почти весело заговорила м-те Бердичевская.—Когда въ моемъ домѣ нѣсколько часовъ тому назадъ случилось несчастье, я поняла, что могутъ быть большія непріятности, что фанатическая толпа способна разнести мой домъ... Прежде всего и раньше всего я обратилась къ полицеймейстеру, а потомъ и къ жандармскому генералу. Мнѣ дали для охраны и городскихъ и жандармовъ... Какъ видите, я поступила не глупо...

— Но это неправда,—дрогнувшимъ голосомъ произнесъ Трындинъ.

— Нѣтъ, правда! Подойдите къ окну,—вонъ, видите, на дворѣ стоитъ жандармъ.

Трындинъ подошелъ къ окну, посмотрѣлъ на дворъ и весь блѣдный, съ вытянутымъ лицомъ, отошелъ назадъ.

— Правда, тамъ жандармы,—произнесъ онъ, совсѣмъ подавленный и обращаясь къ Вайнеру и Треймлеру.

— Вы знаете, м-ме Бердичевская,—сказала Вайнеръ заискивающимъ голосомъ, выступая впередъ.—Вы гораздо умнѣе, чѣмъ я думаль... Вы очень, очень умная женщина... Мнѣ даже кажется, что до сихъ поръ я васъ ничутьюки не зналъ... Дайте на себя хорошо посмотрѣть... Вы совсѣмъ стали какъ будто не прежней, а другой...

— Оно и понятно,—перебила его м-ме Бердичевская.—Раньше я была только невѣсткой богача ребъ Боруха, а теперь я сама богачка и милліонерша!.. Разница большая!..

— Да, большая,—согласился Вайнеръ.—Ну, что же намъ теперь дѣлать, когда мы совсѣмъ въ вашихъ рукахъ?.. Остается только сказать вамъ, что мы согласны на всѣ ваши условія, и все будетъ исполнено, какъ вы желаете...

— Такъ-то лучше будетъ,—перебила его м-ме Бердичевская.—Я люблю сговорчивыхъ людей и, чтобы доказать вамъ, какая я добрая, согласна вять на себя расходы по поѣздкѣ въ Петербургъ съ фрейлейнъ,—указала она на меня,—чтобы получить для врученія кагалу и ея документы...

— Я самъ хотѣлъ ѣхать съ фрейлейнъ въ Петербургъ,—перебилъ Трындинъ.

— Ну, зачѣмъ же это, когда мнѣ все равно надо тамъ быть, и я ѣду съ нею тотчасъ, какъ устрою дѣла,—заявила недопускающимъ возраженія тономъ м-ме Бердичевская.

Трындинъ и Вайнеръ съ поникшими головами, сознавая все свое безсиліе, направились къ двери, а Треймлеръ сдѣлалъ шагъ къ м-ме Бердичевской и жалобно произнесъ:

— Какъ былъ бы я счастливъ, еслибъ вы позволили мнѣ проѣхаться съ вами вмѣстѣ съ Петербургъ...

М-ме Бердичевская смѣрила своего чахоточнаго поклонника взглядомъ полнымъ ненависти, злобы и высокомернаго презрѣнія.

— Михаилъ Борисовичъ,—обратилась она къ мужу,—назначъ этому господину срокъ уплаты по его векселямъ и запрети ему разъ навсегда не только ухаживать за мной, но и переступать порогъ нашего дома... Человѣкъ этотъ мнѣ противенъ!..

Отъ послѣднихъ словъ жены Михаилъ Борисовичъ весь просіялъ.

— Мы вамъ все заплатимъ: и капиталъ и проценты,—произнесъ онъ торопливо, захлебываясь.—А насъ вы ужъ оставьте навсегда...

И когда поблѣднѣвшій и сконфуженный Треймлеръ удалился, Михаилъ Борисовичъ устремилъ на жену взглядъ, полный счастья и обожанья.

— Какая ты хорошая, m-те Бердичевская,—произнесъ онъ восторженно.—Еслибъ ты знала, какой большущій камень скатился съ моей груди!.. Нѣтъ, ты самая лучшая женщина въ мѣрѣ, и другой такой m-те Бердичевской не сыщешь!..

Поздно вечеромъ m-те Бердичевская принесла ко мнѣ въ комнату шкатулку съ архивомъ покойнаго ребъ Боруха и объявила мнѣ, что возьметъ архивъ съ собой въ Петербургъ, такъ какъ оставить его на прежнемъ мѣстѣ опасно: кагалъ можетъ его украсть, и тогда будетъ очень трудно бороться съ нимъ. Тутъ же она сообщила мнѣ, что никогда не выпуститъ изъ рукъ своихъ этого архива, ибо, только владѣя этимъ сокровищемъ, она можетъ считать себя въ безопасности и плевать на кагалъ.

Похороны ребъ Боруха происходили съ большою торжественностью на слѣдующій день, утромъ. Я смотрѣла на нихъ чрезъ окно. Когда процессія тронулась, рядомъ со мной очутилась m-те Бердичевская.

— Смотрите, — произнесла она съ триумфомъ. — Впереди идетъ самъ «цадикъ»!.. Какъ славно я отомстила ему за мое вчерашнее униженіе!.. Но я еще покажу себя имъ, этимъ жидамъ...

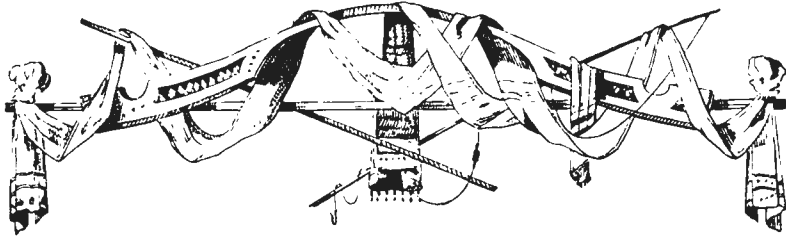
Подробности моего возвращенія въ Петербургъ въ обществѣ m-те Бердичевской не интересны. Когда, уже сидя съ ней рядомъ въ вагонѣ, я рассказала ей, что у меня нѣтъ никакихъ документовъ, и что для своего спасенія я обманула евреевъ, она положительно пришла въ восторгъ отъ моей выдумки.

На этотъ разъ m-те Бердичевская пробыла въ Петербургѣ всего недѣли двѣ. Но чрезъ три мѣсяца она совершенно переѣхала въ столицу на жительство.

Какъ она устроилась въ Петербургѣ и какъ она поставила свой домъ на самой что ни на есть «европейской» ногѣ, и какіе князья, графы, бароны и генералы наполняли ея «аристократическую» гостиную, — объ этомъ я расскажу во второй части моихъ записокъ.

С. К. Литвинъ.

ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ ¹⁾.

ХИ.

Модницы.

I.

АКЪ ХОЧЕШЬ, а я идти дальше не могу, — объявилъ мнѣ Бубенцовъ.

Мы возвращались изъ N—скаго села пѣшкомъ. До города оставалось верстъ восемь. Я сталъ уговаривать товарища, но онъ повторялъ одно и то же.

— Да я и проголодался, — добавилъ онъ. — Какъ хочешь, а я заверну въ деревню.

Молотково, небольшая деревенька, лежала въ какой нибудь полуверстѣ отъ нашей дороги.

Дѣлать нечего, мнѣ пришлось согласиться, и мы свернули по направленію къ Молоткову.

— Давай сюда и зайдемъ, чего выбирать, — промолвилъ Бубенцовъ, когда мы поровнялись съ крайней избой.

Изда была такая жалкая на видъ, что я невольно воскликнулъ:

— Куда ты!.. Здѣсь ничего не найдемъ! У нихъ, вѣроятно, и коровы нѣтъ.

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», 1896 г., т. LXV, стр. 617.

— Думаешь: «два котеночка пищать», а коровку Богъ прибралъ?— сказалъ товарищъ, припоминая стихи Некрасова.

— Въ этомъ родѣ!—отвѣтилъ я.

— Попробуемъ... Попытка—не шутка.

Мы вступили на полусгнившее крыльцо, осторожно миновали провалившуюся доску и отворили дверь въ избу.

На насъ повѣяло спертымъ воздухомъ, пропитаннымъ какой-то «кислиной». Мухи съ жужжаньемъ бились о стекла рамъ, усѣяли потолокъ, стѣны, бѣлый столъ, на которомъ лежалъ кусокъ хлѣба и—на деревянномъ блюдѣ—двѣ картофелины. Въ избѣ, повидимому, никого не было.

— Кто есть? Живая душа, отзовись!—крикнулъ Бубенцовъ.

Съ поладей послышался глухой кашель, потомъ раздался старческій голосъ:

— Кто тамо? Ково надоть?

— Нельзя ли молока достать?—произнесъ Бубенцовъ, поднимая голову и ища глазами старика.

— Не знаю, не слыхаль... а кто онъ такой?

— Ахъ, чтобъ тебя!..

И Бубенцовъ крикнулъ опять, какъ можно громче:

— Молока! Нельзя ли молока достать?

— Кхе, кхе! Какое молоко! кхе, кхе! у насъ, рѣднѣй, и коровы-то нѣту! Пала лонись... Куплять не на что... кхе, кхе!..

— Я вѣдь тебѣ говорилъ,—замѣтилъ я Бубенцову.

Около печки, на полу что-то зашевелилось. Это былъ тощій котенокъ, спавшій у входа въ подпечку.

— Скверно дѣло, — промолвилъ пріятель. — Даже и котенокъ одинъ, а не два!

Мы повернулись, чтобы уйти.

Въ эту минуту въ дверяхъ появилась старуха съ ведромъ въ рукахъ. Она какъ бы испугалась, увидя насъ, но сейчасъ же оправилась, поклонилась и промолвила, ставя ведро около печки:

— Здравствуйте, баринушки!..

— Здравствуй,—отвѣтилъ Бубенцовъ.—Хотѣли вотъ молока достать, да старикъ говорить—нѣту.

— Пала, коровушка-то, милый баринъ, пала... А купить-то и достатковъ нѣтути... Сынъ померъ, другой въ солдатахъ. А самъ глухъ и нездоровъ... а у дѣвки, извѣстно, какая добыча.

Старуха высморкалась при помощи пальцевъ, утерла носъ угломъ головного платка и произнесла, обращаясь къ Бубенцову:

— А коли угодно, я могу раздобыть молочка: у сусѣдки есью молочко. Даси за хлопоты копеечку, и спасибо!

Бубенцовъ посмотрѣлъ на бабу, потомъ на меня и, видимо, затруднялся отвѣтомъ. Старуха, должно быть, показала ему нечисто-стоплотную. Я шепнулъ ему:

- Пусть принесеть... вездѣ вѣдь не лучше...
- Пожалуй,—согласился Бубенцовъ и промолвилъ, обращаясь къ бабѣ:
- Ну, ладно, неси! Только не промозглаго, смотри, а съ ледника!
- Какіе у насъ ледники, баринушка,—отвѣтила старуха со вздохомъ:— нѣту ледниковъ... Да Марья подоила недавно, свѣжее молочко... Присядьте, желанные, я мигомъ! Ужо годи-ка, я окошко подниму, посвѣжѣй будетъ.
- Окно не отворялось, а только поднималась его верхняя часть.
- Ну, и бѣднота,—сказалъ Бубенцовъ, когда старуха вышла.— Вотъ ужъ именно: «душный воздухъ», какъ выразился Никитинъ.
- Мы сѣли на скамью у окна и стали дожидаться возвращенія старухи.
- Кто тамъ?—вдругъ раздался опять голосъ съ полатей.
- Это мы дѣдь!.. Жена твоя за молокомъ ушла къ сосѣдкѣ!—крикнулъ я.
- Къ сусѣдкѣ? Кхе, кхе! Нѣшто такъ-то... а то у насъ нѣту коровки... Силушки мало, гдѣ куплять... кхе, кхе!
- Плохо дѣло!
- Чаво?
- Плохо дѣло, говорю!
- Чаво хуже! Гляди, гнида и та обидитъ скоро... что подѣлаешь. Кхе, кхе!.. Божья воля... супротивъ евоной воли не пойдешь!..
- А чтожь ты не работаешь?—шутливо спросилъ пріятель.
- Што ты, рѣдный... гдѣ мнѣ! Мнѣ ужъ у Бога бѣлаго балахона просить впору... какая тутъ работа!
- Вернулась старуха и принесла кринку молока.
- Вотъ, баринушка, вотъ... безъ устою, а хорошее молочко.
- Хлѣба, бабка!—сказалъ Бубенцевъ.
- Хлѣбца можно... не больно ужъ скусный, не то, што въ городѣ... гдѣ ужъ!
- Она говорила, доставая хлѣбъ изъ посудника.
- Кто же у васъ работаетъ, бабка?—спросилъ я.
- А кто работаетъ... вотъ по дому я съ дочерью... а то наймаемъ, либо исполу... Митрій работалъ... да вотъ, Господня воля—померши...
- Голосъ у старухи задрожалъ.
- А дочь въ полѣ работаетъ?
- А то какъ же... вѣдомо, работаетъ... а по зимамъ кружева плететь... да дѣвкина добыча извѣстна: такъ на скруту што... и то не всегда.
- Кормитесь, все же?
- Кормимся, какъ же... хлѣбушка только не хватаетъ своето... купляемъ...

- И молоко покупаете?—спросилъ Бубенцовъ.
- Гдѣ молоко, родимый!.. До молока ли... Ни убоинки, ни молочка—хлѣбшукка-то былъ бы, ну, вотъ лучокъ съ кваскомъ, да щецъ съ крупкой... вчерась картошки выпросила взаимы, сварала... Ольга-то больно любить картошку...
- Неужели мяса не ѣдите совсѣмъ?
- За праздникъ купишь фунтика два... Послѣ Святой больше и не ѣли убоинки.
- Свой курицы есть?
- Курочекъ-то мало... опять же яички на продажу... дѣвка скулить: на одежду надобно тоже... Молодая дѣвка, нельзя: какъ люди всѣ, такъ и она...
- Не всѣ же такъ бѣдно живутъ,—промолвилъ Бубенцовъ.
- Всяко живутъ, кормилецъ... кому какъ Господь сподобить... Не много богатѣевъ у насъ... А то люди и нашего не лучше живутъ... ну, а одежду дѣвкѣ надо справить.
- На брюхѣ шелкъ, а въ брюхѣ щелкъ!—замѣтилъ Бубенцовъ, гордившійся знаніемъ поговорокъ.
- Да такъ оно и есть... такія времена нонѣ... Што въ городѣ, то и на деревнѣ. Намедни одной дѣвкѣ рукава не по модѣ сшили, такъ она платье-то въ рожу матери швырнула... Смотри какъ!..
- Молодецъ дѣвка!—засмѣявшись, проговорилъ товарищъ. — Вотъ тебѣ и деревня!
- Это ещо што, баринушка! А то вона къ Святой одной дѣвкѣ мать изъ города шляпу принесла, да не въ угоду. Дѣвка въ слезы: «и не пойду въ такой: птица посажена, будто чучело на огородѣ. Засмѣютъ». Мать — уговаривать: «Оеклушка, да приказчикъ Миколаемъ угодникомъ побожился, что самая модная, въ Питерѣ такія носятъ господа, стало. А дѣвка на своемъ стоитъ: не пойду въ такой шляпѣ. Какъ тутъ быть? Мать-то и вертай назадъ въ городъ.
- И далеко?—любопытствовалъ Бубенцовъ.
- А ровнехонько двадцать верстъ въ оба-то конца! Да по такой-то распутицѣ! Вотъ, баринушка, и удумай теперь, какія нонѣ дѣвки пошли; никакого съ ними сладу нѣту.
- Не хвалю такую мать-баловницу!—сказалъ Бубенцовъ тономъ ментора и вылилъ изъ кринки въ чашку остатки молока.
- Чего хвалить,—подтвердила старуха,—извѣстно, пагуба... А только иначе нельзя, баринушка, нельзя!
- Почему это?
- Люди просмѣютъ, дѣло невѣстино. Всѣ дѣвки форсятъ, ей одной какъ отстать. Зазорно. Хошь, не хошь, а тянись за товарками.
- Сами вы виноваты, что потачку даете дочерямъ!—произнесъ Бубенцовъ.
- Ничаво, желанный, не подѣлать. Волю дѣвки забрали. Дру-

гая безъ стыда такъ и кричить: хошь корову со двора веди, а шей мнѣ одѣжу.

— И отцы дураки!—рѣшилъ мой пріятель.

— Безъ скруты и женихи обходятъ,—продолжала баба:—смѣются... «у нея, бають, что въ праздникъ въ люди, что на гумно — одна одѣжа».

— И твоя Ольга такая же?—спросилъ я.

— Гдѣ всѣ, тамъ и мы. Отъ хрещеныхъ людей не отстанешь. Инѣ окрикнешь дѣвку, такъ словно младенецъ слезами залъется.

— Худо, бабка! Такъ жить нельзя,—строго проговорилъ Бубенцовъ.

— А такъ и живется. Сегодня живъ, а завтра жить. Севодни щи хлѣбаешь, а завтра и водицы напросишься.

— Такъ. Ну, а сколько тебѣ за все надо?

— За молоко сусѣдкѣ шесть копеекъ, а за хлопоты—какая ваша милость будетъ.

Бубенцовъ далъ старухѣ двугривенный. Я отъ себя столько же.

— Спасибо вамъ мои золотые! Пошли вамъ Господь здравія и всякаго благополучія...

— Анисья! кхе, кхе!

— Ну?—откликнулась баба.

— Ольга пришла?

— Нѣту, да лежи знай! Тутъ съ господами разговариваешь, а онъ пристаесть... тошный!

Старуха проводила насъ за двери, продолжая благодарить и кланяться.

— Вотъ тебѣ и деревня!—произнесъ Бубенцовъ, когда мы нѣсколько отошли:—червоточина, братъ, на яблокѣ.

— А кто виновать, какъ не городъ?—сказалъ я.

Не слушая меня, Бубенцовъ продолжалъ:

— Жрутъ мякину, а одѣваются въ шолкъ... цивилизація! Нѣтъ, нельзя было сразу такъ: отъ рабства да и на волю безъ всякаго контроля... Вотъ и свольничались!..

Я не сталъ спорить. Когда Бубенцовъ садился на своего любимого конька, спорить было бесполезно. Я только замѣтилъ пріятелю:

— Успокойся... теперь опекуны есть въ деревнѣ.

Мнѣ хотѣлось добавить: а каковы? Но это значило бы подливать масла въ огонь.

II.

Я подѣзжалъ къ зданію городской думы... Еще издалека я замѣтилъ длинную вереницу людей, преимущественно женщинъ, стоявшихъ на панели, съ узлами въ рукахъ. Нѣкоторыя сидѣли на тумбахъ и прямо на землѣ.

— Что это такое?—спросилъ я у извозчика.
 — На счетъ денегъ все.
 — Какихъ денегъ?
 — Подъ закладъ, стало быть.
 — Здѣсь ломбардъ?
 — Вотъ, вотъ. Подъ думой-то... Второй годъ никакъ. Разореніе!
 — Ну?
 — Истинно... Послѣднюю новину тащить иная. Выкупить-то бываетъ нечѣмъ, и пропадаетъ.
 — Такая нужда?
 — Кой и по нуждѣ, а то глупство одно: на наряды, чтобъ имъ пусто было!

Старикъ остановилъ лошаденку у крыльца думы и, показывая кнутомъ въ сторону толпы, проговорилъ сердито:

— Вона сколько ихъ... другая оглашенная чуть свѣтъ заберется, боится, что денегъ для нея не останется. Пороть бы ихъ непутовыхъ... И кто это удумаль, прости Господи!

Я подалъ ему деньги.

— А если у кого настоящая нужда, — сказалъ я: — тѣмъ и хорошо; у кулака закладчика еще хуже.

— Тебѣ сдачи гривенникъ? Нѣту, кажись... Нужда, ты говоришь?.. Да устроили здѣсь, такъ и тотъ полѣзъ, кому и нужды нѣтъ... Баловства стало больше... Вотъ тебѣ шесть копеекъ, а то нѣту...

Я взялъ сдачу и направился въ подъяздъ. Извозчикъ продолжалъ ворчать.

Мнѣ нужно было добыть нѣкоторыя свѣдѣнія въ городской управѣ. Секретарь еще не пришелъ. Писецъ, подшивавшій бумаги, предложилъ мнѣ подождать. Я присѣлъ.

— Вы очень рано пришли-съ, — сказалъ писецъ.

— У васъ поздно собираются. Ломбардъ не открыть, а народу смотрите сколько.

— Ломбардъ съ десяти-съ. А это — деревенскіе. Съ пѣтухами подымутся — и лѣзутъ.

— Отчего все-таки не пустятъ ихъ въ приѣмную?

— Нарочно-съ, чтобы отучить. Только не дѣйствуетъ... А вы замѣтили: все бабы больше.

— Я сейчасъ съ извозчикомъ разговаривалъ: недоволенъ открытіемъ ломбарда... Разореніе, говоритъ.

— Да вѣдь и раньше тащили, только къ жидамъ. У насъ льготнѣе... Модничать очень стали деревенскіе...

Въ комнату вошелъ толстякъ, съ глазами навывкатъ и съ бородой патріарха. Онъ поздоровался съ писцомъ за руку и освѣдомился насчетъ какой-то квитанціи.

— Это-съ у бухгалтера, Максимъ Ильичъ! Обождите... онъ скоро придетъ.

Толстякъ присѣлъ около писца, вынулъ портъ-сигаръ, досталъ папиросу, постучалъ ею о портсигаръ и закурилъ. Бросивъ спичку въ пепельницу, онъ промолвилъ брезгливо:

— И базаръ же у васъ... около думы... точно толкучка!

— Вы на счетъ ломбарда?

— Ну, да!.. Какъ погорѣльцы, либо цыгане... Скарбу натащили... Одна баба, должно быть, ухвати всѣ собрала и притащила.

— Ужь и ухваты!—выразилъ сомнѣніе писецъ.

— Чортъ ее знаетъ что... а похоже... Это все къ Троицѣ на гулянки... наряды дѣвкамъ.

— Вѣрно-съ,—подтвердилъ писецъ.—Зимнюю одежду несутъ... Недавно мужикъ хомутъ принесъ... больше, говорить, нечего и заложить.

— И дали ему?—полюбопытствовалъ толстякъ.

— Василий Павловичъ прогналъ... Закричалъ даже: вы эдакъ скоро оглобли принесете!

— Я вотъ говорю, что баба ухваты принесла... Дуры!.. Тащатъ... а чѣмъ выкупать станутъ?

— На урожай надѣются, Максимъ Ильичъ!

— Развѣ дыръ мало? Порча пошла. Прежде такого форсу деревня не знала. Я вѣдь самъ изъ крестьянъ,—съ гордостью произнесъ толстякъ:—помню, какъ жили... Конечно, дѣвки наряжались, да не тянули жилы изъ родителей. А теперь что: иная такъ нарядится, что ее, отъ барышни не отличишь. Вчера навозъ возила, а сегодня шляпу съ фантифлюхами, перчатки на лапы свои напялила. Грязь-то въ кожу вѣлася, ее скребкомъ не отцарапать, а она, Хавронья, перчатки напялила... мыла бы лучше купила, дурища! Къ ея ли рожѣ да бѣлая шляпка нѣжнаго фасона!

— По модѣ... къ сезону, Максимъ Ильичъ.

— Рожь-то ея не къ сезону... Шея словно солдатское голенище... Навозныя барышни, прости Господи! Въ прежнія времена такого распутства не было...

— Теперь не та жизнь, Максимъ Ильичъ.

— Что вѣзнь? Вольница... Что парни, что дѣвки — вольница... А еще эти шляхи столичныя... Приѣдетъ оттуда, повертитъ хвостомъ и перебаломутитъ всѣхъ... Будь моя воля да власть, запретилъ бы! Есть русскій костюмъ — чего лучше? Въ немъ и ходи.. Какія еще моды? Въ барыни всѣ лѣзутъ... Скоро, пожалуй, мужикъ фракъ надѣнетъ, а дѣвка декольту заведетъ, полуголая пойдетъ на гулянки...

Писецъ засмѣялся.

— А того дурачье не поймутъ,—продолжалъ толстякъ,—что все это вздоръ одинъ. Губонинъ не имъ чета... министръ по уму, а ходилъ въ длинномъ сюртукѣ и въ высокихъ сапогахъ. И жена его просто одѣвалась.

— Не мужчины, а больше дѣвицы на счетъ моды, Максимъ Ильичъ,—замѣтилъ Писецъ.

— И парни тоже, не говори ты!.. А дѣвки облажили совѣмъ: по три дня не жравши сидятъ иная, а выпялятся фу-ты-ну-ты!.. Ивану Петровичу, мое почтеніе!..

Толстякъ поднялся на встрѣчу плѣшивому старичку, мелкими шажками входившему въ комнату.

— Здравствуйте, Максимъ Ильичъ!

Они обмѣнялись рукопожатіемъ. Писецъ всталъ и низко поклонился, когда старичокъ проходилъ къ своему столу.

— Еще никого нѣтъ? — промолвилъ онъ, кивнувъ головою на поклонъ писца.

— Вотъ они-съ васъ ждутъ,—отвѣтилъ этотъ, указывая на меня.

— Я про служащихъ спрашиваю. Что за моду взяли—являться на службу такъ поздно! Вамъ что угодно?—промолвилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я объяснилъ мою просьбу.

— Безъ разрѣшенія головы не могу... Зайдите часа въ два... Тогда будетъ Сергѣй Ивановичъ.

Я поклонился и вышелъ.

Толпа у ломбарда порѣдѣла. Я крикнулъ извозчика. Въ ту самую минуту, какъ я садился въ пролетку, мимо меня прошла съ узломъ сгорбленная старуха. «Да это Анисья»,—мелькнуло у меня въ умѣ. Я хотѣлъ окликнуть, но лошадь уже тронула. «Впрочемъ, она ли еще»,—подумалъ я и не остановилъ извозчика.

Часа черезъ три, мнѣ пришлось проходить по площади, мимо Алексѣевского сквера, расположеннаго вблизи городской думы. У входа въ скверъ стояла старуха, которой только что передо мною барыня подала милостыню...

— Баринушка, Христа ради...

Я уже теперь не сомнѣвался, что это была Анисья.

— Ты это что же, нищенствуешь!—сказалъ я.

Старуха воззрилась на меня, потомъ отвернулась и скоро-скоро зашагала черезъ площадь, по направленію къ торговымъ рядамъ. Очевидно, она узнала меня, и не то устыдилась, не то испугалась...

Я хотѣлъ догнать ее и разспросить, но въ то время на думской башнѣ пробило два часа. Я поспѣшилъ въ управу, чтобы застать Сергѣя Ивановича.

III.

«Торговый домъ Лампакина и Комп.»—маленькая копія московскаго Мюрелиза. Магазины занимаютъ помѣщеніе въ нѣсколько этажей, и для губернскаго города, притомъ еще довольно глухого, явле-

ніе новое. Прежде въ городѣ были только лавки съ модными товарами.

Мнѣ понадобилось выбрать шляпку для дѣвчурки, и я отправился въ магазинъ Лампадкина. Около магазина, на панели, стояли двѣ бабы и громко разговаривали.

— Полно, Катеринушка, не жалѣй пяточка, надбавь, въ добротѣ большая рѣзница. Платье много выиграетъ...

— Ахъ, Серафимушка, сама вижу... да на семь-то платьѣ не малая передача. На обдѣлку еще клади. Марѣуша безъ обдѣлки и не хочеть.

— А шить кто будетъ? Бабаиха?

— Не хочеть Марѣа... Соколикѣ нести ладится.

— Гляди, эта дороже беретъ.

— Дороже, matka... да больно хвалять... Аксютокѣ шила баску,— не охаешь! Такъ энту брать-то?

— Бери энту!

— И то тебя послушать. Идоль-то не даль больше десятки... Прощала Марѣуша еще грешницу... Не даль, изругался даже!.. Въ ломбарду пришлось...

— А ты что въ закладъ ложила?—перебила товарка.

— Марѣину шубку на зайчинѣ... Теперь вотъ забота, какъ выкуплять будемъ. Кабы мой даль еще, такъ обошлось бы...

— Ну, гдѣ!.. Все бы не хватило...

— А гляди и вѣрно, что не хватило бы...

Бабы пошли въ магазинъ... За ними и я поднялся на чугунное крыльцо «Торговаго дома Лампадкина и Комп.»

Въ первой комнатѣ было чрезвычайно тѣсно. Всѣ приказчики заняты. На прилавкахъ лежали горы разныхъ матерій. Я оглядѣлъ публику: двѣ-три шляпки, остальные—все платки. «Деревня» заполонила магазинъ и доминировала въ немъ. Грязно одѣтыя бабы, съ подоткнутыми подолами, въ грубыхъ сапогахъ и топорныхъ башмакахъ, корявыми руками перебирали дорогія матеріи, разсматривали ихъ на свѣтъ, у окна, ощупывали и прикидывали.

— Что ты все худое показываешь?—обидчиво промолвила баба, въ какой-то полинялой цапавейкѣ, фыркая носомъ.—Думаешь, такія пришли, такъ все и ладно... Може, у насъ-то денегъ болѣ, чѣмъ у иной барыни.

— Помилуйте,—вѣжливо произнесъ приказчикъ,— да я самое модное показываю. Если не нравится, сейчасъ еще...

— И показывай!

— Извольте-съ!

Приказчикъ сталъ подниматься по приставной лѣстницѣ, чтобы достать нѣсколько кусковъ матерій съ верхней полки.

— Вотъ красную-то кажи, на веру коя,—сказала баба.—Гляди,

Софья, вѣдь баская, кажись,—обратилась она къ дочери, заглядѣвшей на бархатъ.

- Коя, мамонька?
- Красная, вишь, берегъ-то!
- Ничаво... а почемъ?

Приказчикъ уже положилъ матерію на прилавокъ и развертывалъ ее.

— Какая доброта, извольте посмотрѣть! Заграничной выдѣлки. Самое модное...

- Дай-ка сюды.
- Баба начала ощупывать.

- Какъ цѣна будетъ?
- Рубль семь гривенъ!.. Ничего лишку!
- Сказывай! За рупь отдаси!
- Что вы! У насъ безъ запросу.
- Ладно-тъ, гдѣ безъ запросу!

— Да вы сами понимаете... какъ я буду обманывать?—льстиво промолвилъ приказчикъ.

— Вѣстимо, не безъ глазъ!..—самодовольно отвѣтила баба... Говори крайнюю-то!

- Рубль семь гривенъ,—не могу ничего меньше!..
- Хопъ два съ четвертью, тогда рѣжь этотъ бархатъ,—раздалось вдругъ съ противоположнаго конца отдѣленія.

Я перешелъ туда. Плюгавый мужичонка покупалъ дочери бархату на пальто.

— Вамъ что угодно-съ?—обратился ко мнѣ приказчикъ, выглядывая изъ-за груды товара.

- Дѣтскую шляпку выбрать.
- Пожалуйте на верхъ, влѣво—вторая комната. Тамъ шляпное отдѣленіе.

Мнѣ пришлось пройти три комнаты. Онѣ были полны преимущественно простонародьемъ. Скопленные, быть можетъ, насбиранные гроши, копейки—превратились въ рубли, въ десятки рублей; они придали деревенскому человѣку силу. Гордое сознаніе подняло его и хотя на время поставило въ иное отношеніе и къ купцу и къ господамъ. Та самая баба, которая жметя въ кухнѣ, явившись туда съ масломъ или молокомъ, теперь смѣло отворяетъ зеркальную дверь въ магазинъ, топчетъ грязными башмаками и сапогами ковры, толкаетъ барыню. Она—сама покупательница, у нея въ карманѣ деньги, и она знаетъ, что ради нихъ приказчикъ будетъ передъ нею юлить и разсыпаться мелкимъ бѣсомъ. Она можетъ покуражиться, ей это пріятно, и она непремѣнно возьметъ свое. Она нарочно долго разсматриваетъ матеріи, заставляетъ приказчика лавить по лѣстницѣ, развертывать товары. Онъ, хотя на минуту, ея слуга. Еще нѣсколько дней тому назадъ она, можетъ быть, кланчила на улицѣ у барыни

копеечку, а теперь она стоитъ рядомъ съ барыней, обдаетъ ее вонюю своего потнаго платья, запахомъ навоза и дегтя и грубо напираетъ, безцеремонно толкая руками. Что ей здѣсь барыня? Онѣ обѣ покупательницы, обѣ равны; имъ обоимъ долженъ услуживать приказчикъ. «Еще неизвѣстно, у кого больше денегъ: у меня или у барыни». Это сказано съ гордостью. И баба права, потому что барыня же подавала ей пяточки, давала на чай; покупая молоко, масло, прибавляла копейку-двѣ на леденцы дѣтямъ. У барыни много другихъ неотложныхъ потребностей, а у бабы одна—нарядить дочерей. Она не доѣдала, не допивала, работала, кланчила, снесла въ залогъ, но собрала денегъ къ празднику и не за пустяками пришла въ магазинъ... Она все это хорошо понимаетъ.

Поднявшись на лѣстницу, я столкнулся на площадкѣ съ завѣдующимъ верхними отдѣленіями, красивымъ брюнетомъ, въ модной сѣрой парѣ. Когда-то онъ учился въ городскомъ училищѣ и бѣгалъ ко мнѣ съ записками отъ пріятеля-учителя. Тогда онъ былъ Гришутка, а теперь Григорій Михайловичъ Оглоблинъ, видный женихъ, которому сватаютъ дочь трактирщика, съ большимъ приданымъ.

— А, и вы къ намъ! Чѣмъ могу служить?
 — Дѣтскую бы шляпу... да у васъ такая масса народа.
 — Деревня нахлынула, такое время...
 — Я думаю, вы ей спускаете, что похуже?
 — Не скажите! Она отлично понимаетъ... Конечно, у нея свои вкусы, и мы это принимаемъ въ соображеніе.

— Эй, почтенный, что же ты намъ шляпку-то?

Подошедшая баба безцеремонно дернула Оглоблина за рукавъ жакетки. Онъ улыбнулся, взглянувъ на меня, и промолвилъ любезно бабѣ:

— Сейчасъ, матушка... Талинъ, покажите имъ шляпки, полученные изъ Петербурга. Присядьте, сударыня.

«Сударыня» сѣла на стулъ. Приказчикъ принесъ двѣ коробки. Я пошелъ за Оглоблинымъ. Его снова остановили.

— Батюшка, да гдѣ же у васъ зеркало?—спросила купчиха, державшая шляпку въ рукахъ.

— Да вотъ тамъ... Михайловъ! Дайте сюда ручное зеркало! Извините,—обратившись ко мнѣ, промолвилъ Оглоблинъ:—вамъ сейчасъ покажутъ дѣтскія шляпки, а мнѣ надо...

Онъ улыбкой докончилъ фразу. Я присѣлъ у окна и сталъ разсматривать публику. Вдругъ мой взглядъ упалъ на молоденькую крестьянку, примѣрившую шляпку передъ зеркаломъ. Это была блондинка, лѣтъ 18, средняго роста, плотная, крѣпко сложенная, съ круглымъ, сильно загорѣлымъ лицомъ. Прямой носъ, слегка вздернутый, очень шелъ къ миловидному лицу, которому всю прелесть придавали крупные сѣрые-отгѣненные глаза. Дѣвушка была одѣта въ простое довольно поношенное ситцевое платье, съ узенькой фалбор-

кой на подолѣ. Нѣсколько подобранное платье открывало красные, грубые чулки, съ дырами, и старыя, стоптанныя башмаки.

— Если бы одѣть ее въ русскій костюмъ,—подумалось мнѣ:—она могла бы обратить на себя вниманіе.

Дѣвушка поправила шляпку, сидѣвшую немного криво. Большія, загрубѣлыя руки, очевидно, не часто видѣли мыло. Грязь вѣлася въ кожу. Несмотря на недурное личико, модная шляпка не шла къ дѣвушкѣ, даже безобразила ее.

— Нѣтъ, Олюшка, та быдто лучше,—раздался старушечій голосъ.

— А эта, мамонька, наряднѣй!

Я поднялся со стула. Въ этотъ мигъ изъ-за дѣвушки показалась фигура старухи. Я узналъ Анисью и подошелъ къ ней.

— Здравствуй!—сказалъ я:—покупаешь дочери шляпку?

Анисья смутилась и ничего не отвѣтила мнѣ. Она, вѣроятно, боялась, что я заговорю о недавней встрѣчѣ у сквера. Я поспѣшилъ успокоить ее, замѣтивъ о шляпкѣ:

— Помоему эта не очень идетъ къ Ольгѣ.

— Я то же говорю,—подхватила старуха:—ну-ка, Олюша, примѣръ ту-то!

Дѣвушка не хотя исполнила требованіе матери.

— Что скажешь?—спросила Анисья, обращаясь ко мнѣ:—вѣдь лучше?

— Пожалуй! Но къ Ольгѣ всего лучше пошелъ бы русскій костюмъ...

Ольга засмѣялась.

— Какъ же, Олюша?

Дѣвушка сдѣлалась серьезна.

— Ту аль эту?

— Я эту не вѣзьму! Та любѣй! Не хочу хуже, чѣмъ у Пашки!

— Какъ знаешь... да и дорога та...

— Уступить рупь.

Ко мнѣ подошелъ юный приказчикъ.

— Вамъ угодно дѣтскую шляпку?

— Я хотѣлъ бы выбрать...

— Прошу васъ!

Я послѣдовалъ за приказчикомъ въ сосѣднюю комнату.

Черезъ четверть часа, проходя по магазину, я не нашелъ уже Анисьи и Ольги, хотя и внимательно присматривался къ толпѣ. «Вѣроятно, купили и ушли», рѣшилъ я.

Но, выйдя на крыльцо, я увидѣлъ Анисью. Она сидѣла на ступенькѣ и держала въ рукахъ картонку.

— Купили?—спросилъ я.

— Взяла Ольга, взяла.

— А гдѣ же она?

— Товарка встрѣлась... Насупротивъ пошли, матени (митени) выбрать.

Я помолчалъ и промолвилъ:

— А зачѣмъ ты тогда убѣжала отъ меня?

— Когда?—привнесла Анисья, какъ бы не понимая вопроса, но ея смущеніе не скрылось отъ меня.

— А у сквера... Зачѣмъ ты собирала?

— Что ты, родной, что ты! Да я и не думала... Боже упаси!

Она оправилась отъ смущенія и лгала, смѣло глядя мнѣ въ лицо.

— А въ закладъ носила?

— Въ закладъ? Это точно... пальто зимнее и пряжу... а чтобы собирать... храни Богъ!

Она поднялась съ крыльца.

— Пойду-ка и я къ нимъ... Прощай, баринушка... Спасибо на добромъ словѣ!

IV.

Около восьми часовъ я отправился на бульваръ...

Въ послѣднее воскресенье передъ Петровымъ постомъ—самое людное гулянье. На бульваръ собираются не только горожане, но и жители подгороднихъ деревень. Приѣзжаютъ изъ-за десяти и двѣнадцати верстъ. Парни высматриваютъ себѣ невѣсть, «форсятъ» передъ «красавицами», которыя щеголяютъ своими нарядами.

Дорогою я встрѣтилъ знакомую даму съ двумя маленькими дочерьми.

— И вы на бульваръ?—спросила она.

— Почему это «и вы»? Я могу вамъ задать такой же вопросъ.

— Я отвѣчу: дочки тащатъ! Не забудьте, сегодня карусели.

— А сами по себѣ вы не пошли бы?

— Я люблю гулять, когда свободно. Сегодня толкотня. Деревенскіе запрудили бульваръ.

— Я вотъ поэтому нарочно иду. Хочу посмотрѣть деревенскихъ модницъ.

— Посмотрите. Не знаю, какъ на васъ это подѣйствуетъ, а мнѣ тяжело дѣлается.

— Отчего?

— Я знаю съ чѣмъ сопряжены эти моды, сколько горя кроется подъ этими, на городской манеръ, сшитыми платьями.

— Въ городѣ то же самое. Многимъ также не легко достаются обновки. Къ тому же, молодость вездѣ молодость. Мнѣ тоже грустно, только по другой причинѣ.

— Какая же это причина?

— Больно за чудный русскій костюмъ. Зачѣмъ его забросили? Зачѣмъ эти уродливыя моды, когда русская женщина, именно рус-

ская, я беру въ смыслѣ типа, — всегда красивѣе въ своемъ національномъ костюмѣ. И тратъ меньше и красоты больше.

— Съ этимъ я вполне согласна.

Мы вошли на бульваръ.

На встрѣчу намъ приближалась парочка деревенскихъ модницъ. Подруги грызли орѣхи, бросая скорлупу въ сторону, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что она попадала въ когонибудь. Одна изъ дѣвушекъ, весноватая толстуха, была въ желтомъ шерстяномъ платьѣ, отдѣланномъ по модѣ зеленымъ бархатомъ. Сочетаніе цвѣтовъ подобрано невѣроятное, получалась, какъ говорится, «яичница съ лукомъ». Лифъ въ обтяжку, безъ корсета, дѣлалъ талію плоскою и аляповатою. Юбка-клошъ при неуклюжей, расплывшейся фигурѣ, утрачивала всякій фасонъ. Ярко-желтый цвѣтъ платья совсѣмъ не гармонировалъ съ желтыми же волосами и съ темнымъ загаромъ лица.

У подруги сверху сиреневаго шелковаго платья была надѣта суконная жакетка песочнаго цвѣта, съ ярко-розовымъ шелковымъ воротникомъ и обшлагами на рукавахъ.

— Видите воть эту?—промолвила моя спутница, указывая глазами на весноватую толстуху.

— Да, и что же?

— Наша молочница.

— Не бѣдная?

— Три сестры ихъ. Двѣ еще дѣвочки. Перебиваются... Бдятъ кое-какъ... а наряды не дешевые, какъ видите.. Городу подражаютъ въ томъ, что не заслуживаетъ подражанія.

— Какъ и мы брали сначала у Европы.

Деревенскія дѣвушки попадались на каждомъ шагу. Онѣ шли по двѣ и по три въ рядъ, отдѣльно отъ парней, которые гуляли также попарно или группами. «Кавалеры» старались не ударить себя лицомъ въ грязь; несмотря на жаркую погоду, они были въ калошахъ и съ зонтиками въ рукахъ. Высокіе сапоги «бураками» не нуждались въ калошахъ даже осенью, но «женихи» надѣли все для показа; глядите, молъ, все есть: и калоши и зонты. Поверхъ вышитыхъ кашемировыхъ цвѣтныхъ рубашекъ были надѣты пестрые жилеты; разстегнутые пиджаки позволяли видѣть и эти яркіе жилеты, и ворота рубашекъ, и толстыя серебряныя цѣпочки отъ часовъ.

— Знаете, — смѣясь, замѣтила моя знакомая: — у нѣкоторыхъ парней только цѣпочки, а часовъ нѣтъ.

— Ну-у?

— Право. Одного такъ дѣвушка пристыдила при всѣхъ. Потомъ онъ ее поймалъ, когда она возвращалась съ гулянья, сорвалъ у ней шляпу съ головы и бросилъ въ канаву. Если бы не подоспѣлъ братъ, то онъ ее избилъ бы. Дѣло доходило до суда, это было лѣтъ пять тому назадъ. Теперь парни ухитрились.

— Въ какомъ отношеніи?

— Умѣютъ пыль въ глаза пускать и не попадаться.

— Какъ же это?

— Жидки на выручку явились.

— Продають въ разсрочку?

— Нѣтъ, на прокатъ даютъ часы. Рубль, полтинникъ за вечеръ.

— А если пропадутъ?

— Кого не знаютъ, тому безъ залога не дадутъ. Вотъ братъ моей кухарки взялъ часы и кольцо за рубль на сегодняшній вечеръ; въ залогъ положилъ зимнее пальто и три рубля денегъ...

— А дѣвушки тоже продѣлываютъ?

— И у нихъ начинается входить это въ моду; берутъ кольца, браслеты... Но все-таки мало... Вѣдь дѣвушкѣ что надуть: придется при выходѣ замужъ имѣть все на лицо.

— Просвѣщается деревня!

— Да!.. Съ двухъ сторонъ!

— А которая побѣдитъ, какъ вы думаете?

— Боюсь, что жидки побѣдятъ.

— Смотрите, въ бархатныхъ платьяхъ!

— Да, да!.. хотя гробовый, да бархатъ.

Обѣ дѣвушки были въ платьяхъ изъ бумажнаго бархата, который въ сгибахъ складокъ отливаетъ бѣлымъ цвѣтомъ. Шляпки, какъ и у большинства гулявшихъ дѣвушекъ — бѣлыя соломенные, большія и круглыя, съ однообразной отдѣлкой изъ цвѣтовъ и лентъ.

— Всего менѣе идутъ къ нимъ шляпки, — сказалъ я.

— Правда.

На встрѣчу дѣвушкамъ попались три парня; они грызли орѣхи. Одинъ изъ нихъ только что досталъ пригоршню орѣховъ изъ кармана и, потчуетъ, протянулъ руку товарищу. Деревенская красавица быстро выхватила орѣхи у парня и, какъ ни въ чемъ не бывало, пошла дальше.

Товарищи парня захохотали.

— Ай-да Танька!

— Вотъ молодець-дѣвка!

Обиженный кавалеръ разсердился.

— Нѣшто такъ можно дѣвицамъ? — воскликнулъ онъ. — Довольно даже стыдно.

— А вы что не угощаете? — отозвалась дѣвица, оборачиваясь.

— Вы ждите, когда предложить!

— Дождешься у васъ!

— Срамница!

— Скупердяй! А еще кавалеромъ прозывается!

Она шепнула что-то подругамъ, тѣ засмѣялись.

— Видите, какъ все наивно и просто! — замѣтила моя знакомая.

— Мамочка, а когда же на карусели? — жалобно промолвила одна изъ дочерей.

— Сейчас, милуша. До свиданья, пока... Убѣдитесь, что я не солгала, сославшись на дѣтей,— сказала она, протягивая мнѣ руку.

Она направилась съ дѣтьми на площадку, къ каруселямъ; я пошелъ по широкой аллеѣ бульвара.

Не вдалекѣ отъ музыки, на скамейкѣ, рядомъ съ пожилой женщиной, сидѣла красивая блондинка, съ карими глазами, одѣтая въ ловко сшитое блѣдно-голубое шелковое платье, отдѣланное бѣлыми кружевами и лентами въ цвѣтъ. Дѣвушка была въ корсетѣ, и по фигурѣ и костюму не отличалась отъ городской барышни. Даже чолка на лбу завита и волосы скручены на затылкѣ моднымъ узломъ. Но на головѣ вмѣсто шляпки—цвѣты, чтó очень шло къ миловидному личику дѣвушки. Рядомъ съ ней, по другую сторону, сидѣлъ кавалеръ въ сюртукѣ, въ брюкахъ на выпускъ и въ пуховой шляпѣ.

На скамейкѣ оставалось свободное мѣсто; я занялъ его. Подошелъ молодой парень, поздоровался съ дѣвушкой и ея сосѣдомъ.

— Ты это что же, Петръ Ермолаевичъ?—промолвилъ парень.

— А что?

— Да не прокатить невѣсту? Аль скупиться?

— Я съ нашимъ удовольствіемъ... Деньги—плѣвое дѣло... Желательно вамъ, Наталья Спиридоновна, на карусели прокатиться?

— Пожалуй, разокъ!—жеманно отвѣтила дѣвушка.

— И не разокъ... сколько вамъ угодно-съ!

— Голова закружится, какъ долго-то.

— Это какъ ваше желаніе будетъ...

Дѣвушка не поднималась съ мѣста.

— Такъ что же-съ: отправимся! А вы, Оекла Панкратьевна?

— Я посижу; вотъ Авдотья идетъ, возьми ее, Наташа.

— Очень нужно,—отвѣтила дѣвушка... Да вы, маменька, постоите тамъ, около...

— Ну, инъ такъ, пожалуй!

Женщина медленно поднялась съ мѣста и пошла за молодежью. Наташа едва кивнула головой на поклонъ Авдотьи и ея подруги.

Обѣ дѣвушки сѣли рядомъ со мною.

— Наташка-то, гляди, какъ фортить!—сказала Авдотья... И не кланяется... кивнула, словно такъ... броскомъ...

— Гордится, — промолвила подруга.

— А чѣмъ ей гордиться-то? Что отецъ старшина? Плевать. Навороваль денегъ-то... Тятенька помнитъ его въ прежнее время... Голь былъ, не лучше нашего...

— У Натальи видѣла платье-то?..

— Видѣла.

— Шелковое... и дорогое!

— Женихъ подарилъ.

— Богатый, бають.

— Отцовское все... Двѣ золовки.

— Красивый!

— А носъ-то какой? Словно пуговица!—ехидно промолвила Авдотья.

— Что ты! Онъ красивый... Тебѣ какой же носъ нужно? Багоръ, нѣшто?

— Не по нраву онъ мнѣ,— рѣшительно заявила Авдотья.

Подруга улыбнулась. Она понимала зависть Авдотьи, но не хотѣла дразнить ее.

— Смотри-ка, смотри: Ольга наша идетъ!— сказала она, указывая пальцемъ вправо.

Ольга шла въ розовомъ атласномъ платьѣ, которое стояло на ней коломъ, потому что атласъ былъ изъ дешевыхъ, съ бумагой. Платье, обшитое кружевами и лентами, сидѣло на дѣвушкѣ недурно, но лифъ безъ корсета дѣлалъ фигуру громоздкой и неуклюжей. Шляпка безобразила дѣвушку, но она не понимала этого и, видимо, гордилась шляпкой.

Ольга поклонилась своимъ сосѣдкамъ. Тѣ отвѣтили ей, но какъ только она прошла, Авдотья хихикнула.

— Разрядилась тоже!— сказала она:— а самимъ жрать нечего... Мать-то намедни у насъ хлѣба пропала... Хлѣба купить нѣту денегъ, а Ольга форсить.

— Атласное платье!

— Какой атласъ-то!..

— Шляпка бѣлая...

— Тоже выбрала... ни дать, ни взять корзина!

Авдотья громко захохотала.

— Говорять, замужъ выходить, — замѣтила подруга.

— Кто это?... Ольга-то?

— Да.

— За кого?

— Въ Олексино... за Оедьку Кузнеца.

— Не возьметъ! Что за ней есть-то? Вошь на арканѣ, да блоха въ карманѣ...

— Люба.

— А чего въ ней хорошаго?..

— И кружевница, — продолжала подруга.

— Нѣшто она одна плететь?.. Да враки все... Оедька за Сонькой увивается... видать, что по нраву. Катерина! вы куды?

Мимо проходили три дѣвушки, всѣ въ цвѣтахъ.

— А на карусели... поидемъ съ нами.

— Ладно. Поидемъ, Степанида?

— Поидемъ...

Мои сосѣдки присоединились къ компаніи дѣвушекъ.

Публика — городская и деревенская — продолжала двигаться по аллеямъ бульвара. «Городъ» держался чинно. «Деревня» громко

хохотала, щелкала орѣхи и сѣмечки, покрывая скорлупой дорожки аллей.

Я пошелъ къ каруселямъ.

Здѣсь царило беззапятное веселье. Взрослые не уступали дѣтямъ, и мѣста брались чуть не съ бою.

Играла гармоника, пиликали скрипки и звенѣли бубны.

Карусели вертѣлись.

Дѣвушка лѣтъ 18—19, въ розовомъ платьѣ и сама вся розовая, ловко ловила кольца, сидя на оленѣ.

— Вѣра, я другой конецъ даромъ катаюсь!— кричала она подошедшей товаркѣ.

— Ври болѣ!

— Право слово: всѣ кольца поймала!..

Лицо ея сіяло, глаза блестѣли отъ удовольствія.

— Марѳа Григорьевна, головка заболить!— острилъ деревенскій Донъ-Жуанъ.

— Смотрите, у васъ бы съ пива не закружилась!— со смѣхомъ отвѣтила дѣвушка.

— Да мы и не пили... Напраслину ввводите!

— Поди, небось не прозѣвали!

— Хоть дохнуть, такъ нѣтъ... А вы что корите, не угостивши.

— Еще васъ угощать? Не стыдно ли будетъ? Кавалеры!.. Вамъ бы слѣдъ угостить-то!..

— Мы-съ что же... съ превеликимъ удовольствіемъ... Пожалте!..

Къ бойкой дѣвушкѣ подошелъ еще парень.

— На оленѣ!.. ишь, какая смѣлая!

— Барыни ѣздятъ же мазонками...

— Нарядъ не тотъ у васъ, Марѳинька...

Парень засмѣялся...

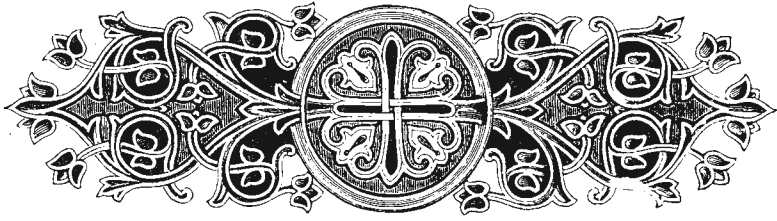
Опять заиграла музыка, и карусель снова завертѣлась.

Мимо меня прошла Ольга. Она была олицетвореніе восторга. Въ эти минуты она забыла о томъ, что заложены всѣ зимнія вещи, что дома нѣтъ хлѣба, и что осенью нечѣмъ будетъ, пожалуй, выкупить одежду изъ ломбарда. Все забыла... И слава Богу, что забыла, потому что вспомни—и дума отравила бы это дѣтское веселье взрослыхъ людей...

Я ушелъ съ бульвара за городъ и около трехъ часовъ пробродилъ на спольѣ. Возвращаясь домой, у заставы я встрѣтилъ толпу модницъ. Многія шли босикомъ: въ нарядныхъ шляпахъ, въ дорогихъ платьяхъ—и босикомъ. Онѣ берегли башмаки и туфли. То вѣдь на бульварѣ, а за городомъ чего стѣсняться? Нѣкоторыя и сморкались подеревенски, при помощи двухъ пальцевъ. Носовые платки тоже только «для народа».

И смѣшно и грустно было сморѣть на «модницъ».

Александръ Кругловъ.

ВОПРОСЪ О СМЕРТИ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ ¹⁾.

РУССКАЯ литература обладает двумя замѣчательными драматическими произведениями. Я разумѣю всѣмъ извѣстныя: драму Пушкина «Борисъ Годуновъ» и трилогію графа Алексѣя Толстого «Іоаннъ Грозный, Феодоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ». Оба эти произведенія замѣчательны по вѣрности отраженія исторической дѣйствительности. Не наше дѣло вступать въ разборъ ихъ съ точки зрѣнія ихъ литературнаго достоинства. Скажемъ только, что Пушкинъ и графъ А. Толстой, оба согласно развивающіе основную мотивъ взятаго ими сюжета, расходятся въ обрисовкѣ характера Бориса Годунова. Въ произведеніи Пушкина Борисъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ одной, всецѣло владѣющей имъ страсти — властолюбія. Этой основной чертой его характера объясняется вся дѣятельность царя Бориса. Нѣчто другое мы видимъ въ трагедіи графа А. Толстого. Борисъ Годуновъ проникнутъ не властолюбивыми стремленіями: онъ весь — безконечная любовь къ родной землѣ. Переживъ ужасы царствованія Іоанна Грознаго, звѣрствъ Малюты Скуратова, разоренія и униженія земли опричиной, онъ рѣшается спасти государство и народъ отъ подобныхъ страданій. Искусною политикой онъ сохраняетъ свою голову, для чего женится даже на дочери Малюты Скуратова; онъ ловко приобретаетъ расположеніе Іоанна. Онъ кривитъ душой, не идетъ противъ совершающихся предъ нимъ ужасовъ, но онъ знаетъ, что всѣ эти ужасы падутъ со смертью Іоанна, что всѣ эти Малюты Скуратовы, Вяземскіе, передушатъ и

¹⁾ Публичная лекція, читанная въ Кіевѣ 24-го февраля 1896 года.

перегрызуть другъ друга сами, нужно только на нѣкоторое время облачиться въ броню желѣзнаго терпѣнія, скорбѣть душой и молчать. Такъ Борисъ и дѣлаетъ. Со смертью Іоанна опричина рушилась; на престолъ вступаетъ царь Ѳеодоръ. Слабый душевно и тѣлесно, онъ могъ дать возможность вновь развиться боярскому произволу въ томъ видѣ, какъ это было въ малолѣтство Іоанна, хотя самъ, по своему благочестію и личной мягкости, не могъ возродить опричины. Но около него стоялъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ. Его политика въ предшествующее царствованіе была вознаграждена теперь: будучи шуриномъ молодого государя, завоевавъ себѣ еще раньше полное его расположеніе, Борисъ становится фактическимъ правителемъ государства, и если Московское государство наслаждалось четырнадцать лѣтъ спокойствіемъ, если бѣдствія народныя утихи, если сдѣлано что нибудь въ это время важное въ области государственнаго управленія, то, несомнѣнно, все это является заслугой Бориса Ѳеодоровича Годунова, которому Ѳеодоръ Ивановичъ былъ обязанъ, какъ можно судить по нѣкоторымъ фактамъ, и своимъ возведеніемъ на московскій престолъ. Нѣтъ почти сомнѣнія, что среди бояръ существовала сильная партія, думавшая обойти слабаго умомъ и тѣломъ Ѳеодора и возвести на престолъ двухлѣтняго Димитрія. Московская земля опять испытала бы на себѣ всѣ ужасы боярскаго правленія, съ борьбой партій, съ взаимнымъ ихъ уничтоженіемъ. Ловкость Бориса предотвратила все это, и царемъ сталъ Ѳеодоръ Ивановичъ. Борисъ Годуновъ могъ теперь оправдать свое поведеніе при жизни Іоанна, и его совѣсть говорила ему, что за свои нравственныя мученія онъ купилъ теперь спокойствіе земли Русской. Но обстоятельства были таковы, что мало обѣщали хорошаго для дорогой ему родины. Слабый, болѣзненный, царь могъ скоро умереть; къ тому же онъ не оставлялъ послѣ себя наслѣдника. Какъ тяжелый кошмаръ, вставали предъ Борисомъ времена правленія Іоанна; его гнала мысль о возможности повторенія боярскаго самовластия и бѣдствій народныхъ, бѣдствій родной земли. Что дѣлать? Какъ предотвратить неизбежно грядущія событія? На престолъ взоидетъ маленькій Димитрій, за котораго править будутъ бояре. Этотъ мальчикъ уже проявляетъ черты характера своего больного отца. И вотъ для Русской земли потянется вереница тяжелыхъ годовъ: сначала боярскаго правленія, а затѣмъ повторенія царствованія Іоанна въ лицѣ его сына, котораго бояре сумѣютъ развратить, такъ же нравственно испортить, какъ и его отца. Все это было неизбежно,—такъ думалъ Борисъ. Что же дѣлать? Нужна жертва для блага земли! Этой жертвой-искупительницей должна быть жизнь Димитрія: только съ удаленіемъ его отъ престола уничтожалась возможность повторенія всего ужаснаго пережитаго. А жизнь ребенка? Какъ рѣшиться отнять ее, когда одна слеза ребенка не можетъ быть окуплена всѣми богатствами міра? Да, а чѣмъ

окуплены страданія и смерть десятковъ невинныхъ дѣтей, погибшихъ подъ ножами опричниковъ, въ огнѣ пожаровъ?! А что если снова придуть эти ужасы?! Нѣтъ! Быть такъ не должно! Борисъ рѣшился. Димитрій падаетъ отъ руки убійцъ. Борисъ вступаетъ на престолъ по волѣ народа, это несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что бояре уступили только народному желанію и затаили злобу въ сердцахъ своихъ. «Достигъ я высшей власти,—говорить Борисъ у Пушкина.—Я думалъ свой народъ въ довольствіи, во славѣ успокоить, щедротами любовь его снискать, но отложилъ пустое печенье: живая власть для черни ненавистна—они любятъ умѣютъ только мертвыхъ». Вѣрный своему взгляду на Бориса, какъ на властолюбца, Пушкинъ и не могъ вложить въ уста царя ничего другого. Нѣтъ, не для пріобрѣтенія народной любви проявлялъ свои щедроты Борисъ,—эта любовь была на его сторонѣ,—въ благосостояніи родной земли онъ видѣлъ не средство, а дѣль, ради которой онъ принесъ тяжкую жертву. Но эта жертва уничтожаетъ все прошлое, а теперь, теперь взойдетъ надъ родной землей новая заря:

«Свершилося! Въ вѣнцѣ и въ бармахъ, я
 Держу бразды русскія державы!
 Четырнадцать я спорилъ долгихъ лѣтъ
 Со слѣпотой, со слабостью, съ упорствомъ,—
 И побѣдилъ! Кто можетъ осудить
 Меня теперь, что не прямой дорогой
 Я къ дѣли шель? Кто упрекнетъ меня,
 Что чистотой души не усомнился
 Я за Руси величье заплатить?
 Кто, вспомя Руть царя Ивана, нынѣ
 Проклятіе за то бы мнѣ изрекъ,
 Что для ея защиты и спасенья
 Не пожалѣлъ ребенка я отдать
 Единого? Мнѣ на душу не разъ
 Ложилось камнемъ темное то дѣло,
 И думалъ я: что если не достигну,
 Чего хочу! Что если грѣхъ тотъ даромъ
 Я совершилъ? Но нѣтъ! Судьба меня
 Не выдала! Я съ совѣстію счеты
 Сегодня свелъ — и не боюсь поставить
 Моихъ заслугъ и винностей итогъ!
 Могу теперь идти стезею чистой!
 Прочь отъ меня притворство и обманъ!
 Черезъ пропасти и смрадные болота
 Къ престолу днесъ меня приведшій мостъ
 Ломаю я! Разорвана отнынѣ
 Съ прошедшимъ связь! Пережита пора
 Кромѣшной тьмы, сіяетъ солнце снова —
 И держитъ скиптръ для правды и добра
 Лишь царь Борисъ — нѣтъ болѣ Годунова!».

Таковъ основной взглядъ графа А. Толстого на Бориса Годунова. Несомнѣнно, и Пушкинъ, и графъ А. Толстой, приступая къ разработкѣ избраннаго сюжета, предварительно обратились къ изу-

ченію относящагося къ нему историческаго матеріала и ознакомились съ современными имъ научными взглядами. И дѣйствительно въ ихъ произведеніяхъ отражается современное имъ положеніе русской исторической науки въ отношеніи даннаго вопроса. Послѣ Пушкина, при которомъ господствовали взгляды Карамзина, наша наука сдѣлала большіе шаги впередъ. Графъ Ал. Конст. Толстой писалъ уже тогда, когда вслѣдствіе открытія новыхъ историческихъ матеріаловъ, вслѣдствіе развитія у насъ исторической критики, многіе вопросы были пересмотрѣны и получили новое рѣшеніе, и если мы возьмемъ произведенія Пушкина и Толстого въ ихъ цѣломъ, то должны будемъ признать, что графъ А. Толстой является въ изящной литературѣ выразителемъ современныхъ намъ научныхъ взглядовъ.

Но, какъ мы видѣли, въ одномъ согласны оба наши автора: убійство царевича Димитрія совершено по распоряженію Бориса Годунова. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ въ самой наукѣ не установилось окончательно опредѣленнаго взгляда на этотъ фактъ. Карамзинъ въ своей «Исторіи государства Россійскаго» признавалъ Бориса виновнымъ въ смерти царевича Димитрія, но и онъ высказываетъ затѣмъ колебанія, хотя открыто и не измѣняетъ своего взгляда. По мнѣнію Карамзина, «что принято, утверждено общимъ мнѣніемъ, то дѣлается святынею, и робкій историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ критики повторяетъ лѣтописи». Но не таковы дѣйствительныя требованія науки, и поэтому очень скоро являются попытки, весьма серьезныя, къ оправданію Бориса. Производится тщательный критическій анализъ русскихъ историческихъ сказаній; на основаніи этой критики изслѣдователи приходятъ къ убѣжденію, что повѣствованія въ этихъ сказаніяхъ о событіи въ Угличѣ противорѣчивы, сбивчивы, явно враждебны Борису, а потому не заслуживаютъ никакого довѣрія. Но рядомъ съ этими литературными русскими памятниками, говорящими о смерти царевича Димитрія, въ распоряженіи историка имѣется еще одинъ документальный источникъ: до насъ дошло цѣлое слѣдственное дѣло о смерти царевича. Слѣдствіе было произведено комиссіей, которая состояла изъ боярина Василя Ивановича Шуйскаго, крутицкаго митрополита Геласія, окольного Андрея Клешкина и дьяка Елизара Вылузгина. Это слѣдственное дѣло дошло до насъ цѣликомъ съ подписями допрошенныхъ свидѣтелей подъ ихъ показаніями. Казалось бы, какъ можно не довѣрять оффиціальному документу. Но, къ несчастью, это такая смутная пора, когда даже самые оффиціальныя документы очень часто являются дѣйствительно смутными. И вотъ, какъ во взглядѣ на русскія историческія сказанія, такъ и въ мнѣніяхъ своихъ относительно произведеннаго Шуйскимъ слѣдствія, историки расходятся. Одни признаютъ полную достоверность слѣдствія, другіе, напротивъ, видятъ тутъ ловкуу под-

дѣлку, которая направлена къ скрытію, замаскированію дѣйствительнаго событія. По всѣмъ русскимъ историческимъ сказаніямъ, царевичъ Димитрій погибъ насильственною смертію, виновникомъ которой является Борисъ Годуновъ, подославшій убійцу. Наоборотъ, по слѣдствію оказывается, что царевичъ самъ нечаянно закололся въ припадкѣ падучей болѣзни, упавши на ножъ. Я не буду утруждать читателей изложеніемъ всѣхъ отдѣльныхъ мнѣній, а тѣмъ болѣе ихъ разборомъ. Я перехожу прямо къ анализу всѣхъ имѣющихся у историка матеріаловъ по интересующему вопросу и представлю результаты, добытые мною лично.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется цѣлый рядъ русскихъ историческихъ сказаній, въ которыхъ рассказывается о смерти царевича Димитрія. Несомнѣнно, какъ выясняется изъ анализа этихъ литературныхъ произведеній, всѣ они писаны гораздо позже событія. Сличеніе ихъ другъ съ другомъ обнаруживаетъ, что нѣкоторыя изъ нихъ не самостоятельны, а представляютъ изъ себя копіи другихъ, или имѣютъ большія заимствованія одно изъ другого. Мы ознакомимся съ рассказами тѣхъ изъ нихъ, которыя являются болѣе независимыми въ фактическомъ отношеніи.

Древнѣйшимъ, по времени своего происхожденія, изъ историческихъ сюда относящихся произведеній является такъ называемое «Иное сказаніе о самозванцахъ», первая часть котораго составлена приблизительно въ 1606 году. Вотъ что мы тамъ находимъ. Борисъ Годуновъ посылаетъ въ Угличъ Михайлу Битяговскаго и племянника его Никиту Качалова. Они, прибывъ въ Угличъ, стали искать удобнаго случая для совершенія злодѣянія. И вотъ однажды, когда царевичъ вышелъ гулять, они напали на него, и одинъ изъ нихъ ударилъ ребенка ножомъ и перерѣзалъ ему горло. Вотъ и все. Рассказъ глухой, сжатый, не дающій никакихъ подробностей. Также стереотипно рассказанъ фактъ и въ «Повѣсти князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго», писанной около 1626 года: Борисъ отправилъ въ Угличъ Никиту Качалова и Михайла Битяговскаго; они взяли однажды царевича у матери, обѣщая доставить ему какое-то удовольствіе, увели и убили.

Послѣ этихъ краткихъ извѣстій мы находимъ и болѣе подробныя сообщенія. Самымъ подробнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на первый взглядъ, самымъ обстоятельнымъ повѣствованіемъ является то, которое мы находимъ въ такъ называемомъ «Новомъ Лѣтописцѣ», окончательное составленіе котораго относится къ 1630 году. Вотъ это повѣствованіе. Борисъ Годуновъ рѣшилъ извести царевича и поручилъ кому-то въ Угличѣ употребить для этого отраву, но Богъ хранилъ ребенка отъ тайныхъ покушеній. Видя неудачу, Борисъ созвалъ къ себѣ на совѣщаніе своихъ братьевъ и Андрея Клешинина съ единомышленниками и передалъ имъ результаты своихъ попытокъ погубить царевича. Только одинъ изъ братьевъ Годунова, Григорій Васильевичъ,

горько скорбѣлъ по поводу всѣхъ этихъ замысловъ, и поэтому его не пригласили на это совѣщаніе. На совѣщаніи было рѣшено прибѣгнуть къ убійству. Выборъ палъ на Владимира Загрязкаго и Никифора Чепчугова. Но когда имъ сказали объ этомъ, оба они отказались. Передали объ этомъ Борису, которому въ утѣшеніе Андрей Клепшинъ сказалъ: «не тужи, есть у меня братья и друзья; желаніе твое будетъ исполнено». А Загрязкому и Чепчугову много бѣдъ и напастей надѣлали за ихъ отказъ. Клепшинъ, уже у себя на дому, собралъ сходку изъ своихъ друзей и предложилъ взять на себя комунибудь изъ нихъ исполненіе порученія. Всѣ отказались, но въ одного только вошелъ дьяволъ, какъ въ Іуду Искаріотскаго. Этотъ одинъ былъ Михайло Битяговскій. Явился онъ къ Клепшину и сказалъ: «хочу исполнить вапу волю». Клепшинъ доложилъ объ этомъ Борису, который призвалъ къ себѣ Михайлу Битяговскаго, пообѣщавъ ему почести, одарилъ его и отправилъ въ Угличъ вмѣстѣ съ сыномъ Данилкой, да Микиткой Качаловымъ.

Прибывъ къ мѣсту своего назначенія, они стали завѣдывать хозяйствомъ при дворѣ вдовствующей царицы. Между Битяговскими и Марьей Волоховой, мамкой царевича, произошло соглашеніе, и 15-го мая 1591 года замыселъ былъ приведенъ въ исполненіе. Въ этотъ день мамка Волохова повела царевича гулять на дворъ. Кормилица, точно предчувствуя недоброе, не хотѣла его пускать, но Волохова отняла у нея ребенка и повела. Кормилица пошла за ними. Когда они спустились съ крыльца, къ нимъ подошелъ Данилка Волоховъ (очевидно, простая ошибка = Данилка Битяговскій) и, взявъ царевича за руку, спросилъ его:

— Это, государь, у тебя новое ожерелье?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ мальчикъ, — старое, — и приподнялъ голову.

Въ этотъ моментъ Данилка ударилъ его ножомъ въ горло, но не захватилъ гортани и, бросивъ ножъ, побѣжалъ. Кормилица обхватила упавшаго ребенка и стала кричать. Тогда на нее бросились Михайло Битяговскій и Никитка Качаловъ, стали ее бить, оттащили отъ царевича и окончательно дорѣзали его. Крики услышала и мать Димитрія. Она выбѣжала изъ дворца и, при видѣ окровавленнаго сына, стала вопить. Въ это время случилось чудо. Въ городѣ и на посадѣ кто-то, невидимый, ѣздилъ, стучалъ въ ворота и кричалъ:

— Чего вы сидите: царя вашего не стало!

Въ ту пору на государевомъ дворѣ не было никого, такъ какъ это было время полуденное. Одинъ только соборный понамарь увидѣлъ происшествіе, бросился на колокольню и сталъ звонить въ набатъ. Битяговскіе хотѣли его убить и лѣзли къ нему на колокольню, но понамарь заперся на ней и продолжалъ звонить. Набатный звонъ поднялъ народъ. Дядья царевича, люди сбѣжались на государевъ дворъ и увидѣли мертваго царевича и лежащихъ надъ нимъ кормилицу и мать. Народъ бросился на Михайла Битя-

говскаго и камнями умертвилъ его, жену его и дѣтей. Микитка и Данилка сначала убѣжали изъ Углича вереть за 12, но, влекомые судомъ Божиимъ, вернулись и также были убиты. Тѣло же царевича внесли въ церковь Преображенія.

На этомъ кончается разсказъ о самой смерти царевича. Дальнѣйшее повѣствованіе касается уже пріѣзда въ Угличъ слѣдственной комиссіи, о чемъ мы будемъ говорить далѣе. При чтеніи приведеннаго разсказа, не смотря на ясно видимую его легендарность, невольно поддаешься его обаянію, но оказывается, что у насъ есть еще болѣе заманчивое изложеніе хода событія. Написано оно неизвѣстнымъ лицомъ также несомнѣнно уже въ началѣ XVII столѣтія, какъ и вышеприведенныя. Въ этомъ литературномъ произведеніи есть небольшое, но важное вступленіе. Авторъ беретъ за перо потому, что уже «есть время рещи», то-есть, настала пора, когда о фактѣ можно говорить. Вотъ что сообщаетъ намъ этотъ неизвѣстный авторъ. 15-го мая царевичъ по утру всталъ совсѣмъ больной. Голова его клонилась. Но онъ пошелъ къ обѣднѣ; послѣ чтенія Евангелія прикладывался къ образамъ у старцевъ Кириллова монастыря. Возвратившись домой, царевичъ перемѣнилъ платье. Въ это время пришли съ кушаньемъ, постлали скатерть, и священникъ вынулъ Богородичный хлѣбъ. Послѣ этого царевичъ попросилъ пить, и ему, государю, поднесли напитокъ. И напившись пошелъ онъ съ кормилицей погулять. Когда они подошли къ церкви царя Константина, Никитка Качаловъ и Данилка Битяговскій ударили кормилицу палицей, отчего она омертвѣла, а затѣмъ зарѣзали ребенка. Услышавъ крикъ, прибѣжала и мать царевича. Она увидѣла мертваго сына, схватила его на руки, а убійцы стоятъ тутъ же, не будучи въ состояніи удалиться. Въ это время дядей царевича не было: они, не вѣдая бѣды, разѣхались обѣдать. Царица Марья внесла сына въ церковь Преображенія и приказала ударить въ набатъ. Скоро набатный звонъ разлился по всему городу. Небывалый трезвонъ колоколовъ собралъ горожанъ. При видѣ умерщвленнаго ребенка, при страшныхъ вопляхъ матери, взывавшей о мщеніи, народъ пришелъ въ ярость и съ крикомъ побилъ убійцъ камнями. Мать не отходила отъ сына: она не оставляла церкви до 19-го мая, когда изъ Москвы пріѣхали крутицкій митрополитъ, бояринъ Василій Ивановичъ Шуйскій, Андрей Клешнинъ и дьякъ Елизарій Вылузгинъ для погребенія царевича. Они осмотрѣли тѣло царевича и затѣмъ уѣхали. Только остался крутицкій митрополитъ, который и совершилъ погребеніе.

Какъ близко, повидимому, стоялъ къ жизни царевича этотъ разсказчикъ. Невольно проникаешься нарисованной имъ картиной. Но у насъ есть еще болѣе интересный разсказъ о смерти царевича. Борисъ задумалъ уничтожить царевича посредствомъ яда. Выбралъ онъ для этой цѣли дьяка Михаила Битяговскаго, сына его Данилку и племянника Никиту Качалова. Привлекъ онъ на свою сторону и

нѣкую Василису Волохову. Жила эта Василиса Волохова всегда при царицѣ Марьѣ. Вначалѣ она была постельницей, но царица любила ее, сдѣлала своей боярыней и оказывала ей большое расположеніе. Вотъ она-то, Василиса Волохова, и помогла Битяговскимъ привести въ исполненіе ихъ предпріятіе. Пробовали отраву, но это средство не давало почему-то желаннаго результата. Долго жили Битяговскіе при дворѣ царицы Марьи. Наконецъ, имъ удалось привлечь на свою сторону кормилицу царевича, Дарью Митякову. Однажды Дарья взяла ребенка за руку и повела его гулять на дворъ, при чемъ дала ребенку орѣшковъ. Въ это время убійцы были уже наготовѣ: они спрятались подъ лѣстницей. Когда мальчикъ съ кормилицей были на серединѣ лѣстницы, дьякъ Мишка Битяговскій схватилъ ребенка снизу, между ступенями лѣстницы, за ноги, Данилка Битяговскій потянулъ въ то же время за голову, а Никитка Качаловъ, вынулъ ножъ, закололъ ребенка. Бросивъ царевича, убійцы бѣжали. Кто-то изъ женщинъ далъ знать матери. Царица выбѣжала и стала вопить надъ трупомъ сына. Ударили въ набатъ, сбѣжались горожане. Увидавъ, въ чемъ дѣло, часть людей бросилась преслѣдовать убійцъ. Убійцы сознались въ своемъ преступленіи и были побиты разъяреннымъ народомъ.

Исслѣдователь останавливается въ полномъ недоумѣніи при видѣ всѣхъ этихъ разнорѣчій, обнаруживающихся такъ рѣзко въ приведенныхъ нами повѣствованіяхъ. Отбросить ли всѣ эти рассказы, какъ негодные для возстановленія истины? Всѣ они позднѣйшаго времени... Но анализъ cadaго изъ нихъ ясно показываетъ, что авторы этихъ сказаній пользовались сказаніями, еще раньше существовавшими, болѣе древними,—устными и письменными. Другими словами: предъ нами являются не четыре-пять показаній, а гораздо больше. Эти всѣ люди, то ближе, то дальше отстоявшіе отъ событія, являются предъ историкомъ свидѣтелями, хотя они могутъ быть очевидцами и неочевидцами событія. Въ правѣ ли мы отринуть ихъ показанія въ виду того только, что показанія ихъ разнорѣчивы? Я говорилъ, что приведенные мною рассказы независимы другъ отъ друга. Самыя разнорѣчія, которыя мы въ нихъ находимъ, говорятъ намъ, что эти свидѣтели, очевидцы и неочевидцы, не стаянулись между собою, не сговорились: они были изолированы другъ отъ друга; они говорятъ каждый то, что знаютъ, не зная того, что показываетъ другой. Это есть важный залогъ того, что въ ихъ разнорѣчивыхъ показаніяхъ есть доля истины, которую мы, какъ слѣдователи, должны извлечь.

Можемъ ли мы отыскать какое нибудь общее основаніе, одинъ общій источникъ, изъ котораго могли бы почерпнуть рассказчики свои показанія? Странныя противорѣчія въ ихъ показаніяхъ свидѣтельствуютъ, что такого общаго источника нѣтъ. Семья Нагихъ, царица Марья, не могли рассказывать такъ противорѣчиво, одному

такъ, другому иначе. Нѣсомнѣнно, они разсказывали что нибудь одно. Слѣдовательно, въ этихъ приведенныхъ нами разсказахъ отражаются воспоминанія многихъ лицъ, изъ которыхъ каждое было современникомъ убійства, но или не было очевидцемъ, или за давностью лѣтъ перепутало подробности, невольно нарисовало себѣ свою самостоятельную картину событія. Послѣднее вполнѣ понятно. Писать о событіи во время царствованія Θεодора и Бориса Годунова было невозможно. Ближайшій срокъ, когда могли начать появляться писанные разсказы, есть 1606 годъ — годъ избранія въ цари Василя Шуйскаго: отъ событія прошло уже 15 лѣтъ. Какая же вѣрность въ передачѣ подробностей могла сохраниться за такой промежутокъ времени! Даже когда въ одной семьѣ происходитъ какое нибудь важное событіе, всегда ли сохраняется ясное воспоминаніе о всѣхъ его подробностяхъ? Заурядно явленіе, что члены семьи чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ событія начинаютъ спорить другъ съ другомъ о детальныхъ фактахъ. Не забудемъ, что семья Нагихъ была въ опалѣ, въ заточеніи, въ монастырѣ. Что могла передумать и почувствовать мать, сидя въ монастырской кельѣ, когда она даже не присутствовала при самомъ убійствѣ ея сына?! Какія картины самаго факта рисовались тогда ея воображенію?! Эти картины, создаваемые неотвязно воображеніемъ несчастной матери, становились мало-по-малу неотъемлемымъ достояніемъ ея души, получали въ ней полную вѣру. Но послѣдующіе повѣствователи черпали свои свѣдѣнія не изъ однихъ разсказовъ Маріи Нагой, что доказывается разнорѣчіемъ ихъ показаній. Кто же были эти люди—современники событія? Были тутъ и очевидцы: дѣти, съ которыми игралъ въ часъ смерти царевича, его кормилица, постельница. Были просто современники: угличане, прибѣжавшіе по набату на царскій дворъ. Но что случилось съ этими людьми? Страшный разгромъ потерпѣлъ Угличъ: его жители были раскассированы — одни казнены, другіе въ массѣ сосланы въ Сибирь, третьи заточены. Даже колоколь, звонившій набать, былъ отправленъ въ ссылку, въ Тобольскъ. Эти люди унесли съ собой фактъ въ дѣйствительномъ его видѣ. Ихъ было много. Среди нихъ-то, разрозненныхъ, ошеломленныхъ, должны были создаться варианты деталей событія. Со временемъ, мало-по-малу, воспоминанія этихъ безыменныхъ людей переходили въ руки тѣхъ, кто оставилъ намъ свои писанія, и тутъ было уже дѣломъ случая, — одинъ слышалъ такъ, другой — иначе: писавшій сказаніе наткнулся случайно на того или иного разсказчика и вносилъ въ свой трудъ его воспоминанія. Такимъ образомъ, передъ нами вполнѣ естественно развившіяся въ своихъ детальныхъ противорѣчіяхъ показанія массы людей. Поэтому историкъ обязанъ сказать: «да, я не знаю подробностей совершившагося факта», но и только. Спрашивается, отчего во всѣхъ этихъ разсказахъ-воспоминаніяхъ многихъ и многихъ лежитъ, непоколебимо сохраняется, одна общая основа: царевичъ

Димитрій былъ убитъ? Этой основой, столь ярко выступающей среди всѣхъ естественныхъ детальныхъ противорѣчій, историкъ не имѣетъ права пренебрегать: она одна сохранилась, какъ незабываемое сознаніе, среди всѣхъ затуманившихся воспоминаній.

Но, можетъ быть, намъ дать болѣе увѣренности для рѣшенія вопроса оффиціальныи памятникъ, который дошелъ до насъ цѣликомъ, именно слѣдственное дѣло о смерти царевича? Когда въ Москву пришло извѣстіе о событіи въ Угличѣ, туда была послана слѣдственная комиссія. Она состояла изъ крутицкаго митрополита Геласія, Василія Ивановича Шуйскаго, Андрея Клепнина и Елизара Вылузгина. Она произвела слѣдствіе, причемъ показанія людей грамотныхъ закрѣплены ихъ собственноручными подписями. Первая поправка, которую вносить слѣдственное дѣло въ народное воспоминаніе, заключается въ томъ, что Михайло Битяговскій не могъ быть участникомъ убійства: свидѣтельскими показаніями, какъ, на примѣръ, Григорія Нагого, подтверждено, что въ моментъ событія Михайло Битяговскій не былъ на дворѣ царицы, а у себя дома, и явился только по набатному звону. Но въ какомъ же видѣ далѣе устанавливаетъ самый фактъ слѣдственное дѣло? Въ субботу, послѣ обѣдни, вернувшись съ матерью домой изъ церкви, царевичъ пошелъ гулять на дворъ. На заднемъ дворѣ собрались около него ребятишки-жилыцы, то-есть дѣти, приставленныя къ нему для забавы, приблизительно его однолѣтки. Тутъ же была мамка его Василіса Волохова, кормилица Орина (Ирина) и постельница Марья. Дѣти затѣяли играть въ тычку ножемъ. Когда царевичъ держалъ ножъ въ рукѣ, съ нимъ внезапно случился припадокъ падучей болѣзни; онъ упалъ, наткнулся горломъ на ножъ, отчего ему и смерть приключилась. Вотъ въ такомъ видѣ событіе было представлено и царю Θεодору. Слѣдователи не щадили себя и сняли показанія съ массы лицъ. Словомъ, наружно слѣдствіе ведено вполне основательно. Но, къ несчастью, есть нѣкоторыя обстоятельства, заставляющія невольно задумываться: да такъ ли оно дѣйствительно было?!

При первомъ чтеніи васъ подавляетъ количество свидѣтельскихъ показаній о случайной смерти царевича. Именно такое подавляющее дѣйствіе должно было оказать чтеніе этого длиннаго дѣла на бояръ и весь освященный соборъ съ патріархомъ Іовомъ во главѣ. Но присмотритесь къ свидѣтелямъ. Оказывается, что о случайной смерти царевича показываютъ всѣ единогласно, даже стереотипно, но никто изъ этихъ свидѣтелей не былъ очевидцемъ факта. Григорій Нагой—былъ у себя дома и прибѣжалъ по набату; Андрей Нагой—обѣдалъ у себя дома, прибѣжалъ по набату; понамарь Огурецъ—былъ дома и даже не ходилъ на дворъ царицы, звонилъ въ набатъ по чьему-то приказанію; игуменъ Покровскаго монастыря—былъ въ своемъ монастырѣ, за Волгой, пріѣхалъ въ городъ по набату; сытники—прибѣжали по набату; истопники—были внутри дома

царицы, прибѣжали по набату; ключникъ Тулубѣвъ—былъ въ своемъ домѣ, прибѣжалъ по набату; стряпчій Юдинъ—былъ внутри дома царицы, стоялъ у поставца; подключники—были внутри дома царицы, стояли у поставца; конюхи — были въ конюшнѣ, прибѣжали, когда уже все кончилось; стряпчій Феодоръ—былъ въ городѣ; подъячье—были внѣ царскаго двора, дома; повара—были на кухнѣ, стряпали, прибѣжали; горожане — были за городомъ съ телѣгами, прибѣжали по набату. И всѣ эти, здѣсь перечисленные лица, ничего сами не видѣвшія и между тѣмъ единогласно рассказывающія о невидѣнномъ ими фактѣ, съ ихъ стереотипными, дословно сходными показаніями, признаны достовѣрными свидѣтелями! Слѣдователи по большей части не трудятся даже узнать, откуда свидѣтель знаетъ, что фактъ совершился именно въ такомъ видѣ. Впрочемъ, сами свидѣтели даютъ иногда такія указанія, и вотъ тутъ возбуждается новое сомнѣніе. Прибѣжали по набату изъ-за Волги горожане на царскій дворъ, видятъ: толпа бѣжитъ Битяговскихъ. У этой толпы прибѣжавшіе горожане спрашиваютъ, что случилось, и бьющая толпа отвѣчаетъ: царевичъ игралъ въ тычку ножемъ, съ нимъ случилась падучая болѣзнь, онъ упалъ на ножъ и закололся. Спрашивается: за что же толпа била Битяговскихъ? Вѣдь, если толпа била, то значить думала (хотя бы и невѣрно), что царевичъ зарѣзанъ Битяговскими, и не могла отвѣчать прибѣжавшимъ горожанамъ, что царевичъ закололся самъ. Не измѣнено ли тутъ показаніе горожанъ? Слѣдователи въ иныхъ случаяхъ не задаются вопросомъ совсѣмъ, гдѣ былъ свидѣтель. Улицкій губной староста даетъ подробное показаніе: царевичъ упалъ, падучая его долго била, и въ это время онъ накололся ножемъ. А гдѣ былъ свидѣтель? Самъ все это видѣлъ! Но свидѣтельскими показаніями установлено, что при царевичѣ были только дѣти, мамка, кормилица и постельница. Отчего слѣдователи не остановили тотчасъ же этого рассказчика и не сказали ему, что онъ ничего не можетъ знать, ибо ничего не видѣлъ? Полнѣйшая неестественность нѣкоторыхъ показаній не обратила на себя вниманія слѣдователей. Григорій Нагой показываетъ, что по набату онъ прискакалъ на дворъ царицы и видитъ: лежитъ царевичъ, «набрушился» на ножъ въ падучей болѣзни. Не говоря уже о томъ, что вполнѣ неестественно, чтобы упавшаго въ припадкѣ съ ножемъ ребенка оставили лежать на ножѣ, пока пріѣхалъ Григорій Нагой, но мы имѣемъ, кромѣ того, показаніе кормилицы, что она сейчасъ же схватила ребенка и взяла къ себѣ на колѣни. Слѣдовательно, прискакавшій Нагой не могъ видѣть, какъ упалъ ребенокъ, и какъ все раньше было.

Между тѣмъ совершенно затуманываются показанія, въ которыхъ говорится объ убійствѣ. Михайло Нагой показалъ прямо, что онъ прискакалъ по набату и нашелъ царевича зарѣзаннымъ. Отчего слѣдователи не задали ему вопроса: откуда именно онъ знаетъ, что

царевичъ зарѣзанъ, когда свидѣтель въ моментъ факта былъ у себя дома? Андрей Нагой также показалъ, что былъ дома, обѣдалъ, прибѣжалъ по набату и засталъ царевича на рукахъ у кормилицы, — говорили, что царевича зарѣзали. Отчего ему не дана очная ставка съ тѣми, кто это ему говорилъ? А вотъ рассказъ передъ слѣдователями архимандрита Воскресенскаго монастыря: служилъ онъ обѣдню въ Алексѣевскомъ монастырѣ; послѣ обѣдни вдругъ зазвонили въ набатъ у Спаса; тогда они съ игуменомъ послали монастырскихъ слугъ узнать, не горитъ ли гдѣ; слуги возвратились и сказали, что слышали отъ людей, что царевича зарѣзали, а кто, неизвѣстно. Почему не были допрошены эти монастырскіе служки? Еще важнѣе на нашъ взглядъ показаніе самого игумена Алексѣевскаго монастыря. Вначалѣ онъ повторяетъ сказанное прежнимъ свидѣтелемъ, затѣмъ продолжаетъ: когда монастырскіе служки прибѣжали и принесли извѣстіе, что царевичъ зарѣзанъ, вскорѣ явился отъ царицы кутейщикъ Богдашъ и позвалъ игумена къ царицѣ; игумень вмѣстѣ съ архимандритомъ поѣхали; вошелъ игумень въ церковь Спаса: «ажно царевичъ лежитъ зарѣзанъ». Игумень не говоритъ, что слышалъ, а видѣлъ. На основаніи чего такъ говоритъ игумень? Какая черта, какой признакъ, заставили его признать ребенка зарѣзаннымъ, а не наколовшимся на ножъ? Мы именно думаемъ, что тутъ лежитъ одна подробность, съ которой въ наше время слѣдователи и начали бы свое дѣло: рана была не колотая, а рѣзаная, и притомъ рѣзаная такъ, что это было ясно замѣтно.

У насъ есть еще показанія очевидцевъ. Но, собственно говоря, слѣдователи не должны были класть ихъ во главу угла: это показанія лицъ, которыя являются отвѣтственными въ этомъ дѣлѣ. Я разумѣю мамку Волохову, кормилицу Орину и постельницу Марью. Ставимъ вопросъ: когда онѣ всѣ три болѣе подвергались отвѣтственности, когда было бы констатировано, что царевича на ихъ глазахъ убили, да еще при указаніи, что одинъ изъ убійцъ — сынъ мамки Осипъ Волоховъ, или когда бы было констатировано, что царевичъ случайно въ припадкѣ падучей закололся? Мы думаемъ, что въ первомъ случаѣ, и показанія этихъ женщинъ вполнѣ естественно стремятся установить второй случай. Сомнѣнія, возбуждаемая всѣмъ ходомъ слѣдствія, усиливаютъ наше недоверіе и къ показаніямъ этихъ трехъ свидѣтельницъ (собственно виновныхъ). Показанія кормилицы и постельницы кратки и стереотипны: игра въ тычку, припадокъ падучей, накололся на ножъ. Показаніе мамки Волоховой обширно, велерѣчиво. Она говоритъ злобно, жалуется на царицу. Рассказываетъ она, что царевичъ еще въ среду разболѣлся падучей; въ пятницу ему стало полегче, и мать взяла его съ собой къ обѣднѣ; возвратившись велѣла ему поиграть на дворѣ; въ субботу было то же. Когда царевичъ остался на дворѣ, съ нимъ были она, Волохова, кормилица, Орина, да жильцы, да постельница Марья

Самойлова, а игралъ царевичъ ножикомъ, а тутъ на царевича пришла опять та же черная болѣзнь, и бросило его на землю, и тутъ царевичъ самъ себя покололъ ножемъ, и било его долго, да тутъ его и не стало. Царица сбѣжала съ веру и начала бить ее, Василису, и приговаривать, что сынъ ея, Василисы, да Никитка Качаловъ, да Данилка Битяговскій зарѣзали царевича. И Григорій Нагой тоже сталъ ее бить. Она, Волохова, стала кричать, чтобы царица судомъ сыскала, что ей и ея сыну оправдаться. И тутъ сбѣжался народъ. И стали ее бить, и опростоволосили, и одежду всю порвали и т. д. Показанію Волоховой, какъ обвиняемой, нельзя было придавать значенія. Но, кромѣ того, это показаніе выставляетъ фактъ въ неестественномъ видѣ. Съ ребенкомъ случилось несчастье; очевидно, на крикъ выбѣжала мать; мальчикъ бьется въ судорогахъ, какъ говоритъ сама Волохова: бросится ли мать къ своему умирающему ребенку и, бросившись, покинетъ ли она его въ минуту предсмертныхъ страданій, или мать станеть колотить и ругать мамку, когда ея ребенокъ умираетъ? Мало этого. Отчего это царица, бывшая во дворцѣ, прибѣжавшая, когда уже несчастье произошло, отчего это она сразу же набросилась на мамку, а не на кормилицу, не на постельницу? Отчего у нея не явилась вполне естественная мысль, что кто нибудь изъ дѣтей въ игрѣ нечаянно накололъ царевича; отчего это она узнала, что именно Осипъ Волоховъ, Данилка Битяговскій и Никитка Качаловъ убили ребенка, а не кто нибудь другой; отчего она назвала тотчасъ же, прибѣжавши, эти имена, только эти, какъ говоритъ и сама Волохова? Не является ли изъ этихъ соображеній сама собой простая мысль: мать, сбѣжавши съ веру по первому крику, увидѣла что-то, застала какую-то картину, которая отъ насъ скрыта? Отчего слѣдователи не дали намъ ни слова самой царицы Марьи? А послѣ показанія мамки они должны были спросить разъясненія именно у матери. Но они, слѣдователи, этого сдѣлать не заблагоразсудили.

Но за то слѣдователи усердствуютъ надъ другимъ. Битяговскіе были перебиты. Весьма возможно, что Нагіе первые, со словъ царицы, указали на Битяговскихъ, какъ на убійцъ. Важный ли это, собственно говоря, фактъ въ сравненіи съ главнымъ, вопіющимъ фактомъ? Сначала необходимо было позаботиться о болѣе тщательномъ изслѣдованіи дѣла о смерти царевича, ибо и самый фактъ избіенія Битяговскихъ долженъ былъ оцѣниваться уже потомъ, съ точки зрѣнія тѣхъ или иныхъ результатовъ, добытыхъ слѣдствіемъ по вопросу о смерти ребенка. Slѣдователи смотрятъ иначе. Мы не можемъ признать, чтобы слѣдствіе собственно о смерти царевича было произведено тщательно. Масса свидѣтелей (качества ихъ мы видѣли) даютъ по два слова, стереотипныхъ, о падучей болѣзни, о тычкѣ, но за то широко распространяются о поджиганіи Нагими народа и о смерти Битяговскихъ. Объемъ слѣдствія увеличивается и

увеличивается, и въ этомъ хаосѣ все болѣе и болѣе туманятся показанія собственно о смерти царевича; получается нѣчто хаотическое, облачное, въ которомъ проскальзываютъ: тычка, падучая, тычка, падучая. Слушатель не въ состояннн обдумать тычку и падучую, какъ уже передъ нимъ Нагіе, Битяговскіе, возбужденіе народа, избіеніе людей, потомъ опять тычка, падучая, опять возбужденіе народа и т. д. и т. д. Въ мозгу невольно остается—тычка, падучая. Но, нагромождая матеріаль, слѣдователи дошли до крайности. Чтобы доказать, что Нагіе велѣли перебить неповинныхъ людей, слѣдователи употребляютъ довольно комическій способъ. Они подбираютъ тщательно показанія, что Нагіе приказывали класть на убитыхъ людей оружіе, а оружіе смазывать кровью. Для чего же это Нагіе дѣлали? Для того, будто бы, чтобы показать, что эти убитые люди именно убили царевича, и кровь его на оружіи осталась. Какое же это оружіе? Ножи. Но свидѣтели поусердствовали,—говорятъ: и палица, и ее Нагіе приказали вымазать кровью. Слѣдователи принимаютъ и это показаніе. Неужели Нагіе потеряли всякій смыслъ: развѣ царевичъ былъ убитъ палицей, которой можно голову раздробить, а не зарѣзать! Но тѣмъ не менѣе подробно рассказывается, какъ, по приказанію Нагихъ, и курицу рѣзали, изъ нея кровь выpusкали и этой кровью и ножи, и палицу мазали...

Всѣ эти вопросы и показанія возбуждаютъ невольное сомнѣніе въ правильности веденія слѣдствія. Но что сказать о началѣ этого слѣдственнаго дѣла! Вотъ это начало. «И того-жъ дни, мая въ 19 день, въ вечеру, приѣхали на Угличъ князь Василей, и Ондрей, и Елизарей, и спрашивали Михаила Нагово: которымъ обычаемъ царевича Дмитрея не стало, и что его болѣзнь была?..» Слѣдователи приѣхали и въ тотъ же день приступили къ допросу свидѣтелей. Какъ же это они предлагаютъ свидѣтелямъ такіе вопросы? Первый вопросъ вполне ясенъ: «какимъ обычаемъ» — какимъ образомъ — царевичъ умеръ? Второй вопросъ: «и что болѣзнь была»? Да развѣ знаютъ только что приѣхавшіе, что царевичъ умеръ въ припадкѣ падучей болѣзни? Откуда могли они это знать, когда только что приѣхали въ Угличъ? Является вполне основательное подозрѣніе, что слѣдователи еще раньше допросовъ вошли кое съ кѣмъ въ сношенія, можетъ быть, заранѣе кое съ кѣмъ условились. Отчего же они всего этого не включили въ свой протоколъ? Между тѣмъ этотъ вопросъ: «и что его болѣзнь была?»—давалъ ясное указаніе, какъ долженъ былъ отвѣчать свидѣтель. И несомнѣнно, этотъ именно вопросъ наводилъ свидѣтеля на отвѣтъ. Всѣ свидѣтели, показывавшіе о тычкѣ, ножѣ и падучей, говорятъ стереотипно. Но одинъ, видно, болѣе простоватый, выдалъ и себя, и слѣдователей. Андрей Нагой прискакалъ по набату, стало быть, самъ ничего не видѣлъ. Вотъ его показаніе: «царевичъ ходилъ на заднемъ дворѣ и тѣшился съ ребятами, игралъ черезъ черту ножемъ...»; когда Андрей

прибѣжалъ, то увидѣлъ: «а царевичъ лежитъ у кормилицы на рукахъ мертвъ, а что сказываютъ, что его зарѣзали, а онъ того не видалъ, кто его зарѣзалъ, а у царевича бывала падучая болѣзнь...». Какъ ясно запутался свидѣтель! Онъ самъ ничего не видѣлъ. На первый вопросъ: какимъ образомъ царевичъ умеръ, Андрей отвѣчаетъ то, что знаетъ: слышалъ, что зарѣзали. Но слѣдователи одновременно поставили и другой вопросъ: и что его болѣзнь? И бѣдный Андрей началъ говорить о тычкѣ, ножѣ и падучей, противорѣча только что имъ сказанному. Чувствуешь ясно, какъ чужая воля гнететъ свидѣтеля и заставляетъ его говорить то, что хочется слѣдователю. И такъ къ какому выводу мы можемъ прийти послѣ внимательнаго прочтенія всего слѣдственнаго дѣла? По меньшей мѣрѣ, оно ведено неумѣло, и потому настоящей, дѣйствительной истины въ немъ искать очень сомнительно.

Когда пали Годуновы, когда прошло время перваго Лжедмитрія, когда на царскій престолъ былъ возведенъ Василій Ивановичъ Шуйскій, тогда появляются и письменные рассказы о протекшихъ событіяхъ. Въ этихъ литературныхъ произведеніяхъ мы замѣчаемъ естественное стремленіе на сколько возможно симпатичнѣе выставить предъ обществомъ царя Василю, а «Иное сказаніе о самозванцахъ» вполнѣ принадлежитъ перу человѣка, расположеннаго къ Шуйскому. Понятно будетъ въ этихъ сказаніяхъ желаніе ступевать всѣ тѣ факты, которые какимъ бы то ни было образомъ могли бросить тѣнь на Василю Ивановича. И что же мы тамъ находимъ? «Иное сказаніе о самозванцахъ», такъ много говорящее о царѣ Василю, проходитъ совершеннымъ молчаніемъ, что онъ былъ посланъ въ Угличъ производить слѣдствіе. Другіе авторы идутъ еще далѣе. Когда будто бы, комиссія пріѣхала въ Угличъ, то Андрей Клешнинъ началъ допросъ съ угрозами, съ криками, заставляя давать нужныя показанія. А что же дѣлалъ въ это время предсѣдатель комиссіи? Благовѣрный бояринъ все время былъ въ церкви, ничего не говорилъ Клешнину изъ страха предъ Борисомъ, а только слезы проливалъ, смотря на тѣло Дмитрія. Отсюда понятно намъ, почему въ другихъ сказаніяхъ говорится, что князь Василій былъ посланъ въ Угличъ совсѣмъ не для производства слѣдствія, а только тѣло царевича осмотрѣть и предать его погребенію. Въ царствованіе Шуйскаго такой именно оборотъ дѣлу старались дать и въ Москвѣ: распространяли слухъ, что Василій Ивановичъ ѣздилъ только хоронить царевича, и больше ничего. Въ это время въ Москвѣ жилъ голландскій резидентъ Исаакъ Масса, человѣкъ весьма образованный, умѣвшій собирать нужныя ему свѣдѣнія и для этого бывшій въ дружественныхъ отношеніяхъ со многими боярами. Онъ былъ въ Москвѣ около восьми лѣтъ, въ концѣ царствованія Бориса и почти во все правленіе Шуйскаго. Онъ-то и передаетъ намъ фактъ въ томъ видѣ, какъ его хотѣли установить при дворѣ Василю Ивановича, какъ старались передать его народу.

Масса говорить, что Шуйскій былъ посланъ вмѣстѣ съ Клепшнымъ только присутствовать при погребеніи царевича. Но вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что и при дворѣ, и въ народѣ были убѣждены, что слѣдствіе было произведено не совсѣмъ правильно, а потому необходимо было указать, кто же былъ тутъ главнымъ дѣятелемъ. И опять Масса передаетъ намъ то, что, очевидно, старались внушать всѣмъ при дворѣ: будто слѣдствіе было поручено Борису Годунову. Во всемъ оказался виновенъ Борисъ, а Василій Ивановичъ остался въ сторонѣ. Но имя Шуйскаго стоитъ въ заголовкѣ оффиціального документа! Не было бы нужды ступшевывать себя, если бы Василій Ивановичъ не сознавалъ, что слѣдствіе произведено имъ неумѣло, если бы что-то не хорошее не чувствовалось у него на совѣсти!

Есть факты, заставляющіе сомнѣваться въ томъ, игралъ ли царевичъ въ тычку. Едва ли въ рукахъ царевича въ моментъ смерти былъ ножъ. Въ одномъ изъ историческихъ сказаній излагается, что передъ тѣмъ, какъ идти на дворъ, царевичу дали орѣховъ. Не всѣмъ извѣстіямъ этихъ сказаній можно довѣрять, но нѣкоторыя изъ нихъ должны быть безусловно нами приняты. А что это показаніе вѣрно, въ подтвержденіе этого мы имѣемъ: 1) одно показаніе несомнѣнно добросовѣстнаго очевидца, 2) показаніе другого лица, которое можно разсматривать, какъ очевидца и 3) показаніе очевидца, стоявшаго въ такомъ положеніи къ факту, когда невозможно, по нашему мнѣнію, никакое искаженіе. Эти три свидѣтельства вполне самостоятельны, а потому еще сильнѣе поддерживаютъ другъ друга. До насъ дошелъ современникъ дѣяка Ивана Тимоѣева. Повѣствованіе его отличается большою витіеватостью, но въ большинствѣ случаевъ онъ говоритъ, какъ очевидецъ. Въ 1606 г. было совершено перенесеніе мощей Димитрія царевича изъ Углича въ Москву. По оффиціальнымъ даннымъ, касающимся біографіи Ивана Тимоѣева, оказывается, что онъ былъ въ это время именно въ Москвѣ. Тимоѣевъ рассказываетъ, что среди массы народа, встрѣчавшей мощи, былъ и онъ. Ему удалось протолкаться къ самому гробу. Увидѣлъ онъ, что на царевичѣ сохранилась одежда: верхняя рубашка съ пояскомъ, нижняя бѣлая рубашка, на ножкахъ башмачки—они были немного красноваты; и тутъ же были и орѣшки, запачканные кровью. «Что было у царевича на головѣ, я, говоритъ Тимоѣевъ, не могъ хорошо разсмотрѣть». Добросовѣстный свидѣтель не передаетъ, что могъ слышать, а только то, что самъ ясно разглядѣлъ. Другое лицо мы назвали почти очевидцемъ. Это опять тотъ же голландскій резидентъ Исаакъ Масса. Онъ рассказываетъ, что царевичъ и его товарищи играли въ орѣхи, когда неожиданно явились убійцы. Во время перенесенія мощей, Масса былъ въ Москвѣ и, какъ онъ выражается, побѣждалъ смотрѣть на торжественную процессію. Какъ лютеранина, его въ церковь не пустили, но несомнѣнно, что, по своей всегдашней точности, Масса разспросилъ потомъ своихъ знакомыхъ русскихъ,

кто и что видѣлъ, и оставилъ свой разсказъ объ игрѣ въ орѣхи безъ поправки, или, лучше, самый этотъ фактъ занесенъ Массой въ записки на основаніи того, что онъ слышалъ отъ видѣвшихъ мощи царевича. Наконецъ, мы переходимъ къ третьему свидѣтелю. Сохранилось одно литературное произведеніе, при чтеніи котораго становится неопровержимо яснымъ, что авторъ его есть лице духовное, и что оно было участникомъ въ перенесеніи мощей. Этотъ очевидецъ, въ показаніи котораго мы не имѣемъ права заподозрѣть какую нибудь поддѣлку, рассказываетъ, что когда былъ вынутъ гробъ и открытъ, то оказалось, что въ правой рукѣ у царевича шитый золотомъ платокъ, а въ другой рукѣ зажатые орѣшки. Вложилъ ихъ кто нибудь ему въ руки въ моментъ смерти? Но кому могли прійти въ голову въ моментъ смятенія какія либо соображенія о поддѣлкѣ факта? Царевичъ былъ погребенъ просто, безъ всякихъ церемоній, въ томъ въ чемъ онъ былъ и какъ онъ былъ въ моментъ смерти. Если бы Нагіе обратили вниманіе на этотъ, повидимому, мелкій фактъ—платокъ и орѣшки въ рукахъ ребенка, то они воспользовались бы имъ въ своихъ показаніяхъ для доказательства, что ребенокъ въ моментъ смерти въ тычку не игралъ. Наоборотъ, если бы Нагіе или сама царица Марія вложили эти предметы въ руки Димитрія на виду всѣхъ, то и мамка Волохова, и слѣдователи, не замедлили бы указать на это, какъ на средство возбудить народъ, какъ на стараніе исказить событіе. Вѣдь доискивались же слѣдователи до куриной крови, что было гораздо труднѣе. Очевидно, этого обстоятельства—платка и орѣшковъ въ ручкахъ ребенка, никто не замѣтилъ: такъ подняли ребенка съ земли, такъ отнесли въ церковь, такъ и похоронили съ этими предметами, удержавшимися въ ручкахъ въ силу предсмертной судороги, конвульсивнаго сжатія пальцевъ. И такъ въ моментъ смерти ребенка въ одной рукѣ (въ лѣвой) у него былъ платокъ, а въ другой (въ правой) горсточка орѣховъ. А въ какой же рукѣ былъ ножъ? Ни въ какой! А игра въ тычку? Ея не было!

Совершенно въ иномъ видѣ представляется намъ вопросъ о причастности къ убійству Бориса Годунова. Имѣетъ ли убійство царевича Димитрія какую нибудь фактическую связь съ самимъ Борисомъ? Совершенно никакой. Въ числѣ фактовъ, которыми старались доказать невиновность Годунова въ этомъ дѣлѣ, есть порученіе слѣдствія Василю Ивановичу Шуйскому, который долженъ быть, въ силу предшествовавшихъ событій, злѣйшимъ врагомъ Бориса. Какъ могъ Борисъ назначить Шуйскаго слѣдователемъ, зная его враждебныя себѣ отношенія? Но это аргументъ въ пользу невиновности Годунова очень шаткій. Предполагаютъ, что Борисъ, при вѣсти о смерти Димитрія, сообразилъ, что бояре, по своему обычаю, будутъ обвинять его; чтобы убѣдить ихъ въ противномъ, онъ и назначилъ главнымъ слѣдователемъ наиболѣе виднаго представителя боярской среды. Мы слѣдуемъ тому мнѣнію, что, и сознавая свою виновность,

Борисъ могъ послать въ Угличъ Василія Ивановича. Вполнѣ справедливо указываютъ на эту личность, какъ на самую пригодную при современныхъ обстоятельствахъ. Едва ли можно сказать, что Василій Ивановичъ Шуйскій отличался стойкою совѣстью. Общеизвѣстны его клятвы предъ народомъ. То клянется онъ, что царевичъ дѣйствительно умеръ нечаянною смертю; то божится и увѣряетъ народъ, спустя недѣли двѣ послѣ первой клятвы, что въ Угличѣ былъ убитъ, но не царевичъ, а поповъ сынъ; то, наконецъ, спустя годъ, клятвенно утверждаетъ, что въ Угличѣ былъ убитъ царевичъ Димитрій. Несомнѣнно, Шуйскіе являются злѣйшими врагами Годунова и въ царствованіе Θεодора ведутъ съ Борисомъ упорную борьбу, стремясь окончательно подорвать его вліяніе на государя. Именно Шуйскіе выдвигаютъ мысль о разводѣ Θεодора съ Ириной, сестрой Бориса, вслѣдствіе ея бездѣтности, и о новомъ бракѣ. Но предпріятіе ихъ не удалось, и семья Шуйскихъ понесла страшный разгромъ. Дѣло было поведено такъ, что ихъ обвинили вслѣдствіе доноса въ измѣнѣ. Двухъ князей Шуйскихъ сослали—Ивана на Бѣлоозеро, а Андрея въ Каргополь, и тамъ удавили. Близкихъ имъ бояръ—Татевыхъ, Колычевыхъ, Быкасовыхъ—разослали въ отдаленныя мѣста. Если Василій Ивановичъ трижды измѣняетъ своей клятвѣ, то изъ-за выгоды, то изъ страха, то спрашивается, нашлось ли бы у него столько честной смѣлости, чтобы вести прямо слѣдствіе, особенно, если бы Борисъ приставилъ къ нему въ товарищи людей, къ себѣ расположенныхъ, а несомнѣнно, что Борисъ сдѣлалъ бы такъ, если бы чувствовалъ себя виновнымъ въ убійствѣ. Нѣтъ, лучшаго выбора, чѣмъ Василій Ивановичъ Шуйскій, Борисъ въ такомъ случаѣ сдѣлать не могъ! Доказательство виновности или невинности царя Бориса не можетъ быть основано на этомъ фактѣ.

На чемъ же зиждется его обвиненіе? У насъ нѣтъ ни одного положительнаго даннаго: мы не имѣемъ никакого документа, ничьихъ записокъ, о которыхъ бы можно было сказать, что они заключаютъ въ себѣ вполнѣ самостоятельныя сообщенія. Главнымъ образомъ, мнѣніе о причастности Бориса къ углицкой драмѣ основывается на апріорныхъ соображеніяхъ. Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ, говорятъ намъ, былъ человекъ ловкій, не стѣсняющійся въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей. Онъ сумѣлъ не только сохранить свою голову, но и добиться царскаго расположенія на такой вулканической почвѣ, на какой стояли всѣ бояре при Іоаннѣ Грозномъ. Затѣмъ въ царствованіе Θεодора Іоанновича, вслѣдствіе близкаго родства съ царемъ, Борисъ становится фактически правителемъ государства: онъ совершенно овладѣваетъ волею государя. Но такое положеніе пріобрѣтается и удерживается Борисомъ не безъ упорной борьбы съ другими боярскими родами. Уже въ это время онъ задумалъ добиться московскаго престола, но на его пути стоялъ царевичъ

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1896 г., т. LXVI.

Димитрій, который являлся прямымъ наслѣдникомъ послѣ бездѣтнаго брата. Свои дѣйствія противъ Димитрія Борисъ начинаетъ тѣмъ, что добивается удаленія царевича вмѣстѣ съ матерью и ея родственниками Нагими въ Угличъ. Затѣмъ начинается цѣлый рядъ тайныхъ покушеній на жизнь ребенка. Борису удалось приставить ко двору царицы преданнаго себѣ человѣка, дьяка Михаила Битяговскаго, который завѣдывалъ выдачей денегъ, назначенныхъ московскимъ правительствомъ на содержаніе царицына двора. Этому-то Битяговскому и было поручено освободить Бориса отъ царевича Димитрія, что, наконецъ, и удается.

На сколько вѣрна эта историческая картина? На основаніи имѣющихся въ распоряженіи историка матеріаловъ можно только сказать: Нагіе были посланы въ Угличъ; завѣдываніе деньгами было поручено Битяговскому, но и только. Все остальное является простымъ домысломъ. Этотъ домысль основывается на тѣхъ историческихъ сказаніяхъ, о которыхъ мы уже говорили раньше.

Во всѣхъ ихъ мы находимъ утвержденіе, что убійцы были подсланы Борисомъ. Но здѣсь возбуждается большое сомнѣніе. Мы видѣли, что эти сказанія всѣ относятся или ко времени Шуйскаго, или ко времени Романовыхъ. Мы высказали мнѣніе, что слѣдственное дѣло ведено неправильно, что свидѣтели могли бы дать иныя показанія, чѣмъ тѣ, которыя внесены въ протоколъ. Свидѣтели могли бы сказать, что царевичъ убитъ, но было бы большою наивностью предполагать, что на слѣдствіи было произнесено имя Бориса. Ни Битяговскіе, ни Качаловъ, ни Волоховъ, не могли сказать, что убійство имъ поручено Борисомъ: для этого не было подходящаго момента. Когда толпа напала на нихъ, они могли только увѣрять въ своей невинности, такъ какъ указаніе на Бориса не спасало ихъ отъ толпы, а вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемо влекло за собою ихъ гибель впослѣдствіи. Кто же изъ свидѣтелей зналъ, что убійцы подсланы Годуновымъ? Этому знать никто не могъ. Какимъ же образомъ попало имя Бориса въ историческія сказанія? Мы уже видѣли, что въ царствованіе Шуйскаго старались всѣми силами облечь въ этомъ дѣлѣ Василія Ивановича, для чего распространяли въ народѣ и обществѣ того времени совершенно ложное представленіе о роли Шуйскаго въ угличскомъ дѣлѣ и складывали всю вину въ неправильномъ веденіи слѣдствія на Бориса. И мало-по-малу это ложное мнѣніе, какъ мы видѣли изъ записокъ Исаака Массы, утвердилось въ общественномъ сознаніи: Василій Шуйскій не велъ слѣдствія; оно было поручено Борису. Въ такомъ видѣ фактъ перешелъ и въ историческія сказанія. Можно ли указать источникъ, который далъ возможность приписать Борису и самое убійство? Никто въ Угличѣ, даже Нагіе, не могли знать этого. Убійцы не могли назвать Бориса. Но Нагіе, питая къ Борису злобное чувство, могли при видѣ зарѣзаннаго ребенка крикнуть: «это

дѣло Бориса!». Другимъ источникомъ могли явиться и официальные документы, и прежде всего универсалъ самого Шуйскаго, гдѣ является въ первый разъ обвиненіе Бориса въ убійствѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что при Шуйскомъ старались укрѣпить въ обществѣ это мнѣніе въ виновности Бориса, что нужно было Шуйскому для показанія законности своей власти и незаконности власти Бориса. Съ воцареніемъ дома Романовыхъ не могло быть сдѣлано попытки къ измѣненію общественнаго мнѣнія, частью потому, что оно уже сильно укоренилось, частью же оттого, что сами Романовы потерпѣли много отъ Бориса и, конечно, могли питать къ нему только враждебныя чувства. Можемъ ли мы, въ виду этихъ соображеній, принимать на вѣру обвиненіе Бориса въ убійствѣ?

Указаніе на властолюбіе Бориса не можетъ быть принимаемо строгой исторической критикой, какъ вѣскій аргументъ. Властолюбивы были и Шуйскіе, и Мстиславскіе, и Голицыны, и Романовы, и другія боярскія семьи. Борьба боярскихъ партій въ малолѣтство Іоанна Грознаго, истребленіе бояръ другъ другомъ, служить лучшимъ этому доказательствомъ. Борьба бояръ съ Борисомъ при Ѳеодорѣ представляетъ только повтореніе того же самаго явленія. Если бы около слабаго умомъ и тѣломъ Ѳеодора стоялъ не Борисъ, а хотя бы тотъ же Василій Ивановичъ Шуйскій, мы видѣли бы ту же картину. Отъ властолюбія Бориса, въ силу котораго онъ стремился удержатъ при царѣ свое выдающееся положеніе, еще очень далеко до стремленія захватить престолъ и до убійства. Что касается удаленія Нагихъ въ Угличъ, то это было актомъ государственной необходимости. Среди боярства существовала партія, стремившаяся возвести на престолъ царевича Димитрія помимо его брата Ѳеодора. Это стремленіе мы можемъ объяснить двумя мотивами: эта партія видѣла тѣлесную и умственную слабость Ѳеодора и вмѣстѣ съ тѣмъ не чужда была стремленія къ возврату для боярства того положенія, какимъ оно пользовалось въ малолѣтство царя Ивана. Стало быть, удаленіе Нагихъ изъ Москвы обезпечивало спокойствіе государства, предупреждало борьбу партій. Такимъ образомъ, мы не можемъ указать въ событіяхъ того времени ни одного такого факта, который бы не объяснялся внутреннимъ политическимъ состояніемъ Московскаго государства того времени.

Въ началѣ царствованія Ѳеодора Ивановича былъ въ Москвѣ посоль англійской королевы Елизаветы, весьма образованный чело-
вѣкъ, Джильдъ Флетчеръ. Сдѣлаемъ маленькую выписку изъ его сочиненія «О государствѣ Русскомъ». «Русскіе подтверждаютъ,— говоритъ Флетчеръ,— что Димитрій точно сынъ Іоанна Васильевича, тѣмъ, что въ молодыхъ лѣтахъ въ немъ начинаютъ обнаруживаться всѣ качества отца. Онъ находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы смотрѣть, какъ убиваютъ овецъ и вообще домашній скотъ, видѣть перерѣзанное горло, когда течетъ изъ него кровь (тогда

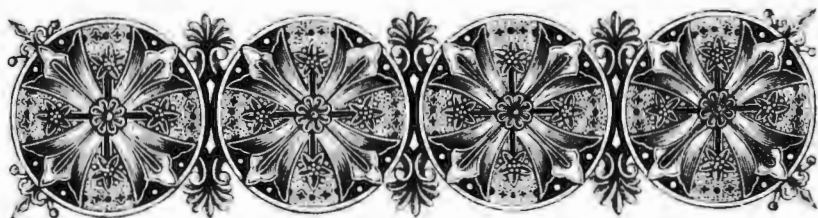
какъ дѣти обыкновенно боятся этого), и бить палкою гусей и куръ до тѣхъ поръ, пока они не издохнуть». То же самое рассказываетъ намъ и другой иностранецъ, бывшій въ Москвѣ нѣсколько позже, именно пасторъ Беръ: Димитрій отличался жестокосердіемъ; однажды онъ велѣлъ своимъ товарищамъ сдѣлать изъ снѣгу нѣсколько изобращеній, назвалъ ихъ именами извѣстныхъ бояръ, поставилъ рядомъ и началъ рубить: одному отсѣкъ голову, другому отбилъ руку, ногу, иного прокололъ насквозь, приговаривая: это такой-то князь; такъ имъ будетъ въ мое царствованіе». Что у Димитрія проявлялись нѣкоторыя несимпатичныя черты характера, объ этомъ намъ говорятъ и русскія сказанія. Это подтверждаетъ, на примѣръ, знаменитый келарь Троицко-Сергіевской лавры, Авраамій Палицынъ. Откуда объ этомъ взяли свѣдѣнія Джильдъ Флетчеръ и Беръ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ опять у Авраамія Палицына. Онъ говоритъ, что Нагіе, родственники царевича, постоянно смущали мальчика, старались развить въ немъ ненависть къ боярамъ и ближнимъ людямъ царя Феодора; ребенокъ позволялъ себѣ, поэтому, нелѣпыя выходки по адресу ненавистныхъ людей; въ то же время находились добрые люди, которые переносили въ Москву въ преувеличенномъ видѣ всевозможныя сплетни, а затѣмъ обратно изъ Москвы передавались сплетни въ Угличъ, что бояре, а особенно Борисъ, возмущены, что они страшатся царевича. Отсюда нетруденъ былъ переходъ для словоохотливаго человѣка къ сплетнѣ, что бояре и Борисъ готовы покуситься на жизнь ребенка. Вотъ отсюда-то происходятъ и слухи, которые отразились между прочимъ и въ сочиненіи Джильда Флетчера: «какъ слышно, говоритъ онъ, жизнь царевича находится въ опасности отъ покушеній тѣхъ, которые простираютъ свои виды на обладаніе престоломъ въ случаѣ бездѣтной смерти царя; кормилица, отвѣдавшая прежде него какого-то кушанья, какъ я слышалъ, умерла скоропостижно». Что же тутъ собственно происходитъ? Здѣсь мы наблюдаемъ вполнѣ естественное явленіе. Одна партія бояръ, приверженцевъ царевича и Нагихъ, старается распространить въ народѣ представленіе о царевичѣ, какъ о терпящемъ притѣсненія, находящемся постоянно въ опасности. Такимъ мотивомъ надѣялись воспользоваться для возбужденія народа въ пользу Димитрія, какъ это мы видимъ и позже, во время борьбы Милославскихъ съ Нарышкиными. Съ другой стороны, въ народѣ и особенно среди боярства распространялись грозныя вѣсти о характерѣ царевича, о его ненависти къ боярамъ, о его надеждѣ расправиться съ ними. И вотъ между дворами московскимъ и угличскимъ отношенія все болѣе и болѣе обостряются; и тамъ и тутъ постоянно ждутъ неожиданной опасности. Если въ Угличѣ ждутъ покушеній на жизнь ребенка, то въ Москвѣ ждутъ подстрекательства народа въ пользу Димитрія, какъ это уже разъ и было въ самомъ началѣ царство-

ванія Θεодора. Понятно, что подобное напряженное состояніе все усиливалось и усиливалось, а ему все сильнѣе и сильнѣе помогали тѣ сплетни, которыя переносились услужливыми людьми изъ Москвы въ Угличъ и изъ Углича обратно. Можно ли признать неестественнымъ, что въ Угличѣ желали смерти Θεодора, а въ Москвѣ въ кругу извѣстной группы бояръ когда нибудь прорывалось: «Господи, хотъ бы Ты прибралъ къ себѣ скорѣе этого ребенка!» Неосторожно сказанное слово нашло себѣ отзвукъ у доброхотовъ: явились люди, готовые подслужиться партіи, которая въ данный моментъ имѣла бдльшую силу, и царевичъ былъ удаленъ. Когда получено было извѣстіе о неожиданной смерти царевича, спастись себѣ приходилось не одному Борису, подозрѣніе падало и на другихъ бояръ, которые по древности своего рода, какъ Шуйскіе, или по родственной близости къ царской семьѣ, какъ Романовы, могли надѣяться на получение престола. И Шуйскій понялъ это! Мы уже говорили, что на слѣдствіи не могло быть произнесено имя Бориса, и указали позднѣйшіе мотивы для этого обвиненія. Слѣдствіе могло дать въ результатъ лишь одно утверждение: царевичъ убитъ. Но разъ бы только слѣдствіе выяснило это, то Борису, пользовавшемуся въ то время громаднымъ значеніемъ при Θεодорѣ, легче всѣхъ было оправдать себя и обвинить въ соучастіи съ убійцами кого нибудь изъ Шуйскихъ, изъ Романовыхъ. Это ясно созналъ Василій Ивановичъ и, чувствуя полную невозможность обвинить Бориса, предалъ дѣло волю Божіей: царевичъ закололся самъ. Раагромъ угличанъ, который затѣмъ послѣдовалъ, былъ вполне естественнымъ продолженіемъ слѣдствія: въ видахъ не одного Бориса было затереть какъ можно лучше этотъ фактъ, это необходимо было въ равной степени и для Шуйскаго, и для другихъ бояръ.

Вотъ соображенія, которыя должны, по нашему мнѣнію, удерживать историка, желающаго держаться на строго-научной почвѣ, отъ обвиненія Бориса въ участіи въ углицкомъ убійствѣ. Будемъ надѣяться, что откроется какой нибудь новый источникъ, который окончательно сниметъ завѣсу съ этого мрачнаго дѣла.

II. Голубовскій.

ВОСПОМИНАНІЯ В. С. МЫШЕЦКАГО ¹⁾

VIII.

Помѣщикъ Королинскій.

В 1851 ГОДУ, я былъ командированъ на съемку въ Тамбовскую губернію; вмѣстѣ съ этимъ мнѣ было поручено собрать необходимыя свѣдѣнія для составленія статистики Россіи.

Предварительно я заѣхалъ въ Тамбовъ представиться тамошнему губернатору, а затѣмъ уже направился въ Елатомскій уѣздъ и приступилъ къ работамъ.

На мое несчастье, лѣто стояло дождливое, а потому работы подвигались весьма медленно; жить же приходилось все больше по деревнямъ, такъ какъ помѣщичьи имѣнія попадались очень рѣдко. Только уже въ концѣ іюня стали попадаться они мнѣ сравнительно чаще, но если я и заѣзжалъ теперь въ нихъ, то на самое короткое время, чтобы успѣть окончить къ сроку нѣсколько запущенную, вслѣдствіе указанной выше причины, работу.

Помѣщики, у которыхъ я теперь останавливался, и которые, какъ, впрочемъ, вездѣ и всегда, весьма радушно меня принимали, между прочимъ, чуть не всѣ считали своимъ долгомъ спросить меня, былъ ли я уже, или не предполагаю ли я быть у нѣкоего К—скаго, богатаго помѣщика и перваго во всей губерніи конноза-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVI, стр. 586.

водчика. Не считая возможнымъ выставить полную его фамилію, буду называть его Королинскимъ. Я отвѣчалъ, что еще не былъ, но предполагаю быть, такъ какъ его имѣнія входятъ въ районъ назначенной мнѣ для производства работъ мѣстности. Тогда они, точно сговорившись, въ одинъ голосъ начинали заявлять мнѣ, что это — самый фальшивый человѣкъ въ мірѣ, какого только можно себѣ представить: наобѣщаетъ онъ, пожалуй, все, что угодно, но и не подумаетъ серьезно исполнить обѣщанное; а потому вступать съ нимъ въ какія нибудь сдѣлки, соглашенія, положительно опасно или, по крайней мѣрѣ, совершенно бесполезно. Впрочемъ, онъ идетъ на знакомство и старается вообще поближе сойтись, но только съ тѣмъ и только тогда, когда и изъ кого можетъ надѣяться извлечь тѣмъ или другимъ способомъ—а на способы эти онъ неразборчивъ—какую либо очевидную для себя выгоду; вообще же онъ нелюдимъ, ни къ кому самъ не ѣздитъ, никого къ себѣ не приглашаетъ и никого у себя не принимаетъ. Сверхъ всего этого, скупъ до невозможности. Особенно приходится терпѣть отъ Королинскаго бѣднымъ сосѣдямъ-помѣщикамъ, а еще больше, разумѣется, собственнымъ его крестьянамъ. Что касается первыхъ, то съ ними Королинскій не церемонится: нерѣдко бывало, что дѣло доходило до насильственного, со стороны этого послѣдняго, захвата сосѣднихъ помѣщичьихъ земель, причемъ начиналась нескончаемая тяжба, тянувшаяся цѣлые годы и кончавшаяся, благодаря богатству и вліянію Королинскаго, всегда въ его пользу. Каковы же должны были быть, послѣ этого, отношенія Королинскаго къ своимъ крестьянамъ? А отношенія эти—тоже подтвердили мнѣ потомъ и сами крестьяне—были таковы. Крестьяне у Королинскаго никогда не сидѣли на одномъ мѣстѣ: стоило только имъ устроиться на какомъ нибудь отведенномъ имъ участкѣ, а отводились имъ, нарочно, одни болота и пустыри; стоило имъ цѣною непосильныхъ трудовъ создать изъ этихъ болотъ и пустырей что нибудь похожее на сколько нибудь сносную почву для произрастанія какихъ либо растений, какъ ихъ немедленно переводили на новыя болота и пустыри, гдѣ приходилось начинать все сызнова. Особенно тяжела была, по словамъ крестьянъ, работа на барщинѣ. Тогда являлся управляющій съ кнутомъ въ рукахъ, а слѣдомъ за нимъ, верхомъ на лошади и тоже съ кнутомъ въ рукахъ, самъ Королинскій.

Если управляющій замѣчалъ, что какой нибудь крестьянинъ работаетъ не особенно, по его мнѣнію, усердно, онъ подходилъ и билъ несчастнаго кнутомъ нещадно; если же управляющій, какъ казалось Королинскому, билъ не достаточно сильно, Королинскій подѣзжалъ къ управляющему и собственноручно билъ кнутомъ этого послѣдняго. О мѣрахъ, практиковавшихся при взиманіи оброковъ и разныхъ повинностей, какія несли крестьяне у Королинскаго, нечего и говорить: въ этомъ отношеніи Королинскій дошелъ до виртуозности. Съ своей

стороны, крестьяне, по словамъ помѣщиковъ, отвѣчали на такое къ нимъ отношеніе затаенной, но тѣмъ болѣе страшной, ненавистью, и нѣкоторые изъ этихъ помѣщиковъ серьезно увѣряли меня, что въ день эмансипаціи, слухи о которой тогда уже носились, Королинскому «не сдобровать» — зловѣщее предсказаніе, которому было суждено сбыться въ самый день объявленія воли! Любопытно, что не столько вообще безчеловѣчное и жестокое обращеніе Королинскаго съ своими крестьянами поселило въ нихъ такую къ нему ненависть, сколько, главнымъ образомъ, его разнузданная до невѣроятности слабость къ женскому полу, не знавшая никакого удержу; жертвами въ подобныхъ случаяхъ являлись, естественно, крестьянскія бабы и дѣвки. Обыкновенно управляющій еще съ вечера созывалъ къ себѣ старостъ и объявлялъ имъ, чтобы они на другой день, къ такому-то часу, согнали въ барскій садъ, якобы для производства какихъ-то садовыхъ работъ, самыхъ красивыхъ бабъ и дѣвокъ со всѣхъ деревень. Въ назначенный часъ Королинскій выходилъ въ садъ, отбиралъ тѣхъ, которыя приходились ему особенно по вкусу, и отводилъ поочередно въ бесѣдку, помѣщавшуюся въ концѣ сада. Вечеромъ того же дня семьѣ каждой такой избранницы посылалось черезъ старосту 15 копеекъ.

Всѣмъ этимъ рассказамъ я, однако же, не придавалъ особеннаго значенія, объясняя ихъ себѣ тѣмъ враждебнымъ чувствомъ, какое должны были питать эти люди къ Королинскому, сами подвергаясь отъ него разнымъ непріятностямъ и встрѣчая съ его стороны одно холодное презрѣніе и упорный отказъ войти въ какія либо близкія сношенія; кромѣ того, надо было принять во вниманіе и нѣкоторую склонность провинціи къ «сплетнѣ». Во всякомъ случаѣ я видѣлъ во всѣхъ этихъ рассказахъ большую или меньшую преувеличенность и потому считалъ себя вправѣ не совсѣмъ довѣрять имъ. Кромѣ этихъ не особенно лестныхъ для Королинскаго отзывовъ о немъ, мнѣ пришлось вскорѣ услышать и другіе. Такъ говорили, что Королинскій высланъ изъ Петербурга за растрату и необнаруженную утайку денегъ изъ государственнаго казначейства, безъ права выѣзда куда либо за предѣлы своего уѣзда. Такую сравнительно легкую отвѣтственность, понесенную имъ, объясняли связями, какія онъ имѣлъ въ придворныхъ и другихъ высшихъ сферахъ петербургскаго общества. Королинскій— семейный человѣкъ, но живетъ совершенно одинъ: жена, состоящая статсъ-дамой при дворѣ, и двѣ дочери, фрейлины, живутъ въ Петербургѣ, пріѣзжаютъ въ имѣніе разъ въ годъ, лѣтомъ, съ тѣмъ, чтобы получить отъ Королинскаго 50.000 рублей на прожитіе въ теченіе года, а затѣмъ уѣзжаютъ обратно. Между прочимъ, распространяясь насчетъ нелюдимости, необходимости и скупости Королинскаго, утверждали, совершенно притомъ серьезно, что онъ мнѣ не дастъ у себя ни стога, ни квартиры, и едва ли даже

впустить въ домъ. Все это меня весьма заинтересовало, и я съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать этой встрѣчи.

Нѣсколько дней спустя, я, продолжая съемку и собирая свѣдѣнія по статистикѣ, дошелъ, наконецъ, до имѣнія Королинскаго. Предупрежденный во-время насчетъ вѣроятнаго приѣма со стороны этого послѣдняго, я не отправилъ къ нему, какъ дѣлалъ всегда, солдата съ извѣщеніемъ о моемъ скоромъ прибытіи и съ просьбой отвести квартиру въ усадьбѣ, а рѣшилъ ѣхать самъ.

Проѣзжая сначала по совершенно ровной мѣстности, степного характера, я увидалъ вдали длинную бѣлую каменную стѣну съ башнями, выступами, зубцами и амбразурами, заставлявшую невольно думать, что это какая нибудь крѣпость, или средневѣковой замокъ, а никакъ не помѣщицья усадьба въ одной изъ центральныхъ губерній Европейской Россіи.

Черезъ нѣсколько минутъ я подъѣзжалъ уже къ массивнымъ желѣзнымъ воротамъ, которыя оказались запертыми. Тогда я приказалъ солдату стучать въ ворота.

На стукъ вышелъ привратникъ. Я спросилъ, могу ли видѣть помѣщика. Привратникъ пошелъ узнавать. Черезъ четверть часа онъ вернулся и сказалъ:

— Николай Ивановичъ желаютъ знать, кто вы такіе будете и по какому дѣлу изволили сюда пожаловать.

— Скажи твоему Николаю Ивановичу, что я командированъ по высочайшему повелѣнію и причину моего посѣщенія могу объяснить только ему лично.

Тотъ выслушалъ меня и снова ушелъ, но на этотъ разъ ждать пришлось недолго. Вернувшись, онъ отворилъ, не говоря ни слова, ворота, и я въѣхалъ во дворъ.

Большой и чистый дворъ былъ весь вымощенъ каменными плитами. Въ концѣ двора, прямо противъ воротъ, возвышался каменный трехэтажный домъ съ великолѣпнымъ параднымъ подъѣздомъ и балкономъ; два точно такіе же флигеля, нѣсколько меньшаго размѣра, стояли по бокамъ его. Позади дома, какъ можно было замѣтить, тянулся большой, тѣнистый садъ съ прудомъ, походившимъ съ виду на озеро. Направо и налево во дворъ помѣщались каменные же конюшни, украшенныя по стѣнамъ рельефными, лѣпными, изъ бѣлаго камня, изображеніями лошадиныхъ головъ; на крышѣ каждой конюшни стояло по два изображенія лошадей во весь ростъ, сдѣланныя также изъ бѣлаго камня.

Когда я подъѣхалъ къ крыльцу, ко мнѣ вышелъ лакей и пригласилъ слѣдовать за собой. По широкой каменной лѣстницѣ, уставленной по бокамъ цвѣтами и статуями, я поднялся въ переднюю, скинулъ шинель и вошелъ въ огромную, свѣтлую залу съ высокими колоннами. Лакей пошелъ доложить обо мнѣ.

Минуту спустя, въ концѣ залы показался сѣдшій ко мнѣ навстрѣчу маленькій, толстенькій человѣчекъ, съ хитренькой и не совѣмъ пріятной фізіономіей и съ маленькими, подозрительно прищуренными глазками.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ онъ, не подавая руки и дѣланно-любезнымъ тономъ, въ которомъ, однако, слышалось нѣкоторое безпокойство. Пристально вглядываясь въ меня, онъ, видимо, старался, хотя совершенно напрасно, сразу опредѣлить цѣль моего неожиданнаго посѣщенія.

Вмѣсто отвѣта, я молча подалъ высочайшій указъ. Онъ взялъ его и, предварительно еще разъ внимательно посмотрѣвъ на меня, попросилъ сѣсть. Я не заставилъ себя просить вторично. Потомъ онъ сталъ, также молча, читать указъ. Прочитавъ его, онъ вернулъ его мнѣ. Тогда я досталъ программу, которой велѣно намъ было руководиться при собираніи свѣдѣній по статистикѣ и предложилъ прочесть также и ее. На этотъ разъ Королинскій читалъ, дѣлая видъ, что съ трудомъ вникаетъ въ смыслъ читаемаго, кончалъ и начиналъ опять съ начала. Наконецъ быстро обернулся ко мнѣ и сказалъ съ неудовольствіемъ и удивленіемъ:

— Изъ предъявленной вами, господинъ офицеръ, программы я вижу, что правительство желаетъ получить подробныя свѣдѣнія относительно того, въ чемъ заключаются мои богатства, и что имѣютъ мои крестьяне. Здѣсь упоминается обо всѣхъ доходахъ, получаемыхъ мною съ моего имѣнія, о конскихъ и другихъ заводахъ; здѣсь говорится и о барщинѣ, и объ оброкѣ, и объ урожаѣ хлѣбовъ и травъ, о мельницахъ, крестьянскихъ избахъ, ихъ пищѣ въ будничные и праздничные дни, о количествѣ скота и прочее, прочее?.. Да помилуйте, батюшка мой, что-жъ это такое?.. Да вѣдь съ ума сойдешь, прежде чѣмъ будешь въ состояніи отвѣтить на всѣ эти предлагаемые вопросы!.. Да и какое, наконецъ, дѣло правительству до того, чѣмъ я живу и какъ живу?!.. Какое ему дѣло до моего имущества?!.. Это все—моя собственность, и описывать ее я никому не позволю!.. Я самъ буду распоряжаться ею, я живу для себя и отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и въ положеніи моего состоянія отдавать никому не намѣренъ!..

— Если вы, милостивый государь,—какъ можно спокойнѣе отвѣчалъ я,—откажетесь дать мнѣ требуемыя свѣдѣнія, моя обязанность немедленно донести объ этомъ губернатору.

Это заявленіе подѣйствовало на него. Онъ постарался сдержать себя и сказалъ, значительно поубавивъ прежній тонъ.

— Да вы посудите сами, зачѣмъ вамъ дѣлать такую подробную опись моего имущества, моихъ доходовъ? Я вѣдь никому не долженъ, долговъ за мной нѣтъ никакихъ!..

— Никакой описи вашего имущества никто, милостивый государь, не производитъ. Я только произвожу военно-топографическую

съемку и собираю по порученію высшаго начальства тѣ данныя, какія необходимы для составленія возможно полной статистики. А для этой послѣдней цѣли необходимо собрать все свѣдѣнія, коими опредѣляется какъ общее благосостояніе государства, такъ и благосостояніе каждой отдѣльной губерніи, уѣзда, селенія, cadaго отдѣльнаго землевладѣльца и крестьянина. Этими свѣдѣніями руководится генераль-квартирмейстеръ, распредѣляя на постой войска въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи. Тамъ, гдѣ показанъ болѣе или менѣе значительный урожай травъ, ставятъ кавалерію и артиллерію, а гдѣ, наоборотъ, наблюдается недостатокъ кормовыхъ травъ, туда направляютъ исключительно пѣхоту. Кромѣ того, общимъ благосостояніемъ мѣстности, выражающимся, главнымъ образомъ, урожаемъ хлѣбовъ, руководствуются и при опредѣленіи количества войска, какое можетъ быть поставлено въ этой мѣстности безъ особеннаго обремененія этимъ жителей послѣдней. Такъ въ губерніяхъ съ среднимъ урожаемъ ставятъ на сто душъ крестьянъ отъ 1 до 5 солдатъ, а при менѣе благопріятныхъ условіяхъ и вовсе избавляютъ отъ постоа; въ хлѣбородныхъ же губерніяхъ и среди особенно зажиточнаго населенія ставятъ одного солдата на каждыя двѣ крестьянскія избы. Наконецъ, свѣдѣнія, даваемые статистикой, позволяютъ ясно видѣть, во что обойдется содержаніе солдата, одного или съ лошадыю, въ продолженіе одного года и въ той или другой мѣстности края; сообразно съ этимъ, крестьянамъ отпускается провіантъ на солдата, и выдаются фуражныя деньги на лошадь. Что же касается до собственности, будетъ ли то собственность крестьянина, или помѣщика, она остается неприкосновенной.

Выслушавъ эти мои объясненія и, повидимому, удовольствовавшись ими и нѣсколько успокоившись, Королинскій послалъ за управляющимъ. Когда этотъ послѣдній явился, онъ передалъ ему программу, велѣлъ дать все требуемыя свѣдѣнія и принести ему обратно для провѣрки.

Вслѣдъ за этимъ я обратился къ Королинскому и сказалъ:

— Милостивый государь, надѣюсь, вы не откажетесь дать мнѣ здѣсь у васъ квартиру.

— У меня нѣтъ для васъ свободнаго помѣщенія. Домъ я занимаю самъ, одинъ флигель приготовленъ для семейства, которое со дня на день ожидаю изъ Петербурга, другой флигель занимаетъ мой управляющій. Если хотите, впрочемъ, я прикажу вамъ отвести квартиру въ деревнѣ.

— Я, конечно, не имѣю права стѣснять васъ, милостивый государь, и если прошу васъ отвести мнѣ квартиру, то только потому, что вижу въ этомъ удобство не для меня одного лично, но и для васъ самихъ: это дастъ мнѣ возможность окончить работу въ менѣе продолжительное время, кромѣ того, это позволитъ вамъ всякій разъ, какъ только понадобится, обращаться ко мнѣ за справками, за

разъясненіями. А недоразумѣнія при составленіи статистики весьма возможны.

— Что касается до недоразумѣній всякаго рода и необходимости обращаться къ вамъ за какими нибудь справками, то къ вамъ съ этою цѣлью будетъ пріѣзжать мой управляющій. Что же касается до удобствъ и болѣе скорого окончанія работъ, то до этого мнѣ нѣтъ никакого дѣла, и квартиры въ моемъ домѣ я дать вамъ не могу. Прощайте.

Съ этими словами онъ повернулся и ушелъ. Мнѣ ничего не оставалось, какъ сдѣлать то же самое. Я вышелъ изъ залы; въ передней мнѣ подали шинель; тутъ же ожидалъ меня управляющій. Вмѣстѣ съ нимъ мы стали спускаться по лѣстницѣ.

Откровенно говоря, несмотря на всѣ сдѣланныя мнѣ помѣщичками предупрежденія по поводу предстоявшаго мнѣ пріема у Королинскаго, я до послѣдней минуты не вѣрилъ въ возможность подобнаго сухого и холоднаго пріема. Я перевидѣлъ на своемъ вѣку много помѣщиковъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ, но ни отъ одного изъ нихъ ни встрѣчалъ такой холодности, такого нерадушія. Не говоря уже о богатыхъ или даже помѣщикахъ средней руки, мнѣ приходилось посѣщать и такихъ, которые жили чуть не въ крестьянскихъ избахъ. Помню одного изъ нихъ. Когда я попросилъ крестьянъ указать, гдѣ живетъ помѣщикъ, мнѣ показали на бѣдную полуразвалившуюся лачужку, крытую соломой. Я не повѣрилъ, но оказалось, что онъ дѣйствительно живетъ здѣсь. По мѣрѣ моего приближенія удивленіе мое продолжало только возрастать, а когда я наконецъ вошелъ въ отворенную дверь и заглянулъ внутрь, то былъ просто пораженъ: потолокъ грозилъ ежеминутно обрушиться, и хозяинъ, желая, конечно, предотвратить подобную катастрофу, разставилъ тамъ и сямъ подпорки; окна перекошились, въ углахъ плѣсень, полъ пришелъ въ состояніе полнѣйшей негодности, все ветхо, старо до невозможности, всюду грязь, пыль, паутина... Однимъ словомъ, оставалось только удивляться, какъ можетъ человѣкъ жить въ подобной норѣ, а между тѣмъ тутъ жилъ, да еще кто? помѣщикъ!.. Домишко былъ крохотный, въ двѣ какія-то коморки. Мебели сколько нибудь порядочной, разумѣется, никакой; комфорта какого либо и подавно. Бѣдность, крайняя бѣдность сквозила повсюду.

— Есть тутъ кто?—спросилъ я.

Изъ сосѣдней комнатки вышелъ ко мнѣ навстрѣчу уже совсѣмъ сѣдой старикъ, бѣдно одѣтый, съ лицомъ, не лишеннымъ пріятности, хотя и изборожденнымъ морщинами. Увидавъ меня, онъ словно просіялъ и, не выслушавъ даже хорошенько причины моего посѣщенія, просилъ непремѣнно войти и посидѣть у него хоть немножко. Разговорились. Слово за слово, онъ рассказалъ, что когда-то тоже жилъ ничего себѣ, да обѣднѣлъ до послѣдней степени. Теперъ всѣ

его владѣнія заключались въ этой лачужкѣ да небольшомъ огородѣ, разведенномъ позади ея.

— Чѣмъ же вы живете? — спросилъ я съ невольнымъ изумленіемъ.

Онъ сначала замялся было, а потомъ, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Чѣмъ живу-то я?.. А вотъ, видите ли, — прибавилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы съ какимъ-то таинственнымъ и вмѣстѣ лукавымъ видомъ: — собачка есть у меня, кобель, да шустрый такой, бестія — ни одной, понимаете ли, дамъ изъ ихней породы спуску, что называется, не даетъ, всё-то онѣ передъ нимъ пасуютъ. Такъ вотъ, стало быть, сударь ты мой, и приносятъ это ко мнѣ эдакихъ-то капризныхъ, — охотнички, разумѣются, приносятъ, — ну, а у него дѣло это двѣ минуты... И чистыя денежки... — прибавилъ онъ, засмѣявшись тихимъ старческимъ смѣхомъ. — Вотъ оно что. Да.

Разсмѣялся и я.

— Вотъ, батюшка мой, чѣмъ живу, вотъ кто меня кормитъ. А то хоть съ голоду помирай, право, — продолжалъ онъ. — Только ужъ этого въ свою статистику, тамъ что ли, вы, батюшка, не заносите: неловко оно, сами понимаете, — закончилъ онъ.

Я обѣщалъ и показалъ его бездоходнымъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, иначе и показать-то было мудрено.

Поговорили мы съ нимъ, вдругъ онъ засуетился.

— Чѣмъ же мнѣ васъ, батюшка, угостить-то? Чайку бы, да нѣтъ ни чаю, ни самовара. Было, да прошло. Позвольте, — точно припомнилъ онъ что-то.

Напрасно я старался остановить его, говоря, что мнѣ рѣшительно некогда, что я тороплюсь, зашелъ на одну минутку и т. п., просилъ не беспокоиться... Не тутъ-то было! Только я поднялся съ своего мѣста и сдѣлалъ видъ, что собираюсь уходить, онъ замѣтилъ это мое движеніе и сразу принялъ глубоко оскорбленный видъ, точно своимъ поспѣшнымъ уходомъ я наносилъ ему кровную обиду.

— Нѣтъ, батюшка, — заговорилъ онъ совсѣмъ другимъ тономъ, и я увидалъ передъ собой дѣйствительно помѣщика, — ужъ извините меня, а такъ отпустить васъ я не могу. Посидите, — прибавилъ онъ вдругъ и поспѣшно, не слушая меня, скрылся въ сосѣднюю комнату.

Я слышалъ, какъ онъ поднялъ крышку сундука и долго шарилъ тамъ. Вслѣдъ за этимъ, онъ показался самъ, неся въ рукахъ какую-то бутылку. Осмотрѣвъ ее со всѣхъ сторонъ и даже поглядѣвъ на свѣтъ, онъ старательно обтеръ ее полою и поставилъ на столъ. Затѣмъ снова побѣжалъ въ ту же комнату и принесъ на этотъ разъ, должно быть, единственную, бывшую у него, рюмку. Вслѣдъ за этимъ онъ началъ не спѣша разматывать тряпки, въ которыя обернута была пробка. Наконецъ, вытащивъ пробку, онъ бережно сталъ наливать въ рюмку какую-то темную и густую жидкость.

— Это-съ наливка, домашняго приготовленія, — объяснялъ онъ въ то же время.—Бережется для самыхъ дорогихъ и рѣдкихъ гостей. Чу-десная!

Онъ налилъ мнѣ рюмку и, пододвигая ее, сказалъ:

— Выкушайте.

Я не заставилъ себя просить вторично и выпилъ. Наливка была дѣйствительно великолѣпная.

— Ну, что, какова?—спросилъ онъ не безъ самодовольства.

— Прелестъ,—отвѣчалъ я.

Онъ, не говоря ни слова, налилъ мнѣ вторую. Я не отказался. Только тогда рѣшилъ онъ отпустить меня, проводилъ до самаго порога, и долго еще слышались мнѣ его пожеланія. Вотъ какіе были помѣщики!

«Ахъ, чортъ тебя возьми совсѣмъ!»—мысленно говорилъ я между тѣмъ, спускаясь по лѣстницѣ вмѣстѣ съ управляющимъ и все еще находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что сдѣланнаго мнѣ приема. Управляющій, должно быть, догадывался, въ какомъ хорошемъ настроеніи духа находился я въ эту минуту, потому что счелъ нужнымъ, съ своей стороны, нѣсколько успокоить меня.

— Будьте покойны, господинъ офицеръ,—началъ онъ:—квартиру я вамъ отведу всего въ трехъ верстахъ отсюда; изба у васъ будетъ чистая, изъ мебели я велю доставить все, что потребуется; провизію вы будете получать отъ старосты; а если еще что понадобится, обращайтесь безъ стѣсненія прямо ко мнѣ: я, что можно, все дамъ съ большимъ удовольствіемъ. Для работъ постоянно будетъ къ вашимъ услугамъ лошадь и бѣговья дрожки. А Николая Ивановича вы ужъ извините: человекъ они, можно сказать, странный; обращеніе у нихъ съ пріѣзжими, особенно которые по дѣламъ службы пріѣзжаютъ, какъ вотъ вы, напимѣръ, и очень, доложу вамъ, грубое: сколько разъ изъ-за этого самаго жалобы на нихъ подавали, къ самому губернатору вызывали, выговоры строгіе дѣлали. Ничего-съ не дѣйствуетъ! какимъ были, такимъ и остались. Только вотъ господинъ Кошкаревъ у нихъ бываетъ; такъ того, нечего сказать, хорошо принимаютъ, а потому самому, что это правая рука Николая Ивановича: гдѣ что чуть посоветовать, сейчасъ за господиномъ Кошкаревымъ.

Тутъ я и самъ вспомнилъ, что помѣщики не разъ упоминали при мнѣ объ этомъ непремѣнномъ совѣтникѣ Королинскаго и отзывались о немъ хоромъ: бестія продувная! Потомъ я встрѣтилъ разъ этого Кошкарева у Королинскаго: маленькій, сухенькій, поджаренькій, съ пискливымъ голоскомъ, мышинными глазками, безпокойно бѣгавшими изъ стороны въ сторону, онъ производилъ непріятное впечатлѣніе. Интереснѣе всего было то, что онъ никогда не могъ смотрѣть прямо въ глаза тому, съ кѣмъ говоритъ: кажется,

говорить съ вами, а глаза у него такъ и бѣгаютъ, такъ и бѣгаютъ изъ стороны въ сторону.

— Вотъ и съ вами, откровенно скажу,—продолжалъ управляющій,—позволили они себѣ обойтись довольно дерзко. Я вѣдь и самъ когда-то, знаете ли, былъ военнымъ—давненько это было, самъ знаю, что такое жить, особенно офицеру, на деревнѣ, въ простой мужицкой избѣ, да ничего не подѣлаешь. Впрочемъ, будьте покойны, я постараюсь сдѣлать для васъ все, что можно, и завтра же утромъ можете пріѣзжать, квартира будетъ готова.

На этомъ мы съ нимъ разстались. Я, конечно, поблагодарилъ его на прощаніе еще разъ и поѣхалъ.

На другой день, въ полдень, я пріѣхалъ въ указанную мнѣ деревню и нашелъ назначенную мнѣ квартиру. Изба, въ которой я теперь остановился, была совершенно новая, только что выстроенная, свѣтлая, сухая и чистая. Туда уже успѣли поставить столъ, два стула и кровать. Вечеромъ зашелъ управляющій, спросилъ, въ которомъ часу я обыкновенно обѣдаю и ужинаю, распорядился, чтобы староста отпускалъ мнѣ аккуратно провизію, затѣмъ обѣщавъ на другое утро прислать лошадь съ бѣговыми дрожками, простился и уѣхалъ.

Весь слѣдующій день я съ самага утра провелъ на работѣ и вернулся къ себѣ уже поздно вечеромъ. Тутъ я узналъ отъ старосты, что завтра утромъ собирается зайти ко мнѣ управляющій посоветоваться относительно нѣкоторыхъ пунктовъ, указанныхъ въ программѣ по статистикѣ, и просить поэтому до его прихода на работы не уѣзжать. Я такъ и сдѣлалъ. Въ 10 часовъ утра дѣйствительно зашелъ ко мнѣ управляющій и попросилъ объясненій по поводу нѣкоторыхъ пунктовъ программы. Я далъ всѣ нужныя объясненія и поѣхалъ на работы.

Не поѣхалъ я и двухъ верстъ, какъ вдали показался столбъ пыли, а затѣмъ двѣ коляски, одна за другой, ѣхавшія по направленію къ усадьбѣ Королинскаго. Когда онѣ поравнялись со мной, я увидать, что въ первой коляскѣ сидѣла пожилыхъ лѣтъ дама, весьма пріятной наружности, а съ нею двѣ молоденькія и весьма хорошенькія особы. Эге-ге, — подумалъ я. Между тѣмъ, при видѣ меня, онѣ сдѣлали нѣсколько удивленный видъ, очевидно, никакъ не ожидая подобной встрѣчи; я же, съ своей стороны, поспѣшилъ снять фуражку и вѣжливо раскланяться. Онѣ поклонились мнѣ въ свою очередь. Когда онѣ поѣхали, я оглянулся еще разъ: онѣ продолжали все еще внимательно смотрѣть въ мою сторону и, казалось, слѣдили, куда я ѣду. Что касается второй коляски, то въ ней ѣхала прислуга, и были сложены чемоданы.

Меня чрезвычайно интересовало знать, кто бы это могли быть. Все заставляло предполагать, что это жена Королинскаго и его дочери. Желая убѣдиться въ этомъ, я остановилъ лошадь и продол-

жалъ смотрѣть, куда онѣ повернуть. Обѣ коляски повернули прямо къ усадьбѣ Королинскаго, и вслѣдъ затѣмъ я ясно услышалъ, какъ онѣ въѣхали во дворъ. Сомнѣній никакихъ больше быть не могло: это были Королинскія. Однако, желаніе удостовѣриться въ этомъ такъ было велико, что я, раньше обыкновеннаго окончивъ съемку, въ 6 часовъ вечера былъ уже въ деревнѣ и немедленно послалъ за управляющимъ. Когда онъ, наконецъ, явился, я спросилъ, составлены ли имъ отвѣты на всѣ вопросы, предложенные въ программѣ. Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, что имъ разсланы уже по деревнямъ старосты считать коровъ, лошадей и прочій домашній крестьянскій скотъ, но свѣдѣнія до сихъ поръ къ нему не поступали. Тогда я перевелъ незамѣтно разговоръ на Королинскихъ и, между прочимъ, спросилъ самымъ невиннымъ образомъ, не знаетъ ли онъ, кто это такія дамы, которыя, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, показались, ѣхали по направленію къ усадьбѣ.

— Это жена Николая Ивановича и двѣ его дочери,—объяснилъ управляющій.—Онѣ видѣли васъ и спрашивали меня, кто вы такіе, какъ попали сюда и чѣмъ занимаетесь. Я имъ рассказалъ и упомянулъ о томъ приѣмѣ, какой вы себѣ здѣсь встрѣтили со стороны Николая Ивановича. Онѣ пришли въ большое негодованіе, очень ругали Николая Ивановича и даже обозвали ихъ «дуракомъ».

Оставшись очень доволенъ полученными свѣдѣніями и выпроводивъ управляющаго, который оказывался больше мнѣ ненуженъ, я счелъ необходимымъ тотчасъ же, не теряя ни минуты, приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Прежде всего надлежало придумать какой нибудь благовидный предлогъ чтобы увидѣться, а слѣдовательно и познакомиться съ только что приѣхавшими дамами. Это было, впрочемъ, дѣломъ одной минуты.

На другое утро, занявшись рачительно своимъ туалетомъ, надѣвъ свѣженькіе перчатки, эполеты и эксельбанты, хранившіеся для «особо важныхъ» случаевъ, я часовъ около двѣнадцати съ шумомъ и громомъ въѣзжалъ на дворъ къ Королинскимъ.

Подѣзжая къ дому, я замѣтилъ на балконѣ Королинскую. Я поклонился. Она отвѣчала мнѣ также любезнымъ поклономъ и улыбкою. Для начала недурно,—подумалъ я.

Скинувъ шинель въ передней и попросивъ лакея доложить о моемъ приѣздѣ Королинскому, я прошелъ въ залу. Не успѣлъ я войти въ нее, какъ ко мнѣ навстрѣчу уже шла та самая особа, которую я видѣлъ за минуту передъ тѣмъ на балконѣ. Она, дѣйствительно, была уже не въ молодыхъ годахъ, но при всемъ томъ черты лица ея, выраженіе глазъ, фигура и осанка—все отличалось необыкновенною пріятностью и доказывало, что въ молодости она была замѣчательная красавица. Сверхъ того, у нея были чрезвычайно изящныя манеры, сразу выказывавшія въ ней особу изъ высшаго аристократическаго круга. Я представился, она подала мнѣ руку и пригласила сѣсть.

— Какъ вы удивили насъ, — сказала она; — я никакъ не ожидала въ такой глуши встрѣтить блестящаго петербургскаго офицера и притомъ ученаго, — она при этомъ слегка указала глазами на мои эксельбанты. — Какъ вы попали сюда?

— Я получилъ командировку въ вашу губернію для собиранія свѣдѣній по статистикѣ и для производства военно-топографическихъ работъ.

— Давно вы здѣсь, въ нашемъ имѣніи?

— Всего три дня.

— Гдѣ же находится ваша резиденція?

— Я остановился въ деревнѣ.

— Почему же вы не остановились у насъ? Вы могли бы свободно занять цѣлый флигель: онъ никѣмъ не занятъ. И охота вамъ, право, лишать себя самыхъ необходимыхъ удобствъ и подвергаться всевозможнымъ лишеніямъ.

— Я не имѣю права въ этомъ отношеніи беспокоить помѣщиковъ, и потому если они предлагаютъ мнѣ квартиру у себя, то это дѣлается по ихъ доброй волѣ, съ ихъ непремѣннаго согласія. Правда, до сихъ поръ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда работы производились близъ усадьбы какого нибудь помѣщика, мнѣ не приходилось искать себѣ помѣщенія въ деревнѣ, но, повторяю, я не могъ, не имѣлъ права настаивать на томъ, чтобы и Николай Ивановичъ точно также далъ мнѣ квартиру у себя.

— Вы, конечно, говорили съ нимъ объ этомъ?

— Да, я просилъ, но онъ категорично заявилъ, что для меня у него квартиры нѣтъ, и вслѣдъ за тѣмъ приказалъ управляющему подыскать мнѣ квартиру въ деревнѣ.

Въ это время въ залу вошелъ Королинскій. Мрачный, угрюмый, онъ, очевидно, былъ весьма недоволенъ моимъ неожиданнымъ визитомъ; тѣмъ не менѣе, онъ подошелъ, подалъ мнѣ руку и сѣлъ.

— Извините, Николай Ивановичъ, — обратился я къ Королинскому, — что мнѣ пришлось васъ побезпокоить сегодня. Вашъ управляющій затрудняется опредѣлить въ точности количество скаковыхъ лошадей, годныхъ для кавалеріи, а между тѣмъ намъ это необходимо знать.

— Я завтра же переговорю съ нимъ насчетъ этого и кстати пересмотрю его работу. Однако, полагаю, что скоро наступитъ и конецъ вашей съемкѣ?

— До конца, Николай Ивановичъ, еще далеко: ваше имѣніе очень обширно; кромѣ того, если будутъ дожди, съемка затянется на неопредѣленное время.

— Извините, господа, — прервала насъ неожиданно Королинская, — мнѣ кажется, вашъ «статистическій» разговоръ конченъ?

— Да, больше я не намѣренъ беспокоить Николая Ивановича, — отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ, у меня къ вамъ будетъ большая просьба,—обратилась Королинская ко мнѣ:—пожалуйста, будьте такъ добры, переѣзжайте къ намъ во флигель; я прикажу доставить вамъ туда все, что только вамъ понадобится. Вы представить себѣ не можете, какъ мы здѣсь скучаемъ, однѣ, въ глуши, послѣ столичной жизни и, притомъ, въ Петербургѣ, хотя прѣѣзжаемъ сюда всего на двѣ недѣли. И вотъ теперь мы, конечно, не пропустимъ единственнаго случая избавиться отъ этой ужасной скуки, какой представляется намъ въ лицѣ нашемъ. Николай Ивановичъ, отказавшись дать вамъ квартиру, поступилъ ужасно неблагородно, и потому я, сверхъ того, что вамъ уже сказала, намѣрена вознаградить васъ. Сегодняшній день, до вечера, вы проведете съ нами, а завтра переѣзжайте къ намъ во флигель.

— Я, съ своей стороны, не могу на это согласиться,—поспѣшилъ заявить Королинскій:—квартиры господину офицеру я не дамъ, домъ мой, и я буду распоряжаться имъ, какъ мнѣ угодно.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, и не упрашивайте меня переѣзжать сюда,—обратился я къ Королинской:—въ квартирѣ мнѣ теперь нѣтъ никакой надобности, такъ какъ управляющій отвелъ мнѣ совершенно новую избу въ деревнѣ. Я самъ не желалъ бы въ настоящее время переѣзжать сюда.

— Ну, дѣлать нечего, если вы сами не желаете переѣзжать, почувуйте въ деревнѣ, но только ужъ днемъ прошу непременно быть у насъ,—сказала Королинская. Потомъ, замѣтивъ какое-то нетерпѣливое движеніе, сдѣланное ея супругомъ при этихъ послѣднихъ словахъ, какъ будто онъ собирался возражать ей, она быстро повернулась къ нему и сказала:—тебя, Николай Ивановичъ, я слушать больше не намѣрена. Отправляйся въ свой кабинетъ, сиди тамъ, сколько твоей душѣ угодно, а намъ ужъ не мѣшай. Мы прѣѣхали сюда не для того, чтобы видѣть твою неприятную, кислую физиономію, мы желаемъ провести время весело, приятно, въ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, а главное, въ приятномъ обществѣ.

— Но ты отвлекаешь господина офицера отъ занятій по службѣ, и ему придется отвѣчать за это,—пробовалъ возражать Королинскій.

— Николай Ивановичъ напрасно беспокоится относительно меня и относительно успѣшнаго хода моихъ служебныхъ занятій,—счелъ нужнымъ вмѣшаться я съ своей стороны.—Если вы, многоуважаемая Елизавета Петровна,—я успѣлъ, входя въ залу, спросить лакея, какъ зовутъ супругу Королинскаго,—прожили бы здѣсь до осени, то и тогда, повѣрьте, какъ бы часто я ни навѣщалъ васъ, работы мои, будьте покойны, будутъ идти своимъ чередомъ и будутъ окончены къ сроку.

— Если такъ, то я очень рада и могу, слѣдовательно, располагать вами, какъ намъ заблагоразсудится. Что же ты, Николай Ивановичъ?—обратилась она къ супругу, который продолжалъ преспо-

койно сидѣть, все еще, очевидно, не теряя надежды на то, что я скоро уйду.

Королинскій злобно взглянулъ на жену, на меня, нехотя поднялся и, бормоча что-то себѣ подъ-нось, медленно поплелся къ себѣ въ кабинетъ.

— Вы себѣ не можете представить, — заговорила Королинская, обращаясь ко мнѣ, лишь только супругъ ея вышелъ изъ комнаты, — что такое сдѣлалось за послѣднее время съ моимъ Николаемъ Ивановичемъ. Я положительно не узнаю его. Здѣсь, въ этой глуши, лишенный всякаго общества, всегда и постоянно одинъ, онъ положительно одичалъ, загрубѣлъ, какъ мужикъ. Я увѣрена, что онъ еще до нашего прїѣзда наговорилъ вамъ всевозможныхъ грубостей и дерзостей, и вы только изъ деликатности не упомянули объ этомъ въ разговорѣ со мной. Кстати, вы прекрасно сдѣлали, что заѣхали къ намъ сегодня, хотя я съ самаго утра собиралась послать за вами просить къ намъ.

Въ это время дверь въ залу вновь отворилась, но на этотъ разъ въ комнату вошли, одна за другой, двѣ красавицы брюнетки, нѣсколько южнаго типа, стройныя, граціозныя, пышныя и одѣтыя замѣчательно со вкусомъ; при этомъ онѣ до того поразительно похожи были одна на другую, что съ перваго раза, не приглядѣвшись, трудно было различить ихъ.

Войдя въ залу и замѣтивъ меня, дѣвицы сдѣлали нѣсколько удивленный видъ, но сейчасъ же, точно оправившись отъ перваго легкаго смущенья, прямо и спокойно направились къ намъ.

— Позвольте представить вамъ моихъ дочерей, — сказала Королинская, въ то время какъ я, поднявшись съ своего мѣста и звякнувъ шпорами, отдавалъ почтительный поклонъ. — Вотъ эта старшая, — продолжала Королинская, указывая на одну изъ красавицъ, — художница: рисуетъ масляными красками и, скажу безпристрастно, рисуетъ великолѣпно.

Та, про которую говорили мнѣ это, при послѣднихъ словахъ матери кокетливо опустила глазки, какъ будто немного смущенная такимъ лестнымъ о ней отзывомъ, да еще въ присутствіи совершенно посторонняго человѣка, который, при томъ, видитъ ее въ первый разъ, но сейчасъ же подняла ихъ.

— А эта, младшая, — указала Королинская на другую, — отличная музыкантша и пѣвица; въ Петербургѣ всѣ положительно въ восторгѣ отъ ея игры и пѣнія.

Та въ свою очередь продѣлала то же самое, что и старшая ея сестрица и съ неменьшимъ искусствомъ.

Я, конечно, успѣвши лишь намекнуть, какое счастье имѣть дочерей, надѣленныхъ отъ природы съ избыткомъ всякими прекрасными качествами, и, сверхъ того, еще талантливыми, за что былъ вознагражденъ тремя восхитительнѣйшими улыбками.

Затѣмъ мы сѣли. Дѣвицы помѣстились рядомъ съ матерью.

— Не правда ли, мои милыя,—обратилась Королинская къ дочерямъ,— какъ мы были пріятно поражены, встрѣтивъ здѣсь, среди лѣсовъ и полей, ученаго офицера? И представьте,—продолжала она, обращаясь къ нимъ же,—оказалось, что этотъ офицеръ, по милости вашего отца, долженъ жить въ деревнѣ, въ простой деревенской избѣ, ѣсть Богъ знаетъ что, грубую мужицкую пищу; уѣзжаетъ голодный, разумѣется, на работы, проводить въ глуши цѣлый день и къ вечеру возвращается обратно въ ту же грязную мужицкую избу... Ахъ, это ужасно, положительно ужасно!..—закончила она съ глубокимъ вздохомъ.

Дѣвицы выразили на своихъ прелестныхъ личикахъ самый неподдѣльный ужасъ и въ то же время самое глубокое сочувствіе къ моему «ужасному» положенію.

— Вы, Елизавета Петровна, слишкомъ преувеличиваете тѣ лишенія, какимъ я подвергаюсь, живя въ деревнѣ...

— Но, маман, а нашъ флигель?..—смѣло и рѣшительно перебили меня дѣвицы. — Онъ не занятъ?..

— Да, моя милая,—заговорила Королинская, обращаясь почему-то къ старшей,—но отецъ твой боится, что офицеръ, живя здѣсь, узнаетъ всѣ его грѣшки и занесетъ ихъ въ свою статистику. Вы вѣдь знаете,—сказала она обѣимъ,—что онъ никого у себя не принимаетъ, живетъ, какъ медвѣдь въ берлогѣ. Онъ отказалъ и отказалъ въ весьма вѣрубой и неделикатной формѣ.

— Николай Ивановичъ могъ быть просто не въ духѣ, не въ расположеніи?.. —пытался я защитить послѣдняго.

— О, нѣтъ, у него постоянное нерасположеніе ко всѣмъ рѣшительно, безъ исключеній, кромѣ, разумѣется, собственной своей особы. Вы думаете, онъ и съ нами всегда бываетъ деликатенъ? О, нѣтъ, нисколько. Но мы ему рѣдко когда уступаемъ, а въ доказательство прошу васъ сегодня, завтра, послѣзавтра и такъ далѣе — однимъ словомъ, все время, всѣ дни, пока мы не уѣдемъ въ Петербургъ, пока мы здѣсь,—быть у насъ запросто, безъ всякихъ этикетовъ. При этомъ я буду просить васъ не обращать никакого вниманія на его,—она показала рукой по направленію къ кабинету мужа,—непріятную мимику. Этимъ всѣмъ вы намъ доставите большое удовольствіе. Дѣти, — обратилась она къ дочерямъ,—принесите ваши рисунки, ноты: мы займемся сейчасъ изящными искусствами.

Обѣ дѣвицы немедленно скрылись. Черезъ нѣсколько времени старшая вернулась съ большимъ портфелемъ въ рукахъ. Въ немъ оказалась масса рисунковъ, исполненныхъ масляными красками; тутъ были и цвѣты, и портреты, и пейзажи, и все, что хотите. Больше всего мнѣ понравился видъ съ Невы на Васильевскій островъ, и я обратилъ на эту картину особенное вниманіе.

Между тѣмъ младшая также вернулась и въ свою очередь при-

несла нѣсколько тетрадей нотъ. Она сѣла за рояль и спѣла сначала два-три романса, а затѣмъ извѣстную арію изъ «Уголино»:

«О милый другъ, изъ-за могилы
Услышь мой голосъ, мой привѣтъ!..»

Голосъ у нея былъ небольшой, но очень пріятный.

Пока я разсматривалъ картины, старшая дочь Королинской сидѣла около меня и, казалось, хотѣла угадать, какія изъ нихъ производятъ на меня большее впечатлѣніе. Очевидно, угадать было не такъ легко; она попросила наконецъ меня указать ту картину, какая мнѣ больше всего нравится. Я указалъ на вышеупомянутый пейзажъ. «О, я вижу, что вы истинный цѣнитель искусства,—сказала она.—Всѣ безъ исключенія мои знакомые въ восхищеніи именно отъ этого пейзажа. Впрочемъ, я надъ нимъ много поработала, и, можетъ быть, потому онъ и вышелъ лучше другихъ.

Я поспѣшилъ объяснить это нѣсколько иначе, еще разъ похвалилъ ея работу, а затѣмъ благодарилъ ея сестру за удовольствіе, какое она мнѣ доставила своимъ пѣніемъ и игрой на рояли. Вспомнили Александринскій театръ, Асенкову, Каратыгина.

— Вы давно изъ Петербурга?—спросили онѣ.

— Въ 1848 году меня командировали изъ Петербурга въ Москву, и съ тѣхъ поръ вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я разъѣзжаю по губерніямъ, производжу съемку и собираю свѣдѣнія по статистикѣ.

Вслѣдъ за этимъ мы заговорили о петербургской жизни, объ удовольствіяхъ, коими богата эта жизнь, о балахъ, концертахъ, театрѣ, музыкальныхъ и литературныхъ вечерахъ и т. п.

Во время нашего оживленнаго разговора вошелъ лакей, неся огромный серебряный подносъ съ закусками и винами. Послѣ закуски насъ пригласили перейти въ столовую.

Здѣсь сидѣлъ уже Королинскій, мрачный и угрюмый. Меня посадили рядомъ съ нимъ; Королинская сѣла напротивъ меня, ея дочери сѣли съ другой стороны около меня. Обѣдъ былъ превосходный, поварской; къ десерту подавали мороженое и фрукты. Во все время обѣда говорили и шутили, не умолкая ни на минуту; одинъ только Королинскій упорно молчалъ, искоса поглядывалъ на меня и какъ-то злобно прищуривалъ при этомъ глаза. Я, съ своей стороны, дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаю; то же дѣлали и всѣ остальные.

Послѣ обѣда намъ подали на балконѣ кофе. Дѣвицы выпили по одной чашкѣ и ушли.

Королинскій воспользовался этимъ моментомъ и спросилъ меня:

— Вы теперь, конечно, поѣдете на съемку?

— Онъ никуда не поѣдетъ,—отвѣтила быстро за меня Королинская.—Во-первыхъ, какая теперь съемка: уже поздно; во-вторыхъ, онъ далъ намъ слово, что не только сегодня, но завтра и послѣ-

завтра, съ утра и до вечера, онъ будетъ у насъ, къ нашимъ услугамъ, а съемка можетъ подождать и до осени.

Королинскій сдѣлалъ какую-то кислую гримасу, однако замолчалъ и снова насупился.

Я допилъ кофе, поблагодарилъ и хотѣлъ было прощаться, но Королинская предупредила меня:

— Противъ васъ составленъ ужасный заговоръ. Идите въ садъ, тамъ на пруду рѣшится ваша участь.

Я вышелъ въ садъ. Здѣсь сначала никого не было видно, но когда я подошелъ къ пруду, то увидалъ, что у самага берега стоитъ лодка, а въ ней сидятъ дочери Королинскаго.

— Идите сюда,—закричали онѣ при видѣ меня.—Мы васъ уже давно здѣсь ждемъ. Берите весла и извольте насъ покатать.

Я сѣлъ въ лодку, и мы поѣхали. Погода была тихая и ясная. Прудъ, чистый и блестящій какъ зеркало, казалось, былъ неподвиженъ; чуть замѣтная рябь играла на самой серединѣ пруда. Берега, сплошь заросшіе густою, непроницаемою зеленью и отличавшіеся замѣчательно красивыми очертаніями, то смѣло подавались впередъ и выходили острымъ, узенькимъ мысомъ, острой, узенькой стрѣлкой, то отступали назадъ, открывая передъ нами тихую, спокойную бухту, съ низко нависшими по краямъ ея надъ самой водой старыми берегами и темными елями, или широкій, свѣтлый заливъ, окаймленный кустарникомъ. Кое-гдѣ виднѣлись островки съ перекинутыми съ нихъ на берегъ легкими, воздушными мостиками. Лодка безшумно скользила по ровной, гладкой поверхности пруда, легко и быстро подвигаясь впередъ, чуть налегали на весло. Картина была очаровательная.

Нѣкоторое время мы ѣхали молча, но это продолжалось недолго. Скоро мои веселыя спутницы пристали ко мнѣ съ просьбой рассказать о разныхъ приключеніяхъ, какія бывали со мною во время поѣздки по Россіи. «Мы совершенно не знаемъ жизни»,—объявили онѣ мнѣ рѣшительно. «Насъ держали въ четырехъ стѣнахъ нашего института,—онѣ воспитывались въ Смольномъ,—а вы такъ много путешествовали на своемъ вѣку, а потому, вѣроятно, не откажетесь подѣлиться своими впечатлѣніями». Недостатка въ приключеніяхъ, конечно, не было, и онѣ остались очень довольны моими рассказами.

Когда мы накатались вдоволь, я повернулъ лодку къ берегу. Тутъ онѣ вдругъ замѣтили мнѣ:

— Какъ это странно! Мы съ вами такъ много говорили, такъ много провели вмѣстѣ времени, а до сихъ поръ не знаемъ, какъ васъ зовутъ.

— Я готовъ сказать вамъ, какъ меня зовутъ,—отвѣчалъ я,—но съ тѣмъ непременнымъ условіемъ, чтобы вы сначала сказали мнѣ ваши имена.

Онѣ переглянулись, что не скрылось отъ меня, шепнули что-то другъ другу на ухо, и затѣмъ старшая сказала:

— Меня зовутъ Ѳедорой Николаевной,—и точно смущенная тѣмъ, что у нея такое невзвучное имя, отвернулась лицомъ къ водѣ.

— А меня—Устиньей Николаевной,—бойко отвѣчала младшая, вторя сестрѣ.

— «Эге, думалъ я, вотъ оно что! Хорошо!»

— А какъ же васъ зовутъ?—спросили онѣ въ свою очередь.

— Меня-то?—переспросилъ я, подведя между тѣмъ лодку къ берегу и помогая имъ выходить изъ нея:—меня зовутъ—Филимонъ Парамоновичъ.

Не успѣлъ я еще кончить, какъ раздался страшный хохоть, и онѣ обѣ бросились отъ меня, что есть мочи, въ сторону и побѣжали по дорожкѣ къ дому. Слышно было только: Филимонъ Парамоновичъ! ха-ха-ха!.. Филимонъ Парамоновичъ! ха-ха-ха!..

Я тѣмъ временемъ не спѣша привязалъ лодку, убралъ весла и направился вслѣдъ за ними. Онѣ добѣжали до террасы, гдѣ сидѣла сама Королинская.

— Мама, мама,—закричала при видѣ ея одна изъ сестеръ, едва удерживаясь отъ смѣха:—этого офицера зовутъ Филимонъ Парамоновичъ! ха-ха-ха!..—и снова раздался дружный смѣхъ.

— Быть не можетъ,—сказала мать.—Какъ?! Филимонъ Парамоновичъ?!... А впрочемъ,—прибавила она, подумавъ,—что-жъ тутъ такого? Мало ли кого какъ зовутъ. Да, можетъ быть, онъ пошутилъ надъ вами? Спросите-ка лучше солдата, что у калитки: онъ долженъ знать.

Тѣ побѣжали къ солдату. Я остановился шагахъ въ десяти отъ нихъ и слушалъ, спрятавшись за дерево.

— Послушай, любезный, — начали онѣ:—какъ зовутъ твоего офицера.

— Да «ваше благородіе»,—отвѣчалъ солдатъ.

— Имя-то какъ его?—не отставали тѣ.

— Да какое-жъ это имя у нихъ можетъ быть?—разсуждалъ солдатъ.—Другого имени у нихъ нѣтъ, такъ ихъ всѣ зовутъ: ваше благородіе.

Новый оглушительный взрывъ хохота, на который вышелъ самъ Королинскій и спросилъ, что случилось. Ему объяснили. Онъ улыбнулся и опять скрылся.

Тогда я подошелъ къ террасѣ. Какъ только я показался, обѣ дѣвицы расхохотались и хотѣли скрыться, но мать удержала ихъ. Тогда сдѣланъ былъ мнѣ настоящій допросъ, причемъ просили сказать правду, и такимъ образомъ узнали, что меня зовутъ Василемъ Сергѣевичемъ. Тогда и я, въ свою очередь, приступилъ къ допросу, и оказалось, что старшую дочь Королинскихъ зовутъ Аде-

лаидой, а младшую—Евгеніей. При этомъ я просилъ не говорить Королинскому моего настоящаго имени и отчества.

Когда, послѣ чая, я сталъ прощаться, Королинская и дочери ея взяли съ меня слово, что завтра утромъ я буду у нихъ. Тутъ вышелъ и Корлинскій, подаль мнѣ руку и сказалъ: «Ну, прощайте, Филимонъ Парамоновичъ». Ему не дали договорить, и раздался снова оглушительный хохотъ. Онъ понялъ, что одураченъ, пробормоталъ про себя что-то и скрылся. Я простился и поѣхалъ въ деревню.

На другой день, рано утромъ, ко мнѣ явился лакей отъ Королинскихъ и сказалъ, что меня ждутъ къ завтраку. Я немедленно одѣлся и поѣхалъ.

Въ столовой, куда меня провели, я засталъ все семейство, за исключениемъ Николая Ивановича. Меня очевидно дожидались, такъ какъ подана уже закуска, а на другомъ столѣ хлопотали за самоваромъ.

— Безъ васъ и аппетита не было, — любезно объяснила мнѣ Королинская.—Ну, теперь подавайте,—обратилась она къ лакею.

— А у меня къ вамъ большая просьба,—сказала Аделаида Николаевна, сидѣвшая рядомъ со мной.—Вы хорошо знакомы съ нашимъ имѣніемъ, и потому, вѣроятно, васъ не затруднитъ указать мнѣ хорошій пейзажъ, который стоило бы срисовать.

— Что касается до окрестностей, то онѣ представляютъ изъ себя почти сплошную степь: мѣстность совершенно плоская, ровная, ни рѣкъ, ни рѣчекъ, почти не видно, лѣса попадаются сравнительно рѣдко. Но если вы позволите, я укажу пейзажъ, который вамъ самимъ приходится видѣть не одинъ разъ на дню, и который, на мой взглядъ, вполне достоинъ служить сюжетомъ для новаго произведенія вашей кисти.

— Ахъ, я очень буду рада. Скажите, пожалуйста.

— Мнѣ кажется, видъ пруда съ его островами, мостиками, далеко выдающимися мысами и горками, если взять его съ того мѣста, гдѣ мы вчера сѣли въ лодку, представляетъ изъ себя чудный ландшафтъ. Если къ этому прелестному ландшафту прибавить лодку съ двумя красавицами и Филимономъ Парамоновичемъ, то картина, несомнѣнно, еще болѣе выиграетъ отъ этого и произведетъ поразительный эффектъ.

— Я охотно принимаю ваше предложеніе, Василій Сергѣевичъ, и завтра мы съ вами, вмѣсто военной съемки, займемся глазомѣрной. Надѣюсь, вы не откажете мнѣ присутствовать при началѣ моей работы и давать необходимыя указанія?

— Отъ послѣдняго отказываюсь заранѣе, какъ совѣмъ не компетентный судья въ дѣлахъ подобнаго рода, но присутствовать при вашей работѣ сочту за особенное для себя удовольствіе и потому не премину имъ воспользоваться.

— Матап,—сказала Аделаида Николаевна,—съ завтрашняго дня я и Василій Сергѣевичъ отправляемся къ пруду и начнемъ рисо-

вать эскизъ съ натуры. Онъ утверждаетъ, что получится великолѣпный ландшафтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Аделаида,—отвѣчала мать,—ты вотъ никакъ не найдешь сюжета для новой картины, а отчего? Конечно, отъ того, что намъ здѣсь все слишкомъ приглядѣлось. Я нахожу сама теперь, что видъ пруда дѣйствительно великолѣпенъ. Да зачѣмъ откладывать доавтра? Можно, я думаю, начать работу послѣ завтрака.

Такъ мы и сдѣлали. Сначала отправили лакеевъ со столомъ и стульями къ указанному мѣсту, а затѣмъ двинулись всѣмъ обществомъ.

Съ этого дня я сталъ постояннымъ сотрудникомъ Аделаиды Николаевны, хотя все мое сотрудничество сводилось только къ тому, что мы вдвоемъ очень оживленно болтали на темы, не имѣющія никакого отношенія къ нашей главной задачѣ.

Такъ незамѣтно пролетѣла недѣля. Въ субботу ландшафтъ былъ оконченъ и вышелъ такъ хорошъ, что привелъ всѣхъ въ восторгъ. Въ этотъ же день Королинская, прощаясь со мной, сказала:

— Завтра—воскресенье, и я отправила сказать въ село, чтобы служили позднюю обѣдню. Такъ какъ до села 10 верстъ, то приѣзжайте пораньше, чтобы намъ всѣмъ вмѣстѣ ѣхать къ обѣднѣ; завтра же, кромѣ того, мои дочери собираются ѣхать верхами на нашу ферму, и вы обязаны сопровождать ихъ, во что бы то ни стало. Лошадь для васъ уже приготовлена, и потому безпокоиться вамъ не о чемъ. Дѣти убѣдительно просятъ не отказать сопровождать ихъ въ этой поѣздкѣ, тѣмъ болѣе, что скоро мы уѣзжаемъ въ Петербургъ.

Я, конечно, благодарилъ и обѣщалъ быть.

— Не вы, а мы должны благодарить васъ за то, что вы, даже въ ущербъ вашимъ служебнымъ занятіямъ, составляете намъ приятное общество и не позволяете скучать въ такой глуши и съ такимъ мрачнымъ мужемъ, какъ мой. Итакъ, доавтра.

Однако, случилось нѣчто такое, чего я никакъ не ожидалъ, чего и предполагать не могъ. А именно, когда я вышелъ въ переднюю, меня, къ крайнему моему удивленію, встрѣтилъ тамъ Королинскій съ какимъ-то сверткомъ въ рукахъ.

— Вотъ всѣ свѣдѣнія, — сказалъ онъ, — какія я обязанъ быть доставить вамъ; они провѣрены мною лично и подписаны. Теперь, когда вапа работа окончена, я попрошу васъ больше къ намъ не приѣзжать, тѣмъ болѣе, что мое семейство собирается въ Петербургъ, и вы своимъ присутствіемъ будете только мѣшать имъ собираться. Прощайте.

Съ этими словами Королинскій скрылся.

Признаюсь, этого ужъ я отъ него никакъ не ожидалъ и въ первую минуту не нашелся бы, что и отвѣтить, но онъ и не желалъ меня, очевидно, слушать, такъ какъ скрылся, прежде чѣмъ я

успѣлъ отвѣтить что нибудь съ своей стороны. Дѣлать нечего, я вышелъ, сѣлъ на дрожки, ожидавшіяся меня, и поѣхалъ въ деревню. Тамъ встрѣтилъ меня управляющій.

— Извините,—началъ онъ, замѣтно конфузясь,—Николай Ивановичъ проситъ передать, чтобы вы очистили квартиру, а также проситъ сдать, если можно, сейчасъ мебель и лошадь. Мнѣ очень непріятно исполнять это порученіе, но что хотите?—онъ даже развелъ руками:—это положительно деспотъ и чрезвычайно грубый человекъ,—наконецъ нашелся онъ.—Я самъ скоро уйду отъ нихъ, силъ нѣтъ никакихъ служить долѣе.

Я былъ очень взволнованъ, но спокойно отвѣчалъ управляющему, что онъ можетъ получить требуемое сейчасъ же, а самъ немедленно уѣхалъ къ казеннымъ крестьянамъ, въ село Благовѣщенское, въ 15 верстахъ отъ имѣнія Королинскаго. По пріѣздѣ въ Благовѣщенское, я позвалъ старосту и просилъ отвести мнѣ избу. Онъ предложилъ мнѣ свою, чѣмъ я и остался очень доволенъ.

На слѣдующее утро, когда мой денщикъ только что подалъ мнѣ самоваръ, я увидѣлъ въ окно всадника, мчавшагося во весь карьеръ по направленію къ намъ. Черезъ минуту я узналъ въ немъ лакея Королинскихъ. Онъ доставилъ мнѣ слѣдующее письмо отъ Королинскихъ:

«Добрѣйшій Василій Сергѣевичъ!

«Мы были ужасно удивлены, услыхавъ о вашемъ неожиданномъ отъѣздѣ изъ деревни за 15 верстъ отъ насъ. Я не знала, чѣмъ объяснить себѣ такое странное съ вашей стороны поведеніе, а дѣти просто заплакали. Догадываясь, однако, что могло послужить причиною вашего отъѣзда, я пошла къ мужу и узнала все. Вы не можете себя представить, какъ мы были возмущены этой второй его дикой и грубой выходкой. Я высказала ему все, что вызвало во мнѣ его низкій поступокъ съ вами; сказала, что буду за него просить извиненія у васъ; ему не велѣла показываться къ намъ на глаза, а сидѣть въ своей берлогѣ. Я и дѣти просимъ васъ забыть, если можно, поступокъ мужа и пріѣхать сію же минуту къ намъ. Въ церковь мы, конечно, опоздали, но для поѣздки на ферму время еще не ушло. Вслѣдъ за верховымъ посылаемъ коляску, въ ней вы и пріѣзжайте.

«Е. К.»

Я еще не докончилъ чтенія письма, когда подѣхала коляска. Черезъ часъ я былъ уже у Королинскихъ. Онѣ встрѣтили меня на крыльцѣ, пожимали мнѣ руки и выражали, какъ могли, свою благодарность, что я не отказался пріѣхать. Во время завтрака дочери спросили у меня при Королинской, что заставило меня уѣхать такъ неожиданно.

— Причиной отъѣзда была, — отвѣчала за меня Королинская, — ужасная дерзость, которую позволилъ себѣ вашъ отецъ. Прошу васъ, дѣти, никогда не напоминайте мнѣ объ этомъ его возмутительномъ поступкѣ. Постарайтесь лучше забыть обо всѣхъ этихъ непріятностяхъ и позаботьтесь о предстоящей прогулкѣ.

Дочери ушли, мы остались вдвоемъ.

— Вы не повѣрите, Василій Сергѣевичъ, — начала Королинская, какъ только дочери ея вышли изъ комнаты, — каково здѣсь наше положеніе. И я и дочери привыкли бывать постоянно въ высшемъ обществѣ, привыкли видѣть себя окруженными милыми, любезными и пріятными людьми; мы пріѣзжаемъ сюда, чтобъ отдохнуть хоть немного отъ шумной столичной жизни, подышать на свободѣ чистымъ воздухомъ, и что же? — не успѣла пріѣхать сюда, какъ начинается брань, упреки, всевозможныя непріятности и дерзкіе, возмутительные поступки на каждомъ шагу. И такъ идетъ съ самаго дня нашей свадьбы. Если бы не Петербургъ, не петербургское общество и не мое положеніе при дворѣ, не будь дочерей, я положительно не знаю, что бы это такое было, что бы я стала дѣлать. Вѣдь вѣчно жить съ этимъ грубымъ, тяжелымъ и необразованнымъ человѣкомъ — это такая мука, какой вы себѣ и вообразить не можете. Впрочемъ, вы и сами, къ сожалѣнію, имѣли не одинъ случай убѣдиться въ справедливости того, что я говорю, но вы еще его не знаете, вы не знаете еще, что это за человѣкъ.

Послѣ этого она высказала желаніе видѣть меня въ Петербургѣ, но здѣсь разговоръ нашъ долженъ былъ прекратиться, такъ какъ вошедшій въ это время лакей доложилъ, что барышни готовы и ждутъ меня. Черезъ нѣсколько минутъ мы выѣзжали уже верхами на ферму. Осмотрѣвъ ферму, отличавшуюся образцовымъ порядкомъ, мы потребовали себѣ молока, творогу, сливокъ и чернаго хлѣба. Насъ провели въ отдѣльную чистую комнату, гдѣ насъ, должно быть, уже ждали, и подали все требуемое. Пріѣхали мы назадъ уже поздно, когда вечерѣло. Николай Ивановичъ къ обѣду не вышелъ, и кушанья подавали ему въ кабинетъ. Послѣ обѣда я стала прощаться.

— Я васъ ни за что не пущу, — сказала Королинская: — вамъ приготовлена квартира во флигелѣ. Я объявила мужу, что вы будете жить здѣсь у насъ до нашего отъѣзда.

Отказаться не было никакой возможности: это сказано было самымъ категорическимъ тономъ, не терпящимъ никакихъ возраженій.

— Проводи Василія Сергѣевича во флигель, — обратилась Королинская къ лакею, — и останься при немъ для исполненія всѣхъ его приказаній.

Послѣ этого она сказала мнѣ:

— Сегодня вы, конечно, устали, и поэтому теперь я васъ от-

пускаю. Желаю вамъ спокойной ночи и прошу непремѣнно къ утреннему чаю: безъ васъ пить не будемъ.

Слѣдующіе четыре-пять дней, оставшіеся до отъѣзда Королинскихъ, прошли такъ же незамѣтно, какъ и предыдущіе: мы катались на лодкѣ, на лошадахъ, занимались пѣніемъ, музыкой. Наконецъ настала и день отъѣзда.

Съ самаго утра поднялась суматоха, начались послѣдніе сборы и приготовленія къ отъѣзду. Къ крыльцу поданы были экипажи. Прислуга хлопотала около нихъ, принимая чемоданы, выносившіеся изъ дому, и укладывая ихъ поудобнѣе. Передъ отъѣздомъ поданъ былъ завтракъ. Всѣ сидѣли какіе-то молчаливые, сосредоточенные и нѣсколько грустные. Королинская отдавала послѣднія приказанія. Наконецъ, послѣ завтрака, когда намъ объявили, что все готово къ отъѣзду, Королинскія, совсѣмъ одѣтыя подорожному, и я вышли на крыльцо. Тамъ собралась между тѣмъ уже вся дворня проститься съ барыней и барышнями; тамъ ждалъ насъ и Королинскій. При видѣ меня онъ немного нахмурился, но подошелъ и подаль мнѣ руку.

— А обѣщаніе?— сказала ему Королинская. Онъ еще разъ подаль мнѣ руку и попросилъ извиненія.

— Я давно уже все забылъ,— отвѣчалъ я:— не извольте беспокоиться.

Затѣмъ Королинская обратилась ко мнѣ:

— Ваша коляска, которая отвезетъ васъ въ Благовѣщенское, будетъ слѣдовать за нами, а потому вы садитесь къ намъ и проводите насъ до границы нашего имѣнія.

Я, конечно, поспѣшилъ выразить свое удовольствіе по поводу этого. Вслѣдъ за этимъ она и дочери холодно простились съ Королинскимъ и стали усаживаться. Я сѣлъ рядомъ съ Королинской, дочери ея сѣли противъ насъ. Такъ проѣхали мы верстъ пять, и здѣсь я съ ними простился, пожелавъ имъ счастливаго пути и получивъ также съ ихъ стороны всевозможныя пожеланія. Оттуда я поѣхалъ прямо въ Благовѣщенское.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, я совсѣмъ потерялъ изъ виду Королинскихъ, да и почти забылъ о нихъ. Однажды,— это было уже въ восьмидесятыхъ годахъ, когда я окончательно поселился въ Москвѣ,— меня назначили присяжнымъ засѣдателемъ. Въ свободную отъ нашихъ занятій минуту я разговорился съ своимъ сосѣдомъ. Оказалось, что онъ изъ Тамбовской губерніи и притомъ изъ Елатомскаго уѣзда. Я воспользовался этимъ случаемъ и спросилъ о Королинскомъ.

— Королинскій, вы говорите?— воскликнулъ живо мой собесѣдникъ.— Развѣ вы его знали? Онъ ужасно кончилъ: въ самый день объявленія воли онъ былъ убитъ собственными крестьянами.

Мнѣ хотѣлось узнать подробности, но обстоятельства на этотъ разъ помѣшали.

Заговоривъ объ Елатомскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы упомянуть еще объ одномъ тамошнемъ помѣщикѣ, воспоминаніе о которомъ у меня сохранилось.

Такъ какъ на планшетъ заносится обыкновенно площадь въ 400 квадратныхъ верстѣ, то нерѣдко приходилось, для производства съемки, заѣзжать къ помѣщику, владѣнія котораго хоть частію входили въ районъ снимаемой мѣстности. Такъ было и тутъ. Почти прямо отъ Королинскаго заѣхалъ я къ одному изъ такихъ помѣщиковъ. Это былъ сравнительно молодой человѣкъ, но уже женатый и имѣвшій при томъ троихъ дѣтей. Что меня больше всего поразило, это, во-первыхъ, необыкновенная чистота, порядокъ, аккуратность — рѣшительно вездѣ, всюду, куда бы ни заглянули, а, во-вторыхъ, замѣчательное въ отношеніи вкуса, оригинальности, изящности и дороговизны убранство комнатъ. Ничего подобнаго я до тѣхъ поръ нигдѣ не видывалъ. Конечно, эта абсолютная чистота, какую я встрѣчалъ въ первый разъ у нашихъ помѣщиковъ, объясняется, главнымъ образомъ, нѣкоторою, можно сказать, болѣзненностью, какой страдалъ въ этомъ отношеніи упомянутый помѣщикъ: онъ пылинки, паутинки видѣть не могъ спокойно, лоскутъ бумаги, валявшійся на полу въ парадныхъ комнатахъ, выводилъ его изъ себя; но, съ другой стороны, у рѣдкихъ помѣщиковъ приходилось видѣть даже относительную чистоту; большинство жило грязно, неряшливо. Въ самомъ дѣлѣ, пыль и паутина по угламъ, жирныя пятна на мебели, всевозможныя склянки, банки, бутылки, сапожныя щетки, коробки съ ваксой, разныя тряпки, валявшіяся чуть не во всѣхъ комнатахъ, — были самымъ зауряднымъ явленіемъ, къ которому скоро привыкаешь, приглядываешься, и отсутствіе котораго, наоборотъ, всякій разъ рѣзко бросается въ глаза. И это справедливо не только относительно помѣщиковъ средней руки, которыхъ я здѣсь главнымъ образомъ разумѣю, но и относительно нѣкоторыхъ богатыхъ помѣщиковъ, жившихъ вообще, можно сказать, роскошно. Здѣсь же пріѣзжаю и вижу чистоту, аккуратность просто нѣмецкую, даже, если хотите, голландскую и рѣшительно на каждомъ шагу; о пыли, паутинѣ, беспорядкѣ и помину нѣтъ, точно ихъ и на свѣтѣ-то не существуетъ. Я не могъ удержаться, наконецъ, и прямо выразилъ хозяину свое безпредѣльное по этому поводу удивленіе. Онъ только улыбнулся въ отвѣтъ, какъ будто и не сомнѣвался нисколько въ томъ, что ему придется услышать это отъ меня, какъ будто онъ давно уже привыкъ къ всевозможнымъ изъясненіямъ и выраженіямъ удивленія по поводу наблюдаемой у него повсюду абсолютной чистоты и образцоваго порядка. И пригласилъ меня, послѣ того, какъ мы осмотрѣли парадныя комнаты, залу, гостиную, столовую, пройти на кухню. Мы отправились. — «Это мой кабинетъ», — сказалъ онъ, отворяя дверь въ огромную, свѣтлую комнату, носившую странное названіе «кухни». И

дѣйствительно, это было все, что хотите, но только не кухня. Эту кухню скорѣе всего можно было принять, пожалуй, за какую нибудь химическую лабораторію наиаккуратнѣйшаго въ мірѣ нѣмецкаго ученаго, для котораго эта лабораторія была «святая святыхъ», долженствовавшая поэтому такъ и выглядывать. Правда, не было здѣсь ни ретортъ, ни колбъ, ни трубокъ, ни разныхъ склянокъ, банокъ, ничего, однимъ словомъ, такого, что составляетъ непремѣнную, неотъемлемую принадлежность каждой заурядной химической лабораторіи каждаго зауряднаго химика, но зато здѣсь передъ вами, въ лицѣ всѣхъ своихъ главныхъ и наилучшихъ представителей, были всѣ безъ исключенія приборы и аппараты, какіе только употребляются въ кулинарномъ искусствѣ. О чистотѣ и порядкѣ я ужъ не говорю: кухонная посуда, напримѣръ, особенно металлическая, просто горѣла, играла, переливалась, все остальное блестѣло, сіяло, сверкало. И чего, чего тутъ только не было! Всѣ-то рѣшительно усовершенствованія, какія только сдѣланы были въ этой области, всѣ, очевидно, были здѣсь извѣстны, всѣ были тутъ, на лицо, всѣ они, какъ оказалось, немедленно выписывались, какихъ бы это денегъ, затратъ и хлопотъ ни стоило. Что же касается до поваровъ и даже поваренковъ, работавшихъ въ этой лабораторіи, то они какъ нельзя лучше гармонировали своей представительной наружностью, осанкой, манерами, жестами и костюмами, съ окружавшей ихъ обстановкой. Посмотрѣть на нихъ—такъ это, дѣйствительно, настоящіе ученые лаборанты: серьезные, сосредоточенные, важные, погружившіеся въ себя и какъ будто только что оторванные нашимъ приходомъ отъ глубокомысленнѣйшихъ соображеній самаго серьезнаго научнаго характера, и, не совѣмъ довольные этимъ, они встрѣтили насъ почтительно, но холодно. Одѣты они были, конечно, какъ и надлежало истиннымъ жрецамъ кулинарнаго искусства, въ изящные бѣлоснѣжные костюмы, съ бѣлоснѣжными передниками и такими же бѣлоснѣжными на головахъ колпаками. Главный поваръ, красивый собою мужчина, былъ выпитанъ, если не ошибаюсь, изъ Германіи. Имъ сдѣланъ былъ рядъ вопросовъ, на которые они дали самые обстоятельные отвѣты, какъ нельзя болѣе удовлетворившіе предлагавшаго ихъ, и мы удалились, предоставивъ имъ священнодѣйствовать, мыслить и творить на свободѣ, въ тиши своего кабинетнаго уединенія.

Упомянувъ о необыкновенной чистотѣ, аккуратности и порядкѣ, царствовавшихъ въ домѣ этого помѣщика, я упомянулъ также и о необыкновенномъ, по изяществу, оригинальности и вкусу, убранству комнатъ, которое произвело на меня не меньшее, если не большее впечатлѣніе. Если половину своего дня, какъ говорили, онъ посвящалъ своей кухнѣ, если онъ не жалѣлъ денегъ на поддержку ея въ томъ видѣ, въ какомъ я засталъ ее, то не меньшихъ ужъ, конечно, затратъ и не малыхъ хлопотъ стоило этому страстному, какъ

оказалось, любителю всего изящнаго пріобрѣтеніе рѣдкихъ предметовъ роскоши, тѣхъ изящныхъ произведеній искусства, какія во множествѣ собраны были въ его домѣ. И каждая вещь съ отпечаткомъ вкуса, оригинальности, каждая вещь на своемъ мѣстѣ, въ соответствующей ей обстановкѣ, такъ что при всемъ богатствѣ, разнообразіи вещей, ничто не пропадало, ничто не нарушало общей гармоніи, а только дополняло ее. Тутъ была и небольшая, но замѣчательная коллекція картинъ лучшихъ художниковъ и не менѣе замѣчательная коллекція скульптурныхъ произведеній изъ гипса и мрамора, главнымъ образомъ, а также изящныхъ предметовъ разнаго рода изъ мѣди, бронзы, фарфора и фаянса; сверхъ всего этого, у него была небольшая бібліотека, составленная преимущественно изъ иностранныхъ авторовъ.

Онъ подводилъ меня къ каждой вещи и подробно указывалъ на всѣ ея достоинства, безъ малѣйшей, однако, тѣни хвастовства этими своими богатствами, но съ трудно скрываемымъ удовольствіемъ, какое доставляла ему самому возможность лишній разъ полюбоваться на эти вещи и поговорить о нихъ съ кѣмъ нибудь. Да, это былъ дѣйствительно строгій любитель изящнаго, знатокъ искусства, человекъ съ тонкимъ и развитымъ по отношенію ко всему прекрасному вкусомъ; такого другаго помѣщика я не встрѣчалъ ни раньше ни послѣ. И какъ пріятно было встрѣтить человека, всю свою жизнь, все свое состояніе, всего себя наконецъ, можно сказать, положившаго на такое прекрасное дѣло, какъ служеніе искусствамъ, когда кругомъ, бывало, видишь одну только погоню за удовольствіями грубо-чувственнаго характера и полное отсутствіе какихъ либо серьезныхъ захватывающихъ интересовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ жили наши помѣщики? Пили, ѣли, спали и предавались самымъ обыкновеннымъ въ помѣщичьемъ быту развлеченіямъ, въ родѣ картъ, попоекъ, катанья верхомъ, въ лодкахъ, экипажахъ, охоты и т. п. Я сказалъ только что, что вышеописанный мною помѣщикъ представлялъ изъ себя явленіе исключительное, единственное въ своемъ родѣ. Это не совсѣмъ такъ: я припоминаю теперь, хотя нѣсколько смутно, дворецъ — домомъ, усадьбой даже странно было бы какъ-то назвать эти великолѣпныя, роскошныя, въ полномъ смыслѣ слова, палаты—графы Сухтелена, если не ошибаюсь. Но тамъ была такая роскошь, особенно въ отношеніи мебели, какой и въ иномъ дворцѣ не увидишь; тамъ были коллекціи картинъ, статуй и другія рѣдкія вещи, стоившія не десятки, сотни тысячъ рублей, а милліоны. Сожалѣю, что тогда я былъ еще молодъ, всего только прапорщикъ, и потому поглядѣлъ на все это мелькомъ, слегка; тѣмъ не менѣе кое-что я помню. Помню одну картину, которая меня особенно поразила. Она помѣщалась въ главной залѣ, прямо противъ входной двери, такъ что прямо бросалась въ глаза; сверхъ этого, она была такихъ огромныхъ размѣровъ, что занимала чуть не всю стѣну, и только два небольшихъ,

сравнительно съ нею, портрета помѣщались по бокамъ ея. У раскрытой рояли сидитъ молодая дѣвушка. Ея руки пробѣгаютъ по клавишамъ, ея взоръ устремленъ на лежащія передъ ней на пюпитрѣ ноты, но не то занимаетъ ее. Изящная головка, чуть повернутая въ сторону, чтобы лучше слышать то, что шепчетъ ей стоящій позади ея и граціозно наклонившійся надъ ней красивый, стройный брютетъ въ флигель-адъютантскомъ мундирѣ; чудная улыбка, неожиданно появляющаяся на ея губахъ; легкій румянецъ, вспыхивающій на щекахъ ея; глубокій, томный взоръ счастливой влюбленной — все это слишкомъ ясно говоритъ о томъ, что думаетъ, что чувствуетъ она, что занимаетъ ее въ эту минуту. А онъ, счастливый и восхищенный, глядитъ на нее упорнымъ, страстнымъ взглядомъ, глядитъ — и не можетъ оторваться отъ нея, не можетъ отвести глазъ отъ нея, и слова любви, которыя онъ шепчетъ ей, льются, льются одно за другимъ нескончаемой вереницей, помимо собственной его воли, помимо собственнаго его сознанія... Я долго любовался картиной: оба они стоятъ передо мною, какъ живые; мнѣ чудится, будто слышу я звуки рояля, звуки той дивной, очаровательной мелодіи, что сама собой, легко и свободно, выливается изъ-подъ ея рукъ, отражая въ себѣ весь наплывъ неожиданно охватившихъ ее чувствъ, неожиданно охватившаго ее настроенія; мнѣ чудится, будто слышу я этотъ страстный, то совсѣмъ замирающій и обращающійся въ какой-то неясный лепетъ, — шепотъ, то вновь возрастающій съ новой, неожиданной силой, — и мною овладѣваетъ то чувство высшаго неземнаго счастья, высшаго неземнаго блаженства, какое испытываютъ, переживаютъ они, счастливые влюбленные, какимъ дышитъ вся эта картина.

— Кто это?—обратился я, наконецъ, къ управляющему.

— Это—графъ и графиня,—отвѣчалъ онъ,—когда они были еще молодые, женихомъ и невѣстой. Картина эта заказана была въ Италіи,—онъ назвалъ художника,—и графу стоила большихъ денегъ. А вотъ это,—онъ указалъ на висѣвшіе по бокамъ картины два портрета, изъ которыхъ на одномъ былъ изображенъ гвардейскій уланъ, на другомъ—гусаръ, оба красавцы собой, — это — дѣти графа; оба убиты на дуэли.

Изъ множества другихъ картинъ я помню только портреты императоровъ, Александра I и Николая I, и, кажется, портретъ великаго князя Константина Павловича. Затѣмъ помню огромныя двухъ-аршинныя вазы изъ японскаго фарфора, а что касается мебели, то у меня сохранилось воспоминаніе только о двухъ предметахъ, привлечшихъ на себя особенное мое вниманіе. Это—кабинетный столъ большого размѣра и другой маленькій столикъ. Первый былъ выточень весь изъ слоновой кости, причемъ верхняя его доска представляла одинъ сплошной, сложный и тонкій рисунокъ, такъ что найти, подмѣтить мѣста соединенія отдѣльныхъ планокъ было невозможнымъ дѣломъ; второй былъ съ ландшафтомъ на верхней

доскѣ, сдѣланнымъ чрезвычайно искусно изъ мозаики и представлявшимъ изъ себя какое-то море съ чуть замѣтною на самомъ горизонтѣ полоской берега и горами.

Къ дворцу примыкалъ роскошный паркъ, въ началѣ котораго разбитъ былъ великолѣпный цвѣтникъ, а нѣсколько въ сторонѣ отъ этого послѣдняго находились оранжереи. За всѣмъ, конечно, былъ самый строгій надзоръ, всюду порядокъ, чистота. Самъ графъ, какъ мнѣ говорилъ управляющій, жилъ почти постоянно за границей и только иногда заѣзжалъ невзначай въ свое имѣніе. На этотъ послѣдній случай держали всегда въ образцовомъ порядкѣ отличную свору охотничьихъ собакъ: графъ любилъ охотиться и, кажется, больше для этого пріѣзжалъ въ свое имѣніе.

Однако возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Такъ какъ—о чемъ я уже упоминалъ—владѣнія помѣщика, къ которому я заѣхалъ почти прямо отъ Королинскаго, только едва входили въ районъ снимаемой мною мѣстности, то я въ тотъ же день кончилъ работу и сталъ прощаться съ любезнымъ хозяиномъ. Меня, однако, не пустили: на другой день, какъ разъ, были его именины. Я остался. Еще въ тотъ же день начали стѣзжаться гости, поздравляя пока хозяина съ наступающимъ днемъ его ангела. Между прочимъ, такъ же случайно, какъ и я, заѣхалъ какой-то полковникъ, состоявшій въ должности чуть ли не полицеймейстера при одномъ изъ казенныхъ театровъ—въ Москвѣ или въ Петербургѣ, хорошенько не помню. Пріѣхалъ онъ въ эти края, какъ оказалось, по слѣдующему поводу. У него была содержанка изъ актрисъ, которую онъ хотѣлъ обезпечить приобрѣтеніемъ на ея имя какой нибудь недвижимой собственности. Съ этого цѣлью онъ купилъ по сосѣдству небольшое имѣніе, а теперь пріѣхалъ для ввода ея во владѣніе. Что же касается визита его къ этому помѣщику, то онъ объясняется такъ: полковникъ заѣхалъ къ своему сосѣду просто для того, чтобы познакомиться, какъ это обыкновенно дѣлалось въ провинціи. Кстати, онъ просилъ къ себѣ, чтобы представить свою «супругу». Вслѣдъ за этимъ онъ объяснилъ, что она остается здѣсь, а онъ уѣзжаетъ, а потому и поручаетъ ее теперь попеченіямъ своихъ новыхъ знакомыхъ. Его, разумѣется, также пригласили назавтра и просили привести «супругу». Онъ обѣщалъ быть во всякомъ случаѣ, хотя бы и въ единственномъ числѣ. Когда же онъ узналъ, что завтра, день именинъ хозяина, то заявилъ рѣшительно съ своей стороны, что намѣренъ приготовить нѣкій сюрпризъ имениннику, если только ему уступятъ въ полное его распоряженіе и на весь сегодняшний день, садъ, примыкающій къ дому, и позволятъ взять столько крестьянъ изъ окрестныхъ деревень, сколько ему для его сюрприза понадобится. Ему весьма охотно дали согласіе, и онъ сейчасъ же уѣхалъ.

На другой день наѣхала масса гостей, и мы начали справлять именины. Ъли, пили и веселились до вечера.

Лишь только стемнѣло, въ саду и на прудахъ вдругъ загорѣлась блестящая иллюминація, и мы толпой, съ именинникомъ во главѣ, двинулись смотрѣть сюрпризъ полковника. Сюрпризъ превзошелъ все ожиданія. Садъ положительно преобразился до неузнаваемости и принялъ какой-то фантастическій, волшебный и сказочный видъ. Онъ весь залитъ былъ разноцвѣтными огнями; въ аллеяхъ горѣли китайскіе фонарики и всевозможные цвѣтные шкалики, въ видѣ одной сплошной и роскошной гирлянды, горѣвшей всеми цвѣтами радуги, или блестящей, безконечной и пропадавшей гдѣ-то далеко-далеко тоненькой золотой цѣпочки; въ открытыхъ мѣстахъ, вокругъ клумбъ, на площадкахъ всюду пылали огромныя плоски съ длинными, высоко взвивавшимися кверху огненными языками; въ концѣ сада стояли огромныя щиты съ инициалами именинника; въ отдѣльныхъ углахъ сада размѣщены были великолѣпныя живыя картины.

Мы просто глазамъ своимъ не вѣрили и только ахали, любуясь на сюрпризъ—и было на что! Но главное, что всѣхъ поразило и чего мы никакъ не могли понять, это то, откуда онъ все это успѣлъ достать и какъ могъ все это приготовить въ столь короткій срокъ, въ какіе-то день-два. Что мы, однако, ни дѣлали, какъ ни старались узнать объясненіе этой странной загадки, никто ничего такъ и не узналъ.

Вдоволь налюбовавшись на живыя картины, мы отправились къ пруду, гдѣ, какъ намъ сказали, готовился блестящій фейерверкъ. Мы почти бѣгомъ достигли берега и здѣсь остановились. На томъ берегу было еще тихо, огни на пруду все уже погасли. Вдругъ съ пруда послышалась тихая, заунывная пѣсня, и нѣсколько лодокъ, одна за другой, съ бортами, унизанными почти сплошь огоньками, выплыли на середину. Теперь можно было видѣть даже гребцовъ: они сидѣли по трое, по четыре въ лодкѣ и въ тактъ пѣснѣ медленно погружали въ воду свои весла. Огоньки, горѣвшіе на лодкахъ, отражались въ пруду золотистыми яркими звѣздочками, и онѣ заиграли, заискрились и забѣгали по всему пруду, сразу ожививъ своимъ появленіемъ его неподвижную, мрачную и темную поверхность. Но вотъ на томъ берегу раздался ударъ, и высоко-высоко взвилась съ силой пущенная первая ракета и рассыпалась мириадами огней, мириадами звѣздъ, точно прямо сорвавшихся съ небснаго необъятнаго свода, ринувшихся въ тихій, невозмутимо-спокойный и совсѣмъ было задремавшій прудъ и канувшихъ глубоко-глубоко, на самое песчаное и илистое дно его. За первой ракетой, освѣтившей весь прудъ, полетѣли другія, удары стали раздаваться все чаще и чаще; по временамъ цѣлый огненный снопъ вдругъ подымался на воздухъ и сыпался обратно внизъ золотымъ дождемъ и огромными разноцвѣтными шарами; пѣсня стала расти, гребцы энергичнѣе работали веслами; къ взлетающимъ ракетамъ прибавились засвѣ-

тившіеся здѣсь и тамъ бенгальскіе огни... Но вотъ раздался послѣдній страшный, оглушительный ударъ, взвился на воздухъ цѣлый рой ракетъ, съ трескомъ, грохотомъ наперерывъ лопавшихся и разсыпавшихся, разлетавшихся во всѣ стороны; весь прудъ, весь дальній берегъ и далекій горизонтъ — все вдругъ, разомъ освѣтилось, озарилось новымъ, еще болѣе яркимъ, но мгновеннымъ свѣтомъ — и прежній шумъ, гулъ, движеніе, оживленіе смѣнила глубокая, невозмутимая тишина, прежній свѣтъ, блескъ и сіяніе смѣнили глубокой непроницаемый мракъ. По мѣрѣ того, какъ мракъ этотъ спускался, всѣ предметы, и ближніе и дальніе, стали мало-по-малу исчезать изъ нашихъ глазъ, и когда, наконецъ, на лодкахъ погасили послѣдніе совѣмъ ужъ догоравшіе огоньки, все потонуло въ этомъ мракѣ: и дальній берегъ, и гребцы, и лодки, и самый прудъ... Только звуки пѣсни еще чуть слышно доносились до насъ и замирали гдѣ-то вдали...

IX.

Ремонтеръ Чубаровъ.

Мнѣ было поручено въ 1856 году произвести военно-топографическую съемку и собрать свѣдѣнія по статистикѣ въ Ярославской губерніи. Въ районъ мѣстности, гдѣ я долженъ былъ произвести эти работы, вошли между прочимъ два большихъ имѣнія нѣкоего Чубарова. Приближаясь къ нимъ, я черезъ солдата извѣстилъ Чубарова о предполагаемомъ моемъ къ нему приѣздѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ, если можно, отвести квартиру. Дѣйствительно, на другой день, вечеромъ я подъѣзжалъ къ его усадьбѣ.

Домъ стоялъ на горѣ, въ саду, спускавшемся къ рѣчкѣ; передъ домомъ былъ обширный дворъ съ флигелями, конюшнями и разными другими нежилыми строениями.

Когда я подъѣхалъ, ко мнѣ на встрѣчу выбѣжалъ отпавленный мною раньше солдатъ и сообщилъ, что квартира мнѣ отведена въ домѣ, и господа очень рады меня видѣть. Черезъ минуту я былъ уже въ гостиной, гдѣ меня встрѣтила какая-то старушка.

Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, это то, что она одѣта была совѣмъ не по лѣтамъ. На ней было коротенькое, туго перетянутое въ талии платьице, какое носятъ обыкновенно 15-ти — 16-тилѣтнія дѣвицы; ея полусѣдые уже волосы были аккуратно заплетены въ двѣ тоненькія косички; этотъ странный костюмъ и прическу дополняли золотая брошь, золотыя серьги, золотая цѣпочка при часахъ и нѣсколько золотыхъ колецъ.

На мой поклонъ она отвѣчала глубокимъ реверансомъ, сопровождавшимся пріятною улыбкою и нѣжнымъ, томнымъ и довольно продолжительнымъ взглядомъ; затѣмъ, какъ-то стыдливо потупивши

глазки, она указала мнѣ на кресло подлѣ себя, приглашая сѣсть. Мы сѣли.

Я началъ съ того, что объяснилъ, насколько можно понятнѣе для нея, причину неожиданнаго моего появленія у нихъ; потомъ попросилъ размѣстить солдатъ въ деревнѣ, денщика въ людской, а себѣ на случай надобности дать лошадь.

Она, въ то время какъ я говорилъ, старалась слушать меня внимательно, кивая головой въ знакъ согласія, а когда я наконецъ кончилъ, объявила, что всѣ мои просьбы будутъ исполнены.

Послѣ этого она поднялась съ своего мѣста и пригласила меня слѣдовать за собой. Тутъ она показала мнѣ приготовленную для меня комнату и, распорядившись, чтобы мнѣ подали чаю, скрылась.

На другой день, рано утромъ, какъ только я проснулся и собирался вставать, въ мою комнату явился лакей, подаль мнѣ умыться и одѣться и сообщилъ, что барыня ждетъ меня къ чаю.

Въ столовой, за кипящимъ самоваромъ, я нашелъ знакомую уже мнѣ старушку, которая на мой поклонъ снова отвѣтила мнѣ глубокимъ реверансомъ, поздравила съ добрымъ утромъ, освѣдомилась, хорошо ли и покойно я провелъ ночь, и принялась хозяйничать. Передавая мнѣ сухари, булки и разныя разности, она успѣла сообщить, что имѣніе принадлежитъ собственно брату ея, Алексѣю Ивановичу Чубарову, который предоставилъ ей распоряжаться всѣмъ имѣніемъ въ его отсутствіе. Въ тридцати верстахъ находилось другое имѣніе того же Чубарова, и тамъ, по ея словамъ, завѣдывала также всѣмъ другая сестра. Что же касается до самого Алексѣя Ивановича, то онъ, какъ оказалось, служить ремонтеромъ въ лейбъ-гвардіи Конномъ полку и потому заѣзжаетъ въ свое имѣніе очень рѣдко и только на самый короткій срокъ.

Когда мы кончили чай, лакей доложилъ, что меня уже ожидаетъ у крыльца лошадь, запряженная въ бѣговыя дрожжи. Я поблагодарилъ любезную хозяйку, захватилъ необходимые для работъ инструменты и поѣхалъ знакомиться съ мѣстностью.

Къ концу дня я вернулся обратно, и старушка сейчасъ же распорядилась подавать обѣдать. Обѣдъ былъ прекрасный, а вслѣдъ за десертомъ она подала мнѣ еще плетеную корзиночку съ грушами, сливами и персиками.

Уже вечерѣло, когда я вышелъ изъ-за стола и направился въ свою комнату. Въ 9 часовъ подали чай, въ 12 я легъ спать. Мало-помалу и въ домѣ все стихло и успокоилось. Я началъ было уже засыпать, какъ вдругъ послышались вдали звуки приближающихся колокольчиковъ, на дворѣ поднялся страшный лай собакъ, затѣмъ раздался энергичный стукъ въ ворота, сопровождаемый не менѣе энергичнымъ крикомъ: «отворяй!»—и поднялась суетня и суматоха по всему дому. Подстрекаемый любопытствомъ и не зная притомъ,

что подумать относительно всего этого неожиданнаго переполоха, я всталъ и подошелъ къ окну.

На дворѣ было темно. Нѣсколько фигуръ съ зажженными фонарями въ рукахъ бѣжали по направленію къ воротамъ. Это была очевидно прислуга. Ворота быстро распахнулись, и къ крыльцу подкатилъ экипажъ, изъ котораго вышли два господина, одинъ — военный, другой—штатскій. Вслѣдъ за ними во дворъ въѣхали еще два какіе-то экипажа, по всей вѣроятности, съ прислугой.

Между тѣмъ, домъ совершенно ожилъ. Сначала слышно было, какъ прѣбывшіе, громко разговаривая между собой, стали подниматься по лѣстницѣ на верхъ; потомъ прислуга, очевидно, принялась вносить въ залу разныя вещи; наконецъ, кто-то, звеня шпорами, прошелъ по коридору мимо моей двери, взялся за ручку соседней двери и принялся дергать ее. Дверь, однако, не поддавалась. Тогда неизвѣстный попросилъ, чтобы ему дали ключъ.

— Ключъ взялъ управляющій и самъ уѣхалъ на базаръ,—отвѣчали ему, и по голосу я узналъ старушку.

— Тише, сестра,—отвѣчалъ въ свою очередь Чубаровъ,—теперь я уже знаю, что это онъ,— не кричите такъ громко, вы разбудите гостя. Пошлите за слесаремъ.

Минуту спустя, вошелъ слесарь, громко стуча сапогами по коридору.

— Тише, любезный, не стучи,—сказалъ Чубаровъ:—разбудишь офицера.

Когда дверь, наконецъ, открыли, Чубаровъ вошелъ въ соседнюю комнату—это былъ его кабинетъ, какъ я потомъ узналъ—и сталъ укладываться спать; лакею же, явившемуся сообщить, что поданъ ужинъ, онъ объявилъ, что ужинать не будетъ, и просилъ больше его не беспокоить.

Признаться откровенно, я избѣгалъ встрѣчъ съ богатыми помѣщиками, зная почти навѣрное, что придется у нихъ загостить надолго, оставивъ работы. Полагая, что и въ настоящемъ случаѣ меня ожидаетъ та же участь, я рѣшился лучше встать пораньше и уѣхать поскорѣе на работы, прежде чѣмъ подымутся хозяева.

Сказано — сдѣлано. Проснувшись на другое утро чуть свѣтъ и замѣтивъ на дворѣ лакея, я открылъ окно и попросилъ поскорѣе заложить мнѣ лошадь. Наскоро умывшись и одѣвшись, захвативъ въ одну руку зрительную трубу, а въ другую алидаду, я осторожно нацыпочкахъ, боясь разбудить своего сосѣда, подошелъ къ двери и только было открылъ ее, какъ мнѣ навстрѣчу, еще въ халатѣ, выскочилъ изъ своего кабинета самъ Чубаровъ и проговорилъ быстро:

— Вы это куда? Прошу остаться.

Вслѣдъ за этими словами, не прибавляя ничего больше, онъ снова скрылся въ свою комнату и захлопнулъ за собою дверь. Все

это было продѣлано такъ быстро и было до того неожиданно, что я, какъ былъ, такъ и остался стоять у двери. Наконецъ, подумавъ, я вернулся уже въ свою комнату, сложилъ инструменты и сѣлъ на диванъ.

Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась. Въ комнату вошелъ высокій, красивый и представительный мужчина, атлетическаго сложения, въ офицерскомъ, аккуратно застегнутомъ на все пуговицы сюртукѣ, при густыхъ эполетахъ.

— Честь имѣю представиться,—сказалъ онъ:—полковникъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, Алексѣй Ивановичъ Чубаровъ.

Я представился въ свою очередь: поручикъ корпуса военныхъ топографовъ, Василиій Сергѣевичъ Мышецкій.

— Позвольте вамъ прежде всего замѣтить, господинъ поручикъ, что такъ порядочные люди не поступаютъ: замышлявшійся вами побѣгъ рекомендуетъ мнѣ васъ съ очень нехорошей стороны; въ видѣ же наказанія за вашъ не совсѣмъ благородный со мною поступокъ позвольте взять васъ подъ-руку и пойдѣте съ вами пить чай.

Въ столовой, за чайнымъ столомъ, сидѣлъ довольно полный господинъ, лѣтъ тридцати, очевидно, тотъ самый штатскій, который пріѣхалъ ночью вмѣстѣ съ Чубаровымъ. При нашемъ приближеніи онъ поднялся съ своего мѣста, подошелъ къ намъ и подаль мнѣ руку. Чубаровъ представилъ насъ другъ другу:

— Рекомендую тебѣ,—сказалъ Чубаровъ, обращаясь къ штатскому,—бѣжавшаго и пойманнаго на мѣстѣ преступленія ученаго поручика Василия Сергѣевича Мышецкаго.— А это,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и указывая на своего знакомаго,— великій мѣжъ нашихъ временъ, Петръ Петровичъ Сапожниковъ, именуемый царемъ каспійскимъ, со всеми большими и малыми рыбами. Пьетъ шампанское и закусываетъ свѣжей и превкусной зернистой икрой.

Сапожниковъ, какъ мнѣ потомъ разсказалъ Чубаровъ, былъ очень богатый человекъ, бравшій на откупъ у правительства чуть не все Каспійское море. Чубаровъ былъ женатъ на племянницѣ его и взялъ за ней огромное приданое.

Мы сѣли за столъ. Разливала намъ попрежнему сестра Чубарова. Подавая стаканъ чая, она предложила сливокъ, хлѣба и разныхъ пѣчений. Отъ сливокъ я отказался, говоря, что не совсѣмъ здоровъ.

— Вы нездоровы?—переспросилъ Чубаровъ.— Чѣмъ вы больны? Я отвѣчалъ, что у меня лихорадка уже нѣсколько дней.

— Что же вы до сихъ поръ молчали, давно бы мнѣ сказали: я васъ мигомъ бы вылѣчилъ.— Эй, человекъ,—крикнулъ онъ лакею:—заморозь полдюжины и подай стаканы. Живо!

Лакей стремглавъ бросился исполнять приказанное.

— Ну, что было бы,— снова обратился ко мнѣ Чубаровъ,—если бы

удалось вамъ ваше бѣгство? Подумайте только: вѣдь васъ задушила бы лихорадка, а моихъ имѣній не существовало бы на картахъ. Теперь же, благодаря мнѣ, вы будете здоровы и, въ благодарность за мое лѣченіе, нарисуете мои имѣнія покрупнѣе, такъ чтобы издали можно было ихъ сразу заprimѣтить. А пока не угодно ли сигару?

Онъ предложилъ мнѣ сигару съ серебрянымъ маленькимъ мундштукомъ на концѣ. Я взялъ. Моему примѣру послѣдовалъ и Сапожниковъ.

— Ну, Алексѣй Ивановичъ,—сказалъ Сапожниковъ, затягиваясь сигарой,— ужь и сигары же, братъ, у тебя, просто прелесть, чудо, какъ хороши, а главное необыкновенно ароматичны.

Сигары были дѣйствительно замѣчательныя, и на мой вкусъ тѣмъ болѣе, что я отроду подобныхъ не пробовалъ, да и вообще почти никогда не курилъ ихъ.

— Да,—отозвался Чубаровъ,—это дѣйствительно рѣдкія сигары, и я бьюсь объ закладъ, на что хотите, что вы никогда нигдѣ и ни за какія деньги такихъ не сыщете.

Въ это время лакей внесъ огромный жбанъ, до самаго верху наполненный кусками мелкаго льду, откуда торчали однѣ только головки шести бутылокъ шампанскаго, и поставилъ на полу около Чубарова. Тогда послѣдній, не говоря ни слова, спокойно взялъ мой стаканъ съ чаемъ и довольно безцеремонно отставилъ его въ сторону:

— Эту микстуру долой,—сказалъ онъ, указывая на отодвинутый стаканъ чаю:—я вамъ прописываю другую, отъ лихорадки.—Человѣкъ,—скомандовалъ онъ,—откупорить бутылки!

Пробки хлопнули и полетѣли въ потолокъ, въ стаканахъ нашихъ зашипѣло, заиграло и заискрилось шампанское, налитое до краевъ.

Чубаровъ медленно поднялся съ своего мѣста и, высоко поднявъ надъ собою руку со стаканомъ шампанскаго, торжественно провозгласилъ слѣдующій тостъ:

— За изгнаніе бѣсовъ и лихорадки изъ утробы поручика, ур-р-аа!...

Мы съ Сапожниковымъ подхватили это «ура», а затѣмъ всѣ трое начали чокаться. Тосты слѣдовали одинъ за другимъ, не переставая. Когда было выпито такимъ образомъ по стакану, по другому, по третьему, языки наши незамѣтно развязались, и начались рассказы о всевозможныхъ приключеніяхъ, большею частью, конечно, романическаго и притомъ скоромнаго содержанія, какія кому выпадали на долю. Взрывы хохота раздавались каждую минуту, одинъ рассказъ смѣнялся новымъ рассказомъ, безъ перерыва. Сначала всякій изъ насъ рассказывалъ только свои собственныя приключенія, но затѣмъ оба пріятели, Чубаровъ и Сапожниковъ, начали подтрунивать одинъ надъ другимъ. Чубаровъ, пройдясь не

множку, такъ сказать, мимоходомъ, насчетъ весьма замѣтной полновѣсности и тяжеловѣсности Петра Петровича Сапожникова, въ заключеніе съ коварной и недвусмысленной улыбкой прибавилъ:

— А помнишь ли ты, Петръ Петровичъ, ту пылкую страсть и пламенную любовь твою къ одной прелестной бѣлокурой субреткѣ, которая такъ ловко за носъ тебя водила да рога ставила?..

— Какъ не помнить!—отвѣчалъ тотъ, очевидно, задѣтый за живое.— И очень, братъ, хорошо помню. А помнишь ли ты, Алексѣй Ивановичъ, какъ, выпивъ чуть не съ полдюжины шампанскаго и задыхаясь въ каретѣ, ты просилъ насъ выпустить тебя подышать на вольномъ воздухѣ? И какъ мы отпустили тебя, и ты ушелъ въ ближайшій лѣсъ и тамъ пропалъ безслѣдно? Мы исходили потомъ этотъ лѣсъ вдоль и поперекъ, напрасно розыскивая тебя, и вдругъ слышимъ отчаянный лай охотничьей собаки. Мы бѣжимъ на этотъ лай, и что же?.. находимъ, наконецъ, тебя—въ канавѣ!.. Ты мирно, беззаботно покоишься себѣ, дружище, на днѣ канавы, не вѣдая того, что запримѣтившій тебя охотникъ хотѣлъ стрѣлять въ тебя, принявши за медвѣдя!..

— А съ вами, поручикъ, бывали подобныя приключенія?—обратился ко мнѣ Чубаровъ.

— Какъ же,—отвѣчалъ я,—былъ небольшой курьезъ. Дѣло вогъ въ чемъ. Однажды, послѣ работъ, я заѣхалъ въ деревню переночевать. Мнѣ, какъ въ этихъ случаяхъ водится, отвели избу, но, найдя ее не совсѣмъ опрятной и замѣтивъ притомъ, что во всѣхъ углахъ кишатъ тараканы, я рѣшился переночевать на открытомъ воздухѣ, въ тарантасѣ. Съ этою цѣлью я велѣлъ денщику набить тарантасъ хорошенько сѣномъ и приготовить мнѣ постель. Напившись чаю въ избѣ, я вышелъ. На дворѣ, вокругъ избы, тамъ — сямъ лежали и стояли лошади, коровы, телята и всякая тому подобная деревенская живность. Взобравшись въ тарантасъ, я улегся поудобнѣе, закрылся фартукомъ отъ тарантаса съ головой и незамѣтно уснулъ. Только ночью вдругъ кто-то меня толкнулъ въ бокъ. Я моментально сдернулъ фартукъ и высунулъ голову. Въ ту же самую минуту меня точно смазали всего по лицу мокрою щеткою. Откровенно говоря, я такъ растерялся въ первую минуту, что готовъ былъ юркнуть обратно подъ фартукъ, съ тѣмъ, чтобы больше отсюда не показываться. Что-жъ оказалось? это была телушка, которая, подойдя къ тарантасу и увидавъ торчавшее изъ-подъ подушки сѣно, сочла нужнымъ разбудить меня и обласкать по-своему. Когда же я вскочилъ, она преспокойно потащила сѣно изъ-подъ подушки и такъ же спокойно, не взирая на мое изумленіе, принялась кушать его съ большимъ притомъ аппетитомъ и такъ громко чавкая, что я заснулъ нескоро.

Когда мы послѣдовательно опустошили нѣсколько бутылокъ шампанскаго, Чубаровъ крикнулъ:

— Тройку «курчавыхъ!..».

Черезъ полчаса намъ сообщили, что тройка готова. Мы вышли.

На дворѣ между тѣмъ происходило слѣдующее. Ворота были затворены, и около нихъ стояли два мужика. Прямо передъ крыльцомъ нѣсколько конюховъ держали подъ-узцы трехъ бѣшеныхъ, молодыхъ и положительно не стоявшихъ на мѣстѣ лошадей и били ихъ, въ видахъ укрощенія, палками по носамъ. Двое кучеровъ сидѣли на козлахъ, туго обмотавъ себя возжами и, кажется, не совсѣмъ спокойно поглядывали на игравшихъ лошадей. Долгуша, въ которую заложили этихъ лошадей, ежеминутно вздрагивала и трепетала.

«Ахъ, чортъ возьми,—подумалъ я, налюбовавшись вдоволь на эту сцену,—вотъ такъ штука!..».

Было, дѣйствительно, надъ чѣмъ задуматься. Я оглянулся на Петра Петровича. У него лицо тоже было озабоченное.

Вслѣдъ за нами, прежде чѣмъ мы съ Сапожниковымъ успѣли обмѣняться словомъ, вышелъ на крыльцо и Чубаровъ. Онъ спокойно обошелъ вокругъ тройки, потрепалъ слегка лошадей, оглядѣлъ долгушу, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ кучерамъ, потомъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и крикнулъ стоявшимъ у воротъ мужикамъ:

— Отворяй!..

Ворота разомъ распахнулись, и въ ту же минуту сбѣжавшаяся и столпившаяся вокругъ насъ дворня, точно по сигналу, отхлынула назадъ.

Тогда Чубаровъ подошелъ къ долгушѣ и, повернувшись ко мнѣ и къ Петру Петровичу, сказалъ:

— Садитесь живо, держитесь крѣпче!..

Услыхавъ его приглашеніе и не дожидаясь вторичнаго, мы съ Сапожниковымъ бросились, что есть духу, къ долгушѣ, вскочили въ нее и крѣпко уцѣпились за что попало, предчувствуя неизбежную катастрофу.

— Ты, Петръ Петровичъ, не сломай долгуши-то,—замѣтилъ усаживаясь Чубаровъ.

—Ну, тебя къ чорту, — отвѣтилъ тотъ. Въ тотъ же мигъ конюхи отскочили, лошади рванулись, и мы вихремъ вынеслись за ворота! Что было потомъ, описать трудно. Сначала огромное облако пыли, поднявшееся изъ-подъ копытъ лошадей, застлало все у меня въ глазахъ, и я пересталъ видѣть и лошадей, и Чубарова, и Сапожникова, и самую долгушу, на которой сидѣлъ или лежалъ — не помню. Вслѣдъ затѣмъ что-то вдругъ страшно загудѣло, зазвенѣло, засвистѣло; откуда-то вдругъ посыпались какіе-то камни и куски засохшей грязи прямо мнѣ на голову; потомъ раздался какой-то ударъ, толчекъ—и я полетѣлъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, куда я лечу и зачѣмъ... Когда я пришелъ въ себя, то увидалъ, что лежу на какомъ-то свѣже-взбороненномъ полѣ, но-

сомъ внизъ, и только. Я началъ припоминать, гдѣ я и какъ могъ сюда попасть. Наконецъ, мысли мои пришли въ должный порядокъ, и я вспомнилъ все, вспомнилъ и Петра Петровича и Чубарова, вспомнилъ и «курчавыхъ». Тутъ я ощупалъ себя и увидавъ, что остался живъ и невредимъ, удивился немного, потомъ осторожно поднялся и оглядѣлся во всѣ стороны.

Кругомъ меня было одно сплошное необозримое поле, очевидно недавно взбороненное, благодаря чему, можетъ быть, мы и остались живы. Гдѣ-то вдали, на самомъ горизонтѣ, точкой виднѣлись бѣшенныя «курчавыя», уносившіяся что есть духу по направленію къ лѣсу, безъ сѣдоковъ и безъ кучеровъ. На большемъ разстояніи позади ихъ бѣжали оба кучера. Я обернулся въ другую сторону и увидалъ приближавшихся ко мнѣ Сапожникова и Чубарова.

— Поручикъ,—кричалъ мнѣ Чубаровъ,—живы ли вы? Ваши руки, ваши ноги?

— Цѣлы и невредимы, будьте покойны,—отвѣчалъ я,—а вы какъ?

— Мы-то ничего. Я очень радъ, что мы упали здѣсь, на взбороненномъ полѣ. Могло выйти гораздо хуже. А это все равно, что мягкая подушка. Ничего, господа,—успокаивалъ насъ Чубаровъ,—ничего; все, слава Богу, обошлось благополучно: мы живы и здоровы, лошадей найдутъ и приведутъ. Пойдемте-ка домой. Кстати и сестра, я думаю, беспокоится.

Мы двинулись.

Наше приближеніе, должно быть, было замѣчено, такъ какъ вскорѣ прибѣжали лакеи со щетками въ рукахъ и принялись усердно чистить наше платье, а затѣмъ подѣхала коляска съ новыми, на этотъ разъ спокойными, лошадьми, и мы благополучно вернулись въ усадьбу. Я ушелъ въ свою комнату, умылся, переодѣлся и отправился въ гостиную. Тамъ на диванѣ сидѣли Чубаровъ и Сапожниковъ. Увидавъ меня, Чубаровъ всталъ, подошелъ, взялъ за руки и спросилъ:

— Позвольте, господинъ поручикъ, освидѣтельствовать, всѣ ли цѣлы у васъ косточки.

— Ничего, не беспокойтесь, благодарю васъ. Слава Богу, косточки мои всѣ цѣлы, и я чувствую себя совершенно здоровымъ; только каблукъ со шпорой оторвался.

— Гдѣ же онъ?

— У меня въ комнатѣ.

— Каблукъ и шпору храните, какъ воспоминаніе о моихъ «курчавыхъ». Я ихъ веду съ Кавказа, гдѣ ихъ съ большимъ трудомъ поймали арканами въ дикомъ табунѣ. Я жалѣлъ сначала, что взялъ ихъ съ собой: въ дорогъ онѣ перекусили у меня людей и лошадей и ежеминутно бѣсились; наконецъ, я велѣлъ надѣть намордники, но не подковывать, и такъ доставили мы ихъ сюда. Впослѣдствіи это будутъ славные кони. Теперь же, господа, когда все, по милости

Аллаха, кончилось такъ благополучно, какъ я и самъ не ожидалъ, мы пойдемъ полѣчиться отъ душевныхъ и тѣлесныхъ потрясеній, нами сегодня, друзья мои, пережитыхъ.

Мы дружно тронулись въ столовую. Здѣсь уже были накрыты большой круглый столъ на три персоны. По срединѣ грозно возвышалась цѣлая батарея бутылокъ всевозможныхъ цвѣтовъ и формъ; около стола, на полу, тотъ же внушительныхъ размѣровъ жбанъ съ вновь замороженнымъ шампанскимъ.

Въ сосѣдней комнатѣ старушка наливала намъ супъ, лакеи разносили. Впрочемъ, по требованію и личному примѣру хозяина, мы еще до супа сначала «просто» выпили, а потомъ «выпили и закусили»: Затѣмъ намъ поданъ былъ супъ, за которымъ послѣдовала отличнѣйшая стерляжья уха, а за ней — папшыкъ, любимое блюдо Чубарова. Онъ собственноручно разрѣзалъ его на куски и, подавая намъ, сказалъ:

— Господа, знайте, что, прежде чѣмъ ѣсть это азіатское кушанье, необходимо предварительно выпить «замороженнаго».

Лакеи, при этихъ словахъ Чубарова, немедленно бросились къ бутылкамъ, стоявшимъ въ жбанѣ, и стали ихъ оттуда поспѣшно вытаскивать. Такъ какъ нами порядочно таки выпито было еще передъ обѣдомъ, за закуской, то теперь послѣ перваго же стакана шампанскаго я почувствовалъ, какъ вино бросилось мнѣ въ голову; послѣ втораго я былъ уже совсѣмъ, что называется, навеселѣ, и языкъ мой началъ мнѣ измѣнять, такъ что я съ нѣкоторымъ усиленіемъ могъ управлять имъ, какъ слѣдуетъ. Впрочемъ, не смотря на все это, я еще бодрился и старался не отставать отъ своихъ собутыльниковъ.

За обѣдомъ разговоръ снова зашелъ о приключеніяхъ, какія съ кѣмъ бывали въ жизни каждаго изъ насъ, но я помню, почему-то, только одинъ разговоръ Сапожникова. Самъ же я на этотъ разъ мало принималъ участія въ разговорѣ и больше ограничивался тѣмъ, что слушалъ.

— Когда я воспитывался въ коммерческомъ училищѣ, — рассказывалъ Сапожниковъ, — преподавателемъ математики у насъ былъ нѣкто Пѣтуховъ, штабсъ-капитанъ корпуса военныхъ топографовъ. Это, я вамъ доложу, былъ человекъ грубый, строгій, взыскательный, такъ что, благодаря только ему одному, у насъ ежедневно когонибудь записывали въ штрафной журналъ, когонибудь оставляли безъ отпуска, когонибудь сажали за черный столъ или въ карцеръ. Не было, кажется, ни одной провинности, самой, можно сказать, невинной, за которую бы насъ, по его милости, не наказывали. Хорошо-съ. Въ этотъ достопамятный день, про который я хочу рассказать вамъ, случилось, что одинъ воспитанникъ, желая хоть чѣмънибудь, въ свою очередь, досадить Пѣтухову, принесъ нарочно пузырѣ, въ отверстіе котораго вставлена была свистулька. Затѣмъ,

перочиннымъ ножемъ онъ распоролъ матерію кресла, на которомъ обыкновенно возсѣдалъ Пѣтуховъ, и спряталъ подъ нею надутый пузырь. Насъ всѣхъ онъ, конечно, просилъ его не выдавать. Мы, съ своей стороны, охотно обѣщали ему это, такъ какъ всѣ поголовно и въ одинаковой мѣрѣ ненавидѣли Пѣтухова. Наконецъ, слышатся въ корридорѣ шаги Пѣтухова. Мы сидимъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало, почтительно встаемъ при его входѣ и кланяемся. Пѣтуховъ входитъ въ классъ и, не садясь еще, вытаскиваетъ изъ кармана платокъ и громко сморкается; потомъ изъ другого кармана достаетъ программу, которую онъ обѣщаль наканунѣ продиктовать намъ, и наконецъ, видимъ, собирается садиться. Мы затаили дыханіе. Едва только онъ сѣлъ, раздался пронзительнѣйшій свистъ. Пѣтуховъ, какъ бѣшеный, сорвался съ своего мѣста и бросился къ намъ.

— Кто свистить?.. крикнулъ онъ не своимъ голосомъ.

Мы молчимъ.

— Сейчасъ иду за директоромъ. Говорите, кто свистить!

Мы отвѣчаемъ, что свистка у насъ нѣтъ ни у кого, а что свистить, должно быть, ктонибудь на дворѣ. Пѣтуховъ повѣрилъ было и успокоился, но лишь только сѣлъ, раздался новый свистъ. Тогда, соскочивъ съ кресла, онъ началъ бить по немъ кулаками, затѣмъ, разорвавъ матерію, досталъ пузырь съ свистулькой и блѣдный, но торжествующій, понесся на всѣхъ парахъ прямо въ кабинетъ директора, держа въ рукахъ вещественное доказательство нашей надъ нимъ продѣлки. Послѣ этого начался строжайшій допросъ, но мы, конечно, не выдали, и три воскресенья подрядъ просидѣли въ училищѣ безъ отпуска. Зато ликованіе, по поводу нашей продѣлки надъ ненавистнымъ Пѣтуховымъ, было всеобщее; о ней говорило все училище, и мы, въ глазахъ прочихъ классовъ, сдѣлались положительно героями. Однако этого намъ мало: на общемъ собраніи рѣшено было, во что бы то ни стало, «выжить» Пѣтухова.

Прошло еще недѣли три-четыре. Одинъ разъ Пѣтуховъ, стоя у доски спиной къ намъ, писалъ мѣломъ рѣшеніе какой-то задачи. Въ это самое время мы налили ему чернилъ въ карманъ. Окончивъ задачу, онъ повернулся къ намъ и полѣзъ въ карманъ за платкомъ. Мы притаили дыханіе. Медленно вынулъ Пѣтуховъ платокъ, сплошь залитый чернилами, и такъ же медленно вытеръ имъ лицо. Страшный хохотъ въ ту же минуту потрясъ воздухъ: передъ нами стоялъ чистѣйшій негръ въ образѣ Пѣтухова. Что сдѣлалось въ эту минуту съ нимъ, я отказываюсь передать, скажу только, что на него страшно было смотрѣть. Съ искаженнымъ отъ бѣшенства лицомъ, онъ вылетѣлъ изъ класса, какъ опшаренный, а черезъ секунду новый взрывъ хохота донесся ужъ изъ учительской, гдѣ его просто не узнали. Бѣдный Пѣтуховъ, какъ говорили, страшно этимъ обидѣлся и подалъ въ отставку, но директоръ уговорилъ его остаться, а насъ жестоко наказали. Мы, однако, не только не успокоились, а

напротивъ эта исторія подала намъ надежду выжить Пѣтухова; наказаніе же только еще больше озлобило насъ; противъ него дѣйствовать рѣшено было немедленно. На слѣдующій урокъ Пѣтуховъ давалъ намъ объясненія какой-то задачи на доскѣ и по окончаніи, обратившись къ намъ, спросилъ:

— Всѣ поняли?

Вмѣсто отвѣта мы спрятались подъ столы и оттуда хоромъ зашѣли на всевозможные голоса:

— Кукуреку! Кукуреку! Кукуреку!..

Пѣтуховъ снова бросился къ директору, но, вмѣсто того, чтобы жаловаться на насъ, объявилъ, что рѣшительно отказывается отъ званія преподавателя въ нашемъ училищѣ. На этотъ разъ директоръ, которому, должно быть, ужъ надоѣли эти постоянныя исторіи съ Пѣтуховымъ, не сталъ его отговаривать и далъ требуемое увольненіе. Мы побѣдили.

Въ промежуткахъ между разказами Чубаровъ наполнялъ виномъ наши стаканы и заставлялъ пить. Когда подали десертъ, я окончательно осоловелъ и видѣлъ двухъ Чубаровыхъ, двухъ Сапожниковыхъ, толпу лакеевъ, и мнѣ было неудержимо весело, хотя въ то же время сильно клонило ко сну.

Но этимъ дѣло еще не кончилось. Послѣ десерта Чубаровъ приказалъ подать «завѣтное».

Подали маленькую бутылочку, запечатанную сургучемъ. Чубаровъ обернулъ перстень, сравнилъ его съ печатью, наложенною на бутылкѣ, затѣмъ откупорилъ и сталъ осторожно наливать въ маленькія рюмочки величиною не больше, какъ съ наперстокъ.

— Попробуйте-ка,—сказалъ онъ, подавая мнѣ рюмку.

Я попробовалъ—и въ ту же секунду лишился сознанія. . . .

Не знаю, сколько прошло времени съ той минуты, какъ я попробовалъ «завѣтной», но только я наконецъ почувствовалъ, что кто-то поворачиваетъ мою голову изъ стогаи въ сторону, а еще кто-то тащитъ за ноги. Я открылъ глаза. Смотрю— и вижу, что лежу въ гостиной на диванѣ. Чубаровъ вертитъ мою голову въ разныя стороны, а Сапожниковъ тащитъ за ноги.

— Эй, кавалерія,—кричалъ мнѣ Чубаровъ:—вставай! Въ походъ пора!

Я съ усиліемъ всталъ. Они оба помогли мнѣ надѣть сюртукъ, взяли меня подъ руки и спросили, гдѣ лихорадка. Я отвѣчалъ, что она совсѣмъ исчезла. Тогда только они успокоились и повели меня въ столовую. Когда мы вошли въ нее, здѣсь сидѣла уже старушка и разливала чай. За чаемъ Чубаровъ разказалъ, какъ они, вдвоемъ съ Сапожниковымъ, захотѣли перенести меня изъ столовой въ гостиную, подняли вмѣстѣ со стуломъ и понесли; но на дорогѣ,

потерявъ неожиданно равновѣсіе, рухнули оба на полъ вмѣстѣ съ своей драгоценной ношей. Къ нимъ на помощь, слышавъ шумъ, подоспѣли лакеи, отнесли меня въ гостиную и уложили на диванѣ; они же оба остались въ столовой допивать шампанское.

Чай намъ наливали крѣпкій, въ видѣ противоядія, по выраженію Чубарова, противъ дѣйствія вина.

Послѣ чая Чубаровъ совершенно неожиданно объявилъ намъ слѣдующую пріятную новость:

— Господа,—сказалъ онъ,—я полагаю, что необходимо еще разъ прокатиться на «курчавыхъ». Впрочемъ, будьте покойны: я не велѣлъ имъ давать ни воды, ни овса, ни сѣна; поэтому онѣ голодныя, безсильны и палить больше не будутъ. Ыдемте, господа, ѣдемте.

Что станешь дѣлать? Еще плохо понимая, о чемъ собственно идетъ рѣчь, мы съ Петромъ Петровичемъ дали свое согласіе; что же касается до завѣреній Чубарова, будто «курчавыя» обезсилѣли вслѣдствіе продолжительной жажды и голода, то что-то плохо вѣрилось и совсѣмъ не подѣйствовало на насъ успокоительно, какъ, можетъ быть, полагалъ Чубаровъ. Такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ черезъ минуту мы, какъ и раньше, вышли на крыльцо, и нашимъ глазамъ представилась, увы! прежняя картина. Снова, какъ и прежде, ворота были затворены, и у воротъ стояли мужики; снова нѣсколько конюховъ держали лошадей подъ-узцы и били ихъ палками по носамъ, а онѣ бились попрежнему и грызли удила; снова, какъ и прежде, вся дворня высыпала на дворъ, держась, впрочемъ, на почтительномъ разстояніи. Однимъ словомъ, приходится повторять все сызнова, описывая эту картину и рядъ пережитыхъ нами вновь старыхъ ощущеній. Чубаровъ еще не выходилъ. Изъ дворни долетали до насъ нѣкоторыя замѣчанія, въ родѣ слѣдующаго:

— Ну, ужъ и баре, неча сказать! Затѣйники, право слово, затѣйники!..

А затѣйники, между тѣмъ, уже сидѣли на долгушѣ, крѣпко уцѣпившись, что есть силы, за ея спинку. Петръ Петровичъ былъ мраченъ, я себя чувствовалъ тоже не особенно весело. «Чѣмъ-то вся эта затѣя кончится?—думалъ я тѣмъ временемъ,—такъ ли благополучно, какъ и раньше, или нѣтъ?»

Затѣмъ явился Чубаровъ, сѣлъ въ долгушу, далъ знакъ, и мы снова понеслись, какъ птицы, такъ что захватывало духъ. Нечего, разумѣется, и говорить о томъ, что силы «курчавыхъ» отъ продолжительной голодовки не только не убавились, а, казалось, удесятирились. Не обращая уже никакого вниманія на пыль, забивавшуюся и въ ротъ и въ глаза, на камни и куски засохшей грязи, сыпавшіеся мнѣ безпрестанно на голову, я думалъ только о томъ, какъ бы упасть половчѣе, поудобнѣе. Опасенія мои, конечно, были вполне основательны, чему доказательствомъ служить то, что я, менѣе чѣмъ черезъ минуту послѣ нашего выѣзда, лежалъ на землѣ. На этотъ

разъ я упалъ въ канаву, но отдѣлался незначительными ушибами; сравнительно больше пострадалъ Петръ Петровичъ, который отдѣлался еще дешево, только благодаря тому счастливому обстоятельству, что твердыхъ частей тѣла у него и не оказалось. Между тѣмъ Чубаровъ просто изъ себя выходилъ:

— Это чортъ знаетъ, что такое!.. кричалъ онъ съ негодованіемъ.— Вѣдь какъ надули, проклятыя!.. Ну, ужъ и задамъ же я имъ!..

Снова, какъ и раньше, выбѣжали лакеи со щетками въ рукахъ, а вслѣдъ за ними подѣхала коляска, доставившая насъ обратно въ усадьбу. Чубаровъ всю дорогу ругалъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, «курчавыхъ», Сапожниковъ охаль, я молчалъ.

Когда мы вернулись назадъ, Чубаровъ предложилъ посмотреть «ремонтныхъ» лошадей. Приказано было провести ихъ передъ нами. Лошади были одно заглядѣнье. Я спросилъ Чубарова, во что обходится казнѣ приобрѣтеніе подобныхъ лошадей. Онъ только улыбнулся и объяснилъ мнѣ, что ремонтерами назначаютъ исключительно богатыхъ людей, желающихъ освободиться отъ полковой лямки и отъ всякой зависимости со стороны начальства; зато, получивъ подобное назначеніе, они обязаны приобрѣтать «отличныхъ» лошадей, хотя бы для этого потребовалась значительная приплата изъ собственнаго кармана.

Полюбовавшись на ремонтныхъ лошадей, мы отправились въ большой и тѣнистый садъ, прилегавшій къ господскому дому, съ искусно и красиво разбитыми клумбами цвѣтовъ и оранжереями. Тамъ гуляли мы, пока не стемнѣло, а затѣмъ Чубаровъ пригласилъ насъ ужинать.

Когда мы кончили ужинать, Чубаровъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Завтра, дорогой Василій Сергѣевичъ, мы рано утромъ уѣзжаемъ... Вы оставайтесь здѣсь у насъ, будьте какъ у себя дома и спрашивайте, чего только ни пожелаете: всѣ ваши приказанія будутъ исполнены немедленно. А на прощанье надо выпить еще разъ «замороженнаго».

Подали шампанское.

Когда стаканы были налиты, я всталъ и сказалъ слѣдующее:

— Позвольте мнѣ, дорогой Алексѣй Ивановичъ, поблагодарить васъ за то искреннее радушіе и расположеніе, какое проявили вы по отношенію ко мнѣ въ теченіе столь короткаго времени. Будьте увѣрены, что воспоминаніе о такомъ вашемъ радушномъ приѣмѣ никогда не изгладится изъ моей памяти.

— А я,—отвѣчалъ мнѣ Чубаровъ,—душевно буду радъ снова увидѣть васъ, въ высшемъ чинѣ, у себя въ Петербургѣ и тамъ вспомнить этотъ рѣдкій день въ жизни, такъ пріятно проведенный мною съ вами, точно съ давнишнимъ, старымъ и хорошимъ другомъ.

— А меня, прошу васъ,—прибавилъ съ своей стороны Сапожниковъ,—по приѣздѣ вашему въ Москву навѣстить въ моемъ домѣ,

на Мясницкой, гдѣ васъ встрѣтятъ, какъ лучшаго изъ моихъ друзей и знакомыхъ.

Дѣйствительно, на другой день, чуть свѣтъ, Чубаровъ тронулся въ путь, а съ нимъ вмѣстѣ уѣхалъ и Сапожниковъ. Длинная вереница экипажей потянулась по дорогѣ: Чубаровъ всегда бралъ съ собою нѣсколько лакеевъ, поваровъ, походную кухню со всѣми принадлежностями, занимавшую особый фургонъ, и бралъ, сверхъ того, рѣшительно все, что только могло понадобится въ дорогѣ, чтобы изъавить себя отъ необходимости приобрѣтать «покупное». Мясо, впрочемъ, должно быть, составляло исключеніе, хотя дичь и домашнюю птицу взяли въ большомъ количествѣ на дорогу.

Когда, въ это утро, я вошелъ въ столовую, то не нашелъ тамъ никого, кромѣ старушки, отвѣчавшей на мой поклонъ, какъ и прежде, глубокимъ реверансомъ. На этотъ разъ, замѣтивъ, что я не курю, она спросила, отчего я не курю сегодня. Я отвѣчалъ, что папиросы у меня всѣ вышли, въ деревнѣ табаку достать негдѣ, но что я скоро надѣюсь быть въ Ярославлѣ. Тогда она, не говоря ни слова, пошла въ сосѣднюю комнату и, вернувшись оттуда съ цѣлымъ нераскупореннымъ ящикомъ дорогихъ «чубаровскихъ» сигаръ, подала его мнѣ и прибавила при этомъ:

— Это вамъ подарокъ отъ Алексѣя Ивановича. Онъ убѣдительно просилъ меня передать вамъ эти сигары.

Мнѣ, конечно, оставалось только благодарить ее и отсутствующаго хозяина, продолжавшаго и послѣ своего отъѣзда выказывать по отношенію ко мнѣ свою любезность и предупредительность.

Черезъ недѣлю работы мои въ обоихъ имѣніяхъ Чубарова были окончены, и я уѣхалъ въ Ярославль.

В. С. Мышецкій.

ВОЦАРЕНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА И ПЕРВЫЕ ДНИ ЕГО ЦАРСТВОВАНІЯ ¹⁾.

VIII.

Перемѣны въ управленіи сухопутными войсками и флотомъ.—Инспекторы войскъ.—Умаленіе фельдмаршальскаго достоинства.—Недовольство Суворова.—Дурныя и хорошія стороны новыхъ военныхъ порядковъ.

ВОЕННАЯ реформа не ограничилась введеніемъ новаго обмундированія и новыхъ уставовъ. Въ то же время сухопутное войско и флотъ получили новую организацію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новое управленіе.

Всѣ полки были укомплектованы и, по примѣру прусскаго войска, названы по фамиліи тѣхъ генераловъ, которые назначены ихъ шефами. Ближайшими ихъ помощниками были старшіе въ полку штабъ-офицеры, которые наблюдали за исполненіемъ закономъ установленныхъ правилъ, но за безпорядки и злоупотребленія въ полку отвѣчалъ шефъ его.

Дежурства и штабы были уничтожены. Шефъ могъ имѣть одного только адъютанта, который въ полку считался сверхкомплектнымъ.

Въ полкахъ былъ положенъ опредѣленный комплектъ офицеровъ, которые всегда должны были находиться при мѣстѣ своего служенія. Отпуски имъ разрѣшались только зимою по 2 офицера

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVI, стр. 485.

изъ батальона, не болѣе какъ на одинъ мѣсяць; для отпуска болѣе продолжительнаго требовалось соизволеніе государя. Шефъ полка по совѣщанію съ штабъ-офицерами долженъ былъ два раза въ годъ представлять государю рапорты съ аттестациею по службѣ и поведенію всѣхъ офицеровъ. Производство въ чины дѣлалось по вакансіи ¹⁾ и не иначе, какъ по представленіи о томъ государю. Ни одинъ дворянинъ, какъ бы богатъ онъ ни былъ, не могъ иначе вступить въ военную службу, какъ только нижнимъ чиномъ, и не прежде могъ быть произведенъ въ прапорщики, какъ послѣ 3-хлѣтней безпорочной службы ²⁾. За поведеніемъ и службой нижнихъ чиновъ изъ дворянъ, по повелѣнію государя, былъ установленъ строгій надзоръ съ угрозой, что если они «будутъ не прилежны къ службѣ и не вѣжливы, такъ же когда усмотрятся во фракахъ одѣтыми и дѣлать шалости по городу, то будутъ выписаны въ солдаты въ полевые полки» ³⁾.

Высочайшимъ повелѣніемъ 24-го ноября сухопутная армія была раздѣлена на 11 дивизій, носившихъ слѣдующія территоріальныя названія:

- 1) С.-Петербургская, начальникомъ которой былъ назначенъ цесаревичъ великій князь Александръ Павловичъ.
- 2) Лифляндская — генераль-отъ-инфантеріи Эльтъ.
- 3) Финляндская — генераль-отъ-инфантеріи Каменскій.
- 4) Литовская — генераль-фельдмаршалъ князь Репнинъ.
- 5) Смоленская — генераль-отъ-инфантеріи князь Прозоровскій.
- 6) Украинская — генераль-фельдмаршалъ графъ Румянцевъ-Задунайскій.
- 7) Екатеринославская — генераль-фельдмаршалъ графъ Суворовъ-Рымникскій.
- 8) Кавказская — генераль-отъ-инфантеріи Гудовичъ меньшій.
- 9) Таврическая — генераль-отъ-инфантеріи Каховскій.
- 10) Оренбургская — генераль-лейтенантъ отъ инфантеріи Вязмитиновъ.
- 11) Сибирская — генераль-лейтенантъ отъ инфантеріи Шрайдманъ.

Начальникамъ дивизій повелѣно быть и инспекторами ихъ.

Инспекторами по кавалеріи назначены:

- 1) С.-Петербургской и Финляндской — великій князь Александръ Павловичъ.
- 2) Московской и Смоленской — генераль-отъ-кавалеріи князь Волконскій.

¹⁾ Само собой разумѣется, прозвѣтъ тѣхъ, когда высшимъ чиномъ награждать самъ государь, что бывало не рѣдко.

²⁾ Reiser.

³⁾ И. С. З. № 17.536.

3) Украинской и Литовской—генераль-отъ-кавалеріи графъ Салтыковъ.

4) Екатеринославской и Таврической—генераль-лейтенантъ отъ кавалеріи Дунинъ.

5) Лифляндской—генераль-лейтенантъ отъ инфантеріи Нумсень.

6) Кавказской—генераль-лейтенантъ отъ кавалеріи Исленьевъ.

7) Сибирской и Оренбургской—генераль-маіоръ отъ кавалеріи баронъ Бервицъ¹⁾.

Относительно флота высочайшее повелѣніе состоялось 15-го декабря.

Онъ раздѣлялся на три флага: перваго, втораго и третьяго адмираловъ.

Первому Сенявину повелѣно называться адмираломъ бѣлаго флага. «У него въ командѣ кордебаталія, то-есть первая дивизія, которую и называть дивизією бѣлаго флага; онаго флага вице-адмиралъ—Повалишинъ, контръ-адмиралы—Лежневъ и Макаровъ.

«Вторая дивизія синяго флага и адмиралу Чичагову называться адмираломъ синяго флага; вице-адмираломъ у онаго флага—Мусинъ-Пушкинъ, контръ-адмиралъ Скуратовъ. Сей дивизіи быть авангардомъ».

«Третья дивизія краснаго флага и адмиралу Крузу называться адмираломъ краснаго флага: вице-адмиралъ онаго флага—Ханьковъ, контръ-адмиралъ—Теть. Сей дивизіи быть аррьергардомъ»²⁾.

Въ спискахъ высшаго генералитета, кромѣ фельдмаршаловъ Румянцева и Суворова, появились новые фельдмаршалы. При парадахъ, отданныхъ на вахтъ-парадахъ 8 и 9 ноября, были пожалованы въ это званіе графъ Салтыковъ (Николай Ивановичъ) и князь Репнинъ, а черезъ три дня и графъ Чернышевъ (Иванъ Григорьевичъ). Этотъ послѣдній былъ возведенъ въ неслыханное до тѣхъ поръ званіе «фельдмаршала по флоту»³⁾, причемъ въ приказѣ было прибавлено: «которому однако не быть генераль-адмираломъ». Какъ извѣстно, званіе это государь оставилъ за собой. Не прошло мѣсяца, еще фельдмаршалъ—командиръ Украинской и Литовской кавалерійской дивизіи, графъ Салтыковъ (Иванъ Петровичъ), съ назначеніемъ генераль-инспекторомъ всей кавалеріи.

Фельдмаршалское званіе было унижено не только пожалованіемъ такихъ заурядныхъ генераловъ, какъ Салтыковъ, но и низведеніемъ этого почетнаго званія до степени начальника и инспектора дивизіи. Гремѣвше военной славой Румянцевъ и Суворовъ, при новой организаціи войска, были поставлены на ряду съ про-

¹⁾ «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1796 г., № 98.

²⁾ «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1796 г., № 103.

³⁾ Постѣ пожалованія Чернышева фельдмаршаломъ по флоту въ публнкѣ его стали называть *Marin d'eau douce et maréchal d'eau salée*. (Свѣдѣніи о графѣ А. А. Аракчеевѣ, собранныя В. Рагчемъ).

стыми генералами, что не могло не затрогивать самолюбія славныхъ вождей. Румянцеву было не до счетовъ: пораженный тяжкимъ недугомъ, онъ доживалъ послѣдніе дни, но Суворовъ протестовалъ не только противъ умаленія генераль-фельдмаршальскаго достоинства, но и противъ всѣхъ нововведеній въ войска. «Я произведенъ не при паролѣ», язвительно говорилъ старикъ, намекая на пожалованіе фельдмаршаломъ недоброхота своего Н. И. Салтыкова, нигдѣ и ничѣмъ не проявившаго военныхъ дарованій. Про другого Салтыкова, Ивана Петровича, онъ говоритъ: «Я знаю практику, Каменскій—тактику, а Салтыковъ не знаетъ ни практики, ни тактики».

Въ письмахъ къ племяннику своему Хвостову, Суворовъ давалъ полную волю своему негодованію. Приводимъ изъ нихъ нѣсколько выдержекъ, которыя покажутъ, какъ онъ смотрѣлъ на преобразованія Павла.

«Инспекторомъ до генераль-маіора на ряду, — писалъ онъ Хвостову, — фельдмаршалъ понижается: развѣ бы былъ по арміи генераль-инспекторъ, и тогда не его дѣло симъ заниматься. Онъ имѣетъ право самъ таковыхъ инспекторовъ изъ нижняго генералитета посылать, а довольно съ него быть, какъ прежде, всегда главнокомандующимъ, до котораго званія я служилъ больше полувѣка и честно его заслужилъ больше всѣхъ иныхъ ранами, увѣчьями и многими побѣдами и на краткую мою жизнь грѣхъ его у меня отнимать». Въ другомъ письмѣ (11-го января 1797 года) онъ говоритъ: «Новый титулъ! Я инспекторъ: я вамъ выяснялъ, что былъ такимъ подполковникомъ; я быть такимъ не могу и не хочу; я главнокомандующій, генераль генераловъ и въ генералитетѣ хотя общимъ, но съ моими преимуществами и тамъ имѣлъ своихъ инспекторовъ. Я батальевъ не проигрывалъ, какъ покойникъ прусскій и великій король». — «Сколь же строго, государь, ты меня наказалъ за мою 55-ти-лѣтнюю прослугу: казненъ тобою штабомъ, властью производства, властью увольненія отъ службы, властью отпуска, знаменемъ съ музыкою при личномъ караулѣ, властью переводовъ. Оставилъ ты мнѣ, государь, только власть высочайшаго указа 1762 года»¹⁾.

Особенно рѣзко отзывался онъ о новомъ обмундированіи и уставахъ. «Нѣтъ вшивѣе пруссаковъ, — пишетъ онъ, — лоузеръ, или вшивень, назывался ихъ плащъ; въ шильтгаузѣ и возлѣ будки безъ заразы не пройденъ, и головной ихъ уборъ вонью подарить вамъ обморокъ. Мы отъ гадости были чисты, а онѣ первая наука нынѣ солдатъ. Стиблеты гной ногамъ; казенныя казармы, гдѣ ночью запираются будутъ, — тюрьма». «Солдаты, сколько ни веселю, унылы, и разводы скучны. Шагъ мой уменьшенъ въ три четверти (вмѣсто аршина) и такъ на непріятеля вмѣсто 40 — 30 верстъ». «Русскіе

¹⁾ То-есть о вольности дворянства — служить или не служить.

прусскихъ всегда били—чтожь тутъ перенять?» «Мою тактику прусскіе принимаютъ, а старую, протухлую оставляютъ...»¹⁾

Тогда какъ прочіе генералы, стараясь угодить Павлу, скрѣпя сердце, обучали свои команды по новымъ уставамъ, одинъ только Суворовъ не хотѣлъ знать ихъ, не вводилъ ихъ во ввѣренныя ему войска и дѣлалъ такъ, какъ указывалъ ему его геній. Личныя объясненія съ государемъ ни къ чему не повели: они не примирили Суворова съ военной реформой, онъ продолжалъ порицать ее и дѣлать по своему, вопреки установленнымъ правиламъ; кончилось тѣмъ, что онъ былъ «отставленъ отъ службы»²⁾.

Суворовъ, о заслугахъ котораго слава разносилась по всей Россіи, былъ правъ, жалуясь на умаженіе власти и приниженіе достоинства генераль-фельдмаршала; онъ былъ правъ, и порицая прусское обмундированіе и прусскій уставъ—и то, и другое были плодами увлеченія Павла прусскими порядками, передъ которыми благоговѣлъ отецъ его, но которые вредно отзывались на положеніи русскаго солдата. Узкая одежда, такъ мало соотвѣтствовавшая природѣ русскаго мужика, стѣсняла всѣ его движенія, начиная съ головы, обращавшейся на шеѣ, затянутой тѣснымъ галстухомъ, и до ногъ, обутыхъ въ непривычныя нѣмецкія птиблеты; мука и сало, употребившіяся для приведенія въ порядокъ пуклей, вели къ нечистоплотности; бесполезныя мелочи прусскаго устава утомляли его физически, а строгое, грубое обращеніе инструкторовъ и введеніе шпицрутеннаго наказанія притупляли его нравственно. Все это, конечно, составляло дурную сторону павловской военной реформы, не нельзя, однакожь, отрицать, что трудная служба солдата была облегчена во многихъ другихъ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, мы видѣли, что полковые командиры, пользуясь слабымъ надзоромъ за ихъ распоряженіями, позволяли себѣ пользоваться нижними чинами, какъ своими крѣпостными. Императоръ Павелъ отдалъ приказъ, чтобы начальствующія лица ни подъ какимъ видомъ не смѣли употреблять

¹⁾ Лебедевъ: Преобразование русскаго войска.

²⁾ Дѣло началось съ объявленія высочайшихъ выговоровъ: такъ 15 января 1797 г. «сдѣланъ выговоръ генераль-фельдмаршалу Суворову за сдѣланный имъ самовольный отпускъ подполковнику Батурину, который отправленъ обратно къ своему полку». При этомъ прибавлено, что «оную власть не имѣетъ никто, кромѣ государя, что и означено въ изданномъ уставѣ, выключая того только случая, когда армія за границей» («Моск. Вѣд.», 1797 г., № 8). Черезъ недѣлю другой выговоръ: «Присланный отъ фельдмаршала графа Суворова капитанъ Мерлинъ опредѣленъ въ Ригу въ гарнизонный полкъ, а фельдмаршалу гр. Суворову сдѣланъ выговоръ за присылку курьеромъ изъ военнослужащихъ безъ всякаго дѣла» (тамъ же, № 10). По этому случаю Павелъ писалъ въ Тульчинъ къ Суворову: «Удивляемся, что вы тамъ, коего мы почитали изъ первыхъ къ исполненію воли нашей, остаетесь послѣднимъ...» («Русск. Стар.», 1882 г., февраль, 448). Черезъ четыре дня въ высочайшемъ приказѣ отдало: «Екатеринославская дивизія отдала генераль-лейтенанту Беклепову съ приключеніемъ Каменецкаго гарнизона, на мѣсто генераль-фельдмаршала гр. Суворова, коему прибыть въ Петербургъ и остаться безъ команды» («Моск. Вѣд.», 1797 г., № 12). Наконецъ, 6 февраля 1797 г. состоялся приказъ, въ которомъ сказано: «Фельдмаршалъ гр. Суворовъ, относясь къ его императорскому величеству, что такъ какъ войны нѣтъ и ему дѣлать нечего, то за подобный отзывъ отставляется отъ службы» («Моск. Вѣд.», 1797 г., № 14).

ихъ ни въ какія собственныя работы, дозволивъ, однако же, солдатамъ работать по найму для себя, какъ хотять, «только бы въ услугу не нанимались ни у кого»¹⁾. Никто не имѣлъ права держать у себя денщиковъ больше того, сколько опредѣлялось положеніемъ. Вообще относительно нижнихъ чиновъ Павелъ выказалъ большую заботливость. Солдатамъ полковъ преображенскаго, семеновскаго, измайловскаго и конногвардейскаго, а также артиллерійскаго батальона, по вступленіи его на престоль, было выдано по его повелѣнію не въ зачетъ третное жалованье въ количествѣ 81,149 рублей²⁾. Для зимняго времени онъ приказалъ снабдить все войско полушубками, а аммуничныя вещи, какъ-то: чулки, рубашки, галстухи и т. п., выдавать въ двойномъ количествѣ натурою, а не деньгами, какъ было прежде, и которыя, какъ сказано выше, не всегда доходили до солдатскихъ рукъ. Полки были размѣщены по казармамъ, которыя развѣ только для краснаго словца Суворовъ могъ называть тюрьмами, но которыя на самомъ дѣлѣ были несравненно удобнѣе размѣщенія по крестьянскимъ избамъ. Лазареты для больныхъ получили новое, болѣе удобное устройство. Начальники дивизій были обязаны каждыя три мѣсяца объѣзжать ввѣренныя имъ полки и производить инспекторскіе смотры³⁾. Хотя мѣра эта, какъ показалъ опытъ послѣдующихъ лѣтъ, не всегда обезпечивала солдатъ отъ притѣсненія ихъ начальниками, тѣмъ не менѣе, однакожь, злоупотребленія обнаруживались и помимо жалобъ и показаній нижнихъ чиновъ и подвергали виновныхъ отвѣтственности. Такъ, въ декабрѣ 1796 года государь приказалъ «дать выговоръ за держаніе въ партикулярныхъ своихъ работахъ казенныхъ людей по флоту: адмиралу Крузу; вице-адмираламъ Повалишину и Козлянинову; контръ-адмираламъ Шишкину, Тету и Скуратову; капитанамъ: Престону, Сукину, Кроусу и Небольсину; корабельному мастеру Кутыгину; каналной команды маіору Дебренольду и всѣмъ капитанамъ, капитанъ-лейтенантамъ, у коихъ найдены адъютантомъ Баратынскимъ казенные люди»⁴⁾. Но самымъ существеннымъ вознагражденіемъ тяжелой солдатской службы былъ знакъ отличія безпорочной службы, установленный Павломъ для нижнихъ чиновъ безпорочно прослужившихъ 20 лѣтъ. Награжденные этимъ знакомъ навсегда освобождались отъ тѣлеснаго наказанія. Наконецъ, возстановленіе въ войскѣ субординаціи и дисциплины, хотя и тяжелымъ путемъ, нельзя не отнести къ хорошимъ сторонамъ павловской военной реформы.

1) «С.-Пет. Вѣд.», 1796 г., № 95.

2) «Русск. Стар.», 1873 г., июль, 98, 103.

3) Reiser.

4) «С.-Пет. Вѣд.», 1796 г., № 104.

IX.

«Печальная комиссія».—Приготовленія къ погребенію императрицы и императора Петра III.—Павель возлагаетъ на гробъ отца императорскую корону.— Церемонія перевезенія гроба Петра III изъ Александро-Невской лавры во дворець.— Гр. Орловъ-Чесменскій.— Погребеніе супруговъ въ Петропавловскомъ соборѣ.— Толки, вызванные церемоніей.

Въ половинѣ ноября, какъ только были привезены изъ Москвы императорскія регаліи, при дворѣ начались приготовленія къ погребенію покойной императрицы и ея супруга. Всѣ распоряженія по готовившемуся церемоніалу, конфирмованному самимъ Павломъ, шли изъ «Печальной комиссіи», учрежденной именнымъ указомъ 9 ноября, даннымъ на имя тайныхъ совѣтниковъ: кн. Юсупова, оберъ-церемоніймейстера Валуева и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Карадыкина, «для перенесенія изъ Свято-Троицкаго Александра Невскаго монастыря въ соборную Петропавловскую церковь тѣла блаженной памяти государя императора Петра Феодоровича, для погребенія тѣла ея императорскаго величества въ той же соборной церкви и для наложенія единовременнаго траура»¹⁾.

15-го ноября, тѣло императрицы, находившееся до тѣхъ поръ въ спальнѣ, было одѣто въ русское платье изъ серебряной парчи, одѣланное богатыми кружевами, и въ присутствіи императорской фамиліи и придворныхъ чиновъ перенесено въ одну изъ дворцовыхъ залъ, гдѣ и положено на парадной кровати, драпированной бархатнымъ малиноваго цвѣта пологомъ съ золотыми кистями, вензелями и императорскимъ гербомъ. Въ видѣ почетнаго караула въ головахъ кровати были поставлены два гвардейскихъ офицера съ эспантонами, обвитыми флеромъ, а по сторонамъ ея три кавалергарда, у дверей также по два кавалергарда. Днем и ночью при тѣлѣ дежурили по 8 дамъ первыхъ четырехъ классовъ и по 8 кавалеровъ. Назначенное духовенство непрерывно читало евангелія, а днемъ отъ 9 до 1 часа и отъ 3 до 8 вечера отправляло ланихиды. Для поклоненія покойницѣ были допускаемы во дворець лица всѣхъ сословій, кромѣ крестьянъ.

Черезъ четыре дня послѣ того, 19 ноября, когда уже стемнѣло, императоръ Павель, сопровождаемый всѣмъ семействомъ, отправился въ Невскій монастырь, гдѣ, по его повелѣнію, въ тотъ же день, до пріѣзда его былъ вынутъ изъ могилы гробъ его отца и поставленъ въ новый, обитый золотымъ глазетомъ и украшенный императорскими гербами.

Павель, войдя въ Благовѣщенскую церковь, гдѣ былъ поставленъ гробъ, приказалъ открыть его и съ глубокимъ чувствомъ приникъ

¹⁾ Полн. Собр. Зак., № 17,586.

къ останкамъ отца. Внутренность храма, погруженнаго въ мракъ, слабо разгоняемый возженными свѣчами, тихая молитва сына у гроба отца, которому, казалось, хотѣлъ онъ повѣдать все пережитое имъ со дня его кончины, печальныя лица царской семьи и духовенства, безмолвно взиравшихъ на эту сцену, — все это представляло картину, потрясавшую нервы...

Когда вслѣдъ за Павломъ къ останкамъ покойнаго императора приложились императрица, великіе князья и великія княгини, митрополитъ Гавріилъ въ сослуженіи трехъ архіереевъ отправилъ панихиду, затѣмъ гробъ былъ снова закрытъ, и императорская фамилія оставила монастырь.

На другой день, въ 5 часовъ по полудни, императоръ Павелъ съ семействомъ опять былъ въ монастырѣ и слушалъ у гроба панихиду. Слѣдующіе затѣмъ три дня никто изъ царской фамиліи на панихидахъ не былъ, а 24 числа была одна только императрица «съ первымъ возростомъ». 25 ноября, Павелъ Петровичъ пріѣхалъ въ 10 часовъ утра съ великими князьями Александромъ и Константиномъ. Когда по окончаніи панихиды была возгласена «вѣчная память», Павелъ на гробъ возложилъ императорскую корону.

Въ тотъ же день, въ 7 часовъ вечера, въ залѣ, гдѣ находилось тѣло императрицы, собрались придворныя чины и высшее духовенство съ митрополитомъ Гавріиломъ во главѣ. По прибытіи туда государя и его семейства была отправлена литія, послѣ чего 8 камергеровъ и 4 камеръ-юнкера подняли съ кровати тѣло и положили въ гробъ. Марія Ѳеодоровна возложила на покойную императрицу корону. Затѣмъ кавалергарды подняли гробъ, перенесли его въ траурную тронную залу и поставили на катафалкъ. Церемонія окончилась панихидой, отправленной митрополитомъ съ присутствовавшими архіереями и прочимъ духовенствомъ.

29-го ноября, по высочайшему повелѣнію, были перевезены въ Невскій монастырь императорскія регаліи. «Уныльѣ этой церемоніи ничего въ жизни я не видалъ, — рассказываетъ Лубяновскій. — Процессія началась въ 7 часовъ вечера, при 20 градусахъ стужи, въ темнотѣ отъ густаго тумана. Болѣе тридцати каретъ, обитыхъ чернымъ сукномъ, цугами въ 6 лошадей, тихо тянулись одна за другою, лошади съ головы до земли были въ черномъ же сукнѣ; у каждой шелъ придворный лакей съ факеломъ въ рукѣ, въ черной япанчѣ съ длинными воротниками и въ шляпѣ съ широкими полями, обложенной крепомъ; въ такомъ же нарядѣ, съ факелами же въ рукахъ лакеи шли съ обѣихъ сторонъ у каждой кареты: кучера сидѣли въ шляпахъ, какъ подъ наметами. Въ каждой каретѣ кавалеры въ глубокомъ траурѣ держали регаліи. Мракъ ночи, могильная чернота на людяхъ, на животныхъ и на колесницахъ, глубокая тишь въ многолюдной толпѣ, зловѣщій свѣтъ отъ гробовыхъ факеловъ, блѣдныя отъ того лица, все вмѣстѣ составляло печальнѣйшее позорище».

1-го декабря, изъ «Печальной комиссіи» были разосланы во всѣ мѣста, куда слѣдовало, повѣстки, что «его императорскимъ величествомъ, сего декабря 2 числа, если стужа не будетъ свыше 15 градусовъ, назначено перенесеніе тѣла благочестивѣйшаго великаго государя Петра Теодоровича изъ Святотроицкаго Александро-Невскаго монастыря въ Зимній его императорскаго величества дворець».

Въ этотъ день утромъ императоръ Павелъ лично осмотрѣлъ весь путь отъ дворца до монастыря, по которому должна была шествовать процессія, и отдалъ приказанія относительно размѣщенія по немъ войска. Вечеромъ онъ пріѣхалъ въ монастырь съ двумя старшими великими князьями, и въ ихъ присутствіи царскія регалии были поставлены вокругъ гроба покойнаго императора.

На другой день, 2-го декабря, утромъ, по выстрѣлу изъ трехъ пушекъ, назначенные участвовать въ процессіи стали съѣзжаться къ Невскому монастырю и занимать по распоряженію «Печальной комиссіи» тѣ дома, гдѣ они должны были ожидать начала церемоніи. Въ 10 часовъ пріѣхалъ императоръ съ императрицей, съ двумя старшими великими князьями и ихъ женами. Послѣдовалъ второй выстрѣлъ, и всѣ участники церемоніи вышли на улицу и заняли назначенныя имъ мѣста.

Грянулъ третій выстрѣлъ и шествіе тронулось отъ воротъ монастырскихъ по Невскому проспекту между рядами войскъ, расположенныхъ шпалерами. Парадомъ командовалъ фельдмаршалъ князь Репнинъ. Печальной колесницѣ предшествовали два маршала съ жезлами, генераль-прокуроръ, всѣ сенаторы, генераль-рекетмейстеръ, оберъ-прокуроры и оберъ-секретари сената и синода. Всѣ они были въ черныхъ плащахъ и распущенныхъ шляпахъ.

По прибытіи кортежа ко дворцу гробъ былъ внесенъ въ траурную залу и поставленъ на катафалкѣ рядомъ съ гробомъ Екатерины, послѣ чего митрополитомъ и архіереями была отправлена литія. Здѣсь гробы супруговъ стояли еще два дня.

Какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, дѣло не обошлось безъ вѣрноподданнической лести. Какой-то піита, должно быть, умиленный такимъ необычайнымъ способомъ примиренія супруговъ, излилъ свои чувства въ слѣдующихъ виршахъ:

Два гроба и сердца, судьбою разлучены,
Соединяетъ сынъ, примѣрный изъ царей!
Надъ къ императорскимъ стопамъ его священнымъ,
Россія чтитъ примѣръ любви сыновней сей,
И зря въ чувствительномъ порфирородномъ сынѣ
Чувствительна царя, отечества отца.
Чего лишилась во Петрѣ, Екатеринѣ,
То въ Павлѣ возврата, благодарить Творца! ¹⁾

¹⁾ Прибавленіе къ № 99 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1796 г. Эти вирши были не

5-го декабря, гробы были перевезены въ Петропавловскій соборъ, гдѣ митрополитъ Гавріилъ съ соборомъ архіереевъ и прочаго духовенства совершилъ отпѣваніе покойныхъ, но и затѣмъ около двухъ недѣль они оставались не погребенными; только 18 декабря, послѣ послѣдней панихиды, отпѣтой въ присутствіи Павла и его семейства, они были преданы землѣ.

Необычайныя похороны эти возбудили въ петербургскомъ обществѣ не мало толковъ, которые клонились не въ пользу Павла: его прямо обвиняли въ неуваженіи къ матери. Такъ Шишковъ говорить: «Соединеніе сіе гробовъ мужа и жены (изъ коихъ одинъ послѣ кратковременнаго царствованія лежалъ болѣе 30 лѣтъ въ землѣ, а другая по сверженіи его съ престола долговременно самодержавствовала и вознесла Россію на верхъ величія и славы) было нѣкое чудное соединеніе. Павелъ Первый, вмѣсто того, чтобъ оставить судъ надъ ними Богу, являлся въ семь странномъ зрѣлищѣ сыномъ, мстящимъ воспитавшей его мертвой матери за мертваго отца чрезъ три десятилѣтія вырытаго имъ изъ земли. Везомые вмѣстѣ гробы сіи не могли имѣть инаго вида, какъ тотъ, что сіе сдѣлано въ посрамленіе Екатерины, и тѣмъ болѣе располагали умы и сердца всѣхъ къ обвиненію сына ея, что она блескомъ правленія своего привела въ забвеніе виновное восшествіе свое на престолъ, буде и почитать его виновнымъ»¹⁾.

Слова Шишкова о расположеніи умовъ и сердець всѣхъ къ обвиненію Павла даютъ поводъ заключать, что онъ повторялъ общее мнѣніе, вызванное вторичными похоронами Петра III, съ которымъ вполне соглашался и самъ. Нужно ли, однакожь, говорить, что нелѣпое обвиненіе Павла въ желаніи отмстить матери могло возникнуть только подъ влияніемъ общаго къ нему нерасположенія интеллигентовъ.

Ростопчинъ, 15 лѣтъ спустя, похороны Петра III приписывалъ внушеніямъ масоновъ, именно С. Плещееву, одному изъ самыхъ близкихъ лицъ къ Павлу и его супругѣ. По его словамъ, Плещеевъ склонилъ государя оказать милости своимъ единомышленникамъ и придуманной будто бы имъ церемоніей съ прахомъ Петра III хотѣлъ публично всѣмъ напомнить объ отношеніяхъ Екатерины къ Петру III и, компрометируя, такимъ образомъ, память покойной императрицы,

---

единственными. Какой-то Николай Судовщиковъ, 5 декабря—въ день перевезенія гробовъ въ Петропавловскій соборъ, представилъ Павлу стихи, въ которыхъ, между прочимъ, говорится:

Узрѣть родителя желаешь
И гробъ его слезой омыть,
Достойнъ Петръ толикой жертвы,
Цари неправедны (?) суть мертвы.
Но Петръ не преставае въ насъ жить.

Павелъ приказалъ сочинителю выдать 50 рублей («Историческій Вѣстникъ», 1881 г. январь, 217).

¹⁾ Записки Шишкова, 14.

хотѣлъ будто бы отмстить ей за тѣ гоненія, которыя претерпѣли масоны въ концѣ ея царствованія ¹⁾).

Что Плещеевъ дѣйствительно могъ быть виновникомъ прощенія опальныхъ масоновъ, въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, и никто, конечно, не усомнится въ справедливости подобнаго ходатайства, ибо, что бы ни говорили о масонахъ, они все-таки ни въ чемъ не были повинны въ политическомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, наши русскіе масоны, въ чемъ именно и подозрѣвала ихъ Екатерина, но удивительно, что Ростопчинъ при своемъ умѣ ничего не могъ придумать правдоподобнѣе для объясненія вторичныхъ похоронъ Петра III. Что могло быть бездѣльнѣе мести, приписываемой имъ Плещееву, этому вполне умному и честному человѣку, какимъ признавалъ его и самъ Ростопчинъ ²⁾. Одно только раздраженіе Ростопчина противъ масоновъ, къ которымъ онъ никогда не былъ расположенъ, раздраженіе, дошедшее передъ отечественной войной до высшей степени негодванія къ нимъ, можетъ объяснить причину несправедливаго обвиненія Плещеева. Относительно снятія опалы съ масоновъ не надо упускать изъ виду и того, что Павелъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ своего царствованія, сочувствовалъ имъ. Такъ, когда онъ послалъ въ Москву повелѣніе Лопухину пріѣхать въ Петербургъ, что Плещееву не было извѣстно, то Павелъ объявилъ ему объ этомъ слѣдующими словами: «Я тебѣ скажу новость: Лопухинъ нашъ И. В. скоро сюда будетъ. Я послалъ за нимъ» ³⁾).

Въ наше время хотятъ объяснить поступокъ Павла намѣреніемъ его напомнить о прирожденныхъ своихъ правахъ на престолъ въ виду того, что мать хотѣла обойти его въ престолонаслѣдіи, но въ прирожденныхъ правахъ его никто и не сомнѣвался, стало быть, не было надобности и напоминать о нихъ, если же Павелъ, вступая на престолъ, питалъ къ интеллигентному обществу подозрѣнія и опасался потери власти, то совершенно по другой причинѣ, и едва ли онъ могъ думать, что затѣянная имъ церемонія была способна утвердить его на престолѣ.

Не проще ли предположить, что причина этой странной церемоніи крылась дѣйствительно въ чувствѣ сыновней любви. Павлу дорога была память отца: въ его глазахъ это былъ страдалецъ, жертва честолюбія его матери, такая же жертва, какою онъ считалъ и себя. Переживъ столько невзгодъ и достигнувъ, наконецъ, власти, онъ по естественному ходу мыслей обращался воспоминаніями къ прошлому, къ своей безотрадной молодости, которая въ представленіяхъ его была нераздѣльна съ участью отца, и ошибался онъ, или нѣтъ,

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1875 г., № 9, стр. 78. Записка о мартинистахъ, представленная въ 1811 г. великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ.

²⁾ Въ 1794 году Ростопчинъ называлъ Плещеева «хорошимъ и достойнымъ человѣкомъ» («Русскій Архивъ», 1876 г., № 1, стр. 117).

³⁾ Записки Лопухина., М., 1860 г., стр. 68.

но онъ могъ питать убѣжденіе, что при жизни отца и его жизнь сложилась бы иначе. Съ такими мыслями онъ вступилъ на престолъ, и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что тѣнь отца, носившаяся въ экзальтированномъ его воображеніи, помимо какихъ бы то ни было внушеній со стороны масоновъ, могла породить въ немъ намѣреніе совершить небывалую церемонію.

Такое предположеніе подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что одновременно съ нею, нѣсколькими днями раньше или позднѣе, остававшіеся еще въ живыхъ болѣе видные участники событій 1762 года подверглись его опалѣ, а приверженцамъ отца были оказаны большія милости. Князь Ѡ. С. Барятинскій былъ удаленъ съ глазъ Павла и выключенъ изъ службы, лишь только былъ замѣченъ имъ во дворцѣ; графъ Орловъ при церемоніи долженъ былъ нести корону; Пассекъ, бывший въ то время бѣлорусскимъ генераль-губернаторомъ, узнавъ о болѣзни императрицы, собрался было въ Петербургъ, но на другой же день ея кончины получилъ черезъ генераль-прокурора Самойлова повелѣніе государя оставаться въ порученныхъ ему губерніяхъ¹⁾, а черезъ мѣсяцъ послѣ того отставленъ отъ службы; княгиня Дашковой, проживавшей въ Москвѣ, велѣно было московскому главнокомандующему М. М. Измайлову объявить, «чтобъ она, напаятовавъ происшествія, случившіяся въ 1762 году, выѣхала изъ Москвы въ дальнія деревни». «Извольте смотрѣть, чтобъ ѣхала немедленно»,—приказывалъ Павелъ Измайлову. Такая же участь постигла и отставного генераль-лейтенанта М. Л. Измайлова, любимца Петра III, которому онъ измѣнилъ въ самую критическую минуту. Поражая гнѣвомъ недоброхотовъ отца, онъ въ то же время излилъ свои милости на вѣрныхъ слугъ его. А. В. Гудовичъ, генераль-адъютантъ Петра III и любимецъ, по кончинѣ его оставилъ службу и, несмотря на предложенія Екатерины продолжать ее, уѣхалъ за границу; вернувшись оттуда черезъ два года, онъ поселился въ своихъ малороссійскихъ деревняхъ и оставался тамъ во все царствованіе Екатерины. Павелъ черезъ четыре дня послѣ кончины матери вызвалъ его въ Петербургъ слѣдующимъ письмомъ: «Андрей Васильевичъ! Сыну платить долгъ отца своего. Я никогда сего передъ вами не забывалъ. Исполняя сіе, призываю васъ сюда. Будьте ко мнѣ, какъ вы были къ отцу. А я, можете думать, благосклонный ли вамъ Павелъ».

Со слезами на глазахъ обнялъ онъ старика и долго бесѣдовалъ съ нимъ, обращая взоры на висѣвшій въ комнатѣ портретъ отца. На другой день онъ произвелъ его изъ генераль-майоровъ въ генераль-аншефы и надѣлъ на него александровскую ленту. Генераль-майоры баронъ Карлъ Карловичъ Унгеръ-Штернбергъ, Андрей Гавриловичъ Чернышевъ и князь Иванъ Ѡеодоровичъ Голицынъ, бывшіе

¹⁾ Дѣла генераль-прокурорскія.

также адъютантами Петра III, получили такія же награды: всѣ трое произведены въ генераль-аншефы и пожалованы александровскими лентами. Не былъ забытъ и находившійся въ отставкѣ капитанъ гвардіи Петръ Ивановичъ Измайловъ. 28-го іюня 1762 года, когда гвардейцы переходили на сторону Екатерины, онъ, командуя ротой Преображенскаго полка, удерживалъ солдатъ отъ измѣны Петру III. Павлу это было извѣстно, и черезъ десять дней по вступленіи на престолъ онъ вызвалъ его изъ Москвы къ себѣ, пославъ при этомъ аннинскій крестъ. Старикъ Измайловъ былъ представленъ Павлу на вахтъ-парадѣ. «Здѣсь тебѣ, Петръ Ивановичъ, холодно, — сказалъ онъ ему, — пооди въ верхъ и у меня всегда будь и кушай». — «Когда государь пришелъ въ верхъ, — рассказывалъ Измайловъ, — милостиво и много со мною изволили говорить и послѣ обѣда, подошедъ ко мнѣ, изволили сказать: «Наклонись!» и надѣлъ на меня александровскую ленту, сказавъ: «эта была у тебя дорожная, а это городская». И послѣ изволили брать меня къ себѣ одинъ на одинъ и о многомъ бывшемъ времени меня спрашивалъ... Я доложилъ его величеству: «Государь, вы меня воскресили, но я уже не въ состояніи всѣ оныя милости вамъ заслужить. «Ты, Петръ Ивановичъ, тому заслужилъ, кто мнѣ всего дороже»¹⁾. Измайловъ изъ капитановъ былъ произведенъ въ генераль-майоры.

Одни ранѣе, другіе поздиѣе, но никто изъ оказавшихъ усердіе къ лицу Петра III не были оставлены безъ награды. Такъ, въ высочайшихъ указахъ, объявленныхъ въ началѣ 1797 года, читаемъ: «Во всемилостивѣйшемъ уваженіи на заслуги, его императорскому величеству въ Бозѣ почивающему государю Петру III оказанныя оберъ-инспекторомъ Шемякинымъ, пожалованъ (онъ) въ статскіе совѣтники» (31-го января). «Въ уваженіе на заслуги, которыя Иванъ Яковлевъ оказалъ блаженной памяти любезнѣйшему государю родителю нашему, и за которыя его императорское величество пожаловалъ ему чинъ коллежскаго совѣтника, мы всемилостивѣйше его Яковлева въ томъ чинѣ подтверждаемъ» (именной указъ сенату 27-го февраля). Такихъ наградъ было не мало.

Всѣ эти опалы и всѣ милости доказываютъ самымъ очевиднымъ образомъ, что мысль объ отцѣ не покидала императора Павла.

X.

Награды при дворѣ.—Амнистія, объявленная находившимся подъ судомъ нижнимъ чинамъ.—Освобожденіе заключенныхъ въ крѣпости и плѣнныхъ поляковъ.—Костюшко.—Милости къ нему Павла.—Неблагодарность Костюшки.

Вступленіе Павла на престолъ и принятіе имъ власти были для него самымъ важнѣйшимъ событіемъ его жизни. Этотъ торжественный моментъ, столь долго и столь нетерпѣливо имъ ожидаемый, на-

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, кн. 24, стр. 252—253.

строить его душу къ самымъ живымъ порывамъ дѣятельности, великодушія и благодати, которыми онъ хотѣлъ приобрести любовь своихъ подданныхъ.

Настроение это было замѣчено и современниками.

Ростопчинъ, сообщая на четвертый день послѣ кончины Екатерины графу Воронцову впервые впечатлѣнія, произведенныя новымъ царствованіемъ, начинаетъ письмо свое словами: «Милости и благодѣянія; пламенное желаніе быть любиму... Заботливость, вниманіе»¹⁾. Таково же впечатлѣніе было и у Завадовскаго, который это время называетъ «преблагословеннымъ». «Государь воцарившійся вседневно изливаетъ милости»,—говоритъ онъ²⁾.

Публичныя вѣдомости, курьеры и народная молва разносили по Россіи слухъ о дѣйствіяхъ новаго государя и вдали отъ Петербурга примиряли съ нимъ общественное мнѣніе, выражавшее недовольство нѣкоторыми его повелѣніями и вообще острымъ началомъ правленія. Болотовъ, жившій въ провинціи и тщательно собиравшій и записывавшій всѣ слухи о новомъ государѣ, пишетъ: «Нельзя почти исчислить всѣ тѣ милости, которыя оказалъ государь многимъ частнымъ людямъ въ первѣйшіе дни своего государствованія и во все почти теченіе ноября мѣсяца. Не проходило ни единого дня, въ который бы не пожалованы были многіе, какъ въ знатные и великіе чины и достоинства, такъ средственныя и нижніе и какъ по военной, такъ и по штатской и придворной службѣ, и не было ни единого дня, въ который бы не сдѣлано было распоряженій и реформъ, какъ по войску, такъ и по другимъ служеніямъ. Всякій день производилъ онъ многимъ радости, а того множайшихъ приводилъ бдительностью, трудолюбіемъ и расторопностью своею въ удивленіе и въ живность. Благоразумными своими поступками удалось ему въ немногіе дни вперить въ сердца всѣхъ почти подданныхъ къ себѣ любовь и усердіе къ повиновенію и угожденію себѣ. Нѣкоторыя строгости, употребленныя имъ по необходимости, были очень къ стати и производили удивительное дѣйствіе и во всѣхъ быструю перемѣну: всѣ почти оживотворились и забывали почти себя и метались всюду и всюду, желая угодить государю»³⁾.

Даже А. М. Тургеневъ, записки котораго дышатъ такимъ раздраженіемъ противъ Павла, и тотъ говоритъ: «Смѣю безбоязненно сказать, что въ первый годъ царствованія Павла народъ блаженствовалъ»⁴⁾.

Дѣйствительно, если нѣкоторыя его дѣйствія, какъ, на примѣръ, повелѣніе дворянскимъ дѣтямъ явиться на службу, военная реформа, строгости службы и нѣкоторые стѣснительные порядки, вве-

1) «Русскій Архивъ», 1876 г., № 5, стр. 81.

2) «Русскій Архивъ», 1883 г., т. III, стр. 124.

3) «Русскій Архивъ», 1864 г., изд. второе, стр. 697.

4) «Русская Старина», 1839 г., апрѣль, стр. 216.

денные въ приватной жизни, возбуждали противъ него дворянство, гвардейскихъ офицеровъ и вообще интеллигентное общество, особенно въ столицахъ, то съ другой стороны его щедрья милости и благодаренія не только стоявшимъ близъ престола, но и многимъ частнымъ лицамъ, его великодушіе къ заключеннымъ, заботливость о нуждахъ народа и водвореніи правосудія, должны были, несмотря на составившееся невыгодное о немъ мнѣніе, привлечь къ нему на первое время симпатіи не малаго числа подданныхъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которые, подобно Бологову, признавали, что «нѣкоторыя строгости, употребленныя имъ по необходимости, были очень кстати».

Лица Гатчинскаго двора были первыми, на которыхъ обратилось благоволеніе новаго императора. Въ первый же день своего царствованія онъ назначаетъ къ себѣ адъютантами генераль-майоровъ Плещеева и Шувалова, бригадира Ростопчина, полковника Куселева, майора Котлубицкаго, а вмѣстѣ съ ними и племянника своей любимицы Е. И. Нелидовой, камеръ-пажа Нелидова, который по этому случаю изъ камеръ-пажей былъ произведенъ въ майоры, черезъ день въ подполковники, а черезъ два мѣсяца въ генераль-майоры. На другой день, то-есть 8 ноября, бригадиры Ростопчинъ и Донауровъ, полковники Куселевъ, Аракчеевъ и Обольяниновъ произведены въ генераль-майоры, подполковникъ Кологривовъ—въ полковники. Никто изъ бывшихъ на виду у государя въ Гатчинѣ не остался безъ награды.

Императоръ Павелъ зналъ и никогда не забывалъ, что у него есть близкій человѣкъ, носившій фамилію Бобринскаго. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, Бобринскій, по волѣ императрицы, долженъ былъ жить въ отдаленіи отъ двора, въ Ревелѣ. Императоръ Павелъ отнесся къ его положенію съ искреннимъ участіемъ. Онъ возвелъ его въ потомственное графское достоинство и приказалъ генераль-прокурору увѣдомить его, что онъ можетъ пріѣхать въ Петербургъ и выѣзжать изъ него, куда заблаго-разсудится. Бобринскій поспѣшилъ въ Петербургъ, чтобы повергнуть передъ государемъ свою признательность, и былъ принятъ имъ съ отмѣнной милостью и лаской. Государь назначилъ его шефомъ 4-го эскадрона Конногвардейскаго полка, пожаловалъ ему въ Петербургѣ домъ (принадлежавшій прежде кн. Орлову) и предоставилъ въ его владѣніе значительныя помѣстья въ Тульской губерніи, которыя были предназначены ему покойной императрицей, но не были еще отданы. Ему было объявлено разрѣшеніе государя являться во дворецъ къ семейному столу, когда только пожелаетъ ¹⁾.

Относительно лицъ, бывшихъ при большомъ дворѣ, Павелъ на первыхъ порахъ выказалъ такое великодушіе, на какое, казалось, многіе изъ нихъ не могли и рассчитывать. Не говоримъ о такихъ

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1876 г., № 9, стр. 8—11.

лицахъ, какъ Н. И. Салтыковъ, Н. В. Репнинъ и И. Г. Чернышевъ, пожалованныхъ фельдмаршалами,— они и прежде пользовались его расположеніемъ, но мы видѣли, въ какомъ положеніи находились Безбородко и кн. Зубовъ, когда Екатерина доживала послѣдніе часы, и чего ожидали они. Императоръ Павелъ ласковымъ приемомъ разсѣялъ ихъ страхъ и приблизилъ къ себѣ, оставивъ на службѣ при прежнихъ ихъ должностяхъ, причемъ оказалъ такіе знаки своего вниманія, какихъ ни тотъ ни другой не ожидали. Гр. Безбородко былъ назначенъ вице-канцлеромъ и возведенъ въ первый классъ, что по табели о рангахъ равняло его въ достоинствѣ съ фельдмаршалами. Еще великодушнѣе поступилъ онъ съ Зубовымъ, далеко не имѣвшимъ ни способностей, ни заслугъ графа Безбородка, и который при томъ оскорбительнымъ обращеніемъ съ бывшимъ наслѣдникомъ престола долженъ бы былъ вызвать въ императорѣ полное негодованіе. Не такъ поступилъ Павелъ. Черезъ нѣсколько дней по восшествіи на престолъ онъ приказалъ купить на Морской улицѣ домъ и отдѣлать его, какъ дворецъ. Когда домъ былъ готовъ, убранный и снабженъ всѣмъ столовымъ серебромъ, столовымъ золотымъ приборомъ на нѣсколько персонъ, экипажами, лошадьми, тогда наканунѣ дня рожденія кн. Зубова государь послалъ къ нему адъютанта своего Котлубицкаго сказать, что онъ даритъ ему этотъ домъ ко дню его рожденія и завтра съ императрицей будетъ пить у него чай. На другой день онъ дѣйствительно пріѣхалъ къ Зубову съ государыней, пилъ съ нею шампанское за его здоровье и кушалъ чай, который разливала сама императрица. Милостиво разговаривая съ Зубовымъ, Павелъ два раза повторилъ ему: «Кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ»¹⁾.

Кромѣ упомянутыхъ лицъ, болѣе видныя награды получили: графъ Николай Зубовъ—андреевскую ленту; вице-канцлеръ Остерманъ возведенъ въ достоинство канцлера; гр. С. Воронцовъ—чинъ полнаго генерала; Ростовчинъ—аннинскую ленту; фельдмаршалъ И. П. Салтыковъ и генераль-прокуроръ Самойловъ по 4,000 душъ крестьянъ.

Всѣ были удивлены, когда узнали, что наравнѣ съ свѣтскими лицами были пожалованы орденами и трое изъ высшаго духовенства: митрополитъ Гавріилъ получилъ орденъ св. Андрея, а архіепископы: тверской Амвросій и псковскій Иннокентій—Александра Невскаго²⁾. Павелъ хотѣлъ возложить андреевскій орденъ и на

¹⁾ Котлубицкій. «Русскій Архивъ», 1866 г., 1318.

²⁾ Для блага духовенства, кромѣ орденскихъ знаковъ, Павелъ установилъ и другія награды. Въ именномъ указѣ 18 декабря 1796 г. сказано: «опредѣляемъ въ пользу блага священства: во-первыхъ, получение креста для ношенія на цѣпи на шеѣ; во-вторыхъ, употребленіе фіолетовой бархатной камиллавки или скуфьи и, наконецъ, третіе, для зватѣйшихъ изъ нихъ—митры, каковую употребляютъ архимандриты, съ тѣмъ, однакожь, что сіи отличныя почести не иначе, какъ по волѣ или утвержденію нашему, даваемы или дозволяемы будутъ» («П. С. З.», № 18.273). Мало того, Павелъ допустилъ даже женщинъ духовнаго сословія до полученія ордена св. Екатерины («П. С. З.», № 17.908), но, сколько извѣстно, такихъ примѣровъ еще не было.

Императоръ Павелъ I.

Съ портрета, писаннаго Боровиковскимъ и принадлежащаго П. Я. Дашкову.

митрополита Платона, котораго онъ вызывалъ для этого въ Петербургъ, но Платонъ, по болѣзни, не могъ исполнить повелѣніе государя, да къ тому же раздражилъ его своимъ письмомъ, въ которомъ выражалъ свое мнѣніе о несовмѣстности свѣтскихъ наградъ съ духовнымъ саномъ. Обстоятельство это возбудило въ Павлѣ гнѣвъ къ прежнему его наставнику, продолжавшійся до личной его встрѣчи въ Москвѣ, куда императоръ прибылъ для коронаціи.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1896 г., т. LXVI.

13

Въ ноябрѣ и декабрѣ именными указами были пожалованы: тайный совѣтникъ Н. П. Шереметевъ — оберъ-гофмаршаломъ; тайный совѣтникъ гр. Генрихъ Тизенгаузенъ, дѣйствительные камергеры гр. Юрій Вельгорскій и кн. Александръ Куракинъ—гофмаршалами; дѣйствительный тайный совѣтникъ кн. И. В. Несвицкій — оберъ-шенкомъ; кн. Сергѣй Гагаринъ—гофмейстеромъ; камергеры: кн. Алексѣй Голицынъ, гр. Александръ и Сергѣй Салтыковы, бароны Григорій и Александръ Строгановы, Дмитрій Дурново, Петръ Балкъ-Полевъ и Дмитрій Тагищевъ — дѣйствительными камергерами съ пожалованіемъ всѣмъ восьмерымъ по 100 червонныхъ на камергерскіе ключи; камеръ-фурьеръ Ив. Кутайсовъ—гардеробмейстеромъ пятаго класса; лейбъ-медикъ Бекъ—дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Статсъ-дамы: графиня Анна Матвѣевна Матюшкина—оберъ-гофмейстериною; Анна Никитична Нарышкина — гофмейстериною; жена генераль-поручика Ренне — статсъ-дамою; графиня Наталья Тизенгаузенъ, Марья Ржевская и дѣвица Череланова—фрейлинами къ императрицѣ. Сама государыня именнымъ указомъ 12-го ноября назначена «начальствовать надъ Обществомъ благородныхъ дѣвицъ».

Указомъ 6 декабря было объявлено: «Его императорское величество всемилостивѣйше благоволилъ повысить всѣхъ старыхъ кавалергардовъ чиномъ и повелѣлъ командиру ихъ представить ихъ желаніе, куда кто и въ какой родъ службы желаетъ, ибо ихъ служба кончится по прошествіи 6 недѣль отъ кончины блаженной памяти императрицы»¹⁾.

Такъ же поступилъ императоръ Павелъ и съ комнатной прислугой покойной государыни. По истеченіи 6-недѣльнаго срока по кончинѣ ея, указомъ 17 декабря, изъ состоявшихъ при ней нѣкоторые были оставлены при дворѣ, большая же часть уволены отъ службы, но всѣ «въ вознагражденіе долговременной и усердной службы», какъ сказано въ указѣ, получили щедрыя награды, одни деньгами, а другіе и деньгами и чинами. Одинъ только камердинеръ Секретаревъ былъ исключенъ: онъ былъ сосланъ въ Оренбургъ, откуда возвращенъ уже въ царствованіе Александра. Вся вина его состояла въ томъ, что онъ когда-то находился камердинеромъ при кн. Потемкинѣ и перемѣщенъ имъ въ ту же должность къ императрицѣ²⁾. Извѣстные близостію къ Екатеринѣ камеръ-фрау Перексихина и камердинеръ Зотовъ, подобно другимъ, были уволены отъ придворной службы, причемъ первой назначена пожизненная

¹⁾ «Петерб. Вѣд.», 1796 г., № 99. Въмѣсто упраздненнаго Екатерининскаго корпуса кавалергардовъ Павелъ приказалъ сформировать новый, сперва изъ одного, а потомъ изъ трехъ эскадроновъ, шефомъ которыхъ былъ назначенъ гр. В. П. Мусинъ-Пушкинъ.

²⁾ Ненависть Павла къ памяти Потемкина отразилась и на другомъ лицѣ, близкомъ къ покойному князю. Въ указѣ 14 февраля 1797 г. значилось: «Военной коллегіи инспекторской экспедиціи совѣтникъ Гарновскій исключенъ изъ службы за прѣжнее его дурное поведеніе» («Моск. Вѣд.», 1797 г., № 18). В. С. Поповъ держался при Павлѣ на службѣ въ теченіе 3 лѣтъ, но этимъ онъ былъ обязанъ заступничеству Ю. И. Нелидовой.

пенсія въ 1,200 рублей, а второму выдано единовременно 5,000 рублей, и повелѣно опредѣлить его на службу по его способности, а впредь до опредѣленія оставить ему прежнее его жалованье и содержаніе.

Павель обратилъ вниманіе и на тѣхъ несчастныхъ, которые находились подъ судомъ, или томились въ заключеніи— всѣ они были помилованы. Именнымъ указомъ 16 ноября, объявленнымъ военной коллегіи президентомъ ея фельдмаршаломъ кн. Н. И. Салтыковымъ, повелѣно: «всѣхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, гдѣ либо подъ судомъ и слѣдствіемъ находящихся, кромѣ тѣхъ, которые по смертоубійству и похищенію казеннаго интереса или утратѣ его и по подобнымъ тому важнымъ преступленіямъ содержатся, немедленно изъ-подъ стражи освободить и для продолженія службы опредѣлить ихъ въ оную попрежнему¹⁾. 5-го декабря — въ тотъ день, когда гробы покойныхъ родителей Павла были перевезены изъ дворца въ Петропавловскій соборъ, была оказана подобная же милость и содержащимся при тайной экспедиціи, о чемъ находимъ разсказъ въ запискахъ И. В. Лопухина, состоявшаго тогда при государѣ въ качествѣ статсъ-секретаря. «Въ вечеру того же дня,— разсказываетъ Лопухинъ,— государь, призвавъ меня къ себѣ, приказалъ мнѣ объявить въ сенатѣ генераль-прокурору волю его объ освобожденіи всѣхъ безъ изъятія заточенныхъ по тайной экспедиціи, кромѣ повредившихся въ умѣ. О сихъ послѣднихъ приказалъ государь усугубить попеченіе къ возможному излѣченію для освобожденія также ихъ по выздоровленіи, а между тѣмъ, сколько можно, ихъ покоить. И вообще приказалъ онъ по сей экспедиціи принять мѣры къ лучшему и сколько можно спокойнѣйшему содержанію арестантовъ». «Я обнималъ колѣна государя, дававшаго сіе повелѣніе», говоритъ Лопухинъ²⁾. Здѣсь кстати припомнить именной указъ императора Павла, данный генераль-прокурору 21 ноября 1807 г. «По неимѣнію доктора въ сенатѣ нашемъ,— говорится въ указѣ,— а также при экспедиціяхъ о государственныхъ доходахъ, а особливо при тайной экспедиціи, въ которой по существу ея онъ надобенъ, повелѣваемъ опредѣлить на сіе мѣсто находящагося въ вѣдомствѣ медицинской коллегіи доктора Сутгофа...³⁾»).

Мы видѣли, что императоръ Павель въ первый же день по восшествіи на престолъ освободилъ находившихся въ крѣпости масоновъ; въ теченіе ноября мѣсяца была дарована свобода и многимъ другимъ, въ числѣ которыхъ были Радищевъ, возвращенный изъ Сибири, и извѣстный прорицатель Авель, содержавшійся въ Шлиссельбургской крѣпости въ числѣ секретныхъ арестантовъ за предсказаніе кончины императрицы Екатерины. Особенно милостиво отнесся Павель къ плѣннымъ полякамъ и предводителю ихъ Ко-

1) «П. С. З.», № 17.556.

2) Записки Лопухина, 61.

3) «П. С. З.», № 17.574.

стюшкѣ. Первые находились въ Рогервикскомъ портѣ, гдѣ, подобно прочимъ арестантамъ, употреблялись на работы, а генераль ихъ, лишенный свободы, проживалъ въ Петербургѣ. 19-го ноября, Павелъ именнымъ указомъ, даннымъ генераль-прокурору Самойлову, повелѣлъ сдѣлать распоряженіе объ освобожденіи поляковъ, а 29-го ноября, таковой же указъ былъ посланъ сенату, въ которомъ сказано: «Пріявъ намѣреніе оказать милость нашу подпавшимъ подъ наказаніе, заточеніе и ссылку, по случаю бывшихъ въ Польшѣ замѣшательствъ, повелѣваемъ всѣхъ таковыхъ освободить и отпустить въ прежнія ихъ жилища, а заграничныхъ, буде пожелаютъ, и за границу. О исполненіи сего нашъ сенатъ имѣетъ учинить немедленно надлежащія распоряженія, предписавъ куда слѣдуетъ, чтобъ со стороны губернскихъ правленій и другихъ земскихъ начальствъ взяты были мѣры къ наблюденію, дабы сіи освобождаемые оставались спокойно и вели себя добропорядочно, не входя ни въ какія вредныя сношенія подъ опасеніемъ тягчайшаго наказанія»¹⁾.

Костюшку онъ пожелалъ видѣть самъ и лично объявить ему свободу. Любопытныя подробности объ этомъ свиданіи находятся въ запискахъ Нѣмцевича²⁾.

26-го ноября, императоръ Павелъ въ сопровожденіи великихъ князей Александра и Константина поѣхалъ въ Мраморный дворецъ, гдѣ жилъ плѣнникъ. Войдя къ нему, онъ сказалъ: «Долго я не могъ ничего для васъ сдѣлать и только сожалѣлъ о вашей участи. Я счастливъ, что, даруя вамъ свободу, хотя сколько нибудь могу васъ вознаградить за все, что вы претерпѣли. Вы свободны. Я самъ хотѣлъ принести вамъ эту утѣшительную вѣсть».

Костюшко былъ такъ взволнованъ, что не могъ отвѣчать ни слова. Императоръ сѣлъ подлѣ него и съ необыкновенной добротой сталъ съ нимъ разговаривать, желая возбудить въ немъ смѣлость и довѣріе. Ободренный Костюшко спросилъ, будутъ ли освобождены и другіе польскіе плѣнные.

— Безъ сомнѣнія,—отвѣчалъ императоръ,—хотя въ совѣтѣ многіе были противъ освобожденія Потоцкаго³⁾ и Нѣмцевича. Поручитесь ли вы за нихъ?

— За Нѣмцевича я ручаюсь,—сказалъ Костюшко,—но за Потоцкаго, не переговоривъ съ нимъ, не могу дать слова.

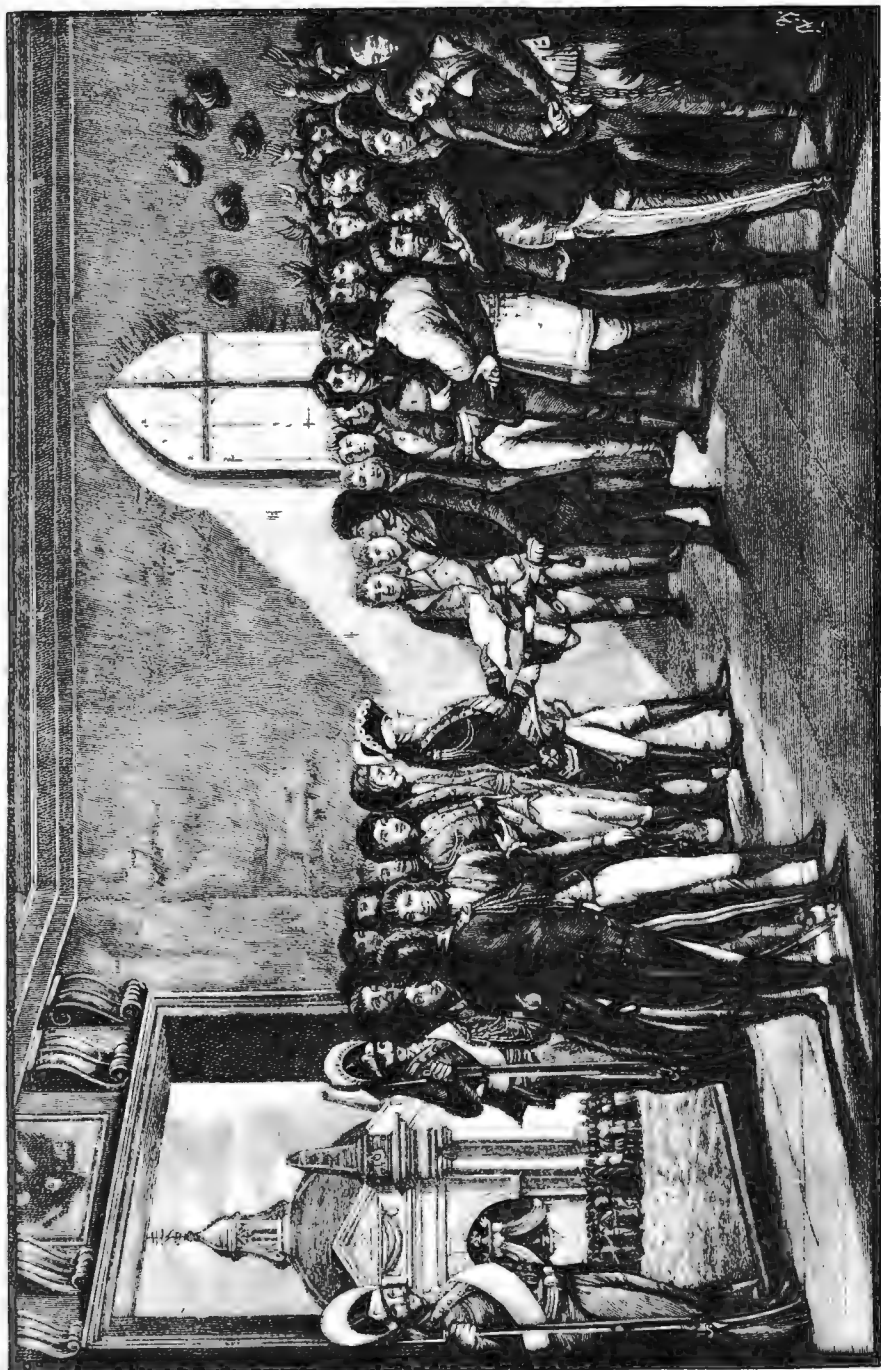
— Мнѣ нравится ваша осторожность,—сказалъ Павелъ.— Вы можете сейчасъ же ѣхать и переговорить съ Потоцкимъ.

Костюшко просилъ государя позволить ему удалиться въ Сѣ-

¹⁾ П. С. З., № 17.585.

²⁾ Юліанъ-Урсулъ Нѣмцевичъ, родомъ литвинъ, родился 1757 г., умеръ въ Парижѣ 1841 г. Въ 1794 г. онъ былъ адъютантомъ Костюшки. Въ польской литературѣ онъ извѣстенъ, между прочимъ, сочиненіемъ: «*Historyczne pieśni ludu Polskiego*».

³⁾ Графъ Игнацій Потоцкій (род. 1751 г., ум. 1800 г.) участвовалъ въ составленіи конституціи 3-го мая; въ 1794 г. былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Костюшкой.

Освобождение императоромъ Павломъ Костюшки и плѣнныхъ поляковъ.
Съ гравюры Орловскаго.

верные Американскіе Штаты. Императоръ тотчасъ же изъявилъ ему свое согласіе, прибавивъ: «Я дамъ вамъ всѣ средства доѣхать туда самымъ удобнымъ образомъ». Затѣмъ Павелъ простился съ нимъ и вышелъ. Великій князь Александръ передъ уходомъ съ чувствомъ обнялъ Костюшко.

Освободивъ всѣхъ плѣнныхъ поляковъ, императоръ Павелъ подарилъ Костюшкѣ и Потоцкому каждому по 1.000 дупъ въ имперіи. Костюшко просилъ замѣнить этотъ даръ денежною суммою, необходимою для его путешествія. Костюшко уговорилъ Нѣмцевича отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Америку. Приготовленія къ отъѣзду кончились, — рассказываетъ дальше Нѣмцевичъ. Императоръ прислалъ Костюшкѣ нарочно для него сдѣланную дорожную карету, столовое бѣлье и посуду, прекрасную соболью шубу, такую же шапку и теплые сапоги. Для меня также прислалъ императоръ шубу, шапку и сапоги. 18-го декабря, Костюшко ѣздилъ во дворецъ благодарить государя за его милости и за дары, и чтобы проститься съ нимъ и съ его семействомъ.

Павель, окруженный всей императорскою фамиліей, принялъ его самымъ ласковымъ образомъ. Государь, государыня, великіе князья и княжны наперерывъ старались быть любезными съ нимъ. Императрица просила его прислать для нея изъ Америки огородныхъ сѣмянъ и подарила ему собраніе своей работы камеевъ, изображавшихъ портреты всего ея семейства. 19-го декабря поляки оставили Петербургъ.

Такъ рыцарски поступилъ Павелъ съ Костюшкой. Чѣмъ же онъ отвѣтилъ на такое великодушіе?

Находясь въ Филadelphіи, онъ, по опредѣленію конгресса, получилъ слѣдовавшую ему, но до того времени еще не выданную за службу его въ войнѣ за американскую независимость сумму въ 12.000 червонныхъ золотыхъ. Пользуясь этимъ случаемъ, онъ рѣшился возвратить императору Павлу полученныя отъ него деньги. «Когда онъ сообщилъ мнѣ свое намѣреніе,—говоритъ Нѣмцевичъ,—я отвѣчалъ ему на это: «Благородное твое рѣшеніе достойно тебя. Находясь въ такой отдаленной части свѣта, ты можешь его исполнить, не подвергаясь лично никакой опасности. Но подумай, что ты имѣешь дѣло съ императоромъ Павломъ, человѣкомъ вспыльчивымъ и раздражительнымъ. Чѣмъ болѣе онъ былъ милостивъ къ тебѣ, тѣмъ чувствительнѣе будетъ для него возвращеніе его подарка. Гнѣвъ его можетъ обрушиться на твоихъ соотечественниковъ. Надобно это сдѣлать такимъ образомъ, чтобы и удовлетворить благородному стремленію души твоей и не подвергнуть другихъ мести самодержца. Итакъ, напиши вѣжливое письмо, что, получивъ отъ Соединенныхъ Штатовъ долгъ твой, ты не хочешь быть болѣе въ тягость царю и просишь, чтобы дарованная тебѣ сумма могла быть обращена въ пользу разоренныхъ жителей Праги».

«Ничего не отвѣчалъ мнѣ на это Костюшко, но вскорѣ самъ написалъ рѣзкое письмо къ императору, холодно возвращая ему дарованную имъ сумму»¹⁾).

Вотъ это письмо.

«Ваше величество! Пользуюсь первыми минутами свободы, которую я вкусилъ подъ охраною законовъ величайшей и великодушнѣйшей націи въ мірѣ, чтобы возвратить вамъ подарокъ, который мнимая доброта ваша и вѣроломное поведеніе вашихъ министровъ заставили меня принять. Будьте увѣрены, ваше величество, что я согласился на это единственно изъ глубокой привязанности къ моимъ соотечественникамъ, къ товарищамъ моимъ по несчастью и въ надеждѣ, что мнѣ удастся, быть можетъ, послужить еще моей родинѣ. Да, съ удовольствіемъ говорю и повторяю вамъ, государь, мнѣ показалось, что вы были тронуты моимъ отчаяннымъ положеніемъ, но министры ваши и приверженцы ихъ поступили со мною совершенно противно вашему желанію; поэтому, если бы они посмѣли приписать лично моей волѣ тотъ поступокъ, который они вынудили меня сдѣлать, то я обнаружу передъ вами и передъ всѣми людьми, дорожащими честью, ихъ насиліе, жестокость и коварство, и ихъ однихъ, государь, придется вамъ винить въ этомъ случаѣ въ томъ, что злодѣянія ихъ будутъ обнаружены. Примите, ваше величество, и пр. І. Костюшко».

Понятно, какъ долженъ былъ подѣйствовать поступокъ Костюшки на пылкій и порывистый темпераментъ Павла. Сбылось то, что предсказывалъ Нѣмцевичъ: гнѣвъ государя обрушился на поляковъ, ни въ чемъ неповинныхъ въ неблагодарности и неделикатности ихъ соотечественника.

XI.

Внутреннее состояніе Россіи послѣ смерти Екатерины. — Взглядъ Павла на государственное управленіе. — Мирныя наклонности его: прекращеніе войны на Кавказѣ; отказъ европейскимъ державамъ участвовать въ союзѣ противъ Франціи. — Милости народу: отмена рекрутскаго набора и хлѣбной подати; льгота «людямъ, ищущимъ вольности». — Пониженіе цѣны на хлѣбъ. — Заботы Павла о правосудіи: мѣры противъ медленнаго производства дѣлъ въ сенатѣ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ; повелѣніе объ изданіи государственныхъ законовъ. — Ящикъ для просьбъ, подаваемыхъ на высочайшее имя.

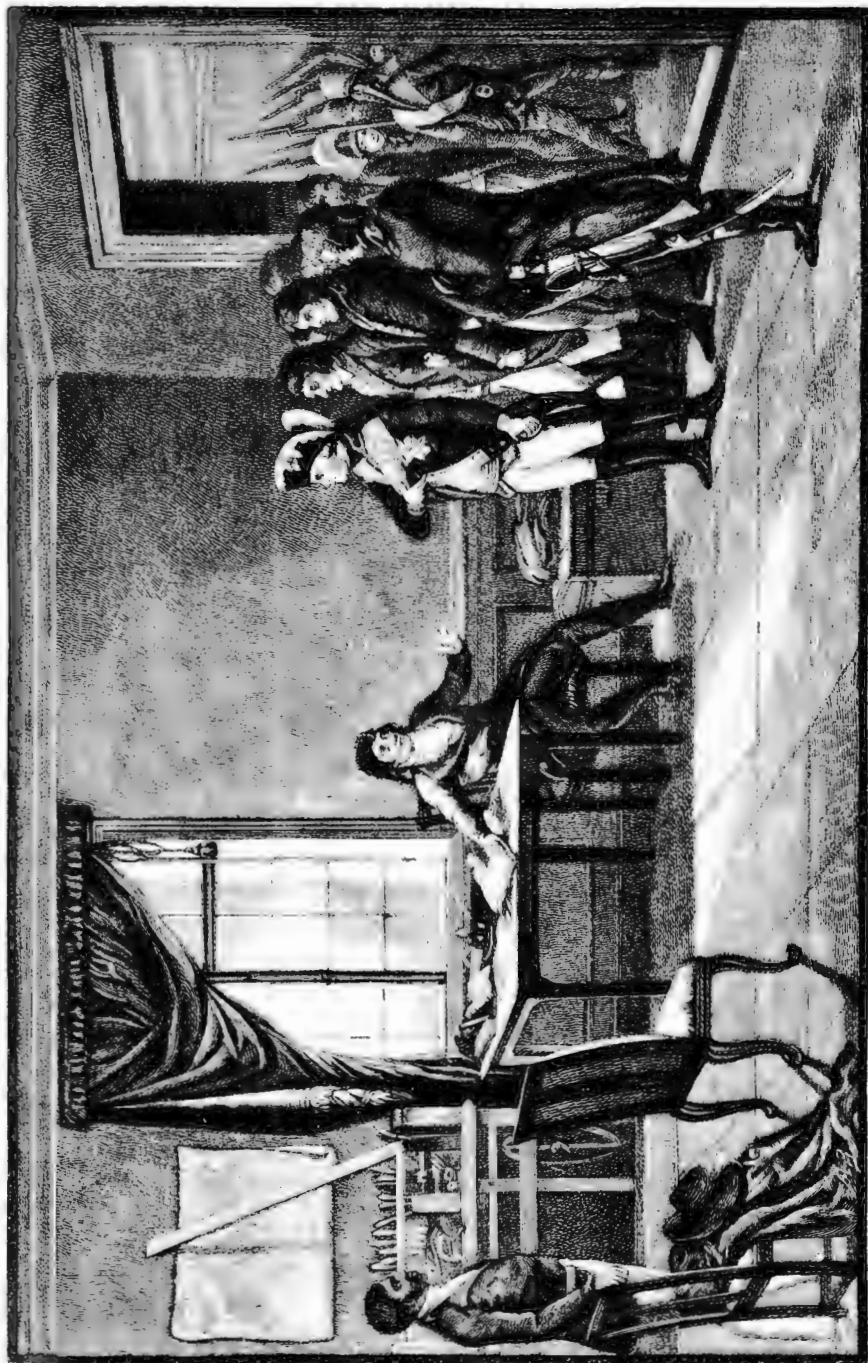
Не смотря на блескъ и славу царствованія Екатерины, внутреннее состояніе Россіи послѣ ея смерти оказалось далеко не въ блестящемъ видѣ; оно далеко не соответствовало тому величію и внѣшнему могуществу, какія приобрѣло отечество наше, благодаря мудрой внѣшней политикѣ и удачнымъ войнамъ покойной императрицы.

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1881 г., кн. I, 333—335.

Въ послѣдніе годы ея царствованія, когда ея здоровье, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правительственная энергія естественно стали ослабѣвать, своеволие и произволъ нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ получили широкій просторъ, вслѣдствіе чего въ различныхъ частяхъ государственнаго управленія теченіе дѣлъ уклонилось отъ законнаго порядка; лихоимство въ судахъ нерѣдко обращало правосудіе въ пустое слово; служебныя обязанности, какъ въ военномъ вѣдомствѣ, такъ и въ гражданскомъ исполнялись небрежно, какъ говорится, спустя рукава; продолжительныя войны истощили казну и народъ, финансы пришли въ разстройство, пѣнность нашего ассигнаціоннаго рубля не превышала 68 копеекъ на серебро. Въ Петербургѣ при дворѣ и близъ него все казалось нормальнымъ: блескъ и роскошь высшаго дворянства постороннему наблюдателю могли казаться избытками довольства и матеріальнаго благосостоянія всѣхъ классовъ населенія, но не то было на самомъ дѣлѣ: вдали отъ столицы, въ провинціяхъ, жизнь текла по другому руслу. Дворянамъ въ своихъ помѣстьяхъ жилось, конечно, не дурно, особенно тѣмъ, кто былъ въ ладахъ съ мѣстными властями, но простому народу приходилось плохо: среди сѣрой, будничной жизни своей онъ терпѣливо несъ гнетъ бѣдности, насилія и всякой неправды.

Въ мысляхъ императора Павла давно уже коренился антагонизмъ относительно правительственныхъ дѣйствій и политическихъ взглядовъ его матери. Устраненный ею отъ участія въ дѣлахъ правленія, Павелъ по свойству своего ума и живому характеру, и какъ будущій преемникъ власти, не могъ примириться съ тѣмъ положеніемъ, на какое обрекла его Екатерина. Онъ внимательно присматривался къ порядку и ходу дѣлъ въ государствѣ и, какъ мы видѣли, обсуживая состояніе военной части въ Россіи, пришелъ къ заключенію, что «теперешнее положеніе вещей оскорбляетъ лишь всякое ревнующее къ пользѣ общей сердце», и что «сіе самое оскорбленіе понуждаетъ (его) неукоснительно принять, хоть разсужденіями единственно, дабы поспѣть приуготовиться всѣми силами и всѣми мѣрами помочь вкравшемуся вреду». Нѣтъ сомнѣнія, что такого же мнѣнія онъ былъ не объ однихъ военныхъ порядкахъ, но и о другихъ частяхъ государственнаго управленія. Онъ во многихъ случаяхъ не сходилъ съ взглядами своей матери относительно дѣлъ, какъ внѣшней, такъ и внутренней политики и еще при жизни ея придумывалъ мѣры къ исправленію въ ея правительственной системѣ того, что казалось ему вреднымъ «для общаго блага».

Печальныя явленія въ государственной и общественной жизни, на которыя мы указали выше, и которыя были оставлены Екатериной въ наслѣдіе сыну, были, по мнѣнію Павла, живымъ доказательствомъ непригодности ея системы правленія и необходимости общаго переустройства, которое должно было исправить ошибки предшествовавшаго царствованія. Жажда правительственной дѣятельно-

Посѣщеніе императоромъ Павломъ Костюшки.

Съ гравюры Орловскаго.

сти, столь долго томившая его, теперь нашла себѣ удовлетвореніе. Не проходило ни одного дня, чтобы не былъ объявленъ какой нибудь новый указъ или какое либо повелѣніе, которымъ не измѣнялся бы прежній строй государства, не всегда, однако же, къ лучшему.

Но, осуждая политику матери, чѣмъ же, однако, руководился самъ Павелъ, когда ему пришлось стать во главѣ правленія! Каковы были его собственные взгляды и убѣжденія, какъ онъ опредѣлялъ задачу правителя, и каковъ былъ его идеаль государственнаго строя? Неужели, отрицая и измѣняя почти все, что было создано Екатериной, онъ руководился, какъ обыкновенно утверждаютъ, однимъ только бессознательнымъ духомъ противорѣчія? Едва ли... Судя по нѣкоторымъ даннымъ ¹⁾, надо полагать, что онъ вступилъ на престолъ, усвоивъ себѣ программу правленія, основанную на сужденіяхъ хотя совершенно разумныхъ и правильныхъ, но умозрительныхъ, такъ сказать, теоретическихъ, въ дѣйствительности не всегда приложимыхъ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, Павелъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ графу П. Панину, обсуживая положеніе Россіи послѣ первой турецкой войны, писалъ: «... Необходимо нужно (намъ) привести себя въ сильное и не зависящее ни отъ чьего вспоможенія состояніе, дабы всегдашнимъ почтеннымъ состояніемъ брать поверхность, какъ инфлюенцію, такъ и самымъ дѣломъ — не только въ дѣлахъ, отъ зависти противъ насъ рождающихся, но и въ видахъ собственныхъ нашихъ, безъ оглядки къ кому бы то ни было, какъ къ тѣмъ только, кого мы сами изберемъ. Для сего намъ быть должно всегда наготовѣ, а мѣшаться самымъ дѣломъ какъ можно менѣе, ибо у насъ и домашнихъ хлопотъ довольно. А за симъ, не имѣя довольно времени мѣшаться со свободными руками въ чужія дѣла, лучше быть въ такомъ состояніи намъ, чтобъ отъ почтенія къ нашей силѣ, пріобрѣтеннаго готовностію всегдашнею, не задержали насъ управляться съ внутренностію покойно и тѣмъ самымъ не изнуряли оную и чрезъ то легче могли достигъ до тишины. До сего можно бы, думаю, достигъ, оставя излишнія претензіи, стараяся имѣть непоколебимыми союзниковъ своихъ больше ласкою и довѣренностію. Лучше имѣть одного вѣрнаго, нежели многихъ по наружности только».

«Государство наше теперь въ такомъ положеніи, что необходимо надобенъ ему постоянный и долговременный покой. Прошедшая война, польскія безпокойства, да къ тому же и оренбургскія замѣшательства, кои начало свое имѣли отъ неспокойствія бывшихъ лицкихъ, а нынѣ уральскихъ казаковъ, довольныя суть причины къ помышленію о типинѣ; ибо все сіе изнуряетъ государство людъ-

¹⁾ Переписка великаго князя Павла Петровича съ граф. Петромъ Панинымъ въ 1778—1779 годѣхъ («Русская Старина», 1882 года, февраль и мартъ). Матеріалы къ русской исторіи XVIII вѣка, М. Семеваго: «Наказъ» («Вѣстникъ Европы», 1867 года, мартъ).

ми, а чрезъ то и уменьшаетъ хлѣбопашество, изнуряя землю. Хотя прошедшая война и къ нашей пользѣ кончилась, но мы претерпѣли въ то самое время недородами, язвой, которая, конечно, слѣдствіемъ войны была, безпокойствіями внутренними, а болѣе того рекрутскими наборами, столько, что остается только желать продолженія мирнаго состоянія, которое, утвердя тишину и спокойствіе, позволило бы вещи привести въ порядокъ и наконецъ наслаждаться совершеннымъ покоемъ. Къ достиженію сего надобно начать учрежденіемъ всего того, что можетъ утвердить внутреннее спокойствіе, зависящее отъ домашняго положенія каждаго. Когда сняты будутъ налоги, пресѣчены наряды съ земли, то каждый, не лишаясь имѣнія своего, отцы дѣтей, а господа тѣхъ, коихъ трудами живутъ, не будутъ имѣть причинъ къ негодованію, и тогда-то пресѣкнутся всѣ народныя неудовольствія. Нашъ же народъ таковъ, что малѣйшее удовлетвореніе заставитъ его забыть цѣлые годы неудовольствія и бѣдствія самыя. По сіе время мы, пользуясь слѣпымъ повиновеніемъ народа и естественнымъ его счастливымъ сложеніемъ физическимъ и моральнымъ, все изъ цѣлаго кроили, не сберегая ничего. Но время помышлять о сохраненіи столь драгоцѣннаго, преданнаго его расположенія, дабы употребить оное тамъ, гдѣ уже по крайности случая ни приуготовленіями, ни пріятіемъ всѣхъ благоразумныхъ мѣръ учинить ничего не возможно. Теперь дѣйствуемъ мы всегда самыми послѣдними средствами, не оставляя ничего въ запасъ, а отъ того, если бы случилась какая неудача, нечѣмъ уже оную въ томъ самомъ мѣстѣ наградить, а увидѣли бы себя принужденными натягивать силы свои изъ другихъ мѣстъ и тѣмъ самымъ ослаблять тѣ части государства, которыя оными защищаемы были. Итакъ во всѣхъ нашихъ предпріятіяхъ употребляемъ все, что имѣемъ, не оставляя ничего въ запасъ, какъ будто бы увѣрены были во всегдашнемъ счастливомъ успѣхѣ оружія, а всѣ уроны награждаемъ безпрестанными рекрутскими наборами, а отъ того земля терпитъ и хлѣбопашество вмѣстѣ съ нею; люди исчезаютъ, а наконецъ не останется довольнаго числа ни дома, ни предъ непріателемъ»¹⁾.

Итакъ, вотъ политическія убѣжденія Павла: намъ не надобно вмѣшиваться въ чужія дѣла, у насъ и своихъ хлопотъ довольно; намъ надо привести себя въ такое положеніе, чтобы не нуждаться въ чужой помощи, чтобы чужіе народы, видя нашу силу, уважали насъ и не дерзали мѣшать намъ заниматься внутренними нашими дѣлами—тогда наступитъ у насъ тишина. Чтобы достигнуть такого положенія, надо оставить лишнія претензіи и стараться приобрести ласкою и довѣренностію хотя не многихъ, но вѣрныхъ союзниковъ, хотя бы только одного. Нашему государству нуженъ постоянный

¹⁾ «Русская Старина», 1882 года, мартъ, 740—741.

долговременный покой, ибо война изнуряетъ государство людьми, а чрезъ то уменьшаетъ хлѣбопашество и т. д.

Мысли безспорно вѣрныя, не подлежащія ни малѣйшему возраженію, если смотрѣть на нихъ безотносительно къ тѣмъ разнообразнымъ обстоятельствамъ, въ какихъ можетъ находиться государство. Привести страну въ такое положеніе, при которомъ она, не имѣя надобности враждовать съ сосѣдями и пользуясь внутреннимъ спокойствіемъ, могла бы напрягать свои силы лишь къ внутреннему развитію и общему благосостоянію—выполненіе такой задачи было бы величайшей заслугой и славой всякаго государя, но, къ сожалѣнію, исторія не представляетъ намъ подобныхъ примѣровъ, возможныхъ развѣ только въ небольшихъ, незначительныхъ государствахъ, въ родѣ германскихъ княжествъ или какой нибудь С. Марино. Осуществленіе же подобной мысли относительно Россіи было мечтою, порожденною неопытностію молодаго ума, легко подчинявшагося теоретическимъ соображеніямъ. Вышеприведенный взглядъ Павла на систему государственнаго управленія усвоенъ имъ въ молодости, когда онъ, готовясь къ роли правителя, находилъ нужнымъ «хотя бы разсужденіями единственно приготовляться помочь вкравшемуся вреду», но разсужденія не всегда бываетъ легко примѣнять въ дѣйствительности, въ чемъ, вѣроятно, убѣдился впоследствии и самъ Павелъ. Обвиняя свою мать въ «излишнихъ претензіяхъ» и «вмѣшательствѣ въ чужія дѣла» и благоразумно избѣгая этого упрека въ началѣ своего царствованія, онъ не дальше, какъ черезъ годъ по вступленіи на престолъ, обнаружилъ, какъ излишнія претензіи относительно отжившаго уже и никому не нужнаго ордена Мальтійскихъ рыцарей, такъ и вмѣшательства въ чужія дѣла объявленіемъ Франціи войны изъ-за чуждыхъ для насъ интересовъ Австріи и зависѣвшихъ отъ нея нѣмецкихъ владѣтелей, поработченныхъ Бонапарте, между тѣмъ какъ Екатерина, вмѣшавшись въ дѣла Польши и ведя войну съ Турціею, руководилась глубокими политическими соображеніями исключительно въ интересахъ Россіи, которой были завѣщаны исторіею вопросы и Польскій и Восточный.

Какъ бы то ни было, но Павелъ, вступивъ на престолъ, повидимому, остался вѣренъ тому взгляду на государственное правленіе, который излагалъ въ письмѣ къ графу Панину. Устраняясь отъ военныхъ дѣйствій, онъ, въ первое время своего царствованія, всецѣло посвятилъ свое вниманіе на дѣла внутренней политики.

Прекративъ начатую его матерью войну съ Персіею и отозвавъ находившіяся на Кавказѣ войска, Павелъ, не смотря на глубокую ненависть къ французской революціи, рѣшительно уклонился отъ союза съ западными державами, имѣвшими намѣреніе положить оплотъ ея движенію,—союза, къ которому намѣрена была приступить и Екатерина, для чего былъ уже объявленъ необычайный рекрутскій наборъ (по 10 человѣкъ съ 1,000). Императоръ Павелъ

Царицынъ лугъ въ Царьское время.
Съ гравюры того времени.

приказаль Остерману объявить, что русскія войска, предназначавшіяся къ дѣйствіямъ противъ Франціи, не будутъ посланы, такъ какъ «обстоятельства повелѣвають не отказать любезнымъ подданнымъ въ пренужномъ и желаемомъ ими отдохновеніи послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній» ¹⁾).

Указомъ 10-го ноября наборъ отмѣненъ.

Такимъ образомъ однимъ изъ первыхъ дѣйствій Павла по его воцареніи было осуществленіе давнишней его мысли — дать государству покой отъ военныхъ тревогъ, а крестьянамъ отдыхъ отъ непрерывныхъ рекрутскихъ наборовъ. Миролюбивыя отношенія къ иностраннымъ державамъ, внутренней порядокъ и спокойствіе въ государствахъ были, какъ мы видѣли, по вѣрному убѣжденію Павла, главнѣйшими условіями, обеспечивавшими правильное развитіе и производительность народнаго труда, а слѣдовательно и народнаго благоденствія. Преслѣдуя эту мысль, императоръ Павелъ съ особенною заботливостію относился къ крестьянскому сословію, которое, какъ выразился онъ въ своемъ «Наказѣ», «содержитъ собою и своими трудами все прочія части». За освобожденіемъ крестьянъ отъ рекрутчины послѣдовалъ сенатскій указъ 27-го ноября, которымъ «людямъ, ищущимъ вольности», предоставлялось право апелляціи на рѣшеніе присутственныхъ мѣстъ, хотя бы со стороны «уѣздныхъ стряпчихъ и было на тѣ рѣшенія удовольствіе», а еще черезъ нѣсколько дней крестьянамъ была объявлена новая льгота — отмѣна хлѣбной повинности, существовавшей подъ именемъ «хлѣбной подати». Въ именномъ указѣ 10-го декабря 1796 года сказано между прочимъ: «Слѣдуя склонности благотворить ввѣренному намъ народу, отмѣнили мы начатый уже въ нынѣшнемъ 1796 году сборъ рекрутскій, а нынѣ, восхотѣвъ оказать новый опытъ Нашего попеченія о его пользѣ уничтоженіемъ хлѣбнаго сбора, только отяготительнаго въ практическомъ исполненіи сего налога, повелѣваемъ сенату обвѣстить немедленно всѣмъ кому надлежитъ, что упомянутая хлѣбная подать съ будущаго 1797 года отмѣняется...» и проч.

Подать эта, установленная въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ 1794 г. для продовольствія войскъ взаменъ денежной, бывшей до того времени, была особенно тягостна для крестьянъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось возить хлѣбъ для ссыпки въ магазины на весьма далекое разстояніе, да при томъ еще подвергаться различнаго рода притѣсненіямъ со стороны пріемщиковъ. По словамъ Болотова, народъ желалъ бы лучше видѣть повышеніе подушнаго

¹⁾ Въ огражденіе своихъ подданныхъ отъ революціонной заразы Павелъ на первыхъ порахъ ограничился указомъ, даннымъ 26-го декабря 1796 года московскому главнокомандующему Измайлову о наблюденіи за пріѣзжавшими въ Москву и проживавшими тамъ иностранцами. Въ указѣ между прочимъ сказано, что «ежели между ними окажутся люди подозрительные, поведенія нескромнаго или непристойнаго, таковыхъ выгонять вонъ за границу съ запрещеніемъ пакн показываться въ столицѣ подъ страхомъ неизвѣстнаго наказанія, увѣдомляя какъ губернатора той пограничной губерніи, чрезъ которую таковые праздношатающіеся люди

оклада, лишь бы только не платить хлѣбомъ¹⁾. Теперь, вслѣдствіе указа, крестьяне вмѣсто хлѣба натурой стали платить только по 15 к. за четверикъ.

Указы 10 ноября и 10 декабря были истиннымъ благодѣяніемъ для народа. Внося въ семьи крестьянъ условія спокойной жизни и порядка въ хозяйствѣ, они были тѣмъ чувствительнѣе для труженниковъ, что предшествовавшее царствованіе не пріучило ихъ къ заботливости правительства объ облегченіи тягостнаго ихъ положенія.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, вслѣдствіе общаго государственнаго оскуднѣнія, значительно поднялась цѣна на хлѣбъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на всѣ другія жизненныя потребности, что особенно тяжело отражалось на массахъ неимущаго населенія. Императоръ Павелъ немедленно обратилъ на это вниманіе и для пониженія хлѣбныхъ цѣнъ приказалъ открыть продажу изъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ, вслѣдствіе чего четверть хлѣба стала продаваться двумя рублями дешевле.

Зная, что просители и вообще тяжущіеся не всегда находили правосудіе или по небрежности, или по пристрастію должностныхъ лицъ, Павелъ энергично взялся за устраненіе этого зла, начавъ съ главнѣйшаго въ этомъ отношеніи государственнаго учрежденія—съ сената. Мы видѣли, какой переполохъ поднялся тамъ въ ночь, предшествовавшую воцаренію Павла, по приведенію въ порядокъ производившихся въ немъ дѣлъ, но и затѣмъ, по донесенію генераль-прокурора, нерѣшенныхъ дѣлъ въ сенатѣ въ началѣ декабря 1796 г. оставалось еще 11,476²⁾. Нечего говорить, какъ отражалась на просителяхъ медленность дѣйствій сената. Императоръ Павелъ именнымъ указомъ 30 ноября, объявленнымъ генераломъ-прокуроромъ сенату, повелѣлъ, чтобы для исполненія высочайшихъ повелѣній, требующихъ скорого распоряженія, сенаторы являлись бы въ засѣданія даже въ неприсутственные дни, а о тѣхъ, которые являются не будутъ, оберъ-прокуроры каждый по своему департаменту, представляли бы о причинахъ ихъ отсутствія записки для донесенія самому государю³⁾. Черезъ двѣ недѣли послѣ того, именно 13 декабря, генераль-прокуроръ подалъ государю докладъ: 1) о распредѣленіи дѣлъ между департаментами сената для скорѣйшаго въ нихъ производства; 2) объ учрежденіи трехъ временныхъ департаментовъ для окончанія нерѣшенныхъ дѣлъ и 3) о прибавкѣ въ сенатѣ чиновниковъ по новому штату, тогда же представленному при докладѣ. Императоръ Павелъ комфирмовалъ: «быть по сему»⁴⁾.

за границу высланы будутъ, такъ и начальствующаго въ Петербургѣ» (П. С. З., № 17.688). Въ тотъ же день и такого же содержанія указъ былъ данъ и генераль-лейтенанту фонъ-дерб-Палену относительно Петербурга, гдѣ повелѣвается наблюдать преимущественно за французами и швейцарцами (тамъ же, № 17.689).

¹⁾ Памятникъ протекшихъ временъ и проч., изд. П. С. Киселева, 1875 г.

²⁾ П. С. З., № 17.689.

³⁾ П. С. З., № 17.689.

⁴⁾ До какой степени доходила небрежность сенаторовъ въ послѣдніе годы царствованія,

Комиссія объ изданіи новаго уложенія еще продолжала свое существованіе при сенатѣ, но въ ней ничего не дѣлалось. Императоръ Павелъ, не задаваясь той широкой задачей, которая имѣлась въ виду его матерью при учрежденіи этой комисіи, призналъ необходимымъ для руководства при рѣшеніи дѣлъ ограничиться собраніемъ и приведеніемъ въ порядокъ существовавшихъ уже законовъ, вслѣдствіе чего 16-го декабря на имя генераль-прокурора данъ былъ слѣдующій указъ: «Имѣя всегда желаніе сократить письменный порядокъ, излишествомъ однихъ канцелярскихъ обрядовъ наполненный, и отдѣлить чистые законы отъ множества неясностей, временемъ и обстоятельствами вкравшихся, доставя тѣмъ судьямъ и подсудимымъ поспѣшность въ дѣлахъ, доселѣ съ крайнею медленностію текущихъ, повелѣваемъ вамъ: 1) собрать въ уложенной комисіи, начальству вашему ввѣренной, и во всѣхъ архивахъ государственныхъ изданныя донинѣ узаконенія и извлечь изъ оныхъ три законовъ россійскихъ книги: 1) уголовную, 2) гражданскихъ и 3) казенныхъ дѣлъ, показавъ въ оныхъ прямую черту закона, на

покойной государыни, и какъ справедлива была строгость требованій императора Павла, могутъ служить доказательствомъ слѣдующіе два документа—рескриптъ императрицы Екатерины генераль-прокурору Самойлову и повелѣніе ея, объявленное имъ же, генераль-прокуроромъ, московскимъ департаментамъ сената: 1) «Александръ Николаевичъ! Препровождаемъ при семь къ вамъ прошеніе, намъ поданное отъ вдовы Веймарнъ, съ экстрактомъ, къ нему приложеннымъ, и со взятою изъ здѣшняго губернскаго правленія справкою. Изъ сихъ бумагъ увидите вы два обстоятельства: первое, что хотя двумя именными нашими указами велѣно было дѣло коллежскаго ассесора Бегуландера рассмотретьъ и рѣшить немедленно сенату, но онъ, продержавъ его у себя безъ всякаго производства восемнадцать лѣтъ, опредѣлили напослѣдокъ отослать оное для рассмотрѣнія и рѣшенія въ С.-Петербургскій надворный нижній судъ; а второе, что губернское правленіе, получа о семь изъ сената указъ, отъ 25 апрѣля до 30 минуваго мая никакого по немъ исполненія не сдѣлало. Оба вышесказанныя обстоятельства возбуждаютъ въ высшей степени неудовольствіе наше, видя толь крайнее пераченіе въ дѣлахъ и еще такихъ, о скорѣйшемъ рѣшеніи коихъ особые наши указы даны. Желая отратить въ настоящемъ случаѣ дальнѣйшую волокиту просительницы вдовы Веймарнъ, повелѣваемъ вамъ предложить второму сенату департаменту, чтобъ онъ сіе дѣло, яко его собственному рассмотрѣнію отъ васъ порученное, взялъ обратно къ себѣ и немедленно рѣшилъ по законамъ, объявя присутствующимъ, что они до окончанія его не могутъ воспользоваться увольненіемъ на настоящую ваканцію. Что-жъ касается до упущенія и нерадѣнія губернскаго правленія, хотя присутствующіе въ ономъ заслуживали отрѣшеніе отъ мѣстъ своихъ и отдачу ихъ подъ судъ уголовной палаты, но мы изъ единственнаго малосердія нашего и въ чаяніи будущаго ихъ исправленія прощаемъ первое преступленіе ихъ, но, дабы восчувствовали они важность онаго, надлежитъ, призвавъ ихъ въ сенатъ, сдѣлать имъ строгій выговоръ, прочтя сію часть указа нашего, до нихъ касающуюся, обязать ихъ подпискою, что они его слушали и что потщатся прилагать неусыпные труды на лучшее вырѣдъ отправление должностей своихъ, и такую подписку намъ представить. Въ прочемъ соизволяемъ, чтобъ вы прокурорамъ и стряпчимъ подтвердили о неукоснительномъ наблюденіи въ мѣстахъ, имъ ввѣренныхъ, дабы правосудіе всѣмъ и каждому воздавало величеприятно, и чтобъ всякаго рода дѣла безотлагательное имѣли производство сходственно съ разумомъ законовъ и силою учреждений нашихъ, 2 іюля 1794 г.» 2) Московскимъ департаментамъ сената 23 октября 1795 г. было объявлено: «Ея императорское величество, усмотрѣвъ изъ поднесенныхъ меморій, что сентября 23 числа въ общемъ московскихъ сената департаментовъ собраніи присутствовалъ одинъ только господинъ тайный совѣтникъ Матвѣй Петровичъ Ржевскій, а прочіе господа сенаторы, исключая находившихся въ отпуску, вовсе въ присутствіи не были, указать соизволила объявить сенату, что ея величество, предбудущее время примѣтитъ такового случая болѣе не найдетъся». (Дѣла ген.-прокур. въ Арх. Мин. Юстиціи).

которой судія утвердительно основаться долженъ. 2) Дабы съ лучшею удобностію и возможною поспѣшностію могли вы совершить сіе возлагаемое на васъ дѣло, повелѣваемъ вамъ избрать искусныхъ въ дѣлопроизводствѣ и законознаніи чиновниковъ и представить намъ для утвержденія ихъ въ семь дѣлъ, и наконецъ 3) какъ скоро какая либо часть или отдѣленіе изъ тѣхъ трехъ законныхъ книгъ приведется вами къ окончанію, то имѣете вносить каждую на разсмотрѣніе нашего сената, а сей по зрѣломъ разсужденіи и уваженіи будетъ оныя утверждать»¹⁾.

Въ помощь генераль-прокурору для выполнения возложеннаго на него порученія были государемъ назначены: предсѣдатель С.-Петербургской гражданской палаты дѣйствительный статскій совѣтникъ Яковлевъ и «находившійся не у дѣлъ» Алексѣй Полѣновъ²⁾.

Комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія повелѣно называть комиссіей для составленія законовъ.

Въ виду приближавшихся рождественскихъ праздниковъ было объявлено именнымъ указомъ, чтобы всѣ вообще присутственныя мѣста были свободны отъ производства дѣлъ только въ теченіе первыхъ трехъ дней³⁾.

Строгость требованій, предъявленныхъ къ сенату, естественнымъ образомъ отразилась и на всѣхъ прочихъ присутственныхъ мѣстахъ. Въ 5 часовъ утра всѣ чиновники были уже за дѣломъ, и въ 8 часовъ всѣ сенаторы находились въ присутствіи⁴⁾. Лѣньность, небрежность, сибаритство между гражданскими чиновниками стали столько же немислимы, какъ и въ военномъ вѣдомствѣ.

Императоръ Павелъ приказалъ объявить, что, желая «открыть всѣ пути и способы, чтобы гласъ слабаго угнетеннаго былъ услышанъ», онъ даетъ разрѣшеніе всѣмъ являться во дворецъ для подачи своихъ просьбъ и жалобъ. Для этого у воротъ дворца былъ поставленъ желѣзный ящикъ съ прорѣзаннымъ отверстіемъ, куда просители могли опускать свои просьбы. Ключъ отъ него былъ врученъ наслѣднику великому князю Александру Павловичу⁵⁾. Три статсъ-секретаря должны были ежедневно разбирать и разсматривать эти просьбы и, сдѣлавъ изъ нихъ краткое извлеченіе, то-есть самую сущность дѣла, докладывать государю, который тотчасъ же писалъ на нихъ свои резолюціи.

Вотъ что говоритъ Тургеневъ по поводу этого ящика.

«Первый любимецъ, первый сановникъ государя, знатный вельможа, паредворецъ и послѣдній ничтожный рабъ, житель отдаленной

1) П. С. З., № 17.652.

2) Тамъ же, № 17.654.

3) Тамъ же, № 17.680.

4) Лубяновскій.

5) Жизнь Павла Перваго, императора самодержца всероссійскаго, написанная на нѣмецкомъ языкѣ россійской службы офицеромъ. Перев. В. Кряжевъ. Москва. 1805.

страны отъ столицы—равно страшились ящика. Лишеніе дворянства, чиновъ и сосланіе въ Сибирь въ каторжную работу генераловъ кн. Сибирскаго и Турчанинова за взятки и сдѣлки ихъ съ поставщиками комиссаріата, о чемъ императоръ свѣдалъ чрезъ ящикъ, омертвили руки лихоимственныя. Генералы и полковники не отваживались удержать горсть муки у солдата изъ пайка, ему мѣсячно отпускаемаго, отнять гарнецъ овса у казенной лошади; перестали грабить жителей, у которыхъ были постояльцами. Правосудіе и безкорыстіе въ первый разъ послѣ Петра I ступили черезъ порогъ храмины, гдѣ творили судъ и расправу вѣрноподаннымъ. Народъ былъ восхищенъ, бывъ обрадованъ, и приказанія чтить благодареніемъ, съ неба посланнымъ.

«Въ продолженіе существованія ящика невѣроятнo какое существовало правосудіе, во всѣхъ сословіяхъ правдолюбіе и правомѣрность. Откушчикъ не смѣлъ вливать въ вино воду, купецъ — въ муку, соляной приставъ въ соль присыпать песокъ. Вѣсъ и мѣра были вѣрныя. Дозволю себѣ, смѣю безбоязненно сказать, что въ первый годъ царствованія Павла I народъ блаженствовалъ, находилъ судъ и расправу безъ лихоимства; никто не осмѣливался грабить, угнетать его, всѣ власти предрѣжащія страшились ящика».

Несмотря, однако же, на такое благотворное значеніе ящика, императоръ Павелъ вынужденъ былъ уничтожить его, такъ какъ вмѣстѣ съ жалобами и просьбами стали находить въ немъ не только осужденіе дѣйствій государя, но даже карикатуры, сатиры и пасквили на него. Было объявлено, чтобы просители обращались къ государю обыкновеннымъ порядкомъ, то-есть подачею просьбъ на высочайшее имя, резолюціи же на нихъ объявлялись во всеобщее свѣдѣніе въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ.

ХІІ.

Перемѣны въ порядкѣ внутренняго управленія государства. — Возстановленіе самоуправленія въ Лифляндіи, Эстляндіи, Курляндіи, Финляндіи, Малороссіи и въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ. — Новыя лица въ государственномъ управленіи. — Опала кн. Зубова. — Раздача населенныхъ земель. — Манифестъ о коронаціи.

Въ порядкѣ внутренняго управленія, учрежденнаго Екатериною, также были произведены многія перемѣны, но мы упомянемъ только о тѣхъ, которыя послѣдовали въ первые дни царствованія Павла, то-есть въ теченіе ноября и декабря 1796 г.

Гатчина и Павловскъ, любимыя мызы императора и императрицы, именными указами 11 и 12 ноября были переименованы въ города ¹⁾,

¹⁾ П. С. З., №№ 17.539 и 17.540.

а 23 ноября высочайше повелѣно, чтобы города эти по случаю-щимся до нихъ дѣламъ относились непосредственно въ сенатъ.

Коллеги бергъ, мануфактуръ и коммерціи были возстановлены и попрежнему стали завѣдывать дѣлами горными, мануфактурными и торговыми, которыя Екатериною были переданы въ вѣдѣніе казенныхъ палатъ ¹⁾.

12 декабря сенату былъ данъ именной указъ, въ которомъ сказано: «Повелѣваемъ отнынѣ впредь состоять нижеписаннымъ губерніямъ: Московской, С.-Петербургской, Новгородской, Тверской, Псковской, Смоленской, Тульской, Калужской, Ярославской, Костромской, Владимірской, Нижегородской, Вологодской, Архангельской, Вятской, Казанской, Пермской, Тобольской, Иркутской, Оренбургской, что до сего была Уфимская, Симбирской, Пензенской, Астраханской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской, Курской, Орловской, Слободско-Украинской, вмѣсто бывшей Харьковской, и Новороссійской, вмѣсто Екатеринославской; да на особыхъ по правамъ и привиллегіямъ ихъ основаніяхъ Малороссійской, Лифляндской, Эстляндской, Выборгской, Курляндской, Литовской, Минской, Бѣлорусской, Волынской, Подольской и Кіевской. Вслѣдствіе чего: 1) Бывшую Олонецкую губернію сходственно мѣстному положенію раздѣлить между Новгородскою и Архангельскою, такъ чтобы ближнія къ сѣверу части приписаны были къ губерніи Архангельской, а прочія къ Новгородской, предоставляя то на соглашеніе управляющихъ сими послѣдними. 2) Слободско-Украинскую губернію возстановить въ тѣ точно границы, въ каковыхъ она въ 1765 году устроена была, приписавъ къ ней отшедшія и отчисля къ другимъ приписанныя къ ней послѣ того мѣста. 3) Кольванскую губернію упраздня, окружность ея приписать къ тѣмъ, къ которымъ она до 1779 года принадлежала. 4) Вознесенскую губернію и Таврическую область равнымъ образомъ уничтожить, а Новороссійскую губернію составить изъ всего того, что за возвращеніемъ къ Малой Россіи отдѣленныхъ уѣздовъ и отъ бывшей Вознесенской приписанныхъ къ ней изъ пріобрѣтенныхъ отъ Польши земель; такожъ возвращаемыхъ нынѣ къ Слободско-Украинской губерніи останется, присоединяя тутъ и область Таврическую, раздѣляемую просто на уѣзды, сообразно количеству жителей и обширности мѣстной. 5) Саратовской губерніи не быть, а мѣста, въ ней заключавшіяся, присоединить по способности къ губерніямъ Пензенской и Астраханской. 6) Изъ бывшей Польской украины, Волыніи и Подоли, къ имперіи нашей присоединенныхъ, за отдѣленіемъ достаточнаго количества душъ и окружности для составленія Кіевской губерніи составить двѣ губерніи: Волынскую и Подольскую. 7) Изъ Полоцкой и Могилевской соединить въ одну Бѣлорусскую губернію, назначая губернскому городу быть по удобности въ Ви

¹⁾ Именной 19 ноября, П. С. З., № 17.567.

тебскѣ. 8) Изъ опредѣленныхъ прежде въ Вильнѣ и Слонимѣ губерній составить одну Литовскую въ первомъ изъ помянутыхъ городовъ, предоставляя вообще о границахъ между всѣми смежными губерніями, вновь соединяемыми, на согласіе управляющихъ оными, о чемъ и должны они сенату предоставить для донесенія намъ. Впрочемъ не умедлимъ мы всѣ помянутыя губерніи снабдить штатами, каковыя мы съ пользою казенною и съ успѣшнымъ дѣлѣ производствомъ за благо признаемъ»¹⁾).

Что имѣлъ въ виду Павелъ, приступая къ этой территоріальной кройкѣ, и какихъ выгодъ ожидалъ онъ для государства отъ возстановленія коллегій,—сказать трудно, такъ какъ въ указахъ, въ силу которыхъ произведены эти перемѣны, нѣтъ даже намекъ на мотивы, ихъ вызвавшіе. «Повелѣваемъ» .. и больше ничего. Несомнѣнно, однако же, что перемѣны эти повлекли за собой неизбѣжную въ подобныхъ случаяхъ передачу дѣлѣ изъ одной губерніи въ другую, изъ казенныхъ палатъ въ коллегіи, что естественно должно было породить если не путаницу въ отправленіи дѣлѣ администраціи, то по крайней мѣрѣ не малое затрудненіе, хотя и временное, но тѣмъ не менѣе неудобное для всѣхъ классовъ населенія. Баронъ Гейкинъ въ своихъ запискахъ утверждаетъ совершенно противное. «Непосредственно по вступленіи своемъ на престолъ,—говоритъ онъ,—Павелъ приступилъ къ преобразованію учрежденныхъ Екатериною (1775 г.) генераль-губернаторствъ. Перемѣны эти могли бы повлечь за собою общую путаницу, если бы она не предотвращена была необычайною быстротою, съ которою денно-нощно работалъ генераль-прокуроръ»²⁾).

Дозволяемъ себѣ, однакожь, усомниться въ словахъ барона, такъ какъ въ то время, когда онъ такъ восхвалялъ дѣятельность генераль-прокурора (кн. А. Б. Куракина), онъ былъ увлеченъ, чуть ли не очарованъ любезностью его къ нему отношеній, не говоря уже о томъ, что, сидя въ Петербургѣ, нельзя судить о томъ, что дѣлалось въ провинціи.

Вникая въ нравственную природу Павла и изучая его характеръ, невольно приходишь къ заключенію, что по живости и впечатлительности своей натуры онъ неспособенъ былъ основательно и многосторонне обсуживать государственные вопросы, особенно же съ практической ихъ стороны. Въ подобныхъ случаяхъ онъ удовлетворялся одними умозрительными соображеніями, особенно если они согласовались съ его идеальными представленіями, къ которымъ онъ по своей восторженности былъ такъ склоненъ, не останавливаясь ни на томъ, въ какой мѣрѣ они могутъ быть осуществимы въ жизни, или каковы будутъ послѣдствія этихъ соображеній. Мы уже указали на эту особенность въ характерѣ Павла, говоря о томъ идеалѣ го-

¹⁾ П. С. З., № 17.634.

²⁾ «Русская Старина», 1887 г., ноябрь, 376—377.

сударственного строя, какой былъ созданъ его воображеніемъ. Теперь приходится указать на новую ошибку, въ которую ввела непрактичность его соображеній. Мы хотимъ сказать о восстановленіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, какъ, напримѣръ, въ Лифляндіи, Эстляндіи, Курляндіи, въ Выборгѣ и Малороссіи, а также въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, старинныхъ судовъ и привиллегій.

Вопросъ о лифляндскихъ привиллегіяхъ былъ не новый. Почти 30 лѣтъ тому назадъ во время засѣданій комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія лифляндскіе депутаты домогались ихъ утвержденія, но встрѣтили единодушный отпоръ въ депутатахъ русскаго земства, утверждавшихъ, что Россійская имперія во всѣхъ своихъ частяхъ должна управляться общими для всѣхъ законами. Императрица Екатерина, заботившаяся объ объединеніи имперіи, была того же мнѣнія. Однажды по поводу домогательствъ лифляндцевъ она сказала: «Я не лифляндская императрица». Таковъ былъ ея взглядъ и образъ мыслей относительно и другихъ народностей, вошедшихъ въ составъ Россіи. Въ секретной инструкціи, данной въ 1764 г. генераль-прокурору князю Вяземскому, она написала: «Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся подтвержденными имъ привиллегіями, нарушать оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно-бъ было, однакожь и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть болѣе, нежели ошибка, а можно съ достовѣрностію глупостью. Сіи провинціи, также и Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть, какъ волки къ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, если разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ; когда же въ Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезло, не токмо-бъ персона какая была произведена въ оное достоинство»¹⁾).

Нельзя же допустить, чтобы Павелъ, будучи наследникомъ и размышляя о положеніи дѣлъ въ государствѣ, не интересовался протоколами комиссіи о новомъ уложеніи и не читалъ ихъ вполнѣ, а также и того, чтобы онъ оставался въ невѣдѣніи относительно мнѣній по этому предмету своей матери. Положимъ, что послѣднее онъ могъ игнорировать, какъ игнорировалъ и многія другія сужденія Екатерины, но какъ вниманіе его могло не остановиться на справедливомъ и патріотическомъ протестѣ русскихъ людей? Чѣмъ же объяснить дарованіе остзейцамъ и другимъ народностямъ самоуправленія, которое вопреки желаніямъ русскаго народа отдѣляло ихъ отъ Россіи глубокой пропастью? Ничѣмъ инымъ, какъ недальновидностію Павла въ обсужденіи предпринимаемыхъ имъ мѣръ.

¹⁾ Сборникъ Р. И. О., VII. 348.

Ростопчинъ говорить, что Павелъ, вступивъ на престолъ, обнаружилъ желаніе «быть любимымъ». Желаніе естественное, и вотъ первое побужденіе къ восстановленію привилегій. Къ такому заключенію приводитъ насъ рассказъ барона Гейкинга. Онъ говорить, что на одномъ изъ вечеровъ (*petite entrée*) Павелъ обратился къ нему съ вопросомъ: «Довольны были бы ваши земляки, если бы восстановить ихъ прежніе судебные порядки?»—Гейкингъ отвѣчалъ, что они были бы въ восторгѣ отъ такой милости.—«Чтобы успокоить сердца курляндцевъ,—сказалъ Павелъ,—вы можете сообщить имъ, что я имъ отдамъ назадъ ихъ прежнія судебныя учрежденія». Въ другой разъ, говоря съ Гейкингомъ о полякахъ, послѣ того, какъ онъ далъ имъ свободу отъ плѣна, Павелъ сказалъ: «Я надѣюсь, что господа поляки мною довольны».

Очевидно, что Павелъ, оказывая милости присоединеннымъ къ Россіи провинціямъ, желалъ привлечь къ себѣ любовь ихъ, но онъ не додумался до того, что эти милости если и вызовутъ съ ихъ стороны чувства любви и благодарности, то только лично къ нему, для Россіи же стануть источникомъ того отчужденія, которое въ теченіе цѣлаго столѣтія заставляло ихъ, какъ волковъ глядѣть къ лѣсу.

Мелочность и формалистика прусскаго солдатства, привитыя Павломъ нашей арміи, и восстановленіе самоуправленія въ сказанныхъ провинціяхъ, оставившія въ Россіи такіе глубокіе и продолжительные слѣды, были несомнѣнно самыми крупными ошибками его царствованія.

Въ первыхъ числахъ декабря между государственными дѣятелями появились новыя лица, призванныя Павломъ къ занятію высшихъ должностей. Тайные совѣтники Васильевъ и князь Алексѣй Куракинъ были назначены: первый государственнымъ казначеемъ, а послѣдній генераль-прокуроромъ вмѣсто графа Самойлова, навлекшаго на себя гнѣвъ Павла медленнымъ рѣшеніемъ дѣла одной просительницы. Какъ Васильеву, такъ и князю Куракину повелѣно присутствовать въ совѣтѣ его величества. Генераль-майоръ Оболяниновъ, одинъ изъ усерднѣйшихъ гатчинскихъ слугъ Павла, былъ назначенъ генераль-провіантмейстеромъ.

Вслѣдъ за графомъ Самойловымъ палъ и князь Зубовъ. Его опала не была похожа на опалу другихъ лицъ, подвергавшихся неудовольствію Павла; она не ограничилась, какъ обыкновенно бывало въ подобныхъ случаяхъ, увольненіемъ отъ службы и удаленіемъ отъ двора, но отличалась постояннымъ и упорнымъ преслѣдованіемъ втеченіе четырехъ лѣтъ и въ этомъ отношеніи представляетъ очень характерный эпизодъ царствованія Павла, заслуживающій подробнаго изложенія.

Князь Зубовъ, какъ мы видѣли, благодаря великодушному настроенію государя, продолжалъ еще оставаться при прежнихъ своихъ должностяхъ и званіяхъ, но это продолжалось не долго, не больше

мѣсяца. Говоря Зубову: «кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ», Павелъ разумѣлъ, конечно, личныя ихъ отношенія, но не государственную службу князя. Теперь, когда весь государственный строй и всѣ прежніе порядки стали налаживаться на новый ладъ, правительственныя распоряженія, получившія силу по инициативѣ князя Зубова, подверглись строгому контролю.

Уже черезъ пять дней послѣ достопамятнаго для Зубова вечера, который провелъ у него государь съ супругой въ подаренномъ ему домѣ, онъ получилъ отъ генераль-прокурора графа Самойлова повелѣніе государя слѣдующаго содержания:

«Его императорское величество государь императоръ соизволилъ дать правительствующему сенату высочайшій указъ сего ноября 14-го числа присоединить доходы Екатеринославской и Вознесенской губерній и области Таврической къ общимъ государственнымъ доходамъ на основаніи правилъ о казенномъ управленіи. А потому, вслѣдствіе указа 27-го генваря 1795 года распоряженія о сихъ доходахъ представляли вы, милостивый государь, на высочайшее утвержденіе въ началѣ каждаго года, и при окончаніи подавали и отчеты, то по поводу сему, прилагая при семъ въ копіи вышеизображенный его императорскимъ величествомъ указъ, покорнѣйше прошу о доставленіи ко мнѣ обстоятельнаго свѣдѣнія о доходахъ помянутыхъ губерній и области Таврической, нужнаго мнѣ нынѣ по должности государственныхъ экспедицій для составленія генеральнаго отчета»¹⁾.

Такимъ образомъ, Зубовъ лишался унаслѣдованнаго имъ послѣ князя Потемкина права распоряжаться по своему усмотрѣнію суммами Новороссійскаго края по званію его генераль-губернатора.

Черезъ недѣлю графъ Самойловъ писалъ къ Зубову же: «О всѣхъ секвестрованныхъ въ возвращенномъ отъ Польши краю имѣніяхъ и пожалованіи оныхъ разнымъ персонамъ его императорское величество соизволяетъ, чтобы ваша свѣтлость доставили ко мнѣ обстоятельное свѣдѣніе: на какомъ основаніи все то происходило, и у кого какія имѣнія были секвестрованы и пожалованы другимъ, давъ знать между тѣмъ особенно о наложеніи секвестра на принадлежащую графу Дзялынскому маетность, именуемую Чернявицы, когда оный сдѣланъ и почему»²⁾.

Предъявленіе подобныхъ требованій къ князю Зубову ясно говорило ему, что для него настала пора дать отчетъ въ его дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ по тѣмъ частямъ государственнаго управленія, которыя онъ захватилъ во время своего могущества. Во время персидской войны, затѣянной имъ, какъ говоритъ Масонъ, ради собственныхъ выгодъ, всѣ донесенія и рапорты его брата, командовавшаго войсками, посылались не въ военную коллегію, какъ бы слѣ-

¹⁾ Дѣла генераль-прокурорскія.

²⁾ Тамъ же.

довало, а къ нему, князю Зубову, такъ какъ онъ успѣлъ прибрать къ своимъ рукамъ и военную часть. Вслѣдствіе этого военная коллегія оставалась въ неизвѣстности относительно распоряженій, дѣлавшихся въ дѣйствующей арміи. Само собой разумѣется, что такой своевольный образъ дѣйствій повелъ къ страшнымъ беспорядкамъ, такъ что когда императоръ Павелъ, прекратя войну, приказалъ войскамъ вернуться съ Кавказа въ Россію, то военная коллегія не знала, гдѣ находились полки, и куда посылать приказы.

Если императоръ Павелъ до сихъ поръ милостиво обходился съ кн. Зубовымъ, то этимъ онъ обязанъ былъ единственно великодушію государя, но никакъ не заслугамъ своимъ, о которыхъ Павелъ былъ самаго невыгоднаго мнѣнія¹⁾. Бесплодность государственной его дѣятельности обнаружилась немедленно, какъ скоро началась переборка его дѣйствій въ предшествовавшее царствованіе. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ кончины Екатерины, 6 декабря, состоялся приказъ государя: «Генераль-фельдцейхмейстеръ кн. Зубовъ уволенъ въ отставку, а генералу Мелисину командовать оною частью безъ названія фельдцейхмейстера»²⁾.

Вслѣдъ за увольненіемъ Зубова для него началась пора тяжелыхъ испытаній, которыя ему пришлось перенести одно за другимъ въ самое короткое время. 29 декабря, генераль-прокуроръ кн. Курякинъ объявилъ сенату именной указъ: «За приведеніе въ несостояніе сестрорѣцкихъ оружейныхъ заводовъ, оказавшихся таковыми по неотдѣлкѣ на лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ ружей, а потомъ конной гвардіи разныхъ вещей, взыскать съ генераль-фельдцейхмейстера князя Зубова такую сумму, какая артиллерійскою канцеляріею исчислена, и сенату представить»³⁾. По рапорту генерала Мелисина потребовано отъ Зубова 50 т. рублей.

Прошло 6 недѣль, и братъ Зубова, командовавшій войсками въ персидскомъ походѣ, гр. Валеріанъ, указомъ 1 февраля 1797 г. «уволенъ безъ жалованья до излѣченія по прошенію его»⁴⁾, а на другой день и кн. Платонъ получилъ такой же указъ, въ которомъ было сказано: «Князь Платонъ Александровичъ! По прошенію вашему, увольняя васъ на два года въ чужіе края для поправленія здоровья, позволяю заѣхать и въ лежащія на пути литовскія ваши деревни»⁵⁾.

Вѣроятно, въ это же время былъ удаленъ отъ двора и третій братъ ихъ, шталмейстеръ гр. Николай, но по какому именно по-

1) Какого онъ вообще былъ мнѣнія о достоинствѣ службы кн. Зубова, можно судить по одному приказу, отданному имъ въ августѣ 1797 г., въ которомъ сказано: «Лейбъ-гвардіи преображенскаго полка поручикъ Шепелевъ выключенъ въ елецкій мушкетерскій полкъ за незнаніе своей должности, за лѣнь и нерадѣніе. къ чему онъ привыкъ въ бытность его при князьяхъ Потемкинѣ и Зубовѣ, гдѣ, вмѣсто службы, обращался въ передней и въ пляскѣ» («Русская Старина», 1874 г., ноябрь, 590).

2) Спб. Вѣд., 1796 г., № 99.

3) «Русская Старина», 1873 г., апрѣль, 495.

4) Моск. Вѣд., 1797 г., № 14.

5) «Русская Старина», 1873 г., апрѣль 497.

воду — намъ неизвѣстно. Очевидно, что Павелъ былъ сильно вооруженъ противъ всей фамилиі Зубовыхъ. Очень можетъ быть впрочемъ, что они и сами подливали масла въ огонь, раздражая государя смѣлымъ ропотомъ и нескромными рѣчами, къ чему они были такъ склонны, и что, конечно, доходило до его слуха. Позволяемъ себѣ эту догадку въ томъ соображеніи, что не въ характерѣ Павла было питать такой продолжительный и какъ бы мстительный гнѣвъ, какой испытали Зубовы. Многие были исключены изъ службы, но никто изъ опальныхъ (кн. Ѳ. Барятинскій, гр. А. Орловъ, гр. А. Морковъ, Пассекъ, кн. Дашкова, М. Измайловъ) не былъ преслѣдуемъ съ такой настойчивостію, какъ они.

Когда кн. Платонъ выѣхалъ изъ Петербурга, то Павелъ писалъ виленскому гражданскому губернатору Булгакову: «Князь Зубовъ поѣхалъ въ Вильну, то и счелъ нужнымъ написать къ вамъ, Яковъ Ивановичъ, чтобъ вы имѣли за нимъ наблюденіе по прежнимъ его связямъ, особливо съ пруссаками, о чемъ, имѣя наблюденіе, и мнѣ доносите»¹⁾. Въ то же время онъ писалъ къ Гудовичу, находившемуся на Кавказѣ: «Поручаю вамъ, Иванъ Васильевичъ, вступить въ распоряженіе войскъ, бывшихъ подъ командою г. Зубова. Препоручаю также строгое имѣть наблюденіе за переписками находящихся въ томъ корпусѣ и генерально войти въ подробности всего по той части касающагося и разныхъ оттуда сюда отношеній, которыя и по сіе время идутъ къ князю Зубову, а частію къ г. Салтыкову мимо меня, именуя сего послѣдняго еще подполковникомъ гвардіи и ведя всю переписку еще старымъ обрядомъ, хотя неоднократно туда уже писано, какъ и не о посылкѣ офицеровъ курьерами. Прошу переписку вести со мною, взойти какъ въ распоряженіе войскъ, такъ и прочихъ дѣлъ того края и смотрѣть бдительно о происходящемъ, какъ за границею, такъ и у себя въ войскѣ»²⁾.

Въ высочайшемъ приказѣ, объявленномъ 1 апрѣля, было сказано: «за держанный совѣтъ по случаю выступленія войскъ изъ Персіи и за нелѣпный рапортъ генераль-отъ-кавалеріи графу Зубову дѣляется выговоръ»³⁾.

Генераль-лейтенантъ фонъ-деръ-Паленъ, при Екатеринѣ губернаторъ Курляндіи, а теперь, по волѣ Павла, командиръ кирасирскаго полка, въ началѣ 1797 г. находился съ своимъ полкомъ въ Лифляндіи. Помня вниманіе, какое оказывалъ ему когда-то кн. Зубовъ, онъ въ проѣздъ его черезъ Ригу явился къ нему съ визитомъ. То же сдѣлалъ и лифляндскій губернаторъ Кампенгаузенъ. Полицейскій шпіонтъ Архарова, слѣдившій за Зубовымъ, донесъ, что Паленъ оказывалъ ему какія-то почести и провожалъ его до Митавы. Получивъ доносъ, разгнѣванный Павелъ написалъ Палену: «Господинъ

1) «Русская Старина». 1882 г., февраль, 443.

2) «Русская Старина». 1882 г., февраль, 443—444.

3) Моск. Вѣд., 1797 г., № 26, приложение.

генераль-лейтенантъ Паленъ! Съ удивленіемъ освѣдомился я обо всѣхъ подлостяхъ, вами оказанныхъ въ проѣздъ князя Зубова чрезъ Ригу, изъ сего и дѣлаю я сродное о свойствахъ вашихъ заключеніе, по коему и поведеніе мое противъ васъ соразмѣрно будетъ. Сіе письмо можете показать генераль-лейтенанту Бенкендорфу». вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ и къ Бенкендорфу: «Извѣстясь о всемъ происшедшемъ въ Ригѣ въ проѣздъ князя Зубова, удивляюсь какъ вы могли допустить все сіе сдѣлать, и, видя изъ сего слабость отправленія должности вашей, дѣлаю вамъ за сіе выговоръ»¹⁾).

Въ тотъ же самый день, какъ Палену и Бенкендорфу были посланы выговоры (26 февраля), Павелъ подписалъ приказъ: «Генераль-лейтенантъ фонъ-деръ-Паленъ за почести и встрѣчи, дѣлаемыя партикулярнымъ людямъ, какъ-то при проѣздѣ князя Зубова, и за отлучку безъ увольненія въ Митаву для провожанія его же, выключается изъ службы»²⁾. Та же кара постигла и Кампенгаузена.

Хотя, благодаря горячему заступничеству за нихъ литовскаго генераль-губернатора кн. Репнина и Бенкендорфа, государь скоро простилъ ихъ, тѣмъ не менѣе естественно предположить, что несправедливость государя и выговоръ Палену, объявленный въ крайне оскорбительныхъ выраженіяхъ, оставили въ сердцѣ какъ Палена, такъ и Зубова глубокіе слѣды негодованія.

Кн. Зубовъ уѣхалъ въ Германію. По возвращеніи въ Россію онъ жилъ въ своемъ литовскомъ помѣстьѣ, но лѣтомъ 1799 г. мы находимъ его гостившимъ въ имѣніи его брата гр. Валеріана во Владимірской губерніи. Въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года генераль-прокуроръ кн. Лопухинъ писалъ «секретно» владимірскому губернатору Руничу: «По всеподданнѣйшемъ моемъ государю императору докладѣ по отношенію вашего превосходительства отъ 28 прошлаго мая о упражненіяхъ князя и графа Зубовыхъ и о всемъ въ ономъ описанномъ, его императорское величество высочайше повелѣтъ соизволилъ: князю и графу Зубовымъ изъ деревень своихъ никуда не выѣзжать безъ особаго дозволенія, что вамъ, милостивый государь мой, къ исполненію и сообщаяю»³⁾.

Отмѣченныя нами курсивомъ слова показываютъ, что гдѣ бы Зубовы ни находились, вездѣ за ними слѣдили и о всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ доносили государю.

Въ томъ же 1799 г. въ августѣ, сенату былъ посланъ именной указъ: «По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ о недостающихъ суммахъ и о прочихъ недостаткахъ за персидскій походъ подъ начальствомъ отставнаго генерала графа Зубова, повелѣваемъ сенату нашему взять подъ секвестръ все его имѣніе и держать подъ онымъ

1) «Русская Старина», 1882, февраль, 494. Бенкендорфъ былъ рижскимъ генераль-губернаторомъ.

2) «Русская Старина», 1874, сентябрь, 189.

3) «Восемь Вѣкъ», кн. IV, 174.

до тѣхъ поръ, пока во всей точности все оное совершенно заплачено будетъ»¹⁾. Черезъ два мѣсяца (14 октября) императоръ Павелъ послалъ Руничу «тайное» повелѣніе: «имѣя свѣдѣніе о переводѣ денегъ за границу княземъ Zubовымъ, предписываю вамъ имѣть смотрѣніе по сему и доносить мнѣ всякій разъ, когда до свѣдѣнія вашего касательно сихъ переводовъ что нибудь дойдетъ». Затѣмъ приписано собственноручно: «равномѣрно и о полученіи денегъ изъ-за границы»²⁾.

Въ слѣдующемъ 1800 году, генераль-прокуроръ Обольяниновъ объявилъ сенату именной указъ, повелѣвавшій: «Все имѣніе фельдцейхмейстера Zubова и отставного генерала графа Zubова, кромѣ родового, взять въ казенное вѣдомство въ число всѣхъ суммъ, даже и тѣхъ, которыя сперва сложены были»³⁾.

Разительная перемѣна эта, по словамъ Гельбига, произошла такъ. «Нашли средство,—говоритъ онъ,—подбитыя къ Кутайсову, подкупивъ его любовницу. Черезъ этого всесильнаго въ то время человѣка всѣ Zubовы получили разрѣшеніе возвратиться въ Петербургъ. Достигнувъ этого, князь Zubовъ старался показать, что онъ очень тронутъ стараніями Кутайсова въ его пользу и, чтобы увѣрить его въ своей благодарности, сталъ показывать видъ, что желаетъ получить руку его дочери. Этой-то уловкой онъ и добился благоволенія Павла, который далъ ему и его братьямъ доказательство своей полной милости»⁴⁾.

Дѣйствительно, въ ноябрѣ и декабрѣ 1800 года состоялись высочайшіе приказы, въ которыхъ объявлено:

23-го ноября. «Отставной генераль-фельдцейхмейстеръ князь Zubовъ 1-й принятъ въ службу генераломъ отъ инфантеріи и назначенъ директоромъ 1-го кадетскаго корпуса, коему въ помощь опредѣленъ туда генераль-маіоръ Дибичъ, а генераль-маіору Клинеру оставаться попрежнему командиромъ онаго корпуса».

«Отставной генераль-отъ-кавалеріи графъ Zubовъ 2-й принятъ въ службу и назначенъ шефомъ лейбъ-кирасирскаго его императорскаго величества полку».

7-го декабря. «Отставной шталмейстеръ графъ Zubовъ принятъ въ службу генераль-лейтенантомъ и назначенъ шефомъ въ гусарскій полкъ, бывшій Глѣбова».

11-го декабря. «Генераль-отъ-кавалеріи графъ Zubовъ 2-й опредѣленъ директоромъ 2-го кадетскаго корпуса»⁵⁾.

Перемѣна отношеній императора Павла къ Zubовымъ нисколько не смягчила въ нихъ того затаеннаго ожесточенія, какое оставило

1) «Русская Старина», 1873, май, 624.

2) «Русская Старина», 1873, май, 627.

3) «Русск. Стар.», 1873 г., май, 627.

4) «Русск. Стар.», 1887 г., ноябрь, 430.

5) «Русск. Стар.», 1889 г., июль, 220—221.

четырехлѣтнее гоненіе. Нѣтъ сомнѣнія, что, помимо другихъ обстоятельствъ, вызывавшихъ общее недовольство правленіемъ Павла, оно было главной причиной преступнаго поведенія князя Зубова, обнаруженнаго имъ черезъ три мѣсяца послѣ помилованія.

Возвращаемся къ декабрьскимъ днямъ 1796 года.

Раздача населенныхъ имѣній, начавшаяся въ ноябрѣ, еще съ большою щедростью продолжалась въ декабрѣ. Находившіеся на службѣ въ Гатчинѣ генераль-маіоры: Плещеевъ, Кушелевъ, Донауровъ, Ростовчинъ, Аракчеевъ и Обольяниновъ, получили по 2,000 душъ; столько же получила и мать Екатерины Ивановны Нелидовой — вдова Анна Александровна, проживавшая въ Смоленской губерніи. Бригадиру Кологривову, статскому совѣтнику Николаю, лейбъ-медику дѣйствительному статскому совѣтнику Беку и гардеробмейстеру Кутайсову было дано по 1,500 душъ; статскому совѣтнику Роткирху, полковнику Баратынскому, подполковнику Аркадію Нелидову, бывшему королевско-французской службы директору почтъ дюку де-Поляньюку, дѣйствительному статскому совѣтнику Бажанову, дѣйствительному тайному совѣтнику Валуеву и гатчинскимъ служакамъ подполковникамъ: Канабиху, Давыдову, Малютину, Недоброву, Глазову, Грузинову, Адамовичу, Сназину, Котлубицкому, дано по 1,000 душъ; бригадиру Линденеру — 800 душъ, адъютанту семеновскаго полка Ратькову и унтеръ-штабмейстеру подполковнику Бычкову по 400 душъ. Сверхъ этихъ назначеній, было роздано разнымъ лицамъ 12,863 души, а всего въ декабрѣ 49,463 души.

Въ декабрѣ же получили: гофмейстеръ Юрій Виельгорскій — Слонимской губерніи, староство Каменецкое; бывшій литовскій великій маршалокъ Людвигъ Тышкевичъ — Минской губерніи, староство Любошанское; генераль-лейтенантъ графъ Буксгевденъ — Эстляндской губерніи, замокъ Лоде съ принадлежащими къ нему мызами; камеръ-фрау Перекусихина «въ разсужденіе долговременной усердной ея службы», кромѣ ежегодной пенсіи въ 1,200 рублей, получила поступившій въ казну домъ бывшаго придворнаго банкира Сутерланда съ принадлежащимъ къ нему мѣстомъ и строеніемъ и въ Рязанской губерніи казенной земли 4,517 десятинъ¹⁾.

Такая щедрая раздача казенныхъ населенныхъ земель обуславливалась убѣжденіемъ императора Павла, что казенные крестьяне, находясь подъ властію помѣщиковъ, будутъ болѣе обеспечены въ своихъ нуждахъ, нежели подъ надзоромъ чиновниковъ, какъ онъ высказался объ этомъ графу Ильинскому, когда еще былъ великимъ княземъ. Правда, въ общественныхъ кружкахъ поговаривали и другое, будто не столько щедрость и заботливость о крестьянахъ, сколько страхъ былъ причиною этой раздачи деревень, что будто

¹⁾ Сенатск. архивъ, I, именныя указы императора Павла.

этимъ средствомъ Павелъ думалъ предотвратить опасность народныхъ волненій, подобныхъ тѣмъ, какія вызвалъ мятежь Пугачева. Шишковъ, занося въ свои «Записки» этотъ слухъ, прибавляетъ отъ себя: «Сія, можно сказать, несчастная боязнь часто тревожила сердце сего монарха и была причиною тѣхъ излишнихъ осторожностей и непомѣрныхъ строгостей, какими, муча другихъ, и самъ онъ безпрестанно мучился и которыя вмѣсто погашенія мнимыхъ искръ возмущенія дѣйствительно порождали ихъ и воспламеняли» ¹⁾. Можно думать, что Шишковъ, говоря такимъ образомъ, отчасти и самъ раздѣлялъ справедливость этихъ слуховъ, но имъ едва ли можно вѣрить. Страхъ и тревога дѣйствительно гнѣздились въ сердцѣ Павла, но не крестьяне, которымъ онъ постоянно оказывалъ благодѣянія, внушали ихъ... Раздавая крестьянъ, онъ не имѣлъ въ виду никакой другой цѣли, кромѣ улучшенія ихъ быта, руководясь въ этомъ случаѣ усвоеннымъ себѣ идеальнымъ представленіемъ взаимныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ. Ему казалось, что обоюдныя выгоды, ихъ связывавшія, неизбѣжно должны будутъ установить между ними отеческія, патріархальныя отношенія, чего нельзя было ожидать отъ чиновниковъ. Насколько были вѣрны эти соображенія, показали, между прочимъ, и тѣ волненія, которыя въ началѣ 1797 года начались между крестьянами въ 11 губерніяхъ.

18-го декабря, въ тотъ самый день, когда въ Петропавловскомъ соборѣ опускали въ могилы гробы родителей Павла, онъ объявилъ о намѣреніи своемъ короноваться.

Въ манифестѣ, по этому случаю обнародованномъ, было сказано:

«По вступленіи Нашемъ на прародительскій нашъ императорскій престолъ, мы первымъ долгомъ почитаемъ принесть жертву благодаренія Вседержителю, владѣющему царствами человѣческими, и послѣдуя съ достоюльнымъ благоговѣніемъ примѣрамъ древнихъ царей Израильскихъ, потомъ православныхъ греческихъ императоровъ, тако-жъ благочестивыхъ предковъ нашихъ, самодержцевъ все-россійскихъ и другихъ христіанскихъ государей, воспріять новый залогъ благодати Господней возложеніемъ на себя короны и святѣйшимъ миропомазаніемъ, предполагая по образу тѣхъ же греческихъ православныхъ и другихъ христіанскихъ владѣтелей удостоить коронованія и нашу любезнѣйшую супругу императрицу Марію Ѳеодоровну, что съ Божіей помощію въ первопрестольномъ Нашемъ градѣ Москвѣ въ апрѣлѣ настоящаго 1797 года совершиться имѣтъ. Возвѣщаемъ о семъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, отечески приглашая, да соединять съ Нами усердныя и горячія мольбы къ Начальнику и Подателю всѣхъ благъ о ниспосланіи намъ силъ къ прехожденію верховнаго Ему служенія, на насъ возложеннаго

¹⁾ Записки Шишкова, т. I, 22.

во славу имени Его святого, въ утверждение всеобщаго покоя и въ распространение благоденствія имперіи напей»¹⁾).

Въ тотъ же день дѣйствительному тайному совѣтнику князю Николаю Борисовичу Юсупову былъ данъ указъ:

«Предположивъ коронованіе наше, съ Божіею помощію, произвестъ въ дѣйство въ апрѣлѣ наступающаго 1797 года, назначили мы васъ къ оному верховнымъ маршалою, соизволяемъ, чтобъ вы немедленно въ Москву отправились и вступили въ распоряженіе всего, что къ исполненію того принадлежитъ, руководствуясь обрядомъ, при семъ приложеннымъ; для пособія вамъ къ присутствію въ комиссіи подъ вашимъ предсѣданіемъ, опредѣляемъ генераль-лейтенанта и московскаго военнаго губернатора Архарова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника кабинета нашего члена Карадыкина, дозволяя вамъ взять отсюда архитекторовъ и прочихъ художниковъ и мастеровыхъ, да и другихъ чиновъ, сколько необходимо, безъ излишества, представя намъ роспись и получа на проѣздъ вамъ и прочихъ прогонныя деньги по чинамъ изъ кабинета; нужныхъ же вамъ, сверхъ того, для разныхъ должностей чиновъ можете истребовать изъ московскихъ присутственныхъ мѣстъ отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Измайлова, который, а равно и московскій военный губернаторъ, генераль князь Долгоруко въ получаютъ отъ насъ повелѣніе подавать по дѣлу, на васъ возложенному, зависящее отъ нихъ пособіе. О суммахъ, на разныя исправленія надобныхъ, снесите съ тайнымъ совѣтникомъ и государственнымъ казначеемъ Васильевымъ, дабы мы могли, по приглашенію вашему съ нимъ, оныя къ отпуску назначить. Впрочемъ объ успѣхахъ въ предлагаемомъ вамъ дѣлѣ имѣете доносить намъ часто».

Съ того же дня, то-есть съ 18-го декабря, императоръ Павелъ и императрица начали говѣть и 25-го числа въ день Рождества Христова приобщались св. таинъ.

Въ первыхъ числахъ января 1797 года гвардейскіе полки стали выступать въ походъ въ Москву, а 10-го марта изъ Павловска выѣхалъ туда же и императоръ Павелъ...

А. Корсаковъ.

¹⁾ П. С. Зак., № 17.659.

КЪ БІОГРАФІИ Н. В. УСПЕНСКАГО.

I.

Е СМОТРЯ на недавній сравнительно промежутокъ времени со дня кончины Николая Васильевича Успенскаго (всего 7 лѣтъ), имя «этого оригинальнаго человѣка и писателя, даровитаго въ высшей степени»¹⁾, теперь уже почти забыто и обществомъ и литературой, и въ печати имѣется очень мало біографическихъ свѣдѣній о его жизни, педагогической, служебной и литературной дѣятельности, а между тѣмъ судьба его на столько замѣчательна, интересна и даже до нѣкоторой степени поучительна, что заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Забытъ онъ, надо думать, потому, что втеченіе своей кратковременной жизни успѣлъ написать немного, всего три небольшія книжечки рассказовъ изъ народной жизни, хотя рассказовъ глубокихъ по замыслу и художественныхъ по отдѣлкѣ. Отчасти незнакомство публики съ произведеніями Успенскаго произошло оттого, что какъ при жизни его, такъ и послѣ смерти некому было распространять его изданія, и теперь рассказы его можно найти развѣ у букинистовъ, у любителей бібліографическихъ рѣдкостей, да въ тѣхъ дубличныхъ бібліотекахъ, которыя возникли при его жизни; въ провинціи же совсѣмъ нѣтъ ихъ ни въ городскихъ, ни въ народныхъ бібліотекахъ «общества трезвости», гдѣ слѣдовало бы болѣе всего

¹⁾ Изъ письма почитателя Успенскаго, подтавскаго жителя И. А. Бунина, въ «Новомъ Словѣ» (за 1896 годъ, январь). Г. Бунинъ собираетъ матеріалы, чтобы составить полную біографію Н. В.—ча.

имъ бытъ. Самое же главное, отчего забыть Николай Васильевичъ,— это равнодушіе нашихъ исторіографовъ и біографовъ къ памяти своихъ прежнихъ литературныхъ дѣятелей.

Вообще судьба нашихъ русскихъ писателей довольно плачевна. Рѣдкіе изъ нихъ достигали глубокой старости и могли видѣть благодарность современниковъ «за дѣло рукъ своихъ». У многихъ развили талантъ въ зрѣлыхъ годахъ, когда они уже не могли написать многого; а иные начали свою литературную дѣятельность при такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, гдѣ невозможно было создать что либо выдающееся. Николай Васильевичъ Успенскій именно принадлежалъ къ числу такихъ неудачниковъ, которыхъ вездѣ и всегда преслѣдовалъ какой-то злой рокъ. Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ свѣдѣній, мы не можемъ прослѣдить его жизнь въ молодыхъ лѣтахъ, его дѣтство и отрочество, чтобы судить, когда и какъ развилось его литературное дарованіе, при какихъ обстоятельствахъ установились тѣ или другіе его взгляды на жизнь и общество и, наконецъ, вслѣдствіе какихъ причинъ образовался его меланхолическій характеръ, его всегдашняя сосредоточенность и сильная и подчасъ безпричинная задумчивость, что въ концѣ концовъ повело къ тому, что онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ.

Въ отысканныхъ мной архивныхъ дѣлахъ въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ и 1-мъ Московскомъ кадетскихъ корпусахъ, гдѣ служилъ онъ нѣкоторое время, нельзя почерпнуть положительныхъ свѣдѣній объ этомъ. Неизвѣстно даже, кто были его родители. Только изъ послужного списка, составленнаго 23-го августа 1873 г. и хранящагося въ архивѣ 1-го Московскаго кадетскаго корпуса, видно, что онъ происходилъ «изъ духовнаго званія, вѣроисповѣданія православнаго», и ко дню составленія списка имѣлъ отъ роду 36 лѣтъ.

Учился онъ въ Тульской духовной семинаріи, но не окончилъ въ ней курса и «изъ высшаго ея отдѣленія, по прошенію», былъ «уволненъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію и, опредѣленіемъ святѣйшаго синода, отъ 27-го марта 1856 года, исключенъ изъ духовнаго званія»; но въ академіи также пробылъ недолго, не докончилъ курса и перешелъ въ Петербургскій университетъ, откуда вышелъ, опять-таки не окончивъ курса, а лишь выдержавъ при университетѣ «испытаніе на званіе учителя русскаго языка уѣзднаго училища», и испытательнымъ комитетомъ, 20-го ноября 1861 года, удостоенъ этого званія, съ полученіемъ узаконеннаго свидѣтельства.

Судя по даннымъ послужного списка, по крайней мѣрѣ, до 1864 г., онъ оставался безъ службы и только въ этомъ году предписаніемъ директора училищъ Тульской губерніи былъ «допущенъ къ исправленію должности учителя русскаго языка въ Черное уѣздное училище», «впредь до утвержденія въ этой должности, безъ жалованія». Наконецъ, циркуляромъ по Московскому учебному округу, отъ 18-го сентября 1864 г., за № 27, онъ былъ утвержденъ въ этой дол-

жности и получилъ «не въ зачетъ третное жалованіе». Но не долго прослужилъ здѣсь Успенскій. 18-го мая 1866 г. предписаніемъ попечителя того же округа (№ 1389), по прошенію, былъ уволенъ отъ службы, однако «съ обязательствомъ» или внести «при поштушеніи на службу въ другое вѣдомство сполна полученное имъ не въ зачетъ третное жалованіе, или дослужить за таковое пособіе двухъ-годовалный срокъ по учебной части министерства народнаго просвѣщенія».

Не имѣя копейки за душой, онъ, конечно, не могъ уплатить это «третье жалованіе» (неизвѣстно въ какомъ размѣрѣ) и принужденъ былъ снова 13-го сентября 1868 года занять должность учителя ¹⁾ въ Волховскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ, дослуживъ только требуемый двухлѣтній срокъ, 29-го января 1869 года совсѣмъ уволился отъ службы «въ отставку» (предписаніемъ попечителя за № 311).

Видимо, ему не нравилась служба по министерству народнаго просвѣщенія, тѣмъ болѣе въ уѣздныхъ училищахъ, гдѣ въ то время должность учителя оплачивалась довольно скудно, и онъ рѣшилъ попытать счастья перейти въ другое вѣдомство. Къ сожалѣнію, «дипломъ» его не допускалъ этого. Тогда онъ сталъ хлопотать, чтобы выдержать при Петербургскомъ университетѣ «установленныя испытанія на званіе учителя русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ учрежденій императрицы Маріи», и достигъ этого. «По оказаннымъ имъ очень хорошимъ познаніямъ», какъ аттестовалъ его историко-филологическій факультетъ, онъ былъ признанъ «достойнымъ означеннаго званія, на каковое и выданъ ему дипломъ за № 306, 1869 года, марта 14-го».

Въ слѣдующемъ году, благодаря этому диплому, распоряженіемъ принца Ольденбургскаго, онъ былъ опредѣленъ учителемъ русскаго языка въ дѣтскій пріютъ имени его высочества (приказъ по министерству внутреннихъ дѣлъ 12-го ноября 1870 года), а оттуда, какъ хорошій преподаватель, высочайшимъ приказомъ по военно-учебнымъ заведеніямъ отъ 5-го марта 1872 года за № 12 переведенъ въ оренбургскую Неплюевскую военную гимназію (какъ тогда назывались кадетскіе корпуса) «исправляющимъ должность штатнаго преподавателя по предмету русской словесности». Прибылъ и вступилъ въ должность 14-го апрѣля. Затѣмъ, въ 1873 году, ноября 16-го, приказомъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній переведенъ тѣмъ же званіемъ въ 1-ю московскую военную гимназію.

Этимъ заканчивается его служебная карьера. Дальнѣйшія данныя послужнаго списка показываютъ только, что «неимѣющей чина» Николай Васильевичъ «Успенскій» «въ сраженіяхъ, походахъ и штрахахъ по суду и безъ суда не былъ». Въ отпускахъ: въ 1865

¹⁾ По предписанію того же числа попечителя Харьковскаго учебнаго округа.
«истор. вѣстн.», декабрь, 1896 г., т. LVII.

году съ 6-го декабря на 7 дней въ С.-Петербургъ; съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія отпускъ этотъ продолженъ на 2 мѣсяца, и на срокъ явился; затѣмъ въ 1866 году съ 10-го мая на 28 дней; въ декабрѣ 1868 года на 14 дней сверхъ зимнихъ каникулъ. Въ отставкѣ: съ 29-го января 1869 года по 12-е ноября 1870 года. Холостъ».

II.

Служа въ Оренбургѣ, Н. В. оставилъ по себѣ добрую память чловѣка честнаго и даровитаго, но молчаливаго и мало общительнаго. Можетъ быть, товарищи не любили его за такой характеръ, но гимназическое начальство особенно благоволило къ нему и, не смотря на его частую нетрезвость, дорожило имъ, такъ какъ, при всѣхъ своихъ слабостяхъ и недостаткахъ, онъ «исполнялъ свои обязанности учителя добросовѣстно и, если иногда пропускалъ уроки, то вслѣдствіе лихорадки (sic), которую получилъ въ Оренбургѣ». «Дисциплинарнымъ взысканіямъ за упущенія и проступки не подвергался»¹⁾. При переводѣ же его въ 1-ю московскую гимназію, директоръ Неплюевской гимназіи, генераль-маіоръ Домерщиковъ, въ своемъ конфиденціальномъ письмѣ²⁾, отъ 7-го сентября 1873 года, за № 4, далъ такой о немъ лестный отзывъ:

«Годичное знакомство съ г. Успенскимъ показало мнѣ, что, какъ преподаватель, онъ былъ постоянно усерденъ и велъ занятія въ классахъ хорошо. Не подлежить никакому сомнѣнію, что съ лѣтами и способностями, въ которыхъ не трудно было убѣдиться въ короткое время, изъ г. Успенскаго можетъ выработаться очень хорошій преподаватель. Сколько я могъ замѣтить, г. Успенскій принадлежитъ къ разряду людей сдержанныхъ, у которыхъ образъ мыслей не легко узнается, и въ продолженіе моего знакомства съ г. Успенскимъ въ его образѣ мыслей я не имѣлъ случая замѣтить что либо предосудительное».

Казалось бы, что при такой хорошей аттестаціи, да еще съ весьма солиднымъ по тому времени для холостаго чловѣка содержаніемъ («Успенскій имѣлъ 20 годовыхъ уроковъ, съ платою по 75 рублей за каждый») ³⁾ и при дешевизнѣ оренбургской жизни, можно было бы надѣяться, что на этотъ разъ карьера Н. В. упрочится, и онъ надолго останется служить въ Оренбургѣ. Но, увы, онъ и тутъ не ужился, причиной чему, какъ можно судить по архивнымъ даннымъ, было его «болѣзненное состояніе».

¹⁾ Изъ донесенія директора Неплюевской гимназіи въ главное управление военно-учебныхъ заведеній, 14-го августа 1874 года, № 1410. (Дѣло Неплюевского кадетскаго корпуса 1873 года, № 33).

²⁾ На имя директора московской гимназіи. (Дѣло московскаго кадетскаго корпуса 1873 года, № 49).

³⁾ Дѣло Неплюевскаго кадетскаго корпуса, № 33.

Пріѣхалъ онъ въ Оренбургъ, какъ извѣстно, 14-го апрѣля 1872 года, а уже съ 3-го іюня до окончанія каникулъ находился въ отпуску «для поправленія своего здоровья» ¹⁾, и почти все время отпуска, съ 17-го іюня по 1-е августа, живя въ своемъ родномъ городѣ Ефремовѣ (Тульской губерніи), лѣчился «отъ хроническаго катарра желудочно-кишечнаго канала и желчныхъ путей» у тамошняго врача Петропавловскаго, который, «будучи знакомъ съ нимъ ранѣе въ теченіе 5-ти лѣтъ и зная его прежде здоровымъ», объяснилъ причину «настоящихъ его страданій» дѣйствіемъ «оренбургскаго климата» ²⁾.

Но на сколько справедливо это мнѣніе, судить, конечно, трудно, хотя нельзя не сказать при этомъ, что Н. В. прожилъ въ Оренбургѣ, какъ говорится, безъ году недѣля, всего какихъ нибудь полтора мѣсяца, такъ что только по этому одному нельзя даже допустить мысли, чтобы въ такой короткій срокъ онъ успѣлъ захватить столь серьезную болѣзнь, которая укрѣпляется годами. Очевидно, задолго еще до пріѣзда въ Оренбургъ, онъ разрушилъ свой организмъ чрезмѣрнымъ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ, отчего сначала образовался легкій катарръ, перешедшій потомъ въ хроническій, который въ нестерпимо жаркомъ и сухомъ оренбургскомъ климатѣ увеличился еще большими страданіями ³⁾.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, но, воротившись изъ отпуска въ Оренбургъ, Успенскій только два мѣсяца пробылъ безъ лѣченія и лѣкарствъ, а затѣмъ съ октября 1872 по іюнь 1873 года снова лѣчится у врача Рапелевскаго отъ того же «хроническаго катарра желудочно-кишечнаго канала». На этотъ разъ «болѣзнь проявилась поврежденными неправильными отправленіями пищеваренія, отсутствіемъ аппетита, неправильнымъ, слизистымъ вкусомъ и неправильными слизистыми испраженіями, которыя по временамъ задерживались на нѣсколько сутокъ. При этомъ появились боли въ животѣ и въ сторонѣ печени, литсоризмъ и гипохондрическое настроеніе духа». Врачъ находилъ, что «такъ какъ оренбургскій климатъ въ высшей степени способствуетъ развитію и поддержанію вообще катарралныхъ страданій», то для успѣшнаго лѣченія болѣзни совѣтовалъ Успенскому «перемѣнить мѣсто жительства и лѣчиться въ климатѣ болѣе умѣренномъ и влажномъ» ⁴⁾.

Н. В. послѣдовалъ этому совѣту, взявъ 7-го іюня 1873 года

¹⁾ Мѣсячные рапорты Неплюевской военной гимназіи за 1872 годъ, дѣло по описи № 10/530.

²⁾ Въ дѣлѣ московскаго корпуснаго архива № 49 свидѣтельно этого врача отъ 1-го августа 1872 года, № 100.

³⁾ Не лишне припомнить здѣсь, что покойный критикъ нашъ А. А. Григорьевъ, служившій съ 1861 по 1862 годъ въ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, благодаря сильнымъ кутежамъ, схватилъ точно такую же болѣзнь, которая потомъ свела его въ могилу. («Историческій Вѣстникъ», 1894 г., № 12, стр. 787).

⁴⁾ Свидѣтельство врача Рапелевскаго, отъ 7-го іюня 1873 года, за № 73, въ дѣлѣ московскаго корпуснаго архива, № 49.

отпускъ «во всё города Россійской имперіи впредь до 5-го августа» ¹⁾ и уѣхалъ въ Москву. На счастье его, въ это время въ 1-й московской военной гимназіи открылась вакансія на должность преподавателя русскаго языка. Успенскій воспользовался этимъ случаемъ и за день до окончанія отпуска, 4-го августа, давъ знать начальству Неплюевской гимназіи телеграммой, что «по разстроенному здоровью и совѣту врача возвратиться не можетъ, ходатайствуетъ служить въ Москвѣ»,—7-го августа подалъ директору московской гимназіи прошеніе, въ которомъ также объяснялъ, что, «по совѣту врачей, Оренбургскій климатъ не позволяетъ ему продолжать службу въ Неплюевской гимназіи», и поэтому просилъ «исходатайствовать разрѣшеніе главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній перевести его въ 1-ю московскую гимназію» ²⁾, представивъ при этомъ для удостовѣренія своей болѣзни медицинскія свидѣтельства двухъ вышепоказанныхъ врачей Ралелевскаго и Петропавловскаго.

Исправляющій должность директора 1-й московской гимназіи (инспекторъ классовъ) полковникъ Попелль-Давыдовъ, сдѣлавъ по этому поводу «представленіе въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній» о временномъ допущеніи Успенскаго къ занятію вакантныхъ классовъ русской словесности», въ свою очередь, 18-го августа, обратился къ директору Неплюевской гимназіи съ запросомъ: «можетъ ли быть переведенъ г. Успенскій и не имѣется ли къ тому препятствій» ³⁾.

Отвѣтъ получился скоро и хотя не препятствовавшій переводу, но для Н. В. мало утѣшительный. Генераль Домерщиковъ (23-го августа, № 1.309) писалъ: «хотя съ переводомъ Успенскаго Неплюевская военная гимназія поставлена будетъ въ крайне затруднительное положеніе относительно распредѣленія уроковъ русскаго языка и словесности; но обстоятельство это поводомъ къ задержанію г. Успенскаго служить не будетъ, если на переводъ его послѣдуетъ распоряженіе главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній. Но при томъ считаю нужнымъ присовокупить, что съ переводомъ г. Успенскаго въ Москву, онъ, какъ не прослужившій въ Оренбургѣ 3-хъ лѣтъ, на основ. 1,222 ст. т. III Св. Зак. гражд. изд. 1857 г., обязанъ возвратитъ полученное имъ, при назначеніи въ Неплюевскую гимназію, пособіе въ размѣрѣ 1.500 рублей и двойныя прогонныя деньги» ⁴⁾.

По всему видно было, что директору Неплюевской гимназіи очень не хотѣлось отпускать отъ себя Н. В.—ча, какъ учителя даровитаго, и если онъ не препятствовалъ его переводу открыто, на

¹⁾ Дѣло Неплюевскаго кадетскаго корпуса за 1873 г., № 23.

²⁾ Дѣло 1-й московской гимназіи, № 49.

³⁾ Изъ дѣла Неплюевскаго кадетскаго корпуса № 33, отношеніе за № 1.600.

⁴⁾ Тамъ же.

что, конечно, не имѣлъ права, то своими выраженіями, какъ при сношеніи съ директоромъ московской гимназіи, такъ и съ начальникомъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній ¹⁾, ясно выказывалъ свое нежеланіе на этотъ переводъ.

Узнавъ объ этомъ и не надѣясь, видимо, на благопріятный исходъ, Успенскій 23-го сентября снова подалъ директору 1-й гимназіи прошеніе, гдѣ «убѣдительнѣйше» просилъ ходатайства предъ начальникомъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній «какъ объ освобожденіи его отъ возврата въ казну пособия при поступленіи въ Неплюевскую гимназію, такъ и о переводѣ его въ 1-ю московскую гимназію, такъ какъ продолженіе службы въ Оренбургѣ угрожаетъ ему опасными послѣдствіями»; и, должно быть, для большей убѣдительности въ своемъ «болѣзненномъ состояніи» представилъ еще третье медицинское свидѣтельство на этотъ разъ уже врача 1-й московской гимназіи, доктора медицины Скопина, который также «удостоверялъ», что «Успенскій, 36 лѣтъ, съ давняго времени страдаетъ желчными припадками, происходящими отъ расстройства печени; въ настоящее время имѣетъ неправильное пищевареніе, осложненное катарромъ желудка; на кожѣ замѣтны желчныя пятна, нерѣдко появляется головокруженіе, кашель и одышка, особенно при ускоренномъ движеніи. Припадки эти постоянно усиливались въ сухомъ и жаркомъ климатѣ, поэтому для сохраненія здоровья необходимо перемѣнить климатъ» ²⁾.

Свидѣтельство это, видимо, подѣйствовало. Главное управленіе взяло его просьбѣ, и черезъ полтора мѣсяца, 16-го ноября того же 1873 года (см. въ I главѣ), Успенскій былъ опредѣленъ въ московскую гимназію «исправляющимъ должность штатнаго преподавателя русскаго языка и словесности» ³⁾, но, какъ увидимъ ниже, отъ возврата въ казну полученнаго имъ пособия 1.500 рублей и двойныхъ прогоновъ его «не освободили».

III.

Не повезло Успенскому и въ 1-й московской гимназіи. Странный былъ у него характеръ. Зиму еще кое-какъ онъ могъ прожить въ томъ городѣ, въ которомъ служилъ, но весной его тянуло во что бы то ни стало, безъ всякой видимой необходимости, уѣхать въ

¹⁾ Еще 6-го августа, тотчасъ же по полученіи телеграммы отъ Успенскаго, Домерщикова послалъ главному начальнику военно-учебныхъ заведеній телеграмму въ такихъ выраженіяхъ: «преподаватель Успенскій телеграфируетъ, что проситъ перевестись въ Москву, въ гимназію, остаемся безъ русскаго учителя».

²⁾ Свидѣтельство доктора Скопина, отъ 22-го сентября 1873 года, въ дѣлѣ московскаго корпуснаго архива, № 49.

³⁾ Замѣтимъ здѣсь, что какъ въ московской, такъ и въ Неплюевской гимназіяхъ онъ былъ «исправляющимъ должность»; утвердить же въ должности «штатнаго преподавателя» его было нельзя, ибо, какъ сказано выше, онъ «не имѣлъ чина».

отпускъ, хотъ куда нибудь, лишь бы не быть подъ надзоромъ своего начальства.

Прослужилъ онъ въ Москвѣ только зиму 1873 — 1874 года, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, далеко еще до окончанія классныхъ занятій, не говоря никому не слова и не испрашивая себѣ отпуска, уѣхалъ въ гор. Веневъ (Тульской губерніи), гдѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ проживалъ «безъ письменнаго вида», не имѣя ни малѣйшей охоты явиться къ мѣсту служенія, не смотря «на неоднократныя требованія» гимназическаго начальства, такъ что въ концѣ концовъ, въ силу необходимости, директору московской гимназіи пришлось донести о случившемся въ главное управление военно-учебныхъ заведеній. Тамъ на это дѣло посмотрѣли строго. Генераль-отъ-инфантеріи Корсаковъ увидѣлъ въ поступкѣ Успенскаго не больше, не меньше, какъ побѣгъ, «за что, по 133 и 135 ст. XXII т. Св. военн. пост. 1869 года, онъ подлежалъ судебному преслѣдованію» ¹⁾. Началось слѣдствіе. Между прочимъ, чтобы «опредѣлить послѣдствія его вины», сдѣланъ былъ запросъ ²⁾ и директору Неплюевской гимназіи, котораго обязали отвѣтить на слѣдующіе четыре вопросныхъ пункта: 1) отличался ли Успенскій во время службы въ этой гимназіи какъ усердіемъ въ исполненіи служебныхъ обязанностей, такъ и нравственными качествами, или подвергался дисциплинарнымъ взысканіямъ за какіе либо проступки и упущенія? 2) Огпущена ли ему и въ какое именно время, согласно предписанія главнаго управления военно-учебныхъ заведеній, отъ 19-го марта 1872 года, за № 3.254, въ Оренбургѣ вторая половина денежнаго пособія ³⁾, по выдачѣ первой изъ главнаго казначейства, за удержаніемъ 10% въ инвалидный капиталъ? 3) Не производилось ли изъ жалованія Успенскаго какого либо вычета, съ обращеніемъ денегъ въ оренбургское губернское казначейство, послѣ полученія въ 1873 году приказа главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній о переводѣ его въ 1-ю московскую военную гимназію? и 4) какое количество, при производствѣ сего вычета,

¹⁾ Статьи эти гласили: всякое самовольное отсутствіе военно-служащихъ отъ команды или отъ мѣста своего служенія, продолжающееся въ мирное время долѣе шести дней, а въ военное время долѣе трехъ дней, признается побѣгомъ, за что виновные офицеры и гражданскіе чиновники военного вѣдомства подвергаются: въ мирное время исключенію изъ службы или отставленію отъ оной, или содержанію на гауптвахтѣ отъ 8-хъ до 6-ти мѣсяцевъ.

²⁾ Предписаніемъ главнаго управления военно-учебныхъ заведеній отъ 31-го іюля 1874 г. за № 704, въ дѣлѣ Неплюевского корпуснаго архива, № 33.

³⁾ Т. е. 75 рублей (см. выше гл. II). По положенію о Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, всѣ назначаемые въ него служащіе офицеры и гражданскіе чиновники, хотя бы изъ отставки, получали не въ зачетъ годовой окладъ жалованія (помимо двойныхъ прогоновъ), съ тѣмъ, чтобы назначаемый этотъ прослужилъ въ немъ не менѣе трехъ лѣтъ. Если же онъ выйдетъ изъ корпуса ранѣе этого срока, то обязанъ былъ возвратитъ выданныя ему въ пособіе деньги, а также и прогоны. Часть жалованья — половина, и прогонныя деньги выдавались при назначеніи изъ главнаго управления а другая часть потомъ, по прибытіи на мѣсто, по ассигновкѣ кадетскаго корпуса.

составляла недовзысканная сумма, и когда было сообщено о взысканіи ея директору упомянутой (то-есть московской) гимназіи?

Генераль Домерщиковъ на первый вопросъ объ Успенскомъ отозвался съ похвалою; что же касается другихъ вопросовъ, то, хотя вторая половина пособия 750 рублей (за вычетомъ 75 рублей въ инвалидный капиталъ) и выдана была Успенскому въ Оренбургѣ 24-го апрѣля 1872 года, но такъ какъ, при отъѣздѣ его 7-го іюня 1873 года въ отпускъ, онъ, какъ прослужившій въ гимназіи годичный срокъ, получилъ все жалованіе за каникулярное время по 16-е августа впередъ, то послѣ назначенія его въ московскую гимназію вычетовъ на пополненіе пособия этого производить было уже не изъ чего, о чемъ еще 18-го августа 1873 года директоръ Неплюевской гимназіи сообщилъ директору московской гимназіи. Но тамъ, видимо, также не производили никакого вычета, если съ Успенскаго всѣ деньги взыскивались полностью.

Такимъ образомъ, помимо наказанія за «побѣгъ», Успенскому предстояла еще весьма незавидная перспектива быть чуть невѣчнымъ и неоплатнымъ должникомъ казны. Къ сожалѣнію, изъ дальнѣйшей переписки не видно, что сдѣлали съ нимъ, къ какому наказанію намѣревались приговорить его и какимъ порядкомъ хотѣли взыскать съ него эти деньги.

Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ некрологахъ, помѣщенныхъ послѣ его смерти въ 1889 году¹⁾, указывалось, что онъ «уволился изъ московской гимназіи по прошенію въ концѣ 1874 года»; но это едва ли справедливо, ибо зачѣмъ же тогда понадобилось главному управленію военно-учебныхъ заведеній заводить о немъ длинную переписку и привлекать его къ уголовной отвѣтственности «за побѣгъ». Скорѣе всего, онъ не «просилъ отставки», а ему «дали отставку». Что же касается подъемныхъ денегъ, то врядъ ли ихъ возможно было съ него взыскать, если у него не было ни копейки за душой.

Николай Васильевичъ послѣдніе годы своей жизни велъ себя безалаберно, перебиваясь съ куска на кусокъ и перекочевывая, гдѣ день, гдѣ ночь, изъ города въ городъ, изъ Москвы въ Тулу и изъ Тулы въ Москву. Положимъ, онъ и въ это время не переставалъ писать, изрѣдка помѣщая свои произведенія преимущественно въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, но это уже были заурядныя произведенія, исключительно ради «поддержанія своего существованія», хотя нѣкоторые и изъ послѣднихъ его рассказовъ, какъ, напримѣръ, «Стрѣлочникъ» и «Сельская школа» (напечатанные, кажется, въ «Нивѣ» за 1880 годъ), доказываютъ, что въ немъ не совсѣмъ еще зачахъ талантъ художественнаго творчества.

Въ послѣдній періодъ своей жизни Н. В. дошелъ до такого плачевнаго состоянія, что утратилъ всякій образъ благовоспитан-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», 1889 г., т. XII, стр. 681; «Русскія Вѣдомости», 1889 г., № 296.

наго человѣка, жилъ въ трущобахъ и являлся съ разными оборванцами и золоторотцами. Одинъ изъ его знакомыхъ, Николай Павловичъ Мельниковъ (сынъ извѣстнаго Мельникова-Печерскаго) вотъ какъ рассказываетъ о его жизни послѣднихъ лѣтъ ¹⁾.

«Познакомился я,—говоритъ Мельниковъ,—съ Н. В. въ 1887 г. въ Тулѣ, гдѣ служилъ въ это время въ отдѣленіи государственнаго банка. Между другими служащими своими особенно близко сошелся я съ Михаиломъ Федоровичемъ Алехинымъ, человѣкомъ хотя молодымъ, но начитаннымъ и довольно развитымъ. Не разъ мы бесѣдовали съ нимъ о русской литературѣ и нашихъ литераторахъ, при чемъ онъ съ особеннымъ увлеченіемъ и похвалой отзывался о Н. В. Успенскомъ и рассказывалъ о его съ нимъ встрѣчахъ, когда Алехинъ еще былъ сельскимъ учителемъ въ одномъ изъ селъ Тульской губерніи и куда къ нему ежегодно навѣдывался Н. В., путешествовавшій изъ села въ село «для изученія, какъ онъ говорилъ самъ, народа». Михаилъ Федоровичъ передавалъ мнѣ, какъ Н. В. былъ чуждъ заботъ объ удобствахъ своей жизни и комфорта, какъ не разъ уклонялся отъ всѣхъ предложеній его двоюроднаго брата Глѣба Успенскаго и другихъ лицъ, желавшихъ оказать ему матеріальную помощь, какъ онъ опускался все ниже и ниже, часто изображалъ изъ себя нѣчто въ родѣ шута и за копеечныя подачки потѣшалъ почтеннѣйшую публику въ кабакахъ и пивныхъ. Это меня сильно заинтересовало, и я взялъ слово съ Алехина, что при первой возможности онъ познакомитъ меня съ Успенскимъ.

«Не помню, кажется, въ половинѣ февраля того же года, мы только что окончили въ банкѣ занятія, М. Ф. подходитъ ко мнѣ и сообщаетъ новость, что Н. В. въ Тулѣ, они уже видѣлись, у нихъ въ этотъ день было еще назначено свиданье, и при этомъ предложилъ мнѣ сопутствовать ему, на что я, конечно, охотно согласился.

«Такъ приблизительно часовъ въ 8 вечера я зашелъ за Алехинымъ, и мы вмѣстѣ отправились въ одну изъ самыхъ грязнѣйшихъ пивныхъ, какую только можно было найти въ Тулѣ, но которая между тѣмъ служила чуть не главнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было всегда найти Успенскаго, такъ какъ пивная эта посѣщалась исключительно простымъ людомъ. При входѣ нашемъ, три комнаты ея были переполнены народомъ, преимущественно мастеровыми и заводскими рабочими,—духота стояла невыносимая, табачный дымъ положительно слѣпилъ глаза, шумъ, гамъ, крики полупьяной толпы сначала оглушили меня. Я долго не могъ разобрать и понять, чему это люди смѣются, гогочутъ, взбираются на столы. Наконецъ, въ одномъ углу глаза мои различили почти сѣдаго, но еще бодрого на видъ, высокаго роста, довольно красиваго старика, съ боль-

¹⁾ Съ г. Мельниковымъ мнѣ случайно пришлось познакомиться въ Нижнемъ Новгородѣ, и онъ на столько былъ любезенъ, что, помимо устнаго разсказа, нарочно написалъ для меня свои воспоминанія объ Успенскомъ.

шой окладистой бородой, что-то смѣшное рассказывающаго столпившимся около него мастеровымъ. Мы протолкались ближе. Старикъ сидѣлъ на скамьѣ, держалъ на веревочкѣ небольшое полутора аршинное чучело крокодила и подергивалъ его, точно заставляя плясать, прикрашивая это оригинальное представленіе шуточками и остротами. Рядомъ съ нимъ съ гармоникой въ рукахъ стояла очень миловидная, но истомленная и плохо одѣтая дѣвочка, лѣтъ десяти, напоминавшая собой типъ дѣвочекъ, что пляшутъ и поютъ подъ звуки шарманокъ странствующихъ артистовъ. Это и былъ Николай Васильевичъ Успенскій съ своей дочерью ¹⁾.

«Признаюсь, я былъ пораженъ, когда узналъ объ этомъ. Мнѣ было стыдно и какъ-то неловко смотрѣть на такое шутовство извѣстнаго писателя, одѣтаго чуть не въ рубище.

«Когда представленіе кончилось, и Алехинъ отрекомендовалъ меня Н. В-чу, мы потребовали пива и заняли отдѣльную комнату. Успенскій въ это время былъ необыкновенно разговорчивъ, какъ будто онъ сидѣлъ въ роскошныхъ палатахъ и наслаждался всѣми благами жизни.

— «Сегодня хорошо, Миша, работаю,—обратился онъ къ Алехину, когда мы сѣли за столъ,—около рубля, а то и слишкомъ набралъ.

«Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— «Дивитесь!—уловилъ онъ мой взглядъ и улыбнулся,—не видѣли такихъ писателей? Что жъ, по правдѣ сказать, всѣ нынѣшніе писатели—шуты гороховые въ литературѣ, а я шута въ жизни ломаю. Отъ тѣхъ вредъ, а я развлеку, позабавлю и возьму, что дадутъ, вотъ тѣмъ и живу.

«Онъ точно понималъ мысли, волновавшія меня при его видѣ, и самъ предупреждалъ могущіе произойти вопросы, торопился рассказать о своей жизни, изрѣдка пересыпая рѣчь шуточками и прибаутками.

— «Я вѣдь учитель по профессіи,—говорилъ онъ.—Недавно еще мнѣ предлагали мѣсто учителя въ духовной семинаріи, но не стоитъ учить. Къ чему? Чтобы хапугъ и подхалюзниковъ плодить ²⁾?.. Этого еще не доставало!.. Другой надежды подаетъ, ты въ него всю душу готовъ вложить, а тамъ глядишь, какъ вкусить жизни, такая дрянь дѣлается, такой хапуга... что диву даешься, обида беретъ, стыдно даже становится, что ты въ него когда-то доброе вкладывалъ.

«Меня все больше и больше интересовалъ Н. В. Я сидѣлъ, почти не спуская глазъ съ него. Онъ залпомъ выпилъ стаканъ пива,

¹⁾ Необходимо замѣтить: по службному списку Н. В-ча видно, что до 1874 года онъ оставался холостымъ, Мельниковъ же увѣряетъ, что у него была дочь, которая потомъ, какъ увидимъ ниже, была причиною его трагической кончины. Впрочемъ, можетъ быть, впоследствии, по выходѣ въ отставку, онъ и женился. Года дѣвочки до нѣкоторой степени подтверждаютъ это.

²⁾ Здѣсь нѣкоторыя изъ выраженій Успенскаго, какъ не удобныя въ печати, нами выпущены.

точно у него во рту пересохло, утеръ рукавомъ своего до нельзя поношеннаго полупубка мокрые усы и снова продолжалъ, какъ бы по заказу, изливать свою желчь, видимо давно и много накопившуюся въ немъ.

— «Писать?... что? для кого? На пикантности я не мастеръ, романовъ съ ногъ сшибательныхъ, отъ которыхъ морозъ по кожѣ деретъ, и волосы дыбомъ становятся,—миловаль Богъ,—не писалъ, а правду простую, правду тихую, народнѣю, не кричащую, имъ не надо, не любятъ!.. подавай имъ коли горе, такъ чтобы и съ голодомъ, да съ холодомъ, и съ смертями, и чортъ знаетъ еще съ чѣмъ... Ну ихъ!..

«Н. В. махнулъ рукой и съ какимъ-то остервенѣніемъ проглотилъ новый стаканъ пива.

— «Вотъ Толстой! Развѣ это народникъ! Ну, писалъ бы романы, аристократію свою какъ слѣдуетъ освѣщаль, а то взялся не за свое дѣло. Разъ я былъ въ Москвѣ, иду мимо Сухаревской... въ халатѣ и опоркахъ, вѣдь мнѣ непривыкать стать... смотрю—Левъ Николаевичъ въ зипунѣ, въ лаптяхъ тутъ же шляется. Ба!.. ваше сіятельство, какими судьбами, что вы дѣлаете ¹⁾).

— «Народъ изучаю!..

— «Постыдитесь!.. вы графъ, богачъ, романистъ... зачѣмъ у насъ, бѣдняковъ, послѣдній кусокъ хлѣба отбиваете?

«Я такъ пристыдилъ его,—добавилъ въ заключеніе своего разсказа Успенскій,—что онъ тотчасъ же удралъ съ толкучки. Да и на самомъ дѣлѣ, что его заставляетъ д... ломать...

«Въ бесѣдѣ съ нами Н. В. точно хотѣлъ излить всю скорбь своей наболѣвшей души. Онъ разсказалъ и про свою настоящую жизнь скитальческую, но не сѣтовалъ ни на кого и не ропталъ на свою судьбу.

— «Живу! благодареніе Богу, сытъ сегодня, авось и завтра поѣмъ. Для меня все равно, какъ ни жить. День да ночь—сутки прочь, все къ смерти ближе. Вотъ только ее жалко,—указалъ онъ на дочь.—Отдалъ бы ее куда нибудь, да люблю очень, и жизнь безъ нея совсѣмъ ужъ будетъ пуста... Вотъ такъ и странствуемъ. Вмѣстѣ работаемъ и все пополамъ... Крокодила показываемъ, мнѣ его одинъ пріятель естествоиспытатель въ Москвѣ подарилъ, а то, кто по образованнѣе попадется, про литераторовъ разсказываю ²⁾), иной разъ

¹⁾ Г. Мельниковъ, со словъ Успенскаго, разсказывалъ мнѣ, что графъ Л. Н. Толстой, дабы направить на путь истинный Н. В., заманилъ его къ себѣ (вскорѣ, кажется, послѣ его отставки) и опредѣлилъ учителемъ школы въ Ясной Полянѣ, но Успенскій, по обыкновенію, не долго прожилъ у графа. «А ну ихъ тутъ съ учительствомъ! Что я буду сидѣть на одномъ мѣстѣ?»—говорилъ онъ потомъ, предпочитая бродяжническую жизнь всякому довольству.

²⁾ Разсказы (біографіи) про литераторовъ у него были опредѣлены для каждаго по извѣстности оной таксѣ. Про нѣкоторыхъ онъ разсказывалъ за пятакъ, другихъ за гривенникъ, а нѣкоторые доходили даже до двугривеннаго. Выше всѣхъ по цѣнѣ ставилъ онъ Бакунина и Достоевскаго (и вообще всѣхъ смѣльныхъ и такъ называемыхъ «несчастливыхъ») и менѣе четвертака за разсказъ о нихъ не бралъ. Ниже всѣхъ цѣнилъ онъ Пушкина и Лермонтова.

пѣсенки поемъ. Она у меня много знаетъ, указаль онъ на дочь.— А ну-ка, спой для хорошихъ людей,—вслѣдъ затѣмъ обратился онъ къ ней.

«Мы начали было уговаривать его, чтобы онъ не заставлялъ дѣвочку пѣть, но онъ настоялъ на своемъ, и она запѣла что-то въ родѣ «Хуторка» подъ акомпаниментъ гармоники, на которой мастерски игралъ Н. В.

«Было довольно поздно. Въ пивной никого не осталось. Сидѣлецъ намѣревался уже запирать свое заведеніе, и намъ надо было расходиться по домамъ.

— «Гдѣ же вы живете?»—спросилъ я Успенскаго.

— «А какъ вамъ сказать, вездѣ, а больше нигдѣ. Есть у меня родственница тутъ одна, дьяконица вдовая, у ней больше ночуемъ, только не пускаетъ поздно. Коли запоздаемъ, гдѣ придется... На постоянный идемъ!..

«Положеніе ихъ было не завидное. Не было никакого сомнѣнія, что мать-дьяконица теперь уже не пустить ихъ въ домъ. Я рѣшился пригласить Н. В-ча къ себѣ. Но онъ на отрѣзъ отказался.

— «Ну, хоть пойдете чтонибудь перекусить. Чай вы голодны?»

— «Да, есть грѣшокъ!»—согласился онъ.

«Мы вышли изъ пивной и направились въ ближайшій дешевенькій трактирчикъ. Конечно, къ закускѣ мы потребовали и водки. Н. В. не столько ѣлъ, сколько пилъ, но это его только оживляло. Онъ много поразсказалъ намъ интереснаго, продуманнаго, хотя и пропитаннаго «желчнымъ порицаніемъ».

«Время перевалило уже за полночь. Идти имъ къ родственницѣ—нечего было думать. Однако не безъ труда я могъ уговорить Н. В. переночевать у меня. По дорогѣ онъ все твердилъ:

— «Вы меня куданибудь на кухню, на кухню, только бы тепло». И долго не соглашался войти въ квартиру, когда мы пришли домой.

«Когда я сообщилъ женѣ, кого я привелъ, она не хотѣла вѣрить и еще больше была поражена, увидя эту высокую фигуру съ сѣдой бородой и въ дубленомъ полушубкѣ.

«На другой день, какъ я ни старался уговорить Н. В. остаться у меня хоть на нѣсколько дней, онъ все-таки ушелъ, обѣщаясь, однако, зайти послѣ, но я его больше уже не видалъ.

«Когда въ 1889 году я прочелъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» о его трагической кончинѣ, мнѣ вспомнились его слова: «привязанъ я къ ней (т. е. къ дочери), безъ нея жизнь будетъ пуста». Кто-то изъ родственниковъ взялъ дѣвочку къ себѣ на воспитаніе, насильно отнявъ ее у Н. В-ча. Успенскій не могъ перенести этой тяжелой для него разлуки и зарѣзался гдѣ-то въ глухомъ переулкѣ Хамовнической части. Утромъ похолодѣвшій трупъ его нашли городовые и привезли въ часть. Тамъ, должно быть, знали его, потому что тотчасъ

же дали знать въ университетъ, на средства котораго онъ и былъ похороненъ».

На пятый день его кончины (25 октября 1889 года) въ церкви Св. Георгія Побѣдоносца, что на Красной горкѣ, на Моховой улицѣ, рядомъ съ старымъ зданіемъ университета, была совершена въ 10 час. утра заупокойная литургія, а потомъ отпѣваніе Н. В. Онъ похороненъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, по лѣвую сторону отъ воротъ, рядомъ съ могилами писателей А. И. Левитова, М. А. Воронова и М. И. Орфанова. Когда могила была засыпана землей, надъ ней поставили деревянный крестъ съ надписью: «Николай Васильевичъ Успенскій. Скончался 21 октября 1889 года».

Такъ грустно кончилась жизнь этого даровитаго народнаго писателя! Онъ умеръ 52 лѣтъ отъ роду.

П. Юдинъ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ВРЕМЕНИ КРЫМСКОЙ КАМПАНИИ.

ВЪ ПОСЛѢДНИХЪ числахъ февраля 1855 года, вечеромъ, въ необычное время, звонъ въ большой соборной колоколъ поднялъ на ноги всѣхъ жителей маленькаго городка Меленки. Густыя толпы горожанъ спѣшили къ собору; отдѣльныя личности, перебѣгая отъ толпы къ толпѣ, освѣдомлялись у знакомыхъ и незнакомыхъ, что бы это значило: побѣда? благодарственный молебень? или французъ и «англичанка» двинулись изъ Севастополя на Москву? Предположеніямъ и догадкамъ не было конца. Однако, монотонный съ большими паузами звонъ говорилъ не о побѣдѣ, не о благодарственномъ молебнѣ, а о чемъ-то иномъ. Оказалось, что этотъ монотонный звонъ собиралъ жителей города на панихиду по усопшемъ императорѣ.

Много было толковъ о томъ, что будетъ далѣе, что будетъ съ новымъ царствованіемъ. Смерть императора Николая Павловича, какъ и самую севастопольскую кампанію, находили теперь событіями не неожиданными, а предвозвѣщенными еще до начала войны необыкновеннымъ небеснымъ явленіемъ, которое мѣстные художники или просто живописцы воспроизвели на бумагѣ, и эти картинки начали ходить по рукамъ горожанъ. На картинкахъ, сколько помнится, изображалось слѣдующее: въ центрѣ стоялъ крестъ; на лѣвой сторонѣ его (отъ зрителя) перпендикулярно извивалась змѣя, упираясь въ основаніе картинки хвостомъ; змѣя изображалась съ открытой пастью, изъ которой высовывалось жало по направленію къ кресту, какъ будто съ намѣреніемъ достать и ужалить этотъ послѣдній; по

правую сторону креста изображались скривали, а внизу нѣчто въ родѣ луны въ первой или второй ея четверти; рога луны касались съ одной стороны хвоста змѣи, а съ другой—нижней части скривалей; въ полукругѣ, образуемомъ параллельнымъ основаніемъ главныхъ фигуръ картинки и оваломъ луны, помѣщалась большая звѣзда. Это-то небесное явленіе теперь стали считать бывшимъ предзнаменованіемъ совершающихся событій и бѣдствій, разразившихся надъ Россіей.

Но вотъ прошла весна, наступило лѣто. Въ Меленки пригнали довольно многочисленную партію плѣнныхъ французовъ и расквартировали по домамъ обывателей такъ же, какъ въ то время расквартировывали солдатъ: унтеръ-офицеръ идетъ во главѣ партіи съ спискомъ обывателей въ одной рукѣ и съ мѣломъ—въ другой; по указанію списка онъ пишетъ мѣломъ на воротахъ того или другаго обывательскаго дома громадную цифру 1, 2, 3 или 4, и изъ партіи отдѣляется соотвѣтственное число людей, которымъ обыватель долженъ дать уголь и столъ. Большую часть дня французы проводили въ своихъ квартирахъ и, какъ будто сговорившись, сидя дома, всё продѣлывали одно и то же: смотришь, сидитъ французъ у окна; передъ нимъ лежитъ небольшой, круглый, бѣлый, хлѣбецъ, который онъ рѣжетъ сравнительно большимъ складнымъ ножомъ на мелкіе кусочки, и эти послѣдніе, при посредствѣ того же ножа, отправляетъ въ ротъ и медленно, вяло жуетъ.

Отношенія жителей города къ плѣннымъ французамъ были самыя мирныя, благодушныя; не говоря уже о мѣстныхъ аристократахъ (а таковыя были и въ нашемъ маленькомъ городкѣ), даже простой народъ относился къ нимъ съ сожалѣніемъ, какъ къ плѣннымъ, которымъ—долго ли, коротко ли—суждено жить вдали отъ родины. Вообще всё, отъ стараго до малаго, относились къ французамъ, не какъ къ врагамъ Россіи, а скорѣе какъ къ несчастнымъ жертвамъ войны. Въ частности для малыхъ ребятъ пребываніе въ городѣ французовъ было настоящимъ праздникомъ: нельзя было появиться французу на улицѣ, гдѣ нибудь на завалинкѣ, на солныпекѣ, на скамейкѣ около воротъ, какъ его окружаетъ босоногая команда: одни щупаютъ и разсматриваютъ синюю шинель, другіе теребятъ невиданной дотолѣ формы солдатскую фуражку (кэпи), третьи подъ самый носъ суютъ французу кисти незрѣлой рябины, приговаривая: «А ну-ко, мусью, попробуй нашего винограда!.. онъ сладкій, очень сладкій,—лучше вашего... ну, попробуй!». Затѣмъ начинаются игры, въ которыхъ французъ становился однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Объясненія, при этомъ, дѣлались съ одной стороны порусски, съ другой—пофранцузски; однако это ни той, ни другой сторонѣ не мѣшало понимать другъ друга.

Но вскорѣ эти мирныя отношенія нарушились самымъ неожиданнымъ образомъ, и прежніе пріятели обратились въ самыхъ злѣйшихъ, остервенившихся другъ противъ друга враговъ.

Въ одинъ, какъ говорится, прекрасный вечеръ два французъ, черезчуръ хлебнувъ русскаго полугару, пошли за городъ погулять; на окраинѣ города имъ пришлось идти вдоль рѣки, въ которой купались маленькія дѣвочки; эти послѣднія, завидѣвъ французовъ, выскочили на берегъ и, припрыгивая, начали кричать имъ: «нехристы, нехристы, нехристы!» (Какъ извѣстно, и теперь у многихъ простолюдиновъ всякій иностранецъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ уже и нехристь). Само собой разумѣется, что французы не знали, что значить нехристь,—они только могли понять, что ихъ дразнятъ,—и вотъ одинъ изъ подпившихъ пріятелей, выхвативъ изъ кармана складной ножъ, побѣждалъ съ нимъ къ дѣвочкамъ, которыя, однако, заблаговременно успѣли перебраться на другую сторону мелководной рѣки. Въ это время проходилъ мимо на свой заводъ одинъ купеческій сынъ, малый атлетическаго тѣлосложенія, которому ничего не стоило бы связать обоихъ французовъ, но онъ немного деликатничалъ съ плѣнными и жестоко поплатился за свою деликатность. «Эй, мусью!—сказалъ онъ, подошедши къ французу:—развѣ можно съ ножомъ бросаться на дѣтей?» Французъ, какъ видно, былъ въ разгоряченномъ состояніи духа, а потому вмѣсто отвѣта пырнулъ купеческаго сына ножомъ въ верхнюю часть руки, около плеча, гдѣ и застрялъ его ножъ; такъ съ этимъ ножомъ купецъ и бѣжалъ на свой заводъ, который находился недалеко отъ мѣста происшествія, а чрезъ два или три дня умеръ отъ большой потери крови.

Только что описанную сцену издали замѣтилъ шедшій съ косою «богоносецъ»¹⁾; онъ поспѣшилъ къ мѣсту происшествія, схватилъ за воротъ французъ, такъ жестоко расправившагося съ купеческимъ сыномъ, и потащилъ его въ городъ, въ полицію, а другому французу, порывавшемуся освободить своего товарища, потрясая косою въ воздухъ, замѣтилъ: «Эй, мусью, не трожь! а то такъ хвачу вотъ энтой штукой, что и душонка твоя поганая вылетитъ вонъ». Французъ, дѣлать нечего, поплелся за своимъ товарищемъ.

До полиціи приходилось идти многими улицами, въ которыхъ расквартированы были плѣнные французы; эти послѣдніе повывѣжали изъ своихъ квартиръ съ цѣлью освободить своего товарища, а горожане выбѣгали на защиту богоносца. Въ короткое время весь городъ узналъ о происшествіи: и русскіе и французы толпами бѣжали на одну изъ большихъ улицъ неподалеку отъ обширной базарной площади, на окраинѣ которой находилось полицейское управленіе; вскорѣ потомъ толпы выбились изъ улицы на самую пло-

¹⁾ Въ недѣлю св. Пасхи священно-церковнослужители ходили по домамъ своихъ прихожанъ для служенія молебновъ въ преднесеніи большаго деревяннаго креста и нѣсколькихъ иконъ, безъ которыхъ для всякаго простолюдина и праздникъ былъ бы не праздникомъ и молебенъ—не молебномъ. Носители этихъ иконъ—мѣщане или крестьяне—и назывались богоносцами.

щадь—и тутъ-то началась всеобщая свалка; били другъ друга чѣмъ попало: кнутъ, веревка, камень, кулакъ, дубина—все нашло свое приложеніе? Какъ будто это сейчасъ происходило, помню, какъ нашъ сосѣдъ сапожникъ, выбѣжавъ на дворъ, схватилъ длинную, довольно толстую березовую жердь, обстрогалъ одинъ конецъ ея, чтобы удобнѣе было держать въ рукахъ, и со словами: «тамъ еще когда-то насъ пошлютъ подъ Свистополь-го (Севастополь), а теперь—подъ руками... вотъ мы имъ погладимъ бока-то!» выбѣжалъ на улицу и пошелъ крестить своей дубиной направо и налево... Тѣ французы, на которыхъ удачно падали удары сапожника, валились на землю и корчились въ судорогахъ. А одинъ торговецъ калачами, пробираясь на площадь базарными калачными рядами, выхватилъ изъ крыши одной низенькой лавки тесину, и какъ эта тесина была вырвана съ гвоздями, такъ съ этими послѣдними и пошла ходить по французскимъ спинамъ! Вообще возбужденіе до того было сильно, что даже мальчишки 10—15-лѣтніе пришли, по примѣру своихъ отцовъ, въ неописанный азартъ: какъ стая голодныхъ волковъ бросается на падаль, такъ и эти санюлоты, недавніе друзья, прижимаютъ гдѣ нибудь къ стѣнкѣ одинокаго бѣднаго французика и накидываются на него съ неописаннымъ остервенѣніемъ: одни вцѣпляются въ ноги, другіе—въ руки, вырываютъ изъ рукъ француза ножъ, получаютъ раны,—кровь льется въ изобиліи, но на это не обращается никакого вниманія.

Страсти разнуздались, и городскимъ властямъ весьма трудно было водворить порядокъ. Въ концѣ концовъ на площадь вытребовали инвалидную команду, и только при ея помощи удалось отгнать отъ французовъ разъяренныхъ горожанъ. Французовъ затѣмъ построили въ двѣ шеренги подъ охраной той же инвалидной команды, и такъ держали до тѣхъ поръ, пока толпы горожанъ не разошлись по домамъ своимъ. Говорили тогда, что какъ только, при помощи инвалидной команды, водворился нѣкоторый порядокъ, къ губернатору посланъ былъ нарочный съ донесеніемъ о происшествіи въ Меленкахъ, который въ ту же ночь возвратился съ «резолуціей»... На утро въ городѣ не было уже ни одного француза: сколько помнится, плѣнныхъ перевели въ сосѣдній Муромъ. Въ городѣ распространился слухъ, будто уходя французы грозили спалить весь городъ.

Не прошло, кажется, и мѣсяца со дня выхода французовъ изъ Меленокъ, какъ у Муромской заставы нашли письмо, въ которомъ неизвѣстныя личности, обращаясь къ городскимъ властямъ, требовали отъ нихъ нѣсколько тысячъ рублей, которые должны были быть положенными на условномъ мѣстѣ; въ случаѣ же неисполненія этого требованія онѣ грозили спалить весь городъ. Надобно при этомъ, замѣтить, что пожары начались еще вскорѣ по выступленіи въ походъ меленковскаго ополченія (которое дошло только до Кіева, откуда воротилось обратно въ Меленки, такъ какъ тогда начались

уже переговоры о мирѣ). Но тогда хотѣли спалить два дома одного только городского головы за его, какъ говорили, неправильныя дѣйствія при наборѣ ратниковъ: по вліянію головы брали одиночекъ и оставляли въ покоѣ двойней и тройней; эти одиночки пустились, потомъ, въ бѣгъ, скрывались въ лѣсахъ, а по выступленіи ополченія въ походъ явились въ городъ и скрывались или у знакомыхъ, или у родственниковъ. Нѣсколько разъ они поджигали дома головы, но неудачно; наконецъ, не смотря на строгій караулъ, имъ удалось проникнуть во дворъ, спрятаться съ глухомъ сараѣ и такимъ образомъ достигъ своей цѣли. Говорили, что когда они выбѣжали изъ подожженного ими сарая, на нихъ набросились караульные, но тѣ запорошили имъ глаза заранѣе запасеннымъ ими мелкимъ пескомъ и такимъ образомъ избѣжали поимки.

По уходѣ изъ Меленокъ французовъ пожары приняли совершенно иной характеръ: поджигатели большею частію подбрасывали письма, въ которыхъ назначали день и часъ пожара, и всегда аккуратно выполняли свое слово; большею частію назначался четвертый часъ вечера, такъ что понамарь, взобравшись на колокольню, вмѣсто того, чтобы звонить къ вечернѣ, «билъ въ набатъ». Въ подбрасываемыхъ письмахъ злодѣи извѣщали также, что поджоги производятся не ночью лишь изъ жалости къ малымъ дѣтямъ, которымъ грозила бы опасность ночного пожара.

Пожары продолжались изо дня въ день въ теченіе недѣль 5—6 уже безъ предупрежденій и одновременно. Во все это время, по собственной инициативѣ горожанъ, на каждую ночь отъ cadaго дома наряжался караульный; всю ночь слышны были неумолкаемыя выкрикиванія караульныхъ: «слу-у-ша-а-ай!», «посматрива-а-ай!». Не смотря, однако, ни на слушанье, ни на посматриванье, пожары, какъ сказано, продолжались и по преимуществу днемъ, иногда заразъ въ разныхъ концахъ города. Одинъ изъ такихъ пожаровъ, продолжавшійся болѣе сутокъ и истребившій почти половину города, былъ до того силенъ, что, не смотря на совершенно тихую погоду, во время самаго пожара поднялась какъ бы буря, въ воздухѣ летали разнообразныя горѣвшіе предметы, какъ коробки, ящики, тесины и т. п. Большая часть жителей какъ изъ тѣхъ, которые лишились своихъ домовъ, такъ и уцѣлѣвшихъ отъ пожара, выселились на свѣжій воздухъ и начали жить въ шалашахъ.

Необходимо замѣтить, что самыя видныя служебныя мѣста въ городѣ, начиная съ городничаго, занимали поляки; низшіе полицейскіе чины, какъ городовые, которые назывались тогда десятскими и ходили безъ всякаго оружія, только съ посохами (простыми палками, съ какими ходили старики и слѣпые), были также изъ польскихъ евреевъ. Эта полиція положительно бездѣйствовала; по крайней мѣрѣ за все время пожаровъ не было ни одного случая поимки поджигателей, и только разъ прошелъ слухъ, что одного полицейскаго, нарядивша-

гося деревенской бабой, поймали въ саду одного барскаго дома около бани, которую онъ хотѣлъ поджечь. По неволѣ въ душу каждаго обывателя закрадывалось подозрѣніе относительно поведенія полиціи и пожарной команды: послѣдняя являлась на пожары или тогда, когда горожане тушили огонь своими средствами, или тогда, когда уже поздно было помочь бѣдѣ; кромѣ того, рукава пожарныхъ трубъ часто оказывались подрѣзанными, такъ что вода выходила изъ нихъ раньше, чѣмъ достигала конца рукава... Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ полицейскаго управленія, гдѣ былъ и пожарный дворъ, въ продолженіе десятка или болѣе дней ежедневно поджигали домъ одного купца, не смотря на денной и ночной караулы, но огонь постоянно тушили въ самомъ началѣ, до пріѣзда пожарной команды, благодаря неослабному караулу. Но какимъ образомъ могли поджигать домъ, который со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ караульными? Это удивительное явленіе всякій объяснялъ посвоему, но всѣ вообще видѣли въ немъ нѣчто необыкновенное, чудесное: говорили, что поджигатели составляютъ какую-то мазь, которою можно, незамѣтно даже для сотни глазъ, помазать какое угодно зданіе, и это зданіе, когда мазь нагрѣта будетъ солнцемъ, непременно загорится; многіе говорили, что «пожаръ напускаютъ по воздуху»: видѣли, какъ однажды по воздуху легъ шарикъ въ родѣ звѣзды, который упалъ на дворъ выше помянутаго купца, и тотчасъ дворъ загорѣлся. Этотъ купецъ вышелъ, наконецъ, изъ терпѣнья и, между тѣмъ какъ дворъ его горѣлъ, а пожарная команда долго не являлась, съ громадной толпой горожанъ пришелъ къ дому городничаго и съ угрозами требовалъ, чтобы скорѣе ѣхала къ его дому пожарная команда. Высокій, полный, красивый, сѣдой, но крѣпкій старикъ, городничій вышелъ на широкое каменное крыльцо и грубо приказалъ толпѣ убираться, обзывая пришедшихъ бородачами, козлиными бородами и т. п. Разъяренная толпа стащила городничаго съ крыльца, сбила его съ ногъ и начала бить и топтать ногами; порѣшили даже тащить его къ горѣвшему дому и бросить въ огонь. Однако, какимъ-то чудомъ городничій спасся.

Пожары, какъ сказано, продолжались мѣсяца полтора изо дня въ день. Къ концу этого періода какъ городничаго, такъ и многихъ полицейскихъ служителей перемѣнили, и послѣ принятыхъ энергическихъ мѣръ пожары прекратились. Вскорѣ погорѣльцы начали обзаводиться домиками, благодаря громадной помощи какого-то московскаго богача, помнится — Рахманова.

А. Э—скій.

СЕЛО ЯЗЫКОВО.

(Къ пятидесятилѣтїю кончины поэта Н. М. Языкова 26-го декабря 1896 года).

В ВЕРСТѢ отъ большого московскаго тракта изъ Симбирска въ Корсунь (уѣздный городъ Симбирской губерніи), на берегу рѣки Уреня, живописно раскинулось село Языково. Нѣкогда жалованная вотчина служилымъ предкамъ этого рода, она входила въ составъ тѣхъ «дикихъ полей», которыя послѣдовательно колонизовались русскими, ратными людьми. До сихъ поръ здѣсь хорошо сохранилась земляная «черта», ограждавшая безопасность владѣній Московскаго государства отъ Воронежа до верховьевъ Камы, русскія названія поселеній и особенности женскаго древняго наряда. Но не этими остатками старины интересно село Языково, а тѣми воспоминаніями, которыя его связываютъ съ бывшимъ владѣльцемъ — поэтомъ и посѣтившимъ его въ 1833 году, его знаменитымъ современникомъ и другомъ, А. С. Пушкинымъ. Сохранившійся въ малоизмѣненномъ видѣ барскій, деревянный домъ красиво господствуетъ надъ окружающею мѣстностію, и съ террасы его открывается обширный видъ на сосѣднія поля и перелѣски. Виѣшностію Языковскій домъ напоминаетъ довольно общій времени его основанія типъ построекъ начала нынѣшняго столѣтія. Въ два этажа, онъ построенъ отцомъ поэта, Михаиломъ Петровичемъ, въ формѣ «покоя» съ корридорами и двумя просторными для службъ и прїѣзда гостей флигелями. Со стороны сада фасадъ украшенъ семью колоннами дорическаго стиля и каменною лѣстницею. Дворъ обнесенъ рѣшеткою съ каменными столбами и параллельно постройкамъ обсаженъ вязами, образующими внутри тѣнистую площадку. Внутреннее рас-

положеніе комнатъ и частію сохранившаяся обстановка гармонируютъ еще съ общимъ характеромъ зданія и тѣми воспоминаніями, которыя онъ хранитъ въ своихъ стѣнахъ. Изъ прихожей посѣтитель входитъ въ довольно обширный залъ, и направо изъ сосѣдней комнаты дверь ведетъ въ комнату, гдѣ останавливался Пушкинъ. «Здѣсь ночевалъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ»,— пояснилъ намъ, сопровождавшій по дому за отсутствіемъ хозяина, молодой сынъ его управляющаго. Определеніе это было, повидимому, правильно и подтверждено тутъ же моимъ спутникомъ по поѣздкѣ Н. Ф. Бѣляковымъ. Г. Бѣляковъ, неоднократно бывавшій въ домѣ своего дяди В. П. Языкова, прежняго его владѣльца, всегда слышалъ, что за этой комнатой сохранялось названіе «Пушкинской». Комната эта средней величины, съ однимъ большимъ окномъ въ садъ, обставлена мебелью краснаго дерева, черною, деревянною кроватью и въ углу типичнымъ украшеніемъ камина въ формѣ усѣченной колонны. Единственное измѣненіе, внесенное въ этотъ священный уголокъ,— это обращеніе камина въ обыкновенную печь. По сохранившемуся въ домѣ и въ семьѣ Языковыхъ разсказу, извѣстно, что Пушкинъ, не заставъ въ первый разъ своего посѣщенія Николая Михайловича дома, вырѣзалъ ему алмазнымъ перстнемъ на память, на одномъ изъ стеколъ окна своей комнаты, свое имя. Къ сожалѣнію, стекло разбилось, и этотъ дорогой автографъ навсегда потерянь. Говорятъ также, что на каминѣ долго сохранялось много интересныхъ надписей и эпиграммъ, которыя теперь всѣ забѣлены. Изъ письма, писаннаго поэтомъ къ своей женѣ изъ села Языкова 12-го сентября 1833 года ¹⁾, мы знаемъ, что, проѣзжая въ Оренбургъ, онъ заѣхалъ къ Языкову и, не заставъ его дома, переночевалъ и уѣхалъ въ Симбирскъ. За хозяина, гостя принималъ старшій братъ его, Петръ Михайловичъ, котораго Пушкинъ называетъ человѣкомъ чрезвычайно замѣчательнымъ и собирается его полюбить, какъ Плетнева и Нащокина. Въ концѣ того же мѣсяца Александръ Сергѣевичъ, собравъ на мѣстѣ матеріалы для своей «Исторіи Пугачевского бунта», возвращался тѣмъ же путемъ въ свое нижегородское имѣніе, Лукояновскаго уѣзда, въ село Болдино, и вторично заѣхалъ въ Языково. На этотъ разъ, какъ онъ сообщаетъ въ письмѣ къ Натальѣ Николаевнѣ, онъ засталъ «всѣхъ трехъ братьевъ ²⁾», отобѣдалъ съ ними очень весело» и переночевавъ уѣхалъ къ себѣ въ деревню. Обходя другія комнаты, мы долго остановились въ гостиной, какъ наиболѣе сохранившей интереснаго. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе нѣкоторые, современные Языкову портреты и гравюры. Въ числѣ ихъ есть прекрасный гравированный портретъ С. С. Уварова, впоследствии графа и министра народнаго просвѣщенія. Внизу онъ

¹⁾ Т. 8, изд. Суворина, 1887 г., стр. 401.

²⁾ Н. М., Петра и Александра Михайловичей.

снабженъ подписью: Serge d'Ouvaroff. Gravé d'après nature par Reder. Lith. chez P. de Helmerseu. Графъ изображенъ лѣтъ подь сорокъ, въ плащѣ, съ курчавой шевелюрою. Надъ диванами виситъ замѣчательный, старинный, англійскій акватинтъ—портретъ Франклина. Рядомъ съ ними помѣщены портреты современныхъ ученыхъ геологовъ и натуралистовъ, какъ, на примѣръ: Leonhard, H. Lecoq, Marcel de Serres, Le comte de Montlosie и друг. Послѣдніе составляли несомнѣнную собственность второго владѣльца дома—Петра Михайловича, который, какъ геологъ, самъ занимаетъ почетное мѣсто въ семьѣ русскихъ ученыхъ ¹⁾. Кромѣ описанныхъ портретовъ, сохранилась цѣлая коллекція гравюръ рысистыхъ и скаковыхъ лошадей, весьма рѣдкаго изданія. Картинки эти принадлежали отцу поэта, который купилъ часть коннаго завода, принадлежавшаго графу Владимиру Григорьевичу Орлову, изъ жалованнаго Екатериною II Орловымъ имѣнія, села Головкина, нынѣшней Самарской губерніи. Не мало еще въ домѣ старинной, домашней работы, мебели краснаго дерева, напоминающей общій тому времени стиль empire. Интересенъ письменный столъ съ массою ящичковъ, кресла и вышитыя ширмы. Все это еще дышитъ той стариной, которая, если и не такъ отъ насъ далека, но тѣмъ не менѣе быстро исчезаетъ. Здѣсь, среди этихъ стѣнъ, всѣ эти вещи представляются какъ бы забытыми, въ ожиданіи своей очереди...

Перехожу къ описанію церкви и сада. Каменная церковь круглой формы, какъ и соединенная съ нею колокольня, окружена рядомъ колоннъ и отстоитъ отъ дома въ недалекомъ разстояніи. Построена она, какъ и домъ, отцомъ поэта, прахъ котораго въ общемъ семейномъ склепѣ покоится вмѣстѣ съ прахомъ жены Екатерины Александровны, урожденной Ермоловой. Мѣсто, гдѣ поставлена церковь, очень живописно и какъ нельзя болѣе дополняетъ видъ на красивую, чисто русскую, барскую усадьбу. Указываютъ въ главномъ иконостасѣ два мѣстныхъ образа древняго письма, пожертвованные Н. М. Языковымъ. Зная его высоко религіозное настроеніе, нѣтъ ничего невозможнаго допустить это предположеніе, хотя имя жертвователя въ церковной описи не значится.

Въ стихахъ къ женѣ своего брата Н. А. Языковой поэтъ такъ характеризовалъ свой деревенскій садъ...

Зову на свѣтлый прудъ, туда, гдѣ тѣнь густую
Склонилъ къ водамъ нагорный садъ,
.....

Въ настоящее время отъ сада и его густой тѣни осталось очень не много. Сохранились двѣ, три аллеи акаціи и подь горой нѣсколько старыхъ, доживающихъ свой вѣкъ деревьевъ. Видны еще признаки прудовъ съ островками и на одномъ слѣды бесѣдки,

¹⁾ Богатая минералогическая коллекція П. М. поступила въ даръ музею Горнаго института.

а на другихъ почтенныхъ размѣровъ береза и ветла. Водоемы эти наполнялись свѣжей проточною водою изъ верхняго пруда, на берегу коего была оранжерея. Вода изъ прудовъ сбѣгала въ рѣку Урень, который ниже въ свою очередь былъ запруженъ и, прилегая къ саду, образовалъ ту свѣтлую, водяную поверхность, обсаженную по берегамъ густою зеленью, о которой упоминается въ стихахъ. На сколько любилъ поэтъ свою родину, мы знаемъ изъ его стихотвореній и переписки. Въ Языковѣ онъ родился, здѣсь прошло его дѣтство и многіе лучшіе годы жизни. Не даромъ онъ всегда такъ пламенно желалъ поселиться тамъ...

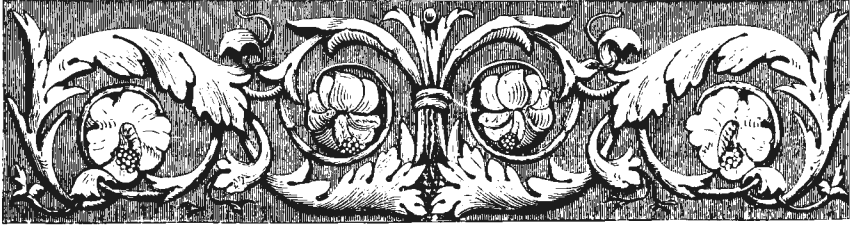
Гдѣ лететь мирно и незримо
 Мое привольное житье:
 Гдѣ я могу такимъ покоемъ наслаждаться,
 Какого я не зналъ нигдѣ и никогда,
 И мыслить, и мечтать, и страстно забываться
 Передъ свѣтильникомъ труда;
 . . . . .

Въ расцвѣтъ своей молодости онъ писалъ къ мужу своей сестры¹⁾ П. А. Бестужеву изъ Дерпта 18-го февраля 1829 года (изъ неизданной корреспонденціи Н. М. Языкова): «Тебѣ уже извѣстно, мой почтеннѣйшій, моя рѣшительная воля объ оставленіи Дерпта. Надѣюсь, что вы не откажетесь и не замедлите способствовать моему, безъ похвалы скажу, спасенію! Вездѣ, гдѣ бы то ни было, я могу лучше работать, думать и писать, жить и блаженствовать вездѣ, кромѣ Дерпта; буду здоровѣе тѣломъ и духомъ. Какъ бы только добраться до Языкова! Ужъ тамъ-то застихотворствую, и возстанется моя блистательная слава поэтическая. Эта надежда меня такъ утѣшаетъ, какъ ребенка въ больницѣ. Часть времени проходить у меня въ мечтахъ о будущихъ трудахъ, подвигахъ стихотворческихъ, ученыхъ, всегда независимыхъ, ненарушимыхъ и райски сладостныхъ». Завидная доля села Языкова вдохновлять поэта несомнѣнно должна быть отнесена къ тому общему чувству его любви къ родинѣ о которомъ было упомянуто. Не суждено, однако, было найти ему желанный покой надолго. Тяжелый недугъ заставилъ покинуть дорогое ему Языково и попеременно жить въ Москвѣ и за границей въ надеждѣ на поправленіе своего здоровья. 26-го декабря 1846 года онъ скончался, и родовое его Языково перешло къ его старшему брату Петру, сынъ котораго, Василій Петровичъ, продалъ это имѣніе симбирскому купцу Степанову, нынѣшнему его владѣльцу. Слухи о желаніи г. Степанова перестроить Языковскій домъ побудили меня его недавно осмотрѣть и накануне 50-ти-лѣтія кончины его бывшаго владѣльца-поэта въ этой краткой замѣткѣ сохранить все, что еще напоминаетъ его дорогое прошлое.

В. Поливановъ.

¹⁾ Присковыи Михайловны.

ЗАПИСКИ БРИГАДИРА ЮСИФА КОЩА¹⁾.

Х.

Отправление корабля въ Японію.

Попытка русскихъ завязать сношенія съ Японіею.—Письмо Екатерины и отвѣтъ на него японскаго государя.—Особенности береговъ Нижней Камчатки.—Возвращеніе кораблей изъ плаванія.—Свѣдѣнія о Лаперузѣ.—Подарки коменданту.

РИ МНѢ ОТПРАВИЛИ въ Японію корабль съ выброшенными полтора года тому назадъ на берегъ Камчатки японцами. Японцы не плаваютъ по всему морю, но держатся только береговъ. Корабль былъ купеческій. На немъ находились 60 человекъ и командиръ, прозвѣщемъ Кадайла. Екатерина Великая, ища у обитателей Нипона дружбы и желая завести съ ними торговлю, отнеслась къ потерпѣвшимъ кораблекрушеніе сострадательно.

Въ теченіе двухлѣтняго моего пребыванія въ Нижней Камчаткѣ корабль воротился, а капитанъ, который былъ въ дружбѣ со мною, подарилъ мнѣ копію карты оконечности Азіи, составленной по разнымъ путешествіямъ Кука, Лаперуза, по картѣ испанской экспедиціи и на основаніи его собственнаго путешествія въ Японію.

Много мнѣ разказалъ этотъ капитанъ о своей поѣздкѣ и о приѣмѣ въ Японіи. Долго они тамъ пробыли, ожидая отвѣта Могола, япон-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVI, стр. 579.

скаго государя, который получилъ письмо отъ императрицы Екатерины, присланное съ этимъ кораблемъ. По словамъ капитана, отвѣтъ былъ неудачный и заключался въ слѣдующемъ. Японія не знаетъ потопа и имѣетъ столько жителей, что ихъ едва можетъ сдержать земля, религія ихъ запрещаетъ принимать обратно людей, коихъ судьба предназначила къ гибели. И, дѣйствительно, всѣмъ этимъ людямъ отрубили головы, лишь только они были имъ возвращены. вмѣстѣ съ тѣмъ предостерегали, чтобы впредь не оказывать подобнаго милосердія и изъ Нижней Камчатки этою дорогою не пріѣзжать; въ противномъ случаѣ можно лишиться жизни. А что касается торговли,—гласитъ отвѣтъ,—то даемъ вамъ половину нашей печати, чтобы вы шли въ тѣ гавани, куда пріѣзжаютъ англичане, тамъ и васъ примутъ. Въ томъ же портѣ, въ который прибылъ корабль, запрещали торговать подъ страхомъ смерти. Тѣмъ не менѣ наши вывезли оттуда много прекрасныхъ и рѣдкихъ вещей: деревянные зонтики удивительной красоты, деревянную посуду и разныя матеріи.

По берегамъ Нижней Камчатки встрѣчаются каменные развалины, въ которыхъ находятъ окаменѣлости въ видѣ большихъ глыбъ, кристаллы разныхъ цвѣтовъ и удивительно красивые сталактиты. Доступъ къ этимъ развалинамъ затруднителенъ и съ суши и съ моря. Никто тамъ не обитаетъ, и ни одинъ корабль туда не можетъ пристать. Мореплаватели обыкновенно посылаютъ въ такія мѣста шлюпки для собиранія кристалловъ и мѣди. Въ этихъ мѣстахъ, при убывіи воды, можно видѣть верхушки мѣдныхъ горъ.

Передъ моимъ отъѣздомъ вернулись изъ плаванія, послѣ пятилѣтняго отсутствія, купеческіе корабли. Открыли новые острова, а также добыли много камней и мѣховъ. Путешественники рассказывали о своихъ приключеніяхъ и, между прочимъ, передавали, со словъ островитянъ, будто близъ мѣдныхъ и кристалльных горъ разбился корабль и, какъ полагаютъ жители, не иной, какъ только Лаперуза, ибо въ то время никакіе другіе мореплаватели тамъ не путешествовали. Лаперуза же тамъ всѣ знали, такъ какъ онъ заходилъ въ разные порты. Рассказывали даже съ подробностями, что корабль былъ выкрашенъ красною краскою.

Я видѣлъ у коменданта нѣсколько штукъ раковинъ: формою онѣ похожи на самый большой продолговатый листъ, а вокругъ жемчужины, величиною съ турецкіе бобы. Это былъ подарокъ ему отъ прибывшихъ моряковъ. Видѣлъ я у него также удивительныхъ морскихъ животныхъ и въ томъ числѣ рака. Тѣло его было величиною съ арбузъ, а тысячи ногъ, въ клубкахъ и разныхъ фестонахъ, имѣли по нѣсколько десятковъ локтей длины. Очень любопытно видѣть его въ водѣ съ распушенными ногами. Зовутъ это созданіе «морскимъ солнцемъ».

XI.

Замѣтка о Беніовскомъ.

Въ Большерѣцкѣ.—Разказы о Беніовскомъ.—Беніовскій возмущаетъ экипажъ корабля.—Входитъ въ довѣріе къ коменданту Нилу.—Убійство Нилова.—Захватъ власти.—Отраженіе нападенія.—Отплытіе.—Беніовскій въ Парижѣ.—Его дальнѣйшая участь.—Судьба взятыхъ имъ съ собою въ Парижъ попова сына и двухъ камчадаловъ.

Не доѣхали до Нижней Камчатки еще двухъ тысячъ верстъ, а на корабль уже не хватило прѣсной воды, такъ что мы принуждены были зайти въ небольшой портъ Большерѣцкѣ, гдѣ и оставались нѣсколько дней. Населеніе Большерѣцка состоитъ изъ сибиряковъ, матросовъ и ссыльныхъ москалей. Была тамъ маленькая церковь и попъ съ многочисленной семьею.

Узнавши, что я полякъ, рассказали мнѣ, что у нихъ тутъ жилъ ссыльный полякъ Августъ, по фамиліи Беніовскій. Всю его исторію и подробности освобожденія рассказывали мнѣ очевидцы-камчадалы, которые побывали съ Беніовскимъ въ Парижѣ.

Беніовскій попалъ въ плѣнъ еще во время Барской конфедераціи. Онъ дважды бѣжалъ изъ Тобольска, наконецъ, его поймали и отправили съ четырьмя арестантами изъ Охотска моремъ въ Большерѣцкѣ.

Надобно знать, что москали совсѣмъ не имѣютъ эскадры въ Охотскѣ. Только у самыхъ богатыхъ московскихъ и иркутскихъ купцовъ, которые ведутъ торговлю съ Кяхтою, лежащею къ югу отъ Иркутска, у китайской границы, есть небольшія торговыя флотиліи изъ 4—5 кораблей. Такая флотилія очень дорого стоитъ купцамъ. Они должны посылать для кораблей изъ Иркутска все, до послѣдняго гвоздя.

Купцы покупаютъ у коменданта ссыльныхъ, комплектуютъ ими экипажъ кораблей, даютъ имъ оружіе, содержаніе и обѣщаютъ четвертую часть добычи, которую достанутъ отъ народовъ, открытыхъ на океанѣ.

На одномъ изъ такихъ судовъ былъ отправленъ Беніовскій. Въ дорогѣ онъ имѣлъ время познакомиться поближе съ людьми, составлявшими экипажъ судна, и войти съ ними въ дружбу. Разузнавалъ онъ, какого они образа мыслей и намѣреній, пугалъ, что они идутъ биться съ хищными звѣрями и сами погибнуть, обѣщалъ освободить ихъ, если они ему довѣрятся. Не трогалъ Беніовскій только матросовъ, у которыхъ были въ Большерѣцкѣ свои дома и семьи. Слова Беніовскаго сперва передавались по секрету, а потомъ всѣ пристали къ нему и дали клятву въ вѣрности.

Пройдя черезъ Охотское море и достигнувъ Большерѣцка, корабль зазимовалъ. Беніовскаго съ четырьмя другими сдали мѣстному

коменданту, майору Нилову. Послѣдній объявилъ ссылкой, что здѣсь назначается имъ пребываніе, что они будутъ получать ежедневно по одному пятаку на пропитаніе и одежду, а на прочее должны сами зарабатывать.

Черезъ нѣсколько времени, Беніовскій, познакомясь съ жителями, заявилъ коменданту, что онъ хочетъ устроить небольшую школу, учить читать и писать порусски, такъ какъ онъ хорошо владѣетъ этимъ языкомъ. Добрый комендантъ охотно на это согласился. У мѣстнаго попа было трое сыновей, затѣмъ нѣкоторые чиновники и матросы отдали своихъ дѣтей подъ наблюденіе и для воспитанія учителю, такъ что число учениковъ доходило до двадцати. Кромѣ платы, родители учениковъ кормили учителя по очереди. Такимъ образомъ, положеніе Беніовскаго стало улучшаться. Но не забылъ Беніовскій о своемъ проектѣ. Онъ ждалъ приближенія весны. Уже оставалось два мѣсяца до отплытія корабля, какъ тайна была открыта передъ комендантомъ. Беніовскій, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ выполнить свои замыслы и тѣмъ предупредить свое арестованіе.

Взявши съ собою Хрущева, пріятеля и товарища по ссылкѣ, онъ отправился ночью къ коменданту, съ цѣлью его арестовать. Ниловъ спалъ навзничъ. Беніовскій бросился на него. Комендантъ, пробудившись, схватилъ нападавшаго за шейный платокъ, и если бы послѣдній, къ счастью, не развязался, онъ непременно задушилъ бы Беніовскаго. Въ ту же минуту Хрущевъ пронзилъ коменданта на постели ножомъ. Затѣмъ Беніовскій провозгласилъ себя комендантомъ. Завѣдвающій кораблями купецъ, довѣренный иркутской конторы, бѣжалъ, боясь, чтобы его не убили, и весь грузъ на кораблѣ изъ разныхъ товаровъ для островитянъ, спирта и тютюну достался въ руки Беніовскаго. Онъ угостилъ своихъ друзей спиртомъ и тютюномъ, что было тамъ большою рѣдкостью и, такимъ образомъ, придалъ имъ мужества. Матросы, имѣвшіе въ Большерѣцкѣ дома и семьи, разбѣжались. Для Беніовскаго это обстоятельство могло имѣть важныя послѣдствія. Онъ прибѣгнулъ къ хитрости. Велѣлъ собрать женъ и дѣтей бѣжавшихъ въ церковь, обложить ее вокругъ дровами, какъ будто бы хотѣлъ ее сжечь, чтобы страха ради вернулись мужья и отцы. Такъ дѣйствительно и случилось. Изъ любви къ женамъ и дѣтямъ матросы воротились изъ лѣсовъ и отдались въ руки коменданта. Теперь нашъ Беніовскій сталъ вполне независимымъ лицомъ и былъ увѣренъ, что зимою ни одинъ корабль не придетъ. Ожидалъ лишь весенней поры, чтобы выйти изъ гавани. Со всѣмъ тѣмъ, онъ былъ въ страхѣ, такъ какъ нѣкоторые народцы, обитавшіе при морѣ, оставались подъ властію московскихъ начальниковъ. Опасаясь быть атакованнымъ соединенными силами, Беніовскій перебрался со всею своею командою на корабль, хотя послѣдній стоялъ еще во льду, и засѣлъ на немъ, какъ въ крѣпости. Опасенія его оправдались.

Начальники сосѣднихъ колоній, собравши около тысячи человѣкъ, атаковали Беніовскаго. Но когда онъ приказалъ выстрѣлить изъ пушки холостымъ зарядомъ, всѣ рассыпались: только незначительная часть нападавшихъ имѣли огнестрѣльное оружіе, остальные же были вооружены луками. Послѣ такой расправы, Беніовскій успокоился уже и ожидалъ выхода въ море. Не доставало ему матросовъ, такъ какъ послѣдніе не всѣ воротились изъ лѣсовъ. Пришлось взять нѣсколько камчадаловъ. Еще онъ взялъ съ собою своего ученика, попова сына. Когда наступила весна, пустились въ путь на удачу, плывя постоянно въ полуденную сторону. На столько близко проходили они отъ экватора, что едва могли выдержать необыкновенный жаръ. На пути встрѣчали много острововъ и разныхъ народовъ, причемъ Беніовскій дѣлалъ наблюденія. Перенеся много трудовъ и опасностей, Беніовскій счастливо прибылъ въ Европу и появился въ Парижѣ. Объявилъ французскому правительству о сдѣланномъ имъ открытіи дотолѣ неизвѣстныхъ странъ и острововъ. Дали ему эскадру, и онъ снова пустился въ море. Но послѣ долгаго плаванія и разныхъ приключеній онъ былъ убитъ во время пребыванія на островѣ Мадагаскарѣ ¹⁾.

Бѣдныхъ камчадаловъ и попова сына онъ оставилъ въ Парижѣ, такъ какъ они не были ему нужны. Долго блуждали эти несчастные. Сынъ попа служилъ имъ проводникомъ. Къ счастью, кто-то научилъ ихъ, что тутъ есть полномочный московскій посоль. Обратились къ нему, и онъ помогъ имъ: отослалъ ихъ на англійскомъ кораблѣ въ Архангельскъ, откуда ихъ доставили въ Петербургъ, и по ихъ рассказамъ составлено описаніе путешествія Беніовскаго. Екатерина II приказала дать имъ свободу, квартиру и содержаніе, но они на это не согласились, желали только одного — вернуться на свою родину. И случилось такъ, что, вернувшись въ Нижнюю Камчатку, камчадалы были приставлены ко мнѣ въ Большерѣцкѣ, въ качествѣ сторожей. Они рассказывали мнѣ удивительныя вещи о Парижѣ, такъ какъ очень многого не были въ состояніи понять.

---

¹⁾ Графъ Маврикій-Августъ Беніовскій, исторію котораго рассказываетъ Копецъ, сосланъ въ Камчатку въ 1770 году. Отправленъ французскимъ правительствомъ на Мадагаскаръ въ 1774 году. Мѣстными жителями избранъ въ короли въ 1776 году. Предложилъ свои услуги англичанамъ въ 1783 году и принужденъ былъ сражаться съ французами, которыми и убитъ въ 1776 году. Г. В.

XII.

О народахъ, извѣстныхъ подъ именемъ чукчей.

Характеристическія особенности чукчей. — Обычай убивать старыхъ и больныхъ родственниковъ и друзей. — Русскія укрѣпленія. — Сѣздъ купцовъ, покупателей добычи. — Неблаговидныя дѣйствія ихъ. — Послѣдствія этого — ненависть чукчей къ русскимъ. — Повѣдки чукчей на американскій материкъ. — Что такое Новая Америка?

На оконечности Азіи, неподалеку отъ Ледовитаго моря, обитаютъ чукчи. Чукчи отличаются отъ другихъ народовъ ростомъ, красотою, наружностью и особенно рѣшительностью. Прежде, когда москали нападали на нихъ въ крѣпостяхъ, а они видѣли, что защищаться уже не въ состояніи, — убивали своихъ дѣтей и женъ, чтобы тѣ не доставались непріятелю, а сами погибали съ великою храбростію. Чукчи мѣтко стрѣляютъ изъ луковъ, ловко ѣздятъ на оленяхъ и летаютъ на лыжахъ, какъ птицы. Выдерживаютъ величайшій холодъ. Ѣдятъ почти все сырое. На зиму они устрояютъ въ землѣ глубокія ямы, лѣтомъ же живутъ въ шалашахъ изъ кожъ или коры. Дѣлятся на нѣсколько родовъ, и каждый родъ имѣетъ своего начальника. Въ послѣдніе выбираютъ людей сильныхъ, высокихъ и отважныхъ. Религія, обряды и сожженіе умершихъ у чукчей такіе же, какъ и у сосѣднихъ народовъ. Но, кромѣ того, они зарѣзываютъ очень старыхъ и тяжело больныхъ своихъ родственниковъ и ближайшихъ друзей, предварительно заявивъ имъ, что вслѣдствіе нѣжной привязанности они собственноручно прекратятъ ихъ страданія. Россіяне основали въ сосѣдствѣ съ чукчами, въ мѣстностяхъ наиболѣе для себя выгодныхъ, при рѣкѣ Анадырѣ, крѣпостцы. Тамъ у чукчей величайшія ловли рыбъ и стада оленей. Въ этой мѣстности много собирается купцовъ ради мѣховъ. Тамъ есть отличнѣйшіе соболы, бѣлки и черныя лисицы. Торговцы, москали и сибяряки, очень много наживаютъ отъ чукчей, давая имъ за соболей, куницъ и другіе мѣха тютюнгъ, желѣзные горшки, бусы, разный желѣзный хламъ и игрушки. Когда не хватало у москалей тютюну, они мѣшали листья капусты, о чемъ чукчи узнали. Но тѣ еще чище доказали свою честность и дружбу. Когда сдѣлка кончалась, москали угощали ихъ тютюномъ. Чукчи имѣютъ обычай закуривать трубки вѣ разомъ и при этомъ затягиваться, такъ что на короткое время одуряются. Москали, пользуясь этимъ случаемъ, перебили своихъ друзей и отобрали у нихъ все. Съ этого времени чукчи не имѣютъ съ ними никакого знакомства и остаются злѣйшими врагами.

Заведеніе укрѣпленныхъ пунктовъ въ землѣ чукчей повело къ постояннымъ столкновеніямъ. Погибало много людей съ обѣихъ сто-

ронъ. Въ концѣ-концовъ москали были вынуждены уступить. Теперь они уже не предпринимаютъ экспедицій противъ чукчей, а ищутъ ихъ дружбы. Вообще этотъ чрезвычайно отдаленный пунктъ, гдѣ обитаетъ чукотскій народъ, мало имѣетъ значенія для русскихъ, за исключеніемъ развѣ гавани, откуда можно было бы, со временемъ, открыть воображаемую Америку. Къ этому-то и стремятся москали. Они знаютъ, что чукчи переѣзжаютъ море на кожаныхъ лодкахъ и на третій день пути становятся на берегахъ Новой Земли. Между послѣднею и материкомъ существуютъ три острова. Чукчи нападаютъ на эти острова и отбираютъ у жителей все достояніе. Ни одно большое судно не можетъ тамъ пройти какъ по причинѣ мелководья, такъ и вслѣдствіе тумана; да, кромѣ того, въ маломъ числѣ никто не отважился туда ѣхать, видя на томъ берегу толпы людей. Откуда тамъ взялись эти люди, неизвѣстно. Существуетъ преданіе, что когда-то нѣсколько десятковъ семействъ, сосланныхъ и поселенныхъ на рѣкѣ Енисеѣ, хотѣли пробраться берегами Ледовитаго моря, везя плоскія и остроконечныя суда. Когда напирала льды, они втаскивали суда на землю, а когда льды отталкивались вѣтромъ отъ береговъ, шли далѣе. Въ доказательство справедливости этого преданія передаютъ, что, при впаденіи рѣки Енисея въ море, найденъ большой деревянный образъ, прославившійся чудесами, который, будто бы, былъ унесенъ изъ часовни между Иркутскомъ и Якутскомъ; что камчадалы, охотясь у Ледовитаго моря на бобровъ, которые выходятъ изъ воды и отдыхаютъ на льдинахъ, видѣли большіе острова и на нихъ церкви, похожія на наши. Тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ никто изъ путешественниковъ еще не высаживался на берегъ предполагаемой Америки. Предполагаютъ только, что это Америка, ибо много дерева и разныхъ предметовъ прибиваетъ океанъ къ берегамъ Азіи, но болѣе точныхъ свѣдѣній объ этомъ до сихъ поръ нѣтъ.

XIII.

Мое освобожденіе.

Результатъ подачи прошенія на высочайшее имя.— Розыскъ двонхъ полковниковъ.— Опасенія.— Прибытіе корабля.— Пронзволь мѣстныхъ комендантовъ.— Объявленіе свободы.— Недовѣріе.— Нравственное потрясеніе.— На берегу океана.— Сочувствіе мѣстныхъ жителей.— Посѣщеніе миссіонеромъ.— Молебень.— Угощеніе гостей.— Бесѣда съ миссіонеромъ и комендантомъ.— Печальная новость.— Предсказаніе шаманомъ.— Англійскій корабль.

Добрый купецъ, о которомъ я уже упоминалъ, переслалъ мои письма и прошеніе въ Петербургъ. Вслѣдствіе кончины Екатерины мое прошеніе попало въ руки Павла I. Такимъ образомъ Павлу я

обязанъ жизнию и свободою. Онъ меня розыскалъ. Въ Нижней Камчаткѣ, а послѣ и въ другихъ мѣстахъ, при мнѣ розыскивали двоихъ русскихъ полковниковъ, изъ коихъ одинъ прозывался Краснощеконъ, а фамилии другого не припомню. Они были посланы Екатериною II, но такъ какъ фамилии ихъ перемѣнили, то и найти ихъ не могли. И я находился въ такомъ же самомъ положеніи.

Въ исходѣ второго года я уже совершенно лишился всякой надежды видѣть когда нибудь свою отчизну или получить свободу. Я ожидалъ, что придетъ приказъ прекратить мою жизнь. Мнѣ постоянно внушали, съ цѣлію мучить меня, что величайшіе преступники обыкновенно посылаются для примѣрнаго наказанія смертію къ покореннымъ народамъ, дабы послѣдніе, видя это, не бунтовали. Человѣкъ въ несчастіи легко поддается воображенію, и у него въ головѣ роятся тысячи черныхъ мыслей. И вотъ, однажды, когда я мучился подобными мыслями, прибѣгаетъ мой хозяинъ, блѣдный, задыхающійся и страшно перепуганный, и говоритъ, что вблизи порта показался корабль. Я замѣтилъ ему, что онъ долженъ этому радоваться, а онъ мнѣ на то:

— Кто знаетъ, что на немъ приходитъ — печаль или радость...

Прежде случались иногда такія исторіи. Комендантъ, желая ограбить народы и отнять у нихъ все, доносилъ ложно иркутскому губернскому начальству, будто бы они бунтуютъ и не послушны, а губернское начальство, вслѣдствіе этихъ донесеній, давало коменданту военную силу. Тогда-то этотъ нравственный человѣкъ учинялъ всевозможныя варварства, а губернская власть получала донесенія едва черезъ нѣсколько лѣтъ. Теперь уже губернское начальство каждый годъ имѣетъ сообщеніе посредствомъ купеческихъ кораблей.

Не прошло двухъ часовъ по увѣдомленіи меня хозяиномъ о приближающемся кораблѣ, какъ входитъ ко мнѣ комендантъ съ капитаномъ корабля. Я встрѣтилъ ихъ и, будучи уже слабымъ, заболѣлъ еще болѣе, думая, что они сейчасъ объявятъ мнѣ смертный приговоръ. Но вмѣсто того я услышалъ отъ коменданта, что Павелъ I возвращаетъ мнѣ жизнь и свободу.

Сначала я не повѣрилъ, полагалъ, что меня хотятъ приготовить къ назначенному мнѣ наказанію; посмотрѣлъ въ окно, которое хотя и было изъ пузыря, но все же достаточно прозрачно, — не зажигаютъ ли костровъ для моей казни, и не начинается ли собираться народъ. Комендантъ съ капитаномъ не знали, какъ имъ поступить, видя, что я не вѣрю своему освобожденію, а только выражаю удовольствіе, что сегодня окончатся мои страданія.

Я только тогда повѣрилъ ихъ словамъ, когда капитанъ, имѣя письма отъ первѣйшихъ польскихъ особъ, объявилъ, что Костюшко, Вавржецкій, Нѣмцевичъ, Потоцкій и прочіе освобождены. Всаки-

ваю съ мѣста, чтобы поблагодарить ихъ, но въ этотъ моментъ отъ прилива радости шатаюсь и падаю безъ чувствъ. Съ тѣхъ поръ я получилъ болѣзнь,—которая долго меня мучила,—какъ будто бы я былъ чѣмъ-то перепоясанъ пополамъ. Къ докторамъ въ этихъ странахъ не прибѣгаютъ, а только къ однѣмъ сивилламъ, или шаманкамъ, которыя, кромѣ своихъ чудесъ, лѣчатъ травами. Комендантъ велѣлъ принести мѣстнаго спирту. Его мнѣ влили въ ротъ, открывши уста костью, вмѣсто ножа. Отъ спирту я нѣсколько опьянѣлъ, а уста сильно обжегъ. Затѣмъ пустили мнѣ каменную стрѣлоу кровь, но ея не пошло больше ложки.

Когда я очнулся, сталъ просить у коменданта позволенія пойти на берегъ океана. Отвѣчаетъ мнѣ, что я теперь не имѣю стражи, развѣ велю идти за собою. Тутъ я уже больше началъ вѣрить, что свободенъ.

Ушелъ на берегъ океана съ прежнею своею стражею, и тамъ мнѣ все казалось въ превратномъ видѣ. Передъ каждою бурей показываются на морѣ тысячи животныхъ и съ волнами приближаются къ берегу. А у меня передъ очами были разныя наши процессіи, монахи, шедшіе съ крестами, встрѣтить меня, и я шелъ на встрѣчу имъ въ море. Но меня удержали. Я былъ какъ бы не въ своемъ умѣ. Возвращаясь на свою квартиру, едва могъ протолкаться вслѣдствіе наплыва мужчинъ и женщинъ, коимъ прежде нельзя было у меня находиться. Каждая женщина принесла мнѣ какой нибудь подарокъ. Разныя ягоды, рыбы, птицы—онѣ жертвовали отъ чистаго сердца. На каменномъ столикѣ у себя я нашелъ фляжку рому, голову сахару въ четыре фунта и пачку небольшихъ восковыхъ свѣчекъ. Этотъ подарокъ мнѣ сдѣлалъ купецъ съ корабля. Тутъ мой хозяинъ докладываетъ, что идетъ тамошній священникъ-миссіонеръ въ церковномъ облаченіи, съ евангеліемъ и въ сопровожденіи пѣвчихъ. Въ Россіи существуетъ повсемѣстно обычай совершать на дому богослуженіе, благодарить Бога въ разныхъ случаяхъ. Смотрю: ведутъ престарѣлаго священника, въ ризѣ, съ евангеліемъ, а передъ нимъ несутъ кадило.

Священникъ имѣлъ отъ роду 80 лѣтъ. Онъ былъ давно сосланъ для просвѣщенія дикарей и обученія ихъ вѣрѣ, а также для пребывающихъ здѣсь матросовъ и чиновниковъ. При немъ находились 6 мальчиковъ, взятыхъ на якутскихъ островахъ. Онъ ихъ окрестилъ, научилъ русскому языку, и изъ нихъ образовались пѣвцы, не уступавшіе итальянцамъ.

Спѣшилъ я какъ либо приготовиться.

Наскоро зажегъ нѣсколько десятковъ, подаренныхъ мнѣ купцомъ, свѣчекъ. Былъ у меня бумажный образъ на стѣнѣ—св. Іоанна Крестителя, который, я, ѣдучи черезъ Московскую землю, купилъ у рядоваго за стаканчикъ водки.

Священникъ вошелъ въ мою квартиру съ большою свитою: тутъ

находились—начальникъ прибывшаго корабля, много матеріаловъ и мѣстныхъ жителей.

Сначала онъ пропѣлъ четыре евангелія вмѣстѣ съ пѣвцами, голоса которыхъ такъ трогали душу, что ни одинъ изъ присутствовавшихъ не могъ удержаться отъ слезъ. Я, отъ юности не склонный къ плачу, началъ почти ревѣть. Это доставило мнѣ нѣкоторое облегченіе.

Когда богослуженіе окончилось, присутствовавшіе сѣли кругомъ и нескоро могли успокоиться отъ волненія.

Думалъ сдѣлать для нихъ какое нибудь угощеніе, но не зналъ изъ чего. Вдругъ приходитъ мнѣ на мысль польскій пуншъ. У меня былъ ромъ и сахаръ, подаренные купцомъ, а вмѣсто лимона весьма вкусная кислота изъ брусничныхъ ягодъ, съ которою я ѣлъ холодную рыбу. Я велѣлъ приготовить пуншъ въ каменной посудѣ, объемомъ въ 3 гарнца, которую камчадалы, наполнивъ китовымъ жиромъ, употребляютъ вмѣсто лампы. Нашлось у меня шесть деревянныхъ японскихъ чашекъ, а остальные принесли отъ коменданта, у котораго посуды было очень много. За пуншемъ каждый началъ вспоминать со слезами свою отчизну. Священникъ и комендантъ наиболѣе скорбѣли, ибо не надѣялись видѣть ее совсѣмъ. Священникъ потому, что навсегда былъ присланъ, а комендантъ—потому, что, вслѣдствіе продолжительнаго уже здѣсь пребыванія, не надѣялся долго протянуть, благодаря дыму вулкановъ и нездоровому воздуху.

Во время бесѣды комендантъ, между прочимъ, замѣтилъ мнѣ, что я останусь у нихъ еще три года. Это меня страшно потрясло, и я сказалъ коменданту:—Я вижу, что жестоко обмануть.—Нѣтъ,—сказалъ онъ,—этотъ корабль, что зашелъ сюда за дровами и водою, принесъ дѣйствительно указъ объ освобожденіи вашемъ, но онъ завтра уходитъ на океанскіе острова и только на обратный путь, года черезъ 2 или 3, если не случится другой болѣе скорой оказіи, возьметъ васъ съ собою. Теперь же нѣтъ никакой возможности отослать васъ, тѣмъ болѣе, что зима уже наступаетъ.

Пораженный такою печальною новостью, я снова началъ скорбѣть и терзаться.

Комендантъ, увидѣвъ, что я очень опечалился, приказалъ прійти двумъ шаманкамъ и отгадать, какая меня ожидаетъ судьба.

Шаманки пришли вечеромъ, при огнѣ, въ своихъ фантастическихъ уборахъ, и усѣлись за отдѣльнымъ столомъ. Каждая имѣла на себѣ бѣлое платье изъ горностаевъ, съ бахромами изъ жилъ, цвѣтныхъ травъ, раковинъ, разныхъ червяковъ и многочисленныхъ, чѣмъ-то набитыхъ, шкурокъ мышей, на головѣ колпакъ изъ шкуры расомахи съ зубами, а сзади волчій хвостъ. Лицъ не было возможности распознать, ибо они были, по обычаю, татуированы; кромѣ того, надъ глазами висѣли бахромы изъ оленьей шерсти, и каждая имѣла оленью лопатку. Передъ ними поставили каменныя лампы.

Одна изъ нихъ жгла кость надъ лампою. Другая выбѣгала на дворъ, кружилась, смотря на небо и, возвратясь, рассказывала что-то на своемъ языкѣ своей товаркѣ.

Комендантъ спросилъ черезъ переводчика, что онѣ видятъ. Отвѣчали ему, что видятъ приходящій корабль и много людей разныхъ цвѣтовъ, какихъ уже давно тутъ не видали. Снова спросилъ: что будетъ съ чужеземцемъ? какъ скоро онъ уѣдетъ отъ насъ? Отвѣчали ему, что не долго будемъ съ нимъ веселиться, ибо, сказали, мы видимъ его стоящимъ на порогѣ, въ бѣлой одеждѣ, съ вещами.

Компанія разошлась, а я въ то время готовъ былъ вѣрить всему, что предсказывали шаманки.

Сдѣлалась со мною бессонница, появилось безпрестанное удушье, и я замѣтно ослабѣвалъ.

Черезъ нѣсколько дней приходитъ комендантъ и передаетъ мнѣ, что англійскій корабль безъ мачты, повидимому, оторванный отъ флота, прибылъ въ нашъ портъ и вручилъ депешу объ отсылкѣ меня, черезъ Иркутскъ, въ Петербургъ, къ нашему послу.

О подобныхъ случаяхъ комендантъ имѣлъ строгое приказаніе доносить иркутскому губернскому начальству. Но хотя Англія въ то время была въ большой дружбѣ съ Россією, тѣмъ не менѣе комендантъ сильно беспокоился, что не имѣлъ корабля для пересылки депешъ. Между тѣмъ приближалась зима.

XIV.

Отъѣздъ изъ Камчатки.

Снаряженіе экспедиціи въ Охотскъ.—Сборы въ дорогу.—Собаки.—Нарты.—Отъѣздъ.—Подарокъ миссіонера.—Миссіонеръ-спутникъ.—Остановки на пути.—Первая станція.—Чудодѣйственный грибъ.—Разставанье съ миссіонеромъ.—Встрѣча съ чукчами.—Ижигинскъ.—Кровопусканіе.—Снѣжная буря.—Голодь.—Переходъ черезъ гору Бабушку.—Тунгусы.

Сдѣлавъ необходимыя исправленія, англійскій корабль отошелъ къ мѣсту своего назначенія. А комендантъ, въ первыхъ числахъ ноября, когда берега океана крѣпко замерзли, сталъ готовить крайне рискованную экспедицію въ Охотскъ. Туда уже было отправлено нѣсколько подобныхъ экспедицій, но изъ нихъ едва дошли двѣ; прочія же, по причинѣ большихъ морозовъ и нападенія чукчей и другихъ народовъ, дойти не могли. Комендантъ приказалъ запрячь около 300 собакъ и оленей, собралъ вооруженную свиту, переводчиковъ, всего до 30 человекъ, а также заготовилъ на 3 мѣсяца для людей и собакъ сушеной рыбы и оленьяго мяса.

Къ этому каравану причислили и меня по усиленнымъ просьбамъ миссіонера. Комендантъ же не хотѣлъ меня отпустить по той

причинѣ, что ни одинъ европеецъ не въ состояніи перенести такого страшнаго холода, не говоря уже о тысячахъ случайностей, коимъ можно подвергнуться въ пути.

Около 15 ноября 1796 года мы стали готовиться въ дорогу. Комендантъ велѣлъ сдѣлать для меня санки, у которыхъ закрытое помѣщеніе обложили оленьими и медвѣжьими шкурами, такъ что оно немногимъ разнилось отъ нашей кареты, было очень теплое и даже имѣло окно изъ слюды. Были со мною еще двѣ живыя косматыя собаки. Онѣ меня согрѣвали, и я безъ нихъ, пожалуй, не перенесъ бы холода. Да, кромѣ того, комендантъ далъ мнѣ на дорогу нѣсколько каменныхъ фляжекъ спирта. Хотя я былъ очень боленъ, однако это скрывалъ, иначе комендантъ не позволилъ бы мнѣ въбраться въ путь. Въ моихъ санкахъ было 13 собакъ, запряженныхъ въ ременное дышло, безъ вожжей. Одна изъ нихъ идетъ впереди проводникомъ. Она на столько смышлена, что во время пути безпрестанно оглядывается на киванье и слова камчадала,—въ которую сторону ей двигаться. Камчадалъ, по обычаю, уѣвшися бокомъ, на передкѣ саней ⁴⁾, держится за брусъ. У него на ногахъ лыжи, такъ что онъ мало того, что сидитъ, а и бѣжитъ вмѣстѣ съ собаками. Въ рукѣ у него оштолъ, или толстая палка, съ желѣзнымъ наконечникомъ, для задерживанія собакъ и саней. Когда ему надобно остановить собакъ, онъ поворачиваетъ сани бокомъ и тормозитъ. На концѣ оштола много желѣзныхъ колечекъ и звончковъ, чего собаки боятся больше всего, такъ что оштолъ служитъ и вмѣсто батога.

Насталъ день отъѣзда. Было совершено богослуженіе. Миссіонеръ благословилъ меня и далъ на память серебряный подарокъ съ изображеніемъ многихъ крестовъ и надписью: «Тебѣ, крестъ, поклоняемся и ожидаемъ втораго воскресенія изъ мертвыхъ». Это дорогое воспоминаніе я храню у себя до настоящаго дня. Миссіонеръ тоже выбрался съ нами. У него былъ приходъ на первой станціи перемѣны собакъ, гдѣ среди камчадаловъ много проживало матросовъ и сибиряковъ. Онъ ихъ не видалъ уже нѣсколько лѣтъ, а между тѣмъ тамъ надо было утвердить крестины и браки.

Напередъ весь нашъ обозъ спустили съ горы, такъ какъ селеніе, по обычаю, было расположено высоко надъ моремъ. Потомъ запрягли собакъ на ровномъ льду, чтобы онѣ не перепутались. Вся свита крикнула ужаснѣйшимъ образомъ и всѣ забрякали своими оштолами. Можно себѣ представить, съ какою тогда быстротой бросились собаки! Отъ такой быстрой ѣзды кажется, что воздухъ срываетъ голову, и весь человѣкъ становится какъ бы одурманеннымъ. Сначала собаки страшно напрягаютъ свои силы, такъ что едва не надорвутся, а потомъ уже бѣгутъ свободно по обледѣвшему снѣгу.

⁴⁾ Такія сани называются нартами. Г. В.

Корма въ дорогѣ, кромѣ какъ только на ночлегѣ, имъ не даютъ. Прежде чѣмъ двинутся съ мѣста, собаки голодаютъ два дня. Для ночлега выбираютъ мѣста лѣсистыя, или такія, гдѣ море выкинуло много деревьевъ. Тамъ выпряженные собаки, свернувшись въ клубокъ, засыпаютъ, а черезъ два часа каждая изъ нихъ получаетъ по одной сушеной рыбки. Люди во все время пути имѣютъ довольно работы. На каждомъ ночлегѣ имъ приходится выкапывать въ снѣгу большую яму, углубляясь до самой земли. Здѣсь раскладываютъ большой огонь. Вѣтеръ туда не проникаетъ, а только большой морозъ. Я ходилъ спать въ свою, обитую мѣхами, карету и хотя одѣвался вдвойнѣ, однако, будучи не здоровъ, постоянно терпѣлъ величайшій холодъ. Настаетъ день, запрягаютъ собакъ, и мы снова пускаемся дальше.

На шестой день мы приблизились къ первому селенію, но попасть туда не могли, ибо жилища въ землѣ совершенно занесло снѣгомъ. Нѣкоторыя собаки, изъ тѣхъ, что тамъ уже бывали, легли и дальше не хотѣли идти. Почуяли, что есть тутъ жители. Спустили собакъ. Изъ нихъ нѣкоторыя начали лаять, и тотчасъ обнаружилось поселеніе. Вышли камчадалы, и мы съ повозками подтянулись. Должны были влѣзть въ ихъ ямы по лѣсенкѣ черезъ окно или закопченное отверстіе, служившее для выпуска дыма. Меня же, въ виду того, что былъ боленъ и очень толсто одѣтъ, спустили на веревкахъ. Женщины окурили насъ головнями, дабы мы не занесли имъ оспы или заразы. Усѣлся я около огня и началъ готовить чай. Лѣдоватый сахаръ и мѣдный котелокъ были у меня привязаны къ поясу, иначе бы сейчасъ же украли. Отъ смрада въ помѣщеніи я почувствовалъ тошноту. Зову миссіонера, а его и слѣдъ простылъ ушелъ по подземнымъ коридорамъ здороваться со своими пасомыми, занимавшимися работою при лампахъ. Наконецъ, онъ вернулся, и мы стали пить чай. Вслѣдъ за миссіонеромъ наносили много соболей, горностаевъ и шкурокъ оленьихъ выкидышей (wurfköw).

Сталъ онъ меня упрекать, что я, проживъ два года въ Нижней Камчаткѣ, не узналъ о сокровищахъ, какія въ ней находятся. Развязалъ березовую кору и, показывая нѣсколько сушеныхъ грибовъ, рассказалъ мнѣ, что они чудодѣйственны, растутъ на одной только высокой горѣ, близъ вулкана.

— Обратите вниманіе,—сказалъ миссіонеръ,—что я получилъ эти мѣха за грибы. Здѣшніе жители готовы отдать все состояніе, если бы я имѣлъ ихъ больше. Эти грибы имѣютъ такое свойство, что, кто ихъ поѣстъ,—увидитъ свое будущее.

Такъ какъ я страдалъ безсонницею, то онъ совѣтовалъ мнѣ съѣсть одинъ грибокъ.

Я долго не рѣшался. Наконецъ, надумался, съѣлъ половину и погрузился въ пріятнѣйшій сонъ.

Внезапно я увидѣлъ себя въ великолѣпнѣйшихъ садахъ, среди

различныхъ цвѣтовъ, между женщинами, одѣтыми въ бѣлыя платья. Онѣ угощали меня разными плодами и ягодами, и тысячи другихъ удовольствій.

Спалъ двумя часами болѣе моего обычнаго сна.

На другую ночь миссіонеръ уговариваетъ меня съѣсть цѣлый грибъ. Я уже былъ болѣе отваженъ—съѣлъ и въ нѣсколько минутъ заснулъ. Пробудился я, спустя нѣсколько часовъ,—какъ бы посланный съ того свѣта,—чтобы меня исповѣдалъ миссіонеръ. Кажется, что была полночь, когда я разбудилъ священника. Онъ взялъ епитрахиль и исповѣдалъ меня. Въ теченіе часа я снова заснулъ и спалъ 24 часа. Не смѣю вспоминать о моихъ страшныхъ видѣніяхъ въ этомъ снѣ: гдѣ я былъ и чтò видѣлъ. Упомяну лишь, что съ того времени, какъ я сталъ разумѣть, отъ лѣтъ пяти или шести, вся послѣдующая жизнь, всѣ лица, какихъ я только зналъ и съ которыми соединяла меня пріязнь, всякіе забавы и труды по очереди день за днемъ, годъ за годомъ и напослѣдокъ все будущее—все это я видѣлъ передъ собою. Впослѣдствіи этотъ грибъ причинилъ мнѣ немалое безпокойство, такъ какъ нѣкоторыя изъ моихъ сонныхъ видѣній оправдались. Просилъ я тогда и миссіонера исправиться, если онъ сдѣлалъ что либо дурное.

Послѣ трехдневнаго отдыха благословилъ меня миссіонеръ и простился со мною. Запаслись мы провизією для людей и собакъ, замѣнили нѣкоторыхъ больныхъ псовъ, взяли двухъ новыхъ проводниковъ и отправились въ дорогу.

Приходилось ѣхать вблизи земли чукчей, которые постоянно нападаютъ и грабятъ москалей и сибиряковъ. Мы ужасно боялись встрѣтиться съ ними, чего, однако, не миновали. На насъ натолкнулись до 30 чукчей, возвращавшихся съ охоты съ богатою добычею. Одни изъ нихъ ѣхали въ чолнахъ (есть у нихъ такія зимнія повозки), другіе на оленяхъ. Спасеніемъ жизни мы обязаны нашему толмачу. Онъ прежде всего объяснилъ имъ, что везутъ изъ плѣна челоуѣка, который такъ же, какъ и они, сражался за свою землю; нынѣ его возвращаетъ и призываетъ къ себѣ бѣлый царь, о которомъ рассказываютъ имъ пророчицы, что царь этотъ многокрылый и править нѣсколькими мірами. Подскочили они къ моей повозкѣ, стащили съ головы мѣховой колпакъ и стали присматриваться къ моему лицу. Я тотчасъ далъ имъ заранѣе уже приготовленные подарки: тютюнъ, стеклышки и т. п. Они остались очень довольны и съ своей стороны бросили въ мою повозку нѣсколько десятковъ соболей и трехъ получерныхъ лисицъ. Такъ тогда неожиданно счастливо мы разстались съ тѣми, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ разбили двѣ точно такія же экспедиціи. Всѣ камчадалы и вся свита были благодарны за свое спасеніе мнѣ, а еще болѣе толмачу, для котораго сдѣлали складку въ видѣ тютюна и разныхъ бездѣлушекъ.

Нѣсколько дней не встрѣчали ни одного селенія. Ночевали подѣ

открытымъ небомъ. Наконецъ, пріѣхали въ селеніе или мѣстечко, изъ нѣсколькихъ сотъ домовъ, называемое Ижигинскъ, заселенное москалями и сибиряками. Здѣсь содержится команда изъ нѣсколькихъ десятковъ вооруженныхъ людей для защиты отъ чукчей. Въ Ижигинскѣ мы отдыхали нѣсколько дней. Я опять безнадежно заболѣлъ. Болѣзнь моя усилилась, когда меня внесли съ холода въ теплый домъ. Доктора не было. Какой-то старый, отставной солдатъ пустилъ мнѣ кровь въ количествѣ полгарнца и этимъ меня еще болѣе ослабилъ. Черезъ часъ изъ крови образовалась одна черная вода. Я страшно вспотѣлъ. Изъ глазъ ручьями текли слезы. Меня сильно душило. Начались безчисленныя колотья въ цѣломъ тѣлѣ. Понемногу стало лучше, но все-таки припадки меня не оставляли.

Въ дальнѣйшемъ пути насъ застигла снѣжная буря. Отъ безпрерывно сыпавшагося снѣга среди бѣла дня сдѣлалось темно, какъ ночью. Если бы мы остановились хотя $\frac{1}{4}$ часа на одномъ мѣстѣ, неизбежно были бы засыпаны съ цѣлымъ обовомъ. Но мы прятались подъ скалы или въ густые лѣса, спѣшили на помощь собакамъ, чтобы онѣ не погибли въ снѣгу. Буря продолжалась около трехъ дней. У насъ не хватило провизіи, а между тѣмъ до Охотска оставалось еще нѣсколько дней пути. Намъ приходилось погибать. Въ видахъ сбереженія корма для собакъ камчадалы были принуждены сами ѣсть собакъ. Послѣднія, не получая своей обычной порціи, теряли силы, грызлись между собою и разрывали ослабѣвшихъ. Никакого мѣха, рукавицъ, колпака нельзя было при нихъ положить,—все отъ голода рвали и съѣдали. Я имѣлъ еще немного провіанту, варенаго оленьяго мяса, мало копченыхъ рыбъ и небольшую часть сухарныхъ крошекъ—въ кожаномъ мѣшечкѣ, который мнѣ далъ на дорогу комендантъ; кромѣ того, былъ у меня чай и немножечко водки. Весь этотъ свой магазинъ, идя спать, клалъ подъ голову, чтобы не украли. Вдобавокъ намъ надлежало перейти черезъ очень высокую гору, которую россияне и сибиряки называютъ Бабушкой. Лѣзли мы на гору въ теченіе нѣсколькихъ дней съ непреодолимою трудностью. Не разъ сани и собаки сдавались назадъ. Спускаться было не менѣе трудно. Мы имѣли на ногахъ лыжи, подбитыя гвоздями, въ родѣ щетокъ. Для сидѣнья маленькія лодочки изъ ремней, на рукахъ рукавицы съ гвоздями. И если бы не кусты кедровъ, выглядывавшіе изъ-подъ снѣга, за которые мы хватались, теряя равновѣсіе, насъ бы ожидала несомнѣнная гибель. Распряженные собаки спускались сами, слетая клубкомъ, ибо не могли удержаться. Повозки просто скатывали.

Спустившись съ этой страшной горы, мы встрѣтили тунгусовъ съ большими стадами оленей. У нихъ нашли съ избыткомъ всякой провизіи для себя и для собакъ. Тунгусы были намъ весьма рады. Убили молодого оленя. Я самъ варилъ его языкъ. Очень вкусенъ.

XV.

Прибытіе въ Охотскъ по сушѣ.

Охотскій комендантъ.—Его хищническія наклонности.—Болѣзнь.—Лѣченье у шаманокъ.—Отъ Якутска до Иркутска: по Ленѣ и на лошадяхъ.—Видъ береговъ Лены.—Станціи.—Буряты.

На другой день, послѣ двухмѣсячнаго путешествія, мы достигли Охотска. Я нашелъ въ этомъ городѣ того же самаго коменданта, князя Егора Петровича Мышинскаго, жесточайшаго тирана, съ которымъ я совершилъ путешествіе, на верховыхъ коняхъ, изъ Якутска въ Охотскъ. Я оставался въ Охотскѣ два мѣсяца, пока не пришелъ, по обычаю, изъ Якутска караванъ съ разными корабельными принадлежностями. Лошади были наняты до Якутска черезъ иркутскихъ купцовъ, которымъ я далъ за то нѣсколько соболей и двухъ бурыхъ лисицъ. У меня было со мною очень много разныхъ окаменѣлостей, подаренныхъ на память мѣстными чиновниками, а также и собственнаго сбора, нѣсколько платевъ, въ которыхъ сивиллы отправляютъ свои обряды: изъ коры, перьевъ морскихъ птицъ, изъ слюды, рубашекъ изъ кишекъ. Все это отобралъ охотскій комендантъ. Оставилъ мнѣ только частичку этихъ одеждъ. Ихъ я впослѣдствіи помѣстилъ въ «Храмъ Сивиллы» въ Пулавахъ и въ коллекціи Тадеуша Чацкаго въ Порицкѣ.

Передъ отъѣздомъ изъ Охотска я сильно захворалъ. Образовалась у меня, не знаю отъ чего, ниже груди опухоль величиною больше созрѣвшаго яблока. Она причиняла мнѣ величайшую тошноту и страшно давила. Доктора, который могъ бы посовѣтовать, тамъ никакого не было. Хозяинъ мой, сибирякъ, отставной матросъ, предлагалъ мнѣ обратиться къ тунгусскимъ шаманкамъ, которыя отличаются бѣльшими чудесами, нежели камчатскія.

Будучи въ такомъ беспомощномъ положеніи, почти-что безъ чувствъ, я вполне отдался лѣченью шаманокъ.

По приглашенію хозяина пришли двѣ преотвратительнѣйшія бабы въ своихъ удивительныхъ одѣяніяхъ. Осматривали меня, дотыкались до моей опухоли и отскакивали, говоря, что камчадалскія сивиллы, изъ зависти, наслали на меня своего дьявола и бросили въ море кость. Трудно будетъ его выгнать, но мы его выгонимъ.

Хозяинъ училъ меня согласиться на все, что только онѣ захотятъ дѣлать со мною.

Сивиллы принесли съ собою сухія кедровыя деревца и большую каменную плиту, на которой разложили огонь, а мнѣ велѣли усесться не очень высоко и ничего не пугаться. Потомъ начали на своемъ языкѣ что-то говорить огню. Затѣмъ одна изъ нихъ поползла ко мнѣ, рыча помедвѣжьи, и, приблизившись на шагъ, бросилась на

меня, стала рвать зубами мое платье до самого тѣла, гдѣ образовалась опухоль. Послѣ упала навзничь, какъ бы въ конвульсіяхъ, и покатила къ огню. Хозяинъ совѣтовалъ смотрѣть на ея ротъ. Тутъ я увидѣлъ, что у нея, въ зубахъ, шевелится большой черный червякъ.

— Видите,—сказалъ мнѣ хозяинъ,—она достала дьявола.

Другая ея товарка вырвала червяка изо рта и бросила въ огонь. Потомъ онѣ начали смѣяться и скакать, радуясь своей побѣдѣ.

Взявши плату, ушли. Опеломили онѣ меня своимъ фиглярствомъ, и мнѣ показалось, будто бы я чувствую нѣкоторое облегченіе, но на другой день боль возобновилась.

Отправились дальше, въ Якутскъ.

Послѣ непродолжительной остановки въ Якутскѣ двинулись въ Иркутскъ. Къ этому городу ведутъ два пути. Купцы, съ большими грузами мѣховъ и добычи, плывутъ по рѣкѣ Ленѣ противъ воды и едва могутъ уйти 4 мили въ день: на столько она быстра. Другой путь берегами рѣки, на лошадяхъ.

Нѣсколько дней я ѣхалъ водою.

Проѣзжая по Ленѣ, видишь образуемая высокими каменными берегами разныя пирамиды, какъ бы какіе города, видъ которыхъ мѣняется каждую четверть мили. Тысячи водопадовъ стремятся въ рѣки, камни свѣтятся отъ солнца разными цвѣтами.

Въ глубинѣ береговъ Лены нѣтъ никакихъ поселеній — одна лишь дикая и безлюдная пустыня со скалами и пропастями, поросшими низкими боромъ. На станціяхъ, гдѣ поселены ссыльные, — всѣ удобства. Ссыльные гостеприимны, не вымогаютъ плату за кушанье и за услуги. Они питаются рыбою, сѣютъ также зелень, разводятъ сады и бьютъ звѣрей; шкурами послѣднихъ выплачиваютъ подать. Оставляя какой нибудь городъ, я постоянно бралъ конвой. Конвойные — тѣ же ссыльные, люди разныхъ сословій — рассказывали мнѣ свои исторіи. Между ними, по ихъ словамъ, много было невинныхъ.

За триста верстъ до Иркутска я встрѣтилъ дикарей, которыхъ называютъ братскими народами ³⁾. Они живутъ на пространствахъ двухъ миль. Зиму проводятъ въ лѣсахъ, а на лѣто для пастьбы скота, котораго имѣютъ очень много, возвращаются на равнины, лежація вокругъ Иркутска. Ихъ поселенія издали кажутся огромнѣйшими городами. Почти надъ каждымъ жилищемъ развѣшаны на очень длинныхъ жердяхъ олени шкуры. Это — жертвы для боговъ. Одежды этихъ людей странныя — изъ оленьихъ и конскихъ шкуръ. Физиономіи самыя страшныя, лица оливковыя и ши-

¹⁾ Прозвище буряты. Г. В.

рокія. Религія язическая. Шаманки и у нихъ въ модѣ. Земли не обрабатываютъ, хотя земля въ окрестностяхъ Иркутска плодородна. Питаются мясомъ, молокомъ лошадей и коровъ. Подати платятъ, частію мѣхами, частію деньгами, которыя достаютъ отъ продажи лошадей и рогатаго скота.

Они доставили меня на лошадяхъ въ Иркутскъ.

XVI.

Возвращеніе въ Иркутскъ.

Прибытіе въ Иркутскъ. — Отдыхъ. — Приемъ у генераль-губернатора. — Генераль Сумовъ. — Гуманность генераль-губернатора. — Неприятный визитъ губернскаго казначея. — Совѣтникъ Горновскій. — Его матеріальная помощь. — Она впоследствии дорого обходится. — Въ гостяхъ у коменданта.

При въѣздѣ въ Иркутскъ, у заставы, взяли мой паспортъ и велѣли ждать. Я былъ въ камчатскомъ платьѣ. Сталъ собираться народъ, посмотрѣть на мой костюмъ. Черезъ часъ пріѣхалъ комендантъ, взялъ меня съ собою и отвезъ въ назначенную мнѣ, сообразно чину, квартиру. Онъ хотѣлъ, чтобы я тотчасъ же отправился къ генераль-губернатору. Но я упросилъ его повременить: во-первыхъ, я страшно утомился отъ пути и боленъ, во-вторыхъ, не имѣю въ чемъ представиться, кромѣ этого дикаго одѣянія. Пробывши нѣсколько минутъ, комендантъ оставилъ меня на квартирѣ, а самъ уѣхалъ. Помѣщеніе мнѣ было отведено въ домѣ купца. Онъ, увидѣвъ у меня соболей и разные мѣха, приказалъ принести сѣраго сукна, которое тамъ чрезвычайно дорого, бѣлья и разнаго платья.

На третій день я уже нѣсколько отдохнулъ и былъ одѣтъ по-европейски. Старое же платье, которое собирало толпы любопытнаго люда, велѣлъ вынести на чердакъ для просушки. Въ тотъ же день заѣхалъ ко мнѣ комендантъ и отвезъ меня къ генераль-губернатору.

Когда мы пріѣхали туда, я увидѣлъ огромный деревянный домъ и человекъ двѣсти караула. Въ самомъ Иркутскѣ держатъ три полка, кромѣ кавалеріи, такъ какъ окрестности города полны разными ордами, потому близко китайская граница, и, наконецъ, много тамъ поселилось издавна ссыльныхъ разныхъ національностей и разнаго званія. Комендантъ проводилъ меня въ обширную залу, гдѣ я замѣтилъ нѣсколькихъ генераловъ въ орденахъ, стоявшихъ несмѣло и покорно. Надобно знать, что здѣшній генераль-губернаторъ имѣетъ власть въ жизни и смерти. Когда ему доложили о моемъ прибытіи, вышелъ ко мнѣ и, взявъ за руку, повелъ въ свой кабинетъ. Тамъ меня посадилъ около себя и представилъ прибывшему въ этотъ день изъ Петербурга для осмотра мѣстныхъ войскъ гене-

ралу Сумову (Сомову?). Послѣдній только что, передъ моимъ приходомъ, наговорилъ очень много лестнаго для меня.

Генераль Сумовъ сталъ говорить, что знакомъ со мною только черезъ бряцаніе оружія и пороховой дымъ. Тогда генераль-губернаторъ беретъ меня за руку, со словами:

— Я слышалъ, что вы были у Костюшко на хорошемъ счету, поэтому прошу васъ сѣсть ко мнѣ поближе. Я люблю людей, которые пылаютъ ревностью къ своей отчизнѣ.— И еще прибавилъ:

— Я знаю Польшу и очень многихъ поляковъ, такъ какъ нѣсколько лѣтъ стоялъ тамъ въ разныхъ провинціяхъ.

Онъ говорилъ очень хорошо попольски.

Это былъ человѣкъ въ высокой степени деликатный, справедливый и гуманный, что всѣ за нимъ признавали.

Родомъ онъ былъ гановерець и назывался Христофоръ Андреевичъ Трейденъ. Не взирая на великую строгость Павла, онъ задерживалъ въ Иркутскѣ до тысячи несчастныхъ, которыхъ, въ силу указа, надо было давно разослать по разнымъ мѣстамъ: однихъ на поселеніе, другихъ въ рудники, третьихъ для заключенія въ крѣпостяхъ. При мнѣ въ Иркутскѣ былъ большой наплывъ пріѣзжихъ изъ Россіи: женъ, слѣдовавшихъ за мужьями, дѣтей — за родителями, друзей и слугъ. Всѣ сюда стремились, зная, что этотъ городъ служить пристанищемъ для несчастныхъ жертвъ Павла I.

Того же дня былъ у меня съ визитомъ губернской казначей и просилъ о возвратѣ, выданнаго мнѣ за годъ, арестантскаго содержанія. Когда я ѣхалъ въ Камчатку, онъ имѣлъ распоряженіе выплатить мнѣ слѣдующее содержаніе впередъ за два года, ибо тамъ дальше никакія деньги не ходятъ. На эти-то деньги тогда купили для меня сухарей, крупъ, тютюну и пр., и это все, когда разбился корабль, пропало, кромѣ одного тютюну, которому ничего не сдѣлалось. Казначей разъяснилъ мнѣ, что съ момента моего освобожденія прекратилось мое содержаніе; жаль, что только черезъ годъ дошла до меня вѣсть о моемъ освобожденіи, и что поэтому казенныя деньги необходимо воротить за цѣлый годъ. На это я ему сказалъ:

— Видите, я не имѣю никакихъ средствъ не только заплатить, но даже воротиться на родину.

По отъѣздѣ его, приходитъ ко мнѣ совѣтникъ Антонъ Степановичъ Горновскій, бывший капитаномъ-исправникомъ въ Якутскѣ, когда меня везли въ Камчатку, человѣкъ очень деликатный и богатый. Онъ происходилъ изъ захваченныхъ прежде польскихъ областей. Я бывалъ у него нѣсколько разъ съ комендантомъ. Я рассказалъ ему свое горе, и онъ вызвался помочь. Горновскій напередъ заплатилъ долгъ казначею, за то, что я сидѣлъ въ Нижней Камчаткѣ годъ долѣе послѣ изданія указа. Далъ мнѣ на дорогу до Тобольска 500 рублей ассигнаціями, отправилъ въ Петербургъ про-

живавшему тамъ своему брату, отставному подполковнику, вексель на мое имя. Когда черезъ шесть лѣтъ по возвращеніи на родину я былъ въ Петербургѣ, отыскивая наслѣдство, этотъ подполковникъ пришелъ ко мнѣ съ полиціею и велѣлъ заплатить себѣ вдвое, такъ какъ по вексельному праву дозволено взыскивать за неуплату въ теченіе пяти лѣтъ. Я былъ поставленъ тогда въ высшей степени непріятное положеніе, ибо не имѣлъ возможности выплатить долгъ. На мое счастье нашелся пріятель, бывший полковникъ польскихъ войскъ Тадеушъ Видзкій. Онъ за меня заплатилъ.

Вечеромъ генераль Сумовъ взялъ меня съ собою къ коменданту на ужинъ. Это былъ день именинъ его жены. Она принадлежала ко двору императрицы, а онъ самъ былъ гвардеецъ. Оба благородные люди.

У коменданта мы застали столъ, накрытый на нѣсколько десятковъ персонъ и убранный китайскими деревьями. Десертъ былъ изъ разныхъ китайскихъ фруктовъ, а ужинъ исключительно изъ заливныхъ — звѣрины, вкуснѣйшихъ рыбъ и мороженого. За столомъ сидѣли исключительно несчастные изгнанники — особы разныхъ чиновъ. Между ними находилось очень много дамъ прекрасныхъ, но весьма печальныхъ, пріѣхавшихъ со своими мужьями.

XVII.

Возвращеніе въ Тобольскъ.

Безпокойный спутникъ.— Дорога отъ Иркутска до Тобольска.— Барабинская степь.— Остановка въ Тобольскѣ.— Посѣщеніе попами.— Описаніе города.— Встрѣча съ соотечественниками.— Губернаторъ Кошелевъ.— На пути къ Казани.— Воспоминаніе о Пугачевѣ.— Въ Васильсурскѣ.— Князь Грушинскій.

Когда я уѣзжалъ изъ Иркутска, одинъ изъ тамошнихъ обывателей далъ мнѣ человѣка, прося довести его до Москвы. Съ нимъ я имѣлъ большія непріятности и горе. Это былъ величайшій пьяница. На нѣсколькихъ станціяхъ онъ подговаривалъ извозчиковъ убить меня. Меня предостерегли во время, и я, не имѣя другого средства избавиться отъ этого негодяя, на одной станціи напоилъ его водкой и, когда онъ уснулъ, бросилъ его. И уже до Тобольска я оставался одинъ, безъ слуги. На станціяхъ я рѣдко ночевалъ, потому что когда я входилъ съ холода въ теплый домъ, мнѣ дѣлалось дурно. У меня была собственная кибитка довольно большая, два мѣшка, набитые мѣхомъ, и теплыя олени одѣяла.

Дорога отъ Иркутска до Тобольска идетъ одними лѣсами и болотами. Мосты положены изъ круглыхъ бревенъ. Трясетъ до невозможности. Наконецъ, я выѣхалъ на большую равнину, назы-

ваемую Барабинскую степью. Мѣстность и виды—несравнимой прелести. Почва весьма плодородна, почти вся покрыта красною травою и бѣлою солью. Кое-гдѣ находятъ куски слоновой кости, изображенія, похожія на человѣка, и очень много остатковъ разнаго оружія. Но никто изъ мѣстныхъ жителей ничего не знаетъ о ихъ происхожденіи. Очень много душистыхъ цвѣтовъ и травъ. Безчисленныя озера, обсаженные тополями и богатыя рыбою рѣки. Озерныя заросли полны разнаго рода дичью. Но болѣе всего встрѣчается птицъ, похожихъ по величинѣ на нашихъ лебедей. Есть тамъ птицы — черныя, пестрыя и съ большими горлами. Онѣ плаваютъ въ одну линію безчисленными стадами, сцѣпляются ногами и, хлопая крыльями, кричатъ и гонятъ рыбу къ берегу, потомъ выбрасываютъ ее на землю и глотаютъ. Бѣлыхъ чаекъ такое множество, что когда онѣ пролетаютъ, то днемъ дѣлается темно, какъ ночью. Крылья у нихъ — особенной величины. По мѣстамъ попадались довольно высокіе холмы, покрытые деревьями. Деревни рѣдки, но зато очень богаты. Населены ссыльными.

Въ Tobольскѣ меня задержали у заставы, взяли паспортъ и черезъ полчаса назначили мнѣ квартиру, согласно моему чину. Далъ два пятака полицейскому солдату, прося его отвести мнѣ частную капральскую квартиру, ибо, благодаря своей болѣзни и заключенію, я совершенно отвыкъ отъ людскаго шуму.

Мнѣ дали квартиру въ домѣ сапожника. Внизу онъ самъ жилъ, а на верху была очень хорошая комната, вся въ иконахъ. Передъ образомъ Божіей Матери день и ночь теплилась лампада. Когда я вошелъ съ холода въ теплый домъ, начались необыкновенныя схватки. И вдругъ мнѣ приходитъ на мысль, что тутъ хорошо бы умереть. Зову своего хозяина, даю ему 5 рублей ассигнаціями, ложусь при немъ навзничъ, складываю руки и говорю:

— Сбѣгай за попами, я кончаюсь.

Церепуганный и не особенно умный хозяинъ объявилъ попамъ, что у него въ домѣ покойникъ.

Черезъ полчаса пришли трое поповъ, съ причтомъ, въ ризахъ, съ кадиломъ и евангеліемъ. Пока пришли попы, схватки уменьшились, но я оставался въ томъ же положеніи. Войдя въ квартиру, начали пѣть. Потомъ спрашиваютъ:

— Гдѣ же покойникъ?

Услышавъ это, встаю и говорю, что это — я. Попросилъ ихъ пропѣть евангеліе ¹⁾, потомъ началъ плакать, и мнѣ стало легче. Попотчевалъ поповъ чаемъ съ ромомъ, и они ушли.

Въ Tobольскѣ насчитываютъ до четырехъ тысячъ домовъ. Есть нѣсколько каменныхъ церквей и замокъ на холмѣ, окруженный валами.

---

¹⁾ Авторъ шипеть пропѣть евангеліе, очевидно, принимая обыкновенно употребляемое въ восточной церкви чтеніе евангелія речитативомъ за пѣніе. Г. В.

Улицы всё мощены. Дома деревянные. Стоять на очень высоких сваях, ибо двѣ огромныя рѣки, Тоболь и Иртышъ, протекають вокругъ самаго города. Отъ разлива ихъ затопляются всё улицы, а стоящіе поближе дома сносятся водою. Тутъ есть губернаторъ и всевозможныя управленія, какія только существуютъ въ губернскихъ городахъ въ Россіи. Во главѣ духовенства стоитъ епископъ. Очень много купцовъ, но товары, которыми они торгуютъ, самыя заурядныя: мыло, желѣзо, разная галантерея, полотно, жиръ и платье для мѣстныхъ жителей. Населеніе какъ въ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ, кромѣ москалей и ссыльныхъ, составляютъ разныя татарскія племена. Они обрабатываютъ землю, но хлѣба мало сѣютъ, болѣе — зелени. Фруктовъ никакихъ не родится по причинѣ большаго холода. Не мало здѣсь и достойныхъ особъ, съ семействами, изгнанныхъ разъ навсегда. Изъ нихъ одни назначены въ работы, а другіе, о которыхъ знаютъ только губернаторъ да комендантъ, содержатся секретно. Послѣдніе самыя несчастныя, ибо не видятъ ни дневнаго свѣта, ни человѣческаго общества. Между прочими я нашель своихъ соотечественниковъ. Это были Кондратовичъ, Грабовскій и Паздзерскій — изъ Литвы и Волыни, сосланные сюда Павломъ. Они посѣтили меня, такъ какъ имъ можно было ходить вездѣ, лишь бы на ночь возвращались къ себѣ. Тобольскимъ губернаторомъ въ то время былъ Кошелевъ, человѣкъ очень добрый и гуманный. Въ теченіе нѣсколькихъ дней я постоянно обѣдалъ у него. Онъ же одолжилъ мнѣ 300 рублей ассигнаціями, такъ какъ у меня изъ денегъ ничего не оставалось. По прибытіи на родину я возвратилъ ему деньги съ величайшею благодарностію.

Простившись со своими земляками и взявши отъ нихъ казацкаго мальчика, который оказалъ мнѣ большую помощь въ дорогѣ и послѣ служилъ у меня 8 лѣтъ, я пустился далѣе.

Направляясь къ Казани, я проѣхалъ очень много селеній, жители которыхъ были ссыльные.

Еще до сихъ поръ остаются въ этихъ селеніяхъ слѣды Пугачева. По всюду видны пушки и разные военные снаряды. Все мѣстное населеніе стояло за него. Болѣе трехсотъ тысячъ разной черни, подобно облаку, двинулось за Пугачевымъ. Города и замки сдавались, вынося ему все имущество. Священники со св. Дарами всюду его привѣтствовали, принимая за Петра, хотя онъ былъ только казакъ. Очень многихъ дворянъ и господъ онъ замучилъ лютою смертію. И если бы Пугачеву удалось добраться до Москвы, Русское государство было бы въ конецъ потрясено. Но онъ былъ выданъ своими фаворитами генералу Михельсону. Недалеко отъ Казани существуютъ мѣдныя и желѣзныя фабрики, съ которыхъ расходятся по всей Россіи отличнѣйшая посуда и самое лучшее желѣзо.

Изъ селеній, какія я встрѣчалъ на Волгѣ, самое значительное—

Васильевъ-островъ (Wasilow Ostrow) ¹⁾, гдѣ я пробылъ два дня. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ очень порядочныхъ домовъ. Жители,—люди богатые. Селеніе принадлежитъ грузинскому царевичу, который самъ тутъ жилъ. Предки его были нѣкогда владѣтельныя особы, правившія отдѣльнымъ государствомъ ²⁾, но Москва послѣднее покорила, а значительную фамилію эту истребила. Послѣдняя отросль этой фамиліи сидитъ дома. Въ военной службѣ онъ не служилъ, ибо страдаетъ тѣлесными недостатками. Живетъ почти по-королевски, окруженъ многочисленною прислугою, и его крѣпостные очень счастливы. Для проѣзда Павла онъ приказалъ вымостить двѣ мили на собственный счетъ. Но Павелъ не хотѣлъ ѣхать, будучи имъ недоволенъ. Когда я переночевалъ въ этомъ селеніи, на утро пришелъ дворецкій просить меня отъ имени царевича на обѣдъ. Пошелъ я въ обыкновенное время и нашелъ очень деликатнаго и предупредительнаго хозяина, очень много прекрасныхъ со вкусомъ одѣтыхъ дамъ, пышный, роскошно убранный столъ, множество превосходнѣйшихъ фруктовъ, отличнѣйшія вина и все, что только можно найти въ первѣйшемъ домѣ. Я провелъ тамъ почти цѣлый день, рассказывая о своемъ путешествіи, и показалъ царевичу свою карту, которую онъ просилъ оставить для просмотра до слѣдующаго дня. Простившись съ нимъ, я ушелъ. На утро онъ возвратилъ мнѣ карту и прислалъ большую корзину разной провизіи и винъ. Съ такимъ запасомъ я двинулся дальше къ Москвѣ.

XVIII.

Возвращеніе на родину.

Въ Москвѣ. Добрая француженка-содержательница гостиницы. Генералъ Каверинъ и князь Салтыковъ.— Въ Вильно.— Подольскій генералъ-губернаторъ Гудовичъ.— Жизнь въ Дубно. Тадеушъ Чацкій. Житіе у него въ домѣ. Его доброе сердце.— Пребываніе у А. Ходкевича. Подарокъ его супруги. Жизнь въ своей усадьбѣ.— Въ домѣ Томаша Вавржецкаго. Нѣсколько словъ объ немъ.— Отъѣздъ на Украину. Въ Несвижѣ, у князя Доминика Радзивилла. Заслуги князя для родины.— Жизнь частнымъ чело-вѣкомъ на собственномъ фольваркѣ и ожиданія.

На послѣдней станціи передъ Москвой я спросилъ извозчика, въ какіе заѣзжіе дома они обыкновенно завозятъ лучшихъ пассажировъ. Онъ отвѣтилъ, что самые лучшіе заѣзжіе дома въ Москвѣ два: одинъ Стамбульскій отель, а другой французскій. Я велѣлъ ему ѣхать прямо въ послѣдній.

Вопедши въ коридоръ гостиницы, я, благодаря своему костюму, попалъ на глаза самой хозяйкѣ. Попросилъ ее дать одну

¹⁾ Должно быть, Васильсурскъ? Г. В.

²⁾ Рѣчь идетъ, конечно, о Грузіи. Г. В.

комнату. Хозяйка тотчас же указала теплую и очень приличную комнату, сказавъ, что она будетъ стоить пять рублей ассигнаціями. А между тѣмъ денегъ у меня оставалось не болѣе 15-ти рублей ассигнаціями. Я надѣялся, что въ такомъ большомъ городѣ найду когонибудь, кто мнѣ дастъ въ займы. Хозяйка взяла мой паспортъ и выпросила мою исторію, которую я ей рассказалъ вкратцѣ. На утро снова она посѣтила меня, при чемъ предостерегала избѣгать разговоровъ съ кѣмъ придется, особенно же совѣтовала остерегаться поляковъ, что меня чрезвычайно удивило. Видя расположеніе къ себѣ честной французенки, я открылся ей, что совсѣмъ не имѣю денегъ. На это она мнѣ сказала, что пока я буду тутъ оставаться, содержаніе мнѣ ничего не будетъ стоить, и еще дала мнѣ 100 рублей ассигнаціями. Благодарю ее и, желая знать, кому я обязанъ, спрашиваю ея имя. Но она отвѣтила, что знать этого нельзя.

На третій день мнѣ было приказано явиться въ полицію. Начальникомъ ея былъ генераль Каверинъ. Онъ, взявши меня въ свой экипажъ, отвезъ къ генераль-губернатору князю Салтыкову, изъ-подъ команды котораго я вышелъ съ бригадою изъ Украины.

Князь обошелся со мною въ высшей степени деликатно, говорилъ попольски. Выговаривалъ мнѣ, въ присутствіи находившихся тамъ генераловъ, что онъ изъ-за меня подвергся сильному преслѣдованію со стороны Екатерины II, за то, что позволилъ польскимъ войскамъ произвести замѣшательство и пробиться сквозь всю русскую армію. Затѣмъ Салтыковъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать и позволилъ пробыть въ Москвѣ нѣсколько дней.

Въ Москвѣ я видѣлся съ нашимъ генераломъ Неселовскимъ. Онъ былъ сосланъ Павломъ за чрезвычайную любовь къ своей отчизнѣ.

Показали мнѣ московскія достопримѣчательности. Но я ихъ не описываю, такъ какъ это извѣстно почти всѣмъ.

Наконецъ, я простился съ почтенною французенкою и отправился въ Польшу. Черезъ Минскъ, я прибылъ въ Вильну и заѣхалъ прямо въ почтовый домъ. Хозяинъ, узнавъ меня, спряталъ за ширмы изъ предосторожности, что стануть собираться люди, ибо я, за неимѣніемъ шубы, былъ въ зимнемъ камчатскомъ платьѣ. Я жилъ въ Вильнѣ два мѣсяца, пока не пришелъ указъ Павла I выгнать всѣхъ иностранцевъ. Указъ касался французскихъ эмигрантовъ и ксендзовъ-трапистовъ. Я объявилъ себя жителемъ Галиціи. Но былъ взятъ, какъ иностранецъ, и подъ конвоемъ отправленъ на Волинь, въ Устилугъ на Бугѣ, на кордонъ, гдѣ въ то время стоялъ съ войскомъ подольскій генераль-губернаторъ Гуловичъ. Онъ задержалъ меня подъ предлогомъ, что такихъ вредныхъ людей не отпускаютъ за границу, что это, должно быть, ошибка, онъ спроситъ рапортомъ государя, могу ли я выѣхать. Я просилъ его присоединить къ своему рапорту и мою просьбу къ монарху.

На это Гудовичъ согласился и велѣлъ мнѣ жить въ городѣ Дубно, подъ надзоромъ низшаго суда, съ тѣмъ, чтобы я никуда не отлучался, пока не придетъ изъ Петербурга резолюція.

Въ это время прѣхалъ въ Дубно новоградскій староста Тадеушъ Чацкій. Поручившись передъ низшимъ судомъ, онъ взялъ меня къ себѣ. Въ его домѣ я встрѣтился со многими почтенными и учеными людьми. Г-жа Чацкая, урожденная Дембинская, была гуманнѣйшая и прѣкраснѣйшая особа и при томъ добрая поляка. Я такъ сердечно былъ принятъ у Чацкихъ, что никогда объ нихъ безъ благодарности не могу вспомнить. Чацкій выхлопоталъ для меня въ варшавской комиссіи, назначенной отъ трехъ дворовъ, для ликвидированія королевскихъ долговъ, денежную плату за чинъ бригадира. Но я хотя и былъ въ высшей степени благодаренъ ему за его стараніе, и не имѣлъ тогда никакихъ средствъ къ существованію, тѣмъ не менѣе не отваживался взять денегъ за чинъ, пріобрѣтенный кровью и трудами. Этимъ я желалъ показать своимъ несчастнымъ землякамъ, что несчастія и убожество не должны отнимать способности мыслить.

Потомъ я жилъ въ домѣ Александра Ходкевича, добраго поляка и благороднаго челоуѣка. Имѣлъ счастье быть шаферомъ на его свадьбѣ съ Валевою (z Waleska), дочерью сѣрадскаго воеводы. Валева молодая, прекрасная особа, съ большими природными дарованіями. Она, вмѣстѣ со своею сестрою, Бержинской, подарили мнѣ въ Чернолѣсьѣ восемь уволокъ земли ¹⁾, съ пріемилымъ паркомъ, фруктовомъ садомъ, помѣщеніемъ для жилья и всѣмъ хозяйствомъ.

Тамъ я провелъ нѣсколько лѣтъ. Это уже было по смерти Павла I, я уже могъ выѣзжать за границу на воды, чѣмъ я пользовался и откуда снова возвращался въ свое любимое мѣстопребываніе. Сюда прибыло ко мнѣ нѣсколько раненыхъ солдатъ изъ моего полка, которыхъ храбрость и привязанность ко мнѣ были извѣстны. Пріютилъ ихъ у себя, назначивъ однихъ для обработки земли, другихъ для посадки деревьевъ (съ ними и самъ работалъ), третьихъ для домашняго хозяйства; наконецъ, изъ нихъ же составилъ стражу, такъ какъ моя усадьба стояла въ лѣсу, вдали отъ деревень и селъ.

Проживъ въ уединеніи и печали объ утратѣ своей родины нѣсколько лѣтъ, я поѣхалъ въ Петербургъ отыскивать наслѣдство послѣ своего родственника. Но не только не добился никакого успѣха, а въ добавокъ потерялъ свою прекрасную пустыню; вернулся домой и проболѣлъ два года ²⁾.

¹⁾ Равно 240 десятинамъ русской мѣры. Г. В.

²⁾Послѣ этихъ словъ въ подлинникѣ помѣтка: «въ мартѣ 1810 года», по всему вѣроятію, означающая время окончанія авторомъ своихъ мемуаровъ. Дальнѣйшія строки, должно быть, написаны позднѣе. Г. В.

Послѣ того провелъ я нѣсколько времени у своего родственника, у котораго ни въ чемъ не имѣлъ недостатка. Это былъ литовскій хорунжій Томашъ Вавржецкій, извѣстный цѣлому краю доблестью и любовью къ отчизнѣ. Онъ былъ избранъ послѣ Костюшки народнымъ главнокомандующимъ, а послѣ сталъ усерднымъ покровителемъ несчастныхъ. Императоръ Александръ I назначилъ его для исчисленія въ казенныхъ палатахъ нѣсколькихъ губерній тѣхъ іезуитскихъ капиталовъ и гражданскихъ податей, которыя поступили со времени послѣдняго захвата Польши.

По заключеніи Тильзитскаго мира, я оставилъ Литву и, по приглашенію своего друга, отправился на Украину.

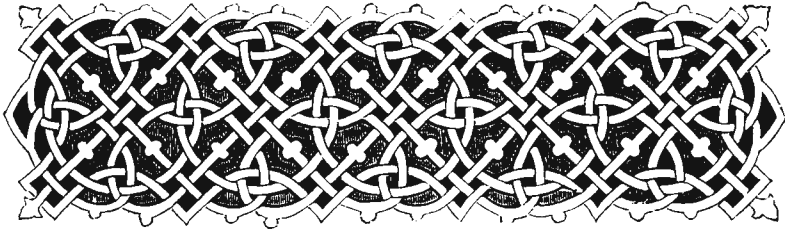
Когда я проѣзжалъ черезъ Несвижъ, на мое счастье, узналъ объ этомъ князь ординаръ Доменикъ Радзивиллъ и пригласилъ меня съ большою предупредительностію въ свой домъ. Какъ добрый полякъ съ чувствительнымъ и прекраснымъ сердцемъ, онъ подарилъ мнѣ фольваркъ, доходами съ котораго я въ настоящее время содержусь. Долженъ отдать князю справедливость, зная его близко, что для отчизны онъ не щадилъ ни достоянія, ни жизни.

Итакъ, сталъ я жить въ уединеніи, частнымъ человѣкомъ, ожидая возврата отчизны и питаюсь тою надеждою, которая уже столько разъ насъ обманывала ¹⁾...

Перевелъ и сообщилъ Г. А. Воробьевъ.

¹⁾ Пріятель же, къ которому я ѣхалъ, по фамилиі Тадеушъ Павша, сдѣлался изгнанникомъ и потерялъ все состояніе. Его жена, урожденная Любанская, наидостойнѣйшая особа, столько дѣлала пожертвованій и столько показала горячности въ спасеніи родины, какъ почти ни одинъ изъ тамошнихъ жителей. Женщинѣ, украшенной такими высокими дарованіями и душевными качествами, все удавалось. Авт.

ПРОСВѢТИТЕЛИ НАРОДА.

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ.

Некрасовъ.

СЯКОМУ русскому публицисту приходится приурочивать въ настоящее время всѣ вопросы нашей внутренней жизни къ единому основному положенію: только въ народной школѣ заключается спасеніе нашего отечества отъ всѣхъ постигающихъ его золъ и болѣзней. Повальное невѣжество народа — вотъ та язва, которая губительно и грозно подтачиваетъ нашу молодую жизнь и плетъ намъ одну бѣду за другою. Западныя народы, въ свое время страдавшіе той же болѣзью невѣжества, уже успѣли радикально излѣчиться отъ этого недуга, употребивъ на свое врачеваніе большое напряженіе силъ и средствъ. И чѣмъ какая народность относилась къ этому дѣлу энергичнѣе, тѣмъ результатъ получался осязательнѣе и скорѣе. Пруссія, подъ воздѣйствіемъ проповѣди Гумбольдта и Фихте главнымъ образомъ, широко развила свои просвѣтительныя силы, и исторія обогатилась двумя событіями чрезвычайной важности — Садовой и Седаномъ. Побѣды здѣсь прусскихъ войскъ, по общему признанію, должны быть разсматриваемы, какъ побѣды, одержанныя школьнымъ учителемъ. Обращаясь къ судьбѣ другихъ государствъ, мы наблюдаемъ нѣчто аналогичное: если народы здѣсь и не могутъ съ гордостью указать на громкіе слѣды военной славы, то они съ неменьшей гордостью могутъ под-

1) Изданіе редакціи журнала «Образованіе» 1896 г.
«истор. вѣстн.», декабрь, 1896 г., т. LXVI.

черкнуть еще болѣе значительные успѣхи только мирнаго свойства, достигнутые ими, благодаря труду и стараніямъ того же школьнаго учителя. Успѣхи эти—экономическое и духовное благосостояніе народной массы, находящаяся въ прямой зависимости отъ состоянія народной школы и почетнаго положенія въ ней народнаго учителя. Здѣсь на первомъ мѣстѣ надлежитъ поставить народы скандинавскихъ странъ—Швецію, Норвегію, а также Данію и Исландію.

Въ недавно вышедшей брошюрѣ г-жи Е. Страннолюбской «Очерки начальнаго образованія въ скандинавскихъ странахъ»¹⁾ представлено по вопросу о скандинавской народной школѣ немало интереснаго матеріала, позволяющаго намъ судить, какой любовью окружили маленькія сѣверныя народности дорогое ихъ сердцу дѣтище—народную школу. Къ числу условій, благопріятствовавшихъ главнымъ образомъ развитію здѣсь народнаго образованія, г-жа Страннолюбская относитъ то обстоятельство, что въ скандинавскихъ странахъ «школа не обращалась въ орудіе борьбы политическихъ и религіозныхъ партій и не служила яблокомъ раздора между церковью и государствомъ. Протестантское духовенство, бывшее въ первое время возникновенія начальныхъ школъ единственнымъ просвѣтителемъ народа и имѣвшее школу всецѣло въ своихъ рукахъ, не смотрѣло на нее, какъ на единственный оплотъ для своего вліянія; преслѣдуя въ школѣ чисто гуманныя и просвѣтительныя задачи, скандинавскіе пасторы уступали и требованіямъ жизни. Въ школьныя программы вводились постепенно новые предметы преподаванія, и свѣтскія власти приобрѣтали все большее вліяніе въ школьномъ дѣлѣ, хотя пасторы и до сихъ поръ еще играютъ въ немъ важную роль и имѣютъ большое вліяніе. Такимъ образомъ, скандинавскія школы превратились постепенно и естественно изъ церковныхъ въ свѣтскія безъ упорной и ожесточенной борьбы, такъ тяжело отразившейся на школахъ во многихъ другихъ государствахъ».

Изъявъ изъ рукъ духовенства школы, скандинавскіе народы широко развили у себя институтъ учителей и поставили послѣднихъ въ такія условія существованія, которыя позволяютъ имъ, если не богато, зато безбѣдно существовать, не отвлекаясь никакими сторонними заработками и не трепеща за свою старость и будущность семей. Такъ, въ Швеціи, по свидѣтельству г-жи Страннолюбской, «преподаватели высшихъ народныхъ школъ получаютъ приблизительно 1.500 кронъ (520 р. 50 к.) въ годъ при готовой квартирѣ и отопленіи. Учителя и учительницы начальныхъ народныхъ школъ получаютъ минимумъ 600 кронъ (208 р.) за восьмимѣсячный учебный годъ; за каждый же лишній мѣсяцъ занятій имѣютъ прибавку въ размѣрѣ $\frac{1}{8}$ годоваго содержанія. Кромѣ жалованья, имъ полагается квартира, отопленіе, фуражъ для прокормленія одной коровы и вездѣ, гдѣ поз-

¹⁾ С.-Петербургъ, 1896 г.

воляетъ мѣстность, небольшой участокъ земли для огорода и посадки картофеля. По истеченіи пятилѣтней усердной службы, жалованье увеличивается на 100 кронъ (34 р. 70 к.). Во многихъ округахъ, однако жѣ, содержаніе учителей и учительницъ значительно превышаетъ установленный закономъ минимумъ; напримѣръ, въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, школьный учитель получаетъ до 2.200 кронъ (763 р.) въ годъ, но тогда онъ уже лишается даровой квартиры, отопленія и пр. Учительницы подготовительныхъ школъ и учителя искусствъ и ручнаго труда получаютъ вознагражденіе по соглашенію съ мѣстнымъ школьнымъ совѣтомъ».

Приведенныя цифры вознагражденій не должны казаться чрезчуръ низкими: онѣ прямо пропорціональны дешевизнѣ мѣстной жизни. Что касается пенсій, то такковыя выдаются изъ особаго фонда, на пополненіе коего не дѣлается никакихъ вычетовъ изъ учительскаго жалованья. «Въ силу королевскаго указа, изданнаго въ 1886 г., обязательными участниками этого фонда являются школьные совѣты, говоритъ г-жа Страннолюбская. Они дѣлаютъ единовременный вкладъ отъ 600—1000 кронъ въ обезпеченіе пенсіи для каждаго имѣющагося въ ихъ распоряженіи учительскаго мѣста и, сверхъ того, ежегодно вносятъ сумму, равную 4⁰/₁₀₀ получаемаго учителями ихъ округа жалованья. Полная пенсія составляетъ 75⁰/₁₀₀ отъ внесеннаго въ обезпеченіе ея совѣтомъ вклада, т. е. колеблется между 450—750 кронами (156—260 р.). Правомъ на пенсію пользуются учителя и учительницы, прослужившіе 30 лѣтъ и достигшіе 55-ти-лѣтняго возраста. Неизлѣчимо больнымъ полная пенсія выдается и ранѣе 30-ти лѣтняго срока службы, если число лѣтъ отъ роду вмѣстѣ съ числомъ лѣтъ службы въ должности учителя составляютъ сумму не менѣе 85-ти... Кромѣ основнаго пенсіонаго фонда, существуетъ еще пенсіонная касса для вдовъ и сиротъ. Учителя участвуютъ въ этой кассѣ обязательно, а учительницы по желанію: первые вносятъ ежегодно 3¹/₃⁰/₁₀₀, а вторыя—1²/₃⁰/₁₀₀ съ той суммы, которая составитъ впоследствии пенсію ихъ семьѣ».

Обращаясь къ Норвегіи, гдѣ также школьное дѣло поставлено превосходно, мы видимъ, что годовое содержаніе учителя народной школы равняется 995 кронъ (335 р. золотомъ). Кромѣ того, сельскія общины обязаны были въ (1880 году), независимо отъ денежнаго содержанія, доставлять по крайней мѣрѣ одному учителю съ его семьей въ каждомъ округѣ квартиру и участокъ земли, достаточный для разведенія сада и прокормленія двухъ коровъ. Въ 1885 году, по указаніямъ г-жи Страннолюбской, изъ 3.453 учителей и учительницъ такой участокъ имѣли 649 лицъ, нѣсколько меньшій надѣлъ имѣли 437 лицъ, остальные же вовсе не имѣли земли. «Минимумъ содержанія для учителей сельскихъ школъ опредѣляется областными совѣтами, говоритъ г-жа Страннолюбская, причемъ для преподавателей старшихъ отдѣленій онъ не долженъ быть менѣе 12 кронъ, а

для учителей младших отдѣленій менѣе 8-ми кронъ въ недѣлю; кромѣ того, каждая община должна предоставить по крайней мѣрѣ одному учителю даровую квартиру и участокъ земли, достаточный для разведенія сада и прокормленія. Учитель, имѣющій штатное мѣсто, обязанъ заниматься не менѣе 24 недѣль въ году. Для выполнения этого требованія въ сельскихъ школахъ, то-есть съ минимальнымъ 12-ти недѣльнымъ учебнымъ годомъ, учитель долженъ преподавать въ обоихъ отдѣленіяхъ, устраивая въ нихъ занятія въ разное время года. По истеченіи 5-ти или 10-ти-лѣтней службы учителя получаютъ прибавку къ жалованію». Что касается пенсій, то для нихъ до послѣдняго времени былъ установленъ слѣдующій порядокъ: лица, достигшія 60-ти-лѣтняго возраста и прослужившія 30 лѣтъ, получали пенсію въ размѣрѣ 75% своего годоваго содержанія; учителя, достигшіе 55 лѣтъ и прослужившіе 25 лѣтъ, получали нѣсколько меньшую пенсію. Пенсіи выдаются изъ особаго фонда, образующагося изъ взносовъ государственныхъ и общественныхъ. Кромѣ основнаго пенсіоннаго фонда, существуетъ еще особая пенсіонная касса для вдовъ. Учителя обязаны вносить въ нее 10% своего содержанія. Взносъ этотъ увеличивается до 20% для лицъ, жалованіе которыхъ увеличилось на 50% ранѣе достиженія ими 45-ти-лѣтняго возраста.

Изъ этихъ краткихъ свѣдѣній о скандинавскихъ учителяхъ мы видимъ, что, хотя матеріальное ихъ положеніе очень скромное, но всеже оно достаточно для приличнаго существованія въ зависимости отъ дешевизны мѣстной жизни. Во всякомъ случаѣ ихъ содержаніе опредѣлено рамками закона, и они не предоставлены на волю случая, и старость ихъ такъ или иначе обезпечена. Но если матеріальное положеніе просвѣтителя народа не отличается особенною высотой, то нельзя того же самаго сказать про иную сторону дѣлу—про нравственный авторитетъ учителя. Онъ очень великъ, и школьный учитель пользуется всеобщимъ почетомъ, уваженіемъ и любовію; его вліяніе на жизнь деревни простирается чрезвычайно глубоко и держится здѣсь крѣпко.

Ознакомившись вкратцѣ съ положеніемъ учителей въ сосѣднихъ съ нами сѣверныхъ странахъ, которыя по многимъ условіямъ своей жизни подходятъ къ нашему отечеству, посмотримъ, что представляетъ собою русскій народный учитель, и каково его общественное и юридическое положеніе у насъ.

II.

Въ текущемъ году на вечерѣ, посвященномъ памяти извѣстнаго русскаго педагога Константина Дмитріевича Ушинскаго, въ числѣ прочихъ ораторовъ выступилъ и народный учитель Петербургскаго уѣзда, В. Я. Абрамовъ, съ рѣчью, въ коей обрисовалъ значеніе по-

койнаго Ушинскаго для народныхъ учителей и школъ. Рѣчь эта въ настоящее время, въ значительно, однако смягченномъ видѣ, напечатана въ сборникѣ «Памяти Константина Дмитріевича Ушинскаго» и позволяетъ всѣмъ судить, какъ смотритъ самъ русскій народный учитель на свое положеніе. «Нося въ глубинѣ своего сердца завѣты покойнаго К. Д. Ушинскаго, народный учитель не будетъ одинокимъ, въ какой бы медвѣжій уголь ни кинула его судьба, въ какой бы отвратительной обстановкѣ ни пришлось ему учить и любить крестьянскаго ребенка, удостовѣряетъ г. Абрамовъ. Эти завѣты дадутъ ему силы работать и переносить матеріальныя лишенія, отсутствіе книгъ и средствъ къ дальнѣйшему самообразованію, несправедливое, а иногда и жестокое отношеніе лицъ, завѣдующихъ школою, удержатъ его при школѣ, хотя бы ему открывалась и болѣе выгодная профессія. На вопросъ: — «да много ли такихъ учащихся?» — я отвѣчу: немало, и чаще ихъ можно встрѣтить въ глухихъ провинціяхъ, удаленныхъ отъ культурныхъ центровъ. Но не будемъ заниматься подсчетомъ героевъ; обратимся къ массѣ учащихся, къ той арміи просвѣтителѣ, которая вноситъ хотя слабый свѣтъ въ непроглядную тьму народнаго невѣжества. Что прельщаетъ челоуѣка съ среднимъ образованіемъ поступить въ учителя и что удерживаетъ его въ теченіе многихъ лѣтъ на учительскомъ мѣстѣ? Неужели ежемѣсячное жалованье въ 10, 15, 20 рублей, да и то часто не выплачиваемое по полугодію? А много ли земствъ и помѣщиковъ, то-есть хозяевъ школъ, платящихъ больше? Или же сырая, угарная, холодная школа, съ коморкою для учителя? Или то презрительное и, самое большее, снисходительное отношеніе со стороны мѣстной помѣщичьей и служебной среды? А то, быть можетъ, нервное расстройство и потеря голоса, связанная съ долгимъ учительствомъ, и перспективы голодной смерти въ будущемъ?.. А между тѣмъ контингентъ учащихся болѣе и болѣе пополняется интеллигентными тружениками, даже съ дипломами высшихъ учебныхъ заведеній. Что же ихъ привлекаетъ въ народную школу? Прежде всего, конечно, сознанный долгъ передъ роднымъ народомъ, затѣмъ увѣренность, что ихъ работа въ школѣ не бумажная, не безплодная, во имя хорошо оплачиваемаго жалованія, а работа безусловно необходимая для народнаго блага, проливающая свѣтъ и расчищающая путь къ народному счастью; наконецъ, вѣра, что самъ учащій будетъ нравственно совершенствоваться, работая въ школѣ».

Эти слова народнаго учителя передъ лицомъ обширной аудиторіи вызвали сильное впечатлѣніе. Публика узнала, что истинные просвѣтителѣ русскаго народа, на долю которыхъ выпала одна изъ благороднѣйшихъ задачъ жизни, влачатъ свое существованіе при самыхъ возмутительныхъ условіяхъ и чуть ли не обречены на вѣрную гибель, которая должна явиться вѣнцомъ ихъ непосильныхъ трудовъ и жертвъ на пользу «малыхъ сихъ» и всего русскаго народа.

Мы уже видѣли, каково почетное положеніе и гарантированное

матеріальное состояніе сельскихъ учителей у скандинавскихъ народовъ. И вотъ является русскій народный учитель и повѣствуетъ нѣчто совершенно невѣроятное о томъ, въ какія тяжкія условія поставлены въ Россіи истинные просвѣтители, въ коихъ она такъ нуждается, и отъ успѣшныхъ трудовъ которыхъ цѣликомъ зависитъ ея историческое будущее. Но, можетъ быть, г. Абрамовъ преувеличилъ, можетъ быть, онъ порисовался мрачными красками и эффектными иллюстраціями? Провѣримъ его и просмотримъ, что говорятъ по этому предмету незаинтересованные изслѣдователи, люди, судящіе вопросъ о народныхъ учителяхъ спокойно и безпристрастно. По этому предмету имѣются уже кое-какіе труды и работы, и ими для настоящаго случая интересно воспользоваться.

Извѣстный изслѣдователь народной жизни, А. М. Тютрюмовъ, въ своемъ любопытномъ очеркѣ «Общественное и юридическое положеніе сельскаго учителя»¹⁾, обстоятельно знакомитъ насъ съ экономическимъ и соціальнымъ положеніемъ нашихъ просвѣтителей народа.

Изъ указанной статьи мы узнаемъ, что лучше всего народный учитель поставленъ въ одноклассныхъ и двухклассныхъ школахъ министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ годовою окладъ его равняется 330 рублямъ при готовой квартирѣ; но такихъ въ нашемъ отечествѣ весьма немного сравнительно, и объ этихъ министерскихъ счастливицахъ не приходится много говорить. Иначе рисуется положеніе народныхъ учителей въ земскихъ школахъ, каковыя и представляютъ въ своемъ лицѣ главнымъ образомъ дѣло народнаго русскаго просвѣщенія.

«Что касается учителей земскихъ школъ, — говоритъ г. Тютрюмовъ, — то, за исключеніемъ нѣсколькихъ болѣе состоятельныхъ земствъ, въ родѣ петербургскаго и московскаго, содержаніе учителей значительно ниже вышеуказанной нормы (то-есть министерскаго оклада въ 330 рублей). Такъ, по даннымъ 1885 года, оказывается, что въ Новгородской губерніи существовали учителя, получавшіе всего 120 рублей въ годъ, а среднее жалованье по губерніи составляло для учителя 268 рублей и для учительницы 222 рубля. Въ Казанской и Орловской губерніяхъ жалованье земскихъ учителей тоже колеблется отъ 120 до 300 рублей. Херсонское уѣздное земство съ 1884 года назначило учителямъ жалованье: вновь поступающимъ 350 рублей, прослужившимъ пять лѣтъ — 400 рублей и прослужившимъ десять лѣтъ — 450 рублей. Въ московскомъ уѣздномъ земствѣ народные учителя начинаютъ службу съ 300 рублей, но по истеченіи каждаго трехлѣтія получаютъ прибавку по 50 рублей, пока черезъ 12 лѣтъ жалованье ихъ не достигнетъ 500 рублей. Еще серьезнѣе обезпечено матеріальное положеніе, на примѣръ, учи-

¹⁾ «Русская Школа», 1892 года, № 10 и 11.

телей въ петербургскомъ уѣздномъ земствѣ. Съ 1-го января 1884 года минимальное жалованье учителямъ и учительницамъ здѣсь опредѣлено въ 480 рублей; учителямъ же и учительницамъ, окончившимъ курсъ въ гимназіяхъ, въ учительскихъ семинаріяхъ и на высшихъ и педагогическихъ курсахъ, этотъ минимумъ возвышенъ до 600 рублей. Кромѣ того, они въ теченіе первыхъ пятнадцати лѣтъ получаютъ за каждое пятилѣтіе прибавку по 80 рублей, такъ что высшіе оклады жалованья въ уѣздѣ достигаютъ 720 и 840 рублей. Но если можно считать обезпеченными въ насущныхъ потребностяхъ учителей Петербургскаго и Московскаго уѣздовъ, то этого далеко нельзя сказать объ учителяхъ прочей земской Россіи, гдѣ содержаніе ниже въ 3, 4, а иногда и въ 6 разъ. Въ послѣднемъ случаѣ постоянная нужда и жизнь впроголодь являются удѣломъ сельскаго учителя. Едва пропитывая себя, онъ вынужденъ отказываться себѣ въ удовлетвореніи духовныхъ потребностей, ибо ему является непосильнымъ пріобрѣтеніе газеты и полезной для его же профессіи книги. Онъ вынужденъ отказаться отъ семейной жизни, такъ какъ ему нечѣмъ обезпечить содержаніе семьи. Кромѣ того, нынѣ дѣйствующее положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 25-го мая 1874 года и прочія узаконенія, не опредѣляя размѣра годового содержанія, не даютъ сельскому учителю никакого обезпеченія на случай потери имъ мѣста вслѣдствіе болѣзни и старости и, вслѣдствіе отсутствія пенсій и эмеритуры, оставляютъ семейство умершаго учителя безъ всякихъ средствъ къ жизни, обрекая его на крайнюю нужду и вынуждая обращаться къ скудной у насъ, въ Россіи, благотворительности, а нерѣдко и къ выпрашиванію подаенія. Эти обстоятельства отзываются тяжелымъ гнетомъ на судьбѣ народныхъ учителей. Если присоединить сюда еще зависимость сельскаго учителя отъ произвола лицъ, надзирающихъ за школою (а ихъ нѣсть числа), то получается довольно мрачная картина учительскаго быта».

Для иллюстраціи незавиднаго экономическаго состоянія народныхъ учителей и того, какъ они распредѣляютъ свой скромный бюджетъ, г. Тютрюмовъ приводитъ изъ протоколовъ «сѣзда въ г. Новгородѣ учителей народныхъ школъ 1882 года» чрезвычайно любопытный и характерный документъ, который обстоятельно знакомитъ насъ съ матеріальнымъ обиходомъ народнаго учителя. Документъ этотъ—«годовой бюджетъ минимума необходимыхъ расходовъ сельскаго учителя Новгородской губерніи, составленный учителемъ Боровичскаго уѣзда Строгановымъ», просмотрѣнный и исправленный сѣздомъ народныхъ учителей. Бюджетъ этотъ имѣетъ въ виду лишь потребности несемейнаго учителя и предполагаетъ для него готовую квартиру при училищѣ. «Наиболѣе подробно перечислены физическія потребности,—говоритъ г. Тютрюмовъ. — Къ числу ихъ относится пища, состоящая круглый годъ изъ супу,

кани и молока и «по два раза въ день» чаю, на что въ мѣсяцъ вычислено 14 руб. 8 коп., а въ годъ—168 руб. 96 коп. Прислугѣ за приготовленіе пищи въ мѣсяцъ, «на ея содержаніе», назначено 2 рубля, въ годъ—24 рубля. Платье, бѣлье и обувь расчитаны также въ самой скромной мѣрѣ; такъ, напримѣръ, два внесенные въ бюджетъ пиджака предназначены служить четыре года, лѣтнее и теплое пальто расчитаны на три года, воротникъ къ теплому пальто на пять лѣтъ, башлыкъ на пять лѣтъ, шапка на три года, двѣ пары сапогъ на три года, одѣяло на три года и проч. Годовой же расходъ выведенъ: на платье 38 руб. 15 коп., на обувь 18 руб. 85 коп. и на бѣлье 12 руб. 46 коп. Кромѣ того, къ расходамъ этого рода прибавлено: на стирку бѣлья 9 руб. 18 коп., на табакъ, спички и другіе мелкіе расходы 17 руб. 27 коп., на освѣщеніе 10 руб. 40 коп., на полученіе жалованья (поѣздка въ городъ) 7 руб. 92 коп., на посуду и хозяйственныя принадлежности 3 руб. 3 коп. и на непредвидѣнные расходы 20 рублей, а всего на физическія потребности 330 руб. 19 коп. Во второй отдѣлъ расходовъ внесены «необходимости, обусловленныя оффиціальнымъ и общественнымъ положеніемъ учителя», именно: двѣ крахмальные рубашки—4 руб., за крахмаленіе ихъ 2 рубля (20 разъ въ годъ, какъ подробно высчитываетъ составитель бюджета), на галстуки и запонки 1 руб. 50 коп., на переписку (бумага и почтовые марки) 3 руб. 88 коп., на зонтикъ (3 рубля на два года)—1 руб. 50 коп. и на непредвидѣнные расходы—5 рублей, а всего по этому отдѣлу 17 руб. 88 коп. Затѣмъ, на «потребности психическія» предположено: на газету 9 руб. въ годъ, на покупку книгъ 3 рубля, на поѣздку на родину 15 руб. и на церковныя обряды 5 руб., а всего по третьему отдѣлу годовой расходъ составитъ—32 руб., весь же «минимальный» бюджетъ достигаетъ 380 руб. 7 коп. Заканчивая свой расчетъ, г. Строгановъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Въ этотъ бюджетъ не включены расходы, вызываемыя общеніемъ съ мѣстными жителями, какъ-то: справленіе именинъ учителя, мѣстныхъ праздниковъ, праздниковъ Рождества, масляницы и Пасхи, на что требуется въ годъ около 30 рублей».

Этотъ бюджетъ, что называется, составленъ въ обрѣзъ, и трудно чтонибудь изъ него выкинуть для мало-мальски сноснаго человѣческаго существованія, и все же онъ равняется 380 руб. 7 к., т. е. такой суммѣ, которую получаютъ только немногіе счастливчики. Можно вообразить себѣ, каковъ же долженъ быть бюджетъ остальной массы, получающей 120 руб., 222 руб. и подобныя жалкія суммы! Очевидно, онъ долженъ быть нищенскій, такой, при которомъ учителю нечего и думать представлять изъ себя на селѣ интеллигентъа, возвышающагося своимъ оффиціальнымъ положеніемъ и представительствомъ надъ уровнемъ сельской массы и стоящаго, по крайней мѣрѣ, на одной доскѣ съ сельской аристокра-

тѣй—священникомъ, писаремъ, старшиной и другими. Народный просвѣтитель забить буквально нуждой и цѣликомъ находится въ зависимости отъ милостей окружающихъ—крестьянства, и сельскаго хозяйства. Можно ли при такихъ ужасающихъ условіяхъ существованія требовать отъ людей той пользы, которую бы они при иныхъ обстоятельствахъ могли приносить въ полной мѣрѣ? И не нужно забывать, что здѣсь рѣчь идетъ не о какой нибудь горсткѣ людей; нѣтъ, тутъ рѣчь идетъ о тысячахъ просвѣтителей народа, поставленныхъ лицомъ къ лицу съ голодной смертью и вѣчной нуждой.

Но если настоящее народнаго учителя безотраднo, то что сказать о его будущемъ, когда силы измѣнятся и не въ мoгуту станеть трудами рукъ своихъ зарабатывать скудный кусокъ хлѣба? О, это будущее ужасно, и сердце обливается кровью, когда приходится знакомиться съ печальною участью ихъ самихъ и ихъ семей. Вотъ лежитъ передо мною напечатанное въ «Русскомъ народномъ учителѣ» ¹⁾ «обращеніе къ товарищамъ», которое какъ нельзя лучше освѣщаетъ будущее семьи народнаго учителя. «12-го января 1893 года неумолимый тифъ унесъ отъ насъ одного труженика-учителя аболдуевской сельской школы Александра Ильина Терешкина, сказано здѣсь, который оставилъ громадную семью (жену, 6 человекъ дѣтей и сестру) безъ всякихъ средствъ къ существованію. Учительствовалъ покойный 22 года. По заявленіямъ ревизоровъ, былъ однимъ изъ лучшихъ учителей нашего уѣзда. Братья! откликнемся на плачь несчастной семьи покойнаго! Рѣдкія наши семьи не видятъ то же безотрадное будущее. Быть можетъ, и о нашихъ семьяхъ кто нибудь вспомнить, когда окажется въ томъ нужда. Помогая другимъ—помогаемъ самимъ себѣ». Далѣе слѣдуетъ указаніе адреса, куда надлежитъ направлять пожертвованія.

Прошу читателя хорошенько вдуматься въ слова приведеннаго «обращенія». Что они собою обозначаютъ? вѣдь это ни болѣе ни менѣе, какъ вопль «Христа ради». Человѣкъ трудился 22 года, былъ однимъ изъ лучшихъ представителей арміи просвѣщенія, терпѣлъ при жизни нужду и лишенія, подобно всѣмъ своимъ сотоварищамъ по профессіи; но вотъ безжалостная смерть вычеркиваетъ его имя изъ книги бытія, и что завѣщаетъ онъ своей семьѣ? Нищенство, голодъ и холодъ. И это не случайность—такова доля всякаго народнаго учителя. Сѣрые сумерки въ настоящемъ, глубокая, непроглядная ночь въ будущемъ!.. Проработай Терешкинъ еще 5, 10, 15 лѣтъ, и все же ни онъ, ни его семья не увидали бы помощи и обезпеченія. Г. Песковскій въ своемъ беллетристическомъ произведеніи «Въ глуши» считаетъ народную педагогическую армію въ 60.000 человекъ слишкомъ. И вотъ эта-то громада, которая единая выносить на своихъ плечахъ скудное русское народное просвѣще-

¹⁾ 1893 г., № 2.

ніе, обречена на неминуемую гибель, влечить свое существованіе безъ всякаго просвѣта въ будущемъ! Ужасно, ужасно!... Но послѣдуюмъ далѣе за г. Тютрюмовымъ и ознакомимся съ юридическимъ положеніемъ народнаго учителя.

III.

«Юридическое положеніе учителей народныхъ школъ является одною изъ слабѣйшихъ сторонъ школьнаго дѣла,—говоритъ почтенный изслѣдователь. Неопредѣленность и произволь—таковы характерныя черты этого положенія, дѣлающія профессію народнаго учителя весьма шаткою и мало привлекательною... Что же такое, въ самомъ дѣлѣ, трудъ народнаго учителя: государственная ли это служба («должность», какъ выражаются узаконенія), или такъ называемый вольный наемъ, терминъ, введенный у насъ въ Россіи, послѣ уничтоженія крѣпостнаго труда? Съ одной стороны, учительскій трудъ имѣетъ служебный характеръ, такъ какъ сельскіе учителя опредѣляются на службу, утверждаются въ должностяхъ, не заключаютъ договоровъ о срокѣ труда и о размѣрѣ вознагражденія, подобно вольнаемнымъ работникамъ, и проч., но, съ другой стороны, онъ не имѣетъ существенныхъ условій коронной службы, какъ-то: почетныхъ отличій, неувольняемости безъ достаточнаго основанія, права на пенсію и т. под. Въ результатѣ получается такое неопредѣленное, случайное и необезпеченное положеніе, которое вредно отзывается на всемъ строѣ начальнаго образованія въ Россіи». Далѣе г. Тютрюмовъ ставитъ прямо вопросъ: что такое современный народный учитель? и отвѣчаетъ: «онъ не является ни чиновникомъ, ни представителемъ другого какого либо класса, а преимущество его заключается изъ отрывочныхъ и частію весьма странныхъ правъ, выясненныхъ разными законоположеніями и обоснованныхъ на сепаратныхъ циркулярахъ министерства народнаго просвѣщенія. Преимущества эти въ сборникѣ г. Анина подробно перечислены и заключаются, между прочимъ: 1) въ изъятіи отъ тѣлеснаго наказанія для лицъ, не изъятыхъ отъ онаго по состоянію; 2) въ свободѣ отъ натуральныхъ повинностей для лицъ податнаго состоянія; 3) въ льготахъ по отбыванію воинской повинности; 4) въ освобожденіи отъ внесенія въ списки присяжныхъ засѣдателей; 5) въ правѣ на освобожденіе отъ платы за обученіе дѣтей въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, если учителя занимаютъ мѣста народныхъ учителей въ этомъ вѣдомствѣ, и нѣкоторыя другія. Всѣ эти права слишкомъ неопредѣленны и незначительны и уступаютъ въ суммѣ даже званію личнаго почетнаго гражданина. Разнообразіе положеній и путаница отношеній народныхъ учителей увеличивается еще тѣмъ, что въ средѣ ихъ, съ одной стороны, встрѣчаются лица привилегированныя: дворяне, воспитан-

ники высшихъ учебныхъ заведеній и пр., а съ другой — мѣщане, дѣти крестьянъ, которые не могутъ, конечно, ограничиваться въ своихъ стремленіяхъ прочно устроить себя и свою семью какимъ либо правомъ освобожденія отъ тѣлеснаго наказанія и т. п.».

Комплектуются учителя (я говорю лишь о земскихъ школахъ) изъ разныхъ слоевъ общества, но для полученія «должности» будущіе преподаватели должны имѣть узаконенное свидѣтельство на право преподаванія. Эти свидѣтельства выдаются или учительскими семинаріями, или по особому экзамену въ объемъ курса городского приходскаго училища. Низкія требованія для диплома позволяютъ въ ряды учительскаго персонала вступать самымъ разнороднымъ элементамъ; мы видимъ здѣсь лицъ, окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній, и съ среднимъ гимназическимъ или семинарскимъ образованіемъ, и простыхъ крестьянскихъ парней, только-что прошедшихъ двухклассную земскую школу и заручившихся дипломомъ на право преподаванія.

Занявъ должность народнаго учителя, послѣдній сразу попадаетъ подъ опеку безчисленнаго количества начальствующихъ лицъ: имъ командуетъ мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ, уѣздный предводитель дворянства, уѣздный и губернской училищныя совѣты, директоръ народныхъ училищъ и проч., и каждая изъ указанныхъ инстанцій можетъ оказывать свое вліяніе на дѣятельность и участь сельскаго педагога, контролируя его и примѣняя къ нему чувство милости и немилости. «Увольненіе народныхъ учителей отдано въ руки слишкомъ большаго числа властей, а потому удовлетвореніе всѣмъ ихъ требованіямъ и угожденіе всѣмъ ихъ вкусамъ являются для сельскихъ педагоговъ если не совершенно невозможными, то весьма плачевными, говоритъ г. Тютримовъ. По 7-му пункту 29 ст. положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, уѣздному училищному совѣту принадлежитъ право «увольненія учителей и учительницъ, признанныхъ неблагонадежными». По ст. 24 того же положенія, право «устраненія неблагонадежныхъ преподавателей» съ доведеніемъ о принятой мѣрѣ до свѣдѣнія уѣзднаго училищнаго совѣта принадлежитъ предсѣдателю этого совѣта и инспектору народныхъ училищъ, каждому въ отдѣльности. Право требовать увольненія учителей на основаніи общихъ дѣйствующихъ законовъ и 43 ст. положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 25 мая 1874 года, предоставляющее губернатору общее наблюденіе за ходомъ и направленіемъ первоначальнаго обученія въ губерніи, принадлежитъ и начальнику губерніи. Точно также земскія управы, содержація училища въ селахъ, нельзя лишить права отказывать въ занятіяхъ учителямъ, исполняющимъ службу неумѣло и недобросовѣстно. Такимъ образомъ, судьба учителя зависитъ отъ пяти и болѣе инстанцій, нерѣдко разнорѣчащихъ между собою и находящихся во взаимныхъ пререканіяхъ. Эти обстоятельства создаютъ немалую путаницу

и шаткость, которыми характеризуется у насъ развитіе народно-школьнаго дѣла».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и юридическое положеніе сельскаго педагога оставляетъ желать очень многого: онъ не гарантированъ въ своей профессіи опредѣленными рамками закона и предоставленъ въ значительной мѣрѣ на волю случайностей. Трудно указать въ нашемъ отечествѣ на какойнибудь другой классъ работниковъ, который бы былъ поставленъ въ столь неблагоприятныя условія. Незавидно также и общественное положеніе народнаго учителя. Что представляетъ свою личность онъ, единственный представитель цивилизаціи на селѣ? Онъ ни въ чемъ не имѣетъ права голоса; въ школѣ его занятія регламентированы сверху черезъ посредство ряда начальствующихъ инстанцій, а по окончаніи учебнаго времени— онъ безправный обыватель, безъ кола и двора и часто даже безъ достаточнаго куска хлѣба. Вся его сила въ немъ самомъ, въ его нравственномъ я. Коли въ немъ берутъ верхъ добрыя начала, онъ можетъ хорошо воздѣйствовать на окружающую среду и вести борьбу съ царящими на селѣ сплошь да рядомъ зломъ и неправдою; въ противномъ случаѣ, онъ сходитъ на нѣтъ, и значеніе его растворяется въ пошлой прозѣ повседневной жизни. Народный учитель одинокъ, и вся его жизнь протекаетъ среди четырехъ классныхъ стѣнъ, отъ уроковъ и до уроковъ. Библіотеки у него не имѣется, общенія съ равными себѣ онъ лишень, ибо съ кѣмъ же ему сноситься? Помѣщикъ отъ него далекъ, а село все цѣликомъ стоитъ ниже его по своему умственному развитію и духовнымъ потребностямъ. Лишенный матеріальныхъ благъ, не огражденный въ своемъ социальномъ положеніи закономъ, онъ вдобавокъ обреченъ на вѣчную духовную жажду, безъ надежды когда либо ее удовлетворить.

Да, печальна, воистину жалка доля народнаго учителя въ нашемъ отечествѣ! Если бы пришло на умъ какомунибудь писателю создать поэму — «Кому живется всѣхъ хуже на Руси?»—онъ могъ бы сразу дать въ первой же части отвѣтъ: народному учителю! И тѣмъ не менѣе армія этихъ истинныхъ подвижниковъ просвѣщенія не оскудѣваетъ, но, несмотря даже на всѣ неблагоприятныя условія, численно растетъ и растетъ. Что же побуждаетъ нашу молодежь искать себѣ дѣла и примѣненія своему труду въ неприглядной области народной педагогики? Г. Абрамовъ въ приведенной рѣчи формулируетъ побудительныя причины, ими двигающія, такъ: «прежде всего, конечно,—говорятъ онъ,—ихъ привлекаетъ сознанный долгъ передъ роднымъ народомъ, затѣмъ увѣренность, что ихъ работа въ школѣ не бумажная, не безплодная работа во имя хорошо оплачиваемаго жалованья, а работа безусловно необходимая для народнаго блага, проливающая свѣтъ и расчищающая путь къ народному счастью; наконецъ, вѣра, что самъ учащій будетъ нравственно совершенствоваться, работая въ школѣ». Изъ этихъ словъ мы видимъ, что осно-

ваніемъ дѣятельности народнаго педагога служить самый возвышенный, самый чистый идеализмъ, питающійся вѣрою въ народъ и любовью къ этому народу. Но скептикъ-читатель, можетъ быть, усмотритъ въ словахъ г. Абрамова излишнюю идеализацію, пристрастный голосъ человѣка, ратующаго за своихъ товарищей. Посмотримъ же, что говорятъ по тому же предмету другіе писатели, такъ или иначе соприкасавшіеся съ устоями народной жизни, а также лица, имѣвшія дѣла съ народной школою и педагогикою.

IV.

На первыхъ же порахъ я долженъ назвать беллетристическое произведение, принадлежащее перу бывшаго педагога, извѣстнаго писателя-публициста М. Л. Песковскаго. Произведеніе это—повѣсть въ 3-хъ частяхъ «Въ глуши», гдѣ изображена шагъ за шагомъ жизнь и дѣятельность народнаго учителя — Прахова. Я обращаю вниманіе читателей на это имѣющееся въ отдѣльномъ изданіи произведеніе потому, что, хотя авторъ и придалъ своему повѣствованію беллетристическую форму, но замысль его по существу была публицистическій, что и явствуетъ изъ приложеннаго къ повѣсти предисловія. «Народная школа,—читаемъ мы здѣсь,—занимая въ общей системѣ образованія самое незамѣтное мѣсто, оказывается, однако, могущественнѣйшимъ средствомъ для универсальнаго культурнаго подъема всего государства. Скучная своею программю, она тѣмъ не менѣе всемогуща, какъ факторъ, способный воздѣйствовать непосредственно на все трудовое населеніе, вести его ко всестороннему усовершенствованію въ моральномъ и матеріальномъ отношеніи. Значитъ—дорогу народному русскому учителю!.. Это—первое и главное, что намъ необходимо. Русский народный учитель, едва ли даже не больше всякаго другаго изъ народныхъ учителей, призванъ дѣлать великія и вѣчныя дѣла на пользу государства и общества, но непремѣнно въ маленькомъ и мелочномъ видѣ, въ незамѣтномъ, ничтожномъ районѣ, сельской ячейкѣ, откуда «и до Бога—высоко, и до царя—далеко». Съ гордостью можно сказать, что, судя по всей прошлой дѣятельности у насъ народнаго образованія, русскіе народные педагоги, вообще говоря, довольно удачно справляются съ такими трудными и исключительными условіями дѣятельности,—не безуспѣшно выполняютъ свою тяжелую миссію».

Вотъ эта-то точка зрѣнія на значеніе народно-учительскаго труда и побудила г. Песковскаго выступить съ своимъ симпатичнымъ произведеніемъ, гдѣ мы встрѣчаемъ его главнаго героя, Прахова, во всевозможныхъ положеніяхъ, но непремѣнно въ состояніи борьбы, то съ деревенской косностью, предрасудками и невѣжествомъ, то съ мѣстными сельскими дѣльцами въ видѣ кулака-кабатчика и присныхъ ему. И что же мы видимъ? Праховъ съ своей стойкостью, высоко-нравственнымъ

характеромъ, чистотою цѣлей, вездѣ прокладываетъ себѣ дорогу и осуществляетъ намѣченные планы на пользу деревенскихъ малышей и оздоровленія деревни. Такъ мы видимъ, что онъ успѣлъ великолѣпно поставить подгорицкую школу, привязать къ себѣ сердца учениковъ и заслужить любовь всей округи. Вотъ къ какимъ результатамъ пришелъ онъ послѣ 17 лѣтъ непрестаннаго и энергичнаго труда. «Версть на 30 въ окрестности школы почти всѣ сельскія и волостныя должностныя лица, а также и писаря были изъ учениковъ Семена Никандрыча, продолжавшихъ оставаться съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, — рисуетъ г. Песковскій судьбу своего героя Прахова. — Безъ всякаго вторженія въ дѣла волостныя и общественыя, Праховъ зналъ объ ихъ ходѣ и направленіи. Ему сообщали все, что было новаго, а въ затруднительныхъ случаяхъ обязательно совѣтовались съ нимъ. Можно сказать, что въ мѣстномъ крестьянскомъ управленіи все дѣлалось его головою, по его совѣтамъ и указаніямъ, но безъ малѣйшей навязчивости съ его стороны. Онъ только указывалъ, совѣтовалъ, разъяснялъ, руководилъ, потому что его просили объ этомъ. Дѣло, въ общемъ, велось толково, стройно, честно, открыто, безъ всякихъ задержекъ, притѣсненій и какихъ бы то ни было поборовъ. Сельскія и волостныя должностныя лица, не исключая и писарей, проявляли сознаніе важности общественнаго служенія и нѣкоторую даже гордость этимъ служеніемъ. Каждый изъ нихъ довольствовался своимъ жалованьемъ и заботился о томъ, чтобы получить его не даромъ, чтобы отслужить за него міру и приобрести уваженіе послѣдняго. Они не корчили изъ себя начальства, а, напротивъ, старались быть работниками для другихъ. Это было слѣдствіемъ близости ихъ къ учителю, вліянія его на нихъ. Прочная зажиточность крестьянъ сама собою была теперь въ глаза, такъ что даже и Праховъ, наконецъ, не отрицалъ уже ея. Крестьянъ всей Горцевской волости, гдѣ находилась школа, а также и смежныхъ съ нею сельскихъ обществъ, принадлежащихъ другимъ волостямъ, не трудно было узнать по внѣшнему виду. Народъ рослый, дюжій, красивый; рѣчь толковая, почти безъ примѣси искаженныхъ, простонародныхъ словъ; одежда всегда чистая, опрятная. Деревни производили пріятное впечатлѣніе опрятнымъ внѣшнимъ своимъ видомъ, прочными постройками, обиліемъ садовъ. Особенно нарядны были новыя деревни, образовавшіяся изъ выселковъ. Эти выселки обязаны своимъ происхожденіемъ почти исключительно Семену Никандровичу. Онъ съ особенною настойчивостью доказывалъ крестьянамъ вредъ деревенской скученности и въ гигиеническомъ, и въ пожарномъ, и даже въ хозяйственномъ отношеніи, такъ какъ земельные надѣлы отстоятъ далеко отъ селенія, и приходится тратить много времени для перехода на полевые работы и обратно. Подъ вліяніемъ его настояній, постепенно возростали новыя селенія и на совершенно иныхъ основаніяхъ. Преобладала хуторная система, притомъ такъ,

что жилье и хозяйственные службы устроивались не съ краю, какъ это обыкновенно бываетъ, а въ серединѣ надѣла. Близко другъ къ другу селились, да и то не вплотную, а съ довольно значительными промежутками, только родственники, полюбовно раздѣлявшіе между собою доставшіеся имъ въ надѣлъ земельные участки».

Въ Подгорицахъ счастье улыбнулось Прахову, и ему удалось сдѣлать, какъ мы видѣли, большое дѣло. Начальство обратило вниманіе на его дѣятельность, и, какъ бы въ награду, безтолково перевело его въ другую школу—Бѣжецкую, съ высшимъ учительскимъ содержаніемъ. Тяжело было разставаться Прахову съ насиженнымъ мѣстомъ, и онъ со слезами простился съ любившими его подгорицкими обитателями. На новомъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ нашего народнаго учителя въ постоянной и напряженной борьбѣ съ кулакомъ-кабатчикомъ, котораго, однако, ему удастся сломить. Г. Песковскій чрезвычайно интересно и живо рисуетъ всѣ перипетіи борьбы, и личность Прахова является передъ нами окруженною ореоломъ побѣды!

Удачная дѣятельность Прахова въ Бѣжецкой школѣ была снова прервана не по разуму старавшимся начальствомъ: учителя въ награду перевели въ городское двухклассное министерское народное училище; но Праховъ отъ этого мѣста отказался и обратился въ странствующаго, переходящаго учителя. Здѣсь г. Песковскій чрезвычайно искусно знакомитъ читателей съ тѣмъ, что такое переходящій учитель, и какая польза можетъ проистечь отъ такого способа распространенія грамотности. Однако Прахову недолго пришлось подвизаться въ новой роли—тяжкій недугъ сломилъ его силы, и онъ, больной и разбитый, по случайности очутился въ предѣлахъ своего первоначальнаго учительства—въ районѣ Горцевской волости. Что же застаетъ онъ здѣсь? прежнее помѣщеніе школы обратилось въ гниющій остовъ, а напротивъ дорогаго его сердцу дѣтища, съ коимъ были связаны самыя лучшія воспоминанія молодости, весело красовался огнями во всѣхъ окнахъ кабакъ. Повѣсть г. Песковскаго кончается смертью Прахова, успѣвающаго, однако, своимъ вліяніемъ возстановить школу въ Горцевской волости.

Авторъ «Въ глуши» такимъ образомъ выводитъ передъ читателемъ мужественный образъ народнаго учителя, заставляетъ его переходить всѣ перипетіи школьнаго народнаго дѣла, извѣдать радости и горести, сопряженные съ его профессіей, и обрекаетъ его на естественный конецъ, какимъ обыкновенно кончаютъ всѣ просвѣтители народные. Повѣсть г. Песковскаго тѣмъ именно цѣнна, что она, будучи написана безыскусственно и живо, даетъ правдивую картину развитія школьнаго деревенскаго дѣла, со всѣми его свѣтлыми и темными сторонами.

V.

Иной характеръ носить на себѣ слѣдующіе два труда, обрисовывающіе намъ деревенскую школу и дѣятельность въ ней народныхъ учительницъ. Я разумѣю «Дневникъ сельской учительницы» И. Д. Кившенко и «Изъ записокъ сельской учительницы» А. А. Штевенъ. Первый изъ нихъ отличается чрезвычайной непосредственностью впечатлѣній, безъ какой бы то ни было претензіи поучать, морализировать. Г-жа Кившенко ведетъ свой дневникъ изо дня въ день, какъ она получила въ свое завѣдыванье школу и какъ ее черезъ годъ честью попросили удалиться, главнымъ образомъ изъ-за подозрѣнія ея благонадежности. Тутъ мы встрѣчаемся съ помѣщичьей семьей, косящейся на учительницу и не принимающей никакихъ мѣръ къ улучшенію окружающей ее обстановки. Она живетъ въ угарной избѣ, гдѣ вѣтеръ гуляетъ въ полную волю, ей чуть ли не самой приходится носить дрова и топить печи, ставить себѣ самоваръ и бороться съ несуразностью крестьянской жизни. Мальчуганы немилосердно шалаютъ, дерутся и плохо слушаютъ свою учительницу; послѣдняя приходитъ въ отчаяніе и записываетъ въ дневникъ: «Я каждый день воюю съ своими учениками: шумятъ, смѣются, дерутся и все такое, самое обыкновенное въ этомъ возрастѣ, но подчасъ и досадно, что они очень шумятъ». Далѣе въ записи чувствуется уже болѣе бодрый тонъ: «Во время обѣденнаго времени у насъ происходитъ пѣніе гаммъ, интерваловъ и простыхъ молитвъ, но я совсѣмъ не умѣю этимъ дѣломъ заниматься и потому—плохо. 20-го января поступилъ ко мнѣ еще новый ученикъ, очень способный, между прочимъ (15 л.). Завтра мы кончаемъ букварь, всѣ буквы уже прошли, и читаетъ хорошо, пишетъ еще медленно, но хорошо. Это первый случай, что мнѣ удалось такъ скоро выучить читать. Онъ чрезвычайно доволенъ и съ удивительнымъ стараніемъ все дѣлаетъ, несмотря на то, что вечеромъ у меня еще свободнѣе, чѣмъ въ школѣ. Во время ученія позволяется все—и говорить, и смѣяться, и всѣ веселы, а дѣло идетъ, хоть и не такъ скоро, какъ, можетъ быть, у другихъ, но зато весело; и я не учительница, а только помощница—товарищъ. Вечеромъ съ ними отдыхаю».

Помимо обученія въ тѣсномъ смыслѣ слова, на долю народныхъ педагоговъ выпадаетъ естественная обязанность распространять начала цивилизаціи въ народѣ при помощи раздачи книгъ на домъ на прочтеніе. Эта дѣятельность занимаетъ въ жизни народныхъ учителей и учительницъ немало времени. И деревня чрезвычайно цѣнитъ такой способъ распространенія грамотности, интересуясь книгой и допытываясь ея смысла и толкованія. Вотъ образчикъ отношенія учениковъ къ книжкѣ, представленный г-жей Кившенко. «Кругъ моихъ читателей все расширяется, и потому каждую кни-

жечку я встрѣчаю съ распростертыми объятіями, пишетъ она. «Сократъ» очень нравится, а «Францискъ» нравится, но не такъ. Я сама читала нѣсколькимъ ученикамъ эту книжечку, и не произвела она особеннаго впечатлѣнія. «Гарна книжка», но и только. Мнѣ лично тоже не нравится — остается какое-то расплывающее впечатлѣніе, а, кромѣ того, и языкъ не такой простой; встрѣчаются выраженія: «восторгъ», «восхищеніе» и т. д., которыя непонятны. Все-же книжка хорошая, но второй разъ не захочется читать. Самый большой успѣхъ выпалъ на долю «Двухъ стариковъ» и другихъ произведеній Толстого. Большіе пѣвчіе просили меня приготовить голоса изъ моихъ учениковъ, такъ что я едва успѣваю пообѣдать, потому что въ эту большую переѣну я упражняю ихъ въ пѣніи. Въ воскресенье же послѣ заутрени всѣ пѣвчіе приходятъ ко мнѣ, и у меня происходитъ что-то въ родѣ слѣвки, посторонніе же приходятъ послушать, и хата моя тогда точно боченокъ, наполненный сельдями. Надняхъ, вечеромъ, дѣвочки поповы пришли и спрашиваютъ меня: какъ лучше жить—кривдой или правдой? Я обратила этотъ же вопросъ къ нимъ. А онѣ говорятъ, что изъ сказки («О кривдѣ и правдѣ») выходитъ, что кривдой лучше жить, потому и писарь и судья сказали имъ (т. е. кривдѣ и правдѣ) такъ. Ученики мои также стали говорить, что изъ сказки выходитъ, что кривдой лучше жить. Я хорошо не помнила этой сказки, и потому мы ее сейчасъ же всѣ прочли. Я имъ сказала, что выводить заключеніе изъ словъ писаря и судьи нельзя, потому что кто кривдой живетъ, тотъ и скажетъ, что кривдой лучше жить, и наоборотъ. И въ опроверженіе того, что кривдой хуже жить, я привела то мѣсто изъ сказки, гдѣ говорится, что кривда знается съ нечистымъ. Они согласились со мной и сознались, что не такъ поняли».

Въ этихъ словахъ наглядно представленъ день сельскаго учителя: онъ весь наполненъ возней съ ребятишками, такъ что некогда и куска хлѣба проглотить. Къ нему бѣгутъ ученики въ классные часы, и въ часы досуга за утоленіемъ духовной жажды, за разрѣшеніемъ мучащихъ изъ вопросовъ. Вотъ воистину гдѣ люди стоятъ на «дѣйствительной службѣ», у источника живой воды! Далѣе г-жа Кившенко пишетъ въ своемъ дневникѣ: «Сегодня, по случаю непогоды, ученики плохо собрались, и притомъ у насъ школа была нетоплена, — опять пришлось намъ мерзнуть. До начала класса я начала читать «Фабіолу», но скоро послышались протестующіе голоса, просящіе начать ученіе. Тѣ же, которые были заинтересованы чтеніемъ, просили еще хоть немножечко прочитать. Я прекратила чтеніе, обѣщавъ дочитать послѣ обѣда. Но послѣ обѣда попалась мнѣ книжка съ хохлацкими сказками; я прочла имъ нѣсколько сказокъ, что ихъ очень позабавило. Потомъ, позанявшись, я дочитала имъ «Фабіолу». Имъ понравилась эта книжка, только незнакомыя имена очень путаются у нихъ. Впрочемъ Грицко (17 лѣтъ) принесъ двѣ книжки:

«Гдѣ любовь» и «Братья» Сѣтковой. Про первую сказала, что очень хороша, такъ хороша, что онъ два раза ее прочелъ, а про вторую сказала, что ему не нравится. Я спросила: отчего?— «Да чтожъ, тамъ только ругаются, да и только». Пришелъ сельскій писарь, который прошлый годъ ходилъ ко мнѣ учиться по вечерамъ. Онъ долго переминался, ничего не говоря, но, наконецъ, сказалъ, что пришелъ попросить меня написать форму приговора. Я знаю немножко, видѣла, какъ ихъ пишутъ, но, не довѣряя себѣ, обѣщала ему достать формы отъ болѣе знающихъ въ этомъ дѣлѣ людей».

Учительство г-жи Кившенко было не изъ удачныхъ, и она вскорѣ покинула свою школу. Въ ея дѣятельности нѣтъ любопытныхъ моментовъ борьбы, нѣтъ вмѣшательства въ распорядки деревенской жизни. Дневникъ ея представляетъ главнымъ образомъ психологическій интересъ и обрисовываетъ отношенія учительницы къ ученикамъ преимущественно на педагогической почвѣ. Иной характеръ носятъ на себѣ «Записки» г-жи Штевенъ. Здѣсь мы знакомимся съ чрезвычайно любопытнымъ дѣломъ организаціи школъ грамотности и мобилизаціей учительскаго персонала.

VI.

Г-жа Штевенъ приобрѣла громкую извѣстность своей энергичной организаціей цѣлаго ряда школъ грамотности въ Арзамасскомъ уѣздѣ. Къ сожалѣнію, ея полезной дѣятельности, по независимымъ отъ нея причинамъ, положенъ предѣлъ, такъ что объ основанныхъ ею за свой счетъ, страхъ и рискъ школахъ приходится говорить, какъ о фактѣ прошедшемъ, отошедшемъ уже въ глубь исторіи нашихъ общественныхъ теченій.

Г-жа Штевенъ, скучая въ деревнѣ, начала «отъ нечего дѣлать» обучать крестьянскихъ дѣтишекъ грамотности, число послѣднихъ стало постепенно увеличиваться, и она все ближе и ближе знакомилась съ неприглядными сторонами крестьянской жизни. Отсюда у нея неизбѣжно составилось ясное понятіе, что эти неприглядныя стороны находятся въ тѣсной зависимости отъ невѣжества и низкаго уровня умственнаго развитія мужицкой среды; сознавъ это, она по свойству своей энергичной и кипучей натуры пришла къ неминуемому убѣжденію, что все спасеніе деревни въ школѣ. Сознано — сдѣлано, и вотъ г-жа Штевенъ приступаетъ къ организаціи первой школы грамотности. «Разскажу, какимъ путемъ завелась первая такая школа въ Петлинѣ, большой деревнѣ въ 300 д., въ 5 верстахъ отъ Яблонки, повѣствуетъ она. Я слышала, что тамъ есть желающіе учиться, — знала, что тамъ имѣется пустой брошенный кабакъ, которымъ, при патріархальности нашихъ порядковъ, удобно можно было завладѣть, и поручила старостѣ переговорить

съ крестьянами объ открытіи у нихъ школы. На должность учителя школы я прочила старшаго своего ученика и псаломщика, 16-ти-лѣтняго, способнаго и бойкаго малаго, которому перспектива учительства чрезвычайно понравилась. Какой огонь пробѣжалъ по его подвижнымъ чертамъ въ ту минуту, когда меня вызвали изъ класса посланные сходомъ петлинскіе мужики! Они пришли сказать, что общество ихъ по бѣдности отъ учрежденія у себя школы отказывается. Но я такъ была увѣрена, что непременно нужно открыть школу въ Петлинѣ, что увѣренность эта какимъ-то образомъ передалась и мужикамъ, пришедшимъ съ отказомъ. Рѣшено было еще разъ собрать сходъ и мнѣ самой пріѣхать въ Петлинъ. Подъѣзжая къ деревнѣ, я увидѣла издали толпу гудѣвшихъ у пожарнаго сарая мужиковъ, но я тогда еще боялась этой чуждой мнѣ толпы и стала ждать рѣшенія схода въ домѣ старушки родственницы. Ждать пришлось не мало, но, наконецъ, пришло съ десятокъ стариковъ, отъ которыхъ я, къ несказанной моей радости, узнала, что два общества согласились платить по 1 к. съ души въ мѣсяцъ, и только третье маленькое общество еще «ломается». Два первыя взялись уломать это третье упрямое общество, и дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени высокій, бородастый староста торжественно вручилъ мнѣ 3 р. 15 коп., жалованье учителю за первый учебный мѣсяцъ. Мнѣ открыли двери и ставни въ старомъ, низкомъ, закоптѣломъ бывшемъ кабацѣ, вставили и вымыли окна, передѣлали стойку на столъ, раздобыли и принесли скамеекъ,—и въ новую школу набилось 38 мальчиковъ, жаждавшихъ учиться. Деньгами я въ то время почти никакими не располагала, и книгъ у насъ не было, но на первые дни заготовлены были листки почтовой бумаги съ нарисованными на нихъ печатными буквами. По этимъ-то листкамъ и начали въ школѣ учиться, а потомъ взяты были взаймы буквари изъ сосѣдней земской школы, гдѣ они тогда (т. е. въ февралѣ) уже пройдены были младшимъ отдѣленіемъ. Черезъ нѣсколько недѣль я пріѣхала въ новую школу и чуть не съ замираніемъ сердца спросила выбѣжавшаго мнѣ навстрѣчу учителя, какъ идетъ у него дѣло. И какой камень свалился у меня съ совѣсти, когда онъ, радостно улынувшись, мнѣ отвѣтилъ: «слава Богу!» Дѣйствительно, вся школа была полна ребятъ, всѣ, и въ томъ числѣ даже ровесники его по годамъ, охотно слушались «Николая Ивановича»; они уже выучились нѣсколькимъ молитвамъ и знали почти всѣ буквы. А черезъ два мѣсяца они стали медленно читать, и я, не смѣя еще ожидать ничего лучшаго, сочла это блестящимъ успѣхомъ. Съ осени 1890 г. открыта была такая же школа въ другой деревнѣ, гдѣ отцы учениковъ сейчасъ же согласились нанять за 10 р. помѣщеніе для школы въ избѣ одной пожилой четы, жалованье учителю я рѣшила платить отъ себя. Туда-то, на свою родину, перешелъ и петлинскій учитель, а

въ Петлинѣ занялъ его мѣсто другой, бывший мой ученикъ. Въ это же время о школахъ объявлено было епархіальному училищному совѣту, который и снабдилъ ихъ нѣкоторыми учебниками. Съ осени 1891 г. такихъ школъ у насъ было 5, и я вынуждена была нѣсколько перемѣнить систему, т. е. требовать съ каждаго ученика по 40 к. за учебный годъ, что повело за собой нѣкоторое уменьшеніе числа учениковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ученіе сперва было совсѣмъ даровое. Такого уменьшенія не было бы, если бы, какъ это было въ Петлинѣ, возложить расходъ по школѣ на общество; но, хотя въ случаѣ надобности, я считаю вполне возможнымъ убѣдить его членовъ принести нѣкоторыя жертвы не личному своему, а общему благу, пользоваться этой возможностью я не стала, такъ какъ это требуетъ значительной траты времени и причиняетъ неудовольствіе тѣмъ, кого общество вынуждаетъ платить и кто притомъ школой не пользуется».

Изъ приведенныхъ словъ г-жи Штевенъ намъ рисуется чрезвычайно обстоятельно, какъ наши «просвѣтители народа» насаждаютъ въ глухихъ деревняхъ начала цивилизаціи, сколько жертвъ и личнаго труда кладутъ они въ это дѣло. Такъ, г-жа Штевенъ, никѣмъ не воспособляемая, исключительно за счетъ собственнаго кармана, успѣла въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ создать 31 разсадникъ грамотности, переполненные деревенскими малышами, охотно сбѣгавшимися къ ней поучиться, почитать хорошую книжку, послушать просвѣщенное слово.

Любопытно ознакомиться, какъ набирала г-жа Штевенъ необходимый ей учительскій персоналъ. Вотъ что рассказываетъ энергичная организаторша школъ по этому предмету. «Первые учителя были всѣ ученики моей Яблонской школы; теперь ихъ уже не хватаетъ, и комплектъ пополняется учениками другихъ земскихъ и церковно-приходскихъ школъ, причемъ желающіе стать учителями мальчишки обязаны нѣкоторое время пробыть въ Яблонской школѣ, отчасти для пополненія ихъ познаній, а главное для того, чтобы я могла составить себѣ мнѣніе объ ихъ характерѣ и способностяхъ. Хорошая подготовка учителей или, проще сказать, хорошая учительская школа есть предметъ самой настоятельной необходимости, но достигнуть этого пока еще не было возможности. Со времени увеличенія числа школъ, то-есть съ осени настоящаго учебнаго года, я просила наше уѣздное земское собраніе ассигновать средства для назначенія другой еще, кромѣ меня, учительницы въ мою Яблонскую земскую школу, на что собраніе и согласилось. Но средствъ на приглашеніе особаго учителя для готовящихся къ учительству учениковъ я не имѣю, да и сама посвящать все время исключительно имъ не могу... Въ мое отсутствіе занимается съ ними также и новая яблонская школьная учительница, но и она много времени имъ отдавать не можетъ. Можно бы

тѣмъ не менѣе достигнуть порядочныхъ результатовъ, если бы будущіе учителя оставались въ школѣ подольше, но жить имъ приходится, такъ сказать, на бивуакѣ: учатся и ночуютъ они въ той же комнатѣ, гдѣ днемъ учатся всѣ 50 или 60 учениковъ яблонской школы, а кормятся нѣкоторые у яблонскихъ крестьянъ, другіе тутъ же въ школѣ, чѣмъ Богъ поплетъ, то-есть взятыми изъ дому пирогами и лепешками. Пребываніе въ моей школѣ поэтому сопряжено для нихъ или съ расходомъ на столъ и ночлегъ, или же съ лишеніями, даже для крестьянскихъ мальчиковъ довольно чувствительными, а потому надолго задерживать ихъ въ школѣ нельзя. Кромѣ того, требуются все новые и новые учителя, и потому, какъ только мальчикъ достигаетъ 14—15 лѣтъ, и я увѣряюсь, что онъ вообще пригоденъ къ этому дѣлу, я, послѣ одной зимы, а иногда и всего только двухъ-трехъ мѣсяцевъ подготовки, помѣщаю его на должность. Во вновь открытой школѣ ему первое время приходится учить только азбукъ и молитвамъ, а потому молодость и неподготовленность его большихъ неудобствъ еще не представляетъ. А чтобы молодые учителя сколько нибудь лучше годились для дальнѣйшаго исполненія своихъ обязанностей, я вновь собираю ихъ въ свою школу недѣль на 6 весною, послѣ окончанія занятій въ школахъ, и осенью, до начала ихъ, во время, относительно свободное отъ полевыхъ работъ, въ которыхъ ребята, разумѣется, не смотря на свое учительское званіе, попрежнему принимаютъ дѣятельное участіе. Въ это время у меня учатся и совсѣмъ еще не учившіе, и учившіе годъ, и учившіе уже 2—3 года, 14 и 15, 18 и 20-лѣтніе молодые парни, которыхъ прошлой, напримѣръ, осенью набралось 25 человекъ». Жалованье эти юные учителя получали очень незначительное: въ первый годъ при доплатѣ со стороны г-жи Штевенъ по 2 рубля за учебный мѣсяць или 12 рублей за зиму; во второй или третій годъ учительства они получали уже 2½ или 3 рубля за учебный мѣсяць. Болѣе зрѣлымъ, съ нѣкоторой уже педагогической сноровкой, полагалось по 4, по 5 и по 6 рублей за учебный мѣсяць, или отъ 25 до 40 рублей въ годъ».

Какъ относятся эти юные просвѣтителѣ народа къ исполненію своихъ обязанностей, видно изъ слѣдующихъ словъ г-жи Штевенъ: «Учительство какъ нельзя болѣе привлекательно для тѣхъ даровитыхъ мальчиковъ, которые болѣе развиты умственно и душевно, которымъ нравится значительность дѣла, которымъ хочется показать себя,—и еще для тѣхъ особаго типа милыхъ русскихъ юношей, которые не всегда обладаютъ блестящими способностями, но зато отличаются глубокимъ идеализмомъ и рѣдкой душевной чистотой и въ старыя времена изъ грѣшнаго міра уходили въ тишину монастырской кельи или въ прекрасную мать-пустыню, а теперь отчасти нашли себѣ мѣсто въ деревенской школѣ. И безкорыстное, религиозное ихъ отношеніе къ дѣлу почти всегда приноситъ прекрасные

плоды». Такимъ образомъ эти слова г-жи Штевенъ какъ нельзя лучше подтверждаютъ увѣреніе г. Абрамова въ томъ, что главной пружиной, двигающей дѣятельность русскаго народнаго учителя, является чистый идеализмъ, вѣра въ народъ и его нравственное усовершенствованіе.

VII.

Изъ практики г-жи Штевенъ мы видѣли, что она для пользы дѣла считала нужнымъ собирать въ свою главную школу молодыхъ учителей для повторительныхъ курсовъ. Въ миниатюрѣ она практиковала то же самое, что дѣлаютъ и нѣкоторыя земства (Новгородское, Черниговское и др.), когда въ лѣтніе мѣсяцы основываютъ временные педагогическіе курсы для сельскихъ учителей и учительницъ. Эти курсы имѣютъ громадное значеніе въ жизни народныхъ учителей и на необходимость правильной организаціи ихъ указываютъ всѣ наши изслѣдователи народно-педагогическаго дѣла, какъ на одно изъ лучшихъ средствъ для подъема интеллигенціи сельскихъ наставниковъ.

Такъ г. Песковскій въ недавно вышедшей брошюрѣ «Обязательный минимумъ образованія», о коей я уже имѣлъ случай говорить въ библиографическомъ отдѣлѣ «Историческаго Вѣстника», смотритъ на организацію курсовъ слѣдующимъ образомъ: «Устроивая по одной учительской семинаріи въ каждой губерніи или области, одновременно съ этимъ необходимо принять мѣры, чтобы, по возможности, въ каждомъ уѣздномъ или областномъ городѣ были открыты временные педагогическіе курсы для приготовленія народныхъ учителей. Тамъ, гдѣ есть не только организація, но хотя бы уѣздное или городское училище, открытіе такихъ курсовъ не составитъ особеннаго затрудненія... Самая идея этихъ курсовъ не нова. Начало возникновенія учрежденій этого рода относится къ моменту возникновенія русской народной школы. О существованіи ихъ мало кому даже извѣстно, тогда какъ эти скромныя учрежденія оказали весьма существенную помощь въ улучшеніи педагогическаго персонала народной школы вездѣ, гдѣ къ нимъ прибѣгали. Прототипомъ курсовъ послужило то именно, что пришлось продѣлывать въ свое время извѣстному русскому педагогу, барону Н. А. Корфу, въ своемъ имѣніи Нескучномъ, въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи... Остроумный починъ барона Корфа не замедлилъ получить обширное распространеніе въ Россіи. Въ видѣ примѣра, сошлемся лишь на нѣкоторые факты. Такъ, въ Зміевскомъ, на примѣръ, уѣздѣ, Харьковской губерніи, почти весь составъ народныхъ учителей и учительницъ былъ безъ спеціальной педагогической подготовки, вслѣдствіе чего «многіе изъ нихъ, какъ было заявлено мѣстнымъ уѣзднымъ земствомъ,

при всемъ желаніи, не могли съ надлежащимъ успѣхомъ исполнять лежащихъ на нихъ обязанностей». Въ виду этого, училищный совѣтъ устроилъ въ 1883—1884 году «краткосрочные педагогическіе курсы», на которые собралось слушателей и слушательницъ до 90 человѣкъ, и половину изъ нихъ составляли учащіе въ этомъ уѣздѣ. Для практическихъ занятій при курсахъ была организована нормальная народная школа съ тремя отдѣленіями. Въ Мамадышскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, неоднократно повторялись временные педагогическіе курсы, «въ видѣ пополненія свѣдѣній народныхъ учителей и установленія однообразнаго метода преподаванія въ начальныхъ школахъ». Уѣздная управа представляла отчеты о занятіи курсовъ на разсмотрѣніе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, который призналъ, что «курсы велись правильно и съ пользою для слушавшихъ ихъ»; съ мнѣніемъ комитета согласился и г. министр народнаго просвѣщенія. Въ Тулѣ, по почину губернскаго земства, были устроены въ 1883 году, при дирекціи народныхъ училищъ «краткосрочные педагогическіе курсы для учителей и учительницъ всей губерніи, а также для кандидатовъ и кандидатокъ на учительскія мѣста». Курсы продолжались всего пять недѣль. Число слушателей обоего пола достигало 235. Изъ прослушавшихъ курсы болѣе 50-ти человѣкъ немедленно поступили на мѣста. Наглядно убѣдившись въ пользѣ курсовъ, губернское земство постановило, что они «должны быть учрежденіемъ постояннымъ, повторяющимся ежегодно». Ограничиваясь приведенными примѣрами (а ихъ можно бы набрать сотни), необходимо замѣтить, что курсы носили характеръ случайный, не имѣли опредѣленной программы, уклоняясь то въ сторону пополненія общаго образованія, то въ сторону теоретической или практической учебно-воспитательной подготовки. Занятія на курсахъ обыкновенно не превышали двухъ мѣсяцевъ. И если при этихъ условіяхъ курсы все-таки приносили несомнѣнную пользу, то, разумно воспользовавшись этимъ маленькимъ, дешевымъ, общедоступнымъ по мѣстнымъ условіямъ учрежденіемъ, можно создать очень недурной педагогическій персоналъ и въ томъ количествѣ, какого можетъ потребовать повсемѣстное открытіе подвижныхъ школъ, въ видахъ обязательнаго обученія грамотѣ всѣхъ дѣтей ранняго школьнаго возраста (до 10—12 лѣтъ).

Г. Песковскій полагаетъ такимъ образомъ, что временные педагогическіе курсы не выполняютъ въ полной мѣрѣ того назначенія, которое на нихъ могло бы быть возложено при иной организаци. Болѣе цѣлесообразными онъ считаетъ курсы, дѣйствующіе въ теченіе всего учебнаго года. «Назначеніе ихъ состоитъ въ томъ, говорить почтенный изслѣдователь, чтобы на мѣстахъ народныхъ учителей не было болѣе лицъ безъ специальной педагогической подготовки и тѣмъ болѣе такихъ лицъ, которыя не имѣютъ даже соотвѣтствующаго образовательнаго ценза. Поэтому дѣятельность кур-

совъ должна быть двоякаго рода: во-первыхъ, давать спеціально-педагогическую подготовку тѣмъ лицамъ, уровень общаго образованія которыхъ не ниже программы учительскихъ семинарій; во-вторыхъ, пополнять общее образованіе лицъ съ меньшимъ уровнемъ общеобразовательной подготовки и снабжать ихъ необходимыми теоретическими и практическими свѣдѣніями по учебно-воспитательной части. Для учащихся первой категоріи достаточно годоваго срока, для второй категоріи—двухлѣтняго пребыванія на курсахъ. Въ виду сознательнаго возраста учащихся (не моложе 17—18 лѣтъ) и обдуманнаго избранія ими педагогическаго поприща, въ указанный срокъ можно выполнить солидную программу и выпускать въ жизнь дѣльно подготовленный педагогическій персоналъ. Тѣмъ не менѣе, на курсы мы смотримъ, какъ на учрежденія временныя, которымъ нельзя предпочесть строго-систематической подготовки педагогическаго персонала въ учительскихъ семинаріяхъ; и потому, по мѣрѣ открытія послѣднихъ, дѣятельность курсовъ должна сокращаться».

Здѣсь мы вступили въ область желательныхъ въ будущемъ мѣропріятій для поднятія народно-школьнаго дѣла, что не входитъ въ программу настоящей моей статьи. Объ этихъ мѣропріятіяхъ я поговорю когда нибудь въ другой разъ; приведенная же выписка мнѣ нужна была, чтобы показать, какое серьезное и важное значеніе въ жизни народнаго учителя имѣютъ даже временные «педагогическіе курсы», по мнѣнію одного изъ лучшихъ нашихъ знатоковъ народно-школьнаго дѣла.

Г. Песковскій перечислилъ нѣсколько періодически повторявшихся педагогическихъ курсовъ въ разныхъ губерніяхъ, опытъ которыхъ показалъ, какое благотворное вліяніе они могутъ оказывать на распространеніе въ данномъ районѣ народнаго просвѣщенія. Къ числу таковыхъ съѣздовъ несомнѣнно должны быть отнесены и учрежденные за послѣдніе два года лѣтніе «педагогическіе курсы для сельскихъ учителей и учительницъ земскихъ народныхъ училищъ» въ Черниговской губерніи, происходившіе подъ руководствомъ одного изъ самыхъ выдающихся современныхъ педагоговъ, Дмитрія Ивановича Тихомирова. Авторъ самой распространенной въ настоящее время азбуки подъ заглавіемъ «Букварь», составитель превосходнаго руководства для классаго чтенія и бесѣды—«Вешніе всходы», уже давно обратилъ на себя вниманіе образованнаго общества своей энергичной и разумной дѣятельностью на пользу просвѣщенія народной массы. Наши комитеты грамотности (петербургскій и московскій), съѣзды по техническому и профессиональному образованію, ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія—все учрежденія, которымъ близко къ сердцу народно-педагогическое дѣло, единогласно въ послѣднее время принесли почтенному «просвѣтителю народа» свои одобренія, медали и почетные отзывы. Поэтому Черниговское губернское земство не могло сдѣлать лучшаго

выбора въ руководители мѣстными, губернскими и уѣздными педагогическими съѣздами народныхъ учителей, какъ пригласивъ на эту отвѣтственную должность г. Тихомирова.

Уже прошлогодній отчетъ его занятій съ народными учителями Черниговской губерніи поражалъ своей серьезностью, педагогическимъ талантомъ руководителя курсовъ и обширностью программы занятій. Такими же достоинствами отличается и отчетъ по педагогическимъ курсамъ за текущее лѣто, вышедшій надняхъ подъ заглавіемъ «Дневникъ педагогическихъ курсовъ для сельскихъ учителей и учительницъ земскихъ народныхъ училищъ Конотопскаго уѣзда», состоявшихся съ 17-го мая по 7-е июня. Этотъ «дневникъ» смѣло можетъ быть рекомендованъ каждому педагогу, какъ полезное руководство приемовъ народно-школьнаго обученія. Особенно важны здѣсь лекціи самого г. Тихомирова, читанныя имъ по вечерамъ въ аудиторіи изъ 50 слишкомъ народныхъ учителей, въ коихъ лекторъ въ популярной и общедоступной формѣ излагалъ свои педагогическія воззрѣнія на методы обученія и приемы классныхъ занятій съ дѣтьми. Лекціи эти, совмѣщающія въ себѣ начала теоретическія и практическія, могутъ доставить истинное удовольствіе даже людямъ, непрічастнымъ къ школьному дѣлу, но просто интересующимся философіей педагогики и вопросами самообразованія. Заслуживаютъ также вниманія примѣрные уроки Тихомирова ученикамъ, гдѣ онъ на живыхъ лицахъ показалъ учителямъ, какъ слѣдуетъ руководить развитіемъ дѣтскихъ познаній и что слѣдуетъ искать въ каждомъ классномъ часѣ занятій. Я увѣренъ, что конотопскіе учителя, распростившись съ симпатичной личностью московскаго педагога, вынесли изъ его лекцій не мало пользы, кторую они со временемъ приложатъ къ своему трудному дѣлу на благо русскаго народа; но, помимо утилитарныхъ результатовъ, лекціи г. Тихомирова имѣли несомнѣнно и другое значенія, а именно—нравственной поддержки и подъема духовныхъ силъ его слушателей. Вѣдь что же иное могли вынести народные учителя изъ слѣдующихъ словъ своего временнаго руководителя: «Позволю себѣ, какъ видѣвшему и знающему тысячи народныхъ учительницъ и учителей, засвидѣтельствовать здѣсь, что нашъ современный народный учитель—человѣкъ богатый и можетъ для всѣхъ служить урокомъ въ пониманіи истиннаго счастья. Онъ богатъ не положеніемъ общественнымъ, какъ оно всѣми понимается, хотя его значеніе и труды уже признаны и оцѣнены лучшею частію нашего общества и даже самимъ народомъ; онъ богатъ не матеріальнымъ своимъ благосостояніемъ, хотя теперь, въ силу его заслугъ, и начинаютъ заботиться хотя бы о сносномъ только его обезпеченіи; его богатство болѣе значительно: онъ богатъ любовью къ народу и къ своему просвѣтительному дѣлу; онъ богатъ настоящимъ терпѣніемъ, беззавѣтной готовностью трудиться до потери здоровья, силъ, до забвенія насущныхъ нуждъ

своей собственной семьи... Пройдутъ года... настанетъ судъ исторіи... и грядущія поколѣнія оцѣнятъ безкорыстные труды и всякія жертвы на благо народа, какъ общественныхъ группъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ, какъ извѣстныхъ, такъ и безыменныхъ героевъ этой великой борьбы съ темными силами невѣжества... Облегчить, всесторонне освѣтить, и тѣмъ еще болѣе возвысить трудъ учителя, сдѣлать этотъ трудъ болѣе плодотворнымъ, при меньшей затратѣ силъ, — это главныя задачи предстоящихъ вамъ работъ на пользу народнаго просвѣщенія. Закончимъ нашу бесѣду прекрасными словами поэта:

Благослови, Господи правый,
Счастьемъ и славой
Дѣло любви.
Мы же немного
Просимъ у Бога:
Честное дѣло
Сдѣлать умѣло
Силы намъ дай...

«А это дѣло наше—служеніе на благо народа, а главный источникъ этого блага—просвѣщеніе:

Доля народа,
Счастье его —
Свѣта и свобода.
Прежде всего.

«Если наши курсы внесутъ въ дѣло народнаго учителя, а черезъ него и въ народъ, хотя бы нѣсколько новыхъ лучей свѣта, я почти тогда нашу задачу исполненной. Будемъ же работать, господа! Мы не одни... за насъ и съ нами лучшія силы, какія есть въ настоящее время въ Русской землѣ!».

Эти прекрасныя слова, отъ коихъ вѣетъ удивительной бодростью и идеализмомъ, даютъ народному русскому учителю великую нравственную силу на продолженіе святого дѣла просвѣщенія народа. Чѣмъ больше будетъ педагоговъ-Тихомировыхъ въ нашемъ отечествѣ, отдающихъ народнымъ учителямъ свои лучшія силы, тѣмъ доля «народнаго просвѣтителя» будетъ свѣтлѣе и радостнѣе, тѣмъ меньше придется посвящать его дѣятельности и современному экономическому и юридическому положенію печальныхъ строкъ. Дай-то Богъ, чтобъ это время скорѣе наступило, и чтобъ скорѣе разсѣялся тотъ мракъ и холодъ, которые окружаютъ въ настоящее время личность русскаго народнаго учителя. Однако платоническаго сочувствія лучшихъ силъ общества еще недостаточно. Его судьбу должно взять на свое попеченіе правительство и зачесть всю общественную его службу въ государственную въ томъ расчетѣ, чтобы больше не появлялось «воззваній къ товарищамъ» Христа ради, во имя спасенія отъ голодной смерти осиротѣвшихъ семей просвѣтителей русскаго народа.

Б. Глинскій.

ПАМЯТИ В. О. ПОРТУГАЛОВА.

В ГЛУХОМЪ поселкѣ, за чайнымъ столомъ, въ комнаткѣ одного изъ скромныхъ пахарей на нивѣ народнаго образованія, вели мы бесѣду о провинціи и ея дѣятеляхъ. Говорили о томъ, какъ она засасываетъ свѣжихъ людей, лишаетъ ихъ бодрости, энергіи.

— Да, это потому, что они слабяки, а не герои труда. «Даны намъ благіе порывы»... А кто силенъ духомъ, тому не только даны порывы, а и свершить суждено. Что бы ни было, а сдѣлать!

Произнесшій эту фразу назвалъ двухъ дѣятелей. Мнѣ вспомнился самарскій врачъ В. О. Португаловъ, и я упомянулъ о немъ... Меня попросили рассказать, что я знаю о томъ, кого всѣ присутствующіе (еще учительница, врачъ и молодой помѣщикъ) съ интересомъ читали. Я передалъ, что могъ припомнить, что зналъ.

На другой день развертываю № «Биржевыхъ Вѣдомостей», вижу въ фельетонѣ статью Португалова. Но что это?.. Примѣчаніе... По-смертная статья?.. Не можетъ быть! Умъ отказывался вѣрить печальной истинѣ... Этотъ крѣпкій, здоровый человекъ, въ 60 лѣтъ безъ сѣдинъ — умеръ! Казалось онъ долженъ жить, жить и жить! Невыносимо грустно сдѣлалось мнѣ. Было жаль его, какъ честнаго писателя, энергичнаго дѣятеля, хорошаго, гуманнаго человека и добраго знакомаго, встрѣчи съ которымъ доставляли такъ много отраднхъ минутъ, такъ меня самого поднимали и бодрили! Одинъ

за другимъ сходятъ мощные, энергичные люди, люди дѣла, а не только слова. О, говорунами мы не бѣдны, лицемѣрами съ любовью на устахъ и съ черствымъ сердцемъ—хоть прудъ пруди! Покойный былъ не изъ такихъ!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по поводу 25-ти лѣтня дѣятельности, мнѣ пришлось говорить о Португаловѣ въ одномъ провинціальномъ изданіи. Мнѣ хочется и еще разъ добрымъ словомъ помянуть покойнаго, вся жизнь котораго отмѣчена христіанскою любовью къ ближнему и служеніемъ на его пользу. Онъ не могъ только говорить, видя зло и несчастіе. Онъ шелъ на помощь, на борьбу, забывая свои интересы. Онъ кинулся на защиту обездоливаемыхъ крестьянъ и чуть не попалъ за это въ тюрьму. Онъ громилъ земцевъ, желавшихъ эксплуатировать народъ, и работаль во время холеры безвозмездно, пожертвовавъ все свое жалованье въ пользу бѣдныхъ. Онъ безбоязненно кинулся въ пекло ветлянской чумы, и за руководство борьбой съ чумою получилъ въ награду 3000 рублей! Онъ отдалъ ихъ на устройство ремесленнаго училища, хотя жилъ исключительно трудомъ. Это былъ—врачъ бѣдныхъ, боровшійся съ пьянствомъ и не употреблявшій вина, возстававшій противъ куренія и никогда не курившій. Но, не довольствуясь печатной пропагандой этихъ идей, онъ создалъ общество трезвости, и чтобы осуществить мечту объ открытіи спеціальной лѣчебницы для алкоголиковъ, онъ воспользовался пріѣздомъ въ Самару министра финансовъ и выхлопоталь субсидію на это дѣло въ 30 тысячъ. Португаловъ лѣчилъ физическіе недуги и въ то же время боролся съ невѣжествомъ, устраивая народныя чтенія. Да, это былъ цѣльный человѣкъ, человѣкъ живого дѣла, дѣятельной любви, желѣзной энергіи. Рѣдки такіе люди, но они есть, ими крѣпка провинція, они соль провинціи. Безъ такихъ людей заросла бы нива жизни въ нашей провинціальной глуши. О такихъ людяхъ надо говорить, чтобы больше вѣрилось, бодрѣе жилось. Можетъ быть, я и повторюсь и не сообщу особенно новаго, но все же мое слово памяти Португалова не будетъ лишнимъ.

Представьте себѣ высокаго, коренастаго человѣка, съ полною улыбающеюся фізіономіей, съ небольшимъ расширяющимся книзу носомъ, бѣлокуро-рыжеватыми волосами, съ такой же большой красивой бородой, съ голубыми глазами, не лишенными ироніи, искрящимися и чрезвычайно умными, надъ которыми лежатъ густыя, почти бѣлыя брови,—представьте себѣ такого человѣка, говорящаго на высокихъ нотахъ, держащагося просто, свободно, живого, горячаго—и вы будете имѣть представленіе о покойномъ врачѣ-публицистѣ, Веніаминѣ Осиповичѣ Португаловѣ. Но надо прибавить: его горячность спокойная, если только такъ можно выразиться. Это горячность глубоко-чуткаго человѣка, серьезнаго, не умѣющаго относиться индифферентно къ окружающему, а не горячность мальчика,

Донъ-Кихота... Вы чувствовали, что передъ вами—воинъ мирной арміи, вѣрящій въ свои идеалы, и въ этой вѣрѣ почерпающій силы, для борьбы. Прекрасно кѣмъ-то сказано, что Португаловъ вынесъ изъ дней юности всю юность цѣликомъ, вынесъ всю горячую одушевленность, всю страстную преданность тѣмъ идеаламъ, которые, разъ озаривъ его, уже не померкли въ его сознаниіи. Въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ В. О. говоритъ: «но все же въ провинціи жить можно, да и нужно... Вы упоминаете о скукѣ? Я ея не знаю. Счастье въ насъ самихъ. Пусть только мысль, желаніе перейдетъ въ сердце, и вамъ будетъ чѣмъ жить во всякой глуши. Я всю жизнь прожилъ въ провинціи — и не жалѣю».

Да, онъ принадлежалъ всецѣло провинціи. Онъ родился въ Полтавѣ, въ 1835 году, и начальное образованіе получилъ въ домѣ отца, съ которымъ В. О. еще юношею круто разошелся въ убѣжденіяхъ и взглядахъ на общественную жизнь... Въ 1854 году В. О. поступаетъ въ Харьковскій университетъ, изъ котораго переходитъ въ Кіевскій. Это было время горячихъ увлеченій, и за эти увлеченія заплатились многіе, въ томъ числѣ и Португаловъ. Ему пришлось оставить Кіевскій университетъ. Послѣ нѣкотораго перерыва В. О. поступилъ на медицинскій факультетъ Казанскаго университета, въ которомъ и кончилъ. Въ роли врача онъ началъ дѣятельность въ Пирятинѣ, уѣздномъ городкѣ Полтавской губерніи. Но здѣсь онъ служилъ недолго. Грянула вновь гроза, которая прервала службу молодого врача, только что женившася. Служба бросила его на сѣверъ, сначала въ Шадринскъ, Пермской губерніи, а потомъ въ Чердынь. Молодой врачъ не упалъ духомъ и, попавъ въ глушь, сейчасъ же, по выраженію одного журналиста, сталъ общественною совѣстью, началъ проповѣдывать о необходимости всевозможныхъ культурныхъ мѣръ—санитарныхъ, образовательныхъ и др.

Живя въ Пермской глуши, В. О. впервые выступилъ, какъ писатель, напечатавъ очеркъ «Шадринскъ и Чердынь» въ «Архивѣ судебной медицины и общественной гигиены», издаваемомъ Ловцовымъ при медицинскомъ департаментѣ. Дальнѣйшія работы, между которыми слѣдуетъ назвать замѣчательную статью «Причины болѣзней», заставили говорить о молодомъ авторѣ публику и обратили вниманіе директора медицинскаго департамента, Пеликана, который и помогъ Португалову занять мѣсто красноуфимскаго городского врача. Въ то же время издатель «Дѣла» пригласилъ В. О. въ постоянные сотрудники въ свой журналъ. Въ «Дѣлѣ» былъ напечатанъ рядъ прекрасныхъ работъ Португалова. Послѣ «Дѣла» онъ работалъ въ различныхъ изданіяхъ, изъ которыхъ назову слѣдующія: «Русское Богатство», «Русская Мысль», «Недѣля», «Знаніе», «Русскія Вѣдомости», «Новости», «Русскій Курьеръ», «Русская Жизнь», «Биржевыя Вѣдомости», во многихъ провинціальныхъ и въ «Медицинскомъ Вѣстникѣ». Онъ писалъ и въ заграничныхъ изданіяхъ, помѣщая тамъ различныя изслѣдованія.

Изъ Пермской губерніи В. О. перебрался въ Самару, сдѣлавшись земскимъ врачомъ. Онъ, можно сказать, поставилъ на ноги земскую медицину, какъ выразился сотрудникъ «Самарскаго Вѣстника».

Изъ Самары В. О. переѣхалъ въ Вятку, но вскорѣ былъ принужденъ бросить службу и перебрался опять въ Самару, въ которой оставался уже до дня смерти, въ роли вольно-практикующаго врача, къ которому, однако, во время бѣдствій обращались за помощью.

Онъ лѣчилъ, писалъ, помогалъ, защищалъ, отстаивалъ. Ни одно зло, замѣченное имъ, не было имъ замолчено. Ни одинъ бѣднякъ не ушелъ отъ него безъ помощи, поддержки, добраго совѣта и ласковаго слова. Онъ боролся съ отдѣльными личностями, съ цѣлыми учрежденіями. «Уроки» не пугали его и не ослабляли энергіи: онъ продолжалъ бить тревогу, если видѣлъ, что «правда въ опасности». И друзья ея любили покойнаго. Онъ пользовался въ Самарѣ огромной популярностью, у него было много друзей, сторонниковъ и не мало враговъ. Это понятно. Враговъ нѣтъ только у ничтожностей, у тѣхъ покладистыхъ людей, которые не горячи, а «теплы», которымъ ничто не дорого, которые со всѣми умѣютъ уживаться... Иногда враги—почетные друзья... Какъ могъ В. О. не имѣть враговъ, если онъ «для общественнаго блага» и «меньшого брата» былъ готовъ влѣзть во всѣ трупцы, во всѣ подземелья. Во время послѣдней эпидеміи онъ не зналъ, что такое сонъ. Да онъ всегда, во всю жизнь, не признавалъ отказа, и летѣлъ къ больному днемъ и ночью, вдаль, впередъ зная, что не получить ничего за труды. Нерѣдко онъ оставлялъ деньги на лѣкарства!..

Кто-то сказалъ: «что за прекрасный и возвышенный человекъ В. О. Португаловъ — объ этомъ полно и точно извѣстно только тѣмъ, кто его знаетъ лично».

Я зналъ его лично. Я познакомился съ нимъ лѣтомъ 1888 года, когда ѣздить лѣчиться на кумысъ. Съ первой же встрѣчи В. О. произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе. Дальнѣйшія встрѣчи и бесѣды только закрѣпили это впечатлѣніе. Живя въ курортѣ, я часто ѣздить къ В. О., занимавшему квартиру на одной изъ людныхъ самарскихъ улицъ. Я ѣздить, чтобы отдохнуть душою, подкрѣпиться... У В. О. большая семья. Всѣ дѣти получили прекрасное образованіе. Старшая дочь переводила уже въ то время для многихъ изданій и давала уроки. Она кончила на высшихъ женскихъ курсахъ. Другая дочь—фребеличка. Въ этой семейной атмосферѣ, пропитанной здоровыми идеалами, душевной и сердечной, чувствовалось тепло и хорошо. Отдавъ всѣ комнаты для семьи, В. О. оставилъ для себя небольшой кабинетъ, гдѣ онъ спалъ. Въ пять часовъ онъ уже вставалъ и становился на свой постъ—къ конторкѣ, чтобы писать. Въ 10 — онъ ложился спать. Въ семьѣ онъ пользовался громаднымъ авторитетомъ и любовью. Дѣти гордились имъ... О, это

большое счастье! Для этого не надо быть свѣтиломъ, гениемъ... Нужно быть честнымъ, безупречнымъ человѣкомъ и работникомъ, какимъ и былъ Португаловъ.

Въ Самарѣ я услыхалъ отъ рабочаго знаменательную фразу:

— Я былъ у доктора.

— У какого?

— Извѣстно, у нашего... какого же еще!

Именемъ «нашего доктора» народъ называлъ Португалова.

Онъ умеръ, какъ воинъ на посту. Еще наканунѣ смерти, 19 октября, онъ стоялъ на обычномъ мѣстѣ, у своей конторки и писалъ для французскаго изданія статью... Онъ легъ, какъ всегда, въ свое время, ночью почувствовалъ себя дурно, проснулся, схватился за грудь, и—умеръ!

Въ письмахъ ко мнѣ В. О. никогда не жаловался на сердце, но «Самарская Газета» говоритъ, что въ послѣднее время онъ замѣтилъ одному изъ мѣстныхъ писателей: «Сердце у меня не въ порядкѣ... иногда мучительно болитъ.. Должно быть, я умру отъ сердца».

И онъ правъ: «Кто сердцемъ жилъ, тотъ отъ сердца и долженъ былъ умереть».

Португалова хоронили почетно... Даже тѣ, кто травили его отдали ему долгъ уваженія. Объ этомъ уваженіи говорили рѣчи товарищей, вѣнки (между прочимъ отъ «рабочихъ заводскихъ», отъ «бѣдняковъ окраинъ города») и многочисленныя телеграммы. Среди нихъ знаменательная депеша отъ врачей московской губерніи: «Глубоко скорбимъ о кончинѣ В. О. Со дней своей школы мы привыкли слышать энергичный голосъ Португалова, бодро призывающій къ общественной дѣятельности и горячо ратующій противъ всякой неправды»...

Такъ поняли наконецъ этого безпокойнаго человѣка, борца за интересы ближнихъ. О, если бы побольше такихъ безпокойныхъ, но любящихъ сердца!..

Съ этимъ покойникомъ,
Жизни покинувшимъ пиръ,
Мы не одни сиротѣмъ...

Да, потому что:

Еслибъ подобной не стало
Въ мірѣ души ни одной,
Жить бы нельзя было больше
Въ этой пустынѣ глухой!..

Да, эти скромные, но стойкіе, полные вѣры люди—необходимы провинціи. Они ея—соль, повторю еще разъ.

Въ кабинетѣ В. О. висѣла группа портретовъ лучшихъ людей Россіи; надъ этой группой имъ была сдѣлана надпись: «Соль земли».

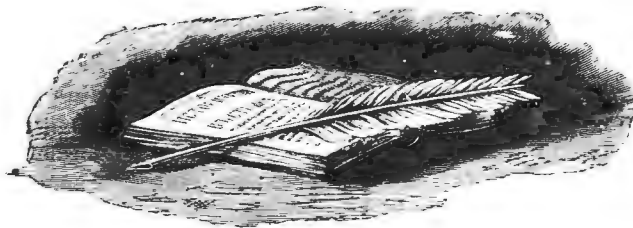
Къ этой группѣ можно прибавить еще одинъ портретъ—В. О.

Португалова, не зарывшаго свой талантъ въ землю и честно, неутомимо служившаго благу родины.

Заключу мое короткое слово о Португаловѣ слѣдующими стихами молодого поэта, А. А. Коринфскаго, такъ идущими къ умершему В. О.:

Врачъ — человекъ, врачъ — общій другъ, --
 Какъ древній схимникъ на молитву,
 Онъ шелъ въ измѣнчивую битву
 Съ тобой, губительный недугъ!
 И днемъ, и позднею порою
 Къ нему довѣрчиво всегда
 Стучалась блѣдная нужда
 Въ дверь исхудалую рукою.
 Въ подвалы хмурыхъ бѣдняковъ,
 Въ притоны хилаго порока —
 Входилъ онъ съ пламенемъ пророка —
 Всегда и всѣмъ помочь готовъ.

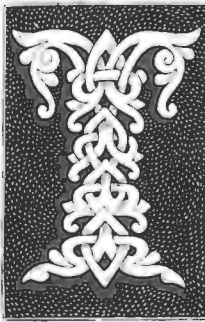
А. Кругловъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Профессоръ Д. И. Вагалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ). Томъ I-й (1802—1815 г.). Выпускъ первый и второй. Харьковъ. 1896.

РУДЪ г. БАГАЛѢЯ представляетъ собою выдающееся явленіе въ нашей текущей литературѣ. Авторъ скромно именуется его «Опытъ исторіи Харьковскаго университета»—это наименование неточно и неполно. Это не простой «Опытъ»—это исторія въ самомъ широкомъ смыслѣ слова и не только одного Харьковскаго университета, но и всего просвѣтительнаго движенія молодого юга Россіи. Передъ изслѣдованіемъ г. Вагалѣя тускнѣютъ и блѣднѣютъ однородныя труды по исторіи Петербургскаго и Московскаго университетовъ; харьковскій профессоръ показалъ своимъ коллегамъ, какъ слѣдуетъ относиться къ прошлому дорогого его сердцу научнаго учрежденія, явилъ своимъ «Опытомъ» примѣръ истинной любви и уваженія къ мѣстному разсаднику просвѣщенія. Спокойно, серьезно и плавно ведетъ онъ свое превосходное повѣствованіе, и отсюда еще болѣе усиливается впечатлѣніе отъ прочитаннаго; тутъ нѣтъ излишнихъ славословій и колокольнаго звона: все въ мѣру, всякому по дѣламъ его и заслугамъ, все на своемъ мѣстѣ и въ непосредственной связи съ окружающимъ. Последнее, т. е. связь частей съ цѣлымъ, и придаетъ труду г. Вагалѣя особенную цѣну и позволяетъ разсматривать его, какъ очень обстоятельный и прекрасно выполненный очеркъ южно-русскаго просвѣщенія эпохи Александра I. Пестрой панорамой, при ровномъ и яркомъ освѣщеніи, проходятъ передъ нами дни и годы изъ исторіи этого просвѣщенія и, какъ живые, встаютъ передъ нашими любопытствующими взорами дѣятели давно минувшаго времени: самъ молодой государь, его сподвижники графъ Кочубей,

Новосильцевъ, министр просвѣщенія Завадовскій, помечитель Харьковскаго учебнаго округа графъ Потоцкій, профессоръ Тимковскій, Стойковичъ, первый ректоръ университета И. С. Рижскій и множество другихъ лицъ, а въ центрѣ всѣхъ эгихъ историческихъ дѣятелей пионеръ просвѣщенія юга, инициаторъ основанія Харьковскаго университета, незабвенный Василій Назаровичъ Каразинъ. Фигура Каразина поставлена г. Багалѣемъ удивительно рельефно и освѣщена безпристрастно и правдиво. Почтенный изслѣдователь вложилъ въ изображеніе оригинальнаго и кипучаго характера Василя Назаровича лучшія краски своей литературной палитры и дѣйствительно воздвигъ виновнику дней Харьковскаго университета вполне заслуженный памятникъ. Предшествовавшіе историки и въ особенности Н. А. Лавровскій набросили на Каразина тѣнь, найдя несправедливое удаленіе его отъ дѣлъ по организаціи университета законнымъ и заподозрѣвъ правильность и корректность его организаціонныхъ распоряженій. Г. Багалѣй съ фактами въ рукахъ реабилитируетъ Каразина и доказываетъ, что онъ и не думалъ превышать своихъ полномочій, и что всѣ его дѣйствія опирались на законныя основанія. Вообще его характеристика сдѣлана г. Багалѣемъ удивительно мѣтко. Каразину, говоритъ онъ, «принадлежитъ первая мысль объ университетѣ; онъ же склонилъ къ этой мысли и мѣстное дворянство, которое положило было устроить въ Харьковѣ кадетскій корпусъ и для этой цѣли сдѣлало уже довольно крупный взносъ. Еще важнѣе было пожертвованіе со стороны харьковскаго дворянства 400 тысячъ на университетъ; а это пожертвованіе было вызвано «предначертаніемъ» В. Н. Каразина и въ особенности его пылкою, горячею рѣчью въ дворянскомъ собраніи. Когда Харьковъ украсится памятникомъ Каразина (и это должно случиться скоро: денегъ собрано уже довольно много), то желательно, чтобы имъ запечатлѣнъ былъ именно этотъ «историческій» моментъ—В. Н. Каразинъ, стоя въ энергической позѣ, съ протянутой правой рукой, говоритъ свою знаменательную рѣчь, которая рѣшила судьбу дѣла, судьбу просвѣщенія въ «полуденной Россіи». Да и другія пожертвованія (купечества и гражданъ, екатеринославскаго дворянства, Хорвата) получены были, благодаря энергіи и вліянію В. Н. Каразина; мало того: едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что если бы онъ оставался у дѣлъ, то количество пожертвованій было бы еще болѣе значительно. У него былъ особый талантъ привлекать къ общественному дѣлу людей и средства. Огромное значеніе имѣлъ его горячій темпераментъ, кипучая, неутомимая энергія, глубокая, какая-то восторженная, не знающая развѣдающаго скептицизма, вѣра въ свое начинаніе. Онъ, можно сказать, заражалъ этой вѣрой, этимъ энтузіазмомъ болѣе холодныхъ, болѣе инертныхъ или недовѣрчивыхъ; его повышенное настроеніе не могло не передаваться другимъ: оно дѣйствовало возбуждающимъ и ободряющимъ образомъ. И онъ, этотъ теоретикъ, только воображавшій себя глубокимъ практикомъ, увлекался извѣстной идеей и страстно желая провести ее въ жизнь, подобно опытнымъ практикамъ, умѣлъ находить себѣ адептовъ въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ общества. Эти адепты, эти сотрудники могли оказаться (и дѣйствительно оказывались) практичнѣе его, могли подчасъ лучше его выполнить извѣстныя частности, но это нисколько не уменьшаетъ заслугъ инициатора и руководителя предпріятія. А такимъ именно

иниціаторомъ и руководителемъ въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета былъ В. Н. Каразинъ. Онъ зналъ, какъ дѣйствовать на разныхъ лицъ, чтобы заставить ихъ сдѣлать что нибудь для университета, и пользовался для этого такими слабостями ихъ, какъ самолюбіе и честолюбіе, которыя, какъ извѣстно, въ общественной дѣятельности играютъ очень важную роль; съ другой стороны, входя самъ въ составъ наиболѣе передового и просвѣщеннаго литературнаго кружка А. Палицына, онъ сумѣлъ найти себѣ безкорыстныхъ помощниковъ въ средѣ харьковскаго дворянства... Личность Каразина получаетъ въ повѣствованіи г. Багалѣя тѣмъ болѣе интересное освѣщеніе, что мы обстоятельно знакомимся въ «Опытѣ» съ существовавшей среди дворянства сильнѣйшей оппозиціей планамъ и дѣйствіямъ Каразина. Свѣдѣнія, и очень обширныя, по предмету этой оппозиціи автору удалось почерпнуть изъ богатаго архива харьковскаго дворянскаго депутатскаго собранія; особенно любопытно то, что авторъ сообщаетъ объ оппозиціи одного изъ представителей дворянства Капустянскаго. Эгожь же архивъ помогъ г. Багалѣю нарисовать обстоятельную картину движенія денежныхъ суммъ, собиравшихся на основаніе предположеннаго Харьковскаго университета.

Архивныя свѣдѣнія вообще представлены въ «Опытѣ» очень богато. Помимо названнаго архива, въ основу труда г. Багалѣя легло главнымъ образомъ богатѣйшее университетское книгохранилище, содержащее въ себѣ собственно 4 архива—дѣла совѣта, правленія, попечительской канцеляріи и училищнаго комитета. Обиліе неизданнаго матеріала, касающагося жизни юнаго университета въ его официальной и интимной исторіи, даетъ возможность автору сдѣлать немало поправокъ и дополненій къ тому, что намъ уже извѣстно изъ работъ М. Сухомлинова, Н. А. Лавровскаго, Т. Селиванова и другихъ. Благодаря проникновенію въ эти архивныя тайники, профессоръ Багалѣй, помимо исторіи зарожденія университета, чрезвычайно обстоятельно повѣствуетъ намъ о первыхъ годахъ жизни молодого ученаго учрежденія. Въ этомъ отношеніи имъ особенно хорошо критически разработаны разные эпизоды изъ борьбы партій въ совѣтѣ, отношенія къ университету министерства просвѣщенія и попечителя Потоцкаго, а также прекрасно представлено злополучное ректорство даровитаго, но корыстолюбиваго выходца изъ славянъ Стойковича. Оцѣнка ректорства Рижскаго и Стойковича сдѣлана г. Багалѣемъ очень обстоятельно и безпристрастно. Въ этой части онъ знакомитъ насъ съ любопытными бытовыми сторонами русской жизни начала XIX столѣтія и отсюда даетъ намъ возможность судить о томъ выдающемся значеніи, которое имѣло для всего склада кожной жизни основаніе высшаго разсадника просвѣщенія. Это значеніе намъ становится тѣмъ болѣе очевиднымъ, что авторъ, прежде чѣмъ говорить объ основаніи университета, даетъ хорошо освѣщенную картину умственнаго состоянія украинскаго общества. Для обрисованія этого состоянія г. Багалѣй отмѣчаетъ слѣдующіе общественные моменты: стремленіе къ духовному просвѣщенію, вынесенное всей массой населенія изъ Заднѣпровья; связь мірянъ съ церковью—пожертвованія, церковныя братства, шпитали; статистика народныхъ школъ по даннымъ 1732 года; украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода и его нравственно-просвѣтительное вліяніе; харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ

въ Слободской украинѣ до открытія университета; западно-европейская просвѣтительная стихія и литературный кружокъ А. А. Палицына; новыя харьковскія училища—«прибавочные классы», главное и малыя народныя училища. Эти составные элементы изъ исторіи просвѣщенія харьковского общества до университета даютъ возможность г. Багалѣю сдѣлать слѣдующее заключеніе: «почва въ мѣстномъ харьковскомъ обществѣ для открытія университета была въ значительной степени подготовлена предшествующими просвѣтительными вліяніями и образовательными учрежденіями; нельзя, слѣдовательно, сказать, чтобы университетъ осѣлъ на непочатомъ, нетронутомъ грунтѣ. Большое вліяніе имѣлъ Гр. Сав. Сковорода и литературный кружокъ А. А. Палицына; оказали свое дѣйствіе и харьковскій коллегіумъ съ духовными училищами, и главное народное училище, и разсѣянныя по всей губерніи народныя церковно-приходскія школы и такъ называемыя малыя народныя училища. Они въ совокупности своей дѣйствовали на всѣ слои мѣстнаго общества и приготовили это послѣднее къ воспріятію мысли о высшемъ разсадникѣ науки—университетѣ. Вотъ гдѣ источникъ отзывчивости не только мѣстнаго духовенства и дворянства, но и горожанъ, и войсковыхъ обывателей на призывъ В. Н. Каразина къ пожертвованіямъ. Даже неосуществившійся проектъ заведенія въ Харьковѣ военнаго училища имѣлъ важное вліяніе на открытіе въ Харьковѣ университета: обращеніе императора Александра къ харьковскому дворянству подѣйствовало на него ободряющимъ образомъ, вдохнуло въ него патриотическую мысль о пользѣ пожертвованій на дѣло народнаго образованія; оно захотѣло раздѣлить со своимъ вѣнценоснымъ вождемъ «честь» устройства въ Харьковѣ новаго училища и пособіями своимъ принять участіе «въ расходахъ на него». Военное училище послужило какъ бы мостомъ, переходною подготовительною ступенью къ университету. Трудно было сдѣлать первый шагъ, нарушить инертность, подвинуть на первыя жертвы... Но разъ общество проснулось, разъ оно перешло отъ покоя къ состоянію подъема душевной энергіи, нуженъ былъ только энергичный горячій энтузіастъ, чтобы оно проявило выдающуюся дѣятельность на пользу общую. Такимъ именно человекомъ былъ В. Н. Каразинъ».

Изслѣдованіе г. Багалѣя оканчивается 1815 г., и послѣдняя 14-я глава посвящена обстоятельному разсмотрѣнію матеріальныхъ средствъ университета и его учебно-вспомогательныхъ учрежденій того времени. Можно отъ души пожелать почтенному харьковскому профессору успѣшнаго продолженія его прекраснаго труда, который несомнѣнно вызоветъ къ себѣ вниманіе всѣхъ интересующихся исторіей русскаго просвѣщенія. Его работа—цѣнный вкладъ въ литературу этого просвѣщенія.

В. Глинскій.

Галицкая митрополія. Церковно-историческое изслѣдованіе. Н. Тихомірова. Спб. 1896.

Вопросъ, которому посвящено «церковно-историческое изслѣдованіе» г. Тихомірова, въ послѣднее время сталъ очень живо интересовать ученыхъ, разрабатывающихъ исторію юго-западной Руси. Ни отдаленность эпохи (XIII—XIV вв.),

въ которую зарождаются попытки Галича къ церковной самостоятельности, ни спеціально-церковный, такъ сказать, характеръ самаго событія нисколько не вліяютъ на ослабленіе интереса къ изученію этого вопроса. По крайней мѣрѣ изъ галицкихъ историковъ, кажется, нѣтъ ни одного, который бы такъ или иначе не коснулся судебъ своей митрополіи, а нѣкоторые трактовали о нихъ даже съ большими подробностями (Малиновскій, Петрушевичъ, Юл. Пелешъ, Зубрицкій, Шараневичъ и др.). Изъ русскихъ историковъ наиболѣе вниманія удѣлили этому вопросу г. Филевичъ въ своей магистерской диссертациі («Борьба Польши и Литвы-Руси») и извѣстный московскій профессоръ А. С. Павловъ, обстоятельную статью котораго о началѣ митрополіи («Русск. Обзор.», 1894 г., май) можно считать исчерпывающею свою тему, по крайней мѣрѣ, при теперешней наличности историческихъ данныхъ. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что одно изъ лучшихъ и талантливѣйшихъ изслѣдованій по исторіи Галича XIV в. и его митрополіи написано чешскимъ ученымъ Ржежабекомъ, давшимъ этому вопросу строго-научную постановку и освѣтившимъ спутанный ходъ тогдашнихъ событій яркимъ лучемъ остроумныхъ догадокъ и сближеній. Повидимому, г. Тихомірова не удовлетворила такая масса написаннаго по этому вопросу; нашъ авторъ хоть и ссылается на всѣ указанные труды и, мимоходомъ сказать, преисправно повторяетъ зады, однако ведетъ свою рѣчь въ такомъ тонѣ, какъ будто исторія Галицкой митрополіи, выражаясь стариннымъ слогомъ, все еще покрыта мракомъ неизвѣстности, и только онъ, г. Тихоміровъ, призванъ пролить свѣтъ, развѣять тьму, все уяснить, разобрать, распутать. Заблужденіе — столь свойственное всякому начинающему изслѣдователю! Только еще приступая къ изслѣдованію, г. Тихоміровъ ощущаетъ нѣкоторый восторженный трепетъ; онъ не просто пишетъ, а какъ бы священнодѣйствуетъ и потому раздражается такими, напримѣръ, фразами, которыхъ нельзя читать безъ улыбки: «Не имѣя подъ руками богатыхъ историческихъ данныхъ, мы, говоритъ онъ, чувствуемъ, что въ этомъ случаѣ грозитъ намъ не малая опасность сбиться съ правильнаго пути и пуститься въ пространную область мечтаній и фантазій, свойственныхъ развѣ только однимъ романистамъ. А это послѣднее, конечно, всего менѣе желательно для насъ, такъ какъ мы думаемъ писать ничуть не романъ, а дѣйствительную исторію» (стр. 6). Ну, какъ вамъ кажется эта боязнь автора «сбиться съ пути» и начать писать романъ о Галицкой митрополіи? Далѣе г. Тихоміровъ начинаетъ изливаться въ жалобахъ на «скудость, спутанность и нерѣдко фальшивость» историческаго матеріала, на которомъ онъ «строитъ зданіе своей исторіи». Жалобы эти, насколько характерны по отношенію къ самому автору, настолько несправедливы по существу дѣла. Вѣдь, кромѣ того, что этому вопросу завидно посчастливилось во всей системѣ западно-русской исторіи (по количеству посвященныхъ ему изслѣдованій), не надо забывать, что мы въ видѣ первоисточника имѣемъ полную официальную переписку константинопольской патріархіи и двора съ русскимъ митрополитомъ и князьями, не считая краткихъ упоминаній лѣтописцевъ и разсказа Степенной книги. Чего же еще желать изслѣдователю? «Смущеніе», овладѣвшее г. Тихоміровымъ при написаніи первой фразы предисловія къ своей книгѣ, постепенно разсѣялось, когда онъ «толкнулся въ за-

крытыя двери» (стр. 33) своей исторіи и, не безъ напряженія отворивъ ихъ, принялся хозяйничать надъ найденнымъ здѣсь историческимъ матеріаломъ. И не только не осталось и тѣни этого смущенія, а, напротивъ, авторъ сталъ обнаруживать крайне неприятную развязность, какую можетъ позволить себѣ только человѣкъ, понавшій въ непривычное для него положеніе и старающійся замаять чувство неловкости, собственное всякому новичку. Укажемъ примѣръ. Единственный документъ, откуда намъ поименно извѣстны галицкіе митрополиты XIV в., есть, какъ извѣстно, грамота польскаго короля Казимира Великаго, которою онъ испрашиваетъ у патріарха утвержденіе и посвященіе посланнаго имъ кандидата на митрополию. Историческая наука не имѣетъ въ своемъ распоряженіи данныхъ, чтобы признать списокъ митрополитовъ по Казимировой грамотѣ недостовернымъ или фальшивымъ. Да и странно было бы предполагать, чтобы Казимиръ рѣшился рассказывать прямую басню въ официальномъ посланіи къ патріарху, которому во всякомъ случаѣ дѣла русской церкви были нѣсколько извѣстны. Между тѣмъ г. Тихоміровъ пришелъ касательно грамоты «къ печальному выводу — объ ея несомнѣнной субъективности, пропитанной духомъ беззащитчивой лжи и, по меньшей мѣрѣ, преувеличенія» (стр. 43). Однако, эта «беззащитчивая ложь» оказывается такого качества, что подчиняетъ какому-то гипнозу самого г. Тихомірова, и онъ на стр. 45-й заявляетъ уже такъ: «представлять дѣло такъ, будто вся грамота Казимира — цѣлая и сплошная ложь, по меньшей мѣрѣ, странно и даже болѣе — невозможно». Озадаченный читатель еще не успѣетъ прийти въ себя отъ такой неожиданности, какъ на стр. 46-й авторъ освобождается отъ временной снисходительности къ Казимиру и снова дѣлаетъ ему выговоръ безъ всякой поблажки: «Перечисленные Казимиромъ галицкіе митрополиты... могутъ быть сильно подозрѣваемы въ ихъ дѣйствительномъ существованіи, — тѣмъ болѣе, что и говорить-то о нихъ человѣкъ, по всѣмъ даннымъ (о которыхъ самъ авторъ благоразумно умалчиваетъ), сильно наклонный ко лжи и, по меньшей мѣрѣ, къ крайнимъ преувеличеніямъ». Читатель поставленъ совершенно втупикъ — что же, наконецъ, такое эта грамота, и которое изъ мнѣній г. Тихомірова слѣдуетъ принять? Нѣкоторый, впрочемъ, ключъ къ уразумѣнію и разгадкѣ ребусовъ, предложенныхъ въ книгѣ г. Тихомірова, даетъ самъ авторъ. Именно, высказавъ въ одномъ мѣстѣ двѣ противоположныхъ догадки о томъ, какъ объяснить «фальшивость и преувеличенія» Казимировой грамоты, авторъ заключаетъ свои разсужденія такой великолѣпной фразой: «можно, думаемъ, предполагать и то, и другое, порознь и даже вмѣстѣ» (стр. 45). Вообще грамота Казимира отъ 1370 г. даетъ поводъ автору развернуть свой талантъ вполнѣ, и онъ примѣняетъ всѣ методы изслѣдованія до психологическаго включительно; стр. 43—48, посвященные разбору грамоты, въ своемъ родѣ лучшія во всей книжкѣ. Нѣкоторую особенность труда г. Тихомірова составляетъ какая-то своеобразная строгость и суровость автора по отношенію къ предмету своего изслѣдованія. Признавъ Галицкую митрополию только «плодомъ политической махинаціи князей» (стр. 25), авторъ не перестаетъ на всемъ протяженіи своего изслѣдованія относиться съ тайнымъ недоброжелательствомъ къ митрополіи, именуетъ ее «злосчастной», и въ заключительной главѣ патетически восклицаетъ: «е

постигла смерть печальная, безславная и безслѣдная» (стр. 141). Да, очень строгій ученый г. Тихоміровъ, и Галицкой митрополіи порядкомъ-таки отъ него досталось.

К. Х.

Д-ръ С. Векъ и д-ръ М. Враннъ. Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени. Переработалъ и дополнилъ, съ прибавленіемъ оригинальнаго отдѣла исторіи польско-русскихъ евреевъ, С. М. Дубновъ. Въ двухъ томахъ. Т. I. Восточный періодъ (отъ вавилонскаго плѣненія до конца эпохи гаоновъ). Одесса. 1896.

Среди безконечнаго множества народовъ, появившихся на аренѣ исторіи— одни на смѣну другимъ, постоянно воздѣйствовавшихъ другъ на друга, сливавшихся между собою и образовавшихъ новыя народы, издавна былъ и есть одинъ, вся исторія котораго насквозь проникнута изолированностью, который во всю свою многолѣтнюю историческую жизнь ни на іоту не сливался съ другими народами, несмотря на постоянное съ ними общеніе, и даже теперь, разсѣянный по всѣмъ частямъ земнаго шара, сохранилъ почти безъ перемѣнъ ту физиономію, которую носилъ нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ. Это— народъ еврейскій. Въ противность остальнымъ, онъ никогда не жилъ политической жизнью, никогда не образовывалъ одинаго цѣльнаго государства съ сильной центральной властью, такъ какъ то, что мы привыкли называть древне-еврейскими государствами Іудейскимъ и Израильскимъ, представляло изъ себя не болѣе, какъ группы селеній, соединенныхъ между собою лишь обычаями и языкомъ; были тамъ, правда, цари, но цари только по названію, ибо, въ дѣйствительности, они скорѣе напоминали старѣйшинъ племенъ, нежели правителей государства; самый внимательный изслѣдователь исторіи евреевъ не въ состояніи будетъ найти у нихъ ни правительственныхъ органовъ, ни даже зачатковъ какихъ либо административныхъ и судебныхъ учреждений, всегда необходимыхъ въ томъ, что мы привыкли понимать подъ именемъ государства. Участіе евреевъ въ международной политикѣ было также весьма незначительно; при этомъ оно никогда не возникало по ихъ собственной инициативѣ и зависѣло всегда отъ политическихъ движеній окружавшихъ ихъ народовъ. Не было у евреевъ ни изящной литературы, ни науки, такъ какъ и та и другая являются продуктомъ столкновенія человѣческой мысли съ физической природой, между тѣмъ какъ вся мыслительная дѣятельность еврейскаго народа была постоянно направлена внутрь самого человѣка, его души, какъ отраженія вѣчнаго, одинаго Божества. Выработка религіознаго міросозерцанія была единственною цѣлью еврейскаго народа, и ее, только ее одну, онъ и культивировалъ въ продолженіе всей своей исторической жизни. Всѣ его законы, вся политика, войны, всегда покоились на началахъ религіозныхъ.

Поэтому отъ историка, взявшагося за составленіе еврейской исторіи, мы должны требовать главнымъ образомъ исторіи религіи; всѣ же остальные отрасли какъ культурной, такъ и политической дѣятельности должны быть изображены въ зависимости отъ религіи и занимать второстепенное мѣсто. Раз-

сказывать такимъ образомъ въ этой исторіи нечего; никакой самый искусный рассказчикъ не будетъ въ состояніи возбудить въ своихъ читателяхъ интереса къ тѣмъ ничтожнымъ политическаго характера фактамъ, въ коихъ приходилось принимать участіе еврейскому народу. Но г. Дубновъ думаетъ иначе: на стр. VII-й своего предисловія къ разбираемой нами книгѣ онъ усиленно ополчается противъ разсужденій въ еврейской исторіи и требуетъ, чтобы она писалась въ формѣ интереснаго разсказа. Соображенія, приводимыя имъ, слѣдующія: разсужденія не даютъ возможности читателю «ясно запечатлѣть въ умѣ своемъ» излагаемыя передъ нимъ историческія событія со всѣми ихъ подробностями. «Чѣмъ больше такихъ подробностей, тѣмъ конкретнѣе фактъ, и яснѣе вызываемое имъ впечатлѣніе». Исходя изъ такого взгляда, переводчикъ не захотѣлъ перевести на русскій языкъ полностью превосходное сочиненіе извѣстнаго знатока еврейской исторіи — профессора Бранна «Geschichte der Juden und ihrer Litteratur», изданное въ 1893—1895 годахъ въ Бреславлѣ. Ему гораздо болѣе пришлась по душѣ въ высшей степени поверхностная книжка раввина Бека (Geschichte des Jüdischen Volkes), годная развѣ только для учениковъ низшихъ еврейскихъ школъ, а никакъ не для образованныхъ русскихъ людей, для которыхъ, по словамъ г. Дубнова, предназначается его переводъ. Чтобы показать, насколько мало заслуживаетъ книга Бека названія исторіи, приведемъ наудачу одно изъ ея положеній, нашедшее себѣ мѣсто и въ русскомъ переводѣ. До сихъ поръ еще не выяснено, изъ какихъ побужденій вздумалъ основатель секты караимовъ Ананъ отложиться отъ талмуда: караимы признаютъ единственнымъ побужденіемъ глубокое изученіе имъ библейскаго закона, благодаря коему онъ ясно видѣлъ полное противорѣчіе такому со стороны талмуда; между тѣмъ талмудисты считаютъ, что честолюбіе Анана, лишеннаго права быть духовнымъ главой еврейскаго народа, послужило главнѣйшимъ для него побужденіемъ основать новую секту. Бекъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о такомъ разногласіи и безъ разсужденій принимаетъ мнѣніе талмудистовъ. «Ожесточенный противъ гаоновъ, помѣшавшихъ его избранію въ эксилархи, Ананъ выступилъ противъ талмудическаго еврейства», читаемъ мы на стр. 290-й русскаго перевода, соотвѣтствующей 252-й стр. подлинника.

Во всей первой книгѣ перваго тома своего перевода, въ коей изложена исторія евреевъ отъ возстановленія Іудеи послѣ вавилонскаго плѣненія до окончательнаго покоренія ея Римомъ (такъ называемый періодъ второго храма 537 г. до Р. Х. — 70 г. по Р. Х.), г. Дубновъ рабски слѣдуетъ за Бекомъ; съ самыми мелкими, совершенно ненужными подробностями, называя при этомъ бездну собственныхъ именъ, рассказываетъ онъ о постройкѣ храма, о самыхъ малозначительныхъ дѣяніяхъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ правителей, о гоненіяхъ, коимъ подвергалась Іудея со стороны чужеземныхъ властителей, о возстаніяхъ евреевъ противъ Сиріи и Рима и т. д., между тѣмъ какъ исторія религіи стоитъ на второмъ планѣ и во многихъ мѣстахъ даже обходится молчаніемъ. Вторая книга посвящена періоду талмудическому, обнимающему время отъ паденія Іудейскаго государства до перехода духовной гегемоніи изъ рукъ восточнаго еврейства въ руки западнаго (70 г. — 950 г.). Здѣсь переводчикъ уже значительно отступаетъ отъ своего оригинала и дополняетъ пробѣлы послѣдняго самостоятель-

ной работой. Благодаря этому обстоятельству, вторая книга значительно выигрывает по сравнению съ первой, такъ какъ значительное мѣсто въ ней отведено возникновенію талмуда и изложенію главнѣйшихъ заключающихся въ этой книгѣ положеній; однако и тутъ любовь къ разсказамъ не оставляетъ переводчика: и тутъ онъ по причинѣ отсутствія исторической критики болѣе напоминаетъ лѣтописца, нежели историка.

Если первая книга написана всецѣло Бекомъ, вторая же разработана самимъ г. Дубновымъ, то къ чему же, спрашивается, поставлено на заглавномъ листѣ имя Бранна? Во всемъ первомъ томѣ принадлежащимъ перу этого высоко-талантливаго ученаго, много потрудившагося надъ разъясненіемъ многочисленныхъ темныхъ мѣстъ еврейской исторіи, можно признать, да и то не вполне, одно только краткое «введеніе», посвященное обзору древне-библейскаго періода. Будемъ надѣяться, что хоть во второмъ томѣ, должествующемъ выйти въ свѣтъ въ будущемъ году, переводчикъ дастъ болѣе мѣста столь любимымъ имъ «разсужденіямъ» Бранна, такъ какъ исторія еврейства въ Западной Европѣ изложена у Бека еще неудовлетворительнѣе, чѣмъ та, которая вошла въ первый томъ русскаго изданія. О второмъ томѣ мы своевременно дадимъ отзывъ, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о качествахъ самаго перевода.

Сдѣланъ онъ прекраснымъ русскимъ языкомъ, такъ что въ этомъ отношеніи не оставляетъ желать ничего лучшаго. Нельзя не сдѣлать, однако, небольшого замѣчанія переводчику: онъ предназначаетъ книгу не для однихъ евреевъ, а и для русскихъ читателей; поэтому не мѣшало бы ему писать древне-библейскія имена такъ, какъ принято ихъ произносить въ Россіи, или же, по крайней мѣрѣ, рядомъ съ еврейскимъ произношеніемъ ставить въ скобкахъ русское. Не всякій вѣдь признаетъ въ Юшуѣ (стр. 15)—Иисуса Навина, въ Малеахи (стр. 47)—пророка Малахію.

К. Лосскій.

Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ. (Обзоръ ихъ догматической дѣятельности въ связи съ направленіями школъ александрійской и антиохійской). Сочиненіе на степень доктора богословія. Изданіе второе. А. П. Лебедева, профессора Императорскаго Московскаго университета. Сергіевъ посадъ. 1896.

Годъ тому назадъ исполнилось двадцатипятилѣтіе учено-литературной дѣятельности бывшаго профессора Московской духовной академіи А. П. Лебедева. Въ одной изъ статей, посвященныхъ обзору этой дѣятельности, написанной профессоромъ той же академіи г. К., было выражено желаніе видѣть многочисленные работы почтеннаго ученаго въ полномъ собраніи, въ виду ихъ важности для науки въ различныхъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что почти все прежнія изданія ихъ вышли изъ продажи (Богословскій Вѣстникъ, 1895, ноябрь). Идя на встрѣчу этому желанію, подъ которымъ, безспорно, подпишутся многіе любители церковно-исторической науки, профессоръ Лебедевъ и предпринялъ въ настоящемъ году изданіе полного собранія своихъ церковно-историческихъ сочиненій. По плану издателя, его произведенія займутъ двѣнадцать томовъ, изъ чего можно видѣть, насколько плодотворна была долготѣнная учено-лите-

ратурная дѣятельность почтеннаго профессора. Новая серія церковно-историческаго собранія открывается диссертацией г. Лебедева на степень доктора богословія «Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ», давно уже вышедшей изъ продажи. Диссертация эта, первоначально вышедшая въ 1879 году, въ свое время была внимательно встрѣчена наукой и вызвала жаркіе споры принципиальнаго свойства между авторомъ и покойнымъ профессоромъ Московскаго университета Иванцовымъ-Платоновымъ. Но нашъ авторъ, и послѣ этой жаркой и авторитетно-ученой полемики, остался при прежнихъ своихъ воззрѣніяхъ, и второе изданіе своей диссертации сдѣлалъ безъ всякихъ измѣненій, дополнивъ его лишь предисловіемъ и однимъ приложеніемъ. Въ виду особаго значенія для церковно-исторической науки означеннаго сочиненія профессора Лебедева, мы напомнимъ здѣсь въ краткихъ чертахъ его содержаніе.

Сочиненіе открывается предисловіемъ (стр. III—XVI), на мѣстѣ коего находимъ рѣчь, произнесенную профессоромъ Лебедевымъ 24 апрѣля 1879 года предъ публичной защитой своей диссертации на степень доктора богословія. Рѣчь эта, напечатанная въ первый разъ, содержитъ уясненіе побужденій, которыми руководился авторъ при выборѣ предмета для диссертации. При изученіи исторіи вселенскихъ соборовъ изслѣдователь всецѣло, постоянно и неизмѣнно долженъ оставаться въ сферѣ собственно богословской, въ противоположность изслѣдователю другихъ важныхъ вопросовъ древней церковной исторіи (напримѣръ, о язычествѣ и его отношеніи къ христіанству); исторія эта чрезвычайно важна въ научномъ отношеніи и въ то же время недостаточно или тенденціозно разработана въ западной и русской литературѣ; особенно непрочно и непослѣдовательно устанавливается связь между дѣятельностью вселенскихъ соборовъ и ученымъ направленіемъ двухъ богословскихъ школъ—александрійской и антиохійской, между тѣмъ какъ вліяніе ихъ на первые четыре вселенскіе собора было весьма глубоко и систематично,—вотъ главные мотивы, побудившіе ученаго профессора заняться исторіей вселенскихъ соборовъ въ связи съ направленіями школъ александрійской и антиохійской. Самое изслѣдованіе состоитъ изъ десяти главъ. Въ первой главѣ (стр. 1—32) рѣчь идетъ о Никейскомъ первомъ вселенскомъ соборѣ (325 г.),—дѣлается характеристика членовъ Никейскаго собора, выясняется ихъ отношеніе къ богословскимъ направленіямъ того времени и дѣятельность по составленію никейскаго символа вѣры. Во второй главѣ (стр. 33—46) указывается географическое распредѣленіе защитниковъ Никейскаго собора и его противниковъ, причемъ сообщается, что центромъ для первыхъ была Александрія, откуда никейско-православное отношеніе къ символу перешло въ Палестину, Римъ и Илирикъ, а центромъ для вторыхъ—Антиохія Сирійская, направленію которой сочувствовалъ Константинополь и другіе города. Въ третьей главѣ (стр. 47—110) раскрываются черты догматики никейцевъ и антиникейцевъ между первымъ и вторымъ вселенскими соборами; здѣсь характеризуются ихъ взгляды на отношенія вѣры и знанія, излагаются ихъ воззрѣнія на ученіе объ Ипостаси Сына Божія, о Лицѣ Христа Богочеловѣка и о Духѣ Святомъ, указываются черты сходства и различія между ними и прочее. Глава четвертая (стр. 111—145) посвящена обзору дѣятельности Константинопольскаго второго вселенскаго собора (381 г.), на ко-

торомъ былъ составленъ символъ подѣ влияніемъ антиохійскаго направленія. Въ четвертой главѣ (стр. 146—179) обозрѣваются христологическіе споры и дѣятельность Ефесскаго третьяго вселенскаго собора (431 г.). Раскрывъ путь, какимъ церковь пришла къ христологическимъ спорамъ V вѣка, авторъ изображаетъ отношеніе къ нимъ александрійцевъ и антиохійцевъ, излагаетъ ученіе несторіанское и православное о двухъ природахъ во Христѣ, описываетъ дѣятельность Ефесскаго III вселенскаго собора, гдѣ выразились идеи и стремленія александрійскаго направленія и прочее. Въ главахъ шестой (стр. 180—192), седьмой (стр. 193—210) и восьмой (стр. 211—231) рѣчь идетъ объ уніи V вѣка между богословами александрійскаго и антиохійскаго направленія, — анализируется основной ея документъ — исповѣданіе Іоовна антиохійскаго, характеризуются друзья уніи и ея противники, описывается ихъ антагонизмъ и прочее. Глава девятая (стр. 232—269) содержитъ обзоръ догматической дѣятельности Халкидонскаго четвертаго вселенскаго собора (451 г.) вмѣстѣ съ характеристикой образа воззрѣній членовъ его — «правыхъ» и «лѣвыхъ», и результата дѣятельности — халкидонскаго вѣроопредѣленія. Наконецъ, глава десятая (стр. 270—284) уясняетъ временное и общецерковное значеніе Халкидонскаго собора. Въ приложеніи къ изслѣдованію (стр. 285—322) помѣщенъ очеркъ происхожденія и утвержденія нашей православной церкви или втораго вселенскаго Константинопольскаго собора, напечатанный раньше въ «Чтеніяхъ Общ. люб. дух. просвѣщенія», 1881, II.

Докторская диссертація профессора Лебедева въ первомъ своемъ изданіи вызвала много отзывовъ какъ благоприятныхъ и похвальныхъ, такъ и неблагоприятныхъ, даже враждебныхъ. Въ виду того, что второе ея изданіе не представляетъ никакихъ исправленій и дополненій сравнительно съ первымъ, мы считаемъ возможнымъ не входить въ новую ея оцѣнку, а укажемъ лишь нѣкоторые изъ прежнихъ отзывовъ о ней, которые помогутъ читателямъ книги г. Лебедева ориентироваться въ ея научныхъ положеніяхъ и выводахъ. Къ благоприятнымъ отзывамъ принадлежатъ напечатанные въ «Церковномъ Вѣстникѣ» за 1879 г. (проф. Барсова), въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1879 г. № 36 (проф. Терновскаго), въ «Чтеніяхъ въ Общ. люб. дух. просвѣщенія» 1879, декабрь (проф. Бѣляева), въ «Странникѣ» за 1880 г., январь (протоіерея Толмачева), «Theologische Literatur-Zeitung, 1879, № 18 (берлинскаго профессора д-ра Гарнака). Къ числу неблагоприятныхъ отзывовъ относятся главнымъ образомъ статьи профессора Иванцова-Платонова, печатавшіяся въ Православномъ Обзорѣніи и вышедшія затѣмъ отдѣльной книгой (Москва, 1881). Критика вызвала отвѣтъ со стороны нашего автора въ видѣ цѣлой книги (Прибавленія къ твореніямъ св. Отцевъ, 1882 и 1883 гг.).

Въ заключеніе нельзя не сказать, что профессору Лебедеву пришла прекрасная мысль сдѣлать второе изданіе своихъ очень цѣнныхъ въ научномъ отношеніи церковно-историческихъ трудовъ. Всѣ серьезно интересующіеся русскою церковно-историческою наукою, съ благодарностью встрѣтятъ выходъ въ свѣтъ каждаго изъ нихъ, и мы смѣло рекомендуемъ читателямъ это новое изданіе, имѣя въ виду пригодность сочиненій профессора Лебедева и для популярнаго чтенія.

О.

Путешествіе въ Метеорскіе и Оссоолимпійскіе монастыри въ Фессаліи архимандрита Порфирія Успенскаго въ 1859 г. Въ двухъ частяхъ. Изданіе Императорской Академіи Наукъ подъ редакціей П. А. Сырку. Съ рисунками и картою. Спб. 1896.

Въ богатѣйшемъ учено-литературномъ наслѣдствѣ, которое осталось послѣ знаменитаго русскаго богослова-путешественника, епископа Порфирія Успенскаго († 1885 г.), настоящая книга должна занять видное мѣсто. Своимъ предметомъ она имѣетъ историческую судьбу Метеорскихъ и Оссоолимпійскихъ монастырей въ Фессаліи,—которая весьма мало изслѣдована въ наукѣ не только русской, но и иностранной. Насколько намъ извѣстна соответствующая литература вопроса, книга приснопамятнаго русскаго ученаго представляетъ первый опытъ строго-научнаго и документальнаго изученія полной исторіи Метеорскихъ и Оссоолимпійскихъ обитателей и потому заслуживаетъ тщательнаго вниманія всѣхъ, интересующихся вопросами византологіи. Она имѣетъ отчасти форму дневника, который авторъ велъ во время путешествія въ упомянутые монастыри, а отчасти состоитъ изъ отдѣльных очерковъ, посвященныхъ различнымъ сторонамъ исторической жизни византійскихъ обитателей и написанныхъ по возвращеніи изъ путешествія. Книга дѣлится на двѣ части и, кромѣ предисловія, имѣетъ приложенія и добавленія.

Въ предисловіи книги (стр. XIX—XXX), написанномъ редакторомъ ея, представлены нѣкоторые объясненія по исторіи текста сочиненія и касательно помѣщенныхъ въ немъ приложеній. Глава первая (стр. 1—4) описываетъ путь преосвященнаго Порфирія отъ Аѳона до Солуня, начатый 16-го марта 1859 года. Во второй главѣ (стр. 5—31) разсказывается о пребываніи нашего паломника въ Солунѣ, гдѣ онъ прожилъ восемь дней и осмотрѣлъ древности города—св. Софію, храмъ св. Димитрія и его кувуклій, храмъ св. Георгія и народное училище. Эти достопримѣчательности Солуня нашли въ нашемъ путешественникѣ внимательнаго и ученаго изслѣдователя. Глава третья (стр. 31—45) описываетъ поѣздку епископа Порфирія въ село Перистѣри близъ Солуня и его древности, а четвертая (стр. 45—58)—плаваніе отъ Солуня до Вѣло и пребываніе въ Новой Диметриадѣ. Изъ Диметриады ученый путешественникъ отправился въ Лариссу, столицу Фессаліи, о пребываніи въ которой рѣчь ведется въ главѣ пятой (стр. 59—78), а оттуда направился, наконецъ, въ Метеоры (глава шестая, стр. 78—106). На всемъ пути, лежащемъ отъ Аѳона до Метеорскихъ монастырей, епископъ Порфирій съ рѣдкимъ вниманіемъ и любознательностью сосредоточивался на различныхъ памятникахъ древности и отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ многія рѣдкости историко-археологическаго характера. Но главное вниманіе паломника было направлено на Метеорскіе монастыри. Монастыри эти находятся близъ города Трикки, на дикихъ и величественныхъ Метеорскихъ утесахъ, представляющихъ неприступныя скалы разнообразной и даже причудливой формы. Монашество возникло здѣсь въ десятомъ вѣкѣ и основано иноками-выходцами съ знаменитой въ исторіи византійскаго монашества святой горы Аѳонской; въ XIV-мъ вѣкѣ, когда Византійская имперія стала подвергаться частымъ нападеніямъ турокъ,

Метеорскіе монастыри сдѣлались пріютомъ гонимыхъ врагами иноковъ, бѣжавшихъ изъ другихъ монастырей, опустошаемыхъ непріятельскимъ огнемъ и мечемъ, и достигли высокаго процвѣтанія. Въ турецкую эпоху Метеоры запустѣли, какъ и другіе монашескіе пункты православнаго Востока, и жизнь слабо тѣлась въ нихъ. Въ эти отдаленные отъ міра очаги православнаго греческаго монашества, затеряшіеся среди малодоступныхъ скалъ и вслѣдствіе своего необычнаго положенія — какъ бы на воздухѣ (*μετέωρα μοναστήρια*) — рѣдко посѣщавшіеся путешественниками, и прибылъ неутомимый и самоотверженный ученый русскій епископъ, чтобы ознакомиться съ ихъ исторіей и оновѣстить ее міру. Онъ внимательно осмотрѣлъ находившіяся при монастыряхъ библиотеки и изучилъ рукописи, обозрѣлъ храмы, иконы, надписи на стѣнахъ монастырскихъ построекъ, тщательно вывѣдывалъ отъ настоятелей монастырей и монаховъ о жизни и бытѣ монастырскомъ и о прежней судьбѣ Метеорскаго монашества и все это внесъ въ драгоценное описаніе своего путешествія. Получилась послѣдовательная и связанная исторія Метеорскаго монашества, не вездѣ, правда, достаточно полная по отсутствію необходимыхъ матеріаловъ, но во всякомъ случаѣ достовѣрная и оригинальная, потому что основана на документахъ, впервые нашедшихъ въ лицѣ епископа Порфирія ученаго изслѣдователя.

Во второй части, не подраздѣляющейся на главы (стр. 261—348), описывается путешествіе преосвященнаго Порфирія въ Оссоолимпійскіе монастыри, т. е. тѣ, которые находятся на горахъ Оссъ и Олимпъ въ Фессаліи. На горѣ Оссъ нашъ паломникъ нашелъ лишь одинъ монастырь, именно Димитріевскій, иначе Икономіонъ, или Кономне. Онъ находится на мѣстѣ, гдѣ, по мнѣнію епископа Порфирія, съ шестого вѣка по девятый находился складъ оружія и хлѣбныхъ запасовъ на случай войны, а затѣмъ въ византійскую эпоху былъ основанъ монастырь; но исторія его становится немного ясною лишь съ конца XV-го вѣка. Осмотрѣвъ храмъ монастыря и его постройки, ознакомившись съ найденными здѣсь рукописями и современнымъ бытомъ монаховъ, преосвященный Порфирій выбылъ на гору Олимпъ, посѣтивъ по пути съ археологическою цѣлью нѣкоторыя села. На Олимпѣ онъ побывалъ въ монастырѣ Елассонскомъ, который основанъ въ 1183—1184 году при императорѣ Андроникѣ I; другой олимпійскій монастырь св. Троицы не задолго до пріѣзда нашего паломника сгорѣлъ. На обратномъ пути съ Олимпа епископъ Порфирій посѣтилъ Владаніонъ-Чаушскій монастырь въ Фессалоникѣ, а затѣмъ отправился въ іюнѣ 1859 года на Аѳонъ.

Вторую и довольно значительную половину разсматриваемой книги (стр. 351—556) занимаютъ весьма цѣнныя въ научномъ отношеніи прибавленія и дополненія. Здѣсь помѣщены греческія надписи дохристіанской и христіанской эры, найденныя неутомимымъ паломникомъ въ ѳессалійскихъ городахъ, Новой Диметриадѣ, Лариссѣ и Стагонѣ, приведены списки епископовъ различныхъ (XII) ѳессалійскихъ епархій, предложены въ греческомъ оригиналѣ и рускомъ переводѣ царскіе хрисовулы и приказы, патріаршія грамоты, надписи и приписки въ рукописяхъ, открытыя русскимъ ученымъ въ Метеорскихъ и Оссоолимпійскихъ монастыряхъ. Почти всѣ эти документы за весьма небольшимъ исключеніемъ изданы въ первый разъ и освѣщаютъ немало темныхъ явленій

въ исторіи ессалійскаго монашества. Въ качествѣ дополненій въ книгѣ помѣщенъ каталогъ замѣчательныхъ рукописей, хранящихся въ Метеорскихъ и Оссоолимпійскихъ монастыряхъ.

Книга приснопамятнаго іерарха Порфирія Успенскаго, посвященная исторіи Метеорскихъ и Оссоолимпійскихъ монастырей, имѣетъ весьма большое научное значеніе. Прежде всего, она весьма оригинальна по своему предмету и вноситъ много новыхъ научныхъ данныхъ въ малоразработанную исторію Византіи. О Метеорскихъ и Оссоолимпійскихъ монастыряхъ византологи знали весьма немного, но съ выходомъ въ свѣтъ разсмотрѣнной книги они въ правѣ почитать себя до извѣстной степени удовлетворенными въ своихъ запросахъ по исторіи этихъ обитателей. Книга эта, далѣе, составлена на основаніи подлинныхъ документовъ, найденныхъ авторомъ на мѣстѣ и предложенныхъ въ оригиналѣ всѣмъ желающимъ ихъ анализировать. Наконецъ, книга составлена въ формѣ дневника, куда заносились не только научныя знанія историческія, археологическія, топографическія и проч., но и описанія красотъ природы, характеристики лицъ, съ коими встрѣчался авторъ, живыя бесѣды, которыя онъ велъ, богословскія и философскія размышленія... Отсюда новое произведеніе епископа Порфирія съ интересомъ прочтется не одними любителями серьезныхъ знаній. Къ имени же своего знаменитаго автора оно прибавитъ немало лестныхъ и вполне заслуженныхъ эпитетовъ.

І. С.

Харьковскій Сборникъ, литературно-научное приложение къ Харьковскому Календарю на 1896 годъ, подъ редакціей В. В. Иванова. Харьковъ. 1896.

Посвященный изслѣдованію мѣстнаго края, «Харьковскій Сборникъ» за 10 лѣтъ своего изданія далъ очень много цѣнныхъ работъ какъ по исторіи края, такъ и по его этнографіи и обычному праву. Въ виду того, что въ области этнографіи и обычнаго права особенно рельефно выражаются жизнь и творчество мѣстнаго населенія, на нихъ обращено особенное вниманіе. Въ послѣднихъ выпускахъ «Сборника» имъ посвящено наибольшее количество статей. Всѣ работы, предоставленныя въ распоряженіе этого изданія, вполне удовлетворяютъ научнымъ требованіямъ. Имена профессора Вагалтя, профессора Сумцова и др. уже одни говорятъ за это. Удовлетворяя научнымъ требованіямъ, статьи «Сборника» стараются отвѣчать и практическимъ требованіямъ жизни.

Въ разсматриваемомъ 10-мъ выпускѣ, какъ и въ раньше вышедшихъ выпускахъ «Сборника», интересующійся исторіей и этнографіей южнаго края можетъ найти много новыхъ и цѣнныхъ свѣдѣній.

На первомъ мѣстѣ предложено цѣлое изслѣдованіе Альбовскаго: «Исторія Харьковскаго Слободскаго казачьяго полка».

Притѣсняемые и гонимые за вѣру поляками, разоряемые жидами-арендаторами, малороссіяне въ половинѣ XVII столѣтія переселяются постепенно изъ-за Днѣпра въ нынѣшнюю Харьковскую губернію. За нѣсколько десятилѣтій она была значительно заселена. Изъ этихъ-то переселившихся малороссіянъ и обра-

зовались слободскіе казачьи полки, между ними и Харьковскій. Русское правительство относилось къ нимъ въ первое время очень хорошо. Давъ имъ много правъ и привиллегій, оно требовало отъ нихъ только одного, чтобы они защищали Московское государство отъ набѣговъ татаръ. Въ этомъ долгое время и заключалось ихъ занятіе. Съ Петра Великаго слободскіе полки принимаютъ уже участіе, по временамъ довольно видное, въ тѣхъ войнахъ, какія приходилось тогда вести Московскому государству. Такъ, Харьковскій полкъ принималъ участіе въ походѣ Шереметьева (1695 г.), гдѣ отличился при взятіи Казикермана и другихъ крѣпостей. Позже нѣсколько онъ участвовалъ въ Сѣверной войнѣ подъ начальствомъ того же Шереметьева. Въ 1725 году Харьковскій полкъ подъ начальствомъ полковника Квитки ходилъ даже въ Персію, гдѣ потерялъ очень много «полчанъ». Наконецъ, принималъ онъ дѣятельное участіе и въ турецкой войнѣ 1735 г. и въ войнѣ съ Фридрихомъ II (1757 г.). Со смертію Петра Великаго закончилось завидное положеніе казачьихъ полковъ. При его преемникахъ начались реформы, принесшія имъ, благодаря своей запутанности, много бѣдъ. Особенно тяжело положеніе ихъ было въ царствованіе Анны Іоанновны, когда они поборами, походами, разными безілезными общественными работами, въ родѣ устройства извѣстной «линіи», долженствующей защищать Украину отъ набѣговъ татаръ, были разорены въ конецъ.

Исторія заканчивается временемъ Екатерины II, которая повелѣла уничтожить казачество совсѣмъ и устроить регулярныя войска.

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ статья г. Селиванова: «Харьковская третья гимназія 25 лѣтъ тому назадъ».

Извѣстный ученый М. М. Ковалевскій, учившійся въ третьей гимназіи на 5—6 лѣтъ раньше автора разсматриваемой статьи («Русская Мысль», 1895 г.: «Мое научное и литературное скитальчество»), вспоминаетъ ее не съ особенно хорошей стороны. Напротивъ, г. Селивановъ рисуетъ ее, какъ что-то выдающееся. Особенно, что его поражаетъ теперь при воспоминаніи о ней, это то гуманное отношеніе къ ученикамъ, какимъ были проникнуты и начальство и учителя. Учебная часть также находилась въ хорошемъ положеніи. За исключеніемъ преподавателей новыхъ языковъ и латинскаго, всѣ остальные отличались и любовью къ дѣлу и незаурядными познаніями.

Не лишена далѣе интереса и статья протоіерея Лещенкова: «Аполлосъ, второй епископъ слободско-украинскій и харьковскій (19-го іюня 1803 г.—19-го января 1817 г.)». Аполлосъ, одинъ изъ лучшихъ епископовъ харьковскихъ, родился въ Голтвѣ Полтавской губерніи въ семьѣ казака Ивана Терешкевича (21-го февраля 1746 г.) и названъ Тимошеемъ. Первоначальное образованіе получилъ онъ дома, а закончилъ его въ Кіевской академіи, гдѣ выдавался своими познаніями въ латинскомъ языкѣ и умѣньемъ составлять рѣчи и стихи. Почувствовавъ призваніе къ монашеской жизни, онъ вскорѣ по окончаніи курса отправился въ Петербургъ. Архіепископъ петербургскій Гавріилъ принялъ его очень любезно. Благодаря его вниманію, Аполлосъ черезъ годъ былъ уже іеромонахомъ. 1781 и 1782 годы, по распоряженію святѣйшаго синода, онъ провелъ въ плаваніи. Въ 1785 году онъ былъ назначенъ игуменомъ

Александра-Отевенскаго монастыря и префектомъ Олонецкой семинаріи, а въ 1790 г. его перевели въ санъ архимандрита въ Архангельскъ на должность ректора семинаріи и учителя богословія и греческаго языка. Здѣсь же онъ управлялъ и Сійскимъ монастыремъ.

Этимъ пока и заканчивается изслѣдованіе протоіерея Лашенкова.

Второй отдѣлъ «Сборника» посвященъ разсмотрѣнію обычнаго права крестьянъ Харьковской губерніи. Юридическіе обычаи нашего народа, созданіе его генія, не смотря на то, что ими искони регулируются отношенія крестьянъ между собой, что они—живой источникъ права, до послѣдняго времени были мало извѣстны или скорѣе совсѣмъ неизвѣстны даже лицамъ, поставленнымъ отправлять правосудіе для крестьянъ. Редакція «Сборника» взяла на себя трудную, но почтенную задачу познакомить читающую публику съ обычнымъ правомъ крестьянъ Харьковской губерніи. Всѣ матеріалы доставлены ей волостными судами и уѣздными сѣздами. Есть между ними работы вполне образцовыя. Благодаря имъ, всякій интересующійся можетъ познакомиться съ тѣми обычаями юридическаго характера, какіе существуютъ у харьковскихъ крестьянъ относительно, на примѣръ, заключенія браковъ, относительно владѣнія и собственности, договоровъ и обязательствъ и др., можетъ видѣть, какіхъ взглядовъ держится народъ на народный судъ, какой порядокъ производства суда и т. п.

Не останавливаясь на разсмотрѣніи этого обычнаго права, отмѣтимъ только тотъ фактъ, что владѣніе землей у харьковскихъ крестьянъ вездѣ общинное. Передѣлы земли происходятъ въ промежутокъ отъ 6—10 лѣтъ. Усадебная земля никогда не передѣляется. Товарищества существуютъ въ весьма ограниченномъ количествѣ.

В. Лонгиновъ.

Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. Собралъ и дополнилъ А. В. Смирновъ. Владиміръ. 1896.

Многіе провинціальныя дѣятели (Н. Хованскій въ Саратовѣ, А. Гацискій въ Нижнемъ Новгородѣ, А. Селивановъ въ Пензѣ и т. д.) сдѣлали добрый починъ изданіемъ памятныхъ книжекъ и сборниковъ о своей губерніи, иногда исключительно посвященныхъ біографіямъ выдающихся мѣстныхъ лицъ, иногда этнографіи и обычному праву въ предѣлахъ данной губерніи. Такіе біо-библиографическіе словари сохраняютъ потомству почтенныя на различныхъ поприщахъ имена, которыя могли бы современемъ легко исчезнуть изъ памяти людей. Для уроженцевъ и дѣятелей Владимірской губерніи г. Смирновъ собралъ въ первомъ своемъ выпускѣ свѣдѣнія о двадцати двухъ лицахъ, изъ которыхъ нѣкоторые пользуются громкой извѣстностью (гр. Д. Н. Блудовъ, В. А. Татариновъ, Н. В. Калачовъ, В. П. Безобразовъ и т. д.), а другіе вполне заслуживаютъ благодарности отъ современнаго общества за многочисленныя услуги родному краю и тяжкія испытанія, выпавшія на ихъ долю. Такъ, на примѣръ, профессоръ Московскаго университета Т. И. Перелоговъ (род. 18-го февраля 1765 г., умеръ 29-го марта 1841 г.) принужденъ былъ въ 1812 г. бѣжать изъ Москвы,

при приближеніи непріятели, въ Нижній Новгородъ и первое время до того тамъ бѣдствовалъ съ семьей, что долженъ былъ самъ воду носить, пока не нашель себѣ уроковъ; поэтъ П. П. Сумароковъ (родился 14-го октября 1765 г., умеръ 1-го марта 1814 г.) шутя срисовалъ перомъ сторублевую ассигнацію, а его пріягель Кунцикій потихоньку отъ него сбывъ ее вечеркомъ въ лавку и, когда его продѣлка обнаружилась, былъ судимъ какъ сбытчикъ фальшивой ассигнаціи, а Сумароковъ—какъ ея рисовальщикъ. Судъ приговорилъ Сумарокова въ ссылку въ Тобольскъ, гдѣ онъ провелъ пятнадцать лѣтъ и возвращень въ Россію при воцареніи Александра I. Интересны свѣдѣнія о драматическомъ писателѣ П. А. Мавнѣ (род. 20-го января 1823 г., умеръ 10 декабря 1894 года), всегда затрогивавшемъ больныя мѣста нашего общества. Въ «Паутинѣ» онъ очергилъ провинціальный бомондъ съ его сплетнями; въ «Говорунахъ» — коснулся фразерства административныхъ кружковъ въ 60-хъ годахъ и въ «Общемъ благѣ» — исторіи губернскаго туза, заботящагося объ общемъ благѣ и запускающаго свои руки въ казенный сундукъ. Въ той же Владимірской губерніи 18-го апрѣля 1854 г. родился П. Н. Харламовъ, жизни и литературной дѣятельности котораго посвящена весьма обстоятельная замѣтка. Онъ очень рано началъ помѣщать въ различныхъ изданіяхъ небольшіе беллетристическіе очерки этнографическаго характера изъ жизни низшаго сельскаго духовенства и крестьянъ, отличающіеся хорошимъ знаніемъ быта и наблюдательностью. Затѣмъ онъ скоро перешель къ публицистикѣ и изслѣдованіямъ въ области обычнаго права, которое его особенно интересовало. Расколъ, община, обычное право были его любимыми темами. Онъ работалъ, между прочимъ, въ «Странѣ» Л. Полонскаго, въ «Русской Мысли», въ «Дѣлѣ» и т. д. Въ сборникѣ г. Смирнова приведенъ весьма симпатичный отзывъ о П. Н. Харламовѣ его сотоварища по литературной работѣ. «Это былъ дѣйствительный литературный работникъ, работникъ ради принципа, а не литераторъ-ремесленникъ, видящій лишь одинъ гонораръ. Потеря такого дѣятеля особенно тягостна въ наше время, тѣмъ болѣе, что онъ, конечно, не успѣлъ сдѣлать и половины того, что могъ бы сдѣлать для литературы. Одной изъ отличительныхъ чертъ П. Н. Харламова была необычайная скромность. Составивъ уже себѣ литературное имя, онъ не отказывался отъ скромной работы секретаря и составителя хроники, говоря, что лучше зарабатывать средства чернымъ трудомъ, чѣмъ размѣниваться на мелкую монету и писать исключительно ради денегъ». О прочихъ уроженцахъ Владимірской губерніи, умѣвшихъ заявить о себѣ полезными трудами у себя на родинѣ или въ другихъ мѣстахъ Россіи, въ сборникѣ г. Смирнова упомянуто достаточно подробно и тепло.

А. Ф.—въ.

Г. П. Беглери. Храмъ святыхъ Апостоловъ и другіе памятники Константинополя по описанію Константина Родія. Одесса. 1896.

Обращаемъ вниманіе всѣхъ, интересующихся вопросами византійской археологіи, на изданный г. Беглери очень важный памятникъ византійской литературы X вѣка. Онъ принадлежитъ малоизвѣстному въ наукѣ автору Констан-

тину Родію, который написал свое сочинение по указанию византийскаго императора Константина Порфиророднаго, между 944—959 годами. Произведение Родія по содержанію дѣлится на двѣ части. Въ первой, имѣющей значеніе введенія (стихи 1—471), описываются статуи и колонны Константинополя, т. е. наиболѣе любопытныя достопримѣчательности византийскаго столицы. Въ этой части изданное произведение содержитъ немалыя дополненія къ археологическимъ свѣдѣніямъ, заключающимся у Кодина и Анонима, изданнаго Бандуриемъ. Вторая и главная часть памятника (ст. 472—980) посвящена описанію столичнаго храма святыхъ Апостоловъ, причѣмъ описывается храмъ постройки императоровъ Константина и Юстиніана, архитектурный его стиль, внутреннее украшеніе и художественная роспись живописью. Въ этой части сочиненіе Родія вполне оригинально по содержанію, такъ какъ ни въ одномъ византийскомъ памятникѣ не встрѣчается болѣе подробныхъ свѣдѣній о храмѣ Апостоловъ. Константинъ Родій написалъ свое сочиненіе обычнымъ у византийскихъ писателей ямбическимъ размѣромъ, по всѣмъ правиламъ метрическаго стихосложенія. Языкъ его отличается искусственностью. Вообще и по содержанію, и по формѣ вновь изданный византийскій памятникъ, приуроченный къ опредѣленной датѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія византологовъ. Г. Беглери издалъ его по предложенію константинопольскаго ученаго общества *Μεταχριστιανική ἐταιρεία*, которое, въ свою очередь, получило его въ копіи съ греческой рукописи XIII вѣка, находящейся въ библиотекѣ лавры св. Аѳанасія на Аѳонѣ. Къ сожалѣнію, изданіе сдѣлано безъ серьезнаго ученаго комментарія, а лишь съ немногими краткими замѣчаніями. Желательно обстоятельное изученіе произведенія Родія. Σ.

Культурно-историческая библиотечка. Изданіе О. Н. Поповой. Исторія рабства отъ древнихъ до новыхъ временъ. Соч. Дж. К. Ингрэма. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. Съ дополненіемъ изъ трудовъ Валлена, Турманя, Рамбо и Лависса, въ переводѣ Н. П. Новоборской. Спб. 1896.

Извѣстный англійскій политико-экономъ Дж. Ингрэмъ написалъ для справочнаго изданія «Cyclopaedia Britannica» статью о рабствѣ; сдѣлавъ нѣсколько исправленій и дополненій, онъ выпустилъ ее отдѣльнымъ оттискомъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Предназначенная для энциклопедическаго сборника, эта статья не могла отличаться ни обширностью, ни достаточной для научнаго труда полнотой. Цѣлью Ингрэма было дать на немногихъ страницахъ сжатое, но ясное, связанное и послѣдовательное изложеніе всей исторіи какъ рабства въ собственномъ смыслѣ, такъ и его видоизмѣненія — крѣпостнаго права, отъ самаго ихъ возникновенія и до настоящаго времени. Цѣли этой онъ не достигъ: его книгу нельзя разсматривать, какъ одно цѣлое; первыя пять главъ и по направленію, и по научнымъ достоинствамъ настолько рѣзко отличаются отъ всей остальной книги, что представляютъ изъ себя какъ бы совершенно отдѣльный трудъ. Поэтому мы сначала обратимся къ разсмотрѣнію именно этихъ пяти главъ, обнимающихъ исторію рабства въ Греціи и Римѣ, переходъ его въ крѣпостное право и исторію послѣдняго въ Западной Европѣ.

Не довольствуясь изложеніемъ, такъ сказать, внѣшней исторіи рабства, Ингрэмъ старается по возможности выяснитъ причины и послѣдствія каждой новой стадіи развитія разбираемаго явленія; все это выходитъ очень кратко, отрывочно, не вполне ясно, но при незначительныхъ размѣрахъ книги большаго и требовать нельзя. Во всякомъ случаѣ видно, что авторъ вполне добросовѣстно изучилъ всѣ важнѣйшія сочиненія по исторіи рабства и познакомился со многими первоисточниками; высказываемые имъ иногда собственные взгляды, большею частью, вполне основательны; даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится передавать чужія мнѣнія, онъ изъ многихъ противорѣчивыхъ выбираетъ всегда наиболѣе серьезное и научно-обоснованное. Вообще Ингрэмъ поступаетъ, какъ слѣдуетъ истинному историку, который постоянно долженъ помнить, что всякое явленіе въ жизни народовъ, въ особенности же такое продолжительное, какъ рабство, неизбѣжно имѣло свои причины, должно было быть, такъ сказать, вызвано исторической необходимостью, а потому наравнѣ съ недостатками несомнѣнно обладало и положительными качествами. За рабствомъ Ингрэмъ признаетъ слѣдующія заслуги: а) оно сильно двинило впередъ цивилизацію, такъ какъ съ его водвореніемъ убіеніе плѣнныхъ, часто сопровождаемое каннибализмомъ, уступило мѣсто пожизненной работѣ на службѣ побѣдителю; б) оно дало военному сословію стойкость и твердость, качества, лучше всего проявляющіяся и развиваемыя въ стремленіи людей къ господству надъ себѣ подобными; наконецъ, в) «оно принуждало плѣнныхъ, потомки которыхъ мало-по-малу составили большинство населенія покорившей ихъ страны, вести дѣятельную, трудовую жизнь, несмотря на отвращеніе къ правильной и продолжительной работѣ, присущее человѣческой природѣ, въ особенности въ раннихъ стадіяхъ соціального развитія, когда беззаботность является чуть ли не общей характерной чертой, а освобожденіе отъ всякой отвѣтственности—желаннымъ и благодѣтельнымъ».

Къ несчастью, высказавъ въ первыхъ главахъ своей книги столь трезвыя мысли о рабствѣ вообще, Ингрэмъ почему-то измѣняетъ имъ при разсмотрѣніи африканской торговли невольниками и рабства негровъ. Съ точки зрѣнія современной этики, конечно, трудно одобрить какой бы то ни было видъ полного личнаго подчиненія одного человѣка волѣ другого, тѣмъ болѣе торговлю людьми; но, рассматривая вопросъ о рабствѣ исторически, отыскивая его причины и выясняя слѣдствія, должно отбросить этику, какъ элементъ не только бесполезный, но даже вредный, такъ какъ онъ затемняетъ отъ изслѣдователя историческую правду, заставляя его относиться къ предмету изслѣдованія съ заранѣе предвзятыми взглядами. Такъ вышло и здѣсь: въ увлеченіи нападками на рабство негровъ, Ингрэмъ упустилъ изъ вида, что и оно было вызвано исторической необходимостью, именно—невозможностью культивировать новыя обширныя страны силами однихъ весьма малочисленныхъ бѣлыхъ переселенцевъ, по большей части къ тому же (что касается по крайней мѣрѣ испанцевъ и португальцевъ) малоспособныхъ къ тяжелому, изнурительному труду, необходимому для воздѣлыванія дѣятельныхъ земель. Вся культура Америки, нынѣ столь высокостоящая, создана невольниками-неграми. Это ли еще не заслуга рабства?

Конечно, повторяемъ, если бы кто нибудь въ настоящее время потребовалъ возвращенія рабства негровъ, онъ не встрѣтилъ бы въ окружающихъ ничего, кромѣ негодованія или насмѣшки; при нынѣшнемъ состояннн культуры рабство было бы безусловно вредно, такъ какъ отобрало бы возможность заработка у малообезпеченныхъ слоевъ свободнаго населенія, которому не подь силу было бы вступать въ конкуренцію съ дешевымъ рабскимъ трудомъ. И именно благодаря тому, что рабство сыграло уже свою историческую роль и потеряло всякій смыслъ и право на существованіе, мы не встрѣчаемъ нынѣ никакихъ слѣдовъ его. Какъ явленіе, совершенно прекратившее свое бытіе, оно вполне можетъ служить предметомъ самаго точнаго и безпристрастнаго историческаго изслѣдованія. Между тѣмъ Ингрэмъ относится къ рабству негровъ, не какъ историкъ, а какъ публицистъ, и старается всѣми силами вселить въ своихъ читателей убѣжденіе въ безправственности торговли невольниками, какъ будто кто нибудь станетъ въ настоящее время защищать послѣднюю. Потому-то, удѣляя главное мѣсто въ своемъ трудѣ описанію ужасовъ рабства, Ингрэмъ ни однимъ словомъ не заикнется о послѣдствіяхъ, которыя оно оставило на культурѣ тѣхъ странъ, гдѣ когда-то господствовало.

Если обзоръ негроторговли и рабства негровъ не выдерживаетъ критики, то объ исторіи крѣпостнаго права въ «восточной Европѣ», то-есть въ Россіи, и говоритъ нечего. Вся эта исторія сведена къ тремъ-четыремъ страничкамъ отрывочныхъ свѣдѣній, очень мало освѣщающихъ возникновеніе, развитіе и уничтоженіе одного изъ важнѣйшихъ факторовъ прежней жизни нашей родной земли.

Такимъ образомъ, въ книгѣ Ингрэма достаточно удовлетворительно изложена только исторія рабства греко-римскаго и первоначальнаго европейскаго, перешедшаго впоследствии въ крѣпостное право. Все остальное болѣе, чѣмъ слабо. Но редакціи русскаго перевода показалось, очевидно, страннымъ выпускать книгу, начало и конецъ которой такъ сильно разнятся въ достоинствѣ. Чтобы придать всей книгѣ одинъ общій колоритъ, она рѣшила испортить и первыя главы Ингрэмова труда, наполнивъ ихъ совершенно ненужными вставками изъ различныхъ сочиненій, научное значеніе которыхъ ничтожно. Эти вставки, заключающія въ себѣ большею частью мнѣнія, противоположныя тѣмъ, которыя высказываетъ Ингрэмъ, обратили лучшую часть его труда въ какой-то винегретъ самыхъ противорѣчивыхъ сужденій. Такой образъ дѣйствія свой редакція (въ нѣсколькихъ примѣчаніяхъ) объясняетъ тѣмъ, что ей многіе взгляды Ингрэма (какъ разъ наиболѣе серьезные) кажутся излишне благопріятствующими рабству, а потому она рѣшила «дополнить» ихъ мнѣніями противоположными, почерпнутыми изъ сочиненій другихъ авторовъ, преимущественно французскихъ. Если Ингрэмъ своей книгой не сумѣлъ угодить господамъ редакторамъ, то имъ слѣдовало бы взять для перевода какое нибудь другое сочиненіе по тому же вопросу, болѣе согласное съ ихъ собственными взглядами, вмѣсто того, чтобы портить хорошую книгу.

Что касается языка самаго перевода, то онъ оставляетъ желать очень многого. Такія выраженія, какъ «являлось явленіемъ» (стр. 44), «населеніе, изгнанное отъ свободнаго труда» (стр. 92), весьма не рѣдки. Не мѣшало бы

также переводчицам выучиться правильно передавать на русский язык греческія слова: ни Децелея, ни Цинадонъ намъ совершенно неизвѣстны. Слѣдовало бы знать, что звука «цэ» нѣтъ въ греческой азбукѣ.

Къ недостаткамъ русскаго изданія надо причислить еще значительное количество чисто корректурныхъ погрѣшностей. Условившись, напримѣръ, обозначать мѣста, взятые изъ сочиненій другихъ авторовъ, точками, поставили этихъ точекъ такое количество и, главное, въ такомъ причудливомъ безпорядкѣ, что почти невозможно распознать, что принадлежитъ перу Ингрэма, а что — другимъ лицамъ. Далѣе, какъ въ текстѣ, такъ и въ оглавленіи, оба дополненія къ третьей главѣ, трактующей о рабствѣ у римлянъ, названы почему-то дополненіями ко второй, между тѣмъ какъ эта послѣдняя посвящена древней Греціи, въ то время, когда въ первомъ изъ дополненій говорится о возстаніяхъ гладіаторовъ, а во второмъ о философіи императорскаго періода. Также очень перепутаны въ оглавленіи указанія страницъ. Конечно, все это пустяки, но они довершаютъ дурное впечатлѣніе, производимое русскимъ изданіемъ книги Ингрэма.

К. Лосскій.

А. А. Сидоровъ. Историческій очеркъ русской печати въ Привислинскомъ краѣ. Варшава. 1896.

Небольшая (31 стр.) брошюра г. Сидорова не даетъ обстоятельной и сколько нибудь ясной картины развитія и современнаго положенія русской печати въ царствѣ Польскомъ, а сообщаетъ нѣсколько отрывочныхъ, иногда тѣмъ не мене очень любопытныхъ и поучительныхъ данныхъ по трактруемому вопросу. При этомъ все наиболѣе интересное авторъ приберегъ къ концу брошюры, а начало ея посвятилъ повторенію общезвѣстныхъ указаній на древнѣйшія славянскія типографіи въ Рѣчи Посполитой. Собственно говоря, развитіе русской печати въ Привислинскомъ краѣ есть вопросъ, такъ сказать, не исторій, а живой современности. До 1864 г. во всѣхъ 10-ти губерніяхъ царства Польскаго издано было такъ мало книгъ (напримѣръ, проф. Яковлевъ насчитываетъ ихъ всего 27), что г. Сидоровъ для круглоты счета принужденъ включать въ ихъ число «рядъ инструкцій, уставовъ и правилъ», напримѣръ, «Инструкцію войскамъ» (1815 г.) и т. п. Да и въ послѣдующее время развитіе русской печати имѣло нѣсколько искусственный характеръ, такъ какъ вызывалось большею частью потребностями административнаго характера. Со стороны мѣстнаго общества нѣтъ почти никакого спроса на русскую газету. Эго можно видѣть изъ того, что всѣ попытки издавать на мѣстѣ какую вибудъ неофициальную газету терпѣли печальное фіаско. Такъ, изъ затѣвавшихся разновременно частныхъ повременныхъ изданій нѣкоторыя, по словамъ г. Сидорова, совсѣмъ не выходили («Всероссійскій торговый міръ» Иванюкова, «Варшавскій Листокъ» Аскоченскаго и др.), другія же выпустили всего по нѣсколько номеровъ («Варшавскій Справочный Листокъ» Филипповскаго и «Торгово-Промышленный Посредникъ» Никольскаго)

и затѣмъ угасли. Вообще очеркъ г. Сидорова даетъ право заключать, что русская печать въ Привислянскомъ краѣ въ своемъ развитіи дѣлаетъ пока только, такъ сказать, первые шаги, а ростъ ея — дѣло будущаго и, кажется, еще очень отдаленнаго будущаго.

Б. X.

Е. Дюрингъ. Цѣнность жизни. Изслѣдованіе въ смыслѣ героическаго пониманія. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Ю. М. Антоновскаго, съ біографическимъ очеркомъ Деля и портретомъ Дюринга. 2-ое изданіе. Спб. 1896.

Имя берлинскаго ученаго и публициста получило у насъ нѣкоторую извѣстность, благодаря статьямъ Н. К. Михайловскаго, печатавшимся въ свое время въ «Отечественныхъ Запискахъ»; но біографическія свѣдѣнія о немъ были невѣдомы русскимъ читателямъ до появленія настоящей прекрасно выполненной работы г. Антоновскаго. Представивъ публикѣ переводъ знаменитаго изслѣдованія Дюринга, переводчикъ приложилъ сюда и сокращенный переводъ литературно-біографическаго очерка о Дюрингѣ, его слушателя и поклонника Эмиля Деля. Въ русской жизни, въ силу многихъ общественныхъ обстоятельствъ склонной къ утрированному пессимизму, нутью и апатіи, ознакомленіе съ образомъ и духовнымъ складомъ одного изъ самыхъ выдающихся нѣмецкихъ мыслителей-оптимистовъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова какъ нельзя болѣе полезно. И своей собственной дѣятельностью и ученымъ изслѣдованіемъ о «цѣнности жизни» міровому отчаянію, пресыщенности и пессимизму, также какъ и той разновидности ложнаго оптимизма, которая видитъ все въ прекрасномъ освѣщеніи, ученый публицистъ противопоставляетъ героическое пониманіе жизни и серьезное отношеніе къ бытію. «Болѣзненности и духовной нищеты, вѣдрившейся въ современную жизнь, — читаемъ мы въ очеркѣ Деля, — Дюрингъ, въ образѣ безпристрастной оцѣнки жизни, противопоставляетъ бодрость духа и довольство нормальнымъ существованіемъ. Это пониманіе онъ осуществилъ сначала въ своей собственной жизни, испыталъ на себѣ его значеніе, а затѣмъ уже обнародовалъ идеи, могущія, по мнѣнію его, служить средствомъ къ спасенію отъ жизневраждебныхъ вліяній». Выпущенный въ свѣтъ г. Антоновскимъ переводъ «цѣнности жизни» можетъ быть особенно рекомендованъ современной молодежи, которая, потерявъ истинное пониманіе смысла окружающихъ общественныхъ и вообще жизненныхъ явленій, благодаря школьной системѣ воспитанія, а также пресловутымъ «независящимъ обстоятельствамъ», мечется нынѣ въ потемкахъ, какъ угорѣлая, отъ толстовщины или чистой метафизики къ декадентству и сладострастію. Дюрингъ своимъ трезвымъ взглядомъ на жизнь, своимъ возвышеннымъ пониманіемъ ея цѣнности, можетъ оказать на эту молодежь облагороживающее и освѣжающее вліяніе. Въ Берлинѣ, по крайней мѣрѣ, его лекціи въ университетъ, а въ особенности «публичныя чтенія» всегда были посѣщаемы молодежью и сопровождались восторженными кликами ея одобренія и сочувствія. Не окажется ли наша русская молодежь такое же вниманіе хоть изданію перевода классической работы философа-идеалиста и увлекательнаго публициста?

Г—скій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ИНДО-ЕВРОПЕЙЦЫ въ доисторическія времена. Знаменитый филологъ и лингвистъ, профессоръ Максъ Мюллеръ, мастерски опредѣляетъ на нѣсколькихъ страницахъ «Cosmopolis»¹⁾ значеніе и достоинства вышедшаго два года тому назадъ посмертнаго и, къ сожалѣнію, неоконченнаго труда профессора Игеринга «Vorgeschichte der Indo-Europäer», въ которомъ указано на много новыхъ свѣдѣній и освѣщено много темныхъ сторонъ первобытной жизни арійскихъ племенъ. Хотя Игерингъ былъ спеціальнымъ авторитетомъ по римскому праву, но онъ занимался также филологіей и археологіей, такъ какъ необходима взаимная помощь различныхъ вѣтвей знанія для всесторонняго пониманія одной изъ нихъ, а потому, приступивъ къ изученію законовъ, языка и обычаевъ арійцевъ въ доисторическую эпоху, онъ нисколько не вышелъ изъ той научной области, которую прославилъ столькими извѣстными трудами. И тутъ, какъ всегда, онъ держался, по словамъ Макса Мюллера, того метода, что «необходимо отыскивать во всемъ, что приняло характеръ отвлеченной формулы, безъ опредѣленнаго смысла и видимой цѣли — первичную причину факта, закона или обычая и первоначальное значеніе какого либо отжившаго учрежденія или обряда, мотивы котораго ускользаютъ отъ анализа самыхъ пытливыхъ умовъ. Примѣняя этотъ принципъ къ изученію арійскаго міра, Игерингъ высказалъ много новыхъ идей и гипотезъ столь

¹⁾ Prehistoric Antiquities of the Indo-Europeans, by F. Max Müller. Cosmopolis. September.

искусныхъ, что онѣ получаютъ характеръ если не истины, то во всякомъ случаѣ вѣроятности». Вопросъ о колыбели арійцевъ возбуждалъ много споровъ между ориенталистами, какъ лингвистами, такъ и археологами, такъ что эта колыбель передвигалась на картѣ Средней Азии съ одного мѣста на другое согласно мнѣнію различныхъ ученыхъ; даже нѣкоторые относили его въ сѣверо-восточную часть Европы. Профессоръ Игерингъ старается помирить всѣ эти взгляды и высказываетъ совершенно новое мнѣніе, именно, что переселеніе арійцевъ не было одной экспедиціей, а дѣльмъ рядомъ странствій, а потому существовалъ не одинъ, а нѣсколько центровъ арійцевъ въ Азии и Европѣ. Согласно его теоріи, поддерживаемой очень вѣскими аргументами, первобытная исторія арійскихъ племенъ дѣлится на три періода: 1) когда они жили въ своей основной колыбели, гдѣ-то въ Азии, 2) когда они странствовали къ сѣверо-западу и юго-востоку, 3) когда они основали свою вторую родину или скорѣе временное поселеніе сѣверо-западной вѣтви арійской семьи до распространенія по Европѣ. Первый періодъ можно назвать арійскимъ, второй — странствующимъ, а третій — индо-европейскимъ; каждый изъ нихъ, какъ доказываетъ ученый профессоръ, оставилъ замѣтный слѣдъ въ языкѣ, обычаяхъ и законахъ различныхъ вѣтвей арійской семьи, причемъ, конечно, въ первомъ періодѣ арійцы въ своей колыбели находились на самой низкой ступени цивилизаціи, а потомъ все болѣе и болѣе развивались среди своихъ постепенныхъ переселеній, на второй своей родинѣ, и въ концѣ концовъ въ различныхъ центрахъ національной жизни Европы. Первобытную колыбель арійцевъ Игерингъ помѣщаетъ на сѣверныхъ скалахъ Гиндукуша, но, не смотря на вѣроятность этого предположенія, Максъ Мюллеръ полагаетъ, что напрасно стремиться къ такой определенности, при недостаткѣ точныхъ свѣдѣній, а совершенно достаточно для практическихъ научныхъ цѣлей сказать, и что повидимому безспорно, что она находилась гдѣ-то въ Азии, въ очень теплой, горной мѣстности, гдѣ нельзя было заниматься земледѣліемъ въ полной мѣрѣ и надо было вести пастушескую жизнь, что естественно дало имъ вкусъ къ кочевому существованію. Послѣ многихъ болѣе или менѣе далекихъ странствій одни племена направились въ Персію и Индію, а другіе къ своей второй родинѣ въ долину Дуная, куда они достигли постепеннымъ рядомъ переходовъ черезъ Кавказъ и южно-русскія степи. Здѣсь, на порогѣ Европы, сѣверо-восточная вѣтвь арійской семьи оставалась долго, мало-по-малу подверглась коренной эволюціи и сдѣлалась изъ пастушеской земледѣльческою націей. Но съ теченіемъ времени арійцамъ стало тѣсно, земли имъ не хватало, и они предприняли дальнѣйшія переселенія. Первые, по мнѣнію профессора Игеринга, покинули свою вторую родину предки грековъ и итальянцевъ, которые завоевали себѣ плодородныя мѣстности Фракіи, Средней Азии, Греціи и Италіи. Послѣ нихъ кельты, пройдя чрезъ центральную Европу, поселились къ западу отъ Рейна, а германцы должны были удовольствоваться менѣе плодородными странами къ востоку отъ этой рѣки; славяне же остались на прежнихъ мѣстахъ, а когда они потомъ пытались двигаться на западъ, то встрѣчали отпоръ со стороны германцевъ. Всѣ эти переселенія производились путемъ не массовыхъ движеній и завоеваній, а скорѣе постепенной, постоянно возобновляемой эмиграціи юношескихъ силъ. Набѣгая волной за волной на западъ

ный міръ, эти арійскіе колонисты смѣшивались съ туземными племенами и оставили замѣтный слѣдъ во многихъ обычаяхъ, напримѣръ, Рима, которые иначе невозможно объяснить, по справедливому замѣчанію Игеринга. Но, быть можетъ, наиболѣе заслуживаетъ вниманія изъ всѣхъ теорій Игеринга та, которая приписываетъ позднѣйшее развитіе арійцевъ изъ пастушеской расы въ цивилизованныя націи ихъ столкновеніямъ съ семитическими расами. Въ его глазахъ Вавилонъ представляетъ первый центръ цивилизаціи, откуда уже ея свѣтъ разлился по всему міру двумя путями, черезъ Египетъ и Финикію, а что касается до арійцевъ, то они подверглись влиянію Вавилона двояко, непосредственно въ своей ранней колыбели и среди своихъ первобытныхъ странствій, и посредственно чрезъ финикійцевъ уже въ дальнѣйшія фазы своего существованія. Какъ постепенно самъ Вавилонъ сдѣлался фокусомъ всеобщей цивилизаціи, очень графически рисуетъ Игерингъ; по его словамъ, дѣло началось съ изобрѣтенія кирпича для постройки домовъ, потому что камня въ Вавилонѣ не было, а мазанки оказались неудобными; получивъ хорошій матеріалъ для домовъ, они стали съ одной стороны строить все болѣе и болѣе удобныя жилища, а съ другой — явилась потребность въ расчетѣ, и появилась ариѳметика, а затѣмъ геометрія. Съ увеличеніемъ числа жилищъ возникли улицы, города, а съ учрежденіемъ городовъ возникла необходимость ихъ охранять и ими управлять, тогда появились законы, письмена и т. д. Аргументы Игеринга въ пользу того, что человѣческая цивилизація началась въ Вавилонѣ и отъ изобрѣтенія кирпичей, тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ не зналъ послѣднихъ открытій профессора Гомеля, который доказалъ, что египетскіе гіероглифы происходятъ изъ Вавилона, такъ что, по замѣчанію Макса Миллера, «греческая азбука въ сущности перешла изъ Вавилона въ Египетъ, потомъ изъ Египта въ Финикію и, наконецъ, изъ Финикіи въ Грецію и весь міръ».

— Общественныя эпидеміи въ средніе вѣка. Въ октябрьскомъ номерѣ *Century Magazine* ¹⁾ напечатана очень любопытная и оригинальная, хотя коротенькая, статья американскаго ученаго Бориса Сидиса о выдающихся въ средніе вѣка общественныхъ или умственныхъ эпидеміяхъ. По его словамъ, ни въ какую другую историческую эпоху не было столько массовыхъ, соціальныхъ и интеллектуальныхъ явленій, имѣвшихъ характеръ настоящихъ патологическихъ эпидемій. Люди сотнями, тысячами, десятками тысячъ вдругъ оказывались обуруаемыми сграшной маніей, которая быстро распространялась по цѣлымъ странамъ, по цѣлой Европѣ. Американскій ученый объясняетъ эти явленія гипнотическимъ внушеніемъ, тогда неизвѣстнымъ, но все-таки дѣйствовавшимъ самымъ могущественнымъ образомъ. Какъ индивидуумы подлежатъ болѣе всего гипнозу, когда ограничена ихъ свобода воли и движеніе, такъ и толпа въ средніе вѣка, при тогдашнемъ повсемѣстномъ ограниченіи свободной воли давленіемъ авторитета, власти, корпораціи и т. д. находилась въ такомъ положеніи, при которомъ наиболѣе свойственно людямъ подчиняться внушенію. Въ доказательство своей теоріи Сидисъ рисуетъ широкой кистью тѣ явленія средневѣковой жизни, которыя онъ называетъ общественными или умственными

¹⁾ A Study of Mental Epidemics, by Boris Sidis. *Century Magazine*. October 1896.

эпидеміями. Первая изъ нихъ была манія пилигримства, продолжавшаяся около ста лѣтъ и охватившая въ то время весь просвѣщенный міръ. Подъ вліяніемъ религіознаго энтузіазма, который, по его словамъ, былъ не чѣмъ инымъ, какъ самопроизвольнымъ гиннозомъ, толпы христіанъ, отъ государей и епископовъ до монаховъ и поселянъ, направлялись въ 'Святые Мѣста. Въ самый разгаръ этой маніи ей неожиданно былъ положенъ конецъ сельджукскими турками, которые овладѣли Палестиной; но толчекъ былъ такъ силенъ, что движеніе не могло остановиться, и оно приняло другой видъ. Возникла вторая манія, продолжавшаяся около двухсотъ лѣтъ, это были знаменитые крестовые походы. Вся Европа какъ бы сошла съ ума, и отъ малаго до великаго и отъ богатаго до бѣднаго, чуть не поголовно двинулась на спасеніе Гроба Господня. Одинъ крестовый походъ былъ веденъ государями, другой нищими, третій и, быть можетъ, самый характерный, дѣтьми, которыя отъ восьмилѣтняго возраста и выше составили армію около двухсотъ тысячъ человекъ и погибли отъ болѣзней, голода, холода и т. д., не достигнувъ своей безумной цѣли. На столько силы было въ этой эпидеміи крестовыхъ походовъ, что когда они, мало-по-малу, прекратились за недостаткомъ средствъ и людей, то еще долго, отъ времени до времени, проявлялись ея отголоски въ видѣ крестоваго похода противъ мавровъ Испаніи и альбигойцевъ въ южной Франціи. Средневѣковая почва была такъ плодovита для подобныхъ безумныхъ маній, что не успѣлъ изсякнуть источникъ эпидеміи крестовыхъ походовъ, какъ заняла его мѣстодругая манія — самобичеванія. Создателемъ флагелантовъ или самобичующихся грѣшниковъ считался св. Антоній, и въ 1260 году они впервые появились въ Италіи. На весь народъ, начиная отъ знатныхъ и богатыхъ до бѣдныхъ и нищихъ, напалъ невѣдомый страхъ за свои грѣхи, и толпы кающихся христіанъ стали ходить по улицамъ, жестоко бичуя себя по обнаженному тѣлу. Эта эпидемія быстро перешла въ Германію и Польшу. Когда она стала стихать около 1348 года, возникла новая манія, такъ называемая черная смерть, съ ея безчеловѣчнымъ гоненіемъ евреевъ. Еще прошло тридцать лѣтъ, и проявилась новая манія, никогда дотогѣ не виданная — манія пляски. Въ 1374 году, впервые въ Ахенѣ, подъ вліяніемъ религіознаго энтузіазма, въ церквахъ и на улицахъ, христіанскіе фанатики стали предаваться безумной пляскѣ, доходившей до того, что несчастные падали въ истушеніи. Быстро эта эпидемія перешла въ Кельнъ, Мецъ, Страсбургъ и Нидерландцы. Св. Виттъ считался покровителемъ лицъ, подвергнувшихся этой эпидеміи, и молитва къ нему же излѣчивала этотъ недугъ, а потому онъ получилъ названіе пляски св. Витта. Эта послѣдняя изъ общихъ умственныхъ эпидемій среднихъ вѣковъ продолжалась до конца XV столѣтія и получила въ Италіи особый видъ тарантизма, состоявшаго въ томъ, что распространилась странная вѣра въ чудодѣйственное вліяніе пляски на укусъ тарантула. Втеченіе тридцати лѣтъ эта манія свирѣпствовала въ Италіи, и громадныя толпы не только туземцевъ, но и иностранцевъ, подвергшись ей, плясали до упаду на городскихъ улицахъ и площадяхъ. Въ отдѣльныхъ націяхъ, по указанію Сидиса, по временамъ возникали подобныя эпидеміи и послѣ XV вѣка. Такъ, по его мнѣнію, нельзя не отнести къ подобнаго рода маніямъ — появленія среди евреевъ въ разныя времена Мессіи. Самый замѣчательный изъ

нихъ былъ Сабатей Зеви, который возбудилъ во второй половинѣ XVII вѣка такой энтузіазмъ среди евреевъ Персіи, Германіи, Польши, Голландіи, Италіи и Франціи, что всюду, даже самые ученые люди еврейскаго происхожденія, устраивали массовыя демонстраціи въ честь пришествія Мессіи, а когда султанъ заставилъ Сабатея принять магометанство, то никто изъ его резностныхъ учениковъ, въ своемъ мистическомъ фанатизмѣ, не хотѣлъ вѣрить въ справедливость этого факта, увѣряя, что не настоящій Сабатей, а его призракъ сдѣлался мусульманиномъ. Вскорѣ послѣ смерти Сабатея явился новый, но уже совершенно оригинальный пророкъ, по имени Михаилъ Кордозо. Онъ сталъ проповѣдывать, что сынъ Давида явится на свѣтъ только тогда, когда вся еврейская нація станетъ или святой или несчастливой, а какъ послѣдняго достигъ легче, то онъ совѣтовалъ всѣмъ благочестивымъ евреямъ ускорить пришествіе Мессіи огульнымъ принятіемъ мусульманской вѣры. Несмотря на всю нелѣпость этого совѣта, евреи стали слѣдовать ему цѣлыми толпами, и эта новая манія продолжалась нѣсколько лѣтъ. Переходя къ современной американской жизни, Сидисъ находитъ, что и въ ней не разъ, съ начала нынѣшняго столѣтія, проявлялись слѣды подобныхъ общественныхъ или умственныхъ эпидемій; къ нимъ онъ относитъ извѣстныя проявленія религіознаго фанатизма въ различныхъ сектахъ, которыя отъ времени до времени устраивали громадныя массовыя сходки на чистомъ воздухѣ, причемъ предавались изступленнымъ выходкамъ религіознаго фанатизма. Какъ эти явленія, такъ и спекулятивныя горячки, финансовыя паники и тому подобныя эпизоды современной общественной жизни, гдѣ толпа предается неожиданному безумному увлеченію, онъ одинаково объясняетъ самопроизвольнымъ гипнозомъ, такъ какъ, по его мѣткому выраженію, человѣкъ въ собирательномъ видѣ, т. е. въ видѣ толпы, всего легче поддающееся внушенію животное.

— Игнатій Лойола съ разныхъ точекъ зрѣнія. Въ послѣднее время появилось нѣсколько трудовъ о знаменитомъ основателѣ іезуитскаго ордена, и первое мѣсто между ними принадлежитъ германскому ученому Эбергарду Готейну¹⁾. Книга эта, несмотря на всѣ свои достоинства, не нравится ни крайнимъ протестантамъ, ни крайнимъ католикамъ; первые находятъ, что авторъ отдастъ слишкомъ большую справедливость религіознымъ реформаторамъ въ самомъ лонѣ католической церкви, а послѣдніе возстаютъ противъ того, что онъ предпочитаетъ Люгера Лойолѣ. Все это только доказываетъ его безпристрастіе и объективность, которыя въ историкѣ всего болѣе цѣнятся людьми безпристрастными. Поставивъ себѣ цѣлью нарисовать живую картину основанія іезуитскаго ордена и полную характеристику его творца, Готейнъ добросовѣстно собралъ весь имѣющійся матеріалъ, какъ старый, такъ и новый, при чемъ онъ не только изучилъ все, что напечатано по его предмету, но подвергъ тщательнымъ розыскамъ итальянскіе архивы, гдѣ хранились никому неизвѣстныя до сихъ поръ документы. Одну изъ наиболѣе интересныхъ и оригинальныхъ чертъ этого труда составляетъ его обстоятельное введеніе, въ которомъ авторъ описываетъ всѣ реформаціонныя движенія въ католической церкви раз-

¹⁾ Ignatius von Loyola und die Genereformation. Von Eberhard Gothein. Halle.

личныхъ странъ до появленія Лойолы. Рисуемые имъ портреты этихъ перво-бытныхъ католическихъ реформаторовъ обоюга пола чрезвычайно рельефны, и передъ глазами читателей проходятъ характерныя личности Раймонда Люли съ острова Майорки, разыгрывавшаго въ среднѣ вѣка роль Лойолы, затѣмъ героевъ и героинь эпохи возрожденія: Витторіа Колонны, герцогини Рене, Олимпіи Мораты, Жуана де-Вальдеса, Вержеріо, наконецъ, Контарини, Карафы, Мьяни и Филиппа Нерри. За этой первой картинной пролога идетъ вторая, изображающая религиозное положеніе Италіи и другихъ католическихъ странъ въ то время, когда началъ дѣйствовать Игнатій Лойола, и только потомъ начинается самая драма жизненной дѣятельности Лойолы. Конечно, уже много разъ рассказывалась эта исторія, и въ ней нѣтъ ничего новаго, но авторъ очень широко пользуется малоизвѣстными письмами Лойолы и только ссылается на всѣмъ извѣстные документы, а потому его рассказъ принимаетъ какъ бы оригинальный характеръ. Точно также, какъ и съ предшественниками, такъ и съ ближайшими послѣдователями основателя іезуитскаго ордена, можно вполне познакомиться въ книгѣ Готейна, который, отдавая полную справедливость Лойолѣ, доказываетъ, что этотъ знаменитый орденъ не возникъ изъ головы Лойолы, какъ Афина изъ головы Зевса, а созданъ постепенно трудами многихъ лицъ, въ числѣ которыхъ наиболѣе замѣчательны Ленецъ, Сальмеронъ, Родригесъ, Бобадилла и святой Францискъ Борджіа. Вся ученая критика встрѣтила очень сочувственно почтенный трудъ Готейна, но одинъ изъ его рецензентовъ, Вентвортъ Вебстеръ, въ англійской Academy¹⁾, представивъ краткій отзывъ о книгѣ, высказываетъ, въ концѣ своей статьи, очень своеобразный взглядъ на Лойолу. По его словамъ, нѣмецкій авторъ хотя и указываетъ на то вліяніе, которое имѣло на его героя его испанское происхожденіе, но пропускаетъ тотъ фактъ, что Лойола былъ не только испанцемъ, но баскъ, и многое въ его личной исторіи и въ образованіи его ордена объясняется именно національными чертами его родины, которая играла въ королевствѣ Испаніи такую же роль, какъ и орденъ іезуитовъ въ католической церкви: баски были преданными подданными короля, но въ то же время упорно отстаивали свое независимое самоуправленіе, и то же самое можно сказать про іезуитовъ, которые, по инициативѣ Лойолы, признавали себя вѣрными слугами папы, но внутри своего ордена пользовались полной самостоятельностью. Даже въ мелочахъ видны слѣды національнаго характера басковъ въ учрежденіи іезуитскаго ордена. Такъ, Лойола выражалъ всегда недовѣріе къ адвокатамъ и не допускалъ ихъ къ обсужденію основныхъ статутовъ ордена, а въ этомъ онъ только слѣдно слѣдовалъ законодательству своей родины, по которому ни одинъ адвокатъ не могъ быть членомъ мѣстной юнты. Если два указанныхъ автора отличаются безпристрастіемъ и оригинальностью своихъ взглядовъ на творца іезуитскаго ордена, то французскій католическій журналъ *Quinzaine* помещаетъ на своихъ столбцахъ очеркъ Генри Жоли²⁾, изучающаго источники сочиненій Лойолы съ узкой точки зрѣнія. По его словамъ, хотя святой Игнатій

¹⁾ Ignatius Loyola as a basque, by Wentworth Webster. Academy. 3 october 1896.

²⁾ Les sources de S. Ignace de Loyola, par Henri Joli. Quinzaine.

и писалъ свои знаменитыя Духовныя Упражненія подъ наитіемъ свыше, но это не мѣшало ему пользоваться и сочиненіями предыдущихъ духовныхъ писателей, какъ, напримѣръ, святой Екатерины Сиенской, дона Гарціи де-Чизнеросъ и бенедиктинца Франциска Ханонеса, а потому, при всемъ уваженіи, которое каждый католикъ долженъ питать къ такому столбу своей церкви, авторъ, не безъ ехидства, указываетъ на неизвѣстныхъ до сихъ поръ заимствованія Лойолы у своихъ предшественниковъ.

— Англійская королева Елисавета и виртембергскій агентъ при ея дворѣ. Англичанамъ, повидимому, никогда не надобѣтъ писать о своей національной гордости, королевѣ Елисаветѣ, и не только выходятъ постоянно новыя изслѣдованія различныхъ фазъ ея царствованія, но и отыскиваются невѣдомые документы. Надняхъ вышла блестящая, великолѣпно иллюстрированная біографія Елисаветы, написанная лондонскимъ епископомъ, докторомъ богословія Крейтономъ¹⁾, и хотя главный интересъ ея представляютъ роскошные снимки старинныхъ портретовъ, украшающихъ Виндзоръ, Гамингтонгортъ, Гатфильдскій замокъ Сесплей и проч., но и самая біографія составлена старательно и добросовѣстно; конечно, благодаря духовному сану ея автора, главное вниманіе обращено на ту роль, которую королева играла въ утверженіи реформации въ Англии. Въ этомъ отношеніи, отдавая должное самой Елисаветѣ, онъ безпристрастно указываетъ на то, сколькимъ она обязана была Сесплю, который твердо удерживалъ ее на пути реформации, выказывая въ управленіи страной замѣчательныя государственныя способности и ловко выгораживалъ ее отъ неприятныхъ послѣдствій ея вѣчной двуличности. Въ спорномъ и до сихъ поръ раздѣляющемъ англичанъ вопросѣ о томъ, кто былъ лучше, или скорѣе хуже изъ знаменитыхъ соперницъ: Елисавета или Марія, новый ея біографъ старается обнаружить полное безпристрастіе и указываетъ на недостатки той и другой. Въ одно время съ этой книгой появились двѣ интересныя статьи объ Елисаветѣ въ англійскихъ журналахъ, именно анонимный очеркъ о роскоши и модѣ въ ея эпоху, помѣщенный въ октябрьской книжкѣ «Quarterly Review»²⁾, и очень живая картина самой королевы и ея двора, заимствованная изъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ донесеній виртембергскаго дипломатическаго агента въ Лондонѣ Аллинга и которыя найдены въ штутгартскомъ архивѣ авторомъ этого историческаго эскиза въ Nineteenth Century³⁾ Джономъ Раундомъ. Незвѣстный авторъ, не подписавшій своей статьи въ Quarterly, подобно всѣмъ сотрудникамъ извѣстныхъ старыхъ англійскихъ четвертныхъ обзорѣнъ, указываетъ, что никогда въ Англии не было ни одной исторической эпохи, въ которой такъ преобладала бы роскошь, какъ въ царствованіе Елисаветы. Она сама подавала примѣръ чрезмѣрной расточительности, которому слѣдовали ея дворъ и вся аристократія. Она часто переѣзжала изъ одного графства въ другое, посѣщая королевскіе дворцы или замки своихъ любимцевъ, при чемъ ее окружала свита въ триста и болѣе человекъ, въ самыхъ богатыхъ костюмахъ, а встрѣчи ей устраивались самыя великолѣпныя и обыкновенно мнелогическаго

¹⁾ Queen Elizabeth. by Dr. Creighton. London. 1896.

²⁾ Fashion under Elizabeth. Quarterly Review. October.

³⁾ A Visit to queen Elizabeth. by J. Round. Nineteenth Century. October.

характера. Такъ, при проѣздѣ ея черезъ лѣсъ, ея встрѣчала цѣлая процессія нимфъ съ Діаной во главѣ, а при вступленіи, напримѣръ, въ городъ Норичъ, ей дѣлалъ торжественный приѣмъ куидонъ съ золотымъ лукомъ. Послѣ смерти королевы въ ея гардеробѣ оказалось три тысячи платьевъ, а во всѣхъ дворцахъ груды различныхъ драгоценностей, которыя она получала въ подарокъ, такъ такъ по заведенному обычаю всѣ ея придворные и слуги, даже самыя скромныя, обязаны были постоянно дѣлать ей подарки, за что, конечно, и она ихъ щедро отдаривала, но преимущественно серебряной посудой. Въ виду такого громаднаго гардероба, Елизавета ежедневно надѣвала новый костюмъ и оказывала предпочтеніе итальянскимъ, французскимъ и англійскимъ одеждамъ. Конечно, по ея стопамъ шель и весь дворъ, и роскошь въ особенности достигала своего апогея въ драгоценныхъ камняхъ, перьяхъ, головныхъ уборахъ и т. д., напримѣръ, Ралей сопровождая англійскую Клеопатру въ ея прогулкахъ, щеголялъ башмаками съ драгоценными камнями, стоимыми 6.600 золотыхъ. Графиня Лейстеръ выѣзжала ко двору въ колымагѣ, запряженной четырьмя бѣлыми лошадьми и съ четырьмя лакеями въ черныхъ бархатныхъ курткахъ, на груди и спинѣ которыхъ красовались серебряные медвѣди, а ей предшествовало тридцать дворянъ верхами, и слѣдовала за ней цѣлая вереница экипажей съ дамами и пажами. Моды того времени, хотя и безобразныя съ ихъ фижмами, робронами и т. д., поражали своимъ богатствомъ и стоили такъ дорого, что, наконецъ, и сама Елисавета догадалась, что зашла въ дѣлѣ роскоши очень далеко. Она стала издавать цѣлый рядъ законовъ, которые ограничивали и цѣнность, и форму мужскихъ, а также женскихъ костюмовъ. Такъ, напримѣръ, бывшіе тогда въ большомъ ходу мѣха подверглись самой строгой регламентации, и соболь могли носить только лица, имѣвшія титулъ выше графа, а людямъ, получавшимъ не болѣе ста фунтовъ годового дохода, было дозволено носить лишь лисицу и зайца. Горностаи были исключительно предоставлены королевскому дому, а горностаевыя хвостики разрѣшалось носить женамъ рыцарей, не болѣе семи на костюмъ, баронессамъ — не болѣе тринадцати, виконтесамъ — не болѣе восемнадцати, графинямъ — не болѣе двадцати четырехъ, и только высшимъ титулованнымъ особамъ разрѣшалась неограниченная свобода въ этомъ отношеніи. Изъ упомянутыхъ трудовъ о королевѣ Елисаветѣ и ея времени наиболѣе интересны депеши Аллинга, дипломатическаго агента герцога виртембергскаго въ Лондонѣ; ему было поручено вести переговоры о сватовствѣ сына германскаго императора эрцгерцога Карла съ Елисаветой, который уже давно былъ претендентомъ на руку англійской королевы, но никакъ не могъ довести дѣло до конца, хотя ему открыто содѣйствовалъ Сесиль. Въ виду послѣдняго обстоятельства Аллингъ, прибывъ въ Англию, прямо явился къ Сесилию, который принялъ его очень любезно, увѣряя, что какъ онъ самъ, такъ и всѣ выдающіеся государственные люди Англии желали этого брака, но что на это нельзя было уговорить Елисавету, безъ официальнаго посольства отъ императора въ Англию и личнаго прибытія туда эрцгерцога Карла, а тайная посылка Аллинга въ Англию именно имѣла цѣлью заручиться обѣщаніемъ Елисаветы, прежде чѣмъ приступить къ официальнымъ дѣйствіямъ, неудача которыхъ была бы слишкомъ оскорбительна для им-

ератора. На этомъ-то и вертѣлась вся дипломатическая комедія, которую вели продолженіе десяти дней хитрая Елисавета и ловкій Сесиль съ одной стороны и нѣмецкій ученый — съ другой. На слѣдующій же день послѣ своего прѣзда въ Виндзоръ Аллингъ былъ тайно принятъ Елисаветою въ ея спальнѣ при Сесилѣ и двухъ фрейлинахъ. Желая поразить королеву своими классическими знаніями и убѣдить ее аргументами самаго высшаго достоинства, онъ произнесъ безконечно длинную рѣчь на латинскомъ языкѣ въ прославленіе брака, приводя примѣры изъ міеологіи и священной исторіи, сыпля текстами изъ Цицерона, Аристотеля, Эврипида, Ксенофонта, Сенеки и т. д. въ доказательство, что королевѣ необходимо выйти замужъ для своего народа и для себя самой. Елисавета спокойно выслушала его и отвѣчала также полатыни, что она очень благодарна заботамъ о ней герцога виртембергскаго, и что сама знаетъ всѣ причины, которыя побуждали бы ее выйти замужъ, но что она не могла рѣшиться на это, такъ какъ положительно питала отвращеніе къ браку, хотя и признавала, что это доброе и угодное Богу установленіе. Затѣмъ она вступила въ долгій споръ съ посланникомъ, который, какъ ни изоцрялся на аргументы, долженъ былъ, послѣ двухчасовыхъ преній, признать себя побѣжденнымъ. Впрочемъ, онъ не унывалъ, и когда на слѣдующій день Сесиль увѣрилъ его, что королева отозвалась о немъ въ очень лестныхъ выраженіяхъ, то онъ ободрился и, по совѣту всемогущаго фаворита, снова попробовалъ счастья. Вторично Елисавета приняла его въ той же спальнѣ и при той же обстановкѣ, вторично онъ пустился въ свои безконечныя педантическія разсужденія, и вторично Елисавета отвѣчала ему просто, рѣшительно, что она никогда не выйдетъ замужъ, иначе, какъ по крайней необходимости, и то, какъ королева, а не какъ Елисавета. Къ этому она прибавила, что отказала многимъ вполне достойнымъ женихамъ, а что германскій императоръ сильно оскорбилъ ее, неожиданно прекративъ переговоры, уже однажды начатыя о бракѣ съ его сыномъ эрцгерцогомъ Карломъ только потому, что она поставила непремѣннымъ условіемъ увидѣть жениха, прежде чѣмъ согласится на бракъ. Какъ Аллингъ ни доказывалъ, что все это произошло по недоразумѣнію, и что можно снова возобновить эти переговоры, за что взялся бы съ удовольствіемъ герцогъ виртембергскій, если бы только онъ былъ увѣренъ, что королева согласится на этотъ бракъ. «Вы хотите, — воскликнула, выходя изъ себя, Елисавета:— чтобы я бросилась на шею къ императору и умоляла его женить на мнѣ его сына. Нечего сказать, въ хорошемъ бы я была тогда положеніи! Я, которая отказала самымъ первымъ женихамъ всего христіанскаго міра! Нѣтъ! Пусть онъ сдѣлаетъ первый шагъ и пришлетъ сына сюда, а тамъ мы увидимъ!». Видя, что онъ попалъ впросакъ, хитрый нѣмецъ вздумалъ затронуть ревность Елисаветы къ ея знаменитой соперницѣ и сказалъ, что во всякомъ случаѣ надо вести дѣло скорѣе, иначе эрцгерцогъ Карлъ можетъ жениться на шотландской королевѣ. «Это мнѣ извѣстно!—отвѣчала со смѣхомъ Елисавета:— и въ послѣднемъ моемъ письмѣ къ ней я поздравляла ее съ тѣмъ, что она выходитъ замужъ за сына императора, но прибавила, что въ такомъ случаѣ я сама выйду за его отца». Аллингъ снова удалился, не солоно хлебавъ. Прошло нѣсколько дней, продолженіе которыхъ онъ видѣлся съ Сесилемъ, который уговаривалъ

его не унывать, и съ лондонскимъ епископомъ, который учился съ нимъ вмѣстѣ въ Страсбургскомъ университетѣ и охотно вступалъ со своимъ старымъ товарищемъ въ богословскіе споры. Наконецъ, третій разъ Елисавета приняла его, но уже не стала слушать его латинскихъ аргументовъ, заговорила съ нимъ пофранцузски и прямо объявила ему, что если герцогъ виртембергскій дѣйствительно желаетъ ея брака съ эрцгерцогомъ Карломъ, то пусть вліяетъ на императора, а она никогда не сдѣлаетъ перваго шага, такъ какъ хотя она не императоръ, но королева, и знаетъ, чего она стоитъ. Затѣмъ, на новые доводы Аллинга она отвѣтила рѣзко: «я сказала вамъ больше, чѣмъ когда либо говорила послу или даже своимъ собственнымъ подданнымъ; я имъ всѣмъ отвѣчала только одно: любовь порождается праздностью, а я слишкомъ занята дѣлами, чтобы объ ней думать, а потому, не имѣя въ мысляхъ вступленія въ бракъ, нечего мнѣ и разсуждать о томъ или другомъ женихѣ». Дѣлать было нечего, Аллингъ призналъ, что дѣло не выгорѣло, и уѣхалъ въ Виртембергъ съ собственноручнымъ письмомъ Елисаветы, которая очень любезно благодарила герцога за его добрыя заботы о ней и повторяла свои обычные доводы противъ замужества, хотя все-таки заявила, что, можетъ быть, въ концѣ концовъ, интересы ея подданныхъ заставятъ ее взять себѣ мужа, какъ ей ни неавистна подобная мысль, но, конечно, она въ своемъ выборѣ будетъ руководствоваться достоинствомъ своей страны.

— Пороховой заговоръ. 5-го ноября настоящаго года, въ двѣсти девяностый разъ въ Лондонѣ и во всей Англіи происходило безобразное народное торжество сожженія чучель, изображающихъ Гай-Фокса, виновника знаменитаго порохового заговора. Хотя въ послѣдніе годы это торжество потеряло свой прежній религіозный и политическій характеръ, а также сильно измельчало, принявъ очень скромный видъ почти дѣтской забавы, тогда какъ въ старину на одномъ полѣ передъ Линкольнъ-Иномъ въ Лондонѣ вѣшали, а потомъ сожигали до тридцати Гай-Фоксовъ, но все-таки въ англійскомъ народѣ сохранилась до сихъ поръ память объ этой исторической легендѣ. Несмотря на многочисленныя историческіе труды, посвященные пороховому заговору, онъ въ сущности до сихъ поръ не совершенно выясненъ, и еще надняхъ вышла новая книга англійскаго іезуита, отца Джона Джерарда, который, задавъ себѣ вопросъ, что такое было пороховой заговоръ, смѣло отвѣчаетъ длиннымъ рядомъ аргументовъ, что это было дѣло протестантовъ, которые хотѣли окончательно отдѣлаться отъ католиковъ, въ чемъ и вполне успѣли³⁾. Собственно факты этой исторіи, какъ они излагаются въ англійскихъ учебникахъ и большинствѣ руководствъ, искусно резюмированы въ статьѣ Аббота въ ноябрьскомъ номерѣ «Eng. Illustr. Magazine»²⁾ и заключаются въ томъ, что нѣсколько католиковъ, приведенныхъ въ отчаяніе правительственными преслѣдованіями и разочаровавшись въ надеждѣ, что новый король Іаковъ, сынъ католической мученицы, окажетъ имъ поддержку, составили заговоръ съ цѣлью взорвать на воздухъ короля и членовъ обѣихъ палатъ, въ день открытія парламента, а по-

¹⁾ The Gunpowder Plot, by father John Gerard. London, 1896.

²⁾ Gunpowder Treason, by Oswald Abbot.—English Illustr. Magazine.—November.

томъ возбудить возстаніе всѣхъ католиковъ въ странѣ и провозгласить новаго католическаго государя. Уже все было готово, тридцать шесть боченковъ съ порохомъ уставлены въ погребѣ подъ палатой лордовъ, и 5-е ноября было назначено днемъ исполненія плана заговорщиковъ, какъ вдругъ лордъ Монтигль получилъ анонимное письмо не присутствовать при открытіи парламента; онъ вмѣстѣ съ герцогомъ Сольсбери показали это письмо королю, и тотъ догадался, въ чемъ дѣло. Убѣдившись, что дѣйствительно порохъ въ большомъ запасѣ лежитъ въ подвалѣ подъ верхней палатой, правительство однако не приняло никакихъ мѣръ до утра 5-го ноября, предоставляя заговорщикамъ продолжать осуществленіе своего плана; тогда былъ арестованъ въ этомъ самомъ погребѣ Гай-Фоксъ, а другіе заговорщики бѣжали и дѣйствительно пытались произвести возстаніе, но были разбиты на голову правительственными войсками, и главные изъ нихъ: Робертъ Кетсби, душа всего дѣла, Томасъ Перси и два брата Райты были убиты. Остальные же заговорщики, съ Фоксомъ во главѣ, который собственно былъ незначительнымъ искателемъ приключеній, котораго заговорщики наняли для чисто исполнительн. роли, — были подвергнуты сначала ужасной пытки, а потомъ публичной казни. Таковъ оффиціальн. рассказъ, и новый изслѣдователь этой исторіи, хотя и съ предвзятыми католическими взглядами, совершенно правъ, указывая на слабыя стороны и нелѣпности столь долго сохранившейся легенды. Прежде всего не опредѣлено съ точностью то мѣсто, гдѣ былъ запасенъ порохъ: одинъ современникъ говоритъ, что знаменитый погребъ Гай-Фокса находился подъ старой палатой лордовъ, другой — подъ такъ называемой крашеной палатой, и замѣчательно, что, куда бы ни переходила палата лордовъ, всегда показывали любопытнымъ подъ его сводами погребъ Гай-Фокса. Потомъ страннымъ кажется, какъ могла гореть заговорщиковъ, не обративъ на себя вниманія, прокопать подземный ходъ изъ соседняго дома, гдѣ собирались лорды во время сессіи, въ пресловутый погребъ и незамѣтно перетащить туда тридцать шесть боченковъ пороха. И во все время этой работы ни одинъ правительственн. шпіонъ не подсмотрѣлъ за ними, хотя они всѣ, какъ подозрительныя лица, были извѣстны лорду Сольсбери, а одинъ изъ нихъ — Перси, бывалъ нѣсколько разъ по ночамъ у него и за нѣсколько дней до 5-го ноября получилъ паспортъ для свободнаго выѣзда изъ Лондона. Еще неопытнѣ исторія анонимнаго письма, которое приписываютъ одному изъ заговорщиковъ — Трешаму; его получилъ лордъ Монтигль и показалъ герцогу Сольсбери въ послѣднихъ дняхъ октября. Но до 5-го ноября никто не принимаетъ никакихъ мѣръ. Точно также сомнительны послѣдующіе эпизоды: бѣгство главныхъ заговорщиковъ, ихъ смерть въ открытомъ бою и таинственное неденіе процесса второстепенныхъ виновниковъ. Все это даетъ нѣкоторое право іезуитскому патеру заключить, что пороховой заговоръ былъ дѣломъ не католиковъ, а протестантовъ и тогдашняго правительства съ Сесилемъ (герцогомъ Сольсбери) во главѣ; во всякомъ случаѣ цѣли Сесилия вполне были достигнуты: онъ погубилъ своего соперника герцога Нортгумберланда и побудилъ короля, а также всю страну, принять его антикатолическую политику. Но если толкованіе іезуитскаго патера и вѣроятно, то оно еще далеко не достовѣрно, и если онъ блестяще доказываетъ всю несостоятельность оффиціальн. легенды, то

все-таки его аргументы имѣютъ лишь отрицательный характеръ. Послѣ его труда можно сомнѣваться, чтобы пороховой заговоръ былъ дѣломъ исключительно католиковъ, но онъ также ничѣмъ не доказалъ, чтобы этотъ заговоръ былъ исключительно дѣломъ протестантовъ. Гораздо справедливѣе предположеніе одного изъ критиковъ книги Джерарда, Ф. Урхгарта, который въ статьѣ, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ «Cognhill Magazine»¹⁾, выражаетъ мнѣніе, что Сесиль зналъ заранѣе о заговорѣ и раздулъ его для того, чтобы воспользоваться этимъ случаемъ для обвиненія въ столь тяжеломъ преступленіи всѣхъ ненавистныхъ ему католиковъ. «Конечно, — прибавляетъ Урхгартъ, — что нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ тезисѣ отца Джерарда, который прямо обвиняетъ Сесиль въ созданіи всего заговора, о чемъ уже ходили слухи даже среди современниковъ, но, чтобы доказать эту гипотезу, надо еще найти и представить исполнѣннѣ всѣхъ доказательства, которыхъ до сихъ поръ еще нѣтъ». Нельзя не согласиться со словами Стѣда въ «Review of Reviews», что, въ виду спорности вопроса, пора отмѣнить безобразное сожженіе чучель Гай-Фокса, что въ концѣ XIX-го столѣтія представляется тѣмъ болѣе нелѣпымъ анахронизмомъ, что въ толпѣ, преимущественно состоящей изъ уличныхъ мальчугановъ, которая въ нынѣшнемъ году принимала въ Лондонѣ участіе въ торжествѣ 5-го ноября, — слышались не проклятія, какъ въ старину, а восклицанія: «бѣдный, старый Гай!» Изъ этого ясно, что даже тѣ, которые придерживаются чествованія старой легенды, относятся человѣчно къ той самой жертвѣ старинныхъ политическихъ страстей, которую они еще, по старой памяти, предають анаемѣ.

— Франко-русская колонія при Екатеринѣ II. Въ первомъ октябрьскомъ номерѣ «Revue des Revues» напечатанъ очень интересный очеркъ Поля д'Эстре²⁾ о переселеніи въ Россію во второй половинѣ XVIII вѣка французскихъ колонистовъ; основаніемъ этой статьи служить просмотръ авторомъ около трехъ тысячъ документовъ въ французскихъ архивахъ и въ Петербургской публичной бібліотекѣ, гдѣ находится часть Васильскаго архива, а потому она сообщаетъ совершенно новые, неизвѣстные факты, преимущественно о привлеченіи французовъ въ ту группу поселеній, которыя Екатерина въ письмѣ къ Вольтеру, въ 1769 г., называла «моей прекрасной Саратовской колоніей». Эмиграція поселянъ и рабочихъ изъ Франціи при Людовикѣ XV производилась для Германіи, Англіи и Россіи на такую большую ногу стараніями специальныхъ агентовъ, жившихъ на берегахъ Рейна, что французское правительство принимало энергичныя мѣры для наказанія какъ этихъ вербовщиковъ, такъ и вербуемыхъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, отъ 1765 по 1766 годъ, было арестовано и посажено въ Бастилію около десяти подобныхъ вербовщиковъ, которые или отправили, или пыгались отправить въ южную Россію извѣстное число альзасцевъ. Первый изъ нихъ былъ швейцарскій уроженецъ Рапенъ, который, прикрываясь чиномъ прусскаго полковника, вербовалъ солдатъ для Фридриха Великаго и колонистовъ для Екатерины. Въ первомъ отношеніи виновность Рапена была

¹⁾ The Gunpowder plot, by F. Urquhart. Cornhill Magazine. November.

²⁾ Une colonie Franco-Russe au XVIII siècle, par Paul d'Estrée. Revue des Revues. 1 octobre.

безспорно доказана, и онъ заточенъ пожизненно въ Венсенъ, что же съ нимъ случилось впослѣдствіи, неизвѣстно, но относительно поставки въ Россію колонистовъ существуютъ въ его многочисленной корреспонденціи, сохранившейся въ архивахъ, доказательства только веденныхъ имъ переговоровъ, а неизвѣстно, имѣли ли они практическіе результаты. Такъ существуютъ два контракта 1764 г., въ первомъ изъ которыхъ Рапенъ отъ имени Россіи покупаетъ у другого агента артель въ сто семействъ по столько-то за голову для колоній на Волгѣ, а во второмъ тотъ же Рапенъ перепродаетъ эти семейства съ значительной прибавкой въ цѣнѣ графу Мусиву-Пушкину въ Гамбургѣ, и хотя въ сентябрѣ того же года Рапенъ получилъ изъ Роттердама письмо отъ какого-то Валаттена объ отправкѣ колонистовъ въ Россію, но неизвѣстно, былили это именно упоминаемые въ двухъ контрактахъ французы, или нѣмцы, которыми онъ достоверно снабжалъ Россію. Самъ же Рапенъ на допросѣ въ Бастиліи сознался, что онъ предложилъ русскому послу въ Лондонѣ, графу Воронцову, достать колонистовъ для Россіи и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, организовалъ эмиграцію, но когда онъ отправился въ Гамбургъ, то никакъ не могъ согласиться съ тамошнимъ представителемъ Россіи Мусивымъ-Пушкинымъ насчетъ уплаты за его труды и въ концѣ концовъ отказался работать на императрицу, но, по его словамъ, онъ лично знаетъ многихъ агентовъ, дѣйствительно занимавшихся вербовкой колонистовъ для Россіи, въ томъ числѣ Кано-де-Борегара, который одинъ поставилъ Россіи до трехъ тысячъ семействъ преимущественно изъ окрестностей Литтиха. Этотъ Кано-де-Борегаръ, бывший директоромъ колоніи въ Южной Россіи подъ названіемъ Катеринъ-Лэнъ, повидимому, вель дѣло такъ ловко, что французская полиція никакъ не могла его захватить, и онъ свободно проживалъ то въ Россіи, то въ своемъ замкѣ Бругайсенѣ, близъ Нимвегена. Но другой вербовщикъ, уроженецъ Страсбурга, Рильвагенъ, попалъ въ руки герцога Шуазеля, и хотя онъ послѣ трехлѣтняго заключенія въ Бастиліи былъ выпущенъ на свободу, такъ какъ не подтвердилось, чтобъ онъ вербовалъ французовъ, ограничиваясь лишь нѣмцами, но въ его бумагахъ оказалось много свѣдѣній о франко-русской колонизаціи. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи былъ Менье-де-Прекуръ, называвшій себя «директоромъ иностранной колоніи Екатериненбургъ въ Астраханскомъ королевствѣ», и который въ сущности былъ бѣглымъ полицейскимъ агентомъ Менье, долго считавшимся убитымъ въ какой-то стычкѣ съ парижскими гражданами. Онъ жилъ въ Россіи, пользовался милостями Екатерины и дѣйствовалъ согласно концессіи, данной ему Екатериной и подписанной Григоріемъ Орловымъ. Его письмо къ Рильвагену, главному вербовщику колонистовъ, обязавшемуся по контракту ставить ему до 3.000 семействъ, по 7 и 9 марокъ за голову, дышитъ полнымъ удовольствіемъ; по его словамъ, Екатериненбургъ въ 1764 г. процвѣталъ, дома строились, колонія развивалась, и все идетъ прекрасно. Въ томъ же духѣ написана реклама о колонизаціи въ Россіи, которую Рильвагенъ распространялъ всегда пофранцузски и понѣмецки. Текстъ ея приведенъ въ статьѣ д'Естрэ, и она обѣщаетъ колонистамъ всякія блага, рисуетъ волшебную картину южной Россіи, гдѣ къ выгодамъ природнымъ присоединяются и привилегіи эмигрантамъ, состояція въ томъ, что они, кромѣ дарового проѣзда, получаютъ 50 десятинъ земли, домъ

съ земледѣльческими орудіями, скотомъ и провизіею, стоимость чего они обязаны уплатить въ теченіе 10 лѣтъ безъ процентовъ; кромѣ того, имъ обезпечивалась свобода исповѣданія и возвратъ на родину черезъ 10 лѣтъ. Кромѣ этой рекламы, авторъ приводитъ и контрактъ съ колонистами, къ которому включены тѣ же условія съ прибавленіемъ обязательства вносить десятую часть всего, что они будутъ получать съ земли, ихъ директору, назначенному императрицей, Менье-де-Прекуру. Однако этому ловкому проходимцу не долго везло, онъ былъ арестованъ неизвѣстно за что, по приказанію Екатерины, и съ тѣхъ поръ о немъ пропадаетъ всякій слѣдъ. Это событіе совпадаетъ съ прекращеніемъ со стороны Россіи всякихъ сношеній съ иностранными вербовщиками и колонистами, и виновникомъ этой рѣзкой перемѣны въ дѣйствіяхъ русскаго правительства былъ самый дѣятельный изъ этихъ вербовщиковъ Кастъ-де-Сабревиль. Безспорныя доказательства устанавливаютъ тотъ фактъ, что Сабревиль авантюристъ низкаго сорта, судившійся за кражу и бѣжавшій изъ тюрьмы, сдавалъ рекрутовъ Пруссіи и колонистовъ Россіи; такъ онъ завербовалъ двадцать французскихъ семействъ въ Амстердамѣ для колоніи Катеринъ-Лэнъ и для того же назначенія, какъ видно изъ подлинныхъ контрактовъ — «Гви Кретана, уроженца города Реннъ, 23 лѣтъ» и «Франсуа Дюветта, уроженца Тремблабля, 33 лѣтъ съ женою и сыномъ». Но Сабревиль дѣйствовалъ такъ смѣло и открыто, что наконецъ сталъ вербовать и голландцевъ. Это возбудило противъ него неудовольствіе русскихъ дипломатовъ, и они напечатали въ «Gazette des nouvelles extraordinaires», что прекращаются всякія сдѣлки насчетъ отправки колонистовъ въ Россію. Но Сабревиль не унимался и продолжалъ свои вербовки; наконецъ его арестовали во Франціи и заточили въ Бисетръ въ 1767 г. Впрочемъ и послѣ этого переманивали французовъ въ Петербургъ и Москву, но не огульно, а поштучно и преимущественно искусныхъ фабричныхъ рабочихъ, что попрежнему не нравилось Шуазелю, и онъ постоянно принималъ мѣры къ воспрепятствованію подобной эмиграціи и къ аресту тайныхъ вербовщиковъ. Быть можетъ, самый любопытный изъ документовъ, найденныхъ Полемъ д'Естре, — анонимный отчетъ агента французскаго правительства о франко-русскихъ колоніяхъ. Въ немъ упомянуты имена французскихъ директоровъ колоній, ихъ помощниковъ и вербовщиковъ, и насчитано, что всего переселилось изъ Франціи въ Россію 235 семействъ. «Не столько, сколько мы боялись», прибавляетъ анонимный авторъ документа, который хранится въ Петербургской публичной библиотекѣ. Кромѣ того, въ этомъ отчетѣ приводятся слѣдующія любопытныя свѣдѣнія. Менье всего набербовалъ нѣмцевъ и французовъ 970 семействъ за 17,000 рублей изъ общаго числа переселившихся въ Россію 5,000 или 6,000 иностранцевъ, за что русское правительство и дворянство пополамъ уплатило 2.715,000 рублей; при этомъ по прибытіи колонистовъ на мѣсто дворяне-землевладѣльцы заключали съ ними новые контракты вмѣсто прежнихъ отъ имени правительства, и срокъ уже назначался не десятилѣтній, а двадцатилѣтній.

--- Новые матеріалы для исторіи французской революціи. Съ каждымъ днемъ открываются неизвѣстные и проливающіе новый свѣтъ на важную эпоху французской революціи матеріалы и документы, которые печатаются или въ сыромъ или въ обработанномъ видѣ. Такъ, съ одной стороны, въ по-

слѣднее время обнаружены въ VI томѣ отчета англійской комиссіи о розысканіи историческихъ рукописей двадцать восемь протоколовъ засѣданій комитета общественнаго спасенія, которые были записаны однимъ изъ его секретарей, передавшимъ ихъ англійскому правительству, и которые очень живо резюмированы Оскаромъ Браунингомъ въ «Cosmopolis»¹⁾; въ номерахъ «Athenum» а 31-го октября и 14-го ноября Альджеръ и Манкьюръ Канвей приводятъ любопытные отрывки изъ невѣдомой до сихъ поръ памятной книжки Робеспьера²⁾; въ «Cosmopolis» печатаются найденныя въ бумагахъ Прудона замѣтки, набросанныя имъ для предпринятой имъ исторіи Наполеона, и среди нихъ находится нѣсколько страницъ, посвященныхъ его разговорамъ съ бельгійскимъ профессоромъ Альтмейеромъ, который лично зналъ нѣкоторыхъ изъ дѣятелей революціи, Барра, Куртуа, Давида и Тюрю-де-ла-Розьера³⁾; декабрьская книжка «Pall-Mall Magazin» помѣстила нисѣма изъ Парижа жены англійскаго посланника лорда Гоера отъ 14-го іюля 1789 года до 12-го августа 1792 года⁴⁾. Съ другой — появились труды, основанные на архивныхъ изслѣдованіяхъ, Эдмона Бирэ — «Легенда жирондистовъ»⁵⁾, Альберта Турне — «Ваде, председатель комитета общей безопасности»⁶⁾, Жозефа Перрена — «Кардиналъ Ломени-де-Бриенъ; его послѣдніе годы: эпизоды революціи»⁷⁾ и аббата Боезара — «Вандейская семья во время великой борьбы (1793—1795)»⁸⁾. Изъ названныхъ историческихъ сочиненій наибольшій интересъ представляетъ книга Бирэ, который, на основаніи документовъ, хранящихся въ національныхъ архивахъ, протоколовъ законодательнаго собранія и конвента, а также «Бюллетеня революціоннаго трибунала» и «Монитера», возстановляетъ настоящую, вѣрную исторію жирондистовъ и, слѣдя за ихъ дѣйствіями изо дня въ день, разбираетъ камень за камнемъ тотъ высокій пьедесталъ, на которомъ они такъ долго стояли, благодаря легендамъ, увѣковѣченнымъ поэмой въ прозѣ Ламартина. Фактически, документально, онъ доказываетъ, что они сами провели, во время своего могущества, тѣ законы, жертвами которыхъ сдѣлались впоследствии, и что Гора воспользовалась противъ нихъ только оружіемъ, которое они подготовили для другихъ. Портреты вожаковъ Жиронды, написанные какъ бы ими самими, такъ какъ Бирэ широко пользуется ихъ собственными рѣчами и протоколами засѣданій конвента, представляютъ ихъ далеко не героями, а, по словамъ обличителя, софистами, смѣло говорившими на трибунѣ, но слабыми, не-

¹⁾ The Comité de salut public in the light of recent documents, by Oscar Browning, Cosmopolis. August.

²⁾ Robespierre's Note-book, by J. Alger and Moncure Konwey. Athenum. 31 oct. 14 november.

³⁾ Napoleon et Wellington, papiers inedits de P. Proudon. Cosmopolis. October.

⁴⁾ Letters written from Paris during the French Revolution by Elisabeth wife o. Earl Gower, afterwards duke of Sutherland. Pall-Mall Magazine. December.

⁵⁾ La Legende des Girondins, par Edmond Biré. Paris. 1896.

⁶⁾ Vadur, president du Comité de Sureté Generale sous la Tereur, par Albert Tournieuf Paris. 1896.

⁷⁾ Le Cardinal de Lomenie de Brienne, archevêque de Sens; six dernières années. Episodes de la Revolution. Par J. Perrin. Paris. 1896.

⁸⁾ Une famille Vendéenne pendant la Grande Guerre (1793—1795), par Boutillier de la Sant-André. Memoires publiés par l'abbé Eugene Bossard. Paris. 1896.

рѣшительными и даже безнравственными, корыстными эгоистами въ практической дѣятельности; всѣ, начиная отъ г-жи Роланъ, «единственнаго мужчины партіи», до Бриссо, Петіона, Вержніо, Барбару, Ролана и Жюенениэ, на одинъ покровъ, и Бирэ только дѣлаегъ исключеніе въ пользу Ланжинэ, личность которой вполнѣ почтенная и выше всякихъ подозрѣній. Кромѣ того, онъ доказываетъ, что напрасно смѣшиваютъ съ жирондистами такихъ людей, какъ Дюпатель, Матіэ, Ла-Коста-де-Керьемтано, Сенешаль, Ле-Гарди и Виже, которые выказали извѣстную долю энергіи и мужества, а такъ какъ они не засѣдали въ законодательномъ собраніи, то и не могли въ сущности принадлежать къ Жирондѣ. Что касается до знаменитаго банкета «съ его винами, цвѣтами, свѣчами и рѣчами», то онъ оказывается просто-напросто басней, а славныя надписи на стѣнахъ тюрьмы вовсе сдѣланы не ими, такъ какъ безспорно оказалось, что жирондисты не сидѣли въ тѣхъ кельяхъ, гдѣ найдены эти надписи. Съ помощью новыхъ документовъ біографъ Вадье рельефно и сочувственно рисуетъ фигуру этого провинціального судьи, сдѣлавшагося, благодаря своимъ убѣжденіямъ, суровымъ, неподкупнымъ исполнителемъ приговоровъ конвента. Книга Перрена, председателя археологическаго общества въ Сенсѣ, даетъ массу невѣдомаго матеріала о бывшемъ архіепископѣ сенскомъ, по поводу его дѣятельности во время революціи, когда онъ игралъ самую странную нерѣшительную роль то «прелата-гражданина», добровольно снявшаго съ себя кардинальскую шляпу, то аристократа стараго времени, хотя при Людовикѣ XVI онъ игралъ самую жалкую роль въ эпоху своего неудачнаго министерства. Аббатъ Боссаръ нашелъ мемуары о Вандейской войнѣ, написанныя подъ старость Жакомъ Бутинье де-Сентъ-Андрэ, нотаріусомъ въ городѣ Шолаэ и очевидцемъ въ дѣтствѣ революціонной бѣги; они показались ему очень интересными, какъ «отраженія историческихъ событій въ дѣтскомъ сердцѣ», и онъ напечаталъ ихъ съ прибавленіемъ большаго введенія, многочисленныхъ примѣчаній и ссылокъ на документы, подтверждающіе справедливость впечатлѣній двѣнадцатилѣтняго мальчика. Если мы перейдемъ къ новѣйшимъ сырымъ матеріаламъ о французской революціи, то прежде всего придется выразить сожалѣніе, что англійская посланница въ Парижѣ въ такое бурное знаменательное время, какъ та эпоха, до которой относятся ея напечатанныя письма, т. е., отъ 14-го іюня 1789 г. до 12-го августа 1792 года, оказывается пустой, свѣтской женщиной, не понимавшей громадной важности совершавшихся вокругъ нея событій, а потому ея переписка съ женой тестя, маркизой Стаффордъ, отличается характеромъ легкомысленной болтовни, но все-таки кое-гдѣ въ нихъ попадаются любопытныя черты и хотя бѣглыя, мелочныя, но очень характеристичныя замѣтки о томъ, что она видѣла и слышала. На этомъ основаніи нельзя не пожалѣть, что она изъ осторожности, уѣзжая изъ Парижа, сожгла свой дневникъ. Въ первомъ письмѣ леди Гауэръ описываетъ положеніе Парижа за два дня до взятія Бастиліи и рассказываетъ, что ея мужъ видѣлъ на улицѣ схватки гражданъ съ солдатами, и толпа останавливала даже ея экипажъ нѣсколько разъ, требуя, чтобы она заявляла себя доброй француженкой и сторонницей третьяго сословія. Повидимому, такое фамильярное обращеніе не понравилось гордой аристократкѣ, и она просила мужа уѣхать изъ Парижа, «но, — заявляетъ она, — мой муженекъ

кажется, любить въ душѣ хорошій бунтъ, слышать не хочетъ объ отъѣздѣ и цѣлые дни шатается въ толпѣ, какъ настоящій парижскій буржуа». Не менѣе толпы были не по сердцу леди Гауэръ шумныя пренія въ національномъ собраніи, которое она постоянно посѣщала; она сравниваетъ ихъ съ народными сборищами въ Англіи во время парламентскихъ выборовъ и увѣряетъ, что рѣшительно ничего нельзя разобрать изъ произносимыхъ тамъ рѣчей, благодаря постоянному гвалту. Однако, эти впечатлѣнія не мѣшали ей вести очень веселую жизнь, подобно королевѣ Маріи-Антуанетѣ, двору и всей французской аристократіи. «Мы каждый вечеръ,—говоритъ она въ письмѣ отъ 2-го іюля 1790 года, — ѣздимъ въ театры, переодѣтые субретками, а затѣмъ возвращаемся домой, надѣваемъ другіе костюмы и отправляемся ужинать. Королева принимаетъ каждую ночь въ Сень-Клу мужчинъ, которые въ восторгѣ отъ ея граціи и отъ волшебной красоты замка Сень-Клу. Дѣйствительно королева замѣчательная красавица и невольно всѣхъ очаровываетъ». Въ другомъ письмѣ, писанномъ спустя мѣсяць, англійская посланница говоритъ, что она была на картежномъ вечерѣ у королевы. Съ января 1791 года ея письма уже болѣе выражаютъ опасенія за безопасность королевской семьи и свою собственную; она иронически отзывалась о недостаткахъ королевскихъ полковъ, о возрастающихъ требованіяхъ народа и т. д. «Что касается до короля,—замѣчаетъ она между прочимъ,—то ему дали бы поѣсть, да покойное кресло, то онъ помирится со всѣмъ. Королева смотритъ на дѣла иначе, а я желала бы умереть въ открытомъ бою съ пунсарками у ногъ королевы». Въ маѣ 1792 г., когда союзныя арміи наступали на Парижъ, и всю страну объявлялъ патріотическій пылъ, леди Гауэръ какъ бы не замѣчала, что дѣлается, а главное, что готовится, и распространяется въ одномъ изъ своихъ писемъ, что король и королева очень хороши на взглядъ, веселы и ожидаютъ отъ иностранцевъ своего скорого освобожденія отъ всѣхъ неприятностей. Не только она, но и ея мужъ уже въ самый разгаръ революціи думалъ, что въ крайности Франція раздѣлится на двѣ части: сѣверная останется королевствомъ, а южная объявитъ себя республикой. Наконецъ грянула гроза, и наканунѣ объявленія войны между Франціей и Англіей лордъ Гауэръ былъ отозванъ изъ Парижа. Добравшись благополучно до Дувра, бывшая посланница съ пламенной радостью пишетъ, что «наконецъ вырвалась изъ Парижа, гдѣ происходятъ неописанные ужасы, гдѣ всѣхъ предають суду, гильотинируютъ и т. д., гдѣ короля и королеву держатъ въ тюрьмѣ, госпожу де-Ламбаль посадили въ неправительный домъ, и вообще всѣ ведутъ себя, какъ дикари». Хотя леди Гауэръ не упоминаетъ ни однимъ словомъ о заботахъ, которыми она окружала королеву въ тюрьмѣ, о доставленіи ей платьевъ и бѣлья, но герцогиня Ангюлемская письменно свидѣтельствовала впослѣдствіи о благодарности всей королевской семьи англійской посланницѣ за ея благородную помощь. Конечно, письма леди Гауэръ могли быть гораздо интереснѣе, и то же можно сказать о записанныхъ Прудомомъ бесѣдахъ съ брюссельскимъ профессоромъ Альтмейеромъ, объ его знакомствѣ съ такими выдающимися дѣятелями французской революціи, какъ Бареръ и Куртуа, но все-таки и въ этихъ воспоминаніяхъ, такъ же какъ въ письмахъ англійской посланницы, встрѣчаются любопытныя черты. Бареръ часто гово-

рилъ Альтмейеру, что революція оказалась вполнѣ бесполезной въ виду того, что совершенное ею дѣло было эскамотировано имперіей, съ ея централизаціей, полиціей и т. д. По его мнѣнію, революціореры 1789—1798 годовъ не были собственно республиканцами, а сторонниками конституціонной монархіи, и если пошли дальше, то только потому, что ихъ увлекли событія. О Робеспьерѣ онъ отзывался, какъ о государственномъ дѣятелѣ, о которомъ судили слишкомъ строго. Что касается до его пресловутыхъ мемуаровъ, то Бареръ увѣрялъ Альтмейера, что онъ продалъ всѣ, сохранившіяся у него, политическія бумаги Луи-Филиппу. То же сдѣлалъ Куртуа, и въ документахъ, уступленныхъ имъ правительству реставраціи, находились знаменитыя письма Людовика XVIII къ Робеспьеру, выражавшія глубокое уваженіе къ политикѣ Робеспьера, что, по замѣчанію Прудона, нисколько не доказываетъ продажности неподкупнаго Максимилиана, такъ какъ за нимъ ухаживали всѣ претенденты, и тотъ же Куртуа передалъ, во время консульства, Наполеону его многочисленныя письма къ Робеспьеру, однимъ изъ пламенныхъ поклонниковъ котораго онъ былъ до своего возвышенія. Альтмейеръ зналъ также Тюрго, который предсѣдательствовалъ въ конвентѣ въ день 9-го термидора, и къ которому Робеспьеръ обратился съ знаменитыми словами: «Предсѣдатель убійць, дашь ли ты мнѣ слово?» По прошествіи двадцати пяти лѣтъ онъ еще пламенно ненавидѣлъ Робеспьера и даже боялся его, но, впрочемъ, когда у него спрашивали, чѣмъ онъ могъ объяснить, что ненавистный ему Робеспьеръ добился такой силы и такого авторитета, онъ могъ только отвѣтить: «онъ достигъ этого лишь своею популярностію». Трудно себѣ объяснить, почему сто лѣтъ оставалась никому неизвѣстной записная книжка Робеспьера, хотя она находится уже много лѣтъ, вмѣстѣ съ другими бумагами Робеспьера, подъ стекляннѣмъ колпакомъ, въ музей національнаго архива въ Парижѣ; если этотъ музей рѣдко посѣщается туристами, то это потому, что онъ находится въ отдаленномъ уголкѣ Парижа, открытъ только по воскресеньямъ и мало кому извѣстенъ; но этими причинами нельзя объяснить того страннаго факта, что даже французскіе историки, по словамъ автора статьи въ *Athenaeum*'ѣ, Альджера, не нашли нужнымъ упомянуть объ этомъ драгоценномъ документѣ, а также провѣрить по немъ выписки изъ него, сдѣланныя Куртуа часто совершенно невѣрно. Альджеръ впервые напечаталъ подробное описаніе этой записной книжки и приводитъ нѣкоторыя изъ нея цитаты: записи въ ней начинаются отъ 27 октября 1793 года и продолжаются ровно три мѣсяца. Къ сожалѣнію, онѣ очень кратки и всего занимаютъ семнадцать страницъ, а остальная книжка представляетъ чистыя страницы. Главный интересъ ежедневныхъ записей Робеспьера заключается въ томъ, что онѣ ясно доказываютъ его искренность и то, что, какъ выражался о немъ Мирабо, онъ вѣрилъ каждому слову, которое говорилъ. Кромѣ того, эти записи опровергаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ легендарную кровожадность Робеспьера и между прочимъ придають совершенно иной характеръ, чѣмъ принято было считать до сихъ поръ, аресту американца Пена, по требованію Робеспьера. Онъ прямо записываетъ въ своей книжкѣ: «потребовать ареста американца Пена, столько же въ интересахъ Америки, какъ и Франціи». И оказывается, по разсказу объ этомъ событіи Монкьюра Конвея въ *Athenaeum*'ѣ, что дѣйствительно этимъ аре-

стомъ Робеспьеръ спасъ Пена отъ грозившей ему смерти, по обвиненію враговъ, а Францію и Америку избавилъ отъ дипломатическихъ столкновений. Но если въ своей записной книжкѣ Робеспьеръ не является тѣмъ жестокимъ звѣремъ, какимъ изображаютъ его историческія легенды, то онъ выступаетъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ въ недавно напечатанныхъ протоколахъ комитета общественнаго спасенія и блестяще резюмированныхъ въ статьѣ Оскара Браунинга. Исторія этихъ протоколовъ очень любопытна, и вообще они имѣютъ громадное значеніе, если только будетъ доказана ихъ подлинность, чего до сихъ поръ еще не сдѣлано. Эти двадцать восемь протоколовъ, будто бы написанные пофранцузски однимъ изъ секретарей комитета, добыты англійскимъ резидентомъ въ Генуѣ и переданы лорду Гренвиллю; Дрэнъ, повидимому, не сомнѣвался въ ихъ подлинности, но многое въ нихъ возбуждаетъ сомнѣніе, такъ какъ сообщаются между прочимъ такіе факты, которые не подтверждаются другими историческими матеріалами, напримѣръ, видную роль, согласно этимъ протоколамъ, играетъ въ комитетѣ и въ самыхъ жестокихъ эпизодахъ террора Сіезъ, а извѣстно, что онъ никогда не былъ членомъ этого комитета; потомъ тамъ же приписываются Робеспьеру какія-то невозможныя выходки, въ томъ числѣ поѣздка ночью съ заточеннымъ въ Тамплѣ дофиномъ въ Медонскій лагерь, неизвѣстно почему и для чего. Во всякомъ случаѣ Оскаръ Браунингъ вполне правъ, говоря, что прежде чѣмъ историки станутъ пользоваться этимъ новымъ матеріаломъ и перепишутъ многіе эпизоды террора, имъ необходимо подвергнуть его старательной повѣркѣ въ подлинности самихъ протоколовъ и въ достоверности приводимыхъ въ нихъ фактовъ.

— Письма графа Прокеша фонъ-Остена. Одинъ изъ видныхъ дипломатовъ, графъ Прокешъ фонъ-Остенъ, былъ председателемъ франкфуртскаго сейма въ послѣднюю эпоху его существованія, отъ 1849—1855 г., и вынесъ на своихъ плечахъ борьбу съ только что вступившимъ на политическую почву Бисмаркомъ, а потому только что напечатанныя его сына его письма¹⁾, относящіяся къ этому времени, представляютъ значительный историческій интересъ. Эти письма преимущественно адресованы къ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ Австріи, графу Буолу, но въ нихъ попадаются иногда и письма къ другимъ лицамъ, напримѣръ, къ женѣ и Пискатори, съ которымъ Прокешъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Ученикъ Метерниха, онъ обучился дипломатіи въ школѣ этого хитраго двуличнаго государственнаго чловѣка, долго правившаго всей Европой и продолжавшаго послѣ своей отставки вліять на дипломатическія дѣла въ своемъ ультрареакціонномъ духѣ. Прокешъ всегда относился съ глубокимъ уваженіемъ къ своему учителю, постоянно находился съ нимъ въ перепискѣ и часто обращался къ нему за совѣтами, которымъ неизбѣжно слѣдовалъ. Въ 1853 году онъ писалъ своей женѣ изъ Вѣны: «я всегда счастливъ, когда вижу этого любезнаго и умнаго старика, у котораго никогда нѣтъ тумана въ головѣ, какъ у его преемниковъ, и бесѣды съ нимъ всегда приносятъ мнѣ пользу». Такимъ образомъ можно сказать, что старикъ Меттернихъ, чрезъ посредство Прокеша, председательствовалъ на германскомъ

¹⁾ Aus den Briefen des Grafen Prokesch von Osten. (1849—1855). Wien. 1896.

сеймъ и вель борьбу съ Бисмаркомъ. Самому Меттерниху молодой прусскій дипломатъ очень нравился, хотя онъ видѣлъ его очень мало и, отличаясь всю свою жизнь оптимизмомъ, онъ спокойно надѣялся, что реакціонныя идеи Бисмарка заставятъ его дѣйствовать заодно съ Австріей, а потому онъ нимало не подозрѣвалъ, что подъ маской пріятнаго человѣка, какъ онъ его называлъ, скрывались когти дьявола. Напротивъ, судя по письмамъ Прокеша, ученикъ былъ прозорливѣе учителя. Онъ сразу понялъ тайныя стремленія прусской политики, и что послѣ Ольмюцкаго пораженія она только видимо покорилась своей скромной роли, а въ сущности попрежнему думаетъ о расширеніи своихъ владѣній, что, по его словамъ, могло быть только насчетъ Австріи. Онъ даже шелъ далѣе и предвидѣлъ, что прусскія партіи враждовали между собою только относительно метода дѣйствія, а потому консерваторы, пламенно возстающіе противъ новыхъ идей, готовы ими воспользоваться для объединенія Германіи въ пользу своего народа. 12 мая 1851 года онъ писалъ пофранцузски своему пріятелю Пискаutori: «общество впродолженіе многихъ вѣковъ идетъ къ своей погибели, и всегда дорогу указываютъ иллюзіи честныхъ людей, но великими работниками революціи всегда бывають, по моему мнѣнію, не отдѣльныя лица, а правительства. Они, также какъ партіи, распадаются на два лагеря: консервативный и прогрессивный. Въ Германіи, во главѣ перваго, стоитъ Австрія, а во главѣ послѣдняго—Пруссія. Самолюбія страсти, общественное мнѣніе и другія черты соціальнаго недуга будутъ всегда на сторонѣ Пруссіи, а Австрію поддерживають только здравый смыслъ, умѣренныя, практическія идеи и всѣ тѣ общественныя силы, которыя безпомощны въ наше время, что поможетъ ей только умереть позднѣе, чѣмъ ожидаютъ ея врачи, и съ меньшими страданіями. Эта картина не веселая, и, признаюсь, мнѣ всего болѣе противны тѣ несчастныя самолюбивыя стремленія, которыя заставляютъ консерваторовъ прибѣгать къ революціоннымъ способамъ». Управляемая королемъ, который желалъ, но не смѣлъ дѣйствовать энергично, доказательствомъ чего былъ его отказъ отъ предложенной императорской короны, Пруссія была вынуждена, послѣ событій 1848 года и торжества реакціи, отложить до болѣе удобной эпохи свои великіе планы и вести во Франкфуртѣ политику обструкціи, т. е. во всемъ оказывать сопротивление Австріи, мучить ее постоянными отказами и интригами, создавать на каждомъ шагѣ преграды и, заставляя такимъ образомъ бездѣйствовать сеймъ, компрометировать его въ глазахъ всѣхъ нѣмцевъ, доказывая, что старая машина совершенно испортилась и негодна ни къ чему. Такова была роль, выпавшая Бисмарку, и она вполне соответствовала его воинственному, жестокому, коварному характеру, а потому онъ исполнилъ ее не только съ искусствомъ, но и съ удовольствіемъ, идя еще далѣе въ своихъ инструкціяхъ и, по словамъ Прокеша, онъ безжалостно тянулъ и отстрочивалъ всякое дѣло, въ которомъ прусское правительство предписывало ему уступить Австріи, а, напротивъ, накладывалъ свои краски на всякое, разрѣшенное ему, сопротивление австрійской политикѣ. «Если я не ошибаюсь,—писалъ Прокешъ Буолю,—Бисмаркъ типъ новаго прусскаго консерватора и господствующая въ немъ идея, уничтожить теперешній германскій союзъ, поставить во главѣ Германіи Пруссію, но когда онъ сдерживаетъ себя, то онъ пріятенъ въ обращеніи». Сна-

чала Прокешъ лъстилъ себя надеждою, что онъ хоть поддержитъ дружескія личныя отношенія со своимъ соперникомъ, и въ его первыхъ письмахъ встрѣчаются фразы: «Бисмаркъ очень любезенъ со мной, и мы съ нимъ въ отличныхъ отношеніяхъ». Но это продолжалось недолго, и когда, во время крымской войны, Пруссія назначила посланникомъ въ Лондонъ фонъ-Узедома, то Прокешъ характерно выразилъ свое мнѣніе по этому случаю: «пруссакки умѣютъ выбирать людей: они намъ прислали буяна, вѣчно лѣзущаго въ ссору, а въ Англию отправили настоящаго джентельмена: веселаго, либеральнаго и жена-таго на англичанкѣ, который не профессоръ, какъ Бунзенъ, и не лгунъ, какъ многіе другіе». Подобно всѣмъ дипломатамъ старой школы (железной руки и бархатной перчатки), графъ Прокешъ преклонялся передъ приличной, изящной формой и слѣдовалъ въ этомъ своему учителю Меттерниху, по словамъ котораго, «основнымъ правиломъ политики и дипломатіи была евангельская заповѣдь—не дѣлай того другому, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, что означаетъ, въ примѣненіи къ государственнымъ дѣламъ, взаимную поддержку въ хорошихъ отношеніяхъ». Поэтому въ Берлинѣ хотя и считали Прокеша человѣкомъ упорнымъ, сухимъ и даже суровымъ, но никогда его не обвиняли въ нарушеніи правилъ приличія и учтивости. Напротивъ, Бисмаркъ, придерживаясь мнѣній консерваторовъ, отличался манерами не только радикаловъ, но просто дерзкихъ буяновъ. Онъ говорилъ рѣзко, грубо, ни передъ чѣмъ не останавливался, противорѣчилъ себѣ на каждомъ шагу, отзывался проницески о всѣхъ и каждомъ, грозилъ, хвастался, нахально откровенничалъ о своихъ смѣлыхъ планахъ и прямо говорилъ: «когда Австрія впрягаетъ лошадь въ свой экипажъ, то я впрягаю другую къ запяткамъ». Мало того, онъ еще въ 1855 году открыто высказывалъ: «я врагъ Австріи; антагонизмъ между двумя главными странами во все времена возбуждалъ войны, и, рано или поздно, мы начнемъ съ Австріей добрую войну, въ концѣ которой мы выпыремъ ее изъ германскаго союза». Подобно Меттерниху, Прокешъ, при всей своей преданности отечеству, былъ европейцемъ, а Бисмаркъ не обращалъ никакого вниманія на Европу, а былъ исключительно пруссакомъ. Резюмируя свои впечатлѣнія о могучемъ соперникѣ, Прокешъ писалъ:—«Бисмаркъ пруссакъ до мозга костей и больше ничего; если бы съ неба сошелъ ангелъ безъ прусской кокарды, то онъ не принялъ бы его къ себѣ въ домъ, и обратно—протянулъ бы ружье, если бы онъ общалъ Пруссіи одну лишнюю германскую деревню. Наши цѣли и силы были различны: онъ старался уничтожить германскій союзъ, а я пытался его поддержать; онъ имѣлъ за себя духъ времени, новыя поколѣнія и тѣ германскія страны, которыя могли бояться Пруссіи или надѣяться получить отъ нея выгоды, именно саксонскія герцогства, и часто Баварія, Виртембергъ, Баденъ и Ольденбургъ, а я могъ рассчитывать только на Ганноверъ, Саксонію и вольные города». Неравность борьбы между ними еще обусловливалась ихъ темпераментами и привычками: Прокешъ, подобно всѣмъ дипломатамъ меттерниховской школы, былъ образованнымъ культурнымъ человѣкомъ: онъ былъ любителемъ литературы, театра и свѣтскаго, въ особенности женскаго, общества, что подтверждается между прочимъ его письмами изъ Парижа въ 1855 году, которыя вошли въ настоящій сборникъ, а Бисмаркъ никогда не зналъ, что такое

культурныя пли свѣтскія развлеченія, никогда не чувствовалъ необходимости отдохнуть отъ политики и хоть на время почувствовать себя въ мирѣ со всѣми. О Прокешѣ разсказываютъ любопытный анекдотъ: однажды на балу въ Берлинскомъ дворцѣ король Фридрихъ-Вильгельмъ IV подошелъ къ нему и спросилъ его неожиданно: «о чемъ вы будете вспоминать съ наибольшей благодарностью, умирая, конечно за исключеніемъ вашей жены?—О благотворномъ вліяніи хорошей турецкой трубки». Конечно, Бисмаркъ, несмотря на всю свою любовь къ нѣмецкой трубкѣ, не сказалъ бы ничего подобнаго, такъ какъ, покуривая ее, онъ, конечно, ни разу не предавался мирному созерцаію и не забывалъ ни политики ни своихъ враговъ. Это преобладаніе въ немъ личной ненависти подмѣтилъ съ самаго начала Прокешъ, и въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ замѣчаетъ: «одного качества не достаетъ у Бисмарка — онъ никогда не могъ отдѣлится дѣла отъ личностей».

— Современные итальянскіе историки. Въ первой ноябрьской книжкѣ *Nouvelle Revue* Генри Мантекорболи характеризуетъ, хотя кратко, но рельефно возрожденіе исторической науки въ современной Италіи ¹⁾. Оказывается, что со времени единства Италіи въ этой классической странѣ культуры началось быстрое развитіе историческихъ трудовъ, и самой характеристичной чертой многочисленныхъ ея новыхъ историковъ—критическое изученіе фактовъ и старательное собираніе матеріаловъ вмѣсто догматическаго изложенія, господствовавшаго у Цезаря Канту и въ его исторической школѣ. Какъ на главныя причины, содѣйствующія этому возрожденію исторической науки въ Италіи, Монтекорболи указываетъ на открытіе архивовъ, разбросанныхъ повсей странѣ, на учрежденіе историческихъ комиссій, или, какъ онѣ называются, депутацій, въ различныхъ центрахъ Италіи и на созданіе многихъ историческихъ обществъ, а также литературнаго общества для чтенія публичныхъ лекцій во Флоренціи. Во главѣ всѣхъ архивовъ стоитъ національный государственный архивъ во Флоренціи, который, благодаря трудамъ графа Гуоли и Энрико Сальгини, доведенъ до такого совершенства, что можетъ поспорить съ любымъ учрежденіемъ подобнаго рода въ Европѣ. Рядомъ съ нимъ надо поставить архивъ итальянской литературы, устроенный ученымъ бібліотекаремъ центральной національной бібліотеки въ той же Флоренціи, Дезидеріо Килови, а также заслуживаютъ вниманія провинціальныя архивы Милана, Венеціи, Турина, Неаполя и т. д. Большой толчекъ историческимъ занятіямъ даютъ историческія депутаціи въ Болонья, Моденѣ, Пармѣ, Венеціи, Римѣ, Флоренціи, Неаполѣ, Генуѣ, Палермо, Туринѣ, Сиенѣ и Мирандонѣ, которыя неустанно откапываютъ новые драгоценныя матеріалы и документы. Историческія общества, которыми очень богата Италія, одинаково энергично работаютъ въ томъ же духѣ, а флорентинское общество публичныхъ лекцій много содѣйствовало тому, что исторія вошла въ моду, какъ среди писателей, такъ и среди читателей. Это общество ежегодно впродолженіе шести лѣтъ устраиваетъ, въ великолѣпной залѣ палатцо Ричарди, длинный рядъ лекцій по исторіи и ли-

¹⁾ *La Littérature italienne contemporaine*, par Henri Montecorboli. *La Nouvelle Revue* 1 novembre 1896.

тературѣ Италіи, при чемъ лекторами бывають не только выдающіеся итальянскіе историки, но и чужестранные ученые. Такъ, наприимѣръ, о Микель-Анджело—Адингтонъ Симонсъ, о скульптурѣ въ эпоху возрожденія—Вернонь-Ли, о королевствѣ Этрурїи при Наполеонѣ—Вогюе. Въ настоящемъ году большинство лекцій, прочитанныхъ во дворцѣ Ричарди, были посвящены первой французской революціи и ея вліянію на Италію, при чемъ антропологическую сторону изучалъ Ломброзо, а социологическую Нотти. Кромѣ всего этого, Монтекорболи указываетъ, какъ на могущественное подспорье историческимъ трудамъ, на цвѣтущее положеніе общественныхъ библіотекъ Италіи, находящихся подъ руководствомъ извѣстныхъ ученыхъ и литераторовъ; такъ во главѣ библіотеки Виктора-Эммануила въ Римѣ стоитъ графъ Гуоли, въ центральной библіотекѣ Флоренціи Деизидеріо Килови. Въ лорефинской библіотекѣ той же Флоренціи — Гвидо Біадлеи, недавно издавшій юношескія произведенія Наполеона, изъ коллекціи Либри, въ маручіельянской библіотекѣ того же города — Бруски, извѣстный составитель итальянскаго словаря Фанфани, въ брерской библіотекѣ въ Миланѣ — Мартини, составившій каталогъ всѣхъ греческихъ рукописей, находящихся въ Италіи, и т. д. Переходя къ современнымъ историкамъ, Монтекорболи указываетъ прежде всего на Паскале Вилари и на недавно умершаго его ученика Лева; первый извѣстенъ своими прекрасными трудами о Саванаролѣ и Макіавели, которые одинаково отличаются основательнымъ изученіемъ предмета и картинностью изложенія. Лева составилъ себѣ громкую славу исторіей Карла V, и хотя его стиль часто небрежный, но онъ подкупаетъ читателя необыкновеннымъ богатствомъ и новизной собранныхъ ихъ матеріаловъ. Рядомъ съ ними можно поставить Дель Лунго, который много потрудился по исторіи Флоренціи и недавно выпустилъ очень характеристичную брошюру о нравственномъ значеніи Флоренціи въ исторіи Италіи, въ которой онъ доказываетъ, что Флоренція была школой политической нравственности не только для Италіи, но и для всего свѣта, такъ какъ въ эпохи всеобщаго преобладанія деспотизма въ ней одной сохранилась свобода, благодаря туземной демократіи, которая не только развивала и поддерживала народную свободу, но сохраняла преданія о ней въ періоды преобладанія тиранніи и, поощряя науки и искусства, всегда держала ророlo e libertà. Совершенно особую группу составляютъ историки, специально изучающіе Савойю, но, не приводя длиннаго списка ихъ именъ, какъ это дѣлаетъ Монтекорболи, укажемъ на самыхъ выдающихся изъ нихъ: Карутти написавшаго дипломатическую исторію Савойскаго двора, и Кларета, автора жизни Карла-Эммануила. Не меньше трудятся другіе молодые историки, о возсозданіи прошлаго своей родины, въ другихъ частяхъ Италіи, такъ Ньеро Карбони нашолъ въ Моденѣ триста подлинныхъ писемъ Андреа Доріа къ дону Феранте Гонзиги, генераль-капитану Карла V, и положилъ ихъ въ основу любопытной книги объ Андреа Доріа, которая бросаетъ новый свѣтъ на тогдашнюю бурную эпоху. Томазини, изъ Рима, взялъ недавно первую премію академіи Dei Lincei за свой основательный трудъ о Макіавели, служащій полезнымъ дополненіемъ къ сочиненію Вилари и замѣчательный тѣмъ, что второй томъ его сгорѣлъ, и автору пришлось написать его сызнова.

Франкетти изъ Флоренціи извѣстенъ своимъ трудомъ о французской революціи, особенно замѣчательнымъ, благодаря критической оцѣнкѣ матеріаловъ. Чезаре Паоли, изъ Флоренціи, сдѣлалъ очень любопытную находку, такъ называемой *libra monteperti*, то-есть счетной книги флорентійской арміи, которая была потеряна во время битвы при Монтеапетри и благодаря которой можно вполне возстановить организацію арміи флорентійской республики. Помпео Мальменти исключительно занимается изученіемъ драгоцѣнныхъ архивовъ Венеціи и недавно еще напечаталъ любопытный очеркъ, подъ названіемъ «Жена Дожа». Если мы заглянемъ въ труды по исторіи итальянской литературы, то увидимъ, что учителями современныхъ писателей по этой отрасли считаются недавно умершіе Бонги и Бартоли, авторы многихъ извѣстныхъ сочиненій о старинныхъ итальянскихъ авторахъ; знаменитый Кардучи, столь же прославившій себя трудами по исторіи и исторіи литературы, какъ произведеніями своей поэтической музы, и Александро Данкона, который написалъ двѣ книги, высокоуважаемыя всеми послѣдователями итальянской литературы: «Зачатки итальянской литературы» и «Зачатки итальянскаго театра». Хотя гораздо моложе указанныхъ писателей, Бонавентура Цумбини заслуживаетъ занять мѣсто рядомъ съ ними. Онъ занимаетъ самымъ блестящимъ образомъ кафедру въ Неаполитанскомъ университетѣ, также какъ Кардучи въ Болоніи, и Анкона въ Пизѣ, и выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ о Леопарди, Боккачіо, Петраркѣ, но наибольшее значеніе изъ всехъ его трудовъ имѣетъ сравнительная современная литература. Все эти учителя исторической науки въ Италіи породили многочисленныхъ учениковъ, изъ которыхъ упомянемъ только самыхъ выдающихся. Первое мѣсто между ними занимаютъ Піо Райна, авторъ серьезныхъ изслѣдованій объ Орlando Фуріозо и происхожденіи французской эпопеи, и Артуро Графъ, сначала исключительно занимавшійся изученіемъ средневѣковыхъ легендъ и написавшій любопытную книгу—Дьяволъ, а въ послѣднее время посвятившій себя исключительно, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ своихъ товарищей, изученію социологическихъ явленій въ прошедшемъ и настоящемъ. Ронкорони Овидіо и Солерти специально занимаются изслѣдованіемъ Торквато Тассо. Фердинандо Мартини, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, одинъ изъ самыхъ любимыхъ лекторовъ въ палатцo Ричарди, издалъ два сочиненія о Діусті: его біографію и переписку. Эрнесто Мазі, также одинъ изъ наилучшихъ флорентійскихъ лекторовъ, недавно напечаталъ очень характеристичный этюдъ о политическомъ вліяніи Альфіери, въ которомъ онъ доказываетъ, что если этотъ писатель такъ сильно вліялъ на людей и литературу своего времени, то главнымъ образомъ потому, что отличался суровой ненавистью къ тирани во всехъ ея видахъ.

С М Ъ С Ъ.

ОДИЧНОЕ засѣданіе общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи въ Москвѣ. 15-го октября, въ большой залѣ политехническаго музея, состоялось годичное засѣданіе императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. По открытіи засѣданія секретарь Г. А. Кожевниковъ прочиталъ годичный отчетъ о дѣятельности общества, его отдѣловъ, отдѣленій и комиссій. Въ отчетномъ, 33-мъ году своего существованія общество лишилось цѣлага ряда крупныхъ, выдающихся своихъ дѣятелей. Въ этомъ году скончались: основатель и почетный членъ

общества профессоръ А. П. Богдановъ и почетные члены: В. А. Дашковъ, Е. А. Покровский, профессоръ А. Г. Столѣтовъ и Л. Рютимейеръ въ Базелѣ. Изъ числа непремѣнныхъ своихъ членовъ общество потеряло: Н. А. Шохина, завѣдывающаго архитектурнымъ отдѣломъ политехническаго музея, извѣстнаго изслѣдователя Туркестана Н. А. Маева и извѣстнаго археолога А. К. Жизневскаго. Въ отчетномъ году общество имѣло 9 засѣданій съ 12-ю рефератами, антропологическій отдѣлъ 6 засѣданій съ 15-ю сообщениями и этнографическій отдѣлъ 9 засѣданій съ 7-ю рефератами, а всего съ засѣданіями отдѣленій физическихъ наукъ, зоологическаго, химическаго, ботаническаго, географическаго и состоящихъ при нихъ комиссій—56 засѣданій, на которыхъ сдѣлано было 136 сообщеній. Въ засѣданіи 11-го января текущаго года общество присудило серебряную медаль извѣстной сказательницѣ былинъ и вопленницѣ, крестьянкѣ Олонецкой губерніи Иривѣ Федосовой, за обогащеніе русской народной поэзіи сложенными ею причитаніями. Изъ имѣющихся при обществѣ премій въ отчетномъ году остались неприсужденными: премія по физикѣ имени В. Н. Мошнина и премія по антропологии имени А. П. Разцвѣтова, которыя под-

лежать присужденію въ будущемъ году вмѣстѣ съ очередными преміями. Кромѣ обычной ежегодной субсидіи, министерствомъ народнаго просвѣщенія отпущено въ отчетномъ году единовременное пособіе на изданіе журнала «Этнографическое Обзорѣніе» 399 руб. 96 коп. Дѣйствительный членъ общества К. П. Солдатенковъ предоставилъ на печатаніе изданій общества сумму въ 300 рублей. Скончавшійся въ прошломъ отчетномъ году непрѣмный членъ общества А. К. Трапезниковъ предоставилъ обществу по духовному завѣщанію 5,000 рублей, изъ которыхъ 1,000 рублей назначаются, согласно волѣ завѣщателя, въ распоряженіе географическаго отдѣленія общества. Изъ командированныхъ обществомъ лицъ для научныхъ изслѣдованій Ф. Д. Нефедовъ производилъ изысканія по доисторической антропологии и по этнографіи въ губерніяхъ: Владимірской, Нижегородской и Костромской, при чемъ разрылъ 185 кургановъ. Добытые имъ скелеты и черепа доставлены въ антропологическій музей, а вещи въ археологическое общество. Изъ отчета по политехническому музею видно, что его посѣтило въ теченіе года 112,219 человекъ, и что помѣщеніе музея расширяется въ настоящее время, такъ какъ ему передана товариществомъ лубяско-ильинскихъ торговыхъ помѣщеній послѣдняя часть третьяго этажа зданія музея въ 290 кв. саж. По прочтеніи отчета провозглашены были имена лицъ, удостоенныхъ премій и наградъ и избранныхъ почетными членами общества. Премія имени его императорскаго высочества великаго князя Сергія Александровича присуждена Ю. Д. Талько-Грынчевичу за его работы по антропологии населенія западной Россіи. Золотыя медали имени почетнаго члена общества А. П. Развѣтова присуждены: С. А. Вайсенбергу за напечатанное имъ антропологическое изслѣдованіе надъ южно-русскими евреями и М. Т. Поротову за изслѣдованіе «Къ антропологии бурятъ. Буряты аларцы». Въ почетные члены общества избраны: Фритъофъ Нансенъ во вниманіе къ его неутомимымъ трудамъ и выдающимся заслугамъ по изслѣдованію сѣверныхъ полярныхъ странъ и въ особенности по совершенію замѣчательной экспедиціи въ область Ледовитаго океана къ сѣверу отъ Сибири и Новой Земли, и Е. И. Якушкинъ во вниманіе къ его капитальнымъ трудамъ въ области обычнаго права и въ благодарность за участіе въ трудахъ этнографическаго отдѣла. Большая серебряная медаль присуждена Н. П. Шимкевичу за обширную, систематически составленную имъ коллекцію по быту приамурскихъ инородцевъ, принесенную имъ въ даръ этнографическому отдѣлу, и за изслѣдованіе по шаманству у гольдовъ. Затѣмъ послѣдовало сообщеніе профессора А. А. Тихомирова: «Борьба за существованіе и эмбріональное развитіе». Лекторъ выставилъ нѣсколько фактовъ, не согласующихся, по его мнѣнію, съ теоріей Дарвина о совершенствованіи формъ путемъ борьбы за существованіе. Профессоръ Н. Е. Жуковский сообщил о гибели воздухоплавателя Отто Лиллѣнталя. Знаменитый аэронавтъ, совершившій множество полетовъ, уже не разъ подвергался опасности погибнуть. Однажды, подхваченный внезапнымъ вѣтромъ, онъ уже готовился къ смерти, но, по счастью, упалъ такъ удачно, что отдѣлался только раной на лицѣ. Это не остановило его упражненій съ летательнымъ аппаратомъ, которыя окончились его гибелью. Роковой полетъ начался благополучно, въ присутствіи помощника Лиллѣнталя, какъ вдругъ налетѣвшій вихрь внезапно

поднялъ воздухоплавателя на большую высоту; аппаратъ его перевернулся въ воздухъ и упалъ какъ камень на землю. Лиліэнталь былъ доставленъ къ доктору, гдѣ на него нашло обморочное состояніе, не оставившее его до самой смерти. Во время сообщенія были показаны портретъ воздухоплавателя, модель его аппарата и многочисленные фотографическіе снимки его полетовъ.

Новыя приращенія Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ. I. Отдѣленіе рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ. Рукописное отдѣленіе Московскаго публичнаго музея обогатилось за послѣднее время слѣдующими цѣнными приношеніями. 1) Наслѣдники Н. В. Гоголя за весьма скромное вознагражденіе передали въ музей всѣ рукописи нашего великаго писателя, бывшія доселѣ у нихъ. Рукописи эти послужили, какъ извѣстно, однимъ изъ главныхъ пособій для послѣднихъ изданій Гоголя подъ редакціей Н. С. Тихонова и В. П. Шенрока. Чтобы судить о важности этого приобрѣтенія, не перечисляя всѣхъ шестъ, входящихъ въ это собраніе, укажемъ только, что здѣсь находятся оригиналы «Ревизора», «Жениховъ», «Записокъ сумасшедшаго», «Портрета», «Ночи предъ Рождествомъ», «Исповѣди», и многого другого, а также записныя книги Гоголя. Интересующіеся подробнымъ описаніемъ этихъ рукописей могутъ найти это въ примѣчаніяхъ къ 7-му тому 10-го изданія сочиненій Гоголя. Кромѣ того, въ музей переданы и другіе матеріалы, бывшіе у наслѣдниковъ: оригиналы извѣстнаго изданія Кулиша, копии Трушковскаго гоголевскихъ рукописей, частію теперь не сохранившихся, письма Гоголя къ матери, Жуковскому, А. П. Толстому, Уварову, Щенкину, письма къ Гоголю Вѣлинскаго, Пушкина, Жуковскаго, Иванова, И. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина и мн. др. (отъ директора музеевъ). 2) Отдѣльно отъ этого собранія поступили слѣдующія письма Гоголя: а) три письма къ графу А. П. Толстому, писанныя во время путешествія въ Іерусалимъ (отъ директора музеевъ) и б) письмо къ князю В. В. Львову отъ 20-го марта 1847 г. (отъ М. В. Волковой). 3) Два пергаментныхъ листа изъ грузинскихъ евангелій X вѣка. II. Библиотека. Въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года приобрѣтенъ у вдовы покойнаго профессора Н. А. Попова весь славянскій отдѣлъ его библиотеки, заключающій въ себѣ около 3-хъ тысячъ книгъ по исторіи, этнографіи и литературѣ славянскихъ племенъ (отъ директора музеевъ). III. Дашковскій этнографическій музей. Изъ приношеній, поступившихъ за послѣдніе мѣсяцы въ Дашковскій этнографическій музей, останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе обширная коллекція (до 340 экземпляровъ) принадлежностей шаманскаго культа тунгусскаго племени гольдовъ, принесенная музеемъ въ даръ П. П. Шимкевичемъ. Систематически подобранная коллекція заключаетъ въ себѣ многочисленные идолы (бурханы) изъ дерева, свинца, серебра, древесной коры и пр. въ формѣ человѣка; нѣкоторые одѣты въ костюмы и снабжены разными атрибутами. Среди бурхановъ можно отмѣтить изображенія звѣрей—тигровъ, медвѣдей, кабановъ, птицъ реальныхъ и фантастическихъ, рыбъ, пресмыкающихся и проч. Къ принадлежностямъ культа относятся также всевозможные амулеты, флаги всякихъ видовъ, одѣянія шамановъ, а также шаманскія орудія: палки, бубны, колотушки. Всѣ эти атрибуты найдутъ себѣ подробное объясненіе въ печатаемомъ г. Шимкевичемъ описаніи шаманскаго культа у гольдовъ. Другой

не менѣ цѣнный даръ г. Шимкевича представляетъ составленная имъ богатая коллекція гольдскихъ узоровъ, вырѣзанныхъ изъ бумаги. Среди всевозможныхъ сплетеній въ узорахъ являются также стилизованныя фигуры птицъ, рыбъ и другихъ животныхъ.

Историческое общество. I. Въ первомъ засѣданіи историческаго общества докладчикомъ выступилъ В. Д. Спасовичъ, прочитавшій рефератъ: «Адольфъ Павинскій, какъ историкъ польскаго сеймика». Докладчикъ началъ свой рефератъ сообщеніемъ о своемъ знакомствѣ съ польскимъ историкомъ, начавшимся въ 60-хъ годахъ. Въ это время В. Д. Спасовичъ еще только начиналъ свою профессорскую дѣятельность. Павинскій былъ студентомъ С.-Петербургскаго университета, но курсъ окончилъ въ Юрьевскомъ и затѣмъ слушалъ лекціи въ нѣсколькихъ заграничныхъ университетахъ. Профессорствовалъ онъ въ Варшавѣ, гдѣ и скончался отъ прогрессивнаго паралича. Его профессорская дѣятельность совпала какъ разъ со временемъ политическаго броженія въ Польшѣ. Павинскій былъ въ сторонѣ отъ этого движенія и былъ занятъ только наукой, заботясь лишь о правдѣ житейской и о правдѣ научной. Онъ былъ также и однимъ изъ лучшихъ переводчиковъ научныхъ и популярныхъ сочиненій на польскій языкъ. Имъ издано 14 томовъ источниковъ, составляющихъ цѣнный вкладъ въ историческую литературу. Далѣе референтъ изложилъ тотъ методъ, котораго держался Павинскій въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, и выяснилъ значеніе его работъ о сеймикахъ и о роли послѣднихъ въ исторической жизни Рѣчи Посполитой. II. Въ засѣданіи 30-го октября имѣлъ мѣсто докладъ профессора А. А. Исаева о новой книгѣ Кидда объ эволюціи общества. Киддъ ставитъ во главѣ угла общественнаго зданія религіозный факторъ; вся эволюція основана на развитіи религіознаго чувства, а разумъ не играетъ при этомъ почти никакой роли. Всѣ историческія событія Киддъ и объясняетъ съ этой точки зрѣнія. Напримѣръ, въ 1870 г. Германія побѣдила Францію, потому что въ послѣдней религіозное чувство упало сравнительно съ первой. Религіозное чувство является источникомъ альтруизма; оно же умѣряетъ послѣдствія борьбы за существованіе. Слабѣйшіе, побѣждаемые въ этой борьбѣ, находятъ опору и утѣшеніе въ религіозномъ чувствѣ. Экономическимъ факторамъ Киддъ отводитъ одну изъ послѣднихъ ролей. Соціализмъ онъ отрицаетъ, такъ какъ онъ основанъ на стремленіи уничтожить борьбу за существованіе. Въ настоящее время, не смотря на развитіе альтруистическихъ чувствъ, борьба за существованіе не только не уменьшается, а, наоборотъ, увеличивается. Изъ этого слѣдуетъ, что ея исчезновеніе невозможно.

Археологическое общество въ С.-Петербургѣ. I. 11-го октября, состоялось засѣданіе восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества, подъ предѣлательствомъ барона В. Р. Розена. Сообщение было сдѣлано В. Д. Смирновымъ на тему: «Сказаніе о Шейлокѣ въ турецкой версіи». Сказаніе это найдено В. Д. Смирновымъ въ одномъ сборникѣ османской новелистики, сохранившемся въ рукописи XVI вѣка. Здѣсь есть разсказъ о еврейѣ, требующемъ по уговору осуществленія своего права вырѣзать у своего должника кусокъ мяса изъ какой угодно части тѣла. Дальнѣйшее теченіе разсказа обращается къ сюжету о судѣ и вполне напоминаетъ извѣстную повѣсть о

Шемякиномъ судѣ. Въ томъ же засѣданіи баронъ В. Р. Розенъ представилъ вниманію собранія фототипическое воспроизведеніе сборника испанско-арабской поэзіи: «Диванъ Ибнъ-Хозмана» (т. е. поиспански Гузмана), исполненное въ Петербургѣ у Вильборга, по заказу барона Гинцбургга. Гузманъ, испанецъ, писавшій поарабски, авторъ XII вѣка. Единственный сохранившійся сборникъ его стихотвореній заключается въ рукописи XIII вѣка, составляющей собственность азіатскаго департамента нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. II. 14-го октября, состоялось засѣданіе классическаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества, подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго. Доложены были сообщенія Б. В. Фармаковскаго («Стѣнная живопись микенской эпохи») и С. А. Жебелева («Левинская надпись—рецептъ» и «О новомъ изданіи Павзанія»). Б. В. Фармаковскій сообщаетъ свои выводы и соображенія относительно открытаго въ 1893 году фрагмента пола Микенскаго дворца съ изображеніемъ въ краскахъ торса мужской фигуры. По мнѣнію Н. П. Кондакова, сказанный фрагментъ представляетъ образчикъ техники поливныхъ кирпичей, на что указываетъ рельефно выступающій вокругъ всей фигуры контуръ. С. А. Жебелевъ, какъ авторъ книги «Религіозное врачеваніе въ древней Греціи» (С.-Петербургъ, 1893 г.), останавливается на вновь прочитанныхъ двухъ надписяхъ, найденныхъ на островѣ Критѣ и принадлежавшихъ къ левинской святыни Асклепія. Въ этихъ надписяхъ благодарность за исцѣленіе сопровождается указаніемъ примѣннаго средства, примѣняемаго и въ современной медицинѣ. Новое изданіе Павзанія (*Pausaniae Graeciae Descriptio*) произведено подъ редакцію Hitzig'a и Blumenthal'a и отличается полнотою комментарія. Вышедшій первый томъ заключаетъ въ себѣ первую книгу Павзанія. III. 29-го октября, состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества, подъ предсѣдательствомъ С. Θ. Платонова. Сдѣланы сообщенія С. В. Рождественскій («О служниихъ земляхъ»), С. Θ. Платоновъ («Какъ сложилась территория опричнины») и Н. К. Рерихъ («Раскопки послѣднихъ лѣтъ въ курганахъ Водской пятины»). С. В. Рождественскій, встрѣтивъ терминъ служниихъ земель во 2-й Тверской писцовой книгѣ, истолковываетъ этотъ видъ землевладѣнія, существовавшаго въ срединѣ XVI вѣка, какъ владѣніе землями, жалованными князьями ихъ слугамъ въ наслѣдственное владѣніе подъ условіемъ службы. С. Θ. Платоновъ, въ своемъ рефератѣ, вопросъ о территоріи опричнины разрѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что въ опричнину были записаны по преимуществу города, составлявшіе этапные пункты по торговымъ путямъ. Н. К. Рерихъ ознакомилъ собраніе съ результатами имъ произведенныхъ раскопокъ, являющихся продолженіемъ археологическихъ розысканій покойнаго Л. К. Ивановскаго.

Географическое общество. Изъ двухъ засѣданій общества—11-го октября по отдѣленію этнографіи и 18-го октября соединенныхъ отдѣленій математической и физической географіи, мы остановимся главнымъ образомъ на первомъ, какъ на имѣющемъ болѣе общій интересъ. Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ В. П. Ламанскаго. Первое сообщеніе о своей поѣздкѣ къ теленгетамъ на Алтай сдѣлалъ студентъ С.-Петербургскаго университета Калачовъ. Алтайскіе калмыки до 1865 года были двоedanцами, т. е. платили

подати и русскому, и китайскому правительству; въ настоящее время они дѣлятся на двѣ чуйскія волости, управляемая «зайсангами» изъ богатыхъ родовъ теленгетовъ, которые утверждаются мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ. Не только инородцы эти, которыхъ нынѣ насчитываютъ около 35 тысячъ, мало изслѣдованы, но даже названіе ихъ окончательно не установлено. Такъ, многіе этнографы называютъ ихъ теленгутами и проч. Такое наименованіе, — по словамъ докладчика, — нѣкоторые инородцы считаютъ для себя не только обиднымъ, но даже браннымъ. Занимая большую территорію на Алтайскомъ хребтѣ, начиная отъ р. Аркуты, они, подобно другимъ инородцамъ, хотя медленно, но прогрессивно вымираютъ. Живя среди дикой мѣстности и суроваго климата, они занимаются преимущественно звѣроловствомъ. Нельзя не удивляться ихъ отвагѣ во время охоты: пробѣгая въ погонѣ за оленемъ или другимъ какимъ животнымъ въ часѣ нѣсколько десятковъ верстъ, теленгетъ на своихъ лыжахъ не устрашается никакихъ пропастей и утесовъ и съ одинаковой легкостью и быстротой скользить по нимъ, пока не достигнетъ намѣченной жертвы. Звѣря тамъ еще много, но, къ несчастью, онъ не доставляетъ прибыли инородцу, который за бездѣнокъ продаетъ пушнину торговцу-кулаку, а въ обмѣнъ за это получаетъ сквернаго качества товаръ и по высокой цѣнѣ. Спаиваніе водкой этихъ дѣтей природы, остающихся по настоящее время язычниками, вымогательства и взятки достигли широкихъ размѣровъ, и вотъ чѣмъ объясняется, что среди нихъ трудно найти уже богатыхъ людей, а повсюду царитъ бѣдность и нищета. Кончается зима, а вмѣстѣ съ ней и охота для теленгета. Лѣтомъ теленгетъ гонитъ арака, выдѣлываетъ кумысъ и проч. Въ послѣднее время гонка арака подверглась преслѣдованію и вызвала, вмѣстѣ съ тѣмъ, недоразумѣнія среди инородцевъ, опирающихся, какъ они говорятъ, на какую-то грамоту, дарованную имъ Петромъ I на право гонки арака. По окончаніи лѣтнихъ работъ, теленгеты устраиваютъ пирушки и свадьбы, на которыхъ непременно фигурируетъ музыка въ родѣ нашей балалайки. Всякая же такая пирушка, по словамъ докладчика, непременно оканчивается поголовной дракой, какъ неизбѣжной принадлежностью веселья. Что касается административнаго ихъ устройства, то оно находится на первобытной ступени развитія. У нихъ существуетъ третейскій судъ, въ который избираютъ по три человѣка съ каждой стороны, и этотъ судъ признается безапелляціоннымъ. Въ заключеніе докладчикъ выразилъ увѣренность, что теленгетамъ не дадутъ погибнуть, какъ народу доброму, честному и даровитому и способному быть полезнымъ для своей страны. Второе сообщеніе было сдѣлано В. Н. Кузнецовымъ о поѣздкѣ въ Болгарію. Оставляя въ сторонѣ первую часть доклада, въ которой авторъ говоритъ о громадномъ археологическомъ матеріалѣ, еще совершенно не изслѣдованномъ въ Болгаріи, перейдемъ къ его бытовой сторонѣ. Болгары очень любятъ заниматься политическими вопросами, это отличительная черта ихъ характера; въ любой захолустной деревнѣ вы услышите политическіе разговоры, нерѣдко оканчивающіеся кровопролитной дракой; при обиліи политическихъ партій можно встрѣтить семьи, въ которыхъ отецъ — стамбуловецъ, а его взрослые сыновья — каравеловцы или радослависты. Турецкія звѣрства, о которыхъ въ свое время такъ много писалось и говорилось, на са-

момъ дѣлѣ преувеличенъ до невѣроятности; напротивъ того, гдѣ только докладчику ни приходилось бывать въ Болгаріи, онъ всюду слышалъ отъ стариковъ сѣтованія на настоящее положеніе дѣлъ и даже сожалѣнія о прошломъ; по словамъ самихъ болгаръ, имъ гораздо легче жилось подъ турецкимъ владычествомъ, чѣмъ теперь. Земледѣліе, промышленность и торговля страшно упали, чему авторъ привелъ цѣлый рядъ доказательствъ. Во время турецкаго владычества насчитывали до 450 ремесленныхъ заведеній, а теперь ихъ осталось только 58.—Въ засѣданіи 18-го октября генераль А. А. Тилло познакомилъ присутствовавшихъ съ нелишними интереса результатами магнитной съемки, произведенной въ Курской губерніи прошлымъ лѣтомъ по порученію общества французскимъ ученымъ г. Муру. Отчетъ объ экспедиціяхъ, снаряженныхъ обществомъ, показалъ, что г. Погеншоль на Кавказъ не ѣздилъ; экспедиція г. Звѣринцева удалась за его болѣзнию не вполнѣ. Прекрасные въ въ научномъ отношеніи результаты дала экспедиція гг. Буша и Россикова и особенно богатые—г. Липскаго. Въ іюль-августъ 1897 г. намѣченъ международный геологическій конгрессъ. Засѣданіе закончилось докладомъ Р. Н. Савельева о произведенныхъ имъ актинометрическихъ работахъ.

Этнографическій отдѣлъ императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи въ Москвѣ. 28-го октября въ зданіи Политехническаго музея состоялось засѣданіе этнографическаго отдѣла императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. На засѣданіи было прочитано два доклада: Н. Н. Харузинымъ «Изъ поѣздки къ переселенцамъ въ Кулундинскую степь» и М. В. Довнаръ-Запольскимъ «Свадебный ритуалъ у древнихъ индусовъ въ сравненіи съ обрядами другихъ народовъ». Работа г. Харузина знакомитъ съ результатами его изслѣдованій въ Барнаульскомъ округѣ, Томской губерніи, бытовыхъ условій мѣстныхъ переселенцевъ. Условія эти, какъ показываютъ сообщаемыя докладчикомъ подробности, во многихъ случаяхъ неудовлетворительны; причинами этого неудовлетворительнаго явленія весьма часто служатъ — неудачный со стороны переселенцевъ выборъ мѣстностей для поселеній и та вражда, съ какою коренные сибиряки относятся къ переселенцамъ. Фактъ существованія этой вражды, по замѣчанію докладчика, не исключаетъ, однако, случаевъ благотворнаго вліянія переселенцевъ на сибиряковъ. Это бываетъ въ особенности тогда, когда болѣе культурные переселенцы успѣваютъ такъ обставить свое существованіе, что его аксессуары становятся предметами заимствованія для менѣе культурныхъ сибиряковъ. Такъ, напримѣръ, сибиряки перенимаютъ у переселенцевъ болѣе совершенные приемы воздѣлыванія земли. Второй докладчикъ г. Довнаръ-Запольскій представилъ довольно подробный очеркъ свадебныхъ обрядовъ у древнихъ индусовъ, указалъ ихъ религіозное и нравственное обоснованіе и сравнилъ древне-индускіе свадебные обряды съ обрядами той же категоріи у другихъ, болѣе близкихъ къ намъ по времени своего существованія народовъ. Цѣлью сравненія послужило желаніе показать, что странные и непонятные обычаи и обряды, встрѣчаемые кое-гдѣ даже и въ настоящее время, могутъ находить себѣ объясненіе въ историческпхъ параллеляхъ.

Психологическое общество въ Москвѣ. 12-го октября, въ физической

аудитории императорскаго Московскаго университета было засѣданіе психологическаго общества посвященное памяти Декарта по поводу истекающаго 300-лѣтія его рожденія. На это засѣданіе собралось такое громадное количество публики, что, не смотря на значительную вмѣстимость физической аудитории, весьма многіе не нашли себѣ въ ней мѣста, а стояли въ корридорѣ, на лѣстницѣ и въ раздѣвальныхъ помѣщеніяхъ. Въ самой залѣ было такъ душно и жарко, что секретарь общества сначала было объявилъ публикѣ объ отмѣнѣ засѣданія и о томъ, что засѣданіе будетъ назначено вторично въ болѣе обширномъ помѣщеніи историческаго музея. Тогда студенты университета, присутствовавшіе въ аудиториі въ очень большомъ числѣ, рѣшили удалиться и дать тѣмъ возможность посторонней публикѣ помѣститься въ аудиториі. Засѣданіе началось вступительнымъ словомъ предсѣдателя «о жизни и личности Декарта». Н. Я. Гротъ отмѣтилъ значеніе настоящаго научнаго праздника и передалъ біографію Декарта, давая краткую характеристику его, какъ преданнаго и самоотверженнаго труженника во славу науки. За нимъ на кафедре взошелъ Л. М. Лопатинъ, прочитавшій рѣчь «о Декартѣ, какъ основателѣ новаго философскаго и научнаго міросозерцанія». Въ началѣ рѣчи ораторъ назвалъ Декарта «творцомъ современнаго міровоззрѣнія», чѣмъ и объясняется громадное вліяніе, оказанное и до сихъ поръ оказываемое Декартомъ на науку. Затѣмъ г. Лопатинъ изложилъ основные принципы ученія Декарта, объяснилъ основную форму — *cogito ergo sum*, отмѣчая при этомъ необыкновенную простоту Декартовскаго міросозерцанія. Перечисляя недостатки философіи Декарта, изъ которыхъ главный состоитъ, по мнѣнію лектора, въ разграниченіи матеріи отъ духовнаго начала, г. Лопатинъ закончилъ свою рѣчь подъ громкіе аплодисменты публики. Послѣ перерыва говорилъ Н. А. Умовъ о «значеніи Декарта въ исторіи физическихъ наукъ».

Новое археологическое общество. Министерствомъ народнаго просвѣщенія утвержденъ уставъ археологическаго общества въ городѣ Перновѣ. Согласно уставу, въ кругъ дѣятельности общества входитъ: а) собраніе историческихъ и археологическихъ памятниковъ и рукописей; б) обсужденіе историческихъ вопросовъ, рассмотрѣніе вновь открытыхъ матеріаловъ и вновь появляющихся изслѣдованій; в) изданіе трудовъ общества и г) устройство публичныхъ чтеній. Коллекціи общества должны храниться въ городскомъ музеѣ, при которомъ можетъ быть учреждена и бібліотека.

† **А. Г. Брикнеръ.** 4-го ноября, въ Германіи, въ г. Іенѣ, скончался давнишній сотрудникъ «Историческаго Вѣстника», профессоръ Александръ Густавовичъ Брикнеръ. Уроженецъ С.-Петербурга (род. 24-го іюля 1834 года), покойный получилъ первоначальное образованіе въ Петронавловскомъ училищѣ и первое время по окончаніи курса посвятилъ было себя торговымъ дѣламъ; но затѣмъ, въ 1857 году, онъ поѣхалъ за границу—слушать университетскій курсъ въ Гейдельбергѣ, Іенѣ и Берлинѣ, гдѣ посѣщалъ лекціи Гейссера, Дройзена и Ранке. Диссертация «*Der Reichstag zu Worms. Die Verhandlungen über das Reichsregiment 1521*» доставила ему въ Гейдельбергѣ въ 1860 г. степень доктора философіи и открыла, по возвращеніи въ Петербургъ, двери въ училище Правовѣднія, на кафедру всеобщей исторіи (1861—1867). Въ 1864 г.,

защитивъ уже въ Россіи, въ С-Петербургскомъ университетѣ, магистерскую диссертацию «Мѣдныя деньги въ Россіи (1656—1663) и денежныя знаки въ Швеціи (1716—19)», онъ сталъ читать тамъ лекціи на положеніи приватъ-доцента, а въ 1867 г. Дерптскій университетъ возвелъ его въ степень доктора всеобщей исторіи за новый трудъ: «Finanzgeschichtliche Studien, Kupfersgeldkrisen». Послѣ того въ теченіе четырехъ лѣтъ Брикнеръ занималъ каѳедру всеобщей исторіи въ Одессѣ, пока не перешелъ въ 1872 г. въ Юрьевскій (тогда еще Дерптскій) университетъ на каѳедру русской исторіи. Здѣсь онъ оставался въ теченіе 19 лѣтъ, до 1891 г., потомъ еще годъ числился профессоромъ Казанскаго университета и, выйдя въ отставку, переѣхалъ на постоянное мѣсто-жительство въ Германію, въ городъ Іену.

Наибольшей извѣстностью изъ произведеній покойнаго пользуются исторіи Екатерины II и Петра Великаго, роскошно изданныя А. С. Суворинимъ на русскомъ языкѣ. Всего еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ появился объемистый томъ его новой «Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrhunderts» въ Герренъ-Укертовской серіи «Geschichte des europäischen Staaten». Работа была разсчитана на два тома и въ выпедшемъ доведена до смерти Петра Великаго. Изъ другихъ крупныхъ работъ Брикнера выдѣляются: «Die Europäisierung Russlands», «Иванъ Посошковъ, какъ экономистъ», «Русскіе туристы-дипломаты въ Италиі въ XVII столѣтіи», «Beiträge zur Culturgeschichte Russlands im XVII Jahrhundert», «П. Гордовъ и его дневникъ», «Der Zarewitsch Alexei», монографія о Потемкинѣ, «Матеріалы для жизнеописанія гр. Н. П. Панина» въ 7 томахъ, переработка книги Васильчикова: «Семейство Разумовскихъ», на французскомъ языкѣ, тоже многотомная. Это все отдѣльными изданіями. Множество журнальныхъ статей на половину представляютъ изъ себя работы весьма солидныхъ размѣровъ. Статьи эти разбѣяны по многочисленнымъ журналамъ, каковы: «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», «Древняя и Новая Россія», «Историческій Вѣстникъ», «Вѣстникъ Европы», «Русскій Вѣстникъ», «Русская Мысль», «Новое Слово», «Русское Обозрѣніе», «Нива», «Russische Revue», «Baltische Monatschrift», «Historische Zeitschrift», «Globus» и мн. др. За послѣдніе годы жизни покойный предиринималъ обширныя розысканія въ архивахъ вѣнскомъ, парижскомъ, дрезденскомъ, копенгагенскомъ и др., готовя пространную исторію Россіи въ періодъ 1725—1762 гг., долженствовавшую, по его мысли, стать связующимъ звеномъ между ранѣ появившимися трудами его: «Исторіей Петра Великаго» и «Исторіей Екатерины II». Слѣды этихъ архивныхъ занятій можно видѣть уже въ тѣхъ статьяхъ, что недавно были опубликованы имъ въ повременныхъ изданіяхъ. На эти статьи можно было смотрѣть, какъ на первый приступъ къ осуществленію намѣченнаго плана. Обширныя и разностороннія свѣдѣнія покойнаго и мало свойственная русскимъ ученымъ живая потребность въ постоянной литературной дѣятельности чрезвычайно благопріятствовали успѣху избранныхъ имъ занятій—популяризаціи въ Россіи и особенно за границей достовѣрныхъ научныхъ свѣдѣній по русской исторіи. Въ этомъ отношеніи имъ было безспорно сдѣлано очень много, и эти заслуги искупаютъ то обстоятельство, что ученый покойный не былъ крупной творческой силой и не сыгралъ замѣтной роли. Въ китайской стѣнѣ,

отдѣляющей нашу университетскую науку отъ живаго интереса обширной массы читателей, Брикнеръ пробилъ нѣсколько крупныхъ брешей, и если спеціалисты не многому могутъ научиться въ его произведеніяхъ, то, напротивъ, не спеціалисты знакомились въ нихъ съ сущностью и результатами многихъ неудобочитаемыхъ и никому неизвѣстныхъ изслѣдованій. («Новое Время», № 7435; «Русскія Вѣдомости», № 310; «Новости», № 306; «Виржевыя Вѣдомости», № 309; «Русское Слово», № 303).

† **А. П. Боголюбовъ.** 26-го октября, въ Парижѣ скончался одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ, профессоръ живописи морскихъ видовъ, Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ. Покойный родился 16-го марта 1824 года, въ с. Помераньѣ, Новгородской губерніи, воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и началъ службу во флотѣ. Его выдающіяся способности къ рисованію и живописи обратили на себя вниманіе еще въ бытность покойнаго морякомъ, причемъ онъ едва жестоко не поплатился еще на корпусной скамьѣ за свои каррикатуры. Въ 1849 году ему представился случай показать свои рисунки тогдашнему президенту академіи художествъ герцогу Лейхтенбергскому, который пригласилъ А. П. сопутствовать ему въ путешествіи на островъ Мадеру въ числѣ офицеровъ корабля «Камчатка». Герцогъ, видя выдающееся дарованіе покойнаго, настойчиво совѣтовалъ ему посвятить себя всецѣло искусству. Въ 1850 году А. П. поступилъ, будучи лейтенантомъ, въ академію художествъ, учился у профессоровъ М. Н. Воробьева и В. П. Виллевалде, написалъ нѣсколько картинъ, получилъ высочайшіе подарки за два вида Кронштадтской гавани и за картину «Наводненіе въ Кронштадтской гавани въ 1824 году», вторую золотую медаль за три картины: «Видъ Смольнаго монастыря», «Вой брига «Меркурій» съ турецкими кораблями» и «Отбытіе герцога Лейхтенбергскаго изъ Лиссабона», первую золотую медаль за работы по программѣ: три вида Ревеля и «Видъ Петербурга отъ взморья», и въ 1853 году кончилъ академическое художественное образованіе, получивъ тотчасъ по окончаніи курса приглашеніе занять должность художника главнаго морского штаба. Въ качествѣ морского художника покойный исполнилъ по высочайшему заказу рядъ морскихъ батальныхъ картинъ, дѣлалъ рисунки для цѣлей нашего морского вѣдомства и совершилъ нѣсколько путешествій по Россіи и Европѣ для собранія художественнаго матеріала. Отправленный весной 1854 года за границу въ качествѣ пенсіонера академіи на три года, А. П. пользовался въ Женевѣ совѣтами знаменитаго Калама, въ Парижѣ избралъ руководителемъ своихъ занятій извѣстнаго Изабе и два года учился у знаменитаго мариниста Андрея Ахенбаха. Живя въ Италіи, онъ написалъ «Видъ Соренто», «Римскую ночь», «Бурный видъ острова Капри», «Вечеръ въ Неаполѣ». По возвращеніи изъ-за границы, гдѣ художникъ пробылъ семь лѣтъ, онъ привезъ цѣлую серію картинъ крымской войны, исполненныхъ по заказу покойнаго государя Николая I, за что былъ признанъ единогласно совѣтомъ академіи профессоромъ. Изъ капитальныхъ картинъ этого періода художественной дѣятельности Боголюбова назовемъ «Синопъ» и «Взятіе парохода Первазь-Бахре». Императоръ Александръ Николаевичъ, оцѣнивъ его труды, поручилъ ему написать въ картинахъ исторію флота временъ Петра Великаго. Последняя турецкая война въ

черноморскихъ и дунайскихъ подвигахъ нашихъ моряковъ также была написана А. П. въ шести картинахъ, которыя съ предыдущими серіями составляютъ пополненіе военнаго отдѣла военной галереи императорскаго Зимняго дворца. Кромѣ названныхъ работъ, по порученію гидрографическаго департамента морского министерства, Боголюбовъ съ капитанами Р. И. Баженовымъ и К. Ф. Кроуномъ плавалъ нарочно по балтійскимъ портамъ, Финскому заливу и шхерамъ, для исполненія атласа, изображая берега и промѣрные мѣста портовъ и шхерныхъ проходовъ. Такой же атласъ былъ имъ исполненъ подъ руководствомъ извѣстнаго нашего гидрографа, капитана И. А. Ивашенцова, въ Каспійскомъ морѣ. Не говоря о множествѣ специально морскихъ картинъ, написанныхъ покойнымъ, нельзя не отмѣтить сдѣланную имъ услугу морскому министерству въ образованіи извѣстнаго нашего морского художника А. К. Бегрова и другого тоже талантливаго пенсионера морского вѣдомства Н. Н. Гриценко, сопровождавшаго государя императора Николая Александровича въ бытность его величества наследникомъ цесаревичемъ въ его заграничномъ плаваніи. Путешествія покойнаго по Волгѣ, Камѣ и Каспійскому морю дали ему богатый матеріалъ для исполненія многихъ большихъ картинъ, изъ которыхъ назовемъ «Видъ Казани въ розливъ», «Нижній Новгородъ съ колокольнаго базара», «Ипатьевскій монастырь» и «Видъ Баку». Наибольше плодотворными для работъ Боголюбова были также путешествія въ 1863 г. въ свитѣ покойнаго цесаревича Николая Александровича по Волгѣ и въ Крымъ, затѣмъ пребываніе въ 1866 г. въ свитѣ въ Бозѣ почивающаго императора Александра III во время путешествія по Россіи и въ Данію. 24 картины и до 200 рисунковъ видовъ мѣстностей съ натуры—были плодомъ творчества покойнаго въ эти три-четыре года. Одновременно А. П. занимался живописью съ его императорскимъ величествомъ великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ. Изъ послѣдующихъ художественныхъ произведеній покойнаго отмѣтимъ «Фрегатъ Александръ Невскій», «Выходъ на берегъ изъ буруновъ великаго князя Алексѣя Александровича и его свиты», «Молебствіе послѣ крушенія»—ночной пейзажъ (двѣ послѣднія замѣчательныя картины вызваны крушеніемъ фрегата «Александръ Невскій» у береговъ Ютландіи), «Бомбардированіе Петропавловска въ Камчаткѣ», «Абордажное дѣло со шведами въ устьяхъ Невы въ 1703 году», «Походъ Петра I въ Дербентъ»—утро послѣ бури, «Высадка русскихъ войскъ въ Аграханскомъ заливѣ при Петрѣ Великомъ», «Гренгамское морское сраженіе», «Хожденіе Иисуса по водамъ», «Проповѣдь Иисуса къ народу съ лодки» (обѣ исполнены для русской посольской церкви въ Парижѣ), «Двухсотлѣтній петровскій юбилей на Невѣ» (фигуры въ этой картинѣ нарисованы покойнымъ профессоромъ К. Θ. Гуномъ), «Ледоходъ на взморьѣ Петербурга», «Пожаръ въ Кронштадтѣ», «Невское взморье», «Дѣло лейтенанта Скрыдлова съ турецкимъ пароходомъ на Дунаѣ подъ Русукомъ», «Взрывы турецкихъ мониторовъ въ Мачинскомъ рукавѣ въ виду города Браилова» и др. Изъ крупныхъ произведеній А. П. послѣдняго времени главныя относятся къ событіямъ изъ жизни нашего флота, происходившимъ въ высочайшемъ присутствіи, или къ морскимъ торжествамъ, такъ что въ этомъ отношеніи Боголюбову по всей справедливости долженъ принадлежать титулъ живописца-исторіографа нашего морского дѣла

со времени крымской кампаніи. Изъ прочихъ его произведеній съ русскими сюжетами одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ видамъ Москвы и Петербурга. Не смотря на всю свою обширную художественную производительность, А. П. успѣвалъ ежегодно изготовлять нѣсколько произведеній для выставокъ «товарищества передвижныхъ выставокъ», въ которомъ онъ принималъ дѣятельное участіе. Кромѣ того, покойный оставилъ по себѣ память устройствомъ въ городѣ Саратовѣ «Музея имени А. Н. Радищева», которому онъ приходился роднымъ внукомъ, и при немъ художественно-промышленной школы. Наконецъ, въ самое недавнее время возбудили всеобщій интересъ воспоминанія покойнаго объ императорѣ Александрѣ III, котораго онъ пользовался особымъ расположеніемъ («Правительственный Вѣстникъ», 1895 г., №№ 158—159). Проводя въ послѣднее время постоянно зимы въ Парижѣ по слабости здоровья, покойный и здѣсь не жилъ безъ пользы художественно-общественной. По его инициативѣ съ нѣкоторыми проживающими здѣсь товарищами-художниками образовано весьма скромное, но полезное общество взаимнаго вспоможенія русскихъ художниковъ, которое, благодаря субсидіи отъ государя императора, даетъ пріютъ и возможность молодымъ художникамъ работать въ общественной мастерской съ натуры безъ всякихъ затратъ. Болѣе 15 лѣтъ А. П., по выбору своихъ собратьевъ, предѣлательствовалъ въ комитетѣ общества. («Новое Время», № 7.425; «Московскія Вѣдомости», № 297; «Русское Слово», № 291; «Новости», № 298; «С.-Петербургскія Вѣдомости», № 297).

† **Архіепископъ Савва.** 13-го октября, въ Твери скончался старѣйшій русскій архипастырь, докторъ церковной исторіи, высокопреосвященный Савва. Архіепископъ Савва, въ мѣрѣ Иванъ Михайловичъ Тихомировъ, сынъ псаломщика с. Палеха, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи, родился 15-го мая 1819 г. Первоначальное образованіе получилъ въ шуйскомъ духовномъ училищѣ, среднее — во владимірской семинаріи. По окончаніи семинарскаго курса, со званіемъ студента, семинарскимъ начальствомъ ему предложено было поступить въ Московскую духовную академію, но онъ отказался по болѣзни. Впродолженіе почти двухъ лѣтъ (съ 1842 года) былъ священникомъ при муромскомъ соборѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ учителемъ 1-го класса духовнаго училища. Смерть сына и супруги побудила молодого священника поступить въ московскую духовную академію, въ которой онъ окончилъ курсъ магистромъ 1850 года. Въ академіи на 2-мъ курсѣ онъ принялъ и монашество, съ именемъ Саввы. По избраніи московскимъ митрополитомъ Филарета, іеромонахъ Савва назначенъ былъ ризничимъ въ московскую синодальную (бывшую патріаршую) ризницу. Здѣсь онъ сразу выдвинулся своимъ замѣчательнымъ трудомъ: «Указатель для обозрѣнія московской патріаршей (синодальной) ризницы и библіотеки». Изданіе это было повторено въ болѣе обширномъ видѣ въ 1858 г. Этотъ ученый трудъ удостоенъ былъ академіей наукъ Демидовскою преміи. Вскорѣ ризничій Савва возведенъ былъ въ санъ архимандрита — званіе, котораго до него никто изъ ризничихъ не имѣлъ. Указомъ святѣйшаго синода отъ 18-го мая 1859 г., архимандритъ Савва опредѣленъ былъ ректоромъ московской духовной семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ, а потомъ (1861 г.) назначенъ былъ и ректоромъ Московской духовной академіи. Въ концѣ 1862 г. возве-

день въ санъ епископа—викарія московской митрополіи; въ 1866 году назначенъ на самостоятельную архіерейскую каѳедру въ Витебскъ; въ 1874 г. перемѣщенъ въ Харьковъ. Въ 1879 г. епископъ Савва переведенъ былъ въ Тверь, оставаясь здѣсь на каѳедрѣ до послѣдняго времени. Ко дню коронаванія государя императора высокопреосвященный Савва за свои многолѣтніе архипастырскіе труды удостоенъ былъ брилліантоваго креста для ношенія на клобукѣ. Почившій архипастырь въ ряду современныхъ іерарховъ русской церкви извѣстенъ, какъ собиратель и издатель разнаго рода церковно-историческихъ матеріаловъ, но большей части весьма важныхъ и для развитія историческаго самосознанія въ нашемъ отечествѣ и для разныхъ отраслей научнаго труда. При этомъ трудъ собиранія и изданія матеріаловъ не былъ у высокопреосвященнаго трудъ механической, а глубоко осмысленный, съ обширными примѣчаніями, сопровождающими его. Кромѣ «Указателя», въ числѣ учено-литературныхъ трудовъ высокопреосвященнаго слѣдуетъ особенно отмѣтить: «Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей московской синодальной бібліотеки VI—XVII вѣка», «Письма московскаго митрополита Филарета къ покойному архіепископу тверскому Арсенію, 1843—1867 годовъ», «Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита московскаго и коломенскаго, по учебнымъ и церковно-общественнымъ вопросамъ» и, какъ особое, но примыкающее къ сему изданію «Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита московскаго и коломенскаго, по дѣламъ православной церкви на Востокѣ»; далѣе: «Письма Филарета, митрополита московскаго и коломенскаго, къ высочайшимъ особамъ и разнымъ другимъ лицамъ», «Воспоминанія о высокопреосвященномъ Леонидѣ, архіепископѣ ярославскомъ и ростовскомъ», и нѣкоторые другіе. За свои ученые труды архіепископъ Савва въ 1894 г., по опредѣленію совѣта Московской духовной академіи, удостоенъ былъ степени доктора церковной исторіи. Послѣ почившаго архипастыря осталась богатая бібліотека; большая часть ея высокопреосвященнымъ пожертвована московской духовной академіи. («Новое Время», № 7412; «Русское Слово», № 277; «Московскія Вѣдомости», №№ 283 и 286; «Новости», № 285; «С.-Петербургскія Вѣдомости», № 284).

† **Епископъ Николай.** 28-го октября, въ Оренбургѣ, скончался отъ удара епископъ оренбургскій Николай. Преосвященный, въ мірѣ Петръ Степановичъ Адоратскій, сынъ протоіерея казанской епархіи, родился 15-го сентября 1849 года въ Казани; окончивъ курсъ въ Казанской духовной академіи въ 1874 году кандидатомъ богословія, съ правомъ полученія степени магистра по представленіи сочиненія, онъ былъ опредѣленъ псаломщикомъ при посольской церкви въ Вѣнѣ. Въ 1880 г. онъ вернулся въ Казань, принявъ монашество и, рукоположенный въ санъ іеромонаха, назначенъ былъ въ составъ пекинской духовной миссіи. Въ Пекинѣ онъ служилъ четыре года, причемъ принялъ участіе въ переводѣ на китайскій языкъ церковно-богослужебныхъ книгъ, собиралъ данныя для исторіи нашей и иностранныхъ миссій и устроилъ хоръ пѣвчихъ при миссіи. Въ 1886 году онъ былъ опредѣленъ смотрителемъ херсонскаго духовнаго училища, а въ слѣдующемъ году назначенъ ректоромъ ставропольской духовной семинаріи. Въ 1888 году онъ защищалъ въ Казани

диссертацию по исторіи некинской духовной миссіи, а 22-го февраля 1888 г. утвержденъ въ степени магистра богословія. Въ 1890 году назначенъ епископомъ новомиргородскимъ, первымъ викаріемъ херсонской епархіи; въ томъ же году переименованъ епископомъ алеутскимъ и аляскинскимъ и вскорѣ послѣ этого епископомъ балтскимъ, викаріемъ подольской епархіи. 22-го октября 1895 года назначенъ епископомъ оренбургскимъ и уральскимъ. Преосвященнымъ напечатанъ рядъ трудовъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, какковы: «Православный Собесѣдникъ», «Православное Обзорѣніе», «Странникъ» и др. (Нов. Вр.), № 7428; «Нов.», № 301).

† **Д. М. Познякъ**. Въ Петербургѣ, на Волковомъ кладбищѣ, 12-го октября похоронили члена совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати д. с. с. Дмитрія Михайловича Позняка, скончавшагося 9-го текущаго октября. Покойный, сынъ потомственного дворянина Черниговской губерніи, родился въ 1844 году въ Кіевѣ и сначала получилъ домашнее воспитаніе подъ надзоромъ гувернеровъ—французовъ и швейцарцевъ. Первоначальное же образованіе его началось подъ руководствомъ профессора Кіевского университета С. С. Гогоцкаго, а продолжалось, при содѣйствіи извѣстнаго историка Н. И. Костомарова, въ Саратовѣ, куда покойный переѣхалъ съ родною семьей. Отлично подготовленный, онъ поступилъ въ Саратовскую гимназію и, еще находясь въ пятомъ классѣ, напечаталъ свой первый этнографическій трудъ, подъ заглавіемъ: «Двѣ недѣли въ Золотой Букѣвской ордѣ» («Саратовскія Губернскія Вѣдомости», 1859 г., № 38). Выпущенный съ отличіемъ изъ гимназіи, Дмитрій Михайловичъ зачислился въ вольные слушатели Московскаго университета по юридическому факультету. По окончаніи университетскаго курса, удостоенный степеніи кандидата въ 1864 году, онъ скоро началъ службу по министерству иностранныхъ дѣлъ въ департаментѣ внутреннихъ сношеній, но съ конца 1866 года перешелъ въ чиновники особыхъ порученій при главномъ начальникѣ Сѣверо-Западнаго края генераль-адъютантѣ графѣ Э. Т. Барановѣ. Съ тѣхъ поръ почти двадцать пять лѣтъ его служебная дѣятельность протекла на окраинѣ: послѣ исполненія должности чиновника особыхъ порученій, покойный состоялъ мировымъ посредникомъ, председателемъ сѣзда, уѣзднымъ предводителемъ дворянства (Вѣльскаго уѣзда, Гродненской губерніи) и калишскимъ вице-губернаторомъ. Ему пришлось принимать живое участіе во многихъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ упорядоченію и развитію русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Въ тотъ же періодъ дѣятельности онъ напечаталъ рядъ живыхъ и интересныхъ писемъ «Съ окраины» на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей». Съ 1890 года Д. М. былъ переведенъ вице-губернаторомъ въ Воронежъ, но лишь три года занималъ это мѣсто: 19 мая 1893 года онъ былъ назначенъ членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати и въ этой должности состоялъ до своей кончины, а, кромѣ того, въ 1895 г. былъ директоромъ распорядителемъ Россійскаго телеграфнаго агентства. Кромѣ названныхъ трудовъ, покойный извѣстенъ, какъ авторъ романовъ, повѣстей и разсказовъ, помѣщенныхъ въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ на страницахъ «Русскаго Вѣстника»: «Ночь облаками», повѣсть (1882 г., кн. 5), «Въ чужой средѣ», повѣсть (1883 г., кн. 4—5), «Жемчугъ королевы», раз-

сказъ (1884 г., кн. 11), «Дорогою дѣной», романъ (1885 г., кн. 1—6), «Леночка», изъ воспоминаній о службѣ въ Западномъ краѣ (1885 г., кн. 10), «Сквозь огонь страсти», романъ (1887 г., кн. 1—4), «У порога счастья», повѣсть (1890 г., кн. 7—9), «Встрѣча», рассказъ (1891 г., кн. 3), «Вражья сила», повѣсть (1892 г., кн. 11—12), «Почему не удался мой вечеръ», рассказъ (1893 г., кн. 1), «Отплата», повѣсть (1893 г., кн. 11—12), «Посвященный», рассказъ изъ воспоминаній о Западномъ краѣ (1894 г., кн. 3 и 5) и «Перемелется—мука будетъ», повѣсть (1895 г., кн. 10—11). Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ произведеній вошли въ отдѣльно изданное «Собраніе сочиненій Д. М. Позняка» (Спб. 1890 г., три тома) и въ сборникъ, подъ заглавіемъ: «Новыя повѣсти и рассказы» (Спб., 1894 г.). («Московскія Вѣдомости», № 282; «Русское Слово», № 275; «Новое Время», № 7.409; «Новости», № 281).

† **А. И. Шахматовъ.** 9 октября скончался въ Саратовѣ одинъ изъ старѣйшихъ саратовскихъ дворянъ, Александръ Ивановичъ Шахматовъ. Покойный родился въ 1826 году и вскорѣ по окончаніи курса наукъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ 1849 году, началъ службу въ Пензенской губерніи, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ секретаремъ общества сельскихъ хозяевъ юго-восточной Россіи, а затѣмъ попечителемъ пензенской публичной бібліотеки и музея. Далѣе служба его идетъ по департаменту сельскаго хозяйства. Съ 1865 года начинается его земская дѣятельность, когда впервые онъ избранъ былъ въ гласные Саратовскаго уѣзда и вскорѣ затѣмъ послѣдовательно губернскимъ гласнымъ, членомъ губернской земской управы, почетнымъ мировымъ судьей и, наконецъ, саратовскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, въ каковой должности прослужилъ два трехлѣтія; пожалованъ въ камеръ-юнкеры и неоднократно исполнялъ должность губернскаго предводителя дворянства. Съ учрежденіемъ губернскихъ архивныхъ комиссій, А. И. явился въ числѣ первыхъ членовъ учредителей саратовской комиссіи, посвящая свои досуги изученію старины родного города. Такъ, въ 1891 году имъ изданы были подъ редакціей В. Г. Вучегича замѣчательные по обширности и полнотѣ обработаннаго имъ матеріала «Историческіе очерки города Саратова и его окружи», а въ «Трудахъ» архивной комиссіи появились крайне интересныя фамилныя бумаги рода Шахматовыхъ, касающіяся преимущественно исторіи мѣстнаго края. Въ послѣдніе годы А. И. состоялъ предсѣдателемъ редакціоннаго отдѣла архивной комиссіи и товарищемъ ея предсѣдателя. Ему же принадлежатъ и утвержденныя археологическимъ институтомъ «Правила», касающіяся распорядка занятій внутренней жизни и дѣятельности комиссіи, каковыя дѣйствуютъ и до настоящаго времени. Одновременно съ этимъ А. И. состоялъ и членомъ хозяйственнаго правленія Александровскаго дворянскаго пансіона, которому удѣлялъ не мало усердія и труда («С.-Петербургскія Вѣдомости», № 284; изъ «Саратовскаго Листка»).

† **К. Д. Анциферовъ.** 10-го октября, въ больницѣ душевно-больныхъ на Удѣльной (близъ Петербурга), скончался 56-ти лѣтъ, отъ прогрессивнаго паралича, бывшій предсѣдатель департамента варшавской судебной палаты, Константинъ Дмитриевичъ Анциферовъ. Вступивъ на служебное поприще секрета-

ремь суда въ 1866 году, онъ послѣдовательно проходилъ должности товарища прокурора окружного суда (во Владимірѣ и Петербургѣ); прокурора суда (въ Курскѣ); члена судебной палаты (въ Москвѣ); товарища оберъ-прокурора уголовного касационнаго департамента сената и, наконецъ, предсѣдателя департамента варшавской судебной палаты. Многіе изъ его трудовъ, печатавшихся въ специальныхъ изданіяхъ, имѣютъ монографическій характеръ. Не довольствуясь специальными работами, интересующими, по преимуществу, юристовъ, К. Д. отдавалъ не мало времени и труда ежедневной печати, признавая огромную важность широкаго распространенія правильныхъ взглядовъ на важнѣйшіе вопросы уголовного законодательства. Участіе К. Д. въ работахъ московскаго и петербургскаго юридическихъ обществъ, безъ сомнѣнія, многимъ памятно. Научныя дарованія и труды К. Д. обратили на себя вниманіе Московскаго университета и вызвали приглашеніе К. Д. въ 1876 году въ университетъ въ качествѣ преподавателя уголовного судопроизводства. Почти вслѣдъ за назначеніемъ, стали обнаруживаться признаки тяжкаго недуга, и послѣднія девять лѣтъ К. Д. велъ страдальческое, почти безсознательное существованіе («Новое Время», № 7409; «Русскія Вѣдомости», № 284).

† **В. О. Португаловъ.** 20 октября въ Самарѣ скончался очень популярный въ провинціи и извѣстный врачъ-публицистъ, Веніаминъ Осиповичъ Португаловъ. Его популярныя очерки и статьи по гигиенѣ и врачебному дѣлу печатались, кромѣ «Дѣла», въ «Русскомъ Богатствѣ», «Русской Мысли», «Недѣлѣ», «Знаніи», «Медицинскомъ Вѣстникѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Русской Жизни», «Московскомъ Телеграфѣ», «Русскомъ Курьерѣ», «Новостяхъ», «Газетѣ Гатцука», «Одесскомъ Листкѣ», кажется, во всѣхъ поволжскихъ газетахъ. Кромѣ того, перу покойнаго принадлежитъ рядъ популярныхъ брошюръ, посвященныхъ разрѣшенію насущныхъ вопросовъ о сохраненіи народнаго здоровья. Помимо литературной дѣятельности, В. О. былъ извѣстенъ, какъ земскій врачъ-практикъ, старавшійся на дѣлѣ осуществить свои теоретическіе взгляды. Большую часть своей службы онъ посвятилъ самарскому земству и въ послѣднее время жилъ почти безвыѣздно въ Самарѣ. Умеръ онъ 62-хъ лѣтъ отъ роду. («Новое Время», № 7419; «Новости», №№ 292, 297, 304; «Биржевыя Вѣдомости», № 292; «Русскія Вѣдомости», № 292; «Московскія Вѣдомости», № 296).

† **А. П. Батуевъ.** Въ послѣднихъ числахъ октября въ Вяткѣ скончался отъ смертельной раны, нанесенной умалишеннымъ, выпущеннымъ изъ больницы, предсѣдатель вятской губернской земской управы Авксентій Петровичъ Батуевъ. Покойный принадлежалъ къ числу энергичныхъ и талантливыхъ земскихъ дѣателей и озаменовалъ себя цѣлымъ рядомъ полезныхъ предпріятіи и общественныхъ начинаній. Въ литературѣ онъ выступалъ, какъ разнообразный и дѣятельный корреспондентъ, помѣщая свои статьи главнымъ образомъ въ «Новомъ Времени» («Новое Время», № 7428).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Отвѣтъ «Московскимъ Вѣдомостямъ».

«Московскія Вѣдомости» (№ 283-й) остались недовольны моею статьей «Права и обязанности женщинъ» и, приведя изъ нея длинную выписку, гдѣ главнымъ образомъ изложена программа французскаго журнала «*La Revue des femmes russes*», пронычески замѣчаютъ, что «редакція «Историческаго Вѣстника» доселѣ не освѣдомилась объ имущественныхъ правахъ русской женщины». Считаю необходимымъ обратить вниманіе редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», что она введена въ заблужденіе своимъ сотрудникомъ, давшимъ отчетъ о моей статьѣ, не потрудившись, однако, прочесть ее цѣликомъ, а пробѣжавъ лишь послѣднія двѣ страницы. Въ моей статьѣ изложены на основаніи труда г. Оровича «Женщина въ правѣ» имущественныя права женщинъ какъ въ Западной Европѣ (стр. 268—270), такъ и у насъ (стр. 272), откуда вполне явствуетъ, что редакція «Истор. Вѣстн.» никоимъ образомъ не повинна въ грѣхѣ, приписываемомъ ей рецензентомъ газеты. Что касается *profession de foi* французскаго дамскаго журнала, то оно приводится въ моей статьѣ цѣликомъ, безъ всякихъ комментаріевъ, какъ образчикъ современныхъ способовъ борьбы женщинъ за свои права вообще. Но если бы даже было нужно это *profession* комментировать, то опять-таки приходится отмѣтить, что упрекъ рецензента и здѣсь не достигаетъ цѣли. Основавъ свой журналъ въ Парижѣ, нѣкоторые изъ русскихъ дамъ выступили на защиту правъ женщинъ вообще, а не однѣхъ лишь своихъ соотечественницъ. Ихъ журналъ именуется «*La Revue des femmes russes*», а не «*La Revue des droits des femmes russes*», что слѣдуетъ различать. Даже изъ моей статьи (269—270) рецензентъ могъ бы узнать, что права женщинъ далеко не во всѣхъ европейскихъ странахъ гарантированы, что, между прочимъ, и даетъ право г. Оровичу, трудомъ котораго я пользовался, сказать: «за исключеніемъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, во всѣхъ остальныхъ западно-европейскихъ странахъ остается полная гражданская зависимость замужней женщины».

Б. Глинскій.

II.

Поправка къ рассказамъ объ императорѣ Николаѣ I.

Въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1895 года, я говорилъ о томъ, что этотъ родъ литературы только тогда можетъ имѣть нѣкоторую цѣнность, когда воспоминанія напечатаны при жизни автора, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ поостережется говорить неправду, и, кромѣ того, въ случаѣ какой либо ошибки, можетъ исправить ее, возстановивъ истину.

Послѣдній случай выдался на мою долю.

Въ выѣшнемъ 1896 г., въ «Историческомъ Вѣстникѣ» были напечатаны нѣкоторые мои рассказы объ императорѣ Николаѣ I. Въ одномъ изъ этихъ рассказовъ, подъ названіемъ «Бѣлорусскій бунтъ», я упоминаю объ одномъ лицѣ, г. Ольдерогге, которому приписалъ свойства и дѣйствія совершенно другого лица, фамилію котораго забылъ. Разсказанное происшествіе случилось, когда мнѣ было 10—12 лѣтъ отъ роду, а теперь мнѣ шестьдесятъ лѣтъ, слѣдовательно не мудрено, если на протяженіи 50 лѣтъ память мнѣ нѣсколько измѣнилась, и я совершенно неосновательно примѣшалъ г. Ольдерогге къ этому событію. Его сыновья приняли на себя не легкій трудъ собрать архивныя матеріалы и доказали мнѣ, какую я сдѣлалъ грубую ошибку, смѣшавъ имя ихъ отца съ тѣмъ лицомъ, которое я описывалъ.

Радуюсь, что имѣю возможность исправить невольную ошибку, и по пословицѣ: лучше поздно—чѣмъ никогда, дѣлаю настоящую поправку въ томъ, что г. Ольдерогге и то лицо, которое я ошибочно описалъ подъ его именемъ, не имѣютъ между собою ничего общаго.

А. Эвальдъ.

— Я васъ не понимаю,—сказаль онъ:—уже вы задаете мнѣ второй странный вопросъ. Зачѣмъ вы такъ жестоки?

Онъ остановился, ожидая ея отвѣта, но она не промолвила ни слова, и онъ продолжалъ:

— Неужели вы думаете, что если я счелъ нужнымъ, какъ это дорого мнѣ ни стоило, покинуть васъ на три недѣли, то это значить, что я недостаточно васъ люблю, или ктонибудь,—прибавиль онъ неожиданно, подозрѣвая вліяніе на молодую дѣвушку враждебной ему тетки:—объяснилъ въ дурную сторону мое отсутствіе?

— Нѣтъ.

— Такъ скажите же мнѣ, что васъ удерживаетъ отъ окончательнаго согласія? Вы сами говорите, что тогда могли согласиться, такъ отчего же не теперь? Не портите моей и вашей жизни изъ-за какогонибудь пустяка.

Она молчала.

Кровь прилила къ головѣ капитана. Чего было ему еще ждать? Онъ нагнулся къ ней такъ близко, что она почувствовала его дыханіе на своей щекѣ. Еще минута, и онъ прижалъ бы ее къ своей груди, но она быстро отскочила.

— Это не хорошо!—воскликнула она:—это неблагородно, вамъ лучше уйти. Вы, повидимому, меня совершенно не понимаете. Быть можетъ, мы оба сдѣлали большую ошибку.

Онъ посмотрѣлъ на нее и, видя, что во всѣхъ ея чертахъ проглядывала твердая рѣшимость, произнесъ:

— Я буду ждать. Я исполню всѣ ваши желанія, только скажите мнѣ хоть одно слово утѣшенія. Когда мнѣ прийти за отвѣтомъ?

Эти слова онъ произнесъ такъ смиренно, такъ жалобно, что сердце молодой дѣвушки смягчилось.

— Завтра,—отвѣтила она нѣжнымъ тономъ.

— А теперь прикажете уйти?

— Пожалуйста.

Она протянула ему руку, и онъ почтительно поцѣловаль ее.

— Простите меня, Руѣ, если я васъ встревожилъ.

— Мнѣ не въ чемъ васъ прощать.

— Дозавтра.

— Прощайте.

Гаулетъ отдалъ приказаніе своимъ солдатамъ и потомъ отправился въ Сантонъ, гдѣ тотчасъ легъ въ постель и крѣпко заснулъ. Ему постоянно снилась Руѣ, но сны его были тяжелые, непріятные. Напротивъ, Руѣ всю ночь не смыкала глазъ и все думала, думала.

Мистриссъ Эльморъ, прекрасно выспавшаяся и совершенно отдохнувшая, встала на другой день рано и принялась съ обычной энергіей за хозяйство. Увидавъ же усталое, блѣдное лицо племянницы,

она не спросила ея о причинѣ бессонницы, но посовѣтовала отдохнуть до завтрака и не приниматься ни за какую работу.

Руеъ охотно на это согласилась и, выйдя на крыльцо, сѣла въ покойное кресло. Передъ нею разстилалась гладкая поляна, а на дорогѣ виднѣлся всадникъ. Она вспыхнула. Но это былъ не капитанъ Гаулетъ, а солдатъ. Онъ остановился у воротъ, и въ рукахъ его виднѣлось что-то бѣлое, а такъ какъ лошадь его стала горячиться, и онъ не могъ соскочить съ нея, то Рuaeъ пошла къ нему на встрѣчу. Онъ отдалъ ей честь и передалъ письмо.

— Мнѣ приказано ждать отвѣта, миссъ.

— Хорошо, но войдите и покушайте.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я не могу терять ни минуты: капитанъ уже уѣхалъ, а я долженъ слѣдовать за нимъ. Прочитайте письмо, и вы все узнаете.

Онъ такъ хитро улыбнулся, словно ему извѣстны были всѣ тайны своего офицера.

Рuaeъ распечатала письмо и прочитала слѣдующее:

«Сантонъ. Лагеръ.

«Милая Рuaeъ, приказъ, котораго я не могу послушаться, обязываетъ меня отлучиться отсюда, не повидавшись съ вами. Я, можетъ быть, вернусь не ранѣе нѣсколькихъ дней. Напишите мнѣ хоть одно слово, чтобы я не отчаивался.

«Преданный вамъ А. Г.».

Рuaeъ вернулась въ свою комнату и написала слѣдующее:

«Я думала всю ночь. Мы съ вами совершенно расходимся въ мнѣніяхъ о рабствѣ. Поэтому я и не могу вамъ дать отвѣта. Если вы не перемѣните своихъ чувствъ ко мнѣ, благодаря моимъ мнѣніямъ, то прѣзжайте, когда можете.

«Рuaeъ».

— Дитя мое, — сказала мистриссъ Эльморъ, когда солдатъ уѣхалъ: — ты блѣдна, какъ смерть, ложись въ постель. Я принесу завтракъ въ твою комнату.

— Я дурно спала, — отвѣчала Рuaeъ, поникнувъ головой: — но у насъ такъ много работы.

— Пустяки. Дѣлай, что я говорю.

Рuaeъ виновалась и проспала до самаго вечера.

XVII.

Безъ пролитія крови нѣтъ прощенія грѣховъ.

Робертъ провелъ ночь на фермѣ Гобба, а утромъ, очень рано, отправился въ Осаватоми. Онъ не нашелъ дома Джона Брауна, и ему сказали, что тотъ поѣхалъ въ лагерь Буфорда, переодѣвшись

землемѣромъ, что продѣлывалъ нерѣдко, когда желалъ тайно произвести рекогносцировку непріятельскаго расположенія. Онъ вернулся на закатѣ солнца, и Робертъ надѣялся услышать отъ него любопытныя новости. Но старикъ не говорилъ ничего о себѣ, а напротивъ разспрашивалъ о набѣгѣ миссурійцевъ на домъ Эльмора, выражая надежду, что съ плѣнниками поступятъ по ихъ заслугамъ.

На слѣдующій день получены были изъ Сантона ужасныя и противорѣчивыя вѣсти: по словамъ однихъ, городъ горѣлъ и, по всей вѣроятности, превратится весь въ развалины; по увѣренію другихъ, тамъ происходило поголовное избіеніе, а Исаакъ Шапетъ сообщалъ, что дѣйствительно много истреблено имущества въ Сантонѣ, но теперь все успокоилось, и миссурійцы удалились на сѣверъ, такъ что не было никакой необходимости въ присутствіи Брауновъ.

Старикъ Джонъ, прочитавъ эту записку, нахмурилъ брови, но попрежнему хранилъ молчаніе до самаго вечера, когда онъ поручилъ Роберту съѣздить, съ маленькимъ фургономъ, въ ближайшій городъ Франклинъ и привезти оттуда значительный запасъ оружія, который былъ присланъ съ востока. Робертъ провозился съ этимъ дѣломъ очень долго и вернулся домой только къ двумъ часамъ, когда уже всѣ спали.

Утромъ онъ проснулся очень поздно и, вставъ, нашелъ съ удивленіемъ, что въ домѣ не было никого. Онъ выглянулъ въ дверь и услышалъ позади хижины голоса.

— Я поэтому и оставилъ его долго спать,—произносилъ голосъ Джона Брауна:—я не вполне сознаю своего долга въ этомъ отношеніи. Конечно, онъ былъ бы лучше Винера, если грянетъ бѣда. Но мнѣ жаль его: онъ еще такъ молодъ. Ну, сынокъ, это недостаточно остро, точи получше.

— Отецъ,—отвѣчалъ тотъ изъ его сыновей, который также назывался Джономъ:—вы затѣяли роковое дѣло, нельзя ли придумать что нибудь другое?

— Нельзя. Я всегда говорилъ, что безъ пролитія крови нѣтъ прощенія грѣховъ. Мы еще не проливали крови, но сегодня ночью начнемъ. Я это рѣшилъ, и мои молодцы обязаны клятвой повиноваться мнѣ. Посмотри, что дѣлаютъ защитники рабства, и чѣмъ они еще грозятъ. Въ Сантонѣ остались безъ крова и куска хлѣба толпы женщинъ и дѣтей только потому, что сторонники свободныхъ штатовъ низкіе трусы, потому что ни одинъ изъ насъ не посмѣлъ апеллировать отъ людскаго закона къ Божьему. Что будетъ съ этой несчастной страной, если мы будемъ сидѣть, сложа руки. Съ каждымъ часомъ сила дьявола растетъ. Нѣтъ, сегодня ночью я начну борьбу за святое дѣло. Если ты не хочешь, не слѣдуй за мной, я никого не принуждаю, даже собственныхъ дѣтей, но я пойду въ бой хотя бы и одинъ. Ну, эта сабля хороша, точи другую.

— Я-то пойду за тобой, отецъ, но что сдѣлать съ Робертомъ?

Въ эту минуту Робертъ подошелъ къ нимъ.

— Я слышалъ вашъ разговоръ — сказалъ онъ:—и, что бы вы ни затѣвали, я хочу принять участіе въ дѣлѣ.

— Мы всё знаемъ, какую пользу вы могли бы намъ оказать, Робертъ,—отвѣчалъ съ улыбкой Джонъ Браунъ:—но нужнѣе, чтобы вы отправились сегодня вечеромъ на ферму Майнера и замѣнили тамъ Ната Винера.

— Я хочу остаться съ вами. Вы куда-то отправляетесь и не хотите меня взять съ собой. Почему вы такъ поступаете?

— Потому, что такъ надо. Правда, сынъ?

— Правда. Не спрашивай ничего у отца, Робертъ, повинуйся, и больше ничего. Мы съ Язономъ уже давно надѣялись, что онъ такъ поступитъ.

— Конечно, онъ будетъ повиноваться,—сказалъ старикъ Джонъ, осторожно пробуя лезвие второй сабли:—или онъ выйдетъ изъ моего отряда. Но если онъ думаетъ, что наше святое дѣло можно совершить въ одну ночь, и что онъ не будетъ участвовать въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ, то онъ просто дуракъ. Мы сегодня ночью придемъ нашъ флагъ къ маяку — вотъ и все. Сегодня люди узнаютъ, что мечъ рабства обюдоострый. Сегодня начнется борьба, которая окончится побѣдой правды и справедливости. Это также вѣрно, какъ то, что солнце блеснетъ на небѣ. Я не увижу этой побѣды, но вы ее увидите и помянете мои слова, когда мое тѣло будетъ уже давно гнить въ землѣ. Ну, Робертъ, ступайте завтракать, а потомъ у меня есть для васъ много работы.

Молодому человѣку очень хотѣлось разспросить Джона Брауна еще о многомъ, но сынъ бросилъ на него такой умоляющій взглядъ, что тотъ молча повиновался.

Работа втеченіе дня состояла въ заготовленіи пища и въ сокрытіи лишняго оружія, такъ чтобы его не нашли при самомъ тщательномъ обыскѣ. На кухнѣ варили окорока свинины, пекли хлѣбы и жарили кофе. Среди этихъ хлопотъ явились сыновья Брауна: Овенъ, Вадсонъ, Фредерикъ и Оливеръ, а также ихъ зять Генри Томсонъ. Когда обѣдъ былъ готовъ, то всё охотно принялись за него, но не было слышно обычной веселой болтовни. Всѣ были мрачны, задумчивы, словно наступила критическая минута. Даже Фредерикъ, всегда смѣявшійся и шутившій, хранилъ безмолвіе. Послѣ обѣда никто не вышелъ изъ дома, и Джонъ Браунъ, вынувъ изъ шкафа семейную библию, началъ торжественно читать пятьдесятъ седьмую главу Исаи:

«Видите, како праведный погиге, и никтоже не приемяетъ сердцемъ, и мужіе праведніе вземлются, и никто же разумѣетъ: отъ лица же неправды взася праведный. Будетъ съ миромъ погребеніе его, взася отъ среды. ...То твоя часть, сей твой жребій: и тѣмъ проліяль еси возліанія и тѣмъ принесль еси жертвы: о сихъ убо не разгнѣваюся ли».

Окончивъ это чтеніе, онъ опустился на колѣни, чего Робертъ еще никогда не видалъ, и сталъ громко молиться:

— Боже, Всемогущій! благослови наши начинанія. Ты вѣдаешь наши сердца и Ты одинъ можешь сказать, поступаемъ ли мы согласно Твоему закону. Мы, Господи, идемъ на это дѣло, какъ Твои вѣрные слуги; мы вступаемъ въ борьбу за униженныхъ и оскорбленныхъ, за несчастныхъ рабовъ. Всѣ возстанутъ въ странѣ противъ насъ, но если Ты поддержишь, то намъ нечего опасаться. На Тебя мы надѣмся, о Господи! Поддержи насъ и укрѣпи въ борьбѣ не противъ враговъ, а противъ нашего слабодушія. Даруй намъ силы довести дѣло до конца, а если намъ суждено умереть, то даруй намъ смерть христіанина, идущаго въ бой за правое дѣло именемъ Иисуса Христа. Аминь.

Онъ поднялся и, взглянувъ на Роберта, сказалъ:

— Ну, вамъ пора ѣхать. Я уже осѣдлалъ лошадь. Вы останьтесь на фермѣ, а сюда пришлите тотчасъ Винера. Ну, съ Богомъ но прежде пожмите дружески руку своимъ братьямъ. одному Богу извѣстно, когда и гдѣ вы свидитесь съ ними.

Въ голосѣ старика слышалась такая трогательная нота, что Робертъ едва удержался отъ слезъ, и молча простился съ товарищами, а Джонъ Браунъ проводилъ его до конюшни.

— Мы-то съ вами еще увидимся,—сказалъ онъ:— я не думаю, чтобы стукнулъ часъ мой, или вашъ. Но все-таки никому не извѣстно, что можетъ случиться, и я хочу вамъ сказать кое-что на прощанье. Мнѣ очень не хотѣлось, чтобы вы, два дня тому назадъ, поѣхали къ Аллену Эльмору, я говорилъ себѣ, что не къ чему вамъ было охранять женщину, принадлежащую другому, и то рабовладѣльцу, защитнику нашихъ враговъ. Но теперь я вижу, какъ зло ошибался. Молодая дѣвушка, которая безъ васъ, быть можетъ, погибла бы, не принадлежитъ еще южному офицеру, а то она не вызвала бы васъ къ себѣ послѣ его возвращенія. Я убѣжденъ, что ея душу еще можно спасти, и вы къ этому призваны, Робертъ. Вотъ почему я не хочу васъ взять съ собою сегодня. Я вамъ сказалъ, поѣзжайте на ферму Гобба, но теперь я скажу, поѣзжайте дальше и не думайте о насъ, а главное не отчаивайтесь; я слышалъ сегодня ночью, какъ вы метались и бормотали недостойныя мужественнаго человѣка слова. Ваша любовь достойна всякой женщины, и сердце капитана Гаулета не стоитъ вашего. Значить, не унывайте, и она ваша. Мнѣ дорого стоило отказаться отъ вашего содѣйствія сегодня, но такъ лучше. Прощайте, да хранитъ васъ Господь! Если вы будете въ состояніи, то вернитесь сюда завтра на разсвѣтѣ. Я привезу важныя вѣсти.

Они молча разстались. Сердце Роберта было такъ переполнено что онъ не могъ произнести ни слова, и только крѣпко пожалъ руку старика.

Достигнувъ поворота дороги, онъ обернулся и увидалъ, что Джонъ Браунъ держалъ въ рукахъ саблю, внимательно осматривая лезвее. Солнце играло на блестящей стали, и Роберту старикъ показался архистратигомъ съ огненнымъ мечемъ.

XVIII.

Идеи мистриссъ Гоббъ.

Въ то самое время, когда Робертъ выѣзжалъ изъ Осаватоми, мистриссъ Гоббъ услышала легкій стукъ въ дверь и, быстро отворивъ ее, нѣжно обняла Руоъ.

— Это вы!—воскликнула она:—я не ожидала такого счастья, простите меня, но я ужасно рада васъ видѣть, тѣмъ болѣе, что я одна и очень беспокоюсь о мужѣ. Его нѣтъ дома, и я не знаю, живъ онъ, или умеръ. Неужели вы пришли однѣ? Ахъ, нѣтъ, васъ проводили солдаты. Пожалуйста, садитесь.

Руоъ съ удовольствіемъ помѣстилась на скамейкѣ рядомъ съ маленькимъ Мини, который очень обрадовался ей. Она прежде всего отправила домой солдатъ, такъ какъ на фермѣ находились три потаватомскихъ стрѣлка, которые во всякое время могли проводить ее въ Бѣлый домъ.

Обѣ женщины имѣли много сообщить другъ другу, но, конечно, первая заговорила мистриссъ Гоббъ. Она передала молодой дѣвушкѣ подробныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлалъ все это время Мини, и о земледѣльческихъ работахъ ея мужа; потомъ она сообщила всѣ толки о несчастномъ положеніи территоріи и наконецъ распространилась о своихъ тревожныхъ чувствахъ на счетъ Майнера, который отправился съ отрядомъ стрѣлковъ на рекогносцировку Буфордскаго лагеря. Среди своихъ сердечныхъ сѣтованій, добрая женщина вдругъ остановилась и промолвила, нѣжно взявъ молодую дѣвушку за руку:

— Довольно мнѣ болтать, лучше скажите, что случилось съ вами. Я вѣдь ничего не знаю, кромѣ голаго факта.

— А развѣ Брауны вамъ не говорили?

— Они и мистеръ Гольдено не такіе люди, чтобы хвастаться своими подвигами. Нѣтъ, нѣтъ! Вы расскажите мнѣ все подробно, съ самаго начала. А ты, Мини, не мѣшай и не кричи. Ну, Руоъ, я жду.

Молодая дѣвушка начала свой разговоръ сначала неохотно, но потомъ оживилась, и когда дѣло дошло до появленія Роберта, то она воскликнула съ сверкающими глазами:

— Право, я не могу передать вамъ всего, что я чувствовала въ минуту моего спасенія. Я была рада и счастлива, но вмѣстѣ съ тѣмъ на меня напалъ страхъ. Я всегда хвасталась, что не боюсь

никого, но у мистера Гольдено, когда онъ сразилъ врага, было такое ужасное выраженіе лица, что я испугалась болѣе, чѣмъ отъ угрозы разбойника. Что вы удивляетесь? Вы его не видѣли въ эту минуту. Потомъ онъ сталъ очень добръ и нѣженъ, но я до сихъ поръ не могу отдѣлаться отъ того впечатлѣнія, которое произвело на меня его страшное лицо. Смѣйтесь, если хотите; но это такъ.

Мистриссъ Гоббъ не смѣялась, а только многозначительно улыбнулась.

— Объясните, если можете, — прибавила Руэ, покраснѣвъ: — мое странное чувство, но не говорите объ этомъ мистеру Гольдено, а то онъ можетъ упрекнуть меня въ черной неблагодарности.

— Можетъ быть, вы сочтете это дерзостью, — отвѣчала мистриссъ Гоббъ, — но я не понимаю, какъ вамъ это не ясно. Неужели вы не видите того, что всѣ видятъ?

— Что такое? — спросила Руэ, принявъ гордый видъ.

Мистриссъ Гоббъ пристально посмотрѣла на нее и молча покачала головой.

— Я понимаю, что вы намекаете на какую-то причину, побуждавшую мистера Гольдено прійти въ ярость на человѣка, оскорбившаго меня, но не останавливайтесь на полудорогѣ и скажите, какая это причина.

— Я вамъ ничего не скажу, и мнѣ ничего не говорилъ Робертъ Гольдено, а если у меня и есть свои идеи, то никому до нихъ нѣтъ дѣла.

— Нѣтъ, если вы мнѣ сейчасъ не объясните всего, что думаете, то я уйду и никогда не вернусь.

— Ну, быть по вашему. Я думаю, что вы для Роберта такъ дороги, такъ святы, что онъ невольно взбѣсился на человѣка, осмѣлившагося поднять руку на васъ. Вотъ и все. Сердитесь или нѣтъ, а я сказала всю правду.

Въ эту минуту послышался лай собаки, и мистриссъ Гоббъ бросилась къ окну, надѣясь увидеть мужа.

— Это наши молодцы и кто-то съ ними. Ахъ, это самъ Робертъ!

Руэ вскочила и быстро промолвила:

— Я очень замѣшкалась; дома будутъ беспокоиться обо мнѣ. Прощайте.

Но было поздно; въ дверяхъ уже показался Робертъ съ улыбающимся лицомъ, выраженіе котораго краснорѣчиво подтверждало идеи мистриссъ Гоббъ.

Руэ искренно желала уйти, но она не могла отправиться одна, а ея проводникамъ надо было прежде утолить голодь, поэтому она была вынуждена остаться до ужина. Мистриссъ Гоббъ принялась за стряпню, но замѣчательно медлила, а пока Робертъ сталъ любезно разспрашивать молодую дѣвушку, какъ идутъ дѣла въ Бѣломъ домѣ.

Наконецъ, подали ужинъ, и послѣ него Руѳь начала собираться въ дорогу.

— Я не буду васъ беспокоить,—сказала она, видя, что Робертъ всталъ вмѣстѣ съ другими двумя товарищами.

Онъ насупилъ брови и поспѣшно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, позвольте мнѣ проводить васъ. Въ теперешнія времена чѣмъ больше эскортъ, тѣмъ лучше.

— Сдѣлайте одолженіе, я очень рада, но я думала, что вы устали, и не хотѣла васъ беспокоить.

— Я никогда не устаю,—отвѣчалъ Робертъ съ улыбкой, и когда его товарищи отправились сѣдлать лошадей, то онъ началъ играть съ маленькимъ Мини, подбрасывая его на воздухъ.

— Посмотрите на него,—шепнула мистриссъ Гоббъ на ухо Руѳь:—теперь его лицо не страшно.

Молодая дѣвушка улыбнулась, но ничего не отвѣтила.

Вскорѣ они отправились въ путь, и Робертъ съ Руѳью ѣхалъ впереди, а два его товарища слѣдовали сзади. Во всю дорогу молодые люди весело разговаривали и только, когда Руѳь случайно произнесла имя капитана, то Робертъ привскочилъ на сѣдлѣ.

— Вы теперь,—сказалъ онъ, нахмутивъ брови:—находитесь подъ такой охраной, что все случившееся, вѣроятно, кажется вамъ непріятнымъ сномъ?

— Да, намъ теперь нечего бояться: солдаты стоятъ въ Бѣломъ домѣ.

— И подъ командой капитана Гаулета они, конечно, не дадутъ васъ въ обиду. Наша роль кончена.

Въ его голосѣ слышалась такая горечь, что Руѳь поспѣшно отвѣтила:

— Капитанъ не у насъ. Я не видала его уже два дня.

Она сама не знала, зачѣмъ произнесла эти слова, и пожалѣла, что сообщила мистеру Гольдену такой фактъ, до котораго ему въ сущности не было никакого дѣла.

Впродолженіе нѣкотораго времени они ѣхали молча. Никогда Робертъ не казался молодой дѣвушкѣ такимъ красивымъ и полнымъ достоинства, словно средневѣковой рыцарь, готовый вступить въ бой со всѣмъ міромъ ради дамы своего сердца.

Подъѣзжая къ Бѣлому дому, она спросила:

— Вы зайдете къ намъ, мистеръ Гольдено?

— Если позволите. Я очень желалъ бы видѣть мистриссъ Эльморъ.

Она была одна дома, такъ какъ ея мужъ, занятый дѣлами, уже нѣсколько дней жилъ въ отелѣ Шапета. Она очень любезно приняла Роберта, и когда онъ, послѣ непродолжительнаго разговора, сталъ прощаться, то удержала его насильно. По ея предложенію, Руѳь сѣла за фортеціано, а Робертъ сталъ пѣть. Потомъ они по-

пробовали дуэты и такъ увлеклись музыкой, что не замѣтили, какъ мистриссъ Эльморъ оставила ихъ вдвоемъ.

Наконецъ, пробило одиннадцать часовъ, и Робертъ, словно очнувшись, просилъ извиненія, что такъ долго засидѣлся. Руеъ должна была проводить его до воротъ, такъ какъ тетка уже давно спала. На прощаніе Робертъ крѣпко пожалъ ей руку и сказалъ:

— Я никогда не забуду этого вечера. Надѣюсь, что я не слишкомъ вамъ надѣлъ.

— Нѣтъ, я очень пріятно провела время,— отвѣчала Руеъ и, покраснѣвъ, побѣжала домой, а Робертъ, сіяя радостью, вскочилъ на лошадь.

XIX.

Въ разныя стороны.

Первые лучи восходящаго солнца еле освѣщали макушки сосенъ, когда Робертъ подъѣзжалъ къ дому Брауна. Ему показалось, что въ немъ никого не было, такъ какъ не видно было дыма изъ трубъ, дверь была затворена, и ставни не сняты съ оконъ; но, введя въ конюшню своего Санхо, онъ засталъ тамъ Джона Брауна, который чистилъ лошадь, очевидно, уставшую отъ продолжительной ѣзды.

— Во время, сынъ мой,—сказалъ онъ:—я люблю такую аккуратность. На человѣка неаккуратнаго нельзя рассчитывать. Но говорите тихо; ваши товарищи спятъ: у нихъ была тяжелая работа въ эту ночь.

— А отчего вы не спите?—спросилъ Робертъ, снимая сѣдло съ своей лошади:—я, право, удивляюсь, спите ли вы четыре часа въ сутки.

— Старику и этого довольно, особенно, когда у него такъ много на умѣ, какъ у меня. Однако, зачѣмъ вы снимаете сѣдло? Оставьте его на лошади. Теперь такія времена, что надо быть всегда наготовѣ. Ну, а посмотрите на меня: какъ вы меня находите сегодня?

— Вы кажетесь очень уставшимъ, но спокойнымъ,— отвѣчалъ Робертъ, оглядѣвъ съ головы до ногъ Джона Брауна:—вѣроятно, вы пережили сильную нравственную бурю. Расскажите мнѣ, что было сегодня ночью.

— Накормите лошадь овсомъ и снимите ей мундштукъ—пусть поѣстъ на свободѣ; быть можетъ, ей будетъ большая работа сегодня. Встрѣтили вы когонибудь на дорогѣ въ Осаватоми?

— Одинъ молодецъ изъ деревни сидѣлъ на холмѣ близъ дороги, и подлѣ него стояла ваша лошадь, привязанная къ дереву.

— Онъ караулитъ. Пришло время, когда насъ стануть травить, какъ звѣрей.

— Значитъ нанесенъ тотъ ударъ, о которомъ вы говорили.

— Да, и сегодня мы задали такого страха сторонникамъ рабства, что они не забудутъ во всю свою жизнь!

— Что вы сдѣлали?

— Этотъ воскресный день сохранится на вѣки въ памяти людей, — продолжалъ Джонъ Браунъ, не обращая вниманія на слова Роберта: — всѣ, даже защитники свободныхъ штатовъ возстанутъ противъ меня, и въ продолженіе многихъ недѣль мнѣ негдѣ будетъ преклонить головы. Но совѣсть моя чиста, и пусть думаютъ обо мнѣ, что хотятъ.

Онъ сѣлъ на скамейку подлѣ конюшни и вынулъ изъ кармана біблію, но глаза его не были устремлены на открытую страницу, а зорко смотрѣли вдаль, безконечно разстилавшуюся за деревьями.

Сердце Роберта ёкнуло; ему стало казаться, что случилось нѣчто не доброе. Онъ долго пристально смотрѣлъ на старика, а потомъ сѣлъ рядомъ съ нимъ и спросилъ:

— Скажите же мнѣ, что вы сдѣлали сегодня ночью?

— Я совершилъ дѣло Божье, — торжественно произнесъ Джонъ Браунъ, снимая шляпу: — пять человѣкъ получили сегодня ночью свой земной расчетъ, и хотя ни одинъ изъ нихъ не палъ отъ моей руки, но, клянусь Богомъ, я отвѣтственъ за пролитіе крови. Помните, что я отвѣчаю за случившееся; такъ и говорите, если васъ будутъ спрашивать.

— Что это были за люди?

— Они грабили ни въ чемъ не повинныхъ мужчинъ и женщинъ, а также грозили смертью многимъ, между прочимъ, мнѣ и моимъ дѣтямъ. Въ числѣ ихъ были Вильямъ Шерманъ, негодяй изъ негодяевъ; онъ между прочимъ обопелся самымъ безсовѣстнымъ образомъ съ одной молодой дѣвушкой, отказавшейся выйти за него замужъ, и совершилъ бы надъ ней насиліе, если бы не заступился за нее мой сынъ, Фредъ; — братья Дойли, которые такъ притиснули одного бѣднаго старика за продажу мнѣ пороха, что тотъ умеръ отъ страха; наконецъ — Вильсонъ и Вилькинсонъ, учинявшіе частые разбои и ждавшіе только случая, чтобы убить меня съ сыновьями. Теперь они уже болѣе никого не обидятъ на свѣтѣ. Вы ихъ, вѣроятно, знали. Скажите, правы ли мы или нѣтъ?

— А гдѣ вы ихъ нашли?

— Дома.

— Всѣхъ вмѣстѣ?

— Нѣтъ.

— Какъ же вы достигли до нихъ?

— Мы вызвали ихъ одного за другимъ, сказали имъ, кто мы такіе, дали время раскаяться въ своихъ грѣхахъ и убили ихъ по суду Божію.

Джонъ Браунъ произнесъ эти слова совершенно спокойно, какъ человѣкъ, вполне сознававшій, что онъ правъ.

Робертъ закрылъ глаза руками и громко застоналъ.

— Робертъ, сынъ мой, выскажите откровенно свои мысли безъ страха и безъ пощадъ,—произнесъ старикъ, положивъ ему руку на плечо.

— Вы совершили убійство, хладнокровное, преднамѣренное убійство,—сказалъ Робертъ съ отчаяніемъ:—страшно подумать, что наше чистое святое дѣло омрачено такимъ пятномъ.

Джонъ Браунъ насупилъ брови.

— Я ожидалъ, что многіе такъ отзовутся о нашемъ поступкѣ, но я былъ иного мнѣнія о Робертѣ Гольдено. Три дня тому назадъ онъ пролилъ кровь двухъ людей, и неужели съ тѣхъ поръ его натура перемѣнилась?

— Это было въ открытомъ бою.

— Можетъ быть,—произнесъ сурово Джонъ Браунъ:—но не забудьте, другъ мой, что вы убили одного изъ этихъ людей и покусились на жизнь другого потому, что они осмѣлились лишь поднять руку на женщину, которую вы любите, и, однако, ни одинъ изъ нихъ не былъ такимъ завзятымъ врагомъ нашего святого дѣла, какъ вчерашніе пятеро. Несмотря на это, весь свѣтъ скажетъ, что вы, проливая кровь за оскорбленіе молодой дѣвушки, выказали себя героемъ, а меня за освобожденіе страны отъ ея злѣйшихъ враговъ повѣсятъ, какъ убійцу. Но пусть ихъ говорятъ, что хотятъ, пусть меня убьютъ, если поймаютъ, я все-таки утверждаю, что былъ правъ и хотя я грѣшникъ, какъ все люди, а, быть можетъ, и большій грѣшникъ, чѣмъ другіе, но, въ этомъ случаѣ, Богъ видитъ, что я исполнялъ его святую волю. Онъ мнѣ судья, и Онъ меня оправдаетъ! Если же Ему будетъ угодно, чтобы я умеръ на висѣлицѣ то я съ спокойнымъ сердцемъ подчинюсь Его волѣ!

Робертъ пристально посмотрѣлъ на старика и не сказалъ ни слова. Чувство ужаса и отвращенія смѣнились въ немъ сожалѣніемъ и удивленіемъ къ этому странному, мужественному старику.

Джонъ Браунъ, вполне убѣжденный въ своей правотѣ, закрылъ библію и поднялся со скамейки.

— Пора молодцамъ просыпаться,—сказалъ онъ:—намъ надо поѣсть и отправиться въ путь. Скажите Исааку, когда его увидите, о всемъ, что я вамъ передалъ. Онъ, я увѣренъ, обрадуется.

Спавшіе поднялись, приготовили завтракъ и потомъ, пошентавшисъ съ отцемъ, ускакали одинъ за другимъ. Остались дома только Джонъ Браунъ и Робертъ.

— Куда они поѣхали?—спросилъ послѣдній.

— Они будутъ искать убѣжища, чтобы скрыться на первое время отъ преслѣдованій. Мнѣ не скоро суждено съ ними встрѣтиться. А вы заѣдете къ Майнеру, по дорогѣ въ Сантонъ?

— Я не поѣду въ Сантонъ.

— Напрасно. Это самое безопасное для васъ мѣсто. Шапегъ

можетъ васъ защитить лучше всякаго другого, а васъ подвергнуть допросу, и, можетъ быть, аресту, такъ какъ всѣ знаютъ, что вы находились у меня.

— А вы туда же поѣдете?

— Нѣтъ. Меня теперъ не возьмутъ. Я еще нуженъ Господу.

— А кто поѣдетъ съ вами?

— Никто.

— Отчего?

— Никого не пощаждать, кого застанутъ со мной.

— Я поѣду съ вами.

— Что это значитъ?—спросилъ старикъ, устремляя свои глаза на молодого человѣка.

— Я поѣду съ вами, какая бы опасность мнѣ ни грозила.

— Пустяки. Я отказалъ взять съ собою моихъ сыновей, а позволю вамъ слѣдовать за собой? Никогда! Вы, Робертъ, и не спорьте со мной: что я рѣшилъ, то будетъ. Наступила минута разойтись намъ въ разныя стороны. Можетъ быть, намъ суждено встрѣтиться, но не скоро.

— Я не намѣренъ съ вами спорить,—отвѣтилъ Робертъ также спокойно:—нечего терять время на пустыя слова: у меня тоже есть своя воля! Васъ не слѣдуетъ оставлять однихъ въ такую минуту.

— Я не возьму васъ съ собою.

— А я не отстану отъ васъ.

— Вы дали клятву, что будете мнѣ повиноваться.

— Я повинуюсь только тому, что считаю своимъ долгомъ.

Они оба смотрѣли одинъ на другого, оба одинаково олицетворяли твердую волю. Кто изъ нихъ уступить? Глаза Джона Брауна глядѣли рѣшительно, сурово, и ничто не выражало въ нихъ, что преданность юноши щекотала его самолюбіе.

— Робертъ Гольдено,—сказалъ послѣ минутнаго молчанія Джонъ Браунъ:—вы противорѣчите себѣ. Какъ можете вы идти рука въ руку съ человѣкомъ, котораго только что назвали убійцей?

— Я поступаю такъ потому, что этотъ человѣкъ мнѣ дороже всего на свѣтѣ, и для него наступила критическая минута.

Джонъ Браунъ покачалъ головой.

— Такъ можетъ говорить,—произнесъ онъ:—только тотъ, кто одинъ на свѣтѣ, а вы должны думать о Руэи Виндсфордъ. Не хмурьте бровей, я говорю правду. Вамъ необходимо думать о ней. Послѣ вчерашняго дня вы, конечно, убѣдились, что она рада вашему вмѣшательству въ ея дѣла. Но она все-таки южанка и, какъ по собственному влеченію, такъ и по наговору окружающихъ ее, возненавидитъ меня и проклянетъ мое имя. Она никогда не будетъ въ состояніи взять вашу руку, если она прикасалась ко мнѣ послѣ сегодняшняго событія. Вы должны не только разойтись со мной, но

отречься отъ меня, иначе вамъ никогда не видать ея. Подумайте объ этомъ и уходите съ Богомъ.

Онъ отвернулся, сѣлъ на стулъ, поникъ головой и сталъ вполголоса говорить самъ съ собой:

— Кто я, о Господи, чтобы сказать ближнему, какъ Ты нѣкогда — оставь всѣхъ и слѣдуй за мной. Я этого не скажу. Я не дозволилъ своей плоти и крови раздѣлить моей судьбы, то какъ же я это дозволю чужому человѣку, какъ бы онъ ни былъ дорогъ моему сердцу. Нѣтъ, пусть онъ живетъ спокойно и счастливо вдали отъ того, котораго всѣ признають проклятымъ и прокаженнымъ. Робертъ, сынъ мой, слушай меня, я говорю тебѣ отъ всего сердца и души — разстанемся, и тотчасъ же!

Онъ положилъ обѣ руки на плечи молодого человѣка и слегка толкнулъ его по направленію къ двери. Но Робертъ протянулъ къ нему свои руки и, нѣжно смотря на его утомленное, печальное, хотя и рѣшительное лицо, произнесъ шепотомъ:

— Отецъ, я не уйду отъ васъ. Женщина, которая видѣла васъ и потомъ проклянетъ ваше имя, никогда не будетъ моей женой! Да, что тутъ говорить! Вы въ рукахъ Божіихъ. Я знаю только одно, что ничто, кромѣ смерти, не разлучитъ насъ!

Въ эту минуту на дорогѣ раздался лошадиный топотъ и громкій дѣтскій голосъ:

— Капитанъ Браунъ! Капитанъ Браунъ!

Джонъ Браунъ вскочилъ, оттолкнулъ отъ себя столъ такъ сильно, что посуда посыпалась на полъ, и быстро выскочилъ въ дверь. Тамъ стоялъ, едва переводя духъ, мальчикъ, котораго Робертъ видѣлъ на дорогѣ въ Осаватоми.

— Бѣгите, бѣгите! — кричалъ онъ, махая руками: — солдаты скачутъ во весь опоръ!

— Убирайся отсюда, мальчуганъ, — произнесъ Джонъ Браунъ спокойно, словно ничего не случилось: — а вы, Робертъ, оставайтесь здѣсь.

Еще минута, и онъ, вскочивъ въ сѣдло, уже скакалъ по направленію къ западу. Онъ ни разу не оборачивалъ головы и внутренно улыбался, при мысли, какъ онъ все-таки обошелъ юношу. Но напрасно онъ радовался. Вскорѣ онъ услышалъ за собой лошадиный топотъ, и, думая, что его преслѣдователи близко, выхватилъ револьверъ и обернулся. Это былъ Робертъ на Санхо, который летѣлъ, какъ стрѣла, быстро догоняя старика. Нечего было дѣлать, пришлось ѣхать рядомъ. Но Джонъ Браунъ не говорилъ ни слова, и только, по влажнымъ его глазамъ, можно было судить, что любовь юноши трогала его сердце.

Наконецъ, дѣйствительно погоня показалась вдали, и пуля просвистѣла надъ ихъ головами. Они продолжали скакать, но дорога была неровная, усыпанная камнями, и лошадь старика часто спо-

тыкалась. Однако все шло благополучно, и уже близокъ былъ конецъ каменистой дороги, какъ вдругъ лошадь Джона Брауна грохнулась на землю, и старикъ перелетѣлъ чрезъ ея шею.

— Все кончено для меня,—произнесъ онъ:—моя лошадь сломала себѣ ногу. Робертъ, оставь меня и скачи во всю прыть, а то насъ обоихъ захватятъ.

— Нѣтъ! Садитесь на мою лошадь,—воскликнулъ Робертъ, соскакивая на землю и поднимая старика:—мнѣ нечего бояться, они ничего не могутъ мнѣ сдѣлать. Ну, скорѣе! А то, правда, насъ захватятъ обоихъ.

Джонъ Браунъ уступилъ и вскочилъ на Санхо.

— Да благословить тебя Господь!—сказалъ онъ и пришпорилъ Санхо, который понесся, какъ вихрь, преслѣдуемый пулями, изъ которыхъ, однако, ни одна не долетѣла до быстро удалявшагося всадника.

XX.

Долгъ солдата.

Солдаты, которые едва не захватили Джона Брауна, принадлежали къ отряду сержанта Матисона. Рано утромъ въ этотъ день извѣстiя о совершенныхъ убiйствахъ достигли до Буфордскаго лагеря на Потавагоми, гдѣ въ то время находился и капитанъ Гаулетъ со своими людьми. Поразспросивъ подробности дѣла у гонца, принесшаго эти вѣсти, Гаулетъ убѣдился, что убiйцами были Джонъ Браунъ и его молодцы, а потому послалъ тотчасъ Боба Матисона въ одну сторону, а самъ отправился въ другую, съ цѣлью изловить виновныхъ.

Гаулетъ всегда былъ исправнымъ офицеромъ, но теперь онъ болѣе чѣмъ когда жаждалъ исполнить свой долгъ. Въ послѣднее время онъ очень страдалъ отъ разстройства нервовъ, а ничто такъ не успокаиваетъ нервы, какъ какое нибудь захватывающее, дѣло. Теперь же онъ подозрѣвалъ, что среди убiйцъ находился и Робертъ Гольдено, поэтому онъ съ особымъ удовольствiемъ приготовлялся его арестовать. Конечно, онъ увѣрялъ себя, что въ этомъ случаѣ онъ исполняетъ только свой долгъ, но въ глубинѣ сердца онъ не могъ не сознавать, что послѣднiй разговоръ съ Руею и ея письмо убѣдили его въ томъ, что Робертъ Гольдено былъ его счастливымъ соперникомъ. Онъ проклиналъ себя за то, что уѣзжалъ на три недѣли, и слишкомъ рѣзко повелъ дѣло послѣ своего возвращенiя, но болѣе всего проклиналъ Роберта Гольдено, вырвавшаго у него изъ рукъ побѣду. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сердился на Руею за то, что она предпочитала ему какого-то несчастнаго янки. Но все-таки въ ея жилахъ текла южная кровь, и онъ не хотѣлъ окончательно порвать

съ ней всякія отношенія, а потому ничего не отвѣтилъ на ея письмо и сталъ терпѣливо ждать, чѣмъ все это кончится.

Въ такомъ-то настроеніи находился капитанъ, когда пришло извѣстіе о потаватомскихъ убійствахъ. Съ злобной радостью взялся онъ за преслѣдованіе убійць, въ полной надеждѣ, что въ числѣ ихъ находился его соперникъ, котораго, такимъ образомъ, сама судьба предавала въ его руки.

— Никогда не совершалось такого жестокаго преступленія, — сказалъ онъ, отдавая сержанту Матисону письменные приказы объ арестѣ Джона Брауна и его молодцовъ, въ томъ числѣ Гольдено: — и мы имѣемъ сильныя улики подозрѣвать всѣхъ этихъ лицъ. Если ихъ виновность будетъ доказана на судѣ, то они будутъ повѣшены. Смотрите, сержантъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не ускользнулъ отъ васъ, а если послѣ ареста кто нибудь уйдетъ, то я васъ отдамъ подъ судъ.

Сержантъ обѣщалъ исполнить въ точности приказаніе офицера, и онъ очень хорошо понималъ такъ же, какъ его солдаты, чего именно добивался Гаулегъ, а потому они нимало не сожалѣли, что вывернулся изъ ихъ рукъ Джонъ Браунъ, такъ какъ имъ удалось захватить Роберта Гольдено.

— Зачѣмъ вы меня арестуете, сержантъ? — спросилъ Робертъ, узнавъ Матисона.

— По приказу капитана. Хотите посмотреть бумагу?

— Нѣтъ, я васъ знаю. Но куда вы меня поведете?

— Къ капитану.

— А гдѣ онъ?

— Вы вскорѣ увидите, но прежде потрудитесь отдать вашъ револьверъ и ножъ... Благодарю васъ.

Произнеся эти слова, сержантъ сдѣлалъ незамѣтный знакъ одному изъ солдатъ, и, прежде чѣмъ Робертъ догадался, въ чемъ дѣло, на него набросили лассо и, стаянувъ ему плечи, привязали къ сѣдлу лошади этого солдата. Съ минуту Робертъ не могъ прійти въ себя отъ изумленія и негодованія, но потомъ онъ сталъ изо всѣхъ силъ выбиваться изъ стягивавшаго его узла при громкомъ хохотѣ солдатъ. Но какъ онъ ни пытался освободить себя, это было невозможно.

— Что это значитъ? — произнесъ онъ наконецъ.

— Это значитъ, — отвѣчала Матисонъ, подавая ему письменный приказъ капитана Гаулета: — что мнѣ приказано васъ арестовать. У насъ есть доказательства, что вы участвовали въ потаватомскихъ убійствахъ сегодня ночью. Поэтому не дурите и слѣдуйте за нами.

— Это ложь!

— Я такъ и думалъ, что вы это скажете. На судѣ разберутъ ваше дѣло, а теперь въ путь. Намъ надо сдѣлать десять миль, и нечего терять время.

Отрядъ двинулся въ дорогу рысью, и Робертъ долженъ былъ

бѣжать за лошадей солдата, къ сѣдлу которой онъ былъ привязанъ, такъ какъ всякое сопротивленіе было не мыслимо. Онъ подчинился судьбѣ и сталъ только обдумывать свое отчаянное положеніе. Хотя солдаты не поступали съ нимъ съ особой жестокостью, а только исполняли свой долгъ, и даже сержантъ однажды на дорогѣ приказалъ остановиться и самъ напоилъ водой своего несчастнаго плѣнника, но очевидно было, что ему грозила ужасная опасность тѣмъ болѣе, что командиромъ этихъ солдатъ былъ ненавистный ему Гаулетъ. Но вскорѣ всѣ эти мысли ступевались передъ физическими страданіями. Ноги его вспухли, и онъ едва двигалъ ими, а руки покрылись ранами отъ рѣзавшей ихъ веревки. Все это, вмѣстѣ съ усталостью и солнечнымъ зноемъ, довело его до того, что когда они достигли лагеря между Осаватоми и Лекомптономъ, въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверу отъ Сантона, онъ упалъ въ изнеможеніи и не могъ промолвить ни слова, пока его не напоили водой. Сержантъ поднялъ его и отвелъ въ палатку, гдѣ снялъ съ него лассо.

— Сидите здѣсь, я пришлю вамъ пищи,—сказалъ Матисонъ, и по его приказанію на одну изъ ногъ Роберта солдаты надѣли желѣзное кольцо и прикрѣпили цѣпью къ столбу посреди палатки.

Вскорѣ ему принесли воды, хлѣба и холоднаго мяса; подкрѣпивъ свои силы, Робертъ сталъ терпѣливо ждать, пока его позовутъ къ капитану.

Наконецъ явился солдатъ, объявилъ, что капитанъ пріѣхалъ, и вывелъ Роберта изъ палатки, держа въ рукахъ цѣпь.

Въ этомъ видѣ, безъ сапогъ и въ одной рубашкѣ, предсталъ молодой человѣкъ передъ своимъ соперникомъ.

Капитанъ Гаулетъ сидѣлъ за столомъ подлѣ своей палатки, съ двумя другими офицерами и писцемъ для составленія протокола. Глаза ихъ встрѣтились, и Робертъ сразу понялъ, что ему грозила смерть.

— Вамъ прочитанъ приказъ объ арестѣ?—спросилъ капитанъ.

— Меня подозрѣваютъ въ участіи въ томъ, что случилось на Потаватомской рѣкѣ вчера ночью.

— Что вы имѣете на это сказать?

— Это неправда.

— А гдѣ вы были въ это время?

— Я спалъ на фермѣ Майнера Гобба.

— А относительно остального обвиненія?

— Я ничего другого не слышалъ.

— Васъ обвиняютъ,—продолжалъ капитанъ, взявъ бумагу:—въ томъ, что вы участвовали въ отрядѣ Потаватомскихъ стрѣлковъ, которые, подъ клятвой, обязались противиться силой всякой попыткѣ сдѣлать Канзасъ рабовладѣльческимъ штатомъ и оказывать всякую помощь бѣглымъ невольникамъ.

— Я принадлежу къ Потаватомскимъ стрѣлкамъ, но ихъ цѣль невѣрно опредѣлена.

— Это зависитъ отъ точки зрѣнія,—произнесъ Гаулетъ со злобной улыбкой:—признаете ли вы, что вы близкій другъ и постоянный товарищъ Джона Брауна, что вы живете въ его домѣ, что снабжаете его деньгами и доставляете оружіе для Потаватомскихъ стрѣлковъ?

— Признаю.

— Признаете вы также, что вы обучали новичковъ и давали деньги людямъ, имена которыхъ будутъ впослѣдствіи вамъ предъявлены, съ цѣлью завербовать ихъ въ Потаватомскіе стрѣлки?

— Я никогда не давалъ денегъ съ этой цѣлью.

— Вы давали деньги въ долгъ?

— Да, но не для этой цѣли.

— Вы играете словами.

— Нисколько.

— Такъ вы признаете, что давали деньги взаймы?

— Да.

— Съ тѣхъ поръ, что поселились въ Канзасъ?

— Да.

— Для чего?

— Это мое дѣло.

— Вы отказываетесь отвѣчать на этотъ вопросъ?

— Да.

— Все равно,—произнесъ съ улыбкой капитанъ:—вамъ придется отвѣтить на этотъ вопросъ лекомптонскому судѣ. Вы то, что называется аболиціонистъ?

— Да.

— Вы оказали помощь бѣглому невольнику, Ионаану Сандсу, который достигъ канадской границы?

— Да.

— И вамъ не стыдно принимать участіе въ такомъ преступленіи?

— Нисколько.

— Вы человекъ со средствами?

— Я недостаточно богатъ, чтобы жить безъ работы.

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ Канзасъ?

— Чтобы купить землю.

— Сколько времени вы здѣсь?

— Два мѣсяца.

— Сколько вы купили земли?

— Ничего не купилъ, такъ какъ при теперешнемъ положеніи этой мѣстности, благодаря постояннымъ набѣгамъ миссурійскихъ флибустьеровъ, которыхъ не сдерживаютъ ни полиція, ни солдаты, невозможно здѣсь покупать земли.

— Желаете вы еще что нибудь сказать, прежде чѣмъ я напишу

свое постановленіе. Вамъ извѣстно, что я имѣю право васъ арестовать и отдать подъ судъ?

— Я не оспариваю вашей власти, но желалъ бы спросить: почему со мной обращаются, какъ съ опаснымъ преступникомъ, когда я нисколько не сопротивлялся и не обнаружилъ желанія бѣжать? Вы такъ приказали?

— Да, и я вамъ объясню почему,—сказалъ Гаулетъ такъ рѣзко, что даже его товарищи офицеры посмотрѣли на него съ изумленіемъ,—я давно слѣжу за вами. Вы опасный врагъ общественнаго спокойствія съ той самой минуты, какъ явились сюда; вы принадлежите къ числу вредныхъ фанатиковъ, которые отравляютъ самыми роковыми теоріями умы лицъ, приходящихъ съ вами въ сношенія. Канзасъ слишкомъ долго терпѣлъ васъ и вамъ подобныхъ людей. Теперь выслушайте мое постановленіе. Я отдаю васъ подъ судъ и препровождаю въ Лекомптонъ для суда, по обвиненію въ личномъ участіи въ низкомъ убійствѣ мирныхъ гражданъ на Потавагомской рѣкѣ, и въ нарушеніи законовъ страны относительно невольниковъ. Благодарите судьбу, что законы этой страны болѣе гуманны, чѣмъ справедливы, а то вы бы тотчасъ висѣли на одномъ изъ окружающихъ деревьевъ. Теперь же вы отправитесь въ Лекомптонъ для слѣдствія и суда. Уведите арестанта.

Роберта отвели въ его палатку. Онъ хотѣлъ было спросить, можетъ ли онъ видѣться съ друзьями и взять себѣ защитника, но послѣднія слова Гаулета заставили его забыть обо всемъ. Какъ ненавидѣлъ его этотъ человѣкъ! Что-то случилось послѣ ихъ свиданія въ домѣ Эльмора. Въ головѣ Роберта блеснула мысль, и сердце его радостно забилось. Не отказала ли Гаулету Руеъ? Эта мысль такъ всецѣло овладѣла молодымъ человѣкомъ, что онъ до отправки въ Лекомптонъ мало думалъ о своемъ критическомъ положеніи. Все-таки онъ написалъ два слова Гаулету, прося разрѣшенія пригласить защитника, но получилъ въ отвѣтъ, что его просьба будетъ разрѣшена лекомптонскимъ судомъ. Такъ какъ Лекомптонъ былъ исключительно рабовладѣльческимъ центромъ, то Роберту трудно было найти тамъ защитника, тогда какъ, напротивъ, въ Сантонѣ у него были друзья. Но если въ этомъ отношеніи ему судьба не улыбалась, зато его положеніе по дорогѣ къ Лекомптону было гораздо лучше, чѣмъ прежде. Ему развязали руки и дали лошадь, такъ что онъ былъ освобожденъ отъ совершенно ненужныхъ физическихъ страданій.

На полупути, сопровождавшій его отрядъ, подъ начальствомъ молодого офицера, остановился для отдыха въ одномъ селеніи, и мѣстные жители свободно смѣшались съ солдатами. Неожиданно Робертъ увидалъ знакомое лицо: это былъ Патъ Винеръ, который смѣнилъ его въ предыдущую ночь. Какъ онъ тутъ очутился, Робертъ не могъ понять. Но, повидимому, Винеръ ни о чемъ не беспокоился

и спокойно разговаривалъ съ поселянами. Однако, замѣтивъ Роберта, онъ тихо подобрался къ нему и вполголоса спросилъ:

— Это ты, Робертъ Гольдено, куда тебя ведутъ?

— Въ Лекомптонъ; меня обвиняють въ убійствѣ. Скажи старику.

Они не могли болѣе говорить, такъ какъ солдаты отгѣснили Винера.

— Арестовать этого человѣка! — воскликнулъ офицеръ, выходя изъ хижины, гдѣ онъ отдыхалъ, и видя, что какой-то неизвѣстный разговариваетъ съ арестантомъ.

Солдаты бросились за Винеромъ, но онъ уже вскочилъ на лошадь и ускакалъ, громко крикнувъ:

— Прощай, Робертъ! Я всемъ скажу, всемъ!

XXI.

За подсудимаго.

22-е мая 1856 года будетъ долго памятнымъ днемъ для гражданъ Сантона. Рано утромъ генералъ Ачисонъ вступилъ въ городъ съ тремястами миссурійцевъ, которымъ онъ произнесъ рѣчь, оканчивавшуюся слѣдующими словами:

— Исполните свой долгъ въ отношеніи себя и вашихъ южныхъ друзей, а если кто нибудь, все равно, мужчина, или женщина, посмѣетъ оказать вамъ сопротивленіе, то отправьте его къ чорту сабельнымъ ударомъ.

Не трудно себѣ представить, какое вліяніе имѣлъ этотъ совѣтъ на подобныхъ людей, большинство которыхъ еще пило безъ просыпа всю предыдущую ночь. Несчастные горожане, слѣдуя внушеніямъ Аллена Эльмора и мирной партіи, не были приготовлены къ отраженію насилія и рассчитывали на защиту капитана Гаулета и его солдатъ; но эта надежда была тщетна. Съ генераломъ Ачисономъ прибылъ шерифъ, по имени Джонсъ, который представилъ исполнительные листы перваго окружного суда Соединенныхъ Штатовъ объ уничтоженіи главной гостиницы въ городѣ, по несчастію, имѣвшей на вывѣскѣ: «Отель Свободныхъ Штатовъ», и конторы газеты, которая помѣщала на своихъ столбцахъ статьи противъ неправильно избраннаго, мѣстнаго законодательнаго собранія. Кромѣ того, у шерифа были еще писанные приказы объ арестѣ всякаго лица, подозрѣваемаго въ дѣйствіяхъ противъ интересовъ рабовладѣльцевъ, и онъ ожидалъ такое сильное сопротивленіе со стороны жителей Сантона, что привелъ къ присягѣ всехъ трехсотъ миссурійцевъ, въ качествѣ его помощниковъ.

При такихъ обстоятельствахъ капитанъ Гаулетъ отказался принять какое либо участіе въ дѣлѣ, удалился изъ города со своими солдатами и предалъ его бѣдныхъ жителей всецѣло въ руки мис-

сурійскихъ головорѣзовъ. Надо ему отдать справедливость, что если бы онъ присутствовалъ при томъ, что произошло въ Сантонѣ, то онъ непременно постарался бы, такъ или иначе, помѣшать катастрофѣ; но его отозвали въ Бѣлый домъ. Къ двумъ часамъ по полудни половина города была разграблена, а жители остальной части опасались каждую минуту за свою жизнь. Но съ этого времени какъ-то полегчало, и среди миссурійцевъ произошла реакція; эту странную перемѣну произвелъ Исаакъ Шапетъ. Пользуясь одинаковой популярностью во всѣхъ партіяхъ, такъ какъ его участіе въ бѣгствѣ Ионаана Сандса никѣмъ не подозрѣвалось,— Шапетъ свой домъ вполне обезопасилъ: генераль Ачисонъ сдѣлалъ его своей главной квартирой. Когда начались повсюду грабежи, и несчастные бѣглецы искали спасенія у Шапета, то онъ всѣмъ оказывалъ большую, или меньшую помощь. Бѣдная Дебора совершенно потеряла голову, но Исаакъ, хотя блѣдный, испитой, утомленный, сохранилъ вполне свой рассудокъ, всюду посѣщалъ и никогда не говорилъ ни одного лишняго слова. Къ двѣнадцати часамъ онъ приготовилъ основательный завтракъ генералу Ачисону съ его офицерами и человѣкамъ двадцати изъ миссурійцевъ, которыхъ онъ лично зналъ, и въ томъ числѣ былъ Патъ Логлинъ. Среди завтрака онъ всталъ и предложилъ тостъ за генерала Ачисона, при чемъ произнесъ нѣсколько любезныхъ комплиментовъ.

— Я полагаю,— сказалъ онъ, между прочимъ:— что вы, господа, всѣ южане, а говорятъ, что южане гордятся своими рыцарскими чувствами къ женщинамъ и къ людямъ слабымъ. Нѣкоторые изъ вашихъ друзей, оставшихся въ городѣ, забыли это правило и позволяютъ себѣ оскорблять женщинъ и дѣтей. Прошу васъ, окажите мнѣ помощь, чтобы положить этому конецъ, и пойдемте со мной унять эти безпорядки.

Со всѣхъ сторонъ раздались громкія рукоплесканія, и генераль Ачисонъ отвѣтилъ въ нѣсколькихъ вѣскихъ словахъ, осуждая всякое насиліе, а Патъ Логлинъ, уже достаточно напившійся, воскликнулъ:

— Ребята и генераль Ачисонъ, я также хочу предложить тостъ за нашего хозяина, Исаака (громкіе крики одобренія). Лучше его нѣтъ человѣка на свѣтѣ. Мы знаемъ, что онъ такой же ярый аболіціонистъ, какъ старый чортъ, Джонъ Браунъ въ Осаватомі, но это ничего. Да здравствуетъ Исаакъ! Что же касается до его просьбы, то я сейчасъ пойду съ нимъ на улицу, и если кто нибудь осмѣлится при мнѣ обидѣть женщину или ребенка, то я положу его на мѣстѣ, какъ собаку! Пусть всѣ, раздѣляющіе мое мнѣніе объ Исаакѣ, послѣдуютъ за мной. Ну, ребята, за Исаака: ура! ура! ура!..

Эта рѣчь была встрѣчена общимъ восторгомъ, здоровье Исаака выпито среди необыкновеннаго энтузіазма, и тотчасъ вся компа-

ніа, подь предводительствомъ Пата, принялась исполнять желаніе Исаака. Дѣла имъ было не мало, но Патъ Логлинъ, какъ истый ирландецъ, однажды взявшись за что нибудь, упорно настаивалъ на своемъ, къ тому же онъ и его товарищи имѣли самыя полныя полномочія отъ генерала Ачисона, и, не смотря на все неудовольствіе разгулявшихся негодяевъ, къ вечеру водворенъ былъ порядокъ въ городѣ, а женщинамъ и дѣтямъ обезпечена полная безопасность.

На слѣдующій день миссурійцы разбрелись по домамъ, и генералъ Ачисонъ вернулся къ своимъ южнымъ друзьямъ, которые горячо поздравляли его съ удачными дѣйствіями въ Канзасѣ и въ счастливой подготовкѣ почвы въ этой территоріи для распространенія рабовладѣльческихъ интересовъ. Въ сущности же во время своего набѣга онъ посѣялъ сѣмена такого переворота, отъ котораго въ концѣ концовъ не поздоровилось его друзьямъ, кужанамъ.

Послѣ удаленія миссурійцевъ изъ Сантона, городскіе жители, бѣжавшіе въ лѣса и поля, гдѣ провели всю ночь, вернулись въ свои жилища и собрали рано утромъ митингъ для оказанія помощи наиболѣе пострадавшимъ. На листѣ пожертвованій первымъ подписался Алленъ Эльморъ, въ суммѣ пятисотъ долларовъ, а для раздачи пособій былъ образованъ комитетъ изъ нѣсколькихъ членовъ, въ числѣ которыхъ самыми дѣятельными оказались тотъ же Эльморъ и Шапеть. Почтенный юристъ совершенно измѣнился за послѣднее время. Видѣнное имъ неистовство миссурійцевъ и насиліе, произведенное ими въ его собственномъ домѣ, привели его въ ярость, и онъ, бросивъ всякую осторожность, открыто протестовалъ противъ миссурійскихъ набѣговъ; мало того, онъ даже написалъ въ одну филадельфійскую газету очень рѣзкое письмо противъ звѣрствъ южныхъ флибустьеровъ. Даже въ официальныхъ и военныхъ кружкахъ отзывались неодобрительно о миссурійцахъ, и вообще всѣ классы одинаково спѣшили оказать помощь пострадавшимъ сантонцамъ.

Таково было положеніе дѣлъ до утра 25 мая, когда вдругъ распространилась вѣсть объ убійствахъ на Потаватоми. Сначала никто не хотѣлъ этому вѣрить и считали, что это хитрая продѣлка враговъ; но когда, спустя нѣсколько часовъ, роковое событіе вполне подтвердилось, то среди умѣренныхъ людей произошла новая, сильнѣйшая реакція.

Патъ Логлинъ почти сошелъ съ ума и громко клялся, что лично убьетъ Джона Брауна и всю его семью; и что въ особенности поразило всѣхъ, то это была не его клятва, а то обстоятельство, что онъ въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ послѣ этого оставался совершенно трезвымъ.

Алленъ Эльморъ на публичномъ митингѣ въ тотъ же вечеръ заявилъ, что онъ никогда не слыхивалъ о болѣе ужасномъ пре-

ступленіи, и что оно нанесло смертельный ударъ дѣлу свободныхъ штатовъ.

Одинъ вліятельный человѣкъ только не раздѣлялъ общаго мнѣнія—это Исаакъ Шапетъ. Онъ даже засмѣялся, узнавъ о потаватомскомъ событіи, и ни однимъ словомъ не осудилъ его. Съ 22-го числа въ немъ произошла рѣзкая перемѣна. Онъ сталъ серьезнѣе, рѣшительнѣе, и всѣ были убѣждены, что если городъ подвергнется новому набѣгу миссурійцевъ, то Исаакъ явится первымъ волонтеромъ на его защиту.

Бѣдные жители Сантона и всѣ, наиболѣе потерпѣвшіе 22-го числа, не присутствовали на митингѣ негодованія, во время котораго говорилъ Алленъ Эльморъ. Вѣсть о потаватомскомъ событіи была встрѣчена имъ совершенно иначе, чѣмъ умѣренными гражданами.

— Если бы старикъ Браунъ и его молодцы были здѣсь въ четвергъ,—говорили они,—то мы не остались бы безъ крова.

— Негодяи, убитые на Потаватоми, вполнѣ заслужили свою судьбу,—кричала одна женщина, побойчѣе другихъ:—этотъ Джонъ Браунъ настоящій человѣкъ, и у насъ въ Сантонѣ такихъ теперь нѣтъ.

Вечеромъ 26 мая погода перемѣнилась и вмѣсто сухой солнечной стала дождливая, бурная. Гостиница Исаака была переполнена народомъ. Кухня кишѣла женщинами съ грудными дѣтьми, а мужчины тѣснились вездѣ, даже въ собственной комнатѣ Исаака, который успелъ навѣстить больную женщину. Было восемь часовъ, когда дверь отворилась съ шумомъ, и въ буфетъ вошелъ человѣкъ, забрызганный грязью и очевидно только что соскочившій съ лошади. При видѣ его присутствующіе широко открыли глаза отъ удивленія. Вошедшій остановился на порогѣ и спросилъ:

— Развѣ я лишній?

— Никогда, Джонъ Браунъ,—отвѣчалъ здоровенный мужчина, подходя къ нему и крѣпко пожимая ему руку:—мы въ васъ очень нуждаемся, и вы въ нашей средѣ такъ же безопасны, какъ дома.

Его примѣру послѣдовали многіе, и Джона Брауна тотчасъ увели въ комнату Исаака, изъ боязни, чтобы кто нибудь не донесъ о его приѣздѣ шерифу или солдатамъ.

— Это неосторожно, Джонъ, ужасно неосторожно!—воскликнулъ Шапетъ, за которымъ тотчасъ послали, и который немедленно явился въ гостиницу.

— Можетъ быть. Но я приѣхалъ по такому дѣлу, которое не терпитъ отлагательства. Я хочу поговорить съ вами наединѣ.

Всѣ вышли изъ комнаты, и Шапетъ заперъ дверь.

— Ну, что такое?

— Робертъ Гольдено арестованъ; онъ въ рукахъ Гаулета и отправленъ въ Лекомптонъ для суда.

— По потаватомскому дѣлу?

— Да.

- А онъ принималъ въ немъ участіе?
- Нѣтъ.
- Однако ваши сыновья были въ дѣлѣ.
- Они моя плоть и кровь. А этого мальчика я долженъ былъ пожалѣть; къ тому же у него было другое дѣло.
- Такъ нечего за него бояться?
- Его поймали вмѣстѣ со мной. Моя лошадь пала, и онъ далъ мнѣ свою, а то я былъ бы теперь въ тюрьмѣ на его мѣстѣ. Всѣ солдаты видѣли это, кромѣ того, доказано, что онъ аболиціонистъ, что онъ содѣйствовалъ бѣгству Ионаана Сандса и помогалъ намъ.
- Плохо дѣло!
- Погодите, оно еще хуже, чѣмъ вы думаете. Гаулетъ рѣшился во что бы то ни стало покончить съ Робертомъ. Онъ торопится слѣдствіе, и судъ назначенъ черезъ недѣлю.
- Онъ будетъ въ Лекомptonѣ?
- Да.
- Надо послать за вѣрными свѣдѣніями.
- Это уже сдѣлано, и сегодня въ полночь мы получимъ всѣ подробности. Намъ необходимъ адвокатъ, а у насъ нѣтъ денегъ. Вотъ для чего я пріѣхалъ сюда.
- И рисковали своей жизнью. Вѣдь вы знаете, что въ этомъ городѣ жаждутъ вашей крови.
- Онъ пожертвовалъ своей жизнью за меня, и мнѣ нечего думать о себѣ, когда дѣло идетъ о его спасеніи. Согласны вы помочь намъ?
- Какъ вамъ не стыдно обижать меня такимъ вопросомъ! — воскликнулъ Шапелъ съ негодованіемъ: — развѣ у Роберта только одинъ другъ въ Канзасѣ, Джонъ Браунъ? Развѣ я не первый нашелъ его? Развѣ... да полно говорить пустяки. Мы возьмемъ въ защитники Питера Джонса. Это самый толковый, умный и зубастый адвокатъ. Къ тому же онъ на хорошемъ счету у сторонниковъ рабства. Что? Вы не хотите имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ? Полно, Джонъ, предоставьте это мнѣ. Питеръ нуждается въ хорошемъ дѣлѣ, и уже давно у него не было такой благодати, а если Питеръ возьмется за чтонибудь, то самъ чертъ не помѣшаетъ ему одержать побѣды. Вы, старый другъ, читайте Библию и воюйте за святое дѣло; лучше васъ этого не сдѣлаетъ ни одинъ человѣкъ въ Канзасѣ, а въ судебныхъ дѣлахъ и адвокатахъ вы ничего не понимаете. Я сейчасъ пошлю за Питеромъ.
- Адвоката скоро разыскали, и онъ явился въ гостиницу. Это былъ человѣкъ съ глубокими карими глазами, лысой головой и крючковатымъ носомъ, который, вмѣстѣ съ острымъ подбородкомъ и нависшими бровями, придавалъ ему видъ хищной птицы. Лицо его было неподвижное, манеры рѣзкія, и вся его фигура дышала суровой силой. Джонъ Браунъ остался доволенъ его внѣшностью.

— Задавайте, Питеръ, какіе угодно вопросы,—сказалъ Исаакъ, объяснивъ адвокату въ двухъ словахъ все дѣло, и, указавъ на стоявшую на столѣ бутылку со стаканами, прибавилъ:—да не забывайте промачивать себѣ глотку.

Мистеръ Джонъ приступилъ къ подробному допросу Шапета и Джона Брауна обо всемъ, что дѣлалъ, говорилъ и даже думалъ Робертъ со времени его появленія въ Канзасѣ, а когда онъ собралъ всѣ необходимыя для него свѣдѣнія, то на вопросъ Джона Брауна онъ сказалъ:

— Плохо. Единственная возможность выгородить его — это доказать алиби такимъ свидѣтелемъ, котораго мы могли бы выставить въ послѣднюю минуту, когда противная сторона уже не можетъ болѣе вызывать новыхъ свидѣтелей. Они сдѣлаютъ все, что возможно, чтобы повѣсить его, но врядъ ли рѣшатся на это, если будетъ доказано только нарушеніе имъ территоріальныхъ законовъ. Вы понимаете, что по этимъ законамъ за оказанную помощь бѣгловому негру можно повѣсить, но присяжные никогда этого не сдѣлаютъ, если у нихъ не будетъ хотя бы подозрѣнія, что вашъ другъ участвовалъ въ потаватомскомъ дѣлѣ. Значитъ наше дѣло заключается въ томъ, чтобы торжественно доказать его алиби. Въ эту ночь онъ находился на фермѣ Гобба? Кто былъ тамъ, кромѣ него?

— Мои три сына.

— Они негодятся. Кто еще?

— Майнеръ Гоббъ.

— Не лучше. Нѣтъ ли еще кого?

— Нѣтъ.

— А не былъ ли онъ еще гдѣ, кромѣ фермы?

— Да. У Аллена Эльмора.

— Поздно?

— Можетъ быть, и поздно.

— Онъ удалился отсюда ровно въ одиннадцать часовъ, — сказалъ Исаакъ.

— А вы почему это знаете?—спросилъ Джонъ Браунъ.

— Знаю и докажу.

— Это хорошо,—произнесъ Питеръ задумчиво:—а ктонибудь изъ семьи Эльмора пойдетъ въ свидѣтели?

— Такъ или иначе, а я бы заставилъ Аллена Эльмора явиться въ судъ, но дѣло въ томъ, что онъ былъ здѣсь, а въ домѣ оставались женщины и конюхъ.

— А больше онъ нигдѣ не былъ?

— Нигдѣ.

— Мы сдѣлаемъ все, что можемъ, — сказалъ Питеръ, выпивъ залпомъ стаканъ вина:—и если бы намъ удалось отложить дѣло на мѣсяць, то оно, можетъ быть, и уладилось бы; но врядъ ли на это

согласятся, и признаюсь, господа, я полагаю, что Роберту Гольдено не миновать висѣлицы.

Исаакъ схватилъ за руку адвоката и произнесъ съ особымъ удареніемъ на каждомъ словѣ:

— А деньги, Питеръ, могутъ что нибудь сдѣлать? Я дамъ пять тысячъ.

Джонсъ покачалъ головой.

— Десять тысячъ!

— Давайте хоть сто тысячъ, и все не будетъ толку. Потава-томское дѣло такъ возбудило всѣ страсти, что деньгами теперь ничего не подѣлаешь. Можетъ быть, капитанъ Браунъ спасъ Канзасъ, не мнѣ объ этомъ судить, но онъ убилъ своего друга.

— Нѣтъ еще!—воскликнулъ старикъ, вставая съ мѣста и застегивая свой сюртукъ, словно собираясь въ дорогу:—когда вы отправитесь въ Лекомптонъ, господинъ защитникъ?

— Завтра въ девять часовъ утра.

— Поѣзжайте въ десять.

— Зачѣмъ?

— Для женщинъ это удобнѣе. А въ чемъ вы поѣдете?

— Въ моемъ кабріолетѣ.

— А мѣсто будетъ для одной дамы, а, можетъ быть, для двухъ?

— Пожалуй. Но кто онѣ?

— Я приду вамъ сказать.

Старикъ отперъ дверь и хотѣлъ выйти изъ комнаты, но Шапетъ его остановилъ.

— Вы отправляетесь въ Бѣлый домъ?

— Да.

— Но вы знаете, что мистриссъ Эльморъ кремень?

— Можетъ быть, я ея не знаю и отправляюсь не къ ней, а къ ея племянницѣ.

Джонсъ допилъ свою бутылку и громко расхохотался, а Шапетъ такъ крѣпко сжалъ руку Джона Брауна, что тотъ не могъ двинуться съ мѣста.

— Джонъ, вы просто съ ума сошли! Сядьте и выслушайте меня. Я рѣдко вмѣшиваюсь въ чужія дѣла, но я васъ знаю уже сорокъ лѣтъ. Вы много дѣлали смѣлыхъ безумныхъ дѣлъ, но эта поѣздка въ Бѣлый домъ превосходитъ всѣ. Я согласенъ еще, чтобы вы рисковали своею жизнью, чтобы спасти Роберта, но даромъ отдаваться въ руки враговъ—это болѣе чѣмъ глупо. Подумайте только, вѣдь Бѣлый домъ кишитъ солдатами, и Алленъ Эльморъ съ удовольствіемъ отдастъ васъ въ руки правосудія. А когда васъ поймаютъ, то уже васъ не спасетъ никакой защитникъ, никакое алиби. И зачѣмъ вы будете рисковать собой? Вѣдь молодую дѣвушку не пустятъ въ судъ, даже если бы она сама захотѣла, но вѣдь это не мыслимо—она южанка. Положимъ, Робертъ ей нравится, но Гаулетъ

сильный соперникъ, и никакая молодая дѣвушка не рѣшится скомпрометировать себя появленіемъ въ судѣ и свидѣтельскимъ показаніемъ о томъ, что Робертъ ушелъ изъ ея дома въ одиннадцать часовъ ночи, послѣ вечера, проведеннаго вдвоемъ. Полно, Джонсъ, останьтесь у меня, а добрый Питеръ поѣдетъ въ Лекомптонъ и сдѣлаетъ все, что можно, для защиты нашего друга.

Джонъ Браунъ терпѣливо выслушалъ длинную рѣчь Исаака и, надѣвъ шляпу, спокойно произнесъ:

— Я вернусь къ вамъ. Приготовьте мнѣ кровать. До свиданія, господинъ защитникъ.

Шапегъ еще разъ хотѣлъ его удержать, но онъ грубо его оттолкнулъ.

— Оставьте, Исаакъ, не вамъ заставить меня измѣнить то, что я рѣшилъ!

И онъ быстро удалился.

— Онъ совсѣмъ съ ума сошелъ, — произнесъ Джонсъ, когда дверь затворилась:—и я удивляюсь, зачѣмъ вы съ нимъ спорили, Исаакъ.

— Нѣтъ, онъ не сумасшедшій!—воскликнулъ Шапегъ:—вы не можете понять, судебная сутяга, сколько огня въ этой головѣ, сколько энергіи въ этомъ сердцѣ, сколько силы въ этихъ мускулахъ! Не пройдетъ и года, сотни, тысячи людей будутъ такими же безумцами, какъ онъ. И тогда, другъ Питеръ, только тогда Канзасъ станетъ свободнымъ.

XXII.

Аргументы Джона Брауна.

Бѣлый домъ снова принялъ свой обычный опрятный комфортабельный видъ; у мистриссъ Эльморъ остался на лбу шрамъ, какъ вѣчный слѣдъ разбойничьяго набѣга, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она совершенно оправилась отъ тяжелаго удара. О Руэи нельзя было сказать того же: она потеряла аппетитъ, не спала по ночамъ, а днемъ тосковала безъ видимой причины, что очень тревожило ея тетку. Даже Алленъ Эльморъ, вернувшись домой 26-го вечеромъ, замѣтилъ, что она очень блѣдна, и предложилъ ей поѣхать погостить къ знакомымъ на востокъ. Руэь, однако, отказалась, и онъ не настаивалъ, такъ какъ побаивался молодой дѣвушки съ тѣхъ поръ, какъ она выказала свою самостоятельность. Потомъ онъ сказалъ своей женѣ, что грусть племянницы легко объясняется отсутствіемъ Гаулета, и мистриссъ Эльморъ не спорила съ нимъ, но въ глубинѣ своего сердца, добрая женщина очень беспокоилась за Руэь, особенно же, когда она на другой день послѣ второго посѣщенія Роберта Гольдено застала ее въ слезахъ. Однако, зная ха-

рактерь молодой дѣвушки, она не спрашивала уже ничего, и въ сущности Руоъ не могла ей ничего отвѣтить. Она сама не могла отдать себѣ отчета въ своихъ собственныхъ мысляхъ, а думала она безъ устали. Ее удивляло, что капитанъ Гаулетъ не отвѣчалъ на ея письмо, хотя и понимала, что нечего было на него отвѣтить. Не напрасно ли она ему писала? Письма легче всего возбуждали недоразумѣнія. Мало-по-малу она стала меньше думать о капитанѣ Гаулетѣ и больше о Робертѣ Гольдено. Ее мучила мысль, что, будучи почти невѣстой одного человѣка, она выказывала очевидное предпочтеніе другому. Еще недавно она мечтала только о томъ, чтобы быть совершенно свободной, а теперь, завоевавъ себѣ свободу, она не знала, что съ нею дѣлать. Какъ она ни думала, но никакъ не могла ни на что рѣшиться и возложила всѣ свои надежды на время. Ее всего болѣе утѣшала мысль, что капитанъ самъ откажется отъ нея и тѣмъ освободитъ ее отъ необходимости предпринять что либо рѣшительное.

Хотя Алленъ Эльморъ былъ очень встревоженъ потаватомскимъ событіемъ, но онъ не сказалъ объ этомъ ни слова при племянницѣ, а только сообщилъ о случившемся женѣ, посоветовавъ осторожно передать роковую вѣсть молодой дѣвушкѣ.

Они еще сидѣли заужиномъ, хотя было довольно поздно, когда вдругъ дверь изъ сѣней отворилась, и на порогѣ показался Джонъ Браунъ, зорко оглядывавшійся по сторонамъ. Эльморъ вскочилъ и схватилъ со стола ножъ.

— Положите ножъ на мѣсто и садитесь въ свое кресло, — произнесъ спокойно Джонъ Браунъ, затворяя за собою дверь.

Эльморъ повиновался, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страха.

Мистриссъ Эльморъ была блѣдна, но нимало не испугана, а неожиданное появленіе Джона Брауна такъ удивило Руоъ, что она не могла произнести ни слова.

— Я пришелъ съ мирными намѣреніями, — произнесъ старикъ, — но такъ какъ я рискую своею жизнью, то мнѣ необходимо имѣть всегда при себѣ надежнаго друга.

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана револьверъ, взвелъ курокъ и положилъ на столъ, пристально смотря на Эльмора.

— Зачѣмъ вы это говорите? — воскликнула Руоъ, оправившись отъ своего волненія и подходя къ старику съ протянутой рукой: — мы слишкомъ много обязаны вашей семьѣ, чтобы вы могли подвергнуться опасности въ нашемъ домѣ.

Старикъ поклонился и, не сводя глазъ съ Эльмора, хотѣлъ пожать протянутую ему руку, но Эльморъ вскочилъ и грубо оттолкнулъ племянницу.

— Не прикасайся къ этому человѣку! — воскликнулъ онъ. — Это убійца. Его руки забрызганы невинной кровью!

— Вы лжете,—произнесъ Джонъ Браунъ со сверкающими глазами и сдѣлалъ шагъ впередь.

Храбрость Эльмора мгновенно покинула его, и онъ безмолвно опустился въ кресло.

— Вы лжете,—повторилъ старикъ:—я никогда не проливалъ невинной крови. Убитые были врагами Бога и людей. Мы ихъ отправили на судъ Божій, и, быть можетъ, милосердный Богъ спасетъ ихъ души. Кромѣ того, этотъ примѣръ подѣйствуетъ на злыхъ людей и побудитъ ихъ обратиться на путь истинный. Если бы нужно было, я сейчасъ повторилъ бы это справедливое дѣло, Алленъ Эльморъ, и еще много будетъ убито подобныхъ людей, прежде чѣмъ негры получатъ свободу. Но я пришелъ сюда не для того, чтобы говорить съ вами; у меня дѣло до вашей племянницы, хотя вы можете присутствовать при нашемъ разговорѣ.

И, не отходя отъ того мѣста стола, гдѣ онъ положилъ свой револьверъ, но обращаясь къ Руэи, старикъ продолжалъ:

— Вы слышали, что произошло съ вашимъ другомъ Робертомъ Гольденомъ?—Нѣтъ?—Ну, такъ я вамъ скажу. Два дня тому назадъ совершенъ актъ справедливости. Пятеро людей убито, и за это событіе отвѣтствую я одинъ. Но Робертъ арестованъ и отданъ подъ судъ, какъ участникъ этихъ убійствъ, хотя онъ вовсе тамъ не былъ. Несмотря на его невинность, онъ будетъ непременно осужденъ и повѣшенъ, если мы не докажемъ, что въ ночь убійства онъ находился въ другомъ мѣстѣ. Вы только, Руэи, можете засвидѣтельствовать это. Въ вашихъ рукахъ его жизнь и смерть.

Молодая дѣвушка поблѣднѣла, какъ полотно.

— Я васъ не понимаю,—промолвила она:—почему я?..

— Потому что онъ былъ у васъ въ этотъ вечеръ.

— Онъ уѣхалъ отсюда рано,—сказала мистриссъ Эльморъ, впервые вмѣшиваясь въ разговоръ.

— Такъ ли? Въ которомъ часу?—спросилъ съ видимымъ беспокойствомъ Джонъ Браунъ.

— Въ десятомъ часу,—сказала мистриссъ Эльморъ, пристально смотря на Руэи.

— А вы что скажете?—произнесъ Джонъ Браунъ, обращаясь къ Руэи:—вамъ одной я повѣрю.

Руэи не сразу отвѣтила, но потомъ спокойно сказала:

— Нѣтъ, было поздно. Вы, тетя пошли спать, а мы остались съ нимъ вдвоемъ. Когда онъ ушелъ, я посмотрѣла на часы: было десять минутъ двѣнадцатаго.

Джонъ Браунъ вздохнулъ свободно.

— Потаватомское дѣло случилось ранѣе. Повторите ваше показаніе на судѣ, Руэи, а нашъ молодецъ будетъ спасенъ. Слава Богу, слава Богу!

— Она не явится въ судъ,—произнесъ Эльморъ рѣшительнымъ

тономъ:—я опекунъ ея, и мое согласіе необходимо въ каждомъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ ея честь и безопасность. Вы хотите, чтобы она поѣхала въ Лекомитонъ и передъ всѣми разыграла роль друга и спасителя этого человѣка? Но я этого не хочу и не позволю.

— Я не пришелъ сюда, чтобы разсуждать съ вами, Алленъ Эльморъ,—произнесъ старикъ, едва сдерживая свой гнѣвъ:—вы никогда не рисковали своей шкурой, чтобы помочь кому бы то ни было. Вы отказали помочь семьѣ Гобба въ самую критическую минуту и вы преспокойно дозволили бы, чтобы Робертъ былъ казненъ; это вполнѣ достойно васъ, не даромъ вы другъ кровожадной ищейки Гаулета, который безжалостно затравилъ бѣднаго юношу. Но помолчите, дайте говорить вашей племянницѣ.

Эльморъ не могъ смотрѣть прямо въ глаза старику и молча опустилъ голову; но, услыхавъ имя Гаулета, Руѳъ воскликнула:

— Вы ошибаетесь. Капитанъ Гаулетъ—благородный джентльменъ. Нѣсколько дней тому назадъ онъ и мистеръ Гольдено были здѣсь вмѣстѣ и разстались друзьями. Ваши свѣдѣнія невѣрны.

— Вы правы. Они дѣйствительно разговаривали здѣсь, какъ друзья,—отвѣчалъ Джонъ Браунъ, снова обращаясь къ Руѳи и говоря нѣжнымъ, почти родительскимъ тономъ:—но и то, что я говорю, тоже правда. Выслушайте меня. Одинъ изъ моихъ молодцевъ, Натъ Винеръ, и мой сынъ Язонъ видѣли, какъ Роберта вели плѣнникомъ въ Лекомитонъ, а братъ сержанта Матисона, котораго вы знаете, передалъ Язону подлинныя слова сержанта. Робертъ былъ арестованъ этимъ сержантомъ по письменному приказу капитана Гаулета; капитанъ лично допросилъ Роберта, скованнаго, какъ преступника, и торжественно сказалъ Роберту, что если бы по закону не былъ необходимъ судъ, то онъ съ удовольствіемъ повѣсилъ бы его на первомъ деревѣ. Вотъ почему я въ такихъ выраженіяхъ отозвался о капитанѣ.

Старикъ перевелъ дыханіе, но Руѳъ ничего не промолвила и молча смотрѣла на него испуганными глазами.

— Я совѣтовался объ этомъ дѣлѣ съ двумя умными, знающими и достойными законовѣдами. Имъ хорошо извѣстно настроеніе лекомитонцевъ, и хотя они сдѣлаютъ все для спасенія Роберта, но считаютъ его погибшимъ. Когда я сказалъ имъ, что обращусь къ вамъ, то они подняли меня на смѣхъ и сказали, что вашъ дядя никогда не позволитъ вамъ явиться въ качествѣ свидѣтеля. Но я другого мнѣнія. Вы женщина, а у женщинъ сердце нѣжнѣе, а воля также сильна, какъ у мужчины. Робертъ съ радостью отдалъ бы свою жизнь за васъ, а вѣдь я прошу въ сущности такъ мало отъ васъ. Если бы я могъ отдать за него свою жизнь, то я сдѣлалъ бы это съ удовольствіемъ. Вы знаете, я просилъ Роберта оставить меня одного, но онъ не хотѣлъ, и мы отправились вмѣстѣ изъ Осава-томи. Моя лошадь споткнулась и сломала себѣ ногу; тогда онъ

далъ мнѣ свою лошадь, и его схватили. Я не думалъ, что онъ можетъ подвергнуться опасности, а то, конечно, я былъ бы теперь въ тюрьмѣ, а не онъ. Однако я все-таки виноватъ передъ нимъ, и Богъ меня покараетъ. Если нашъ бѣдный другъ будетъ казненъ, то мнѣ никогда болѣе не поднять отъ стыда своей старой головы.

Онъ замолчалъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ въ комнатѣ царилъ мертвая тишина.

— Скажите, что мнѣ дѣлать?—спросила наконецъ Руэб.

Старикъ пристально посмотрѣлъ на нее: его лице засіяло свѣтлой улыбкой, и, торжественно поднявъ руки, онъ издали благословилъ ее.

— Вы отправитесь завтра утромъ въ Лекомптонъ, съ адвокатомъ Джонсомъ, изъ Сантона, который заѣдетъ за вами въ своемъ кабріолетѣ. Онъ человекъ хорошій, честный и все устроитъ правильно, прилично. Вы дадите свое показаніе на судѣ, и ваши искреннія слова убѣдятъ судью и присяжныхъ болѣе всѣхъ краснорѣчивыхъ фразъ защитника. Вамъ не страшно и не стыдно сдѣлать это?

— Нѣтъ, если отъ этого зависитъ жизнь друга.

— Васъ не отговорятъ послѣ меня?

— Если я дамъ слово, то исполню его. Вамъ нечего сомнѣваться во мнѣ.

— Я и не сомнѣваюсь. Вы вѣрная и сильная душа. Господь васъ благословитъ и наградитъ за это въ свое время.

Онъ положилъ револьверъ въ карманъ и прибавилъ:

— Адвокатъ заѣдетъ за вами въ десять часовъ. Позавтракайте хорошенько дома и возьмите побольше провизіи съ собой, потому что вы доѣдете до Лекомптона только къ ночи.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты, и черезъ минуту наружная дверь захлопнулась.

— Каковъ?—произнесъ Эльморъ съ горькой улыбкой:—разбойники въ родѣ Пата Логлина—вредные люди, но еще вреднѣе такіе лицемѣры, какъ Джонъ Браунъ. Гольдено не подвергается никакой опасности. Онъ неосторожно нарушилъ законъ, и Гаулетъ дастъ ему за это хорошій урокъ. Вотъ и все, остальное все ложь, прикрывающая, можетъ быть, еще болѣе преступную цѣль. Но довольно; пора спать. И не думай объ этомъ болѣе, Руэб, я все устрою. Если завтра заѣдетъ сюда Питеръ Джонсъ, въ чемъ я очень сомнѣваюсь, то я ему представлю такіе резоны, что онъ самъ убѣдится въ невозможности тебѣ ѣхать съ нимъ.

— Пожалуйста, не говорите больше объ этомъ, дядя Эльморъ,—отвѣчала Руэб твердо:—я рѣшилась ѣхать и поѣду.

Эльморъ взглянулъ на жену, ожидая найти въ ней поддержку, но она спокойно произнесла:

— Я поѣду съ Руэбю. Правда, Питеръ Джонсъ человекъ хорошій, но все-таки лучше намъ отправиться вдвоемъ, а ты пока, Алленъ, переберись къ Шапету. Ну, Руэб, пойдѣмъ спать.

XXIII.

Западня.

Однажды рѣшившись сопровождать Руэ, мистриссъ Эльморъ принялась за дѣло очень энергично, и ко времени приѣзда Джонса, всѣ приготовления были окончены: въ домѣ все убрано и отдано на сохраненіе солдатамъ, завтракъ приготовленный съѣденъ, а достаточное количество съѣстныхъ припасовъ уложено въ корзину на дорогу. Что касается до Аллена Эльмора, то онъ уже болѣе не протестовалъ и на разсвѣтѣ уѣхалъ въ Сантонъ, не простившись съ Руэю.

Ровно въ девять часовъ явился адвокатъ въ старомодномъ чetyхъ-мѣстномъ кабріолетѣ, запряженномъ двумя здоровыми лошадьми. Самъ Питеръ Джонсъ, маленькаго роста и въ очень странномъ костюмѣ, вызвалъ улыбку на лицѣ Руэи, которой, однако, было тогда не до смѣха. Дѣйствительно онъ былъ уморителенъ въ черномъ фракѣ съ бархатнымъ воротникомъ, высокомъ галстухѣ, громадныхъ воротничкахъ и длиннѣйшемъ цилиндрѣ, надвинутомъ на его маленькое лицо.

— Я защитникъ мистера Гольдено, — сказалъ онъ, рекомендуясь дамамъ съ почтительнымъ поклономъ: — и прежде всего долженъ засвидѣтельствовать вамъ отъ имени защиты глубокую благодарность за оказываемое вами содѣйствіе.

Загѣмъ, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, онъ взялъ одной рукой корзинку съ провизіей, а другой остальные вещи и уложилъ ихъ въ свой кабріолетъ. Черезъ минуту они уже ѣхали по большой дорогѣ скорой рысью.

Въ шесть часовъ они достигли Мельвиля и тамъ остались ночевать, такъ какъ лошадямъ надо было дать отдохнуть. Весь вечеръ мистеръ Джонсъ провелъ съ дамами, объясняя имъ всѣ подробности предстоявшаго судебного дѣла. Его разговоръ очень заинтересовалъ Руэ, и она пріятно провела время. Когда же онъ ушелъ, и она легла спать, то ей показалось страннымъ, что въ своихъ разспросахъ онъ старался вывѣдать у нея все, что она знала о капитанѣ Гаулетѣ, какъ бы интересуясь имъ болѣе, чѣмъ Робертомъ Гольдено. Это показалось ей страннымъ, но она не стала объ этомъ ломать себѣ головы и вскорѣ заснула.

Вся гостиница, гдѣ они остановились, спала безмятежнымъ сномъ, какъ неожиданно въ три часа раздался страшный стукъ въ наружную дверь. Страхъ Джона Брауна былъ такъ распространенъ въ этой мѣстности, что трактирщикъ не смѣлъ отворить двери, пока къ нему на помощь не явился Питеръ Джонсъ, который быстро одѣлся и взялъ въ руки винтовку.

— Отворяйте, Матью,—сказаль онъ:—не бойтесь, я ихъ встрѣчу, какъ слѣдуетъ.

— Но вы не будете стрѣлять?—со страхомъ промолвилъ трактирщикъ.

— Во всякомъ случаѣ не въ васъ,—отвѣчалъ адвокатъ:—говорятъ вамъ, отворяйте двери.

Матью повиновался, снялъ засовъ и пріотворилъ дверь.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ.

— Впусти насъ,—отвѣчалъ грубый голосъ:—а то мы тебѣ зададимъ.

Кто-то грубо оттолкнулъ трактирщика и вбѣжалъ въ сѣни. Это былъ Патъ Логлинь.

— Ага, это вы, Питеръ Джонсъ,—произнесъ онъ со смѣхомъ,—мнѣ именно васъ-то и нужно. Какъ вы поживаете, маленькій чело-вѣчекъ? Зачѣмъ вы держите такое большее ружье—вы еще пожалуй застрѣлитесь? Отдайте его мнѣ.

Онъ бросился на адвоката и безъ труда вырвалъ у него ружье.

Между тѣмъ въ дверь ввалилось, съ бранью и криками, около двадцати миссурійцевъ, при видѣ которыхъ трактирщикъ, Матью Крюгтъ, совершенно потерялъ голову и сталъ бормотать о своей преданности рабовладѣльческимъ интересамъ.

— А, это вы Патъ,—сказаль спокойно Питеръ Джонсъ:—вы такъ шумѣли снаружи, что я думалъ, не разбойники ли пришли. Если бы я зналъ, что это вы, то не бралъ бы и ружья. Ну, полно дурить, лучше выпьемъ-ка. Вы вѣрно всѣ очень устали въ эту ненастную ночь. Я угощу васъ всѣхъ на славу. Матью, разводи огонь, открывай свою залу, и давайте, молодцы, пить до утра.

Хладнокровіе адвоката магически подѣйствовало на всѣхъ: трактирщикъ, чую въ воздухѣ наживу, скоро всѣмъ распорядился, и Патъ Логлинь, любезно взявъ подъ руку Питера Джонса, отправился со своими товарищами въ залу гостиницы.

Вскорѣ огонь запылалъ въ каминѣ, а на столѣ появились ряды бутылокъ и стакановъ; веселая попойка пошла своимъ чередомъ. Послѣ многихъ, шумно выпитыхъ тостовъ, адвокатъ хлопнулъ по плечу Пата Логлина и сказалъ, подмигивая ему:

— Входя въ дверь, вы заявили, что я вамъ нуженъ. Неужели у васъ есть дѣло?

— Да. И очень спѣшное. Я и мои друзья прискакали сюда, чтобы сказать вамъ и тѣмъ двумъ дамамъ, которыя ѣдутъ съ вами, что ваше присутствіе не нужно въ Лекомptonѣ.

— Что же, хорошія вѣсти,—отвѣчалъ спокойно Джонсъ:—выпейте еще стаканчикъ, Патъ. Значить судъ уже конченъ?

— Нимало,—отвѣчалъ со смѣхомъ Логлинь:—можетъ быть, судъ кончится завтра или послѣзавтра, такъ какъ старый чортъ полковникъ Сумнеръ настаиваетъ на томъ, чтобы проклятому аболиціони-

сту дали двадцать четыре часа для вызова свидѣтеля. Но будьте спокойны, болѣе двухъ дней дѣло не продлится, а то молодцы прямо пойдутъ въ тюрьму и убьютъ арестанта.

— Значить, вы совѣтуете мнѣ сейчасъ отправиться въ путь.

— Нѣтъ, что вы — Патъ Логлинъ не такой человѣкъ, чтобы онъ сталъ помогать вамъ доказывать какое-то алиби и спасать отъ висѣлицы проклятаго негодяя. Нѣтъ, вотъ въ чемъ дѣло: мы явились сюда, чтобы задержать васъ и вашихъ дамъ, до тѣхъ поръ, пока все будетъ кончено въ Лекомптонѣ. Такимъ образомъ ничто не помѣшаетъ правосудію восторжествовать. Понимаете вы меня?

Питеръ Джонсъ высоко поднялъ свой стаканъ и тихо выпилъ его до конца. Ни одинъ мускулъ въ его лицѣ не дрогнулъ, и онъ совершенно спокойно сказалъ, поставивъ стаканъ на столъ:

— Больше ничего, Патъ?

— А чего же вамъ еще?

— Я бы желалъ, чтобы вы, мой другъ, были осторожнѣе и благоразумнѣе. Заговоръ противъ исполненія судомъ своего долга наказуется тюремнымъ заключеніемъ на пять лѣтъ. И вы, Патъ, добровольно подвергаете себя этому наказанію? Ну, храбрый вы человѣкъ, нечего сказать. За ваше здоровье!

Логлинъ развирѣпѣлъ, но, видя хладнокровіе адвоката, замѣтно встревожился.

— Но какъ вы ни храбры, а то, что вы дѣлаете, глупо, мой другъ, — продолжалъ невозмутимо Джонсъ: — врядъ ли васъ подержать ваши друзья.

— Вы меня два раза назвали дуракомъ, Питеръ, — отвѣчалъ Патъ Логлинъ, сжимая кулаки: — скажите это слово еще въ третій разъ, и я разнесу вашу дерзкую башку! Ну, что еще вы имѣете мнѣ сообщить?

— А вотъ что. Хорошо вамъ куралесить, пока вы одни здѣсь, но если сюда придутъ солдаты капитана Гаулета, и вамъ будетъ приказано насъ выпустить, что тогда?

— Вотъ такъ насмѣшилъ! — воскликнулъ Логлинъ, захохотавъ во все горло: — слышите, ребята? Онъ думаетъ, что капитанъ Гаулетъ прикажетъ намъ выпустить его компанію.

— Отчего же нѣтъ? — спросилъ Питеръ Джонсъ, смотря пристально на расходившагося ирландца.

— Адвокатъ Джонсъ, мы всѣ знаемъ, куда и зачѣмъ вы ѣдете, а вы, не смотря на всю вашу хитрость, ничего отъ меня не вывѣдаете. Можетъ быть, я получилъ приказаніе, а можетъ быть, я дѣйствую самъ отъ себя; но, во всякомъ случаѣ, я больше пить не буду сегодня ночью. Вы можете удалиться въ свою комнату, и мы не тронемъ ни васъ, ни вашихъ дамъ; но, смотрите, ни шагу отсюда ни въ Лекомптонъ, ни въ какую другую сторону, пока я вамъ не разрѣшу.

Питеръ Джонсъ зналъ, что съ Патомъ Логлиномъ нельзя было разсуждать, и что если онъ что рѣшилъ, то поставить на своемъ, поэтому адвокатъ молча вернулся въ свою комнату и легъ въ постель, но не спалъ, а думалъ, думалъ безъ конца. Утромъ за завтракомъ онъ сообщилъ своимъ дамамъ о неожиданной преградѣ въ ихъ дальнѣйшемъ путешествіи. Мистриссъ Эльморъ приняла эту вѣсть очень спокойно, но Руѳъ вышла изъ себя, тѣмъ болѣе, что она могла подозрѣвать самого мистера Джонса въ соучастіи въ этомъ заговорѣ противъ Роберта Гольдено.

— Что имъ надо!—воскликнула она:— кто прислалъ ихъ сюда, кто устроилъ намъ эту западню?

— Все это неизвѣстно,—отвѣчалъ адвокатъ:— но Патъ злѣйшій врагъ Роберта Гольдено, и, можетъ быть, это его штуки.

— Нѣтъ. Я не думаю, чтобы онъ на это рѣшился. Это смѣлый шагъ, а онъ большой трусъ. Спросили вы его, долго ли онъ насъ здѣсь задержитъ?

— Я полагаю, до тѣхъ поръ, пока не кончится судъ въ Лекомptonѣ.

— Какъ!—воскликнула Руѳъ, выронивъ изъ рукъ вилку и ножикъ:— онъ будетъ намѣренно держать насъ здѣсь, чтобы лишить мистера Гольдено возможности доказать свою невинность. Вы это хотите сказать?

— Да. Но не отчаивайтесь. Еще не все пропало. Судъ можетъ быть отложенъ, если дойдетъ извѣстіе до кого слѣдуетъ о такомъ насильственномъ задержаніи свидѣтелей. Главное не теряйте присутствія духа и не поддавайтесь нервамъ.

Хладнокровіе Питера нѣсколько успокоило Руѳъ.

Все утро Питеръ Джонсъ не оставлялъ въ покоѣ Пата: то угрожая ему, то подкупая его, то грозилъ ему послѣдствіями, увѣряя его, между прочимъ, что онъ увѣдомилъ о случившемся полковника Сумнера, командовавшаго отрядомъ въ Лекомptonѣ. Но Патъ оставался неуязвимымъ: онъ не хотѣлъ слушать никакихъ аргументовъ, клялся, что не возьметъ милліоновъ за нарушеніе своего долга, и смѣялся надъ всѣми угрозами. Затѣмъ Питеръ Джонсъ сталъ розыскивать средства къ бѣгству, или къ полученію откуда либо помощи. Онъ говорилъ со всѣми мужчинами, женщинами и дѣтьми, которыхъ могъ найти въ гостиницѣ, но всѣ они, начиная отъ хозяина до мальчишки, принесшаго масло съ фермы, одинаково заявили желаніе, чтобы поскорѣ повѣсили арестанта въ Лекомptonѣ, и до того каждый изъ нихъ боялся миссурійцевъ, что не могло быть и мысли разсчитывать на ихъ содѣйствіе.

Въ этотъ день никто не отправился рано спать: внизу миссурійцы играли въ карты, пѣли и пьянствовали, что, однако, не мѣшало Пату Логлину держать ухо востро и отъ времени до времени посѣщать часовыхъ, разставленныхъ вокругъ дома. Въ двѣнадцать

часовъ все стихло, всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, а Руѳъ сѣла къ окну и устремила свои глаза въ ночную даль.

Весь день она кое-какъ сдерживала себя, но теперь она дала просторъ своему горю, теперь она впервые сознала, что смерть Роберта Гольдено или даже заточеніе его въ тюрьмѣ на нѣсколько лѣтъ составить для нея глубокое несчастіе. Крупныя слезы потекли по ея щекамъ, и она поняла, что въ ея судьбѣ произошелъ крутой переломъ. Если бы она не боялась беспокоить своей тетки, которая спала съ ней въ одной комнатѣ, то она тотчасъ бы написала капитану Гаулету и объяснила бы ему, что онъ не долженъ болѣе думать о ней, какъ о своей невѣстѣ. Ей теперь казалось даже страннымъ, какъ она могла когда нибудь обманывать себя мыслью, что онъ ей нравился.

Но вскорѣ мысли ея сосредоточились на другомъ предметѣ. Все ли было сдѣлано, чтобы найти возможность продолжать поѣздку въ Лекомптонъ, или послать туда гонца? Можно ли было надѣяться на адвоката? Кто увѣдомилъ миссурійцевъ объ ихъ экспедиціи? Подозрѣніе противъ дяди и капитана Гаулета вкралось ей въ голову и упорно засѣло тамъ. Между тѣмъ, часы шли за часами, и мракъ смѣнился сѣрымъ утромъ. Руѳъ отошла отъ окна съ тяжелой головой и болѣзненно бьющимся сердцемъ; ей казалось, что если она проведетъ еще такой день и такую ночь, то непременно сойдетъ съ ума.

XXIV.

Вовремя.

Какія бы подозрѣнія Руѳъ ни имѣла относительно Питера Джонса, но на слѣдующее утро она должна была сознаться, что всѣ мѣры, которыя она стала ему предлагать, были уже перепробованы. Онъ поочередно переговорилъ съ товарищами Логлина, стараясь ихъ подкупить, но ни одинъ не согласился: такъ потаватомское событіе сильно подѣйствовало на миссурійцевъ. Узнавъ объ этомъ, Руѳъ изъявила желаніе сама повидать Пата Логлина, и Патъ явился трезвый, приличный.

Онъ объяснилъ въ очень учтивыхъ и достойныхъ выраженіяхъ, что ему было непріятно причинить какую либо остановку въ путешествіи дамъ, и заявилъ полную готовность служить имъ, если бы онѣ когда либо нуждались въ его услугахъ. Онъ ручался, что сорветъ голову съ любого изъ своихъ товарищей, въ случаѣ малѣйшаго оскорбленія съ ихъ стороны, но заявилъ, что онъ не можетъ позволить дамамъ ѣхать въ Лекомптонъ, или послать туда какую либо вѣсточку. Онъ далъ честное слово и долженъ его сдержать.

— Впрочемъ, — прибавилъ онъ, направляясь къ дверямъ: — вамъ

»*

не долго ждать, милостивыя государыни; я только что получилъ извѣстіе изъ Лекомптона, что вчера судъ конченъ. Значить вы завтра будете дома.

Этотъ разговоръ еще болѣе разстроилъ Руоъ, и она не знала ни минуты покоя, нервно переходя изъ комнаты въ комнату.

— Если бы Джонъ Браунъ былъ съ нами, то этого бы не случилось, — сказала она наконецъ, обращаясь къ теткѣ: — можетъ быть, я несправедлива, но мнѣ кажется, что мистеръ Джонсъ, при всемъ его умѣ, слишкомъ хладнокровенъ и рассудителенъ. Онъ скорѣе невидимо проползетъ черезъ непріятельскую армію, чѣмъ пробьется черезъ нее. Жаль, что я не мужчина.

— Джонъ Браунъ?—отвѣчала мистриссъ Эльморъ:— я не совѣтовала бы ему сюда показываться, съ нимъ бы скоро покончили. Да и при томъ онъ во всемъ виноватъ.

— Какъ виноватъ? Онъ храбрѣе всѣхъ!

— Однако, онъ на свободѣ, а бѣдный Робертъ въ тюрьмѣ.

— Да вѣдь онъ говорилъ при васъ, что не зналъ объ опасности, грозившей молодому человѣку. Неблагодарно обвинять его въ этомъ.

— Вотъ въ этомъ-то мы съ тобою и расходимся, дитя мое. Старикъ тебя обворожилъ, а мнѣ страшно смотрѣть на него. Онъ жестокій безумецъ. Если бы онъ былъ въ своемъ умѣ, то понималъ бы, что его поступки губятъ его друзей и то дѣло, которому онъ служить. Я не аболиціонистка, но если бы была ею, то ненавидѣла бы Джона Брауна болѣе Ачисона изъ Миссури или любого южанина. Я никакъ не могу понять, почему Робертъ такъ привязался къ нему. Но таковы мужчины: они всѣ, по-моему, дураки, и cadaго ктонибудь водить за носъ—одного женщины, другого товарищи. При этомъ лучшій изъ нихъ платится головой за грѣхи худшаго. Вотъ, на примѣръ, Джонъ Браунъ, будетъ себѣ спокойно жить до восьмидесяти лѣтъ, а бѣдный Робертъ, можетъ быть, теперь... да что съ тобой, дитя мое?

Молодая дѣвушка такъ поблѣднѣла, что тетка обняла ее.

— Лягъ и отдохни. Тебѣ вѣрно нездоровится.

— Я совершенно здорова, — отвѣчала Руоъ, качая головой: — извините, мнѣ нужно написать письмо.

И она выбѣжала изъ комнаты.

Большинство людей, знавшихъ мистриссъ Эльморъ, полагали, что у нея нѣтъ сердца, и дѣйствительно она была очень сурова ко всѣмъ, за исключеніемъ Руои. Эта блестящая, гордая, молодая дѣвушка мало-по-малу побѣдила ея сердце, и она любила ее такъ же пламенно, какъ если бы она была ея родная дочь. Онѣ понимали другъ друга, хотя не расточали внѣшнихъ признаковъ привязанности. Но теперь мистриссъ Эльморъ, быть можетъ, впервые почувствовала сожалѣніе къ бѣдной дѣвушкѣ, инстинктивно догадываясь,

что дѣлалось въ ея сердцѣ. Поэтому она стала нетерпѣливо прислушиваться къ шагамъ Руэи въ ея комнатѣ, находившейся наверху, и когда они смолкли, она тихо пошла къ ней, тихо открыла дверь и такъ неслышно подошла, что Руэъ узнала ея присутствіе только тогда, когда тетка положила ей руку на голову. Она стояла у окна и смотрѣла внизъ со сверкающими глазами.

— Успокойся, дитя мое, — сказала мистриссъ Эльморъ: — а ты серьезно занеможешь.

— Вы когда нибудь чувствовали, тетя, желаніе совершить убійство?

— А кого бы ты хотѣла убить?—спросила съ удивленіемъ мистриссъ Эльморъ.

— Вонъ тѣхъ людей. Посмотрите, какія у нихъ ужасныя, жестокія лица. Если тѣ, которыхъ Джонъ Браунъ убилъ на Потаватоми, походили на этихъ, то я не удивляюсь его поступку. Я бы сама ему помогла. Вѣдь я очень сильна, тетя.

Мистриссъ Эльморъ стало страшно: она подумала, не сошла ли съ ума Руэъ.

— Полно, — сказала она, стараясь казаться хладнокровной: — ты сама не понимаешь, что говоришь.

— Я не понимаю! — воскликнула молодая дѣвушка, бросая во кругъ себя дикіе взгляды: — вы думаете, что я сошла съ ума. Не беспокойтесь, пощупайте мой пульсъ: я совершенно спокойна, хладнокровна. Отчего мнѣ не ощущать къ нимъ подобныхъ чувствъ: вѣдь они всѣ убійцы. Вѣдь вы сами сказали, что въ эту минуту умираетъ, быть можетъ, невинный человѣкъ въ Лекомптонѣ, а эти люди смѣются и пьянствуютъ, хотя въ сущности они его убійцы, а не судьи въ Лекомптонѣ. Я знаю, чего они заслуживаютъ, если есть правосудіе въ этой странѣ, и когда я получу свободу, то сдѣлаю все на свѣтѣ, чтобы они не избѣгли законной кары. Погодите, дайте мнѣ хорошенько всмотрѣться въ ихъ лица, чтобы потомъ узнать ихъ. Какъ бы я желала узнать ихъ имена.

Она открыла окно, высунулась и стала пристально изучать лица, стоявшихъ внизу миссурійцевъ.

Было около полудня. Въ воздухѣ стояла безмятежная тишина. Глаза молодой дѣвушки вскорѣ перешли отъ группы миссурійцевъ и разставленныхъ въ разныхъ сторонахъ часовыхъ на горизонтъ, гдѣ вдругъ что-то привлекло ея вниманіе. Глаза ея заблестали, губы задрожали, и она воскликнула съ радостной надеждой:

— Что это, тетя? Какіе-то люди скачутъ сюда. Кто бы это были?

Дѣйствительно вдали по дорогѣ быстро несея отрядъ всадниковъ. Миссурійцы, повидимому, ихъ не замѣчали, или считали ихъ своими товарищами. Сердце Руэи снова болѣзненно сжалось. Однако, одинъ изъ часовыхъ приложилъ руку къ глазамъ, долго смотрѣлъ вдалѣ и забилъ тревогу. Вскорѣ Патъ Логлинъ и всѣ его

молодцы были наготовѣ, и хотя приближавшійся отрядъ состоялъ изъ десяти человѣкъ, но Логлинъ раздѣлилъ свои силы на двѣ части: десять человѣкъ онъ отправилъ во флангъ непріятеля, а съ пятнадцатью приготовился встрѣтить ихъ передъ гостиницей. Видя эту дизлокацію, непріятель также раздвоился: половина повернула фронтъ къ миссурійцамъ, стремившимся отрѣзать имъ отступленіе, а остальные бросились маршъ маршемъ впередъ.

Патъ Логлинъ постоянно жаловался, что онъ не будетъ знать покоя, пока не встрѣтится съ Джономъ Брауномъ и не убьетъ его. Теперь этотъ случай представился: предводитель неожиданно явившихся всадниковъ былъ именно Джонъ Браунъ. Онъ прямо бросился на Пата Логлина и нанесъ ему такой ударъ саблей по лѣвой рукѣ, что тотъ свалился съ лошади. Хотя бой былъ совершенно неравный, и съ одной стороны находилось шесть человѣкъ, а съ другой пятнадцать, но натискъ Джона Брауна и его сыновей былъ такъ стремителенъ, что миссурійцы, видя на землѣ своего предводителя, искали спасенія въ бѣгствѣ. Другіе ихъ товарищи, предпринявшіе фланговое движеніе, также послѣдовали ихъ примѣру, довольствуясь только однимъ залпомъ въ побѣдителей.

Сбѣжавшіеся со всѣхъ сторонъ, поселяне привѣтствовали громкими криками радости Джона Брауна и его молодцовъ, среди которыхъ находился и Шапегъ. Громче всѣхъ высказывалъ свой восторгъ Матью Крюттъ, который мгновенно превратился изъ защитника рабовладѣльцевъ въ сторонника свободныхъ штатовъ; но Джонъ Браунъ не обратилъ вниманія на комплименты, а сказавъ два слова Питеру Джонсу и убѣдившись, что Патъ Логлинъ не убитъ, а только тяжело раненъ,—обратился къ трактирщику со слѣдующими словами:

— Довольно болтать. Заложите двѣ самыхъ лучшихъ лошади въ самый легкій кабриолетъ, и чтобы все было готово черезъ пять минутъ. Если человѣкъ, котораго судятъ въ Лекомptonѣ, умереть, то ты отвѣтишь мнѣ за него головой, Матью Крюттъ. Ты знаешь, что я никогда ничего не забываю и ничего не прощаю.

Матью пристально посмотрѣлъ на него и побѣждалъ исполнять полученныя приказанія.

Въ гостиницѣ поднялась суматоха; дамы быстро собрались въ дорогу, а Питеръ Джонсъ и Шапегъ стали вполголоса совѣщаться. Проходя мимо нихъ, Руэ слышала, какъ адвокатъ сказалъ:

— Послѣдуйте за нами съ Патомъ Логлиномъ и постарайтесь убѣдиться, правъ ли я.

— Конечно, я это сдѣлаю,—отвѣчалъ Исаакъ:—будьте покойны, я все отъ него вывѣдаю. Но вотъ и дамы.

Когда готовъ былъ кабриолетъ, запряженный лучшими во всемъ околоткѣ лошадьми, Джонъ Браунъ подошелъ къ Руэ и, дружески потрепавъ ее по плечу, сказалъ съ улыбкой:

— Да благословитъ васъ Господь, молодая дѣвушка, можетъ быть, вы еще успѣете, хотя судъ вчера кончился, и Робертъ приго-

ворень, но казнь не состоится ранѣ двадцати четырехъ часовъ, а полковникъ Сумнеръ человекъ справедливый; онъ не дозволить, чтобы повѣсили невиннаго человека только потому, что свидѣтель опоздалъ въ судъ. Поѣзжайте скорѣе, и Христосъ съ вами.

Обѣ дамы и Питеръ Джонсъ помѣстились въ кабриолетъ, и лошади помчались. Руѣ и ея тетка едва держались на мѣстахъ, но адвокатъ оказался ловкимъ возницей и такъ умѣло поддерживалъ быстроту лошадей, что въ два часа они достигли Лекомптона, но Джонсъ не остановился въ городѣ, а, увидавъ лагерь на горѣ, по ту сторону города, онъ направилъ туда кабриолетъ. Но на полудорогѣ до лагеря имъ попался на встрѣчу военный отрядъ, во главѣ котораго ѣхалъ красивый пожилой офицеръ съ сѣдыми усами.

— Полковникъ Сумнеръ!—воскликнулъ Джонсъ, останавливая кабриолетъ:—у меня есть важное до васъ дѣло.

Полковникъ осадилъ лошадь, пристально посмотрѣлъ на адвоката и, узнавъ его, спросилъ:

— Куда вы торопитесь, Джонсъ? Въ чемъ дѣло?

Джонсъ отдалъ вожжи Руѣи, соскочилъ съ кабриолета и, подбѣжавъ къ полковнику, сталъ объяснять ему все, что случилось.

Руѣ не могла слышать ихъ разговора, но видѣла по лицу полковника, что онъ сначала относился къ дѣлу саркастически, но потомъ онъ сталъ высказывать все большее и большее вниманіе, предложилъ адвокату нѣсколько вопросовъ и наконецъ, подбѣжавъ къ кабриолету, очень любезно спросилъ у молодой дѣвушки:

— Вы родственница полковника Виндсфорда, изъ Виргинія?

— Я дочь его.

— Въ такомъ случаѣ мы старые знакомые,—отвѣчалъ съ улыбкой полковникъ:—вашъ отецъ былъ моимъ товарищемъ, и я зналъ васъ въ дѣтствѣ. Вы, миссъ Руѣ, очень похожи на него, а я никогда не видывалъ такого красавца, какъ онъ.

Руѣ покраснѣла, но ей было не до комплиментовъ, и она поспѣшно спросила:

— Вы знаете, зачѣмъ мы пріѣхали? Мы еще не опоздали?

— Арестантъ еще живъ,—отвѣчалъ полковникъ совершенно инымъ тономъ:—ваше показаніе будетъ выслушано судомъ завтра. Хорошо, что вы поспѣли во время. Еще часъ, и вы опоздали бы.

XXV.

Капитанъ Гаулетъ еще разъ выдаетъ себя.

Лекомптонъ въ 1856 году питалъ сильныя рабовладѣльческія симпатіи, и событія на Потаватомѣ довели до бѣлаго каленія гнѣвное настроеніе всего города, а потому Роберта пришлось отвести въ тюрьму подъ эскортомъ всего отряда полковника Сумнера, такъ какъ иначе разъяренная толпа разорвала бы его на куски. Когда же онъ потребовалъ себѣ защитника, то никто изъ мѣстныхъ адвокатовъ

не рискнулъ на такое дѣло, и ему пришлось послать, съ разрѣшенія полковника Сумнера, записку къ Шалету въ Сантонъ, но гонецъ, взявшійся доставить эту записку, не вернулся. Въ первую же ночь была сдѣлана попытка сжечь тюрьму, а потому, въ интересахъ одинаково обвиненія и защиты, дѣло было назначено къ разсмотрѣнiю на слѣдующій день.

Робертъ не выставилъ себя на судъ къ хорошему свѣтѣ. Онъ оскорбился тѣмъ, что не получилъ никакого отвѣта изъ Сантона-видѣлъ вокругъ себя враждебныя лица и былъ убѣжденъ, что его судьба рѣшена, прежде чѣмъ присяжные заняли свои мѣста. Напротивъ стряпчій, который велъ дѣло съ противной стороны, дѣйствовалъ очень умно и энергично. Онъ такъ ловко допрашивалъ Роберта, что вынудилъ его публично объявить, что онъ аболиціонистъ, что питаетъ дружбу къ Джону Брауну и убѣжденъ въ необходимости прибѣгнуть къ насилію для освобожденія Канзаса. Отъ этихъ теоретическихъ разсужденій хитрый адвокатъ прямо перешелъ къ потаватомскимъ убійствамъ. Хотя Робертъ отрицалъ, что онъ участвовалъ въ этихъ убійствахъ и даже зналъ о нихъ, но онъ не выразилъ никакого ужаса по поводу этого событія, и даже заявилъ, что ждалъ какой нибудь катастрофы, которая нанесла бы тяжелый ударъ защитникамъ рабства. Доведя дѣло до этого, стряпчій выставилъ двухъ свидѣтелей, которыхъ онъ выдалъ за поселянъ на Потаватомѣ, и которые подъ присягой показали, что видѣли, какъ Робертъ, съ саблей въ рукахъ, принималъ участіе въ преступной рѣзнѣ. Молодой человѣкъ торжественно заявилъ, что оба свидѣтеля лгали, и что они были ему извѣстны, какъ виновники грабежа на фермѣ Майнера Гобба. Эти слова обвиняемаго произвели довольно сильное впечатлѣніе на присутствующихъ, но нисколько не подѣйствовали на присяжныхъ, которые вынесли обвинительный приговоръ. На вопросъ судьи, имѣетъ ли онъ что прибавить, Робертъ заявилъ просьбу, чтобы отложили приведеніе приговора въ исполненіе на двадцать четыре часа и чтобы дали ему возможность еще разъ послать за свидѣтелемъ въ Сантонъ. Судья посоветовался съ полковникомъ Сумнеромъ и утвердительно разрѣшилъ просьбу осужденнаго; наконецъ, посланный въ Сантонъ вернулся съ отвѣтомъ, что сантонскіе граждане отказываются свидѣтельствовать въ пользу кого либо изъ молодцовъ Джона Брауна. Однако, какъ мы видѣли, Руеъ и Питеръ Джонсъ прибыли въ Лекомптонъ за часъ до казни.

Прежде всего Питеру Джонсу нужно было повидать тюремныхъ властей и полковника Сумнера, а затѣмъ переговорить со своимъ довѣрителемъ.

Что касается до Руеи и мистриссъ Эльморъ, то онѣ остановились въ одной изъ городскихъ гостиницъ и съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія адвоката.

Спустя два часа, къ нимъ явился капитанъ Гаулетъ и засталъ въ гостиной только мистриссъ Эльморъ.

— Руеъ здорова,— сказала она, предупреждая вопросъ капитана:—но я уговорила ее лечь спать, такъ какъ она не смыкала глазъ во всю пропедшую ночь.

— Отчего же она не спала вчера?—спросилъ онъ послѣшно и какъ бы желая удалиться.

— Садитесь, пожалуйста,—произнесла мистриссъ Эльморъ:—вотъ видите, въ чемъ дѣло: нашъ другъ, или, лучше сказать, ея другъ находится подъ опасностью смерти, и только ея свидѣтельское показаніе можетъ его спасти. Мы тотчасъ поскакали сюда, но по дорогѣ насъ задержали негодяи, подъ начальствомъ Пата Логлина, который объявилъ, что ему приказано не пускать насъ сюда, пока не кончится судъ. Изъ всего этого ясно, что низкіе люди поклялись погубить молодого человѣка изъ какихъ нибудь личныхъ видовъ. Поэтому, вы понимаете, бѣдной Руеи было вчера не до сна, но, благодаря Джону Брауну, мы освобождены и доѣхали сюда во время. Теперь, конечно, обнаружится весь этотъ постыдный заговоръ.

Капитанъ Гаулетъ нетерпѣливо выслушалъ мистриссъ Эльморъ и отвѣчалъ, крутя свои усы дрожащей рукой.

— Я очень сожалѣю, что миссъ Виндсфордъ позволяетъ иногда чувствамъ брать верхъ надъ благоразуміемъ, хотя эти чувства дѣлаютъ ей большую честь. Я не могу теперь болѣе остаться, но приду завтра въ это время: мнѣ очень нужно повидать миссъ Виндсфордъ. Говорятъ, судъ выслушаетъ новыхъ свидѣтелей и постановитъ новый приговоръ, но врядъ ли онъ будетъ отличаться отъ прежняго. Конечно, я буду очень сожалѣть объ этомъ, хотя этотъ человѣкъ опасный фанатикъ, но онъ оказалъ значительную услугу вашей семьѣ, и я полагаю, что онъ вообще не дурной человѣкъ.

Капитанъ поклонился и вышелъ изъ комнаты.

— Ну, голубчикъ,—подумала мистриссъ Эльморъ:—ты его боишься и знаешь, что тебѣ грозитъ, если онъ останется въ живыхъ. Жаль, что Руеъ не видала, какъ блестяли твои глаза, но это не бѣда, она и такъ дастъ тебѣ отставку. Что же касается до суда, то это дѣло не твое, а нашего адвоката.

Мистриссъ Эльморъ была совершенно права: ни одинъ защитникъ такъ не хлопоталъ о своемъ довѣрителѣ, какъ Питеръ Джонсъ. Руеи онъ показался холоднымъ и суровымъ человѣкомъ, но подъ этой виѣшной личиной скрывались громадная сила воли и пламенная энергія, которыя были безцѣнны въ подобную критическую минуту. Онъ не терялъ ни минуты и весь день, вечеръ и всю ночь работалъ безъ устали, хотя никто не зналъ, что онъ дѣлалъ и гдѣ былъ. На слѣдующее же утро, завтракая съ Руею и мистриссъ Эльморъ, онъ казался совершенно спокойнымъ и увѣреннымъ въ себѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ много и спокойно ѣлъ, что одинъ его видъ внушалъ довѣріе.

Въ Лекомптонѣ издавалась одна ежедневная газета, очень умѣло

составляемая, и которую читали всѣ въ городѣ. Въ этой газетѣ появилась статья, которая возставала въ пламенныхъ выраженіяхъ противъ неправильности приговора въ дѣлѣ Роберта, обвиняла власть въ несправедливомъ веденіи дѣла и намекала на то, что при новомъ разсмотрѣніи дѣла выяснятся необыкновенныя обстоятельства. Общее любопытство было такъ сильно возбуждено этой статьей и толками, ходившими въ городѣ, что зала была переполнена зрителями, а на окрестныхъ улицахъ толпился народъ съ утра. Для предохраненія Руэи и мистриссъ Эльморъ полковникъ далъ эскортъ солдатъ, но это было совершенно излишне, и, при проходѣ ихъ изъ гостиницы въ судъ, въ толпѣ раздавались самыя симпатичныя восклицанія. Это былъ хорошій признакъ, но еще лучшимъ признаменемъ показалось то обстоятельство, что обвиняемый вошелъ въ залу не скованный какъ прежде, не мрачный, не убитый, а веселый, со счастливой улыбкой на устахъ. Также и присутствующіе не выказывали, какъ два дня тому назадъ, предвзятаго осужденія, а ждали съ нетерпѣніемъ, что выяснится на судѣ.

На этотъ разъ его отвѣты на саркастическіе вопросы обвинителя были очень ловки и остроумны, но всего болѣе привела въ восторгъ слушателей рѣчь защитника, который, въ самыхъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, разбилъ обвиненіе въ пухъ и прахъ. Онъ такъ картинно нарисовалъ всѣ поступки Роберта со времени его поселенія въ Канзасѣ, отъ первой его стычки до защиты несчастныхъ обитательницъ Бѣлаго дома, что вызвалъ въ залѣ энтузіамъ къ своему довѣрителю, который краснѣлъ отъ скромности. Затѣмъ Джонсъ перешелъ къ Потаватомскому событію и съ глубокимъ чувствомъ заявилъ, что онъ никогда бы не сталъ защищать человѣка, виновнаго въ подобномъ преступленіи; но дѣло именно было въ томъ, что Робертъ Гольдено никогда не принималъ въ немъ участія и съ горестью сожалѣлъ, что Джонъ Браунъ рѣшился на такой шагъ. Что касается до обвиненія, то оно, по его словамъ, все основывалось на показаніяхъ двухъ свидѣтелей, а потому, прежде чѣмъ выставить своихъ свидѣтелей, онъ заявилъ желаніе передпросить лицъ, будто бы видѣвшихъ его довѣрителя на Потаватомѣ.

Обвинители пошептались между собою и заявили, что означенные свидѣтели исчезли, и что они просятъ отложить засѣданіе до вечера, чтобы дать имъ время отыскать свидѣтелей, но судья и присяжные не хотѣли объ этомъ слышать. Тогда Джонсъ просилъ прочесть протоколъ, въ который были занесены свидѣтельскія показанія, и послѣ этого чтенія, нисколько не критикуя эти показанія, вызвалъ свою свидѣтельницу Руэю, объяснивъ предварительно, какая западня была имъ устроена на дорогѣ, съ тою цѣлью, чтобы они опоздали на судъ.

Молодая дѣвушка очень боялась, что у нея не хватитъ силы вести себя прилично въ такую критическую минуту, но всѣ, начи-

ная отъ судьи до обвинителя, были такъ любезны съ нею, что она быстро оправилась отъ объявшаго ее страха и спокойно, толково отвѣчала на всѣ вопросы.

Ея показаніемъ окончилось дѣло, и присяжные удалились для совѣщанія. Черезъ десять минутъ они вернулись и объявили всѣми ожидаемый приговоръ: не виновенъ.

Присутствующіе свободно вздохнули, а толпа, окружавшая зданіе суда, сдѣлала Питеру Джонсу торжественную овацію. Многіе пламенные южане, которые съ удовольствіемъ наканунѣ разстрѣляли бы Роберта, теперь крѣпко пожимали ему руки. Онъ былъ положительно героемъ минуты. Свиданіе его съ друзьями, которымъ онъ обязанъ былъ своею жизнью, отличалось безмолвной торжественностью, но пожатіе руки Руэи было дороже для него всѣхъ поздравленій, и хотя молодые люди въ присутствіи мистриссъ Эльморъ только помѣнялись этимъ пожатіемъ и выразительными взглядами, Робертъ почувствовалъ въ глубинѣ своего сердца, что ея рука, ея глаза и все ея существо могло рано или поздно принадлежать ему.

Они всѣ вмѣстѣ позавтракали, и Питеръ Джонсъ старался веселыми шутками отвлечь вниманіе мистриссъ Эльморъ отъ молодыхъ людей, но послѣ завтрака онъ увелъ Роберта, подъ предлогомъ важнаго дѣла, и дамы остались однѣ.

Спустя полчаса, доложили о капитанѣ Гаулетѣ, и Руэъ взглянула такъ знаменательно на мистриссъ Эльморъ, что она удалилась изъ комнаты, несмотря на сильное желаніе присутствовать при ихъ разговорѣ.

Капитанъ вошелъ въ комнату съ веселой улыбкой, но тотчасъ насупилъ брови: такъ холодно отвѣтила Руэъ на пожатіе его руки.

— Я вчера заходилъ къ вамъ.

— Мнѣ очень жаль, что я васъ не видѣла.

— Вы отдыхали. Вамъ былъ необходимъ покой, и теперь вы кажетесь очень усталой.

— Нѣтъ. Я чувствую себя очень хорошо.

Наступило молчаніе.

— Я считаю долгомъ прежде всего заявить,—произнесъ онъ съ большимъ достоинствомъ:— какъ я высоко цѣню вашъ поступокъ. Рѣдкая женщина сдѣлала бы это на вашемъ мѣстѣ.

— Я только исполнила свой долгъ и больше ничего,—отвѣчала Руэъ рѣзко.

— Въ этомъ позвольте съ вами не согласиться. Но довольно объ этомъ. Дѣло кончено, Гольдено на свободѣ, и вы довольны. Теперь поговоримъ о васъ. Если я не отвѣчалъ на ваше письмо, то потому, что былъ въ постоянныхъ разъѣздахъ, да и отвѣчать-то было нечего. Вы сами должны были предугадать отвѣтъ. Что мнѣ до мнѣ-

ній, убѣжденій и т. д. Я васъ люблю, Руѳъ, и вы меня любите — значить...

— Нѣтъ, погодите!—воскликнула молодая дѣвушка, поблѣднѣвъ, какъ полотно: — мы сдѣлали съ вами, капитанъ Гаулетъ, ужасную ошибку: я виновата передъ вами и должна просить у васъ прощенія. Сказавъ вамъ, что я могла бы прежде согласиться быть вашей женой, я ненамѣренно произнесла неправду. Вы мнѣ просто нравились, какъ любезный молодой человѣкъ, вы были очень добры до меня, я цѣню вашу дружбу, но я не люблю и никогда не любила васъ. Мнѣ тяжело это сказать, но такъ лучше для васъ и для меня.

— Съ какихъ поръ вы питаете ко мнѣ подобныя чувства?

— Не знаю. Но теперь я вполне убѣждена въ томъ, что говорю. Можетъ быть, я слишкомъ поторопилась попросить у васъ прощенія: вы еще не способны меня простить.

Капитанъ Гаулетъ молчалъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, нервно комкая въ рукахъ свои перчатки. Наконецъ, онъ разорвалъ ихъ на мелкіе куски и, устремивъ на молодую дѣвушку дикій, страшный взглядъ, воскликнулъ:

— Неужели, Руѳъ, вы думаете, что я такъ легко откажусь отъ васъ, особенно послѣ вашего письма. Ваше геройское спасеніе вашего аболиціонистскаго друга, кажется, вскружило вамъ голову. Конечно, вы скомпрометировали себя своею смѣлостью, но мнѣ это нравится, и я не ставлю вамъ этого въ вину. Поговоримте теперь серьезно. Мы съ вами связаны торжественнымъ словомъ, которое нельзя нарушить. Послѣ того, что вы говорили мнѣ на словахъ и написали въ письмѣ, вы, въ глазахъ всего свѣта и любого суда, моя законная невѣста. Я не намѣренъ дѣйствовать рѣзко, пока не заставятъ меня къ этому обстоятельства, но объявляю, что имѣю на васъ законныя права и никогда отъ нихъ не откажусь.

Говоря это, онъ совершенно искренно думалъ, что имъ руково, дить любовь, а если она принимала нѣсколько рѣзкую форму, то это слѣдовало объяснить его южнымъ происхожденіемъ. Для него—какъ для всякаго южанина, женщина была все-таки женщиной — существомъ, предназначеннымъ къ повиновенію.

— Капитанъ Гаулетъ, вы съ ума сошли!—воскликнула Руѳъ, бросая на него удивленные и гнѣвные взгляды:—я никогда не соглашалась быть вашей женой, и моего письма невозможно понять въ этомъ смыслѣ. Только подлець можетъ говорить съ женщиной такъ, какъ вы, и я нимало не боюсь вашихъ угрозъ.

— Не выражайтесь такъ грубо и не выводите меня изъ терпѣнія,—отвѣчалъ рѣзко капитанъ:—но мы оба разстроены, и намъ лучше теперь прекратить этотъ разговоръ.

Онъ засмѣялся и протянулъ ей руку.

Молодая дѣвушка гордо выпрямилась, спрятала руки за спину и взглянула на него съ холоднымъ презрѣніемъ.

Всякій другой человѣкъ понялъ бы, что его участь рѣшена, и что онъ никогда ничего не добьется отъ столь враждебно расположенной къ нему женщины; но на капитана это подѣйствовало совершенно иначе: Руеъ никогда не казалась ему столь прелестной, какъ въ эту минуту, и, все-таки считая ее своей собственностью, онъ подбѣжалъ къ ней и, прежде чѣмъ она успѣла опомниться, поцѣловалъ ее.

Руеъ громко вскрикнула, и онъ со смѣхомъ выпустилъ ее изъ своихъ объятій. Но въ эту минуту дверь отворилась, и капитанъ, быстро обернувшись, встрѣтился лицомъ къ лицу съ Робертомъ Гольдено.

XXVI.

Удовлетвореніе.

Робертъ не видѣлъ всего, что произошло, но слышалъ крикъ молодой дѣвушки, и когда Гаулетъ направился къ двери, то онъ преградилъ ему дорогу и пристально посмотрѣлъ на Руеъ. Ея щеки горѣли, и слезы выступили на ея глазахъ отъ стыда и гнѣва.

— Подлецъ!—воскликнула она:—какъ вы смѣли!

Этихъ словъ было достаточно для Роберта. Онъ сдѣлалъ два шага назадъ, захлопнулъ дверь и прислонился къ ней спиной. Гаулетъ выхватилъ изъ ноженъ саблю, но Робертъ схватилъ стулъ и съ такой силой ударилъ его по рукѣ, что сабля грохнулась на полъ.

— Если вы сдѣлаете еще одно движеніе,—сказалъ онъ спокойно, наступая ногой на клинокъ:—то я васъ выброшу въ окно!

— Вы сильнѣе меня,—отвѣчалъ капитанъ, не теряя головы:— а мы сведемъ съ вами счеты въ другомъ мѣстѣ.

Робертъ не обратилъ никакого вниманія на его слова и, обращаясь къ Руеи, спросилъ:

— Что прикажете съ нимъ сдѣлать?

— Отдайте ему саблю.

Робертъ поднялъ ногу, и Гаулетъ, взявъ саблю, вложилъ ее въ ножны.

— Вы теперь уйдете изъ этой комнаты,—сказала Руеъ, смотря прямо въ глаза капитану:—и я никогда болѣе не скажу вамъ ни слова! Молчать! Я не хочу съ вами разговаривать. Если вы вздумаете со мной видѣться, или писать ко мнѣ, то я обращусь за покровительствомъ къ полковнику Сумнеру, старому другу моего отца. Мистеръ Гольдено, будьте такъ любезны, откройте дверь.

Капитанъ Гаулетъ улыбнулся и съ почтительнымъ поклономъ выпелъ изъ комнаты, но въ дверяхъ онъ на минуту остановился

и, видя, что Руеъ стоитъ къ нему спиной, мигнулъ Роберту. Этотъ безмолвный знакъ ясно выражалъ вызовъ на дуэль, а Робертъ зналъ, что дуэль между ними означала смерть одного изъ нихъ, а, можетъ быть, обоихъ.

Онъ взглянулъ на Руеъ. Она сидѣла, закрывъ лицо руками. Сердце молодого человѣка дрогнуло: онъ зналъ, что долгъ чести требовалъ послѣдовать за капитаномъ и до окончанія поединка не говорить ни слова Руеи о своихъ чувствахъ. Но какъ было ему оставить любимую дѣвушку въ такомъ горѣ и отчаяннiи? Все-таки онъ собрался съ силами и хотѣлъ уйти. Но не успѣлъ онъ взяться за ручку двери, какъ Руеъ подняла глаза и спросила тономъ обиженнаго ребенка:

— Вы уходите?

— Нѣтъ, если я вамъ нуженъ.

Она ничего не отвѣчала, но Робертъ забылъ о своей рѣшимости подѣ чарующимъ влiянiемъ ея взгляда, быстро подошелъ къ ней и взялъ ее за обѣ руки.

— Дозвольте мнѣ,—сказалъ онъ нѣжно:—остаться съ вами и быть вашей поддержкой во всю нашу жизнь, любовь моя.

Она попрежнему не произнесла ни слова, но ея золотистая головка тихо опустилась на его плечо, и она со счастливой улыбкой дозволила ему сорвать отвѣтъ съ ея алыхъ губъ.

Во все это время мистриссъ Эльморъ сидѣла въ другомъ концѣ гостиницы и нетерпѣливо ждала, чтобы Руеъ вернулась и рассказала ей о своемъ разговорѣ съ капитаномъ Гаулетомъ. Она была увѣрена, что капитанъ явился не съ доброй цѣлью, и что ея племянница дозволитъ себѣ какую нибудь рѣзкую выходку; но время шло, и Руеъ не появлялась. Уже стемнѣло, и мистриссъ Эльморъ, выйдя изъ терпѣнiя, пошла сама на рекогносцировку. Прiотворивъ дверь, она заглянула въ гостиную и увидѣла, что въ темнотѣ вскопчилъ съ дивана какой-то мужчина, и раздался громкiй смѣхъ Руеи. Сердце мистриссъ Эльморъ поледенѣло.

— Вотъ тебѣ и на,—громко произнесла мистриссъ Эльморъ, не замѣчая, кто былъ въ комнатѣ:—капитанъ-то обошелъ ее.

Теперь наступила очередь Руеи смутиться, но Робертъ взялъ ее за руку и, подходя къ мистриссъ Эльморъ, сказалъ гордымъ счастливымъ тономъ:

— Вы ошибаетесь. Можетъ быть, васъ это удивитъ, но Руеъ избрала меня.

— И хорошо сдѣлала, — отвѣчала добрая женщина:—конечно, весь свѣтъ возстанетъ противъ нея, но вы съ самаго начала были моимъ выборомъ, Робертъ. Да благословитъ васъ Господь!

Съ этими словами мистриссъ Эльморъ крѣпко пожала руку Роберта и поцѣловала Руеъ, въ первый разъ послѣ шестилѣтняго ея пребыванiя въ домѣ.

Почти въ то же время вошелъ въ комнату Питеръ Джонсъ, и молодые люди разбѣжались; онъ пристально посмотрѣлъ на нихъ и, отвѣдя въ сторону Роберта, спросилъ:

— Вы обдумали дѣло?

— Да.

— Вы будете преслѣдовать Гаулета?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Я не могу объяснить.

— Вы говорили съ мистриссъ Эльморъ?

— Нѣтъ.

— Вамъ бы слѣдовало поговорить.

— Это до меня не касается.

— Вы ѣдете завтра съ дамами въ Сантонъ?

— Не знаю.

— Онѣ рассчитываютъ, что вы поѣдете съ ними.

— Я и поѣду, если меня не задержать здѣсь дѣла.

Тутъ дамы прервали ихъ разговоръ, и они всѣ отправились къ ужину, который продолжался въ этотъ вечеръ недолго. Послѣ него мистриссъ Эльморъ и Джонсъ удалились въ свои комнаты, а молодые люди остались наединѣ.

Имъ было такъ много рассказать другъ другу, что они не знали, съ чего начать. Руеъ, однако, нашла нужнымъ прежде всего передать Роберту исторію появленія Джона Брауна въ Бѣломъ домѣ, и юноша не зналъ, какъ благодарить ее за ея смѣлое нарушеніе всѣхъ приличій, съ цѣлью его спасти. Потомъ они стали вспоминать о своихъ первыхъ свиданіяхъ, и Робертъ съ восторгомъ объяснялъ, какъ радостно онъ работалъ въ ея саду.

— А вы въ то время, — прибавилъ Робертъ: — вѣроятно, смѣялись надъ странной фигурой и грубой одеждой сѣверянина?

— Нисколько. Но, признаюсь, вашъ костюмъ былъ уродливый. Однако же съ тѣхъ поръ я не разъ думала съ любовью о вашемъ безобразномъ сюртукѣ. Впрочемъ вы, правда, должно быть, странный человѣкъ, если я вамъ понравилась сразу.

— Должно быть, я странный, — отвѣчалъ со смѣхомъ Гольдено: — но во всякомъ случаѣ я полюбилъ васъ съ перваго взгляда. Да вѣдь никто не можетъ видѣть васъ, не влюбившись. Вотъ и капитанъ Гаулетъ...

— Не говорите о немъ. Впрочемъ, лучше покончить сразу, я не хочу, чтобы между нами были тайны. Было время, когда мнѣ казалось, что онъ мнѣ нравится.

— Я зналъ объ этомъ, — отвѣчалъ онъ, поцѣловавъ ее.

— И вы меня не презираете за это?

— Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ вамъ нравился:

онъ красивый, блестящій офицеръ; а вотъ удивительно, что вы любите меня. Вотъ этого я никакъ не могу понять.

Въ эту минуту кто-то постучался въ дверь, и Робертъ вышелъ въ корридоръ, гдѣ поговорилъ съ кѣмъ-то нѣсколько минутъ.

— Мнѣ надо идти по дѣлу, — сказалъ онъ вернувшись: — если вы не устали, то подождите меня, я приду черезъ полчаса.

Лицо его значительно измѣнилось, и губы были крѣпко сжаты, но глаза свѣтились любовью.

Сердце Руэи дрогнуло, и она хотѣла спросить, не случилось ли чего непріятнаго, но, сдѣлавъ надъ собою усиліе, отвѣтила:

— Конечно, я васъ подожду.

Они помѣнялись долгимъ пламеннымъ поцѣлуемъ, и онъ удалился, а она, оставшись одна, погрузилась въ тревожную думу.

Она была увѣрена, что случилось какое нибудь несчастіе. Не арестовали ли опять Роберта? Нѣтъ, это было невозможно, такъ какъ онъ обѣщалъ вернуться черезъ полчаса. Какая же бѣда могла разразиться надъ головою Роберта? Вдругъ молодая дѣвушка вскрикнула. Не пошелъ ли онъ драться на дуэли съ капитаномъ Гаулетомъ? Она вспомнила, что когда Робертъ вышибъ изъ рукъ капитана саблю, то послѣдній сказалъ: мы сведемъ съ вами счеты въ другомъ мѣстѣ. Но что ей было дѣлать? Она, какъ южанка, хорошо знала, что отъ дуэли невозможно отказываться, и что если бы ей даже удалось Роберта уговорить не идти на поединокъ, то онъ былъ бы опозоренъ на всю жизнь. Она могла отправиться къ полковнику Сумнеру и просить его вмѣшательства, но это было бы неблагородно, и полковникъ, какъ старый рыцарь, вѣроятно, отказался бы помѣшать дуэли. Рѣшительно она не могла ничего сдѣлать и должна была терпѣливо ждать возвращенія Роберта.

Время шло. Наконецъ, дверь отворилась, но въ комнату вошелъ не Робертъ, а Исаакъ Шапетъ.

— Простите, миссъ Виндсфордъ, — сказалъ онъ: — я искалъ одного знакомаго и не зналъ, что вы здѣсь.

— Войдите, войдите, мистеръ Шапетъ, мнѣ васъ очень нужно, — воскликнула Руэ и, вспомнивъ, сколькимъ Робертъ былъ обязанъ доброму трактирщику, рѣшилась посоветоваться съ нимъ въ эту критическую минуту.

Исаакъ слышалъ о томъ, что Робертъ сдѣлался женихомъ, и отыскивалъ именно его, чтобы поздравить его со счастливымъ событіемъ; поэтому онъ ожидалъ, что Руэ объявитъ ему о своей помолвкѣ, и очень удивился, увидавъ печальное, разстроенное выраженіе ея лица. Въ нѣсколькихъ словахъ молодая дѣвушка объяснила ему, въ чемъ дѣло, и онъ выслушалъ ее, качая головой.

— Что мнѣ дѣлать?

— Ничего. Я человекъ не воинственный, но знаю ихъ обоихъ,

и никто не помѣшаетъ имъ драться: ни я, ни вы, ни полковникъ Сумнеръ.

— Не говорите этого, мистеръ Шапегъ, — промолвила Руэ съ нѣжной мольбой: — придумайте какое нибудь средство предотвратить эту дуэль. На васъ вся моя надежда.

— Хорошо, — отвѣчалъ Исаакъ послѣ продолжительнаго размысленія: — я постараюсь устроить это дѣло, но вы должны мнѣ помочь. Общайтесь, что, какъ онъ вернется, вы уйдете къ себѣ въ комнату, не сказавъ ему, что знаете что нибудь о дуэли. Иначе я ничего не могу сдѣлать. Давайте скорѣе слово! Вотъ онъ уже идетъ по лѣстницѣ.

— Хорошо, быть повашему; я на васъ вполне надѣюсь.

Когда Робертъ вернулся, то Руэ была одна въ комнатѣ. Онъ сталъ говорить очень спокойно и весело объ ихъ завтрашней поѣздкѣ въ Сантонъ, но она ясно видѣла, что онъ скрывалъ отъ нея нѣчто. Однако, она сдержала свое обѣщаніе Исааку и не проговорила, а подъ предлогомъ усталости простилась и пошла спать.

Робертъ зная о пріѣздѣ Исаака и, нѣжно поцѣловавъ Руэ на прощанье, пошелъ отыскивать своего друга, который оказался въ буфетѣ гостиницы.

— Какъ я радъ васъ видѣть! — воскликнулъ Исаакъ, подходя къ нему: — но отчего вы такой мрачный? Это вамъ совсѣмъ не къ лицу. Я пріѣхалъ сюда, чтобы отвезти васъ съ дамами въ Сантонъ вмѣсто Питера Джонса.

— Я не знаю, когда я поѣду отсюда.

— Отчего? — спросилъ Шапегъ, пристально смотря на молодого человѣка.

— Полно, Исаакъ, я не мальчикъ и докажалъ, что могу постоять за себя. Оставьте же меня въ покоѣ и не надоѣдайте мнѣ разспросами.

— Хорошо, — отвѣчалъ Исаакъ со смѣхомъ: — ну, а какъ поживаетъ капитанъ?

При этихъ словахъ Робертъ вздрогнулъ, какъ ни старался скрыть своего волненія. Исаакъ это замѣтилъ, но, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ весело болтать о сантонскихъ новостяхъ, хотя эти новости были далеко не веселыя. Несчастному городу грозилъ новый набѣгъ миссурійцевъ и еще болѣе опасный.

— Теперь на насъ идутъ двѣ тысячи молодцовъ.

— Они не оставляютъ отъ города и камня на камнѣ! — воскликнулъ Робертъ.

— Это мы еще увидимъ. У насъ все набрались храбрости и хотятъ достойно встрѣтить враговъ. Даже Алленъ Эльморъ учится стрѣлять изъ ружья, что немало потѣшаетъ Джона Брауна.

— А Джонъ Браунъ въ Сантонѣ?

— Да. Какъ только мы обратили въ бѣгство миссурійцевъ Пата

Логлина, и Питеръ Джонсъ поѣхалъ сюда съ дамами, то явился изъ Сантона гонецъ къ Джону Брауну съ приглашеніемъ защитить городъ. Вы не можете себѣ представить, какъ онъ былъ доволенъ и тотчасъ поскакалъ. Онъ теперь глава всего дѣла, хотя, конечно, не официально, и всѣ забыли о потаватомской исторіи. Всѣ надѣются только на него и всѣ ему слѣпо повинуются. Онъ одинъ стоитъ сотни стрѣлковъ, вотъ и вы намъ также очень нужны. Значитъ кончайте скорѣй ваше дѣло, какое бы оно тамъ ни было, и являйтесь въ Сантонъ.

Робертъ видѣлъ, что отъ хитраго трактирщика не отдѣлаешься, и такъ или иначе онъ вывѣдаетъ отъ него всю правду, а потому прямо сказалъ ему, что дерется съ капитаномъ Гаулетомъ на слѣдующій день, передъ разсвѣтомъ.

— Вы совершенно правы! — воскликнулъ Шапетъ, дружески ударяя его по плечу:—деритесь съ нимъ и убейте его. А на чемъ вы деретесь? Конечно, на пистолетахъ? Нѣтъ, на сабляхъ. Охъ, напрасно, Робертъ! Онъ фехтуетъ, какъ чортъ, а вотъ на пистолетахъ я бы подержалъ за васъ пари. Ну, да все равно! А вамъ не надо ли секунданта?

— Гдѣ же мнѣ найти лучше васъ? Вы окажете мнѣ эту услугу?

— Конечно! А въ которомъ часу?.. Половина шестаго... Хорошо. Теперь идите спать.

Исаакъ проводилъ Роберта въ его комнату и ушелъ, когда тотъ легъ въ постель.

Молодой человѣкъ долго не могъ сомкнуть глазъ, но къ утру крѣпко заснулъ.

Еще было совершенно темно, когда его разбудилъ голосъ Шапета:

— Вставайте! А то опоздаемъ.

Робертъ одѣлся въ одну минуту.

— Я нарочно напугалъ васъ,—произнесъ Шапетъ, зѣвая:—еще очень рано—только четыре часа, но вамъ надо поѣсть. При тощемъ желудкѣ ничего не дѣлается хорошо.

Они сошли въ буфетъ, гдѣ, по приказанію Исаака, былъ приготовленъ обильный завтракъ.

Но Робертъ ѣлъ очень мало и неохотно.

— Неужели капитанъ отбилъ у васъ аппетитъ? — спросилъ съ улыбкой Шапетъ.

— Нѣтъ, но у меня что-то въ головѣ шумить.

— Это въ первый разъ?

— Да.

— А вы знаете свою саблю?

— Еще бы.

Они вышли изъ гостиницы ровно въ пять часовъ. На сердцѣ у Роберта было очень тяжело: въ умѣ его тѣснились всѣ когда

либо слышанные имъ аргументы противъ дуэли, и однако онъ не думалъ отказаться отъ нея.

— Самая лучшая погода для поединка, — замѣтилъ Шапетъ: — свѣтло и не вѣтрено. Признаюсь, вы соперники, достойные другъ друга: онъ ловчѣе, а вы горячѣе, по искусству же вы равны. Ну, да ужъ ладно, по дружбѣ, я буду держать пари за васъ.

Спустя двадцать минутъ, они достигли назначеннаго мѣста, но никого тамъ не было. Они стали медленно ходить взадъ и впередъ.

— Странно, — сказала Шапетъ: — уже пять минутъ просрочили. Неужели онъ проспалъ?

Робертъ ничего не отвѣчалъ. Онъ не хотѣлъ сознаться, но ему какъ-то становилось легче на сердцѣ.

Прошло еще десять минутъ, и стало свѣтать.

— Еще десять минутъ, и мы уйдемъ, — произнесъ Шапетъ дѣловымъ тономъ: — удивляюсь, куда дѣлся его секундантъ. Это что?

Вдали показался всадникъ. Это былъ солдатъ и, подѣхавъ къ Роберту, онъ подаль ему письмо:

«Меня арестовали. Неужели это ваша работа? Во всякомъ случаѣ вы отъ меня не улизнете. Гаулетъ».

Робертъ вынулъ изъ кармана карандашъ и написалъ на другой сторонѣ записки:

«Ничего не знаю. Буду драться гдѣ угодно. Гольдено».

Онъ показалъ оба письма Исааку.

— Кто это сдѣлалъ?

— А кому вы говорили о вашей дуэли?

— Никому, кромѣ васъ, — произнесъ Робертъ и посмотрѣлъ пристально на Шапета.

Но смотрѣть на хитраго трактирщика было все равно, что на каменную стѣну.

— Иногда люди слышать, когда имъ ничего не говорить. Ну, да что тутъ толковать, вернемся скорѣе въ гостиницу и поѣдемъ съ дамами въ Сантонъ.

Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ они шли молча.

— Исаакъ, это ваше дѣло, — произнесъ наконецъ Робертъ.

— Мое, — отвѣчалъ спокойно трактирщикъ.

— Какой я дуракъ, что сказалъ вамъ объ этомъ! Я могъ ожидать, что вы со мной сыграете штуку.

— Конечно, могли. Но если бы я этого не сдѣлалъ, то заслуживалъ бы, чтобы меня повѣсили, какъ собаку. Вы — юноша и можете горячиться, а я старикъ, и мнѣ слѣдуетъ поступать благо-разумно. Вотъ мы съ Питеромъ и устроили это дѣльце, какъ уложили васъ спать вчера вечеромъ. Мы прямо отправились къ Сумнеру, и онъ распорядился, чтобы арестовали капитана. Онъ теперь, голубчикъ, сидитъ въ тюрьмѣ.

— Зачѣмъ?

— По обвиненію въ принятіи мѣръ противъ справедливаго постановленія судебного приговора. Вы знаете, что это значитъ?

— Вѣдь онъ припишетъ это мнѣ. Положимъ, мнѣ все равно, но когда его выпустятъ на свободу, мнѣ все-таки придется съ нимъ драться.

— Это еще покажетъ время,— отвѣчалъ спокойно Шапеть.— Правда, у него связи и видное положеніе, но за насъ говорятъ факты. Я все вывѣдалъ у Пата Логлина, и вся исторія выяснится на судѣ. Алленъ Эльморъ замѣшанъ, но ради Руэи мы его выкрутимъ. Гаулетъ прямо послалъ миссурійцевъ, чтобы задержать вашего защитника и свидѣтельницу, надѣясь спокойно повѣсить васъ. Патъ Логлинъ все это доказалъ, и мы съ Джономъ Брауномъ записали его показаніе. Можетъ быть, капитану удастся депево отдѣлаться, но во всякомъ случаѣ онъ долго не покажетъ своей рожи въ Канзасѣ.

Въ дверяхъ гостиницы ихъ встрѣтили Питеръ Джонсъ и улыбающаяся, веселая Руэб.

— Куда это вы такъ рано ходили, Робертъ, и что это у васъ обоихъ за странныя лица, точно вы въ чемъ-то виноваты?

— Мы—ни въ чемъ,—отвѣчалъ со смѣхомъ Шапеть:—мы только ходили по дѣлу къ одному пріятелю, а его не застали. Вотъ и все.

XXVII.

Живой иль мертвый ты долгъ исполнилъ свой.

Они доѣхали до Сантона около полудня. Городъ кишѣлъ народомъ, и Робертъ не узналъ его; такимъ казался онъ человѣческимъ ульемъ. Зданія были тѣ же, но люди совершенно измѣнились. Никто не шатался безъ дѣла по улицамъ, игорный домъ Пигота былъ закрытъ, и нигдѣ не видно было ни одного миссурійца. Въѣзжая въ городъ, они встрѣтили отрядъ въ пятьдесятъ человѣкъ новобранцевъ, который возвращался съ ученья, и впереди его ѣхалъ верхомъ Джонъ Браунъ. Онъ съ улыбкой кивнулъ головой Роберту, но не остановился, а проѣхалъ далѣе, представляя съ головы до ногъ настоящаго, достойнаго предводителя людей.

Спустя нѣсколько времени, онъ пришелъ въ гостиницу Шапета, гдѣ жилъ Алленъ Эльморъ, и гдѣ остановились Руэб съ теткой. Обѣ женщины не могли смотрѣть безъ улыбки при видѣ того, какъ Эльморъ дружески пожалъ руку недавнему герою потаватомской исторіи. Старикъ поздоровался съ Робертомъ, какъ будто они разстались вчера.

— Ваша лошадь въ прекрасномъ тѣлѣ, сынъ мой; я только что осмотрѣлъ ее и поставилъ въ конюшню Исаака. Я на ней ѣздилъ ежедневно, и если она когда нибудь вамъ больше не понадобится, то скажите вашу цѣну, я съ удовольствіемъ куплю ее.

Онъ ни словомъ не упомянулъ о прошедшихъ опасностяхъ; умъ его всецѣло былъ поглощенъ настоящимъ, и онъ вскорѣ сталъ энергично толковать съ Исаакомъ и Эльморомъ о положеніи дѣлъ въ Сантонѣ. Минута была критическая. Впродолженіе послѣднихъ дней происходили стычки въ разныхъ мѣстахъ территоріи между защитниками рабства и сторонниками свободныхъ штатовъ; послѣдніе отказались отъ своей теоріи непротивленія. Общества для поданія помощи эмигрантамъ въ сѣверныхъ штатахъ прислали денегъ, оружіе и одежду въ изобиліи. Примѣру Джона Брауна относительно организациі военной силы послѣдовали многіе другіе, и миссурійцы, а также алабамцы, встрѣтили твердый отпоръ своимъ дерзкимъ набѣгамъ. Временное охлажденіе къ дѣлу свободныхъ штатовъ, послѣ потаватомскаго событія, совершенно ступевалось, когда стало извѣстно, что южане намѣрены, подъ предлогомъ этого событія, пройти съ огнемъ и мечемъ по всѣмъ сосѣднимъ территоріямъ. Теперь всѣ говорили, что въ сущности поступокъ Джона Брауна былъ справедливой карой за преступныя дѣйствія миссурійцевъ и лишь доказалъ на дѣлѣ, что какъ посеешь, такъ и пожнешь. Во всѣхъ этихъ разговорахъ намѣренно ничего не упоминалось о рабствѣ, но каждый человѣкъ зналъ въ глубинѣ своего сердца, что когда минетъ разразившаяся буря, то негры останутся, или въ выигрышѣ, или въ потерѣ.

Съ другой стороны, южане не были въ такомъ настроеніи, чтобы отказаться отъ пяди пріобрѣтенной ими почвы. Законодательное собраніе, избранное въ іюль 1855 года и постановившее самыя строгія мѣропріятія въ пользу рабовладѣльческихъ интересовъ, могло разсчитывать на помощь южанъ во что бы то ни стало. До сихъ поръ защитники рабства въ Канзасѣ, кромѣ собственной привычки къ самовольной расправѣ, всегда пользовались поддержкой вашигтонскаго правительства. Хотя прежній губернаторъ территоріи, Шанонъ, былъ замѣненъ болѣе энергичнымъ генераломъ Ридеромъ, но отъ этого произошло мало пользы для сторонниковъ свободныхъ штатовъ, такъ какъ при первой его попыткѣ оказать содѣйствіе ограбленнымъ фермерамъ противъ него была пущена въ ходъ интрига, и онъ принужденъ былъ подать въ отставку. Въ такомъ-то положеніи дѣлъ былъ назначенъ новый губернаторъ, Джири, и не успѣлъ онъ явиться, какъ генераль Ачисонъ перешелъ границу и отправился на Сантонъ со своими двумя тысячами миссурійцевъ, хвастая, что не оставитъ отъ города камня на камнѣ. Въ такую-то отчаянную минуту Сантонъ и призвалъ къ себѣ на помощь Джона Брауна, которому поручилъ защиту города.

Весь остальной день Робертъ проходилъ по городу съ Джономъ Брауномъ, и съ каждой минутой увеличивалось его уваженіе къ организаціоннымъ способностямъ старика. Повсюду работали люди съ лопатами, кирками и заступами, возводя земляныя укрѣпленія

и баррикады. Въ верхней части города были расположены полученныя изъ Массачузета пушки: онѣ должны были задержать непріятеля, если бы ему удалось миновать баррикады. Кромѣ того, въ разныхъ уголкахъ устраивались траншеи, за которыми должны были находиться стрѣлки, имена которыхъ были внесены Джономъ Брауномъ въ особый списокъ. Весь планъ защиты доказывалъ, что онъ вполне зналъ ту пользу, которую онъ могъ извлечь изъ каждаго человѣка, находившагося подъ его начальствомъ. Въ этомъ дѣйствительно заключалась вся его надежда на успѣхъ, такъ какъ у него было всего двѣсти ружей, а остальнымъ жителямъ города приходилось довольствоваться всевозможнымъ импровизованнымъ оружіемъ, между прочимъ пиками, сдѣланными изъ сабель, привязанныхъ къ палкамъ. Между тѣмъ окрестные поселяне постоянно прибывали со своими семействами и домашнимъ скарбомъ, для защиты себя отъ грознаго непріятеля; ихъ семьямъ приходилось найти убѣжища, а ихъ самихъ надо было пристроить къ какому нибудь отдѣлу защиты. Вновь прибывшими завѣдывалъ Алленъ Эльморъ и выказывалъ при этомъ большую энергію и даже знаніе дѣла, благодаря общему руководству Джона Брауна, который успѣвалъ всюду заглянуть и всѣмъ руководить.

Вечеромъ былъ собранъ большой митингъ въ школьномъ домѣ, на которомъ присутствовали Робертъ, Рубъ и мистриссъ Эльморъ; предсѣдательствовалъ Алленъ Эльморъ, и послѣ небольшого вступленія онъ громко произнесъ:

— Даю слово моему благородному другу и храброму капитану Джону Брауну изъ Осаватоми.

Вся зала разразилась неистовыми рукоплесканіями, и долго старикъ не могъ начать своей рѣчи: наконецъ онъ произнесъ твердымъ, спокойнымъ голосомъ.

— Господа, увѣряю, что во Франклинѣ находится двѣ тысячи пятьсотъ миссурійцевъ, и что они будутъ завтра утромъ здѣсь. Вы сами видѣли на горизонтѣ дымъ отъ поджигаемыхъ ими домовъ. Конечно, и ваши жилища то же ожидаетъ, если вы не дадите энергичнаго отпора врагамъ. Исполните всѣ и каждый свой долгъ. Не шумите, не волнуйтесь, а ждите спокойно и стрѣляйте только, когда враги будутъ въ двадцати ярдахъ отъ васъ. Мой послѣдній совѣтъ— будьте хладнокровны и стрѣляйте не по верхамъ.

Снова раздались рукоплесканія, и когда закрытъ былъ митингъ, многіе подходили къ Джону Брауну и сердечно пожимали ему руки, а нѣкоторыя женщины благословляли его и подносили ему дѣтей, которыхъ онъ нѣжно цѣловалъ.

— Это глупый обычай, да я ужъ имъ не мѣшаю,—сказалъ Джонъ Браунъ, покраснѣвъ и обращаясь къ Роберту, который присоединился къ нему при выходѣ изъ дверей залы:—сегодня, сынъ мой, можетъ быть, послѣдній день нашей жизни: если завтра состоится бой, то онъ будетъ самый кровавый во всей нашей исторіи.

— Жаль, что наши дамы не въ болѣе безопасномъ мѣстѣ.

— Нѣтъ,—отвѣчала Джонъ Браунъ послѣ минутнаго размышленія:—онѣ достаточно здѣсь безопасны. За ихъ цѣлость и сохранность ручается Шапеть, а вы знаете, что на этого человѣка положиться можно. Къ тому же новый губернаторъ, Джири, со своими войсками недалеко отсюда.

— Отчего же онъ не помѣщаетъ завтрашней битвѣ?

— Оттого, что правительство никогда не беретъ нашей стороны, у властей всегда есть какія-то тайныя инструкціи. Впрочемъ, говорятъ, Джири хорошій человѣкъ и окажетъ намъ покровительство. Но я этому повѣрю только, когда самъ увижу. Во всякомъ случаѣ мы завтра вступимъ въ бой, а тамъ что Богъ дастъ. Ну, а вы, Робертъ, сынъ мой, вы покончили свое дѣло?

— Какое?

— Точно вы меня не понимаете. Руоъ Виндсфордъ обѣщала быть вашей женой?

— Обѣщала.

— Слава Богу!—сказалъ старикъ, дружески положивъ руку на плечо молодого человѣка:—ступайте къ ней и скажите, что я ей сердечно кланяюсь и завтра передъ битвой зайду къ ней: мнѣ надо сказать ей нѣсколько словъ. Вы оба не боитесь никого, кромѣ Бога и дурныхъ поступковъ. Вы хорошій человѣкъ, хотя имѣете свои недостатки, а она отличается удивительной силой воли для женщины. Да благословитъ васъ Господь и даруетъ вамъ долговременную, счастливую жизнь.

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ Язонъ Браунъ и посиѣшно произнесъ:

— Отецъ, васъ зовутъ къ Шапету — тамъ прибылъ офицеръ отъ губернатора Джири. Его войска встали между нами и миссурійцами Ачисона. Офицеръ говоритъ, что городъ можетъ быть совершенно спокоенъ, и предлагаетъ тотчасъ отправляться къ Ачисону съ приказомъ очистить территорію. Но Эльморъ, Шапеть, Абатъ и Лэнъ не могутъ дать отвѣта безъ васъ.

Джонъ Браунъ вздохнулъ.

— Это значитъ—завтра будетъ миръ. Ну, слава Богу, что наконецъ-то мы встрѣтили честнаго человѣка. Пойдемте со мною, Робертъ, и посмотримъ на этого офицера. Надо убѣдиться, говоритъ ли онъ правду или дѣйствуетъ въ пользу миссурійцевъ.

Въ эту ночь мирная тишина царила въ Сантонѣ, а на слѣдующее утро явился въ городъ губернаторъ Джири и вступилъ въ переговоры съ Эльморомъ, Джономъ Брауномъ и другими вожаками партіи свободныхъ штатовъ. Прежде наступленія вечера миръ былъ заключенъ, и Ачисонъ удалился съ своими миссурійцами, которые, спустя нѣсколько дней, очистили всю территорію. Губернаторъ Джири оказался честнымъ, способнымъ человѣкомъ, а такъ

какъ съ избраніемъ президента Буканана перемѣнилось правитель-ство въ Вашингтонѣ, то ему дано было право водворить спокойствіе въ Канзасской территоріи. А когда, спустя годъ, окончился срокъ его управленія, то международная борьба, набѣги и грабежи стали чѣмъ-то невѣдомымъ въ Канзасѣ, гдѣ царили миръ и благоденствіе.

Быль октябрь 1859 года. Красивый домикъ въ Бостонѣ, въ которомъ Робертъ и Руеъ жили уже третій годъ своей брачной жизни, находился въ большомъ переполохѣ: у воротъ стоялъ кабриолетъ, запряженный лучшей лошадейю съ конюшни Роберта, слуги бѣгали, какъ сумасшедшіе, взадъ и впередъ по лѣстницѣ, а хозяйева торопливо укладывали чемоданы. Причина всей этой сумятицы лежала на столѣ въ кабинетѣ Роберта и заключалась въ письмѣ, написанномъ спѣшнымъ дрожащимъ почеркомъ:

«Чарльстоунъ. 21-го октября 1859 года.

«Любезный другъ, Робертъ, я здѣсь въ тюрьмѣ съ нѣсколькими сабельными ранами въ головѣ и еще большими ударами штыковъ во всемъ тѣлѣ. Я пишу къ вамъ для того, чтобы попросить васъ въ память прежняго времени достать мнѣ и моимъ товарищамъ хорошихъ и надежныхъ защитниковъ, такъ какъ Віргинія, чрезъ своего губернатора и многочисленныхъ передовыхъ гражданъ, обязалась дать намъ правый судъ. Намъ необходимо достать защитниковъ изъ свободныхъ штатовъ, а то свѣтъ не узнаетъ, какъ слѣдуетъ, нашего дѣла, и передъ судьями не выставятъ всѣхъ смягчающихъ обстоятельствъ дѣла. У меня денегъ довольно. Пришлите тотчасъ хорошаго адвоката, хоть ради молодыхъ обвиняемыхъ. Только не присылайте слишкомъ отчаяннаго аболиціониста. Мои раны поправляются. Посылаю поклонъ вашей доброй женѣ и маленькому Джону.

«Преданный вамъ Джонъ Браунъ».

Джонъ Браунъ попался въ руки южанъ послѣ неудачной стычки въ Гарперсъ-Ферри, и легко было себѣ представить, что называлось въ Віргиніи правымъ судомъ, когда противъ Джона Брауна возсталъ съ оружіемъ въ рукахъ половина юга. Но Робертъ и Руеъ, узнавъ объ отчаянномъ положеніи того, кого они считали своимъ вторымъ отцомъ, рѣшили сдѣлать все, что только можно, для его спасенія, и, спустя двадцать четыре часа, Робертъ уже ѣхалъ въ Чарльстоунъ съ лучшимъ адвокатомъ, какого онъ могъ найти въ Бостонѣ.

Но ничто не могло спасти Джона Брауна. Робертъ въ этомъ убѣдился, когда его не допустили до обвиняемаго, и въ особенности, когда онъ услышалъ на судѣ чтеніе обвинительнаго акта,

въ которомъ прямо говорилось, что Браунъ обвиняется въ заговорѣ вмѣстѣ съ неграми, съ цѣлью поднять возстаніе противъ республики, а также въ убійствѣ. Правда, Джонъ имѣлъ при себѣ нѣсколько вооруженныхъ негровъ, и онъ съ восемнадцатью товарищами овладѣлъ лучшимъ обширнѣйшимъ арсеналомъ въ Соединенныхъ Штатахъ, который находился въ его рукахъ въ продолженіе двѣнадцати часовъ; но вполне было несправедливо, чтобы онъ кого нибудь побуждалъ на убійства, и если бы ему удалось, какъ онъ мечталъ, сдѣлать Гарперсъ-Ферри центромъ освобожденныхъ негровъ, которые стекались бы туда со всѣхъ сторонъ, то весь свѣтъ увидѣлъ бы, какой онъ гуманный человѣкъ, и что онъ всячески удерживалъ бы своихъ сторонниковъ отъ грабежа и насилія.

Естественно, что югъ не хотѣлъ этому вѣрить, а потому самые краснорѣчивые аргументы сѣвернаго адвоката нимало не повліяли на присяжныхъ. Джонъ Браунъ добровольно сунулъ свою голову въ пасть льва и былъ заранѣе приговоренъ къ смерти.

Робертъ каждый день ходилъ въ судъ, пока длилось дѣло, и издали видѣлъ старика, котораго приносили въ залу на кровати, такъ какъ онъ отъ тяжелыхъ ранъ не могъ двинуться съ мѣста. Блѣдный, изнеможенный, скованный по рукамъ и по ногамъ, старикъ, однако, ни въ одной чертѣ лица не обнаруживалъ страха или унынія. Однажды онъ замѣтилъ въ толпѣ Роберта и съ улыбкой махнулъ ему рукой. А когда былъ произнесенъ присяжными приговоръ, что онъ виновенъ въ измѣнѣ отечеству и въ заговорѣ съ цѣлью возбудить возстаніе негровъ для огульнаго убійства,—старикъ не промолвилъ ни слова, выслушалъ его стоя, а потомъ спокойно легъ на кровать, словно ничего не случилось.

На слѣдующій день судъ объявилъ свой приговоръ. На вопросъ председателя, имѣетъ ли онъ что сказать, Джонъ Браунъ съ трудомъ всталъ на ноги и, выпрямившись во весь ростъ, произнесъ съ спокойнымъ достоинствомъ:

— Во всю мою жизнь я стремился только къ одному—къ освобоженію рабовъ. Если судьбѣ угодно, чтобы я заплатилъ головой за мои усилія въ дѣлѣ правосудія, если я и мои дѣти должны смѣшать свою кровь съ кровью милліоновъ рабовъ, законныя права которыхъ попираются жестокими и несправедливыми узаконеніями, то пусть будетъ такъ. Я вполне доволенъ тѣмъ, какъ велось это дѣло, и, въ виду обстоятельствъ, я долженъ признать, что со мной поступили великодушнѣе, чѣмъ я ожидалъ. Но я никакъ не могу признать себя виновнымъ; я съ самаго начала сказалъ, чего я хотѣлъ, и что вовсе не входило въ мои намѣренія. Я никогда не покушался на жизнь кого бы то ни было, не совершалъ никакой измѣны и не побуждалъ негровъ къ возстанію. Всѣ, кто присоединялись ко мнѣ, дѣлали это по своей доброй волѣ. Болѣе я ничего не имѣю сказать».

Вскорѣ послѣ объявленія приговора, Робертъ получилъ разрѣшеніе посѣтить старика въ тюрьмѣ. Съ перваго взгляда онъ былъ очень пораженъ, что представилось его глазамъ: вмѣсто прежняго, браваго капитана, Робертъ увидалъ сторбленнаго старика съ блѣднымъ, испитымъ лицомъ; онъ былъ скованъ по рукамъ и по ногамъ. Внутри кельи, у дверей, стоялъ на часахъ солдатъ съ заряженнымъ ружьемъ. Однако, въ крѣпкомъ пожатіи руки и въ доброй улыбкѣ, появившейся на его лицѣ, Робертъ узналъ прежняго Джона Брауна.

— Васъ удивляетъ, что меня караулитъ солдатъ, — произнесъ онъ добродушно: — но, говорятъ, на сѣверѣ собираются меня освободить, и здѣсь южане боятся оставить меня одного. Но это напрасно, я не ушелъ бы отсюда, если бы дверь была широко открыта. Дѣло всей моей жизни кончено, и мнѣ остается только умереть. Ну, а какъ поживаетъ ваша жена и ребенокъ? Напрасно вы его назвали въ честь меня; ему надо было дать имя человѣка, получше стараго Джона Брауна. Сядьте и поговоримъ. Вамъ позволять долго посидѣть у меня, а я не имѣю секретовъ, теперь это всѣмъ извѣстно. Знаете, Робертъ, я часто думаю, что вы должны вспоминать съ благодарностью тотъ день, когда вы прибыли въ Канзасъ. Мысль о вашемъ счастьи часто поддерживала меня въ тяжелыя минуты въ эти послѣдніе годы.

Робертъ пробылъ часъ въ тюрьмѣ и потомъ посѣщалъ ее ежедневно въ теченіе цѣлаго мѣсяца, до 2 декабря.

Съ теченіемъ времени раны Джона Брауна поправлялись, и къ нему вернулась прежняя умственная энергія. Онъ видѣлъ многихъ друзей и постоянно писалъ своимъ родственникамъ и пріятелямъ. Всѣ, видѣвшіе его, какъ сторонники, такъ и противники, выносили изъ бесѣды съ нимъ твердое убѣжденіе, что если бы всѣ его соотечественники обладали такой душой, какая билась въ сердцѣ Джона Брауна, то пробилъ бы послѣдній часъ рабству.

Наконецъ наступилъ день казни. Робертъ простился съ нимъ наканунѣ очень рано, такъ какъ прибыла его жена. Спокойно, съ большимъ достоинствомъ и безъ малѣйшаго слѣда заботъ Джонъ Браунъ сказалъ, крѣпко пожимая ему руку:

— Прощайте, сынъ мой, вы знаете, что это навсегда. Я желалъ бы еще увидѣться съ вами, но моя жена пріѣхала и хочетъ остаться со мною наединѣ. Уѣзжайте сегодня ночью; дайте слово, что вы не останетесь назавтра. Вы не согласны? Ну, дѣлайте, какъ хотите. Я знаю, какая у васъ сильная воля, и помню тотъ день, когда вы спасли мнѣ жизнь. Поцѣлуйте отъ меня Руоъ и маленькаго Джона. Когда онъ вырастетъ, то говорите ему иногда о старикѣ, имя котораго онъ носитъ. Не скрывайте отъ него моихъ недостатковъ, но напоминайте ему всегда, что я умеръ за освобожденіе невольниковъ. Ну, прощайте! Дайте мнѣ еще разъ пожать вашу руку, которая

мнѣ никогда не измѣняла. Я увижу васъ сегодня во снѣ и унесу завтра память о васъ въ другой мѣръ. Да благословить васъ Богъ и сохранить на многія лѣта! Аминь.

День казни былъ свѣтлый, ясный. Двѣ тысячи солдатъ, конныхъ и пѣшихъ, съ полевыми орудіями, окружали висѣлицу, къ которой подошелъ Джонъ Браунъ ровно въ двѣнадцать часовъ тихо, спокойно. Ему не позволили обратиться съ рѣчью къ народу, но онъ, впрочемъ, и не хотѣлъ говорить. Онъ умеръ молча, мужественно, безъ жалобы или проклятія на устахъ, умеръ, какъ жилъ, стойкимъ, правдивымъ, непреклоннымъ другомъ угнетенныхъ. И во всей странѣ его многочисленные друзья не плакали, не горевали, а видѣли въ его смерти надежду на лучшіе дни.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1896 г.

А.

Абрамовы:

— А. К., генераль, т. LXIV, 832, 835—837, 845, 854—856.

— В. Я., т. LXVI, 1020.

д'Аваре, графъ, т. LXIV, 118.

Адамоли, т. LXIV, 839, 840.

Адриановы:

— А. В., археологъ, т. LXIV, 1047.

— С. А., археографъ, т. LXIII, 1043.

Статья его: Петрозаводская старина. Т. LXV, 690—710.

Азаревичева, танцовщица, т. LXV, 32. Т. LXVI, 411.

Айналовъ, Д. В. Замѣтка по поводу его диспута, т. LXIII, 355, 356.

Аксамовъ, Н. О. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Куявы. Историко-этнографическій очеркъ, т. LXIII, 689, 690.

Аксаковы:

— Иванъ Сергѣевичъ. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Часть вторая. Письма къ разнымъ лицамъ 1858—1886 гг. Изданіе Императорской публичной библиотеки, т. LXVI, 320—322. *Упомян.* т. LXIII, 181.

— С. Т., писатель, т. LXIII, 181.

Алабинъ, Петръ Владиміровичъ, сева-стопольскій ветеранъ и участникъ послѣдней русско-турецкой войны. *Некрологъ его.* т. LXV, 267—268.

Александра Гусифовна, вел. княгиня, т. LXV, 330.

Александръ I Павловичъ, императоръ всероссійскій. *Статья* о послѣднихъ дняхъ его жизни, т. LXIII, 471—499. Разрывъ его съ Наполеономъ I, т. LXIV, 713—716. Княгиня Чарторыжская и Александръ I, т. LXIV, 1036—1038. Александръ I на солеваренномъ заводѣ въ 1823 г., т. LXV, 744—752. Александръ I у англійскихъ квакеровъ, т. LXVI, 688—690. *Упомян.* т. LXIII, 67, 234, 235, т. LXIV, 687, т. LXV, 42, 43, 301, 303—305, 501—502, т. LXVI, 136—141, т. LXVI, 417.

Александръ II Николаевичъ, императоръ всероссійскій, т. LXIV, 481. *Статья о немъ:* Цесаревичъ Александръ Николаевичъ и кадеты перваго кадетскаго корпуса, т. LXIV, 906—910. *Замѣтка* о его биографіи, т. LXV, 506—512. *Упомян.* т. LXVI, 692, 693.

Александръ III Александровичъ, императоръ всероссійскій. *Замѣтки* объ открытіи памятника ему, т. LXIII, 341, 346, т. LXV, 823—824, т. LXVI, 348, 349. *Упомян.* т. LXIII, 250, 251.

Алексѣевы:

— А. А., артистъ императорскихъ театровъ. *Некрологъ его.* т. LXIII, 739.

— В. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Древне-греческіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ, т. LXIII, 313.

- Алехинъ**, Мих. Фед., т. LXVI, 976.
Аллингъ, виртембергскій дипломатическій агентъ, т. LXVI, 1077.
Алонеусъ, русскій посланникъ въ Дрезденъ, т. LXV, 119, 120.
Алферовъ, А., т. LXIII, 682.
Альбедиль, полковникъ, т. LXIV, 123.
Альбицкій, Н. А. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Подробная опись 962 рукописямъ начала XVII до начала XIX столѣтій «Далматовскаго архива», т. LXIII, 304, 305.
Альбрехтъ, Петръ Ив., т. LXIV, 780, 781; т. LXV, 27, 33, 48; т. LXVI, 41.
Амергамъ, Гавриилъ, анабаптистъ, т. LXVI, 332.
Амфитеатровъ, А. В., публицистъ. *Рассказъ его*: Чортъ, т. LXIII, 425—439. Софійское житіе—бытѣе. (Болгарскіе типы и картинки), т. LXIV, 544—586.
Ангальтъ, графъ, т. LXIV, 768, 769, 770.
Ангудемскій, герцогъ, т. LXV, 123, 131.
Андреевы:
— Ефимъ, букинистъ, т. LXIII, 851.
— Иванъ. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Константинопольскіе патриарху отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія. Выпускъ первый. Хронологія константинопольскихъ патриарховъ отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія и очерки жизни и дѣятельности св. Анатолія, Геннадія и Іоанна Постника. Т. LXIII, 1007—1009.
Андреянова, танцовщица, т. LXV, 594.
Анна Іоанновна, русская императрица, т. LXV, 438.
Анненковы:
— Ив. Александр., декабристъ, т. LXIV, 983.
— М. Н., генераль-майоръ, т. LXIV, 499.
Аносовъ, Павелъ Петр., генераль-майоръ, т. LXVI, 145, 146.
Антоній, архіепископъ финляндскій, т. LXIII, 306.
Антоній, архіепископъ волынской, т. LXIII, 272.
Антоновы:
— В. М. *Статья его*: Эпизоды изъ Кавказской войны, т. LXIV, 798—821.
— Спасъ, болгарскій жандармъ, т. LXIV, 583.
Антуфьевъ, Никита Демид., кузнецъ, т. LXIII, 172.
Анфимовъ, профессоръ Харьковскаго университета, т. LXIII, 1037.
Анциферовъ, Конст. Дмитр., предсѣдатель департамента варшавской судебной палаты. *Некрологъ его*, т. LXVI, 1109, 1110.
Аполдось, игумень, настоятель Турханск. м—ря, т. LXV, 483, 485, 486.
Аракчеевъ, Алексѣй Андреевичъ, гр., т. LXIII, 68, 80, 479; т. LXIV, 512, 910; т. LXV, 304, 608, 744.
Аретино, Пьеро, итальянскій писатель XVI вѣка, т. LXIII, 1017—1019.
Арсеній, митрополитъ кievскій, т. LXIII, 272.
Арсеньевъ, Александръ Вас., писатель. *Некрологъ его*, т. LXIII, 1056, 1057.
Аргъ-Ройе, французскій писатель. *Переводъ повѣсти его*: Въ 1812 году, т. LXIV—т. LXV (приложеніе).
Арундель, лордъ, т. LXIII, 1019; т. LXIV, 1029.
Архаровъ, Ник. Петр., т. LXVI, 509, 520.
Аршеневскій, совѣтникъ кишеневскаго правленія, т. LXIII, 944.
Асенкова, Варвара, актриса, т. LXV, 311; т. LXVI, 404, 780.
Атроксъ, Альфонсъ, т. LXV, 47; т. LXVI, 412.
Афанасьевъ, Н. И. *Статья его*: Н. А. Осокинъ, т. LXIII, 668—677. Баронъ Федоръ Андреевичъ Бюлеръ, т. LXIV, 990—999.
— Ник. Яковл., музыкантъ, т. LXVI, 104, 109.
Афекъ, Иванъ, т. LXIII, 362.
Ахлестышевъ, П. Д., тверской губернаторъ, т. LXIV, 1045.

Б.

- Багалъй**, Д. И., профессоръ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ). Томъ I-й. (1802—1815 г.). Выпускъ первый и второй, т. LXVI, 1049—1052.
Вадмаевъ, П. А., т. LXV, 418.
Важановъ, протоіерей, т. LXIII, 251.
Вазень, французскій маршалъ, т. LXIV, 489.
Вайронъ, англійскій поэтъ, т. LXV, 540—542.
Валашевъ, Иванъ, вице-предсѣдатель Императорскаго Общества поощренія художествъ, т. LXIII, 717.
Вантышъ-Каменскій, Н. Н. *Библиографическая замѣтка о его книгѣ*: Обзоръ вѣдшихъ сношеній Россіи по 1800 годъ. Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Часть первая: Австрія, Англія, Венгрія, Голландія, Данія, Испанія. Часть вторая: Германія и Італія, т. LXIV, 682—684.
Валтистъ, танцовщица, т. LXV, 48.

- Бари**, В. А., инженеръ, т. LXV, 771, 781, 782.
- Варра**, т. LXIV, 711—713.
- дю-Варри**, фаворитка Людовика XV.
- Замѣтка о ней**, т. LXIV, 1034—1036.
- Варсуковъ**, Н. П., агрографъ. Письмо его въ редакцію. т. LXIV, 376. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга десятая*, т. LXIV, 678—682.
- Варшевъ**, С., профессоръ Московскаго университета. т. LXIII, 116.
- Варятинскіе:**
— Александръ Петр., князь, декабристъ. т. LXIV, 979.
— князь, адъютантъ Витгенштейна. т. LXIII, 69, 70.
- Васаргинъ:**
— Иванъ Онисифор., купецъ, т. LXIII, 155.
— Н. В., декабристъ, т. LXIV, 630, 635.
- Вастія**, Фредерикъ, экономистъ, т. LXIV, 697.
- Ваталинъ**, Александръ Федоровичъ. докторъ ботаники, директоръ императорскаго ботаническаго сада. *Некрологъ его*, т. LXVI, 705—706.
- Ваташевъ**, П. П., тульскій купецъ. т. LXV, 477.
- Ватенковъ**, Гавр. Степ., декабристъ. т. LXIV, 637.
- Ваттенбергскій**, Александръ, князь. *Статья о его пребываніи въ Россіи*. т. LXIII, 934—945.
- Ватуевъ**, Авксентій Петров., земскій дѣятель. *Некрологъ его*, т. LXVI, 1110.
- де-Ватцъ**, Жанъ, баронъ, т. LXV, 240.
- Вашмаковъ**, Флегонтъ Мирон., декабристъ, т. LXIV, 642.
- Веглери**, Г. П. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Храмъ святыхъ Апостоловъ и другіе памятники Константинополя по описанію Константина Родіа*. т. LXVI, 1065—1066.
- Веке**, воспитатель, т. LXIII, 57.
- фонъ-Векеъ**, начальникъ артиллеріи. т. LXIV, 485.
- Веклешевъ**, кievскій генераль-губернаторъ, т. LXV, 492—493.
- Векеъ**, С., докторъ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени. Переработана и дополнена съ прибавленіемъ оригинальнаго отдѣла исторіи польско-русскихъ евреевъ*, С. М. Дубновъ въ двухъ томахъ. Т. I. Восточный періодъ (отъ вавилонскаго плѣненія до конца эпохи гаоновъ). т. LXVI, 1055—1057.
- Велашевъ**, русскій эмигрантъ. т. LXIV, 568.
- Вельтовъ**, П., т. LXIV, 299, 301.
- Вениовскій**, Августъ, ссыльный полякъ, т. LXVI, 993—995.
- Венкендорфъ**, А. Х., графъ, начальникъ III отдѣленія, т. LXV, 593.
- Вергъ**, графъ, поручикъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка, т. LXIV, 119.
- Верезинъ**, Илья Николаевичъ, ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета. *Некрологъ его*, т. LXIV, 735—736.
- Верманъ**, Василій Лазаревичъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго. *Некрологъ его*, т. LXIV, 740.
- Вермудецъ**, Іоаннъ, католическій патріархъ Египта. т. LXIV, 702, 703.
- Веригардъ**, Грнг. Ів., директоръ гимназіи. т. LXIII, 401, 402, 415, 422.
- Верисъ**, Робертъ, шотландскій поэтъ. *Замѣтка о его юбилей*, т. LXV, 543—544.
- Верню**, Августъ, профессоръ Лозанскаго университета, т. LXIV, 704, 705.
- Верстевъ**, Евгр. Вас., т. LXIII, 186.
- Вергранъ**, танцовщица, т. LXV, 318; т. LXVI, 775.
- Вершадскій**, С. А., профессоръ Сиб. университета. *Некрологъ его*, т. LXIV, 312—316, 373, 374.
- Вессонъ**, Поль, французскій публицистъ, т. LXIV, 341—343.
- Вестужева-Рюмина**, Екатерина Петровна, графиня, т. LXV, 446, 447.
- Ветхеръ**, докторъ, т. LXIV, 530.
- Вибиковъ**, В. И., писатель, т. LXIII, 628.
- Вильротъ**, Теодоръ, хирургъ, т. LXVI, 342—345.
- Виронъ**, Петръ, послѣдній герцогъ курляндскій, т. LXIV, 880.
- Вирюковъ**, купецъ, т. LXVI, 464.
- Висмаркъ**, Отто, германскій государственный канцлеръ, т. LXIV, 123; т. LXVI, 692.
- Вичеръ-Стоу**, американская писательница. *Замѣтка по поводу ея смерти*, т. LXV, 545.
- Влаговѣщенскіе:**
— А. А. *Статья его: Шевченко въ Петербургѣ*, т. LXIV, 896—905.
— Н. М., профессоръ римской словесности, т. LXIII, 788.
- Влашъ**, балетмейстеръ, т. LXVI, 772.
- Влондель**, Жоржъ, историкъ, т. LXIV, 1025.
- Влудовъ**, Д. Н., графъ, т. LXIII, 181; LXV, 548.
- Вломентростъ**, докторъ, т. LXIV, 277.
- Вобрицевъ-Пушкинъ**, Ник. Серг., политическій ссыльный. *Статья о немъ: Государственный преступникъ Н. Вобрицевъ-Пушкинъ въ монастыряхъ За-*

- падной Сибири, т. LXV, 479—490; т. LXIII, 338; т. LXIV, 978.
- Вобровы:**
— Е., т. LXIV, 1016.
— актеръ, т. LXVI, 404.
- Вогдановъ**, Анагоій Петр., профессор Московскаго университета. *Некрологъ его*, т. LXIV, 732—735.
- Вогдановичи:**
— А. Е. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Пережитки древняго міросозерцанія у блоруссовъ. Этнографическій очеркъ, т. LXIII, 692, 693.
— М. И., историкъ, т. LXIII, 67.
- Воголюбовъ**, Алексѣй Петровичъ, художникъ. *Некрологъ его*, т. LXVI, 1104—1106.
- Водянской**, О. М., т. LXV, 804.
- Воккачіо**, итальянскій писатель, гуманистъ, т. LXIII, 316.
- Вокъ**, В. Г., т. LXIV, 532.
- Волдаковъ**, И. М. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи начала XVII вѣка. Переводъ, введеніе и примѣчанія. Приложение: Выписка изъ дѣлъ королевскаго архива въ Копенгагенѣ, т. LXIV, 696.
- Вондырева**, т. LXIII, 520.
- Вонягъ**, генераль-адъютантъ, т. LXIV, 123.
- Ворджіа**, Лукреція, т. LXV, 532—534.
- Ворисова**, Анна Матв., актриса, т. LXVI, 102.
- Ворисъ Годуновъ**, царь московскій, т. LXVI, 856, 857, 872—877.
- Ворозидиъ**, А. К., приватъ-доцентъ С.Петербургскаго университета. *Статти его*: Главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія. Т. LXIII, 578—593. Журналистъ двадцатыхъ годовъ, т. LXIII, 946—959. Археологическій съездъ въ Ригѣ, т. LXVI, 611—627. *Замѣтка* о его рефератѣ, т. LXIV, 730, 731. *Библиографическія замѣтки его*: Е. В. Пѣтуховъ. Очерки изъ литературной исторіи синодика, т. LXIII, 299—301. Подробная опись 962 рукописямъ съ начала XVII до начала XIX столѣтія «Далматовскаго архива». Составлена І. Д. Преображенскимъ и Н. А. Альбицкимъ, т. LXIII, 304, 305. Сказки, собранныя братьями Гриммами. Иллюстрированныя Гротъ-Юганномъ и Лейнвеберомъ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей П. Н. Полевого, т. LXIII, 307—309. Русскія книги. Съ биграфическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708—1893). Редакція С. А. Венгерова, изд. Г. В. Юдина, т. LXIII, 311, 312. Всеволодъ Чешихинъ. Жуковскій, какъ переводчикъ Шиллера. Критическій этюдъ, т. LXIII, 685, 686. Н. П. Лихачевъ. Каталогъ летучихъ изданій и ихъ перепечатокъ. Манускриты, указы и другія правительственныя распоряженія въ отдѣльныхъ изданіяхъ и перепечаткахъ. Разные отдѣльные листы и брошюры, т. LXIII, 691, 692. Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ третій. Николай Васильевичъ Гоголь и его переписка съ друзьями. Историко-литературный очеркъ П. А. Матвѣева, т. LXIII, 1004—1006. Матеріалы для исторіи императорской академіи наукъ. Томы VII и VIII (1744—1747 гг.), т. LXIV, 688, 689. Письма А. Н. Шемякина къ О. М. Бодинскому (1859—1875), съ предисловіемъ А. А. Титова, т. LXV, 804. Сергѣй Соловьевъ. Историко-литературные этюды. Къ легендамъ объ Іудѣ-предателѣ. Вып. I. Т. LXV, 217—218. Кіевская академія во второй половинѣ XVII вѣка. Профессора Н. И. Петрова, т. LXV, 522—523.
- Воцяновскій**, В. Ѳ. *Библиографическія замѣтки его*: Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ смутное время. Сочиненіе Ивана Забѣлина. Третье изданіе съ дополненіями, т. LXV, 803. Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія. Часть III. Съ 1-го января 1846 по 20-е марта 1850 г., т. LXVI, 322—324. *Статья* о книгѣ его: Историческій очеркъ дѣятельности Россійскаго общества Краснаго Креста, т. LXV, 202—210.
- Вранденштейнъ**, подполковникъ, т. LXIV, 125.
- Врандтъ**, Р. Ѳ., профессоръ Московскаго университета, т. LXIII, 728; т. LXIV, 363.
- Враннъ**, М., докторъ. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени. Переработалъ и дополнилъ, съ прибавленіемъ оригинальнаго отдѣла исторіи польско-русскихъ евреевъ. С. М. Дубновъ. Въ двухъ томахъ. Т. I. Восточный періодъ отъ вавилонскаго плѣненія до конца эпохи гаоновъ, т. LXVI, 1055—1057.
- Врашмажъ**, Жозефина, т. LXIV, 981.
- Врикнеръ**, Александръ Густавъ, историкъ. *Некрологъ его*, т. LXVI, 1102—1104. *Упомян.* т. LXIII, 317.
- Вронзаръ-фонъ-Шеллендорфъ**, подполковникъ, т. LXIV, 125.
- Вронзовъ**, Александръ. *Библиографическая замѣтка его*: Памятники древнерусской церковно-учительской литературы. Выпускъ второй. Славяно-русскій прологъ. Часть первая. Сентябрь—декабрь. Изданіе журнала «Странникъ»,

под редакціей профессора А. И. Пономарева, т. LXIII, 1001—1003.

Вронъ, воспитатель, т. LXIII, 58, 59.

Врюкль, пѣвица, т. LXVI, 29.

Врюсъ, Ф., историкъ, т. LXIV, 1027.

Врюховъ, поручикъ, т. LXVI, 160—163.

Врянская, Анна Матв., актриса, т. LXV, 309.

Буасье, Гастонъ, французскій ученый, т. LXIII, 314.

Будри, учитель, т. LXIV, 778, 779.

Буксгевденъ, П. Ф., т. LXV, 637.

Вулгаковъ, Фодоръ Ильичъ, писатель. *Статья* о книгѣ его: В. В. Верещагинъ и его произведенія, т. LXIII, 217—229.

Вулгари:

— Яковъ, графъ, т. LXIII, 70—73, 78, 81.

— Николай Яковл., т. LXIII, 83, 84, 85; т. LXIV, 513.

— Андрей, т. LXIV, 514, 515.

Бусемакеръ, профессоръ Гренингенскаго университета, т. LXVI, 330.

Бухаринъ, т. LXIII, 478.

Вэкингамъ, лордъ, т. LXVI, 214.

Вѣликовъ, В. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Дѣятельность московскаго митрополита Филарета по отношенію къ расколу, т. LXV, 801—803.

Вѣлинскій, Висс. Григ., критикъ. *Библиографическая замѣтка* о новомъ изданіи его сочиненій, т. LXIV, 1015—1016.

Вѣловъ, Евг. Александровичъ, историкъ. *Некрологъ* его, т. LXIII, 365.

Вѣлозеровъ, Алексѣй Мемноновичъ, инспекторъ Тамбовской гимназіи, т. LXIII, 64.

Вѣльцовъ, инженеръ, т. LXV, 669.

Вѣляевъ, Николай Ивановичъ, адвокатъ и поэтъ. *Некрологъ* его, т. LXV, 565.

Вычковъ, А. О., академикъ-библиографъ, т. LXIII, 722.

Вюдингеръ, Максъ, нѣмецкій историкъ, т. LXIV, 1021.

Вюлеръ, Фодоръ Андреевичъ, баронъ, директоръ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. *Некрологъ* его, т. LXIV, 990—999.

В.

Вадковскій, поручикъ, т. LXIII, 71, 82, 84, 85; т. LXIV, 512.

Вазовъ, Иванъ, болгарскій писатель, т. LXIV, 574.

Вайли, Джемсъ, англійскій историкъ, т. LXV, 229.

Вайсенбергъ, С. А., т. LXVI, 1096.

Валбергъ, балетмейстеръ, т. LXVI, 34.
Валберхова, М. А., актриса, т. LXVI, 30.

Валуа, Ноэль, французскій историкъ, т. LXV, 530—532.

Вальбергъ, И. И., инженеръ-полковникъ, т. LXIV, 499, 500.

Вальтеръ-Скоттъ, англійскій писатель. *Замѣтка* о его первой любви, т. LXV, 80, 81.

Вандаль, Альбертъ, французскій историкъ, т. LXIII, 705.

Васильевы:

— А. В., профессоръ Казанскаго университета, т. LXVI, 349.

— Фодоръ, т. LXIV, 274.

Васнецовъ, В. М., художникъ, т. LXIV, 676.

Ватацци, Конст. Эман., т. LXV, 34.

Веберъ, А., присяжный повѣренный, т. LXV, 734.

Веймарнъ, генералъ, т. LXVI, 157.

Вейнбергъ:

— Петръ Исачъ, писатель, т. LXII, 60; т. LXIV, 692.

— Я. И., ученый. *Некрологъ* его, т. LXIII, 740, 741.

Велажъ, балетный танцоръ, т. LXVI, 403.

Величкинъ, актеръ, т. LXVI, 404.

Величковъ, Конст., болгарскій писатель, т. LXIV, 574, 575, 576.

Вельяминова, П. И., помѣщица, т. LXIII, 51.

Венгерова, З. А., писательница, т. LXIII, 632, 633.

Венгеровъ, Сем. Аф., критикъ, историкъ русской литературы. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Русскія книги. Съ библиографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708—1893). Изданіе Г. В. Юдина т. LXIII, 311, 312.

Венедиктъ, иеромонахъ, т. LXVI, 200.

Вердеръ, полковникъ, т. LXIV, 115.

Верди дю-Вернуа, подполковникъ, т. LXIV, 125.

Версидовъ, А. П. (см. Версидовъ).

Верещагинъ:

— А. В. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: У болгаръ и за границей, т. LXIII, 1003—1004.

— Вас. Вас. *Статья* о немъ: В. В. Верещагинъ и его произведенія, т. LXIII, 217—229.

Верленъ, Поль, французскій писатель, т. LXIII, 711—713.

Версидовы:

— А. П., т. LXV, 745; т. LXVI, 357.

— Н., инженеръ. *Замѣтка* его: Свѣдѣнія объ А. П. Версидовѣ, т. LXVI, 357.

- Веселовскіе:**
 — Григорій Михайловичъ. Редакторъ газеты Донъ. *Некрологъ его*, т. LXIV, 740.
 — К. С., академикъ, т. LXIII, 722.
 — Н. И., профессоръ, т. LXVI, 674—676.
 фонъ-**Визинъ**, Мих. Александр., декабристъ, т. LXIV, 977.
Викторія, королева английская, т. LXVI, 345.
Вилліе, Яковъ Вас., лейбъ-медикъ, т. LXIII, 74.
Вильгельмъ I, германскій императоръ, т. LXIV, 124—125.
Вильгельмъ-Завоеватель, английскій король, т. LXIV, 349.
Вильде, актеръ, т. LXVI, 29.
Вилье, баронъ, т. LXIII, 475, 476—478, 488, 492.
Виноградовъ, Павелъ, профессоръ Московскаго университета. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Учебникъ всеобщей исторіи. Часть третья. Новое Время, т. LXIV, 334. *Упомянется* т. LXV, 797—799.
Винтерфельдъ, капитанъ, т. LXIV, 125.
Виссакъ, Р., историкъ, т. LXIV, 1027.
Виталий, іеромонахъ, т. LXIII, 533.
Витбергъ, Ф. А., т. LXIII, 1004.
Витте, Сергѣй Юліевичъ, министръ финансовъ, т. LXV, 773.
Виттъ, графъ, корпусный командиръ, т. LXIII, 74.
Віельгорскій, Мих. Юрьевичъ, графъ, т. LXV, 46; т. LXVI, 418.
Власовъ, т. LXVI, 161—163.
Водзинскій, А., графъ, т. LXIV, 1036.
Военскій, К. А. *Статья его*: Очерки Курляндской старины, т. LXIV, 860—881; т. LXV, 114—136, 435—463.
Волгины:
 — А., т. LXIV, 303.
 — Ф. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Въ странѣ черныхъ христіанъ. Очерки Абиссиніи, т. LXIII, 310.
Волковъ, Н. В., изслѣдователь, т. LXIII, 730.
Волконскій, Петръ Мих., князь, т. LXIII, 479; т. LXVI, 407.
Вольфъ, Фердинандъ Богд., декабристъ, т. LXIV, 982.
Волынский, А. Л., критикъ, т. LXIII, 619, 648—655; т. LXIV, 937.
Вольтеръ, французскій философъ. Письмо къ Троншену, т. LXIII, 319.
Воробьева, пѣвица, т. LXVI, 770.
Воробьевъ, Г. *Статья его*: Капитуляція Варшавы въ 1794 году, т. LXV, 195—201. *Переводъ его* записокъ Юсифа Кошца, т. LXVI, 226—244, 579—601, 991—1016.
Воронцовъ, В. И., публицистъ, т. LXIV, 290.
Воротниковъ, актеръ, т. LXV, 44.
Врангель, баронъ, т. LXIV, 118.
Вревскій, баронъ, туркестанскій генераль-губернаторъ, т. LXIII, 358; т. LXIV, 798.
Вѣтринскій, Ч. *Статья его*: Памяти Т. Н. Грановскаго, т. LXIII, 109—141.
Выгодовскій, декабристъ, т. LXIV, 640.
Высоцкій, генераль, т. LXIII, 69.
Вышнеградскій, Ник. Алексѣевичъ, т. LXV, 71.
- ## Г.
- Габріакъ**, маркизь, французскій дипломатъ. *Замѣтка о его пребываніи въ Петербургъ и Берлинъ*, т. LXIII, 1026—1028.
Гавриль, епископъ Имеретинскій, некрологъ его, т. LXIII, 1058, т. LXIV, 665—670.
Гавриль, митрополитъ новгородскій, т. LXIV, 160.
Гавриль, архимандритъ, т. LXIV, 596.
Гай-Фоксъ, английскій заговорщикъ, т. LXVI, 1080.
Гагаринъ, князь, С. С., директоръ театровъ, т. LXV, 47, 310, 313, 314; т. LXVI, 768, 782—784.
Гагинъ, капитанъ, т. LXV, 649.
Галаховъ, А. Д., историкъ литературы, т. LXVI, 479.
Галкинъ, А. К., писатель. *Некрологъ его*, т. LXIV, 372.
Гальдосъ, Пересъ. Историческій романъ его: Осада Сарагоссы, т. LXIII (приложеніе).
Гамбургевъ, Ц. А., архитекторъ, т. LXIV, 1049.
Гамовъ, т. LXVI, 536—538.
Ганото, Г., французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. LXIV, 338, 339.
Гара, французскій министръ юстиціи, т. LXV, 133.
Гаррисъ, Генри, французскій библиографъ, т. LXVI, 336.
Гаршинъ, Евг. Мих., т. LXV, 770.
Гаусманъ, докторъ, т. LXIV, 573.
Гашкевичъ, русскій консулъ въ Японіи, т. LXV, 675.
Гвоздиковъ, Е. Г. *Замѣтка его*: Царскій смотръ, т. LXV, 249—251.
Геггардъ, актеръ, т. LXVI, 29.
Геггартъ, Э., французскій ученый, т. LXIII, 316; т. LXV, 807.

Гедеоновъ, А. М., директоръ Спб. театровъ, т. LXV, 315, 320, 321, 602; т. LXVI, 113, 784.

Гейгеръ, Людвигъ, нѣмецкій историкъ, т. LXIII, 330—332.

Гейденъ, Е. Н., графиня, т. LXIII, 349.

Гейлеръ, Джонъ, т. LXVI, 688.

Гемнихъ, т. LXV, 46.

Герасимовы:

— арестантъ, т. LXIV, 148.

— Н. И., букиннстъ, т. LXIII, 855.

Германъ, архимандритъ, т. LXIII, 528.

Герня, О. В., т. LXIV, 501.

Герхартъ, фонъ, т. LXIV, 483.

Герценъ, Алекс. Иван., писатель, т. LXIII, 130—135.

Герье, В. И., профессоръ Московскаго университета, т. LXIII, 351; т. LXIV, 728.

Гете, Вольфг., писатель. *Замѣтка* о его молодости, т. LXIV, 341—343.

Гиппюсъ, З. И., писательница, т. LXIII, 619.

Гитъ, Ричардъ, англійскій ученый, т. LXVI, 331.

Гироголизовъ, Александръ Степ., редакторъ журнала «Гудокъ», т. LXIV, 46, 50, 51.

Глаголевъ, Юангъ, свящ., т. LXIII, 181.

Гладковъ, оберъ-полицеймейстеръ, т. LXVI, 415.

Глазуновъ, А. И., книгопродавецъ и издатель. *Некрологъ его*, т. LXVI, 357.

Гласко, студентъ, т. LXIV, 573.

Глейхенцъ, баронъ, т. LXIII, 324.

Глинка, Фед. Ник., писатель, т. LXV, 30.

Глинскій, Борисъ Борисовичъ, писатель. *Статьи его*: Пятидесятилѣтіе Русск. Геогр. Общ., т. LXIII, 277. Наставникъ царскихъ дѣтей, т. LXIII, 230—266. Болъзнь или реклама, т. LXIII, 618—655. Русскій дѣятель въ Эстляндіи, т. LXIII, 960—985. Регрессивное теченіе въ русской жизни, т. LXIV, 284—311. Литературная молодежь, т. LXIV, 922—960. Новый біографическій словарь, т. LXV, 497—512. Фабрично-заводская Россія, т. LXV, 758—791. Права и обязанности женщинъ, т. LXVI, 245—292. Земледѣльческій Россія, т. LXVI, 628—662. Егоръ Егоровичъ Замысловскій, т. LXIV, 998—1005. Артистъ-народникъ, т. LXVI, 654—667. Просвѣтители народа, т. LXVI, 1017—1042. *Замѣтка его*: Отвѣтъ «Московскимъ Вѣдомостямъ», т. LXVI, 1111. *Біографическія замѣтки его*: А. В. Верещагинъ, У болгаръ и за границей.

Воспоминанія и рассказы (1881—1893), т. LXIII, 1003, 1004. Сборникъ для содѣйствія самообразованію. Программы чтенія для самообразованія съ приложеніемъ статей Н. И. Карѣва, В. И. Семеновскаго, М. С. Корелина и И. М. Сѣченова, т. LXIII, 1006—1007. Русская женщина XVIII столѣтія. Историческіе этюды, Вл. Михневича, т. LXIV, 326—328. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. LXIV, 678—682. Викторъ Острогорскій. Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864), т. LXIV, 689—692. Обязательный минимумъ образованія М. Л. Песковскаго, т. LXIV, 1012—1014. Д. И. Иловайскій. Мелкія сочиненія, статьи и письма. Выпускъ второй, т. LXV, 792—794. Утинъ, Е. И. Изъ литературы и жизни. Журнальные статьи, этюды, замѣтки. Съ портретомъ автора, 2 т. т. LXV, 799—801. Описаніе путешествія въ Западный Китай. Составлено Г. Е. Грუმъ-Гржимайло, при участіи М. Е. Грუმъ-Гржимайло. Вдоль Восточнаго Тянь-Шаня, т. LXV, 214—216. Вл. Черванскій. Подъ боевымъ огнемъ. Историческая хроника. Иллюстраціи Л. Ф. Лагоріо, Н. Н. Каразина и др. въ частяхъ, т. LXV, 517—518. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Часть вторая. Письма къ разнымъ лицамъ 1858—1886 гг. Изданіе Императорской публичной библиотеки, т. LXV, 320—322. М. М. Филипповъ. Философія дѣйствительности, т. LXVI, 669—671. Профессоръ Д. И. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ). Томъ I-й (1802—1815 гг.). Выпускъ первый и второй, т. LXVI, 1049—1052. Е. Дюрингъ. Цѣльность жизни. Истѣдованіе въ смыслѣ героическаго пониманія. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Ю. М. Литоновскаго, съ біографическимъ очеркомъ Дея и портретомъ Дюринга, 2-е изданіе, т. LXVI, 1070.

Глюкъ, пасторъ, т. LXIV, 608.

Гнѣдичъ, П. П. *Біографическая замѣтка* о книгѣ его: Черезъ Черное море на Восторъ, т. LXIV, 334.

Гобертъ, Ив. Ив., т. LXIII, 466.

Гобя, Х. Я., профессоръ Спб. университета, т. LXIII, 1038.

Говоруха-Отрогъ, Юрій Николаев. критикъ. *Некрологъ его*, т. LXV, 826—830.

Гогель, Г. Ф., генераль, т. LXIII, 251.

Гоголь, Ник. Вас., писатель. *Замѣтка* о его памятникѣ, т. LXV, 553; т. LXVI, 784—786; т. LXVI, 1097.

Гожинскій, Г. Г. *Статья его*: Князь

- Александръ Баттенбергскій въ Россіи. Т. LXIII, 934—945.
- Голенищевы-Бутузовы:**
— Графъ, генераль-адъютантъ, т. LXIV, 118, 120.
— М. И., князь, т. LXV, 395—397, 401.
- Голицыны:**
— Алексѣй Борис., князь, т. LXIV, 276.
— А. Н., князь, министр народнаго просвѣщенія, т. LXIII, 591; т. LXV, 37.
— Александръ Серг., князь, т. LXIII, 70.
— Д. М., князь, московскій генераль-губернаторъ. т. LXIV, 971.
- Головины:**
— А. В., министр народнаго просвѣщенія, т. LXV, 605.
— Евг. Александровичъ, генер.-адъютантъ. *Статья о немъ.* Т. LXV, 637—661.
— К. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Мужикъ безъ прогресса или прогрессъ безъ мужика. Т. LXIII, 1011—1012. Т. LXIV, 300, 301.
- Голохвастовъ, Д. А.**, уѣздный судья. т. LXV, 745.
- Голубовскій, П. В.**, приватъ-доцентъ Киевскаго университета. *Статья его:* Вопросъ о смерти царевича Дмитрія. Т. LXVI, 856—877.
- Гольдаммеръ, поручикъ,** т. LXIV, 498.
- Гольмстенъ, А. X.**, проф. *Статья его:* Профессоръ С. А. Вершадскій. Т. LXIV, 312—316.
- Гонзаго, Веспасіанъ, герцогъ,** т. LXIV, 1030.
- де-Гонкуръ, Эдмонъ,** т. LXV, 819—822.
- Гончаровъ, И. А.**, писатель, т. LXIII, 259.
- Горбуновъ, И. Ѳ.**, артистъ императорскихъ театровъ. *Замѣтки* о немъ. Т. LXIII, 656—667, 1063.
- Горсткниъ, С. П.**, т. LXIII, 784, 785.
- Гортенъ, Ж.**, т. LXIV, 698.
- Горчаковъ, П. Д.**, князь, сибирскій генераль-губернаторъ, т. LXIV, 632, 634.
- Горчаковъ, штабъ-капитанъ,** т. LXVI, 160.
- Готье, Пьеръ,** французскій ученый, т. LXIII, 1017.
- Гофштетеръ, публицистъ,** т. LXIV, 295.
- Грановскій, Тимофей Ник.**, профессоръ Московскаго университета. *Статья* о немъ. Т. LXIII, 109—141.
— *Замѣтка* о чествованіи его памяти въ московскомъ историческомъ обществѣ. Т. LXIII, 351.
- Гранфельдъ, генераль,** т. LXIV, 117.
- Грассъ, Людвигъ Геронимовичъ,** предсѣдатель казанской судебной палаты. *Некрологъ его.* Т. LXV, 566.
- Гребенкинъ, капитанъ,** т. LXIV, 838, 847.
- Гревсъ, Алексѣй,** полковникъ, т. XLIII, 69.
- Грегаръ, Л.** *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его. *Исторія Франціи* въ XIX вѣкѣ. Съ приложеніемъ введенія и дополненій. Томъ третій. Июльская монархія съ 1832 г. по 1848 г. Февральская революція. Переводъ М. В. Лучицкаго, подъ редакціей И. В. Лучицкаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Т. LXIV, 1006—1008.
- Гренфельдъ, Бернгардъ,** англійскій ученый, т. LXV, 806.
- Гречъ, Ник. Ив.**, писатель, т. LXV, 34.
- Грибоѣдовъ, Александръ Серг.**, писатель, т. LXV, 306; т. LXVI, 766—768.
- Григорій (Постниковъ), с.-петербургскій митрополитъ,** т. LXIII, 718.
- Григорій, діаконъ,** писецъ Остромирова Евангелія, т. LXIII, 730.
- Григоровичъ, Д. В.**, писатель, т. LXIII, 172, 717.
- Григорьевы:**
— Аполл. Алекс., британск., т. LXVI, 467.
— Д. П., генераль-лейтенантъ. *Некрологъ его.* Т. LXIV, 373.
- Гриниъ, наставникъ великихъ князей.** *Замѣтка* о немъ. Т. LXIV, 741, 742.
- Грингмутъ, В. А.**, археологъ, т. LXIV, 362.
- Гросвальдъ, Ф.**, присяжный повѣренный, т. LXV, 734.
- Гротенъ, офицеръ,** т. LXIV, 786.
- Гроты:**
— Н. Я., т. LXVI, 1102.
— Яковъ Карл., вице-президентъ академіи наукъ. *Статья о немъ:* Наставникъ царскихъ дѣтвой. Т. LXIII, 230—266. *Замѣтка о немъ.* Т. LXIV, 741, 742.
- Грузинскій, А.**, т. LXIII, 682.
- Грумъ-Гржимайло, Г. Е.** *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Описаніе путешествія въ Западный Китай. Составлено при участіи М. Е. Грумъ-Гржимайло. Вдоль Восточнаго Тянь-Шаня. Т. LXV, 214—216.
- Гуадонинъ, Иванъ,** тямбовскій городской голова, т. LXIII, 55, 62, 407, 411, 414.
- Губерти, Николай Васильевичъ,** библиографъ. *Некрологъ его.* Т. LXIV, 1054—1055.

Гузманъ, испанскій писатель, т. LXVI, 1099.

Гуммель, губернаторъ, т. LXV, 614, 615.

Гунтеръ, Вильямъ, англійскій писатель, т. LXIV, 719.

Гурбиллионъ, т. LXV, 130.

Гурвиль, т. LXIII, 1019.

Гурвичъ, Н., т. LXVI, 635—640.

Гуревичи:

— Л. Я., издательница журнала «Съверный Вѣстникъ», т. LXIII, 619.

— Я. Г., педагогъ, т. LXIII, 723.

Гутеръ, Яковъ, сектантъ, т. LXVI, 332.

Гурко, курляндскій вице-губернаторъ, т. LXV, 121.

Гутьяръ, Н. М., т. LXV, 226—228.

Гучковъ, фабрикантъ, т. LXVI, 463.

Ганъ, Иоахимъ, англійскій дипломатъ, т. LXV, 231.

Д.

Давыдовы:

— Александръ Львовичъ, т. LXIII, 70.

— Василій Львовичъ, т. LXIII, 70.

— Н. П., профессоръ Московскаго университета, т. LXIII, 116, т. LXIV, 234.

Дадешкилянъ, Александръ, князь, т. LXV, 419—421.

Далматовъ - Карповъ, Оед. Борис., околыничей, т. LXV, 139, 140.

Даль, И. В., архитекторъ, т. LXIII, 538.

Данзасъ, К. К., тамбовскій губернаторъ, т. LXIV, 52.

Данилевскій, Н. Я., писатель, т. LXIV, 259—261.

Данте, итальянскій поэтъ, т. LXV, 808.

Дашковъ, Вас. Андр., директоръ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ. *Некрологъ его*, т. LXIII, 741—743.

Девись, настоятель, т. LXIII, 1016.

Декартъ, философъ, т. LXVI, 1102.

Демковъ, М. М. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Исторія русской педагогикѣ. Часть I. Древне-русская педагогикѣ (X—XVII вв.). Изданіе журнала «Гимназія». Т. LXV, 795—797.

Демьяненковъ, генераль, т. LXIII, 314.

Дендеревскій, болгарскій офицеръ, т. LXIV, 550.

Денисовъ, Андрей, расколыничей писатель, т. LXIV, 730.

фонъ-Дервизъ, Григ. Пав., директоръ Гатчинскаго института, т. LXV, 54.

Державинъ, Г. Р., поэтъ, т. LXV, 707—709.

Джерардъ, Джонъ, англійскій іезуитъ, т. LXVI, 1080.

Дибичъ, графъ, т. LXIII, 68.

Дибичъ, баронъ, т. LXIII, 483.

Дидло, балетмейстеръ, т. LXV, 302, 305; т. LXVI, 402, 403, 771.

Дидро, французскій ученый. Письмо его къ Троншену, т. LXIII, 319.

Динъ, Марианна, т. LXVI, 688—689.

Дитятинъ, И. И., профессоръ Юрьевскаго университета. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Статьи по исторіи русскаго права. Т. LXIV, 684—686.

Діонисій, архимандритъ, т. LXIII, 527, 528.

Дмитріевы:

— А. А., провинціальныи ученый.

Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Пермская старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ о Пермскомъ краѣ. Выпускъ VI. Пермскій край. Т. III.—Т. LXIII, 293—296.

— Мих. Александр. *Замѣтка по поводу столѣтія со дня его рожденія*, т. LXV, 252, 253.

Дмитріевъ-Мамоновъ, А. П., т. LXIV, 631.

Добролюбовъ, П. А., критикъ. *Замѣтка о его биографіи*, т. LXIII, 364, 365.

Довнаръ-Запольскій, М. В., этнографъ, т. LXVI, 1101.

Додэ, Альфонсъ, писатель, т. LXV, 819.

Домерщиковъ, генераль, т. LXVI, 972.

Долгоруковъ, В. В., князь, т. LXVI, 410, 417.

Доновъ, т. LXIII, 853.

Допельмейеръ, флигель-адъютантъ, т. LXIV, 119.

Достоевскій, Оед. Мих., писатель.

Замѣтки по поводу пятидесятилѣтія его «Бѣдныхъ людей». Т. LXIII, 1040, 1042.

Когда началась литературная дѣятельность О. М. Достоевскаго. Т. LXIV, 375.

Упоминается, т. LXIV, 248, 249.

Дохтуровъ, генераль, т. LXV, 397—399.

Драгомировъ, М. И., командующій войсками Кіевского военнаго округа.

Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Разборъ романа «Война и Миръ», т. LXIII, 298, 299.

Драмовъ, болгарскій публицистъ, т. LXIV, 573.

Дрейфусъ, Камиль. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Мировая и социальная эволюція. Т. LXIV, 330, 331.

Дриль, Д. А., т. LXIII, 733.

Друцкій-Горскій, Юс. Викентьевичъ, князь, т. LXIV, 645.

Дрюмонъ, Эдуардъ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Европейская

Франція. Очеркъ современной исторіи. Томъ I. Переводъ съ французскаго З. Н. Шульга. Т. LXVI, 318—319.

Дубасовы:

— Александръ Серг., т. LXV, 449.

— И. И., дирек. Тамбовск. института

Статья его: Шацкая провинція въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка. Т. LXV, 464—478.

Дубельтъ, Леонт. Вас., начальникъ штаба жандармскаго корпуса, т. LXV, 594.

Дубновъ, С. М. *Библиографическая замѣтка о переработанной имъ книгѣ:* Д-ръ С. Векъ и д-ръ М. Браншъ. Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени. Т. LXVI, 1055—1057.

Дубровскій, Н., т. LXIV, 369.

Дудукъ-Омбо, калмыцкій ханъ, т. LXV, 464.

Дурново, Д. Н., жандармскій полковникъ, т. LXIII, 401, 402, 785, 786.

Дьяковы:

— А. Н., писатель, т. LXVI, 466, 475—477.

— М. А., профессоръ Юрьевскаго университета, т. LXIII, 727.

Дыдынскій, Оедоръ, заслуженный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его:* Императоръ Адрианъ. Историко-юридическое изслѣдованіе. Съ портретомъ (императора Адриана) и картою (Римской имперіи примѣнительно къ путешествіямъ императора Адриана). Т. LXV, 513—517.

Дюбанъ, Эмиль, французскій писатель, т. LXVI, 340.

Дюбура - де - ла - Бастанъ, Викторъ, французскій литературный шантажистъ. *Замѣтка о немъ.* Т. LXIV, 339—341.

Дюковъ, преподаватель пятой спб. гимназіи, т. LXIII, 345.

Дюма, Александръ, французскій драматургъ. *Замѣтка по поводу его смерти.* Т. LXIII, 334.

Дюнанъ, Г., основатель международнаго общества «Краснаго Креста». Т. LXV, 202, 203.

Дюпоръ, балетмейстеръ. Т. LXVI, 30.

Дюрингъ, Е. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его:* Цѣнность жизни. Изслѣдованіе въ смыслѣ героическаго пониманія. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Ю. М. Литоповскаго, съ библиографическимъ очеркомъ Дюли и портретомъ Дюринга. 2-е изданіе. Т. LXVI, 1070.

Дюрюи, Жоржъ. Т. LXIV, 711, 712.

Е.

Евдокія Лукьяновна, царица, жена Михаила Оеодоровича, т. LXV, 138.

Екатерина II, императрица. *Замѣтки о ней:* Герцогъ Лоренъ и его отношенія къ Екатеринѣ II. т. LXIII, 701—705. Франко-русская колонія при Екатеринѣ II., т. LXVI, 1082—1084.

Статья о ней: Сѣверная Семптрамиды. т. LXVI, 602—610. *Упомин.* т. LXIII, 323, 325; т. LXIV, 768, т. LXVI, 488—498.

Екатерина Свенская, св. *Замѣтка о ней.* т. LXV, 807.

Елагина, Оедосія Пав., т. LXIV, 772, 774, 775, 776; т. LXV, 613.

Елена Павловна, великая княгиня, основательница Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія, т. LXV, 203.

Елеонскій, Н. А., протоіерей. т. LXIII, 1035.

Елизавета, англійская королева, т. LXIV, 1028—1030; т. LXV, 236, 237; т. LXVI, 1077—1080.

Елисавета Алексѣевна, императрица. т. LXV, 47.

Елисавета-Шарлота, герцогиня Орлеанская. *Замѣтка о ея письмахъ.* т. LXVI, 334—336.

Ентальцевъ, Андр. Вас., подполковникъ, т. LXIV, 968.

Ермоловъ, Алексѣй Петр., генералъ, т. LXV, 397.

Ершовъ, Николай Григорьевичъ. Редакторъ ученыхъ трудовъ и изданій русскаго антомологическаго общества. *Некрологъ его.* Т. LXIV, 737—738.

Ж.

Жандръ, Ник. Павл., писатель. Некрологъ его. Т. LXIII, 738.

Жебелевъ, С. А., писатель, т. LXIII, 1042; т. LXV, 259; т. LXVI, 1099.

Желиховская, Вѣра Петровна, писательница. *Некрологъ ея,* т. LXIV, 1051—1052. *Статья о ней.* т. LXV, 190—194.

Желябужскій, И. А., т. LXIII, 180.

Жемчужниковъ, Александръ Михайловичъ. *Некрологъ его.* Т. LXIV, 1055.

Живковъ, Н., болгарскій поэтъ, т. LXIV, 581.

Живокини, В. П., актеръ, т. LXVI, 479.

Жизневскій, Августъ Казимировичъ, известный археологъ, основатель Тверскаго историческаго музея, управляющій тверскою казенною палатой. *Некрологъ его.* т. LXIV, 737. *Воспоминаніе о немъ.* т. LXIV, 985—989.

Жмакинъ, В. П., свящ. *Статья* его: Чинъ коронованія. Т. LXIV, 153—184.

Жоржъ, актриса, т. LXV, 614.

Жоффрень, основательница одного изъ парижскихъ салоновъ XVIII в., т. LXIII, 324—326. *Замѣтка* о ея салонѣ, т. LXIV, 709—711.

Жуковскіе:

— Вас. Андр., поэтъ. *Статья* о немъ: На родинѣ Жуковского, т. LXIII, 172—183, 233, 241. Къ исторіи памятника надъ его могилой, т. LXV, 548.

— профессоръ Спб. университета, т. LXIII, 715.

— Н. Е., т. LXVI, 1096.

— П. В., камергеръ. *Некрологъ* его. Т. LXIV, 371.

— Ю., т. LXIV, 288.

Жулева, Е. Н., артистка императорскихъ театровъ. *Замѣтка* о ея 50-лѣтнемъ юбилеѣ, т. LXIII, 1041; т. LXVI, 794.

Журавская, З., переводчица, т. LXVI, 1066—1068.

З.

Забѣлинъ, Пв. Егор. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Мнѣнія и Пожарскій. Прямые и кривые въ Смутное время. Третье издание съ дополненіями. Т. LXV, 803. *Упомян.* т. LXIII, 720.

Завадовскій, министръ народнаго просвѣщенія, т. LXIV, 779.

Загоскинъ, М. Н., писатель, т. LXIV, 792.

Зелинскіе:

— В. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Т. LXIV, 692, 693.

— Ф. Ф., профессоръ Спб. университета, т. LXIV, 728.

Залъсовъ, Н. Г., генераль отъ инфантеріи. *Некрологъ* его. Т. LXIII, 1062.

Замбони, т. LXVI, 420.

Замысловскій, Егоръ Егоровичъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета. *Некрологъ* его. Т. LXIV, 1000—1005. *Статья* о немъ. Т. LXV, 185—189.

Зарудный, А. А., т. LXIV, 52.

Зебахъ, саксонскій посланникъ, т. LXV, 603.

Зевы, Сабатея, еврейскій сектантъ, т. LXVI, 1075.

Зедделеръ, Л. Л., баронъ. *Статья* его: Двадцать пять лѣтъ назадъ. Т. LXIV, 114—129; т. LXIV, 480—508, 744.

Земцовъ, Александръ Ефимовичъ, художникъ. *Некрологъ* его. Т. LXV, 567.

Зерновъ, Д. Н., профессоръ медицинскаго факультета, т. LXIII, 1035.

Зиновьевъ, П. В., генераль, воспитатель

императора Александра III, т. LXIII, 251.

Зосимовичъ, Софроній Лукичъ, протоіерей. *Некрологъ* его. Т. LXV, 565.

Зотовы:

— Владиміръ Рафаил., писатель. *Статья* о немъ. Т. LXIII, 986—993. *Некрологъ* его. Т. LXIII, 1052—1055.

— Раф. Мих., писатель. *Записки* его. Т. LXIV, 762—797; т. LXV, 26—50, 301—321, 593—616; т. LXVI, 27—53, 400—427, 765—796.

И.

Ивановы:

— В. В., т. LXVI, 1062.

— Д. Л. *Статья* его: Воспоминанія туркестанца. Т. LXIV, 830—859.

— К. А., преподаватель пятой спб. гимназій, т. LXIII, 345.

Ивашевъ, Вас. Петр., декабристъ, т. LXIV, 640.

Игнатовы:

— Г. И., купецъ, т. LXIII, 182.

— Н. И., т. LXIII, 180.

Игнатъевъ, Н. П., графъ, предѣдатель славянскаго благотворительнаго общества, т. LXIII, 723.

Иловойскій, Д. И. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Мелкія сочиненія, статьи и письма. Выпускъ второй. Т. LXV, 792—794.

Имшенецкій, Александръ Іосифовичъ, генераль-лейтенантъ. *Некрологъ* его. Т. LXV, 268.

Ингремъ, Дж. К. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Исторія рабства отъ древнихъ до новыхъ временъ. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. Т. LXVI, 1066—1068.

Ирриартъ, Шарль, итальянскій историкъ, т. LXIV, 1030.

Исаевъ, А. А., профессоръ Спб. университета. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства. (Вліяніе экономическихъ факторовъ на общественную жизнь. Народники. Общественное хозяйство современной Россіи. Будущность русскаго общественнаго хозяйства). Т. LXV, 794—795. *Упомян.* т. LXIV, 309—311; т. LXV, 771; т. LXVI, 1098.

Исидоръ, митрополитъ с.-петербургскій, т. LXIV, 801.

І.

Іевлевъ, художникъ, т. LXIV, 51.

Іоанна, принцесса аррагонская. *Замѣтка* о ней. Т. LXIV, 705—707.

Иоаннъ IV Грозный, царь московскій, т. LXIII, 533, 537, 538, 543, 729.

Иоасафъ, архимандритъ троицкій, т. LXIII, 216.

Иовъ, первый патріархъ русскій, т. LXIII, 201, 205, 208, 209—215, 527, 528.

Юдль, Фр. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Исторія этики. Переводъ подъ ред. Влад. Соловьева. Т. LXV, 523.

Юлшинъ, М., переводчикъ, т. LXIII, 693.

Юрданъ, О. П., художникъ, т. LXIV, 898.

Иосифъ II, императоръ австрійскій, т. LXIV, 1026.

Ютко, приставъ, т. LXIV, 67.

К.

Кавелинъ, А. А., генераль-адъютантъ, т. LXIV, 975; т. LXV, 56, 57.

Кавка, актриса, т. LXVI, 29.

Казакевичъ, П. В., контръ-адмиралъ, т. LXV, 667—669.

Казанецъ, Григ. Дм., стрѣлецъ, т. LXV, 142, 143, 153.

Казанскій, П. Е., т. LXIV, 364.

Казанцевъ, Леонидъ Николаевичъ, профессоръ университета св. Владимира. *Некрологъ его*. Т. LXVI, 706—707.

Казн, Михаилъ Ильичъ. *Некрологъ его*. Т. LXV, 560—561.

Кашцевичъ, П. М., генераль-губернаторъ Западной Сибири, т. LXIV, 631.

Калачовы:

— Н. В., основатель археологическаго института, т. LXIII, 353.

— студ. Сиб. университета, т. LXVI, 1099—1100.

Кальбрехтъ, воспитанница театральнаго училища, т. LXVI, 781.

Кано-де-Верегаръ, французскій колонистъ, т. LXVI, 1083.

Каприви, подполковникъ, т. LXIV, 482.

Каптеревы:

— Н. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ съ половины XVI до конца XVIII стол. Изданіе православнаго палестинскаго общества. Т. LXV, 225—226.

— П. Ф., педагогъ, т. LXIII, 723.

Каразинъ, Н. Н., т. LXV, 517.

Караманъ, графъ, французскій посланникъ, т. LXV, 134, 136.

Каратыгинъ, В. А., актеръ, т. LXV, 306; т. LXVI, 418, 471.

Карашевъ, А. О., преподаватель семинаріи. *Замѣтка* о его диспутѣ. Т. LXIV, 724, 725.

Каревъ, офицеръ, т. LXV, 334.

Карлейль, Томасъ, англійскій писатель. *Замѣтка* по поводу его столѣтняго юбилея. Т. LXIII, 333, 334.

Карль VI, французскій король, т. LXVI, 328.

Карль XII, шведскій король. *Замѣтка* о его шагѣ. Т. LXVI, 351.

Бармоцкій, П. П., земскій исправникъ, т. LXV, 745.

Каррикъ, Дж. *Статья его*: Съ русскими кочевниками на лондонской выставкѣ. Т. LXVI, 209—225.

Карцева, Е. П., сестра-настоятельница общины сестеръ милосердія св. Георгія, т. LXIII, 349.

Каръевъ, Ник. Пв., профессоръ Сиб. университета, т. LXIII, 1006, 1039; т. LXIV, 284, 285; т. LXIV, 948, 949.

Кастелянъ, французскій маршалъ, т. LXIII, 705—708.

Каталей, генералъ, т. LXIV, 540.

Катковъ, Мих. Никифор., публицистъ, т. LXIII, 676; т. LXV, 554.

Каховскій, декабристъ, т. LXV, 45.

Кватцъ, т. LXIII, 404, 405.

Кенз, Франсуа, экономистъ, т. LXIV, 697.

Керковиусъ, Л., рижскій городской голова, т. LXV, 734.

Кетлеры: Готгардъ, послѣдній магистръ Ливонскаго ордена, т. LXIV, 863; т. LXV, 441.

— Яковъ, герцогъ Курляндіи, т. LXIV, 865.

Кившенко, П. Д., сельская учительница, т. LXVI, 1032, 1033.

Кириковъ, Иванъ, коммисіонеръ, т. LXIII, 70, 78, 79.

Кирпичниковъ, А. П., профессоръ Новороссійскаго университета. *Библиографическія замѣтки его*: Карлъ Лампехтъ. Исторія Германскаго народа. Томъ второй. Части III и IV. Переводъ съ нѣмецкаго П. Николаева, т. LXIII, 1009—1011. Жоржъ Пелісье. Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣнчанное французскою академіей. Переводъ Ю. В. Дюпшельмейеръ. т. LXIV, 321—324. Л. Грегюаръ. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ съ приложеніемъ введенія и дополненій. т. III. Июльская монархія. Переводъ М. Лучицкой, т. LXIV, 1006—1008. Эдуардъ Дрюмонъ. Еврейская Франція. Очеркъ современной исторіи, томъ I. Переводъ съ французскаго З. Н. Шульца. Изданіе Н. Т. Г. К., т. LXV, 318—319. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Очерки по исторіи новой русской литературы. Т. LXIV, 1008—1010.

Кирьякова, М. А. *Разказъ ея*: Въ вагонѣ третьяго класса. Т. LXV, 383—391.

- Кирѣвъ**, Александръ Дмитр., т. LXV. 308, 309; т. LXVI. 785.
- Киссель**, Оедоръ Христ., учитель исторіи, т. LXIII, 149.
- Кицинскій**, графъ, основатель газеты Kurier Warszawski. т. LXIV, 686—688.
- Класовскій**, В. И., преподаватель русскаго языка, т. LXIII. 258.
- Клейменовъ**, Василій, т. LXV. 437.
- Клеймихель**, графъ, генераль-лейтенантъ, т. LXIII, 76, 81, 479; т. LXV. 62, 63.
- Климентъ VII**, папа римскій, т. LXV. 530—532.
- Елимовскій**, пѣвецъ, т. LXVI. 405.
- Клоць**, генераль, т. LXIV, 117.
- Кнауфъ**, московскій купецъ, т. LXVI, 123.
- Клоррингъ**, полковникъ, т. LXIV. 870.
- Ковалевскіе:**
— В. П., директоръ департамента торговли и мануфактуръ, т. LXV. 764—766.
— Іоаннъ, свящ. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Юродство о Христѣ и Христа ради юродивые. Историческій очеркъ житія сихъ подвижниковъ благочестія. Т. LXIII, 309—310.
— М. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. Переводъ съ французскаго М. Юлиппа. Т. LXIII, 693—694; LXIV, 552.
- Кованько**, Л. Е., учитель русскаго языка, т. LXIII. 63, 404.
- Ковнеръ**, Савелій Григорьевичъ, докторъ. *Некрологъ* его. Т. LXVI, 707.
- Кожевниковъ**, провіантмейстеръ, т. LXIV, 778.
- Козловскіе:**
— прапорщикъ, т. LXIV, 838.
— губернскій маршалъ, т. LXV. 494.
- Козляниновъ**, генераль, т. LXIII, 271.
- Козьминъ**, К. А., преподаватель Московскаго учительскаго института. *Некрологъ* его. Т. LXIV, 372—373.
- Кокоскинъ**, О. О., писатель, т. LXVI, 406.
- Колальто**, Сципшонъ, т. LXIV, 1033.
- Коленко**, В. З., воронежскій губернаторъ, т. LXIII, 347.
- Колоколовъ**, Адрианъ, инспекторъ Спб. духовн. училища, т. LXV, 159.
- Коломбъ**, воспитатель, т. LXIII, 57.
- Колосова**, Александра Мих., артистка, т. LXVI, 404, 412.
- Колпачниковъ**, Ив., перевозчикъ, т. LXIII, 185—188.
- Комовскій**, В. Д., директоръ департамента мн. народн. просвѣщенія, т. LXIII, 242.
- Кони**, А. О., сенаторъ, т. LXIII, 721.
- Конопасевичъ**, студентъ, т. LXIV, 543.
- Константинь Николаевичъ**, великій князь, т. LXIV, 909; т. LXV, 679.
- Константинь Павловичъ**, великій князь, т. LXV, 42, 44.
- Копецъ**, Юсифъ, бригадиръ. *Записки* его. Т. LXVI, 226—244, 579—601, 991—1016.
- Копыловъ**, А. О., цензоръ. *Некрологъ* его. Т. LXIII, 738—739.
- Корелинь**, М. С., профессоръ Московскаго университета. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Паденіе античнаго міросозерцанія. Культурный кризисъ въ Римской имперіи. Т. LXIII, 680—682. *Упомян.* 1006.
- Корзухинъ**, А. П., 1965.
- Коробка**, Ник. Ив., этнографъ. *Библиографическая замѣтка* его: Н. О. Акаемовъ. Къ явы. Историко-этнографическій очеркъ. Т. LXIII, 688—689. Очерки престопаднаго житія-бытія въ Витебской Бѣлорусіи и описаніе предметовъ обиходности. (Этнографическія данныя). Составилъ Н. Я. Никифоровскій. Т. LXIII, 689—690. Пережитки древняго міросозерцанія бѣлоруссовъ. Этнографическій очеркъ А. Е. Богдановича. Т. LXIII, 692—693.
- Королевъ**, Ф. Н., директоръ 2-ой гимназіи, т. LXV, 171—172.
- Корсаковы:**
— А. Н. *Статья* его: Воцареніе императора Павла и первые дни его царствованія. Т. LXVI, 485—535, 921—966.
— Александръ, офицеръ, т. LXV, 28.
— Д. А., профессоръ Казанскаго университета. *Библиографическая замѣтка* его: Пермская Старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ А. Дмитріева, выпускъ VI. Первые годы послѣ Ермака и смутное время. Пермскій край, сборникъ свѣдѣній о Пермской губерніи, издав. губ. статист. комит., т. III, подъ редакціей дѣйств. чл. комитета А. А. Дмитріева. Т. LXIII, 293—296.
— М. С., атаманъ, т. LXV, 421.
— Петръ Александр., т. LXV, 32.
- Коршуновъ**, Петръ Степ., т. LXV, 359.
- Косинскій**, Мих. Осип., преподаватель, т. LXIV, 524, 525.
- Косовичъ**, штабъ-тѣкарь, т. LXV, 648.
- Костомаровъ**, Ник. Ив., историкъ, т. LXIII, 792; т. LXIV, 56, 57, 58—61, 63—66, 903.
- Косцюшко**, археологъ, т. LXV, 555.
- Котошникъ**, Григорій Карповичъ, т. LXV, 218—219.
- Краевскій**, А. А., издатель, т. LXV, 607.

- Краевъ, С. М.**, провинціальный писатель. *Некрологъ его*. Т. LXIII, 367.
- Крамаренко, художникъ**, т. LXIII, 736, 737.
- Красновы:**
— А. Н. *Статья его*: Очерки природы и жизни въ Гавайской республикѣ, т. LXVI, 172—196, 555—578.
— *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Основы земледѣнія. Выпускъ II. Атмосфера, ея дѣйствіе на сушу и море, климаты суши и явленія на морѣ, ею создаваемыя. Т. LXIV, 695.
- Краснокутскій, Сем. Григ.**, декабристъ, т. LXIV, 979.
- Краузе, домашній учитель**, т. LXIV, 773, 775.
- Краушаръ, Александръ**, польскій историкъ, т. LXIII, 708, 709.
- Крашенинниковъ, М.**, приватъ-доцентъ Петербургскаго университета, т. LXIII, 355, 356.
- Крейтанъ, Василій Петровичъ**, художникъ. *Некрологъ его*. т. LXV, 269.
- Крестовскій, В. В.**, писатель, т. LXIV, 526.
- Кромвель, протекторъ Англии**, т. LXV, 231.
- Круазетъ, танцовщица**, т. LXVI, 775.
- Кругловъ, А. В.** *Разказы его*: Пчела. Т. LXIV, 455—479. Типы современной деревни: Генеральскій Прохоръ, т. LXIII, 86—108. Умственный мужикъ. Т. LXV, 617—636. Модница. Т. LXVI, 838—855. Памяти В. О. Португалова. Т. LXVI, 1043—1048.
- Крупковъ, Е. В.**, учитель исторіи, т. LXIII, 63, 404.
- Крыловы:**
— Ив. Андр., баснописецъ, т. LXIII, 556.
— Никита Ив., профессоръ Московскаго университета, т. LXIII, 116.
- Крюковъ, Д.**, профессоръ, т. LXIII, 122.
- Ксенополь, М.**, профессоръ Яскаго университета, т. LXIII, 1014.
- Ксенофонтъ, архимандритъ** Спасскаго монастыря, т. LXV, 486—489.
- Кугель, А.**, сотрудникъ «Петербургской Газеты», т. LXIII, 619, 621.
- Куглеръ, Бернгардъ.** *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Исторія крестовыхъ походовъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ рисунками, карт. и план. Изд. Л. Папелъева. Т. LXV, 519—521.
- Кудрявскій, Дм. К.**, приватъ-доцентъ Петербургскаго университета. Т. LXIII, 1043.
- Кузнецовы:**
— В. Н., т. LXVI, 1100.
— Н. В., т. LXIII, 850; т. LXIV, 137.
— Яковъ, золотопромышленн., т. LXIV, 601.
- Кузнецовъ-Красноярскій.** *Отвѣтъ его* г. Кузовникову, т. LXIV, 1063, 1064. *Отвѣтъ ему*. Т. LXIII. *Отвѣтъ его* Кузовникову. Т. LXV, 269—272.
- Кузовниковъ, С. Н.**, т. LXIII, 1063. *Отвѣтъ его* Кузнецову-Красноярскому. т. LXIV, 742—744. *Отвѣтъ ему*, т. LXV, 269—272.
- Кузьминъ, Федоръ, старецъ**, т. LXIII, 1063; т. LXIV, 742—744; т. LXV, 269—272.
- Кукель, Б. К.** *Статья его*: Изъ эпохи присоединенія Приамурскаго края. Т. LXV, 413—434, 662—683.
- Куманинъ, Федоръ Александровичъ**, редакторъ и издатель журналовъ: Театраль, Театральная Библіотека. *Некрологъ его*: т. LXIV, 1056.
- Куртъ, Г.**, французскій ученый. т. LXIV, 335.
- Курціусъ, Эрнстъ**, историкъ. *Замѣтка* по поводу его смерти. Т. LXV, 544, 545.
- Кутайсовы:**
— графъ, т. LXV, 47; т. LXVI, 418.
— И. П., камердинеръ императора Павла I. Т. LXVI, 512.
- Кутеповъ, Н. И.** *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его. Великокняжеская и царская охота на Руси съ X по XVI вѣкъ. Изданіе иллюстрировано профессоромъ В. М. Васнецовымъ и академикомъ Н. С. Самокишемъ. Т. LXIV, 676—678.
- Кушневичъ, В.**, оберъ-священникъ арміи и флота, т. LXIV, 155.
- Кучъ, Карлъ**, польскій журналистъ, т. LXIV, 687.
- Кушнеревъ, И. Н.**, типографъ. *Некрологъ его*: т. LXIV, 371.

Л.

- Лависсъ, Е.**, т. LXIII, 1012.
- Лаврентьева, С. И.** *Статья ея*: Знакомство съ И. С. Тургеневымъ. Т. LXV, 684—689.
- Лавровъ, П. А.**, приватъ-доцентъ Спб. университета, т. LXIII, 727.
- Лагартъ, Фридрихъ-Цезарь**, женеваецъ, воспитатель Александра I. т. LXIII, 233, 234.
- Лагорио, Л. Ф.**, художникъ, т. LXV, 517.
- Ладюрнеръ, художникъ**, т. LXV, 68, 69—71.
- Лазаревскіе:**
— А. М., т. LXIII, 471.
— М. М., т. LXIV, 897.
- Лазаревъ, Д.** *Статья его*: Политиче-

скіе ссыльные въ Туруханскомъ краѣ. Т. LXIII, 337—339.

Лакруа, Сигизмундъ, французскій журналистъ, т. LXV, 813.

Лалаевъ, М. С. *Библиографическая записка о книгѣ его*: Императоръ Николай I, видѣтель русской школы. Историческій очеркъ. Издано къ столѣтію со дня 25 июня 1796 года. Т. LXV, 211—214.

Ламбросъ, греческій ученый, т. LXIV, 698.

Лампрехтъ, Карлъ. *Библиографическая записка о книгѣ его*: Исторія германскаго народа. Томъ второй. Части III и IV. Т. LXIII, 1009—1011.

Ламсдорфъ, исковскій военный губернаторъ, т. LXIV, 770.

фонъ-**Ламсдорфъ**, курляндскій губернаторъ, т. LXV, 121.

Ланге, поручикъ, т. LXIII, 74.

Ланскіе:

— Серг. Степ., опекувъ Гатчинскаго института, т. LXV, 54, 55.

— Генераль-майоръ, т. LXV, 402.

Лаппо-Данилевскій, А. С., профессоръ Спб. историко-филологическаго института, т. LXIV, 362.

Ларошфуко, баронъ, т. LXV, 119.

Лауеръ, докторъ, т. LXIV, 123.

фонъ-деръ-**Лауницъ**, генераль, т. LXIV, 911, 912.

Лахтинъ, ссыльно-каторжанный, т. LXV, 670.

Лебедевы:

— А. П., пѣвица, т. LXVI, 421, 782.

— А. П., профессоръ императорскаго Московскаго университета. *Библиографическія записки о книгахъ его*: Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ (обзоръ ихъ догматической дѣятельности въ связи съ направленіемъ школы александрійской и антиохійской). Сочиненіе на степень доктора. Т. LXVI, 1057.—Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ. Отъ паденія Константинополя (въ 1453 году) до настоящаго времени. Томъ первый. Т. LXVI, 316—318. Вступительная лекція по исторіи церкви, прочитанная въ императорскомъ Московскомъ университетѣ 11-го октября 1895 года. Т. LXVI, 373.

— В. А., профессоръ Спб. университета, т. LXIII, 715.

— Николай Аванасевичъ, писатель. *Некрологъ его*. Т. LXV, 830—831.

— полковникъ, т. LXV, 606, 607.

Левенфельдъ, Р. *Библиографическая записка о книгѣ его*: Гр. Л. Н. Толстой. Переводъ съ нѣмецкаго.

Левистъ, генераль, т. LXIV, 792.

Левницкій, Ив. Ем. *Библиографическая записка о книгѣ его*: Галицко-русская библиографія XIX столѣтія съ увзглядненіемъ русскихъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ (1801—1886). Томы I—II. Хронологическій списокъ публикацій. Т. LXIII, 301—304.

Левонтьевъ, Гаврило, дьякъ, т. LXV, 140.

Ле-Дантю, К. П., т. LXIV, 641.

Лежаль, Густавъ, французскій ученый, т. LXIV, 339—340.

Лейстеръ, графиня, т. LXVI, 1078.

Ленотръ, Г., французскій историкъ, т. LXV, 240, 241.

Ленскій, Д. Т., водевиллистъ, т. LXVI, 111, 472, 475, 482, 483.

Ленцъ, Э. *Библиографическая записка о книгѣ его*: Опись собранія оружія графа С. Д. Шереметева. Съ приложеніемъ 26 фотографическихъ таблицъ. Т. LXIII, 296—298.

Леонидъ, архимандритъ, ученый, т. LXVI, 704.

Леонова, Дарья Мих., артистка Императорскихъ театровъ. *Некрологъ ея*. Т. LXIII, 1060.

Леонтьевъ, Д. Н., штабсъ-капитанъ, т. LXIV, 503.

Лепельскій, Жанъ, французскій писатель, т. LXV, 811.

Леперъ, Р. Хр., изслѣдователь, т. LXIV, 1044.

Лепорскій, П., т. LXIV, 356.

Лермонтовъ, Мих. Юрьевичъ, поэтъ. *Записка о его памятникѣ*. Т. LXV, 553.

Лесестръ, Леонъ, французскій ученый, т. LXIII, 1019.

Летурно, Шарль, антропологъ, т. LXIII, 697.

Лидина, актриса, т. LXVI, 471, 472.

Лиліенталь, Отто, воздухоплаватель, т. LXVI, 1096.

Линдеманъ, I. К., т. LXIV, 727.

Линкольнъ, Авраамъ, президентъ С.-Американскихъ штатовъ. *Записка о его юности*, т. LXIII, 1024—1026.

Линь, баронъ, т. LXIV, 495.

Линиченко, И. А. *Статья его*: Изъ времянъ императора Павла I. Т. LXV, 491—496.

Литвинъ, С. К. *Разказы его*: Искупленіе. Т. LXIV, 78—113. Среди евреевъ. Т. LXVI, 54—90, 428—461, 797—837.

Лихаревъ, Влад. Ник., декабристъ, т. LXIV, 972.

Лихачевы:

— Спб. полицеймейстеръ, т. LXV, 41.

— Н. П. *Библиографическая записка о книгѣ его*: Каталогъ летучихъ изданій и ихъ перепечатокъ: манифесты, указы и другія правительственныя распоряженія

нія въ отдѣльныхъ изданіяхъ и перепечаткахъ. Разные отдѣльные листы и брошюры. Т. LXIII, 691, 692.

Лихтенштадтъ, Иосифъ Моисеевичъ, членъ новгородскаго окружнаго суда. *Некрологъ его*. Т. LXV, 268.

Лихуды, Иоанникій и Софроній, т. LXIV, 276, 277.

Лишинъ, К. Н., археологъ, т. LXV, 260.

Лионъ, Серг. Март., тамбовскій губернской предводителъ дворянства, т. LXIII, 53.

Лобановъ, Мих. Евст., писатель. *Замѣтка по поводу 50-лѣтія со дня его смерти*. Т. LXV, 253.

Лобановъ-Ростовскій, князь, Алексѣй Борисовичъ, министр иностранныхъ дѣлъ, т. LXVI, 293—315.

Лобачевскій, Н. И., профессоръ Казанскаго университета. *Замѣтка о немъ*. Т. LXVI, 349.

Лозевъ, герцогъ, т. LXIII, 701—705.
Лойола, Игнатій, основатель иезуитскаго ордена, т. LXVI, 1075—1077.

Ломновскій, генералъ, директоръ инженернаго училища, т. LXV, 65, 66, 67.

Лонгиновъ, В. *Библиографическая замѣтка его*: «Харьковскій сборникъ», литературно-научное приложение къ «Харьковскому календарю» на 1896 годъ, подъ редакціей В. В. Иванова. Т. LXVI, 1062—1064.

Лонгъ, Симонъ, англійскій ученый, т. LXIII, 692.

Лопатинъ, Л. М., т. LXVI, 1102.

Лопухинъ, А. П., профессоръ духовной академіи, т. LXIII, 718.

Лопаревъ, Хрис Мееод., изслѣдователь, т. LXIII, 725, 731, 732, 1045, т. LXIV, 731.

Лорисъ-Меликовъ, графъ, министр внутреннихъ дѣлъ, т. LXV, 554.

Лосскій, К. *Библиографическія замѣтки его*: Научно-образовательная бібліотека. Токвиль. Старый порядокъ и революція. Переводъ подъ редакціей профессора Московскаго университета П. Г. Виноградова. Т. LXV, 797—799. А. Ф. графъ фонъ-Штакъ. Исторія норманновъ въ Сициліи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. М. Соколова. Изданіе Л. Ф. Пантелѣва. Т. LXVI, 324—325. — Бернгардъ Куглеръ. Исторія крестовыхъ походовъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ рисунками, карт. и план. Изд. Л. Пантелѣва. Т. LXV, 519—521. Д-ръ С. Бекъ и д-ръ М. Враннъ. Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени. Переработанъ и дополнитъ, съ прибавленіемъ оригинальнаго отдѣла исторіи польско-русскихъ евреевъ, С. М. Дубновъ. Въ

двухъ томахъ. Т. I. Восточный періодъ (отъ вавилонскаго плѣненія до конца эпохи гаоновъ). Т. LXVI, 1055—1057. — Культурно-историческая бібліотека. Изданіе О. Н. Поповой. Исторія рабства отъ древнихъ до новыхъ вѣмешъ. Соч. Дж. К. Ингрэма. Переводъ съ англійскаго З. Журавской. Съ дополненіемъ изъ трудовъ Валенна Турмана, Рамбо и Лависса. въ переводѣ Н. П. Новоборской. Т. LXVI, 1066—1069.

Луиза, королева прусская, т. LXIV, 716, 717.

Лучининъ, Ларіонъ, тульскій купецъ. т. LXVI, 117—120.

Львова-Синецкая, актриса, т. LXV, 34.

Львовы:

— Александръ, прокуроръ, т. LXIII, 55.

— А. Н. *Статья его*: Неразъясненный эпизодъ изъ царствованія императора Петра II. Т. LXV, 72—83. Государственный преступникъ Н. Вобрищевъ-Пушкннъ въ монастыряхъ Западной Сибири. Т. LXV, 479—490.

— О. Ѳ., т. LXIV, 900.

Лѣсковъ, Ник. С., писатель, т. LXIII, 576; т. LXV, 356—357.

Любовичъ, Н., профессоръ Варшавскаго университета. *Библиографическая замѣтка его*: Biblioteka ordynacyi Książskich. Muzeum Konstantego Swidzinskiego. Tom XIII. Dzynysz wojny moskiewskiej 1633 roku. Т. LXIII, 686—688.

Любовниковъ, майоръ, шацкій воевода, т. LXV, 465.

Людовикъ XV, король французскій. т. LXIV, 1035. *Замѣтка о его политикѣ и смерти*. Т. LXVI, 680—682.

Людовикъ XVI, французскій король. т. LXV, 131, 459.

Людовикъ XVIII, король французскій, т. LXIII, 1024, т. LXV, 115—118, 121—124, 129, 461.

Лютцовъ, Францъ, чешскій историкъ. т. LXV, 812.

Люце, гатчинскій полицеймейстеръ, т. LXV, 56.

Ляценко, Арк. Іоак., редакторъ изданій Общества любителей древней письменности, т. LXIII, 1014.

М.

Магнусъ II, король шведскій, т. LXIII, 737.

Маевъ, Ник. Алдр., генералъ-майоръ, писатель. *Некрологъ его*. Т. LXIII, 739—740.

Майдамъ, полковникъ, т. LXIV, 504,

Майковы:

— Аполлонъ Александр., членъ Московской театралн. конторы, т. LXV, 35—37, 45, т. LXVI, 406.

— Леонидъ Ник., вице-президентъ академіи наукъ. *Замѣтка* о 35-лѣтніи его служебной и учено-литературной дѣятельности. Т. LXIII, 719—720.

Макарій (Булгаковъ), митрополитъ московскій и коломенскій, т. LXIV, 695, 695.

Макарій, Жабынскій, св. т. LXVI, 198—200.

Макаровъ, А. Н., директоръ педагогическаго музея, т. LXIII, 723.

Маковская, Л. К., пѣвица, т. LXVI, 466.

Максимовы:

— Александръ Яковлевичъ, капитанъ. *Некрологъ* его. Т. LXVI, 354.

— С. В., писатель, т. LXV, 674.

— Ф. И. Т. LXIII, 180.

Макъ-Магонъ, маршалъ, т. LXVI, 693.

Маламани, М., итальянскій писатель, т. LXIV, 1033.

Малиновъ, прокуроръ болгарскаго суда, т. LXIV, 583—586.

Малинъ, купецъ, т. LXIII, 413.

Малицкій, Н., магистрантъ Спб. духовной академіи, т. LXIV, 356.

Мальшинскій, А. П. *Статья* его: Головинъ и Татаринова. Т. LXV, 637—661.

Маневскій, лейтенантъ, т. LXV, 671.

Мансуровъ, А. *Замѣтка* его о портретѣ Суворова. Т. LXV, 831, 832.

Монтекорболи, Генрихъ, итальянскій ученый, т. LXVI, 1092.

Марать, французскій демагогъ. *Замѣтка* о немъ. Т. LXVI, 681—683.

Маргарита, королева Наварская. *Замѣтка* о ея стихотвореніяхъ. Т. LXV, 233.

Маріонковъ, П. И., приставъ, т. LXIII, 51—54, т. LXIV, 54.

Марія Александровна, императрица, т. LXIII, 260.

Марія-Антуанета, французская королева, т. LXV, 246.

Марія-Жозефина, французская королева, т. LXV, 129, 130.

Марія Феодоровна, императрица, супруга императора Павла I. Т. LXV, 27, 303, 305; т. LXVI, 503.

Маркевичъ, Ал. И. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Григорій Карповичъ Котошихинъ и его сочиненіе о Московскомъ государствѣ въ половинѣ XVII вѣка. Т. LXV, 218—219.

Марковы:

— А. К., профессоръ Археологическаго института, т. LXIV, 1042; т. LXV, 259.

— Ив. Конст., кассиръ, т. LXIII, 159.

Марколини, пѣвецъ, т. LXVI, 420.

Марокети, врачъ, т. LXV, 308.

Марръ, Н. Я., профессоръ Спб. университета, т. LXV, 259.

Марсо, Франсуа. Герой французской революціи. *Замѣтка* о немъ. Т. LXV, 242, 243.

Маргосы:

— О. Р., предсѣдатель Таганрогскаго коммерческаго суда. Письма его къ брату. Т. LXIII, 471—499.

— Ульяна Андреевна, его жена. Т. LXIII, 475—477, 478, 482, 483, 485, 491.

Мартыановы:

— Д. Я., городничій, т. LXV, 745.

— П. К. *Статья* его: Изъ старой записной книжки. Т. LXIV, 906—921.

Библиографическая замѣтка о книгѣ его: Дѣла и люди вѣка. Т. 3-я. Т. LXV, 521—522.

Мартынова, Ольга Павловна, писательница. *Некрологъ* ея. Т. LXIV, 738.

Мартыновы:

— Иванъ, іезуитъ. *Замѣтка* о его биографіи. Т. LXVI, 356.

— П. М., историкъ, т. LXIII, 183, 66, 367.

Марченко, В. Р., статсъ-секретарь, т. LXVI, 47.

Масловъ, Д. Н., статсъ-секретарь, т. LXV, 594.

Матвѣевъ, П. А. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Николай Васильевичъ Гоголь и его «Переписка съ друзьями». Историко-литературный очеркъ. Т. LXIII, 1004—1006.

Матросовъ, наборщикъ, т. LXIV, 525.

Мауне, Оед. Ив., врачъ, т. LXV, 307; т. LXVI, 414.

Медвѣдскій, К. *Статья* его: Памяти Владиміра Рафаиловича Зотова. Т. LXIII, 986—993.

Мейнсме, К., голландскій ученый, т. LXV, 81.

Меланъ, полковникъ, т. LXVI, 537.

Меллеръ-Закомельскій, баронъ, т. LXIV, 845, 846.

Мельниковы:

— министръ путей сообщенія, т. LXV, 600.

— Ник. Павл., сынъ писателя Мельникова-Печерскаго, т. LXVI, 976.

Менде, генераль, т. LXVI, 547.

Менделѣевъ, Д. И., химикъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета, т. LXV, 759, 761, 765.

- Мережковский, Д. С.**, писатель, т. LXIII, 619; т. LXIV, 931—934.
- Мерме-де-Кашонъ**, французскій консулъ въ Японіи, т. LXV, 676.
- де-Метцъ, Г. I.**, профессоръ Кіевскаго университета, т. LXIII, 1037.
- Мещерскій**, князь, флигель-адъютантъ, т. LXIV, 119.
- Мижуевъ, П. Г.**, т. LXV, 774, 787.
- Микѣшинъ, М. О.**, скульпторъ. *Некрологъ его*. Т. LXIII, 1058—1060; т. LXIV, 901, 902.
- Миллеръ, Г. П.**, *Разсказъ его*: Пчелы. Т. LXIV, 150—136.
- Миловскій, Михаилъ Васильевичъ**. *Некрологъ его*. Т. LXV, 565—566.
- Милорадовичъ:**
— Андрей Степ., губернаторъ Черниговскаго намѣстничества. *Замѣтка* по поводу столѣтія со дня его смерти. Т. LXIV, 725.
— М. А., графъ, петербургскій генералъ-губернаторъ, т. LXV, 36, 39, 45; т. LXVI, 416.
— Г. А., графъ, генерал-лейтенантъ. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Списокъ губернскихъ предводителей дворянства Россійской имперіи 1885—1895 гг. Списокъ лицъ свиты ихъ величества съ царствованія императора Петра Великаго по старшинству дня назначенія. Т. LXIII, 1613.
- Милоковъ, П. Н.**, историкъ, бывшій профессоръ Московскаго университета, т. LXIV, 552.
- Минаевъ, Дм.**, писатель, т. LXIV, 51.
- Минкина, Анастасія Θεодоровна**, экономка графа Арабгешева, т. LXIII, 67, 80, 83.
- Минскій, Н. М.**, поэтъ, т. LXIII, 631—632.
- Минѣевъ**, тюремный надзиратель, т. LXIV, 147.
- Мирабо**, французскій общественный дѣятель, т. LXIII, 326—328.
- Мирибель**, начальникъ французскаго генеральнаго штаба, т. LXIV, 116.
- Михайловскіе:**
— Викторъ. *Библиографическая замѣтка* о его переводѣ книги: Е. Лавишъ и А. Рамбо. Культура и цивилизація Западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ. Т. LXIII, 1012, 1013.
— Н. К., критикъ-публицистъ, т. LXIV, 287, 288, 1015.
— Эразмъ Павл., попечитель Кіевской 1-й гимназіи, т. LXIII, 339.
- Михалъ**, архіепископъ иркутскій, т. LXV, 482, 483.
- Михалъ Θεодоровичъ**, царь московскій, т. LXV, 139, 141.
- Михалъ Павловичъ**, великій князь, т. LXV, 594.
- Михневичъ, В. О.**, *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Русская женщина XVIII столѣтія. Историческіе этюды. Т. LXIV, 326—328.
- Мишинъ, А. И.**, преподаватель, т. LXV, 163, 164.
- Могра, Гастонъ**, французскій историкъ, т. LXIII, 701.
- Модзалевскій, Левъ Николаевичъ**, директоръ училища глухонѣмыхъ. *Некрологъ его*. Т. LXV, 266.
- Мозгалевскій**, декабристъ, т. LXIV, 640.
- де-Молень, Эмиль**, испанскій ученый, т. LXIV, 337.
- Мольтке**, графъ, прусскій военный министръ, т. LXIV, 125, 126.
- Монгальяръ**, графъ, французскій дипломатическій агентъ, т. LXIII, 1021, 1022.
- Монготъ**, воспитанница театрального училища, т. LXVI, 781.
- Монморанси**, кардиналъ, т. LXV, 134.
- Монье, Софи**, т. LXIII, 326, 327.
- Морелли**, графъ, т. LXIV, 776.
- Мори, Альфредъ**, французскій изслѣдователь, т. LXV, 526.
- Морисъ, Эдмондъ**, англійскій историкъ, т. LXV, 812.
- Морозовъ, П. О.**, т. LXV, 769.
- Моргуладзе**, т. LXIV, 810, 821.
- Моршковскій**, шляхтичъ, т. LXV, 492.
- Мочаловы:**
— Степанъ Θεодор., артистъ, т. LXVI, 92, 99—114.
— Павелъ Степ., артистъ, т. LXVI, 92, 97—114, 462—484.
— Марія Степановна, т. LXVI, 102, 103.
- Музовскій, Н.**, протоіерей, т. LXIV, 183.
- Мундтъ, Н. П.**, переводчикъ, т. LXV, 309; т. LXVI, 785.
- Муравьевъ-Апостолъ, М. И.**, подполковникъ, т. LXIV, 963.
- Муравьевы:**
— Александръ Мих., декабристъ, т. LXIV, 981.
— Н. Н., графъ Амурскій. *Упомянется* въ статьѣ: Изъ эпохи присоединенія Приамурскаго края. Т. LXV, 413—434, 662—683; т. LXVI, 547—554.
- Муркосъ, Г. А.**, ученый, т. LXIV, 363.
- Мѣдникъ**, приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета, т. LXVI, 671—672.
- Мыщенскій, В. С.** *Воспоминанія его*. Т. LXVI, 156—171, 536—554, 878—920.
- Мышинскій**, князь, т. LXVI, 581.

Мюллеры:

— А. *Библиографическая заметка* о его книгѣ: Исторія ислама съ основаніи до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей приватъ-доцента Мѣдникава, т. LXVI, 671—672.

— Максъ, филологъ, т. LXVI, 1071.

Мюратъ, король неаполитанскій, т. XLV, 242, 244.

Мюссаръ, Евг., т. LXIII, 717.

Мякотинъ, В. Я., историкъ, т. LXIII, 357.

Н.

Назаревскій, Сергій Владиміровичъ, помощникъ правителя дѣлъ главнаго управления по дѣламъ печати. *Некрологъ* его. Т. LXIV, 736—737.

Назимовы:

— Мих. Александръ, декабристъ. Т. LXIV, 970.

— лейтенантъ, т. LXV, 672.

Накашидзе, князь, т. LXIV, 884.

Налисовъ, купецъ, т. LXIII, 454.

Нансень, Фритюфъ, путешественникъ, т. LXVI, 701—702, 1096.

Наполеонъ I, французскій императоръ. Т. LXIII, 328, 332, 362, 705—708, 1023. Т. LXIV, 343—347, 712, 713. Т. LXV, 36, 246. Т. LXVI, 685—688.

Нарышкины:

— Александръ Львовичъ, главный директоръ театра. Т. LXIV, 780. Т. LXV, 34, 45, 46. Т. LXVI, 733.

— Мих. Мих., декабристъ. Т. LXIV, 971.

Науманъ, Э. *Библиографическая заметка* о книгѣ его: Иллюстрированная всеобщая исторія музыки. Переводъ съ нѣмецкаго, дополненный по новѣйшимъ источникамъ, съ прибавленіемъ «Очерковъ исторіи музыки въ Россіи» подъ редакціей Н. Финдейзена. Изданіе Ф. В. Щепанскаго. Выпускъ I. Т. LXIV, 697.

Науменко, Аванасій, стрѣлецъ, т. LXV, 137—152.

Нащокитъ, В. А., т. LXV, 72—73.

Наваналъ, архимандритъ, инспекторъ Спб. духовной академіи, т. LXIII, 718—719.

Небольсинъ, Григорій Павловичъ, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ. *Некрологъ* его. Т. LXV, 561—563.

Неваховичъ, Л. М., т. LXVI, 791.

Неводчиковъ, военный топографъ, т. LXVI, 539—544.

Незеленовъ, Александръ Ильичъ, профессоръ Спб. университета. *Некрологъ* его. Т. LXIII, 1055, 1056.

Ней, французскій маршалъ. *Заметка* о немъ. Т. LXV, 538—540.

Неклюдовъ, Николай Адриановичъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. *Некрологъ* его. Т. LXVI, 351—354.

Некрасовы:

— И. С., ректоръ Новороссійскаго университета. *Некрологъ* его. Т. LXIII, 365, 366.

— Ник. Алекс., писатель, т. LXIII, 799—802, 806.

Нелидовъ, Ф., т. LXIII, 682.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив., писатель. *Библиографическая заметка* о книгѣ его: Забытая крѣпость. Историческій романъ изъ временъ кавказской войны. Т. I. Горные орлы. Т. II. Горе забытой крѣпости. Т. LXIV, 332—334.

Нерсесовъ, Н. I., профессоръ. *Заметка* объ освященіи его памятника. Т. LXIII, 342.

Несельроде, графъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, т. LXVI, 690—692.

Нефедовъ, Ф. Д., т. LXVI, 1096.

Никаноръ, епископъ архангельскій, т. LXIII, 730.

Никитинъ, графъ, генераль-отъ-кавалеріи, т. LXIV, 912—914.

Никитскій, А. В. *Заметка* о его диспутѣ. Т. LXIII, 355.

Никифоровскій, Н. Я. *Библиографическая заметка* о книгѣ его: Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности. (Этнографическія данныя съ географическимъ видомъ Витебской губерніи и четьрьмя чертежами въ текстѣ). Т. LXIII, 689, 690.

Николаевы:

— А., переводчикъ, т. LXIV, 1016.

— П., переводчикъ, т. LXIII, 1009.

— Р. *Статья* его: Памяти В. П. Желтиховской. Т. LXV, 190—194.

Николай I Павловичъ, императоръ, т. LXIII, 66; т. LXIV, 504, 512, 909, т. LXV, 43, 44. — Разказы о немъ. Т. LXV, 51—71, 249—251, 319, 322—353, 393. Анекдотъ о немъ. Т. LXV, 547—548. *Заметка* по поводу столѣтія со дня его рожденія. Т. LXV, 550—553. Т. LXVI, 112, 157, 165—171. *Заметка* по поводу открытія памятника ему въ Кіевѣ. Т. LXVI, 347—348, 777.

Николай II Александровичъ, императоръ, т. LXVI, 694.

Николай Александровичъ, великій князь наследникъ-цесаревичъ, т. LXIII, 251, 252.

Николай III, маркизь фаррарозій, т. LXIII, 318.

Николай, епископ оренбургскій. *Некролог его*. Т. LXVI, 1107, 1108.

Николина, пѣвецъ, т. LXVI, 420.

Никольскій, В. В., писатель. *Статьи его*: Николай Николаевич Страховъ. Критико-біографическій очеркъ. Т. LXIV, 215—268. Литературная дѣятельность К. П. Побѣдоносцева. (По поводу пятидесятилѣтняго юбилея). Т. LXV, 711—732. *Упомянется*, т. LXIV, 931, 939—942. — *Библиографическія замѣтки его*: М. И. Драгомировъ. Разбор романа «Война и Миръ». Т. LXIII, 298, 299.— В. Алексѣевъ. Древне-греческіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Т. LXIII, 313. — Фюстель - де - Кулавъжъ. Древняя гражданская община (La cité antique). Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. Переводъ Н. Н. Спиридонова. Т. LXIII, 684, 685.— *Livre d'or à la memoire d'Alexandre III, par Nicolas Notovitch. Edition du comité patriotique du livre d'or*. Т. LXIII, 690—691.— И. И. Дитятинъ. Статьи по исторіи русскаго права. Т. LXIV, 684—686.— I. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ примѣчаніями, П. И. Вейнберга. Выпуски I—VI. Т. LXIV, 692.— Профессоръ А. Н. Красновъ. Основы земледѣнія. Выпускъ II. Атмосфера, ея дѣйствіе на сушу и море, климаты, суши и явленія на морѣ, ея создаваемыя. Т. LXIV, 695.— Э. Науманъ. Иллюстрированная всеобщая исторія музыки. Переводъ съ нѣмецкаго, дополненный по новѣйшимъ источникамъ, съ прибавленіемъ «Очерковъ по исторіи музыки въ Россіи», подъ редакціей Н. Финдейзена. Т. LXIV, 697.— Федоръ Дыдынскій, заслуженный профессоръ императорскаго Варшавскаго университета. Императоръ Адрианъ. Историко-юридическое изслѣдованіе. Съ портретомъ императора Адриана и картою Римской имперіи примѣнительно къ путешествіямъ императора Адриана. Т. LXV, 512—517.— А. А. Исаевъ. Настоящее и будущее русскаго общественнаго хозяйства. (Вліяніе экономическихъ фактовъ на общественную жизнь.— Народники.— Общественное хозяйство современной Россіи.— Будущность русскаго общественнаго хозяйства). Т. LXV, 794, 795.

Ніуро, Агостино, итальянскій ученый.

т. LXIV, 706.

Новиковъ, поручикъ, т. LXIII, 69.

Новоборская, Н. П., переводчица, т. LXVI, 1066—1068.

Новокрещенныхъ, Н. Н., инженеръ-технологъ, провинціальный ученый, т. LXVI, 350.

Нотовичъ, Ник. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: *Livre d'or à la memoire d'Alexandre III. Edition du comité patriotique du Livre d'or*. Т. LXIII, 690, 691.

О.

Оболенскій, Евг. Петр., князь, декабристъ, т. LXIV, 967.

Обручевъ, инженеръ, т. LXV, 669.

Овсянниковъ, Н. Н., провинціальный ученый, т. LXIII, 546.

Овцынъ, Г. Д., стольникъ, т. LXIV, 188.

Оглоблинъ, Н. Н. *Статья его*: Государево великое верхнее дѣло. Очеркъ изъ жизни XVII вѣка. Т. LXV, 137—157. *Упомянется* т. LXIII, 716.

Огюстъ, балетмейстеръ, т. LXVI, 771.

Одоевскій, Александръ Ив., князь, декабристъ, т. LXIV, 638, 639.

Озеровъ, Владисл. Александровичъ, драматургъ, т. LXIII, 199, 200.

Оленинъ, А. Н., президентъ академіи художествъ, т. LXV, 39; т. LXVI, 407, 408, 409.

Ольденбургъ, С. О., профессоръ Петербургскаго университета, т. LXIII, 725.

Ольдерогге, подковникъ, т. LXV, 52, 53; т. LXVI, 1112.

Омелянскій, И. Н. *Статья его*: Курьезы изъ времени послѣдняго польскаго возстанія. Т. LXIII, 267—277.

Орлова, Прасковья Ив., артистка, т. LXVI, 465.

Орловъ, О. А., сотрудникъ «Будильника», т. LXIII, 857, 858, 859.

Осокинъ, Николай Алексѣевичъ, профессоръ Казанскаго университета. *Автобіографія его*: т. LXIII, 668—677.

Остенъ, Альфредъ, англійскій поэтъ, т. LXIII, 711.

Остолоповъ, директоръ театровъ, т. LXV, 46.

Островскій, Александръ Ник., драматургъ, т. LXIII, 605—607; т. LXIV, 556; т. LXV, 260.

Острогорскій, Викторъ, педагогъ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ (1861—1864 гг.). Т. LXIV, 689—692.

П.

Павель I Петровичъ, императоръ, т. LXIV, 154, 155, 160, 180, 184, 796;

т. LXV, 124, 125, 134—136, 394, 460.

Статья о немъ: Изъ временъ императора Павла I. Т. LXV, 491—496. Воца-

рение императора Павла и первые дни его царствования, т. LXVI, 485 — 535, 921—966.

Павинский, Адольф Иванович, ординарный профессор Варшавскаго университета. *Некролог его*. Т. LXVI, 354, 355; т. LXVI, 1098.

Павленковъ, Л. Н. *Статья его*: Книжное дѣло и періодическая печать въ Россіи въ 1895 году. Т. LXVI (приложение).

Павловы:

— А. П., т. LXIII, 733.

— Е. В., главный врачъ Маринской больницы, т. LXIII, 350.

Павловъ-Сильванскій, Н. П., изслѣдователь, т. LXIV, 362.

Падучевъ, П. П. *Статья его*: Уральская калифорнія, т. LXVI, 115—155.

Палавандовъ, поручикъ, т. LXIV, 815—821.

Палеологъ, Морисъ, французскій ученый, т. LXIV, 705, 706.

Палецкій, В., ученикъ гимнази, т. LXIV, 959.

Палладій, митрополитъ С.-Петербургскій, т. LXIII, 306.

Панаевъ, Ив. Ив., писатель, т. LXIII, 794.

Пари, Гастонъ, французскій историкъ, т. LXV, 527.

Патерсонъ, Артуръ. *Романъ его*: За свободу. Т. LXV (приложение).

Пахманъ, Семень Викентьевичъ, юристъ. *Замѣтка* по поводу его 50-лѣтняго юбилея. Т. LXV, 256—258.

Пащенко, К. И., курляндскій губернаторъ, т. LXV, 448.

Пезаровиусъ, Павелъ Павл., редакторъ газеты «Русскій Инвалидъ». *Статья о немъ*: Забытый филантропъ. Т. LXIII, 864—880.

Пейсаръ, танцовщица, т. LXVI, 775.

Пекшенъ, К., архитекторъ, т. LXV, 735.

Пелисье, Жоржъ. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣнчанное французскою академіею. Переводъ Ю. В. Дюшельмейеръ. Т. LXIV, 321—324.

Пелопидасъ, И. П., т. LXIII, 180.

Пелярино, докторъ, т. LXIV, 277.

Перекусихина, Марія Савишна, камеръ-юнгфера императрицы Екатерины II. Т. LXVI, 504.

Перетцъ, Вл. Ник., приватъ-доцентъ Петербургскаго университета. *Библиографическія замѣтки его*: А. Алферовъ, А. Грузинскій, Ф. Нелцдовъ, С. Смирновъ. Десять чтеній по литературѣ съ 29 рисунками. Т. LXIII, 682—684. Ал. И. Маркевичъ, Григорій Карповичъ Ко-

тошихинъ и его сочиненіе о Московскомъ государствѣ въ половинѣ XVII вѣка. Т. LXV, 218, 219. *Упомянется* т. LXIII, 1045.

Перпошше, графъ, гофмаршалъ, т. LXIV, 122.

Перцовъ, П., т. LXIV, 927—940.

Песковскій, М. А. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Обязательный минимумъ образованія. Т. LXIV, 1012—1014; т. LXVI, 1029, 1038, 1039.

Пети, Марія, французская авантюристка, т. LXV, 534—536.

Петковичъ, адвокатъ, т. LXIV, 558, 559.

Петрарка, поэтъ-гуманистъ, т. LXIII, 316; т. LXV, 808—810.

Петри:

— Э. Ю., профессоръ Спб. университета, т. LXIII, 733; т. LXIV, 1020.

— Флиндерсъ, ученый, т. LXV, 805.

Петровы:

— А. Н., изслѣдователь, т. LXIV, 361.

— Н. И., профессоръ. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Кіевская академія во второй половинѣ XVII вѣка. Т. LXV, 522—523.

Петръ I, Великій, императоръ. *Замѣтка* о его портретѣ. Т. LXIII, 367, 328; т. LXIV, 870; т. LXV, 452, 692 — 706; т. LXVI, 334—336.

Петръ II, императоръ. *Статья о немъ*: Неразъясненный эпизодъ изъ царствования императора Петра II. Т. LXV, 72—83.

Петръ III, императоръ, т. LXVI, 927, 933.

Печаткинъ, Іоакимъ Петровичъ, фабрикантъ. *Некрологъ его*. Т. LXV, 566—567.

Пивоваровъ, И. И., купецъ, т. LXV, 101.

Пикокъ, т. LXIII, 404, 405.

Пирлингъ, Павелъ, іезуитъ, историкъ, т. LXIV, 700—702.

Пироговъ, Ник. Ив., хирургъ, т. LXV, 203.

Писарева, В. И., писательница. *Замѣтка* о ея 25-лѣтнемъ юбилеѣ. Т. LXIII, 1042.

Писаревъ, Дм. Ив., критикъ, т. LXIII, 860.

Пистолькорсъ, полковникъ, т. LXIV, 832.

Питу, Анжъ, уличный пѣвецъ, т. LXIII, 1023.

Пихно, Василій Ивановичъ, бывшій редакторъ «Кіевлянина». *Некрологъ его*. Т. LXVI, 707.

Пихтелевъ, Василій, свящ., т. LXV, 475.

Платоновъ, Серг. Оед., профессоръ Спб. университета, т. LXIII, 724, 731; т. LXVI, 1099.

Платтеръ, Томасъ, швейцарскій народный учитель, т. LXIV, 704, 705.

Плаховъ, таможенный начальникъ г. Одессы, т. LXIII, 70.

Плесси, артистка, т. LXVI, 465, 466.

Плетневы:

— П. А., писатель, т. LXIII, 231, 235—237, 241, 247.

— П. М., ректоръ университета, т. LXIII, 787.

Плещеевы:

— Алексѣй Ник. *Замѣтка* объ освященіи памятника ему. Т. LXIII, 343.

— С., масонъ, т. LXVI, 930—931.

Плотниковъ, Пав. Петр., т. LXIV, 780

Пнинъ, писатель, т. LXIII, 584.

Побѣдоносцевъ, Конст. Петр., оберъ-прокуроръ св. синода. *Замѣтка* по поводу 50-лѣтія его служебной дѣятельности. Т. LXV, 253—256. *Письмо* его. Т. LXV, 553, 554. *Статья* о его литературной дѣятельности. Т. LXV, 711—732.

Погодины:

— М. П., профессоръ Московскаго университета, т. LXIII, 129, 182; т. LXIV, 678—681.

— П. Д., секретарь археологическаго института въ Константинополь, т. LXIV, 724.

Погожевъ, В., т. LXV, 787.

Подбѣльскій, поручикъ, т. LXIV, 484.

Поздѣвевъ, Дмитрій Матв., синологъ, приватъ-доцентъ Спб. университета, т. LXIII, 726.

Позднякъ, Д. М., членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. *Некрологъ* его. Т. LXVI, 1108, 1109.

Покровскіе:

— М. М. *Замѣтка* о его диспутѣ. Т. LXIV, 366, 367.

— Н. В., профессоръ Спб. духовной академіи, т. LXIII, 731; т. LXIV, 1042.

Полевые:

— Ник. Алекс., журналистъ, т. LXIII, 111. *Статья* о немъ: Журналистъ двадцатыхъ годовъ. Т. LXIII, 946—959. *Упом.* т. LXVI, 792, 793.

— Петръ Ник., писатель, *Разсказъ* его: Холопя мѣсть. Т. LXIII, 808—843. *Статьи* его: Новый сборникъ великорусскихъ пѣсенъ. Т. LXIV, 915—921. Воспоминаніе объ А. К. Жизинскомъ. Т. LXIV, 985—989. Памяти Е. Е. Замысловскаго. Т. LXV, 185—189. Сѣверная Семирамида. Т. LXVI, 602—610. *Библиографическія замѣтки* его: Памятникъ древняго русскаго зодчест-

ва. Изданіе императорской академіи художествъ. Составилъ академикъ В. В. Суловъ. Выпускъ I. Т. LXIV, 324—326. Преображенское и окружающія его мѣста, ихъ прошлое и настоящее. Составилъ и издалъ И. В. Синицынъ. Рисунки художника М. В. Нестерова. Гравироваль А. С. Яновъ. Т. LXIV, 329, 330. Великокняжеская охота на Руси съ X по XVI вѣкъ. Историческій очеркъ Николая Кутепова. Т. LXIV, 676—678. *Библиографическая замѣтка* объ изданной подъ его редакціей книгѣ: Сказки, собранныя братьями Гриммами. Переводъ съ нѣмецкаго. Т. LXIII, 199, 307—309.

Поливановъ, Н. В. *Статья* его: Село Языково. Т. LXVI, 987—990.

Поликарпъ, архимандритъ, ректоръ спб. духовной семинаріи, т. LXIII, 718.

Полятисъ, греческій ученый, т. LXIV, 698.

Полонскій, Я. П., поэтъ. *Библиографическая замѣтка* о его Полномъ собраніи стихотвореній. Въ пяти томахъ. Изданіе, просмотрѣнное авторомъ. Т. LXIV, 671—676, 954, 955.

Полторацкій, В. А., генераль. *Замѣчанія* по поводу его воспоминаній. Т. LXIV, 830—839.

Поляковъ, В. П. *Статья* его: Прошлое и настоящее города Верхотурья. Т. LXIV, 587—604.

Помяловскій, Ник. Герасимовичъ, писатель. *Статья* о школьныхъ годахъ его. Т. LXV, 158—170.

Пономаревъ, А. И., профессоръ Спб. духовной академіи, т. LXIII, 1001—1003.

Пономаревъ, актеръ, т. LXVI, 404.

Попанчевъ, болгарскій публицистъ, т. LXIV, 572.

Попелль-Давыдовъ, полковникъ, т. LXVI, 972.

Поповы:

— Андрей, золотопромышленникъ, т. LXIV, 601.

— М. В., т. LXIII, 853.

Поротовъ, М. Т., т. LXVI, 1096.

Португаловъ, В. О., врачъ, общественный дѣятель. *Статья* о немъ. Т. LXVI, 1043—1048. *Некрологъ* его. Т. LXVI, 1110.

Порфирій Успенскій, епископъ. *Библиографическая замѣтка* о книгахъ его: Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки. Часть I и II. Т. LXV, 219—221. Путешествіе въ Метеорскіе и Оссолимпійскіе монастыри въ Фессалии въ 1852 г. Въ двухъ частяхъ. Изданіе императорской академіи наукъ, подъ редакціей П. А. Сырку. Съ рисунками и картою. Т. LXVI, 1060—1062.

Постниковъ, Петръ Вас., докторъ медицины. *Статья* о немъ: Первый русскій

докторъ и его предшественники. Т. LXIV, 269—283.

Потапенко, И. Н., писатель. *Романъ его*: Сильфида. Т. LXIII, 7—49, 369—400, 745—783; т. LXIV, 5—45, 377—424, 745—761; т. LXV, 5—25, 273—300, 569—592; т. LXVI, 5—26, 377—399, 747—764.

Потъхнинъ, Николай Антиповичъ, писатель-драматургъ. *Некрологъ его*. Т. LXV, 556.

Походянинъ, Максимъ, т. LXIV, 601.

Похорскій, Александръ Оед., содержитъ типографіи, т. LXV, 38, 39.

Поццо-ди-Ворго, русскій посланникъ. т. LXVI, 690—692.

Преве, аббатъ, французскій писатель. т. LXVI, 336, 337.

Преображенскій, І. Д. *Библиографическая записка* о книгѣ его: Подробная опись 962 рукописямъ отъ XVII до начала XIX столѣтій «Долматовскаго архива». Т. LXII, 304, 305.

Прокошъ-фонъ-Остенъ, графъ, дипломатъ, т. LXVI, 1089—1093.

Прокофьевъ, топографъ, т. LXVI, 544—546.

Пругавинъ, Викторъ Степановичъ, писатель и статистикъ. *Некрологъ его*: т. LXIV, 738—739.

Прусовъ, П. Е., мѣщанинъ, т. LXIII, 458, 459.

Пузено, маюръ, т. LXIII, 82.

Путинецъ, Фома, т. LXV, 150.

Пушкинъ, Ал-дръ Сергѣевичъ, поэтъ, т. LXIII, 238, 239. *Записка* о его маскѣ. Т. LXIII, 743, 744.

Пуцинъ, Ив. Ив., декабристъ, т. LXIV, 966.

Пѣтуховъ, Е. В., профессоръ Юрьевскаго университета. *Библиографическая записка* о книгѣ его: Очерки изъ литературной исторіи синодика. Историко-литературныя наблюденія и материалы. Т. LXIII, 299—301.

Пышинъ, Александръ Ник., писатель, т. LXIV, 731.

Пюклеръ, графъ, прусскій оберъ-гоф-маршалъ, т. LXIV, 122.

Р.

Радень, Э. Э., баронесса, т. LXIV, 885.
Раевскіе:

— протоіерей, т. LXV, 648.

— Н. Н., полковникъ, т. LXIV, 846, 851—853.

Радзиковскій, Францъ Март., т. LXIV, 910.

Размадзе, Александръ Соломоновичъ, профессоръ Московской консерваторіи и музыкальный критикъ. *Некрологъ его*. Т. LXIV, 740—741.

Разсоха, поручикъ, т. LXIII, 74.

Разумовъ, адъютантъ, т. LXIV, 786—789.

Рамазановъ, актеръ, т. LXVI, 404.

Рамбо, Альфредъ, французскій историкъ. *Записка* о книгѣ его объ участи Россіи въ семилѣтней войнѣ. Т. LXIII, 321, 1012.

Рандонъ, маршалъ, т. LXIV, 507.

Рапшъ, генераль, т. LXIV, 793.

Растрелли, графъ, архитекторъ, т. LXIV, 876.

фонъ-Раухъ, шталмейстеръ, т. LXIV, 122.

Рахманиновъ, О. И., цензоръ, т. LXIII, 787, 802.

Рачинскій, Викентій, графъ, т. LXV, 459.

Ребиндеръ, графъ, статсъ-секретарь великаго княжества Финляндскаго, т. LXIII, 241.

Рейгардтъ, Н. В., профессоръ Казанскаго университета, т. LXVI, 350.

Рейсъ, князь, прусскій посолъ, т. LXIV, 115.

Рембовскій, Александръ. *Библиографическая записка* объ изданной имъ книгѣ: Bibliotheca ordynacyi Krasniskich. Muzeum Konstantego Swidzińskiego. Tom trzynasty. Dważyusz wojny moskiewskiej 1633 roku. Т. LXIII, 686—688.

Репнинъ, Борисъ Александр., князь, т. LXV, 140.

Рерихъ, Н. К., т. LXVI, 1099.

Риперда, баронъ, испанскій авантюристъ XVIII вѣка. *Записка* о немъ. Т. LXVI, 678—680.

Ричардсонъ, англійскій писатель, т. LXIII, 580.

Ришелье, кардиналь. *Записка* о его мнистерствѣ. Т. LXIV, 338, 339.

Робеспьеръ, французскій демагогъ, т. LXVI, 1088.

Ровинскій, Д. А., сенаторъ, историкъ русскаго искусства, т. LXIII, 352—354. *Записка* о чествованіи его памяти въ академіи наукъ. Т. LXIII, 720—722.

Роганъ, Эммануэль, принцъ, т. LXV, 459.

Роге, генераль, т. LXV, 35.

Родоканаки, Е., французскій ученый, т. LXIII, 318.

Рождественскій, С. В., т. LXVI, 1099.

Розены:

— Андрей Евг., баронъ, декабристъ, т. LXIV, 973—975.

— В. Р., баронъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета, т. LXVI, 1099.

Розовъ, священникъ, т. LXV, 350.

Роланъ, г-жа, дѣятельница временъ французской революціи, т. LXV, 239.

Россоловскій, В. С., *Статья его*:

В. В. Верещагинъ и его произведенія. Т. LXIII, 217—229.

Ростовцевы:

— М. И., изслѣдователь, т. LXIV, 361, 1045.

— Яковъ Ив., дѣятель по освобожденію крестьянъ, т. LXV, 316.

Росцѣшевскій, Адамъ, польскій шляхтичъ, т. LXV, 491.

Ротчевъ, А. Г., писатель, т. LXV, 309; т. LXVI, 785.

Рошель, Клеманъ, французскій писатель, т. LXIV, 707.

Рошфоръ, французскій публицистъ. *Замѣтка* о его мемуарахъ. Т. LXV, 244—246.

Рудаковъ, В. Е. *Статьи* его: Пятидесятилѣтіе Археологическаго общества. Т. LXIV, 648—658. Аскалонъ Николаевичъ Труворовъ. Т. LXIV, 659—664.

Boyale, madame, дочь французскаго короля Людовика XVI, т. LXV, 126, 129, 131, 132.

Рункевичъ, С. Г. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Народная академія. Книга первая и вторая, т. LXIII, 306, 307.

Руръ, Жакъ, т. LXIV, 1027.

Рѣдинъ, П. Г., профессоръ Московскаго университета, т. LXIII, 116.

Рѣпина, Н. В., актриса, т. LXVI, 474.

Рыжковъ, Н. *Библиографическая замѣтка* его: Галицко-русская библиографія XIX столѣтія съ узглядненіемъ русскихъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ (1801—1886). Составилъ Иванъ Ем. Левинскій. Тома I—II. Хронологическій списокъ публикацій. Т. LXIII, 301—304.

Рыкачевъ, М. А., директоръ главной физической обсерваторіи, т. LXIII, 503, 504, 508, 509.

Рылъскій, Г. П., учитель математики, т. LXIII, 61—63.

Рыдинъ, т. LXIII, 478.

Рычковъ, П. И. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Исторія Оренбургскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей и съ примѣчаніями Н. М. Гутыра, секретаря комитета. Т. LXV, 226—228.

Рябицкій, Даниль, т. LXV, 150.

Рязанцовъ, актеръ, т. LXVI, 780.

С.

Савва, архіепископъ тверской, докторъ церковной исторіи. *Некрологъ* его. Т. LXVI, 1106, 1107.

Саввантовъ, П. И., археографъ, т. LXIII, 352—353.

Савельевъ, Иванъ, крестьянинъ, т. LXV, 753—757.

Савижь, Л. О., т. LXV, 745.

Савченко, Марья Ив., т. LXIV, 215.

Савченко, Иванъ, крестьянинъ. *Замѣтка* его: Царскій кучеръ. Т. LXIII, 339.

Садовскій, т. LXIII, 847.

Самаринъ, Иванъ Вас., артистъ, т. LXVI, 470.

Самойловичъ, полковникъ, т. LXIV, 531.

Самойловъ, Вас. Мих., т. LXV, 307; т. LXVI, 405, 770; т. LXVI, 792.

Самокишъ, Н. С., художникъ, т. LXIV, 677.

Сандунова, артистка, т. LXV, 307; т. LXVI, 405.

Сапожниковъ, П. П., рыбопромышленникъ, т. LXVI, 910.

Сацердотовъ, М. И. *Статья* его: Неудачный побѣгъ въ гор. Москву, т. LXV, 753—757.

Свидзинскій, К., т. LXIII, 686.

Свинцинскій, т. LXIV, 52.

Свистуновъ, Петръ Ник., декабристъ, т. LXIV, 983.

Свищовъ, капитанъ, т. LXV, 465.

Свѣшниковы:

— М. И., приватъ-доцентъ Спб. университета, т. LXIV, 294.

— Н. И., бумажникъ. *Воспоминанія* его. Т. LXIII, 142—171, 440—470, 844—863; т. LXIV, 137—152, 520—543, 882—895; т. LXV, 84—101, 354—382.

Сегаръ, Вильямъ, т. LXIII, 1016.

Селивановъ, капитанъ-лейтенантъ, т. LXV, 677.

Семевскіе:

— Вас. Ив., ученый, т. LXIII, 1006.

— Мих. Ив., редакторъ журнала «Русская Старина». *Статья* о немъ. Т. LXIII, 594—617; т. LXVI, 357.

Семеновы:

— Екатер. Семен., актриса, т. LXVI, 425.

— Нимфодора, актриса. т. LXV, 593.

— Евг. Мих., т. LXV, 308.

— Н. П., сенаторъ, т. LXIV, 306.

— П. П., предсѣдатель импер. геогр. общества, т. LXIII, 278.

— О., т. LXIII, 859.

Сементковскій, Р. И., публицистъ. *Библиографическія замѣтки* его: В. Г. Яроцкій. Односторонняя теорія экономическаго развитія. Т. LXIV, 328, 329. Камилъ Дрейфусъ. Мировая и социальная эволюція. Т. LXIV, 330, 331. Библиоте-

ка экономистовъ Франсуа Кенз, Жанъ-Батистъ Сэ и Фредерикъ Бастіа. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Т. LXIV, 697. Г. Тейхмюлеръ. Дарвинизмъ и философія. Безсмертіе души. Пер. А.: Николаева. Т. LXIV, 1016. М. М. Филипповъ. Философія дѣйствительности. Т. LXIV, 1017. Фр. Юдль. Исторія этики. Переводъ подъ ред. Вл. Соловьева. Т. LXV, 523.

Сенефельдеръ, Алонзъ, изобрѣтатель литографіи, т. LXV, 536—538.

Сентъ-Илеръ, Бартеlemi, французскій ученый, т. LXIII, 334.

Сентъ-Елеръ, танцовщица, т. LXV, 48; т. LXVI, 34.

Сентъ-Шаманъ, французскій генералъ. *Замѣтка* о его мемуарахъ. Т. LXIV, 347—349.

Сенявинъ, новгородскій губернаторъ, т. LXV, 595.

Сервантесъ, Мигуэль, писатель. *Замѣтка о немъ*. Т. LXIV, 707—709.

Сергѣевы:

— А. Н. *Замѣтка* его: Нѣсколько замѣчаній на книгу: «Списки архіереевъ іерархіи Всероссійской». Т. LXVI, 358—360. *Отвѣтъ* на его замѣтку. Т. LXVI, 07, 708.

— С. И., археологъ. Т. LXVI, 350.

Середонинъ, С. М., приватъ-доцентъ Спб. университета, т. LXIII, 724.

Сеславины:

— Д. Н. *Статья* его: Партизанъ Сеславины. *Біографическій очеркъ*. Т. LXV, 392—412.

— Александръ Никитичъ, партизанъ. *Статья о немъ*. Т. LXV, 392—412.

Сивининъ, поручикъ кирасирскаго полка, т. LXIII, 78, 80.

Сидисъ, Борнсъ, американскій ученый, т. LXVI, 1073.

Сидоровъ, А. *Библіографическая замѣтка* его: Курьеръ Варшавскій. 1821—1896. Юбилейная книга. Т. LXIV, 686—688.

Сизовъ, В. И., т. LXIII, 729.

Силинъ, М., т. LXV, 737.

Симеонъ, епископъ минскій и туровскій, т. LXIV, 130.

Симоноу, Жюль, французскій писатель. *Замѣтка* по поводу его смерти. Т. LXV, 247, 248.

Синельниковъ, Ив. Макс., генералъ-майоръ, губернаторъ екатеринославскаго наместничества. *Статья о немъ* И. М. Синельниковъ передъ судомъ исторіи. Т. LXIV, 317—320.

Синицынъ, И. В. *Библіографическая замѣтка* о книгѣ его: Преображенское

и окружающія его мѣста, ихъ прошлое и настоящее. Т. LXIV, 329, 330.

Синягинъ, Дм. Серг., главноуправляющій канцеляріей его имп. вел. по принятію прошеній, на высочайшее имя приносимыхъ, т. LXV, 440.

Скавронская, Марта, т. LXIV, 608.

Скалонъ, В. Ю., т. LXIV, 294; т. LXV, 324—327.

Скарятинъ, Н. Я., губернаторъ, т. LXIII, 674,

Скроботовъ, Н. А. *Библіографическая замѣтка* о книгѣ его: Памятная книжка окончившихъ курсъ Спб. духовной семинаріи. Съ 1811 по 1895 г. Т. LXIV, 1018.

Скрузигъ, М., т. LXV, 735.

Скрыпичина, Вѣра Николаевна. учредительница, т. LXIII, 251.

Сладковъ, А. Г. писецъ. т. LXV, 98.

Слезкинскій, А. Г. *Статья* его: Александръ I на солеваренномъ заводѣ въ 1823 г. Т. LXV, 743—752.

Смирновы:

— В. Д., т. LXIV, 362; т. LXVI, 1098.

— Н. А., т. LXIV, 730.

— С., т. LXIII, 682.

— Я. И., археологъ, т. LXIII, 1042.

Спасовичъ, В. Д., писатель. *Замѣтка* о его рафератѣ объ Адольфѣ Павинскомъ. Т. LXVI, 1098.

Спиноза, философъ. Т. LXV, 817—819.

Соболевскій, Алексій Ив., профессоръ Спб. университета. *Статья* объ изданной имъ книгѣ: Вепкорусскія народныя пѣсни. Т. LXIV, 915—921.

Соболевъ, А. В., капитанъ генеральнаго штаба, т. LXIV, 845.

Соймоновъ, Ѳ. И., составитель карты Каспійскаго моря, т. LXV, 475.

Сокольскій, Иванъ Петровичъ, профессоръ политической экономіи и статистики Харьковскаго университета. *Некрологъ* его. Т. LXIV, 1053.

Соковнинъ, полковникъ, т. LXIV, 837, 841, 842, 844.

Соколовы:

— Доримедонтъ Доримедонтовичъ, директоръ института гражданскихъ инженеровъ. *Некрологъ* его. Т. LXV, 563—565.

— М. И., профессоръ Московскаго университета, т. LXIII, 727, 1014.

Соловьевы:

— Серг. Мих., историкъ, профессоръ Московскаго университета, т. LXIII, 351.

— Сергѣй. *Библіографическая замѣтка о книгѣ* его: Историко-литературныя этюды. Къ легендамъ объ Иудѣ-предателѣ. Вып. I. Т. LXV, 217—218.

- Сольская, М. А.**, почительница общины сестеръ милосердія св. Георгія. Т. LXIII, 349.
- Сомовъ, И. Д.**, тобольскій губернаторъ. Т. LXIV, 647.
- Сонинъ**, поручикъ. Т. LXIV, 793.
- Сорокины:**
— П. М. Т. LXIII, 180.
— В. С., библиотечаръ. Т. LXIII, 182.
- Сосницкій, Ив. Ив.**, артистъ. Т. LXV, 49, 311.
- Спасскій, А. А.** *Замѣтка о его диспутъ*. Т. LXIII, 356.
- Сперанскій, М. Н.**, т. LXIII, 727.
- Стамбуловъ**, болгарскій министръ. Т. LXIV, 548—560, 572—574.
- Станиславъ-Августъ**, Понятовскій, король польскій. Т. LXIII, 324, 325.
- Станкевичъ, Н. В.**, писатель. Т. LXIII, 112.
- Сталлей, Генри**, англійскій путешественникъ. Т. LXIV, 351.
- Стасова, Над. Вас.** Т. LXIII, 1012.
- Стасовъ, В. В.**, писатель. Т. LXIII, 721, 726. Т. LXIV, 360.
- Стаховъ, Д. И.**, т. LXIV, 261.
- Стендеръ, Г.**, латышскій писатель. Т. LXV, 739.
- Стефановскій, Пав. Флоровичъ**, писатель. *Некрологъ его*. Т. LXIII, 1061—1062.
- фонъ-**Стефанъ**, прусскій начальникъ почтоваго вѣдомства. Т. LXIV, 492.
- Стефанъ**, св. Пермскій. *Замѣтка* по поводу пятисотлѣтія со дня его кончины. Т. LXIV, 1041—1042.
- Стояловъ**, болгарскій министръ. Т. LXIV, 550.
- Стодѣтовъ, Александръ Григорьевичъ**, профессоръ Московскаго университета. *Некрологъ его*. Т. LXV, 263—265.
- Стороженко, Н. И.**, профессоръ Московскаго университета. Т. LXIII, 343.
- Стояновскій, И. П.**, начальникъ Софійскаго телеграфо-почтенскаго отдѣленія. Т. LXIV, 562.
- Стракошъ-Гросманъ, Георгъ**, историкъ. Т. LXIV, 1022.
- Страннолюбская, Е.**, т. LXVI, 1018—1020.
- Страховъ, Ник. Ник.**, критикъ. *Замѣтка о немъ*. Т. LXIII, 994—995. *Некрологъ его*. Т. LXIII, 1047—1052. *Статья о немъ*. Т. LXIV, 215—268.
- фонъ-**Стрезова, Терезія**, вдова полковника, т. LXIV, 882.
- Стрешневъ, Ив. Фёд.**, стольникъ, т. LXV, 138—139.
- Строгановъ, С. Г.**, графъ, попечитель Московскаго университета, т. LXIII, 115.
- Струве, В.**, т. LXIV, 300—301.
- Стульчинскій**, директоръ фабрики, т. LXV, 780, 788.
- Суворовъ, Николай Ивановичъ**, основатель и редакторъ Вологодскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. *Некрологъ его*: т. LXV, 265.
- Суворовъ-Рымникскій, князь, А. А.**, т. LXV, 127, 128, 198—200.
- Суперавскій, М.** *Библиографическая замѣтка его*: Макаріѳ (Булгаковъ), митрополитъ московскій и коломенскій. Историко-біографическій очеркъ. Томъ I. Годы дѣтства, образованія и духовно-училищной службы митрополита Макаріѳ (1816—1857 г.) Съ портретомъ и факсимиле. Доцента Кіевской духовной академіи Фёдора Титова. Т. LXIV, 695—696. Иеромонахъ Феофанъ Олтаржевскій. Палестинское монашество съ IV до VI вѣка. Православный Палестинскій сборникъ, выпускъ 44. Т. LXV, 221—223.
- Суриковъ, Иванъ Захар.**, поэтъ т. LXIV, 214.
- Сусловъ, В. В.**, академикъ. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Памятники древняго русскаго зодчества. Изданіе императорской академіи художествъ. Выпускъ I. Т. LXIV, 324—326.
- Сутгофъ, генераль**, т. LXV, 322, 323—330.
- Сухожанецъ, генераль-адъютантъ**, военный министръ, т. LXV, 679.
- Сухомяиновъ, М. И.**, профессоръ университета, т. LXIII, 789, 791
- Съ:**
— Жанъ-Батистъ, экономистъ, т. LXIV, 697.
— Леонъ, экономистъ, т. LXIV, 1039.
- Сырку, П. А.**, приватъ-доцентъ Спб. университета т. LXVI, 1060.
- Сыромятниковъ, С. Н.** (Сигма), фельетонистъ газеты «Новое Время», т. LXIII, 623, т. LXIV, 950—955.
- Сѣраковскій, полковникъ**, т. LXIII, 70.
- Сѣцинскій, Е.**, свящ. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его; Городъ Каменецъ-Подольскій. Историческое описаніе. Т. LXIII, 312.
- Сѣменовъ, И. М.**, ученый, т. LXIII, 1006, т. LXV, 786.
- Сѣзевъ, А. И.**, редакторъ «Ремесленной Газеты». *Некрологъ его*. Т. LXIII, 367.
- Сюткинъ, Никифоръ**, т. LXVI, 145, 147—149.

Т.

- Талько-Грынчевичъ, Ю. Д.**, т. LXVI, 1096.
- Тальони, балерина.** Т. LXVI, 791.

- Тамбурина**, пѣвецъ, т. LXVI, 793.
- Таннауеръ**, художникъ, т. LXIII, 368.
- Танъевъ, С.** *Замѣтка его*: Коронаціонные спектакли прежняго времени. Т. LXIII, 1031—1034. Т. LXIV, 353—355.
- Тасько - Гринцевичъ**, докторъ, т. LXIII, 733.
- Татарикова, Екаѳер. Филипповна**, основательница «духовнаго союза». *Статья о ней*. Т. LXV, 637—661.
- Татищевъ, С. С.**, писатель, т. LXV, 503—508.
- Тейхмюлеръ, Г.** *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Дарвинизмъ и философія. Т. LXIV, 1016.
- Телешова, М.**, балерина, т. LXVI, 411.
- Темиряевъ**, Истома, т. LXV, 151.
- Терпигоровъ, Серг. Ник.**, писатель. *Воспоминанія его*. Т. LXIII, 50—65, 401—424, 784—807; т. LXIV, 46—77, 425—457.
- Тизенгаузенъ, Вас. Карл.**, полковникъ, т. LXIV, 962.
- Тимирязевъ, В. А.** *Статья его*: Пионеры просвѣщенія въ Западной Сибири. Т. LXIV, 629—647, 961—984; т. LXV, 768.
- Тимошукъ, В. В.**, т. LXIII. *Статья* по поводу книги ея о М. И. Семеѳскомъ. Т. LXIII, 594—617.
- Тимосевъ, Александръ Ильичъ**, членъ Археологической комиссіи. *Некрологъ его*. Т. LXIII, 996—1000. *Замѣтка о немъ*. Т. LXIV, 376.
- Титовы:**
— А. А. *Статья его*: А. И. Тимоѳевъ. *Некрологъ*. Т. LXIII, 996—1000. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Письма А. Н. Шемякина къ О. М. Бодянскому (1859—1875). Съ предисловіемъ А. А. Титова. Т. LXV, 804.
— Влад. Павл., т. LXIII, 255.
— Федоръ, доцентъ Кіевской духовной академіи. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Макарій (Булгаковъ), митрополитъ московскій и коломенскій. Историко-біографическій очеркъ. Томъ I. Годы дѣтства, образованія и духовно-училищной службы митрополита Макарія (1816—1857). Съ портретомъ и факсимиле. Т. LXIV, 695—696.
- Титовъ**, балетмейстеръ, т. LXVI, 775.
- Тихомировы:**
— А. А., профессоръ, т. LXVI, 1096.
— Н. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Галицкая митрополія. Церковно-историческое изслѣдованіе. Т. LXVI, 1052—1055.
- Тихонъ**, архимандритъ, т. LXVI, 198.
- Тюде**, Генрихъ, германскій историкъ, т. LXV, 234.
- Токвиль.** *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Научно-образовательная бібліотека. Старый порядокъ и революція. Переводъ подъ редакціей профессора Московскаго университета, П. Г. Виноградова. Т. LXV, 797—799.
- Толкачевъ**, офицеръ, т. LXIV, 811, 813.
- Толстые:**
— Левъ Ник., графъ, т. LXIII, 650, 1029, т. LXIV, 225, 261—263.
— М. В., графъ, писатель. *Некрологъ его*. Т. LXIII, 1057, 1058.
— Петръ Александровичъ, графъ. *Статья о немъ*: Дипломатъ по неволѣ. Т. LXIV, 822—829.
— Ф. П., графъ, товарищъ президента академіи художествъ, т. LXIV, 899.
- Толь, Э. В.**, баронъ, т. LXVI, 701.
- Тончевъ**, болгарскій министръ, т. LXIV, 551.
- Торнези**, французскій историкъ, т. LXIV, 709.
- Тороповъ, А. Д.**, бібліографъ, т. LXIII, 733.
- Треско**, генераль-адъютантъ, т. LXIV, 123.
- Тречке**, Генрихъ, нѣмецкій историкъ, т. LXIV, 1039.
- Трифоновъ**, Порфирій Алексѣевичъ, литераторъ. *Некрологъ его*. Т. LXV, 831.
- Трифонъ**, инокъ, т. LXIII, 204.
- Троншенъ**, Франсуа, членъ государств. совѣта Женевской республики, т. LXIII, 319.
- Троцинскій**, генераль-майоръ, т. LXIII, 74, 79.
- Труворовъ**, Аскалонъ Ник., директоръ Археологическаго института. *Некрологъ его*. Т. LXIV, 659—664.
- Туганъ-Варановскій, М.**, приватъ-доцентъ Спб. университета, т. LXIV, 302, 303.
- Тулуповъ**, Іоаннъ, т. LXIII, 542.
- Тургеневъ**, Иванъ Серг., писатель, т. LXIII, 111, 1029, т. LXIV, 692, 693, т. LXV, 684—689.
- Туркулъ**, статсъ-секретарь царства Польскаго, т. LXV, 597.
- Тутмесь III**, египетскій фараонъ, т. LXIV, 1021.
- Тучковъ**, Пав. Алексѣевичъ, полковникъ, т. LXVI, 165.
- Тхоржевскій**, Корнелій Владиславовичъ, писатель. *Некрологъ его*. Т. LXV, 830.
- Тюменевъ, И. Ф.**, писатель. *Статья его*: Отъ Ржева до Углича. Т. LXIII, 184—216, 525—557, 909—933, т. LXIV, 185—214.
- Тюмплянгъ**, прусскій генераль, т. LXIV, 496, 497.

Тютрюмовъ, А. М., т. LXVI, 1022—1024.

Тюфякинъ, князь, управ. театрами, камергеръ, т. LXIV, 781; т. LXV, 30—32, 33—35, 38; т. LXVI, 42, 46, 400, 403.

У.

Убри, русскій посоль въ Берлинъ, т. LXIV, 116.

Уварова, П. С., графиня, председательница московскаго археологическаго общества, т. LXIV, 363.

Узловскій, Викентій Степановичъ, докторъ. *Некрологъ его*. Т. LXV, 831.

Уманецъ:

— Е. *Переводъ* ея романа П. Гальдоса: *Осада Сарагоссы*. Т. LXIII (приложение).

— С. И. *Статьи его*: Эстонскіе полуостровы. Т. LXV, 103—113. Латышско-этнографическая выставка въ Ригѣ. Т. LXV, 733—743.

Ужовъ, Н. А., т. LXVI, 1102.

Урбановичъ-Пиленцкій, М. С., секретарь челоѡколюбиваго общества. т. LXV, 652.

Успенскіе:

— Глѣбъ Ив., писатель, т. LXIII, 172; т. LXV, 356, 357, 358.

— Ник. Вас., писатель. *Замѣтка* къ его биографіи. Т. LXVI, 967—980.

— Ф. П., проф., директоръ русскаго археологическаго института въ Константинополь, т. LXIV, 723.

Устряловъ, Н. Г., историкъ. *Замѣтка* о его памятникѣ. Т. LXIV, 1051.

Уткинъ, Н. И., профессоръ, т. LXIV, 898.

Утинъ, Е. И. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Изъ литературы и жизни. Журнальныя статьи, этюды, замѣтки. Съ портретомъ автора. 2 тома. Т. LXV, 799—801.

Ушаковы:

— Симонъ, изографъ, т. LXIII, 729.

— Ф. А., археологъ, т. LXV, 824.

Ушнискій, К. Д., педагогъ, *Замѣтка* о чествованіи его памяти. Т. LXIII, 722, 723; т. LXVI, 1021.

Ф.

Фаминцынъ, Александръ Сергѣевичъ, композиторъ и музыкальный критикъ. *Некрологъ его*. Т. LXV, 558—560.

Фаресовъ, А. И. *Статья его*: Александръ Константиновичъ Шеллеръ. Т. LXIII, 558—577. *Библиографическія за-*

мѣтки его: Починъ. Сборникъ общества любителей россійской словесности. Т. LXIII, 310—311. Мужикъ безъ прогресса или прогрессъ безъ мужика. К. Головина. Т. LXIII, 1011—1012. Черезъ Черное море на Босфоръ. П. Глѣдича. Т. LXIV, 334. Гр. Л. Н. Толстой. Р. Левенфельда. Переводъ съ нѣмецкаго. Т. LXIV, 1010—1012. Памятная книжка Владимірской губерніи. Т. LXIV, 1018. Дѣла и люди вѣка. П. К. Мартыанова, т. 3-й. Т. LXV, 521, 522. Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. Собралъ и дополнилъ А. С. Смирновъ. Т. LXVI, 1064, 1065. Харьковскій сборникъ. Т. LXVI, 1069, 1070.

Фармаковскій, Б. В., т. LXVI, 1099. **Фельдманъ**, генераль, т. LXV, 347—349.

Ферри-де-Пиньи, архитекторъ, т. LXV, 68.

Феть, А. А., поэтъ, т. LXVI, 112, 467.

Фигнеръ, партизанъ, т. LXIV, 785.

Филаретъ, митрополитъ московскій, т. LXIII, 181; т. LXIV, 914.

Филипповы:

— М. М. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Философія дѣйствительности. Т. LXIV, 1017.

— Тертій Ив., государственннй контролеръ, т. LXIII, 661.

Филиппъ II, король испанскій, т. LXVI, 676—678.

Филиппъ, Вальтеръ, англійскій историкъ, т. LXV, 528.

Филисъ-Андріе, артистка, т. LXVI, 30.

Финдейзенъ, Н., т. LXIV, 697.

де-Фирмонъ, Генрихъ, аббатъ, т. LXV, 123, 128, 132, 462.

Фирсовъ, А. П. *Статьи его*: На родинѣ Жуковскаго. Т. LXIII, 172—183. Въ обители преподобнаго Макарія. Т. LXVI, 197—208.

Фирцъ, англійскій историкъ, т. LXV, 231.

Флери, генераль, французскій посоль, т. LXIV, 115.

Флеріо, актеръ, т. LXVI, 30.

Фогель, начальникъ тайной полиціи, т. LXV, 44.

фонъ-дербъ-Фогельвейде, Вальтеръ, первый минезингеръ, т. LXV, 528—530.

Фойгтъ, А. К., уполномоченный «Краснаго Креста». т. LXIV, 885—891.

Фортинскій, Дмитрій, смотритель Спб. духовнаго училища. т. LXV, 158.

Фоссъ, графиня, гофмейстерина прусской королевы, т. LXIV, 716—717.

Фофановъ, Р., поэтъ, т. LXIII, 629.

Фохтсъ-Рецъ, генераль, т. LXIV, 129, 480—481.

Фразитскій, учитель, т. LXIII, 64.

Фрагипани, Христоф., графъ. *Замѣтка* о его кольцѣ. Т. LXV, 235.

Франкенбергъ, графъ, прусскій офицеръ. *Замѣтка о его мемуарахъ*. Т. LXIV, 721, 722.

Франкъ, Иосифъ, польскій авантюристъ XVIII в., т. LXIII, 708, 709.

Фридрихъ Великій, король прусскій, т. LXIII, 323.

Фридрихъ II, король датскій, т. LXIII, 1016.

Фридрихъ-Вильгельмъ III, король прусскій, т. LXIV, 716.

Фридрихъ-Казиміръ, герцогъ курляндскій, т. LXIV, 866.

Фрожеръ, актеръ, т. LXVI, 30.

Фролова, Е. П., т. LXIII, 114, 115.

Фроловъ, донской атаманъ, т. LXV, 469.

Фрудъ, англійскій историкъ, т. LXIV, 1030.

Фуксій, Самуиль, итальянскій ученый XVI в., т. LXV, 238.

Фультопъ, Робертъ, т. LXVI, 340.

Фурманъ, Андрей Фед., декабристъ, т. LXIV, 638.

Фюстель-де-Жуланжъ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Древняя гражданская община. (La cité antique). Исследование о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. Переводъ Н. Н. Спиридонова. Т. LXIII, 684, 685.

Х.

Харузины:

— А. Н., ученый, т. LXIII, 715.

— Н. Н., этнографъ, т. LXVI, 1101.

Хитрово, Мих. Александр. *Некрологъ его*. Т. LXV, 557.

Хлодвигъ, французскій король. *Замѣтка о его юбилей*. Т. LXIV, 335, 336.

Хлѣбниковъ, букинистъ, т. LXIII, 852.

Хмельницкій, Ник. Ив., писатель, т. LXV, 37, 306.

Хованскій, Алексѣй Андр., ученый, т. LXIII, 718—719.

Ходкевичъ, Александръ, т. LXVI, 1015.

Холмущинъ, В. В., т. LXIII, 845.

Храповичъ, Конст. Героев. *Библиографическія замѣтки его*: Народная академія. Доброе слово. Книга первая. Изъ поученій высокопреосвященнаго Наладія, митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго. Книга вторая. Изъ поученій высокопреосвященнаго Антонія, архіепископа финляндскаго и выборгскаго. Т. LXIII, 306—307. Юродство о Христвѣ

и Христа ради юродивые. Историческій очеркъ житія сихъ подвижниковъ благочестія. Составилъ ключарь Покровскаго и Василія Блаженнаго въ Москвѣ собора—священникъ Іоаннъ Ковалевскій. Т. LXIII, 309, 310. Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи начала XVII вѣка. Переводъ, введение и примѣчанія И. М. Бодакова. Приложение: выписки изъ дѣлъ королевскаго архива въ Копенгагенѣ. Т. LXIV, 696. Книга бытія моего. Дневники и автобиографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Ч. I и II. Т. LXV, 219—221. Православный палестинскій сборникъ. 43 вып. Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ съ половины XVI до конца XVIII столѣтія. Н. Каптерева. Изданіе православнаго палестинскаго общества. Т. LXV, 225—226. М. М. Демковъ. Исторія русской педагогикъ. Часть I. Древне-русская педагогика (X—XVII в.в.) Изданіе журнала «Гимназія». Т. LXV, 795, 797. В. Бѣликовъ. Дѣятельность московскаго митрополита Филарета по отношенію къ расколу. Т. LXV, 801—803. Галицкая митрополія Церковно-историческое изслѣдованіе. Н. Тихомірова. Т. LXVI, 1052—1055.

Храповицкій, Александръ Ив., т. LXV, 315.

Христоманозъ, греческій ученый, т. LXIV, 698.

Хрущовъ, И. П., попечитель Харьковск. учебнаго округа, т. LXIV, 360.

Ц.

Цанко, Меводій, царскій кучеръ, т. LXIII, 339.

Цвѣтаевъ, Д. В., профессоръ Варшавскаго университета. *Статья его*: Первый русскій докторъ и его предшественники. Т. LXIV, 269—283.

Цейбихъ, пѣвецъ, т. LXVI, 29.

Цыпскій, московскій оберъ-полицеймейстеръ, т. LXVI, 476.

Ч.

Чагинъ, Н. М., архитекторъ, т. LXV, 448.

Чарторижская, Изабелла, княгиня, т. LXIV, 1036—1038.

Чарторижскій, Адамъ, князь, т. LXIV, 773.

Чапскій, Фаддей, основатель Кременецкаго лицей, т. LXVI, 1015.

Чевкинъ, генераль-адъютантъ, т. LXV, 602.

Череванскій, Вл. П., товарищъ государственнаго контролера. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Подъ боевымъ огнемъ. Историческая хроника. Иллюстраціи. Л. Ф. Лагорио, И. Н. Каразина и др. Въ двухъ частяхъ. Т. LXV, 517—518.

Черкавскій, капитапъ, т. LXV, 671, 672, 674.

Черкасовъ, Алексѣй Ив., баронъ, декабристъ, т. LXIV, 969.

Черманъ, А. Н., т. LXIII, 507, 510, 522.

Черновъ, Пахомъ Кондр., полицеймейстеръ, т. LXIV, 733.

Чернышева, Анна Род., графиня, т. LXIII, 72.

Чернышевскій, Ник. Гавриловичъ, писатель, т. LXIII, 794, 803, 804, 805.

Чертковъ, Ник. Дм., генераль-маіоръ, т. LXIII, 345.

Чеховъ, Алекс. П. *Статья* его: Наводненіе въ Петербургѣ 2 ноября 1895 года. Т. LXIII, 500—524, 880—908.

Чешихинъ, Вс. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Жуковский, какъ переводчикъ Шиллера. Т. LXIII, 685.

Читау, артистка, т. LXVI, 794.

Чихачевъ, морской министръ, т. LXV, 687.

Чубаровъ, Алексѣй Ив., ремонтеръ, т. LXVI, 907—920.

III.

Шавровъ, Мих. Влад., преподаватель, т. LXV, 164.

Шагинъ-Гирей, крымскій ханъ, т. LXIV, 764, 765.

фонъ-Шаккъ, А. Ф., графъ. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Исторія норманновъ въ Сициліи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. М. Соколова. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Т. LXVI, 324—325.

Шаликовъ, князь, капитапъ, т. LXIV, 814, 817.

Шаломытовъ, Н. В. *Замѣтка* его: Къ исторіи памятника надъ могилой В. А. Жуковскаго. Т. LXV, 548.

Шатаевъ, Вас. Гавр., т. LXIII, 845.

Шахиревъ, декабристъ, т. LXIV, 637.

Шахматовъ, Александръ Ив., провинціальпый ученый, т. LXVI, 1109.

Шаховскіе:

— А. А., князь, драматургъ, *Замѣтка* по поводу пятидесятилѣтія со дня его смерти. Т. LXIII, 1040, 1041; т. LXV, 29, 33, 37, 40; т. LXVI, 28, 47—50, 52, 409—412, 425.

— С. В., князь, эстляндскій губернаторъ. *Статья* о немъ: Русскій дѣятель

въ Эстляндіи. Т. LXIII, 960—985; т. LXV, 111.

— Федоръ, князь, т. LXIII, 337.

Шваревъ, т. LXVI, 167.

Шведвенгеръ, В., т. LXIII, 857.

Шевченко:

— Тарасъ Григ., малорусскій поэтъ. *Замѣтка* о немъ. Т. LXIII, 363, 364. Т. LXIV, 56, 57. *Статья* о немъ: Шевченко въ Петербургѣ. Т. LXIV, 896—905.

Шевыревъ, С. П., профессоръ Московскаго университета, т. LXIII, 129, 181.

Шекспиръ, англійскій драматургъ, т. LXIII, 1015, т. LXV, 810, 811.

Шеларъ, Рауль, историкъ, т. LXIV, 1024.

Шелиховъ, А. Д., иркутскій губернаторъ, т. LXV, 421.

Шеллеръ, Александръ Конст., беллетристъ. *Статья* о немъ. Т. LXIII, 558—577.

Шеміотъ, полковникъ, т. LXIV, 794.

Шемьякинъ, А. Н., т. 804.

Шенкопфъ, Анна, т. LXIV, 342.

Шенрокъ, В. И. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Матеріалы для біографіи Гоголя. Томъ третій. Т. LXIII, 1004, 1005.

Шервудъ-Вѣрный, Иванъ Васильевичъ, предатель декабристовъ. *Записки* его. Т. LXIII, 66—85. *Замѣтка* о его біографіи. Т. LXIV, 509—520.

Шереметевская, А. Н. *Статья* ея: Страница изъ исторіи высшаго женскаго образованія. Т. LXV, 171—184.

Шереметевы:

— С. А., офицеръ. Т. LXIV, 798—800.

— С. Д., графъ, председатель Императорскаго Общества любителей древней письменности. Т. LXIII, 296—298.

Шернеръ, капитапъ-лейтенантъ, т. LXV, 669.

Шерръ, I. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Всеобщая исторія литературы. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія, подъ редакціей и съ примѣчаніями П. И. Вейнберга. Выпускъ I—VI. Т. LXIV, 692.

Шидловскій, С. И. *Библиографическая замѣтка* о книгѣ его: Матеріалы для очерка служебной дѣятельности Шидловскихъ въ Слободской Украинѣ 1696—1727 гг., собранные и изданные С. И. Шидловскимъ. Т. LXVI, 320.

Шильдеръ, Н. К., генераль-лейтенантъ, историкъ. *Статья* его: О Шервудъ-Вѣрномъ. Т. LXIII, 66—85. Къ біографіи Шервуда-Вѣрнаго. Т. LXIV, 509—520. Дипломатъ по неволѣ. Т. LXIV,

822—829. Упоминается т. LXIII, 343, 596; т. LXV, 501, 503.

Шимкевичъ, П. П., т. LXVI, 1096.

Шипиловъ, Ив. Вас., полковникъ, т. LXIV, 906.

Шипулинскій, приставъ, т. LXV, 310.

Шираевъ, Николай Лаврентьевичъ, сотрудникъ «Правительственнаго Вѣстника». Некрологъ его. Т. LXIV, 739—740.

Шипмановъ, болгарскій историкъ. Т. LXIV, 550.

Шипковъ, Александръ, поэтъ, т. LXIII, 81, 586, 587.

Шипмаревъ, В. О., т. LXIII, 1046.

Шлевира, полковникъ, т. LXVI, 578, 581.

Шляпкинъ, И. А., приватъ-доцентъ Спб. университета. Т. LXVI, 702, 703.

Шмелевъ, Мих. Ник., докторъ медицины. Некрологъ его. Т. LXVI, 355—356.

Шмигельскій, камердинеръ, т. LXVI, 236.

Шоте, предводитель тушанъ. Т. LXIV, 800—805.

Шперъ:

— Федоръ. *Библиографическая замѣтка его*: Полное собраніе стихотвореній Я. П. Полонскаго. Въ пяти томахъ. Т. LXIV, 671—676. — Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго въ четырехъ томахъ. Съ портретомъ и факсимиле автора, гравюрой съ картины Наумова и статей Н. К. Михайловскаго. Т. LXIV, 1015—1017.

— Э. О., докторъ. Т. LXV, 669.

Шпигельбергъ, нѣмецкій ученый, т. LXVI, 326.

Шпильге, А. И., т. LXIII, 795.

Штакельбергъ, Р. Р., баронъ, т. LXIV, 363.

• **Штевень**, А. А., сельская учительница, т. LXVI, 1032—1036.

Штейнгель, Влад. Ив., баронъ, декабристъ, т. LXIV, 643.

Штейнмецъ, генералъ, т. LXIV, 122, 126, 127.

Штоквичъ, офицеръ, т. LXIV, 810, 812, 813.

Штофель, французскій полковникъ, т. LXIV, 118, 507.

Штраусъ, Давидъ, нѣмецкій ученый. *Замѣтка о его перепискѣ*. Т. LXIII, 709—711.

Шубинскій, Сергѣй Ник., редакторъ журнала «Историч. Вѣстникъ». *Статья его*: Забытый филантропъ. Т. LXIII, 864—880. — *Библиографическія замѣтки его*: Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ вѣдшихъ своеншіей Россіи по 1800 годъ. Изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Часть

первая: Австрія, Англія, Венгрія, Голландія, Данія и Испанія. Часть вторая: Германія и Италія. Т. LXIV, 682—684. — Списки архіереевъ іерархіи всероссійской и архіерейскихъ каеодръ со времени учрежденія святѣйшаго правительствующаго синода (1721—1895). Т. LXIV, 693. — Памятная книжка окончившихъ курсъ Спб. духовной семинаріи съ 1811—1895 гг. Составилъ Н. А. Скроботовъ. Т. LXIV, 1018.

Шуйскій, Василій Ивановичъ, царь, т. LXIII, 192; т. LXVI, 872—877.

Шульгинъ, Вас. Петр., преподаватель, т. LXV, 54.

Шульгъ, З. Н., т. LXVI, 318—319.

Шульмейстеръ, Карлъ, военный шпіонъ Наполеона. *Замѣтка о немъ*. Т. LXV, 814—816.

Шумилова-Мочалова, Е. П. *Воспоминанія ея*. Т. LXVI, 91—114, 462—484.

Шумскій, С. В., актеръ, т. LXVI, 473.

Шустовъ, архитекторъ, т. LXV, 41.

Щ.

Щегловъ, В. В., поэтъ, т. LXIII, 183.

Щеникъ-Ростовскій, Дм. Александр., князь, т. LXIV, 976.

Щепкинъ, М. С., артистъ, т. LXIV, 898, т. LXVI, 475, 479.

Щерба, Л. И., т. LXIV, 61.

Щербина, О. А., т. LXIII, 715.

Щербина-Краморенко, П. Н., художникъ, т. LXIV, 366.

Щукаревъ, А. Н., приватъ-доцентъ Спб. университета, т. LXV, 259.

Щукинъ, П. И., т. LXIII, 733.

Э.

Эвальдъ, А. В. *Статья его*: Разказы объ императорѣ Николаѣ I. Т. LXV, 51—71, 322—353. Т. LXVI, 1111, 1112.

Эварницкій, Д. И., изслѣдователь. *Статья его*: И. М. Синельниковъ передъ судомъ исторіи. Т. LXIV, 317—320.

Эйзенъ, И. *Библиографическая замѣтка его*: Василій Немировичъ-Данченко. Забытая крупность. Историческій романъ изъ времени Кавказской войны. Т. I. Горные орды. Т. II. Горе забытой крупности. Т. LXIII 332—334.

Эйлеръ, генералъ, т. LXIII, 68.

Энгель, Александръ, полковникъ, т. LXIII, 55.

Эристовъ, Р. Д., князь, грузинскій поэтъ. *Замѣтка по поводу 50-лѣтія его литературной дѣятельности*. Т. LXIII, 351.

Ю.

Юдинъ, писатель, т. LXIII, 311. *Библиографическая замѣтка его*: П. И. Рычковъ. История Оренбургская (1780—1780). Изданіе Оренбургскаго губернскаго статистическаго комитета подъ редакціей съ примѣчаніями Н. М. Гутъяра, секретаря комитета, т. LXV, 226—228. *Статья его*: Къ біографіи Н. В. Успенскаго. Т. LXVI, 967—980.

Южаковъ, социологъ, т. LXIV, 288, 289.

Юзь, Мартинъ, англійскій писатель, т. LXVI, 676.

Юрасовъ, т. LXV, 431, 432.

Юрьевъ, С. А., писатель, т. LXVI, 466.

Юрьянъ, А., латышскій композиторъ, т. LXV, 739.

Юсуповъ, Н. Б., князь, т. LXVI, 401.

Я.

Языковъ, Н. М., поэтъ, т. LXVI, 987—990.

Яковлѣвы:

— Алексѣй Сем., трагикъ, т. LXV, 48.

— Владиміръ Алексѣевичъ, профессоръ Новороссійскаго университета. *Некрологъ его*. Т. LXIV, 1052—1053.

— Степанъ, стрѣлокъ. *Замѣтка объ открытіи памятника ему*. Т. LXIII, 341, 342.

Якубовичъ, т. LXV, 44.

Явулъ, И. И., профессоръ Московскаго университета, т. LXIV, 299; т. LXV, 774.

Яновы:

— А. С., граверъ, т. LXIV, 329.

— С. П., т. LXIII, 180.

Яроцкій, В. Г., профессоръ Спб. университета. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Односторонняя теорія экономическаго развитія. Т. LXIV, 328, 329. Упоминается т. LXV, 789.

Ярцевъ, А. А. *Замѣтки его*: Къ біографіи И. Θ. Горбунова. Т. LXIII, 1063. Когда началась литературная дѣятельность Θ. М. Достоевскаго. Т. LXIV, 375. Предисловіе его и примѣчанія къ воспоминаніямъ Е. П. Шумиловой-Мочаловой. Т. LXVI, 91—99, 462—484.

Яцимирскій, А. И. библиографъ, т. LXIII, 733; т. LXVI, 703.

Ө.**Өедоровы:**

— Дм. Ник., инспекторъ Театральной школы, т. LXV, 308.

— Д., букинистъ, т. LXIII, 851.

Өедосова, Ирина, крестьянка Олонецкой губ., вопленица, т. LXVI, 1095.

Өедосѣвъ, Димитрій, крестьянинъ, т. LXV, 92, 94.

Өеодоръ Іоанновичъ, царь московскій, т. LXIII, 211.

Өеодосій Олтаржевскій, іеромонахъ. *Библиографическая замѣтка о книгѣ его*: Палестинское монашество съ IV до VI вѣка (Православный Палестинскій сборникъ, выпускъ 44). Т. LXV, 221—223.

Өирсовъ, Николай Васильевичъ, заслуженный ординарный профессоръ Харьковскаго университета. *Некрологъ его*: т. LXIV, 1054.

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВИЮРЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1896 г.

Портреты:

- Ангулемская**, герцогиня, т. LXV, 123.
Ангулемскій, герцогъ, т. LXV, 122.
Вироны, т. LXIV:
— Эрнестъ Юаннь, герцогъ курляндскій, 871.
— Петръ, послѣдній герцогъ курляндскій, 877.
— Бенigna-Готлибъ, герцогиня курляндская, 878.
Вюлеръ, баронъ, Федоръ Андреевичъ, т. LXIV, 993.
Верещагинъ, В. В., т. LXIII, 219.
Гавриилъ, епископъ, т. LXIV, 667.
Грановскій, Тимофей Николаевичъ, т. LXIII, 113.
Гротъ, Яковъ Карловичъ, въ 1854 году, т. LXIII, 237.
Екатерина II, т. LXVI:
— въ 1762 году (въ траурномъ одѣяніи). Съ рисунка Чемесова (ноябрь).
(*На отдѣльномъ листѣ*).
— Съ гравюры Уткина, 489.
Замысловскій, Егоръ Егоровичъ, т. LXIV, 1003.
Зотовъ, Владиміръ Рафаиловичъ, т. LXIII, 989.
Зубовъ, П. А., графъ. Т. LXVI, 493.
Ювъ, митрополитъ, т. LXIII, 201.
Карлъ, принцъ саксонскій, герцогъ курляндскій, т. LXIV, 869.
Кетлеръ, Яковъ, герцогъ курляндскій, т. LXIV, 865.
Людовикъ XVIII, т. LXV, 117.
Марія Феодоровна, императрица. Съ гравюры Нейдля, сдѣланной съ портрета Крейдингера. Т. LXVI, 503.
Мочаловъ, Павелъ Степановичъ. Октябрь, т. LXVI (*на отдѣльномъ листѣ*).
Николай I, императоръ. По рисунку съ натуры П. А. Каратыгина. Июль, т. LXV (*на отдѣльномъ листѣ*).
Осокинъ, Николай Алексѣевичъ, т. LXIII, 671.

- Павель I**, императоръ, т. LXVI:
— въ 1798 году. Съ гравюры Дункортонъ, сдѣланной съ портрета Щукина, 497.
— Съ портрета, писаннаго Боровиковскимъ и принадлежащаго П. Я. Дашкову, 937.
- Пезаровіусъ**, Павелъ Павловичъ, филантропъ. Т. LXIII (*на отдѣльномъ листѣ*).
- Петръ Великій**. Портретъ, исполненный красками въ хромофотографіи «Новаго Времени» съ оригинала Таннауера. Январь, т. LXIII (*на отдѣльномъ листѣ*).
- Побѣдоносцевъ**, Константинъ Петровичъ, т. LXV, 713.
- Полевой**, Ник. Алекс., журналистъ, т. LXIII:
— Съ неизданнаго портрета, рисованнаго карандашемъ въ 1843 г., 949.
— Съ портрета, рисованнаго Тиммомъ въ 1846 году, 953.
- Свѣшниковъ**, Николай Ивановичъ, т. LXV, 361.
- Семевскій**, Михаилъ Ивановичъ, т. LXIII, 601.
- Сеславинъ**, Александръ Николаевичъ. Съ гравюры Ческаго, сдѣланной съ портрета Витберга. Августъ, т. LXV (*на отдѣльномъ листѣ*).
- Страховъ**, Николай Николаевичъ, апрѣль, т. LXIV (*на отдѣльномъ листѣ*).
- Суворовъ-Рымнинскій**, А. В., князь, сентябрь, т. LXV (*на отдѣльномъ листѣ*).
- Терпигоревъ**, Сергій Николаевичъ. Май, т. LXIV (*на отдѣльномъ листѣ*).
- Толстой**, графъ, Петръ Александровичъ. Июнь, т. LXIV (*на отдѣльномъ листѣ*).
- Труворовъ**, Аскалонъ Николаевичъ, т. LXIV, 661.
- де-Фирмонъ**, Эджевортъ, аббатъ, т. LXV, 128.
- Фридрихъ-Вильгельмъ**, герцогъ курляндскій, супругъ царицы Анны Иоанновны, т. LXIV, 867.
- Шаховской**, князь, Сергій Владиміровичъ, т. LXIII, 969.
- Шеллеръ**, Александръ Константиновичъ. Февраль, т. LXIII (*на отдѣльномъ листѣ*).
- Шервудъ-Вѣрный**, Иванъ Васильевичъ, т. LXIV, 513.

Снимки съ картинъ, иконъ и гравюръ.

- Верещагинъ**, Вас. Вас., т. LXIII:
— Хоръ дервишей, 220.
— Киргизъ, 221.
— Колодцы Мурза-Робать въ Голодной степи, 222.
— Мечеть Тамерлана, 223.
— Гробница Тамерлана, 225.
— Казачій пикетъ, 226.
— Снѣжныя траншеи на Шипкѣ, 227.
- Вѣнская икона** Спасителя въ Тверскомъ соборѣ, т. LXIII, 549.
- Булаковъ**, И. Снимокъ съ его картины: Кончина императора Александра I, т. LXIII, 493.
- Мятава** въ 1703 году. Снимокъ съ гравюры того времени. Т. LXIV, 861.
- Орловскій**, граверъ, т. LXVI:
— Павелъ I посѣщаетъ раненаго Костюшку, 941.
— Павелъ I вручаетъ Костюшкѣ указъ объ освобожденіи поляковъ, 945.
- Предсмертная молитва** князя Михаила Ярославича. Съ иконы, находящейся въ Тверскомъ соборѣ, т. LXIII, 545.
- Щедринъ**, художникъ, т. LXVI:
— Гатчинскій дворецъ въ концѣ прошлаго вѣка. Съ гравюры Ухтомскаго, 505.
— Видъ Коннетабля въ г. Гатчинѣ въ концѣ прошлаго вѣка, 513.

Виды городовъ, мѣстностей и зданій.

Волга, т. LXIII:

- Видъ между Ржевомъ и Зубцовымъ, 189.
- Зубцовъ (съ Полустовой горы), 193.

Вѣлевъ, Тульской губ., т. LXIII:

- Домъ Жуковского, 175.
- Двухклассное училище имени В. А. Жуковского, 177.
- Публичная бібліотека въ память Жуковского, 179.

Верхотурье, городъ:

- Видъ города со стороны Кувшинскаго тракта, т. LXIV, 589.
- Остатки крѣпости, 591.
- Троицкій соборъ, 592.
- Зарѣчная деревянная церковь, 597.
- Рака Симеона Праведнаго, 599.

Городня, т. LXIII, 189.

Жабынская пустынь, т. LXVI:

- Общій видъ, 199.
- Видъ Знаменской церкви, 201.
- Часовня надъ кладеземъ Жабынцемъ, 203.
- Новый храмъ во имя преподобнаго Макарія Жабынскаго, 205.

Калязинъ, городъ, т. LXIV:

- Видъ города, 195.
- Монастырь, 198.
- Внутренній видъ монастыря, 199.
- Святые ворота и стѣны Калязинскаго монастыря, 201.
- Сѣверо-восточная башня Калязинскаго монастыря, 204.
- Схематическій набросокъ мѣстности, на которой происходила битва, 205.
- Видъ мѣстности при Калязинскомъ монастырѣ, 207.

Кляма, село, т. LXIV, 193.

Корчева, городъ, т. LXIII, 190.

Митава, Курляндской губ., т. LXIV:

- Видъ города въ 1703 г., 861.
- Митавскій замокъ въ XVII вѣкѣ, 863.

Т. LXV:

- Видъ Митавскаго замка въ послѣднее время, 439.
- Православный Симеоно-Аннинскій соборъ, 447.
- Иконостасъ Симеоно-Аннинскаго собора, 451.
- Входъ въ усыпальницу герцоговъ Курляндскихъ, 453.
- Внутренность усыпальницы герцоговъ Курляндскихъ, 455.
- Тѣло Бирона въ гробу, въ склепѣ Митавскаго замка, 457.

Оршинскій монастырь, т. LXIV, 187.

С.-Петербургъ, т. LXIII:

- Галерная гавань (со стороны Смоленскаго поля) на второй день послѣ наводненія, 505.
- Галерная гавань со стороны Шкиперскаго протока на второй день послѣ наводненія, 511.

Петрозаводскъ, городъ:

- Первый видъ водопада Кивачъ, 693.
- Второй видъ водопада Кивачъ, 695.
- Марціальныя воды, 699.
- Александровскій пушечно-снарядный заводъ, 701.
- Домъ, въ которомъ жилъ Державинъ, 704.

Старяца, т. LXIII:

- Успенскій монастырь, 197.
- Гробница патріарха Іова въ Старицкомъ монастырѣ, 205.
- Древній Борисоглѣбскій соборъ, 529.
- Пятницкая церковь, 532.
- Церковь св. Іоанна Богослова, 533.

- Введенская церковь, 535.
- Памятникъ на мѣстѣ Борисоглѣбскаго собора, 537.
- Остатки дворца Іоанна Грознаго и схематическій набросокъ мѣстности стараго города, 539.

Тверь, т. LXIII:

- Церковь Никола въ Капустникахъ, 541.
- Соборъ, 545.
- Древняя тверская крѣпость, 545.
- Видъ собора и части дворца, 553.
- Церковь Никола въ Звѣринцѣ, 913.
- Бѣлая Троица, 919.
- Христорождественскій монастырь, 921.
- Желтиковскій монастырь, 925.
- Отрочъ монастырь, 929.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЪ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ся отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. И. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪГЛЕЗЕВЪ ПЕР., Д. 13

